

Русский язык: исторические судьбы и современность

**V Международный конгресс
исследователей русского языка**

*Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова,
филологический факультет*

18–21 марта 2014 года

Труды и материалы

Lomonosov Moscow State University (MSU)
Faculty of Philology

Russian Language: Its Historical Destiny and Present State

**The Fifth International Congress
of Russian Language Researchers**

Moscow, Lomonosov Moscow State University,
FACULTY OF PHILOLOGY

March 18–21, 2014

Proceedings and materials

Collected by

Marina L. Remneva, Anatoliy A. Polikarpov, Olga V. Kukushkina

Moscow University Press

2014

Русский язык: исторические судьбы и современность

**V Международный конгресс
исследователей русского языка**

Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова,
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

18–21 марта 2014 года

Труды и материалы

Составители

М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина

УДК 82
ББК 80/82
Р 89

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

МАТЕРИАЛЫ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

Р 89 Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители *М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина*. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. — 848 с.

ISBN 978-5-19-010920-7

Научное издание

Русский язык: исторические судьбы и современность

V Международный конгресс исследователей русского языка
(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.)

Труды и материалы

Составители

М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина

Зав. редакционно-издательским отделом филологического факультета

Е. Г. Домогацкая

edit@philol.msu.ru

Оригинал-макет

Л. М. Захаров

Подписано в печать 06.03.2014. Формат 60х90/8. Гарнитура Таймс.

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Тел.: +7 (495) 629-50-91. E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

КОНГРЕСС ОРГАНИЗОВАН

Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова

ПРИ УЧАСТИИ

Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ),
Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

**Состав организационного комитета V Международного конгресса
«Русский язык: исторические судьбы и современность»**

В. А. Садовничий (председатель Оргкомитета Конгресса)	ректор МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН;
М. Л. Ремнёва (председатель Программного комитета)	декан филологического факультета МГУ, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка;
А. А. Поликарпов (заместитель председателя Оргкомитета)	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, заведующий. Лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета;
Е. В. Суровцева (ответственный секретарь Оргкомитета)	кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии;
А. А. Варламов (ответственный секретарь Оргкомитета по компьютерно-информационным вопросам)	старший инженер Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета, помощник декана по информационной политике;
Г. Е. Кедрова	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, заместитель декана по международным связям филологического факультета МГУ;
О. В. Александрова	доктор филологических наук, заместитель декана по научной работе филологического факультета МГУ, профессор, заведующая кафедрой английского языкознания МГУ;
Л. А. Дунаева	доктор педагогических наук, заместитель декана по инновационной деятельности, профессор кафедры РКИ для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ;
В. В. Всеволодова	доктор филологических наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания РКИ;
С. М. Самойлов	заместитель декана филологического факультета по АХР;
А. М. Молдован	доктор филологических наук, академик РАН, директор института русского языка имени Виноградова;
В. Г. Костомаров	доктор филологических наук, профессор. Академик Российской академии образования, президент института русского языка им. А. С. Пушкина.

Состав Программного комитета V Международного конгресса

«Русский язык: исторические судьбы и современность»

М. Л. Ремнёва	Председатель Программного комитета, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
О. В. Александрова	Доктор филологических наук, заведующая кафедрой английского языкознания МГУ, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Е. Л. Бархударова	Доктор филологических наук, профессор кафедры дидактической лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Безяева М. Г.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Волков А. А.	Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Всеволодова М. В.	Доктор филологических наук, профессор кафедры дидактической лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Галактионова И. В.	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Галинская Е. А.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Гвозданович Ядранка	Доктор филологических наук, профессор Гейдельбергского университета (по согласованию)
Клобуков Е. В.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Клобукова Л. П.	Доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного для учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Князев С. В.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Кедрова Г. Е.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Кукушкина О. А.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Мустайоки Арто	Доктор филологических наук, профессор русского языка Хельсинкского университета, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (по согласованию)
Нефедова Е. А.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Онипенко Н. К.	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Пентковская Т. В.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Поликарпов А. А.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Петрухина Е. А.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Ревзина О. Г.	Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Сидорова М. Ю.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Чернейко Л. О.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Чернец Л. В.	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Шевелёва М. Н.	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Марина Леонтьевна Ремнёва

К некоторым итогам и перспективам исследования русского языка

Вступительное слово Председателя программного комитета Конгресса

Уважаемые участники и гости Конгресса!

Начиная с 2001 года филологический факультет МГУ проводит Конгресс русистов. Каждые три года мы собираемся в этом зале. Сейчас уже в пятый раз. Можно уже оглянуться, подвести некоторые итоги и взглядеться в горизонты развития нашей науки, осознать намечающиеся перспективы её развития.

Для МГУ все эти годы было весьма почётно и очень познавательно принимать исследователей из разных университетов разных стран. Но не только наши учёные получают много полезного от этого форума. Напомним, что наш Международный конгресс является самым крупным и самым авторитетным форумом русистов-исследователей, о чём свидетельствует множество ссылок на изданные труды Конгресса, начиная с 1 тома, а также внимание к Конгрессу со стороны представителей других наук. Конгресс успешно способствует консолидации усилий филологов и представителей других областей знаний в познании, сохранении и развитии родного языка, родной культуры, а также в развитии современных информационных технологий. Ведь тексты естественных языков (в данном случае – русского) являются основной формой фиксации человеческого знания. И если совладать с нарастающим текстовым валом современному обществу всё равно необходимо, то без лингвистической теории, без фундаментальных знаний о национальных языках (в том числе, и о русском) ему не обойтись.

Тематика наших обсуждений на начинающемся сегодня Конгрессе касается как закономерностей развития русского языка в его истории и предыстории, так и разнообразных проблем анализа его современного состояния, в т. ч. и компьютерного, и математического анализа.

Русский язык в художественной литературе, деловой речи, Интернете и других родах и видах словесности. Русский язык как средство международного и межнационального общения в современных геополитических условиях. Проблемы преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного. Проблемы лингвистической экспертизы русских текстов и т. п. Всё это только некоторая часть тематического разнообразия нашего форума.

Насколько широко представлена на нашем форуме современная русистика, видно хотя бы из небольшой подборки тематики докладов на пленарных заседаниях нашего Конгресса:

- **русское обыденное метаязыковое сознание как объект лингвистического изучения** – доклад нашего коллеги Н. Д. Голева из Кемеровского университета;
- **процессы грамматики в современном русском языке** – доклад нашего коллеги А. А. Загнитко из Донецкого Национального Университета;
- **рост аналитизма в грамматическом строе современного русского языка** (П. А. Лекант);
- **тенденции развития русской системы словоформ в начале XXI века** (Е. В. Клобуков);
- **дискурсивная обусловленность грамматики** – доклад коллеги Б. Ю. Нормана из Белорусского университета;
- **общее и индивидуальное в дискурсе языковой (диалектной) личности** (Е. А. Нефёдова).

А разве не важны исследования **субъектной перспективы русского текста в русле функциональной лингвистики** (доклад коллеги Н. К. Онипенко)?

А что из себя представляет русский язык в постсоветских странах в условиях суверенитета и транснациональных рынков информации – об этом можно будет узнать из доклада коллеги Н. Б. Мечковской из Белорусского университета.

А не интересно разве на современном этапе развития науки о языке поставить и рассмотреть такой вопрос, как **«достаточно ли в русском языке слов для выражения мыслей?»** Этим вопросом задалась наша коллега из Института лингвистических исследований Л. Е. Кругликова

И, наконец, в докладе М. И. Чернышовой будет представлен **опыт сорокалетнего издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и анализ его значения для развития русской исторической лексикографии.**

Что знаменательно, одновременно Л. Г. Бабенко из Уральского государственного университета изложит нам своё видение некоторых **перспектив развития русской лексикографии (а именно – идеографической).**

А ещё у нас целая серия круглых столов и семинаров по самым актуальным проблемам современной русистики. Вот некоторые из них:

- * **КРУГЛЫЙ СТОЛ** Освоение языка как творчество
Ведущие **С. Н. Цейтлин, И. М. Румянцева**
- * **КРУГЛЫЙ СТОЛ** От концептологии к концептографии: итоги и перспективы
Ведущие **Л. Г. Бабенко, А. М. Плотникова**
- * **КРУГЛЫЙ СТОЛ** Способы подачи негативной информации и их экспертная оценка
Ведущая **О. В. Кукушкина**
- * **КРУГЛЫЙ СТОЛ** Средства и способы речевого воздействия: универсальное и специфически русское
Ведущая **Е. Г. Борисова**
- * **КРУГЛЫЙ СТОЛ** Функционирование русского языка в субъектах Российской Федерации: интралингвистический и экстралингвистический аспект
Ведущая **Н. В. Юдина**
- * **СЕМИНАР** Концептуальный и креативный потенциал русской грамматики
Ведущие **Е. В. Петрухина, Е. Н. Ремчукова**
- * **КРУГЛЫЙ СТОЛ** Русская языковая картина мира в диахронии
Ведущая **М. В. Пименова**
- * **КРУГЛЫЙ СТОЛ** Русский язык в зеркале других (неславянских) языков
Ведущая **М. В. Всеволодова**

Оргкомитет признателен всем принявшим участие в формировании программы нашего Конгресса, всем, кто приехал и выступает на нём!

Желаю всем успешной работы в секциях, пленарных заседаниях, круглых столах и семинарах!

Секция Общие вопросы и история науки

Обыденное метаязыковое сознание как объект лингвистического изучения

Н. Д. Голев

Кемеровский государственный университет
ngolevd@mail.ru

Обыденная метаязыковое сознание, наивная лингвистика, обыденное толкование.

Summary. The report deals with the ordinary meta-language consciousness as the independent language phenomenon and as the particular object of linguistic study. In the report the basic results of the Russian ordinary meta-language consciousness studies within the framework of the scientific school “Social-cognitive functioning of the Russian language” and scientific-educational center “Ordinary semantics of Russian terminology” (Kemerovo state university) are reported.

Обыденное метаязыковое сознание (далее ОМЯС) в докладе представляется как самостоятельное языковое явление и выделенный объект лингвистического изучения. В нем сообщаются также основные результаты его исследований в Кемеровском государственном университете.

ОМЯС рассматривается как сложное лингвоментальное образование, сформированное отношением носителей языка к языку как объекту метаязыковых рефлексий разного типа. Это одновременно онтологический и гносеологический феномен, а названное отношение к языку – одновременно практическое и теоретическое. Говоря «одновременно», мы имеем в виду диалектическую связь данных сторон ОМЯС, которые обнаруживаются в нем в разной степени в разных проявлениях. Теоретико-гносеологическая сторона – в наибольшей мере проявляется в собственно лингвистических теориях (наивной лингвистике), практико-онтологическая сторона – в сопровождении речи (например, при планировании высказывания и контролю за реализацией плана). Между этими полюсами находится большое пространство метаязыковых проявлений деятельности обыденного языкового сознания, пока еще системно не изученное лингвистикой. Необходимость в этом велика, так как данные проявления обнаруживают себя на все уровнях языка и в разных его планах, в разных выходах языка и лингвистики в социальную действительность.

Отечественная лингвистика уже не мало сделала в изучении сущности ОМЯС. Имеются значительные исследования роли ОМЯС в текстопорождающей деятельности по отношению к разным типам текстов: в этом плане были предложены единицы функционирования ОМЯС: метатекст (А. Н. Ростова) и рефлексив (И. Т. Вепрева). Значительно меньше исследований обыденных рефлексий по отношению к языковой системе и ее единицам (здесь резко выделяется явление народной этимологии, издавна привлекавшей внимание профессиональных лингвистов), имеются отдельные работы по ОМЯС в области лексики и лексикографии (О. И. Блинова, Ю. Д. Полиниченко). В монографии «Язык о языке» (под ред. Н. Д. Арутюновой) основательно изучены метаязыковая рефлексия, определенная в «металингвистической» лексике, например, слово, речь, язык, мол, дескать и под. Практически нет работ в этой области «выше» лексики и морфематики (синтаксису, морфологии), равно как и «ниже» их (фонетики). Имеются исследования по народной риториче-скому поведению (например, в паремиях), но неизученными остаются стилистико-ортологические рефлексии рядовых носителей языка, можно назвать немало работ по метаязыковой лингвоперсонологии, например, о метаязыковых воззрениях юристов (Н. Б. Лебедева), журналистов (А. Д. Шмелев), но и в этой сфере нет системного представления, например, об онтогенезе метаязыкового сознания языковой личности: еще меньше знаний о его филогенезе. Большой интерес представляют собой социолингвистические воззрения наивных лингвистов, однако имеются лишь ряд исследований метаязыковых следствий школьного курса русского языка (орфографоцентризм, литературоцентризм и под.) и орфографических дискуссий в обществе. В функциональных сферах русского языка наибольшей изученности подверглась метаязыковая рефлексия в художественной ре-

чи (М. Р. Шумарина и др.), в диалектах (А. Н. Ростова), отчасти в Интернет-текстах (М. Ю. Сидорова) и естественной письменной речи, религиозных текстах (Н. Б. Мечковская). Остаются белыми пятнами в данном аспекте научная речь, профессиональная речь, публицистика. В последнее время вышло немало работ по наивной лингвистике (А. А. Зализняк, В. Б. Кашкин, Ю. Д. Полиниченко), но это лишь малый фрагмент большого гносеологического поля.

Из наиболее перспективных проблем изучения ОМЯС выделим следующие.

1) Взаимоотношение наивной лингвистики с другими сферами наивного знания: наивным литературоведением, астрономией, политологией, историей, физиологией, медициной, ботаникой и т. п.. Другой аспект метаязыкового сознания в становлении научных знаний связан с универсальной гносеологической функцией языка. «Язык в таком случае выступает как своего рода ключ к другим видам знаний, в том числе научному» (Б. Ю. Норман).

2) Нуждается в исследовании функционирование терминов-понятий и шире – знаний – различных наук (в том числе лингвистики) в обыденном метаязыковом сознании.

3) Метаязыковое сознание является органической частью национальной ментальности, наряду с другими формами обыденного сознания, в том числе языкового и лингвистического. Русское метаязыковое сознание имеет свои специфические черты как в своей обыденной, так и научной разновидности.

На кафедре русского языка Кемеровского государственного университета системные исследования ОМЯС ведутся с 2004 года. Они составляют основное научное направление, в рамках которого осуществляют деятельность научная школа «Социально-когнитивное функционирование русского языка» и научно-образовательный центр «Обыденная семантика русской терминологической лексики». Основные результаты этой работы. Разработаны теоретические основания нового направления (лингвистики обыденного метаязыкового сознания), осуществлены исследования его различных сторон, описаны в метаязыковом аспекте значительные фрагменты языкового материала. Итогом данной работы стала серия коллективных монографий «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» (Ч. 1–4; 2009–2012 гг), проведены две Международные конференции «Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика» и опубликованы на основе их материалов два сборника научных трудов с одноименным названием. В 2012 году в издательстве Кемеровского университета вышел в свет «Словарь обыденных толкований русской лексики. Лексика природы. Т. 1. АБРИКОС – МУРАВЕЙ», обобщивший данные широкомасштабного опроса носителей русского языка, направленного на описание обыденной семантики слов-бонимов. Такая семантика выявлялась различными способами ее репрезентации (6 типов заданий) рядовыми носителями русского языка. В итоге 1-й том словаря обобщает данные по 478 лексемам-стимулам (участвовало 4 тыс. информантов, обобщено 150 тыс. реакций).

Основное научное направление научно-образовательного центра связано с решением задачи, указанной выше в п. 2. Его коллектив находится на начальной стадии работы, од-

нако уже сейчас имеются фрагменты словарей юридических, политических, религиозных, филологических и биологических терминов. Даже в простейшем варианте – освоения обыденным сознанием научных терминов – эта про-

блема предстает как исключительно значимая для образования, науки и законодательства, поскольку позволяет ответить на вопрос, «как наше слово отзовется». Имеется в виду слово педагогическое, законодательное, политическое.

Процесс грамматизации в современном русском языке: контрастивно-типологический аспект

А. А. Загнитко

Донецкий национальный университет (Украина)

a.zagnitko@gmail.com

Грамматизация, синтаксическая позиция, функциональность, эквивалентность.

Summary. The features of grammatization as a process with the establishment of its main stages [full-meaning (structural-linear) → half-meaning (positional-linear) → incomplete-meaning (syntagmatic-linear)] and regularities of realization at semantic, lexical, syntactic and morphological levels have been considered. Trends shaping corpus of lexicalized combination of words and specificity of their regularity in linear-positional and semantic-syntactical sentence structures have been characterized.

1. Современные грамматические теории в различной степени охватывают направления и особенности видоизменения статусной нагрузки тех или иных частеречных элементов во внутрипредложенческой структуре и возникновение на почве двух и более элементов структурно (*дом в три этажа* → *трехэтажный дом*) и семантически (≈ функционально (*поездка из Праги в Киев*; *помнить золотые руки*) целостных компонентов предложения, занимающих одну синтаксическую позицию в линейном строении предложения. В эволюционно-историческом измерении грамматизация пронизывает большинство языковых яруссов, ср. образование глагольных форм будущего сложного времени, форм рефлексива (современные *купаться*, *мыться*), рецепрока (*здороваться*, *обниматься*). В современной лингвистике теория грамматизации имеет опорой индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологию языков (Ch. Lehmann), что мотивировано общими наработками теории агглютинации в связи с концепцией языковых стадий (В. фон Гумбольдт, Ф. Бопп, Г. фон Габеленц, Б. Дельбрюк, Г. Пауль, А. Шлегель, Ф. Шлегель и др.). Термин *грамматизация* / *грамматикализация* (франц. *grammaticalisation*) впервые предложил А. Мейе, анализируя процессы возникновения грамматических форм и дифференцируя 1) возникновение новых форм по аналогии с уже имеющимися; 2) переход самостоятельного слова в роль грамматического элемента, то есть «приобретение грамматического статуса словом, выступавшим до этого автономным».

2. Т. Гивон в некоторой степени обосновал концепцию грамматизации, характеризуя и дифференцируя наряду с грамматизацией *синтаксизацию* (*syntactization*) и *морфологизацию* (*morphologization*). Этапными в разработке теории грамматизации явились взгляды Х. Лемана, который дефинировал понятия грамматизации и деграмматизации. Особенным выступает подход к рассмотрению грамматизации Пола Хоппера и Элизабет Траугот, которые прослеживают взаимосвязь грамматизации и лексикализации с последовательным определением основных принципов грамматизации. Джон Байби и Эстен Даль определили основные формальные и семантические свойства грамматических показателей – «граммов» (англ. *gram*).

3. В целом в современной лингвистике (русистике, англистике, германистике и др.) упрочился термин *грамматизация* (англ. *grammaticalization*, наряду с *grammaticization* и *grammatization*), которую следует понимать как процесс. Последний вызывает определенное ослабление лексического (предметного) значения одного из компонентов словосочетания с последующим превращением из лексически значимого в полуслужебное и служебное слово, в котором полностью доминирует грамматическое значение. Начальный этап грамматизации прослеживается на преобразованиях определенных прилагательных (постглагольных / заглагольных) компонентов во вспомогательные (так называемые аналитические синтаксические морфемы: *идти наперекор* → *идти наперекор судьбе* – нем. *dem Schicksal widerstehen* (рус. *противиться судьбе*).

4. В грамматизации четко прослеживаются: функциональность (позиционная → линейная → синтагмальная), эквивалентность, аналоговость, целостность того или иного образования. Основными ступенями грамматизации в русском, украинском (других славянских) и немецком языках являются: 1) частичная потеря семантической достаточности лексемы в соответствующей синтагматической модели, ср.: *командовать полком* – нем. *ein Bataillon / Regiment befehligen* и под.; 2) преобразование лексемы в частично полнозначную: *делать модель* – нем. (в зависимости от того, какую именно модель: модель судна – *bauen*, куклу Барби – *basteln*, *anfertigen* – изготавливать и т. д.) и др.; 3) приобретение статуса неполнозначности: *иметь мечту* – нем. *von Dat träumen* и т. п. Грамматизация не является одномоментной, для ее реализации необходимы соответствующие степени семантических сдвигов в слове.

5. Лексикализация не выступает обратным процессом относительно грамматизации, так как вследствие ее действия существует «объединение группы слов с развитием нового значения целого (грамматического или лексического), отличного от значения суммы его частей»: лексикализация словосочетания – это «превращение группы слов в более устойчивое фразеологическое единство, составляющее в смысловом плане фразеологический эквивалент с местоимением слова».

6. В ряде фиксированных соединений русского, украинского языков функциональная замена синонимами, где стержневое слово продуцирует синоним – производный глагол, недопустима, что мотивировано относительной потерей лексического значения глагольным элементом *делать* и переносом основного значения на второй компонент устойчивого соединения. Синонимичный глагол *работать* в русском, украинском (других славянских) и немецком языках имеет регулярное проявление сочетаемости с существительными – наименованиями профессий, что в этой модели приобретает синсемантический статус (семантический + лексический уровни грамматизации): *работать врачом* (ср. нем. *Wenn Sie in Deutschland als Arzt / Ärztin tätig sein wollen, Wenn Sie nur für einen besrenzten Zeitraum in Deutschland als Arzt / Ärztin arbeiten wollen, können Sie eine befristete Berufserlaubnis beantragen*) и т. д. Тенденции грамматизации направлены на целостность изображения определенного явления или события: *испытывать наслаждение, чувствовать тревогу* и под. В подобных производных полуграмматизованных образованиях актуальной является структурная расчлененность и семантическая (≈ функциональная) целостность, которая соответственно отображена в линейно-позиционной структуре предложения.

7. Особенности и закономерности грамматизации прослеживаются в ее основных ступенях (частичная / полуполная / полная) и на соответствующих уровнях (семантическом, лексико-семантическом, синтаксическом, морфологическом). Грамматизация относится к процессуальным явлениям, анализ которых следует осуществлять на длительном историческом срезе, а ее результаты легко устанавливать на материале разносистемных и односистемных языков.

Деловая речь среди других видов словесности

А. Н. Качалкин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

general@philol.msu.ru

Письменная речь распадается на три главных вида словесности: эпистолярная (частная) переписка, деловые тексты (документ и деловое письмо), литературно-художественные тексты.

Задача частной переписки состоит в том, чтобы выразить мысли и чувства и ускорить дела между друзьями, родственниками, близкими людьми в традиционной форме или по Интернету. Частная переписка представляет собой аналог устной речи по предметам общежития. Стилиевые средства частной переписки формируются так, что выбор слов и предложений должен быть понятен адресату, составляющему с адресантом общий коллектив, письма по предметам общежития пишутся так, чтобы их можно было легко прочесть. Поэтому синтаксис писем предполагает ясность наименований адресата и адресанта, ясность побуждений и ясность этикетных выражений, указывается характер отношений между корреспондентами.

Деловое письмо и документы ориентированы на читателя неопределенного, не конкретного. Этот читатель либо должностное, либо иное юридическое лицо в неограниченно большом будущем, которое будет заинтересовано в установлении правоотношений, правоспособности по описанному в документе делу. Документ должен быть написан так, чтобы он мог сохранить свой смысл и быть понятен во времени. Учитывая неконкретность, неопределенность, обращенность в неопределенное будущее, слова и выражения для документа должны быть отобраны предельно понятные. Общепонятность слов и общепринятость выражений являлись и являются основным критерием при оценке языка и стиля документа. Поэтому документная речь и вообще речь деловой прозы строится так, чтобы лексика и синтаксис текста содержали наименьшее число фигур и тропов, а конкретные слова употреблялись в их общеизвестном значении. Известно, что язык документных текстов на протяжении всей истории русского документа оказывается достаточно близким современному, нынешнему общему литературно-письменному языку. Исключительная устойчивость, единообразие форм документного языка обуславливаются социальными факторами, природой самого стиля, что требует продуманного выбора для читателя определенных языковых средств.

Деловые тексты, в отличие от литературных, являются массовым видом письменной речи, составляют центр письменности. Система речевых норм языковых элементов, содержащаяся в документах, является наиболее стабильной частью языка. Основная масса слов русского документа удерживается, не выходит из употребления и доходит до нашего времени – именно она представляет собой ядро литературно-письменного языка в его истории.

Роль документной письменности и делового языка в формировании литературно-письменного языка не случайна. Она объясняется тем, что составители документных текстов стремятся создать конкретный текст таким, чтобы он читался и понимался точно в соответствии с замыслом автора не только современниками текста, но и отдаленными их потомками. Документный текст должен, например, сохранить права владения землей и имуществом на бесконечно долгое время, а деяния исторических деятелей должны сохраниться для истории.

Уже в самых ранних деловых текстах видим задание автора на «вечное» действие создаваемого им текста: *донеле же с мир состоит* (Мстислава грамота около 1130 г.); *и в сь век и в будущи* (Вкладная Варлаама после 1192 г.). Со времени становления документной системы такую же картину видим в разных жанрах документа: *а хто Сю грамоту иметь решити. судить ему Бог в семь веце и в будущемь* (Духовная Симеона Гордого 1353 г.); *и яз ту деревну отступаются великому Николе в Мудьгу в дом веки* (Данная Николая Рычкова 1517–1518 гг.). Число примеров создания деловых текстов «на века» исключительно велико.

В силу этих причин язык документной письменности более традиционен и вместе с тем он отражает основы устной

речи населения, где распространена данная деловая письменность.

Деловая письменность как бы выбирает из устной речи наиболее необходимые, наиболее стабильные слова и формирует из них письменную речь в ясных и кратких выражениях. При этом модальность текста оказывается полной, определенной.

Литературная речь подвержена влиянию *стиля*, очень четко откликается на требования стиля жизни, вбирает элементы языка, отвечающие данному моменту времени – и столь же быстро заменяет эти элементы под воздействием новых языковых потребностей.

Документная речь не может быть такой. Литературной речью владеет писатель, человек редкий среди людей, – документной речью должен владеть каждый грамотный человек. Писатель, если он хочет, чтобы его произведения читались, должен обращаться к деловой речи как основному источнику общего языка и на ее основе строить свои авторские новации.

Действительно, русская документная речь отличается сравнительно малыми колебаниями стиля, ее стиль, по сути дела, отражает исторические изменения образа правления Русского государства.

Задача деловой прозы состоит в том, чтобы максимально ясно, недвусмысленным образом сформулировать некое содержание, в котором предметная сторона дела должна быть выяснена и изложена с предельной полнотой. Отдельный документ не претендует ни на выражение целой идеологии, ни на художественное совершенство. Он претендует на то, чтобы предметная реальность была описана с исчерпывающей для данного дела точностью и полнотой. В силу этого стиль документа стремится прежде всего избрать такой порядок слов, в котором предметно-понятийные значения воплощаются с наибольшей ясностью.

Строгая нормализация языка деловой прозы обуславливается необходимостью однозначного толкования деловых текстов. Риторические и поэтические вольности в языке деловой прозы полностью исключаются.

Последовательное различие в тексте участников коммуникации и исполнителей предполагает третью компоненту – соотношение между участниками коммуникации и исполнителями. Это соотношение и есть модальность – отношение содержания речи к действительности, выраженное говорящим для слушающего.

В документных текстах, как и в текстах деловой прозы вообще, участники коммуникации и исполнители всегда конкретны и определены. Таким образом, модальность текста деловой прозы есть частная конкретизация модальности речи вообще.

Название и формуляр документа в целом и конкретный тип формуляра, как и реальное, предметно определенное название документа, представляют собой выражение соотношений участников коммуникации с исполнителями документов, данных в текстовой части, а отношение между ними сосредоточено, главным образом, в названии документа. Вот почему документ можно считать текстом, название которого всегда передает модальность. Если текст употреблен без самоназвания или в названии текста модальность не передается, то такой текст относится либо к деловому письму, либо представляет собой псевдодокумент, составленный неграмотно, либо такой текст относится вообще к другим видам словесности. Самоназвание, будучи связкой между текстовой и оформляющей частями, зависит от текстовой и оформляющей частей и оправдывается их содержанием.

Выбор слова для самоназвания является одной из определяющих семантико-стилевых черт документа. В самоназвании документа тип речевого действия обозначает модальность. Этот стилиевый прием, основной, конкретный тип метафоры, по-видимому, свойствен только документам как основному виду текста, составляет преимущественную черту их стиля.

К проблематизации вопроса о термине «дискурс» в современной русистике

Л. А. Кириллова

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

bukva54@mail.ru

Дискурс; множественность интерпретаций, дискурс-модель.

Summary. In this paper the author ties to analyses in what way and in what meaning scholars use the term «discours» in their works. The aim of such analysis is to clear out an invariant interpretation of the term.

Изменение отношения к феномену «дискурс» является своеобразным отражением динамичного развития современной русистики и лингвистики в целом. Хотя среди исследователей до сих пор нет единства мнений о природе дискурса, его параметрах и основных категориях, считается, что в последние десятилетия «активизируется интеграция дискурсных теорий» [2].

Одно из оснований такой интеграции связано с проблемой содержания термина «дискурс». Сформулируем ее так: множественность употреблений этого понятия в разных контекстах при отсутствии общепризнанного «инварианта» его значения. Неординарность проблемы заключается в невозможности найти ее решение путем выбора одного из имеющихся вариантов, поскольку различия в понимании этого феномена связаны с фокусировкой исследовательского интереса на каком-либо аспекте этого объекта.

На наш взгляд, одна из возможностей обобщения представлений о дискурсе заключается в попытке синтеза разноаспектных линий поиска с целью моделирования этого объекта. Предлагаемый нами вариант интерпретации содержания данного понятия опирается на комплекс представлений, полученный путем реконструкции характеристик дискурса как целостного объекта на основе анализа и обобщения исследовательских практик, зафиксированных в текстах соответствующих научных публикаций. Основными характеристиками дискурса считаем следующие (список не конечен): 1) сфера функционирования дискурса – преимущественно научная, междисциплинарная; 2) дискурс рассматривается как факт интерактивной коммуникации; 3) «компонентность» дискурса, т. е. конструирование его из составляющих; 4) осознание дискурса через текст, но нетождественность ему; 5) содержательное (тематическое) един-

ство; 6) референциальная неопределенность объекта, называемого «дискурс»; 7) конструируемость дискурса; 8) инструментальность дискурса (дискурс-анализ); 9) особое место субъекта в осознании дискурса.

Этот комплекс характеристик дискурса как объекта позволил нам сформулировать о нем собственное представление. Дискурс – это мысленный теоретический конструкт, моделируемый сознанием субъекта-исследователя и отражающий коммуникативные отношения, продуктом которых, «информационным следом» (И. П. Сусов) является текст. Предложенную нами дискурс-модель [1] представляем графически в виде схемы:

$$Sb \leftrightarrow D \{K1 - \text{Текст (Код + Канал)} - K2\},$$

где Sb – субъект-исследователь, D – дискурс, K1 и K2 – коммуниканты. Фрагмент модели $Sb \leftrightarrow D$ отражает интерактивные отношения субъекта и объекта: «активность познающего и активность открывающегося» (М. Бахтин); фрагмент Текст (Код + Канал) отражает способ репрезентации текста в системе дискурса. Дискурс-модель является не только способом представления этого ненаблюдаемого объекта, но и инструментом работы с текстовой информацией, способом организации любой профессиональной текстовой деятельности.

Литература

1. Кириллова Л. Е. Понятие «дискурс» и процедура экспертного лингвистического исследования // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Н. Д. Голева. Кемерово; Барнаул, 2007. С. 335–343.
2. Кожемякин, Е. В. Дискурсивный подход к изучению культуры // Современный дискурс-анализ: Электронный журнал. 2013. № 9. [<http://discourseanalysis.org/ada1/st6.shtml>].

К вопросу о трансформации функций тавтологии в русском языке

Т. А. Ковалева

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

tanya1302@inbox.ru

Тавтология, функции тавтологии, диахрония, синхрония.

Summary. The subject matter of this research deals with the functions of tautology in diachronic and synchronic approaches. The definition of tautology, the analysis of functions of tautological combinations in the Old Russian language and the classification of functions of lexical redundancy in the modern Russian language are touched upon in the investigation. The paper shows the examples taken from mass media and native speakers' speech.

Согласно определению, данному проф. В. А. Виноградовым в Лингвистическом энциклопедическом словаре, *тавтология* (греч. ταυτολογία, от ταὐτό – то же самое и λόγος – слово) – это «содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого и его части» [4: 289].

Отдельные аспекты обозначенного речевого явления подвергнуты анализу отечественными лингвистами как на синхронном, там и на диахронном уровне языка (в этой связи см. работы А. И. Васильева, Е. Н. Геккиной, И. Б. Голуб, А. П. Евгеньевой, О. А. Зайц, Н. П. Колесникова, О. Я. Ляховской, Т. С. Остапенко, Эр. И. Хан-Пири и др.), однако на сегодняшний день не существует единого подхода к дефиниции и оценке роли тавтологии в русском языке. В этой связи представляется актуальным рассмотрение функций тавтологии на диахронном и синхронном уровнях языка.

Цель настоящего доклада – выявление трансформаций функций тавтологии в русском языке. Языковую базу исследования составили более 600 примеров тавтологии, извлеченные из аудиовизуальных и печатных центральных и региональных СМИ, а также из современной речевой практики носителей русского языка, проживающих на территории Владимирской области (2008–2013 гг.).

В диахронии исследователи тавтологии рассматривают отдельные аспекты развития этого явления в языке, выделяя специфические сочетания слов в древнерусском тексте, в основе которых лежат повторы. Так, Д. С. Лихачев в работе «Поэтика древнерусской литературы» исследует прием «плетение словес» и определяет его как «пользование однокоренными и созвучными словами, ассонансами, синонимичной и ритмичной речи для создания своеобразного словесного орнамента» [5: 46]. Из определения следует, что в основе древнерусского плетения словес лежат тавтологические повторы, целью которых является приращение смысла, украшение текста, акцентировка внимания на ключевых понятиях. Г. Селиванов в своей статье «Тавтологические сочетания как самобытные русские фразеологизмы» выделяет четыре основных группы тавтологических сочетаний с точки зрения их семантико-стилистической устойчивости, свидетельствующие о лексическом богатстве и риторической украшенности текста. А. П. Евгеньева в работе «О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII–XIX вв.» отмечает эпитеты, свойственные народной поэзии, основу которых составляют «1) подновление нарицательного значения, то есть смысловая тавтология, 2) подчеркивание выдающегося качества предмета, 3) указание на

идеальный, желаемый признак или на самую высокую степень признака» [3: 165–166]. А. Н. Веселовский считает тавтологические эпитеты самым древним видом эпитета, стоящим где-то у истоков образования фольклорной стилистической системы. Примеры таких эпитетов можно проследить в следующих сочетаниях: *воля вольная, темница темная* и др. Данные эпитеты не обогащают семантику стержневого слова, но конкретизируют его, придают экспрессивную окраску.

Таким образом, изучив работы Д. С. Лихачева, Г. Селиванова, А. П. Евгеньевой, А. И. Васильева, проследив некоторые случаи функционирования тавтологии в древнерусском тексте можно отметить, что на диахронном уровне языка тавтологические сочетания не рассматривались как ошибочные, лексически избыточные, напротив, они служили для приращения смысла, украшения текста, придания ему экспрессивности.

Однако на уровне синхронии отечественные лингвисты (И. Б. Голуб, Е. Н. Геккина, Т. С. Остапенко) определяют тавтологию не только как стилистический прием, но и как явления лексической избыточности, которое не позволяет адекватно и полностью декодировать (понять) сообщение.

Изучение работ отечественных лингвистов, а также анализ самостоятельно собранного языкового материала дает нам возможность выявить несколько тенденций функционирования тавтологии в современном русском языке. Думается, среди них целесообразно выделить следующие функции тавтологии: 1) **стилистический прием**, истоки которого связаны с функционированием тавтологии в древнерусском тексте, что выражается в сходстве некоторых стилистических функций: а) тавтология как средство фонетической организации текста; б) акцентирование внимания на важных понятиях; в) средство создания афористичности; г) средство создания экспрессии. Однако ряд стилистических функций тавтология реализует только на синхронном уровне языка. Ср.: д) тавтология как средство создания ко-

мизма: *Оформилось и главное направление мысли – неустанно следовать за направлением ветра, который решительно никуда не направляется*; е) привлечение внимания к заголовкам: *От добра – добро*; ж) языковая игра в литературе: *...чтоб хоть один в голосистой стране / был безлопым*. 2) **устойчивое тавтологическое сочетание**: *Многие люди хотят помочь сами – глаза в глаза, из рук в руки*; 3) неоправданное употребление тавтологии, т. е. **тавтология как речевая ошибка**: а) в виде повтора одного и того же слова: *Эта проблема является спорной такой проблемой*; б) в виде повтора однокоренных слов: *Нужно избежать ненужных удалений нашим ребятам*.

Таким образом, на диахронном уровне языка тавтологические сочетания функционировали в качестве средств приращения смысла, украшения текста, придания ему экспрессивности; на синхронном уровне тавтология выполняет такие функции, как стилистический прием, устойчивое сочетание, тяготеющее к нормативному употреблению. Однако большая часть примеров свидетельствует о том, что использование тавтологии в СМИ и речи носителей языка характеризуется как отступление от нормы современного русского литературного языка, что выявляет тенденцию к общему снижению культуры в русском языке XXI века.

Литература

1. Васильев А. И. Фразеологическая тавтология в древнерусском языке // Вестник МГТУ им. М. А. Шолохова. 2012. № 1.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.
3. Евгеньева А. П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII–XIX вв. (постоянный эпитет). М., 1948.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
5. Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1987.
6. Селиванов Г. Тавтологические сочетания как самобытные русские фразеологизмы // Русский язык в школе. 1955. № 3.

Лингвокультурологическая модель интерпретации сакрального содержания традиционной народной культуры

Н. И. Коновалова

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

sakralist@mail.ru

Сакральный текст, десакрализация, лингвокультурный феномен.

Summary. The problem of study of sacral contents presented in the texts of traditional folk culture is considered in the article. The essence of concept *sacral* and codes of its realization in cultural traditions is determined. A complex model of interpretation of sacral text, taking into account its semantics, syntactics and pragmatics is supposed. Such parameters of sacral text, as specific rules and / or conditions of pronunciation, suggestiveness, symbolic saturation are picked out.

При исследовании сакрального содержания, формы его выражения в тексте и представленности в культурной традиции необходимо учитывать, прежде всего, то, что это фольклорный текст, бытующий в основном в устной традиции и выступающий, следовательно, как «культурная память» социума. Эта память избирательна и непоследовательна, зависит во многом от моды и других социокультурных факторов и поэтому может «стираться». В таком случае средством борьбы с «амнезией» культурной памяти, источником выявления информации об этом феномене являются культурные тексты в семиотическом смысле этого понятия, тексты многокодовые, в которых вербальные и невербальные компоненты выступают как единый смысловой комплекс, как взаимодополняющие способы передачи культурно значимой информации от поколения к поколению.

Традиционно понятие «сакральное» связывается с понятиями «священное», «религиозное», «культовое», однако в системе архаических народных представлений сакральность – это комплексное явление, представленное бинарной оппозицией: священное / демонологическое. Сакральное в восприятии носителей традиционной народной культуры характеризуется целым спектром содержательных характеристик: «священный», «обрядовый», «ритуальный», «таинственный», «магический», «сверхъестественный». В этот ряд включаются как субстанциональные свойства сакрального, так и функциональные, признаки, которые характеризуют форму его проявления (обряд, ритуал, магия). Здесь понятие *священ-*

ное – лишь один из компонентов, составляющих *сакральное*, одна из его ипостасей. Разрабатываемая нами концепция расширительного толкования сути сакрального позволяет рассматривать сакральный текст в качестве компонента традиционной духовной культуры народа и источника этнокультурной информации.

Можно отметить, что в процессе современного функционирования архаических сакральных текстов происходит *трансформация сакральных смыслов* даже устойчивых единиц (клише, стереотипных формул, фразеологизмов, малых сакральных текстов, мифологем). Это находит отражение в забвении одних и переосмыслении других базовых культурных компонентов, их социальной мифологизации, в рождении новых смыслов, ориентированных в значительной мере на сферу профанного. Содержание языкового кода сакральной коммуникации может быть понято в полной мере только при соотнесении его с семантикой других знаков, включенных в систему соответствующего дискурса. Дискурсивная семантизация диалектоносителями сакрального содержания предполагает его соотнесение с целым рядом ситуаций как профанных, так и сакральных, которые в сознании носителя традиционной культуры часто неразделимы. Синкретизм отражается во включенности в практику народного быта знаков разной природы в связи с различными представлениями о сверхъестественном. Отметим, что при этом противопоставленность сакрального профанному в сознании диалектоносителей не столь контрастна по

сравнению с носителями, например, современной городской культуры. Для жителей деревни сфера сакрального – живая реальность, в которой как бытовая, так и ритуально-магическая практики являются одинаково востребованными.

Основной тенденцией функционирования сакральных языковых единиц разных уровней является их десакрализация. Процесс десакрализации можно наблюдать, в частности, в развитии у слова многозначности, когда сакральные и профанные лексико-семантические варианты сосуществуют в семантической структуре: *Зааминить*. 1. Закончить, завершить что-либо, сказав *аминь*. *Думаешь, зааминил, – так и прав*. 2. Уничтожить, заговорить болезнь (колдовством, заклинанием). *Зааминю все чирьи, все вереды*. (При болезни глаз) *лекарка зааминивает зрачки на утренней заре и вечерней*. 3. В суеверном представлении – оградить себя от какого-нибудь неприятного обстоятельства, беды произнесением слов *аминь будь*. *Старик его [черта] там опять и зааминил* [2, 9: 238].

Можно выделить несколько направлений десакрализации в структуре диалектных полисемантов, причем этот процесс универсален и отмечается в большей или меньшей степени во всех говорах:

а) на основе предметно-символической метафоры: *ад*, *адина* – ‘рот, горло, глотка’ – *чего ад-то раскрыл* [2, 8: 13], *алтарь* – ‘круглая чистая площадка на сенокосе между зарослями кустарника’ – *места, где кустов-то нет, и будут алтари* [1: 15];

б) на основе метонимии: *ангел* – ‘большое облако’ – *ангел – облако большое в вышине, благость от него* [1: 17];

в) на основе экспрессивно-оценочного переосмысления: *запеть аллилуйю* – ‘долго и нудно твердить одно и то же’, ‘нести вздор’;

г) на основе деспециализации, расширения значения (исходно только сакрального): *алтарёвый* – ‘вид вышивки’, ‘вид бисероплетения’: *фенечки таки из бисера, нечё, ба-сеньки*.

Крайней степенью десакрализации является развитие энтимемии, как правило, оценочной: *апостол* – ‘бездельник, разгильдяй’ (*бран.*) – *Выросила апостол эжих! Эдаки поганцы – ничего не робят* [1: 19], ‘чиновник, который кичится своим положением’ (*презр.*) – *Ванька к имя и не зажаживает, апостол такой дак, оне ему нехто!*

Таким образом, современная сакральная коммуникация представляет «культурный текст» (в широком понимании), включающий в качестве компонентов такие составляющие, как *обрядность*, ритуально-магические *действия* с символическими *предметами*, выполняемые *людьми*, которые владеют неким *тайным знанием*. Производится этот сакральный акт в заданном сакральном каноне *месте*, в определенное *время* и в регламентированной *последовательности* действий, представляющих некую алгоритмизированную процедуру. Воздействие на адресата в сакральной коммуникации осуществляется за счет дополнения словесных магических формул изобразительными символическими действиями или атрибутами, что в целом создает комплекс культурно насыщенных знаков, в сочетании передающих сакральное содержание.

Литература

1. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. 1. Екатеринбург, 2001.
2. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. М.: Л., 1965–1998. Вып. 1–37.

Психолингвокультурология как новое направление научных исследований

В. В. Красных

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

victoryvjk@gmail.com

Культура, лингвокультура, словарь и грамматика лингвокультуры.

Summary. The phenomena of culture and linguo-culture from the point of view of integrative studies are in focus. Vocabulary and grammar of linguo-culture are defined. A new branch of studies, i. e. psycho-linguo-cultural studies, is propounded.

Что есть культура как предмет исследований для лингвиста? Не отрицая «мир Действительное» (что было бы глупо), мы фокусируем внимание на «мире Идеальное» (по А. Вежбицкой [1]). Исходя из этого, **КУЛЬТУРА** понимается (вслед за В. Н. Телия) как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [5: 222]. *Формируясь в нас в процессе социализации*, это «видение» *формирует нас как личность*. Оно скорее иррационально, нежели рационально. В повседневной практике это мировидение зачастую остается «невидимым» для отдельного представителя сообщества, хотя оно пронизывает все наше бытие. Это мировидение ощутимо проявляется и становится заметным для представителя сообщества в том случае, когда он сталкивается с иным, другим, чужим и – тем более – чуждым. И в любом случае при необходимости и / или желании оно может быть отрефлексовано, правда, это всегда требует определенных усилий. Таким образом, культура – это то, что творит нас и творимо нами, то, что постоянно воспроизводится человеком и в человеке, то, что постоянно и изменчиво, то, что неосознаваемо и в то же время рефлексивно, то, что лежит в основе культурной самоидентификации и идентификации личности.

Культура обладает способностью, с одной стороны, *трансформироваться и изменяться*, с другой – *воспроизводиться и сохраняться*. Она поддается транслированию как синхронно, так и диахронно. Следовательно, культура может рассматриваться и как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» (выделено мною. – В. К.) и может пониматься как *пространство некоторой общей памяти*, т. е. такое пространство, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы [4].

ЛИНГВОКУЛЬТУРА есть *воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура, культура явленная нам в языке и через язык*. Лингвокультура – *феномен лингвокогнитивный*, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь *образами сознания в их вербальных одеждах*. Следовательно, в фокусе рассмотрения находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но *образы, овнешняемые в знаках языка*. Иначе говоря, в данном случае *знаки языка* (в лингвистическом понимании этого термина) рассматриваются как *тела знаков языка культуры* (по В. Н. Телия; см., напр., [5]; [6]). «Семантика» лингвокультуры – это *культуроносные смыслы, овнешненные в знаках языка*.

Таким образом, в сфере лингвокультуры *язык выполняет функцию означающего, а в роли означаемого выступают феномены иной природы*.

Формируясь на участке пересечения / взаимопроникновения языка и культуры как самостоятельных семиотических систем, лингвокультура претендует на статус третьей (отдельной, самостоятельной) семиотической системы, обладающей своим **СЛОВАРЕМ** и своей **ГРАММАТИКОЙ**, т. е. *основными единицами, группирующимися в классы, обладающими определенными категориями, структурой, отношениями и под*.

СЛОВАРЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ есть оязыковленные культурные смыслы и образы. Словарь лингвокультуры как *совокупность единиц* обуславливает возможность и необходимость создания *словаря лингвокультуры как систематического описания* таковых, что предполагает выявление реестра и лексикографирование, как минимум, основных (базовых) единиц всех подсистем лингвокультуры. **ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ** единиц лингвокультуры предполагает *инвентаризацию языковых единиц, обладающих культууроносной информацией*.

ГРАММАТИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ есть *таксоны (базовые классы единиц), их категории, система, структура, отношения и функционирование*. Грамматика лингвокультуры как «наука о...» *требует выявления, описания, структурирования и систематизации основных категорий, классов, видов и типов единиц, их структуры, отношений между ними (включая структуру данных отношений), а также правил их функционирования*.

В свете сказанного представляется возможным утверждать, что есть некое «пространство общей памяти», закрепленной именно в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, т. е. некоторое пространство, где пересекаются / накладываются друг на друга язык и культура, где культурные смыслы явлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают, как писала В. Н. Телия, *только как тела для знаков языка культуры*. Это «пространство» есть лингвокультура. Думается, что она станет основным объектом новой, кристаллизующейся сегодня науки, которую можно было бы назвать **ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ**. Эта наука призвана интегрировать достижения психологии, психолингвистики, лингвистики и лингвокультурологии. И центральное звено в предлагаемом названии (-лингво-) – это не свидетельство промежуточного и потому не слишком

значимого положения нашей науки. Напротив, это скрепляющее и определяющее начало. И, следовательно, ведущая роль в становлении нового направления и в изучении лингвокультуры как объекта когнитивных исследований должна и будет принадлежать лингвистам.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
2. Красных В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. «Филология». 2013. № 2. С. 7–18.
3. Красных В. В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). С.10–24.
4. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202. [www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm].
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
6. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: 2006. С. 776–782.

«Риторика» Н. Ф. Кошанского как этап риторического образования в России

Л. Е. Макарова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

general@philol.msu.ru, lmakarova@yandex.ru

Система образования, словесность, риторика, общая и частная риторика.

Summary. The paper deals with courses of Nikolai Koshansky “General Rhetoric” and “Special Rhetoric” which came out at the turning-point for the Russian educational system in the beginning of the XIXth century and proved to be one of the key points of teaching of the Russian language and literature (*belles-lettres*, ‘*slovesnost’*). Koshansky’s theory systematized and gave a new meaning to subject, system and the very content of teaching of the Russian *belles-lettres*.

1. «Общая» и «Частная риторика» Н. Ф. Кошанского появились в переломный период становления системы образования в нач. XIX в. и оказалась одним из ключевых моментов в преподавании русского языка и словесности в России. Высокие педагогические и методические достоинства «Риторик»: четкая и прозрачная структура, простота и доступность стиля изложения, лаконичность и отсутствие балласта, занимательность, наличие большого количества примеров из современной русской литературы, – обусловили их влияние. «Общая» и «Частная» риторики Н. Ф. Кошанского прослужили официальными учебниками в училищах и гимназиях Российской империи 20 лет, до 1851 г.; но и потом, вплоть до конца XIX в., продолжали использоваться и частично включались в новые учебные пособия.

2. «Общая» и «Частная» риторики – итог многолетней научно-педагогической деятельности Н. Ф. Кошанского, автора многочисленных учебных книг по грамматике русского и латинского языков, хрестоматий латинских текстов, греческо-русского издания идиллий Биона и Мосха, статей и учебника по истории искусства. Огромен и опыт преподавания Кошанского: Академическая гимназия и Благородный пансион при Московском императорском университете, Царскосельский лицей, частные классы.

3. «Риторика» Н. Ф. Кошанского формируют стиль первой половины XIX в., основанный на воспроизведении отобранных классических образцов. Состав риторического учения Кошанского. Разделение предмета на общую и частную риторику.

1) Общая риторика построена по классической трехчастной схеме:

- А) Основа изобретения – правила развертывания мысли
 - а) по законам логики, б) по составу словесности. Процесс порождения мысли индуктивен – это постепенное восхождение от понятия к высказыванию. Период как основная единица построения текста. Противопоставление стихов, периодов и прозы. Проза – предмет риторики Кошанского. Наличие полной системы общих мест (топов), отражающая Цицероновскую традицию.
- Б) Расположение – центральное звено риторики Кошанского. Хрия как основная квазилогическая схема аргу-

мента (в противоположность силлогизму, логической схеме). Нормализаторский характер хрии: упорядочивание мышления, а не только построения текста; акцент на создание целостного высказывания в рамках заданного типа стиля. Описание и рассуждение – два основных вида учебных сочинений, из сочетания которых строятся все виды прозы (уже в частной риторике). Расположение как искусство «скрыть искусство». Естественность, занимательность, убедительность.

В) Выражение представляет две накладываются одна на другую классификации стиля. Ломоносовская традиция выделения стилей. Представление Кошанского об общих и частных свойствах стиля. Классификация тропов и фигур; тенденция к ограничению их использования, к «естественному» языку.

2) Частная риторика впервые получает собственный предмет. Наиболее полная для своего времени классификация родов и видов прозаической словесности. «Род» и «вид» словесности предстают как классы литературно-письменных текстов, каждый со своей функцией и семантикой. Они противопоставлены формам словесности, учение о которых задано в общей риторике. Достоинство риторики Кошанского – представление системы словесности в историческом порядке. «Частная риторика» Кошанского формулирует наиболее существенные правила порождения всех видов словесности.

3) Теория словесности Кошанского предстает цельной и практически полной классицистической теорией, что связано с концепцией классического образования. Кошанский задает систему словесности и место в ней каждого типа произведения слова, что существенно с дидактической точки зрения.

4. Значение «Риторик» Н. Ф. Кошанского для российской системы образования. Теория Кошанского как осмысление и систематизация предмета преподавания словесности и самого содержания преподавания, места и роли русского языка и литературы в ряду классической и западноевропейских языков и литератур. Выделение в качестве цели обучение правильному мышлению, повышение литературной компетентности учащегося.

Из истории изучения явлений синкретизма в языке

М. С. Малахова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

maya.malahova@gmail.com

Синкретизм, падежный синкретизм, синтаксический синкретизм, языковая асимметрия.

Summary. The phenomenon of syncretism is studied on different lingual levels such as phonological level, morphologic level, syntactic and lexical levels. The article deals with the main aspects of theory of syncretism borne on history of the study of this phenomenon. Also there is a review of russian and foreign linguists' points of view concerning phenomenon of syncretism.

Для лингвистики термин «синкретизм» (греч. «соединение») является заимствованным. Содержание термина меняется в зависимости от сферы исследования.

В религии о синкретизме говорят в связи со смешением, неорганическим слиянием разнородных религиозных элементов.

В психологии синкретизм – это особенность мышления и восприятия ребенка раннего и дошкольного возраста, которая проявляется в тенденции связывать между собой разнородные явления без достаточного внутреннего основания.

В социологии под синкретизмом понимается «соединение друг с другом не соединимых между собой элементов, взятых из различных социальных систем, в новую социальную структуру» (В. А. Жмуров).

В литературоведении синкретизм – это «изначальная слитность различных видов культурного творчества, свойственная ранним стадиям его развития...» Именно литературоведческая трактовка легла в основу общепринятого толкования, представленного в словарях.

Понятие синкретизма как общего свойства языка было введено в лингвистику Л. Ельмслевом: «устраненную мутацию между двумя функциями мы назовем совпадением, а категорию, установленную совпадением, назовем (в обоих планах языка) синкретизмом».

В морфологии выделяют падежный синкретизм. Б. Дельбрюк и Н. Н. Дурново под падежным синкретизмом понимают упрощение различий падежных форм. А. Мартине пишет, что «синкретизм полностью вытекает из морфологии, определяемой как изучение вариации означающих...» Р. О. Якобсон определяет синкретизм падежей как формальное «совпадение падежей», «как упразднимые различия между падежными флексиями», как нейтрализацию оппозиции в пределах одной парадигмы.

Л. Ельмслев в работе «Пролегомены к теории языка» использует термин «синкретизм» применительно к фонетике: «Мы можем теперь остановиться на явлении, известном в традиционной грамматике под именем синкретизма, а в современной фонетике под названием нейтрализации. Оно заключается в том, что коммутация между двумя инвариантами в некоторых условиях пропадает».

Ю. С. Степанов считает, что в учении Л. Ельмслева остается место для двух толкований синкретизма: 1) синкретизм в парадигматике (т. е. в результате устранения коммутации); 2) синкретизм в синтагматике (т. е. в результате устранения пермутации), когда различия связаны с особенностями реализации данных форм в тексте.

На синтаксическом уровне синкретизмом характеризуются члены предложения, совмещающие дифференциальные структурные и семантические признаки нескольких членов предложения (В. В. Виноградов, В. В. Бабайцева, В. И. Фурасов, Л. Д. Чеснокова, Л. А. Чернова).

В. В. Виноградов говорил о том, что необходимы углубленные исследования категорий определения, дополнения и обстоятельства, а также описание переходных или «синкретических» случаев.

В. В. Бабайцева выделила основные факторы, обуславливающие синкретизм членов предложения: несоответствие формы и содержания; категориальные, лексико-грамматические и лексические значения сочетающихся словоформ; синтаксические связи и отношения; эллипсис подчиняющей словоформы.

По мнению Л. Д. Чесноковой, дуплексив – это центр системы синкретичных членов предложения.

Л. А. Чернова к синкретичным относит: дуплексивы; составные именные члены предложения; различные обособленные члены предложения, включающие полупредикативные значения; необособленные определения, связанные с двумя членами предложения; глагольный дуплексив; второстепенные члены предложения, выраженные именами существительными с предлогами, с двумя связями.

В. И. Фурасов делит второстепенные члены предложения на типичные и синкретичные и предлагает трехкомпонентную парадигму членов предложения. Члены предложения, обладающие полным набором типичных структурных и семантических признаков, являются исходными элементами соответствующих парадигм; члены предложения, обладающие неполным набором типичных структурных и семантических признаков и совмещающие эти признаки с типичными уже для других членов предложения, являются синкретичными.

Исходя из этого, парадигма выглядит следующим образом:

- 1) исходный (типичный) элемент парадигмы, выступающий в сильной синтаксической позиции;
- 2) синкретичный элемент парадигмы, выступающий в слабой синтаксической позиции частичной нейтрализации;
- 3) синкретичный элемент парадигмы, занимающий слабую синтаксическую позицию полной нейтрализации различий (опозиций).

Явления синкретизма представлены и в лексикологии (в работах М. Вас. Пименовой). На лексическом уровне синкретизм проявляется в формально-содержательной языковой асимметрии, при которой один знак может выражать два (и более) значения (семасиологический аспект лексической семантики) и, соответственно, одно значение может выражаться двумя (и более) знаками (ономасиологический аспект). В парадигматическом плане «асимметричными» с точки зрения семасиологического аспекта являются полисемичные единицы, омонимичные пары и энантиосемичные слова. С точки зрения ономасиологического аспекта «асимметричными» являются синонимичные единицы. В синтагматическом плане лексико-семантическая «асимметричность» выражается несвободными сочетаниями различных видов.

О потенциальном свойстве всякого языкового знака вступать в отношения семантической оппозиции

А. Н. Матрусова

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)

matrusova@gmail.com

Семантические оппозиции, «свое – не свое», примат табуистичности, противопоставление, языковой знак.

Summary. The paper discusses a new theory of the language semantic analysis. Based on Trubetskoj's phonological oppositions theory and Oleg Trubachov ideas about tabooing and “our – not our” concepts on the earliest language development stages, the theory of the semantic oppositions suggests new approach to realize words' potential in Russian language.

Впервые об оппозициях как о системе упорядочивания явлений языка заявил Н. Трубецкой в своем известном труде «Основы фонологии» (1939 г.). Указывая на то, что функциональная значимость звуков в фонологии определя-

ется путем установления дифференциальных оппозиций в фонетической системе и по этому принципу можно определять отношения между значимыми элементами в языке, Жан Кантино в статье «Сигнификативные оппозиции»

(1952 г.) задается вопросом, можно ли будет распространить этот метод на другие разделы лингвистики. Ответ самого Кантино однозначный: еще Н. Трубецкой осознавал общий характер своей системы оппозиций и писал, что эти принципы классификации действительны для любых систем оппозиций, поскольку не заключают в себе ничего чисто фонологического.

Однако же построение систем оппозиций, по большому счету, оставалось приоритетной методологией фонетики и фонологии, а иные разделы языкознания применяли оппозиционность как метод не очень активно. Тем не менее представляется, что возможности этого метода до конца не исследованы и не использованы, особенно в плане исследования лексики и семантики. В отечественной литературе наравне с термином «оппозиция» нередко используется термин «противопоставление» и, говоря об этом одновременно явлении и методе в лексико-семантических выражениях, можно отметить, что именно способность значимых единиц языка (слов, словосочетаний, фраз) вступать в отношения «противопоставления» оказывается уникальным свойством языкового знака (ярчайшим примером этой способности является возможность существования в языке контекстуальных антонимов). Рассмотрим это явление в этимологическом контексте.

О. Н. Трубачёв в своем фундаментальном исследовании «Этногенез и культура древних славян», говоря о культурно-лингвистическом явлении оппозиций, указывает на противопоставление «свое – не свое» как на древнейшее в сознании и языке. Такое представление о существовании генетически исходной оппозиции, применимой абсолютно на всех уровнях языкового и культурного сознания, кажется необходимым исходным пунктом для дальнейшего становления и развития того, что мы условно назовем «теорией семантических оппозиций».

Вторым после оппозиции «свой – чужой» в развитии «противопоставляющих» механизмов языка О. Н. Трубачёв рассматривает примат табуистичности в языке (*Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древних славян*). Можно сказать, что наличие в сознании носителя языка понимания «наше – чужое» и «можно называть – нельзя называть» (безмолвный запрет) формируют на самых ранних этапах развития языка латентную способность любого знака оказываться одним из членов оппозиции «наше – не наше» или «называемое –

неназываемое». В определенном контексте любой языковой знак (любое слово) может в оппозиции контекстуальных антонимов проявить одну из этих черт. Например, в пушкинском «они сошлись: вода и камень, стихи и проза, лед и пламень» можно говорить, что в каждой из этих пар контекстуальных антонимов активизируется или оппозиция «наше – не наше» (например, стихи и проза – можно рассматривать стихи как «наше» или по отношению к Ленскому (и проза для него «чужое»), или стихи как «наше» по отношению к лирическому герою, от лица которого ведется повествование). Если такое скрытое маркирование «наше – не наше» установить, то становится ясно, почему второе слово становится антонимом по отношению к первому: в нем активизируется сема «не наше», и возникает контекстуальная семантическая оппозиция.

Оппозиция, основанная на запрете называния, может быть рассмотрена на коротком примере стихотворения М. Цветаевой «Вчера еще в глаза глядел»: «все жаворонки нынче – вороны». Противоположение жаворонков и воронов может замещать собой называние утра и вечера, жизни и смерти. Если ворон – это указание на смерть (табуистичные механизмы языка сработали, смерть не называется по имени), то жаворонок – это так же запрет называть жизнь, чтобы не испортить ее.

Семантическая оппозиция может развиваться и внутри одного языкового знака, способствуя, таким образом, проявлению энантиосемии. Например, слово «умный», произнесенное с разной интонацией, может служить как положительной, так и отрицательной характеристикой (Сынок у вас умный очень! – Умный очень? Череп не жмет?). Здесь представляется активизация примата табуистичности: нельзя сказать «ты дурак», но можно с помощью интонации дать собеседнику понять, что твои мысли полностью противоположны (находятся в оппозиции) к твоим словам.

Основываясь на этимологических положениях О. Н. Трубачёва, фонологических оппозициях Н. Трубецкого, широких обобщениях Жана Кантино и наблюдениях над такими явлениями, как контекстуальные антонимы, энантиосемия и т. д., мы можем утверждать, что всякий языковой знак обладает латентной способностью вступать в отношения семантической оппозиции, и, таким образом, являться потенциальным контекстуальным антонимом или энантиосемией.

О дискурсивной обусловленности грамматики

Б. Ю. Норман

Белорусский государственный университет (Минск)

boris.norman@gmail.com

Грамматика, подъязык, дискурс, функциональная ориентация.

Summary. In certain "sublanguages" (communication areas, functional styles, speech genres, etc.) the grammar appears as some variation. The differences concern the use of certain parts of speech, syntactic models, types of connections between words, the sort of function words, the frequency of grammemes (case, tense, mood, etc.) and the realization of certain potential forms, etc. These are the manifestations of the discourse constraints on the grammar.

«Грамматика – это концептуализация», писал Р. В. Лангакер. При этом способ грамматической организации и представления действительности может довольно сильно отходить от естественного «порядка вещей». Достаточно вспомнить в русском языке такие явления, как глагольная безличность или неполнота числовой парадигмы имен существительных.

Язык в целом функционально ориентирован. Поэтому неудивительно, что в отдельных «подъязыках» (коммуникативных сферах, функциональных стилях, речевых жанрах и т. п.) грамматика выступает в некоторых своих разновидностях. Различия здесь касаются системы используемых частей речи, набора синтаксических моделей, видов связи между словами, состава служебных слов, частоты употребления граммем (падежей, времен, наклонений и др.), реализации тех или иных потенциально возможных форм и т. д. Это и есть проявления дискурсивной обусловленности грамматики.

Конкретными примерами в русском языке могут послужить конструкции типа *шуба Греция, мебель Белоруссия, крыша шифер, соломка коробка, котел мазут* и т. п., представляющие собой нарушения правил синтаксической сочетаемости слов. Все эти примеры существуют в некотором

контексте, предполагают для своей реализации определенные жанровые условия. Естественным для них речевым «фоном» являются рекламные объявления, товарные (торговые) этикетки, вообще коммерческая номенклатура и лежащая в ее основе техническая документация и т. п. Определяющее (второе по счету) существительное в подобной конструкции становится своего рода символом или маркой изделия. Это – его дифференциальный признак, который затмевает собой все остальные признаки, существенные, может быть, в иных ситуациях.

Мы видим, что дискурс оперативной информации, торговли и логистики, технической документации позволяет в значительной мере редуцировать систему грамматических правил. Это значит – грамматика не просто концептуализирует общественные знания о мире, но представляет их в экономном для носителя языка виде. Можно считать интересующие нас конструкции своего рода маркерами некоторой сферы общественных отношений и, вместе с тем, определенного стиля жизни.

Очевидно, содержание синтаксических конструкций проецируется на «отстоявшийся опыт» человека, на систему окружающих его реалий. Так называемый «здравый смысл»

составляет важную часть неписанных соглашений между говорящими на данном языке. Именно это и позволяет редуцировать значительную часть формальных средств (в том числе флексий и служебных слов), призванных отражать отношения между реалиями. Причем можно заметить, что чем меньше здесь количество членов, тем легче они коллоквиализуются как целое. В данном смысле число 2 лучше, чем 3 или 4; именно этим и привлекают наше внимание разнообразные номинативные биномы.

Понимание того, что грамматические явления неравномерно распределяются по сферам речевой деятельности, частично сформировалось в ходе исследований по грамматической статистике, ведущихся с середины XX века. Частота употребления отдельных грамматических категорий оказывается признаком, хорошо различающим разные сти-

ли. Получается, что носитель языка то и дело сталкивается с какими-то «вариантами» грамматики – и в соответствующих условиях он воспринимает это как должное. Действительно, такие жанры, как кулинарный рецепт, брачное объявление, гороскоп, кроссворд, заголовок литературного произведения, техническое описание, завещание, свод законов, расписание движения поездов и т. д., характеризуются своим набором грамматических характеристик.

«Усредненное» представление о грамматике русского языка, которое мы имеем в канонических описаниях (освященных литературной нормой), удовлетворяет пользователя в огромной массе ситуаций. Но это не исключает возможности говорить о «грамматике разговорной речи», «грамматике Интернета», «грамматике юридических текстов», «грамматике поэзии» и т. п.

Язык научно-методических публикаций 20-х гг. XX в. К 100-летию журнала «Родной язык в школе»

Л. Б. Парубченко

Алтайский государственный университет (Барнаул)

lbpar@mail.ru

Политизация школы, расцвет учебной литературы в 20-х гг. XX в.

Summary. The paper presents description of the language of scientific-methodical publications of the journal of «Native Language in School».

Современные журналы «Русский язык в школе» и «Литература в школе» имеют своим прародителем журнал «Родной язык в школе». Он был основан в 1914 г. на собственные средства ученым-педагогом Алексеем Матвеевичем Лебедевым (1881–1953). До 1918 г. редакция располагалась в мужской гимназии г. Ярославля, с 1918 г. журнал стал выходить в Москве. В 20-е гг. XX в. это было уникальное издание: в нем печатались видные лингвисты, литературоведы, методисты и учителя-практики. «Родной язык в школе» был на гребне научных и школьных проблем, он был ареной дискуссий между школьной (буслаевской) и научной (фортунатовской) грамматикой. Только этот журнал, единственный среди множества современных ему, освещал Всероссийский съезд учителей русского языка 1916 / 1917 года: публиковал доклады или их рефераты, дискуссии по поводу докладов, в том числе те, которые выплеснулись на страницы других журналов и газет. Труды Съезда, в силу социально-политических условий, не были изданы, и публикации журнала «Родной язык в школе», наряду с брошюрой тезисов докладов, до сих пор являются фактически единственными свидетельствами о Съезде. Съезд, взяв курс на научную, фортунатовскую грамматику, и журнал опубликовал новую школьную программу по русскому языку, авторами которой были Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон, Н. М. Соколов [4].

Одновременно журнал 20-х гг. – историческое свидетельство переломной эпохи. Большевики понимали роль школы в воспитании преданных режиму граждан и сразу же взяли дело в свои руки. Цель воспитания нового человека требовала новой теории и методологии. Ее авторы, марксистские философы и историки А. Богданов, М. Покровский В. Фриче, В. Шулятиков, А. Деборин, В. Переверзев и др., рассматривали историю России, ее культуру и науку в связи с развитием средств производства, материальными условиями жизни и классовой принадлежностью ее творцов. Духовная жизнь России из истории была устранена, крупнейшим событиям давались упрощенные вульгарно-социологические, зачастую оценочные толкования. В языковедении вульгарно-социологический метод нашел выражение в «новом учении о языке» акад. Н. Я. Марра. Он выступил против сравнительно-исторического языкознания и доказывал единство происхождения всех языков из процессов производства, а их эволюцию ставил в зависимость от смены социально-экономических формаций. Идеологическое искали в самом языке: «Если и в грамматике мы сумели показать отражение борьбы двух миров и эволюцию языка от служения барам к служению массам, то и она станет такой же интересной, как все живое и необходимое массам. <...> Упрямо, гордое слово палъ то. Почему оно не склоняется? И почему народ заставляет его склоняться? <...> Нет ли связей между правописанием, революцией и контрреволюцией?» [1926 / 11–12; 284–286] (Указывается год выпуска журнала / номер; страницы.)

Новая идеология – это новый язык. Рецензии 20-х гг. имеют композиционную особенность: отрицательное дается в начале, и много, положительное – немного, и в самом конце. Культурный язык первых сборников журнала сменяется **языком улицы**. Ю. Либединский: «Возьмите Николая Ростова. Что это за тип? Оценим его объективно: тип сволочного помещика. Вначале помещичий сынок, а потом (говоря нашей терминологией) белогвардеец. Его бы в расход пустили в два счета» [1926 / 11–12; 93–94]. Не церемонится даже образованный Луначарский, назвавший Асева и Третьякова «последышами буржуазной культуры» [1926 / 11–12; 92].

Особенность языка публикаций 20-х гг. – **фронтальная и политическая лексика в названиях учебных пособий и статей**: *Путь борьбы*. М., 1927; *Героизм революции*. М., 1924; *Пролетаризация деревни и крестьянские восстания* [1927 / 1; 367]. Есть место и теме **созидательного труда**: *Своими силами*. Л., 1925; *От станка к книге*. Ч. I. М., 1925. Важно отметить, что это названия пособий не по истории, а по русскому языку: программа, написанная Д. Н. Ушаковым, М. Н. Петерсоном и Н. М. Соколовым, рекомендовала изучать в школе не учебник грамматики, а живой язык, методом наблюдения. Хрестоматии, как в свое время «*Детский мир*» К. Ушинского, давали языковой материал для наблюдений, но этот материал, был вынужденно политизированным.

Черта времени – **плакатный стиль**, в том числе в названиях учебных пособий: «Долой неграмотность. [1919–1922 / 1(2), 1923; 172]; Грамотный, обучи неграмотного. [1927 / 1; 366]. **Широко распространены слова красный и новый**. В названиях хрестоматий: *Красное слово*. [1927 / 1; 367]; *На красных путях*. М., 1926; *Новому ребенку – новая сказка*. Саратов, 1919; *Журналов: Красная молодежь* [1926 / 11–12; 91]. *Букварей: Красное детство*. Пенза, 1921; *Красный пахарь*. М., 1927. Издательств: *Красный мир* (Кострома), *Красная книга* (Орел), *Красная новь* (Москва).

Двадцатые годы – время формирования большевиками нового человека. Способ и одновременно цель этой работы – **устранение личностного начала**. Человек – не особь, не индивидуальность: «Единица – вздор, единица – ноль», он частица массы («где каплей льешься с массами»). Слово *м а с с ы* – не только в поэзии, но и в методических статьях: «широкие массы читателей», «учительская масса». Обучение также связывается не с личностью, а с потоком, конвейером «Наша задача – повышение общего среднего уровня, и вся группа, класс в целом важнее единицы в таких случаях» [1931 / 1; 151]. Публикации 20-х гг. проповедуют **коллективизм**, своеобразно понимаемый.

В комплексных программах 1924 г. школа была объявлена единой трудовой, поэтому в употребление входит **производственная терминология**: «Новые формы учета <...> необходимо искать в самой работе, в самом произ-

водстве. <...> Соотношение между коллективной выработкой и выработкой индивидуальной. Необходим тут известный стандарт, наглядный выразитель соотношений между затратой силы и результатом» [1927 / 4; 203]. Также: «формовка навыков учащихся» [1927 / 4; 201]. Успехи в сочинении отмечаются при помощи кривых, диаграмм, в преподавании литературы используются схемы и графики.

Из образования изгоняется его человеческое, духовное содержание, в соответствии с новым взглядом на человека: он теперь инструмент социально-политических преобразований – «гвозди бы делать из этих людей» (Н. Тихонов). Соответственно говорят уже не о методике, а о технологии обучения. При этом объектом «формовки» являются не только навыки, но и само сознание учащихся, и в некоторых работах появляется страшноватенький термин психотехника.

Вместе с тем положение дел в школьном образовании в 20-е гг. XX в. не было таким уж мрачным. Во-первых, пока еще раздавались трезвые голоса, оценивавшие ситуацию по существу, со строго научных позиций. Е. Д. Поливанов: «Работа над созданием марксистского языкознания должна выражаться не в виде похоронного шествия над гробом естественно-исторической лингвистики, а в построении новых лингвистических дисциплин на том фундаменте бесспорных фактов и положений, которые даны лингвистикой как естественно-исторической дисциплиной» [3: 62].

Во-вторых, и это, может быть, главный урок, который дает нам история отечественной школы 20-х гг. – ряд авторов сумели наполнить идеологические формулы советской демагогии реальным, нужным для школы содержанием. А. М. Пешковский на призыв разработать «формы учета в

школьном производстве» отозвался замечательной статьей, где дал строго научный анализ ненормативного письма, не потерявший своего значения до наших дней [2]; А. В. Миртов написал вдохновенную книгу «Сочинение в школе. Уроки коллективного творчества» и другие пособия, актуальные и сегодня. Школьные учебники 20-х гг., написанные Д. Н. Ушаковым, А. М. Пешковским, В. А. Малаховским, А. В. Миртовым, А. Б. Шапиро, М. Н. Петерсоном, Л. А. Булаховским, С. О. Карцевским и другими крупными учеными, выходили хоть и зачастую с вынужденно идеологизированным языковым материалом, но с безупречной грамматической частью и представляют сегодня интерес не только для историков школы, но и для историков отечественной русистики.

Научно ценного, созидательного, творческого, того, что можно назвать положительным началом, в образовании и науке 20-х гг. было неизмеримо больше, чем отрицательного, идеологически-фальшивого и методологически порочного. Это отличает пореволюционную ситуацию 20-х гг. XX в. от современной пореволюционной ситуации.

Литература

1. Миртов А. В. Сочинение в школе. Вып. первый. Уроки коллективного творчества. Харьков, 1923.
2. Пешковский А. М. Зачем нужен учет орфографических ошибок // Родной язык в школе. 1929 №4. С. 78–95.
3. Поливанов Е. Круг современных проблем современной лингвистики // Русский язык в советской школе. 1929. № 1. С. 57–62.
4. Программа Наркомпроса и отдела Наробраза М.С.Р.Д. 1918. Родной язык в трудовой школе. Примерный план занятий по трудам Народн. Комис. по Просвещению и Отдела Нар. Образ. Московского С. Р. и К. Д. // Родной язык в школе. 1919. № 1. С. 51–78.

Метонимия и концептуализация целого

О. Г. Ревзина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

orevzina@gmail.com

A theory of metonymy, part – whole and part – part metonymy.

В настоящее время теория метонимии достаточно хорошо разработана. Под метонимией понимают когнитивный процесс, при котором одна концептуальная сущность (средство) обеспечивает доступ к другой концептуальной сущности (мишень) внутри одной и той же когнитивной модели. Выделяют два типа метонимии: целое и его части (в отношении объектов) и часть – часть (в отношении событий), с большим количеством разновидностей внутри каждого из типов. Выделены антропологические, перцептивные, культурные и коммуникативные принципы, определяющие выбор метонимического средства (см. [6]; [7]). По мысли Дж. Лакоффа, фундаментальная структура часть – целое происходит из телесного опыта человека и является необходимой «для того, чтобы функционировать в нашем материальном окружении» [2: 356].

В общей теории метонимии сформулированы возможности, реализация которых не совпадает в разных языках. Фактические данные русского языка позволяют не только выделить присущие ему типы метонимических переносов, но и выдвинуть теоретические вопросы, остающиеся в тени до настоящего времени. Прежде всего, разграничиваются системная и ситуативная метонимия, представленная в речи. Метонимические переносы вызывают различные представления о целом: а) *целое* как предмет, существующий во внеязыковой действительности постоянно, автономно от других и доступный восприятию. Таковыми являются как природные объекты (животные, растения, деревья), так и артефакты: *нога сломана, дерево расцвело, автобус сломался*. Наличие частей такого *целого* фиксируется в языке специальными номинациями этих частей. Концепты целого и части определяются здесь онтологически, по способу существования, б) *целое* как предмет, систематически возникающий во внеязыковой действительности и доступный восприятию: *выпил кружку, И в черном я* (Н. Гумилев); в) *целое* как объект, не представленный в реальной действительности, при том, что его «части» существуют / существовали

реально. Такое целое имеет место в схемах «автор и его сочинение», «производитель и его продукт», «владелец и его владение»: *читать Пушкина, слушать Моцарта, купать у Елисея, выстрелить из Калашникова*. г) *целое* как объект, существующий в действительности, недоступный восприятию в его целостности в отличие от постулируемых в нем частей. *Целое* является не зрительно, но умопостижимым и подтверждает статус действительного существования через реальность существования его частей: *город строится, наряжается к Новому году, покрывается мглою; факультет иностранных языков переводится в другое здание*: д) *целое* представляет собой виртуальный объект, «частями» которого являются свойства, прототипы, виртуально существующие подкатегории. Собственно, именно такое целое имеет в виду Лакофф, когда он говорит о «заместительном», или «метонимическом» мышлении («Идея, что часть категории (т. е. член или субкатегория) могут замещать целую категорию в некоторых заместительных процессах») [2: 29]. *Целое* представляется как виртуальное мыслительное образование и в тех случаях, когда категория метонимически вводится по индивидуализирующему свойству: *Иуда* как метонимия предателей (свойства рассматриваются как части объекта). е) *целое* представляет собой реальное событие, доступное восприятию. Именно этот случай Н. Д. Арутюнова называет «вовлеченностью в одну ситуацию» [1: 300]. Множество подобных метонимий было вскрыто при исследовании русской разговорной речи: *Девушка, вы открыты?; Касса! Вас ждут*, и под. (см. [3: 423–434]). Вариантом данного подтипа можно считать так называемые имена ситуации, маркирующие события, находящиеся в общей памяти говорящих: «Да / Свет / мы не обсудили продукты (продукты, которые надо сегодня купить»; «В школу пришел зубной врач проверять зубы. Раздается реплика: Анна Николаевна велела, чтоб мы все на зубы шли //» [3: 437]. (При описании имен ситуации Л. А. Капанадзе обсуждает вопрос о присутствии в в подобных случаях «какой-то усложнен-

ной двух-трехступенчатой метонимии» и склоняется к иной точке зрения: имя ситуации – «сгущение, концентрация мысли в одном слове».)

Представленные в русском языке и в русском дискурсе метонимии позволяют сделать вывод о том, что понятие целого не является предзаданным и формируется, собственно говоря, в самом языковом мышлении. *Целое* далеко не всегда *целостно*, его части сосуществуют постоянно, массовидно или ситуативно, они могут быть как реальными, так и виртуальными. Неслучайно типы метонимии задаются не дедуктивно, а открытым списком. *Целое* понимается как «совокупность чего-л., как нечто единое», а *часть* – как «доля целого» [4: 638, 655]. Это, собственно говоря, и есть единственное основание для оперирования этой когнитивной моделью в мышлении. Ее значение в полной мере уясняется в творческой метонимии, о которой писал Р. Якобсон, анализируя поэзию Б. Пастернака: в поэтическом космосе, которым управляет метонимия, происходит «размы-

вание контуров предметов», «разложение объекта», «взаимопроникновение объектов» [5: 332], а «образы внешнего окружения оказываются строительными блоками, метонимическими выражениями лирического «я» [5: 329].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Яреца. М., 1990.
2. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
3. Русская разговорная речь. Раздел «Метонимия». М., 1973.
4. Словарь русского языка: В 4 т. Т. IV. М., 1984.
5. Якобсон Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике. М., 1987.
6. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / Ed. by René Dirven, Ralf Pörings. Berlin; New York, 2002.
7. Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy. // Metonymy in Language and Thought / Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam; Philadelphia 1999. P. 17-59.

Георусистика и вызовы XXI века

А. Н. Рудяков

Институт инновационных технологий и содержания образования (Симферополь, Украина)

arudiakov@rambler.ru

Георусистика, русофония, русский язык, национальный вариант языка.

Summary. The paper is devoted to the problem of development of the theoretical basis for the development of a new approach to the study of the Russian language functioning in the global world. The term «georusistic» was proposed as a term, which may reflect the peculiarities of interaction of linguistic worlds between them.

Среди многих проблем, которые нам предстоит решать сегодня, следует особо выделить проблему объекта современной русистики. Это чрезвычайно сложный вопрос, потому что, заговорив об объекте конкретной науки, мы выходим за ее границы. Этот тезис предельно отчетливо сформулировал В. В. Библихин: «настоящая наука в своем существе – это чистая техника», и ее утверждения говорят в форме «если... – то...»: «Когда мы имеем дело с наукой, надо помнить, что все ее утверждения имеют форму «если – то...», поэтому наука не может в принципе сказать, что такое мир, не узнав у нас сначала, что мы понимаем под миром: «Если вы понимаете мир таким-то образом, отсюда следуют такие-то выводы. «Научная картина мира» поэтому – *contradictio in adiecto*; понимание мира, как и понимание любого простого начала, например, единства, должно быть сначала заложено в науку, чтобы наука могла его применить» [1: 44].

Применяя эту познавательную аксиому к нашей проблематике, скажу, что русистика производна от того, каково лежащее в ее основе «простое начало».

Нам «привычна и знакома» русистика, объектом которой является русский язык. Русистику же, объектом которой является планетарный русскоязычный мир, я именую термином *георусистика*.

Главное, на мой взгляд, и принципиальное различие двух русистик заключается в том, что первая традиционно сосредоточена на исследовании русского языка как феномена, противопоставленного иным, «нерусским» языкам; вторая же – на взаимодействии глобального русскоязычного мира с другими языковыми мирами как с составными частями планетарной языковой ойкумены. Георусистика осознанно преодолевает ограниченность, обусловленную географической, этнической, государственной, конфессиональной принадлежностью субъекта восприятия глобального языкового универсума. Георусистика – это русистика XXI века, каковой она может быть с точки зрения Человека вообще, с точки зрения человечества как одного из субъектов восприятия мира (наряду с индивидом и социальной группой).

В центре внимания георусистики оказывается активно и неотвратимо взаимодействующий с собратьями русский языковой мир, составными частями которого являются российский русский (несомненно, наиважнейший, центральный компонент этой метасистемы, но... не единственный!!!), а также другие разнообразные, «разнокалиберные», разноосознанные – функционально тождественные – функциональные варианты русского языка, необходимо и закономерно возникающие во всех тех ситуациях, когда русский язык вынужден обеспечивать потребность в социальном взаимо-

действии своих носителей, оказывающихся в особых территориальных, социальных, государственных и прочих мыслимых и немислимых образованиях. Эту совокупность множества вариантов русского языка мы именуем термином Русофония или языковой мир. Русофония не сводится к множеству русофонов, поскольку она 1) формируется не отдельными русофонами, а языковыми коллективами, каждый из которых адаптирует систему русского языка исходя из своих потребностей, 2) отражает закономерности варьирования русского языка как многоуровневой системы, 3) взаимодействует с другими языковыми мирами (другими «фониями»).

Русофония (равно как и мир любого иного конкретного языка) представляет собой надгосударственную, надэтническую, надконфессиональную метасистему, элементами которой являются лица, в той или иной мере использующие русский язык как средство осуществления социального взаимодействия. Русофония, равно как и любой другой языковой мир, имеет ценностную структуру, т. е. сущность данной языковой ойкумены возможно познать только путем определения и последовательного описания системных качеств частей Русофонии как целого, взаимодействующего с другими «фониями».

Исследования в области диахронической георусистики покажут, что система «-фоний» существовала всегда, взаимодействие и конкуренция языков существовали всегда, но сегодня уже нельзя абстрагироваться от этого факта. Представления, согласно которым существует некий остров воплощенной «русскости», о который разбиваются волны «порченных» русских языков соседних государств, должны быть заменены на иную – адекватную – картину языковой реальности XXI века, а способность порождать национальные варианты должна рассматриваться как свидетельство силы и мощи языка. И задача русистики в XXI веке – выработать необходимый категориальный аппарат и обратиться к описанию Русофонии как одного из наиболее важных языковых миров. Таким образом, единица георусистики – это вариант русского языка.

Решающее значение для понимания сути изменений, которые вынуждена пережить русистика в XXI веке, имеет осознание того, что в эпоху прогрессирующей глобализации глобальное же взаимодействие языковых миров не должно восприниматься как некое посягательство «нерусскости» на некую абсолютную «русскость». Напротив, русистика должна видеть в этом важнейший ресурс развития, совершенствования, обогащения русского языка и повышение его устойчивости в глобальной языковой конкуренции.

Исследование русского языка не как имманентной системы, но как ценностно организованного геолингвистического

пространства, переход на качественно новый уровень постижения закономерностей существования форм русского языка в глобальном мире, по сути, есть закономерное следствие той системы взглядов, которую я называю лингвистическим функционализмом в его крымском варианте. Языковой мир, с моей точки зрения, представляет собой организованное множество вариантов языка. Вариантов функциональных, а не субстанциональных. Это означает, что русский языковой мир формируется манифестациями русского языка как инварианта в различных геополитических реалиях. Так, национальный вариант возникает в тот момент, когда та или иная «фония» попадает в пределы той или иной страны. Он существует потенциально, латентно, но он

существует. Каталогизация и описание национальных вариантов русского языка – насущная задача георусистики.

Геолингвистика это не социолингвистика, это лингвистика языкового взаимодействия и взаимовлияния. Основное практическое следствие георусистики – это осознанное управляемое совершенствование и развитие русского языка с целью усиления его позиций в глобальной планетарной межязыковой конкуренции. Эта цель достижима в случае адекватного описания планетарной же языковой ситуации и выбора оптимальной глобальной внешней языковой политики.

Литература

1. Бибихин В. В. Мир. Курс, прочитанный на философском факультете МГУ весной 1989 года. М., 1995.

Понятие позиции на разных уровнях языка

А. А. Соколянский

Северо-Восточный государственный университет (Магадан)

sokol_2001@mail.ru

Позиция, фонология, функция, единица языка.

Summary. The notion of **position** has not been properly defined in linguistics and needs further development. The study on positions shall begin with distinguishing **position** and **units** which can be found in the position. We should distinguish quality and character of the **position**. The notion of **position**, developed on the phonology material, can be used in the description of other language levels.

Понятие *позиция* наиболее полно описано в работах представителей Московской лингвистической школы, но их основное внимание было обращено на фонетику, тогда как другие уровни языка оставались в тени. О позиции с разной степенью подробности писали А. А. Реформатский, М. В. Панов, Л. Л. Касаткин, М. Л. Каленчук и др. Автору тезисов ближе всего работы М. В. Панова.

Что может находиться в позиции?

Этот вопрос впервые сформулировал М. В. Панов. При ответе на него он был вызывающе краток: «Типология единиц, определяемых позицией. Эта типология простая и состоит из одной рубрики: в условиях позиции может быть все, чему прикажет язык» [2: 227]. М. В. Панов стремился избегать любой конкретизации, но тем не менее даже в этом кратком высказывании у него употреблено понятие *единица*. В позиции может находиться не все, что угодно, а *единица языка*. Следовательно, позиционный анализ начинается с разграничения единиц, которые находятся в позиции, и самой позиции.

Какое воздействие позиция оказывает на единицу?

А. А. Реформатский предлагал различать «качество» и «характер» позиции [3: 118]. Качество позиции проявляется в ее воздействии на единицы. Позиция обеспечивает тождество единиц, которые, перетекая из одной позиции в другую, сохраняют свою идентичность. Именно это призван иллюстрировать чередовательный ряд: $A = a_1 + a_2 + a_3 + a_4 \dots + a_n$. Единица A в позиции 1, 2, 3, 4 ... n реализуется в своих вариантах $a_1 + a_2 + a_3 + a_4 \dots + a_n$. Позиция не может привести к тому, что варианты $a_1 + a_2$ будут представлять одну единицу, а $a_3 + a_4$ – другую. В этом случае перед нами будут две разные единицы.

Обеспечивая целостность единицы, позиция оказывает влияние на функции, которые выполняет единица. Позиция может поддерживать выполнение функции в максимальном объеме, а может препятствовать ее выполнению. Если в позиции a воздействие на функции единицы такое же, как в позиции b , то это значит, что отдельных позиций a и b не существует: $a = b$.

Ярче всего воздействие позиции на функцию проявляется в ситуации нейтрализации, при которой происходит частичное пересечение двух чередовательных рядов. Так, в конце слова снимается различие между глухими и звонкими согласными, в предложениях типа *Видно озеро* снимается противопоставление двусоставных и односоставных предложений (пример М. В. Панова).

Какова типология позиций?

Полнее всего типология позиций разработана на фонетическом материале. Предлагается различать *линейно-структурные*, *межуровневые* и *списочные* позиции.

Самый очевидный вид позиции – *линейная позиция*. Ее специфика состоит в том, что образующее позицию и нахо-

дящееся в позиции представляют собой одно и то же, то есть принадлежат одному уровню языка. Одна звуковая единица оказывает влияние на другую: [т] перед [у] становится лабиализованным, перед [д] возможны только звонкие шумные и т. п. *Структурные* позиции близки к *линейным*.

Линейные позиции широко представлены и на других уровнях языка. Единицы семантического яруса языка двуплановы, поэтому и о позициях в отношении них можно говорить в двух аспектах: в аспекте выражения и в аспекте содержания. Морфонологические явления – это проявление позиционных воздействий на уровне плана выражения: корневое /к/ чередуется с /ч'/, если далее следует суффикс *n*- прилагательного (*рука / ручной*).

Для словообразования и грамматики линейная позиция – это выявление значений морфемы в ряду с другими морфемами. Морфема *-ин-* обозначает мясо только в тех словах, корень которых обозначает животных: *конина, свинина, осетрина, белужина* и др. Если корень обозначает вещественное понятие, то тогда суффикс *-ин-* приобретает значение единичности: *горошина, бусина, картофелина, градина, изюмина*. Если корень указывает на национальность, то тогда суффикс *-ин-* обозначает отдельного представителя этой национальности: *грузин, мордвин, осетин, татарин*.

Линейные позиции существуют и в лексике, но они, как и многое в лексике, не столь категоричны. Именно о лексических позициях писал В. В. Виноградов, когда выделял фразеологически связанные значения слов. «Значения и оттенки значения слова большей частью обусловлены его фразовым окружением» [1: 176]. Совершенно очевидно, что речь здесь идет о линейных позициях в лексике.

Межуровневые позиции – это позиции, которые создаются для единиц одного уровня свойствами другого уровня. После мягкого согласного во второй позиции фонема /а/ реализуется в звуке [и]: [п'итач'о́к], но в словоформе *по́ля* это не так, там [пóл'ь]. Произношение [ь] – следствие грамматической аналогии. В фонетике такие позиции принято называть *грамматическими*.

В предложениях *Мне страшно – Чудовище страшно – Ему было страшно весело* слово *страшно* находится в различных синтаксических позициях. Позиционный подход требует считать слово *страшно* во всех этих примерах одной единицей, так как различие в употреблении слов зависит исключительно от позиционных условий.

Примером *межуровневых* позиций в лексике могут служить синтаксически обусловленные и конструктивно ограниченные значения слов, выделенные В. В. Виноградовым.

Списочные позиции в фонетике представлены *лексическими* позициями. Так, в словах *мораль, поэт, портрет, сонет, победа* не содержится никаких формальных показателей того, какие из них допускают произношение безударного [о]. Эти слова задаются списком. Аналогичный пример

Литература

1. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977. С. 162–189.
2. *Панов М. В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
3. *Реформатский А. А.* О типах позиций // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 117–127.

Введение в общую лингвистическую теорию мотивации

Е. Е. Хазимуллина

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа)

lenahk@gmail.com

Язык, речь, речевая деятельность, теория мотивации.

Summary. Language and making of speech are motivated by extra- and intralinguistic factors. The report shows that these phenomena should be described by general linguistic theory of motivation, with taking into consideration of progress in the neurolinguistics, psychology, sociology, cognitive science, and other sciences.

Русский язык является конкретной реализацией языка «вообще», с определенными особенностями фонетического, грамматического строя, семантики, спектром функционально-коммуникативного применения, тенденциями и потенциалами развития. Как и все другие языки, он самоорганизуется и закономерно изменяется под влиянием ряда константных и переменных, внешних и внутренних факторов. Феномен обусловленности языка разнообразными «действующими причинами» служит предпосылкой для создания общей лингвистической теории мотивации, которой, однако, до сих пор нет в языкознании, при всем его стремлении к экспланаторности. Причину этого мы видим 1) в бесконечном дроблении отграничивающихся друг от друга подходов; 2) в распространенности стереотипных представлений, связанных с «крайними» решениями проблемы мотивированности; 3) в неопределенности границ самой лингвистики, ее объекта.

Между тем учет разнообразных обуславливающих язык, речь, речевую деятельность факторов возможен на основе понимания мотивированности как ведущей, глобальной категории, находящей свое выражение в этих названных сущностях вследствие действия всеобщего принципа взаимосвязи явлений мира. Ее осмысление могла бы взять на себя философия языка, изначально призванная отыскивать внешние и внутренние источники формирования и развития языковой системы, исследовать ее связи с мышлением и поведением человека, давать объяснения. Не менее обоснованным представляется выделение особой науки – лингвистической мотивологии (ср. предложения М. М. Гинатуллина, О. И. Блиновой, Н. Д. Голева, высказанные ими еще в 70–90-х гг.), поскольку обнаруживается и ее собственный предмет (феномен мотивированности языка и речи), и цели (исследование механизма языковой и речевой мотивации, исчисление мотивирующих факторов, описание результатов их действия, выявление мотивационных моделей и др.), и методы (мотивационный анализ, интент-анализ в его лингвистической интерпретации и др.). Этому, в частности, способствует устойчивая тенденция к расширительному пониманию мотивированности, характеризующая современную полипарадигмальную лингвистику – необходима тщательная систематизация и целостное освещение всех тех множественных фактов, которые, по наблюдениям ученых, имеют сходную, мотивационную, природу.

За последние сорок лет под влиянием критического отношения к принципу произвольности языковых знаков, предполагающему, по выражению Э. Г. Аветяна, «разобоченность мира и человека, начала и результата, природы и культуры», а также нарастающей в ходе разноаспектных исследований убежденности в том, что функционально-семантическая и когнитивная природа языка определяется «чисто человеческими» устремлениями, мотивами, причинами, потребностями, роль мотивированности была существенно переосмыслена, а круг мотивационных явлений расширен. Однако найти адекватный способ построения мотивационной теории непросо: следует учесть множество параметров обширного фактического материала, плюрализм существующих научных концепций, необходимо, соблюдая строгие принципы исследования, выйти за пределы языка в мыслительную, психофизиологическую и социальную сфе-

ры человека, в саму действительность, извлекая из них то ценное, что способно обогатить лингвистику, не лишая ее собственного объекта. Мотивационная теория должна быть объяснительной.

Ядро лингвистической теории мотивации, последовательно сформированное общими усилиями ученых различных исторических эпох и направлений, составляют следующие идеи: 1. Мотивационный механизм является основой жизнедеятельности человека, обеспечивающей его способность ориентироваться в мире, в происходящем, в собственных внутренних процессах, действовать, взаимодействовать и выживать; 2. Язык включен в ряд взаимодействующих психофизиологических систем человека, речь – один из многочисленных видов его деятельности. Вследствие этого мотивация, как средоточие биосоциальных потребностей говорящего, закономерно проявляется и в речи, и в системе языка (важнейшая потребность – стремление человека к общению и взаимопониманию). Речевой акт начинается с возникновения мотива (коммуникативного намерения) и заканчивается распознаванием замысла, потребностей говорящего слушающим; 3. Как психофизиологический феномен, мотивация, обнаруживаемая в пристрастном отношении человека к тому, что им отражается / делается, способствует оформлению его мыслей, программы речи, определяет отбор, создание и использование языковых средств, направляет коммуникативный процесс – даже если она не осознается (ср. различие терминов «речевое действие» / «поведение» / «деятельность»). Язык, будучи средством фиксации достигнутых и предвосхищаемых результатов практических действий, вбирает в себя мотивационные схемы, модели наиболее эффективных средств удовлетворения различных потребностей человека; 4. Психофизиологическая мотивация не тождественна детерминации: а) речевое поведение людей является полимотивированным (при этом мотивы могут находиться в отношении взаимного дополнения, иерархии, конкуренции, конфликта); б) запускающие речь мотиваторы не предопределяют единственного способа действия, начальная, «органическая», реакция может сдерживаться социокультурными и другими установками индивида; 5. Непроизвольность и бессознательность – главные качества процессов возникновения, функционирования и изменения языка (сознательное воздействие на язык также не исключено, но ограничено). Тем не менее и устройство, и использование, и развитие языка мотивировано на основе его включенности в единую «тело-мыслительную» организацию человека, являющегося частью мира: язык связан с реальной действительностью, ее отражением в индивидуальном и социальном сознании, с психикой говорящей личности, с ее коммуникативно-прагматическими интенциями, со всеми сферами практической деятельности общества; 6. Будучи средством отражения действительности, осуществления коммуникации между людьми, выражения мыслей, чувств и волеизъявления говорящего, результатом работы его мозга, речевого аппарата и т. д., язык характеризуется психофизиологической, социально-исторической, социокультурной, прагматической, онтологической и гносеологической обусловленностью: действие экстралингвистических факторов способствует выработке в нем различных типов внешней мотивированности; 7. С другой стороны, языковая

система, самоорганизующаяся под влиянием психофизиологических свойств человека, формирует разнообразные типы внутренней мотивированности своих средств (формальный, семантический, значимостный, функциональный), реализующиеся в речи. Законы аналогии и асимметрического дуализма являются главными внутренними мотиваторами языковой системы и структуры ее знаков; 8. Различные

языковые явления не в равной мере мотивированы внутри-системными и внешними факторами, в то же время они могут быть полимотивированными. Принцип относительной мотивированности и произвольности – основа механизма языка, его функционирования и жизнеспособности. В целом же произвольность языка и речи существенно ограничена.

Сопоставительный метод обучения русскому языку в Словакии: К столетию со дня рождения профессора А. В. Исаченко (1911–1978)

Н. П. Щипанская

Институт русистики, украинистики и славистики (Прешов, Словакия)

shchipanskaya@yandex.ru

Сопоставительная лингвистика, профессор А. В. Исаченко, словацкая русистика.

Summary. In the history of Russian and Slovak Linguistics scholar A. V. Isachenko entered as deep and subtle scholar of Slavic languages. Comparative method of learning languages was implemented in Slovakia, where a Professor taught a whole generation of Russian, laid the foundations of the rusistiki and created training manuals on phonetics and morphology for learning Russian in the map with a Slovak.

В Чехии и Словакии не найдется филолога, а тем более русиста, который бы не знал имени профессора А. В. Исаченко, не читал бы его статей, не пользовался его монографиями, учебными пособиями и словарями. Свое образование профессор получал и восполнял в самых различных странах и лучших учебных заведениях, начиная в России и продолжая в Австрии, Швеции, Франции, Германии. А его лекции и семинары слушали в Сербии (Любляна), в Австрии (Вена и Клагенфурт), во Франции (Сорбонна), в Чехии (Прага, Оломоуц), в Словакии (Трнава, Братислава, Прешов), в США (Лос-Анжелес).

Но можно утверждать, что лучшие и наиболее плодотворные годы своих творческих сил А. В. Исаченко отдал Чехословакии, которую он и считал своей второй Родиной. Он стал одним из основателей Пражского лингвистического кружка вместе с такими представителями Русского зарубежья, как Н. С. Трубецкой, Роман Якобсон, Л. В. Копецкий и др. Благодаря их тесному сотрудничеству с виднейшими филологами и славистами Чехословакии возникла и Пражская лингвистическая школа, давшая Европе новое поколение филологов.

Диапазон научных интересов проф. Исаченко, его широкая и всесторонняя педагогическая деятельность, общественная и издательская активность не знали границ, о чем свидетельствуют *Slovenský biografický slovník (od roku 833 do r. 1990)*, *zväzok II: E-J (Martin: Matica slovenská, 1987)* и *Slovník slovenskej filologickej rusistiky (1945–2005), časť I (Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre – Filozofická fakulta, 2005)*, а также многие свидетельства тех, кто лично знал профессора.

А. В. Исаченко – Нестор словацкой русистики, известный индоевропеист, славист, компаративист, основатель словацкой школы сопоставительного изучения языков, создал новую теорию фонологической типологии славянских языков, свою собственную концепцию языковой типологии, ориентированной на лексический уровень языков, в области теории обучения иностранных языков отстаивал точку зрения учета родного языка. Его творческое наследие – более 200 публикаций: книг, научных исследований и статей – еще далеко не исчерпано, не исследовано, не собрано.

Знание многих языков позволяло профессору преподавать русский язык и литературу на разных уровнях их становления, в разных аспектах, и именно сопоставительным методом. Но, пожалуй, наиболее последовательно и основательно его сопоставительный метод был реализован именно в Словакии, где профессор и воспитал целое поколение русистов, заложил основы русистики и создал учебные пособия по фонетике и морфологии для обучения русскому языку в сопоставлении с родным языком учащихся, словацким, начиная со средних школ и заканчивая вузами – «*Fonetika srbsovnej ruštiny*» (1947), «*Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 1–2.*» (Братислава, 1960, 1964, Москва – Вена, 2003), «*Грамматический строй русского языка*» для 10–11 классов общеобразовательных школ (Братислава, 1955). Русский синтаксис в

сопоставлении со словацким, подготовленный им для средних школ, продолжил разрабатывать и издал Ян Светлик, последовательно соблюдая принципы проф. Исаченко и используя собственный опыт преподавания русского синтаксиса в Братиславском университете им. Яна Амоса Коменского. Лексикку современного русского языка в сопоставлении со словацким А. В. Исаченко вложил в словари, созданные им в сотрудничестве со своими коллегами и учениками: «*Príručný rusko-slovenský slovník*» (Bratislava, 1952), «*Slovensko-ruský prekladový slovník*» (Bratislava, 1952), «*Slovensko-ruský prekladový slovník*» (Bratislava, 1959).

Последующий опыт преподавания иностранных языков показал, что методы обучения должны быть избирательными и, прежде всего, требуют учета не только ситуации обучения (возраст учащихся, степень владения родным языком, цели обучения и др.), но и состава аудитории – одноязычной или разноязычной. Сопоставительный метод эффективен, естественно, в одноязычной аудитории, но существенна и степень близости родного и изучаемого языков.

Едва ли нужно говорить, что обучение русскому языку в славянской среде имеет свои плюсы и минусы. И это требует учитывать сопоставительный метод, предупреждая смешение языков и обеспечивая чистоту и родного, и русского. Сопоставляя русский язык не только со словацким, но и с иными (чешский, немецкий), А. В. Исаченко подчеркивал необходимость знания учителем родного языка учащихся. Методика обучения, а также учебные пособия, должны быть основаны на сходствах и различиях обоих языков, что обеспечивает необходимый контакт учителя с учащимися и эффективность усвоения неродного языка. Надо поэтому учитывать и уровень владения учащимися родным языком, их возраст и образовательную ориентацию. Недостаточное владение родным языком и, низкий уровень языковой культуры учащихся не способствуют внедрению сопоставительного метода.

В настоящее время пользуются популярностью методы прямого и ускоренного обучения иностранным языкам, разрабатываются способы универсальные, безотносительные к родному языку. Во многих случаях это неизбежно: разноязычная аудитория, деловой язык, узко профессиональная ориентация на необходимый минимум терминологии, разговорный минимум и пр. Цели подобного обучения чисто практические и не предполагают филологического уровня или диалога культур. Сопоставительное обучение на уровне филологического образования обеспечивает не только овладение иным языком, но и новый, высший уровень осознания родного, что способствует развитию лингвистического и, шире, филологического мышления студентов, поднимает их культурный уровень и расширяет мировоззрение. К этому и стремился профессор А. В. Исаченко. Но его отличительной чертой было и то, что, будучи человеком высоко образованным, прекрасным педагогом, лектором, организатором, он никогда не избегал аудитории любого возраста и образования, прекрасно ориентировался и находил себя в общении с людьми, пользуясь каждым пово-

дом к сопоставлению языков, литератур, искусства разных народов, передавая при этом слушателям свою любовь к России.

Признанием научных заслуг А. В. Исаченко стало избрание его действительным членом Чехословацкой и Немецкой Академий наук, членом-корреспондентом Австрийской Академии наук. В 2001 г. он был посмертно награжден Пуш-

кинской медалью МАПРЯЛ «За большие заслуги в распространении русского языка». В 2003 г. в Братиславе награжден посмертно золотой медалью философского факультета Университета им. Я. А. Коменского. В историю науки русский и одновременно словацкий ученый вошел как глубокий и тонкий исследователь славянских языков и, прежде всего, русского.

Секция

История русского языка и текстология

Фонетическая адаптация галлицизмов: эволюция типов вариантности (на материале русской литературы начала XIX века)

А. В. Агеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

anastasia_ageeva@mail.ru

Галлицизм, фонетическая адаптация, вариантность.

Summary. This report is devoted to the problem of analysis and classification of different types of phonetic variation of the French lexis in Russian literature of the early 19th century.

При переходе в другой язык слова приспособляются в первую очередь к фонетическому строю и морфологической системе заимствующего языка (языка-рецептора). Фонетическое преобразование иноязычной лексики заключается в замене неприемлемых чужих звуков близкими им по качеству звуками заимствующего языка.

Одной из универсальных закономерностей освоения иноязычной лексики является вариантность. Так, по мнению многих ученых (см. [1], [2]) процессу заимствования в Петровскую эпоху свойственны обилие фонетико-морфологических дублетов, перегруженность текста вариантными формами [3: 75].

Для периода начиная с конца XVIII и до середины XX в. основной тенденцией для всей заимствованной лексики является сокращение языковой дублетности и вариантности. Значительное сокращение вариантности и нормализация написания галлицизмов уже в начале XIX века свидетельствуют о завершении процесса формальной адаптации большинства французских заимствований.

Проиллюстрируем данную тенденцию на материале французских новообразований в русской литературе начала XIX века (А. С. Пушкин «Роман в письмах», «Повести Белкина», «История села Горюхина», «Евгений Онегин» и др.; Н. А. Дурова «Записки кавалерист-девицы», «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения», «Серный ключ»; А. С. Грибоедов «Горе от ума»).

Так, в переводах французской литературы конца XVIII–XIX вв. Н. В. Габдреева выделяет следующие типы вариантности:

1. Варианты, связанные с передачей двойного согласного: *бриллиант – бриллиант, миллион – миллион, аллея – аллея, комиссар – комиссар* и др. Данный тип вариантов актуален для переводов на протяжении всего XIX века (подробнее см. [2: 44, 102–104]).

В русской литературе французские двойные согласные, произносимые в языке-источнике как соответствующие единичные звуки, передаются в литературе чаще в фонетическом варианте: *salle [sal] – зала, carrière [kaʁje:r] – карьер, barrière [barje:r] – барьер, vedette [vødet] – ведет, arrière-garde [aʁje:gard] – арьергард, attaque [atak] – атака, couronne [kurɔn] – корона, courrier [kurje] – курьер, toilette [twalet] – туалет, intervalle [êtɛrval] – интервал.*

...*вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу* (Пушкин, Роман в письмах, т. 5, с. 481).

...*курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались* (Пушкин, Станционный смотритель, т. 5, с. 90).

...*есть туалет, прехитрая работа* (Грибоедов, с. 115).

С тех пор дорожки, тротуары, дома и все на новый лад (Грибоедов, с. 105).

Графическая норма французского языка, выражающаяся в удвоении согласной, встречается лишь в редких случаях, причем зачастую большинство – это слова греческого или латинского происхождения, т. н. этерационализмы: *allée [ale] – аллея, passage [pasa:ʒ] – пассаж и million [miljɔ̃] – миллион, épigramme [epigram] – эпиграмма, masse [mas] – масса, somme [sɔm] – сумма.*

...*полетела по длинной каштановой аллее* (Дурова, Записки, с. 1).

...*от души хохотала над некоторыми пассажирами* (Дурова, Год жизни, с. 138).

...*огромная масса тел их превосходила всякое вероятие* (Дурова, Записки, с. 30).

...*некому будет передавать эпиграмм моего сердца* (Пушкин, Роман, с. 477).

2. Варианты, связанные с передачей начального французского звука [e]: *экипаж – экипаж, эмблема – эмблема, эконо – эконо*. Данный тип вариантности полностью исчезает из переводов в течение XIX в., для произведений художественной литературы он совершенно неактуален: начальный французский *e* всегда передается через *э* обратное: *épigramme – эпиграмма, époque – эпоха, épaulette – эпюлет, égoïsme – эгоизм, exemplaire – экземпляр, escadron – эскадрон, équipage – экипаж.*

...*важная эпоха для деревенских жителей* (Пушкин, Выстрел, с. 58).

Какой эшарп cousin мне подарил! (Грибоедов, 130).

Он прислал за вами свой экипаж (Дурова, Записки, с. 77).

3. Варианты, появление которых связано с произносительной нормой французского языка: *мускетер – мушкетер, луддор – люидор – люйдор, буллион – бульон* и т. д.

В литературе рассматриваемого периода данная тенденция сохраняется, по всей видимости, в связи с постоянными живыми языковыми контактами и билингвизмом как самих авторов, так и всего российского дворянского общества. Так, нами были выявлены подобные варианты следующих лексических единиц: *шарф – эшарп, цензура – ценсура, ревматизм – рюматизм, тюник – туника, жокей – жоке, компания – компанья, маскарад – маскерад, сертук – сюртук.*

Какой эшарп cousin мне подарил! (Грибоедов, 130).

...*по праздникам надевал сертук из Жокё не поддерживал, считал он, видно, мух* (Грибоедов, с. 112).

сукна домашней работы (Пушкин, Барышня-крестьянка, с. 98).

– *Что такое шабур?* – *Род тюника.* (Дурова, Серный ключ, с. 156).

Все ревматизм и головные боли (Грибоедов, с. 128).

– *Желал бы с ним убится...* – *Для компаньи?* (Грибоедов, с. 110).

На лбу написано: Театр и Маскерад (Грибоедов, с. 89).

...*ко всему, удостоившемуся ее цензуры* (Дурова, Год жизни, с. 137).

4. Варианты, связанные с аканьем: *карсет – корсет, софа – сафа, фонтан – фантан*. В произведениях художественной литературы обозначенной эпохи данный тип вариантности не зарегистрирован.

Французские слова, включаясь в фонетическую систему русского языка, в большей или меньшей степени адаптируются к ней, и эта адаптация тесно связана с функционированием значений и – в первую очередь с процессом морфологического освоения иноязычной лексики. Более того, очевидно, что процесс фонетической адаптации не есть слепое копирование произносительной нормы либо графического облика прототипа, он имеет жесткие рамки, обусловленные как законами принимающего языка, так и влиянием языка-источника.

Литература

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
2. Габдреева Н. В. Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Галлицизмы

русского языка: происхождение, формирование, развитие. Ижевск, 2001.

3. Пылакина О. А. Слова французского происхождения в памятниках русской письменности (конец XVII – начало XVIII в.) Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

Разграничение типов лексических значений при диахроническом анализе

А. В. Алексеев

Московский городской педагогический университет

alsalva@narod.ru, alsalva@yandex.ru

Семантический синкретизм, лексическая диффузность, символ, лексическое значение, историческая лексикология.

Summary. In Russian lexicology there is the opposition of direct and metaphorical meanings of the word. However, in the framework of historical lexicology this distinction is not sufficient. In some cases in the study of ancient texts (old Russian language) linguists recorded alignment in the text of two or more meanings of the word. This phenomenon is defined as the lexical (semantic) diffuse or semantic syncretism.

Общепризнанным в лексикологии является противопоставление прямых и переносных значений слова. Однако в рамках исторической лексикологии такое разграничение оказывается недостаточным. В ряде случаев при изучении современных художественных произведений и древних памятников письменности языковеды фиксировали в тексте совмещение в тексте двух или нескольких значений слова. Такое явление определяют как лексическую (семантическую) диффузность или семантический синкретизм. Но такая диффузность, которая в современном языке оказывается художественным приемом, средством выразительности (по наблюдениям Д. Н. Шмелева), в древнерусскую эпоху являлась, по нашему мнению, ведущей чертой лексической системы и определялась принципами средневекового мышления. Приведем некоторые примеры лексической диффузности, совмещения значений древнерусских слов: *нужа* означало 'несчастье' и 'горестное чувство', *плачь* – 'горестное чувство' и 'слезы, выражение чувств', *печаль* – 'горестное чувство' и 'беспокойство, забота', *городь* – 'защищенное место' и 'население', *трудь* – 'страдание' и 'спасение души (освобождение от греха)', *градь* – 'крепостные стены' и 'центр власти'. Такие совмещенные значения не фиксируются историческими словарями, в результате чего, на наш взгляд, искаженно представляются, анахронически модернизируются семантические структуры многозначных слов.

Большинство случаев древнерусской лексической диффузности объясняется, на наш взгляд, функционированием лексических символов, проявлением в языке символического мышления. Символ мы рассматриваем как образный знак, то есть такую знаковую структуру, план содержания которой образно мотивирован и распадается на ближайшее и дальнейшее значение, на смысл, непосредственно явленный, и смысл дополнительный, скрытый, неявный. Таким образом, структура символа образуется удвоением бинарной знаковой структуры: первичное означаемое одновременно является означаемым для означаемого второго уровня (дополнительного смысла). Возникает следующая структура: означаемое 1 <=> (означаемое 1 = означаемое 2) <=> означаемое 2. Двойственность символического смысла отмечали многие исследователи символических форм, определяя означаемое 2 как культурно ценное содержание, несказательный смысл, подсознательную информацию и т. п.

Указанную усложненную структуру мы выявляем и в случаях древнерусской лексической диффузности: первое из совмещенных значений является средством выражения для второго. Рыдания, обозначаемые словом *плачь*, оказываются средством выражения эмоционального состояния; страдание, выражаемое словом *трудь*, становится знаком того, что спасается, очищается от греха душа трудника; крепостные стены, обозначенные словами *городь* или *градь*, понимаются как выражение идей власти, подчинения, безопасности. Таким образом, значения диффузного типа могут

быть одновременно названы значениями символическими. Поскольку лексикография обычно пренебрегает подобными значениями, критерии отграничения в контексте значений символических от значений, с одной стороны, прямых, а с другой стороны, переносных – практически не разработаны.

Мы считаем, что разграничение прямых, символических и переносных значений возможно при рассмотрении символического семиозиса слова в конкретном культурном контексте. В частности, у слова *чудо* в древнерусскую эпоху было следующее соотношение значений: *чудо* (1) <=> 'объект удивления' (2) <=> 'проявление сверхъестественных сил' (3). Значение 2 – исторически прямое, обусловленное внутренней формой, оно развилось еще в дописьменный период. Значение 3 может быть названо переносным, оно развилось в результате употребления слова *чудо* как средневекового христианского символа. Именно как отдельные значения, соответствующие самостоятельным понятиям, эти смыслы указываются в словарях современного русского языка. Однако в древнерусскую эпоху такое разграничение чаще всего невозможно, так как в древнерусской культуре чудо – это необычайное, удивительное событие, в котором проявляется воля Господа, то есть удивляющий объект или ситуация, названные *чудом*, обязательно указывают на сверхъестественные силы, действие Бога, проявление Его воли. Символическое значение реализуется в тех случаях, когда такая связь воспринимается как живая, психологическая достоверная, то есть до тех пор, пока диво осознается как действие Бога, а деяние Бога – удивляет. Указанная связь обязательна в религиозных контекстах, а в современной светской культуре древнерусский символ распадается на два автономных понятия, 'нечто сверхъестественное' и 'нечто, удивляющее красотой'.

Не во всех случаях при распаде диффузного символического значения возникли два самостоятельных значения в современном языке. Вторичное значение могло не закрепиться в языке ('горестное чувство' для слова *плачь*), сохранилось на уровне культурной коннотации ('центр власти' для слова *город*). Наиболее сложными, на наш взгляд, являются случаи, когда и прямое, и переносное значения сохранились в современном языке, и при этом удерживается образная мотивированность переносного значения прямым: *город* 'защищенное, населенное место' (1) => 'население' (2). Для разграничения переносного (2) и символического (1 + 2) значений в этом случае требуется дистрибутивный анализ, сравнение сочетаемости слова *город* в различных текстах. Наш анализ примеров из Лаврентьевской летописи, с одной стороны, и произведений А. С. Пушкина, с другой, показал, что в первом случае обнаруживаются примеры диффузности, совмещения указаний на крепость и население, а во втором случае значения населенного пункта и населения разграничиваются.

О согласовании причастия с собирательным существительным в составе оборота «дательный самостоятельный» (на материале Жития Феодосия Печерского)

Д. А. Анисимова

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова

anisimowa.darya2012@yandex.ru

Оборот «дательный самостоятельный», собирательное имя существительное, причастие, согласование.

Summary. In the course of the Old Russian language evolution there occurred a number of changes in subject-predicate agreement. The report presents an observation of participle agreement with collective noun in “dative absolute” archaic phrase in the record of the Old Russian written language (Life of Feodosy Pechersky, XI–XII century).

Оборот «дательный самостоятельный» (далее ДС) представляет собой не зависящее от остальных членов предложения сочетание имени существительного (местоимения) в Д. пад. и согласованного с ним причастия. Большинство историков языка возводят славянский ДС к греческому «родительному самостоятельному» (латинскому «творительному самостоятельному»), перенесенному в славянские тексты вследствие подражания оригиналу при переводе греческих церковных книг. (Существуют и иные точки зрения на происхождение славянского ДС – см.: [2], [5: 334], [1: 488] и др.). Отсутствие конструкций с ДС в текстах восточнославянской деловой письменности служит основанием для утверждения об абсолютной принадлежности данной синтаксической черты к сфере книжного употребления. Исследователи едины во мнении о том, что ДС является «специфическим и книжным оборотом» [8: 254], элементом, противопоставленным живому языку.

Житие Феодосия Печерского [Житие преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерского, по сп.: ГИМ, Синодальное собрание, 1063/4 (Успенский сборник) л. 26а–67в. // Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971] – оригинальный памятник древнерусской агиографии, созданный в конце XI – начале XII в. иноком Киево-Печерского монастыря Нестором.

Житие Феодосия Печерского создано в переломный момент развития структуры древнерусского языка. Язык памятника отразил особенности перестройки графико-орфографической, фонетической, лексической, словообразовательной и грамматической систем, процесс отмирания архаичных и формирования новых элементов.

На синтаксическом уровне изменения происходили, в частности, в области согласования сказуемого с подлежащим, выраженным собирательным именем существительным.

Представляется интересным рассмотрение особенностей согласования причастия с собирательным именем существительным в составе архаичного и книжного оборота «дательный самостоятельный».

В Житии Феодосия Печерского имена существительные организуют ДС 20 раз. Подавляющее большинство употребленных в ДС имен существительных относится к лексико-грамматическому разряду конкретных, однако дважды в составе ДС обнаруживается существительное **братниа**, имеющее собирательное значение.

Как известно, в древнерусском языке, уже имеющем соответствующую современной категории числа, с подлежащим, выраженным собирательным существительным, опре-

деления и именные сказуемые употреблялись в форме ед. ч. (Если речь не шла об активной деятельности субъекта и не было необходимости подчеркнуть значимость каждого лица, входящего в единство, отдельно.) Однако более древней формой глагольного сказуемого, при подлежащем, которое выражено лично-собирательным существительным, является форма мн. ч. [8: 86]. «Снижение роли смысловой стороны, непосредственно отражающей связь с конкретной деятельностью, и усиление грамматических факторов как более абстрактных» [3: 48] постепенно привело к вытеснению множественных форм сказуемого сингулярными.

При согласовании причастия с собирательным существительным в Житии Феодосия Печерского в форме ед. ч. представлено одиночное причастие, имеющее явное атрибутивное значение, употребленное, к тому же, наряду с еще одним согласованным с существительным определением: **и братни же всен събравъши са • гла имъ** (128).

Форма мн. ч. причастия появляется в ДС, начинающемся с союза **егда**, что сближает ДС с придаточным предложением времени, кроме того, причастие имеет здесь зависимые слова (три однородные дополнения, выраженные инфинитивом), что делает его похожим на составное глагольное сказуемое: **егда бо братни монастыря сего • хоташемъ варити или хъбы печи • или кою инъ слоужьбоу творити • тьгда же първоок шьдъ единъ ѿт нихъ • възьметь бгословление • отъ игумена** (106). В целом данная конструкция акцентирует внимание на действиях, совершаемых братией, конкретизирует их, в результате чего употребление причастия в форме множественного числа становится логичным и оправданным.

Литература

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2010.
2. Будде Е. Ф. Основы синтаксиса русского языка // Русский филологический вестник. 1913. № 4.
3. Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968.
4. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
6. Ремнёва М. Л. История русского литературного языка. М., 1995.
7. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1977.
8. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.

Посольский приказ как основа делопроизводства Руси

А. И. Ахметжанова

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Ahmetzhanova.aynash@mail.ru

Посольский приказ, делопроизводства, документация, объем информации, дипломатическая миссия.

Summary. This paper examines the documentation embassy of the order. Materials proceedings that were an integral part of the diverse documentation.

Во второй половине XVII века формуляр посольских книг окончательно сформировался, и к последней четверти века некоторые составные части (наказы, статейные списки, выписки, росписи) представляли собой уже отдельные книги. В целом книги составлялись по завершении посольства в период от одного до 30 лет, что зависело от дипломатической надобности. К середине XVI века существовали официальные печатные книги с объяснением причин Смуты для распространения за рубежом. В указанный период довольно

часто составлялись выписки из посольских книг за определенный хронологический период: о дипломатических отношениях.

Состав документации Посольского приказа в XVII веке оставался прежним. Как и в XVI веке, материалы делопроизводства этого ведомства делились в целом на две группы: «приезды» и «отпуски», существовавшие в двух основных формах – в столбцах и книгах. В столбцы помещались документы, касавшиеся той или иной дипломатической мис-

сии (грамоты, отписки, переводы, памяти, наказы, статейные списки и др.) Отдельные документы, составляемые или получаемые в Посольском приказе, писались по четко установленному формуляру, отклонения от которого встречаются довольно редко. Составление столбцов подразумевало отбор и отсеивание определенного объема документации (прежде всего, дублирующих друг друга документов). На базе столбцов позднее составлялись книги, содержавшие более ограниченный и систематизированный объем информации.

Служащие Посольского приказа работали весьма оперативно, опираясь на принцип прецедента, предусматривающий постоянное обращение к прежнему делопроизводству. Делавшиеся в этих случаях выписки из документации прошлых лет включались в новые столбцы, что является в настоящее время особенно ценным ввиду утраты многих материалов Посольского приказа с конца XVI до середины XVII века.

Первым уровнем обобщения и отбора материалов, связанных с той или иной дипломатической миссией, являлись столбцы, составившиеся из разнородной документации. Анализ столбцов Посольского приказа XVII века позволяет сделать вывод о том, что в них включались далеко не все поступающие или исходившие из этого ведомства документы; не случайным был и порядок последовательности материалов, подклеивавшихся в столбцы.

Особое внимание уделялось составлению грамот, отправляемых за границу. Для написания грамоты использовали тексты грамот прошлых лет, учитывали современные отношения с государем, к которому отправляли послание; черновой вариант тщательно сверялся с чистовым, после чего черновик вносился в столбец. Помещались в столбцы и переводы иностранных грамот.

Исходящие документы (грамоты, памяти, наказы) в обязательном порядке копировались в Посольском приказе. При этом черновик клеивался в столбец; в большинстве случаев в конце документа помещалась помета, сообщавшая о том, с кем и когда подлинный документ был отправлен из приказа. Иногда делались более подробные пометы: «Такова ж память послана в Володимирскую четвь, чтоб

послала грамоты, потому что Данков и Переславль Рязанской ведают в Володимирской чети, а в Розряд такова ж послана об одной воронежской грамоте с толмачом з Булгаком». Составленный первоначальный черновой вариант исходящего из приказа документа подвергался правке. Фрагменты текста, подлежащие удалению, вычеркивались: при этом небольшие участки текста (от слова до нескольких строк) перечеркивались одной горизонтальной чертой; если же удалению подлежал большой фрагмент текста, то первая и последняя строка фрагмента перечеркивались горизонтальными линиями, которые соединялись вертикальной чертой, перечеркивающей остальные строки. Исправления текста производились путем написания правильного варианта поверх ошибочного (если исправлялась одна или несколько букв). Если объем исправлений был больше (одно или несколько слов, иногда – несколько строк), то новый вариант писался над строкой над зачеркнутыми словами. Если в текст документа следовало сделать обширную вставку, то на лицевой стороне документа вместо начала вставки вырисовывался соответствующий знак – крест, вписанный в круг, а на обороте соответствующего листа ставился тот же символ, после чего следовал текст вставки.

В процессе подготовки дипломатической миссии составлялся не один черновик наказа.

Таким образом, на основании анализа текстов столбцов можно сделать вывод о том, что при подготовке дипломатической документации в Посольском приказе довольно широко использовали материалы прежних лет. Данный факт не означает того, что в российском дипломатическом ведомстве не учитывали изменений, происходивших на международной и внутривосточной арене. При составлении новых наказов копировались лишь основные, шаблонные моменты, не подвергавшиеся серьезным изменениям с течением времени. Основная же часть наказа учитывала изменившиеся реалии. Заново составлялись речь, которую должны были произнести при заграничном дворе русские дипломаты. В составлявшемся по прежнему шаблону наказе было оставлено место для посольских речей, выписанных позже, о чем свидетельствует помета на полях.

Языковые особенности древнерусских поучений дидактического характера, обращенных к мирянам и иереям

Г. С. Баранкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

barankova@inbox.ru

Почтение, сборники, текстология, язык, русизмы.

Summary. The language of sermons written for a clergy and laymen is analyzed in a lecture. Their Old Russian origin is ascertained. The simplicity of statement and the availability of numerous Russisms are marked.

Сборники дидактического характера, содержащие сочинения, обращенные к мирянам и иереям, широко распространены в древнерусской книжности. В них предписываются правила, которые должны соблюдать в быту миряне, и определяются пастырские обязанности священнослужителей. Предметом рассмотрения в докладе являются сборники XIV-XVI вв.: РНБ, собр. Софийское № 1262, кон. XIV – нач. XV в. (Соф-1262); Софийское собр. № 1285, перв. тр. XV в. (Соф-1285); собр. Соловецкое № 858/968, 1493 г. (Сол-858); собр. СПбДА, № 129, XVI в. (СПБДА-129); ГИМ, собр. Уварова, № 589, XIV в. (Ув-589); РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 11 кон. XIV – нач. XV в. (Тр-11); собр. Юдина № 1, XV в. (Юд-1); собр. Троице-Сергиевой лавры № 192, XVI в. (Тр-192) и др. Как показывает лингвистический анализ, представленные в них тексты являются по своему происхождению значительно более древними и относятся к домонгольскому периоду. Текстологическое исследование сборников привело к выделению в их составе устойчивого блока текстов, обращенных к священнослужителям.

Важнейшим среди поучений является «Предсловие покаянию», включаемое во многие сборники церковно-канонического характера (иногда сборники открываются этим сочинением), а также входящее в Зонар и некоторые редакции Кормчих. Старшими списками памятника являются Соф-1262, Соф-1285. Лингвистический анализ показывает, что текст Предсловия является весьма древним и содержит

большое число русизмов. Особенно отличается по числу русизмов Соф-1285, сохранивший многочисленные архаические черты в правописании. Это наличие полногласий, древнерусских причастных форм, окончания **-ѣ** у сущ. с основой на **-а** в род. ед. и вин. мн., а также многочисленных лексических русизмов. Ряд русизмов связан с реалиями древнерусского общества, находящегося на ранней стадии развития и относится к словам **изгонство**, **күны**, **накладъ**, **рѣзоньство**, **челадинъ**, **кърчьма**, **прасолити**. Среди этих слов особо следует выделить лексему **изгонство** («сумма, которая вносится при выходе на свободу»), образованная от существительного **изгон** («человек, выбывший по тем или иным причинам из своей социальной среды»), которое квалифицируется М. Фасмером как древнерусское слово (о значении и происхождении этого слова см. также [6: 121–122]; [5: 48–57]). Многочисленные лексические совпадения Предсловия и Русской Правды, что также свидетельствует в пользу раннего происхождения этого произведения. В числе общей для двух памятников лексики следует назвать слова **рѣзоньство**, **лихъва**, **накладъ**, **изгонство**, **күны**, **разбон**, **рота**, **запренье**, **погыноути**, **послоухъ**, **сирота**, **челадинъ** и др.

Оте одним ранним древнерусским сочинением на тему христианской морали является «Почтение ко всем крестьяном», состоящее из главок-Слов (Слово о посте, Слово о суседе, Слово о монастырехъ, Слово о епископе, Слово о попехъ, Слово о князехъ, Слово о друзехъ, Слово о молитве

и ряда др.) посвященных разным сторонам жизни древнерусского общества, в котором даются многочисленные житейские советы, как вести себя христианину в церкви и в миру. Ранними списками этого произведения являются Тр-11 и Юд-1. Поучение следует признать древнерусским сочинением, так как за исключением последнего Слова о молитве (под заглавием «О хананыни») та же статья находится в Изборнике Святослава 1073 года и в Изборнике 1076 года, где приписывается Иоанну Златоусту) соответствий другим его главам в сборниках не обнаружено. Не исключено, что Поучение составлялось из разных статей, о чем может свидетельствовать их стилистическая и языковая неоднородность, в ряде Слов просматриваются фольклорные мотивы (например, в Слове о храбрости, Слове о таине), в их языке отмечается большое число русизмов. Другие же Слова изобилуют ветхозаветными и новозаветными цитатами, в них представлены в пересказе библейские сюжеты, их язык ближе к стандартному церковнославянскому русскому изводу. Фольклорный мотив прослеживается в назидании ратнику, отправляющемуся на войну с князем: **да и роду своему чти добу́деш и собѣ добро имѧ** (направляется известная переключка со Словом о полку Игореве: «Ища себе чести а князю славы»). В отдельных местах наблюдается ритмическая организация прозы: **правым же помагантѣ... вдовиць призирантѣ, в вѣдахъ сущаа извавлантѣ; гнѣва вѣна к напастн мѣтвѣми своими ѿтводити... и к тѣмъ стѣмъ мѣстомъ приходите и ѿ тѣхъ вѣгловенна просите и тѣхъ в дома своѧ вводите**.

В тексте памятника представлены многочисленные полногласия, древнерусские причастные формы, часто употребляются местоименные формы **товѣ, совѣ**. На древность текста указывает наличие супина: **послалъ въпрашатъ**. Из характерных древнерусских лексем памятника следует отметить **до сыгн, ладно, ласка, лепле, ратъ, ратънын, храборство, пѣтънын, холопъ**.

Еще один цикл ранних поучений, представляющий, как это следует из их самозаглавий, подборку из Слов отцов церкви (Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Василия Великого), обращенных к духовенству, включался в сборники церковно-канонического характера и составлял их своеобразное ядро, к которым присоединялись другие дидактические статьи. Среди перечисленных выше списков это Ув-589, Соф-1262, Тр-192, Сол-858, СПбДА-129. Греческий оригинал этой подборки обнаружить не удалось, как и принадлежность их этим авторам. Лингвистический анализ этих произведений показал, что некоторые из них имеют явное древнерусское происхождение, а два – определенное

лексическое сходство с группой древнерусских толковых переводов XII в., на что указывает введение библейских цитат глаголом **вѣща** (см. [1: 178–179], [2: 48], [4: 70]), наличие лексем **ремество, сирота, нелепын** и др.).

Одна из статей этого блока «Слово св. Иоанна Златоустаго «Паки же ты, о прозвитере»...» соответствует статье Изборника 1076 года (лл. 252об.–257) и определена Е. Э. Гранстром как сочинение под заглавием «Слово [Иоанна Златоуста] наказание попом» (предположительно русское). Исследовательница указывает, что в сборниках оно передается с некоторыми лексическими различиями по сравнению с Изборником 1076 года (см. [3: 98 (№ 283)]). Сопоставление рассматриваемого Слова с содержащимся в Изборнике 1076 года показывает, что расхождения между этими двумя текстами настолько значительны, что речь идет или о другом переводе (если обнаружится соответствующий греческий текст) или о существенной переработке, исходного текста, ср.: **прозвѣтере хѣвъ И-76 – прозвѣтер хѣва стада пастѣше Тр-192; и за всѧ соущаа въ домоу и въ градѣ семь и съвѣкоупленн любѣвнѣ възноса мѣтвы къ гоу И-76 – возноса мѣтвы вѣгоу в всѣмъ мирѣ Тр-192; тако ходатан кси боу и братни твоки И-73 – тако къ гоу ходатан еси в людохъ Тр-192 и т. п.**

Все рассматриваемые произведения, обращенные к иереям и мирянам, объединяет доходчивая образная форма, простота и безыскусность изложения, частые обращения, наличие многочисленных русизмов. Синтаксические конструкции также просты. Языковые особенности этих произведений свидетельствуют о том, что их создатели ориентировались на образцы, ближе стоящие к народному творчеству, чем к византийским образцам. Они широко включали в свои произведения восточнославянскую лексику, в том числе бытовую и разговорную.

Литература

1. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. Алексеев А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.
3. Гранстром Е. Э., Творогов О. В., Валевичус А. (сост.). Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVII вв. СПб., 1998.
4. Пичадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. М., 2011.
5. Правда Русская / Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л, 1947.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1985.

О версификационном отборе *torot-* и *trat-*лексем в русских былинах

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

bekasova@mail.ru

Былинный стих, полногласная и неполногласная лексика.

Summary. In the report is proved character of a ratio of pleophonic and not pleophonic lexicon in language of the Russian bylinas is considered and possibility of realization a nepolnoglasiya in opposition a city/hail for the versifikatsionny reasons connected with need of preservation of quantity of syllables and a disyllabic clause in an epic verse that allows to diversify an arsenal of poetic means.

В последнее время изучение фольклора приобретает особую актуальность в связи с построением общей типологии языковых ситуаций. Считается, что в фольклор, как и в другие наддиалектные формы существования языка, кроме литературной, не проникали старославянские по происхождению элементы. Однако уже с момента первых записей былинного эпоса стало очевидно наличие в текстах неполногласных лексем, которые нельзя объяснить ни ошибками тех, кто записывал, ни оговорками сказителей.

Как показывают исследование соотношения лексем с генетически соотносительными рефлексами праславянских сочетаний, наибольшей вариативностью обладают изолированные полногласные / неполногласные корнесловы, функционирующие в фольклорных текстах в качестве абсолютно тождественных и свободных морфонологических дублетов [1], что в сочетании с высоким уровнем их варьированности как в творчестве одного и того же сказителя, так и в пределах тесно связанного контекста опровергают утверждение З. Штибера о том, что неполногласные слова в севернорусские диа-

лекты и фольклор проникли из книжного языка и сохраняют особую стилистическую функцию – являются носителями отвлеченных значений или служат для обозначения реалий и представлений, заимствованных из другой социальной среды [3].

Однако среди дублетов типа *молод / млад, ворон / вран, голов / глав, золото / злато*, реализующих свою гетерогенность во всех исследованных фольклорных записях, по широкой представленности и практической равноправности особо выделяется соотносительная пара *город / град*.

Выявленные наиболее стандартизованные случаи распределения гетерогенных дублетов (*город + топоним / топоним + град*, сочетания с определенными предлогами) полностью не объясняют эффект генетического разнообразия. В частности, в тексте былины «Илья Муромец и Калин царь», исполненной Т. Г. Рябининым, неполногласная огласовка *град* встречается в три раза чаще, чем соответствующий полногласный вариант. Такое преобладание *trat-*лексем, в целом не свойственное былинам, наблюдается на

фоне и количественного и качественного предпочтения *totot*-лексем. Рассмотрение всех возможных критериев отбора *totot*- и *trat*-лексем указывает на версификационный критерий, работающий в том числе и в указанных формулах с топонимом. В частности, для данной былины, несмотря на разброс в количестве слогов – от 9 до 16, типичным является русский силлабический 13-сложник с двумя конечными безударными слогами, который достаточно редко разрывается 11-сложником (около 15%) с двумя конечными безударными слогами или редким для былин конечным ударным слогом. Как убедительно показал Н. С. Трубецкой, после перестройки слогов в результате падения редуцированных появилась настоятельная необходимость сохранения музыкальной фразы за счет осложнения «совершенно ненужными частицами и словечками» [2: 356]. Видимо, тогда особо востребованными стали корнесловы типа *город / град*, *молод / млад*, являющиеся полными дублетами, но различающиеся только гласным, что в версификации еще со времен Аристотеля было особо значимым.

Разница в 1 слог сочетаний *Киев град* и *город Киев* была важна не только для четкого соблюдения 13 или – реже – 11 строк, но и обеспечивала соблюдение минимальных или максимальных рамок строки, например: «И воспылал-то тут собака Калин царь на Киев град» (16 слогов), «И хотит ён розорить да стольный Киев град» (13 слогов); «По всему-то городу по Киеву» (11 слогов). Однако чаще всего ударный неполногласный корнеслов (ударение рассматривается как второстепенное) заканчивает 11-сложник, при этом среди достаточно ограниченного числа слов, имеющих конечный ударный слог (*копя, слова, себя, царь, мог* и др.) в 29% всех случаев встречается *град*. Его замена на полногласный эквивалент привели бы к 12-сложной строке и хорейской клаузуле, что ни разу не встретилось в тексте былины. С другой стороны, маркированный на фоне более длинных 13-сложных строк 11-сложник с мужской рифмой, действительно, как считал М. В. Ломоносов, обладает «бодростью и силой».

По мнению Н. С. Трубецкого, прошедшая после падения редуцированных реформа версификации выразилась в том, что на смену неизменности безударных слогов в строке пришел «новый метр с постоянным числом ударений и переменным числом слогов» [2: 356], когда «собственно былинный стих» начинался с двусложной анакрузой и заканчивался двусложной клаузулой, строка содержала 3 главных ударения, ритм и рифма нередко задавались равным количеством слогов между ударными слогами, повтором слогов,

слов или словосочетаний. Запись А. Ф. Гильфердинга былины «Илья Муромец и Калин царь» в исполнении Т. Г. Рябины наглядно показывает избегание ударения на предпоследнем слоге за счет его искусственного переноса, например: «В том белом шатри двенадцать-то богатырей» (с. 29); «И он попал в подкопы-ты во другии» (с. 33) и др. Версификационные причины отбора определенного коррелята *город / град* также подтверждаются единственным случаем совмещения морфонологических дублетов в контактирующих фразах (с. 29): «А и под тот под славный стольный Киев град» (11 строк) «Как под нашим-то под городом под Киевом» (13 строк). В этом случае наблюдаются четкие предпочтения в построении «некоей музыкальной схемы» «собственно былинного стиха (то есть трехударного стиха, не допускающего хорейских клаузул)» [2: 353].

Следует подчеркнуть, что наше предположение также подтверждается использованием формы *град* в конце строки исключительно в именительном или винительном падежах, имеющих нулевое окончание (ранее – *ъ*), а следовательно не допускающих хорейской клаузулы. Именно поэтому с лексемой *град* используются лишь предлоги *во, через*, например: *И уж едет через город через Черниговской* (с. 10), при этом типично построение типа предлог *во* + топоним + *град*, например: *Приехал он во Киев град* (с. 82). Соответственно полногласные варианты используются в косвенных падежах (кроме винительного) с многочисленными, часто повторяющимися предлогами типа *ко, во, по, от*, что позволяет увеличить количество слогов в строке от одного до трех: *По всему-то городу по Киеву* (с. 25); *Во твоём во городе во Киеву* (с. 25) и под.

Таким образом, отмеченная в научных исследованиях закономерность есть следствие версификационной обусловленности, а выбор полногласных и неполногласных лексем от места в сочетании с топонимом суть явления вторичные. Однако в любом случае есть веские основания утверждать, что неполногласие пополнило арсенал поэтических средств и стало использоваться как версификационное средство там, где язык был готов жертвовать гласным для сохранения особенностей былинного стиха.

Литература

1. Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста. Оренбург, 2010.
2. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
3. Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 1969.

Древнерусская энклиза как отражение типологических черт индоевропейского синтаксиса

А. М. Белов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
indogermanica@yandex.ru

Энклиза, индоевропеистика, закон Ваккернагеля, порядок слов, аналитические образования, фразовая акцентуация, просодика

Summary. The paper deals with the Old Russian enclitics ranking, compared with that of some other IE languages. It is shown that the disposition of enclitics in Wackernagel's groups models the order of PIE orthotonic words in a sentence, showing PIE as a *SOV*-language and giving evidences for some of its accentual features as well as arguments for existence of PIE analytic forms.

Работа посвящена сравнению рангов древнерусских энклитиков с данными других индоевропейских языков, в том числе и древнегреческого; утверждается, что размещение энклитических членов предложения в ваккернагелевской группе моделирует размещение ортотонических слов в индоевропейском предложении, доказывая его тип как *SOV* и свидетельствуя о ряде его акцентуационных характеристик.

Этот факт может быть в определенной степени прослежен благодаря открытому Я. Ваккернагелем (в основном на ведийском и греческом материале) закону (ЗВ), согласно которому целый ряд служебных слов (особенно частиц и местоименных форм) стремится занимать в индоевропейских языках вторую (безударную) позицию во фразе вслед за ударным первым словом [10]; одновременно с этим Ваккернагелем было установлено и то, что личный глагол в ведийском и других древних индоевропейских языках оказывался

«слабоударным» (т. е. фактически безударным) в главном предложении и «сильноударным» в придаточном [10: 425–426]. Чуть позже эта мысль об ударных и безударных позициях начала и конца фразы была развита и Ж. Вандриесом, в работе касающейся проблемы различия греческих союзов η и η' [9].

Дальнейшие исследования показали, что в самых разных индоевропейских языках ваккернагелевские энклитики не просто занимают безударную позицию, но подчиняются исключительно строгому принципу иерархии рангов. Новейшая работа акад. А. А. Зализняка, рассматривающая этот вопрос на древнерусском материале, дает нам такую последовательность рангов [6: 28]: 1) *же*, 2) *ли*, 3) *бо*, 4) *ти*, 5) *бы*, 6) формы местоимений в дат. пад. (*ми, ти, си, ны, вы, на, ва*), 7) формы местоимений в вин. пад. (*мя, тя, ся, ны, вы, на, ва, и, ю, е*); 8) формы глагола «быть» в значении связки.

* Исследование проведено при содействии фонда Президента РФ для государственной поддержки молодых ученых, Грант № МК-7004.2012.6.

Его же исследование действия ЗВ в сербском ([6: 38]) дает несколько иную картину: 1) *ли*; 2) связки, кроме *je* и др. вспомогательные глаголы (*бих, би* и др.); 3) местоимения в род. пад. (*ме, те, нас, вас, га, је, их*); 4) местоимения в дат. пад. (*ми, ти, нам, вам, му, јој, им*); 5) местоимения в винительном падеже *ме, те, нас, вас, га, је (ју), их*); 6) возвратное *се*; 7) связка *је* (которая при наличии возвратного *се* как правило опускается).

Несмотря на отмеченные акад. Зализняком принципиальные различия этих рядов, указывающие на то, что «система рангов складывалась в каждом из этих языков по крайней мере в части своих элементов самостоятельно» [6] (особенно в том, что касается места связок, отличных от *је*), нельзя не признать два фундаментальных момента, указывающих на глубинное сходство этих рядов (в работе [7] показана большая близость среднесербской системы к древнерусской):

- (1) глагол-связка ‘быть’ (рус. *есть*, серб. *је*) имеет наинизший ранг;
- (2) косвенные дополнения имеют более высокий ранг, нежели прямые.

Эти данные хорошо сопоставляются с поведением энклитиков в древнегреческом языке, обнаруживающих ту закономерность, что аналогичные формы глагола ‘быть’ также тяготеют к самой крайней правой позиции; им предшествуют местоименные формы, перед которыми следуют частицы и близкие к ним образования (ср. *ἀρχαλέον δε μοί ἐστι* II. 20, 356 etc.; много других примеров можно найти и в тексте первоисточника – см. [10]). При этом в работах [3], [4: 310–320] показано, что правила расстановки (фразового) ударения в энклитических группах древнегреческого языка принципиально неотличны от таковых для баритонезы ортотонического слова, однозначно указывая на баритонезу как акцентуацию по умолчанию (в греческом) и на ее исконно фразовую природу. Это вполне ясно указывает и на то, что греческий глагол выступающий, по преимуществу в виде системы баритонированных словоформ, в раннегреческом вел себя как энклиномен.

В связи с этим необходимо отметить и третью особенность:

- (3) чем выше ранг энклитика, тем выше его служебная функция (и соответственно ниже собственное значение).

Так, если «значением» древнегреческого энклитика *δέ* является, собственно говоря, только функция противопоставления (с вытекающими отсюда функциями перечисления, парного маркирования и т. п.), если для др.-рус. или серб. *ли* актуальна лишь функция вопроса, – т. е. они все ведут себя подобно математическим операторам, вроде (+) или (–), – то падежи местоимений уже имеют явную референцию, а наиболее полное значение проявляет энклитическая связка.

Объяснение тому факту, почему энклитики высоких рангов имеют самое абстрактное значение, лежит на поверхности и самым прямым образом связано с просодикой. Очевидно, что энклитик наивысшего ранга в группе непосредственно примыкает к слову, имеющему фразовое ударение, и потому оказывается как бы в «самом безударном положении» из возможных; относительная ударность элементов в центре последовательности отличается гораздо большей неоднозначностью (см. [8: 292] о различиях в передаче ударений длинных энклитических последовательностей). При этом индоевропейский материал в изобилии дает нам наглядные примеры того, как наличие / отсутствие ударения (т. е. ортотоничность / энклитичность) способно полностью менять семантическую роль слова. Общеизвестны такие случаи, как различие по этому критерию форм вопросительных и неопределенных местоимений *τις* ‘кто?’ и *τις* ‘кто-то’, аналогично *quis*: *Quis est?* и *quis*: *Si quis*, рус. *Кто это?* и *Если кто (ко мне придет)*. (См. также [2], где сделана попытка построить интегральную систему латинских противительных средств, учитывающую их акцентуационные закономерности.)

Однако не менее значимо для нас и вполне очевидно то, что ваккернагельская последовательность, первая (фразово-ударная) позиция которой ожидаемо заполняется подде-

жащим, превращается в своего рода рамочную конструкцию, чрезвычайно сильно напоминающую известные рамочные конструкции германских или латинского языка ([1]); открывающие и закрывающие рамку элементы в таких конструкциях ведут себя подобно математическим скобкам – при этом в германских языках, как и в ведийском (исконно ударная) позиция конечной «скобки» в придаточном тесно связана с проблемой отделимости глагольного префикса [4: 336–351].

Помимо этого латинский синтаксис дает нам еще одну важную зацепку: нейтральный порядок слов в повествовательном предложении латинского языка (весьма консервативного в типе *SOV*) практически точно соответствует выявленным законам размещения энклитиков за одним важным расхождением: в латинском прямое дополнение чаще предшествует косвенному, что, впрочем, можно считать уже позднейшей инновацией.

Все эти обстоятельства совершенно недвусмысленно дают понять, насколько данные энклизы, в особенности древнерусской и – шире – славянской, указывающие на сходные принципы построения фонетического слова, такта и фразы, оказываются ценными для историко-типологической реконструкции индоевропейского синтаксиса. Так, например, представление о простом индоевропейском предложении типа *SOV* с конечным безударным глаголом, хорошо объясняет как позднейший переход к *SVO* в очень многих и.-е. языках (перемещение глаголов по ЗВ), так и косвенным образом предсказывает существование в праязыке *аналитических форм*. (Это получается из такого построения.

1. Переход по ЗВ с последней позиции на вторую не мог быть одновременен для всех и.-е. глаголов (иначе они везде, а не только в греч. демонстрировали бы повальную баритонезу или безударность).
2. Значит, прочие глаголы становились энклиноменами по образцу тех, которые стали служебными (и фонологически безударными) ранее других.
3. Естественно думать, чтобы первым таким глаголом был глагол ‘быть’, акцентно различающий экзистенциальное и связочное значение и в засвидетельствованных языках.
4. При этом он тем легче спровоцирует переход других глаголов в безударное положение, чем более он будет встречаться не столько в общем числе случаев (выступая лексическим аналогом), сколько в составе *других* глагольных форм (т. е. провоцируя аналогию грамматическую). Эти формы, **следовательно**, и окажутся искомыми *аналитическими образованиями*.) С другой стороны, обнаруженные факты энклизы существенно уточняют наши представления о языках типа древнегреческого, указывая на фундаментальное различие между исконно фразовым ударением баритонезы – аналогичного «автоматическому» ударению акад. Зализняка в группах типа *á не на голову* (ср. [5: 120]) – и морфологически обусловленным ударением окситонезы, одновременно вскрывая тем самым важную *роль фразового ударения в консолидации и.-е. слова* [4, Гл. 4–6].

Литература

1. Белов А. М. К вопросу о связи латинского порядка слов и фразовой интонации // Лингвистические компаративистика в культурном и историческом аспектах. М., 2007. С. 45–60.
2. Белов А. М. Древнегреческие энклитики и их значение для праязыковой акцентной реконструкции // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 7.
3. Белов А. М. Противительные средства латинского языка как предмет классификации // Языковые контакты в аспекте истории. М., 2010.
4. Белов А. М. Древнегреческая и латинская просодика (мора, ударение, ритмика). Дисс. ... доктора филологических наук. М., 2011.
5. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
6. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
7. Толстая М. Н. Система энклитик в сербских грамотах XIV – начала XV в. // Конференция «Славистика, индоевропеистика, ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо». Тезисы докладов. М., 1991. С. 201–205.
8. Steriade D. Greek accent: a case for preserving structure // Linguistic Inquiry. 1988. 19. No. 2. P. 271–314.
9. Vendryes J. Notes grecques. I. Sur une phrase d'Apollonius Dyscole // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1903. 13. Fasc. 1.
10. Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. 1. 333–436.

Оптимизация сочетаний «шумный + сонант» в праславянском языке

Д. Д. Беляев

Тулская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции РФ

beltula@tula.net

Праславянский язык, консонантные сочетания, оптимизация, механизм, системные факторы.

Summary. The author analyses the mechanism of optimization of the clusters «noisy consonant + sonant» in Common Slavic and its reflection in the Slavic languages. The mutual influence of the phonological, morphological, lexical and derivational systems is at center of attention.

1. Праславянский **слоговой сингармонизм** – трансфонологизация вокалических ДП (кроме ширины раствора) в просодемы, интегрирующие слог, – вступал в противоречие со свободой сочетаемости сегментов. Разрешение противоречия начиналось с оптимизации финали (устранения закрытых слогов) – сначала в ауслауте, затем в середине слова, где устанавливался слогораздел: {-V}{CSV}, {-V}{CCV} (отталкивание шумных от гласных); {-VS}{CV} (отталкивание шумных от сонантов); {-VS}{SV} (взаимное отталкивание сонантов). Финальные сонанты входили в состав ядра, образуя дифтонги V_1, V_2 ; назализованные гласные V^N ; плавные слоговые сонанты L .

2. По мере стабилизации слогораздела обострялось противоречие в инициали. Судьба консонантных сочетаний за-

висела от критериев оптимальности по 3 признакам: 1) **способ образования** (совместимость артикуляций); 2) **место образования** (достаточный контраст); 3) **звучность** (восходящий контраст «шумный + сонант»). Сочетания последнего типа ранжировались следующим образом (+ полная оптимальность, – полная неоптимальность, (+) неполная оптимальность; прописные символы обозначают пары глухих / звонких фонем).

Степень оптимальности трехчленных цепочек определялась сложением пар: + **STr** (ST + Tr), – **STm** (ST + Tm) и т. д. Но в (+) **SKn** (SK + Kn) количество перешло в качество, и судьба сочетания зависела от силы морфемной границы: ср. *orz-gniti – *jasnъ (← *ěsk-нъ).

C_1	C_2	Вибрант	Щелевой	Носовой
Щелевой		гетероганные + xr гоморганные – Sr	Sl S _u xl x _u	+ Sn Sm xp xm
Взрывной		+ Kr Tr Pr	гетероганные + Kl K _u T _u Pl гоморганные – Tl	гетероганные + Kn Km (+) Tm Pn гоморганные – Tn bm

3. В ходе оптимизации конкурировали альтернативные пути: **конвергентный** – **ассимиляция** (снятие контраста по способу образования) или **диэреза** (уменьшение числа контрастов); **дивергентный** – **диссимиляция** (усиление кон-

траста по месту образования) или **эпентеза** (увеличение числа контрастов). Исход конкуренции зависел: 1) от состава сочетаний; 2) от морфемных и лексических факторов. Возможен и случайный выбор.

Sr	Tl	Tn, bm	Tm, Pn
эпентеза → Str	ассимиляция → T ^l (латеральная аффриката) / диссимиляция → Kl	ассимиляция → T ⁿ , b ^m ? (фаукальные смычные) / диссимиляция → Kn, gm?	диэреза → m, n / стабилизация

Кроме того, глухие согласные получали интегрирующий импульс к **озвончению**, проявляющийся **активно** (обычно при участии экстрафонологических факторов) и **пассивно** (в случае диэрезы звонкие согласные сохранялись лучше, чем глухие).

4. **Sr** → **STr**: *mēmsrā → {mē^N} {st / drā} → *mēzdra – озвончение в ходе эпентезы (плюс притяжение к *d^ratī?).

5. **Tl** → T^l / Kl. См. др.-новг. **подъвеган, чькли**, рус. диал. *ѣгла, жагло, прочли*; блр. диал. *крыглы*; сев.-пол. *jęgła, mygło, żagło*; ст.-рус. *мглити*, пол. диал. *mgleć*, слвц. диал. *mgľic* (← *m^ldliti «ослаблять»). В эпоху кризиса сингармонизма T^l → l / Tl, в последнем случае чаще звонкость. Так возник именной суффикс **-dl-**: *g^rdlo, *vidla (ср. сохранение глухости в диссимилированных пол. *wikłać* «путать», рус. диал. *виклина* «ботва»); префикс **od-** на большей части Славии (плюс аналогия с **pod-, nad-**).

Специфическое варьирование наблюдалось в аналауте. Например: *tlāk- «шерсть, шукура» → *vylko-lakъ «оборотень» (рус. диал., укр., блр., пол., болг.) / *vylko-dlakъ (рус. диал., чеш., слвц., словен., схр.), *dlaka «шерсть, шетина; облик» (чеш., словен., болг., мак., схр.) / *tlaka / -y (ст.-чеш.) / *klakъ «пакля и т. п.» (укр., пол., чеш., слвц. диал.). Показательно отсутствие рефлекса Tl- в лехитском ареале и его наличие в Южной и Восточной Славии. Рефлекс Kl- встречается гораздо чаще и шире, чем в середине слова.

6. **Tn** → Tⁿ / Kn. См. рус. диал. *стыгнуть, стугнуть*, блр. *стыгнуць*, пол. *stugnać*. На базе деривационных связей диссимилированный морф появлялся и перед гласными. Так, *metati «бросать» через стацию *metnōti? *meknōti (в обряде гадания) стал источником рус. *мекать* «предполагать» (ср. схр. дублеты *mētnuti / mēknuti* «бросить, использовать, предполагать»). Аналогично: *m^rdati → *m^rgati; *č^rtati → *č^rgati.

В эпоху кризиса сингармонизма Tⁿ → n / Tn; второй исход чаще на морфемной границе; но *m^ldnī «молния» → вост.-слав. диал. *молодня, маладня, мыльдня* (плюс второе полногласие). Озвончающий импульс реализовался в префиксе **od-** (см. выше).

7. Конкуренция T^l / Kl → Tl / l / Kl и Tⁿ / Kn → n / Tn / Kn дестабилизировала исконные аналаутные *Kl-, *l-, *Kn-, *n-. При наличии семантических условий это приводило к формальным изменениям. Так, имеются явные следы взаимодействия *kl^lud- «порядок, красота, покой» и *g^lud- (вторично – «позитивная оценка»). На базе корня *glad- («гла-

дить → ласкать») при участии *la-god- «угождение» возник новый корень *lad- «благоприятный результат». Отсюда же (плюс влияние *gnoj-?) наращение в *gnězdo ← и.-е. *ni-sdo и *niva → схр. стар. *gniuа*, словен. диал. *gnjiva*; обратный процесс в *gnětiti «разжигать огонь» → схр. *nijetiti*, словен. *nětiti*, чеш. *nítiti*, пол. *nieścić*.

8. **bm** → b^m? / gm? (на стыке префикса **ob-** с корнем) допускается по аналогии с Tn. Материал говорит только о полной нулидации **ob-** → o- в оппозиции с **ot-**. Восстановление **ob-**, как и диссимиляция в сев.-рус. *огман, огморок*, явно носит поздний характер.

Оппозиции префиксов перед носовыми преодолевали нейтрализацию:

*ob-m : *ot-m → ob^m : oTm / om → om / obm : oTm / om → o-m : oT-m.

*ot-n : *ob-n → oTⁿ : obn / on → oTn / on : obn / on → oT-n : ob-n.

9. В остальных случаях Pn → n (с вторичной вставкой корневой фонемы перед суффиксом -nq-). Но Tm → m / Tm. Эволюция нумеративной пары «7 – 7-й» (и.-е. *sēptm – *sēptmōs) протекала в рамках усиления корреляции количественных и порядковых числительных. 1) Вокализация слогового сонанта. 2) Преобразование ауслаута. 3) Индукция m в количественное слово, охватившая и пару «8 – 8-й»: {sē} {pt-m-ī} – {sē} {pt-m-ÿ}; {Øā} {st-m-ī} – {Øā} {st-m-ÿ}. 4) Диэреза в инициали 2-го слога: {sē} {tmī} – {sē} {tmÿ}; {Øā} {smī} – {Øā} {smÿ} (→ *osmь – *osmь). 5) Вариативная оптимизация: озвончение → *sedmь – *sedmь / диэреза → вост.-слав. *semь – *semь (рус. *седьмой* – церковнославян. *седьмой*). Развитие *čismę ← *kejt-mēn обусловлено влиянием со стороны *čislo ← *kejt-slō.

10. Озвончение реализовалось и в оптимальных сочетаниях. Например:

1) Обогащение именной суффиксации: *ba-smь, *plē-smь... → *bolē-znь, *prijā-znь...; *bēli(z)na, *golvi(z)na...

2) Эволюция лексем типа *luna ← {la^l} {xnā} ← и.-е. *lauksnā. Возможный механизм: *xn → xn / ɣn → ɣn / n → n (озвончение x благодаря отсутствию звонкого опозита; нулидация нефонологизованного варианта при разложении сингармонизма).

3) Озвончение в *knajt- → *gnětiti «разжигать огонь», сопряженное с дивергенцией корня: метафорические пол. *knieć*, рус. диал. *книть* «мать-и-мачеха» сохранили глухость.

Употребление числительных в скорописных памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – середины XVIII в.

Ю. В. Биктимирова

Забайкальский государственный университет (Чита)

pravo_chita@mail.ru

Лингвистическое источниковедение, памятники деловой письменности, морфология, имя числительное.

Summary. The research deals with the reconstructed morphological system of numeral of speech at the end of the XVIIth – the first half of the XVIIIth centuries on the basis of manuscript copies of business written language documents of Eastern Zabaikalye.

Имя числительное в языке деловых документов Восточного Забайкалья конца XVII – середины XVIII в. интересно тем, что именно в эту эпоху исторических изменений в России, повлекших изменение уклада жизни русского народа и его менталитета, происходит становление этой части речи.

Одним из рудиментов церковнославянского языка в документах Нерчинской воеводской канцелярии и канцелярии островов Восточного Забайкалья рассматриваемого периода является так называемая «буквенная цифирь». Подобные цифровые употребления в буквенном виде повсеместно используются нерчинскими писцами и употребляются до середины XVIII в. при обозначении как количества предметов, так и порядка предметов при счете: «...тупусты^{ку} построили и прибрали в т⁸ пусты^{ку} б^о брато^{...}» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 8. 1681–1683 гг.]; «...Взято ясаку **ЛГ** соболы цена **6** р⁸бле^б **Л** а^тнь споловиною **6** к⁸нци^а **ЛВ** а^ттна **Д** лисиц <...> **В** л^е ро⁸сомака...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1346. Л. 1. 1700 г.]. К середине XVIII в. в документах делопроизводства Восточного Забайкалья старославянские буквы-цифры были постепенно вытеснены арабскими цифрами. В целом исчезновение букв-цифр и долгое привыкание к арабским цифрам послужило катализатором к развitiю имени числительного – к ускорению его формирования как части речи, выработке норм правописания. Памятники Восточного Забайкалья свидетельствуют о сформированности имени числительного.

Количественными числительными забайкальские писцы активно оперировали при составлении торговых или отчетных документов, перечисляя количество предметов. В парадигмах числительных встречается несколько вариативных форм, что отражает процесс вытеснения старой формы новой. Встречается древняя форма числительного *два* – *дву*, заменившая форму *двою*: «...Принято в **дву** сумаш сыроматн^х семь полотенец...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 7. Л. 167. 1710 г.]. Также наряду с архаичными формами в забайкальских памятниках присутствует зарождающаяся живая разговорная форма с добавлением флексии *-ухъ* (по аналогии с родительным падежом *трёхъ, четырёхъ*) – *двухъ*: «...и **8**топили де **дв8х** лошаде...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 78. Л. 2. 1699 г.]. Исследуемые памятники фиксируют числительное *шесть* в вариантных формах *шести* – *шти*: «...ценою по **шти** десять копеек **ш**на **шесть** к⁸сковъ лентъ разны^х цветовъ ценою по четыре р⁸бря...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 101. 1750 г.]. Анализ исследуемых текстов показал одинаковую частотность употребления вариантов *шти* и *шести*. При этом *шти* часто употребляется в формах родительного, дательного, местного падежей: «...да по новои росклад^{ке} с тысячи восьми сотъ дватцати **шти** д⁸шь <...> по пре^жней росклад^{ке} со ста = семидесяти **шти**...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 25. 1753 г.]; «...по **шти** айтъ по четыре де⁸ги...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 335. Л. 2. 1702–1704 гг.]; «...от писка **патаж** о^бд⁸гонных мунга⁸ски^х **шти** лошада^х...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1346. Л. 119. 1700 г.].

Процесс формирования сложных количественных числительных, по данным исследуемых памятников, еще продолжался. Сложные числительные со второй частью *-дцать, -сти, -сот*, активно использовались писцами: «...со всякаго чина люд^{ей} всего с **тысячи семи сотъ семидесятъ девяти** д⁸шь по пол⁸ бревн⁸ з **д8ши **восемь сотъ восе⁸десятъ деветь** бревень с половиною да пла^х на ка⁸д⁸ю д⁸ш по одной и того **тысяча семь сотъ се⁸десятъ девять** пла^х, итого **три** тысячи **пять сотъ пядесятъ восемь плахъ**...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 21. 1753 г.]. Числительные со второй частью *-десять* сохраняют архаические черты: «...По **семидесятъ** по два р⁸бли...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1292. Л. 4. 1694 г.]; «...цена за сорок по пятидесять по вдному р⁸бл^ю <...> цена за сорок по пятидесять р⁸блевъ...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1292. Л. 8. 1694 г.]. В процессе исторического развития вторая часть числительных стала склоняться по образцу других сложных числительных, что фиксируется в более**

поздних документах Восточного Забайкалья: «...з дв⁸хъ сотъ пятидесяти восьми д⁸шь пять...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 26. 1753 г.]. Все это подтверждает, с одной стороны, факт неустойчивости написаний сложных числительных, с другой – влияние традиций написаний числительных.

В пыточных речах зафиксированы числительные, отражающие живую разговорную речь: «...и люд^е у него ва^ки стоварищи и^всаки^х чино^в в приборе вто^м бунт⁸ есть **ста с четыре**...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1346. Л. 11. 1700 г.]; «...говори^т <...> про⁸бо^в **ста стри** люд^е вне^рчинску...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1346. Л. 11. 1700 г.].

С меньшей регулярностью забайкальские писцы оперируют **порядковыми** числительными: «...Присланы <...> семь пушекъ медны^х к требе негодны^х а именно **первая** м⁸бра оди^н аршинъ с полуаршино^м весо^м три п⁸д трицать четыре гривенки **вторая** м⁸бра два аршина один вершокъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 52. Л. 77. 1738 г.]; «...а т⁸ж де кони каурои Са⁸ьяншиков да кон с⁸брои Егорковъ а **третей** саврасои...». Зафиксированы архаические формы кратких порядковых числительных: «...а имяна **л^е т⁸жм** воромъ ту^тгуси⁸ка А⁸дибе⁸ко с о^тцо^м свои^м и з бра^тями **самъ четве^ртъ**...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 23. Л. 61. 1684 г.].

До середины XVIII в. **собирательные** числительные активно употреблялись писцами канцелярий Забайкалья: «...у то^в избы двои двери...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 473. Л. 293. 1702 г.]; «...двои коты кра^ные...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 53. Л. 17. 1689 г.]; «...до Не^рчинского острогу пловут су^тки **шестеры**...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 720. Л. 20. 1681 г.]; «...и поб⁸жали де он^тж <...> **вс⁸ четверо** пере^т утрянои зоре^т...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 78. Л. 7. 1699 г.]; «...А и^х де вор⁸ восьми ч⁸лвк на⁸хало <...> и **семерых** ч⁸лвк убили...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 74. Л. 54. 1698 г.]. Сохраняется употребление собирательных числительных с существительными, обозначающими парные предметы: «...**трицатеры** рукавицы уресковые цена по гривне **десятеры** башмаки **четверы** чулки вязные...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 335. Л. 3. 1702–1704 гг.]; «...четы^рнатцатеры се⁸ги склеены...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1216. Л. 29. 1698 г.]; «**Шестеры** скобы **десятеры** сапоги <...> **дватцатеры** башмаки **трицатеры** чарки больших и малых...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 335. Л. 3. 1702–1704 гг.].

Дробные числительные используются писцами документов Восточного Забайкалья при перечислении товара, при передаче дробных физических величин: «...Стены ведены вышины кирпичемъ в аршин **без че^тверти** десятины...» [3: 107]. Активно проявляя себя в роли дробных кратких формы порядковых числительных в соединении с *поль-*: «...по **полу осми** пуда...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. 1676 г.]; [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 335. Л. 6. 1702–1704 гг.]; «...книги в переплете в **по⁸десят**...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 473. Л. 277. 1702 г.]; «...глубина рву полчетверта аршина...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 26. Л. 49. 1683 г.]; «...**пол третя** аршина б⁸лого сермяжного сукна...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 53. Л. 17. 1689 г.].

Анализируя употребление числительных в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – середины XVIII вв., можно сделать вывод, что специфика имени числительного в этот период проявляется в сосуществовании архаичных, переходных и новых форм. Намечалась тенденция к унификации падежных форм.

Литература

1. Жолобов О. Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Числительные. М., 2006.
2. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.
3. Христосенко Г. А. Нерчинская деловая письменность XVII – XVIII вв.: Учебное пособие. Чита, 1994.

Синтаксис имен действия: диахронический аспект

Л. М. Боряева

Санкт-Петербургский государственный университет

Boryaeva@yandex.ru

Девербатив, название лица по действию, Nomina Actionis, типология подчинительных связей, синтаксис древнерусского языка.

Summary. The study focuses on syntactic compatibility of nouns correlating with verbs in the old Russian language. The author traces parallelism of verbs' and derivative nouns' syntactic links in old Russian chronicles and birchbark documents.

В докладе рассматриваются сочетаемостные свойства имен существительных, связанных общностью корня с глаголами и семантически соотносительных с ними. Целью исследования является выявление синтаксических особенностей функционирования имен действия в диахроническом аспекте.

В синтаксисе **современного** русского языка подчинительные связи имен действия плодотворно описываются **на уровне словосочетания**. Словосочетание со времен В. В. Виноградова трактуется как распространение **слова** с присущими ему: 1) словообразовательными связями, 2) лексико-семантическими связями. Так, влияние словообразовательных отношений на подчинительные связи имени видно в рядах: *овладеть / овладение техникой, поручить / поручение Петрову, лишить / лишение прав, злиться / злой / злость / зло* (наречие) *от усталости*, в названиях лиц: *торговать / торговец пенькой, платить / плательщик кровью* [4]. Особенно часто имена заимствуют связи, присущие глаголу, что указывает на центральную роль глагола в грамматическом строе современного языка. В синхроническом словообразовании, вопреки этимологии, глаголы признаются мотивирующими для таких слов, как *взмах, вера, ропот* и пр. [3]. Чем явственней проступает связь имени с глаголом в словообразовательном отношении, тем востребованнее данное имя при номинализации предложения в **современном** языке: «...легче сказать *уговаривание приятеля приятелем...*» чем *уговор приятеля приятелем...*», «...вместо *скреп болтом*, звучащего несколько **архаически** [выделение наше], хочется скорее сказать *скреп* или *скрепка при помощи болта* или *посредством болта* или *скрепления болтом*» [1]. Влияние лексико-семантических связей слова на оформление его синтаксических зависимостей можно проследить в примерах: *любовь, уважение, жалость, симпатия, антипатия, ненависть, вражда, отвращение к кому-то / чему-то* (группа имен со значением чувства) и т. п. Для описания подчинительных связей *Nomina Actionis* в современном синтаксисе релевантным оказывается различение сильных и слабых связей: сильные связи, как правило, сохраняются (*изучать растения – изучение растений*), в отличие от слабых (*взмахнуть рукой – взмах рукой / взмах руки*). Наконец, существенным фактором в исследовании поведения имен – синтаксических дериватов глаголов в современном языке является различение употребляемых при них свободных и связанных синтаксисом, предложенное Г. А. Золотовой ([2]). Свободная синтаксема способна функционировать в качестве компонента как глагольного, так и именного словосочетания (*разговаривать о погоде – разговор о погоде*), тогда как связанная синтаксема не всегда обладает такой способностью (*интересоваться театром – интерес к театру*).

Исследование сдвигов в области сочетаемости существительных по отношению к однокоренным глаголам в **истории русского синтаксиса** позволяет отметить возможность в древних текстах сохранения параллелизма синтаксических связей глаголов и имен вне зависимости: А) от характера связи (сильная / слабая) и типа синтаксических отношений (объектные / определительные), Б) от отсутствия или наличия словообразовательной мотивированности имени глаголом, В) от лексико-семантической группы имен.

А) Имя обладает глагольной сочетаемостью, несмотря на **слабые** синтаксические связи, обстоятельственно-определятельные отношения: *...на улице скръбь другъ съ другомъ дома тьска...* (НЛ, СС, 114); *Сотона же... отпадъ славы первое наречется противникъ Богу* (ЛЛ, 28 об.) – «славы первоначально» (в переводе Д. С. Лихачёва: «...лишившись первоначальной славы...»); *...начаста съставлявати писмена азбуковная словънски* (ЛЛ, 9–9 об.) – глагольная сочетаемость предпочтена согласованному определению *писмена славянская; Мefодии же посади 2 попа ско-*

рописца зъло... (ЛЛ, 9 об.). В древнерусском языке при именах действия объект может выражаться не только существительным (*убийство Игоря*), но и относительными прилагательными (*убийство Игоревое*): *...повѣдая ему Игоревое убийство* (ИЛ, 129 об.), *Съка(ж)ита владычѣ мою обиду и мои бои желѣза* (НБГ № 725). При этом разграничение объектных (I), субъектно-определятельных (II) и обстоятельственно-определятельных (III) отношений задано лишь семантически, но не формально-грамматически: (I) *о граблении манастырьскомъ* (НЛ, КС, 127), *зажъжение градное* (НЛ, СС, 66 об.), *убоици Миндовгови* (НЛ, СС, 140); (II) *по Исаковѣ смерти* (НЛ, СС, 66 об.), *фряжско стояние* (НЛ, СС, 71 об.), *по науцению Ярославлю* (НЛ, СС, 107 об.), *твое насилье* (НЛ, СС, 148 об.), *топот коневои* (НКЛ, 303); (III) *въ звонение вечернее* 'во время звона к вечерне' (НЛ, СС, 46), *ночное стояние* (НЛ, СС, 106). Употребление прилагательного или косвенного падежа имени функционально равнозначны в одном и том же предложении: *...наважениемъ дьяволимъ сташи протая чадь на архимандрита Есифа а думои старого архимандрита Лаврентия* (НЛ, СС, 167 об.); *...Божьею помощию и святыя Софья одолѣ Мьстиславъ...* (НЛ, КС, 138); *...бьяше пришьль прѣже изгнания Митрофаня архиепископа...* (НЛ, СС, 77 об.) – сочетаются согласованное прилагательное (*изгнания Митрофаня*) и управляемое существительное (*изгнание архиепископа*).

Б) Независимость характера связей от производящих глаголов особенно ярко проявляется в синтаксических свойствах *Nomina Actionis*, не имеющих однокоренных глаголов. Их сочетаемость аналогична глагольной: *Бысть лють по жарь вихромъ наборзѣ трѣскомъ* (НЛ, СС, 157); *...наиде дъжезь великъ и день и ночь* (НЛ, СС, 106).

В) В современном синтаксисе важна семантика опорного слова (отвращение к = ненависть к), в древнерусском синтаксисе – семантика зависимой предложно-падежной формы: *...въстань бысть... промежи князьмъ Давыдомъ и смоляны* (НЛ, СС, 47); *...и не бьяше мира межю ими* (НЛ, СС, 56); *...и не ва Богъ межю ими крови пролития больша...* (НЛ, СС, 57 об.); *...не бысть милости межю нами...* (НЛ, СС, 114); *...въздвиже крамолу межю русьскими князи...* (НЛ, СС, 119).

Исследуя проблему классификации падежей, Е. Курилович применял термин *грамматикализация* по отношению к процессу перехода падежа из семантического в синтаксический. Рассмотрение падежной аффиксы не как показателя синтаксической зависимости в структуре словосочетания, а как выразителя определенного смысла помогает, на наш взгляд, приблизиться не только к решению проблемы классификации падежей, но и к описанию сочетаемостных свойств имен действия, а также в целом к анализу **структуры древнерусского предложения** (форма функционирует на уровне предложения). Информативной сложности, полипропозитивности простого предложения в современном языке (невозможность: **поездка охотиться, *его любовь рисовать, *его рождение счастливым*) препятствует целый ряд сдерживающих формально-грамматических механизмов и факторов, развившихся исторически и требующих детального анализа и осмысления.

Литература

1. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сб. ст. по языковедению (Труды МИФЛИ). Т. 5. М., 1939.
2. Золотова Г. А. О синтаксической форме слова // Мысли о современном русском языке. М., 1969. С. 58–61.
3. Коряковцева Е. И. Имена действия в русском литературном языке: история, словообразовательная семантика. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
4. Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974.

Региональные скорописные документы-описания конца XVIII – первой половины XIX в. (по южноуральским архивным материалам)

О. В. Боярская

ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

boarskayaov@yandex.ru

Региональные скорописные документы-описания, российская деловая письменность.

Summary. For the first time considered the pithiness of unique regional of the documents-descriptions of the end XVIII – first half of XIX century (according to the cursive monuments of official writing of the Southern Urals).

Документы-описания – одни из мало изученных лингвистами памятников российской деловой письменности, один из лингвистически и культурно-исторически ценных источников ее изучения.

В соответствии с определением *описания* как «модели монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком понимании» [1: 22], модели текста [2], к документам-описаниям в исследованных материалах исторических фондов Объединенного государственного архива Челябинской области относим:

1) документы со словом *описание* в самоназвании (*Описание Квсинском' заводѣ, Описание къ проекту плана города Челябины, таксационное описание* и др.);

2) документы разных жанров, не имеющие слова *описание* в самоназвании, но являющиеся описанием по функционально-смысловому и структурно-композиционному содержанию текста (*полевые журналы землемеров, межевые книги* и др.);

3) документы разных жанров, блок основного содержания которых представляет собой перечень или список описательно номинируемых объектов: *рописные списки, таксы* (товаров), *ведомости ценовнымъ товарамъ* и др.

Это документы разных ведомств: заводские, межевые, судебные, таможенные. Они составлялись при проведении юридических процедур, финансово-экономических операций, хозяйственных мероприятий с описываемыми объектами в различных ситуациях. Общая коммуникативная цель таких документов – учет (фиксация) имущества (объекта) на основе его качеств (признаков). Содержанием является описание недвижимого (жилье, хозяйственные, промышленные строения, земельные участки) и / или движимого (предметы быта, профессионально-трудовой деятельности, религиозного культа; скот) имущества. Объем и характер описаний варьируются в зависимости от экстралингвистических условий коммуникативной ситуации: сферой делопроизводства, видом описываемого объекта (или объектов, в т. ч. их количеством), качеством (особенностями) и значимостью этих качеств (особенностей) в данной ситуации и т. п.

В формуляре документа описательная часть является блоком основного содержания, представляет собой цикл описываемых единиц. Так, например, описания жилых, хозяйственных строений (домов, амбаров, конюшен и др.) и промышленных объектов (доменных корпусов, мостов, плотины, фабрик, мукомолен и т. п.) включают описания их ландшафтного расположения, особенностей конструкции, устройства, частей. При этом описания жилых строений могут содержать описания предметов, находящихся в них, а описания промышленных объектов – их «действия»; межевые описания включают описания земельных участков по дням межевых работ (направление движения землемера – направление межи, координаты, вид межи и межевых знаков, ка-

чество участка). Цикл может иметь как рубрицированную, так и нерубрицированную структуру. Наиболее распространена рубрикация по родовидовому принципу на основе общего для каждой группы предметов признака: *хлебные припасы, одежные разные припасы* и др.

Описываемой единицей может быть одно строение, один день в ходе межевания, земельный участок, предмет, животное. Описание конкретного объекта представляет собой законченное монологическое высказывание с рядом микротем, соотносящихся с частями описываемого целого или его качествами – параметрами описания:

- структурой, составом, в т. ч. объемом, размером, материалом изготовления, способом обработки и крепления в целом для всего объекта и для его частей, взаимодействием частей;
- физическим состоянием в момент описания;
- стоимостью.

Такие описания, особенно описания объектов недвижимости, отражают в определенных аспектах уровень хозяйственно-промышленного развития Южного Урала данного периода, зафиксированный местными, региональными, специалистами своего времени, и имеют не только историко-культурологическую, но и лингвистическую ценность. Они являются чрезвычайно содержательными источниками по исторической лексикологии русского языка. Полипараметрический подход к составлению описаний обусловил активное использование в них специальной лексики, подробно номинирующей описываемые реалии региона, что в свою очередь в определенной степени отражает профессиональную речь некоторых сфер хозяйственной деятельности в широком смысле слова (промышленности, строительства, межевания). Так, в описаниях заводских зданий и устройств приводятся описания всех строений, находящихся при заводах, поэтому в одном документе помещаются описания и жилых строений, и хозяйственных, и промышленных. Этим вызвана высокая частотность употребления наряду с общей научно-технической терминологией, терминологии строительного дела и металлургической промышленности в рамках одного документа.

Высокая степень повторяемости лексико-синтаксических конструкций, однотипность изложения содержания, его структуры позволяют сделать заключение о специальном типе таких описательных текстов.

Литература

1. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975.
2. Хамаганова В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семиотики и онтологии). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.

Глоссы в интерлинейрном тексте Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека

И. В. Вернер

Институт славяноведения и балканистики РАН (Москва)

inna.verner@mail.ru

Переводы с греческого, Максим Грек, глоссирование.

Summary. There are numerous glosses in Maxim the Greek's interlinear translations of the Book of Psalms of 1552. The paper examines different types of these lexical and grammatical glosses.

Среди немногочисленных известных списков Псалтыри 1552 г. особое место занимают рукописи Троицкого собрания РГБ, ф. 173.1 № 8 и 9. Рукописи имеют единообразное оформление: написаны полууставом XVII в., киноварью, под славянским текстом – греческий текст чернилами. За-

главная страница ркп. № 9 богато украшена заставкой и инициалом с растительными орнаментами, соответствующие места в ркп. № 8 остались пустыми. Рукопись № 9 имеет запись о времени и месте ее создания – 1619 г., при архимандрите Троице-Сергиева монастыря Дионисии Зобни-

новском. Рукопись № 8 поступила в библиотеку монастыря после смерти ее келаря Симона Азарына в 1665 г. В списке книг его личной библиотеки по описи книгохранительницы Троице-Сергиева монастыря 1701 г. эта рукопись числится (под № 11) как «псалтырь греческая речь, а другая русская, в десть» [2: 308]. Можно предполагать, что оба текста были переписаны приблизительно в одно и то же время в Троице-Сергиевом монастыре (вероятно, в кругу книжников архимандрита Дионисия) со списка, весьма близкого по времени к переводу М. Грека.

Эти две рукописи ценны тем, что реализуют собою тот же тип параллельного подстрочного перевода, к которому принадлежит группа латино-славянских текстов, созданных книжниками из окружения новгородского архиепископа Геннадия, сотрудничавшими с М. Греком при переводе Толковой Псалтыри («Донат» в переводе Д. Герасимова, интерлинейная Псалтырь Чудовского собрания ГИМ, № 53). Все эти тексты служили либо предполагались для использования в учебных целях. Доказательством использования двуязычной Псалтыри в переводе М. Грека в целях изучения греческого языка служат многочисленные орфоэпические пометы в ркп. № 8, сделанные кинноварью выше греческого текста, писанного чернилами. Орфоэпической является также запись греческих глосс на полях. Как известно, инициатором и непосредственным участником перевода Псалтыри был инок Троице-Сергиевого монастыря Нил Курлятев, изучавший под руководством Максима греческий язык.

В обеих рукописях имеются маргинальные глоссы. Интенсивность глоссирования особенно высока в начале текста и убывает к концу, глоссы в ркп. № 8 и 9 не вполне совпадают между собой, часть их присутствует и в списках Псалтыри без греческого подстрочника. Подавляющее большинство глосс носит сугубо лингвистический характер, единичными исключениями выступают глоссы, являющиеся краткими историческими или теологическими комментариями к тексту, ср. 110:1 *хвала вѣѣ* – *сѣцѣмъ сиречь вѣѣ*.

Глоссы различны по своему характеру и мотивированы как конкретными дидактическими целями (обучение Нила Курлятева греческому в процессе перевода), так и соображениями филологической критики текста (исправление по греческому оригиналу некорректных славянских чтений). Большинство глосс объясняет лексические замены Максима, грамматических глосс несколько меньше; часть глосс двуязычна, другая часть славянских вариантов дана без перевода на греческий. Повторяющиеся, устойчивые пары лексем снабжены греческими соответствиями лишь в начале текста, а далее они воспроизводятся уже без перевода.

Глоссы, содержащие грамматические варианты, связаны с теми формами, которые не единожды привлекали внимание Максима в процессе справки [1: 109–123]. Эти глоссы либо еще раз иллюстрируют последовательные замены, произведенные Максимом в традиционном тексте, обращают на них внимание в процессе совместной с Нилом работы, либо отражают, напротив, некоторые колебания при выборе той или иной формы и отсутствие у переводчика явных предпочтений. К первому типу относятся такие варианты, как аорист / перфект во 2 л. ед. ч. (101:11 *низверже мѣ* – глосса *низвергѣ мѣ еси*), Твор. беспредложный / Мест. с предлогом *въ* (47:8 *дѣомъ вѣрнымъ* – глосса *въ дѣѣ вѣрнѣ*; 38:2 *такѣ не съгрѣшати ми языкомъ* – глосса *въ языцѣ*), индикатив / индикатив с частицей *да* в значении опатива

(30:3 *спѣти мѣ* – глосса *да спѣши мѣ*). К глоссам, реализующим последовательные замены, относятся формы дв. / мн. числа (84:11 *срѣтостасѣ* – глосса *срѣтѣшасѣ*), синтетического / аналитического пассива (68:15 *избавленъ вѣдѣ* – глосса *избавлюсѣ*; 104:17 *продасѣ* – глосса *проданъ бы*), Род. приименного / притяжательного прилагательного (97:5 *въ гласѣ ѱѣлѣмѣ* – глосса *въ гласѣ ѱѣлѣма*; 96:5 *ѡ лица гдѣ* – глосса *гдѣна*), некоторые другие надежные формы (34:17 *ѡ левѣ* – глосса *ѡ лѣвѣ*).

Среди лексических вариантов требуют разграничения синонимы, которые производны от греческого (*нищїи* πένις – *орѣгогыи* πτωχός, *глаза* ὀφθαλμοί – *очи* ὀμματα, *тѣма* λάκκος – *рѣвѣ* τάφρος, *почки* νεφρός – *орѣтровы* σπλάγχνα), и чисто славянские «произвольники» (*идолѣ* – *болваны*, *коѣмнры*; *лѣкѣвыи* – *лѣтынѣ*, *зынѣ*). Есть глоссы, специально акцентирующие внимание на словообразовательных различиях в их соотношении с греческим: *законположникъ* νομοθέτης – *законодавецъ* νομοδοτής, *сѣдѣа* κριτής – *сѣднитель* δικαστής. Большинство лексических и грамматических глосс иллюстрируют (не)допустимость славянских различий, ср. 44:9 *ѡ тѣжестѣи словыхъ* (вѣрѣн) – глосса *тѣжестѣи* (вѣрѣн) или 7:9 *гѣ сѣдѣти вѣдѣ* (крини лѣуѣ) – глосса *сѣдѣти* (крини). Другая часть подобных глосс может быть связана с объяснением (Нилу Курлятеву) правомочности тех или иных замен Максима в зависимости от греческого источника, ср.: 12:3 *во ѣнесе ѣса* (ѡ ѱѣлѣсетѣи) – глосса *възносѣ ѣса* (ѡ ѱѣтѣи) или 47:5 *црѣе земли* (тѣс гѣс) – глосса *землѣти* (гѣко).

Некоторая часть двуязычных глосс преследует исключительно учебную цель: например, использует славянское чтение для иллюстрации не представленных в тексте возможностей греческого словообразования (144:14 *исправляетѣ* (дѣорѣѣи) – глосса *воставаѣѣ*, а ниже приведены представленные греческие варианты для славянского *исправляетѣ* – *ἀνορθοί, ἐπανορθοί, каторѣѣи*) или демонстрирует греческий синонимический ряд (9:3 *возраждѣса* (ἀγαλλῆσονται) – глосса *харѣсѣме* *тоже* *терѣтѣсѣме*, 5:10 *могила* (τάφος) – глосса *гробѣ* (мнѣма) *тоже* *мнѣмѣи* ἵριων; в обоих случаях греческие глоссы даны без указания славянских синонимов).

Продолжая традицию, представленную в глоссах к греческой Псалтыри 1540 г. (РНБ, Соф. № 78) и в тексте «Преводных строк», сравнивающих пять разных греческих переводов Псалтыри в славянской передаче [3: 25–48], глоссы в интерлинейных списках Псалтыри 1552 г. демонстрируют синтетический тип лингвистической практики Максима Грека, совмещающей в себе перевод и лингвистический комментарий. В значительной степени маргинальные комментарии выполняют функции словаря и грамматики как греческого, так и церковнославянского языка. Эта практика получила некоторое продолжение в работе переписчиков Псалтыри 1552 г. (списки РНБ, Сол. № 752, 753 и 741).

Литература

1. Вернер И.В. Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 104–127.
2. Клитина Е.Н. Симон Азарин (новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 298–312.
3. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975.

Культурно-лингвистическая значимость труда Г.Ф. Миллера «Описание Сибирского Царства...»

М. С. Выхрыстюк

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева,
Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН
margaritavv@mail.ru

Научный труд, ученый, происхождение Сибири.

Summary. This report deals with the cultural and linguistic significance of labor GF Miller «Opisanie Sibirskago kingdom...». Language material widely reflects all aspects of life of people populating Siberia in the XVIII century, and due to its specific content represents a unique fusion of diverse stylistic elements from diverse lexical information content of each layer.

Научный труд Герарда Фридриха Миллера «Описание Сибирского Царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Российской державѣ по сїи времена» [КП 1348], хранящийся в ГБУТО «Го-

сударственный архив в г. Тобольске», содержит ценные сведения о происхождении Сибирской земли и ее народах, о их ремеслах и промыслах. В книге представлен материал о походе Ермака на татар, о его приготовлениях, о его главной

битве, увенчавшейся победой, – захватом столицы Сибирского ханства, о дальнейших расправах русских с местным населением и, наконец, о гибели самого Ермака.

Объем тезауруса, формирующий смысловое пространство текста и отражающий языковую картину этого описания, достаточно широко представляет все стороны жизни людей, заселяющих Сибирь.

Пять глав Книги I настоящего труда ученого, носят разный характер. Главу 1 «Извѣстіе о древнихъ приключеніяхъ прежде Россійскаго владѣнія» Герард Фридрих Миллер начинает следующим образом: «Понеже Сибирь не многимъ болѣе такъ за 150 лѣтъ въ Россіи извѣстна учинилась, а въ прчихъ Европейскихъ госудаствахъ еще и позже объ ней узнали, и въ оной изъ древнихъ лѣтъ были только такіе жители, которые себя оружіемъ, а не описаніемъ своихъ дѣйствъ прославить старались, къ тому же ни наукъ не знали, ни же писать умѣли, дабы тѣмъ дѣла свои потомкамъ памятни оставить» (с. 1). Пребывая в Сибири, Г. Ф. Миллер не упускал случая наблюдать «обыкновенія, обряды, религии народов». В Тобольске он присутствовал на татарской свадьбе и на обряде обрезания; вызывал к себе шаманов окрестных племен и заставлял их шаманить перед собой. При этом большое значение Г. Ф. Миллер придавал племенным языкам для определения состава населения Сибири. Ученый качественно производил записи слов из языков различных сибирских народов. Так, он разыскал в Красноярском уезде старика – аринца, представителя уже вымиравшего в то время племени, единственного человека, который знал еще родной язык своей народности.

Автор подробно описывает занятия местных народов, заселявших этот край, но предпочтения отдает коренному населению – татарам: «Первый и главнѣйшій народъ въ Сибири есть Татары, которые живутъ въ полуденныхъ странахъ около рѣкъ Тобола, Иртыша, Оби...» (с. 1). Г. Ф. Миллер уважительно описывает занятия татар, многочисленность их семей, их нравы и обычаи. Любопытны записанные ученым туземные предания, в частности «словесные сказки» татар, легенды о введении Кучумом магометанского исповедания в Сибири и об установлении культа местных святых, «которыхъ память татары и ныне празднуютъ» (с. 5). Писатель подчеркивает щедрость суровой сибирской природы: «...посланная яшашная казна въ году состояла въ 60 сорокахъ соболей, въ 20 черныхъ лисицахъ и въ 50 бобрахъ» (с. 114).

Богат был этот край, не хотел татарский хан делиться им с Ермаковым войском. Видел он разорительным «...Ермаково на Сибирь предпріятіе...» (с. 116). Казаки старались «...представить ту опасность, которая отъ Сибирскаго Хана Россійскому государству можетъ воспослѣдовать, ежели оной Ханъ за Казацкія поступки Россіи мститъ похочетъ» (с. 116). И тогда, как пишет Миллер, в 7089 г. сентября 1 дня получена была из Москвы «...первая вѣдомость о Ермаковомъ на Сибирь предпріятіи...» (с. 116) После чего состоялся великий поход Ермака, который увенчался успехом. Автор с гордостью описывает храбрость Ермакова войска, доблесть его оружия. Г. Ф. Миллер раскрывает уникальные стороны жизни населения и русских казаков, их многочисленные проблемы сосуществования. Автор знакомит с разными сторонами быта людей, их обычаями, занятиями, образом жизни, средствами передвижения и т. д.

Лексический состав «Описанія Сибирскаго Царства...» Г. Ф. Миллера обусловлен жизнедеятельностью этого крупного по тем временам центра экономической и культурной жизни Сибири. Испокон веков здесь проживали разные племена, развивались различные ремесла, обусловленные природой этого сурового края, строились храмы, открывались монастыри. На эту землю совершались набеги, за нее боролись, воевали. Поэтому, описывая Сибирь, Г. Ф. Миллер отразил все стороны повседневной жизни исконных жителей: их будни и праздники, радости и печали, успехи и поражения.

Язык «Описанія Сибирскаго Царства...» в силу своей содержательной специфики представляет собою своеобразный сплав стилистических языковых элементов с разноплановой лексической информативностью каждого пласта. В книге описана история Сибири в период до ее освоения русскими: об ее открытии казаками и присоединении к Московскому государству, о падении ханства Кучума, об основании древних сибирских городов – Тюмени, Тобольска, Березова, Верхотурья, Сургута, Томска и др. Книга снабжена обширным справочным материалом. Большая часть сведений, сообщаемых Г. Миллером, впервые введена им в научный оборот.

До наших дней остаются актуальными слова известного историка прошлого века К. Н. Бестужева-Рюмина, сказанные им о великом ученом и его наследии: «Неутомимый собиратель, строгий и точный в своих ученых работах, Миллер был настоящим отцом русской исторической науки, которая до сих пор еще не исчерпала своего богатства собранного им материала» [1: 143].

Г. Ф. Миллер привлек для своих исторических работ по Сибири не только очень обширный, но и чрезвычайно разнообразный материал – «припасы»: архивные акты, летописи, татарские и монгольские источники, устные предания, данные археологии, этнографии, лингвистики и генеалогии. Г. Ф. Миллер не только собрал большой и ценный материал, он сумел подойти к нему научно. Цель исторического исследования Миллера одна – сохранить для потомков историю освоения Сибири.

Научные труды Г. Ф. Миллера, написанные более двух веков назад, являются одним из ценнейших источников изучения истории Сибири. Главный труд его жизни «Описаніе Сибирскаго Царства...» раскрывает богатейшую картину жизнедеятельности обширной отдаленной от центра территории страны – Сибири с древнейших времен вплоть до 1787 г., особенно в период присоединения ее к России. Изучение материалов Г. Ф. Миллера способствует лингвистам углублению знаний о лексическом составе, орфографических, словообразовательных, пунктуационных и синтаксических особенностях русского языка XVIII в., о процессе формирования его нормы на разных языковых уровнях.

Источник

Миллер Г. Ф. «Описаніе Сибирскаго Царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сіи времена». Книга первая. М., 1998.

Литература

1. История русского литературного языка. Памятники XI–XVIII веков / Под ред. С. И. Коткова, Н. П. Панкратова. М., 1982.
2. Источники по истории русского языка XI–XVII веков. Сборник статей / Под ред. В. Г. Демьянова, Н. И. Тарасова. М., 1991.

Рукописный памятник начала XVIII в.

«Запись астрономическихъ явлѣній, произшедшихъ въ небе надъ городомъ Тобольскомъ» в аспекте исторической стилистики и лексикологии

М. С. Выхрыстюк, А. А. Молокова, М. В. Чернякова

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева,
Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН
margaritavv@mail.ru, gavryiliada@rambler.ru, marichka221@rambler.ru

Региональный текст, рукописный источник XVIII в.

Summary. Linguistic significance of handwritten script Siberian monument of the first half of the XVIII century “Record of astronomical phenomena...” is shown in the article as an example to highlight the structural features of the text and analysis of astronomical vocabulary. The choice of the subject of the study is the astronomical lexicon due to the fact that in contrast to other groups of words Russian astronomical vocabulary, down through the centuries, had not only a native Russian, but also of foreign origin, which is important for the territory of late check-in.

В фондах библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска содержатся

сотни ценнейших рукописных и печатных источников, которые могли бы помочь выявить особенности развития рус-

ского литературного языка территории позднего заселения. Таким уникальным источником является рукописный памятник первой половины XVIII в. «**Запись астрономических явлений, происшедших в небе надъ городомъ Тобольскомъ**» (паспортный номер КП 12 530). К сожалению, он лишь изредка привлекает немногочисленные взоры культурологов и не является предметом внимания лингвистов.

Памятник представляет собой дневниковые сведения о всех явлениях, происходивших в небе над г. Тобольском в начале XVIII в. Отнесение его к научным текстам относительно, так как содержание источников включает еще мало специальной терминологии. Но включение в текст более достоверных фактов по географии, астрономии с введением времени, дат, топонимов и антропонимов повышает их научный статус: «17 августа в 19 день явилась Комета в апреле и мае по три сѣтки а ходъ ея съ самого севера съ полдночи до востока и безъявлена при солнце» (л. 85).

В привлечении к исследованию все новых и новых источников и заключается актуальность нашего исследования. Исследуемый памятник состоит из двух значительных частей, идущих параллельно и соответствующих обширному замыслу автора: на развернутом листе книги запись представлена двупланово: с правой стороны большинства страниц подробное описание астрономического явления, увиденного автором; с левой стороны – графический рисунок с частичным комментарием увиденного (расположения звезд и планет солнечной системы; траектории падения звезд и метеорита; фрагмента картины солнечного затмения и т. д.). Такое изложение материала очень удобно: оно наглядно, достоверно и убедительно констатирует увиденное автором в ночном небе картины. Автор-писец или переписчик – человек достаточно грамотный: красивым, в основном четким почерком он старательно, практически без ошибок записывал увиденное. Откуда же он мог появиться в начале века в российской глубинке? Был ли пылливый наблюдатель канцеляристом (монахом) родом из Москвы, Малороссии или хорошо обученным местным писцом, остается для исследователей загадкой.

Нельзя не проникнуться любовью к истокам родного языка, читая «**Запись астрономических явлений, происшедших в небе надъ городомъ Тобольскомъ**»: «*Лѣта 725 ноября в 15 число в тободску явися знамение сіе на небеси во 2 часѣ ноци и стояло до 3 часа до последней четверти а въ 4 часу в 1 четверте скрылося и ста въ первомъ свѣщеніи яко же Обычай прибытый ближняяго столника Андрея феоодоровича Нарышкина писано поего веленію*» (л. 118). Памятник как жанр имела свои зачинные формулы, свойственные для дневниковых записей. В них входили следующие составляющие: указание на день и год события, максимально точное время и место описываемого: «*Лѣта 1738 году декабря, 4 день в тободску было знамение в ноци в третій часъ надъ большимъ домомъ явидся столбъ а посреде его звезда а отънего видящее два меча внизъ концами надъ домомъ и виденіе было пять часоѣ и только*» (л. 132).

Лигвокультурологическая значимость «**Записи астрономических явлений...**» названного источника показательна на примере анализа астрономической лексики, выявленной методом целенаправленной выборки. Выбор в качестве предмета исследования именно астрономической лексики объясняется тем, что в отличие от других групп слов русская астрономическая терминология, складывающаяся на

протяжении многих веков, имела в основном иноязычное происхождение, что немаловажно для территории позднего заселения [1: 71].

На основе содержательного плана времени, места и цели написания текста было выделено 9 тематических групп различного содержательного плана и количественного состава. Назовем основные: 1) астрономическая терминология: *знамение, возхождение, копиевидная комета, солнечное затмение, свѣчение, сияніе, шествие комет, солнцестояніе*; 2) название небесных тел: *солнце, небесное светило, огненная планета, комета (комита), звезда погонная*; 3) названия частей небесных тел: *сертъ хвостъ мечъ, крестъ, шапка кометы, огневидное копие*; 4) лексика с временным значением: *ночь, месяц генварь, полночь, сумерки, вечернее, дневное и полуночное время, полуношный час*; 5) глаголы, называющие движение или положение небесных объектов: *возходить, шествовать, описывать, светиться, сиять*.

Текст памятника в силу своей содержательности включает многообразные лексико-тематические пласты однословных и неоднословных номинаций.

Самыми частотными оказались названия астрономических явлений, которые в дальнейшем сформируют астрономическую терминологию: *возхождение звезды, звезда погонная, копиевидная комета, новолуніе, солнечное затмение, полнолуніе, падение кометы, равноденствие, хвостъ кометы, солнцестояние хождение планеты* и т. д.

В этот ряд включаются многочисленные сочетания, построенные по модели, обобщающие имя существительное + имя прилагательное, содержащее дифференцирующее понятие, атрибутивное уточнение: *комета (комита, комитка) – Огненная, копиевидная, хвостатая, серповидная; звезда – погонная, утренная, вечерняя, яркая; свечение – утреннее, верхняя; мгла – воздушная, густая, небесная; земля – іеросалимская, венгерская, серпская, тобольская; планета – Огненная, яркая, новая, незнакомя, чуждая* и др. Подобные терминологические сочетания особенно характерны для обозначения небесных тел и явлений: *солнечное затмение, весеннее равноденствие, возхождение планеты, прохожде-ние планеты* и др.

Рукописные тексты неделового характера, хранящиеся в периферийных архивах, богаты по содержательности и информативности. Они представляют собой своеобразный фрагмент жизни человека, а значит, должны представлять особый интерес как для лингвистов, так и для астрологов, географов, историков, литераторов и всех ценителей русской культуры. Необходимость исследования этих источников очевидна. Памятник может служить объектом для изучения не только лексических, но и морфологических, синтаксических, текстологических особенностей, он является уникальным хранителем знаний о культуре территории позднего заселения.

Источник

«**Запись астрономических явлений, происшедших в небе надъ городомъ Тобольскомъ**» (паспортный номер КП 12 530). Библиотека редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска.

Литература

1. Выхрыстюк М. С. Хождение планет и падение комет и другие явления в небе над городом Тобольском // Русская речь. 2008. № 1. С. 70–73.

Тип субъекта и характер временного соотношения страдательного причастия прошедшего времени с матричным предикатом в древнерусских нарративных текстах

А. П. Вяльсова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

vyalsova@yandex.ru

Страдательное причастие прошедшего времени, тип субъекта, относительное время, восточнославянские нарративные тексты.

Summary. The report examines stative and result meaning of Old Russian past passive participle and shows relation between temporal meaning of past passive participle and the type of subject.

Характер временного соотношения страдательного причастия с матричным предикатом обусловлен семантикой глагольного корня самого причастия и типом субъекта причастного действия.

Страдательное причастие, как правило, употребляется в значении предшествования действию, выраженному глаголом-сказуемым. Ср.: *Се бо пакы бысть пакость творящемъ бѣсомъ въ храмѣ, идеже хлѣбы братія творяху: овогда*

муку рассыпающе, овогда же положенный квась на състрое-ние хлѣбомъ разливааху и ину многу пакость творяще бѣша (ЖФП). Но в редких случаях на первое место выходит семантика качества предмета и одновременность, например, *И тако блаженный възвеселися съ братиею на обѣдѣ весели-емь духовнымь, бѣ же самъ ѣда хлѣбъ сухъ и зелие варено без масла и воду пия – се же ѣдь его бѣ вьсегда* (ЖФП).

Наличие у страдательного причастия двух относительных временных значений – одновременности и предшествования – связывают с семантикой перфекта, а также с проблемой разграничения в семантике перфекта стативного и резуль-тативного значений. Стативное значение появляется в контек-сте непосредственного наблюдения состояния предмета или лица, в то время как результативное значение предполагает знание о предшествующем действии и отнесенность в прош-лое. Учитывая эти параметры, можно назвать несколько грамматико-текстовых условий, от которых зависит статив-ное или результативное значение страдательного причастия.

Первым условием является семантика глагольного корня причастной формы. Страдательные причастия, образован-ные от глаголов со значением действительности, распоряжения, донативных глаголов, глаголов перемещения и др., имеют в семантике указание на целеполагание или волю субъекта и не выражают стативного значения.

Вторым параметром является тип субъекта – определен-ный, неопределенный и обобщенный. В зависимости от присутствия / отсутствия субъекта, выраженного на лекси-ческо-грамматическом или семантическом уровне, в значе-нии страдательного причастия актуализируется то предше-ствующее действие, то наблюдаемое состояние или качест-во, а значит, и значения предшествования и одновремен-ности. Однако отсутствие агентивного дополнения при стра-дательном причастии прошедшего времени не всегда явля-ется указанием на отсутствие субъекта действия, так как выраженность/невыраженность субъекта при страдательном причастии может быть связана как с типом субъекта, так и со способом его выражения. Определенно-личный субъект всегда выражен, кроме контекстуальных случаев, неопреде-ленно-личный и обобщенно-личный субъекты, как правило, пропущены, что связано с интенцией говорящего: незна-ним, нежеланием называть, общеизвестностью лица и т. д. Определенно-личный субъект, актуализирующий резуль-тативное значение причастной формы, может быть выражен контекстуально, когда указание на субъект действия содержится в предшествующем фрагменте. Ср.: *Оби-дѣный же притече и припаде къ святому, скръбя и плача, моля его, помощи прося*. Указание на каузирующего состоя-ние обиды содержится в предыдущем фрагменте: *Нѣкий человекъ живяше близ обители святого, имѣя нравъ лихо-имства, якоже есть и донинѣ обычай силнымъ убогихъ*

обидѣти (ЖСР). Кроме того, применительно к восточно-славянскому нарративу следует учитывать прагматику жи-тийных текстов. В отличие от современного сознания древ-нерусский книжник, как правило, объяснял большинство событий действием высших сил, поэтому отсутствие экс-плицитно выраженного субъекта может быть объяснено его известностью, ясностью для автора нарратива.

Немногочисленные примеры употребления страдательного причастия прошедшего времени в стативном значении характеризуются наличием неопределенно-личного субъек-та причастного действия и отсутствием какой-либо связи с предыдущим контекстом. *Глаголаху нѣциши от здѣшнихъ старецъ о преподобномъ Сергии, яко риза нова никогдаже вьзде на тѣло его, ниже от суконъ нѣмецкихъ красовидныхъ, цвѣтотворныхъ, или от синетъ, или от багрянородныхъ, или от бурявы, или от прочихъ многообразныхъ различныхъ шаро-видныхъ цвѣтовъ, или бѣлообразно, или гладостно и мягко: «Мягкая бо, – рече, – носящей в домѣхъ царевыхъ суть». Но токмо от сукна проста, иже от сермягы, от влас и от влны овчаа спрядено и исткано, и то же просто, и не цвѣтно, и не свѣтло, и не цапливо, но токмо видну ирвьстѣку, иже от сукна ризу ношаше, ветошну же, и мно-гошвену, и неомовену, и уруднену, и многа пота испльнену, иногда же другойци яко и заплати имуцу*. В данном кон-тексте нет указания на субъект причастного действия и нет отсылки к предыдущим фактам. Автору не важно знать, кто шил, пряд или не стирал ризы, так как его внимание уделе-но состоянию одежды преподобного. Характерно и то, что страдательные причастия в функции статива рядоположены с именами прилагательными: *просто, и не цвѣтно, и не свѣтло, и не цапливо*.

В Житии Феодосия Печерского были обнаружены только две конструкции с причастием в стативной функции. В боль-шем количестве они встречаются в Житии Сергия Радонеж-ского, однако это тоже достаточно ограниченное количест-во. В современном русском языке страдательное причастие в стативной функции – достаточно распространенное явле-ние. Возможно, это свидетельствует о постепенном разви-тии изобразительной стороны повествования.

Литература

1. Данков В. Н. Страдательные причастия и возвратные формы гла-гола в составе пассивных конструкций в древнерусском литера-турном языке с XII по XIV–XV века. М., 1990.
2. Кунавин Б. В. Функциональное развитие системы причастий в дре-нерусском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. (10.02.01). СПб., 1993.

Принятые сокращения

ЖФП – Житие Феодосия Печерского.
ЖСР – Житие Сергия Радонежского.

Неотражение цоканья в деловых текстах XVII века, написанных на «цокающих» территориях

Е. А. Галинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
eagalinsk@mail.ru

Русская деловая письменность XVII века, диалекты, цоканье, правила.

Summary. Manuscripts of 16–17 centuries written on those Russian territories where still now “cokanje” is spread, almost do not reflect it, thought in ealier manuscripts we see the mutual replacement of letters *ц* and *ч*. There is a question – how could it be that “cokanje” is almost not reflected in Russian business stile manuscripts of 16–17 centuries? It seems, that it is possible to formulate some easy rules which could help scribes of such manuscripts to use in normative way letters *ц* and *ч*.

Старейшие новгородские и псковские тексты, как быто-вого и делового содержания, так и написанные на церковно-славянском языке, хорошо отражают цоканье, а памятники деловой письменности XVI–XVII вв., созданные на тех великорусских территориях, говоры которых и сейчас знают неразличение аффрикат, этого явления уже практически не демонстрируют. Например, в **псковских** отказных и от-дельных книгах, а также челобитных грамотах перв. пол. XVII в. общим объемом примерно 800 листов смещение букв *ц* и *ч* совсем не представлено. Но это не означает, что цоканья в этот период в псковских говорах не было, так как есть надежные свидетельства его наличия в начале XVII в., обнаруживающиеся в словаре-разговорнике Т. Фенне, напи-

санном в Пскове в 1607 г. Западная часть псковских говоров и сейчас характеризуется цоканьем. Наблюдается оно и в северной части современных **смоленских** говоров. Поэтому логично предположить, что и в XVI–XVII вв. смоленский диалект был цокающим. Однако в смоленских рукописных источниках начала XVII в. это практически не отражается. В памятниках деловой письменности, созданных в XVI–XVII вв. на тех **северновеликорусских** территориях, гово-ры которых в настоящее время характеризуются цоканьем, также практически повсеместно отсутствуют случаи сме-шения букв *ч* и *ц*. Возникает вопрос: почему локальные па-мятники письменности делового содержания XVI–XVII вв. почти не отражают неразличения аффрикат?

Объяснение тому, как в древнейший период писцы новгородских рукописей книжного содержания могли освоить более или менее верное употребление аффрикат, предложил В. М. Живов. Он вывел следующее правило: (А) Если в разговорном языке слышится [k'], то в книжном письме пишется **ц** (имеется в виду то, что в древненовгородском диалекте не прошла вторая палатализация заднеязычных согласных); (В) Если в разговорном языке слышится аффриката, а предшествующая буква не **ь** и не **и**, в книжном письме пишется **ч**; (С) Если в разговорном языке слышится аффриката и предшествующей буквой является **ь** или **и**, то в книжном письме **ч** пишется а) в формах Voc. Sg. существительных мужского рода, б) перед суффиксами, начинающимися с **ь** или **и**, в) в глагольных формах и отглагольных образованиях, г) в притяжательных прилагательных; **ц** пишется в падежных формах существительных, кроме Voc. Sg. существительных мужского рода [1: 267–268]; [2: 297].

Очевидно, что первые два правила в силу своей простоты древнему книжнику могли быть доступны, но пользоваться третьим правилом было, конечно же, весьма затруднительно, отчего неизбежными были ошибки в употреблении букв **ц** и **ч** (которые и наблюдаются во многих древненовгородских рукописях), что усугублялось еще и разнообразием лексики книжных текстов.

Писцы деловых текстов XVI–XVII вв. ошибок в употреблении букв **ц** и **ч**, как сказано выше, практически не делали. Скорее всего, они руководствовались какими-то более или менее несложными правилами. Слова и формы с аффрикатами в текстах делового содержания XVI–XVII вв. достаточно частотны, что во многом обусловлено регулярным упоминанием фамилий, прозвищ и местных географических названий. При этом за пределами ономастики лексика деловых текстов этого периода не слишком многообразна, что облегчало писцам следование норме. Чтобы сформулировать относительно простое правило употребления букв **ц** и **ч** применительно к деловой письменности XVI–XVII вв., нами была проанализирована выборка написаний из упоминавшихся выше псковских текстов перв. пол. XVII в. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8455 и № 8461; ф. 1209, оп. 1253, ст. 23349 и 23350). Оказалось, что орфограммы с **ц** и **ч**, обнаруживающиеся в текстах отказных книг и челобитных грамот, можно расклассифицировать по некоторым рубрикам, которые человеку, обучавшемуся чтению по складам и, таким образом, понимавшему, по крайней мере, разницу между гласными и согласными, видимо, было не столь уж и сложно осознать. Классификация, естественно, не может строиться на грамматических критериях и должна быть максимально простой:

1. Буква **ц** пишется:

1) В словах, оканчивающихся на **-еу**: *дворец, жилиец, старожилец, новгородец, отец, писец* и др.

2) В словах на **-ица (-ицы), -ице**: *ярица, пшеница, помбстеице, Троица, Богородица, Мар(ь)ица, <пустошь> Глазница, <деревня> Опочицы, <река> Изгожица* и др.

3) В словах на **-ицын (-ицыно)**: *помбщицын, Спичын, Проскурницын, Ослицын, <пустошь> Галицыно*, и др.

4) В словах на **-ицой, (-ицое, -ицая)**: *ло(д)ицкой, новго(д)ицкой, Во(д)ицкая пятина, Сумороцкой (фамилия), Заболоцкой (уезд), <засады> Завелицкая (засада)* и др.

То, что остается после запоминания конечных частей слов, в которых пишется **ц**, в основном уложится в следующее правило:

5) **ц** пишется после согласных, в том числе [j], обозначаемого буквой **ц**: *дворцовый, кормица (инф.), сельцо, двацать, Онцыфорко, Глуцково, Бешенцов, Четинцев, Заицев, <пустоши> Вишвцева, Заходцы* и др.

II. Буква **ч** пишется:

1) После гласных (кроме позиций, описанных в пп. 1–4 раздела I): *беречи, дача, додача, дочь, дьячек, нынеча, нечим, очистить, очи, окол(ь)ничей, паточевина, пречистая, починок, стоячий, своячина, Глебачево, Головачево, Овечкино, Опочечкой Лачюгин, Исачко, Вешиячко, Иванович, безоброчно, поличное, посылочный* и др.

2) В начале слова: *чело, челобитная, через, черной, четыре, четыреста, четь, что, Чудцкое озеро, Черноусово, Чураково, Чиркин* и др.

Естественно, что сформулированное не самым сложным образом правило не может покрывать всех случаев употребления букв **ц** и **ч**, но то, что оставалось за его пределами, составляло небольшую группу слов, многие из которых нетрудно было запомнить. Так, начальное [ц] встречалось в русском языке XVII века в весьма ограниченном количестве случаев (например, *царь, цблый, цбнь, цбть, цбловати, цбловальникъ, цбна*), и они, вероятно, запоминались без особого труда. Другой пример: в отказных книгах частотно слово *вопче (вобче)*, но к его написанию с **ч** привыкнуть было, несомненно, легко.

Таким образом, в ситуации неразличения [ц] и [ч] возможно существование относительно простых правил, охватывавших большой массив лексики и позволявших составителям деловых документов писать в соответствии с нормативной орфографической системой.

Литература

1. Живов В. М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII веков // *Russian Linguistics*. 1984. Vol. 8.
2. Живов В. М. Еще раз о правописании **ц** и **ч** в древних новгородских рукописях // *Russian Linguistics*. 1986. Vol. 10.

Синонимы и варианты в русской лингвографии XVIII – первой половины XIX века: комплексный электронный фонд

К. Р. Галиуллин, Г. Н. Каримуллина, Р. Н. Каримуллина, Д. А. Мартынов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

galiullin.kamil@mail.ru, guzelika@list.ru, re_ka@mail.ru, gaplolog@mail.ru

Синоним, вариант, лингвография, словарь, компьютерный фонд.

Summary. The paper considers the principles of selection and linguographic description of the units with similar meaning – synonyms and variants – in the Electronic Fund. The Fund is being formed with the help of materials given by the complex of databases containing dictionaries of the Russian language (the XVIIIth – the first half of the XIXth century). This complex was created in Kazan University. The paper describes the information potential, the possibilities of use, and also the prospects of developing and replenishment of the Fund.

В рамках грантового проекта «Комплексный справочный фонд словарей русского языка XVIII – первой половины XIX века» (грант РГНФ, № 11-04-12076в) в Казанском университете формируется комплекс баз данных, содержащих материалы лингвографических источников указанного периода (см. интернет-версию на сайте «Казанский лингвографический фонд» портала университета <http://klf.kpfu.ru/russlovar18-19/1.php>). Основное внимание на данном этапе уделяется одноязычным словарям (см., в частности, академические словари – САР-1, САР-2, СЦСРЯ), а также двуязычным словарям с входным русским языком. Ставится задача лингвографической регистрации всех единиц, которые фиксируются в названных источниках, – слов и сверхсловных единиц различного типа (устойчивые словосочетания, включая фразеологизмы, паремии и др.); при этом наряду с

заголовочными описываются и внутрискатейные единицы. В базе данных эти единицы сопровождаются сведениями из словарей-источников (часть речи, морфологические характеристики, количество значений, пометы и др.). Регистрация подобных данных в фонде позволяет осуществлять поиск единиц по этим характеристикам; кроме того, возможен поиск слов по компонентам (с учетом позиции этих компонентов в слове), а также по другим признакам – по количеству букв, слогов и т. д.

На основе фонда формируются справочники различного типа. Одним из таких справочников является свод сходнозначных единиц (по СЦСРЯ – «сословов, или подобозначащих слов») [СЦСРЯ: XIII], зафиксированных в словарях-источниках, – электронный фонд синонимов и вариантов (ФСВ).

В анализируемых лингвографических источниках представлены разнообразные способы экспликации равнозначности описываемых единиц.

Распространенным и однозначным показателем синонимии и вариативности является отсылка «то же, что»; см. в САР-1: «Голодь ... То же что Гладь»; «Забойник ... То же, что и прибойник»; «Уборчивый ... То же что и убористый»; в СЦСРЯ: «Агнець непорочный, То же, что авраамово древо»; «Апелляторь ... То же, что апеллянт»; «Ючный ... То же, что выючный» и др. Как показывает анализ синонимических рядов, в подавляющем большинстве случаев отсылка «то же, что» используется при подаче однокоренных «сословов».

Другим показателем сходнозначности является союз *и* (см. в САР-1: «Болотичко ... и болотце» (статья болото), «Хламь ... и хламость»; в СЦСРЯ: «Альбомь, и альбумь»; «Ямщицкий ... и ямщичий» и др.), который обычно соединяет варианты и словообразовательные синонимы.

Подавляющее большинство единиц, связанных эквивалентными семантическими отношениями, выявляется при анализе толкований, главным образом синонимического типа, когда слово или словосочетание толкуется с помощью соответствующей сходнозначной единицы; см. в САР-1: «Буракъ ... Туязъ; ...»; «Хлябь ... преграда, оплотъ»; в СЦСРЯ: «Словесность ... 2) ...; литература»; «Этимологический ... Словопроизводный» и др.

При описании синонимов и вариантов в ФСВ разграничиваются и отмечаются специальными значками разные способы фиксации словарями сходнозначности единиц, в частности, с помощью: а) отсылки «то же, что», б) союза *и*, в) синонимического толкования или ссылки на синонимы в определении слова и др.; особо отмечаются случаи, когда в качестве компонентов синонимического ряда выступает слово в одном из своих значений (см. выше статью *словесность* из СЦСРЯ).

Составителями СЦСРЯ было принято решение «названия животных, растений и ископаемых оставлять без определений, прибавляя к ним латинские их наименования» [1: XIII], однако очень часто наряду с латинскими обозначениями в словаре приводятся и русские названия синонимы; см.: «Адмираль ... Conus Ammiralis, раковина. Кегля»; «Кавалерский цвѣтъ. Aquilegia vulgaris, растение. Орлики. Голубки. Колокольчики»; «Эхинитъ ... Clupeaster, ископаемое черепокожное животное. Морской ежъ» и др.

«Подобозначашие» сверхсловные единицы подаются в словарях разными способами; см. в САР-1: *Печаль, болѣзнь, бѣдность убиваетъ* [САР-1: 210]; *Богъ въ помощь; Богъ на помощь* [САР-1: 250]; в СЦСРЯ: «Свинцовый блескъ, или блестякъ»; «Слива каменная, сибирская» и др. В рамках ФСВ пользователю предоставляется возможность войти в базу сверхсловных единиц через любую словоформу, входящую в состав этих единиц.

В ФСВ фиксируется также равнозначность единиц, имеющих те или иные ограничения в употреблении (региональные, диалектные, профессиональные, устаревшие и др. единицы); см. в САР-1: «Багульникъ ... въ Сибирь его Клоповникомъ, а въ другихъ мѣстахъ Бугуномъ называютъ»; «Боярская спесь Трава ... въ низовыхъ мѣстахъ называютъ ее и Татарскимъ мыломъ»; «Подборъ ... б) У плотника то же что и подборка» и др. Для равнозначных единиц, имеющих в источниках указания на особенности функционирования, эти сведения фиксируются в ФСВ [см. в СЦСРЯ пометы: «в просторѣчии» (*Закатъ ... 2*) *В просторѣчии: гуляка), «простон.» (*Егозить ... Простон. 1*) Рѣзвиться, шалить ...), «стар.» (*Алырщикъ ... 1*) Стар. Фигляръ, фокусникъ), «черк.» (*Дерзо ... Черк. Смѣло, отважно*), «обл.» (*Бирюкъ ... Обл. Волкъ*) и др., пояснения типа «у ...» (*Просовка ... 2*) У портныхъ: болвашекъ), «в ...» (*Матка ... 7*) Въ Архангельской губернии: компась)]. Следует отметить, что некоторые их подобных материалов не могут интерпретироваться как указание на равнозначность единиц русского языка; см., например, ссылки такого типа: «Аймакъ ... У Калмыковъ: владѣніе дворянина, отчина» [СЦСРЯ].

В анализируемых словарях во многих случаях указания на наличие синонимов и вариантов представлены не у всех единиц, относящихся к тому или иному синонимическому ряду или к гнезду вариантов; см., например, в СЦСРЯ: *Муфлонъ ... То же, что аргали*; однако в статье *Аргали* отсутствует *муфлонъ*, в качестве синонимов здесь приводятся только *туръ* и *степной баранъ*. см. также: «Болотина ... топь»; «Болото ... топь»; «Топь ... топкое, вязкое мѣсто» и др.

В подобных ситуациях читатель словаря может выйти на словарное описание сходнозначных семантических отношений только через одну единицу или через часть единиц из состава синонимического ряда или гнезда вариантов, причём, как показывают примеры, даже при наличии соответствующих указаний единицы из этих рядов и гнезд могут быть представлены не в полном объеме. А в рамках ФСВ пользователь имеет возможность выйти на описание сходнозначности всех единиц, для которых в источниках указывается семантическая эквивалентность (даже если компоненты синонимических рядов и гнезд вариантов представлены в разных словарных статьях). Программное обеспечение ФСВ также позволяет пользователю перейти от любого компонента синонимического ряда или гнезда вариантов к соответствующим страницам словарей-источников.

ФСВ содержит материалы, которые необходимы для изучения истории сходнозначных единиц, особенностей их функционирования и которые, как показывает опыт, могут использоваться в системах автоматизированного анализа текстов XVIII–XIX веков, а также в лингвографической практике для более широкого включения элементов системного описания языковых единиц в словарях различного типа.

Региональные маркеры текстового пространства в деловой переписке конца XVIII – начала XIX в.

Н. В. Глухих

Челябинский государственный педагогический университет
gluhihnv@yandex.ru

Топонимы, ядерные и периферийные маркеры пространства, текстообразующая функция языковых единиц.

Summary. The paper studies nuclear and peripheral highlighters of the category of text space in business letters between ural manufacturers, merchants and bureaux in the South Urals. Place names in a business text perform text – forming function and are the sign of regional belonging.

Материал данного исследования – скорописные памятники заводского делопроизводства, хранящиеся в Объединенном государственном архиве Челябинской области, тексты писем заводчиков Демидовых, Расторгуевых и др. 1751–1825 гг. Деловой эпистолярный обладает таким неотъемлемым свойством делового языка, как реально-исторический характер текстового пространства.

Представить содержание пространства, окружающего коммуникантов, позволяет определенная система языковых единиц разных уровней, прежде всего это *номинативы*. *Ядерными маркерами* представления реального пространства, освоенного человеком, являются **топонимы**. Топонимы в деловом тексте выполняют текстообразующую функцию и

являются ведущим признаком региональной принадлежности. Автор таким образом конкретизирует описываемые события. В этом проявляются такие специфические черты делового языка, как точность, однозначность, конкретность изложения.

В письмах имеются следующие группы топонимов:
– гидронимы – названия рек (Ай, Арта, Кеолим, Куся, Сатка, Уфа);
– ойконимы – названия населенных пунктов: городов (Верхнеуральск, Екатеринбург, Златоуст, Касли, Кыштым, Санкт-Петербург, Троицк, Челябинск), деревень (Кумляцкая, Рамодановская, Ломовка и др.), провинций (Уфимская, Исетская);

– микропонимы – имена урочищ, лесных массивов, других географических объектов (ключ Аскарнин, урочище Бустака).

Большая ономастическая группа – названия предприятий и учреждений, находящихся в определенном месте, в результате их упоминания это место определяется однозначно. Это следующие единицы:

- названия заводов (Артинский, Бизарский, Златоустовский, Каслинский, Кизникеевский, Курашинский, Кусинский, Кыновский, Верхнекыштымский);
- заводских контор (Артинская, Златоустовская, Каслинская, Кусинская, Кыштымская);
- правлений (Главное правление сибирских казанских и оренбургских заводов, Уфимское наместническое правление);
- рудников (Кизникеевский, Кирыбинский, Покровский, Поляковский, Синарский);
- пристаней (Нязепетровская, Сорокинская);
- ярмарок (это и предприятие, и событие, привязанное к определенному месту) (Кундравинская ярмарка, Троицкая ярмарка) и т. п.

Уникальным явлением для лексики исследуемых материалов можно назвать группу слов, характерных лишь для **уральских** документов – это слова, пришедшие из языков коренного населения Урала – башкир, татар, например:

Иртяш – татар.: ир – земля, место, таш – камень; т. е. каменное место [3: 46];

Увильды – татар.: уелу – быть углубляемым, уелды – углубилось [3: 104];

Кизил-Таш – башкир., казах.: кызыл – красный, таш – камень [3: 58].

Руда, о которой говорится в каждом письме, называлась по месту нахождения, словами, производными от топонимов: *билимбаевская* – по реке Билимбаевке (Билимбаихе);

иртяшская – Иртяш – большое озеро близ Каслей;

ревдинская – Ревда – левый приток реки Чусовой, в устье которой в 1731–1734 гг. А. Н. Демидовым был построен железодельный завод [1].

Периферийными маркерами текстового пространства являются антропонимы, в основном известных людей, находившихся на службе в данном месте в данное время. При этом степень известности может быть различной: как для всей страны, так и для жителей и работников небольшого поселения: упоминаются губернаторы, заводчики и фабриканты, обербергмейстеры, шихтмейстеры, приказчики, горные смотрители, канторщики, другие служители и даже крестьяне, приписанные к заводам. В письмах заводчиков Демидовых с указанием пункта отправки или назначения, как правило, имеется имя приказчика или другого служите-

ля, ответственного за данный участок работы: «В Кыштымскую и каслинскую заводскую канторы приказчикам Гавриле кванскову и Григорью Карташову с товарищами».

Никита Никитич Демидов допускал указание только имени работника в сочетании с должностью, поскольку пункт назначения явно подразумевался:

«Приказчикам моимъ, Никифору блинову, Ивану серебрякову, Якиму аврамову, Прохору блинову, канторщику алфеву, и служителю щелегову».

В редких случаях место назначения не указывалось другими адресантами:

«Ордеръ Горному смотрителю телегину...» (от И. Ф. Фелкнера).

В традициях А. Г. Зотова и П. Я. Харитоновой, управляющих Кыштымскими и Каслинским горными заводами наследниц Л. И. Расторгуева, было, наоборот, указание пункта назначения / отправки письма без упоминания имен, например:

«получено 10 ч апреля 1824 года Главной каслинской заводской канторъ»; «Нязепетровской Заводской Канторъ».

Письма приказчиков, служителей контор и других работников содержат исчерпывающие указания места назначения / отправки со всеми именами, иногда не только составителей, но и копиистов, канцеляристов и т. д.:

«у подлинного подписано тако коллежской советникъ Елестратовъ примеръ маиоръ иванъ пировъ секундъ маиоръ семенъ шалимовъ в должности секретаря коллежской протоколист афонаси (...) канцеляристъ Федор граматчиковъ».

К группе периферийных относятся также названия ряда материалов и продуктов производства, характерных лишь для данной местности, например:

«...за уральской прежней камень плату получаютъ оныя ваши заводские жители самообиднейшую»; «ныне де самава белава **полевого мрамору** в добыче нетъ, а есть де добытой белой несколько голубоватой мраморъ называемой **булзинской**, из котораго де мрамора къ каравану вышеупомянутыа намъ доски зделать успеть можно».

С помощью топонимов деловая переписка запечатлела особенности местности как важного экстралингвистического фактора, играющего большую роль в жизни авторов исследуемых текстов.

Литература

1. Матвеев А. К. Вверх по реке забвения. Свердловск, 1992.
2. Матвеева Т. В. Текстовое пространство // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожин. М., 2006. С. 539–541.
3. Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Челябинск, 1982.

Синонимические отношения между глаголами интенсивных способов действия в русском языке XI–XVII вв.

З. И. Годизова

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ)

godizovazi@rambler.ru

Словообразовательная синонимия, историческое словообразование, интенсивные способы действия, словообразовательный тип, стилистическая окраска.

Summary. The report deals with the synonymous relationship between prefixal intensive modes of action verbs in the Russian language of XI–XVII centuries. The type of synonymy, its stylistic and functional tasks are determined. The theses highlight the functional and stylistic coloring of intensive modes of action verbs and reveal the reasons of stylistic heterogeneity of intensive modes of action verbs.

Одним из актуальных вопросов исторического словообразования является проблема словообразовательной синонимии. В отличие от словообразовательных отношений, синонимические, омонимические и антонимические отношения в системе словообразования «являются не деривационными, а альтернативными («паратактическими») отношениями сосуществования равноправного с точки зрения их системного статуса единиц» [1: 77].

В русском языке XI–XVII вв. между различными словообразовательными типами в рамках одного и того же способа глагольного действия часто наблюдается явление словообразовательной синонимии, т. е. выражаются тождественные словообразовательные отношения с тождественным словообразовательным значением и нетождественными сло-

вообразовательными средствами (например, в рамках тотального способа действия: *изболѣти* – *выболѣти*, *истоптати* – *вытоптати*, *измазати* – *вымазати*, *измяти* – *вымяти*; в рамках качественно-оценочного способа действия: *измыти* – *вымыти* – *отмыти*, *исчистити* – *вычистити* – *прочистити*, *избранити* – *выбранити*, *выскрести* – *отскрести*, *выскоблоти* – *отскоблоти*; в рамках усилительно-интенсивного способа действия: *воспалѣтися* – *распалѣтися*, *воскручинитися* – *раскручинитися*, *възыаритися* – *раззыаритися* и т. д.). Отношения между приставочными образованиями в рамках одного и того же способа действия могут быть охарактеризованы как типовая словообразовательная синонимия, которая реализуется в разноаффиксных синонимах, связанных с общей производящей основой. Данный

тип синонимии возник в результате осложнения одной производящей основы разными морфемами и является префиксальным и внутриспособным.

Синонимия в древнерусском языке представлена также между префиксальными и приставочно-постфиксальными глаголами, последние отличались оттенком усиленности, интенсивности действия (например, в рамках усиительно-интенсивного способа действия (*разбуяться* – ‘расширяться’ [3] и *разбуяти* – ‘расширяться’ [3], *расверѣпнѣти* – ‘прийти в ярость’ [2] и *расверѣпнѣти* – ‘стать необузданным, взбунтоваться; разъяриться, расвирепеть’ [2]). В этом случае имеет место синонимия межспособная.

В указанный период синонимичные отношения между приставочными глаголами часто имели случайный характер, что было связано с тем, что в период формирования модификационных значений одно и то же значение какое-то время могло выражаться разными приставочными образованиями (при одном и том же базовом глаголе), например, в сативном значении зафиксированы глаголы: *испитися* – ‘напиться’; *попитися* – ‘напиться, упиться (до пьяна)’; *прислухатися* – ‘наслушаться’; *преслухатися* – ‘вдоволь послушать, наслушаться’. Позже многие из этих синонимичных образований были утрачены, сохранились лишь те, в которых основа и приставка были семантически совместимы и их соединение создавало значение именно этого способа действия.

Словообразование – один из важнейших факторов стилистической организации текста. Формирование определенных словообразовательных типов часто связано с определенной стилистической сферой языка, особенности которой они и отражают, противопоставляясь в этом отношении образованиям, принадлежащим к другим жанрово-стилистическим группам языка.

Исследование функционально-стилистической окраски глаголов интенсивных способов действия показало, что одни словообразовательные типы являются безусловно разговорными: например, глаголы тотального способа действия с приставкой *вы-* (*выгрызти*), глаголы чрезмерно-продолжительного (*запытати*) и чрезмерно-длительного (*залежатися*) способов действия с приставкой *за-*, глаголы чрезмерно-нормативного (*пересолити*) и сверхнормативного-длительного (*перепитися*) способа действия с приставкой *пере-*, глаголы прерывисто-смягчительного способа действия с приставкой *по-* (*покрадывати*) и другие. Другие словообразовательные типы являются книжными: например, глаголы тотального способа действия с приставкой *из-* (*изнемочи*), глаголы качественно-оценочного способа действия с приставкой *из-* (*измыти*), глаголы с приставкой *вз-* со значением интенсивного начала действия (*възнегодовати*) и т. д. К нейтральным словообразовательным типам можно отнести, например, глаголы смягчительного способа действия с приставкой *при-* (*прикрыти*). Стилистически смешанными типами являются глаголы сативного способа действия с приставкой *на-* (*набѣгатися*), глаголы усиительно-интенсивного способа действия с приставкой *раз-* (*разлѣнитися*) и другие.

Истоки наиболее древних интенсивных способов действия уходят в праславянскую и старославянскую эпоху. В древнерусский период глаголы этих способов действия

употреблялись в большей степени в произведениях, написанных с использованием книжно-славянского типа языка, который сложился на базе старославянского языка. Вместе с тем при переводе памятников русские авторы вносили русские особенности, народные диалектные черты, элементы фольклора, взаимодействовали различные типы языка, смешивались старославянские и древнерусские языковые средства. В результате происходило стилистическое расширение тех словообразовательных типов, которые вначале в большей степени имели книжную окраску (сативный, усиительно-интенсивный, длительно-усилительный, тотальный) в выражение интенсивных значений включались русские приставки *вы-*, *пере-*. Смешанный стилистический характер многих интенсивных способов действия обусловлен тем, что отдельные типы речи русского языка, жанрово-стилистические разновидности не находились в изоляции друг от друга, они активно взаимодействовали, особенно в различных произведениях и особенно в произведениях книжного характера, которые чаще допускали двойной план в повествовании.

Словообразовательные средства, которые принадлежали определенному стилистическому разряду русского языка, не соединялись с производящей основой, несущей языковые черты противоположной стилистической сферы, но вместе с тем эти словообразовательные средства, принадлежащие к разным языковым сферам, имели значительную общую производящую базу в виде общеязыковой, нейтральной лексики (например, приставки *из-* и *вы-*, *пере-* и *пре-*). Производные с этими приставками либо образовывали стилистические синонимы, служащие для оформления одного словообразовательного значения (например, приставки *из-* и *вы-* в рамках тотального способа действия), либо различались по лексическому значению и не могут быть рассмотрены в качестве словообразовательных синонимов (приставки *пре-* и *пере-* в рамках чрезмерно-нормативного способа действия).

Словообразовательная синонимия является мощным стилистическим средством языка и реализуется в одноосновных, но разноаффиксных образованиях, выполняя свои стилистико-функциональные задачи не за счет основ, а именно за счет нетождества морфем. Отнесенность синонимических словообразовательных средств к разным стилистическим сферам и создает стилистический эффект словообразовательной синонимии. Словообразовательная синонимия активно проявляется в области тотального, качественно-оценочного, усиительно-интенсивного способов действия (например, *исчистити* (нейтральный) – *вычистити* (нейтральный) – *прочистити* (разговорный), *иссушити* (книжный) – *высушити* (нейтральный) – *просушити* (разговорный), *изсъхнути* (книжный) – *просохнути* (нейтральный), *выпарити* (нейтральный) – *отпарити* (разговорный), *раскручинитися* (разговорный) – *воскручинитися* (нейтральный)).

Литература

1. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М., 2009.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.
3. Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка: В 3 т. М., 2003. (Репринт. изд.).

«Разговорник» Т. Фенне как источник сведений об эволюции русской синтаксической системы

М. Л. Гордиевская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

margord@mail.ru

Синтаксическая система русского языка, синтаксическая структура, разговорник Т. Фенне.

Summary. The paper is devoted to the study of the data of Tönies Fennes phrase-book. It covers the basic features of syntax of that period and draws parallels between it and modern Russian syntax at the following points: the breach of the agreement in number, gender and case in noun groups with pronouns and adjectives in comparison with modern northern dialects of the Russian language; re-grouping of syntactic links within Russian noun phrases (especially changes in noun groups with numerals and counting words); the change in the surface expression of semantic role; study of the version category. The data of the Spoken Russian proves the idea that all syntax changes in the history of the Russian language were evolutionary and systematic by nature.

«Разговорник» Т. Фенне – манускрипт созданный немецким купцом Тённисом Фенне в 1607 г. – представляет собой уникальный источник, фиксирующий живую разговорную

речь начала XVII в. Это одно из редких свидетельств, наглядно иллюстрирующих процессы, которые протекали в русском языке и имели эволюционный потенциал. Синтак-

сические структуры и явления, которые мы наблюдаем в «Разговорнике», несомненно, имеют диалектный оттенок (манускрипт был составлен в Пскове на основе местного говора), однако это не умаляет значение этого памятника для исследования изменений синтаксической системы русского языка в целом. Сопоставительный анализ материала «Разговорника» может идти в двух направлениях: (а) особенности синтаксиса, отразившиеся в магистральных линиях развития русского языка и (б) черты, сохранившиеся в диалектах.

Из особенностей синтаксиса живого языка, представленного в «Разговорнике», следует отметить следующие явления:

1) *Падение согласования в именных группах и при координации подлежащего со сказуемым.* Так, при существительном женского рода может стоять определение, которое не отражает этой морфологической категории. Таким образом, существительное выступает контролером согласования только по падежу и числу, в отличие от привычного в русском языке тройственного согласования, например: *Мой дочка ужё замуж* [222]; *Вежи в мой палата* [241]; *Я в сей ночь нечего спал* [132]. Аналогичное несоответствие по роду наблюдаем в примере из словника: *Мед зундское / мед кислое / мед пресное* [84]. В ряде случаев в синтагмах наблюдается рассогласование по числу и падежу, например: *Наших верных слуга* [231] или условное согласование в грамматической основе: *Твой товар мне полюбилося*.

2) *Сохранность архаичных модели именных групп с числительными.* В «Разговорнике» архаичная модель синтагмы с количественными числительными, утраченная в целом вследствие падения двойственного числа, представлена как живая норма: *У меня есть продажной: четыре бумажники, да три холмутины.* Можно заметить, что полновластным контролером согласования в синтагмах с числительными выступает существительное. В записях Фенне встречается и абсолютно раритетная конструкция, в которой числительное *пять* обнаруживает свою генетическую связь с существительным: *Я тебе добуду ту пять лисицы.* Как видно из примера, указательное местоимение согласуется с числовым словом, а существительное *лисицы* попадает под управление.

3) *Распространение инфинитивных оборотов.* Эта особенность синтаксиса фраз из «Разговорника» была отмечена А. А. Зализняком. Среди этих конструкций есть два типа: одни инфинитивные структуры выражают модальные значения (сейчас на их месте составное глагольное сказуемое), другие представляют собой инфинитивный оборот со значением цели. Отметим лишь, что инфинитив, вносящий в структуру отдельную пропозицию – цель совершения действия – стоит при глаголах-сказуемых с самой различной семантикой, а не только при глаголах направленного движения, как в современном русском языке: *Люди не добре прилипаят к твоему товару купить.*

4) *Наличие особых структур для выражения центростремительной версии.* Версия – универсальная языковая категория, выражающая направленность и предназначение действия. Центростремительная версия (действие соверша-

ется для себя или замкнуто в самом субъекте) выражается в примерах из «Разговорника» Фенне не вполне типичной местоименной конструкцией *я мне*: *Я мне подумую да люди доложу (= сам подумую); Я мне всю ночь десятьюжда обрателься.*

Примеры Фенне интересны в том отношении, что они показывают некоторые черты и тенденции в языке начала XVII в., которым не суждено было сохраниться в последующие эпохи. Однако, хотя отмеченные тенденции утратились, мы видим результаты их распада в языке современном. Следы незавершенности названных процессов проявляются (1) в колебаниях синтаксической нормы и (2) в отклонении от магистральных тенденций русской синтагматики (например, в именных группах с числительными).

(1) Таковы колебания в сфере координации в современном русском языке: *Три плода – три яблока – висело на тонких, кверху загнутых ветках* (Тургенев). – *Три яблока висели на ветке.*

(2) Перегруппировка связей в синтагмах с количественными числительными в истории языка привела к «нелогичной» синтагматике числительных, которая закрепилась в современном русском языке.

Однако не будем забывать, что примеры из «Разговорника» Фенне отражают диалектные особенности («Разговорник» был составлен на основе общения с псковскими купцами), поэтому здесь корректней сравнение не с современным литературным языком, а с современными северными говорами. Сравнение синтаксических явлений «Разговорника» с записями, сделанными в том же регионе четыреста лет спустя, позволяет увидеть синтаксические тенденции, не завоевавшие литературный язык:

Вот некоторые примеры: *О чем ты у меня поперек торгуешь? Я вперед тебе тот товар торговал, да ты пришёдши да товар у меня перекупаешь* [279]; *Пожалуй не пакости ты мне у того товару и не взбивай* [248]; *Есть в той сундук позамкнуто золота пряденого и полкоробью жемчугу и десять зерен жемчугу* [223]; *Подумай себѣ да яз себѣ. Да скажи мне завтра ответ* [141].

На примере фраз из «Разговорника» Фенне можно рассмотреть, скорее, «отрицательный» материал, т. е. те конструкции, которые оказались в стороне от магистральных тенденций развития русской синтаксической системы. Но и эти «тупииковые ветви» в эволюции русского синтаксиса представляют, на наш взгляд, чрезвычайный интерес, так как имеют вполне жизненное продолжение в современных северных диалектах русского языка.

Литература

1. Зализняк А. А. Из наблюдений над «Разговорником» Фенне // Polytron. Сборник к 70-летию Вл. Н. Топорова. М., 1998.
2. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Тарту, 2004.
3. Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П. Говоры староверов в современной Эстонии // Русские старообрядцы: язык, культура, история. М., 2008.
4. Fenne T. Tönnies Fennes Law German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607) // Transliteration & Translation / Ed. L. L. Hammerich & Roman Jakobson. Copenhagen. Vol. 2. 1970.

Тюркские (булгарские) лексические элементы «Слова о полку Игореве» в историко-этимологическом контексте их отношений с языками Восточного Кавказа

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

garun48@mail.ru

'Tale of Igor's Campaign', Turkic and Bulgar origin, East Caucasus languages.

Summary. Historically doubtful and casual nature of known lexical similarities of Vainakh (Chechen and Ingush) languages with a number of verbal forms of 'Tale of Igor's Campaign' is established. Unlike them, the elicited lexical facts of a Turkic origin, in the majority proper names and etonyms, considered in a historical and etymological context of their relations with languages of East Caucasus and possessing much bigger degree of etymological reliability, appeared, behind the few exceptions, genetically Bulgar.

Анализ показал исторически недостоверный и случайный характер известных лексических сходств вайнахских (чеченского и ингушского) языков с рядом словесных форм «Слова о полку Игореве»: **(О)ВЛУРЬ** ~ *Овлург* 'ягненок зимнего оюта', **КНЕС(Ь)** ~ *киназ* 'церковь', **ДО КУРЬ** ~ *кур* 'квартал', **ТРОЯН(И)/ТРОЯН(Ю)** ~ *тарам* 'дух-покро-

витель', **КАРНА** ~ *кхарам* (*хъарам*) 'грешный', **КОТОРА** – *котал* 'мелкое воровство', **ХОТЬ** – *хоъти* 'посвященная' (см. [3]).

Первая разновидность выявленных лексических фактов тюркского происхождения, обладающих гораздо большей степенью этимологической надежности, – булгарские этно-

ним и ойконим, неизвестные местным тюркским и иным языкам:

МОГУТЫ ~ монг. *Мөгет*, кит. *Ме-цио-сы*, араб. *М-к-с, М-с, М-н-к-с* «взятая монголами в 1240 г. столица северокавказских кыпчаков, а до этого болгар-алан, располагавшаяся в нижнем течении р. Сунжи», источником которых мог быть болгарский, с переходом *b- > m-, репрезентат обще-, межтюрк. *бенги / беңку / беңу* ‘вечный’, отмеченный в числе известных тюркских этимологий данного этнонима, + -t – окаменелый, возможно, монгольского (или праалтайского уровня) типа формант мн.ч., присущий отдельным древнетюркским словам, характерный для древнерусского и монгольского (см. выше) названий, и дун.-булг. показатель мн. ч. *-s – для остальных.

Вторая – болгаризмы, отложившиеся в местных тюркских языках и через их посредство вошедшие в некоторые дагестанские языки:

ХИН(ОВИ, -ОВА) / ХЫН(ОВИ, -ОВА) – этноним, из известных этимологий которого наиболее убедительным представляется возведение к болгарскому *хын / *хън (с редуцированным гласным) репрезентату венг. *kun(ok)* ‘половец’ [2: 105–106], каковой представляет собой историческую корневую часть эндоэтнонима кумыков (*qon- > qom-uq) и отложился во впервые упоминаемом в XIII в. названии селения *Хина-луг* (азерб. *Хына-лыг*) северо-восточного Азербайджана, а также рутульском (в южном Дагестане, с куфическим надписями XII–XIV вв.) ойкониме *Хин* / араб. (не ранее второй половины XVI в.) *Хинāв / Хинав*, где конечный -в может отражать характерную для лезгинских языков делябилизацию инлаутного гласного в исходном *χon – названии одного из протокумыкских племен.

ЧАГА ‘девушка-невольница’ < болгарский род *čaqar* [1: 39] (< перс. *čakar* ‘слуга’) > кум., к.-балк. *чагъар* ‘крепостной крестьянин’ (ср. осет. *caγar* ‘раб’ из цокающего болгарского диалекта) в условиях неустойчивости ауслатного -r, характерной для карачаево-балкарского языка, ареально смежного терского кумыкского диалекта и старописьменных кумыкских памятников, вследствие чего конечное -ar могло быть воспринято как аффикс имени действующего лица, а в двуязычном – с тюркским языком – (древне)русском языковом сознании – мужского пола, при отсутствии (-a)r – как форма женского рода с присоединением окончанием -a – ЧАГА ‘девушка-невольница, рабыня’, но *čaqar* (ср. выше булг. *čaqar) – ‘слуга’ > ‘раб’ > ‘крепостной крестьянин’.

Впреки известным этимологиям предполагаемый болгарский источник названия левого притока р. Днепр **СУЛА** поддерживается дагестанскими – арч. *zulu* ‘родник’ и лак. *zilu* ‘крытый родник’ – лексическими формами, болгарски-

ми по происхождению, которым отвечает иной болгарский (ввиду чув. диал. *šālā* ‘колодец’) s-репрезентат др.-, ср.-век.-тюрк. *julaq* ‘маленький ручей’, ‘источник’, ‘речка’, ‘ручеек’ (ср. кумыкский гидроним *Солак* ‘Сулак’) с редукцией ауслаутного -q, развившейся в болгаризмах ареально смежного венгерского языка до X в., но в чувашском лишь к XIV–XV вв. в условиях, когда болгаризмы с s- и z-анлаутом на месте j-достаточно широко представлены в (древне)русском и языках Восточного Кавказа.

В летописном контексте «Слова о полку Игореве» («Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбук... а Святослава Олговича – Елдечюк в Вобурчевичех») отложилось в кум. ист. *Бюрчбий* ‘блоха-князь, или князь блох’ название донецкой орды **БУРЧЕВИЧИ**, а др.-русс. **ТАРГОЛ(ОВЕ)** может быть возведено к производной форме **Tarγu-lu* от кумыкского (в районе хазарского Семендера в Дагестане) ойконима *Tarγu*, известного с 716–717 гг. как хонский (ср. выше *χon*) город.

Третья – (восточно)тюркские этнонимические изоглоссы, нашедшие отражение в различных тюркских языках рассматриваемого региона: **ТАТРАНЫ** (< **tat-ar-an*, где (a)n – тюркский показатель мн. числа, -ar ‘человек, мужчина’, встречающийся в тюркских этнонимах) упоминающиеся вместе с **МОГУТАМИ** и другими племенами, подчиненными Ярославу Всеволодовичу, князю Черниговскому ~ *таты* – племена, расселившиеся в V веке в нынешнем Азербайджане (впервые в надписи 732 г.), исконно тюркская корневая – *tat-* ‘чужеземец, иноплеменник’ – часть их названия могла обозначать до появления татар в Восточной Европе одно из местных, возможно, огузских племен, этнически чуждых другим, также находившимся в зависимости от черниговского князя Ярослава Всеволодовича (ср. аналогичное – *tat* – название огузского населения южного берега Крыма, заселенного с XV–XVI вв. выходцами из Турции).

ШЕЛОМЫ ОВАРЬСКОЯ ~ этнохороним *Авар* объясняется инфильтрацией восточных тюрк-авар и в хазаро-болгарскую среду раннесредневекового царства *Сарир* в Дагестане, часть территории которого вместе с аварским селением Хунзах получила в местной тюркской, в частности, кумыкской традиции название *Авар*.

Литература

1. *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
2. *Добродомов И. Г.* О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 102–109.
3. *Мальсагов Д. Д.* О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве» // Изв. Чечено-Ингуш. НИИ истории, яз. и лит.-ры. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 2. Языкознание. С. 120–167.

Этимологические версии в ракурсе балто-славянской теории

И. В. Диманте

Международная балтийская академия (Рига, Латвия)

dimanteirina@inbox.lv

Балтийские и славянские языки, модификация значений, многозначность.

Summary. Language facts serve as proof of the existence of a common genetic ancestral language of the Baltic and Slavic languages that followed the disintegration of the Indo-European protolanguage. Another illustration and confirmation of the Balto-Slavic theory is the modification of the root morpheme meaning, detectable from etymologic analysis.

Явное сходство балтийских и славянских языков является подтверждением исторической непрерывности контактов и духовного родства их носителей. По мнению языковедов [1, I: 7], последними языковыми группами, которые выделились из общего индоевропейского праязыка, были германо-балто-славянские. Позднее, после отделения германской ветви балто-славянская языковая общность продолжала существовать еще длительный период.

Лексический пласт современных славянских и балтийских языков содержит значительное количество сходных образований. Свидетельством существования балто-славянского периода служат факты распознавания примарных значений и их модификаций, выявляемые с помощью этимологического анализа балтизмов и славянизмов. Осуществляя ретроспективный анализ и исследуя трансформацию более ранних значений, окажется возможным подойти к выявлению прообраза базисного языкового состояния, представ-

лявшего собой совокупность форм и значений. С другой стороны, следуя за движением мысли от конкретного к абстрактному, можно приблизиться к постижению механизма появления новых слов.

В данном случае выявление глубинного смысла, заложенного в семантике языковых субстанций, предполагает направить исследование по пути анализа славянских (в большей степени, русских) образований и связанных с ними балтизмов. В первую очередь, будут представлены сравнения с латышским языком (лат.), т. к. примеры из него менее известны языковедам, поскольку в работах специалистов они даются или в качестве вторичных по отношению к литовским (лит.), или же вообще не приводятся.

В качестве отдельной иллюстрации может послужить рассмотрение развития и становления семантически связанных лексем – *после, след, пята* и балтийских их соответствий. В современном русском языке *после* реализуется как лексе-

ма и как морфема и во всех случаях имеет абстрактное пространственно-временное или же только временное значение [2, III: 316].

В работах по этимологии можно найти несколько версий происхождения этого адверба. Однако наиболее вероятным представляется вариант возникновения адверба *после* вследствие редукционного преобразования более раннего древнерусского и старославянского наречия *послѣди* (*послѣдѣ* / *послѣдѣ* / *послѣдѣ* и т. п.), восходящего к праславянскому **slědъ* (из которого сформировался субстантив *след*) [4, II: 60; 3, III: 339–340]. Данное образование, возникло на более древней балто-славянской основе, ставшей базой также для прусских, литовских и латышских лексем с различными, однако взаимосвязанными значениями. Сравните лишь некоторые: лит. *slidus* ‘скользящий’, *slidaui* ‘скользить’ (1 ед.); лат. *slidens* ‘скользящий’, *slīdēt* ‘скользить’, *sliede* ‘колея; след’, *slaidis* ‘пологий’. В этимологических словарях отмечается, что подобные балтийским значения обнаруживаются также в некоторых других языках, например, англосаксонском, греческом, древнеиндийском, норвежском и др. [4, II: 174–175; 3, III: 668]. Это позволило прийти к выводу, что примарным значением могло быть ‘след от скольжения’, сформировавшемся в праиндоевропейском языковом состоянии из **(s)leidh-* / **(s)loidh-* < **(s)lei-* [4, II: 174–175]. Первичное значение, отличаясь конкретикой содержания (материализованностью), заключало в себе потенциал распространения ранее объединенных понятий действия (перемещения в пространстве и времени) и полученного результата (изменения формы материи). Вероятно, это обосновало развитие секундарных, более абстрактных значений.

В пользу убедительности «балтийской версии» имеется дополнительный комментарий к лексеме *после*. Достаточно сделать сравнение с латышским языком, где лексеме *после* соответствует наречный предлог *pēc* (с основными значениями ‘после того’, ‘позднее’ и их вариантами), сформировавшийся на базе субстантивного образования. Этапы семантического развития исследуемого слова могут быть представлены следующим образом: *pēc* < *pēdis* (Тв. мн. от *pēds*) < **pēdies*, где звено *pēds* является морфологическим вариантом субстантива *pēda* (см. ниже) [5, II: 30–31]. Допустимо, что первичное значение уже оформившейся латышской лексемы *pēdis* было пространственно-временным, т. е. могло сочетать в себе представления места (‘местоположение’)

и / или времени, связаны с понятиями очередности (‘один за другим’, ‘затем’). Это нашло отражение в фольклоре и говорах.

В современном латышском языке лексема *pēda* является многозначной: ‘стопа’, ‘ступня’, ‘след’, ‘пядь’, ‘пяга’, ‘пятка’, ‘подошва’, ‘фуг’. Можно предположить, что именно здесь представлен аналог примарных значений, заложенных в доисторической первооснове, предшествующей позднее выведенным и.-е. основам с различными вариантами консонантных и вокальных чередований. На ее почве возникли древние матрицы, получившие в дальнейшем отличную фонологическую структуру, но не утратившие между собой семантической связи. Вероятно, что позднее, могли сформироваться такие базисные морфемы, как **ped-* / **pod-*, с одной стороны, и **pet-* / **pot-* – с другой, представленные различными ступенями вокализации. Основанием для такого предположения служит то, что в ряде языков достаточно широко представлены лексические синонимы, сформировавшиеся как бы параллельно. Например, «русская» *пята* формируется именно на базе **pet-* / **pot-*, а латышский аналог на базе **ped-* / **pod-*. На основе **pet-* / **pot-* в русском возникает также лексема *пятно*, при этом одно из первоначальных значений в языке древних охотников представлено как ‘след’, ‘знак’ от праславянского **pętno* из **pęta* ‘пятка’. В говорах обнаруживает себя *пятник* ‘след на снегу’. Для сравнения – в литовском *pintis, pėntis* ‘пятка; толстый конец; обух топора или косы’; также *ūžpėntis* ‘шпора; задник башмака’ [3, III: 424–425].

Этимологический анализ этих лексических образований позволяет допустить их генетическую связь с лексемой *путь* ‘дорога’ (И. Д.), а также с *путник* ‘дорога охотника, обходящего свои ловушки’ и с *путина* ‘рыболовная кампания’ (ср. с *пятина* ‘неподвижная часть рыболовной сети, находящаяся на берегу’) [3, III: 413, 425].

Литература

1. Инфантьев Б. Балто-славянские культурные связи. Рига, 2007.
2. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986–1987.
4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.
5. Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. 2 sējums. Rīga, 1992.

Титулы русских царей в скорописных азбуках-прописях XVII–XVIII веков

В. В. Дубовик

Тюменский государственный университет

dubovik@list.ru

История русского языка, скорописные азбуки-прописи, традиции обучения письму.

Summary. This paper is about the particular forms of kingship in cursive alphabets-prescriptions.

Представление о том, что обучение письму есть познание окружающего мира во всем его многообразии, мудро устроенном и гармонически организованном в соответствии с Божественным промыслом, определяло состав и структуру скорописных азбук-прописей, по которым осуществлялось обучение грамоте в XVII и XVIII веках. Разные уровни бытия были представлены разным набором текстов. Изречения из «Пчелы» и толковых азбук, вопросы-ответы из «Беседы трех святителей», молитвы, отрывки из «Александрии» знакомили учащихся с тем, как в соответствии с Божьим замыслом устроен мир; образцы деловых документов и частных писем – с человеческими установлениями, с социальными ролями и способами их выражения вообще и местом самого ученика в этой иерархии в частности. Титул правящего царя, входивший в состав большинства сохранившихся скорописных азбук-прописей, занимал в этом смысле промежуточное положение: в государе Божье попечение о русском государстве принимало черты конкретного человека.

В скорописную азбуку-пропись включался титул того государя, который правил во время ее написания; поэтому на протяжении XVII и XVIII веков в азбуки последовательно входили титулы царя Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, двойной титул Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и титул Петра Алексеевича, когда он стал единовластным правителем московского государства. Полные титулы государей приводились отдельно, а краткие содержались в составе формуляров деловых документов. Рассмотрим полные титулы русских царей в сопоставлении с их «азбучными» вариантами.

1. Полный титул царя Михаила Федоровича до 1634 года (Жалованная грамота царя Михаила Федоровича от 22 июля 1634 (1626) года Афонские горы Пантелеймонова монастыря архимандриту Макарию и строителю Савве // Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на святой горе Афонской. М., 1886. С. 134–137) – титул из скорописной азбуки-прописи 1630–1640-х годов (РГАДА, Ф 196, оп. 2, № 270).

Полный титул царя Михаила Федоровича до 1634 года	Титул из скорописной азбуки-прописи 1630–1640-х годов
<i>Божию милостию мы великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всея русии самодержец владимирский московский новгородский, царь казанский царь астраханский царь сибирский государь псковский и великий</i>	<i>бжію млстію мы великіи гдѣрь црь і великіи князь михайло федоровичъ всеа русіи самодержецъ владимирскіи московскіи новгородскіи црь казанскіи црь астраханскіи црь сибірскіи гдѣрь псковскіи і великіи (sic) смоленскіи</i>

{князь} смоленский, тверской, югорский, пермский вятский, болгарский и иных {государь и великий князь} новгород низовские земли, черниговский, резанский, ростовский {и} ярославский, белозерский, {лифляндский,} удорский {и} обдорский кондинский и вся северныя страны повелитель и государь иверские земли карталинских и грузинских царей и кабардинские земли черкасских и горских князей и иных многих государств государь и обладатель

тверский югорский пермский вядъцкий (sic) болгарский (sic) j иных (земель) новгород низовские земли черниговские резанские ярославские вологодские белоозерские (ржевские бельские) удорские обдорские кондинские i вся северныя страны повелитель и гсдорь иверские земли карталинских j грузинских цреи и кабардинские семли черкасских j горских кнсеи и иных многих гсдрьств гсдорь j обладатель (и гсдорь семли неметские)

Подчеркиванием отмечены слова, сохранившиеся в титуле в измененной форме; фигурными скобками – пропущенные части титула; в круглые скобки заключены добавленные части титула.

Как видим, приведенный в азбуке-прописи титул отличается от употреблявшегося в официальных документах; расхождение касается прежде всего перечня подвластных царю земель. В «азбучном» титуле опущено «лифляндский», однако добавлены «ржевские» и «бельские» земли, а также часть «государь земли неметские». Если эта последняя часть в титул русских государей никогда не включалась, то «ржевские» и «бельские» земли были в титуле великого князя Василия III Ивановича (1505–1533); «ржевские» земли сохранялись в титуле царя Иоанна IV Васильевича с 1547 по 1572 год. Скорописная азбука-пропись датируется 30–40 годами XVII века, и если предположить, что она была написана ближе к концу этого периода, то тогда список земель, исключенных из реального титула и сохранившихся в «азбучном» варианте, будет еще длиннее. После 1634 года и вплоть до кончины царя Михаила Федоровича в 1645 году из его титула была исключена часть «великий князь смоленский ... черниговский ... лифляндский», тогда как в азбуке-прописи эти земли (кроме «лифляндский») включены в титул.

2. Полный титул царя Михаила Федоровича до 1634 года – титул из скорописной азбуки-прописи 1643 года (РГБ, Ф 256, № 326). В «азбучном» варианте в титул добавлено «великий князь ... вологодский и великопермский ... поморский ... и вся сибирская земли». «Сибирские земли» были в титуле царя Иоанна IV.

3. Полный титул царя Алексея Михайловича до 1654 года (Полное собрание законов Российской Империи. Т. I (1649–1675). СПб., 1830. № 421. С. 735) – титул из скорописной азбуки-прописи 1648 года (Буш В. Старинная азбука-прописи. 1920. С. 16–19.). В «азбучном» варианте в титул добавлены «великий князь ... черниговский ... лифляндский» – из титула царя Михаила Федоровича (до 1634 года); «ржевский полоцкий» – из титула царя Иоанна IV; «переславский вологодский» в титулах русских государей не было.

4. Полный титул царя Алексея Михайловича после 1667 года (Полное собрание законов Российской Империи. Т. I (1649–1675). СПб., 1830. № 421. С. 737) – титул из скорописной азбуки-прописи второй половины XVII века (РГБ, Ф178. № 1373. Л. 15). В начале титула, помещенного в азбуке-прописи, при перечислении великих княжеств, опущено «киевский» и сохраняется порядок следования княжеств, установленный еще в титуле Иоанна IV с 1552 года и существовавший до 1654 года. Также не включены в него и новшества «и иных государств», оставлено по-старому: «и иных государь»; и «и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич и наследник и государь». В титул внесены «вологодский и великопермский», «сибирская земли» (титул Иоанна IV, с 1572; титул Федора Иоанновича; титул Михаила Федоровича с 1613 по 1634 год), «лифляндский и иных многих царств и великих государств» (из титула Михаила Федоровича до 1634 года; впрочем, в титуле Иоанна IV в 1572 году появляется «государь отчинные земли лифлянтские и иных», который в титуле Федора Иоанновича преобразуется в «государь и великий князь ... черниговский резанский ... лифляндский», исчезает в титуле Бориса Годунова и последующих правителей до появления в титуле Михаила Федоровича).

Выше приведены лишь отдельные примеры, однако подобные изменения прослеживаются во всех полных титулах из скорописных азбук-прописей. Совершенно очевидно, что, во-первых, «азбучные» титулы не были призваны обучить написанию царского титула; и, во-вторых, составители азбук-прописей не имели перед глазами образца реально употреблявшегося титула, иначе трудно объяснить, почему они его не использовали. В азбуках-прописях мы сталкиваемся с особым отношением к царскому титулу. Титул воспринимался как описание владений государя, которому Божиим промыслом предназначено управлять русским государством. Поскольку правление царя постоянно и «неподвижно», постольку и описание его владений может только расширяться по мере проявления Божией воли. Отправной точкой являлся титул первого царя – Иоанна IV Васильевича.

К истории формирования русского социально-политического словаря: «Наказ» Екатерины II

Г. В. Дуринова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
galina.dourinova@gmail.com

Историческая семантика, социально-политическая терминология, лингвистические стратегии, концепты.

Summary. The research is devoted to the formation of Russian social-political terminology. It analyzes the usage of such words as “citizen”, “society”, “state” in the text of “Instruction” by Catherine the Great and linguistic strategies of the translation of these terms from the French language (as “The Spirit of the Laws” of Montesquieu was the basis for Catherine’s “Instruction”).

Актуальной задачей исторической семантики является создание «Исторического словаря русской социально-политической терминологии».

Первым действительно значимым «лингвистическим событием» (Ж. Гийому) в истории русского социально-политического языка является текст «Наказа» Екатерины Второй. Этот текст рождается из процесса взаимодействия европейского социально-политического дискурса (в основе «Наказа» – «О духе законов» Монтескье) и возможностей русской лексической системы, представлений Екатерины о социально-политическом устройстве России и использованных ею лингвистических стратегий.

Создание русского текста «Наказа» может рассматриваться как своего рода попытка ассимиляции социально-политического понятийного аппарата французского языка, которой предшествовала стадия «когнитивной обработки», то

есть осмысление этих понятий во французском языке (текст Монтескье). В результате этой обработки и согласно замыслу самой Екатерины появляется первичный текст, написанный ей по-французски, который и переводится на русский язык.

В направлении *Begriffsgeschichte* выделяются базовые понятия социально-политического языка, положенные в основу «Исторического словаря социополитического языка в Германии» и французского «Словаря социально-политических словоупотреблений». К базовым понятиям социально-политической терминологии относятся, например, слова *государство, гражданин, общество*, а также названия правителя. Цель исследования состоит в анализе употреблений этих слов в «Наказе» Екатерины II.

Ключевые термины русского социально-политического словаря имеют разную историю бытования. В словаре

И. И. Срезневского для слова *государь* выделяются следующие значения: «господин в смысле князя и вообще владельца», «владелец», «хозяин», «титул великого князя» [5: 564, 572]. Семантика власти (в том числе политической) присутствует в слове изначально. Иначе обстоит дело со словами «гражданин» и «общество»: у этих слов нет исконной связи с социально-политической сферой. Так, *гражданин* («граженинь») – номинация жителя по месту проживания. Семантика же слова *общество* предельно широка («общность») и связана с однокоренными словами, имеющими значения «вместе», «общий», «общение» [5: 578–585].

В словаре языка XVIII века находим то же соотношение: «общество» – это, прежде всего «всеобщность» [4: 118], гражданин – «горожанин» [6]. И только с «государством» связывается социально-политический смысл: «страна под одним управлением», «власть государя» [6]. Здесь также присутствуют слова *держжава, державец, самодержец, монархия, монарх, деспот, империя*, соответствующие, согласно «Полному французскому и российскому лексикону» (1786), французским *puissance, souverain, monarchie, monarch, despot, Empire* (ср. обращение Д. Дидро в письме к Екатерине II: «Votre Majesté Impériale» [2: CXXVI]).

Стратегии Екатерины в отношении терминов *государство, государь* состоит в том, чтобы сделать их доминантными в русском социально-политическом словаре. Представленные во французском тексте *Etat, Empire, Monarchie, Patrie, Gouvernement policé* достаточно последовательно заменяются в русском тексте на *государство*. Та же стратегия и в отношении слова *государь* (ср. фр. *Souverain, Monarque, Prince*). Здесь достигается то же соответствие, что и во французских словах *royaume – roi*.

Наиболее сложной оказывается передача тех понятий, которые во французском языке соответствуют словам *citoyen, bon citoyen, société*. Здесь возникают языковые конфликты, разрешение которых обнажает стратегии Екатерины как «самодержицы» народа, живущего по «христианскому закону».

Так, во французском тексте представлено следующее определение государства: «Un Etat, c'est à dire une société où il y a des Loix» [2: 8]. Русское *общество* с его значением «общность, всеобщность» никак не может служить эквивалентом французского *société*. Екатерина использует описа-

тельный оборот: «Въ государствѣ, то есть въ собраніи людей обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы» [2: 8]. Таким образом, социально-политическое значение термина элиминируется. Не менее существенным является указание на *закон* («совокупность правил поведения, предписываемых той или иной религией» [3: 217]). Во французском тексте *закон* и *общество* связаны на понятийном уровне. Ср. со следующим замечанием Ж.-Ж. Руссо: «Citoyens comme participant à l'autorité souveraine, sujets comme soumis aux loix de l'Etat» («граждане в качестве участвующих в осуществлении верховной власти, подданные как подчиняющиеся законам государства») [1: 333]. Элиминирование социально-политического термина в русском тексте делает возможным отождествление *закона* с «государевой волей» (Е. Н. Марасинова).

Другой пример языкового конфликта относится к слову *гражданин*. Во французском тексте находим: «Les souhaits de tout bon Citoyen sont de voir sa Patrie au plus haut degré possible de prospérité» [2: 1]. Русское слово *гражданин* не передает значение социально-политического термина, и показательным является перевод французского *bon citoyen* как *честный человек*: «Всякаго честнаго чловѣка въ обществѣ желаніе есть видѣть отечество свое на самой высней степени благополучія» [2]. В такой формулировке социально-правовой смысл заменяется этическим.

Замышляя свой «Наказ», Екатерина имела в виду сделать его максимально понятным для государственных служащих. В этом свете основная стратегия Екатерины может быть определена как оперирование терминами и понятиями христианского дискурса и перенесение модели божественной власти на государственное управление.

Литература

1. Robin R. La société française en 1789: Semur-en-Auxois. Paris, 1970.
2. Наказъ Императрицы Екатерины II, данный комисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія / Подъ редакціей Н. Д. Чечулина. С. Петербургъ, 1907.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975.
4. Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1984.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893.
6. ФЭБ. Словарь русского языка XVIII века [http://feb-web.ru/feb/s118/slov-abc/04/sl519801.htm?cmd=p&istext=1].

К вопросу о реконструкции Епифаниевской редакции Жития Сергия Радонежского

А. В. Духанина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

sakhara@yandex.ru

История русского литературного языка, текстология, разночтения, Житие Сергия Радонежского, Епифаний Премудрый.

Summary. The Life of Sergey Radonezhsky written by Epiphany Premudry in 1418 is known only as a part of the later redaction made in the beginning of the 16th century. The analysis shows that the first copy of the redaction has some mistakes corrected in the later copies. There could be also some other later readings in this copy. It should be taken into account when studying the language of Epiphany Premudry's works.

Лингвистическое исследование сочинений Епифания Премудрого по-прежнему остается актуальной задачей, так как многие аспекты этой темы все еще не разработаны. Особую проблему в данном случае представляет изучение Жития Сергия Радонежского (далее – ЖСР), поскольку это житие, написанное Епифанием Премудрым в 1418 г., впоследствии неоднократно редактировалось (в XV в. – Пахомием Сербом, создавшим несколько редакций, в XVI в. – неизвестным автором (авторами) компилятивной Пространной редакции, в XVII в. – Германом Тулуповым и Симоном Азарьным, дополнившими Пространную редакцию позднейшими чудесами).

Среди многочисленных редакций ЖСР особое внимание уделяется Пространной редакции, так как она частично сохранила в своем составе Епифаниевскую редакцию, не дошедшую до нашего времени в первоначальном виде.

Возможно, вследствие большого числа редакций и огромного числа списков текстологии ЖСР посвящено не так уж много работ. Общую классификацию с привлечением разного количества списков разработали В. О. Ключевский, Н. С. Тихонравов, В. Яблонский, Б. М. Клосс [1–4]. Еще ряд работ посвящен отдельным текстологическим вопросам,

в том числе аргументации атрибуции Епифанию первой части Пространной редакции.

Однако многие вопросы, связанные с историей текста ЖСР, до сих пор не решены.

Собственно текстология Пространной редакции ЖСР, как и других редакций XVI–XVII вв., исследована только в работе Б. М. Клосса [1], где многое требует перепроверки и уточнения. В частности, Б. М. Клосс впервые выдвинул гипотезу, что список РГБ. МДА № 88, 20-х гг. XVI в., обладает признаками протографа Пространной редакции (содержит вставки из 4-й Пахомиевской редакции ЖСР, которые во всех остальных списках читаются уже в основном тексте). Высказанные ученым аргументы представляются достаточно убедительными, а значит, список МДА 88 содержит текст, наиболее близкий к изначальному епифаниевскому. Однако насколько точно он отражает исходный текст?

Внимательное прочтение и анализ разночтений в списках позволяют обнаружить и в епифаниевской, и в пахомиевской частях предполагаемого протографа Пространной редакции разного рода ошибки. Так, например, в главе «От уныя версты» мать отрока Варфоломея обращается к нему с

вопросом: мѣти же его мѣтрними си глаголы оувѣщевааше его глаци <...> сѣтѣ бо нѣщѣи иже и до седмижы днѣ^м а да^т, иже ѿ оутра зѣло рано начинающе и длго ноци шкончаваюци пьюще бес чѣмѣни. ты же овогда едѣною днѣмъ аси. овогда же ни едѣною. но чресъ днѣ. престани чадѣ ѿ таковыа продлжѣныа лѣчбы (МДА 88, л. 296–296 об.). В цитируемом списке МДА 88 и текстологически близких к нему списках в данном контексте читается вызывающее недоумение слово лѣчба, которому в других списках редакции соответствует подходящее по смыслу слово алчба (действительно, в данном случае речь идет именно о посте, а не о лечении). Как кажется, здесь можно предполагать ошибку прочтения (продлжѣныа алчбы > продлжѣныа лѣчбы). В главе «О преселении родителей святого» в списке МДА 88 обнаруживается явный пропуск слова в следующем контексте: егда изиде по великого князя. и посланъ бы ѿ москвы на ростовъ. акы нѣкѣи воевода едѣнъ ѿ вел'можъ имене^м василѣи. прозвище кочева. и с нимъ мина. и егда вънидоша въ гра^д ростовъ. тогда възложиста великоу ноужоу на градъ (МДА 88, л. 299) – здесь не хватает слова повелѣние или велѣние, которое, впрочем, можно найти в некоторых других списках. Еще один пример пропуска слова читается в главе «О начале игуменства святого»: си^х житѣи на срци б'жен'ныи молашеса къ стѣнѣ тронци. дабы невзвратно шестътовати по стопа^м си^ххъ прѣбныхъ ѿць (МДА 88, л. 331) – в других списках редакции здесь добавлено причастие имѣя или аорист положи. Наконец, отдельные ошибки обнаруживаются в формах слов, например, есть случаи использования формы ед. числа вместо двойственного, ср.: стѣи николае чудотворецъ егда родиса и начаша шмывати его възнезаап' въста младенець на ногъ свою (МДА 88, л. 289 об.) – согласно Житию Николая Чудотворца, он встал на обе ноги («на ногах своих»), и в некоторых списках правильная форма восстановлена (своею). Перечень такого рода примеров может быть продолжен.

Как можно видеть, ошибки в списке МДА 88 относятся преимущественно к ошибкам переписки. Поскольку они

допущены писцом основного текста списка, можно объяснить их либо его невнимательностью, либо наличием их уже в антиграфе, причем книжник, вносящий исправления и дополнения в список МДА 88, их не заметил или не считал нужным исправить. В последнем случае приходится признать, что уже в начале XVI в. оригинал Епифаниевской редакции ЖСР был утрачен и Пространная редакция создавалась на основе более позднего и неизбежно в чем-то отличного от оригинала списка.

Однако впоследствии писцы обращали внимание на те или иные ошибки и восстанавливали при переписывании текста жития правильное чтение – лишь списки Основного вида Пространной редакции, текстологически наиболее близкие списку МДА 88, сохраняют все его ошибки.

Наличие ошибок в предполагаемом протографе Пространной редакции заставляет задуматься о том, насколько близок, в частности, текст первой части, атрибутируемой Епифанию Премудрому, к оригиналу жития, им созданного. В списках есть немало других разночтений, и некоторые из них вполне могут претендовать на статус первичных, в особенности те, что не противоречат по форме и смыслу контексту. Это ставит вопрос о необходимости реконструкции первоначального текста жития, который, как было показано, может быть решен, по крайней мере в отношении отдельных чтений. В связи с этим представляется важным подготовить критическое издание Пространной редакции ЖСР, которое позволило бы показать прочтения, допускаявшиеся книжниками, что может прояснить некоторые не решенные пока текстологические и лингвистические вопросы.

Литература

1. Кюсс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
2. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003.
3. Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892.
4. Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

Ценностно-когнитивный статус сложных имен прилагательных в летописном тексте

И. В. Ерофеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

erofeeva89@mail.ru

Сложные прилагательные, летопись, семантика, коннотация, аксиологический статус.

Summary. Compound adjectives have a special role in the medieval text, determined by their structural, semantic and genetic features. They are characterized by traditional correlations and take part in the text-building of sustainable participles – dominant clichés. Compound adjectives differ in evident axiological status in the chronicles of the text, emphasizing significant value for the medieval mind.

Сложные имена прилагательные широко представлены в летописных текстах. Образую вместе со сложными именами существительными общую с генетической точки зрения группу слов, появившуюся в результате калькирования из греческого языка, они различаются категориальным значением, а следовательно, синтаксической специализацией. В отличие от сложных имен существительных, имена прилагательные в силу своей частеречной принадлежности теснее связаны с синтагмами и с формулами речи. Сложные адективы играют важную роль в семантической и структурной организации языка русских летописей, активно участвуют в построении текста.

Структурные и семантические связи сложений с греческими эквивалентами очевидны, однако, попадая в систему другого языка, любые лексические единицы подвергаются ассимиляции этой системе, что проявляется во всех аспектах их функционирования. Древнерусская литература пронизана морализаторством и дидактизмом, которые охватывают все ее жанры, в том числе летописание. Интерпретируя события окружающей действительности с позиций богословских представлений, средневековый автор применяет принципы христианской морали к познанию всех сторон жизни, что приводит к схематизации повествования. Данное обстоятельство способствует повышению частотности употребления сложных слов.

Компоненты сложений неодинаковы по степени употребительности. Продуктивность компонентов сложных слов определяется по возможности выступать в большом количестве образований. При производстве сложных адективов в подавляющем большинстве случаев используется универсальный адективный суффикс *-ын-*, способный передавать самый широкий спектр значений. Степень употребительности компонентов сложных адективов в летописных сводах соответствует степени их продуктивности в древнерусском языке вообще. На первом месте находятся прилагательные с первыми частями *благо-* и *бого-*. Достаточно частотны образования с первой частью *христо-*, синонимичной первой части *бого-*. Синонимия первых компонентов сложений обусловлена широкими возможностями русского языка, богатством его лексического состава.

В сложных именах прилагательных смысловый акцент часто падает на первый элемент, особенно если он имеет адективное происхождение, что связано с семантикой прилагательного в целом. Сложные прилагательные выполняют не столько номинативную, сколько экспрессивную функцию, употребляясь как средство эмоциональной окраски речи. Наиболее распространены в летописях сложные слова с первой частью *благо-*: *благовѣр'ныи*, *благополуч'ныи*, *благоприят'ныи*, *благород'ныи*, *благослав'ныи*, *благочестив'ныи*, *благочест'ныи* и под. Среди них первое место по час-

тожности употребления занимает прилагательное *благовѣрнии*, значение которого «исповедующий истинную веру, благочестивый» согласуется с общим религиозно-дидактическим пафосом летописного повествования. В большинстве случаев сложное прилагательное *благовѣрнии* используется в составе устойчивых конструкций, характеризующих представителей социальных и религиозных властей: оно является устойчивым определением к слову *князь*, реже – к терминам, обозначающим служителей церкви, например *ладыка*. В летописях частотна формула *благовѣрнии и христолюбивыи князь*. Устойчивым определением к слову *князь* является также сложное слово *благочестивыи* в значении «набожный, благочестивый», синонимичное образованию *благовѣрнии*. Иной, социальный компонент значения актуализируется в адеквативе *благороднии* «знатный, родовитый», который также используется для характеристики князей и членов их семей.

Другие композиты с первой частью *благо-* употребляются при определении неличных существительных: *благотребнии* – «нужный, полезный», *благонлоднии* – «богатый, изобилующий плодами», *благонлоднии* – «удачный, успешный», *благонприятнии* – «приятный, удобный», *благонгоднии* – «удобный, приятный» и т. д.

Первая часть *благо-* в составе сложных слов в древнерусском языке синонимична первой части *добро-*. Однако в летописных текстах образования с начальным компонентом *добро-* представлены единичными примерами. К ним относятся сложные слова *добродѣтели* с нравственно-этической семантикой «высоконравственный, полный добродетели» и *добронвольнии*, являющееся компонентом устойчивого сочетания с социальным значением *добронвольные люди* – «вольные, независимые, самоуправляющиеся».

Первые компоненты сложений могут находиться и в антонимических отношениях, отражая важные для средневековой оппозиции, например: *добро-* и *зло-*. В летописном

тексте образования с элементом *зло-* преобладают над образованиями с элементом *добро-*, многие из них отличаются выраженным оценочным значением: *зловѣрнии*, *зломыслени*, *злонравнии*, *злехитривыи* и под. Они употребляются в сочетании с личными существительными при описании исторических персонажей. Общая отрицательная семантика, заключенная в первой части таких сложных слов, определяет их использование для характеристики врагов Русской земли.

В том случае, когда первая часть сложного прилагательного – основа субстантива с сакрально-личным значением *Богъ*, то его значение в целом зависит от семантики второго компонента. Отношения между частями сложных слов с первым компонентом *бogo-* чаще всего косвенно-объектные. Они могут характеризоваться общей положительной или отрицательной коннотацией в зависимости от характера второй части: *бogобязивыи*, *бogолюбивыи*, *бogомудрыи*, *бogопреданныи*, *бogоразумныи*, *бogоугодныи*, с одной стороны, и *бogомерзѣкыи*, *бogоотступныи* – с другой. Преобладание слов первой группы очевидно. Надо отметить, что среди сложных слов с первой частью *христо-* в материалах летописных сводов отмечаются только слова позитивной коннотации: *христовѣрныи*, *христоимянитыи*, *христолюбивыи*.

Сложные слова участвуют в организации ментально-культурного пространства языка летописей как ценностно ориентированные языковые единицы. В значении сложных адеквативов отражаются общие установки религиозной культуры. Заложенный в их семантической структуре этический компонент, являющийся репрезентантом религиозного сознания, эксплицируется прежде всего в первой части сложного слова. С помощью лексем, включающих компоненты сакрального значения, осуществляется характеристика лиц, предметов, явлений средневекового мира. Через систему отвлеченно-сакральных понятий оцениваются объекты, имеющие знаковое или символическое содержание.

Об имперфекте с аугментом

О. Ф. Жолобов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ozolobov@mail.ru

Имперфект, аугмент, первичные и вторичные окончания.

Summary. In the Old Russian written sources the special Imperfect forms with the “primary” ending on *-tъ in the 3d person singular and plural became widespread. Beginning even from the 11th–12th centuries manuscripts such wordforms had been used along with the original ones having the “secondary” endings on *-t (like *хваляшеть*, *хваляють* vs. *хваляше*, *хваляху*). In the scientific literature the Imperfect on *-tъ is called the Imperfect with augment. The term “augment” is not suitable at all, as in the Indo-European linguistics it is used in quite a different sense. The variability can’t be explained by an equal usage of the primary and secondary endings because of its stability and functional determination.

Яркой особенностью имперфекта в источниках восточнославянского происхождения, а также в древнерусских копиях старославянских памятников является существование двух серий форм 3 л. ед. и мн. числа: *несаше* и *несашетъ*, *кѣдѣхочу* и *кѣдѣхочутъ* и под. Второй член коррелятивной пары по сравнению с первым отличается добавочным окончанием -тѣ. В этом смысле древнерусский имперфект представляет собой более сложное явление, чем имперфект старославянский, и приобретает особое значение для праславянской реконструкции глагольного формообразования, поскольку, имперфектные словоформы на -тѣ, несомненно, имеют праславянский возраст.

А. Вайан приводит единичное образование с дополнительным окончанием в старославянском Зографском евангелии: *можаашетъ* (Матфей XXII, 46). Напротив, в древнерусских списках словоформы с добавочным окончанием довольно обычны уже в таких ранних источниках, как Архангельское евангелие 1092 г.

Соответствующие древнерусские словоформы на фоне старославянских, которые они заменяли при копировании книг, должны рассматриваться как восточнославянизмы, а в генетическом отношении – как праславянские архаизмы. Имперфект с добавочным окончанием фиксируется также ранними сербскими и чешскими источниками. Тем не менее, лучше всего словоформы имперфекта, унаследовавшие первичные окончания *-tī и *-ntī, как и их варьирование с формами, восходящими к вторичным *-t и *-nt, засвидетельствованы древнерусской письменностью.

В. М. Живов вслед за А. Тимберлейком видит в добавочном -тѣ «аугмент», перенесенный из презенса в условиях «сандхи» сначала перед местоименной энклитикой и, а затем и перед энклитиками *ко* и *же*. Использование данных терминов не соответствует их общепринятому в лингвистике содержанию. Аугмент в индоевропеистике обозначает препозиционную морфему, присоединяемую к претеритам в индикативе, где он соотносится с вторичными окончаниями (в нашем случае это *t и *nt). Сандхи – это изменения фонем или их сочетаний на границе морфем или слов. Согласно А. Тимберлейку, в случаях вроде *молаше* и vs. *молашетъ* и «неудобная последовательность [C₁V₁|V₂] замещалась более естественной [C₁V₁C₂|V₂], где C₂ = [t’]». Однако в действительности в первом случае уже изначально существовал иной тип последовательности: [C₁V₁|C₂V₂] = [mol’ a|s’ e]jъ]. В источниках XI в. и начала XII в. -тѣ = [t’ъ], а не [t’].

В. М. Живов рассмотрел употребление имперфектных словоформ в нескольких древнерусских евангелиях – Архангельском евангелии 1092 г., Галицком евангелии 1144 г., Юрьевском евангелии 1119–1128 гг., Добриловом евангелии 1164 г. – и установил, что в данных рукописях -тѣ является только в 3 л. мн. и почти исключительно перед местоименной энклитикой и (в Добриловом евангелии не последовательно), а в отдельных редких случаях перед неэнклитическими формами местоимения с начальным j. Из анализа был сделан вывод об использовании в евангельских кодексах особого орфографического приема, нацеленного на то, чтобы избежать обесценного звучания текста. Вместе с

тем автор именно сочетания с местоименной энклитикой и признает первичным источником распространения имперфектных словоформ на -гѣ, чему противоречат приводившиеся выше сравнительно-исторические данные.

Проверка вывода об использовании данного орфографического приема на примере других типов текстов показала, что он был известен переписчикам паралитургических, гомилетических или агиографических источников в разных древнерусских регионах, но использовался по большей части фа-

культативно. Вероятно, определенную роль в его распространении могли сыграть евангельские тексты, которые обычно цитировались в книжной письменности. Вместе с тем, после находки берестяной грамоты № 955 и комментариев А. А. Зализняка общенное значение указанных сочетаний имперфекта с анафорическим местоимением и вызывает большие сомнения. Более реалистично видеть здесь смысловые ассоциации иного рода, чем и был обусловлен факультативный характер указанного выше орфографического правила.

Единицы измерения расстояния в древнерусском языке (по материалам Хождения игумена Даниила)

Е. В. Иванова

Магнитогорский государственный университет

l1lenochkaiv@gmail.com

Древнерусский язык, хождение, единицы измерения расстояния, игумен Даниил.

Summary. In this paper explored language of Hozdenie, written by igumen Daniil.

Древних русичей, как и представителей других народов, всегда манило то, что скрыто за линией горизонта. Жажду странствий можно было утолить, лишь отправившись в путешествие. Наши предки после принятия христианства несколько столетий «ходили» в основном в Палестину, т. к. там сконцентрировано большое количество христианских святынь. Им хотелось увидеть места, описанные в библейских легендах своими глазами, пройти маршрутом Христа. Произведения, в которых нашли отражение впечатления восточнославянских паломников на христианский Восток, принято было называть *хождениями* / *хожениями*.

Хождение в древнерусском языке означало путешествие к святым местам [4: 763, 3: 270]. Путь первых русских паломников пролегал в Палестину, где они «стали появляться... начиная с VI–VII вв. по Р. Х. Самое раннее письменное свидетельство о таком паломничестве в Иерусалим относится к 1062 году» [1]. К числу древнейших можно причислить и *Хождение игумена Даниила*, посетившего Палестину в 1106–1108 гг. *Русьская земли игумен*, написав свое хождение, установил «канон» для последующих путешественников, его манера письма стала классической.

Игумен Даниил, как и большинство странников, в основном преодолевал расстояния пешком. В древнерусскую эпоху не было единой системы измерения расстояния, пройденный путь измеряли чаще всего временем, затраченным на преодоление определенного участка пути. В *Хождении игумена Даниила* насчитывается 11 языковых единиц, обозначающих расстояние или указывающих на него. Их можно объединить в две группы: 1) точные единицы измерения расстояния (*верста*, *сажень*); 2) относительные единицы измерения расстояния (*день*, *вдалеке*, *близь*, *далече* и проч.).

Самая частотная единица – *верста* (мера длины, равная 1306 км) [5: 32], [3, II: 462], [4: 123]. Игумен Даниил употребляет слово *верста* 106 раз. В его *Хождении* это основная единица измерения расстояния, при этом 4 раза слово *верста* сопровождается эпитетом *великая*. Это связано не с большим расстоянием, а с указанием на более сложный и опасный для странника отрезок пути: *А отъ Куревы до Иерихона 5 верстъ, а отъ Иерихона до Иордана 6 верст великих, все поравну в пѣсиѣ; путь тяжекъ велми* [6: 20].

Основатель жанра хождений пользовался еще одной точной мерой длины – *сажень* (мера длины, равная 3–4 локтям, или 2,13 м) [5: 184]. Она упоминается 15 раз: *А оттолѣ*

естъ далѣе 10 сажень святая темница, иде же всажень бысть Христось [6: 38].

Более разнородна группа, объединяющая относительные единицы измерения расстояния. В нее входит лексема *день*. Игумен Даниил использовал ее для обозначения отрезков пути четырежды: *И естъ Тивриада град 4 дний вдалеке отъ Иерусалима пѣшему человекѣку ити... в горахъ каменныхъ ити 3 дни, а четвертый день подлѣ Иорданъ по полю ити къ всходу лицъ олиц до верха Иорданова* [6: 82] и др. Глаголом *дострѣлити* игумен Даниил 12 раз обозначал отрезок пути, равный расстоянию пущенной стрелы. Точность определения расстояния таким способом весьма относительна, так как все зависело от качества лука, сопротивления ветра и опытности стрелка: *И ту естъ близъ рождество Христово отъ камня того, яко можетъ дострѣлити добръ стрѣлецъ* [6: 64]. 51 раз употребил Даниил слово *близъ* ('близко') [3: 232], ('находящийся в небольшом, малом расстоянии') [2]: *И ту естъ недошедше иордана, близъ на пути, монастырь святаго Иоанна предтечи; и естъ на горѣ въздѣлан* [6: 50]. Два раза встретилось у Даниила слово *вдалеке*, по одному разу – *далече* (*в море*), (*не)дошедше*, *подаль* (*мало отъ места*), *предлоги около* (*чего*), *противу* (*чему*): *И ста предъ нею, яви вѣсть, подаль мало отъ мѣста, идѣ же сѣдѣще пречистая девица* [6: 100].

Таким образом, игумен Даниил предпочитал измерять точное расстояние *верстами* и *саженями*, а относительное – словом *день* или конструкциями с предлогами *близъ*, *около*, *противу* и др.

Литература

1. Архимандрит Августин (Никитин). Русские паломники у Гроба Господня [http://hramsotka.orthodoxy.ru/pal/prpal113.htm].
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртэна. СПб, 1903 [http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068].
3. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 1–2. М., 1988–1989.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
5. Словарь устаревших слов / Сост. Ткаченко Н. Г. и др. М., 1997.
6. «Хождение» игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси: XII век / Вступит ст. Д. С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1980.

К вопросу о системных звуковых отношениях в русском языке

И. А. Измestьева

Тольяттинский государственный университет

iz-irina@mail.ru

Фонологическая симметрия, фонологические процессы, противопоставление фонем, гласные звуки русского языка, история /ɛ/ – /e/ – /o/.

Summary. The author considers the system relations in the history of the Russian vocalism at the example of the vowels of middle and upper-middle rises.

В языковедческой литературе не раз высказывалось спорное положение о системных отношениях в языке, суть которого состоит в том, что «тенденция к фонологической сим-

метрии является одной из определяющих в фонологических процессах» [5: 11]. Считается, что симметрия вызывается необходимостью фонологических оппозиций, хотя известны

языки, в которых длительное время может сохраняться «асимметричность» систем.

Согласно традиционным взглядам, одной из основных причин исчезновения фонемы ⟨ѣ⟩ считается то, что эта фонема не поддерживалась системой языка. «Утверждение в системе говора нового противопоставления /ѡ/ – /о/ способствовало сохранению более старого противопоставления /ѣ/ – /е/ с тем же ДП – верхнесредний-средний подъем. В тех же говорах, где фонологическое противопоставление /ѡ/ – /о/ не возникло, очень рано утрачивается фонема /ѣ/. Утрата противопоставления /ѣ/ – /е/ происходит не раньше рубежа XV–XVI веков одновременно с утратой противопоставления /ѡ/ – /о/» [3: 138]. В. К. Журавлёв предположил, что «там, где не удалось создать достаточно сильную оппозицию (ѣ : ѡ), ликвидируется рано или поздно (прежде всего, видимо, в белорусском языке) и сам «возбудитель» асимметрии путем трансформации ѣ > i, либо ѣ > e, либо ѣ > je // ije, как в диалектах сербского языка...» [4: 168].

Когда бывшие позиционные вариации фонемы древнерусской ⟨е⟩ превратились в самостоятельные фонемы ⟨о⟩ и ⟨ѣ⟩ [6], в системе вокализма большинства русских говоров отмечается «асимметричность»: ⟨и⟩ – ⟨у⟩, ⟨ѣ⟩ – ⟨ѡ⟩, # – ⟨о⟩, ⟨а⟩. Как подчеркнул В. В. Колесов ([7: 181]), фонема ⟨е⟩ отсутствует, потому что после падения редуцированных в противопоставлении ⟨е⟩ – ⟨о⟩ был утрачен признак ряда, появление корреляции по лабиализованности-нелабиализованности [ʲѣ] – [ʲо] сталкивается с невозможностью противопоставления ⟨ѣ⟩ и ⟨о⟩ перед твердым согласным и на конце слов, так как они были разного подъема. Дивергентно-конвергентные изменения ⟨е⟩ и ⟨ѣ⟩, а также ⟨ь⟩, показывают, что «возбудителем» асимметрии является не ⟨ѣ⟩, а фонема ⟨е⟩, точнее ее исчезновение в результате конвергенции с другими фонемами (составляющими некогда оппозицию с исчезающей фонемой ⟨е⟩). После утраты ⟨е⟩, отмечаемая асимметрия в чисто умозрительной схеме расположения звуков по отношению друг к другу в пределах гласных среднего подъема, восстанавливается за счет ⟨ѣ⟩: открытая разновидность [e] (из ѣ) без напряжения оказывается в одном горизонтальном ряду с ⟨о⟩. Заполнение «пустой клетки» не означает отождествления вторичного гласного [e] (из ѣ) и старого звука [e]. Изменение ⟨ѣ⟩ своего дифференциального признака (напряженности) создает сильную для дифференциального признака лабиализованности – нелабиализованности позицию – под ударением перед твердым согласным: [с'ол < с'ел] и [с'ел < с'ѣл].

Качество звука [e], возникшего из ⟨ѣ⟩, описал Л. В. Щерба. Сравнивая акустические показатели русского [e] с французским, немецким, сербским, польским и лужицким [e], ученый отмечает более закрытый характер русского [e]: «Мои сравнительные наблюдения скоро подтвердились и экспериментальными данными. Посредством камертонов мне удалось определить характерный тон для моего изолированного e... что почти совпадает с определением Rousselot французского закрытого e...» [8: 57]. Л. В. Бондарко экспе-

риментальным путем подтверждает наблюдения Л. В. Щербы: «Когда [e] находится после мягкого согласного, переходный элемент максимально приближается к [i]; длительность его, составляя около половины всего гласного, часто превышает даже длительность характерного элемента», в положении между мягкими согласными [e] имеет максимальную закрытый оттенок гласного» [1: 97, 97–99]. Характеристика, данная современному [e], совпадает с описанием качества ѣ: ср. определение качества древнерусского ѣ, сформулированное И. В. Ягичем: «ѣ был узко-закрытый, по большей части под ударением стоявший, поэтому может быть несколько протяжный звук е (приблизительно французское е)» [9: 47]. Этим наблюдениям соответствует вывод, сделанный В. В. Виноградовым: «В таком случае ѣ тогдашнее ничем не отличалось бы от современного е под ударением» [2: 324–325]⁹. В. В. Виноградов предположил, каким образом ѣ, воспринимаемый как дифтонг не только иностранцами, но и русскими интеллигентами, смог изменить свое качество: «монофтонгизация удар. ѣ, возникшая, как результат всасывания согласным первой части дифтонга, и, вероятно, ускоренная влиянием южновеликорусских говоров иного типа (ср. вольгарные диалекты литературного языка), смешавших ѣ и е, которые передавали литературному языку и произношение е, как узкого е перед мягкими согласными, и палатализацию i-евую перед е, совершенно изменила первоначальные отношения между ѣ и е и привела к тем рефлексам их, которые наблюдаются в современном литературном языке» [2: 337–338].

Таким образом, характеристика современной фонемы ⟨е⟩, совпадая с описанием качества ⟨ѣ⟩, говорит о некоторой асимметричности отношений внутри системы вокализма русского языка, обусловленных изменениями /ѣ/ – /е/ – /о/.

Литература

1. Бондарко Л. В. О характере изменения формантного состава русских гласных под влиянием мягкости соседних согласных // Ученые записки Ленинградского университета. Серия Филологические науки. Вып. 40. «Вопросы фонетики». № 237. Л., 1960.
2. Виноградов В. В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. 1. Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии. Пг., 1923.
3. Горикова К. В. Очерки исторической диалектологии северной Руси. М., 1968.
4. Журавлёв В. К. Диахроническая фонология. М., 1986.
5. Журавлёв В. К. Из истории вокализма в праславянском языке позднего периода // Вопросы языкознания. 1963. № 2.
6. Измествьева И. А. Межслоговой сингармонизм в истории русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
7. Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
8. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. 2-е изд. Л., 1983.
9. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 46. № 4. СПб., 1889.

Обозначение нефинальных смягченных согласных буквой ѣ в истории русского письма

В. В. Каверина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kaverinal@yandex.ru

История русского письма, обозначение мягкости, употребление буквы ⟨ь⟩.

Summary. The talk focuses on the Russian letter ѣ that used to indicate palatalized consonants in the middle of words. It aims to reveal the reasons for its disappearance in the position under consideration as well as to trace back the main stages of its contemporary normative use. The material analyzed in terms of spelling to illustrate the points includes texts of XVII–XVIII centuries in juxtaposition with grammar books of the same period.

1. Проблема отсутствия ѣ в середине слова связана с употреблением выносных букв в полууставе и особенно в скорописи, поскольку вынос букв над строкой всегда сопровождался пропуском ѣ / ь. Данная особенность отличает и печатные тексты XVII в., такие, как Соборное уложение 1649 г. [12: 164–165], хотя вынос согласных букв для них не характерен. Грамматика М. Смотрицкого 1619 г. рекомендует писать ѣ и ь только в конце слов [2: 142]. Нередки пропуски ѣ в середине слова даже в грамматических сочинени-

ях, регламентирующих их обязательное употребление [1: 532], например, в московском переиздании Грамматики М. Смотрицкого 1648 г. находим: *силныи, ползуетъ, родителноу, вознозителноу, дателныи, существителну* [1: 76, 259, 322] и др. В результате в XVII столетии во всех системах русского письма завершается устранение ѣ и ь внутри слова.

2. Данная система легла в основу узуса печатных «Ведомостей» эпохи Петра I. Написание одного слова или родственных слов могло варьироваться в пределах одного номера

или в соседних номерах церковной печати: *во львовъ – во лвовъ* (1703 г., № 4); *польскій – полскій* (1704 г., № 35) и др. В целом же написания с пропущенным *ь* преобладали, а начиная с 1709 г. мягкость в середине слова перестала обозначаться совсем в номерах как церковной, так и гражданской печати. Это противоречило рекомендациям грамматических сочинений Поликарпова начала XVIII в. [5: 57]. Впрочем, в тексте самих грамматик *ь* после неконечных согласных также часто пропускался, например: *повелительное, винительный, именительному, сильный, полскій* [5: 195, 254] и др.

3. В скорописи XVIII в. «экспансия» выносных идет на убыль, однако после возникших на их месте строчных написаний смягченных согласных *ь* по-прежнему, как правило, не употребляется. Так, в собственноручных письмах середины XVIII в. находим почти исключительно такие написания: *денги, писма, толка* [3: 45], *детми* [3: 48] и др.

4. В «Санктпетербургских ведомостях» (изд. с 1728 г.) обозначение смягченных согласных в середине слова не сразу становится последовательным несмотря на то, что в гражданском письме выносные буквы не употребляются. Первоначально *ь* в середине слов обычно не пишут: *превосходительство* (8 раз), *достохвалное, писма, довольно, безосновательно, фелтмаршала* (1728 г. № 9). Встречаются случаи, когда в одном слове из словосочетания мягкость обозначена, а в другом – нет: *довольнаго основателства* (1729 г. № 39). Однако в 1732 г. смягчение уже обозначается в большинстве случаев, например в одном номере: *увеселительной, удоволствиём – большаго, довольно, дѣйствительны, поне-дѣльникъ, пользь, вольницы, увеселительная, удоволствию* (1732 г. № 10). Только в словах *письмо* и *деньги* продолжают некоторое время иногда пропускать *ь*: *письмо* (1732 г. № 99), *писма* (1734 г. № 68), *денги* (1736 г. № 45) и др., что, впрочем, вскоре прекращается.

5. Вариативность остается лишь в словах «первый», «церковь», «верх» и однокоренных, что, очевидно, связано с орфоэпической нормой того времени [4: 385]. Такие написания появляются и становятся нормативными вместе с другими случаями употребления *ь* в середине слов. Например, в «Санктпетербургских ведомостях» находим: *первая* (1736 г. № 45), *церкви* (1732 г. № 99), *церковное* (1748 г. № 3), *верховой, перьвой* (1765 г. № 39). В 1760-е гг. наступает период нестабильности. Варианты отмечаются даже в пределах одного номера: *церковныхъ, церковного, церкви, церковными – церковнослужителей, церкви* (1801 г. № 33). В начале XIX в. написания без *ь* устанавливаются окончательно.

6. Стихийное нормирование заметно опередило кодификацию употребления *ь* в середине слова грамматическими сочинениями. Впервые проблему обозначения мягкости внутри слова заметил в 1769 г. Н. Г. Курганов, который, впрочем, рекомендовал употреблять здесь *ь* «по произволности» [7: 98]. Основательно нормализована исследуемая орфограмма в Академической грамматике 1802 г., где перечислены основные случаи, в которых необходима буква *ь* в середине слова [6: 17–18]. Предложенный список регламентирует написания *верхъ* и *церковь*, тогда как Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. рекомендует оба слова писать без *ь* внутри [8: 626]; [9: 625]. Такое же правописание кодифицировано Академическим словарем 1847 г. [10: 114]; [11: 419]. Таким образом, вариативность, связанная с появлением «фонетического» *ь* в некоторых словах («верх», «первый», «церковь» и нек. др.), в узусе исчезает уже в начале XIX в., тогда как в грамматиках и словарях их орфография без нефинального *ь* окончательно устанавливается лишь в середине XIX столетия.

Литература

- Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007.
- Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой; предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. М., 2000.
- Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1981.
- Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. Изд. 3-е, стереотип. М., 2002.
- Поликарпов Ф. Технологія. Искусство грамматика / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000.
- Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академіею. СПб., 1802.
- Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. Издано во градѣ Святаго Петра, 1769.
- Словарь Академии Российской. М., 1789–1794. Т. I.
- Словарь Академии Российской. М., 1789–1794. Т. VI.
- Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ: В 4 т. СПб., 1847. Т. I.
- Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ: В 4 т. СПб., 1847. Т. IV.
- Ферных П. Я. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953.

Глаголица как декоративное письмо в кирилловских книгах X–XI веков

В. В. Калугин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
vasiliykalugin@mail.ru

Глаголица, орнамент, декоративное и маюскульное письмо.

Summary. The Old Russian manuscript of The Prophets of the year 1047 reflects the early period in the history of the Slavic bookish ornament of the X–XI centuries when two alphabets, Glagolitic and Cyrillic, were actively used: Cyrillic was the main script and Glagolitic – the decorative one.

В 1047 г. «попъ Оупирь Лихый» переписал Книги пророков с толкованиями, преславский перевод, выполненный при царе Симеоне. Возможно, список 1047 г. был роскошной книгой. Это можно подозревать хотя бы из того, что она была изготовлена по заказу новгородского князя Владимира Ярославича, очевидно, для библиотеки построенного им Софийского собора (1045–1050) и имела необычный орнамент. Автограф Упыря Лихого не дошел до нас. Однако сохранились восходящие к нему русские списки толковых пророчеств (далее: ТП) последней четверти XV – XVII в. Лучшие из них (особенно ранние) хорошо передают старинные рисунки глаголицы, графико-орфографические архаизмы и выходящую запись 1047 г.

Цель настоящей работы – палеографическая и текстологическая реконструкция глаголицы в кодексе 1047 г. и его оригинале. В списках ТП удалось обнаружить 25 разных букв глаголического алфавита. В антиграфе рукописи 1047 г. глаголица была македонско-болгарского происхождения: круг-

лого, иногда угловато-круглого типа. Почти все буквы представлены старшими вариантами, известными еще в Киевском миссале X в. Однако уже в предке-оригинале сохранившихся списков были некоторые отступления от древних форм. Части диграфа *оукъ* пишутся не слитно, а отдельно (как в старшем варианте), но соединены двумя прямыми черточками вверху и внизу буквы, подобный прием в Синайском Евхологии XI в. [3: 222–224, 4г–v, 6г]. *Омега* имеет внизу не хвостик-крючок, а ножку-треугольник, как в Синайском Евхологии [3: 222, 4г] и Пражских листках конца XI в.

Оригинал рукописи 1047 г. был моложе Киевского миссала и, вероятно, современен Зографскому Евангелию конца X или начала XI в. Возможно, он был создан незадолго до того, как оказался на Руси: при комитопулах и царе Самуиле в Западнотолгарском царстве. Македонские книжники активно использовали глаголицу наряду с кириллицей, по крайней мере, до начала XII в. В связи Новгорода и Киева с Македонией и Охридом, прямые и опосредованные – че-

рез Преслав, способствовали проникновению глаголицы в Древнюю Русь.

В списках ТП выявлено 125 прописных букв, семь больших инициалов и пять слов в заголовках статей, глаголических и смешанных глаголически-кирилловских. Из 19 Книг пророков глаголицы не обнаружено только в трех (Плач и Посл Иер, Вар). Во всех рукописях глаголица распределена неравномерно. Она то исчезает совершенно, то вновь появляется, иногда в большом количестве. Возможно, глаголица использовалась непоследовательно уже в предке-оригинале рукописи 1047 г. Позднее она подвергалась сокращению и транслитерации под пером русских писцов.

Поздние источники дополняют друг друга, но не устраняют всех пробелов в первоначальном составе глаголицы в ТП. Ясно, однако, что славянские азбуки были распределены там функционально. Глаголица использовалась широко, но исключительно с декоративными целями и только в маюскульном письме (инициалы, многочисленные прописные буквы и, по крайней мере, некоторые заголовки). Глаголица ни разу не встречается в строчном письме. Предложение может начинаться прописной глаголической буквой, но затем такое же строчное слово обязательно пишется кириллицей: «Ѡзъ есмь, азъ есмь» (Ис 43: 25). Обратные комбинации неизвестны.

Налицо системный характер употребления обеих азбук. Поздние русские списки ТП сохранили древнюю и достаточно редкую традицию книжного орнамента, сложившуюся в некоторых болгарских скрипториях X в., когда активно использовались два алфавита. В ТП их употребление разграничено: кириллица – основное, строчное письмо, глаголица – декоративное, маюскульное. В Древней Руси рано познакомились с таким способом оформления текста, но прибегали к нему редко. Лишь в отрывке Евгениевской Псалтыри XI в. три больших глаголических инициала начинают собой псалмы [1: 59, 6а, 18а, 20а]. В художественном убранстве рукописной книги часто отсутствует стилистическое единство. Скорее всего, в кодексе 1047 г. и его оригинале глаголические инициалы чередовались с кирилловскими (старовизантийского стиля), как в Евгениевской Псалтыри.

Некоторое представление о структуре текста в рукописи 1047 г. и ее антиграфе дает отрывок Псалтыри XI в., обна-

руженный в 1975 г. в монастыре св. Екатерины на Синае. Среди библейских песен здесь помещена молитва пророка Ионы (2: 3–10). Ее текст разбит на стихи, которые начинаются с красной строки. Открывает молитву большой глаголический инициал Ѡ, все остальные киноварные прописные буквы – малые [3: 193, 269–270]. Эту разбивку текста на стихи с начальными глаголическими буквами точно повторяют русские списки ТП 400–500 лет спустя. Только большой глаголический инициал заменен на кирилловскую В.

За долгую историю памятника одни инициалы были транслитерированы кириллицей, другие – подверглись упрощению и искажению под пером писцов-ремесленников. Рисованные инициалы (бывшие в архетипе, возможно, с «лика-ми» в петлях) выродились в простые и даже примитивные глаголические буквы, легкие в работе, с которыми мог справиться любой писец без помощи мастера-рубрикатора. Чем дальше отстоят списки от их общего древнего протографа, найденного где-то в третьем четверть XV в., тем хуже рисунки глаголицы. Тем более примечательно, что некоторые из них достаточно точно повторяют контуры инициалов, известных в Ассеманиевом Евангелии, Синайской Псалтыри и др.

Глаголица могла использоваться как декоративное письмо в кирилловских книгах лишь до тех пор, пока были распространены оба алфавита, приблизительно до начала XII в. Позднее сфера употребления глаголицы постоянно сокращалась. В конце концов она свелась к тайнописи и стала признаком учености книжника. Пассивное знание глаголицы сохранялось значительно дольше. Об этом свидетельствует неуклюжая попытка русского писца «Пандектов» Никона Черногорца конца XIII (?) – начала XIV в. записать глаголическую азбуку на книжном поле [2: 636, № д46].

Литература

1. Колесов В. В. Евгениевская Псалтырь // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes slavicae. Slavistische Mitteilungen. Szeged, 1972. Т. 8. С. 58–69, 1а–20b.
2. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.
3. Tarnanidis J. C. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

Отражение терминологии древнерусского права в «Повести временных лет»

В. П. Киржаева

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (Саранск)

kirzhaeva_vera@mail.ru

Источники изучения юридической терминологии Древней Руси, русская летопись, семантика термина.

Summary. The main aim of the report is to analyze the Old Russian law term system in the early medieval Russian chronicle – *Povest' vremennykh let*. The semantization of the chosen Old Russian words as law terms has been made in the context of juridical, political, economical and social changes of medieval Russia.

Констатируемая в науке сложность изучения начального этапа формирования российской государственности, правовой системы и терминологии права во многом определяется ограниченностью корпуса дошедших древнерусских юридических текстов. Привлечение для историко-правового исследования той или иной проблемы дополнительных – обладающих фактологической базой – иножанровых источников закономерно вытекает из синкретизма жанров древнерусской литературы: «литературные жанры выполняют естественнонаучные, богослужебные, богословские, юридические, исторические и другие функции» [3]. Укажем на обращение Л. В. Черепнина к данным «Домостроя» в комментариях к ст. 54 Судебника 1497 г. о применении найма как формы труда; Н. Л. Пушкаревой – к житийным текстам для исследования гендерно-правовой проблематики и др. Летописи привлекаются как источники изучения истории государства и права, правового сознания средневекового общества, например, в работах последних десятилетий А. А. Зимина, В. А. и В. В. Роговых, В. Е. Лобы и С. Н. Малахова, В. А. Аракчеева и др. В. А. Томсинов, подчеркивая «разнообразие юри-

дических понятий и терминов» в русскоязычных текстах договоров 911 и 944 гг. между Русью и Византией (комментируемых с привлечением летописного нарратива) определяет их как «прочный фундамент для развития в качестве самостоятельного явления» зарождавшейся русской юриспруденции [9: 9]. Продуктивно предлагаемое М. И. Кушиным рассмотрение отдельных статей летописи как конкретных юридических документов – завещание князя, указ князя, порядок коллегиального решения, криминалистическая характеристика события, устное описание юридического события, свидетельские показания и т. д. [2].

Отметим колебания в оценке лингвистического статуса летописного текста: если А. С. Львов говорит о правовой лексике «Повести временных лет», то Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, В. М. Живов, М. А. Брицын рассматривают памятник как источник изучения древнерусской терминологии права.

Как показывает анализ, в летописном изложении «юридических событий» 946–947 гг., связанных с реформами княгини Ольги («и иде Вольга по Дервьвьстѣи земли съ снмъ своимъ и съ дружиною уставляючи оуставы и оуроки · и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Юридическая лексика русского языка XI–XVII вв.: Опыт комплексного словаря-справочника»), проект № 13–04–00366.

суть становища еѣ и ловища · ... и оустави по Мьсть по восты и дани · [и] по Лузьѣ вброки и дани [и] ловища · еѣ суть по всеи земли» [5: стб. 60]), и 996 г., отражающих процесс правового регулирования смертной казни князем Владимиром («и оумножишася разбоеве · и рѣша еп̑пи Володимеру · <...> достоитъ ти казнити разбоиника · но со испитомъ · Володимеръ же отвергъ виры нача казнити разбоиникы · и рѣша еп̑пи и старци · рать многа вже вира то на оружьи · и на коних буди · и ре^ч Володимеръ по Ѹстроенью ѡтньно и дѣдню» [5: стб. 126–127]), использован целый ряд юридических терминов.

К терминам гражданского права относятся названия налогов – *дань*, *оброкъ*, *урокъ*. Если в историко-лингвистических комментариях летописного употребления фактически не дифференцируется семантика двух первых названий: *дань* – «подать»; «налог, подать» [8, I: стб. 628; 7, II: 426], *оброкъ* – «дань, подать»; «подать, оброк» [87, II: стб. 545; 7, V: 535]; то историки права уточняют, что *дань* – это «подать, установленная обоюдным соглашением» [1: 65]. Аналогично лингвистическое определение значения термина *урокъ* как ‘подать’ [4: 190; 8, I: стб. 1257–1258] и уточнение его историком государства как ‘совокупность оговоренных норм, правил’ [10: 150–151]. Наиболее последовательно этимология слова реализуется в толковании М. А. Исаева: «вербальные договоры, т. е. договоры, совершенные в устной форме» [1: 111]. Отметим, что в «Повести временных лет» не реализуется характерное для «Русской Правды» значение «судебная пошлина, штраф».

Имеющий общеправовой характер термин *уставка* также рассматривается по-разному: его собственно лингвистическое значение – «совокупность гражданских правил» [4: 187]; в сопоставлении с соположенными понятиями раннего этапа формирования юриспруденции Древней Руси *закон* и *покон* – это «нормы устного характера, установленные княжеской властью» [9: 9].

Семантика терминов уголовного права *разбои*, *разбоиникъ*, *вира* в летописных статьях совпадает с их употреблением в «Русской Правде» и одинаково толкуется в большинстве лингвистических и историко-правовых источников

(*вира* – «денежный штраф в пользу князя за серьезное, особо опасное уголовное преступление, чаще всего за убийство свободного человека»; *разбои* – «нападение с целью ограбления, сопровождаемое насилием, иногда убийством»). Значение гапакса «Повести временных лет» *испытъ* «судебное расследование» [7, IV: 87] подтверждается использованием в предисловии Пушкинского списка «Русской Правды» «Уставка в всацхъ пошлинахъ и в оуроцѣхъ» формы производящего глагола *испытати*: «Подобаеть судимаго испитати, како есть житье его и нравъ свидѣтельствуемъ житье его» [6: 281]. Предлагаемая историками государства трактовка слова *нов/гостъ* как учреждаемых князем (в исследуемом летописном нарративе – княгиней Ольгой) мест «для сбора дани и одновременно для суда» [10: 151] позволяет рассматривать его как термин, связанный с судебным процессом.

Таким образом, междисциплинарное изучение терминологии древнерусского права по летописным источникам представляется наиболее продуктивным.

Литература

1. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001.
2. Кушнир М. И. Древнерусский летописный текст как источник юридического документа: теоретико-методологический анализ // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. VI. № 2.
3. Лихачёв Д. С. О филологии [http://philologos.narod.ru/texts/Lihachev/bud_lit.html].
4. Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975.
5. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. М., 2001.
6. Правда Русская: Тексты. Т. I. М., 1940.
7. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. М., 1988–.
8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М., 1958.
9. Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Моск. ун-та. Серия «Право». 2009. № 1.
10. Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Истоки русского письма

Е. Ф. Киров

Московский городской педагогический университет

evg-kirov@yandex.ru

Cyrillic, Glagolitic, the genesis of the letter, graphemic.

Summary. The Slavs before Kirill had an alphabet – the Glagolitic letters. Kirill created a new alphabet – Cyrillic alphabet, based on the Glagolitic letters, which transformed the Greek model.

Возникновение древнейшей буквы в языках мира представляет собой не что иное, как схематичное графическое изображение артикуляции, т. е. соположения речевых органов при произнесении того или иного звука/типа. И такая изоморфность в определенной степени сохранилась по сей день, т. е. и сейчас в графическом облике буквы мы можем обнаружить схематический рисунок артикуляторы, т. е. конфигурации органов речи, необходимой, чтобы при продувании воздушной струи через эту артикулятору получился членораздельный звук человеческой речи. Если мы обратимся к букве *o* в почти любой из европейских азбук, то достаточно одного взгляда в зеркало, чтобы убедиться, что эта буква в своем облике схематически точно обрисовывает положение губ, которое хорошо заметно в положении анфас. Из сказанного следует, что если в разных языках звук произносился примерно одинаково, то и рисунок артикуляционной фигуры в виде буквы должен получиться в разных алфавитах примерно одинаковым – именно в этом причина сходства букв самых разных азбук, которое оставалось необъяснимым до сих пор и вызывало совершенно неоправданные споры о влиянии азбук друг на друга в моменты их возникновения. Можно смело утверждать, что некоторые азбуки возникли совершенно самостоятельно, но оказались в опре-

деленной степени похожими друг на друга, потому что обрисовать положение речевых органов в виде буквы можно было только схожим образом.

И в этой связи встает вопрос о том, что же создал в 863 году н. э. Кирилл – кириллицу или глаголицу, и какая из график была первичной по отношению к другой. Этот вопрос может показаться странным: что же иное мог создать Кирилл, кроме кириллицы (иначе бы эта азбука так не называлась)? Тем не менее, доминирующим в современной палеографии является мнение, что Кирилл создал глаголицу, а кириллицу создали ученики Кирилла и назвали в честь своего учителя. Дискуссия на эту тему идет уже не одно столетие, и мы не будем пересказывать ее перипетии. Для нас вполне очевидно: историческое утверждение (апологированное Н. М. Карамзиным), что до Кирилла у славян не было азбуки, было необходимо только для одного – оправдания норманнской теории: ведь если у славян до Рюрика была азбука, то не могло не быть и государства. Мы будем придерживаться точки зрения, высказанной П. С. Черных и др. славистами, что еще до приезда солунских братьев в Моравию и создания Кириллом кириллицы у славян примерно с 5 в. н. э. уже была письменность, и этой письменностью была древнейшая глаголица, – именно об этом недвусмысленно сказано в Житии Кирилла. Итак, наиболее непротиворечивой и документально подтвержденной версией возникновения кириллицы становится версия создания кириллицы Кириллом путем замены большинства букв древнейшей глаголицы на буквы греческого полуустава. Однако

часть букв, которые обозначали звуки, отсутствующие в греческом языке, перешли в кириллицу из глаголицы почти в неизменном виде.

Рассмотрим подробнее, какие буквы глаголицы были утрачены и какие после некоторой перелицовки и подгонки к греческому канону сохранились. Итак, Храбр говорит, что Кирилл создал «д письмена и осемь», т. е. 30 и 8 = 38 букв. Из них 24 буквы восходят к греческому полууставному алфавиту (*аз, веди, глаголь, добро, есть, земля, иже, и, како, люди, мыслете, наш, он, покой, рцы, слово, твердо, ферт, ха, омега, пси, пси, фи, ижица*). Однако следует отметить, что из перечисленных выше 24 букв имеется в кириллице группа букв, внешне похожих как на буквы глаголицы, так и на греческие буквы (обрисовка органов речи неминуемо приводит к сходству совершенно оригинальных азбук), поэтому такие буквы, можно сказать, имеют двойную мотивацию внешней формы: это буквы *добро* и *дельта*, *есть* и *эпсилон*, *люди* и *лямбда*, *мыслете* и *ми*, *рцы* и *ро* (*рцы* – перевернутая *ро*), *твердо* и *тау*, *ферт* и *фи*, *о* и *омега*, *о* и *о-микрон*. Таким образом, из 38 букв кириллицы собственно и только греческими по происхождению можно признать 14 букв: *аз, веди, глаголь, зело* (из греческой *дигаммы*), *иже, како, наш, покой, слово, ха, омега*, – плюс к этому *ижица, пси, пси*, две последние из которых практически как буквы не употреблялись, а обозначали цифры по преимуществу (*ижица* иногда имела значение (и) или (у) с умляutom и употреблялась противоречиво и непоследовательно).

Значительная часть кириллицы фактически заимствует буквы из древнейшей глаголицы, однако Кирилл подогнал эти буквы под общую стилистику греческой полууставной азбуки, убрав некоторую витиеватость. Тем не менее, любому непосвященному в таинства графемики видно, что глаголические буквы *цы, червь, ша, шта, ер, ерь, ю*, просто перешли из глаголицы в кириллицу при минимальном внешнем изменении. Глаголические буквы *юс-большой* и *юс-малый*, а также эти же *юсы йотированные* при переходе в кириллицу были просто повернуты на 90 градусов и с «боку» по-

ставлены «на ноги», – это было сделано Кириллом, чтобы придать им удобный для скорописи вид (именно скорость переписывания книг обуславливала скорость распространения христианства на Руси, при этом кириллица была более приспособлена к скорописи, что и обусловило ее победу в конкурентной борьбе старой и новой азбуки, к тому же на старой глаголице лежала «печать» язычества, а новая кириллица была близка к одной из трех священных христианских азбук. Что касается буквы *ять*, то следует признать, что она возникла при увеличении *ера* (Б) и придании ему черты в верхней части. Очевидно, что эта буква была просто изобретена Кириллом, который решил не использовать глаголический *ять* из-за его графической сложности (треугольник с внутренним разделением тремя чертами) – и сделал правильно, поскольку преследовалась и чисто технологическая цель создания азбуки, позволяющей писать быстро на скорописи, что было необходимо для скорейшего распространения христианских книг и православия на славянских землях. Этот гигантский *ер* (Б) был использован Константином для еще одной придуманной им буквы, которая заменила глаголическую букву *дєрьв* и была похожа на кириллический *ять*, но у этого «испорченного ятя» не было снизу черты, – характерно, что этой букве нет соответствия ни в греческой азбуке, ни в глаголице, что приводит к выводу, что эту букву Константин придумал сам. Таким образом, остаются диграфы, т. е. двойные буквы, образованные слиянием двух букв. К таковым в кириллице относится буква *еры* (ы), *йотированные малый и большой юсы*, а также буква *я* (*йотированный аз*), *йотированная э*. Все перечисленные диграфы были образованы Кириллом из слияния соответствующих букв с *десятеричным и*. Двойная буква *оу* (ук), обозначающая звук (у) в кириллице, весьма вероятно, появилась как перелицовка глаголической буквы «ук», на которую она похожа, – заметим, что в греческой азбуке не было соответствующей буквы, а в глаголице она была. Это свидетельствует о древности глаголицы и ее генетическом родстве с кириллицей.

Соматические славянизмы в описании человека и животного: историко-культурная интерпретация

Ж. К. Кынова

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

zhkiynova@mail.ru

Историко-культурная информация, соматические славянизмы, человек – животное, антропоцентричность.

Summary. The paper is devoted to the study of historical linguistic projections in the sphere “human – animal”. It is observed the language evolution in the use of Slavonicisms describing animals and is compared the ratio of anthropomorphism and zoomorphism in the dynamics of language from the archaic to the modern consciousness on the concrete examples.

Обращение к культурно-исторической интерпретации языковых единиц приобретает в последние годы наибольшую значимость и актуальность. Важным, на наш взгляд, представляется диахроническое описание языковых единиц в их эволюционном состоянии, т. е. в их качественных изменениях и переходах из одного синхронного состояния в другое. Так, изучение некоторых языковых фактов позволяет выявить заключенную в языковой единице историко-культурную информацию, интерпретирующую закономерности ее употребления на синхронном срезе языка. Языковая эволюция отношений между «человеком» и «животным» как двумя ключевыми источниками «жизненности», которые изначально не различались семантически и стилистически, представляет особый интерес для истории русского литературного языка. Обращение к фактам древнерусского языкового узуса позволит раскрыть исконное значение современных зооморфизмов, которые изначально употреблялись и по отношению к человеку, т. е. были антропоцентричны. «Ярким подтверждением исходной антропоцентричности языка и, как следствие, универсальности антропоморфного кода являются следующие примеры (в них антропоморфизмы используются как нейтральные показатели каузации, независимо от природы причинного источника): *отъ руки всякого зверя* = «от всякого зверя», *предадутся въ руки оружю* = «преданы будут мечу», *предъ лицемъ ветра* = «перед ветром» [5: 406].

Многие слова, которые в прошлом были антропоцентричны, т. е. применялись также для обозначения и описания

человека, в современном языке сузили свою предметную область и воспринимаются как однозначно принадлежащие животной сфере и поэтому используются в качестве зооморфизмов. Ср.: *Доить* – теперь только о животных (*доить корову*); прежде означало «кормить грудью»: *взя же отроча на руки жена, и абие къ ней, яко къ матери своей прилепися любезно, она же дояша я. Воздоить* – воспитать: *соблуди ми отроча сіе, и воздой ми е; отдоить* – отнять младенца от груди: *сотвори Авраамъ учреждение (пиршество) веліе, въ онъ же день отдоиса Исаакъ сынъ его* [2: 302].

В определенный исторический период человек и животное выступали как равноправные объекты описания, поэтому то, что в современном языке называется зооморфизмом, первоначально употреблялось и по отношению к человеку. Если в современном языке за славянизмами закрепилась особая предметная область – о прекрасном, возвышенном, эстетически приятном, охватывающем только сферу человеческих проявлений, то в древнерусском языке они прилагались к любому носителю этого признака. Ср. пример на *оуста* из «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского: **ѡѡже имѡши прѣжде рыбѡ, вѣзми, и отъвѣрьзъ оуста к, обрѡщѡши статири** [4, III: стлб. 1273]. В известной «Физиологической саге» А. Карнеева *уста* непосредственно соотносятся с анатомией и описывают чисто физические свойства кита: **...есть китъ в мори аспидохоломъ нарицает. двѣ естествоѡ имать. первая его вѣшь. аше възалчетъ развигнетъ си оуста и всако блгоуханне нсходитъ изъ оустъ его наоухаютъ ма-**

лыа рыбы вона его. и вгатаѣ въ Ѹста его и поглотиѣ га китѣ» (сказание о ките, глава 17) [3: 270].

В церковнославянском *оустнатыи* означало «большеротый», напротив, определение *оустатый* называло не внешний физический признак, а характеризовало человека не только как болтливую, но и злоязычную, поэтому его синонимом в современном языке может быть прилагательное «языкастый». Ср.: *Мжжѣ оустатѣ; Оунее естѣ жити в земли пѣстѣ, нежели съ женою газычною, сварливою и оустатю* [4, III: стлб. 1281]. Из этих примеров следует, что в древнерусском языке слово «уста» обозначало не только конкретное, нейтральное понятие, но они могли и злословить, и проклинать.

О том, что в древнерусском языке соматические славянизмы широко использовались при описании животных, свидетельствуют примеры из Картотеки древнерусского словаря Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН: *...помажи симъ [львиным] саломъ волов твоихъ, коней, ословъ и иныхъ животныхъ чело, да снести ихъ никаковый звер[ь]* (Книга земледелия 1705 г.); *ноздороз... иматъ толстоту кожа его і изсохше персты, і от того ратаи влагают в железа мьсто в плуги і орют землю* (Алфавит, сказующий толкование иностранных речей... XVII); *У правые руки на болиомъ персть повыше верхнего сустава, подь нижнемъ перстомъ кругомъ рубецъ, ноготь маловатъ, на среднемъ персть на верхнемъ суставе бородавка* (Акты, относящиеся до юридического быта Др. России, XII–XVII вв.).

Между тем в современном языке славянизмы-соматизмы не имеют ассоциативную связь с анатомией, вследствие актуализации в их семантике таких компонентов как «возвышенность и поэтичность», «абстрактность и умозрительность» и «духовность» (о прекрасном). Соотнесенность стилистически высокого с человеком является, по-видимому, языковой универсалией, эту тенденцию можно проследить не только на русском языковом материале, но и в других

языках, ср.: «В ряду синонимов *fase, countenance, visage* «лицо» лишь первое, стилистически нейтральное, слово способно обозначать переднюю часть головы не только человека, но и животного и, следовательно, сочетаться с названием животного: *the monkeys fase. Countenance u visage*, слова книжного языка, с неизбежными в таких случаях ассоциациями красоты и величия, неспособны обозначать морду животного и используются, следовательно, только применительно к человеку» [1: 302]. Как правило, возвышенные слова соотносятся с духовной сферой, поэтому церковнославянская лексика, стала маркированным признаком, описывающим объекты, относящиеся к миру духовному.

Таким образом, отношения «человека» и «животного» в разные периоды истории русского литературного языка характеризуются различным ценностным содержанием: от равноправных сфер описания до стилистической противопоставленности «высокое» / «низкое», при этом стилистически высокое соотносилось с духовной сферой и находило языковое выражение посредством церковнославянизмов, шире – славянизмов, за которыми закрепились особые функции – выражение абстрактного, возвышенного и поэтического содержания.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. М., 1995.
2. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. Материалы для русской стилистики. М., 1992.
3. Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории физиолога. СПб., 1890.
4. Срезневский П. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1913.
5. Яковлева Е. С. Животные в языковой картине мира, или еще раз об антропоцентричности языка // Поливановские чтения. Актуальные вопросы языкознания в историческом и современном освещении. Смоленск, 1996.

О региональной специфике развития русского литературного языка в XVII веке (летописание Великого Устюга)

О. Н. Киянова

Российская правовая академия Министерства юстиции РФ (Москва)

kivanova@mail.ru

История русского литературного языка, норма, летопись.

Summary. The report is dedicated to the unsolved problem of the classification of the the language type (literary Church Slavonic/ language oriented to the “business” linguistic tradition [we mean “priказnyj” language]) of the later Russian chronicles in general, and of the chronicles created in the XVII-th century in the Northern region of the Russia in particular. The language of these literary texts is analyzed in the aspect of grammatical norm.

Конкретные памятники письменности остаются источниками представлений о языковой норме и в поздний период существования церковнославянского языка в качестве литературного языка Руси. Они свидетельствуют не только о представлениях книжников о нормативном (поскольку все теоретические выводы о степени влияния грамматических сочинений на языковую практику писцов еще нуждаются в верификации на основе изучения языковых источников), но и отражают кризисное состояние литературного языка периода конца XVI – начала XVIII в. и перемены, происходившие в это время в отношениях между книжно-литературным языком, языком деловой письменности и обиходной речью. В этой связи особое значение приобретает исследование памятников позднего русского летописания (в языке летописей всегда сосуществовали русские и церковнославянские формы на разных языковых уровнях, и памятники реализовывали «упрощенную» норму церковнославянского языка), до недавнего времени малоизвестных и не принимавших во внимание историками русского литературного языка. Развитие летописания в городах сопровождалось появлением в этот период новых скрипториев не только в стольной Москве, но и в Устюге Великом, Вологде, Холмогорах и Архангельске, Ярославле, Ростове, Костроме, Нижнем Новгороде и др., где создавались и многократно редактировались оригинальные летописные сочинения [7: 10].

Новые черты, характерные для поздних летописей (отсутствие начальной части, переписанной с самого древнего летописного свода – ПВЛ; появление профессиональных

авторов – в отличие от анонимности древних летописей, характер единого исторического повествования и др.) особенно ярко отразило провинциальное летописание конца XVI – начала XVIII в., активно развивавшееся в на периферии государства. Авторами провинциальной историографии были выходцы из разных слоев общества – представители грамотной прослойки городов: дворянства, духовенства, чиновничества. Исследование языка текстов провинциального летописания этого периода имеет перспективы – оно дает возможность выяснить не только региональную специфику языковых норм летописных текстов, но и в целом установить пути развития литературного языка в провинции в конце XVI – начале XVIII в. – эпоху начала формирования русского литературного языка нового типа.

Русский Север (территория, простиравшаяся от Вологды и Белоозера до морей Ледовитого океана, от границы с Финляндией до Уральских гор) на официальном языке приказного делопроизводства XVI–XVII вв. именовался Поморскими городами (или просто Поморьем). Регион, избежавший опустошительного нашествия татар, смог сохранить культурное наследие – в том числе большой корпус ценнейших письменных источников, среди которых важное место занимают северные летописи. Богатое летописное наследие Севера, дошедшее до нас, создавалось в крупных районах летописания – Великом Устюге, Вологде, Кирилло-Белозерском монастыре, на Двине, Соловецких островах и других [1]. При этом принцип относительной автономности в книжной культуре был присущ каждой отдельной культурно-истори-

ческой зоне России. Так, весь Русский Север можно представить в виде отдельных культурных очагов со свойственной им некоторой культурной автономией (Двинская, Устюжская, Вологодская и другие традиции). В трех крупнейших культурных центрах Русского Севера – Холмогорах, Вологде и Устюге Великом – почти одновременно появляются общерусские летописи, сочетающие общерусские и местные известия («общерусские провинциальные летописи», по А. Н. Насонову (см. [4]). Большая часть их не подвергалась лингвистическому анализу и не была введена до недавнего времени в научный оборот в сфере истории русского литературного языка.

Сопоставительный анализ трех основных памятников летописания Великого Устюга XVII–XVIII вв. – [3]; [5]; [6] – обнаруживает их тесную взаимосвязь как в формальном и содержательном плане, так и в плане особенностей языкового выражения. Вместе с тем очевидны и определенные расхождения. Эти отличия весьма показательны в отношении специфики грамматической нормы исследованных текстов. Лингвистический материал обнаруживает ориентацию всех текстов на книжно-славянскую языковую традицию. Она прослеживается в большей степени в редакциях ЛУст (причем ЛУст-2, созданный в XVIII в., характеризуется достаточно системным использованием почти полного «набора» грамматических церковнославянских форм в фрагментах определенного содержания, что обусловлено его церковной направленностью), в меньшей – в ЛВлгд (в памятнике практически не используется имперфект, очень активно – в сравнении с ЛУст – ведут себя русские союзные средства, практически отсутствуют формы дв. ч.). Также совершенно очевидно, что разные грамматические церковнославянские формы имеют неодинаковую значимость для авторов устюжских летописей: для создателей редакций ЛУст важна система форм прош. времени, необходимым элементом которой является имперфект, в их текстах преобладают книжные союзы, присутствуют (в их и не системно) формы дв.ч. Для Вологодина совершенно не актуален имперфект, гораздо более важным показателем книжности текста (нежели сис-

тема форм прош. времени) для него является оборот ДС, активно используемый им на протяжении всей летописи, но более всего – в ее завершающей части (где оборот является единственным церковнославянским на фоне иных русских грамматических средств). Важно отметить также, что в устюжских летописях (в ЛУст в виде намечающейся тенденции, а в ЛВлгд ярко и совершенно очевидно) лингвистический материал обнаруживает используемый авторами прием «перехода» от восточнославянских грамматических средств к книжным в пределах одного сюжета по мере того, как повествование об обыденных событиях сменяется рассказом о чем-то сакральном.

Ведение в Устюге Великом летописания на протяжении нескольких веков (с конца XIII в. по вторую половину XVIII в.) и составление в нем значительных летописных памятников и в позднюю эпоху существования летописания свидетельствует о значимости Устюга как административного, экономического и культурного центра. Поздние Устюжские летописи представляют большой научный интерес не только для русской истории и литературы, но и для истории русского литературного языка (см. [2]).

Литература

1. Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 11. Л., 1979.
2. Киянова О. Н. Поздние летописи в истории русского литературного языка (конец XVI – начало XVIII века). Монография. СПб., 2010.
3. Летописец Льва Вологодина // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982. С. 127–149 (ЛВлгд).
4. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969.
5. Устюжский летописец второй редакций // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982. С. 109–125 (ЛУст-2).
6. Устюжский летописец первой редакции // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982. С. 105–109 (ЛУст-1).
7. Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. М., 1988.

Из истории новгородской книжной традиции XIV–XVI вв.

А. Ю. Козлова

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (Коломна)

anna_kob65@mail.ru

Толковая Палея, нормы церковнославянских текстов XIV–XVI вв., новгородские диалектные особенности.

Summary. The paper regards the peculiarities of orthographic and grammatic standards of Tolkovaya Paleya manuscripts written in Novgorod in the 14th–16th centuries.

Самый старший дошедший до нас список Толковой Палеи был создан в конце XIV в. в Новгороде и известен в российской научной традиции как список Александро-Невской Лавры (РНБ, СПбДА I/119) (далее – А.-Н.). Окончание этого списка находится в Сильвестровском сборнике (РГАДА, Тип. № 53). На основе анализа миниатюр, а также элементов содержания Ю. А. Грибов высказал убедительную гипотезу, что 23 листа Толковой Палеи попали в Сильвестровский сборник не случайно: обе рукописи составляли единый пергаменный комплекс [1: 253–267]. Ярким доказательством в пользу этого предположения является тот факт, что в первые десятилетия с еще не разделенного на две части списка в Новгороде была сделана копия – Уваровская Палея XVI в. (ГИМ, Увар. № 85) (далее – Увар.). Ю. А. Грибов указал также, что в начале XVI в. также в Новгороде была создана еще одна копия А.-Н. – Музейский список (ГИМ, Муз. № 1197) (далее – Муз.), причем в создании Увар. и Муз. принимал участие один и тот же писец: Увар. он переписал полностью, а в Муз. только первую половину, вторую часть списка переписали пять других писцов.

Текстологический анализ указанных списков показывает, что А.-Н. с большой долей вероятности послужил антиграфом для Увар. Приведем несколько примеров.

Так, нормативной для церковнославянского языка у членных прилагательных в форме м. р, Р. ед. была флексия *-аго*. В. Б. Крысько отметил в А.-Н. очень редкую для церковнославянских текстов флексию *-ага*: **Члвкъ бѣ къс дръмафема сѣфьска/га** (Л. 271б–в) [4: 84]. В Увар. находим пол-

ное соответствие: **Члкъ бѣ екс дръмафема /сѣфьскага** (Л. 272а).

Писец Увар. сохраняет ауслатное аканье антиграфа. А.-Н.: **Вижъ же ты велико/го давца... и оуставляеть ве/лико и гордокъ морѧ** (Л. 11б) – Увар.: **Вижъ же /ты великого давца... и оуставляеть велико /и гордокъ и морѧ** (Л. 50в).

Для второго писца А.-Н. было характерно «вставное и» даже внутри слов и даже в начале строки: **како ли / пандоша прыщѣ/кве горацин** (Л. 170в). (Ср. Коломенский список 1406 г. (РГБ, Тр.-Серг. № 38) (далее – Кол.): **како ли пандоша прыщѣве** (Л. 124а)). Писец Увар. сохраняет «вставное и»: **како ли пандоша прыщѣве горацин** (Л. 161г).

В А.-Н. фиксируется случай потери начального [в] в приставке **въз-**. А.-Н.: **а ни кдинъ възростъ имѣ/дху кдинъ зра/стъ рожениа** (Л. 84в) (Ср. Кол.: **кдинъ ча** (Л. 76а)), в других списках – **взрастъ** КСЯ [5: примечание 6 к Л. 76а)]. В Увар. точно передается написание А.-Н.: **единъ зрастъ** (Л. 115в).

В почерке первого писца А.-Н. присутствует характерная особенность – несколько раз наречие **къще** пишется через **ѣ**: **ѣще ма/ло да повьютъ ма** (Л. 180б). В Увар. именно в этом контексте проявляется та же черта: **ѣще /мало да повьютъ ма** (Л. 170б).

Ю. А. Грибов считает, что Муз. список более ранний и более полный по сравнению с Увар. На данном этапе текстологического изучения списков ясно только то, что Увар. не может восходить к Муз., а взаимоотношения Муз. с А.-Н. и Увар. требуют дальнейшего, более детального исследования.

Тот факт, что А.-Н. (конец XIV в.) послужил антиграфом для Увар. (первая половина XVI в.) и, возможно, для Муз. (первое десятилетие XVI в.), представляет интересный материал для исследования динамики новгородской книжной традиции, местной нормы церковнославянского языка, а также нормы палеинных текстов.

Писец Увар., по-видимому, специализировался на переписывании палеинных текстов, в его распоряжении (возможно, в библиотеке его книжного центра) были Палеи различных редакций: известно, что кроме Увар. и Муз. именно он переписал Палею Хронографической редакции – ГИМ, Вахр. № 89.

Хотя писец Увар. очень внимательно относился к орфографии антиграфа и старался точно ее передать, он все же вносил изменения, причем они имели системный характер. Так, при передаче текста А.-Н. этот писец последовательно изменяет написание рефлексов сочетаний редуцированных с плавными, свойственные для рукописей, написанных до второго южнославянского влияния, на следующие: *вр'ьхуоу* (Л.28), *на хл'ьм'ьхъ* (Л.326) и т. д., а также использует «выявленные написания» приставок на *з / с*.

Писец Увар. стремится избавиться от характерного для А.-Н. смешения букв *ц* и *ч*, что не всегда ему удается. Как правило, в Увар. смешение этих букв сохраняется в формах притяжательных прилагательных от основ существительных на *к, ч, ц*.

В. М. Живов отмечал, что в новгородских рукописях XII–XIII вв., которые он обследовал, отсутствуют смешение *ц* и *ч* при написании рефлексов *tj, что «объясняется ориентацией на книжное произношение» [2: 144]. А.-Н. датируется более поздним временем – XIV в., и такой тип смешения там встречается. Примечателен выбор не церковнославян-

ского варианта для правки в Увар.: А.-Н.: *оу́же не хо́цно жити не вида тебе* (Л. 109а) – Увар.: *оу́же не хо́цно жити не вида / тебе Иосифе* (Л. 132б). В отличие от смешения *ц* и *ч*, которое писцом Увар. рассматривалось как ненормативное, *ч* на месте церковнославянского *ц*, по-видимому, считалось допустимым вариантом. Писец Увар. при переписывании не вносит новых форм с *ч*, но все встреченные в антиграфе случаи последовательно передает в своем списке, при этом *ц* А.-Н. заменяет на *ч*: А.-Н.: *и приа вѣрѹ вохмицѹ* (Л. 75г) – Увар.: *вѣроу вохмичу* (Л. 79в); А.-Н.: *вси пакованици* (Л. 120а) – Увар.: *вси паковичи* (Л. 142а) и др.

Писец Увар. сохраняет многие характерные особенности орфографии А.-Н., обусловленные диалектной принадлежностью его писцов. Так, например, отмечается потеря начального *о* после проклитики *а* [3: 71]: А.-Н.: *а ни кдинъ възрастъ имѣ/таху кдинъ зра/стѣ роженна* (Л. 84в). (Ср. Кол.: *а они кдинъ възрастъ имѣ/таху* – Л. 76а). В Увар. точно передается написание А.-Н.: *а ни единъ възра/стѣ имѣ/таху* (Л. 115в).

Литература

1. Грибов Ю. А. Значение палеографических особенностей для определения состава и генеалогии четких сборников // История и палеография. Ч. 1. М., 1993. С. 34–55.
2. Живов В. М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII веков // Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII веков. М., 2006. С. 76–130.
3. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
4. Крысько В. Б. Древнейший новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74–93.
5. Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. Вып. 1–2. М., 1892–1896.

Модальность возможности в частно-деловом письме XVIII века

А. В. Косивцова

Тюменский государственный университет

kosivets@mail.ru

Модальность возможности, деловой эпистолярный XVIII века, речевой жанр.

Summary. The report is devoted to language means of expression of modal value of opportunity in private and business letters of Ural industrialist N. A. Demidov. The objective and subjective modality of opportunity are correlated with speech genres.

Материалом исследования послужили предоставленные Демидовским институтом (г. Екатеринбург) частно-деловые письма 1774–1786 гг. заводчицы Никиты Акинфиевича Демидова (1724–1787). Предписывающий характер писем обуславливает наличие в них категорической и некатегорической форм императива.

Модальность возможности / невозможности представляет собой некатегорическое волеизъявление, которое эксплицировано глаголом *мочь / не мочь* (398 употреблений), наречиями и прилагательными *возможно(-ый)* (9) / *невозможно(-ый)* (3), *всевозможно(-ый)* (6), например: 1) «...чтобы и съ аглинскими купцами по силѣ контрактовъ конфузны а въ разсуждении простоевъ напрасныхъ убытковъ *избавится могли*» (1785 г.); 2) «...что тамошнее мое заводское правление идти с такимъ распоряжениемъ темъ я доволенъ, чего и дальѣ исполнению не уничтожатъ, но какъ *наивозможно* еще *старатся* оной канторе о приведении в самолутчѣе состояние» (1778 г.). В частно-деловом эпистолярном Н. А. Демидова модальное значение возможности может быть объективным и субъективным. В приведенных примерах реализуется значение субъективной возможности: «прогноз, гипотеза» (1), «степень выполнения приказа» (2). Объективная модальность возможности выражается конструкцией «имею + инфинитив»: «не согласитца ли ту благосклонность зделать чтобъ бѣзъ процентовъ, а толко чтобъ вместо медныхъ серебряными *заплатить* имею...» (1774 г.).

Объективная и субъективная возможность содержатся в одном контексте: «а особливо уверить всехъ жителей моихъ заводовъ что *ести бѣ в силахъ* моихъ *могло бытъ* благоденствие имъ доставить то *бы* ничего не жалея стараниемъ *успешать* я *могъ*, но какъ сие более *поправитца* *можетъ* от милосердия божия, и чрезъ ожидаемыхъ легулярныхъ войскъ» (1774). Субъективная модальность выражается грамматически придаточной конструкцией со значением условия, включающей форму сослагательного наклонения (*ест-*

ли бѣ в силахъ моихъ *могло бытъ*, то *бы успешать* я *могъ*). Объективная модальность реализуется во второй части высказывания: заводчик уповает на волю божию, когда видит свое бессилие в противостоянии пугачевским партиям.

Глагол *мочь* чаще всего выступает в качестве связки в составе глагольного сказуемого. Субъектами действия при составном глагольном сказуемом с модальным компонентом *мочь* являются мастерские и работные люди: «дабы при заводахъ мастерские и работные люди за невыдачею денегъ никакихъ недостатковъ *претерпеть не могли*» (1774 г.); приказчики Нижнетагильской заводской канторы: «буде же на то не согласитца то по неминуемости и тамъ, о чемъ и копии *усмотреть можете*...» (1774 г.). В конструкциях с субъектом действия Н. А. Демидовым модальный глагол *мочь* указывает на объективные возможности совершения / несовершения действия субъектом (*заплатить* я *могу*, *могу оныя выписать*, *оставить никакъ не могу*, *обослатся могу*), передает желание говорящего владеть информацией для принятия последующих решений (*я могъ знать*, *я усматривать могъ*, *я могъ слышать*), а также выражает состояние говорящего в случае выполнения его просьбы или приказа (*я не могу оному надивитца*, *я остатся могу доволенъ*, *я довольнымъ бытъ могъ*).

В безличных конструкциях модальное значение возможности выражается словами категории состояния *можно* (184) / *неможно* (65), *льзя* (13) / *нельзя* (19). Конструкция «(не)можно + инфинитив» представляет констатацию фактов (объективная возможность) или указывает на временной план будущего (субъективная возможность): «...а отправлено ль то количество сто тысячъ пудъ во ономъ однолѣтнемъ караване сполна по неполучению роскладной росписи *узнать неможно*» (1786 г.); «...почему всехъ бы в перевоске и хлопотъ *избавитца можно*» (1774 г.). Безличные конструкции *сколькo можно*, *как можно* указывают на быстроту или степень выполнения приказа, показывают воз-

возможности приказчиков, которые должны приложить максимум усилий для выполнения приказа заводчика: «...На которое симъ приказываю в Адмиралтействъ коллегии о выдаче денег старание иметь сколько *можно*» (1780 г.); «по исполнении же и репортовать *какъ скоряе можно*...» (1774 г.).

Анализ частно-делового эпистолярия Н.А. Демидова позволяет выделить следующие речевые жанры, в которых реализуется субъективное модальное значение возможности: 1) предупреждение: «...А дабы въ дорогѣ *не могъ здѣлать побегу*, о строгомъ за нимъ смотрении караваннымъ здѣсь приказано» (1783 г.); 2) предположение: «для того что и оное *можетъ* с продажи *вытти* бѣзубыточно...» (1774 г.). Говоря о производстве черного листового железа «через пропложение валами», заводчик предполагает результат этого производства: «через оное производство <...> дешевлѣе *коштовать можетъ*» (1774 г.); 3) вопрос: «а объ немъ Попове от общества оной буду ожидать прямого объяснения, *может ли* еще далѣе по состоянию ево здоровья при оной *быть*...» (1778 г.). Жанр вопроса можно отнести к показателям смягченного волеизъявления, допускающего вариативность решений. Употребление вопросительной данной конструкции указывает на диалогический характер писем. Субъективная возможность – это возможность совершения действия при наличии определенных условий, обстоятельств, необходимых для исполнения действий, названных инфинитивами.

Объективная возможность представлена в таких речевых жанрах, как: 1) сообщение: «а сколько какихъ сортовъ того

железа делать и в прочтемъ *можетъ* оная кантора *видеть* из вышепрописанныхъ посланныхъ при семь с контракторъ копей» (1776), 2) разрешение: «а в случае от всей канторы отягощения *могут присылать* ко мне и мирское справедливое изяснение за общими руками...» (1774 г.). Составное глагольное сказуемое *могут присылать* аналогично высказыванию *имеют право присылать*. Речевой жанр разрешения таким образом является косвенным императивом: ср. *присылайте*; 3) запрет: «и что без воли моей к делу оныхъ *присутить* оная *не можетъ*...» (1783 г.). Речевой жанр «запрет» представляет собой форму категорического императива: ср. *не имеет право, нельзя присутить*.

Таким образом, модальное значение возможности позволяет представить отношение адресанта как к горнозаводскому делу, так и к адресату и другим участникам коммуникативной ситуации. Н. А. Демидов как хозяин заводов и автор писем предоставляет своим мастерам возможность показать и доказать свое искусство, знание на деле. Объективная модальность возможности в частно-деловых письмах Н. А. Демидова реализуется в ситуациях, при которых субъект действия реально может выполнить действие, названное инфинитивом. Субъективная модальность возможности представлена в ситуациях, когда субъект действия только предполагает, что может произойти действие, названное инфинитивом. При субъективной возможности решения ситуации неоднозначное: желание говорящего (план ирреальной модальности) может не совпасть с происходящим в реальной действительности.

Приставочные глаголы с праславянским корнем *-ѣ- / *-јьм- (диахронический аспект)

Т. А. Крепких

Таганрогский государственный педагогический институт имени А. П. Чехова

kolesovavf78@mail.ru

Варианты корня, их история, ограничения в образовании производных.

Summary. The report deals with the root morpheme's variants and their history; derivatives forming limitations.

В праславянском языке корнем *-ѣ- / *-јьм- объединялись глаголы *ѣти «взять, схватить», *јьмати «хватать, ловить», *јьмѣти «иметь, владеть».

Уже в праславянском языке от глаголов *ѣти и *јьмати были представлены префиксальные образования. Осуществившийся в праславянском языке процесс переразложения в основе имел своим следствием появление варианта корневой морфемы с *n* после приставок *въ-, *съ-: *въ-нѣти, *въ-пимати; *съ- нѣти, *съ- нимати. В древнерусском языке вариант корня с начальным *n* наблюдается не только после приставок *въ-* и *съ-*, но и после других приставок, где *n* в начале корня появился по аналогии с *въняти*, *съняти*: ср. *яти* и *съняти*, *прियाти* и *приняти* и т. п. [3: 68–69].

Действующая в языке тенденция к унификации вызвала устранение отмеченной вариативности. В говорах, легших в основу литературного языка, в подавляющем большинстве случаев происходит вытеснение образований без корневого *n* образованиями с *n* в корне, вследствие чего в русском языке остаются *принять*, *занять*, *отнять* и т. п. Возможно, указанному направлению обобщения вида корневой морфемы способствовало наличие в языке образца – самых ранних с корневым *n* глаголов *съняти* и *въняти*. По данным СлРЯ XI–XVII вв. глагол *съняти* не имел варианта корня без *n*. В Словаре И. И. Срезневского обнаруживается *съяти* с 3-мя значениями, которые включаются в семантическую парадигму *съняти* (12 значений) [5]. Таким образом, сильное звено частной системы подчиняет себе слабое: единицей лексической системы литературного языка стал глагол *снять*. У глагола *въняти*, как показывают отмеченные источники, вариант без *n* в корне отсутствовал. В названных словарях представлено *въятися* «волноваться», утратившее впоследствии без «ущерба» для языка, так как в нем имелся глагол *волнитися* «волноваться», который, претерпев изменение структурного характера, закрепился в русском языке.

Глаголы с более древним видом корня (без *n*), во многих из которых осуществились различного рода преобразования, сохраняются в литературном языке, диалектах и просторечии; напр.: лит. *прियाць*, *поймаць*, *обьяць*, диал. *вы-*

маць, *выимать*, *заяць*, *заимать*, *поять*, *поимать*, *уять*, *уймаць* и др. [1].

Почти не отраженные в памятниках письменности варианты без *n* корневого глаголов *въняти* и *съняти*, возможно, употреблялись в живой речи древних периодов функционирования языка. В современных русских говорах таковые представлены: *воймовать* «прислушиваться», *съимать*, *сымать*, *соймать* [1]; их следует квалифицировать как результат влияния глаголов с другими приставками типа *прियाти*, *наяти*, *заяти* и т. п.

В парах с приставками *из-*, *въз-* (*изъяти* и *изняти*, *възяти* и *възняти*) тенденция к унификации реализуется в противоположном направлении – из языка уходят глаголы с *n* в корне *изняти* и *възняти*, семантическая парадигма которых включала небольшое количество значений, поглощаемых объемной семантикой глаголов без корневого *n* (ср. *възняти* – 1 значение и *възяти* – 10 значений, *изняти* – 2 значения и *изъяти* – 4 значения) [4]. Видимо, этот фактор и определил судьбу данных лексических единиц в говорах, ставших базой формирования литературного языка. Однако в периферийных русских говорах, а также в белорусском и других славянских языках сохраняются глаголы с *n* в корне; напр.: рус. диал. *взняць*, *взимать*, *изняць*, *изнимать*, блр. *знямацьца* «вступать в драку» [1]; [6, т. 9: 26].

Единичные префиксальные глаголы от *иметь* на разных этапах развития языка может найти объяснение в следующем. По наблюдению Е. А. Земской, при образовании производных разных типов действуют ограничения, определяющие возможности сочетаемости морфем в составе производного слова. Ученый называет несколько видов ограничений: семантические, формальные, стилистические, лексические, словообразовательные [2: 194–207].

Представляется, что появлению приставочных глаголов от *иметь* препятствуют семантические ограничения, проявляющиеся в несовместимости значений морфем. Так, значение состояния обладания кем-, чем-л. производящей основы глагола *иметь* как правило несовместимо со значением большинства приставок, вносящих в семантику глагола конкретные пространственные или временные оттенки.

Отсутствие приставочных глагольных образований от *иметь* может быть связано и с лексическими ограничениями, в частности с занятостью данного «семантического места» другим словом. Полагаем, что значение приставки *от-*, способной выразить конец, прекращение не только действия, процесса, но и состояния, совместимо со значением производящей основы глагола *иметь*, так как состояние обладания кем-, чем-л. может прекратиться, однако глагол с указанной приставкой от *иметь* в русском языке отсутствует, очевидно, потому, что его семантическое пространство занято другими лексическими единицами: *лишиться кого-, чего-л., лишен кого-, чего-л., утратить кого-что, потерять кого-что, перестать владеть кем-, чем-л.* и т. п.

Причина отсутствия возможных, но лексически не представленных образований заключается также в том, что языковая норма не всегда реализует возможности словообразовательной системы. «Расхождения между системой и нормой могут перерастать в конфликты, когда норма отрицательно оценивает, не допускает в «хорошее словоупотребление» те или иные закономерные в словообразовательном

отношении и реально встречаемые в речи образования» [2: 203]. Иллюстрацией к данному теоретическому положению может стать отмечаемое в сниженном стиле производное от глагола *иметь*: *имел, имел, да отымелся* (записано в с. Войсковая Казинка Долгоруковского р-на Липецкой обл.).

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981-1982.
2. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
3. Крепких Т. А., Рюмина О. Л. Из истории глаголов с праславянским корнем *-e- / *-jъt- // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2010.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.
5. Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка: В 3 т. М., 2003. (Репринт. изд.).
6. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–.

Направления кодификации синтаксической нормы в «Грамматике беседословной» Ивана Иконника (1733 г.)

Е. А. Кузьмина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
elenk2002@mail.ru

Языковая норма, синтаксис, кодификация, славянская грамматическая традиция.

Summary. Main directions of syntax norm codification in the hand-written grammar by Ivan Ikonnik (1733) are described. From the point of view on syntax as the instrument of analysis and of synthesis the problem of proper combination of parts of speech with correspondence to their grammatical semantics is defined by I. Ikonnik as the main problem. The components of syntactic links and their combination parameters are encoded and the system of tasks directed to implementation of these norms are presented in his grammar.

Целостное синтаксическое учение (теория синтаксических связей, теория предложения и его членов) в ранней славянской грамматической традиции XVI–XVII вв. разработано не было, не была проведена и последовательная синтаксическая кодификация. В первых грамматиках церковнославянского языка синтаксический раздел либо отсутствует вообще, как, например, в грамматике Лаврентия Зизания (Вильно, 1596 г.), либо представляет собой краткое приложение к морфологии, повторяя ее композиционно и терминологически, как в грамматике Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619 г.; 2-е изд. М., 1648; 3-е изд. М., 1721). В рукописных же грамматических трактатах XVI–XVII вв. термин *синтаксис* использовался для обозначения совершенно иных явлений – графико-орфографических. Синтаксисом называли либо знак переноса, который «*оуказываетъ соедѣнати рѣчь ра³дѣленю на двѣ строчки*» (РГБ, ф. 299, ед. хр. 336, л. 94 об.), либо совокупность всех надстрочных знаков, ср. «*верхнѣа силѣ, а по греческы синтаксисъ*» (цит. по [6: 692]).

Отсутствие в ранних славянских грамматических сочинениях синтаксического учения было обусловлено положением дел в античной и ранней послеплатонической грамматической науке, достижения и вместе с тем ограниченность которой были унаследованы лингвистической мыслью славян. В античности не было сформировано понятие о предложении как о лингвистической единице, принадлежащей качественно иному уровню, нежели лексический (см. [5: 100–102]). По представлениям античных авторов, «строение слова, его сочетаемость с другими словами отражают строение вещи (или представления) и отношения между вещами в реальном мире (или человеческом мышлении), зависят только от значения слова и ни в коей мере от строения языка как целого» [1: 23].

Более продвинутый этап синтаксических изысканий в сравнении с тем уровнем, который был достигнут в славянской грамматической традиции XVI–XVII вв., отражен в рукописном трактате «*Грамматика бесѣдословная*» Ивана Иконника 1733 г. (Собр. рукописей музея-заповедника «Московский Кремль», № кн. 213, 8°, 221 л.) (далее ГИ). ГИ была создана в целях внедрения грамматической образованности как учебно-методическое пособие, призванное сформировать процедуры овладения языком как «грамматикой», т. е. как системой алгоритмических правил, и оптимизировать освоение существующих грамматик церковнославянского языка, используемых «*при школахъ*», т. е. грамматики М. Смотрицкого и ее сокращенной переработки, вы-

полненной Федором Максимовым (СПб., 1723) (см. [2: 4: 271–447]). Однако исходная установка на ясное, доступное и детальное истолкование, «*яснѣишее Изясненіе*» правил и предписаний М. Смотрицкого и Ф. Максимова была последовательно реализована лишь в трех частях ГИ – орфографии, этимологии и просодии. В синтаксической же части своей грамматики И. Иконник отступает от образцов и моделей, заданных предшественниками, и представляет результаты собственных лингвистических штудий.

В своих изысканиях он базируется на теологической концепции грамматики, в которой грамматика трактуется как разновидность богословия (см. [3]). В рамках этой концепции, согласно И. Иконнику, главенствующая роль должна быть отведена именно синтаксису, поскольку синтаксис одновременно является и *инструментом синтеза*, владение которым позволяет породить «*слово*», т. е. предложение, соответствующее постулируемой норме, и *инструментом анализа*, позволяющим постичь высшую истину, заложенную в библейских и богослужебных текстах.

В синтаксисе как учение «*о сочиненіи слова*» (л. 153 об.) И. Иконник в качестве основной выдвигает проблему «согласованности» «*частей слова*», т. е. их сочетаемости в соответствии с их грамматическим значением. Приоритет правил «*о согласіи*» над остальной синтаксической проблематикой обусловлен тем, что именно в их нарушении И. Иконник усматривает причину многочисленных ошибок, засвидетельствованных им в «*кѣчисленнѣ стичахъ*» (л. 168 об.) литургических текстов. В ГИ кодифицировано три «*бразѣ согласіа*»: а) прилагательного с существительным, б) «*возносительного*», т. е. относительного, местоимения *иже* с существительным, в) подлежащего со сказуемым. Нормирование каждой синтаксической связи состоит в регламентации компонентов связи и параметров их согласования. Декларативное представление синтаксической нормы сопровождается демонстрацией нормативных элементов – языковым примером и его истолкованием. Кодифицируя параметры согласования существительного с относительным местоимением, И. Иконник подчеркивает недопустимость согласования местоимения с определяемым существительным по падежу, поскольку такая конструкция является гречизмом, нарушающим славянскую модель управления глагола. Он регламентирует синтаксическую норму, согласно которой падежная форма местоимения должна быть грамматически мотивирована глаголом-сказуемым в придаточ-

ном предложении, и демонстрирует ее на примере изменения «согласія» «Петръ, ѿже».

Координируя систему зафиксированных в ГИ норм и литургические тексты И Иконник инкорпорирует в свои правила образцы проведенной им «справы» «погрѣшитѣльныхъ» форм, порожденных несоблюдением «согласія», в Каноне покаянном ко Господу Нашему Иисусу Христу. В дидактических целях он разрабатывает систему заданий, направленных на овладение этими нормами: учащимся предлагается выявить и исправить ошибки в «согласіи» в Каноне Великой Субботы и библейских текстах.

Синтаксис как инструмент анализа текста нацелен на «Вѣрѣтїе в словѣ лежащаго разума», его «знаменованія» (л. 169). Поскольку в своих синтаксических изысканиях И. Иконник исходит из традиционного атомистического понимания предложения как «сочинения» «восьми частей слова», смысловые отношения, выраженные предложением, заключены для него в отдельных формах слов. Установлению «знаменованія» падежных форм в конфессиональных текстах он посвящает вторую часть синтаксического раздела своей грамматики (л. 169–170 об.).

Проведенное исследование позволяет утверждать, что И. Иконник рассматривал кодификацию синтаксической нор-

мы как теоретическую основу и инструмент для решения практических задач («книжной справы»). Несмотря на то что синтаксическая кодификация была проведена И. Иконником лишь фрагментарно, а его изыскания в области структурного и семантического синтаксиса не сложились в целостную концепцию, сам факт разработки данных проблем представляет несомненную ценность.

Литература

1. Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
2. Кузьминова Е. А. «Грамматика беседословная» Ивана Иконника как синтез славянской грамматической традиции // Библиотекосведение. 2011. № 4. С. 56–61.
3. Кузьминова Е. А. «Цитатное пространство» предисловия к грамматике 1648 г.: концепция и структура // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 64–73.
4. Кузьминова Е. А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М., 2012.
5. Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1984.
6. Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 289–1023.

Лексико-синтаксические модели

как средство описания изъяснительного предложения в диахроническом аспекте

И. Н. Левина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

iri555007@yandex.ru

Диахрония, синтаксис, лексико-синтаксические модели изъяснительного предложения.

Summary. This paper examined the lexico-syntactic models of complex sentences of the *думать I, что* as a means of describing complex sentence in the aspect of diachronic.

Сложноподчиненные предложения (СПП) изъяснительного типа занимают особое место в синтаксисе по ряду причин как лингвистического, так и экстралингвистического характера – среди них немаловажным является то, что они представляют собой наиболее активно используемый в речи тип СПП. Анализ структур [], (что...) или [], (будто...) и подобных, показывает, что, отличаясь завидной стабильностью в течение веков, они имеют существенные отличия, связанные с их реализацией в речи.

Понятие лексико-синтаксической модели (ЛС-модели), включающей, кроме средства связи, лексему – опорное слово – и учитывающей другие конструктивные признаки грамматического и стилистического характера (например: [ВЕДАТЬ], (...ЛИ) ^[Neg / ?]_[устар]), как и представленный в «Лексико-синтаксическом словаре русского языка» С. Г. Ильенко и И. Н. Левиной (СПб., 2007) корпус моделей изъяснительных предложений создают основу, позволяющую проводить исследования в этой области синтаксиса сложного предложения не только в синхронии, но и в диахронии.

Формально-грамматический аспект описания изъяснительного предложения определенного периода связан с выявлением а) информации о *составе ЛС-моделей*, а также б) информации о наличии и большей или меньшей актуальности *разновидностей модели* — вариаций, вариантов и регулярных реализаций, а также в) об особенностях презентации модели в речи.

Отличия в составе ЛС-моделей не являются результатом влияния только одного фактора, хотя наиболее очевидная причина их появления, безусловно, — изменение лексики: так, в текстах XVIII в. (здесь и далее цитируется по Национальному корпусу русского языка) встречаем модели [ЛАСКАТЬСЯ], (ЧТО...); [НАВЕТКИ], (ЧТО...) и др.: *...в первом случае пропадала для казны законная акциденция, что начальники сами часто виною непорядков...* [А. Н. Радищев. <О таможенных обрядах> (1783)]; *Легко становится, что я не умел положить его на бумагу, как думал, но я думал честно и имею сердце, пронзенное благодарностию и благоговением к великим деяниям всеобщий нашей благотворительницы. Ласкаюсь, что все те честные люди, от коих имею счастье быть знаем, отдадут мне справедливость, что перо мое никогда не было и не будет омочено ни ядом лести, ни желчью злобы* [Д. И. Фонвизин. К г. Сочинителю «Былей и небылиц» от сочинителя вопросов (1783)].

Наличие (или сохранение) в лексиконе слова или его лексико-семантического варианта не является однозначным сви-

детельством наличия (или сохранения) в неизменном виде моделиобразующих свойств; сравните с современным употреблением: *Он смолodu хорошо учился, путешествовал; потом служил в войне с великою похвалою; а как он враг праздности, то открылся мне, что охотно взял бы на свои руки благородного младенца, чтоб быть ему наставником и учить его тому, чему сам смолodu выучился* [Д. И. Фонвизин. Выбор гувернера (1790–1792)].

Грамматические особенности играют не менее существенную роль: так, не может пройти незамеченным всякое отступление от привычного списка или формы глаголов, выступающих в качестве связки (*явно есть, что; явно быть кажется, что*), в том числе полужнаменательной и знаменательной, например, *не примите мне в самохвальство, что у М. В. Ломоносова; см. также: ...дабы положить преграду женитьбе, причла ему в вину, что не будучи рыцарь он смел сражаться* [А. Н. Радищев. Бова (1798–1799)].

Особенности наблюдаются и в области использования модального компонента: например, встречающийся в XVIII века реализация типа [не можно + глагол_{inf}], (что / чтобы) устарела. См. также: *Не долженствовало ль нам тогда наврное полагать, что таковой необыкновенный ропот произведет страшные действия и что неминуемо произойдет какой-нибудь бунт или всенародный мятеж и возмущение?* [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1800)].

В видовом отношении вариация модели с эксплицированной связкой-глаголом также может представлять интерес, как, например, обнаруженная в речи Ломоносова вариация ЛС-модели [НАДЕЖДА], (ЧТО...), где глагол-связка представлен в непривычной для современного употребления форме [бывает в надежде]. (что): *Когда производится кто в адъюнкты, то бы в а е т в надежде, что он достигнет достоинства экстраординарного и ординарного академика* [М. В. Ломоносов. Проект регламента Академии Наук (1764)].

ЛС-модель создает возможность анализа СПП в коммуникативном аспекте, поскольку позволяет фиксировать расположение ее компонентов. Так, не раз отмечалось (Г. Н. Акимов, И. И. Ковтунова и др.), что в области словоупотребления в XVIII веке одно из заметных явлений — активное использование инверсии. ЛС-модель позволяет выявить не только инверсию придаточной части СПП по отношению к главной, но и дистантное расположение опорного слова по отношению к придаточному, дистантное расположение со-

юза по отношению к главной части СПП; инверсию элементов, формирующих варианты и регулярные реализации модели: соотносительного слова по отношению к опорному, а также модальных (и фазисных) компонентов. См., например: *Мы и о том умолчать не можем, что большая часть материй, в его длинном письме включенных, не есть нашего департамента. <...> Я весьма веселого нрава и много смеюсь; признаться должно, что часто смеюсь и пустомв: насмешником же никогда не бывал* [Екатерина II. Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г. (1769)].

Лингвотекстологический аспект изучения гимнографии

В. И. Легких

Архив Германской епархии (Мюнхен, Германия)

vlegkikh@gmx.de

Лингвотекстология древних текстов, гимнография, лингвистическая реконструкция.

Summary. An approach to the study of the liturgical texts from the point of view of classical textual or lingvo-textology is not always possible. The liturgical practice preceded a text, that's why to find the same list of a service is almost impossible. In the study of original services one is often faced with the need to establish general principles for selection of versions. This raises the issue of delimitation criteria for macrotextology microtextology. The most of original Russian and some of translated services were constantly corrected, the changes were often related to changes in the composition of hymns. At the same time, even when the composition is changed, microtextological analysis of a service often does not fix any significant discrepancies in comparable hymns. Thus, it appears that microtextology helps to determine macro-version of a service while macrotextology, based on an analysis of a structure and a composition of hymns distinguishes micro-versions. The situation is illustrated by an example from the service to Sts. Martyrs Boris and Gleb. It is also necessary to distinguish a version of a hymn and a version of a service in general. The same hymns written in a Mineum, Styhirars, Typicons and Liturgical collections can show different versions of texts, which co-exist in the same version of the service. Such kind of comparison helps to identify sources of a certain version of a service. At the same time, in the translated hymnographical texts lingvotextological method can not only differentiate, but also, by using the rhythmic structure of the Greek text, to reconstruct the lost Greek reading. The situation is illustrated by several readings (for example, таибъникъ – избавитель [ρύστης – μύστης] etc.).

Литургические тексты становятся все более и более популярным предметом изучения в среде филологов. Однако подходить к изучению литургического текста с точки зрения классической лингвотекстологии не всегда представляется возможным. Литургическая практика шла впереди развития текста и определяла его, поэтому часто найти одинаковые списки службы практически невозможно.

При изучении оригинальных служб исследователь часто сталкивается с необходимостью выработки общих принципов выделения редакций. При этом возникает проблема разграничения критериев применения макротекстологии и микротекстологии. Большинство русских и некоторые переводные службы редактировались постоянно, причем изменения часто касались изменения состава песнопений. В то же время даже при изменении состава службы микротекстология часто не фиксирует сколько-нибудь существенных различий в сопоставимых песнопениях. Таким образом, получается, что микротекстология скорее помогает определить макроредакцию службы, в то время как макротекстология на основании анализа состава песнопений выделяет редакции или микроредакции. Положение иллюстрируется примером из службы на Убиение свв. мчч. Бориса и Глеба.

Кроме того, мы встречаемся с явлением «мозаичности», то есть сосуществования разных редакций песнопений в одной редакции службы, записанной в ненотированной Минее. Лингвотекстология помогает в данном случае разграничить редакции песнопения и редакции службы в целом. Сравнивая песнопения, записанные в Минее, Уставах, Стихирарях и Богослужебных сборниках, можно проследить различные редакции песнопений, сосуществующие в одной редакции службы, и выявить источники составления редакций службы.

В то же время переводные гимнографические тексты требуют пристального внимания лингвиста, так как в них необходимо разграничивать «славянские» и «греческие» различия. В данном случае метод лингвотекстологии позволяет не только разграничивать, но и реконструировать утраченные чтения. Лексические изменения «переводной» службы могут быть связаны как с языковым варьированием в греческом тексте, так и с выбором другого славянского эквивалента при переводе. В первом случае славянская правка фиксирует изменение греческого оригинала. Как показала М. А. Момина, силлабо-тонический размер византийской гимнографии позволяет восстановить греческие различия по славянским, так как «замена происходит только тогда, когда не нарушается ни количество слогов, ни место ударения» [1: 130]. Таким образом нам удается с довольно высокой степенью вероятности восстановить утраченные «греческие» различия. Реконструкцию греческих различий можно показать на примере замены **таибъникъ** на

При диахроническом подходе выявление состава ЛС-моделей и его спецификации на определенном временном срезе обуславливает приоритет следующих задач: 1) создание словников опорных слов; 2) изучение массива конструктивных элементов моделей, в том числе представленных служебными словами; 3) фиксация особенностей их синтагматики, в том числе на уровне регулярных реализаций модели; 4) установление значимых в стилистическом отношении вариаций модели.

Названные ракурсы, безусловно, не исчерпывают потенциал ЛС-моделей в описании динамических процессов синтаксиса.

избавитель (ρύστης – μύστης) и др. Иногда греческий эквивалент может не подходить ни к одному варианту, как в случае **оужьники** – **чѣкы**, однако мы можем реконструировать оба греческих варианта (δεσμιους – ἀνθρώπους).

К сожалению, подобная реконструкция возможна только в гимнографических текстах, так как именно они были связаны с распевом. Каждый колон в песнопении сохраняет определенное количество слогов, заданное в случае канона ирмосом, в случае стихир, седальна или кондака с икосом – самогласным распевом или песнопением, на подобен которого поется новое произведение; и определенное место ударений в каждом слове: только так можно было сохранить ритмическую структуру текста. В славянских переводах эта структура утрачена, для переводчика важнее было, как можно точнее передать греческий текст, а распев создавался под переводный текст. В византийской гимнографии при любой правке сохранялась ритмическая структура. Поэтому именно в переводной гимнографии с помощью лингвистического анализа можно не только проследить работу переводчика, но и реконструировать утраченные греческие различия.

Кроме того, анализ лингвистических чтений иногда помогает выявить историю не только редакции, но и списка. Особенно это касается повторяющихся ошибок или порчи текста. Иногда лингвистический анализ двух редакций песнопения позволяет говорить о связи между списками разных редакций. Например, в некоторых списках «студийской» службы свв. стрст. Борису и Глебу встречается стихирная группа 2-го гласа на подобен «Егда от древа...». По рукописям собрания Новгородской Софийской библиотеки РНБ нам известна вторая редакция этого цикла. Эти три списка различаются по составу службы, однако лингвистический анализ двух редакций этой стихирной группы позволяет говорить о связи между этими списками.

Таким образом, лингвистический анализ гимнографии необходим текстологу как в случае с оригинальной, так и в случае с переводной службой. Текстология гимнографии сильно отличается от классической текстологии: макротекстология, занимающаяся структурой и составом произведения помогает в определении микроредакций, в то время как микротекстология, то есть непосредственно анализ различий выделяет макроредакции. В случае с переводной гимнографии, лингвистический анализ, используя ритмическую структуру песнопения, помогает не только разделить различия на «славянские» (т. е. выбор другого славянского эквивалента) и «греческие», связанные с разными греческими оригиналами, но и восстановить утраченные греческие чтения.

Литература

1. Момина М. А. Греческие различия в славянских гимнографических текстах // Византийский временник. Т. 44. М., 1983.

Волоколамский список Супрасльского кодекса: результат реконструкции

Т. П. Лённгрен

Университет г. Тромсё (Норвегия)

tamara.lonngren@uit.no

Супрасльский, миней, реконструкция, палеография, описание.

В 1980 году, в связи с подготовкой издания Супрасльского кодекса (СК), Марио Капальдо сформулировал одну из важнейших задач изучения этого памятника: собрать все тексты подобного СК содержания, однако по прошествии вот уже более тридцати лет результаты работы по установлению параллельных текстов весьма скромны. Особенно это касается минейной его части. Однако обращение только к рукописным источникам, хранящимся в РГБ и РНБ, не оставляет сомнения в том, что минейная часть СК имеет богатое литературное наследие, актуальность изучения которого в ряду проблем современной медиэвистики очевидна.

Сборников, имеющих параллельные тексты с СК, довольно много. Условно все такие сборники можно разделить на две группы: первую группу составляют сборники, содержащие параллельные с СК тексты, но не передающие структуру СК; во вторую группу объединяются сборники, содержащие параллельные тексты и передающие структуру СК. Вторая группа распадается на три подгруппы: 1) сборники, включающие гомилии и минейные тексты; 2) сборники, включающие только гомилии; 3) сборники, содержащие только минейные тексты.

В предлагаемом выступлении речь пойдет о реконструированном списке СК из Иосифо-Волоколамского собрания. По предложенной классификации этот сборник входит в третью подгруппу второй группы и является наиболее интересным ее представителем.

Несмотря на то, что сборник 595 из Иосифо-Волоколамского собрания, имеющий параллельные тексты с СК, был введен в научный оборот уже в позапрошлом веке и среди медиэвистов существует мнение, что он хорошо изучен, при непосредственном обращении к нему выяснилось, что эта рукопись собственно, никем никогда не изучалась.

Этот сборник является одной из девяти книг годового комплекса миней четьих Иосифо-Волоколамского собрания и хранится в НИОР РГБ: ф. 113, № 595. Это миней четья на март, в 1°, написанная полууставом разных почерков. Уже первое визуальное знакомство с Влк 595 дает ясное представление о том, что процесс его формирования был непросто. В докладе будет представлен результат поэтапной реконструкции из трех рукописных источников самой древней копии СК и дано ее описание.

История древнерусского формульного фонда как источник семантической структуры культурных концептов

О. П. Лопутько

Новосибирский государственный педагогический университет

ollori@mail.ru

Устойчивая формула, формульная микропарадигма, отформульная деривация, концепт культуры, семантическая структура концепта.

Summary. The historical stages of the movement of Old Russian formula fund from sympractical to semantic, proper language, signification in the report as a source of the components of the concepts are characterized.

1. Задача исторического изучения культурных концептов русского языка – на фоне преобладающего синхронического подхода к их трактовке – в последние десятилетия приобрела высокую актуальность. Пути выявления конкретно-исторических корней этих ключевых элементов национальной языковой картины мира стали в указанный период предметом специального исследования в ряде работ, открываемом трудами В. В. Колесова [1, 2, 3, 4] и Н. И. Толстого [7, 8, 9].

2. В докладе рассматривается связь становления концептов русской культуры с историческими процессами разложения основных текстообразующих единиц древнерусского языка – устойчивых формул, приводящими к утверждению слова в качестве самостоятельной и центральной единицы языка и образованию собственно лексических парадигм на базе исходных формульных микропарадигм. Предлагаемый нами термин «микропарадигма» акцентирует историческую преемственность лексико-семантических парадигм более позднего периода относительно соответствующих совокупностей древнерусских формульных выражений и включает в уже наметившуюся традицию терминообразования в области историко-семасиологических исследований (ср. использование терминов «семантическая микросистема» или «микроболе» Н. И. Толстым [8: 16–18, 59, 271–279]).

3. Принцип систематизации формул в рамках микропарадигмы не является собственно семантическим, то есть внутриязыковым, – он основан на так называемой «естественной» классификации самих аспектов ритуала или комплекса ритуалов, регулирующих отношения в определенной культурной области. Впаянность такого архаического языкового знака, как формула, в обрядовое действие в системном аспекте вела к тому, что своего рода дифференциальными признаками здесь выступали сами этапы такого действия, или, точнее, – их мыслительные аналоги в форме сенсорных фигур динамики ситуации (термин Н. И. Жинкина; подробный анализ этих явлений в древнерусском языке см. [5: 18–59] и др.

4. Становление новых принципов системной организации в русском языке X–XV вв. происходит благодаря семантической и формально-семантической деривации на основе традиционных формул и обуславливает утрату ведущей роли денотативного компонента в содержании устойчивой формулы, которая перестает быть четкой, поэlementной моделью сенсорной фигуры динамики ситуации, а следовательно – выпадает и из формульных парадигм. Этапы семантического «снятия» формульной микропарадигмы откладываются в содержании отформульных дериватов различных типов [6] в качестве особых семантических стратов будущего концепта. Так, образующиеся на определенных ступенях этого процесса элементы *рядь / урядь / порядь / уряжение, чьсть, слава, волость / власть* и др. – результаты взаимодействия и разложения группы древнейших формульных микропарадигм 'права' и 'управления' (в частности, парадигм «княжения», а также феодально-дружинного устройства) – удерживают в своей содержательной структуре реликты еще праиндоевропейских ритуально-мифологических представлений о правителе как «воплощении», самой 'плоти' управляемого им коллектива. Утверждение в русском языке понятийно ориентированной системной организации сопровождается конденсацией подобных ритуально-символических смыслов формульной микропарадигмы в семантическое ядро образующегося культурного концепта.

5. Таким образом, исторические ступени движения древнерусского формульного фонда от симпрактического к семантическому знакообразованию получают отображение в содержательной структуре концептов в качестве пластов различной знаковой природы, обуславливая многослойность этой структуры. Эпоха первых письменных памятников русского языка представляет собой переходный период от системной организации на основе древних естественных классификаций к организации языка нового типа, построенной на понятийной основе, – соответственно, и принципы стра-

тификации внутренней стороны языковых единиц в этот период пестры и противоречивы, что отражается в характерном для концепта совмещении собственно понятийных и допонятийно-образных элементов содержательной структуры, частично сохраняющемся и в современном языке.

Литература

1. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
2. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
3. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. Кн. 1–4. СПб., 2000–2011.
4. Колесов В. В. Слово и дело: Из истории русского слова. СПб., 2004.

5. Лопутько О. П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск, 2001.
6. Лопутько О. П. Направления преобразований древнерусских формальных парадигм в лексико-семантические на пути к системе языка Нового времени // История русского языка и культурная память народа: Материалы XL Международной филологической конференции. СПб., 2011.
7. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
8. Толстой Н. И. Избр. труды. Т. I: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
9. Толстой Н. И. Избр. труды. Т. III: Очерки по славянскому языкознанию. М., 1999.

«Грамматика словенская» Федора Максимова (1723 г.): стратегия грамматического описания

Ма Цзя-ин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
svetama0206@gmail.com

Славно-русская грамматическая традиция, церковнославянский язык, дидактическая грамматика.

Summary. The aim of this thesis is to research “Grammatika slovenskaya” edited by Fedor Maksimov in 1723. Through this work the author realized the concept of didactic grammar.

В Петровскую эпоху начинается агцеленаправленное внедрение грамматической образованности, предполагающее операциональное освоение церковнославянского языка в процессе формального обучения: в соответствии с «Духовным регламентом» 1721 г. учреждается система школьного образования, а специальными указами Петра I от 1723 и 1724 гг. предписывается обязательное включение в учебные программы славянской грамматики (см. [2: 108–121]; [3: 379]).

В целях обеспечения учебного процесса в учрежденных школах и училищах учителем новгородской «Грекословенской» школы Федором Максимовым была создана сокращенная версия грамматики Мелетия Смотрицкого «Грамматика славенская въ кратце современна въ Грекословенской школѣ, яже въ великомъ Новѣ градѣ при домѣ Архидерейском» (СПб., 1723) (далее Г1723). Необходимость создания нового грамматического руководства Ф. Максимов объясняет тем, что «преждеизданна» грамматика М. Смотрицкого не отвечает базовому дидактическому принципу – принципу доступности ([см. [4: 230]), поскольку по своему содержанию и объему является непосильной для учащихся: «во оученіи возниша выги продолжительна, а разѣмѣ и паметни ихъ множества ради ѿтлоготительна» (Предисловие, с. 3).

Адресуя свою грамматику «младымъ дѣтемъ» (с. 6), Ф. Максимова ставит перед собой задачу оптимизировать понимание и усвоение учебного материала, облегчить восприятие сложных грамматических правил и предписаний. Исходная дидактическая целеустановка на создание учебного пособия, которое бы излагало учение о книжном языке «въ кратце» (с. 3), «оудобн... и ясн» (с. 7), определила общую стратегию грамматического описания, способы организации и презентации теоретического и языкового материала.

«Краткость», которой, по замыслу Ф. Максимова, будет «наслаждаться» читатель (с. 8), достигается в Г1723 за счет радикальной минимизации метаязыкового комментария. Основное содержание Г1723 составляют единицы языка-объекта, представленных на схемах, в таблицах и парадигмах. Задача «минимум метаязыка – максимум языка-объекта» решена путем замены а) логических дефиниций грамматических терминов остенсивными; б) правил-алгоритмов видеограммами «табелнаго чина» (с. 7), т. е. таблицами, схемами и т. п.; в) диалогического формата монологическим: «предсказана за оупотребление краткости, вопросоответна грамматическихъ частей ѿпредѣление ѿставити» (с. 4).

Сокращение исходного текста грамматики М. Смотрицкого осуществляется в Г1723 и на концептуальном уровне –

из сферы компетенции грамматики Ф. Максимов выводит «стихотворную просодию» как чужеродную для славян: «стихотворна просодіа, славяно» такъ не нужна и два оупотребляема, ѿстависа» (с. 6), что закономерно влечет за собой и исключение классификаций гласных и согласных по квантитативному признаку.

Установка на достижение ясности и понятности реализована Ф. Максимовым посредством упрощения кода – «приложеніемъ простыхъ реченій» (с. 3). Объяснение «просторечіемъ» получают в Г1723 маркировано книжные элементы как лексического, так и грамматического уровня. Ср., например: ѿтолѣ – ѿ товѣ времени (с. 66); сѣла – дѣнь (с. 77); сѣла на врата твоегѣ клеветалъ еси. простѣ оупотреблетса: клеветалъ сѣдѣчи (с. 128–129).

Заботой об удобстве «любопытателей» продиктовано введение в Г1723 гипертекстовых элементов, позволяющих «читать текст в направлении не от первой страницы к последующим, а от „нужной“ страницы к другим „нужным“» [4: 469]: а) оглавления; б) внутритекстовых ссылок: «въ селѣ ищи на страницѣ чѣ, и на стр : чѣ, и на стр : рѣ, и рѣ» (с. 129); в) предметного указателя, «ѿбавленіа книгѣ сел по азбѣцѣ скораго ради ѿвѣтненіа» (с. 213–236), «которое любопытательмъ дню [т. е. грамматику] оудобн воззвновалти, и ясн ѿчесѣмъ представалти можетъ» (с. 7). Помогая читателям увидеть целостность текста и, следовательно, его замысел и идею, гипертекстовые черты способствуют активизации их лингвистической рефлексии.

Концепция дидактической грамматики, разработанная и реализованная Федором Максимовым, получила дальнейшее развитие в славяно-русской грамматической традиции. Именно в рамках этой концепции был создан весь корпус грамматических трудов Федора Поликарпова (20-е гг. XVIII в.), учебно-методическое пособие «Грамматика беседословная» Ивана Иконника (1733 г.) и др.

Литература

1. Мечковская Н. В. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: Курс лекция по общему языкознанию. М., 2009.
2. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.
3. Флоровский Г. Петербургский переворот // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 1996.
4. Шукун А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М., 2008.

К истории русского *точитъ*

И. И. Макеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)
irinamakeeva2007@mail.ru

Историческая лексикология, семантика.

Summary. The paper examines the semantic evolution of the Russian verb *tochiti*.

Общее направление семантической эволюции глаголов движения заключается в развитии вторичных (метафориче-

ских) значений, связанных с обозначением перемещения другого субъекта, иным способом или в другой среде. Дру-

гим направлением является формирование вторичной семантики действия, представленной у разных слов в различных периодах их истории.

Глагол *точити* / *точить* в русском языке оказался редким исключением, у которого семантика действия стала доминирующей, и в итоге в современной лексикографии представлены два омонима – *точить*¹ и *точить*². Круг значений первого из них связан с передачей действия, второго – с обозначением движения. С точки зрения диахронии омонимы представляют собой результат семантической эволюции одного глагола, изначально входившего в группу глаголов движения.

Слово унаследовано из праславянского лексического фонда: праслав. **točiti* «заставлять бежать, течь; цедить», каузатив к **tekti*. Эта исконная семантика движения-перемещения стала одним центром семантического развития глагола. Вторым центром оказалась не засвидетельствованная в русском языке, но представленная в других славянских языках ступень «вертеть, крутить, вращать» (ср. чеш. *točiti* «крутить, вить», «цедить, наливать, разливать»). Переход от обозначения одного вида движения к другому представлен и у других глаголов, например, у *шататься*, который уже в исторический период значил «качаться, колебаться из стороны в сторону» (а также «покачиваясь, переминаясь, переступать с ноги на ногу» и др.) и «передвигаться, перемещаться» (а также «скитаться, блуждать», «дрейфовать» и др.).

В древне- и старорусском языке исконная семантика глагола *точити* представлена значениями «гнать, заставлять двигаться» и «лить, струить, источать», «сливать, выливать». Первое значение в памятниках церковнославянской и русской письменности слабо засвидетельствовано, и это неслучайно. Конкурентом глагола *точити* в этом случае выступал значительно более употребительный глагол *двигати*, нейтральный с точки зрения субъекта, среды и способа передвижения. Два других значения, в которых *точити* не имел конкурентов, широко представлены в разных источниках, особенно «лить, струить, источать». Оно фиксируется уже в XI в.; возможно переносное и образное употребление глагола. Особо следует подчеркнуть отсутствие ограничения в выборе субъекта, которым может быть живое существо (человек и животное) и предмет. Субъекты-предметы составляют три основные группы: а) иконы; б) водные объекты; в) части человеческого тела (ноздри, глаза). Помимо них субъектами могут быть и другие предметы, например, камень. Значение «сливать, выливать» (...*продают... зайцы давлению, а не колото живо и кровь не точена* – Стоглав 1551 г.) фиксируется поздно – в XVI–XVII вв. – и сохраняется еще в XIX столетии. Однако приведенный пример, касающийся актуальной для Древней Руси и часто обсуждаемой проблемы, позволяет предполагать, что значение могло появиться намного раньше.

Переходными, то есть когда еще сохраняется связь с движением, но глагол уже обозначает также и действие, стали значения «выпускать, испускать» (*червие точат около себе нити* – Александрия, XII в., список XV в.) и «излучать, испускать» (*видех же гору точащу страшный огонь* – Пролог старопечатный, 1643 г.). Оба значения слабо засвидетельствованы. Имеются ограничения в наборе субъекта и объекта: соответственно червь и нить для одного, предмет (человек

при образном употреблении глагола) и физические и природные явления, в современном русском языке – свет, запахи.

Следующая группа значений, связанных с исконным значением глагола *точити*, обозначает уже только действие. Это «даровать, давать» (*тело точит исцеления* – Прославление Никиты, еп. Новгородского, Зиновия Отенского, XVI в., список XVI–XVII вв.), «расточать, тратить; раздавать, распродавать» (*точаща имение свое* – Житие Андрея Юродивого, XII в., список XVI в.), «производить, порождать» (*древеса... точащъ всякого овоца и всякого вина* – Никоновская летопись, список XVI в.). Первое значение фиксируется в XI в. и сохраняется по крайней мере по XVII столетие включительно, третье отмечается в памятниках XVI–XVIII вв. Значение «расточать, тратить; раздавать, распродавать» в источниках слабо засвидетельствовано, что может быть обусловлено наличием такой же семантики у приставочных производных *растачати* / *расточати* и *расточити*, отмечаемой у них с раннего древнерусского периода, и, соответственно, с ее избыточностью у *точити*. Как и в предыдущих случаях, имеются существенные ограничения возможного субъекта и объекта.

Со вторым центром семантического развития русского *точити* связано появление значений «вытачивать, вырезать», «точить, делать острым», «прогрызть, проесть», «разрушать, воздействуя», «беспрестанно мучить, изводить», «беспрестанно говорить что-либо неприятное». Из них только первые три значения фиксируются в старорусский период (XVI в. и XV в.); остальные относятся к более позднему времени – к XIX в.

Однако поздняя фиксация значения, связанного с вращательным значением, отнюдь не свидетельствует о его позднем вхождении в семантику глагола *точити*. Совмещение обозначения движения-перемещения (как основного) и вращательного движения можно предположить в значении «всывывать» (*мучат я муками невидимыми, точаще зерна ривифина в таинны уд и остроколие в заднии проход* – Иосиф Флавий «История иудейской войны», XII в., список XV в.). В отличие от остальных значений, передававших движение наружу, здесь речь идет о перемещении внутрь, то есть имеет место своего рода энантиосемия. На таком же обозначении движения внутрь, уже совмещенного с передачей действия, основано значение «заключать (под стражу), заточать (в темницу)» (*оковавъ я точаще в корабль* – Иосиф Флавий «История иудейской войны», XII в., список XV в.). Значение слабо засвидетельствовано, возможно, за счет того, что соответствующая семантика хорошо представлена у приставочных производных – глаголов *заточати* (реже) и *заточити*. За приставочными глаголами закрепилось и еще одно значение – уже упоминавшееся «лить, струить, источать». Оно отмечено у глаголов *источати* (реже) и *источити* уже в древнерусский период.

Во всех приведенных значениях глагол *точити* остается каузативом. Однако есть два случая, когда он перестает быть таковым. Они оба связаны с обозначением движения-перемещения. В одном случае слово значит «течь» (*дванадцать источник в едем точат пр<и>сно* – Климент Смолятич, XII в., список XV в.), в другом – «ехать» (*на коних точити* – Иоанн Златоуст, список XVI в.).

Диалог в старорусских памятниках XVII века

И. К. Манучарян

Ереванский государственный университет (Армения)

ivettam14@mail.ru

Диалог, вопросо-ответные конструкции, реплики, обращение, собеседник.

Summary. The paper discusses dialogue as a component of text in Old Russian literary monuments of XVII century and analyzes semantic and structural characteristics of dialogue establishing.

Смена научной парадигмы в сторону антропоцентрической стимулировала изучение такой единицы текста, как диалог.

Диалог составляет определенный фрагмент текста, являясь его единицей и одним из средств художественной образности.

Диалог как единица текста обладает целым рядом характеристик: наличием минимально двух собеседников, непри- нужденным характером речевой обстановки, чередованием

реплик либо их прерыванием, присутствием вопросо-ответных комплексов, риторических вопросов и риторических восклицаний, различным обращением к читателю, наличием модального плана, вводимого с помощью частиц и др.

Не менее важно рассмотрение диалога в диахроническом аспекте, так как, несомненно, его истоки лежат в языке предыдущих эпох. Анализ показывает, что диалог был широко употребителен и в памятниках XVII века.

В работе рассматривается диалог в разных по жанру, содержанию и структуре произведения XVII века, что позволяет выявить его особенности в текстах рассматриваемого промежутка времени, представляющего собой переломный этап в истории русского языка. С одной стороны, в анализ включены повести, написанные церковно-книжным языком («Житие Юлиании Лазаревской» и под.), с другой стороны – повести, написанные живым языком (так, «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Горе-Злочасти» и под.), в то же время рассматривались диалоги и в произведениях, в которых оживаются оба языка в связи с личностью и стилистическими задачами автора (например, «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» и др.).

Диалог в тексты XVII века вводится в большинстве случаев после слов автора, в которых ключевую роль играют глаголы говорения. В этой функции употребляются такие глаголы и глагольные формы, как *глаголя, подсмеваху, называла, рече* и др.

В структуре диалогов, входящих в старорусский текст XVII века, во многих случаях одним из компонентов является обращение, адресная направленность которого реализуется именем в собственно звательной форме. Как известно, звательная форма в русском языке в целом пережила утрату в XIII веке, но в языке литературных произведений она использовалась и в XVII веке, особенно в произведениях, написанных книжно-письменным языком. Примеры употребления звательной формы в диалогах можно увидеть во многих произведениях XVII века: *господи, владыко, творце, боже вседержителю, друже Савво, отче, свете мой* и др. Отметим, что собственно звательная форма фиксируется чаще в текстах книжного характера, однако употребляется и в произведениях, написанных живым языком. Но чаще обращение в диалогах в языке произведений, написанных не книжным языком, фиксируется в форме имени-

тельного падежа, которая впоследствии, как известно, заменяет собой звательную форму.

Одним из частотных средств диалогизации в текстах XVII века являются риторические вопросы и риторические восклицания, междометия и междометные выражения: *Ох, горе! Везде от дьявола житься нет! Увы, погибель во двор Петру пришла. О, горе стало! Увы мне!* Данные единицы в структуре диалога выполняют функцию средства эмоционального воздействия.

Диалог содержит в своем составе предикат, который может быть использован в разных временных планах и соответственно в разных формах глагольного времени. Специфической формой прошедшего времени в рамках диалога является перфект во втором лице, так как в связочном компоненте четко выражается отнесенность к собеседнику в плане настоящего времени. Перфект обозначал результат уже прошедшего действия, актуальный для момента речи, и поэтому был принадлежностью диалога, прямой речи.

Особенно четко стилизующая роль диалога заметна в «Житии протопопа Аввакума», а также в повестях демократической сатиры, то есть в произведениях, написанных живым языком, который в полной мере передает живые интонации непосредственного общения персонажей-собеседников.

В докладе будут изложены эти и другие особенности диалога как компонента текста в старорусских повестях XVII века.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Русские словари. Т. 5. М., 1996.
2. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.
3. Демьянков В. З. Тайна диалога (Введение) // Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования. М., 1992
4. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.

Западноевропейские грамматики русского языка начала XVIII века в свете первых попыток кодификации русского литературного нового типа Российской Академией наук

С. Менгель / S. Mengel

Университет им. Мартина Лютера (Галле – Виттенберг, Германия)

swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

История русского литературного языка, русские грамматики XVII – начала XVIII вв., русский литературный язык нового типа.

Summary. This lecture will analyse two Russian grammars – rendered beyond Russia – in the first third of the 18th century, and its influences on concepts of Russian language codification of the Russian Academy of Sciences.

В докладе рассматриваются два ранних грамматических произведения, которые легли в основу первых попыток кодификации русского литературного языка нового типа, предпринятых Российской Академией наук в первой трети XVIII века, т. е. до «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755). Как известно, важным результатом этих попыток считается грамматика В. Ададунова «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», опубликованная без имени автора в 1731 году в приложении к популярному немецко-латинскому словарю Е. Вайсмана, переизданному с добавлением русских лемм Российской Академией наук в Санкт-Петербурге.

Первое грамматическое произведение – так называемое «Стокгольмская парадигматика» (или лист «Extranea») – было обнаружено Л. Джуровичем и А. Шёбергом (1987) в Государственном архиве в Стокгольме в отделе «Extranea» в делах канцелярии переводчиков. Оно представляет собой печатный лист без заглавия, датировки и имени автора и содержит таблицы склонения русских существительных, прилагательных и местоимений и спряжения русских глаголов – т. е. грамматические парадигмы, – а также указания к употреблению русских предлогов; комментарии к таблицам и указания даны на немецком языке, грамматические термины – на латинском. Джурович и Шёберг весьма убедительно доказывают, что концепт грамматической кодификации неизвестного автора представляет собой «стройную и последовательную систему» синтеза трех составляющих: «отчасти синтез грамматик Смотрицкого (1619) и Лудольфа (1696), отчасти рефлекс живого, до тех пор в грамматиках не засвидетельствованного русского словоизменения». Лист «Extranea», по их мнению, послужил Ададунову непосред-

ственным образцом для его грамматики. Менее убедительной представляется датировка документа 1706–1708 годами. Открытыми остались вопросы о гениальном авторе документа, месте его издания и о том, каким образом он мог попасть в Российскую Академию наук.

Дать ответы на открытые вопросы попытался Б. А. Успенский. В своем исследовании «Доломоновские грамматики русского языка» [3] он указал на непосредственную близость (частичную идентичность) текстов «Стокгольмской парадигматики» и рукописной русской грамматики Й. Х. Штала «Rudimenta linguae russicae», которую автор подарил библиотеке Сиротского дома в Галле в 1745 году, как гласит ее титульный лист. На основании текстуальной близости обоих документов Успенский делает вывод, что «Стокгольмская парадигматика» является пробным оттиском из рукописной грамматики Штала, напечатанным в типографии Сиротского дома. (Здесь следует, однако, заметить, что метаязыком грамматики Штала является латынь в отличие от немецкого в листе «Extranea».) Идентифицируя подносную дату – 1745 год – со временем написания «Rudimenta linguae russicae», Успенский датирует этим временем и «Стокгольмскую парадигматику». Таким образом ее влияние на кодификацию русского языка в грамматике Ададунова 1731 года – а также оригинальность и инновативность кодификаторского концепта ее автора (т. е. Штала) – отрицаются.

В дискурсе научной дискуссии вокруг листа «Extranea» Х. Кайперт [9] и К. Флекенштейн [8] также высказывают мнение о том, что лист был напечатан в Галле, потому что использовались литеры Копиевича. (На литеры Копиевича указывают и Джурович и Шёберг при датировке документа.)

Литература

1. *Ададуров В.* Teutsch-Lateinisch- und Rußisches Lexikon. Samt Denen Anfangs-Gründe der Russischen Sprache. St. Petersburg, 1731.
2. *Смотрицкий М.* Грамматика Славенския правильное Синтама // Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Под ред. Е. А. Кузьминой. М., 2000.
3. *Успенский Б. А.* Доломоновские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // Sjöberg A., Durovič L., Birgegård U. (eds.). Доломоновский период русского литературного языка (Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г.). Stockholm, 1992 (= Slavica Suecana. Series B. Studies. Vol. 1). S. 63–169.
4. *Compendium Grammaticae Russicae (1731).* Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache // Hrsg.: H. Keipert. München, 2002.
5. *Ђуровић Љ.* Rudimenta linguae russicae by J. Chr. Stahl // Russian Linguistics. 1994. 18/2. P. 185–195.
6. *Ђуровић Љ., Sjöberg A.* Древнейший источник парадигматики современного русского языка // Russian Linguistics. 1987. 11/2–3. P. 255–278.
7. *Eichler E.* Joachim Christoph Stahl und seine slawistischen Studien // Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten / Hrsg.: H. Bielfeldt. Berlin, 1956. S. 233–238.
8. *Fleckenstein Chr.* Nochmals zu den slawischen Arbeiten des Franckekreises. Eine Hypothese // Zu Ehren von Dietrich Freydank / Hrsg.: S. Mengel. Münster, 2000. S. 41–55.
9. *Keipert H.* Die Stockholmer Russisch-Paradigmatik des 18. Jh. („Extranea 157: 6,38“) als hallischer Druck // Zeitschrift für slavische Philologie. 1997. 56/1. S. 158–179.
10. *Ludolf H. W.* Heinrici Wilhelmi Ludolfi, Grammatica Russica, Oxonii A. D. MDCXCVI / Ed. by B. O. Unbegaun. Oxford, 1959.

Мнения исследователей об авторе документа не совпадают. Оба предполагают близких к пиетистам из Галле, но разных людей: Кайперт – В. Паузе или кого-то из его учеников, Флекенштейн – С. Тодорского. Кайперт [4] кроме того указывает на генетическую зависимость между русской грамматикой Ададурова и Компендиумом («Compendium Grammaticae Russicae») М. Шванвица того же 1731 года. Джурович [5] категорически отрицает мнение Успенского о позднем происхождении листа «Extranea» как копии из грамматики Штала.

Контроверзные дискуссии вокруг «Стокгольмской парадигматики» убедили нас еще раз обратиться к основному конфигуранту дискурса, второму грамматическому произведению, – к по сути дела неисследованной (ср. [7]) и незаслуженно забытой русской грамматике «Rudimenta linguae russicae» – которая до сих пор хранится в архиве Фонда А. Г. Франке в Галле – и ее незаслуженно забытому автору Йоахиму Христову Шталю.

Подробный лингвистический анализ «Rudimenta linguae russicae» и соотнесение его результатов с архивными документами из Галле, Росток, Грайфсвальда и Стокгольма, а также с фактами биографии Штала позволил предложить новую датировку как листа «Extranea», так и «Rudimenta linguae russicae», выявить Штала как автора обоих грамматических произведений и с большой степенью вероятности предположить, что оригинальный новаторский концепт кодификации русского языка Штала был использован Российской Академией наук при кодификации русского литературного языка нового типа и отразился в одной из ее первых попыток – грамматическом сочинении Ададурова 1731 года.

К вопросу об аспектуальной характеристике глаголов *дати* и *пустити* в древнерусском языке

Е. А. Мишина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

kmishina@mail.ru

Глагольный вид, древнерусский язык, отрицание, модальность.

Summary. The paper claims that the verbs *дати* and *пустити* can already be considered as Perfective verbs in Old Russian. These conclusions are based on the observation of the usage of these verbs in different contexts in the early East Slavonic written manuscripts. It should also be highlighted that in the Old Russian period verbs *дати* and *пустити* demonstrate quite archaic usage of Perfective aspect in negative contexts.

Глагольная видовая система в ранний др.-рус. период, безусловно, еще находилась в стадии формирования и по ряду параметров отличалась от видовой системы совр. русского языка. Прежде всего, эти отличия касаются неполного охвата лексики, отсутствия видовых пар, а также ряда употреблений видо-временных форм, которые отсутствуют или оказываются существенно суженными в современном русском. Тем не менее, на наш взгляд, применительно к др.-рус. периоду мы определенно можем говорить о семантике СВ и НСВ, и при опоре на комплексный подход, объединяющий морфологический (набор образуемых форм) и семантико-функциональный (встречаемость / невстречаемость в показательных контекстах) критерии практически во всех случаях понять, был тот или иной глагол охарактеризован или неохарактеризован по виду, и если да, то какое видовое значение выражала его основа.

По поводу видовой принадлежности глагола *дати* в древнерусский период высказывались разные точки зрения. Многие исследователи (см. [7: 48–50; 4: 168] и др.) считали *дати* глаголом НСВ или неохарактеризованным по виду. А. А. Зализняк [3: 96], исследуя функционирование имперфектов СВ в др.-рус. период, исключил из рассмотрения формы *не дадьяше*, мотивируя это тем, что данная форма большей частью ведет себя как форма НСВ. Противоположную точку зрения высказывали А. Мейе [5: 231–235] и А. Вайан [2: 355], писавшие о том, что *дати* уже в древнейший период имеет значение СВ, однако А. Вайан, как и А. А. Зализняк, отказывал в значении СВ отрицательному *не дати*.

На наш взгляд, глагол *дати*, как и его приставочные производные, уже в древнейший период был охарактеризован по виду и выражал семантику СВ. Детальный анализ языкового материала демонстрирует отсутствие оснований для того, чтобы отказывать глаголу *дати* в его «совершенности». И, по-видимому, уже начиная с древнейшего времени,

дати и *даяти*, если еще и не образовывали чисто видовую пару, втягивались в довольно регулярное видовое противопоставление.

Если посмотреть на глаголы *дати* и *даяти* с формальной точки зрения, то от *дати*, как и от других глаголов СВ, регулярно образуются формы аориста и д. прич. прош. вр. в то время, как от *даяти*, как и от других глаголов НСВ, эти формы практически не образуются (см. табл.). С другой стороны, от глагола *даяти* регулярно образуются формы д. прич. наст. вр. (не в знач. предшествования) и имперфекты. От глагола *дати* (если это глагол СВ) такие формы не должны были образовываться. Тем не менее в восточнославянских памятниках они встречаются, однако исключительно в контекстах с отрицанием, что в данном случае оказывается принципиально важным фактором.

	аорист	д. прич. прош. вр.	д. прич. н. вр.	имперфект
<i>дати</i>	passim	passim	только с отр.	с отриц. + без отр. в узуал. конт.
<i>даяти</i>	единич. прим.	единич. прим.	passim	passim

Как правило, в качестве доказательства видовой неохарактеризованности глагола *дати* в научной литературе приводят встречающиеся формы имперфектов и д. прич. наст. вр., а также формы презенса в значении наст., а не буд. вр. Однако практически все приводимые контексты на самом деле представляют собой особые контексты, в др.-рус. период допускающие употребление глаголов СВ. Таковыми являются:

– все контексты неактуального настоящего, форма презенса, как правило, употребляется в наглядно-примерном знач. в кратном-цепном типе контекста: **ДАСТЬ ВОХЪМИТЬ КОМУЖДО ПО СЕМИ ДЕСАТЬ ЖЕНЬ КРАСЕНЬ. И ИЗВЕРЕТЬ**

ѣднѣ краснѣ. и вѣхѣтъ красотѣ възложи(т) на ѣднѣ. (ПВЛ по Лавр., л. 26 об. – 28), и может осложняться потенциальной модальностью: **бѣ даеѣтъ властѣ емѣ же хошеѣтъ. поставлаеѣтъ во ц(с)рѣ и князѣ въшнни. емѣ же хошеѣтъ даеѣтъ** (ПВЛ по Лавр., л. 47 об.);

– имперфекты СВ, обозначающие повторяющиеся действия в кратнo-парных и кратнo-цепных конструкциях, см. [4]: **начатѣ во печи проскоуры и продаати. и еже аще прибоудаше кмоу къ цѣнѣ то дадаше ницимѣ** (Житие Феодосия Печерского, 29 б 10–11).

Значительную долю контекстов, приводимых в качестве доказательства видовой неохарактеризованности глагола *дати*, образуют контексты с отрицанием. Однако все они представляют собой особый архаичный тип употребления СВ, в котором возникающий конфликт между значением СВ и противоречащими ему значениями наст. времени, имперфекта или д. прич. наст. вр. снимается за счет модального сдвига с семантическим наращением «напрасного ожидания»:

– «презенс напрасного ожидания», см. [1]: **изславь же рече(ч) стрын ми волости не даеѣтъ. не хошеѣтъ мене в рускон земли** (Киев. лет. л. 14768–10);

– «имперфект напрасного ожидания», см. [6]: **в сеже время оувѣдѣша печенѣзи. яко князѣ нѣтъ. [и] придоша и стаща школо бѣлагорода. и не дадоху выѣсти из города.** (ПВЛ по Лавр., л. 444);

– «причастие напрасного ожидания», см. [6]: **володимерку же не дадѣчу вниги в свою землю рати** (Сузд. лет., л. 112 об.).

По своему аспектуальному поведению к *дати* примыкает др.-рус. глагол *пустити*. Как и от *дати*, от *пустити* регулярно образуются формы аориста и д. прич. прош. вр. и не образуются формы имперфекта и д. прич. наст. вр. за исключением стоящих особняком контекстов с отрицанием. Без отрицания формы имперфекта и д. прич. наст. вр. регулярно образуются от глагола *пуцати*, который, на наш взгляд, выступает в качестве «видовой пары» к *пустити*, начиная с древнейшего периода.

Литература

1. Зализняк А. А. Презенс совершенного вида в значении «презенс напрасного ожидания» // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
2. Зализняк А. А. Руководство по старославянскому языку. М., 2002.
3. Зализняк А. А. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. М., 2008.
4. Маслов Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Маслов Ю. С. Избранные труды. М., 2004.
5. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1959.
6. Мишина Е. А. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24).
7. Потехня А. А. Из записок по русской грамматике: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М., 2010.

К истории таксиса в русском литературном языке

В. А. Мишланов

Пермский государственный национальный исследовательский университет

vmishlanov@yandex.ru

Исторический синтаксис, именные действительные причастия, деепричастия, таксис в книжных стилях русского языка.

Summary. The report highlights some of the issues of historical syntax of the Russian language. The view of the Church Slavonic core of the functional-semantic taxis category in the Russian language book style is given proof.

В сфере книжной письменности, как известно, на Руси использовался церковнославянский (ц.-сл.) язык, возникший на южнославянской диалектной основе. Но лишь в самом начале нашей письменности он воспринимался как язык «со стороны», хоть и близкородственный, но не вполне свой. Очень скоро, однако, этот язык применился к русскому лингвокультурному пространству, так сказать, обрусел, причем не столько в результате проникновения в него некоторых восточнославянских черт, сколько в том смысле, что старославянские слова и синтаксические конструкции органично были усвоены русским языковым сознанием и не воспринимались русскими книжниками как чужие. Синтаксические кальки с греческого не ассоциировались с языком Септуагинты или Нового Завета), а осмысливались как необходимые в данной сфере общения древнеславянские (но не инославянские) грамматические формы.

Ф. П. Филин был, в общем, прав в критике Б. О. Унбегауна, утверждавшего, что синтаксис современного русского литературного языка остается церковнославянским, далеким от синтаксиса живой русской речи, но никаких доказательств не приводящего [5: 63]. А между тем вряд ли можно сомневаться, что в области синтаксиса русского литературного языка ц.-сл. компонент занимает существенное место. Вероятно, ц.-сл. корни имеет гораздо больше синтаксических конструкций, чем можно предположить, опираясь на какие-то видимые приметы (например, на ц.-сл. суфф. действ. прич. наст. вр.). Так, многое свидетельствует в пользу того, что СПП с союзом *когда* являются синтаксическими кальками с ц.-сл. языка: союз *ѣгда* (*бнегда*) был некогда заменен в этой конструкции соответствующим К-словом. К такому же выводу можно прийти, восстанавливая процессы формирования конструкций относительного подчинения в русском языке: свойственным живой речи предложениям с препозитивными придаточными (*Который мальчик разбил стекло, тот [мальчик] убежал*) в книжном языке соответствуют конструкции с постпозитивным или интерпозитивным придаточным, совпадающие по структуре с относительными конструкциями ц.-сл. языка, в котором в роли относительного слова искони использовалось местоимение *йже*.

Сопоставление способов и средств выражения таксиса в церковнославянском языке и в книжных стилях русского языка, с одной стороны, и в живой разговорной речи (в др.-рус. текстах не книжной письменности, в современном городском просторечии и говорах) дает основания для вывода о том, что ядро функционально-семантического поля таксиса русского лит. языка сформировалось под сильным влиянием ц.-сл. языка. Обратим прежде всего внимание на то, что деепричастия вида *зная, творя, придя* (из прежнего *пришедь*), *призвав, узнав, сотворив* и под. отсутствуют в городском просторечии, но весьма употребительны в книжных стилях литературного языка (в том числе в языке художественной литературы). Оставив в стороне вопрос о том, являются ли эти морфологические формы собственно русскими, подчеркнем, что в синтаксическом плане они скорее всего наследуют особенности церк.-книжного типа древнерусского языка.

Подчеркнем при этом, что именные причастия типа *знаѣ*, *творѣ*, *познаѣ*, *сотворѣ* в ц.-сл. текстах (как и в др.-рус. церк.-книжного типа) обычно употребляются именно в таксисной функции (отмеченной еще А. А. Потехней [3: 194, 195] – конечно, в иных терминах), свойственной в той же мере и деепричастиям нашего литературного языка. Отличия древних конструкций с аппозитивными причастиями незначительны (и несущественны). А. А. Потехня, обосновывая мнение том, что конструкции с такими причастиями отражают древний строй языка, ссылается на конструкции с союзом между причастием и личным глаголом (*Завтра въстаѣ и рече*), а также на обороты с т. н. им. самостоятельным на месте ст.-сл. оборота с дат. пад. причастия (*И пришедѣ Изслаѣ Мьстислаѣвичъ къ Киеѣ*, и *бѣ Игорь разболѣса въ порѣѣ* – Ип. лет.), и на причастие без связки в качестве сказуемого относительного придаточного (*И не высте, кто помнѣа ихъ* – Ип. лет.).

Осмысливая природу конструкций с аппозитивным причастием и союзом между ним и сказуемым, выраженным личным глаголом (*Завтра въстаѣ и рече* – Лавр. лет.), А. А. Потехня замечает: «В древнем языке на месте нашего деепричастия стояло причастие, не имевшее непосредствен-

ного отношения к глагольному сказуемому. Поэтому можно думать, что в древнем *вставка* и *рече* присутствие союза делает лишь более явственным свойство оборота, существовавшее и без союза, именно то, что в предложении два почти равносильные центра...» [3: 190].

Отметим, однако, что, во-первых, конструкции с союзом между предикативным причастием и сказуемым в спрягаемой форме глагола относительно редки и воспринимаются на фоне обычных оборотов без союза как исключение из правила; во вторых, безусловные различия в степени синтаксической свободы между древним причастием и «основным» сказуемым, с одной стороны, и современным деепричастием и сказуемым, с другой, вовсе не связаны с принципиальными функциональными различиями между анализируемыми причастными формами. А потому вывод А. А. Потебни о большей синтаксической самостоятельности аппозитивного причастия в сравнении с современным русским деепричастием вряд ли свидетельствует о «полной несостоятельности мнения, что древнейшее причастие и современное деепричастие выполняют в предложении однородные функции» [1: 350].

Собственно русские образования прош. вр. *сумевши*, *сделавши* (восходящие к формам им. п. ед. ч. ж. р. или им. мн. для м. р.) функционируют ныне в живой русской речи как формы прош. вр. (в основном в перфектном значении) [6: 168, 169]; [2: 116–220], в том числе как «предикативный атрибут» при глаголах движения (*Он приедет устав-*

ши; Пришли все промокиши), либо как обстоятельства (*Обнявши на горки лезем*). Формы на *-я / -учи* (*принеся, знаючи*) в диалектах встречаются значительно реже, чем формы прош. времени на *-ши*, причем преимущественно за пределами тех ареалов, где регулярно используются формы на *-ши* [2: 253].

Если принять во внимание и то, что конструкции СПП с союзом *когда* также связаны генетически с ц.-сл. сложными предложениями (союзом *ġđđ*), что обороты с полными действительными причастиями также нередко употребляются не столько в определительной, сколько в таксисной функции [4], то вполне закономерным будет вывод о церковнославянском происхождении ядра функционально-семантического поля таксиса в русском литературном языке.

Литература

1. Боровский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
2. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
4. Семёнова Н. В. Категория таксиса в современном русском языке: Дис. ... доктора филол. наук. Великий Новгород, 2004.
5. Филли Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
6. Шапиро А. В. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.

Ориентализмы в новом русском литературном языке XVIII века. Лингвографический, историко-этимологический и динамический аспекты (на материале «Словаря Академии Российской»)

А. Л. Мугумова

Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала)
garun48@mail.ru

New literary Russian language, oriental words, 'Dictionary of Academy Russian', prevalence of Tatar and Turkish words.

Summary. The paper is devoted to linguographic, history-etymological and dynamic characteristic of oriental words, acquired by new literary Russian language in XVIII century and received reflection in the 'Dictionary of Academy Russian'. Concrete oriental language sources of the revealed lexemes, degree of their novelty and a way (direct or mediated, oral or book) their penetrations into Russian are established. Among them notes the prevalence of Tatar and Turkish words and also existence of several new words, acquired from the Kumyk, Kazakh and Turkish languages.

Ввиду известных пуристических установок авторов первого нормативно-толкового «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг.), а также особенностей языковой ситуации, связанной с гораздо более интенсивным воздействием в рассматриваемое время западноевропейских, нежели ориентальных, языков на русский, соответствующее влияние получило в данном словаре довольно ограниченный характер. Последнее обстоятельство обусловило и то, что, с историко-этимологической точки зрения, среди выявленных лексических форм обнаруживаются, помимо собственно тюркизмов и псевдотюркизмов (ориентализмов, пришедших через тюркскую среду), псевдоевропеизмы – ориентализмы, усвоенные через (западно)европейские языки. В динамическом аспекте сравнительно немногочисленными в данном словаре оказались новые слова – ориентализмы абсолютной новизны, впервые отмеченные в «Словаре Академии Российской», в то время, как основная масса прочих восточных усвоений, получивших в нем отражение (ориентализмы относительной новизны), была уже известна русскому языку, включая отражение в других лингвографических изданиях XVIII века, до своей фиксации в вышеупомянутом академическом словаре.

Анализ показал, что в рассматриваемую эпоху резко снижается роль татарского языка как основного источника русских ориентализмов. Усвоения из него носят зачастую областной характер, хотя и продолжают оставаться одними из наиболее многочисленных, и осуществляются устным путем. В абсолютном большинстве своем они являются собственно тюркизмами и связаны с фауной (*байбак*, *бурундук*, *чебак*), бытом (*баклага*), жилищем (*юрта*) и ландшафтом (*буруны*). В словаре получила отражение и оценочная форма-псевдотюркизм (арабизм), отражающая русскую диалектную речь рассматриваемого времени, – *хабар* 'прибыль, прирост, барыш'.

В меньшем количестве представлены лексические формы турецкого языка, имеющие иное ориентальное (персидское или арабское) псевдотюркское происхождение. Они обозначают строения (*балаган*, *каланча*), растения (*самшит / шамшит*), животных (*чекалка* 'шакал' – через посредство русских донских говоров), оценочную лексику (*ханжа*) и ткани (*хаз*, *хазовый* конец). В отличие от татаризмов, эти усвоения осуществлялись по преимуществу книжным путем. Получили отражение заимствованные через посредство крымско-татарского языка книжным путем псевдотюркское (генетически персидское) *бахча* и устным, через просторечие, собственно тюркское *балык*.

Устанавливаются связи с кумыкским и казахским языками: из первого устным путем, через терские русские говоры, было заимствовано новое слово-тюркизм *курага / курага*. К числу возможных, наряду с казахским и ногайским, подобных новых усвоений из кумыкского языка относится *тарпан* 'дикая лошадь'. Кроме того, через посредство донских и терских говоров мог быть усвоен из турецкого и / или кумыкского еще один новый псевдотюркизм персидского происхождения *тутовое дерево* (или *шилковица*).

Показательным для рассматриваемой эпохи является и генетически персидский псевдоевропеизм *кальян*, усвоенный через французский язык. Наблюдается также единичный случай отражения непосредственного устного усвоения через посредство ареально смежных южных русских говоров, донских, астраханских и терских, слова калмыцкого происхождения *маштак* 'старинное название иноходца'.

Продолжают укрепляться лексические связи с языками народов Сибири и Дальнего Востока. Так, книжным путем через казахское посредство было усвоено и новое (псевдотюркское) слово *марал* монгольского происхождения. Сюда же, видимо, относится слово неясного тюрко-монгольского генезиса *табарган* 'зверок величиною с крысу, весьма

похож на земляного зайца', заимствованное устным путем через сибирские русские говоры. В словаре отражается также еще одно единичное устное усвоение, но через посредство тунгусо-маньчжурских языков, – санскритизм *шаман*.

В словаре обнаруживаются **собственно тюркские** лексические формы неясной конкретной языковой принадлежности. В большинстве своем (кроме лексемы *яшил* – см. в последующем изложении) они заимствованы устным путем через посредство русских говоров и до сих пор неизвестны современному русскому литературному языку, за исключением форм *карга* и *тузлук*. К ним относятся: *сусак* 'трава, ежегодно возрождающаяся от корня...'; *тума* 'помесь; вы-

родок от двух животных разных статей, или пород'; *чаграва* 'род чайки... водится в Каспийском море и около онога...'; *яшил* 'деревцо в сажень с небольшим вышиною... растет в самых полуденных странах России'. Еще одно слово из этой группы – *чумак* 'в питейных домах прислужник целовальника, который разносит напитки, наблюдает чистоту, собирает пустую посуду и проч.' – находится в неясном отношении к известному современному русскому литературному языку слову *чумак* 'в старину на Украине – крестьянин, возивший на волах в Крым хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, а оттуда соль, рыбу и прочие товары для продажи'.

О рукописях майской Минеи XI–XIV вв.

Н. А. Нечунаева

Таллинский университет (Эстония)

nataljan@tlu.ee

Минея, тип рукописи, состав рукописи, структура текста, лингвистические чтения.

Summary. This paper is a study of the Menaion, the Old Slavic Church hymnographical text. First translations of the texts from the Greek language appeared in the Cyrillo-Methodian epoch. Applying the linguistic-textological methodology to these texts, I reveal the textological typology in them in addition to specific linguistic variations. Using these characteristics as the basis, I further show the typological and linguistic identity of the manuscripts belonging to each text type.

Минея, гимнографическая книга, которая содержит изменяемые песнопения, расположенные по месяцам на каждый день календарного года в честь святых и праздников. Минея вместе с Триодью и Октоиком составляет корпус гимнографических книг, насчитывающий, согласно Сводному каталогу славяно-русских рукописных книг XI–XIII в., 111 рукописей, списки которых являются важным источником по истории богослужения, агиографии, теории и технике перевода, древним славянским языкам [2].

Одним из первых исследователей Минеи как типа книги был И. В. Ягич, который описал состав и структуру памятника и опубликовал древнейшие датированные списки Минеи 1095–1097 гг. на сентябрь, октябрь и декабрь [5]. Сейчас эти списки представлены в электронной версии, куда включены и списки Минеи на другие месяцы года. Среди них майская Минея, представленная пятью рукописями XI–XIII вв., начиная с древнейшего списка – Путятиной Минеи XI в. – <http://manuscripts.ru>. Как известно, старшие списки древних памятников – Евангелия, Апостола, Триоди, Минеи – имеют довольно большое количество разночтений текстового и лингвистического характера. При исследовании многосписочных памятников в отношении их структуры, состава и языковых разночтений наиболее эффективным является комплексный метод, направленный на привлечение максимально возможного количества списков. Удачнее всего это происходит при использовании электронных коллекций в виде полнотекстовых баз данных.

Наибольшее количество дошедших до наших дней списков имеет по Сводному майская Минея – 11 списков XI–XIII вв. и 6 списков XIV в., согласно Предварительному списку славяно-русских рукописей XI–XIV вв. [2]. Типологически списки Минеи подразделяются на архаичный, студийский и иерусалимский типы. В основе классификации лежит текстологическая типология списков – набор памятней и структура службы. Кроме того, учитываются языковые чтения параллельных мест текста. Языковые разночтения могут быть связаны с принципом перевода текста: относительно свободным, по методу ключевых слов, отражающим традиции кирилло-мефодиевского этапа в развитии письменности, и пословным, пришедшим ему на смену в эпоху нового перевода, связанного со школой Евфимия Тырновского. В качестве места древнейшего перевода служебной Минеи на славянский, исследователи книги называют либо Моравию и Чехию, либо Болгарию и Афон [5]. Другая причина появления разночтений – бытование списка на той или иной территории и диахронические языковые процессы, затронувшие текст [2].

При анализе порядка песнопений в службах сохранившихся списков установлено три возможных варианта расположения текста: 1) список XI в и его аналоги XI–XIII вв: канон – стихиры – седален; 2) списки XII–XIII вв: седален – стихиры – канон; 3) списки XIV–XVII вв: канон, прерываемый после третьей песни седалном и после 6 песни кондаком и икосом. Первые два варианта расположения песнопений жанровые, третий соответствует порядку следования

при службе. Второй вариант соотносится со студийским уставом, а третий – с иерусалимским. Первый и второй варианты расположения песнопений скорее всего являются лишь приметой письменного текста Минеи. Реальная последовательность, предписанная студийским уставом для второго типа списков, изложена в рукописи кон. XII в. Син. 330 «Устав студийский церковный и монастырский», находящейся в собрании Государственного исторического музея.

Из соотнесенности «устав – порядок песнопений» выпадают списки, которые имеют расположение текста по первому, архаичному типу, первоначально выявленному лишь в Путятиной Минеи XI в. По нашим наблюдениям, коллекция таких источников вместе с Путятиной Минеей состоит из 4 древнерусских списков, 5 южнославянских и 1 греческого списка. Аналогом Путятиной Минеи является рукопись, названная нами «Листок Гильфердинга и Листки Амфилохия, – Минея праздничная, май–июнь кон. XII – нач. XIII в., составляющая две единицы хранения в Российской национальной библиотеке [3], текст которой имеет такой же порядок следования и совпадающие лексические чтения, отличные от других списков этого периода. Примером греческого списка архаичного типа можно считать рукопись Триоди XI в. из коллекции Ватиканской библиотеки Vat. grec. 771. В греческих минеях «энциклопедического» комплекса XI–XII вв. отмечены незначительные отступления от жанровой схемы 2 типа, приближающие их к схеме архаичного типа: блаженны помещены после канонов, в конце службы поспразднству Богоявления [4].

Практика обратного расположения текстов последований дня известна на Руси в XI–XII в. Об этом свидетельствует текст июльской Минеи XII в. из коллекции Российского государственного архива древних актов Син. Тип. 121, в котором оригинальный канон 8 гласа мученикам Борису и Глебу в службе помещен на первое место, а после него следуют три стихиры и седален. Служба Христине того же дня в этом списке имеет студийский порядок текста. Известны еще два списка, которые каким-то образом связаны с архаичным типом Минеи. Апрельская Минея XII в. из коллекции Государственного исторического музея Син. 165., в которой под 6 апреля содержится служба Кириллу и Мефодию, начинающаяся с канона. Но отсутствие малых песнопений в структуре службы и студийский порядок в следовании службы на другие дни не позволяет считать список Син. 165 бесспорно включать в коллекцию архаичных рукописей. Второй список – Зогр. 53. Это мало исследованный древнесербский список Минеи рашского извода пер. пол. XIII в. Малые песнопения службы находятся после канона Андрею Первозванному [1].

В немногочисленных списках архаичного типа отражаются особенности, которые условно можно назвать «местными». Они связаны со временем появления – это ранние списки, созданные, возможно, в скрипториях, где допускался по каким-то причинам особый вариант расположения текста и включение памятней местным святым с расположением службы по архаичному варианту. Текстологические отличия поддержаны особыми лексическими чтениями.

Литература

1. Кривко Р. Н. Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию и ее южнославянские параллели [http://www.academia.edu/945155/Old-Russian-Version-of-the-Kontakion-for-St.-Demetrius-of-Thessaloniki-and-its-South-Slavonic-Counterparts].
2. Нечунаева Н. Миней как тип славяно-греческого средневекового текста. Tallinn, 2000.
3. Нечунаева Н. Славянская миней: «Местные особенности» и типология текста // Славистика в Эстонии и за ее пределами. Acta Slavica Estonica III. Tartu, 2013.
4. Нукифорова А. Ю. Из истории Миней в Византии. М., 2012.
5. Язич И. В. Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 годов. СПб., 1886.

Старославянские сложные слова в русском языке XI–XVII вв.

Н. Х. Низаметдинова

Московский государственный областной университет

n3@list.ru

Старославянские сложные слова, словообразовательно-семантическое и морфемное описание, сложные слова-кальки, структурно-семантические изменения.

Summary. In the paper the structural-semantic changes of old Slavonic complex words in the Russian language XI–XVII centuries are considered.

1. Мысль о том, что значительное число сложных слов вошло в русский язык через посредство старославянского языка, является не новой и высказывалась в отечественной русистике со времен Ф. И. Буслаева. Однако попыток установить корпус старославянских сложных слов в составе русского языка, определить структурно-семантические сходства и отличия старославянских и русских сложных слов в науке до сих пор не предпринималось. Для того чтобы восполнить этот пробел, мы попытались 1) установить полный индекс старославянских сложных слов на основе сплошной выборки из «Старославянского словаря (по рукописям X–XI вв.)» под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой (М.: Русский язык, 1994), 2) провести словообразовательно-семантическое и морфемное описание старославянских сложных слов, 3) изучить их бытование в русском языке XI–XVII вв.

В результате проведенного исследования было установлено, что в составе указанного «Старославянского словаря», включающего всего ок. 10000 слов, имеется 577 слов со сложной основой, из них 515 слов имеют словообразовательный статус сложных слов, остальные относятся к категории производносложных слов. Только ок. 400 старославянских сложных слов отражены в исторических словарях русского языка. Нельзя, безусловно, утверждать, что именно этим количеством исчерпывается состав старославянских сложных слов в русском языке, так как источниковедческая база и старославянского, и древнерусского языков не отличается полнотой и изученностью.

2. Проведенное в работе исследование показало, что сложные слова-кальки, перенесенные на древнерусскую почву из старославянских памятников, в структурном отношении тождественны тем, которые существуют в древнерусских переводных памятниках, причем в основном тождественными оказываются и типы соотношений между словами-переводами и их греческими соответствиями. Это подтверждает факт единства церковнославянской книжности, восходящей к греческим оригиналам, а также, возможно, говорит о сознательном наследовании старославянских литературных традиций русскими книжниками. Вопрос о происхождении древнерусских источников является чрезвычайно сложным и в отношении большинства из них решается на гипотетическом уровне вследствие, как уже отмечалось выше, недостаточной изученности источниковедческой базы древнерусской письменности. Однако относительно ряда памятников церковнославянской книжности можно утверждать, что они являются копиями старославянских оригиналов. Так, установлено, что Пандекты Антиоха относятся к категории древнейших древнерусских памятников наряду с Реймским Евангелием, листком Виктора, Златоустом Бычкова и Житием Кондрата. Протографы этих памятников, написанные в архаической глаголице либо в архаической кириллице, были привезены на Русь из Моравии в начале X в. славянскими учениками и последователями Кирилла и Мефодия.

3. Старославянские сложные слова, встраиваясь в систему русского языка, начинали существовать здесь своей жизнью и приобретать новые значения. Так, у части заимствованных из старославянского языка композит, в связи с более расчлененной интерпретацией их семантической структуры, по-

являлись новые значения, соответствующие другим словообразовательным структурам, т. е. возникало явление словообразовательной омонимии. Например, слово **воѡводство** в старославянском языке имело значение «должность военачальника (воеводы)» и поэтому являлось производносложным: *воѡвода* + *-ство* → *воѡводство*. В русском языке XI–XVII вв. это слово отражено и в значении «командование войском»; в данном значении оно должно интерпретироваться как сложносuffixальное: *вои* + *водити* «предводительствовать» + *-ство*.

4. Другие старославянские сложные слова на русской почве приобретали новые значения в связи с иным пониманием значения составляющих их компонентов. Так, например, компонент *ино-*, первоначально соотносимый с греч. *μονο-* «один» (ср.: *инорогъ* – *μονοκέρως* «единорог») и имевший соответствующее значение в старославянском, а затем и в русском языках, впоследствии уже в русском языке получил значение «иной, другой»: *иномыслный* «инакомыслящий» ([Христос] *невѣрными же и иномысленными*, *иже живутъ беззаконно... не царствуетъ совершенно*. Скрижалъ, II, 412. 1656 г. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6]). В старославянском языке *любоостраннѣ* имело значение «гостеприимный». Данное значение отражает семантику греческого соответствия *φιλόξενος* (*φίλο-* ← *φιλέω* «любить»; *-ξενος* ← *ξένος*, *ὁ* 1) «чужестранец»; 2) «гость»). В русском языке данное слово отражено только в значении «тот, кто любит странствовать, странник»: Трапезы отъ *любоостранна* не затворите. Иннок. зап., 446. XVI в. ~ 1478 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8).

Постепенная утрата исконного значения отмечается в старославянском по происхождению слове *равнодоушьный* (*равнодоушьнѣ*). В старославянском языке данное слово означало «единомышленный, согласный с к.-л. во взглядах, мыслях». Это калька с греч. *ἰσοψυχος*.

5. В процессе бытования старославянских сложных слов в русском языке могла изменяться интерпретация их способа образования: сложносuffixальные слова воспринимались как сложения и наоборот. Так, например, *коуроглашениѣ* («пение петухов») в старославянском языке относится к категории сложносuffixальных слов (СО тип: сущ. + глаг. + *-ениѣ*). Это калька с греч. *ἀλεκτοροφωνία*: *коуро-* соотносится с *ἀλεκτο-* (← *ἀλεκτρούων*, *ὄνος*, *ὁ* «петух»); *-глаш-* — с *-φων-* (← *φονέω* «издавать звук, говорить, кричать»); *-ениѣ-* — с *-ία*. В старославянском не было слова **глашениѣ*, так же, как в греческом не было слова **φωνία*. В древнерусском же языке данное слово приобретает статус сложения, что подтверждается фрагментом текста, содержащим словообразовательную корреляцию: производное слово – производящее словосочетание: **И кѣрѣ по обычаю своему и дважды и трижды възгласитъ: но толма Петръ отягчя отъ человекѣския немощи, якоже ни от кѣроглашениа въ чювьство принти, но и по глашении кѣра пави отържеся** (ВМЧ, Окт. 4–18, 1476. XVI в. – СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8).

6. Таким образом, старославянские сложные слова в процессе существования в русском языке претерпевали структурно-семантические изменения, приспосабливаясь к условиям новой языковой реальности.

Литература

1. Миронова Т. Л. Графика и орфография рукописных книг Киевского скриптория Ярослава Мудрого. М., 1996.

2. Миронова Т. Л. Хронология старославянских и древнерусских книг X–XI вв. М., 2001.

3. Низаметдинова Н. Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI–XVII вв. Дисс. ... доктора филол. наук. Кн. I, II. М., 2003.

Из исторического словообразования: производные субстантивы в языке «Слова о законе и благодати» Илариона

Г. А. Николаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет
gnikolaevksu@mail.ru

Историческое словообразование, субстантивная деривация, функциональный аспект, митрополит Иларион, «Слово о законе и благодати».

Summary. Sermon on Law and Grace of Metropolitan Hilarion is the earliest among surviving original literary works of Kievan Rus'. A reference to that allows to see the initial language basis and principles of its use in creating works of the Old Russian literature. The genre and stylistic specific character of these works is mostly revealed by availability in their language of a range of derivatives suffix substantives.

Функциональный аспект исследований по историческому словообразованию русского языка предполагает рассмотрение системы производных форм в конкретном древнерусском памятнике. Обращение к «Слову о законе и благодати», созданному киевским митрополитом Иларионом не позднее середины XI века, позволяет увидеть, можно сказать, начальную языковую базу (здесь: в сфере словопроизводства) и принципы ее использования при создании произведений древнерусской словесности. В работе рассмотрены формы субстантивного словообразования, поскольку именно эти типы производных слов тесно связаны с содержанием и текстопостроением произведения, с его жанрово-стилистическими особенностями.

Для жанрово-стилистической специфики произведения важны следующие языковые составляющие: 1) система словообразовательных типов (СТ), представленных в тексте памятника; 2) количество производных слов каждого СТ; 3) словообразовательная семантика производных образований; 4) отношения между СТ в языке памятника. В этот период формирования и первоначального развития древнерусского литературного языка проходило становление и его словообразовательной системы. Словообразовательный тип как основная единица этой системы не был изначально дан языку, а складывался в нем и отстаивался во всех своих параметрах – словообразовательной базе, словообразовательном средстве и словообразовательном значении. Сочинения первых древнерусских писателей играли в этом определяющую роль.

Производные имена существительные служат в памятнике для оформления трех основных словообразовательных категорий: *nomina agennis*, *nomina actionis* и *nomina attributiva*. Основным способом образования имен со значением лица в памятнике является субстантивация – 41 образование. Этот факт свидетельствует о текстовой и стилистической специфике «Слова»: лицо называется здесь на основании качества (чаще) или действия, заключенного в семантике производящего слова. В последнем случае субстантивации подвергалась причастная форма глагола: **болащѣи** (1886), **видимыи** (189а), **повелѣвшѣи** (1866), **просащѣи** (1896), **работающѣи** (1746) и др.; всего 14 слов [1]. Иларион не использует типичных старославянских причастий в субстантивной функции типа **кръстан**, **сѣян** и т. п., часто встречающихся в переводных богослужебных церковнославянских текстах. Исключение составляет только форма **творан**.

Определенная стилистическая умеренность проявляется и в незначительном количестве в тексте «Слова» высокой лексики, оформленной при помощи суффиксов **-тель** (7 слов) и **-ствие** (2 слова: **пришествие** и **царствие**). Можно сказать, что Иларион, как первый древнерусский писатель, «задал тон» в использовании такого рода образований в оригинальных произведениях последующих русских писателей. Особенно это касается имен на **-ствие**, редко употреблявшихся в их сочинениях, и чаще всего это были именно два приведенных здесь слова – **пришествие** и **царствие**. Возможно, это объясняется участием данных слов в устойчивых сочетаниях: **второе пришествие** и **царствие небесное**.

Образования нулевой суффиксации, широко представленные в языке «Слова о законе и благодати» (53 лексемы), составляют тип слов со стилистически нейтральным словообразовательным средством, поэтому они могли встречаться в любом тексте. Их стилистическая оформленность зависела от характера производящей основы. Даже беглый взгляд на эти имена, отмеченные в «Слове», позволяет увидеть в них четкую принадлежность к книжному слогу. В ряде случаев это подтверждается фонетическим обликом слова, включающего южнославянские особенности: **глаголѣ** (190а), **гладѣ** (1886), **гласѣ** (1836), **жажда** (1886), **прѣдѣтеча** (169а), **стражь** (1776); **вѣбра** (168а) и др.

Производные слова нулевой суффиксации отражают наиболее ранние связи имен и глаголов. В семантическом отношении они представляли синкреты, включающие в свою смысловую структуру целый ряд сем (при одной семной доминанте), которые проявлялись в тексте при их использовании. Это объясняет нам те трудности, которые возникают при нахождении словообразовательного значения конкретного образования нулевой суффиксации. Слова этого типа часто совмещали значение действия и действующего лица. Такая двусмысленность имен нулевой суффиксации, характерная для эпохи семантического синкретизма, придавала тексту яркую образность. Показателен в этом отношении следующий фрагмент: **законѣ во прѣдѣтеча вѣ и слажа благодѣти и истинѣ. истина же и бладѣтѣ слоуга боудѣщемѣ вѣкоу. жизни негѣлѣнѣи** (169а).

Определенным противовесом образованиям нулевой суффиксации в книжных текстах являются имена действия с суффиксом **-(е)ние** (53 слова). Они более монолитны и менее подвижны в семантическом отношении – выступают в значении отвлеченного действия и реже подвергаются конкретизации, но часто специализируются в наименованиях христианских праздников, в основе которых лежат деяния из жизни Иисуса Христа и Богородицы. В «Слове» Илариона это слова **вѣскр(ь)сение**, **(вѣ)знесение**, **кр(ь)щение**, **оврѣзание**, **срѣтение**. Размежевание в памятнике имен нулевой суффиксации и образований с суффиксом **-(е)ние** проявляется в полном отсутствии словообразовательной синонимии между этими типами слов в языке «Слова», даже в условиях стилистической идентичности тех и других. В этом можно видеть мастерство Илариона как писателя.

Итак, в языке «Слова о законе и благодати» Илариона исследователь встречается с целым рядом установленных в системе субстантивного словообразования, которые послужат образцом для древнерусских церковных писателей последующих веков. Основой языка «Слова» явился старославянский язык в его церковнославянском варианте. Однако он отличается от церковнославянского языка богослужебных книг, переведенных с греко-византийских источников. Язык «Слова» Илариона по духу своему ориентируется на восточнославянского читателя и, можно сказать, закладывает основы того языка, который будет назван позднее *славяно-русским*.

Литература

1. Молдован А. М. Тексты с разночтениями: Первая редакция «Слова» (список С-591) // Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 78–108.

Онимы как переводческая проблема в языке науки XVII века

Н. В. Николенкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
natanik2004@mail.ru

Церковнославянский язык, перевод, онимы.

Summary. The report analyzes the conscious approach to the translation of scientific texts from the XVII century and strategy in the transfer own names on the example of the Atlas Blau. Church Slavonic translation is a model for scientific text of the XVII – first half XVIII centuries, including in relation to the transfer of personal names.

Вопрос о характере передачи онимов в переводческой практике русских книжников ставился в науке нечасто. Исследование, проведенное Ингрид Майер на материале «Вестей-Курантов», показало, что для XVII века не было характерно единообразие в передаче имен собственных: «большинство топонимов в курантах 1660-х годов представлены с широкой вариативностью» [1: 170]. В число тех, которые представлены в единообразном написании, включаются хорошо известные на Руси названия городов (Рим, Варшава, Венеция, Париж), при том что в оригиналах курантов представлены разные варианты написания, что связано не в последнюю очередь с использованием в Москве оригиналов на разных европейских языках. Однако для ряда менее значимых топонимов и антропонимов наблюдается широкая вариативность, в их передаче используется и транслитерация, и транскрипция. И. Майер также отмечает, что в газетных публикациях очень часто наблюдается отказ от передачи имени собственного: переводчики опускали удлиняющую предложения и затрудняющую понимание информацию [1: 158–161].

Для языка науки описанный Майер подход оказывается невозможен. Так, для передачи исторических сведений важно единообразие в передаче антропонимов; в географических сочинениях упор делается на топонимы и гидронимы, при этом характер их передачи в тексте должен соответствовать их написанию на географической карте. Таким образом, для переводчиков необходимо выработать некоторый общий принцип передачи онимов, сформулировать переводческую стратегию.

Мы рассматриваем в качестве образца перевод географического трактата середины XVII века «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus», который составлялся Вильгельмом и Иоанном Блау (отцом и сыном) в Амстердаме в период с 1635 по 1665 годы. В Россию попало издание 1645 года, в конце 50-х гг. этот текст был переведен Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исией Чудовским и представляет собой, по нашим наблюдениям, первый опыт подлинно научного текста на русском литературном языке [2]. Текст Атласа сопровождается выполненными с предельной для середины XVII века точностью географические карты; надписи на картах повторяются в латинском тексте Атласа.

Славинецким и его товарищами был сделан перевод текстовой части Атласа, тогда как карты остались в латинском варианте. Следовательно, задачи дать соответствия карты тексту у переводчиков не было. При этом, несомненно, необходимо было добиться некоторого единообразия в передаче латинских написаний кириллицей. В результате анализа текста нами установлено, что переводческая проблема была осмыслена авторами, а далее была сформулирована идея, реализованная на большом массиве текста (общий объем перевода составил более 1700 листов).

1. Переводчики выделили в тексте известные им имена собственные, вне зависимости от латинского варианта записи их передача кириллицей однозначна и имеет русскую модель (Moscovia только как «Москва», Novogardia как «Новгород», Plescow как «Псковь»). Есть и передача яв-

ных народно-разговорных названий (так, крымско-татарский город Kezlew передан в латинском оригинале как Kozlew, а кириллицей как «Козлов»). Кроме того, анализируя латинскую форму передачи известных онимов, переводчики делают выводы о характере латинской транслитерации имен. Так, «Печора» передана как Petzora, а «Черемись» как Czeremissi, латинское «h» соответствует русскому [г], что далее помогает транслитерировать незнакомые иностранные названия.

2. Понимание того, как русские названия переданы латиницей, позволило переводчикам добиться гораздо более высокой степени единообразия, чем даже в последующие периоды, скажем, в Петровскую эпоху. Так, достаточно регулярно «h» в латинских названиях передано как «г»: Hedemarchia = Гедемархія, Hallingdal = Галлгдаль, Hiteren = Гитеренъ и так далее. Лишь для наиболее известных уже названий «h» в начале не передается звуком (Hierosolyma = Ерлмомъ). Так же единообразно передаются «ch», «ck», «x» и другие. В отличие от ряда исследователей переводных латинских текстов [3], мы не считаем, что данная транслитерация однозначно отражает характер латинского произношения на Руси. Скорее, в этом надо видеть сознательную переводческую стратегию.

3. Перевод Атласа Блау сознательно грецизирован, не обходится без грецизации и передача названий. Так, латинский «b» передается как «в» кириллический, при этом можно отметить тенденцию к передаче названий по греческому образцу только для «старых» названий, территориально принадлежащих к греческой / малоазиатской территориям и даже к славянским землям. Так, «Балтийское море» в тексте вступления («Вводения в космографию») несколько раз записывается как «Вальтійское», хотя далее последовательно передается через «б». А вот написание «нѣдро Аравітское» в тексте Атласа использовано достаточно последовательно. Так же регулярны написания **Восфоръ**, **Вавилонъ**. Однако для передачи названий, исторически не связанных с известной по ранним переводам территорией, используется только передача «f» как «б»: **Бакало** (Bacalao); **Бѣрга** (Berga); **Селбое** (Selboe); **Буynes** (Buynes).

Таким образом, онимы включаются в общую схему перевода, а характер их передачи показывает сознательное отношение авторов перевода к каждому элементу оригинала.

Литература

1. Вести-Курсанты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2 / Исслед. и подгот. текстов Ингрид Майер. М., 2008.
2. Николенкова Н. В. Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Блау) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 590–609.
3. Томеллер В. Латинский язык в Геннадиевском кружке (о латинском произношении: предварительные данные и постановка вопроса) // Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. К 500-летию Геннадиевской Библии. М., 2001. С. 52–65.

Культурно-лингвистическая информативность скорописных документов Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII в.

А. В. Окмянская

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева
anna_klusova@mail.ru

Скоропись, деловая монастырская письменность, региональный источник XVIII в.

Summary. Linguistic significance of handwritten script Siberian monument of the first half of the XVIII century «Record of astronomical phenomena...» is shown in the article as an example to highlight the structural features of the text and analysis of astronomical vocabulary. The choice of the subject of the study is the astronomical lexicon due to the fact that in contrast to other

groups of words Russian astronomical vocabulary, down through the centuries, had not only a native Russian, but also of foreign origin, which is important for the territory of late check-in.

Корпус тобольских архивных текстов XVIII в. представляет собой коллекцию достаточно поздних текстов, отражающих многообразное функционирование языка на отдаленной от российского центра территории в различных сферах общественно-речевой практики. Единицы корпуса содержат значительную лингвистическую информацию: целым текстам свойственны типологические и стилистические признаки, каждая словоформа имеет морфологические и семантические признаки, что дает возможность производить лингвистическое исследование по разным параметрам классификации.

Самый большой в Сибири Тобольский мужской Знаменский монастырь, просуществовал на сибирской земле более трех веков: с 1595 по 1918 годы. Вся трехвековая история монастыря, его становление и процветание, вся его жизнедеятельность тесно связаны с историей города Тобольска, тогда бывшей столицы Сибири – огромной губернии, включавшей Урал, Сибирь и Дальний Восток, центра ее духовной и культурной жизни, кафедрального города Сибирской епархии.

На материале рукописных документов Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII века из фонда № 70 ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» нами был проведен анализ лингвотекстологической содержательности и культурно-лингвистической информативности источников.

Объем тезауруса, формирующий смысловое пространство деловых текстов и отражающий языковую картину этого своеобразного, относительно замкнутого мира, достаточно широко отражает и конфессиональную, и чисто бытовую сторону жизни монашества и связанного с монастырем крестьянства. Поэтому тексты монастырских документов связаны с несколькими сферами функционирования, основными из которых являются 1) духовная сфера, 2) официально-деловая, 3) судебная, 4) экономическая, 5) учебно-познавательная, 6) бытовая, 7) художественная, 8) публицистическая. Документы раскрывают обширную картину внешней и внутренней жизни монастыря, показывают отношение к нему крестьян из близлежащих деревень и взаимоотношения с предприятиями города. В текстах отражен весь мир монастыря, широкий круг повседневных забот монахов и крепостных крестьян: каждодневный труд прежде всего во благо монастыря, а затем только для себя, забота о питании и одежде для себя и членов семьи, это и планирование свободных от работы дней, забота о детях и решение больших и малых бытовых проблем.

Наиболее показателен лексико-фразеологический состав основных тематических групп монастырского делопроизводства.

I. Лексика и фразеологии, характеризующая церковь, обряды: 1) лексика церковных служб и обрядов: *благодарные (благодарственные) молебствия, божие службы, божественная литургия, исполнение Епитимии, земные поклоны, отрешение, поминовение, пострижение, причащение, стая Пасха*; 2) лексика церковных учреждений: *духовная консистория, епархия, конфирманное учреждение, лавра*; 3) лексика церковных должностей и титулования: *архиерей, архивариус, архимандрит, благоденщик, богодухновенный старец, высокопреподобнейший отец, духовные власти, дьяк, игумень, иеродияконь, иероманях, митрополит, монашествующий, настоятель, подьяк, подьячий, послушник, протопоп*.

II. Наиболее широко отражена в текстах хозяйственно-экономической жизни монастыря и крестьянства. Частотные слова, устойчивые сочетания и устойчивые комплексы

отражают: 1) многообразный бытовой мир, а именно: а) сельскохозяйственный труд, его орудия и продукты производства: *вселѣтная работа, жерновые камни, кадки с водою, монастырская пашня, наземь возить, овес, пахота, пахотная земля, по двѣ подводы отправлять, подпруги, сѣнная покосы, скотѣцкий дворъ, хлѣб жать, хлѣбные припасы, ячменное жито*; б) названия построек, чаще всего церковных: *баня, домовые бани черные, жилые покои, мѣнне, келья, колокольное строение, лавки, монастырские ворота, надворные печи, полицейстерская кантора, предбанокъ, хоромины жилые, хоромное и дворовое строение, церковное строение и т. д.*; в) бытовую лексику: *безмен, бересты, веник, воск, долото, замокъ висячий, кадки, лыко, монастырские станки, мухояр, невод, неводная пряжа, плотнишное долото, публичные работы, разболоса, сапожные гвозди, сито, скотѣцкий дворъ, чарошния кожи, чищенье труб, шавары и т. д.*; г) названия одежды, обуви и тканей: *баширки, запоны, кафтацъ суконый, клубукъ, крашенина, мережи, мухояр, одѣяние, рукавицы, свитки, сукно каруновое, холст, чулки и т. д.*; 2) лексико-фразеологический пласт, отражающий *торговые и социально-экономические отношения: быть в платеже, вѣдомости, вотчинные места, жалованье, заплатить доимку, иметь доход, иметь недоимку, кабакные доходы, корчемствовать, пользоваться, церковный целовальникъ, монастырские крепости, настольный реэстр, неокладной доход, оброчные деньги, оброчные расходы, питейная продажа, платеж, подушные деньги, подушный окладъ, приходить въ недоимку, публичные работы, пятинный хлѣб, сказки, собственно ручная Ея... конфирмация восподѣдовала, шинуровая книга, указное штрафование и т. д.*; 3) к ним примыкают названия денег, мер длины и веса: *аршинъ, десятина, копейка, полотно, полтина, полусажень, пудъ, сажень, скала, трелникъ, четверть сь осьминою, четь и т. д.*

III. Поскольку в монастырь попадали разные люди, в документах встречаются названия лиц по роду деятельности и социальному статусу: *беглые люди, вестовой солдат, воротник, заподканцелярист, землемер, каменщик, камисарь, канцелярист, караульный, колодникъ, питух, подканцелярист, проситель, работник, рекрут, строитель, солдат, хищникъ, экономический казначей и т. д.*

IV. С делопроизводством связана административно-канцелярская лексика и устойчивые словесные комплексы – названия адресата государственных учреждений, лиц разного ранга, названия административных единиц, а также названия составителей документов и служащих канцелярии: *взять подписку, вышеставный проситель, городовые канцелярии, государевы грамоты, добротные датели денег, заскрепою казначея, изъ реченной духовной консистории, имянной указ, по силе соборного уложения, о чемъ доносить казначей*.

Содержательная информативность названных лексико-фразеологических групп различна. Монастырское духовно-административное делопроизводство в центре Сибири представляет собою оригинальное подлинное наследие прошлого, что доказывается палеографическим и орфографическим анализом значительного собрания скорописных текстов. Тобольская региональная деловая письменность представляла собою многожанровую полифункциональную разновидность складывавшегося национального литературного языка. Лингвокультурологичкий подход к материалу позволил увидеть отраженную в слове антропоцентрическую картину прошлого: своеобразную жизнь монашества, духовно-административные и социально-экономические связи монастыря с сенатом и синодом, жизнь и быт приписанных к монастырю крестьян и других жителей г. Тобольска.

«Чужая речь» в русских юридических документах второй половины XVI–XVII вв.

О. Е. Осовский

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (Саранск)

osovskiy_oleg@mail.ru

Чужая речь, коммуникативные стратегии, челобитная, расспросные речи.

Summary. The goal of the report is to analyze the 'reported speech' presentation in the late medieval Russian law documents. The 'reported speech' in chelobitnaya and rassprosnaya rech texts is interpreted as 'liniar style' strategy.

Проблема передачи чужой речи в памятниках древнерусской письменности не раз становилась предметом изучения

отечественных историков языка (А. М. Камчатнов, В. П. Киржаева, Л. Е. Лопатина, А. И. Молотков и др.). При этом ос-

новым материалом для исследования выступали преимущественно образцы книжной письменности.

К концу 1920-х гг. М. М. Бахтиным и его кругом была сформулирована оригинальная концепция чужого слова, послужившая основой современной теории чужой речи (подробнее см.: [1]; [6]; [8]). Несмотря на то, что Бахтина интересовал прежде всего язык нового и новейшего времени (внимание к языку Ф. Рабле – отдельная страница его научных поисков), в его работах отражается и интерес к словесному творчеству средневековья. В известном фрагменте книги «Марксизм и философия языка» (1929) указывается, что для средневекового литературного сознания характерно стремление к обезличиванию чужой речи и практически полному игнорированию ее конкретных – индивидуальных – особенностей. Показателен сопровождающий это утверждение пример: «в „Слове о полку Игореве“ нет ни одного случая косвенной речи, несмотря на обилие в этом памятнике „чужой речи“. В летописях она чрезвычайно редка. Чужая речь всюду вводится в форме компактной, непроницаемой массы, очень слабо или совершенно не индивидуализированной» [2: 450].

Значительный интерес для выяснения того, как отражена чужая речь в текстах позднего русского средневековья, представляют юридические документы второй половины XVI – XVII в., среди которых историки языка отмечают особую важность челобитных и расспросных (обычных, пыточных) речей [4: 5–50]; [5: 31]. В челобитных и расспросных речах, привлекаемых для анализа, естественно стремление к максимально адекватной передаче чужого слова, обеспечивающей необходимую достоверность. Прагматика челобитной и расспросной речи изначально различается: если в первой разновидности «речевого жанра» (М. М. Бахтин) автор неизбежно субъективен, а его цель – убедить адресата в правомерности своей просьбы и в необходимости ее удовлетворения; то во второй передается содержание допроса, т. е. составитель документа максимально объективен, а стоящая перед ним задача – как можно точнее передать содержание показаний, вплоть до представления не одного, а множества голосов участников процесса. Очевидно различие коммуникативных стратегий, представленных в каждом из типов юридического текста.

Так, в переписке с царем Иваном IV Василия Грязного, попавшего в крымский плен (1574), содержится значительное число примеров чужой речи, представляющих различные уровни ее презентации: от прямого воспроизведения фрагментов письма царя самому Грязному до изложения разговоров пленника с ханом и его приближенными. Если «царское слово» воспринимается как сакральное и цитируется с предельной точностью, то речи противника излагаются предельно объективно, а основная цель их изложения не только передача замыслов врага, но и стремление создать благоприятный фон для обеления и даже героизации собственной личности. Несмотря на многосюжетную композицию и большую информационную насыщенность, челобитные в целом соответствуют общей жанровой схеме, согласно которой основной акцент делается на личности, поступках и заслугах просителя.

Эта же схема представлена и в челобитной вольных казаков царю Михаилу Федоровичу (1618), где примером чужой

речи выступает пересказ обращенной к челобитчикам царской грамоты.

Объем чужой речи в документах данного типа зависит от конкретных причин написания челобитной. Так, в первой челобитной царю Алексею Михайловичу протопопа Аввакума (1664) перечисление преступлений воеводы Афанасия Пашкова подается как изложение жалоб пострадавших от него людей. По мнению А. И. Демина, тем самым создается определенное многоголосие [3] и, добавим, увеличивается число свидетелей стороны обвинения, излагающих свою историю страданий. Аналогичный прием протопоп Аввакум использует и во второй челобитной (1664), пересказывая в обращении к государю содержание ходящих по Москве разговоров о «содомском грехе» Дионисия Грека и осквернении им церкви.

Присутствие чужого слова в расспросных речах в силу специфики жанра, предполагающего передачу слов допрашиваемого / расспрашиваемого, гораздо более разнообразно. Это не только, условно говоря, чужая речь первого уровня, т. е. лица, имя которого вынесено в заголовок расспросной речи; но и чужая речь второго уровня – изложение расспрашиваемым речи иных лиц.

Анализ структуры «Расспросных речей двух Романовских татар в Московском стане об убиении в Калуге Лжедмитрия II» (1610) позволяет выделить блок свидетельских показаний об убийстве (первый уровень чужой речи) и блок реакции на него в Калуге (второй уровень чужой речи), а также ответов на вопросы допрашивающих о конкретных лицах и событиях (первый уровень чужой речи).

Аналогична передача чужой речи в большой подборке документов (отписки, сказки, обыскные речи) «по делу о краже денег из царской казны» в г. Ельце (1617–18). Примечательно, что подавляющее большинство опрашиваемых подтверждают наличие слухов (второй уровень чужой речи), но в собственных показаниях подтвердить обвинения отказываются: «слышали а дел их подлинно не ведаем» [7: 99].

Достаточное количество примеров позволяет говорить о том, что отмеченный в «Марксизме и философии языка» линейный тип подачи чужой речи характерен для русских юридических памятников позднего средневековья и выступает в них в качестве основной коммуникативной стратегии.

Литература

1. Аллатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
2. Бахтин М. М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.
3. Демин А. С. Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в. // ТОДРЛ. Т. 25. М.; Л., 1970.
4. Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
5. Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского литературного языка. Л., 1961.
6. Осовский О. Е. Бахтин вчера, сегодня, завтра: к завершению издания собрания сочинений М. М. Бахтина // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2.
7. Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII в. М., 1990.
8. Тамарченко Н. Д. «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М., 2011.

Семантические сближения в древнерусском тексте и языковая образность (на материале «Слова о полку Игореве» и «Повести временных лет»)

М. В. Пименова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

Диакрония, семантические сближения, языковая образность, ментализация.

Summary. The paper is devoted to the analysis of the differential characteristics of semantic convergences in the old Russian text as a source of linguistic imagery.

Следует отметить, что современные представления о **языковой образности** как о **метафоричности** (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Л. А. Новиков, Г. Н. Складневская, В. Н. Телия, Д. Н. Шмелев и др.) исследователи зачастую переносят на все виды **семантических сближений** в

диакронии, хотя для древнейшей концептуальной формы русской ментальности – **ментализации** (XI–XIV / XV вв. [4: 43–44]) – характерна, как отмечают историки языка, не метафора, а **метонимия** (ассоциация по смежности), «метонимическая образность» [2]. В метонимии разрабатывает-

ся **объем понятия** (а не его содержание), то есть выявляются «все возможные (по смежности) связи реального предметного мира (в отличие от метафоры, оперирующей и случайными признаками сравнения)» [1, т. III: 244]: *Стоять стязи в Путивль! Игорь ѳдетъ по Боричеву къ святѣи бозородици Пирогощей. Страны ради, гради весели* [7: 127, 143]. **Эпитет** – первичная стадия метонимии («пред-метонимия») – это результат внутреннего сравнения признаков одного и того же денотата (*серебряные берега*) или же двух денотатов (*кровавое вино* – кровь-вино, *жемчужная душа* – душа-жемчуг). **Символ** – конечный предел развития метонимии, выступающей в идентифицирующей функции (одно вместо другого). Например: *оружие* – символ война, *ворон* – символ врага, *половец*, *жемчуг* – символ души, *сев, пир* – символы битвы и др. Символ рожден «поисками тайных соответствий мира материального и духовного» [3: 162].

Самый распространенный способ **уподобления** (или метаморфозы, как ее называет В. В. Виноградов) – творительный падеж имени («творительный уподобления», или «творительный превращения») – описан еще А. А. Потебней [6: 485]: *Боянь бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь вѣлорити, то растѣкается мыслию по древу, сѣрымъ вѣлорити по землю, шизымъ орломъ подь облакы* [7: 125]. **«Иносказание»** – вид уподобления – происходит путем ввода абстрактного понятия в конкретное действие, например: *вострубим в разум ум; окованы ницетою; тоска разлилася; скача, славлю, по мыслену древу*. Данный вид уподобления отражает древний «...синкретизм понятия и выражаемого им явления, вещи и признака» [1 I: 148], которое современный читатель воспринимает как своего рода аллегорию. **Перенос с одушевленного на неодушевленное** – частный случай уподобления: *Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню. За нимъ крикну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ* [7: 131, 133]. В. В. Колесов отмечает, что подобные контексты толкуются современными исследователями как «олицетворение сил природы», хотя никакого олицетворения «...и не было в представлении средневекового автора, поскольку природа и воспринималась им как живая в своих проявлениях» [1, т. III: 356]. **Сравнение: столпы ако дуги** ('радуги') *зарны* [5: 220]. Предмет сравнения – *столпы* (что сравнивается), образ сравнения – *дуги* (с чем сравнивается), признак сравнения – *зарны*. В древнерусском языке устойчивые сравнения выражают синкретичное значение 'такой, какой должен быть', например: *святый – аки агньць / свѣтила*; *богатырь – яко соколъ млады*; *враги – ако звери дивы / акы волци / акы нѣкаа ехидна*.

Перифраз – это «многословие» («положительный» эффе-мизм), при котором изменяется только форма выражения, а не семантика, когда сохраняется один и тот же денотат («вещь»), «...но фиксируются разные признаки и образы этой вещи» [1, т. IV: 88]. Например: *земля Трояна* – Русь, *Велесовъ внуце* – Боян, *Стрибожи внуци* – ветры, *шести-крильцы* – соколы и под. **Катахреза** – противоположный вид семантического сближения, это «сокращение», синтагматически опущенный признак, приводящий к семантической конденсации и нерасчлененности. Например: [Игорь] *истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ* [7: 126]. В данном контексте *ум, сердце* и

сталь синкретически соединяются через глагол *поостри*. **Металепсис** представляет собой «видоизменение», замену, иное обозначение того же денотата. Например: *Гедест* вм. огонь; *звук* вм. слава, *красна дѣвица* вм. узы-путы. В этих случаях присутствует скрытое сходство, однако «...в отличие от метафоры с определенным для нее соотношением признаков, здесь не всегда заметны соответствующие связи признаков сравнения» [1, т. III: 239].

Делая выводы, необходимо отметить, что каждый из фиксирующихся в древнерусском тексте видов семантических сближений, описываемый чаще всего «с точки зрения современных представлений о сущности сознательного использованного стилистического приема» в функции «украшения» [1, т. III: 241], имеет свои особенности, связанные со следующими дифференциальными признаками: 1) **количество представленных в семантическом сближении денотатов** (на два денотата указывают *сравнение, метафора, уподобление* (метаморфоза), *символ*, на один денотат – *метонимия, эпитет, перенос с одушевленного на неодушевленное* (соврем. олицетворение), *иносказание* (соврем. аллегория), *перифраз, катахреза, металепсис*); 2) **количество и соотношение членов семантического сближения** (*сравнение* включает в себя объект, образ, и признак сравнения: **А сходно с В по признаку С; метафора** – сравниваемые объект и образ (признак сравнения опущен): **А сходно с В; уподобление** (метаморфоза) – уподобляемые объект и образ: **А то же, что В; символ** – отождествляемые образ и объект: **В есть А; 3) тип устойчивости** (устойчивостью на лексико-семантическом уровне обладают *сравнения, постоянные эпитеты* (устойчивые книжные атрибуты) и *перифразы*; устойчивость категориальной модели представлена в *метонимии* (часть – целое, целое – часть, вместелище – вместимое, материал – изделие из него и др.) и *уподоблении* (творительный уподобления / превращения); устойчивость экстралингвистических связей демонстрируют *символ* и *иносказание* (аллегория), причем эти связи имеют национальную, конфессиональную и пр. специфику; неустойчивы семантические сближения, имеющие индивидуально-авторский, индивидуальный характер – *метафора, олицетворение, металепсис, катахреза*).

В заключение необходимо отметить, что семантические сближения, в результате которых происходит перенос наименований и возникает семантическая дуплановость (образность), предопределяют развитие значений в диахронии, поэтому их дальнейший анализ позволит представить эволюцию концептуальных форм русской ментальности.

Литература

1. Колесов В. В. Аллегория. Катахреза. Металепсис. Метафора. Метонимия. Олицетворение. Перифраз. Уподобление // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995.
2. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. Л., 1975.
3. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
4. Пименова М. Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007.
5. Повесть временных лет // ПЛДР. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 23–277.
6. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.
7. Слово о полку Игореве // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 372–387.

Семантика лексемы **даже** и проблема книжности **да + praes.** в древнерусских текстах

А. В. Птенцова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
anna.ptentsova@gmail.com

Древнерусский язык; условный союз **даже**, семантика, синтаксис.

Summary. The paper is devoted to a problem of the derivation of the Old Russian conditional conjunction **даже** (dazhe). It can be assumed that this conjunction was connected with the *da + praesens* construction which could probably express the set of three meanings: 'imperativeness', 'optativeness' and 'condition' (and which is traditionally associated with the literary language and considered borrowed into Russian documents from Old Slavonic). Also a syntactical parallel between the Old Russian *da + praesens* and Contemporary Russian constructions with *пуст'* (puskaj) is discussed in the paper.

1.1. В докладе рассматривается употребление служебного слова **даже** в условном значении в ряде древнерусских текстов, в первую очередь связанных с новгородским ареалом –

Мстиславовой грамоте ок. 1130 г., приписке писца Домки на полях новгородских Миней 1096–1097 гг, Вопросании Кириковом 1130–1156 гг, I Новг. летописи по Синодальному

списку XIII–XIV вв. и берестяных грамотах. Отмечается, что во всех зафиксированных случаях **даже** сочетается с глагольными формами настоящего времени, ср., например: **да же кто запъртити или тоу дань и се блюдо . да соудити кмоу бѣ въ днь пришествиѣ своѣго и тѣ стын** [г](ѣ'w)ргни (Мст. гр.) – «Если кто-нибудь испортит ту (указанную выше) дань или это блюдо, пусть судит его Бог в день пришествия Своего и тот святой Георгии».

В связи с этим в докладе выдвигается предположение о том, что данная служебная единица возникла на основе конструкции **да + praes.**, при помощи которой, вероятно, могло передаваться не только опативное и императивное, но и условное значение.

1.2. В качестве косвенного доказательства этой гипотезы рассматриваются особенности употребления в современном русском языке синтаксических конструкций с частицей *пусть* (которыми обычно переводится оборот **да + praes.**). В ряде случаев такие конструкции выражают не опативное или императивное значение, а идею допущения, весьма близкую условному смыслу, ср. «*пусть угрозы*»: *Пусть только попробует!* – а также «математическое» *пусть* в контекстах типа доказательства от противного: *Пусть сумма углов треугольника не равна 180 градусам*. Ср. предлагаемое В. А. Апресян толкование **пусть 1.1**: *пусть A1* 'Говорящий выражает желание, чтобы имела место A1' (*Пусть всегда будет солнце!*). При этом отмечается, что в условиях задач данная лексема имеет значение **спец.** 'предположим, что' (*Пусть прямая AB параллельна прямой CD*) и, кроме того, **пусть 1.1**, будучи произнесено со специальной интонацией, может выражать угрозу или предостережение (*Пусть только попробует!*) [1: 203–204].

1.3. Примеры из памятников указанного ареала позволяют предположить, что частица **же**, употребляясь внутри данной конструкции, первоначально вносила противительный смысл, который в комбинации с условным смыслом **да + praes.** давал значение, сходное с современными *если же / если, напротив* и под. Ср.: **а намъ дела рекше лихвы тако велаше оучити <...> еже простъца то рци емоу не достонити имати и намъ мнѣ рци грѣхъ не молвнше . да же не могоути сѣ хавити . то рци имъ боудите мѣрди . възмѣте легко** (Вопр. Кириково, л. 17 б–18 а) (цит. по [4: 351]) – «А про проценты, называемые лихвой, (Нифонт) так велел наставлять: <...> [если учишь] мирянина, то скажи ему: «Не следует брать процентов, а мне, – скажи, – грех не сказать об этом». Если же они не могут удержаться, то скажи им: «Будьте милосердны! Берите мало».

2. В докладе проводится сопоставление **даже** с целевым союзом **дати (дѣти)**, для которого А. А. Зализняк, проана-

лизировавший употребление этого союза в берестяных грамотах, отмечает избирательную сочетаемость с настоящим временем глагола и предполагает, что данная лексема возникла на базе той же конструкции **да + praes.** (однако здесь в целевом значении) с присоединенной к ней частицей **ти** в усилительной функции [2: 198–200].

3. Тем самым, реконструируемая история **даже** служит еще одним аргументом, подтверждающим предположение А. А. Зализняка о существовании конструкции **да + praes.** в живом языке северных кривичей, имеющих многочисленные общие изоглоссы с южными и западными славянами.

Очевидно, однако, что данная синтаксическая черта была распространена у восточных славян и шире – союз **даже** в условном значении, сочетающийся с глаголами в форме настоящего времени, фиксируется, например, и в Киевской летописи. Но именно в новгородской зоне употребление **да же + praes.**, по-видимому, было весьма активным (так же, как, например, обстояло дело с частицей **ти**, представленной в самых разных древнерусских памятниках, но особенно частотной именно в северокривичском диалекте). В любом случае, контексты, подобные концовке Мстиславовой грамоты – **да соудити кмоу бѣ въ днь пришествиѣ своѣго и тѣ стын** [г](ѣ'w)ргни – кажется возможным объяснить из живого языка, не прибегая к предположению о влиянии языка книжного – влиянии, несвойственном деловым памятникам.

4. В связи со сказанным интересно отметить, что форма повелительного наклонения, которая в современном русском может, как известно, передавать значение условия, восходит к индоевропейскому опативу, ср.: «Ни одна славянская форма не представляется продолжением индоевропейского повелительного наклонения. Славянское повелительное наклонение продолжает индоевропейский опатив (желательное наклонение). Подобного состояния мы не находим нигде за пределами славянских языков. Индоевропейский опатив <...> означает возможность и пожелание» [3: 264].

Этот факт также наглядно демонстрирует, что смыслы 'побудительность' / 'желательность' и 'условие' исходно представляли собою единый семантический комплекс.

Литература

1. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Е., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В., Проспект активного словаря русского языка. М., 2010.
2. Зализняк А. А. Древненогородский диалект. М., 2004.
3. Мейе А. Общеславянский язык. М., 2001.
4. Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2001.

Генетическая парадигма как единица диахронического описания лексической системы русского языка

Н. В. Пятаева

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

pjataeva@yandex.ru

Лексическое гнездо, словообразовательное гнездо, корневое гнездо, этимологическое гнездо, генетическая парадигма.

Summary. The report addresses the problems of a diachronic description of the lexical-semantic system of the Russian language from the Proto-Slavic to the present state of research on the basis of genetically close vocabulary, merged in word-formative and etymological root socket. The author proves the possibility and the need to highlight the new complex lexical units – the genetic paradigm, within which combine several etymological nests on the basis of genetic and semantic commonality components.

Одним из способов группировки лексики является **лексическое гнездо** (ЛГ) – общность однокоренных слов, в составе которого слова связаны по значению, грамматическим свойствам, морфемной и словообразовательной структуре. При гнездовании слов, включающем операции определения синхронных границ гнезда и установления состава однокоренных слов, возникает необходимость в разграничении синхронического и диахронического подходов к словообразованию.

В синхронном плане ЛГ представляет собой совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченную в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации, т. е. является **гнездом словообразовательным** (СГ). Однако не все однокоренные слова составляют СГ. Нельзя не признать правомерным предложенное А. Н. Тихоновым разграничение словообразовательных и **корневых гнезд** (КГ). КГ оп-

ределяется нами как общность однокоренных слов, состоящая из двух и более СГ, вершинами которых являются слова со связанными корнями, сохранившими в своей глубинной структуре определенную семантическую близость, но утратившие на данном (синхронном) уровне развития языка словообразовательные отношения друг с другом в результате процесса **дегтимологизации**, то есть фонетического расщепления и / или семантических изменений в морфемной структуре некогда однокоренных слов, приводящих к их расщеплению и вследствие этого к распаду некогда единого СГ на несколько самостоятельных гнезд, ср. такие дегтимологизированные пары, как *грудь – груда, лопасть – лопа-та, свеча – свет, роца – расти, печь – печень – печаль*.

Изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, развитие и распад лексических гнезд – важнейшая задача диахронической де-

риватологии, объектом которой является *этимологическое гнездо* (ЭГ). Ж. Ж. Варбот, в работах которой впервые в отечественной лингвистике разрабатываются теоретические проблемы реконструкции состава ЭГ на материале русского и славянских языков, определяет ЭГ как группу генетически родственных слов, включающую все когда-либо существовавшие на протяжении истории данного языка рефлексы определенного корня, реконструированного для праязыка основы.

Наблюдения за развитием ЭГ с общеславянскими корнями *em- 'брать, иметь' и *ber- 'брать' в истории русского языка позволили дополнить на конкретном материале методику реконструкции состава ЭГ приемами сравнительно-сопоставительного изучения тождественных по структуре СГ, принадлежащих синонимичным корневым группам. Динамическое рассмотрение этих синонимичных ЭГ в разные периоды развития русского языка (праславянский уровень, русский язык XI–XVII вв., русский язык конца XVII – начала XIX в., современный русский язык с привлечением лексики современных говоров) показало, что 1) определяющая роль в их формировании принадлежала семантическим процессам, которые характеризовались двумя основными тенденциями: активным обогащением смысловых структур слов, развитием различных переносных значений, связанных в большинстве своем с формированием разнообразных сфер отвлеченной лексики; усилением тенденции к семантической специализации слов, к уточнению и дифференциации их значений; 2) на всем протяжении функционирования синонимичных ЭГ в них осуществлялись количественные (рост лексических единиц, усложнение словообразовательной системы за счет увеличения числа СГ) и качественные (обогащение семантической структуры в результате действия процессов концентрации и филиации значений вокруг определенных смысловых центров) изменения.

В смысловой структуре ЛГ *em- оформилась система отвлеченных понятий мыслительной и духовной деятельности человека: 'остановить внимание на чем-л., подвергнуть рассмотрению' (*взять*), 'осмысливать, постигать содержание, смысл чего-л.' (*понимать, понятие*), 'охватить в полном объеме содержание, сущность чего-л.' (*объять*), 'оказывать дружеское расположение' (*приятствовать, приятель*), 'обладать, располагать кем-, чем-л.' (*иметь*) и др.

Напротив, семантика ЛГ *ber- сосредоточилась на обозначении конкретных физических действий приобщения объекта и производных от них понятий: 'принимать в руки' (*брать*), 'взять кое-что из множества' (*выбрать*), 'взять, собрать дополнительно' (*добрать*), 'взять, собрать какое-л. количество чего-л. или, собирая, составить' (*набрать*), 'ап-

парат для производства какой-л. работы, регулирования, контроля и т. п.' (*прибор*) и др. Об общности и пересечении значений в развитии этих двух корней свидетельствует наличие в современном русском языке супплетивного видообразования между их глагольными рефлексам: *брать* (НСВ) и *взять* (СВ).

Более того, в процессе исследования праславянской и древнерусской семантики указанных ЛГ была обнаружена логическая связь их значений с семантикой лексических гнезд *db- (*давать, дать*) и *nesti (*нести*). Семантический ряд, образуемый вершинами этих ЛГ, мы назвали *генетической парадигмой*, опорные слова которой (*давать* → *дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*) объединены последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы: 'приобщаемый объект' и 'действие субъекта, направленное на приобщаемый объект'. Семантическое пересечение этих лексем обусловлено синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят: и.-е. *db- имел значения 'дать / давать', 'брать', 'нести' (ср. проявление связи значений 'давать' и 'брать / взять' в болгарском идиоматическом сочетании *имам вземане* – *даване* 'иметь общие дела с кем-л.'). и.-е. *bher- 'нести' в праславянском развивает значение 'брать', становясь синонимичным и.-е. *em- 'брать / взять', который позднее приобретает значение 'иметь', существующее параллельно с изначальным на всем протяжении истории русского и родственных славянских языков.

Итак, следует признать, что слово возникает на скрещении, пересечении различных структур языка, поэтому определение лексики любого языка как системы, то есть как упорядоченного и целостного единства, означает, что нет и не может быть таких изменений в ней, которые произошли бы помимо системы и которые так или иначе не затронули бы общей системной организации словарного состава языка. Из этого следует, что исследование лексических гнезд и более крупных их объединений (в частности, генетических парадигм) актуально и в синхронном и в диахроническом планах. Если на синхронном уровне лексическая система русского языка уже достаточно изучена, то создание полного и систематического очерка русской исторической лексикологии – одна из самых существенных и весьма сложных задач русистики наших дней. Можно надеяться, что намеченные пути динамического (синхронно-диахронического) описания групп лексических гнезд будут способствовать обнаружению еще непознанных закономерностей развития и функционирования лексики русского языка в составе генетических парадигм, помогут объяснить утрату в языке тех или иных слов и наметить возможные перспективы пополнения лексической системы новыми компонентами.

История формирования модальных связей со значением обнаружения

Д. В. Руднев

Санкт-Петербургский государственный университет

rudnevd@mail.ru

Русский язык; история русского языка; исторический синтаксис; составное именное сказуемое; связка.

Summary. The report examines the history of copulative verbs *obrestis*, *naytis*, *yavit'sya*, and *okazat'sya* with modal meaning of detection. The formation of these copulas occurred in two models. It is concluded about the conditions of development of copulative use and abstract meaning of full-meaning verbs and the reasons for leaving all these copulas except *okazat'sya* from the Russian language.

Модальные связки выражают оценку предикативного признака со стороны говорящего; вариантами модального значения являются подлинность, мнимость, кажимость, соответствие или несоответствие общему мнению и нек. др. Исходя из варианта значения, представленного в модальных связках, их делят на три группы: а) связки со значением мнимости (*казаться* и пр.); б) связки со значением обнаружения подлинности предикативного признака (*оказаться* и др.); в) связки со значением общего мнения, или условности (*считаться* и др.). В рамках доклада рассматривается история связок со значением обнаружения подлинности предикативного признака.

В истории русского языка это модальное значение выражалось связочными глаголами *обрестись*, *явиться*, *найтись*, *оказаться*, которые в разное время сформировали свое значение на основе двух моделей: 1) *обрестись* и *найтись* – на основе значения обнаружения; 2) *явиться*, *ока-*

заться – на основе значения самопроявления («показать, проявить себя»).

1) Наиболее древней из перечисленных связок является глагол *обрестись*; его связочное употребление в значении «оказаться кем, чем-л., каким-л.» отмечается начиная с XI в.: *Не видишь еси Ха, не ходишь еси по немь, како ученикъ его обрѣтеться* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона). Такое употребление широко встречается вплоть до XVII – начала XVIII в.: *...и сице обрѣтохся язъ сирь есмь и нищъ и струпень велми, чюжеземствуя на дальнѣй земли, прося от мѣста до мѣста милостыни в скорби моеи сей злой* (Повесть о семи мудрецах).

К началу XVIII в. связочный глагол *обрестись* архаизировался и началось формирование связки *найтись* по той же модели. Первые случаи связочного употребления глагола *найтись* относятся к первой трети XVIII в.: *А кой двор между теми дворы найдетьца иного приходу, то на тех во-*

ротах подписать мелом: того-то приходу... (Посошков); *Может быть, что по употреблении [количественная просодия] найдется приятна* (Кантемир). До первой трети XIX в. употребление этой связки было активным: *Бутылка нашлась недостаточной для утоления нашей жажбы...* (Пушкин). К 1860–70-м гг. связочное употребление глагола *найтись* прекращается: *В таких случаях люди всегда ищут виноватых, и у Знаменосцева нашлась виноватой старшая дочь: зачем она о сию пору замуж не вышла?* (Лесков).

Формирование связочного значения произошло у глаголов *обрестись* и *найтись* на основе значения «найтись, отыскаться, быть найденным» одинаковым образом. Обе связки образованы от глаголов перцептивного действия *обрести* и *найти*, которые содержат в своей семантической структуре указание на воспринимающее лицо (эксперидент). В форме пассивного залога происходит декаузативация глаголов, в ходе которой эксперидент переходит в позицию наблюдателя. Возникновение в семантической структуре глаголов *обрестись* и *найтись* позиции наблюдателя делает их способными к развитию модально-оценочного связочного значения обнаружения подлинности предикативного признака.

2) Развитие связочного значения у глагола *явиться* произошло на основе возвратной формы перцептивного глагола *явить*, который в древнерусском языке имел значения «показать, явить», «предъявить», «заявить», «указать» и целый ряд других. Связочное употребление развивалось у собственно-возвратной формы глагола на основе первого значения; таким образом, первоначальным значением связки было значение «показаться, появиться», «показать себя», «предстать». В этом значении она употреблялась на протяжении многих веков: ...[епископ Лука] *победник явися* противным его [дьявола] *стрелам...* (Лаврентьевская летопись); ...*яков же есмь, таковъ и явитися хоуцу, не притворю к себѣ лицемѣрнаго образа* (Федор Карпов, послание Максиму Греку); *Бе же бо сий Борис Федоровичь мудроости украшен и к бранному ополчению zelo искусен и во встѣхъ воинских исправленийхъ непобѣдимый воевода явися* (Повесть о житии царя Федора Ивановича).

Преимущественное употребление в предложениях с личным подлежащим способствовало сохранению у возвратного глагола семы активного субъекта. Декаузативация глагола *явиться*, ведущая к замене номинативного субъекта дативным субъектом или закадровым наблюдателем, происходила лишь при употреблении в предложениях, где семантика подлежащего или именной части сказуемого указывала на инволютивность субъекта предложения. Например: *Оже съгренеть чюжеъ женѣ повои... явитса простоволоса* (Мир. грам. Новг. п. 1199 г.); *И тяжекъ явися ему* [Ивану IV] *путь той и воинству его...* (Казанская история); *И егда здравъ болны явитца, повелѣваетъ възвѣстити себѣ* (Повесть о Савве Грудцыне); *Гнев ваш кротостию побежден явися* (История о Александре российском дворянине). Глагол *явиться* мог развить как модальное значение мнимости, так и модальное значение обнаружения подлинности предикативного признака. Значение обнаружения закрепляется у связки в XVII в., и в таком значении она употреблялась до 1820–1830-х гг.: *А буде кои люди явятся богохульники... то таковым не надлежит живу быть ни суток, но,*

из застенка вынув, и казнить их... (Посошков); *Лакедемон восприял новый вид; вторично явился он населенным войнами, коих мужество и смелость побудили их вожда сделать предприятие достойное его властолюбия и дарования...* (Радищев); *Теперь надо объяснить, почему собрание явилось столь щедрым и столь благородным* (Ростопчин).

Развитие связочного употребления глагола *оказаться* происходило по той же модели. Первые случаи употребления связки относятся к 1730–1740-м гг.: ...*письмо от 10-го сего, извецавшее, что она [эскадра] уехала, оказалось неосновательным...* (Кантемир), но широкое распространение происходит с 1830-х гг. Одновременно уходит из употребления связки *явиться* и *найтись*. На первом этапе связка *оказаться* в предложениях с личным подлежащим сохраняла более конкретное значение «показать, проявить себя»: *По сей причине тот, кто чрез отменное дарование и труд несравненно превосходящим других в науке оказался, без сомнения, мог снискать себе довольно последователей...* (Третьяков). На это, среди прочего, указывает параллельное существование в XVIII в. предложений, в которых употреблялось сочетание *оказать себя*: *А кто в том явлювен явлица или каким себя злодеем окажется, то штрафовать денежным штрафом и сверх того чинить наказание, не давать пить и есть время, смотря по вине, до трех дней* (Татищев).

Широкое распространение в языке XVIII в. предложений с неличным подлежащим вело к тому, что глагол *оказаться* быстро развил декаузативное значение. Вначале такое значение было контекстуально обусловлено, например: *Сей слух оказался ложен и взят оттого, что Франклин действительно был, неизвестно зачем, призван в Версаль* (Фонвизин), однако в первой трети XIX в. оно становится основным лексическим значением связки *оказаться*, которая приобретает современное абстрактное значение и начинает широко употребляться.

Из четырех рассмотренных связок в современном русском языке осталась лишь связка *оказаться*. Этому было несколько причин. Если оставить в стороне связку *обрестись*, которая архаизировалась к XVIII в., и сравнить оставшиеся три глагола, то можно прийти к следующим выводам. Глагол *явиться* не стал основной модальной связкой со значением обнаружения по двум причинам – стилистической (его употребление было ограничено главным образом деловыми текстами) и семантической, поскольку вплоть до своего конца продолжал сохранять субъектную сему. Связка *найтись* не имела стилистических ограничений, однако употреблялась почти исключительно в форме совершенного вида – форма несовершенного вида *находиться* развила совершенно иное значение. Главной причиной такого ограничения было то, что связка образовалась от перцептивного глагола *найти*, для которого совершенный вид является исходным, так как глагол относится к классу глаголов действия с акцентом на результате. Для глагола *оказаться* такого ограничения не было. В условиях резкого расширения в языке XVIII–XIX вв. предложений с неличным подлежащим он быстро стал декаузативным, причем выражение модального значения обнаружения подлинности предикативного признака было характерно для обеих видовых форм связочного глагола – *оказаться* и *оказываться*.

Региональная промемория XVIII века: к вопросу о жанровой специфике и начальном этапе функционирования

С. В. Русанова

Новосибирский государственный технический университет, ФГО

rusanowa_7@mail.ru

Региональная письменность XVIII в., промемория, мемориал, жанровая специфика.

Summary. The work introduces the problem of specific character of the *promemoria* in business regional writing in the XVIII century, and its reference to the genre of the *memorial* during its initial period of development.

Расширение в XVIII в. системы государственного делопроизводства, обусловленное реформами Петра I, формирование нового административно-управленческого аппарата требовали языковой экспликации сложных общественно-правовых отношений, выработки нового речевого этикета, специальных форм выражения распоряжений, рекомендаций, отчетов, прошений и т. д. Все это делало актуальным

введение ряда новых жанров, неизвестных приказному делопроизводству. Знаковыми оказываются сами названия новых разновидностей документов, в большинстве своем заимствованные. В ряду таких документов, как экстракты, протоколы, инструкции, реляции, оказываются и промемории.

Несмотря на пристальное внимание в последние десятилетия к языку региональных деловых документов, вопросы,

связанные с местом и ролью промеморий в системе формирующегося канцелярского делопроизводства, остаются, на наш взгляд, недостаточно исследованными. Почти не изучен начальный этап функционирования промеморий. Требуется уточнения причины, обусловившие появление жанра, его связи с приказными жанрами, особенности композиционно-структурной и лексико-синтаксической организации ранних текстов, их динамика.

Традиционно ученые определяют промеморию как уведомительный или информирующий тип документов, применявшийся в переписке между равными по административной значимости учреждениями. Так, А. А. Лукашевич, исследуя документную систему первой четверти XVIII в., характеризует промеморию как форму «письменных сношений равных по рангу учреждений» [3: 40.] В группу информирующих документных жанров XVIII в., специфическая текстовая модальность которых заключалась в фиксации положения дел, сложившегося в прошлом, включает промемории А. Г. Косов [2: 138–170]. Особого внимания заслуживают рассуждения А. П. Майорова, свидетельствующие о жанрово-стилистической сложности промеморий и неоднозначности традиционной интерпретации. В более ранних своих работах ученый относит промемории к группе уведомительных и уведомительно-просительных документов [4: 31–32, 36], в «Словаре русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» определяет как документ уведомительно-распорядительного характера [6: 391].

Немаловажными для понимания динамики и степени региональной трансформации жанра являются данные Генерального регламента, представляющего законодательную базу реформирующейся государственной системы управления. Обращает на себя внимание тот факт, что в нем термина *промемория* еще нет. Вместо *промеморий* фигурируют *мемориалы*, которые толкуются составителями Генерального регламента как «доношения» [1: 105], причем изначально семантические границы термина были достаточно широкими. *Мемориалы* представляют собой письменные документы, исходящие от высших властных структур, центральных и местных государственных учреждений или должностных лиц. В главе «О книгах при конторах» предписывается в конторах и канцеляриях иметь ряд книг, в первой из которых «записываются все указы, (грамоты), письма, мемориалы, которые от Его Царского Величества, також из Сената, или от Коллегии, Губернаторов, Воевод и других служителей, или частных подданных в Коллегию присылаются и от Коллегии в Конторы отдаются» [1: 88, 92]. Термин используется также для обозначения документов, составленных в ответ на мемориалы от вышестоящих структур, и для документов служебной переписки между разными канцеляриями. Ср. информацию в той же главе о назначении второй книги: «Другая книга имеет быть готовая мемориальная, в которой к Его Царскому Величеству в Сенат, к другим Кол-

легиям, Губернаторам, Воеводам, к прочим отправленным дела записываются» [1: 96].

По сути, перед нами термин-синкрета, использующийся в трех омонимичных значениях и обнаруживающий функционально-смысловые связи с разными приказными документами, среди которых в первую очередь необходимо назвать наказные грамоты, памяти и отписки. По всей видимости, такая терминологическая унификация связанных в коммуникативном отношении приказных жанров в одном новом первоначально виделась как целесообразная в процессе упорядочения документооборота и стандартизации делового письма, однако она создавала омонимию, затрудняющую процесс делового общения, в силу чего, термин *мемориалы* не получил широкого распространения в формирующемся канцелярском делопроизводстве.

Не удержавшись в языке, *мемориалы* послужили основой для такого вида документов, как *промемория*, активно используемого на протяжении всего XVIII в. и обнаруживающего, вслед за мемориалами, связь с вышеназванными приказными документами, и прежде всего с *памятью* и *отпиской*. Уже в рамках приказной традиции в региональных «указных» памятях фиксируется дифференциация документов по типу отношений между адресантом и адресатом, обуславливающая лингвистическую специализацию ряда формирующихся канцелярских жанров, в том числе и промеморий [5], которые имели, по свидетельству восточносибирских документов, сложную внутреннюю смысловую организацию. Коммуникативная цель, текстовая модальность промеморий не ограничивались рамками простого уведомления и, следовательно, фиксации сложившихся в прошлом дел.

Литература

1. Генеральный Регламент или Устав, по которому Государственная Коллегии, також и все оных принадлежащих к ним Канцелярий и Контор служители, не токмо во внешних и внутренних, но и во отправлении своего чина, подданейше поступать имеют // Памятники русского права / Под ред. проф. К. А. Софроненко. Вып. 8. М., 1961. С. 72–121.
2. Косов А. Г. Эволюция документных жанров XVIII века: На материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области. Дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.
3. Лукашевич А. А. Виды документов в российском государстве первой четверти XVIII века на основе Генерального регламента // Советские архивы. 1991. № 4. С. 38–46.
4. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.
5. Русанова С. В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII в. // Вестник БГУ. Серия: Филология. Вып. 10. Улан-Удэ, 2012. С. 70–74.
6. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2012 (Словарь ВСБ).

Притча о мытаре и фарисее: из истории евангелизмов

М. И. Рыбалова

Новосибирский государственный университет

maria.rybalova@gmail.com

Евангелизм, развитие значений, мытарь, фарисей.

Summary. This paper related to consideration of the evangelisms from the parables of the publican and the pharisee of the New Testament in lexicographical aspect. The article describes development and modifications of significances of lexeme *мытарь*, *фарисей* in bases on definitions from the historical dictionary of russian language.

Притча о мытаре и фарисее всегда была одной из самых любимых притч на Руси. *Мытарь* и *фарисей* – образы, которые были знакомы всем христианам с детства, тем более, что эту притчу среди других читают в Церкви во время подготавливаемых недель к Великому посту. Следовательно, со временем эти образы приобрели новые смыслы и контексты. Рассмотрим, какие значения имело слово *мытарь*, какие новые значения появлялись и в каких контекстах использовалось. Для этого прежде всего обратимся к материалу исторических словарей русского языка.

Словарь русского языка XI–XVII вв. в качестве основного дает нам следующее значение: «сборщик податей, откупщик в древней Иудее» [2, 9: 335]. В дальнейшем изменении значений лексемы *мытарь* наблюдается две основные тенден-

ции: развитие новых значений или оттенков значений с положительной или отрицательной коннотацией (положительной – на основе новозаветного смысла, вкладываемого в это слово, отрицательной – преимущественно в бытовых контекстах).

В первоначальном употреблении слово *мытарь* обозначало профессию, род занятий и не имело дополнительных коннотаций. В дальнейшем происходит генерализация значения слова *мытарь*, развивается значение «великий грешник, корыстолюбец», грешник вообще, в более широком смысле, уже не только сборщик подати, но человек, творящий различные беззакония: *Мытникъ, непреложна вещь ест(ь) лихоимѣния, и злобы, и неправды*. Лекс. Беринды, 67. 1627г. [2, 9: 335]. В тексте Евангелия это слово уже приоб-

ретает положительную коннотацию, ведь теперь грешникам, в том числе и подобным мытарям, дается возможность покаяния: *Придоиди же и мытари~ кръститъса*. Лук. III. 12. Остр. Ев. [3, т. II: 218]. Здесь уже мытарь – пример для подражания для всех, желающих переменить свою жизнь. Тот же смысл вкладывается в образ мытаря в евангельской притче о мытаре и фарисее (Лк. 18, 10–14).

Именно новозаветное, притчевое значение этого слова, уже с противоположной – положительной – коннотацией, распространяется в дальнейшем в христианстве, проникает в богослужебные тексты. Молящийся ставит себя на место мытаря, сознавая свою греховность и желая подражать ему в смирении и покаянии, ведь, действительно, в тексте Евангелия есть прямое объяснение притчи: *Глаголю вамъ, такъ снуде сей въправданъ въ домъ свой паче онагъ: такъ всякъ возносяйся смиритъся, смиряя же себе вознесется*. Ср. в поучении Владимира Мономаха: *Яко ж(е) блудницу и разбойника и мытаря помиловать еси, тако и нас грѣшных помилуй*. Лавр. Лет., 245 [2, 9: 335]. Молящийся просит у Бога для себя той же участи, которая обещана мытарю, – прощения.

Кроме того, *мытарь* употребляется как средство самохарактеристики, с оттенком самоуничижения, когда говорящий сравнивает себя с ним: *Есмь бо мытарь, и варвар и скиф делы*. Ав. Неизв. Тексты, 235. XIX в. ~ XVII в. [2, 9: 335]. В данном контексте перед нами выступает лексема *мытарь* в значении ‘смирительный грешник, бьющий себя в грудь, сознающий свою греховность’.

Таким образом, слово *мытарь* из нейтральной номинации профессии сначала приобрело негативную оценочность, а после евангельского употребления в притче оценка изменилась на противоположную: теперь человек стремится подражать мытарю, этот образ уже носит характер не уничижения, но самоуничижения. Ср.: *Аще в пьрси бикмься, акы мытарь*. Сб. 1076 г. [3, т. II: 218]. *Яко же древле разбойника и блудницу и мытаря оправдалъ еси, тако и мене, Господи Боже мои, очисти отъ грѣхъ моихъ*. Ип. Л. 6705 г. [3, т. II: 218]. В приведенных контекстах из служб, молитв и церковных книг говорящий сравнивает себя с мытарем – по предшествовавшему образу жизни и настоящему сознанию своей вины, греха, по смирению, к которому он стремится; то же значение с соответствующей коннотацией отражено и в наречии *мытарьскы* – ‘как мытарь, подобно мытарю’: *Мытарескы постоме возывающе*. Сбор. Кир. Бѣлос. XV в. 4 [3, т. II: 218].

В. И. Далем отмечено и существительное женского рода с тем же корнем: *мытарка, мытарщица* – ‘лживая, плутова-

тая, пронырливая женщина’. А также имеются другие лексеммы – *мытарка, мотовка*, имеющие значение ‘растительно живущая женщина’ [1, т. I: 922]. Также для нас представляет интерес значение, образовавшееся уже на русской почве, в русском языке: ‘сборщик налога, пошлины за проезд и провоз товаров в Древней Руси’, то есть должность, соответствующая современному служащему таможи. Ср.: *При семь корчемники и мытаря и торжняя тамги истребишася*. Симеон. лет., 144 [2, 9: 335]. В этом значении отражаются реалии того времени, оно актуализировано в соответствии с национальными особенностями быта и устройства общества.

Примечательно, что у второго рассматриваемого нами евангелизма *фарисей*, по сравнению с существительным *мытарь* и однокоренными ему, зафиксировано меньше вторичных, переносных значений – точнее, они практически отсутствуют, экспрессивных контекстов также очень немного. Во-первых, это обусловлено тем, что это слово с иноязычным корнем и, следовательно, более чуждое русской культуре. Кроме того, это связано с тем, что негативный образ (*фарисей*), которому было нежелательно подражать, реже употреблялся носителями русского языка в речи. Второй же образ (*мытарь*) гораздо чаще упоминался в молитвах, в богослужебных текстах, в патристике, активно использовался в речи, в литературных произведениях, как мы увидим ниже. Это был пример для христианина, которому он хотел следовать в покаянии.

Таким образом, в русской национальной традиции у данных евангелизмов за века разговорного употребления развились новые, характерные именно для русской национальной традиции, русского литературного языка или говоров значения, эмоционально-стилистическое значение, свойственное им в первоначальном употреблении в евангельской притче (т. е. стилистическая принадлежность к определенным функциональным пластам языка, а также их способность выражать различную эмоционально-субъективную оценку описываемых явлений), экспрессивно-стилистическое значение (т. е. способность усиливать или ослаблять степень проявления признака или интенсивность протекающего действия) несколько изменились, расширились.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 т. М., 2002.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2005.
3. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Репринт. изд. М., 1989.

Древнерусские «общие места»: идеологический, сюжетный и фразеологический уровни (на примере «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и «Повести временных лет»)

В. С. Савельев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

alfertinbox@mail.ru

Древнерусские переводные и непереводные тексты, топосы, сюжетные мотивы, клише.

Summary. The comparison of the Old Russian translation of Flavius Josephus’s «The Jewish War» and the Russian Primary Chronicle «Povest vremennykh let» allows to distinguish some types of correlations of «loci communes» at three levels – ideological, plot motif’s and phraseological.

Исследователи древнерусской письменности неоднократно отмечали использование разного рода клише в текстах определенной жанровой принадлежности. Повторяемость идеи – сюжета – слова является одним из основных признаков древнерусской литературы. Так, А. С. Орлов, описывая воинские повести, замечает, что «литературная оболочка воинских сюжетов создавалась на основании: 1. Отдельных терминов и формул. 2. Стереотипной схемы последовательного действия (напр. неудача, затем плач, молитва и т. п.). 3. Известной идеи, патриотической или религиозной (напр. наведение неприятелей по действию дьявола, грех ради наших и т. п.)» [3: 6].

Наличие «общих мест» (loci communes) на трех уровнях – идеологическом, сюжетном и фразеологическом – характеризует также и отношения между текстами переводными и непереводными. Поиск таких «общих мест» приводит как к установлению источников заимствования в непереводных

текстах, так и к признанию того, что во многих случаях сходство фрагментов переводных и непереводных текстов связано с использованием книжниками средств своеобразного «жанрового фонда», возникающего не в определенный момент – при переводе какого-либо образцового текста, – а в результате постепенного «складывания» в систему элементов, имеющих разные источники происхождения – переводы, устное предание, текстовую деятельность самих создателей непереводных памятников.

В результате эта постоянно пополняющаяся, но остающаяся стабильной, традиционной «когнитивная база жанра» требовала от книжника при создании нового текста использования вполне определенных топосов, сюжетных мотивов и клише.

Примером такого положения дел могут служить «общие места», обнаруживаемые в «Истории Иудейской войны»

Иосифа Флавия (далее – ИВ) и «Повести временных лет» (далее – ПВЛ). Древнерусский перевод ИВ – в отличие от «Иудейских древностей» того же автора – не является текстуальным источником ПВЛ, однако исследователи неоднократно отмечали наличие «общих мест» в этих памятниках, главным образом, во фрагментах, относимых к «воинским повестям» (см. [3], [2: 114–118], [4: 153, 154], [5: 20, 22, 23]). Сопоставительный анализ ИВ и ПВЛ позволяет установить следующие типы соотношений между «общими местами» двух памятников:

1. Идеологическое сходство.

Топос «лучше умереть (славно), чем жить (в позоре)».

ИВ (кн. 4) нынѣ же аще мы хоцемъ мира, а вни небрегѣтъ. а намъ срамъ молитиса. и дѣпле смрътъ славнѣ взати. негли жити пѣнени ([1: 253]; см. также другие случаи реализации этого топоса в [1: 68, 257, 261, 390, 402]).

ПВЛ И рѣ Сѣтославъ: «Оуже намъ нѣкѣмо са дѣти, и волею и неволею стати противу. Да не посрами^м земли Русские, но лажемы костью тѣ, и мрътвы бо сорома не имаеть. Аще ли побѣгнемъ, то срамъ на^м. И не имамъ оубѣгнути, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду. Аще моя глава лажеть, тоже промыслитъ а себѣ» (6479 / 971).

2. Сюжетное сходство.

Сюжетный мотив «в осажденном городе начинается голод (жажда), однако в результате хитрой уловки жители вводят противника в заблуждение относительно плачевного положения дел в городе».

ИВ (кн. 3) и Вѣзва вол и саде школо града дѣма да гладѣ възмѣтъ а. шнем же шенлине бѣ всакого брашна. шскоуде в нухъ соль и вода. зане не бысть источника, ни кладѣза внѣтрѣ града еоуспасанъ же тако жажѣю предѣтсаемоу. ишсифъ же хотѣ преломити оупованіе его. повелѣ измочити много ризъ и повесити на стѣнахъ, да каплютъ из нухъ. имже печаль и оужастъ прѣа римланы. и гемонъ шчаавса гладное взатіе възврати паки на шроужие и на ноужю [1: 214, 215].

ПВЛ «сказание о белгородском киселе» (6505 / 997).

3. Фразеологическое сходство.

Клише «не насытился кровопролития (крови)».

ИВ (кн. 1) антишухово же срце не насытивса кровепролитѣ [1: 66].

ПВЛ И рече ми Василко: «Посидѣ мало». И повелѣ слѣзи своему ити вонъ, і сѣде со мною, и нача глѣти: «Се азъ слышу, шже ма хочеть дѣдѣ давати лахомъ. То са мало насытилъ крове моеа і се хочеть болше са насытити, иже ма вдасть имъ <...>» (6605 / 1097).

4. Идеологическо-фразеологическое сходство.

Топос «о неподобающем нельзя рассказывать (писать)».

Клише «(нечто), о чем нельзя рассказывать (писать)».

ИВ (кн. 5) вы же безаконствѣюще и творщице дѣла. паже неасть казати. врѣху своего безаконіа. тоснѣтеса и мене растрѣлннн. молащаса вамъ. и кажоща васъ паже на избавленіе [1: 312].

ПВЛ Вни же рѣша: «<...>». И ина многа дѣсть. епаже неадаѣ писати срама ра (6494 / 986).

5. Сюжетно-фразеологическое сходство.

Сюжетный мотив «некто предупреждает союзника о скрытой угрозе и советует не пускать в свой город войско потенциального врага».

Клише «не пускай в город войско (никого из них)».

ИВ (кн. 1) иродъ помѣть вол иде въ іерлѣмъ. и шчютивъ малнхъ тако на того пондетъ. и написа къ арканови глѣ. тако се иродъ идеть ни на когоже тако на тѣ. а не поушан въ градъ вои его [1: 85].

ПВЛ И посла прѣ нимѣ нѣ слы, глѣ сице црѣвѣ: «Се идуть к тѣвѣ варазн. Не мѣзи ихъ дѣржати в городѣ, ни то створа^т ти въ градѣ, тако здѣ. Но расточи та раздно, а семо не пушан ни едно» (6488 / 980).

6. Идеологическо-сюжетно-фразеологическое сходство.

Топос «воину подобает ценой собственной жизни обрести посмертную славу».

Сюжетный мотив «перед угрозой неминуемого поражения военачальник обращается к своим воинам, призывает их обрести в бою посмертную славу и вместе с воодушевленными воинами вступает в бой».

Клише «поступим по-мужски».

ИВ (кн. 3) расмотрѣвъ ишсифъ, тако нѣсть оуже спсеніа. доумаше побѣгнути изъ града. и разшмѣвше народи, припадахѣ к ногама его молащеса да не шстоупитѣ ш нухъ. и сен видѣ вопль и рыдания ихъ. шслаблѣса рече, нынѣ врѣма ш дрѣшн шбрѣсти некончаншю, и стѣворити что моужеское. на память послѣднимъ [1: 215].

ПВЛ Прииде Сѣтославъ Перетаславцю, и затвори шасаволгаре в городѣ. И изшлѣзша волгаре на стѣчу противу Сѣтославу, и бѣ стѣча велнка, и шдолѣваху болгаре. И рѣ Сѣтославъ воє^м своимъ: «Оуже на^м здѣ пасти. Потагнемъ мужьскы. вра^те и дружино!» И к вечеру шдолѣ Сѣтославъ (6479 / 971).

Литература

1. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. I / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004.
2. *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л., 1978.
3. *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1902. Книга 4 (203). М., 1902.
4. *Пауткин А. А.* Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания. М., 2002.
5. *Пауткин А. А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия // История древнерусской литературы. Аналитическое пособие. М., 2008.
6. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. II. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.

Фитонимы в памятниках деловой письменности XV–XVII вв.

Е. В. Сердюкова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

serd@aaanet.ru

Памятники письменности, лексика, фитонимы, модели номинации.

Summary. The report focuses on the names of trees and woodland used in business manuscripts of 15th–17th centuries in describing plots of land. An analysis of the naming models allows us to see how this world group was being formed.

Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанского края, памятники деловой письменности XVII в. Владимирского края, памятники южновеликорусского наречия (отказные книги) представляют язык великорусской народности, в который входят истоки формирования русского национального языка. В памятниках деловой письменности при описании межевых примет очень широко использовались названия деревьев и кустарников, хорошо известные носителям языка. Для анализа были выбраны названия деревьев и лесных массивов, которые довольно часто встречались при описании земельных участков, при определении их границ. Фитонимы (названия растений) относятся к наиболее устойчивому пласту лексики, поэтому особенно интересны для исследователя. Описание и изучение такой лек-

сики позволяет увидеть, что представлял собой растительный мир, окружающий русского человека в XV–XVII вв., а этимологический анализ и описание моделей номинации растений позволили проследить, как формировалась данная группа.

Среди названий деревьев в памятниках актов письменности встретились *береза, верба, вяз, дуб, елка, ель, ива, карагич, клен, липа, вольха (ольха), шлем (шльм) оlex, осина, рябина, сосна, тополь, яблоня, ясень*. От многих из этих слов в текстах употреблялись также производные с уменьшительными суффиксами, прилагательные. Для названия леса, состоящего из деревьев одной породы, в памятниках встретились *березник, бор, дуброва, дубровка, ивняк, липяг*. Представляют также интерес слова *взборье, бздуброва*,

вздубровье, взлесок, обозначавшие 'опушку леса, где растут несколько деревьев'.

Наиболее употребительными в исследуемых памятниках являются названия березы и дуба. Слово *береза* как межевой знак, а также производные *березка, березовый* встречаются в текстах для обозначения отдельных деревьев, упоминания о березовых рощах, что обычно характерно для северной и средней полосы России, встретилось в Южр. отк. и Пам. Влад.: *в березнику стоит береза кудрява на неи гран* [3: 205]. Для более четкой узнаваемости межеевого знака в текстах встречаются характерные для данного дерева признаки: *от рѣчки от Раки к вязу а на немь гран а от вязу врагомъ к березе к виловатой а на неи гран а от березы врагомъ же к березе а на неи гран а от березы врагомъ а ишиед враг к березе к розсоховатой а на неи гран* [2: 77]; *прямо к горѣ мѣжею на маленькую бѣрезку а з бѣрески на между прямо большую бѣрезу до слобоцкие дороги* [1: 22]. В исследуемых памятниках отмечено, что на этих территориях растут дубовые леса (рощи): *от великого дуба к конецъ дубника от конецъ дубника по дуброве* [2: 83]. Так как дубовые деревья являлись очень распространенными межевыми знаками, то и у них отмечались индивидуальные приметы: *стоит дубъ вверху россоховат противъ его дуб крековистъ... противъ его... ива на дубе и на иве грани... противъ его вязок... а от вязков... стоит ива* [2: 119]. Подобные признаки встречаются и для других деревьев.

Слово *ильм* относится к роду *Ulmus*, а виды ильмовых известны под названиями *вяз, берест, карагач*. Хотя в современном русском языке для родового понятия используется слово *ильм*, но более распространенным является слово *вяз*. Такая же закономерность отмечена в памятниках Рязанского края. Видимо, один и тот же вид мог называться разными словами, и фактически все эти слова часто использовались как синонимы. О. Н. Трубочев (ЭССЯ) восстанавливает для слова *ильм* праславянскую форму *jьльмъ и трактует его как производное от корня *jil – 'рвать, драть'. Это слово также родственно лат. *ulmus* 'вяз'. Такая этимология весьма перспективна, так как деревья семейства ильмовых имеют гибкое лыко, годное для вязки. Подобную мотивацию можно встретить и в слове-синониме *вяз* (от глагола *вязать*). В основу номинации в обоих случаях лег один и тот же признак – гибкое лыко, годное для вязки. При номинации деревьев очень часто на первый план выдвигается признак, связанный с практическим применением растения. То, что один и тот же признак передается с помощью разных корней – распространенное явление при номинации растений. Слово *вяз* встречается довольно часто: *а вверху поклон да вяз россоховат а на дубу и на вязу грани... стоит волха на неи гран... а на волхе и на вязу грани* [2: 119]. Только в одной из грамот 1506 г. зафиксированы оба слова в одном контексте, что указывает на различные виды *Ulmus*: *да от липы от новой переверты к вязу к перевертъ... по перевертам...*

к вязу к перевертъ да по перевертам к Сысоеву врагу к илму к перевертъ... и позад поляны илем а на нем переверта. от ильма к липе к перевертъ [2: 17–18]. Это единственный случай, когда в пределах одного текста встретились слова, обозначающие разные виды одного дерева.

Образования *взборье, бздуброва, вздубровье, взлесок*, обозначавшие 'опушку леса, где растут несколько деревьев', образованы от названий леса одной породы с приставкой *вз- / уз-*, которая могла указывать на начало леса на возвышенном месте или опушку перед лесом, где росло несколько деревьев. В СлРЯ XI–XVII вв. слово *вздубровье* дано со значением 'лес на возвышенном месте'. В Словаре обиходного русского языка [4] слова *вздубровье, вздуброва* даны со значением 'опушка дубравы, где растут отдельные деревья', *взлесок* 'опушка леса' с примерами из отказных книг, т.е. данные слова в других источниках употреблялись очень редко. В отказных книгах слова *взборье, взлесок, вздубровье, вздуброва* встретились по 1–2 раза: *на вздуброви стоит дуб толсть краковистъ на полдни наклип на немъ староя гран отводу Зохаря Гвоздева от тово дуба посеред поляннии стоит пен дубав в обоима дуб ссѣчен на пни гран от тово пня пряма через полянку в дуброве в чеци стоит дуб толсть* [3: 12]; *а с куста через дорогу что ездят тою дорожаю елчанѣ дети боярския замеченѣ ис под Романцова лѣсу на Тулу стоит дубъ плотав а на немъ признака натес а с тог дуба из признаки верхъ верха на узлеску стоит дубъ кроковитъ* [3: 92]. Из примеров видно, что речь идет об отдельно стоящих деревьях и пустом пространстве (слово *поляна*).

Описание моделей номинации дает представление о том, какие характерные признаки имели значение для носителей языка. Кроме того они позволяют доказать объективность той или иной этимологии. Основными моделями номинации для названий деревьев стали следующие: цвет – береза, ольха, рябина, сосна, тополь; место произрастания – дуб, бор; свойства листьев – ель, клен; хозяйственное использование характерных качеств растения – верба, ива, ильм, вяз, липа.

Анализируемый материал показал, что растительный мир русского человека уходит своими корнями в праславянский язык, эта лексика очень устойчива и хорошо отражена в памятниках письменности определенных жанров.

Литература

1. Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край / Под ред. С. И. Коткова. М., 1984.
2. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Под ред. С. И. Коткова. М., 1978.
3. Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977.
4. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / Под ред. О. С. Мжельской. Вып. 2. СПб., 2006.

«Память и похвала князю Владимиру и его житие» XV в.: гласные после шипящих и *ц*

Е. А. Сивкова

Челябинский государственный педагогический университет

paleo17@mail.ru

Норма, формирование орфографии.

Summary. The following tendencies related with combinations of sibilants can be traced in the handwriting of a merchant from Vologda in the XV century: orthography determines their spelling as well as graphics; etymological, aesthetic, grammatical criteria of spelling are important while naming them. Archaic features and spelling that do not conform to orthographical and graphic criteria are also distinguished.

Карл Ясперс в работе «Смысл и назначение истории» писал о том, что «мы, люди, являемся природой и историей одновременно. Наша природа являет себя в наследовании, наша история – в традиции» [5: 244]. Наследственное в природе человека нерушимо, традиция же может быть утрачена, поэтому именно она делает нас людьми [5: 245]. Традиционность – один из признаков языковой нормы. Для того чтобы изучать пути эволюции орфографической нормы, нужны синхронные срезы по векам и их сравнение. В данной статье приведен элемент такого среза по орфографии сочетаний шипящих и *ц* с гласными в тексте XV века.

«Память и похвала князю Владимиру» и «Житие князя Владимира» изданы В. И. Срезневским по списку 1494 г., созданному в Вологде по приказанию священноинок Досифея.

Рассмотрим сочетания гласных с шипящими и *ц*, использованные в названных памятниках. Наибольшее количество вариантов написаний с шипящими дает пара *и – i*. Во всех сочетаниях преобладают написания с *и* после шипящих. Большое количество написаний с *жi* связано с многократным использованием форм прилагательного *Божий*.

Сочетания *жи – жi, чи – чi, ши – шi, ци – циi* являются орфографическими, их написание определяется общим пра-

вилом использования букв *и* – *ї*: *ї* пишется перед гласной буквой (*Бжїа, лжїи, ницїи, помоцїю*; ср.: *житїа, хотбнїе, прїимее, покаанїю*). Буква *и* используется после шипящих в конце слова и в середине перед согласной (*жизни, вложниша, ницимь, моци, чинь, полдчи, слышите, лдчиши*). Исключением из указанных правил являются написания *поручї, надчишиї, оукротшиї*. Рассмотрим эти и другие случаи употребления *ї* в конце слова: *надчишиї и, оукротшишиї и, ѿ днїи лютъ, прославї ю, побѣди а, поусти ю, премї а, оукрасї ю, поручї ю*. Мы видим, что *ї* пишется в конце глагольной формы, если за ней следует личное местоимение; пишущий четко отграничивает его от союза: *просвѣти и свободи, ходити и жити, славити и пѣти*. Таким образом, орфографические написания *жи* – *жї*, *чи* – *чї*, *ши* – *шиї*, *ци* – *циї* являются частным случаем выбора орфографических вариантов *и* – *ї*; исключение в данном почерке показывает специфику оформления глагольно-местоименного сочетания (при слитном написании текста это тоже позиция *ї* перед гласной). Буквы, обозначающие шипящие согласные звуки, не являются опознавательным признаком орфограммы.

Сочетания *жѣ* – *жю*, *шѣ* – *шю*, *цѣ* – *цю*. В анализируемом материале со всеми шипящими преобладают сочетания с *ю*. В выборе между *ѣ* – *ю* нет зависимости от места в слове, морфемы или части речи. В 9 случаях из 22 действует эстетический, или чередовательный, критерий написания: если в слове 2–3 звука [y], то после буквы, обозначающей шипящий согласный, для обозначения этого гласного используется буква, не употреблявшаяся ранее: *сбжю, миндвшю, пребывающѣ, чюющѣ, соущю*. Поэтому варианты *ѣ* – *ю* после шипящих считаем графическими.

Шипящие с гласными *е* – *ѣ* – *ь*. Начнем с пары *же* – *жь*. *Же* многократно преобладает: 131 из 133 случаев; *жь* написано дважды: *невѣжьство, невѣжьственымь*. Наряду с этим написания *множество, моужескъ, женскъ*, показывающие, что редуцированные в суффиксах стали гласными полного образования или утратились. Написание *жь* может объясняться традицией обозначения суффикса *-ьств-* или произношением краткого гласного в нем.

Варианты *че* – *чѣ*. Написание *чѣ* единично: *ручѣи* – *и* не соответствует этимологии слова [1: 46]; [4, III: 524]. Во всех остальных случаях в корнях, суффиксах и окончаниях разных частей речи пишется *че* (*честїю, четвертое, паче, черноризцѣ, печенѣзи, неизреченнѣю, плачемь*).

Варианты *це* – *цѣ*. Выбор *е* – *ѣ* после *ц* в корне (*церковь, церковнаа* – *цѣло*) соответствует этимологии [4, IV: 297, 300]. Написание указанных гласных после *ц* в окончании определяется отношением к конкретной грамматической

форме и не зависит от положения после *ц*. Этимологически верно написано *це* в И., В., Тв. п. ед. ч. существительного на *о и указательного местоимения (*срдце, ѡжонце, ѡтцемь, срдцемь, сице*), Зв. п. существительного на *а (*Трице*); а также *цѣ* в Д., М. п. ед. ч. существительного на *а (*къ влоцѣ, на рѣцѣ*), В. п. дв. ч. существительного на *а (*в роуцѣ*), И. п., В. п., М. п. мн. ч. существительного на *о (*агнецѣ, члвцѣ, Радимицѣ, въ члвцѣхъ*) [2: 25–30]. Отступления от этимологии немногочисленны; *е* вместо *ѣ*: М. п. мн. ч. существительного на *о (*В Немцех*); *ѣ* вместо И: Т. п. мн. ч. существительного на *о (*съ черноризцѣ*) [2: 25–30].

Варианты *ша* – *шя*. Единичное сочетание *шя* (*плакашас*) квалифицируем как опisku писца, в тексте на этой и предыдущей страницах *сидошас, расыташас, крстишас, предашас*; в рассматриваемом написании выпущено сочетание «ас», после чего «с» написана в виде выносной.

Варианты *ча* – *ча*. Единичное написание *члдо* соответствует этимологии [4, IV: 311], при этом четыре раза данное слово написано с *а*. Этимологически верно написана *а* в словах *час, чающе, печаль, ѿлѣчающе*; а вместо *а*: *начать, часть* [4, IV: 311].

В почерке вологодского купца XV века в отношении сочетаний с шипящими прослеживаются следующие тенденции: правописание *и* – *ї* после шипящих является частным случаем написания этих букв; при выборе гласной в сочетании *це* – *цѣ* действует грамматический принцип; при написании *ѣ* – *ю* после шипящих частотен эстетический критерий; написание *жь* в паре с *же* представляет собой архаическую черту, используется для обозначения после этой шипящей суффикса *-ьств-*; написание *а* – *я* после шипящих не всегда соответствует этимологии.

Таким образом, написание сочетаний с шипящими и *ц* в «Памяти и похвале князю Владимиру» и «Житии князя Владимира» XV в. определяет как орфография, так и графика; при их обозначении действуют этимологический, грамматический, эстетический критерии написания; выделяются архаические черты и написания, не подчиняющиеся орфографическим и графическим критериям.

Литература

1. Булаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
2. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
3. Память и похвала князю Владимиру и его житие по сп. 1494 г. / Изд. В. И. Срезневский. СПб., 1897.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 2004.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М., 1994.

К вопросу о нетривиальных особенностях вокализма в говорах одной из восточных среднерусских областей XVII в.

Ю. В. Смирнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ju_sm@mail.ru

Историческая диалектология, восточные среднерусские говоры, вокализм, аканье, миграции населения.

Summary. The paper analyses the problem of author's identification of real objects in the process of their reflection in the text. The point of reference functions as the local thematic component in the certain domain. It can be expressed by either the personal pronoun or the full nominal expression.

Скорописные документы из отказных книг Суздальского и Владимирского уездов (РГАДА, ф. 1209, оп. 2) позволяют охарактеризовать особенности систем безударного вокализма в диалектах первой половины XVII в., в настоящее время относящихся к Владимирско-Поволжской группе. Так, у некоторых авторов отсутствуют показательные случаи мены букв *о* и *а*, что позволяет говорить о наличии полного оканья в их говорах. В части текстов замены *о* на *а* встречаются лишь в позиции перед ударным [а], что указывает на ассимилятивное аканье. У ряда писцов есть отражение аканья во втором предударном и заударных слогах. Все это соответствует современной ситуации – сейчас в рассматриваемых диалектах в основном представлено неполное и полное оканье.

Однако особую группу составляют авторы XVII в., являвшиеся жителями сел, располагавшихся близ современно-

го города Коврова (это устанавливается по подписям). Тексты этих писцов отражают совпадение гласных фонем в первом предударном слоге (в том числе не перед [а]), что не является типичным для данной местности. Примеры приведены далее.

1. Села Великого церковный дьячок Климка Кирилов (около 15 км. к югу от Коврова; книга № 12617, лл. 177об.–186): *с валадимѣски^н, Валадимѣ^ка, Фами^н, Трафимо^с, Трафи^н, Тами^нка; Рама^нка (имя), Рама^нко, Рамано^с, Лукая^нка* (есть и пример на *паточине*, но здесь вероятно использование приставки *па-* [1: 92, сноска 10]);

другие типы слогов: *с валадимѣски^н, Валадимѣ^ка, Радионѣ^ка; Бориса^с; Федара^сская, за Кля^змаю* (написания *Тухань, Федд^с, Федаро^с, Федара^сская, Сидаро^с* не очень показательны, так как возможна аналогия с именами типа *Степан, Захар*).

Как видно, в первом предударном слоге перед этимологическими ударными гласными среднего и верхне-среднего подъема показательные замены *o* на *a* не встретились (ср. *тово жа, пророка, Росто^оского, Чюдо^ово^оца, Новець*). Имеющиеся примеры могут указывать на гдовский тип вокализма. Что касается прочих безударных слогов, то показательные написания *a* в них тоже представлены рядом с гласными [и], [а] (хотя их количество не очень велико).

Случаи совпадения в звуке [а] отмечены и в позиции после мягких согласных: *Мяды^ицова* (совр. деревня *Медынцево*), *пल्या^ини^к 2 р*.

2. Села Тагарова земский дьячок Гришка Тимофеев (около 35 км. к востоку от Коврова; книга № 11332, лл. 346–349): *и³ба канюше^иная, (в ту) Баравихи* (пустошь, ср. *Бор(в)иха*), *Пракуди^иская* (пустошь);

другие типы слогов: *(в ту) Баравихи; по Гостилова озеро*.

У этого автора показательные замены на *a* в первом предударном слоге есть лишь в позиции перед гласными верхнего подъема (хотя имеется и случай *Ка^рсакова*, но ср. казах., кирг. *karsak*). Написаний *a* на месте *o* в других слогах немного.

3. Никольский дьячок села Васильевского Богдашко Филипьев (совр. село Шапкино; около 25 км. к северо-востоку от Коврова; книга № 11333, лл. 138–141, 163–166): *ади^ица^им* (так), *ади^ина^ица^им*; также ср. за... *Ромадано^иски^и* (фам.);

гиперкорректные случаи: *Горасимо^о, Коисарова* (Р. ед., фам.), *Коикоисаровы* (так), *Воси^ие^оско^о села, с Рудоко^и* (имя); также ср. за *Тотаровы^и* (село);

другие типы слогов: *Еуфи^иева монастыря, монастыря; Михаил Федоровича* (Р. ед.; ср. и примеры *Ва^ко Ивано^о, Ва^ко Ка^рпо^о*); *др^яня И^ис^коя, др^яня Новоя, др^яня Микити^ис^коя, (пустошь) Тимофее^оская*; ср. также *др^яня Коже^иникова а Гневошево то^ж, в Су³до^оско^им, в Су³до^оско^им уе³де, па^ини нахоные*.

Положение после мягких согласных: *пल्या^инику, в озере в Рвяке* (совр. озеро *Ревяка*).

Возможно, наличие в этой местности аканья в первой половине XVII в. объясняется переселением сюда жителей других областей в связи с событиями Смутного времени. Известно, что в 1609 г. находившийся близ рассматриваемых сел Клязьминский городок (бывший город Стародуб) был сожжен поляками и их сторонниками в ходе борьбы с восстанием местного населения [3: 112], что говорит о запустении территории.

Наименования газообразных веществ в русской химической терминологии XVIII – начала XIX в.

А. И. Соколов

Санкт-Петербургский государственный технологический институт; Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

albanev@ya.ru

Терминология пневматической химии XVIII – начала XIX в., воздух, пар, чад, газ.

Summary. The report addresses the development of Russian terminology of pneumatic chemistry in the XVIII – early XIX century. Denominations of gaseous substances (*air, exhalation, fume, vapor, spirit, gas* etc.), their origin, peculiarities of usage, including certain semantic shifts in meaning, are outlined.

В связи с форсированным развитием научных знаний в России XVIII века в русском языке формируется огромный пласт специальной лексики, служащей материалом для выстраивания терминологий тех или иных сфер научной и практической деятельности. Среди таких сфер деятельности важное место занимает химия, где в указанный период было сделано множество открытий революционного характера, включая открытие кислорода и других газов, а также создание новой химической номенклатуры французскими химиками.

В русском языке химии на протяжении XVIII в. функционирует значительный ряд номинаций, обозначающих «летучие материи»: *воздух, (вос)курение, дым, пар, дух, спирт, чад, газ* и др. Некоторые номинации появляются в специальном языке в результате заимствования (*спирт, газ*). Другие же, будучи частью исконной лексики, расширяют свой семантический объем за счет появления специального значения, формирующегося в результате семантического калькирования соответствующего значения слов-корреспондентов из западноевропейских языков (латынь, немецкий, фран-

В частности, приведенные выше примеры из текстов Климки Кирилова и Гришки Тимофеева могут указывать на западное происхождение данных писцов. Что касается записей Богдашки Филипьева, то в них имеются падежные формы, не характерные для восточной диалектной зоны: *о^и дели^и О^идр^яевы жены Ма^ры* (Д. ед.), *О^идр^яевы жены* (Д. ед.), *озеро Воле^ида к реки Кля^имы, по реке по Кля^имы 3 р.*; форма имени прилагательного: *до^ореи зе^или* (Р. ед.).

Следует добавить, что в документе автора из соседнего села (совр. Алексино в 5 км. от Шапкина; книга № 11333, лл. 7–12) есть несколько отражений изменения **ё* в [и] (в том числе перед твердым согласным). Это тоже нетипичная для данной местности черта, вновь указывающая на возможное присутствие переселенцев из других уездов. Ср. примеры: *(пустошь) Гниваши^{ево} по^жня Гниващева* (от имени *Гн^иваши^ь*); *по рек^ь по Тизе, по реки по Тизе* (река *Теза*; ср. *по рек^ь по Т^ьзе*); *з дочерми еи* (т. е. ‘ее’), *сна еи* (т. е. ‘сына ее’), *сно^ь еи*; также ср. случаи *по реки* (ед. ч.); *во^ичи, волчи, вси, в ве³хне^и ко^ицы, въ ко^ицы* (М. ед.); гиперкорректное написание: *Т^ьмофие^е*.

Наконец, у этого же писца встретились случаи *вы ево ола^о* (так, т. е. ‘оклад’), *сы Ивановы^и* – подобные предлоги характерны именно для западной зоны (см., например, [1: 191]).

Итак, у рассмотренных авторов имеются отражения языковых явлений, свойственных западнорусским диалектам.

Данная ситуация в определенной степени схожа с той, которая представлена в говорах Чухломского острова. Появление аканья в чухломских говорах также связывается с миграцией населения в начале XVII в. [2: 433]. При этом на территории у Коврова аканье в первом предударном слоге до настоящего времени не сохранилось (по крайней мере, в широком распространении). Вероятно, количество выходцев из других областей здесь было не столь значительным, что способствовало последующей утрате рассмотренных языковых особенностей.

Литература

1. Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
2. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
3. Тюменцев И. О., Тупилова Н. А., Рыбалко Н. В. Письма наемников, отписки и сыские дела воевод, челобитные жителей Суздаля из русского архива Яна Сапеги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2009. № 2 (16).

цузский, английский). Таким образом, например, в XVIII в. формируется специальное значение слова *воздух* ‘одна из первоначальных стихий в античной философии’ [11, IV: 5], не отмеченное в языке предшествующего периода [10, II: 288–289]. Точно так же слово *дух*, имевшее самое общее значение ‘испарение’ [10, IV: 379], в языке XVIII в. получает специальное значение ‘вещество в парообразном или газообразном состоянии’ [11, VII: 36].

В русском языке химии XVIII в., развивавшемся под очевидным влиянием переводной литературы, обнаруживается многозначность некоторых терминов, что может объясняться неупорядоченностью терминологий западноевропейских языков, которая, в свою очередь, была связана с уточнением целого ряда обозначаемых понятий, корректировкой и пересмотром научных взглядов. Так, номинация *воздух*, будучи обозначением одного из первоэлементов, с начала 80-х гг. XVIII в. меняет семантику и выступает в значении ‘газ, вещество в газообразном состоянии’.

В сообщении описывается динамика в употреблении того или иного термина и прослеживаются тенденции либо к его

закреплено в научном узусе, либо, наоборот, к его деактивизации, постепенной архаизации и потере терминологического статуса (детерминологизации) в системе обозначений новых научных понятий. Тот же термин *воздух*, например, в указанном выше значении к началу XIX в. в русской химической терминологии вытесняется термином *газ*.

Основным материалом исследования послужили оригинальные и переводные трактаты по химии и смежным наукам (метеорология, физика, минералогия), среди которых – сочинения, не вошедшие в список источников «Словаря русского языка XVIII века» (см., напр., [1], [5], [7], [8], [9], [12], [14] и др.). К числу новых источников отнесены и статьи из периодических изданий XVIII в. (напр., из «Академических известий»), а также переводы начала XIX в. ([2], [4], [6]) и первые русские адаптации новой химической номенклатуры А. Лавуазье ([3], [13]).

В качестве дополнительного материала привлекались оригиналы переводных сочинений (например, [16], [18], [19] и др.), а в ряде случаев и переводы данных оригиналов на другие европейские языки (например, [20]). Сравнительный анализ подобных материалов с русскими переводами позволил, в частности, выявить внутритекстовые комментарии, а также установить их происхождение (авторские пояснения, глоссы переводчика) и, таким образом, определить те или иные тенденции в развитии русской химической терминологии.

В силу исторически сложившегося вектора продвижения научных знаний с запада на восток важным источником для понимания изменений в семантике русских терминов стали материалы лингвистических и энциклопедических словарей на западноевропейских языках ([15], [21], [17] и др.).

Анализ особенностей функционирования отдельной группы номинаций подтверждает универсальный характер закономерностей в период формирования терминологий. В частности, процессы становления терминологий и структурирования терминосистем базируются на специальной лексике, появляющейся как в результате заимствования иноязыч-

ных терминов, так и вследствие терминологизации части исконной лексики. Данные процессы могут сопровождаться семантическими трансформациями внутри терминологического значения слова в связи с изменениями в научной парадигме понятий, гипотез и теорий.

Литература

1. Генкель И. Руководство к химическому рудословию. СПб., 1775.
2. Гиртманнер Х. Начальные основания химии. СПб., 1801.
3. Захаров Я. Дм. Рассуждения о Российском химическом словозначении // Умозрительные исследования Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1810. Т. 2. С. 332–354.
4. Каде Ш.-Л. Словарь химический. Ч. 1–4. СПб., 1810–1813.
5. Кронштедт А. Опыт рудословной системы. СПб., 1789.
6. Кузен Ж. Начальные основания физики. СПб., 1800.
7. Окулов А. М. Рассуждение о свойстве и силе воздуха. М., 1783.
8. Рост И. А. Рассуждение о проникательном действии малейших частиц. М., 1765.
9. Севергин В. М. Начальные основания естественной истории. Ч. 1–7. СПб., 1791–1794.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
11. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. Л.; СПб., 1984–2011.
12. Фуркруа А. Химическая философия. Владимир, 1799.
13. Шерер А. И. Опыт методического определения химических наименований для русского языка. СПб., 1808.
14. Эрксleben И. Начальные основания химии. СПб., 1788.
15. Bailey N. An Universal Etymological English Dictionary. London, 1731.
16. Cronstedt A. Versuch einer Mineralogie. Copenhagen; Leipzig, 1770.
17. Dictionnaire de l'Académie française. Nouvelle édition. T. 1. Lyon, 1776.
18. Henckel J. Henckelius in mineralogia redivivus. Das ist Henckelischer aufrichtig und gründlicher Unterricht von der Mineralogie. Dresden, 1759.
19. Varenus B. Geographia generalis. Amstelodami, 1650.
20. Varenus B. A Complete System of General Geography. London, 1734.
21. Zedler J. Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. Bd. 1–68. Leipzig, 1731–1754.

Формулярный анализ рапортов второй половины XVIII в. (на основе фонда № 329 ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске»)

А. Н. Стародубцева

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева
nastasia408@mail.ru

Скорпись, рапорт, рукописные памятники делопроизводства.

Summary. By the second half of the XVIII century, there are special forms for a variety of documentary genres, which indicates the formation of business style. Along with the decrees, petitions and term are numerous reports. They have a strict composition, specific to each of a set of language resources.

Стандартизация русского делового письма второй половины XVIII в. на стадии создания документов проявляется в выработке определенных трафаретов деловой речи и связанных с этим устойчивых, постоянно повторяющихся конструкций. Итогом трафаретизации в XVIII в. явилось создание формуляр-образцов для отдельных видов документов.

Документальные жанры, выражающие побуждение адресата к совершению каких-либо действий, наиболее многочисленны в русской документальной системе XVIII в. К этой группе относятся указы, приказы, предложения, наставления, прошения, доношения, объявления, рапорты и сообщения-просьбы и некоторые другие.

Сделаем отдельные наблюдения над проявлением стилистически образующих коммуникативно значимых языковых особенностей в рапортах г. Тобольска второй половины XVIII в. на основе фонда № 329 ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске».

Корпус тобольских архивных текстов XVIII в. представляет собой коллекцию достаточно поздних текстов, отражающих многообразное функционирование языка на отдаленной от российского центра территории в различных сферах общественно-речевой практики. Единицы корпуса содержат значительную лингвистическую информацию: целым текстам свойственны типологические и стилистические признаки, каждая словоформа имеет морфологические и семантические признаки, что дает возможность произво-

дить лингвистическое исследование по разным параметрам классификации.

К деловым текстам второй половины XVIII в. г. Тобольска относятся преимущественно рукописные и отчасти печатные памятники, которые по содержанию можно объединить в группы по тематике и ведомственной принадлежности.

В современном делопроизводстве рапорт определяют следующим образом: «Рапорт – донесение или заявление военнослужащего начальнику по различным вопросам, составленное по предусмотренной уставом форме...» [1: 53]. Формуляр рапортов, как и других документальных жанров, выражающих побуждение к действию, четко делится на три стандартных блока: начальный, блок основного содержания и конечный.

Начальный блок – достаточно стандартизованный элемент формуляра, который делится на две части: 1) делопроизводственные отметки – регистрационные индексы, дата, указание адресанта и адресата, наименование вида документа; 2) текстообразующие элементы – изложение причин создания документа.

Начальный блок рапортов состоит из следующих частей-формул:

1. Сообщение о том, куда направляется рапорт: ...В ТАБОЛЬСКОЕ НАМЕСТНИЧЕСКОЕ | ПРАВЛЕНИЕ... (И 329-13-2-25), ...въ канцелярію тоболскаго гражданскаго | Губернатора и кавалера дмитрія родіоновича... (И 329-13-51-145).

2. Указание, на место отправления документа: *...изъ ишимской нижней | расправы» (И 329-13-2-25), Содержателя тобольской губернии питейныхъ | сборовъ верхотуринскаго | Гильдии купца Зеленцова (И 329-13-51-145), из туруханскаго Нижнего Зем-| скаго Суда (И 329-13-10-77).*

3. Самоназвание делового документа: *...Репортъ о получении указа (И 329-13-2-25), Рапортъ (И 329-13-12-23), (И 329-13-10-77), (И 329-13-10-70), (И 329-13-9-11), Рапортъ о получении предложения (И 329-13-30-7) и др.*

4. Уточнение коллективного адресанта и подтверждение получения указа: *Во исполнение ордера вашего превосходительства отъ 20го марта под №761м | последовавшего с рапорта... (И 329-13-10-70), ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА | указъ изъ оногo наместническаго | правления от 8 ч подлe 24 д коимъ | предписано... (И 329-13-2-25).* Эта часть в документах оказывается разорванной: причастие *получен* попадает в конечную часть и совмещается с указанием на дату получения документа.

Причина написания и назначение документа излагается именно в основной его, средней, части, поэтому в ней меньше всего штампов делового языка и наиболее заметно отражение живого народного языка. Тексты подтверждают большую свободу в выборе языковых средств в средней части, что дает широкий доступ проникновению в них народно-разговорных элементов: *...Пи- | теиные сборы въ Курганъ и Ялutorовскъ отдаются мною | волскому имянитому ераждану василью Злобину; | о чемъ | чрезъ бывшую тобольскую камерную часть изъ государствен- | ной камеръ-коллегии донесено. До получения же отъ коллегии | о настоящей задачѣ по довѣренности моей данной волскому | Купцу Росторгову, а отъ него тюменскимъ мѣщаниномъ Куз- | нѣвскимъ по кургану тѣ сборы управляются, съ тако- | вымъ | условіемъ, что изъ доставленнаго мною изъ казенныхъ заводовъ | Боровлянскаго и Петровскаго въ городовые винные магазейны для | отпуску въ питейные дома Ялutorовска и Кургана съ ихъ | округами вина Злобину въ свой нынѣ откупный, Равно же | и въ другія города и округи, хотя бы онѣ за нимъ впрѣдъ | на откупъ взяты будутъ,*

отнюдь не ввозить. И помяну... | десять бочекъ съ виномъ куда везены, мнѣ не извѣстно. | О чемъ предписано отъ меня въ Екатеринбургъ къ помяну | тому Коммисіонеру Росторгову, и требовано, чтобъ онъ отъ | Кузнѣвскаго отобразилъ обстоятельное сведеніе, и доставилъ | ко мнѣ для объясненія... (И 329-13-51-116).

Концовка репортов содержит две части: 1) указание на дату отправления документа; 2) указание на лицо отправителя: *Секретарь Григорей Селменской Генваря 22го дня 1793 года (И 329-13-2-25), ...быть иметь, о чемъ вашему | высочородию симъ и рапорту. Городничей Зеленев № 1085 июля 19 дня 1798 года (И 329-13-9-11), За секретаря бухгалтеръ Алексей Декабря «23» дня 1797 года № 6864 (И 329-13-51-36).* Она имеет характерный для концовки набор языковых средств. К постоянным реквизитам конечного блока рапортов относятся *дата, подпись, печать.* Дополнительные элементами конечной части являются: требование исполнения документа с указанием исполнителя; сообщение о рассылке данного документа в другие присутственные места; приказание сообщить об исполнении документа; выражение надежды на благоприятный исход дела; просьба известить о принятом по делу решении.

Таким образом, анализ формул начального, конечного и среднего блоков текстов рапортов позволяет сделать вывод о сложном характере языка документов, о переплетении строгих канцелярских штампов, элементов высокой книжности, стилистически сниженной народно-разговорной речи на нейтральной стилистически немаркированной языковой основе. Формулярный анализ скорописных документов делового характера, в частности рапортов, говорит о строго выдержанной структуре и регулярно повторяющейся формуле, степень варьирования которой незначительна.

Литература

1. Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974.
2. Ф 341, 363 ед. хр. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Официально-административные скорописные тексты Тобольского губернского правления.

К вопросу о корпусе топографических описаний России XVIII – начала XIX века

О. В. Трофимова

Тюменский государственный университет

otrofim@rambler.ru

Русский язык XVIII века, рукописный документ, тип текста, В. Н. Татищев.

Summary. The report focuses on the analysis of archival and published documents of the XVIII c. The documents were written for the topographical description of Russia and were based on the second questionnaire by V. N. Tatishchev (1737).

На протяжении XVIII и в начале XIX века в разных регионах России по определенной схеме (анкете) усилиями канцеляристов создавался новый научно-деловой тип текста – топографические описания, содержащие разностороннюю характеристику природных и человеческих ресурсов (города, уезда, губернии). Часть их была опубликована еще в XVIII и в конце XX в., но, вероятно, бóльшая до сих пор находится в архивных фондах.

В основу топографических описаний 1730-х, 1760-х, 1780-х и 1790-х гг. легли материалы, собранные на местах преимущественно геодезистами, по анкетам, разработанным в столице, и описанные в провинциальных канцеляриях штатными и внештатными их «сотрудниками». Судя по тюменским источникам, это русские и татарские выборные, канцеляристы, представители купечества, монастырские служители – в разной степени владевшие основами письменной деловой речи, но оказавшиеся включенными в новую коммуникативную ситуацию. Им было необходимо составить текстовый документ, на основании которого правительственный адресат мог бы составить представление о жизни на каждой из неизвестных, но подведомственных ему территорий, а также получить возможность сравнить разные регионы страны по одним и тем же параметрам.

Исследователь XXI века – адресат, для которого перспектива реализации идеи еще Петра I, поручившего В. Н. Татищеву составить «обстоятельную географию с ландкартами», вовсе не беспочвенна. Для получения необходимых географических, исторических, этнографических и лингвистиче-

ских сведений Татищев разработал две комплексные по своему характеру анкеты: анкета 1734 г. «Предложение с вопросами» (82 вопроса) и 1737 г. «Предложение о сочинении истории и географии российской» (198 вопросов). Ответы на эти и другие анкеты XVIII в. (М. В. Ломоносова, Вольного экономического общества и др.) собраны в различных архивах (в местных, возможно, сохранились их «отпуски») – осталось провести их инвентаризацию, собрать в единый корпус, описать его и оцифровать... Таким образом современный исследователь может получить уникальную возможность для изучения «целенаправленного использования в конкретных речевых контекстах различных слов и форм общенародного языка» (Ю. С. Сорокин), для исследования реальной вариативности речи в однотипных речевых (в том числе текстовых) условиях, для паспортизованного выявления региональных (в идеальном варианте – индивидуальных) особенностей русской речи. Кроме того – для «реабилитации» отдельных текстов XVIII в., известных (пока!) по единичным рукописным экземплярам. К такому следует отнести вторую анкету В. Н. Татищева, известную по списку канцеляриста Сергея Неклюдова. Этот список вопросов, направленный в свое время иркутскому вице-губернатору Бибинову, был опубликован как «официальный» в 1950 г. в [3]. Но в нем нет, например, 38-го и 66-го пунктов, а в «Описи по силе присланных от его превосходительства действительного статского советника Василья Никитича Татищева ордеру и пунктов. В Кольванском заводе в Иртышских крепостях: в Ямышевской, Семи-Полатной,

Усть-Каменогорской и в Томском и Кузнецком ведомстве в острогах Берском и Чеуском» [2] отсутствуют пункты с 17-го по 21-й.

Впрочем, и имеющиеся могут вызывать вопросы, как, например, второй пункт 16-го запроса *...скотов некоторых визжание или с поля рано домой идут, птицы на гнезда или густые леса и под кровли рано садятся, а некоторые над водою играют...* Снять недоумение позволил документ, обнаруженный в Государственном архиве Тюменской области, – датированная августом 1746 г. «Ведомость, учиненная на вопросные пункты геодезии прапорщика Павлуцкого по силе присланного указа из Сибирской губернской канцелярии, о состоянии города Тюмени и о протчем» [1]. Ср. (разночтения подчеркнуты): *...или с поль рано домой идут, а поутру долго и не с охотою в поле идут; птицы на гнезда или в пустыя леса и под кровли рано садятся, а некоторые над водою играют...* Или: 19. В некоторые времена и как велико наводнение и упадение воды бывает..., ср. в тюменской ведомости: 19. В которое время и как велика в море наводнения и упадения воды бывает...

Сопоставляя тюменский и «официальный» [далее в скобках – вариант 1950 г.] тексты, мы зафиксировали более 400 разночтений, например, в первом же пункте (пунктуация дана по изданию 1950 г., подчеркнуты отсутствующие в нем слова; в тюменском источнике знаков препинания нет): *Како древния [древние] звания тех мест наперед сего было, например, Киевская именуется доднесь Малая Русь, Московская и Смоленская а едино [за едино] Белая Русь, Ново-гороцкая Великая Русь, Архангелогороцкая именовалась По-морская, Воронежская – в тех местех жили скиты [скифы], Белгородская – обитали половцы, Нижегородская, по дазатке [по догадке], жилище прежних печенегов, Рижкия [Рижская] и Ревельская именовались [именовали] варяги, Казанская болгары, Астраханская Нагайския [Ногайская] именованы были тако ж, потом была и Золотая орда. Также и провинциям [провинциям] многим древния [древние] имяна [имена] находятся, яко: где ныне Олонец, тут жили Бярмы или Пярмы; Ингрия именовалась [именовалась] Во-ты; Переславская земля именовалась [именовалась] Залес-кая [Залеская], Чернигов и по Привети [по Припетии] именовалась [именовалась] Древляне, потом Черная Русь, а по-том поляки часть их владения именуют Полесье, воеводст-*

*во Новгородцкое [Новгородское] в Литве и, может, вся Литва называлась Лутаракины [Тмуратаканы] и протчая; но сверх сего [того] всякого любопытного и в историях [и в гисториях] известного вопрощается [упрощается], ежели что во известии [известие] имеет, чтоб для пользы отечества потцился со [с] изьяснением объявить. Любопытно, что в издании [2] этот же запросный пункт свернут до текста *Как деревне звание тех мест наперед сего было*; авторы издания толкуют в сносках форму *деревне* в соответствии с текстом издания [3].*

Сопоставив, к примеру, начало шестого запросного пункта в источниках, получаем следующее (варианты подчеркнуты): *Если где разграничено степми, лугами и великими болоты... [3]; Если где граничено степми, десами и великими болотами... [2]; Если где разграничено степми деса-ми и великими болоты... [1].*

Изучение же составленных в разных регионах России ответов, помимо лексико-грамматического анализа источников, может вывести на исследование тактик и стратегий провинциальных адресантов, создающих текст для столичного адресата, а также исследование их когнитивного фона. В частности, соответствующие выводы можно получить, анализируя имеющиеся в нашем распоряжении ответы на первый запрос: *Не ответствовано [2]; ~~Город Тюмень называ-ется от реки Тюменки а какое наперед сего звание было в том записок в воеводской~~ [канцелярии] не имеется – Презде сего в древних годах Моаметова закону от сибирского царя Чингши отпущен князь Тайбуга со всем домом своим на реку Туру и тамо созда град и нарече его Чингидин и де же и в том месте стоит град Тюмень [1].*

Таким образом, одно только введение в научный оборот региональных архивных документов позволяет ставить новые разноаспектные исследовательские задачи и получать новую информацию. Корпус же текстов может быть востребован не только лингвистами, но и представителями других сфер гуманитарного знания.

Литература и источники

1. ГУТО ГАТО. Ф И-47. Оп. 1. Д. 4993. Л. 2–43.
2. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева). СПб., 2010.
3. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.

Позиция атрибута и одушевленность существительного в истории русского языка

А. С. Улитова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ulitovanastya@gmail.com

Порядок слов, позиция определения, одушевленность существительного.

Summary. This paper describes the word order in the Old-Russian business documents (XVIIth century). This investigation proves that animacy / inanimacy of the noun influenced on the attribute's position in a phrase. While D. Worth [1] discovered this dependence in the Old-Novgorodian birchbark letters, we have found it in Moscow and Pskov letters which proves that it was not only Novgorodian peculiarity.

В древнерусском языке положение определения относительно определяемого слова было нефиксированным и могло определяться несколькими факторами, такими, например, как часть речи определения или лексическое значение определяемого слова. Д. Ворт [1] обнаружил в новгородских берестяных грамотах еще одну закономерность: зависимость от одушевленности / неодушевленности определяемого существительного: при существительном, обозначающем живое существо, определение тяготело к постпозиции, а при существительном, обозначающем предмет, – к препозиции. Д. Ворт предположил, что данная особенность, возможно, не была общерусской. Попробуем установить, сохранялась ли эта зависимость в текстах, написанных порусски в XVII веке на разных территориях. К анализу были привлечены тексты, отражающие псковские, елецкие и смоленские говоры и язык центра великорусской территории.

В псковских челобитных XVII в. обнаружена зависимость позиции атрибута от одушевленности / неодушевленности существительного (исследовались рукописи РГАДА, фонд 1209, опись № 1253, ст. № 23349 1626 г., № 23350 1627 г., № 23351 1628 г., 23351а 1632 г.). Здесь ее сохранили притяжательные местоимения *мои, свои, его*: *дядю моего* (№ 23351а, л. 8, 9, 10); *жена моя* (№ 23351а, л. 8), но *мое поместья*

(№ 23350, л. 120), *по моему челобитью* (№ 23350, л. 204; № 23349, л. 48, 49); *с дочерью своею* (№ 23350, л. 100), но *свое дачи* (№ 23350, л. 9); *дети ево* (№ 23350, л. 164), но *ево дачею* (№ 23350, л. 206). То, что позиция именно притяжательных местоимений зависит от одушевленности определяемого, возможно, объясняется тем, что местоимения меньше, чем другие определения тяготеют к препозиции, следовательно, свободно располагаются после определяемого существительного.

В елецких челобитных (исследование велось по изданию [3]) и текстах сходного содержания, написанных в Смоленске (были изучены материалы из издания [2]), подобная закономерность не найдена:

Елецкие тексты: *май^х бобыле^н* (№ 113), *бабыли^н кав^ь май^х* (№ 28); *бе^тью моему* (№ 69), в *мое^т бе^счес^ти* (№ 69) и т. д.

Смоленские тексты: *моих (государь) крестьянишак* (№ 76), *крестьян моих* (№ 76 – 2 раза), *у своего пана* (№ 74), *от пана своего* (№ 74 – 2 раза) и т. д.

В грамотах Василия Шуйского, цитируемых в сочинении XVII в., не имеющем оригинального названия и озаглавленном исследователями по первым словам «Иным сказанием» (примеры приводятся по изданию [4]), обнаружены остатки зависимости положения определения (притяжательных ме-

стоимений *нашъ, мои*) от одушевленности определяемого слова:

Постпозиция: *боляромъ нашимъ* (с. 68), *прародителей нашихъ* (с. 69), *по колѣнству нашему* (с. 69), *бояре наши* (с. 70), *бояре наши* (с. 75), *бояромъ нашимъ* (с. 76), *бояромъ нашимъ* (с. 76), *бояромъ же нашимъ* (с. 76), *бояръ нашихъ* (с. 82), *богомолцы наши* (с. 83), *бояре наши* (с. 83), *измѣнникъ мой* (с. 79), *волю мою* (с. 81), *прародители мои* (с. 71).

Препозиция: *наши грамоты* (с. 71), *по нашему указу* (с. 75), *за нашъ грѣхъ* (с. 66), *[будеть] моя воля* (с. 78), *по моему хотѣнію* (с. 80).

Конечно, можно заметить однообразие примеров с постпозитивным местоимением *нашъ* (в основном, это словосочетание *бояре наши*) и недостаточное количество примеров для местоимения *мои*. Но другие части «Иного сказания», близкие к разговорной речи обнаруживают подобную закономерность: в прелестных грамотах Лжедмитрия, которые были написаны во время осады Муромы и Москвы, большая часть постпозитивных притяжательных местоимений стоит с одушевленным существительным (14 из 24), а препозитивные местоимения (10) употребляются только с неодушевленным существительным: *бояре наши* (с. 48), *нашего гнѣву* (с. 44), *[помня] свои души* (с. 44).

Похожая закономерность есть и в договоре Лжедмитрия с поляками, цитируемом Василием Шуйским (или его соратником): из 13 примеров с постпозитивным притяжательным местоимением 8 примеров – с одушевленным существительным, и 4 из 5 препозитивных местоимения употребляются с неодушевленным существительным: *попы своя [держати]* (с. 91), *своею рукою* (с. 91). Следовательно, в XVII веке зависимость позиции атрибута от одушевленности / неодушевленности определяемого слова еще существовала и была представлена, по крайней мере, в псковском и центральном регионах (южнорусские тексты ее не демонстрируют).

Литература

1. *Ворт Д.* Одушевленность и позиция прилагательного: случай *новгородскѣ*. Опыт микроисследования // *Очерки по русской филологии*. М., 2006.
2. *Памятники обороны Смоленска 1609–11 гг.* / Под ред. и предисл. Ю. В. Готье. М., 1912.
3. *Памятники южновеликорусского наречия конца XVI – начала XVII в.* Челобитья и расприсные речи / Под ред. С. И. Коткова, М., 1990.
4. *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией*. Т. 13. Изд. 2-е. СПб., 1909.

Языковая ситуация 30–40-х годов XIX века в работах Н. И. Греча

Л. Г. Чапаева

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова

lg4@mail.ru

Языковая ситуация, Греч, литературный язык, простонародный язык, книжный язык.

Summary. The paper studies linguistic convictions of N. I. Grech in respect of the structure of Russian national language and various forms of its existence.

Русская лингвистическая наука 30-х гг. XIX в. не располагает значительным количеством серьезных и фундаментальных работ в области теории и истории языка (исследования Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского и др. появляются позднее), а современное состояние русского языка бегло характеризуется преимущественно в учебных грамматиках и практических руководствах. В русском языкознании этого времени растет стремление определить и философски осмыслить национальное своеобразие русской грамматической системы, осознается задача определения основных исторических закономерностей развития русского языка, связей современного состояния языка с его историей, установления соотношения различных форм русской речи, говоря современным языком, описания языковой ситуации.

Наиболее авторитетным автором грамматик был в это время Н. И. Греч, опубликовавший в 1827 г. «Пространную русскую грамматику», а также два ее сокращенных варианта: «Практическая русская грамматика» и «Начальные правила русской грамматики». Грамматика Н. И. Греча пользовалась признанием и популярностью, выдержав несколько переизданий и послужив основой для других учебных грамматик и практикумов. Лингвистические взгляды Н. И. Греча отражены также в его книге «Чтения о русском языке» [4] и практически без изменений повторно изложены в объемной статье, опубликованной в 1856 году в «Морском сборнике» [5].

Языковая ситуация 30–40-х гг. XIX века в определенной степени описывается в работах Н. И. Греча. Греч полагает, что русский литературный язык достиг своего расцвета в произведениях Карамзина, Батюшкова и Пушкина: «Я отнюдь не говорю, чтоб Карамзин достиг высшей степени совершенства: язык наш может усовершенствоваться, обогатиться, украситься более и более», но «до сих пор никто не писал лучше Карамзина» [4, I: 138], и отступление от «грамматической исправности» Карамзина ведет к порче и «упадку» языка. Предлагая в своей Грамматике «собрание правил русского языка общенародного и книжного, на степени нынешнего его образования» [3: 31], Греч считает автора грамматики «только собирателем и толкователем» законов языка, реализованных в конкретном узусе.

В концепции Н. И. Греча язык «как данное целое, как завершенная, связанная система, в которой определяются соотношения между изображением мыслей и чувствований, и орудие оно, т. е. звуки голоса» [3: 3], реализуется в

«общенародном» языке, объединяющем все государство, а «по установлению языка» – в текстах «образцовых писателей» [4, I: 175]. «Язык философии, поэзии и проч. заимствуется из одного и сообразуется с его свойствами и требованиями» [4, I: 16]. Языки «философический», научный, «условный язык поэзии, язык стихотворный» составляют основу «языка книжного, т. е. употребляемого на письме, в противоположность с общенародным, служащим только для изустного в народе употребления» [3: 17]. Таким образом, Н. И. Греч выстраивает корреляцию *письменный* ~ *неписьменный*, *устный* как синонимичную оппозиции *книжный* ~ *общенародный*. С одной стороны, здесь явное противоречие: общенародный язык является общенациональным (см. выше), но только устным, который в свою очередь является источником для книжного, письменного языка. На самом деле для Н. И. Греча понятие «изустный» равно «разговорный»: высшей формой устного языка является «разговорный язык благородного общества, сливающийся с языком книжным посредством языка письменного (epistolaire)» [3: 19]. Другими словами, совмещается форма существования языка и сфера функционирования, русский общенародный язык определяется как социально ограниченный определенным общественным слоем «образованного» социума, преимущественно светского общества.

Следуя за установками ранних карамзинистов как в социальной ограниченности сферы действия литературного языка, так и в ориентации правил и норм этого языка на лучшие литературные образцы («правила языка заимствуются из употребления, а не умозрения, и должны они быть доказываемы примерами» [3: 37]), Греч тем не менее противопоставляет разговорную и книжную формы, полагая, что стирание границ между ними ведет к умиранию или «упадку» языка.

В область общенародного языка Греч не включает собственно язык народный, «площадной» или «подлый», а «простонародный», по его мнению, частично отражается в языке поэзии, «изображающей нравы и обычаи людей» [3: 18], т. е. понимает под простонародностью разговорное просторечие. По сути дела, ориентация на язык образцовых авторов в концепции Н. И. Греча означает, как и в установках карамзинистов, сужение границ литературного языка и приравнивание его к языку художественной литературы, стилю изящной словесности: «Г. Греч отказывает грамматике в принадлежащих ей собственно грамматических материалах,

подменяя их правилами о слоге» [1: 408]. В 1867 г. в анонимно напечатанном некрологе о Н. И. Грече западник А. Д. Галахов упрекает грамматиста в том, что правила языка «извлекаются им только из образцовых писателей, преимущественно современных или ближайших к современности, а не из всех областей речи – старинной, простонародной, разговорной образованного общества» (см.: [2: 413]).

Русская языковая ситуация 30–40-х гг. XIX в., представленная в лингвистической концепции Н. И. Греча, несмотря на размытость некоторых понятий, отражает социальный характер взаимодействия разных форм языкового существования. Литературный язык реализуется как «искусственный книжный» и представляет собой «высшую степень прозы» [4, I: 39]. Книжный язык противопоставлен «естественному народному» и «изустному», т. е. разговорному языку образованного социума. Разговорный образованный язык соотно-

сится с народным (простонародным) только устной формой проявления, их функции различны, так как они обслуживают различные социумы. Разговорный язык элиты, не резко противопоставленный книжному, оценивается как устная форма общенародного, общенационального языка. Книжный, являющийся письменной формой общенационального языка, подразделяется на несколько стилей: научный, поэтический, богослужебный, деловой, дипломатический и др.

Литература

1. Булаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М., 1992.
2. Галахов А. Д. Записки человека / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999.
3. Греч Н. И. Пространная русская грамматика. СПб., 1827.
4. Греч Н. И. Чтения о русском языке. Ч. 1–2. СПб., 1840.
5. Греч Н. И. Заметки о преподавании русского языка и словесности // Морской сборник. 1856. Т. XXII. № 7. Отд. III. С. 109–203.

Восточнославянское языковое состояние – что, где, когда

А. К. Шапошников

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

possidima@gmail.com

Восточнославянское языковое состояние, центр и периферия языкового ареала, этимология, ономастика.

Summary. This thesis argues that Common East-Slavonic dialect was identical to the dialect of the community of Krivitiјi VIII–IX AD.

В русистике и славистике это любопытное явление не получило внятного толкования. Полвека тому назад представлялось истинным утверждение, что русский, украинский и белорусский языки – языки-братья, имеющие одного предка – древнерусский (восточнославянский) язык. Древнерусское и восточнославянское языковые состояния отождествлялись и датировались VII–VIII вв. (Флин). О. Н. Трубачев различал восточнославянское языковое состояние VII–VIII вв., древнерусское языковое состояние до распространения слав. книжности IX–X вв. и русско-церковнославянское двуязычие XI–XIII вв. [6: 20–27]; [7: 20–29]; [8: 17–23]. Недавние публикации историко-филологического жанра вообще избегают этой темы [4].

Ближе подошли к разрешению кривическо – восточнославянской корреляции археологи, которые констатируют широкое распространение кривических древностей практически во всех историко-культурных областях будущей Древней Руси, от Гродно до Рязани, отмечают все признаки ранней государственности кривичей, высокий уровень погребальной культуры [5: 229–238]. Я уже обращал внимание на высокую престижность лингво-культурной общности кривичей в глазах балтийских соседей, которые обозначали совокупно всю восточнославянскую общность хоронимом *Kriveja*, связывали с мифологическим родоначальником общности *Krive-Kriveito* учреждение культа Перуна ([2: 140]; [3: 8]; [9: 375]). Пора признать, что восточнославянское языковое состояние имеет реальную этно-культурную основу – общность кривичей VIII–IX вв. Все то, что объединяет современные восточнославянские языки и диалекты, что составляет их общее наследие, что реконструируется как обще-типическое в них (к прим., рефлекс праслав. *TьrT, TorT, TerT* в виде *Tьr(ь)T, ToroT, TereT*), следует связывать с диалектом общности кривичей.

В VIII–IX вв. в Полоцко-Смоленском регионе поселились племена кривичей, выходцев из Среднего Подунавья. Археологическая культура смоленско-полоцких длинных курганов единодушно приписывается племенной общности кривичей. Передвижение кривичей началось на рубеже VII и VIII столетий и продолжалось некоторое время в дальнейшем. Основу сложения старобелорусской народности составляла родоплеменная общность кривичей, хорошо известная и соседним балтам. «Это большое древнерусское племя Белая Русь и Великая Русь как бы поделили между собой...». «Смоленск был центром кривичей» [8: 79, 98–99].

Топоним *Смоленск* (впервые упом. ретроспективно в связи с событиями 863 г.) образован посредством суф. *-ск-* от этнонима *смолене / смоляне*. О. Н. Трубачев «указывает на большую актуальность связи этого древнего лексического гнезда не с добыванием смолы, а с культурной стадией, называемой в науке подсечно-огневым земледелием» [8: 104]. Ср., впрочем, нижнелужицкое сущ. *smala* 'выжженное мес-

то в лесу'. В частности, одно из подразделений племени смолян, разделенного аварским нашествием на две части еще в 580-е гг., основало город *Смоленск*, другое подразделение поселилось в Родопах, г. *Смолен* и район *Смоленско* [5: 229–238].

«Название (*дреговичи*) носит преимущественно белорусский характер и имеет вместе с тем четкую славянскую этимологию. Слово *дрьгьва* 'трясина' произведено от слав *дрьгати* 'дрожать'...» [8: 74]. По моему мнению, образование с патронимическим суф. *-ичи* возможно только от антропонима, а не от апеллятива (названия болота, трясины). То есть основа *Дрегов-* если и связана с *дрьгьва*, то опосредованно (апеллятив стал прозвищем родоначальника, первопоселенца, частью двучленного имени типа *Добрыня Дрьгьва*). А скорее всего, наименование племенной общности *дреговичей* было образовано посредством суф. *-ичи* от имени родоначальника *Дрьговь*, в свою очередь производного на *-ов* от первичного *Дрьгь*, соотносимого с гл. *дрьгати* 'дрожать'. Ср. балканский этноним **drьgьvitiјi*: *Драгьвѣтѣи*, *Дрогьвѣтѣи*, *Дрогьвѣтѣи*, *Дрогьвѣтѣи* (Македония) (СДПЮС II 124, 156, 172, 191), *мн Нтрѣуѣтѣи* (Эпир, Янинна), сред.-лат. хороним *Dragovitia, Drugovitia* – историко-культурная область Македония < праслав. **drьgьvitiјi*, производного с суф. *-itiјi* от ис **Drьgьva* [10: 139]; гидроним *Дрогьвѣтѣс* (сев.-зап. Фракия) – скорее всего, производное с суф. *-ита* от первичного *Дрьгьва* (*ряка*), вариант праслав. **drьgьvitsь*, производного на *-itsь* от **drьgьva* 'болото' ([10: 75–78]; [Липид 2008, 96]).

Здесь уместно упомянуть и факт мощного распространения морфологической инновации в ареале диалекта кривичей, оказавшей влияние на формирование патронимикона не только восточных славян, но и балтов. Речь идет об относительно позднем комплексе словообразовательных суффиксов *-ов-ичь*, проникшем и в ареалы балтийской речи (А. П. Непокупный). Отмечу однообразную словообразовательную схему топонимов *Брянск, Смоленск* – производное с суф. *-ськъ* от этнонимов (родоплеменных или территориальных наименований жителей) на *-яне*, а именно, *дбрьяне, смоляне* [8: 102]. Эти топонимы, этнонимы и современное русско-украинское порубежье как бы очерчивают внешние границы центра восточнославянского ареала. Центр восточнославянского ареала, как известно, располагался на месте современных белорусских и южно-великорусских диалектов, юго-западную периферию ареала составляли предковые виды украинских диалектов, а северо-восточную периферию – северо-великорусские диалекты. Так называемые среднерусские говоры являются зоной затухания инноваций восточнославянского эпицентра ([8: 67–68, 71, 201–220]).

В. Л. Васильев утверждает: «...сам по себе факт довольно многочисленных новгородско-южнославянских топонимических и лексико-семантических изоглосс... препятствует признанию... балтийско-славянского, северно-лехитского, генезиса диалекта центральных районов Новгородской земли...»

[1: 679]. Имеются в виду, прежде всего, новгородские изоглоссы со словенским языком и диалектами чешско-словацкой подгруппы. Данное наблюдение позволяет приписать это топонимическое наследие в новг. диалекте именно словенцам, выходящим из славянской этно-культурной общности (первичный ареал археологической культуры ипотешти-кындешти). Может быть, этому диалекту можно приписать псков.-новг. рефлекс праслав. *TrьT, TorT, TerT* в виде *TrьT, TroT, TreT*? В последней трети VI – первой трети VII вв. эта общность была расколота и ввергнута в миграции аварами. Миграция части этого этноса и освоение им Приильменья совпало хронологически с периодом наибольшего распространения кривических древностей VIII–IX вв. Около того же времени культура псковских длинных курганов трансформировалась в культуру новгородских сопков VIII–IX вв. [5: 238–246].

Литература

1. Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.

- Кулаков В. И. Степные реминисценции у раннесредневековых семблов // Волжская Булгария и Русь: К 1000-летию рус.-булгар. договора: Сб. ст. Казань, 1986. С. 139–148.
- Кулаков В. И. Древности пруссов VI–VIII вв. М., 1990.
- Назаренко М. И. Сокращенный рай: Украина между Гоголем и Шевченко // Новый мир. 2009. № 7.
- Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Трубачев О. Н. В поисках единства. М., 1992.
- Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 2-е изд., доп. М., 1997.
- Трубачев О. Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М., 2005.
- Шапошников А. К. От антов, венетов и славян к восточнославянскому языковому состоянию (по данным этногенеза, ДНК-генеалогии, исторической ономастики и этимологии) // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского: Сб. ст. Междунар. науч. конф., 26–28 сентября 2012 г. Рязань, 2012. С. 374–385.
- Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. Вып. 5. М., 1978.

«...и не лѣнива ма быль створиль»

(К вопросу о семантической эволюции древнерусского не книжного плюсквамперфекта)

М. Н. Шевелёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mnsheveleva@mail.ru

Древнерусский плюсквамперфект, результативное (смещенно-перфектное) значение.

Summary. The oldest examples of the «new Russian» Pluperfect from the 11th–12th centuries Kievian manuscripts present both its initial resultative and secondary non-resultative meanings – they reflect the archaic stage of the new Pluperfect evolution.

1. В недавней дискуссии о семантике древнерусского плюсквамперфекта главным стал вопрос о том, было ли значение новой («сверхсложной») формы типа *был + -л-* изначально отлично от значений старого плюсквамперфекта *бѣ* (*баше*) + *-л-*, сохранившегося в церковнославянской традиции ([2]; [3]), или же новый плюсквамперфект исконно имел ту же семантику, что и старый, и лишь впоследствии по диалектам утратил первичное результативное (смещенно-перфектное) значение и специализировался на выражении значений из зоны «неактуального прошедшего» – антирезультативных и значения отделенного от настоящего прошедшего, развившегося уже исключительно у новой формы [4]; [5]. Фактически это полемика о том, мог ли новый «сверхсложный» плюсквамперфект на ранних этапах выражать смещенно-перфектное значение и следует ли употребление такого рода из современных севернорусских и украинских говоров, а также словацкого и чешского языков признавать архаизмом или вторичной инновацией. Решающими в этой полемике могут стать только данные старейших вост.-слав. памятников XI–XII вв.

2. В древнейшей части Повести временных лет (ПВЛ) нового плюсквамперфекта нет – употребляется только старая (книжная) форма. Старейший (и единственный в ПВЛ) пример нового плюсквамперфекта читается под 1074 г. в рассказах о печерских старцах, следующих после рассказа о смерти Феодосия Печерского; контекст имеет антирезультативное значение: *Исакии же рече. се оуже престил ма кси былъ дѣволе сѣдѣлица на юдино* *мѣстѣ* (Лавр., л. 65об.) – Исакий вспоминает эти события уже после своего исцеления благодаря помощи Феодосия Печерского. Чтение с плюсквамперфектом представлено здесь только в Лавр. списке ПВЛ и остается неясно, восходит ли оно к Начальному своду 90-х гг. XI в., поскольку в Новг. I летописи младшего извода, отражающей Начальный свод, текст ПВЛ обрывается после рассказа о смерти Феодосия; в редакции ПВЛ Ипат. летописи вместо плюсквамперфекта читается перфект *престилъ ма еси дѣволе* (л. 72). Несомненным остается, что этот пример плюсквамперфекта из Лавр. списка следует датировать не позднее времени составления 1 редакции ПВЛ около 1115 г.

Отметим, что в том же рассказе о старце Исакии и в предшествующем рассказе о избрании преемника Феодосия Печерского (как и в более ранних записях ПВЛ) встречается и старый плюсквамперфект в антирезультативном значении, ср.: *рече же имъ Феодосии. Се азъ по Бжью повелѣнью нарекле башъ Исакова. се же вы свою волю створити хочете.*

И послушавъ ихъ предать имъ Стеѡана. да будетъ имъ игумень (1074 г., Лавр., л. 63) – читается во всех старших списках ПВЛ, т. е. несомненно восходит к Начальному своду кон. XI в., при этом в поздних Радз. и Акад. списках заменено на новую форму *нарекль былъ*. Старая и новая формы плюсквамперфекта в этих контекстах противопоставления последующему положению дел оказываются синонимичны.

Следующий и, очевидно, не менее древний пример нового плюсквамперфекта мы находим в «Поучении» Владимира Мономаха. «Русский» плюсквамперфект здесь имеет несомненно результативное (смещенно-перфектное) значение: *но хвалю ба и прославляю мѣть ко. иже ма грѣшинаго и худаго селко лѣтѣ сблю* *ѡ тѣхъ часъ смртныхъ и не лѣнива ма быль створиль худаго на всѣ дѣла члвчката потребна* (Лавр., л. 83) – пишет Мономах после рассказа о своих трудах и пережитых опасностях. Этот контекст из «Поучения» оказывается бесспорным свидетельством наличия у нового древнерусского плюсквамперфекта результативного значения. Создание автобиографии Мономаха относится к первым годам XII в., полного состава «Поучения» – не позднее 1117 г. [1]. Таким образом, данный пример результативного значения «русского» плюсквамперфекта датируется самым началом XII в.

Этот бесспорный пример свидетельствует в пользу архаичности отмеченных в Киевской летописи XII в. (5 примеров) и Суздальской летописи за XII в. (1 пример) контекстов с «русским» плюсквамперфектом в смещенно-перфектном значении (см. [4: 241–243]; [5: 233–236]), по поводу интерпретации которых высказывались сомнения. Этот пример нач. XII в. коррелирует и с современными диалектными типа *Все ребята у ней там были родились; Померли были все* (арх.) и под., свидетельствуя в пользу из архаичности.

3. Таким образом, в XII в. в киевской диалектной зоне (и, очевидно, в северо-восточной) новый плюсквамперфект употреблялся в результативном или – в контексте противопоставления последующему положению дел – антирезультативном значении, т. е. так же, как плюсквамперфект старый, ставший книжным. В новгородских летописях и других северо-западных источниках примеров первичного результативного значения нового плюсквамперфекта не обнаруживается. Зато здесь уже в XII в. фиксируется употребление не книжного плюсквамперфекта в значении дистанцированного от настоящего прошедшего (давнепрошедшего), которое развивается у новой формы в связи с переосмыслением ее грамматической структуры, – в ранних южнорусских памятниках такое употребление отсутствует, но встре-

чается в юго-западных памятниках XV–XVI вв., а также в украинских и севернорусских говорах.

Ожнодревнерусские источники XI–XII вв. отражают более архаичное состояние нового плюсквамперфекта, нежели новгородские, отражающие более продвинутую стадию его семантической эволюции, что может быть связано с более ранней перестройкой всей системы прошедших времен в северо-западной диалектной зоне сравнительно с южнорусской.

Литература

1. *Gunnys A. A.* Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. I, II, III // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6); 2004. № 2 (8); 2006. № 2 (12).

2. *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006.
3. *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных конструкциях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15).
4. *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14).
5. *Шевелева М. Н.* Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16).

Омонимия сложных слов в русском языке XI–XVII вв.

И. А. Шелкова

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)

ishel@mail.ru

Сложное слово, омонимия, омогруппа, словообразовательные процессы, исторические изменения.

Summary. Only twenty-three groups of homonymous compound words are represented in «The dictionary of the Russian language of XI–XVII centuries». Homonymic relations might be real or potential. Most of those groups appeared as a result of word-formational processes. In the majority of cases such groups either destroyed or disappeared from the language.

В русском языке XI–XVII вв. омонимия сложных слов была распространена не очень широко: из выпусков 1–29 «Словаря русского языка XI–XVII вв.» было извлечено 23 омогруппы (включая наречия *единогласно*¹ и *единогласно*², образованные соответственно от прилагательных *единогласный*¹ – 1) ‘согласный, совпадающий с чем-л.’; 2) ‘одноязычный (с одним, единым для всех языком)’ и *единогласный*² ‘отличающийся единогласием (о церковном пении и чтении молитв)’ [3, 5: 21] и данные в их словарных статьях). 21 омогруппа включает в себя по 2 слова; трехчленных омогрупп всего 2, например: *мироносный*¹ ‘вмещающий в себе весь мир, всё живое (о Ноевом ковчеге)’, *мироносный*² ‘приносящий мир, спокойствие’ и *мироносный*³ ‘приносящий (приносящая) миро (о мироносице)’ [3, 9: 174]. Среди омогрупп 15 субстантивных, 7 адъективных и 1 адвербиальная. В большинстве случаев можно говорить о реальных омонимических отношениях, так как члены омогрупп присутствовали в языке одновременно, как, например, *миротворение*¹ ‘создание, сотворение мира’ и *миротворение*² ‘восстановление мира, согласия’ [3, 9: 175]: оба омонима представлены в «Лексиконе славеноросском и имен тлъковании» Памвы Берынды 1627 г.; слова *единогласие*¹ ‘согласие, единодушие, единомыслие, единогласие’ и *единогласие*² ‘пение и чтение молитв во время богослужения не одновременно, а последовательно’ [3, 5: 21] в «Слове о единогласии» Мартемьяна Шестака сталкиваются по смыслу, хотя первый омоним в тексте не употреблен. Представлены и потенциальные омогруппы, члены которых зафиксированы в памятниках, разделенных большим временным интервалом: *добродие*¹ ‘подходящее время; удобный случай’ – в переводе «XIII слов Григория Богослова» XI в., а *добродие*² ‘благо-расположение’ [3, 4: 260] – в «Великих Минеях-Четиях», собранных всероссийским митрополитом Макарием (XVI в.). Обзор памятников, где встречаются сложные омонимы, позволяет убедиться в том, что это книжные слова, не характерные для бытовой письменности.

Пути возникновения омогрупп, состоящих из сложных слов, были различны. Чаще всего причиной омонимии оказывались словообразовательные процессы. Сложные слова могли образовываться в результате перевода сложных слов с греческого языка или на базе подчинительных словосочетаний: *многомужный*¹ ‘многолюдный, имеющий много защитников, воинов (о городе) (πολυανδροῦσαν) и *многомужный*² ‘весьма мужественный, храбрый, бесстрашный’ [3, 9: 208] (*много* + **мужьныш*, ср. наречие *мужно* ‘мужественно’ [3, 9: 305]), – а также от других сложных слов: *единокровник*¹ ‘тот, кто живет с кем-л. под одною кровлей, кровом’ *единокровный*¹ ‘живущий с кем-л. под одною кровлею, кровом’ и *единокровник*² ‘родственный человек одной крови с кем-л.’ [3, 5: 23] от *единокровный*² ‘связанный с кем-л. кровным родством’ [3, 5: 24]. В омогруппах возможны следующие соотношения корней: а) **первый корень один и тот же, а вторые корни омонимичны:** *единокровный*¹ ‘живущий с кем-л. под одною кровлею, кро-

вом’ (*единый* + *кровь*) и *единокровный*² ‘связанный с кем-л. кровным родством’ [3, 5: 24] (*единый* + *кровь*); *полвѣка*¹ ‘половина века, жизни’ от *вѣкъ* – 1) ‘определенный период времени, эпоха’; 2) ‘период существования кого-л., чего-л., жизнь’; 3) ‘вечность’ и *полвѣка*² ‘телесное повреждение, за которое полагается половинный штраф’ [3, 16: 198] от *вѣкъ*² ‘увечь’ [3, 2: 53–54]; б) **первые корни омонимичны, а вторая часть одна и та же:** *миропродавец*¹ ‘член сельской общины, ограниченный в правах за какие-л. проступки против общины (доносы, взимание высоких процентов и т. д.)’ (*мир*¹ ‘крестьянская община’ + *продавец* в значении ‘продавец’) и *миропродавец*² ‘тот, кто продает миро, благовонные и лечебные снадобья’ [3, 9: 175] (*миро* + *продавец* в значении ‘торговец’). Очень редко причиной омонимии сложных слов оказывались фонетические или графические совпадения – отмечено 3 омогруппы. В случае с прилагательными *многострочный*¹ ‘имеющий много строк’ и *многострочный*² – то же, что *многострочный* ‘длительный’ [3, 9: 220] можно говорить о единичном совпадении, возможно, ошибке: оба члена омогруппы встречаются только в трудах Максима Грека. Другая омогруппа – *самоядь*¹, ж., собир., ед. ч. *самоядинь* – общее название ряда народностей, живших на севере России и в Сибири (ненцев, селькупов и др.) и *самоядь*², ж., собир. ‘людоеды’ (ср. польск. *samojad*, *samojedz*, *samoedz*) [3, 23: 54–55], где первый омоним восходит к саамскому *Sāme-Ānā*, род. *Sāme-Ādnām(a)* и др. ‘Лапландия’ (сближение с *сам* и *есть* «едва ли приемлемо») [4, 3: 554], но в результате народной этимологии сближался по смыслу со вторым. Единственный случай частичной лексической омонимии – омогруппа *добродѣтель*¹, ж. – 1) ‘добро, польза’; 2) ‘добродетель, нравственное совершенство’; 3) только ед. ч. ‘хорошие, мирные отношения’ и *добродѣтель*², м. и ж. – 1) ‘искусство, мастерство’; 2) ‘благодетель, благожелатель’ [3, 4: 261]. Она была образована лексико-семантическим способом – в результате развития значения слова *добродѣтель*¹, приведшего к изменению родовой принадлежности. Об этом пишет В. М. Марков: «... как только слово, некогда принадлежавшее женскому роду, начинает обозначать лицо мужского пола, оно постепенно изменяет свою родовую принадлежность» [2: 13]. Результатом развития значений полисемичного слова до омонимов наверняка является и омогруппа *соловарь*¹, м. ‘тот, кто занимается солеварением, управляет или владеет солеварней’ и *соловарь*², м. ‘соляной источник, при котором устроена солеварня’ [3, 26: 131].

Ни одна из омогрупп не сохранилась. 11 омогрупп исчезли из языка, как, например, *родословець*¹ ‘родословная книга, родословный список’ и *родословець*² ‘составитель городскопов’ [3, 22: 190]. Разрушились 8 омогрупп. Слов с фонетико-графическим обликом *полстоны* «Большой толковый словарь русского языка» не фиксирует, но при наличии омонимов *стопа*¹ ‘нижняя часть ноги от щиколотки вниз’, *стопа*² (спец.) ‘повторяющаяся ритмическая единица стиха, состоящая из определенного количества слогов (одного ударного и одного или более безударных или одного долгого и

одного или более кратких) и *стона*³ – 1) ‘ряд одинаковых по размеру предметов, наложенных один на другой’; 2) ‘единица счета писчей бумаги, равная 1000 листов (до введения метрической системы мер равнялась 480 листам)’ [1: 1274] возможны омонимичные образования с корнем *пол-*. Одна из омогрупп подверглась частичной замене: *самоед*¹, ед. к *самоеды* (от саамск. *самэ-емне* ‘земля саами’) – старое русское название самодийцев (чаще всего ненцев) и *самоед*² (разг.) ‘тот, кто склонен к преувеличенному сомнению в себе, своих силах, чрезмерно самокритичен’ [1: 1144]. Ни один из членов омогруппы *соловарь*¹, м. ‘тот, кто занимается солеварением, управляет или владеет солеварней’ и *соловарь*², м. ‘соляной источник, при котором устроена солеварня’ [3, 26: 131] в современном русском языке не представлен, однако «Большой

толковый словарь русского языка» фиксирует лексему *соловар* ‘рабочий, специалист по солеварению’ [1: 1233].

Анализ исторического материала позволяет говорить о неустойчивости омонимических отношений между сложными словами.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2008.
2. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение (Учебное пособие). М., 1974.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29–. М., 1975–.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Третье южнославянское влияние в синхронии и диахронии

Е. В. Шимко

Ужгородская богословская академия имени святых Кирилла и Мефодия (Украина)

lenashimko@mail.ru

Церковно-славянский язык, общевосточнославянский язык, третье южнославянское влияние.

Summary. In clause the questions are analyzed which are connected with the late period of development of church – Slavic language in Moscow Russia in a context of formation “of common cultural language” of east Slavs, “third east Slavic influences”.

«Сознание движется по миру на повозке языка и возвращается обогащенным к самому себе» [4: 8] — это не только остроумная метафора, но и программа научного исследования многих языковых реформ и изменений. Связь языка с внеязыковой действительностью всегда бесспорна и ясна настолько, что практически любое изменение возможно объяснить экстралингвистическими факторами.

Это утверждение касается и так называемого третьего южнославянского влияния, в результате которого языковая ситуация Юго-Западной Руси сознательно переносится на великорусскую почву и признание которого ставит под сомнение непрерывность книжно-письменной традиции в России. По мнению Трубецкого, замена церковно-славянского языка московской редакцией церковно-славянским языком юго-западного извода рушит сложившиеся отношения между книжным и разговорным языком, побуждает к разработке новых принципов формирования русского литературного языка на национальной основе [3: 87].

Известно, что в XVI–XVII вв. русский язык и литература переживают глубокие преобразования, а «украинское влияние среди всех остальных – польского, немецкого, греческого, белорусского – было доминирующим, самым эффективным и длительным» [2]. По мнению ряда исследователей, уже с XVII века «все традиции и формы использования церковно-славянского языка для светской литературы идут из Украины». К XVIII веку третье южнославянское влияние сформировало идею «общего» культурного языка для восточных славян и получила новое развитие в связи с петровскими реформами и секуляризацией общественной жизни.

При таких условиях юго-западная книжность выступает как один из рычагов влияния на общественное сознание. В 1720 г. Синод издал указ, утвержденный Петром I, о том, что в Киеве и Чернигове книги должны «печататься только таким языком, который ничем не отличается от московского» [5]. Но в XVIII веке, как отмечает И. Огиенко, «украинский литературный язык опирается на старинную основу, из него окончательно исключаются полонизмы и более новые германизмы, формируется язык, который хорошо понимали в Москве, – язык, общий для юга и севера, – язык «общерусский» по своей идее» [1: 116]. Именно над этим вариантом языка работали киевские ученые (С. Полоцкий, С. Яворский, Е. Славинецкий и др.), именно этот вариант языка справляли по юго-западным источникам, он легко распространяется в Москве, например, на нем пишет Сильвестр Медведев. В этих условиях украинское просвещение XVIII ст. осознанно или неосознанно ощущало и учитывало общероссийский культурный контекст: начало этой тенденции положил С. Полоцкий, создавая собственный вариант литературного языка, понятный во всем ареале *Slavia Orthodoxa*.

При таких обстоятельствах склонность Московского государства к официальному использованию юго-западного

варианта книжно-письменного языка была чем-то большим, чем простым признанием его преимуществ как средства культуры, – она «знаменовала решительную победу государственного мышления над национальной спесью и способствовала присоединению к источникам европейской культуры».

Однако, как указывал Н. С. Трубецкой, вопрос об «общем» литературном языке после присоединения Украины, ставился в форме довольно обидной как для русского, так и украинского национального самосознания, поскольку речь шла не о слиянии традиций, а об упразднении одной из них как неправильной, испорченной и сохранении другой – как единственно возможной, подлинной. В этом вопросе Российское государство стало на сторону украинцев – Петр I стремился в Европу, а Юго-Западная Русь столетиями была к ней значительно ближе, имела тесные контакты, культурные и экономические связи, а также опыт использования книжного языка для нужд нерелигиозного общения т. е. «просту мову».

К 30-м годам XVIII века, т. е. к периоду непосредственного вхождения России в европейское культурно-языковое пространство относится упадок идеи создания «общего» литературного языка восточных славян и третье южнославянское влияние пошло на спад. Языковые программы реформаторов были переориентированы на западноевропейские образцы. Как писал Л. И. Соболевский, русские «ознакомились более или менее обстоятельно с иностранными литературами»; им «кинулась в глаза близость, почти тождество, литературного языка на Западе к живому» [3: 121–122].

В этом контексте определенный интерес вызывает «высокий штиль» М. В. Ломоносова, так как требования, ранее предъявляемые к «общему» литературному языку славянства, становятся отличительными чертами «высокого штиля». Это проявляется в отборе лексических средств, жанровой и стилистической принадлежности произведений, сфер их функционирования, тематической направленности. Именно этими факторами объясняется языковая близость подавляющего большинства произведений, написанных высоким штилем, независимо от национальной принадлежности автора и показательным в этом отношении оказывается язык произведений Г. Сковороды: «последним всплеском высокого стиля» окрестили его исследователи.

Именно под таким углом, на наш взгляд, можно рассматривать суть третьего книжно-славянского влияния – как еще одну попытку возродить «общий литературный язык» восточных славян, когда на русскую почву переносятся юго-западные особенности использования книжно-письменной традиции, специфики функционирования литературного языка как такового. Между тем, концентрация внимания на чисто лингвистических аспектах третьего южнославянского влияния вынуждает исследователей признать не только его ограниченный характер, но и сделать выводы о раз-

ных направлениях эволюции: юго-западное влияние в России и польское – в Украине.

Литература

1. *Ogiенко І.* Історія української літературної мови. К., 1995.
 2. *Полюга Л.* Роль української мови у розвитку російської в XVII–XVIII ст. (Роздуми над книгою П. Цимбалістого) // Мова і соціальні процеси. Вісник Львівського університету. Серія філологія. 1996. Вип. 26. С. 16–21.

3. *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. // Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.
 4. *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
 5. *Хюнтль-Ворт Г.* Проблемы межславянских и славяно-неславянских лексических отношений // Славянская филология. Материалы от V международного конгресса на слависте. Езикознание. Т. VII. София. 1965.

О формальной структуре категории числа: к пятидесятилетию научной дискуссии

М. В. Шульга

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
 shoulga@mail.ru

Привативная оппозиция, бинарная оппозиция, нейтрализация оппозиции, семантическая и формальная структура категории числа.

Summary. *On the Formal Structure of the Category of Number: For the Fiftieth Anniversary of this Scholarly Discussion.* The semantic structure of the Slavic category of number, as presented by A. V. Isachenko, is compared with its formal structure.

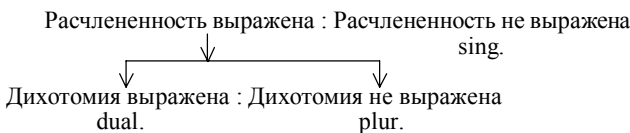
1. Исполнилось полвека с начала знаменитой дискуссии о грамматическом значении, открытой статьями А. В. Исаченко в «Вопросах языкознания» [2]; [3].

Представления о бинарной структуре грамматических оппозиций, об асимметричных отношениях между членами оппозиции, о нейтрализации оппозиций, об инвариантном грамматическом значении нашли отражение в лингвистическом представлении отдельных фрагментов грамматической системы и в описательных грамматиках русского языка.

Реже они определяют методологию историко-лингвистических исследований. А между тем теория грамматических оппозиций это не только способ лингвистического представления материала; на наш взгляд, она отражает сущность самого языка, оппозиции предопределяют направления и формы его динамики.

В то же время применение теории оппозиций к грамматике наталкивается на объективные трудности, связанные, в частности, с необходимостью соотнести между собой смысловую и формальную сторону оппозиций. Сложность проблемы оправдывает настоящую попытку возвратиться к характеристике числовых оппозиций, данной в работах А. В. Исаченко, но уже не с позиций семантики, а с позиций формы.

2. Согласно А. В. Исаченко [2: 39], грамматические значения категории числа в ст.-сл. и в др.-рус. языке имели следующую иерархическую структуру:

Следовательно, на формальном уровне здесь предполагаются две оппозиции – ед. число : не ед. число; дв. : мн.

Что касается первой смысловой оппозиции, то в системе форм она отражается как регулярное противопоставление форм ед. числа формам мн. числа и форм ед. числа формам дв. числа. Ср., например, древнерусские формы существительных муж. рода:

мн.	СТОЛН	ДОМОВЕ	ГОСТИК	КАМЕНЕ
ед.	СТОЛЪ	ДОМЪ	ГОСТИК	КАМЪ
дв.	СТОЛА	ДОМЫ	ГОСТИ	КАМЕНИ

Это противопоставление обязательно для каждого падежа каждого слова, при всем многообразии падежных флексий. Омонимия форм противопоставленных числовых значений в системе оказывается недопустимой.

Разнообразные преобразования форм склонения в русском языке и в других древних славянских языках не нарушают противопоставления ед. : мн. и ед. : дв. чисел. Более того, новые морфологические процессы регулируются формальной структурой категории числа. Анализируя обширный конкретный материал, исследователи устанавливают ряд закономерностей в распространении флексии Р. ед. -у не собственно грамматического свойства: флексию -у принимают преимущественно слова с ударением подвижного типа, а также собирательные, вещественные и отвлеченные

существительные. Эти связи вытекают, на наш взгляд, из структурной необходимости различать числовые формы Р. падежа: форму ед. числа и форму дв. числа. Слова, имевшие Р. дв. на -у (т. е. слова типа *плодь*, Р. дв. *плоду*), оказывались вне сферы влияния флексии Р. ед. -у, если только они не имели ударения подвижного типа, позволявшего дифференцировать формы дв. и ед. числа. Флексия -у в ед. числе не создавала омонимии числовых форм также у слов, не имевших форм дв. числа: у собирательных, вещественных и отвлеченных существительных. Таким образом, за внешними акцентологическими и семантическими ограничениями на распространение флексии Р. ед. -у можно видеть регулирующую роль структурных факторов.

3. В то же время формы мн. и дв. числа такой регулярной и обязательной оппозиции не составляют. Омонимия взаимно не противопоставленных форм дв. и мн. числа не исключена, допустима, ср.: *всѣ вѣтви – дѣвѣ вѣтви*.

Факультативный характер оппозиции мн. : дв. подтверждается возможностью расширения сферы омонимии форм дв. и мн. числа, ср.: дв. *дѣва села* (форма, заместившая в др.-рус. языке исконную форму *дѣвѣ село*) и мн. *всѣ села* и др.

Особенностями оппозиции мн. : дв. предопределены конкретные результаты преобразования трехчленной системы числовых противопоставлений в двухчленную: унифицируются взаимно не противопоставленные формы дв. и мн. числа в их противопоставлении формам ед. числа, в процессе унификации обобщается одна из двух взаимодействующих форм. В истории славянских языков были обобщены преимущественно формы мн. числа. Однако для характеристики оппозиций принципиально значимой является также возможность обобщения в значении мн. числа форм дв. числа (рус. *очи, уши, колени, плечи*); отдельных флексий дв. числа (сербск. и хорв. Д.-Т.-М. *на-ама, -има*).

В этих процессах дв. и мн. число находятся по одну сторону оппозиции единственному числу как взаимно не противопоставленные формы. Других результатов мы могли бы ожидать при нейтрализации оппозиции ед. : дв. число с маркированной формой дв. числа – именно такую оппозицию выделяет А. В. Исаченко в семантической структуре категории числа. Ее нейтрализация должна бы осуществляться последовательно по слабому немаркированному члену оппозиции – по форме мн. числа. Именно так нейтрализуются аналогичные оппозиции в сфере грамматического рода [4].

4. Унификация множественной парадигмы в истории славянских языков может служить формальным подтверждением семантической маркированности мн. числа, о которой писал А. В. Исаченко. В то же время заслуживают осмысления широко представленные в славянских языках инновации, которые Л. А. Булаховский рассматривал в рамках тенденции «к индукции форм множественного и двойственного числа на формы единственного» [1: 106]. Речь идет о регуляризации формальных отношений между мн. и ед. числом, имеющей направление от формы мн. числа как мотивирующей к форме ед. числа – мотивированной. Видимо, можно говорить, что в истории славянских языков сформировалась важная структурная инновация: направле-

ние мотивации числовых форм регулируется в зависимости от семантики имени.

Литература

1. Булаховский Л.А. Вопросы индукции грамматических чисел в славянской морфологии // Славянская филология: IV Международный съезд славистов. 1. М., 1958.

2. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1961. № 1.
3. Исаченко А.В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения // Вопросы языкознания. 1963. № 2.
4. Шульга М.В. Славянский грамматический род: привативная оппозиция // Вопросы языкознания. 1997. № 3.

Стилистическая роль слов с количественной семантикой в сочинении Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»

И. Н. Щемелинина

Московский государственный областной университет

baggi-8@yandex.ru

Стилистическая роль, количественная семантика, счет, архаичность, вариативность.

Summary. This paper is devoted to the study of words with quantitative semantics in the business language of the XVIIth century. Presented equipment forms, cardinal numbers, with which the clerical language exposed to colloquial speech, and their stylistic role in the writing Kotochihina «About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich».

О специфике состава и употребления имен числительных есть немало ярких высказываний, это интересный объект исследования, см.: «Имена числительных хотя могут восходить до бесконечности, но отличаются от прочих частей речи тем, что вращаются повторением немногих основных названий» [1: 6].

Идея числа передавалась различными гиперонимами: *число* – «наименование количества или величины, при помощи которых производится счет; количество выражается цифрами; категория единственности, множественности, двойственности» [6: 390–391]. В конце XVII – начале XVIII в. в связи с появлением понятием «цифра» *число* некоторое время употреблялось в смысле «цифра». Наряду с *число* в книжном древнерусском языке употреблялось *числя* и его производное – прилагательное *чисменный* [6: 391]. Абстрактное имя существительное *количество* пришло из церковнославянского языка, отражая «философскую категорию мышления, характеризующую действительность с точки зрения измеримости предметов и явлений; мера, число, величина» [6: 412].

1. Однако главным репрезентантом идеи количества оставались и остаются количественные числительные. Инвентарь этих единиц в сочинении Г. Котошихина подтверждает это: *один* день; *один* боярин; *один* приказ; *один* человек; родились *два* сына; быть же у того царя *два* сына; человека по *два* из города; по *два* платка. Имена числительные обозначаются как при помощи слов, так и при помощи цифр (рубли по 2; по 2 чарки вина; и по 2 и по рублю; да по полотенцу и по 2 платка; а как тое десятую денгу, или 20-ю и 5-ю, на них полагат; с посадских 112 торговых и ремесленных людей; и тех казаков было до войны с 5000 человек), за исключением числительного *один*, которое отмечено нами в тексте только в побуквенной фиксации.

2. Мы констатируем сосуществование стилистической оппозиции *один* – *един*: церковнославянское слово автор использует в книжном контексте: царь же уведав о том, велми опечалился, и очей своих ни на *един* час от слез не осушил; велел им того дворянина *едину* мнейшую дочь взяти к себе в Верх. По мнению Дьячковой, употребление числительного *единь* связано с произведениями «высокого» жанрового статуса. Предпочтение в деловой речи восточнославянского *один* слову *единь*, сложившееся еще в донациональный период, характеризуется в XVIII веке окончательным сужением значения книжных форм, которые крайне редко применяются для названия соответствующего количества или числа (ср.: [3]).

3. В сочинении Г. Котошихина встречаются производные имени числительного *один* – форма *одне*: устроены толко *одне* пушкари, и затиншки, и воротники. В контексте лексема *одне* – указательное местоимение в форме множественного числа. По словарию Преображенского, форма *одне* – книжная и диалектная [5: 640].

4. В труде Котошихина в двух случаях встречается собственно восточнославянское новообразование *дву*: и те колымаги и каптаны бывают о *дву* оглоблях; и из Московских чинов людей против тех *дву* чинов приверстати не мочно. По мнению Л. Н. Дровниковой, в XVI–XVII вв. живой разговорной формой необходимо считать числительное *двухъ* [2: 28], которое в сочинении представлено в конструкциях: и не гораздо тех *двух* сторон государства; и от таких емлют *двух*; и с таких *двух* или 5 и десяти помещиков. Форма числительного *двухъ* в XVI–XVII вв. употреблялась повсеместно (по [3]).

5. Архаичная собирательная лексема *обои* встречается в тексте один раз: а знамена бывают у них *двои*. Окончательное вытеснение указанной единицы за пределы литературного языка произошло в XVIII веке [3: 227].

6. В отличие от количественных числительных, обозначающих некую совокупность предметов в их количестве и имеющих формы книжные и диалектные, слова, обозначающие неопределенное количество предметов при сочетании их с неодушевленными существительными, не называющими дискретных предметов, Менее разнообразны и несут семантику части, множества, в том числе избытка и т. д.: делят все меж собою по *частям*; и тех денег расходится *множество* тысяч; и за службы бывают пожалованы *многую* честию; та печать будет *немного* болши ефимка; а ныне их *немногое* число; а которой человек, не боясь Бога и указу царского послушався, скажет неправду, угает *многое*, что ему доведетца дать *столко* и *столко*, и положит *малое* *число* не против торговли своей и промыслов; что доведетца с него взяти *столко* *числом*: прибавят чести и дадут жалованья *немало*; а к патриарху белого полотна *сколко* доведетца; и тем царского жалованья дают *несполна*; цены *лишние* для своей прибыли не прибавлявать; понеже по смерти отца своего наипаче *болше* зла творити начнет. Они присущи живой речи. Их введение изменяет облик делового текста: он эксплицитно авторскую модальность, экспрессию и транслирует оценку фактов, эмоциональное отношение.

7. Слова со значением неопределенного количества, как мы полагаем, в сочинении Г. Котошихина введены в связи с усвоением автором речевых шаблонов: а народу бывает *многое* *множество*; ему доведетца дать *столко* и *столко*; доведетца с него взяти *столко* *числом*; а к патриарху белого полотна *сколко* доведетца; а людей они своих емлют с собою по своей чести, *сколко* кому мочно; как кому *сколко* мочно для чести взяти; *сколко* кому чего доведетца дати; *сколко* с кого доведетца.

Таким образом, в сочинении Г. К. Котошихина, наряду со стилистически нейтральными именами числительными встречаются книжные, архаичные и разговорные, присущие устной речи. Возможно, автор стремился в соответствии с требованиями норм канцелярского языка XVII века удержать архаические формы, а присущие живой устной речи вводил с целью придать эмоционально-экспрессивную окраску тексту. Деловой язык как письменная разновидность литературного языка, подвергался сильному воздействию разговорной устной стихии, о чем свидетельствует интерференция живых форм русского языка, отражавших экспрессивно-оценочное начало в тексте как результат стилистического сдвига.

Литература

1. Булаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Ч. 2. М., 1844.
2. Дровникова Л. Н. История числительных в русском языке. Владивосток, 1982.
3. Дьячкова И. Н. Имена числительные: состав, структура и функционирование в русском литературном языке XVIII века: Дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009.
4. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
5. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1914.
6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 6-е изд., стереотип. Т. 1–2. М., 1999.

Секция Концепты, русское языковое сознание и языковая личность

Функции блоков однородных сказуемых с семантикой времени в языковой художественной картине мира романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

С. Б. Аюпова, С. М. Аюпов, Б. Гюнеш

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа), Атаюркский университет (Эрзурум, Турция)
ayupova_sb@mail.ru, ayupovsm@mail.ru, bahargunes@list.ru

Категория времени, однородные сказуемые, языковая художественная картина мира, М. А. Булгаков.

Summary. The paper analyzes a number of homogeneous linguistic predicates as a means of expressing the category of time in the language of artistic view of the world.

Семантика времени имеет разнообразные средства выражения на всех уровнях языковой системы. Вместе с тем роль однородных членов предложения в ее формировании только начинает исследоваться (С. Б. Аюпова [1], Л. Д. Беднарская [3]), хотя расширение структурной схемы предложения, по наблюдению Л. Д. Беднарской, – «это употребление рядов однородных членов с характеризующей и экспрессивной функцией» [3: 89].

Предметом доклада является языковая художественная картина мира, представленная в таком своем компоненте, как время. Под языковой художественной картиной мира понимаем «художественный образ мира, выраженный в языковой форме» [2].

Актуальность работы обусловлена тем, что она ориентирована на установление роли писателя в концептуализации мира художественного произведения, такой его изначальной константы, как время. В работе впервые исследована роль блока однородных сказуемых с семантикой времени в языковой художественной картине мира М. А. Булгакова.

В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» представлен 51 блок однородных членов предложения с семантикой времени. Основным средством выражения категории времени в осложненном предложении являются однородные сказуемые, которые передают значение последовательности или одновременности событий. Блоков таких однородных сказуемых в произведении М. А. Булгакова – 48.

Однородные сказуемые с временной семантикой последовательности, осложняющей соединительное, противительное, градационное, причинно-следственное значения, используются в романе М. А. Булгакова в разнообразных функциях.

Двухкомпонентный блок однородных сказуемых, содержащий сведения о двух этапах одного действия или о двух разных действиях, последовательно расположенных на оси линейного времени используется в следующих функциях:

1. Сюжетообразующая функция. Как правило, данные конструкции появляются в тех частях произведения, в которых говорится о событиях, коренным образом изменивших жизнь героя (*Службу в музее бросил и начал сочинять роман о Понтии Пилате.*).

2. Биографическая функция. В этой функции используются однородные сказуемые, описывающие изменения в жизни персонажа, которые не влияют на развитие сюжета (*Припадки эти проходили, но все же при личности их прежним делом нельзя было заниматься, и конференсье ушел на покой и начал жить на свои сбережения <...>.*).

3. Функция перехода от повествования к описанию, которое следует за предложением с блоком однородных сказуемых. Например, после простого предложения, осложненного однородными сказуемыми (*Иван испустил страшный боевой вопль, слышимый к общему соблазну даже на бульваре, и начал защищаться*), в романе следует описание завязавшейся борьбы.

4. Функция актуализации длительности и интенсивности одного действия (*С самого раннего утра начали звонить и звонили непрерывно телефоны в кабинете Лиходеева, в кабинете Римского, в бухгалтерии, в кассе и в кабинете Варенухи.*).

5. Функция актуализации этапов одного действия (*Афраний начал рассказывать и рассказал <...>.*). Такие конструкции помогают автору произведения «сгустить» время,

вместить в одну фразу упоминание о множестве событий, произошедших за определенный период времени.

Функции многокомпонентных блоков однородных сказуемых с семантикой времени несколько иные:

1. Функция передачи динамики повествования во времени (*Толстяк радостно осклабился, видя, что Маргарита не сердится, и восторженно сообщил, что оказался без брюк в данный момент лишь потому, что по рассеянности оставил их на реке Енисее, где купался перед тем, но что он сейчас же летит туда, благо это рукой подать, и затем, поручив себя расположению и покровительству, начал отступать задом и отступал до тех пор, пока не поскользнулся и навзничь не упал в воду.*). Предложение с многокомпонентным блоком однородных сказуемых позволяет автору произведения отразить многообразие чувств (растерянность, смущение, волнение, радость), которые охватывают персонажа.

2. Функция передачи интенсивности действия во времени (*Никанор Иванович налил лафитничек, выпил, налил второй, выпил, подхватил на вилку три куса селедки... <...>.*).

3. Функция создания впечатления максимально насыщенной во времени картины жизни персонажей, которая возникает в результате сгущения глагольных сказуемых (*Он позвонил еще раз и еще раз и начал ворчать и тихонько ругаться.*).

4. Функция психологизации повествования. Прием характеристики персонажа через его действия, «полный отчет» о внешних проявлениях его внутренней жизни позволяет Булгакову ненавязчиво, но полно и тонко – опосредованно – характеризовать своего героя (*Но тот неизвестно отчего впал в тоску и беспокойство, поднялся со стула, заломил руки и, обращаясь к далекой луне, вздрагивая, начал бормотать: <...>.*).

Таким образом, в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» роль однородных сказуемых с семантикой времени в выражении одноименной категории зависит от их структурных и семантических особенностей. Однородные сказуемые в двухкомпонентном ряду с семантикой соединения, осложненной временной семантикой последовательности используются в сюжетообразующей, биографической функциях, функции перехода от повествования к описанию, функции актуализации длительности и интенсивности одного действия, функции актуализации этапов, фаз одного и того же действия. Многокомпонентные блоки однородных сказуемых передают динамику повествования и интенсивность действия во времени, создают впечатление максимально насыщенной во времени картины жизни, используются в функции психологизации повествования. Расширение позиции сказуемого с семантикой времени используется в языковой художественной картине мира М. А. Булгакова для того, чтобы «вписать» в линейное время разнообразные сферы жизнедеятельности героев произведения.

Литература

1. Аюпова С. Б. Категория времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И. С. Тургенева): Монография. Уфа, 2011.
2. Аюпова С. Б. Языковая художественная картина мира: синтез универсального и специфического. Saarbrücken, 2011.
3. Беднарская Л. Д. Синтаксис романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Орел, 2008.

Изучение объема немецкой лексики у русскоязычных, живущих в Германии

Ю. Бестерс-Дильгер

Алберт-Людвигов-Университет (Фрайбург, Германия)

juliane.besters-dilger@slavistik.uni-freiburg.de

Summary. So far, grammatical deviations in L2 German produced by Russian-speaking people living in Germany have been in the focus of research. But they also exhibit specific limitations of their German vocabulary. This contribution will propose methods how to measure these lexical deficits and how to take into account the strategies people use in order to conceal them. Additionally, the influence of the Russian mother tongue and the relevance of the age of arrival will be discussed.

В немецкой речи русскоязычных, которые уже долго живут в Германии, даже после десяти лет (и больше) обнаруживаются не только грамматические ошибки на уровне фонологии, морфологии и синтаксиса. И их словарный запас ограничен. В докладе изучаются следующие вопросы:

1. Как можно измерить объем словарного запаса?

Предлагаются разные методы измерения лексического богатства словарного запаса.

2. Какие стратегии используют говорящие, чтобы скрыть недостатки лексики и избежать пробелов?

Можно, например, наблюдать паузы, повторения, использование «пустых» слов, предпочтение коротких (главных) предложений, самоисправления, избегание сложных тем и т. п.

3. В какой мере русский язык как L1 влияет на словарный запас в L2?

Наблюдаются заимствования с русского, не в смысле заимствованных слов, но в переводах пословиц, фразеологизмов, сложных слов, адаптация интернационализмов и т. п.

4. В какой мере ограниченный объем словарного запаса зависит от возраста при приезде в Германию?

Нет прямой зависимости объема словарного состава от возраста при приезде; влияют социолингвистические факторы (мотивация, частотность контакта с немцами, образование, избегание контакта с русским языком и русскоговорящими, память, талант и т. п.).

Национально-культурная специфика русского природно-стихийного кода культуры (на материале фразеологизмов с элементом «вода»)

Ван Хунвэй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова / Чинь Хуантао (Китай)

hongweil27@mail.ru

Фразеологизмы являются национально-специфическими единицами языка. Являясь отражением мудрости народа, они фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы не только обладают собственным значением, но и содержат культурную коннотацию и культурный смысл. Известно, что возникновение фразеологических единиц связано с историей, традициями, литературой, культурой, мифологией, верованиями, обрядами, ритуалами народа.

По мнению В. Н. Телия, основной целью лингвокультурологического анализа фразеологических единиц является «выявление и описание культурно-национальных коннотаций, узусально сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками и соотносимых друг с другом посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление» [3: 308]. Таким образом, мы можем утверждать, что код культуры выражает лингвистическую коннотацию.

Код культуры – «это „сетка“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и „кодируют“» [2: 232].

«Вода» – одна из основных природных стихий мироздания, которая несет в дополнение к своим основным значениям культурноносные смыслы и позволяет единице данного кода выполнять эталонную и / или символическую функции.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, «вода» – это прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера, моря; химическое соединение водорода с кислородом. Это значение прототипа воды. Движение, глубина, степень загрязненности, температура и другие характеристики воды часто используются в метафорическом значении.

Фразеологизмы с элементом «вода» соотносятся с природно-стихийным кодом культуры, т. е. «совокупностью имен природных объектов и элементов стихий, которые выступают в роли знаков „языка“ культуры» [3: 145]. Мы предлагаем следующую символическую классификацию «воды»:

1. «Вода» по своим природным свойствам «чистая, прозрачная», она связывается со способностью к отражению и выступает как средство очищения (отсюда *выводить / вывести на чистую воду; чистой <чистейшей> воды* и т. п.).

Например: *чистой <чистейшей> воды*. Настоящий, истинный. *Оставаться с ним в закрытом пространстве да*

еще один на один было безумием чистой воды (В. Платова, Купель дьявола). *Еще в эпоху Ордендов ходили слухи о могуществе этой вещицы. Могу открыть тебе страшную тайну, Макс: все эти слухи – чистой воды чепуха.* (М. Фрай, Лабиринт. Чужак) [3: 727].

2. «Вода» по своим свойствам есть «течение», с ней могут связываться, во-первых, течение времени и, во-вторых, непоправимая ситуация (отсюда *много <немало, сколько, столько> воды утекло / ушло; как вода сквозь пальцы [уходить, течь и др.]* и т. п.).

Например: *как вода сквозь пальцы*. Очень быстро (тратить деньги или провести время). *Лавочку отобрали, накопленные денежки, как вода сквозь пальцы, ушли, а больше она ничего не умеет делать, да и не хочет* (Додолев, Что было, то было) [5: 59].

3. «Вода» по своим свойствам «глубина», она символически связывается с неизведанным, непонятным и опасным пространством, способным поглотить и скрыть в себе все живое (отсюда *как <будто, словно, точно> в воду канул; как <будто, словно, точно> водой смыло; [и] концы в воду* и т. п.).

Например: *как <будто, словно, точно> в воду канул*. Кто, что бесследно исчез, скрылся из виду. Часто подразумевается, что об уехавшем человеке долго ничего не слышно, давно нет никаких известий. *Поползал Мишка в одной стороне, а Сережки нет. И в другой стороне – Сережки нет. Будто в воду канул* (А. Неверов, Ташкент – город хлебный) [3: 292].

4. «Вода» связана с древнейшими представлениями, выражает мистическую символику (отсюда *как <будто, словно, точно> в воду глядел; живая вода; мертвая вода* и т. п.).

Например: **Живая вода**. 1. Фольк. Мифическая чудодейственная жидкость, возвращающая жизнь мертвому телу. *Тогда водой живою Героя старец окропил, И добрый, полный новых сил, Трепеща жизнью молодою, Встает Руслан* (Пушкин. Руслан и Людмила). 2. Экспрес. Все, что одухотворяет, благотворно действует, пробуждает интерес. *Будьте моим сотрудником. Ваши стихи вода живая... Опрысните «Современник» вашими кипучими каплями* (Пушкин. Письмо Языкову, 14 апр. 1836) [4: 82].

5. «Вода» как враждебная стихия, она связывается с магическим воздействием на человека (отсюда *как <будто, словно, точно> в воду опущенный* и т. п.)

Например: *как <будто, словно, точно> в воду опущенный*. Растерянный, удрученный; с потерянным отстраненным видом. *«Настроения» заключались в том, что парень ходит грустный, скучный, как в воду опущенный* (А. Рыбаков, Бронзовая птица) [3: 293].

Таким образом, проведенный анализ показал, что фразеологизмы с компонентом «вода» сохранили до настоящего времени древнейшие представления о воде как символе чистоты, обладающем признаком текучести, имеющим глубину, связанным с мистикой и магическими практиками.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М., 2010.

2. Красных В. В. Этнопсихлингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
3. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание. XI международный съезд славистов. М., 1993.
4. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
5. Чжоу Цзишэн, Чоу Лунэй, Чжан Ци. Русско-китайский фразеологический словарь. Китай, 1984.

Актуальные проблемы языкового развития личности в системе общего образования в условиях его модернизации

Е. Н. Володина

Тюменский областной государственный институт развития регионального образования, Тюменский государственный университет

elena_mayak@mail.ru

Языковое развитие, языковая образовательная парадигма, ценностно-смысловая сфера личности.

Summary. The paper deals with urgent problems of linguistic personality development in the context of contemporary socio-cultural situation and suggests the perspective ways of their solution.

Расширение информационно-коммуникативного поля, появление новых форм коммуникации актуализируют необходимость интеграции личности в современное социокультурное пространство на условиях диалога. Современный школьник погружен в непрерывно развивающуюся и разнородную информационную среду, которая порой имеет ярко выраженную антикультурную направленность. Система образования, как наиболее устойчивый социальный институт, призванный сохранять и передавать культурный опыт человечества, способна противостоять этой тревожной тенденции времени, создавая условия для языкового развития личности, полноценного освоения языка – и не только как средства овладения новыми знаниями в разных предметных областях, но и как инструмента мирозидания, открытия и постижения культурологических, национальных и онтологических ценностей. С другой стороны, достижение метапредметных и личностных результатов школьного образования, на что ориентируют новые ФГОС, также невозможно без системного развития вербального мышления, языкового сознания обучающихся, коммуникативного поведения как компонента общей культуры личности и культуры народа. Вот почему столь необходимы сегодня не только обновление методического арсенала педагога, форм работы по развитию речи обучающихся, но и разработка научно обоснованного механизма языкового развития личности в школе, изменение стратегии общего образования по формированию языковой / речевой / коммуникативной личности.

Необходимость качественно иных концептуальных подходов к школьному языковому образованию вызвана реалиями и потребностями самой педагогической практики. В школах сохраняется, вопреки заявленному в ФГОС метапредметному характеру образования, узкий предметоцентризм, языковое развитие детей осуществляется преимущественно на предметах гуманитарного цикла, часто отсутствует координация и интеграция работы всех педагогов, наблюдаются нарушение единого орфографического режима и отсутствие контроля за соблюдением обучающимися языковых и речевых норм. В школьной методике доминируют монологические формы уроков, наиболее распространены письменные формы развития обучающихся и контроля знаний, устная монологическая речь детей развивается мало. При этом речевая культура самих педагогов не всегда отвечает требованиям профессионального стандарта. Проблема реализации языковой образовательной парадигмы в школе осложняется и все более усиливающимися технократическими проявлениями в развитии современного общества и в образовании в частности. С одной стороны, это тенденция к технологизации образовательного процесса, приоритет точных знаний, естественных наук, доминирование невербальных (тестовых, алгеброизированных, компьютеризированных) форм обучения и контроля, с другой – техноцентрическая направленность познавательного интереса современных школьников, падение интереса к чтению, снижение уровня и качества чтения.

В поисках стратегий языкового развития личности в системе общего образования приоритетными представляются лингвокультурологический, текстоцентрический, герменев-

тический и системно-деятельностный подходы. Процесс языкового развития личности в образовательном пространстве школы будет, на наш взгляд, эффективным, если: 1) языковое развитие организовано как целостная педагогическая система, все компоненты и элементы которой ориентированы на создание в образовательном учреждении развивающей культурно-диалогичной языковой среды, оптимальных условий для совершенствования и самореализации школьников в разных видах речевой деятельности; 2) основополагающими принципами языкового развития личности – системообразующего начала учебно-воспитательного процесса – являются комплексный и системный подходы, интеграция гуманитарного и естественнонаучного образования, принципы непрерывности и преемственности на всех этапах обучения, в организации урочной, внеурочной деятельности и воспитательной работы школы; 3) обучение и воспитание на всех ступенях организуется на основе лингвокультурологического подхода, методически реализующегося в осознанном и системном использовании всеми педагогами коммуникативных технологий, диалогических форм обучения, позволяющих создавать на уроке и во внеурочной деятельности оптимальные условия для речевого общения и моделирующих ситуации диалогического взаимодействия, ориентированные на формирование норм коммуникативного поведения, овладение речевыми стратегиями, развивающие речевые характеристики личности; 4) обучение на всех ступенях ведется на основе организации разных видов текстовой деятельности с целью создания пространства культуры и освоения школьниками разнообразных способов взаимодействия с текстами (анализа, интерпретации в авторском, общекультурном и личностном контекстах, создания вторичных и «встречных» текстов), что позволит совершенствовать читательскую компетенцию обучающихся, умение понимать учебные и художественные тексты и создавать собственные, выражать себя в языковом творчестве, а значит расширять словарный запас детей, развивать речемыслительные действия, языковое чутье, рефлексивные и творческие способности, закладывать основы диалогического мышления, реализующегося через диалог как способ миропонимания, обеспечивающий приобщение личности к культуре; 5) отбор педагогами содержания и учебно-методического инструментария подчиняется задаче развития коммуникативной компетентности, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий обучающихся на основе компетентностного и деятельностного подходов, позволяющих эффективно включать школьников в коммуникативно-познавательный процесс, моделировать контекст познания как условие актуализации и обогащения личностного языкового опыта, расширять опыт речевой практики; 6) проводится системная работа по повышению культуры речи педагогов (в том числе и негуманитарных предметов, социальных педагогов, психологов и т. д.) как основы профессиональной компетентности: педагог должен быть носителем высокой речевой культуры, а для обучающихся – своего рода речевым образцом, коммуникативным эталоном; 7) методически грамотно организуется и в системе проводится мотивационно-просветительская работа с родитель-

ской общественностью по повышению речевой и читательской культуры школьников, формированию ценностного отношения к чтению и книге, к языку как культурной составляющей и слову, укрепляются основы семейного речевого воспитания.

Язык – это коллективная духовная память, «объединяющая духовная энергия народа» (В. Гумбольдт), которая должна питать сознание, облагораживать душу школьника XXI века на разных этапах генезиса личности, ее духовного и социального взросления.

Номо Somatikos в зеркале русской и китайской лингвокультур

Д. И. Воронин

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Киев, Украина)

wwwronin@mail.ru

Соматикон человека, лингвосоматография, соматологическая карта, эталонная телесность.

Summary. Cross-cultural linguistic description of the human body is based on an experimental procedure of drafting, description and constructing of the corresponding somatological maps. Experience of such comparison on a material of Russian and Chinese languages has allowed to define the common and specific in the reflection of elements of the human somatikon in a mirror of appropriating ethnic cultures.

I. История соматической (телесной) рефлексии (И. М. Быховская) складывалась не одно тысячелетие, становясь своеобразным преломлением традиционных культур, религий, мировоззренческих систем и идеологических доктрин. Все это неизменно породило те или иные соматологические концепции (концепции телесности), отраженные в господствующем в конкретную историческую эпоху образе Номо Somatikos.

II. Телесные доктрины и концепции в разных этнокультурах кристаллизуются в образе идеального или эталонного тела этнокультуры как телесно-духовный идеал той или иной исторической эпохи. Эталонная телесность обладает своей национально-культурной спецификой. В русской этнокультуре, в ее православной христианской модели мироздания, телесное восходит к Лику, тогда как религиозно-философские представления буддизма своеобразно слиты в телесном космосе человека.

III. В лингвокультурологии рубежа XX–XXI веков в представлении национально-культурных особенностей описания телесности человека важную роль играет лингвистическая соматография, позволяющая увидеть эталонное тело культуры в его лингвокультурологическом измерении.

1. Лингвосоматография человека опирается на экспериментальную методику составления и описания соматологических карт (Ю. А. Сорокин). В тексте выступления представлены результаты опыта построения и сопоставительного описания соматологических карт на материале русского и китайского языков.

2. На основе полученных в результате эксперимента соматографических данных удалось выявить и описать общее и специфичное в отражении элементов соматикона в зеркале русского и китайского языков и соответствующих этнокультур.

3. К дополнительным результатам экспериментального описания русской и китайской телесности могут быть отнесены выявленные особенности формирования положительной эстетической оценки телесности человека, что позволило увидеть гендерные особенности языковой портретики.

4. На основе полученных соматографических данных были составлены словесные портреты эталонной телесности (эталоны красоты) в русском и китайском языковом сознании, показана специфика языкового способа отражения соматикона человека в русской и китайской лингвокультурах.

Особенности концептуализации пространственных зон «Центр» и «Периферия» в русском языке (на материале синонимических рядов)*

Т. М. Воронина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

tmv313@ya.ru

Пространство, центр, периферия, синонимы, идеографическое описание.

Summary. The report deals with the representation of spatial concepts 'Centre' and 'Periphery' in the Russian language. The investigation is based on the ideographical and synonymic groups.

Представления о пространстве и его характеристиках отражены в самых разных языках. В число обязательных параметров, в системе которых мыслятся пространственные объекты, исследователи включают центр и периферию: см., например, [1: 36–37], где отмечается также, что эти параметры, возможно, «являются универсальными, присущими человеческому сознанию как таковому, или по крайней мере типологически значимыми для индоевропейского языкового сознания».

Материалом данного исследования являются антонимичные по отношению друг к другу синонимические ряды *Центр, середина, сердцевина, устар. середина, разг. середка* и *Край, кромка, обочина, оконечность, окраина, периметр, периферия, разг. закраина*.

При описании семантики слов – репрезентантов указанных параметров ученые исходят из различных позиций. Так, в Словаре синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой [4] общий смысл синонимических рядов с доминантами *Центр* и *Край* дается в терминах собственно пространства, места: *Центр, середина, середина и середка (прост.)*. Место, пространство, более или менее одинаково удаленное

от краев чего-л.; *Край, окраина, конец (чего)* Крайняя часть чего-л. (какого-л. места, местности, пространства и т. п.) [4: 664, 488]. И. В. Галактионова в словарной статье *Середина, центр* в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка, показывая сходства и различия семантики и употребления данных слов, не разграничивает пространство и предмет: «*Середина, центр* 'часть объекта, приблизительно одинаково удаленная от его границ'» [2: 1023]. В толковых словарях русского языка такого разграничения обычно также нет, ср. в СОШ: *середина* 1. Средняя часть чего-н., равно отстоящая от границы, краев или от начала и конца чего-н. [www.slovari.ru].

В рамках словарных проектов под рук. проф. Л. Г. Бабенко характеристики предмета и пространства разводятся; таким образом, например, синонимический ряд *Середина, половина, сердцевина, середина, центр, устар. средоточие, разг. середка* описывается через идентификатор 'часть предмета' в составе группы «Форма и структура», а синонимический ряд *Центр, середина, сердцевина, устар. середина, разг. середка* – через идентификатор 'часть пространства' в составе группы «Место в пространстве». Ср. контексты: *Конст-*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00444 «Русские синонимы в системном освещении: структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты») и РГНФ (проект № 13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах»).

ружция стола «Гранд» позволяет ему даже при максимальной длине раздвижения выдерживать нагрузку до 100 кг, при этом середина стола не прогибается (газ.), где середина – это часть стола, vs *Василиса налила ему стакан чаю и поставила на середину стола* (В. Распутин – примеры из Национального корпуса русского языка: [guscorpora.ru]), где середина – это место на столе. Подобные примеры, думается, иллюстрируют различные точки зрения говорящего, когда предмет либо сам оказывается в фокусе внимания, либо выступает в качестве места, где что-л. находится или происходит. Как писала Е. С. Кубрякова, «если мир представляется нам устроенным так, что все видимое и наблюдаемое мы осмысляем в пространстве, заполненном объектами, в одном случае в фокусе внимания оказываются окружающие нас объекты, в другом – само пространство, фон и фигура как бы меняются своими местами» [3: 91].

При характеристике собственно пространственных значений рассматриваемых слов учитывается комплекс признаков: тип пространственного объекта, о части которого идет речь; размер, тип, расположение самой этой части и нек. др. Так, в синонимическом ряду с доминантой *Край* эта лексема выражает общую идею ряда ‘Часть пространства, примыкающая к линии, которая заканчивает собой и ограничивает это пространство’. Остальные члены ряда конкретизируют эту идею в указанных аспектах. Например, *кромка* ‘Край,

узкая полоса по краю участка земной, водной поверхности или неба’: <...> *лучше свернуть в сторону, проехать по кромке поля вновь пробитой колеи* (В. Тендряков); *Снег лежит до самой кромки воды* (К. Паустовский); *Боковой край какого-л. участка земной поверхности*: *Лучников пошел по обочине обледеневшего шоссе в сторону города* (В. Аксенов); *По обочинам маленьких полей свежо зеленели чинары* <...> (К. Паустовский); *периметр* ‘Края какого-л. пространства (плоскости) вдоль всей замкнутой линии, являющейся его границей’: <...> *сотня телекамер – по периметру партера* (газ.); *Заполнение периметра участка зависит от вашего вкуса и желания* (газ.).

Литература

1. Берестнев Г. И. Концептуализация параметров пространственности в русском языковом сознании // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии : Сборник науч. трудов / Под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2002. С. 36–43.
2. Галактионова И. В. Середина, центр // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. С. 1023–1026.
3. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка: Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000. С. 84–92.
4. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2003.

Современные тенденции развития русской письменной речи и их отражение в метаязыковом сознании носителей языка: антиномический анализ

Н. Д. Голев

Кемеровский государственный университет

ngolevd@mail.ru

Тенденции развития языка, современная письменная коммуникация.

Summary. The paper is devoted to the global tendencies in modern Russian written speech. The forms which were developed in the virtual communication are actively penetrating into the prior system of written communication and compete with the traditional ones. These processes are closely connected with the activation of ordinary metalanguage consciousness.

Энергетический центр стихийного развития письменной речи в настоящее время во многом определяется активностью виртуальной электронной коммуникации. Социальные сети, чаты, электронная почта, скайп, смс, аудио-книги, экранные презентации докладов, дистанционное обучение и т. п. активно включены в социальную жизнь, прежде всего в жизнь молодого поколения. Они интенсивно вторгаются в прежнюю систему письменной коммуникации, конкурируя с ее традиционными формами. Конкуренция осуществляется и внутри новых форм письменной коммуникации. Их появление рождает ситуацию глобального сдвига не только в технической части письма, но в самой семиотике (коде) письменной речи, а также в письменной ментальности. В числе причин сдвигов последнего типа являются такие процессы, как активизация визуально-холистического представления коммуникативного содержания, которая тесно увязана с усилением визуального канала передачи информации, что приводит к новым формам конкуренции звучащей и письменной речи, конкуренции звуко-буквенного и иероглифического (отвлеченного от звучания) письма. Скрытое противоречие в традиционной сфере письменной деятельности, связанное с сильным элементаристским началом письма и холистическими тенденциями чтения, разрешается в настоящее время не только скоростью набора, но и специфической семиотикой стихийного письма. Традиционное звуко-буквенное письмо, сосредотачиваясь на элементах письма, не всегда справлялось с передачей дискурсивной природы речи: модусные наслоения и звуковые модуляции типа интонации, соотносимые с суперсегментными единицами, системно не передавались на письме. В этом смысле звуковая речь имела преимущества в непосредственном осуществлении суггестивной функции в плане «субъект говорящий – субъект воспринимающий». В письменной речи такой «компонент» коммуникации, как субъект, чаще всего представлен в определенной форме и возможности его непосредственного воздействия на адресата ограничены. Современная письменная речь в онлайн-общении стремится компенсировать данное ограничение, сделать природу общения более дискурсивной. В оформлении плана выраже-

ния в онлайн-общении наблюдаются две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, очевидны элементы прямой имитации звуковой речи и всего дискурса, с ним связанного, с другой стороны, – появляются знаки-иероглифы разного типа, отдаляющие письменные тексты от звукового субстрата. В качестве примера реализации многих из названных выше тенденций можно привести такой формат коммуникации, как доклад-презентацию, в которой визуальный и звуковой каналы прямо конкурируют между собой. Это одновременно конкуренция холистического и элементаристского начал письма и информативно-логической и суггестивной функций письменной коммуникации. Ответы студентов на вопрос, какой канал для них важнее, показывают все возрастающую их ориентацию на визуальный канал, однако, и они отмечают более сильное суггестивное воздействие звуковой речи при непосредственном участии ее автора, активизирующего дополнительные возможности воздействия. Звуковая речь за тысячелетия своего существования выработала механизмы такого воздействия; возможности письменной речи в этом плане беднее, так как редукция образа автора представлена в ней более сильно. В данной конкуренции проявляется и глубинная ментально-психологическая антиномия лево- и правополушарных стратегий письменной деятельности и вытекающая из нее дифференциация носителей языка по ориентации на ту или другую стратегию.

Другой яркий пример, иллюстрирующий названные тенденции, – специфически новые формы интертекстуальности в виртуальной коммуникации. Отсылки на различные адреса в Интернете и прямые цитации существовавшего, с одной стороны, укрупняют единицы общения в плане содержания, а с другой стороны, в плане выражения отсылки дают возможность уплотнить передаваемую информацию до знака – указания на адрес.

Очерченные тенденции проявляются не только в речевой деятельности и речевом материале, но и в системном плане языка, в частности, они вторгаются в систему функциональных типов речи. Одна из главных гипотез, обосновываемых в докладе, связана с известным в теории речи тези-

сом функционально-стилистической дифференциации языка: «основная форма реализации разговорного языка – прозносившая, устная речь» (Е. А. Земская). Наше исследование показывает, что в современных изменениях в стилистико-ортологическом плане письменной речи есть разные тенденции и что данные процессы устроены по антиномическому принципу. Деактуализация мало значащая для коммуникации норм правописания, осуществляющаяся параллельно с их десакрализацией в метаязыковом сознании, протекает вкупе с актуализацией заимствованных из звуковой речи естественно-коммуникативных форм. Прибегнем к аналогии. Оформление слова ударением, фразы – интонацией осуществляется по стихийным законам дискурсивной речи; по таким же законам стремится быть оформленной разговорная письменная речь. Формирование разговорной письменной речи (и письменного просторечия как ее разновидности) в качестве самостоятельной коммуникативной системы ведет к своеобразному письменному двуязычию в ортологическом плане: книжная речь маркирует себя как строго следующая канонической нормативности, жесткому требованию единообразия (в плане ментальности – пуристическому отношению к традиции), разговорная письмен-

ная речь в этом смысле маркируется большим либерализмом и субъективностью, и – как следствие – большей степенью допущения вариативности. Важнейшей антиномией в процессе формирования письменной разговорной речи является антиномия коммуникативно-прагматической и культурно-знаковой функции норм с перестановкой акцентов в пользу первой. При этом орфографические нормы по сравнению с пунктуационными оказываются более устойчивыми в обыденном метаязыковом сознании в плане сохранения представлений о культурно-знаковых ценностях единообразного «решения орфограмм».

Указанные тенденции находят отражение в метаязыковом сознании рядовых носителей языка. Конкуренция разных видов и родов письма обостряют такое сознание, что находит отражение в многочисленных дискуссиях по этому поводу в виртуальном общении. По нашим наблюдениям, центр споров – главенство названных выше ортологических функций. Обычно данные споры сводятся к вопросу о необходимости соблюдать нормы правописания в онлайн-общении. И здесь обнаруживается значительное число сторонников (практиков и «теоретиков») как первого, так второго ортологического подхода.

Языковая личность в интернет-коммуникации (на материале имиджбордов)

Т. А. Голикова

Российский новый университет (Москва)

tat-golikova@yandex.ru

Языковая личность, интернет-коммуникация, стратегии речевого поведения, имиджборд.

Summary. The paper deals with a specific character of language personality in Internet communication, in particular in imageboards. An imageboard is a type of Internet forum which operates mostly via posting images. The concepts “geek”, “cool hacker”, “lame”, “slowpoke” characterizing different types of linguistic personality in Internet are discussed and analysed.

Психологически адаптированные человеком сегодня особенности интернет-коммуникации проявляются в следующем: анонимность (И. В. Ксенофонтова), своеобразии протекания процессов межличностного восприятия, добровольность и желательность контактов, затрудненность эмоционального компонента общения и др. Такая категория, как анонимность, несмотря на то, что иногда возможно получить некоторые сведения анкетного характера и даже фотографию собеседника, обесмысливает многие постулаты традиционной коммуникации, поскольку позволяет бесконечное количество способов трансформации языковой личности. Можно наблюдать «скрывание» или презентацию ложных сведений как целенаправленное формирование определенного образа или реализацию тех или иных коммуникативных стратегий создателя текста.

И все же достаточно строго выявляются типажки, маски, ампула, стратегии речевого поведения, специфика которых, с одной стороны, определяется соответствующим жанром (блог, форум, чат), с другой стороны, они представляют специфические трансформации первичных жанров, существующих в неинтернет-коммуникации, с точки зрения таких аспектов, как коммуникативные ценности, потребности и интенции языковой личности.

Рассмотрим некоторые особенности презентации / самопрезентации языковой личности в среде Интернет на примере *имиджбордов* (англ. imageboard, анонимный имиджборд (АИБ), так же *борда*, *чан* от англ. chan, channel) – разновидность сетевого форума, отличающаяся большими возможностями по прикреплению к сообщениям картинок. Как правило, имиджборды построены по одинаковой схеме и состоят из нескольких тематических разделов (*досок*), в которых содержатся *треды* (темы, ветви дискуссии), состоящие из *постов* от разных пользователей.

Пользователи имиджбордов чаще всего себя называют себя *анонимусами*. **Анонимус** (англ. Anonymous, лат. Anonymus) – посетитель анонимных имиджбордов. Anonymous не является человеком, группой, организацией или движением. И вместе с тем, Анонимус демонстрирует качества всего этого вместе взятого, не будучи узнаваемым или сосчитанным, это та самая «умная толпа», умеющая совершать осмысленные действия без четко определенных лидеров и даже личных контактов.

Битард (/б/итард, англ. /b/-tard) – завсегдаятай раздела /b/ имиджбордов. Слово /b/tard образовано от совмещения retard (тормоз, дурак) и /b/. Есть два варианта происхождения слова /b/tard: от retard (дебил) и от bastard (ублюдок). У большинства битардов ярко выражены обе эти характеристики. Часто используется написание «/б/итард». Кроме того, для выражения солидарности допустимо обращение «/б/рат», восходящее к английскому /b/rother.

Гик (англ. geek) – человек, помешанный на какой-то узкой теме, часто далекой от реальности. Все разговоры он склоняет к своей любимой теме, по которой он неизбежно считает себя экспертом мирового уровня. Нередко бывает занудой, более того, на российском ТВ американское «geek» переводят именно как «зануда». В негативном смысле «geek» означает неряшливого, ярого социопата, одним своим видом вызывающего неприязнь.

Граммар-наци (Grammar-Nazi, Grammatik-Nazi, грамматический нацист, национал-лингвист, лингвофашист) – агрессивный граммотей с «врожденной» граммотностью. Раздражается, когда кто-то допускает грамматическую или орфографическую ошибку. Может именоваться также Буквоедуном.

Задрот – в соревновательных компьютерных играх синоним *фаггота*, индивидуум, страдающий *ФГМ* (фимозом головного мозга) в самой запущенной стадии. Обычно очкастый подросток-переросток, тупо играющий в одну и ту же игру.

Кулхацкер (транслит. от англ. cool hacker – «крутой хакер» в ироничном смысле) – личность, считающая себя хакером, но при этом не имеющая знаний по программированию и практически ничего в этом не смыслящая.

Ламер (англ. lame – *хромой, калечный*; в переводе с жаргона – «криворукий») – человек, абсолютно некомпетентный в той или иной сфере, обычно в компьютерной, но твердо уверенный в обратном и не предпринимающий никаких попыток что-нибудь узнать.

Нуб (*нубас*) – происходит от английского слова «noob», которое, в свою очередь, от «newbie» («новичок», «чайник»). Зачастую не несет негативной коннотации, так как все мы «нубы» в той или иной области. Не стоит путать нубов и ламеров. Новое слово вошло в синонимический ряд *чайник, салага, желторотик* и т. д.

Сэймперсун (также *саемперсун*, *Семен Персунов*, *Сема*, *Семочка*, *Семен Семеныч* и т. п., от англ. *«same person»*) – обозначение Анонимуса, который, пользуясь общепринятой на имиджбордах анонимностью, выдает себя за нескольких лиц.

Слоупок (англ. *Slowpoke*) – «тормоз», тугодум, медленно соображающий человек на английском жаргоне.

Фэг (англ. *Faggot*, не путать с *фаготом*, духовым музыкальным инструментом) – используется всеми англоязычными пользователями и имеет примерно такое же значение как «идиот» или «тузер».

Хикки (англ. *Hikky*) – сокращение от *хикикомори*. Японский термин, обозначающий людей, отказывающихся от социальной жизни, стремящихся к крайней степени изоляции, уединения вследствие различных социальных и личных факторов.

Возможны заимствования и из других языков, например, японского: **Кун** – обращение в мужском обществе между равными по статусу; это дружеское, неофициальное обращение.

Разумеется, в лексике имиджбордов используется большое количество неологизмов. Сегодня можно отметить такое (семантика лица): **Нишеброд** (*нищий бро*, *нищесброд*) – человек, считающий, что ему не хватает денег и что за деньги можно все.

Таким образом, с появлением Интернета возникла новая функциональная среда бытования языка. Современный повседневный язык и язык Интернета, взаимодействуя, становятся источником формирования новых слов, смыслов и значений. Наблюдается активная «интернетизация» языка. Современная языковая личность интернет-коммуникации становится принадлежностью все той же карнавальной модели мира: «Карнавал торжествует самую смену, самый процесс сменяемости, а не то, что именно сменяется. Карнавал, так сказать, функционален, а не субстанциален. Он ничего не абсолютизирует, а провозглашает веселую относительность всего» (М. М. Бахтин).

Индивидуально-авторский концепт *усадьба* в романе В. Набокова «Машенька»

Ж. В. Грачева

Воронежский государственный университет

grachevi@mail.ru

Концепт, усадьба, ассоциация, ядро, периферия, В. Набоков.

Summary. The paper is devoted to revealing of the interpretative specificity of the archetypical for the Russian language consciousness concept in V. Nabokov's idiolect, to identification of associative cognitive criterions of the concept and to construction of its field model.

Концепт *усадьба* является архетипическим и в определенной мере соединяет в себе два других – *дом* и *сад* (слово «усадьба» образовано, согласно этимологическому словарю Макса Фасмера, от слова *садить* – производящего для слова *сад*), оба, в свою очередь, восходят в творчестве В. Набокова к концепту *рай*: для писателя – «утраченный-возвращенный рай» дома-Родины – России.

Семантизация *усадьбы* как *утраченного рая* отражает ментальное восприятие русского человека. В русской литературе концепт *усадьба* вербализуется различными лексемами: *дом* (как правило, барский), *имение*, *деревня*, *вилла*, *хоромы*, «*мои пенаты*», «*пустынный уголок*, *приют спокойствия*, *трудова и вдохновенья*» (А. Пушкин), *Эдем*, «*деревенский рай*», *мыза* (в Прибалтике синонимы слова «мыза» – «усадьба», «хутор») и т. д. Ключевым словом-репрезентантом, объективирующим концепт, является *усадьба*, имеющее несколько значений: 1) а) жилой дом на селе, хозяйственные постройки и прилегающие к ним уголки как единое целое; б) земельный участок такого хозяйства; 2) производственный и жилой центр совхоза, колхоза (для советской эпохи).

Номинативное поле концепта представлено в творчестве В. Набокова как родовыми номинациями: *усадьба*, *мыза*, *дом*, *имение* (упоминаемое в «Других берегах» имение Перпинья в Италии принадлежало дяде), *дача*, – так и видовыми: *Выра*, *Рождественно*, *Батово* («Другие берега»); *Ольхово*, *Воскресенское* («Подвиг») и *Воскресенск* («Машенька»); *Лешно* («Круг», «Дар»). Большинство *усадьб* в русскоязычном творчестве В. Набокова имеют свои «прототипы»: *Выра*, *Рождественно*, *Батово*.

Номинативное поле концепта *усадьба*, репрезентированного в романе В. Набокова «Машенька», вербализуется чаще всего словом *усадьба*. Другая номинация – «Воскресенск» – связана с биографическим именем-топонимом *Рождественно* и выступает как его семантический «близнец». Также номинативное поле концепта вербализуется в романе словами *мыза* и *дача* (или *дачное место*). Важно отметить, что *усадьба* для В. Набокова – это только место на севере России, а именно под Петербургом, никакие иные территории не ассоциируются у писателя с *усадьбой*. Лексема *усадьба*, *дача*, *мыза* употребляются либо в прямом денотативном значении «отдельный дом со всеми примыкающими уголками», либо в переносном денотативном значении «место (поселок, деревня и т. д.), где, как правило, расположен усадебный дом»; лексема *Воскресенск* используется только во втором значении.

Для выявления дополнительных общеязыковых когнитивных признаков и неповторимых набоковских обращаемся к более широкому контекстуальному полю, в котором

концепт вербализуется не через прямую экспликацию, а представлен косвенно или имплицитно.

Такого рода подход позволяет репрезентировать ассоциативные когнитивные признаки. На основе наиболее частотных из них была построена полевая модель концепта *усадьба* (используется методика, предложенная лингвистами воронежской когнитивной школы З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в книге «Семантико-когнитивный анализ языка»).

Ядро

- место, где располагался жилой дом под Петербургом, с прилегающими к нему уголками (с запущенным парком, соединяющимся с лесом, с полями, тенистыми дорожками, беседками, дождями, восходами, закатами);
- где рождается и обитает любовь;
- где живет счастье, «утраченный-возвращенный рай»;
- находящееся во власти Мнемозины (вневременная реальность освещенная страстной энергией памяти) и принадлежащее «обратной вечности».

Ближняя периферия

- пространство возрождения-воскрешения;
- ассоциативно связанное с миром природы: летом, солнцем, светом;
- детально сохраненное в памяти (дом, парк, облака, беседка, река, тропинки...);
- превращающее быт в бытие и метонимически воскрешающее Родину, Россию.

Дальняя периферия

- территория, находящаяся вне привычного мира быденности и являющаяся счастливым символом, связанным со знаками *усадьбы*;
- принадлежащая влюбленным;
- относящаяся к александровским временам (значит, старинная, таинственная);
- дарящая единенность, желанное одиночество, «выключенность» из мира людей, отстраненность от всех, даже близких.

Крайняя периферия

- святое место, привязанное к определенному времени года (лету, осени);
- воспетое русской литературой, «живущее» в русских текстах;
- чувственно-интеллектуальное начало русской ментальности; предмет страшных и счастливых снов и ностальгии.

Таким образом, в ходе текстуального анализа очерчиваются основные границы концепта *усадьба* в романе «Машенька» как особой чувственно воспринимаемой пространственно-временной территории счастья-любви и в то же время ментального «надвременного» локуса.

Моделирование внутреннего лексикона носителей русского языка

В. А. Долинский

Московский государственный лингвистический университет

vdolinsky@yandex.ru

Ассоциативные поля; внутренний лексикон; моделирование; количественная лингвистика.

Summary. The paper is devoted to a problem of modelling of word association fields. Word associations represent a particular dimension of the diversifications of a word. Their ranked frequencies of occurrence show a regular pattern forming a structure and dynamics of inner lexicon. Their investigation is relevant for quantitative linguistics and synergetic linguistics concerned with language processes and language self-regulation.

Основанием применения количественных методов в лингвистике следует признать объективно присущие языку и речи количественные характеристики. Повторяемость (рекуррентность, периодичность) языковых, в том числе лексических, единиц является важнейшим условием квантификации языкового материала и применения методов количественной математики для его анализа [6]. Количественный подход способен охватить лишь определенный аспект языка и речи. Но это – существенный аспект, преодолевающий неизбежный и главный недостаток чисто качественного анализа, – субъективность и произвольность интерпретаций. Количественный анализ иногда упрощает языковую реальность, но он позволяет более тонко и дифференцированно изучать полиморфизм, полисемичность и другие «нечеткие» характеристики языковых единиц. Важной областью количественных исследований стало изучение языкового сознания на материале ассоциативных экспериментов (АЭ). Осмысление каждой единицы внутреннего лексикона есть актуализация ее связей с другими единицами. Психологическая реальность слова во внутреннем лексиконе человека обеспечивается наличием устойчивых паттернов ассоциативных полей, эксплицируемых в экспериментах с носителями естественных языков. Ассоциативные паттерны (частотно-ранговые распределения) оказываются важной языковой универсалией, хотя ассортимент (качественный состав) ассоциативных полей изменчив, а в разных языках не существует «полных» лексических эквивалентов.

Исследования внутреннего лексикона опираются на методологию количественной и синергетической лингвистики. Диагностирующие возможности статистического анализа словаря, текста и ассоциативных полей Р. Г. Пиотровский по праву относил к «экспериментально-доказательной парадигме» современной лингвистики, противопоставляя это направление «так называемому традиционному языкознанию» с его «игрой во всезнайство» [4: 9]. В русле экспериментально-доказательной парадигмы разработана теория ассоциативных полей, в рамках которой обоснованы место и проблематика нового антропоцентрического направления в общем языкознании и количественной лингвистике – лингвистический ассоцианизм [2]. Лингвистический ассоцианизм рассматривает ассоциативные поля слов, наряду со словарем и текстом, в качестве особого феномена, воплощающего языковую систему в сознании человека.

Разработанный и примененный проблемно-ориентированный математический аппарат позволяет обрабатывать статистически достоверные экспериментальные данные по вербальным ассоциациям, моделировать ассоциативные поля слов, полиморфизм и динамику языкового сознания, аппроксимировать ранговые и спектральные распределения, полученные в условиях вариативности ассоциативного процесса, на выборках переменного объема и т. п. Выведенная аналитическая формула (Zipf-Dolinsky curve), аппроксимирующая данные АЭ, включая данные по индивидуальным словам-стимулам и усредненные данные для массива стимулов, показала наилучшие результаты по сравнению с применявшимися до сих пор моделями [5]. Проведен анализ данных распределений (разных лет, разных возрастных групп испытуемых, разных языков), а также анализ связи параметров этих распределений с рядом других количественных и качественных характеристик лексики. Собранный, обработанный, представлен в частотных списках и введен в научный оборот материал лонгитюдных групповых АЭ, проводившихся автором в 1981–2013 гг. Словарь «Вербальные ассоциации московских студентов», включающий списки ассоциаций на 200 слов-стимулов (существительные и прилагательные) русского языка, однородных по составу

экспериментальных групп (1000 испытуемых), является источником справочной и учебной информации, может многократно использоваться и развиваться в дальнейшем.

Разработанные принципы анализа ассоциативных полей позволили проводить семантизацию лексических единиц методами количественно-концептуального анализа вызываемых ими ассоциаций. Выдвинута гипотеза и представлены аргументы, обосновывающие лингвистический статус ассоциативных полей слов естественного языка, количественные основы структур внутреннего лексикона, место и роль этих структур в формировании языковой картины мира, в когниции и коммуникации. Предложена модель ассоциативной языковой семантики и проведен лингво-филологический анализ феномена «ассоциативное поле слова».

Сопоставительному анализу были подвергнуты данные русских массивов и данные массивов, полученные в АЭ с американскими студентами (Миннесотские и Калифорнийские нормы). Для русского языка характерно большее разнообразие ассоциаций и более низкое значение первой по частоте реакции (primary). Подобные же соотношения наблюдаются в индивидуальных распределениях на параллельных словах-стимулах. Это согласуется с данными о статистике исходных и переводных текстов, что связано, по-видимому, с типологическими особенностями языков, соответственно, более синтетического и более аналитического строя.

Закономерности и связи, обнаруживаемые при анализе ассоциативных полей слов, обусловлены количественной (частотно-волновой) природой хранения знаний о языковых единицах в памяти носителей языка. Слово, основная единица языка, воплощается в своем ассоциативном поле, – реальном, иерархически упорядоченном и открытом множестве других языковых единиц, связанных с данным словом сетью ассоциаций, свойственных индивиду и языковому коллективу. Ассоциативное поле раскрывает все многообразие смыслового потенциала слова. То, что принято называть значением, слово имеет не само по себе, а только в силу того, что оно возбуждает определенные спонтанные психические образы у носителей языка. Между двумя сколь угодно далекими по смыслу словами всегда можно найти хотя бы еще одну смысловую возможность, порожденную новой ассоциацией, образом, новой ситуацией, контекстом, или вызвавшую их. Сколь бы ни были разнообразны ассоциации слова, в их основе лежит «тот же» смысл, раскрывающийся с разных сторон сознанию, акцентирующему то одну, то другую грань содержания слова благодаря многообразию самого смысла. Ассоциация содержит в себе тенденцию к осуществлению смысла, как к эксперименту, осуществляемому в речи путем построения фразы, для интерпретации которой разум вовлекает логику и семантику, осящая путь процессам познания и взаимопонимания.

Важнейшей составляющей процедур кодирования и декодирования является способ ассоциации, основанный на принципе *сходства* или смыслового сближения. Вербальные связи потенциально бесконечны, открыты и представляют собой упорядоченные по длине (частоте) волны динамических, частично пересекающихся индивидуальных ассоциативных полей. Обслуживая потребность в осмыслении неосознаваемого, формируя (эксплицируя) образы слов, субъективные или персональные функции распределения ассоциаций взаимоподстраиваются и создают достаточно устойчивые семантические структуры.

Структурообразующим компонентом значения слова является частотность вызываемых им ассоциативных реакций. Ассоциативное поле слова становится мерой потенциальной возможности раскрытия его внеконтекстного смыс-

ла, а ассоциации между словами превращаются в ассоциации слов, образуют смысловые гештальты, формируют структуру языковых значений [2].

Системно-языковая ассоциативность придает любой единице лексической системы, любому языку, культурно-языковому сообществу, способу «мировидения» – как общее, так и специфически-преломленное строение (паттерн) ассоциативного поля лексики в квантитативном измерении. Ассоциативность формирует трансперсональные образы слов, связывая языковые единицы с внеязыковыми смыслами через опыт говорящих. Ассоциативные связи создают объемный смысловой континуум, который постигается из отношений слов между собой и каждого из них к лексикону в целом. Ассоциативное поле слова раскрывает широкий спектр смысловых возможностей, связанных с ним, в ценностной иерархии данного культурно-языкового сообщества, объединяющей говорящих и слушающих сходством ассоциированных смыслов, принадлежностью к общим ассоциативно-вербальным полям. Когда ассоциативный образ слова оказывается в той или иной степени сходным у коммуникантов, он объединяет носителей ассоциаций в языковое сообщество, слово становится элементом языка, а носители ассоциаций – культурноязыковым социумом, *ассоциацией* носителей данного языка [3].

В экспериментах, поставленных А. Ю. Агафоновым [1: 249–258], группе русскоязычных испытуемых предъявлялись списки слов, включавших высокочастотные, низкочастотные, эмоционально окрашенные, бессмысленные и нецензурные слова-стимулы. Вербальные ответы испытуемых не фиксировались, так как исследовалась только скорость моторной реакции (латентное время реагирования). Оказалось, что стимул, обладающий смысловой неопределенностью (бессмысленные буквосочетания) вызывает наибольшую задержку реакции. Фактор смысловой неопределенности оказался более важным, чем табу в культуре, отрицательный эмоциональный заряд или общезыко-вая частотность слова-стимула. Так, вновь было показано, что АЭ выявляет, в первую очередь, *осмысленность* вербального стимула, то есть связан с измерением смысла в языковом сознании человека.

Органическое сопряжение результатов квантитативного исследования и моделирования ассоциативных структур с логическими и синергетическими представлениями о языке является, по-видимому, одной из самых актуальных и сложных задач современной лингвистики.

Фрэнсис Гальтон, изобретатель АЭ, обнаружил сходство ассоциированных смыслов в подсознании человека и техни-

ческих коммуникаций в подвале здания: «Эти эксперименты дали мне интересное и неожиданное представление о том количестве операций сознания, и скрытых глубинах, в которых они совершаются, которые я так мало осознавал раньше. Общее впечатление, которое они оставили во мне, походит на то, которое многие из нас испытывают, когда подвал нашего дома оказывается в состоянии капитального ремонта, и мы впервые осознаем эту сложную систему канализации, газо- и водопроводов, вытяжных труб, проводов и т. д., от которых зависит наш комфорт, но которые обычно скрыты от наших глаз, и чье существование, покада они хорошо работали, никогда не беспокоило нас» [7: 150].

П. Хэнкс указывает: «Если значения слова существуют, то они не существуют как перечень (checklist). Пронумерованные списки определений, обнаруживаемые в словарях, способствовали созданию ложной картины того, что происходит при использовании языка» [8: 205].

О роли ассоциаций в языке и культуре пишет Б. Барлоу: «Поскольку нас особенно интересует человеческий интеллект, следует указать на свойства структуры ассоциаций, присущие только человеку: у нас есть устная речь, в которой слова выступают в качестве ассоциаций на сенсорные стимулы, и письменная речь, связывающая эти ассоциации в предложения, книги, библиотеки и целые академии, целью которых является выявление и исследование ассоциаций между отдельными словами» [9: 382].

Литература

1. Агафонов А. Ю. Когнитивная психомеханика сознания. Изд. 2-е. Самара, 2007.
2. Долинский В. А. Теория ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. М., 2012.
3. Долинский В. А. Ассоциативные отношения: междисциплинарный подход // Вестник МГЛУ. Выпуск 13 (679). Серия Языкознание. М., 2013. С. 30–58.
4. Пиотровский П. Г., Паиковский В. Э., Пиотровская В. Р. Психиатрическая лингвистика. Изд. 2-е. М., 2009.
5. Altmann G. Two models for word association data // Glonomerika. 13. Bochum, 1992. P. 105–120.
6. Best K.-H. Quantitative Linguistik. Eine Annäherung. Göttingen, 2006.
7. Galton F. Psychometric experiments // Brain. 2. 1879. P. 149–162.
8. Hanks P. Do Word Meanings Exist? // Computers and the Humanities. 2000. 34 (1–2). P. 205–215.
9. Oxford Companion to the Mind / Ed. by Richard L. Gregory. Oxford; New York, 2004.

Презентизм и «новый фатализм» в концептуальной метафоре

А. В. Егорова

Московский архитектурный институт (государственная академия)

anavegor@gmail.com

Темпоральная ориентация, концептуальная метафора, презентизм, фатализм.

Summary. The theses dwell on the time orientation in the beginning of the XXI century expressed by metaphor means in advertising slogans. Time perception can be named as presentism with the dominating characteristic of “new fatalism”.

Прежде чем непосредственно обратиться к теме настоящего доклада, необходимо вкратце остановиться на основных выводах, к которым пришел автор в 2012 году, ставя перед собой задачу зафиксировать основную тенденцию восприятия временных модусов на материале языка рекламы начала XXI века. С точки зрения темпоральной ориентации русской культуры XX век может быть определен как период перспективной ориентации, т. е. ориентации на будущее, которая находит выражение в утопических идеалах. Время воспринимается как векторно ориентированное ускоренное движение общества в направлении будущего (лозунги: «Время, вперед!», «Дети – наше будущее», «Пятилетку в четыре года!» и т. п.). Распад Советского Союза сопровождался сменой темпоральной ориентации. Постсоветская эпоха может быть охарактеризована как эпоха презентизма, главным признаком которого является примат физического настоящего. Советская утопическая модель сменилась такой временной моделью, которая в наибольшей степени отвечает запросам общества потребления. Этот тезис подтверждают выделенные нами три основных типа рекламных слоганов последнего десятилетия:

а) *будущее приходит вместе с...* (кофеваркой, мобильным телефоном автомобилем и т. п.);

б) *будущее уже наступило...* (если вы купили кофеварку, мобильный телефон, автомобиль и т. п.);

в) *будущее здесь и сейчас...* (ведь вы уже купили кофеварку, мобильный телефон, автомобиль и т. п.) [2].

Перейдем непосредственно к рекламному тексту, заставившему нас вновь рассмотреть проблему связи настоящего-будущего. Реклама автомобиля «BMW Spyder» расположена на двух страницах ноябрьского номера журнала «Аэрофлот» 2012 года: на первой мы видим фото мужественного молодого человека, лицо которого повернуто почти в профиль, фотография сопровождается подписью «Мы конструируем мечты...». Почти ничто не намекает на предмет рекламы, за исключением скромного прямоугольника в верхнем правом углу с логотипом концерна «BMW» и его электронным адресом в России. На следующей странице нас ожидает продолжение – кабриолет «BMW Spyder» мчится, удаляясь от зрителя, по направлению к футуристическому городу, застроенному небоскребами, прямо на восход солнца. Под изображением читаем подпись: «Добро по-

жаловать в будущее. Сегодня. Мы конструируем мечты. Генерируем впечатления. Мы разбираем будущее на детали. И собираем из них инновации. Мы делаем все, чтобы Вас не покидало чувство... Чувство удовольствия от вождения. BMW. Мы изобретаем эмоции». Отметим, что первые два предложения в рекламном тексте выделены огромным, по сравнению с другими фразами, кеглем и жирным шрифтом, следовательно, эти две фразы – главный посыл потребителю.

Может показаться, что этот рекламный текст принципиально ничем не отличается от тех, что были проанализированы нами более года назад. Действительно, уже сегодня фирма BMW приглашает нас в будущее, символически представленное утопающим в солнечных лучах городом, в визуальный ряд оказываются вписанными метафоры «светлое будущее», «заря новой жизни». В изобразительном ряду находим еще одну концептуальную метафору, а именно – темпоральную модель Пути, которой была посвящена блестящая работа Н. Д. Арутюновой [1: 689–691]. Машина удаляется от нас по *дороге*, на которой не видно никакого другого транспорта, и это неудивительно, ведь только владелец «BMW Spyder» удостоился чести оказаться в будущем, отметим, что человека за рулем рассмотреть не удается, водитель абсолютно деперсонифицирован.

Что делает этот рекламный текст непохожим на рассмотренные ранее? Во-первых, появление концепта мечты. Мечта определяется словарем МАС как что-либо, созданное воображением, фантазией, как предмет стремлений, желаний. Таким образом, мечта принадлежит тому же когнитивному полю трансценденции, что и будущее.

Еще более интересным для исследователя является выраженный в приведенном тексте взгляд на предопределенность будущего. XX век, как и более ранние эпохи, характеризовался столкновением двух полярных точек зрения на будущее – божественного предопределения и концепции свободы воли, крайней формой которого считается волонтаризм.

Концепция божественного предопределения в науке получила название теологического фатализма. Суть противоречий между свободой воли человека и божественным пре-

допределением подробно изложена в монографии А. С. Карпенко «Фатализм и случайность будущего: логический анализ». Философ пишет, что учения авраимических религий утверждают, что «Бог является всеведущим. Отсюда сразу следует, что Бог имеет знание будущего и таким образом предвидит человеческие действия. В то же время утверждается, что человек морально ответствен по крайней мере за некоторые свои поступки. Отсюда следует, что некоторые человеческие действия свободны. Но тогда очевидно, что божественное предвидение и человеческая свобода несоместимы» [3: 75].

Православной церковью была осуществлена попытка примирить столь явное противоречие. Иоанн Дамаскин сформулировал постулат «Бог все предвидит, но не все предопределяет», исходя из которого можно говорить о некоторой свободе выбора, предоставленного богом человеку.

Вернемся к объекту нашего изучения – рекламе автомобиля BMW. Следуя тексту рекламы, мы видим, что мечты *конструируются* концерном BMW, который затем *разбирает будущее на детали*, из которых впоследствии *собираются* инновации. Мечты и будущее оказываются объединенными по одному признаку, они выступают как элементы конструкции, проект которой известен лишь концерну BMW. Какова же функция этого концерна? На наш взгляд, достаточно очевидно, что концерн приписывает себе силу Демидурга, создающего будущее. Позволим себе высказать гипотезу о том, что в XXI веке вместо божественной предопределенности, характерной для религиозного сознания, мы получаем новый тип предопределенности, или «новый фатализм», предполагающий формирование будущего корпорациями и компаниями, нацеленными на предугадывание запросов потребителя, на удовлетворение той мечты, которую сами же эти компании и генерируют.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Егорова А. В. Будущее здесь и сейчас: переориентация временных модусов XX–XXI веков // Полифония большого города. М., 2012. С. 30–40.
3. Карпенко А. С. Фатализм и случайность будущего: логический анализ. М., 2007.

Исследование поэтической модели мира: опыт лингвокогнитивного анализа

В. И. Загрядская

Колледж сферы услуг № 10 (Москва)
vizagry@gmail.com

Когнитивная лингвистика, концепт, лексико-фразеологический концепт, значение слова.

Zusammenfassung. Im Vortrag wird die Repräsentation des lexiko-fraselogischen Konzeptes «Musik» in den russischen und deutschen künstlerischen Weltbild betrachtet, werden Merkmale des untersuchten Konzeptes bezeichnet.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики формируются школы-направления лингвокогнитивного анализа, связанные с именами отдельных ученых, отражающие многообразие подходов к изучению концептов. Мы придерживаемся подхода, принятого в Воронежской теоретико-лингвистической школе под руководством профессора З. Д. Поповой (основные постулаты см. в работах З. Д. Поповой и И. А. Стернина).

З. Д. Попова и И. А. Стернин предполагают, что и концепт может получить полевое описание: в терминах ядра и периферии.

Проведенное нами исследование позволяет выявить общие и специфические, национальные черты в способах отражения концепта «музыка» в поэтических моделях русской и немецкой художественных картин мира XIX–XX в. в.

Структуризация полей. Все поля одинаково структурированы: сильный ядерный концентр, богатая ближняя периферия, хорошо выраженная дальняя периферия, слабо выраженная крайняя периферия.

Динамика ядра лексико-фразеологического поля «МУЗЫКА» по произведениям русских и немецких поэтов XIX–XX вв.

ядро ЛФП «музыка» по произведениям русских и немецких поэтов XIX в.	ПЕСНЯ ПЕТЬ НАПЕВ	<i>Lied Gesang</i> <i>singen</i> <i>Chor</i>	ЗВУК	<i>Ton</i> <i>Klang</i> <i>Musik</i>	ГОЛОС	<i>Glocken</i> <i>Stimme</i> <i>Saite</i>
ядро ЛФП «музыка» по произведениям русских и немецких поэтов XX в.	ПЕСНЯ ПЕТЬ	<i>Lied Gesang</i> <i>singen</i>	ЗВУК МУЗЫКА	<i>Klang</i> <i>Musik</i> <i>Ton</i>	ГОЛОС	<i>Glocken</i> <i>Stimme</i>
парцеллы полей	«формы музыкального произведения, их исполнение и исполтели»		«способы существования музыкального звучания»		«источники музыкального звучания»	

При сопоставлении моделей ЛФП наблюдается динамика качественных изменений в наполнении полей, представляющих одну и ту же художественную картину мира.

ЛФП «музыка» по произведениям русских поэтов

1. Так, отличительной особенностью ЛФП в русской поэзии XX в. является смещение семантического акцента с парцеллы «*формы музыкального произведения*», репрезен-

тирующей преимущественно вокально-инструментальные жанры, на парцеллу «*способы существования музыкального звучания*», языковые средства которой вербализуют содержание инструментальной музыки.

2. Необходимо заметить, что средства вербализации концепта в ЛФП XX в. значительно обогащаются лексикой, обозначающей понятия и термины теории музыки (музы-

кальная терминология), а также яркими интерпретациями музыкальных впечатлений, авторскими метафорами, объективирующими музыкальные образы.

Признаки концепта «музыка» по произведениям русских поэтов XIX–XX в. в.:

- *воплощение музыкального звучания*: исполнение песни и распространение звучания песни, музыкальных инструментов и их атрибутов (*рояль, колокол, смычок, струна, скрипка, орган*);
- *назначение звучания* песни, колокольного звона (содержание колокольного звона актуализировано поэтами XX в.);
- чаще *эмоциональное восприятие* звучания песни, музыкальных инструментов в XIX в. обогащается в XX в. *интеллектуальным восприятием* музыки как звучащего искусства, которым можно овладеть;
- *воздействие* музыки на интеллектуально-модальное восприятие.

ЛФП «музыка» по произведениям немецких поэтов

1. Изменения прослеживаются в составе парцеллы «события существования музыкального звучания». В отличие от поля XIX в., где более частотной была лексема *Ton* (звук) и сема «музыкальное звучание» была актуализирована в семемах лексем-синонимов: *Klang, Schall, Hall, Laut*, парцеллу поэтов XX в. возглавляют лексемы *Klang* и *Musik*, реализующие «специальную музыкальную» сему «гармоничное звучание, музыка».

2. С постоянством, указывающим на развитость явления в семантическом пространстве языка, парцеллу «источники

музыкального звучания» исследуемых полей возглавляет ядерная лексема *Glocken* (колокола).

Результаты сопоставления полей позволяют сделать вывод об отсутствии значительной динамики **признаков концепта «музыка»**, репрезентируемом в немецкой поэзии XIX–XX вв. Можно отметить лишь некоторое переключение внимания поэтов с одних признаков концепта на другие:

- в поэтических контекстах XIX в. ярче представлены великие немецкие композиторы, в поэзии XX в. преобладают характеристики исполнения и исполнителей;
- поэтические контексты XIX в. передают в большей степени содержание звучания *песни*; в поэзии XX в. актуализируется содержание инструментального звучания, и соответственно обогащается круг представлений из области музыкального искусства
- в восприятии музыки поэтами XIX в. преобладает обожевление звучаний, возвышенность ощущений (*царство звуков, царица искусств*), преклонение перед ее создателями; в поэзии XX в. проявляется и другое, более «приземленное» отношение к музыке как к ремеслу, которое можно даже ненавидеть.

Проведенное исследование позволяет сказать, что национальная специфика языкового отражения концепта в художественной картине мира определяется степенью его представленности в концептосфере народа и соответственно в семантическом пространстве языка, оно корректируется и обогащается индивидуально-авторским осмыслением концептуализируемого явления.

Языковая картина мира: между Сциллой и Харибдой

Анна А. Зализняк

Институт языкознания РАН (Москва)

anna.zalizniak@gmail.com

Полемика вокруг категории «языковая картина мира» и ряда связанных с ней понятий и представлений становится все острее (см. недавнюю публикацию: От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» СПб: Anthology, 2013). Цель моего доклада состоит в том, чтобы прояснить позицию мою и моих коллег и, в частности, выявить точки разногласий – как с критиками категории «языковой картины мира», так и с некоторыми ее приверженцами. Не ставя перед собой задачи переубедить наших оппонентов, я хочу лишь показать, что языковая картина мира – это не что иное как определенная часть семантической системы языка; ср. [Бартминьский 2005; Grzegorzczkova 1990; Апресян 1995; 2006; Урысон 2003, Зализняк 2006, 2013; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; 2012; Березович 2007; Апресян В. 2008; 2011а, б; Толстая 2002; 2008; Шмелев 2010; Руссо 2012] и др.

По-видимому, ни у кого из лингвистов не вызовет возражения утверждение, что язык производит концептуализацию действительности, т. е. членение и структурирование фрагментов внеязыкового континуума при помощи системы языковых значений. Со следующим утверждением, как мне представляется, также невозможно не согласиться: каждый язык производит это членение немного по-разному (для подтверждения этого тезиса можно даже не обращаться к зыбкой материи лексической семантики: достаточно того, что состав грамматических категорий и / или их значений у каждого языка свой). Следующий шаг приводит нас к гипотезе Сэпира-Уорфа: человек членит мир в соответствии с концептуальной сеткой родного языка. Как писала Марина Цветаева в письме к Ариадне Берг, «Nous avons autant d'âmes que nous écrivons de langues. C'est la moi française qui vous écrit» [«У нас столько же душ, сколько языков, на которых мы пишем; вам пишет мое французское «я» / моя французская душа»]. Когда в начале 90-х годов мне довелось впервые встретиться с французским языком как реальным средством коммуникации и выражения мыслей, я с удивлением обнаружила, что некоторые мысли по-французски не выражаются – и не потому, что в этом языке нет для этого средств, а потому, что в этом нет нужды: оказалось, что по-французски не говорят «я постараюсь» или «я собираюсь» <нечто сделать> – потому что по-французски *так не думают* (а думают «я попробую...» или «я намереваюсь...» –

что, как выясняется, далеко не одно и то же, и в некоторых случаях подмена приводит к совершенно абсурдному результату). Действительно, разные языки производят операцию членения и осмысления мира по-разному; при этом, усваивая язык, человек одновременно усваивает и задаваемую им концептуализацию действительности, которую он принимает за реальное устройство мира (ср. [Апресян 1995: 350]). В этом смысле мы говорим, что система представлений, формирующая языковую картину мира, *на языке* усваивается на данном языке. Зависимость человека от родного языка не следует преувеличивать – однако можно сказать с определенностью, что языковая картина мира, предлагаемая человеку его родным языком, это один из факторов, который, среди прочих, влияет на его индивидуальную картину мира. В зависимости от разных обстоятельств, это влияние может быть большим или меньшим; в любом случае, экспликация тех связей, оценок и представлений, которые формируют языковую картину мира родного языка и приобретаются одновременно с его усвоением, обеспечивают человеку свободу выбора в отношении их сознательного приятия или отклонения. Никаких более далеко идущих выводов (в частности, касающихся каких-либо психологических свойств говорящих на том или ином языке) из факта различной языковой концептуализации мы не делаем, и никакого отношения к паразитирующему на научных терминах националистическому дискурсу наши работы не имеют. Упреки наших оппонентов имеют под собой лишь то основание, что в данной области, как в этимологии, а может быть даже в большей степени, уж очень велик соблазн – и, соответственно, опасность – разного рода спекуляций.

Для некоторых авторов, относящих себя к когнитивному направлению, является аксиомой, что язык выражает «национальный менталитет» (ср. названия монографий [Попова, Стернин 2003; Мельникова 2003; Головановская 2009; Корнилов 2011] и др.); сплав этих категорий обозначается термином «лингвокультура», или даже «лингвоменталитет»; соответственно «языковая картина мира» фактически приравнивается к внеязыковой категории «национальная картина мира» («национальная ментальность» / «менталитет»). Идея, что язык выражает «дух народа» восходит к работам Вильгельма фон Гумбольда и Лео Вайсгербера; напомним

также, что сама идея «особого пути» пришла в Россию из Германии эпохи романтизма, ср. концепцию *Sonderweg*. Однако, как представляется, в современной гуманитарной науке «русская идея» (как бы она не обозначалась) может фигурировать исключительно как объект культурологического исследования – как этностереотип, идеологема массового сознания, культурный миф и т. д.

Центральным для современной российской когнитивной лингвистики является понятие «концепт», который понимается приблизительно как квант культурного опыта языкового сообщества (не обязательно закрепленный в каком-либо слове). Если попытаться вывести слово «концепт» из области мифологии, ему можно предложить следующее понимание.

Концептом может быть названо любое языковое значение. Оно может быть простое – как в случае «семантических примитивов» А. Вежицкой, т. е. элементарных, неразложимых «смысловых атомов», которые могут быть названы также «концептуальными примитивами». Однако концептом может быть также названо сложное значение, т. е. «концептуальная конфигурация», закрепленная в каком-либо слове (именно такие концепты изучаются в [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; 2012]).

Термин «концепт» противопоставлен термину «понятие» в том отношении, что *понятия* создаются людьми (которые их вырабатывают и дают им определения), – в отличие от *концептов*, которые создаются самим языком, ср. [Демьянков 2007: 616].

С другой стороны, «концепт» не равен «культурному концепту»: различие между ними состоит не столько в том,

что последний отсылает к тем языковым значениям, которые являются «культурно значимыми» (эту границу провести практически невозможно), но прежде всего в том, что концепт, в том смысле, как он понимается здесь, это языковое значение, а «культурные концепты» реконструируются в том числе на основании текстов на данном языке, и даже шире – разнообразных текстов культуры.

Описание концептов, формирующих семантическую систему русского языка, которое может быть обозначено словом «концептография», представляет собой раздел русской лексикографии. Отдельной, не менее увлекательной – но решаемой другими методами задачей – может стать составление «словаря русской ментальности»; междисциплинарность современного гуманитарного знания не означает необходимости нарушения естественных границ.

Литература (избранная библиография)

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II, М. 1995.
2. Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2006.
3. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. К вопросу о термине «языковая картина мира» // *Russian Linguistics*. 2013. Vol. 37 (1). P. 5–20.
4. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
5. Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» [http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/9.pdf].
6. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 1 (3).

«Я – семья и человечество – семья» (к вопросу о продуцирующих возможностях концепта «семья»^{*})

Н. Н. Занегина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

zanegina@gmail.com

Русский язык, концепт, семья, переносное значение.

Summary. One of the distinguishing features of the concept is its ability to incorporate and cover the wide variety of denotations. The report deals with the variety of the Russian concept “family”’s denotations. The material consists of fiction texts, media texts and blogs.

Одной из отличительных особенностей концепта является его способность включать в поле окказионально покрываемых им денотатов максимально широкий круг предметов. В докладе на материале текстов художественной литературы, текстов СМИ и блогов речь пойдет о круге таких денотатов для концепта «семья».

Исходное, типичное содержание концепта, естественно, наиболее частотно среди встречающихся контекстов. Оно представлено, например, в таких высказываниях: *Семья Худяковых такая: отец Николай Иванович, сухой, пятидесятилетний, подвижный, как юноша, резкий... Шофер. Как разволнуется, начинает заикаться. Мать Лариса Сергеевна, обычно крикливая, но не злая. Сын их Костя, двадцатитрехлетний, слесарь, тоже нервный, часто волнуется, но тогда не кричит и не говорит – мало говорит – старается найти слова сильные, точные, не сразу их находит и выразительно смотрит темно-серыми глазами на того, кому он хотел бы найти эти слова. И наконец дочь Алевтина, двадцатилетняя, с припухлыми, чуть вывернутыми губами, хоть тоже шумливая, но добрая и доверчивая, как овца (Шукшин); Захожу, оглядываюсь, батюшки, внутри все семейство – и маманя тебе, и папаня, и еще малец у них пятилетний должен быть, но я его не заметил (Ю. Мамлеев).*

Расширительные значения порождены несколькими основными идеями, создающими концепт «семья»: это идея близости интересов, занятий, идея близости по родству и идея пространственной близости.

Зафиксированные в толковых словарях языковые расширения, основанные на идее общих интересов, занятий, объединяют в семью множества разной величины: от нескольких человек до целого народа:

– соседи: *Под вечер иногда сходилась / Соседей добрая семья, / Нецеремонные друзья, / И потужить и позлословить / И посмеяться кой о чем (Пушкин);*

– товарищи по какой-либо деятельности: *Парня встретила славная фронтовая семья, / Всюду были товарищи, всюду были друзья. / На знакомую улицу позабыть он не мог: / «Где ж ты, девушка милая, где ж ты мой огонек?» (Исаковский); У уходил тогда в поход, / В далекие края <...> / Второй стрелковый храбрый взвод / Теперь моя семья (Долматовский);*

– народ: *Фигурно иль буквально: всей семьей, / От ямщика до первого поэта, / Мы все поем уныло. Грустный вой / Песнь русская (Пушкин); А нация – это тоже семья, только следующего уровня и объема; и ее тоже скрепляют неповторимые внутренние связи – общий язык, общая культурная традиция, воспоминание об общей истории и задачи ее на будущее (Солженицын).*

Однако дальнейшее развитие идеи подобного коллектива порождает индивидуально-авторские сочетания, где в семью включается максимальное количество живущих людей: – народы: *Нередко / Он говорил о временах грядущих, / Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся (Пушкин); И славяне, которых ты в мантии дикой / За людей не считал и плевал им в лицо, / Встали грозной семьею единой, великой, / Чтоб тебя, вурдалак, посадить на кольцо (Лебедев-Кумач);*

– все человечество: *Ему твердили с укоризной, / Что не любил он край родной; / Он мир считал своей отчиной / И человечество – семьей! (Плещеев).*

Семантическое движение в противоположном направлении приводит к сужению семьи до одного человека, одного,

^{*} Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-34-01266-а2 «Концепт „семья“ в русской языковой картине мира».

но обладающего богатым внутренним миром, а значит, множественным эго, позволяющим все тот же «коллектив» находить внутри одной личности:

Я – семья / Во мне как в спектре живут семь «я», / невыносимых, как семь зверей / А самый синий свистит в свирель! / А весной / Мне снится / что я – / восьмой! (А. Вознесенский). Ср. при этом бытовые высказывания вроде *Я живу один, я сам себе семья*.

Языковая идея генетической близости проявляется в нахождении семьи, подобной человеческой, у животных (вообще живых существ): группа животных, состоящая из взрослых и молодых особей. Так появляются *семья воробьев, хомяков, пчел, скворцов, грачей, мартышек, крыс, лягушек*:

[Катя] *выбирала из корзинки оставшиеся в ней крошки белого хлеба и бросала их небольшой семейке воробьев* (Тургенев); *В мамекиной спальне поселилось семейство хомяков...* (Салтыков-Щедрин); *Как опытный пчеловод, привычно внимающий гулу потревоженной большой пчелиной семьи, Щукарь и тут сохранил выдержку и полное спокойствие* (Шолохов); *В синем небе щебет слышен / К нам летит семья скворцов* (Барто); *Огромной семье серых мартышек жилось привольно. Плодились, размножались, наполняли городок* (Ф. Сологуб); *Тихо было и в верхнем этаже, где жил с сестрой комендант Совдепа Колчагин, и за стеной – у чужих людей, и в подвальном помещении, где семья крыс обдумывала предстоящий ночной поход* (Ф. Сологуб); *Расквакалась лягушечья семья / Весенней ночью меж болотных кочек* (Маршак).

Индивидуально-авторским же являются сочетания, в которых живыми существами оказываются растения (*семья тополей, сосен, берез, роца как семья*) и грибы (*семья груздей*). Основанием для такого переноса можно считать био-

логическую способность воспроизводить себе подобных и пространственную близость.

Поднявшись гордо над рекою, / Дворец Нерона мирно спит; / Вокруг зеленою семьею / Ряд стройных тополей стоит (Надсон).

Пространственные отношения порождают гораздо реже встречающиеся, однако допускаемые языком сочетания типа *семья гор, семья планет*:

Высоко над семьею гор, / Казбек, твой царственный шатер / Сияет вечными лучами (Пушкин) [Это же, казалось бы, окказиональное, сочетание встречается у Мамина-Сибиряка: *Кругом озера семьей стеснились горы, они волнистой линией тонули в синеватой дымке горизонта*.]; *Земля! зеленая планета! / Ничтожный шар в семье планет!* (Брюсов).

Индивидуально-авторские контексты максимально расширяют круг охватываемых этой метафорой денотатов: *семья книг на полке, семья колонн, семья дней*:

Как женщин, он оставил книги, / И полку, с пыльной их семьей, / Задержул траурной тафтой (Пушкин); *Коринфские колонны облупленной семьей / Поддерживают кров «мещанской богадельни»* (С. Черный); *Счастливей день! Его я отличаю / В семье обыкновенных дней; / С него я жизнь мою считаю, / Я праздную его в душе моей!* (Некрасов).

Таким образом, в русской языковой картине мира семьей может быть назван как один человек, богатство внутреннего мира которого позволяет ему находить в себе не одну личность, а несколько, так и все человечество (ср.: *Все люди – братья*). Перенесение идеи семейных отношений с человека на любые живые существа позволяет говорить о семьях животных и растений. Метафорический принцип, по которому наиболее ярким образом, воплощающим идею пространственной близости, оказывается семья, порождает сочетание типа *семья дней*.

Лингвоимагологические аспекты русского мировидения

Л. П. Иванова

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова (Киев, Украина)

lupiv@mail.ru

Лингвоимагология, оценка, прецедентность, паралингвистическая ситуация, стилистические коннотации.

Summary. The report focuses on the justification of lingvoimagology as a new direction of linguistic research which has its own object, subject (evaluation, precedence, paralinguistic situation, stylistic connotations), method and material.

Имагология сформировалась как одно из направлений сравнительного литературоведения. На Украине у истоков ее стояли Д. С. Наливайко и В. В. Орехов, изучавший французский текст в русской литературе и русский – во французской, цель такого рода исследований – установить имидж (образ) той или иной страны или народа в сознании другого народа, как правило, это зеркальное отображение.

Отношение к тому или иному народу вербализуется и проявляется в использовании определенных языковых или паралингвистических средств, что привело нас к мысли о создании лингвоимагологии, находящейся на пересечении когнитивной лингвистики, прагматической лингвистики и теории коммуникации, прежде всего, межкультурной коммуникации. В современных геополитических условиях лингвоимагологические исследования особенно актуальны.

Согласно требованиям науковедения, для формирования нового направления необходимо определить объект, предмет, метод, понятийный аппарат.

Объектом лингвоимагологии является имидж (образ) одного народа в языковом сознании другого народа.

Предметом анализа является оценка, прецедентные феномены, паралингвистическая ситуация, стилистические коннотации. Отметим, что данный перечень не является конечным. Лингвоимагологические исследования только начинаются, поэтому могут появиться и другие единицы анализа, наши наблюдения позволили выделить вышеуказанные.

Лингвоимагологический метод тоже пребывает в стадии становления, он вбирает в себя элементы сопоставительного, описательного, а также интен-анализ и контент-анализ.

Возникает вопрос о материале для исследования. Литературоведы-имагологи изучают прежде всего дневники, эпистолярные, мемуары, газетную публицистику. Именно по

такому пути идет А. А. Мороз, анализирующий имидж противника в ходе I обороны Севастополя (русско-турецкая война), когда воевали русские, французы и англичане. Выбор материала обусловлен тем, что события происходили «здесь и сейчас», поскольку имидж народа меняется во времени и пространстве, примером чему может служить изменяющийся образ немцев, начиная с побед Александра Невского до сегодняшнего дня.

Мы пошли несколько иным путем: проанализировали образ Африки и Европы в поэзии Н. С. Гумилева – носителя элитарной русской культуры и страстного путешественника. Затем была переписка кн. Е. Р. Дашковой, произведения Н. М. Карамзина и др. В ходе исследования выяснилось, что несмотря на ярчайшую индивидуальность каждого из них, возможно вычленив некоторые константные характеристики, позволяющие говорить о русском мировидении: внимание и уважением к людям и событиям, стремление ничего не упустить, поэтому отдается дань и природе, и животному и растительному миру, и географическим понятиям, абсолютная доброжелательность, иногда легкая ирония, но никогда не насмешка, не стремление показать и ощутить себя выше кого бы то ни было (касается это жителей Европы либо Африки).

Данные результаты привели к мысли о необходимости изучать имидж родной страны, так были проанализированы «Франкфуртские письма» Г. Бёлля и «Большая Россия» Д. С. Мережковского.

В частности оказалось, что оценка характеризует не столько оцениваемое, сколько оценивающего, что дало основание для постановки и изучения проблем «Африка глазами Н. С. Гумилева», «Англия глазами кн. Е. Р. Дашковой» и т. п. Отметим, что последняя для своего сына составила

перечень явлений, который прежде всего необходимо изучить путешественнику. В этом же русле стали проблемы «Жан-Жак Руссо, Дидро в восприятии Н. М. Карамзина», «Европейские деятели литературы и искусства в сознании Н. С. Гумилева».

Наивные пределы времени в зеркале языка

Г. В. Калиткина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

dasty2@yandex.ru

Онтология, семантика, время, начало, конец.

Summary. The paper analyzes the connection between names of temporal beginnings and ends and ontology of the element of reality, represented in everyday language.

Лингвистами давно доказан парадоксальный факт: высокая абстракция «начало / конец» является плодом наивного сознания, и ее разнообразные воплощения репрезентирует в том числе и лексика обывденного языка. История развития семантики пределов, крайних точек вновь верифицирует примарность для многих когнитивных схем пространственной ипостаси мира, но значимость целостной оппозиции «начало / конец» росла благодаря постепенно углублявшейся трактовке темпорального измерения бытия. До сих пор концепты начало и конец в русской ЯКМ асимметричны и на уровне охвата денотативных сфер пространства и времени, и на уровне дуальности начала и конца.

Помимо имен *начало* и *конец* эти абстрактные смыслы имеют частные конкретные обозначения, в том числе и для темпоральных пределов. Вполне очевидно, что многообразием действительности обусловлено и многообразие пределов времени. Однако онтология мира «каков он есть» и онтология мира «сквозь призму языка» не могут совпадать по определению. Так, в языковом зеркале наименее индивидуализированными предстают темпоральные пределы ситуаций (положений дел), поскольку их терминальные точки редко маркированы специфическими обозначениями. Для них преимущественно используют парные широкозначные имена *начало / конец* (при возможности специальных метафорических предикатов начала и конца типа *завязать знакомство*, *погасить конфликт*).

Происхождение оппозиции «начало / конец» позволяет обратиться к феноменам, предполагающим и пространственное, и временное воплощение, – гетерогенным текстам культуры (1). Среди них бытуют многократно реализующиеся в процессе коммуникации тексты-объекты (1.1). Они предстают в своей материальной данности как линейной развертывающаяся последовательность знаков, которая поддается письменной фиксации. Их начала и концы отмечены пространственно-временным синкретизмом и представлены парными именами типа *пролог / эпилог*, *предисловие / послесловие*, *введение / заключение*, *завязка / развязка*. Хотя язык может предлагать специальное имя только для одной из терминальных частей текста-объекта (*пreamбула*, *увертюра*, *вступление* vs. *кода*, *концовка*, *постскриптум*), шлифуемые культурой нормы создания объектов такого рода обеспечивают если не теоретическую, то профессиональную рефлексию над их структурой и высокую долю парных номинаций пределов.

Акциональные тексты культуры (1.2), подпадающие под онтологическую категорию «событие» (изменение мира), не являются материальными объектами, но также существуют во времени, каждый раз создаваясь заново определенной последовательностью действий (сценарием), которая контролируется человеком (культурой). Их начальные и конечные акты маркируют опозитивные имена типа *открытие / закрытие*, *старт / финиш*, *дебют / эндишль*, *заговенье / разговенье*, *предпразднество / попразднество*. Непарные номинации темпоральных пределов событий уже теряют «семантическую симметричность». Начало представлено не только «начальным актом в ряду разнородных актов» (*вернисаж*), но и «первым актом в ряду однотипных» (*преьера*). Коннотациями начала отмечаются и имена со значением «время, предшествующее событию»: *канун*, *сочельник*, *преддверие*. Конец же предстает более целостным семантически и разработанным лексически: разные «имена концов»

Таким образом, лингвоимагология – новая отрасль лингвистического знания, имеющая свой объект, предмет, формирующий метод, а также оригинальный круг проблем, отражающих, с одной стороны, русское мировидение, а с другой – индивидуальность реципиента.

маркируют предел не только акциональных текстов культуры, но и более широко трактуемых событий и ряда ситуаций: *завершение*, *окончание*, *излет*, *исход*, *заключительный аккорд*, *точка*. За рамками литературной нормы функционирует объемная группа имен со значением неудачного конца *амба*, *капут*, *каюк*, *кранты*, *крышка*, *облом*, *гроб* и свободных от этих сем единиц *баста*, *точка*, *шабаш* и т. д. При этом положительная оценка конца и любая оценка начала выражается сверхсловными наименованиями, например: *великий почин / победный конец*.

(2) Самостоятельный тип темпоральных феноменов составляют процессы, полностью или преимущественно не контролируемые человеком, следовательно, и не порождаемые культурой как внеприродной реальностью. Вместе с тем терминальные точки циклических процессов (2.1) являются плодом культурной конвенции: *январь / декабрь*, *утро / вечер*. Культура и религия могут диктовать экстатическое переживание темпорального начала (*Новый год*) или же конца (так, конфессионально выделены *воскресенье*, *суббота*, *пятница*), но их парность ослабляется и противоположный предел выглядит как бы «снятым». Непарные имена репрезентируют начала циклов, например, *предзимье* и устаревшее ныне *пролетье*. Среди метафорических единиц более актуальны имена с коннотациями начала, чем конца: *утро*, *заря*, *рассвет*, *весна (жизни)* / *закат*, *осень*. Необратимый процесс бытия (2.2) в разных его проявлениях ограничен терминальными точками с парными именами *рождение / смерть*, *появление / исчезновение*, *формирование / распад*. Трактовка бытия как «вечного возвращения» (М. Элиаде) актуализирует коннотации начала (*возрождение*, *предок*, ср.: у парного имени *потомок* нет коннотации конца).

(3) Имена многих приходящих в мир, бытийствующих во времени, меняющихся объектов (не только натурфактов, но и артефактов – гетерогенных сущностей, отмеченных печатью человеческой деятельности, вплоть до идеальных символических форм) характеризуются сильными коннотациями темпоральных пределов: *младенец / старик*, *завязь / плод*, *новина (залог) / залежь (выпашь)*, *гипотеза / теория*, *посыл / вывод*. Имена объектов, которые вовлечены в том или ином качестве в процессы порождения и гибели живого, коннотируют слабее: *повитуха / гробовщик (могильщик)*, *колыбель / гроб (могила)*, *пеленка / саван*.

Нестабильные во времени вещные объекты ярко выявляют асимметрию в концептуализации темпоральных пределов. Развитие живого объекта – растянутый процесс, и коннотации начала почти в равной степени характерны для обозначений многих его стадий. Это показывают общерусские и диалектные номинации возрастов человеческого существа. Сходную картину представляет и денотативная область растений: *семя*, *зародыш*, *всходы*, *росток*, *завязь*, *зачатки*, *бутон*, *цветок*, – коннотации начала реализуются во всех метафорических ЛСВ приведенных имен. Ограниченный ряд артефактов тоже возникает как результат длительных духовных, интеллектуальных (*замысел*, *задумка*, *эскиз*, *набросок*, *проект*) или механических усилий (*болванка*, *заготовка*, *бутон*, *полуфабрикат*). В итоге обозначения еще «не воплотивших» идеал, норму объектов, бесспорно, коннотируют. Наконец, по мере использования большинства утилитарных артефактов их ресурс растрачивается, они обесмысливаются, «развеществляются» (М. Хайдеггер). В отли-

чие от имен начал, имена конечной стадии существования могут обозначать более частные понятия: 'прекращение существования в этом качестве и переход в другое', 'исчерпанность' и т. д. (*обмылок, отходы, обрат, ветошь, гниль*). Таким образом, в зеркале семантической системы языка вещные объекты разной онтологии бытийствуют во времени по-своему и их терминальные точки обладают разной значимо-

стью: язык свидетельствует, что для натурфактов важнее начало темпорального бытия, для артефактов – конец.

Имена темпоральных начал и концов объективируют и закрепляют когнитивный опыт языкового сообщества касательно вычленения свойств неуловимого спекулятивного времени и его культурную концептуализацию, несвободную от эмоций, переживаний, оценок.

К проблеме соотношения лингвокультурного концепта и археологического термина

Ю. Г. Кокорина

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

kokorina@inbox.ru

Термин, культурный концепт, археологическая терминология, древнерусский ювелирный узор, картина мира древних славян.

Summary. The report is devoted of correlation features of a parity cultural concept and the archaeological term. Terms in Russian, designating things and their parts, used as objects. Research is spent on an example of terminology of Ancient Russian ornaments.

В науке существуют различные классификации концептов и подходов к их изучению, но наиболее общим является положение о том, что термин «концепт» все активнее используется в двух направлениях – когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Концепт можно считать эквивалентом означаемому в структуре термина как знака, а в структуре археологического знания его можно считать эквивалентом научному понятию. Однако такое толкование концепта не является исчерпывающим – остается лингвокультурный концепт, который изучается в рамках лингвокультурологии. Без лингвокультурного концепта культура не может существовать. Таких концептов относительно немного – порядка четырех-пяти десятков, максимум их число достигает сотни, но они играют определяющую роль в функционировании любой культуры.

В задачу археологии, входит реконструкция картины мира людей далекого прошлого. Реконструкция этой картины мира невозможна без понимания культурных концептов древних народов, являвшихся носителями различных культур. Например, одним из таких концептов является *костюм*, имевший в традиционной культуре сложную семантику. Для реконструкции костюма как концепта древней культуры необходима дополнительная информация, которая может быть почерпнута из письменных и этнографических источников. Из-за плохой сохранности органических материалов археологам приходится интерпретировать *ювелирный узор*, который является также культурным концептом, связанным с более частным явлением, чем костюм. Ювелирный узор, в свою очередь, также распадается на ряд культурных концептов. Приведем только один термин, в основе которого лежит культурный концепт древних славян – *рясна* в древнерусском ювелирном уборе.

Название – *рясна* (*рясны*) – имеет этимологию, связанную у славянских народов со значением «густой, частый, крупный, обильный» и «украшение, кольцо». Их форма была подчинена семантике дождевых струй, символизирующих в представлениях древних славян плодородие земли, а декор на ряснах имеет сложную семантику, связанную с идеей верхней зоны мифологической Вселенной и, опять же, аграрным плодородием. Происхождение названия связано с формой этих украшений, представляющих собой систему крепившихся по обеим сторонам головного убора длинных цепочек, которые перемежались с бляшками и заканчивались колтами. Рясна представляли собой сложный культурный концепт, о чем говорят как лингвистические, так и археологические данные. Как свидетельствуют исторические словари русского языка, слово *рясны* наряду с приведенными выше значениями имеет праславянский источник, восходящий к **reḑsā*, связанного с *reḑъ*, *reḑiti* (ср. *ряд*, *рядить*).

Обращает на себя внимание обычное число бляшек в полном комплекте – 10 или 12, что указывает на календарную символику. В декоре рясен отражена последовательность развития растения – от прорастающего семени до опыления цветов, при этом именно отдельного растения, а не всего засеянного поля. При этом центральное место на бляшке занимает проросшее растение с лопнувшей оболоч-

кой и почкой, будущим ростком. Второй из важнейших сюжетов, изображаемых на ряснах, – это опыление растения. Оно изображалось укоренившимся, с развитыми листьями и раскрытым цветком, над которым помещалось несоответственно большое зернышко пыльцы, чем подчеркивалась важность процесса опыления. Если на ранних бляшках рясен были обязательными птицы, прорастающие семена и опыляемое растение, то на самых поздних украшениях этого типа помещались только два изображения: крест и опыление цветов.

Рясна находили в древнерусскихкладах, и анализировавшие находки археологи обозначали вещи словом, известным им по письменной и этнографической традиции. Так лингвокультурный концепт, важный для древних славян, стал археологическим термином.

Завершились рясны *колтами*. Термин *колт* впервые употребил в исторической литературе И. Е. Забелин, его использовал и Н. П. Кондаков в своей работе 1896 года «Русские клады», в которой произвел одну из первых классификаций древнерусских украшений и привел соответствующую терминологию. И. И. Срезневский отнес появление этого слова к XV в., но в новгородской грамоте XII в. пишется «Мени же ми кълтъке цетыре, по полугривне кълтъкъ золотых».

Слово *колт* восходит к «колыхать», что связано с местом украшения в древнерусском уборе. На колтах помещались, таким образом, как изображения самих вил-русалок, так и турьих рогов, из которых они поливают поля. Эти рога помещались даже на поздних колтах с изображениями христианских святых. С распространением христианства на колтах помещаются изображения христианских святых – Борис и Глеба, праздники в честь которых были установлены в сроки языческих аграрных празднеств. До XIX в. дожили выречения «Борис-Хлебник», «Борис Глеб – сеять хлеб».

Рассмотрение других терминов, основанных на обозначениях культурных концептов – элементов древнерусского ювелирного убора, позволяет реконструировать представления древних славян о мифологической Вселенной, понять логику освоения нашими далекими предками окружающей действительности во всех ее проявлениях.

Концепт реализуется в различных культурных кодах (природном, вещном, музыкальном и т. д. – количество таких кодов до сих пор остается неопределенным). Исследователь-археолог реконструирует, как правило, использование вещного кода, именно функция вещи становится основой для формирования археологического термина. Это в полной мере относится к украшениям, которые являлись знаком принадлежности к своей культурной общности, символом осознания своего места в структуре мифологической Вселенной, знаком удачливости и способом привлечь эту удачу, амулетом. Постепенно некоторые виды ювелирных украшений становятся своеобразными драгоценными книгами, в которых в изобразительной форме записываются цели мифологические и литературные сюжеты. Правильное прочтение этих «книг» с привлечением данных как лингвистики, так и археологии, открывает перед исследователями древних культур новые возможности в реконструкции картины мира наших далеких предков.

Структурно-семантическая сегментация суперконцепта «образование»

В. Б. Колдобанова

Кубанский государственный университет (Новороссийск)
vittoria-ko@rambler.ru

Суперконцепт, субконцепт, иерархия структуры суперконцепта.

Summary. Superconcept «Education» refers to the basic linguoculture concepts and it has difficult structure represented by the subconcepts and the linguoculture types.

Образование как составная часть национальной культуры является важным компонентом жизни отдельного индивида и социума в целом, поэтому соответствующее понятие находит разноаспектное отражение в языке и в коммуникативной деятельности. Хотя в обыденном сознании понятие «образование» обычно ассоциируется со взаимодополняемыми понятиями «школа» – «вуз», «учитель» – «ученик» и т. п., образование как социальный институт имеет очень сложную структуру, полностью известную только профессионалам, работающим в этой сфере. Будучи сферой социальной жизнедеятельности, образование представляет собой сложную иерархическую систему, что отражено в составных терминологических номинациях различных уровней системы с определениями *дошкольное, школьное, начальное, среднее, среднее специальное, профессиональное, высшее, дополнительное, послевузовское* и т. д. образование, а также в однословных наименованиях учреждений, осуществляющих образование в России: *школа, лицей, гимназия, училище, колледж, вуз, университет, академия, консерватория* – и ступеней высшего образования: *бакалавриат, магистратура, аспирантура, адъюнктура, интернат, ординатура*.

Следует отметить, что формирование данного социального института связано со становлением русской государственности, так что процесс образования молодого поколения издавна находится в центре внимания государства и общества, а в русском национальном сознании образование представлено как наиболее упорядоченная ценность, а также (наряду с *родиной*) как и наиболее устойчивая [3: 26]. При этом образование как процесс приобретения знаний (именуемый также *учением, учебой, просвещением*), ведущий к достижению определенного социального статуса, воспринимается как ценность не только социальная, но и индивидуальная, что отражено в русских поговорках типа *Ученье – свет, а неученье – тьма; Учиться всегда пригодится. Ученье лучше богатства, Ученье корень горек, да плод сладок* и т. д.

Отмеченные выше ценностные характеристики образования позволяют говорить о концептуальной природе понятия «образование», так как, по мнению В. И. Карасика, ценностный компонент в структуре концепта является принципиально значимым [2: 27], и если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо и так далее), этот феномен в данной культуре формирует концепт. Концепт «Образование» является лингвокультурным суперконцептом, представляющим собой ментальное образование высокой степени абстракции, в структуру которого входит несколько понятийных блоков – субконцептов, имеющих языковое выражение и отмеченных этнокультурной спецификой. Более того, суперконцепт «Образование» следует отнести к базовым лингвокультурным концептам, входящим в ядерную зону русской национальной концептосферы.

Таким образом, суперконцепт «Образование» можно представить как сложное, многоуровневое единство субконцептов (собственно концептов и лингвокультурных типажей): «Школа», «Вуз», «Учитель», «Ученик», «Образованный человек», «Необразованный человек» и др. Лингвокультурные типажы дифференцируются по основным когнитивным признакам – образованность, вежливость, тактичность, воспитанность, начитанность и т. д., которые

также составляют понятийную базу рассматриваемого нами суперконцепта.

Каждый элемент структуры суперконцепта, в свою очередь, может быть структурирован, причем в каждом концептуальном элементе следует видеть, согласно С. Г. Воркачеву, «многомерное смысловое образование», в котором возможно выделение трех составляющих: «понятийной, отражающей его признаковую и дефиниционную структуру, образной, фиксирующей когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостной, определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка» [1: 7].

Так, понятийная часть субконцепта «Учитель» репрезентируется не только лексемой учитель и ее гендерным вариантом учительница, но и двумя рядами идеографических синонимов, в словарном толковании которых присутствует семантический компонент «тот, кто преподает, обучает» или компонент «тот, кто обладает большим авторитетом и имеет последователей». Ср.: 1) *учитель – педагог, преподаватель, профессор* и др., и 2) *учитель – наставник, воспитатель, гуру* и др. Смысловый объем понятийной части концепта дополняется различными прагматическими составляющими лексем-репрезентантов, их коннотациями и ассоциациями, а также субъективным опытом носителей языка, который в обобщенном виде отражен в устойчивых сочетаниях слов, во фразеологии и паремииологии, а также в прецедентных литературных текстах, в афоризмах. Что касается ценностной составляющей субконцепта «Учитель», то важность этого концепта для каждого носителя языка и всего этноса несомненна: это ценностная доминанта русской концептосферы, ее культурная константа. Вместе с тем индивидуальное восприятие учителя может быть амбивалентным, о чем свидетельствует исследование школьного жаргона, в котором номинации учителя / учительницы обычно имеют негативную окраску: *училка, учихалка, задолбалка, классручка, классуха, матрона, препод, русак / русачка, физрук / физручка, химоза* и др. [5].

В концептосфере русского языка суперконцепт «Образование» обнаруживает как паритетные, так и иерархические связи с другими концептами. Так, он теснейшим образом связан с концептом «Знание», что выявляется через понятийную составляющую обоих концептов: образование традиционно понимается как *процесс* усвоения знаний и как *результат* этого процесса – «совокупность знаний, полученных в результате обучения» (см., например, толкование слова *образование* в [4: 560]). В то же время концепт «Образование» входит в качестве субконцепта в суперконцепт «Жизнь (человека)».

Литература

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
2. Карасик В. И. Этноспецифические концепты // Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. М., 2005. С. 8–101.
3. Синячкин В. П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: Лингвокультурологический анализ: Автреф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011.
4. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1982.
5. Тарасенко Т. П. Словарь жаргона краснодарских школьников. Краснодар, 2007.

Лингвокультурный концепт *качество* и рекламная коммуникация

Т. Б. Колышкина, И. В. Шустина

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
ktb-10@mail.ru, shustina-irina@rambler.ru

Рекламная коммуникация, концепт, качество, семантическое поле.

Summary. The aim of this work is to study the concept 'quality' as perceived by Russian consumers. The authors describe one of the possible ways of analysing the concept which is based on mathematical statistics and computer information processing.

Качество – один из тех показателей, который позволяет фирмам демонстрировать свое преимущество перед конку-

рентами. Качество – один из тех параметров, на которые ориентируются покупатели, приобретая товар. Понятие

качество употребляют, когда нужно оценить степень удовлетворенности клиента, высказать реакцию на тот или иной товар, а также определить торговые предложения, которые должны стать ключевыми в рекламных текстах. Поэтому изучение концепта *качество* весьма актуально для рекламной коммуникации.

Для рекламистов-практиков важно, как формируется представление о качестве того или иного продукта в сознании потребителя, как его измерить и проанализировать. Мы полагаем, что качество для человека – это его представления о свойствах – неких отличительных характеристиках товара или услуги. Вывод о них потребитель делает на основе других характеристик. Наличие субъективных параметров и неопределенность набора показателей делает оценку качества достаточно сложной задачей.

Данное исследование ставит своей целью изучить объем концепта *качество* в понимании русских потребителей. Поставленная цель определила следующие задачи: 1) сбор первичной информации по проблеме исследования, 2) подбор методологического инструментария (методов анализа информации), 3) обработка результатов исследования, 2) формулирование выводов и рекомендаций.

В работе были использованы метод опроса на этапе сбора информации, описательный метод (семантический анализ слов), метод кластерного анализа.

Для выявления параметров, характеризующих концепт *качество*, был использован метод ассоциативного эксперимента. На основе опроса респондентов составлено первичное ассоциативное поле и определены частотные характеристики концепта *качество*. В него вошли параметры *надежность, комфорт, здоровье, забота, красота, успех, репутация, безопасность, бренд, уверенность, удобство, престиж, обслуживание, профессионализм, гарантия, стабильность, имидж, высокая стоимость*. Эти характеристики были положены в основу шкалы семантической оценки. На следующем этапе респондентам было предложено оценить, насколько важно для них упоминание этих параметров в рекламном тексте. Степень важности оценивалась по пятибалльной шкале (5 – максимальная оценка, 1 – минимальная). Аудитория опрошенных разделялась по половому признаку и социальному статусу. По итогам опроса была составлена сводная таблица результатов и таблицы по группам, содержащие информацию о том, какое среднее числовое значение приписывают респонденты каждому параметру.

Полученные результаты обрабатывались с помощью метода кластерного анализа – построение дендрограмм. В результате была определена размерность семантического поля и количество кластеров для каждой из групп. Установлено, что когнитивная сложность семантического пространства с возрастом снижается, а количество кластеров увеличивается. Степень дивергенции – конвергенции кластера неоднородная. Она зависит от возраста, уровня образования, социального статуса, особенностей мышления респондентов. При высокой степени конвергенции кластеров можно говорить о системном абстрактно-логическом восприятии концепта представителями группы.

На основе анализа дендрограмм была построена сводная таблица субъективного семантического пространства концепта *качество* по группам. В первый кластер у мужчин и женщин преимущественно включены конструкты *надежность, безопасность, гарантия*. Женщины дополняют этот

кластер понятиями *удобство, стабильность, комфорт*, мужчины включают в него *репутацию*. Подобная дифференциация обусловлена поло-ролевыми особенностями исследуемых групп. Для женщины качественный тот товара, который позволяет ей реализовать роли хозяйки, хранительницы очага. В выборе женщин прослеживается ориентация на внутрисемейное использование товара. Для мужчины качественным является тот товар, за счет которого он может укрепить свою репутацию во внешней среде. Стоит также отметить, что для групп мужчин характерна достаточно высокая значимость указанных параметров (среднее приближено к максимальной оценке) и высокая однородность ответов ($\sigma = 0,16$). Этот показатель обусловлен выбором для оценки сходных товарных категорий (автомобили, техника). У женщин, наоборот, можно отметить в целом более низкую оценку параметров и определенный разброс ответов ($\sigma = 0,37$). Количество товарных категорий, выбранных для оценки, значительно шире, чем у мужчин.

Во втором кластере и у мужской, и у женской выборки отмечаем частичное совпадение конструктов. Это понятия *здоровье, обслуживание и имидж*. Следует заметить, что значимость параметра *здоровье* для женщин значительно выше, чем для мужчин, о чем свидетельствует тот факт, что у группы школьниц, служащих, предпринимателей и другое этот параметр входит в семантическое поле первого кластера.

В третьем кластере отмечается частичное совпадение понятий *красота* (группа предприниматели). В четвертом кластере частичное совпадение понятий *высокая стоимость*.

Пересечение показателей кластерного анализа позволило выявить устойчивые семантические группы ассоциаций концепта *качество*. Количество этих групп различно, у мужчин оно меньше (8), у женщин больше (16), что свидетельствует о более высокой дифференциации и эмоциональной оценке женщинами объекта рекламирования. У мужчин семантические группы ассоциаций *надежность – безопасность, надежность – гарантия, комфорт – безопасность, комфорт – уверенность, гарантия – безопасность, бренд – имидж, обслуживание – профессионализм, обслуживание – стабильность*. У женщин ими стали *надежность – комфорт, надежность – безопасность, надежность – удобство, надежность – гарантия, надежность – стабильность, комфорт – безопасность, комфорт – обслуживание, комфорт – профессионализм, комфорт – гарантия, комфорт – стабильность, забота – красота, забота – уверенность, успех – репутация, бренд – репутация, безопасность – удобство, безопасность – стабильность*.

На основании среднего в исследовании был рассчитан коэффициент субъективной потребительской значимости (далее КСПЗ). Данный параметр отражает степень связи концепта *КАЧЕСТВО* с переменными ассоциативного ряда. Высокий КСПЗ – значение в интервале [5; 4,6]; средний КСПЗ – значение в интервале [4,5; 4,1], низкий КСПЗ – в интервале [4,0; 1,0]. С помощью сводной таблицы было установлено, что максимальной потребительской значимостью для мужчин и для женщин характеризуется понятие *надежность*, несколько ниже он у параметров *гарантия* и *безопасность* – сочетание высокого и среднего КСПЗ. Мало значимы для всех групп респондентов конструкты *высокая стоимость, имидж, бренд*. В ходе исследования также были выявлены индивидуальные различия по группам.

Этнические стереотипы: взгляд лингвиста

И. В. Космарская

Московский государственный лингвистический университет

kosmarsky@mail.ru

Этнический стереотип, культурный код, межкультурная компетенция.

Summary. This paper is devoted to etnical stereotype as a linguistic problem.

1. Этнический стереотип чаще является предметом анализа социологов, которые выносят на первый план психосоциальные функции стереотипов и, как правило, критикуют их за генерализованные, тенденциозные и неverified оценки. Если при этом еще учесть ригидность этнических стереотипов, то их негативная социальная роль в возведении барьеров в коммуникации становится очевидной.

2. Мы бы хотели представить иной взгляд на это явление – лингвистический.

3. Стереотип по своей природе нейтрален. Человек не имеет возможности интерпретировать каждый новый факт или событие. Поэтому постепенно в рамках языковой общности формируются стереотипные установки, способствующие выработке относительно единообразного способа чле-

нения и категоризации мира. Стереотипы, таким образом, являются обыденными знаниями людей об окружающей действительности и своеобразными убеждениями. Этнические стереотипы – одна из самых распространенных форм стереотипизации – представляют собой устойчивые суждения представителей одной этнической группы о другой.

4. Этнические стереотипы выполняют несколько очень важных для межкультурной коммуникации функций: информирующую, ориентирующую, протекционистскую. Информационная функция заключается в том, что этнические стереотипы предоставляют сведения в виде простых формул, которые позволяют интерпретировать поступки представителя иной культуры. Ориентирующая функция в том, что стереотипы, несмотря на свою упрощенность, обобщенность, в каких-то случаях необоснованность и несправедливость, помогают выстроить более или менее определенную модель мира, где происходящее более или менее понятно и, что еще важнее, прогнозируемо. Суть протекционистской функции в том, что этнические стереотипы, как уже отмечалось, имея в качестве основания оценки только свою культуру, утверждают и закрепляют ценности своей группы. В этом смысле очень интересный материал содержится в этнических анекдотах, в которых отражаются стереотипы (и автостереотипы, и гетеростереотипы), бытующие в соответствующей культурной среде.

5. Этнические стереотипы можно считать эффективным инструментом межкультурного общения, если говорящий намерен использовать их как свои первые предположения о

коммуниканте – носителе другой культуры и готов их модифицировать, понимая, что любой этнический стереотип, даже достоверный, отражает все-таки генерализованные признаки и свойства группы, этноса и необязательно относится к каждому члену группы. В ситуации межкультурного общения стереотип дает «материал» для первых коммуникативных шагов, он не дает ни полной, ни верной информации ни о народе, ни о конкретном представителе этого народа. Однако, несмотря на схематичность, неточность, эмоциональность, возможно, необоснованность и несправедливость, этнические стереотипы помогают человеку в ситуации межкультурного общения, подготавливая его к встрече с *чужим*, и, следовательно, ослабляют (а в некоторых случаях и нейтрализуют) силу естественного культурного шока.

Этнические стереотипы становятся неэффективными и затрудняют коммуникацию в тех случаях, когда не удается освободиться от гнета стереотипизации и выйти на новый уровень – уточнения первичных данных и их модификации в результате полученного межкультурного опыта.

6. Преодолевать или не преодолевать стереотипы? В очень многих работах по межкультурной коммуникации рекомендуется преодолевать их. Однако не ясно следующее: если этнические стереотипы представляют собой устойчивые и широко распространенные элементы обыденной культуры, которые передаются ее носителями из поколения в поколение и сохраняются (в этом сомнений нет), как их преодолевать? Возможно ли это в принципе?

Представляется, что рекомендация эта невыполнима.

Отражение индивидуально-авторской картины мира в художественном тексте

Н. Ф. Крылова

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова (Казахстан)

Krylova.tasha@mail.ru

Языковая картина мира, авторская картина мира, концепт, индивидуально-авторский концепт.

Summary. Language as a reflection of culture contains information about the national identity in general and personal perception and conceptualization of an individual in particular. Since every writer is a member of his or her nation, the worldview of this nation has an impact on his or her work, and general cultural concepts are refracted through the prism of the author's perception.

В контексте антропоцентрического подхода в языкознании активно разрабатывается понятие «картина мира» как сложившееся у человека представление о мире в результате интерпретации восприятия объективной действительности органами чувств. Исследование картины мира актуально в рамках господствующей сегодня научной парадигмы, уделяющей особое внимание тому, как в языке отражаются ментальные процессы и индивидуальность человека.

Помимо этого язык, являясь концентратом культуры, содержит информацию об общем национальном самосознании и особенностях восприятия, концептуализации отдельного человека. Так как любой писатель является представителем национальности, национальная картина мира накладывает отпечаток на его творчество и национальные культурные концепты преломляются сквозь призму авторского восприятия. Картина мира автора значительно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных представлений о них, так как она есть «субъективный образ объективного мира». Индивидуально-авторские концепты, как правило, возникают в результате трансформации одноименного культурного концепта под влиянием особенностей мироощущения писателя.

У каждого писателя, да и у каждого человека, свой индивидуально-культурный опыт. Поскольку «взгляды отдельного индивида никогда не бывают полностью «детерминированы» понятийными орудиями, которые ему дает его родной язык» [1: 269], одно и то же слово языка у разных людей может представлять разные концепты.

Рассмотрение некоторых авторских концептов в художественном мире самобытного русского поэта начала XX века Павла Васильева позволит проследить ряд особенностей преломления общекультурных концептов в языке отдельного автора.

Наиболее интересными в языке поэта являются концепты «степь» и «река».

Концепт «степь» имеет два основных плана: внешний и внутренний. Первый связан прежде всего с пространствен-

ной характеристикой, второй – с внутренним, душевным состоянием.

I. **Внешний план концепта «степь»** включает следующие составляющие: **дом** «Я рос среди твоих степей, // И я, как ты, такой же гибкий (Азиат)»; **страна** «Но здесь, на дорогах ветров и пожаров. // Строительства нашего встанут огни!.. // Так ждет и готовится степь к перемене (Киргизия)»; **народ** «Прислушайся! Как мерно сердце бьется // Степной страны, раскинувшейся тут (Затерян след в степи солончаковой)»; **дорога, путь** «Не четыре конца у степи, а восемь, // И не восемь, а сорок восемь, // И не столько, во много больше (Охота с беркутами)»; **движение** «Лохматые тучи // Клубились над нами, березы кружились // И падали, и, // Сбежав с косяго, // Текли табунами, // И шли, словно волны, // Курганы в степи (Дорога)»; **мир-вселенная** «Что делать мне, как поступить? Не знаю! // Великая над степью тишина (Стихи Мухана Башмета. Гаданье)»; **бескрайность** «Не четыре конца у степи, а восемь, // И не восемь, а сорок восемь, // И не столько, во много больше (Охота с беркутами)».

II. **Внутренний план концепта** включает следующие составляющие: **живое существо, мать, родительница** «Родительница-степь, прими мою // Окрашенную сердца жаркой кровью // Степную песнь! (Из Ильеса Джансугурова)»; **воля, свобода** «Над степями плывут орлы... // Сто тяжелых степных коней // Диким глазом в упор косят... // Над раздольем трав и пшениц... (Ярмарка в Куяндах)»; **неволя, ограничение свободы** «Солончаковой степью осужден // Таскать горбы и беспокойных жен // И впитьвать костров полынный запах... (Верблюд)», «А поезд в смятенье // Все рвал без оглядок // Застегнутый наглухо // Ворот степей... (Дорога)», «Страна лежала, // В степи и леса // Закутанная наглухо, // Логовом гор // И студеных озер... (Синици и К)»; **вечность, размеренность, покой** «Затерян след в степи солончаковой... // Здесь над тобой в пыли многовековой // Поднимется курганная луна... // Прислушайся! Как мерно сердце бьется... // Как облака тяжелые плывут // Над пестрою юртою у колодца. // Кричит верблюд. И кони воду

пьют // (Затерян след в степи солончаковой)», **тревога, беспокойство** «Пришли табуны по сожженным степям... // Навстречу рванули степные костры (Конь)».

Еще одним интересным и ярким концептом является концепт «река». Можно отметить несколько аспектов, составляющих профиль данного концепта в поэтическом мире П. Васильева. Прежде всего, река – это **детство, дом, родина**, которая всегда была в сердце поэта «Так ветрен был облак надо мной, // И дни летели ветреные сами. // *Играло детство с легкою волной*; кроме того, река становится целым **миром**, привычным, родным, огромным, в котором происходят важные события «Девка устюжанинская // Трясет косою, // Шепчет яровским девкам: – Ишь, // Выворожила, стерва, // Выпал Босой // *Первый король на цельный Иртыш...* (Соляной бунт)»; **главным героем повествования** «Натянутые струны твои – // Камыш, // Веселые волны твои, // Иртыш! // Веселые волны твои // Во льду, С песней рука в руку // По льду иду... (Песня о гибели)»; **князем рыб и птиц** «Теки, Иртыш, выплескивай зяей – // Князь рыб и птиц, беглец зеленоводный... (Иртыш)»; река – тяжкий, изнуряющий **труд** «Очень груб он, житель приозерный, // Сивоусый кражистый рыбак. // Крючья рук – широких и проворных – // И сигарка длинная в зубах... (Рыбаки)»; реки Павла Васильева **соединяют, объединяют людей**, образуя огромный, бескрайний мир «*Крутая Обь и вспененный Иртыш // Скрестили крепко // Взбухнувшие жилы...* (Сибирь)»; река является **непреодолимой преградой** «Не

добраться к тебе! *На чужом берегу // Я останусь один, чтобы песня окрепла...* (Не добраться к тебе)»; **дорогой**, широкой, бесконечной, уводящей в дали «– Эй, Иртыш, родная река, // *Широка дорога...* (Песня о гибели казачьего войска)»; **река – воля, свобода** как внешняя, так и символ внутренней воли и свободы, поэтому невольно автор тоже связывает с рекой, но рекой другой – деревянной, жестяной, неживой. «Чтоб вольница // Ярмы на шею надела? // Штыки да траншеи – // Нашли чем пугать! // Иртышской вольнице – Скот и наделы... (Песня о гибели казачьего войска)»; **река – беглец, скиталец, разбойник** «Чтобы Иртыш, *меж рек иных скиталец, // Смыл тяжкий груз накопленной вины...*».

Таким образом, исследования показали следующий профиль концепта река: детство, дом, родина, веселье, богатство, труд, объединение и разъединение, дорога, воля и неволя, беглец и скиталец. Наблюдаются следующие оппозиции: пространства: река – дом и река – дорога; времяпрепровождения: река – веселье, праздник, богатство и река – работа, труд; река – объединение и река – чужой берег, разъединение; река – воля, свобода и река – неволя.

Таким образом, концепты «степь» и «река» в художественном мире Павла Васильева получают индивидуально-авторское наполнение, отраженное в художественной картине мира поэта.

Литература

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М., 1999.

Коммуникативные свойства концептов различной референции (К построению функциональной типологии концептов)

Н. В. Крючкова

Саратовская государственная юридическая академия

kryuchkovannv@yandex.ru

Концепт, коммуникация, референция, типология концептов.

Summary. The author deals with the problem of interrelations between concept and communication. The interconnection between structural, semantic and communicative properties of concepts is analyzed based on the materials of concepts of different reference. Possible parameters of functional typology of concepts are suggested.

Проблема соотношения концепта и коммуникации принадлежит к числу наименее разработанных вопросов концептологии. Обычно концепт рассматривается как структура знаний, которая существует в сознании носителей языка в готовом виде и «овнешняется», вербализуется в коммуникации. По-видимому, такое традиционное представление выделяет лишь одну сторону связи когниции и коммуникации и является недостаточным. В докладе развивается иное понимание соотношения между концептом и коммуникацией – как отношений *взаимодействия*. Коммуникация, национальный дискурс рассматриваются одновременно и как среда бытования (реализации) концептов, и как среда их формирования (концептообразования). С одной стороны, содержание национально-культурной концептосферы обусловлено тем, *что именно находится «в фокусе»* внимания носителей данной лингвокультуры, что становится предметом обсуждения, с другой – сложившаяся в сознании индивида система концептуальных представлений определяет, в значительной степени, содержание порождаемого им дискурса.

То же можно сказать и об отдельных концептах, о составе выражаемых ими концептуальных смыслов, о связях этих смыслов и характере их дискурсивной реализации. Смысловые компоненты концепта формируются в дискурсе и реализуются в нем в различных комбинациях в соответствии с актуальными коммуникативными потребностями, установками. Концепт представляет собой «свернутое», минимализованное содержание дискурса. На уровне же когниции концепт, по-видимому, имеет нежесткую структуру, а выступает лишь как *вероятность* смысловых связей.

Содержание концепта отличает *принципиальная потенциальность и постоянная варируемость*. Актуализация тех или иных комбинаций смысла носит вероятностный характер. И эти различные комбинации смысла выражаются не словом, а *высказыванием, целым текстом*. Концепт получает свою содержательную определенность только в коммуникации (на уровне дискурсивной реализации). Часть концептуальных смыслов транслируется в систему языка,

где они откладываются в виде языковых значений, т. е. в виде устойчивой связи материальной оболочки языкового знака с определенным смысловым компонентом.

Исходя из понимания двусторонней связи концепта и коммуникации, концепт определяется не только как ментальная единица (что является общепринятым), но и как единица коммуникации (ее результат и ее средство – нематериальное, смысловое). Материализуется концепт (его содержание) в единицах языка – в словах, их системных объединениях, в их синтагматических связях, но прежде всего в таких коммуникативных единицах, как *высказывание, текст*. Поэтому основным источником концептологии должны быть собрания текстов, их большие массивы (например, электронные корпуса национальных языков). Другим важным источником изучения концептов могут стать данные ассоциативных экспериментов, которые, вслед за Ю. Н. Карауловым, рассматриваются как реализация предречевой готовности говорящего.

На характер взаимодействия концепта и коммуникации существенное влияние оказывает *фактор референции*, т. е. отнесенность данной ментальной единицы к определенному типу объектов. Различные по своей референции концепты наделяются неодинаковыми коммуникативными свойствами.

Изучение особенностей функционирования концептов различной референции – отприродных (типа *берег*), концептов, отражающих социальные ценности (типа *престиж*), концептов *возрастных периодов* (*детство, отрочество, молодость, зрелость, старость*), занимающих промежуточное положение между первыми двумя типами, – в русском национальном дискурсе (а также в национальных дискурсах Франции и Великобритании) позволило выделить комплекс параметров, на основе которых можно дать целостное описание концепта, учитывающее не только его структурно-содержательные признаки, но коммуникативно-дискурсивные свойства. (Заметим, что существующие типологии концептов так же, как и вообще их описания, акцентируют прежде всего их структурно-содержательные характеристи-

ки. Коммуникативные признаки концептов в предлагаемых типологиях практически не учитывались).

Комплекс взаимосвязанных признаков концепта включает следующие параметры:

- роль конкретно-чувственного образа в формировании содержания концепта;
- включенность в значимые для данной культуры ценностные оппозиции;
- характер культурно-ценностного компонента;
- структурная целостность;
- характер взаимодействия с другими единицами концептосферы;
- уровень национальной специфичности;
- уровень вариативности в рамках одной лингвокультуры;
- роль концепта в дискурсе (способность структурировать дискурс, играть дискурсообразующую роль, быть темой речевого произведения);
- осознаваемость и обсуждаемость.

Исследованный материал показал, что первые три параметра – место конкретно-чувственного образа в структуре ментальной единицы, возможность включения ментефакта в системы социальных и идеологических ценностей и обусловленный этим характер культурно-ценностного компонента играют роль важнейших признаков, во многом определяющих другие свойства концепта.

О русской динамической лингвоконцептологии

О. Н. Кушнир

Коми республиканская академия государственной службы и управления (Сыктывкар)

info17275@mail.ru, info17275@gmail.com

Динамическая лингвоконцептология, «лингвокультурологический синтез», эволюция русской концептосферы.

Summary. Dynamic linguoconceptology is an independent direction of cultural linguistics with its own research object and toolkit. Investigation of linguocultural concepts dynamic allows finding out main trends in its evolution, especially in crucial moments of history.

Динамическая лингвоконцептология – самостоятельное теоретическое и прикладное направление лингвокультурологии, которое имеет специфический объект исследования – лингвокультурные концепты как постоянно эволюционирующие феномены языкового. Динамическая лингвоконцептология – это и методологический подход, отражающий, с одной стороны, логику ориентированного на семантику синхронического исследования:

- от семасиологии – к ономасиологии;
- от ономасиологии – к лингвоконцептологии.

С другой стороны, диахроническую логику, суть которой в свое время удачно охарактеризовал Ш. Балли.

В лингвокультурологии диахронические факторы обычно понимаются как учет в интерпретации современного состояния концептуария данных его истории, прежде всего этимологических. В контексте динамической лингвоконцептологии черты развития просматриваются в синхронном состоянии современного русского языка, понимаемом как система и как ее реализация в речевых явлениях различной функционально-стилистической природы.

Русская динамическая лингвоконцептология основывается на многомерной типологии концептов, включающей лингвокогнитивную, номинативную, аксиологическую и мотивационную классификации. «Лингвокультурологический синтез» как специфический метод динамической лингвоконцептологии предполагает исследование как общезыковых, так и терминологических языковых / речевых явлений. В рамках методологии «лингвокультурологического синтеза» используются методы различных лингвистических дисциплин, прежде всего морфемно-словообразовательный анализ с целью выявления внутренней формы опорных лексем, в том числе на основе установления их семантических этимонов на основе ретимологизации; семантико-стилистический, в том числе компонентный анализ семантики; прагмалингвистический, лингвокогнитивный, логико-лингвистический, жанрово-тематический, дискурсный, контекстологический, лексикографический, лингвострановедческий, лингвоюридический анализ.

Динамическая лингвоконцептология основывается на представлении о наблюдаемой здесь-и-сейчас эволюции, развитии концептосферы в ее «синотекущей» истории. Представление о «динамической синхронии» позволяет преодолеть

важно, что перечисленные признаки взаимосвязаны, взаимобусловлены и потому позволяют обнаруживать закономерную взаимосвязь разных сторон концепта, корреляции между структурно-содержательными и функциональными свойствами концептов. Имеющиеся классификации концептов основываются на каком-то одном признаке: например, классификация концептов по когнитивному признаку, т. е. по особенностям структур знания, образующих концепт (фрейм, сценарий, гештальт и др.); или классификация по объектной отнесенности, т. е. по референту, с которым связан концепт. Классификации концептов, в основе которых лежит какой-то один признак, практически трудно применимы, не позволяют описывать реально существующий концепт.

В предложенной модели типологизации концептов каждый отдельный признак может характеризовать не один тип, т. е. концепты разных типов могут пересекаться по отдельным признакам. Поэтому тип каждого конкретного концепта определяется по степени его близости к концептам, «эталонным» для данного типа (т. е. по принципу «фамильного сходства»). Такой принцип типологизации позволяет, на наш взгляд, моделировать концептосферу в наибольшем приближении к ее «естественному» состоянию, как ментальность не только существующую, но и функционирующую.

антиномии синхронии и диахронии языка (как частный лингвистический и лингвокультурный феномен общей философской антиномии логического и исторического), суть которой в том, что язык существует, изменяясь во времени, а функционировать может только оставаясь неизменным. Язык, как и человек, «погружен во время», но вектор времени в случае динамического подхода понимается как обращенный не только от прошлого к настоящему, но и от настоящего к будущему, что и позволяет говорить именно о живых «синотекущих» процессах как в системе языка, так и в концептосфере.

Динамическая лингвоконцептология опирается на различные источники и материалы. С одной стороны, это словоупотребления, фиксированные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), и разнообразные лексикографические материалы, с другой стороны, тексты различных коммуникативных сфер (например, сферы государственного управления, политики и права, информационного обмена и средств массовой информации, эстрады, церковно-религиозной коммуникации).

Рубеж XX–XXI вв. ознаменован существенными изменениями в представлениях о власти и государственном управлении, политике и праве, о религии и церкви, о роли средств массовой информации и массовой культуры в современном обществе. Очевидно, что русская концептосфера, будучи динамическим явлением, подверглась столь же существенным изменениям. Исследование эволюционных процессов в контексте динамической лингвоконцептологии позволяет констатировать, что наиболее активны эти процессы в ряду таких специализированных концептов, которые демонстрируют взаимодействие между научным знанием и необходимыми представлениями (*Власть, Политика, Информация, Право* и т. п.); вместе с тем неспециализированные концепты развиваются в логике ресакрализации (теоцентрические концепты), десакрализации (идеоцентрические концепты) и сакрализации (витальные концепты, иницирующие формирование «бульварного стиля»).

Основные тенденции эволюции русской концептосферы на протяжении всего XX в. и особенно на рубеже XX–XXI вв. связаны с двумя противонаправленными векторами ее изменения: с собственно *эволюцией* как конструктивным усложнением, как «распаковыванием» новых культур-

ных содержаний, и с *инволюцией* как упрощением, вырождением.

Явления прогрессивного и регрессивного развития концептосферы по лингвистическим проявлениям сходны, поскольку в обоих случаях связаны с неологизацией / архаизацией словаря и языка / речи в целом, но лингвокультурологически принципиально различаются в силу нацеленности инволюционных явлений на *деградацию* и *деструкцию* концептосферы. Редукция родового понятия «деградация» к видовому результирует в метафорическое именование «размывание» концептосферы, а «деструкция» – в метафорическое видовое понятие «расщепление» концептосферы.

«Размывание» концептосферы – метафора, фиксирующая, с одной стороны, десемантизацию и / или негативную семантическую трансформацию, деактуализацию отдельных «старых» концептов, в том числе составляющих архетипический фундамент культуры (так произошло / происходит, например, с концептом «Вера / Религия»). С другой стороны – деградиционные явления в концептосфере как упорядоченном целом, – явления, казулируемые экспансией новых, изначально диффузных по семантике или даже десемантизованных, лишенных сколько-нибудь ясного содержания *квазиконцептов* (таких как «Постсоветское», «Постсовременность», «Постисторическое», «Посткультура»).

«Расщепление» концептосферы – метафора, фиксирующая интенционально антагонистические процессы – конструктивные, связанные с разделением макроконцептов / концептов на составные части, и деструктивные.

Характерные примеры неструктивного «расщепления» в рамках концептосферы «Культура» – постоянно расширяющийся ряд: *народная, элитарная, примитивизм и наивное искусство, арт..., рок...* культура; и в ее же рамках – агрессивная экспансия концепта «Гламур», «чужого» / «чуждого» по отношению к фундаментальным макроконцептам, лежащим в основе национальной идентичности и национального менталитета. В рамках концепта «Гламур» радикально трансформируются представления о *красоте* («расщепляясь» в «гламуре» на «нравственное» и «эстетическое»), красота предстает в нем только как эстетическое – как *красивость*, чисто внешняя красота), о *творчестве* (его место занимает сугубо утилитарный *креатив*), о *самореализации* (она начинает измеряться «успехом»).

Эволюционным и / или инволюционным изменением подвергаются практически все концепты русской культуры, что в целом свидетельствует об актуальности и социальной востребованности русской динамической лингвоконцептологии как самостоятельной лингвокультурологической дисциплины.

Метафорические модели концепта *детство* как области-цели

М. Ю. Лебедева

Российский государственный университет (Москва)

maryswan@mail.ru

Концепт, детство, метафора, область-цель.

Summary. The thesis is devoted to the metaphorical modeling of the concept “Childhood” in Russian. The classification principles are proposed. In detail space, anthropomorphic and other metaphorical models are analysed, also their variants and realizations. In the thesis we note some conceptual concordances of the concept “Childhood” and other concepts.

Концепт *детство* объективируется в языке посредством множества метафор, являющихся результатом коллективной рефлексии. Используя термины теории когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, мы говорим, что концепт *детство* выступает как область-цель (или область-мишень) в русском языке. В данном докладе исследуются именно такие метафорические выражения, в которых концепт *детство* описывается посредством проекции на другие концептуальные области, то есть выступает метафорической областью-целью.

Для исследования метафорических репрезентаций концепта *детство* предлагается двухуровневая классификация. Первый уровень – более общий – соотносится с тем универсальным кодом, который обусловил метафоризацию концепта. Выделяются пространственный, антропоморфный, предметный, временной, фитоморфный, психический и др. коды. Второй уровень – более конкретный – представляет собой модификации каждого из перечисленных кодов, описанные по аналогии с метафорическими моделями Лакоффа и Джонсона (*X – это Y*) или через глагольный предикат, описывающий функцию (*X делает что*). Например: **антропоморфный код** – модель «*Детство живет / умирает*» – метафорические выражения *детство живет где-л. / в ком-л., детство умирает, убить детство, похоронить детство, похороны детства, воскресить детство*. Или: **фитоморфный код** – модель «*Детство – это растение*» – метафорические выражения *детство цветет, цветущее детство, детство расцвело / отцвело*. Каждая из моделей представлена целым набором метафорических выражений.

Анализ метафорических манифестаций концепта *детство* показывает, что ряд метафорических моделей концепта *детство* соответствует моделям, по которым объективируются другие концепты времени и возраста. Так, на первом по частотности месте находятся пространственные метафоры, являющиеся древнейшим способом представления временных категорий (например, *уйти из детства, вернуться в детство, отдалиться от детства; детство (осталось) позади; пройти через детство, нести / пронести что-либо*

через детство и др.). Таким образом, концепт *детство* подтверждает статус гипонима по отношению к концептам-гиперонимам *время* и *жизнь* (ср. *пронести что-либо через всю жизнь: вернуться в то время*). К базовым метафорическим моделям *детства* можно отнести также антропоморфную (*детство живет где-либо / в ком-либо, детство уходит / ушло, расставаться / расстаться с детством; бороться с детством, в гостях у детства*). Ее модификацией выступают, например, витальная и смертная метафоры (*детство живет в ком-либо – детство умерло в ком-либо, детство убили в ком-либо*). В рамках антропоморфной модели *детства* язык предлагает две метафоры перехода из детского возраста в зрелость: **уход** детства из / от человека или **смерть** детства в человеке.

Третьей по частотности метафорической репрезентацией концепта *детство* является предметная модель (*подарить (какое-либо) детство, потерять детство*). В рамках этой модели *детство*, становясь объектом воспоминаний, метафорически представляется в языке как картина, фотография, фильм, спектакль. Подобные метафоры объективируют *детство* как **зрительный образ памяти**. Достаточно частотна также модель «*Детство – это книга*», отсылающая к отношениям между концептами *детство* и *жизнь*: *Перед нею страница за страницей проходило их детство*.

В докладе также выявляются специфические метафорические модели, указывающие на когнитивные признаки концепта *детство*. К ним можно отнести широкий пласт метафор, описывающих воспоминания о детстве, таким образом, указывающих на согласование концепта *детство* с концептом *память* (*страницы детства – страницы памяти; окунуться в детство – окунуться в воспоминания*); метафоры, указывающие на аксиологию *детства* (модель «*Детство – это ценный предмет*»: *украсть детство, подарить детство; золотое детство*); метафоры, описывающие *детство* как необязательный период жизни (*лишить кого-либо детства, у кого-либо не было детства*); метафоры, в которых *детство* согласуется со *счастьем* и др.

Концепт «Америка» в фразеологической картине мира русского языка

О. И. Лыткина

Российский государственный социальный университет (Москва)

lytkinao@list.ru

Концепт, Америка, фразеологическая картина мира.

Summary. In this work the content of concept «America» on the material of russian phraseology is analysed.

Цель нашего исследования – выявить набор когнитивных признаков, составляющих фразеологическую картину мира в содержании концепта «Америка» («Соединенные Штаты Америки»). При описании содержания концепта «Америка» во фразеологической картине мира мы исходим из того, что содержание концепта представляет собой набор когнитивных признаков, представляющих разные типы знаний, т. е. разные типы картин мира: научной, публицистической, художественной, наивной, лингвистической и т. д. Следовательно, результат предпринятого нами исследования – описание только одной (но достаточной значимой) составляющей в содержании концепта.

Фразеология является показательным материалом для изучения взаимодействия триады человек – язык – культура, поскольку в ней актуализирована как наивная картина мира (понимаемая как индивидуальная картина мира), так и единицы и стереотипы национальной культуры (картина мира народа). Кроме того, фразеологизмы выполняют коннотативно-культурологическую функцию, содержанием которой является «отношение, существующее между образно мотивированной формой языковой единицы и воплощенной в нее культурно значимой ассоциацией, значение которой постигается осознанно или бессознательно в процессах интерпретации образного основания в «оснастке» культуры – в ее категориях, выраженных в концептах, эталонах, стереотипах и т. п.» [3: 233].

По фразеологическим словарям русского языка [1]; [2]; [4] методом сплошной выборки были выделены фразеологизмы, тема которых – Америка и американцы. Интересен тот факт, что только 17% из них являются собственно-русскими, а 83% – заимствованными.

Собственно-русская фразеология об Америке не столько передает представление русских об Америке и американцах, сколько дает оценку стране и ее народу, в частности, шуточно-ироническую. Например: ироническим является фразеологизм *поедет в Америку гонять чертей по берегу* (его диалектные варианты: *уехал в Америку да ходит по берегу; зачем тебе в Америку – тягать хвост по берегу?*), употребляемый о человеке, эмигрировавшем в Америку. Фразеологизм *открывать / открыть Америку* имеет 2 значения: 1) «изобретать что-л. или выдавать за открытие нечто всем давно известное, простое до банальности»; 2) «изрекать всем известную, банальную истину». Его иронический оттенок обусловлен историей открытия Америки (по историческим данным, Америка была открыта задолго до путешествия Колумба в Вест-Индию). Фразеологизм *открывать / открыть Америку* имеет антоним (также с ироническим оттенком) *закрывать / закрыть Америку*, впервые употребленный М. Е. Салтыковым-Щедриным в сатирическом очерке «О ретивом начальнике» (1882) в значении «наложить запрет на что-нибудь всем известное, общепризнанное; прекратить всякий доступ информации о чем-либо».

Условно к «американской» фразеологии можно отнести единственный собственно-русский фразеологизм с высокой книжной окраской *Колумбы росские (русские)*, характеризующий талантливых русских ученых, писателей, путешественников и т. п. Следует отметить, что данный фразеологизм относится к пассивному пласту русской фразеологии.

Среди «американских» фразеологизмов, употребляемых в русском языке, немногочисленную группу составляют фра-

зеологизмы, характеризующие американскую культуру (их источником чаще всего является художественная литература) – *вождь краснокожих, гроздья гнева* [зреют], *последний из могилок, выкурить трубку мира, золотая лихорадка* и др.

Источником большей часть «американских» фразеологизмов является публицистика. Данная группа фразеологизмов является иллюстрацией таких когнитивных признаков, как «политика войны», «деньги», ср., например: *Америка для американцев, холодная война, звездные войны, долларовая дипломатия, челночная дипломатия, политика большой дубинки, политика с позиции силы, закон Линча, люди из Лэнгли, время – деньги, всемогущий доллар* и др. (к этой группе можно отнести и фразеологизм *выглядеть на миллион долларов* («шутливое; выглядеть очень хорошо, великолепно»), которое деньги провозглашает как основное мерило привлекательности человека). Фразеологизмы *желтая пресса* (неодобрительное), *всемирная паутина*, обозначающие реалии американской жизни, стали широко употребляемыми в последние десятилетия в русском языке в связи с распространением Интернета и бульварной прессы.

Справедливо предположить, что далеко не все фразеологизмы активно употребляются носителями русского языка, а следовательно, не могут выражать и формировать у современных людей представления об Америке. В связи с этим целесообразно было бы установить частоту их употребления. По данным Национального корпуса русского языка [5], актуальные представления об Америке отражаются в следующих фразеологизмах: *холодная война* (здесь и далее частота употребления – 476); *звездные войны* (187); *время – деньги* (164); *желтая пресса* (108); *золотая лихорадка* (62); *последний из могилок* (43); *всемирная паутина* (38); *вождь краснокожих* (25); *гроздь гнева* (21). И для сравнения: *тихий американец* (14); *открывать / открыть Америку* (11); *челночная дипломатия* (9); *закон Линча* (8); *Америка для американцев* (3); *выглядеть на миллион долларов* (2); *закрывать Америку* (2); *выкурить трубку мира* (1); *долларовая дипломатия* (1); *политика большой дубинки* (1); *политика с позиции силы* (1); *всемогущий доллар* (0); *люди из Лэнгли* (0).

Результаты исследования концепта «Америка» на материале фразеологизмов подтверждаются материалами ассоциативного эксперимента, проведенного нами в 2007–2009 гг. Наиболее частотными реакциями на слово-стимул «Америка» стали следующие: *Буш* (18); *деньги* (17); *Макдоналдс* (16); *гамбургер* (15); *страна* (14); *статуя Свободы, фаст-фуд* (8); *США* (6); *война, заграница, континент, материк, свобода, флаг* (4).

Литература

1. Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.
2. Брилева И. С. и др. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. Москва, 2006.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
4. Войнова Л. А. и др. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М., 2001.
5. Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorgora.ru].

Рекламный текст как инструмент формирования языковой личности

Е. О. Матвеева

Московский государственного университета культуры и искусств

e.o.matveeva@mail.ru

Реклама, языковые личности, язык для специальных целей, рекламный текст.

Summary. The paper is devoted to the influence of modern Russian advertising on the formation of linguistic identity.

Развиваясь как язык для специальных целей, язык рекламы оказывает значительное влияние на речевую культуру

общества и особенности формирования языковой личности человека, живущего в России начала XXI столетия. В наши

дни, когда рекламные тексты окружают нас повсюду, трудно, наверное, остаться совершенно свободным от их воздействия: забавные окказионализмы и оригинальные слоганы, манера общения в телевизионных роликах и заимствованная англоязычная лексика – эти, пожалуй, наиболее яркие особенности языкового строя рекламных текстов без труда заметит не только искушенный филолог, но и человек, далекий от научного осмысления проблем развития русского языка.

В наше время в связи с исследованием лингвистических особенностей рекламы все чаще актуализируется понятие «языковая личность», охватывающее весь спектр научных представлений об индивидуальной речи, ведь еще древние римляне утверждали: «Каков человек, таковы его речи».

Говоря о нерасторжимой связи между уровнем освоения родного языка и общей культурной личности, выдающийся отечественный филолог Ф. И. Буслаев считал необходимым особо подчеркнуть: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе с тем и развивать духовные способности учащегося» [1: 29].

Какие же лингвистические тенденции, оказывающие влияние на формирование языковой личности, характерны для современной российской рекламы?

Во-первых, нельзя не отметить значительное количество заимствованных слов, иногда неоправданно включенных в рекламный текст, чтобы придать сообщению большую убедительность в глазах целевой аудитории. Тексты современной российской рекламы заполнены «имиджем», «бестселлером», «мейнстримом», «трендом», «драйвом» и им подобными англоязычными заимствованиями, которым при желании вполне можно найти адекватно раскрывающую суть рекламного предложения замену из родного языка.

Пытаясь подчеркнуть солидность своего рекламного предложения с помощью заимствованных слов, авторы рекламных текстов порой добиваются нежелательного комического эффекта, вызывая у целевой аудитории недоумение и снисходительную улыбку. Более того, большое количество иностранных слов в рекламных текстах может быть воспринято грамотным и думающим потребителем как неуклюжая попытка замаскировать отсутствие подлинных достоинств товара.

С точки зрения формирования языковой личности обозначенная тенденция неправомерного использования иноязычной лексики представляется весьма сомнительной. Не стоит доказывать, что родной язык все времена оставался решающим фактором воспитания лингвистической культуры. Тексты современной российской рекламы нередко неоправданно нарушают эту традицию и вот уже подрастающее поколение начинает объясняться на непонятном, не имеющем культурных корней сленге, предлагая друг другу «сникернуть» (то есть не просто съесть шоколадный батончик, а вообще перекусить), быть всегла в тренде (быть модным, современным), стать ньюсмейкером (автором новости).

Второй чертой современной рекламы, оказывающей влияние на лингвистическую культуру российского общества,

следует признать частое и не всегда оправданное употребление терминов, пришедших в рекламу из другого языка для специальных целей, а именно, языка науки. Специальными терминами буквально пестрят рекламные объявления, продвигающие услуги клиник красоты, косметических салонов, антивозрастную косметику. С точки зрения типологии рекламных текстов – это имитация, воспроизводящая стиль научного сообщения и активно использующая пресуппозицию, подразумевающую, что клиенту, чьи жизненные потребности затрагивает реклама, сведения, приведенные в таком тесте-имитации, окажутся интересны.

Нельзя не заметить и еще одну тенденцию влияния рекламы на социум и формирование современной языковой личности: речь идет об употреблении в текстах российской рекламы просторечий и жаргонных слов. Авторы таких текстов зачастую пытаются оправдать употребление жаргонизмов темой рекламного сообщения, его целевой аудиторией, якобы лучше воспринимающей подобную форму обращения. Вместе с тем, не следует забывать: у значительной части потребителей жаргонные и просторечные слова вызывают естественное психологическое отторжение.

Как тут вновь не вспомнить идею В. Ф. Буслаева о взаимосвязи языка и культуры, о невозможности разделения этих феноменов, составляющих основу духовной жизни человека. Однако современная реклама все чаще, к сожалению, игнорирует этические нормы, вызывая у части социума (особенно у молодежи) ощущение вседозволенности и провоцируя ее на употребление стилистически сниженной лексики, при этом оставляя в растерянности и недоумении представителей старшего поколения, справедливо рассматривающего подобные языковые «изыски» как признак дурного воспитания и отсутствия культуры.

В современной рекламе мы встречаем следующие жаргонные слова и выражения: «разборки», «гусовка», «оттянись по полной», «для тех, кто правда крут», «фишка», «клево», «школа по приколу». Причем чаще всего подобные тексты и слоганы адресованы подрастающему поколению, пребывающему в том возрасте, когда языковая личность формируется особенно активно. Стоит ли потом жаловаться, что в жизнь выходят люди, отрицающие ценность классической литературы, да и просто не умеющие внятно выразить на родном языке простейшую мысль, не используя при этом жаргонизмы и слова-паразиты.

Мы обозначили в первую очередь негативные аспекты влияния рекламы на формирование языковой личности. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что степень их воздействия на общество неизменно зависит от уровня культуры и духовных запросов большинства населения, коррелируется педагогическими усилиями наиболее ответственной части социума и претерпевает изменения в зависимости от тенденций развития средств массовой информации.

Литература

1. Буслаев Ф. И. О преподавании русского языка. М., 1867.

Опыт представления концепта «судьба писателя» (на материале произведений Т. Н. Толстой «Сюжет» и Б. Г. Штерна «Второе июля четвертого года»)

С. Ф. Мельничук

Кубанский государственный университет (Краснодар)

svetvakh@gmail.com

Концепт «судьба писателя», анализ художественного текста, постмодернистский текст.

Summary. The paper discusses the concept of “the fate of a writer” in contemporary discourse which hasn’t been described in academic studies before. Russian postmodern literature is considered where the concept undergoes substantial structural changes.

Современный этап развития гуманитарных наук отмечен интересом к фигуре творца-создателя текста. На наш взгляд, существуют достаточные основания для выделения концепта «судьба писателя» как национально-специфического. Ключевой компонент рассматриваемого концепта – судьба – представляет собой уникальное аксиологическое ментальное образование, поскольку отражает мировоззренческие, культурно-философские принципы, присущие той или иной нации. Особую значимость концепта «судьба» для русского национального сознания сложно переоценить. В его содер-

жании произошло множество изменений: от суда гражданского к суду Всевышнего, а затем вновь к земной жизни человека: земной суд > божий суд > предопределение > жизненный путь.

Вторая составляющая исследуемого концепта – лексема «писатель» – не выделяется в словарях концептов в качестве одного из «сгустков культуры», что, на наш взгляд, неверно. Нередко в сознании читателей и общества в целом личность и биография писателя могут стоять рядом с его же произведениями, а иногда и превыше их. Анализ синоними-

ческого ряда лексемы «писатель» выявил наличие в русском языковом сознании ряда требований к фигуре литератора: созданное им не должно быть написанным ради развлечения или получения дохода, поэтому истинному таланту противопоставлен «бумагомаратель», «писака», «графоман».

Лексеме «судьба» при описании концепта «судьба писателя» следует рассматривать в двух значениях: 1. Складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств. 2. Участь, доля, жизненный путь [2: 1288]. Оба значения лексемы предполагают, что судьба писателя – заранее намеченный путь, выбранный не самым человеком, а некими высшими силами, подразумевающий и писательский дар, и испытания, жизненные перипетии как плату за талант.

Судьба в значении ‘то, что назначено испытать в соответствии с приговором высшей силы’, ‘то, что суждено’ [3: 28] не дает писателю отказаться от своей роли. Она здесь предстает в образе Судьбы Заимодавца из классификации Н. Д. Арутюновой [1: 616–631]. Дар слова требует жертв, поэтому жизнь писателя превращается в служение, следование воли высших сил, отказ от непримечательной судьбы во имя таланта творения. Судьба Режиссер назначает писателю ответственную роль – резонера, комментатора, нарратора – одного из толкователей или предсказателей ее воли. У писателя есть возможность отказаться от дара, однако это оборачивается гибелью таланта, а порой и самого человека.

Допустимо следующее предположение: концепт «судьба писателя» основывается в русском языковом сознании на идеях избранности, трагичности и следованию некому идеализированному образу писателя-творца.

В произведениях Т. Н. Толстой и Б. Г. Штерна предпринята попытка изменения судеб А. С. Пушкина и А. П. Чехова. Оба произведения характеризуются отсутствием главного составляющего писательской судьбы – творчества –

в «продленных» вариантах судеб великих русских литераторов. Писатели теряют свое истинное призвание, чтобы стать общественно-политическими деятелями, т. е. коренным образом изменить свой жизненный путь.

В концепте «судьба писателя» в произведении Т. Н. Толстой «Сюжет» происходит существенное изменение структуры. На место ключевого компонента «творить», «заниматься литературным трудом» приходит компонент «служить» («служить цели»), до этого не выделяемые нами в содержании данного концепта. В произведении Б. Г. Штерна в структуре концепта на первый план выдвигаются компоненты «признание», «слава», которые в представленной нами модели не входят в ядро концепта «судьба писателя».

Отмеченная многими литературными критиками политизированность русских постмодернистских текстов, а также их подчеркнутая мифологичность находит отражение в анализируемых текстах в выделении компонента «служить» («служить цели») в качестве ключевого в структуре анализируемого концепта, а также замещении судьбы понятием миссии.

Проведенные автором исследования также включают обоснование роста интереса к судьбе писателя в моменты значимых общественно-политических и культурных изменений в обществе.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
3. Москвин В. П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова «судьба»). Лексикографический аспект. Волгоград, 1997.
4. Толстая Т. Н. Река Оккервиль: Рассказы. М., 1999.
5. Штерн Б. Г. Второе июля четвертого года [http://lib.ru/SHTERN/chehov.txt_with-big-pictures.html].

Русская языковая личность ближнего зарубежья: траектории трансформаций

Т. П. Млечко

Славянский университет (Кишинёв, Молдавия)
mlechko@yahoo.com

Русская языковая личность, ближнее зарубежье, языковое сознание, заимствования, лакуны.

Summary. Transformation processes in the post soviet area have determined the distinctive characteristics of the autochthonous Russian linguistic personality in the region. The changing speech practice of the *other Russians* being expressed in linguistic portraits demonstrates the specificity of Homo loquens identification indicators, their language awareness and verbal communication in general, out of the dominant of the Russian linguocultural context.

Постсоветское пространство – особый ареал русского мира. За последние четверть века бытование в нем русского языка заметно изменилось: стало иным его правовое и реальное положение, его демографическая и коммуникативная мощь, отношение к нему и его общее состояние. Для описания этой новой языковой реальности нами выбран антропоцентрический подход, позволяющий составить адекватное представление о преобразованиях языка и языкового сознания его носителей в новых условиях посредством выявления характеристик русской языковой личности (РЯЛ) ближнего зарубежья как отдельной типологической разновидности и динамично развивающегося феномена.

Постсоветский контекст неоднороден, хотя процессы, происходящие в каждой из стран, во многом аналогичны и сопоставимы. Именно поэтому можно говорить об общих чертах РЯЛ в новом геополитическом пространстве. В числе основных характеристик нами выявлены и описаны – с опорой на теорию языковой личности [1] и широкую практику ее применения – следующие отличительные признаки совокупного портрета РЯЛ «других русских».

Первое. Более четко обозначился местный сегмент индивидуального когнитивного пространства РЯЛ. Происходит увеличение количества и расширение типологии заимствований, интериоризация этнографизмов. Для русской речевой практики характерна местная специфика обращений, экспрессивные и окказиональные семантико-стилистические расширения, появление «диаспоральных концептов», изменение культурной рамки коммуникативной нормы. Новый сегмент обретает достаточно стабильные контуры и свидетельствует не только о механическом взаимодействии

контактирующих языков, но и о соприкосновении их концептосфер. К числу издержек инокультурного доминирования следует отнести то, что типично для всех территорий и при этом ограничено по категориям: ассимиляцию ономастикона, нарушение русской антропонимической идентичности, расшатывание норм русского языка при вынужденном использовании только местного варианта топонимики, закрепление негативных результатов интеркаляции и инерционной интерференции.

Второе. Для РЯЛ ближнего зарубежья характерна резистентность к влиянию лингвокультурной среды. Об этом свидетельствуют вербализованные предпочтения в выборе стратегий адаптации, которые нацелены на сохранение лингвокультурной самобытности, а также установки носителей языка на соблюдение норм и правил культуры речи. Устойчивость РЯЛ к иноязычному влиянию проявляется в том, что: а) она избегает неестественных для русского языка заимствованных словоупотреблений, б) русифицирует местные заимствования по моделям системы русского языка; в) освоение новых лексических единиц из других языков происходит синхронно с российской практикой и по ее образцам.

Третье. В процессе становления русско-национального билингвизма РЯЛ стала в той или иной степени двуязычной и бикультурной. Произошел кардинальный сдвиг от «стирального» монолингвизма к русско-национальному билингвизму, о масштабах которого можно судить по цифрам. Точкой отсчета в наших исследованиях является 1989 год. Общая цифра Всесоюзной переписи населения констатирует, что на этом хронологическом срезе 95,6% русских горо-

жан и 97,1% русских жителей села не владели вторым языком.

Четвертое. РЯЛ ближнего зарубежья находится в состоянии перехода от единственной языковой идентичности к множественной. В различных контактных зонах или в диаспоре распространен феномен совмещенного существования идентичностей, формирующих своеобразную третью идентичность с присущими ей языковыми характеристиками, то есть множественную языковую идентичность [3]. Дрейф языковых идентичностей связан с тем, что гражданская и этническая самоидентификация личности напрямую связана с языком. Так, гражданство предполагает обязательное знание русскоязычными государственного языка страны проживания, а приверженность своим этническим корням – владение языком соответствующего этноса.

Пятое. Специфика РЯЛ ближнего зарубежья проявляется в отчетливо выражаемом дифференцированном соотношении себя с разными сегментами русского мира – русским миром вообще, Россией, русским миром страны проживания. Для нее существенна разница между русским миром вообще, здесь и там. Эта тройственность в восприятии доминирует в большом количестве речевых репрезентаций.

Шестое. В отрыве от когнитивной базы и живой стихии материкового русского мира происходит лакунизация ассоциативно-вербального тезауруса РЯЛ ближнего зарубежья. Этот латентный процесс обедняет форму и содержание речи РЯЛ.

Седьмое. В публичном дискурсе при выборе стратегий и средств РЯЛ демонстрирует принадлежность к русскому лингвокультурному сообществу и подчеркнута ориентируется при выборе средств выражения на солидарное понимание своей аудитории.

Русскоязычные ближнего зарубежья, несмотря на вековое проживание в инонациональных регионах, представляют собой в той или иной мере обособленное сообщество со специфическими интересами и видением себя в интеграционных процессах. Присутствует разделение на «мы» и «они» – латентно или явно репрезентируемое в речи.

Восьмое. Абстрагируясь от уникальности каждой творческой РЯЛ зарубежья, можно обособить две характерных модели самореализации русскоязычных авторов. У одних это происходит четко в рамках одной, русской, культуры и литературной традиции, у других – в диалоге с окружающим их иным лингвокультурным миром.

Это не конечный перечень характеристик, но уже по нему можно судить о специфике новой языковой реальности и о РЯЛ ближнего зарубежья. Она реконструирована нами в рамках специальных исследований русскоязычного сегмента в Республике Молдова с привлечением материала, введенного в научный оборот по другим постсоветским республикам [2].

По нашим выводам, доминирующая инонациональная среда трансформировала РЯЛ и русскую речевую практику, однако масштаб и характер перемены однозначно демонстрируют превалирование центростремительных тенденций над центробежными.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., 2010.
2. Млечко Т. П. Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев, 2013.
3. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Психолингвистический анализ семантики лексемы *женщина*

И. А. Морозова

Борисоглебский государственный педагогический институт

iraida_morozova@mail.ru

Психолингвистическое значение слова, ассоциативный эксперимент, семантическая интерпретация.

Summary. The author presents a semantic interpretation of the lexeme *woman* in the modern Russian speakers' linguistic conscience. The results of the psycholinguistic experiment are used as the material of the investigation.

В последние годы в лингвистике наблюдается новый всплеск внимания к проблеме значения слова. Рассмотрение семантики слова проводится в различных аспектах, в том числе и психолингвистическом.

Цель данного исследования – определение психолингвистического значения лексемы *женщина* с использованием методики направленного ассоциативного эксперимента. Считается, что ассоциативное поле, получаемое в результате проведения эксперимента, – это «не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженный в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [2: 98].

В ходе эксперимента испытуемым предлагалось продолжить тестовую фразу «Женщина – это ...». К участию в эксперименте привлекались жители мегаполиса (Москва), небольшого провинциального города юга России (Борисоглебск) и сельской местности Воронежской области, имеющие различное социальное положение, которое определялось уровнем образования и профессиональной деятельностью. Респондентами были представители трех возрастных категорий: подростки 14–17 лет (260 человек), молодежь 18–25 лет (260 человек) и взрослые 35 лет и старше (260 человек). Всего 780 испытуемых. Во всех возрастных группах опрашивалось одинаковое количество лиц мужского и женского пола с учетом их места проживания. Родной язык респондентов – русский.

Полученные ассоциации были обработаны методом семантической интерпретации, т. е. переформулированы в форме признаков и интерпретированы как объективация компонентов значений слова-стимула [1]. Для каждого признака был вычислен индекс яркости – ИЯ (отношение количества ассоциаций, объективировавших тот или иной признак в эксперименте, к общему числу испытуемых, ИЯ округлялся до десятичной дроби).

В результате структура ассоциативного поля лексемы *женщина* выглядит следующим образом:

Ядро (3 признака, 539 реакций – 28% от общего количества реакций): *выступает в роли матери 0,28; является человеком 0,22; красивая 0,20.*

Ближняя периферия (6 признаков, 484 реакции – 25%): *продолжательница жизни 0,13; женственная 0,11; любимая 0,10; относится к женскому полу 0,10; хранительница домашнего очага 0,10, является женой 0,10.*

Дальняя периферия (23 признака, 586 реакции – 30%): *добрая 0,06; умная 0,06; беззащитная 0,05; душевная 0,05; загадочная 0,05; сильная 0,05; хозяйка 0,05; любящая 0,04; самое главное в жизни 0,04; заботливая 0,03; носительница света и тепла 0,03; отличается повышенной эмоциональностью 0,03; противопоставлена мужскому полу 0,03; божественная 0,02; верная 0,02; внешне привлекательная 0,02; замечательная 0,02; непредсказуемая 0,02; нуждается во внимании и восхищении 0,02; поддерживает мужчину 0,02; умеет дружить 0,02; хрупкая 0,02; является бабушкой / прабабушкой 0,02.*

Крайняя периферия (102 признака, 334 реакции – 17%; признаки этой зоны имеют ИЯ 0,01 и ниже, т. е. по результатам проведенного эксперимента они объективированы количеством ассоциаций от 9 до 1): *аккуратная; грешная; деловая; доставляет много проблем; злая; индивидуальность; любит семью; мудрая; нелогичная; нуждается в любви; нуждается в уважении; обаятельная; общительная; объект вдохновения; объект мужского внимания; рабочая сила; самостоятельная; связана с положительными эмоциями; смелая; совершенство; создает уют; страстная; трудолюбивая; умелая; утонченная; хитрая; хорошая; является дочерью; является любовницей; является основой семьи; является полноправным членом общества; является предметом сексуального интереса для мужчины; является сестрой и другие признаки с ИЯ меньше 0,01.*

Полученные данные показывают, что ядро и ближняя периферия ассоциативного поля компактные, состоят из 3 и 6 самых ярких актуализированных в эксперименте признаков, которые отражают наиболее значимые для современного носителя языка качества женщины: основные социальные функции (*выступает в роли матери 0,28; продолжательница жизни 0,13; является женой 0,10; любимая 0,10; хранительница домашнего очага 0,10*), антропологическую идентификацию (*является человеком 0,22; относится к женскому полу 0,10*), внешнюю и внутреннюю характеристику (*красивая 0,20; женственная 0,11*). Объем ядра и ближней периферии (28% и 25% соответственно) составляет более 50% от общего количества реакций.

Дальняя периферия насчитывает 23 разнообразных по содержанию признака, составляющих 30% по числу ассоци-

тов. Крайняя периферия по количеству признаков (102) приблизительно в 3 раза больше других зон, вместе взятых, но по числу реакций, объективирующих признаки, (17%) существенно уступает предыдущим участкам.

Компактность ядра и ближней периферии ассоциативного поля свидетельствует о сложившемся, ярко выраженном стереотипном представлении о женщине в обыденном сознании русского народа. Между тем обширная крайняя периферия указывает на разносторонний разнооценочный образ женщины, имеющийся в индивидуальном сознании носителей языка.

Литература

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
2. Уфимцева Н. В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4. С. 98–111.

Репрезентация языческого и христианского мировоззрения во фразеологии русских говоров Республики Мордовия

Т. И. Мочалова, А. Ю. Маслова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск)

siluris@rambler.ru, al_mas@mail.ru

Фразеологическая единица, диалект, Бог, черт, христианский.

Summary. This paper analyses the ways of representation of religious views in dialectic linguistic world image, describes the peculiarities of christian and pagan motives in the dialects of the Republic of Mordovia.

Диалектная фразеология тесно связана с историей, культурой, с традициями носителей того или иного говора. Одними из наиболее значимых для русского народа и обладающие высокой активностью в образовании фразеологических единиц являются лексемы, связанные с религией как одной из важнейших составляющих частей мировой культуры. В русских говорах на территории Мордовии четко прослеживаются две фразеосемантические подсистемы, организованные доминантными полярными понятиями «Бог» и «черт». При этом следует отметить, что фразеологических единиц с «демоническим» компонентом значительно больше, нежели фразеосочетаний с компонентом «Бог», что, возможно, объясняется стремлением диалектносителя эксплицитировать поведение или характеристику человека, не соответствующие общепринятой норме.

Фразеосочетания с компонентом «Бог» в большинстве представляют оценочную характеристику диалектносителя. Это может быть оценка внешности, когда фразеологические единицы вступают в антонимические отношения: *Богу помолишься* – ‘о ком, чем-либо очень красивом, хорошем’ и *Бог рога приделал (кому)* – ‘о человеке с некрасивой внешностью’; не дифференцированная характеристика положительных качеств: *Господь в окошко подал* – ‘о хорошем человеке, который встретился кому-либо в жизни’, *Святой боже* – ‘безукоризненный человек’, номинация невезучего человека: *Бог передо не дал кому, Бог с рук скинул кого*.

Модальные фразеологические единицы, выражающие различные волеизъявления говорящего, обозначают его рациональную реакцию на что-либо: *Бог помочи* – ‘пожелание успеха работающему’; *скорони бог* – ‘выражение предостережения о нежелательности, недопустимости чего-либо’. В качестве эмоциональной реакции посредством фразеосочетания *Ну тебя к богу!* эксплицитируется недовольство и несогласие.

Фразеологические единицы с компонентом «черт» большей частью представляют количественную характеристику чего-либо: это изобилие, большое количество чего-либо: *Только черта с рогами не купишь (не найдешь), черт рогами не перекинет, черт под гору (с горы) не сдует*. Черт как воплощение зла несет хаос и разрушение, в связи с чем легко раскрывается внутренняя форма процессуальных фразеологизмов *черт рогами распырял, черт голову (ногу) своротит (сломит), как черт из лукошка сеял*, синонимично выражающих отсутствие порядка или полный беспорядок где-либо. Отрицательной коннотацией понятия черт объясняется и значение неприятных неожиданных событий: *как черт пособил* – ‘о чем-то случившемся независимо от чьего-либо желания’; *куда черт закалябил* – ‘кто-либо неожиданно оказался где-либо’.

При оценке диалектносителя фразеосочетания с компонентом «черт» используются для характеристики поведения человека: *супротивный дьявол*. бран. – ‘о том, кто кому-либо сопротивляется, не хочет подчиниться; сморозить

черт знает чего – ‘сказать что-либо необдуманно, некстати или в шутку’, а также его состояния: *как черт в колесе (вертеться)* – ‘быть в постоянных хлопотах, заботе, работе’. Умственные способности человека оцениваются посредством наличия / отсутствия умения действовать рассудительно: *в голове черт семишник искал у кого* – ‘кто-либо не в состоянии разумно рассуждать, действовать’. Эмоциональное состояние диалектносителя репрезентируется фразеологизмом, выражающим неудовлетворенность по поводу ухода, отъезда кого-либо: *Неси тебя черти!*

Большой пласт составляют фразеосочетания, отражающие христианское миропонимание, которое восходит к соборности, церковным нормам и догмам. Для православного христианина одним из основополагающих факторов являлось посещение церкви, соблюдение всех таинств, предусмотренных священным писанием, поэтому не случайно выражение *церкви (церкву) не видать!* употребляется для клятвенного заверения в истинности чего-либо, поскольку отлучение от церкви считалось самым страшным наказанием. В составе рассматриваемых идиом встречаются такие церковные атрибуты, как *Библия (рассказать целу Библию – ‘рассказать о многом’), крест (без креста оставаться – ‘лишаться всего накопленного’), колокол (подзвонные колокола – ‘колокола меньших размеров, чем основной’)*. К христианским традициям совершения троекратного поклона восходит многозначный фразеологизм *четвертый поклон, несущий в себе информацию о ком-либо лишнем, ненужном, о чем-либо плохом, недоброкачественном*.

С христианскими воззрениями в славянской народной традиции соединены языческие представления человека о душе, загробной жизни, потустороннем мире, что также репрезентируется средствами диалектной фразеологии в русских говорах Мордовии. Так, в диалектной среде душа является показателем перехода человека от жизни к смерти (*душа вышла / выйдет – ‘о наступлении смерти’*), отражением внутреннего мира человека: переживаемого волнения, беспокойства, тревоги (*душа загребтела, душа свербит, душа стонет*). Осмысление потусторонней жизни представлено в виде бинарной оппозиции *ад аримешный* – ‘невynosная обстановка; ад кромешный’ и *как барыня в раю* – ‘в полном достатке (жить)’. Обращение к этой сфере присутствует и в недобром пожелании чего-либо (*чтоб и на том свете не попустилось*), и в иронической оценке чего-либо значительного, важного, что было оставлено без внимания (*проспать царствие (царство) небесное*).

Языческие представления, восходящие к славянским племенам, отражает культ воды, огня, земли, растительного мира. Особую значимость для человека имела вода, дающая человеку жизнь, использующаяся в трудовой и хозяйственной деятельности. В связи с этим негативную оценку получает человек, не понимающий очищающей силы воды, ее благотворного влияния, что переносится и на другие его

поступки: *свежей воды не понимать* – ‘не разбираться в чем-либо’, *не понимать святой воды* – ‘не возмещать, не воздавать кому-либо за доброе отношение’.

Земля в сознании носителей диалекта предстает как основа всего сущего, место жизнедеятельности человека и среда обитания животных, произрастания растений. Поэтому она выступает как действующий субъект по отношению к человеку (*земля не берет* – ‘кто-либо живет слишком долго, дольше обычного’, *земля не держит* – ‘кто-либо падает, спотыкается’). А тот, кто нарушает гармонию этого живого организма, вызывает порицание: *как только земля скажет* – ‘как только возможно, допустимо чье-либо существование (о человеке, обладающем дурными качествами)’.

Огонь всегда считался священным, имел в представлении древних людей божественное происхождение. В диалектной фразеологии отразились такие свойства этой стихии, как неукротимость, мощь, быстрота распространения: *как огнем ожечь* – ‘очень быстро сделать что-либо’, панический страх человека перед этой огненной стихией: *как (хуже) плящего (плящего, тлящего) огня бояться, пугаться, страшиться* и т. п. – ‘очень, панически’. С огнем сравнивается вспыльчивый, раздражительный человек (*как огонь*), действию огня уподобляется ощущение жгучей боли (*как огнем палить*), а также состояние сильной усталости: *аж из роту огонь (пыл) пошел*. Не случайно пожар в сельской местности назывался *греховое дело*.

Лингвистическая репрезентация этностереотипов

Э. С. Мун

Российский университет дружбы народов (Москва)

elina_moon@mail.ru

Этностереотипы, стереотипизация, картина мира.

Summary. The paper is headlined «The linguistic representation of ethnic stereotypes». This paper focuses on the process of stereotyping and its impact on inter-ethnic communication.

На рубеже веков все больший интерес ученых вызывает язык не как самостоятельная система, вне его носителя, а как «антропоцентрический феномен». Лингвистами разрабатываются вопросы не внутренних закономерностей языковой системы, а функционирование языка как основного средства коммуникации, познавательной и аккумулятивной деятельности человека. В этих процессах большую роль играют устойчивые выражения, которые формируют образы социальной реальности. Особый интерес для исследователей представляют паремические единицы, так как они являются сосредоточением всех представлений народа, неким механизмом восприятия действительности. Пословицы представляют собой не только статичное явление (фигурируют в неизменном виде в устной и письменной речи), но динамическое, т. к. воспринимаются участниками коммуникации в контексте конкретных происходящих событий. Именно поэтому паремические единицы особенно интересны с точки зрения как общих способов функционирования, так и частных особенностей, для нас – лингвистических репрезентаций этностереотипов, запечатленных в пословицах и влияющих на восприятие представителей определенного этноса.

Стереотипы представляют собой обобщенные типичные характеристики определенных социальных групп, которые приписываются каждому ее представителю, вне зависимости от реальной соответственности. Они усваиваются в раннем детстве и не претерпевают значительных изменений на протяжении всей жизни. Этностереотипы обязательно культурно детерминированы и являются своего рода показателем самоидентификации человека.

Например, ученый С. В. Лурье утверждает, что «в критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков, которые в прошлом, в похожей ситуации, дали возможность пережить ее с наименьшими потерями» [Лурье 1997: 222]. По мнению исследователя, этническая картина мира может подвергаться изменениям, но ее структура основана на бессознательных комплексах, которые всегда остаются неизменными, так называемых, этнических константах. По отношению к ценностным ориентациям они нейтральны, но сама ориентация может претерпевать некоторые изменения под воздействием конкретной ситуации. Этнические константы живут на бессознательных образах, включающих понятия добра и зла и их непосредственных источников. Источник добра основывается на «образе себя» и «образе покровителя», источник зла – на «образе врага» [Лурье 1997: 224]. При этом под константами понимаются «структура и диспозиция данных образов, общие приписываемые им характеристики, а их содержание может меняться» [Лурье 1997: 225]. На этом основании можно заключить, что формирование этностереотипов является проявлением защитной реакции на изменения, происходящие в социальной среде. Срабатывающие механизмы способствуют опроверже-

нию информации, которая не соответствует этническим константам и, соответственно, противоречит собственному опыту.

Российский ученый, специалист в области психолингвистики – Н. В. Уфимцева различает этнические стереотипы и культурные стереотипы: «этнические стереотипы недоступны саморефлексии „наивного“ члена этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактами поведения, индивидуального бессознательного сознания, им уже можно обучать» [Уфимцева 1996: 140]. Таким образом, стереотипы выполняют не только информативную функцию, но и отражают эмоциональное отношение к явлению, объекту.

Очевидно, формирование стереотипов обусловлено когнитивными процессами, а сами стереотипы выполняют ряд когнитивных функций: схематизация и упрощение, формирование и хранение групповой идеологии и другие мыслительные функции. Стереотипы несут некоторый набор информации об определенном явлении, который репрезентируется в речи носителя данного стереотипа без перепроверки.

Действительно, в исследованиях по социальной психологии в последние годы процесс стереотипизации стал рассматриваться как определенная форма познания, т. е. более узкое понятие, включенное в такой универсальный процесс как категоризация. Образуя этнические категории, человек членит реальность, учитывая все характеристики, благодаря которым люди принадлежат к определенной группе, в зависимости от сходств и различий.

Образование стереотипов обусловлено и социальной функцией защиты групповых ценностей, выраженной в виде утверждения своей индивидуальности, специфичности.

Стереотипы являются неотъемлемой частью «картины мира» человека, они детерминированы культурой и не всегда объективно отражают действительность.

Основными функциями стереотипизации являются упрощение и систематизация большого объема информации, регулярно получаемого индивидуумом из окружающей среды. Данные функции позволяют человеку получать максимум информации при минимальных интеллектуальных затратах, таким образом срабатывает принцип экономии усилий. Стереотипы позволяют избегать новых реакций и использовать уже готовые установки в процессе восприятия действительности. Они представляют собой наивные представления о социальной реальности.

Также нельзя однозначно утверждать, что стереотипное восприятие человека, как представителя определенной группы лишает его индивидуальности или подвергает ее искажению, поэтому стереотипы могут выступать как вполне полезный способ восприятия мира. Из-за перенасыщенности информацией, не всегда точно можно определить степень ее достоверности, поэтому стереотипы, хоть и экономят усилия воспринимающего индивида, могут ложно отражать социальную реальность. Также нужно учитывать,

что это свойство не является обязательным, стереотипы могут нести в себе и точную информацию.

Этнические стереотипы существуют в сознании индивидов в виде определенных лексем, несущих кроме основного, дополнительный смысл. Это своего рода константы, кото-

рые навязывают всем представителям определенной этнической группы определенные качества. Иногда стереотипность мышления проявляется не в отдельной лексеме, а в контексте, поэтому их чаще всего рассматривают в конкретной языковой ситуации.

Вавилонское столпотворение: актуальные смыслы

Н. М. Орлова

Саратовский госуниверситет им. Н. Г. Чернышевского

nador2006@rambler.ru

Прецедентные феномены, Библия, художественный текст, Денис Гуцко.

Summary. The paper focuses on the problems connected with Bible text as a precedent one. The *Babylon* as a precedent situation is studied by using the method comparing the cognitive matrix of Biblical text and the novels of Denis Gutsko.

В кругу прецедентных феноменов библейского истока особое место занимают имена, высказывания и ситуации, отсылающие к событиям, происходившим в Вавилоне.

Для когнитивной картины мира носителей русского языка это прежде всего наименование самого населенного пункта, древнего города в Месопотамии, к юго-западу от современного Багдада.

Другими прецедентными сигналами библейского текста служат многочисленные варианты высказывания *вавилонское столпотворение* (*вавилонская башня*, *вавилонское смешение языков*; метонимически *Вавилон*); *вавилонский плач* (*вавилонская тоска*, *грусть* и под.), *вавилонская блудница*.

Последний прецедентный феномен в силу своего книжного характера и сравнительно небольшой употребительности не стал именем концепта и вошел в концептополе «женщина легкого поведения», а наиболее серьезной смысловой эволюции подверглись концепты «вавилонское столпотворение» и «вавилонский плач».

Этот процесс заключается не только и не столько в генерации новых смысловых квантов и экспликации новых смыслов, сколько в некоей когнитивной контаминации разных прецедентных высказываний (и разных ситуаций) в сознании носителей русского языка.

Актуализация смыслов, связанных с «вавилонским языком смешением», является вполне предсказуемой в современной исторической и политической ситуации России и бывших союзных республик. Разноязычие, осознаваемое как инакость, чуждость, чуже-родность в буквальном значении, создающее конфликты, непонимание и неприязнь, удивительным образом коррелирует с ситуаций Библии.

Одним из авторов, для которого указанная ПС приобрела особый смысл, спроецирована на личную и творческую судьбу, а концепт «Вавилон» играет текстообразующую роль, является Денис Гуцко.

С распадом империи немало граждан многонациональной страны, и в их числе Гуцко, оказались жителями зарубежья. В народах, населявших «Вавилон», проснулась ненависть к чужаку, превратившаяся в эпидемию, которая представляется писателю «чумой». Молодой прозаик пытается осмыслить: как после распада «нового Вавилона» русскому, говорящему с грузинским акцентом, жить на исторической родине.

В романе «Без пути-следа» экспликация концепта «Вавилон» демонстрирует его традиционную отнесенность к прецедентной ситуации (ПС) «Вавилонское столпотворение». Вербализация концепта осуществляется, с одной стороны указаниями на акцент, наименованием национальностей (*грузин*, *цыган*, *армянин*, *немец*, *узбек*, *русский*, *казак* – **грузинский казак** (sic!)), наиболее точная национальная принадлежность героя; *еврейка*), этнических групп, расовой принадлежности, религиозной конфессии (*мулатка* – русская полукровка Люся; *растянул пальцами глаза, изображая знакомого узбека*; *молокане*, *католикос*), натурфактов и артефактов-сигналов национальных культур (*Мерани*, *Бараташвили*, *Тбилиси*, *Кура* и т. п.), а с другой – текстовой экспликацией полей «агрессия», «ненависть», «непонимание».

Однако в книге наблюдается также варьирование смыслов ПС и ее ключевого концепта. Всеобщий хаос, вызванный строительством Вавилонской башни, вавилонским

столпотворением, вызывает у героя оцепенение, полную беспомощность и желание уединиться, погрузиться в чтение и наблюдать за происходящим со стороны. Это явная аллюзия на образ другой «башни», генетически связанной с Библейским текстом (Песнь песней, 7: 4.) и обогащенной сотнями смыслов в европейской культуре, башню из слоновой кости, *Turtis eburnea*.

В повести «Там, при реках Вавилона» значимость прецедентных отсылок библейского истока еще выше, что подчеркивается заголовком, абсолютно сильным элементом текста, содержащим аллюзию на библейскую ПС.

В повести обнаруживается «прецедентная контаминация», соединение в когнитивной картине мира прецедентных импульсов двух различных ситуаций.

В первую очередь, это обычное для Дениса Гуцко (и для носителей языка в целом) отсылка к ситуации «Вавилонское столпотворение», усиленная сюжетом армяно-азербайджанского конфликта, который видится глазами срочного служащего советской армии, «русского с грузинским акцентом», знакомого читателю по роману «Без пути-следа».

В современной политологии такие территории носят название «милитарных районов». Поэтому нами была выдвинута гипотеза о том, что экспликация библейских концептов, порожденных соответствующими ПС, будет происходить параллельно с экспликацией концепта «война».

При анализе концептосферы повести эта гипотеза нашла полное подтверждение.

Концепт «война» вербализован в первую очередь огромным корпусом специальной военной лексики разных тематических групп, лексики, необходимой для описания милитарных зон (*погром*) и т. п.

Концептополе «смешение языков», генерированное ПС «Вавилонское столпотворение», имеет значительное сходство с экспликацией этого концепта, рассмотренной выше («Без пути следа»), ср., в частности, навязчивое упоминание об акценте главного героя, речевой особенности, которая не проходит мимо внимания ни одного из персонажей, присутствует в самых драматических контекстах и вербализует один из самых важных концептов постсоветского пространства – «лицо иной национальности».

Однако когнитивная матрица ситуации «Вавилонское столпотворение» обогащается следующим образом: в когнитивном пространстве текста (и в сознании героя) происходит контаминация смыслов этой ПС и ситуации «Вавилонский плач».

Библейские картины коррелируют в сознании героя с картинами погромов, свидетелями которых он стал в Нагорном Карабахе. Именуемая в прецедентной базе ПС «Вавилонское столпотворение» (смешение языков) приобретает яркость и образность, заключенную в ситуации «Вавилонский плач»; фактическое искажение когнитивной матрицы обеих ситуаций (неизбежное, поскольку ни один из сюжетов героя в подробностях неизвестен, что достаточно часто встречается при реализации библейской прецедентности) ведет к взаимному обогащению их смысловой структуры.

Смысловая и семантическая эволюция рассмотренных концептов, генетически связанных с «вавилонскими» ситуациями, служит убедительным подтверждением прецедентной мощи библейского текста, его динамических возможностей в актуализации новых смысловых квантов.

Концепт *здоровье*: перцептивный образ

А. Ю. Петкау

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

vpetkau@yandex.ru

Концепт, здоровье, ассоциативный эксперимент, перцепция.

Summary. The paper presents the results of the psycholinguistic experiment held among the native Russian-speaking people with the intention of identifying and describing of the concept *Health* perception image.

На современном этапе научного знания одной из центральных проблем когнитивной лингвистики является изучение образного содержания ментальных конструкций знаний. Предмет нашего исследования – концепт *здоровье* – принадлежит к группе абстрактных явлений, поэтому экспликация его образного компонента представляет повышенную трудность. Для выявления чувственной природы образного компонента абстрактного концепта представляется целесообразным обращение к методикам психолингвистических экспериментов.

Цель работы – описание перцептивной специфики концепта *здоровье*. Для достижения поставленной цели нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент в форме анкетирования, в котором приняли участие 77 носителей русского языка, из них 26 представителей мужского пола, 51 – женского пола. В ходе психолингвистического эксперимента респондентам было предложено ответить на следующие вопросы: *Здоровье, какого оно цвета? Здоровье, какое оно на вкус? Здоровье, какое оно на ощупь? Здоровье, какое оно по звучанию?* Также мы просили респондентов нарисовать *здоровье* со следующей формулировкой задания: *Когда Вы слышите это слово, у Вас всплывает образ, зафиксируйте, пожалуйста, его визуально на листе бумаги.* Время заполнения анкеты не ограничивалось, возраст опрашиваемых варьировался от 18 до 65 лет.

Нами было получено 388 реакций. Методика анализа включала в себя выявление семантики ассоциатов, которая методом когнитивной интерпретации обобщалась в когнитивные классификационные признаки, а затем проводилось определение яркости признаков по принципу частотности, см.: [2: 67–75].

Важно отметить, что после проведенной процедуры когнитивной интерпретации не все полученные когнитивные признаки были включены в дальнейший корпус интерпретационного материала: в связи с трудностью экспликации образного компонента, часть респондентов формулировала отдаленно-абстрактные реакции, не отражающие суть вопроса. Например, реакции типа *здоровье имеет цвет нектара первых летних цветов гортензии, сочный вкус, ну ловимо на ощупь* не входили в дальнейший корпус анализа материала. Наибольшую сложность составило определение звуковой характеристики здоровья: зафиксировано 32 перцептивно «пустых» оценки, например, респонденты при ответе на вопрос отмечали, что звук здоровья *самый лучший, гармоничный, многозвучен*, наименьшую трудность при ответе вызвал вопрос о цвете здоровья.

Обратимся к результатам исследования.

1. **Хроматологический образ концепта *здоровье*.** Респонденты определяют приоритетный цвет здоровья как *зеленый* – «цвета травы, листья» [3: 276], зафиксировано 22 реакции. *Белый* цвет занимает лишь вторую строчку нашего рейтинга – 10 реакций, третье место – *голубой* оттенок – 8 реакций. Примечательно, что респонденты градационно различают цвета по тону и насыщенности: *светло – зеленый, прозрачно – голубой*. Из цветов спектра радуги ни разу не был выбран только *синий* цвет как хроматологический репрезентант здоровья. Мы связываем полученные реакции с базовыми природными элементами: травянистыми культурами, небом. По словам А. Вежбицкой, только *голубой* цвет прямо уподоблен небу, про *синий* цвет нельзя сказать «такой, как небо», хотя он может напомнить о нем, см.: [1: 259].

2. **Вкусовой образ концепта *здоровье*.** Нами отмечена наибольшая релевантность когнитивного классификацион-

ного признака *Сладкий вкус* – 20 реакций, в который входят когнитивные признаки *запах булочки с корицей, карамели, шоколада* и т. д. Лексема *сладкий* означает «приятный, доставляющий удовольствие» [3: 894], что иллюстрирует взаимосвязь здоровья с положительной семантикой. *Вкус фруктов* в анкете отметили 16 респондентов и конкретизировали его: *вкус апельсина, банана, яблока, винограда, манго*. *Молочный вкус* выбрали в качестве ассоциации 11 респондентов. Мы связываем полученные реакции с ассоциацией правильной (здорового) питания.

3. **Звуковой образ концепта *здоровье*.** В сознании носителей русского языка актуализирован когнитивный классификационный признак *Звонкий звук* как ядерная характеристика звукового портрета концепта *здоровье* – 15 реакций. Среди его когнитивных признаков выделим некоторые примеры: *звук похож на сонорные гласные, колокольный звон* и т. д. Когнитивный классификационный признак *Звук журчания ручья* на втором месте по частотности – 8 реакций. Данный результат можно интерпретировать как взаимосвязь здоровья с правильной работой организма, поскольку лексема *журчание* трактуется как «легкий монотонный шум» [3: 238]. *Тихий звук* – третий по яркости когнитивный классификационный признак.

4. **Осязательный образ концепта *здоровье*.** Осязательный образ анализируемого концепта разнообразен по форме манифестации. Респонденты представляют *здоровье* в своем сознании как *мягкое* на ощупь явление – 24 реакции, *упругое* – 12 реакций, *ровное* и *теплое* – 9 реакций.

5. **Зрительный образ концепта *здоровье*.** Из общего числа опрошенных 18 респондентов зафиксировали визуальный образ здоровья в своих ответах, из них только 5 респондентов нарисовали абстракцию: *цветок, геометрические фигуры, доброе существо*, в то время как у 13 респондентов *здоровье* ассоциируется с человеком, которого, прежде всего, характеризует *улыбка, хорошая физическая форма*. Данные реакции эксплицируют наличие положительной коннотации у концепта *здоровье*.

Важно отметить другой аспект анализа рисунков – реальность в сознании индивида может быть отражена как образ или «ансамбль» (в терминологии Ж. Верньо) объектов или ситуаций, см. работы А. А. Залевской, М. Я. Розенфельд и др. Интерпретация полученных художественных образов показывает, что 7 визуальных решений отображают объект (например, представлен рисунок человека) в статичной позиции, без уточняющих ситуацию элементов. Другие 11 графических реакций предлагают для исследования динамические ситуации, например, на рисунке изображен мужчина, поднимающий штангу, изображены его мускулы, их напряжение.

Таким образом, концепт *здоровье* имеет широкую перцептивную объективизацию, тем не менее, описание перцептивного образа составляет сложный процесс в связи с конкретным осознанием абстрактного понятия.

Основываясь на полученных результатах исследования, можно отметить, что при слове *здоровье* у большинства всплывает образ *крепкого человека с улыбкой* на устах на фоне *голубого* неба, *зеленой* травы, *журчащего ручья*.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011.

Вариативность вторичных текстов репродуктивного типа: лингвоперсоналогический аспект

И. С. Прокудина

Новосибирский государственный университет экономики и управления

pris1981@yandex.ru

Вторичный текст, языковая личность, лингвокогнитивный стиль репродуцирования.

Summary. The report presents the linguistic aspects of personal strategies of secondary texts construction.

В настоящее время среди антропоориентированных лингвистических исследований особое место занимает изучение вторичных текстов, которые рассматриваются как результат сложного взаимодействия структурно-семантической, коммуникативной и др. организации первичного текста и лингвокогнитивной деятельности языковой личности при вторичном текстообразовании.

Под вторичным текстом понимается текст, созданный в результате различного рода аналитико-синтетической обработки соответствующего первичного (исходного) (А. И. Новиков, Н. М. Нестерова). Такое определение позволяет вывести на первый план речемыслительную деятельность создателя вторичного текста – языковой личности, под которой понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) (Ю. Н. Караулов); носитель языковой способности определенного типового качества, данного ей изначально и далее развиваемого [1].

Вторичный текст представляет собой опредмеченный результат свертывания и развертывания текстовых структур, которые связаны с процессами восприятия, понимания и воспроизводства текста (А. А. Леонтьев, Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия, А. И. Новиков), а также рядом других речемыслительных операций, необходимых для построения вторичного текста определенного типа, имеющих лингвоперсоналогические особенности. Таким образом, наблюдаемая вариативность вторичных текстов, созданных на базе одного и того же первичного, и их своеобразие обусловлены не только объективными (системо- и текстоцентрическими) (Л. Н. Мурзин, Т. М. Дридзе, А. А. Чувакин), но и субъективными (лингвоперсоналогическими) факторами (Л. В. Сахарный, В. П. Белянин, Н. Д. Голев, С. В. Ионов, Н. В. Мельник и др.), т. е. качеством языковой способности языковой личности – создателя вторичного текста, обладающей рядом психологических, когнитивных и др. особенностей.

По функциональному признаку среди вторичных текстов выделяются тексты репродуктивного типа, цель создания которых – воспроизведение семантической структуры текста-основы с разной степенью развернутости содержания (изложения, конспекты, рефераты и др.) [2]. Для описания индивидуальных стратегий построения текстов такого типа мы предлагаем использовать термин лингвокогнитивный стиль репродуцирования (по аналогии с термином «когнитивный стиль» в психологии). **Лингвокогнитивный стиль репродуцирования** – это индивидуально-своеобразные особенности преобразований при репродуцировании исходного текста, обусловленные спецификой его восприятия, понимания, воспроизведения, а также аналитико-синтетической обработки / переработки, интерпретации, структурирования и оценивания, реализованные во вторичном тексте репродуктивного типа.

Так, на материале монографических рефератов, написанных студентами на основе одного и того же текста, были выделены следующие стили репродуцирования.

I. Копирующий / контаминирующий / генерирующий стили репродуцирования, отражающие особенности способов компрессии и изложения информации. Копирующий стиль предполагает механическое переписывание одних фрагментов исходного текста и опущение других независимо от их содержания, что не позволяет говорить о понимании и присвоении информации (Н. И. Жинкин). Контаминирующий стиль представляет собой свертывание смысловых блоков исходного текста и их соединение посредством сочинительной связи в составе синтаксических единиц разных уровней при отсутствии выражения существующих в

исходном тексте логических связей. Генерирующий стиль направлен на передачу свернутой информации с отражением логико-смысловых связей между информационными частями.

II. Интегрирующий / дифференцирующий стили репродуцирования, характеризующие способы репрезентации информации. Интегрирующий стиль ориентирован на укрупнение текстовых единиц исходного текста, дифференцирующий – на конкретизацию и детализацию его содержания.

III. Сканирующий / фрагментирующий стили репродуцирования, показывающие степень полноты воспроизводимого содержания: сканирующий стиль предполагает охват всех информационных блоков исходного текста, фрагментирующий – фокусирование на одной или нескольких его смысловых частях.

Представленные выше стили репродуцирования характеризуют способность языковой личности к обобщению, «укрупнению» информации, т. е. к осуществлению перехода от конкретного, единичного к обобщенному, абстрактному [2].

IV. Воспроизводящий / модифицирующий / интерпретирующий стили репродуцирования, демонстрирующие степень аппроксимации вторичного текста и первоисточника. Воспроизводящий стиль репродуцирования предполагает сохранение смысловой структуры исходного текста, модифицирующий – ее изменение с сохранением тематического тождества, интерпретирующий – преобладание новой информации, введенной автором вторичного текста.

V. Заостряющий / сглаживающий стили репродуцирования, отражающие наличие / отсутствие аксиологической градации информации. Для заостряющего стиля характерно выделение какой-либо информации как более важной посредством различных языковых средств, для сглаживающего – отсутствие такого акцентирования.

VI. Эмоциональный / нейтральный стили репродуцирования, характеризующие наличие / отсутствие эмотивности во вторичном тексте.

VII. Контактный / отстраненный стили репродуцирования, демонстрирующие наличие / отсутствие обращенности к потенциальному читателю, диалогизации.

VIII. Персональный / имперсональный стили репродуцирования, фиксирующие наличие указания на автора речевого сообщения или его отсутствие.

Таким образом, выделенные лингвокогнитивные стили репродуцирования описывают и систематизируют вариативность вторичных текстов репродуктивного типа. Поскольку данные стили являются лингвоперсоналогической категорией, их дальнейшее изучение позволит моделировать особенности языковой личности при вторичном текстообразовании (способность к компрессии содержания, стратегии речемыслительной деятельности при категоризации информации, пристрастность в отборе и оценке текстового материала, потребность в реализации личностных смыслов, мотивов, эмоциональных переживаний при репродуцировании исходного текста [2] или способность к объективной передаче чужой речи, доминирование эмоций или рациональной составляющей в речевой деятельности индивида и др.), а также может послужить основой для типологии многообразия языковых личностей.

Литература

1. Голев Н. Д. Лингвоперсоналогическая вариативность языка // Известия АлтГУ. Барнаул, 2004. Вып. 4.
2. Ионов С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград, 2006.

Концепт «свобода» по данным русского языка в разных регионах

Е. Н. Руденко

Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

a.lena@rudenka.com

Русский язык россиян, белорусов, американцев, сочетаемость, свобода, воля.

Summary. The results of study of "freedom" concept according to the data of the Russian language in Russia, Belarus, and the USA are presented below. In dictionaries and text corpora "freedom" is a personal concept for Russians, as opposed to the Russian-speaking Belarusians. However, surveys show similar – personal – interpretation of freedom by both groups of informants. For Russian-speaking Americans, as well as for English-speaking, freedom is primarily a social concept.

В тезисах кратко представлены результаты исследования на материале регионально разных вариантов русского языка. Анкетирование по специально разработанному вопросу проводилось в России среди русскоязычных россиян, а также русско- и белорусскоязычных белорусов Республики Беларусь в связи с употреблением обозначений понятия «свобода» в русском и белорусском языках. Помимо этого та же анкета распространялась на русском и английском языках в штате Вашингтон (США).

В Беларуси, как известно, два государственных языка: русский и белорусский.

По данным словарей, в белорусском языке концепт «свобода» имеет в первую очередь социальный характер, его важными составляющими, или слотами, являются «государственная независимость», «социальные и демократические свободы», в то время как для носителя русского языка в России свобода в первую очередь личностное понятие.

Согласно корпусным данным, для белорусов свобода также является преимущественно социальной ценностью (это коррелирует с данными словарей), гораздо в большей степени, чем для русскоязычных россиян. Я анализировала газетные тексты, и могу также сослаться на диссертации россиянок: *Ардашева Т. Г.* Лингвокогнитивный анализ концепта «свобода» (на материале русского, английского и французского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2012; *Солохина А. С.* Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004, – где анализировались корпусные текстовые данные. Согласно этим исследованиям, в языковом сознании русскоязычных россиян личностный аспект концепта «свобода» занимает особое место (об этом писала и Анна Вежицка). Характерно, что для белоруса свобода имеет преимущественно социальную ценность вне зависимости от языка издания – русского или белорусского, т. е. белорусские газеты репрезентируют единую ментальность (во всяком случае в том, что касается свободы).

Данные анкетирования показывают иной результат.

Анкетирование проводилось в Беларуси на двух языках: русском и белорусском, а также на русском языке в двух городах России. Ниже приведены пункты анкеты.

1. Запишите слова, которые можно использовать вместо слова *свобода*.

2. Запишите слова, противоположные по значению слову *свобода*.

3. Запишите 3 ассоциации к слову *свобода*.

4. Запишите 3 ассоциации к слову *воля*.

5. Запишите 3 ассоциации к слову *вольность*.

6. Какой бывает свобода? Допишите 3 атрибута к слову *свобода*: свобода (какая?) ...

7. Допишите 2-3 глагола, которые сочетаются со словом *свобода*. *Свобода* (что делает?) ...

8. Допишите существительные к прилагательным *свободный, свободная, свободное, свободные*.

9. Допишите существительные к прилагательным *вольный, вольная, вольное, вольные*.

10. Допишите вторую часть сложного предложения: *Во Фриландии свобода, но ...*

11. Запишите известные вам устойчивые выражения, пословицы и поговорки со словом *свобода*.

12. Запишите известные вам устойчивые выражения, пословицы и поговорки со словом *воля*.

13. Напишите короткое сочинение, которое начинается словами: *По моему мнению, свобода ... По-моему, суть свободы ... Мне кажется, свобода (свободу, свободой ...) ...* Ответьте в нем на вопросы: Что значит слово «свобода»? Что значит, по-вашему, «настоящая свобода»?

Ответы белорусов на белорусском и русском языках были очень похожи и между собой, и в сравнении с ответами

русскоязычных россиян. Большинство информантов расценивали свободу как личностную категорию. Это особенно характерно для россиян. Белорусы тоже гораздо активнее представляли свободу персонально, в том числе и на белорусском языке, в отличие от словарных и корпусных данных. Я думаю, это показывает изменение идентичности белорусов, процесс ее русификации.

Белорусскоговорящие респонденты в Беларуси чаще, чем русскоговорящие, соотносили свободу с ответственностью и обязательствами: *Свабода – адноснае паняцце, свабода заканчваецца там, дзе пачынаецца свабода іншага*, – это ключевая идея белорусскоязычных эссе (последний пункт анкеты). Однако такое понимание свободы не ассоциируется со страной или государством: речь идет о межличностных отношениях. Свобода как социальная категория представлена только в двух ответах, например: *Сапраўдная свабода, калі грамадзяне выказваюць свае думкі, а дзяржава да іх прыслухоўваецца*.

Парадокс, но, согласно другим пунктам анкеты, свобода для белорусов (как и для граждан России, Украины, Великобритании, США) – социально-политический концепт. Одинаковы во всех случаях ответы на 6-й пункт анкеты (*свобода* (какая?) *демократическая, личности*) и 11-й (*свобода слова, свобода печати*). Клишированные ответы такого рода можно назвать «цивилизационными» или «европоцентристскими».

Однако в развернутых эссе свобода характеризуется белорусами и россиянами все-таки как персональное понятие. Полагаю, что такое внимание к личностному аспекту свободы свидетельствует о конфликте с обществом и безразличии к нему и должно быть сигналом тревоги для социальных антропологов.

Анкетирование показало также гендерные различия. Например, только женщины предлагали такие ответы, как *свобода разрушает, опасная свобода*. Частая женская ассоциация к прилагательному *свободный, вольный*: *свободная одежда, вольный ветер*, мужская – *свободное поведение, вольная птица*. Для мужчин чаще, чем для женщин, свобода обозначает деньги, для юношей – финансовую независимость от родителей.

Свобода чаще антропоморфизмуется женщинами, и это типично для информантов, принадлежащих ко всем опрошенным группам. Свобода «вдохновляет», «умирает», «живет» и под. чаще для женщин, чем для мужчин. Кстати, свободу представляют как женщину носители всех языков, по крайней мере индоевропейских.

Наиболее интересные ответы были даны в рамках вив-теста (Во Фриландии свобода, но...). Наиболее частый из них: *...но на свете такого места нет*.

Что касается анкетирования, проведенного в г. Спокан (штат Вашингтон, США), то о его результатах можно сказать следующее. В Спокане около 210 тыс. населения, около 30 тыс. из них составляют владеющие русским языком. Ответы на русском языке одних информантов по сути ничем не отличались от ответов на английском других, т. е. понимание свободы русскоязычными жителями г. Спокан идентично пониманию англоязычных. Это коррелирует с мнением социологов, о том, что русскоязычные жители Спокана стремятся как можно быстрее и как можно сильнее адаптироваться к американскому образу жизни.

По сравнению с трактовкой свободы россиянами, этот концепт в сознании американцев является более гармоничным и целостным. Для них важна в первую очередь социальная трактовка свободы. Американцы могут испытывать сомнения по поводу проявлений тех или иных общественных свобод, однако личная свобода возможна для них только в свободном обществе и, с другой стороны, никакая свобода невозможна без реализации ее социального аспекта.

Отражение языковых маркеров национально-культурного сознания лингвоэкологического типа во внутреннем лексиконе представителей русской этнолингвокультуры

Е. В. Ситникова

Мариупольский государственный университет (Украина)

AlyonaSitnikova@mail.ru

*Внутренний лексикон человека, свободный ассоциативный эксперимент,
языковые маркеры национально-культурного сознания лингвоэкологического типа.*

Summary. One of manifestations of the anthropocentric approach to the study of language was considering it as a fact of culture. This paper presents a study of changes in the inside lexicon of Russian ethnic and lingual culture representatives in conditions of heterogeneous language environment, which have been found out as a result of free associative experiment. The linguistic markers of national and cultural consciousness, pointed out by I. V. Privalova, were chosen as stimuli offered to the informants during the experiment.

Антропоцентрический характер лингвистики XX в. предполагает рассмотрение всех явлений и процессов, происходящих в языке, в неразрывной связи с феноменом человека. Внимание большинства современных ученых сконцентрировано не столько на самом языке, сколько на его коммуникативных характеристиках, социальных функциях и на проявлении в нем индивидуальных, национально-культурных и общечеловеческих свойств говорящего.

Одним из направлений современной науки о языке становится изучение его как средства накопления и хранения культурно значимой информации. Язык рассматривается как факт культуры, поскольку «1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель» [1, 131].

Культура формирует определенные представления об окружающем мире, о взаимосвязях между предметами и понятиями, о закономерностях развития человеческого общества. Все эти представления в самых разнообразных формах фиксируются в языке как национальном достоянии народа и проявляются в речи каждого его представителя. Поэтому актуальным представляется исследование внутреннего лексикона человека как носителя определенной этнолингвокультуры.

Длительное пребывание в условиях гетерогенного языкового окружения не может не вызвать изменений в составе и содержании единиц языковой памяти личности. Поскольку культурный компонент семантики языкового знака чаще всего имеет скрытый характер, его исследование становится возможным с помощью применения методики свободного ассоциативного эксперимента.

Данная методика была применена для выявления изменений внутреннего лексикона носителей русского национально-культурного сознания под влиянием иноязычной среды. Свободный ассоциативный эксперимент проводился среди представителей русской этнолингвокультуры, проживающих на территории этнической родины, а также в Украине, США, в странах Европейского союза (Греция, Кипр, Италия, Нидерланды, Германия) и Азии (Индия, Израиль). За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы языковых маркеров национально-культурного сознания (далее ЯМНКС), выделенных И. В. Приваловой [2]. Именно в работах данного лингвиста впервые обращается внимание на недостаточную разработанность проблемы языковой объективации национально-культурной специфики языкового сознания (внутреннего лексикона человека).

По мнению И. В. Приваловой, в структуре этнолингвокультурного сознания выделяются особым образом структурированные пространства: когнитивное, культурное, лингвистическое, состоящие из функциональных / операциональных единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации. Вербальными представителями национально-культурной специфики языкового сознания являются ЯМНКС, принадлежащие сфере лингвистического пространства и выступающие объективаторами квантов культурно обусловленных знаний, формирующих национальные когнитивные базы участвующих в акте межкультурного общения

этноязыковых личностей [2, 4]. ЯМНКС делятся на три группы:

1) ЯМНКС лингвоструктурного типа выделяются на том основании, что в структуре и способах организации семиотического кода проявляется форма существования предметного мира с особенностями его свойств и взаимодействий, фиксирующаяся в языковых формах концептов, обнаруживаемых при сопоставлении систем и основных единиц систем двух языков;

2) в ЯМНКС лингвокультурного типа сосредоточены наиболее явные расхождения контрастируемых этнолингвокультур, которые возникают из-за несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в сравниваемых лингвокультурах. Они эксплицированы как: средства речевого контакта, языковые формулы; проксеммы, кинемы, темпоремы, нумерологемы, колоремы; реалии, культурные символы и этнографические номемы; вербализаторы аксиологических концептов; единицы фразеологического и паремнологического фондов; вербальные и вербализуемые прецедентные феномены; целостный текстовый отрезок;

3) в ЯМНКС лингвоэкологического типа фиксируется диалоговое взаимодействие контрастируемых лингвокультур, а заимствования концептуального, параконцептуального и бесконцептуального вида представляют собой отдельный вид ноологизации, влияющий на особенности лингвосферы языка [2: 7–8].

В данной статье исследуется усвоение представителями русской этнолингвокультуры ЯМНКС лингвоэкологического типа. Анализ ассоциативного материала, полученного на стимулы данного типа, проводится с учетом разработанной автором классификации реакций, основанной на лингвокультурном принципе и направленной на изучение культурного содержания ЯМНКС как единиц внутреннего лексикона человека.

Исследование восприятия представителями русской этнолингвокультуры ЯМНКС лингвоэкологического типа позволило сделать следующие выводы.

Являясь культурно обусловленным феноменом, языковое сознание отражает специфику того национально-культурного пространства, в котором находятся его носители. Оказываясь в условиях гетерогенного лингвокультурного окружения, человек подвергается его непосредственному влиянию, что находит отражение в составе, содержании и ассоциативных связях единиц его внутреннего лексикона.

В исследовании усвоения ЯМНКС лингвоэкологического типа и их вербализации были выявлены следующие виды реакций, фиксирующих изменения в знаниях и представлениях носителей русской этнолингвокультуры: отказ от предоставления реакции; характеристика ЯМНКС с точки зрения их места в системе языка; созвучные реакции, основанные на фонетическом сходстве стимула и ассоциата; индивидуально-ситуативные реакции, представленные словами, которые передают определенную ситуацию из личного опыта информанта, но не отражают содержания ЯМНКС; реакции-показатели изменения значения языковых единиц; иноязычные реакции; реакции, раскрывающие семантику ЯМНКС.

Литература

1. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. М., 2008.
2. Привалова И. В. Языковое сознание этнокультурная маркированность (Теоретико-экспериментальное исследование): Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 2006.

Стереотипные представления об этносе и культуре как основа обучения языку

О. И. Соколова

Владимирский институт бизнеса
sok.ol@list.ru

Национальные стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы.

Summary. The paper deals with the notion “ethnic stereotype”. The way Americans see the Russian people is defined. Theoretical issues are supported with the results of the interview (USA, Nebraska, Emerson, 2012–2013). Studying this phenomena is important as it helps both to develop “ethnic tolerance” and to change the common heterostereotypes.

Знакомство с иной культурой расширяет представление об истории и закономерностях развития языка, его роли в мире, о взаимоотношениях родного языка и иностранного. Соприкосновение с чужой культурой непременно проходит этап подтверждения или опровержения бытующих стереотипов.

Существенно разделение национальных стереотипов на гетеро- (восприятие этноса другими) и автостереотипы (самовосприятие этноса). Ученые приходят к выводу, что каждая нация склонна к завышенной самооценке и недооценке других (что вполне объясняет оппозиция «свой» – «чужой» – Анализ оппозиции см. в работах: [11]; [12] и др.).

Восприятие языка другого народа продуктивнее, если гетеростереотипы положительны. Весьма важным, по нашему мнению при изучении русского языка как иностранного (или неродного) является не столько констатация определенного отношения к представителям нации, сколько попытка изменить это – увя! – не всегда лестное мнение. Подкрепим данное положение исследованием, эмпирическую базу которого составили результаты анкетирования, проведенного осенью 2012 – весной 2013 году среди жителей Среднего Запада от 16 до 74 лет (шт. Небраска, г. Эмерсон (в опросе приняли участие 34 человека).

Для характеристики русского менталитета важны работы Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, Д. С. Лихачева, Н. О. Лосского и других ([2]; [3]; [8]; [9]). Ряд философов, таких как Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, П. Я. Чаадаев, замечает, что традиционными ценностями русского человека являются равенство, святость, слава, знание, противопоставленные делу, мастерству, богатству, а также свободе и праву, служащих основой ценностей на Западе. Власть шири над русской душой порождает ряд недостатков: «русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности» [6: 228]. Подобные характеристики встречаем и у современных исследователей ([5]; [6] и др.).

Американский национальный характер информативно описывается Э. Я. Баталовым, Г. Д. Гачевым, А. В. Павловской, И. А. Стерниным, С. Г. Тер-Минасовой и другими исследователями – [1]; [4]; [10]; [13]; [14]. Исполнительный директор Вашингтонского международного центра Л. Р. Колс в 1984 году сформулировал 13 ценностей американца: власть над обстоятельствами; изменения; время и управление им; равенство и равноправие; индивидуализм («privacy») и неприкосновенность частной жизни; концепция «Помоги себе сам»; конкуренция и свободное предпринимательство; ориентация на будущее; ориентация на действие; непринужденность; прямота, откровенность и честность; практичность и эффективность; материализм и потребление [7].

Жители г. Эмерсон, «средние» американцы, мало знакомы с культурой России, опыт непосредственного общения с русскими имел только один человек. Важно отметить, что гетеростереотипы формируются в основном под влиянием так называемых неорганизованных форм передачи информации (слухи, анекдоты, фольклор, литература), а также под влиянием СМИ. Опрошенные почти не интересуются событиями, происходящими вне их страны (весьма показательны мнения: *Все русские – коммунисты; Россия и СССР – одно и то же; В России ходят в валенках и ушанках; Тебе холодно? Ты же из России!; В России много бандитов*). См. также многочисленные интервью американцев. По их мнению, россияне незаконнослушные, хмурые, меркантильные, любят выпить, невоспитанны: [http://www.echo.msk.ru/blog/nesoglasnyi_2/947291-echo/; http://smitnews.ru/2011/12/15/50-faktov-o-rossii-i-russkix-glazami-amerikancev/] и т. д.

Осенью 2012 года информантам было назвать черты характера, свойственные, с их точки зрения, русским: «скрытый, сдержанный» (reserved), «закрытый» (closed), «храб-

рый» (hardy), «ленивый» (lazy), «необщительный» (unsociable), «добрый» (kind), «странный» (strange); характерные черты внешнего облика: «светлый» (fair), «высокие каблуки» (high heels), «официальная одежда» (formal), «вульгарный, броский» (flashy), «валенки» (felt boots, valenki), «ушанка» (ushanka), «нарядный» (well-dressed); объекты, с которыми они связывают культурные ценности россиян: «дворец» (palace), «душа» (soul), «традиция» (tradition), «правильность, верность» (correctness), «литература» (literature); символы, с которыми ассоциируется Россия: «березы» (birch trees), « меховые шапки» (fur hats), «ушанка» (ushanka), «медведь» (bear), «Красная площадь» (Red Square), «водка» (vodka), «матрешка» (matreshka), «Сибирь» (Sibir). Приведены лишь те характеристики, которые были названы двумя и более информантами.

Весной 2013 года респондентам, которые на протяжении полугодия имели возможность общаться с русской девушкой, был задан вопрос, изменилось ли их отношение к русским. Каждый ответил, что изменилось в лучшую сторону. Разумеется, следует учитывать личность проводящего анкетирование. В данном случае это была доброжелательная девушка, проявляющая способности в музыке и рисовании, открытая и отзывчивая, что во многом способствовало переложению опыта общения с этим представителем русских на нацию в целом. При повторном анкетировании никто не назвал в качестве черт русских: «reserved», «closed», «dazy», «unsociable», при этом прибавились новые характеристики: «талантливый, одаренный» (gifted, talented), «умный» (clever, intelligent), «общительный» (sociable), «деятельный, активный» (active), «способный» (able), «открытый, искренний» (open-hearted).

Несомненная ценность межкультурных контактов состоит в том, что они могут способствовать изменению национальных гетеростереотипов. У. Липпман отмечал, что человек восприимчивый, любознательный при столкновении стереотипа с реальностью изменяет свое восприятие окружающего мира [15: 82].

Литература

1. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М., 2009.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990.
3. Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1996. № 6 [http://philosophy.ru/library/vopros/11.html].
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и славянством. М., 1997.
5. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2003.
6. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. статей. М., 2005.
7. Колс Л. Р. Ценности, которыми живут американцы [http://www.vp.snu.edu.ua/tsennosti-kotoryymi-zhivut-amerikantsy.html].
8. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287;
9. Лосский Н. О. Характер русского народа. М., 1957 [http://lib.russian.sumy.ua/down/open/loskiy.html].
10. Павловская А. В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. М., 1998.
11. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987 гг. М., 1989. С. 54–82;
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
13. Стернин И. А. Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001.
14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М., 2000.
15. Lippman W. Public Opinion. N. Y., 1950.

Изучение динамики русского языкового сознания на материале ассоциативных полей

Е. В. Старостина

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
sev79@list.ru*Ассоциативное поле, вербальные ассоциации, языковое сознание, ассоциативный словарь.***Summary.** The results of comparative analysis of associative fields are covered in this report. As a material for the research the Russian Associative dictionary, the Russian Associative dictionary of schoolchildren and the results of free associative experiments was taken.

Проблема изучения ассоциаций является одной из ведущих проблем современной лингвистики. В настоящее время существует целый ряд ассоциативных словарей, описывающих языковое сознание испытуемых различных возрастных групп (детей, подростков, молодежи). Однако не существует ни одного ассоциативного словаря, составленного на материале реакций взрослых испытуемых старше 25 лет, и это задерживает исследование возрастной динамики ассоциаций. Между тем можно считать доказанным тот факт, что психологическое значение слова, функционирующее в языковом сознании, и само языковое сознание носителя языка не остаются неизменными, несут динамический характер (см. работы Н. В. Уфимцевой, В. Е. Гольдина, Е. И. Горошко, Т. М. Рогожниковой, Е. С. Ощепковой, И. Л. Гарбар).

Цель настоящего исследования – изучение динамики языкового сознания современных россиян на материале ассоциативных реакций. Материалом исследования является собранная нами путем проведения свободных ассоциативных экспериментов база данных ассоциаций носителей русского языка в возрасте от 17 до 55 лет. Объем базы на сегодняшний день – 979 анкет, в которых содержится 48950 реакций на 100 стимулов. Ассоциативные поля, полученные нами, сопоставлялись с аналогичными полями Русского ассоциативного словаря школьников (РАСШ). Испытуемые были разделены на 6 возрастных групп: школьники 1–4 классов, 5–8 классов, 9–11 классов, взрослые 17–20 лет, 21–30 лет и 31–55 лет.

Для сопоставления ассоциативных полей нами были использованы следующие методы:

1. Метод сопоставления полей по главным ассоциатам. Главные ассоциаты – это реакции, относительная частота которых в структуре поля составляет не менее 5% (В. Е. Гольдин). Это реакции, имеющие наиболее устойчивый, постоянный характер. Сопоставление полей по главным ассоциатам позволяет выявить, изменилось ли главное в содержании ассоциативного поля. В одних случаях набор главных ассоциатов может оставаться неизменным. Например, главными ассоциатами поля «хорошо» у всех возрастных групп испытуемых являются ассоциации *плохо* и *отлично*, при этом реакция «плохо» всегда занимает первое место, а реакция «отлично» – второе. В других случаях характер главных ассоциатов меняется в зависимости от возраста испытуемых. Например, в ассоциативном поле «волшебник» реакция *волшебство* входит в состав главных ассоциатов только у школьников 1–4 и 5–8 классов, реакция *маг* – только у взрослых испытуемых, реакция *Изумрудного города* – только у испытуемых 31–55 лет. Общим для всех групп испытуемых (кроме школьников 1–4 классов) главным ассоциатом является только реакция *сказка*, при этом ранг данной реакции меняется (от первого до третьего).

2. Метод вычисления показателя уровня стереотипности поля. Существует несколько способов измерения уровня стандартности / стереотипности ассоциативного поля. В одном случае подсчитывается то, какое число испытуемых дало неединичные реакции (чем их больше, тем более компактна, а значит, стереотипна структура поля), в другом – важно то, насколько ярко выделены главные (наиболее частотные) реакции (в этом случае стереотипность понимается как доля наиболее стереотипных реакций). Мы определяли стереотипность вторым способом, а именно сложением долей всех главных ассоциатов. Например, ассоциативное по-

ле «солдат» у испытуемых 17–20 лет включает три главных ассоциата – армия (31,6%), служба (6,82%), защитник (5,3%), следовательно, стандартность данного поля составляет 43,18%, что означает, что более 43 процентов реакций данного поля являются стереотипными (имеют частоту более 5%).

Результаты настоящего исследования ассоциаций показывают, что изменения, которые происходят в языковом сознании с возрастом, не заканчиваются после того, как ребенок заканчивает школу. Языковое сознание продолжает меняться, на это указывают определенные различия в ассоциациях взрослых носителей языка различных возрастных групп.

При этом стереотипные ассоциативные связи мало меняются с возрастом человека. Так, в 38 случаях из 100 в рассматриваемых ассоциативных полях наблюдалось практически полное совпадение реакций первого ранга, в 27 случаях – характер реакции первого ранга менялся, и в 35 случаях в качестве реакции первого ранга у многих групп испытуемых (чаще у школьников) выступала нулевая реакция (то есть отказ от реагирования).

Реакции второго ранга, имеющие частоту более 5%, также могут совпадать (полностью или частично), реакции третьего и последующих рангов совпадают редко, их набор может меняться. Так, например, главными ассоциатами в поле «папа» у всех групп испытуемых являются реакции «мама» и «отец», при этом реакция «мама» является реакцией первого ранга, а реакция «отец» – реакцией второго ранга во всех группах, кроме группы испытуемых 31–55 лет, где они меняются местами. Доля первой реакции при этом плавно снижается от 44% у младших школьников до 24% у испытуемых 31–55 лет, а доли второй реакции – возрастает от 7% у школьников 1–4 классов до 21% у испытуемых 21–30 лет (у испытуемых 31–55 лет она составляет 16%). У школьников 5–8 классов в группу главных ассоциатов входят также реакции «мой» и «родитель», у молодежи 17–20 лет – реакции «родитель» и «мужчина», у испытуемых 21–30 лет – «мужчина» и «родной», у испытуемых 31–55 лет – «семья». Это говорит о том, что в языковом сознании взрослых носителей языка разного возраста имеются несколько разные стереотипные образы «папы» и стереотипные представления о нем.

Особенно ярко, по нашим данным, возрастная специфика проявляется в реакциях на стимулы, семантика которых связана с возрастом (**старый, молодой, молодежь, старик, ребенок, родители, мальчик, девушка, женщина** и другие) и с расширяющимся социальным опытом человека, освоением им новых социальных ролей (**армия, институт, компьютер, билет** и другие).

Что касается общей стереотипности поля, то в 53 случаях из 100 более стереотипными были поля взрослых испытуемых, в 27 случаях – поля детей, и в 20 случаях стереотипность полей была примерно одинаковой. Это позволяет говорить о том, что в целом с возрастом стереотипность реакций увеличивается. При этом зачастую стереотипность поля возрастает не за счет увеличения доли первой и последующих реакций, а за счет увеличения количества главных ассоциатов. Подсчеты показали, что доля первой реакции растет с возрастом только в 24 случаях из 100, в 23 случаях она уменьшается, в 18 – не меняется, и в 34 случаях невозможно обнаружить какую-либо тенденцию, так как доля первой реакции меняется хаотически.

Образы Правды и Кривды в славянских текстах и мифологии

С. А. Тихомиров

Московский педагогический государственный университет
quantor@inbox.ru

Отметим, что Правда и Кривда – в славянской мифологии и легендарном сказительстве – одно из основных выраже-

ний главного противопоставления, оппозиции типа доли – недолги. По-видимому, оба образа / понятия до определен-

ной степени связаны с т. н. «народным христианством» и имеют в своей основе религиозно-дуалистические корни. Еще А. Н. Веселовским указан в [1: 212–217] на возможную связь славянских образов Правды и Кривды с т. н. «отреченными» книгами, с легендами богомилов, катаров (патаров), с гностическими и манихейскими практиками.

В понятиях т. н. «Святой Руси» образы Правды и Кривды встречаются в сказках, преданиях и духовных стихах, где они являются выражением главного духовного противоречия, столкновение противоположных начал – Божественного и сатанинского, доброго и злого, света и тьмы, доли и неволи [5]; [6]. Наиболее отчетливо образы Правды и Кривды отразились в т. н. «Глубинной» (или «Голубиной») книге: *«Это не два зверя собиралися, / не два лютые собегалися: / Это Правда с Кривдой соходилася, / Промежду собой они билась-дралась. / Кривда Правду одолеть хочет; Правда Кривду переспорила. Правда пошла на небеса / ...А Кривда пошла у нас вся по всей земле. Хотя в окончательной редакции этого сюжета в «Голубиной книге» сказалось влияние христианства, не подлежит сомнению, что истоки этого текста восходят к глубокой языческой древности»*.

Образы Правды и Кривды можно встретить в некоторых славяно-русских крестных сказаниях как несомненно органично родственные нашей литературной старине, это вполне можно заключить из сведений славяно-русских духовных стихов и былин. Так, например, как отмечает Веселовский А. Н.: «у Готфрида из Виттербо, в «Legenda aurea» и др., последнее из райских деревьев найдено не в Эдеме, а на Ливане; поэтому его могли назвать выросшим на Ливане, ливанским, леванитовым. Это и есть т. н. «леванитов крест»; по общему поверью, на этом именно дереве распяли Христа: и «распеше Христа на дрѣве, иже отъ главы ядамови играѣте», что объясняет известную символику распятия, у подножия которого помещают обыкновенно мертвую голову» [1].

Средневековая философия и фантазия вносили, таким образом, в историю образов Правды и Кривды своеобразную идею единства, связывая повесть грехопадения с повестью искупления, Эдем с Голгофой, делая из дерева, которое было поводом к греху первого человека, орудие его спасения. Глубинный стих, на который мы указывали выше, а точнее – апокрифический текст, легший в основу т. н. «Голубиной книги», вводит в эту онтологическую трактовку новый элемент, очевидно под влиянием иноверных для православного сознания представлений: образ райского дерева, ставшего крестом, данная трактовка переносит с Голгофы на Фавор: на нее выпадает Глубинная книга, «ко честной главе ко Адамовой», «у чудного креста леванитова»; в былинах о смерти Василия Буслаева «пус-та-голова, человекья кость», лежащая на Фавор-горе (или Сорочинской), – это также и Адамова голова, а весь рассказ о смерти в данной части, по-видимому, основан на заключении русского апокрифа о крестном древе, где говорится, что Соломон нашел Адамову голову, которую, по громадной величине (гиперболизированный признак), отрок принял за камень. Василий Буслаев, встретив на дороге пустую голову, пнул ее прочь; она провещалась человеческим голосом и напроорочила смерть, которую он и находит, скача вдоль через высокий камень, очутившийся на месте головы [1].

Очень характерно это смешение Голгофы с Фавором в белорусской редакции стиха о Глубинной книге: Христос не только преобразился на Фаворе, но и «на распятый был»: *И тьяка руда на коренициу / Со яво руды кора выросла, / И брали кору по вси попам, / По всим попам по поповичам, / По всим царкваи по царковачкам.*

В данном случае мы сталкиваемся со средневековым христианским символизмом на славянской почве, привязанным, по-видимому, к легенде о крестном древе уже в трактовках Тертуллиана и блаженного Августина: кровь Спасителя не только искупляла греховность человечества, но и образно смывала грех прародителя, капая на его голову, которая представлялась лежащей у подножия креста. Остается неясным только загадочное растение, вырастающее от божественной крови Спасителя. Здесь канва первых редакций духовного стиха, вероятно, либо испорчена, либо изменена, либо дополнена неясной «врезкой», заменившей какое-нибудь другое название» [1].

Таким образом, т. н. «леванитов крест» утратил всякое специальное значение и стал синонимом креста, т. е. распя-

тия как такового. Ср., например, с тем, что в житии Филиппа Иранского рассказывается про святого, который ехал по реке Выге и, сойдя с плота, «пошель въ гору, гдѣ ему ангель Господень исповѣдалъ и благовѣстилъ, къ Леванидову кресту надъ Лужаномъ озеромъ... И створилъ пришествіе к кресту къ Леванидову, и нача съ Христу молити подъ крестомъ Леванидовымъ по благовѣствованію ангела Господня, и преклони колѣни, и нача съ молити Христу». Должно полагать, вероятно, что это – простое распятие, возможно с адамовой головой у подножия, заимствованной из древней легенды о райском древе. Перейдем теперь к образам Правды и Кривды духовного стиха: они отсылают нас к т. н. «отреченной», апокрифической легенде о царе Соломоне.

Некоторые из образов и текстов, например, о птице Страфице и звере Индрике (инороге), могут быть объяснены лишь после более тщательного изучения с составом данного апокрифа, а также апокрифов духовных стихов интертекстуально «смежных» с ним. В этом смысле очень интересно содержание веших снов, вставленных в большую часть редакций Глубинной книги (см. «Сон о Правде и Кривде»: *Возговорил Володимир князь, / Володимир князь Володимирович: / Ой ты гой еси, премудрый царь, / Премудрый царь, Давид Есеевич!* и т. д.). В некоторых стихах образы Правды и Кривды в виде зверей предстают перед нами белым и серым зайцем: *Кабы белой заец, кабы серой заец, / Кабы белой заец одолет хочет? / Как бы серой белого приодолел: / Бел пошел во чисто поле, / А сер пошел во темны леса,* – или вместо них выступают двое юношей, Как отмечает А. Н. Веселовский: «толкование во всех случаях одно и то же; иногда аллегорические образы отсутствуют и во сне представляется» [1]: *Будто Кривда с Правдой побивалася, / Будто Кривда Правду одолет хочет.* Аполог о Правде и Кривде встретился уже в сказаниях о Соломоне. В этом отношении показательно, что в «Беседе трех святителей», составленной во многом по образцу древнейших «Вопросов Иоанна», встречается та же загадка в форме, сохраненной Соломоновским сказанием на славянской почве: «Вопросъ: Что есть бѣль щитъ, а на бѣль щитъ заецъ бѣль: и прилетѣ сова и взя зайца, а сама ту саде? Отвѣтъ: Бѣль щитъ есть свѣтъ, а заецъ правда, а сова кривда».

Заметим наконец, что романы, сказания и пр. о Мерлине и Соломоне, которые А. В. Веселовский самым подробным образом исследует на предмет (в том числе) апокрифических данных о Соломоне и Китоврасе, также начинается видением о борьбе двух зверей: борются красный и белый драконы, как в указанном выше тексте борются белый и серый заяц; когда один одолел другого, также дается аллегорическое толкование, с тою лишь разницей, что образы Правды и Кривды заменены другими историческими мотивами [6], см. также «Сон о дереве». Нужно отметить, что образы Правды и Кривды в сходных мотивах повторяются и в тождественных пословицах разных славянских народов, возводимых к единой общеславянской традиции.

Образы Правды и Кривды можно встретить и русских народных сказках в обработке Афанасьева Александра Николаевича [4]. Противопоставление правды, правоты (и других производных от слав. *ргавъ, «правый») и неправоты, кривды пронизывает всю терминологию древнейших славянских предправовых и правовых текстов (типа «Русской Правды»), судейника IX в., само название которого содержит слово «правда» в древнем архаическом предправовом смысле).

Общииндоевропейские истоки образов Правды и Кривды, а также битв между Правдой и Кривдой в славянских представлениях могут быть реконструированы благодаря точному совпадению с аналогичным мотивом спора Правды (др.-инд. sat-ya) с противоположным началом в «Ригведе», сходными мифологическими различиями в греческом предправе, в т. ч. – в противопоставлении двух Правд – двух Дике в ранней греческой трагедии. Как и в других индоевропейских традициях, различие Правды и Кривды символизировалось в конкретных понятиях правого – левого, прямого – изогнутого (что сказывалось в роли имен, производных от соответствующих обозначений: греч. Лайк как «левый», слав. Крив и т. п.). Соответственно в русской мифологии и культуре, а также в фольклорных текстах сохраняются предправовые формулы типа «даю (правую) руку свою на отсечение», «хоть правую руку отрубить». Противоположные по значению формулы, связанные с Кривдой, сохране-

ны в былевом эпосе: *Как по кривде судить, да быть убитому*[5].

Сравним образы Правды и Кривды в русских пословицах и поговорках [2]: *Правда в лаптях; а кривда, хоть и в кривых, да в сапогах; Правда у Петра и Павла* [где в Москве был застенок, тюрьма. – Авт.]; *Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла; Пришла правда не от Петра и Павла, а от Воскресения в Кадашах* [намек на московскую голову (главу исполнительной власти) Шестова, 1845 – Авт.]; *За правду Бог и добрые люди; Кто правду хранит, того Бог наградит; Кто правды желает, тому Бог помогает; Кто правого винит, тот сам себя язвит; И твоя правда, и моя правда, и везде правда – а нигде ее нет* (представления о социальной справедливости и общественном устройстве в России и в мире – доступной славянскому мировидению ойкумене); Суд правый кривого дела не выправит [прибавка: а кривой суд правое скривит (о судебной системе). – Авт.]. Сравним: *На деле прав, а на дыбе* [т. е. на пытке. – Авт.] *виноват* или *На деле прав, а на бумаге виноват*.

Таким образом, для раннего славянского поэтического и предправового сознания выстраивается ряд совмещенных противопоставлений: Правда и Кривда, правый суд – неправый суд, жизнь – смерть. При вероятном наличии индоевропейских предправовых истоков (где в древнейшей форме правда обозначалась причастием на *-nt от корня *es, «быть истинным», ср. рус. «суть», «истинная правда, сущая правда»; др.-инд. satya-, хетт., asant-, «сущий, истинный»; др.-англ. sor, отсюда англ. sooth и т. п.) на мифологический сюжет спора Правды и Кривды в славянской и других индо-

европейских традициях могли оказать влияние и распространены в древневосточной литературе (древнеегипетской, хурритской, хеттской и др.) сюжеты, описывающие спор Правды и Кривды и двух людей (часто братьев – доброго и злого – ср. с Каином и Авелем), воплощающих противоположные начала дуалистического мифа, на что, в частности указывают Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров [3]. Общеиндоевропейские истоки образов Правды и Кривды, а также битв между Правдой и Кривдой в славянских представлениях могут быть реконструированы благодаря точному совпадению с аналогичным мотивом спора Правды (др.-инд. sat-ya) с противоположным началом в «Ригведе», сходными мифологическими различиями в других праславянских и индоевропейских источниках.

Литература

1. *Веселовский А. Н.* Мерлин и Соломон: Избранные работы. М.: СПб., 2001.
2. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1989.
3. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание, 8-й Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
4. *Правда и Кривда* // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1984–1985. (Лит. памятники). Т. 1. 1984. С. 152–163.
5. *Тихомиров С. А.* Гипербола и феномен преувеличения: Лингвистика и политическая коммуникация (градуальный аспект). Гамбург, 2012.
6. *Тихомиров С. А.* К вопросу об экспрессивном синтаксисе: Язык – идиостиль – коммуникация. Саарбрюккен, 2012.

Персонаж художественного произведения как языковая личность

С. М. Треблер

Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Астана, Казахстан)

gendel@gmail.com

Языковая личность, художественный дискурс, социокультурная дифференциация речи.

Summary. In this paper, the character of B. Akunin's novel cycle Erast Fandorin is considered as a language personality on the basis of contextual interpretational reading of text.

Под языковой личностью Ю. Н. Караулов понимает совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности и определенной целевой направленностью [4: 3]. Ю. Н. Караулов указывает, что языковая личность – это «углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» Выделяя три уровня в структуре языковой личности – вербально-семантический, когнитивный и прагматический – он соотносит их, соответственно, с лексиконом, тезаурусом и прагматиконом, эти уровни репрезентирующими [2: 38–39].

Как известно, понятие языковой личности родилось в теории изучения художественного текста. В. В. Виноградов еще в первой трети XX века поставил вопрос о соотношении таких терминов описания как «идиостиль / идиолект» – «образ автора» – «образ лирического героя» – «языковая личность». Первые описания конкретных языковых личностей также принадлежат перу В. В. Виноградова (глава «Опыты риторического анализа» монографии «О художественной прозе») [1: 120–146]. По мнению исследователей, текст, отражающий речь определенных социокультурных типов, может быть источником для воссоздания языковой личности того или иного времени, той или иной ментальности: «Персонаж художественного произведения – это «языковая личность» sui generis, ведь язык – единственная субстанция, в которой он существует» [4: 8]. Из этого следует, что специфика языковой личности может быть выявлена путем описания речевых характеристик героя художественного произведения, может быть реконструирована из дискурса. Под дискурсом Ю. Н. Карауловым понимается «сумма высказываний какого-нибудь персонажа художественного произведения, который выступает в этом случае как модель реальной языковой личности» [4: 6].

Для подобного анализа художественного образа через призму языковой личности был избран герой цикла романов Б. Акунина – Эраст Фандорин. Представляется целесооб-

разным рассмотреть языковую личность Эраста Петровича Фандорина в совокупности социальных, ментальных, психологических, оценочных и других характеристик на основе контекстуально-интерпретационного прочтения текста книг Бориса Акунина. Воссоздание языковой личности – задача непростая. «Уже в самом выборе языковой личности в качестве объекта лингво-психологического изучения заложена потребность комплексного подхода к ее анализу, возможность и необходимость выявления на базе дискурса не только ее психологических черт, но философско-мировоззренческих предпосылок, этно-национальных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков» [4: 7].

Персонаж Акунина – личность незаурядная во всех отношениях. Эраст Фандорин обладает уникальной индивидуальностью, которая рельефно проявлялась в его речи, но вместе с тем он несет на себе черты своего времени, поколения, культуры, народа. Примем за функциональную модель языковой личности такие три уровня: 1) лексикон языковой личности – уровень, который отражает владение человеком лексико-грамматическим фондом языка; 2) тезаурус языковой личности, включающий языковую картину мира, проявленную в использовании изблюбленных разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, по которым мы узнаем личность; 3) прагматикон языковой личности – систему коммуникативных ролей, мотивов, целей, интенций, которые руководят личностью в процессе коммуникации.

Впервые мы встречаем Фандорина в книге «Азазель». Он нетерпелив, пылок. Вводные авторские слова иллюстрируют это: – *с горячностью повторил Фандорин; – пылко воскликнул Фандорин; – и упрямо подчеркнул.* По-юношески он застенчив и робок: *Фандорин, – нискнул Эраст Петрович предательски дрогнувшим голосом.* На юный возраст Фандорина указывает и всплывшая из детства фраза: *Надоели вы мне все хуже манной каши!* Мы узнаем, что Эраст Петрович, получил хорошее домашнее и гимназическое образование, владеет английским, французским и немецким: – *Из полиции, Фандорин. Вы госпожа Пфуль? – неуверенно про-*

изнес Эраст Петрович и на всякий случай повторил по-немецки. – Полицайамт. Зинд зи фрейляйн Пфуль? Гутен абенд: ...It's ridiculous! A complete misunderstanding! – перешел он на английский.

В следующих книгах серии Эраст Фандорин предстает перед нами уже совсем другим человеком, по словам самого Б. Акунина, его персонаж «основательно подморозило», появились седые виски и заикание. Но в ситуациях, когда для выполнения опасных заданий на службе в полиции он перевоплощается в другого человека с изменением дискурса, герой как будто надевает «языковую маску», а заикание исчезает. Главное для него – расследованное преступление и пойманный преступник. С начальством Фандорин вежлив и тактичен, но в нем нет ни подобострастия, ни желания угодить и выслужиться: *He stoit об этом, ваше высокопревосходительство, – вежливо, но решительно перебил Фандорин, ... я служу не вам, а России.* Уже замечено, что часто в речи Фандорина встречается разбивка на «во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих», демонстрирующая логику мышления и придающая его словам вес и характер обдуманности. Фандорин близко знаком с философией Востока, он часто цитирует восточных мыслителей, в том числе Конфуция: *Как сказал Конфуций, благородный муж должен сам нести ответственность за свои ошибки; Тысячу раз прав мудрый китаец, сказавший: «Очевидное редко бывает истинным».*

Несмотря на любовь к японскому (я...знаете ли, совершенно объяпонился), Эраст Петрович не гнушается и русских народных выражений: *была не была, маковой росинки во рту не было, утро вечера мудренее и т. д.* Он показывает

хорошее знание русских сказок, используя в речи имена героев: *Василиса Премудрая, Иванушка-Дурачок.* В образе горбуна в романе «Смерть Ахиллеса» использует фольклорные присказки и прибаутки: *Ты постой-постой, я дедокто непростой, – зачастил Фандорин. – ты меня в тычки, я в молчки.* Говоря о своей удачливости, Эраст Петрович чаще всего произносит такие слова, как *феномен, аномалия, фантастически, Les caprices de la f-fortune, редкий дар, жребий, особенные отношения с Фортуной.* Речь Фандорина проявляет его знание языков, в том числе и древних: *Exclusive information from most reliable sources! Соболев затевал какой-то дерзкий демарш. В общем, то, что немцы называют putsch; Ведь вот и следственный принцип есть – sui prodest, «ищи, кому выгодно».*

Как видим, Эраст Фандорин – яркая, неординарная языковая личность, речевой портрет которой содержит важное умение переключаться в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. «Эта диглосность (точнее, полиглосность, поскольку переключаться приходится не на одну, а на множество разновидностей) отличает интеллигенцию» [1: 100]. Этому вполне соответствует утверждение нашего героя о том, что *«из всех наслаждений, отпущенных человеку, самое изысканное – шевелить мозгами».*

Литература

1. Язык и личность. М., 1989.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
3. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980.
4. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета. // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.

Концептосфера внутреннего мира человека: опыт построения когнитивно – дискурсивного словаря

В. И. Убийко

Башкирский государственный университет (Уфа)

rub78@mail.ru

Концепт, семантическое пространство языка, дискурс.

Summary. The inner world of a man is viewed as a system of interrelated concepts, which project onto a language semantic field described as a sphere with an output to a speech level.

Языкознание в настоящее время испытывает настоятельную потребность в создании целостной интегральной концепции естественного языка, совмещающей структурно – семантический, функциональный и когнитивный аспекты. Поиски ее осуществляются в нескольких направлениях, в том числе и в рассмотрении семантического пространства языка в соотношении с концептосферой.

Понятие концептосферы, введенное Д. С. Лихачёвым и детально разработанное Воронежской лингвистической школой, позволяет выйти на новый уровень интеграции в лингвистических исследованиях. Оно терминологически закрепляет «объемное» видение многих языковых явлений. В рамках концептосферы следует разграничивать суперконцепты, макроконцепты, базовые концепты и микроконцепты. Суперконцепты, макроконцепты, базовые концепты представляет собой объемные ментальные образования, вбирающие в себя не только инвариант значений репрезентирующего его слова, но и инвариант словообразовательного гнезда и одноименного семантического поля. Этот объем заполняют его параметры. Чем больше параметров, тем объемнее семантическое пространство языка, соотношенное с концептом. Интегрирующим суперконцептом в концептосфере языка является концепт «человек». Через имплицитные и эксплицитные компоненты отношений он связан абсолютно со всеми сферами, включая сферу «Вселенная». Функционально – смысловая сфера, вербализующая суперконцепт, обладает самыми «мощными» семантическими связями. Основные параметры концепта «человек» связаны с его отношением к миру и к самому себе.

Концептосфера внутреннего, психического мира представлена тремя макроконцептами – «Душа», «Сердце», «Дух» – и 45 базовыми концептами, среди них выделяются:

1. Базовые концепты, определяемые событиями: «Волнение», «Страх», «Удовлетворение», «Счастье», «Радость», «Веселье», «Грусть», «Разочарование», «Горе», «Терпение», «Удивление».

2. Базовые концепты, определяемые отношением к объекту и субъекту: «Любовь», «Дружба», «Ненависть», «Вражда», «Жалость»; «Одобрение – Неодобрение», «Уважение», «Восхищение», «Презрение», «Зависть», «Раздражение», «Гнев»; «Гордость», «Сам (Самость)», «Стыд», «Обида».
3. Базовые концепты чувственно – ментальной сферы: «Вера», «Надежда».
4. Базовые концепты ментальной сферы внутреннего мира: «Ум», («Думать», «Понимать», «Знать»), «Память».
5. Базовые концепты морально – этической сферы внутреннего мира: «Добро», «Зло», «Совесть», «Грех».
6. Базовые концепты императивной сферы внутреннего мира: «Воля», «Желание», «Намерение».

Подавляющее большинство перечисленных концептов структурируют вербализующие их лексемы по следующим концептуальным линиям: 1) интенциональность (пугать, радовать, злить); 2) достижение результата (напугать, запугать, обрадовать, разозлить); 3) каузативность (пугающий звук, радостное известие); 4) имманентное состояние (мне радостно); 5) трансцендентное состояние (я радуюсь, злюсь); 6) характеристика (злой человек, пугливый ребенок); 7) проявление внутреннего состояния (побледнеть от страха, покраснеть от стыда). При этом в разных концептуальных линиях базового концепта реализуются обычно разные мыслительные структуры: интенциональность → *схема*, имманентное состояние → *фрейм*, трансцендентное состояние → *сценарий*, проявление состояния → *картинка*.

Совокупность перечисленных параметров представляет собой взаимообусловленное единство, позволяющее отразить при систематизации лексического материала его динамизм, гибкость, многомерность, одновременную двунаправленность его связей – в сторону концептосферы и в сторону дискурса: страх – угроза, угрожать; любовь – объяснение в любви; вера-убеждать и т. д.

Лингвистическое мифотворчество и культурологические интерпретации русского языка: размышления над лингвострановедческим очерком 1916 г.

Ш. В. Хайров

Университет Глазго (Великобритания)
shamil.khairov@Glasgow.ac.uk

Лингвистическое мифотворчество; вульгаризация лингвистики.

Summary. The paper analyses the perception of the Russian language in modern Russian studies against the principles of description implemented by N. Jarintzov in her book *The Russians and their language* in 1916.

В разгар Первой мировой войны в Оксфорде была опубликована книга Надежды Жаринцевой «The Russians and their language». Уже с самых первых страниц ее автор заявляет о том, что главной его задачей было показать «национальный характер русских как он отражен в их языке» [2: 3]. Для подготовленного читателя эта установка вызовет немедленное ощущение *déjà vu*. И это неудивительно: количество публикаций, в которых свойства русского языка, будь то лексика или грамматика, проецируются сегодня на ментальность его носителей, достигло критической массы. Хотя мало кто открыто отваживается признать «национальный характер» (в том числе и в языке) реально существующим, а не мифическим, представленным в наборе стереотипов конструктом, тем не менее это признание легко протаскивается с черного хода, как способность языка предписывать (навязывать) своим носителям модели восприятия («картину мира»), этические нормы, манеру поведения. Вот лишь некоторые области, в которых обыкновенно бытуют психо-культурологические спекуляции: **лексика** (особые слова, уникальная концептуализация смыслов, национальная этика и эстетика в этимологии слов); **лингвистическая техника** (безличные конструкции в ее отношении к «свободе воли», диминутивы как показатели «доброты», видео-временные формы глагола в отношении к национальной «философии времени», синтаксис русского языка в отношении к «структуре мысли»).

В книге Жаринцевой к лексике (в совокупности ею рассматривается около четырехсот слов) часто подключается явление третьего, мыслительного порядка, это *conception* (в обратном переводе «понятие» или модный ныне «концепт»). Но и оно чаще оказывается не надязыковым, а этническим, перемешиваясь со словом. Такая трехфокусность видна в самих подзаголовках и проходит через всю книгу. Ср. подзаголовки, относящиеся **к слову**: «Ничего», «Тройка», «Солдатик»; **к концепту**: «Концепты, без которых русский язык не может жить» (*раз- в раздолье, размах, рас-*

свет). Очень русский концепт (*тоска*), мрачный концепт (*подполье*), разница между русским и английским концептами веры; **к ментальности**: «Единство с природой», «Стержень русского характера», «Любовь и нежность пронизывают язык». Поскольку законы жанра и требования научной методологии Жаринцеву не стесняют, то обобщения на базе интроспекции выглядят у нее вполне органично. В современных текстах, претендующих на научность, выводы получают практически тем же путем. Они не выглядят глубже, но выглядят уже вызывающе спекулятивно. Те, кто взял на себя роль лингвокультурологов, кинулись подтверждать «спрятанные» в языке национальные достоинства. При этом никакого нового знания, глубже того, что уже известно в молве и беллетристике о «русском характере», как о его добродетелях, так и о недостатках, из новой интерпретации слов не извлекается.

Главный методологический изъян текстов по лингвокультурологии и «языковой картине мира» состоит в том, что наблюдатель в них постоянно мечется: либо априори берутся стереотипы о национальном характере и иллюстрируются соответствующей лексикой, либо перечисляются особые слова с последующей их проекцией на ментальность носителей языка. Из семантики слова выводятся «константы»: психические и духовные свойства носителей языка, без учета социальной стратификации и исторической динамики как общества, так и самого языка. В качестве теоретической базы обыкновенно приводятся ссылки на В. Фон Гумбольдта или на концепцию ключевых слов А. Вежбицкой, не ее пресловутую триаду «душа-судьба-тоска (вкупе с «эмоциональностью», «иррациональностью», «неагентивностью» и «моральной страстностью»)» в качестве визитной карточки русской культуры».

Объективно механику проекций фактов языка на область ментальности и ментальности на свойства языка можно изобразить в виде следующей схемы:

Конкретные лингвистические области	→	Интерпретация: «фильтры», «шумы»	→	Внелингвистические спекулятивные области
лексика; лингвистическая техника	←	личная языковая рефлексия; ценностные установки, идеология, религия	←	этническая ментальность; «национальный характер»; «картина мира»

Совокупность «фильтров» или «шумов», через которые проходят проекции от языка к ментальности («картине мира») и обратно, ничем не ограничивается, а результат на выходе зависит от их комбинации. То, что в эссеистике может выглядеть как литературный прием, в тексте, претендующем на научность, превращается в вульгаризацию. Задача и лингвиста, и культуролога должна сводиться как раз к расшифровке этих «фильтров» и «шумов», к определению всех факторов, порождающих проекции из одной области в другую. По нашему глубокому убеждению, лингвистам нужно исследовать природу и истоки мифов, (см. опыт кри-

тического осмысления нынешнего состояния дел в этой сфере, причем не только в русистике: [1]) а не заниматься мифотворчеством. Именно в этом направлении было и еще остается возможным развитие лингвистической культурологии как научной дисциплины. Но этот шанс испаряется на наших глазах.

Литература

1. От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «Этнической ментальности»: Сборник статей / Сост. А. Павлова. М., 2013.
2. *Jarintzov Nadine. The Russians and their language. Oxford, 1916.*

Функционирование прецедентных текстов в смешанных говорах Среднего Прииртышья*

М. А. Харламова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
khr-spb@mail.ru

Прецедентные тексты, функционирование молитвы в диалектной речи.

Summary. Precedential phenomena functioning in the expressions of dialect speakers reflect their national-specific perception of the world and the value preferences. Transformation of canonical text makes it possible to display the results of interdialect and interlingual reciprocal action and to elicit the specific character of linguistic consciousness of different ethnic groups coexisting in the Middle Priirtyshye long since.

Прецедентные феномены, функционирующие в высказываниях носителей диалекта, отражают их национально-

специфическое мировосприятие, ценностные предпочтения. Прецедентные феномены в речи диалектоносителей (в на-

* Доклад выполнен при поддержке гранта РФФИ № 12-34-010-78 / 13(1).

шем материале – жителей Среднего Прииртышья) могут быть рассмотрены в нескольких аспектах: во-первых, с точки зрения отражения ими того или иного фрагмента картины мира (концептов); во-вторых, с точки зрения субъекта (социумов «внутри» диалектной культуры, выделенных по разным признакам); в-третьих, с точки зрения формы их представления в диалектном дискурсе. При этом первый и второй аспект связаны между собой, нас же будет интересовать третий аспект, точнее то, как молитва функционирует в речи этических поляков, проживающих на территории Среднего Прииртышья.

Трансформация канонического текста позволит показать результаты междиалектного и межъязыкового взаимодействия и выявить особенности языкового сознания этнической польки, а также ментальную специфику диалектоносителя, родившегося и проживающего в данном регионе в окружении старожильческих русских говоров.

Наша респондентка не владеет письменной коммуникацией на родном языке, поэтому ее языковая память хранит лишь то, что для нее актуально в когнитивном и коммуникативном плане. Поляки, оказавшись в Сибири, в силу разных причин практически не сохранили своего языка и перешли на новый язык (русский) [1: 188]; [2: 183]. Наш информант, этническая полька, в повседневном общении пользуется только русским языком, точнее – русским старожильческим говором, о чем свидетельствует ее активный словарный запас: *руская печ'ка, туга заводют (о тесте), карчяга, сусла, ухваты, сеч'ка, карыццэ, анбар* и др., – и лексикализованные формы: *прадухты, нхто, ись* 'есть' и т. п.

У носительницы смешанного русско-польского говора А. Н. Петрович (Гавелко, 1926 г. р., запись 2008, 2010 гг.) в разные годы записано два варианта произношения молитвы Матка Боска:

(1) *Здравэс Мария ласка спэвна / пан стого блословен-та / овэт жывота твое Езуса / Свента Мария Матка Боска / Моч'на за-нами грешными тэрас / и в-гадину смерти нашэй амэн // (2008г.);*

(2) *Я очче наж знала па-пол'ску / ну-шыяс ужэ забыла // Вот верую в-Бога ацца / верую / ну-тожы шыяс патаму-шта я па-руски стала читать и-слава путаю и-забываю вот-эта // Патом вот-эту ну-эта пра-Матирь Божью // Вот-эту помню // Здравас Мария ласкас пелна пан ш-тоба благословенна / овож жывота твоего Исуса / Свента Мирия Матко Бошья / мот шы-нами грешными тераи и-в-гаджыни шмерчи нашэй // Вот-эту-вот малитву я вот помню // (2010 г.);*

(3) *Zdrowaś Maryjo, łaski pełna, Pan z Tobą, błogosławionaś Ty między niewiastami i błogosławiony owoc żywota Twojego, Jezus. Święta Maryjo, Matko Boża, mydl się za nami grzesznymi, teraz i w godzinę śmierci naszej. Amen.*

Прецедентный текст А. Н. Петрович был произнесен поразному во время двух бесед. Можно отметить фонетические, лексические и грамматические субституции. Текст молитвы (канонический и носящий сакральный характер) воспроизводится информантом не только в измененном виде

(с пропуском целых синтагм: *Ty między niewiastami i błogosławionu*), но и отличается своеобразным интонационным оформлением. Читается она монотонно, без повышения или понижения голоса, спокойно и ровно. Однако в молитве есть слова, выделенные логическим ударением, – это варианты обращения *Свента Мария Матка Боска // или Свента Мирия Матко Бошья //*.

Результатом межъязыкового взаимодействия явилась грамматические субституции: замена польского глагола в форме *błogosławiąca* на неясную форму *блословенна* (1) или на русскую форму, восходящую к прилагательному, *благословенна* (2); мена польской звательной формы *Maryjo*(3) на современную русскую *Мария* (им. п. в функции обращения) и обращения *Matko* (3) в (1) на им. падеж *Матка*; словосочетание *твоего Исуса* (2) появляется на месте фразы с обращением *owoc żywota Twojego, Jezus* (3). Подобные формы, вероятно, возникли потому, что молитву наша респондентка воспроизводит по памяти, так, как запомнила еще в детстве. Последняя фраза подверглась значительной трансформации скорее всего потому, что предшествующая синтагма вовсе была опущена. Кроме того, при сопоставлении произношения текста (1) и (2) с источником (3) обнаруживаем языковую рефлексию информанта: *Я очче наж знала па-пол'ску / ну-шыяс ужэ забыла // Вот верую в-Бога ацца / верую / ну-тожы шыяс патаму-шта я па-руски стала читать и-слава путаю и-забываю вот-эта //*. Частично элементы межъязыковой интерференции замечаются самой информанткой. Переходя при чтении этой (и других) молитвы на русский язык, А. П. Петрович признается: *А вот па-руски перешла //*.

Произнесение молитвы говорит о своеобразной адаптации молитвы, ее приближении к разговорной речи, соотношении со знакомыми, привычными словами или словами аналогичной русской молитвы: *Моч'на за-нами грешными* (1) – *mydl się za nami grzesznymi* (3) и др.

Анализ молитвы в речи респондента показал, что трансформация прецедентных текстов зависит от разных факторов, как собственно лингвистических (высокий уровень языковой компетенции, жанровая принадлежность текста), так и экстралингвистических (постоянное контактирование с русскими старожильческими говорами, образование – педагогическое училище, профессия информанта – воспитатель в детском саду и др.).

Литература

1. Харламова М. А. Проблемы языковой интерференции в говорах Среднего Прииртышья // Народная культура Сибири: Материалы XVII научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2008. С. 187–193.
2. Харламова М. А. Нивелировка западнославянских говоров в восточнославянском окружении // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: материалы II Международной научной конференции (1–3 июля 2009) / Под ред. Н. Б. Лебедевой. Вып. 2. Томск, 2009. С. 181–185.

Когнитивные предпосылки формирования концепта «Поэзия»: онтогенез

И. И. Чумак-Жунь

Белгородский государственный университет

chumak@bsu.edu.ru

Концепт «Поэзия», когнитивная настройка, онтогенез, предзнание.

Summary. The object of this paper is to analyze such cognitive phenomenon as a poetic concept. The author shows the peculiarities of forming poetic concept in ontogeny.

Начальным этапом формирования концепта в индивидуальном сознании является этап восприятия мира органами чувств, который З. Д. Поповой и И. А. Стерниним определяется как этап непосредственного чувственного опыта. Любой из феноменов окружающего мира сначала воспринимается органами чувств (его либо видят, либо слышат, либо ощущают), затем логически осмысливается в качестве денотата, устанавливаются всевозможные логические связи этого объекта с другими, происходит его категоризация. При формировании в ходе индивидуального развития (онтогенеза) концепт претерпевает процесс рекапитуляции – краткого и быстрого повторения, воспроизведения основ-

ных этапов развития предковых форм (филогенеза), что определяется особенностями формирования концепта, принципиально одинаковыми для индивидуальных и коллективных сознаний (как одинаковы способы получения, переработки и категоризации знаний).

При описании этого этапа формирования концепта целесообразно использовать термин А. В. Кравченко *когнитивная настройка*. Суть подобной настройки заключается в том, что «организм постепенно встраивается в среду, вступая во все более расширяющийся круг разнообразных взаимодействий с компонентами среды, характеризующихся каузальной взаимообусловленностью» [Кравченко 2001: 210].

Вступление во взаимодействие с компонентами окружающей среды, по А. В. Кравченко, знаменует начало процесса накопления опыта как специфических состояний активности нервной системы (репрезентаций). По мере накопления опыта взаимодействия со средой формируется прототипическая сложная репрезентация, или концепт. Именно во время когнитивной настройки организма формируется и концепт «Поэзия».

Начальное восприятие поэзии происходит в раннем детстве. Так же, как в филогенезе, в онтогенезе оно связано с музыкой (песней). Во время этого этапа единственно значимой фигурой является мать или лицо ее заменяющее, и взаимоотношения с ней являются определяющими. Именно при взаимодействии со значимыми фигурами детства формируются психические модальности опыта (зрительная, мышечно-осязательная, чувственно-эмоциональная, а позже – словесно-речевая), которые сохраняются у человека на протяжении всей его жизни, являясь определяющими его «образа Мира». С материнскими песнями, в частности, с колыбельными, личность приобретает первый чувственный опыт познания поэзии. Возникнув в глубокой древности (вероятно, являясь одним из первых музыкально-поэтических жанров), колыбельная песня служит «сенсорным репрезентантом» поэтического концепта как для каждого следующего поколения в целом, так и для отдельной этноязыковой личности.

Начальный этап формирования поэтического концепта в онтогенезе обусловлен особенностями неосознанного восприятия, которое, по мнению психологов, играет важнейшую роль в формировании личности. Восприятие колыбельной песни (соответственно, поэтического текста) сопровождается сенсорными ощущениями, которые, фиксируясь в «индивидуальном бессознательном», закрепляются в виде поэтических отпечатков – предзнаний. Известно, что образы и фантазии раннего детства обуславливают функционирование концепта как некоей психической реальности на протяжении всего периода жизнедеятельности личности, причем переход к каждой последующей стадии развития концепта осуществляется не посредством замены или разрушения предшествовавших когнитивных форм, а на основе их сохранения в преобразованном виде на новой стадии развития.

Сенсорная модель колыбельной как прототипического жанра включает набор строго обязательных инвариантных компонентов, необходимых для когнитивной настройки организма на концепт «Поэзия». В колыбельной песне «сенсорно» представлен тот комплекс информации, который необходим человеку для идентификации поэзии в будущем.

1. Эстетическая информация – музыка, ритм, рифма (слуховые и моторные ощущения). В бессознательном восприятии объединение различных явлений в один ряд происходит через сопричастие, а не через выявление логических противоречий и различий между объектами по тем или иным существенным признакам, и в восприятии ребенка поэтический текст, мелодия и ритм колыбельной являются

единым целым. Ритм передается и воспринимается как сенсорное ощущение – колыбельная связана с ритмичным укачиванием. Именно эти два ритма – ритм колыбели и ритм мелодии – в результате образуют ритм поэтический. «Преобладающий размер русских колыбельных – четырехстопный хорей <...> согласуется с ритмом движений раскачивающейся колыбели, естественно распадающихся подобно качанию маятника на двучленные группы – вперед-назад» [Соколов 1931: 388].

Важный элемент поэзии – повтор – неосознанно фиксируется ребенком в виде словесных формул, повторяющихся в тексте колыбельных в определенной последовательности. На бессознательном уровне воспринимается и повтор звуков в определенной позиции конца стиха, также способствующий укачиванию ребенка, – рифма (*баю-бай – засытай, баюшки-баю – на краю*).

2. Эмотивная информация – связь с другим человеком (осязание). На уровне физических ощущений колыбельная – это связь с другим человеком, с женщиной (с кормилицей). Колыбельные песни в большинстве случаев поет мать, которая для ребенка представляет собой весь мир. В бессознательном действительность переживается субъектом через непосредственное эмоциональное вчувствование, идентификация, эмоциональное заражение, и первый опыт познания поэзии, как опыт идентификации с любящим и любимым человеком (матерью), является положительным эмоциональным опытом.

3. Концептуальная информация – переход в другой мир (изменение психического состояния). Колыбельную песню младенец слышит в момент засыпания, находясь в особом состоянии психики, так называемом просонном, когда все ощущения, по утверждениям психологов, запечатлеваются особенно твердо. Первое восприятие поэзии происходит на границе психологических состояний, при переходе в другой мир – мир сна, в который ребенка переводит не только мелодия, но и текст – прямое повторяющееся указание *спи-усни* и формулы, похожие на заклинания, – *баю-бай, баю-баюшки-баю*. В колыбельной встречается две формы бессознательного – младенчество и сновидение.

Именно довербальное бессознательное «музыкальное» восприятие поэзии (до слов) через родного человека (мамку), перерастающее в жизнь стихом, передается в стихотворении Б. Пастернака: *Так начинают. Года в два От мамки рвутся в тьму мелодий, Щебечут, свищут, – а слова Являются о третьем годе <...> Так открываются, паря Поверх плетней, где быть домам бы, Внезанные, как вздох, моря, Так будут начинаться ямбы. <...> Так начинают жить стихом.*

Таким образом, «сенсорная модель» колыбельной, а, соответственно, и «поэтическое предзнание» на этапе когнитивной настройки на восприятие концепта «Поэзия» (поэтического концепта) включает следующие составляющие: мелодия, ритм, звуковой повтор (рифма), связь с родным (дорогим) человеком, связь с другим (иным) миром.

Стиль жизни и архитектура новых русских в зарубежной прессе

E. Hoffmann

Венский экономический университет (Австрия)

edgar.hoffmann@wu.ac.at

New Russians, post-Soviet modernism, cultural concepts, country images, Russia as the "Other".

Summary. Russia's image is negatively affected in the foreign mass media by stereotypes and prejudices, the new Russians themselves contributing to this negative image in the German-speaking area through their extravagant lifestyle and excessive architecture and construction projects. The mass media is dominated by reports representing the "other", for average domestic consumers, as being typical Russian, projecting in consequence an image doing little justice to current developments and denying some remarkable architectural achievements.

В настоящем докладе рассматривается отражение образа жизни и архитектуры новых русских в прессе немецкоязычных стран. Актуальность темы обосновывается тем, что новые русские в значительной степени определяют негативный имидж России за рубежом. В анализе исследуется не специальная научная пресса (например, издания по архитектуре), а регулярно публикующиеся газеты и журналы, рассчитанные на широкий круг читателей. В анализе учитывается как качественная, так и желтая пресса, так как они в равной степени определяют дискурсивный образ новых

русских и их архитектуры. Образ архитектуры новых русских состоит из многочисленных фрагментов, которые группируются вокруг стиля жизни данного слоя населения. Корпус исследования состоит из 152 статей – общее количество статей, рассматривающих данную тематику за период 2002–2012 гг. При этом использовались две крупнейшие базы данных прессы немецкоязычного пространства.

Данный доклад имеет следующую структуру. В первом разделе приведено краткое описание концепта «новые русские» в российском общественном дискурсе. Во втором раз-

деле представлены основные черты и социальные аспекты архитектуры новых русских. Третий раздел посвящен особенностям освещения России в немецкоязычных СМИ, и четвертый раздел посвящен анализу освещения архитектуры новых русских в прессе. При этом учтены не только особенности архитектуры новых русских, но и другие аспекты строительства. Заключение содержит интерпретацию исследуемого материала.

Что составляет концептуальное ядро нового концепта «новые русские» в российской культуре? Авторы многочисленных работ задаются вопросом, насколько новые русские являются реально существующей социальной стратой или неким социальным конструктом. В культурологической литературе выдвигается общее предположение, что термин «новые русские» впервые был зафиксирован в 1992 / 93 гг., когда тяжелое время шоковой терапии впервые в новейшей российской истории дало возможность внезапно сильно разбогатеть. В последующие годы концепт «новые русские» стабилизировался. Он начал состоять из прочного ядра и постоянно пополнялся на периферии многочисленными нестабильными, противоречащими и взаимно не дополняемыми элементами, причем авто- и гетеростереотипы о них расходятся. Архитектура всех групп новых русских заслуживает особого внимания, так как новые русские стоят перед необходимостью определиться как представители среднего и высшего классов путем соответствующего стиля жизни и соответствующей эстетики. Различие по сравнению с другими группами населения состоит в том, что они не могут себе позволить отказаться от подобного стиля потребления.

Архитектура новых русских характеризуется значительным разнообразием в формообразовании, стилистике, планировочных решениях. Вместе с тем, можно выделить ряд общих черт, характерных для данного пласта зодчества. Прежде всего, можно увидеть повсеместное стремление к помпезности: от мешанской роскоши 1990-х гг. до псевдобуржуазного китча 2010-х гг. Если в эпоху «малиновых пиджаков» каждый уважающий себя новый русский желал иметь замок или его подобие, то в последнее время стереотипные запросы визуальной направленности сменились приоритетом комфорта, высокой технологичности, экологической благоприятности проживания.

Новые русские несли с собой набор представлений об эстетике, характерный для среднестатистического советского человека: красиво – значит ярко, богато – значит вычурно, порядок – значит «все как у всех». Они долго не принимали канонов западной эстетики. Архитектура новых русских, по всей видимости, началась с краснокирпичного особняка с башенками с черепичной крышей. По мере проникновения на российский рынок новых технологий и строительных материалов постройки новых русских преобразились.

Что касается образа России в немецкоязычном пространстве, нужно исходить из того, что в контексте статей в прессе возникают процессы восприятия другой страны. Они привязаны всегда к образам идентификации, которые могут быть обусловлены социальным статусом или групповыми отношениями, однако преимущественно ведут в дальнейшем к тому, что восприятие, отклоняющееся от собственно опыта, идентифицируется как характерное для чужой нации. Таким образом, это восприятие говорит больше о собственной культуре, в данном случае о культуре немецкоязычных стран, и одновременно представляет собой контрпроект относительно собственных конструкций идентичности и локализует другое в качестве «чужого». При этом как существующие положительные, так отрицательные стереотипы являются основой, готовой к инструментализации в зависимости от конкретных политических или экономических интересов.

Ядро русского концепта «новые русские» и немецкого концепта «neue Russen» идентично. Однако верхние слои концептов расходятся. Концепт «neue Russen» включает в себя и другие составляющие, которые обретают лишь нечеткие очертания в СМИ. Фактически наблюдаемые перемены в бизнес-элите России, начиная с первого президентства В. В. Путина, оставались, как граждане, в течение долгого времени незамеченными немецкоязычными СМИ. Лишь после 2005 года начинают встречаться сообщения о «новых новых русских». В отличие от русского концепта немецкий концепт не включает поколение, которое уже не испытало такого резкого обогащения, как граждане, отнесенные к ядру концепта «neue Russen». Речь идет о новом, уверенном в себе предпринимательском поколении и о втором концепте «neue Russen», который находится в непосредственной связи с первым концептом «neue Russen». В прессе совершенно не представлены акторы второго концепта «neue Russen». Они ведут образ жизни, равняясь на схожие социальные слои на Западе. Они идентифицируются не при помощи своего материального состояния и атрибутов богатства, а благодаря тяжелому труду и достижениям.

Менталитет новых русских особенно репрезентативно проявляется в их архитектуре. Можно сказать, что архитектура является отражением их мировоззрения, привычек и вкусов. Большая часть текстов в прессе занимается рассмотрением аспектов градостроительства, особенно в Москве. В текстах преобладают темы «вмешательство бывшего мэра Москвы в строительную деятельность», «градостроительная бесплановость», «архитектурная хаотичность» и «архитектурные эксцессы». В тесной связи с такими определениями почти каждая архитектурная постройка видится советской. Одновременно, советский период в целом отождествляется со стилем сталинского ампира. В отношении градостроительства и архитектуры можно констатировать, что СМИ имеют иной образ России, нежели архитекторы. В СМИ формируется образ градостроительного беспорядка и архитектурной гибридности, в котором копируется уже имеющаяся архитектура. Таким образом, подтверждается образ отсталости России в немецкоязычной прессе.

Индивидуальное жилье, которое представляет собой воплощение жилищных пожеланий новых русских, составляет самую большую архитектурную категорию из всех. При этом контраст «своего» с «чужим» и фокусирование на необычном служат средством привлечения внимания. СМИ сосредоточены на следующих тематических областях: географическом положении владений, их обустройстве в виде изолированных от внешнего мира поместий, на аугментативном представлении замков и дворцов, их внешнем виде, стилистических неточностях и выставлении на показ имущества. Архитектурные детали упоминаются лишь в том случае, если они контрастируют с кругозором реципиента без особых знаний о России и показывают Россию в виде «чужого». Смешивание стилей как внутри, так и снаружи является излюбленной темой. В текстах распознается цель журналистов развлечь реципиента описаниями, которые бы превзошли его воображение и еще бы раз представили Россию в экзотическом образе. Данные утверждения иллюстрируются в докладе примерами с переводом на русский язык.

Освещение в прессе архитектуры новых русских, обозначаемых первым концептом «neue Russen», в немецкоязычных СМИ происходит всегда в контексте освещения богатых русских и их образа жизни. Вследствие низкого интереса немецкоязычных СМИ к России – за исключением центральной власти, газового и нефтяного сектора и отдельных видов спорта – архитектура новых русских находится на периферии тематического спектра. Создание единого архитектурного образа оказывается невозможным.

Секция Лексика и фразеология русского языка

Полонизмы в исторических произведениях Ф. В. Булгарина

Н. Е. Ананьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

slavlang.msu@gmail.com

Полонизм, прецедентное имя, антропонимы, апеллятивная лексика, паремия.

Summary. In this paper are analyzed the Polish elements of different kinds (lexical, syntactic and phraseological etc.) in historical novels written by F. V. Bulharin).

В докладе предлагается рассмотреть состав и функционирование польских языковых элементов в исторических романах Фаддея Венедиктовича (Тадеуша) Булгарина «Мазепа» и «Димитрий Самозванец». Анализируется как апеллятивная, так и ономастическая лексика. В частности, выделяется пласт прецедентных польских имен, имен реальных исторических деятелей (*Пясты, Ягеллы, Станислав Лещинский, Иоанн Казимир* – в последнем представлена русифицированная форма антропонима и др.), так и имен вымышленных персонажей (иезуит *Заленский, пан Бартошевич* и мн. др.) Анализируются разноуровневые полонизмы (главным образом, лексические, располагаемые по лексико-семантическому принципу; морфологические – например,

звательные формы существительных типа *пане*; синтаксические – ср. *уходить перед шведами*; фразеологические). Ср. также паремии: пословицу, приведенную в польской графике *Mądry Polak po szkodzię*, модифицированную путем введения русск. «на огороде» – *Шляхтич на огороде* (вместо польск. *na zagrodzie*) равен *воеводе*, или переведенную с польского – *Любопытство – первая ступень в ад* (польск. *Siekawość – pierwszy stopień do piekła*).

Наряду с художественной функцией (передача локального колорита и архаизация) полонизмы, являясь следствием активного билингвизма поляка Ф. В. Булгарина, отмечаются в повествовательной части при отсутствии художественной интенции.

Речевая экспансия гламура

Н. Г. Бабенко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

banagr@rambler.ru

Семантическая девальвация слова, жаргонизация речи, мониторинг речевой ситуации.

Summary. The paper focuses on radical changes in Russian vocabulary at the beginning of XXI namely causes and consequences of semantic devaluation words *pathos, pathetic* and *glamour* in the speech of the Network. Transformation of the lexical meaning of some words due to speech expansion of glamour as aggressive subculture deliberate “a beautiful life”.

В ситуации речевой экспансии *гламура / пафоса* обнадёживает то, что Рунет XXI века является пространством не только вербовки поклонников *блескучей иллюзии* красивой жизни, но и своеобразной лабораторией мониторинга и анализа современной русской речи, в том числе и словаря гламура. Минусы непрофессиональной лингвистической аналитики (незнание метаязыка науки, методологическая невооруженность, «зашкаливающая» эмоциональность оценки, тяготение к «крепким выражениям», зачастую низкая грамотность) с лихвой перекрываются плюсами: быстротой реакции на новое речевое явление; «хоровой» природой анализа, благодаря которой из мнений многих складывается информационно богатая мозаика суждений; непосредственностью и раскованностью рефлексии, побуждающей Интернет-аналитиков создавать словарные дефиниции лексем, выстраивать истолковывающие эти слова синонимические ряды, словесно эксплицировать свою оценку слов и стоящих за ними явлений.

Интернет-аналитики рассуждают о том, что есть гламур и насколько это явление однородно, где его родина, когда он пришел в Россию, что принес с собой и покинет ли когда-нибудь просторы нашей Родины. При этом разговоры вокруг *гламура* ведутся в самых разных речевых регистрах: от научного до просторечного, от нейтрального до повышенно эмоционального, резко оценочного.

Аксиология понятия *гламур* напрямую зависит от его соотношенности с компонентами оппозиции «свой – чужой». Преимущественно положительно оценивается «чужой» («западный», «настоящий», «подлинный», «истинный», «качественный») гламур, которому свойственны чарующий шарм, утонченная красота, изысканный вкус, а его персонажам – аристократизм воспитания и поведения. Русский гламур – агрессивно-защитный кич нуворишей, он контрастен сдержанному эстетству западноевропейского голубокровного гламура.

Для выражения крайне отрицательной оценки гламура сетевые исследователи вопроса используют ингерентно негативно заряженные лексемы и дискредитирующие метафоры.

Суммарное восприятие приведенных в Интернете определений дает нам знание и о сути явления под названием *гламур* (стиль жизни, игровая практика, создающие иллюзию о персонаже; искусство идеально нивелировать действительность), и о его оценке (*дешевый пафос, красивая этикетка, кич, нарочитая роскошь, стиль нуворишей*), и о его функциях (навязывание стереотипов поведения, идеологическое воздействие).

Как известно, ключевыми компонентами словарных толкований лексемы *пафос* в ее литературном употреблении являются слова и словосочетания *воодушевление, высокая идея, дух, переживание высокого предмета, свобода человеческого духа, внутреннее движение души*, чем и детерминируются присущие слову *пафос* коннотации высокой оценки, книжности и стилевой «возвышенности». Отрицательно заряженные контексты (ироничные, пародийные, сатирические) актуализируют в значении существительного *пафос* семемы неуместности, чрезмерности и наигранности (и толковые словари фиксируют это сниженное значение).

«Шатание» лексических норм на современном этапе выражается в жаргонизации речи не только в результате экспансии жаргонизмов в узус, но и в жаргонизации нейтральной лексики литературного языка (примером могут служить такие слова, как *откат, распил, разборка*). Книжная лексика жаргонизации обычно не подвергается, но со словами *пафос* и *пафосный* произошло именно это: они вошли в число ключевых составляющих словаря гламурного жаргона. Очевидно, наши гламурные соотечественники остро нуждались в эксклюзивном слове, маркирующем «высшую пробу» прежде всего предметных реалий их мира. Слов *роскошный, шикарнейший, крутой, элитный, престижный, модный* оказалось недостаточно, а кем-то найденное патетически звучащее прилагательное *пафосный* с его неприменимостью в обыденной речи, благородной патинной книжности / избранности гламура сочли подходящим для создания «знака гламурного качества». В речевом пространстве гламура *пафосными* стали называться *клубы* и *отели, бутики* и

рестораны, автомобили и женщины, мотоциклы и мужчины, вечеринки (пати, суаре) и похороны (поминки, крестины, свадьбы, дни рождения), наряды и яхты, наркотики и драгоценности, спектакли и скачки (бокс, гольф), т. е. все, что составляет глянцевый коллаж гламурной жизни.

Достаточно быстро процесс употребления слова *пафосный* как маркера принадлежности к элитному / столичному гламуру распространился на социальную и географическую периферию (повторив путь слова и явления *гламур*), а Интернет наполнился «методичками» и «дидактическими материалами» для желающих пройти гламурно-пафосный ликбез. Рунет предлагает заинтересованным пользователям обучиться созданию *пафосного речевого имиджа*. Во-первых, распространители гламурного ширпотреба настойчиво рекомендуют обзавестись *пафосным ником*. Во-вторых, рекомендуют дополнить никнейм усвоением и использованием так называемых пафосных статусов – фраз, употребление кото-

рых, по представлениям составителей сборников пафосных статусов, обеспечит полный успех гламурно-пафосной коммуникации.

Многочисленные любительские дефиниции показывают, что из лексического значения слова *пафос* ушли возвышенность и страстность, родственная страданию; центральную позицию заняли периферийные в научных определениях *пафоса* напыщенность, чрезмерность и наигранность, дополненные самодовольством, отчужденностью и демонстрацией материального благополучия.

Таким образом, в современном узусе девальвированы исконные значения существительного *пафос* и прилагательного *пафосный*, эти слова оказались отлученными от исконных семантических связей с высоким, духовным, идеальным и тем самым поставленными в страдательную позицию, в условия жесткой конкуренции нормы и массово реализуемой антинормы словоупотребления.

Тематические группы существительных, называющих лиц, в словаре устаревших слов русского языка Р. П. Рогожниковой, Т. С. Карской

И. В. Баданина

Московский педагогический государственный университет
irinabadanina@gmail.com

Существительные, названия лиц, тематические группы, словарь устаревших слов.

Summary. Nouns meaning person outdated words in the dictionary of the Russian language to reflect differences in the social functions of men and women in Russia in the XVIII – beginning of XX centuries.

Названия лиц – одна из семантических групп существительных, постоянно привлекающая внимание исследователей [1: 176–177]. Лексика этой группы изучается в различных аспектах. В качестве источника материала нами выбран Словарь устаревших слов русского языка. Указанный словарь дает ценный материал для выяснения того, как соотносились между собой существительные, называющие мужчин и женщин, в русском языке XVIII – начала XX века. Интерес к данному периоду обусловлен прежде всего тем, что это эпоха, когда социальные роли мужчин и женщин начали меняться. Наблюдения над соответствующей лексикой, зафиксированной в Словаре устаревших слов, помогают составить более полное представление об этом. Все идеографические (тематические) группы существительных со значением лица здесь можно разделить на три вида: 1. существительные муж. и жен. рода, 2. существительные только муж. рода, 3. существительные только жен. рода.

В совпадающих для обоих родов существительных группах значительно более многочисленны слова муж. рода, особенно в группе «названия лиц по профессии, роду занятий», где можно выделить гражданские и военные постоянные и временные профессии (занятия), тогда как слова жен. рода называют только гражданские профессии (занятия), причем, за малым исключением, несопоставимые по социальной значимости с профессиями и занятиями мужчин: *бригадир, генерал, штабс-капитан, фельдъегерь; обер-гофмейстрина, повитуха, служанка, горничная*. В словаре отмечено немало существительных муж. рода, называющих социально непрестижные виды занятий (*камердинер, лакей, слуга*), но удельный вес таких названий среди существительных жен. рода значительно выше (*камеристка, компаньонка, шутиха*).

В других группах существительных, общих для двух родов, также количественно преобладают слова муж. рода. Так, анализ существительных в группе «социальное происхождение и социальный статус» позволяет увидеть различия в положении мужчин и женщин: мужчина того или иного социального происхождения мог заслужить тот или иной социальный статус, у женщин же социальное происхождение и социальный статус обычно совпадали.

В группе «психологическая характеристика» существительные муж. рода и более многочисленные, и более детально называют психологические качества мужчин: *аматер, анахорет, аника-воин* и др. Существительные жен. рода представляют женщину в основном как существо зависимое: *смиреница, терпеливица*.

В других группах, содержащих существительные обоих родов, соотношение между лексемами муж. и жен. рода аналогично: «социальная характеристика» – *благодетель, блаженный, блюститель, варнак, грешник; бездомовница,*

бесприданница, благодетельница; «религиозные убеждения, церковная деятельность» – *архиепископ, богохулитель, владыка, грешник, гяур; инокия, раскольница, сестра, схимница, черница;* «национальность» – *арап, арнаут, иудей, крот, чухонец; арапка, чухонка;* «территориальная характеристика» – *гайдамак, ингерманландец, малоросс; охтинка;* «гендерно-возрастная характеристика» – *мальчуга, муж, недоросль, отрок; дева, отроковица, цурка, юница;* «внешность» – *денди, парис, шантрет, эндимион; нава*. И лишь в группе «термины родства и свойства» количество лексем обоих родов примерно равно, что объясняется активным участием как мужчин, так и женщин в семейно-родственных отношениях.

Существительные только муж. рода представлены в группах «интеллектуальные свойства, отношение к образованию», «политические убеждения», «хобби, спорт, игры, увлечения», «физическая характеристика». Здесь, за исключением последней группы, семантика слов показывает, что наукой, культурой, спортом первоначально занимались мужчины: *аналист, вития, книголюб, неук; аболитционист, бонапартист, вольтерьянец; банкомет, понтер, фланер, эстетик*. В начале XX века слов жен. рода среди них не отмечено.

Только к жен. роду относятся существительные в группе «названия жены по мужу», т. е. по его социальному статусу или профессии (роду занятий): *барыня, графиня, княгиня, государыня императрица, ассессорша, корнетша*.

Несмотря на значительные различия в количестве лексем двух родов и качестве называемых ими денотатов, можно сделать вывод, что у существительных муж. и жен. рода есть немало общего: большинство идеографических групп совпадает; нередко существительные жен. рода образованы от однокоренных существительных муж. рода (*отрок – отроковица, смиренник – смиреница*), что свидетельствует о совпадении или близости различных свойств, качеств мужчин и женщин. Все это создает предпосылки для их дальнейшего сближения по большинству социально значимых направлений деятельности, личностных свойств и качеств. Дальнейшее историческое развитие подтверждает это. Вместе с тем очевидно, что полного совпадения нет, и, возможно, не будет, что обуславливается как физической природой мужчин и женщин, так и вытекающими из этого различиями в их социальных и гендерных функциях.

Словарь

Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. М., 2005.

Литература

1. Улужанов И. С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. М., 2012.

Словари поисковых отрядов и кладоискателей (на материале Интернет-сообществ)

А. Ф. Балашова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

alya_philol@mail.ru

Поисковик, кладоискатель, словарь, сленг.

Summary. The paper shows the most popular dictionaries of searchers' and treasure hunters' slang based in the Internet.

В наши дни поисковики (в т. ч. «черные копатели») и кладоискатели нередко используют сленговые слова со схожим значением, несмотря на то, что основная цель у них не всегда совпадает. Копатели и кладоискатели посещают одни и те же сайты, общаются на форумах и в социальных сетях, что связано с работой на одной территории, интересом к военной технике и приборам, которые они берут с собой на выезды.

В качестве материала использованы словари, выложенные в наиболее популярных тематических Интернет-сообществах, а также создаваемые в пределах замкнутой группы (поискового отряда). Многие электронные словари постоянно пополняются, зачастую они сопровождаются кратким комментарием, поясняющим значимость подобной работы: «Кто что ещё знает – дополняйте. Сборник выложен в двух целях. 1. Поржать. 2. Новичков просветить» [ФК].

Поисковиками (следопытами, копателями, копарями) принято называть людей, ищущих останки советских солдат, погибших в годы Великой Отечественной войны. В рамках этого движения выделяют несколько «цветовых» отвлечений.

Так, **красные поисковики** (продолжающие дело советских следопытов, искавших исключительно останки бойцов Красной Армии) стремятся найти солдата, узнать его имя, дабы снять клеймо «предатель». Они же занимаются поиском родственников опознанных бойцов. Их название связано не только с цветом советских знамен, но и со сленговой номинацией находимых ими красноармейцев. **Краснюк, совок** – «советский солдат» [КСРР]. **Красный копатель** – «поисковик, имеющий целью установление исторической справедливости, поиск погибших, установление их личности. Как правило, работает под эгидой общественных движений» [СК]. **Красные поисковики** – «официальные отряды, занимающиеся поисковой работой» [СПОД]. Одни «красные» принципиально противопоставляют себя «черным» и отказываются иметь с ними дело. Другие взаимодействуют, если речь идет о перезахоронении останков советского воина. Третьи полагают, что граница между «красными» и «черными» копателями все больше размывается. **Черный копатель** (он же **трофейщик, пират, черный следопыт, черный копатель, вольный копатель**) – лицо, неофициально занимающееся поиском ценных предметов времен Великой Отечественной войны. **Черные поисковики** – «поисковики, занимающиеся неофициальной поисковой работой, они же **зеленые копары**» [СПОД]. Кроме того, **зелеными копателями** называют лиц, занимающихся военным поиском ради «собственного удовольствия и пополнения личных коллекций» [КСРР]. **Белый копатель** – «любитель истории, кладоискатель. Как правило, неофициальный. Действует, движимый своими любопытством и честолюбием. Обнаруженное фиксирует на фото, а потом оставляет в коллекции, либо передает официальной науке, либо продает. Как правило, со временем становится или «красным», или «черным» копателем» [СК].

Люди, занимающиеся военным поиском, используют свои топонимы и названия объектов. Самый известный – **Долина Смерти (Долина Славы)**. «Места, где шли тяжелые позиционные бои и погибло много солдат, местные жители называли **Долинами Смерти**. Чтобы убрать этот зловещий народный топоним советская власть переименовывала эти места из Долин Смерти в **Долины Славы**. Там ставились обелиски» [Дзюбенко]. **Долина Смерти** – «ряд территорий в России и некоторых бывших союзных республиках, где в период с 1941 по 1945 годы во время проведения боевых действий происходило массовое уничтожение военнослужащих противоборствующих сторон» [СДБ]. «Для кого-то походы в **Долину** являются средством заработать на жизнь, кто-то приходит туда из пламенного патриотизма, для кого-то это хобби и просто увлекательное времяпровождение – но всех этих людей объединила война» [СДБ]. Многие названия населенных пунктов (в т. ч. сокращенные) используются лишь членами отрядов, проводив-

ших там раскопки. **Тучки** – «щутливое название поселка Тучково» [СПОД].

Ряд сокращений используется всеми представителями сообществ, занимающихся военным поиском. Например, **архи** – «археологи» [СК], [ФК]. **Клад** – «ценные вещи (реликвии, артефакты), которые по разным причинам и с разной целью прятали (закапывали, вмуровывали, затапливали)» [СК].

Нередко родовые и видовые понятия у представителя большинства сообществ совпадают, притом, что степень детализации и номинации может отличаться. **Сохран** – «состояние найденной вещи» [ФК], «степень сохранности и качества вещей, существуют следующие виды: **муха, мухач, мухачевый, музейный** – высшая степень сохранности – идеальная: вещь не ношенная и не использованная, пять с плюсом по пятибалльной системе. **Нулёвый, нульсен** – прекрасная сохранность, пять. **Чердачник** – средняя сохранность, четыре балла. **Юзаний, сильно юзаний** – бывший в употреблении (от англ. “to use” – использовать), но годен к использованию, оценка тройка. **Блиндажник** – что-то среднее, близкое к тройке с минусом. Вещь, найденная при раскопе в блиндаже. При этом подлежит восстановлению, три с минусом; **Убитый** – изношенный, почти не годен к применению – твердая двойка. **Гнилой** – вещь, найденная в земле, восстановлению не подлежит. Годится для того, чтобы снять выкройку или размеры, два с минусом. **Труха, в труху** – однозначно единица, рассыпается в руках» [КСРР].

Толкования, используемые в разных сообществах, могут быть диаметрально противоположными. Так, **каракавица** – это «свастика» [СПОД], и «орден Красной звезды» [КСРР]. Следует отметить сленговые выражения, образованные от общеизвестных фраз и выражений: «**Жабная (вещь)** – хорошая (жадная вещь), с которой жалко расставаться или хочется купить, слово появилось от выражения „Жаба давит“» [КСРР]. Нередко используются звукоподражания или искажение слова из другого языка. **Вафли** – (от нем. waffen) «предметы вооружения в широком смысле слова» [КСРР]. Активно используются новообразования за счет русифицирования англицизмов. **Ченьж, ченьжнуть** – (от англ. change) «обмен, обменять» [КСРР].

Переход имен собственных в нарицательные тоже имеет место. **Бош, Ганс, Фриц** – «собирательные имена германских солдат во Второй Мировой войне, первое белее характерно в употреблении французами. Отсюда в наши дни „Гансовский“ и „Фрицевский“ обозначает – немецкий» [КСРР]. Многие немцы в годы Великой Отечественной войны называли **Иванами** русских мужчин.

Некоторые слова схожи со сленгом криминальных групп. **Фуфел, фуфло** – «подделка, отсюда **фуфельжить** – старить вещи, **фуфельщик** – производитель подделок» [КСРР]. Большинство слов, используемые как нейтральные, изначально получили сниженную стилистическую окраску. Это связано со ставшей привычной рутинной работой на погостах, кладбищенской средой, в которую погружаются поисковики и кладоискатели. Многие предметы получили название за внешнее сходство. **Яичница** – «орден Немецкого креста» [КСРР].

Таким образом, использование общей сленговой лексики для поисковиков и кладоискателей связано с их общением в Интернете, взаимодействием в реальной жизни, а также влиянием среды и образа жизни на картину мира: **смерть, война** становятся будничными понятиями, а работа с останками – привычным делом (ср. работу военврача).

Источники

КСРР – Краткий словарь русского реконструктора // Жаргонные выражения копателей <http://prowler88.narod.ru/s.html>.

СДБ – Сайт Дмитрия Бурлачкова http://warhunter.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=43&Itemid=43.

СК – Словарь копателя // <http://kladoiskatelei.narod.ru/klad2.html>.

СПОД – Словарь поискового отряда «Единорог», предоставленный М. Дзюбенко.

ФК – Форум кладоискателей <http://mdrussia.ru/>.

Особенности использования речевых формул в художественных текстах Достоевского

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

baranov_anatoly@hotmail.com, dobrovolskij@gmail.com, dm-dbrv@yandex.ru

Авторская фразеология, язык Достоевского, речевые формулы, авторский стиль.

Summary. Speech formulae in works of Dostoevskij are considered to be an open system, which is connected with others spheres of the lexicon. The paper discusses semantic groups of speech formulae that are specific for Dostoevskij's individual style. Furthermore, possible ways of linguistic description of the author's idiom use are under discussion.

В современной фразеологии под речевыми формулами принято понимать особый разряд идиом со структурой предложения, в семантике которых содержится непосредственная отсылка к ситуации общения [1: 70-72]. Так, к речевым формулам относятся, например, такие формы, как *поезд ушел; шутка сказать, дурак или родом так?, поживем – увидим; как только так сразу; где уж нам, дуракам, чай пить!* Цель данной работы заключается в том, чтобы исследовать состав речевых формул в художественных текстах Ф. М. Достоевского и выявить особенности их употребления.

Изучение словника идиом Достоевского, полученного в рамках выполнения проекта по созданию словаря фразеологизмов этого автора, позволяет выделить около ста единиц, которые можно отнести к речевым формулам. Охарактеризуем кратко состав этих единиц по семантическим параметрам.

Самый общий семантический анализ показывает, что выделяются следующие группы речевых формул:

благопожелания (*господь с тобой – господь с тобой, маленький человек, расти на счастье, младенчик!* [Ф. М. Достоевский. Подросток]; *бог в помощь, бог поможет, господь благослови, господь храни*); **снятие с себя ответственности** (*бог тебе судья*); **укор-увещевание** (*бога не боитесь; господь с тобой – Нет, говорит моя старушонка, господь с тобой, кавалер, на что мне реибузы, носить, что ли, стать?* [Ф. М. Достоевский. Честный вор]); **запрет** (*бог не велит*); **благодарность** (*бог награди вас, бог воздаст, бог вознаградит*); **констатация-смирение** – иногда в сочетании с идеей смерти (*бог дал, бог взял, бог прибрал, бог прислал*); **просьба** (*господь прости*); **оберег** (*убереги бог, бог миловал*); **опасение** (*далеко ль до греха*); **выражение удивления** – часто с негативным оттенком (*разрази господи, разрази меня, разрази меня бог, бог мой*); **недовольство** (*черт побери, черт побрал, черт подери, прах возьми, прах побери, черта еще не доставало*); **незнание** (*только богу известно, господь ведает, господь знает, бог ведает, черт ногу переломит, бог ведает*); **просьба о прощении** (*господь прости*); **благословение** – в широком понимании (*да поможет вам бог, да хранит бог, господь с тобой, господь храни, да благославит вас бог / благослови вас бог, да вознаградит вас бог, бог в помощь, бог награди вас, бог воздаст, бог вознаградит*); **бедность** (*богат Ерощка, есть собака да кошка, что честь, когда нечего есть*); **отказ** (*бог подаст, черта лысого, черта с два*); **проклятие** (*собака собачья смерть*); **признание-извинение** (*бог поутал*).

Хорошо видно, что выделенные семантические группы неоднородны, с одной стороны, и весьма произвольны – с другой. Это особенно хорошо видно при сравнении с «Тезаурусом современной русской идиоматики» [3]. Неоднородность и относительная произвольность выбора таксонов связана с первой очередь с тем, что идиомы, будучи неоднословными аналогами слов, образуют с ними единую лексическую систему.

Если говорить о внутренней форме речевых формул из текстов Достоевского, то бросается в глаза, что большая их

часть содержит компонент *бог, господь*. Семантическое представление внутренней формы речевых формул с компонентом *бог* требует осмысления этой формы как части мировоззрения автора и шире – мировоззрения носителей русского языка XIX в.

В целом идиомы с компонентом *бог* типа *столько бог пошлет, к богу в рай, бог в помощь* предполагают такую семантическую экспликацию, в которой этот компонент передается как «сверхъестественные силы»:

бог подаст = «Отказ в просьбе получения некоторого ресурса как одолжения или милости, *выраженный в косвенной форме передращения просьбы сверхъестественным силам, якобы, окажущим требуемую помощь*».

Однако отражение специфики мирозерцания Достоевского и правильное понимание семантики этих идиом в рамках конкретного фиксированного корпуса текстов может привести к тому, что этот компонент будет отображаться как «сверхъестественное существо, несущее всеобщую милость и сострадание в христианской традиции».

Когда речевые формулы используются в несобственно прямой речи или во внутреннем монологе, они являются средствами создания полифонии текста (см. [2]). Ср.: *Сидит, слушает меня понуря голову мой Емельянушка. Чего, сударь! Уж до того дошел, что язык пропил, слова путного сказать не умеет. Начнешь ему про огурцы, а он тебе на бобах откликается! слушает меня, долго слушает, а потом и вздохнет* [Ф. М. Достоевский. Честный вор].

К авторской фразеологии следует отнести не только уникальные для данного автора фразеологические единицы, но и все те специфические особенности использования фразеологизмов, которые присущи данному писателю и выделяют его среди других носителей языка. Так, к авторской фразеологии относятся различные модификации идиом, характерные для индивидуального авторского стиля. При выявлении и описании подобных преобразований в произведениях Достоевского (как и любого автора XIX века) исследователь сталкивается с рядом трудностей, поскольку для оптимального решения этой задачи необходимо знание нормы того времени, т. е. знание того, какие способы употребления каждого из рассматриваемых фразеологизмов воспринимались как узально допустимые, а какие – как нестандартные. Применительно к языку писателей XIX века выполнение этих условий весьма затруднительно, поскольку судить о литературной норме тех лет мы можем лишь очень приблизительно и практически не имеем данных о различных речевых жанрах той эпохи.

Литература

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс). Учебное пособие. М., 2013.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. 1972.
3. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М., 2007.

Городской текст Целинограда и Астаны в поэзии

Г. И. Власова

Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Астана)

g_vlasova@mail.ru

«Городской текст», Целиноград и Астана, комплекс поэтических образов, мотивов, сюжетов и концептов.

Summary. The concept of “urban text” which is actual in the twenty-first century literary studies is considered in the article “The city text of Tselinograd and Astana in poetry”. The city text of Tselinograd and Astana is considered as a complex of images, motives, plots and concepts. The types of the addressed poems, the genre characteristics of which are a patriotic and lyrical dominant, addresses and orientation on a reader's code of cultural memory, are allocated.

В литературоведении на рубеже XX–XXI вв. утвердилось понятие «городской текст». Появились исследования Мос-

ковского, Петербургского, Крымского, Пермского текста и других. Текст казахстанского города еще не стал предметом

специального исследования гуманитариев, хотя сформировалось понятие «культурный текст Астаны», представленное на Второй международной научно-практической конференции «Культурный текст Астаны» в 2009 г. «Астана – благодатный объект для исследования. Город, который формируется на глазах у своих первых исследователей; город, который репрезентирует собой казахстанскую культуру; город, в котором пересекаются мировые тренды глобального мира» (Культурный текст Астаны // Психология, Социология. Политология. 2008. № 8. С. 2–18).

Акмолинск, Целиноград, Акмола, Астана – таковы исторические названия города. До 1961 года город именовался Акмолинском, с 1961 по 1992 год – Целиноградом, с 1992 по 1998 год – Акмолой, а с 6 мая 1998 года на карте появился город Астана. Официально столицей Казахстана город стал 10 декабря 1997 года.

В статье рассматривается создание и репрезентация городского текста Целинограда и Астаны, выделяются доминантные точки и сферы в тексте этих городов на материале современной поэзии и песенной лирики. Целесообразно предложить определение городского текста как комплекса образов, мотивов, сюжетов и т. п., который воплощает авторскую модель городского бытия в общих и частных его проявлениях. Текст Целинограда – Астаны, если рассматривать его как свертхтекст, уже обозначил себя в известных стихотворениях и песнях о столице. Лирическое осмысление города началось еще в годы Целины – в 1960 годы. В то время были созданы многочисленные целинные песни и стихотворения, воспевающие целинный край, трудовые подвиги и будни города на целине. Ю. Визбор еще в 1962 году в песне «Целинная» маркировал город как столицу: *«Здесь теперь целинная столица, / Здесь течет, шумит Ишим-река»*. В песне М. Баданова «Вечерами над Ишимом» автор дает аксиологическую оценку родного города: *«Это город мой любимый / Мой родной Целиноград»*, признается ему в любви, подчеркивает его молодость и стройный ряд улиц. Лиризм проявлен и в стихотворении В. Гундарева «В Целинограде яблони цвели». Подчеркиваются природная и природно-культурная сферы, топосы природного пейзажа, обрамляющего окрестности города: город «зимой завьюжен», а летом – «знойно-пыльный», «отданный ветрам». Но майское цветение яблок делает Целиноград похожим на южные города, что создает праздничное настроение: *«В Целинограде яблони цвели – / И праздничными улицы казались, / Как будто, воспарив, едва касались / Сырой, набухшей влагой, земли. / И думалось о добром и хорошем...»*. Пафос ностальгических воспоминаний доминирует в песне Ю. Насыбулина «Воспоминания о Целинограде», в которой воссоздан «забытый облик моего Целинограда».

Песня «Целиноград» (исполнители – группа «Целиноград», автор – Константин Ваховский) уже стала культовой ([youtube.com/watch?v=7q13fo_gEnYēñēy](https://www.youtube.com/watch?v=7q13fo_gEnYēñēy)).

В первых строфах текста перечисляются названия городских топосов (Астана, Ишим, Целиноград), рисуется степной ландшафт, определяется время возникновения города и создается традиционная мифологема – «город-сад»:

*Посреди степных просторов, на непаханой земле
В прошлом веке вырос город, дав начало Астане.
Здесь, по берегам Ишима распустился город-сад,
Его наше поколение помнит как Целиноград.*

В тексте песни представлены все выделенные топосы Целинограда: улицы и проспекты – Студенческий проспект, проспект Пятилетки, улицы Монина, Ленина, Сакко Ванцетти; микрорайоны и районы города – Молодежка, Орбита, Жуковка, Слободка, Рабочка, Чугунка, Студенческий; пригородные поселки – Комсомольский и Чубары; здания – Китайская стена; реки – Ишим, Соленая балка; парк – Парк культуры; кинотеатры – Целинный, Октябрь, Шолпан, Строитель; административные здания – Дом Советов, ЗАГС; магазины – Буратино, Детский мир, Мелодия, Заводская, Тамаша, Горизонт, Юбилейный, Арман, Экспресс, Бакалея, Встреча; рестораны – Золотая нива; заводы – Целинсельмаш, Лесик, Гормаш; учебные заведения – «Сельхозка, медяра, педуха, ЦИСИ».

В Целиноградском тексте песни топос улицы организует мотив общинного бытия, определяющий специфику досуга середины и конца XX века. Это – «прыжки в Ишим с моста», в «Мелодии» пластинки, «с «ракетой» городок», «очередь в пивной ларек», советский плакат «Хвала рукам, что пахнут хлебом» и др. Посредством называния топосов и перечисления мотивов общинного бытия автор апеллирует к памяти слушателей и создает настроение лирической ностальгии: *«Хвала рукам, что пахнут хлебом, / Хвала всем тем, кто помнит это»*.

Именно Целиноград с его аурой и породил текст песни, которая вошла в коллективное сознание бывших целиноградцев и настоящих астанчан, и стала городским текстом сегодняшней Астаны. Популярность песни у тех, кто помнит Целиноград, очень высока, что отражено на различных сайтах Интернет.

В начале XXI века появляются тексты, которые условно можно обозначить как стихи, адресованные Астане. Они созданы малоизвестными авторами в традициях восхваляющей поэзии. Так, на сайтах «Стихи про Астану», «Коллекция Стихов о Городах и Людях» и др. (kazakh.ru; stih.ru) Аbòààà собраны стихотворения, посвященные Астане как молодой столице Казахстана. В качестве доминантных точек выделяются топосы пространства, статусы столицы, образ городского сознания (досуг, жители), историческая, культурная и человеческая память, реализованная в аксиологической оценке поколения, и т. д. В стихотворении Ю. Марковцева указывается степной хронотоп Астаны: *«Город средь степей стоит, / Сквозь него река бежит»*. В поздравительном тексте В. Рубцова «Здравствуй, здравствуй, моя Астана!» дается оценка красоты: *«Краше города в мире не знаю!»*.

Кроме поздравительных, пафосных стихотворений появляются и тексты, написанные в жанре лирической миниатюры, медитации, размышления. Так пишут молодые авторы, сверстники новой столицы, для которых она не противостоит Целинограду, а воспринимается как современная и модернизированная столица, которой они искренне гордятся.

Текст казахстанского города создается, реализован в песенных и поэтических произведениях и имеет свои опознавательные доминантные точки и сферы: оппозиция Целиноград / Астана, аксиологическая характеристика, столичный статус, природный и культурный облик, установка на феномен памяти и ярко выраженный концепт восхищения новой и красивой столицей Казахстана.

Куда уходит поезд?

(временные парадоксы железнодорожной метафоры в русской идиоматике)

М. М. Вознесенская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

voznnes-masha@yandex.com

Русская идиоматика, железнодорожная метафора, время, многозначность.

Summary. The paper considers two cases of conceptualization of time in terms of Railway Metaphor in Russian Phraseology. In one case time passing is motion of a train which goes from the Future to the Past while the observer is fixed. In the other case on the contrary, time is stationary and the observer moves by train through it from the Past to the Future.

Время представляет собой одно из наиболее абстрактных и трудно постижимых явлений. Для концептуализации времени в языке используются несколько онтологических метафор: ВРЕМЯ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ; ВРЕМЯ – ЭТО ПРО-

СТРАНСТВО и ВРЕМЯ – ЭТО ОБЪЕКТ. Исследователи (см. [2]; [3]; [1]) выделяют две основные модели времени, основанные на этих метафорах и учитывающие позицию человека (наблюдателя) по отношению ко времени. В пер-

вом случае время предстает как движущийся объект относительно неподвижного человека, движение времени осуществляется из будущего в прошлое, которое, таким образом, оказывается впереди, а будущее сзади, следуя за ним, что отражено во внутренней форме таких слов как *предшествовать, следовать, предыдущий, предки, потомки, последователи* и т. п. Согласно второму представлению, время неподвижно, а человек движется сквозь него в будущее. В этом случае будущее находится впереди человека, а прошлое остается позади. Именно это понимание представлено в выражениях типа *Она приближается к своему пятидесятилетию; Он пронес сквозь годы искреннюю преданность науке* и т. п. Часто для объяснения и иллюстрации различных способов концептуализации времени используется железнодорожная метафора и движение поезда (см., например, [Шмелев 2002: 41]). В русской идиоматике представлена целая группа выражений, основанных на железнодорожной метафоре, во многих из них присутствует «образ» поезда (*поезд ушел, догонять поезд, бежать за уходящим поездом, вскочить в последний вагон* [уходящего поезда], *вскочить на подножку поезда / последнего вагона*). Куда же идет «фразеологический поезд» – в прошлое или будущее?

Идиома *поезд ушел* имеет два значения. Первое – это констатация того, что нечто нужное и важное, что можно было бы с успехом сделать раньше, в настоящий момент сделать невозможно или не имеет смысла, поскольку изменилась ситуация: *А что теперь? Все мои любви разрушены. Меня больше не озаряет ни дантовский восход, ни блоковский закат. мне пятьдесят один год. я опоздал. поезд ушел, я никогда не смогу воплотить на экране то, о чем столько лет мечтал и что мне сейчас судьба, казалось бы, преподносит на блюде.* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль). Во втором значении выражение указывает на то, что нечто, вызывавшее беспокойство и опасения – события, происшествия, чьи-л. действия и т. п., закончилось и, тем самым, не должно более вызывать опасений: *Публикуя эту пьесу сегодня, мы понимаем, что многое в ней принадлежит вчерашнему дню... Впрочем, если читатели, прочтя эту пьесу в марте 1989 года, с облегчением воскликнут: «А поезд-то ушел...» – то мы вместе с ними испытаем забытое чувство глубокого удовлетворения.* (М. Швыдкой. Уходящая натура). Как видно, в обоих значениях речь идет о прошлом, о том, что в прошлом не случилось, не произошло (первое значение) или о том, что уже свершилось и закончилось (второе значение). Таким образом, выражение *поезд ушел* представляет собой реализацию первой модели времени, при которой время движется в прошлое.

Во фразеологизмах *вскочить в последний вагон* [уходящего поезда], *вскочить на подножку поезда / последнего вагона*, имеющих значение «успеть совершить что-либо в самый последний момент», отражена другая модель времени, когда человек движется в будущее. Ср. примеры: *Задача ТВЗ – заскочить в последний вагон и стать каналом, к которому лояльна аудитория. войти в премьер-лигу. Параллельно думая, как развиться в ближайшем будущем.* (РБК Daily): *Сегодня никого нельзя удивить изощренной живописной техникой или необычной цветовой гаммой. <...> Нужно привлечь к себе внимание публики на выставке – и это глав-*

ное. Конечно, не Кабаков выставил в зале музея первый унитаз в виде художественного экспоната – но он успел вскочить на подножку этого поезда в будущее на последнем разезде между Москвой и Парижем. (Н. Воронель. Без прикрас). Этот же способ концептуализации времени, при котором будущее находится впереди, выражен в такой «железнодорожной» идиоме, как *свет в конце туннеля*, которая означает «надежду на успешное завершение различных сложных и трудных дел и изменение неблагоприятных ситуаций к лучшему».

Особый интерес представляют выражения *догонять поезд, бежать за уходящим поездом*, парадоксальным образом соединяющие в себе оба способа концептуализации времени. У них выделяется два значения, каждое из которых соотносится с разными моделями времени. Так, в основе первого значения «напрасные попытки вернуть что-либо» лежит метафора поезда-времени, уходящего в прошлое: *Многие женщины понимают то, что они были не правы по отношению к своему ребенку, слишком поздно, «когда уже нет смысла бежать за уходящим поездом». И наверстать упущенное, как многие наивно мечтают, невозможно.* («Речевое общение Интернета»: блоги, чаты, форумы и т. п. Далее – РечОб. Инт.); *«Нужно всегда расставаться по-хорошему» – кому нужно? Вам? А почему? Да, в целом неплохо, когда людям это удастся. Но какой смысл конкретно в этой ситуации бежать за уходящим поездом?* (РечОб. Инт.). Внутренняя форма второго значения «тщетное стремление достичь чего-либо», наоборот, отсылает к образу поезда, двигающегося сквозь время вперед, из прошлого в будущее: *Если в какой-то момент вам покажется, что вы очень крутой специалист в своем деле, обладающий всеми необходимыми знаниями – время бить тревогу. Ибо простав на лаврах пару месяцев, потом придется пару лет догонять поезд прогресса. В ИТ работает принцип из кэрролловской сказки про Алису: «Чтобы остаться на месте, нужно бежать изо всех сил; а чтобы двигаться вперед, бежать нужно в два раза быстрее».* (РечОб. Инт.).

Таким образом, железнодорожная метафора в русской идиоматике демонстрирует две модели концептуализации времени, присутствующие в русском языке. В одних случаях, поезд, символизирующий движение времени, движется из будущего в прошлое, человек при этом или неподвижен (*поезд ушел*), либо тщетно пытается догнать поезд, т. е. вернуть прошлое (первое значение выражений *догонять поезд, бежать за уходящим поездом*). В других случаях, поезд движется в «туннеле» времени вперед к будущему, человек или едет на этом поезде (*вскочить в последний вагон* [уходящего поезда], *вскочить на подножку поезда / последнего вагона*), или догоняет его (второе значение выражений *догонять поезд, бежать за уходящим поездом*).

Литература

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
4. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М., 2002.

К вопросу о нелогичных фразеологических сочетаниях (катахрезах) в русском языке

Т. А. Глотова

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова (Владикавказ)

glotovatanya@yandex.ru

Фразеологизмы-катахрезы, фразеологическая интеграция, концепт, семантический анализ, когнитивный аспект.

Summary. The paper offers the analysis of phraseological formations, which represent “illogical” combinations of units – *katachreses* (e. g. *spogi v smiatku* – *soft-boiled boots*). Phraseological katachreses can be described as the conceptual integration of initial mental spaces. They are marked by the absence of correlation between the components of their meaning and the general meaning of the whole phraseological unit. Phraseological katachreses are distinguished by the correlation of their language and cognitive structures, which is one of the means to categorize the knowledge of objective reality.

В последнее время в связи с развитием когнитивной лингвистики произошло смещение акцента при изучении фразеологических единиц. Актуальными стали попытки лингвистов выделить механизмы взаимодействия когнитивных и языковых процессов и структур в образовании и функционировании фразеологизмов. Особый интерес вызывают

так называемые «нелогичные» образования, которые обладают сложной семантикой, эмотивным содержанием, а также требуют когнитивной обработки (интерпретацию) для раскрытия их смысла.

Образования, представляющие собой «нелогичные» сочетания слов, в языкознании обычно определяются термином

катахреза и истолковываются как необычные сочетания слов вопреки совместимости их буквальных значений. Например: *сапоги всмятку, от жилетки рукава, на рыбьем меху, подбитый ветром, развесистая клюква, карманная чахотка* и др. Образованная путем фразеологической интеграции [2], новая единица не равнозначна по смысловому содержанию ни одному из ее составляющих, а представляет собой концептуальное пространство со своим оригинальным значением.

В когнитивном аспекте фразеологизмы-катахрезы представляют собой коммуникативные слияния, содержащие комплексную информацию, сложенную из логической несовместимости их прямых значений и построенных на общности воздействия их вторичных знаков. Коммуникативная и концептуальная направленность таких фразеологизмов исходит из взаимодействия вторичных составляющих их концептов. Наблюдается полное отсутствие соотносительности значений компонентов с общим значением всей фразеологической единицы.

Фразеологическая семантика рассматриваемых образований восстанавливается в результате работы с контекстами первых употреблений фразеологизмов-катахрез. Так, например, выражение *развесистая клюква* означает «небылица», «выдумка», «что-то совсем неправдоподобное» и возникло в начале 1890 года у русских авторов в качестве «шутливого обозначения вздорных сообщений о России и русских, принадлежащих плохо осведомленным иностранцам» [1: 520]. Как показывает семантический анализ выражения *развесистая клюква*, в данной единице полностью отсутствует соотносительность значений компонентов *клюква* и *развесистая* со значением всей фразеологической единицы. Текстовый поток образов, возникающий в мышлении автора и адресата несовместимы с их языковыми значениями. И действительно, значение слова «небылица», составляющее «что-либо не соответствующее действительности; вымысел, выдумка» [3, 2: 586], ни в какой мере не соотносится со значением компонента «клюква»: 1) «мелкий стелющийся кустарник, растущий на моховых болотах»; 2) кислые красные ягоды этого кустарника» [3, 2: 77] и со значением компонента «развесистая» («с широко раскинувшимися м и нависшими ветвями (о дереве)» [3, 3: 793]. Аналогичным свойством обладают и другие фразеологические единицы данного типа: *сапоги всмятку* («вздор, чушь, бессмыслица»), *карманная чахотка* («безденежье») и др. Общее значение такого рода фразеологизмов-катахрез как бы «привязывается» ко всему составу компонентов, целостный смысл их не может быть понят на основе только одного, отдельно взятого компонента.

Отличительной чертой фразеологизмов-катахрез является их фиксирование в ментальных структурах адресата за счет нелогичных концептов-сценариев. Лексическое значение фразеологизмов-катахрез расходится с фразеологическим, однако образное сочетание вторичных компонентов такого рода концептов вызывает в сознании адресата соотношение значений языкового знака и представляемого объекта. В основе создания мыслительных картинок фразеологических единиц лежит идея совмещения несовместимого, и, говоря о фразеологизмах-катахрезах, необходимо отметить связь вторичных ассоциативных компонентов их мыслительных образов с хотя бы одним общим признаком, на основе восприятия которых и выстраивается итоговое представление концептуального феномена.

Характер развернутых в составе концептов-сценариев семных компонентов фразеологизмов-катахрез позволяет проанализировать их специфику и прагматический потенциал. В зависимости от того, какого рода сема является интегральной в составе фразеологизмов-катахрез, выделяются две подгруппы: 1) фразеологизмы-катахрезы с концептами-сценариями, объединенными на основе общей видовой семы (ВС), указывающей на дополнительную семную информацию в содержании одного из компонентов (*от жилетки рукава, развесистая клюква*); 2) интегрированные фразеологические единицы, объективирующие потенциальные семы (ПС). Совмещение таких компонентов возможно за счет самой идеи «нелогичности», предполагающей «несовместимую» потенциальную сему, на основе которой и возможно создание иронического представления понятия, каламбурного сочетания (*сапоги всмятку, на рыбьем меху*).

Фразеологизмы-катахрезы ориентированы на активный поиск смыслов в сознании реципиентов. Языковое значение фразеологизма-катахрезы есть не сумма составляющих его единиц, а сочетание дополнительных ассоциативных значений его компонентов. Общее значение фразеологизма существует в сознании носителя языка целиком, выделение его отдельных аспектов условно. Возникновение фразеологизмов-катахрез связано со стремлением автора выразить субъективные оценочно-интерпретационные отношения, отразить образную концептуальную картину мира путем интеграции лексически несочетаемых компонентов.

Литература

1. Аиукин Н. С., Аиукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1960.
2. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеологического образования. Монография. 2-е изд-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону, 2010.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1957–1960.

Несколько замечаний о семантическом калькировании в русском языке рубежа XX–XXI веков

А. А. Горбов

Санкт-Петербургский государственный университет

verde2002@yandex.ru

Русский язык, английский язык, калька, семантическое калькирование.

Summary. The paper analyses the criteria for determining semantic calques in modern Russian based on typical examples. The analysis shows that a semantic calque can be clearly attested only when there is a pre-established translation correspondence between the words of the source language and the target language.

В лингвистических исследованиях, посвященных изучению состояния русского языка на рубеже XX–XXI вв., подчеркивается факт усиления иноязычного влияния на русский язык, особенно со стороны английского языка. Это влияние не ограничивается прямым заимствованием лексики: важную роль играет и калькирование, в особенности семантическое. Именно оно приводит не только к расширению лексической семантики отдельных слов, но и к запуску процессов изменений в области грамматики.

При этом анализу процессов семантического калькирования уделяется гораздо меньше внимания, чем рассмотрению вопросов, связанных с прямым лексическим заимствованием. Л. П. Крысин объясняет это двумя факторами: во-первых, малым количеством калек в языке по сравнению с числом прямых заимствований, и, во-вторых, трудностью выявления калек ввиду отсутствия четких критериев, по которым то или иное новообразование следует считать резуль-

татом иноязычного влияния, а не процесса развития языка в соответствии с его внутренними закономерностями [2: 221]. С положением о трудности выявления калек следует, по-видимому, согласиться. Однако в этом случае остаются неясными основания для сравнения количества калек и прямых заимствований: возможно, впечатление малочисленности калек создается из-за того, что большая их часть остается невыявленной.

Наибольшие затруднения связаны с выявлением семантических, а не словообразовательных или фразеологических калек, поскольку в этом случае никакие элементы плана выражения не дают информации о возможном структурном заимствовании. При этом представляется, что все же существуют факторы, позволяющие предполагать наличие семантической калки с достаточно высокой вероятностью.

В частности, анализ значения слова *цитирование* в широкоупотребительном ныне словосочетании *индекс цитирова-*

ния дает достаточные основания предполагать, что в данном случае имеет место семантическая калька с английского языка.

Существительное *цитирование* (отсутствующее в толковых словарях русского языка) образовано по продуктивной модели от глагола *цитировать*, который, согласно словарю, имеет только одно значение – «приводить *цитату*, цитаты». У существительного *цитата* также зафиксировано лишь одно значение – «дословная выдержка из какого-н. текста» [3: 873]. Однако очевидно, что *индекс цитирования* означает не «показатель количества дословных выдержек», а «показатель количества ссылок на работы автора». Таким образом, здесь реализуется значение, точно соответствующее значению англ. существительного *citation*, образованного от глагола *cite* – ‘refer to (a passage, book, or author) as evidence for or justification of an argument or statement, especially in a scholarly work’ [4] – «упоминать, ссылаться на (отрывок из текста, книгу, автора) для доказательства или подтверждения приведенного аргумента или сделанного заявления, особенно в научной работе». При этом немаловажен тот факт, что *cite* (наряду с *quote*) является одним из основных, наименее контекстно-обусловленных, словарных переводных эквивалентов глагола *цитировать*. Кроме того, в данном случае при выборе одного из двух словарных соответствий играет роль и факт ясно осознаваемого этимологического родства *cite* и *цитировать*.

Вряд ли можно усомниться в том, что новое значение (не обязательно связанное с приведением дословных выдержек) у слов *цитировать*, *цитирование*, *цитируемый* является продуктом калькирования именно с английского языка: однозначно в пользу такого решения говорит время появления этого значения (по Национальному корпусу русского языка – в текстах, созданных не ранее 1994 г.), тематика текстов, в которых эти слова появляются в новом значении (в первую очередь – наука и технологии), а также то, что коллокация *индекс цитирования* является прямым переводным эквивалентом английской коллокации *citation index*.

Аналогичным образом определяется факт семантического калькирования в случаях употребления некоторых абстрактных существительных – *продажа*, *озабоченность*, *практика* и др. – во множественном числе (подробный анализ тенденции к восполнению числовых парадигм абстрактных существительных *singularia tantum* см. в [1]): *повысить объемы продаж*, *снять озабоченности сторон*, *потребительские практики* и т. п.

Типы вариативности русских пословиц

Л. В. Гриченко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

rgrichenko@yandex.ru

Пословицы, вариативность, тематический ряд, экспрессивность.

Summary. The paper is devoted to such type of Russian proverbs variation as lexical replacement on the basis of their thematic relations.

В настоящее время совершенно очевидно, что художественные и публицистические тексты как репрезентанты авторской позиции обнаруживают среди основных функций информативную, аттрактивно-воздействующую, оценочную, регулятивную, эстетическую, которым, как правило, сопутствует экспрессивность / эмотивность языкового выражения. Данный факт дает основания полагать, что практически каждый коммуникативный акт в художественных и публицистических текстах гипотетически может рассматриваться как некий инструмент, языковая составляющая которого нацелена на сознание, волевою сферу адресата, регуляцию его посткоммуникативной деятельности.

Стилистика художественных и публицистических текстов XX–XXI вв., активно использующая сочетание книжно-письменных и разговорных элементов, одним из таких инструментов, имеющих фольклорную традицию, избирает пословицы – в большинстве своем прецедентные, этнолингвокультурно-маркированные единицы, содержащие правила поведения и ценностные ориентиры создавшего их народа. Используя прецедентность, этнолингвокультурный, стилистический и коммуникативно-функциональный потенциал пословиц, авторы нередко трансформируют ее, максимально вписывая в существующую реальность.

В частности, подавляющее большинство употреблений форм мн. ч. лексемы *продажа* приходится на случаи реализации ею значений ‘сбыт продукции как направление коммерческой деятельности’ и ‘количество проданных товаров, объем товарооборота’, не зафиксированных в толковых словарях русского языка и появившихся у данной лексемы в результате семантического калькирования с английского языка, где именно эти значения реализуются только формой мн. ч. *sales*, что специально отмечается в английских толковых словарях (напр., [4]). Таким образом, в данном случае восполнение числовой парадигмы происходит не в последнюю очередь за счет новых значений, появившихся русским языком у лексемы *продажа* (а точнее, лишь у ее форм мн. ч.) в последние три десятилетия в результате калькирования.

Существительные *озабоченность* и *практика* в приведенных выше коллокациях также несомненно являются кальками со своих английских основных словарных эквивалентов (*concern* и *practice*) и реализуют новые, не зафиксированные в словарях русского языка, значения – соответственно, ‘*проблема, вызывающая особую тревогу*’ и ‘*обычный способ поведения или выполнения каких-л. действий или процедур*’. Слова *concern* и *practice* в этих значениях являются счетными существительными с полной числовой парадигмой, что и обуславливает нормальное употребление их русских эквивалентов во множественном числе.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что семантическое калькирование достоверно выявляется только тогда, когда иноязычное слово, являющееся источником нового значения для некоторого слова воспринимающего языка, является основным (наиболее контекстно-свободным) словарным переводным эквивалентом слова воспринимающего языка. Именно поэтому признание факта калькирования в рассмотренных выше случаях представляется гораздо более обоснованным, чем, например, признание жаргонизма *крутой*, *круто* (*крутой парень; это круто!*) калькой с англ. *cool*, *tough* (ср. [2: 221]).

Литература

1. Горбов А. А. Числовые парадигмы абстрактных существительных в русском языке XX века: тенденции развития и влияние английского языка // *Russian Linguistics*. Vol. 38. Issue 1 (в печати).
2. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2010.
4. Oxford Dictionaries [http://oxforddictionaries.com/].

именованиями предметов реальной действительности, то вполне обосновано, что в пословичном фонде русского языка существует огромное количество групп, внутри которых и происходят лексические замены.

Наиболее частотными при этом оказываются группы: *части тела, предметы одежды, денежные единицы, животные и птицы*, в которых замены могут основываться на отношениях сходства (синонимии): *С паршивой овцы хоть шерсти клок* [1, 3: 481] – *А ежели денег дают, так мы и возьмем – не гордые*. *С поганой овцы хоть шерсти клок*. (Комсомольская правда); *Баба с возу – кобыле легче* [1, 3: 366] – *Баба с телеги – кобыле легче, – отрезал Давыдов* (М. А. Шолохов); контекстуальной синонимии: *Щи да каша, еда наша* [1, 2: 15] – *Хлеб да каша, пища наша* (Комсомольская правда); сходства (синонимии) с семантикой градации по шкале интенсификации / деинтенсификации признака (свойства); на отношениях противопоставления (контекстуальной антонимии): *С миру по нитке – бедному рубаха* [1, 3: 206] – *В общем, с миру по нитке – нищему кафтан* («Совершенно секретно»). Очевидно, что в первых двух примерах логические отношения между заменами сводятся к эквивалентным, так как авторы подбирают абсолютные синонимы, ведущие к экспрессивной эквивалентности инварианта и трансформы (*паршивый – поганый, телега – воз*). В третьем примере используются контекстуальные синонимы идентичной аксиологической и стилистической окраски (*щи – хлеб*); в четвертом же – синонимичные единицы различной стилистической и аксиологической окраски, в семантике которых наблюдается градация по шкале интенсификации признака (*бедный – нищий*). Последний пример интересен также заменой элементов *рубаха – кафтан*. Несмотря на то, что данные лексемы принадлежат к одному тематическому ряду гиперонимов – *предметы одежды* – и обозначают одежду мужского пола, они резко дифференцируются в контексте, что ведет к их контекстуальному противопоставлению: *рубаха* относится к белью, которое носится на тело и относится к вещам первой необходимости, *кафтан* – представляет собой верхнюю долгополую одежду, которую покупают, когда уже есть предметы первой необходимости.

Нередко выбор компонентов, трансформированных на основе тематического ряда пословиц, детерминирован наивно-языковыми представлениями и соотносится с ключе-

выми концептами культуры. Например, русская пословица: *Что на уме, то и на языке* [1, 3: 307] имеет варианты: в которых компонент *ум* заменяется на *сердце, душа*: *А у меня что на душе, то и на языке* (Комсомольская правда); *Родил Карлыч, вы извините меня, из человек простой... у меня что на сердце, то и на языке...* (И. С. Тургенев). Использование контекстуальных синонимов *ум – душа – сердце* обусловлено, на наш взгляд, наивно-языковыми представлениями о внутреннем мире человека, где основное значение лексемы *сердце* как органа, отвечающего за жизнедеятельность организма «стерто», в силу чего *сердце* рассматривается как контекстуальный синоним *души*, символизирующей в русской этно-лингвокультуре некую нематериальную внутреннюю субстанцию.

Кроме этого, трансформации на основе отношений синонимии с семантикой градации, контекстуальной синонимии и контекстуальной антонимии могут быть рассмотрены в аспекте имплицитности / эксплицитности интенсификации семантики их элементов и всего контекста. Так, применительно к синонимичным парам с семантикой градации *бедный – нищий* следует говорить об эксплицитной интенсификации аксиологической маркированности; в отношении же пар *рубаха – кафтан; ум – душа – сердце* – об имплицитной, возникающей либо на основе противопоставления глубинной семантики и национальной маркированности лексем, либо на основе сопоставления наивно-языковых, ассоциативных и этно-лингвокультурных представлений.

Соответственно, выбор компонентов, трансформированных на основе тематических замен пословиц, только на первый взгляд обусловлен языковыми требованиями тематического ряда. По сути же за трансформациями стоят сложные когнитивные процессы, учет наивно-языковых представлений, этно-лингвокультурные, конвенционально закрепленные ассоциативные представления, сопоставления и противопоставления. Авторские преобразования пословиц на основе тематических связей коррелируют также с основными функциями текста. Значительно расширяя границы авторской мысли, они способствуют проявлению креативных способностей автора и читателя, интенсифицируют / деинтенсифицируют семантику оценочности, экспрессивности, требуют дополнительных когнитивных усилий.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1993.

Номинативная парадигма наименований лиц и ее функционирование в тексте (на примере текстов А. П. Чехова)

С. С. Гусева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

guseva.sofja@yandex.ru

Наименования лиц, номинативная парадигма, первичная и вторичная номинация, многофокусная номинация, семантическая классификация наименований лиц.

Summary. The paper deals with the problems of nominative paradigm of persons' nominations, its definition, structure, and peculiarities of its functioning in texts.

Вопросами текстовой номинации в настоящее время занимаются активно. Один из важных компонентов такого анализа – номинация лиц. Для исследования номинации лиц представляется необходимым разработать понятие «**номинативной парадигмы**», под которым мы понимаем все возможные семантические типы номинации лица. В номинативной парадигме представлены типы наименований, выделенные на семантической основе.

Нами была проведена попытка получить вариант **семантической классификации наименований лиц** на материале корпуса текстов А. П. Чехова, созданного в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ. В результате сплошного анализа данного корпуса был получен список из 4304 единиц, именуемых лица. На основе этого словника, а также с учетом опыта существующих семантических классификаций (в [2], [3] и др.) был создан вариант семантической классификации наименований лиц, построенный по анкетному принципу, то есть в виде ответа на некий типовой вопрос, который ставит перед собой говорящий, характеризуя объект речи. Имена лиц должны быть семантически сгруппи-

рованы на основе вопросов, на которые они дают ответы. Соответственно, в структуре описания имен лиц должна появиться особая позиция, предшествующая описанию вида характеризующего признака – эту позицию можно условно назвать «характеризуемый аспект» (он же является пунктом классификации и членом номинативной парадигмы). Такой подход, как нам кажется, соответствует природе номинации и художественного творчества. Он может позволить собирать материал для составления социально-психологического портрета персонажа и должен показать, насколько разнообразны аспекты личности, характеризующие писателем, какие из них наиболее важны для него и пр.

На следующем этапе работы исследуется **функционирование** полученной **номинативной парадигмы наименований лиц в тексте**. Несомненно, выбор той или иной номинации лица является одним из средств управления информацией, формирования художественного образа, воздействия на адресата. Выход на текстовый уровень позволяет выявить следующие особенности номинативной парадигмы: первичная или повторная (вторичная) номинация (обе или только одна, какая чаще) характерна для данного

члена парадигмы; зависит ли степень охарактеризованности от того, является ли персонаж главным или второстепенным (много или мало наименований лиц имеет персонаж, с каких сторон охарактеризован); как влияет изменение точки зрения на выбор наименования лица и др.

Повторная номинация имеет большое значение для структуры текста, так как выполняет текстообразующую функцию: тематически и грамматически связывает предложения в тексте. Повторная номинация весьма подробно разработана в [4], но это явление в области номинации именно лиц (а так же другие текстовые особенности, указанные выше) ранее детально не изучалось и поэтому нуждается в исследовании. На примере рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» мы определили номинативную цепочку (то есть последовательность всех наименований) некоторых персонажей, что позволило нам получить следующие результаты. В качестве первичной номинации используются имена собственные, наименования по профессии, увлечению, родственными связям: «охотники» (Буркин и Чимша-Гималайский), «Беликов», «учитель» (Коваленко), «сестра» (Варенька). Мы убедились, что очень часто для повторной номинации используются местоимения. Интересно отметить, что имена собственные и профессии для всех персонажей являются **сопряженными повторными номинациями** (то есть они следуют друг за другом) и являются первыми или вторыми номинациями. Главный герой, Беликов, помимо имени собственного и местоименных наименований, получает такие номинации в тексте (последовательность появления сохранена): «учитель», «товарищ», «человек», «человек», «учитель», «человек в футляре», «человек», «учитель», «фискал», «мерзкая рожа», «Иуда», «гли-

тай абыж паук», «абыж паук», «[влюбленный] антропос», «[старший] товарищ», «господин», «фискал», «барин». Номинации являются **многофокусными**, так как исходят от разных персонажей, причем четко прослеживается разница в характере номинации в зависимости от того, кто именует: рассказчик дает персонажу нейтральные наименования (например, «человек», «учитель»), в то время как другие персонажи – более экспрессивные, оценочные (например, наименования, произнесенные Коваленко: «фискал», «мерзкая рожа», «Иуда» и др.). Среди перечисленных есть и **самономинация** – «[старший] товарищ», которая, в отличие от большинства других (нейтральных или с отрицательной оценкой), имеет положительную коннотацию, что важно для характеристики персонажа. Остальные персонажи имеют меньший набор номинаций, которые в основном являются нейтральными.

Рассмотрев подобным образом несколько произведений и сопоставив результаты, можно получить представление о функционировании номинативной парадигмы в тексте, о текстовых особенностях отдельных ее единиц, о том, как номинативная парадигма участвует в формировании образа персонажа и др.

Литература

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998
2. Русский семантический словарь / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1998.
3. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
4. Языковая номинация (Виды наименований) / Отв. ред. Б. А. Себреников, А. А. Уфимцева. М., 1977.

Специфика номинаций в пределах семантического поля ЭЛЕКТРОННОЕ ОБЩЕНИЕ

О. В. Дедова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ov_dedova@mail.cnt.ru

В настоящее время, когда Интернет и персональные компьютеры стали коммуникационной обыденностью, исследователи переходят от обсуждения общей специфики этой сферы к изучению конкретных языковых явлений, спровоцированных развитием электронной коммуникации.

В качестве одной из наиболее ярких, опознаваемых черт компьютерного дискурса исследователи отмечают активные неологические процессы. Результаты данных процессов чаще всего описываются как *компьютерный жаргон*, или *компьютерный сленг*. С нашей точки зрения, основанием для этого является стилистическая маркированность большинства номинаций в результате использования разговорных словообразовательных моделей и механизмов языковой игры. Однако анализ того, что принято называть компьютерным жаргоном, показывает, что данный феномен по своей сути более масштабен и имеет более сложную организацию, чем ограниченный в своем употреблении социолект. И конечно же, сфера его распространения не сводима к профессионально ограниченному кругу носителей. Нельзя не учитывать и то, что зачастую стилистически маркированные лексемы, используемые для обозначения реалий электронного общения, не имеют однословных «нейтральных» синонимических параллелей (напр., *железо*, *глючить*, *флешка*, *гуглить* и под.).

Активность неологических процессов в пределах данного поля обусловлена бурным развитием денотативной сферы. Специфика спонтанно возникающих номинаций определяется необходимостью незамедлительной реакции на непрекращающийся лавинообразный рост техногенных реалий, имеющих изначально англоязычное обозначение. При этом русскоязычный компьютерный дискурс, как правило, отталкивается от прямых, неадаптированных заимствований; адаптации с использованием приемов языковой игры (сближение латиницы и кириллицы, графическая и фонетическая паронимия и т. д.) подвергаются даже онимы – названия программного обеспечения (*Basic* → *Васик*; *Zyxel* → *зухель*; *OS/2* → *полуось*, *полумух*; *Pagemaker* → *пизжамкер*; *Corel Draw* → *король дров*). Именно результаты адаптивного ос-

воения англицизмов составляют основу того лексического пласта, который получает название компьютерного жаргона. Следует отметить, что эти процессы столь активны и многоплановы, что в настоящий момент понятие *компьютерный жаргон* утратило четкие границы, как лексические, так и социальные. Если иметь в виду номинации, имеющие выраженную стилистическую маркированность и ограниченные в своем употреблении, то следует констатировать множественные системные лексические подгруппы: жаргоны геймеров, веб-дизайнеров, контент-менеджеров, сеокопирайтеров и пр. Данные системы, обслуживающие лингво-коммуникативные потребности ограниченного социального контингента, отражают многократно усложнившуюся за последние годы структуру денотативной сферы. Интересно, что социальные факторы – статусные различия участников компьютерного дискурса, основанные на степени компетенции и характере деятельности, – также продуцируют соответствующие номинации: ср.: *кодер*, *программер*, *сисадмин*, *юниксоид*, *линуксоид*, *хакер* («профессионалы») // *юзер*, *ламер* («непрофессионалы»).

Однако другой аспект поля ЭЛЕКТРОННОЕ ОБЩЕНИЕ – семантическая деривация в пределах общеупотребительной лексики – не имеет выраженного жаргонного характера. Речь идет, в первую очередь, о способах обозначения действий пользователя при использовании компьютера и «нахождении» в Интернете. К сожалению, эти общеупотребительные номинации пока не стали предметом специальных исследований и практически не освоены лексикографической практикой. Вместе с тем здесь мы имеем дело с устоявшейся, узואльно закрепленной системой, пронизанной множественными парадигматическими и синтагматическими связями. Например, значение «использовать Интернет» может быть выражено при помощи различных предикаторов *гулять*, *бродить*, *ходить* (по Интернету); *быть*, *висеть*, *сидеть*, *торчать* (в Интернете) и др., которые при наличии семантической общности реализуют различные компоненты значений: в лексемах *гулять*, *бродить*, *ходить* присутствует семантический компонент «обращаться к разным сайтам,

переходить с сайта на сайт', в случае *висеть*, *торчать* он не выражен; *висеть*, *торчать* содержат оценочные компоненты 'бесцельно', 'без пользы'. Использование этих глагольных лексем, относящихся в своих производных значениях к различным семантическим группам, отражает концептуальное освоение Интернета и его реалий. Поиск, получение и восприятие информации концептуализируются при помощи метафоры, отражающей восприятие Интернета как альтернативного виртуального пространства, параллельного реальному миру. При этом ряд номинаций фиксируют концептуализацию Интернета как водной среды: *скачать*, *закачать*, *слить (информацию)* и под., эта же метафора реализована в случае *плавать в Интернете*, *нырнуть в Интернет* (ср. интернет-анекдот: – Зачем блондинка заливает воду в компьютер? – Будет *плавать по Интернету* [<http://www.nomad.su/?a=9-200306080003>]). В группе предикатов, относящихся к полю ЭЛЕКТРОННОЕ ОБЩЕНИЕ, также можно наблюдать различия, связанные со степенью вовлеченности говорящего в компьютерный дискурс. Так, нами отмечено, что в случае приоритета для говорящего традиционного «печатного» текста и вторичности текста электронного значение 'распечатать (текст, информацию)' передается посредством номинаций типа *извлечь*, *вывести*, *достать (текст, информацию) из компьютера*.

Еще один аспект поля, которое мы обозначили как ЭЛЕКТРОННОЕ ОБЩЕНИЕ, – лексические средства наиме-

нования инновационных текстовых реалий. Так, лексемы (*интернет-*, *веб-*) *сайт*, *страница* являются общеупотребительными, однако их семантическая дистрибуция остается не до конца ясной. Проведенное нами анкетирование показывает, что для носителей языка это не одно и то же, но ответить на вопрос, чем отличается *сайт* от *страницы*, опрошенные затруднились, лишь в группе, профессионально связанной с компьютерной сферой, были указания на то, что сайт имеет выделенное доменное имя, а страница нет. Это же фиксируется современными толковыми словарями: «САЙТ – место в сети Интернет, отводимое пользователю этой сети (лицу или учреждению) для размещения на нем визуальной информации (обычно за определенную плату)» [1]. Однако сложившая синтагматика лексем *сайт* и *страница* не всегда соответствует этому критерию (ср. *сайт кафедры*).

Итак, поле ЭЛЕКТРОННОЕ ОБЩЕНИЕ представляет собой обширную и сложную многоуровневую систему, характеризующуюся активными неологическими процессами. Наблюдается экспансия этого поля, и границы его являются размытыми (так, безусловно, оно включает в себя т. н. компьютерную лексику). Это чрезвычайно актуальный и интересный лексический материал, требующий своего лексикографического осмысления.

Литература

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.

Языковая экспликация опыта православия в русском языке и его говорах

С. Ю. Дубровина

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

dubr5@yandex.ru

Православная лексика, диалектные реализации.

Summary. In this paper are set forth basic results of author's scientific observation about information gathering methods, representation classification and methodology of such complicated, informative, functional and topical heterogeneous lexical array as orthodox vocabulary. In this article are described elaborated theoretical positions of Christian vocabulary analysis. The strength of semantic fields method and further classification method is defined.

Интерес к теме языкового опыта христианства (репрезентации православного вероубеждения русского народа) актуален в связи с ключевыми социальными процессами, влияющими на развитие русского языка в глобализованном мировом и постсоветском пространстве – нивелированием и исчезновением русских диалектов, опрощением лексических средств и форм выражения, размыванием литературного стиля и гиперактивностью языка СМИ.

«Внутреннее содержание всех языков, – писал Э. Сепир, – интуитивное знание опыта», [4: 193]; в другом месте ученый отмечал, что «скрытое в языке содержание (обнимает) нашу интуитивную регистрацию опыта, и особое строение данного языка – специфическое «как» этой нашей регистрации опыта» [4: 196].

Концептуальной стратегией исследований, обращенных к языку вероубеждения исторического государствообразующего народа России, на наш взгляд, является привлечение внимания научной общественности к опыту русского языка как языка-носителя мировых религиозных и культурных ценностей. Несмотря на те сложнейшие испытания духовного и физического плана, которые были пережиты народом в XX веке, языковая экспликация «народного православия» существует и сохраняется в диалектах русского языка; она может быть собрана, обработана и систематизирована с привлечением архивных свидетельств и подвергнута систематизации.

Настоящий доклад призван представить опыт языковой репрезентации и системного анализа лексики православия как формы воплощения христианства в «живом» русском языке.

В своей работе мы стремимся рассмотреть диалектную лексику народного православия на фоне условно общей системы русского языка с привлечением данных русских диалектов. Базовым материалом исследования явились данные тамбовских говоров, изучению которых была посвящена многолетняя собирательская работа ([2] и др.).

Необходимость выявления массива лексических данных в крестьянской и городской среде диктуется отсутствием прямого обращения к этой теме в научных трудах, наличи-

ем неясности в определении статуса и состава лексики веры и церкви по отношению к другим тематическим группам лексики. Важность системного анализа этого материала обусловлена также острой дискуссионностью многих проблем народной религии, тесной связью дисциплин, направленных на изучение аксиологии христианства.

Заслуживает внимания аргументация задачи рассмотрения взаимосвязей языка и религии, описания семиотической природы языка в религиозной сфере человеческой жизни автора вышедшей в 1998 году монографии «Язык и религия» Н. Б. Мечковской: Н. Б. Мечковская видит язык, обслуживающий религию, не как «всего лишь» коммуникативную технику, а как предпосылку и форму содержания религиозных противоречий и «заветных смыслов» [3: 4].

Под лексикой православия в широком смысле понимается языковая когниция, выражающая идею христианства и вероучения в русском языке и его диалектах. Это лексика Библии, церковных служб, таинств, обрядов, литургии, лексика православной традиции отраженная в разных сферах этнокультурной коммуникации; языковые символы русского языка, развившие и утвердившие духовные ориентиры нации. Место христианской лексики находится в общей «системе систем» русского языка: системе кодифицированного литературного языка и системе русского разговорного языка. При рассмотрении православной лексики в диалекте и просторечии мы неизбежно обращаемся к языку речевого общения в системах диалектов и русского разговорного языка.

Репрезентация идей христианства возможна с двух позиций: во-первых, с позиций семантики, когда слово отражает идеи и символы христианства или функционально «привязано» к той или иной дате, термину, несущему ключевую нагрузку символической когниции православия; во-вторых, с формальных позиций, когда об отношении к теме церкви и веры свидетельствует состав слова, содержащий производящую основу – маркер христианства. Эти позиции являются равноправным основанием для включения номинаций в состав христианской лексики.

Каждую из лексических единиц, независимо от структуры (слово, фразеологизм), мы определяем как номинацию и

рассматриваем в качестве составляющей общего массива христианской лексики. Хронологически предмет исследования определяется временем активного сбора диалектных данных, то есть XIX–XX вв., с включением современных экспедиционных исследований. Территориально предмет исследования обозначен по всей территории «живого» русского языка с доминирующим вниманием к фактам тамбовских говоров рязанской группы южнорусского наречия.

Мы рассматриваем христианскую лексику как объединенную в семантические поля (лексико-семантические поля).

Семантическое поле мы определяем как обширное объединение слов (манифестантов лексики), формально представленное своим деривационным рядом, сложившимся на денотативной основе. «Оглавление» семантических полей соответствует названиям тематических групп лексики.

При работе с лексикой нам приходилось строго обдумывать схему распределения единиц номинации и не раз под-

вергать ее корректировке, исходящей из логики реальных фактов. Окончательный вариант нашей «общерусской» идеограммы лексики православия содержал 18 семантических полей и 99 идеограмм, число которых не окончательно, может подвергаться добавлениям и гибким изменениям. Состав тамбовской лексической картины народного православия, представленный в настоящем издании, объединил 16 семантических полей и 56 идеограмм, меньших по полноте объема, входящих в состав поля.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.
2. *Дубровина С. Ю.* Тамбовщина в контексте духовной культуры. Тамбов, 2001.
3. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия. М., 1998.
4. *Серпир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Новая общественно-политическая лексика в русском языке первой половины XIX века

И. Б. Дягилева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

idiaghileva@yandex.ru

Историческая лексикология, заимствования, история русской публицистики.

Summary. The work features new social and political words, most of them referring to international loan-words and borrowings.

В России первой половины XIX века существовала сложившаяся система мировоззренческих ценностей, связанная с монархическим правлением и православием как государствообразующей религией, что было отражено в лексико-семантической системе русского языка. Газетные и журнальные статьи, в которых описывались политические события внутри страны, содержали в основном устойчивые речевые обороты и этикетные формулы: Государь Император, Самодержец Всероссийский, Августейшая Фамилия, Правительствующий Сенат, Высочайший Приказ, всемирно-стивейшее соизволение, всеподданнейшие просьбы, изволил одобрить, испрашивать распоряжение, объявить во всеобщее известие и др.

Появление новой общественно-политической лексики в этот период было связано прежде всего с активной переводческой деятельностью журналистов, освещавших политические события и военные конфликты в таких странах, как: Англия, Франция, Германия, Швейцария, Голландия, Италия, Испания, Соединенные Штаты, Греция, Турция. Источником информации служили зарубежные газеты: *Gazette de France, La Presse, Le Nouvelliste, Siècle, Morning-Chronicle, Times, Morning-Post, Guardian, Handelsblad, Börsen-Halle, Courrier Francais, Diario, Unione, Gazette fédérale* и еще более 20 изданий.

Важное место в публицистике с 30-х гг. XIX в. заняла газета Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча «Северная пчела», имевшая монопольное право на освещение политических событий. Через материалы ее разделов *Заграничные новости, Журнальная мозаика, Разные новости, Новейшие известия* происходило заимствование общественно-политической лексики, имевшей в основном интернациональный характер. Основу всех политических новостей этого времени составляли сообщения о борьбе за власть, за новые территории, колонии, сообщения о военных действиях и религиозных конфликтах, что обусловило употребление в русском языке большо-

го числа новых слов, обозначающих названия политических партий и групп (*антиюнионисты, карлисты, зондербундцы, локофоки, мигуэлисты, модерадосы, монтемолинисты, педристы, радикалы, репелеры, сентябристы / сентябры, синтагматики, христиносы, юнионисты*), религиозных объединений, союзов, движений (*диссентеры, оранжисты, пьюзеисты, репелеры*), наименования органов политической и судебной власти (*стортинг* – парламент в Норвегии, *ассизный суд* – суд присяжных во Франции и Англии) и др.

В газетных статьях фиксируются первые употребления терминов, ставших важной составной частью политического лексикона второй половины XIX в.: *коммунизм, коммунистский, социализм / социализм, социальный* и др. В 40-е гг. их осмысление связано с Францией и имеет ярко выраженную негативную коннотацию. Ср. *Все истинные знатоки и любители Французской Литературы посещают Я. А. Исакова в Гостином Дворе, зная, что у него найдут все лучшее, по дешевой цене, что только дозволено к привозу. О недозволенном, право, жалеть нечего! Это или гнусная клевета, или яд социализма и коммунизма, вырожда свободное книгопечатания* («Северная пчела», № 281, 1847 г.).

Материалы газет позволяют точнее определить источники нового заимствования. Так слово *лозунг*, заимствованное из немецкого языка в качестве военного термина в начале XVIII в., употребляется в газетном тексте в современном значении: «призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или политическое требование» как характерное явление политической жизни Англии. Ср. *Англия. ...Преобразование Верхнего Парламента сделалось лозунгом большой и сильной партии, заключающей в себе, может быть, большинство уже всей нации* («Северная пчела», № 203, 1836 г.).

В газетных текстах создавался целый ряд типичных контекстов, способствовавших закреплению нового слова в языке и его скорейшей лексикографической фиксации.

Актуализация частей тела в дериватах – именовании одежды

И. В. Евсева, Ю. В. Сержант

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета (Красноярск)

ivevseeva@yandex.ru, serzhant_yuka@mail.ru

Именовании одежды, производная лексика, соматизмы.

Summary. The paper analyses the names of the clothes reflected in the derivatives, which are formed on the basis of names of somatic objects. It claims to reveal various semantic actualizations made by Russian speakers dealing with these language units on oral and written texts.

1. Человек, воспринимая мир через призму своего понимания и ощущения, соотнося окружающую действительность с самим собой, именуется предметы и явления наиболее освоенными словами и словосочетаниями. Среди них выде-

ляются названия соматических объектов, которые люди используют для обозначения предметов быта, построек и их частей, мер длины, представителей животного и растительного мира и пр. В акте номинации человек обращает внима-

ние, прежде всего, на форму, цвет, размер, функции, внутреннюю структуру и другие признаки именуемого объекта, сопоставляя эти объекты и их признаки с частями своего тела, частями таких частей и другими телесными, или соматическими, объектами и их признаками.

В данной работе будут рассмотрены производные слова, характеризующие предметы одежды и ее части; наша основная задача – выявить, каким образом человек актуализирует имена соматических объектов (соматизмы) в наименованиях одежды. Материалом исследования послужили литературная и диалектная производная лексика русского языка.

Слово *одежда* мы употребляем здесь в широком смысле этого слова, понимая под ним не только вещи, предназначенные для покрытия тела и ношения, но также отдельные детали предметов одежды, обувь и ее части, украшения, предназначенные для отдельных частей тела.

2. Анализ большого материала позволил выявить частоту использования соматизмов для производных номинаций – имен одежды. Наиболее частотными являются следующие имена соматических объектов: *рука* (15 производных лексем), *голень* (11 слов), *грудь* и *коса* (по 10 слов), *плечо* (8 слов), *голова* (7 слов), *колено*, *ухо*, *шея*, *волосы* (по 5 слов), *лоб*, *нога*, *нос*, *перст*, *тело* (по 4 слова). От таких соматизмов, как *живот*, *пятка*, *запястье*, *кулак*, *ладонь*, *подмышки*, *бюст*, *душа*, *лапа*, *локоть*, *пузо* и нек. др. в языке образовано от 1 до 3 слов.

Рассматриваемые слова были подвергнуты многоаспектному анализу на предмет анализа их семантической и формальной структуры. Семантика дериватов анализировалась с позиций признакового подхода, в основе которого лежит выявление, фиксация и описание физических, структурных и функциональных признаков объектов и их имен, а также с учетом (а) гендерного и возрастного факторов (ср. сочетания *одежда для мужчин*, *одежда для женщин*; *детская*, *подростковая* и *взрослая одежда*), и (б) ситуации использования – для праздника, на свадьбу, для дома, работы и др. Что касается формального строения дериватов, то в работе выявлены продуктивные и малопродуктивные словообразовательные структуры слов, называющих одежду.

3. Признаковый подход применительно к соматической лексике был разработан небольшой группой исследователей из Института лингвистики РГГУ под руководством профессора Г. Е. Крейдлина и применен ими к описанию семиотической концептуализации человеческого тела и телесности. Этот подход, среди прочего, дает возможность обнаружить смысловую и функциональную общность между единицами естественного языка и языка тела и охарактеризовать механизмы и способы взаимодействия этих единиц в устных текстах разной тематики и жанров.

Выявление структурных, физических и функциональных признаков производного слова и их сопоставление позволяет установить, на какие признаки телесных объектов обращает внимание человек, когда создает производное слово, обозначающее одежду (в том широком понимании, о котором мы говорили).

Большинство проанализированных нами номинаций отображают структурные признаки соматических объектов. Такие объекты, как *голова*, *перст*, *голень*, *голова*, *лоб*, *пятка* и др. обладают свойством ‘иметь поверхность’, а потому на них можно что-то надеть (ср. *головóдец* ‘женский головной убор с жемчугом и камнями’), их можно закрыть (*наголенки*

‘шерстяные высокие носки, закрывающие голень, надеваемые поморами во время морских промыслов’), окутать (*ошейник* ‘ меховой шарф, горжетка из песцов или белчиных хвостов’), обхватить (*наголенка* ‘часть чулка, охватывающая голень’) и под.

Актуализированы в рассматриваемых дериватах и физические признаки, такие, как например, «карикативность» (*безрука́вень* ‘женская одежда без рукавов’), «размер» (*долго-рука́вка* ‘женская рубашка с длинными рукавами’), «форма» (*кривонóсы* ‘мужские лапти московского типа, плетенные на косой колодке’) и др.

Функциональные признаки представлены так или иначе во всех отсоматических производных словах, называющих одежду и ее элементы, поскольку одежда призвана защищать тело, прикрывать его от холода, повреждений, загрязнений. Кроме того, одежда служит украшением тела.

4. Обращая внимание на половую (гендерную) и возрастную характеристики людей, мы обнаружили отсоматические дериваты, обозначающие одежду, которая классифицируется как взрослая (мужская, женская) и детская. В количественном отношении здесь преобладают номинации женских головных уборов, связанные с прической, которая в Древней Руси имела особое значение и символику. Среди производных слов имеются и названия одежды, которую могут носить как взрослые, так и дети.

5. Одежда «на случай». Среди одежды, предназначенной для конкретных ситуаций использования, выделяются названия предметов праздничной одежды (преимущественно женской, ср. *воло́сник* ‘праздничная, расшитая бисером шапочка, повойник’), повседневной, или будничной одежды (ср. *голошóйка* ‘женская рубашка без рукавов с открытым воротом’), рабочей одежды (ср. *рука́вец* ‘холщовый рукав, надеваемый во время жатвы на рукава для предохранения рубашки от порчи’), а также одежды на специальные случаи, например, одежда для церковного богослужения (ср., например, *пóручи* ‘парчовые нарукавники – часть церковного облачения’), одежда для ведения военных действий (ср. *наплéчник* ‘часть старинных доспехов, защищающая плечи’) и др.

6. Морфемная и словообразовательная структуры отсоматических дериватов, называющих одежду, отличаются от носительно большим разнообразием моделей и способов образования. Наиболее продуктивными являются конфиксальные образования, построенные по моделям: *на-...-ник* (*наго́лбник*, *наплéчник*), *о-...-ник* (*оплечник*, *ошейник*), *на-...-к(а)* (*наладóнка*, *нагру́дка*), а также суффиксальные конструкции с *-ник* и *-к(а)* (*шейник*, *косник*).

Интерес представляет сопоставление семантики конфиксальных моделей с одним суффиксом (*-ник*), но разными префиксами. Префиксы *за-*, *на-*, *над-*, *под-* указывают на конкретное место расположения одежды или некоторой ее части (ср.: *надживóтник*, *наживóтник*, *подживóтник*, *заплéчик*, *подпяток*), а префикс *о-* свидетельствует о том, что элементы одежды охватывают, оборачивают какую-то часть тела округлой формы. Ср. *ошейник* ‘ворот, воротник у рубахи’, *оплéчь* ‘часть доспехов, покрывающая плечи’.

В языковом сознании людей словообразовательные модели закреплены за определенной семантикой, причем одно и то же лексико-словообразовательное значение может быть закреплено сразу за несколькими моделями. Синонимия, если судить по нашему материалу, в большей степени свойственна непродуктивным и малопродуктивным языковым образованиям.

Прагматические ограничения сочетаемости лексем (на материале прилагательного *честный*)

А. Н. Еремин

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
eremina.li@yandex.ru

Лексическая семантика и сочетаемость, прагматические ограничения.

Summary. In the paper we examine pragmatic limitations in compatibility of the lexeme “honest” with names of persons in the Russian language (based on the data found in XIX–XXI century dictionaries).

Теоретические итоги лингвистических наблюдений в области ограничений сочетаемости потенциала слов представлены обширнейшей научной литературой (Ш. Балли; В. В. Виноградов; О. П. Ермакова; Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук и мн. др.).

Прагматические ограничения на сочетаемость лексем исследованы недостаточно.

Наше сообщение делится на 2 части: I) в первой приводится концептуальный анализ слова *честный*, II) во второй данные частотности сочетаемости прилагательного *чест-*

ный с именами лиц по материалам национального корпуса русского языка.

1. Словарь русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой так определяет семантическую структуру прилагательного *честный*:

Честный. 1. Проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный. – *Честный* человек. *Честный* труд. 2. Заслуживающий уважения, безупречный. – *Честная* жизнь. *Честный* заработок (трудоу).

Словарь под ред. Д. Н. Ушакова: **Честный.** 1. Правдивый, прямой и добросовестный, свободный от всякого лукавства. ...То, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы *честных* людей в капиталистических странах, – уже осуществлено в СССР. Сталин. // Проникнутый такими свойствами, обнаруживающий их, проистекающий из них. – *Честное* отношение к делу. // Добытый, полученный таким отношением к делу, таким трудом. – Я от греха тебя избавлю и *честный* хлеб тебе доставлю. Крылов.

В словаре 1847 г. у слова *честный* отмечено 4 значения: 1. Добросовестный, правдолюбивый, сообразный с правилами чести. 2. Церк. Почтенный, достойный уважения, заслуживающий внимания. 3. Церк. Драгоценный. 4. Возвеличенный почестями и властью; почетный.

Данные словарей свидетельствуют о следующем:

а) семантика слова *честный* в отношении к лицу движется от ее понимания в качестве выражения **сословной характеристики** (и соотносительности с мотиватором *честь*) – словарь 1847 г., к выражению **этических норм социального поведения** (в области искренности в поведении и правдивости мыслей) – словарь под ред. Н. Ю. Шведовой.

В русском языке есть сочетание *честь дворянина*, но никогда не было узуальных сочетаний *честь купца*, *крестьянина*, *дворянина*, *крепостного*. Ср.:

– Мы ведем свой род от прусского выходца *Раджи* или *Раши* (*мужа честна*, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Невского (А. С. Пушкин. Начало автобиографии).

– Знаю, что мой род *честнее* твоего, да то дело думное и разрядное (А. К. Толстой. Князь Серебряный).

Убийство дворянином подневольного ему человека в России не отменяло *честности* убийцы: – Дед мой был человек пылкий и жестокий. [Учителя за мнимую или настоящую связь с его женой] он весьма феодально повесил на черном дворе (А. С. Пушкин. Начало автобиографии).

б) семантика слова *честный* модифицирована идеологией: см. выше иллюстрацию из высказывания И. В. Сталина. Также: – Истинно *честный* человек должен предпочитать себе – семейство, семейству – отечество, отечеству – человечество (Ж. Д'Алабер).

Об идеологической модификации слова *честный* свидетельствует частотный советизм как *честный коммунист*: – И я спешу как *честный коммунист* сдать взносы! (Артем Тарасов. Миллионер. 2004);

в) честность мыслится как градуированная категория. Для этого могут использоваться детерминанты *честно*, *честно-честно*.

– Много позже он сам об этом рассказывал, *честно-честно*. (Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»).

г) *честность* понимается в обществе как оценочная категория, обнаруживающая относительную ценность: *чест-*

ность (*правда*, *искренность*) желательна, но не всегда уместна или возможна и под.

У В. И. Даля в «Пословицах русского народа» нет статьи *честный*. Слово *честь* есть, оно выражает семантику «почет, уважение» и имеет ценность, нередко производную от материального положения лица: – Были бы деньги, а *честь* найдем.

Также у В. И. Даля: – *Правда* прежде нас умерла. – Умная ложь лучше глупой *правды*.

– Немного *искренности* – опасная вещь, много же *искренности* – вещь, безусловно, роковая (О. Уальд). «Дети и дураки всегда говорят *правду*», – гласит старинная мудрость. Вывод ясен: взрослые и мудрые люди никогда не говорят правду (Марк Твен). – *Правда* – качество, редко встречаемое в эпитафиях (Г. Торо).

Детерминанты *честно говоря*, *сказать по-честному* свидетельствуют о том, что до этой фразы была представлена не совсем правда или совсем неправда. И используют такие детерминанты именно *честные*, как они полагают, люди.

– *Честно говоря*, Колюша любил хвалиться своими предками и по материнской линии и по отцовской (Д. Гранин. Зубр). – Поэтому, говоря *по-честному*, я не могу назвать себя ни жалким трусом, ни отчаянным храбрецом. (Анатоль Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги).

Таким образом слово *честный* не может выражать истину в полном объеме, не всегда уместно в отношениях между людьми, коррелирует с идеологией и материальной стороной жизни, выражает разный объем *честности*.

II. Рассмотрим статистику сочетаемости слова *честный* с именами лиц (оценочными, функциональными именами, релятивами) согласно данным «Национального корпуса русского языка».

По данным «Национального корпуса русского языка» на 229968798 слов приходится 3412 употреблений слова *честный*. Наибольшая сочетаемость отмечена для слова *честный* с родовым именем *человек* – 858.

Сочетаемость с **оценочными именами**: *пьяница*, *бездельник*, *негодяй*, *осел*, *дурак*, *подхалим*, *дурнушка*, *толстяк*, *шлюха*, *подлец*, *стерва* – 0 примеров.

Хотя такая сочетаемость не исключается. Ср. расхожую социальную иронию: – Я не шлюха, я – *честная давалка*.

Сочетаемость с **функциональными именами**: *президент*, *банкир*, *губернатор*, *балерина*, *официант*, *настух*, *кассир*, *билетерша*, *ректор*, *прокурор* – 0 примеров. *Учитель* – 2 примера, *врач* – 4 примера, *судья* – 4 примера, *бизнесмен* – 3 примера, *полицейский* – 1 пример.

Сочетаемость с **релятивами (сюда включены и имена родства)**: *одноклассник*, *пациент*, *любовник*, *пассия*, *раб*, *подчиненный*, *шурин*, *бабушка*, *дедушка*, *свояк*, *золовка*, *деверь* – 0 примеров.

Таким образом, можно констатировать, что, хотя слово *честный* в отмеченных сочетаниях не является фразеологически связанным, прагматика его значения и применения говорит о том, что его сочетаемость с оценочными именами лиц, функциональными именами лиц и релятивами ограничена в речевой практике.

Редкие примеры сочетаемости слово *честный* прежде всего с функциональными именами лиц не отменяют наших наблюдений, так как слово *честный* реализует в них несколько иную семантику: «**соблюдающий нормы профессиональной этики**».

Стереотипы женского поведения: по материалам словаря

О. М. Исаченко

Новосибирский государственный университет

isachenkoo@mail.ru

Типовая семантика, гендерно специфический субъект поведения, негативный стереотип, лексико-семантическая группа.

Summary. A selection of agentive lexemes (on the basis of a specialized dictionary by N. P. Kolesnikov) repeatedly reproduces the same 'behavior models' differentiating the typical semantic, which allows to suggest that the Russian language imposes the stereotypes of negative evaluating interpretation of behavior of Russian women (disregarding the age) as unstable, inconsiderate, frivolous, amoral and dishonest.

Доклад посвящен выявлению стереотипов женского поведения путем семантического анализа лексем, зафиксированных в материалах «Толкового словаря названий женщин» Н. П. Колесникова (2002).

Методом сплошной выборки из словаря агентивных существительных женского рода были выделены имена с типовой семантикой «**женщина, которая ведет себя / поступает как-либо**» (женщина – гендерно специфический субъект).

ект поведения), которая выявлена у 474 существительных (*альтруистка, балаболицца, бахвалка, дебоширка* и т. п.). Из них 318 единиц – заголовочные слова, а 156 – фонетические (*вруша / вруха к врунья; дракунья к драчунья*) и словообразовательные (*лазопьялка к лазолупка, зубоскалицца к зубоскалка*) варианты, как правило, имеющие социально-функциональные (маркированы, как «диал.», «жарг.», «прост.», «разг.») или «временные» («устар.»: *горделивица* (к *гордячка*), *грубительница* (к *грубиянка*) характеристики.

«Матрицей» для семантической классификации номинаций женщин послужили выделенные нами ЛСГ русских глаголов поведения (их дифференциальная рубрикация является «рабочей» для классификации всего массива «поведенческой» лексики, формирующей в русском языке функционально-семантическое поле). «Сопrotивление» классификационной процедуре выделенных имен аналогично глаголам и обусловлено семантической диффузностью, свойственной в целом русской поведенческой лексике, которая проявляется: а) в абстрактности и емкости словарных дефиниций (ср.: *безобразница* ‘безобразно, возмутительно ведущая себя женщина’ (далее используется сокращение ж.), *висяйка* ‘ж. дурного поведения’, *негодница* ‘ж., девушка, девочка плохого, недостойного поведения’), б) в синкретичности значений многих номинаций – при одновременной актуализации нескольких дифференциальных сем, например: диал. *базульница* ‘своерванная, избалованная ж.; шалунья’, устар. *целкунья* ‘бойкая, болтливая бабенка; сплетница’, диал. *ягарма* ‘наглая и бранчливая ж.’ (в таких случаях мы проводили «принудительную» классификацию: ориентируясь на словарную логику «семантизации», принимали за основное первое толкование и фиксировали «двойную» отнесенность к ЛСГ, например, лексема *фиглярка* ‘паясничашая, кривляющаяся ж.; обманщица, двуличная ж.’ отнесена к составу ЛСГ неестественного поведения (*паясничать, кривляться, притворяться*) и дополнительно – к ЛСГ неискреннего поведения (*лгать, лукавить*)).

Таким образом, «названия женщин» по типу поведения поддаются классификации и распределяются, как и глаголы, по 11 ЛСГ, различающимся дифференциальной семантикой и составу: 1) **безнравственное поведение** – 32 лексемы (жарг. *шкурёха*, прост. *трепалка* ‘распутная, развратная ж.’, *оторва*), 2) **нечестное и неискреннее** – 30 (*фразёрка, фарицейка*), 3) **нескромное** – 16 (устар. *чакчурница* ‘щеголиха’, *форсунья*), 4) **неестественное** – 20 (*придурница* ‘ж., притворяющаяся главопатовой’, *фарсунья* – ‘ж., позволяющая себе разыгрывать фарс’), 5) **несерьезное** – 35 (устар. *вертопрашка*, устар. *шафирница* ‘шалунья, проказница’, устар. *затешница* ‘первая балагурка и забавница’), 6) **неуравновешенное** – 75 (устар. *трескотуха* ‘быстро, без умолку, без остановки говорящая ж.’), 7) **безответственное** – 14 (*распустёха* ‘2. Диал. Плохая хозяйка’, устар. *прохладница* ‘любительница прохлаждаться’, устар. *празднолюбница*), 8) **самовольное** – 17 (*привередница, перечница* ‘во всем перечашая кому-л.’), 9) **бесцеремонное** – 41 (устар. *площадница* ‘пошлая, грубая’, *охальница*), 10) **нерешительное и безвольное** – 13 (диал. *марудница* ‘неповоротливая, медлительная’, прост. *коснительница*), 11) **надоедливое** – 15 (устар. *зялунья* ‘вечно ноющая’, *затычница* ‘надоедающая своими вопросами’, *подпекальница* ‘допекающая, доминирующего кого-л. чем-л., досаждающая кому-л. чем-л.’).

Многочисленные лексемы (в выборке их 9) могут относиться к одной ЛСГ (*шалава* ‘1. Прост. бран. Распутная, раз-

битная, часто спившаяся и опустившаяся ж. 2. Жарг. Проститутка. 3 Жарг. Воровка, порвавшая с преступной средой’ – к ЛСГ 1 «Безнравственное поведение») или распределяться по разным группам (например: *бахарка* ‘1. Хвастливая ж., хвастунья’ – ЛСГ 3; ‘2. Говорливая ж., говорунья’ – ЛСГ 6; *нижонка* ‘1. Пустая, фантошная девушка, шеголиха’ – ЛСГ 3, ‘2. Ж., которая хочет нравиться окружающим, выставляя себя напоказ’ – ЛСГ 4). При подсчете за 100% принималось общее количество ЛСВ в выборке – 329 (к числу лексем-вокабул добавлено 11 ЛСВ полисемантов).

Явное статистическое преобладание (в относительных и абсолютных показателях) лексического состава нескольких ЛСГ позволяет делать вывод о стереотипном восприятии и оценке женского поведения – прежде всего как **неуравновешенного** (ЛСГ 6 – 22,8%) в проявлении **эмоций** (женщина одинаково импульсивна в выражении радости и печали: *гоготунья, грохотунья* ‘оглушительно смеющаяся’, *дребезгунья* ‘много и часто плачущая’), **речевой способности** (в большинстве случаев эксплуатируется образ крикливой, шумливой женщины: *горланка* ‘слишком громко говорящая, поющая, кричащая’, *будоражница, варгаласья*). 75 номинаций этой группы создают образ женщины-«regretium mobile» (например, сема ‘непоседливость’ в номинациях *безугомонница, вертунья, помызгунья, попрыгунья*), главной «движущей силой» которых является язык (*байщина, бакульница, бахарка, галиматейница, глагольница, говорунья, гундорка, пустозвонка*). Неумеренность в коммуникативном поведении женщин обуславливают языковую трансляцию стереотипов **женщины-сплетницы** (19 номинаций: *бахвостка, окульница, плетунья, скулдыжница, чихвостка, шафирница...*) и **женщины-скандалистки**, которая по причине дурного (вздорного, склочного) характера склонна к шумным ссорам, скандалам (*ахальница, срызунья, скандалистка, склочница, содомщица*) и даже дракам (*дебоширка, драчунья*).

В количественном отношении менее регулярно воспроизводятся негативные стереотипы: **безнравственной женщины**, образ жизни которой (как правило, бесстыдство, распутство в сексуальном поведении) противоречит общепринятой морали (ЛСГ 1: *разбитуха, распутница, срамница* – 9,7%), **нечестной женщины**, слова и поступки которой мотивированы склонностью ко лжи и лицемерию (ЛСГ 2: *прилгательница, притворица, прихвостница, прихильница* ‘лицемерка’, *подтакальница* ‘лживо говорящая кому-л. «да-да», «так-так», *подхалимка* – 9%), **бесцеремонной женщины**, которая в речевых поступках проявляет не просто невоспитанность (например, любопытство – *лазунья, зевунья, ротозейка*) или злорадство (*насмешница, зубоскалка*), но и осуждаемые коммуникативные тактики собственно маскулинного типа: наглость, грубость, хамство (ЛСГ 9: *баскачиха, галданиха, глумительница* – 12,5%).

Условно позитивным можно считать стереотип **несерьезного поведения** женщины – легкомысленной, склонной к шалостям, шуткам, забавам и др. невинным «выходкам» (ЛСГ 5: *гримасница, игрунья, лясница, озорница* – 10,6%). При этом спорадически встречающиеся лексемы положительной оценки (22 единицы) не могут нейтрализовать негативные стереотипы: *скромница* (ЛСГ 3), *степенница* (ЛСГ 5), *кропотунья* ‘старательная, усердная ж.’ (ЛСГ 7), *смирница* (ЛСГ 8), *приличница* ‘вежливая ж. (ЛСГ 9).

Особенности проявления лингвистических процессов в эргонимах г. Тольятти

Л. П. Казанская, О. Г. Каменская

Тольяттинский филиал Самарского государственного университета

larisa-7557@yandex.ru

Нейминг, разработка оригинального названия объекта, современный нейм, эргоним.

Summary. This paper is dedicated to naming processes research and current naming issues observation. We have analysed the range of linguistic phenomena to create adequate naming rules for trade entities

Формирование коммерческих отношений в России после 90-х годов XX столетия вызвало появление нового коммерческого дискурса, в котором, безусловно, отражаются современные глубинные процессы, происходящие в языке. Среди них особо следует отметить все возрастающее воз-

действие недостаточно грамотной речи лиц, влияющих на коммерческую сферу деятельности, по сути, навязывающей обществу неправильные нормы. Следует отметить также наплыв зачастую неоправданных заимствований из иностранных языков, в первую очередь, из английского. В результате

наблюдается снижение уровня языка в общем дискурсе и «обогащение» его, порой, не самыми удачными заимствованиями.

Нейминг является сферой пересечения профессиональных интересов не только лингвистов, но и экономистов, юристов, психологов, но определяющим компонентом безусловно является лингвистический, поскольку лингвистическая сущность нейминга является наиболее зримым элементом бренда: в одном слове или в одной фразе выражается вся суть, все ценностные его ориентиры. Бесспорно данная область деятельности, сочетающая в себе и теоретические и прикладные аспекты, интересна лингвистам, в первую очередь, с позиций современных языковых ресурсов и конструктов.

Процесс нейминга в России, в том числе и в Тольятти, имеет собственные тенденции, среди которых особую активность проявляет т. н. псевдоэстетизация с использованием заимствованных слов и инокультурных моделей. Моделью для нейминга избирается что-либо принципиально неместное, считающееся особо красивым и высоким, в отличие от привычного. Так, особо популярными становятся иноязычные «шикарные» женские имена, избираемые для названий парикмахерских, салонов красоты, модных магазинов, бутиков и т. д. и т. п.: «Анжела», «Изоolda», «Анжелика» и т. д. Подобная функция определяется и у неких абстрактных экзотизмов – «Кафе-бутик Ваби». Причем самыми убогими оказываются именно экзотизмы, которые призваны разнообразить картину нейминга. В большинстве случаев подобный «шикарный» экзотизм неизбежно входит в контраст с антуражем, денотатом нейма, т. е. с внешним видом здания, меню, уровнем сервиса и т. д. Следует также отметить тенденцию к включению в модель нейма трансрегионального компонента, чаще всего англицизма или американизма, причем такой компонент, как правило, неслучайный, например, «Планета суши»; «Fitness-plaza», позиционируемая как фитнес-центр – Тольятти. Так в сознание потребителя услуги внедряются компоненты – 1) «главный, имеющий административное значение для какой-либо местности»; 2) место средоточия какой-л. деятельности, важный пункт чего-либо. Получается своеобразная игра слов. Второй, наиболее претенциозный компонент – «plaza» в переводе с итальянского обозначает «площадь», однако не в том значении, которое предполагал инициатор названия. В языке-источнике данное слово обозначает «открытое, архитектурно организованное, обрамленное какими-либо зданиями, сооружениями или зелеными насаждениями, пространство, входящее в систему других городских пространств». Данный же фитнес-центр представляет собой несколько комнат, арендуемых в деловом центре. Налицо противоречие лингвистической единицы и жизненной реальности.

Класс прагматонимов (а именно: эргонимов, урбонимов, ктематонимов, ойкодомонимов) – самая, пожалуй, динамичная часть современного ономастического словаря. Активизация связана как раз с оживлением нейминговых процессов. Внедряясь в результате искусственной номинации, т. е. «акта целеполагания в общественный лексикон», эти онимы, безусловно, становятся неоспоримыми свидетелями со-

временного языкового состояния, в частности, в силу экстралингвистических причин: отражают узус современного города. Подвижность этого ряда онимов в эпоху массовых переименований велика, анализируя их, можно наблюдать: а) как в процессе именованья фирм, предприятий, организаций язык апробирует новые типы номинации, новые модели имен собственных; б) какие тенденции в развитии системы искусственной номинации и коррелирующей с ней естественной номинации прослеживаются на данном «активном участке» присвоения имени. При образовании современных эргонимов используются не только уже имеющиеся в языке модели, но и вырабатываются и «узализируются сверху» новые, специфические способы номинации, которые, по мнению «номинающих», максимально удовлетворяют практические потребности говорящего социума.

Функциональный аспект можно считать определяющим в неймерской деятельности: название должно отражать деятельность фирмы. Большинство примеров демонстрирует попытку соответствовать требованию, однако ряд неймерских решений в Тольятти нельзя назвать удачными: магазин оргтехники «Лотос», магазин «Пальмир», магазины «Халаява», «Ё-моё», «Сухоручка»; магазин оргтехники «Артефакт», магазин зоотоваров «Евротехнология» и др. В ассоциативном аспекте важны содержательные ассоциации, вызываемые данным словом, и исключение нежелательных семантических ассоциаций, двусмысленности. Однако есть и примеры: «Кафе-бутик Ваби», «Бутик колбас», ТЦ «Пирамида», магазин канцтоваров: «Дипломат Потапов М. П.», магазин автотехники «Кармент», магазин оргтехники «Артефакт» и др.

Дискурс-нейминг в Тольятти перегружен составными компонентами имен: «интер», «плюс», «центр», «супер» («супермаркет»), «гипер» («гипермаркет»), «мир», «terra» («Уют-тера»), «молл». При этом неймер не всегда правильно толкует семантику данного элемента. Так, например, по данным словаря иностранных слов, «молл» – это не просто крупный торговый центр, а центр, реализующий товары производителей с мировым брендом, чего не происходит в действительности. Аналогичные проблемы с компонентами названия «Аэрохолл». Ни один из компонентов слова не предполагает семантики: «торговый центр» Наметилась тенденция формирования в сознании покупателя представления скорее о размерах пространства, чем о многообразии товара и широте выбора, хотя, по-видимому, в процессе нейминга преследуется обратная цель.

Варианты интерпретации того, каким образом составлена звуковая оболочка нейма, определяются, в том числе, и ее графическим и орфографическим обликом на вывеске или рекламе (слитное, раздельное или дефисное написание онимы), в том числе и со строчной или прописной буквы начинаются его компоненты, что свидетельствует не только об уровне речевой культуры, но и процессах «адаптации» «чужеродной» языковой модели. В современной эргонимике отражена сложная картина, которая, по-видимому, отражает еще и общекультурный и образовательный уровни современного российского делового человека, его претензии, амбиции и миропонимание в целом.

Актуальные проблемы диахронической семантики

Л. А. Калимуллина

Башкирский государственный университет (Уфа)

lustauf@rambler.ru

Семантика, диахрония, исторические словари, причины и закономерности семантических изменений.

Summary. The paper is devoted to investigation of the main problems of diachronic semantics on base of the Russian Language. The author gives a particular attention to analysis of historical vocabularies of the Russian Language.

Возникновение семасиологии как отдельной отрасли языкознания во многом было стимулировано необходимостью анализа содержательных изменений слов. Тем не менее долгое время в лингвистике было распространено мнение о том, что в семантических изменениях преобладает отсутствие регулярности и закономерности. Достаточно вспомнить известный тезис Ф. де Соссюра об системности языковой диахронии. В годы господства структурной лингвистики, сосредоточившей свое внимание на изучении языка как имманентной системы, рассматриваемой преимущественно в ее синхронном состоянии, вопрос о причинах и тенденци-

ях языковых изменений, по сути, не ставился. Однако большее число приверженцев имеет противоположная точка зрения. Как справедливо полагает О. Н. Трубачёв, «все изменения значений слов (даже так называемые «оказиональные») по-своему закономерны, все дело лишь в знании или, чаще всего, незнании всего семантического контекста, который состоит не только из лингвистических, но и из культурных звеньев» [3, с. 10]. Хотелось бы обратить особое внимание на то, что О. Н. Трубачёв понимает семантический контекст довольно широко, имея в виду и некоторые экстралингвистические его компоненты.

Что касается круга актуальных проблем диахронической семантики, то он является довольно широким, однако среди них можно выделить наиболее приоритетные. Прежде всего, внимание лингвистов привлекает вопрос о причинах семантической динамики языковых единиц. Как известно, впервые эта проблема была поставлена Г. Паулем в его работе «Принципы истории языка». Источник изменения значений слов Пауль видит в индивидуальных случаях «отклонения окказионального значения от узального», в которых и содержатся «зародыши подлинного изменения значений». Однако, по мнению Д. Н. Шмелёва, переход окказионального в узальное рисуется Г. Паулю случайным явлением, поэтому и изменения значений слов классифицируются им не в связи с теми языковыми и внеязыковыми (социальными, историческими и т. д.) процессами, которыми они вызваны, а с опорой на условно принятую логическую схему. Несмотря на то что наличие семантических закономерностей признается многими исследователями, сущность этих законов до сих пор с точностью не установлена: так, неясно, в какой мере одни и те же тенденции семантической динамики наблюдаются в пределах одного или нескольких родственных и неродственных языков и в разные исторические периоды развития одного и того же языка.

Весьма важным представляется также вопрос о типологии изменений значения слов и их регулярности, ответ на который позволил бы сформулировать диахронические универсалии в области семантики. Одним из первых к данной проблеме обратился С. Ульманн, выявивший такие универсалии исторической семантики, как метафорический перенос понятий, расширение или сужение значений и табу. Однако, как отмечает В. Г. Гака, этот список универсальных семантических законов следует считать неполным и случайным по составу, поскольку автор ставит в один ряд причины семантических сдвигов (табу) и сами формы семантических процессов [1, с. 144]. По мнению В. Г. Гака, последние должны соотноситься с формально-логическими отношениями между понятиями, которых в логике насчитывается пять. Им соответствует пять основных семантических процессов: синонимическое развитие значений, смещение, энантиосемия, расширение или сужение (включая сюда ухудшение или улучшение значения), перенос (метафорический или метонимический) [1: 144–145]. В связи с этим необходимо отметить, что в отечественной и зарубежной лингвистике представлены исследования, посвященные выявлению конкретных типов семантических изменений слов, в первую очередь на материале индоевропейских языков. Не случайно более сорока лет назад О. Н. Трубачёв высказал весьма оригинальную идею о необходимости создания семасиологического словаря, который отражал бы наиболее типичные случаи семантических изменений.

Вполне очевидно, что решение перечисленных проблем возможно лишь при наличии солидной эмпирической базы, однако исследование семантического развития русского языка значительно осложняется таким фактором, как незавершенность начатой масштабной работы над отдельными историческими словарями. Так, о некоторой неполноте фактического материала можно говорить, прежде всего, по отношению к древнерусскому и старорусскому периодам, поскольку к настоящему времени закончена работа над 29-

выпуском «Словаря русского языка XI–XVII вв.», посвященным букве С и частично Т. Аналогичная лакунарность эмпирических данных заметна и при обращении к лексикографическим источникам русского языка начального периода становления его литературной формы, поскольку опубликован лишь 19-й выпуск «Словаря русского языка XVIII в.» на букву П. Более того, определенной неполнотой характеризуется и лексический материал, относящийся к XIX в., так как проект «Словаря русского языка XIX в.» пока остается нереализованным. Вместе с тем привлечение данных этого словаря могло бы существенно обогатить анализ исторического развития тех или иных лексических групп, так как в его основе лежит новаторская концепция дифференциального исторического словаря, ориентированная на эволюцию нормы в пределах описываемого периода и в направлении к современности. Еще более остро стоит вопрос о наличии специальных исторических словарей русского языка, в которых были бы представлены устойчивые сочетания. Если подобные единицы, бытовавшие в эпоху формирования национального языка, с той или иной степенью полноты отражены, например, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка конца XVIII – XX в.», то соответствующий словарь, фиксирующий устойчивые сочетания более ранних периодов, к сожалению, пока не создан. Кроме того, по отношению к древнерусскому и старорусскому периодам трудно вести речь об узальном или окказиональном характере многих сочетаний, поскольку словари фиксируют их весьма непоследовательно. Это обусловлено тем, что природа и статус устойчивых сочетаний, представленных в памятниках древнерусской письменности, в современной лингвистике с точностью не определены. Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что в древнерусском языке выделялись, как минимум, две группы устойчивых сочетаний: так называемые «собственно фразеологизмы», характеризующиеся большей степенью метафоризации, идиоматичностью семантики, и сочетания со свободным компонентом, допускающие лексическое варьирование, при этом последние были более многочисленными [2: 10].

Таким образом, к настоящему времени накоплен большой багаж знаний о путях семантической динамики языка. Вместе с тем продолжают оставаться весьма актуальными проблемы, связанные с определением соотношения синхронии и диахронии в лингвистических исследованиях, выявлением причин возможности / невозможности тех или иных семантических изменений, взаимодействия собственно языковых и экстралингвистических факторов, влияющих на изменение значения слов, и т. д.

Литература

1. Гака В. Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972. С. 144–157.
2. Костючук Л. Я. Сдвиг в значении как возможность фразеологизации словосочетаний на материале псковских летописей // Обращение и функционирование фразеологических единиц. Ростов-на-Дону, 1981. С. 10–17.
3. Трубачёв О. Н. Славянская этимология и праславянская культура // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Ч. 1. М., 1991. С. 9–30.

Воздействующий потенциал названий сборников современной поэзии

О. И. Колесникова

Вятский государственный гуманитарный университет (Киров)

kolesn2006@yandex.ru

Прагмаэстетическая стратегия, перлокутивный эффект, поэтический дискурс, название сборника произведений.

Summary. The author tries to reveal the communicative and speech quality of the titles of books of poetry, affecting not only on the estimated relationship to the object, but on postcommunicative actions of the recipient.

Заголовочная часть свертхтекста, каковым является собрание ряда текстов, объединяемых в сборник, признается знаком дискурса, детерминирующим вход в его эмотивно-смысловое пространство. Будучи «определением содержания», «обозначением», «собственным именем» всего сборника в целостности его составляющих, название лирической книги перестает быть «рамочным», «упаковочным элементом».

Это всегда своего рода «приглашение» адресату приобщиться к внутреннему миру откровений автора.

При выпуске изданий в рамках широкого «редакторского поля» в названии любой книги отслеживаются такие качества, как соответствие содержанию, точность, выразительность, яркость. В силу своего ассоциативно-культурного потенциала высоко ценятся заглавия, имеющие, например, ин-

тертекстуальную нагрузку. Так, в последние десятилетия сформировалась цитатно-реминисцентная модель газетного заголовка.

Для изданий художественных, в том числе поэтических, произведений актуально целенаправленное воздействие названия всей книги на интенции адресата. В ситуации выбора книг незнакомых современных авторов решение прочитать книгу (а значит, приобрести) зачастую опирается на звучание и смысловую нагрузку названия. Предвосхищение характера интерпретации – необходимый прагматический элемент речемышления потенциального читателя. Прочтение названия может инициировать яркую эмоционально-волевою реакцию – пробуждение желания прояснить для себя суть небольшого сегмента (обычно слова или строки из нескольких слов), сущность максимально свернутой мысли-чувства. Заголовок поэтического дискурса – по законам жанра – должен представлять собой результат художественной концептуализации фрагмента картины мира автора. Поэтому в механизме воздействия «имени» книги стихов на первый план выступает, несомненно, эстетический эффект – чувство, связанное с любованием языковой формой поэтического «формулирования» мысли-чувства. Такая художественно значимая форма инициирует читательскую потребность в коммуникации прежде всего благодаря «переживаемому» семантическому соотношению элементов высказывания (звукописи, лексических компонентов, синтаксических структур).

В самых разных типах современного дискурса (не только художественного, но и академического, и делового) регуляторами эстетического эффекта выступают определенные конфигурации языковых средств, реализующих аналогию, противопоставление, пересечение, оценочность, парадоксальность семантических компонентов высказывания. Интерпретационную стратегию адресата речи определяет в этом случае прагмаэстетическая направленность, приводящая к максимально эффективному воздействию на речемышление адресата. Признаками результатов реализации стратегии адресанта речи, которую мы предлагаем называть прагмаэстетической, являются смысловая многоплановость, ассоциативный потенциал, апелляция к культурной памяти, новизна языкового способа мыслформулирования.

С целью выявления факторов перлокутивного эффекта заглавий поэтических сборников нами был проведен эксперимент. Респондентам-потенциальным читателям зрелого возраста с высшим образованием было предложено оценить названия вышедших в печати сборников. Методом сплошной выборки для ранжирования заглавий сборников были рассмотрены 28 предложений на сайте литературного интернет-магазина, раздел «Поэзия» (<http://litlavka.ru/book.php?id=451>).

Лучшие, по мнению респондентов, названия отмечены признаками автосемантической. Почти все наименования изданий этой группы грамматически оформлены как личные конструкции, содержат местоимения первого лица («Дышу мелодией стихов», «Цветные сны моих дорог», «Позови...»), «Всё, что душа моя таила...»). Их отличает прагмаэстетический способ формулирования личностного смысла с метафорически усложненной и в то же время прозрачной семантикой. По мнению респондентов, такие названия «интригуют», вызывают интерес к состоянию души поэта.

Вторую группу со средними количественными показателями составили, в основном, названия, вызвавшие меньший прагматический эффект из-за определенных коммуникативных помех – например, по причине отсутствия эмоциональности («Капля по капле»), неприятия авторской интенции либо «невнятности» ее языкового воплощения («Очень личное», «Однажды с чистого листа», «А по-другому как сказать?», «Краткостишья», «Зимний миндаль»). Краткие пояснения выбора невысокой оценки содержат замечания о претенциозности названий («В плену у алфавита», «Я скоро из облака выйду», «Сердца – это книги любви»), а также об отсутствии новизны, банальности или привычном характере («Своему другу»). Некоторые вызывают отторжение («заумностью», «вычурностью», случайностью образных приращений («Сто и девятнадцать настроений», «Другая память»). Однако в целом эту группу названий характеризуют найденные респондентами черты поэтичности.

Еще более низкими оценками отмечены названия «непоэтичные», «слишком простые», «слишком пресные», «банальные» названия («Жёлтая птица», «Шорох времени», «Наивный ливень для Беспечных зрителей», «Белоснежная пряжа»).

В заглавиях книг последней группы, с самыми низкими оценками, отсутствует такой компонент поэтического дискурса, как лиризм. Это имена, показавшиеся неудачными не из-за отсутствия ассоциативного потенциала, а из-за снимаемой реципиентами «лишней», причем негативно окрашенной, информации неэстетического плана («Европейка», «Пятая масть», «Невыразимое», «Нижние котлы», «Картофельное солнце», «Гены Ганнибала»). Их коммуникативная неудача вызвана, видимо, тем, что номинация сборника не отражает попытку моделирования ожидаемого адресатом поэтического текста художественного характера взаимодействия с автором.

Анализ распределения оценок реципиентами названиям поэтических книг показывает прагматическую значимость следующих свойств заголовков: 1) соотношение с внеязыковой реальностью реальностью (определение степени понятности), 2) выражение авторского отношения (сигнал авторской позиции / личностного смысла), 3) эмоциональность (способность вызвать эмоциональное состояние), 4) прагматичность (создание у читателя определенного отношения к реалиям художественного мира), 5) настраивание читателя на определенный лад, формирование ожидания, 6) выражение тематической сущности стихотворения / представление читателю в концентрированной форме идеи или темы произведения.

Таким образом, с рецептивных позиций, в функции презентации смысловой доминанты всего издания стихов заголовочное имя сверхтекста должно включать эффективный речевой сигнал, обращенный к эстетико-речевой сфере сознания, находящегося в момент чтения названия предлагаемой книги в состоянии предвкушения встречи с произведением словесного искусства. Кодирование смысла в названии книги (чаще всего это название включенного в сборник наиболее значительного произведения) превращается в прагматический акт, эффективность которого предопределена не только авторской индивидуальностью, но и совпадением с ожиданиями читателя.

Лингвистическое градоведение (на примере Астаны)

Т. Г. Котлярова

Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Астана)

kotlyarovat@mail.ru

Язык города, лингвистическое градоведение, урбанонимия, эмпоронимия, способ номинации городских объектов.

Summary. The paper deals with the problem of the language of modern capital city, identifying its specific features. The concept of "linguistic city and town research" in relation to the capital metropolis of Astana, includes the study of various types of communicative space of the city-from the streets to the city facilities (shops, pharmacy, service companies, residential complexes), which deal with certainly objective-oriented communication.

Лингвистическое градоведение как объект филологических исследований предполагает обращение к языку города, являющему собой фрагмент городской культуры. Показательны в этом аспекте выделенные М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой разновидности пространства города, с которыми может соотноситься городское общение [1: 105].

Для нас особый интерес представляет «открытое городское пространство (улицы)» и «городские объекты, связанные преимущественно с целеориентированной (нефатической) коммуникацией» – административные учреждения, аптеки, магазины, рынки, предприятия сферы обслуживания. Исследуемые урбанонимы, будь то название самого города (асти-

онимы), улиц (годонимы), торговых предприятий (эмпоронимы) или коммерческих объединений (эргонимы), образуют своеобразную «лексику города», которая, являясь частью эстетики города, отражает не только «языковой вкус эпохи», но и культурное сознание столичного горожанина.

Политические и социально-экономические преобразования Астаны, обусловленные статусным изменением города, нашли естественное отражение в процессе переименования прежде всего проспектов и улиц, которые являются основным структурирующим фактором современного города. Сопоставляя процессы переименования улиц в российских городах и в Казахстане, мы должны отметить, что эти процессы в значительной степени разнятся. Главное различие состоит в том, что в России объектам городского пространства возвращаются первоначальные, старые, исконные, часто дореволюционные наименования, а в Казахстане, наоборот, им присваиваются новые имена, связанные с исторической памятью казахского народа. В названиях улиц Астаны сегодня увековечены имена выдающихся казахстанцев, таких как Сырым батыр, Исатай батыр, Василий Радлов и другие. В лингвистический ландшафт новой столицы вернулись историко-географические и историко-культурные топонимы (Бегазы-Дәндібай, Тоқырауын, Тесіктас), традиционные народные понятия (Аманат, Шашу, Алтыбақан), названия произведений музыкального творчества казахов (Майдақоңыр, Бөзінген, Көкіл). Все это придает лингвистической среде города национальный колорит. Вместе с тем в процесс переименования оказались вовлеченными и годонимы, носящие имена великих русских ученых – М. В. Ломоносова, К. Э. Циолковского, Л. Н. Гумилева. И это притом, что в образовательном пространстве Астаны успешно функционируют и Казахстанский филиал МГУ имени М. В. Ломоносова, и Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева.

Развитие торговой сети, возникновение новых коммерческих, развлекательных комплексов способствовало вовлечению в лингвистическое пространство Астаны эмпоронимов – названий магазинов, салонов, аптек, ресторанов, кафе, баров. Как правило, в Астане встречаются такие номенклатурные наименования торговых предприятий: магазин, гипермаркет, супермаркет, минимаркет, дворец, торговый дом, торговый центр, торгово-развлекательный комплекс, салон, бугик. Использование в эмпорониме терминов «дворец» или «салон», по мнению астанчан, свидетельствует о престижности и качестве товара. Например, «Дворец кожи», «Диванный салон». Некую престижность и положительную оценочность придает столичному эмпорониму и элемент *евро-*. Например, «Евромебель», «Евростиль», «Все для евроремонта», «Элитобои из Европы». Очевидно, это объясняется тем, что для обывденного сознания астанчан Европа представляется определенным ценностным ориентиром и показателем высокого качества. Весьма распространен в названиях магазинов Астаны компонент *мега-* («Мегастрой», «Мегаспорт», «Мегаклимат»), который может употребляться и как самостоятельный эмпороним: Торгово-развлекательный комплекс «Мега». Подобные гиперболизированные названия носят, прежде всего, рекламный характер.

К типичным способам эмпоронимической номинации городских объектов Астаны можно отнести актуализацию предметной лексики, имени собственного, литературно-мифической тематики. Для имен объектов торговли чаще используется предметная лексика, включающая лексемы обобщающего характера типа «Продукты», «Подарки», «Стройматериалы» и др. Имена лиц Гульжан, Айсулу, Мария, Мрия, Людмила, У Ксюши персонафицируют в эмпоронимах, как правило, адресанта – вполне конкретного собственника или учредителя городского объекта. Отмечается значительное преобладание женских имен, что, возможно, косвенно отражает лидирующие позиции женщины в сфере торгового бизнеса. Среди апеллятивов, соотносимых с именами мужского рода, в качестве частотного следует отметить имя нарицательное *мастер*. В Астане есть сеть магазинов «Мастер хаус», «Строй мастер», «Спорт мастер». Не менее многочисленную группу составляют наименования городских объектов – магазинов и предприятий питания, которые ассоциируются с различными историческими лицами, литературными или сказочными персонажами и событиями: «Нахаленок», «Алладин», «Абдулла», «Гульчатый».

Миграция части населения из Алматы в связи с переносом столицы объясняет и появление в топонимическом пространстве Астаны таких урбанонимов, как *Алматинский район*, *Кеике Алматы*, *Гранд Алатау*, *Жетису*, *Рахат Алматы* и др., которые повторяют названия объектов прежней столицы Казахстана.

Традиционным для астанинской эмпоронимии можно считать явление трансонимизации, т. е. переноса названия городов, государств на наименования торговых предприятий. Например, «Туркестан», «Кокшетау», «Костанай», «Шымкент», «Алматы». Как правило, владельцы этих городских объектов торговли или ресторанного бизнеса являются уроженцами названных городов. Гораздо реже подобные наименования магазинов указывают на производителя или импортера продаваемых товаров. Ср.: «Прага / стекло из Чехии», «Конфеты Караганды», «Дятьково / Мебель из России», «Индийский трикотаж», «Русские бязи».

Немало примеров, свидетельствующих об игровом, образном начале речевой коммуникации Астаны. Это названия продуктовых магазинов «Ням-ням», «O-la-la», «Берібар», «Баурсакофф», пивных баров «Пятый угол», «Толстый фраер». На выезде из города по карагандинской трассе есть автомойка «Министерство чистоты». Но справедливости ради отметим, что таких номинаций в городской лексике немного.

Анализ показывает, что в эмпоронимии поликультурного мегаполиса, каким является Астана, преобладает исконно русская лексика в отличие от годонимов, где преобладают тюркизмы. В целом создание урбанонимов по большей части носит свободный, нерегламентированный характер и определяется как продуктивностью способа номинации, так и «языковым чутьем» создателей.

Литература

1. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современное городское общество: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 103–126.

«Цвета» науки: термины и профессионализмы с компонентом «цветонаименование» как отражение образности научной речи

Е. В. Крапивник

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)

lena-post@rambler.ru

Образность научной речи, термины, профессионализмы, цветонаименования.

Summary. The figurativeness is considered to be a quality of the speech which is contrary to such qualities applied to a scientific speech as accuracy and unambiguity. However, in a scientific style the figurative representation of the information is a widespread phenomenon. Particularly the “color-names” terms and professionalisms, which are widely represented in scientific texts, are the means of the figurativeness of a scientific style.

Вопреки традиционному взгляду лингвистов на научные произведения как на тексты, характеризующиеся безобразностью, неэмоциональностью, отсутствием выразительности, к стилистическим особенностям научного стиля речи можно отнести образность и выразительность речи, которые реали-

зуются, в частности, в терминологических словосочетаниях и словосочетаниях-профессионализмах с компонентом «цветонаименование», номинирующих определенные классы предметов или явлений действительности или выражающих и квалифицирующих определенные понятия.

Особенностью большинства таких словосочетаний является включение в их содержательную структуру не только характеристических признаков термилируемого класса предметов, но и дополнительных семантических наслоений в виде социальной и эмоциональной информации, экспрессивности, эмоциональной оценочности, связанных, в первую очередь, с прагматическими компонентами значений входящих в них цветоименований.

Данные лексемы функционируют в различных сферах научной и профессиональной деятельности, где используются, прежде всего, в целях разграничения нескольких классов однородных предметов, часто образуя ряды видовых названий.

Семантика терминов и профессионализмов с компонентом «цветонаименование» может быть как связанной с прямым лексическим значением цветоименования (например, номинации сортов чая), так и не связанной, когда цветовой денотат прямого значения цветоименования игнорируется (например, в терминологических словосочетаниях *голубые фишки* – ‘надежные акции крупных компаний’, «*красный кварк*» – ‘кварк с зарядом $R - G = 1/2$ ’, «*белый страх*» – ‘формируемые подсознанием нервные реакции, на быстрые зрительные и резкие звуковые сигналы’ и пр.).

Кроме того, семантика термина может быть связана с денотативным цветовым содержанием цветоименования опосредованно. Например, так происходит в следующих словосочетаниях:

- *красный угол* – ‘документ-уведомление Интерпола о лицах, подлежащих аресту и выдаче стране’ (угол бланка такого уведомления окрашен в красный цвет),
- *белый провод* – ‘нулевой провод, в котором не должно быть тока’ (провод с такими характеристиками обычно (но не всегда) окрашен в белый цвет),
- *красный коридор* – ‘таможенный досмотр для граждан, декларирующих предметы, подлежащие перевозке’ (зона, в которой производится соответствующий вид контроля, снабжена указателями, окрашенными в красный цвет).

В семантику терминологических словосочетаний, в состав которых входят цветоименования также могут включаться коннотативные компоненты их содержания. Например, словосочетания *красный коридор*, *красная зона*, *Красная книга* включают в свою содержательную структуру дополнительное значение прилагательного *красный* ‘опасный, запрещенный, несвободный’; термин *черная дыра*, обозначающий космический объект с высочайшим гравитационным притяжением, содержит дополнительную информацию о физических свойствах черного цвета, образующегося в результате поглощения предметом света.

Образование таких словосочетаний может происходить в процессе метафорического переноса знаний о физических характеристиках и свойствах конкретных цветов. Так, например, в физике существует деление элементарных частиц – кварков – по «цветовому» признаку на *красные*, *желтые* и *синие* (например, *красный кварк* – это кварк с заря-

дом $R - G = 1/2$). В основе данных терминов лежит «высвечивание» такой особенности цветового континуума, как способность разделяться на зоны, области, существенно различающиеся друг от друга. «Высвечивание» данной особенности цветового спектра легло в основу еще одного метафорического переноса, результатом которого стало принятое в акустике деление шумов на «цветовые» виды: *коричневый шум*, *розовый шум*, *синий шум*, *фиолетовый шум* и пр. Другой существующий в физике термин – *белый баритон* (‘соединение трех кварков с разной «цветовой» характеристикой’) – основан на «высвечивании» оптической информации ‘белый цвет образуется при соединении всех цветов спектра’. Соответственно, баритон, включающий в себя комбинации кварков разных видов, ранее названных по аналогии с основными цветами спектра, объединяет в себе эти «цвета» и номинируется прилагательным *белый*.

Отметим, что в случае неясности источника метафорического переноса для большинства членов научного коллектива, лексико-семантический вариант цветоименования может не войти в активное употребление. Это относится, в первую очередь, к терминологическим словосочетаниям, которые могут не закрепляться в профессиональной речи в случае недостаточного понимания профессиональным сообществом оснований формирования термина. Так, в акустике существуют два термина, которые имеют одинаковое значение – *красный шум* и *коричневый шум* в значении ‘частота с плотностью, пропорциональной $1/f^2$ ’. Термин *красный шум* в большей степени вписывается в общую систему «цветовых характеристик» шумов, т. к. шум, находящийся в частотах между частотами, обозначаемыми терминами *белый шум* и *красный шум* имеет название *розовый шум*. Соответственно, специалисты осознают причины метафорического переноса, основанного на «высвечивании» такой характеристики розового цвета как ‘светло-красный цвет, образованный смешением белого и красного’. Термин *коричневый шум* является своеобразной калькой английского термина, буквально переводящегося как «шум Броуна, броуновский шум» (фамилия шотландского физика Brown омонимична английскому слову brown – ‘коричневый’). Такое название шум данной частоты, характеризующий, в том числе, случайные блуждания и ходьбу невменяемого человека, получил, предположительно, по аналогии с хаотичным броуновским движением. Однако термин *коричневый шум* не имеет видимой «сферы-источника» и может быть признан неудачным.

На наш взгляд, тот факт, что способность научной речи метафорически и декоративно представлять накопленный человечеством опыт реализуется не только в сфере гуманитарного знания, но и в области точных наук, утверждает приоритет гносеологической и когнитивной природы метафоры над ее эстетической значимостью и позволяет отнести образность и выразительность к ведущим особенностям научного стиля речи.

Достаточно ли в русском языке слов для выражения мыслей?

Л. Е. Кругликова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

lekhospb@mail.ru

Богатство языка, русский язык, английский язык.

Summary. The report is devoted to consideration of a question of the size of lexicon of Russian and English languages and its reflection in explanatory dictionaries. In the report the statement about poverty of Russian in comparison with English which is extended persistently by M. N. Epstein is completely disproved. Comparison of “The Great Academic Dictionary of the Russian Language” and “Oxford English Dictionary” which is carried out by M. N. Epstein for the proof of the point of view, has no scientific basis.

25 июля 2006 года в «Российской газете» было опубликовано интервью с М. Н. Эпштейном под броским заголовком «Нет слов... В нашем лексиконе в семь раз меньше слов, чем в английском языке». Подобная информация распространяется им до настоящего времени на страницах газет и журналов, в радио- и телепередачах, в Интернете, в том числе на сайтах для учителей и учеников. Дело дошло до того, что по адресу <http://www.testsoch.info/russkij-yazyk-sistema-i-svoboda-6/> после статьи М. Н. Эпштейна «Русский язык: система и свобода» помещен следующий призыв: *Если домашнее задание на тему: РУССКИЙ ЯЗЫК: СИСТЕМА И СВОБОДА оказалось вам полезным, то мы будем*

вам признательны, если вы разместите ссылку на это сообщение у себя на страничке в вашей социальной сети.

Основная мысль, которую проводит М. Н. Эпштейн в отношении русского языка, сводится к тому, что *наряду с депопуляцией страны происходит делексикация ее языка, обеднение словарного запаса* [2: 192], что русский язык по сравнению с английским ущербен: *можно ли сравнить: 750 тысяч – и 150 тысяч (а если без лексикографических притисков, то всего лишь 40–50 тысяч)!* [2: 206], а на этом основании делается вывод о, мягко говоря, недомыслии носителей русского языка: *Порой создается впечатление, что русский язык прикладывает тыльную сторону ладони к тем*

предметам, которые английский досконально оцупывает кончиками пальцев. Ощущение мира более смутное, общее, расплывчатое, чем в английском. То ли звенит в голове, то ли мурашки по коже. Вот о чем нужно бить тревогу: насколько русский язык в нынешнем своем состоянии позволяет производить работу мысли, необходимую для полноценного включения в ноосферу XXI века, для концептуального воздействия на умы и информативного взаимодействия с другими языками [2: 206].

Свои доказательства, создавая видимость истины, он основывает прежде всего на сравнении данных об объеме языковых единиц в словарях русского и английского языков, причем разного типа. Взятый им для сравнения «Oxford English Dictionary» (OED) относится к словарям дескриптивным, т. е. описательным, стремящимся отразить абсолютно все, что есть и было в данном языке, а начавший издаваться в 2004 г. «Большой академический словарь русского языка» (БАС), 21 том которого вышел из печати, – к словарям прескриптивным, т. е. предписывающим, дающим норму употребления слов. При этом М. Н. Эпштейн оперирует совершенно произвольными, неизвестно откуда взятыми цифрами. Так, в приведенной выше цитате из [2] речь идет о наличии в английском языке 750000 слов, а в [1] он дает иную информацию: «Для сравнения: в июне или июле [2006 года. – Л. К.] в английский язык, по подсчетам лингвистов [Каких? – Л. К.], придет миллионное слово». По данным же сайта самого полного словаря английского языка – OED [4], на сегодняшний день словарь включает **более 600 тысяч слов английского языка**. Но, как нам удалось выяснить, опираясь на информацию из [4] и [5], в данном случае в расчет брались не только заголовки словарных статей (head-words), по которым обычно идет подсчет слов в словарях русского языка, но и словосочетания, идиомы и дериваты (word combinations, idioms and derivatives), а также выражения и комбинации (phrases and combinations). Если же учитывать только слова, то получится **менее 250 000 слов** всего национального английского языка, включая мертвые, или старинные, т. е. полностью вышедшие из употребления, слова, т. к. OED отражает лексику с 1150 г.

В БАС находятся лишь ныне употребляющиеся слова активного и пассивного запаса, причем отражается лексика только литературного, а не всего национального русского языка. Особо подчеркнем, что в БАС не включены узкоспециальные термины и имена собственные, что наблюдается в OED. Если учитывать количество слов, употребительных в национальном русском языке сейчас, не беря в расчет полностью вышедшие из употребления слова, то получится никак **не меньше 600 000 только слов** без различного рода устойчивых словосочетаний, которые в толковых словарях русского языка не даются в качестве заголовков словарных статей, а в OED ряд из них выступает в такой роли, что подтверждает и [3: 262], где отмечается, что в большинстве

американских и в некоторых британских словарях в качестве самостоятельных словарных статей подаются такие образования, как *alternating current, gas mask, kangaroo court, magnifying glass, nuclear fission* и т. д.

Не соответствует действительности также следующее положение М. Н. Эпштейна: «Если английский язык в течение XX века в несколько раз увеличил свой лексический запас, то русский язык скорее потерял убытки» [2: 193]. На сайте «Oxford English Dictionary» [4] при ответе на вопрос пользователя *Сколько слов в английском языке?* дается следующая информация: «Второе издание 20-томного *Оксфордского словаря английского языка* содержит полные записи для 171476 слов, используемых в настоящее время, и 47156 вышедших из употребления слов. К этому можно добавить около 9500 производных слов, входящих как вложенные элементы». Второе издание вышло в 1989 году. Оно интегрировало 12 томов первого издания OED и 4 тома дополнительных, изданных в 1972, 1976, 1982, 1986 гг. Было также добавлено 5000 ранее не зафиксированных слов и значений, т. е. можно говорить о том, что прирост за 3 года составил 5000 слов и значений, включая и мертвые слова и значения. Для сопоставления: создаваемые в ИЛИ РАН ежегодники новых слов и значений за 1986, 1987, 1988 гг. фиксируют не менее 8000 единиц. Если отталкиваться от того, что за первый квартал 2013 года в OED добавлено 98 словарных статей, получается, что в среднем в год прирост составляет 400 слов (это при том, что к числу слов мы отнесли все новые словарные входы, включая и образования типа *Blue Dog, game point, herb of Paraguay...* которые даются в OED в виде самостоятельных словарных статей). Над третьим изданием «Oxford English Dictionary» специалисты работают с 1993 года, т. е. за 20 лет словарь пополнился приблизительно 8000 словарных статей. Приплюсуем сюда то, что появилось в промежутке между выходом в свет второго издания OED (1989 г.) и началом работы над третьим (1993 г.), – примерно 2000 единиц. Добавив все это (10000 единиц) к количеству слов во втором издании «Oxford English Dictionary» (228132 слова) получаем **приблизительно 238 тысяч слов английского языка как бытующих сейчас, так и полностью вышедших из употребления**.

Литература

1. Нет слов... В нашем лексиконе в семь раз меньше слов, чем в английском языке // Российская газета. 25 июля 2006 года.
2. Эпштейн М. Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1. С. 192–207.
3. Benson V., Benson E., Ison R. Lexicographic description of English // Studies in language companion series (SLCS). V. 14. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
4. <http://www.oed.com>
5. The Oxford English Dictionary. Second edition / Prepared by John Simpson and Edmund Weiner. Oxford, 1989. Т. I.

Метафорические модели с субъектной зоной *поэт* в русской поэзии

Е. В. Купчик

Тюменский государственный университет

elwika@list.ru

Метафора, метафорическая модель, русская поэзия.

Summary. The author studies metaphor models which represent poet characteristics of Russian poetry.

Важнейшим объектом современного языкознания является человек, на которого ориентирована «вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира [1: 21]. Для характеристики феномена человека весьма значима образная составляющая, чем объясняется возросший в последние десятилетия интерес ученых к метафоре в целом и метафорическим моделям в частности.

Метафорические модели (далее ММ) с субъектной (или денотативной) зоной *поэт*, реализация которых представлена, например, в словарях поэтического языка [2]; [3], разнообразны по содержанию, по тематике объектных зон (сферисточников). Рассмотрение данных ММ начиная с XVIII в. позволяет выявить ряд устойчивых, традиционных образных соответствий, наиболее заметные из которых – ММ, фиксирующие сопоставление поэта с существом, светом, звуком, растением, проявлениями стихии и некоторые другие.

В пространстве ММ *поэт-существо* наиболее заметна параллель *поэт – птица*, отражающая творческое начало поэта, эстетическое совершенство его произведений (поэт – соловей), возвышенность и мощь таланта (поэт – орел). Пестрой по составу и соответственно содержащейся в ней информации является группа зооморфных метафор: поэт – зверь (энергия), конь (стремление вперед), собака (служение или злобность), белка («кружение» в избранной теме), крот (кропотливость труда). ММ *поэт – насекомое* передает такие свойства поэта, как способность трудиться на благо других (пчела), его представление о скромности собственной участи и / или таланта (могилек, муха).

В антропоморфных метафорах реализуется представление о поэте как о труженике (пахарь, ткач, художник, кузнец), участнике битвы (боец, воин, командарм), волшебнике (маг, чародей), священнослужителе (жрец, служитель Аполлона).

Реализации данных ММ содержат информацию о поэте как активном субъекте, создателе, вдохновителе. О причастности поэта высшему миру свидетельствуют сопоставления его с существом божественной природы (бог, ангел, сын божества); вместе с тем он уподобляется и мифологическому чудовищу, могущественному и пугающему (полукиентавр, циклоп, чудо-юдо).

Многочисленными реализациями представлена ММ *поэт – свет*: художник слова сравнивается с небесными светилами или рукотворными источниками света (светильник, свеча, лампада). Общими основаниями сопоставления являются благотворное воздействие на мир и сила поэтического дарования.

Причастность поэта гармонии находит отражение в сопоставлениях его с разнообразными музыкальными инструментами, характер звучания которых коррелирует с особенностями или масштабами таланта: цевница, свирель, арфа, лира, орган, труба. Наиболее заметна параллель *поэт – колокол*, отражающая воздействие мастера слова на общество.

Фитоморфные метафоры передают такие свойства и качества поэта, как способность творить (например, ронять слова, как листья), особенности таланта (жасмин, ива, кедр), в отдельных случаях – горделивость, вознесенность над землей.

Проявления стихии (ветер, гроза, дождь), как и водные объекты, являются метафорическими соответствиями поэтических судеб и / или передают характер, масштаб дарования – как, например «плескучий океан» (Северянин о Брюсове).

Активная, преобразующая роль поэта передается уподоблениями его разнообразным орудиям: например, плуг, вспахивающий «чернозем наших дней» (П. Васильев), орудие наказания («бич невежд», Пушкин). Сопоставления поэта с оружием редки, поскольку средством поражения или убийства обычно предстает именно слово (в том числе поэтическое), а не его автор.

Вышеназванные ММ объединяют большую часть арсенала русской поэзии, предназначенного для характеристики ее создателей. Наряду с традиционными сопоставлениями в пространство ММ обычно входят и новые, носщие, как правило, более конкретизированный характер и нередко снижающие образ: например, поэт – страус и глухарь (Мая-

ковский), щегленок и бубенец (Мандельштам), пес России «с обрывком галстука на вые» (Вознесенский), урна, «куда судьба сгребает мусор» (Бродский). Пространство ММ *поэт – орудие* пополнилось в XX веке сопоставлениями с новыми средствами связи: поэт – «телефон грядущих времен» (Тарковский), «антенна Божия» (Вознесенский), «видеомагнитофон» (Евтушенко).

Отметим, что наряду с положительным (пусть и не всегда возвышенным) образом поэта в реализациях большинства ММ присутствует и иной. Например, плохой поэт – «не соловей, а кочет» (Исаковский), зазнавшийся – «надутый мерзостным кичением паук» (В. Петров), погрязший в житейской суеде – «червь земной тесноты» (К. Павлова) бесплодное поле (В. Петров), вознесшийся «в славе нечестивый» ливанский кедр (Капнист) и др. Толпу рвущихся на Парнас стихотворцев М. Чулков уподоблял саранче, пожару, хищному зверю, шумному ветру, адским божкам, результатом действий которых явилось волнение моря и потрясение основания самого Парнаса.

ММ отражают не только поэтическое творчество, но и судьбы авторов, нередко исполненных страдания, Поэт, например испытывает «боль русских струн в старой лире» (Набоков), проходит, «как печальный ветер» (Ал. Кусиков), предстает в виде надтреснутого сосуда (Д. Андреев), кошелька под ногами прохожих (Вознесенский) и др. В разных ММ представлен образ гибели творца слова – умершего солнца (Ахматова, Цветаева, Кушнер), убитого бойца (Цветаева), сгоревшей свечи (Тарковский), погибшего на ветру колоса (Батюшков), лопнувшей струны (В. Петров), упавшего дерева (Вяземский, В. Петров) и др.

ММ с субъектной зоной *поэт* многопланово отражают закрепленный в литературной традиции и развивающийся в творчестве современных авторов комплекс представлений о художнике слова – особо значимой фигуре для литературы России, в которой поэт «больше чем поэт».

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
2. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии. Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. М. 2004.
3. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. В 2 т. М., 1999.

Семантические функции контекстуальных антонимов в русском поэтическом тексте

М. В. Кутьева

Российский университет дружбы народов (Москва)

mar.ku2006@yandex.ru

Антоним, смысл, переносное значение, метафора, символ, семантика, противопоставление.

Summary. Contextual antonymy – is an intercultural universal. Antonyms perform in poetry an aesthetic and evaluation function. Contextual antonymy reveals both the contradictory essence of the subject and the incompatibility of its various sides and the linguistic personality's necessity to oppose one phenomenon to another, looking for new, relevant in actual situation associative features and creating an artistic image.

Семантическое противопоставление лексем коренится в первопринципах самой действительности и в антиномичности человеческого мышления. Контекстуальная антонимия, создаваемая вторичными, коннотативными значениями, демонстрирует не только богатство языковых ресурсов, но и мастерство поэтов, творящих новые семантические оппозиции, которые впоследствии станут фактом языка. Она развивается благодаря тенденции языка к экономии средств, а также благодаря стремлению художников слова вырваться из оков наличного лексического арсенала и найти свои собственные оттенки смысла через творческие инновации.

Контекст – это сила, способная объединить или противопоставить слова, которые никогда не были связаны в языковом мышлении носителя языка. Сила контекста огромна. Контекст выводит маргинальные компоненты семантики в разряд доминирующих, а главные оттесняет в разряд периферийных. Он своеобразно маркирует семантический потенциал слова, меняя вектор этого потенциала с положительного на отрицательный и наоборот. Особая роль выпадает на долю контекста, когда в нем сталкиваются семантически емкие слова, наделенные мощной метафорикой, символикой и разноплановыми переносными значениями.

Для того, чтобы глубинный смысл русской пары антонимов был адекватно воспринят в иностранной аудитории,

нужно знать не только узкий, собственно лингвистический контекст, но и самый широкий экстралингвистический. Приведем в качестве примера строфу из песенного творчества А. Розенбаума: «А как помер соловей с криком „Падлы вы!“ / Так слетелись воробы – гарь лампадная, / Порасселся на шестках гость непрошенный / На поминках поклевать хлеба крошево. / Что ж вы, соколы, в пуху оборзевшие, / На едином на духу песни спевшие, / Зачирикали теперь, ох, и твари вы, / Непродажного его отоварили» (А. Розенбаум. Посвящение посвящающим). Чтобы проникнуться авторским замыслом и правильно понять эти строки, необходимо учесть, что стихотворение было написано в связи со смертью В. Высоцкого, названного здесь соловьем, в значении 'певец', 'талант', хотя и грубый, не чурающийся бранных слов. Контекстуальный антоним к слову *соловей* в данном случае – *воробы*. Это аллегория приземленности, посредственности, бездарности: ведь воробей не может петь, он лишь монотонно и односложно чирикает. Осуждается и привычка воробья повсюду урывать лакомый кусочек. Метафорически эта повадка птицы интерпретируется как умение наживаться на всем, даже на смерти поэта, превращая ее в товар. На тех же основаниях могло бы стать антонимом *воробьям* и слово *соколы*. Но они, соколы, в контексте данной песни оборачиваются псевдоантонимом, выполняющим

роль синонима *воробьям*. Ведь положительность образа сокола полностью перечеркнута авторской ремаркой «в пуху оборзевшие» – сигналом, побуждающим читателя понимать коннотацию лексемы сокол в обратном, саркастическом, энантиосемичном, смысле.

Соловей любим поэтами разных стран в течение сотен лет. В норме этот орнитоним ассоциируется с положительными началами: любовью, мелодичностью, свободой самовыражения: «Я жива, жива, жива, / Богом не забыта, / Молодая голова / Дрянью не забита. / Нету в голосе моем / Денежного звона – / Лучше *вольным соловьем*, / Чем орлом у трона». (Ю. Мориц. Собственное небо). Негативно окрашенным оказался *орел*, лакействующий у трона, попавший на государственный герб и имперские знамена. Обычно орел – коннотативно возвышенная лексема. Поэтесса показала, как слово может наделяться абсолютно разнящимися образными семами-антагонистами, развивая, как и в случае с соколами А. Розенбаума, контекстуальную энантиосемию.

У М. Цветаевой антонимизируются *орлы* и *голуби*. При этом орел – вновь персонаж отрицательный: «В ворко-клеко-чущий зоркий круг / *Голуби встреч* и *орлы разлук*» (Сугробы. И. Эренбургу). Ассоциативную цепочку, ведущую от положительной, взлетной возвышенности к жестокости можно представить так: полет орла высок → орел недосыгаем, далек от земли → от человека → от его чувств → он бесчувствен → холоден → жесток. Орел выбран М. Цветаевой как символ разлуки еще и потому, что в семантике этого орнитонима есть значение ‘далекий, находящийся на огромном расстоянии’ (от меня), а голубь – наоборот, доверчивый, ручной, он всегда где-то рядом с человеком, для него естественнее символизировать встречу.

Голубкой М. Цветаева называет Москву, обиженную, обескровленную голодом, разрухой, олицетворяемыми черным вороном: «Что же делаешь, *голубка?* – Плачу. / Где же спесь твоя, Москва? – Далече. / – Голубочки где твои? – Нет корму. / – Кто унес его? – Да *ворон черный*» (Москве).

Играя переносными значениями слов, легко дойти до абсурда, пытаясь пояснить с помощью антонимов специфику вторичных номинаций обиходных слов: «Все едино?» Нет, не все едино: / *Пламя*, например, отнюдь не *льдина*... / Все едино? Нет, не все едино: / Детский *самокат* не *гильотина*... / Все едино? Нет, не все едино. / *Волк* не *голубь*. *Жаба* не *сардина*.» (Новелла Матвеева. Все едино?)

Голубь – устоявшийся, глобальный символ святого духа, мира, любви и поэтому может слыть антиподом *ворона* – символа смерти, ада, зла: «...Есть где-то город негодяев, / И там такое вытворяют – / Весь мир рыдает, весь мир рыдает. / Там белый цвет зовется черным, / А *голубь мира* – *чистый ворон*, / Ложь не считается позором, / И коридоры, и коридоры». (А. Розенбаум. Город негодяев).

Будучи резко негативным персонажем, ворон способен противопоставляться многим птицам. Так, у Марины Цветаевой встречаем следующие антиномии: «Ветры веяли, птицы реяли, / *Лебеди* – слева, справа – *вороны*... / Наши дороги – в разные стороны» (Отмыкала ларец железный); «– Где *лебеди*? – А *лебеди* ушли. – А *вороны*? – А *вороны* – остались»; «Уж лучше мне камень толочь! / Нет, *горlinkкой* к *воронам* в стаю! / Над каждой песчинкою – ночь. / А я все стою и читаю» (Вячеславу Иванову), «Червонным куполом прельщаются / И *вороны*, и *голубки*. / Кудрям – все прихотом

прощаются, / Как *гиацинту* – *завитки*» («Н. Н. В.». Большими тихими дорогами), а также – «Все *жаворонки* нынче – *вороны*» (Вчера еще в глаза глядел). *Жаворонок* – птица утра и света, счастья, любви, а *ворон* – птица черная, мрачная, птица тьмы и горя, разлуки и ненависти. «Россия – не *светлая пана*, / а *ворон* – железный нос / – клюет кремнистую лаву / из сукровицы и слез» (Н. Клюев).

Появление ворона около жилья издревле считалось плохой приметой, вестью о смерти из потустороннего мира. Знание этого экстралингвистического контекста позволяет без различий понять обращение А. Розенбаума к ворону и его оппозицию по отношению к аисту: «Погоди, еще успеешь – выйдет срок, / С каждым шагом все труднее пыль дорог, / Думал я, что все сумею, да не смог – занемог. / Не пугай родни тугим своим крылом, / Видишь, *аист* свил в трубе у нас гнездо, / Погоди, я выйду сам к тебе потом босиком, / Выйду в поле, в мать и в мачеху, в траву / <...> Жизни синий колоколец оборву» (А. Розенбаум. Ворон). *Аист* символизирует продолжение жизни, *ворон* – ее обрыв.

Самым любимым на Руси пернатым был и остается *сокол*. Это эталон удалы, смекалки и отваги. Соколами в советское время называли летчиков. В песне-шутке на слова С. Терехова «Сокол Хабибуллин», в которой герой забыл свое условное имя, антонимом умному *соколу* оказывается глупый *баран*: «„Земля! Земля! Я – Хабибуллин... Кто я? / <...> Я забыл, кто я!“ / И в тот же миг, в наушниках зацокал / Высокий крик, идущий на таран, / „Ты – *Сокол*, ё кэ лэ мэ нэ, ты *Сокол*. / Запомни: *Сокол* ты, *баран*!“».

Контекстуальные антонимы не только противопоставляются друг другу. Их взаимоотношения, как указывал Л. А. Новиков, весьма многогранны. Это могут быть позиции взаимоиключения, чередования, замены (прекратил свое пенье *соловей* – расчирились *воробы*); дилеммы выбора, предпочтения (лучше быть *соловьем*, чем придворным *орлом*); отношения борьбы, соперничества, противостояния (*голубя* не собьет *коришун*); совмещения, соединения (*голуби* встреч и *орлы* разлук); превращения (*голубь* мира – в *ворона*); отождествления (как у М. Цветаевой *жаворонки* = *вороны*, у Розенбаума *голубь мира* – *ворон* или в случае с *соколом* – *бараном*). Граница между обозначенными типами взаимоотношений достаточно спорна, условна и зыбка. То, что названо здесь отождествлением, легко можно рассматривать и как конверсию, превращение: *жаворонки* являются *воронами*, *жаворонки* превратились в *воронов*.

Семантические функции контекстуальных антонимов характеризуются многогранностью и разнообразием. Важнейшими из них являются аксиологическая и эстетическая функции. Антонимы предстают как оценочное выражение человеческих суждений и эмоциональных реакций, зачастую обусловленных не реальной действительностью, а ментальной стереотипией. Будучи универсальной, контекстуальная антонимия вскрывает как противоречивую сущность обозначаемого и несовместимость различных его сторон, так и когнитивную потребность языковой личности противопоставлять одно явление другому, выявляя в давно известном новые, актуальные в данной ситуации ассоциативные признаки.

Литература

1. Новиков Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1984.

Фразеологические единицы

как символы эпохи в советском политическом дискурсе начала XX века

И. В. Манцерова

Астраханский государственный университет

8zprst8@mail.ru

Фразеологические единицы, политический дискурс, цензура.

Summary. In this paper, learn about the features of the Soviet political discourse a period of Soviet censorship (1918–1930), about his lingvo-cultural features and phraseological units as marker.

Русский язык в XX столетии испытал значительные преобразования. Это связано с коренными политическими, экономическими и культурными изменениями, которые происходили в государстве. Октябрьская революция 1917 года привела к коренным преобразованиям в стране, в резуль-

тате чего многие слова и ФЕ русского языка стали ненужными, так как стали ненужными их денотаты. С другой стороны, появляется много новых слов и ФЕ, называющих новые реалии. Характерная особенность этого периода – восприятие действительности по контрасту: «у них» и «у нас»,

при капитализме и при социализме. В результате складываются две лексико-фразеологические системы: одна для наименований явлений капитализма (с отрицательной оценкой), другая – для наименования явлений социализма (с положительной оценкой): *развитой социализм, советский образ жизни, трудовой энтузиазм, – загнывающий капитализм, рост безработицы, кризис капитализма*. Для ФЕ этого периода характерна социально-идеологическая оценочность, которая проявляется в наличии у ФЕ обязательных оценочных определений, стилистически окрашенных слов: *враги народа, советский образ жизни*.

Советский политический дискурс имеет, по словам П. Серрио, две яркие особенности: так называемую «номинализацию» и так называемое «сочинение». Номинализация – это замена личных форм глагола их производными на *-ание, -ение, -ация* и т. п. – в советском политическом дискурсе приобрела до крайности гипертрофированные масштабы: *внедрение, разрешение, запрещение, раскулачивание, засекречивание*.

В результате этих бесчисленных замен исчезает субъект действия, все процессы обезличиваются, что позволяет вести идеологические манипуляции с поименованными сущностями.

Общение в сфере политики агональное – оно отражает ситуацию борьбы за власть. Поэтому политические средства выражения обычно оценочны, что выражается, например, с помощью идеологем, слов и выражений, оценивающих называемое явление с точки зрения той или иной политической партии. Так происходит маркирование чуждости лица или явления.

Другая особенность советского политического дискурса – сочинение, когда два понятия соединяются с помощью союза «и» или без него, в результате чего как синонимичные представляются слова синонимами не являющиеся: *партия – народ – ЦК – правительство – коммунисты – советские люди*.

Прагматические факторы бытования фразеологизмов заслуживают особого внимания, так как последние концентрируют в себе совокупный общественный опыт, отражают национально-культурную специфику, являются вербальным выражением чувств, эмоциональных оценок, способов воздействия, ярких и метких характеристик человека, предметов, ситуаций, содержат многоплановую прагматическую информацию, т. е. информацию, связанную с коммуникативным актом. Фразеологизмы служат своеобразным кодом при распознавании статуса собеседников, модальности высказываний, характера отношений между участниками коммуникации. Удовлетворяя речевым правилам общения, фразеологизмы, с одной стороны, выражают особенности социального поведения человека, а с другой – служат семиотическому различению информационного пространства культуры. Реализация ролевых ожиданий в рамках социума предполагает различные источники фразеологизмов.

Являясь вербальным выражением сущности цензуры, фразеологизмы занимают значимое место в советском политическом дискурсе как разновидности институционального дискурса. Семантические процессы, протекающие в политическом дискурсе, связаны с регулированием социальных и правовых отношений между людьми. Политический дискурс характеризуется широким использованием терминов, клише, наличием экспрессивных средств, сложностью синтаксических структур.

В нормативно-правовых документах, регламентирующих деятельность советской цензуры периода становления, употребляются книжные фразеологизмы, имеющие терминологическое значение, им свойственна высокая степень стандартизации: *поднялись крики, в руках врага, посеять панику, занимать должность, сфера применения, причинить ущерб, захватить в свои руки, имеет место, гражданский долг, иметь в виду, предварительный съезд, конфискация имущества, тяжкое преступление, принять во внимание, создать настроение, открытый вопрос*, что определяется специфической направленностью тематики. Данные фразеологизмы принадлежат языку профессиональной коммуникации, используются для обозначения объектов и понятий законотворческой деятельности.

Чаще всего в законах и иных нормативно-правовых актах фразеологизмы выполняют следующие функции:

- *композиционную*. ФЕ участвуют в организации юридического текста, являются его смысловым ядром;
 - *прагматическую*. ФЕ формируют у адресата необходимое восприятие смысла, выполняют функцию воздействия на адресата; при этом воздействие отправителя текста может выступить либо как непосредственное побуждение к действию, либо как скрытое воздействие для формирования определенных установок, мнений, позиции получателя текста;
 - *номинативную*. Понятие «номинативная» мы употребляем в широком смысле, как «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений, событий, эмоций, переживаний»;
 - *смыслообразующую*. Частотность использования фразеологизмов в законотворческой практике объясняется тем, что они «закреплены в сознании носителей языка в качестве элементарных коммуникативных единиц».
- В политическом дискурсе фразеологизмы являются своеобразным коммуникативным посредником между различными коммуникантами. Употребление разговорных фразеологизмов основывается на сходстве фонда общих знаний адресанта и адресата, а также опирается на способность адресата понимать текст.

В целом, фразеологизмы являются важным структурно-семантическим компонентом советского политического дискурса, на их основе выстраивается корпус внешней и внутренней институциональной коммуникации.

Аналитические прилагательные в сфере иноязычной лексики: проблема описания

Е. В. Маринова

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

marinova@list.ru

Аналитические прилагательные, типология, полифункциональные слова, иноязычное слово.

Summary. In the report the main types of analytical adjectives in the sphere of loan-word lexicon are considered: motivated and unmotivated, regular and irregular, productive and unproductive.

1. В изучении новых процессов, происходящих в современном русском языке, по-прежнему актуальным остается вопрос о функционировании иноязычных слов, употребляющихся в речи в роли аналитических прилагательных (АП). Вслед за М. В. Пановым под аналитическим, или неизменяемым, прилагательным понимается языковая единица, обозначающая непроцессуальный признак и выполняющая в пост- или препозиции (при любом варианте написания, включая слитное) атрибутивную функцию по отношению к имени существительному. АП иноязычного происхождения представляют собой грамматически не оформленные прилагательные. Подобные прилагательные проникают и в другие славянские языки, в результате чего растет число

интернациональных лексем этого класса (*видео, кибер-, этно-, демо-, промо-, эко-* и др.).

2. АП могут быть для говорящих **немотивированными** единицами, т. е. не соотносятся по морфемному составу с какими-либо словами русского языка (как, например, слова *фри, топ-, фито-*), и, напротив, **мотивированными**. Мотивированные АП нередко воспринимаются как усеченные варианты имеющихся в языке слов – изменяемых прилагательных. См.: *демо-* (ср. *демонстрационный*) – *демоверсия*; *евро-* (ср. *европейский*) – *европарламент*; *кибер-* (ср. *кибернетический*) – *кибер-спорт*; *поп-* (ср. *популярный*) – *поп-культура*; *симфо-* (ср. *симфонический*) – *симфо-рок*; *эко-* (ср. *экологический*) – *экокатастрофа* и др.

3. Наличие / отсутствие мотивированности влияет на сочетаемостные возможности АП. Мотивированные АП обычно становятся **регулярными**, т. е. употребляются в сочетании более чем с одним существительным (*евро-, нарко-, пресс-, теле-* и др.).

Немотивированные АП, напротив, часто представляют собой уникальные, **нерегулярные** единицы, употребляющиеся в сочетании только с одним существительным. См., например: *бридж-* (**бридж-банк** 'банк-посредник', от англ. bridge-bank); *брейн-* (**брейн-ринг**, от англ. brain 'мозг' и ring 'арена, ринг'); *бриф-* (**брифкейс**); *дресс-* (**дресс-код**, от англ. dress-cod); *брейк-* (**кофе-брейк**), *реалити-* (**реалити-шоу**) *сим-* (**сим-карта**), *ток-* (**ток-шоу**), *экзаунт-* *директор* (от англ. account director) 'сотрудник, отвечающий за координацию работы по крупным заказам', *хард-* (**хард-рок**) и др.

В то же время сочетаемостные возможности таких слов могут меняться, что произошло, например, с АП *блиц-*, *инстант*, *смайт-*, *фри*, ранее нерегулярными (подробнее [1: 248–250]).

4. Важным (тем не менее малоизученным) аспектом в функционировании АП является их неактивное участие в деривационных процессах. Подавляющее большинство АП, употребляющихся в русской речи только в роли определителя, иными словами, собственно аналиты, **непродуктивны**: они не имеют производных, в отличие от иноязычных существительных, каждое из которых, за редким исключением, становится со временем производящей базой для словообразовательного неологизма. Этот факт объясняется как особенностями семантики АП (относительный признак), так и особенностями структуры (например, конечный гласный в конце основы). В нашем материале, извлеченном из «Электронного корпуса русских газет» (проект Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ им. М. В. Ломоносова) и нашедшем дальнейшее подтверждение в базе электронно-поисковой системы «Интеграм», мы обнаружили лишь два АП, имеющих производные: *инстант* 'быстрорастворимый' (*кофе инстант*) – *инстантный* 'то же' (*инстантные чаи*, *инстантные смеси*, *инстантные каши* и т. п.); *премиум* 'высшего качества, первосортный' – *премиумный* 'то же' (*премиумный автомобиль*).

Остальные собственно аналиты (всего ок. 100 ед.) не имеют коррелята в виде однокоренного изменяемого прилагательного. Отсутствие такого коррелята заметно отличает данные единицы от АП, омонимически совпадающих с именем существительным – последние в большинстве своем имеют соотносительное однокоренное прилагательное (*файл-сервер* – *файловый сервер*, *лазер-диск* – *лазерный диск*, *штрих-код* – *штриховой код*, *холдинг-компания* – *холдинговая компания* и др.).

5. В описании грамматического поведения АП важным является способность некоторых лексем употребляться (обычно спустя некоторое время после первого этапа адаптации) в функции имени существительного. Так, например, частотные на рубеже веков существительные *видео*, *аудио*, *вин(ы)*, *арт*, *реал*, *прайс* восходят к прилагательным (*видео-*, *аудио-*, *вин-*, *арт-*, *реал-*, *прайс-*). АП получает систему окончаний, если оканчивается согласным, или остается несклоняемым словом, если оканчивается гласным. При высокой частотности АП новое (омонимичное) существительное «высвобождается» из серии однословных сочетаний, см.: *сущ. веб (услуги веба) < веб-сайт, веб-сервер, веб-ресурс, веб-адрес* и т. д.) и начинает употребляться автономно в значении, отличном от значения какого-либо сочетания. Если же АП употребляется только в одном сочетании, новое существительное образуется усечением и используется как вариант (первоначально стилистически сниженный) исходного сочетания (*кавер* – *кавер-версия*).

Прослеживается следующая закономерность: если АП является **полифункциональным** словом и может употребляться в русской речи в роли имени существительного, оно само может стать производящей базой для нового слова (правда, как правило, в некодифицированных сферах языка), например: *вин* – *виновский* (разг.), *видео* – *видик* (разг.), *веб* – *вебовский* (*адрес*) и др. Полифункциональное АП потенциально продуктивно.

Литература

1. Маринова Е. В. Иноязычные слова в современной русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.

Словарный фонд русского языка в аспекте применения новых информационных технологий Ю. Н. Марчук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

marchuk43@mgitel.ru

Аннотация. Массовая коммуникация – новый этап семиозиса. Она состоит из массовой информации, информатики, массовой рекламы. Каждая из этих составляющих влияет на современный состав лексики русского языка. Общеупотребительные слова становятся терминами, а термины входят в основной словарный фонд. Это все следует учитывать при преподавании русского языка иностранцам.

Языковая личность, сформировавшаяся на почве родного языка, принимает в свою структуру иноязычную картину мира, выраженную в словах. Каким будет взаимодействие этой новой картины мира с тем, что уже сложилось в сознании обучаемого? На какие аспекты преподавания, объяснения, активизации знаний следует обратить основное внимание? Когда мы объясняем, например, китайцам проблемы применения новых компьютерных технологий к анализу русского текста, возникает ряд проблем, связанных с изменением значений русских слов в результате чисто формальной их обработки.

Основной словарный фонд языка является главной составляющей языковой личности. Элементом словарного фонда является слово. Слово и проблема номинации являются основными частями концепции языкового мышления, которая, в свою очередь, образует структуру языковой личности. Диахрония развития языковой личности связана с изменением внешних условий существования и развития языка, его уровней – лексики, грамматики, прагматики – и сохранение основного содержания языковой личности определяется устойчивостью семантики основного словарного фонда.

Ю. В. Рождественский, рассматривая проблему номинации, приводит диалог Гермона и Сократа, в котором первый утверждает, что «у всего существующего есть правильное имя, врожденное от природы, и что не то есть имя, чем

некоторые лица, условившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи, но некоторое правильное имя, врожденное и эллинам, и варварам, одно и то же у всех» [6]. Таким образом утверждается, что содержание слова предопределено сущностью вещи, и поэтому дано как бы «от природы». Гермону возражает Кратил, утверждая, что имя дается по установлению и произвольно, а потому не может быть предопределено природой вещи. Сократ соглашается с обеими точками зрения. Этим устанавливается антиномия (противоречие). В научном плане это важнейшая антиномия лингвистики, содержание языка связано с языковыми выражениями условной связью, при этом важно, что выражение имеет иную структуру, чем содержание, но оба они не могут существовать и не могут обнаружить свое строение один без другого. Эта важнейшая антиномия лингвистики фактически подтверждается Сократом.

А. Т. Кривоносов, анализируя понятие частей речи в связи с языковым мышлением, разбирает понятие «слово» [2]. По его концепции, лексема задается языку извне, из области его надсистемы – человеческой деятельностью, совокупностью всех общественных отношений, пропущенных через мозг. Лексема – это дискретные, обобщенные отражения фрагментов рефлектируемой сознанием объективной действительности. Эти отражения суть понятия, но понятия не научные, а понятия обыденного, повседневного сознания. Мно-

жество таких понятий, объединенных друг с другом по сходным признакам в ряды, группы, поля, составляют в их связях с языковыми средствами систему лексических значений.

Ребенок усваивает язык слов вслед за и параллельно с усвоением языка реальной жизни, познанием окружающей действительности, ситуаций и людей [1]. Школьник, обращаясь к словарю или энциклопедии первый раз в жизни, уже знает не только предметы, понятия и слова, но и абстрактные формулы синтаксиса и семантики. Словарь и энциклопедия во многих случаях лишь отчетливо «прорисовывают» линии, уже намеченные в мозгу ребенка. Создание запаса конкретных знаний предметов, их свойств и функций, запаса понятий и категорий, слов и правил их употребления как процесс, начатый в младенчестве и продолжающийся всю оставшуюся жизнь, является основой взаимопонимания в рамках единой культуры, единого мировосприятия, единого языка.

Современная массовая коммуникация – печать, радио, телевидение – вводит в оборот новые слова, новые понятия, часто заимствуемые из других языков, поскольку век новых информационных технологий характеризуется широким взаимодействием культур, языковых картин мира, научно-техническим прогрессом. При этом возникают новые принципы философии языка, сформулированные Ю. В. Рождественским. Но и в этих принципах сохраняется значение, во-первых, языка, как основной знаковой системы человеческого сознания и культуры, и, во-вторых, слово продолжает выступать основным носителем содержания, смысла, коннотативных оттенков значений и всего того, что может быть выражено в терминах других знаковых систем.

Вторая составляющая массовой коммуникации – информатика – понимается в настоящее время как научно-техни-

ческое информирование, внедрение достижений науки и техники в современную жизнь. Многие слова, бывшие до настоящего времени узкими терминами определенных строго фиксированных областей знания, становятся практически общеупотребительными словами – возьмем, например, технику работы в Интернете. С другой стороны, слова общеупотребительного значения начинают приобретать оттенки терминологий. Например, слово «игрок» в русском языке до настоящего времени имело строго определенное значение – «участник игры». Однако в современной массовой коммуникации все чаще встречается это слово в значении «делец, производитель, член, представитель» и т. п. Например. «основные игроки в области нанотехнологии».

Таким образом, взаимодействие слов основного словарного фонда и периферийных слоев лексики, в частности и особенно терминологии науки и техники, должно оставаться в центре внимания преподавателей русского языка и литературы иностранным учащимся. При этом основное внимание следует уделять вопросам новых информационных технологий, особенно тех, которые так или иначе связаны с проблематикой лингвистики, чаще всего, с прикладной, но и в значительной степени с теоретической [5]; [3]; [4].

Литература

1. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1993.
2. Кривоносов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. М.; Нью-Йорк, 2001.
3. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика. М., 2007.
4. Марчук Ю. Н. Модели перевода. М., 2010.
5. Потапова Р. К. Новые информационные технологии и лингвистика. М., 2002.
6. Рождественский Ю. В. Философия языка. Культуроведение и диалектика. Современные проблемы науки о языке. М., 2003.

Алкогольная лексика в неалкогольной сфере

Т. А. Маряничева, Л. О. Чернейко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

maryanichka@rambler.ru, avollis@mail.ru

Лексико-семантическое поле 'АЛКОГОЛЬ', асимметричный знак, проективные смыслы, метафора, сравнительный оборот.

Summary. The paper considers the attractive, the marking, the projective functions of alcoholic words in non-alcoholic texts.

В текстах разных жанров и различной тематики широко представлена лексика, обслуживающая семантическую сферу, связанную с алкоголем (алкогольная лексика – АЛ). Анализ употребления единиц поля 'АЛКОГОЛЬ' в неалкогольных текстах позволяет обнаружить цели, для которых эта лексика привлекается, и языковые механизмы, ее вводящие. Решение поставленных задач обеспечивается исследованием контекстов употребления лексики, содержащей сему 'алкоголь'. Проекция явлений сферы X (по Лакоффу-Джонсону, сферы-реципиента [1] – в представляемом материале это неалкогольная сфера) на сферу Y (сферы-донора) вербализуются в метафоре. Следует отметить, что АЛ в неалкогольной сфере служит прежде всего целям самовыражения говорящего и вносит в текст экспрессию. Однако демаркационная линия, разделяющая экспрессемы на функционально неэквивалентные, проходит по коммуникативному акценту (или фокусу), выбранному отправителем из шести возможных компонентов речевого акта [5].

Алкогольные экспрессемы условно можно разделить на две группы: к первой относятся высказывания, в которых АЛ выполняет эмотивно-поэтическую функцию, поскольку в фокус высказывания попадают и сам говорящий, и его сосредоточенность на сообщении, на слове (например, языковая игра в *Джинс-тоник*: об одежде или *Пьем по-черному*: о кофе). Но эта функция в текстах некоторых жанров (например, в рекламе) осложняется ориентацией на получателя, на установление с ним требуемого контакта. Такую триединую функцию АЛ можно определить как **аттрактивную**. Она присутствует, например, в заголовках статей СМИ, содержание которых с алкоголем не связано: *Кофе все-таки вреден или полезен? Пьем по-черному* (Российская газета. № 264. 25.12.2008); *Семейная СамоГонка: покупаем самокат взрослым и детям* (Ижавиа. 1 / 2013); *Повышаем градус* (GQ 10 / 2012) – статья о курортах; *За воротник* (GQ 08 / 2013) – статья о рубашках-поло; *Джинс-тоник* (GQ

08 / 2012) – статья о джинсовой одежде. Отправитель предполагает, что за счет отсылки текста к алкогольному дискурсу заголовки привлекут внимание потенциального получателя. Лингвистический интерес представляет механизм использования АЛ, особенность которого состоит в контекстном наложении двух разных означаемых одного означаемого. В приведенных контекстах действуют механизмы либо паронимической аттракции, приводящей к «ложной этимологии» (*Джинс-тоник*, *СамоГонка*), либо наложения смыслов (*Повышаем градус*, *За воротник*).

Особую подгруппу в рамках АЛ с аттрактивной функцией составляют АЛ с функцией социальной маркировки адресата сообщения, его высокого социального статуса. Эта функция может быть названа **маркирующей**. *Благородный бархат цвета бургундского вина, чувственный атлас цвета абсента и блеск бриллиантов очень вдохновляют на эксперименты в стиле «богемная жизнь»* (Madame figaro, 01 / 2007), *На ней было платье цвета миллезимного шампанского* (из разговора), могут быть *волосы цвета шардонне*. Подобные «алкогольные» эпитеты часто встречаются на страницах современных глянцевого журналов как лексические средства маркирования элитарного дискурса и формирования образа богемной жизни, в которой дорогие напитки, особенно винтажные, занимают едва ли не центральное место (наряду с автомобилями, домами, одеждой). В «глянцевого» текстах сфера энологии (науки о вине) вводится через специальные термины, известные не только сомелье, но и кругу посвященных, что оформляет смысловую оппозицию «свой-чужой». Кроме того, подобные контексты обнаруживают «табель о рангах» в самой сфере АЛ (ср.: *В этом разберется всяк, кто не протак. Водка – демократам, а коньяк – дипломатам. Так или не так?* – шуточный текст из советских времен, приложенный к двум бутылкам спиртного, адресованным разным по социальному статусу людям). А проекция цвета, например, на пиво (*цвета перебродившего пива*)

в глянцевого журналах если и возможна, то только иронически.

Ко второй группе относятся высказывания с эмотивно-референтной функцией, в которых эмоционально-психическое состояние (невидимое, но ощущаемое) описывается в его проекции на «наглядные» алкогольные состояния. Что касается семиотических типов знаков, связанных с АЛ проективными отношениями, то это, как показывает материал, в основном абстрактные субстантивы (ДУША в *окосение души*, СТРАХ в *алкоголик страха*), но могут быть и конкретные (БАРХАТ в *бархат цвета бургундского вина*). Как правило, «чужой среди всех своих» знак либо актуализирует свое переносное значение, если он системно асимметричный (*трезвое решение*), либо приобретает окказиональное переносное значение (*поговорить на посошок*).

Абстрактное нельзя помыслить без его проекции на элементы эмпирического опыта. Сочетаемость абстрактных имен позволяет вскрыть глубинные проекции абстрактной сущности на вещный мир и выделить ее проективные смыслы (ПС), которые воплощаются как в метафорических переносах, так и в сравнительных оборотах (в «языке подобий») [4]. При этом в аналитическом термине «проективный смысл» [2] снято противопоставление образов чувственных (*сеть дождя, стена равнодушия*) и логических (*бремя ответственности, дар свободы*). Метод вычленения ПС опирается на анализ семантики стандартных имен актантов буквального значения вторичных предикатов, сочетающихся с абстрактными именами [3], что позволяет говорить о собственно **проективной функции** АЛ в роли вторичных предикатов *Похмелье, плохая погода – они не только в моем теле, не только в природе. Они в душе моей* (А. В. Иванов. Географ глобус пропил); *Ибо жизнь человеческая не есть ли минутное окосение души? и затмение души тоже* (В. В. Ерофеев. Москва – Петушки). В приведенных контекстах реальные люди (герои интервью), а также персонажи литературных произведений осмысливают и описывают свои состояния и свою жизнь в терминах алкогольной сферы. Часто субстантивная АЛ оформляет предложения метафорического тождества, выражая идею предела, крайнюю степень проявления признака: *Наш народ – алкоголик страха* (Г. С. Померанц. Записки гадкого утенка); *Дом – белая горячка одинокого миллионера* (И. Ф. Сахновский. Острое чувство субботы). Подобная проекция внутреннего психо-физического состояния на внешнее, причинное алкоголем, понятная каждому носителю русскоязычного сообщества, свидетельствует о том, что «питие» давно и прочно вошло в наш культурный опыт, к которому причастны даже дети (пример

из дорожного разговора сестры 14 лет, обращающей внимание брата 7 лет на фотографию рекламного щита: *Смотри, какая девочка косая. – Да ты что, разве девочки пьют?*)

В русской культуре пьянство не считается большим пороком, а упоминание об алкоголе вызывает улыбку и снисходительное понимание, вследствие чего вкрапления АЛ в неалкогольные тексты способны придать им иронический оттенок, например: *И Лева продолжает сопоставление. Он берет два хрестоматийных, школьных стихотворения: «Пророка» Пушкина и «Пророка» Лермонтова, – и это была бы не новость, но он нашел третьего, и они у него охотно «скинулись». Третьим оказалось стихотворение Тютчева «Безумие» (А. Г. Битов. Пушкинский дом); В России политики так же непредсказуемы, как водка, купленная ночью с рук* (РЕНТВ, 9.09.2013). Используемые в роли вспомогательного субъекта сравнения единицы поля «АЛКОГОЛЬ» могут участвовать как в создании иронических образов героев с кругозором *от ларька до нашей бакалеи* (В. Высоцкий), так и в изображении беспросветной неприглядности обеих взаимодействующих сфер жизни (алкогольной и неалкогольной): *Мы с ними встретились, как три рубля на водку, И разошлись как водка на троих* (В. С. Высоцкий. Мы вместе грабили одну и ту же хату); *Америка, как я полагал, была для нее синонимом развода. Развода, который формально уже состоялся. И который потерял силу napодобие выдохшегося денатурата* (С. Д. Довлатов. Заповедник). Осмысление явлений, ситуаций алкогольной сферы жизни в неалкогольной лексике может свидетельствовать лишь о том, что алкоголь и все с ним связанное воспринимается и оценивается носителями русской культуры как менее привычное, не имеющее отношения к повседневному опыту людей. Что касается проекций неалкогольной сферы на алкогольную, то они свидетельствуют о трансформации норм повседневной жизни.

Литература

1. Лакофф Д, Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
2. Чернейко Л. О. Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // Текст. Структура и семантика: Доклады XII международной конференции». Т. 1. М., 2009. С. 162–175.
3. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 2010.
4. Чернейко Л. О. М. В. Ломоносов и язык науки // Филологические науки. 2011. № 6. С. 3–14.
5. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Полисемия русских зоотропов

З. И. Минеева

Петрозаводский государственный университет

zmineeva@rambler.ru

Зоотроп, номинация, полисемия, Национальный корпус русского языка.

Summary. At present, considerable share of naming units for people derives from figurative meanings of the words naming animals (zootropes). The corpus of Russian zootropes is relatively stable and dynamic. Many zootropes are polysemic (shark, cow, chicken, salmon), and speakers can use them for expressing different intentions. Polysemy is investigated with the help of the National Corpus of the Russian Language.

Корпус зоотропов, или названий животных в переносном антропоцентрическом значении, составляет важную часть лексики, используемой для номинации человека. В естественном языке формируется весьма специфическая его часть, относительно устойчивая и связанная с историческими, культурными, ментальными особенностям его носителей. *Свинья, зубр, собака* – всем русским понятны смыслы, передаваемые говорящим при обозначении свойств, качеств человека, по отношению к которому эти слова употребляются, данные лексемы также являются способом проявления интенций говорящего. *Корова, каракатица, коза* – в определенных контекстах могут замещать друг друга, поскольку в настоящее время в равной степени содержат пейоративную коннотацию, показывающую негативное отношение к референту и соответствующую прагматику принятого речевого акта.

Арсенал средств выражения коллективных и индивидуальных ментальных представлений посредством зооморф-

ных образов значителен в количественном и качественном отношении. Корпус зоотропов является незамкнутой системой, потенциально любая номинация животного может при наличии определенных условий трансформироваться в номинацию (характеристику, оценку) лица-референта. Доказательство данного положения лежит, прежде всего, в плоскости анализа политического и разговорного дискурсов, в которых требование адекватной и точной передачи интенций говорящего (пишущего) вовлекает все большее количество новых единиц. Стремление к более яркой оценке продуцирует появление неологизмов. Среди относительно новых зоотропов можно отметить *планктон, выхухоль, кэмел, скунс* и другие; а также *треска, бобр* в роли предикатов с характеризующим негативным значением.

Не относятся к исследуемым единицам общие, «параллельные» наименования человека и животных, возникшие независимо друг от друга (*лобан, коротконожка* и другие), за редкими исключениями, в число которых входит лексема

межеумок, которая из нейтральной номинации человека, не относящегося к определенному классу, социуму, социальной группе, превратилась в оценочно-характеризующую; такое изменение мотивации производной лексемы расширяет ее семантику и позволяет включить в корпус полисемантических, которые могут использоваться в функции инвективы.

Значительная группа зоотропов обладает полисемией. Наличие более одного лексико-семантического варианта зафиксировано в ХУШ в. Словарем Академии Российской для лексемы *осел* в качестве номинации людей неповоротливых, ленивых и «непонятных». Отличительной особенностью словаря В. И. Даля является включение фольклорных текстов малой формы, паремий, для иллюстрации лексикографических дефиниций, и статья к слову *осел* содержит контекст с его использованием.

Разнообразие функций и инноваций, связанных с зоотропами, инициируют попытки сформировать более полное представление о количестве, качестве и прагматике использования зоотропов в начале XXI века. Осуществление этих попыток возможно только с помощью использования новых информационных технологий, благодаря которым современный человек вовлекается в коллективную и индивидуальную речевую деятельность. Именно в сети Интернета проходят апробацию многие языковые средства, переходя из разряда окказиональных в узуальные.

В настоящее время при исследовании зоотропов актуально использование Национального корпуса русского языка в качестве источника материала, что обусловлено высокой степенью его репрезентативности, которой не обладают другие базы данных, в том числе толковые словари последних лет издания. Материал НКРЯ отвечает критерию аутентичного отражения современного состояния исследуемых языковых единиц с точки зрения семантики и прагматики. Поскольку наибольший интерес для данного исследования представляет специфика зооморфной лексики начала XXI века, точкой отсчета для аналитического описания служит дата последней фиксации соответствующего словоупотребления. Ретроспективный анализ позволяет также определить частотность зоотропа.

О функционировании идиом в русскоязычных текстах делового дискурса

А. А. Муравьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
alinenok-m@yandex.ru

Деловой дискурс, идиома, фразеологизм, понятийное ядро, коммуникативная функция идиомы.

Summary. The present paper is devoted to the functioning of idioms in business discourse. An “idiom” is defined as collocated words that became affixed to each other until metamorphosing into a single term. The inner form of an idiom is related to figurative and informational field. This field sets up so called conceptual kernel. The target of the conceptual kernel is to create stable verbal complex. The analysis of language sources has shown that idioms can have various communicative functions according to the number of situation typical for business field.

Объектом настоящего исследования является функционирование фразеологизмов в деловом дискурсе. В данной работе термин «фразеологизм» трактуется широко и используется для обозначения разных типов устойчивых словосочетаний, в частности, коллокаций и фразеологических сочетаний в терминологии В. В. Виноградова (*оказывать содействие*). Идиомы соответствуют фразеологическим сравнениям и единствам (*сидеть на бабах*) и рассматриваются как центральный класс фразеологических единиц. **Метод исследования** можно охарактеризовать как описательный с элементами сопоставительного анализа. **Целью** работы является анализ семантического построения идиомы как устойчивого сочетания слов, обладающего цельным значением, не выводимым из его составных частей (с привлечением соответствующего языкового материала), а также выявление основных коммуникативных функций фразеологизмов.

Всякое использование языка предполагает следование одного слова за другим. Линейный характер речи подразумевает последовательное воспроизведение говоримого с промежутками во времени для «довершения» объяснения. Особенность употребления идиомы заключается в том, что последняя осмысливается целиком, подвергаясь объяснению, как если бы она была одним словом-знаком.

Некоторые исследователи, в том числе Т. Жихарева и А. Смирнова, отмечают, что существуют единицы речи – предложения, которые мы не держим в голове целиком. Можно предположить, что в состоянии предвербализации находятся целые блоки речевых единиц, связи между которыми устанавливаются в процессе ословливания. Блоки

Полисеминтными в начале XXI века оказываются лексемы *акула*, *медведь*, *лох*, *коза*, *стерва*, *корова*, *карактица*, *курица* и другие. Так, *корова* – 1) ‘грустная неповоротливая женщина’; 2) в «ликоущемляющем» речевом акте – любая женщина, по отношению к которой проявляется речевая агрессия; *карактица* – 1) ‘женщина с неприятными ногами’; 2) любая женщина, вызывающая неприязнь; *лось* – 1) здоровый, крупный мужчина; 2) не отличающийся сообразительностью; *лох* – 1) человек, которого можно легко обмануть; 2) непрофессионал. *Акула* – 1) жестокий агрессивный человек (*На других форумах таких акул нет, которые живьем готовы сожрать человека только за то, что у него другие взгляды* [НКРЯ: форум 2004]); 2) человек, добившийся успеха в профессии (*не обязательно быть акулой шоу-бизнеса, великим дизайнером и даже заметно состоятельным человеком* [НКРЯ: «Неприкосновенный запас», 2004]); *Современный российский бюрократ — это не бухгалтер в надувниках, а высокообразованная, широко мыслящая акула* [НКРЯ: «Политком.ру», 2003]. Последнее значение реализуется также в ироничных выражениях «акулы бизнеса», «акулы пера» (название телепрограммы и конкурса журналистов, победитель которого становится обладателем соответствующего статуса), а также в многочисленных и разнообразных контекстах.

Использование названий животных для номинации человека и его качественной характеристики отличается динамической стабильностью. Зоотропы чувствительны к языковым и внеязыковым изменениям; актуальность и востребованность исследуемых единиц способствует их изменчивости и расширению семантики, поскольку зооморфные образы являются активно используемым материалом лингвокреативности носителей языка. В последние десятилетия стала особенно востребованной и актуальной игра со словом. Homo ludens (человек играющий) включает зоотропы в арсенал используемых языковых средств. Вместе с тем, традиционность и устойчивость зоотропов обусловлена глубокой связью с народной культурой, ментальными представлениями, аксиологическими и философскими основами языка (языкового знака, значения).

имеют различное наполнение, качественно зависящее от **понятийного ядра**. Понятийное ядро – гибкое образование, которое может включать в себя четыре семантических множества: (1) устойчивые воспроизводимые единицы – собственно идиомы, а также поговорки, пословицы, загадки; (2) фразеологически связанные сочетания и типовые словосочетания (*ввести в курс дела*); (3) ситуативно устойчивые структуры (напр.: *тема – важная, определенная* и т. д., но не *деревянная, цветущая* и т. д.); (4) свободные сочетания – их число очень ограничено. Предназначение понятийного ядра – создавать устойчивый словесный комплекс, структуру; оно несет в себе совокупность данных о смыслах, которые должны заполнить эту структуру, об элементах, которые будут ее составными частями, и о связях, которым нужно установиться между элементами.

Идиома является сжатым, сконцентрированным отражением ситуации. Она вызывает в собеседнике предсуждение, а само суждение не затрагивается. Предсуждение включает в себя оценочные и эмотивные компоненты, на базе которых может быть построено суждение. Специфика генезиса идиомы в произведении и в последующем воспроизведении ее как одной и той же структуры нескольких похожих ситуаций, которые в некоторый промежуток времени могут меняться, варьироваться, расшатывая структуру, пока, наконец, не произойдет закрепление этого культурологического факта, и смола, тем самым, не превратится в янтарь.

Текстам официально-делового стиля не свойственно чрезмерное употребление идиом. Язык делового общения предполагает четкость и ясность выражения. Тем не менее,

как показал анализ языкового материала, иногда участники переговоров, авторы экономических статей и другие участники интересующего нас дискурса прибегают к использованию фразеологизмов. Проведенное исследование показало, что в интересующей нас области есть определенные тематические поля (топики), тяготеющие к использованию идиом. Это, прежде всего, разделы, связанные с: проблемой экономического кризиса и банкротства; получением прибыли; увольнением сотрудников и подбором новых кадров; характеристикой людей в мире бизнеса.

Фразеологизмы «смягчают» смысл высказывания, помогают избежать прямых номинаций. Так, в русском языке одним из компонентов идиом, описывающих ситуацию банкротства, является глагол *идти* или его синонимы. Например: *Мировые судьи могут пойти по миру. В минувшие выходные Мосгорсуд торжественно отметил первую годовщину работы мировых судей в столице.* [Владимир Емельяненко. Все ушло на склад. Мировые судьи могут пойти по миру (2002) // «Известия», 2002.07.07] Очевидно, что экономическая рецессия метафоризируется в сознании россиян как стремительное падение. В приведенных контекстах фразеологизмы призваны подчеркнуть драматичность сложившейся ситуации, ужас финансового краха и передать чувства говорящего (пишущего).

Неизвестные неологизмы в автографах Давида Бурлюка из книжных и изобразительных фондов Государственного Эрмитажа

В. В. Никульцева

Московский государственный областной университет
severjanin@list.ru

Словотворчество, неолексикон, индивидуально-авторские неологизмы, Серебряный век русской поэзии, автографы, деривационный анализ.

Summary. The paper deals with David Burliuk's neologisms in autographs stored in book and graphic funds of the Scientific Library of the State Hermitage Museum (St. Petersburg). Texts of those poems of the American period of Burliuk's works have not been published in Russia. Derivation and language and stylistic analysis is carried out on found neologisms.

Неполнота и несовершенство текстологической базы довольно обширного поэтического наследия Д. Бурлюка (не в полной мере отраженного в сборнике стихотворений Д. Бурлюка и Н. Бурлюка, подготовленном С. Р. Красицким в 2002 г. в малой серии «Новой библиотеки поэта») становится камнем преткновения при изучении языка и стиля этого многогранного деятеля культуры. Современный ученый, работающий над языком художественной литературы конца XIX – начала XX в., постоянно сталкивается с проблемой ограниченности языкового материала, базирующейся на недоработках литературоведов при составлении относительно полных собраний сочинений поэтов Серебряного века. В силу этих причин целостный анализ художественного творчества того или иного поэта становится практически невозможным на современном этапе развития науки о языке художественной литературы, опирающейся на достижения текстологии. В связи с этим объяснимо и отсутствие серьезных лингвистических работ в области бурлюковедения.

Частные проблемы изучения поэтического творчества Давида Бурлюка также неразрывно связаны с основной – неполнотой текстовой базы. Так, составление словаря языка Д. Бурлюка, а в особенности словаря его неолексикона (под термином «неолексикон» понимается совокупность индивидуально-авторских лексических единиц в языке писателя, занимающегося словотворчеством), затруднено вынужденным обращением исследователя к архивным материалам, доступ к которым является достаточно ограниченным, а также к прижизненным изданиям, носящим характер библиографической редкости.

В связи с тем, что в последнее время растет интерес русистов к теоретическим и прикладным проблемам авторской лексикографии, изучение языка Давида Бурлюка становится одной из задач глобального исследования языка Серебряного века, опирающегося на достижения лексикографов, труды которых в той или иной степени отражают особенности языка конца XIX – начала XX в.

Часть автографов, присланных Бурлюком и его женой из Америки в 1930–40-е и 60-е годы и приобретенных через других лиц, хранится в Государственном музее В. В. Маяковского (Москва) и Научных библиотеках Государственного Эрмитажа и Русского Музея (Санкт-Петербург). Отдельные беловые и черновые рукописи стихотворений на-

Анализ реальных контекстов употребления показал, что фразеологизмы могут выполнять следующие коммуникативные функции: (1) стилистическую – делают текст более разговорным или, наоборот, возвышенным и серьезным; (2) контактоустанавливающую – располагают собеседника к разговору; (3) эмоционально-экспрессивную – выражают отношение говорящего к содержанию высказывания; (4) оценочную – выражают оценку говорящего по отношению к предмету высказывания; (5) эвфемистическую – смягчают негативные смыслы высказывания, неприятные для говорящего и / или адресата; (6) компрессивную – позволяет заключить глубокий смысл в компактное выражение; (7) инклюзивную – включают носителя идиомы в «круг» делового общения. Отметим, что во многих случаях идиомы употребляются в заглавиях статей, делая их более броскими, заметными, интригующими. Идиомы делают «сухой» и «пресный» язык делового общения более ярким и экспрессивным, помогают не просто передать собеседнику информацию, а высказать свою точку зрения на проблему, дать оценку какому-либо явлению. Многие фразеологизмы пришли в деловую речь из языка повседневного общения, что свидетельствует, во-первых, о прозрачности и условности границ между разными «мирами» и, во-вторых, о том, что жизнь делового мира организована по правилам обыденной жизни.

ходятся в архивохранилищах г. Санкт-Петербурга: в ИРЛИ РАН (Пушкинском Доме) и РНБ.

В рамках настоящей работы рассмотрим специфику неологизмов Давида Бурлюка из тех автографов, что атрибутированы библиографами, работающими с материалами книжных и изобразительных фондов Научной библиотеки Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Тексты стихотворений американского периода творчества Д. Бурлюка, в которых обнаружены неологизмы, в России не опубликованы.

Неологизмы присутствуют как в рукописных материалах автора, так и среди изоматериалов. Так, можно отметить два основных источника: 1. Давид Бурлюк. Рисунки (оригиналы): Альбом А [10 лл.]. Альбом Б [20 лл.]. Папка с разрозненными рукописными и машинописными материалами [181 лл.; на л. 1-об. надпись: «Выпущено в количестве 30 номерованных экземпляров.». США, 1-я пол. XX в.; 2. Давид Бурлюк. Материалы к биографии: Тетрадь. Б. м., 1930–1959. 69 лл. [116 с.]

В альбоме Б (20 лл.), помимо графических работ Д. Бурлюка, встречается стихотворение «Марусе» (1959); в папке тоже имеется несколько стихотворений: «Призраки и тени (моменты разных измерений)» (1934)», «Зима» (б. д.), «На этом рисунке...» (1922), «Медлительны шаги рассвета...» (1965), «Время лгун...» (1965). В тетради 1930–59 гг. поверх английского текста газетных вырезок и на пустых листах записан отрывок из неоконченной поэмы Д. Бурлюка «Кругосветный Первомай» (б. д.).

Данные тексты включают 12 неологизмов: *яснодень*, *трёхмерность*, *славно-Дон Кихот*, *турниро-бой*, *воздушно-идеал*, *розовокамеи*, *бутонобомбы*, *вешне->ласковый*, *весняный*, *балайки*, *раскатнапев*, *грязнохлев*. Большинство «компактслов» (термин Д. Бурлюка) построено способом основосложения на базе либо сочинительных (*турниро-бой* от *турнир* + *бой*, *бутонобомбы* от *бутоно* + *бомба*, *вешне->ласковый* от *вешний* + *ласковый*), либо подчинительных (*яснодень* от *ясный* + *день*, *славно-Дон Кихот* от *славный* + *Дон Кихот*, *воздушно-идеал* от *воздушный* + *идеал*, *розовокамеи* от *розовый* + *камеи*, *грязнохлев* от *грязный* + *хлев*) отношений с использованием интерфикса *-o-*. Существительное *раскатнапев* (от *раскат* + *напев*) произведено без использования соединительного гласного. Сложные слова либо яв-

ляются эквивалентами тропа (эпитетов: *яснодень, славно-Дон Кихот, воздушно-идеал, грязнохлев*; сравнений: *турниро-бой*; генитивных метафор: *раскатнапев*), либо участвуют в создании тропа в художественном тексте: *Нет праздника душе милее / Чем этот свежий Первомай / Где тучек розовокамеи / [Здесь тучек первые затеи] / И взрыв [первых] бутонобомб / [И здесь цветений первых] стай край / И [взрывы бом] взрыв бутонобомб стай / За первой бабочкой цветною / зимой натертый / Следит в зиме усталый взор <...>* («Кругосветный Первомай»). Из остальных неологизмов два образованы суффиксацией (существительное *трёхмерность* от сложного прилагательного *трёхмерный* и прилагательное *весняный* / *-ой* от существительного *весна*) и одно – способом гаплогонии (*балайки* от *балалайки*). Последнее слово выполняет номинативную функцию в тексте (*[Окуем мы] оковали в круг живой / Балайки и гитары / [Песни] / Вольных песен звуки-чары / Мы несем над головой <...>*), в отличие от прилагательного, выступающего в роли эпитета (*И радостней браг / Тропа весняная <нрзб> лучась и играя / [В] словами десятков и сотен наречий / Во имя*

коммуны вселенския благ!), и существительного, входящего в состав олицетворения (*Трёхмерность взгромоzdилась вокруг / Неповоротливо и веско...*). Помимо этих неологизмов, Д. Бурлюк включает в текст стихотворения «Зима» слово *поэзы* в значении «стихи», заимствованное у Игоря Северянина, который, в свою очередь, взял на вооружение слово, придуманное К. Олимповым: *Я в замке составлял поэзы / На языке, что позабыт теперь; / Остриль любил каленое железо, / Которого в лесу боялся зверь.*

Таким образом, в неопубликованных текстах Давида Бурлюка, хранящихся в Научной библиотеке Государственного Эрмитажа, нами обнаружены и проанализированы уникальные неологизмы, ранее нигде не применяемые как самим автором, так и другими поэтами Серебряного века (исключение составляет только слово *поэзы*). В основном эти неологизмы являются сложными образованиями, построенными по деривационным моделям, активно применяемым Д. Бурлюком и ранее. Новообразования выступают как яркое изобразительное средство индивидуально-авторского языка и зачастую являют собой отдельный троп.

Семантические особенности русских и английских процессуальных фразеологизмов со значением психического состояния человека

А. М. Обжорин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Tryxter85@mail.ru

Семантическая структура фразеологизма, денотативно-сигнификативный компонент, коннотативный компонент, семантические особенности.

Summary. The author describes universal and specific features of semantics of Russian and English verbal phraseological units denoting human's psychological state. It is allocated significant and connotative components of the semantic structure of the units. All the units are classified in author's way; groups of phraseological units are characterized.

Семантическую структуру исследуемых фразеологизмов составляет предметно-логическое и коннотативное содержание фразеологического значения, организованные определенным способом и выраженные семами разного уровня обобщения. Структура фразеологического значения исследуемых единиц универсальна – и в русском и в английском языках она включает в себя макрокомпоненты денотативно-сигнификативного и коннотативного значений.

Денотативно-сигнификативный макрокомпонент процессуальных фразеологизмов со значением психического состояния представляет собой иерархию сем различного уровня абстракции: категориальных, субкатегориальных, групповых, подгрупповых, множественных и индивидуальных. Сема процессуальности передается глагольными компонентами русских и английских процессуальных фразеологизмов (РПФ и АПФ), сема состояния противопоставлена семам деятельности и отношения.

Классификация единиц по фразео-семантическим подгруппам проводится «на основе их идентификации отдельными лексемами, словосочетаниями или развернутыми описаниями в лексикографических источниках, наличия общих интегральных сем в их семантике». Мы предлагаем собственную классификацию фразеологизмов со значением психического состояния человека, дающую необходимые основания для сравнения психических состояний, свойственных каждому человеку вне зависимости от культуры и языка.

Сравнение значений базовых психических состояний показывает их одинаковое понимание в указанных языках и культурах, таким образом, все психические состояния, репрезентируемые ФЕ, делятся на следующие классы: удовольствие, гнев, спокойствие, отвращение, любовь, беспокойство, страдание, удивление, смущение, страх, грусть, сумасшествие, возбуждение.

В результате сопоставления русских и английских процессуальных фразеологизмов со значением психического состояния человека (РПФ и АПФ) были найдены общие (универсальные) и специфические черты их семантики.

В целом можно констатировать общее семантическое сходство языкового материала, в качестве **универсальных черт** отмечаются следующие.

Сходная количественная представленность ФЕ, имеющих семы «грусть» (печаль, тоска, горе) (40 РПФ / 38 АПФ), «сумасшествие» (помешательство, безумство) (22 РПФ / 20

АПФ), «смущение» (стыд, вина) (17 РПФ / 13 АПФ) и «возбуждение» (эмоциональный подъем) (4 РПФ / 4 АПФ).

Наличие семантических оппозиций: сема внутреннего проявления состояния (*душа уходит в пятки* (у кого) – «трусить, испытывать сильный страх», *feel flat* – «чувствовать себя подавленным, быть расстроенным») и сема внешнего выражения состояния (*вытаращить глаза* – «установить на кого-л. широко раскрытыми глазами (в изумлении, страхе, гневе и т. п.)», *hang (down) one's head* – «поникнуть головой, повесить, понурить голову, унывать, впадать в уныние» и др.).

К **специфическим чертам** относятся перечисленные ниже.

Наиболее продуктивны РПФ с семами «беспокойство» (потеря спокойствия, яжение, сомнение, смятение, растерянность, волнение) (83 ФЕ): *бросает в жар* – «приходить в состояние сильного волнения, возбуждения», *не находить себе места* – «крайне волноваться, тревожиться», *болеть душой* – «испытывать тревогу, беспокоиться, страдать» и др.

Господь, кажется, всем меня благословил: богатством, знатностью, чинами... а меж тем душа моя болит (А. Ф. Писемский. Самоуправцы). *Замечание о технике болно заскребло на сердце Михайлова* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина).

Максимальная представленность АПФ с семами «гнев» (ярость, бешенство, озлобление, злость, обида, недовольство, раздражение) (76 ФЕ): *be (get ulu go) up in the air* – «выйти из себя, взбеситься, взорваться; прийти в бешенство, в ярость», *set up one's bristles* – «ошетиниться, рассердиться», *look daggers* – «метать молнии (о глазах); бросать гневные взгляды» и др.

«I don't think he'll necessarily hit the ceiling, Arthur», – he said quietly. «Chances are very much in favor, though, that he's not going to be overjoyed about it» [*«Я думаю, он не обязательно придет в ярость от этого, Артур», – тихо сказал седовласый мужчина. «Но и мало шансов, что будет в большом восторге»*] (J. Salinger. Nine Stories. Pretty Mouth and Green My Eyes).

Количественное превосходство множественных сем **внешнего выражения** психического состояния в русском языке (146 в русском языке и 93 в английском). К состояниям, выражаемым внешне в русском языке, относятся удовольствие (*ахать и охать, кинуть шляпу на воздух, сияет как начищенный самовар*), грусть (*давать волю слезам, белугой выть, вешать голову*), страдание (*ломать руки, опускать*

крылышки, врать на себе волосы); в английском языке – состояния гнева (*knit one's brows* 'нахмурить брови', *look daggers* 'смотреть сердито', *bite one's lip* 'закусить губу') и спокойствия (*keep one's chin up* 'держат подбородок поднятым', *keep a stiff upper lip* 'поджать верхнюю губу', *look oneself again* 'выглядеть спокойным').

Что касается коннотативного содержания фразеологического значения, то в нем также наблюдается ряд сходных и различных черт. Общими являются следующие:

1) преобладание единиц с пейоративной (отрицательной) оценкой (297 РПФ и 311 АПФ), которая может быть выражена эксплицитно или имплицитно (*крутить носом* – «проявлять неудовольствие, несогласие с чем-л., пренебрежение к чему-л.; отказываться от чего-л.; привередничать», *shake one's head* – «покачать головой (в знак скорби, неодобрения, сомнения, несогласия)» и др.).

2) положительная оценка состояний *любви, спокойствия, радости, возбуждения* и отрицательная оценка *гнева, отвращения, грусти, страдания*.

Национально-специфические особенности коннотации проявляются в большей экспрессии и различной эмоциональной окраске русских единиц (*лить крокодилы слезы* прон. «лицемерно жаловаться, притворно, неискренне сожалеть о чем-л.»; *сердце дрожит как (словно) овечий хвост* прон. «бояться чего-л., быть сильно напуганным») и др., *take a martyr of oneself* презр. «изображать из себя страдальца, мученика; жертвовать своими интересами»), в большем количестве устаревших, книжных и просторечных РПФ и жаргонных АПФ: *вращать глазами, вращать белками* (прост. экспрес.), *воспарять духом (душою)* (книжн.), *вламываться в обиду, голова ходоком ходит* (устар.); *go bananas, go off one's nut, not to have (got) all one's buttons (marbles)* (жарг.) и др.

Статусные характеристики ЛСВ многозначного слова

А. И. Ольховская

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)

aleksandra_olhovskaya@mail.ru

Лексическая многозначность, эпидигматическое гнездо, лексико-семантический вариант, статус ЛСВ, статусная характеристика ЛСВ.

Summary. There introduced and proved the concept "status of lexical-semantic variant (LSV) of polysemantic word". It consists of the diverse information quanta, which were called by author as status characteristics of LSV. This status allows estimating the LSV position in the family of LSV and to make the decision on its rational lexicographic representation.

Очевидным является факт ощутимой неравноценности ЛСВ в рамках эпидигматического гнезда. В лексикографической практике эта неравноценность находит выражение в использовании различных способов предъявления значений многозначного слова (цифрового, графического, ступенчатой нумерации значений, компрессивных режимов и др.). Между тем не вполне ясными остаются инструменты ее измерения. Как кажется, положение ЛСВ в лексико-семантической системе может быть описано через понятие статуса. Статус ЛСВ складывается из разнородных информационных квантов, которые были названы нами статусными характеристиками.

Среди статусных характеристик выделяются такие, которые характеризуют положение ЛСВ в эпидигматическом гнезде, и такие, которые характеризуют его положение в лексической системе в целом. К первым относятся производность, механизм образования, степень образности и степень регулярности, ко вторым – коммуникативная актуальность, смысловая важность, информационная достаточность, ограниченность в реализации и методическая значимость.

Наиболее фундаментальным различием между ЛСВ одного гнезда является различие, выраженное обычно несимметричным разделением на первичное (доминанта эпидигматического гнезда) и ряд производных от него. Другим важным параметром оценки ЛСВ служит механизм его образования. В этом плане существенным для лексикографирования многозначных слов является противопоставление деривационных и недеривационных семантических отделенностей. Учитывая задействованный в семантическом словообразовании формант, среди деривационных ЛСВ традиционно выделяют метафорические и метонимические. Анализ материалов «Русского универсального словаря», созданного в Институте русского языка им. А. С. Пушкина, позволяет выделить ряд значимых для лексикографической интерпретации многозначности типов метонимии. Среди них можно отметить, в первую очередь, а) «техническую» многозначность, б) нормальные – сложные – тривиальные метонимические сдвиги и в) тривиально-речевую метонимию.

Особым параметром оценки метафорических ЛСВ является, по-видимому, мера живой образности их значений. В настоящий момент измерение степени образности значения базируется, как правило, на субъективных ощущениях лексикографа. Представляется, что формализации этой проблемы может способствовать учет характера семы, связывающей исходное и производное значения. Так, образными могут считаться такие метафоры, которые возникли на основе коннотативного элемента исходного значения, а безобразными – те, что заимствуют его конструктивный семантический компонент.

К способам порождения недеривационной полисемии относятся 1) «иррадиация синонимов» (семантическая аналогия), напр., *тыква* 'голова' – *кочан*, *репа* 'голова'; 2) конденсация, напр. *высокая температура* – *температура* 'высокая температура'; 3) семантическое калькирование, напр. англ. *folder* – *папка* 'контейнер для хранения файлов на компьютере'; 4) частеречное переосмысление, напр. *красивый* 'имеющий привлекательную внешность' (*красивая девушка*) – *красота* 'привлекательная внешность' (*красота девушки*); 5) ассоциирование по формальному признаку, напр. *молоток* 'молодец'.

Значимыми статусными характеристиками ЛСВ можно считать также регулярность / нерегулярность и продуктивность / непродуктивность породившего его семантического преобразования. Первая характеристика позволяет оценивать трансформацию с позиции ее частотности, вторая – с позиции охвата моделью тематического класса.

Определение коммуникативной актуальности ЛСВ может осуществляться при совокупном учете двух критериев – функционального, указывающего на соответствие единицы существенным интенциям носителя языка, и критерия частотности, или употребительности. Употребительность устанавливается двумя путями: либо на основе имеющихся в науке данных о статистической характеристике отдельных единиц, либо с опорой на т. н. симптоматическую статистику, сущность которой сводится к учету индивидуального или коллективного ощущения статистической ценности единицы. Смысловая важность устанавливается, прежде всего, на основании идеографического критерия, т. е. отнесенности единицы к областям заданного перечня словарных тем и ситуаций. Чем шире спектр тематических входящих ЛСВ и чем центральнее его положение в рамках того или иного тематического класса, тем, надо полагать, больше его смысловая важность.

Информационно достаточными являются ЛСВ, для семантической реализации которых не требуется поддержки контекста. Соответственно, информационно недостаточными следует называть ЛСВ, значения которых реализуются лишь при обязательной поддержке контекста. Наибольшей информационной достаточностью обладают, очевидно, доминанты эпидигматических гнезд, наименьшей – лексико-семантические варианты, значение которых возникло в результате тривиальных смысловых трансформаций, ср. *гитара* 'занятие, содержанием которого является обучение игре на гитаре' (*по понедельникам она ходит на гитару*), *кефир* 'кефир вместе с емкостью, в которой он находится' (*поставь кефир в холодильник*).

Критерий ограничения в реализации является наиболее объективированным и наиболее языковым в том смысле,

что то или иное ограничение в реализации имеет вполне определенные языковые показатели. На основании данного критерия все значения слова делятся на свободные, т. е. такие, которые не имеют никаких языковых ограничений в реализации, и несвободные. Среди последних выделяются морфологически ограниченные (*гореть* 'топиться (о печи)' – 1 и 2 л. не употр.), стилистически ограниченные (*пролонгировать* – офиц.), сочетаемостно ограниченные (*плакать* 'запотев, покрываться каплями влаги' – только с названиями стекол, изделий из стекла) и прагматически ограниченные (*приказывать* – употр. начальником в отношении подчиненного).

Методическая ценность лексико-семантической единицы может быть определена как ее соответствие требованиям учебных программ. Оценка единицы по данному параметру оказывается важной, прежде всего, при отборе лексического

материала для учебников и учебных пособий по русскому языку, а также при составлении учебных толковых словарей, рассчитанных как на носителей языка, так и на иностранцев, изучающих русский как неродной. Методическая ценность ЛСВ устанавливается обычно с учетом его «собственных» статусных характеристик, т. е. коммуникативной актуальности, смысловой важности, информационной достаточности и ограниченности в реализации. Кроме того, необходимо учитывать такие характеристики, как этап и профиль обучения предполагаемого пользователя словаря, ибо не существует единиц, которые были бы методически значимы и незначимы сами по себе.

Совокупный учет обнаруженных статусных характеристик позволяет принять решение о способе рационального предъявления того или иного ЛСВ в словарной статье многозначного слова.

К вопросу о семантической мотивировке образных словоупотреблений

3. Ю. Петрова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

zoypar@mail.ru

Сравнительная конструкция, метафора, основание сравнения, семантическая мотивировка/

Summary. The author studies one of the types of formal constructions in which basic words of comparative tropes occur: the simile with explicit common ground. The common ground can be expressed by a verb, an adjective, a noun group and some other parts of speech. The common grounds and their semantic classification make it possible to detect the semantic motivation of figurative characterization of different realia. In many cases it allows us to elucidate the semantics of metaphorical use of the word.

Доклад посвящен одному из типов конструкций, описываемых в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.». Основные формальные типы конструкций, в которых встречаются определенные опорные слова компаративных тропов, следующие: метафоры-загадки, генитивные метафоры, метафорические перифразы, конструкции отождествления, сравнительные конструкции без эксплицитно выраженного основания сравнения, сравнения с основанием сравнения. В докладе рассматривается последний тип конструкций. Такие сравнения в свою очередь делятся на следующие группы: сравнения, у которых основание сравнения – глагол, прилагательное, редко – субстантивное словосочетание, предикатив (категория состояния), междометие. Внутри каждой такой рубрики материал в словаре группируется по семантической близости соответствующих глаголов, прилагательных и т. д.

Некоторые из семантических категорий, в которые группируются основания сравнений, можно выделить на всем массиве трех уже созданных выпусков словаря – «Птицы», «Звери, насекомые, рыбы, змеи» и «Растения», некоторые естественным образом характерны только для тропов, образы сравнения которых относятся к категории «Животные», например, «Движение» – «Перемещение в пространстве», другие – только для тропов поля «Растения», например, «Питание растений» и пр.

Основания сравнения позволяют увидеть смысловую мотивировку образных характеристик разных реалий. Каждая образная параллель имеет свой набор глаголов и прилагательных (иногда и слов других частей речи), являющихся основаниями сравнения. Описав этот набор, мы получаем всестороннее представление о том, какие семантические признаки становятся причиной сравнения одной реалии с другой в образной картине мира. Подобные наборы оснований сравнения в сравнительных конструкциях дают нам и возможность во многих случаях прояснить семантику метафорических словоупотреблений.

Особенно многочисленны и разнообразны основания сравнений, характеризующих человека.

Вышеказанное иллюстрируется рядом примеров из образного поля «Птицы». Сравнительные конструкции с опорными словами этого поля, имеющие основание сравнения, делятся на следующие основные классы:

= Сравнения с глаголами, среди которых можно выделить следующие группы глаголов:

А. Глаголы, обозначающие действия, для которых образ сравнения выполняет роль субъекта:

1. Движение:

1.1. Движение – перемещение в пространстве:

а) в определенном направлении: *лететь, мчаться, нестись*; при этом у некоторых из этих глаголов присутствует сема быстрого движения;

б) в разных направлениях: *летать, порхать, виться*;

в) вверх: *возноситься, взлетать, воспарить*;

г) по кругу: *кружиться, крутиться, приближаться кругами*;

д) с определенной целью – поймать, нанести ущерб: *напуститься, накинуться, наскокить, налететь*;

1.2. Движение без перемещения в пространстве, с участием тела и частей тела:

а) тело: *трепетать, дрожать, биться; встрепыхаться, отряхиваться*;

б) шея: *вытягивать шею*;

в) голова: *повернуть голову под плечо, вертеть головой, наклонить голову набок*;

г) глаза: *прикрывать глаза, смотреть, вперить взор, озирать, высматривать, осматривать, навести очи*;

д) руки (сравниваются с крыльями птиц): *махать руками, охватить руками, накрыть руками*;

2. Положение в пространстве: *наклониться, сесть, сидеть, нахлеститься, притаиться, становиться*;

3. Звуки: *петь, щебетать, кричать, пискнуть, стонать, свистеть, горланить, заливаться, щелкать, ворковать, хлопать, кудахтать, каркать, крякать, куковать, болтать, лепетать, трещать, заладывать*;

4. Нанесение ущерба: *коготить, мучить, хватать*;

5. Существование, жизненный цикл: *жить, вырастать*;

6. Другие глаголы, обозначающие особенности поведения, внешности определенных птиц;

Б. Глаголы, обозначающие действия, для которых образ сравнения выполняет роль объекта: *стеречь, подстрелить, сибить, поймать, выпустить, кормить, зажать в ладонь, свернуть голову, оципать, загонять, задуть, отшпырнуть*;

= Сравнения с прилагательными, характеризующими внешний вид и внутренние свойства разных птиц, например: *орел: смелый, отважный, вольный, ревнивый, кровожадный, зоркий, могучий, сильный, надменный; голубь: смиренный, невинный, чистый, кроткий, простой; курица: бедный, смиренный, незлобивый, трусливый; петух: гордый, возбужденный, горластый; павлин: надутый, гордый, ряженный* и т. д.

У каждого образа сравнения свой набор таких глаголов и прилагательных, причем материал, имеющийся в словаре, позволяет определить «вес» разных предикатов в каждой словарной статье: какой предикат частотнее, важнее для какого образа сравнения. Так, для образа «орел» (при сравнении человека с орлом) выделяются такие смысловые элементы, как высота полета (*парить, возноситься*), хищность (*кинуться, кровожадный*), надменность (*презреть, надмен-*

ный), сила (*могучий, сильный*) и смелость (*смелый, отважный*), зоркость (много глаголов, в семантике которых участвуют глаза: *блюсти, вперить взор, озираться, высматривать, видеть*, а также прилагательное *зоркий*). У образа «ястреб» гораздо больше предикатов со значением нападения на добычу: *налететь, броситься, кинуться, накинуться, напустить*, т. е. хищность играет для ястреба более важную роль. Важно также такое свойство, как быстрота движения. Как и для орла, важны предикаты со значением зрения: *блюсти, навести очи, осматривать*. У соловья выделяются такие основные свойства, как пение (*петь, заливаться, раз-*

ливаться, разойтись, свистеть, щелкать) и красота (*прекрасный, прелестный*). Для петуха характерна драчливость и шумность: *вздуть перья, надуться, наскочить на кого-л., драть горло, кричать, горластый*.

Итак, эксплицитное выделение оснований сравнения в словарных статьях «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» позволяет охарактеризовать каждый образ сравнения, выделив в нем основные черты, сходства и различия с другими образами сравнения, прояснить причины сравнения одних реалий с другими в сравнительных и метафорических конструкциях.

Специфика производного глагольного значения на внутрисловном уровне

Л. А. Петрова

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова (Украина)

nlla@mail.ru

Intrawords derivation, verb, sema, semantic processes.

Summary. The paper deals with the features of the semantic derivative sememes behavior and mental activity, which are formed on the basis of the lexical-semantic variant of physical action.

Внутрисловная деривационная парадигма многозначной лексемы может быть рассмотрена с формальной и содержательной точек зрения. Исследование внутрисловных парадигм с формальной точки зрения показывает, что в непроемных глагольных лексемах, относящихся по прямому номинативному значению к ЛСГ физического действия, выделяются мотивационные оппозиции, члены которых связаны отношениями непосредственной, опосредованной и множественной мотивации.

Содержательный аспект изучения внутрисловных деривационных отношений позволяет проследить развитие семантического потенциала глагольных единиц, объединенных архисемой 'физическое (силовое) воздействие на объект'.

В результате анализа установлено, что члены ЛСГ физического действия могут быть производными как для единиц, остающихся в данном объединении, так и для семем других лексико-семантических групп. В исследуемой группе существуют единицы, которые являются мотиваторами лексико-семантических вариантов внутреннего состояния; некоторые ее члены имеют общее направление мотивации в зону производных семем морального воздействия, умственной деятельности, движения (перемещения) и поведения.

Группы производных ЛСВ с архисемами 'поведение' и 'умственная деятельность' немногочисленны. Анализируя характер действия, обозначенного данными единицами, следует отметить, что оно представляет собой совокупность каких-либо поступков (поведение) или умственных операций (умственная деятельность), совершаемых субъектом. В соответствии с этим выделение семантических компонентов, организующих содержательную структуру глагольного слова, тесно связано с характеристикой субъекта и объекта. Этим подчеркивается большая абстрактность значения исследуемых ЛСВ, их релятивный характер.

Глаголы поведения отличаются обобщенным, неконкретным характером лексического значения. В связи с этим неконкретностью, абстрактностью характеризуются и семы, составляющие содержательную структуру данных единиц.

В качестве одного из существенных признаков поведения выделяется соотносительность с понятием нормы, правила. «Эта связь является основой качественной характеристики поведения, в соответствии с которой поведение отдельного субъекта (человека или коллектива) может быть осознано общественным нравственным сознанием как хорошее или как плохое, не соответствующее общепринятым нормам, правилам» (В. Н. Горбенко).

Если в прямом номинативном значении ЛСВ поведения свойственна оценочность действия, то в производных от семем физического действия это свойство семантики сохраняется лишь в двух случаях: *крутить* 5 «избегать прямого ответа с помощью каких-л. уловок; хитрить»; *крутить* 6 «находиться в любовных отношениях» – негативная оценочность. В остальных производных семемах действие поведения характеризуется нейтральностью: *делать* 3 «поставить, действовать каким-либо образом»; *давать* 2 «предоставлять, давать кому-л. часть чего-л. своего; совместно пользоваться чем-л.»; *рвать* 1 2 «прекращать действие каких-л. отношений или того, что связывает какими-л. отношениями».

Наблюдаются ЛСВ умственной деятельности с производными семемами 'целенаправленность действия' и 'разнообразность движений', причем последняя модифицируется в сему 'разнообразность умственных операций'. Ср.: *готовить* 2 (*диссертацию*) «трудиться над выполнением, осуществлением чего-л., разрабатывать что-л.»; *строить* 4 (*лекцию*) «создавать, составлять что-л., отбирая и организуя определенным образом материал (целесный, научный, художественный и т. п.)»; *черпать* 2 (*цитаты*) «извлекать, заимствовать что-л. откуда-л.» и т. п.

ЛСВ со значением внутреннего состояния не обозначают конкретных движений. Она называют процессы, испытываемые одушевленным субъектом, обладающим нервной системой и органами чувств. С производящими семемами физического действия данные единицы связаны семемами 'деструктивность', 'направленность на результат' (появление боли, дрожи или каких-либо движений со стороны объекта). Семы 'однообразность движений', 'разнообразность движений' модифицируются в семы 'однообразность проявления внутреннего состояния', 'разнообразность проявления внутреннего состояния'. Эти семантические компоненты актуальны для ЛСВ, которые номинируют внутреннее состояние, каким-либо образом проявляющееся внешне – *бить* 10 (*больного Б. лихорадка*) «трясти, вызывать дрожь»; *трясти* 5 (*простуда Т. мальчика*) «бить в ознобе, вызывать дрожь (о заболеваниях)»; *дергать* 3 (*судорога Д. парня*) «вызывать резкое, судорожное движение».

Характер внутреннего состояния может долгое время оставаться постоянным или резко меняться. Это явление отражается в глагольной семантике и находит выражение в семмах 'внезапность появления каких-л. чувств', 'нарастание, постепенность формирования внутреннего состояния', 'продолжительность каких-либо чувств'. Ср.: *брат* 8 (*И дрожь, и злость меня берет* [Пушкин. Евгений Онегин]) «овладевать, охватывать»; *бросать* 5 (*Валю Б. в жар*) «в сочетании с сущ.: *жар, холод, дрожь, пот* и т. п.: внезапно вызывать состояние жара, дрожи и т. п.»; *сосать* 5 (*в животе*) «о тупой, ноющей боли в желудке (от голода, недомогания и т. п.)»; *рвать* 1 6 (*в правом боку*) «о гжучей, дергающей боли, испытываемой кем-л.» и др.

Все производные ЛСВ данной группы называют внутреннее состояние негативного характера. Очевидно, это обусловлено семой 'деструктивность', которая связывает дериваты с производящим ЛСВ.

При транспонтации архисем в семантическую структуру производных актуальны семные процессы, связанные с изменением семантических признаков, конкретизирующих архисемы (мена полярных сем, нейтрализации сем, изменение статуса сем, мена сем в рамках родо-видовых отношений).

Если при образовании производного ЛСВ изменяется семантическая зона, нейтрализации подвергается большинство сем производящего: ядерные семы, компонент 'орудийность' во всех производных семемах; семы 'однонаправленность движений', 'разнонаправленность движений', 'однообразность движений', 'разнообразность движений', 'использование физической силы' в производных ЛСВ морального воздействия, речи, звучания, поведения, внутреннего состояния.

Семы 'целенаправленность действия', 'разнообразие движений' в производных семемах умственной деятельности, речи, поведения; 'направленность на результат', 'образова-

ние звука' во всех производных ЛСВ либо модифицируются, приобретая абстрактный характер, либо меняют статус, становясь ядерными или приближенными к ядерным.

Имена семантических классов слов в идеографических словарях*

А. М. Плотникова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

annamp@yandex.ru

Идеографический словарь, метаимена, категоризация, семантические классы.

Summary. The report considers factors that determine the choice of the name of semantic class in ideographic dictionaries. The characteristics of dependence of the name of class on its taxonomic depth and taxonomic width are analyzed. Paradigmatic connections between the name of semantic class and units comprising this class are deduced.

Имена семантических классов слов в идеографических словарях отображают «периодическую систему» понятий, получивших языковое воплощение и эксплицирующих связи между лексическими единицами. Идеографический словарь становится важным источником для установления того, какие структуры знания человека о мире отображаются в категориях, как происходит формирование категории в языковом сознании, какое концептуальное содержание служит базой объединения слов в категорию.

Восходящие к античным традициям классификации естественных (предметных) классов слов представляют собой модификации «дерева Порфирия» и строятся на денотативном основании, то есть на соотносительности предметного содержания с внеязыковой действительностью. Сложность и даже, по мнению некоторых исследователей, принципиальная невозможность классификации предикатных слов обусловлена множеством линий системных связей (парадигматических, синтагматических, деривационных, грамматических), в которые включаются эти слова. В рубриках идеографических словарей представлены лексико-семантические парадигмы разного объема и наполнения.

Наименования семантических классов слов в идеографических словарях служат категоризаторами языкового членения мира и выступают в качестве метаединиц языкового и словарного описания.

Выбор имени семантического класса обусловлен несколькими факторами, к которым, безусловно, относится семантическая природа слов, а также объем и содержание лексического значения имени. Как указывает Л. О. Чернейко, именно, выступающие в качестве классификаторов семантического пространства языка, не предназначенные в силу особенностей их семантической структуры к номинативной функции, а их использование с глаголами, обозначающими наглядно воспринимаемые действия, неизбежно приводит к комическому эффекту: *На берегу фауна щиплет флору* [2: 74]. Существует особый класс имен, называемый метаименами, или металексикой, например широкозначные существительные *предмет, вещь, средство*, близкие по своим функциям к местоимениям и служащие классификаторами предметных классов. Используемые в составе атрибутивных словосочетаний или сочетаний с генитивом эти единицы образуют классы слов, построенные по гиперо-гипонимическому принципу: *транспортные средства, предметы быта, предметы одежды*.

Именами классов в словарях часто становятся абстрактные существительные (*радость, страх, обман, хвастовст-*

во, помощь и др.), обладающие ценностными элементами значения и обозначающие культурно маркированные понятия. Выбор имен таких классов обусловлен высокой номинативной плотностью классов. Например, значительное количество лексических единиц в русском языке связано с идеей помощи, соучастия, выражения сочувствия, сострадания, материальной или моральной поддержки, – все это делает возможным выделение класса «Помощь» в идеографических словарях.

При обращении к словарям можно заметить, что некоторые абстрактные существительные (например, *время, пространство*) в разных словарях являются именами семантических полей, тогда как другие (например, *правда, совесть, долг, честь*) никогда не стоят во главе рубрики тезауруса. Следовательно, выбор имени семантического класса зависит от концептуальной природы самого класса и тех парадигматических отношений, которые наличествуют в данном классе. Отличаясь разветвленными иерархическими связями и достаточно четкими границами, такие классы слов, как животные, растения, минералы, характеризуются признаком таксономической глубины. Напротив, таксономически широкие классы представляют собой своеобразные кластеры, которые формируются пересечением множества смежных подкатегорий, объединенных, пользуясь метафорой Л. Витгенштейна, «семейным сходством». Подобного рода структуру образует, например, упоминаемый выше семантический класс с именем *помощь*, включающий слова, называющие различные виды помощи (*спасение, поддержка, консультация, шефство*), имена лиц, помогающих кому-либо (*спонсор, меценат, благотворитель*), глаголы (*помогать, содействовать*).

Формулируя признаки идеальной таксономии, Ю. С. Степанов пишет: «...хорошо построенная таксономия должна быть систематикой слов. Иначе говоря, зная описание слова, мы должны увидеть место слова в системе, и, напротив, зная место слова в системе, заключать о содержании описания слова» [1: 46–47]. Между именами семантических классов и единицами класса устанавливаются отношения взаимобусловленности, при которых, с одной стороны, выбор имени определяет структуру класса слов, а с другой стороны, семантическая природа класса предопределяет его имя.

Литература

1. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: (семиологическая грамматика). М., 1981.
2. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 2009.

Займствованные-эврисеманты в современном русском языке

Т. С. Пристайко

Днепропетровский национальный университет им. Олесь Гончара (Украина)

tamara@viewertec.com, neo@viewertec.com

Займствование, полисемия, эврисемия, семантика, сема.

Summary. In the paper the semantic status of borrowed lexemes like «country» (кантри) and «fusion» (фьюжн), which are fixed in dictionaries of foreign words as polysemantic, is under consideration. Basing on the semantic analysis of contextual use of borrowings the conclusion about everysemy of the latter is made.

В русском языке последних десятилетий появилось немало новых заимствований, семантический статус которых

нуждается в уточнении. Речь идет о лексемах типа *кантри, техно, милитари, фэнтези, ретро* и др., с одной стороны,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах») и РФФИ (проект № 13-06-00444 «Русские синонимы в системном освещении: структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты»).

и *винтаж*, *хай-тек*, *фьюжн*, *вестерн*, *модерн* и пр. – с другой.

В наши задачи входит анализ двух показательных для этой группы заимствований *кантри* и *фьюжн* с точки зрения их семантического поведения в современном русском языке. При словарном знакомстве эти слова предстают как полисеманты, в семантическую структуру которых входит несколько ЛСВ. Однако наблюдение за их функционированием в различных дискурсах позволяет говорить о них как широкозначных, или эврисемичных единицах.

Понятие «широкозначность» следует отличать от понятия полисемии. Характеризуя явление эврисемии терминов, В. А. Татаринов констатирует, что способность термина относиться к неопределенному количеству денотатов – *эврисемия* – отмечается в тех случаях, когда обозначаемые денотаты (предметы, понятия, явления) не находятся между собой в иерархических, классификационных отношениях, между ними не существует логико-понятийной связи. Термины-эврисеманты не являются согипонимами по отношению к родовому обозначению [2: 175].

Аналогичное явление наблюдается и в кругу рассматриваемых нами заимствований, которые могут обозначать музыкальное или литературное направления, стиль в дизайне, интерьере, ткань, направление в кулинарии и др. Рассмотрим на примере лексем *кантри* и *фьюжн*, какие же семы в семантической структуре отмеченных лексем являются обобщающими и как именно конкретизируется их значение в зависимости от контекстов.

Лексема *кантри* (< англ. *country* – букв. сельский, деревенский) фиксируется в СИСВ в трех значениях: «1. традиционная песенно-инструментальная культура белого населения сельских районов юго-восточных и западных штатов США, выросшая из фольклорных истоков и представленная множеством местных школ, стилей и направлений; 2) одна из разновидностей современной эстрадной и рок-музыки, характеризующаяся близостью к стилевому направлению этой культуры; 3) характеризующийся таким стилем, принадлежащий к этой разновидности музыки» [1: 261]. *Фьюжн* (англ. *fusion* букв. сплав, слияние) определяется как «современное стилевое направление, возникшее в 1970-е гг. на основе джаз-рока, синтеза элементов европейской академической музыки и неевропейского фольклора» [1: 684].

Как видим, словарь приводит только «музыкальные» толкования обеих лексем. Однако в русском языке оба слова используются и в других значениях. Так, обращение к Национальному корпусу русского языка показало, что оба слова могут обозначать стиль одежды (...*одежда в стиле кантри из великолепной шерсти и кашемира* [«Домовой», 2002.12.04]; *Фьюжн – отличное решение для уличных, прогулочных нарядов* [http://www.justlady.ru]); стиль архитектуры, дизайна, интерьера (...*строения в стиле модерн или в стиле кантри*... [Татьяна Тронина. *Никогда не говори «навсегда»* (2004)]; ...*ресторан «Габли» в стиле фьюжн на тему кантри и Прованса архитектора А. Табаковой* [«Мир & Дом. City», 2004.06.15]; ткани (*Ткань Кантри является воплощением основных тенденций моды в мебельных тканях*... [http://www.profi-design.com.ua/stili/kantri]; *Fusion коллекция тканей различных фактур, объединенных по цветовой гамме в неожиданных цветовых комбинациях, что определяет стиль коллекции – фьюжн* [http://www.shtorsalon.ru]).

Помимо отмеченных значений лексема *фьюжн* может обозначать направление в кулинарии, технике ресторанный обслуживания (*Теперь в «Аэрокафе» обслуживают по технике фьюжн – все происходит одновременно: в почти полной темноте, но при этом под ослепительные разноцветные сполохи, посетители кушают блюда европейской, японской, китайской и бог знает какой еще кухни...* [«Русский репортер», № 1–2, 22–29 января 2009]) и литературе («*Любью*» Юрия Малецкого – это даже не роман, так, fuga в стиле *фьюжн* [«Известия», 2001.08.08]).

Эврисемичность анализируемых лексем обуславливается, на наш взгляд, тем, что в реальном словоупотреблении изначально «эксплуатируется» лишь одна сема, содержащаяся в семантике исходного заимствования – ‘деревенский’ для слова *кантри* и ‘смешанный’ для слова *фьюжн*. Однако в процессе реального функционирования в рекламных, например, проспектах эти «этимологические» семы подвергаются трансформации, видоизменяются, отходят на второй план и вместо них актуализируются другие семы. Так, в речевых значениях лексемы *кантри* сема ‘деревенский’ может вытесняться семой ‘простой, непритязательный’, Ср. следующие контексты: *Основные черты кантри, как стиля интерьера, – это простота, отсутствие вычурной декорации и, как следствие, высокая функциональность* (http://www.supershtori.ru); *В переводе с английского языка слово country – это деревня. А это означает, что... в этом стиле не будет никакой вычурности и разной надуманности* [http://www.dava.com.ua]. В других контекстах могут актуализироваться семы ‘экологический’, ‘уютный’ и др.

Сема ‘смешанный’ в значении заимствования *фьюжн* все чаще замещается семой ‘неожиданный’, ‘необычный’, ‘новый’. Ср.: *Фьюжн – это новое мироощущение без деления на черное и белое, Запад и Восток. Это отношения крайностей, сводимые в терпимость, которые дают нам свободу и радость. Этот стиль предал забвению консерватизм... Фьюжн позволил себе дерзкую выходку – смешать стили и направления в хаотичный сумбур. Фьюжн, бесцеремонно ворвавшись в новое тысячелетие, произвел фурор и вызвал восторг, и теперь множество творческих людей – музыкантов, кулинаров, дизайнеров, архитекторов, кутюрье и ювелиров – борются за право называться «королями фьюжн»* [http://d-art.com.ua/design-styles].

В некоторых контекстах преднамеренно сталкиваются несколько денотативных значений рассматриваемых лексем, как, например, в следующем: *Самый любимый жанр Жана-Мишеля – «фьюжн»: это и наиболее интересная современная музыка, и наиболее «вкусный» интерьер* [«Мир & Дом. City», 2004.02.15]

Таким образом, проведенное исследование показало, что заимствования *кантри* и *фьюжн* с точки зрения их семантического поведения относятся к лексемам с широким значением, или эврисемантам, конкретное значение которых устанавливается по контексту.

Литература

1. Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е. С. Зенович. М., 2003.
2. Татаринов В. А. Теория терминоведения: В 3 т. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. М., 1996.

Принципы мотивации семантики членов фразеосемантического поля «Семья» в русском языке

П. А. Пронин

Саратовский госуниверситет им. Н.Г.Чернышевского

prokofij@ya.ru

Семантика фразеологизма, внутренняя форма фразеологизма.

Summary. The author analyzes the correlation of semantics and the inner form of phraseological units, including howl composition of the tokens of the semantic field «Family»; identifies the main model of motivation values such phraseological units.

В современной антропологической идиоматике фразеологизмы рассматриваются как один из наиболее значимых форм отражения языковой картины мира и национальной самоидентификации носителей языка. Особую роль в этом отношении играют члены фразеосемантического поля «Семья» (194 единицы).

Как показал анализ, в соотношении внутренней формы фразеологизма и его семантики можно выявить закономерности, в основе которых лежат определенные принципы концептуализации тематической области «Семья» носителями языка.

Так, уже в терминологических фразеосочетаниях метафорического типа происходит трансформация внутренней фор-

мы фразеологизма: у термина родства нейтрализуется сема 'кровной связи', а актуализируется социально-личностный компонент, указывающий на тип отношений, подобный тем, что присущи кровному родственнику (в стандартной / идеальной семье традиционного типа). Именно этот компонент можно считать концептуально значимым. Так, за отцом, матерью закрепляется функция опеки, покровительства; за сыном и дочерью – почтительности и добровольного подчинения; за братом / сестрой – отношения личностной близости, искренности и взаимной поддержки. Например, *крестный отец / сын, названный отец / сын / брат, крестная мать / дочь, названная сестра, отеческая нежность / ласка, материнские чувства*.

Формирование семантики русских идиом в абсолютном большинстве случаев связано с метафорическим осмыслением всей ситуации, отраженной во внутренней форме фразеологизма, где одним из самых регулярных способов становится перенос на основе базовых признаков поля «Семья»: 'связь', 'близость'.

Близость в межличностном, духовном, идеологическом плане выражаются терминами, характеризующими младшее поколение по отношению друг к другу (*брат, сестра*). Соответственно отношения старшего и младшего поколений характеризуют ту же близость, но с уточнением типа зависимости: младшее поколение добровольно признает лидерство старшего, тогда как старшее поколение воспринимается как покровитель, духовный учитель и т. п., тогда как ребенок без родителей ассоциируется с социально обделенным, нравственно незащищенным, лишенным покровительства членом общества (ср.: *братья по делу / по классу / по оружию, наш брат Исаак* 'человек, близкий в социальном отношении', *звездные / небесные братья* 'космонавты', *братья наши меньшие* 'животные', *брат на брата (встал, пошел)*; *наша сестра* 'мы и нам подобные'; *блудный сын; духовная дочь; отец отечества, будь отцом родным, отец небесный; кум королю; ни сват ни брат*). При номинации высших сил, религиозных деятелей и исторических святых, основных стихий (воды и земли) возможна сакрализация терминов родства (ср.: *Отец небесный, вниз по матушке по Волге, мать-сыра земля*).

Чем более дальними родственниками являются участники ситуации, отраженной во внутренней форме фразеологизма, тем большей нейтрализации подвергается базовый признак 'близость / связь' (ср.: *нашему забору двоюродный плетень* 'неизвестно кто'). Кроме того, в одном случае отражается стереотипное русское представление об отношениях между родственниками, как враждебных (на уровне мелких пакостей) – между золовкой (сестрой мужа) и невесткой (женой брата), ср.: *невестке в отместку* 'назло кому-л., мстя за что-л.').

Конкретная семантика фразеологизма формируется на базе переосмысления всей ситуации, отраженной во внутренней форме единицы, ср.: *американский дядюшка* 'богатый человек, на помощь которого рассчитывают' – старший кровный родственник ассоциируется с покровителем, а его

американское гражданство ассоциируется в благополучием, поскольку США – самая богатая страна в мире; *голод не тетка* 'о сильном голоде, вынуждающем к каким-л. действиям' – старший кровный родственник, особенно женщина, ассоциируется не просто с покровительством, а с искренней заботой и опекой); *в семье не без урода* 'о человеке, выделяющемся своими недостатками из какого-л. коллектива' – семья ассоциируется с общностью людей, единых в каком-л. отношении.

Значение исследуемых фразеологизмов может формироваться на базе переосмысления традиционных ситуаций, связанных с семьей как социальным институтом. Например, в большинстве русских семей именно бабушки занимаются воспитанием внуков, проводят с ними много времени, рассказывают сказки. Поэтому, хотя ядерным в мотивации значения фразеологизма *бабушкины сказки* является субстантив, но и термин родства в атрибутивной позиции поддерживает ее. Аналогичное явление наблюдается в ФЕ *к теще на блины* 'праздно проводить время, бездельничать'. На масленичную неделю (традиционное время отдыха и веселья), в четверг, на Руси было принято отправляться в гости к теще, которая угощала родственников блинами. При формировании значения идиомы обыгрывается вся ситуация застолья, но указание на данный тип родственника создает дополнительные ироничные коннотации (согласно социальным стереотипам, тещи и зятя недолгобливают друг друга).

Мотивация семантики фразеологизма может поддерживаться определенной прецедентной ситуацией, отраженной во внутренней форме (ср.: *блудный сын* – из евангельской притчи о сыне, покинувшем отчий дом, вернувшегося назад с раскаянием и прощенного отцом; *казанская сирота* – после взятия Казани Иваном Грозным многие мурзы, приняв христианство, отправлялись в Москву с челобитными – просьбами к царю, где часто называли себя бедными сиротами).

Концептуально значимый признак 'биологическая связь' (единство по крови во многих фразеологизмах преобразуется в систему признаков логической связи: 'подобие', 'причинно-следственные отношения' (ср.: *сын Эскулапа* 'врач', *внучка Евы* 'женщина', *сын своего века* 'человек с типичными для своего времени взглядами, недостатками').

Третий достаточно регулярный тип мотивации семантики идиом связан с концептуализацией возрастного признака: старшее поколение – зрелые и пожилые люди; младшее – молодые и юные (ср.: *это тебе, бабушка, наука, не ходи замуж за внука*). Кроме того, формирование семантики идиом может быть не связано со значением членов поля «Семья». Чаще всего это наблюдается у фразеологизмов, восходящих к прецедентным текстам (ср.: *дедка за репку* 'о коллективном труде'; *тень отца Гамлета* 'о худом человеке').

Указанные модели не исчерпывают концептуального развития всех исследуемых фразеологизмов, но именно данные регулярные модели отражают процесс «семейной идентификации» носителей русского языка.

«Нашествие англо-американизмов»: миф или реальность?

Е. А. Проценко, Е. Ф. Терехова

Воронежский институт МВД России / ГБОУ СОШ № 1319 (Москва)

procatherine@mail.ru

Займствование, средства массовой информации, язык-источник, стилистическое средство.

Summary. The report focuses on the lexical borrowings used in the Russian newspaper "Komsomolskaya Pravda". The analysis of types, time and language of borrowing is provided.

Падение железного занавеса, формирование единого рынка, расширение межгосударственных связей и межнациональных контактов – все эти факторы во многом предопределили изменение социолингвистической ситуации в современном мире. Лингвистические последствия этих процессов проявляются прежде всего в увеличении объема иноязычных слов.

Займствование – обычное лингвистическое явление, которое традиционно рассматривается в качестве одного из источников пополнения и развития словарного состава любого языка. Однако в определенные исторические моменты происходит своеобразный всплеск займствований, обычно

обусловленный внешними, экстралингвистическими факторами. Такой пик займствований приходится на конец XX века, когда практически не контролируемый поток иноязычной лексики дал исследователям основания говорить о беспрецедентном «нашествии престижных англо-американизмов», которое продолжается и до сих пор.

Мы проследили функционирование лексики иноязычного происхождения на страницах газеты «Комсомольская правда» за 2012 г. Объектом анализа послужили иноязычные слова, выявленные методом сплошной выборки на страницах газеты за период с марта по октябрь 2012 года.

Выбор ежедневных газетных изданий в качестве источника исследования не случаен. Именно средства массовой информации имеют возможность наиболее оперативно реагировать на все происходящие в мире события и, как следствие, первыми запечатлевают наметившиеся тенденции изменений не только в сфере экономики и политики, но и в области межнациональных и межъязыковых контактов.

С другой стороны, в современном мире средства массовой информации рассматриваются не только как канал передачи информации, но и как инструмент влияния на формирование массового сознания. В этой связи нельзя исключить и возможности влияния языка СМИ на формирование массового, в том числе и языкового сознания.

В ходе исследования лексика иноязычного происхождения классифицировалась по двум основным принципам: хронологии заимствования и языка-источника. В соответствии с хронологическим подходом, все иноязычные единицы были разделены на две группы: лексика, заимствованная русским языком до 90-х годов, и заимствованная с конца XX века, соответственно. За основу второй классификации был взят язык-источник заимствования.

В результате исследования были выявлены следующие закономерности:

1. Объем и состав языков-источников заимствования в разные хронологические периоды изменился незначительно. Однако очевидно перераспределение доли заимствований из французского, английского и латинского языков. Так, число французских и латинских заимствований сократилось более, чем в 3 раза, а доля заимствований из английского языка возросла на 10%.

2. Около 40% слов иноязычного происхождения не зафиксированы в словарях иностранных слов. Это свидетельствует о том, что на сегодняшний день заимствование является весьма актуальным и незавершенным процессом. Лексическая подсистема русского языка открыта иноязычным заимствованиям и вполне вероятно, что такие слова, как

пентхаус, смартфон, блендер, блютуз, ставшие сегодня известными и понятными многим монолингвам, останутся в русском языке.

3. Интересные результаты были получены в результате сравнения данных словарей иностранных слов разных лет издания. Для некоторых лексических единиц были выявлены различия в языке-источнике, а также изменения значений заимствованных слов с течением времени. Например, такие слова как *тендер, топ, тюбинг, чартер* и *хэнд* отмечены в СИС как заимствованные из английского в специальных значениях, отличных от тех, в которых они употребляются сегодня.

4. В новой языковой среде иностранные слова приобретают новую языковую реальность: изменяется не только их внешний, т. е. звуковой или графический, облик, трансформируется, иногда до неузнаваемости, их значение, меняется сфера употребления. Примерами являются такие слова, как *менеджер, таунхаус, коттедж* и другие.

5. Иноязычные слова являются источником словотворчества, эффективным стилистическим и экспрессивным средством выражения. Эффект новизны в сочетании с чужеземным происхождением, усиливает выразительные способности слова. При этом в зависимости от прагматической цели и намерения говорящего, используются либо редкие слова, значение которых известно далеко не всем русскоговорящим, либо напротив, широко распространенные и общеизвестные заимствования.

Таким образом, актуальность новой волны заимствований на сегодняшний день очевидна. Однако, речь идет не только и не столько о новых заимствованиях, сколько о своего рода моде на употребление иноязычной лексики. При этом мы становимся свидетелями таких процессов, как активизация употребления или изменение значения ранее заимствованных слов. Доля же заимствований из английского языка, по существу, существенно не изменилась, хотя некоторые заимствования сегодня воспринимаются как англо-американизмы.

Наименования рыб семейства лососевых в 20-е годы XX века на территории Магаданской области (на материале архивных документов)

Ю. А. Резвухина

Северо-Восточный государственный университет (Магадан)

komilfo-87@mail.ru

Региональная лингвистика, регионализм, наименования рыб семейства лососевых.

Summary. The report is dedicated to the regional names of fishes of salmon family on the territory of present-day Magadan region. The author gives lexico-semantic analysis of the group of lexemes and analyses the peculiarities of their functioning.

Рыбная ловля являлась одним из основных занятий оседлого населения северной части побережья Охотского моря (принадлежащего в настоящее время Магаданской области) в 20–30-е годы XX века. Поэтому лексика, связанная с рыбообработкой, добычей рыбы, орудиями лова, продуктами питания, изготавливаемыми из рыбы, составляет значительный пласт региональной лексики. В настоящем докладе мы решили сосредоточить внимание на названиях рыб лососевых пород, являвшихся объектом промысла. Данные лексемы были выявлены нами при анализе архивных документов 20-х годов XX века, хранящихся в Государственном архиве Магаданской области (ГАМО; фонды Р-10, Р-12, Р-17) и Российском государственном архиве экономики (РГАЭ; фонды 291, 8152, 8198).

В документах ГАМО нам встретились следующие названия: *кета / кета, красная, нярка, кижуч, горбуша, чавыча*. Указанные лексемы обнаруживаются и в документах московского архива (кроме наименования *нярка*), к ним добавляются также наименования: *кавыча / чавыча, кунжа, кежучь / кежуч, нельма, голец*.

Рассмотрим некоторые обнаруженные нами лексемы более подробно.

Лексемы *красная, нярка* и словосочетание *красная рыба* целесообразно рассматривать совместно, поскольку в документах ГАМО лексема *нярка* чаще всего поясняет лексему *красная* и дается в скобках. Лексема *красная* употребляется как отдельно, так и в составе словосочетания *красная рыба*. Эта лексема или словосочетание в обработанных нами документах ГАМО обозначает *нерку* – разновидность лососе-

вых рыб. Заметим, что это значение отличается от распространенного в современном русском языке, в котором словосочетание *красная рыба* в обиходе обозначает все породы лососевых и осетровых рыб, т. к. мясо этих рыб красного или розового цвета: «Традиционное русское бытовое и кулинарное обозначение всей совокупности осетровых и лососевых рыб» [4]. (Академические словари считают, что словосочетание используется для обозначения только осетровых рыб – красный – «дорогой, ценный» и т. п. – МАС, БАС и др.) Обнаруженное нами в документах значение, вероятно, возникло под влиянием американской системы наименования лососевых рыб, где традиционно используется двойная система наименований: *горбуша – розовый лосось, нерка – красный лосось, кижуч – серебряный лосось, кета – собачий лосось* [3], а также потому, что мясо нерки интенсивно красного цвета. Интересно, что в документах РГАЭ лексема *красная* или словосочетание *красная рыба* не поясняются и лексема *нярка* в проанализированных документах нами обнаружена не была: *Однако, добываются, главным образом, только наиболее ценные рыбы – лососевые (горбуша, красная), кеты, кижуч, кавычи...* (РГАЭ. Ф. 291, оп. 1, д. 13, л. 105) [Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала]; *...на кету падает 99, 14% всего улова, а на остальные породы рыбы: красную и голцов – 0,86%* (РГАЭ. Ф. 291, оп. 1, д. 13, л. 77); *Из общего улова падает: на кету 99,14%... красную 0,69%* (РГАЭ. Ф. 291, оп. 1, д. 13, л. 112).

Лексема *нярка* соответствует, по-видимому, общезыковому наименованию *нерка*. В этой орфографической форме

(со знаком вопроса) «нярка?» она зафиксирована в словаре В. И. Даля в значении «рыба из рода лососей» [1, 2: 581]. Словарь русских народных говоров ссылается только на В. И. Даля и не предлагает своего иллюстративного материала [6: 334]. Лексема *нярка* обнаруживается в Эвенско-русском словаре [5: 211] со значением «название рыбы из семейства лососей (красная)», что, вероятно, может указывать на заимствование этой лексемы старожильческим населением у коренного. В Словаре региональной лексики Крайнего Северо-Востока России Г. В. Зотова зафиксировано прилагательное *няричий* «рыбий, полученный из рыбы нерки» [2: 313], что также, на наш взгляд, указывает, что лексема *нярка* была заимствована старожильческими говорами из языков автохтонного населения. Вероятно, именно лексема *нярка*, а не *красная* или словосочетание *красная рыба* было больше знакомо жителям побережья Охотского моря, потому что она практически всегда в проанализированных нами документах поясняет лексему *красная* или указанное словосочетание: *... всю выловленную рыбу горбушу, красную (нярку), кету и кижуч...* *За каждую штуку безусловно свежего качества рыбы кеты, красной (нярки) и кижуча Дальгосторг уплачивает двадцать шесть копеек* (ГАМО. Ф. Р-10, оп. 1, д. 8, л. 2).

Лексема *кижуч* встречается в обработанных нами документах ГАМО только в одном написании и обозначает рыбу из семейства лососевых. Например: *... всю выловленную рыбу горбушу, красную (нярку), кету и кижуч...* *За каждую штуку безусловно свежего качества рыбы кеты, красной (нярки) и кижуча Дальгосторг уплачивает двадцать шесть копеек* (ГАМО. Ф. Р-10, оп. 1, д. 8, л. 2).

Интересно проследить за функционированием лексемы *кижуч* и ее вариантов *кежуч* / *кежучь* в документах РГАЭ. В середине 20-х годов наблюдается большое количество вариантов этой лексемы, она испытывает колебания в роде и орфографическом оформлении. Например: *Однако, добываются, главным образом, только наиболее ценные рыбы – лососевые (горбуша, красная), кеты, кижуч...* (РГАЭ. Ф. 291, оп. 1, д. 13, л. 105); *Из общего улова падает: на кету 99,14%... красную 0,69%... кижучу 0,08%...* (РГАЭ. Ф. 291, оп. 1, д. 13, л. 105); *... в адрес Хакодатской К-ры Далькрайсоюза было отправлено: Горбуши 2.700.000 шт. Кеты и кежучь 233.000 шт <...> Кеты и кежуча* (РГАЭ. Ф. 291, оп. 1, д. 10, л. 235).

К концу 20-х годов она окончательно оформляется в современном виде – *кижуч* (м. р.). Видимо, это происходило под влиянием регионального употребления, т. к. в региональных документах эта лексема изначально была оформлена именно так. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что региональная лексема (ее орфографическое оформление, род и т. п.) повлияло на установление общезыковой нормы.

Подводя итог всему сказанному, нужно еще раз отметить, что наименования рыб, особенно лососевых пород, очень активно функционировали в региональной речи (в том числе и в официально-деловой). Среди наименований рыб присутствуют лексемы с ярко выраженной региональной окраской (*кета*). Часть лексем, обозначающих породы рыб, была заимствована из языков местных коренных народов и проходила в речи жителей охотского побережья освоение. Традиции регионального употребления влияли на использование некоторых обозначений рыб (*кижуч*, *чавыча*) в документах создаваемых людьми, не принадлежащими к старожильческому населению Охотского побережья. Анализ документов показывает, что возобладали именно региональные варианты.

В заключении необходимо отметить, что изучение функционирования обозначений, связанных с рыбной ловлей, дает ценную информацию о функционировании значительного лексического пласта старожильческого региолекта северного побережья Охотского моря.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1880–1882.
2. Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России. Магадан, 2010.
3. Кета [www.wwf.ru/about/what_we_do/seas/fish_guide/fish/273].
4. Похлебкин В. В. Кулинарный словарь. 2002. [www.dic.academic.ru/dic_culinary/1124/красная].
5. Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск, 2004.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Л., 1986.
7. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910 г. [www.dic.academic.ru/dic.nsf/dic_words/17933/КЭТА].

Аксиологичность античного символа как особого лингвистического знака

А. А. Романовская

Минский государственный лингвистический университет (Белоруссия)

Alla_Rom@tut.by

Античный символ, диспонибельность, десигнативное значение символа, аксиологичность символа, элемент кода культуры.

Summary. Symbol, which reveals itself in the text as an evaluation metaphor, is the mythological component (“genotype”), which has evaluation in its semantics. An evaluative meaning is “built into” the designative meaning of symbol as a verbal language unit. When symbol preserving its archetypical evaluation gets into the modern literary text, it functions as an element of the universal code of the language world picture that has transformed meaning, as a trope of the language system.

Сущность античного символа как элемента вторичной языковой системы заключается в его возможности указывать на большее, чем есть он сам на основании конденсационности означаемого. Диспонибельность, коммуникативность, мотивированность, многозначность, аксиологичность являются основаниями для становления античного символа как особого лингвистического знака.

1. Античный символ характеризуется коллективной памятью, которая передается посредством вербально выраженного знака из эпохи в эпоху. Коллективная память обеспечивает античному символу его диспонибельность, то есть готовность античной лексики к употреблению, резервность в использовании в речи, которая выявляется в различных культурных контекстах общественной жизни. В диспонибельности заключается важная особенность античного символа: именно свойство диспонибельности обеспечивает его иллюкутивную силу, делая инструментом языкового сознания, инструментом общения. Готовность символа к употреблению (диспонибельность) доказывает силу его коммуникативности.

2. Символ – это вербальная единица, содержание которой представлено образным понятием. Речь идет о семантико-выразительном потенциале образа в античном символе. Образность выявляется на основании семного анализа,

предполагающего референцию знака к мифу, и посредством сем на когнитивном уровне и мифем на синтаксическом уровне (синтаксические конструкции отражают функции и качества действующих лиц мифов). Так, содержание символа *Нарцисс* состоит из сем *самовлюбленность*, *нелюбовь*, *презрение к любви*, *красота*. Например, представление о Нарциссе как символе самовлюбленности восстанавливается на основании компонентного анализа глаголов и прилагательных, входящих в состав мифем: *Нарцисс никогда не любил, кроме одного себя; лишь себя считал достойным своей любви; Нарцисс влюбился в свое отражение; он оттаивался гордым, самовлюбленным*.

3. При решении вопроса о взаимоотношении прагматики и семантики мы исходим из положения о том, что оценочные компоненты могут присутствовать в “чистом виде” в денотативном аспекте семантики. Оценочные слова составляют благодатный материал для обоснования прагматической концепции значения. Если принять за основу оценочную семантику прилагательных, то это значит, что в мифемах содержится оценка на лексическом уровне. Эта оценка входит в десигнативное значение символа.

«Мифологическое» значение символа – это своего рода метафорический троп. Мифологическая метафора образует-

ся в мифе как форме познания мира и отражает ценностное отношение к окружающему миру древних. Созданные сознанием и письменно запечатленные в мифопоэтическом творчестве актантные качества и функции являются реальным выражением этой оценки. Таким образом, десигнативное значение (семантико-выразительный потенциал образа) отражает первичную мифологическую аксиологичность символа.

4. В языке литературного текста античный символ, наделенный мифологическими значениями метафорического характера, является элементом кода, принадлежащего к сфере культуры. Являясь элементом кода человеческих знаний, символ вплетается в семиотическое пространство как коммуникативную форму существования общества. Знания хранятся в социо-культурно-исторической памяти благодаря языковой закреплённости в античных символах, которые содержат в своей имплицитной семантике генетическую память культуры и несут через поколения культурно значимые мифологические смыслы.

5. Античные образы в современном литературном тексте выступают свидетельствами ремифологизации – процесса, в котором античный символ, функционирующий в русскоязычном художественном тексте в качестве смыслообразующей единицы, является нитью, восстанавливающей связь времен. Сохраняющий архетипическую оценочность символ функционирует в современном литературном тексте как: 1) элемент универсального кода языковой картины мира, 2) троп системы языка, 3) переобразованный смысл концептуальной картины мира.

Мифопоэтический интенционал символа получает новые оттенки, нюансы, коннотативные окраски под воздействием специфики русской языковой среды. Основываясь на исходном (имеющемся) содержании символа, сознание человека формирует новое представление на основании метафоры, олицетворения, метонимии, синекдохи. Через соотношения: символ и аллегория, символ и олицетворение, символ и метонимия (синекдоха), символ и метафора определяется статус античного символа, что по существу является описанием его семантико-прагматических функций как средства ремифологизации.

Фитнес в русском языке: особенности русификации

Л. М. Рощина

Московский государственный лингвистический университет

rochina@mail.ru

Фитнес, заимствование, русификация.

Summary. This paper presents the results of the research on the particularities of the lexeme “fitness” usage in the Russian language. Having been adopted into the Russian language in the 90s the word «fitness» hasn’t been completely russianized yet. This fact is proved by the semantic ambiguity, the lack of stability of the orthographical and graphical look of the word, the word-forming connections and the syntax behavior. Obeying the rules of the Russian language, the word fitness has chosen its own way of our language penetration.

Поток заимствований, хлынувший в русский язык в конце XX века, не только наполнил лексику англо-американизмами, но и существенно повлиял на процессы их русификации.

1. Понятие *фитнес* вошло в быт российского общества в девяностые годы двадцатого столетия. Само слово Fitness восходит к строанглийскому *fitte* – «годный, находящийся в хорошей форме, здоровый», присоединившему суффиксу предметности *ness*. С этим значением предметности слово «перекочевало» в русский язык и маркировалось как существительное мужского рода, склоняемое, не имеющее формы множественного числа, то есть грамматически заимствование сразу подчинилось законам русского языка. Ср.: «Фитнес [нэ], мн. нет, м., -а» [2]; «Фитнес и Фитнесс [нэ], -а, м. Спорт.» [6]. Грамматические характеристики *фитнеса* однозначны и в контекстах: *С появлением фитнеса, столь же доступного, сколь и модного, появилась соответствующая номинация в престижных турнирах; Тренер Владимир Войтович предлагает участникам группы по фитнесу простоять двадцать минут на одной ноге и помолодеть на сорок лет; Фриц не выносит разговоров о фитнесе и сразу суровее.*

2. При четкой грамматической оформленности *фитнес* не приобрел в русском языке однозначного графического (орфографического) облика, и вопросы его написания до сих пор остаются предметом полемики. Известно, что многие

Смысл, формирующийся на основании античного символа в русском языковом пространстве, выявляется с применением концепции оценочной семантики к анализу. В современном художественном тексте аксиологичность символа вторична: аксиологические приоритеты перестраиваются, когда античный символ проявляется в функции символического художественного тропа. Присутствие символа в тексте делает его структуру многослойной, выводит текст за рамки имманентной структуры в культурно-исторический контекст, что позволяет взглянуть на текст как на голограмму: в объемном представлении видятся его (текста) глубинные структуры.

Так, в структуре единиц фразеологического типа присутствуют символы 1) в их «истинном» виде (передают смысл, формируемый их мифологическим содержанием), и 2) символы, которые претерпели концептуальные изменения относительно значимостей, отражающих «коллективное бессознательное»: 1) *сумрак Эреба* символизируют нижний мир (низ), смерть; *наш Антиной, Антиной-адъютанты* – антигеройство; *олимпийство тунейдцев* – антигеройство; *Ахиллес догонит черепаху; наш Ахилл, Ахиллы из состава русского офицерства* – символ геройства; *христианские нимфы* – символ красоты; *сестры Фазтона* (Гелиады) символизируют свет, чистоту; *голицинский Зевс* – власть; *эскалатор Неря* – помощь; 2) *прихоть Айсы, пьяная Айса, взбалмошная Айса* символизируют стихийность; *блуждающая Елена* символизирует непостоянство; *Одиссей современного флота, капитан Улисс* – символ геройства; *послужить Гименеем* – символ искусства; *верховный Эфир, эфирные голоса* – память; *режущие углы Сциллы и Харибды, гибельное пение Сирен* – символ опасности; *качества Пенелопы* – постоянство; *новые Диоскуры* – власть; *Орфейев путь* – символ смерти; *ящик Пандоры* – чрезмерность.

Присутствующий в русской языковой картине античный символ порождает смысл, который претерпевает изменения под влиянием русского языкового окружения.

Аксиологическая природа символа является основанием для доказательства тезиса: цель ремифологизации – это развитие форм общественного сознания, при котором на первый план выступает ценностное отношение к миру.

заимствованные слова, имеющие в родном языке двойную согласную, на русской почве теряют последнюю согласную (*адрес, бизнес, дюшес, топлес* и др.). Этот процесс нашел отражение и в русификации *фитнеса*. Ср.: [1] предлагает писать «фитнес, фитнес и фитнэ»; в [4] также рекомендуются два варианта написания: «фитнес и фитнес». Однако в других словарях фиксируется в единственно возможном написании – с одним «с» и через «е». Ср.: *фитнес* – в [5]; [2]; [3]. Очевидно, именно этот вариант написания становится нормой. Показательны в этом отношении тексты современной рекламы, где однозначно используется *фитнес*: *Фитнес в подарок!; Два года фитнеса по одной цене; Мы открылись – фитнес + бассейн* и под. Нестабильность графического (орфографического) облика слова *фитнес* наблюдается и в случаях, когда оно используется в сочетании с другими словами. Часто такие образования оформляются через дефис: *Он не массажист, а фитнес-инструктор; Сегодня развитие фитнес-индустрии характеризуется привлечением широкого круга фитнес-услуг; Бизнес-партнеры выпускают диски с фитнес-программами.* В других случаях приращения к *фитнесу* представлены как отдельное слово: *фитнес клуб, фитнес центр* (обычно в рекламе) – и даже как сложное слово: *фитнесдом, голдфитнес.*

4. Лексема *фитнес* все больше русифицируется, проявляя словообразовательную активность. Из многих способов

русского словообразования продуктивным для *фитнеса* стало сложение. Собранный материал показывает, что в качестве второй основы в настоящее время используется более 30 слов: *фитнес* – *-клуб, -центр, -зал, -соревнования, -тренинг, -турнир, -услуга, -идея, -технология, -урок, -комплекс, -йога, -фестиваль* и др.

При этом происходит перераспределение функций: *фитнес* теряет свои грамматические характеристики, становится неизменяемым, ослабевает значение предметности и превалирует значение признака, носителем грамматических признаков новообразования становится второй компонент. Ср.: *Познакомились мы с Алиной совершенно случайно, в дорогом фитнес-клубе; Был уже ранний вечер, когда он вышел из фитнес-центра; Проведение фитнес-фестивалей, семинаров, международных фитнес-конвенций способствовали внедрению и популяризации фитнеса в жизни россиян; Пенсионеры играют в бадминтон, шашки, шахматы, занимаются плаванием, лыжами, легкой атлетикой и фитнес-йогой.*

5. Функциональное поведение слова *фитнес* в русском языке во многом определяется неточностью толкования его семантики: чаще всего сюда включаются такие семы, как «система оздоровительных упражнений, способствующих укреплению организма», «система упражнений для достижения спортивной формы, включающая разработку различных мышц на специальных тренажерах, аэробике», «это единство души и тела» и т. п. Одни толкуют *фитнес* как новое социальное явление, другие – как физическое состояние человека, третьи – как совокупность средств и методов, направленных на достижение физической подготовленности, четвертые – как комплексные программы здоровья и др. (Е. Г. Сайкина, В. Е. Борилкович). В одном из последних толковых словарей современного русского языка *фитнес* определяется как «система физической подготовки с целью достижения хорошей спортивной формы и укрепления ор-

ганизма; коррекция фигуры и укрепление организма, включающая комплекс специальных упражнений» [3].

6. Сегодня слово *фитнес* знакомо каждому и вряд ли можно игнорировать эту реалию нашей жизни. Оно уже настолько русифицировалось, что начинает приобретать «краски», проявляет способность к экспрессии, к переносному употреблению: *Лингвистическая сказка – занимательный короткий рассказ, например, Фитнес для прилагательных; Всех приглашает «Планета Фитнес»; Выйдя из фитнеса, Потапов сразу набрал номер лучшего друга; В нашем фитнесе Вы осуществите мечту; Скидки на фитнес до 50% в честь дня рождения клуба! 10 лет в море фитнеса; Девочки встречаются на бульваре Фитнеса (обычно занятия проходят на Пушкинском бульваре) и приходят сюда регулярно.*

Все более широкой становится валентность *фитнеса*: в современной речи регулярны словосочетания типа *фитнес-клуб для мужчин, дамская фитнес-студия, клубный фитнес на Страстном, детский фитнес, общий фитнес, оздоровительный фитнес, системный фитнес* и др.

Литература

1. Баш Л. М., Боброва А. В. и др. Современный словарь иностранных слов: Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. М., 2002.
2. Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов. М., 2009.
3. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013.
4. Складневская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке: Краткий словарь-справочник. СПб.; М., 2004.
5. Словарь иностранных слов / Отв. ред.: В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. М., 2005.
6. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2007.

Негатив положительного, позитив отрицательного: о новых синонимах добра и зла, плохого и хорошего

О. И. Северская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

oseverskaya@mail.ru

Семантика, оценочность, словоупотребление, негатив, позитив.

Summary. The functioning of the words *negativ* and *positiv* in the Modern Russian Language is considered. The usage and semantics of these words demonstrate the forming of the new general attitudinal meaning alternative «bad / good».

Негатив и *позитив* – два модных слова, получивших в последнее время широкое распространение в разговорной речи и, по тонкому наблюдению В. И. Новикова, перешедших из злободневно-социального в философский план, став синонимической заменой *злу* и *добр*у [2: 131]. То, что *негатив* и *позитив* начинают обозначать два полюса на шкале оценки, доказывает и включение новых значений лексем в современные словари: так, в «Толковом словаре русского языка...» под ред. Н. Ю. Шведовой появляются соответствующие толкования «то, что плохо, заслуживает осуждения» и «то, что хорошо, заслуживает одобрения». Некоторые лексикографы, в частности, Т. Ф. Ефремова в «Современном толковом словаре русского языка», предпочитают говорить об омонимии форм, различая *негатив / позитив¹* как обозначение изображения на фоточувствительной пленке и *негатив / позитив²* как синоним чего-либо отрицательного / положительного, и с ними можно согласиться: несмотря на связанность значений, современные *негатив / позитив* – это, скорее, дериваты от прилагательных *негативный / позитивный*, образованные по продуктивной модели (ср.: *креативный – креатив, криминальный – криминал*).

Между тем, у лексем даже в их исходных, «фотографических» значениях, есть производные переносные смыслы: *позитив* предполагает точное отображение изображаемого объекта, *негатив* – отображение извращенное, с точностью «до наоборот». Примеры такого употребления есть у В. К. Арсеньева: *Тигр лежал на боку, закинув голову кверху. На снегу получился точный его позитив: голова с ушами, шея, корпус и вытянутые лапы*; у А. Белого: *он добивался рельефа, рельеф получался вогнутый: не позитив – негатив* и др.

Кроме того, специальное понимание далеко от наивного отождествления *негатива* – с черной краской, *позитива* – с белой и предполагает не только принципиальную их обратимость, но и возможность «нюансировки», проявления одного в другом: *Если при засвечивании негатива тона сдвигаются в сторону позитива, то при проявлении <...> в позитиве появляются негативные тона* (Б. Плужников. «Соляризация»). Именно этот «фотоэффект» обуславливает сдвиг значения в оксюморонных конструкциях в языке художественной литературы, например, у В. Аксенова можно найти не только *негатив положительного героя*, но и *внезапную отрицательность позитива*.

В переносных словоупотреблениях *негатив* и *позитив* означают, прежде всего, «необъективность», ассоциирующуюся в языковом сознании с *очернением* и *сгущением красок* (*необходима правда, а не негатив, это не одно и то же*, – запись в блоге), и «объективность», видение чего-либо в истинном свете (*позитиву сопоставляются искренность, глубокий анализ и ясное видение проблем*). Впрочем, *позитив* как способ отражения реальности не всегда оценивается положительно. М. А. Кронгауз отмечает, что все *позитивное* (*фильм, спектакль, шоу* и т. п.) показывает «жизнь такой, какой она должна быть, а не какая она есть на самом деле» [1: 60], т. е. *приукрашивает* реалии. Такому осмыслению лексем соответствуют выражения *знать позитив, давать позитив, задавать позитив, как задают корм скоту, сплошной позитив, приятная телевизионная поверхностность* и под. Сдвиг в значении, меняющий «минус» на «плюс» и наоборот, подчеркивается иногда кавычками: *Можно, конечно, вернуться к идее запретов на «негатив»*.

В СССР было хорошо: там не падали самолеты, не горели шахты и небо над Москвой всегда было солнечным. (В. Кичин. «Экран-Потрошитель»); В лозунгах модерна хорошо просматриваются два момента — узко антибуржуазный революционный позыв <...> и актуальный, в духе современного концептуализма, методологический «позитив» (В. Лапенков. «До и после»).

В связи с этим будет уместно вспомнить и о журналистских штампах *жесткий негатив* vs. *мягкий позитив*, перешедших и в разговорную речь. Уточним, что *жесткость* в данном случае означает высокую, а *мягкость* — среднюю степень проявления признака *негативности / позитивности*, при этом доверия к жесткости обычно бывает больше (ср.: *мягко стелит, да жестко спит*). Интересно, что фотографии эти словосочетания используются как терминологические: *мягкий / жесткий негатив (позитив)* различаются по контрастности: **Жесткий негатив** — чрезмерный контраст между светом и тенями, подробности в светах и тенях отсутствуют; Если используется увеличитель с несколькими источниками света, то, чтобы печать была успешной, требуется **мягкий негатив**. В обыденном употреблении релевантным оказывается противопоставление «приятного / неприятного», ср.: *В гороскопе много жесткого негатива; Зима — время самого мягкого позитива*.

Словами *негатив / позитив* может обозначаться отношение или чувство. Об этом значении свидетельствует и изменение сочетаемости: например, сегодня можно испытывать *негатив (по отношению) к чему-либо, против чего-либо, со стороны кого-либо*.

Еще одно значение этих лексем — «плохое / хорошее настроение» (можно быть *в негативе* или *на позитиве*). *Нега-*

тивом часто называют пессимизм и депрессивное состояние: *Бездуховный труд, взаимное раздражение и водка — как выход из постоянного негатива* (В. Токарева. «Своя правда»). С *позитивом* ассоциируется оптимизм.

Наконец, *негатив / позитив* становятся универсальным выражением отрицательности / положительности, ср.: *А... ты вот как считаешь, Шарлотта Корде — положительный образ или отрицательный? Позитив или негатив?* (Е. Исаева. «Убей меня, любимая!»), а также универсальным основанием оценки объектов, ситуаций, развития событий: *Классифицировал. Оценил на позитив / негатив. Подобрал в картотеке модель поведения* (журнал «Пятое измерение»).

Можно привести и иллюстрацию лексической трансформации идиомы *минус на минус дает плюс* с использованием *негатива* и *позитива*: *И зря она кого-то винит, ведь во всех своих проблемах виноваты мы сами. Ее муж сидел в соседнем зале <...> и с кем-то беседовал. А не рассказывает ли он сейчас свою версию семейной трагедии, тоже безысходную. Вот сложили бы два негатива, и получился бы позитив* (А. Шиманский. «Австралия глазами русского»).

Таким образом, у слов *негатив / позитив* развиваются новые оценочные значения и новые контекстуально обусловленные смыслы, ранжирующиеся по аксиологической шкале «плохого» и «хорошего», «добра» и «зла».

Литература

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. 3Д. М., 2012.
2. Новиков В. И. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М., 2011.

Слово «лев» в названиях русских военных кораблей

А. И. Семенов

Северо-Восточный государственный университет (Магадан)

aisemenoff@mail.ru

Басня, названия кораблей, классицизм, символика льва.

Summary. In the report the author studies some traits of functioning of the word “lev” (“lion”), which became widespread among the names of Russian warships in the age of sailing fleet. The author discusses the reasons which limited the use of this name in the XVIIIth century and which led to the serious reduction of its usage in XIX–XXI centuries.

Наиболее часто в русском военном флоте навионим (название корабля) «Лев» использовался в эпоху паруса. Впервые эту лексему находим среди наименований кораблей Азовского флота: «Лев с саблею» (баркалон, 1699 г.) и «Спящий лев» (линкор, 1709 г.; прам, 1735 г.). Эти навионимы были образованы от названий соответствующих западноевропейских эмблем [4]. Имя «Лев» носили охотоморский бот (1729 г.), галера Азовской флотилии (1739 г.), каспийский гекбот (сер. XVIII в.), балтийские пинк (1759 г.), полушебека (1789 г.), прам (1789 г.), два полупрама (1790 и 1791 гг.), плавучая батарея (1791 г.), черноморские бригаantina (1791 г.) и транспорт (1816 г.) [5].

В навиониме «Лев» актуализируются прежде всего представления о крупном, сильном, хищном животном, которые опираются на лексическую семантику апеллиатива и богатую культурную традицию, связанную с образом данного животного (лев как «царь зверей», как символ власти и мощи, как символ божественной силы и т. д.).

Еще до Северной войны слово «лев» не использовалось для наименования кораблей самого высокого ранга, так как лев не входил в число государственных символов России (главная роль в российской государственной геральдике принадлежала орлу). С началом войны со Швецией образ льва, который являлся символом этой державы, подвергается идеологической дискредитации. В искусстве петровского времени аллегорические фигуры наполняются злободневным содержанием, встают на службу государственной пропаганды. Лев становится символом поражения шведов, Льва побеждают Северный Орел, Геркулес, Самсон (аллегорические образы, представляющие Петра I и победу русского оружия) [4]. После русско-шведской войны 1700–1721 гг. это имя закрепилось исключительно за судами низшего ранга. В XVIII в., когда войны со Швецией следовали одна за другой, навионим «Лев» довольно употребителен, но

функционирует преимущественно в качестве «зоологического названия».

В том, что это имя не исчезло под давлением идеологической дискредитации, но было востребовано, хоть и среди судов низшего ранга, сказались культурная традиция, в которой образ льва занял свое место. С изменениями в культурной жизни русского общества мы связываем и тот факт, что с началом XIX в. это корабельное название постепенно выходит из употребления.

Немалую роль, на наш взгляд, сыграло развитие жанра басни, в произведениях которого лев — частый гость. Создателем этого жанра в русской литературе является писатель-классицист А. П. Сумароков, который придал басне форму (живой сатирический рассказ, написанный вольным разностопным ямбом), привычную для современного читателя. У А. П. Сумарокова «львы — это цари, как впоследствии у Крылова, или же великие люди; при этом о царях Сумароков умеет говорить достаточно свободно» [1: 145]. Постепенно в баснях образы львов приобретают все более и более негативную окраску: они кровожадны и властолюбивы, их поступки несправедливы, губительны для подданных. Заметную роль в подобном развитии интересующего нас образа сыграли произведения И. И. Хемницера («Лев, учредивший совет», «Дележ львиный», «Привилегия», «Путешествие льва» и др.). В баснях И. И. Хемницера за образами львов угадываются Екатерина II и ее приближенные. Наиболее ярко подобное отношение к образу царственного животного, сложившееся к началу XIX в. в русской басне, показал А. С. Грибоедов в «Горе от ума»: «На басни бы налег; ох! Басни — смерть моя! // Насмешки вечные над львами! Над орлами! // Кто что ни говори: // Хотя животные, а все-таки цари!»

Сформировавшееся в официальной классицистической поэзии «критичное», «осуждающее» (даже «сниженное») от-

ношение к образу льва было существенно усилено в анонимных обшечных пародиях на классические басни, которые, появившись в XVIII в., благополучно дожили до наших дней (см., например, «В лесу справляли именины...»).

Именно постепенным снижением образа льва в официальной словесности и уничижительным его бытованием в народной смеховой поэзии можно объяснить едва ли не исчезновение обсуждаемого названия из военно-морского корабельного ономастикона русского флота после XVIII в. С 1816 г., когда на воду был спущен черноморский транспорт «Лев», и до начала XXI в. мы можем указать лишь один случай, когда военное судно специальной постройки получило интересующее нас имя. Это был сторожевой корабль проекта 42, вошедший в состав ВМФ в 1953 г. (ср. название однотипного корабля «Тигр», а также имена некоторых сторожевых кораблей проекта 50: «Барс», «Кугуар», «Леопард», «Пантера», «Рысь») [2].

Приведем пример намеренного отказа от употребления данного названия. Так, в 1913–1915 гг. были построены подводные лодки, имевшие «звериные» наименования: «Барс», «Вепрь», «Волк», «Гепард», «Кугуар», «Леопард», «Пантера», «Рысь», «Тигр», «Тур», «Ягуар». Рядом с этими наименованиями находим навионим «Львица», а не «Лев»

[3]. Заметим, что подводные лодки, строившиеся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. по проекту 971 (считается, что они повторяли названия упомянутых дореволюционных субмарин), получили имена «Барс», «Вепрь», «Волк», «Леопард», «Пантера», «Тигр» и т. д., но среди них нет не только «Льва», но и «Львицы» [2].

Таким образом, на функционирование навионима «Лев» повлияли не только идеологические или политические факторы (употребление имен-эмблем как символов европейской ориентации; дискредитация образа льва во время войны со Швецией), но и те события, которые развивались в области культуры, в частности в русской словесности.

Литература

1. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999.
2. Кузин В. П., Никольский В. И. Военно-Морской Флот СССР 1945–1991. СПб., 1996.
3. Моисеев С. П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948.
4. Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России в первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 184–226.
5. Чернышев А. А. Российский парусный флот: Справочник: В 2 т. М., 1997–2002.

Русские имена параметров и квазипараметров

С. Ю. Семенова

ИНИОН РАН, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

sonya_sem@mail.ru

Русское параметрическое существительное, периферия лексического класса, название физической величины.

Summary. The structure and boundaries of the class of the Russian quantitative parametric nouns as well as the lexical groups adjoining the class above are considered. The nouns that denote some substances associated with the category of quantity, but cannot be treated as mathematical functions (or proper physical values) are called quasi-parametric nouns or quasi-parameters. Their semantic traits are conditioned by influence of the concrete components upon the semantic structure on the whole.

Изучение параметрической лексики разных частей речи представляет интерес как в теоретическом, так и в практическом плане. Теоретический интерес обусловлен, в том числе, специфическими денотативными и синтаксическими свойствами параметрических слов, развитой регулярной полисемией, участием этой части (общего) лексикона в описании научной картины мира, близостью к терминотемам естественных и точных наук. Практическая направленность исследований связана с необходимостью учета свойств такой лексики при реализации ряда социальных задач компьютерной лингвистики и искусственного интеллекта – в частности, автоматического извлечения информации из текста, построения вопросно-ответных и экспертных систем.

В данной работе речь пойдет о русских параметрических существительных и смежных с ними группах имен. Согласно сложившейся в русистике традиции, к параметрическим существительным относят два подкласса слов: имена количественных параметров (*глубина*, *температура* и др.) и имена неколичественных параметров (*цвет*, *диагноз* и др.); слова обоих подклассов также называются именами признаков / характеристик. Общей для указанных подклассов является способность денотатов слов принимать различные значения при варьировании объектов, характеризующихся по параметрам, либо при варьировании условий характеристики (*глубина колодца 7 м*, *глубина скважины 15 м*; *температура воздуха в Москве в полдень была 15°, а к вечеру упала до 5°* и т. п.). В литературе отмечают, в частности, такие принципиальные свойства параметрических существительных, как функциональность в математическом смысле, на поверхностно-синтаксическом уровне проявляющаяся в возможности подстановки имени в свернутый косвенный вопрос: *указать скорость* = указать, чему равна скорость (Е. В. Падучева), и способность образовывать атрибутивные конструкции с обязательным зависимым при атрибуте: *колодец большой глубины* (Ю. Д. Апресян).

При том что параметрические имена рассматриваются (или упоминаются в качестве иллюстраций) в семантических и когнитивных работах в течение нескольких десятилетий, до сих пор нет общепринятого представления о точном составе данного класса.

В качестве диагностического контекста для класса параметрических существительных мы используем контекст

свернутого косвенного вопроса; более точно, параметрическими мы считаем те имена, которые способны употребляться в позиции синтаксического объекта при дополнительно распределенных глаголах получения / передачи информации *вычислить*, *определить* (в значении «вычислить»), *указать* и некоторых других. Данный тип контекста отделяет полноценные параметрические имена от периферийных и смежных лексических групп. (Особенно размытыми являются периферия и окружение подкласса имен неколичественных параметров, требующие отдельных рассмотрений).

Структура и границы подкласса имен количественных параметров более обозримы, и слова этого подкласса (которых, по наблюдениям Ю. Д. Апресяна, в общелекксическом словаре насчитывается порядка двух сотен) выстраиваются в иерархию по степени выраженности количественного компонента в семантической структуре. По этому признаку можно выделить ядро, среднюю часть и периферию. В ядро попадают имена (наименования линейных размеров, ряда абстрактных величин), не допускающие «наवेशивания» дополнительного сильного параметра с общеколичественным значением (*величина₂*, *размер₂*, *сила₂*, *интенсивность*; ср. **величина длины*). Имена средней части класса допускают такое наवेशивание (ср.: *величина температуры / ускорения / давления*), поскольку мыслятся и как имена физических явлений, и как имена абстрактных математических зависимостей (в научно-техническом контексте), и как собственно имена величин. Метонимические сдвиги между обозначениями таких концептуализаций могут быть малоощутимыми. Одним из регулярных путей сдвига является путь «явление-параметр-имя зависимости». Для периферии (например, имен *зарплата*, *запаздывание*, *ток* и др.) подстановка общеколичественного параметра в диагностический контекст (вместе с тестируемым именем) является обязательной, обусловленной требованиями узуса: *определить размер зарплаты / величину запаздывания сигнала / силу тока*. Такие имена, соотносящиеся с категорией количества, но тяготеющие к предтоному в широком смысле и неспособные самостоятельно, без дополнительного количественного оператора обозначать величины, будем называть именами квазипараметров (или, для краткости, квазипараметрами). Среди квазипараметров можно назвать ряд более-

менее представительных тематических групп: имена пространственных и временных аномалий (*интервал, перерыв, пауза* и др.); имена денежных выплат (*стипендия, пенсия, штраф, прибыль* и др.); некоторые имена с семантикой изменения количества (*увеличение, сокращение, усадка, подо-*

рожание и др.); имена явлений (*фон* [радиационный], *инфляция* и нек. др.). Квазипараметры неоднородны в плане соотношения предметного и количественного компонентов. В работе предполагается проделать анализ представителей периферийных групп.

Классификаторы в языке и семантические классификации в лингвистике

И. С. Сенина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

senina_irina@mail.ru

Строевые слова, классификаторы, семантические типы предикатов, металексика.

Summary. This research proposes one of the possible correlation between scientific classification of predicates and the classification within ordinal language. We try to find the similarity and the differences between several scientific linguistic terms and the classifiers used in the speech.

Строевые слова, выделенные в рамках функционально-коммуникативного синтаксиса, (классификаторы, реляторы, экспликативы [2: 40]) могут быть изучены в разных аспектах: с точки зрения своего состава, особенностей образуемых конструкций, роли в трансформационной парадигме предложения, привносимых оттенков значения и степени десемантизованности. Так, разряд классификаторов представлен преимущественно признаковыми существительными, а также событийными словами широкой семантики типа *процесс, событие, действие, состояние, факт, количество, качество, признак* и др. Основными структурами, которые они образуют, являются описания разных типов: *процесс оформления, действия по ликвидации, факт опознания, в количестве пяти, признак непрозрачности, особым способом* – и предикаты таксономической классификации: *Любовь – чувство особое; Такой певец – явление уникальное*. Классификаторы, как и другие строевые слова, участвуют в трансформациях предложения, изменяя семантическую и формальную структуры, но не влияя на денотативную [2: 200].

При изучении состава строевых слов, в частности классификаторов, отмечено их сходство и, в ряде случаев, совпадение с метаязыком лингвистических исследований, в частности классификаций семантических типов предикатов Т. В. Булыгиной [1] и О. Н. Селиверстовой [3]. (Выбор классификаций обусловлен используемой в них металексикой, объяснительная сила и возможность применения классификаций не рассматривались.) Лексические совпадения делают возможным сравнение классификации явлений действительности с помощью строевых слов, существующей в речи, и семантических классификаций, предложенных исследователями, т. е. классификаций собственно лингвистического материала. В определенной мере такое сопоставление отражает соотношение языковой и научной картин мира.

Наибольшее лексическое совпадение классификаторов со словами метаязыка наблюдается в случае с классификацией семантических типов предикатов Т. В. Булыгиной. В этой классификации *положения вещей* делятся на *качества, свойства, привычки, умения*, с одной стороны, и *явления* – с другой. *Статические явления* представлены *состояниями, ситуациями, положениями или позициями, местонахождением, или пребыванием. Динамические явления, или действия* при наличии признака контролируемости, делятся на *процессы, или деятельность, и события, или поступки*. Значительное количество используемых в классификации названий категорий соотносится с языковыми классификаторами: ср., *Истинное положение вещей ей не было известно* (НКРЯ) → *Истина ей не была известна; Были в его характере легкость и податливость — качества прелестные в общении...* (НКРЯ) → *Были в его характере легкость и податливость, которые прелестны в общении; Свойство консерватизма законов природы само может считаться универсальным законом природы* (НКРЯ) → *Консерватизм законов природы сам может считаться универсальным законом природы; ...такие больные не всегда лишены воспоминания о происшествии приступа...* (НКРЯ) → *Такие больные не всегда лишены воспоминания о приступе; ...мы наблюдаем процесс гиперактивации иммунной системы инфицированных животных...* (НКРЯ) → *Мы наблюдаем гиперактивацию иммунной системы инфицированных животных. Ориентированность на естественные языковые категории заявлена в описании классификации как прибли-*

женной по своей терминологии «к обычному словоупотреблению обиходного русского языка» [1: 8].

Однако совпадения в составе единиц не означают совпадения в классификационной сетке. Так, не все предикаты, которые обозначены в классификации Т. В. Булыгиной как *процессы*, будут классифицироваться соответствующим образом в языке: ср., *гореть* → *процесс горения*; *шуметь* → **процесс шума / *шумления*, только конструкция с описательным предикатом *шуметь* → *распространять шум* → *процесс распространения шума*. Другим примером расхождения классификаций является группа предикатов статических явлений. Классификатор *состояние* не может участвовать в трансформациях безличных конструкций, обозначающих состояние окружающей среды и человека: ср., *На дворе жарко* → *На дворе *состояние жары / *жаркое состояние*; *Ей холодно* → *Она в *состоянии холода*. Более подходящими в этой позиции могут быть классификаторы *ощущение* и *чувство*: *Ей холодно* → *У нее ?ощущение / ?чувство холода*.

О. Н. Селиверстова, создавая свой вариант классификации семантических типов предикатов, использует понятия, во многом совпадающие с вариантом Т. В. Булыгиной: *действие, процесс, состояние, качество*. Но объем этих понятий другой, и они дальше отстоят от классификации внутриязыковой. Так, разделение процессов и действий по роли субъекта [3: 116] противоречит существующему в языковом сознании разделению этих категорий по длительности. Например, предикат *беседовать*, который у О. Н. Селиверстовой попадает в класс действий, так как он осуществляется агентом, в речи будет трансформироваться с помощью классификатора *процесс*: *Мы беседовали и нашли в наших позициях много общего* → *В процессе беседы мы нашли в наших позициях много общего*. Также не соотносятся с классификаторами выделенные ею предикаты *класса*: *править, воспитывать, курить*. Классификатор *класс* применяется для трансформаций номинаций актантов, а не предикатов: ср., *Он правил три года* → *Процесс его правления продолжался три года*; *Считали, что он воспитывал сыновей сурово* → *Его действия по воспитанию сыновей считались суровыми; ?Считали, что он относился к классу (лучше типу / разряду) суровых воспитателей по отношению к своим детям*.

При этом О. Н. Селиверстова вводит понятие *факта*, отсутствующее у Т. В. Булыгиной. Под категорию фактов попадают результаты типа *вымыть*. Слово *факт* одновременно является классификатором, активно употребляющимся в языке: *Оперативники ворвались в номер, как только зафиксировали факт обмена товара...* (НКРЯ); *Факт подписания договора свидетельствует об ознакомлении Клиента со всей вышеуказанной информацией в полном объеме* (НКРЯ).

Сопоставление метаязыка лингвистических описаний и классификаторов высвечивает, таким образом, некоторые особенности внутриязыковой классификации реалий по сравнению с научной.

Литература

1. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
3. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Взаимодействие семантических классов глагола с именем существительным в сфере количественности

Д. Н. Солдатова

Военный университет Министерства обороны (Москва)

pirichka@gmail.com

Семантический класс, референтный статус, число существительного, вид.

Summary. Verb typology involves characteristics of actionality and quality that correspond to semantic classes differently. Boundaries between the semantic types often cannot be properly defined. The report shows how noun categories help to distinguish predicate types and how they interact with the verb categories of these semantic classes.

К настоящему времени можно выделить три типа классификации глаголов. В основе первого типа классификаций лежит тематический принцип (см., в частности, классификацию Л. М. Васильева; «Толковый словарь русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко (1999), 4-й том «Русского семантического словаря» под ред. Н. Ю. Шведовой, посвященный глаголам).

Для второго типа классификаций выделяют следующие признаки: статичность / динамичность, активность / неактивность (контролируемость / неконтролируемость), временная локализованность / нелокализованность (см., в частности, классификацию З. Вендлера, У. Чейфа, Т. Б. Алисовой, Т. В. Булыгиной, О. Н. Селиверстовой, Е. В. Падучевой и др.).

Наконец, третью классификацию предлагает Г. А. Золотова в «Коммуникативной грамматике русского языка» (1998). Критерии, лежащие в основе этой классификации, релеванты для понимания структуры текста.

Во всех классификациях, с типологией глагола связано противопоставление акциональности и качественности. Семантические классы могут пересекаться друг с другом по горизонтали и вертикали, следовательно, границы между ними могут оказаться размытыми.

Есть особые глаголы, которые могут обозначать разные семантические типы. Это глаголы типа *писать, читать, лепить, шить, вязать, рисовать* etc. В зависимости от способа выражения объекта, на которое направлено действие, одна и та же морфологическая форма глагола будет обозначать разный семантический тип предиката – действие, деятельность или занятие.

Поскольку целью занятия является само действие, то объект, на которое направлено действие, сам по себе становится неважен, он может быть любым, каким угодно, всяким, т. е. так называемое кванторное заполнение валентности, или, как еще обозначают такой тип конструкции, абсолютное употребление глагола.

Что касается противопоставления действия и деятельности, то в зависимости от формы числа объекта, один и тот же глагол будет обозначать разный тип предиката.

Что же касается противопоставления актуального и обобщенного, то эти значения по-разному будут взаимодействовать со множественным или единственным числом объекта. Если при глаголе в настоящем времени объект употреблен в единственном числе (но не в родовом значении), то на первый план выступает акциональность, ситуация может мыслиться как наблюдаемая, соответственно возможно и употребление глагола в настоящем актуальном, а глагол относится к семантическому типу действие. поэтому и возможно употребление в актуальном настоящем. Будет допускаться перфективация глагола: *написать статью / построить дом / слепить кувшин / связать свитер / отреставрировать кар-*

тину / возвести крышу etc. Отдельные глаголы допускают перфективацию посредством ограничительного способа действия: *написать статью / повязать свитер / полетить кувшин / порисовать картину*.

Если существительное имеет общереферентный статус, то на первый план выступает качественность, т. е. глагол означает характеристику и относится к семантическому типу деятельность. Отсюда невозможность употребления в актуальном значении. Также недопустимой оказывается перфективация ни при помощи парного глагола СВ, ни посредством ограничительного способа действия.

При объекте, который мыслится вполне определенным, осязаемым или наблюдаемым, глагол будет употребляться в настоящем актуальном. Вневременное настоящее требует при себе объект неопределенный, употребленный либо во множественном числе, либо в родовом единственном (= т. е. множество таких же объектов).

Другой группой, представляющей интерес с точки зрения взаимодействия глагольных и именных категорий в сфере количества, оказываются глаголы семантического типа состояние. Особенно интересными для взаимодействия глагольных и именных категорий в сфере количества из этого семантического типа оказываются перцептивные глаголы, а именно *видеть* и *слышать*. Независимо от формы числа объекта, на которое направлено действие, практически во всех случаях существительное будет иметь конкретно-референтный статус, а глагол – значение либо актуальное, либо узуальное.

Когда речь идет об объекте не из реального мира, то глаголы *слышать* и *видеть* обозначают характеристику субъекта, становясь качественными: *видеть картину – видеть призраков, слышать звук / звуки – слышать потусторонние звуки / голоса*. Причем для качественного значения характерно именно множественное число объекта, поскольку при единственном будет подчеркиваться акциональность: *Она увидела в зеркале призрака*.

Еще менее противопоставлены по акциональности – качественности оказываются другой подкласс этого семантического типа – это глаголы, которые означают отношения: *любить, обожать, презирать, уважать, ревновать, тосковать*. Эти глаголы обозначают чувство человека, которое не членится на фазы, а изменения состояния выражается другим производным глаголом (*полюбить, разлюбить, возненавидеть, затосковать, взревновать*) или словосочетанием (*начать уважать, перестать тосковать, продолжать ревновать*). Однако эти глаголы могут означать не конкретное состояние человека, а его характеристику. В данном случае частотнее будет существительное во множественном числе и значение может усиливаться за счет таких слов, как *всегда, весь / все, никогда, никто* etc.

Цивилизационные процессы и язык: от технократического мышления к техноморфной номинации

Н. П. Тропина

Херсонский государственный университет (Украина)

ninatropina@rambler.ru

Метафорическая номинация, типология метафор, языковая картина мира, стереотипы мировосприятия.

Summary. The paper focuses on the formation of a new technocratic () model of metaphor as the result of a new technocratic world view, a new technocratic stereotype perception of the world.

Современная лингвистика активно исследует, как менталитет того или иного этноса закрепляется в «привычных», трафаретных метафорах, как метафорически моделируется

мир. «Своеобычность» усматривается в том, какие сферы-доноры и сферы-реципиенты сопрягаются, какие признаки объектов «высвечиваются» в процессе метафоризации в

различных языках и культурах. Вместе с тем, давно замечено, что национальная специфика в узуальных метафорах и индивидуально-авторское своеобразие в художественных метафорах проявляются на достаточно «дробном» уровне выделения сопрягаемых в процессе метафоризации сфер действительности (В. Гак); чем выше уровень обобщения, тем отчетливее проявляются общечеловеческие типы метафоризации, что дало основания назвать их С. Ульману панхроничными, т. е. присутствующими у всех народов во все времена – это метафоры зооморфные, антропоморфные, пространственные, синестезические. Все более «дробные» типы могут быть сведены к этим архетипам.

Исследования номинативных метафор русского языка второй половины XX – начала XXI в., на основе которых возникли новые узуальные значения слов, зафиксированные словарями неологизмов, а также анализ различных текстов (научных, публицистических, художественных) этого периода, дают основания предположить, что появилась новая модель метафоризации, активность функционирования которой позволяет утверждать, что (по крайней мере, в русском языке) наблюдается рождение нового архетипа метафор, ср.: *машина власти, работать в полнакала, антенны и приемопередатчики китов, подключиться к проблеме, разруливать ситуацию*. Этим новым архетипом, исходя из наших наблюдений, является технократический архетип, на основе которого появляются новые узуальные и индивидуально-авторские метафорические номинации. Суть этого архетипа заключается в том, что сферой-донором, сферой-поставщиком такой метафоризации выступает техническая сфера – технические устройства, действия техники и над техникой, свойства техники. Этот молодой архетип антонимичен антропоморфному и зооморфному архетипам метафор. Объяснить феномен появления нового продуктивного типа метафоризации можно исходя из постулата о том, что при метафоризации задействованы сложные когнитивные процессы, коллективное бессознательное и стереотипы мировосприятия, имеющие цивилизационно-исторические и этнические основы, меняющиеся вместе изменениями дей-

ствительности, в которой существует все человечество и определенный этнос. В недрах традиционных типов цивилизации существовали стереотипы мировосприятия, при которых «мерилом» были либо природа – живая (животный мир) и неживая, либо сам человек как существо биологическое, психическое и социальное. Такие стереотипы мировосприятия (мировидения) породили традиционные типы метафор, названные С. Ульманом, как уже говорилось, панхроничными.

Вместе с тем, по свидетельству историков, социологов, политологов, начиная с XVII–XVIII вв. новой эры в рамках традиционной западной цивилизации «начала разбег» цивилизация техногенная, а во второй половине XX в. она охватила все человечество. Техногенная цивилизация породила техногенное (технократическое) мировосприятие и мышление. На базе техногенной цивилизации сформировалось два типа общества – индустриальное общество и постиндустриальное общество. Неизбежным порождением техногенной цивилизации являлось возникновение технократического мышления и новых стереотипов мировидения. Результатом, «выходом во вне» технократического мировосприятия являются техноморфные (ранее мы использовали термин технократические) метафоры, появившиеся в художественном, политическом, социальном, научном, быденном дискурсах, которые выполняют либо номинативную функцию, либо совмещают эту функцию с функцией характеризующей, оценочной, художественной. Особенно много техноморфных номинаций в сленгах, однако этот тип метафорической номинации широко используется в научно-популярных, политических, художественных дискурсах.

Ср: *Мало кто знает, что Чехия давно уже превратилась в транзитную зону перекачки денег из России на Запад* («МК», 13–20.12.2001); *На 2002 год Путин и К⁰ запланировали запуск множества самых разнообразных реформ: коммунальной, судебной, социальной...* («МК», 29.11–6.12.2001); *Они используют фолиевую кислоту в качестве «буксира» для доставки лекарств раковым клеткам* («Зеркало недели», 8.03.2002).

Коммуникативные функции локативов

Л. Н. Федосеева

Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова

LN-FEDOSEEWA@yandex.ru

Локатив, семантика, коммуникативная функция.

Summary. The paper defines the communicative functions of locative, identifies certain patterns in this area. It is concluded that the importance of considering this aspect of the statement to ensure effective communication.

Способность слова передавать ту или иную семантику определяется его частеречной принадлежностью, лексико-семантическим вариантом и способностью нести те или иные субъективные смыслы. А для слов с ограниченной коммуникативной функцией важной оказывается и их позиция в коммуникативной структуре предложения.

Слова-локативы могут иметь разные коммуникативные функции, с ограничениями или без них. Например, локативное наречие *тут* выступает в разных коммуникативных функциях: 1) темы: *Тут мы остановимся*; 2) ремы диктальной: *Сядем тут*; 3) ремы модальной: *Где вы вчера оставили книгу?* – *Тут* (Термины Т. Е. Янко [3], интерпретация М. В. Всеволодовой [1]: в концепции Янко модальной считается верификативная, т. е. «да/нет» рема в однословном ответе на общий вопрос: *Собрание было вчера?* – *Да, вчера*. Однако, как отмечает М. В. Всеволодова, наблюдения показали, что именно такая рема снимает ограничения на употребление некоторых слов в однословном ответе. Поэтому в качестве самостоятельной позиции модальной ремы М. В. Всеволодова выделяет именно однословный ответ на частный вопрос.); 4) парентезы (парентеза как понятие коммуникативной лингвистики – это частный случай безударной позиции между темой и ремой): *Вы тут не командуйте*.

Наречие *здесь* в значении «в месте, где нахожусь я» синонимично наречию *тут* и выступает в тех же коммуникативных функциях. Его лексико-семантический вариант со значением «в этой ситуации, в этом событии» используется только в парентезе.

Наречия *где* в значении *где-нибудь* (прост.), *откуда* в значении *откуда-нибудь*, *откуда-то* (разг.) выступают только в парентезе: *Получишь откуда приглашение, скажи. Тебя давно не было. Отдыхал где?* (За внешней формой частного вопроса здесь скрывается общий, предполагающий ответ *Да, отдыхал* или *Нет, не отдыхал*).

Синонимичные наречия-локативы в разной степени способны занимать позицию ремы модальной, хотя в реме диктальной выступают свободно: *Мы можем встретиться где-либо?*; *Мы можем встретиться где-нибудь?* Но: *Где нам встретиться?* – *Встретимся не где-нибудь, а в Большом театре.* (Не **Встретимся не где-либо, а в Большом театре.*) *Мы съездим куда-нибудь?*; *Мы съездим куда-либо?* Но: *Куда бы нам съездить?* – *Съездим не куда-нибудь, а в столицу.* (Не ** Съездим не куда-либо, а в Большой театр.*)

Наречия *где*, *куда* могут выступать в одном предложении и в теме, и в реме: *Где его ждали, а где нет; Куда она заходила, куда нет.*

Наречие *куда* в значении *некуда* всегда занимает позицию ремы: *Куда нам спешить!* Ср.: *Нам спешить некуда!* В сочетании с *вот* это же наречие в значении «именно туда, в такое, данное, определенное место (разг.)» всегда в теме: *Таежная глушь, вот куда забросила меня судьба.*

Наречие *откуда* с частицей *вот* в значениях «именно из такого, из этого места (разг.)», «о сведениях, знаниях: именно из этого источника (разг.)» также используется только в теме: *Передали по радио: вот откуда я это узнал. Из столицы, вот откуда он приехал.*

Все отрицательные местоименные наречия с локативным значением рематичны: *Негде отдохнуть. Старику негде голову приклонить. Некуда поехать. Отступить некуда. Торопиться некуда. Дальше идти (или ехать) некуда. Неоткуда ждать гостей. Везде искали: нигде нет. Поезда не ходят, нидокуда не доберешься. Никуда не хочет идти. Никуда не обращался за помощью. Дорога в некуда. Ниоткуда не получает писем.*

Лексико-семантические варианты слов могут по-разному интонироваться в предложении в зависимости от коммуникативной функции. Так, слово *здесь* в значении «в месте, где нахожусь я» в позиции ремы акцентно выделяется, например: *Оставайся здесь; Мы встретимся здесь.* Этот же локатив в теме акцентируется наравне с другими словами в предложении, например: *Здесь будет город заложен* (Пушкин). В значении же «в этой ситуации, в этом событии» ударение всегда сдвинуто на следующее слово, лексема *здесь* оказывается в парентезе: *Ничего смешного здесь нет; Ничего выдающегося здесь не нахожу.* Таким образом, локатив *здесь* всегда в той или иной степени интонационно выделен, тогда как его лексико-семантический ва-

риант, находящийся всегда в теме, напротив, не акцентируется.

Г. В. Колшанский справедливо утверждает, что, «несмотря на абстрактный характер языкового знака, связанного с абстрагирующей деятельностью человеческого познания, в реальной коммуникации вновь объединяются конкретность и абстрактность содержания вербальных актов вследствие привязанности любой коммуникации к конкретным условиям общения, другими словами, вследствие неизбежного включения любого коммуникативного акта в контекст общения» [2, с. 12]. Учет коммуникативных функций локативов позволяет безошибочно их использованию в речи, позволяя актуализировать определенные смыслы адекватно ситуации.

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
2. Колианский Г. В. Контекстная семантика. Изд. 3-е. М., 2007.
3. Янко Т. Е. Обстоятельства времени в коммуникативной структуре высказывания // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 281–296.

«Шестоднев» Севериана Гавальского в контексте онтологической теории слова

О. В. Чевела

Казанский государственный медицинский университет; Казанская духовная семинария

olga-chevela@mail.ru

Герменевтика, имяславие, теолингвистика, философия имени.

Summary. In the paper is analyzed exegetical reception of a sacral etimologization and in a context of religious and philosophical views of the early Byzantine period. The continuity of the patristic views at the ontological nature of a word in the philosophy of a name comes to light and the doctrine “imyaslavie”.

Основополагающее значение для современной теолингвистики имеют идеи онтологической трактовки слова и языка, выдвигание языка в качестве центральной проблемы философии и богословия. Идея о тождестве языка и бытия положена в основу интерпретации и лексического анализа уже в первых богословских системах. Вопрос о собственном Имени сущности, как основы всех именовании в человеческих языках, является центральным пунктом в философии имени.

Дарованная Адаму способность именованья послужила основой для ряда лингвистических теорий, связывающих имя, сущность и действие. Именно здесь, в первых главах книги Бытия, обретают свои аргументы как сторонники имяславия, так и их оппоненты. Не углубляясь в аргументацию pro и contra, отметим лишь, что мнение, согласно которому Отцы Церкви отрицали взаимосвязь между именем и сущностью, представляется совершенно необоснованным. «Откуда же происходит имя? По мнению имяславцев – из недр божественного бытия. По мнению Святых Отцов – в результате таинственной творческой деятельности человека, устремленной к познанию Бога и раскрытию Его откровения» [Михайлов 2001: 81].

Объектом исследования является Шестоднев в библейской, герметической и христианской мистической традиции. Цель исследования – рассмотреть экзегетический прием этимологизации в контексте религиозных и философских воззрений ранневизантийского периода, выявить преемственность святоотеческих взглядов на онтологическую природу слова в учении имяславия и философии имени.

Следя теории о правильности имен, Севериан Гавальский отрицает случайность ассоциаций, лежащих в основе именованья (τὸ ὄνομα οὐκ ἐδόθη... ἀρῶς). Отождествление имени с определенными качествами или действиями также сближает его концепцию с традицией имяславия. Соименование свидетельствует о *сущностном* сходстве (по образу), на основании чего именованья человек (о Боге и ангелах), *огонь* (о Боге и человеке) следует понимать не метафорически, а как обозначение некоторых общих понятий или сущностных свойств:

ЧТО ДИВНИША СДМЪ БГЪ НАРЕЧЕТСЯ ОГНЪ ДЪ^ж И ЧКЪ НАРЕЧЕТСЯ. ГАЕТЪ СПЪ О СЪОЕМЪ ШЦЕ ЧЛБКЪ, ЧЛКЪ НКНЪ БШЕ ДОМЪ КЛЪКА... ЧТО ЧТО ПОМЫСЛИТЪ ЧКЪ О ИМЪНИ БЖЕСТВЪ БНЪМЪ. И НЕ РЕЧЕ БО ПРИТЧЮ, НЕ РЕЧЕ ПОДОБНО ЕСТЬ.

Отметим близость этой трактовки взглядам представителей русской феноменологической школы. Развивая теорию антиномичной природы слова и языка, С. Булгаков соотносит ее с категорией сущности и явления, основывая на ней возможность со- и переименования как в узком, так и в широком смысле (т. е. применение метафор).

Имена и вещи взаимосвязаны, имена раскрывает суть вещей (ἔθηκεν ὄνομα ἄξιον τοῦ πράγματος). Наконец, имена являются образами, идеями вещей: даже те имена, которые дает Адам, Бог определил Сам заранее (προετύπωσεν ἕσπερ τὰ ὀνόματα) но хотел показать, что суждения (τὰ δόγματα) Адама согласны с Божественной волей.

и смотри дикное. бгъ проокрази онк^т имена, помысли же показати ра^м образа наже согласовати адаловыма кечи^м. бжсткены^м сокѣто^м. наже имать писаніе показати... и пре^тповелѣ всакн^м, наже наречѣ адалмъ, сїа быша имена нхъ.

Феномен именованья связан с антиномией общего и частного, выраженной в терминах *вида* (εἶδος) и *рода* (γένος). Бог творит мир десятью словами, нарекая исходные общие понятия (οὐρανός, γῆ, θάλασσα, στερéωμα, ἡμέρα, φῶς, νύξ, καρπός, βοτάνη, χόρτος), Адам же дает конкретные именованья диким и домашним животным, птицам и пресмыкающимся. Бог именуется небесное, давая именованья светилам, Адам – земное (на земле находящееся) [Creat. 481]. Но еще ранее Филон Александрийский утверждал, что Адаму не было позволено Богом давать имена тому, что находится на небе. Представленная дихотомия восходит к платонической теории происхождения имен и категориям идеи, рода и вида. Влияние этой теории мы наблюдаем и у Климента Александрийского, соотносящего символику первого и шестого дня Творения с диалектикой монады и гексады, интеллигибельного и чувственного.

Соображения по поводу истинности имен, тождестве имени и вещи находят подкрепление и в других пассажах сочинения Севериана: так, он высказывается в пользу точности именованья дня словом ἡμέρα, сближая его с ἡμερον «кроткий». И здесь прослеживается влияние платонической традиции: по одной из версий, ἡμέρα происходит от слова ἡμερον «кроткий», потому что «своей мягкостью укрощает все живое». В другом пассаже тезис о единой природе божественного огня, из которого образованы и светила, и ангельское естество, подкрепляется собственно лингвистиче-

скими аргументами об общности именовании *ἀστραλή* «молния» и *ἀστὴρ* «звезда, светило». Данное наблюдение также восходит к сочинению Платона «Кратил, или о правильности имен», где замечено, что звезды (*ἀστέρεις*) называются так, видимо, по сходству с молнией (*ἀστραλή*).

Таким образом, природа имени включает два момента: 1) онтологический – имя определяет сущность вещи (идея вещи); 2) гносеологический – имена служат средством познания природы вещей и средством выражения этого по-

знания в форме суждений (герменевтический момент понимания и интерпретации). Подобный диалектический подход весьма далек от однобокой схоластической схемы, в которую некоторые исследователи пытаются уложить и патристику, и взгляды представителей имяславия. Принципы истолкования, восходящие к учению стоиков и платонической традиции, как и авторская трактовка происхождения имен, находят параллели в апокрифах и герметических текстах.

Грамматика семантики

Л. О. Чернейко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

avollis@mail.ru

Грамматика, семантика, прагматика, конвенциональная образность, проективный смысл.

Summary. In the present paper, the term «grammar» is proposed to be broadened to include the level of lexical semantics. Within this theoretical framework, the grammaticality of relations between language units is determined not only by logical systems of semantic markers, as is typical of structural semantics, but primarily by the symbolism of the projective meanings (mappings) of abstract entities that define conventional imagery for the words which denote respective concepts.

1. С термином «грамматика», как и с другими базовыми терминами лингвистики («фонема», «лексема», «денотат»), связаны различия в понимании стоящего за ним объекта, а семантическая «биография» термина определяется географией лингвистических учений. Многие отечественные и зарубежные исследователи языка сходятся во мнении, что традиционная грамматика нуждается в пересмотре как ее объекта, так и инструментов, о чем в свое время писал Ф. де Соссюр, утверждая, что между морфологией, синтаксисом и лексикологией «не может быть никаких заранее начертанных границ». Сопоставление базовых положений концепций А. М. Пешковского и Р. Лангаккера позволяет выстроить аргументацию, раздвигающую установленные традицией границы грамматики, и ввести в качестве ее законного научного объекта лексико-семантический уровень языка. А. М. Пешковский (статья 1925 г.): «Грамматика начинается только там, где не только звуки, но и значение слова признается цельным, разложимым, расщепленным на отдельные элементы» – «материальные» и «формальные» принадлежности. Лангаккер, отстаивая «коммуникативную» модель языковой структуры, в которой лексика, морфология и синтаксис образуют «континуум символических структур», считает, что грамматикой охватываются все факты языка при условии, что они имеют статус конвенциональных единиц, составляющих «реестр его символических ресурсов», в который включается и грамматическая форма как «конвенциональная модель» структурирования содержания. Особое внимание уделяется им «конвенциональной образности», охватывающей альтернативные способы ментального конструирования (концептуализации) одной и той же ситуации (*стакан полупустой – стакан наполовину полный*) и «траекторию композиции» как простого (символически сложное слово), так и сложного (предложение) языкового выражения. Что касается лексической семантики, то сформулированные в рамках концепции когнитивной грамматики два положения имеют к ней прямое отношение: а) лексические единицы характеризуются внутренней, «символической сложностью», различаясь по степени ее членимости, производной от возможности выделять в их содержании «более мелкие символические единицы»; б) «чем больше схематичность символической единицы, тем больше вероятность того, что она попадет в традиционно-признанную сферу грамматики» (Лангаккер).

2. Концепция грамматики А. М. Пешковского и Р. Лангаккера (членимость содержания и конвенциональная образность) позволяет подойти к грамматическим позициям к анализу и объяснению особого рода словосочетаний, в которых реализуется так называемое «связанное» значение слова (*горький*: опыт, упрек, истина, разочарование – *сладкий*: сон, улыбка, слово, грезы; *искать / найти*: правду, истину, компромисс, опору – *потерять* веру, покой, терпение, совесть). Структурная семантика квалифицировала глагольную сочетаемость непредметных субстантивов как поверхностную (лексическую, узуальную), сосредоточив внимание на глаголах, воплощающих при произвольно вы-

бранных субстантивах определенный глубинный смысл-параметр из списка ЛФ-параметров (модель «Смысл-Текст» и построенный на ее базе проект «Словаря глагольной сочетаемости непредметных имен»: <http://dict.ruslang.ru>). Представители коммуникативно-функционального направления лингвистики (М. В. Всеволодова и ее ученики), понимая язык как единую работающую структуру, термином «грамматика» предлагают охватить все факты, где обнаруживается действие языкового механизма. Современная теория словосочетания, разработанная в рамках КФГ, определяет описательным предикатам (ОП) типа *дать совет (советовать)* особый статус, отличающий их и от создаваемых по грамматическим моделям свободных сочетаний (*дать книгу*), и от воспроизводимых фразеологических единиц (*дать дуба*). Один из видов ОП представляет собой развертку глагола, которая квалифицируется как альтернативный способ грамматического оформления информации в предложении. При этом исследователи отмечают, что далеко не все глаголы с соответствующими грамматическими параметрами имеют своим синтаксическим коррелятом ОП (*учинить укушение* – эту развертку глагола *укусить* А. М. Пешковский приводит как пример «языковой неуклюжести»), объяснение чему кроется в семантике «неразвертываемых» глаголов. Между тем в языке много таких словосочетаний, которые по своей формальной структуре аналогичны ОП-1 (с разными экспликаторами). Это массив абстрактных имен-субстантивов (АИ), за которыми стоят значимые для культуры духовные сущности (ценности) и которыми социум «измеряет» действительность («ключевые слова, «культурные концепты»). Но размышление об этих эмпирически пустых сущностях (Деррида назвал «невозможными для опыта» «неразрешимыми» предметами дар, веру, смерть, дружбу, справедливость) требует их овеществления, наглядности, что достигается проекцией абстракций на предметы физического мира. По этой причине абстрактные субстантивы практически не имеют своих собственных предикатов и обрастают в ходе речевой деятельности предикатами вторичными – в основном это глаголы физического действия и дескриптивные прилагательные в их переносных связанных значениях: *отстоять истину в споре* (не = *отспорить*), *дать свободу* (не = *освободить*). Существенное отличие «связанных» сочетаний непредметного имени с глаголом (*проглотить обиду*) от описательных предикатов (*нанести обиду = обидеть*) состоит в их грамматической безальтернативности – в синтагматической необходимости при передаче модусов невидимой сущности соединяться ее имени с «вторичными» глаголами и прилагательными, фиксирующими эмпирический опыт. Если в лингвистическом описании словосочетания сфокусироваться не на глаголе – семантической функции от имени, а на имени (на АИ), задающем топик суждения, то в его «фразеологическую парадигму» (термин В. Г. Гака) попадут члены достаточно хорошо изученных и расклассифицированных описательных предикатов, некоторые из которых находятся с сочетаниями «проекциями» в отношениях пересечения (например, ОП-1 с экс-

пликаторами *звучать, вводить, вселять, осыпать, погрузаться, впадать*).

3. «Вещный» портрет абстракций неоднороден и противоречив: *свалка свободы, тиски свободы, хрупкий организм свободы, свобода безысходности, свобода не в подым* (А. Солженицын); *уважать свободу, дать свободу, вернуть свободу, нарушить свободу, лишит свободу, ограничить свободу, купить свободу, расхлебывать свободу; когда налетела свобода, почувствовали удушье; На человека возложена свобода* (Л. Баткин); *Но мы получили главное – свободу. Сегодня все пользуются ее плодами*. Прототипом этого портрета является не что иное, как сложившаяся в культуре социума «конвенциональная образность» стоящего за именем абстрактного феномена, дающая представление о различии в оценке и понимании свободы. Диалоги, разворачивающиеся вокруг свободы, далеко не всегда направляются логикой мышления, рациональностью: *Х. Иерархия – это структурированность, это живое дело. А свобода – это рыска на болоте, безграничная такая, никакой структуры, сплошное звание. – У. Единственное, с чем я не согласен, так это с тем, что свобода – болото. Свобода – это не болото. Свобода – это ветер* (ТВ. «Тем временем»). В современной разговорной речи метафорика абстрактных сущностей является текстопорождающей, а грамматика традиционно нацелена на объяснение правил текстопорождения. Но бесспорный факт символичности содержаний АИ не является достаточным аргументом для «грамматикализации» этого объекта. Более широкое определение А. М. Пешковским грамматики как науки, которая устанавливает членение не только слова, но и «речи-мысли», наметило перспективу такого описания значения слова, которое в структурной семантике получило название «компонентный анализ». Однако содержание слова логикой постижения мира не исчерпывается, поскольку логика и вырастает из символики, мифологии как дологической формы мышления, и обрастает ею в процессе постижения умопостижаемого мира. Проведенные исследования текстов разных жанров, включая философские и лингвистические, подтверждают тезис Лангаккера о «схематичности символических содержаний». Что касается текстов научных, то анализ сочетаемости базовых терминов той или иной дисциплины (а эти термины по семиотическому статусу в основном АИ) позволяет сформулировать следующую закономерность: чем больше АИ приходится на пространство текста, тем больше имплицит-

ной конвенциональной образности содержит текст вопреки приписываемой ему неметафоричности.

4. Единницей измерения формы ассоциативного ореола АИ может служить термин «проективный смысл» (Л. О. Чернейко), который в противоположность термину «коннотация» (и даже «вещная коннотация» – В. А. Успенский) является инструментальным термином активной грамматики. Он ориентирован на моделирование конвенциональной образности ассоциативного (символического, мифологического) пространства семиотизированной абстрактной сущности через ее проекции на предметы эмпирического опыта носителей культуры, обуславливающие сочетаемость имени этой сущности с глаголами, прилагательными, а также с пространственными предлогами. Проективные смыслы – это мера отношений между невидимыми сущностями, а также ассоциативным ореолом содержания имен, их называющих. В этом термине снято противопоставление образов логических и чувственных. Метод выявления проективных смыслов абстрактной сущности состоит: а) в анализе актантной структуры буквального значения сочетающихся с ее именем «вторичных» глаголов, что позволяет составить список имплицитных метафор; б) в обобщении проективных смыслов в «лексикоды» (термин У. Эко) на собственно семантической основе (разграничение прагматики и семантики в этом случае не релевантно); 3) в сопоставлении лексикодов разных абстрактных сущностей (resp. их имен) для обнаружения их повторяемости, что обуславливает возможность схематического представления символического пространства в зависимости от степени его членности. Повторяемость проективных смыслов в ассоциативном пространстве содержания разных имен дает возможность его членения, а комбинацией проективных смыслов можно задать искомое имя (как, например, в загадке-шутке: она может быть *львиной* и в нее можно *войти* = «доля»). Схематичность символического пространства АИ по-новому высвечивает лингвофилософскую проблему языковой формы. Поскольку проективные смыслы и их инварианты (лексикоды) напрямую связаны с правилами построения словосочетаний с абстрактным субстантивом, постольку их дальнейшее изучение внесет вклад и в грамматику словосочетания, и в философию грамматики, расширив границы ее объекта введением тех фактов, которые традиционная грамматика не считала научными, но в которых, тем не менее, обнаруживается действие языкового механизма.

Тюркизмы как отражение диалога культур в казахстанском газетном дискурсе

М. Т. Шакенова, М. А. Измайлова, Л. Е. Токатова

Национальная академия образования им. Ы. Алтынсарина, Павлодарский государственный педагогический институт

Maigul1379@mail.ru, ja16m@mail.ru, TokatovaL@mail.ru

Тюркизмы, тюркско-русские языковые контакты, казахизмы, газетный дискурс.

Summary. The work deals with the specifics of functioning of tyurkizm in the Kazakhstani newspaper discourse and illustrates special ways of tyurkizm explication.

Проблема изучения тюркско-русских языковых контактов, а именно тюркских элементов в русском словарном составе, имеет давнюю традицию (работы И. Г. Добродомова, Г. Я. Романовой, А. Н. Кононова, Л. А. Кубановой, Н. А. Баскакова, К. Р. Галиуллина, Г. Р. Муратовой, Э. В. Севорьян, Р. А. Юналеевой и др.). Для определения этого феномена используют термины *тюркизм* (Н. К. Дмитриев, Х. Х. Махмудов, Л. П. Ефремов); *казахизм* (М. М. Копыленко, З. К. Ахметжанова, Т. У. Жолтаева), *туркменские заимствования* (О. Назаров, А. Х. Джумалаков), *башкирские заимствования* (Р. Халикова, Е. М. Смирнова), *киргизские заимствования* (И. Бажина, А. К. Абдульманова), *узбекизмы* (К. Н. Нишанбаев, Л. Емельянцева), *якутская лексика* (К. Платонова), *восточная лексика* (Р. Бигаев, И. У. Асфандияров), *ориентализмы* (Г. Гилазетдинова), *среднеазиатская лексика* (И. Е. Гальченко, А. Е. Супрун), *экзотическая лексика тюркского происхождения* (К. Сапаров). Наиболее распространенной является дефиниция тюркизма, предложенная в трудах П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша, С. Е. Малова и других ведущих тюркологов: тюркизм – это заимствованное из тюркских языков слово тюркского происхождения [2].

Тюркизмы представляют собой продукт аккультурации между славянскими и тюркскими народами, свидетельстве интенсивных языковых контактов, т. к. описывают определенные фрагменты действительности и фиксируют специфические реалии с идиотэнической семантикой, отражающей ментальность казахстанцев. Тюркизмы заполняют языковые, культурные, стилистические лакуны, возникающие при описании собственных народу реалий (традиций, быта и т. д.) и требуют дополнительной экспликации семантики, лежащей в национально-культурных особенностях жизни тюркских народов. Тюркизмы в «казахстанском» варианте русского языка [4] – лингвокультурологические феномены, обладающие своеобразным полем смыслов, развившихся в результате расширения языковой картины мира носителей русского языка под влиянием казахского языка. Примерами тюркизмов как элементов этнокультурной лексики служат названия природных явлений (*буран*); термины общественных отношений (*султан, хан, Елбасы, мырза*); термины родственных отношений и половозрастной классификации людей (*аксакал, ата, ага, аже, бажа, келин*); названия родов (*аргын, каракипчак*); лексика материальной культуры (*тен-*

ге, юрта, алтын, чапан); лексика духовной культуры: слова, относящиеся к мифологии, религии, фольклору и обрядам (рамазан, ораза, курбан-ай, айт, наурыз-мейрамы), и слова, относящиеся к духовной жизни людей, образованию и воспитанию (кобыз, домбра, алтыбакан, асык).

Тюркизмы как показатель взаимодействия двух лингвокультур исследованы на материале русскоязычных газет Казахстана – страны, в которой взаимодействуют языки казахского и русского этносов. Взаимосвязь культур играет решающую роль в формировании специфической концептуальной картины мира казахстанцев: длительные лингвоэтнические контакты способствовали активному проникновению тюркизмов в русский язык. «В условиях контактного двуязычия образуется поле соприкосновения языков и культур и формируется особая коммуникативная среда» [3]. Современные журналисты совершенно свободно используют тюркизмы, так как личность на рубеже двух лингвокультур формируется под влиянием родного этноса и испытывает влияние культуры другого народа.

Так, Ж. К. Дарбаева при анализе заголовков публикаций в газетах выявила, что взаимодействие и взаимовлияние двух лингвокультур охватывает различные стороны жизни и проявляется в сочетании элементов культуры казахского и русского народов: «Наурыз и зимние колядки» (СК 21.03.1995), «И Баба Яга, и Батыр» (СК 3.06.1996), «Русская тройка и байга» (СК 20.03.2001), «Играй, гармонь, звени, домбра» (СК 4.07.1998), «Мечеть есть, церковь будет» (СК 9.07.1997), «И казахша курес, и русская лапта» (СК 3.07.1996) [1].

Республика Казахстан – межэтническое государство, в периодической печати которого используются наименования из разных религий и культур: «Поэтому каждый верующий, будь он мусульманином или христианином, иудеем или буддистом, приверженцем другой религии, должен жить и работать в правовом поле нашего государства» (ЮК 05.09.2011); «В колокол, установленный в центральном офисе ООН, звонят два раза в год: в первый день Наурыз-мейрамы – день весеннего равноденствия и в международный день мира 21 сентября, когда происходит осеннее равноденствие» (ПШ 16.09.2011); «Будь то пицца или кебаб, или какая-то опция сервиса» (КП 10.06.2011). Однако в газетах чаще встречаются слова, характеризующие восточную культуру и мусульманскую религию: «Я читаю намаз в своем кабинете» (КП 16.09.2011); «Чего стоит одно только его заявление: «Передать наурыз-коже нашим потомкам является нашей главной целью!» (САМ 28.10.2011); «К сожалению, в прош-

лом номере газеты ошибочно опубликован график оразы, распечатанный на жителей другого региона» (ЮК 05.09.2011); «Священный месяц Рамазан» (ЮК 05.09.2011).

Значительная часть тюркизмов хорошо знакома читателю и не требует перевода или особых способов включения в текст. Однако в некоторых случаях авторы используют специальные приемы экспликации тюркизмов в газетный текст [5]: переводной способ: «Вставки из камней в народе именуются словом тас (камень) и коз (глаз)» (ЭК 09.09.2011), «Секретарь маслихата Бахыт Паванов является своим (бабаей) сенатора Парламента Республики Казахстан – Жумабаева Ермека Жиалгинновича» (САМ 28.10.2011 – 03.11.2011.); прием перифразы: «<...> в первый день Наурыз-мейрамы – день весеннего равноденствия <...>» (ПШ 16.09.2011); прием лексикографического толкования: «А еще показала свое главное богатство – десяток лоскутных одеял – торкорпе» (ЭК 09.09.2011); способ толкования тюркизмов через контекст: «Наоборот, в ее рационе – самая скромная пища: айран, курт, коже, баурсаки, молоко, мясо» (ЭК 09.09.2011.). Для формального включения в текст тюркизмов могут использоваться определенные графические знаки: скобки, тире, кавычки и др.: «И то сказать, южане – народ гостеприимный, был бы повод, а „бешбармачить“ мы умеем» (САМ 28.10.2011–03.11.2011).

Широкая представленность тюркизмов в казахстанском русскоязычном газетном дискурсе показывает языковые и культурно-прагматические особенности нашей страны как полиэтнического государства, свидетельствует об отражении процессов русско-казахской интерференции в языке и культуре двух этносов, о появлении новой языковой личности, сложившейся в условиях контактного двуязычия, взаимосвязи двух лингвокультур.

Литература

1. Дарбаева Ж. К. Тюркизмы в языке периодической печати Северо-Казахстанской области. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Петропавловск, 2003.
2. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.: Л., 1951.
3. Табакова З. П. На рубеже лингвокультур // Вестник СКГУ. 1998. № 3. С. 231–237.
4. Чайковская Н. Н., Осенчук Л. П. О некоторых тенденциях влияния казахского языка на русский язык в Казахстане [http://inlang.linguanet.ru/ScientificWork/ScientificArticles/detail.php?ELEMENT_ID=2493&SHOWALL_1=1].

Семантика оценочного прилагательного *странный* по данным словарей и анализа его сочетаемости в текстах разных жанров

Е. В. Шилова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
alyona_lav@mail.ru

Лексикографический анализ, сочетаемость лексической единицы, оценочное прилагательное.

Summary. The theses consider the semantics of the adjective “strange” and the research of its combinatory in the texts of different genres. The lexicographical analysis of the adjective “strange” gives an opportunity to find out new meanings and special features of functioning of this adjective.

В современном русском языке прилагательное *странный* входит в число наиболее частотных оценочных прилагательных, что подтверждается данными «Частотного словаря современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка)» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова. В частотном списке имен прилагательных, состоящем из 1002 лемм, прилагательное *странный* занимает 87 место. Индекс его частотности (число употреблений на миллион слов корпуса) довольно высок и равняется 159,5 по текстам разных жанров, что свидетельствует об особом статусе данного оценочного прилагательного среди его «семантических соседей» и других слов оценочной семантики.

Лексикографический анализ оценочного прилагательного *странный* позволил уточнить его дефиниции, представленные в толковых словарях (С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, БАС, МАС). В словарях преобладает синонимический способ его толкования, без указания на релевантные семантико-прагматические компоненты. Уточнение семантики прилагательного *странный* было проведено на основе лексико-

графической концепции Ю. Н. Караулова [2] по частной методике составления лексикографических семантических множеств, разработанной Л. О. Чернейко (спецкурс «Лексико-семантическая система языка и методы ее описания». МГУ имени М. В. Ломоносова. 2004–2005). Согласно данной методике, каждое опорное прилагательное в дефиниции исходного слова (в данном случае прилагательного *странный*) рассматривается поэтапно как вокабула, что позволяет установить состав любого лексикографического семантического множества в рамках, заданных словником. Прилагательное *странный* объединяет вокруг себя такие лексические единицы, как *дивный*, *диковинный*, *изумительный*, *необыкновенный*, *необычный*, *необычайный*, *непонятный*, *непривычный*, *оригинальный*, *особенный*, *поразительный*, *своеобразный*, *удивительный*, *чуждой*, *эксцентричный*. Все члены микрополя объединены инвариантным смыслом ‘отклоняющийся от нормы’, а различаются дифференциальными семантиками, в которых профилированы основания оценки, обуславливающие выбор наиболее подходящего к ситуации

прилагательного в каждом конкретном случае. Это 1) 'отклоняющийся от нормы в силу своей непривычности, необычности' и 2) 'отклоняющийся от нормы в силу непонятности, нелогичности'.

Семантический объем прилагательного *странный* значительно шире того содержания, которое стоит за другими членами выделенного множества: *странный* – это и 'непривычный, не такой как все / всегда', и 'непонятный', и 'чуждый, неприняемый'. Анализ текстов разных жанров позволяет говорить о преобладании употребления прилагательного в последнем из перечисленных значений, например: *Ведь многие наши современники Пикассо не понимают. Я считаю его великим художником, гениальным, странным для широкой публики* (Огонек. № 41. 2013).

В прилагательном *странный* есть отсутствующая в его семантических «соседях» информация об отношении субъекта оценки и к объекту оценки (параметру, на который непосредственно направлена оценка), и к носителю данного параметра – адресату оценочного суждения. Этой семантики нет ни в каком другом прилагательном множестве: *У Юльки его взгляд странный такой: помотрит – аж мурашки по коже* (из разговора студентов).

Отрицательные коннотации прилагательного *странный* в системе современного русского языка обусловлены в большой степени исторической связью его семантики с существительными *страна* (старославянизмом по происхождению) и *сторона* (русизмом), в частности с семей 'чужести', присущей русизму (ср.: *со стороны* = 'не свой, чужой'), что подтверждается данными словаря И. И. Срезневского.

Широкое содержание прилагательного *странный* проявляется в его сочетаемости. По данным НКРЯ, оно способно объединить оценкой разные по своему онтологическому статусу явления действительности, включая и сам язык (*странный взгляд, сон; странная мысль, раздражительность; странные речи, события*). Анализ сочетаемости прилагательного *странный* в конкретных текстах позволяет выявить дополнительные компоненты его значения, не зафиксированные словарями.

По данным «Статистического словаря языка Ф. М. Достоевского» А. Я. Шайкевича, это прилагательное является одним из наиболее частотных в идиолекте писателя: *Он [князь Мышкин] вдруг как бы что-то припомнил, как бы что-то внезапно сообразил, очень странное, что-то уж долго его беспокоившее* (Ф. М. Достоевский. Идиот); *Еще и теперь я не могу вспомнить эту повесть без какого-то странного сердечного движения* (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные). Основанием при выборе этого прилагательного тем или иным персонажем Ф. М. Достоевского могут служить не непривычность или непонятность того или иного феномена окружающей действительности, а, например, трудности в выражении мыслей главного героя романа «Идиот» князя Мышкина, которые, будучи понятны ему самому, с трудом облекаются в словесную форму. Отсюда еще одно основание оценки и, следовательно, добавочный компонент значения, не зафиксированный словарными дефинициями: 'странный как смутный, неопределенный, с трудом поддающийся вербализации'. Этот вывод подтверждается и частым употреблением прилагательного *странный* неопределенных местоимений, указывающих на ограниченность семантических ресурсов языка и являющихся маркерами «невывраженных смысловых компонентов» [1: 187]. Подобные примеры можно встретить в текстах других жанров: *Что-то странное в этом стихотворении есть... как это лучше сказать-то? Неритмичное оно какое-то!* (разговор на уроке); *Я испытывал такое странное состояние, видимо, то, что называется вдохновением* (Советский спорт. 09.07.2009).

Детальный анализ семантики оценочного прилагательного *странный* в текстах разных жанров позволяет извлечь дополнительную информацию о его семантико-прагматических особенностях.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Неопределенность признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
2. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

Финансовая лексика в современном русском языке: актуальные вопросы и перспективы изучения

Н. В. Юдина

Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
dr.yudina@mail.ru

Финансовая лексика, терминосистема, парадигматика, синтагматика, лингвистические тенденции.

Summary. The report reveals an attempt to systematise the existing pending issues in financial linguistics. Reviewing Russian and foreign linguistic experience and analysing the collected linguistic data the author determines the tendencies and suggests challenges for further research of financial term system in Russian philology of the XXI century.

Финансовая лексика с момента появления товарно-денежных отношений являлась и продолжает являться одной из наиболее востребованных групп слов в большинстве мировых языков. Ставшая объектом пристального внимания не только лингвистов, но и специалистов в области гуманитарного знания в целом, она прошла длительный путь развития и изучения на материале различных языков (см., напр., работы Н. С. Валгиной, Н. М. Карпухиной, С. М. Киршо, Е. А. Коналовой, Я. Монкоши-Богдан, В. Н. Санак и др.). Современные социально-политические и экономические условия глобализирующегося мира XXI века формируют предпосылки для появления все новых языковых единиц, что является основанием для расширения указанной тематической группы слов, а значит и для дальнейшего ее исследования и описания.

На основе анализа российского и зарубежного языковедческого опыта, а также посредством изучения языкового материала, извлеченного из средств массовой информации, Интернет-источников (2002–2013 гг.) и из Национального корпуса русского языка (всего более 10000 употреблений), выявлены следующие тенденции и перспективы исследования финансовой терминосистемы.

На наш взгляд, нуждаются в изучении следующие лингвотеретические проблемы функционирования финансовой лексики в современном русском языке:

1. До настоящего времени нерешенным остается вопрос о статусе финансовой лексики: часть лингвистов рассматри-

вает ее как составную и неотъемлемую часть экономической сферы, другие – предлагают выделять в отдельную тематическую группу.

2. Спорным в лингвистическом сообществе представляется вопрос об отношении финансовой лексики к терминосистеме: ввиду того, что подавляющая часть единиц данной лексической группы входит в активный запас носителей языка, возникает закономерный вопрос, могут ли подобные лексемы относиться к терминам или они являются элементами активного пласта общеупотребительной лексики. Иными словами, является ли финансовая лексика составляющей частью подробно изучаемого в настоящее время языка для специальных целей, развивающегося в ходе профессиональной коммуникации, или это неотъемлемый компонент «всеобщего» языка?

3. Не вполне решен в лингвистике XXI века и вопрос о парадигматическом статусе исследуемой группы лексических единиц: в работах различных языковедов указанная совокупность слов рассматривается и как лексико-грамматическая, и как тематическая группа. Вполне очевидно, что до сих пор в отечественном языкознании не описаны и системные отношения в сфере финансовой лексики.

4. Проблемным в современном языкознании остается терминологическое обозначение рассматриваемой группы лексики. Существование различных номинаций (ср., напр., *финансовая лексика, финансово-коммерческая лексика, коммерческая лексика*, а также *тематическая группа «Финансы*

и банковское дело», лексико-семантическая группа финансово-денежного обращения и мн. др.) обуславливает необходимость работы по приведению терминологии к логически выверенному единообразию.

Практико-ориентированные вопросы функционирования финансовой лексики охватывают две достаточно интересные и требующие отдельного исследования сферы.

1. В аспекте изучения одного языка выделяются следующие «проблемные зоны»:

- а) до настоящего времени не определена номенклатура языковых единиц финансовой лексики, границы описываемой группы размыты и точно не очерчены. Круг существительных, прилагательных и реже глаголов, относящихся к этой группе, не описан; он постоянно видоизменяется и трансформируется;
- б) непрерывное пополнение новыми финансовыми терминами требует постоянного лексикографического описания, создания словарей экономической лексики на уровне как одноязычных, так и полиязычных словарей. В последнее время подобные справочники стали активно разрабатываться, однако авторами их становятся в большинстве случаев специалисты в области экономической теории. В этой связи важнейшим представляется активное взаимодействие лексикографов и экономистов;
- в) отмеченное видоизменение анализируемой лексической группы обуславливает расширение сочетаемости входящих в нее слов, а также необходимость описания подобных изменений. Так, например, анализ функционирования прилагательных *финансовый*, *банковский*, *кредит-*

ный, *займный* в современном русском языке показывает, что наряду с «традиционными» сочетаниями (ср., напр., *финансовая система*, *банковская комиссия*, *кредитный чек*, *займный капитал* и др.) в XXI веке появился ряд новых образований (ср., напр., *финансовая грамотность*, *банковский терминал*, *кредитный продукт*, *займный источник* и др.).

2. В сфере сравнительно-сопоставительного описания языков следует выделить следующие нерешенные вопросы:

- а) наиболее подвижной характеристикой слов исследуемой группы лексики представляется их частотность: в разные периоды мировой финансовой истории, а также в разных языках на первый план могут выходить различные лексические единицы. Этот тезис нуждается в специальном изучении на материале рассматриваемой группы слов;
- б) обозначенные проблемы определяют важнейшее направление практического анализа слов, относящихся к финансовой лексике, которое заключается в определении необходимости заимствования экономических терминов и изучении соотношения «родных» эквивалентов и слов иноязычного происхождения, а также уточнения меры и степени овладения новыми экономическими терминами носителями каждого конкретного языка.

Таким образом, отмеченные тенденции и перспективы изучения финансовой лексики в современной науке о языке определяются решением ряда лингвотеретических и практико-ориентированных вопросов, отражающих основные проблемы функционирования данной группы слов в современном русском языке.

Секция Русская морфология

Семантика категории рода в поэтическом мышлении билингва

Н. М. Азарова

Институт языкознания РАН (Москва)

natazarova@gmail.com

Билингвизм, поэт-билингв, категория рода, семантика абстрагирования, средний род.

Summary. Thus Russian is a language with marked gender opposition. restrictions on gender conceptualization (gender opposition of mythological and ironic types) in Russian poetry are obvious. Bilingualism allows to conceptualize grammatical categories missing in one's native language. Gennady Aigui being bilingual gets over folk models of gender transformation and accomplishes the conversion from masculine gender to neutral one. The removal of traditional gender oppositions makes it possible to overcome the prohibition on levels of abstraction.

Билингвизм, как правило, изучается в модальности языковой несвободы, или структурной зависимости от грамматики родного языка, от его «деформирующего влияния», однако можно увидеть в билингвизме, в частности в билингвизме поэта, освобождение от когнитивного диктата конструкции или диктата парадигмы. Хорошим примером могут служить тексты известного русского поэта Геннадия Айги, первым родным языком которого был чувашский.

В поэзии существуют определенные ограничения на переосмысление категории рода, обусловленные неизбежным соотношением рода и пола; в результате модель сводится к гендерным переходам, что, в свою очередь, обуславливает появление иронической модальности. Так, для фольклора характерны, например, родовые трансформации с существительным *солнце*, которыми преодолевается соотносительность *солнца* со средним родом; сходная модель появляется и в поэзии, написанной как будто вне прямого следования фольклорной традиции («Необычайное приключение...» Маяковского). В поэзии на русском языке как языке с выраженной родовой оппозицией явно ограничение на степень концептуализации рода. Концептуализация рода с неизбежностью ведет к антропоморфному видению в мифологическом или ироническом вариантах; более того, родовая оппозиция мыслится как оппозиция именно мужского и женского рода, а не мужского и среднего или среднего и женского, а средний род вообще теряет возможность формировать какие-либо оппозиции.

В текстах билингва Айги концентрация существительных среднего рода больше не только узальной, но и внутрипоэтической: в характерном стихотворении «Заря: шиповник в цвету» из 35 слов (не считая союзов и предлогов) 17 представляют собой формы существительных, прилагательных и субстантивов среднего рода. В такой поэтике становится возможным оторвать категорию рода от семантики пола и таким образом избежать антропоморфной образности по заданной фольклорной модели. Если мужской род и употребляется вместе со средним, по отношению к Солнцу, то это должно быть абстрактное существительное (например «смысл»), нейтральное к семантике пола и никаким образом не ведущее к персонификации: *спокойное: Смысл-Солнце!*. Еще более интересна модель итеративной нейтрализации антропоморфной семантики без родового перехода: *и осмалось такое смотрящее умное Солнце / ТАКОЕ ОСТАЛОСЬ*, – демонстрирующая обратное фольклору движение – не от среднего к мужскому или женскому, а от среднего зависимого к среднему абсолютному.

Средний род способен воплощать семантику абстрагирования как обобщения (отвлечения) и одновременно – абстрагирования как транслирования предзаданной идеи. Именно поэтому субстантивированные прилагательные среднего рода являются типологической чертой русского философ-

ского текста: *невывразимое, непостижимое, родное и все-ленское* и др. В русском философском тексте вместо традиционной оппозиции «мужской род / женский род» присутствует регулярная семантическая оппозиция «средний род / мужской род», прежде всего в сочетании с местоимением *я* (*это Я, мое я vs. такой я, весь я*), где средний род маркирует понятийность и отвлеченный характер семантики, а мужской род – соотношение с конкретным индивидом, личностью.

Если в фольклорных текстах нейтрализация оппозиции средний – мужской род вела к превращению среднего рода в мужской (персонификации), то у Айги обратное движение – осуществляется переход не от среднего рода к мужскому, а от мужского к среднему: *но есть – не только представляемое: / есть светлое о д и н – в любой поляне: / как важно это для меня! – / то рода с в е т (одно и то же гласное: / поет – во всех местах в лесу / его один и тот же Бог)*. Конструкция «есть светлое о д и н» демонстрирует предельное рассогласование по роду, которое тем не менее невозможно приравнять к языковой ошибке. Это намеренное рассогласование не преследует цель подчеркнуть «неправильность» (этничность) высказывания. Это некоторая надязыковая конструкция, которую по отношению к русскому языку можно считать семантико-грамматическим окказионализмом. Мужской род оказывается подчиненным среднему, *один* читается как *единое* (*один = единое, светлое = единое*), точнее, *один* одновременно воспринимается как *единое* (как Оно и как Он). В результате конструкция *есть светлое один* делает возможным поэтически решить давнюю теологическую проблему: раскрыть тему сакрального неоплатонистически вне обязательной привязки к маскулиному божеству, но и не сводя сакральное к чистому пантеизму. Минимальные контексты у билингва способны выражать и идею совпадения мужского и среднего рода, при нейтрализации мужского рода. В заглавии стихотворения «И: ОБ УХОДЯЦЕМ» предложный падеж позволяет воспринимать субъект как «уходящий» и «уходящее» одновременно, фактически реализуя мечту философа С. Франка о том, что в русском языке не хватает грамматической формы, которая бы одновременно выражала идею «Непостижимый» и «Непостижимое».

Снятие привычных родовых оппозиций у Айги дает возможность снятия запрета на уровни абстрагирования. Выстраивается иерархия – средний род стоит выше мужского и женского – благодаря абстрагирующей потенции среднего рода.

Билингвизм позволяет по-новому концептуализировать категорию, отсутствующую в родном языке.

Язык большого поэта-билингва обладает более высокой не только по отношению к общепотребительному языку, но и по отношению к языку поэзии своего времени потенцией абстрагирования.

К вопросу об интенциональности в сфере грамматики

А. В. Бондарко

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)
abondarko@gmail.com

Интенциональность, значение, смысл, грамматическая семантика, категории вида и времени.

Summary. The proposed interpretation of the concept of intentionality is represented in such basic correlations as meaning and sense, cognitive basis and interpretational component of language meaning. Our approach to the considered problem is employed in the analysis of grammatical categories, functional-semantic fields and categorial situations.

1. При анализе интенциональности грамматических значений рассматривается их связь с намерениями говорящего, с актуальным (осознаваемым) речевым смыслом, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности. В полной мере проявляется значимость понятий «значение» и «смысл» при особом внимании к различиям между этими понятиями и их взаимосвязям. Существенно разграничение и соотнесение плана содержания единиц и категорий в языковой системе и смысла, выражаемого в различных речевых ситуациях. Проблема смысловой информативности (релевантности), связанная с возможным включением передаваемого содержания в фокус внимания участников коммуникации, актуальна по отношению не только к лексической, но и к грамматической семантике. Соотнося понятие интенциональности с характеристикой грамматических значений как элементов языковой системы и их речевых реализаций, мы затрагиваем одну из сторон общей проблемы взаимосвязи системно-языкового и коммуникативного аспектов в предмете лингвистических исследований.

2. В системе грамматических категорий и функционально-семантических полей наиболее интенциональны те категории, которые отражают актуальное в данном акте речи отношение обозначаемой ситуации к действительности. Имеются в виду, в частности, категории модальности, темпоральности, временной локализованности и персональности, охватываемые понятием предикативности, а также другие категории, которые отражают (могут отражать) «актуальное для говорящего» в передаваемом смысловом содержании. Таковы, в частности, категории с семантикой субъектности, объектности, качества, количества, пространства, бытийности, посессивности, обусловленности (условия, причины, цели, уступительности). Речевые реализации этих категорий могут быть актуальным элементом того смысла, который хочет передать говорящий.

3. Один из наиболее сложных вопросов – критерии и способы определения и верификации наличия или отсутствия признака интенциональности, а также степени его актуализации. При анализе грамматической семантики возможно использование вопросов-тестов типа «для чего употребляется данная форма?», «что хочет выразить говорящий при ее употреблении?», однако в целом интерпретация интенциональности связана со значительными затруднениями.

4. Смысловая информативность семантических функций в сфере грамматики представлена не только в живом акте речи, когда налицо и намерения говорящего, и процесс их реализации, но и в тех условиях, когда перед нами «готовый текст» и намерения говорящего выявляются как то, что было задумано при его создании. Создавая текст (художественного произведения, научного труда, письма и т.д.), автор стремится передать то или иное смысловое содержание, но в момент прочтения налицо лишь определенный результат реализации этих намерений. В таких случаях интенциональность выступает прежде всего как участие семантической функции того или иного языкового средства в смысле текста. Связь с намерениями автора существует, но в особом варианте: когда-то актуальные намерения представлены в их реализации. Вопрос «что хотел сказать автор?» может возникнуть, но отсутствуют условия непосредственного акта речи.

5. В семантике грамматических категорий четко выявляются сложные соотношения актуализационных и неактуализационных элементов. Одним из примеров может служить семантика глагольного вида. При употреблении глагольных форм совершенного и несовершенного вида выявляются различные сочетания актуализации «взгляда на действие» как элемента передаваемого семантического содержания и отсутствия такой актуализации. Следует подчеркнуть системно-языковую и речевую значимость свойства обязательности (облигаторности), присущего глагольному виду как грамматической категории. С обязательностью видовой оппозиции, охватывающей все глаголы и все глагольные формы, связан тот факт, что категориальные видовые значения характеризуются высокой степенью абстрактности. Следует учитывать, что видовым значениям далеко не во всех случаях их реализации свойственна непосредственная связь с намерениями говорящего в процессе речи. Существуют основания для характеристики глагольного вида как категории с элементами переменной актуализационной значимости. В известном смысле это промежуточный тип между актуализационными и неактуализационными категориями как основными группировками, выделяемыми по данному классификационному признаку. При анализе функционирования видовых форм необходимо учитывать сложные отношения, связанные с возможным отсутствием речевых проявлений связи с позицией говорящего.

6. Сложное сочетание интенциональных и неинтенциональных элементов в семантике грамматических категорий представлено при функционировании форм глагольного времени. Интенциональность значений этих форм четко проявляется при их употреблении в ситуативно актуализированной речи, создающей условия для явно выраженной противопоставленности временных планов с точки зрения момента речи (например: – *Кто-то к нам бежит*). При употреблении форм времени в ситуативно неактуализированной речи интенциональность временных функций может быть выражена не столь явно. Так, для научных работ, в которых речь идет о постоянных отношениях, характерен общий «темпоральный ключ» текста (план «настоящего постоянного»), который так или иначе отражается в содержании отдельных высказываний, но не подчеркивается, не акцентируется в каждом из них. Проявления «слабой интенциональности» характерны для нарративных текстов, особенно для художественного повествования, не связанного с подчеркнутой отнесенностью событий к тому или иному историческому периоду, с противопоставлением прошлого и настоящего.

7. Разграничение и соотнесение уровней семантики распространяется не только на отдельные высказывания, но и на целостные тексты. Речь может идти о понятиях «план содержания текста» (имеется в виду вербально выраженное языковое содержание в определенной речевой реализации) и «смысл текста». Денотативно-референциальная доминанта содержания текста усиливает тенденцию к смысловой эквивалентности при переводе. Напротив, четко выраженный интерпретационный компонент текста расширяет сферу неполной эквивалентности в ситуации перевода, повышает степень проявления идиозичности в семантическом содержании текста в целом.

О семантической категории рода у некоторых прилагательных

Н. Л. Васильев

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск)
nikolai_vasiliev@mail.ru

Прилагательные, грамматическая категория рода, семантическая категория рода

Summary. The paper is devoted to a specificity of realization of gender in adjectives system (grammatical and semantic gender).

Традиционно считается, что прилагательные не имеют имманентных признаков категории рода и их соответ-

ствующая характеристика детерминирована существительными.

Так, В. В. Виноградов пишет: «...формы рода <...> прилагательных выражают не внутренние оттенки качественных значений, а лишь указывают на синтаксическую связь прилагательных с именами существительными...» [2: 151]. В академической грамматике сообщается: «...морфологические значения рода у прилагательных выявляются только в сочетании с определяемыми существительными...» [5: 545].

Однако не все прилагательные грамматически подчиняются существительным; встречаются исключения, их рассмотрение и входит в наши задачи.

Во-первых, отдельные прилагательные обладают гендерными семантическими характеристиками и, следовательно, своеобразной родовой (женский, мужской) грамматической спецификацией (*беременный, брюхатый, женатый, замужний, неженатый, незамужний, уроденный, холостой*). Семьи мужского или женского начал входят в значение указанных прилагательных в качестве их внутреннего дифференцирующего признака и вовсе не определяются родовыми характеристиками существительных, а если и зависят от последних, то лишь формально. Данные прилагательные в чем-то близки к именам существительным и в известном смысле «управляют» ими, предопределяя выбор родовой парадигмы: *беременная* (женщина), *женатый* (мужчина), *уроденная* (Голицына) и т. д.

Во-вторых, у ряда прилагательных, имеющих фразеологически связанные значения, тоже присутствует, хотя и в «зачаточном» виде, семантическая категория рода, например: *беспобудный, беспросыпный, блудный, закадычный, заклятый, карий, окладистый, покладистый, преклонный*. Одни из них используются в речи только или преимущественно в мужском роде (*блудный, закадычный, заклятый, преклонный*), другие в женском (*окладистый*), третьи допускают оба указанных грамматических рода (*карий, покладистый*); четвертые функционируют в мужском и среднем родах (*беспобудный, беспросыпный*). Реализация прилагательных лишь в женском и среднем родах нам не встретилась: вероятно, по той причине, что семантическая категория женского рода гендерно выражена более ярко и не допускает компромиссов... Исключения из подобной «верной» реализации категории рода прилагательных, конечно, есть, но они основываются на возможностях переносного и окказионального употребления любых семантически и грамматически связанных слов, как, например, существительных *singularia tantum* в несвойственном им множественном числе (*любвей* и т. д.).

Толковые словари русского языка, как правило, отражают такую ограниченность значений прилагательных, но порой противоречиво в плане корреляции грамматических характеристик, семантических определений лексем и иллюстраций их речевого использования. Например: «БЕСПРОБУДНЫЙ, -ая, -ое; -ден, -дна. 1. О сне: глубокий и продолжительный. 2. *полн. ф.* О пьянице, пьянстве: безудержный, непобудный» [3], «БЕСПРОБУДНЫЙ, ая, ое; ден, dna, дно. 1. Очень крепкий, глубокий; непобудный (о сне) <...>» [1]; «БЛУДНЫЙ¹, -ая, -ое: **блудный сын** (устар.) – о непочтительном сыне, ушедшем из родительского дома и затем вернувшимся... а также вообще о человеке, раскаявшемся в чем-н. после постигших его неудач» [3], «1. БЛУДНЫЙ, ая, ое. Блудный сын. По евангельской притче – непокор-

ный сын <...>» [1]; «ЗАКАДЫЧНЫЙ, -ая, -ое: **закадычный друг** или **приятель** (разг.) – близкий, задушевный друг» [3], «ЗАКАДЫЧНЫЙ, ая, ое. *Разг.* Близкий, задушевный (о друге, приятеле, о дружеских, приятельских отношениях). – *Мы с твоим баринком были друзья закадычные, жили вместе.* Лерм. Максим Максимыч. *Пошла у них с Андряном дружба закадычная.* *То он у Андряна в дворничкой, то Андряна у него в горнице.* Гл. Усп. Кой про что. – *А наши девушки, – продолжала Ганна. – У меня три подружки. Самая закадычная – Галка.* Дягил. Вечн. дерево <...>» [1]; «ЗАКЛЯТЫЙ, -ая, -ое. О враге: непримиримый, ненавистный. 3. *враг*» [3], «ЗАКЛЯТЫЙ, ая, ое. <...>. 2. Непримиримый; ненавистный (о враге, противнике). [Шестова], *заклятая противница большого света и аристократии, не могла устоять против соблазна хоть разочек взглянуть на самый этот свет в таком модном месте, каков Баден.* Тург. Дым. Он выпрямился, со злостью взглянул на своего заклятого врага и, выхватив револьвер, всадил в Зимовского несколько пуль подряд. Г. Марков, Строговы. <...>» [1]; «КАРИЙ, -ая, -ее. Темно-коричневый (о цвете глаз и о масти лошадей)» [3], «КАРИЙ, ая, ее. Коричневый (обычно о цвете глаз). *От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой.* Пушкин. Дубровский. *Его лицо там мило улыбалось, И карий глаз так ласково сиял.* Тург. Параша. *Я помню его [Л. Н. Толстого] еще молодым. Борода у него была карая, почти рыжая, волосы черные, немного кудрявые, глаза светло-голубые.* Сухотина-Толстая. Восп. <...> *Вот вздохнули и стали длинные карие вагоны Норд-экспресса.* Набоков. Друг. берега <...>» [1]; «ОКЛАДИСТЫЙ, -ая, -ое; -ист: **окладистая борода** – широкая, начинающая от висков, густая борода» [3]; «ПРЕКЛОННЫЙ, ая, ое. Приближающийся к глубокой старости (о возрасте). *Преклонный возраст.* <...>» [1]. Ощутимо и стремление современных лексикографов сгладить указанные противоречия. Ср., например: «БЕСПРОБУДНЫЙ, -ая, -ое; -ден, -дна. Непобудный, беспросыпный. *Б. сон. Беспобудное пьянство.* <...>»; «ЗАКАДЫЧНЫЙ, -ая, -ое (разг.). О друге, дружбе: давний и близкий. 3. *друг, приятель. Закадычная дружба*» [4].

Итак, являясь формально абстрактными по родовой спецификации, прилагательные могут быть избирательны в своих гендерных предпочтениях: включают сему того или иного грамматического рода в структуру лексического значения и сами управляют маркерами родовых сем согласуемых с ними существительных (*женатый, замужний* и др.) или же предполагают определенную синтагматическую родовую реализацию (*заклятый, преклонный* и др.). Они показательны как класс прилагательных маргинально-переходного типа, сближающихся с существительными по наличию у них имплицитной семантической категории рода.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред.: К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.: СПб., 2004–2012–. Т. 1–21–.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 15-е изд. М., 1984.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
5. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. I.

Лицом к лицу с предлогами (реестр предложных единиц, включающих лексему «лицо»)

Е. Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ekaterinavin@mail.ru

Предлог, предложная единица, соматизм, грамматикализация.

Summary. The paper presents analysis of Russian prepositional units with the noun «лицо» (face). These units are distinguished according to the stage of their grammaticization relying on which a grammaticalization scale is constructed.

Особый интерес исследователей в последние десятилетия вызывают «переходные» единицы языка, установить категориальный статус которых подчас достаточно трудно: такковы, в частности, предложные единицы (ПЕ) русского языка, которые находятся «на пути» от существительных к предлогам [7]; [8]. Создание «Реестра русских предложных единиц» [3]; [4] позволило увидеть огромный пласт таких единиц. С неизбежностью возникает вопрос категоризации

ПЕ, тесно связанный с определением степени их грамматикализации. Ряд операциональных методов категоризации ПЕ предложен в [2]: степень метафоризации, наличие морфосинтаксической парадигмы и некоторые другие. На основании этих критериев, как представляется, можно установить степень грамматикализации, или определенности, ПЕ, а также составить «шкалу определенности» для той или иной группы ПЕ.

Ученые, работающие в рамках теории грамматикализации, показали, что для всех языков мира список источников грамматикализации (то есть знаменательных слов, которые могут становиться служебными и / или превращаться в аффиксы) ограничен: источниками предлогов часто являются слова, обозначающие части тела, источниками артиклей – указательные местоимения, источниками видо-временных показателей — бытийные глаголы, глаголы движения и пр. [9]; [10]; [5]. Следовательно, для изучения процессов грамматикализации ПЕ целесообразно рассматривать определенные группы лексем. В нашем случае – это лексемы, обо-

значающие части тела, или соматизмы. Анализ материала показал, что подобные лексемы в определенных конструкциях, действительно, часто употребляются в функции предлога [1], хотя, конечно, говорить о полной грамматикализации многих из них для русского языка преждевременно [6].

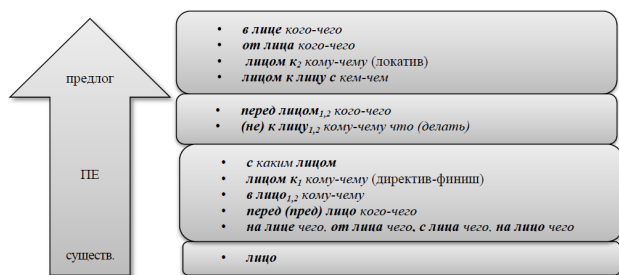
В предлагаемом докладе анализируется 17 ПЕ, включающих лексему «лицо»: они характеризуются относительно операциональных методов категоризации ПЕ, на основании чего выделяются сильно и слабо грамматикализованные ПЕ (граница между ними, как для многих других языковых явлений, размыта).

ПЕ, включающие лексему «лицо», охарактеризованные по степени грамматикализации

–	ПЕ	Степень метафоризации	Тип синтаксемы	Морфосинтаксическая парадигма
Сильно грамматикализованные ПЕ				
1	<i>в лице кого-чего</i>	выс.		+
2	<i>от лица кого-чего</i>	выс.	своб.	+
3	<i>лицом к₂ кому-чему</i> (локатив)	выс.	своб.	+
4	<i>лицом к лицу с кем-чем</i>	выс.	своб.	–
5	<i>перед лицом₂ кого-чего</i> ('в условиях')	выс.	своб.	–
6	<i>перед лицом₁ кого-чего</i> ('в присутствии')	средн.	своб.	+
7	<i>(не) к лицу₁ кому что</i> ('идет, подходит')	средн.	обусл.	+
8	<i>(не) к лицу₂ кому что (делать)</i> ('прилично')	средн.	обусл.	–
Слабо грамматикализованные ПЕ				
9	<i>с каким лицом</i> (актант-имя прилагательное)	выс.	своб.	+
10	<i>лицом к₁ кому-чему</i> (директив-финиш)	средн.	связ.	+
11	<i>в лицо₂ кому-чему (смотреть)</i>	средн.	связ.	+
12	<i>в лицо₁ кому-чему (говорить)</i>	низк.	связ.	+
13	<i>перед (перед) лицо кого-чего</i>	низк.	связ.	–
14	<i>на лице чего</i>	низк.	своб.	–
15	<i>от лица чего</i>	выс.	связ.	–
16	<i>с лица чего</i>	низк.	связ.	–
17	<i>на лицо чего</i>	низк.	связ.	–

Представляется, что на основании полученных данных можно составить «шкалу определенности»: сильно грамматикализованные ПЕ, обладающие высокой степенью метафоризации, имеющие морфосинтаксическую парадигму и формирующие свободные синтаксемы, можно отнести к категории предлога как части речи; затем следуют ПЕ, образующие обусловленные синтаксемы; более всего отдалены от ядра поля предлога ПЕ со связанным употреблением (ограниченной сочетаемостью).

«Шкала определенности» ПЕ, включающих лексему «лицо»

Литература

1. Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. Такие разные глаза... Предложные единицы, включающие лексему *глаз/глаза* (зарисовки

на материале славянских языков) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол. М. Л. Ремнёва и др. Вып. 47. М., 2013.
 2. Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3.
 3. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2013.
 4. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Реестр русских предложных единиц. А – В РЯДАХ (кого-чего) (объективная грамматика). Кн. 2. (в печати).
 5. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
 6. Подлесская В. И., Рахилина Е. В. «Лицом к лицу» // Логический анализ языка: Языки пространств / Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). М., 2000.
 7. Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.
 8. Шиганова Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск, 2001.
 9. Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
 10. Svorou S. The grammar of space. Amsterdam: John Benjamins, 1993.

Предложные единицы глазами русских, болгар и украинцев

Е. Н. Виноградова, А. В. Ситарь, В. Л. Чекалина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Донецкий национальный университет (Украина)

ekaterinavin@mail.ru, savchuk@interdon.net, valery@mail.ru

Предлог, предложная единица, грамматикализация, соматизм.

Summary. The comparative analysis of the prepositional units including the somatic noun «глаза» (eyes) in Russian, Bulgarian and Ukrainian languages are presented in the paper.

Работа в проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» ([2]; [3]; [4] и др.) позволила увидеть, что многие существительные в славянских языках свободно грамматикализуются, начиная в определенных конструкциях употребляться в качестве предлогов. Представим эти процессы на материале предложных единиц (ПЕ) с соматизмами рус. *глаза*, укр. *очі*, болг. *очи*. Как известно, грамматикализация – процесс градуальный, поэтому существуют более и менее грамматикализованные единицы.

К **сильно грамматикализованным ПЕ** относятся следующие единицы:

1. ПЕ *глазами кого-чего* и ее эквиваленты в укр. и болг. языке формируют свободную синтаксему, выражая авторизацию, и могут выступать в изолированном употреблении: рус. *Глазами художников* (НКРЯ). ПЕ имеет высокую степень метафоризации: *Глазами чехов: значит, русские — все до одного палачи* (НКРЯ) → **глаза чехов*. В укр. языке данной ПЕ соответствует *очима кого-чего*, чаще всего высту-

пающая в заголовках: *Очима дитей* (<http://malyunok.org.ua/>): *Політика очима сімнадцятирічних* (О. Петрунко). В болг. языке рус. ПЕ соответствуют две ПЕ: (а) *през очите на: Кандидатурата на фрилансера през очите на работодателя* (Инт.); название конкурса «*През очите на вярата*»; (б) *в очите на: Женската красота в очите на мъжа* (Инт.); название песни «*В очите на дружете*».

2. ПЕ *в глазах кого-чего* [rɔr] выражает авторизацию, образует обусловленную синтаксему (не употребляется изолированно), требуя присоединения пропозиции: *В глазах правительства осенью 1953 года Сахаров стал спецфизиком номер один* (НКРЯ) = 'правительство считало, что Сахаров – спецфизик номер один'. О сильной грамматикализации свидетельствует высокая степень метафоризации: *в глазах общестственности* – **глаза общестственности*, *в глазах элит* – **глаза элит*. В укр. языке предложным эквивалентом, имеющим подобные семантические и грамматические характеристики, является конструкция *в очах кого-чего*: *Україна в очах світової спільноти виглядає розумною, але бідною* (Новини ТСН, 19.04.2011). В болг. языке данной ПЕ соответствует *в очите на*: *Японски очила правят всички жени красавици в очите на мъжете* (Инт.). Несмотря на одинаковую функцию (ввод актанта «авторизатора») и, следовательно, синонимичность с точки зрения семантики, ПЕ *глазами кого-чего* и *в глазах кого-чего* значительно различаются синтаксическим поведением ПЕ: *глазами кого-чего* зафиксировано в монопропозитивных конструкциях без квалификации, а *в глазах кого-чего* – в полипропозитивных конструкциях с характеристикой. Болг. ПЕ *в очите на* соотносится с обеими рус. ПЕ: предложения (а) *Българските творци в очите на френските студенти* и (б) *Как изглеждат българските творци в очите на френските студенти?* (Инт.) будут переводиться на рус. язык при помощи разных ПЕ: (а) *Болгарские художники глазами французских студентов*; (б) *Как выглядят болгарские художники в глазах французских студентов?*

3. ПЕ *на глазах кого, на глазах у кого* вводят роль типа «авторизатор» и формируют свободные синтаксемы: *И ребята, видно, наслаждаются, закуривая на глазах всего дома* (НКРЯ); *На глазах у всей страны* (НКРЯ), характеризуясь высокой степенью метафоризации: *на глазах всего дома* – **глаза всего дома*. В литературном укр. языке функционирует ПЕ *на очах у / в кого-чего*: *Яценюк хоче мужньо зустрітись з Янковичем на очах в всієї країни* (Новини ТСН, 24.02. 2012): *на очах кого-чего* употребляется в основном в разговорной речи. Согласно словарным данным, эквивалентом выступает также синтаксема *при очах кого-чего* [1: 111]. В нашем материале зафиксирована и конструкция *при очах у / в кого-чего*: *Набери в руки великого каміння та позакопуй у глині коло входу в палати Фараонові в Тафнісі при очах у юдеїв...* (Біблія).

Менее грамматикализованными являются ПЕ *в глаза_{1,2,3} кого-чего / кому-чему*. В болг. языке эквивалентов этих ПЕ с соматизмом *очи* не обнаружено.

1. ПЕ *в глаза₁ кого-чего / кому-чему* употребляются в устойчивых конструкциях *что (бросается / кидается и под.) в глаза кого-чего / кому-чему*, формируя обусловленные синтаксемы со значением 'кто обратил внимание на что': *Современникам бросилась в глаза эта склонность Грозного к*

Западу и к западным людям (НКРЯ). В укр. языке функционирует несколько эквивалентных конструкций, имеющих в своем составе разные глаголы (*упадаати, спадаати, бити* и др.), различные первообразные предлоги (*в / у, на*) и существительное *очи* в форме ед. или мн. числа [1: 109]: *Андриєві тільки тепер впало в око, що Мельник намагається не дивитися прямо в очі...* (І. Багрянний); *Іншою специфічною самоочевидністю, яка спадає на око споживачеві інформації, ... є те, що опозиція надзвичайно потужна...* (Громадянське суспільство, 16.09.2002). Отметим также наличие фонетических вариантов формы мн. ч. *у вічі / в очі*.

2. ПЕ *в глаза₂ кого-чего / кому-чему* употребляются при глаголах речи (*сказать, заявить* и под.): *Ждали героя, который мог бы смело и прямо сказать в глаза правительству жестокую правду* (НКРЯ), представляют собой связанные синтаксемы и имеют характеристическое значение: 'сказать кому-то напрямую, прямо, без обиняков'. Укр. соответствие *в очі / у вічі кому-чому* (*сказати и др.*) имеет такие же параметры: *То ти через свою дурну жінку будеш мені цвікати таке в вічі!* (І. Нечуй-Левицький).

3. ПЕ *в глаза₃ кого-чего / кому-чему* употребляются при глаголе *смотреть* и его аналогах. Формируют связанные синтаксемы: *Надо просто объективно смотреть в глаза реальности* (НКРЯ) и имеют реляционное значение. Эквивалентом в укр. языке является конструкция *в очі / у вічі кому-чому* (*дивитися* и др.): *Треба тверезо дивитися в очі фактам* (В. Винниченко).

Таким образом, в рус. языке обнаружено 3 сильно грамматикализованных ПЕ с авторизационным значением: *глазами кого-чего, в глазах кого-чего, на глазах (у) кого-чего*, которые, на наш взгляд, уже перешли в категорию предлога. В укр. языке функционирует 4 ПЕ с таким же значением и подобным синтаксическим поведением: *очима кого-чего, в очах кого-чего, на очах у / в кого-чего, при очах (у / в) кого-чего*. В болг. языке обнаружены 2 ПЕ: *през очите и в очите на*, неизоморфные, как оказалось, рус. эквивалентам. Кроме того, в рус. и укр. языках отмечены менее грамматикализованные ПЕ, не перешедшие в разряд предлогов как части речи. К особенностям укр. ПЕ относятся возможность употребления в форме ед. ч. (*в око кому, на око кому*), наличие фонетических вариантов для формы мн. ч. (*в очі / у вічі кому*) и управление именем в дат. падеже. В болг. языке эти единицы эквивалентов с рассматриваемым соматизмом не имеют.

Литература

1. Вирган І. О., Пилинська М. М. Російсько-український словник сталих виразів. Харків, 2000.
2. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2013.
3. Загнітко А. П., Данилюк І. Г., Ситар Г. В., Щукіна І. А. Словник українських приєдників. Донецьк, 2007.
4. Каношкєвіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 частках. Гродна, 2008–2010.
5. Чукалов С. К. Русско-болгарский словарь: 50 000 слов. 6-е изд. М., 1981.

Русский (славянский) глагольный вид в рамках категории аспектуальности (Грамматическая категория, не имеющая грамматических формантов)

М. В. Всеволодова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mayya@mail.ru

Категория славянского глагольного вида (ГВ) – одна из труднейших для усвоения носителями других языков. Несмотря на богатейшую аспектологическую литературу, на блестящие работы и славянских, и не славянских аспектологов, у нас до сих пор нет настоящей грамматики ГВ. Опыт преподавания русского языка в неславянской аудитории показал, что, судя по всему, наши изыскания носят слишком общий характер, мы говорим о глаголах вообще. Поэтому дать адекватные алгоритмы употребления ГВ, что, кстати,

необходимо и для создания адекватных программ межъязычного общения в режиме on line, мы пока не в состоянии. И в прикладных направлениях русистики, и славистики вообще, необходима определенная работа, которая, однако, невозможна без обращения к фундаментальному уровню грамматики. Представим следующие аспекты проблемы: 1) некоторые случаи неразработанности употребления форм времени и вида; 2) категория аспектуальности и ГВ; 3) ГВ и способы глагольного действия (СГД). 4) лексические и грам-

матические семьи ГВ; 5) некоторые конкретные задачи прикладной русистики в рамках грамматики ГВ; 6) ГВ в объективной грамматике.

1. Вопрос о неразработанности грамматики ГВ покажем на двух примерах.

1) **Прямое и переносное употребление форм вида**, напрямую связанное с употреблением собственно временных форм, в нашей литературе до конца не разработано. Вместе с тем, в предложениях: *Он завтра придет, сядет и будет сидеть*; – *Он, бывает, придет, сядет и сидит* (= *Он, бывает, приходит, садится и сидит*); – *Он, бывало, придет, сядет и сидит* (= *Он, бывало, приходит, садится и сидит*), временное и аспектуальное значения глаголов СВ в форме простого будущего времени принципиально различны. У них разные синонимические парадигмы.

2) У формы НСВ есть **общефактическое** значение, где НСВ адекватен СВ: *Этот дворец строил / построил Растрелли*. Но у нас нет грамматики употребления этого значения. Почему нельзя сказать: *Америку *открывал Колумб, Периодическую систему *создал Менделеев?* Предложения *Я читал эту книгу и Я прочитал эту книгу* мы скажем в принципиально разных ситуациях. Вопросы *Кто открыл окно? В комнате и так холодно*; и: *Кто открывал окно? Почему ручка сломана?* – вызваны разными причинами. Или это не общефактическое значение? Тогда что это? Выделяемые в литературе значения ГВ нуждаются не только в фиксации, но и в формулировке конкретных условий своей реализации для конкретных разрядов глаголов, условий дополнительной дистрибуции.

2. Категория аспектуальности – лингвистическая универсалия и реализуется тем или иным образом во всех языках мира. Аспектуальность – это система морфологических, словообразовательных, синтаксических, лексических, лексикограмматических и др. средств, служащих для передачи характера протекания и распределения действия во времени. Пока можно выделить два основных вида такой реализации: 1) Наличие определенного числа эксплицитных формантов разного типа, придающих тому или иному глагольному слову соответствующее аспектуально-временное значение. В английском языке их 19, и их можно определенным образом сгруппировать. 2) Наличие двух/трех, как правило, однокоренных глагольных слов, обозначающих одно действие, но уже в самих себе заключающих различие по категории аспектуальности, никакими формантами не выраженное: *решать – решить, тушить – потушить, увидеть – видеть*; что не исключает наличия в языке глаголов, имеющих только одну реализацию: *очутиться, стухнуть или бездействовать, уметь*. Как правило, этим парам или тройкам глагольных слов в языках первого типа соответствует одно и только одно слово. Именно языки с двумя / тремя реализациями суть **видовые языки**, и термины «аспект» и «вид» для нас не синонимы. Из всех известных пока языков видовыми являются только славянские. И их специфика в том, что, будучи, несомненно, грамматической, категория вида, как разновидность категории аспектуальности, имеет один и только один формант, выражающий вид, – составное будущее НСВ типа *буду читать, будем петь*. Но и этот формант принципиально отличен от формантов невидовых языков: он реализуется не во всех глаголах, а только в глаголах НСВ, то есть, он не образует категорию, а только маркирует уже имеющуюся семантику НСВ. Вместе с тем славянский глагол имеет несколько типов глагольных формантов: префиксы, суффиксы, постфиксы *-ся, себя, друг друга* (котормые, обычно, как форманты одной категории – возвратности, пусть и с разными значениями, не рассматриваются, но ср.: *влюбиться, любить себя, любить друг друга, ср.: любиться, польск. kochać się*).

1. ГВ – способ реализации общезыковой категории аспектуальности, ядром которой во всех языках являются логически предельные глаголы, называющие процесс, приходящий к естественному завершению без дальнейшего продолжения: *Снег таял и растаял*. Формула Ю. С. Маслова «делал, делал, да не сделал», «делал, делал и, наконец, сделал» точно и универсально отражает специфику этих глаголов. Во всех невидовых языках мира есть средства выражения результата такого процесса, в том числе и такие как *начинать строить, строить и кончать*

строить дом; однозначно совпадающий с интерпретацией семантики глаголов СВ этого типа в работах М. Я. Гловинской. Это и есть грамматические семьи обоих видов таких глаголов. То, что сема результата есть и у НСВ, показывают примеры типа: *Он такие задачи решает за пять минут = может решить; У нас такой дом строят за неделю; = могут построить*, – где значение результата осложняется значением обобщенности, повторяемости. Объединять все глаголы СВ в одну группу предельных глаголов неразумно. Разные типы предельности нужно разделить.

2. Наряду с фактически формально никак не маркированным ГВ, в рамках этой категории есть специфическая подкатегория, где именно аффиксы придают базовой единице определенное лексическое значение, выражаемое, при словарной интерпретации глагола, лексически. Это СГД. Мы опираемся на группировку только формализованных – в терминах А. В. Бондарко – глаголов, в частности, выделенных и классифицированных Н. С. Авиловой, хотя и не уверены, что там выделены все СГД. При образовании СГД от базового глагола образуется обычно СВ, даже если он обозначает, например, временную протяженность: *проработать, отсидеть, переждать три часа*. Важно, что определенный тип / набор аффиксов образует данный СГД от базовых глаголов самых разных, а не какого-либо одного типа, ср. *прорешать задачу* (логическая предельность) – *проработать* (процесс) *три часа*. Назовем глаголы, не относящиеся к СГД, немаркированными. Важно также, что все аффиксы русского глагола многозначны и полифункциональны:

1) Один и тот же аффикс может присутствовать в лексеме как НСВ, так и СВ вида: *мокнуть, сохнуть, дряхнуть* (НСВ) – *крикнуть, пикнуть, брякнуть* (СВ).

2) Одна и та же глагольная лексема (без аффиксов и с аффиксами) вне контекста и словаря может реализовать разные значения и относиться к разным видовым категориям, ср. *бежать* (из тюрьмы) СВ – *бежать* (быстро) НСВ; *проходить* (мимо чего) НСВ – *проходить* (целый час) СВ, СГД. Как и эта пара, многие аффиксные лексемы могут одновременно быть немаркированным глаголом *заходить* (к другу) НСВ и СГД *заходить* (по комнате) СВ, *вырабатывать* (новый метод) – *вырабатывать* (свое время); или присутствовать в разных глаголах, один из которых – СГД, например, *отлежаться, отсидеться*; а другой – обычный глагол, которому приставка придает определенное значение: *отлепиться, оторваться, отломиться, отделиться*. *Мотор заработал* (СГД) – *Заработать / зарабатывать сто рублей*. В рамках одного СГД есть свои подклассы: *постепенно разговориться, разрабатываться, разыграться* и: *раскричаться* = начать продолжительно кричать, *разрыдаться* = начать сильно и долго рыдать, *разволноваться* = сильно взволноваться [Ю Чул Чжон 2001].

3) Один и тот же аффикс может образовать два СГД с разными значениями: *запеть* песню = 1) начать петь; и 2) давно петь, так что песня надоела: «*Пусть не так много смысла, пусть песня запета, исполнена до них тысячу раз и гораздо лучше, но зато они молодые, голоса у них звонкие и чистые... заиграть мелодию* = 1) начать играть, 2) *Мелодия заиграна, но в ней еще прорывается огонь; У знакомых малыш зачитал в 1 год. – Кто-то зачитал у меня 1-й том Пушкина*.

4) Как отмечалось в литературе, образование вторичного имперфектива от СГД определяется индивидуально говорящим. Так, очень частотной оказалась форма *захачивать*: *Я захачиваю сырный суп. И все равно все, в конце концов, «захачивают» детей. Долго захачивали и обсуждали!*

5) Для нас важно, что СГД системно выступает в составе видовой пары к немаркированным глаголам. Так на основе второй формулы Ю. С. Маслова глаголы *идти* и *пойти* образуют видовую пару: *Он встал и пошел – Он встает и идет*. Но глаголы движения с приставкой **по-** – это СГД со значением начала однонаправленного движения: *пойти, побежать, поползти, полететь* = начать идти, бежать, ползти, лететь [СОШ] и т.д.

3. Таким образом, в грамматической категории внешние грамматические форманты фактически отсутствуют, но это значит, что должны быть внутренние. Это должны быть грамматические семьи. Очевидно, что в славянских глаголах два уровня сем: лексические, формирующие кон-

кретное индивидуальное лексическое значение данного слова, и грамматические, формирующие его видовые характеристики. Грамматическими семями НСВ и СВ логически предельных глаголов являются семы, условно обозначенные как 'начало' + 'процесс' + 'результат'. Графически представить это можно так:

лексические семы		словарное значение
грамматические	или	начало + процесс + результат

Глаголы НВ, не входящие в эту группу, имеют сему или 'процесс', или 'повтор', что хорошо видно в сочетании с именной темпоральной группой типа *два часа, три года: два часа прыгал, три года работал* (графическое представление этих типов семного состава ГВ см. [1]; [2]. Записи будут представлены также в хендаутах). Обе семы не маркированы относительно единичности / повторяемости своих циклов, ср.: *по часу бегать – по часу прыгать* (ежедневно).

Глаголы СВ, не входящие в разряд логически предельных, имеют грамматическую класс-сему 'одноразовость', которая имеет несколько вариантов: начало: *увидеть, услышать, понять*; краткость: *сверкнуть, блеснуть*; целостность: *показать, сообщить*, однократность: *прийти, появиться*. Возможно, есть и другие. Глагол СВ со значением однократности типа *прыгнуть, толкнуть* имеют НСВ двух значений: 1) повторяемости: *прыгал час, сто метров толкали машину*; 2) процессности: *я видел, как он прыгает из окна; и в этот момент он меня толкает*.

Особенности функционирования «эмфатических» указательных местоимений

Т. П. Вязовик

Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна

samolva@list.ru

Неоднословные указательные местоимения, эмфаза, рема, сегментированное высказывание, грамматикализация.

Summary. The paper considers multiword demonstrative 'emphatic' pronouns. They are a combination of interrogative pronouns with the ppaper 'vot'. The ppaper has a fixed logical stress. Special attention is paid to the particulars of the functioning of these pronouns.

Местоимения относятся к тем языковым феноменам, которые с большим трудом поддаются интерпретации. Они не обладают ни номинативной функцией, ни грамматическим (морфологическим) единством, свойственным большинству знаменательных слов. Более того, даже статус слова для некоторых местоимений далеко не однозначен. Так, среди местоимений есть лексемы, в которых нарушена целостность – одно из основных свойств слова (никто – ни к кому, ни от кого; и под.), есть лексемы, включающие неполные парадигмы (себя: некто, нечто, никого, ничего). Есть и так называемые «эквиваленты слова» – такие слова, которые формально состоят из нескольких слов, однако при графической расчлененности сохраняют семантическое, грамматическое и функциональное единство, например, неоднословные местоимения типа «кто (что) угодно», «кто (что) попало» и под. Иными словами, местоимения не похожи на все остальные знаменательные слова, уникальны с точки зрения лексикологии, словообразования, грамматики.

В центре нашего внимания неоднословные местоимения с ударной частицей «вот», типа «вот что», «вот где», «вот как», «вот почему» и др. Они занимают особое место в системе указательных местоимений. Традиционно такого типа объединения в толковых словарях рассматривают как одно из значений частицы «вот», а именно считается, что в таких сочетаниях частица усиливает и уточняет значение расположенных рядом вопросительно-относительных местоимений (БАС, МАС и др.). Вместе с тем очевидно, что в сочетаниях этого типа частица «вот» не «усиливает» и не «уточняет» значение вопросительных местоимений, но кардинально меняет их семантику, преобразуя относительно-вопросительные местоимения в разряд указательных, чему способствует акцентологическое выделение частицы. Тем самым она теряет лексическую самостоятельность, приближаясь к морфемам. Особенно ярко это проявляется в вопросно-ответных конструкциях. Например: «Что же делать? – спросил я. – А вот что. Поедмте в Алексеевку» (Тургенев).

Конституирующей чертой таких местоимений является обязательная ударность «вот». Можно утверждать, что ударение на частице грамматикализовано, так как позволяет дифференцировать «вот» как частицу и «вот» как структурный элемент местоимения. Частица в сочетании с вопроси-

В СГД одна из грамматических сем, например, сема 'процесс', переходит в лексические и эксплицируется при словарном толковании глагола: *проговорить, проработать* – 'провести какое-либо время в разговоре, в работе.' Выход грамматической семы в лексику меняет состав грамматических сем, что приводит к формированию СВ. Графически для СГД типа *проговорить, просидеть* это можно изобразить так: процесс + основное значение / одноразовость. Очевидно, наши глагольные аффиксы лексико-семантически.

Без обращения к решению и систематизации, конкретизации этих и других аспектов функционирования глагола в речи нельзя создать прикладную грамматику ГВ, что, кстати, невозможно и без обращения к другим славянским и не славянским языкам. Об этом подробнее в докладе. Очевидно, наша теоретическая грамматика этими проблемами заниматься не будет. Это задача прикладной лингвистики.

Литература

1. Всеволодова М. В. К вопросу о семном составе славянского глагольного вида // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
2. Всеволодова М. В. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова (Закон семантического согласования, валентность, глагольный вид) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. 1997.

тельными местоимениями всегда безударна, в отличие от «вот» – всегда ударного структурного компонента указательного местоимения. Сравни: «Но вот КТО пришел? ВОТ кто: Петя».

Особенность функционирования этих местоимений в том, что они формируют структуры, в которых местоимение с частицей «вот» и соотносимая с ним информация всегда являются ремой высказывания, а часть, содержащая местоимение, за исключением его самого, – темой. Рема носит расчлененный характер, что порождает сегментированность самого высказывания, например: «И ведь ВОТ ЧТО всего обидней, оскорбительней: весь пыл страсти истрачен даром...» (Островский). Эта сегментированность проявляется не столько в логическом противопоставлении темы и повода, сколько в расчленении последнего, осуществляемого благодаря обобщенно-указательной семантике местоимения. Таким образом, местоимения с частицей «вот» выполняют две функции: анафорическую функцию и функцию актуализации той информации, с которой местоимение соотносится. Местоимение благодаря своей рематичности приспособливает структуру к выражению коммуникативного задания, так как любая информация, с которой соотносится местоимение, неизменно становится целью высказывания, его ремой.

Будучи расчленены на тему и повод, высказывания, их содержащие, как правило, представляют речевое действие, в котором одна часть содержит пропозициональные отношения (эксплицитно или имплицитно выраженные), а вторая – саму пропозицию. Например: «Это ВОТ КАК делается: есть особые специалисты ростовщики, у которых наша беспутная молодежь занимает деньги...» (Островский). Первую часть данного высказывания можно интерпретировать следующим образом: «Я СЧИТАЮ, ВОТ КАК делается...». Как видим, скрытая пропозициональная установка эксплицируется ментальными предикатами мнения: «думаю», «считаю», «полагаю». Значение этих предикатов характеризует некоторая неопределенность, допускающая разную степень уверенности субъекта речи в истинности устанавливаемых отношений: от безусловной уверенности до сомнения в правильности выделенных связей. Однако эксплицируя субъективную модальность в высказываниях с местоимениями с

частицей «вот», мы наряду с пропозициональным предикатом мнения («думаю», «считаю», «полагаю») обнаружим и значение, присущее акцентному выделению: ИМЕННО ТАК, А НЕ... – значение подчеркивания, контрастивности. В связи с этим первую часть высказывания с «вот как» можно было бы интерпретировать следующим образом: «Я СЧИТАЮ, ЧТО ТАК, А НЕ ИНАЧЕ делается...». В этом случае обстоятельство образа действия, на которое указывает местоимение «вот как», противопоставлено всем другим возможным обстоятельствам, а пропозициональная установка лишена неопределенности и указывает на безусловную уверенность автора в истинности высказывания, что сближает предикаты мнения с предикатами знания.

Итак, местоимения с частицей «вот» не просто актуализируют соотносимую с ними информацию, но придают ей статус истинной с точки зрения субъекта речи, эмфатически

выделяя ее. Эмфаза понимается здесь широко: и как контраст, т. е. выделение одного элемента из ряда подобных, и как выражение сильных чувств. Эмфаза как контраст неизменно присуща высказываниям, конструктивным компонентом которых являются местоимения с частицей «вот», что определяется исходной рематичностью и эмфатичностью таких местоимений. Вместе с тем местоимения с ударной частицей «вот» могут иметь эмфатическое употребление и при выражении сильных чувств говорящих по поводу ненормативных явлений жизни, но уже преимущественно в восклицательных речевых актах, в высшей степени характерных для конструкций с такими местоимениями. Например: «Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное. Григорий не выдержал. «А ВОТ ОТКУДА!» – крикнул он и неистово ударил ученика по щеке. (Достоевский).

К вопросу о морфологическом оформлении грамматической категории залога в русском языке

В. И. Гаврилова

Московский городской педагогический институт

v_gavrilova@akado.ru

Страдательный залог, агентивное дополнение, пациентивная конструкция, неаккузативный возвратный глагол, декаузатив.

Summary. Russian perfective reflexive predicates are discussed. It is argued whether regular usage of forms under the discussion is possible. The fact is illustrated with constructions among members of which there are pronominal group “of itself”.

Частица *-ся / -сь* не является специальным средством морфологического оформления страдательного залога. Не существует и альтернативного категориального вопроса, который обеспечивал бы любой предикативной словоформе возвратного глагола, вырванной из контекста, возможность распознавания принадлежности этой словоформы к действительному (активному) и страдательному (пассивному) залоговому значению. «Глаголы страдательного залога формируют пассивную конструкцию (*дом строится, построен рабочими*): глаголы действительного залога формируют активную конструкцию (*рабочие строят, строят дом*). В спрягаемой форме глагола залог выявляется в оппозиции актива / пассива. Формально он выражается сопоставлением постфикса *-ся (-сь)* и его отсутствием: *дом строится рабочими – рабочие строят дом*» [4: 351].

Но приведенная выше цитата из академической грамматики содержит противоречие, ибо в ней одновременно утверждается, и что глаголы страдательного залога формируют страдательную конструкцию, и что глаголы страдательного залога выявляются за счет присутствия в составе страдательной конструкции.

Первый шаг на пути преодоления этого противоречия и формулирования эксплицитного определения понятия «страдательное залоговое значение» был предпринят в [11: 79–80], где было предложено разделить возвратные русские глаголы на возвратные глаголы отобъектного и отсубъектного значения. В [1] возвратные глаголы отобъектного и отсубъектного значений трактуются, соответственно, как неаккузативные возвратные глаголы и неэргативные возвратные глаголы, поскольку в русском языке противопоставление неаккузативных и неэргативных глаголов является значимым не на множестве всех синтаксически непреходных глаголов, а только на множестве возвратных глаголов.

Возвратные глаголы страдательного залога являются неаккузативными возвратными глаголами. На рубеже двух веков появились пионерские работы [5]; [7], посвященные неаккузативным возвратным русским глаголам с декаузативным значением. При этом вопрос о залоговой идентификации декаузативных возвратных глаголов является спорным [2].

Камнем преткновения на пути к решению этого спорного вопроса является возможность регулярного оформления страдательного значения с помощью предикативных форм неаккузативных глаголов СВ [8]. Ибо в страдательном залоге в сфере СВ нормативным считается оформление сказуемых страдательных конструкций с помощью предикативных форм страдательных причастий на *-н / -т*. А употребление постфикса *-ся* в страдательном значении у глаголов СВ считается редким исключением [9: 616].

Данное исследование сопричастно решению обозначенного выше спорного вопроса, поскольку оно посвящено уточнению залогового статуса неаккузативного возвратного глагола, выступающего в синтаксической конструкции, в состав которой входит местоименная группа *сам собой*, являющаяся анафорой к пациентивному подлежащему. Наличие этой анафорической группы служит для обозначения того, что, несмотря на пациентивный характер подлежащего, обозначаемая этим подлежащим сущность способна к спонтанному выявлению своих внутренних свойств. Присутствие в конструкции такой анафорической группы влечет за собой необходимость оформления сказуемого конструкции с помощью предикативных форм неаккузативных возвратных глаголов СВ.

В качестве примеров рассматриваются бессоюзные сложносочиненные предложения (1)–(6), состоящие из трех простых предложений, которые далее именуются конструкциями типа 1, типа 2, и типа 3. В конструкциях типов 1, 2 и 3 по-разному преломляется одна и та же онтологическая ситуация:

1. *Дом строится не сам собой, дом строится рабочими, дом строят рабочие.*
2. *Дом строился не сам собой, дом строился рабочими, дом строили рабочие.*
3. *Дом будет строиться не сам собой, дом будет строиться рабочими, дом будут строить рабочие.*
4. *Дом построится не сам собой, дом будет построен рабочими, дом построят рабочие.*
5. *Дом построился не сам собой, дом построен рабочими, дом построили рабочие.*
6. *Дом построился не сам собой, дом был построен рабочими, дом построили рабочие.*

В рамках общепринятой бинарной залоговой оппозиции конструкции типа 3 и 2 трактуются, соответственно, как действительные и страдательные конструкции, а их сказуемые как формы страдательного и действительного залога. Конструкции типа 1 в общепринятых грамматических описаниях русского языка при обсуждении оппозиции «действительный залог – страдательный залог» к рассмотрению не привлекаются. И остается невыясненным действительным или страдательным является статус предикативных форм возвратных неаккузативных глаголов СВ, выступающих в качестве сказуемых в конструкциях типа 1.

Полностью совпадающими являются наборы актантов, задействованных в лексико-семантических толкованиях, с одной стороны, неаккузативного возвратного глагола *построиться*, предикативные формы которого выступают в качестве сказуемых в конструкциях типа 1, и, с другой стороны, переходного глагола *построить*, предикативные фор-

мы которого выступают в качестве сказуемых в конструкциях типа 3. Это означает, что различия, существующие между таким возвратным и таким переходным глаголом, обусловлены сменой диатез и, следовательно, являются залоговыми различиями. Не вызывает сомнения, что переходный глагол *построить* является глаголом действительного залога, поэтому в рамках бинарной оппозиции неаккузативный возвратные глаголы-сказуемые конструкций типа 1 должны быть идентифицированы как предикативные формы глагола страдательного залога.

Обосновывается, что ошибочным является исключение предикативных форм неаккузативных возвратных глаголов СВ из инвентаря словоформ, допустимых для оформления сказуемых страдательных конструкций. Причиной этой ошибки является то, что инвентарь таких форм отождествлялся с инвентарем форм допустимых в трехчленных страдательных конструкциях, подобных конструкциям типа 3, в которых действительно формы неаккузативных глаголов употребляться не могут. Но это происходит из-за несовместимости обсуждаемых предикативных форм с агентивным дополнением, которое является факультативным элементом страдательной конструкции. Констатация несовместимости с агентивным дополнением не тождественна запрету на употребление в составе страдательной конструкции. Так Б. Н. Головин перечисляет 76 возвратных глаголов СВ из словаря Д. Н. Ушакова: *вернуться, ввинтиться, ввязаться, вдовинуться, вделаться, взболтаться, взбиться, ввязудаться, вкатилась, включиться, вмазаться, вставиться, вывернуться, вывинтиться, выгнуться, выгрузиться, выдаться* и т. д. ... При этом он утверждает, что глаголы из этого списка могут выступать в сопровождении обстоятельства *легко* или *с трудом* и интерпретирует такие употребления пере-

численных возвратных глаголов как формы совершенного вида страдательного залога [3: 390–392].

Литература

1. Гаврилова В. И. Характеризующее-качественное значение глагола в английском и русском языках // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. Вторые чтения памяти О. Н. Селиверстовой. М., МГПУ, 2006. С. 86–109.
2. Гаврилова В. И. Термины «декаузатив» и «квазипассив» как конкурирующие термины // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник научных трудов в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 190–212.
3. Головин Б. Н. О взаимосвязи категорий вида и залога в современном русском языке // Учен. записки Вологодского пед. ин-та. Т. 12 (филологический). Вологда, 1953. С. 367–397.
4. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
5. Долинкина И. Б. Рефлексивность и каузативность (категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносительных с каузативными конструкциями) // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 327–345.
6. Никитина Е. Н. Категория залога в русистике (история грамматических интерпретаций возвратных глаголов). Обзор // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 263–280.
7. Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.
8. Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 43–71.
9. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
10. Шелякин М. А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости // Теория функциональных грамматик. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 312–326.
11. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

Взаимодействие имени и глагола в свете идей А. А. Потебни и В. В. Виноградова

Р. М. Гайсина

Башкирский государственный университет (Уфа)

grm@bsu.bashedu.ru

Формально-грамматическое и функционально-семантическое взаимодействие имени и глагола.

Summary. The present report in theses interpretation compares points of view of the most well-known specialists in Russian philology A. A. Potebnya and V. V. Vinogradov on the problems of the formal-and-grammatical and functional-and-semantic interaction of noun and verb in the Russian language.

Проблема взаимоотношения имени существительного и глагола была объектом глубокого интереса замечательных представителей отечественного языкознания – акад. А. А. Потебни и акад. В. В. Виноградова, поддерживавших известную еще со времен античной философии и лингвистики идею об антитезе, противопоставленности этих категорий слов. Так, А. А. Потебня писал: «В русском языке, как и в других сродных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола» [3: 534]. По В. В. Виноградову, эта тенденция продолжает сохранять свою остроту и силу и для современного русского языка [1: 51]. Столь категорично о противопоставленности имени и глагола в русском языке можно говорить лишь в том случае, если иметь в виду их формально-грамматические особенности. Устоявшаяся частеречная форма, получая в языковом сознании семантическое осмысление, придает глаголу значение процессуальности, обеспечивая ему предикатное функционирование, а имени существительному – значение предметности и соответственно актантное функционирование. Именно формально-грамматическому компоненту отдает предпочтение акад. В. В. Виноградов, говоря о глаголе и имени существительном как о частях речи – антиподах, антагонистах. Эта точка зрения находит подтверждение в современных концепциях, отдающих приоритет форме.

Исследовательская мысль А. А. Потебни сосредоточивается не на формальных, а на функционально-семантических особенностях частей речи. Он выдвинул идею о развитии у глагола (как наиболее конструктивной и прогрессирующей категории языка) отвлеченной энергии глагольности, проявляющей способность распространяться и на другие части речи. По Потебне, взаимодействие имени и глагола в ходе эволюции языка определяется тенденцией к усилению глагольности и проявляется в виде процесса непрерывного функционального оглаголивания имен. Потебня отмечал

«изменение значения и круга деятельности существительного» под влиянием глагола, усиление элементов глагольности в семантике и синтаксическом поведении имен [4: 3] и видел их различие лишь в формальном способе представления этого содержания [3: 88].

Изложенные теоретические положения А. Потебни вызвали резкий протест со стороны В. В. Виноградова: по его мнению, эти положения «противоречат простым и очевидным фактам современного русского языка» [1: 424]. Под «простыми и очевидными фактами русского языка» В. В. Виноградов имеет в виду формально-грамматическую сторону взаимодействия имени существительного и глагола [1: 424–425], и поэтому сосредоточенность исследовательской мысли А. А. Потебни преимущественно на функционально-семантическом аспекте взаимодействия имени существительного и глагола он оценивает как проявление предвзятого идеализма [1: 425].

Если выдвигаемое В. В. Виноградовым положение о формально-грамматической противопоставленности имени существительного и глагола вряд ли вызывает принципиальное возражение и требует дополнительной аргументации, то тезис А. А. Потебни о развитии у глагола отвлеченной, т. е. освобожденной от пут формы, энергии глагольности и о проявлении у имен тенденции к оглаголиванню, подвергаемый сомнению А. М. Пешковским как недоказанный [2: 101] и категорически отвергаемый В. В. Виноградовым как идеалистический, а в современной лингвистике и вовсе забытый, нуждается в серьезных аргументациях. Найти такие аргументации позволяет просмотр идей А. А. Потебни сквозь призму некоторых современных лингвистических концепций и положений.

На наш взгляд, идея А. А. Потебни о развитии у глагола отвлеченной энергии глагольности, распространяемой на имена и другие части речи, глубока и плодотворна. Под-

тверждением этих идей Потебни является учение о вторичных синтаксических функциях частей речи, среди которых предикативная функция (являющаяся исходно глагольной) признается наиболее проникаемой в другие части речи. Продолжением идей Потебни является развиваемое в лингвистике положение об устранении денотативно ориентированных сем и усилении предикатных (т. е. признаковых) элементов значения у предметных существительных в их сказуемом употреблении. Ограничение сферы проявления субстанциональности Потебни видел и в расширении класса предикатных имен существительных (типа *чтение, высота*) [3: 94 и след.]. Отмеченные идеи Потебни содержатся в учении о предикатных именах существительных как «имплицитных глаголах», несущих «заряд сказуемости», поскольку возникли они в результате перевода предикативной фразы в фразу именную.

Синтаксический дериват, являясь «скрытым, имплицитным глаголом», сохраняет огромный функционально-семантический потенциал глагольности. Это во-первых. Во-вторых, синтаксический дериват удовлетворяет потребности функционирующего глагола, замещая предполагаемые при нем актантные позиции. В-третьих, пребывая в рамках имени существительного, синтаксический дериват находится под семантическим влиянием глагола: именно глагол регламентирует его семантическую деривацию, соотносительную со своей валентностной структурой (см. об этом в работах Ю. Д. Апресяна). О реализации актантной структуры исходного глагола свидетельствует также и семантика

производных имен существительных с предметным значением: *читать – читатель* (субъект), *читиво* (объект), *читальня* (место) и др. (см. об этом в работах Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова, М. Н. Яценецкой и др.). Глагольная категория обладает притягательной силой, под действием которой предикатные понятия, пребывающие в форме имени существительного (типа *уважение, служба, равенство, неприязнь* и др.), проявляют стремление вернуться в глагольную категорию. Для обеспечения этого процесса глагол порождает в своей среде морфемоподобные лексемы (так называемые вербализаторы), ср.: *уважение – питать уважение, испытывать уважение, проявлять уважение*. Все сказанное подтверждает справедливость утверждения А. А. Потебни, что глагол является прогрессирующей категорией языка. Подчеркнем, что теория А. А. Потебни о функционально-семантическом стяжении имен и глаголов и положения В. В. Виноградова о формально-грамматической контрастности этих частей речи не противоречат друг другу, а находятся в отношении научной дополнительности и дополняют возможность их концептуальной увязки.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.
2. Пешковский А. М. Глагольность как выразительное средство // Избранные труды. М., 1959
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
4. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

Вторичные имперфективы в диахронии (по данным НКРЯ): о системной значимости суффиксальных видовых пар

Е. В. Горбова

Санкт-Петербургский государственный университет
elena-gorbova@yandex.ru

Видовая пара, вторичные имперфективы, суффиксальные пары, префиксальные пары, видовые кластеры.

Summary. This paper deals with the secondary imperfectivation of the Russian verb in its diachronic development and in some of its *unconventional* (= non-standard) uses, employing various data source types: linguistic experimenting, Russian National Corpus and two Internet search systems, Google and Yandex. The appropriateness of inflectional or derivational interpretation of the nature of Russian verb aspect is discussed taking into consideration the recent discussion in the literature (*Voprosy jazykoznanija*) of the traditional notion of aspectual pair and L. Janda's notion of aspectual cluster.

Основной целью корпусного исследования, предварительные итоги которого будут изложены в докладе, является изучение вопроса о направлении развития вторичной имперфективации: имеет ли место усиление или угасание этого процесса в настоящий момент, и каковы прогнозы на будущее?

Для достижения этой цели предполагается взять три временных среза (и создать три соответствующих пользовательских подкорпуса) в НКРЯ: 1) с интервалом дат рождения авторов текстов 1700–1750 гг.; 2) 1850–1900 гг. и 3) после 1950 г. При этом в каждом заданном подкорпусе вводится одинаковый запрос: глагол НСВ с суффиксом имперфективации и наличием приставки за вычетом причастных и дееспричастных форм: V, ipf & V, -partcp, -gerd d:impf. В полученных выборках предполагается сопоставить все леммы и выявить те, наличием / отсутствием которых различаются три временных среза. Также будет осуществлена статистическая обработка полученных данных. На основе проведенного анализа предполагается сформулировать выводы о тенденциях в употреблении вторичных имперфективов. Также для оценки функционирования вторичных имперфективов в современном языке будут привлечены результаты ранее проведенного исследования ненормативных вторичных имперфективов (обозначенных как неконвенциональные) в русской разговорной речи. Это исследование, толчком к которому послужили побочные результаты лингвистического эксперимента, было осуществлено как на материале НКРЯ, так и путем обращения к поисковым системам Яндекс и Google, его результаты будут опубликованы в статье [2].

При этом ставится и еще одна цель исследования – теоретическая и представляющаяся немаловажной: обратиться к вопросу об устройстве категории вида русского глагола путем оценки системной и функциональной значимости префиксальных (образованных перфективацией) и суффиксальных (образованных путем вторичной имперфективации) видовых пар. Интерес к этой тематике и к вопросу о

видовой паре в последнее время вновь активизировался, см., например, [6]; [3]; [2]. Данные вопросы невозможно рассматривать вне контекста ведущихся исследовательской группой под руководством Лоры Янды в университете г. Тромсё изысканий в области когнитивного подхода к русскому виду. Тем более что в последние два года на страницах журнала «Вопросы языкознания» развернулась интереснейшая дискуссия между представителями данного исследовательского коллектива и А. А. Зализняк и И. Л. Микаэлян, посвященная, в том числе, основным положениям и теоретическим конструктам концепции видовых кластеров (или гнезд) группы Л. Янды, и традиционному для русской аспектологии понятию видовой пары (см. [7]; [4]; [5]). Предполагается, что в рамках разрабатываемого исследовательской группой из университета г. Тромсё CLEAR (Cognitive linguistics: Empirical approaches to Russian) подхода уделяется недостаточно внимания видовым парам типа *подписать – подписывать, разбудить – разбуживать*. То есть нормативным и (пока что?) ненормативным (неконвенциональным) суффиксальным парам, имперфективный член которых имеет ту же приставку, что и перфективный.

Предлагаемое исследование, результаты которого лягут в основу доклада, имеет своей задачей привлечь внимание к роли вторичных имперфективов в диахроническом развитии и функционировании категории вида русского глагола; а также, учитывая последние аспектологические исследования, в том числе проводимые в русле когнитивного подхода, на новом этапе развития аспектологии предложить аргументы для рассмотрения суффиксальных пар как центра видовой оппозиции. В частности, перспективность вторичной имперфективации как основного способа русского видообразования видится в ее связи с минимальным воздействием суффиксальной имперфективации на семантику основы СВ, к которой он применяется. Это позволяет имперфективации охватить и соотносенные с внутренним пределом гетерогенные трансформативы (в терминах [8], напр., *про-*

читать, развязывать и под.) и гомогенные нетрансформативы, напр. *просиживать* или *простаивать*, которые «не имеют значения процесса» [8: 604]. Предлагаемый взгляд на русский вид обнаруживает близость идеям С. Карцевского, А. В. Исаченко, раннего Ю. С. Маслова, Х. Томмола.

Литература

1. Горбова Е. В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 20–45.
2. Горбова Е. В. Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида // Russian Linguistics. 38 (в печати).
3. Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–23.

4. Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48–65.
5. Кузнецова Ю. Л., Янда Л. А. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии (отклик на статью А. А. Зализняк и И. Л. Микаэлян) // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 87–96.
6. Томмола Х. Аспектуально-значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008. С. 218–232.
7. Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
8. Mehlig H. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке // Revue des études slaves. 66–3. P. 585–606.

Вид русского глагола как ксеномаркер в разговорной речи и некоторые другие функции

О. К. Грекова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

olggre@list.ru

Verbal aspect, xenomarker, estrangement & solidarity in regard to the dialogue-partner.

Summary. The paper concerns the xenomarking function of the Russian Verbal Aspect in the modern colloquial speech. Defining the dialogue-partner as alien, the speaking person uses the Past Perfective form, while for solidarisation with the partner Present Imperfective is actual. It concerns interrogative sentences as well as narrative ones. Some other goals of the change of aspectual-temporal forms are also analyzed.

Вид русского глагола изучен глубоко и многосторонне, однако и в наши дни открываются некоторые новые функциональные особенности видовой пары. В первую очередь подобное происходит в диалоге, в разговорной речи. Это можно объяснить, вслед за Сократом, тем, что диалог больше всего подходит для «логической операции расчленения и связывания понятий... посредством вопросов и ответов» (цит. по [3: 3–65]).

В современном разговорном диалоге нас больше всего будут интересовать идеи отчуждения и солидаризации участников, выражаемые через оперирование видо-временными формами русского глагола. Мы рассмотрим примеры ксеномаркеров – речевых структур, моделирующих образ чужого (другого) собеседника в целом с позиций говорящего субъекта [1: 449] – тех, где определяющими являются формы глагольного вида и времени.

Ксеномаркерами выступают формы прошедшего времени совершенного вида (далее ПС), а их антиподами, выразителями личностной солидаризации говорящего с собеседником – формы настоящего времени несовершенного вида (далее НН). Последние частотны в том числе и в контекстах, маркирующих однократность называемого действия, что исключает значение повторяемости, столь свойственное формам НН.

- (1) – *Простите, что Вы сказали?* (обращается аспирант к научному руководителю и дистанция между говорящими велика, ПС – это ксеномаркер).
- (2) – *Что Вы говорите?* (обращается студентка к студенту, дистанция сокращается, говорящий солидаризируется с адресатом, вовлекая его в свою личную сферу. В официальном общении, скажем, того же аспиранта с научным руководителем недопустимо).

Аналогичная ситуация представлена в паре (3–4):

- (3) – *Завтра первой лекции не будет.*
– *Спасибо, что предупредили* (благодарит студентка профессора, дистанция велика, это ксеномаркер, форма НН недопустима).
- (4) – *Завтра первой лекции не будет.*
– *Спасибо, что предупреждаешь* (благодарит студентка студента, сокращая дистанцию между говорящими и вовлекая собеседника в свою личную сферу).

Замена формы ПС, более пригодной для обозначения однократного действия, на НН, в разговорном диалоге выполняет и ряд иных функций.

Частотно при этом модальное значение несогласия / возмущения.

- (5) – *Что Вы сейчас сделали?* (так называемый чистый вопрос относительно однократного действия, использована форма ПС, форма НН неупотребительна)
– *Я включил реле.*
- (6) – *Что Вы делаете? Сейчас будет короткое замыкание!* (форма НН в таких случаях обычно сопровождается такими суперсегментными единицами, как интонация ИК-2а и возмущенный тон).
– *Не волнуйтесь, я просто включил реле.*

Известное в теории систем различие между закрытой и открытой системами, введенные в анализ философских и лингвистических проблем времени [2], актуально и в данном случае. Если закрытая система предполагает, что явление во всей его целостности заключено в определенных временные рамки, то открытая система снимает актуальность временных границ. Явление может рассматриваться либо вообще безотносительно к последним, либо в его развитии и изменении. В случае меня формы ПС при обозначении однократного действия на форму НН происходит размыкание закрытой системы. Временные рамки теряют актуальность, но развитие действия или его длительность не предполагается.

- (7) – *Кто описывал этот случай?*
– *Ратмайер, Хард.*
– *Почему Вы не называете немецкого хирурга Хоффа?* (вопрос касается однократного действия в прошлом. Форма НН, вместо более подходящей ПС, замыкает замкнутую систему, переводя ее в открытую).

Разговорная речь – это та сфера, которая позволяет говорящему максимально реализовать свои коммуникативные потребности в моделировании не только ситуации, но и адресата. Не характеризуя собеседника как такового, говорящий через видо-временную форму глагола-предиката (как в приведенных выше речевых фрагментах) маркирует присутствие своего или чужого (соответственно, контактно или дистантно расположенного) в пространстве диалога.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* (проблемы интерпретации речеповеденческих актов) // Язык о языке. М., 2000.
2. Жалейко Р. А. Перцептуальное время и его выражение в функционально-семантическом поле темпоральности (на материале английского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.
3. Лосев А. Ф. Ранние диалоги Платона и сочинения платоновской школы // Платон. Диалоги. М., 1986.

О месте понятия «когерентность» в парадигме системной теории падежа

А. Ф. Дрёмов

МГИМО (У) МИД РФ (Москва), Hufs (Университет Хангук; Сеул)

afdream@bk.ru

Когерентность, значение творительного, системная теория падежа.

Summary. This publication offers a systemic understanding of proposed by Louis Hjelmslev the term «coherence».

В современном языкознании известно несколько падежных теорий, которые, как правило, представляются не столько взаимодополняющими, сколько конкурирующими (Л. Ельмслев, Р. О. Якобсон, Ежи Курилович, Ю. С. Степанов, Жак Веренк). Несмотря на то что они были предложены несколько десятилетий назад, многие высказанные их авторами идеи остаются актуальными и в наши дни. Сказанное, в частности, может быть отнесено к «универсальному» учению о падеже Л. Ельмслева («La catégorie des cas. Etude de grammaire générale»; 1935 и 1937 гг.), в котором этот лингвист использовал для описания семантики падежей три абстрактных дифференциальных признака, один из которых – «когерентность» (cohérence) – стал предметом нашего анализа и получил в рамках системной теории падежа новую трактовку.

Понятие когерентности репрезентируется Л. Ельмсловым двумя другими понятиями – «ингерентность» (inhérence: *внутри, внутрь, изнутри объекта*) и «адгерентность» (adhérence: *на поверхности, на поверхность, с поверхности объекта*). Что касается «некогерентности» (incohérence), то она характеризуется отсутствием контакта локализуемого объекта с реперным объектом, вследствие чего оба вида когерентности, с одной стороны, и некогерентность, с другой стороны, обычно (хотя и неправомерно) противопоставляются как «контактность» и «неконтактность».

Вместе с тем М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский в своем исследовании, посвященном способам выражения пространственных отношений в русском языке, доказали, что признак «контактность» не релевантен для семантики русских падежей, поскольку отношения «сопространственности» локализуемого и реперного объектов (*в / на объекте, в / на объекте, сквозь / через объект, из / с объекта* и др.), а также «заполненность» «предполагают, как бы включают в себя» сему «контактность».

Действительно, нахождение локализуемого объекта в каком-л. месте (будь то в прошлом, в настоящем или в будущем), понимаемое нами не только как существование в данном месте, но также как воздействие локализуемого объекта на это место всей или большей частью его массы, имплицитно контактирует локализуемого объекта с этим местом, а таковым, по нашему мнению, может быть либо сам реперный объект (его внутренняя зона), либо его окрестность (его внешняя зона); ср.: *в лесу – у леса, в лес – к лесу, из леса – от леса*. Кроме того, нахождение локализуемого объекта в любой из зон реперного объекта не исключает возможности его одновременного контакта и с другой зоной реперного объекта (напр.: *девочка на шаре – галерея у дома*).

Несмотря на это, отказывать понятию когерентности в праве на существование мы считаем не только преждевременным, но и нецелесообразным.

Понимание т. наз. «простого двусоставного распространенного предложения» как канонической внешней формы сообщений о событиях, позволило нам прийти к заключению, что участником события, который не только связан с агенсом, но и действительно «когерентен» с ним, является обозначаемый творительным падежом фациенс: именно этот партиципant вследствие воздействия на него агенса и одновременно с этим воздействием выполняет в событии функцию, аналогичную функции агенса, поскольку действие, совершаемое этим участником события, почти тождественно действию агенса: (диатезная конверсия модели «*делать что-л. – делать*»): *Повар режет ножом мясо – нож режет; Ученик пишет карандашом слово – карандаш пишет; Лесник рубит топором дерево – топор рубит; Мы идем до реки лесом – лес идет до реки* и т. п. (см. наши публикации).

Поскольку фациенс является преимущественно неодушевленным участником события, агенс должен поддерживать с ним связь на протяжении всего времени своего действия. В от-

личие, напр., от бенефицианта, действие которого смыкается с действием агенса в цепь последовательных актов (*дает – берет; объясняет – понимает; показывает – смотрит* и т. д.), фациенс включается агенсом в причинный процесс с самого его начала и остается включенным в него, пока продолжается действие агенса: *нож режет, рубит, царапает* и т. п. вследствие того, что агенс что-л. режет, рубит или царапает, причем только тогда, когда агенс это делает; *карандаш пишет* вследствие того, что агенс что-л. пишет, и только тогда, когда агенс это делает; *оркестр «функционирует»* вследствие того, что дирижер им управляет; *дорога идет / ведет куда-л.* только тогда, когда мы по ней движемся, и вследствие того, что мы движемся. Словом, фациенс *делает* (функционирует) только вследствие того, что агенс что-либо *делает*, и только тогда, когда агенс сообщает ему энергию, приводя его тем самым в движение и используя его утилитарные свойства.

Явление фациенса – это условие действия агенса как причины события, обстоятельство, необходимое для возникновения следствия. А условия, напоминая, лишь «определяют способ действия причины», в их природе «нет того, что само по себе могло бы породить данное следствие или содержало бы возможность такого порождения» [ФЭ, т. 4, с. 373]. Условие и причина равно необходимы для «возникновения, существования или изменения данного объекта» [там же, с. 286], и только вместе они образуют достаточные условия для события; при этом причина, по сравнению с условием, обладает «большой производящей активностью» [там же].

В связи с этим следует обратить внимание на то, что еще в 1980 г. Г. П. Мельников определил творительный (знак фациенса) как единственный «однородный» с именительным (знаком агенса) и противопоставил его по этому признаку всем остальным косвенным падежам (знакам других участников события).

Спецификой значения морфемы творительного падежа, которое в современной системой лингвистике формулируется как «*делает то, что делает агенс, и вследствие того, что агенс делает это*», обусловлено использование этого падежа в тех случаях, когда необходимо назвать такого участника события, который подобен в каком-л. отношении агенсу (реже, другому актанту), а в частности – при сравнении (т. наз. творительный уподобления): *воет волком* (агенс и волк «однородны»), «когерентны» в действии (*воет*), *летит стрелой, ходит гоголем, извивается ужом, притворяется больным; хвост кренделем, голова яйцом, брови домиком; а также вернулся победителем, работает преподавателем, является директором; избрали Петрова делегатом; его сделали козлом отпущения; Пирог пахнет медом; Сад кишит пчелами; Купола сияли золотом; Мы дошли до реки лесом* и т. д.

Именно поэтому агенс и фациенс могут рассматриваться как участники события, явления которых когерентны: они либо 1) изначально являются единым целым (*машет рукой; щелкнул пальцами; хлопает глазами* – неотчуждаемая принадлежность), либо 2) образуют единое целое на время события (*машет платком; щелкнул затвором винтовки; хлопает ставнями* – отчуждаемая принадлежность).

О когерентности (хотя и иного рода – «не-событийной») мы можем говорить и при анализе семантики словосочетаний с родительным, с помощью которого выражаются целочастные, посессивные, атрибутивные и другие отношения: *свежесть воздуха, зеница ока, килограмм сахара, колесо велосипеда, игра детей, пение птицы, цвет апельсина, голова лошади, статуя Мирона, рассказы Чехова, габариты груза, рост человека, длина волны, участник события, вершина горы, силуэт башни, глава романа, характер персонажа, температура воды* и т. п. Исключения составляют разве что нос «некогерентный» майора Ковалёва и «отчужденные» улыбки Чеширского Кота.

К изучению тенденций развития русской системы словоформ в начале XXI века

Е. В. Клобуков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

klobukov@list.ru

Система словоформ как объект научного изучения; морфологический тип словоформы;

рассмотрение морфологических типов словоформ на уровне отдельной словоизменительной парадигмы, в языковом механизме и в речи.

Summary. The paper presents essential tendencies in the development of the system of Russian morphological forms at the beginning of the XXI century.

1. Объектом научного рассмотрения обычно являются словоформа и класс словоформ, объединенных общностью либо формально-грамматических признаков, либо грамматической семантики, либо отнесенностью к словоизменительной парадигме одной лексемы (А. И. Смирницкий, А. А. Зализняк, И. А. Мельчук). Однако важным и явно недостаточно изученным объектом морфологического описания является система словоформ русского языка как единое целое. Сведения о грамматических свойствах целостной системы словоформ необходимы для решения многих проблем, в частности они позволяют уточнить представления о тенденциях развития морфологического строя русского языка в начале XXI в.

2. Исходный единица классификации словоформ под указанным выше углом зрения – морфологический тип словоформ. При установлении типа словоформ учитывается ряд признаков, прежде всего особенности формального выражения словоформой грамматического значения (проявление в словоформе свойств, характерных для языков различных морфологических типов, см. исследования А. А. Реформатского, М. В. Панова, Н. А. Янко-Триницкой, В. А. Плунгяна и других ученых).

3. В парадигме одной и той же лексемы могут объединяться словоформы разных морфологических типов (ср.

традиционное для русской грамматики разграничение синтетических и аналитических словоформ, которым не исчерпываются все оппозиции морфологических типов словоформ, наблюдаемые в рамках одной лексемы, так как для русских словоформ характерны также признаки и агглютинации, и грамматической изоляции, см. наблюдения Ю. П. Князева). В докладе показаны все возможные комбинации морфологических типов словоформ одной и той же лексемы современного русского языка.

4. Следующий уровень обобщения материала при рассмотрении системы словоформ – это обращение к языковому механизму, соединяющему морфологические типы словоформ с лексическим запасом русского языка (выводы о соотношении различных морфологических типов словоформ в языковом механизме делаются в докладе с опорой на данные «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка).

5. Тенденции развития системы словоформ обнаруживаются в речи. В докладе показана частотность в речи различных морфологических типов словоформ и соотносятся существующие гипотезы развития морфологического строя современного русского языка: в направлении к аналитизму (В. В. Виноградов, М. В. Панов) или же к грамматической изоляции (Ю. П. Князев).

Наречные и адъективные конкретизаторы предложных единиц

М. А. Козорезова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

maria.valueva@gmail.com

Предлог, согласованное определение, наречие, конкретизатор.

Summary. The report describes the use of an additional component named specifier in the structure of a preposition in the framework of functional communicative grammar. This specific feature hasn't been described before. A specifier may be represented by various parts of speech, and two possible options (adverb and adjective) are described in the report.

Предлог в русском языке – понятие сложное и многофакторное. Если в рамках традиционного подхода эта служебная часть речи описывается как исключительно морфологическая категория [5], то в функционально-коммуникативной грамматике [1] предлог рассматривается еще и как явление синтаксическое – как составляющая так называемой синтаксемы, своего рода субморфема [2]. Благодаря данному подходу оказалось возможным представить категорию предлога более широко, как функционально-грамматическое поле, и отметить новые выявленные особенности употребления предложных единиц.

Одной из таких специфических черт является возможность употребления в составе предлога дополнительного компонента, уточняющего и конкретизирующего выражаемое основной единицей значение. Подобные факультативные единицы мы будем называть конкретизаторами вслед за М. В. Всеволодовой [3], предложившей такое наименование по аналогии с термином «конкретизатор», употребляемым в [5] по отношению к уточняющим значением союзов словам.

Изучаемый материал показывает, что предложные конкретизаторы могут быть классифицированы по собственно грамматическим и семантическим признакам.

По категориальной принадлежности (частеречной характеристике) их можно разделить на конкретизаторы, выраженные согласуемыми частями речи, например, именем прилагательным (1), и конкретизаторы, выраженные несогласуемыми классами, например, наречием (2а), ср. (2б):

- (1) *Очевидец аварии находился в непосредственной близости от эпицентра* (Инт.).
 (2) а) *Строители закончили работу задолго до 5 часов* (Закрепленные употребления в устной речи – Устн.).
 б) *Строители закончили работу до 5 часов* (Устн.).

К настоящему моменту адъективные конкретизаторы были отмечены в составе отыменных предложных единиц, в то время как употребление конкретизаторов, выраженных наречием, было отмечено в составе немотивированных предлогов типа *без, до, над, от, у* и др.

С точки зрения семантики конкретизаторы представляется возможным разделить на скаляр, вектор, авторизатор.

Скаляр – это количественная характеристика отношений, выраженных предложными единицами. Так, в предлогах *вплоть до, задолго до* слова *вплоть* и *задолго* являются количественными наречными конкретизаторами [4]. Это означает, что предлог *до* может употребляться не только в качестве отдельной единицы, без конкретизатора, но и с подобным дополнительным компонентом. См., в частности, приведенный выше пример (2а), где конкретизатор-наречие *задолго* употребляется с предлогом *до*, и сочетание предлога *до* с конкретизатором *вплоть* в примере (3а, ср. 3б):

- (3) а) *Оля гостила у Петровых вплоть до Нового года* (Устн.).
 б) *Оля гостила у Петровых до Нового года* (Устн.).

Конкретизатор-скаляр может быть не только наречным (4), но и адъективным (5):

- (4) *Непосредственно перед железнодорожным переездом устанавливается только знак В. 1.1. «Железнодорожный переезд со шлагбаумом»* (Инт.).
 (5) *Авава решила собирать Definity в максимальной близости от места установки* (Инт.).

Конкретизатор-вектор указывает на направление, а кроме того, имеет узкое и широкое толкование. В узком понимании он конкретизирует направление лишь в собственно пространственном отношении (6), в широком смысле конкретизатор-вектор уточняет социальный, временной и др. аспекты той или иной деятельности (7):

- (6) *Перемещает курсор в прямом направлении к последнему символу следующего слова.*
 (7) *При этом добавлю, что национализм есть мышление в национальных интересах белорусского народа.*

Конкретизатор-авторизатор (8), (9) вводит дополнительное значение – авторскую оценку:

- (8) *Пометавишись в напрасных поисках денег, вчерашние, вполне положительные мужики нашли адекватный выход* (Корпус МГУ).
 (9) *Конечно, не знаю всех деталей и подтекстов, но одно знаю точно, – Hermitage определенно планировал кампанию по данной истории и начал ее совершенно точно до смерти Магнитского* (Инт.)

Таким образом, при помощи использования конкретизатора в составе предложной единицы можно ввести в предложение различную дополнительную информацию.

Наблюдения показывают, что для конкретизатора в составе предложной единицы возможны три позиции: для отмен-

ных предложных единиц это – интерпозиция (как в примерах (1), (5) и др.), для конкретизатора в структуре немотивированных предлогов возможно употребление в препозиции (как в примерах (2а), (3а), (4) и др.).

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
2. Всеволодова М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4.
3. Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
4. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.
5. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1.

Новый взгляд на глагольное управление

М. Э. Косентини

Нью-Йорк, США

macos2@yandex.ru

Падеж, контролируемость.

Summary. This paper presents the theory that, when used with transitive verbs, the Russian case endings used to denote nominative, instrumental, dative and accusative cases, indicate various degrees of control over the activity expressed by the verb: most control, more control, less control and least control, respectively. It holds that the choice of case is not arbitrary but deliberate and contributes semantically to any given message.

Система грамматических падежей является одним из самых сложных и трудных аспектов русского языка для студентов, особенно для тех, говорящих на языках, выражающих грамматические категории при помощи порядка слов и предлогов (т. н. аналитических языках). Особенно сложно для них являются словосочетания состоящие из глагола и дополнения в правильном падеже. Если, на ранних этапах изучения русского языка, понятие глагольного управления и традиционная терминология (подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, агенс и пациенс) удовлетворяют студентов, на более продвинутых этапах такие объяснения оставляют желать лучшего. Студенты сталкиваются с ситуацией, когда один и тот же глагол может «управлять» не только одним падежом, например: простить кого и простить кому, или показать что и показать чем. Возникает вопрос: являются ли эти две формы синонимами или обозначают разницу в значении. Учебники явно избегают таких вопросов; объяснения, предлагаемые Русской грамматикой [2] базируются чисто на синтаксисе; объяснения некоторых выдающихся ученых только усложняют проблему для студентов.

В данной работе предлагается теория о том, что падежные окончания, а именно окончания именительного, творительного дательного и винительного падежей, в позиции приглагольного употребления, обозначают определенную степень контролируемости или участия в действии, выраженном глаголом. Именительный падеж обозначает наивысшую степень контролируемости, творительный падеж высшую степень контролируемости, дательный падеж меньшую степень контролируемости и винительный падеж наименьшую степень контролируемости над действием, выраженным глаголом. Обычно именительный и творительный падежи употребляются для обозначения тех членов предложения, которые активно контролируют действие, выраженное глаголом. Дательный падеж обозначает член предложения, который мотивирует действия; член предложения в винительном падеже обычно не обладает большой контролируемостью над действием, выраженным глаголом. В следующем предложении из «Ледяного дома» И. Лажечникова есть все четыре интересующих нас падежа: «Артемий Петрович дал знак рукой цыганке, чтобы она не уходила». Согласно данной теории, Артемий Петрович обладает наибольшей степенью контролируемости над действием, ведь он дает знак; рука (в творительном падеже) обладает сравнительно высшей степенью контролируемости, ведь знак дается с помощью руки. Цыганка в дательном падеже мотивирует действие, она ждет от Артемия какого-нибудь указания. Поэтому, она обладает большей контролируемостью чем знак, но меньше, чем рука. Знак обладает самой низкой степенью контролируемости.

Предлагаются следующие примеры с глаголом «простить»:

1. *Он был вне себя от гнева, велел мне уйти из класса и пойти к инспектору. Но потом, так как он был добрым человеком, он успокоился и простил меня, хотя я не просил прощения* (Вечер у Клэр. Г. А. Газданов).

2. *В голосе Рыжика Чик почувствовал такую дружественность, такое искреннее желание видеть его, что он сразу все простил ему* (Чик чит обычаи. Ф. Искандер).

В первом примере, он, (преподаватель) принял решение простить ученика; он обладает наибольшей степенью контролируемости над этим действием. А ученик не может влиять на поведение учителя, не может заставить простить его и эта низкая степень контролируемости выражается винительным падежом.

Во втором примере, он (Чик), в именительном падеже, обладает полной контролируемостью над прощением, но дружественность и искреннее желание его друга, Рыжика, мотивирует это прощение. Рыжик обладает большой контролируемостью над прощением, чем ученик, в предыдущем примере и это высшая степень контролируемости выражается дательным падежом.

В заключение, согласно этому подходу, 1) падежные окончания имеют определенные значения (степени контролируемости действия); 2) эти значения не являются узкими и точными, но широкими. Они оказываются скорее «намекми», которые, вместе с другой лексической и грамматической информацией, позволяют говорящему передать желаемое сообщение и слушателю правильно понять это сообщение. Самое важное, выбор падежа не является произвольным, но сознательным выбором говорящего или писателя, чтобы точно передать желаемое сообщение.

Литература

1. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
2. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1982.
3. General Meanings of the Russian Cases. Russian and Slavic Grammar. Studies 1931–1981 / Ed. L. Waugh, M. Halle. Berlin; New York; Amsterdam, 1984. P. 59–103.
4. Gorup R. Verbs of Double Government in Serbo-Croatian. Slovene Studies. 1987. 9 / 1–2. P. 93–99.
5. Jakobson R. Морфологические наблюдения над славянским склонением // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. 'S-Gravenhage, 1958. P. 127–156.
6. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. Chicago, 1992.
7. Language: communication and human behavior: the linguistic essays of William Diver / Ed. A. Huffman, J. Davis. Leidan; Boston, 2012.
8. Wierzbicka A. The Case for Surface Case. Ann Arbor, 1980.

К проблеме разработанности категории числительных в нормативной грамматике

Э. С. Котвицкая, М. В. Всеволодова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kotwic@mail.ru, mvsevol@mail333.com, mayya@mail.ru

Материал, полученный в результате наших исследований в последние годы, не только дополняет сведения о русских числительных, но и корректирует некоторые устоявшиеся представления об этой грамматической категории.

Говоря о сочетаемости числительных с существительными и согласуемыми прилагательными, т. е. о количественно-именной группе, для удобства ее описания мы используем термин «квантитатив».

Квантитатив представляет собой самостоятельную единицу и имеет смешанную падежную парадигму: в именительном и винительном падежах грамматически главным словом словосочетаний типа *два стола, две ручки, пять столов, пять ручек* является числительное, а существительное – зависимая словоформа; во всех других падежах главным словом является существительное, а числительное согласуется с ним по падежу: *нет столов, ручек – нет двух, пяти столов, ручек; к столам, ручкам – к двум, пяти столам, ручкам; со столами, с ручками – с двумя, пятью столами, ручками; о столах, о ручках – о двух, пяти столах, о шести ручках*.

Только числительные *один / одна / одно*, и составные числительные, оканчивающиеся на *один*, стоят в позиции определения к существительному во всех падежных формах и, соответственно, являются «словоформой»: *один стол, одна ручка, двадцати одного стола, тридцати одной ручки, к двадцати одному столу, к тридцати одной ручке, о двадцати одном столе, о сто одной ручке*.

Важными являются специфические характеристики числительных, в наших грамматиках не выделяемые. Выделим три таких случая.

1. Способность числительных выступать в приименной позиции (после параметрических существительных) в форме Им. п.: *длина доски два метра – доска длиной два метра; высота стержня одна десятая метра – стержень высотой одна десятая метра*.

2. Наличие специфического разряда числительных, который мы назвали комплексными числительными (они состоят из двух-трех числительных разных разрядов, составляя одну синтаксическую единицу). Эти числительные системно выступают в Им. п. (в своей первой части) даже после предлогов. Это числительные со значением: а) степени: *часть с энергией свыше десять в двадцатой*; б) площади и объема: *комната площадью порядка пять на четыре метра; параллелограмм объемом около два на три и на пять метров*; в) пропорции: *раствор крепостью не свыше один к трем*; г) диапазона: *Породы крепостью в пределах один-шесть по Бомэ. цена порядка двести – триста рублей*; д) десятичные дроби, начинающиеся с нуля и представленные двумя типами:

1) И слово *ноль*, и другие количественные числительные стоят в Ни: *Частица величиной не более ноль целых пять десятых нанометра. Мозг среднестатистического грызуна весит около ноль целых четыре десятых грамма. Вышло что-то около ноль целых, ноль тысячных процента*. Возможен и союз *и*: *Давление воды – около ноль целых и две десятых бара*.

2) В Ни стоит только слово *ноль*, количество десятых, сотых и т. д. – Num_p: *Порядка ноль целых двадцати пяти сотых при этом составляет толщина сфокусированного луча, Растворимость кислорода составляет около ноль целых, двух десятых процента*.

3. Категория квантитатива априори предполагает оппозицию «точное» vs. «приблизительное количество». Конкретизаторами приблизительности системно выступают не только наречия: *длинной примерно / приблизительно-но / точно пять метров; или* компаративы *больше / более, меньше / менее: длинной более / не меньше пяти метров*; но и собственно предлоги: *длинной порядка / около / сверх / свыше / до / от / от ... до пяти метров; длинной по пять метров (каждый)* и др. (§ 14). Конкретизаторы здесь относятся к числительному, формируя значение ПЕ.

Анализ единиц типа *в около, в порядка, к около, к порядка* в значении количественной приблизительности показал, что здесь управляющим может быть каждый из двух предлогов. 1) Квантитативом управляет конкретизатор: *Объем планируемых расходов оценивается в порядка \$62 миллионов*. (ср. *в шестьдесят два миллиона*); *Наше оборудование успешно используется в около 70 стран* (ср. *в семидесяти странах*); *Получить доступ к около 400 планет* (к *четыремстам планетам*). 2) Квантитативом управляет базовый предлог: *в + Вин. п. / Пр. п., к + Дат. п., перед + Тв. п.*; конкретизатор гасит свою валентность, функционально сближаясь с наречиями **примерно, приблизительно**: *У него была плантация в около сто растений* (= *в примерно сто растений*). *Выручку за 2007 год Rambler Media оценивает в порядка \$63 миллиона*. *Работы Эрвина Реддла экспонировались в около сотне стран мира*. *Нефть должна упасть к порядка 15–20 долларам за баррель*. *Об этом перед порядка тридцатью единомышленниками заявил глава «Рабочей партии»*. 3) Каждый из предлогов управляет «своим» компонентом в квантитативе: базовый предлог управляет существительным, конкретизатор – числительным: *Во Владивостоке произошло столкновение маршрутного автобуса с около десяти автомобилями*. *Эта проблема стоит перед около тридцати регионами*. Эти структуры в наших грамматиках не даны.

Особого рассмотрения требуют и квантитативы с существительными Pluralia tantum. Как известно существительные Pl. tantum не сочетаются в норме с количественными числительными. Для этого используются собира-тельные числительные типа *двое саней, пятеро ножниц*. Собира-тельные числительные сочетаются, как известно, не со всеми существительными, а только с одушевленными антропонимами: *Трое водителей частного перевозчика уволены за допущенные нарушения*. *Пятеро девочек погибли под обломками рухнувшей школы*; и зоонимами: *Волк и семеро козлят; Трое ворон пытались заклевать гордого хищника*. – где они абсолютно свободно могут быть заменены количественными: *три водителя уволены / уволено; пять девочек погибли / погибло, три вороны пытались заклевать*. Но существительные Pluralia tantum *сани, сумки, ножницы, брюки, штаны, трусики, джинсы, переговоры, выборы, с два, три, четыре* не сочетаются и требуют собирательного числительного: *В течение ближайшего года нас ждет еще трое выборов*. *Вот та же Вера, провела только трое переговоров*. *В семеро саней по семеро в сани уселись сами*. Числительные от *пять* и выше возможны: *Сзади следовало пять саней с разной кладью*. *В гардеробе любой женщины должно быть, как минимум, пять брюк*. Здесь требует дополнительного рассмотрения вопрос о парных делимых предметах типа *ботинки, туфли, лыжи, коньки*, при которых квантитативы с количественным и собирательным числительными несут разную информацию: *Тогда меня найдешь, когда трое башмаков железных износишь*. *Хи-хикало и Молчун схватили Михаила за плечи и согнули его к башмакам, поставленным рядом. – Давай-давай, завязывай. Все три башмака. Брать двое лыж точно перебор. – Две лыжи совершенно целые*.

Как известно, по отношению к с / с типа *двое лыж, трое ботинок* системно употребляются дескрипция со словом *пара*: *купить две пары лыж, износить три пары башмаков*. Узуально такое употребление и по отношению к названию парных неделимых предметов типа *две пары брюк / джинсов, трусов = двое брюк / джинсов / трусов*, в том числе и по отношению к одному предмету: *одни брюки / джинсы / трусы – одна пара брюк / джинсов / трусов*.

Квантитативы с Pl. tantum в составных числительных в прямых падежах требуют введения слов-экспликативов или изменения падежной формы на косвенный падеж. Поскольку имена Pl. tantum в прямых падежах сочетаются не с числительными *два, три, четыре*, а только с собирательными, а собира-тельные, как известно, не выступают в составных

числительных (ср. *двадцать два* и **двадцать двое*), то для с / с данного типа необходимо введение слова-эспликатора *штука*: *Тридцать три штуки саней. Двадцать две штуки ножниц*. Или изменения структуры квантитатива с вынесением существительного в препозицию и введением слов-классификаторов типа *количество*, *число*: *Сани в количестве*

ве тридцати трех. Колхоз приобрел сани в количестве тридцати четырех штук.

Представленные и не представленные здесь случаи использования квантитативов в наших грамматиках и словарях вообще не отмечены. Мы считаем, что ввести их в нормативную грамматику необходимо.

О предложно-падежных конструкциях с базовыми единицами времени

Г. Лайкауф, Е. В. Муравенко

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

emuravenko@yandex.ru

Временное значение, временная конструкция, предложно-падежная конструкция, базовые единицы времени.

Summary. In Russian different prepositional constructions are used to reflect the mere fact that an action took place in a certain interval of time. In this paper the authors examine criteria that determine the choice of case-preposition constructions with the basic time units (minute, hour, day, week, month, year).

В данной работе рассматриваются предложно-падежные конструкции с базовыми единицами времени (*минута*, *час*, *день*, *неделя*, *месяц*, *год*), выражающие простую фиксацию действия в определенном отрезке времени.

В принципе возможны четыре такие конструкции: *в + вин. п.*, *в + пред. п.*, *на + вин. п.*, *на + пред. п.* При обучении иностранцев русскому языку принято считать, что выбор формы связан с названием единицы времени: для слов *год* и *месяц* используется конструкция *в + пред. п.*: *в году*, *в месяце*, для слова *день* — *в + вин. п.*: *в день*, для слова *неделя* — *на + пред. п.*: *на неделе*. Однако на самом деле наблюдается достаточно большая вариативность таких конструкций. Так, со словом *год*, помимо базовой конструкции *в году*, встречаются и все остальные варианты, например: ***В последний год*** они не встречались и даже не перезванивались (Людмила Улицкая). ***А на следующий год*** привезли переселенцев из Орловской области (Василий Гроссман). ***На втором году*** Клара забросила литфак, просто перестала ходить (Александр Солженицын).

Выбор нужной конструкции иногда вызывает затруднение у носителей языка, но особенно трудно приходится иностранцам, изучающим русский язык.

По всей видимости, выбор предложно-падежной конструкции для базовой единицы времени зависит не только от самой базовой единицы, но и от определений, с которыми выступают эти единицы времени.

Цель настоящей работы — выявить виды определений, влияющих на выбор временных конструкций, и установить, допускают ли выявленные определения лишь одну из конструкций или возможно синонимичное употребление конкурирующих конструкций (и если верно последнее, определить их соотносительную частоту употребления). Кроме того, важно проследить изменение употребления конструкций с базовыми единицами времени за последние 200 лет (т. е. тот период, который в академической традиции считается современным русским языком).

Проведенный нами анализ показал, что прежде всего на предпочтение той или иной формы оказывают влияние следующие группы определений:

1. Порядковые числительные (*первый*, *второй*, *третий*...), а также слово *последний*. Сочетания единицы времени с порядковыми числительными, а также с прилагательным *последний* всегда обозначают часть определенного или неопределенного периода, который, как правило, выражается су-

ществительным (*первый год жизни*, *замужества*, *обучения* и т. д.), но может выражаться и имплицитно. Предполагается, что выбор конструкции может зависеть и от определения-существительного (как правило, в родительном падеже).

2. *Следующий*, *ближайший*, *прошлый*, *будущий*.

3. Указательные местоимения *этот*, *тот*.

4. Прилагательные, служащие «индивидуальной» или качественной характеристикой: *медовый (месяц)*, *юбилейный (год)* и т. п.

5. Определение в род. п. (*в год основания фирмы*).

6. Определительные придаточные предложения с союзным словом *когда* (*год*, *когда он поступил в университет*).

В ходе исследования широко использовался НКРЯ, как для выявления статистики на синхронном уровне, так и для выводов об исторических изменениях временных конструкций. Однако при пользовании НКРЯ необходимо было отсекать конструкции, омонимичные рассматриваемым, употребляемые не в обстоятельном временном значении, а в значении актанта, заполняющего валентность глагола, например: *настаивать именно на этом месяце*, *перенести занятия на следующую неделю* и т. п.

В результате анализа конструкций с выявленными типами определений выяснилось, что выбор предложно-падежной временной конструкции находится в прямой зависимости от определения. Так, например, с порядковым числительным *первый* слово *год* в конструкции *в + вин. п.* встречается в десятки раз чаще, чем в базовой конструкции *в + пред. п.* А с порядковым числительным *второй* слово *год* преимущественно употребляется в конструкции *на + вин. п.* По результатам анализа составлена таблица употреблений, демонстрирующая зависимость каждой из четырех рассматриваемых предложно-падежных конструкций как от базовой временной единицы, так и от используемого определения. Эти данные было бы весьма полезно учитывать в обучении иностранцев данной теме, поскольку, как видим, без их учета неизбежны ошибки в употреблении временных конструкций.

Анализ временных предложно-падежных конструкций в историческом аспекте показал, что зависимость выбора временной конструкции от определения не была присуща языку раньше, а развивалась постепенно. Так, например, преобладающее употребление конструкций *в первую неделю* и *в последнюю неделю* характерно именно в последние годы, а еще 50 лет назад *на первой (последней) неделе* и *в первую (последнюю) неделю* употреблялись примерно с одинаковой частотой.

Рост аналитизма в грамматическом строе современного русского языка

П. А. Лекант

Московский государственный областной университет

kanafevaalya@mail.ru, kaf-sovrusl@mgou.ru

*Аналитическая форма, аналитические формальные слова, связка **быть**, предикативы.*

Summary. In the present paper the problem of growing analytism of the Russian grammatical system is observed, the notion of analytical form is defined. These basic propositions are revealed in the characteristics of predicative as a analytical part of speech of the Russian language.

Грамматический строй русского языка характеризуется взаимодействием *полных* слов (их форм) и *формальных* (служебных) слов. Категории полных слов, система частей речи *стабильны*, разряды формальных слов *подвижны*, активно развиваются, пополняются. Соответственно разви-

ваются, усложняются аналитические формы полных слов: в первую очередь, это сочетание существительного с предлогом, глагола с частицами; «грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, «аналитико-синтетическому»

му» (В. В. Виноградов). Глагольные формы с участием частиц расширяют, обогащают значения и оттенки модальности предложения.

Сами формальные слова пополняются новыми образованиями с участием «старых», исконных, в том числе создаются **аналитические предлоги, союзы, частицы**. Вместе с тем усложняются и дифференцируются грамматические значения предложения. Развитие системы составных союзов дает возможность оформлять те виды синтаксических отношений, те детализации, которые невозможно или трудно передать простыми подчинительными союзами: *после того как – перед тем как; вместо того чтобы; при том условии что* и др.; детализация усложняется благодаря частицам *лишь, только, даже, хоть, хотя бы* и др. Сама категория частиц не только активно участвует в аналитических формах полных слов (*ли, бы, не, хоть* и др.), но и бурно развивается, расширяется, в том числе в сторону аналитизма. Состав частиц – от одного компонента до трех – четырех и даже более: **Ну да как же тут и не поверить** (Н. Гоголь). Не всякая многокомпонентная частица является аналитической; степень аналитичности разная во фразеочастицах, в сложных, в составных и в парных частицах. Фразеочастицы, устойчивые, воспроизводимые, имеют оценочно-градационную семантику: *Вот не доедем, да и только, домой! Чтo ты прикажешь делать?* (Н. Гоголь). Продуктивную аналитическую модель составных частиц представляют «прономинальные» формальные компоненты *где там, куда там, какой там* и под. в отрицательной серии: *Да нет, какая уж там обида...* (В. Белов). Парные частицы без главенства одного из компонентов оформляют: *не – ли* предположение: **Не засмеяться ль им Пока...** (А. Пушкин); *не – бы* опасение, предостережение: **Не опоздать бы нам к поезду** (А. Чехов). Расширенное представление корпуса русских частиц не должно никого пугать; грамматический «пуризм» сейчас неуместен – частицы надо изучать и изучать.

Об одном структурном типе славянского предлога

Ч. Ляхур / Cz. Lachur

Опольский университет (Польша)
czeslaw.lachur@interia.pl

Предлог, предлоги-сращения, предлоги-сочетания.

Apart from primary preposition and a growing set of secondary prepositions in contemporary Slavic languages, one may notice the presence of two structural types in this grammatical category. The first type includes the so-called *composita* prepositions, e. g. *spod* in Polish, *ispod* in Serbian or *iz-nod* in Russian. The second type includes combinations with prepositions, e. g. *do iznad, do iza* (typical of literary Macedonian language) and *na pod, через за* (typical of everyday Russian). This paper presents some observations concerning the second type of prepositions as compared with linguistic data from the Polish language, which lacks such combinations.

Как известно, категория предлогов в каждом из славянских языков содержит в себе черты национальной специфики, что проявляется прежде всего в тенденции расширения их состава. Эта тенденция проявляется в увеличении количества предлогов в результате словообразовательных процессов, типичных именно для данного языка. Одним из таких процессов является непосредственное соединение одного первообразного предлога с другим первообразным предлогом. Таким образом возникают сочетания нового типа, полностью состоящие из предлогов. В ходе этого процесса образовались т. наз. предлоги-сращения (*composita*), если результатом словообразовательного слияния составных частей является новый единый предлог (например, польск. *znad, sprzed*, русск. *по-за, из-за*), и предлоги-сочетания, если составные части продолжают восприниматься как самостоятельные предлоги, сохраняя раздельное написание и образуя лишь группу, которая состоит из двух (или трех) первичных предлогов (например, сербск. *do ispod, do iznad*, макед. *до под, до над* или характерное для русской разговорной речи *на под, через за*).

Рассмотрение материала разных языков и его формальное и функциональное сопоставление может привести к выводу, что категория предлогов в славянских языках образует четкую и последовательную систему, формирование которой происходит по точно определенным словообразовательным механизмам. Другое дело: представлены ли в каждом языке все сегменты (и в какой степени) данной системы.

Объектом наблюдений в предлагаемой статье, выполненной в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтак-

Ни одно формальное слово не может сравниться по многообразию и силе влияния на рост аналитизма с «идеальной» связкой *быть*. Учение Виноградова о связке *быть* можно назвать едва ли не самым значимым открытием в современной теории грамматики русского языка. Теория предложения освободилась от вербоцентризма и обогатилась признанием двух основных типов русского предложения – глагольного и аналитического именного. Виноградов отнес связку *быть* к формальным словам. «Связка *быть* не глагол, хотя имеет глагольные формы. <...> Она находится вне категорий вида и залога». Целостная теория связки *быть* включает понятие *нулевой формы* настоящего времени изъявительного наклонения. Статус связки *быть* стал одним из главных оснований определения **категории состояния** как особой части речи. Наличие форм наклонения и времени, представляемых связкой *быть*, свидетельствует об «отрыве» кратких форм от категории прилагательного. Формы времени, выражаемые аналитически, сближают «краткие прилагательные» и «категорию состояния». Кроме того лексически и семантически они соотносительны: **Я был весел. – Мне было весело**. По Виноградову, «краткие формы» имеют категориальное значение «качественного состояния, возникающего и протекающего во времени». Оставался один шаг до представления этих двух категорий в системе одной части речи.

Мы делаем этот шаг, мотивируя единство аналитической части речи **предикатив** как гибридной категории. Предикатив имеет глагольные категории и формы: наклонение, время, лицо (включая безличную форму), число; именные формы: род, число (согласуемые формы): **Ах, если б я был молод** (А. Чехов); **Да будет так же жизнь светла!** (Б. Пастернак); **Ростову все так же было неловко и немного советно** (Л. Толстой); с нулевой формой *быть* настоящего времени: **Каждый день по-новому тревожен** (А. Ахматова).

Предикатив – это единственная часть речи в русском языке, имеющая аналитическое строение.

сис»), являются некоторые предлоги второго из названных структурных типов, т. е. предлоги-сочетания. Правда, на самом деле определения «предлоги-сращения» и «предлоги-сочетания» довольно условны, так как их графика в разных языках неодинакова. Согласно установившимся традициям они могут быть оформлены и слитно, и раздельно, и с дефисом. Так, например, предлоги *znad, sprzed, spod* и т. п. до реформы орфографии польского языка (30-е гг. XX столетия) имели раздельное написание: *z nad, z pod, z przed* – значит, считались предлогами-сочетаниями. В современном языке они имеют слитное написание (славянские предлоги-сращения этого типа были предметом более подробного анализа в [2] и [3]).

Оказывается, что названный механизм дупликации первообразных предлогов (образование предлогов-сочетаний) очень активно действует в южнославянских языках (в македонском и сербском), где они передают пространственную семантику (главным образом, адлативность, т. е. значение ‘куда’). В этих языках данный структурный тип предлогов составляет отдельную группу, которая в современном литературном сербском (и хорватском) языке представлена следующими единицами: *do ispod, do iznad, do pred, do na, do iza, do u*, а также *za nad* и *za pod*. Ср. сербск. *Te reči probudile su Zahariju i on se brzo vratio u [postelju] i pokrio do ispod brade* vs. макед. *Tue zborovi go probuduja Zaharije u toj brzo se vratu vo postela i se pokri do pod brada* vs. польск. *Te słowa obudziły Zaharię, który szybko wrócił pod koldrę i nakrył się aż pod brodę*.

Конструкции с данными предлогами могут передавать также темпоральную семантику (их первый компонент *do* в

данном случае указывает на определенную границу во времени). Ср. сербск. [tražio] *sam ga do pred početak operacije* vs. макед. [го барав] *до пред почетокот на операцијата* vs. польск. *Szukałem go aż do początku operacji*.

В конструкциях с предлогами *za nad* и *za pod* может появиться осложненно-пространственное значение (пространства и цели). Ср. сербск. *Zar je takav mali venac za nad naša vrata, a takav svetac* vs. макед. *Zarem takov e maliot veneц za nad našata vrata, a takov svetec* vs. польск. *To zbyt mały wieniec nad nasze drzwi, a w końcu to wielkie święto!* (все сербские и македонские примеры приведены по [4]).

Польский язык вообще не знает единиц данного типа (т. е. названные предлоги-сочетания не имеют в нем формальных и, частично, семантических соответствий), поэтому установление польских эквивалентов указанных предлогов требует иногда обращения отдельно к каждой синтагме и выявление ее смысла.

Поисковые системы Интернета доказывают, что и в русском языке данный структурный тип предлогов составляет обширную группу, хотя большинство из этих предлогов ненормативно. Авторы новейшей монографии о русских предлогах и средствах предложного типа приводят многие примеры таких единиц, называя их «семантически опрощенными предлогами» [1: 96]. Вот некоторые из них: *В этот день солнце находится в над экватором. 27 октября в поезде Зеленограда появилась кобель. Голодный поход в на Каппадокии с Димой Шарко. Су-27 разбился в под Хабаровском из-за ошибки пилота. Может быть и world PvP раз-*

растется буйным цветом здесь, в меж руин Калиндора. Стоимость госпошлины составляет 1000 рублей и оплачивается через за каждого иностранного рабочего. Сауны и бани у возле метро Третьяковская и Тульская. Он устроился около перед крышей. Что вешать на сайт на под новый год [1: 96–100, passim].

Приведенный материал показывает неполноту наших представлений о предлогах и их функционировании в славянских языках. С одной стороны, предлоги данного типа (предлоги-сочетания) имеются не во всех славянских языках и, с другой стороны, грамматика рассматриваемых языков как бы закрепила их преобладающее употребление в выражении определенного значения.

Литература

1. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. М., 2013.
2. Lachur Cz. Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim. Opole, 1999.
3. Lachur Cz. Systemowość w obrębie przyimków słowiańskich // Проблеми зставної семантики. Збірник наукових статей. Випуск 11. Київ, 2013.
4. Mitrović V. Serbsko-macedońskie interferencje językowe – widziane oczyma polonisty // Południe – Północ. Serbsko-polskie paralele językowe. Poznań, 2012.

Аспектуальная характеристика предикатов со значением образа жизни и поведения

И. П. Матханова

Новосибирский государственный педагогический университет

matkhanova@mail.ru

Аспектуальность, глаголы со значением образа жизни, глаголы поведения, семантические типы предикатов.

Summary. The paper presents the links of aspectual characteristics of “lifestyle” verbs and behavior verbs with their lexical meaning.

В современной русистике все большее внимание уделяется семантическим типам предикатов, относящихся не к базовым (действию, состоянию, процессу и под.), а периферийным – глаголам деятельности, поведения, интерпретативам и др. (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, Е. В. Падучева, И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер и др.).

Представляется, что глаголы со значением социального образа жизни (такие, как *благодействовать, бедствовать, роскошествывать, царствовать, нищенствовать* и др.) также можно выделить в особую группу, учитывая различия в семантической и аспектуальной характеристике этих глаголов и предикатов поведения, в число которых их часто включают (см., напр., [2]). В качестве особой группы глаголов ‘образа жизни’ рассматриваются в словарях Э. В. Кузнецовой [3] и Л. Г. Бабенко [4], а также в качестве особой подгруппы постоянно-узуального способа глагольного действия М. А. Шелякиным [5].

К общим семантическим характеристикам глаголов поведения и ‘образа жизни’ можно отнести следующие: 1) наличие ряда однородных / неоднородных действий / состояний, обобщаемых по какому-либо признаку; 2) элемент оценки (явной / имплицитной), предполагающей соотношение с бытующей в социуме нормой; 3) процессуальность (немгновенность, определенная длительность); 4) преобразованная статичность (не непосредственно наблюдаемая, а производная); 5) наличие субъекта сознания и субъекта деятельности; 6) возможность существования двух точек отсчета – синхронной и ретроспективной. Отличаются эти типы тем, что для поведения характерна контролируемость ситуации со стороны субъекта, что выражается в способности образовывать некоторые формы повелительного наклонения и распространяться целевыми конструкциями, в то время как предикатам ‘образа жизни’ эти характеристики не свойственны. Глаголы ‘образа жизни’ обладают большей обобщающей силой, чем глаголы поведения, т. к. способны включать в ряд первичных актов и поведение. Сущности и другие семантические отличия, которые обуславливают аспектуальное поведение анализируемых глаголов.

Эти глаголы относятся к неопределенным несовершенного вида, не могут иметь видовой пары, не образуют начина-

тельного способа действия, как и глаголы поведения. Но глаголы ‘образа жизни’ обладают дополнительными ограничениями. Они не способны образовать делимитативы, возможные у глаголов поведения (*побаловаться, похулиганить*, но: **победствовать, *поблагоденствовать*) и пердуративы (*продурался весь вечер, *пробедствовать, *проблагоденствовать*), зафиксирован только сативный способ действия (*набедствоваться*). Отметим и ограничения на сочетание с фазовыми глаголами. Если глаголы поведения сочетаются в основном со словами *стал, начал, принялся, перестал, продолжал* (ср. *стал / начал / перестал / продолжал безобразничать*), то для предикатов ‘образа жизни’ возможна сочетаемость только с глаголами *начал, перестал, продолжал (начал / перестал / продолжал бедствовать)*.

В отличие от высказываний с семантикой поведения, в конструкциях с глаголами «образа жизни» редки и своеобразны показатели наблюдаемости. Ср.: *Там он стал зади своих учеников и внимательно смотрел за тем, как они себя вели: толкались, шептались, смеялись, безобразничали* (Ф. Сологуб) и: *Видно было, что весь город благоденствует – на бульваре и в Александровском парке гремели оркестры* (Н. Райнов, Б. Володин). В высказываниях с семантикой поведения фиксируется непосредственное зрительное восприятие, а в высказываниях с семантикой образа жизни можно говорить, скорее, о ментальном восприятии (значение ‘сознавать, понимать’, ‘воображать’).

Комплекс таких семантических признаков способствует предрасположенности глаголов ‘образа жизни’ к функционированию в **обобщенно-фактической** ситуации. Например: *Она вежливо осведомлялась... благоденствуют ли по-прежнему члены ее семьи* (Н. Маркосян); *Это свинство, когда армия, ее солдаты и офицеры бедствуют* (К. Кухаренко).

Способность передачи **процессной** ситуации глаголами ‘образа жизни’ затруднена. Выражение конкретно-процессного (актуально-длительного) значения невозможно, так как в высказываниях представлена не первичная, наблюдаемая, конкретная «картинка», а ее обобщение. Но эти глаголы могут функционировать в высказываниях, отражающих действие (в широком смысле) уже начатое, но еще не за-

конченное, в динамике его протекания во времени. Ср.: *Серая колония на глазах таяла – рыжая плодилась и благоденствовала* (М. Осоргин).

Встречается в этих высказываниях **неограниченно-кратное** употребление несовершенного вида. Как известно, неограниченно-кратная функция реализуется при активной роли контекста, взаимодействующего с формой глагола, относящегося к любому способу действия [1]: *Женя Чудиков... приобрел дачку под Ленинградом, на которой благоденствует в окружении близких **каждым летом*** (В. Рецетер); *Он **периодически** бедствовал, болел, страдал...* (И. Кузьмичев). Таким образом, исследование аспектуальных характеристик новых семантических типов предикатов позволяет по-новому посмотреть на их состав, увидеть иерархическое устройство этой системы, оценить нетривиальную природу

таких семантических свойств, как статичность и процессность. Описание каждого такого типа позволит обучать студентов, опираясь на выявленные свойства глаголов.

Литература

1. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
2. *Васильев Л. М.* Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа, 2005.
3. Лексико-семантические группы русского глагола / Науч. редактор Э. В. Кузнецова. Иркутск, 1989.
4. Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.
5. *Шелякин М. А.* Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Конативные и проксимативные категориальные ситуации в современном русском языке

М. Г. Милютина

Удмуртский государственный университет (Ижевск)

mmilyutina@inbox.ru

Антирезультатив, попытка, успех, тенденция, осуществление.

Summary. The author considers conative (attempt) and proksimative situations in Modern Russian.

В наших рассуждениях мы коснемся двух категориальных ситуаций, которые выражают аспектуальное значение антирезультатива в современном русском языке **конативных** и **проксимативных**. Смысловой каркас той модально-аспектуальной зоны, которую В. А. Плуныян называет *антирезультатив* [6], обозначил в статье 1948 года «Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке» Ю. С. Маслов (здесь приводится по изданию [2]). Юрий Сергеевич, выявляя основные типы семантических отношений между глаголами СВ и НСВ, в частности, обнаружил следующую разновидность смыслового противопоставления: «**тенденция к определенному факту, попытка или намерение достичь результата (НСВ) – действительное достижение результата, успех действия (СВ)**» [2: 48]. Ю. С. Маслов описал общий тип поведения глаголов СВ и НСВ, отнесенных к этой единой разновидности, следующим образом: «СВ обозначает факт скачкообразного перехода субъекта или объекта в новое качественное состояние, факт достижения в длительности процесса решающей «критической точки», которая одна и составляет собственно содержание данного глагольного понятия. А НСВ может обозначать либо **тенденцию** процесса, либо **попытку** произвести действие, без указания на действительное достижение завершающей точки – скачка». Обе разновидности категориальных ситуаций, которые обозначены в данном исследовании как **конативные** и **проксимативные**, как видим, в свернутом виде уже представлены в указанной работе Ю. С. Маслова.

На самом деле это две различных по многим своим признакам ситуации, хотя и имеющие в своей основе общую аспектуальную базу.

Конативные ситуации имеют следующий общий вид смысловых отношений: «**ПОПЫТКА, СТРЕМЛЕНИЕ – УСПЕХ / НЕУСПЕХ**» типа: РЕШАЛИ, да НЕ РЕШИЛИ; УГОВАРИВАЛИ, УГОВАРИВАЛИ, но так и НЕ УГОВОРИЛИ; ДОБИВАЛИСЬ и ДОБИЛИСЬ и подобные. Например: *У моего мужа на работе **решили** этот тест очень долго, **не решили***. [Наши дети: дошколята и младшие школьники (форум) (2005)]. (Пример из НКРЯ).

Тендентивные (если следовать терминологии Ю. С. Маслова), или **проксимативные** (термин В. А. Плуныяна), ситуации имеют общий вид смысловых отношений «**ТЕНДЕНЦИЯ – ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ / НЕОСУЩЕСТВЛЕНИЕ**» типа ТОНУЛ, да НЕ УТОНУЛ; УМИРАЛ, но НЕ УМЕР; ЗАМЕРЗАЛ и совсем ЗАМЕРЗ и подобные. Например: *Офицер сделал приставу заявление, что **привезенный им мокрый человек тонул в польные против дворца и спасен им** (= не утонул. – М. М.), **господином офицером...*** (Н. Лесков).

О целесообразности выделения двух самостоятельных разновидностей внутри семантического противопоставления «тенденция, попытка – успех, осуществление» пишет и Н. А. Козинцева [1: 89].

Указанное разграничение двух самостоятельных разновидностей представляется вполне логичным, поскольку оно

базируется на различии принципиального характера, и таким различием является наличие или отсутствие в ситуации семантики целенаправленности, а также контролируемости.

Конативная разновидность, подробно проанализированная в работе [3], представляет собой всегда контролируемую (полностью или частично) со стороны субъекта действия ситуацию с выделенным, актуализированным звеном «намерение достичь цели», которое и выражается в таких ситуациях как попытка, стремление, а на более глубинном уровне как желание.

В проксимативных ситуациях, напротив, ни о какой контролируемости действия речь идти не может, поскольку это в принципе (в силу внутренней семантики самих действий) неконтролируемые ситуации. Исход таких ситуаций не зависит от воли и намерений субъекта, их осуществляющего. Е. В. Падучева замечает: «Глагол НСВ не может обозначать тенденцию, если исходный СВ обозначает действие гарантированно контролируемое со стороны его субъекта» [4: 115].

Так, еще А. М. Пешковский отметил, что «в таких глаголах, как *умер, родился, заболел, простудился, упал, ушибся* и т. д. мы едва ли заметим намеренные действия. Нам смешна школьная формула *что сделал? умер...* В вещественной части этих глаголов выражено как раз нечто прямо противоположное намеренности, нечто совершенно не зависящее от нашей воли» [5: 79].

Специфика проксимативных ситуаций заключается в том, что, несмотря на указанную «независимость» от воли и намерений субъекта действия, они со всей очевидностью связаны в человеческом представлении (в частности, в представлении говорящего, наблюдателя) с определенной прогнозируемой тенденцией: *тот, кто тонет – скорее всего, утонет; тот, кто выздоравливает – очевидно, выздоровеет; тот, кто умирает – вероятнее всего, умрет* и тому подобные прогнозы.

Список сокращений

НСВ – несовершенный вид;

СВ – совершенный вид;

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

Литература

1. *Козинцева Н. А.* Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными, таксисными значениями. Л., 1991.
2. *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
3. *Милютина М. Г.* Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка – результат» и его реализация в современном русском языке. М.; Ижевск, 2005.
4. *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
5. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
6. *Плуныян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики: Вып. 1: Глагольные категории / Ред. В. А. Плуныян. М., 2001. С. 50–88.

О стратификации выражения морфологических значений в русском языке

Г. И. Панова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан)

gipanova@mail.ru

Морфологическое значение, морфологическая форма, словоформа, морфологические средства, лексема.

Summary. The paper is devoted to features of expression of morphological meaning of word outside a lexeme and with participation the one.

В русском языке большинство морфологических значений выражается на уровне абстрагированной морф. формы слова, т. е. за пределами лексемы; некоторые значения выражаются на уровне словоформы: в пределах лексемы или же с ее «долевым» участием.

Морф. форма с точки зрения структуры – это единство морф. значения, средства его выражения и обобщенной основы слова данной части речи, т. е. единство морф. аффикса (или служебного слова) и обобщенной основы слова. Морф. средства – это материальные элементы структуры языка, предназначенные для выражения морф. значений; они являются конститuentами морф. формы слова, составляя план ее выражения. Словоформа – это единство морф. формы и лексемы конкретного слова.

Морф. форма может быть *простой*, включающей одно морф. значение, соотношенное с определенным формальным средством (*основа. прилаг. + фл.-и / -ы: добры*), но чаще бывает *комплексной*, включающей несколько морф. значений, соотношенных тем или иным способом с единицами плана выражения (*основа глаг. + фл. -у: пишу*).

В структуре комплексной морф. формы ее значения могут выражаться *непосредственно* и *опосредованно*. При непосредственном выражении морф. значения передается своим «собственным» средством, предназначенным для выражения именно этого, парадигматически противопоставленного значения; так выражаются, например, значения 1 л., ед. ч. глагола (*пишу*). При опосредованном выражении морф. значение не имеет своего собственного средства. Такое значение сопряжено с другим морф. значением, имеющим специальное средство выражения, и в этом случае первое значение опосредованно сигнализируется через средство выражения второго. Опосредованно в русском языке выражаются морф. значения не прошедшего (настоящего / будущего совершенного) времени и индикатива. Значение не прошедшего времени глагола сопряжено со значениями лица-числа, а значение индикатива сопряжено со значением времени. Следовательно, флексия глагола -у непосредственно выражает морф. значения лица и числа и опосредованно сигнализирует недифференцированное значение не прошедшего времени, которое, в свою очередь, «существует» со значением реальности индикатива (выражение последнего получается дважды опосредованным).

На уровне абстрагированных морф. форм, непосредственно и опосредованно, выражаются в русском языке все морф. значения, кроме значений рода существительного и вида глагола. (Особую ситуацию в этом плане занимает категория времени.) Категории вида глагола и рода существительных не имеют самостоятельных средств формальной манифестации: они выражаются с обязательным участием лексической основы или же только основой слова параллельно с выражением ее лексического значения.

В и д глагола выражается (1) прежде всего различными комбинациями суффиксов и приставок (включая и позицию их отсутствия) в структуре лексической основы слова, см.: *раскалывать, колоть, хаживать* – НСВ; *расколоть, пораскалывать* – СВ. 2. Значение вида может предопределяться лексической семантикой глагола независимо от его морфемной структуры. В частности, семантический элемент неопределенности процесса сопряжен со значением НСВ (*весить, мыслить*), а элемент однократности действия – со значением СВ (*бросить, ринуться*). 3. Глаголам с тождественным типом морфемной структуры и лексической семантики (с семей тендентивной предельности) вид «присваивается» системой языка без видимой мотивации. Ср., например: *лечь* (НСВ) – *лечь* (СВ), *лечить* (НСВ) – *решишь* (СВ) или *солить* (НСВ) – *пленишь* (СВ) – *казнить* (ДВВ), *пломбиро-*

вать (НСВ) – *адресовать* (ДВВ). Видовое значение подобных глаголов воспринимается как проявление языковой традиции. И наконец, у ряда глаголов (двувидовых) их видовое значение остается недифференцированным на уровне словоформы (*исследовать, жениться*) и может конкретизироваться только в контексте.

Формальное выражение рода существительных имеет еще более сложный характер. У исконных существительных (не субстантиватов типа *мостовая*) в выражении рода всегда участвует лексема. 1. У слов, содержащих в пределах основы сему пола, род самодостаточно предопределяется их лексическим значением независимо от флексии: *мама – папа, свекровь – зять, сестра – брат* или *подмастерье, Михайло*. 2. При отсутствии семы пола род существительных сигнализируется взаимодействием нескольких родоопределяющих факторов, а именно: взаимодействием субстантивной флексии а) с элементом плана выражения лексемы (твердый нешипящий конечный согласный основы: *дом, человек*) либо б) с элементами плана ее содержания: *иволга, земля; существо, море*. Для выражения женского и среднего рода этих слов значимо отсутствие в их лексемах семы «мужской пол», ср.: *юноша; Михайло* – и семы субъективной оценки объекта, ср.: *зайчишка; домишко*. 3. При омонимии родоопределяющих факторов (*рояль – вуаль*) мужской или женский род субстантива предопределяется выбором носителей языка, который становится затем фактом традиции и нормы: *рояль, рояля – вуаль, вуали и рояль черный – вуаль черная*. И наконец, у ряда существительных с флексией -а / -я (двуродовых) их отнесенность к женскому или мужскому роду остается недифференцированной на уровне словоформы (*умница, зануда*) и конкретизируется только в контексте, как и вид у двувидовых глаголов.

Выражение морф. значений на уровне абстрагированной морф. формы, т. е. за пределами лексемы, и на уровне словоформы, т. е. в пределах лексемы либо же с ее облигаторным участием, обуславливает деление морф. категорий на *словоизменительные* и *классификационные*. К последним относятся, как известно, род существительных и вид глаголов. Смешанную, классификационно-словоизменительную природу имеет категория времени глагола: словоизменительную в сфере оппозиции прошедшего / не прошедшего времени и классификационную – в сфере оппозиции настоящего / будущего совершенного времени. Эти значения дифференцируются на уровне лексемы в зависимости от ее вида, ср.: *дышу* – наст. время, *решу* – буд. заверш. время. Особое место занимает форма будущего незавершенного времени: с одной стороны, ее значение выражается за пределами глагольной лексемы (*буду писать*), с другой – эту форму могут принимать только лексемы несовершенного вида.

Эта общая закономерность (выражение словоизменительных категорий на уровне абстрагированных морф. форм, а классификационных – на уровне словоформ) не является абсолютно жесткой. В частности, определенные элементы плана выражения лексемы могут давать дополнительную по отношению к морфологическим средствам информацию о словоизменительных значениях словоформы (*хорош-ий – лучш-е, телёнок – телят-а, люблю – любишь*) или же могут конкретизировать неоднозначность морф. средств и, следовательно, морф. форм, например: *лёг – ляг; города – городá*. Конкретизировать неоднозначность морф. форм и словоформ могут иногда и элементы плана содержания лексемы. Так, наличие у субстантива семы «живое существо» предопределяет словоформу именительного, а не винительного падежа с омонимичной нулевой флексией, см.: *брат*. Все эти и подобные факты обуславливают разнообразие формально-содержательных структур словоформ в русском языке.

Категориальный статус связки в современном русском языке

Л. В. Попова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск)

plarisa20@mail.ru

Грамматическая категория, связка, категориальное значение, связочная парадигма.

Summary. The copular is considered as a functional-grammatical category. The categorical status of a copular is based on unity of the homogeneous and opposed copular values and grammatical forms are corresponding them, and also on a generality of the grammatical functions sold in the offer.

1. Предложения со связочно-именным сказуемым представляют значительный фрагмент грамматической системы русского языка. Задача определения статуса связки в системе языка находится в центре проблем грамматической категоризации (А. В. Бондарко), выявления общих значений, инвариантности и вариантности в сфере грамматики. На современном этапе развития лингвистической науки с ее достижениями в области структурно-семантического направления, системного и функционального подхода, а также с учетом степени разработанности проблем грамматики и языкового аналитизма вопрос о категориальном статусе связки приобретает особую актуальность.

2. Исследование связки как облигаторного компонента предложения с именным сказуемым выявило объективно существующую в грамматическом строе русского языка системность связок. Системность обнаружена как на уровне организации связочных форм, так и на уровне организации связочных значений, что дает основание рассматривать связку как функционально-грамматическую категорию. Категориальный статус связки базируется на единстве однородных и противопоставленных связочных значений и соответствующих им грамматических форм, а также на общности грамматических функций, реализуемых в предложении.

3. Грамматические формы связки представлены системой форм (связка *быть*, глаголы-связки, аналитические связки). «Эталонной» формой является связка *быть*, отделившаяся в процессе грамматики в особую служебную часть речи – «связку» (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, П. А. Лекант). Глагольные связочные формы обнаруживают разную степень грамматики и совмещают признаки глагола и «связки». Связочные формы объединены общим грамматическим значением и функциональным предназначением, но неоднородны и различаются четкостью проявления функциональных и семантико-грамматических свойств (*специализированные и неспециализированные формы*). Это соответствует ядерно-периферийной организации связочной системы, а также снимает вопрос о «закрытом списке» связок.

4. В предложении связка выполняет грамматические функции: *предикативную, формальную (копулятивную), квалификационную (семантическую)*. Семантическая функция также относится к грамматическому уровню, так как заключается в выражении отношений между предметом и его предикативным признаком, то есть в выражении синтаксического значения, грамматизованного, отвлеченного, типизированного. Особенности и полнота реализации связочных функций объясняются взаимодействием системы и среды (А. В. Бондарко). Средой для связки как элемента предложения являются синтагматически связанные элементы предложения – именной компонент сказуемого и подлежащее. Во взаимодействии с ними связка формирует и реализует свои функциональные признаки и свое значение. Занятость / незанятость позиций именного компонента и подлежащего, их лексическое значение, лексико-грамматический разряд, позиционная значимость, морфологические признаки обуславливают характер реализации связочных функций.

5. Связочное значение возникает синтагматически, в определенной позиции (позиции связки) и относится не к лексическому, а к грамматическому (синтаксическому) уровню. Связочное значение отражает признаки всего класса связок; оно несамостоятельно; представлено в виде оппозиций; может выражаться «нулевой формой»; оно объединяет все связочные формы и все частные значения. Данное зна-

чение может быть рассмотрено как *категориальное грамматическое значение связки*, отражающее ее функциональные особенности, а также единство ее формы и значения. Грамматическое значение, выражаемое связками, относится к синтаксическим значениям предложения; оно формируется и реализуется в предложении, на основе формальных связей и смысловых отношений с именным компонентом и подлежащим. Грамматическое связочное значение является обязательным синтаксическим значением предложений с именным сказуемым. Это значение служит критерием тождества связок как функционально-грамматической категории. Категориальное (грамматическое) значение связки формулируется как значение «*отношения между предметом и его предикативным признаком*».

6. Категориальное связочное значение представлено системой вариантных значений, объединенных общим (инвариантным) значением. Инвариантно-вариантные значения связок дают основание считать категорию связки системой упорядоченной. Связка *быть* является «лучшим представителем», прототипом функционально-грамматической категории связки. Вариантные значения глаголов-связок выявляются на основе сопоставления со значением связки *быть*. Связки, в которых вариантные значения проявляются наиболее четко, «специализированно», «наилучшим образом», также являются прототипами и формируют парадигматические группы связок.

7. Грамматические значения связок являются результатом грамматики значения полнозначного глагола. Основным итогом грамматики является отвлеченное значение грамматического характера, представленное в трех вариантах: *модальное, фазисное, логическое*. На основе системы инвариантно-вариантных значений формируется *связочная парадигма* предложения с именным сказуемым.

8. Признание категориального статуса связочного значения позволяет: 1) рассматривать связку как служебную функционально-грамматическую категорию, объединенную общим грамматическим значением, представленным в различных оппозициях, и грамматическими формами, выражающими это значение; 2) выявлять системно-языковую значимость, объединяющую все конкретные вариантные значения связок; 3) устанавливать системные связи категории связки с другими категориями; 4) прогнозировать развитие связочной системы. Можно предположить, что связки будут пополняться только теми глаголами, в значениях которых проявляется связочное значение в одном из вариантных значений (логическом, модальном, фазисном) или в комбинации этих значений.

Развитие категории связки неразрывно связано с процессами формирования аналитических конструкций и возможного перехода некоторых из них в морфологические аналитические формы. Это подтверждает идею о взаимодействии синтаксического и морфологического аналитизма, о перерастании синтаксических форм в морфологические формы.

Литература

1. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947.
3. Лекант П. А. Категориальный статус связки *быть* // Наследие академика Ф. И. Буслева: история и современность. Пенза, 2008.
4. Чеснокова Л. Д. О синтаксической функции связки // Филологические этюды. Вып. 2: Языкознание. Ростов-на-Дону, 1976.

Фазовость как критерий определения видовых корреляций русского глагола

Е. И. Семиколонова

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

eIena_ivanovna65@mail.ru

Глагол, категория вида, видовая корреляция, фазовость, фазовая видовая корреляция.

Summary. The paper is devoted to the problem of correlative relations in inner-verb word formation. Inclusion of a phase criterion into definition of aspect correlation allows uniting and expanding wide and more narrow definition of a correlative pair. Now, the definition will include not only verbal pairs of completion of the process (traditional aspect pairs), but also start of the process, multiple-single process and limitation of the process pairs.

Важнейшей системной особенностью категории вида является парность глаголов, связанных отношениями мотивации и противопоставленных по виду. Двойственная природа таких пар, словообразовательная и грамматическая, порождает проблему разграничения глагольных корреляций и дериваций. При широком понимании коррелятивными являются любые пары, в которых глаголы противопоставлены по виду. При узком – коррелятивные отношения формируют глаголы, противопоставленные по виду и тождественные лексически. На основе введения функционального критерия, предложенного Ю. С. Масловым, круг видовых пар глаголов существенно расширился, и видовые корреляции определяются как «пары близких по значению глаголов (или их лексико-семантических вариантов), характеризующихся определенным семантико-структурным типом и отвечающих функциональному критерию истинности видовой пары» (М. Ю. Черткова). Аналогичную точку зрения высказывает и известный украинский лингвист В. М. Русановский: «В 20 веке вид стали понимать как глагольную пару, компоненты которой идентичны или очень близки по семантике». Однако необходимо определить, что представляет собой близость по значению в границах корреляции и близость по значению как результат деривации. Таким образом, проблема разграничения видовых корреляций и видовых дериваций сохраняет свою актуальность.

Для ее решения необходимо использовать дополнительные критерии, одним из которых может стать фазовая характеристика видовых оппозиций. При этом: а) значение фазовости рассматривается как тип отношений между глаголами; б) фазовость признается обязательным семантическим компонентом любой глагольной оппозиции (О. М. Соколов). Не существует таких видовых оппозиций, в которых не была бы детерминирована фазовость как один из моментов процесса:

- процессно-завершительный: *шептать* – *прошептать*;
- начинательно-процессный: *зашептать* – *шептать*;
- многократно-однократный: *шептать* – *шепнуть*;
- процессно-ограничительный: *шептать* – *пошептать*.

Введение фазового критерия расширяет зону видовой коррелятивности. В нее входят не только глагольные пары процессно-завершительного типа (традиционные видовые пары), но и начинательно-процессного, многократно-однократного и процессно-ограничительного типов. Эти последние целесообразно называть фазовыми видовыми корреляциями, которые представляют собой оппозиции глаголов несовершенного вида (далее – НСВ) и совершенного вида (далее – СВ), объединенных отношениями мотивации и обладающих одним из фазовых значений, при этом мотивированный глагол «не нагружен» никакими дополнительными оттенками, кроме фазовых.

Область фазовых видовых корреляций неоднородна и включает в себя ряд зон, четкие границы между которыми отсутствуют. В центре расположены видовые пары суффиксального и префиксального типа, соответствующие строгим критериям видовой соотносительности: *переписать* – *переписывать*, *наполнить* – *наполнять*, *строить* – *построить*, *варить* – *сварить*. Это фазовые коррелятивные пары процессно-завершительного типа. Глаголы НСВ в таких парах всегда предельны.

В более широкое поле коррелятивных отношений входят фазовые видовые пары начинательно-процессного, многократно-однократного и процессно-ограничительного типов. Обычно глаголы СВ в таких парах рассматривают в границах того или иного СГД, т. е. фазисно-временные – ограничительный, начинательный, финитивный (без добавочных оценочно-количественных или обстоятельственных смыслов). (Е. В. Петрухина). Однако между «строгими видовыми парами» и парами этих фазовых типов четкой границы нет. Процессно-завершительные отношения могут трансформироваться в начинательно-процессные: *возглавить* – *возглавлять*, *видеть* – *увидеть*, *понять* – *понимать*, *удивить* – *удивлять* или в многократно-однократные: *поздравить* – *поздравлять*, *пробовать* – *попробовать*, *решить* – *решать*.

Зона коррелятивности перфективных фазовых пар более широка и неоднородна и в большей степени регулируется собственной лексической семантикой глагольных аффиксов (префиксов и суффикса *-ну*). Чем ярче лексическое значение префикса в мотивированном глаголе СВ, тем далее, на периферию коррелятивности, сдвигается фазовая видовая пара. В первую очередь это касается фазовых видовых пар процессно-ограничительного типа *волноваться* – *поволноваться*, *гулять* – *погулять*, *стоять* – *постоять* и т. п., в которых глаголы СВ осложнены добавочными значениями, однако они имеют непосредственное отношение к семантике вида.

В фазовых видовых корреляциях, расположенных на периферии, глаголы НСВ могут быть предельными и непредельными: предельность предполагает формирование пары процессно-завершительного типа, непредельность – начинательно-процессного. Оппозиции процессно-ограничительного типа «представляют собой видовые пары соотносительных непредельных глаголов несовершенного вида: когда *писать* осмысливается как непредельное действие, его видовой парой является глагол *написать*» (С. Дикий). Пары этого типа, с одной стороны, – словообразовательные деривации, находящиеся как бы за рамками ядра грамматической категории вида, а с другой стороны, – основа видообразования. Как одно из доказательств системного характера отношений между глаголами трактуется повышенная продуктивность формирования пар с процессно-ограничительным значением. Они занимают пограничную позицию в зоне коррелятивности, совмещая в себе информацию о завершении процесса и одновременно о характере его протекания. Их ярко выраженная лексическая информативность отодвигает фазовую пару к самой границе корреляции / деривации. В таких видовых парах «переплелась взаимозависимость словообразования и морфологии, что свидетельствует о незавершенности процесса грамматикализации категории вида» (В. М. Русановский). Ибо грамматика «в силу своего обобщающего, абстрагирующего характера обладает способностью вовлекать в круг грамматических отношений явления лексические» (А. В. Исаченко).

Корреляцию целесообразно рассматривать не только как крайнюю точку, противоположную деривации, но и как семантическую область, включающую в себя ряд типов глагольных оппозиций с разной степенью грамматикализации, что, в свою очередь, ведет к расширению границ грамматического русского глагола.

Функционирование глагольного компонента в структуре русских пословиц и поговорок

А. М. Сердюк

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)
allacerdiuk@gmail.com

Пословица, поговорка, паремия, наклонение, время.

Summary. The paper focuses on the definition of the semantic features of the verbal component in the structure of Russian proverbs and sayings.

Современное языкознание характеризуется активным изучением глагола во всех аспектах его сложной природы. Однако, вопреки тому, что эта часть речи к концу XX века изучена достаточно глубоко, языковая квалификация глагола в пословицах, где она имеет свою специфику, полностью не исследована.

Целью нашего исследования является определение особенностей употребления глагола в структуре русских паремий, в частности, пословиц и поговорок.

Нами было отобрано около 200 пословиц и поговорок, содержащих в своей структуре глагольные компоненты. Статистические данные показывают, что преобладают паремии, содержащие глаголы в изъявительном наклонении: 48,6% от общего количества изученных пословиц. Вербальный компонент в повелительном и условном наклонениях составляет 39,6% и 2,7% соответственно. А также в небольшом количестве имеются пословицы и поговорки, в которых сочетаются глаголы в различных наклонениях 9,1%.

Как известно, индикатив выражает наличие или отсутствие объективного действия, в пределах того или иного времени. По количеству преобладающими являются пословицы и поговорки, глаголы в которых употребляются в настоящем времени. Отобранные паремии группируем по лексико-грамматическим значениям. Наличие объективного действия в настоящем времени выражено в следующих случаях (*а Васька слушает, да ест; худые вести не лежат на месте*) и т. п. В традиционной грамматике принято считать, что изъявительное наклонение не передает отношение человека к происходящему. Однако, как показывают полученные нами данные, это утверждение является спорным. Так, настоящее время может выражать: неуверенность (*Бог его знает*); предостережение (*береженого Бог бережет*); счастье (*блажен, кто верует*); возмущение (*ни в какие ворота не лезет*); оценку способностей (*не блещет талантом*) и др.

Прошедшее время употребляется для описания ситуации, имевшей место до момента речи или до момента, описываемого в речи. Большинство проанализированных паремий имеют в своей структуре глаголы, выражающие именно такое действие (*бес попутал; Бог не дал; и ахнуть не успел*) и др.

Что касается категории аспектуальности, присущей прошедшему времени, то большинство пословиц имеют в своей структуре глаголы совершенного вида (*бабушка еще надвое сказала; белены объелся; бес попутал; и ахнуть не успел*) и др.

Спорадическими являются пословицы и поговорки с глагольным компонентом в несовершенном виде: (*а ларчик просто открывался; Бог миловал*); а также с глаголами в двух видах одновременно (*Бог напитал, никто не видал, а кто и видал, тот не обидел*).

Прошедшее время тоже может иметь различные прагматические значения: сомнение (*бабушка еще надвое гадала*);

радость (*взыграла душа, взыграло сердце*); облегчение (*Бог миловал*); неуверенность (*вилами на воде написано*); удивление (*какая блоха укусила*) и др.

Будущее время выражает действие, происшедшее после момента речи. Это отражено в большинстве паремий (*красна секретарша не тем, что красавица, а тем, что с факсом управится*).

Как известно, в русском языке будущее время может быть образовано аналитическим способом (с помощью глагола «быть»), что также способствует выражению совершенного / несовершенного вида. Однако, в отличие от пословиц с глаголами в прошедшем времени, в будущем времени несовершенный вид в структуре паремий нами не обнаружен.

Что касается семантики пословиц и поговорок с глаголом в будущем времени, то они выражают: недостижимость (*близок локоть, да не укушишь*); взаимные интересы (*ворон ворону глаз не выклюет*); веру в лучшее (*Господь не выдаст, свинья не съест*) и др.

Как показывает нам иллюстративный материал, преобладают пословицы, с глаголами в повелительном наклонении, выражающими совет (*люби дома, что захочешь, а в людях – что дадут*) и т. д.

Значительно меньше паремий, имеющих семантику приказа: (*знай, кошка, свое лукошко*) и просьбы (*не вели казнить, вели слово молвить*).

Кроме того, нами обнаружены случаи нетипичных для императива значений, в частности: предупреждение (*не смейся, горох, над бобами, сам будешь валяться под ногами*); отказ (*держи карман шире*); потеря (*ищи ветра в поле*); отчаяние (*хоть волком вой*) и др.

Условное наклонение выражает желаемое или возможное действие. Как нами уже было сказано, количество паремий с глагольным компонентом в условном наклонении является спорадическим. Что касается действий, выражаемых в зафиксированных пословицах, то они могут быть реализованы как при реальных условиях (*жить с народом в ладу – не попасть в беду*), так и ирреальных (*знал бы прикуп, жил бы в Сочи*).

По своей семантике они могут иметь следующие значения: единство (*если народ един – он не победим*); неосуществимая мечта (*знал бы прикуп, жил бы в Сочи*).

Кроме того, нами были зафиксированы паремии, содержащие в своей структуре одновременно несколько глаголов в различных наклонениях. Чаще всего встречается сочетание «повелительное / изъявительное» (*бей сороку и ворону, добьешься и до белого лебедя*) и др.

Меньше по количеству пословиц, содержащих в структуре глаголы в условном и изъявительном наклонении (*были бы денежки в кармане, будет и тетушка в торгу; не было бы счастья, да несчастье помогло*).

Аморфные слова изменяемых частей речи в русском языке и типология языка

Т. В. Тукова

Донецкий национальный университет (Украина)
tukovatv@mail.ru

Типология языка, неизменяемые существительные, неизменяемые прилагательные, аналитизм, синтетизм, аморфность.

Summary. On the base of inflexible words analyze in two academic dictionaries of Russian language is shown, that proliferation of aptotes leads to hardening of positions of inflection. Grammar substantive information, that is not presented explicitly, is posted by flexions of dependent parts of speech in within limits of syntagm. There is no need in formal compensation of grammar notions that is presented in indeclinable adjectives implicitly. Their parts of speech's identity is fixed on the base of syntactic and semantic features that is demonstration of amorphousness in Russian language.

С середины прошлого века аналитизационная гипотеза развития языка становится все более популярной в публикациях по русистике. Целью настоящего изыскания является обоснование правомерности тезиса об укреплении синтетизма, проявляющегося в упрочении флективности, повы-

шении роли аффиксов как основного средства передачи грамматических значений в русском языке. В связи с тем, что в большинстве исследований, посвященных типологическим изменениям в современном русском языке, рост аналитизма связывают с увеличением количества неизме-

няемых слов, показательным будет сравнение их объема в двух академических словарях, интервал издания которых составляет полвека. Сплошная выборка от буквы А по З позволила установить 226 лексем, 55 процентов которых совпадают в двух словарях, в пассив ушло 7 процентов, а 38 процентов – это новые слова. Как видим, количественный рост корпуса неизменяемых слов действительно наблюдается. Вновь зафиксированные слова отражают социально-политические, экономические, психологические изменения в жизни современного общества. Подавляющее большинство из них – имена существительные (*арт-шоу, видео, гран-при, ассорти, дао, дежавю, гуру, ВИП* и проч.). Другие части речи представлены единичными примерами: прилагательными (*анали, апаи, беж* и проч.) или наречиями (*глицандо, альфреско, альпари* и проч.).

С позиции морфологической типологии, согласно которой языки делятся на изолирующие, агглютинативные и флективные, не исключается и наличие языков, совмещающих в себе признаки разных типов. Русский язык – типичный язык флективного типа. Основные грамматические признаки в нем передаются посредством аффиксов (ср., например, типичную манифестацию граммем вида, рода, числа, лица глаголов, рода, числа и падежа имен прилагательных и проч.). Формальными средствами выражения выступают прежде всего флексии, но это могут быть и суффиксы, приставки или супплетивы. Характерным для русского языка является осложнение чередованиями, объяснимыми исторически. Однако русский язык не лишен и черт агглютинативности, наблюдаемых в фактах образования как грамматических форм, например, императива *говори-те*, так и в словообразовании – *при-ехать, со-автор, браться* и т. д. При этом границы морфов остаются отчетливыми. Аналитический способ выражения грамматических значений также используется в русском языке. Он представлен в сфере разных частей речи – имен существительных (*одно манго, к депо, о Шевченко*), имен прилагательных (*самый важный, более высокий, менее токсичный*), глаголов (*любил бы, буду верить*) и некоторых других. Основным его отличием является расчлененный способ передачи грамматической семантики, при котором вспомогательный компонент несет грамматическую информацию, регулярно выражаемую в языке компактными синтетическими формами. Рост аналитизма связывают с увеличением количества неизменяемых «морфологически неохарактеризованных слов», т. е. не имеющих аффиксальных средств передачи грамматической информации в языке. Очевидно, что за последние годы русский язык не пополнился новыми специальными средствами – вспомогательными словами, которые взяли бы на себя функцию выражения грамматической информации вне неизменяемого слова. Перечень регулярных, воспроизводимых, обязательных вспомогательных слов, создающих морфологическую форму, давно известен: *о* – казино, *у* – кепи, *от* – камикадзе – предлоги оформляют падежные значения; *женщина, мужчина, самец, самка* – родовую принадлежность имен; *более, менее, самый, наиболее, наименее, всего / всех* – степени сравнения; *быть* – время глагола, *бы* – наклонение. Этот факт – весомый аргумент, свидетельствующий о некорректности утверждений об усилении аналитизма в русской морфологии. Основой отнесения неизменяемого слова к определенному лексико-грамматическому классу слов являются его синтактико-семантические признаки. «Лексическое значение каждого слова подводится под ту или иную грамматическую категорию, так как грамматическое значение органически входит в смысловую структуру каждого слова, находя выражение в его *речевом*

употреблении (выделено нами)», – отмечал В. В. Виноградов. А. М. Пешковский называл несклоняемые существительные «синтаксическими существительными», у которых «значение категории выявляется только синтаксическими средствами»: соединимо с любым прилагательным в порядке согласования; трудно соединимо с другими существительными в порядке сочинения; соединимо с любым существительным в порядке подчинения-управления; соединимо в том же порядке с любым глаголом; соединимо с глаголом в порядке согласования; несоединимо с наречием; соединимо с любым предлогом. Категориальные значения рода, числа и падежа у несклоняемых существительных способны передаваться флексиями согласующихся или координирующихся слов зависимых частей речи: *быстрыми багги, звучащее банджо, первый кутюрье, твои бигуди, вам победы-ла, ВИЧ распространился* и проч. Манифестация грамматических значений в таком случае происходит на уровне синтагмы. Не входя в парадигматические (вертикальные) ряды, неизменяемые слова в линейных (синтагматических) рядах получают грамматическую оформленность, проявляющуюся в семантике и синтаксической роли слова. Логичным представляется вывод об упрочении синтетизма, а не аналитизма в современной морфологии, т. к. грамматикализованные в языке значения имен существительных передаются не вспомогательными словами, а аффиксами зависимых словоформ в тексте. С опорой на общеграмматическую семантику и морфологизованность членов предложения разграничиваются одинаково звучащие неизменяемые слова различных частей речи: *Банту имеют свои традиции* и *Морфология языков банту*; *Изучать бенгали язык* и *Говорить на бенгали*. В манифестации эксплицитно не представленной грамматической информации нуждаются только существительные, посредством понятий отражающие действительность. Компенсаторные возможности аналитических компонентов в русском языке значительно скромнее синтетического арсенала зависимых слов в синтагме. Неизменяемые же прилагательные не нуждаются в компенсации грамматической информации, их назначение – «обслуживать» существительные. При отсутствии внешне представленной грамматической формы грамматическая оформленность неизменяемых прилагательных в некоторой степени свидетельствует о развитии аморфности. Вероятно, это является демонстрацией наличия в русском языке не только черт аналитических и агглютинативных языков, но и черт языка изолирующего типа. На достоверность выводов о типологической эволюции языка, вероятно, влияет и частота использования различных частей речи в процессе функционирования. Так, в «Частотном словаре русского языка» фиксация существительных начинается только с пятого десятка. Среди первой сотни слов только 12 существительных, среди второй – 36, третья, четвертая и пятая сотни содержат соответственно 43, 43 и 46 субстантивов. Следовательно, в процессе функционирования более частотны не существительные, с помощью которых осуществляется субстанциональная номинация, а служебные и зависимые части речи, выполняющие релятивную функцию с помощью аффиксов. Преобладание имен существительных наблюдается лишь в текстах официально-делового и научного стилей, занимающих скромное место среди общего количества порождаемых текстов как в письменной форме, так и в устной. Превалирование функционально зависимых частей речи, способных передавать внешне не представленную у неизменяемых существительных грамматикализованную в языке информацию флективным способом – свидетельство упрочения позиций синтетизма в современном русском языке.

Деепричастия в художественной прозе XIX века: структура и функции

Л. М. Устюгова

Ужгородский национальный университет (Украина)

ustyugova_l_m@mail.ru

Деепричастия, структура, функции, художественная проза.

Summary. Stylistic and structural features of the gerunds in prose XIX century covered in the report. It was during this period participles are widely distributed in the book and reinforced speech as an independent morphological and syntactic category.

1.1. В течение всего XIX в. происходило укрепление деепричастий как самостоятельной морфолого-синтаксической категории, чему способствовали утрата дублетных форм, перераспределение функций между различными типами указанных

девербативов, а также широкое распространение их в книжной речи [5: 179]. В таблице 1 отражены результаты количественного анализа структуры деепричастий, зафиксированных в художественной прозе 7 авторов XIX века [2, 3, 4, 6, 7, 8, 9]:

Таблица 1. Структура деепричастий в художественной прозе XIX века

Суффиксы	Несовершенный вид			Совершенный вид			
	-а / -я	-учи / -ючи	Всего:	-в	-вши	-а / -я	Всего
Пушкин	188	6	195 / 58%	83	–	35	133 / 42%
Лермонтов	386	4	392 / 52%	216 / 84%	10 / 4%	64	364 / 48%
Гоголь	185	2	187 / 38%	79 / 34%	127 / 54%	28	305 / 62%
Тургенев	196	2	198 / 58%	91 / 88%	9 / 9%	8	142 / 42%
Достоевский	907	6	914 / 62%	387 / 90%	2	63	560 / 38%
С.-Щедрин	252	4	258 / 63%	59 / 50%	40 / 34%	18	152 / 37%
Чехов	423	2	425 / 67%	87 / 74%	20 / 17%	54	212 / 33%

Из таблицы 1 видно, что в подгруппе деепричастий несовершенного вида (НСВ) нормативным является формант *-а / -я*, в то время как суф. *-учи / -ючи* представлен небольшим количеством примеров, имеющих, как правило, стилистическую мотивировку: ... старая женщина... вошла *припевая и приплясывая*... – *Каково поживаешь?* – *Подобру-поздорову, кум: поючи да пляшучи, женишков поджидаючи* [6: 196–197]. Единичные примеры деепричастий совершенного вида (СВ) ведущим является формант *-в*, однако в прозе Гоголя 54% анализируемых словоформ имеют суф. *-вши* (*подложивши, нагнувши, отдохнувши, взявши*), что, на наш взгляд, обусловлено омонимией русского деепричастного суффикса *-в* и украинского суффикса прошедшего времени (*сіяв, погрожував, сидів*). Видимо, трудности с преодолением межязыковой омонимии можно считать одной из основных причин преобладания в поэме «Мертвые души» деепричастий с формантом *-вши*. Кроме того, в поэме Гоголя мы выделили 4 подгруппы вариантных образований: 1) суф. *-в / -вши* (*заметив / заметивши, накрыв / накрывши*); 2) суф. *-в / -а* (*завидев / завидя*); 3) суф. *-вши / -а* (*наклонивши / наклоня*); 4) суф. *-в / -вши / -а* (*увидев / увидевши / увидя, услышав / услышавши / услыша*). Деепричастия с формантом *-вши* достаточно часто (34%) использует и Салтыков-Щедрин: *взявши, вытвиши, вступивши, увидевши* и др. А в прозе Пушкина мы не зафиксировано ни одного деепричастия с указанным суффиксом.

2. Важным показателем является вид деепричастия. Поскольку деепричастия НСВ в предложении чаще всего являются обстоятельствами образа действия, они заметно преобладают в художественных текстах. Это характерно для прозы всех рассмотренных нами авторов, кроме Гоголя. В поэме «Мертвые души» 62% составляют деепричастия СВ, которые в предложении теснее связаны с глаголом-сказуемым, выступая в функции обстоятельств времени, причины, цели и др.

3. В докладе рассматривается также связь функционально-стилистических особенностей деепричастий не только со структурой отдельных словоформ, но и с характером их включения в предложение, в частности: 1) наличие / отсутствие у деепричастия зависимых слов; 2) структура зависимых от деепричастия компонентов – отдельные слова или целые предложения; 3) количество деепричастий при одном глаголе; 4) средства связи однородных деепричастий; 5) способы присоединения деепричастий к глаголу; 6) форма глагола-сказуемого, с которой соотносится деепричастие; и др.

4. 1. Употребление деепричастий как признаков слов в художественном тексте подчинено определенным эстетическим задачам. Анализируя стилистические функции деепричастий, мы установили, что достаточно часто эти словоформы встречаются в словах автора, при этом в романе Тургенева в словах автора обычно дается описание ситуа-

ции, в которой происходит разговор или размышления героев («Странный человек этот лекарь!» – *думала она* [Анна Сергеевна], *лежа в своей великолепной постели, на кружевных подушках, под легким шелковым одеялом* [8: 87]), а в романе Достоевского деепричастия в словах автора чаще всего служат для характеристики говорящего:

– *Надоел я вам, – вскочил вдруг Петр Степанович, схватывая свою круглую, совсем новую шляпу и как бы уходя, а между тем все еще оставаясь и продолжая говорить беспрерывно, хотя и стоя, иногда шагая по комнате и в одушевленных местах разговора ударяя себя шляпой по коленке* [3: 232] (7 деепричастий при одном глаголе). Принцип «крещендо» оказывается весьма значимым для характеристики «бесовской» сущности Петра Верховенского:

4.2. Использование деепричастий как изобразительно-выразительных средств показывает сложность их грамматической природы. Так, деепричастия могут употребляться в одном синтаксическом ряду с прилагательными и причастиями, что достаточно широко использовал Чехов: *Он* [Антип Сидельников] *шел быстро, делая широкие шаги, а та* [бабка] *гналась за ним, задыхаясь, едва не падая, горбатая, свирепая*... [9: 220]. В таких предложениях связь деепричастий с глаголами-сказуемыми заметно ослабевает.

5. Характер употребления деепричастий в художественных текстах показывает, что, с одной стороны, они до конца не преодолели связь с аппозитивными причастиями, которые играли заметную роль в создании динамизма древнерусского текста, а с другой, – подверглись сильному влиянию категории качества, которая активно формируется в русском литературном языке в XVIII в. под влиянием французского языка [1: 204]. Видимо, это и придает данной грамматической категории характер «ускользающего» феномена, когда основные функции нейтрализуются «эстетическим приращением». А поскольку деепричастия являются прежде всего книжной категорией, особенности употребления их в художественных текстах нуждаются во всестороннем изучении.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М., 1982.
2. *Гоголь Н. В.* Мертвые души // Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений: В 5 т. 2-е изд. М., 1959. Т. 5.
3. *Достоевский Ф. М.* Бесы. Л., 1974.
4. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Проза. Письма. М.; Л., 1959.
5. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964.
6. *Пушкин А. С.* Художественная проза // Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. М., 1955. Т. 3.
7. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Господа Головлевы. М., 1978.
8. *Тургенев И. С.* Отцы и дети. Каунас, 1986.
9. *Чехов А. П.* Собрание сочинений. Т. 8. Повести и рассказы 1895–1903. М., 1962.

Об аспектах изучения эстетических ресурсов рода существительных (на материале произведений русской литературы)

Г. А. Хайрутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Kgulshat@yandex.ru

Категория рода существительных; эстетические ресурсы, аспекты изучения; факторы реализации эстетического потенциала.

Summary. Research is devoted to the analysis of aesthetic resources category of gender of nouns. Established aspects of the study of the aesthetic possibilities of grammatical gender, identified factors that contribute to updating them in a literary text.

Эстетические ресурсы морфологического уровня русского языка еще не изучены в полной мере, что, очевидно, является следствием традиционного подхода к описанию языка, согласно которому большая часть грамматических кате-

гории являются следствием традиционного подхода к описанию языка, согласно которому большая часть грамматических кате-

горий не имеет эстетического значения. Проведенное нами исследование показывает, что морфологические средства языка обладают немалым эстетическим потенциалом. Значительный интерес в этом плане представляет морфологическая категория рода существительных.

Исследование эстетических возможностей языковых единиц, в том числе и субстантивов с учетом их принадлежности к определенному грамматическому роду, требует использования комплексного подхода, предполагающего творческое применение выводов и перспективных идей, содержащихся не только в трудах по лингвистике, но и в смежных научных сферах – в работах по эстетике, литературоведению. Полагаем, что в рамках обозначенного подхода наиболее целесообразным является широкое понимание эстетических ресурсов языковых единиц, основу которого составляет концепция эстетического как наиболее общей категории эстетики. Эстетические возможности языковых единиц следует рассматривать в контексте исследований по лингвистической прагматике прежде всего в связи с фактором адресата. Эстетическими ресурсами обладают те языковые единицы, которые способны оказывать эстетическое воздействие на человека как адресата речи. Сущность эстетического воздействия языковых единиц, являющихся элементами литературного произведения, состоит в том, что читатель в процессе знакомства с данным произведением словесного искусства получает духовное наслаждение, т. е. испытывает чувственно-рациональное переживание, главными составляющими которого являются эстетическое удовольствие, ощущение радости, полноты бытия [Хайрутдинова 2009: 10–11].

Анализ эстетического потенциала категории рода может быть проведен по целому ряду аспектов (направлений). К их числу в первую очередь надо отнести изучение существующих в языке факторов (предпосылок), способствующих реализации эстетических возможностей рода существительных; анализ актуализации ресурсов грамматического рода в связи с отражением определенной эстетической категории (например, комического), созданием художественного образа, использованием тропов и фигур как приема композиционной организации текста литературного произведения. В рамках данных тезисов обратимся к первому из названных аспектов исследования.

1. Эстетическими возможностями обладают существительные, для которых характерно несоответствие между внешней частью знака и его переводимой семантической частью. К таким лексемам следует отнести: а) субстантивы мужского рода с нулевым окончанием типа *человек, врач, фотограф, редактор*, которые называют не только лиц мужского, но и женского пола; б) слова общего рода (*тихоня, лежебока, бродяга*); в) существительные женского рода, используемые переносно для обозначения лиц мужского пола (*баба, жаба, тряпка, шляпа*).

2. Эстетическая реализация некоторых субстантивов обусловлена их родовой вариативностью. В современном русском языке, как известно, вариативность существительных, связанная с категорией рода, постепенно угасает. Тем не менее родовая вариативность таких существительных, как *облако, лебедь, жираф* и некоторых других, является одним из факторов, определяющих эстетически значимое их использование в тексте художественного произведения.

3. Эстетическое осмысление с точки зрения грамматического рода способна получить омонимия корневых морфем

(основ) существительных, относящихся к разным родовым группам: *гранат – граната, еж – ежевика, селезень – селезенка* и т. п. Сближаемые в тексте языковые единицы – как правило, существительные мужского и женского рода – можно рассматривать и в качестве квазиполовых коррелятов, способствующих созданию неожиданных ассоциаций и сюжетных решений посредством имитации достижения родового соответствия по биологическому полу.

4. Следующей предпосылкой, способствующей реализации эстетических возможностей категории рода, можно назвать сходство флексий существительных, относящихся к разным родовым группам (*дядя – тетя, день – ночь*). Омонимия окончаний существительных мужского и женского рода может, например, обыгрываться в результате намеренного соединения таких лексем в составе алогизма как эстетически значимого приема сюжетно-композиционной организации стихотворной речи: *Коля, маленькая дочка, / Уронила туфлю в тесто...* (О. Григорьев. «Дрова»).

5. Высока значимость такого фактора, как семантическая гетерогенность языковых единиц, образующих родовые группы субстантивов. Речь идет о двух группах существительных – мужского и женского рода. В каждом из названных грамматических объединений имеются как существительные, обладающие денотативным компонентом значения рода, так и не содержащие этого компонента. Семантическая неоднородность существительных в каждой группе предметных лексем при наличии их эквивалентности с точки зрения отнесенности к одному и тому же роду обуславливает возможность эстетического применения данных языковых единиц в целях создания образности. Например: *А в комнате, где правит стол, / есть печь – серебряная львица.* (Б. Ахмадулина. «Пора, прощай, моя скала...»). Как видим, у неодушевленного существительного женского рода *печь* в системе языка отсутствует денотативный компонент грамматического значения рода. Однако в художественной речи благодаря намеренному его сближению с одушевленным субстантивом женского рода, обладающим семантическим признаком пола, данное слово приобретает квазиденотативный компонент соответствующего значения, что служит одним из факторов образного использования этого неодушевленного существительного.

6. В качестве еще одного фактора, обуславливающего эстетическое использование существительных в рамках категории рода, является отсутствие родовых коррелятов у значительного числа существительных как мужского, так и женского рода (например, *президент, сержант, карась, манikyорша, белка, муха*). Лакуарность грамматической системы русского языка в названном аспекте стимулирует словотворческую деятельность писателей в тех случаях, когда возникает потребность дифференцированного обозначения лица или особи животного определенного пола. Подтвердим сказанное некоторыми примерами: *нянь* (В. Маяковский), *лягух* (В. Соснора); *бекасиха* (М. Пришвин), *фотографиня, фотографша* (В. Аксенов). Анализ произведений русской художественной литературы показывает, что результаты окказионального творчества благодаря своей новизне и экспрессивности наряду с другими единицами языка непосредственно участвуют в воплощении художественного замысла автора, например: *К концу дня <...> собрались все злоумышленники плюс жены и подруги плюс мужья и друзья Эммы, Стеллы и Агриппины, сопровождавшие злокозненных фотографинь* (В. Аксенов. «Скажи изюм»).

Действительные причастия будущего времени в современном русском языке

С. И. Холод

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт)

holod10@mail.ru

Глагол, причастие, будущее время.

Summary. This paper presents the participles as potential future tense forms in the Russian language.

В настоящее время одним из бурно развивающихся участков глагольной системы являются действительные причастия будущего времени: *прочитающий, пишущий, придущий, интересующийся* и подобные, образованные с по-

мощью суффиксов *-ущ-* (*-юущ-*), *-ащ-* (*-ящ-*) от глаголов совершенного вида.

Эти формы изредка встречались в письменной речи на протяжении нескольких веков и отмечены в произведениях

Гоголя, Писемского, Аксакова и других авторов. «Однако форма причастия будущего времени в норму литературной речи не вошла» [1: 277].

Изданные в XX веке академические грамматики ([2: 506], [3: 419], [4: 667]) считают указанные выше образования единичными и находящимися за пределами литературной нормы.

«На рубеже XX и XXI веков примеры действительных причастий СОВ БУД перестают носить спорадический характер, они часто встречаются в языке mass-media и в огромном количестве присутствуют в Интернете, где редакционный контроль отсутствует» [5: 211].

Как показывают наблюдения, количество этих словоформ с течением времени только увеличивается, что свидетельствует о их востребованности в речи. Предположительно, это может быть связано, во-первых, с действующим законом экономики языковых средств: придаточные определительные предложения как альтернативный вариант более объемны, чем причастные обороты; ср.: *Мы со всех ног помчались в вот-вот закрывающийся магазин игрушек* (www.diary.ru) – *Мы со всех ног помчались в магазин игрушек, который вот-вот закроется*; во-вторых, со способностью причастий выражать модальные значения возможности, вероятности; ср.: *Привет всем, нужен человек, делающий сайт, знание php и html* (www.kharkovforum.com/showpost.php); *делающий* = который сможет сделать.

Чаще всего действительные причастия будущего времени образуются от глаголов четырех продуктивных классов, стилистически нейтральных, общеупотребительных, обозначающих физические или ментальные действия. За последние пять лет значительно больше стало употребляться изучаемых форм от глаголов движения: *Автобус уехал, а мы спустились с шоссе на ближайшую лужайку и приготовились терпеливо ждать благодетеля, довозущего нас до цивилизации* (antoninkaya.livejournal.com/184830.html).

Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / хабитуальное / итеративное) значение?

В. С. Храковский

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

khakovv@gmail.com

Глагол, грамматическая категория, граммема, ситуация, повторительное значение.

Summary. The main point of the report is that imperfective grammemes in Russian do not express private repetitive meanings.

Среди дискуссионных проблем русской грамматики важное место занимает проблема количества и критериев выделения частных значений граммем грамматических категорий.

Хорошим примером может служить проблема частных значений НСВ.

Хотя многие аспектологии разделяют ту точку зрения, в соответствии с которой у глаголов НСВ в русском языке (как впрочем и у глаголов СВ) одно общее значение, реализуемое в виде ряда частных значений, однако число частных значений, а также критерии их выделения и их номенклатура остаются дискуссионными [8]; [10].

Если я не ошибаюсь, последняя по времени, классификация значений НСВ принадлежит Е. В. Падучевой [5], которая принципиально отличается от предыдущей классификации того же автора [4: 10], которая включает как будто бы 10 частных значений, но не учитывает некоторые значения, выделяемые в других работах, см., например [11]; [1] Инвариантным значением НСВ Е. В. Падучева считает неизменность, которое контрастирует с инвариантным значением СВ, которое выражает изменение. При этом наравне с инвариантным значением рассматривается и итеративное значение. Что касается частных значений, то Е. В. Падучева с одной стороны учитывает значения, возникающие в результате взаимодействия грамматической семантики НСВ с контекстом, а с другой стороны выделяет: лексически обусловленные частные значения, синтаксически обусловленные частные значения, частные значения, обусловленные режимом интерпретации, дискурсивные значения.

Мы согласны с характеристикой инвариантного значения НСВ и предлагаем определять это значение следующим образом: **имеет место (наблюдаемая) ситуация Р, обозначаемая лексемой глагола НСВ; фаза начала ситуации Р**

Как показывает практика, многими носителями языка – людьми, имеющими или получающими высшее образование, – такие формы не воспринимаются как странные, ненормальные, режущие слух.

Несмотря на то, что их распространение действительных причастий будущего времени искусственно сдерживается существующими литературными нормами, эти формы под влиянием экстралингвистических факторов и действующих в языке законов из потенциальных медленно и постепенно становятся реальными, стремятся к нормализации и закреплению в системе русского глагольного формообразования.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
2. *Грамматика-60: Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова.* Т. 1. Фонетика и морфология. М., 1960.
3. *Грамматика-70: Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова.* М., 1970.
4. *Грамматика-80: Русская грамматика.* Т. 1. М., 1980.
5. *Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008. С. 209–216.
6. *Гловинская М. Я.* Действительные причастия будущего времени in statu nascendi // Современный русский язык: Система – норма – зузс. М., 2010. С. 193–199.
7. *Холод С. И.* Функционирование действительных причастий будущего времени в Рунете // Активные процессы в современной грамматике. Материалы международной конференции 19–20 июня 2008 года. Москва – Ярославль, 2008. С. 277–280.
8. *Холод С. И.* К вопросу образования действительных причастий будущего времени // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. Материалы I Конгресса РОПРЯЛ: В 2 ч. Т. 1. СПб., 2008. С. 329–332.

(если она имела место) остается за кадром. Более формально это утверждение можно выразить следующим образом: **‘(в момент t ситуация Р начала иметь место); в момент наблюдения t₁, происходящий в интервале, следующем после момента t, ситуация Р остается сама себе тождественной, (хотя она и может в какой-то степени меняться’,** ср. [3: 127]; [6: 61].

Если вопрос об общем количестве частных значений НСВ и о критериях их выделения продолжает оставаться дискуссионным, то, очевидно, многие аспектологии согласны с тем, что у граммемы НСВ есть два основных частных значения: конкретно-процессное (иначе актуально-длительное), соотносимое с инвариантным, и неограниченно-кратное (иначе итеративное, хабитуальное или узвальное), которое Е. В. Падучева рассматривает наравне с инвариантным. Вот как характеризует эти значения НСВ А. В. Бондарко: «В иерархии частных значений НСВ наиболее высокое положение занимают конкретно-процессное и неограниченно-кратное значения. Эти значения реализуются в наиболее широких, обычных регулярно повторяющихся условиях контекста. Указанные значения в наименьшей мере ограничены лексически (конкретно-процессное значение связано лишь с частичными ограничениями, а неограниченно-кратное может быть выражено любым глаголом). Рассматриваемые значения обнаруживаются во всех формах глагола, выступающих в НСВ. Эти проявления наибольшей самостоятельности конкретно-процессного и неограниченно-кратного значений, объясняются наименьшей ограниченностью условий их реализации и позволяют считать их основными частными значениями НСВ» [2: 31–32].

Тезис, который мы хотим защитить в предлагаемом докладе, заключается в следующем. У граммемы НСВ нет по-

вторительного значения, ср. [9]. Я не хочу сказать, что это значение не выражается в высказываниях с глагольной формой НСВ, Оно выражается, но выражается не граммемой НСВ, а средствами контекста. Полагаю, что основное актуально-длительное значение ('имеет место Р') стандартно присуще глаголу НСВ настоящего времени в минимальном исходном контексте, включающем обязательные актанты в форме единственного числа, при условии, что лексема не препятствует выражению этого значения, а высказывание является утвердительным. Это значение представлено в следующем примере:

(1) *Мальчик моет машину.*

Что касается повторительного значения, относящегося к сфере количественной аспектуальности [7], то его нельзя считать основным значением НСВ, поскольку оно «наводится» соответствующим контекстом. Маркером может служить изменение исходного контекста, в частности замена у имени в позиции второго актанта ед. числа мн. числом:

(2) *Мальчик моет машины.*

Стандартным маркером повторительного значения служат итеративные обстоятельства (обстоятельства цикличности, интервала и узитативности), см. [7]:

(3) *Мальчик моет машину каждый день.*

Кроме того, маркером повторительного значения у глагола НСВ может служить лексическое значение моментальности у соотносительного глагола СВ:

(4) – *И трактор как живой, похвалил дед. – На таком у меня внучок ездит* (Ю. Домбровский. НКРЯ).

Маркером повторительного значения может служить количественное значение префикса у глагола НСВ:

(5) *Брат жены был членом партии, я с ним встречался редко, ни я, ни жена с ним не переписываемся* (В. Гроссман. НКРЯ).

Важно обратить внимание на то, что повторительное значение высказывания может быть выражено не в самом высказывании, а «наводится» аспектуальной характеристикой предшествующего высказывания:

(6) *Что вы делаете по вечерам? Играем в преферанс.*

Повторительное значение второго предложения детерминируется эксплицитно выраженным повторительным значением первого предложения.

Не претендуя на исчерпывающее описание всех контекстных способов выражения повторительного значения, зададимся вопросом: каково частное значение граммемы НСВ

во всех высказываниях с формой глагола НСВ, в которых выражается повторительное значение? В этой связи обратим внимание на то, что все повторяющиеся ситуации происходят в разные периоды времени, и при этом говорящий в момент речи не наблюдает ни одной из повторяющихся ситуаций. Все такие ситуации образуют актуально не наблюдаемую длительную прерывную цепочку, своего рода длительную ситуацию более высокого уровня, у которой не фиксируется ни начало, ни конец. Иначе говоря, контекстно выраженное повторительное значение трансформируется в своего рода длительное значение. Соответственно можно считать, что граммеме НСВ в высказываниях с контекстно выраженным повторительным значением присуще неактуально-длительное значение, которое хорошо коррелирует с инвариантным значением.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 33–160.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
3. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 1982.
4. Падуцева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
5. Падуцева Е. В. Русский имперфектив: инвариант и контекстные значения // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Труды и материалы. М., 2012. С. 33–35.
6. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2012.
7. Типология итеративных конструкций / Ред. В. С. Храковский. Л., 1989.
8. Храковский В. С. Семантика основных значений СВ и НСВ в русском языке // Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages. Papers in Honour of Andrzej Boguslawski on the Occasion of his 70th Birthday. Oldenburg, 2001. P. 89–108.
9. Храковский В. С. Сколько контекстно-обусловленных повторительных значений у глаголов НСВ в русском языке? // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III Конференция Комиссии по Аспектологии Международного Комитета Славистов. Тезисы. Padova, 2011. С. 21–23.
10. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
11. Шатуновский И. Б. Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 232–243.

И в утешение и в радость... К вопросу об эквивалентах предлогов

Т. Е. Чаплыгина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
chtatiana@mail.ru

Предложная единица, эквиваленты предлогов, аналог, словоформа, синтаксема

Summary. A wordform of Russian noun can function as a preposition within the bounds of its part of speech. The abstract discusses two groups of such Russian equivalents of prepositions.

1. Предложные единицы (ПЕ) включают в себя собственно предлоги (немотиви-рованные и мотивированные), которые составляют ядро поля предложных единиц, и эквиваленты предлогов, объединяющие потенциальные предлоги на периферии ядра поля, а также аналоги и корреляты, формирующие собственно периферию [1].

Аналоги предлогов, образующие первую периферийную зону поля предлогов, представляют собой словоформы существительных, которые в определенных условиях формируют единую синтаксически сложную структуру с управляемым существительным, без которого они в данных условиях не могут быть употреблены, т. е. аналоги выполняют в этой структуре служебную роль, схожую с ролью предлогов в синтаксеме.

Наше внимание привлекли словоформы существительных, «работающие» предложными единицами, образуемыми говорящим «по аналогии с уже существующими предлогами» [1].

2. Предметом анализа стали ПЕ-аналоги, формируемые немотивированным предлогом *в* и существительным в

вин. п., которые образуют единую синтаксическую структуру с управляемым существительным.

Внимательный взгляд на вынесенные в название *и в утешение и в радость* позволяет понять, что при формальном единообразии эти ПЕ различаются семантически и функционально, попадая в разные группы, а именно:

– в группу ПЕ с общим значением эмоционально-оценочной реакции на объект (*в радость, в сладость, в удовольствие, в охотку, в диковинку, в наслаждение, в огорчение, в интерес, в тягость* и др.);

– в группу ПЕ с общим значением цели (*в утешение, в укор, в упрек, в поддержку, в поощрение, в похвалу, в награждение, в оправдание, в осуждение, в обвинение, в обличение, в порицание* и др.).

3. Группа отыменных аналогов со значением эмоционально-оценочной реакции на объект представлена единицами, передающими:

– положительные эмоции: *Талантливый ученик – всегда в радость учителю! Нетрудно было заметить, что пу-*

тешестве *ей* несколько **не** в *тягость*, а наоборот, в *приятность* и в *удовольствие* (Б. Акунин. Инт.).

– отрицательные эмоции: *Счастье близких будет в **тягость** твоей душе* (Лермонтов. Инт.). «*Дружба народов*» *Ташкенту в обузу* (Инт.).

Возможно сочетание с частицей **не**: *Птицам крылья не в **тягость**. Чтобы младост – не в **радость**, Чтобы сахар не в **сладость**...* (М. Цветаева. Инт.).

Анализ языкового материала, включающего не только литературный нормированный язык, но и факты реального употребления в речи, позволил увидеть, что данные ПЕ могут управлять не только дат. п. существительного (в *радость кому*), но и род. п. с немотивированным предлогом **для** (в *радость для кого*): *Мороз в **радость** для школьников. Один и тот же труд может быть в **удовольствие** для одного человека и в **тягость** для другого* (Инт.).

Частотна постпозиция ПЕ к имени управляемого существительного: *Никому не в обузу, Никого не судя, Бродит тихая музыка По большим площадям...* (С. Выборов Инт.), а также отсутствие позиции управляемого существительного: *Виноградная диета. В **сладость** и **радость**! Пузо в обузу. Когда шопинг в **наслаждение**!* (Инт.).

Рассматриваемые ПЕ являются обусловленными синтаксемами и образуют предикативную пару:

– с именем объекта в позиции подлежащего: *Чтение – в **радость**!*

– с именем управляемого слова: *...и тебе не в **радость**, и ему в **огорчение*** (Инт.).

4. В группе аналогов со значением цели выделяются ПЕ, называющиеся:

– положительное воздействие на объект: *в **утешение**, в **поддержку**, в **поощрение**, в **подкрепление**, в **похвалу**, в **награждение**, в **оправдание*** и др.

– отрицательное воздействие на объект: *в **укор**, в **упрек**, в **осуждение**, в **обвинение**, в **обличение**, в **порицание*** и др.

Частотна сочетание с частицей **не**, а также постпозиция к имени управляемого существительного: *Красному яблочку червоточинка не в **укор***.

ПЕ-аналоги данной группы могут управлять существительным в следующих падежных формах:

– только в дательном падеже: *в **назидание**, в **наставление** кому: **В наставление борзопищу. В назидание любопытным*** (Инт.).

– в дательном или родительном падеже: *в **укор**, в **упрек**, в **поддержку**, в **поощрение**, в **похвалу**, в **награждение**, в **оправдание**, в **осуждение**, в **обвинение**, в **обличение**, в **порицание** кому / кого: **В порицание святошам**. Одну из*

*первых своих речей, дошедших до наших дней, «В защиту Русия», Цицерон произнес в **порицание** вольноотпущенника и любимца диктатора Суллы...* (Инт.).

– в дательном, родительном падеже без предлога или с предлогом **для**: *в **ободрение**, в **подкрепление**, в **утешение** кому / кого / **для** кого: **В ободрение скорбящих старец часто говаривал: Аще Господь, по нас, кто на ны? В ободрение всем, кто старается. В ободрение для вас хочу напомнить стих из Святого Писания*** (Инт.).

– в дательном падеже без предлога или с предлогом **к**, а также в родительном падеже без предлога: *в **подтверждение**, в **опровержение** чему / к чему / чего: **Вчера в опровержение его словам** я получила еще одно **подтверждение** всеобщего заблуждения. **В опровержение к своему прежнему посту. Правильное питание или в опровержение всех диет*** (Инт.).

Отмечены случаи падежного управления двумя существительными, когда первое существительное стоит в дат. п. без предлога, а второе в форме:

– вин. п. + **за**: *в **отмщение**, в **наказание** кому за что: **В отмщение арабам за разрушение Семендера и Беленджера хазары опустошили Азербайджан*** (Л. Гумилев). Отметим, что целевое значение в этом случае сочетается со значением причины.

– предл. пад. + **о**: *в **напоминание** кому о чем: **Тут болото (это нам в напоминание о родине)**...* (Инт.). Целевое значение сочетается с делиберативным. Данные аналоги представляют собой мотивированные полилексемные дистактные ПЕ.

Анализируемые ПЕ представляют собой свободные синтаксемы часто в позиции обстоятельства цели, но для них возможна и позиция в предикативной паре при постановке в отношения предикации:

– управляемого слова и ПЕ: ***Вам – не в упрек, без тени фальши. Скажу, устав от вечной суесть, – Дружья мои, вы – от меня все дальше*** (И. Романов. Инт.).

– имени объекта и ПЕ: ***Храм в укор и назидание*** (Инт.).

Обращение к максимально широкому кругу языковых фактов позволяет приблизиться к пониманию механизмов функционирования ПЕ-аналогов.

Литература

1. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2014.

Связки *есть* и *суть* или экзистенциальные сказуемые?

Т. Е. Шаповалова

Московский государственный областной университет

tshapovalova@gmail.com

Сказуемое, связка, экзистенциальный, имперфективное настоящее синтаксическое время, вневременность.

Summary. State existential verb *есть* acts as an existential simple verbal predicate, conveying something normal, unquestionable, and serves as an explicator of syntactic category of time. *Есть* and *суть* can be classified as auxiliary components of the composite nominal predicate that express transforming imperfective existential present syntactic tense which in the structure of the two-part sentence approaches semantics of timelessness.

1. Бытийный глагол *есть* лишен «значения процессуальности» [3], выступает в значении 'имеется в наличии, существует' [2] и передает нечто обычное, очевидное, неоспоримое: *Речь шла о модном вопросе: **есть** ли граница между психическими и физиологическими явлениями в деятельности человека и где она?* (Л. Толстой. Анна Каренина). ***Есть** люди, которые, встречая своего счастливого в чем бы то ни было соперника, готовы сейчас же отвернуться от всего хорошего, что **есть** в нем, и видеть в нем одно дурное; **есть** люди, которые, напротив, более всего желают найти в этом счастливом сопернике те качества, которыми он победил их, и ищут в нем со щемлящею болью в сердце одного хорошего* (Л. Толстой. Анна Каренина). Сказуемое *есть* выражает общее грамматическое значение бытийности и предикативности: реальной объективной модальности и имперфективного экзистенциального настоящего синтаксического времени.

2. *Есть* и *суть*, будучи формой третьего лица единственного и множественного числа настоящего времени глагола *быть*, выступают в роли связок в составном именном сказуемом: *Мой главный грех **есть** сомнение* (Л. Толстой. Анна Каренина); *«Итак, – сказал себе Алексей Александрович, – вопросы о ее чувствах и так далее – **суть** вопросы ее совести, до которой мне не может быть дела»* (Л. Толстой. Анна Каренина).

3. Д. Н. Овсяннико-Куликовский отмечал, что связка в форме третьего лица настоящего времени глагола *быть* (*есть, суть*) «весьма часто опускается», но «иногда удерживается» [1]: *Вера без дел мертва **есть**, а дела без веры – еще хуже, одна только трата времени и больше ничего* (А. Чехов. Дуэль); *Каждому казалось, что та жизнь, которую он сам ведет, **есть** одна настоящая жизнь, а которую ведет приятель – **есть** только призрак* (Л. Толстой. Анна Каренина). «Эти обороты свойственны языку книжному» [1].

4. А. А. Шахматов, описывая связочные предложения, констатирует: «Особого рассмотрения заслуживают те предложения, где связкой является 3-е лицо наст. времени глагола *есть*, форма единств. числа *есть*, реже форма множ. числа *суть*. Такие сказуемые встречаются преимущественно в книжной, искусственной речи <...> в предложениях тождества» [4]: *Признаешь ли ты, что образование **есть** благо для народа?* (Л. Толстой. Анна Каренина); *До этой поры старые вороны и галки вбивали в нас с самой школьной скамьи: «Люби ближнего, как самого себя, и знай, что кротость, послушание и трепет **суть** первые достоинства человека»* (А. Куприн. Поединок). *Суть* употребляется «не только в соответствии с исконным значением формы 3-го лица множ., но и заменяет также 3-е лицо единств.» [4]: *Ему казалось, что небо заключает в себе некую невероятную тайну, единственную достойную того, чтобы к ней стремиться, и созобразную человеческой душе, ибо звезды и все небесные светила **суть** только завеса, отделяющая этот мир от того, куда он не попал по какой-то случайности* (А. Варламов. Лох).

5. Вспомогательные компоненты *есть* и *суть* детерминируют семантику предложения в целом: *Чем больше Кити наблюдала своего неизвестного друга, тем более убеждалась, что эта девушка **есть** то самое совершенное существо, каким она ее себе представляла, и тем более она желала познакомиться с ней* (Л. Толстой. Анна Каренина); *Сии столь оклеветанные смотрители вообще **суть** люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком серебрялюбивые* (А. Пушкин. Станционный смотритель). Роль связочного компонента сводится к тому, что он, относя предикативный признак к субъекту, связывая сказуемое с подлежащим, эксплицирует значение реальной синтаксической модальности в объективном аспекте и нейтральное значение обладания признаком в рамках предикатной модальности, репрезентирует категорию синтаксического времени: *Ты его слушай да в коробок свой прячь – мудро он говорит: кто ты **есть**? А **есть** ты человек. А человек **есть** чело века. Понял?* (А. Мариенгоф. Роман без вранья).

6. Номинативное подлежащее получает квалифицирующую характеристику в предложении, куда связки *есть* или *суть* вводят составное сказуемое: <...> *деревня **есть** спасение от всех городских неприятностей* <...> (Л. Толстой. Анна Каренина); *Безобразный спорт кулачного боя или испанских тореадоров **есть** признак варварства. Но специализированный спорт **есть** признак развития* (Л. Толстой.

Анна Каренина); *«А! Константин Дмитрич! Опять приехали в наш развратный Вавилон», – сказала она, подавая ему крошечную желтую руку и вспоминая его слова, сказанные как-то в начале зимы, что Москва **есть** Вавилон* (Л. Толстой. Анна Каренина); *Опасность в скачках военных, кавалерийских, **есть** необходимое условие скачек* (Л. Толстой. Анна Каренина). В подобных предложениях сообщается о сущности, природе того, что обозначено подлежащим. На уровне знания об обычном, многократно повторяющемся явлении связка представляет событие узуально, в отвлечении от конкретного времени.

7. Значение синтаксического времени определяется пассивным предикативным признаком, который предстает как постоянно присущий признак субъекта-подлежащего. Имперфективное экзистенциальное значение настоящего синтаксического времени приобретают оттенок обобщения, поскольку связи между явлениями действительности предстают не как данные непосредственному наблюдению, а как установленные человеческим интеллектом и имеющие вневременную отнесенность [5]: <...> *Вурст, и Кнауст, и Припасов, ответят вам, что ваше сознание бытия вытекает из совокупности всех ощущений, что это сознание бытия **есть** результат ощущений* (Л. Толстой. Анна Каренина); *– Я нахожусь, и написал об этом записку, что в наше время эти огромные жалованья **суть** признаки ложной экономической assiette нашего управления* (Л. Толстой. Анна Каренина); *Политическая экономия говорила, что законы, по которым развилось и развивается богатство Европы, **суть** законы всеобщие и несомненные* (Л. Толстой. Анна Каренина).

8. В предложениях с компонентами *есть* и *суть*, выступающими в роли связок, имперфективное экзистенциальное настоящее синтаксическое время видоизменяется, оно приближается к семантике вневременности.

Литература

1. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1907. С. 44
2. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981. Т. 1. А–Й. 1981. С. 468.
3. Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка. М., 2013. С. 75.
4. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 2001. С. 211
5. Шаповалова Т. Е. ЗНАЧИТ как показатель категории синтаксического времени в двусоставном предложении с аналитическим сказуемым // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2010. № 5. С. 34–37.

Части речи русского языка в динамическом аспекте

А. Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

sharandin@list.ru

Когнитивно-коммуникативный подход, части речи, дискурсивные формы слова, классификация.

Summary. Parts of speech are considered from the point of view of the cognitive-communicative approach in the aspect of the dialectic unity of conceptualization, categorization, language and human speech. Dynamic nature of conceptualization reflects in the language in parts of speech's interaction in communicative process. There presented a hierarchic system of parts of speech of the Russian language.

Динамическое представление частей речи во многом определяется понятиями концептуализации и категоризации. Как известно, *концептуализация* связана с осмыслением поступающей информации, прежде всего, об окружающей действительности, т. е. с процессом мысленного конструирования ее предметов и явлений, что приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов. В данном понимании концептуализации отражается процессуальный характер восприятия и осмысления мира, а также его статический результат в виде определенных мыслительных единиц. В свою очередь, *категоризация* связана с делением мира на категории, что тоже предполагает процессуальность данной мыслительной операции, поскольку выделение в окружающей действительности предметов и явлений требует их включения в те или иные группы, классы, категории аналогичных предметов и явлений на основе мысленного соотнесения с их представителями. Как и в случае с концептуализацией, наряду с процессуальным харак-

тером категоризация имеет статический результат в виде выявленных определенных категорий.

Рассматривая концептуализацию и категоризацию как диалектическое единство, мы считаем, что в оппозиции «концептуализация – категоризация» концептуализация первична по отношению к категоризации, но категоризация при этом оказывается более значимым, маркированным членом, поскольку не всякая концептуализация однозначно предполагает наличие соответствующей категории, не всякий концепт может быть охвачен имеющейся категоризацией.

Таким образом, концептуализация и категоризация как процессуальные явления, относящиеся к ментальной сфере, не могут не быть динамическими по своей природе, поскольку многообразие окружающего мира обуславливает восприятие и осмысление разных его сторон, являющихся объектами этого мира. Однако при этом важно подчеркнуть, что эта динамика не столько внешняя, сколько внутренняя, обусловленная деятельностью человека к позна-

нию мира. Это позволяет воспринимать данный мир не непосредственно, а через преломление сознанием и психикой человека, что приводит к интерпретации мира в языке.

В отношении частей речи мы чаще всего имеем статическое их представление. Такой подход необходим для системного описания частей речи на основе полученных результатов их осмысления в определенный временной период, когда произошло освобождение, по выражению А. А. Реформатского, от «всякого процессного аспекта». Более того, наличие статического представления частей речи обязательно для осмысления и описания «процессного аспекта», поскольку оно оказывается тем системным фоном, который позволяет выявить динамику частей речи, увидеть те процессы, которые лежат в плоскости функционирования частей речи, их взаимодействия в коммуникативных актах с учетом деятельностного подхода со стороны человека как языковой личности.

Что включает в себя понимание частей речи русского языка как *динамической системы* в ряде наших работ и в данном докладе?

Во-первых, понимание системы как того, что выполняет функцию и состоит из элементов, которые находятся между собой в иерархических отношениях, образующих определенную структуру. С этих позиций нами представлена *иерархическая система частей речи русского языка*, в которой самой информационной частью речи оказался глагол, а самой неинформационной – существительное, что доказывает нейтрализация, осуществляемая, как правило, в сторону глагола.

Во-вторых, понимание назначения частей речи в речи человека. Если связывать понятие части речи с классом слов, то *функциональное назначение частей речи* состоит в том, что они являются *семантическим шифром*, позволяющим выявлять и описывать функционирование высказываний, заполненных словами, а их отсутствие – это показатель нечленных, элементарных коммуникативных сигналов. Поэтому для нас первичной является связь понятия «часть речи» с особым типом речи, а не с понятием «слово». *Части речи – это элементы расчлененного (членимого) типа речи*. Однако высказывание характеризуется не только наличием членов, соотносимых со словами, но и включает так называемые «технические части», которые обеспечивают цельность высказывания, а также служат правильному оформлению передаваемой членами предложения информации. Это значит, что «технические части» (союзы, предлоги, частицы) принимают участие в передаче коммуникативной информации, не являясь при этом словами, поскольку не имеют лексического («знаменательного») значения. Они – либо части словесных знаков (предлоги, частицы), либо части синтаксических конструкций (союзы, частицы), т. е. предлоги, союзы и частицы – это несловесные части речи. Поэтому по-

нятие «часть речи», соотносимое нами с понятием «элемент расчлененной речи» («часть расчлененной речи»), шире понятия «член предложения», связанного с понятием слова.

В связи с изложением функционального назначения частей речи, в несколько ином ракурсе предстает и *когнитивная сущность частей речи*: они концептуализируют структуру восприятия действительности посредством языковых структур расчлененного типа.

Вторым следствием из функционального назначения частей речи является то, что споры о характере частей речи могут вестись тогда, когда части речи уже будут определяться как классы слов. Но здесь важно определиться в разграничении понятий «слово» и «форма слова», поскольку их функции принципиально различны: «слово» объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» – отношения между различными сторонами этого мира. Поэтому если мы будем связывать части речи с отражением действительности посредством слов, то в классификацию частей речи формы слов не должны включаться. Это не означает, что формы слов не объективируют действительности. Они объективируют, но их объективация вторичная, результат преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым (лексическим) способом.

У слова можно выделить две основные функции: 1) собственно знаковую (аналоговую) функцию, которую можно назвать когнитивно-семиотической; и 2) собственно языковую (речемыслительную) – когнитивно-коммуникативную функцию, которая реализуется в виде того или иного когнитивно-дискурсивного образования, т. е. в виде слова как грамматически (морфологически и / или синтаксически) оформленного языкового знака.

В отношении к частям речи семиотический подход к слову позволяет осуществить собственно *лексическую классификацию* частей речи, когда предметно-понятийное содержание слов воспринимается как их частеречное значение. Чисто дискурсивный подход по существу определяет *грамматическую классификацию* частей речи, когда формальные грамматические различия оказываются частеречным значением. Подход же с семиотико-дискурсивных позиций, объединенных когнитивной, позволяет учитывать разграничение понятий слова (лексемы) и форм слова. В результате классификация частей речи оказывается *лексико-грамматической*, в которой части речи характеризуются абстрактной лексической семантикой, оформленной парадигмами форм тех или иных грамматических категорий.

Наличие когнитивно-дискурсивных форм слова (лексемы) позволяет видеть в них функционально-коммуникативные формы, а не самостоятельные лексемы, что является основанием для невключения их в статическую классификацию частей речи, но основанием для рассмотрения их в динамической теории частей речи, в которой они имеют статус форм.

Конструкция как инструмент исследования и описания производных предлогов

Е. С. Шереметьева

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

e.sheremetjeva@gmail.com

Служебные слова, производный предлог, отыменный релятив, конструкция, синтаксическая конструкция.

Summary. The author of this paper considers the syntactic construction as a research and description instrument of the russian derivative prepositions.

Термин «конструкция» в русистике используется давно и плодотворно, вмещающая в себя достаточно широкий круг языковых явлений. *Грамматика конструкций*, толчком к развитию которой послужила статья Ч. Филлмора, П. Кея и М. О'Коннер 1988 г., с одной стороны, придала термину «конструкция» актуальность, с другой – сделала его почти что всеохватывающим.

В отношении структур, формирующихся на базе предлогов, говорят о предложной конструкции. По отношению к структурам, строящимся на основе производных предлогов и различного рода предложных образований, ограничиться таким сужением термина нельзя, поскольку названные служебные образования могут порождать нетипичные для первообразных предлогов построения. В этом случае необходим термин «синтаксическая конструкция».

Создание типологии синтаксических конструкций – одна из задач изучения производных предлогов и предложных новообразований. Выявляемое различие в типах синтаксических конструкций позволяет установить семантическую специфику каждой производной служебной единицы, образующей тот или иной тип конструкции.

На данный момент можно говорить по крайней мере о трех типах синтаксических конструкций, формируемых производными предлогами и другими предложными образованиями: (1) конструкции, аналогичные предложному словосочетанию по количеству компонентов, но обладающие семантической сложностью, возникающей именно из-за характера служебной единицы (*встретиться по поводу конференции, мастер по части шуток, договориться на предмет оплаты* и под.); (2) трехчленные конструкции с

параллельными членами (в отличие от берез дубы облетают поздно; пришли все, за исключением NN); (3) трехчленные конструкции без параллельных членов (высказывать угрозы в адрес NN; встреча проходила в рамках саммита и под.).

Последний тип конструкции является дискуссионным. Однако подобные факты, наблюдаемые в отношении разных предложных образований (которые мы называем *отыменными релятивами*), показывают, что сфера действия этих единиц не ограничивается рамками двух компонентов: возникает необходимость расширять рамки конструкции за счет введения третьего компонента. И эта необходимость диктуется семантической спецификой производной служебной единицы.

Так, например, мы видим принципиальную разницу между фактами такого рода:

(а). *Приобщиться к религии можно вне зависимости от расы и национальности* и (б). *Приобщиться к религии может любой вне зависимости от расы и национальности*. Если в (а) отыменный релятив *вне зависимости от* оформляет связь между двумя компонентами, то в (б) он является показателем еще одной линии отношений: *любой, вне зависимости от расы и национальности*. Таким образом, синтаксическая конструкция (б) может рассматриваться как трехчленная, при этом формальная структура такой трехчленной конструкции и ее лексико-семантическое наполнение оказываются типизированными, что, в свою очередь, обусловлено семантическими свойствами отыменного релятива, проявляющимися, в частности, в его синтагматике.

Инструмент «синтаксическая конструкция» оказывается удобен и в тех случаях, когда возникает необходимость объяснить некоторые факты, не соответствующие эталону или даже норме.

Например, предлоги *в отличие от*, *по сравнению с* и под. строят конструкцию, состоящую из трех компонентов (кроме предлога), причем обязательным признаком такой конструкции является формально-семантическая однородность двух компонентов, называемых сопоставляемые явления – именно в этом заключается параллелизм этих членов – см. примеры конструкции (2). Однако фиксируется значительное количество фактов, в которых наблюдаются разного рода сдвиги, смещения, например, нарушается формально-семантическая однородность (*Как наш рынок выглядит в сравнении с другими странами?*) или вообще нет параллелизма (*В отличие от прошлого года команда сыграла очень хорошо*). Такие структуры, казалось бы, противоречащие самой сути производных предлогов сопоставительной семантики, тем не менее часто не вызывают сомнения в их правильности.

Причины появления таких фактов и возможность обосновать их «законность» кроются в типе конструкции и тех отношениях, которые с помощью этой конструкции реализуются. Установление специфики эталонной конструкции позволяет выявить в конструкции со смещением признаки, сохраняющие эту специфику. Так, в случае нарушения формально-семантической однородности семантический параллелизм может переноситься на распространители (*наш рынок – другие страны*); отсутствие параллелизма компенсируется «точкой отсчета» – «сейчас» / «в этом году» (*в отличие от прошлого года*).

Итак, говоря о синтаксической конструкции, мы имеем в виду реальные речевые построения, и, следовательно, синтаксические конструкции – это факт языка. В то же время понятие «синтаксическая конструкция» продуктивно работает как инструмент изучения и описания служебных слов, в частности, служебных слов предложного характера.

О транспозиции языковых единиц из существительных в межчастеречный разряд предикативов*

В. В. Шигуров

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск)

shigurov@mail.ru

Русский язык, часть речи, транспозиция, существительное, предикатив

Summary. It is the talk about the essence, types, signs and stages of transposition of language units by nouns in a semantic-syntactic category of predicates in the Russian.

Межчастеречный семантико-синтаксический разряд предикативов, обозначающих состояние и / или оценку действия (см. [3: 22–23]), представляет собой конгломерат разнообразных по структуре лексических единиц, пополняемых в русском языке за счет предикативации слов и словоформ разной категориальной принадлежности – существительных (типа *лень, время*), кратких прилагательных (типа *грустно*), наречий (типа *невдомек*), местоимений (типа *некогда*) и кратких страдательных причастий (типа *убрано*). При этом предикативации подвергаются слова и словоформы как в одиночной позиции, так и в составе устойчивых оборотов. Ср., например, фразеологизм *не по себе* в функции главного члена (предиката) безличной конструкции: *Ему было не по себе от услышанного*.

Безлично-предикативная транспозиция языковых единиц вызвана рядом причин как экстралингвистического, так и собственно лингвистического характера (см. о них, напр., в [10]). Экстралингвистическая причина предикативации существительных в русском языке заключается в потребности людей точно, кратко и выразительно передавать в речи семантически емкую и разноаспектную информацию, используя языковой механизм транспозиции существительных в предикативы, а иногда и в междометия. Межкатегориальное взаимодействие в структуре субстантивных единиц в контексте предикативации и / или интеръективации позволяет выразить сложный комплекс дифференциальных признаков разных частей речи – существительных, предикативов (с признаками глаголов и наречий), междометий эмоционального, императивного и этикетного типов в их переплете-

нии, характеризующих состояние субъекта в причинно-следственной связи с каким-либо событием, с модальной (*охота, лень*), модально-темпоральной (*время, пора, досуг*), модально-локальной (*место*), морально-этической оценкой действия или предмета (*грех, стыд, срам, позор*).

В контекстах с существительными в безлично-предикативном употреблении передаются общие типовые значения. Приведем некоторые из них.

(1) 'Модальная оценка действия в инфинитиве в аспекте его желательности / нежелательности для субъекта'. Напр.: *Лень работать; Охота отдохнуть*.

(2) 'Модально-темпоральная оценка действия в инфинитиве'. Напр.: *Пора ехать; Время собирать урожай*.

(3) 'Модально-локальная оценка действия'. Напр.: *Ему место было в филармонии*.

(4) 'Морально-этическая оценка действия в инфинитиве'. Напр.: *Срам так вести себя в общественном месте*.

Субстантивные образования в отношении к транспозиционному процессу предикативации распадаются на две подгруппы. Первая подгруппа объединяет словоформы, неспособные подвергаться безлично-предикативной транспозиции. Речь идет о существительных типа *книга, ручка, гора, молоко, Иван* и др. Напр.: *Молоко вкусное. Книга – источник знаний*. Вторая подгруппа содержит словоформы типа *грех, смех, пора, труба*, характеризующиеся двумя типами употребления: 1) собственно субстантивным и 2) безлично-предикативным. Ср.: 1. *Трудно человеку знать про всякий грех, что грешино, а что нет: тайна тут, превосходящая ум человеческий* (Ф. М. Достоевский. Подросток); *Мой смех*

* Доклад подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта № 11-04-00175а, осуществляемого при финансовой поддержке РФНФ.

был чистый, все это почувствовали, и на данный момент я был прощен (А. Найман. Любовный интерес) (субстантивные словоформы) и 2. Поселенец Игнатъев в Ново-Михайловке жаловался мне, что его не венчают с сожительницей потому, что за давностью лет не могут определить его семейного положения; сожительница его умоляла меня похлопотать и при этом говорила: «Грех так жить, мы уже немолодые» (А. П. Чехов. Остров Сахалин); **Смех** сказать: наездник – в денник боится войти (А. И. Эртель. Гарденины, их дворян, приверженцы и враги) (отсубстантивные предикативы) [иллюстративный материал взят из источников, размещенных в Интернете на сайте «Национальный корпус русского языка» – www.ruscorgo.ru]. В контекстах второго типа, как видим, наблюдается транспозиция субстантивных словоформ в статально-оценочные предикативы, сопровождающаяся их десубстантивацией при безлично-предикативном употреблении с синкретичным значением эмоционального состояния и морально-этической оценки действия в инфинитиве.

Особую актуальность приобретает вопрос о том, какие слова действительно относятся к предикативам и как их отграничить от тех, которые причисляют к предикативам без достаточных на то оснований. Каковы этапы предикативной транспозиции существительных? При решении данных вопросов исследователи исходят обычно из того, что существительные переходят в предикативы лишь при полной десубстантивации словоформ, т. е. утрате категориальных свойств исходной части речи (семантика предмета, лексико-грамматические разряды и грамматические категории рода, числа и падежа, словоизменительная парадигма, первичные функции подлежащего и дополнения, сочетаемость с прилагательными, глаголами в форме прошедшего времени или сослагательного наклонения и т. п.) и – иногда – субстантивного лексического значения, с одной стороны, и приобретении в позиции безличного предиката семантики состояния и / или оценки действия – с другой (см. [5: 104–111]; [6: 40–44]).

По этой причине для предикативов исключены живые синтаксические связи (согласование, координация) с адъективными словами, в том числе со связками в составе именных сказуемых, отражающими грамматические формы и значения категорий рода, числа и падежа существительных. Если такие связи все же имеются, причем в сочетании с присловными (постпозитивный примыкающий инфинитив [4: 95]) и предложенческими (детерминантные субъекты и объекты) связями, характерными для контекстов с предикативами, то это свидетельствует об определенном этапе в движении субстантивных словоформ к статальным, оценочным или статально-оценочным предикативам, который соответствует ступени гибридности (существительные-предикативы) на шкале предикативации. Ср. употребление гибридных, субстантивно-предикативных образований: **Грех**

большой трогать чужое ружье, но я не удержался, открыл его, вынул патрон – на меня из медного ободка гильзы отлитым на фабрике зраком смотрела свинцовая пуля (В. Астафьев. Царь-рыба); **Охота была вам сеужать** такого бездельника, шалыгана непутного (П. И. Мельников-Печерский. На горах) – о ступенях предикативации существительных см. [2]; [7: 181–190]. На синтагматическом уровне синтез свойств существительных и предикативов проявляется в том, что словоформы типа *время*, *охота* сочетаются, с одной стороны, с согласуемыми адъективными словами, а с другой – с дательным падежом субъекта и примыкающим инфинитивом. Примечательны примеры и комментарий к ним акад. Ю. Д. Апресяна: **Самое время подумать** об отпуске; **А полоть** грядки – **такая лень**; **Какая охота идти замуж** за человека, которому самому есть нечего (см. [1: 530]). Согласно Ю. Д. Апресяну, то, что называют категорией состояния, является отнюдь не частью речи, а лишь «синтаксическим признаком ряда прилагательных, наречий и существительных» [1: 530].

Синкретичный характер имеют и словоформы, подверженные сразу нескольким типам транспозиции, например предикативации и интеръективации: **Привет участникам автопробега! Хвала героям! Слава труженикам села! Позор бездельникам! О, горе мне! Смерть захватчикам! Уже поздно, пора!**

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
3. Белоусов В. Н., Ковтунова И. И. и др. Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989.
4. Чикина Л. К., Шигуров В. В. Присловные и предложенческие связи в русском синтаксисе: Учебное пособие. М., 2009.
5. Шигуров В. В. О транспозиции субстантивных словоформ в предикативы в русском языке // Система ценностей современного общества. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. НТГУ (30 сентября 2008 г.) / Под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск, 2008. С. 104–111.
6. Шигуров В. В. Морфемно-словообразовательная характеристика отсубстантивных предикативов // Научное обозрение. 2008. № 6. С. 40–44.
7. Шигуров В. В. О ступенчатой природе предикативации существительных в русском языке // Философия и филология русского классического текста. III Всероссийская заочная научно-практическая конференция. Пензенский институт развития образования (октябрь 2008 г.): Сборник статей. Пенза, 2008. С. 181–190.
8. Шигуров В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). М., 2009.
9. Шигуров В. В. Лингвистические и экстралингвистические причины предикативации причастий в русском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 4. С. 3–11.

Секция Русское словообразование и морфемика

Словообразовательная структура глаголов с начальным *до-* в русском языке XVIII–XX вв.

Л. Р. Абдулхакова, Г. Гильмутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
laisanabdul@yandex.ru, gilmutdinova.gul@mail.ru

Словообразование, словообразовательная омонимия, префиксация, конфикация, смена соотношенности и членности.

Summary. The paper deals with word formation characteristic of the verbs with an initial *do-* in the Russian language of the XVIIIth and XXth centuries. Homonymic morphological word formation types were identified. There are some changes in the direction of word-building structure in the history of the Russian language installed.

В Словаре современного русского литературного языка (1948–1965) [2] зафиксировано около 400 глаголов с начальным *до-*, которые представляют собой весьма разнообразные в структурном и семантическом отношениях группы. Среди них выделяются префиксальные образования (*допустить*, *докутить* и др.), конфикальные глаголы (*додуматься*, *добежаться* и др.), постфиксальные глаголы (*доглядиться*), дезимологизированные глаголы (*добиться* ‘достичь цели’), глаголы со связанной основой (*достичь*, *добавить*).

В сфере глаголов, образованных с помощью приставочного *до-* и конфикальных *до-...-ся*, отмечается явление словообразовательной омонимии. При этом можно выделить следующие оморфемы:

а) префикс *до-*, выражающий словообразовательные значения:

- ‘довести до конца действие’ (*добелить*);
- ‘дополнительно совершить действие’ (*доплатить*);
- ‘довести кого-, что-либо до негативных последствий действия’ (*доучить до плохого*);
- ‘довести действие до определенного предела’ (*догулять до рассвета*);

- б) конфикс *до-...-ся*, имеющий значения:
- ‘довести действие до конца’ (*додуматься*);
 - ‘довести себя действием до определенного предела’ (*дописаться*);
 - ‘довести себя до негативных последствий действия’ (*додобежаться*).

Нужно заметить, что далеко не все из этих словообразовательных типов нашли отражение в Русской грамматике (1980), кроме того, в отношении префикса *до-* и конфика *до-...-ся* здесь не используется понятие оморфемы.

Вызывают возражение и принципы подачи рассматриваемых образований в словарях. Разные по семантике слова, образованные при помощи омонимичных морфем – префиксов или конфиксов, приводятся в рамках одной словарной статьи, то есть наблюдаемые нами словообразовательные отношения понимаются как явление многозначности, что вряд ли может считаться корректным.

В Словаре русского языка XVIII века число глаголов с начальным *до-* составляет 287, что значительно меньше, чем в словарях русского языка XX столетия. Вместе с тем, можно проследить отличия в характере передачи одного и того же слова в разных лексикографических источниках. Например, лексема *доглядеть*, в Словаре русского языка XVIII века зафиксирована в одном значении: ‘Осуществлять надзор, присмотр за кем-либо’: *Ежели самому всего доглядеть не*

можно, то надлежит... приставить к коровницам исправную Смотрительницу... [1, 6: 171–172], в то время как в [2] она представлена в двух значениях: 1) ‘Глядеть на что-либо до конца’; 2) ‘Внимательно наблюдать, присматривать за кем-либо’.

Кроме того, по данным Словаря русского языка XVIII века, и в этом столетии наблюдалось явление словообразовательной омонимии. Здесь также можно говорить об омонимичных словообразовательных типах в сфере производных глаголов с начальным *до-* со значениями:

- ‘довести действие до конца или до какого-либо предела’ (*докидать* – ‘Докончить кидание чего-либо. *Докидать стог сена.*’ [1, 6: 186]; *докопнуть* – ‘Дойти до готовности в результате копчения. *Ветчина еще не докоптела, надобно ее еще покопнуть.*’ [1, 6: 189]);
- ‘в результате действия нажить какую-либо беду’ (*догулять* – ‘Гульбою нажить какую-либо беду. *Догулять тебе до чего нибудь.*’ [1, 6: 175]; *додвигать* – ‘Долго, неосторожно двигая что-либо, вызвать неприятные последствия, беду. Он до того додвигал, что уронил’ [1, 6: 175]).

Вместе с тем, сравнение словообразовательной структуры рассматриваемых образований, представленных в XVIII в., с глаголами современного русского языка позволяет наблюдать процесс изменения их членности. Это могло быть, в частности, вызвано сменой соотношенности, связанной с утратой производящего глагола, в результате чего на месте префиксальных производных в современном языке представлены конфикальные образования. Так, например, глагол *додружиться* (‘Дружась, нажить какую-либо беду’: *Додружиться тебе до чего ни будь, дружася с развратными* [1, 6: 176]) в русском языке XVIII в. имел соотношенность с *дружиться* (‘Водить дружбу, знакомство с кем-либо’: <Тщеславные люди> *любят дружиться с вельможами и великими мужами* [1, 7: 18], тогда как глагол *дружиться* выражал иные значения: 1. ‘Делать друзьями, сближать’. 2. ‘Потакать, пристрастно одобрять чьи-либо действия; угождать’ [1, 7: 17]. Таким образом, здесь мы имеем дело с префиксальным производным (*до-дружиться*). Что касается словообразовательных отношений этого глагола в языке современном, то он является конфикальным образованием: *дружить* > *до-дружиться*).

Литература

1. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–. Л. (СПб.), 1984–.
2. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М., Л., 1948–1965.

Дефисная оформленность приставок *не-*, *до-*, *лже-*, *вне-*, *со-* – способ актуализации семантики слова в прозе М. И. Цветаевой

С. А. Ахмадеева

Кубанский государственный университет (Краснодар)
ssetozara@gmail.com

Приставка, дефисная оформленность, авторский смысл, семантика, автобиографическая и дневниковая проза, письма, М. И. Цветаева.

Summary. The general and specific features of morphology and semantics of words with the hyphenated-formed prefixes *ne-* (not-), *do-* (to-), *lzhe-* (pseudo-), *vne-* (out of-), *so-* (with-) in Marina Tsvetaeva's prose and also their role in the creative biography of the poet are analyzed in the report.

Проза поэта Марины Цветаевой отличается смысловой насыщенностью. Все средства авторского словообразования – от одинарного и двойного подчеркивания (в печати – курсив и прописные буквы) до примечаний и комментариев – отражают намерение поэта точнее и ёмче прояснить сущ-

ность описываемого. К таким приемам относятся и слова с оформленными при помощи дефиса приставками *не-*, *вне-*, *до-*, *лже-* и *со-*. Они встречаются исключительно в автобиографической и дневниковой прозе, эссеистике и письмах М. И. Цветаевой. Во всех изданных сегодня прозаических

текстах Цветаевой было найдено 147 слов, из них 73 – с приставкой *не-*, и 74 слова с другими приставками: *до-* (37), *лже-* (15), *вне-* (13) и *со-* (9).

Дефисное оформление приставок в этих словах обусловлено их семантикой, актуализируемой авторскими смыслами, которые Цветаева усиливает другими графическими, лексическими и синтаксическими средствами выразительности: 1) одинарным (*не-эмигрант*) и двойным *подчеркиванием* приставки и слова в целом (*НЕ-людское*), 2) контекстуальными синонимами: «У надежды есть крылья. Мои же надежды – камни на сердце: желания, которые еще не успели стать надеждами, были отродясь, до-родясь – безнадежностями... [А. Г. Вишняку. 28.06.22], 3) антонимами: Конечно... куда тогда девать дребедень и ерунду (которым, кстати, Вы противопоставляете какую *не-дредбедень* и *не-ерунду*)? [А. С. Штейгеру 01.09.36], 4) авторскими примечаниями и комментариями в скобках: *До-знание* (наперед-знание) обратное дознанию (*post fact'* ному и посмертному) – игра не слов, а смыслов – и вовсе не игра [Сводная тетрадь 3, 1932], 5) введением этих слов в парадоксальные дефиниции: Смотреть есть *НЕ-думать* [А. А. Тесковой, 16.10.32].

Вместе со словами без анализируемых приставок и со словами со слитным написанием этих приставок они составляют единое смысловое целое, отражающее бинарность поэтического мира Цветаевой. В нем существование поэта обуславливает существование *не-поэта*, а насущное – *ненасущного*, временные (национальные, классовые) чувства – *вне-временных* (божественных и человеческих) и *до-временных* (стихийных), бытовая жизнь – *вне-бытовой*, настоящая женственность – *лже-женственности*, а бытие превращается в *со-бытий*, насыщенное общими событиями, в которых совместное переживание превращается в *со-чувствие*, *со-мыслие* и в *со-творчество*.

Особенно много дефисооформленных слов с приставками связано с ключевыми для поэта понятиями: 1) ПОЭЗИЕЙ (*не-поэма*, *лже-поэзия*, *лже-поэт*, *лже-строки*), 2) ПИСАНИЕМ = ТВОРЧЕСКИМ ПРОЦЕССОМ СОЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПИСЕМ (*не-письмо*, *не-писать*, *не-я-письмо*, *не-то-письмо*, *со-писаться*), 3) ВРЕМЕНЕМ (*вне-временный*, *до-утро*, *не-время*), 4) ИСТОРИЕЙ (С ВЫДЕЛЕНИЕМ ВАЖНЫХ ДЛЯ ПОЭТА ПЕРИОДОВ) (*до-история*, *до-советский* и *до-германский голод на белую бумагу*, *до-революционный*, *до-гитлеровский*, *до-татарская Русь*, *до-Октябрь*), 5) БЫТИЕМ (ЖИЗНЬЮ) (*вне-жизни*, *вне-бытовая жизнь*, *не-жить* = *не быть*, *не-жить* = жить воплотились, *не-быть*, *со-бытийный человек*, *со-бытиё*), в котором есть место ЛЮБВИ (*со-любие*, *не-любовь*, *НЕ-любимое блюдо*, *не-любили*) и 6) осознанию своей РУССКОСТИ, себя как части РОССИИ (РУСИ) (*до-российская тоска*, *до-русская Русь* (*я*), *не-русские*, *не-русскость*). 7) Для Цветаевой очень важной порой ее жизни было ДЕТСТВО, что подтверждается автобиографической прозой. Оно, как показывают выявленные слова, разделяется на периоды: до 4 лет: *до-четырёхлетнее детство*, *до-грамотное младенчество*, с 4 до 7 лет: *до-семилетнее*, *дошкольное детство*, *досемилетнее* (субст. имя прилаг.), *до-семилетие*, *до-семилетняя* (*я*).

Из всех приставок в словах именно *не-*, *до-*, *вне-* и *со-* оформляются дефисом чаще других?

Представляется, что все дело в их семантике, которая помогает Цветаевой как нельзя более точно определить свое место в мире и отношение ко всему в нем происходящему.

1. Противопоставление себя-поэта – всем, отрицание всего того, что принимается большинством и определяет то, что из 147 слов половина (73!) – слова с приставкой *не-*, а в самой группе из 56 имен существительных 41 имеет антоним без *не-* (*не-поэт*, *не-судьба*, *не-герой* и т. д.).

2. Вторая по значимости и по количеству оформленных дефисом группа слов – слова с приставкой *до-*, обозначаю-

щей «предшествование во времени тому, что названо приставочным словом, от которого образуется слово с приставкой» (35 слов связаны с периодами детства: *до-детство*, *до-рождение* и др., историческими вехами в жизни России и Европы: *до-история*, *до-советский*, *до-татарская Русь*, *до-гитлеровский немец*), с временным отрезком: *до-утро*, *до-весенний день*. Только в 2 случаях приставка *до-* имеет иное значение – полной завершенности действия: (*до-клонилась*, *до-созданный*).

3. Поэтическая прозорливость Цветаевой позволяла ей отделять истинное от ложного, настоящее, подлинное от искусственного, чуждого: *лже-женственность*, *лже-поэзия*, *лже-поэт*, *лже-фантастика*, *лже-евразиец*, *лже-строки*, *лже-народность*, *лже-народный* (14 слов с отрицательной оценочностью) и 1 с нейтральной: *лже-меховая* (курточка) = куртка из искусственного меха. Ставшие символами женской красоты, настоящие женщины, достойные поклонения – Беатриче и Кармен противопоставляются многим женщинам-подделкам под них, что обуславливает создание слов с приставкой и употребление личных имен собственных во множественном, а не в единственном числе: Когда я вспоминаю, *кого* моей Сонечке предпочитали, какую фальшь, какую подделку, какую *лже-женственность* – от *лже-Беатрич* до *лже-Кармен* (не забудем, что мы в самом сердце фальши: театре) [Повесть о Сонечке. СС4, с. 329].

4. Семантика приставки *вне-*, – «нахождение или происхождение за пределами того, что названо словом без приставки» – обуславливает ее использование Цветаевой для разграничения внешнего и внутреннего как своего и чужого в поэтическом Бытии, позволяющем поэту творить *вне* пределов и границ обыденности, земного времени, социальных рамок и обозримого пространства (было найдено 13 слов): *вне-все-верие*, *вне-бытовая* и *вне-смысловая* жизнь, *вне-жизни*, *вне-церковный* человек (о себе), *вне-национальная* (вещь) [о своей прозе о Рильке «Твоя смерть»]; *вне-временные* стихи, *вне-миф*, *вне-очное* море, *вне-телесные* чувства, *вне-благое* чувство упоения стихией и др.

5. Большое значение Цветаева придавала совместному действию, которое и выражалось словами с приставкой *со-* (9 слов), отделенной дефисом: *со-чувствие*, *со-любие*, *со-мыслие*, *со-любой*, *со-вдохновение*. Такое *со-творчество*, *со-вдохновение* было частью «диалога душ» – ее и современников. Эта приставка имеет и значение одновременности событий: Можно сказать, что «Капитанская дочка» в нем писалась одновременно с «Историей Пугачевского бунта», с ним со-писалась... [Пушкин и Пугачев. 1937] и сопричастности происходящему: Люблю не людей, но души, не события, а судьбы <под строкой: а со-бытиё – со ВСЕМ>. Я не умею выдумывать, брезгую вымыслом. Так прекрасно все спелось без меня [Сводная тетрадь 1. 1922].

Наблюдения показали, что слова с этой приставкой оформляются дефисом, если не содержат в себе завершенности (*содану* – страдательное причастие в краткой форме) и отрицательной оценки совершаемых вместе действий: В совместном преступлении его участники не кто, иные, как сопреступники и соубийцы, причем, не только людей, но и души [А. Г. Вишняку. Письмо 6.26.06. Сводная тетрадь 1, 1922]; Соубийцу мы знаем [Пушкин и Пугачев, 1937].

Мы рассмотрели лишь некоторые общие особенности использования дефисной оформленности приставок *не-*, *до-*, *лже-*, *вне-*, *со-* для актуализации семантики слова в цветаевской прозе.

В докладе также предполагается более детально рассмотреть морфологические и словообразовательные особенности каждой группы слов, выявить синтагматические связи слов внутри каждой группы и межгрупповые парадигматические отношения.

Аббревиатурные заимствования в современном русском языке: идеографическая классификация

Л. А. Баранова

Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского (Симферополь, Украина)

labara@yandex.ru

Аббревиатуры иноязычного происхождения, идеографическая классификация.

Summary. The detailed ideographic classification of adopted abbreviations by foreign origin in modern Russian language is suggested in the paper.

В докладе рассматриваются аббревиатуры иноязычного происхождения, активно функционирующие в русском языке но-

вейшего времени, предлагается детальная тематическая (идеографическая) классификация аббревиатурных заимствований.

Как известно, существуют различные способы заимствования иноязычных слов и выражений: калькирование, транскрипция, транслитерация, прямое заимствование. В условиях глобализации мирового информационного пространства массовая экспансия иноязычных аббревиатур в русский язык приводит к тому, что язык не всегда успевает быстро освоить их, и в русской письменной речи многие из них употребляются в исходной графической форме либо параллельно сосуществуют нескольких вариантных форм, объединенных общностью денотата, когда одна и та же реальность может быть обозначена двумя или несколькими восходящими к общему иноязычному прототипу аббревиатурами, которые могут различаться графической формой, способами заимствования, особенностями перевода и рядом других признаков. Семантических различий в вариантных парах обычно не наблюдается, и выбор употребления одного из вариантов в конкретном тексте определяется его автором. Графическая вариативность аббревиатурных заимствований отражена и в приводимой ниже их классификации. Наблюдения над материалом, собранным нами в «Словаре аббревиатур иноязычного происхождения» [1], позволяют обобщить и классифицировать значительный массив заимствованных различными способами иноязычных аббревиатур, в разной графической форме активно функционирующих ныне в русском языке. С определенной долей условности их можно разделить на ряд тематических (идеографических) групп:

1. Названия стран, государств, межгосударственных объединений: *ГДР, ОАЭ, США / USA / US, ФРГ, ЦАР, ЮАР; Бельюкс, БРИК / BRIC*.

2. Названия международных политических, экономических объединений, союзов, организаций и их структурных подразделений: *ООН, Совбез / СБ, ЮНЕСКО, ВТО, ОПЕК, МВФ, ЕС, СЕ, АТЭС, ШОС, FATF, ТИ* и более 100 других наименований.

3. Названия международных специализированных или профессиональных организаций: *ВМО, ВОИС, ИАТА, ИКАО, ИМКО, Интерпол, МАГАТЭ, МОМ / ИОМ, МОС / ISO, МФД / ФИД, МЭА / IEA, ЕВУ, WAN, WWF* и более 60 других наименований.

4. Названия международных программ (*TACIS / TACIS; SETI*), соглашений (*ГАТТ / GATT*), договоров (*ДОВСЕ*), конвенций (*КОТИФ / COTIF*), фондов (*EFMD*).

5. Названия международных военно-политических союзов (*НАТО, СЕАТО*) и миротворческих миссий (*ИСАФ / ISAF, КФОР / Кейфор / KFOR*), средств и систем обороны (*АВАКС / AWACS, ПРО, СОИ / SALT*), международных судов (*МТБЮ, МУС*).

6. Названия крупнейших международных или иностранных финансовых организаций (*МВФ / IMF, ФРС*), банков (*ВБ / МБ, ЕИБ / EIB*), бирж (*NASDAQ, FOREX*).

7. Названия зарубежных политических партий: *НДП, СДПГ, СЕПГ, ХДС / ХСС*.

8. Имеющие международную известность названия иностранных учреждений, организаций, представляющих административные (*Госден, АМР / USAID*), научные (*ЦЕРН / CERN, API, IAI*), силовые (*естано, ОКВ, РСХА, СА, СД / SD, CC / SS, DEA*) или иные отраслевые государственные структуры (*НАСА / NASA*).

9. Названия иностранных информационных агентств (*АП / AP, ЮПИ / UPI*), радиотелевизионных корпораций (*Би-би-си / BBC, Си-эн-эн / CNN*), телеканалов (*MTV*).

10. Названия иностранных спецслужб (*АНБ / HCA / NSA, БНД / BND, МАД, МИ-5, МИ-6, OCC / YCC / OSS, СИС / SIS, ФБР, ЦРУ, Штази*), а также тайных организаций (*ОДЕССА / ODESSA; ИРА / IRA, РАФ / RAF, ФАРК / FARC, ЭТА / ETA*).

11. Названия крупнейших компаний, концернов, корпораций (*BP, ИКЕА / IKEA, D&G, GM, P&G, KLM, DHL, FedEx,*

AOL, bgC3, NEC) и наименования марок изделий, полученные в результате метонимического переноса наименования производителя на производимую им продукцию: марки автомобилей (*BMW, FIAT, SAAB, VW*), компьютеров (*HP, IBM*), бытовой техники (*JVC, LG*) и других товаров (*M&M's*).

12. Названия национальных (*НБА / NBA, НФЛ / NFL, НХЛ / NHL*) и международных спортивных организаций, союзов, объединений (*АШП, ИААФ / IAAF, ФИДЕ, ФИЖ / FIG, ФИФА, УЕФА, ИФБ, WBO, WTA* и более 70 других наименований) и органов, связанных с их функционированием (*МОК, ВАДА / WADA, СИК-ФИА, IFFHS*), а также чемпионатов, кубков (*ESWC, F1, WCG, WRC*) и отдельных видов спорта (*BMX*).

13. Названия международных творческих объединений, союзов (*PEN- / ПЕН-клуб, ФИАП / FIAP, ФИПРЕССИ, UNIMA, WGA*), учреждений и мероприятий, связанных с областью искусства (*BAFTA, ФИАК*), международных премий (*ЕМА; АФИП, ЕФИП, МФИАП*), музыкальных направлений (*R&B / R'n'B / Rnb / r'n'b*) и коллективов (*АББА*).

14. Наименования людей с учетом их статуса в обществе (*ВИП / ВИП / vun*), занимаемой должности (*СЕО*), рода занятий (*диджей / DJ, видежей / VJ, пиджей / PJ*).

15. Международные классификации (*УДК; VS, VSOP, XO*), стандарты (*ЕС, GMP*), коды (*ISBN, ISSN, IMEI, ISIN, PIN, VIN*), документы (*CV, ISIC, ITIC*), единицы измерения (*FEU, TEU*).

16. Получившая широкое международное распространение терминология различных областей науки, техники и других сфер человеческой деятельности:

– химии (*ДДТ, ЛСД / LSD, напалм, нитрол, ПВА; ПВХ / PVC, ИХБ / PCB, ПЭТ² / ПЭТФ / PET, HDPE, LDPE, PE, PP, PS; ВНТ, MDMA, рН; WTI*);

– биохимии (*АТФ, ДНК, РНК; ЛПВП / ЛВП / HDL, ЛПНП / ЛНП / LDL*);

– медицины (*ВИЧ, ВПЧ / HPV, СПИД, ХМЛ, IAD; МКБ, OD / OS; БЦЖ, ИМТ / BMI, КТ / CAT / CT, ЛОР / лор, МИБГ / MIBG, МРИ / МРТ / ЯМРТ, ПЦР, ПЭТ, РЭ, СОЭ, ЭКГ, ЭКО, ЭЭГ, ДОТ / DOTS / ДОТС, MED, SPF / СЗФ; ГМ, ГМО, SPA / СПА / сна*);

– психологии (*EQ, IQ / КИ, ДНЕ, НЛП*);

– социологии и политологии: названия разного рода общественных (*PR / Пу-Ар / пиар, GR / джиар, MR*) и межличностных (*LAT*) отношений и связей;

– образования: названия тестов (*GMAT, GRE, SAT; IELTS, TOEFL; PISA*), ученых степеней (*LL / M / LLM, MBA, PhD*);

– экономики (*ВВП, ВНП, НДС*), финансов (*ИМЭКС / ЭКСИМ, GAAP, МСФО / IFRS, МФУ, SDR / СДР / СПЗ*), бизнеса (*IPO, SPO, M&A, Ltd. / ЛТД. / Лтд., МЛС, ОИС, ТМ, ТНК*) и торговли (*DIY, FMCG, MLM, MRS*), менеджмента (*CRM, GRP, HR, IR, MPR*);

– физики: физические понятия (*СМ*) и величины (*УВЧ, УФ / UV (UVA, UVB), FM, SAR*), системы (*СИ / SI*), коэффициенты (*EER*), единицы измерения (*ГБ / Гбайт / GB, Гб / Гбит, МБ / Мбайт / MB / Mbyte, Мб / Мбум, МГц, МП / Мп / Мпикс / Мрх, парсек*);

– техники (компьютерные технологии, видео- и аудиотехника, средства связи, детали и системы автомобилей и т. д.): *лазер, радар; ПК / PC, DOS, LCD, WWW, WAP, IP, IT; CD, DVD, Hi-fi; SMS, GPRS, UPS; EBD / EBV* и более 150 других наименований); а также другие терминологические сокращения из разных областей познания мира.

Таким образом, можно сделать вывод, что рост числа аббревиатурных заимствований в русском языке наиболее значителен в терминологической сфере.

Литература

1. Баранова Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. М., 2009.

Семантическая специфика отсубстантивных компаративов («звездее», «центрее»)

Е. О. Борзенко

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

ekborzenko@yandex.ru

Компаратив; семантика; окказионализм; отсубстантивная деривация.

Summary. The research is devoted to the exploration of new forms of language – forms of comparative degree, formed from nouns, and to the different types of their semantics.

В разговорной речи XXI века функционируют сравнительные формы от существительных, ненормативные с точ-

ки зрения кодифицированного языка. Часть из них (*центрее, травее* и др.), используется довольно часто и, воз-

можно, постепенно входит в речь, другие же появляются как окказионализмы (*метрее*, *ведьмее* и др.). В некоторых языках, например, в венгерском и финском, такие формы нормативны, но в русском, даже став достаточно распространенными или модными в идиолекте какой-то группы, они всегда стилистически выделены, всегда сохраняют оттенок языковой игры.

В настоящее время интернет-пространство является важнейшим источником для изучения подобных ненормативных форм, и источником всех исследованных текстов стал «естественный корпус» Яндекса, а также Национальный корпус русского языка. Примеры, данные здесь, взяты с интернет-чатов 2010–2013 гг. Подобные формы есть также в мемуарах, статьях, объявлениях, блогах. Отсубстантивные компаративы встречаются как во взрослой, так и в детской речи.

Найдено 48 отсубстантивных компаративов, из которых самые частотные – *центрее* (13000 форм), *звездее* (11000), *ведьмее* (829), *жизнее* (786), *травее* (587) и некоторые другие. Часть форм встречается всего несколько раз (*принцессее* (5), *швабрее* (5), *брежневее* (5) и т. д.) – более подробно см. [1]; [6]).

Можно выделить три возможные причины появления исследуемых форм. Во-первых, сравнительные формы от существительных возникают в языке как экспрессивная замена форм от соответствующих прилагательных:

- (1) *И так позабавило оформление, что решил внести немало коррективов в него, чтобы смотрелось реалистичнее и жизнее.*
- (2) *А может один сахар быть сахарее другого? В смысле слаще? вчера варила ежевичное варенье, попробовала – очень сладко...*

Во-вторых, причиной может стать отсутствия прилагательного, образованного от данного существительного, например, *метрее* и *ведьмее*:

- (3) *Все женщины – ведьмы, но некоторые «ведьмее».*
Наконец, они могут понадобиться для выражения какого-либо отдельного значения, отсутствующего у прилагательного:
- (4) *Есть еще немало мелких центристских партий, считающих, что «центрее» их никого нет, но тем не менее понимающих, что к парламентскому пирогу им в одиночку не пробиться (нам не встретилось употребление центральнее в таком значении).*

Значение отсубстантивных компаративов отличается от значения отадективных. Причина этого в том, что компаратив должен означать большую интенсивность признака по сравнению со стандартом сравнения, в роли которого выступают усредненные представления о данном классе объектов [3: 177], однако имя существительное не обозначает признак. Если прилагательному соответствует одно качество, то существительному – целый комплекс свойств обозначенного предмета [5: 423].

Для детального сопоставления форм компаратива существительных и прилагательных были выбраны наиболее часто встречающиеся формы: *звездее* в сопоставлении со *звезднее* и *центрее* в сопоставлении с *центральнее*. По значению отсубстантивные компаративы можно разделить на два типа:

1. Компаративы, выделяющие из множества свойств обозначенного существительного одно и показывающие его интенсивность:

- (5) *Из наших, пожалуй, «Человек с бульвара Капуцинов», состав там звездеее некуда.*
- (6) *Если что, то Планета и Беларусь центрее Орбиты (про гостиницы).*

Здесь из всех признаков, связанных с понятиями *звезда* (как знаменитость) и *центр*, выделяются «более известный» и «находящийся ближе к центру города».

Этот тип значений отсубстантивных компаративов упоминали А. М. Пешковский [7: 28], О. Есперсен [2: 82, 88], Ю. П. Князев [4: 3] и др. Такие компаративы, отличаясь от компаративов прилагательных экспрессивностью, практически совпадают с ними по значению. Ср.:

- (7) *Пускай Португалия звезднее по именам, мы еще посмотрим, кто сильнее на поле.*
- (8) *Эта квартира находится в таком центре, что центральнее не придумаешь.*

2. Компаративы, показывающие приближение предмета к «пределу качества», т. е. к наиболее высокому уровню всего комплекса характерных свойств, но не выделяющие ни одно из этих свойств отдельно. Данное значение связано с семантикой имени существительного, обозначающего предмет, которому соответствует сразу много характерных свойств:

- (9) *Теперь я популярна. я – ЗВЕЗДА! ..Писать стихи не брошу никогда! Ведь стану я тогда еще звездеее!*
- (10) *Самое главное достоинство этого отеля – его местоположение. Если говорить простым языком, «центрее» не бывает.*

Если компаративы в этих примерах попытаться перефразировать, то получатся приблизительно такие выражения: «я стану тогда звездой в большей степени, чем сейчас», «это центр в самой большой степени». Как можно видеть, здесь не выделяются какие-то определенные свойства и качества лица или предмета. Нельзя сказать, чего автор высказывания 9 желает конкретно быть более знаменитой, или популярной, или подняться в своих глазах и т. п. Она стремится к тому, чтобы быть, если можно так выразиться, звездой более высокого качества, приблизиться к идеалу звезды, хочет повышения уровня всех этих свойств в комплексе. То же самое во втором примере: *центр* берется как целостное понятие, не вычлениваются отдельные его качества. В то время как образованные от этих существительных прилагательные *центральный* и *звездный* обозначают один признак, одно определенное свойство, которое градуируется в степенях сравнения. Таким образом, существует группа отсубстантивных компаративов, которые не синонимичны отадективным.

Итак, помимо перечисленных выше, есть еще одна причина появления в языке отсубстантивных компаративов – семантическая. Эти формы иногда нужны для того, чтобы выполнить совершенно самостоятельную функцию, невозможную для обычных компаративов: они описывают более высокий уровень всего обозначаемого существительным комплекса свойств.

Литература

1. Борзенко Е. О. Образование сравнительных форм от существительных в русском языке XXI века (*центрее*, *жизнее* и др.) // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2012. С. 11–18.
2. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
3. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: морфология. I. Братислава, 1960; 2-е изд. 1965; 3-е изд. М., 2003.
4. Князев Ю. П. Степени сравнения: Уч. пособие. СПб., 2009.
5. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
6. Первая конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (20–22 сентября 2012 г.). Тезисы, материал раздела «Хроника» // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. Выпуск 4 (30). М., 2012. С. 153–154 (ссылка на статью).
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Неологизмы русского политического дискурса как элемент языковой игры

Д. Б. Гудков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

dmi-gudkov@rambler.ru

Дискурс, языковая игра, неологизм, коннотация, нейоратив.

Summary. Russian political discourse actively uses different methods of language game. The neologisms take place in the Internet sphere and answer new political realities. Semiotic and communicative functions of these verbal units are under consideration.

Данный доклад посвящен новым словам, появившимся в русском языке, созданным с использованием тех словообразовательных моделей, которые он предлагает, и представленным в русскоязычном Интернет-пространстве. К неоло-

зовательных моделей, которые он предлагает, и представленным в русскоязычном Интернет-пространстве. К неоло-

гизмам мы относим вербальные единицы, употребленные не менее трех раз в разных текстах различными авторами, единичные употребления нами не анализировались и рассматривались как окказионализмы (при всей условности границы между окказионализмом и неологизмом).

Вряд ли многим словам, вошедшим в наш список, уготована долгая жизнь – они создавались на злобу дня и, можно предположить, что по мере удаления от тех событий, которые явились причиной их рождения, с изменением политической повестки дня будут выходить из употребления. Но при всем этом данные единицы являют собой, на наш взгляд, весьма интересный феномен, особого внимания заслуживают их семиотические и коммуникативные функции, к рассмотрению которых мы и обратимся.

Под *дискурсом* мы будем понимать условия производства и восприятия высказываний, существующие в обществе устойчивые практики речевого взаимодействия, соответственно, политическим дискурсом мы называем массив текстов «о политике» в их функционировании в социальном пространстве, т. е. условия порождения и понимания-интерпретации данных текстов.

Наше понимание языковой игры несколько отличается от уже «классического», предложенного Л. Витгенштейном, ею мы называем любое нестандартное использование языка, при котором на первый план выходит его поэтическая функция, а главным является создание эстетического, прежде всего, комического (сатирического или иронического) эффекта, резкое повышение экспрессивности текста.

К регулярно встречающимся в Интернете неологизмам русского политического дискурса могут быть отнесены следующие (список не претендует на исчерпывающую полноту): *селигерыш*, *путинг*, *медвединг*, *едрос* и его дериваты *едросня*, *едросята*, *едросить / поедросить*, *димонизация*, *белоленточник*, *белогандонник*, *православнутый*, *либераст*, *либерастия*, *толераст*, *коррумпида*, *кремлядь*, *быдлосование*.

Подавляющее большинство новообразованных номинаций представляют собой ярко выраженные пейоративы. Безусловна их ориентация на создание комического эффекта, прежде всего, сатирического, саркастического, направленного на дискредитацию, вербальное «уничтожение» того объекта, на который указывает языковой знак (*селигерыш*, *едросня*, *коррумпида*). Многие из них являют собой откровенный отсыл к обценной лексике (*кремлядь*, *православнутый*, *белогандонник*, *либераст*, *толераст*).

При создании данных лексем наглядно проявляется поэтическая функция языка, установка на «творчество». Появление нового знака, безусловно, усложняет код (в нашем случае – русский язык), что, согласно принципу языковых антиномий, сокращает «текст», но при этом затрудняет восприятие сообщения реципиентом. Однако это затруднение

компенсируется тем «удовольствием», которое получает адресат высказывания от разгадывания предложенной «загадки», а ведь получение удовольствия игроками и есть главная цель любой игры. Загадка в данном случае легко разгадывается, что создает эффект «интеллектуальной победы», привлекает внимание и способствует установлению контакта с «говорящим».

Любопытно, что пользователи рассматриваемых знаков активно реализуют метаязыковую функцию, давая собственную семантизацию используемых неологизмов, напр.: *Быдлосование – это когда было сует в урну заполненные как под копирку бумажки; Человек, поработанный этим толерантным настроем, называется на сетевом сленге – толерастом* и т. п.

Следует подчеркнуть, что комический эффект создается благодаря тому, что, с одной стороны, оказывается нарушена языковая норма, привычный узор вербальных единиц, но при этом задействуются те словообразовательные механизмы, которые предоставляет система языка. Имеет смысл обратить внимание на одну особенность некоторых из рассматриваемых неологизмов. Они представляют собой своеобразный мини-текст, являя собой особый тип знака, вмещающий в себе номинацию и предикацию, слово представляет собой даже не словосочетание, а свернутое предложение, наиболее яркие примеры: *кремлядь*, *быдлосование*.

Заметим также специфический способ образования подобных вербальных единиц. В данном случае мы имеем дело не со сложением основ, как это происходит при конструировании неологизмов, скажем, в спортивном дискурсе (ср., например: *лыжегоночный*, *медалеемкий*, *евролижный* и др.), но с усечением одной или даже обеих основ тех слов, из которых «складывается» неологизм: *либераст*, *толераст*, *кремлядь*, *быдлосование*. При этом в семантике данных единиц совмещаются и тесно переплетаются значения исходных слов. Вероятно, именно это является основой той семантической неопределенности, которая характерна для этих вербальных единиц и которая дает возможность аксиологическим и коннотативным аспектам их значения превалировать над денотативными.

Обратим внимание на то, что в при употреблении неологизмов русского политического дискурса наглядно проявляется характерная для него карнавальность в уже традиционном понимании М. М. Бахтина. Игра, в данном случае игра с означаемыми, оказывается самоценной и самодостаточной. При этом в значительном количестве примеров легко увидеть обращение к «низу», как телесному, так и языковому (имеется в виду апелляция к языковому материалу, находящемуся за пределами литературной нормы). Впрочем, в этом пользователи Интернета следуют в русле той тенденции, которая была задана первым лицом государства, призвавшим мочить террористов в сортирах.

Словообразовательные особенности стиля А. П. Чехова (на материале рассказов «Попрыгунья», «О любви», «Хамелеон», «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий»)

Е. Б. Демидова

Московский педагогический государственный университет

lena2707@yandex.ru

Стиль, словообразовательные средства, корневой повтор, аффиксальный повтор, суффиксы субъективной оценки.

Summary. This paper centers on some peculiarities of Chehov's stile. The author studies the prose of the genius Russian writer. Author wants to study the role of word-building means in the tales and how Chehov shows the delicate movements of the human soul. Author's aim is also to analyze and define the specifics of word-building affix and family of words functioning in the text.

О произведениях А. П. Чехова справедливо говорят как о «коротких романах», содержание которых тем не менее способно вмещать целые человеческие судьбы и решать вопросы глобального всечеловеческого значения. Удивительное умение Чехова «писать талантливо, то есть коротко», развитое до подлинной виртуозности, привлекало и продолжает привлекать исследователей его стиля.

В работе «Язык художественных произведений» (1954) В. В. Виноградов отмечал: «Пользуясь общепринятым языком своего времени, писатель отбирает, комбинирует и – в соответствии со своим творческим замыслом – объединяет

разные средства словарного состава и грамматического строя своего родного языка».

Использование писателем словообразовательных средств может рассматриваться не только как фактор связности текста или источник художественной экспрессии, но и как *важный параметр описания особенностей индивидуального стиля писателя*.

Для стиля А. П. Чехова характерны повторяющиеся приемы использования словообразовательных средств, отражающие особенности художественного мира писателя. В его произведениях мы видим постоянное подчеркивание связи

производного и производящего слова, в одном контексте объединяются однокоренные и одноструктурные слова, актуализируются их словообразовательные связи.

Основным словообразовательным средством, к которому постоянно обращается автор, является *повтор*, а именно два его основных типа: *деривационный* (повтор однокоренных слов) и *аффиксальный* (концентрация в одном тексте слов, образованных по одной словообразовательной модели).

Повтор однокоренных слов в рассказах А. П. Чехова организует канву произведения, выделяет и разворачивает основные темы и лейтмотивы, оказывается важнейшим средством актуализации ключевых слов. Например: «...Каждый из них был чем-нибудь замечателен и немножко известен, имел уже имя и считался *знаменитостью*, или же хотя и не был еще *знаменит*, но зато подавал блестящие надежды»; «...Ольга Ивановна вспомнила всю свою жизнь с ним, от начала до конца, со всеми подробностями, и вдруг поняла, что это был в самом деле необыкновенный, редкий и, в сравнении с теми, кого она знала, великий человек. И вспомнив, как к нему относились ее покойный отец и все товарищи-врачи, она поняла, что все они видели в нем будущую *знаменитость*» («Попрыгунья»).

Анализ примеров показывает, что корневой повтор можно считать излюбленным приемом в области словообразовательных средств, к которому прибегает Чехов. В том же рассказе находим: «...Те, которых она называла знаменитыми и великими, принимали ее как свою, как ровню и пророчили ей в один голос, что при ее *талантах*, вкусе и уме, если она не разбросается, выйдет большой толк. Она пела, играла на рояли, писала красками, лепила, участвовала в любительских спектаклях, но все это не как-нибудь, а с *талантом*; делала ли она фонарики для иллюминации, рядилась ли, завязывала ли кому галстук – все у нее выходило необыкновенно художественно, грациозно и мило. Но ни в чем ее *талантливость* не сказывалась так ярко, как в ее умение быстро *знакомиться* и коротко сходить с знаменитыми людьми. Стоило кому-нибудь прославиться хоть немножко и заставить о себе говорить, как она уж *знакомилась* с ним, в тот же день дружилась и приглашала к себе. Всякое новое *знакомство* было для нее сущим праздником. Она боготворила знаменитых людей, гордилась ими и каждую ночь видела их во сне. Она *жаждала* их и никак не могла утолить своей *жажды*» («Попрыгунья»).

Деривационный повтор играет важную роль в оформлении структуры текста, являясь средством связи и организации его внутренней структуры. Например, в рассказе «Толстый и тонкий»: «– *Служишь* где? *Дослужился*? – *Служу*, милый мой! *Служил*, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен... Здесь буду *служить*». Или в рассказе «Смерть чиновника»: «...*аччи!* *Чихнул*, как видите. *Чихать* никому и нигде не возбраняется. *Чихают* и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все *чихают*. Червяков... поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим *чиханьем*?».

Порой можно наблюдать, как автор разворачивает целое словообразовательное гнездо, позволяющее актуализиро-

вать важные для него смыслы. В рассказе «О любви» Чехов помещает текстовое гнездо в кульминационной точке произведения: «...но мы не признавались друг другу в нашей *любви* и скрывали ее робко, ревниво. *Я любил* нежно, глубоко, но я рассуждал, я спрашивал себя, к чему может повести наша *любовь*, если у нас не хватит сил бороться с нею; мне казалось невероятным, что эта тихая, грустная *любовь* вдруг грубо оборвет счастливое течение жизни ее мужа, детей, всего дома, где меня так *любили* и где мне так верили... Что было бы с ней в случае моей болезни, смерти или просто если бы мы *разлюбили* друг друга?».

Повторение в одном контексте приставки или суффикса усиливает значение данного аффикса, акцентирует это значение, приближая к слову. Например: «Его начало *помучивать* беспокойство. В антракте он подошел к Бризжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал...» («Смерть чиновника»); «Когда в восьмом часу утра Ольга Ивановна, с тяжелой от бессонницы головой, *непричесанная, некрасивая* и с виноватым выражением, вышла из спальни...» («Попрыгунья»).

Данный прием позволяет автору усилить значимость аффикса, наделяет его способностью к формированию сквозных микрообразов: «Сам он съежился, сгорбил, сузился... Его чемоданы и картонки съежились, поморщились...» («Толстый и тонкий»).

Иногда подобная актуализация смысла проводится в рамках антонимичных морфем: «Старые уходили и забывались, приходили на смену им новые, но и к этим она скоро привыкала или разочаровывалась...» («Попрыгунья»).

Суффиксы субъективной оценки, как правило, используются А. П. Чеховым как средство создания иронического эффекта: «Ольга Ивановна в гостиной увешала все стены сплошь своими и чужими этюдами в рамках и без рам, а около рояля и мебели устроила красивую тесноту из китайских зонтов, мольбертов, разноцветных тяпочек, кинжалов, бюстиков, фотографий... И все находили, что у молодых супругов очень миленький уголок» («Попрыгунья»); «Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой...» («Толстый и тонкий»); «...Да разве братец ихний приехали? ...Соскучились по братце?... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец!» («Хамелеон»).

Таким образом, можно говорить о том, что лаконичность произведений А. П. Чехова как определяющая черта его стиля обусловлена их редкостной «целенаправленностью». Каждое слово его коротких произведений, в том числе и *слово производное*, подчинено определенному и единому замыслу.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Избранные труды: Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М., 1990.
2. *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. М., 1957.
3. *Николина Н. А.* Словообразовательные средства и стиль // Русский язык в школе. 1991. № 5. С. 54–64.

Об основных функциях аббревиатур в текстах печатных СМИ

Р. К. Дроздов

Рязанский госуниверситет им. С. А. Есенина

r.drozdov@list.ru

Аббревиатура, аббревиация, контаминация, псевдомотивация, языковая игра.

Summary. Theses are sanctified to research of abbreviations in the language of mass-media. The basic functions of abbreviations, most popular abbreviations, language game in abbreviation are analysed.

Аббревиатуры в русском языке на протяжении многих лет не только не утратили своей продуктивности, но и остались явлением развивающимся, совершенствующимся. Образование аббревиатур и их трансляция СМИ – процесс, заметный активизировавшийся в последние годы в связи с общественно-политическими и социально-экономическими переменами, происходящими в российском обществе, с внедрением компьютерных технологий, взаимодействием с западной культурой. Исследователи считают, что сегодня аббревиатуры зарекомендовали себя вполне «полноценны-

ми словами» в языке, они образуют систему производных, заимствуются с активной трансформацией, имеют свою орфографию, закрепляются в специальных словарях. Анализ текстов современных печатных СМИ позволил выявить некоторые тенденции в использовании аббревиатур.

Аббревиатуры и отаббревиатурные образования, широко распространенные в медиатекстах, являются показателем высокой своей употребительности. Довольно часто аббревиатурные новообразования употребляются в тексте без сопровождения пояснений и при этом репрезентируют ком-

прессированное знание о номинируемой реалии: *Здесь же есть демонстрационные варианты КИМов ЕГЭ с 2002 по 2010 год по всем предметам* (Поколение Р. 7 сентября 2010); *Заместитель руководителя ФАКК Сергей Лазарук привел «статистику роста»* (Новая газета. 5 мая 2008); *ФАС и суды обличают хлебопекоев в ценовом сговоре* (МК в Рязани. 8 сентября 2010); *Шатчане ждут ФСК с не меньшим нетерпением, чем новую поликлинику* (Рязанские ведомости. 16 июня 2011); *Но построить ФОК, стадион лишь полдела* (Рязанские ведомости. 8 июля 2011); *...ТИКи начнут выдавать бюллетени участковым избирательным комиссиям...* (Рязанские ведомости. 22 ноября 2011).

Иногда журналист наряду с аббревиатурой использует исходное словосочетание: *ДЛО (дополнительное лекарственное обеспечение)* – одна из проблемных тем, часто обсуждаемых на всех уровнях власти, в прессе и уж тем более среди болеющих граждан (Рязанские ведомости. 2008. 7 ноября); *Ну а что думает обо всем этом, скажем, Высшая квалификационная коллегия судей (ВККС)?* (Аргументы недели. 4 февраля 2008).

Среди отаббревиатурных образований с комбинированным написанием в газетах и журналах преобладают техницизмы: IT-специалист, web-контент, GPRS-прибор, USSD-запрос и др.: *Каждый участник при помощи GPRS-прибора по окончании 108-й минуты полета фиксирует виртуальную точку* (Рязанские ведомости. 27 июля 2011); *...компания выиграла шесть новых GSM-лицензий...* (Молодежная среда. 17 августа 2011); *Существует огромное количество сайтов, на которых продвинутый работодатель охотно размещает разовое предложение по трудоустройству – начиная от банального web-контента (простенький репортаж представленного материала) и заканчивая предложениями разработать сайт под него* (Молодежная среда. 5 октября 2011).

Можно отметить также активность в процессах словообразования номинативно и коммуникативно релевантных аббревиатур PR, VIP, которые образуют целые словообразовательные гнезда: *Баннерная PR-кампания, которую устроил известный российский олигарх, новоиспеченный лидер «Правого дела» Михаил Прохоров, дала серьезную осечку* (Рязанские ведомости. 18 августа 2011); *Да ну их в жопу, все эти Пр-штучки...* (Новая газета. 5 мая 2008); *Любая, даже самая на вид «безвозмездная» акция книжного магазина – это не что иное, как искусный PR-ход...* (Литературная газета. 30 марта – 5 апреля 2011).

Также в последнее время в некоторых СМИ наметилась тенденция использовать аббревиатуры при наименовании первых лиц государства: *Подсчитав, сколько визитов в*

регионы нанесли ДАМ и ВВП с начала мая 2008 года (подсчет велся с момента инаугурации президента и утверждения премьера Думой), мы получили следующую картину (МК в Рязани. 8 сентября 2010) и звезд шоу-бизнеса (БГ – Борис Гребенщиков, АБП – Алла Борисовна Пугачёва. В связи с этим использование аббревиатурных новообразований должно определяться этикой их употребления с точки зрения понимания и восприятия читателем и слушателем.

Все большее распространение в текстах СМИ получает такое явление, как «языковая игра в аббревиации». Основные способы и приемы языковой игры в аббревиации, успешно функционирующие в языке современной печати, следующие:

1. Псевдомотивация с помощью графического выделения: *Куда пойти помУЧИТЬСЯ?* (КП-Рязань. 2009. № 25); *ОПЕРАТивная связь* (название рубрики) (Молодежная среда). С помощью псевдомотивации журналисты обычно стремятся выделить наиболее существенную деталь в слове, словосочетании, предложении, расставить необходимые акценты.

2. Контаминация – один из типов языковой игры, результатом которой является создание инноваций контаминированной структуры и семантики: *СМИиные разборки* (МК в Рязани. 15 октября 2008); *На нашем снимке «СМИиной» приз получает художник Андрей Дорофеев...* (Ряз. вед. 14 июня 2013); *СИЗОнный передел* (заголовок) (Ряз. вед. 26 марта 2011). Введение в текст контаминированных образований придает высказыванию саркастический тон, акцентирует парадоксальность явлений.

3. Перемежевание латиницы и кириллицы – особый вид графической игры: *Жизнь – сплошная «PR-ОВОКАЦИЯ»* (МК в Рязани. 7 апреля 2008); *VIPуск* (www.godgor.ru. 2008. 20 декабря); *SOS-новый бор* (www.rzn.info. 2009. 15 апреля). Трансплантация (введение в русскую речь англоязычных знаков способом латинской графики) является показателем привыкания к русской речевой среде иноязычных единиц. Трансплантанты имеют большой прагматический потенциал, выполняя аттрактивную, декоративную, экзотическую функции.

Языковая игра в аббревиации сейчас очень активна особенно в заголовочных комплексах, названиях газетных рубрик, что, по мнению ученых, может быть объяснено собственно лингвистическими и внеязыковыми факторами. Аббревиатуры являются важным средством экспрессивизации речи в печати, выполняя при этом номинативную и компрессивную функции в речи. Способы образования аббревиатур сегодня переосмысливаются: аббревиатуры создаются различными способами, но все чаще с установкой журналиста на словотворчество.

Язык современных СМИ как поле для словесных экспериментов (языковая игра, контаминация, язык СМИ)

С. В. Ильясова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ilyasova_rnd@mail.ru

Language play, blending, language of Mass Media.

Summary. The report considers such three varieties of blending as word-formative, graphical and orthographic. It advances the idea that in the language of Mass Media blending is a method of language play and at the same time does not exercise a recreational function, but an evaluative one. Frequently epatage becomes a way to express evaluation

1. Языковая игра (далее – ЯИ), получившая распространение в языке российских СМИ в конце XX – начале XXI в., претерпела с тех пор значительные изменения. Это находит выражение как в количественных показателях, так и в качественных: приемы ЯИ становятся более разнообразными, сложными, подчас им даже трудно найти место в известной типологии ЯИ, ср.: *В оккупных Сталинграда* (Известия. 30.09.2013). Полагаем, что правомерным будет говорить о таких качествах ЯИ, как *эпатажность, вычурность*, – что, с одной стороны, способствует выполнению рекламной функции, задаче привлечения внимания, с другой – препятствует выполнению информативной функции, т. к. превышает порог компетенции адресата, ставит его в затруднительное положение при декодировании получаемой информации, а также зачастую нарушает этические и эстетические нормы.

В рамках данного исследования мы продемонстрируем перечисленные особенности ЯИ на примере одного из самых известных приемов ЯИ – *контаминации*.

2. В понимании контаминации мы придерживаемся широкого подхода, как это делает, например, В. З. Санников [3: 164]. В языке СМИ контаминация как прием ЯИ становится заметным явлением в начале XX века, причем задачей контаминаций сразу же становится не развлекать, а оценивать, ср.: *Джипломаты с большой дороги, Из России делают траншеистку; Министерские пиараньи* и др. (см. [1]). Приведенные контаминации демонстрируют одну из самых известных разновидностей ЯИ – *словообразовательную*. Контаминации этого типа по-прежнему часто встречаются на страницах СМИ, с успехом выполняя возлагаемую на них функцию оценки. Можно также с уверенностью говорить о том, что они стали не только более частотны, но и

более разнообразны по структуре, мы бы сказали, *затейливы*, ср.: *Сгинули в пучине*; *Министр без спортфеля*. В их структуру часто входят имена собственные, напр.: *Ослова-тальная несговорчивость*; *Сколько можно*; *Ну и джигурденд у нас выдался!* В качестве структурного элемента могут выступать аббревиатуры, напр.: *Неважные дела*.

Очень показательным для языка современных СМИ являются следующие заголовки, в котором оценочность переходит в эпатажность. ср.: *«Секстремисток» из Feten осудят во Франции? День победы и гей-оргиевская ленточка* (КП.14.05.2013).

2. Наряду с чисто словообразовательными в начале XX века распространение в языке СМИ получают контаминации с графически выделенным сегментом (*графические окказионализмы, графодериваты*), напр.: *СУДержанки* (АиФ, 2000, № 11). Контаминации этого типа являются подтверждением мощной экспансии на страницы газет так называемой *графической игры*, самой представительной разновидностью которой является *капитализация* (термин И. А. Нефляшевой). Капитализация, как правило, направлена на игру с внутренней формой узуальных слов, на псевдомотивацию, на псевдоочленение, ср.: *Без СОЧинения*.

Контаминации с графически выделенным сегментом очень эффективны, в них прием *коллажа*, которым создаются контаминации (А. И. Сквородников), становится более заметным: в слово «клеивается» другое слово, напр.: *ВеликоЛЯПный век*; *РадиАДция*; *Вести с орБЫты* или «заклеивается» начало или конец слова, напр.: *КВАСсика жанра*; *ГРИППидемия*; *Папарацци развязали против Кейт Миддлтон войНЮ*. В роли вставок, «наклеек» могут использоваться также и аббревиатуры, напр.: *Депутаты, проСМИтесь! Мавроди опять в тюрьМММе*, имена собственные, напр.: *Пока ВАНКУВЕРкается*; *ИННАпланетянка*.

Часто такие вставки и «наклейки» имеют эпатажный характер, напр.: *парацетамОР*; *АнастасИСЯ Ускова*; *ПроЖрАчность бюджета*.

При создании контаминаций может использоваться прием графогбридизации (термин Т. В. Поповой), напр.: *Saabразно обстоятельством*; *nRAVO на выбор*.

В языке современных СМИ (очевидно, под влиянием языка рекламы) получает все более широкое распространение так называемая *экспрессивная орфография* – написание заголовка прописными буквами, напр.: *МУАМРАКОБЕСИЕ*; *МУАМРАК ПОСЛЕ КАДДАФИ*; *АХМАДИДЖИХАД*.

3. Новый тип контаминаций появился относительно недавно. Это так называемые орфографические контаминации, или *орфографические окказионализмы* (термин наш. – С. И.). Можно с уверенностью говорить о том, что создание контаминаций этого типа приняло системный характер, что позволило нам разработать их типологию, в которой нашли отражение все случаи так называемого нарушения в написании как согласных, так и гласных [2]. Конечно, слово *нарушение* мы употребляем с оговоркой, прекрасно понимая, что новое слово – это результат не коверканья узуального слова, как это имеет место в языковой игре с орфографией у «падонков», а контаминирования двух слов, порождением чего, тем не менее, является искаженный двойник узуального слова, ср.: *Грабовое молчание*; *Гринландия*; *БЕСПОРНО*; *КАМЕРЧЕСКОЕ ИСКУССТВО*; *КОТОФАЛК*; *ГОРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ*. Наблюдение за орфографическими окказионализмами позволяет сделать ряд выводов: во-первых, этот прием ЯИ стал весьма заметным, мы бы даже сказали, модным; во-вторых, так называемые искажения касаются по большей части гласных, причем в узуальном слове гласная зачастую является непроверяемой, напр.: *Последний из МАГикан*; в-третьих, орфографические окказионализмы имеют тенденцию к повторяемости, тиражированию, напр.: *ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЛОГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ*; *БЛОГИЕ НАМЕРЕНИЯ*; *Блоготворное*; *Блогие намерения*.

Таким образом, анализ контаминации как приема ЯИ в языке современных СМИ позволяет говорить об усилении тенденции к эпатажу за счет использования не только лексических, но и графических, и орфографических средств языка.

Литература

1. *Ильясова С. В.* Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-на-Дону, 2002.
2. *Ильясова С. В.* Об одном модном приеме языковой игры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал. Выпуск XIII. Владикавказ, 2011. С. 107–111.
3. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Семантика и структура неударов в масс-медийном дискурсе

Л. Д. Кадырова

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

lenie_1989@inbox.ru

Деривационная грамматика, неолексема, словообразовательная модель.

Summary. In the paper the models of formation of the lexical innovations are described in mass-media discourse. The models of formation of the borrowed bases with native affixes, neolexemes with the borrowed affixes, derivation models of difficult neologisms are described.

В современной лингвистике словообразовательные механизмы рассматриваются как средства моделирования новых производных единиц. Как отмечают исследователи, активным механизмом в процессе неоминации является деривация – создание новых единиц по нормам словообразования современного русского языка.

В исследованиях последнего десятилетия проблемы неологии стали объектом активного изучения. Важными работами, позволяющими объяснить деривационные процессы в языковой системе, являются исследования А. А. Брагиной, В. В. Гака, Д. В. Гугунавы, Е. А. Земской, Е. А. Карпиловской, Л. П. Кислюк, Н. Ф. Клименко, Н. З. Котеловой, Л. П. Крысина, Л. А. Кудрявцевой, Г. С. Онуфриенко, А. В. Петрова, Е. В. Петрухиной, Л. И. Плотниковой, Т. В. Поповой, Т. С. Пристайко, Л. В. Рацбургской и др.

В работах лингвистов семантика и способы образования неолексем являлись предметом комплексного описания, однако при этом вопрос о моделях их образования не был раскрыт достаточно полно. Таким образом, необходима систематизация моделей образования неолексем в масс-медийном дискурсе с учетом степени адаптации заимствованных слов и компонентов.

Цель исследования – системное описание деривационных моделей лексических инноваций в текстах масс-медийного дискурса.

Данная цель предусматривает решение ряда задач: 1) описать модели образования заимствованных основ с исконными аффиксами; 2) рассмотреть деривационные модели с заимствованными аффиксами; 3) проанализировать словообразовательные модели сложных неологизмов.

Одним из активных словообразовательных явлений современного русского языка является процесс адаптации заимствованных единиц путем образования производных с исконными аффиксами. Е. В. Петрухина отмечает тот факт, что «удельный вес производных слов с незаимствованными корнями среди неологизмов постепенно уменьшается, а число лексических заимствований растет; при этом в мощном потоке заимствований русские словообразовательные категории и типы не разрушаются, не модифицируются и легко перерабатывают заимствованные лексемы, адаптируя их русской словообразовательной системе» [2]. Так, модель 1 «заимствованная основа + исконный аффикс» демонстрирует процесс адаптации заимствованных основ в русском языке путем добавления исконных аффиксов. Анализируемая модель имеет варианты сочетаемости структурных компонентов неолексем.

Модель 1.1. «заимствованная основа + исконный суффикс» (перечислим наиболее активные суффиксы): суффикс **-щик** со значением «лица»: *спамщик, стартапщик, мейкапщик, тиарщик* и др.; суффикс **-и-(ть)** со значением «со-

вершать действие, свойственное тому, что названо мотивирующим именем существительным): *мейкапить, брендить, пиарить, мейкапить* и др.; суффикс **-н(-ый)**, выделяющийся в именах прилагательных со значением «имеющий отношение к тому, что названо корнем»: *мейкапный, пиарный, креативный* и др.; суффикс **-ов(-ый)**, выделяющийся в именах прилагательных со значением «имеющий отношение к тому, что названо производящим словом»: *брендовый, демпинговый, интернетовый* и др.; суффикс **-ск(-ий)**, образующий относительные имена прилагательные со значением принадлежности тому, что названо мотивирующим словом: *пиарский, спичрайтерский, интернетский* и др.

Модель 1.2. «m1 + исконный префикс», где m1 – слово-результат модели образования «заимствованная основа + исконный суффикс»: префикс **за-**: *заспамить, забрендировать, заколлажировать, закреативить* и др.; префикс **про-**: *проспамить, пропиарить* и др.; префикс **по-**: *поспамить, попиарить* и др.; префикс **пере-**: *перебрендить, переспамить* и др.; префикс **на-**: *напиарить, наколлажировать, накреативить* и др.; префикс **от-**: *отпиарить, отинтернетить* и др.

Модель 1.3. «заимствованная основа + исконный конфикс»: конфикс **за-...-j(-э)**: *забугорье*; конфикс **меж-...-ск(-ий)**: *межфрендовский, межинтернетовский* и др.

Процесс пополнения русского языка иноязычными аффиксами происходит медленно. Лексические инновации с заимствованными аффиксами образуют деривационные модели следующего типа. Так, модель 2 «заимствованная / исконная основа + заимствованный аффикс». Исследуемая модель имеет варианты употребления.

Модель 2.1. «заимствованная основа + заимствованный префикс»: префикс **анти-** со значением «противоположность или враждебность чему-л.»: *антиКарнеги, антирейтинг, антиреклама, антирекорд, антифренд* и др.; префикс **де-** со значением «отделение, удаление, прекращение, отсутствие чего-л. и обратное действие»: *деафоризм* (отсутствие афоризма) и др.

Модель 2.2. «заимствованная основа + заимствованный суффикс»: суффикс **-прова(-ть)** (от нем. *-ieren*, гла-

гольный суффикс) со значением «действия, которое соотносится с тем, что названо мотивирующим словом»: *брендировать, креативировать* и др.; суффикс **-абельн(-ый)** (от англ. *-able* – ‘способный, пригодный к’) со значением «способности вызвать то или пригодности для того, что названо мотивирующим словом»: *кликабельный* и др.

Сложные неологизмы чаще всего образуются с помощью добавления к исконной или заимствованной основе заимствованной основы. Так, модель 3 «заимствованная основа + исконная / заимствованная основа»: **арт-** (от англ. *art* – ‘искусство’): *арт-азбука, арт-бизнес, арт-галерея, арт-гламур, арт-группа* и др.; **веб** (от англ. *Web* – ‘паутина’): *веб-адрес, веб-аналитика, веб-архив, веб-браузер* и др.; **кибер-** (от греч. *kybernetice* – ‘искусство управления’): *кибер-город, кибер-клиника, кибер-нож, киберпреступление, киберспейс, кибер-спорт, кибертерроризм* и др.; **медиа-** (от англ. *mass media* – ‘средства массовой информации’): *медиаактивы, медиа-война, медиа-группа, медиапокупка, медиапрофсоюз, медиарынок, медиасеть, медиасообщество, медиа-среда* и др.; **флеш-(флэш-)** (от англ. *flash* – ‘вспышка’): *флеш-игра, флеш-накопитель, флэш-память, флеш-печать* и др.;

Таким образом, деривационный потенциал лексических инноваций характеризуется комбинаторикой структурных элементов. В данном исследовании существует ряд аспектов, требующих дальнейшего изучения: конкурирование суффиксов со значением «лица» и адъективных суффиксов, принципы описания конкурирующих аффиксов, определение степени частотности в текстах масс-медийного дискурса, а также анализ синтагматических отношений с целью выявления степени адаптации заимствованных единиц.

Литература

1. Клименко Н. Ф., Карпільовська Є. А., Кислюк Л. П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі: Монографія. К., 2008.
2. Петрухина Е. В. Новые явления в русском словообразовании [http://www.portal-slovo.ru/philology/45939.php].

Системность как фактор лексической динамики (на материале лексики с начальным компонентом *аэро-* / *воздухо-* по данным картотеки «Словаря русского языка XIX века»)

В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

kalinovskaiavn@yandex.ru; sezerspb@yandex.ru

Историческая лексикология и лексикография, словообразование, семантика.

Summary. The paper provides a diachronic description of Russian lexis as a complex flexible whole, the systemacy of the latter being a powerful factor in its development. The lexical dynamics is studied based on the broad lexical data bank of the card index for the 19 century Russian, the investigation focusing on the group of nouns and adjectives with the first components *aero-* / *vozdukh-*, their semantic correlations, derivation patterns and history of their genesis in the 18–19 centuries Russian.

Сфера научно-технической номенклатуры наиболее подвержена вторжению заимствований, однако и в этой области особенности национального бытия и сознания оказывают значительное влияние на формирование терминологии, создаваемой на русской основе.

Системный характер дифференцированного распределения оригинального или иноязычного по происхождению лексического материала особенно наглядно проявляется в структуре сложных слов с участием компонентов *гидро-* / *аква-* / *водо-*, *гео-* / *агро-* / *земле-* и *аэро-* / *пневмо-* / *воздухо-*. Материалы картотеки «Словаря русского языка XIX века» позволяют сравнить количественно и содержательно присутствие указанной лексики в составе русского литературного языка данного периода, определить участие каждого из компонентов в вербальном выражении базовых концептов – «воды», «земли», «воздуха», составляющих основу представлений человека о внешнем мире, его взаимоотношений с ним, реализовавшихся в научно-практической деятельности.

Сделанные несколько ранее наблюдения за неологией с формантами *аква-*, *гидро-*, *водо-*, уже дали интересный результат – они показали, что количество иноязычных вхождений в XIX в. минимально по сравнению с собственно русскими композитами. Заимствования с инокультурным начальным компонентом встраиваются в особую нишу, нехарактерную для традиционного уклада русской жизни, тогда как образования с *водо-* активно заявляют свое присутствие в наименованиях, отражающих представления о воде как источнике жизни, как основе межнациональных связей (значение рек и морей в русской истории!) и как движущей силой, элементе различного рода производств [2: 184].

Не менее любопытную картину дает сопоставительный анализ лексики с компонентами *аэро-* и *воздухо-*. Заметим, что гнездо с *аэро-* в словарном составе русского литературного языка только начинает формироваться в XVIII в.; на долю этого периода из 57 образований, зафиксированных нами в текстах и словарях XIX в., приходится 9 лексем (из них – 2 прилагательных). Оставшиеся 48 лексических единиц являются новообразованиями XIX в., существительные и прилагательные представлены в соотношении 29 и 19 слов. Словообразовательная активность компонента *воздухо-*, в одном из значений изначально синкретичного корня (см. словарную статью в [4]), также приходится на исторический период нового времени. Из предыдущего периода перешли 2 сложных слова: *воздухошестивенный* (церк.-кн.), попавшее в [6] и вписавшееся в продуктивную для XIX в. словообразовательную парадигму *воздухообразный* (ср. вар. *воздуховидный*). Общее число новаций – 48 лексических единиц (существительных и прилагательных – 17 и 31 едини-

ц).

ница соответственно), из них в XVIII в. зафиксировано 16 лексем.

Новообразования с *аэро-*, вошедшие в употребление в XIX в., пополняют различные по тематике группы лексики: *аэробат / аэробатка* 'кто пляшет на канате', *аэромантика* 'наука о гаданиях' (ср. *воздуховолхование* в [5]), *аэронавт* и *аэронавтика*, *аэрофобия*. Развитие получают терминологические ряды в тех областях научного знания, которые берут начало в предшествующий период (например, наименования лиц по роду занятий, научных интересов *аэрограф*, *аэролог* – ср. [5] *аэрография*, *аэрология*); оформляются наименования новых научных направлений, их разделов и ученых деятелей (*аэравлика*, *аэродинамика* и *аэродинамик*, *аэростатика* и *аэростатик*, *аэроскопия*); среди новаций можно отметить также наименования различных приборов, аппаратов для научных наблюдений (*аэроклиноскоп* Метеорол., *аэрометр*, *аэроплан* 'воздушный змей' Метеорол.) и технических приспособлений (*аэрофильтр*, *аэрофор* 'водолазный прибор' Техн.). К XIX в. относится деривационная активность заимствований XVIII и неологии XIX в.: системность языка проявляется в образовании большого числа производных прилагательных (*аэравлический*, *аэрографический*, *аэромантический*, *аэрометрический*, *аэронавтический*, *аэроскопический*, *аэрофобический*), существующих часто в вариантных формах (*аэрографовый* и *аэрографский*, *аэродинамический* и *аэродинамичный*, *аэролитовый* и *аэролитский*, *аэрологический* и *аэрологичный*, *аэростатический* и *аэростатичный*).

Анализ лексической неологии в группе слов с компонентом *воздухо-* засвидетельствовал значимость культурной составляющей в структуре и семантике слов по отношению к материальной стороне бытия. В литературной лексике XIX в. отразились общие тенденции развития русского общества в данный период его истории, его заинтересованность в определенных сторонах жизни. В отличие от рассмотренной выше лексики с *аэро-* новообразования с русским компонентом относятся к терминологическим системам, обслуживающим практическую деятельность человека, это производственные, специальные, технические термины (*воздухогнетный*, *воздуходувный*, *воздухоёмкость*, *воздухожёмный*, *воздухопровод* и *воздухопроводный* Горн., Муз., *воздухоочистительный*, *воздухострельный*, *воздухоплавкий* и др.); среди них также можно отметить наличие вариантных форм (*воздухогревный* и *воздухонагревательный*, *воздухоагрегательный*, *воздухоизмерятельный* и *воздухомерный* в [5]). Показательными в этом отношении являются и нор-

мализаторские устремления по отношению к заимствованным. Так, можно заметить, что попытка дать эквивалент иноязычному термину четко обозначена в первом системном словаре иностранных слов Н. Яновского [7], где каждому заимствованию соответствует русская калька с *воздухо-* (ср. *воздухописание*, *воздухословие*, *воздухословный*, *воздухомер*, *воздухомерие*, *воздухообразование* и *воздухоотрашение*), что в немалой степени способствовало выделению этого компонента в структуре сложного слова и активизировало его словообразовательные потенции. В отдельных группах лексики толковыми словарями этого периода предпочтение отдано исключительно русским словам, таковы новообразования *воздухоплавание / нье*, *воздухоплаватель*, *воздухоплавательница*, *воздухоплавательный* и *воздухоплавательский* ([6], [1]). Чрезвычайна роль академического словаря под редакцией Я. Грота [3], закрепившего приоритет русской лексики в общей картине новообразований; любопытно, что из отмеченных новаций с *аэро-* в этом словаре нашли отражение лишь 7 лексем (почти равная представленность неологии XVIII–XIX вв.), выражающих важнейшие научно-технические понятия и достижения нового времени.

Исследование рассмотренных групп лексики позволяет составить представление о динамике одного из фрагментов языковой картины мира, нашедшей отражение в неологии XIX в. с компонентами *аэро-* и *воздухо-*. В семантической и функциональной дифференциации этих слов наблюдается попытка развести понятия воздуха как «среды» и как «материю», некой материальной субстанции, чью энергию можно использовать. Одновременно с этим русская лексика продолжает сохранять связь с некогда синкретичным корнем.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1863–1866; М.: СПб, 1880–1882.
2. *Калиновская В. Н., Старовойтова О. А., Эзерина С. А.* Динамика русской лексической неологии в контексте языковых споров первой трети XIX века // «Беседа любителей русского слова»: 200 лет. СПб., 2013.
3. Словарь русского языка / Сост. Вторым отд. Акад. Наук. Т. 1. СПб., 1891.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.
5. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–17. Л. (СПб), 1984–2007.
6. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
7. *Яновский Н.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1–3. СПб., 1803–1806.

Об активизации суффикса *-ecc(a)* в современном русском языке

О. М. Карева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

daniel_ka@mail.ru

Феминативы, словообразовательный тип, окказионализм, узуализация.

Summary. The paper presents a group of new feminine lexemes with suffix *-ecc(a)* in present-day Russian, their functional, semantic and derivational features.

Среди наименований лиц женского рода феминативы с иноязычным по происхождению суффиксом *-ecc(a)* относительно немногочисленны. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) зафиксировано 11 таких лексем, из которых наиболее употребительны *стюардесса*, *позтесса*, а многие являются обозначениями светских титулов и званий. До недавнего времени не наблюдались пополнения этой группы неологизмами (если не учитывать окказиональную лексику). В монографии «Русский язык и советское общество» отмечено: «в силу социальных причин исчезли или значительно сократились в употреблении существительные <...> *авторесса*, *метресса*, *патронесса*, *принцесса* (*кронпринцесса*), *догаресса*, *баронесса*, *виконтесса*, *адвокатесса* и под.», что привело к превращению данного словообразовательного типа из малопродуктивного в полностью угасающий «и, что не менее важно, стилистически окрашенный» [2: 266]. Однако в академической «Грамматики современного русского литературного языка», изданной двумя годами позже, содержится указание на то, что тип обнаруживает продуктивность: «ср. новое *гидесса*, окказиональные (преимущественно шуточные): *критикесса*,

гигантесса, *авторесса*, *агентесса* и т. п.» [1: 124]. Это подтверждается и материалами неологических словарей, описывающих новую лексику второй половины XX в., где зафиксировано около 2-х десятков феминативов на *-ecc(a)*: *демократесса*, *драматургесса*, *контролесса*, *магнатесса*, *экспертесса* и др.

Анализ новейших данных лексикографии, материалов современной прессы и сетевых ресурсов дает основание утверждать, что в последние два десятилетия ранее малопродуктивный суффикс *-ecc(a)* заметно активизировался, число новообразований с этим формантом увеличилось в разы. При этом следует отметить, что многие слова из разряда окказиональной лексики узуализировались (*агентесса*, *комикесса*, *роботесса*, *сатириесса* и др.), получив распространение в СМИ и интернет-текстах. Слово *критикесса* вошло в новое издание БАС, в словарях-ежегодниках «Новое в русской лексике» (1993, 1994 гг.) зафиксированы сложения *кинокритикесса* и *арт-критикесса*.

В отдельных случаях в процессе узуализации происходит расширение семантики слова. К примеру, у феминативов *вампиресса*, *гигантесса* появились переносные значения,

в которых они выступают коррелятами соответствующих наименований мужского рода. Ср. следующие словоупотребления: *Появился образ женщины-вампирессы – темные веки, кроваво-красные губы. Версия 15.01.02. Жена-«вампирессы» будет доводить любимого до белого каления...* Ставропольские губернские ведомости 01.04.09. *Костюмы для гигантессы поп-музыки представляют соответственно гиганты моды – Кристиан Лакруа и Карл Лагерфельд. Вечерний Ростов 02.04.04. Тридцатиметровую гигантессу [ель] привезут из Пучковского лесничества...* Ваш Спутник (г. Калуга) 23.12.00. *...битва двух политических гигантесс: «Единой» и «Справедливой».* Город 812 (СПб.) 08.02.10.

Анализируя представленную группу имен в плане семантики, можно заметить, что «старая» лексика включает в основном номинации, связанные с высоким социальным положением (светские титулы, звания): *баронесса, виконтесса, дюкесса, кронпринцесса, принцесса*. Выделяется ряд наименований по профессии, роду занятий в сфере литературной, публицистической деятельности: *авторесса, драматургесса, критикесса, поэтесса, прозаикесса*, (нов.) *сатирикесса*. По аналогии с этими существительными происходит формирование группы имен, называющих лицо женского пола по роду занятий в иных сферах творческой деятельности: *бардесса, клоунесса, комикесса*, (нов.) *фотографесса*. Данные номинации неоднократно встречаются в текстах современных СМИ и Интернет-блогах. В последние десятилетия получили распространение наименования на *-есса* и в сфере политической деятельности: *политикесса, депутатесса, демократесса, кандидатесса*; по социально-экономическому положению: *магнатесса, олигархесса*.

Возникновение и функционирование в русском языке феминативов этих групп обусловлено прежде всего экстралингвистическим фактором: появлением ярких, харизматических женских фигур на политической арене и в сфере культуры. Кроме того, в речевой практике не всегда приемлемыми оказываются номинации мужского рода и сложения с компонентом *женщина* для обозначения соответствующего

денотата. Речевые и лексико-синтаксические условия диктуют использование суффиксальных женских коррелятов. Ср.: *В ходе недавних переговоров в Москве между Нино Бурджанадзе и главой Совета Федерации Сергеем Мироновым грузинская политикесса согласилась в обмен на поддержку на выборах и спонсорскую помощь со стороны «империи зла» отказаться от претензий на Абхазию.* Московская правда 31.10.03.

Известно, что существительные рассматриваемого словообразовательного типа мотивируются простыми (немотивированными) существительными [1: 124]. Прослеживаются и некоторые морфологические особенности при образовании дериватов. Отметим, что суффикс *-есс(а)* легко присоединяется (либо вычленяется – в случае целиком заимствованного слова) к иноязычным основам на зубные: [д] – *бардесса, гидесса, грандесса, стюардесса*, (нов.) *френдесса*; [т] – *агентесса, адвокатесса, виконтесса, гигантесса, демократесса, магнатесса, пилотесса, поэтесса, роботесса, экспертесса*, (оказ.) *аспирантесса, интеллигентесса кандидатесса* и новейшее – *поинтесса*. От усеченных основ образованы *депутесса, политесса*. Привлекают внимание неолексемы, образованные от основы на *-ик*, которая, как известно, обладает высокой «сопротивляемостью» к производству слов женского рода. Среди них *комикесса, прозаикесса, критикесса, политикесса*, а также *сатирикесса, классикесса*. До недавнего времени женские корреляты соответствующих наименований мужского рода отсутствовали в языке.

Таким образом, можно констатировать, что в современном языке происходит активизация суффикса *-есс(а)*, который имеет свою «специализацию», участвуя в образовании феминативов определенной семантики от определенного типа основ.

Литература

1. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
2. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.

К проблеме классификации интернациональных морфем

Е. И. Коряковцева

Естественнo-гуманитарный университет в г. Седльце (Польша)
elena.koriakowcewa@gmail.com

Синхронно-диахронический анализ, статус интерморфемы.

Summary. In paper attention was devoted to the nature of some international morphemes, their ontological and epistemological status.

В ходе анализа новых интерморфем, при установлении их деривационного статуса перед исследователями встает немало вопросов теоретического и конкретно-описательного характера. Полагая, что адекватно установить статус нового словообразовательного элемента можно лишь путем последовательного разграничения синхронной словообразовательной мотивации и диахронической производности, выявляя этапы морфемизации, изучая условия развертывания деривационных процессов, в которые вовлекаются новые интерморфемы. При комплексном синхронно-диахроническом анализе не должен оставаться в стороне факт, что появление новых аффиксов может быть вызвано реинтерпретацией формы и значения производных лексем, обусловленной такими личностными особенностями носителей языка, как возраст, профессия, принадлежность к определенной социальной группе.

Как известно, восприятие мотивационных отношений не всегда соответствует этимологии производного слова, поскольку это «словообразовательное» восприятие может изменяться в истории языка» (В. В. Виноградов). Смещение мотивационных отношений наблюдается не только в коллективном сознании говорящего сообщества, но и в сознании отдельных лингвокреативных личностей, имеющих возможность «навязать» свое индивидуальное «словообразовательное впечатление» достаточно большим группам носителей языка, которые под влиянием данного впечатления начинают производить неологизмы с помощью новых формантов. Такое речевое поведение характерно для реципиентов текстов СМИ, диктующих языковые моды путем «запуска» психологических механизмов внушения, иденти-

фикации, подражания. Новые форманты, созданные или освоенные лингвокреативными журналистами, вовлекаются реципиентами медиатекстов в словообразовательные процессы, в которых эксплицируются новые мотивационные отношения. Выполняя структурно-унифицирующую функцию, отношения мотивации, в свою очередь, становятся образцом для новых словообразовательных процессов. К словообразовательным отношениям приводят и процессы несловообразовательного характера, например – заимствование с последующей адаптацией (см. работы П. А. Соболевой), эллипсис, ресемантизация производного слова, а также реинтерпретация его отдельных компонентов. Пример тому – история интернациональных морфем *экс-*, *-zeit*, *-завр*.

В середине XX в. латинский префикс *ex-* со значением ‘движение наружу, изъятие’ в «глобальном» английском языке приобрел новое значение – ‘бывший’ (англ. *ex-minister*, *ex-wife*, *exchampion* и др.). «Амероглобализация», начавшаяся во второй половине XX в., способствовала росту словообразовательной активности интерморфемы *экс-* / *ex-* в значении ‘бывший’ как в в русском, так и в других славянских языках-реципиентах (ср. рус. *экс-жена*, *экс-муж*, *экс-премьер*, *экс-супруг*; болг. *ексгубернатор*, *ексдепутат*; польск. *ekspremier*, *eks-mąż*; чешск. *exmilenc*, *exředitel*). К началу XXI века в «глобальном» английском языке интерморфема *ex-* приобрела статус корневой: она функционирует в свободном употреблении (ср. *the ex*). В современном русском языке ее изофон *экс-* не используется в качестве самостоятельного слова. Поскольку словообразовательный элемент *экс-* находится в препозиции к корневым морфемам (*экс-*

начальник / эксначальник, экс-шеф / эксшеф и др.), его следует рассматриваться как префиксоид.

Статус суффиксоида имеет морфема *-гейт* – изофон англо-американского суффиксоида *-gate*, возникшего в результате ресемантизации и реинтерпретации лексемы *gate* со значением ‘ворота’. Находясь в постпозиции к корневым морфемам в структуре гибридных дериватов типа *газгейт*, *Обамагейт*, *сексгейт*, морфема *-гейт*, не имеющая в русском языке корреляции с изофонной лексемой, служит для серийного образования экспрессивных *nomina abstracta* с частным словообразовательным значением ‘скандал’. «Деривационные макаронизмы» типа *Казакгейт*, *pornoгейт* стали неперенным атрибутом информационных сенсаций, поскольку они весьма удобны для т. н. «новостного вброса» скандалов в медиатексты.

Неожиданной новизной отличается использование в дискурсе СМИ структурного компонента *-завр* (из греч. *σαῖρος* ‘ящер’) – интернационального терминологического элемента, выделившегося из названий ископаемых рептилий (ср. *динозавр*, *летозавр* и др.). С помощью этого терминологического элемента, употребленного в измененном, метафорическом значении ‘отсталый, примитивно мыслящий человек’, журналисты и посетители интернет-форумов общероссийских газет создают пейоративные отонимические недериваты, называющие сторонников политических деятелей и партий: *ельцинозавр* (← *Ельцин*), *зюганозавр* (← *Зюганов*), *жиринозавр* (← *Жириновский*), *ЛДПРозавр* (← *ЛДПР*), *правделозавр* (← партия «Правое дело»), *путинозавр* (← *Путин*), *яблокозавр* (← *Яблоко*, т. е. Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»). С недавнего времени терминологический элемент *-завр* стал активно использоваться также при создании инвектив, обозначающих недостатки умственного развития и внешности человека, его асоциальное поведение, отрицательные черты характера, ср.: *быдлозавр* ‘примитивный человек, не имеющий моральных принципов’, *глупозавр* ‘глупый человек’,

дерьмозавр ‘подлый, гнусный человек’, *дурозавр* ‘очень глупый человек’, *жирнозавр* ‘очень толстый человек’, *колхозавр* ‘умственно ограниченный человек из района, деревни, села’, *лохозавр* ‘глупый, наивно-доверчивый человек’, *психозавр* ‘психически ненормальный человек’, *толстолавр* ‘толстый человек’, *тупозавр* ‘тупой, примитивный человек’ и др.

Функционирование интерморфем *экс-*, *-гейт* и *-завр* свидетельствует о том, что они находятся в переходной зоне между аффиксами и основами композитов. Промежуточный характер этих интерморфем отражается как в способах их записи, так и в способах присоединения к производящим основам. Так, префиксоид *экс-* / *ex-* / *eks-* орфографически не ассимилирован полностью, поскольку пишется и слитно, и через дефис (ср.: *экс-босс* / *эксбосс*, *экс-модель* / *эксмодель*, *экс-начальник* / *эксначальник*, *экс-шеф* / *эксшеф*). Суффиксоид *-гейт* присоединяется: 1) подобно суффиксам – непосредственно к производящим основам, в том числе – усеченным (напр., *Азергейт*, не *Азербайджангейт*, ср. *газгейт*, *Кавказгейт*); 2) подобно компонентам сращения – к словоформам, включающим в себя окончание (*Москвагейт*, *Обамагейт*); 3) подобно компоненту сложного слова – с помощью интерфиксов *-е-*, *-о-* (*нефтегейт*, *сексгейт*, *телефонгейт*). Как суффиксоид следует классифицировать ресемантизованную постпозитивную морфему *-завр*, используемую для образования инвектив и пейоративизмов. Эта морфема присоединяется к корням с помощью интерфикса *-о-*, однако она не обладает (в отличие от *-завр* ‘ящер’, ср. зоомагазин «ЗАВР» – <http://zavtzoо.ru>) способностью выступать в виде самостоятельного слова.

Интернациональные аффиксоиды *экс-*, *-гейт* и *-завр*, имеющие узко специализированную семантику, входя в состав производных гибридов, подключаются не только к подсистемам русского словообразования, но и к этимологическим гнездам как формам хранения лексики в памяти носителей языка.

Зачем «буфетчице» «буфетчик»?

В. А. Кравченко

Мариупольский государственный университет (Украина)

an2305na@mail.ru

Деривация, кодеривация, личные существительные, суффиксы «женскости».

Summary. There is no systematic approach to form proper names of feminine gender in academic literature. The material investigated gives an opportunity to denote nonsystematic (vs traditional views) dependence of these nouns on names of masculine gender.

Все вузовские учебники по русскому языку в отношении образования личных именований женского рода придерживаются точки зрения В. Виноградова: «Названия лиц женского пола производятся от соответствующих имен мужского пола (например: *знахарь* – *знахарка*, *хвастун* – *хвастунья*, *кассир* – *кассириша* и т. п.)». В научной литературе до сих пор нет единого мнения о соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода: находятся они в отношениях словопроизводности или в отношениях параллельной производности (кодеривации).

Как известно, каждое производное слово находится в паре со своим производящим и выводится из него по двум линиям – по материальной и по семантической. Такая двусторонняя связь с наименованиями лица мужского пола очень четко и регулярно выявляется у однокоренных существительных женского рода, называющих жен по мужу: *майорша*, *лесничиха*, *генеральшица*, *солдатка*.

Не так просто складываются отношения между другими существительными муж. и жен. рода, в частности наименованиями лиц по профессии, роду занятий. Словообразовательные значения (СЗ) существительных женского рода не содержат семы «мужской пол», которая должна бы была передаваться от производящего к производному. Сравните СЗ «женских именований» на уровне словообразовательного типа: 1) ‘та, кто выполняет определенное действие’ (*летчица* – *летает*, *переводчица* – *переводит*); 2) ‘та, кто по роду занятий связана с определенным предметом’ (*станочница* – *станок*, *банищица* – *баня*). С другой стороны, если учесть, что личные существительные мужского рода были вначале единственно возможными наименованиями человека по профессии, роду занятий, то за ними впоследствии закрепилось и значение «профессия, должность» безотносительно к

полу. В этом значении они представлены в «Классификаторе профессий рабочих, должностей служащих». Тогда в существительных женского рода может реализоваться значение «профессия» через однокоренные существительные мужского рода: *учительница* – ‘та, кто работает учителем’, *летчица* – ‘та, кто освоила профессию летчика’, *повариха* – ‘та, кто имеет профессию повара’ и т. д.

Более всего семантическая независимость от наименований лиц мужского пола констатируется в наименованиях лиц женского пола, не связанных с профессиональной деятельностью: *плясунья* – ‘та, кто пляшет’, *певунья* – ‘та, кто поет’, *помощница* – ‘та, кто оказывает помощь’, и т. д. Считать их производными от однокоренных личных существительных мужского рода только по причине существования последних в языке (*плясун*, *певун*, *озорник*, *помощник*, *ленивец* и т. п.) не совсем корректно по нескольким причинам. Во-первых, существует целый ряд существительных-одиночек женского рода. Они называют лицо женского пола по характерному для него действию (*сиделка*, *стряпуха*, *повитуха*, *плакальщица*), качественному признаку (*беянка*, *смуглянка*, *синеглазка*), по объекту деятельности (*маникюриша*, *педикюриша*). Во-вторых, существительные женского рода могут отличаться от однокоренных существительных мужского рода по значению. Ср.: *кормилец* и *кормилица* ‘женщина, кормящая грудью чужого ребенка’, *машинист* и *машинистка* ‘женщина, работающая на пишущей машинке’. Отсутствие мотивации не позволяет рассматривать их как словопроизводную пару. В-третьих, жесткое деривационное направление «личное существительное мужского пола > личное существительное женского пола» опровергается наличием словопроизводных пар, в которых производящими выступают наименования лиц женского пола, а производны-

ми – наименования лиц мужского пола. Например, *вдова* > *вдовец*, *стюардесса* > *стюард*, *доярка* > *дояр*.

Придерживаясь принципа «не может быть, потому что не может быть», невозможно объективно решать проблему деривационного статуса личных существительных женского рода. Почему существительное *киевлянка* ('жительница Киева') должно восходить к названию лица мужского пола, если семантически с ним не связано? В учебнике современного русского языка под ред. В. А. Белошапковой находим ответ: «В соответствии со всей системой русского словообразования и в парах типа *саратовец* – *саратовка*, *эстонец* – *эстонка* будем считать слово женского рода производным от соотносительного имени лица мужского рода, а не от существительных *Саратов*, *Эстония*, потому что в русском языке именам лиц женского пола не свойственно образование непосредственно от существительных неодушевленных». Тем не менее не вызывает сомнения тот факт, что именно неодушевленные существительные явились производящими для личных существительных женского рода *маникюрша*, *педикюрша*, *содержанка*, *модистка*.

Формальная связь суффиксального наименования лица женского пола с однокоренным существительным мужского рода тоже не бесспорна. Если слова типа *повариха*, *артистка*, *ткачиха* содержат суффиксы «женскости», присоединившиеся к основам существительных мужского рода, то в наименованиях типа *весовщица*, *выпускница*, *банищица* трудно усмотреть аналогичную словообразовательную структуру. В научной и учебной литературе можно встретить такое понятие, как заменительная аффиксация – образование слова путем замены аффиксов: *газетчик* – *газетчица*, *школьник* – *школьница*, *браковщик* – *браковщица*. По мнению Е. А. Земской, в таких случаях «суффиксы присоединяются к основе существительного, лишенной суффикса муж-

ского рода: *буфет-чик* – *буфет-чица*, *упрям-ец* – *упрям-ица*». Однако основа, лишенная суффикса мужского рода, или усеченная основа, уже не есть основа существительного – наименования лица мужского пола. Поэтому между однокоренными существительными мужского и женского рода логичнее определить отношения кодеривации, так как они образованы от одной и той же, общей для них основы. Это основы неличных существительных, прилагательных, глаголов: *газета* – *газет-чик*, *газет-чица*; *ленивый* – *ленив-ец*, *ленив-ица*; *резать* – *рез-чик*, *рез-чица*.

Для придания «законности» заменительной аффиксации в литературе представлено явление соотносительности «мужских» суффиксов и суффиксов «женскости», т. е. при образовании личных существительных женского рода от существительных мужского рода имеет место четко прогнозируемое соответствие заменяемых суффиксов: *-ец* : *-ица(a)*, *-ник* : *-ниц(a)*, *-чик* : *-чица(a)*, *-щик* : *-щица(a)* и др. Однако такая соотносительность не отличается абсолютной регулярностью реализации. Ср.: *продавец* – *продащица*, *беглец* – *беглянка*, *гордец* – *гордячка*, *горец* – *горянка*.

Итак, установлено, что 92% наименований лиц женского пола имеют соответствующие однокоренные имена существительные мужского рода. Однако они находятся не в одинаковом отношении друг к другу. Только в одной группе существительные женского рода являются коррелятами наименований лиц мужского пола – это наименования жен по мужу. Вторая группа имеет опосредованное отношение к существительным мужского рода, потому что соотносится с названием профессии, позиционным эквивалентом которого является наименование мужского рода. Третья группа – наименования женского рода, которые с существительными мужского рода находятся в отношениях кодеривации.

Роль данных словообразования в когнитивных исследованиях

О. Ю. Крючкова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

vpks@rambler.ru

Когнитивная лингвистика, словообразование.

Summary. The report deals with the peculiarities of word-building derivation, which define heuristic value of word-building data for the purposes of cognitive linguistic researches.

Центральное место в лингвистических исследованиях когнитивной направленности занимают сегодня лексика и фразеология. Материал словообразования в когнитологии привлекается сравнительно редко. Между тем словообразование обладает большим эвристическим потенциалом, пока еще не вполне оцененным дериватологами и когнитологами.

Эвристическая ценность данных словообразования для когнитивной лингвистики, для выявления воплощенных в языковых формах ментальных актов, знаний и представлений, определяется как важнейшей ролью словообразования в номинативном процессе, так и целым рядом свойств материала, традиционно относимого к сфере словообразования. К таким свойствам, имеющим первостепенную значимость, следует отнести *мотивированность* (1), *номинативную «плотность»* (2), *серийность словообразовательной деривации* (3).

(1) *Мотивированность*. Поиск мотиваций является характерной чертой исследований когнитивной направленности. Производная лексика для этих целей является исключительно информативной. Значительный интерес для когнитивной лингвистики представляет уже сам факт использования или неиспользования мотивационной стратегии в процессе означивания явлений действительности. Выбор той или иной стратегии находит выражение в открытости или, напротив, закрытости разных лексических подсистем для актов словообразования, в характере соотношения в лексических подсистемах мотивированных и немотивированных слов.

Неоднородность лексических подсистем в аспекте соотношения в их составе мотивированных и немотивированных слов, по-видимому, не случайна, она объясняется большей или меньшей значимостью интерпретационного компонента в актах концептуализации определенных сфер. Чем

выше прагматическая ценность соответствующих реалий, тем активнее роль интерпретации (мотивации) в номинативном процессе.

Когнитивноориентированное изучение мотивированной лексики в составе лексико-семантических и тематических групп не ограничивается ее количественной оценкой. Важным для понимания особенностей концептуализации фрагментов мира является выделение набора используемых здесь семантических типов мотивации (мотивационных моделей), определение сильных (ядерных) и слабых (периферийных) мотиваций. Все это дает репрезентативный материал для реконструкции соответствующих когнитивных процессов.

(2) *Признак номинативной «плотности»*. Производные слова, выступающие как однословные, компактные способы выражения понятий (по сравнению с их неоднословным выражением), ярко репрезентируют идею номинативной плотности – важнейшего объективного показателя актуальности той или иной сферы действительности для конкретного языкового сообщества.

По видимому, развитием идеи номинативной плотности может служить критерий грамматикализации определенного содержания – наличие в языке устойчивых или даже обязательных форм выражения понятий. Таков характер выражения грамматических значений. В словообразовании такими устойчивыми формами выражения понятий являются продуктивные словообразовательные модели.

Для когнитивной лингвистики особый интерес могут представлять словообразовательные значения, изоморфные грамматическим или приближающиеся к грамматическим значениям по своей регулярности. Для когнитивной лингвистики такие значения имеют особый статус как значения наиболее глубоко укорененные в структуре языка (таковы,

например, словообразовательные категории собирательности, единичности, женскости, субъективной оценки в русском языке).

В отличие от синтаксических структур в производных словах концептуальные схемы репрезентированы в свернутом виде. Пользуясь понятийной системой когнитивной лингвистики, можно сказать, что в актах словообразовательной деривации получает выражение процесс интеграции ментальных пространств, сращения концепта основы и концепта словообразовательного форманта, в результате чего формируется новая целостная и вместе с тем расчленимая ментальная единица. Лингвистическая и когнитивная членимость делает производное слово исключительно ценной единицей, эксплицирующей не только результат, но и сам процесс интеграции концептов.

(3) *Серийность словообразовательной деривации.* Словообразовательные ряды объединяют целые серии однотипных лексических единиц, характеризующихся единством обобщенных значений (значений аффикса, отсылочной части, словообразовательной модели). Поэтому изучение таких рядов с позиций когнитологии дает ценный материал для установления не только отдельных элементов языковой картины мира, но и обеспечивает наибольшую прозрачность одного из основных когнитивных процессов – процесса категоризации, осмысления одних сущностей на основе и с помощью других.

Серийным характер словообразовательной деривации стимулирует процессы концептуального «заражения» и «наложения» в кругу однотипных лексических единиц. В подоб-

ных процессах ярко проявляется когнитивная функция языковых структур, служащих, как это было уже неоднократно отмечено разными исследователями, не только средствами выражения, но и средствами *формирования* концептуального содержания.

Результатом серийного характера словообразования являются достаточно хорошо структурированные объединения производных слов – комплексные единицы словообразования. Процессы формирования и развития таких единств производных слов, как словообразовательное гнездо, словообразовательный тип, словообразовательная категория опережаются не только собственно лингвистическими факторами, но когнитивной ценностью объективированных в них концептуальных структур. Когнитивную интерпретацию могут и должны получить как «внешние» характеристики словообразовательного гнезда, так и его внутреннее строение: объем гнезда (равно как и факт его отсутствия), его разветвленность (глубина), соотношение словообразовательных парадигм и словообразовательных цепей, семантическая структура словообразовательных парадигм и словообразовательных цепей. Исследование словообразовательных категорий с позиций когнитологии требует не ограничиваться изучением внутрисистемных семантических связей словообразовательных типов, образующих словообразовательную категорию, но диктует необходимость анализировать их деривационную базу, устанавливать связи словообразовательных категорий с тематическими группировками лексики, что выводит к когнитивным моделям, к механизмам сочетаемости смыслов.

Окказиональное слово в парадигме постмодернизма: к постановке проблемы

И. А. Нефляшева

НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета (Майкоп)

indef@mail.ru

Словотворчество, окказионализм, графодеривация, постмодернизм, симулякр, прецедентность, словообразовательная игра, синергетика.

Summary. The paper offers a new approach to the innovations from the point of view of post-modern paradigm peculiarities. This involves consideration of several problem areas, such as: stereotype and creativity as leading signs of innovation; the creative potential of derivation; order out of chaos, synergetics and occasional word-formation; intertextuality and precedent in the basis of word-building processes; the authority of writing and graphic derivatives.

Постмодернизм охватывает значительный пласт явлений современной мировой культуры. Это не только направление литературного творчества, но и система мышления, поведения, восприятия и отражения жизни, человека, языка.

Представляется актуальным синтезировать в единое целое отдельные наблюдения над спецификой новых слов медийного дискурса настоящего периода (нарушение стандарта, семантическая факультативность, прецедентность и т. п.) на основе обращения к постмодернизму как коду современной культуры с его концептуальными представлениями о тексте как интертексте, роли автора в создании и интерпретации текста, креативности, авторитете письма, иронии как способе остранения.

Отметим, что идея вписать окказиональное слово в более широкий контекст поэтики постмодернизма и его мировоззренческих проблем, задающих и одновременно раскрывающих сущностные характеристики новообразований, высказана О. Г. Ревзиной [3].

Нами намечено рассмотрение нескольких проблемных зон:

1. Креативный потенциал деривации и «власть языка».

Основопологающее для современной неологии разграничение новых слов речи на потенциальные (соответствующие языковой норме, произведенные по продуктивным моделям) и окказиональные (созданные с нарушением нормы) продуктивно с точки зрения выявления роли стереотипа и творчества в словообразовании.

Новые лексические единицы, в особенности созданные с нарушением стереотипа, т. е. языковой нормы, являются отражением креативности. Поскольку для постмодерниста очевидна власть языка над культурой и субъектом, «в акте творения той единицы, которая принадлежит языку как его часть... содержится великий акт свободы – высвобождение человека из-под власти языка» [3: 306].

2. Синергетика и словообразование.

Язык / речь представляет собой открытую неравновесную среду, что позволяет рассматривать образование новых слов

как результат развития и самоорганизации лексической, словообразовательной и иных подсистем языка в новой синергетической парадигме.

В момент своего создания окказионализм как творимая единица представляет собой реализацию режима обострения системы, ко времени же обретения новым значением определенной формы вступает в силу противоположное начало – самоорганизация системы, рассеивающая неоднородности в открытой системе [1: 34], в котором словообразование выступает в роли «порядка из хаоса» (И. Пригожин).

3. Интертекстуальность и прецедентность в основе словообразовательных процессов.

Медийный дискурс как часть постмодернистского коммуникативного пространства отличает насыщенность прецедентными феноменами, которые могут быть трансформированы в том числе и словообразовательными средствами: *С физическим лицом в ГКОшный ряд* (КП, 19.09.1995). *Как АУМкнется – так откликнется* (КП, 28.03.1995), *Долг платежом **оранжесв*** (Коммерсант, 03.03.2007), *Что ПАСЕешь...* (Итоги, 2009, № 41). *Родился в **РУбашке*** (Итоги, 2009, № 16) *...седина в **чурковскую** бороду, а бес в **единопороссово** ребро!* (АиФ, 2009, № 44).

4. Авторство в окказиональном словотворчестве и «смерть автора» (Ролан Барт), читатель как творец. Постмодернистская ирония как игра.

Постмодернизм с его утверждением о том, что «ничего не существует вне текста» (Жак Деррида), отрицанием роли автора (а значит и субъекта оценки) и переносом акцента на читателя текста придает иронии конституирующее значение: «с одной стороны, она есть высмеивание и в этом отношении профанация некоей реальности, основанная на сомнении в ее истинности... с другой же ирония есть как бы проба этой реальности на прочность» [2]. Ирония дает человеку уникальную позицию свободы от реальности через признание ее несовершенства.

Ирония, таким образом, является разновидностью языковых игр, служащих острашению, снимающих дистанцию между человеком и человеком, человеком и реальностью / отсутствием реальности как деятельностью, направленная на саму себя.

5. Номинативная факультативность новообразований и симуляция смысла и значения.

В постмодернистской парадигме вся реальность объявляется знаковой системой, язык, рождая новые смыслы, формирует реальность, а слово теряет свою непосредственную связь с обозначаемым, с референтом. Ж. Бодрийяр пишет о «замене реального знаками реального» – симулякрами.

Окказиональные слова творятся ради привлечения внимания, острословия, в результате языковой игры, самооценной, направленной на саму себя, когда слово создается ради самого факта его создания. Номинативная составляющая окказионализмов вторична; при их производстве задачи номинации и коммуникативной целесообразности сведены к минимуму. Симулятивная природа окказионального слова проявляется и в однократности его употребления. Новое слово не создается, лексический состав языка не пополняется: слово привязано к определенному контексту, отрезку речи, фрагменту дискурса и не существует вне его (однократность и номинативная факультативность, по А. Г. Лыкову). Ср. исходное выражение *богу богово, кесарю – кесарево* и созданные по его образцу *читателю – читателево*

(Огонек, 1992, № 42–43); *писателю – писателево* (ЛГ – Досье, 1992, № 1); *медикам – медиково* (КП, 16.12.1992); *кесарю – кесарево, пекарям – пекарево* (Северный Кавказ, 1994, № 33); *премьеру – премьерово* (Коммерсант, 05.12.2008) и т. п.

6. Деконструкция (Жак Деррида) и графические окказионализмы.

Игры с графической оболочкой слова, вносящие множество интерпретаций и актуализирующие внутреннюю форму слова (*неуДАЧНИКИ, МЕНТалитет, мод«ЕР»низация, ку-ку-порт, рест © ранний гид, истребительная Авеация*), есть определенная деконструкция, высвобождающая письменность от подчиненности языку и возвращающая ее в центр культурного пространства.

7. Специфика масс-медиа в обществе потребления (Жан Бодрийяр)

«Счастье» потребления и производство слов-симулякров как потребление.

Литература

1. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. СПб., 2002.
2. Можейко М. А. Ирония // Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск, 2001 [http://www.infoliolib.info/philos/postmod/index.html (дата обращения 25.10.2013)].
3. Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. М., 1996. С. 303–308.

Лексические новообразования в русском языке: особенности словообразовательной и концептуальной организации

Л. И. Плотникова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Luks.p.58@mail.ru

Лексические новообразования, словообразовательная структура, интегративная речемыслительная модель словопроизводства.

Summary. The paper is devoted to study of lexical new formations from the perspective of speech activity. The following is considered in the paper: peculiarities of communicative and cognitive approach to study of new language material, the peculiarities of word formation structure and conceptual organization of the words of separate onomasiological groups are being.

Речевая деятельность индивида определяется в первую очередь ее мотивами и проявляется, с одной стороны, в использовании стандартных языковых средств, а с другой – в отклонении от языкового стандарта. Последнее зависит от ряда факторов, среди которых основными можно считать сферу общения, функции языковых средств, личностные образования говорящего, а также внутреннюю мотивацию мыслительной деятельности.

Речевая деятельность многообразна, разные коммуникативные ситуации предполагают использование самых различных способов вербализации мысли. Так, наряду с уже имеющимися в языке, «готовыми» единицами, говорящий может употребить и созданное им самим слово. Механизм этого выбора довольно сложен и определяется комплексом причин и условий. В поиске нужного слова говорящий обращается к индивидуальному лексикону, выбирая из него такую единицу, которая более всего соответствует требованиям речевой ситуации. Если поиск не приносит желаемого результата, в работу «включается» механизм словопроизводства, направленный на конструирование новообразования.

Исследуемый нами новый языковой материал (лексические новообразования, зафиксированные в художественных текстах, языке СМИ, живой разговорной речи) позволил сделать определенные выводы об особенностях процесса словотворчества, который можно рассматривать с учетом интегративной речемыслительной модели словопроизводства (ИРМС), включающей ряд частных моделей разных мыслительных уровней.

Так, ономасиологическую модель можно рассматривать как определенную схему, которая отражает ход мыслительной деятельности, направленной на выбор необходимой категории в соответствии с развернутым описанием. Данная модель отражает логическое моделирование словопроизводственного процесса: *поздравлянт* – тот, кто поздравляет; *нервозатратный* – тот, на который приходится «тратить нервы» и т. д. Она связана с процессами категоризации и субкатегоризации, т. е. мысленным соотношением объекта

или события с определенным классом, разрядом, категорией в соответствии со свойствами обозначаемого явления. Данное положение позволяет провести систематизацию анализируемого языкового материала в составе различных ономасиологических групп (ОГ).

Когнитивная модель соответствует глубинному мыслительному уровню, предполагающему выявление концептуальной организации знания: например, концептуальная схема новообразования *фальшивотаблетчик* включает базовые концепты лица (S), производимого им действия (V) и объекта, на который это действие направлено (O). Контекст позволяет «развернуть» ономасиологическую модель за счет фоновых знаний и нашего опыта: *Мы говорим сейчас о массовом явлении! Как нам защитить рынок от фальшивотаблетчиков?* (Вести) – о тех, кто занимается противозаконным изготовлением и сбытом фальшивых лекарств.

Таким образом, концептуальная организация новообразований представляет сумму знаний об обозначаемом, то есть это определенным образом организованная модель, составленная из «элементарных» концептов, которые соответствуют значимым частям производного слова. Исследование позволило заключить, что разные ономасиологические группы новообразований характеризуются различными способами концептуализации.

Своеобразными коррелятами концептуальных связей являются словообразовательные модели, включающие набор деривационных средств, «обслуживающих» определенные ономасиологические группы новообразований. Полученные данные позволяют говорить о том, что реализация каждого способа концептуализации осуществляется с помощью вполне определенного набора словообразовательных средств. Так, ономасиологическая группа *номинаций лица – производителем действия* представлена следующими примерами: тот, кто уезжает (на постоянное место жительства за границу) – *уезжант*; тот, кто цепляется (ко всем мелочам) – *цеплятор*; тот, кто взвешивает (каждое сказанное слово) – *взвешиватель*; тот, кто настойчиво предлагает купить («тол-

кает») свой товар – *толкач*; тот, кто постоянно разбрасывает свои бумаги и не соглашается их собирать – *разбрасыватель* и др.

Данная ономаσιологическая группа пополняется довольно интенсивно, наибольшую продуктивность в создании новообразований проявляет суффикс *-тель*: *ахатель, обтрясатель, пересекатель, повышатель, празднователь, произноситель, соблюдатель, щекотатель* и др. Среди других суффиксов, активно участвующих в образовании инноваций указанной ОГ, можно выделить следующие: *-щик* (*махальщик, переживальщик, хотельщик*), *-ист* (*запугист, путанист*), *-ец* (*возвращенец, даянец*).

В подобного рода словах объективируются базовые концепты лица и выполняемого им действия, причем концепт действия вербализован в основе слова, а репрезентантами лица являются суффиксы *-тель, -щик, -ист, -ец, -ант, -ач*. Способ концептуализации, выявляемый на основе отношений членов пропозиции (субъект, характеризуемый по выполняемому им действию), определяем как *процессуальный*.

Проведенное экспериментальное исследование позволило сделать ряд выводов относительно «работы» ИРМС. Для эксперимента было выбрано 10 небольших фрагментов текстов, в которых были сознательно пропущены лексические новообразования. Информантам предлагалось заполнить

пропуски, выбрав необходимые слова из индивидуального лексикона или сконструировав их. В итоге был получен самый разнообразный языковой материал. Каждое из созданных слов было рассмотрено как результат «работы» ИРМС, демонстрирующее «движение мысли» и позволяющее представить ход словопроизводственного процесса.

Сопоставляя контексты с созданными информантами словами, можно проследить, какой исходный признак оказался наиболее актуальным и послужил основой для его репрезентации в новообразовании. Те контексты, которые позволили выделить разные актуальные признаки, явились причиной большего разнообразия в ответах. Анализ словообразовательной структуры созданных слов выявил соотношение способов их образования: суффиксальный – 269 слов, контаминация – 163, сложение – 152, префиксально-суффиксальный – 32, нулевой суффиксации – 4. Разнообразие способов и средств деривации свидетельствует о том, что информанты, отдавая предпочтение одному способу, выбирают свой путь репрезентации референта. Кроме того, можно говорить о том, что словообразовательные модели новообразований являются своеобразными коррелятами их концептуальных связей. Данное положение подтверждается исследованием лексических новообразований в составе различных ономаσιологических групп.

К истории русского отглагольного имени действия

Е. Э. Пчелинцева

Черкасский государственный технологический университет (Украина)

pchele@gmail.com

Отглагольное имя действия, категория вида, семантика временной определенности.

Summary. Possible causes of disappearance of a large number of nomina actionis in the process of historical development of Russian language are discussed. It is assumed that the decay of nominal “aspectual” pairs in Russian and the emergence of significant restrictions on their derivation and use were caused by semantic changes within the verbal category of aspect.

Отглагольное имя действия в современном русском языке имеет заметные семантические и функциональные ограничения: приблизительно лишь один из 5 русских глаголов имеет соотносительное имя действия (типа *накапливать* – *накапливание*), в то время как во многих других языках (например, в английском, немецком, арабском, иврите, польском и чешском, во многих языках тюркской семьи) имена действия образуются почти без ограничений. И почему-то девербативы легко образуются от глаголов *переделать, побелить* – и не образуются от *порисовать* или *перецеловать*. Обращение к истории развития этой категории слов также вызывает множество вопросов.

Для древнерусского языка X–XIII вв. имя действия было распространенной языковой формой. Наш анализ параллельной выборки из Материалов для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского [3] и Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. [2] свидетельствует о том, что в период XI–XIV вв. имена действия свободно образуются от большинства глаголов, причем их состав существенно отличается от корреспондирующей части современного корпуса девербативов. В частности, заметно большее количество единичных имен действия словообразовательно и семантически соотносится с перфективными глаголами или с глаголами так называемого «общего» вида: они составляют около трети нашего корпуса (*изглаголение, взятие, взискание* и под.). Приблизительно 30% девербативов имеют значение неопределенного процесса или состояния (*блещание, блюдоение, веселование*), 40% – это парные образования (*жаление – пожаление, вьдание – вьдание*). Больше, по сравнению с современным русским языком, количество имен действия, соотносящихся с глаголами совершенного вида, связано, на наш взгляд, с более широкими и мягкими границами семантического пространства формирующейся категории вида в древнерусском языке. Такая неопределенность семантических границ позволяла образовывать имя действия почти от любого глагола.

Позднее, в течение XIV–XVIII вв., вместе с развитием глагольных видовых форм появляется множество парных имен действия (типа *подвязание подвязывание*), различаю-

щихся аспектуальной семантикой. Процентное распределение отглагольных имен этого периода в зависимости от их аспектуально-семантической характеристики в нашей выборке из Словаря Академии Российской [1] оказалось следующим: более 60% девербативов имеют парное по «виду» образование (типа *нагруживание – нагружение*), около 30% составляют единичные имена действия, значение которых составители словаря определяют как «продолжаемое действие» (*изубытчивание*), и менее 10% составляют единичные девербативы со значением «окончания действия» или «исполненного действия» (*сбытие*).

В течение последующих двух столетий значительное количество отглагольных имен исчезает, их парность вместе с «видовой» дифференциацией в основном утрачивается, функциональные возможности редуцируются. Так, удельный вес парных имен действия уменьшился к нашему времени минимум в 10 раз, почти исчезли единичные имена действия, соотносимые с непарным глаголом совершенного вида (в современном русском языке их осталось около 40 единиц, то есть меньше 1%). Что стало причиной таких заметных количественных и качественных изменений в составе русских отглагольных имен действия? И почему аналогичного процесса не произошло, например, в польском, чешском и других славянских языках?

По этому поводу есть следующие соображения. Согласно новейшим сопоставительным исследованиям семантики и функционирования славянского глагольного вида S. Dickey (2000), A. Varentsen (2011, 2013), грамматическое содержание совершенного вида в западных и восточных славянских языках не одинаково: в западнославянской подгруппе основным значением совершенного вида является простое понятие целостности, в восточнославянской – значение временной определенности. Несмотря на общую историю формирования этой славянской глагольной категории, семантическое пространство совершенного вида в западнославянских языках шире, чем в восточных. Но именно в западнославянских языках намного больше имен действия, и они имеют практически регулярную соотносительность по виду. Возможно, что целостность не препятствует образованию

* Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-1348.2012.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

имен действия, в то время как временная определенность оказывается несоместимой со стабильным во временном плане характером существительных. Мы предполагаем, что одной из причин распада именных «видовых» пар в русском языке и появления заметных ограничений на образование и употребление отглагольных имен действия стали семантические изменения внутри самой глагольной категории вида, постепенный дрейф перфективной семантики от обозначения целостности к временной ограниченности действия.

Эта мысль подтверждается и нашим исследованием на материале современного русского языка. Сплошной анализ продуктивности русских глаголов в зависимости от их аспектальной семантики показал, что имена действия не образуются от глаголов, содержащих семантический признак количественно-временного предела действия (*попры-*

гать, застучать, просидеть, додуматься, уездиться, надавать, перецеловать, отговорить, отлюбить и т. д.).

В докладе мы также сосредоточили внимание на выяснении вопросов, почему в современном русском языке невозможно регулярное образование отглагольных имен действия. Будет продемонстрирована особая роль типа предела глагольного действия в процессе глагольной номинализации в синхронии и диахронии.

Источники и словари

1. Словарь Академии Российской 1789–1794: В 6 т. / Гл. ред. Г. А. Гатова. М., 2001–2006.
2. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988.
3. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. I–III. М., 1893–1907.

Функциональная специфика новообразований в современных медийных текстах

Л. В. Рацибурская

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

racib@yandex.ru

Word-building, neologisms, mass-media, functions of neologisms, nominative, compressive, informative, pragmatic functions.

Summary. The paper is devoted to analysis of the functions of word-building neologisms, such as nominative, compressive, informative ones. Also in the paper some kinds of pragmatic function are characterized: expression, evaluation, game.

Новообразования в современных медийных текстах обладают определенной функциональной спецификой. Дериватологи обычно выделяют такие функции новообразований, как номинативная, компрессивная, информативная, экспрессивно-оценочная, игровая и некоторые другие.

Номинативная функция неузальных новообразований обычно ослаблена, поскольку окказиональные слова характеризуются номинативной факультативностью: за ними не закреплен определенный фрагмент действительности [1]: *С моей точки зрения, Медведев сейчас подвергается процессу, который я для себя называю «фрадковизацией»* (Московский комсомолец. РЕ. 03-10.07.2013);

Новообразования в медийных текстах способны заменять неоднословные номинации, номинируя не только отдельные реалии, но и ситуации в целом. Подобная компрессивная функция характерна прежде всего для сложных новообразований: **Охотмафия**. *Особенности арзамасской охоты: замминистра «крышует» охотмафию? <...> Сейчас мы хотим поведать читателям о том, как создается вольготная, веселая жизнь для «охотничьей мафии», – на примере Арзамасского района* (Ленинская смена, 27.06.2013). Компрессивную функцию могут выполнять и аффиксальные дериваты: **«Дегзаманизация»** вокзалов. *И. о. руководителя Департамента культуры Москвы Сергей Капков обратился к руководству Российских железных дорог с просьбой запретить исполнение песни Олега Газманова про Москву на столичных вокзалах* (Литературная газета, 03–09.07.2013). Особую группу компрессивов составляют универбаты: *А динамовцы стали чемпионами КХЛ, завоевав Кубок Гагарина. И об Александре (Овечкине. – Авт.) не забыли. Все-таки парень стал лучшим бомбардиром клуба в регулярке <...>* (Комсомольская правда, 02-09.05.2013).

Информативная функция обычно проявляется в заголовках, где новообразования позволяют читателю определить проблемно-тематическую направленность текста: **Графоманизация** *Переделькино*. *Евгений Евтушенко писал в «Российской газете» о тяжелой болезни, охватившей нашу литературу, – «графоманизацию»* (Литературная газета, 31.07–06.08.2013). Достаточной информативностью и меньшей зависимостью от контекста характеризуются неузальные дериваты стандартной словообразовательной структуры, а также некоторые нестандартные новообразования, в частности словообразовательные гибриды и графические гибриды, в которых совмещаются два узальных слова, одно из которых выделяется графически: *Все очень серьезно*. *Грозит ли нижегородцам эпидемия менингита?* (Новое дело, 04–10.07.2013) – *серозный (менингит) + серьезно*; **РЕАЛЬНЫЙ** *парень открывает Америку. В сборную России на сегодняшний матч с командой США вызван футболист звездного мадридского «Реала» Денис Черышев* (Комсомольская правда, 14.11.2012). Следует отметить, что номинативная, компрес-

сивная, информативная функции редко выступают в изолированном виде. Как правило, новообразования с такими функциями выделяются своей яркой экспрессивностью.

В связи с возрастанием влияния СМИ на массовое сознание носителей языка актуализируется прагматическая функция новообразований, проявляющаяся в непосредственном воздействии на адресата с целью изменения его ценностно-мировоззренческих установок, ментальных и поведенческих актов и связанная с ингерентной, структурно-обусловленной экспрессивностью, которая зависит от степени стандартности новообразования [1: 24]; ср.: *суперурожай, суперпраздник и суперПиночет, супер-шесть, супер-докторская диссертация*. Экспрессивный характер неузальных дериватов в медийных текстах делает их ярким средством языковой игры как креативной составляющей современной журналистской практики: **Нью-Трезвяки**. *От старых новые вытрезвители отличаются лишь одним: во многих из них не нужно платить за пребывание* (Московский комсомолец. РЕ, 10–17.07.2013), ср.: **Нью-Васюки**; *...но деньги работники получают не в натуральном выражении, на них будут приобретены акции все того же РУСАЛа, каковыми ценными бумагами и замотивируют коллектив <...> Скорее это коллектив олигарха за такую заботу заМАТивирует* (Собеседник, 2013, № 26); *Сноуден? Операция РРикрывает* (Комсомольская правда, 10.07.2013).

Усиление личностного начала в современных медийных текстах проявляется в активном словотворчестве журналистов, использующих новообразования как эмоционально-оценочное средство. Наличие и характер оценки в новом слове зависят от лексико-стилистической характеристики мотивирующего слова, семантики и стилистической окраски аффиксов, степени стандартности словообразовательной структуры неологизма, а также от контекста в целом: **Культуррейдеры**. *<...> В 2004-м нарисовался в Москве мега-нафосный Гари Татинция, открыл на Ильинке мега-амбициозную Tatintian Gallery Inc.* (Завтра, 2013, № 28); **Стебичики** – *это слуги антиэлиты, развивающие inferнальную журналистику* (Литературная газета, 10–16.07.2013); *В общем, жизнь у меня страшиноватистая!* (Литературная газета, 10–16.07.2013).

Иногда отрицательное отношение автора перерастает в речевую агрессию, т. е. «жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме» [2: 24]; *<...> в вольном Интернете объединенный футбольный турнир России и Украины уже называют не иначе как Обье-ball* (Собеседник, 2013, № 25); **Потреблятство**. *В кого мы превращаемся, поводя часы и дни в торговых центрах?* (Новое дело, 11–17.07.2013); **Саркозёл** *отпущения*. *Николя Саркози проиграл президентские выборы во Франции* (Завтра, 2012,

№ 20). «Излишнее стремление к аффектации может повлечь за собой речевую агрессию, вульгарность высказываний, чрезмерное употребление лексики со сниженной стилистической окраской» [3: 73].

Как показывает анализ новообразований в современных медийных текстах, функциональная специфика неязыковых дериватов определяется спецификой их «оказанного бытия», интенциями автора текста, а также структурными особенностями результатов медийного словотворчества. Во многих случаях новообразования являются полифункциональными конструктами, так что дифференциация

функций в каждом конкретном случае связана с определенными трудностями, да и не всегда целесообразна.

Литература

1. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.
2. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М., 2011.
3. Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А. Саркозел или Жепардьё? Об эффектах словотворчества в медийных текстах // Журналист, 2013. № 9. С. 72–73.

Слова с неполным набором словообразовательных коррелятов и грамматических форм в русском языке и их элимантемы в романе В. В. Набокова «Приглашение на казнь»

В. Н. Рябов, I. Lux

Кубанский государственный университет (Краснодар)

zest90_00@mail.ru

Лакуна, необычные слова и формы слов, контекст, мотивация, семантика.

Summary. The dependence of formal-semantic structures and combinatory perspectives of lacunas becomes clear from their co-relation in an individual's head with the words, motivating them and filling them in, with the presupposition of their semantics, by the whole text. It is very important that the motivation of the derived word is determined not only with the semantics of the motivating word, but with the presupposition existing in the text.

Необычные слова и формы слов – это образования, реально не существующие в языке, но потенциально готовые, а потому и реализуемые в речи, в том числе речи художественной. Они как лексический элемент реализуют семантические установки текста, соотносятся с сознанием его автора и возможных читателей, являются результатом их личностных предпочтений. Именно они определяют специфику художественных произведений многих русских писателей. Такие речевые образования зачастую «возмущают» строгость и стандартную однозначность формально-семантических отношений в словесных единицах языка, в известной мере осложняют и затрудняют их изучение и освоение, но эти же слова и формы слов предопределяют характер возможных изменений в языке, составляют важную часть изобразительного богатства и возможностей русского языка.

У В. В. Набокова в его произведениях не много слов, обращающих на себя внимание читателей необычностью форм и семантического наполнения, построенных не по общим правилам русского формо- или словообразования. Тем не менее, и у него они есть. В роман «Приглашение на казнь» они привлечены с той целью, чтобы явственно обозначить, представить свое вечное стремление к сложному, чтобы рассказать, как сложно человеку быть свободным. Зачастую суть мастерства писателя заключается в конструировании, употреблении «сложных слов», которые состоят из слов, имеющих в системе русского языка. Соединение этих слов, как правило, привлекает внимание читателей необычностью соединения понятий. Находясь в тюрьме и готовясь к неминуемой, дабы не потерять честь и совесть, казни, главный герой Цинциннат зримо видит, как это с ним случится: «И часто у меня звучит в ушах мой будущий всхлип и страшный клокочущий кашель, которым исходит свежее безглавленный». Как видим, соединение составляющих сложного слова не нарушает языковую или речевую норму и, что особенно важно, не действует «разрушительно». Понятно, что от новообразования веет ужасом, страхом, но именно для этой цели писателем оно и было сконструировано. Восприятие сложных слов в романе у В. В. Набокова почти всегда не вызывает затруднений.

Сразу два существительных на *-ость*: *тюремность* и *мякость* – встречены нами в романе «Приглашение на казнь». Однако это очень разные слова. Слово *тюремность* необычно тем, что придумано писателем как образование, созданное с помощью абстрактного суффикса *-ость* не от качественного, а от относительного прилагательного. Такой способ образования существительных в русском языке не редок и, конечно же, обуславливается ситуацией. У В. В. Набокова слово *тюремность* употреблено с целью рассказать читателю в эмоционально полном объеме, как живет Цинциннат в месте содержания лиц, лишенных свободы, т. е. в *тюрьме*. Писатель пишет: «Голо, грозно и холодно было в

этом помещении, где свойство *тюремности* подавлялось бесстрашием». В. В. Набокову важно подчеркнуть, что *тюремность* – это особое состояние, которое человек может испытать, только находясь, только побывав в месте заключения, в месте содержания арестантов, и никак иначе. Введено оно в текст романа из желания описать нетерпимость, безысходность той ситуации, в которой пребывает главный герой.

Что касается существительного *мякость*, то оно, наверное, более необычно, чем предыдущее. Как средство заполнения интраязыковой лакуны, оно может быть рассмотрено с некоторой натяжкой. Имеем в виду, что трудно обнаружить основу, от которой это слово могло бы быть произведено. Слово *мякость* у В. В. Набокова – это не абстрактное существительное, а обозначение некоторого места на теле человека, появившегося после того, как эту, скажем так, часть долго и крепко мяли. Скорее всего, слово *мякость* образовано чересступенчатым способом, минуя стадию прилагательного, структуру которого и предугадать, представить если и не невозможно (типа мякий), то крайне затруднительно. Встречаем мы существительное *мякость* в следующем контексте: «Скажи мне, сколько рук мяло мякость, которой обросла так щедро твоя твердая, горькая, маленькая душа?» В итоге, значение слова *мякость*, по-видимому, могло бы выглядеть так: «некоторое поддающееся влияниям состояние человека после того, как его нещадно подвергли тяжелейшим испытаниям». Нам важно понимать, что не мог В. В. Набоков обойтись без этого, придуманного им слова, нарушающего основы системных отношений в русском языке, не стал он заменять его синонимом. Способность человека на плохое, пусть и после долгих истязаний самого разного толка, по В. В. Набокову, – это *мякость*. Писатель право на это слово отстоял всем содержанием романа.

Рассказывая об «убранстве» тюремной комнаты Цинцинната, В. В. Набоков с помощью необычных деепричастий плачется и лучась в пределах одного небольшого контекста обращает внимание на детали. Писатель пишет: «И стол поднимался, как пологая алмазная гора, и в туманах плафонной живописи путешествовала многорукая люстра, плачась, лучась, не находя пристанища». В приведенном примере люстра ведет себя как живой организм: у В. В. Набокова она умеет и плакать, и лучиться, и находить, по-видимому, или не находить себе пристанище, совершая такие поступки не напрямую, а в качестве некоторого сопровождения с помощью деепричастий, как дополнение к главному – «люстра путешествовала». Деепричастие плачась, исходя из требований грамматической нормы, скорее всего, допускает целесообразность видения этой формы глагола в качестве образованной от глагола плакаться, а не плакать, так же как и деепричастие лучась от глагола лучиться, существующего в реальных употреблениях только в возвратной форме. В ре-

зультате выходит, что деепричастия плачась и лучась в предложенном контексте не просто глагольные формы, но и слова, способные приобретать семантические вкрапления разного качества в зависимости от особенностей контекста. Самое главное, что люстра в тюремной камере путешествовала, «плачась и лучась», только с точки зрения главного героя, т. е. того, кто в ней находился. Другое дело, насколько согласится читатель с таким видением особенностей люстры.

Таким образом, потенциальные, так называемые необычные слова и формы слов в романе В. В. Набокова «Пригла-

шение на казнь», с одной стороны, позволяют видеть ограничения в образовании грамматических и словообразовательных форм слов, причины существования интраязыковых лагун, а по сути проанализировать системность языка в части собственно грамматики и словообразования. С другой стороны, они позволяют описать механизмы элиминирования интраязыковых лагун, т. е. слов с неполным набором грамматических форм и словообразовательных коррелятов в русском языке, а, значит, и выявить в как можно большем объеме место интраязыковых лагун в системе грамматических и лексических значений и условий реализации.

Специфические способы создания окказионализмов в современных медийных текстах

Н. А. Самыличева

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

nasa85@yandex.ru

Word-building game, rederevation, morpheme's emancipation, occasionalisms, mass-media.

Summary. The paper is devoted to analysis of occasionalisms' specific creation, such as rederevation and morpheme's emancipation. These rare variations of the word-building game are characterized by expressiveness and are distinguished by their unusual structure.

Окказионализмы в современных медийных текстах образуются различными способами. Однако среди типовых, узуальных или собственно окказиональных способов создания новообразований выделяются такие специфические, как редеривация и эммансипация морфемы.

Редеривацию, или обратное словообразование (И. С. Улуханов), относят к так называемой нелинейной деривации (Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава), т. е. к таким словообразовательным способам, «при которых формант не присоединяется, а наоборот, удаляется из мотивирующего слова (происходит усечение)...» [2: 107].

В текстах современных СМИ встречаются случаи редеривации, когда в контексте приводится производящее, в котором отсекается та или иная морфема. Так, окказионализм «возмездно» функционирует в одном предложении со своим производящим – наречием *безвозмездно*: *...провести метро в Сормово от станции «Буревестник» можно дешевле и легким способом – по земле <...> Но для этого нужно, чтобы <...> земельный участок Горьковской железной дороги – был передан в муниципальную собственность. Либо «**возмездно**», либо **безвозмездно** (Московский комсомолец в Нижнем Новгороде, 23.03.2011).*

Для актуализации контекста журналисты часто прибегают к прецедентным именам. Так, редериват *Бедоносец* образован путем отсечения произвольной части корня *по-* (этимологически вычленившийся префикс) в слове *Победоносец*: *Георгий Бедоносец. Нижегородский студент шестой год сидит в тюрьме за преступление, в котором сознался другой человек (Новое дело, 09–15.06.2011).* В окказионализме тем самым актуализируется сема 'беда'.

Новообразование *снегурок* создано путем обратной деривации от узуальной лексемы *снегурка*: *Снегурок в платье (Аргументы и факты – Нижний Новгород, 29.12.2010–12.01.2011).*

Окказионализмы как результат редеривации представляют немногочисленную разновидность словообразовательной игры, но характеризуются при этом яркой экспрессивностью и выделяются своей необычной структурой.

Эмансипация морфемы, встречается также достаточно редко в текстах СМИ в силу своей специфичности. Деривационные аффиксы или аффиксоиды «освобождаются» и используются как самостоятельное слово. Для обозначения этого явления ученые используют термин «высвобождение аффиксов и других частей слова» – Е. А. Земская, «самостоятельное использование деривационных аффиксов и аффиксоидов в функции полнозначных слов» – Н. А. Янко-Триницкая, «лексикализация аффикса» – А. Ф. Журавлев, «эмансипация морфем» – Н. А. Николина. Экспрессия данного способа заключается в том, что деривационный элемент самостоятельно, в изолированном виде, проявляет свое собственное значение. Как отмечает И. С. Улуханов, мотивирующими словами в таких случаях следует считать те слова, из которых извлекается служебная морфема, а формантом – отсечение всей остальной части мотивирующих слов [3: 55].

За последнее время в современных медиа-текстах были отмечены такие префиксальные эмансипированные морфе-

мы, как *эко*, *нано* и *космо*. Случаи высвобождения суффиксальных морфем в современных СМИ не отмечаются.

Освобождение аффиксоида *эко-* вполне объяснимо, поскольку экологические проблемы очень остро звучат в современном обществе и образуется достаточно большое количество неологизмов и окказионализмов при помощи данного элемента. *Бросить молодежь на «эко»... молодые парламентарии вольны сформулировать свои законодательные инициативы по улучшению экологии великой реки [Волги. – Н. С.] (Московский комсомолец в Нижнем Новгороде, 25.05–01.06.2011).* Морфема *эко* в данном контексте заменяет узуальное *экология*, став, по сути, синонимичным сокращенным вариантом узуальной лексемы. То же значение наблюдается в следующем примере: *Эко за эко: материалы для экологичного интерьера <...> Готовы ли вы отнестись себя к числу **эко-покупателей** или предпочтете наслаждаться синтетическими аналогами? (www.homenino.ru, апрель 2013).*

К разряду «ключевых» морфем в современном словообразовании следует отнести префиксоид *нано-* в значении «равный одной миллиардной доле указанной единицы» [1]: *Все только и говорят про нано-что-то-там, и мне хочется поучаствовать в общем веселье. <...> И все-таки для гуманитариев найдется своя ниша во всей этой нановакханалии – ведь, к счастью для нас, слово «**нано**» давно живет своей интересной жизнью, никак не связанной с физическими исследованиями. Вот этой-то языковой нанореальности и посвящены мои наномысли. Сегодня «**нано**» – передний край словообразования <...>. Похоже, эту приставку можно присоединить к любому слову – и будет толк (Русский репортер, 22–29.05.2008); Дом и **нано** в нем. К 2015 году на Нижегородской улице в Таганском районе Москвы вырастет необычная жилища многоэтажка. Ее уже окрестили нанодомом. Здание от чердака до подвала напичкано нанотехнологиями. (Комсомольская правда, 01.11.2013).*

Согласно данным современных словарей, аффиксоид *космо-* вносит в сложное наименование значение «космический» [1]. Но эмансипированная морфема «*космо*» в обнародованном контексте приобрела значение, связанное с явлением космополитизма, т. е. «идеологией, проповедующей отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма, отрицающей государственный и национальный суверенитет и выдвигающей идеи „мирового государства“, „мирового гражданства“» [1]. *Сергей, почти все участники Cosmocats родом не из Нижнего. А вместе вы ощущаете себя нижегородской группой? – Основой нашего бэнда всегда была любовь к совместной игре, к джему без стиливых рамок. И когда я предложил для него название Cosmocats, кстати, больше в шутку, я как раз хотел оторваться от любых привязанностей. Ощущение «**космо**» естественно гармонировало с «*космополитом*» (Новая газета в Нижнем Новгороде, 05.06.2009).*

Окказионализмы как результат редеривации и эмансипации морфемы, как показывает анализ масс-медийных текстов, представляют немногочисленную разновидность словообразовательной игры, но характеризуются при этом яр-

кой экспрессивностью и выделяются своей необычной структурой.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2009 [http://www.gramota.ru/slovari/dic.

2. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гузунова Д. В. Неология и неография современного русского языка. М., 2005.
3. Улукханов И. С. Единичные словообразовательные системы русского языка и их лексическая реализация. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008.

Метонимическая мотивация

как один из механизмов порождения качественного значения прилагательного

М. В. Сандакова

Нижегородский государственный технический университет им. П. Е. Алексеева

sandamarina@yandex.ru

Качественное прилагательное, лексическое значение, метафора, метонимия, словообразовательная мотивация.

Summary. One could distinguish the following types of adjectival derivative motivation: a) metonymic motivation (*кассовый фильм, адресная помощь*); b) associative-metonymic motivation (*кухонное диссидентство, чемоданное настроение*). This motivation is one of the mechanisms of generating a qualitative meaning.

Среди разнообразных путей формирования качественного значения прилагательного наиболее типичным считается метафора.

Качественное метафорическое значение обычно является результатом семантической деривации (*глубокий ум*) или словообразования.

Словообразовательные пути появления метафорического значения разнообразны. Иногда оно наследуется производным прилагательным от производящего слова, то есть имеет место отраженная метафора, ср. *рыцарское поведение*, см. [1]. Другой путь – возникновение метафоры в самом словообразовательном акте. Явления такого рода, получившие описание в лингвистических работах (например, метафорическая мотивация [4], ассоциативная мотивация [8], переносная и образная мотивация [2] и др.), наблюдаются, в частности, в сфере прилагательного, ср. *плакучий, мешковатый*.

В то же время мотивация, связанная с метонимическим переносом, пока описана гораздо меньше. Так же, как и метафора, метонимия в качестве семантической базы мотивации служит источником формирования качественности. Остановимся на адъективном словообразовании, базирующемся на метонимических переносах.

1. Мотивация метонимическим значением

Метонимическая мотивация происходит гораздо реже по сравнению с метафорической. «Метонимические значения в основном относятся к числу ненаследуемых производными словами от производящего. Это связано с тем, что те или иные типы метонимических значений бывают характерны лишь для определенной части речи» [1: 82].

Среди прилагательных мотивация метонимическим значением встречается также нечасто. Она может оставить прилагательное в разряде относительных: *воротник из лисы – лисий воротник*. В других случаях возникает производное, как правило, с качественным значением.

Например, *кассовый фильм* (ср. относительное значение *кассовый аппарат, чек*). У существительного *касса* есть метонимическое значение ‘денежная наличность учреждения, предприятия’ [6]. Качественное значение прилагательного мотивировано метонимическим значением ‘денежная наличность’, которое есть у слова *касса*, осложняемым ситуативными ассоциативными признаками ‘прибыль’, ‘доход’.

Головное чувство, произведение (ср. относительное значение *головная боль*). У существительного *голова* есть метонимическое значение ‘ум, сознание; рассудок’ [6], которое и является мотивирующим для *головной* как ‘идущий от сознания, рассудка; рассудочный’ (устар.) [6]: *...Женщина с «головной» любовью просто из принципа не могла бросить в беде обожаемого кумира ...* (Л. Сараскина. Достоевский.)

Аналогично: *адресная помощь, льготы, направление бюджетных средств* (ср. *адресная книга*). У существительного *адрес* есть недавно зафиксированное метонимическое значение ‘конкретный объект, к которому обращено, которому предназначено что-либо. Провести ревизию адресов социальной помощи’ [7]. *Адресный* имеет значение ‘обра-

щенный к определенной группе лиц, предназначенный им’ [7]: *В Москве утверждена адресная инвестиционная программа на 2013–2015 годы* (Российская газета. 26.02.2013.)

2. Ассоциативно-метонимическая мотивация

Назовем ассоциативно-метонимической мотивацию прямым значением, семантически осложненным по принципу метонимии. Такая мотивация – явление более распространенное по сравнению с чисто метонимической.

Например, *кухонные разговоры, дискуссии, диссидентство* (ср. относительное *кухонная посуда*). В советское время *кухня* стала связываться с представлениями о дружеском доверительном общении, откровенных разговорах на темы, которые невозможно было обсуждать вслух в официальной обстановке. *Это антиподство сыграло с нашими эмигрантами известную шутку. Кухонный вольнодумец – призвание экстерриториальное. Штаты были анти-СССР.* (М. Веллер. Ножик Серёжи Довлатова [Национальный корпус русского языка].) *Вряд ли гудевший от песен Академгородок с его полудозволенной свободой, кухонной фрондой и полудночными спорами был для него оптимальной средой.* (Д. Быков. Булат Окуджава.)

В основе ассоциативно-метонимической мотивации может лежать символ. Например, *хлеб* символизирует сытость, достаток, богатство. Отсюда значение прилагательного *хлебный* ‘выгодный, доходный, прибыльный’ (перен. разг.) [6]: *хлебная должность, ремесло, место*.

Ассоциативно-метонимическая мотивация нередко сопряжена с метафорической. Так, в переносном значении *палочный* (*палочная дисциплина, режим*) ассоциативно-метонимический элемент (*палка – удар – наказание, насилие*) осложнен метафорой (‘как будто основанный на палке, на побоях’). На явление осложнения метонимии метафорой в производном обращено внимание в работах [3]; [5].

Ассоциативно-метонимическая мотивация встречается у прилагательных с фразеологически связанными значениями, например: *квасной патриотизм, площадная брань, сарафанное радио, чемоданное настроение*.

Литература

1. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
2. Земская Е. А. Классы производных слов // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004. С. 120–196.
3. Козинцев С. Б. Словообразовательная метафора в русском языке. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. М., 2009.
4. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Лопатин В. В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку. М., 2007. С. 267–271.
5. Огольцева Е. В. Образный потенциал словообразовательной системы современного русского языка (отсубстантивное словообразование). Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2007.
6. Словарь русского языка: В 4 т. (МАС) / Гл. ред. А. П. Евгеньев. М., 1985–1988.
7. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика (ТСАЛ) / Под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2006.
8. Улукханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2010.

Аналитическое усилие современного русского языка

Е. В. Сенько

Северо-Осетинский государственный университет (Владикавказ)

senkoelena@yandex.ru

Префиксоид, аналитизм, агглютинация, система, типологическая особенности.

Summary. The report analyzes the trend to analytism, manifested in the active formation of analytical nature of the word-formative model «prefixoid + word». It is asserted that in the modern Russian language префиксоиды are existing system with clearly defined system-formative relations. This trend is determined by the intensification of the features of agglutination in the structure of the derived word and has typological impact on the Russian language, as well as slightly changes the angle of world perception.

Общеизвестно, что в истории каждого этноса есть эпохи, особенно резко меняющие его жизнь и соответственно его языковую систему. Конечно, среди всех уровней составляющих языка его словарный состав наиболее динамичен. Однако и словопроизводство проявляет себя в настоящее время достаточно активно. Это не есть случайность: словообразование в высшей степени подвижно, в его системе заложены большие потенции, реализация которых практически не ограничена.

Речь идет о морфолого-деривационном аспекте тенденции к аналитизму, проявляющемся в активном формировании словообразовательных типов, аналитичных по своей природе, а именно словообразовательном типе «префиксоид + слово».

Во-первых, актуальность данного словообразовательного типа иллюстрирует количественная представительность префиксоидов в русской языковой системе: из 870 аффиксоидов, зарегистрированных в словаре «Аффиксоиды русского языка» (СПб, 2009), 684 примера составляют префиксоиды: *евро-*, *ино-*, *нарко-*, *рок-*, *этно-* и др.

Количественные показатели, безусловно, важны не сами по себе: они свидетельствуют о качественных параметрах статуса рассматриваемых структурных элементов. Имея это в виду, отметим, что префиксоиды стали играть весьма значительную роль в языковом сознании современной эпохи. Фактически почти все секторы отображаемой в языке действительности стали доступны для префиксоидов. Безусловно, очевидны современные языковые предпочтения, отражающие соответствующие им современные социальные вкусы российского общества: интерес и внимание к ранее нетипичным для России формам организации хозяйственной деятельности, научным исследованиям в области естественно-технических проблем, нетрадиционным явлениям в социальной структуре, новым направлениям в сфере искусства.

Каждый структурный элемент, приобретший статус префиксоидности, имеет свою историю становления, в результате которой в общей системе языка сформировалась подсистема семантически значимых компонентов слов гибридного – аффиксально-корневого – характера, демонстрирующих сложившиеся системные связи разного типа.

Прежде всего наглядно представлены связи семантического характера как на уровне отдельных префиксоидов, так и на уровне межпрефиксоидных взаимоотношений. Для многих префиксоидов характерны семантические сдвиги, позволяющие их расценивать как семантические инновации. Префиксоид *бит...*, например, развил новое значение ‘относящийся к битникам’: *битпоколение*, префиксоид *нарко...* – ‘относящийся к наркодолларам’: *наркопрачечная* (о банках, работающих с незаконно полученными деньгами).

Наряду со связями семантического типа действуют системные связи, определяемые разным характером функционирования единиц языка. Можно отметить и группы префиксоидов, объединяемых стилевой принадлежностью. Помета *разг.* сопровождает префиксоиды, встречающиеся в составе лексических единиц, предназначенных для выполнения функции общения и являющихся одной из основных частей лексико-семантической системы функционального разговорного стиля: *дрыг...* ‘низкопробный’ (*дрыг-эстрада*), *мак...* ‘относящийся к Макдоналдсу’ (*мак-изобретательность*), *разлюли...* ‘с высшей степенью проявления чего-либо’ (*разлюли-хулиганчик*), *сюр...* ‘абсурдный, нелепый’

(*сюрплас*), *ух...* ‘выражающий удивление, восхищение величиной, силой чего-либо (вызывающий такие чувства)’ (*ух-команда*).

Таким образом, префиксоиды представляют собой сложившуюся систему, которая взаимодействует с другими подсистемами и с общей системой языка в целом, оказывая на нее определенное и достаточно сильное воздействие, а именно утрачивается способность эксплицитно выражать морфолого-синтаксические отношения между компонентами сложного слова.

Следовательно, тенденция к аналитизму активизировалась под влиянием усиления черт агглютинации в структуре производного слова, вследствие этого в современном русском языке активно формируются словообразовательные типы, аналитичные по своей природе.

Каковы мотивы, определяющие столь заметные аналитические усилия современного русского языка?

Интенсивные процессы в современном русском словопроизводстве объясняются причинами экстралингвистического характера. Безусловно, происходит активное влияние английского языка на русскую языковую систему. В рамках интенсивно протекающего сейчас процесса глобализации указанное обстоятельство представляется вполне естественным и положительным с точки зрения межязыковой коммуникации.

Вместе с тем новые композиты находят поддержку и в русском грамматическом строе, о чем свидетельствуют исконно русские и далеко не новые образования типа *сон-трава*, *перекати-поле*, *царь-девица*, *царь-колокол* и т. п.

Влияет ли значительное увеличение сложных слов с префиксоидными морфемами на типологические характеристики современного русского языка?

Русский литературный язык конца XX – начала XXI века, несомненно, накапливает черты аналитизма, тем самым проявляет движение в его сторону. Префиксоидные новообразования, подобно свободным словосочетаниям, легко образуются в процессе речи, что не характерно обычным сложным словам, при этом возникают однотипные ряды дериватов с одним и тем же формантом. Как указывает Е. В. Петрухина, «экспансия подобных композитов... поддерживает появление чуждых русскому языку аналитически многочленных конструкций с грамматически невыраженными синтаксическими отношениями между их составляющими... типа *немолукс гель сода эффект...* Активность префиксоидных сложных оказывает типологическое воздействие на русский язык, меняя способы выражения атрибутивных отношений в именной группе».

В связи с тем, что синтетизм и аналитизм – два противоположных гносеологических способа, вопрос об усилении аналитизма в современном русском языке связан с о изменениями в восприятии человеком окружающей действительности и своеобразным преломлением этой действительности в структуре языка.

Таким образом, в современном русском языке на словообразовательном уровне активизировалась тенденция к аналитизму, что обусловлено усилением черт агглютинации в структуре слова. Большая степень семантико-структурной дискретности морфем отражает тенденцию к расшатыванию морфологических механизмов, способствует независимости морфемы в пределах производного сложного слова. Данная линия языкового развития несколько меняет и угол мировосприятия.

Лингвистический перформанс: «модные слова» в языковой игре

О. А. Субботина

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

subbotiny08@mail.ru

Языковой перформанс, языковая игра, новообразование, нестандартное слово, окказионализм.

Summary. Creative activity of a speaking individual is presented with the opposition of language competence and language performance. The research deals with lexical innovations and their new formation derivatives that identify fashion words. They are language units that represent language game as one of the basic components of language performance.

Одну из наиболее ранних лингвистических интерпретаций понятие «перформанс» (англ. performance – «представление, выступление, игра») получает в труде Н. Хомского в связи с тем, что в центре интересов языкознания вновь оказался творческий аспект языкового употребления [Chomsky, 1966]. Оппозиция performance (употребление языка) – competence (усвоение языка) демонстрирует конкретную реализацию усвоенных слов в условиях творческой активности говорящего субъекта. Следующим этапом языкового перформанса является восприятие произведенной речи, что обуславливает формирование коммуникации в системе одного языка: «как в механизмах восприятия, так и в механизмах производства речи должна использоваться глубинная система порождающих правил. Коммуникация становится возможной лишь потому, что глубинная система оказывается одинаковой у говорящего и слушающего...» [Хомский, 2005: 140]. Понимание языковой коммуникации как перформанса мыслится допустимым в соответствии с определением Р. Шехнера, который интерпретирует перформанс как «деятельность, производимую индивидуумом или группой в присутствии и для другого индивидуума или группы» [Schechner, 1988], где вербальная составляющая может иметь базовое значение. Иными словами, если в широком смысле перформанс – игра, то формой языкового перформанса является языковая игра: «язык и действие, с которым он переплетен» [Витгенштейн, 2003: 227].

Языковая игра, являясь результатом аксиологического, творческого оценивания действительности, в большой степени связана с эмоциональной и ассоциативной речевой деятельностью человека. Гибкость и динамичность системы русского языка позволяют в итоге создавать нестандартные новообразования, являющиеся объектом пристального исследования многих лингвистов (Н. Г. Бабенко, Г. О. Винокура, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Р. Ю. Намиотоковой, Т. С. Пристайко, Л. В. Рацибурской, И. С. Улуханова, Н. А. Янко-Триницкой). Потенциальные слова, нестандартные слова, окказионализмы и неологизмы представляют собой продукт дискурсивных компетенций, характерных для участников языкового перформанса. Однако вопрос о терминологической детерминированности новообразований до сих пор является дискуссионным в современной неологии [Пристайко, 2009]; [Шишкина, 2010]. Предлагаются следующие варианты решения:

1) все речевые образования являются окказиональными независимо от того, созданы они по деривационным законам языка или с нарушением этих законов. При таком решении потенциальные слова являются разновидностью окказиональных; 2) среди речевых новообразований следует различать потенциальные слова как соответствующие языковой норме и окказиональные образования как противоречащие норме в той или иной степени [Бабенко, 1997]; 3) новообразования, созданные в соответствии со словообразовательным типом, предлагается считать стандартными, а созданные с нарушением словообразовательных правил и закономерностей – нестандартными. При этом новообразования, созданные с отклонениями от словообразовательного типа на один параметр, частично нестандартными первой

степени, на два параметра – частично нестандартными второй степени, на три параметра – частично нестандартными третьей степени. Новообразования, созданные вне словообразовательных типов, рассматриваются как полностью нестандартные [Намиотокова, 1986]; 4) встречающиеся в речи индивидуальные новообразования, присущие только данному контексту, называются окказиональными словами, или окказионализмами. Отличие таких слов от новых слов, вошедших в язык, ставших общеупотребительными (неологизмов), состоит в том, что они создаются в речи, а не воспроизводятся как готовые единицы языка [Русская грамматика: 137]. Это, так называемые, «нарушители законов (правил) общеязыкового словообразования» [Земская, 1992: 180].

Каждая из указанных языковых единиц нуждается в дополнительном когнитивно-ономасиологическом исследовании, однако, взятые в совокупности, они представляют лексические и деривационные инновации, сформировавшиеся в результате языкового перформанса.

Наибольшей пронизываемостью для подобного рода номинаций отличается язык интернет-коммуникации, характеризующийся, как известно, динамичностью, экспрессивностью и ориентированностью на формирование общественной мысли. Особый интерес вызывает изучение семантико-деривационного потенциала «модных слов» [Комлев, 1992]; [Колесов, 2004]: «...новизна и массовость употребления являются достаточными для обыденного языкового сознания, чтобы считать эти единицы модными» [Мустайоки, Вепрева, 2006: 50]. Кроме того, проецируется игровой параметр модного слова: скоротечность жизни слова приводит к замене его лексической номинации другой, как правило, заимствованной единицей в новых условиях языкового перформанса. К таким языковым единицам и их «модным» производным можно, например, отнести: *марка / бренд – брендовенький: «оказывается и такое прилагательное есть в русском языке «брендовенький»* (www.nashdaugavpils.lv/rus/blog); *направление / тренд – трендовый – трендовенький: «играют ребята милый трендовенький арт-панк и дэнс-рок»* (nashkiev.ua); *личность / харизма – харизмоватый: «харизмоватый нахал (о политике)* (eggs.com.ua); *дело / бизнес – бизнесоватый: «...неглупый, вполне харизматичный (жужликовато-бизнесоватый и одновременно интеллигентный плейбойчик – на женского избирателя...»* (langobard.livejournal.com); *неудачник / лузер – лузероватый: «но главное – пациенты – люди, в-основном, лузероватые, лузернутые и лузера»* (newpsychology.info). Высокий деривационный потенциал модных слов, формирование мутационно-модификационных словообразовательных значений свидетельствует об их прочной фиксации, усвоении в метаязыковом сознании участников такой языковой игры, как: «Я прекрасно знаю, что ты уже знаешь это слово, и хочу показать, что и я знаю его; я ведь современный человек» [Мустайоки, Вепрева, 2006: 61].

Таким образом, деривационные новообразования в рамках лексических инноваций являются своеобразной идентификацией модных слов, которые формируются в ходе языковой игры – базовой составляющей лингвистического перформанса.

Деривационная избыточность в сфере образования русских *nomina abstracta* как источник средств коммуникативного ранжирования

М. Б. Ташлыкова

Иркутский государственный университет

taschlykoff@mail.ru

Номинализация, семантика, синтаксическая деривация, фокализация.

Summary. The present paper investigates the phenomenon of derivational redundancy in the domain of word-formation of *nomina abstracta*, i. e. coexistence of a few deverbal / deadjectival nominals (*nomina actionis* / *nomina qualitatis* respectively) within the same word family. Such nouns as *podrazhanie – podrazhatel'stvo – podrazhatel'nost'* are traditionally regarded as products of nominalization,

consequently they are expected to be semantically identical. Instead, in many cases they have semantic, pragmatic and communicative specificity. It is argued that such lexical units are able to function as a means of focalization, i. e. thematic highlighting.

0. **Предметом** анализа в данной работе является феномен деривационной избыточности в сфере производства *nomina abstracta*, то есть случаи сосуществования в составе одного словообразовательного гнезда нескольких отглагольных имен действия (*nomina actionis*, далее *NA*) или отадекативных имен признака (*nomina qualitatis*, далее *NQ*), ср.: *беднота* – *бедность*, *гуманность* – *гуманизм*, *подобострастие* – *подобострастность*, *подражание* – *подражательство* – *подражательность*, *привычка* – *привычность*, *терпение* – *терпеливость*.

1. Такие существительные традиционно считаются результатом синтаксической деривации, или номинализации. Если иметь в виду классические представления об этом явлении как о процессе транспонирования исходного смысла в новую грамматическую форму, следует ожидать, что названные единицы будут обладать тождественным лексическим значением. Их семантическая близость в отдельных случаях действительно имеет место, однако значительно чаще эти существительные не обладают способностью к взаимозаменяемости, используя для высвечивания разных граней определенного концепта. Попытка эксплицировать эти различия и предложить их системное описание составляет **первую задачу** настоящей работы.

2. Особый интерес представляют те случаи, когда в состав глагольного гнезда входят несколько отвлеченных существительных, одни из которых являются собственно отглагольными, другие – отадекативными: *подражание*, *подражательство* (от *подражать*) и *подражательность* (от *подражательный* ← *подражать*). Материал такого рода является собой область пересечения глагольной и адекативной семантики. Выявление специфики взаимодействия процессуального и признакового начала в семантической структуре анализируемых имен составляет **вторую задачу** работы.

3. Анализ *NQ* и *NA* имеет давнюю традицию как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Большое внимание уделяется исследованию синтаксического потенциала таких единиц; активно обсуждаются проблемы наследования отглагольным именем глагольных категорий, способы кодирования актантов в номинализации; устанавливается

роль номинализованного предиката в организации дискурса; *NQ* и *NA* рассматриваются в связи с проблемой распределения информации в тексте, ее «упаковки» и сжатия, фокусировки и профилирования, связности и когерентности текста и т. д.

При этом собственно семантические вопросы находятся на периферии исследовательского внимания. Между тем, насколько известно, системное обследование всего массива русских *nomina abstracta* не проводилось; утверждение о их безусловном семантическом тождестве с производящим (глаголом или прилагательным) сформулировано в значительной степени априори и требует проверки и осмысления. Факты деривационной избыточности (типа *привычка* – *привычность*, *случай* – *случайность*, *высокомерие* – *высокомерность*) являются дополнительным вызовом для постановки соответствующей исследовательской задачи. Детальное описание отдельных единиц, ориентированное на выявление их семантической, прагматической, коммуникативной специфики, позволит, как кажется, внести определенный вклад в решение этой задачи и – в конечном счете – уточнить некоторые представления о феномене синтаксической деривации, что составляет общую **цель** работы.

4. Исследование осуществляется на корпусном **материале**. В ходе анализа последовательно учитываются формальные характеристики предложений, включающих рассматриваемые единицы, и содержательная специфика ситуации, которую они характеризуют.

5. В результате исследования **установлено**, что синтаксические дериваты, входящие в одно словообразовательное гнездо, в ряде случаев формируют отношения, близкие отношению дополнительной дистрибуции. Это обеспечивает говорящего такими средствами языковой репрезентации действительности, которые, взаимно дополняя друг друга, осуществляют «перетекание» значения от одного компонента ситуации к другому, сопровождаемое коммуникативной актуализацией соответствующего компонента. Все это позволяет утверждать, что *NQ* и *NA*, входящие в состав одного словообразовательного гнезда, могут функционировать в качестве единиц коммуникативного ранжирования.

Словообразовательный тип как способ выражения этнокультурной семантики

В. Г. Фатхудинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

favenera@mail.ru

Словообразовательный тип, глагол, семантика, лингвокультурология.

Summary. The word-building type of Russian verbs with the meaning of intensive action is discussed in the paper in ethnolinguistic and linguo-cultural aspects.

Исследуемая нами проблема находится в русле одного из актуальных направлений дериватологии, которое можно было бы обозначить как «этнолингвистическая интерпретация словообразования» или «лингвокультурологический аспект изучения словообразовательных единиц языка». Как известно, в современной лингвистике неоспоримым является факт определенной зависимости организации семантического пространства языка от его формальных параметров, к числу которых, на наш взгляд, следует отнести и словообразовательную структуру слова.

Цель нашего исследования – доказать, что отдельные словообразовательные модели и типы русского языка специально «предназначены» для выражения определенного этнокультурного содержания, они являются «вербализаторами» культурологически маркированных понятий и смыслов. Другими словами, репрезентантами в языке национальной специфики картины мира может выступать система словообразовательных средств, активно участвующая в объективации этноментального содержания. «Слово имеет номинативный характер, но одновременно оно бывает носителем национально-культурной информации, которая проявляет себя, в частности, в его сочетаемости с другими словами, а также в словопроизводстве» [Верещагин, Костомаров 2005: 26].

Изучение взаимодействия языка и культуры сквозь призму номинативной системы языка – важнейший методологи-

ческий принцип культурологии (В. Н. Телия). Внутренняя форма производных номинативных единиц выступает носителем национально-культурной информации и ценностных доминант соответствующего языкового сообщества. Именно мотивированные (словообразовательно детерминированные) лексические единицы свидетельствуют о значимости того или иного понятия для носителей языка.

В качестве непосредственного объекта лингвистического анализа выступили глагольные формации с конфиксом *раз-/рас-...-ся* и с префиксом *раз-/рас-*. Конфигс *раз-...-ся* является достаточно регулярной и продуктивной в разговорной речи словообразовательной единицей, образующей непрерывные глаголы совершенного вида со значением ‘достигнуть большой интенсивности в совершении действия, которое названо мотивирующим глаголом’, например: *разбушеваться*, *разгореться*, *раскричаться*, *расиуметься* [Ефремова 2005: 434].

В качестве теоретической посылки нашего исследования следует признать эволюционный (А. И. Моисеев) и динамический (М. В. Черепанов, О. И. Дмитриева) характер русского словообразования, обеспечивающий развитие словарного состава языка. В этой связи источником языкового материала, наряду с современными словарями, послужил «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Посредством, в первую очередь, некодифицированных форм

русского языка (разговорных, просторечных и диалектных) он в полной мере раскрывает особенности русской национальной ментальности и дает ключ к познанию образа русского человека и его коммуникативного поведения.

В результате анализа выявлено, что в актах деривации производная лексика получает дополнительную семантико-стилистическую маркированность, при которой меняется сфера его функционирования: *воевать* (нейтр.) – *развоеваться* (разг.), а также эмоционально-экспрессивную окраску, новую образность: *кипятить* – *раскипятиться*.

Экспрессивность, эмоциональность и оценочность, как пересекающиеся и не исключающие друг друга категории прагматики, составляют национально-культурное своеобразие лексических единиц. Категорию глагольной экспрессивности в языке формирует семантика качественно-количественного характера, в том числе и интензивность проявления действия, граничащая с чрезмерностью.

Культурная коннотация как часть семантики слова, безусловно, является отражением системы нравственных и этических ценностей человека, общей для этнического сообщества установки на эталон социально детерминированного поведения. Мелиоративная и пейоративная оценочность является одной из форм отражения этноментальной действительности.

Учеными констатируется более острая эмоциональная и речемыслительная реакция людей именно на отрицательно оцениваемые явления, поэтому в нашем языковом материале преобладают пейоративные глагольные номинации, свидетельствующие о том, что интензивность действия, переходящая в чрезмерность, оценивается с позиций русского языкового сознания явно отрицательно.

Исследуемый нами словообразовательный тип служит формальной структурой для выражения следующей семантики: ‘название действия, совершаемого одним человеком, результат которого имеет негативные последствия для окружающих’. Семантика слов, образованных по этой модели, включает в себя следующие компоненты: ‘излишняя интен-

сивность, чрезмерность в проявлении действия’, ‘эмоционально-возбужденное состояние человека’, ‘агрессивное поведение’, ‘пейоративная оценочность’. К данной словообразовательной сфере (включающей в себя конфиксальные и префиксальные образования) относятся следующие лексические единицы: *разбушеваться*, *разбуяниться*, *разъяриться*, *орать*, *распоясаться*; *распуститься* – ‘распустить глотку, шумно говорить’; *расходиться* (в гневе) – ‘дойти до крайней степени в проявлении чего-либо, в каких-либо действиях, разойтись’; *распетушиться* – ‘рассердиться, раскричаться, расходиться петухом’; *разжечься*, *разгорячиться*, *расыхаться* – ‘разъяриться гневом’; *рассатаниться* – ‘разлутеть, рассвирипеть, придя в неистовство’; *разлутоваться* – ‘расходиться лутуя’; *раскошуниться* (*раскошунствоваться*) – ‘стать кошунствовать не в меру, дав себе полный простор и волю’.

Негативно оцениваются и действия, характерные для двух лиц (формация глаголов с префиксом *раз-*, в том числе и в рамках взаимно-совместного значения возвратного залога), результатом которых является прекращение отношений: *разругаться*, *рассориться*, *разбраниться*, *разлаяться*; *расплеваться*, *распрощаться*, *разъякшаться*, *раззнакомиться*. Следует отметить, что префикс *рас-* этимологически выделяется и в слове *распря*, образованного, по М. Фасмеру, от ст.-слав. *ПРЯ* – ‘раздор, ссора, тяжба’.

Ярко выраженную этнокультурную окраску имеют следующие лексемы: *раскумиться* – поссориться после тесной дружбы; *разбраться* – ‘побратавшись, после того поссориться, раздружиться, разойтись’, ср. однокоренные лексемы с мелиоративной оценочностью: *брататься*, *братание*, *побраться*, *побратим*, *перебраться*, *собрать*, *собратьствоваться*.

Таким образом, особенности индивидуального и национального мировидения последовательно находят свое выражение в процессах словопроизводства. Лексические единицы одного словообразовательного типа особым образом фиксируют специфику вербального (в нашем случае социально нерелевантного) поведения носителей языка.

Референциальный тип деривации: основания выделения и направления изучения

Р. С. Фисун

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

fisun.roman@gmail.com

Словообразование местоимений, типы деривации, референция, референциальная деривация.

Summary. In some pronominal derivational models, the derivational semantics consists in the change of the reference type of the derived word with respect to the original one. This is the reason we propose to postulate a new derivational type for pronouns, which we call a referential derivational type.

I. Существуют различные подходы к установлению типов деривации (словообразования), построенные на различных основаниях. Е. Курилович разграничивает два основных типа деривации: деривацию лексическую (которая сопровождается изменением номинативного значения основы производного слова по сравнению с производящим) и синтаксическую деривацию (при которой меняется синтаксическая функция деривата при номинативном тождестве основ производящего и производного слова) [3]. Е. А. Земская предлагает более дробную, функциональную классификацию типов словообразования, основанную на целях говорящего; выделяются номинативное, конструктивное, компрессивное, экспрессивное, стилистическое и игровое словообразование [1]; [2].

II. Как показывает анализ языкового материала, данный перечень типов деривации не является закрытым, он может и должен быть расширен включением в него особого референциального типа деривации. Так, производные слова в словообразовательных парах типа *кто* → *никто*, *кто* → *кое-кто*, *кто* → *кто-то*, *кто* → разг. *абы кто* (в соответствии с результатами исследования [6] так называемые «составные местоимения» могут рассматриваться как объекты словообразования.) демонстрируют большую формальную сложность при совпадающем номинативном содержании обоих ее членов. Во всех приведенных примерах денотативное значение, в том смысле, в котором этот термин может быть применим к словам с местоименным значением (подробно данный вопрос разбирается в работе [5]), оста-

ется неизменным: ‘лицо, человек’. Семантические изменения производного слова по сравнению с производящим заключаются в изменении референциального статуса: вопросительная отнесенность *кто* противопоставляется отрицательной (*никто*) или же неопределенной (*кое-кто*, *кто-то*, *абы кто* – в совокупности своих типов) референции производных слов.

Таким образом, предложенные Е. Куриловичем и Е. А. Земской классификации типов деривации не в состоянии охватить значительный сегмент местоименной словообразовательной системы, включающий дериваты, словообразовательное значение которых заключается в изменении референциального статуса по сравнению с производящим. Такие словообразовательные отношения в специальной литературе до сих пор детально не рассматривались.

III. Отношения референциальной деривации наблюдаются в следующих местоименных словообразовательных типах:

- префиксальные словообразовательные типы с формантами *ни-*, *нег-* ‘отрицание (*никто*, *никуда*, *нигде*, *негде* ‘нет места’, *некого*, *ничему* и др.);
- префиксальные словообразовательные типы с формантами *кое|кой-*, *нег-* ‘неопределенность’ (*кое-кто*, *кое-где*, разг. *кой-куда*, *некто*, *нечто* и т. п.);
- постфиксальные словообразовательные типы с формантами *-то*, *-либо*, *-нибудь* (*сколько-нибудь*, *где-то*, *что-либо* и т. д.);
- префиксальные и постфиксальные словообразовательные типы, в которых производными являются составные ме-

стоимения (*хоть кто, невесть что, много где, как подобает, зачем бы то ни было, что ни попадя, отчего угодно* и мн. др.).

IV. В докладе представлены основные направления исследования референциального типа деривации.

1. В дополнительном изучении нуждаются виды соотношения референциальных статусов производящего и производного слов, ср.: вопросительная референция → отрицательная референция (*какой* → *никакой*), вопросительная референция → интродуктивная референция (*который* → *некоторый*) и т. д.

2. Заслуживает специального внимания то обстоятельство, что при словообразовании составных местоимений частотны случаи не только изменения референциального статуса деривата по сравнению с производящим словом (*где* → *где бы то ни было, чей* → *чей угодно*), но также и приобретение дериватом дополнительных номинативных оттенков значения с сохранением основного местоименного значения: так, для образований с префиксами *не пойми-*, *невесть-* и постфиксами *-ни попадя, -попало* это оттенок значения 'низкое качество', а для образований с постфиксами *-надо, -нужно, -подобает, -полагается, -положено* – дополнительное значение выделительности.

3. Необходима выработка процедуры разграничения собственно составных местоимений и схожих отместоименных производных, утративших местоименное значение: так, словоформы с начальным элементом *не ахти-* (*не ахти какой, не ахти как, не ахти кто*), по-видимому, не несут местоименного значения, а также утрачивают референциальную отнесенность, приписываемую им на языковом уровне

(о речевом и языковом аспектах референции местоимений см.: [4: 84]). При этом расположение составных местоимений в не имеющем четкой границы континууме местоименности / неместоименности носит градуальный характер.

4. Требуется также полное описание случаев образования слов с неместоименной семантикой от омонимичных местоимений, при которых производное приобретает «полноценное» денотативное значение: например, *никакой* 'ни один из всех или многих возможных' → *никакой* 'никуда не годный, плохой', *никто* 'ни одно лицо' → *никто* 'посторонний человек; ничтожный человек'.

V. Таким образом, для включения местоименного (и отместоименного) словообразования в общую парадигму деривационного описания современного русского языка необходимо пополнить систему типов деривации еще одним, референциальным типом, который до сих пор не был объектом специального исследования.

Литература

1. Земская Е. А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крыгина. М., 2007.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 2009.
3. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Очерки по лингвистике. М., 1962.
4. Падучева Е. В. Вызывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
5. Селивестрова О. Н. Местоимения в языке и речи. М., 1988.
6. Соколова С. В. Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Новые наименования профессиональной деятельности женщины в русском и немецком языках

Л. В. Шалина

Московский педагогический государственный университет

larlarisa@mail.ru

Наименования лиц, словообразовательная модель, гендерные корреляты.

Summary. The paper considers neoplasms in the field of women's professions in Russian and German languages. establishes the reasons of appearance and determines the variability and correlation of word-formation models in the compared languages.

Наименования лиц составляют существенную часть словарного состава языка, которая постоянно пополняется новыми словами. Образуются они регулярно по строго системным правилам типового характера соответственно номинативным потребностям языкового коллектива. В настоящее время для русского и в большей мере для немецкого языка характерно следующее явление. Возникшее в 70-х годах в Германии Новое женское движение послужило причиной появления своеобразного направления в языкознании под названием «феминистическая лингвистика». В последние годы в Германии в сфере общественной и культурной жизни появилось большое количество женских профессий, и женщины стали требовать, чтобы их деятельность соответствующим образом запечатлевалась в языке, в частности, с помощью отдельных номинаций, которые образуются в основном по модели «основа имени существительного мужск. рода + -in». В рамках феминистической лингвистики были разработаны рекомендации и предложения, признание которых вылилось в принятие новых обозначений в сфере наименований женских профессий. Подтверждением этому явился официальный документ «Berufsbildungsgesetz» (закон о специальной профессиональной подготовке). Он содержит 475 названий профессий, из них лишь 24 не имеют коррелята женского рода (в основном это профессии, связанные с тяжелым физическим трудом). Остальные названия профессий в этом нормативном документе показывают параллельные формы с суффиксом -in, например, *der Planungstechniker – die Planungstechnikerin, der Bischof – die Bischöfin, der Moderator – die Moderatorin*.

Как показывает анализ, абсолютное большинство наименований лиц мужского пола, образованных при помощи вышеназванных суффиксов, имеют соответствующие женские названия с суффиксом -in, что подчеркивает исключительно высокую продуктивность данного словообразовательного элемента в современном немецком языке: *der*

Rechtsanwalt – die Rechtsanwältin, der Richter – die Richterin, der Oberstudienrat – die Oberstudienrätin. Ранее считалось, что некоторые мужские наименования не имеют коррелятов женского рода: *der Pilot, der Kapitän, der Matrose* и др. Однако с появлением женщин в армии возникли и наименования лиц женского пола, образованные также с помощью суффикса -in: *die Pilotin, die Kapitänin, die Matrosin*, т. е. раздвинулись рамки официальной номенклатуры, устанавливается симметрия наименований лиц, занятых в производстве и деловой жизни по типу «деятель / деятельница».

Конкурентом высокопродуктивной модели на -in остается модель, образованная с помощью компонента -frau. Например, новообразования из прессы: *die Amtfrau* (альтернатива слову *der Amtmann* – должностное лицо), *die Fachfrau* (*der Fachmann* – специалист), *die Kamerafrau* (*der Kameramann* – оператор), *die Staatsfrau* (*der Staatsmann* – государственный деятель). Активное продвижение женщин на «карьерные» посты приводит к возникновению новых слов женского рода, не имеющих мужского соответствия, как например, номинации *die Karrierefrau, das Karrieremädchen* (женщина, девушка, делающая карьеру). Можно наблюдать и обратный процесс: к слову женского рода *die Hausfrau* (домохозяйка) возникло слово *der Hausmann* (мужчина, ведущий домашнее хозяйство). Преобразования в различных областях жизни общества влекут за собой перестройку лексической системы любого языка, что и подтверждают примеры с наименованиями профессий в немецком языке.

В России в прежние времена круг профессий, доступных женщине, был узок, а поэтому почти не было женских эквивалентов по профессии. В последнее время в связи с демократизацией отношений между полами и изменением приоритетов женщин ситуация становится иной: начинает расширяться и профессиональная деятельность слабого пола. При отсутствии в словаре нужных наименований для женских специальностей, не желая отставать от общественного

развития, язык стал пытаться в старые формы вместить новое содержание. По традиционным словообразовательным моделям стали образовываться новые наименования профессиональной деятельности женщины. При сравнении немецких альтернативных мужских и женских наименований лиц с соответствующими русскими номинациями обнаруживается следующая картина: универсальному немецкому суффиксу женского рода *-in* соответствует в русском языке целая серия суффиксов: *-(н)иц-* (*сканировщица, компьютерщица, предпринимательница, хамамщица*), *-ка* (*программистка, коллажистка, пиццеристка*), *-(ш)а* (*коммерсантша, рекрутерша, фрилансерша*), *-(ин)я* (*экологиня, маркетингологиня*), *-есс(а)* (*арт-критикесса, экспертесса*) и др. Однако подобных наименований немного и они только начинают появляться.

В русском языке лакуны женских наименований некоторых профессий и должностей остаются незаполненными (*продюсер – ..., мэр – ..., экстрасенс – ..., менеджер – ...*), либо находят свое выражение в описательных оборотах (*мастер чистоты, специалист по этикету, финансовый аналитик*) и составных наименованиях типа *женщина-космонавт, сушистка-рольщица, кассир-операционистка, nail-стилист* и т. д., а некоторые образованные с помощью суффикса альтернативные женские наименования и вовсе могут иметь другое лексико-семантическое значение, ср.: *президент – президентша – (жена), губернатор – губернаторша* (жена) или приобретать стилистический оттенок, например, пренебрежительности: *шефиня, креативщица, менеджерша, дилерша, маклерша*. Отсутствие альтернативных (мужским) женских наименований по профессии в русском языке объясняется наличием в некоторых случаях англоамериканских за-

имствований, не требующих гендерных коррелятов, а, возможно, указанием пола в фамилиях, которые обычно пишутся рядом с данными словами: *гомеопат Иванов / а, уизит Николаев / а* и т. д.

Подавляющее большинство лексических неологизмов образуется старыми способами по старым моделям с помощью существующих в языке словообразовательных средств, которым свойствен «творческий характер». Они могут на какой-то период времени стать непродуктивными, как бы оказаться забытыми, но на определенном этапе появиться вновь. С их помощью начинают образовываться новые наименования. Так произошло с суффиксом женского рода *-(ин)я*. Пока еще немногочисленные примеры новых слов все же показывают, что этот суффикс вновь становится продуктивным в образовании наименований женского рода: *магиня, геологиня, игрокиня*. Объясняется ли данный факт аналогией со старыми словами (*граф – графиня*) или, может быть, влиянием немецкого языка, где так ярко выражена противопоставленность «мужской – женский пол» в наименованиях профессий (*der Geologe – die Geologin*) – неизвестно. Возможно, анализ большего количества слов данной модели в дальнейшем поможет выяснить это.

Такой экстралингвистический фактор, как увеличение роли участия женщин в трудовой сфере общества в последние десятилетия, в сочетании с усилиями лингвистов привел к изменению в системе наименования лиц по профессии. Категория *nomina feminina*, принадлежащая к разряду языковых универсалий, обнаруживаемых не только в русском, немецком, но и других европейских языках при образовании женских номинаций по профессии, реализуется с помощью своих специальных средств, существующих в каждом языке.

Новообразования – имена прилагательные в живой разговорной речи

Ю. Н. Шаталова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

shatalova_yu@bsu.edu.ru

Словотворчество, лексическое новообразование, имя прилагательное, способ словообразования.

Summary. The author discusses the problem of word creation in colloquial speech, researches the most productive methods of adjective derivation in living speech, and analyzes their structural-semantic features.

Современное речевое поведение характеризуется стремлением к «языковой свободе». Ярким проявлением данной тенденции является повсеместное словотворчество. В условиях относительной ненормированности разговорной речи создание нового слова становится одним из способов решения текущих коммуникативных задач.

Наиболее активно в речи создаются имена существительные. Изучению субстантивных новообразований посвящено немало работ последних лет. Однако, как показывают наблюдения, ситуация общения нередко ставит перед говорящим задачу точной, выразительной номинации признака предмета или явления действительности. В подобных случаях появляется новообразование-прилагательное.

Анализ деривационной структуры прилагательных, созданных в разговорной речи, показал, что создаются они всеми известными способами словообразования. Рассмотрим наиболее частотные в повседневной речи модели адъективной деривации.

1. **Суффиксальные прилагательные.** Высокую продуктивность при образовании качественных имен прилагательных с общим значением признака по действию, названному мотивирующим словом, демонстрирует суффикс *-тельн-*: *Вот в стиральной машинке / белье там телепается туда-сюда / за счет этого отстирывается // А в посудомойке как? За счет чего отмывательный процесс идет?; Очень плакательный фильм //* (ср. также: *воспоминательный, наградительный, намекательный, подозревательный, ухахательный* и др.).

Достаточно регулярным словообразовательным формантом выступает в современной разговорной речи суффикс *-бельн-*. Прилагательные с суффиксом *-бельн(ый)* выражают значение легкой доступности действия, пригодности чего-либо для выполнения действия, названного мотивирующим глаголом: *Меня радует / что она внушительная // Хорошо воспринимает мои наизидания //* (о ребенке); *Да этот шкаф вполне передвигабельный //* *Вдвоем легко передвинем //* (ср.

также: *вмещательный, гулябельный, покупательный, разрезательный, смотрительный* и др.).

При образовании новых прилагательных, характеризующих лицо, отличающееся внешним признаком, названным мотивирующим существительным, активно используется суффикс *-чат-*. Например: *Такая красивая сегодня / сарафанчатая //*; А: *– У меня два телефона // Один для личных разговоров / другой для рабочих //* Б: *– Ну ты у нас телефончатая!*

2. **Префиксальные прилагательные.** Высокая степень активности в языке СМИ препозитивного форманта *анти-*, выражающего значение противоположности, сделала его, с одной стороны, своеобразным признаком эпохи, с другой стороны, обусловила его проникновение в разговорную речь. Приведем примеры: *Вся группа сегодня идет на волейбол // И не нужно никаких антиволейбольных настроений //; Тебе сейчас нужно серьезные антипростудные меры предпринимать //*. Обращает на себя внимание тот факт, что данный формант начинает активно обслуживать именно сферу бытового общения.

При помощи префикса *до-* в речи легко образуются прилагательные, выражающие значение «предшествующий по времени тому, что названо суффиксальным мотивирующим словом», например: *Набирал все это на пишущей машинке // времена-то были докомпьютерные //; Ну по факсу они тогда отправят не могли // Это было в дофаксовый период развития //*.

Прилагательные с префиксом *около-* выражают значение «близкий, находящийся вокруг или возле того, что названо мотивирующим прилагательным»: А: *– Ну что / нашла себе работу? Б: – Пока нет // Одни околожурналистские вакансии //; – У меня теперь образ жизни околокомпьютерный //*.

Достаточно продуктивен в разговорной речи префикс *сверх-*, имеющий значение интенсивности, высокой степени проявления признака: *Если меня будут здесь оставлять / то / скорее всего / предложат какую-то сверхзаманчивую*

должность //; Ты не просто инфантильный // ты **сверхинфантильный** //.

Префиксальный компонент *супер-*, являясь «модным» словообразовательным средством, легко присоединяется к основе любого прилагательного, внося значение высокой степени проявления признака: *Хорошая статья // Развенчивает мифы о вездесущих и супервредных добавках //; Если расплавить шоколадку и добавить в тесто / выпечки становятся супершоколадными //.*

3. **Префиксально-суффиксальные прилагательные.** Продуктивной следует признать модель *без-(бес-)...-н-*. Прилагательные, созданные при помощи указанного форманта, мотивируются основой существительного и имеют значение «характеризующийся отсутствием того, что названо мотивирующим словом»: А: – *У вас есть тарелка глубокенькая?* Б: – *Только то / что стоит // А: – Не / не подойдет // Больше ничего? Что ж вы такие бестарелочные?; Да что же вы все такие бестрадные!; Эта комната очень жаркая и беситорная //.*

4. **Сложные и сложноссуффиксальные прилагательные.** Способом чистого сложения имени прилагательные обра-

зуются на базе словосочетаний, опорный компонент которых является самостоятельным прилагательным: *Я тогда глупо-юная была //; Такое философское поздравление // Открытка прямо-таки рассудительно-поздравительная //; Я в свои тридцать два года в эту деятельность пришла оознанно // Сменила текуче-бумажную работу //.*

При образовании сложноссуффиксальных прилагательных чаще в речи используется суффикс *-н-*, например: *дряблодушный, красноплощадный, последнезвоночная* и др. Зафиксированы также факты образования прилагательных способом сложения с нулевой суффиксацией: *великомозгий, мокроусый, суплолосый, странномордый* и др.

Перечисленные модели узуальной деривации представляют наиболее регулярные в речи явления и, безусловно, не охватывают все многообразие используемых при создании адекватных словообразовательных средств.

Живая разговорная речь, характеризуясь в целом малой употребительностью имен прилагательных, демонстрирует значительный словотворческий потенциал данной части речи. Новообразования-прилагательные, как правило, экспрессивны, они служат ярким средством оценки признака.

Активные процессы в современной аббревиации

С. И. Шумарин

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
sshumarin@yandex.ru

Аббревиация, субстантивные аббревиатуры, адъективные аббревиатуры, антропонимические аббревиатуры, функции аббревиатур.

Summary. Modern Russian speech is characterized by the active processes in the sphere of shortening. These include the creation of new types of abbreviations and expansion of their functions.

На протяжении достаточно длительного периода аббревиация остается одним из самых продуктивных способов компрессивного словообразования, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, посвященные описанию различных типов аббревиатур, их функционированию, и словари сокращений, фиксирующие появление новых аббревиатур в русском языке (как исконных, так и заимствованных). Русский язык начала XXI века характеризуется активизацией этого процесса, появлением новых типов аббревиатур, расширением сферы их функционирования. Рассмотрим основные тенденции, характеризующие современную аббревиацию.

Традиционно аббревиация определяется как особый способ словообразования имен существительных, при котором производное слово образуется путем сочетания усеченных частей слов исходного составного наименования или усеченных основ и целых слов. Результатом аббревиации являются аббревиатуры, или сложносокращенные слова, – имена существительные, состоящие из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из усеченных компонентов исходного сложного слова: *ОРПС* – «Объединенная расчетная платежная система», *СИБУР* – «Сибирско-Уральская нефтегазохимическая компания», *ГЛОНАСС* – «Глобальная навигационная спутниковая система», *СНИЛС* – «страховой номер индивидуального лицевого счета».

В то же время в современной речевой практике (в научных и специальных текстах, в СМИ, в художественной литературе, а также в письменной форме разговорной речи, активно развивающейся в сети Интернет, в СМС) довольно часто встречаются сокращения на базе одного слова (не только сложного, но и простого), созданные по типу аббревиатур. В отличие от усечений типа *зам, зав* такие слова представляют собой сочетание двух или трех согласных с пропущенными гласными, причем такие сокращения образуются не только на базе знаменательных слов: *ТВ* – «телевидение», *ПЛ* – «психолингвистика», *МЧ* – «мужчина» и «молодой человек», *спс* – «спасибо» и т. п.

Широко распространено образование аббревиатур на базе сложных прилагательных, входящих в составные цельные наименования терминологического характера. Сочетания аббревиатуры адъективного типа и определяемого существительного образуют композиты-существительные, в которых аббревиатура занимает препозицию по отношению к определяемому слову и пишется через дефис: *ИК-лучи* – «инфракрасные лучи», *ЖК-экран* – «жидкокристаллический экран», *ТВ-тюнер* – «телевизионный тюнер».

Аббревиатуры субстантивного типа могут подвергаться адъективации и выступать в качестве несклоняемых имен прилагательных: *ВИЧ-инфекция, ЧС-структура, НЛП-эйфория*. Наибольшую активность в этом проявляют иноязычные аббревиатуры, используемые в русскоязычных текстах как варваризмы: *HD-плеер, SMIF-контейнеры, SLAM-платформы, LED-кристаллы*. В роли адъективных аббревиатур могут выступать и сокращения, образованные на базе синтаксических конструкций: *ЭКА-еда* (ЭКА – Экологично. Красиво. Альтернативно – название экологической организации в г. Кирове). Чаще всего такие композиты имеют дефисное написание, но встречаются случаи и раздельного написания: *(USB-гурлянда и USB подарки, LCD панель, HDTV фильм)*. В качестве неизменяемых прилагательных встречаются и постпозитивные аббревиатуры: *язык WML, матрица IPS*.

Среди новых типов аббревиатур большую группу составляют сокращения, в которых наряду с буквами используются цифры, иные графические символы: *4K2K-дисплей, 3D-телевизор, LCD 3D телевизор, 3D картинка, R&D-сфера*, причем цифры читаются по-русски, а буквы по-английски.

Растет количество сокращений, образованных на базе различных синтаксических конструкций. Первоначально такие сокращения заимствовались из английского языка и активно использовались в интернет-коммуникации: *IMHO* – «in my humble opinion» (по моему скромному мнению), *BTW* – «by the way» (между прочим), *BBLAF* – «Be back in a few minutes» (Вернусь через несколько минут), *PMJI* – «Pardon my jumping in» (Прошу прощения, что вмешиваюсь) и др. В последнее время отмечается появление и русскоязычных аббревиатур подобного типа (одной из ранних является известное толстовское *ЕБЖ* – «если буду жив»), достаточно часто они омонимичны обычным словам и представляют собой имена собственные: *«Небо»* («Не быть одиноким» – клуб практической психологии в Ханты-Мансийске), *«ЗЕНА»* («Защищайся, Если Нападают») – клуб в Новочеркасске), *«С. О. К.»* («Съешь оба куска») – питерская музыкальная группа), *«Норд»* («Нам открывать романтику далей») – отряд по поиску, ремонту и восстановлению воинских захоронений в Калуге).

Расширяются функции аббревиатур. Как известно, первичной и основной для них является номинативная функция: сокращение используется в качестве аналога составного наименования. Помимо этого, аббревиатуры могут выполнять текстообразующую, экспрессивную, эстетическую

функции, включаться в языковую игру. В последние десятилетия аббревиатур все чаще используются в качестве буквенно-графической основы бренда (товарного знака, торговой марки) или логотипа (изобразительно-текстового символа) фирмы, организации и т. п., выступая в качестве одного из средств брендинга (продвижения бренда). В этой функции часто используется неконвенциональная расшифровка аббревиатуры, представляющая собой рекламный слоган, например, аббревиатура *ВСК* расшифровывается не только как «Военно-страховая компания», но и как слоган компании – «Вместе с клиентом». Рекламисты рассматривают аббревиатуры как один из приемов мнемоники (мнемотехники), облегчающих запоминание путем образования дополнительных ассоциаций, причем эти ассоциации могут быть как позитивными, так и негативными, в зависимости

от поставленной цели. В этом проявляется еще одна функция аббревиатур, которую условно можно назвать брендинг-функция и которая еще ждет исследования.

В современном русском языке все большую активность проявляют антропонимические аббревиатуры (напр., *ДНК* – прозвище Д. Н. Козака; *оргазм* – «Олег и Родион Газмановы» и т. п.), которые по-разному могут соотноситься с исходным именем собственным – быть семантически тождественными или приобретать дополнительные коннотации. Такие аббревиатуры несут как собственно номинативную, так и эстетическую нагрузку.

Таковы некоторые тенденции, характеризующие развитие современной аббревиации, причем они характерны как для исконно русских аббревиатур, так и для аббревиатур иноязычного происхождения.

Когнитивная структура словообразовательного гнезда глагола *жить*

Н. А. Ярошенко

Донецкий национальный университет (Украина)

nyaroshenko@yandex.ru

Словообразовательное гнездо, деривационно-фреймовое моделирование, деривационная пропозиция, когнитивная дериватология.

Summary. The report deals with the derivational and frame modelling of verb *zhyt' (to live)* word-forming family of words in Russian language. The main derivational propositions in the structure of mentioned word-forming family of words have been established.

Одной из актуальных проблем когнитивной лингвистики является установление роли словообразования в процессах категоризации человеком окружающего мира и себя в нем. По словам Е. С. Кубряковой, номинативная функция словообразования является сугубо когнитивной, поскольку она «связана с выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» [3: 407]. В рамках такого подхода активно разрабатывается пропозиционально-фреймовое моделирование комплексных единиц словообразования (работы Л. А. Араевой, К. А. Демиденко, И. В. Евсеевой, М. С. Косыревой, О. Ю. Крючковой, А. М. Кыртепе, И. А. Нефляшевой, М. А. Осадчего, А. Н. Шабалиной и др.). При этом словообразовательное гнездо рассматривают в качестве фрейма, т. е. структуры получения, хранения и актуализации знаний и опыта в форме стереотипных, социально и культурно значимых ситуаций [4: 36]; [1: 29–30].

Объектом нашего анализа является словообразовательное гнездо (далее – СГ) глагола *жить* как одно из средств вербализации соответствующего концепта (ср., например, [4]). В то время как предметом исследования выступают так называемые пропозициональные (деривационные) пропозиции в структуре рассматриваемого СГ.

На предварительном этапе анализа на основе данных академических толковых словарей и с учетом возможности рассматривать каждое значение и подзначение компонентов комплексных единиц словообразования как самостоятельную единицу была сформирована обобщенная семантическую структуру глагола *жить*, которая включает 12 ИСВ, объединенных интегральной семьей ‘существовать, быть’ (см. [7]). Как отмечает А. Г. Муллагалиева, «история глагола *жить* – это история постепенного расширения его семантического объема. Спектр значений слова *жить* на современном этапе развития чрезвычайно широк» [5: 73]. В ходе исследовательского моделирования гнезда была составлена схема СГ глагола *жить*, которая содержит 401 дериват. При этом частеречное распределение производных выглядит таким образом: 177 существительных, 108 глаголов, 76 прилагательных, 30 наречий, 9 слов переходной группы причастия-прилагательные и 1 причастие.

При рассмотрении СГ и его компонентов в аспекте деривационно-фреймового анализа используем номенклатуру пропозициональных пропозиций, принятую в работах М. А. Осадчего [6], М. С. Косыревой [2], И. В. Евсеевой [1].

Как свидетельствует анализ, дериваты СГ глагола *жить* вербализуют следующие пропозициональные пропозиции:

1. S (субъект) – фреймовая функция: совершитель действия: *житель, жилище, долгожитель, небожитель, пско-жил, плодотворитель, пустынножитель, сожитель, старожил, старожилец, трубкажил, приживальщик, проживальщик, жиличка* и др.

2. P (предикат) – фреймовая функция: действие, совершаемое субъектом: *вжиться, выжить, дожить, изжить, нажить, ожить, обжить, пережить, пожить* и др.

3. Loc (локус) – фреймовая функция: место совершения действия: *жилище, общежитие, жилье, нежилье, местожительство, жилплощадь, живодерня* и др.

4. K (конъюнктор) – фреймовая функция: условная единица, символизирующая ситуацию в целом: *житье, житие, житительство, житуха, жизнь, живот ‘жизнь’, нежить, сожитительство, сожитие, приживальчество, нежизнеспособность* и др.

5. Adj (адекватив) – фреймовая функция варьируется в зависимости от соотносительности с различными денотатами: *живущий, жилой, живой, живучий, общежительный, общежительский, старожилый, старожитный* и др.

6. Mod (модус) – фреймовая функция: способ совершения действия: *вживе, заживо, живьем, жизнестойко, животворяще, животрепещуще, житейски, по-живому* и др.

7. R (результат) – фреймовая функция: эффект от совершения действия: *пережиток, обжитое сущ., пережитое сущ., прожитое сущ., непрожитое сущ.* и др.

8. T (темпус) – фреймовая функция: время совершения действия или период совершения: *пожизненно, прижизненно*.

9. I (инструмент) – фреймовая функция: инструмент, средство, с помощью которого осуществляется действие: *жило*.

В анализируемом СГ некоторые дериваты, входящие в состав пропозиций K (конъюнктор) и Adj (адекватив), в зависимости от контекста могут представлять такие позиции, как O (объект – объект направленного действия), O' (непрямой объект – объект параллельного воздействия), Loc (локус – место совершения действия) и R (результат – эффект от совершения действия): *живой, жилой, живучий общежительный, общежительский, старожитный, старожилый, старожитный* и др.

В рассматриваемом СГ не заполненными оказались такие пропозициональные пропозиции, как Mat (материал) и Prod (продукт). Однако привлечение к анализу диалектного материала, возможно, позволит устранить эти лакуны.

Литература

1. Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход. М., 2012.
2. Косырева М. С. Деривационно-фреймовая парадигма как единица когнитивного описания системных отношений на уровне словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2008. № 30 (131). С. 58–67.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
4. Кыртепе А. М. Макроединицы словообразования как формы языковой объективации концепта (на материале словообразовательных гнезд и словообразовательной категории со значением женскости в русском языке): Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.

5. Муллагалиева А. Г. Функционально-семантические особенности слов этимологического гнезда с корневым *gi- в русском языке // «Русский язык: исторические судьбы и современность»: III Международный конгресс исследователей русского языка: (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2007 г.). Труды и материалы. М., 2007. С. 73–74.
6. Осадчий М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда. М., 2009.
7. Ярошенко Н. А. Деривационно-фреймовая парадигма глагола *жить* // Матеріали міжнарод. наук. конф. «Східнослов'янська філологія: від Нестора до сьогодні» (м. Горлівка, 12–13 квітня 2012 р.). Вип. 1. Горлівка, 2012. С. 213–216.

Секция Лексикография и терминоведение

Русский язык профессионального общения: ретроспектива и современное состояние

К. Я. Авербух

Московский государственный лингвистический университет

averkon@yandex.ru

Русский язык, профессиональное общение, стратификация, терминология.

Summary. The modern condition and development perspectives of the Russian language for special purposes are discussed. The role of terminology studies in the development of Russian professional communication is highlighted.

Говоря о статусе и судьбах русского языка, традиционно имеют в виду литературный русский язык, язык русской художественной литературы, язык публицистики и других сфер общечеловеческих интересов.

При этом как-то забывается или помещается в тень тот факт, что русский язык – это не только А. С. Пушкин или Л. Н. Толстой, не только А. Блок и Ф. М. Достоевский, не только А. Вознесенский и В. Аксёнов, но М. В. Ломоносов и В. И. Вернадский, Д. И. Менделеев и К. Э. Циолковский и многие, многие другие представители научного сообщества. Многовековое развитие всех сфер профессиональной деятельности от появления ремесел в средние века до формирования высоких технологий, авиации, космонавтики и т. п. в наше время сопровождалось необходимым для их нормального функционирования языком профессионального общения. Зародившаяся в XIX веке традиция стратификации национальных языков на общелитературный язык, с одной стороны, и многочисленные языки для специальных целей (LSP), языки профессионального общения, с другой, нашла яркое и вместе с тем типичное воплощение в русском языке. Русский язык, будучи языком титульной нации на территории Российской империи, а впоследствии на всем пространстве многонационального Советского Союза, успешно выполнял функции языка межнационального общения в обеих сферах коммуникации: общечеловеческой и профессиональной. Причем языки многих тогда Союзных республик, а ныне независимых государств на постсоветском пространстве, формировались под влиянием Русского языка, воспринимая из него многочисленные заимствования. Весьма важным для распространения Русского языка в Европе оказался XX век, когда вначале после октябрьских событий 1917 го-

да революционизирующее влияние России и ее языка распространилось по миру, а особенно по окончании II Мировой войны с появлением социалистического лагеря. Общеизвестно, что Русский язык был включен в учебные программы практически всех общеобразовательных школ стран Восточной Европы, а в ряде случаев и Китая, КНДР, Вьетнама, Монголии. Русский язык стал языком межнационального профессионального общения в рамках сотрудничества стран-членов СЭВ (Совета экономической взаимопомощи).

Нелишним будет напомнить, что семантическим ядром всех языков для специальных целей (LSP) является терминология. А терминологическая наука, терминоведение, зародилась и активно развивается прежде всего на русскоязычной почве вследствие того, что из трех отцов-основателей этой научной дисциплины австрийца Ойгена Вюстера, Дмитрия Семеновича Лотте и Эрнста Карловича Дрезена – двое последних были россиянами. Поэтому и первые теоретические монографии и первые обобщающие труды по терминоведению и, наконец, первое учебное пособие «Термин, терминология, номенклатура» А. Д. Хаютина, появились на русском языке. и в дальнейшем вплоть до конца 80-х гг. развитие мирового терминоведения происходило при полном доминировании советских ученых, особенно региональных научных школ: воронежской (под руководством С. З. Иванова), омской (под руководством Л. Б. Ткачевой) и прежде всего горьковской (под руководством Б. И. Голвина).

В докладе предполагается рассмотреть ретроспективу русского языка профессионального общения и оценить его состояние, перспективы развития, а также роль в мировом коммуникативном процессе.

Словарь лингвокультурной грамотности (для изучающих русский язык как иностранный / неродной) как новый тип учебного словаря лингвокультуры

О. К. Ансимова

Новосибирский государственный технический университет

ansimova-ok@yandex.ru

Словарь лингвокультурной грамотности, учебная лингвокультурология, словари лингвокультуры.

Summary. We propose a new type of educational dictionary, containing cultural information, that is focused on a communication – the dictionary of linguistic-cultural literacy. Model of this dictionary (its macro-and microstructure) has been developed as a result of responding to user requests.

Язык аккумулирует культурные знания, и это требует необходимости системного описания этих знаний: «объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует соответствующего системного подхода в ее описании» [1: 34]. Как известно, культура не способна к самоорганизации, поэтому фиксация единиц культуры возможна только посредством языка, выступающего в этом случае, как принято говорить, в качестве «зеркала культуры».

Формирование единого культурного пространства посредством словаря, способного выступать в роли такого «зеркала», приобретает особую значимость в рамках межкультурного общения, когда изучающему русский язык иностранцу необходимо преодолеть не только языковой барьер, но и культурный, так как людей в каждой из нацио-

нальных общностей связывают не только язык, политические институты и законы, но и общие культурные ценности и аллюзии их общего языка, т. е. некие общие знания.

Создание словарей, содержащих описание различных сторон культуры, зафиксированной в тех или иных языковых единицах, – словарей лингвокультуры, должно вестись, на наш взгляд, в рамках отдельного раздела лексикографической науки – лингвокультурологии (термин Н. А. Лукьяновой), необходимого для изучения ее теоретических вопросов и разработки практических проблем.

В отечественной лексикографии в свое время был сформирован достаточно большой корпус учебных словарей, содержащих описание лингвокультуры России для иностранных учащихся (например, *Денисова М. А.* «Народное

образование в СССР» (1978); (1983); Чернявская Т. Н. «Художественная культура СССР» (1984); Еськов Г. С., Кузнецов В. Г. «Советское общество» (1988); Чернявская Т. Н., Борисенко В. И., Вьюнов Ю. А. и др. «Лингвострановедческий словарь национальных реалий России» (1999) и нек. др.), который недавно пополнился Большим лингвострановедческим словарем «Россия» под общей редакцией Ю. Е. Прохорова (2007).

Высоко оценивая уже существующие словари лингвокультуры, мы вместе с тем полагаем, что они не в полной мере реализуют задачу, актуальную для современного человека: способствовать не только изучению культуры и истории страны изучаемого языка, но и ориентировать пользователя словаря на коммуникацию в условиях межкультурного общения. В качестве такого словаря, лексикографическая интерпретация единиц которого отражает обыденные значения, наиболее актуальные для носителей языка, а также некий комплекс представлений, связанных с этими языковыми единицами, необходим словарь лингвокультурной грамотности, модель которого для изучающих русский язык как иностранный / неродной мы предлагаем в данной работе.

Словарь лингвокультурной грамотности определен нами как учебный толково-изъяснительный словарь лингвокультуры, т. е. словарь, описывающий лингвокультурные единицы посредством объективации их культурного фона.

Применение словаря лингвокультурной грамотности в процессе обучения русскому языку иностранцев обеспечивается актуализацией словаря по ряду параметров с помощью методических запросов, под которыми понимается указание на необходимый методике аспект рассмотрения языковой единицы, категории и т. д. и на методически целесообразную глубину этого аспекта.

Основой для разработки системы запросов для словаря лингвокультурной грамотности служит предложенная В. В. Морковкиным система общеметодических запросов (ориентирует на определение места и роли словаря в системе средств обучения, его связь с другими средствами обучения и целевыми установками, функциональной направленностью учебного процесса) и частнометодических запросов (ориентирует на потребность обучаемых / обучающихся в тех или иных сведениях о лингвокультурных единицах, являющихся объектом описания обсуждаемого словаря) [2]; [3].

Блогосфера как источник для ареальной лексикографии

М. В. Ахметова, В. И. Беликов

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

malinxi@rambler.ru, vibelikov@gmail.com

Блогосфера, лексикография, жаргон, инкорпорированность в узус.

Summary. Yandex makes possible to classify Russian weblogs in accordance with age, sex, and location of the bloggers. This opens new horizons in sociolinguistics and lexicography, in particular, it gives objective statistical information to the areal lexicography.

Доступность огромного числа оцифрованных текстов вносит принципиальные изменения в методику работы социолингвиста и лексикографа. В частности, полезным инструментом оказывается сервис «Яндекс-блоги», позволяющий осуществлять лингвистически релевантный поиск с учетом пола, возраста и региона проживания автора записи.

Рассмотрим, что дает блогосфера для выявления ареалов распространения вариантов «бытового» именованного учреждений начального и среднего профессионального образования, которые во второй половине XX в. имели статус ПТУ и техникумов, а сейчас часто именуется профессиональными лицеями и колледжами.

Всего выявлено более 50 номинаций (с орфографическими вариантами – более 60). К числу широко распространенных на русскоязычном пространстве относятся *бурса*, *шарага*, *каблуха*, *путяга*, *терем*, *техан*, *технар*, *фазанка*, *учага*, *хабза* и ряд других номинаций, ареал которых охватывает несколько областей, в том числе относящихся к различным странам СНГ (к примеру, название *бурса* известно на Украине, в Молдавии, в Краснодарском крае, Ростовской и Белгородской областях, а также в г. Находка). Некоторые из номинаций имеют узлокальное распространение, ограни-

В результате реагирования на пользовательские запросы была разработана модель словаря лингвокультурной грамотности (его макро- и микроструктура).

Оптимальная композиция данного словаря выглядит следующим образом: 1) предисловие, в котором должны быть отражены цели, задачи, адресат, принципы построения словаря, концепция, на которой основано его построение, 2) вводная статья «Как пользоваться словарем», 3) список лексикографических и других источников, 4) русский алфавит, 5) словарная часть (тематические разделы), включая предисловия перед каждым из разделов с кратким описанием включенных в него единиц, 6) словник (все описываемые единицы в алфавитном порядке).

Работа по формированию словника должна проводиться в три этапа: 1) формирование списка-основы (первичные словарные материалы); 2) отбор слов для анкетирования (интуиция исследователя); 3) анкетирование.

Количество зон, составляющих словарную статью, определяется особенностями описываемых единиц с учетом того, что лексикографическая интерпретация единиц конструируемого словаря должна быть осуществлена таким образом, чтобы иностранец смог включать эти единицы в собственное вербальное поведение и понимать значения этих единиц в вербальном поведении других. Так, словарная статья словаря состоит из основных (1. Заголовочная единица, 2. Обыденное значение, наиболее актуальное для русских, 3. Реализация в речи, 4. Типичные ассоциации, 5. Минимальная справочная информация) и дополнительных зон (1. Дополнительная информация, 2. Иллюстрация).

Модель словаря лингвокультурной грамотности имеет, на наш взгляд, серьезные перспективы для создания такого словаря и внедрения его в учебную лексикографическую практику.

Литература

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. М., 1997.
2. Морковкин В. В. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина // Актуальные проблемы учебной лексикографии // Сост. В. А. Редькин. М., 1977. С. 28–37.
3. Морковкин В. В., Кочнева Е. М. Ориентация на пользователя как доминанта учебной лексикографии // EURALEX's Proceedings I–II / Eds.: H. Tommola, K. Varantola, T. Salmi-Tolonen, J. Schoop. Tampere, 1992. – P. 81–87.

чиваясь одним или несколькими населенными пунктами, например *баклан* / *баклана* (Запорожье), *эпас* (Нарва), *кабанка* (населенные пункты на пограничье Владимирской и Нижегородской областей), *рогатник* (Николаев), *скирда* (Майкоп), *чушок* (Воронеж) и др.

В словарях этот пласт лексики представлен отрывочно. Практически повсеместно известное *шарага* в этом значении словарями не фиксируется (ср. несколько экзотичное толкование *шараги* через отсутствующее в словаре прилагательное в БТС: «Жарг. Шарашкина контора»). В БТС имеется *путяга* («жарг. О ПТУ»). В наиболее полном из современных жаргонных словарей [2] в качестве обозначений «колледжа, ПТУ» приводятся *гуж*, *гужатник*, *кембридж*, *коля*, *коляна*, *оксфорд*, *путяга*, *путяга*, *учага*, *фазана* и *фазанка*; здесь в одном ряду оказываются широко известное *путяга*, превалирующее в отдельных регионах *фазанка*, ее чрезвычайно редкий вариант *фазана* [в ряде случаев в графическом *фазана* или *фазань* можно подозревать пропуск буквы. Так, блоггер nikita_95-95 (blogs.mail.ru 30.10.2011 15:09, Лесозаводск, Прим. кр.) пишет с *фазанки есть кто-нить*, а через минуту повторяет: *народ тут есть кто с фазани*] и узкогрупповые единицы, не находящие подтверждения в блогосфере и в интернете в целом (подчеркнуты).

Данные о территориальной привязке синонимичных номинаций отсутствуют.

В Яндекс-блотах можно получить хронологически упорядоченные данные о числе записей с конкретным словом, а также о числе блогов, в которых слово использовалось. Статистика достоверна лишь в том случае если все записи / блоги фактически предъявляются, а это возможно лишь если их число не превышает 1000.

Традиционно лингвистика располагала лишь одним средством выявления интенсивности употребления лексических единиц: частотными словарями. Число записей с использованием конкретной единицы для не самых частотных слов близко к показателю частотности, но при невысоких цифрах лексические пристрастия одного или нескольких лиц могут заметно исказить реальное состояние узуса. Число релевантных блогов дает иную характеристику лексики, инкорпорированность в узус – число лиц, употребивших конкретную единицу хотя бы раз за рассматриваемый период. Различие двух показателей демонстрирует Табл. 1, отражающая встречаемость в блогах Мурманской области ряда нормативных и жаргонных именованных учебных заведений за сентябрь 2007 – сентябрь 2013 г. Для нормативных единиц учтены все вхождения (то есть за лицем может скрываться и Царскосельский и современный французский лицей), жаргонные единицы обработаны в ручную, неучебные значения исключены (для именованных с корнем *хобз-* учтены и более редкие написания типа *хобза*, но, например, упоминание пос. Нижняя Хобза Краснодарском крае не учитывается; следует иметь в виду, что *шарага* в учебном значении может относиться и к вузу).

Таблица 1

	колледж	училище	лицей	техникум	ПТУ
записей	991	643	554	214	136
блогов	594	354	227	153	103
	путяга	шарага	хобза	хобзайка	хобзай
записей	60	10	48	18	3
блогов	13	08	25	16	3

Как видим, среди жаргонных номинаций по частотности явно преобладает *путяга*, вдвое уступающая *хобзе* по инкорпорированности в узус. Дело в том, что *путягу* один из блоггеров (sorgvanov_20, blogs.mail.ru, Ловозеро, 1990 г. р.) использовал в 47 записях; максимальное число записей в одном блоге у его ближайшего конкурента *хобза* – 11. Впол-

не очевидно, что региональное словоупотребление характеризуется не столько частотностью конкретных единиц, сколько их инкорпорированностью в узус.

Трудно сомневаться, что статистический анализ различных сегментов блогосферы – наиболее действенное средство при выявлении специфики регионального узуса (отною не только жаргонного, см., например, [1]), нередко ареально причудливого. Так, упомянутые выше жаргонные именован- ния с корнем *хобз-* (не отмеченные общими и жаргонными словарями русского языка), кроме Мурманской области, характерны для Калининградской области России и для Белоруссии (где Гродненская область противопоставлена остальным регионам). Статистика встречаемости конкретных жаргонных единиц в этих регионах представлена в табл. 2 (данные по инкорпорированности в узус за 2001 – сентябрь 2013 г.).

Таблица 2

	<i>хобза</i>	<i>хобзай</i>	<i>хобзайка</i>	<i>шарага</i>	<i>путяга</i>
Мурманская обл.	31	4	18	14	16
Калинин- градская обл.	65	0	19	50	9
Гродненская обл.	55	101	0	1	7
Другие ре- гионы Белоруссии	893	2	1	53	20
Российские «соседи» Белоруссии*	1	0	1	83	19

* Суммарная статистика по граничащим с Белоруссией Псковской, Смоленской и Брянской областям, а также соседним Тверской и Калужской; соотношение номинаций *шарага* и *путяга* в этих регионах однотипно.

Литература

1. Беликов В. И., Ахметова М. В. Статистическая оценка функциональных свойств лексики по материалам Интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам Международной конференции Диалог 2009. М., 2009.
2. Никитина Т. Г. Ключевые концепты молодежной культуры: Тематический словарь сленга. СПб., 2013.

Горизонты русской идеографической лексикографии*

Л. Г. Бабенко

Уральский государственный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

lgbabenko@yandex.ru

Универсальный толково-идеографический словарь русского языка.

Summary. Report describes the basic stages of development of the Russian ideographic lexicography, outlined prospects for its further development, reported about the project of creation of the Universal ideographic dictionary of Russian language.

Идеографическая лексикография в России прошла к настоящему времени несколько этапов своего становления: от постановки самой проблемы идеографических словарей, называемых на первоначальном этапе по-разному: тематические, семантические, идеографические и др. словари, – до разработки их концепций и создания первых словарей в виде списков слов, объединенных общим понятием (А. Н. Баранов, Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, В. В. Морковкин и др. – 70–80 гг.). Следующий этап развития идеографической лексикографии (конец XX в.) был связан с необходимостью создания на идеографической основе толковых словарей, т. е. словарей, совмещающих принципы описания лексики, собственные толковым и идеографическим словарям (Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой; Большой толковый словарь русских глаголов; Большой толковый словарь русских существительных / Под. общ. ред. Л. Г. Бабенко). При этом и на первом, и на втором этапе развития русской идеографической лексикографии семантические группы слов рассматрива-

лись в рамках отдельных категориально-грамматических классов слов, прежде всего знаменательных – глаголов, существительных. Сегодня намечается новый этап в развитии идеографической лексикографии, который связан с решением актуальной задачи – разработкой концепции и создания Толковых идеографических словарей активного типа, охватывающих в совокупности всю лексику русского языка и, соответственно, состоящих из семантических группировок слов различной частеречной принадлежности. Выявление подобных группировок потребует дальнейшего развития теории классов слов, в частности, осмысления природы межчастеречных лексико-семантических множеств, их системной организации, т. е. изучения лексики в новом аспекте как межчастеречной системы. Потребуется изучение внутренней структуры новых по природе денотативно-идеографических групп (далее – ДИГ), расположения в их составе слов различной категориально-грамматической природы, определения слов, выполняющих семантическую функцию доминирующего компонента – слов-идентификаторов, фор-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНИФ (проект 13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах»).

мирующих состав ДИГ слов. Вероятно, что с учетом характера категориально-грамматической соотносительности слов-членов одной группы с типовой семантикой ДИГ группы будут наблюдаться явления их изосемической и неизосемической соотносительности, что повлияет и на выбор лексической доминанты группы. Так, например, для ДИГ одежды это будут субстантивы, для ДИГ перемещения – глаголы, для ДИГ цветового признака – прилагательные и т. д. Различные ДИГ слов будут отличаться и грамматической природой идентификаторов, и внутренней структурой групп, обусловленной частеречной принадлежностью составляющих их слов. Выбор идентификаторов и представление внутренней иерархии распределения слов разных частей речи в составе ДИГ будет трудной, но очень важной работой, связанной с выявлением принципов организации русской лексики как межчастеречной системы, формируемой совокупностью ДИГ слов, принципиально отличающихся от ЛСГ слов. Решение этой задачи позволит в дальнейшем представить полученные результаты исследования в лексикографических параметрах, что, в свою очередь, потребует разработки концепции нового типа идеографического словаря, его макроструктуры и микроструктуры, и будет важным для теоретической и практической лексикографии.

В настоящее время коллектив Уральской семантической школы обратился к разработке проекта «Русская лексика как межчастеречная система» и связанного с ним проекта Большого толково-идеографического словаря нового типа, в котором в результате глобального идеографического описания будет представлена русская лексика как межчастеречная система. Подобная классификация возможна, так как она опирается на ранее созданный Синописис идеографической классификации русских глаголов, существительных, прилагательных, воплощенной в серии изданных словарей. В то же время следует отметить, во-первых, что идеографические сетки лексики разной грамматической природы пересекаются, но совпадают лишь частично и имеют специ-

фические для того или другого грамматического класса слов особенности. Во-вторых, целый ряд слов различной категориально-грамматической природы (наречия, модальные слова, предлоги и предложные сочетания, союзы, междометия) в полном объеме до сих пор был вне поля зрения лексикографов, создателей идеографических словарей. Подобная лексика отличается уникальностью семантики и должна занять свое место в сводной идеографической классификации русской лексики.

В словаре в полной мере будут выявлены основные категории разного ранга (суперкатегории, базовые категории, субкатегории, частные категории), репрезентированные в различных «грамматических масках»: существительных, прилагательных, глаголов, наречий, предлогов, модальных выражений, междометий и др. Это в свою очередь позволит преодолеть лексико-грамматические преграды при изучении языковой картины мира, репрезентируемой русской лексикой в полном объеме, и рассматривать ее фрагменты (процессуально-событийный, адъективный, предметный и пр.) не по отдельности, а в целостной совокупности, выявить основные тенденции категоризации и концептуализации мира действительности, основные закономерности и особенности формирования русской языковой картины мира. Это также поможет решить актуальную для лингвистики проблему реконструкции картины мира в совокупности категорий разного ранга и статуса, представленных в их иерархии, отображающих закономерности и особенности концептуализации мира в полной мере.

К настоящему времени завершена работа по формированию словаря будущего словаря, осуществлена работа по идеографическому описанию лексики, по определению состава ДИГ слов и их представлению в систематизированном виде. В ближайшей перспективе – создание Большого словаря-тезауруса русской лексики, в котором межчастеречная система русской лексики будет максимально представлена, в дальнейшей – работа над созданием Большого толково-идеографического словаря русского языка.

К опыту создания толкового словаря русского языка нового поколения *

А. С. Белоусова, Н. Н. Занегина, Е. С. Копорская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Русский язык, лексикография, электронные словари, толковые словари.

Summary. In this presentation we will describe the experience of creating a new generation of dictionaries which contain complex information about words, and versions of which are created both as books and as in-depth digital resources. The task of creating dictionaries of this type is now being carried out at the Institute of Russian Language-RAN, in the departments of grammar and lexicography.

1. В настоящее время в отделе грамматики и лексикологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН ведется внеплановая работа по созданию русского лексикона нового поколения, содержащего комплексную информацию о слове русского языка и реализуемого как в книжном, так и в расширенном электронном варианте. В докладе пойдет речь о целях и особенностях такого словаря, опыте его создания и возникающих при этом трудностях.

2. Новое время ставит перед словарниками новые задачи, в том числе представить слово как принадлежащее, с одной стороны, многогранному миру языка, с другой стороны, как существующее в широком культурно-историческом контексте. В связи с этим словарная статья через соответствующие свои зоны должна отразить те общие языковые классы, в системе которых живет слово, и принадлежность его к каждому из них. Языковые классы и представляющие их зоны словарной статьи таковы: 1) частеречный, 2) акцентологический, 3) орфоэпический, 4) словоизменительный, 5) собственно грамматический (внутри части речи, например, у имен – одушевленность, собирательность, Pluralia tantum, у глаголов – вид, грамматически выраженный способ действия, возвратность), 6) семантическая структура слова (толкование значений слов строится по классическим образцам толковых словарей, т. е. при толковании слов не используются ни специальный метаязык, ни особые символы), 7) синтаксические связи слова, их сила и слабость, 8) семан-

тические связи, отнесенность к лексико-семантическим рядам слов, 9) деривационный, 10) стилистический, 11) функциональный (по сферам употребления), 12) квалификационный и оценочный, 13) фразеологический, 14) хронологический (и локально-хронологический или только локальный), 15) этимологический и лексико-исторический (история слов), 16) энциклопедический.

Сложность решения названной задачи в значительной степени заключается в том, что однотомный толковый словарь, являющийся наиболее удобным в пользовании и наиболее востребованным читателем, ставящий перед собой цели просветительского характера и в то же время стремящийся дать возможно полную внутрilingвистическую и экстралингвистическую информацию о значительном массиве слов (адекватно репрезентирующем современную литературную лексику, в том числе ее разговорный пласт, в объеме до 80 000 слов) не может выполнить такую задачу в полном объеме.

Выход из этого положения – одновременное издание двух версий словаря: книжной и углубленной электронной, что позволит снять вопрос об ограничении информационного пространства словаря, поскольку электронная версия помимо основного текста может содержать и различного рода развернутую, не ограниченную объемом «дешифровку» сведений о слове, закодированных в книжной версии. Это позволит расширить и сам круг пользователей словаря, удовлетворяя их разные запросы и нужды.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-34-10466 «Новый толковый словарь современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях)».

3. Идея электронного словаря русского языка, прилагаемого к книжному изданию и являющегося его расширенной версией, принадлежит ведущему научному сотруднику ИРЯ РАН к. ф. н. А. С. Белоусовой, она же ведет и основную координационную работу по проекту. Авторский коллектив словаря – представителей научной школы академика Н. Ю. Шведовой – имеет большой опыт лексикографической работы: в теоретическую основу словаря заложены принципы, выработанные ранее в ходе работы над «Толковым словарем русского языка с включением сведений о происхождении слов», «Русским семантическим словарем (Толковым словарем, систематизированным по классам слов и значений)», «Русским идеографическим словарем», «Словарем грамматической сочетаемости слов русского языка». Это касается таких вопросов, как отбор материала, строение словарной статьи, ее отдельных зон, описание семантической структуры слова, отражение в словарной статье системных отношений в лексике и языке в целом, демонстрация различных потенциалов слова (семантического, словообразовательного, идиоматического, синтаксического), определение объема информации об отраженном в значении слова понятии, которая может быть включена в толкование и т. д.

При создании электронной версии словаря – прежде всего при разработке программной оболочки для редактора, а также интерфейса пользователя – авторы также учитывали собственный опыт работы над электронными версиями словарей («Русским семантическим словарем» [http://www.lexrus.ru/default.aspx?p=235], «Русским толково-этимологическим словарем» [http://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2864], «Русским идеографическим словарем» [http://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2907]) и опыт чешских коллег в создании сходных продуктов – коллектива авторов «Русско-чешской электрон-

ной лексикографической базы данных» (Rusko-česká elektronická slovníková databáze).

4. Далее в докладе будут рассмотрены технологические и лексикографические особенности нового словаря, работы над первой версией которого планируется завершить к концу 2014 года.

Литература

1. Белоусова А. С. О трех новых словарях русского языка // Теория и история славянской лексикографии. Научные материалы к XIV съезду славистов. М., 2010.
2. Белоусова А. С. О новых жанрах словарей русского языка под редакцией академика РАН Н. Ю. Шведовой // Славянская лексикография. Научные материалы к XV съезду славистов. М., 2013.
3. Копорская Е. С. Два новых словаря как следующий шаг в описании и изучении русской лексики // Славянский мир: Общность и многообразие. Материалы Международной научно-практической конференции «Дни славянской культуры и письменности». Тверь, 22–23 мая, 2008. Тверь, 2009. С. 94–101.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей редакцией Н. Ю. Шведовой. Т. I «Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные: Все живое. Земля. Космос». М., 1998; Т. II «Имена существительные с конкретным значением: Все создаваемое руками и умом человека». М., 2000; Т. III «Имена существительные с абстрактным значением...». М., 2003; Т. IV «Глагол: Глаголы неполнозначенательные, дейкитические, бытийные, со значением активных действий, деятельности». М., 2007; Т. V «Глагол: Глаголы со значением физических действий, движения, неактивных процессуальных состояний. Имена прилагательные с процессуальным значением. Счетные слова». М., 2012.
5. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.

О проекте «Русские предикативные ассоциативные сочетания: словарь»^{*}

С. Г. Букаренко

Таганрогский государственный педагогический институт имени А. П. Чехова

buckarenko@rambler.ru

Словарь, ассоциативный эксперимент, предикативные ассоциативные сочетания.

Summary. Dictionary will provide users with qualitative and quantitative information on Russian predicative associative word combinations obtained as a result of a directed association experiment: Heaven (S) → thunders (R). It will allow researchers to focus on solving the problems, setting them free from time-consuming preparatory work related to carrying out series of experiments and initial processing of the results.

В научных исследованиях сбор большого объема материала для анализа и его первичная обработка является трудоемким процессом, поглощающим почти механической работой значительную часть времени, не давая возможности в полной мере сосредоточиться на более существенном. Помощь в этом традиционно оказывали и оказывают словари, обеспечивая исходным материалом, в той или иной степени уже подготовленным для решения целого круга конкретных задач.

Словари, как правило, создаются на материале, извлеченном из письменных источников. Но этого недостаточно: нужны словари, содержащие данные экспериментов разного типа. Таких словарей весьма мало, несмотря на особую роль эксперимента в изучении языка, отмеченную еще Л. В. Щербой в известной статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». Исключения составляют ассоциативные словари: «Словарь ассоциативных норм русского языка» / под ред. А. А. Леонтьева (1977), «Русский ассоциативный словарь» Ю. Д. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова (2002), «Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский» Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой, Ю. Д. Караулова, Е. Ф. Тарасова (2004) и др. Все они основаны на данных свободного эксперимента. Однако результаты направленного ассоциативного эксперимента также представляют научный интерес. Поэтому в настоящее время с опорой на лексикографический опыт указанных словарей создается словарь «Русские предикативные ассоциативные сочетания», содержащий материалы такого эксперимента. Его цель – дать исходное для исследователей качественно-количест-

венное словарное представление о той части ядра русской языковой картины мира, которая наиболее прочно запечатлена в памяти носителей русского языка в предикативных ассоциативных сочетаниях и поэтому автоматически извлекается из нее в виде сказуемого-реакции на подлежащее-стимул в условиях мгновенной реакции.

Ситуацию реализации указанных сочетаний можно создать искусственно, с помощью направленного ассоциативного эксперимента с соответствующей целевой установкой. Это обеспечивает «доступ» к скрытой в памяти информации и к желаемому качеству и объему исследуемых сочетаний. Благодаря серии проведенных таких экспериментов был собран материал для создаваемого словаря. Респондентами были филологи, которым в достаточно быстром темпе предлагались стимулы-подлежащие с просьбой мгновенно назвать к ним реакцию-сказуемое: S ... → R: Гром ... → гремит, Картина... → висит, Москва... → столица, Точка... → поставлена и т. д. Полученные экспериментальные данные обобщены в словарных статьях.

Для удобства исследователей, изучающих языковую картину мира, словарные статьи распределены по разделам, соответствующим ее основным фрагментам: «Человек», «Животные», «Растения», «Пространство», «Время» и др. Структура словарной статьи разработана с учетом лексикографических достижений имеющихся ассоциативных словарей. Ее представляют:

1 – количество нисходящая последовательность экспериментально полученных предикативных ассоциативных сочетаний: ВРЕМЯ идет 81 (29,8%) || бежит 65 (23,9) || пришло 16 (5,9), прошло 16 (5,9) || спешит 14 (5,1) || ... шло 1 (0,4) = 272 (100,0);

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований, грант № 12-04-00069.

II-численно-графический комментарий этой последовательности, содержащий:

1) данные о степени концентрации предикативных ассоциативных сочетаний (повторяемость одинаковых ответов): ВРЕМЯ: $81 \times 1 = 81$ (29,8) || $65 \times 1 = 65$ (23,9) || $16 \times 2 = 32$ (11,8) || $14 \times 1 = 14$ (5,1) ||... $1 \times 22 = 22$ (8,1) || = 272 (100,0);

2) количество отказов, ошибочных и правильных ответов: ВРЕМЯ: 1, 8, 272;

3) количество предикативных ассоциативных сочетаний со сказуемыми указанных категорий: ВРЕМЯ: Кол. Д. (количественный диапазон) 272 (100,0); Кач. Д. (качественный диапазон) 41 (100,0) // ГС (глагольных сказуемых) 260 (95,6): н / в 197 (72,4), с / в 63 (23,2) || без -ся 248 (91,2), с -ся 12 (4,4) || без не 260 (95,6), с не 0 (0,0) || и. накл. 260 (95,6), (сосл., пов.) || н. вр. н / в 196 (72,1); пр. 64 (23,5): н / в 1 (0,4), с / в 63 (23,2), (буд.) || 3 л. ед. 196 (72,1), м. ед. 64 (23,5) || (инфинитив) / ИС (именных сказуемых) 12 (4,4): связка 12 (4,4): (отриц.); и. накл. 12 (4,4), (сосл., пов.) || н. вр. 12 (4,4), (пр., буд.); им. ч. 12 (4,4): сущ. 3 (1,1), прил. 7 (2,6): полн. ф. 3 (1,1), кр. ф. 4 (1,5), прич. стр. пр. вр. кр. ф. 2 (0,7) (мест., числ., прич. действ., прич. стр. пр. вр. полн. ф., прич. стр. наст. вр., нар. – 0);

4) количество предикативных ассоциативных сочетаний с глаголами-сказуемыми движения: ВРЕМЯ: Кол. Д. 238 (87,5), Кач. Д. 25 (61,0);

5) комментарий в необходимых случаях виде диаграммы и графика;

III – 4 типа списков предикативных ассоциативных сочетаний, конкретизирующие приведенные количественные данные.

Словарная статья завершается извлечениями из письменных текстов предложений с предикативными сочетаниями, в которых главным является слово, данное в статье в качестве стимула. Для пользователя словарем они могут служить отправной точкой для сопоставления с экспериментально полученными предикативными ассоциативными сочетаниями. При необходимости более полного сопоставления рекомендуется обращение к «Национальному корпусу русского языка».

Автору хочется надеяться, что создаваемый словарь сможет обеспечить обратившихся к нему исследователей исходно необходимой для работы качественно-количественной информацией о русских предикативных ассоциативных сочетаниях и о действующих в них механизмах сочетаемости.

Сибирский метеорологический словарь: опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов

В. П. Васильев

Кемеровский государственный университет

wwpetrovich@rambler.ru

Базовый метеоним, концепт, идеография, словарь-концептуарий, диалектный дискурс, русские говоры Сибири.

Summary. The paper considers the structural features of Siberian Weather Glossary which represents practice of cultural and cognitive analysis of basic metonyms presented in Russian dialects of Siberia and Russian Far East.

Разрабатываемая когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией теория концепта, ориентирующая на его всестороннее исследование (сущность и структура концепта, концепт как гетерогенная целостность и его границы, связь содержания концепта с его выражением, динамика концептов и т. д.), открывает перед современной лингвистикой новые возможности для лексикографической практики, развитие которой в культурно-когнитивном направлении создает дополнительный фактологический плацдарм, необходимый для того, чтобы обнаружить уязвимые моменты существующих концепций и обозначить пути их развития и интеграции.

Предметом обсуждения является новый для диалектографии проект – «Сибирский метеорологический словарь» (СМС), представляющий собой опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов, бытующих в русских говорах Сибири и Дальнего Востока. Он основывается на первичных и вторичных источниках, отражающих диалектный (текстовый и словарный) материал сибирского и дальневосточного культурного ареала. В СМС как диалектном глоссарии соединяются принципы толкового, идеографического, когнитивного и лингвокультурологического словарей. В нем воссоздаются метеонимические концепты по их реализации в диалектном дискурсе и результатам объективации в тезаурусе диалектного языка, что определяет построение словаря в двух частях. При этом концепт рассматривается как форма знания, которая содержательно выражает целостное познание метеоявления в единстве социокультурных, логико-гносеологических и практических аспектов его освоения.

В первой части лексикографического исследования моделируется базовый концепт в границах его дискурсивного воплощения. Здесь концепт, будучи единицей познания, раскрывается на основе его смыслов, актуализированных в процессе речевого общения в необразных и образных синтаксических структурах, фреймовая организация которых соответствует разному набору восьмиэлементной синтагматической модели: оценка – (количество – качество: [предмет] – (инобьятие:) способ – место – время). В приводимых моно- и полипредикативных синтаксических конструкциях содержится языковое знание о мире с точки зрения того, «как оно есть для человека, как создает его антропоральность». В синтаксических построениях, воспроизводящих

метеосреду через при-зму человека, его самоощущение, одновременно синтезируются разные уровни и формы отображения метеореалий (1); задаются свойства субъекта, его видение и позиция, система ценностей и предпочтения в контексте социума и культуры, в который входит само явление (2); реализуется установка на диалог сознаний (3); фиксируются «остаточные смыслы», заключающие в себе «следы дискурсивных практик прошлого и мыслительных стереотипов», «столкновение языковых наслоений различных культурных ситуаций» (4), и тем самым сосредоточивается объективная способность через употребление имени «дать объекту максимально полное и всестороннее описание, описание интегральное, в котором можно было бы учесть как когнитивные, так и коммуникативные особенности его бытия в системе языка».

В словарной статье СМС единый концепт «собирается» на основе его речевых реализаций в языке. В предложениях-высказываниях объективируются все направления концептуализации метеоявления, ассоциирующиеся с базовым именем. В «упаковку» дискурсивного знания, например, о дожде, нацеленную на оформление концепта как структуры опыта, закладывается

- образная информация, которая, выявляясь из образных контекстов (при наличии в них метафор, сравнений, олицетворений, эпитетов), формулируется в виде образных парадигм и конкретизирующих их частных образных представлений: ср., например, «дождь-как-участок возделываемой земли»: "дождь-как-полоса" – *А там, у гранито у самой, дождж прошёл. Полосой прошёл – где намочил, где нет* (Кемер. обл.).
- понятийная и аксиологическая информация, структурируемая в виде концептуальных аспектов (слов) и комплекующих их признаков: ср., например, «величина частиц осадков»: "незначительный по величине" – *Бусит как из сита дожджик мелкий. Бусит бусунец, мелко идёт* (Н-сиб. обл.); "значительный по величине" – *С грозой дождж всегда быстро проходит, и крупный* (Кемер. обл.); «эмоциональная оценка»: "положительная оценка" – *Не было дожджа, всё засохло уж, скотине негде попить да же. А вчера дожджык пошёл, дак все рады стали...* (Кемер. обл.) и т. д.
- культурно-ассоциативная информация, вбирающая в себя приемы, а также мифолого-религиозные представления о дожде и

связанные с ними обряды, суеверия, поверья: ср., например, «обряд вызывания дождя» – *Чтобы дождь пошёл, ганки* [ступеньки крыльца] *поливаю* (Амур. обл.). *Кода дожджу нет, старухи готовяцца, говорят, надо маку посыпать в ключи, чтобы дождж пошёл...* (Кемер. обл.). *Долго дожджа нету – на могилу воды лить* (Кемер. обл.); «приметы, предвещающие дождь и характер его проявления» – «поведение домашних животных»: ... *лошади вот кода храпят вот часто, тоже говорили раньше, что к дожджу* (Кемер. обл.).

Во второй, идеографической части словаря подаются в групповой форме системно связанные с базовым метеонимом *дождь* слова и эквивалентные им выражения (ср. чит. *хальной* 'идуший почти непрерывно (о дожде)'; ирк. *вершильщик* 'тот, кто выкладывает верхнюю часть стога так, чтобы не проливал дождь'; кемер. поговорка *был бы дождь да гром, и не надо агроном* 'так говорят о пользе своевременного дождя').

Подобный корпус единиц распределяется по пятидесяти семантическим группам разной частеречной принадлежности – существительных, обозначающие виды дождей, почву, углубления, строения, первичные продукты сельскохозяственного производства и др.; глаголов, обозначающие функциональное состояние атмосферных осадков, прекра-

щение существования дождя, помещение объекта, рытьё и др.; прилагательных, обозначающих количество, интенсивность явлений, становление физического качества и т. д.; наречий, указывающих на интенсивность проявления признака, время и др. Сформированное лексическое множество как гетерогенное образование организуется по принципу «фамильного» сходства: в «орбиту» базового метеонима входят такие единицы языка, которые образуют его непосредственное структурно-семантическое окружение по линии парадигматики, эпидигматики и синтагматики и опосредованное по линии контекста и являются отсроченными средствами его смыслового развертывания.

Опыт словарной объективации концепта на номинативно-категориальном и пропозитивно-дискурсном уровнях языковой картины мира активизирует внимание к ее рассмотрению с точки зрения того, «как язык отражает стоящую за ним культуру, наивный образ мира, ... что в самом языке... обусловлено культурой и мотивировано картиной мира», влечет к установлению в ЯКМ способов существования концепта и обусловленных ими единиц ее анализа. Таким образом, СМС служит изучению языковой картины мира сельского населения в аспектах претворения в ней социокультурного бытия деревенского сообщества, его менталитета и ценностных ориентаций.

Германские позиции на бастионах классики (на материале стоматологической терминологии)

А. Г. Гайфулина

Казанский государственный медицинский университет

aislu-gg@yandex.ru

Стоматология, латинский, английский, русский, языковое сосуществование.

Summary. The paper is about the influence of the English stomatology terms to the Latin and Russian terminology, owing to the technical and scientific development of this subject in the USA and Great Britain.

Объектом исследования является терминология стоматологии, раздел ортодонтии и ортопедии. Традиционно медицинская терминология основана на лексике классических языков. Но так ли это всегда. Сохраняются ли греко-римские позиции во всех терминсистемах, или наблюдаются некоторые подвижки, и становится более сильным и уверенным влияние современных языков. Для исследования мы выбрали термины такого раздела медицины, успехи в котором столь очевидны, что нельзя этого не заметить, – термины ортодонтии и ортопедии. Они привлекли наше внимание еще и потому, что, пожалуй, ни в одном лексическом минимуме они не представлены, в то время как значимость их для специалистов-ортодонтов весьма велика. Например: *бипротрузия* означает поворот, при котором обе челюсти находятся в переднем положении (bi = два, *protudo*, *trusi*, *trusum*, -ere – толкать вперед, выталкивать); *экструзия* (от латинского *ex-trudo*, *trusi*, *trusum*, -ere – выталкивать, выгонять, отсечь, вытеснить) – означает выталкивание зуба из кости; *интрузия* (восходит к латинскому *intrudo*, *trusi*, *trusum*, -ere), что означает погружение зуба в кость; *биретрузия* (от лат. bi – два, *retrudo*, *trusi*, *trusum*, -ere), что означает отталкивать назад, удалять (научной дефиницией является обозначение, что обе челюсти находятся в заднем положении); *окклюзия* (от лат. *occlude*, *clusi*, *clusum*, -ere, что означает запираеть, закрывать) в медицине означает смыкание зубов верхней и нижней челюсти при максимальном контакте зубов.

Интересна еще одна группа терминов, также восходящая к латинскому первоисточнику: *адгезия* (от лат. *adhaesio*, *onis*, *f* – прилипание, сцепление, притяжение, тяготение). Научная дефиниция термина сохраняет основное значение первоисточника, так как адгезия – это связь между приведенными в контакт разнородными поверхностями, возникающая как результат действия межмолекулярных сил или сил химического взаимодействия. Адгезия определяет прочность склеивания, связи полимеров с наполнителями, лаковых пленок с подложками и т. д. *Когезия* (от лат. *cohaereo*, *haesi*, *haesum*, -ere – быть связанным, соприкасаться, находиться в связи). Научная дефиниция охватывает обширное понятие, описывающее сцепление молекул атомов или ионов физического тела под действием различных сил

притяжения. Когезия определяет прочностные свойства как однородных по химическому составу твердых тел, так и различных композиций. *Адгезив* (от лат. *adhesive* – клеящее вещество) – термин, объединяющий различные вещества, основным назначением которых является создание адгезионного контакта: клеи, подслои, адгезионные агенты.

Как видно из приведенных примеров, все выше названные термины латинского происхождения, восходят к латинским глаголам, которые в сочетании с различными префиксами образуют интереснейшие словообразовательные гнезда. И вдруг «скандал в благородном семействе». Термин *праймер* (грунтовка) ломает наше представление о фонетическом строе латинского языка. Не *primus*, а, um, а явная английская произносительная норма закрепились в этом термине, и он узнаваем, его используют специалисты.

Дальше – больше: термин *кламмер*, который восходит к немецкому *klemme* (тиски, технологический зажим, направленный для закрепления электрических проводов), используется в ортопедии и означает средство механической фиксации съёмных зубных протезов. Кламмерная система фиксации протезов – одна из самых распространенных. Термин *коффердам* приносит с собой запах моря, океанских протезов, так как изначально он означает водонепроницаемый отсек, расположенный вдоль бортов, незащищенных броней; коффердам предназначен для предохранения корабля от затопления через бортовые пробоины, расшатавшиеся заклепки и болты или сварные швы. На торговых судах – узкий водонепроницаемый отсек, отделяющий два соседних помещения, в одном из которых хранятся нефтепродукты; служит для воспрепятствования просачивания газов из одного помещения в другое. Иногда для большей надежности изоляции коффердам заливается водой. В ортодонтии коффердам означает закрепление операционного поля каучуковой мембраной, для изолирования зуба от десны. И, наконец, любопытнейшие термины: *влажный бондинг* (*wet bonding*) – где *bond* является английским глаголом – связывать, сцеплять; *влажный* – является переводом английского слова *wet*. Научная дефиниция означает технику работы с адгезивными системами, предусматривающими тотальное протравливание твердых тканей зуба. Перед нанесением компонентов адгезивной системы эмаль должна быть мато-

вой (не белой), а дентин должен быть слегка увлажненным и искриться. Параллельно с ним существует термин *сухой бондинг* (dry bonding), где *сухой* является переводом слова dry, а bonding является транслитерацией английского термина, также как и в первом случае. Научная дефиниция этого термина – техника работы с самопротравливающими адгезивными системами, а также с системами тотального протравливания при условии применения *увлажняющих агентов* (rewetting agents). Перед нанесением компонентов адгезивной системы эмаль и дентин могут быть матовыми, без признаков остаточной влаги.

Термины *влажный бондинг*, *сухой бондинг* представляют собой конгломерат сложносоставных терминов, один компонент которого является калькой, а другой – транслитерацией английского эквивалента. Мы могли бы сюда же присоединить термин *увлажняющий агент* (rewetting agents), но он все-таки отчасти является латинским, так как «агент» восходит, все-таки, к латинскому первоисточнику. Рядом с этой группой терминов уживается скромное русское слово *протравка* – раствор или гель, содержащий концентрированную неорганическую кислоту, предназначенный для полного удаления «смазанного слоя» и создания микрорельефа на поверхности эмали, дентина, цемента, что способствует проникновению компонентов адгезивной системы в твердых тканях зуба и формированию полноценного гибридного слоя.

О синонимии в лингвистической терминологии

Г. А. Гвоздович

Белорусский государственный университет (Минск)

hvazdovich@mail.ru

Лингвистический термин, синонимия, типы терминов-синонимов.

Summary. An attempt to structure and determine types of synonymous terms was done investigating phenomenon of synonymy. It became possible to define synonymous terms on the level of word expressions, constructional and affixal formations.

Лингвистическая терминология неоднократно подвергалась исследованию, однако интерес к ее изучению не ослабевает, поскольку отражаемая ею область знания постоянно развивается и углубляется, образуя при этом сложную систему понятий о языке – наиважнейшем средстве человеческого общения. Являясь по своей природе антропоцентричным, язык фокусирует окружающий мир, в том числе и научные изыскания, в разветвленной знаковой системе с точки зрения человека. Известно, что образование терминов любой отрасли знания, включая и лингвистику, не является стихийным процессом, а скорее сознательным, поэтому вопрос нормативности в терминологии и соответствия терминов определенным требованиям имеет свою историю, продиктованную главным образом прагматическими ценностями и одновременно особенностями сферы функционирования рассматриваемых нами специальных номинаций.

Сформулированные Д. С. Лотте, а затем дополненные другими терминологами и специалистами критерии, которым должен соответствовать термин, изложены в подготовленном Комитетом научно-технической терминологии АН «Кратком методическом пособии по разработке и упорядочению научно-технической терминологии». Наряду с такими требованиями, как фиксированное содержание (одному знаку соответствует одно понятие), точность (обуславливается дефиницией), однозначность (в пределах одной терминосистемы), системность (базируется на классификации понятий), краткость и т. д., выдвигается и такое, как *отсутствие синонимии*.

Что понимается под термином *синонимия*, какова его сущность? Различные подходы к изучению, разное видение проблемы, наконец, сложность и привлекательность для исследователей самого явления породили достаточно широкое и объемное научное наследие, которое требует в свою очередь глубокого осмысления и специального анализа. Тем не менее в терминологических словарях понятие *синоним* трактуется достаточно четко. Так в «Справочнике по русскому языку. Словаре лингвистических терминов» (М., 2003) Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой читаем: «Синонимы... Слова близкие или тождественные по своему значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся стилистической окраской, или тем и другим...». Далее характери-

Итак, самый общий взгляд на представленные термины позволяет нам прийти к заключению, что русские термины ортодонтии и ортопедии образуются из самых разных источников, первым из которых, разумеется, является латинско-греческий, вторую же группу составляют термины, восходящие к новейшим языкам: немецкому, английскому. Появление терминов новейших языков, скорее всего, объясняется бурным развитием ортопедии и ортодонтии в последней трети XX и в начале XXI века, появлением новых композитных материалов, которые открыли новые возможности для протезирования, а также, конечно, не последнюю роль играет социально-эстетический фактор. Ведь человек должен быть успешным, уверенным в себе и улыбаться широкой улыбкой, демонстрируя свое благополучие и надежность. Это особенно ощущается в государстве с рыночной экономикой. Первопроходцами в этом направлении были западноевропейские страны, США, что и объясняет появление терминов этой группы в этих странах. Будет ли пополняться терминосистема из этого источника – покажет будущее, однако нельзя исключать возникновение терминов русских по происхождению, например «протравка». Из каких бы источников не пополнялась терминосистема того или иного направления в науке, следует реагировать на этот процесс и знакомить учащихся с их этимологией, включая их в состав лексического минимума.

зуются типы синонимов, как то: абсолютные, идеографические, контекстуальные, однокоренные, стилистические, грамматические, словообразовательные, фразеологические.

Не все так однозначно в терминологии. Вслед за О. С. Ахмановой принято говорить, что синонимы в терминологии имеют иную природу, нежели в общелитературном языке, и понимают под ними явления дублетности, триплетности и т. д., при которых отсутствуют те отношения, которые организуют синонимический ряд, а также эмоционально-экспрессивные, стилистические, оттеночно-семантические оппозиции.

Обратимся к лингвистической терминологии. В основе появления синонимов-дублетов может быть несколько предположений. Это параллельное употребление русскоязычных (данное понятие тоже требует своего отдельного описания) и заимствованных наименований: *приставка – префикс, окончание – флексия, родительный падеж – генитив, языкознание – языковедение – лингвистика – глоттология* и многие другие. Здесь просматриваются многие причины введения нового термина: авторское видение сущности термина, связанное с различными аспектами исследования (*семантическая конденсация – универбация, части речи – грамматико-семантические классы слов – грамматические классы слов – морфологизированные члены предложения*); замена двух-, трехкомпонентных и т. д. единиц однокомпонентными, часто заимствованными (*условное наклонение – кондиционалис, неопределенная форма глагола – инфинитив*); возможности вступать в словообразовательные (derivационные) отношения и образовывать синтаксические конструкции. Требование краткости лежит и в замене многокомпонентного термина аббревиатурой, что чаще проявляется на уровне функционирования (*фразеологическая единица – ФЕ, сложное предложение – СП*), а также так называемыми фамильными терминами типа *критерий Винокура*.

В лингвистической терминологии на уровне слов проявляют себя, как представляется, оба варианта синонимии, то есть как в семантическом общезыковом понимании, так и в терминологической дублетности, в абсолютных синонимах. Например: *словарь – словник – азбуковник – глоссарий – вокабуляр – лексикон – конкорданс; буква – литера – письменна – дигамма – инициал – лигатура – буквица; язык –*

наречие. В синонимических рядах указанного типа могут быть многозначные термины, которые в свою очередь обнаруживают способность включаться в другие синонимические или омонимические ряды (*словарь – лексика – лексикон; наречие (язык) – наречие как часть речи*). Последних в лингвистической терминологии встречается не очень много, гораздо больше абсолютных синонимов (дублетов...) типа *приставка – префикс, флексия – окончание, согласный – консонант, языковедение – лингвистика – глоттология*. Хотя и в этой группе терминов не всегда можно говорить о полной идентичности. Если на понятийном уровне, на уровне внутреннего содержания такие термины совпадают, то в плане вступления в терминообразовательные (деривационные) отношения и при сочетаемости с другими терминологическими единицами возникает разного рода ограничения: Так, можно *лингвистика, лингвострановедение, нельзя – языко... или глотто...*, можно – *языки флективные* (от *флексия*), *нельзя – окончательные* или *подобное*, можно – *консонантное письмо, нельзя – согласное* и т. д.

Толковый словарь и идеология

Н. И. Голубева-Монаткина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

golmonat@mail.ru

В научной литературе иногда утверждается, что в современной России идет процесс деидеологизации языка и словарей (см., например: «Толковые словари постсоветского периода отражают объективный процесс деидеологизации языка...» [2: 59]). Возможно ли существование идеологически нейтрального толкового словаря? Может быть, такие словари есть на Западе?

Как известно, идеология – это «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, ...а также содержатся цели (программы) социальной деятельности», и она «выступает в различных формах политических, правовых, этических, религиозных, эстетических и философских взглядов» [3: 206–207]. То, как мы употребляем слова, отражает наше жизненные интересы, ценности, и наша реальность обусловлена языком нашей идеологии, которая принуждает нас действовать в соответствии с нашими убеждениями и в их защиту [5: 29]; [4: 28–39]. Поэтому очевидно, что толковый словарь, систематически отражающий словарный состав языка, «как явление общественное не может быть оторванным от идеологии... Выбор дефиниций, формы, места, сферы и т. д. употребления языковых единиц зависит от идеологических и культурных установлений социума... Хотя авторы, редакторы и издатели словарей зачастую маскируют свой идеологический выбор... словарь, как и всякое литературное произведение, не может быть полностью «идеологически чист», поскольку лексикографический труд рождается в обществе, служит обществу, в обществе же и живет» [1Д: 33–34]. В обществе, которое способно создать толковый словарь, на месте одной идеологии не может не сформироваться другая (см. о деидеологизации как социологической концепции [3: 150]) и словарь обязательно будет отражать эту новую идеологию.

Непростая ситуация и в синонимии однокорневой и аффиксальной. Здесь также требуется комплексный классификационный подход к решению проблемы. В целом в системе лингвистической терминологии можно выделить термины-синонимы на уровне суффиксов: *синкретичность – синкретизм, стилистический – стилевой, словообразовательный – словообразующий, циркумфлексный – циркумфлексовый – циркумфлектированный*; на уровне префиксов: *безаффиксный – неаффиксный, неглагольный – безглагольный, алогичный – нелогичный*; на уровне префиксов и суффиксов: *неударный – неударяемый – безударный – неударенный*.

Таким образом, проблема синонимии в терминологии до настоящего времени не нашла однозначного решения. Мы можем констатировать, что она (синонимия, дублетность) проявляется на различных языковых уровнях и базируется как на внутриязыковых, так и внеязыковых факторах. Полностью следовать требованию – *отсутствие синонимии* в терминологии пока не представляется возможным; минимизировать процесс можно, но не в ущерб развитию лингвистической мысли.

Но, возможно, все эти утверждения не касаются известных западных толковых словарей?

Однако, рассмотрение, в частности, дефиниций в нескольких рядах словарных статей (*angliciser, américaniser, franciser, germaniser, russifier; anglophile, francophile, germanophile, russophile; anglophobe, francophobe, germanophobe, russophobe*), структуры некоторых словарных статей (в частности, *orthodoxie*), цитат-иллюстраций (например: *Les bolchos et les fachos ‘Большевики и фашисты’* [7: 272]) в одном из авторитетнейших, постоянно переиздающихся французских однотомных толковых словарей – «Малом Робере» (выходит с 1967 г.) [6]; [7] позволяет выявить идеологизированность этого словаря, которая является отражением аксиологической тенденциозности его авторов.

Литература

1. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: Учеб. пособие. М., 2009.
2. Кутина Н. А., Михайлова Ю. Н. Религиозная лексика и ее отражение толковыми словарями русского языка // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции. Шестые Шмелевские чтения. 24–26 февраля 2004 г. М., 2004.
3. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989.
4. Brown L. B. Ideology. Harmondsworth, 1973.
5. James P. G. Social Linguistics and Literacies: Ideology in Discourses. New York, 2008.
6. Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 2001.
7. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition millésime. Paris, 2012.

Безэквивалентная лексика в русской паремиологии

Т. В. Гоннова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

concept-t@mail.ru

Безэквивалентная лексика, паремиология, реалия, фразеология.

Summary. Lately there has been set a tendency of wide interpretation of the notion “realia” as a part of non-equivalent lexis. To realias can be referred not only objects of material world but also facts of spiritual culture – and thus the border between the realia and other types of non-equivalent lexical units appears to be broken. Non-equivalent lexical units give special colouring to proverbs and set expressions; and it allows to speak about specific, national expression of general human situations. National and cultural specifics of defining the existing realias gives rise and determines approaches to their classification existing in modern linguistics.

В современных исследованиях, посвященных семантическим проблемам слова, фразеологизма, паремий, обязательным условием любого рассмотрения тех или иных свойств единиц стала операция их объединения в различного рода семантические группировки. Довольно популярным остается

понятие лексико-семантической группы. Ряд исследователей различают лексико-семантические группы и более мелкие группировки внутри них, другие включают лексико-грамматические группы в тематические группы, считая их составной частью последних. Отметим, что подобные по-

пытки предпринимаются исследователями, работающими над созданием идеографических словарей, что «вынуждает» их учитывать разнообразный материал. Определяя связь между словами как наличие общих компонентов в значении, ученые строят эскизную модель семантического поля. В него включаются синонимы (слова, на базе которого строится поле), антонимы и слова, имеющие с именем поля часть одинаковых компонентов, причем лексико-семантическое поле обнаруживает принципиальную структуру независимо от материала.

Лексика, обозначающая реалии материального и духовного мира того или иного народа, привлекает внимание лингвистов в силу глубокого познавательного потенциала. К числу реалий можно отнести общественные организации и учреждения, обычаи и традиции, факты из общественной и культурной жизни страны, предметы обихода, географические пункты, произведения искусства и литературы, науки и спорта, персонажей художественных произведений; в качестве реалий могут выступать понятия, передаваемые отдельным словом, словосочетанием, сокращением.

Предметная лексика в лингвистическом рассмотрении является собой весьма специфическую группу. Семантизация ее должна содержать не только фоновые сведения. Необходимо иметь четкое представление о денотате, предмете материального мира или явлении духовной культуры, стоящем за словом. Связь между денотатом и лексемой, служащей для его номинации, порой нелегко определить. Слова, обозначающие материальную среду, предметы материальной культуры, заслуживают особой классификации по предметным группам и рубрикам, в которых роль внешних по отношению к языку влияний проявляется в максимальной степени. В основе тематической классификации лексики лежит классификация предметов и явлений реального мира. Из подобного положения вытекает определение лексико-тематической группы Ф. П. Филина: лексико-тематические группы – это «объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений».

В последнее время наметилась тенденция расширенного толкования понятия «реалия». Обозначения реалий рассматриваются как часть безэквивалентной лексики, при этом большинство ученых относят к реалиям не только предметы и вещи материального мира, но и факты и явления духовной культуры, политики и т.д., что стирает границы между обозначениями реалий и другими разрядами безэквивалентной лексики. Более корректно признать реалию денотатом лексической единицы.

Анализируя лексический состав пословиц и поговорок, паремиологи заметили, что именно безэквивалентная лексика придает им тот своеобразный колорит, который позволяет говорить об этом выражении либо как типично русское, либо как о специфической, национальной передаче общечеловеческих ситуаций. Национальная и историческая окрашенность обозначения реалий тесно связаны и взаимобусловлены.

Тематическая классификация обозначения реалий может определенным способом эксплицировать страноведческий потенциал определенной лексической группы.

Исследователи, рассматривавшие обозначения реалий с разных позиций, разработали тематическое деление, совпадающее в основных чертах. Это вызвано тем, что и в лин-

гвострановедении, и в теории и практике перевода обозначения реалий представляют собой пласт лексики, вызывающий несомненные затруднения. В первом случае отсутствие эквивалента в родной культуре учащегося затрудняет усвоение соответствующей лексической единицы в полном объеме ее значения, а во втором случае отсутствие эквивалента заставляет переводчика изыскивать разные способы для передачи национального и исторического колорита. Таким образом, именно национально-культурная специфика обозначений реалий определила подход к их классификации и в лингвистическом, и в переводоведении. Обе классификации не ограничены какими-либо рамками. Это попытка разделить всю совокупность обозначений реалий, заключенных в языке, на группы.

Нами была проанализирована группа пословиц и поговорок, связанная с понятием «труд».

Тематическая классификация обозначения реалий в паремиях семантического поля «труд» включает: А. **Обозначения этнографических реалий.** I. Обозначения бытовых реалий: 1. Наименования пищи и напитков: а) наименования мучных изделий; б) наименования напитков; в) прочее; 2. Наименования одежды: а) наименования мужской одежды; б) наименования женской одежды; в) детали русской одежды; 3. Наименования обуви и лексики, связанная с ними; 4. Наименования головных уборов; 5. Наименования жилых и хозяйственных построек, их частей и деталей: а) наименования жилых и хозяйственных построек; б) наименования частей и деталей жилых и хозяйственных построек; 6. Наименования мебели, предметов внутреннего убранства жилых помещений; 7. Наименования предметов домашней утвари; 8. Хозяйственно-бытовые обозначения реалий. II. Лексика, связанная со сферой труда: 1. Лексика, связанная с организацией труда; 2. Наименования людей по профессии; роду занятий; 3. Названия орудий труда. III. Лексика, связанная со сферой искусства, культуры, религии: 1. Наименования музыкальных инструментов; 2. Лексика, связанная с фольклором и мифологией; 3. Лексика, связанная с богослужением, отправлением обрядов. Б. **Обозначения общественно-политических реалий.** I. Наименования органов власти, ее носителей. II. Лексика, отражающая общественно-политическую жизнь: 1. Лексика крепостного права. В. **Обозначения торгово-экономических реалий.** I. Наименования денежных единиц; 2. Наименования единиц веса; 3. Наименования единиц длины; 4. Наименования мер объема; 5. Наименования торговых организаций и заведений и лексики, связанная с ними; 6. Наименования лиц, связанных с торговлей. Г. **Обозначения географических реалий.** I. Наименования объектов физической географии; 2. Названия эндемиков.

Иллюстративный материал: *От лени губы блином обвисли; Хочешь есть калачи, так не сиди на печи; Орать пашню – копоть квашию; Прощай, квашия, я гулять пошла! Два брата на медведя, а два на кисель; Из-за хлеба на квас не заработал; Хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам кашки горшок; В пашне огрехи, а на кафтане прорехи; Полно балы точить: пора голенища строчить; Бредет как Ивашкин лапотъ; В лапотъ звонить; За внешней пашней шапка с головы свалится – не подыму; Что умолотишь, то и в засек положишь; На полатях лежать, так и хлеба не видать; Где бабы гладки, там нет и воды в кадке; Прялицу в подлавицу – а сама бух в пух!*

К вопросу об актуальности изучения мотивационных отношений терминологической лексики

Е. И. Гринкевич

Белорусский государственный медицинский университет (Минск, Белоруссия)

e-leks@rambler.ru

Мотивология, мотивация, мотивированность, терминологизация, терминологические системы, сопоставительный аспект.

Summary. The phenomenon of word motivation has interested the mankind since the time of Platon. The ways our language consistence selects represent the language unit can be seen from studying motivation relationships. The relevance of term vocabulary validity research is stipulated by reasonability of semantic word changes study.

Мотивология – сравнительно молодое научное направление лингвистических исследований, зародившееся в последней трети XX века как раздел науки об одном из лексических явлений – явлении мотивации слов, которое интересует человечество со времен Платона.

Как создаются имена? Выбор имен случаен или они возникают как мотивированные единицы языка? Какое знание хранится в них и как это знание подсказывает нам, что стоит за внешней оболочкой? Почему в одном случае мы берем из языка-источника существующую форму (транслитериро-

ванные заимствования), а в другом используем кальку? Как с точки зрения пользователей языка сосуществуют мотивированная и немотивированная лексические единицы?

Изучая мотивационные отношения, мы можем увидеть те пути, которое выбирает наше языковое сознание для репрезентации языковой единицы, понять, как происходит динамика концептуальной структуры, которую мы связываем с тем или иным предметом, и как она фиксируется в языковой форме. Если в процессе исследования использовать сопоставительный аспект, который всегда результативен, можно проследить, какими путями идет тот или иной языковой коллектив, насколько эти пути закономерны с точки зрения языка в целом.

С развитием когнитивной лингвистики область отношений языковых единиц (в том числе специальных) привлекает внимание все большего количества лингвистов, причем не только к изучению мотивационных отношений и внутренней формы лексических единиц, но и к массе экспериментальных данных, имеющих лингвистическую целенаправленность и позволяющих выявлять общезыковые закономерности. Актуальность исследования мотивированности терминологической лексики обусловлена целесообразностью изучения семантических изменений слова в процессе терминологизации, выявления ономастических и семасиологических предпосылок для запуска того механизма, который в конечном результате формирует новое, терминологическое значение слова.

Актуальным и важным является изучение мотивированности термина как свойства слова, обусловленного соотношением с мотивирующими его лексическими (но не производящими) единицами языка, что связано с восприятием термина человеком, носителем языка и представляет собой следствие антропоцентрического подхода к термину как к члену лексической системы языка, пережившему процесс терминологизации. Именно такой подход дает возможности при сопоставлении разноязычных терминологических сис-

тем для изучения терминов как элементов языковой картины мира, а также дает основание для решения проблем упорядочения терминосистем путем повышения удельного веса мотивированных терминологических единиц в том или ином конкретном случае. Вербальная структура терминологических номинаций (монологемные и полилексемные термины), характер и степень языковой мотивированности компонентов терминосистем, типы номинации и характер мотивационного признака (метафорический или неметафорический), положенного в основу развития терминологического значения, внутритерминологические системные отношения, деривационная и этимологическая история лексических единиц на их пути к термину – эти параметры имеют важное значение для определения характера терминологической системы как совокупности лексических единиц, подвергшихся терминологизации и приобретших способности восприниматься носителями языка как средство непротиворечивого однозначного выражения научных понятий, вместе с тем указывающее на причину связи звучания и терминологического значения.

От мотивологически ориентированного исследования терминологических систем разных языков с точки зрения номинативной (как связи между словами в процессе именования) и с точки зрения структурно-семантической (как причин связи между звуком и смыслом, между звучанием слова и его значением), путем выявления как общезыковых, так и национально обусловленных особенностей их развития и функционирования (насколько функционально различаются в профессиональной среде и в обиходной речи мотивированные и немотивированные имена), можно ожидать решения многих прикладных задач терминоведения, как общих, так и этнокультурных и национально-обусловленных задач усовершенствования уже существующих и создания новых терминологических систем, необходимость в которых будет возрастать в связи с развитием новых научных знаний.

О русско-болгарском учебном электронном словаре

Н. П. Делева

Софийский университет им. Св. Климента Охридского (Болгария)

n_deleva@abv.bg

Лексикография, двуязычная лексикография, обучение по русскому языку как иностранному.

Summary. The presented educational bilingual dictionary contains results from the comparison of lexical units in Russian and Bulgarian. The comparison is based on data, present in Russian-Bulgarian and Bulgarian-Russian dictionaries. The content of the dictionary is determined by the lexical minimums, developed for mastering Russian as a foreign language. Special attention is paid to the difficulties caused by the proximity of Russian and Bulgarian.

Создание электронных (компьютерных) словарей отмечает наличие нового этапа развития лексикографии, в том числе двуязычной учебной лексикографии. Эта тенденция связана с потребностями современного пользователя словарями. При создании электронных словарей необходимо, с одной стороны, учитывать принципы традиционной лексикографии, с другой, использовать новые возможности, предоставляемые компьютерными технологиями – возможности полнотекстового поиска и практически неограниченный объем предоставляемой информации.

Один из аспектов учебной лексикографии – это составление лексических минимумов, связанных с разработкой системы тестирования по русскому языку как иностранному и являющихся важным компонентом системы. В последнее время они стали выступать в роли обучающего, а не нормативного материала. В разработанных лексических минимумах болгарский язык как параллельный не представлен, а в последнее время востребованность русского языка среди болгар возрастает. В связи с этим возникает и потребность к разработке материалов, направленных на инфона болгарина.

Нам представляется необходимым и возможным создание русско-болгарско-русского учебного электронного словаря на основе разработанных в рамках Российской государственной системы тестирования лексических минимумов.

Учитывая принцип градуальности лексических минимумов, основу словника двуязычного словаря будут составлять включенные в них единицы с соответствующими пометами об уровне владения русским языком, к которому данная единица относится.

Словарная статья каждой единицы будет строиться из отдельных модулей (орфоэпический, орфографический, грамматический, семантический, прагматический, иллюстративный и др.), включающих максимально полный объем информации о ней.

Принципы и методика сопоставительного описания лексики путем попарного сравнения лексических единиц положены в основу существующей картотеки, включающей результаты сопоставления русского и болгарского языков на основе словарных данных русско-болгарских и болгарско-русских словарей.

Информация в словаре будет направлена также на снижение и предупреждение лексических трудностей, характерных для конкретных видов речевой деятельности. Особое внимание будет уделено особенностям лексических единиц как русского, так и болгарского языков с учетом их близкого родства. Составление русско-болгарско-русского учебного электронного словаря продемонстрирует новые возможности «ословаривания» результатов сопоставительного анализа лексики этих двух языков.

Синонимические отношения в научной терминологии: прагматический аспект (на материале метаязыка лингвистики)

Г. А. Иванова

Вятский государственный гуманитарный университет
ivanova-kirov@mail.ru

Синонимия терминов, понятийные синонимы, прагматические синонимы, концептуальная квазисинонимия, лингвистическая терминология.

Summary. The paper is devoted to study of the semantic identity of scientific terms. The specific components of synonymic terminological word's meaning (lexical-etymological component and component, conditioned by scientific world outlook etc.) are revealed. The semantic peculiarities of synonymic terms are investigated in application to linguistic terminology.

Терминологическая синонимия оценивается в литературе неоднозначно: с одной стороны (традиционная точка зрения) – негативно, как свойство, «порочащее терминологическую систему», как факт неупорядоченности терминосистемы, находящейся в начальной стадии своего формирования; с другой стороны – позитивно, как свидетельство расширения возможностей специального языка в плане удовлетворения конкретных профессионально-коммуникативных задач, как закономерный результат развития науки и увеличения объема научного знания об объекте.

Синонимия терминологических единиц рассматривалась до недавнего времени как особый вид семантических корреляций, заключающийся в соотносительности терминов с одним и тем же сигнификатом и денотатом (ср.: *дифтонг – двугласный, полисемия – многозначность*). Для обозначения подобного семантического тождества использовался специальный термин *терминологическая дублетность*. В отдельных работах синонимичные термины определяются как формально не совпадающие (или совпадающие лишь частично) лексические единицы, характеризующиеся не только тождеством, но и близостью значений, что является основанием для различия степени синонимичности терминов – полной (абсолютной) и частичной (относительной).

В русле нового – функционально-прагматического – направления, складывающегося в терминоведении, проблема синонимии терминов приобретает другой теоретический контекст. Синонимия терминов, рассматриваемая с прагматической точки зрения, трактуется расширительно – как условная эквивалентность терминов, определяемая потребностями информационного поиска.

Условный характер носит так называемая абсолютная, или полная, синонимия ввиду несовпадения синтагматических свойств «абсолютных» синонимов, их деривационных потенций, стилистической ориентации, генетических характеристик, структурных особенностей и т. д. Ср.: термин-словосочетание *лингвистика текста* при отсутствии терминологического словосочетания *языкознание текста*; производный от *лингвистика* термин *лингвистический* при невозможности образования производного слова от термина *языкознание*; термин *конъюнктив*, заимствованный из латинского языка, и исконный термин *сослагательное наклонение*; простой (однословный) термин *скрипт* и составной (двухсловный) термин *культурно-обусловленные сценарии*.

Относительность любого тождества следует из философского понимания соответствующей категории. Поскольку окружающая нас действительность постоянно изменяется, абсолютно тождественных самим себе предметов (вещей, процессов и т. д.) – даже в их существенных свойствах – не бывает. Категория абсолютного, абстрактного тождества используется лишь в процессе познания, при определенных условиях идеализации и упрощения действительности.

Различия между относительными терминологическими синонимами более существенны: это различия сигнификативного характера (разное осмысление научного понятия, получившее, как правило, отражение в терминологических дефинициях), а также различие прагматических характери-

стик – лексико-этимологической, идиоэтнической, культурно-исторической, научно-мировоззренческой. С учетом указанных различий можно выделить понятийные и прагматические терминологические синонимы.

Понятийные синонимы характеризуются сигнификативными различиями при тождестве денотата. Подобные термины-синонимы возникают, как правило, вследствие разных способов описания (классификации) научных феноменов; разных точек зрения на один и тот же объект. Отношения понятийной, или сигнификативной, синонимии связывают термины с разной внутренней формой. Внутренняя форма синонимичных терминов, предметно-логически и образно отражая действительность, актуализирует разные сигнификативные признаки, которые в свою очередь способствуют формированию различных, но взаимодополняющих взглядов на изучаемый объект. Ср.: *фрикативный* (лат. *fricatio* трение) – *длительный – дыхательный – открытый – придумной – проточный – целевой*.

Прагматические терминологические синонимы при семантическом (денотативно-сигнификативном) тождестве и высокой степени смыслового сходства отличаются друг от друга коннотативной информацией (образностью, оценочностью) и другими прагматическими характеристиками, связанными с культурно-исторической эпохой, научными традициями, личными системами взглядов и т. д. К ним относятся лексико-этимологические (*авторская глухота – фактические ошибки, безобразная метафора – каменная метафора*), культурно-исторические (*прикладная лингвистика – вычислительная, инженерная, компьютерная лингвистика*), идиоэтнические (*апофония – аблаут, морфема – монема*) и индивидуально-авторские синонимы (*графические дериваты – графические гибриды – графические окказионализмы – креолизованные дериваты – полиграфисапы и др.*).

Периферийное положение занимают концептуальные синонимы. Концептуальные синонимы характеризуются тождеством денотата, различием сигнификативного значения и прагматических характеристик. Концептуальная (квази-) синонимия свойственна терминам с разной внутренней формой, служащим для обозначения одного и того же феномена в рамках различных научных направлений, школ, теорий. Ср.: *вариант фонемы* (Московская, компьютерная лингвистика) – *отенок фонемы* (Петербургская фонологическая школа); *научный стиль* (отечественное языкознание) – *язык для специальных целей* (германистика); *дискурс* (коммуникативно-прагматическое направление) – *функциональный стиль* (функциональное направление). В случае концептуальной квазисинонимии степень семантической близости терминов минимальна.

Выбор оптимальной языковой формы термина из ряда синонимичных единиц зависит от разнородных факторов, не только собственно-лингвистических, но и (в большей степени!) прагматических, ориентированных на говорящего – речевого жанра, профессиональной компетентности, стремления говорящего к полноте и адекватности передаваемой информации, культурно-исторических и идиоэтнических факторов, научного мировоззрения, особых терминологических предпочтений.

К проблеме описания авторской терминологии Н. Ф. Федорова: термины-окказионализмы

Н. В. Козловская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)
saga@kodeks.com

Авторская философская терминология, термины-окказионализмы, терминологичность, многоаспектность термина.

Summary. The report examines the author's occasional terms included in the system of philosophical terms created by Russian philosopher Nikolai Fedorov. The semantics of the key terms of "Philosophy of the common cause" is characterized by polymorphism and multidimensionality, the content of many tokens are revealed by a text in which there is a gradual increase in the degree of meaning.

В докладе рассматриваются основные окказиональные термины русского философа-космиста Н. Ф. Федорова (1829–

1903) в семантическом и словообразовательном аспектах. Анализируемые единицы – однословные терминологиче-

ские образования, созданные мыслителем и играющие важную роль в системе терминов «Философии общего дела».

В анализе терминологической единицы традиционно выделяется два аспекта: лингвистический (анализ лексической семантики, словообразовательной структуры, этимологический анализ) и экстралингвистический: логический и семиотический. Системное описание и упорядочение терминотворчества в области русской религиозно-философской мысли связано также с вопросом об авторском характере анализируемых единиц, определяемом на основе лингвистического и экстралингвистического факторов.

Авторский характер философской терминологии проявляется в том, что она предлагается от лица конкретного автора, основана на системе понятий, представляющих философское течение, и ассоциируется с творчеством определенного автора. Кроме того, авторский характер определяется новизной конкретной терминологической лексемы с точки зрения лексической семантики и словообразовательной структуры.

Анализ терминологической системы русского философа-космиста Н. Ф. Федорова предполагает учет двух важных факторов. С одной стороны, авторские термины являются важнейшей характеристикой идиолекта философа, что говорит об оригинальности его идей и своеобразии методов их репрезентации. С другой стороны, творчество Н. Ф. Федорова включено в богатейший контекст мировой философии, что обуславливает наличие большого количества связей, логических и лексических, между авторскими терминами этого философа и философскими терминами вообще.

В идиостилие Н. Ф. Федорова совмещаются два лексических и стилистических пласта: естественнонаучный и религиозно-философский, что накладывает особый отпечаток на характер авторских терминов философа: «ученые» термины (супраморализм, патрофикация) совмещены с переосмысленным «живым словом» (родство, совершеннолетие).

Условно авторские термины Н. Федорова можно разделить на два основных типа: окказиональные термины, созданные самим философом, и переосмысленные общеупотребительные слова и термины других наук. Объектом настоящего анализа являются термины первой группы, а именно термины-окказионализмы: *супраморализм, патрофикация, материократия, братотворение, очужествление, психократия, многоединство, востание* и другие.

Центральным термином всей терминологической системы и центральным термином философии Н. Ф. Федорова является многоаспектный термин *супраморализм*, при помощи которого философ обозначил совокупность своих взглядов. Важность понятия обусловила высокую частоту термина: 110 словоупотреблений. Содержательными аналогами термина являются авторские составные наименования: «всеобщий синтез», «учение о воскрешении» или, более развернуто, «учение об объединении живущих сынов для воскрешения умерших», а также «Новая Пасха», «пасхальные вопро-

сы». Слово образовано путем сложения элементов латинского происхождения «супра» и «мораль»: лат. *Supra* – над, сверх и лат. *moralis*, (заимствовано непосредственно и через фр. *morale*, нем. *Moral* – данные Словаря русского языка XVIII в.) – нравственность, система правил и норм нравственного поведения. Прозрачная внутренняя форма термина способствует раскрытию философских и этических аспектов учения Н. Ф. Федорова. Многоаспектность термина и абстрактность обозначаемого им понятия обусловили сложность контекстуальной дефиниции анализируемой единицы. Н. Ф. Федоров последовательно приводит несколько определений термина, раскрывая в каждом из них разные аспекты понятия. Одной из ярких характеристик термина в русском религиозно-философском дискурсе является способность к приращению смысла и связанная с ней определяемость целым текстом. Опуская описание контекстуального анализа видových признаков термина, приведем краткие результаты: *всеобщее возвращение жизни; управление метеорическим процессом, регуляция природных процессов; объединение внешнее через самодержавие; внутреннее объединение – через правослаvie; переход от истории как взаимного истребления к истории как исполнению проекта воскрешения; замена вопроса о всеобщем обогащении вопросом о всеобщем возвращении жизни.*

Проанализированные единицы входят в ядро терминологической системы «Философии общего дела». В текстах Н. Ф. Федорова встречается много окказионализмов, не имеющих статуса термина (этому может препятствовать понятное содержание единиц или единичность употребления), так называемые терминоподобные лексические единицы: *патрофагия, полноогранность, органосозидание, богодействие* и некоторые другие.

Проведенное исследование показало, что для идиолекта Н. Ф. Федорова очень характерно морфолого-синтаксическое терминоподобное образование, предполагающее синтаксические и морфологические преобразования лексических форм. Семантика ключевых терминов «Философии общего дела» характеризуется полиморфностью и многоаспектностью, содержание многих лексем раскрывается целым текстом, в котором происходит постепенное нарастание степени терминологичности слова.

Характерной чертой идиостиля Н. Ф. Федорова является сочетание (или соседство) научных (по форме) терминов (супраморализм, регуляция, патрофикация) и терминов, образованных на базе «живых слов» (отцы, сыны, Сын человеческий, собор, музей). Это обусловлено тем, что «Философия общего дела» обращена к разным адресатам: образованным людям («ученым») и простому народу («неученым»).

«Синтетическое начало» философии мыслителя («всеобщий синтез») обусловили не только особый, многоаспектный характер созданных им терминов, но и специфику полевой структуры авторской философской терминосистемы.

Консубстанциональные единицы: медицинский дискурс

А. Ф. Колясева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

alyona.kolyaseva@gmail.com, tttt184@yandex.ru

Консубстанциональные единицы, терминология, профессиональное и быденное языковое сознание.

Summary. The report considers the phenomenon of consubstancial units as exemplified by medical discourse. Comparison of terms and homonymous words belonging to ordinary (non-professional) language reveals the different properties of these units concerning their semantics, syntagmatic and paradigmatic relations and grammatical characteristics.

«Во всякой терминологии <...> непременно есть некоторое количество лексических единиц, встречающихся как в быденной, так и в профессиональной речи, так называемые консубстанциональные термины, которые вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка» [2: 25]. Можно рассуждать о путях появления таких единиц (терминологизация общеупотребительной лексики или заимствование термина быденным языком), но само их существование обуславливает некоторые теоретические проблемы и несогласие лингвистов между собой в отношении сущности термина. По сути, практически каждое слово общеупотребительного языка может быть признано термином, так как оно соответствует

понятию какой-либо сферы знаний, однако далеко не каждый термин может функционировать как слово быденного языка. Если говорить точнее, в каждом конкретном случае речь идет не об одной лексической единице, а о двух омонимичных лексемах, принадлежащих разным языковым подсистемам.

Специфика медицинской сферы заключается в том, что, с одной стороны, изначально это было своего рода закрытое знание, доступное только узкому кругу посвященных. С другой стороны, любой человек так или иначе сталкивается с медицинскими проблемами, поэтому неизбежно те из них, которые наиболее актуальны на данном этапе существования языкового сообщества, будут отражены в общеупотреб-

бительного языка – либо в виде параллельных названий (цефалгия / головная боль, ОРЗ, ОРВИ / простуда, туберкулез / чахотка, акне / прыщи), либо в виде омонимичных термину лексем (сюда относится в том числе *головная боль*, употребляемая и в медицинском дискурсе в его строгом понимании, т. е. в речи медицинских работников, ангина, грипп). Таким образом, медицинская терминология, несмотря на значительное количество узкоспециальных терминов (главным образом латинского происхождения), не понятных рядовому носителю русского языка, содержит большое число номинаций, которые соотносятся с лексическими единицами обывденного языка, отраженными в толковых словарях. Это значит, что при одинаковом языковом выражении и одинаковом денотате (симптомы болезни не изменяются в зависимости от того, как ее называть), термин и слово обывденного языка имеют различные сигнификаты, поскольку объем их содержания не совпадает. Это можно проследить на примере номинации *мигрень* – как термина и как единицы обывденного языка.

Согласно К. Я. Авербуху, термин существует лишь постольку, поскольку является элементом определенной терминосистемы [1: 103]. *Мигрень* как термин вписана в систему номинаций головных болей. Международная классификация головных болей, которой должны следовать медики в своих статьях, определяет ее как одну из 14 разновидностей цефалгий, имеющую определенные диагностические признаки. Мигрень, в свою очередь, также имеет разновидность. Дробность классификации обусловлена задачами профессионального дискурса – важно не просто зафиксировать проблему, но точно классифицировать заболевание, поскольку от этого зависит дальнейшее лечение.

Обывденное сознание, отражением которого является общеупотребительный язык, не нуждается в подобной спецификации – для него важно указать на наличие проблемы и ее локализовать: мигрень – боль в голове. Анализ контекстов, не принадлежащих профессиональным медикам подтверждает, что во многих случаях для обывденного сознания понятия мигрени и головной боли совпадают:

Я-то, признаться, раньше думала, что «мигрень» – это просто научное название головной боли. Ну, то есть все, что болит выше нижней челюсти, – это мигрень (Аргументы и факты [gazeta.aif.ru/online]).

Нами было проанализировано более 300 контекстов с лексемой *мигрень*, не относящихся к профессиональному медицинскому дискурсу, и показано, что для русского обывденного языкового сознания мигрень представляет собой головную боль. В терминологическом употреблении, а значит в профессиональном языковом сознании это не так однозначно: термин *мигрень* вступает с термином *головная боль* в гипотеримические отношения и в той же терминосистеме находится на одной ступени классификации с другими номинациями, содержащими единицу *головная боль* (головная боль напряжения, краниальная головная боль и т. д.). С другой стороны, анализ профессиональных медицинских текстов показывает, что в терминологическом употреблении, мигрень – не всегда боль в голове. Так, встречается термин абдоминальная мигрень (приступообразная боль в животе) и «обезглавленная мигрень» – мигрень без головной боли. Таким образом, хотя термин мигрень относится в большинстве случаев именно к головной

боли, локализация боли в голове не входит в его семантическое ядро. Существуют иные, более значимые для профессионального сознания признаки, на основании которых боль классифицируется как мигрень. В Энциклопедическом словаре медицинских терминов указана *брюшная мигрень* – «разновидность дискинезии кишечника, проявляющаяся приступами кишечной колики» (брюшная астма). В этом случае *астма* и *мигрень* оказываются синонимичными, в то время как в обывденном употреблении эти единицы не могут взаимозаменяться.

Говоря о лексическом уровне, также следует отметить наличие у слов общеупотребительного языка коннотаций, в отличие от терминов, поэтому представляется возможность выявить коннотации и языковой образ мигрени в русской непрофессиональной речи.

В грамматическом отношении мигрень-термин и мигрень-слово обывденного языка также ведут себя по-разному. Синтагматически термин сочетается с относительными прилагательными (брюшная мигрень, абдоминальная мигрень, глазная мигрень, шейная мигрень, сердечная мигрень), которые указывают на локализацию боли. Для мигрени как слова общеупотребительного языка характерны в качестве определения качественные прилагательные, характеризующие интенсивность боли (ужасная, страшная, несносная, сильная, отчаянная, жестокая). Случаи с некачественными прилагательными в роли определения тяготеют к метафорическому употреблению, ср.:

По-видимому, началась своего рода «сердечная мигрень» – чувство, которое я хорошо знал и, хотя не придавал ему особого значения, все же нашел, что такое направление мыслей действует как любимый мотив (А. С. Грин. Бегущая по волнам. 1926).

Профессиональное языковое сознание предполагает наличие различных типов мигрени. Однако для профессионального медицинского дискурса нехарактерна форма множественного числа – мигрени (ср. *классификация головных болей*, но *классификация мигрени*). Мигрень как слово непрофессиональной речи может употребляться в форме как единственного, так и множественного числа. Форма множественного числа при этом указывает не на разные типы мигрени (непрофессиональное сознание не классифицирует мигрень на подвиды), а на повторяющиеся приступы болезни:

Сергей Львович осторожным мизинцем тронул виски и брюзгливо обиделся на Александра как на всегдашнего виновника своих мигреней (Юрий Давыдов. Мальчики. 1991).

Значение формы единственного числа варьируется в зависимости от референции: от абстрактного названия болезни до указания на конкретный приступ заболевания.

Таким образом, консубстанциальные единицы, хотя и имеют одинаковое языковое выражение, различаются по содержанию, вступают в разные парадигматические и синтагматические отношения и по-разному функционируют в речи.

Литература

1. Авербух К. Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты (1986) // Татаринов В. А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1994.
2. Гринева-Гринева С. В. Терминоведение. М., 2008.
3. Международная классификация головных болей [www.paininfo.ru].
4. Энциклопедический словарь медицинских терминов [www.rubicon.com].

Учебные словари русского языка для иностранцев: проблемы и перспективы

И. В. Красникова

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе (Украина)

iris.krasnikova@gmail.com

Учебная лексикография, учебные словари русских глаголов.

Summary. Practical lexicography has been one of the main human activities in different cultures. The role of dictionaries for foreign speakers in modern multicultural world cannot be overestimated. Still educational lexicography needs further study, especially in the field of a verb as a semantic and grammatical centre of a sentence.

Одним из древнейших типов словарей (после переводных) является толковый словарь. Целевую аудиторию одноязычных толковых словарей как базовых справочников, отражающих картину мира народа, составляют носители языка и продвинутые пользователи языка как основного иностранного, поскольку для продуктивной работы со сло-

варем такого типа необходимо знание и понимание основных системных механизмов данного языка.

В современном глобализирующемся мире в деле обучения иностранным языкам остро ощущается потребность в учебных словарях. Не случайно практическая учебная лексикография является едва ли не самым бурно развивающим-

ся разделом современной английской лексикографии, а основные словари английского языка относятся к категории Learner's Dictionaries.

Учебная лексикография начала изучаться системно и целенаправленно относительно недавно. В истории развития подходов к классификации словарей можно выделить два основных этапа. К первому относятся иерархические классификации, не уделяющие отдельного внимания учебным словарям (1950-е – 1960-е гг., Л. В. Шерба, Н. А. Семенов, Л. И. Рахманова). Второй этап связан с появлением фасетных классификаций (1970-е гг., Л. Згуста, В. Ф. Роменская, А. М. Цивин и др.), с которыми хронологически совпадает появление учебной лексикографии как самостоятельной области и, как следствие, разработка классификаций учебных словарей (П. Н. Денисов, В. В. Морковкин, Л. А. Новиков, Л. А. Сосновская и др.) [2: 155–191]. В 1980-е гг. учебная лексикография для иностранцев становится одной из самых динамичных областей лексикографии и педагогической рустики [6: 94].

Конечно, «учебный» является условным определением, поскольку все словари выполняют дидактическую функцию и, следовательно, могут быть названы учебными (ср. приведенный В. В. Морковкиным в [6: 95–98] перечень типов учебных словарей). В. В. Морковкин определил учебный словарь как «лексикографическое произведение любого типа и объема, специально предназначенное для оказания помощи в изучении языка как средства общения и сообщения», т. е. словарь «антропологический» (созданный для «воздействия на языковое сознание человека», в отличие от словаря лингвоцентрического), описал основные принципы учебной лексикографии, семантизировал понятия, составляющие метаязык словаря [6: 104–117].

В числе первых учебных словарей русского языка находится демонстрирующий словарь [7], в который по замыслу авторов должны были войти «наиболее актуальные и коммуникативно важные слова русского языка». Издание предназначено для зарубежных средних учебных заведений, чем, вероятно, объясняется отсутствие некоторых важнейших, на наш взгляд, в культурном и коммуникативном отношении слов (напр., *жертвовать*, *сопереживать*). К тому же алфавитный принцип организации слов не способствует целостному восприятию языковой системы и стоящей за ней картины мира.

Существуют и более узконаправленные учебные словари, решающие конкретные задачи преподавания языка. В корпусе таких изданий не последнее место занимают словари и учебные пособия по употреблению русских глаголов, что неудивительно, поскольку «для современной лингвистики <...> характерен интерес к концептуальной структуре „динамического мира“», и именно глагол играет важную роль в выявлении «лингвистически определяемых элементов» этого мира [3: 7]. Кроме того, в числе многочисленных мани-

фестаций все убыстряющегося темпа жизни можно упомянуть превращение акциональности из чисто лингвистического параметра в параметр жизни вообще, причем нередко аксиологический. Учебная глагольная лексикография интегрирует нас в первую очередь.

В настоящее время продолжают издаваться традиционные словари-справочники глаголов – пособия по глагольному словоизменению и формообразованию. Так, в [4] представлены и распределены по двум семестрам начального курса обучения русскому языку как иностранному более 500 пар глаголов; даны парадигмы изменения глаголов по временам, формы императива; в учебных целях в видовые пары объединены глаголы, которые, строго говоря, парами не являются.

Продуктивным основанием для словаря глагольной лексики является лингвистическая теория фазовой парадигматики русского глагола [5: 222–337]. Словарь находится на стадии разработки. Предлагаемый подход к организации словарного пространства интересен тем, что решает несколько «вечных» проблем лексикографии, обозначенных В. В. Виноградовым в [1]: гнездовой принцип отражает системные связи однокоренных глаголов; видовая пара представлена морфологически более простой формой; фазовые парадигмы снимают вопрос о разграничении полисемии и омонимии; структура словарной статьи отражает лексикограмматические связи и взаимодействия, которые особенно сложны и разнообразны именно в сфере глагола.

Безусловно, постоянно совершенствующаяся методика преподавания иностранных языков подсказывает все новые параметры и принципы классификации учебных словарей. Основная задача русской учебной лексикографии сегодня – разработка учебных словарей, максимально эффективно отвечающих задачам преподавания русского языка как иностранного.

Литература

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 243–264.
2. Гринева-Гриневиц С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. М., 2009.
3. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарскими языками. М., 2000.
4. Русские глаголы. Формы и контекстное употребление: Учебное пособие / Под ред. Т. В. Шустиковой. М., 2007.
5. Титаренко Е. Я. Категория фазовости и вид русского глагола: Монография. Симферополь, 2011.
6. Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: Сборник статей / Под ред. В. В. Морковкина и Л. Б. Трушиной. М., 1986.
7. 4000 наиболее употребительных слов русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1982.

Филологические аспекты становления русского законодательства (тематическое разнообразие и формуляр)

Л. К. Левчук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

loraforever07@rambler.ru

Законодательные памятники – важнейшие источники по истории не только государственного и общественного строя страны, истории русского права, но и ценнейший документальный материал, характеризующий историю русского народа, политический строй, быт, культуру, официальную и народную идеологию, правовую область, язык текстов этой области.

Законодательные памятники, как и любые документы, чаще всего составляются по определенным образцам – формулярам. Однако такие формуляры существовали не всегда.

Самыми ранними письменными памятниками русского права являются договоры Руси с Византией (911, 944 и 971 гг.). Тексты содержат нормы византийского и русского права, которые относятся к международному, торговому, процессуальному и уголовному праву. В них мы можем наблюдать ссылки на «закон русский», который являлся сводом устных норм обычного права.

«Русская Правда» является первым законодательным памятником Древней Руси. Известно три ее редакции: «Краткая Правда» (1-я половина XI века), «Пространная Правда» (начало XII века) и «Сокращенная Правда» (XIV век).

До «Русской Правды» основным источником древнерусского права были обычаи, существовавшие и в письменной, и в устной форме, ставшие потом обычным правом. Упоминание об обычном праве можно встретить в договорах Руси с Византией, где оно названо Законом Русским. Он содержит в себе нормы русского и византийского права.

Так как в «Русской Правде» еще сильно влияние обычаев, в ней можно отметить наказания, построенные по принципу талиона. Принцип талиона (лат. *lex talionis*) – принцип наказания за преступление, по которому виновного постигает та же участь, что и потерпевшего («око за око, зуб за зуб»). Так проявляется кровная месть. Однако все же

большинство наказаний были заменены на возмещение ущерба, чтобы постепенно отменить кровную месть.

Законодательство в это время носило прецедентный характер, когда решение государственной власти по какому-нибудь делу принималось за правило при решении других аналогичных дел. Слово прецедент образовано от лат. *praecedens* – род. п. *praecedentis*, что значит «предшествующий». Мы не можем назвать Русскую Правду полностью законодательным документом. Ведь основу Краткой Правды (Правды Ярослава) составляют племенные обычаи и прецеденты (здесь еще разрешена кровная месть). Но уже в Правде Ярославичей кровная месть отменяется и заменяется денежным штрафом (вирой). Именно с этого момента Русская Правда становится уже законодательным документом.

В период феодальной раздробленности на Руси важнейшими правовыми документами стали Новгородская и Псковская судная грамоты. К сожалению, Новгородская судная грамота дошла до нас не полностью. Сохранился лишь фрагмент, в котором регулировалось судостроительство и судопроизводство.

В 1467 году появилась Псковская судная грамота. Она состояла из 120 статей. Главным ее отличием от Русской Правды было то, что в Русской Правде уделяется больше внимания уголовному и процессуальному праву, а Псковская судная грамота обстоятельно регламентирует гражданское право. Скорее всего, это можно объяснить потребностью в регулировании торговых отношений. Важным фактом было то, что дела, разрешенные судом, пересмотру не подлежали.

В условиях централизации всеобщее значение приобретают грамоты и указы великого князя, постановления Земских соборов, акты Боярской думы. Но постепенно разрозненные акты начинают объединять в сборники, преимущественно сохраняя прежние формулировки, что дает возмож-

ность говорить об истоках сложения законодательного стиля. И первым кодифицированным актом является Судебник Ивана III 1497 года. В нем использовались нормы Русской Правды, судебной практики, обычного права и литовского законодательства.

Однако если Русская Правда была сборником обычных норм и судебных прецедентов и являлась своеобразным справочником для поиска истины (правды), то Судебник стал прежде всего инструкцией по организации суда (судебного процесса).

Стоит отметить, что это первый правовой документ, в котором официально применялась смертная казнь.

И сама система наказаний изменяется. Наказания становятся более жестокими, а формулировка их – более неопределенной: *...ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью* (Судебник 1497 года).

Соборное уложение 1649 года подвело итоги всей предшествовавшей законодательной деятельности правительства и ввело новые правовые нормы, в которых впервые в истории русского законодательства были регламентированы многие важные стороны социальной и политической жизни страны середины XVII века. В 25 главах этого обширного памятника последовательно рассматривались вопросы государственного (гл. 1–9), гражданского (гл. 16–20) и уголовного (гл. 21–22) права и процесса (гл. 10–15) при очень детальной их разработке. Каждая глава имела свое название, которое являлось ключом к содержанию содержания документа: «О искуплении пленных» (гл. 8), «О разбойных и о татинных делах» (гл. 21) и др. По словам М. Н. Тихомирова, Соборное уложение «почти на 200 лет сделалось кодексом законов России».

Таким образом, можно сделать вывод, что именно Соборное уложение 1649 года завершило процесс становления формуляра русского законодательного документа.

Интерактивная система поиска терминов гипертекстового информационно-поискового тезауруса / гизауруса / метаязыка лингвистики *

А. В. Лесников, Г. С. Лесников, С. В. Лесников

Сыктывкарский государственный университет

metajazyk@gmail.com, evrikapoisk@gmail.com, serg@lsw.ru

Гизаурус, лингвистика, метаязык, поиск, тезаурус, текст, язык.

Summary. Hypertext information retrieval thesaurus “metalinguage of science” (structure: mathematical, linguistic and software: sections: linguistics, mathematics, economics). The structure and algorithm of constructing IPT were developed, the basis of lexicographic works was prepared. We created a method of calculating weight of basis terms of the meta-language of linguistics, mathematics and economics.

Гизаурус – это особая разновидность словарей общей или специальной лексики, в которых указаны семантические отношения (синонимы, антонимы, паронимы, гипонимы, гиперонимы и т. п.) между лексическими единицами.

Принципиальная особенность моделируемого гипертекстового информационно-поискового тезауруса / ИПТ / метаязыка лингвистики, отличающая его от аналогичных как тезаурусов, так и энциклопедических, терминологических, тематических словарей русского языка, состоит в следующем: а) вокабулы (заголовочное слово, реестровое слово, черновое слово) выбраны из словарей лингвистических терминов / СЛТ / за период с 1755 по 2012 годы, т. е., если термин так или иначе был зафиксирован в одном из СЛТ, то, очевидно, это термин метаязыка лингвистики; б) теоретической основой ИПТ метаязыка лингвистики является положение, согласно которому лексический состав метаязыка лингвистики представляет собой актуализированную метасистему со всеми присущими такой метасистеме характеристиками (напр., достаточная целостность и высокая степень стабильности – основные разделы и направления лингвистики существуют уже давно на протяжении столетий и десятилетий, и во времени меняется не столько метасистема в целом, а некоторые участки внутри нее, отношения между направлениями, разделами и собственно между терминами языкознания).

1. Программа «Поиск лексико-семантический вариант вокабул» позволяет искать искомую лексему в загруженных словарях (словниках, справочниках, глоссариях и энциклопедиях) разными способами:

а) «целиком слово» (заголовок словарной статьи, черное слово, лемма, вокабула),

б) как «часть слова» (фрагмент словоформы, однако с учетом – где будет осуществляться поиск – только по заголовкам словарных статей и / или в зоне толкования), и

в) в «области значения ЛСВ вокабул» (толкование – т. е. в правой части словарной статьи, определение, дефиниция). Сузить объем результатов поиска помогает выбор группы лексических источников: – словники; толковые; синонимы; говоры; жаргоны; энциклопедии; термины; разные.

2. Программа «Поиск синонимов» позволяет искать синонимы для введенной лексики в словарях синонимов РЯ, загруженных в словарную базу данных (информация о количестве словарных статей отображается на экране). При этом также, как и в программе *searcher_word*, можно выбрать уточняющие параметры поиска:

а) «целиком слово»,

б) как «часть слова». Параметр «толкование» и выбор одной из групп словарей не доступны. Каждый найденный синоним в свою очередь фактически является контекстной ссылкой (т. е. выделенная лексема и будет очередным уже

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по исследовательскому проекту (грант) N 11-07-00733 (2011-2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус / ИПТ / «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечение; разделы лингвистика, математика, экономика).

заданным запросом при активизации гиперссылки) на программу searcher_word, при помощи которой и возможно узнать значение соответствующего синонима. Причем в этом случае «по умолчанию» значение синонима ищется во всех словарях как «часть слова».

3. Программа «Поиск по Генеральному словнику» не содержит параметров поиска (переключателей и меню выбора) и позволяет осуществить глобальный поиск по генеральному словнику РЯ. В генеральный словник включены вокабулы (заголовки словарных статей) с указанием, в каких словарях можно найти информацию о том или ином слове. В генеральный словник включена информация не столько по электронным версиям (которые загружены в словарную базу данных, т. к. такие вокабулы и так найдутся по запросу а) «целиком слово»), а, прежде всего, словники книжных (бумажных) словарей и словники с др. словарных порталов. По числовому коду словаря выдается библиография к исходному словарю и гиперссылки соответствующих источников. Идея Генерального словника РЯ восходит к научной программе «Машинный фонд русского языка (МФРЯ)» (главный конструктор В. А. Андрущенко): первым компонентом МФРЯ является Генеральный словник русских словарей, который может быть создан как семейство однородных баз данных на основе Сводного словника, созданного в Словарном секторе ИРЯ АН СССР, и других «словнико-подобных» словарей, таких, как Грамматический словарь русского языка А. А. Зализняка, Орфографический словарь и др. Объектом хранения в этой базе данных является вокабула, т. е. слово, являющееся потенциальным заголовком какой-либо словарной статьи и именем определенного лексического значения, а его атрибутами – номера или идентификаторы значений, а значениями атрибутов – имена и входы баз данных, в которых данное слово или его формы зафиксированы в качестве значений атрибутов каких-либо объектов – словарных статей, текстов, грамматических правил, статистических сводок, научных статей и т. п.

4. Статистика запросов:

а) простая статистика вида «ЛСВ – IP-адрес»;

б) статистика вида «IP-адрес – ЛСВ».

При сравнении гипертекстовых (электронных, компьютерных, машинных, автоматизированных) версий и бумаж-

ных (книжных – традиционных в домашнюю эпоху) гизауров можно отметить предоставляемые компьютером, информационными технологиями методические, организационные и технологические преимущества, связанные со следующими возможностями и характеристиками:

1) мультимедиа (текст, графика, аудио, анимация, видео – комплексное воздействие на различные каналы восприятия информации; мультисенсорность) и гипертекст (нелинейное представление информации за счет гиперссылок);

2) персональность (адаптивность – способность информационной системы автоматически изменять свой дизайн и свое функционирование в интерактивном режиме в зависимости от потребностей и запросов пользователя, его профессионального уровня, а также от конкретных аспектов и режимов работы, состояния и / или внешних условий; индивидуальный, личный алгоритм последовательности чтения источника) и интерактивность (диалог, интеракция, человеко-машинное взаимодействие);

3) выход в коммуникативные ситуации и актуализации дефиниций, интерпретаций, объяснений, определений, понятий, пояснений, разъяснений, толкований, трактовок, формулировок, экскурсов и экскерпций терминов метаязыка (авторство, выбор, история, оценка, парадигма, поиск, разграничение, создание, уточнение, этимология);

4) поиск (точный, нечеткий, контекстный, полнотекстовый; многократный, скоростной; история поиска) и копирование, сохранение и редактирование материалов тезауруса;

5) дружественный интерфейс и художественно-эстетический дизайн;

6) множество входов в тезаурус (веб-формат, база данных; генеральный словник; систематический и пермутационный, авторский, предметный, хронологический указатели; ключевые слова и словосочетания);

7) сетевой доступ (возможность использовать тезаурус в локальной, учебной, библиотечной, корпоративной сетях и в Интернете), а также оперирование большими объемами информации, неограниченное количество обращений как к фрагментам, так и целиком к тезаурусу; предоставленные программой обратной связи с авторами-разработчиками и др.

Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (гизаурус) «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)*

С. В. Лесников

Сыктывкарский государственный университет

serg@lsw.ru

Гизаурус, лингвистика, метаязык, поиск, тезаурус.

Summary. Hypertext information retrieval thesaurus “metalanguage of science” (structure: mathematical, linguistic and software: sections: linguistics, mathematics, economics). The structure and algorithm of constructing IPT were developed. the basis of lexicographic works was prepared. We created a method of calculating weight of basis terms of the meta-language of linguistics, mathematics and economics. Different variants of IPT were created: 1) local on a CD 2) in form of a website 3) in form of relational database of lexicographic data for software (for search, statistics, loading and unloading of dictionaries and vocabularies).

Основой гипертекстового информационно-поискового тезауруса (ИПТ) метаязыка науки является информационно-поисковая система (ИПС) – система, обеспечивающая поиск и отбор релевантных данных в специальной базе данных (БД) с описаниями источников информационных ресурсов посредством информационно-поискового языка (ИПЯ) и соответствующих правил поиска.

В гипертекстовом тезаурусе (гизаурусе) метаязыка науки процедура описания информационных ресурсов автоматизирована, для чего специальная программа по заранее определенному алгоритму загружает исходные лексикографические ресурсы в БД ИПТ.

Для примера, при формировании БД ИПТ метаязыка лингвистики был использован представительный массив наиболее информативных для языкознания (словари, справоч-

ники, энциклопедии, глоссарии, терминологические мини-мумы, научные монографии, диссертации, учебники, нормативные документы, сайты и т. д.), из которого (компьютерным методом сплошной выборки с предварительной интерактивной разметкой источников) выбирались словарные статьи (лексические единицы – ЛЕ, термины, предтермины, прототермины, профессионализмы, терминоиды, терминологемы, терминологизмы, ключевые слова и словосочетания, номены, номинативные словосочетания, семантические зоны и поля, отдельные лексико-семантические варианты и лексические значения слов и дескрипторы). На основе 438 источников была создана БД объемом 114421 уникальных записей, где для каждой ЛЕ имеется не только гипертекстовая связь с источником ЛЕ, но и соответствующая экскерпция (цитата, словарная статья, выборка, проек-

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по исследовательскому проекту (грант) N 11-07-00733 (2011-2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (ГИПТ) «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика) (научный руководитель С. В. Лесников)» [ЛСВ.РФ, ГИЗАУРУС.РФ, МФРЯ.РФ, lsw.ru].

ция, фрагмент в форме фрейма). Фактически в гизаурусеметаязыка лингвистики собрана лингвистическая терминология за период с 1755 по 2013 годы на русском языке.

В процессе формирования индексированной БД гизауруса программно анализируются все словарные статьи моделируемого ИПТ метаязыка и автоматизированно создаются соответствующие гипертекстовые ссылки с текущей словарной статьи на соответствующие статьи ИПТ для осуществления эффективного поиска.

ИПЯ ИПТ располагает лексико-грамматическими средствами, необходимыми для выражения основного смыслового содержания любого текста и смысла любого информационного запроса по данной отрасли или предмету. При разработке ИПЯ учитывалась специфика метаязыков лингвистики, математики и экономики.

Особенностью конструируемого гизауруса является то, что сама его структура и указатели дают возможность пользователю осуществлять поиск не только по отдельным ключевым словам, но и по смысловым полям, разделам и терминологическим парадигмам. Суть моделируемого ИПТ заключается в расширении возможностей современных поисковых систем для обеспечения запросов пользователей. Используя ИПТ, можно с достаточной степенью эффективности получать результаты поиска, соответствующие информационной потребности пользователя, уместности и состоятельности результатов, релевантности и пертинентности. Пользователь может получить не только информацию о ресурсах, узально и / или окказионально содержащих введенные ключевые слова, но и семантически связанные с ними термины, соответствующие дескрипторы, дефиниции, иллюстрации, интерпретации, леммы, объяснения, определения, понятия, разъяснения, толкования, трактовки, формулировки, экскурсы и эксцерпции. Программно сконструировав гиперссылки, на базе такого тезауруса можно также подсказать пользователю, по каким еще вокабулам (лексемам, лексико-грамматическим и / или лексико-семантическим вариантам, леммам, словоупотреблениям, словоформам, текстоформам) целесообразно продолжить поиск.

В гипертекстовом информационно-поисковом тезаурусеметаязыка науки имеются систематический, пермутационный, алфавитно-предметный и именной указатели.

Сконструированы варианты ИПТ: 1) локальный на компакт-диске; 2) в виде сайта; 3) в форме реляционной базы лексикографических материалов для размещения в локальной сети и / или в Интернете с программами: а) многоаспектного поиска (точного и нечеткого), б) статистики, в) загрузки и выгрузки словарей и словников, г) создания проекций и перекрестных выборок из базы гизауруса.

Разработаны и реализована структура и алгоритм конструирования ИПТ, подготовлена база лексикографических материалов. Предложена и реализована методика вычисления веса терминов метаязыков лингвистики, математики и экономики по первоисточникам (на основе веса терминов определяется ранг, т. е. значимость источника).

Суть сконструированного гизауруса заключается в расширении возможностей современных поисковых систем для обеспечения запросов пользователей. Используя гизаурус, можно с достаточной степенью эффективности получать результаты поиска, соответствующие информационной потребности пользователя, уместности и состоятельности результатов, релевантности и пертинентности. Программа выдает пользователю не только информацию о ресурсах, узально и / или окказионально содержащих введенные ключевые слова, но и семантически связанные с ними термины, соответствующие дескрипторы, дефиниции, иллюстрации, интерпретации, леммы, объяснения, определения, понятия, разъяснения, толкования, трактовки, формулировки, экскурсы и эксцерпции. Программно сконструировав гиперссылки, на базе такого гизауруса можно также подсказать пользователю, по каким еще вокабулам (лексемам, леммам, словоупотреблениям, словоформам и текстоформам) целесообразно продолжить поиск (например, агномим, акроним, аллоним, антоним, бэкроним, гипероним, гипоним, (квази)синоним, когипоним, конверсив, лексико-грамматический вариант, лексико-семантический вариант, мероним, метоним, омоним, потамоним, субордината, тауним, холоним и др. -онимы).

Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (гизаурус) метаязыка математики*

С. В. Лесников, В. В. Сушков

Филиал САФУ имени М. В. Ломоносова в г. Коряжме, Сыктывкарский государственный университет
serg@lsw.ru, evrikapoisk@gmail.com

Гизаурус, гипертекст, дефиниция, классификация, лингвистика, математика, метаязык, поиск, рубрикатор, словарь, справочник, тезаурус, текст, толкование, указатель, экономика, энциклопедия, язык, языковедение, языкознание.

Любой систематический указатель представляет собой аппарат, отражающий логические принципы принятой системы классификации. Каждая система классификации предполагает свою структуру каталога, свои методические правила и приемы построения, иногда весьма отличные от другой системы. Но нельзя не отметить, что структура и основные принципы разработки указателя выбираются не произвольно, а исходя из целей разрабатываемого аппарата и специфики его содержания.

Структура гизауруса метаязыка математики определяется сложной системой взаимосвязей внутри рассматриваемого материала. Единицей содержания могут оказаться как термины, т. е. конкретные математические объекты, так и факты (теоремы, свойства, гипотезы и пр.) или разделы математической науки. При этом сами по себе связи между различными единицами могут быть как формальными, так и содержательными. Под формальными в данном случае будем понимать связи, соотносящие пользователя с единицей чисто технически, по факту их совместного упоминания в некотором тексте (напр., *интеграл* и *интегральное исчисление*). Под содержательными понимаем связи, не выраженные в открытой форме, но проявляющиеся либо в неявном использовании единицы (*задача линейного программирования* и *предельный переход*), либо в содержательном сходстве

(*интеграл Римана* и *сходящийся числовой ряд*), либо попросту в принадлежности одной единицы другой (снова: *интеграл* и *интегральное исчисление*).

Как видно из последнего примера, между различными единицами содержания могут существовать разнообразные связи как формального, так и содержательного плана – в том числе и одновременно.

Было бы ошибкой полагать, что формальные связи между терминами, разделами, фактами не принципиальны или менее принципиальны, чем содержательные. Более того, при разработке систематического указателя по математике имеет смысл опускать значительную часть содержательных связей (как в приведенном примере: *задача линейного программирования* и *предельный переход*), чтобы не загромождать структуру объекта. В рассмотренном случае связь между понятиями носит глубинный, базовый смысл, однако ее выявление соответствует скорее педагогической задаче указателя, а реализации справочной – мешает, т. к. понятие предельного перехода содержательно связано с доброй половиной математических объектов, и указание этих связей затруднило бы работу пользователя.

С другой стороны, именно указание формальных связей в первую очередь соответствует реализации справочной, слабо информационной функции указателя.

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по инициативному исследовательскому проекту (грант) N 11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус „Метаязык науки“ (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С. В. Лесников).

Для дальнейшей классификации связей необходимо вспомнить, что каждая запись указателя содержит как имя единицы, так и ее содержание, т. е. определение, свойства, формулировку. В соответствии с этим нужно различать связи направленные (связи подчинения), при которых одна из единиц попадает в содержание другой, и связи равноправные, определяющие взаимные ссылки единиц друг на друга. К первому случаю относится, напр., связь между *функциями* и *многочленами*: понятие *многочлена* определяется через понятие *функции*, следовательно, *функция* является подчиненной единицей. Ко второму типу связей относится, напр., связь между *задачей коммивояжера* и *задачей о клике* – это две классические NP-полные задачи, поэтому при описании сноски одной из них подразумевается и отсылка к другой.

Сами единицы гизауруса также классифицируются по структуре и содержанию. Математические понятия, соответствующие конкретным объектам (*интеграл*, *предел*, *граф*, *группа*), составляют базовую часть указателя. Свойства и взаимосвязи, сформулированные в виде лемм, теорем и т. д. – вторая категория единиц. Третья категория – математические теории, гипотезы, разделы и подразделы математической науки.

Крупнейшим достижением в области систематизации явилось создание в 1876 году видным американским библиотечным деятелем М. Дьюи «десятичной классификации». Сам он видел свою основную заслугу в том, что применил в своей схеме десятичную индексацию. Другой его важной заслугой было введение в классификационную систему алфавитно-предметного указателя, который позволил разыскивать книги по любому предмету независимо от его места в схеме. Идея такого вспомогательного указателя, правда, не была новостью, такие указатели уже применялись в энциклопедиях XIII в., в изданиях эпохи Возрождения, у К. Геснера, в таблицах А. Э. Шлейермахера. Однако только теперь подобные указатели стали неотъемлемой частью классификационных таблиц и систематических каталогов библиотек.

В настоящее время обостряется проблема размещения и координации информационных ресурсов с тем, чтобы исследователи быстро могли найти интересующую их информацию, а также идентифицировать результаты своих исследований в координатах потоков информационных ресурсов, в качестве координатных сеток существуют различные информационно-поисковые системы, наиболее известные из которых следующие нормативные классификации, каталоги и рубрикаторы: АПУ (алфавитно-предметный указатель), АСВИЯ (автоматизированная система ведения информаци-

онных языков), ББК (библиотечно-библиографическая классификация), ГАСНТИ (Государственная автоматизированная система научно-технической информации), ГСК (генеральный систематический каталог), ЕКЛ (единая классификация литературы), ISBN (международный стандартный книжный номер), ОКАТО (общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления), ОКВ (общероссийский классификатор валют), ОКВГУМ (общероссийский классификатор видов грузов, упаковки и упаковочных материалов), ОКВЭД (общероссийский классификатор видов экономической деятельности), ОКГР (общероссийский классификатор гидроэнергетических ресурсов), ОКДП (общероссийский классификатор видов экономической деятельности, продукции и услуг), ОКЕИ (общероссийский классификатор единиц измерения), ОКЗ (общероссийский классификатор занятий), ОКИН (общероссийский классификатор информации о населении), ОКИСЗН (общероссийский классификатор информации по социальной защите населения), ОКНПО (общероссийский классификатор начального профессионального образования), ОКОГУ (общероссийский классификатор органов государственной власти и управления), ОКОК (общероссийский классификатор информации об общероссийских классификаторах), ОКОПФ (общероссийский классификатор организационно-правовых форм), ОКОФ (общероссийский классификатор основных фондов), ОКП (общероссийский классификатор продукции), ОКПДТР (общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов), ОКПИИПВ (общероссийский классификатор полезных ископаемых и подземных вод), ОКПО (общероссийский классификатор предприятий и организаций), ОКС (общероссийский классификатор стандартов), ОКСВНК (общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации), ОКСМ (общероссийский классификатор стран мира), ОКСО (общероссийский классификатор специальностей по образованию), ОКСТУ (общероссийский классификатор «Стандарты и технические условия»), ОКУД (общероссийский классификатор управленческой документации), ОКУН (общероссийский классификатор услуг населению), ОКФС (общероссийский классификатор форм собственности), ОКЭР (общероссийский классификатор экономических регионов), СИБД (система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу), СКС (систематическая картотека статей), УДК (универсальная десятичная классификация) и др., классификации ИНИОН (Институт научной информации по общественным наукам РАН [<http://www.inion.ru/>]).

Терминологическое дерево антропоцентризма в современной лингвистике

Н. А. Любимова, Е. В. Бузальская

Санкт-Петербургский государственный университет

nina-lubimova@yandex.ru; helve@yandex.ru

Языковой образ мира, языковое сознание, коллективное бессознательное, менталитет.

Summary. The paper focuses on the problems of the correlation between such terms of terminological apparatus, as linguistic world view, language consciousness, the collective unconscious etc. Creation of a tree of terms is a necessary stage of development of anthropocentric tendencies in science.

Наиболее распространенными маркерами антропоцентризма в современной лингвистике являются такие термины и понятия, как языковое сознание, языковая личность, языковая картина мира, менталитет, ментальность, языковой образ мира, коллективное бессознательное. Большинство из них до сих пор трактуется неоднозначно, что связано с отсутствием описания взаимосвязи данных единиц в контексте единого терминологического поля.

Подсознание современного человека, его систему первичных, не подвергающихся критическому или творческому переосмыслению образов, формируют два типа бессознательного – индивидуальное (биологические потребности) и коллективное (базовые простейшие архетипы, относительно которых строится система социального взаимодействия индивидов). Образы области бессознательного, попадая в «светлую полосу сознания», т. е. сферу осознанного конструирования представления о мироустройстве, формируют Образ мира. Одним из способов кодирования полученной

информации является язык. Сознание в этом секторе психики – *языковое сознание*, в нем формируется *языковой образ мира* – представление о мире, данное через образы слов.

Социализация превращает индивида в личность. Личность, таким образом, это та часть психики, которая ответственна за адаптацию индивида в пространстве культуры. Понятие *языковая личность* внутренне противоречиво: наличие в индивиде нескольких личностей в справочнике психических расстройств называется диссоциативным расстройством идентичности. Следовательно, это понятие может быть применимо только по отношению к обобщенному образу носителя языка, а не к конкретным людям и ситуациям. Таким образом, понятие *языковая личность* коррелирует с областью социальных догм (областью сверх-сознания). Языковая личность может быть идентифицирована на основании имеющихся фактов культуры – материальных проявлений языкового сознания, вследствие чего становится возможным говорить о том, что *языковая картина мира* –

общий (обобщенный) для всех носителей данного языка языковой образ мира, «вставленный в рамку» социальных конвенций.

В том же ракурсе оказывается возможным рассмотреть вопрос о сфере применения терминов *ментальность* и *менталитет*. Несмотря на принятую многими исследователями допустимость их смыслового неразличения, представляется важным учитывать разницу оттенков их значения. Известно, что в науку в качестве термина *Mentalite* был введен французским философом и психологом, позитивистом Л. Леви-Брюлем для обозначения коллективных представлений. Термин же *ментальность* обладает оттенком свойства или состояния описываемого объекта вследствие значения присоединенного к нему словообразовательного форманта *-ость* (ср. с: *компетентность*, *храбрость*, *слабость* и т. п.). Подтверждением тому служат также возникшие в категориальном аппарате наук гуманитарного цикла прилагательные *ментальный* (уровень, лексикон), *ментальное* (поведение), *ментальные* (характеристики). Термин же *менталитет* представляет собой номинацию самого объекта, явления или системы определенных социальной или этнической группой правил. Вероятно, именно с этим связано затруднение в использовании конструкции «ментальность + Pron₂ / N₂»: *ментальность этноса*, *ментальность нации*, и т. п. и возникшее предпочтение говорить: *русская ментальность*, *менталитет* народа, нации, писателя. Соответственно, представляется более точным использовать термин *менталитет* в случае, если речь идет о мировидении языковой личности и о *ментальности*, если описываются ее психо-эмоциональные черты.

Таким образом, очевидным представляется факт наличия бинарных пар терминологического аппарата: языковое сознание – языковая личность; языковая картина мира – языковой образ мира; менталитет – ментальность. Установление причинно-следственной зависимости позволяет говорить о

существовании двух цепочек: *языковой образ мира – языковое сознание – ментальность; языковая картина мира – языковая личность – менталитет*. Единицы первой цепочки описывают объекты, замкнутые в сфере психики носителя языка, единицы второй цепочки характеризуют состояние культуры.

Помимо понятия *языковое сознание* исследователи используют также понятия: обыденное метаязыковое сознание, русское метаязыковое сознание, русское лингвистическое сознание, этнолингвокультурное сознание, русское обыденное языковое сознание. Эти понятия возникли в результате вторичной метафоризации исходного термина, что привело к еще большему затемнению его значения. В данном случае «сознание» трактуется уже не как структура психики, но как некая общая модель, созданная исследователями в научных целях. Представляется более целесообразным в этом значении заменить компонент «сознание» на «рефлексия»: обыденная метаязыковая рефлексия, этнолингвокультурная рефлексия и т. п., поскольку речь идет о процессах осознания, а не о самом сознании. Еще одним понятием терминологического поля антропоцентризма является *речевая личность*. По известному определению Ю. Е. Прохорова это «языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [1: 59]. Речевая личность, таким образом, представляет собой «мост», соединяющий две цепочки терминов, поскольку в ней одновременно проявляется как психический, так и аналитический компоненты.

Создание единой обобщающей системы корреляции данных терминов и понятий является необходимым этапом развития антропоцентрических тенденций в науке.

Литература

1. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

Макро- и микроструктура регионального исторического словаря XVIII века: к постановке проблемы

А. П. Майоров

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

map1955@mail.ru

Региональная историческая лексикография, XVIII век.

Summary. There is a brief description of the main problems of regional historical lexicography, some principles for compiling the Regional Historical Dictionary tabled for discussion.

В то время как региональные варианты русского языка XVIII в. по материалам рукописных и печатных памятников в структурно-системном, источниковедческом аспектах сегодня исследуются довольно активно, их лексикографическое описание представлено еще очень скудно. Редкость лексикографических трудов объясняется, на наш взгляд, слабой разработкой принципов составления регионального исторического словаря. Представим наиболее проблемные точки лексикографической практики в этой области.

1. **Источники словаря.** Поскольку исторический словарь в своей основе опирается на совокупность текстов соответствующей эпохи, главная задача при лексикографическом описании языка письменных памятников – это отбор круга текстов, выступающих в качестве источника словаря.

Для регионального исторического словаря основным типом источника являются памятники деловой письменности. Меньше и менее регулярно по объективным причинам его источниками служат произведения эпистолярного жанра. Еще реже и, как правило, в качестве косвенных свидетельств регионального характера той или иной лексемы могут выступать различного рода географические описания – путевые заметки, мемуары, описания по заданию правительства отдельных регионов страны и пр. В силу определенных экстралингвистических факторов у регионального словаря XVIII в. нет (и, скорей всего, не может быть) такой источниковой базы, как художественные тексты, произведения научно-философского, гражданско-публицистического, конфессионального характера, лексикографические издания и ряд других памятников того времени.

Чтобы по возможности максимально, с большей степенью полноты отразить богатство регионального лексикона той

эпохи необходимо разрабатывать материал деловых документов самых разнообразных жанров и не менее разнообразной тематики, различной функциональной и коммуникативной направленности.

2. **Проблема словаря: книжная или не книжная лексика.** В восемнадцатом столетии в результате известных петровских реформ, отразившихся и на функционировании литературного языка, ранее обособленные книжно-славянские средства хлынули в область деловой письменности. В зарождающемся канцелярском слоге все лексические единицы получили функционально-стилистическое распределение в соответствии с жанровой направленностью и коммуникативным заданием документа. В целом деловой язык XVIII в. отражал диглосный характер языковой ситуации: официально-деловая письменность (распорядительные документы типа монарших указов и указов провинциальных канцелярий, *промемерий*, *приказов*, *инструкций* и т. п.) использовала книжно-славянские языковые средства, традиционно свойственные литературному языку, в то же время частно-правовые документы (*объявления*, *доношения*, *прошения*, *челобитные*) регистрационная документация (*ведомости*, *описи*, *регистры*) широко применяли средства разговорной речи. В связи этим, возможно, целесообразнее было бы составлять разные типы региональных исторических словарей этой эпохи, представляющих в принципе генетически разнородный лексический состав.

3. **Полный или дифференциальный тип словаря.** В исторической лексикографии нередко дискутируется вопрос о составлении региональных исторических словарей полного или дифференциального типа. В связи с естественным ограничением для регионального исторического словаря круга

источников (см. выше) встает вопрос, насколько актуально такое разграничение в лексикографической практике? Очевидно, что к региональному историческому словарю полного типа неизбежно будут возникать вопросы о включении одного общеупотребительного слова и невключении другого: скажем, есть слова *колечко*, *корабельный*, но нет слов *колцо*, *корабль* (примеры из регионального словаря). С другой стороны, по определению словарь такого рода будет содержать регионализмы, и они в силу системного характера лексики могут быть связаны и соотносимы с общеупотребительными словами, которые в этом случае должны быть включены в словарь. Кроме того, общеупотребительные слова способны развивать в новых условиях новые значения, неизвестные литературному языку, и в этом случае следует давать полную словарную статью со всеми значениями, известными региональному языку. Однако встает вопрос: есть ли необходимость включать все общеупотребительные слова, в том числе такие, которые не претерпели семантических и формальных изменений?

4. **Историческая динамика словарного состава.** Подвижность словарного состава – одна из отличительных черт языка этой эпохи: слово, входящее в активный запас словарного состава в начале столетия, к его концу, ограничив свое употребление, может стать архаизмом, или, изменив социальную сферу функционирования, превратиться в диалектное, просторечное слово. Характерно в этой связи использование специальных помет в Словаре русского языка

XVIII в., указывающих на динамику словоупотребления в диахроническом плане. По наблюдениям автора этих строк, та же самая динамика присуща региональному лексикону, и упомянутый принцип лексикографической фиксации динамики слов должен быть применим и в региональных исторических словарях.

5. **Поддача заглавного слова.** Неустойчивость норм (орфографических, фонетических, лексических и др.) в процессе становления национального языка в XVIII в. проявляется в интенсивном варьировании языковых единиц, касающемся в первую очередь слов, которые на протяжении всего столетия активно заимствовались из европейских и автохтонных языков. Количество вариантов настолько значительно, что проблема поддачи заглавного слова в словаре данного периода становится одной из самых актуальных. Заслуживает внимания предлагаемый составителями Словаря русского языка XVIII в. выбор репрезентативной формы слова. В то же время для регионального словаря, учитывая принцип историзма, ее выбор может быть проблематичен.

6. **Другие проблемы.** Ограниченный объем тезисов заставляет далее просто перечислить другие не менее важные проблемы лексикографической репрезентации региональной лексики. Это вопрос роли иллюстраций в толковании лексического значения регионального слова, вопрос стилистической характеристики слова и применения соответствующих помет, вопрос включения ономастического материала в региональный словарь, вопрос слов-гапков.

Союз «а». Словарная статья

О. Ш. Надибаидзе

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

olllgan@list.ru

Словарь служебных слов; союз а; параметризация.

Summary. This publication is a dictionary entry describing conjunction A. It is based on the parametrization worked out in accordance with such specific characteristics of this class of words as semantic, pragmatic, constructive, communicative and stylistic ones.

Публикация представляет собой фрагмент словарной статьи, созданной на основе параметризации, разработанной в соответствии со специфическими свойствами данного класса служебных слов – семантическими, прагматическими, коммуникативными, конструктивными, стилистическими.

Идея Словаря служебных слов разработана коллективом кафедры современного русского языка Дальневосточного государственного университета (ныне Дальневосточного федерального университета) под руководством доктора филологических наук, профессора А. Ф. Прияткиной и доктора филологических наук, профессора Е. А. Стародумовой. Первый выпуск Словаря содержит 50 словарных статей (Словарь служебных слов русского языка. Владивосток, 2001).

Структура словарной статьи: Типы употребления; Омонимия; Семантическая группа; Значение; Синтаксис: конструкции, формально-семантические разновидности конструкции; Текст; Фразеология; Синонимия; Стилистические возможности; Иллюстрации. Здесь приводятся фрагменты одной из статей второго выпуска Словаря.

Типы употребления. 1. *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет.* 2. *Емеля опустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.* 3. *Вот поженились царевичи: старший на боярышине, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягушке-квакушке.* 4. *Было у того купца три дочери, все три красавицы писаные, а меньшая лучше всех.* 5. *Целовал, а предал.* 6. *На нём была визитка, полосатые брюки, он был при грязном крахмальном воротничке, а воротничок при зелёном галстуке, а в галстуке этом была рубиновая булавка.* 7. *После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться, а баня-то была чузунная.* 8. *Смотрит, а сеть пуста.* 9. *Стоит, запрокинув горло, и рот закусила в кровь, А руку под грудь упёрла, под левую – где любовь* (М. Цветаева).

Значение. Союз А имеет главное значение – сопоставительное, однако при функционировании в разных текстах с различными семантическими условиями диапазон оттенков очень широк: от сильного сопоставления (противопоставления) к слабому сопоставлению до мнимого сопоставления и «сопоставительного» присоединения. Частные проявления

семантики союза реализуются в разных речевых условиях. Это, например, уступительность при уступительном сопоставлении: А-несоответствия норме (Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева), А-ненормального следствия; А-двух следствий; А-логическое (Е. В. Урысон); сравнение при противопоставлении: А-контраста (Т. М. Николаева, В. З. Санников), «опустошенное сравнение» (Е. В. Урысон); присоединение при сопоставительном соединении: «смена объекта в фокусе» – «переключение сознания», «метатекстовое присоединение» – «поворот повествования» (Е. В. Урысон).

На основе союза А строится множество дискурсивных стратегий русской речи. В частности, формируются такие характерные для союза А регистры текста как «драматическое рассуждение» с элементами осуждения и обличения; описание состояния удивления от «непредсказуемости мира»; вычленение из перечислительной цепи «из ряда вон выходящего»; демонстрация «особенности» части некоего множества; контекст несоответствия; контекст неожиданного или неожиданного результата; комментирование субъектом речи ранее высказанного суждения.

Синтаксис. Союз А служит показателем связи между компонентами конструкции. Выделяются две модели: модель 1 – с синтаксическим параллелизмом (союз равноудален от того и другого компонента), модель 2 – без синтаксического параллелизма (союз «привязан» к последней части).

Конструкции: сложное предложение (СП), моносубъектная конструкция (МСК), конструкция с вторичной связью (ВС).

СП. Модель 1. А) бинарная: 1.1. *Мы тленны: сегодня мы живы, а завтра во гробе.* Максимально параллелизм проявляется при наличии антонимической пары. Б) не бинарная: 1.2. *Буровые у них не тонут, олигархов за последние 10 лет не прибавилось, а уровень социального благополучия – дай Бог каждому.* Количество частей: как правило три и больше. Союз оформляет только последнюю. 1.3. *Старик воротился назад, смотрит и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане.* Союз А может оформлять как все последующие части, так и выбо-

рочно некоторые. Последовательное рема-тематическое при-соединение не с анафорической заменой, а с повтором ремы создает в современных текстах особый синтаксический строй, имитирующий сказ. **Модель 2. 2.1.** *Взял дед лису и положил на воз, а сам пошёл вперед.* Подключение союзом А второй части с компонентом *сам* формирует особую семантику на основе специфической структуры: квазисопоставление в моносубъектной предикатной цепи. **2.2.** *Вы его обидите, Никанор Иванович, а это неудобно.* Союз А обозначает переход к метатекстовому комментарию. **2.3.** *Глядь, а за ним уж другой заяц гонится.* В первой части всегда есть обязательный компонент – предикат с семантикой восприятия. Союз подключает вторую часть с неожиданным или неожиданным результатом.

МСК. Модель 1. 1.1. *Плачет, а делает.* В обеих частях обязательны нераспространенные глагольные предикаты. **Модель 2. 2.1.** *Любил он всех дочерей, а меньшую дочь любил больше.* Первый фрагмент представляет собой утверждение о каком-либо множестве, второй содержит информацию только об одном из объектов этого множества. **2.2.** *Он был в пальто и блестящих глубоких калошах, а под мышкою дер-*

жал портфель. Первый фрагмент содержит информацию о субъекте в целом как о некоем множестве. Второй – информацию, важную, с точки зрения говорящего, только о его части.

ВС. *(Какая) красавица, а за бесталанным мужем живет.* В первом фрагменте обязательно наличие именного предиката для обозначения статуса субъекта, во втором – предиката с распространителями, семантика которых указывает на противоречие с указанным статусом. Эта модель используется для передачи крайней степени удивления, возникающего при условии смыслового несоответствия.

Формально-семантические разновидности. 1. Сопоставление: 1.1. Собственно сопоставление. 1.1.1. Несимметричное сопоставление. 1.1.2. Симметричное сопоставление. 1.1.3. Сильное симметричное сопоставление (противопоставление). 1.2. Мнимое сопоставление. 1.3. Градационное сопоставление. 1.4. Сравнительное сопоставление. 1.5. Уступительное сопоставление. **2. Присоединение:** 2.1. Рема-тематическое присоединение. 2.2. Оценочное присоединение. 2.3. Присоединение неожиданного результата. 2.4. Сопоставительное присоединение.

Формирование моделей терминопольей (на материале специальной лексики товароведения чайного сырья)

Л. Я. Сапожникова

Харьковский государственный университет питания и торговли (Украина)

L.sapozhnikova@mail.ru

Специальная лексика, термин, терминополье, модели терминопольей, концепт.

Summary. By the example of special vocabulary of tea raw material merchandising, the process of forming various types of term field models is considered in the paper. It is emphasized that the terminology of restaurant business and trade is actively replenished as an open system.

На современном этапе развития русского языка активизировался процесс пополнения терминологии ресторанного хозяйства и торговли, поэтому перед исследователями возникают вопросы изучения лексики специального назначения указанной области, особенностей формирования терминопольей (ТП). Поле для термина-понятия – это совокупность понятий, к которым он принадлежит; для термина-слова – это совокупность терминов-слов (с ними он соединяется в пределах своей среды, на их основании формируется и влияет на другие термины собственной языковой формой). Главной для поля есть его экстралингвальная направленность, согласно которой организовываются языковые средства выражения. Концепт ТП неотрывный от терминоведческих понятий экстенция и интенция, терминологически – дефинитивное поле (ТДП), терминологическое макрополе (ТМП), микротерминополье (МТП). Эти научные положения мы используем при исследовании ТП «Чай». Считаем необходимым сначала определить интенциональные (ядерные) образования, которые находятся в центре концептосферы указанного понятия, так как именно от них зависит направление моделирования производных единиц (дериватов и многоуровневых номинативных структур) в процессе терминообразования. Нами идентифицированы три ядерные образования: ТП «Названия понятия чай в разных языках»; ТП «Топонимы, связанные с термином чай по месту выращивания»; ТДП «Толкование и дефиниции термина чай в русском языке». Как показывает исследование, чай – термин многозначный. В специальной справочной литературе находим три типа определений понятия чай: с точки зрения товароведения, технологии, обслуживания на предприятиях ресторанного хозяйства. Учитывая значительные количественные показатели терминологического массива ТП «Чай», сосредоточим наше внимание только на терминологии товароведения чайного сырья. В связи с этим предлагаем следующую дефиницию: чай – это продукт биохимических и физико-химических преобразований в процессе переработки флеша (верхушки побега чайного растения, которая состоит из листовой почки и 2–5 молодых листочков), из которого изготавливают фабричные типы (черный, зеленый, желтый, красный чай), и путем купаживания получают торговые сорта, поступающие в продажу. Эта научная классификация, стала базовой для определения терминологических полей, для определения лексико-семанти-

ческих образований, имеющих логические связи и зафиксированных на лингвистическом уровне в форме ТП. В процессе исследования мы выделили восемь таких образований, рассмотрение которых предлагаем.

1. ТП «Технологические операции обработки чая»: завяливание, скручивание, ферментация, пропаривание, подсушивание, сушение, сортирование (зеленый, сухой), смешивания и комбинирования (купажирования), хранения и т. д. Особенностью составляющих этого ТП является репрезентация терминов в форме отглагольных существительных и наличие в дефинициях цифровых обозначений.

2. ТП «Химический состав чайного настоя»: дубильные вещества, алкалоид, кофеин (теин), эфирные масла, белковые вещества, пигменты, ферменты, энзимы, смолистые вещества, минеральные соли, танин, катехины, витамин Р, витамин С, теобромин, теофиллин, гуанин, фтор, йод, пектиновые вещества, хлорофилл и т. д. Полностью заимствованное из другой предметной области, это ТП свидетельствует о взаимодействии языков специального назначения химии и товароведения.

3. Мы зафиксировали вложенность полей и родо-видовые отношения между понятиями (МТП 1-го, 2-го, 3-го уровней), определяя составляющие ТП «Основные типы чая по ботаническому характеристикам». Особенно noteworthy терминов и определений этого ТП является взаимодействие и непосредственное заимствование некоторых из биологической терминологии.

4. ТП «Разновидности чая в зависимости от технологии обработки листа»: ферментированный, неферментированный, черный, красный (оолонг), желтый (солнечный), зеленый (кок-чай), белый, синий, фиолетовый, соломенный. Наличие в этом ТП оппозиций ферментированный / неферментированный, белый / черный, теневой / солнечный свидетельствует о поляризации семантического пространства, определяя место термина в иерархической системе. Преобладающие термины этого МТП – термины-колоративы: черный, зеленый, красный, желтый и т. д.

5. ТП «Разновидности чая по форме механической обработки сырья»: байховый (рассыпной со скрученными листочками); прессованный – таблетированные, плиточные; экстрагированные – концентрированные жидкие, концентрированные сухие, концентрированные быстрорастворимые, кристаллические. Одно из видовых определений чая –

байховый – означает рассыпной, хотя изначально было связано с ботаническими характеристиками этого растения: одна сторона чайного листа покрыта тонкими серебристыми волосками, похожими на белые ресницы. Научную мотивацию имеет термин таблетированный, которому соответствует дефиниция: разновидность плиточного прессованного, изготовленного из размолотых чайных крошек высших или обычных сортов в форме таблетки массой 3–5 г.

6. ТП «Органолептические показатели заваренного чая» имеет в составе преимущественно собственно русские терминообразования с устоявшейся синтаксической формой. В этом терминопле нами выделен родовой термин заваренный чай и определены МТП 1-го уровня, МТП 2-го уровня.

7. ТП «Ароматизированный чай»: чай с малиной, чай с лимоном, чай с апельсином, чай с бергамотом, чай с жасмином и т. д. Терминообразование ароматизированный чай называет понятие, видовым отличием которого является сема смешанный с листом чайного дерева.

8. Рассмотрение следующего ТП «Торговые сорта байхового чая в зависимости от качественных показателей листа (по отечественной и международной классификации)» дает возможность определить удельный вес собственно русских и иностранных лексем при образовании соответствующих терминообразований. Родовой термин торговый сорт чая состоит из нескольких десятков видовых наименований и указывает на качество чая, особенности его аромата и вкуса в зависимости от купаживания промышленных сортов, в результате чего создаются различные названия таких смесей, мотивированные маркой частоторговой фирмы, названием района выращивания.

Пример специальной лексики товароведения чайного сырья демонстрирует процесс активного формирования в современном русском языке различных типов моделей терминополой. Как видим, исследуемый лексический корпус имеет особенности экстралингвального характера, терминология ресторанного хозяйства и торговли в свою очередь, как открытая ситема, пополняется новыми лексемами.

Особенности лексикографических дефиниций тоски в русском языке

О. А. Сеничева

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

senicheva_olga@inbox.ru

Концепт, тоска, языковая картина мира.

Summary. The lexicographical representation of nominations denoting the emotion of yearning in the Russian language has been researched. It has been also determined the common and specific linguistic and cultural characteristic features of the emotional concept of «yearning» in Russian in axiological aspect.

В словарных статьях находят отражение ценностные установки социума, идеология господствующей культуры, поэтому словарные статьи являются культурологически актуальным материалом в изучении концептов культуры и, в частности, эмоционального концепта «тоска» и др.

Русский концепт «тоска», национально-специфичный, как и любой другой, обладает определенным содержанием. То, каким образом структурировано это содержание, какова природа этого содержания, определяет как функционирование самого концепта, так и его место в концептосфере языковой лингвокультуры.

Согласно основным положениям теории концепта (А. Вежицкая, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, Е. И. Шейгал, Г. Г. Слышкин, И. А. Стернин, В. И. Шаховский и др.), русский концепт «тоска», не имея четкой структуры и границ, существует в трех своих слоях, в разной степени реальных для носителей русской культуры. Так, в первом слое, представляющем внутреннюю форму концепта «тоска», данный концепт репрезентирует общеславянские корни, хотя на данный момент слово *тоска* утрачено всеми славянскими языками, кроме русского. В древнерусском языке слово *тоска* означало «стеснение, горе, печаль; беспокойство, волнение», а концепт реализовывался через прямые и косвенные номинации, мог быть выражен не только словом, словосочетанием, но и целым текстом: *А вьстона бо, братие, Киев туюю, а Чернигов напастьми. Тоска разлилася по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускый* (Слово о полку Игореве).

Этимологию слова *тоска* описать трудно. Его значения уже в древнерусском языке группируются вокруг признака «стеснение, давление, натиск», и это содержательно связывает русский концепт «тоска» с немецким «Angst» («страх») и французским «angoisse» («тоска, страх, тревога»), имеющими подобную содержательную основу, идущую от латинского «angustia» («теснота, узость»). Ю. С. Степанов говорит не просто о концепте «тоска», а о концепте «страх, тоска». На наш взгляд, для русского языкового сознания концепты «страх» и «тоска» существуют раздельно, хотя и характеризуются взаимной связанностью. Данное концептуальное содержание частично является общим для таких европейских культур, как немецкая, французская и русская, а именно: христианское понятие «Страх Божий», христианская традиция вообще, а также философия экзистенциализма, название основного труда которой переводится на русский язык «Концепт тоски» либо «Понятие страха». Однако русский философ-экзистенциалист Н. А. Бердяев говорит о

том, что нужно делать различия между тоской и страхом: «Тоска направлена к высшему миру. Страх и скука <...> на низший мир».

Таким образом, внутренняя форма русского концепта «тоска» связана с признаком «стеснение, давление, натиск».

Что же касается исторического содержания, то концепт «тоска» существовал как достаточно активный в древнерусском языке и сохранил свою жизнеспособность до наших дней через включенность не только в русскую культуру, но и в культуру европейскую в целом (хотя включенность в европейскую культуру носила частичный характер). Культурные коннотации, дополняющие основное содержание концепта «тоска», вместе с этим содержанием представляют собой то, что лежит в основе концепта.

Слово *тоска* в русском языке является многозначным. Толковые словари выделяют у него 2–3 значения: 1. Душевная тревога, соединенная с грустью; уныние, 2. Скука, а также (разг.) что-нибудь очень скучное, неинтересное (С. И. Ожегов «Словарь русского языка»). Однако такое представление семантической структуры слова, на наш взгляд, не отражает реального состояния его семантики. Целый ряд значений не выделяется специально. Такие невыделенные значения видятся нам в следующих употреблениях: *тоска по кому-либо (о ком-либо)*, *тоска по родине*, *тоска по несбыточному* и др. Эти значения можно отнести к первому словарному значению – «душевное томление, тревога в соединении с грустью и унынием». Но при трансляции в другую, в частности, французскую лингвокультуру, смысловые структуры сознания, фиксированные в такой формулировке значения, все равно будут дробиться и транслироваться отдельно друг от друга. По мнению А. Вежицкой, в основе культурного сценария чувства тоски для русского человека лежит отсутствие или недоступность желаемого. Такая точка зрения находит свое подтверждение не только в исследованиях по семантике и лингвокультурологии, но и фиксируется в словаре синонимов: «неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет и когда он думает, что желаемое невозможно».

Русская лексикография выделяет еще два значения тоски: 1. «скука, уныние, царящие где-либо, вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему» и 2. «то, что вызывает у кого-либо состояние духовного томления, сильной скуки, уныния». Оба эти значения имеют под собой основу в виде общего культурного сценария. В употреблениях слова *тоска* в данных значениях налицо «стремление к лучшему, хорошему» в сочетании с

«осознанием невозможности лучшего»: *И дождь, и мамы дома нет, и Антошка пока не вернулся с дачи. Ну разве не тоска?* (Токманова. Может, ноль не виноват?); *Везде и всюду одно и то же... Тоска!* (Н. Беляев. Человек, нашедший свое лицо).

Общий анализ словарных толкований русского слова *тоска* позволяет сделать вывод о сложности его семантики, подчиняющейся логике культурного сценария, но трудно поддающейся делению на отдельные значения. Один из толковых словарей (словарь В. И. Даля), например, не относит слово *тоска* в разряд полисемантов, но при этом определяет его синонимы: *стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь*. На этом основании можно утверждать, что концепт «тоска» – это ступок смыслов, представляющих различные концептуальные признаки, но всегда имеющих определенную эмоциональную окрашенность.

Оппозитивные концепты: лексикографическое представление*

М. В. Слаутина

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

mslautina@yandex.ru

Идеографический словарь, оппозитивные концепты, синонимы.

Summary. In the report ways of representation of appositive concepts in ideographic dictionaries of Russian are investigated. As one of the means of representation of appositive concepts synonymic lines with opposite value are considered.

В идеографическом словаре находят отражение способы категоризации и концептуализации мира. Сама система денотативных сфер и денотативно-идеографических групп соотносится с концептуальной картиной мира. Оппозитивность как системообразующий принцип концептуальной системы проявляется на разных уровнях общения. Так, концептосфера «Оценка» представляет собой реализацию двух универсальных оценочных смыслов – *хороший* и *плохой*, – которые в зависимости от вида оценки конкретизируются в оппозитивных концептах *Полезный – Беспольный*, *Красивый – Некрасивый*, *Обычный – Необычный* и т. д. Концептосфера «Эмоции» образуется взаимодействием концептов *Радость – Грусть*, *Счастье – Несчастье*, *Доброта – Жестокость* и т. д.

В концептосферах, организованных не по оппозитивному принципу, полярные смыслы играют различную роль. Так, они менее существенны в таких сферах, как «Конкретная физическая деятельность», «Искусство», «Строительство» и под. В других – таких, как «Экономика», «Интеллект», «Речь», «Религия», – оппозитивность, не являясь системообразующим принципом, тем не менее, проявляется на уровне частных концептов, связанных с базовыми, основными, составляющими ядро концептосферы. Например, для сферы «Экономика» базовым является концепт *Деньги*, с которым связаны такие оппозитивные концепты, как *Богатство – Бедность*, *Прибыль – Убыток*, *Копить – Тратить*. Базовый религиозный концепт *Вера* «притягивает к себе» оппозитивные концепты *Праведность – Грех*.

Рассматривая идеографическую группу как совокупность лексических репрезентаций оппозитивных концептов, отметим, что синонимические ряды с противоположным значением, относящиеся к одной рубрике идеографического словаря, могут быть лексическими репрезентантами как одного, так и разных концептов. Рассмотрим примеры. Синонимические ряды *Плодородный, жирный, плодородный, тучный, урожайный, устар. злчный, разг. плодovitый* и *Неплодородный, бедный, бесплодный, скудный, устар. неродимый, разг. худородный*, относящиеся к денотативной сфере «Сельское хозяйство» (идеографическая группа «Состояние хозяйства») являются репрезентантами концепта *Земля*. В этом случае оппозитивные синонимические ряды отражают признаки, относящиеся к периферии концепта. Если же мы имеем дело с ядерными признаками, то синонимические ряды с противоположным значением, относящиеся к одной идеографической группе, являются репрезентантами

Таким образом, для русского эмоционального концепта «тоска» характерны два признака, которые являются универсальными: «соматические изменения внешности человека под воздействием эмоции» и «каузатор / отсутствие каузатора эмоции». Специфическими лингвокультурными характеристиками эмоционального концепта «тоска» являются: «негативные последствия для окружающих вследствие переживания эмоции человеком», «неразумность переживания эмоции для человека, ею подверженного». В результате исследования мы установили, что в русской языковой картине мира четко выражена связь концепта «тоска» с эксплицируемыми в нем синонимами к одноименным словам с понятиями «душа» и «сердце». Специфически русским оказалось содержание семантической группы «Причины возникновения эмоции» (в русском языке обнаружены часто используемые словосочетания *тоска по родине, тоска по дому, тоска по родным*, что объясняется национальной любовью русских к родине, родным и семье).

двух оппозитивных концептов. Например: синонимические ряды *Богатый, безбедный, зажиточный, крепкий, небедный, обеспеченный, состоятельный, устар. достаточный*, разг. презрит. *буржуйский*, разг.-сниж. *справный* (семантическая идея: отличающийся достатком, обилием материальных ценностей, отсутствием нужды) и *Бедный, небогатый, нищий, нищенский, книжн. малообеспеченный, книжн. необеспеченный, устар. убогий* (семантическая идея: отличающийся крайней нуждой, отсутствием средств к существованию) являются репрезентантами оппозитивных концептов *Богатство – Бедность*.

Противопоставление на уровне ядерных признаков концепта отнюдь не означает обязательную симметрию и полное соответствие компонентов одного концепта компонентам другого. Так, концепты *Богатство* и *Бедность* противопоставлены по признаку «наличие / отсутствие материальных ценностей». При этом концепт *Богатство* включает еще один ядерный признак – «сами материальные ценности». Концепт *Бедность*, в свою очередь, более иерархичен, он отражает представления о разной степени проявления признака, различных стадиях состояния (ср. градационные синонимические ряды, являющиеся репрезентантами концепта, – *Бедный* и *Нищий*).

Другая модель асимметричного взаимодействия концептов состоит в том, что один концепт может быть по разным признакам противоположен двум другим. Например, концепт *Труд* образует две оппозиции – с концептами *Отдых* и *Лень*.

Асимметричность организации лексических множеств, репрезентирующих оппозитивные концепты, проявляется и в количестве синонимических рядов. Так, для оппозитивных концептов *Умный – Глупый* важным компонентом является степень проявления признака. Но репрезентируется этот компонент по-разному. Значение превышения нормы в синонимическом ряду *Умный* отражается в семантике слов *мудрый, прозорливый*; в противоположном ряду *Глупый* оно заключено в словах *безмозглый, пустоголовый*. Кроме того, значение превышения нормы дополнительно выражает синонимический ряд *Тупой*, обозначающий крайнее проявление признака глупости.

Интересно отметить, что синонимические ряды с противоположной семантикой могут быть репрезентантами концептов, которые не только не являются оппозитивными, но и относятся к разным сферам. Например, значение противоположного действия заключено в семантике рядов *Зараба-*

* Исследование выполнено в рамках госзадания «Большой лингвокультурологический словарь русского языка: ключевые концепты и их репрезентации», а также при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00444 «Русские синонимы в системном освещении: структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты»).

тывать (семантическая идея – работать с целью получения вознаграждения), который находится на пересечении двух концептосфер – «Груд» и «Экономика», и *Тратить* (семантическая идея – употреблять на приобретение чего-л. (деньги, средства), относящегося к сфере «Экономика»).

В концептуальной картине мира находят отражение архетипические культурные оппозиции, связанные в первую очередь с самим человеком и с освоением, познанием им действительности. Таковы, например, представления о пространстве и времени, где точкой отсчета является человек, его «пространственно-временные координаты». Представления о *близком / далеком, земном / небесном* и т. п. соотно-

сятся с архетипическим образом *своего* и *чужого* пространства и религиозным предствлением о *божественном* и *дьявольском*. Помимо архетипических культурных оппозиций в русской концептуальной картине мира находят отражение оппозиции, связанные с представлениями о жизни социума: *Пьяный – Трезвый, Образованный – Необразованный, Говорить – Молчать* и т. д.

Таким образом, исследование концептуальной системы русского языка на материале идеографических словарей дает дополнительные возможности для выявления способов репрезентации концептуальной картины мира в лексике русского языка.

О соотношении этического и риторического принципов в дипломатической коммуникации

А. А. Тимофеев

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

alex1m0f@mail.ru

Риторика, теория и практика деловой речи, история русского языка, терминология.

Summary. This research covers the problem of development of russian diplomatic text. The main formal and rhetoric patterns can influence not only present moment of foreign policy but the way of human history. The strongest parts of formal and rhetoric issues lead to the creation of special genres of diplomatic communication.

Поводом к данному исследованию стали особенности построения важнейших дипломатических текстов, которые повлекли за собой весьма серьезные последствия. Взаимоотношение категорий этики и риторики может способствовать урегулированию конфликтов, а может вызвать волну недовольства национальных масс. Так, например, Версальский мирный договор в начале XX века был силен в плане риторики, но очень слаб в плане этики. Сильная риторика способствовала выдвигению США на доминирующие позиции в международной политике, однако вкупе со слабой этикой стала причиной подъема национального движения в Германии, что в дальнейшем вылилось во Вторую мировую войну.

Взаимодействие этики и риторики имело свои прецеденты и в документах XVIII–XIX вв. Наиболее важными международными трендами в данный период времени были Восточный вопрос (об ограничении внешней политики Османской империи), создание антинаполеоновской коалиции во главе с Британской империей, объединение рейха и др. Потому с материалом исследования явились дипломатические документы Российской империи, хранящиеся в фондах Архива внешней политики российской империи и Российского государственного архива древних актов, а также опубликованные дипломатические тексты Англии, Франции, Пруссии, Турции и Германии.

Этический принцип – это в первую очередь дипломатический протокол, т. е. правила ведения международных переговоров, порядок обращения к иностранным представителям (а также к отечественному ведомству – Царь, МИД, канцелярия по особым вопросам и т. д.), очередность подачи деловых бумаг и правила их оформления. Этический принцип – это определенные рамки профессиональной деятельности, за которые профессиональному дипломату переступать не рекомендуется. Данные рамки накладываются не только на представление своей страны на международной арене, но и на язык устного и письменного общения. В данном случае язык дипломатического протокола имеет самое широкое значение: не только подбор слов, но и движения слова, жесты, мимика – все, что попадает в поле семиотики. Определенные разновидности дипломатического акта напрямую влияют на т. н. «набор дозволенностей». Так, например, правильно будет заключить, что повестке о прекращении боевых действий на переговорах крайне неуместно улыбаться, употреблять в речи родную фразеологию (непонятную иностранным собеседникам), кардинально менять тему и т. д.

Из этических речевых приемов общепринято использовать следующие: *условные приятия доводов оппонентов* («допустим, вы правы...», «предположим, что это так...»), *использование «Вы-подхода» вместо «Я-подхода»* (вместо фразы «Я хочу, чтобы...» лучше говорить «Вас не затруднит...»), а также *использование «Мы-подхода»* («Мы с вами, безусловно, заинтересованы...»).

Важная составляющая этического принципа – это референция к законодательной базе государства. Правительство в большей степени заботится о своих международных интересах, поэтому стремится оказывать контроль на деятельность дипломатов с помощью различных предписаний. Однако таковых было немного, т. к. содержание большинства дипломатических миссий было уникальным: ни один закон не мог охватить все возможные *реалии и ситуации* жизни, и потому основу предписаний составляли письма государей с соответствующими наказами: как себя вести, что делать при определенных обстоятельствах и т. д. О более-менее сформировавшейся системе правил / предписаний можно говорить только в период Вестфальского договора. Именно в этот период создаются основные нормы и правила международных отношений, которыми дипломаты могли оперировать для достижения определенных целей.

Риторический принцип в наивысшей степени связан с личностью дипломата – его способностью производить тексты, правильно их воспринимать и соответствующим образом организовывать их в сложившихся ситуациях.

Анализируя особенности индивидуальной речи дипломатов, можно составить некую идеальную модель поведения и речевой стратегии на международных переговорах. Совокупность таких идеальных моделей (удачных прецедентов) находит свое закрепление в законах о ведении международной коммуникации: формируются Уставы и Правила, которые частично освобождают руководство страны от подробного инструктажа каждой дипломатической миссии; также создаются международные дипломатические словари, главная цель которых – избежание недоразумений в составлении понятийного ряда конкретного дипломатического выступления. Главная задача риторического принципа – правильно организованная подача мыслей дипломата с целью быть услышанным окружающими, достижение определенных целей, прогнозирование дальнейшего хода событий (путем анализа речи контрагента) и предотвращение неприятных ситуаций, которые идут вразрез с интересами страны.

Одним из риторических приемов в дипломатической коммуникации является сабституция – подмена нейтрального тезиса отрицательным или положительным. Например: «Давайте поставим вопрос на голосование: *будем ли мы посылать войска в Ирак? То есть допустим ли мы появление нового поколения сирот, упадка и ксенофобии, или позволим вырастить новому поколению в мире и достатке...*». Курсивом выделен нейтральный тезис, а жирным шрифтом – измененный (сначала отрицательный, а потом положительный). Другой пример – постановка ультиматумов. Так, можно упомянуть выступление Громыко на заседании Ассамблеи ООН, где он твердым и решительным голосом громко заявил: «Или вы принимаете наши условия, или советская делегация покидает данное заседание». Учи-

тывая, что обстановка ядерного противостояния была накалена до предела, американской стороне пришлось удовлетворить запросы СССР.

Сходства и различия в реализации этического и риторического принципов.

Дипломатический протокол (этический принцип) – это всегда определенные рамки, которые могут препятствовать достижению положительного результата на переговорах. Это накладывает определенные ограничения на дипломата. Подобные ограничения создавались на основе дипломатического опыта и закреплены в различных государственных и межгосударственных установлениях. Так, статья № 17 Венского Конгресса определяет международный статус дипломата, его полномочия и определенные рамки поведения. Законы Екатерины II давали четкие установки на то как надо действовать в определенных обстоятельствах.

Дипломатия требует избегать острых углов, однако практика решения международных задач показывает, что необ-

ходимо заострять внимание на определенных моментах международной политики. С развитием публичной дипломатической коммуникации международные акторы ожидают максимальной открытости на переговорах. Однако государственный интерес требует ограничить подобную тенденцию. Так, английский дипломат кон. XVI – нач. XVII в. Г. Уоттон писал, что «...посол является честным человеком, которого посылают за границу лгать во имя блага своей родины». А в положении Foreign Office сказано: «Никогда не предоставляйте информацию, которая может навредить интересам Вашей страны».

Во время проведения международных переговоров довольно часто возникают сложные ситуации. И в подобных обстоятельствах все зависит от личности дипломата, его степени подготовки, готовности принимать непростые решения, а также умение правильно и уместно (не корректно; корректность и непредвзятость отходят на второй план) изъяснять свои мысли с помощью языковых средств.

«Сибирская цивилизация» в лексикографическом освещении

О. В. Фельде

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Feldeo@list.ru

Сибирь, региональная лексикография, словарь, лексикографический комплекс, лингвокультура.

Summary. The report describes the problems and challenges of creating complex lexicographic Prieniseyskoy Siberia, the issues of relations and traditional dialect onomastic dictionaries Krasnoyarsk region with historical regional vocabularies and regional modern dictionaries of a new type, and formulated the principles disclosed lexicographical work.

Начало XXI века ознаменовано возрастанием научного интереса к так называемой «сибирской цивилизации». Отчасти это связано с тем, что «сибирская культура, функционируя на огромном территориальном пространстве, является очень важным фактором сохранения российского культурного поля» [Томилов // <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/tomilov1.htm>]. В настоящее время накоплено немало сведений о хозяйственном освоении Сибири и формировании традиций ее русского населения, о функционировании русских сибирских говоров в их истории и современном состоянии. Однако в обширном перечне трудов, посвященных истории, этнографии, коренным и диаспорным языкам Сибири, недостает исследований лексикографического характера. Прежде всего, следует отметить фрагментарность и неполноту фиксации словарного состава русского языка, функционирующего в поликультурной Приенисейской Сибири, т. е. в Красноярском крае, на территории значительной части Хакасии и в Туве, площадь которых в совокупности сопоставима с площадью европейской части России.

Корпус региональных словарей приенисейского мегарегиона включает традиционные диалектные, ономастические, исторические и отраслевые словари, созданные в разное время как профессиональными коллективами авторов, так и отдельными лексикографами, в том числе и лексикографами-любителями. Отметим диалектные словари некоторых уездов Енисейской губернии М. Ф. Кривошапкина (1865) и В. А. Анучина (1904); словари говоров южных, северных и центральных районов Красноярского края, изданных под ред. В. Н. Роговой (1988), Г. Г. Белоусовой (1992) и О. В. Фельде (2003–2008). Их словники формировались по дифференциальному принципу, который не позволил представить систему народной речи во всей ее полноте и многообразии. Недостатком первых красноярских словарей является выраженная ориентация на фиксацию словарного состава только старожильческих говоров, хотя в диалектных карточках Регионального лингвистического центра КГПУ им. В. П. Астафьева имелись и имеются поныне записи диалектной речи носителей островных переселенческих и новосельских говоров. Исключались из «южного» и «северного» словаря также контексты, отражающие интерференцию русских сибирских говоров и говоров переселенцев из украинских и белорусских губерний. Несовершенна была и пространственная характеристика диалектных лексем, поскольку далеко не все населенные пункты были обследованы красноярскими диалектологами. Это отчасти объяснялось необозримостью коммуникативного пространства, подлежащего изучению. Например, площадь только одного труднодоступного Кежемского района сопоставима с площадью

всей Тамбовской области (34541 км²). Частично эти недостатки были преодолены в пятитомном «Словаре русских говоров центральных районов Красноярского края», в котором отражена широкая вариативность и синонимия диалектной лексики, а также ее взаимодействие с просторечными наименованиями. Авторы вводят более 500 географических помет, стремясь отразить ареал распространения той или иной лексемы. Иллюстративный материал этого словаря также, как и в предыдущих красноярских диалектных словарях, составляют контексты, записанные от пожилых людей в 60–80-е годы XX в. Таким образом, ни один из опубликованных диалектных словарей Приенисейской Сибири не отражает особенности современной живой регионально окрашенной речи.

Ономастическое пространство Приенисейской Сибири частично отражено в словарях В. Я. Бутанаева (Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995), Б. К. Ондар (Топонимический словарь Тувы. Кызыл, 2007), С. П. Васильевой (Идеографический словарь топонимов Приенисейской Сибири. Красноярск, 2008), а также в нескольких топонимических словарях небольшого объема, составленных краеведами.

Из региональных (приенисейских) исторических словарей, отражающих письменный узуз, по-прежнему наиболее известным остается «Словарь языка мангазейских памятников XVII – пер. пол. XVIII века» Н. А. Цомакион (Красноярск, 1971). Лексика памятников местной письменности, созданных в период наиболее активного хозяйственного освоения русскими Приенисейской Сибири (вторая пол. XVIII – нач. XX в.), объектом лексикографирования пока не становилась.

К числу первоочередных задач сибирской региональной лексикографии следует отнести создание серии дополняющих друг друга словарей разных типов и жанров, которые по охвату, упорядоченности и практической пользе содержащейся в них информации могут превзойти уже имеющиеся словари, отразить становление и функционирование русского языка в Сибири, особенности сибирской лингвокультуры, в том числе и лингвокультуры новейшего времени. Важную роль здесь могут сыграть сетевые аудио-визуальные словари, подобные «Ангарскому словарю», работа над которым начата нами в 2013 году [<http://angaradictionary.ru/>]. В основу словаря положен материал, записанный от переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС, а также от жителей сохранившихся сел и деревень Кежемского района. В недалеком будущем здесь произойдут глубокие экономические и культурные изменения, вызванные строительством ГЭС и новых заводов. Важно отразить в словарях не только повседневную, обыденную речь дере-

венских жителей, но и речь разнородного в этническом и социальном отношении населения малых городов Приенисейской Сибири. Актуально также создание промысловых диалектных и исторических словарей, которые передадут своеобразие материальной культуры сибиряков (охотников, рыбаков, золотоискателей, лесорубов, людей, занимающихся кедровым промыслом и др.), отразят специфику «своеязычных терминологий», сформировавшихся в поликультурных и полиязычных условиях региона.

Создание лексикографического комплекса, репрезентирующего общенациональное и регионально обусловленное в доминирующей лингвокультуре региона (русское население в настоящее время составляет около 80%), под силу лишь большим авторским коллективам, объединенных об-

щей целью и придерживающихся сходных лексикографических принципов. Отметим лишь те, эффективность которых доказана авторами лучших русских словарей. Это принципы полноты словника и точной паспортизации материала; системного отражения культурного контекста; учета жанровой, тематической и прагматической атрибуции словаря; многоаспектности лексикографического описания языковых данных; временной и пространственной характеристики языковых единиц. Особое значение для словарей, отражающих функционирование русского языка на территориях позднего заселения, имеют также принципы отражения этапов освоения географического, хозяйственного и коммуникативного пространства, а также учета фактов междиалектной и межъязыковой синонимии и омонимии.

К вопросу о кодификации производных предлогов современного русского языка

Ю. В. Хаперская

Тольяттинский государственный университет
ulka-haper@mail.ru

Производные предлоги современного русского языка; словари русского языка; кодификация предлогов.

Summary. The paper discusses codification of derivative prepositions in dictionaries of Russian language.

Задача описания производных предлогов очень сложна. Это связано с тем, что, во-первых, в науке не до конца прояснены отношения между предлогами и падежными формами, во-вторых, при установлении системы предлогов не всегда учитываются особенности сложной, многомерной семантической системы, формируемой предлогами, в-третьих, до сих пор не полностью лексикографирован фонд производных предлогов и их аналогов, образованных из свободных предложно-падежных сочетаний и активно используемых в настоящее время в роли показателей синтаксической связи между словом и словоформой.

Поиски критериев наиболее полного лексикографического описания производных предлогов должны опираться как на изучение предшествующего опыта, выявляемого с помощью анализа наиболее востребованных различными группами пользователей в их практической деятельности толковых словарей русского языка, а также словарей различных типов, в которых содержатся словарные статьи служебных слов, так и на выработку новых критериев, учитывающих состояние языковой системы и современную речевую практику.

В этой связи нами был проведен сравнительный анализ состояния лексикографической практики по описанию производных предлогов на основе данных «Толкового словаря русского языка» под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [2009] (далее по тексту СОШ), «Толкового словаря русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой [2010] (далее Словарь Ефремовой), «Объяснительного словаря русского языка...» по ред. В. В. Морковкина [2003] (далее Словарь Морковкина), «Толкового словаря служебных частей речи русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой [2004] (далее Словарь служебных частей речи), а также на основе лексико-грамматического поиска в основном корпусе Национального корпуса русского языка [2003–2013] (далее НКРЯ). Следует отметить, что к производным мы относим предлоги, имеющие живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи со знаменательными словами. «Реестр современных производных предлогов», составленный нами, на данный момент насчитывает 470 единиц. При анализе представления предлогов «Реестра...» в словарях обнаружилось следующие факты.

Не возникает вопросов в кодификации предлогов, которые общепризнанны и описаны отдельной статьей как «предлог» во всех анализируемых источниках. К ним относятся следующие предлоги: *кроме кого-чего, вместо кого-чего, вроде кого-чего, благодаря кому-чему, относительно кого-чего, спустя что* и др. Единообразно описание в словарях и таких предлогов, как *вокруг, выше, впереди* и др., которые в первом значении определены как наречия, а во втором – как предлоги. Интересен факт, что словоформы в *течение чего, рядом с кем-чем, в качестве кого-чего, в виде кого-чего, в связи с чем, с помощью чего, в соответствии с чем, в области чего, по поводу кого-чего, в случае*

чего во всех приведенных словарях описываются как собственно предлоги, а в лексико-грамматическом поиске НКРЯ отмечены как другие части речи.

Словоформы *вплоть до чего, вслед за кем-чем* не имеют однозначного толкования в анализируемых словарях. Так, в СОШ данные словоформы хотя и обозначены как предлоги, однако не имеют собственной статьи, а представлены в статьях *вплоть, вслед* соответственно. В остальных словарях данные словоформы представлены уже в отдельных статьях как предлоги. В НКРЯ данные лексемы вовсе обозначены как наречие.

Оказалось, что словоформа *глядя на кого-что* упоминается только в СОШ в статье *глядеть* с пометой «в знач. предлога»: *Глядя на, в знач. предлога с вин. п. – 1) кого-что, беря за образец. Подтянуться глядя на передовых; 2) что, непосредственно перед чем-нибудь. Зачем ехать на ночь глядя.* В остальных словарях данная словоформа отсутствует.

Установленная диспропорция в отражении ядерной части и периферии поля русских производных предлогов в толковых общих словарях не соответствует принципу корректного представления языковой системы в словаре и позволяет констатировать наличие лексикографической асимметрии.

Для возможного устранения данной диспропорции и наиболее полного лексикографического описания производных предлогов, а также в целях поиска более надежных критериев определения и последующей квалификации языковых единиц как предложных, мы предлагаем более полную модель словарной статьи производного предлога, содержащую указания на сочетаемостные, парадигматические и другие характеристики словоформы. Представляется, что для адекватного усвоения значения словоформы пользователем надо построить словарную статью таким образом, чтобы она поэтапно формировала знание о предлоге. Во-первых, грамматическая характеристика производного предлога должна содержать информацию о том, с каким падежом употребляется предлог. Во-вторых, толкование значений должно быть представлено описательным способом и ориентировано на контекст. В-третьих, словарные статьи на производные предлоги в толковом словаре должны содержать указания на синонимические, антонимические, сочетаемостные и другие характеристики слова, в том числе стилистические. Если все это обобщить, то словарная статья на производный предлог будет выглядеть следующим образом (для описания выбраны примеры, которые не представлены в современных словарях):

В АРСЕНАЛЕ, предлог, с родительным падежом. Употр. при указании на кого-л., имеющего что-нибудь, обладающего чем-нибудь. *Син.: в распоряжении, в запасе. # Все необходимое – гель, бигуди и фен – всегда присутствует в арсенале современной модницы. «Даша», 2004.

В УГОН, предлог, с дательным падежом. (Книжн.) Вслед кому-либо уходящему или чему-либо удаляющемуся.

*Син.: *вдогон, вдогонку, вслед*. # **В угон бегущим** скакала конница Эрдели. А. Н. Толстой. Хождение по мукам.

РУКАМИ, *предлог, с родительным падежом*. Употр. при указании на кого-либо, посредством кого совершается какое-либо действие. *Син.: *с помощью, при помощи, при посредстве*. Ант.: *без помощи*. # Поколение чекистов Дзержинского Сталин устранил руками Генриха Ягоды... В. Суворов. Ледокол.

Резюмируем. Описание производных предлогов в современных словарях не отличается единообразием и, безусловно, требует дальнейшего совершенствования и расширения представляемой информации. Рассмотрение системы производных предлогов как эволюционирующей сложноструктурированной системы детерминирует необходимость экспликации этой системы в словарной статье и обосновывает комплексный, интегративный формат кодификации предлогов.

Русская разговорная речь и лексикография: проблемы и решения

В. В. Химик

Санкт-Петербургский государственный университет

vkhimik@mail.ru

Литературность, разговорность, устная форма, неоднородность, диффузность, сниженность, толковый словарь.

Summary. The report is devoted to problems of the description of types of the colloquial speech and its representation in dictionaries of the general type.

Разговорная речь традиционно относится к числу понятий и, соответственно, терминов отечественной русистики, которые остаются неоднозначными, не проясненными до конца. У лингвистов нет общепризнанного представления о разговорной речи, хотя это понятие широко используется как в теории русистики, так и в учебной практике. Нет полного представления русской разговорной речи и в толковых словарях, в которых далеко не всегда можно найти популярное слово или речевой оборот.

В отечественной русистике абсолютно преобладает определение разговорной речи в рамках литературной нормы: «устная литературная форма непосредственного общения» (О. Б. Сиротинина); «одна из двух разновидностей литературного языка», «непринужденная речь носителей литературного языка» (Е. А. Земская); «разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение» (О. А. Лаптева). Ключевые понятия дефиниций: «устная форма», «непосредственное / повседневное / непринужденное общение», «литературность».

Однако возникают принципиальные вопросы. А если это НЕлитературная речь, наполненная ненормативными экспрессивами (как у героев Юза Алешковского или персонажей писателя Вл. Козлова)? Если это жаргонизированная речь, как в текстах Эд. Кочергина или в некоторых выступлениях известных политиков и журналистов? Если это не устная, а письменная форма речи, например, в виде вольных комментариев к каким-либо блогам в Интернете? В каких отношениях находятся разговорная речь как разновидность национального языка и как стиль речи?

Необходимо различать разговорную речь как разновидность, тип национального языка, т. е. в широком смысле, и разговорную речь как функциональный стиль литературного языка, т. е. в узком смысле. Дифференциация речи по типам «основана на различии в общественных условиях и материальных средствах общения», дифференциация по стилям – «на целеустремленном отборе форм, слов и конструкций» (Т. Г. Винокур, 1968).

Разговорная речь как тип (разновидность) национального языка и разговорная речь как стиль литературного языка находятся в отношениях общего и частного. Литературный язык тоже одна из разновидностей национального языка, не единственная, но высшая и определяющая его развитие, и разговорный стиль – один из функциональных стилей в его составе, а значит, и в составе национального языка в целом.

Принципиальное отличие разговорной речи как типа национального языка и разговорной речи как стиля литературного языка определяют две языковые категории: литературность и разговорность.

Литературность (отношение к языковой норме) разграничивает два подхода к разговорной речи (тип или стиль), разговорность их объединяет.

Разговорность – это некоторое упрощение речевого действия, выражение экспрессии, тяготение к периферии языковой нормы или ненормативности, ориентация на обиходное общение, противопоставленное официальной коммуникации. Разговорность реализуется в специальных жанрах диалогической речи и выражается использованием разго-

ворных средств языка: интонационно-фонетических, грамматических, лексических, которые находятся на периферии языковой нормы или за ее пределами.

Разговорность может быть неосознаваемой (спонтанной, натуральной), и тогда она, как правило, характеризует речь людей «апросторечной культуры» (О. Б. Сиротинина, 1995). Но разговорность может быть и преднамеренной, осознанно используемой в качестве стилизованного регистра коммуникации для демонстрации близости к адресату (М. А. Кормилицина, 2007). И тогда это особая риторическая категория (И. А. Иванчук, 2004), которая может присутствовать в любых текстах: устных и письменных, в публичной речи и обиходной, в художественном повествовании и даже научном.

Характеризующие признаки разговорности – неоднородность, диффузность, сниженность.

Неоднородность. Разговорная речь неоднородна как по своим функциям, так и по составу, поскольку «отражает в разной степени и диалектную почву, и профессиональную речь, и жаргонную речь, и традиции старого дореволюционного городского просторечия» (С. И. Ожегов, 1974). Живая разговорная речь, письменная и особенно устная, обиходная и публичная, подготовленная и спонтанная, включает не только нормативные языковые средства, но и общеизвестные ненормативные, субстандартные единицы: жаргонизмы (*балдёж, тусоваться, беспредел*), профессионализмы (*аварийка, беспилотник, вторичка, грудник*), просторечия (*гужеваться, деваху, дерябнуть*), вплоть до вульгаризмов и обсценизмов.

Диффузность – имманентное свойство разговорной речи, разные выражения неустойчивости, неопределенности, размытости речевых единиц. Диффузность может быть формальной (*шебарить / шебуришить / шубуришить*) и содержательной (ср.: *достаточно редко, достаточно мало...; колбасить – колотить*), ‘тяжело брести’, ‘говорить вздор’, ‘пьянствовать’, ‘находиться в состоянии дискомфорта’ и т. п.). При этом в одних случаях диффузность проявляется как особая семантическая емкость, обширная и открытая многозначность слова (*врезать, бабахнуть, молодёжка, крутой, вообще, ничего* и т. п.), а в других, напротив, как специфическая обедненность, опустошенность, ограниченность смысла (*короче, давай, замётано*).

Сниженность – регулярное и последовательно выражаемое качество разговорной речи. Разговорность – это и есть сниженность (относительно нормы). При этом сниженность имеет несколько разных уровней, или степеней (В. Д. Девкин, 1979): *минимальная, умеренная, грубая, предельная (максимальная)* сниженность. Уровень снижения устанавливается в зависимости от выбора соответствующих средств языка в составе речевого произведения: от слабосниженных разговорно-литературных единиц до маргинальных, запретных для употребления.

Не только литературный язык, но и разговорная речь в целом нуждаются в последовательном отражении в толковых словарях. При этом единицы разговорной речи как стили литературного языка традиционно включаются в словники **нормативных**, или предписывающих (прескриптивных), толковых словарей (помета *разг.*), которые ориентируют пользователя на литературный язык, на языковую норму,

а значит, предполагают более или менее строгие ограничения в выборе слов, правильных языковых форм и допустимых сочетаний.

Единицы разговорной речи в широком ее понимании – как разновидности национального языка – требуют максимального их представления в лексикографических собраниях другого рода: **описательных**, дескриптивных. Такие

словари должны дополнять традиционные нормативные описания, объединять и описывать (с помощью специальных толкований и помет) все существующие в общенациональном речевом обороте слова и устойчивые обороты, выполняя необходимую информативную функцию и представляя национальный русский лексикон в его реальном и объективном виде.

Классификация терминов терминосистемы спортивных бальных танцев по формальной структуре

В. Ю. Хлебтутина

Московский государственный областной университет

valentina.khlebutina@gmail.com

Термин, терминосистема, классификация, танцевальный.

Summary. In this paper we propose to examine terminology of ballroom dances from the point of view of the formal structure classification. This study helps to understand the current status of the termsystem and identify areas for further research. In addition the results of the analysis can be used to compile a dictionary of terms of ballroom dance.

Изучение проблем терминоведения на данном этапе развития общества представляется одной из важнейших задач лингвистики. В современном мире терминология играет одну из ведущих ролей в процессе коммуникации. Она является источником получения информации, инструментом освоения специальности и даже средством ускорения научно-технического прогресса.

Проблемы возникновения и развития терминологии определенной области исследования занимались многие ученые на протяжении значительного промежутка времени. В связи с современным прогрессом науки и техники и сопутствующими ему социальными изменениями возникли новые понятия, что резко увеличило потребность в номинации. Все это привело к «терминологическому взрыву», то есть к массовому возникновению новых терминов, терминологических полей и целых терминологических систем, и внесло серьезные изменения в существующие терминологические системы.

Исследования, проведенные в данном направлении, обусловлены возникновением новых областей знаний, в каждой из которой, возникают новые объекты и процессы, появляются новые термины для их обозначения. Терминология привлекает внимание современных исследователей в связи с тем, что в ней отражаются все процессы социального развития и научно-технического прогресса общества, и это вызывает интерес к терминологиям различных областей знаний: авиационной, медицинской, автомобильной, спортивной, транспортной, экономической, юридической и многих других. Наиболее актуальной видится изучение терминосистем новых областей знаний, таких как нанотехнологии, экология, IT-технологии, а так же терминология новых видов спорта, например, софтболл, спидминтон, танцевальный спорт, вейкборд, бодирафтинг и др.

Если рассматривать терминологию спортивных бальных танцев, то не стоит забывать такой феномен, как «танцевальный бум», который начался в начале 90-х годов XX века в России. Именно с этого времени началось обширное проникновение информации о спортивных бальных танцах в нашу страну, что дало стимул к активному развитию специальной танцевальной терминологии.

Значимым фактором для танцевальной терминологии является уровень погружения в танцевальную среду. Существует большое число высококлассных специалистов, которые владеют терминологией на высоком уровне, с учетом всех

вариантов того или иного термина. Это судьи, тренеры, спортсмены, которые участвуют в различных конференциях, читают профессиональную литературу, сдают экзамены в танцевальных организациях. Кроме того, существуют еще несколько групп пользователей данной терминологией. Первые – это те люди, для которых танцы являются хобби, они занимаются танцами не профессионально. Для этих людей не важны названия и термины, они владеют только той терминологией, которая соответствует их уровню танца. Вторые – это те, кто только начинают заниматься. Для данной группы необходима адаптация большого количества терминов в виду сложности. Многие дети начинают заниматься с 3–5 лет и тренеры вынуждены адаптировать танцевальную лексику для детей. Педагоги заменяют определенные сложные понятия и дают им свои простые эквиваленты, причем данная замена зависит только от личности тренера.

Свыше 90% новых слов, появляющихся в языке, составляют термины. Однако сам термин, как показывают многочисленные исследования, не имеет однозначного толкования. Для стандартизации и унификации новых терминосистем, таких как терминосистема спортивных бальных танцев, необходимо проводить классификацию терминов на разных уровнях. Одной из первых стоит проводить классификацию терминов по формальной структуре, благодаря которой можно будет определить компонентный состав терминов терминосистемы.

Термины терминосистемы спортивных бальных танцев делятся на термины-слова, термины-словосочетания и аббревиатуры, причем последние, как правило, заменяют наиболее часто употребляемые термины. В танцевальной терминосистеме использование аббревиатур представляется оправданным, так как позволяет сократить графический объем терминов, которые они отражают, а также способствует компрессии информации в многочисленных спортивных профессионально ориентированных изданиях.

Подробный анализ и классификация терминов терминосистемы спортивных бальных танцев по формальной структуре позволит определить ее актуальное состояние, является ли она стабильной или нестабильной, существует ли избыток или недостаток в терминах, способствует определению основных способов ее пополнения. Кроме того, проанализировав танцевальную терминологию, можно использовать полученный результат как основу для составления специального словаря танцевальной лексики.

Особенности презентации отсутствующих и неупотребительных форм глагола в толковых словарях

Т. С. Чабаненко

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

kostina-tatyana@mail.ru

Глагол, парадигма, толковые словари, грамматические лакуны, пометы.

Summary. This study presents basic approaches to commit forms which are unavailable or not used in speech, based on explanatory dictionaries of Russian language. Pointed out, that frequently is not distinguished forms which are impossible or difficult to produce and forms which are not used in speech or rarely used.

Количество форм глагола чрезвычайно велико. Однако не все они образуются регулярно, а среди тех форм, образова-

ние которых возможно, не все являются употребительными. По мнению А. Н. Тихонова, все эти факты обязательно дол-

жны отражаться в словаре. Поэтому описание таких форм остается одной из актуальных проблем современной лексикографии.

Цель нашей работы – проанализировать, как в толковых словарях фиксируется отсутствие форм глагола или их неупотребительность. Исследование проводилось на **материале** следующих словарей:

- Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова;
- Словарь современного русского литературного языка;
- Словарь русского языка;
- Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой;
- Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова.

Определено, что грамматические лакуны далеко не всегда отмечаются в словарях. Так, во введении к Словарю современного русского литературного языка этот вопрос не рассматривается, а в других словарях обращение к нему носит фрагментарный характер.

1. Грамматические лакуны, зафиксированные в толковых словарях.

1) Формы 1-го лица единственного числа: *бужить, дерзить, победить, убедить, шелестеть* и др. Количество и состав таких глаголов во всех словарях почти полностью совпадают.

2) Формы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа: *близиться, длиться, настать, ожидать, сидеть* и др. Лишь в Большом толковом словаре русского языка и в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой лакуны этого типа отмечаются не только на уровне всей лексемы, но и на уровне отдельных значений многозначных глаголов. В этих словарях глаголов с пометой «только 3 л.» или «1 и 2 л. не употр.» значительно больше, чем в других лексикографических источниках.

3) Формы настоящего времени у многократных глаголов: *говаривать, сиживать, слыхивать, хаживать, читывать* и др. Количество и состав таких глаголов в словарях почти одинаковы.

4) Формы прошедшего времени у некоторых глаголов: *гнести, грести, мястись* и др. Глаголы с такой лакуной в словарях немногочисленны, в основном это слова устаревшие и малоупотребительные.

Отсутствие других глагольных словоформ отмечается не во всех словарях. Чаще всего фиксируются лакуны в формах деепричастий. В Словаре современного русского литературного языка, в Словаре русского языка и в Большом толковом словаре русского языка данной особенностью характеризуются единичные глаголы. Однако в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова глаголов, деепричастия от

которых не образуются или не употребляются, достаточно много: *гнуть, ждать, лезть, мерзнуть, тонуть* и др.

2. Способы фиксации грамматических лакун.

Парадигмы с «пустыми клетками» целесообразно разделить на две группы:

1) парадигмы, в которых отдельные формы отсутствуют, т. е. их образование невозможно;

2) парадигмы, в которых отдельные формы неупотребительны (ненормативны, неостребованны и т. п.), но при необходимости могут быть образованы.

Однако во многих словарях подобные факты часто не разграничиваются. Иногда понятия «не образуется» и «не употребляется» используются как синонимы. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой наиболее широко применяется помета «не употр.», которая сопровождает разные случаи: неупотребительность форм, затрудненность или невозможность их образования. В Большом толковом словаре русского языка помета «нет» характеризует не только глаголы, те или иные формы которых не употребляются, но и глаголы, образование отдельных форм которых затруднено.

С другой стороны, в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова указано, что от многих глаголов несовершенного вида деепричастие не образуется (помета «д. н. нет»: *глохнуть, киснуть, лезть* и др.) или неупотребительно (помета «д. н. не употр.»: *врать, жечь, казаться* и др.). Кроме того, Д. Н. Ушаков разделяет случаи неупотребительности форм 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа некоторых глаголов: *болеть* (об ощущении боли), *брезжить, воспрещаться* и др.; и случаи чрезвычайно редкого употребления таких форм: *грезиться, грежусь, грезиться* и др.

Все сказанное позволяет сделать следующие **выводы**. Неполные парадигмы отмечаются в словарях непоследовательно. В словарной статье целесообразно фиксировать следующую информацию: отсутствие той или иной формы, затрудненность ее образования, неупотребительность словоформы или ее чрезвычайная редкость. Каждый случай сопровождается специальной пометой: не образуется, образование затруднено, не употребляется, употребляется редко.

Считаем актуальным у глаголов в толковых словарях прежде всего разграничить пометы «не образуется», когда образование тех или иных форм невозможно, и «не употребляется», когда образование грамматических форм технически возможно, но они не востребованы в современной коммуникации. Основы такого подхода были заложены Д. Н. Ушаковым, однако эта традиция не закрепились в дальнейшей лексикографической практике.

Русская историческая лексикография: современное состояние (к сорокалетию издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.»)

М. И. Чернышева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

chernysheva@bk.ru

Историческая лексикография русского языка, теория и история лексикографии.

Summary. The Dictionary of Russian XI–XVIIth centuries is published since 1975. The Dictionary changed the concept during forty years of the edition. Being originally popular the Dictionary became strict academic type of the historical dictionaries. The reached results are of great importance for the Russian historical lexicography development.

В 2015 г. исполняется 40 лет начала издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.), который к этому времени будет насчитывать три десятка опубликованных выпусков (томов), что таким образом приблизит завершение этого масштабного проекта.

Задуманный первоначально как «общедоступное справочное пособие при чтении древнерусских текстов разных жанров», СлРЯ XI–XVII вв. полностью изменил свою концепцию, в ходе издания постепенно изменив научно-популярный на строго академический тип исторического словаря.

Профессионализм коллектива позволил, не останавливая издание, осуществить полную переработку старых принципов, доставшихся в наследство от создателей первоначальной концепции. Этот процесс сопровождался увеличением и усовершенствованием источниковой базы Словаря (что подразу-

мевает использование новых, в том числе, рукописных, произведений и новейших изданий памятников письменности); пересмотром отношения к признававшимся прежде авторитетными трудам (например, к «Материалам» И. И. Срезневского); проведением специальных операций по подбору оригиналов к многочисленным памятникам, переведенным с других языков; разработкой методики описания лексико-переводных произведений; пересмотром изданного материала предыдущих выпусков и мн. др. Все это происходило на фоне осуществления (не известными читателям Словаря) многочисленных дополнительных исследовательских разработок.

Главным достижением многолетней деятельности по совершенствованию СлРЯ XI–XVII вв. следует признать глубину лексикографического описания и надежность представленной информации.

Накопленный опыт издания такого крупного словаря (насчитывающего на сегодняшний день описание более 80 тысяч слов) привел к тому, что вокруг этого проекта сложилась своеобразная творческая лаборатория, где в ходе практического осуществления конкретного проекта помимо собственно словарной деятельности осуществляются разнообраз-

ные научные операции и решаются разнообразные научные задачи, сопутствующие подготовке издания СлРЯ XI–XVII вв.

Достижения СлРЯ XI–XVII вв. не могли не сказаться на развитии русской исторической лексикографии в целом и новом осмыслении теоретических проблем исторической лексикографии русского языка.

Одно- и двусловные иноязычные включения в языке поэзии Серебряного века (по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века»)*

Л. Л. Шестакова

Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН (Москва)

lara.shestakova@mail.ru

Поэтическая лексикография лингвистическая поэтика иноязычное слово.

Summary. In terms of lasting interest of specialists and society to the Silver Age topicality of the problem is determined by the urgency of the need to expand understanding of the language of poetry of this period, its place in its lexical units of different classes, including foreign-language elements as spokesmen for installation on the dialogue of cultures. Multi-volume «Dictionary of the Russian Language of the XX Century Poetry» published with the support of RFH and its database contains extensive materials that enable the selection and subsequent analysis of foreign words.

В условиях непреходящего интереса специалистов и общества к Серебряному веку возрастает потребность в расширении знаний о языке поэзии этой эпохи, о месте в его лексической части единиц разных классов – в том числе иноязычных элементов как выразителей установки на диалог культур.

Основной проведенного исследования стал опыт авторов по созданию многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП). В соответствии с общей концепцией СЯРП строится как сводный хронологически выстроенный словарь-тезаурус поэтического языка конкретной эпохи, соединяющий в себе черты регистрирующего и объяснительного справочников. Источником его послужили произведения выдающихся русских поэтов XX столетия, творивших преимущественно в эпоху Серебряного века (Анненского, Ахматовой, Блока, Кузмина, Маяковского, Пастернака и др.).

Как показывают материалы опубликованных томов Словаря и его базы данных, среди иноязычных элементов в поэзии Серебряного века многочисленны включения на языке оригинала (латинском, греческом, немецком, французском, итальянском и др.). Они заимствуются из разных источников (в том числе из Библии, произведений античной, европейской литературы и др.), выступают в виде отдельных слов, в том числе имен собственных, устойчивых оборотов, терминологических сочетаний, афоризмов, цитат (ср.: *boy, Fräulein, nihil, miss, Gott, Ouchy, Roma, Waldfrau, ma belle, beau monde, Homo sapiens, Ubi bene, ibi patria*), характеризуют идиостиль автора, группы авторов (так, латинские и греческие вкрапления характерны для Блока, Кузмина, Пастернака), отмечаются даже у поэтов, делающих акцент на исконном в языке и культуре (например, у Хлебникова: *Из хлябей вынырнет усатый пан моржом, Чтob простонать: «Santa Maria!» Мы ж, хлопцы, весело заржем И топим камнями в глубинах Чартория*). Особую роль играют иноязычные вкрапления в позиции заглавия (ср.: И. Анненский. *Träumerei*; А. Блок. *Noli tangere circulos meos*; М. Кузмин. *Fides Apostolica*; О. Мандельштам. *Tristia*). Фразовые единицы чаще всего используются в качестве эпиграфа (*Plaisir d'amour ne dure qu'un moment, Chagrin d'amour dure toute la vie* – эпиграф к стихотворению Кузмина «Любви утечи»), реже вводятся в текст стихотворения.

Наибольший интерес представляют одно- и двусловные иноязычные включения, обычно органично входящие в поэтический текст: они вступают в отношения смысловой переключки, паронимической аттракции, активно участвуют в создании рифмы (Блок: *сама – cinéma*, Кузмин: *родник – transatlantiques*, Мандельштам: *победой – credo*, Маяковский: *острия – Istria*, Пастернак: *снега – alter ego*, Цветаева: *музыкант – Schand*). По особенностям функционирования можно выделить две основные группы таких вкраплений.

Единицы первой группы употребляются как варваризмы и экзотизмы, называя инокультурные реалии, для которых в русском языке не находится соответствующих лексических средств (у Блока: *cartes postales, lawn-tennis*). В качестве экзотизмов они используются как средство стилизации в произведениях, описывающих инокультурную среду (см. стихи Маяковского о Париже, об Америке и др.) или воссоздающих ее (в том числе в условном, фантастическом виде, как в поэме Цветаевой «Крысолов»), акцентируя противопоставление «своего» и «чужого». Близкую функцию выполняющие приводящиеся в оригинале имена и названия, ср. у Анненского: *Скучно мне сидеть в мурье, И, как конь голодный к сену, Я тянусь туда, на Сену, Я тянусь к Léon Vannier*.

Слова другой группы, напротив, несмотря на графическое оформление, выступают в качестве элемента русского языка, будучи – в рамках определенного круга говорящих, объединенных культурной средой, образованием и др., – общепотребительными и общепонятными (или становясь таковыми): *Ну-с, проводил на поезд, Вернулся, и solo, да!* (Анненский); *«О принц! – улыбаясь, присела, – В кадрили вы наш vis-à-vis», – И томно под маской бледнела От жгучих предчувствий любви; Но летит, улыбаясь мнимо, Над Мариинской сценой prima – Ты – наш лебедь непостижимый, – И острит опоздавший сноб* (Ахматова); *Алло! / Кто говорит? / Мама? / Мама! / Ваш сын прекрасно болен!; Улица муку молча пёрла. Крик торчком стоял из глотки. / Топорчились, застрявшие попереk горла, / пухлые taxi и костлявые пролетки* (Маяковский).

Слова второго типа интересны тем, что в большей степени не маркируют авторский идиостиль, а отражают в языке поэзии язык эпохи в его динамике. Здесь можно обратить внимание на языки-источники (преимущественно французский, как нетрудно предположить), семантические группы слов (например, музыкальные термины – из итальянского), а также на их дальнейшую судьбу в языке: почти все они в настоящее время освоены языком и употребительны (*алло, такси, визави, рандеву* и др.). Этот процесс превращения иноязычных включений в заимствованную лексику ярко отражен в произведениях поэтов Серебряного века. Так, наряду с лексическими единицами, приведенными в их оригинальном виде (*tête-à-tête*), нередко встречаются транслитерированные варианты, отличающиеся от их аналогов в современном русском языке: *И рампа торчит под ногами, Все мертвенно, пусто, светло, Лайм-лайта холодное пламя Его заклеимило чело* (Ахматова) – англ. *limelight* – драммонд свет (применяемый для освещения сцены в театре).

Литература

1. Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М., 2001, 2003, 2008, 2010 (СЯРП).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Лексикологическое исследование и словарное описание иноязычных слов в поэзии Серебряного века», проект № 14-04-00354.

Тенденции развития терминологии живописи в начале XXI века (на примере слова *акварель*)

Янь Ланьлань

Северо-восточный педагогический университет (Чанчунь, Китай) / Россия

yanwulan@hotmail.com

Термины изобразительного искусства, семантика, продуктивность, детерминологизация, метафорическое значение.

In the report the word “watercolor” is examined in terms of its origin, word formation and use in modern Russian language. At the beginning of XXI century the semantics of the word “watercolor” has expanded and new terminology phrases have appeared under the influence of modern technologies. The research reveals that this term is used not only in the professional discourse of visual art but also in daily speech and poetic language.

Произведения изобразительного искусства являются важнейшей частью культуры народа, его духовного богатства. Значительная роль в сохранении этого духовного опыта принадлежит терминологии. Наиболее значительная работа в этой области – исследование В. Н. Сергеева «Терминология изобразительного искусства в русском языке XIX–XX вв.» (1964) [4]. Однако за прошедшие полвека произошли заметные изменения в этой сфере искусства (появились новые направления и жанры), повлиявшие на саму терминосистему и на каждый ее элемент.

Начиная с 90-х годов прошлого века, большое влияние на термины изобразительного искусства, в особенности живописи, оказывает развитие новых технологий. Появились словосочетания *цифровая живопись*, *3D-живопись*, *цифровой художник* и т. д. Термин *акварель* особенно подвержен этому влиянию, возможно в силу его особенной склонности к метафоризации и словообразовательной продуктивности. Поэтому данное слово заслуживает отдельного рассмотрения.

Существительное *акварель* в Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова определяется так: 1. Краски, разводимые в воде. 2. Картина, нарисованная этими красками. 3. Рисование акварелью. Термин *акварель* происходит от немецкого *aquarell* или французского *aquarelle* [5]. Латинский корень этих слов *aqua* означает «вода», а в целом *акварель* – это «водная краска». Показательно, что в английском языке это понятие передается сочетанием *water color* [2], то есть тоже «водная краска».

Употребляясь как русское слово, термин *акварель* имеет высокую продуктивность, от него образуются слова *акварелька*, *акварелист*, *аквалента*, *акварелин*, *акварельный*. От прилагательного *акварельный* производится множество словосочетаний: *акварельная краска*, *акварельный портрет*, *акварельная живопись*, *акварельная техника*. Среди этих слов и словосочетаний наблюдаются синонимические связи (*акварельная картина* – *акварель* – *картина акварелью* – *акварельная краска* – *акварель* и др.).

Слово *акварель* на протяжении истории его употребления подвергалось детерминологизации: например, «стихотвор-

ный жанр» (М. Цветаева «Акварель»); «нежные цвета» (*весенняя акварель*). Метафорические значения возникали на базе существующих терминологических значений слова, причем за основу был взят главный признак акварельной живописи – особая прозрачность красочного слоя. Эти значения закрепились в употреблении. В начале XXI века, как показывают данные Национального корпуса русского языка, тематика метафорических переносов значительно расширяется. В художественных и публицистических текстах выявлены следующие переносные значения слова *акварель*: осенний пейзаж (при традиционном – весенний пейзаж), напиток, цвет лица, макияж, изысканность знаний, воспоминания, особенность поэтического стиля, драматическое произведение малой формы.

В современном русском языке слово *акварель* активно используется в названиях: «Акварель» – веб-студия, гостиница, ресторан, кафе, детский сад, танцевальная студия, торговый центр, турфирма, салон красоты (особенно популярно); «Акварели» – коттеджный пансионат; «Акварель-оптика» – сеть салонов оптики; «Космическая акварель» – журнал. С 2007 года в московском метро на Арбатско-Покровской курсирует поезд *Картинная галерея «Акварель»*.

В начале XXI века под влиянием компьютерных технологий в русском языке закрепилось словосочетание *цифровая* (или *дигитальная*) *акварель*, в свою очередь породившее выражения *креативный акварельный эффект*, *фильтр Акварель* и фразы наподобие: «Мокрую» кисточку можно скачать здесь. Новые явления в мире науки и искусства как бы «расшатывают» традиционную терминологию.

Литература

1. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 т. СПб., 2004–2009. Т. 1.
2. Крылов П. А. Этимологический словарь. СПб., 2005.
3. Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorgora.ru].
4. Сергеев В. Н. Терминология изобразительного искусства в русском языке XIX–XX вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1964.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 2000.

Секция Русский синтаксис

Основные различия предложений синтетической и аналитической структуры

Е. А. Брызгунова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

bryzgunova@mail.ru

1. В докладе обсуждается один из дискуссионных вопросов о разграничении предложений синтетической и аналитической структуры. Цель доклада заключается в том, чтобы показать анализ, выявляющий специфику названных структур.

В связи с предстоящим анализом необходимы некоторые уточнения в понимании термина «предложение». В докладе предложение понимается как многокомпонентное структурно-семантическое образование, являющееся средством речевой коммуникации в устной и письменной форме.

2. Исходной точкой предложения является речевая ситуация, т. е. такое стечение, такая совокупность обстоятельств, которые инициируют речь. Можно с большой долей уверенности предположить, что на этом этапе формируется коммуникативная цель говорящего и пишущего в форме: коммуникативных типов предложения, диалогического единства (реплика – стимул, реплика – реакция), междометных высказываний (термин Н. И. Формановской). Общей основой устной и письменной речи является внутренняя речь (работы Л. Витгенштейна, Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, А. Н. Соколова, Музыкальная энциклопедия 1959 г. «Внутреннее пение»).

3. Важнейшим компонентом предложения является его лексико-грамматический состав, т. е. синтаксически организованная последовательность словоформ. Лексико-грамматический состав предложения тождественен синтаксису предложения. Этот термин позволяет подчеркнуть роль потенциальных возможностей слова. Предполагается, что такие понятия, как предикативность, предикативная основа предложения включены в формулировку лексико-грамматического состава.

4. Коммуникативная цель говорящего и пишущего может быть полностью выражена в лексико-грамматическом составе предложения. Это основная характеристика предложений синтетической структуры. Лексико-грамматический состав таких предложений является монофункциональным, т. е. дальнейшие смысловые преобразования невозможны или крайне ограничены, роль интонации – сопроводительная. Средства выражения коммуникативной цели говорящего и пишущего разнообразны: детализация смысловых отношений выраженных в предложении, отсутствие грамматического или семантического согласования словоформ, словесное выражение необходимости выбора. Например: *А сейч^{ас} / наши друзья ищут ёлочку / самую зелёную, / самую пушистую, / не такую уж большую, / но не такую уж и маленькую!* (детализированная информация). *Какое там отдыхал!* (отсутствие семантического согласования). *Какую из этих двух программ ты бы выбрал?* (выражена возможность выбора, т. е. признак вопросительного предложения).

5. Предложения синтетической структуры противопоставлены предложениям аналитической структуры. Ключевыми понятиями для синтаксического аналитизма являются: полифункциональность, потенциальные возможности слова в лексико-грамматическом составе предложения, реализа-

ция потенциальных возможностей слова средствами интонации, скоординированное взаимодействие интонации (тип ИК, место центра ИК, членение предложения на интонационно-смысловые части). Предложения аналитической структуры легко образуют оппозиции предложений с одинаковым лексико-грамматическим составом, в котором есть слова, потенциально способные образовывать какой-либо вид смысловых связей, например: связи взаимоисключающего противопоставления (приехал – или не приехал, может – или не может, одолжишь – или не одолжишь и др.). Названные семантические свойства слова необходимы для образования вопроса без вопросительного слова: *Ты одолжишь мне 500 рублей? Ты сможешь одолжить мне 500 рублей?* Аналогично: *Обед готов?* (готов или не готов), *Это распланировано / для вас удобно?* (удобно или не удобно). Широко используются возможности слова образовывать ассоциативно-тематический ряд. Что существенно для вопросительных предложений, в которых неизвестное выражено именем существительным, прилагательным, числительным и др. Например: *Он вчера вернулся?* (вчера, позавчера, сегодня утром). *На пятницу перенесли экзамен?* (в четверг, пятницу, субботу) и др.

Потенциальные возможности слова разнообразны и перечислимы. Существенно отметить, что оппозиции предложений являются доказательством существования синтаксического аналитизма. Но это не значит, что аналитизм в области синтаксиса представлен только оппозициями. Необходимо, чтобы в лексико-грамматическом составе предложения были слова с той или иной потенциальной возможностью взаимодействия с интонацией. Вторым условием является отсутствие лексико-грамматических средств, указывающих на коммуникативный тип предложения.

Есть разновидности синтаксического аналитизма, где неизменяемый лексико-грамматический состав предложения или реплики диалогического единства различается с помощью предшествующего или последующего контекста, имеющего постоянную архисему: *Зря ты туда едешь. Море-то там / холодное!* (= Дело в том, что там холодное море). Здесь первое предложение является синтетическим, а второе – аналитическим. Семантика первого предложения допускает или требует обоснования, которое выражено во втором аналитическом предложении, и имеет синоним, выраженный синтетической структурой (дело в том что). Аналитические структуры разнообразно представлены и в диалогической речи.

Синтетические и аналитические структуры предложений будут сосуществовать всегда, они отражают противоположные потребности речевой коммуникации. Синтаксический аналитизм существует в русском языке давно, но нет исследований на эту тему. Можно высказать гипотезу о том, что упрощение сложной системы времен в древне-русском языке (XI–XIV вв) способствовало расширению синтаксического аналитизма.

Предложения фразеологизированной структуры как системное явление и их коммуникативный потенциал

А. В. Величко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

all_velichko@mail.ru

Фразеологизированные предложения, средство общения, субъективная модальность, русский язык как иностранный.

Summary. The subject of report is *phraseological sentences* (PS) as a means of communication.

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики ставит в центр внимания язык в его связи с человеком как создателем и пользователем языка. Актуальным

направлением лингвистики является изучение языка как средства общения. Это означает, что языковые факты, языковые единицы следует исследовать с позиций лингвистики

общения. В связи с этим одной из задач является выявление языковых средств, специфических для использования в процессе коммуникации.

Если рассматривать в этом плане предложение как основную коммуникативную единицу, становится очевидной противопоставленность предложений свободных структур как предназначенных для передачи сообщения, информации о событиях, явлениях реальной действительности и предложений, предназначенных для выражения потребностей говорящего и его связи с собеседником, т. е. предложений, основной функцией которых является фатическая. К предложениям второго типа относятся предложения фразеологизированной структуры (ФС), такие, как *Нет бы тебе позвонить мне заранее!; У нее что ни день, то какая-нибудь неожиданность; Не спорить же мне с ним!; Хоть ничего ей не рассказывай ей о себе!; Ох уж этот мне Миша!* и т. д.

Такие предложения исследованы крайне недостаточно, они не привлекали ранее внимание лингвистов, так как считались второстепенными, периферийными. Однако рассмотрении ФС с позиций лингвистики общения, как коммуникативных единиц показывает, что они представляют собой системное явление русского языка, занимают свое самостоятельное место в системе языка и играют важную роль в общении, в коммуникативном процессе.

Системность означает, что определенная совокупность объектов представляет собой единое целое, отдельные единицы которого существуют не как разрозненные объекты, а связаны друг с другом определенными признаками, отношениями, закономерностями.

Системность предполагает, что на данную языковую единицу (класс единиц) распространяются определенные общие (лингвистические) законы, признаки, действующие в языке в целом или на определенном его уровне.

Ю. А. Гвоздарев анализирует системность фразеологических сочетания, и определяет систему как «единство закономерно расположенных и действующих во взаимной связи единиц языка» [2: 43]

При этом изучение системности языковых единиц предполагает изучение их как материальных единиц языка, их отношений и связей между собой, а также их связей с другими явлениями языка, или подсистемами языковых средств того же уровня и разных уровней.

Исследование ФС с этих позиций показывает, что они обладают сходными признаками, которые проявляются у всех или у большинства из них, что они подчиняются общим закономерностям, что позволяет воспринимать их как организованный класс синтаксических объектов.

- Все ФС имеют единый лингвистический механизм зарождения и закрепления в языке.
- Все они появились в результате нарушения действующих языковых закономерностей построения предложения. Другими словами, они имеют общую грамматическую природу.
- ФС имеют единую формально-структурную организацию: в их основе лежит модель, включающая компоненты двух типов – постоянные и переменные.
- ФС характеризуются единством семантической организации – предназначены для выражения тех или иных значений субъективной модальности.
- Все ФС реагируют на характер лексического наполнения переменного компонента, что может создавать дополнительный семантический оттенок значения.
- ФС выполняют общую специфическую функцию – фатическую, что позволяет считать их особым коммуникативным типом предложений.

Системность проявляется также в том, что фразеологизированные структуры внутри класса связаны друг с другом определенными признаками, отношениями.

– Обладая общей семантикой отдельные структуры класса передают те или конкретные значения субъективной модальности, что позволяет установить их семантическую соотносительность внутри класса и представить ее в общей классификации с последующей дифференциацией каждого значения, см. подробнее [1: 38–55].

– Между отдельными ФС устанавливаются семантические связи по признаку синонимии, антонимии.

Системность ФС проявляется в из внешних связях, т. е. в соотношениях класса ФС как одной из синтаксических подсистем общей синтаксической системы русского языка с другими синтаксическими подсистемами и с другими подсистемами языка. Другими словами, внешние связи – это связи ФС с объектами вне данного класса. Внешние системные связи ФС прослеживаются ФС на основании следующих признаков семантического и функционального характера.

– Как и предложения свободных структур, ФС характеризуются категорией предикативности и грамматической парадигмой.

– При устном воплощении ФС важную роль играет из интонационное оформление.

– Как и предложения свободных структур, они имеют регулярные реализации.

– ФС семантически связаны с предложениями свободных структур, поэтому их значение, содержание может быть передано предложениями традиционного синтаксиса.

Если выйти за рамки предложения, можно выявить, что ФС как класс структур, обладающих определенной семантикой и коммуникативной (функциональной) предназначенностью, вступают в соотносительность с другими подсистемами языка.

– На основании семантической характеристики они сближаются языковыми средствами выражения субъективной модальности (в первую очередь, с синтаксическими).

– На основании стилистической прикреплённости, эмоциональности и экспрессивной окраски ФС входят в класс структур и синтаксических построений, характерных для устной разговорной речи. Другими словами, они представляют одну из особенностей разговорного синтаксиса, противопоставляясь при этом синтаксическим построениям научной и официально-деловой речи.

– С точки зрения функциональной прикреплённости, ФС, будучи противопоставленными свободным синтаксическим структурам по признаку «сообщение – общение», объединяются с другими синтаксическими построениями и шире – языковыми средствами, выполняющими фатическую функцию.

Намеченные линии взаимодействия ФС с другими языковыми средствами и подсистемами, позволяют глубже понять их лингвистическую сущность. Системность ФС, проявляющаяся широко и разнообразно, свидетельствует о больших возможностях использования ФС в процессе общения, об их высоком коммуникативном потенциале.

Литература

1. Величко А. В., Красильникова Л. В., Кузьминова Е. А. и др. Книга о грамматике русский язык как иностранный / Под ред. А. В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009.
2. Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания русского языка. Ростов, 1993.

Синтаксис трехкомпонентных счетных конструкций типа *пять штук тетрадей*

И. В. Галактионова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ig@philol.msu.ru, givlad@mail.ru

Русский язык, синтаксис числительных, счетные конструкции.

Summary. The paper deals with several syntactic properties of Russian three-component numeral constructions which include the words that can be considered as classifiers, such as *pjat' štuk tetradej* 'five notebooks' lit. 'four pieces of notebook'.

1. Русские числительные, как известно, образуют класс слов, обладающих рядом уникальных свойств – прежде

всего синтаксических. Примером подробного и тщательного описания этих слов является работа [4]. Числительные мо-

гут использоваться в том числе в трехкомпонентных синтаксических конструкциях типа *три корзины грибов, пять зернышек тиеницы*, где наряду с числительным и существительным – именем считаемого объекта – представлен также компонент, обозначающий единицу измерения (*корзина, зернышко*). В качестве последнего могут выступать слова с выхолощенным лексическим значением, которые выполняют функцию, близкую к функции классификаторов, распространенных, например, в китайско-тибетских языках; см. [5: 159–160]. Подобная функция в русском языке усматривается у слов *штука (пять штук разноцветных карандашей), пара (пять пар ножниц), голова (пять голов скота), человек (пять человек солдат), место (пять мест багажа)* и ряда других.

2. Русские конструкции с «классификаторами» уже были объектом анализа. В работе [1], опирающейся на данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), проанализировано лексическое заполнение компонентов этих конструкций. В настоящей работе подобные конструкции рассматриваются преимущественно с синтаксической точки зрения и в сопоставлении с другими разновидностями трехчленных конструкций. Материалом для анализа служат конструкции с «классификатором» *штука*.

3. Представляется, что в соответствии со своими синтаксическими особенностями трехкомпонентные счетные конструкции могут быть поделены на три группы:

- (1) конструкции типа *пять кочанов капусты, три батона хлеба, два стакана клюквы*;
- (2) конструкции типа *пять пар ножниц, восемь голов скота, шесть мест багажа*;
- (3) конструкции типа *пять штук тетрадей, десять человек слуг, сто душ крепостных*.

Первые два типа В. Баранова характеризует как «нормативные контексты, в которых использование счетной конструкции обусловлено грамматическими свойствами существительных (с неисчисляемыми существительными, некоторыми словами pluralia tantum)» [1], и в своей работе не рассматривает.

В синтаксическом отношении такие конструкции ведут себя обычным образом, имея, в частности, стандартное синтаксическое устройство. Числительное в них управляет родительным падежом «классификатора» (обладающего собственной семантикой, как в (1) или в значительной степени десемантизированного, как в (2)), а сам «классификатор» управляет родительным падежом существительного, обозначающего считаемые объекты, в результате чего из состава этих конструкций можно вычленивать сочетания типа *кочан капусты, стакан клюквы, место багажа*. Наличие непосредственной связи между «классификатором» и существительным позволяет конструкции использоваться в контекстах не только именительного и винительного, но и других падежей, для чего она изменяется соответствующим образом: *мешок с пятью кочанами капусты, Не хватило трех батончиков хлеба, К шести местам багажа жены добавилось еще одно место – чемодан мужа*.

Конструкции типа (2), впрочем, все-таки имеют отличия от конструкций типа (1). Во-первых, как кажется, они менее охотно используются в косвенных падежах, а во-вторых, практически не используются вне контекстов с количественными показателями или кванторами (*сто голов скота, каждая голова скота (должна быть учтена)*), но, по-видимому, возможно (в интересующем нас значении) **головы скота должны учитываться*; сочетание *взять пару ножниц* понимается в смысле ‘взять ножницы в количестве двух штук’).

4. Конструкции типа (3) *пять штук тетрадей*, включающие в качестве последнего, третьего компонента изменяющиеся по числам счетные существительные, синтаксически устроены иначе. Нельзя утверждать, что в них «классификатор» управляет существительным, так как слово *штука* не образует словосочетания вида **штука тетрадей*

(или **штука тетради*). Можно предположить, что числительное здесь управляет сразу и «классификатором», и существительным; в пользу такого решения свидетельствует наличие как словосочетаний вида *пять штук*, так и словосочетаний вида *пять тетрадей*. Такое решение принимается в [6: 78].

Для проверки этого решения нужно обратить внимание на такие варианты конструкции, в которых количество обозначено так называемым «малым» числительным, требующим от зависимого слова формы единственного числа. Если числительное действительно управляет и «классификатором», и существительным, то они оба должны стоять в форме единственного числа, однако сочетания **(купить) три штуки тетради* или **(купить) штука три тетради* неправильны. При этом сочетания типа *(купить) три штуки тетрадей* звучат существенно лучше, если не абсолютно нормально. Следовательно, числительное в этих конструкциях не управляет существительным.

Как кажется, свойство управлять родительным падежом множественного числа существительного есть у сочетания числительного с «классификатором» в целом, но не у входящих в его состав элементов (что отчетливо проявляется в поведении «малых» числительных), и это позволяет считать сочетания вида *две <три, четыре> штуки, пять <шесть, семь...> штук* синтаксическими фразами (в терминологии Л. Л. Иомдина, см., например, [2]). Эта же особенность представлена и в других возможных для данной конструкции падежах и не зависит от характера связи внутри пары числительное + «классификатор». По указанной причине комбинация компонентов *штуки тетрадей* никогда не используется вне контекста числительных.

5. Еще одна особенность конструкций типа (3) состоит в том, что они явно тяготеют к использованию в контекстах именительного, винительного и родительного падежей, о чем свидетельствуют данные НКРЯ. Примеры на другие падежи единичны, ср. нормальное *Не хватает пяти штук тетрадей* с сомнительным *поделиться штуками пятью <пятью штуками> тетрадей*. Именно в контекстах родительного падежа, как и в контекстах именительного и винительного, счетная конструкция включает две формы родительного падежа – «классификатора» и существительного, в остальных же падежных контекстах два этих компонента должны стоять в разных падежах, что, по-видимому, для данной конструкции нежелательно. Таким образом, рассматриваемая конструкция близка к несклоняемым именным конструкциям, перечисляемым и рассматриваемым в [7].

6. Можно заметить, что счетные существительные в составе конструкций типа (3) ведут себя так же, как в предложениях количественной предикации, но не так, как в составе обычных двухкомпонентных счетных конструкций; ср. *три тетради – пять тетрадей*, но *Тетрадей в этой стопке – всего три <пять>* и *три <пять> штук тетрадей*. Таким образом, рассматриваемая конструкция служит промежуточным звеном между двумя другими типами конструкций с числительными.

Литература

1. Баранова В. В чем считать? Конструкция счета NUM ШТУК N_{gen} в русском языке [http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2011/materials/Baranova_poster.doc].
2. Иомдин Л. Л. *Читать не читал, но...:* об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19). Т. 1. М., 2013.
4. Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16. Wien, 1985.
5. Плунжян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
6. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
7. Тестелец Я. Г. Несклоняемые именные конструкции в русском языке и гипотеза «накладывающихся падежей» [http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2011/pdf/Testelec.pdf].

Лингвистические принципы трансформации нарративного текста в текст драматургический

Е. И. Гордиенко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

jelenagordienko@gmail.com

Инсценировка, субъективная перспектива текста, модус, нарративный режим.

Summary. The paper deals with linguistic principles of theatre adaptations of narrative texts. The main rule is the transformation of the narrator's text in the character's cues, so as the 'story' forms become 'discourse' forms, considering the dichotomy proposed by Emile Benveniste.

Противопоставление эпического и драматургического способа репрезентации связано с различием субъектной организации речи: в эпосе ведущая роль принадлежит тексту нарратора, основной же текст драматургических произведений составляет цепь реплик персонажей. Это противопоставление проявляется в различии точек отсчета нарративных и драматургических текстов: в одном случае это текущий момент текстового времени, в другом – момент речи персонажей. Инсценировки прозы являются уникальным материалом для исследования соотношения нарративного и речевого режимов интерпретации.

Основной принцип трансформации повествовательного текста в драматургический состоит в переходе из плана повествования в план речи. Классическая инсценировка выкраивает из оригинального текста диалоги героев, устранив обрамляющий их повествовательный текст, чтобы оставить уже содержащиеся в произведении речевые формы. Согласно Э. Бенвенисту, для плана повествования характерно третье лицо, не противопоставленное первому и второму, и формы прошедшего нарративного времени. В плане речи употребляются все личные формы, базовое время – настоящее, соотносимое с ситуацией высказывания «я – ты, здесь, сейчас». Текст нарратора в случае, если он становится частью драматургического текста, приобретает ориентацию на момент речи и претерпевает изменения по одной из следующих моделей.

1. Третье лицо изменяется на первое, прошедшее нарративное – на настоящее речевое. Говорящий – персонаж, совпадающий с субъектом модуса высказывания.

Ср.: [Фёдор] *Знаю* (вместо *Он знал*), что нынче получил бы за несколько уроков плату... (Вл. Набоков. «Дар». Инсценировка Е. Б. Каменьковича).

2. Третье лицо изменяется на первое, интерпретация временной формы прошедшего времени вместо нарративной становится речевой. Говорящий – персонаж, совпадающий с субъектом действия высказывания.

Ср.: [Пелагея] В то утро я (вместо *она*) два березовых венника *исхлестала* о себя. *Жарилась, парилась*, чтобы не только грязи на теле, в памяти следа не осталось от той поганой ночи (Ф. А. Абрамов. «Пелагея». Инсценировка Ю. П. Любимова)

3. Третье лицо и прошедшее время сохраняются, но начинают соотноситься с ситуацией высказывания «я / ты, здесь, сейчас». Говорящий – персонаж, не совпадающий с субъектом действия высказывания.

В спектакле «Рассказ о семи повешенных» М. Карбаускис выстраивает сцену «Жертва и палач» таким образом, что историю приговоренного к смертной казни крестьянина Ивана Янсона рассказывает его надзиратель. Рассказ приобретает поэтому ретроспективный характер, и прошедшее время получает речевую интерпретацию: «Этот Иван Янсон *был* батраком у зажиточного фермера... *услышал* он однажды, что в соседнем поселке какие-то приезжие ограбили богатую ферму, хозяина и жену его убили, а дом подожгли... *совершил* весьма сложное покушение на вооруженный грабёж, на убийство и на изнасилование женщины... *схватили* его через час... *судили и приговорили* к смертной казни».

Нарративный режим интерпретации временных форм, однако, может в инсценировке сохраняться. Во-первых, время ремарок можно трактовать как настоящее нарративное: настоящее обозначает здесь синхронность действиям и речи действующих лиц, но оно нарративное, а не речевое, т. к. говорящим ремарок является автор, а не персонажи, и с моментом его речи текст ремарок не соотносится. В инсценировках большая часть ремарок образуется путем морфологического изменения прошедшего времени на настоящее. Во-вторых, в XX веке появляется особая практика инсценирования, известная под названиями «театр повествования», «спектакль-роман» или «прямое режиссерское чтение», заключающаяся в том, что текст нарратора, в том числе в прошедшем времени от третьего лица, произносится артистами без изменения, наравне с текстом персонажа. Действие, о котором говорится в прошедшем времени, в тот же момент изображается на сцене, т. е. оно не предшествует моменту речи, но синхронно ему. Фрагмент повествовательного текста включается в реплику того артиста, который исполняет роль персонажа, являющегося в этом фрагменте субъектом модуса и / или диктума. Если эксплицитно роль этого персонажа в высказывании не выражена, он становится его авторизатором.

Ср. [Алексей] И *Лантев* немного погодя *простился и пошел* домой. Когда человек неудовлетворен и чувствует себя несчастным, то какую пошлостью веет на него от этих лиц, теней, облаков, от всех этих красот природы, самодовольных и равнодушных! *Ему было стыдно*, что он только что говорил о медицине и о ночлежном доме, *он ужасался*, что и завтра у него не хватит характера, и он опять будет пытаться увидеть ее и говорить с ней и еще раз убедиться, что он для нее чужой. Послезавтра опять то же самое. Для чего? И когда и чем все это кончится? Дома *он пошел* к сестре (А. П. Чехов. «Три года». Инсценировка С. В. Женовача).

В театроведении подобные инсценировки характеризуются как адаптации без адаптации, так как на уровне диктума текст остается таким же, как и в тексте-источнике. Однако модусный план претерпевает значительные изменения: авторизатором повествовательного текста, произнесенного со сцены, становится персонаж, которого исполняет в данный момент этот артист. Поэтому неслучайно то, что чаще всего для инсценировки подобным методом выбираются произведения, в которых доминирует повествование с внутренней точки зрения. Грамматическое третье лицо в них не противоречит Я-модусной рамке. Интерпретация инсценировщика (который, как правило, является и режиссером постановки) проявляется в подобных инсценировках именно в распределении текста среди персонажей: от изменения говорящего меняется субъект сознания, от того, произносит ли персонаж только свою прямую речь, или также нарративный текст, зависит восприятие его зрителем как рефлексирующего героя или нет, как эпизодического персонажа, интересного только своими действиями, или как героя, сознание которого также интересно раскрыть режиссеру. Форма нарратива помогает при этом подчеркнуть игровую, знаковую природу театра, в котором речь актера означает речь персонажа, в настоящем времени разыгрывается уже свершившаяся история.

Субъективная перспектива каузальных отношений

Л. Е. Дальбергенова

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

ljasatdal@mail.ru

Субъективные смыслы, эпистемический уровень, субъективная модальность, когнитивное состояние.

Summary. The subjective sense of causal relations (CR) based on Russian language in which the expression of a position required the speaker and his personal opinion or feelings are considered. The epistemic level (EL) of CR is especially highlighted which refers to the act of inference or assumption. The specific event or situation is important for the speaker to make judgments about the incident that led to this circumstance. The types and variations of CR are represented at the EL with a glance on the different bases, depending on the motivation of the speaker's face argumentation.

Субъективные смыслы каузальных отношений (далее – КО) проявляются в когнитивном состоянии субъекта: его ментальном восприятии, интеллектуальном созерцании и субъективных суждениях об объективных причинно-следственных явлениях. Субъективность выступает как основной принцип процесса категоризации и концептуализации КО, играет ключевую роль в построении смысловой структуры каузального высказывания и создании когнитивной целостности устного и письменного дискурса, где субъективное отношение к содержанию высказывания проявляется посредством обязательного выражения позиции говорящего и его личного мнения или чувств. Типы когнитивных состояний субъекта находятся в прямой зависимости от когнитивных уровней субъективной модальности и глубинного значения семантических предикатов. В качестве средств вербализации когнитивных состояний субъекта могут выступать причинные союзы, семантические предикаты и модальные слова.

Остановимся на рассмотрении эпистемического уровня (далее – ЭУ) КО, под которым понимается акт логического вывода или предположения: конкретное наблюдаемое событие или положение дел является для говорящего основанием того, чтобы сделать умозаключение о событии, которое привело к этому положению. Категоризация субъективности на ЭУ строится на разных основаниях в зависимости от аргументационной мотивировки говорящего лица.

1) Так, первый тип КО на ЭУ – это дискурс от первого лица: автор создает КО между своим личным мнением и результатом своих действий. Например: *Таким образом, у меня вместо немыслимо полного описания всей моей жизни получилось не очень даже большая картотека с фактами, а сказать, так прежде всего с мыслями... для каждого моего возраста... потому что я считаю – каждый возраст... это как бы отдельная была у меня жизнь* (С. Залыгин). Субъективность проявляется в том, что говорящий обосновывает определенное положение дел; в качестве причины в данном примере выступает ментальное состояние агента *я считаю*. Причиной является сам автор эпистемической мысли, его когнитивное состояние **Понимания**. В качестве эксплицитного показателя КО служит союз *потому что* и семантический глагол *считаю*.

2) Когнитивное состояние субъекта может быть выражено имплицитно, в дискурсе же маркируется пунктуацией: тире, запятой или двоеточием. Например: *От некоторых слышал, что на нашей железнодорожной станции Ветка духовность не нужна... Но я этому не верю и думаю, что она очень нужна, и веду записи о своей духовной жизни. Но я их никому на железнодорожной станции Ветка не показываю – засмеют* (С. Залыгин). В данном случае можно путем трансляции выявить когнитивное состояние **Понимание**: *Но я их никому на железнодорожной станции Ветка не показываю, потому что понимаю / считаю / думаю, что засмеют*.

3) В качестве варианта ЭУ КО может служить **эпистемическая гипотеза**, где показателем выступает местоименное наречие *поэтому*. Например: *К Иванову в троллейбусах, в разных там очередях теперь уже нередко именно так обращались молодые, а иногда и средних лет люди, должно быть, поэтому было теперь приятно самому назвать Жуковского «батей»* (С. Залыгин). Здесь субъективность КО проявляется в вовлечении Иванова в дискурс как автора логического вывода, а также в его личностные взаимодействия с молодыми людьми и Жуковским. Отношение молодых людей к Иванову дает основание предположить, почему он называет Жуковского «батей». Модальное слово *должно быть* выражает когнитивный уровень сознания субъекта,

а именно, уверенную истину: *уверен (должно быть), что р*.

4) Вариантом ЭУ КО может быть когнитивное состояние субъекта **Желание**. Например: *На лесоповале, я помню, деревья падали будто бы в сказке, будто бы с неба, а на земле на них смотреть было уже неинтересно. Может, такое восприятие, потому что жить сильно хотелось* (С. Залыгин). Данный пример представляет собой ситуацию восприятия субъектом объективной реальности. Повтор модального слова «будто бы» (*будто бы в сказке, будто бы с неба*) выражает значение когнитивного уровня **предположительная истина**. Причина соотносится в примере с субъектом и его когнитивным состоянием **Желание**, вербализуемое союзом *потому что*, семантическим предикатом *хотелось*, а также оценочным модусом *сильно*.

5) Когнитивное состояние **Знание / Незнание** демонстрируют следующие примеры, в которых ситуация представлена от первого лица субъекта. Субъективность КО реализуется, таким образом, в том, что субъект вовлечен как в компонент причины, так и в компонент следствия, например: *Я один потому, что знаю, что я один* (С. Залыгин). Причиной утверждения автора является его когнитивное состояние **Знание**, которое репрезентируется союзом *потому что* и семантическим предикатом *знаю*.

6) Вариантом ЭУ КО выступает ситуация «эпистемическая гипотеза с когнитивным состоянием «уверенность» (*уверен, что р*). Например: *Зять, Николай Иванович, дома – значит, поспорил с женой, надутый и будет жаловаться* (А. Толстой). Данный пример представляет собой обоснование логического вывода, когда субъект предполагает, что **р истинно** (*поссорился с женой, надутый и будет жаловаться*), обосновывая свое предположение определенным положением дел (*Зять дома*). Перефразировав предложение, мы можем убедиться в том, что ситуация представляет собой причинно-следственную связь: *Я предполагаю, что Николай Иванович поспорил с женой, потому что зять, Николай Иванович, дома*. Каузальная конструкция дискурса включает в себя также имплицитную информацию: *Николай Иванович обычно не бывает дома*. Субъективность проявляется в его когнитивном состоянии, субъект является автором логического вывода, которое выражается модальным словом *значит*, грамматический показатель является **тире**.

7) Одним из причинных версий ЭУ является такой тип суждения как **конъюнкция**, когда причина и следствие как два простых суждения объединяются в одно сложное суждение с помощью союза *и*. Собственно истинность или ложность пропозиции принадлежит объективной модальности. Показателем субъективного фактора КО является союз *и*: субъект является создателем данного каузального суждения. Например: *Мужья, любовники, братья и сыновья – теперь нумерованные и совершенно отвлеченные единицы – ложались под земляные на полях на опушках лесов у дорог. И никакими усилиями нельзя было согнать новых и новых морщинок с женских стареющих лиц* (А. Толстой). Гибель мужей, любовников, братьев и сыновей является причиной морщин женских стареющих лиц.

8) Когнитивное состояние **уверенность**. Модальное слово «должно быть» выражает значение **уверенная истина**: уверена (должно быть), что р. Например: «У нее оказалось воспаление легких, – должно быть, простудилась на сквозняках» (А. Толстой).

Таким образом, во всех приведенных типах КО говорящий непосредственно представлен как субъект логического умозаключения или как субъект-автор речевого действия, реализуя идею о том, что для КО релевантны субъективные смыслы.

Вопросительные инфинитивные предложения как диалогические реакции

С. Дастамуз

Тегеранский государственный университет «Аль-Захра» (Иран)

dastamooz2010@yahoo.com

Инфинитивные вопросы, диалог, ответная реплика, коммуникативные функции.

Summary. This research is devoted to the infinitive interrogative sentences. The main attention is paid to their communicative functions, when they are used as the response in the dialogue. In this work as a method is used the method of semantic and pragmatic analysis. The material for the study is based on examples from the Russian National Corpus and literature.

Вопросительные инфинитивные предложения принадлежат к числу языковых единиц, обладающих широким прагматическим потенциалом. Они не только способны выражать вопрос, но и реализуют различные вторичные функции. Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить, какие функции выполняют вопросительные инфинитивные предложения в позиции ответной реплики в диалоге. В качестве метода в данной работе используется метод семантического и прагматического анализа. Материалом для исследования послужили примеры из Национального корпуса русского языка и художественной литературы.

Вторая реплика диалога представляет собой иллюкутивное зависимый речевой акт, т. е. «речевой акт, иллюкутивное назначение которого всецело определяется иллюкутивным назначением какой-либо предшествующей реплики» [2: 87]. Ее связь с репликой-стимулом является не только семантической, основанной на пропозициональном содержании реплик, но и прагматической. Прагматические связи – «это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т. п.» [5: 306].

Кроме того, в диалоге встречаются разного рода «прокладки», «рессорные реплики» [1: 679], а также реплики, выполняющие метатекстовую, точнее – метакоммуникативную функцию [3: 211].

Наше исследование показало, что инфинитивные предложения очень часто функционируют в качестве второй реплики в диалоге, где нарушаются условия успешности речевого акта вопроса, и прежде всего условия назначения: высказывание больше не рассматривается как попытка говорящего побудить адресата сообщить информацию [4: 41]. Как показывает анализ материала, инфинитивные вопросительные предложения в позиции ответной реплики способны выполнить следующие функции:

Переспрос, например: *Что бы нам такое с ним сделать? – Голову ему оторвать! – сказал кто-то сурово на галерке. – Как вы говорите? Ась? [...] – Голову оторвать? Это идея!* (Булгаков).

Оттягивание ответа, например: *– Умерли? – вскричал в ужасе Фёдор Филатович. – Как сказать. Может быть, и умер (И. Грекова. НКРЯ).*

Поддержка высказывания адресата, подчеркивая уместность вводимой им ситуации, например: *– Я так взволновалась! – воскликнула Маргарита. – Это случилось так неожиданно... – Как же не взволноваться? У меня у самого поджилки затряслись!* (Булгаков).

Псевдоподдержка, выражающий мнимое одобрение поведения адресата (третьего лица), например: *Егор пожимая мне руку, осведомился, прочел ли я его книгу. Я похолодел от страха и сказал, что не читал. Тут побледнел Егор. –*

Где уж ему читать, – заговорил Ликоспастов, – у него времени нету современную литературу читать... (Булгаков).

Выражение **неуместности** высказывания адресата, например: *– Это уже беззаконие, – покачал головой Игорь Васильевич. – Игорь, нам ли рассуждать о законах?* (Дворецкий. НКРЯ). В некоторых случаях риторический вопрос, указывая на неуместность высказывания адресата и употребляясь в качестве реплики реакции, может имплицитно давать **ответ на его вопрос**, см.: *– Подковка действительно была золотая с бриллиантами? – спрашивали Аннушку. – Мне ли бриллиантов не знать, – отвечала Аннушка (Булгаков).*

Согласие говорящего выполнить действие, к которому косвенно побуждает его адресат. Например: *– Любопытно, кто? Может, назовете? – Отчего же не назвать?* (Корнешов. НКРЯ).

Согласие с мнением адресата, например: *– Да, это шутка... – тихо сказал я, и на душе у меня стало скверно. – Что говорить! – подтвердил Бомбардов (Булгаков).*

Отказ, т. е. несогласие говорящего выполнить действие, к которому побуждает его адресат. Например: *– А вы сами не хотите его увидеть? – А что мне хотеть? Какая мне радость видеть арестанта?.. (Домбровский. НКРЯ).*

Возражение, т. е. несогласие говорящего с мнением адресата. Например: *– Зря смеется. – А чего нам не смеяться, если смешно?*

Таким образом среди вопросительных инфинитивных предложений в позиции ответной реплики в диалоге можно выделить три вида реплик реакции: (1) реплики реакции, выполняющие метакоммуникативную функцию; (2) реплики реакции, оценивающие первую реплику диалога; (3) реплики реакции, выражающие согласие или несогласие с первой репликой диалога. В группу (1) входят переспросы и вопросы, служащие для оттягивания ответа. Группа (2) содержит вопросы, поддерживающие точку зрения адресата; «псевдоподдержки» и вопросы, указывающие на неуместность реплики адресата. В группу (3) входят вопросительные инфинитивные предложения, выражающие согласие с мнением адресата, согласие с действием адресата, отказ и возражение.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллюкутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2012.
4. Кобозева И. М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности: Перевод и лингвистический анализ. М., 1988.
5. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1982.

Некоторые особенности семантики и функционирования адвербиальных компликаторов в письменной научной речи

А. В. Дегальцева

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

deganna@mail.ru

Синтаксическая компрессия, семантико-синтаксические процессы, адвербиализация, научный стиль.

Summary. The research deals with some semantic and functioning peculiarities of adverbial complicators in modern scientific texts. It focuses on structure and some semantic types of adverbial complicators, their functions, their positions and role in communicative sentence structure.

Научный стиль (НС) является одним из строгих книжных функциональных стилей литературного языка. Основными его чертами являются точность, логичность и абстрактность

изложения материала [5]. Чтобы емко и максимально точно передать информацию, ученые прибегают к использованию средств синтаксической компрессии, одним из которых яв-

ляются адвербиальные компликатеры (АК). Адвербиализация – семантико-синтаксический процесс, суть которого заключается в том, что выражающая атрибутивно-обстоятельственное значение лексема (качественное наречие или функционально замещающая его словоформа), грамматически связанная с глаголом-предикатом, семантически относится к субъекту (характеризуя его состояние, внешний облик, поведение) или ко всей ситуации.

К АК в рамках данного исследования мы относим такие средства выражения атрибутивно-обстоятельного значения, которые не создают формального осложнения предложения, не выражают таксисных значений и не передают полупредикативных отношений (по этой причине мы не рассматриваем, например, деепричастия и дуплексивы). При таком подходе в качестве АК выступают наречия и функционально замещающие их предложно-падежные формы существительных в атрибутивно-обстоятельном значении.

Материалом исследования послужили современные научные тексты разных жанров (тезисы, 4 монографии, учебное пособие, 2 диссертации и сборник статей) общим объемом 35 тыс. предикативных единиц (ПЕ). Следует отметить, что мы рассматривали гуманитарные, преимущественно лингвистические, труды.

Как показал анализ материала, на 1000 ПЕ в НС приходится в среднем 6 АК. Их появление можно объяснить стремлением ученых к экономной передаче информации. Согласно нашим данным, в художественной прозе, публицистике и разговорной речи АК представлены гораздо шире [2]. Количественные показатели АК в НС во многом определяются такими его чертами, как точность, логичность, стандартизованность. Поскольку большинство АК служат для создания не только емкой, но и образной, экспрессивной характеристики человека или ситуации, их частое употребление противоречило бы доминанте НС.

Согласно полученным данным, жанр не оказывает существенного влияния на характер употребления АК, однако, по-видимому, идиостиль ученого и тематика исследования накладывают определенный отпечаток на качественные и количественные показатели изучаемых объектов.

Анализ структуры и особенностей образования АК в НС позволил выявить следующее. Типичными формами выражения адвербиального признака здесь (как и в художественной прозе, газете и РР) являются наречия (81% от общего числа проанализированных АК). Будучи синтаксически подчинены глаголу, семантически они характеризуют субъект или целую ситуацию [1]; [4]. Словообразовательной базой большинства наречий в НС являются качественные прилагательные, поскольку именно они способны характеризовать человека или ситуацию. Около 24% наречий-АК в НС образованы от относительных прилагательных, тогда как в нестрогих сферах общения таких АК гораздо меньше (лишь 1–2%) [2]. Это связано с тем, что в научном тексте в силу его абстрактности преобладают слова с отвлеченным значением, в том числе, относительные прилагательные и образованные от них наречия [5].

АК, выраженные неморфологизованным способом, составляют 19% от общего числа проанализированных форм.

Среди них преобладают предложно-падежные формы деевративов – 41% и немотивированных абстрактных существительных – около 35%, что связано со способностью таких лексем в сжатой форме, ясно и четко характеризовать ситуацию или ее участников: *Эти подходы <...> иногда объединяют без необходимых уточнений; Ремы либо вовсе устраняются (чисто номинативная форма), либо инкрустируются в скрытой форме <...>*. Наиболее частым функциональным вариантом наречия является конструкция «+ тв. падеж сущ.», так как она является специализированной формой выражения вторичного значения существительного: отсутствующего действия или состояния [3].

АК, функционирующие в научной сфере, способны характеризовать ситуацию (их большинство) или человека. Первые позволяют автору, прежде всего, избежать нагромождения массы уточнений и пояснений, передать максимум информации с использованием минимума речевых средств, а также выразить оценку труда других ученых (с точки зрения достоверности, убедительности, обоснованности): *Доля остальных 18 встретившихся нам слов пренебрежимо мала; Если говорить о стадии I, то многие источники убедительно показывают первичность бинарной оппозиции белого и черного*. Вторые служат для характеристики человека как объекта исследования (его эмоционального, ментального состояния, поведения) и субъекта познавательной деятельности (отражают рефлексию исследователя): *Лишь единицы читают газеты внимательно; С уверенностью можно говорить лишь о том, что объединяет все стили*. АК, описывающие свойства человека в качестве объекта исследования, по-видимому, характерны в большей степени для антропоцентрических гуманитарных исследований.

Словообразовательные особенности наречия и предложно-падежной формы существительного в роли АК оказывают определенное влияние на его функции (наречия, образованные от относительных прилагательных, и деевративы обычно характеризуют ситуацию, тогда как качественные наречия чаще описывают состояние или поведение человека и т. д.).

72% АК употребляются при глаголах интеллектуальной деятельности, что объясняется сферой их функционирования.

Для АК в НС типична позиция ремы, чаще всего они входят в рему в качестве одного из ее компонентов.

Литература

1. Битехтина Г. А. О некоторых случаях приглагольного употребления качественных наречий // Русский язык для студентов-иностранцев. М., 1979. Вып. 18. С. 111-123.
2. Дегальцева А. В. Адвербиализация как способ усложнения семантики предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.
3. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
4. Кормилицина М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. 3-е изд. М., 2011.
5. Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений: уч. пособ. М., 1976.

Контексты номинации: попытка систематизации

О. Ю. Дементьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

olgadem18@mail.ru

Номинация, название, тождество, предикация, синтаксическая структура.

Summary. The paper deals with contexts including denomination, their semantics and syntax.

Контексты номинации (например, *Мышлением называется процесс опосредованного и обобщенного познания объективной реальности, Российское судно называется «Альбатрос-101», Эта удивительная машина называется мини-трактор, Саранчу называют грозой полей*) представляют собой в высшей степени обширный и разнообразный материал. Различные лексические средства, служащие для выражения номинации, представлены в «Семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой. В настоящем докладе мы рассматриваем предложения с глаголами *называть* и

называться. Роль этих глаголов заключается не только в том, что они маркируют вводимую номинацию, но и в том, что они вводят в предложение субъекта-авторизатора (обычно имплицитного) – того, кому принадлежит номинация, вследствие чего предложение становится полипропозитивным.

Анализ языкового материала показывает, что рассматриваемые контексты неоднородны в логико-грамматическом отношении. В плане синтаксической структуры очевидна тенденция к употреблению или глагола *называть*, или гла-

гола *называться*, также они различаются падежным оформлением имени номинации. Можно выделить три группы контекстов номинации, характеризующиеся взаимосвязью и взаимозависимостью логико-грамматической и синтаксической структуры (отметим, что приводимые ниже группы предложений не исчерпывают всего многообразия контекстов номинации).

1. **Предложения сигнификативного тождества**, связывающие семантически однородные единицы и характеризующиеся равным объемом понятия, в силу чего они рефлексивны: *Фонетикой называется наука о звуках речи – Наука о звуках речи называется фонетикой / фонетика, Суффиксом называется / называют аффикс, находящийся в составе простой основы между корнем и флексией*. Предложения сигнификативного тождества представляют собой определения (прежде всего научные), в состав которых входит общепринятая номинация с четко определенным и одинаковым для всех объемом понятия. Для рассматриваемых предложений характерно употребление формы настоящего времени глагола *называться*, который утрачивает свое лексическое значение и является фактически факультативным для структуры предложения метасловом. Падежная форма имени номинации определяется ее расположением в теме или реме.

2. **Предложения номинации**, в которых знак выступает в автономном употреблении, т. е. обозначает сам себя. Отношения номинации связывают денотат и его языковой индекс: *Столица России называется Москва / Москвой*. Предложения номинации неоднородны; номинация может быть представлена именем собственным или нарицательным, в кавычках или без кавычек: *Левый приток Оби называется Иртыш, В самом начале двадцатых годов Ленинград назывался еще Петроградом, Этот цветок называется фиалка, Гонаобель еще иначе называют голубикой за ее голубой цвет или пьяницей из-за того, что она пригодна для приготовления вина, Такой фасон называется «капаш», Этот проведенный осенью прошлого года фестиваль назывался «Триумф джаза»*. Для предложений номинации характерно расположение имени номинации в реме, соответствующее ходу мысли от определенного объекта действительности к его имени. Выбор той или иной падежной формы имени номинации связан с использованием кавычек, с характером называемого объекта и особенностями номинации. Выбор возвратной формы глагола *называться* обусловлен однозначным соответствием знака (номинации) обозначаемому им объекту для всего круга субъектов, использующих данную номинацию; форма 3 л. мн. ч. предполагает ограниченный круг субъектов, использующих номинацию.

3. Предложения характеристики, в которых вводимая номинация представляет собой признак, характеристику, оценку лица, предмета, события и является предикатом. Предложение характеристики представляет собой суждение о действительности, в котором субъекту приписывается

предикативный признак. Именно с предикативным признаком связан выбор номинации. Для обозначения приписываемого субъекту значения предикативного признака может использоваться оценочная лексика: *Наш сайт уже два года подряд называют лучшим информационным сайтом среди федеральных органов*; номинации, основанные на сигнификативном компоненте значения слова, в том числе «нестандартные», использующие переносное значение лексем: *Еще в недавние времена «плесенью» называли стилиз и тунейцев, подразумевая, что это явление требует презрения и уничтожения, Физтех заслуженно называли колыбелью советской физики — из него вышло большинство довоенных физиков*; номинации, основанные на коннотативном компоненте значения слова: *Екатеринбург, который называют российским Чикаго, — город не бедный, местами даже очень не бедный, Буслев по своим трудам и влиянию в языкознании для нашего времени может быть назван вторым Ломоносовым*.

В предложениях характеристики активно проявляет себя модусный субъект: *Время леонтьевского правления, деканства (1966–1979) вполне можно назвать если не золотым, то серебряным веком факультета психологии МГУ*; при этом предложение включает компоненты метатекста, отражающие поиск говорящим нужного слова, сомнение или, наоборот, уверенность в правильности выбранной номинации: *можно назвать, если не золотым, то серебряным, вполне*. Поскольку модусный субъект – субъект сознания и речи, во многих случаях возможна замена глагола *называть*, связанного с речевым модусом, на глагол *считать*, связанный с модусом полагания.

В предложениях характеристики имя номинации – предикативного признака – употребляется только в форме Т. п., авторизующий глагол выступает в неопределенно-личной, личной и страдательной, но не возвратной форме.

Таким образом, номинация может представлять собой определяемый термин (предложения сигнификативного тождества), название объекта действительности (предложения номинации), признак, характеристику, оценку лица, предмета, события (предложения предикации), с чем связаны особенности синтаксической структуры предложения.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Изд. 5-е. М., 2007.
2. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М., 1989.
3. Дементьева О. Ю. Контексты называния: семантика и лингводидактика // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 47. М., 2013.
4. Золотова Г. А., Ошпенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
5. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 2007.
6. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Способы воплощения предикативного отношения*

М. Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена / Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

dym2005@list.ru

Предикация, предикативное отношение, предикативность, синтаксическая конструкция, предикативная структура.

Summary. Means and ways of embodiment of a predicative relation in syntactic structures of the group and the clause levels are discussed. The concepts of isomorphic / homomorphic and complete / incomplete incarnation of predicative relation are introduced.

В работе принимается, вслед за А. А. Леонтьевым, Т. В. Ахутиной и мн. др., понимание предикации как ментального акта, воплощаемого, но не осуществляемого в высказывании: он предшествует высказыванию. Не каждый акт предикации получает дальнейшее воплощение во внешней речи. Многочисленные факторы могут прервать или перефокусировать процесс порождения высказывания на любом этапе, – не говоря уже о том, что мелькнувший в сознании прообраз мысли отнюдь не обязательно связывается субъектом с речевой интенцией, так как коммуникативного мо-

тива в данный момент может просто не быть. Мышление постоянно и неостановимо (имеются в виду все типы, в том числе наглядно-действенное и наглядно-чувственное мышление); в сравнении с общей продолжительностью мыслительных процессов в бодрствующем сознании подключение к ним механизмов продуцирования речи (словесно-логического мышления) выглядит эпизодическим. Между тем любая разновидность дискурсивного мышления, очевидно, включает последовательность этапов (а–в) звена внутреннего программирования, по А. А. Леонтьеву, то есть неразрывно свя-

* Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-1348.2012.6 «Петербургская школа функциональной грамматики»; Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-04-00380; Министерства образования и науки РФ (госзадание), проект № 7.8196.2013.

зана с рекурсивной цепью актов предикации. Это еще одна причина, заставляющая отказываться от тесного привязывания понятия предикации к понятию предложения, тем более – к понятию предикативности в трактовке В. В. Виноградова и его последователей.

Результатом акта предикации является установление предикативного отношения. Именно воплощение последнего (последних) мы наблюдаем во внешней речи – а не воплощение самого акта предикации.

Способы же реализации предикативного отношения (далее – *ПО*) множественны. Предикативность, интерпретируемая как грамматическая категория предложения, то есть категория, воплощаемая предикативной структурой, является, возможно, высшей ступенью реализации *ПО*, но помимо этой ступени существует целый ряд других. Именно они находятся в центре внимания.

Множественность способов реализации *ПО* естественна, так как *ПО* представляет собой структуру, обладающую той особенностью, что ни какой-либо ее компонент, ни вся она в целом не наделены признаком обязательности реализации в высказывании.

Воплощение предикативного отношения целесообразно описывать с учетом двух признаков: *полноты / неполноты* и *изоморфности / гомоморфности*.

При *полном* воплощении *ПО* во внешней речи получают выражение все три его компонента: *S* и *P* выражаются дискретно – отдельными словами, а компонент *{есть}* (глубинный логический оператор) может быть выражен как дискретно (например, в предложениях с именными сказуемыми: *Супружество нам будет мукой* (А. С. Пушкин)), так и

недискретно – например, в нексе, специфической взаимно-направленной грамматической связи между подлежащим и сказуемым (*Вот бежит дворовый мальчик...* – А. С. Пушкин). При *неполном* воплощении *ПО* во внешней речи получают выражение два или даже один его компонент.

Признак изоморфности / гомоморфности трактуется исходя из того допущения, что компоненты *S* и *P* предикативного отношения обладают равным статусом: оба одинаково «главные», ни один не имеет приоритета. Тогда *изоморфным* является только тот случай полного воплощения *ПО*, когда компоненты *S* и *P* выражаются компонентами полной предикативной структуры – подлежащим и сказуемым. *Гомоморфным* воплощением *ПО* признается, соответственно, синтаксическая структура, компоненты которой не являются парой «подлежащее + сказуемое», но могут быть интерпретированы как отображения элементов *S* и *P*. Гомоморфным может быть как полное, так и неполное воплощение *ПО*.

Предлагаемая система понятий затрагивает ряд ключевых вопросов как традиционной, так и современной синтаксической теории: интерпретацию виситативных высказываний вида *Это самолет летит*, высказываний с выдвижением топика (*Ребенок – это ведь не игрушка*), почти всех видов односоставных предложений; теорию синтаксических нулей – в тесной связи с теорией подлежащего / носителя предикативного признака и др. В докладе будут аргументированы соответствующие решения.

В заключение будут кратко рассмотрены основные конструкции полного и неполного гомоморфного воплощения предикативного отношения.

Вопросы, апеллирующие к точке зрения адресата (опыт корпусного анализа)*

В. В. Казаковская, М. В. Хохлова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); Санкт-Петербургский государственный университет

victory805@mail.ru, vertikal-maria@yandex.ru

Вопросо-ответные диалогические единства, ментальный модус, корпусный анализ.

Summary. This paper deals with the analysis of “modus questions” used in Russian native-speaker dialogues. Its research focuses on the development of the models (i. e. lexico-syntactic patterns) used for searching questions used in an annotated corpus. Special attention is paid to the reaction to “the modus questions” which are the most typical in modern Russian conversation.

1. В докладе обсуждаются вопросительные реплики, направленные на обнаружение точки зрения адресата и содержащие элементы эксплицитного модуса (модусной рамки) – так наз. *модусные* вопросы. Для их поиска в размеченном текстовом корпусе используются лексико-синтаксические шаблоны (модели модусных вопросов). Рассматриваются средства выражения модусной семантики в вопросительных репликах. Степень успешности диалогических единств, содержащих модусный вопрос в позиции инициативной реплики, связывается со структурно-семантическими и прагматическими особенностями ответных реакций адресата.

2. На данном этапе исследования анализируются вопросительные конструкции, содержащие модусные рамки ментальной семантики с прототипичными интенциональными предикатами *считать, полагать, думать* в наиболее свойственных русскому диалогу формах 2-го лица ед. и мн. числа. Наряду с предикатами *находить, интерпретировать, оценивать, трактовать, рассматривать как; представляться, казаться* и некоторыми другими, рассматриваемые предикаты эксплицируют «квазиуниверсальный» модус полагания (Н. Д. Арутюнова). Варианты репрезентации модуса в вопросительной реплике весьма разнообразны – от полностью вербализованной (нередуцированной) рамки, являющейся главной частью сложноподчиненного предложения, до конструкции-парцеллы. Например: – *Почему вы думаете, что он мог попасть в военный госпиталь? – Он инвалид войны... Офицер... Он был без сознания, его могли отвезти в военный госпиталь...* [Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны (1968)]; – *А кроме этого / как вы считаете / каким для мира будет год?* [Беседа в Воронеже (2001)]; – *Потому что, это нормально? – Более или менее* [С. Довлатов. Филиал (Записки ведущего)

(1988)]; – *Неужели вы его, правда, считаете величайшим? – спросил меня тот, кого мы в нашей рассказе условно называем Петровым. – Конечно, величайшим, а каким же еще?* [В. Войнович. Дело № 34840 (1999)]; – *Тогда выпить мы сможем не в виде взятки, а товарищески. Как ты считаешь? – Чонкин поставил флягу на стол и подвинул к председателю.* [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1975)].

При выявлении «ответных» предпочтений адресатов учитывается наличие / отсутствие реактивной реплики (ответ формальный vs. информативный). Далее – при наличии и ответа – рассматривается способ его выражения (вербальный vs. невербальный). При вербальном ответе выявляется базовая семантика реакции (для общевпросительных диалогических единств элементом этой семантики является выражение согласия / несогласия, для частновпросительных единств подразумевается предоставление требуемой информации) и языковые средства выражения «ответной» семантики. Анализ средств выражения согласия / несогласия (П. А. Лекант, Е. Р. Добрушина, Т. М. Свиридова) предполагал определение структурных особенностей ответной реплики, в частности, наличие / отсутствие повтора (диктальной или модусной семантики). Принимается во внимание прагматическая составляющая реплики-реакции. Особое внимание уделяется «неответам» – уходом от ответа или уклонениям от него, в число которых включаются встречные вопросы.

3. В качестве материала для наблюдений использовались корпусы, созданные под руководством С. А. Шарова: 1) национальный корпус русского языка (Russian National Corpus), его объем составляет 116 млн. словоупотреблений,

* В 2013 г. работа поддержана Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» по направлению «Создание и развитие корпусных ресурсов по современному русскому языку» (проект «Развитие корпусной справочной системы по синтаксису русского языка»).

2) газетный корпус (Russian News) объемом 70 млн. словоупотреблений (corpus1.leeds.ac.uk/ruscorpora.html). Для сопоставительного анализа привлекались данные из основного подкорпуса НКРЯ, включающего 230 миллионов словоупотреблений (ruscorpora.ru).

С целью обнаружения вопросов, апеллирующих к модусу, в корпусе на «языке регулярных выражений» были разработаны лексико-синтаксические шаблоны для формулирования сложных запросов. Так, поисковый запрос для обнаружения модели с элементом *КАК* (*Как считаешь / думаешь / полагаешь (...)?*) представлен в виде шаблона [lemma="как"] [?;0,5] [word="считаешь"|word="считаете"] [?;0,15] [lemma="?"].

4. Корпусный анализ обнаружил наиболее и наименее частотные модели модусных вопросов в современной диалогической речи: существенно преобладают вопросы, содержащие элемент *КАК*: *Как считаешь / думаешь / полагаешь (...)?* Модели, «провоцирующие» адресата к мотивации мнения (*Почему считаешь / думаешь / полагаешь (...)?*), а также модально осложненные (*Неужели считаешь / думаешь / полагаешь (...)?*) и стилистически маркированные разновидности, распространены в меньшей степени.

Адресаты склонны реагировать на модусный вопрос, чем игнорировать его. Соотношение вербальных и невербальных (в том числе латентных) ответных реакций позволяет утверждать, что модусные вопросы, находясь в инициативной позиции диалогического единства, в значи-

тельной степени способствуют эксплицитному обнаружению точки зрения адресата: невербальные реакции на рассматриваемые типы моделей редки.

Между тем «ответные» тактики, наиболее типичные для данных моделей, не совпадают; не поддаются жесткой типизации и базовые прагматические смыслы реплик-реакций. Так, отвечая на вопросы, построенные по *КАК*-модели, заданной в форме общего вопроса, адресаты выражают свое согласие / несогласие и в большинстве случаев не повторяют диктальные и / или модусные элементы реплики-стимула. Доминирующей ответной репликой на *ПОЧЕМУ*- и *ОТЧЕГО*-модусные вопросы является обоснование адресатом мнения, предположения, оценки. В реакциях на *НЕУЖЕЛИ*-модель преобладают латентные ответы и формальные «уходы» / уклонения от информативного ответа, что во многом обусловлено «риторической природой» этой реплики-стимула.

5. Таким образом, модусные вопросы, не являясь высокочастотными, тем не менее представляют собой своеобразную черту современного речевого общения и служат весьма успешным средством, «провоцирующим» адресата к обнаружению точки зрения. Перспективной частью проводимого анализа является изучение диалогических стратегий партнеров – комплексов интенций (А. В. Бондарко), идущих от говорящего к слушающему (и наоборот), и языковых средств, избираемых для их реализации, в первую очередь, модусных.

Отрицательные высказывания в функции подтверждения

А. А. Калинина

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

kalinina.07@inbox.ru

Подтверждение / опровержение (возражение), функциональные особенности отрицательных высказываний.

Summary. In this report there is examination of the particularities of functioning of the sentences negative by design features including the sentences having the form of negative question as confirmation remarks that is in composition of speech act of positive direction.

Подтверждение и его отрицательный коррелят (несогласие, опровержение, возражение, протест и др.) – различные виды модально-оценочной реакции на сообщаемое другим лицом по признаку достоверности высказываемого. Значения согласия / несогласия, подтверждения / опровержения (возражения) реализуются в составе ответных реплик на сообщения, вопросы и побуждения, а также в пределах одного высказывания, содержащего указание на чужое мнение.

Подтверждение – вид положительной реакции на истинностное значение исходной, коммуникативно более ранней пропозиции. Высказываемое другим лицом поддерживается говорящим, расценивается как соответствующее объективной действительности, поэтому в функции подтверждения, как правило, используются утвердительные (положительные) высказывания, для которых данная функция представляется более органичной, соответствующей значению, внутренне присущему положительной конструкции. Ср. утвердительные высказывания, употребляемые в функции согласия, подтверждения: *Читая вас, всегда соглашаюсь: да, мир природы – лучшее, что можно наблюдать на Земле* (Комсомольская правда. 14–23.06.2007); *Абдулов был измоленным, это правда. Как и Достоевский, например* (Комсомольская правда. 5–12.01.2012); *Он умер, да? – Помер* (В. Шукшин); *Признаки-то* (кризиса. – А. К.) *есть... – Признаки есть, особенно заметный – рост цен* (Собеседник. 2013. № 40).

Функция отрицательных высказываний в процессе коммуникации сопрягается с выражением несогласия, возражения, опровержения (= «отрицания»), ср. отрицательные высказывания, используемые в функции несогласия, опровержения: *– Может, так и надо? ... – Нет, так нельзя* (Собеседник. 2011. № 3); *... фильм мне не понравился. Чистый вымысел. На самом деле Стив не был никаким единоличным лидером, как там показано* (Собеседник. 2013. № 39).

Утвердительные высказывания более частотны в функции подтверждения, а отрицательные – в функции опровержения, отклонения чужого высказывания. Тем не менее функция подтверждения свойственна не только утвердительным, но и отрицательным высказываниям. Ср.: *Ничего же не происходит!.. – Да, не происходит* (Т. Устинова). С другой

стороны, положительное высказывание может функционировать как ответ-опровержение. Ср.: *Так ты там не был? – (Нет) Я там был; – Так же не бывает! – Бывает* (Собеседник. 2013. № 39); *– А как вам видится эта аудитория? Неужели последние два года ее не изменили? – Изменили. Она стала еще более инертна* (Собеседник. 2013. № 40).

Отрицательные высказывания используются для подтверждения истинности отрицательной пропозиции (не-*P*) и употребляются в качестве реплики-подтверждения по отношению к предшествующему отрицательному высказыванию. Ср.: *Так это не он. – Да, это не он*. В ответно-модальных высказываниях такого рода вступают в противоречие отрицание как компонент пропозиции и положительная целенаправленность высказывания, функционирующего в качестве реплики подтверждения.

Подтверждение и его антипод возражение – область прагматических функций утвердительных и отрицательных высказываний. Эффект подтверждения или отрицания (возражение, опровержение) определяется характером исходной информации, является производным от утвердительности или отрицательности предшествующего высказывания, т. е. является контекстуально обусловленным значением предложения.

Высказывания, имеющие смысл подтверждения или опровержения, не содержат новой пропозиции сравнительно с исходным высказыванием. Ответ-подтверждение воспроизводит исходную пропозицию *P* или не-*P* со знаком положительной оценки ее истинностного значения ('Верно, что *P* / не-*P*'). Поэтому ответ-подтверждение исходной пропозиции *P* имеет форму грамматически утвердительного предложения, а ответ-подтверждение исходной пропозиции не-*P* – форму грамматически отрицательного предложения. Ср.: *Значит, Вы мне доверяете? – Да, доверяю. – Значит, Вы мне не доверяете? – Да, не доверяю (Нет, не доверяю)*. В отрицательных репликах подтверждения дублируется исходная отрицательная пропозиция. Задача такого высказывания – подтверждение факта отсутствия ситуации, описываемой исходным высказыванием: *– Вы так не думаете? – Нет, не думаю*. Ср. следующие примеры: *– Но ведь ты не жалеешь о том, что добро делал? – Не жалею, – отвечал*

он со вздохом, – только вот умираю я теперь (И. Тургенев); – Вам иногда кажется, что что-то **не получается**? – Мне вообще кажется, что у меня ничего **не получается**! (Собеседник. 2013. № 39).

Специализированным средством выражения согласия, подтверждения является «слово общего подтверждения» *да*; лексема *нет* функционирует в качестве специализированного средства выражения несогласия, возражения. Важно заметить, что в качестве маркера подтверждения по отношению к отрицательному высказыванию (исходной пропозиции не-*P*) могут использоваться и слово *да*, и слово *нет*. Ср.: *Значит, мы не успеем? – Да, не успеем (Нет, не успеем); Музей не работает? – Нет*. Возможно, это объясняется тем, что слово «да» используется в качестве эксплицитного модуса подтверждения и относится к содержанию чужого высказывания, а *нет* в той же позиции используется как «заместитель пропозиции» не-*P*.

В функции подтверждения нередко употребляется и структура негативного вопроса, являющаяся носителем положительной пропозиции, ср.: – «*Нельзя ли довести меня до его могилы?*» – *Почему же нельзя...* (А. Пушкин) («можно»); –

Знал ли ты покойника? – спросил я его дорогой. – Как не знать! Он научил меня дудочки вырезать... (А. Пушкин) («знал»). Для их построения обычно используются инфинитивные предложения-вопросы со словами *как* и *почему* (отчего). Ср.: *Как не знать!* («Конечно, знаю!»); *Как (отчего) не прийти?* («Обязательно приду»); *Почему бы и нет?*

Являясь отрицательными только по структурным признакам, но утвердительными по семантике, ответные вопросы данного типа служат для подтверждения истинности положительной пропозиции *P*: говорящий констатирует реальность положительной альтернативы, содержащейся в инициальной реплике – общем вопросе.

Следует отметить, что отрицательные формы вопроса, положительные в части объективно-информативного (пропозиционального) содержания, могут использоваться и в функции возражения на реплику собеседника, содержащую пропозицию не-*P*, ср.: – *Не поймешь ведь. – Почему же не пойму? Объясни, пойму; Почему тебя вчера не было? – Как это не было? Я был!* В данном случае отрицание применено к отрицательной пропозиции, которая отвергается говорящим как ложная.

Конструкции с посессивным объектом в русском языке

Ю. П. Князев

Санкт-Петербургский государственный университет

kyr@mail.natm.ru

Переходность, возвратность, посессивность, пассив, результатив.

Summary. The presented paper describes semantic interrelations between syntactically transitive constructions in which the object is typically a part of the subject like *Он закрыл глаза* 'He closed his eyes' and their correlates with reflexives like *Его глаза закрылись* 'lit. 'His eyes closed themselves' and those with the participles in *-n*, *-t* like *Глаза у него закрыты* 'His eyes are shut'.

Конструкции с посессивным объектом, как правило, обозначают контролируемое целенаправленное движение частью своего тела; ср.:

- (1) *Буфетчик медленно поднялся, поднял руку, чтобы поправить шляпу, и убедился, что ее на голове нету* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);
- (2) *Буфетчик медленно поднялся, поднял руку, чтобы поправить шляпу, и убедился, что ее на голове нету* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);
- (3) *Раскрылась дверь, и все мы мгновенно закрыли глаза и притворились спящими* (В. Пелевин. Синий фонарь);
- (4) *Андрей открыл рот, собираясь спросить, что случилось с поездом, но понял, что проводник его не видит* (В. Пелевин. Желтая стрела);
- (5) – *Левий Матвей? – хриплым голосом спросил больной и закрыл глаза* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Эти конструкции являются синтаксически переходными, однако, поскольку агенс и пациенс в них связаны отношением неотторжимой принадлежности; они частично однородны: обозначаемое ими действие фактически не выходит за пределы субъекта. Таким образом конструкции с посессивным объектом семантически рефлексивны.

Соответствующие рефлексивные конструкции (если они существуют) обозначают неконтролируемое самопроизвольное движение части тела, что соответствует семантике декаузативности:

- (6) *Изумление Фалеева было неподдельным: никто никогда не осмеливался говорить ему такое. У него даже рот полуоткрылся* (Д. Гранин. Ты взвешен на весах...);
- (7) *Вдруг над самой головой его с страшным, оглушительным треском разломалось небо; он нагнулся и притаил дыхание, ожидая, когда на его затылок и спину посыпятся обломки. Глаза его нечаянно открылись, и он увидел, как на его пальцах, мокрых рукавах и струйках, бежавших с рогожи, на тюке и внизу на земле вспыхнул и раз пять мигнул ослепительно едкой свет* (А. Чехов. Степь);
- (8) *Изумление Фалеева было неподдельным: никто никогда не осмеливался говорить ему такое. У него даже рот полуоткрылся* (Д. Гранин. Ты взвешен на весах...).

В конструкциях с причастиями на *-n*, *-t* различие по контролируемости / неконтролируемости сглаживается, в силу чего они по смыслу могут соответствовать и синтаксически переходной, и рефлексивной конструкции:

- (9) *Мы вошли и увидели, что в кресле, у письменного стола, с закрытыми глазами сидит человек. Руки у него были подняты, точно он собрался лететь* (В. Каверин. Освещенные окна);
- (10) *С чувством глубокого удивления привыкал я к своему существованию – недаром же на детских фотографиях у меня всегда широко открыты глаза и подняты брови* (В. Каверин. Освещенные окна).

Как правило, соответствующие причастные конструкции выражают стательное значение; ср. кванторное осмысление слова *всегда* как 'на всех фотографиях' в примере (10), а также следующие примеры, где указание на момент времени выделяет одну из срединных точек статической ситуации, в первом случае – единичной, а во втором – повторяющейся:

- (11) *Когда Бунин приблизился, лицо у Чехова было серым, губы бескровны, веки прикрыты – он, видно, устал* (М. Рошин. Бунин в Ялте);
- (12) *Тут-то я мог раскрыться и посмотреть на того парня за столом, что сидит рядом с главным судьей, не собирается ли он ударить в гонг. Когда он собирает-ся он ударить в гонг, он смотрит на часы, и рука поднята вверх, а в руке у него молоток* (В. Голявкин. Арфа и бокс).

Если же субъект и объект не однородны, то такие конструкции могут выражать и перфективное акциональное значение; ср. описание последовательности действий полицейских, нашедших отрубленный палец абрека:

- (13) *С этим странным трофеем, явно неравноценным исконому трупу абрека, преследователи вернулись в Кунгур. В полицейском участке палец был опущен в бутылку со спиртом* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).

К объектно-посессивным конструкциям с причастиями на *-n*, *-t* примыкают, с одной стороны, такие конструкции с причастиями на *-n*, *-t*, в которых исходные глаголы обозначают не теледвижения, а какие-то другие действия над частями тела, а с другой стороны, такие, в которых объектами действия являются не части тела, а предметы одежды, также иногда рассматриваемые как неотчуждаемая принадлежность.

Такие конструкции, как и объектно-посессивные в узком смысле слова, в нейтральном контексте предполагают или хотя бы не исключают однородность агенса и посессора и обычно употребляются в стательном значении; ср.:

- (14) *Михалыч согласно кивал, рот у него был набит* (М. Рошин. Река);
- (15) *Брови у него черные, густые, чуть срослись на переносице. Волосы гладко причесаны назад, отвечивают* (В. Шукшин. Мой зять украл машину дров);
- (16) *Ее лицо, руки, колени чернели масляными мазками, вокруг носа было черно, низко на лоб повязана косынка* (М. Рошин. Река).

Однако, в отличие от рассматривавших выше объектно-посессивных конструкций, они могут выражать акциональное значение и при сохранении однореферентности агенса и посессора; ср.:

- (17) *Четыре валенка у них были не парные, перемешанные; ребята долго выбирали их из кучи других валенок, сушившихся на печи. Наконец, валенки были извлечены и обуты* (В. Белов. Привычное дело).

Синтаксические нули на фоне субъектной перспективы текста (на материале романа Федора Сологуба «Мелкий бес»)

В. А. Коба

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

valentinakoba@gmail.com

Коммуникативная грамматика, субъектная перспектива, синтаксический нуль, односоставные предложения.

Summary. The paper regards clauses which have a null subject. In particular, such clauses are considered in relation to their role and functioning in the text. The paper aims at discussing possible candidates for the position of the null-subject. Also purpose of this paper is to show that there are special egocentric constructions which can help make narrator closer to his hero or alienate from him. Grammar analysis and text interpretation are applied to prove that using one-compound (null-subject) sentences in text is a special egocentric technology which aims to create particular subjective perspective in text (in other words, 'image of author').

1. Традиционные типы «односоставных» предложений (неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные предложения) в последние годы получают новые интерпретации: неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения квалифицируются в связи с эксклюзивностью / инклюзивностью субъекта сознания и синтаксическим нулем; безличные предложения рассматриваются в связи с семантикой инволютивности, при этом «безличные» предложения делятся на семантические типы в связи с личностью / неличностью субъекта, с статикой / динамикой предиката, внутренней / внешней точкой зрения субъекта речи [1]. В настоящем докладе субъекты в Дат. п. или Вин. п. признаются подлежащими, их отсутствие рассматривается как способ выражения определенности / неопределенности / обобщенности (*мне скучно – и скучно, и грустно; мне кажется – кажется*). Это отсутствие и называется синтаксическим нулем. Синтаксические нули в неопределенно-личных и безличных предложениях рассматриваются как одно из средств эгоцентрической грамматической техники [2].

2. Текстовый анализ «односоставных» предложений позволяет выявить их текстовый потенциал, который может быть обусловлен (1) композиционными задачами (например, неопределенно-личные предложения в интродуктивных фрагментах), (2) предметным содержанием текста (типом действующего героя, типом субъекта сознания [3], типом ситуации).

3. Для нарративных произведений в рамках XIX–XX вв. обычной является ситуация, когда автор сближается с рефлексивным героем и смотрит на мир с его точки зрения. В таких текстах эгоцентрическая техника (использование синтаксических нулей) обнаруживает сближение автора и героя. В русской литературе начала XX в. появляются третьи нарративы, в рамках которых солидаризация между автором, героем и читателем затруднительна. Таков герой романа Ф. Сологуба «Мелкий бес». Цель доклада – показать особенности работы эгоцентрической техники в нарративе Ф. Сологуба.

4. Неопределенно-личные предложения (как средство дистанционности, эксклюзивности субъекта речи / сознания от субъекта действия) обнаруживают противостояние Передонова всем остальным с точки зрения Передонова (см. предложения, организованные предикатами репрессивной и агрессивной семантики: *нападут и ограбят, а то так и убьют; донесут, наплетут; Ему, может быть, наговорили про меня. А там и дальше пойдут наговаривать*).

5. Предложения с синтаксическим нулем субъекта и модально-ментальными предикатами обнаруживают точку зрения (1) только героя (часто во вводной позиции): *Он вышел*

на улицу и только тогда стал думать, с кого бы начать. Кажется, самые необходимые в его положении люди – исправник и прокурор окружного суда; (2) либо только автора: *После праздничной обеды прихожане расходились по домам. Иные останавливались в ограде, за белыми каменными стенами, под старыми липами и кленами, и разговаривали. Все принарядились по-праздничному, смотрели друг на друга приветливо, и казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось;* (3) либо точку зрения, которую можно отнести и к автору, и к герою: *На бедный взгляд она не то чтоб казалась очень грязною, а производила такое впечатление, словно она никогда не моется, а только выколачивается вместе со своими платьями. Думалось, что если ударить по ней несколько раз камышевкой, то поднимется до самого неба пыльный столб.*

6. Неопределенно-личные предложения в несобственно-прямой речи соединяются с вводными словами, указывающими на субъекта модуса, маркируя переход на точку зрения героя: *Но и вернувшись утром в город, Передонов не пошел домой, а велел взять себя в церковь, – в это время начиналась обедня. Ему казалось теперь опасным не бывать часто в церкви, – еще донесут, пожалуй (Передонов). Ей словно нравилось покоряться и знать, что ее отношения к этому тягостному делу наступают конец. Накажут, поддержат на коленях, может быть, даже высекут, и больно, а потом все же простят, и все это будет скоро, сегодня же (Марта).*

7. Дистанционность между автором и героем проявляется в том, что при эмотивных предикатах на -о выражен субъект состояния: *Передонов стоял и ждал. Ему было грустно и страшно.* Дистанция между субъектами может быть выражена и порядком слов: *Казалось Передонову, что кто-то выслеживает его и крадется за ним. Тоскливо стало ему. Он пошел поспешно, без цели.* В докладе предполагается подробно рассмотреть случаи использования предложений с субъектными синтаксическими нулями в несобственно-прямой речи.

Литература

1. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
2. Ониненко Н. К. Категория субъекта и эгоцентрическая грамматическая техника в художественном тексте // Gramatyka a tekst. Т. 3. Katovice, 2011. S. 64–79.
3. Никитина Е. Н. Категория субъекта и неопределенно-личные предложения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. «Филология». 2012. № 4. С. 25–34.

Именная синтаксема с предложным формантом → предикативная синтаксема с союзным формантом: корреляция, механизмы преобразования

М. И. Конюшкевич

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Белоруссия)

marikon9@mail.ru

Предлог, союз, синтаксема, сложное предложение.

Summary. The paper proves that the transformation of a case-prepositional syntaxeme into a predicative part of a composite sentence leads to the formation of prepositional analytical braces, many of which aren't grammatically or lexicographically described.

При атрибуции предлога как морфосинтаксической категории М. В. Всеволодова предложила наряду с другими параметрами и такой параметр, как способность / неспособность предлога к образованию союза или союзного слова. Наш опыт формирования реестра белорусских предлогов с учетом предложенного параметра атрибуции показал, что корреляция предлога и союза обнаруживает достаточную объяснительную и диагностическую силу для выявления предложной функции слова или сочетания; например: бел. *у разліку на разуменне – у разліку на тое, што зразумеюць*; рус.: *в расчете на понимание – в расчете на то, что поймут*.

Более того, данный параметр позволил выявить многие союзные средства, которые не только не получили детального рассмотрения в имеющихся грамматиках белорусского языка (равно как и русского), но даже не зафиксированы ни в эмпирической базе синтаксических исследований, ни тем более в лексикографических источниках.

Собирание подобного инвентаря союзных средств важно и в практическом отношении: динамика коммуникационных процессов и техническое разнообразие каналов передачи информации требуют разных способов упаковки, свертывания и развертывания информации. Поэтому выявление механизмов номинализации (свертывания пропозиции в морфологизированную форму) и деноминализации (развертывания пропозиции в предикативную единицу – часть сложного предложения) представляется важным и для теории языка, и для речевой практики.

Подобно тому, как именная синтаксема имеет два компонента – 1) предложно-падежный формант (в виде предлога и / или флексии) и 2) номинативный компонент (в виде основы существительного), так и коррелирующая с ней предикативная синтаксема тоже имеет два компонента – 1) союзный формант, образуемый сочетанием «предлог + союзный блок типа *то, что*», *тот, кто*» и др. показатели связи образца «*T*-слово, *K*-слово», и 2) номинативный компонент (в виде лексического наполнения предикативной части сложного предложения). Иначе говоря, номинативный компонент синтаксемы может быть выражен не только морфологической формой, но и предикативной единицей, но это лишь разные способы «технического решения языкового воплощения полипропозитивной семантической структуры» (Т. В. Шмелева).

С точки зрения технической задачи синтаксиса – оформления одной и той же актантной позиции в предложении – предлог и союз изофункциональны как форманты синтаксемы. Различие между ними состоит в наборах других функций, сопряженных с морфологическими свойствами тех лексем, которые легли в основу предложной или союзной единиц, а также объемом находящегося при них номинативного компонента – словоформы и предикативной единицы соответственно.

Анализ процедуры и результатов преобразования морфологизированной формы (предложно-падежной синтаксемы) в часть сложного предложения (союзно-предикативную синтаксему) свидетельствует о семантической и стилистической дистрибуции этих синтаксем: предложно-падежные, будучи неизосемическими, более емки семантически и более естественны дискурсивно, в то время как изосемические союзно-предикативные более многословны и порой даже менее естественны, но зато информативно однозначны.

В процессе деноминализации требуется, с одной стороны, сохранить денотативную роль синтаксемы в простом пред-

ложении и в то же время учесть номинативное значение образованной предикативной единицы, которое во многом зависит от лексического значения и грамматических свойств имени, включенного в состав этой предикативной единицы.

В свою очередь денотативная роль синтаксемы определяется, с одной стороны, по правой валентности предлога, т. е. значения номинативного компонента синтаксемы, с другой, – по левой валентности предлога, т. е. по лексическому значению слова, с которым устанавливается с помощью форманта-предлога синтаксическая связь номинативного компонента синтаксемы.

В процессе преобразования именной синтаксемы в предикативную предлог входит в аналитическую скрепу в качестве ее составного элемента. Левая и правая валентность предлога при деноминализации оказывает влияние на образование скреп в сложном предложении, на грамматические свойства и парадигмы *T*-слов и *K*-слов в скрепе, на их сочетаемость при образовании таких скреп. Соотносительные слова и союзные средства в структуре сложного предложения представляют собой не разные классы показателей связи, а элементы аналитической скрепы, определяющие конструктивное решение техники вхождения предикативной единицы в высказывание вместо именной синтаксемы.

Каждый из элементов союзного форманта предикативной синтаксемы выполняет в ней свою функцию: предлог указывает на падеж и актантную позицию синтаксемы, указательное местоимение *то₁* или *то₂* (бел. *той₁* / *тое₂*) является «флексией» придаточной части (номинативного компонента) синтаксемы, а союз или союзное слово – экспликатором синтаксической связи номинативного компонента синтаксемы не только с «флексией», но и с другими синтаксемами в высказывании. Причем экспликатор-союз (или союзное слово) в форманте выполняет функцию не столько скрепы, сколько манифестанта лексического содержания номинативного компонента синтаксемы. Именно функцией манифестанта лексического содержания номинативного компонента синтаксемы и обусловливается, во-первых, множество и разнообразие экспликаторов-союзов и, во-вторых, то, что в отношении *K*, казалось бы, одинаковым в звуко-графическом отношении союзным средствам система предъявляет разные грамматические, семантические и стилистические требования.

Семантика лексического компонента (значение имени для именных синтаксем и содержание высказывания для предикативной единицы) является важным (но не единственным) критерием для выбора показателя связи при преобразовании предложно-именной синтаксемы в предикативную единицу. И в этом отношении введенный в наш реестр белорусских предлогов такой параметр, как определение характера (значения) синтаксемы, является необходимым и удобным для подобных преобразований.

Наличие репертуара предложно-падежных синтаксем во всем их семантико-грамматическом многообразии не только позволяет выявить максимально полный список показателей связи в системе сложного предложения, но и установить закономерности, разрешающие или запрещающие сочетаемость элементов в составе аналитических скреп. Выяснилось, что для оформления предикативной единицы требуется гораздо больше (чем только блок *то, что*) показателей связи. А разграничение *то₁* и *то₂*, предложенное в свое время В. А. Белошапковой, имеет принципиальное значение и для обратных преобразований – предикативной синтаксемы в именную.

Простые и сложные предложения в релятивно-номинативном аспекте

В. Ю. Копров

Воронежский государственный университет

koprov@mail.ru

Релятивно-номинативный аспект; простое, осложненное, сложное предложение.

Summary. The paper covers the classification of simple, semi-complex and complex sentences in relative-nominative aspect of their organization.

При исследовании такого многомерного диалектического единства, каким является предложение-высказывание, представляется целесообразным использовать методику многоаспектного (поаспектного) анализа семантико-структурного устройства и функционирования предложения. Системное описание семантико-структурного устройства и функционирования равноуровневых синтаксических единиц целесообразно начинать с релятивно-номинативного аспекта.

1. В центре семантико-функционального синтаксиса находится **информативно минимальное простое** предложение, в котором представлена одна отраженная сознанием предметная ситуация и одна предикация (*Мороз; Мне холодно; Дети спят; Кошка разбила вазу; Он подарил жене шубу; Она переложилась деньги из кошелька в карман*).

2. В процессе речевой деятельности говорящий часто включает в состав предложения-высказывания распространители разного рода: необязательные (факультативные) семантические актанты (инструмент, материал, средство и т. п.), модальные и фазисные модификаторы, определительно-обстоятельственные компоненты, формируя тем самым **распространенные** простые предложения: 1) *Он не мог ехать* (Ю. Слезкин); 2) *И вдруг на рассвете раздался залп фашистской артиллерии* (А. Серафимович). Если в предложениях типа (1) выражается одна ситуация, то предложения типа (2) содержат уже не одну, а несколько предметных ситуаций; при этом «вторичные» (по мнению говорящего) ситуации представляются в свернутом виде определительными и обстоятельственными формами, лишенными собственной предикативности.

3. В **осложненных** предложениях вторичная ситуация выражается неличными оборотами (причастными, деепричастными, инфинитивными), например: *Карандаш катался по карте, разбитой на квадраты* (В. Катаев); *Я пришел дать вам волю...* (В. Шукшин). Подобные предложения характеризуются уже не только двуситуативностью, но и полуторепредикативностью, представленной здесь не только в главной части (в полном объеме), но и в неличном обороте (в том или ином объеме). Осложняет структуру высказывания также включение в его состав двух (и более) признаков компонентов – так называемых однородных и неоднородных сказуемых, связанных с субъектным актантом единой предикативностью: *Она проснувшись и включила телевизор; Леонид Александрович возвращался из Москвы с дневного диспута в Политехническом музее триумфатором* (В. Вересаев). Осложненные по семантике и структуре конструкции находятся в **переходной зоне** между простым и сложным предложениями.

4. Реализуя свою коммуникативную интенцию, говорящий в составе одного высказывания может реализовать две (или более) соотнесенные между собой развернутые ситуации, каждая из которых обладает собственной предикативностью. Организованные таким образом комплексы традиционно относят к **сложным** предложениям (сложносочиненным или сложноподчиненным, союзным или бессоюзным). С семантико-функциональной точки зрения различия между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями заключаются в типе отношений, устанавливаемых говорящим между ситуациями в процессе порождения высказывания (неравноправные – равноправные). Соответственно, **сложноподчиненное** предложение понимается как синтаксический комплекс, включающий соотнесенные говорящим информативно неравнозначные простые предло-

жения (главное и придаточное). С разделяемых нами позиций семантико-функционального синтаксиса между главной и придаточной частями сложноподчиненного предложения выявляются отношения тех же трех типов, которые существуют между компонентами простого предложения: межактантные, атрибутивные и адвербиальные:

1) придаточное предложение замещает тот или иной обязательный актант в структуре главного (субъектное, объектное, адресатное, локализирующее отношение), например: *Кто не работает, тот не ест; Иногда ей казалось, что она теряет сознание* (В. Кожевников); *Он подумал о том, что скоро пойдет снег; Но даже в самые горькие минуты он знал, что скоро все будет иначе* (Г. Николаева); *Ребенок сидел, где его оставили родители*;

2) придаточное предложение определяет тот или иной актант главного предложения: *Над горизонтом взлетела осветительная ракета, при свете которой они с горы увидели внизу во всех подробностях берег лимана и несколько разломанных черных лодок* (В. Катаев); *Маневрирование, к которому вынудили его катера, несколько изменило положение* (Л. Соболев);

3) главной и придаточной частями реализуются те или иные виды обстоятельственных отношений между ситуациями (причинно-следственные, временные, локативные, целевые, условные, уступительные и т. д.): *Павлу не пришлось увидеться со своими, так как городок Шепетовка опять был занят белополяками* (Н. Островский); *Я насторожился, потому что мне теперь было страшно* (А. Платонов); *Когда на улице успокоилось, Андрей перемахнул через забор* (А. Толстой); *Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички и шли пешком* (М. Шолохов); *Чтобы не выдать неприятелю места стоянки нашей эскадры, все огни на ней были скрыты* (А. Новиков-Прибой).

Сложносочиненное предложение представляет собой синтаксический комплекс, включающий соотнесенные говорящим коммуникативно равнозначные простые предложения (соединительные, разделительные, противительные и др. отношения), каждое из которых содержит развернутую предметную ситуацию и собственную предикативность, например: *Сверкнула молния, и послышался удар грома; Месяца не было, но звезды ярко светили в черном небе*.

В **союзных** сложных предложениях тип установленных говорящим отношений между двумя и более ситуациями обозначается союзом или союзным словом. **Бессоюзные** сложноподчиненные и сложносочиненные предложения, в которых связь между компонентами выражена только знаками препинания (в письменной речи) и интонацией (в устной речи) составляют переходную зону между сложным предложением и сложным синтаксическим целым: *Воды синеют, чернеют леса* (И. Тургенев); *Одна щека его была красной другой, синие глаза источали презрение и ярость* (Ю. Бондарев).

5. Последовательность двух и более простых и / или сложных предложений, которые связаны семантическими отношениями, не выраженными формально, образует единицу, выходящую за пределы отдельного предложения-высказывания, – **сложное синтаксическое целое**.

Таким образом, анализ равноуровневых синтаксических конструкций в релятивно-номинативном аспекте позволяет единообразно описать их семантико-структурное устройство и существующие между ними отношения.

Согласование малых числительных: попытка интерпретации

П. Котта Рамузино

Миланский государственный университет (Италия)

paola.cottaramusino@unimi.it

Количественные конструкции, малые числительные, вариативность, согласование числительных.

Summary. Russian paucal numerals show highly idiosyncratic semantic and syntactic behaviour in numeral phrases containing modifiers. There are occurrences in which the quantified phrase is expanded by the addition of one or more apposed participles (more rarely adjectives), in which the alternation between Nominative and Genitive appears as in the quantified phrase. The working hypothesis of this paper is that, notwithstanding the strong grammaticalization of patterns like this one, more attention should be paid to speakers' cognitive effort when using these constructions.

Данная работа является частью исследования, посвященного синтаксическому поведению т. н. «малых» числительных (от двух до четырех) при согласовании с именем прилагательным внутри количественной конструкции. Рассматриваются лишь те конструкции, в которых числительное стоит в именительном / винительном падеже. Как уже доказано в работах Корбетта [4]; [5]; [6]), имя прилагательное в данных конструкциях оказывается зажатым с правой стороны именем существительным, чей род влияет на выбор падежа модификатора / прилагательного, а с левой стороны числительным, чье влияние на прилагательное увеличивается по мере увеличения самого числительного.

Интерес к такого рода конструкциям вызван тем, что они, несмотря на диахроническое объяснение, представляют собой морфосинтаксический уникум, в котором «от согласования в узком смысле этого слова (...) не остается и следа» [2: 13]; (см. также [1: 178]), так как числительное, универсально связанное с множественным числом, согласовывается с существительным в единственном числе, а прилагательное, наоборот, склоняется во множественном числе, из чего следует, естественно, излишняя когнитивная затрудненность для говорящего. К этому еще добавляется существование определенной вариативности в склонении прилагательного между именительным и родительным падежами.

В данной работе, в частности, исследуется вариативность именительного / родительного падежей в обособленных предложениях, синтаксически зависимых от количественной конструкции; при этом рассматриваются случаи, когда модификатор (причастие, реже прилагательное) присутствует в количественной конструкции и когда отсутствует, т. е. подобные примеры:

(1) две баржи, потерпевшие...

(2) три нефтяных баржи, связанные... (примеры из [7]).

В литературе вопрос был исследован Уорфом [7] и Корбеттом [6] на основе ограниченного количества данных, собранных вручную, тогда как в настоящей работе сделана попытка рассматривать эту вариативность на основе данных, взятых из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), подкорпуса 1900–2012 (166721975 слов), позволяющего исследовать языковое явление, опираясь на большое количество материала.

В работе, в частности, попытаемся ответить на следующие вопросы:

- Какие элементы – числительное или род имени существительного – оказывают большее влияние на выбор падежа?
- Можно ли выделить закономерности в вариативности внутри обособленной конструкции, подобно тому как было обнаружено в вариативности внутри количественной конструкции?

О трактовках количественно-именных групп с рематической постпозицией квантификатора

С. А. Крылов

Институт востоковедения РАН (Москва)

krylov-58@mail.ru

Предмет настоящей работы – конструкции типа (1) *событий произошло много*. Какая грамматическая роль в этом предложении у слова *много*, и как трактуется такого рода конструкция с точки зрения разных синтаксических концепций? В синтаксических описаниях русского языка представлены три возможных трактовки:

1. «стандартная» и 2. «бесподлежащая» («бесподлежащая» (или «безличная»), согласно которой подлежащего в этой конструкции вовсе нет (А. М. Пешковский – см. [Пешковский 1956: 367–368]), не будет предметом нашего рассмотрения, так как нас будет интересовать именно вопрос том, какое здесь подлежащее); 3. «альтернативная».

- Можно ли сказать, что данная вариативность является реакцией говорящего на когнитивную затрудненность?

Поиск в подкорпусе проводился с учетом тех факторов, которые могут оказать влияние на выбор падежа модификатора в обособленной конструкции, т. е. рода имени существительного и числительного, и были сделаны запросы на всевозможные комбинации (с одним и с двумя модификаторами):

*Две баржи, потерпевшие...**Два легких самолета, использовавших...*

При рассмотрении результатов запросов, можно утверждать, что род существительного оказывает наибольшее влияние на выбор падежа модификатора в обособленной конструкции. В то же время, если есть модификатор в количественной конструкции, он тоже оказывает влияние на падеж последующего модификатора, в частности родительный является закрепленным после «два», в силу более глубокой грамматикализации данного числительного. При всем этом результаты представляют неоспоримым абсолютное преобладание именительного падежа (507 и. п. vs. 397 р. п.), и не только при именах женского рода. На наш взгляд, данные подтверждают то, что уже наблюдалось в предыдущих работах [3], т. е. отклонение синтаксической вершины (числительное) в сторону семантической вершины (имя), и образование (якобы) согласованной именной группы; таким образом, вполне возможно выдвинуть гипотезу о том, что в данных случаях количественная конструкция превращается в именную группу (множественного числа), и тем самым воспринимается как единая ИГ во множественном числе, более доступная для говорящего, согласованная с модификатором в обособлении в именительном падеже множественного числа.

Литература

1. Апресян Ю. Д. О возможности определения лингвистических понятий // *Russian Linguistics*. 1982. № 6. С. 175–196.
2. Иомдин Л. Л. Еще раз о синтаксическом согласовании в русском языке // Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. М., 1979.
3. Котта Рамузино П. О сочетаемости числительных малого количества // *Variativnost' v jazyke i komunikaciji* / Под ред. Л. Л. Федорова. М., 2012. С. 29–42.
4. Corbett G. G. Problems in the Syntax of Slavonic Numerals // *The Slavonic and East European Review*. 1978. Vol. 56. P. 1–12.
5. Corbett G. G. Adjective movement // *Nottingham Linguistic Circular*. 1979. 8. No. 1. P. 1–10.
6. Corbett G. G. The head of Russian numeral expressions // Corbett G. G., Fraser N. M., McGlashan S. (ed.). *Heads in grammatical theory*. New York, 1993. P. 11–35.
7. Worth D. S. Grammatical and Lexical Quantification in the Syntax of the Russian Numeral // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1959. I / II. P. 117–132.

«Стандартная» трактовка здесь такая:

(1а.) *много* – это компонент количественно-именной группы (КИГ) (*много событий*):

(1б) В составе этой КИГ слово *много* играет роль главного компонента:

(1в) Внутри этой КИГ имеет место «комплетивное» («восполняющее») синтаксическое отношение: соответственно, слово *много* по отношению к подчиненному компоненту *событий* является главным членом комплетивного отношения («восполняемым»):

(1г) В предложении данная КИГ (*много событий*) выполняет роль подлежащего;

(1д) Эта КИГ (как и всякая КИГ-подлежащее) играет роль «подлежащего, выраженного цельным по значению синтаксически нерасчлененным словосочетанием»;

(1е) разрыв (дислокация, расчленение) КИГ есть результат т. н. «актуализации» (т. е. выражения актуального членения); ср.: «при актуализации возможно позиционное расчленение компонентов подлежащего и вынесение одного из его компонентов в начало предложения» или «более сложные формы нарушения нейтрального словорасположения возникают при рассредоточении компонентов словосочетаний, составляющих синтаксическую группу»;

(1ж) вынесение (препозиция) компонента *событий* и вынесение (постпозиция) компонента *много* объясняется выражением («стилистического», или, точнее говоря, «коммуникативного») значения «смыслового усиления» (эмфазы, контрастной темы) компонента *событий* и «смыслового усиления» (эмфазы, контрастной ремы) компонента *много*.

Но встает вопрос, что общего и что различного между дистанцированными КИГ (*Событий произошло много*) и конструкциями с генитивом отрицания (КГО) (*Событий не произошло* (нисколько, ни одного)) (где признается генитив подлежащего)?

Не может ли здесь быть более общего правила, объясняющего все случаи генитива подлежащего? В «дистанцированной КИГ» подлежащим является КИГ *много событий*, а не просто *событий*. Слово *много* в составе этой КИГ – главный компонент, и оно диктует слову *событий* генитив – так же, как и многие другие русские квантификаторы (ср. *пять событий, куча событий*). А у самого *много* при этом падеж именительный, как должно быть у подлежащего.

Т. о., при «стандартной» трактовке сходство между двумя конструкциями скорее поверхностное. В пользу разной трактовки дистанцированных КИГ и КГО говорят их различия в трансформационных возможностях: **Многа события произошли*, но вполне возможно *Ни одно (ожидаемое) событие не произошло*.

Однако общего у дистанцированных КИГ и КГО тоже немало.

И именно поэтому существует, наряду со «стандартной» («стандартная» трактовка, представлена, в частности, в работе [Шахматов 1941: 143], хотя концепцию А. А. Шахматова нельзя признать последовательной, так как он считал саму форму глагольного сказуемого «безличной» и не согласованной с каким-либо подлежащим, и вместе с тем рассматривал конструкции с КИГ как «двусоставные» – принятой в «академических» грамматиках и во многих отечественных вузовских курсах РЯ), также другая, «альтернативная» трактовка (№ 3): в подобных конструкциях существительное в генитиве играет роль подлежащего (= субъекта), а квантификатор (*много*) составляет часть сказуемого. Т. о., выделяется особый тип сложного (контаминированного) сказуемого из 2 компонентов: 1) глагольного (с бытийным или квазибытийным значением) и 2) количественного (выраженного числительным или эквивалентом числительного: в т. ч. словом *много*). Нетрадиционность здесь в том, что признается подлежащее в генитиве (стандартная трактовка усматривает такое только в КГО).

Такая (альтернативная) трактовка представлена, напр., в большинстве грамматик РЯ, созданных чешскими (Е. Беличова-Кржижкова, 1979, с. 812) и словацкими (Й. Ружичка,

1957, с. 519; Я. Светлик, 1970, с. 31, 89–90, 175–178) учеными. Вполне естественно, что охотнее всего признают здесь субъект те из отечественных авторов, которые по принципиальным соображениям склонны выделять «субъект» на чисто смысловой основе, независимо от его морфологического проявления (см., напр., Г. А. Золотова, 1983, с. 35, 136; М. А. Шелякин, 1993, с. 258–259).

Аргументацию в пользу «стандартной» трактовки (т. е. против «альтернативной») развила Н. Д. Арутюнова (см.: Н. Д. Арутюнова, 1976, с. 226–228; там же ссылка на работу Ю. М. Костинского, 1970); она повторяется и в работе 1983 г. (Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Шияев, 1983, с. 73–74; там же, на с. 196, даны ссылки на работы Г. А. Золотовой, Ю. М. Костинского и В. Ф. Ивановой).

Остается вопрос насчет функциональной однородности класса глаголов с бытийным или околобытийным значением. Похожие свойства характерны для конструкций с пассивом: *Свойств найдено много; Свойств не найдено*; а также в пассивном рефлексиве на *-ся*: *Денег не предлагается; Любви не чувствуется*.

Принятие «стандартной» трактовки неизбежно влечет за собой признание того, что часть подлежащего (*много*) «располагается» по другую сторону от сказуемого. Но возникает ряд вопросов, связанных с трактовками аналогичных случаев. Ср. *Отец пришел с работы усталый*, где для восстановления «исходной» формы подлежащего надо переставить слово *усталый* в начало, и мы получим подлежащее *усталый отец*. Ср. также: *Их было порядка 25 тысяч*. Обратная пермутация дает нам *порядка 25 тысяч их*. Но правомерно ли рассматривать это как исходную форму подлежащего? На самом деле при таком «восстановлении» исходного порядка слов дистантность подменена контактностью, а пермутация подменена прямым порядком слов. Налицо эффект аномальности такого восстановления. Между тем как если задаться целью изложить «стандартную» концепцию максимально непредвзято, то она состоит в том, что подлежащими являются, соответственно, *отец ... усталый и их ... 25 тысяч*. То есть в том, что перед нами – РАЗРЫВНОЕ подлежащее в пермутированной форме.

«Стандартная» трактовка (напр., в Грамматике-80) является ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ, то есть, по сути (хотя и не по терминологии), ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ, поскольку предполагает, что данное нам «в прямом наблюдении» подлежащее появляется в таком – разорванном и переставленном – виде в результате некоего преобразования, которое в терминах Грамматики-80 называется «актуализацией». Между тем «альтернативная» трактовка (Й. Ружичка, Я. Светлик, Е. Беличова-Кржижкова, Г. А. Золотова, М. А. Шелякин) не предполагает никаких трансформаций.

На вопрос о правомерности прибегать к «перестановке слов» можно ответить следующее. Если называть эту операцию «перестановкой слов», то следует подчеркнуть, что на такой «перестановке» построены вообще все «традиционные» теории порядка слов. Ведь они предполагают, что есть некоторый нейтральный порядок, и именно он является «исходным». И потому любое отклонение от него предполагает ту или иную операцию линейного преобразования, в общем случае сводимую к дистаксии и метатаксии. И любая попытка возводить реальный порядок слов к этому «исходному» неизбежно будет выглядеть как «перестановка слов».

Конструкции с неагентивным подлежащим и возвратным местоимением: семантика и синтаксис*

Г. И. Кустова

Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН (Москва)

galinak03@gmail.com

Возвратное местоимение, семантические роли, синтаксическая иерархия, кореферентность, неагентивность.

Summary. The report examines the constructions with a reflexive pronoun *себя* and non-agentive subject, which has a different semantic roles (Patient, Means, Location).

В языке существуют две иерархии, между которыми обнаруживается корреляция, – это иерархия семантических ролей и иерархия синтаксических статусов (существует также иерархия коммуникативных статусов, сложным обра-

зом связанная с двумя упомянутыми). Высшая семантическая роль – агенс, высшая синтаксическая роль – подлежащее (которое часто является также вершиной коммуникативной иерархии) [2]:

* Исследование выполняется при поддержке РФФИ, проект № 14-04-00507.

Агнс	>	Пациенс	>	Экспериенцер	>	Инструмент / Средство	>	Место
Подлежащее	>	Прям. дополнение	>	Непрям. дополнение	>	Косв. дополнение	>	Предложная группа

В прототипическом случае каждая роль занимает соответствующую позицию в синтаксической и коммуникативной иерархии и выражается прототипическим падежом; для русского языка: агнс – именит., пациенс – винит., инструмент / средство – творит., место – локатив. Но в языке происходит такой процесс, как повышение ранга – неагентивный участник может продвигаться в более высокую синтаксическую позицию, исходно для него не предназначенную, в том числе в высшую синтаксическую позицию – подлежащего. При этом если в позицию подлежащего попадает не агнс, а другой участник, то обычно происходят определенного рода преобразования (разные в разных языках) – семантические, ср.: *Нож режет, Метла метет* (подлежащее = инструмент; глагол получает особое значение свойства; семантическое изменение сопровождается синтаксическим); морфологические (залог, возвратность), ср.: *Дом строится* (подлежащее = пациенс агентивной ситуации; глагол в пассиве); *Форточка открылась* (подлежащее = пациенс неагентивной ситуации; глагол приобретает показатель возвратности *-ся* и становится декаузативом, т. е. устраняется каузатор); синтаксические (мена диатезы, конверсные преобразования), ср.: *Сваи держат крышу – Крыша держится на сваях* (пример из: [1: 270] – подлежащее = место; глаголы – конверсивная пара).

В докладе рассматриваются три вида конструкций, в которых позицию подлежащего (в соответствии с той иерархией ролей, о которой говорилось выше) занимают неагентивные («продвинутые») участники – с семантической ролью пациенса, средства и места соответственно. При этом конструкции содержат также возвратное местоимение *себя* в винительном, творительном и местном падежах, т. е. падежах, прототипически выражающих пациенс, средство и место соответственно (примеры из Национального корпуса русского языка даются в сокращении):

(а) *СЕБЯ* = ПАЦИЕНС

Тема репрессий **исчерпала себя** («Сов. Россия», 2003); Идея «восьмерки» **изжила себя** («Дипломатический вестник», 2004); Новое оборудование должно **окупить себя** через 2–3 года («Дело», 2002); Если система **оправдывает себя** и приживется, эксперимент можно будет распространить на другие дома («Наука и жизнь», 2009);

(б) *СОБОЙ* = СРЕДСТВО

Человеческий поток разлился вдоль коридора, **заполнил собой** лестницу (А. Троицкий, 2000); Музыка словно **заполняет собой** все свободное пространство в зале филармонии и в душах слушателей («Богатей», 2003); Все домашние развлечения **заменил собою** телевизор (Ю. Безелянский, 1993); Гигантский автобус **закрывает собой** все пространство, и было непонятно, кто мимо кого идет (С. Юрский, 1991);

(в) *В СЕБЕ* = МЕСТО

Почки и кора этих веточек **содержат в себе** витамины и минеральные вещества (В. М. Антонов и др., (1977); Вопросы эти нередко уже **содержали в себе** ответы, не всегда однозначные (А. Городницкий, (2001); Каждый слой **хранит в себе** неповторимые следы жизни поколений людей («Техника – молодежи», 1975).

Возвратное местоимение выражает кореферентность двух участников ситуации – референта возвратного местоимения и референта подлежащего (или другого субъекта). При этом – в общем (т. е. стандартном) случае – семантические роли этих участников различаются: *Петя* [агнс] *налил себе* [бенефактив] *суна*. Приведенные примеры иллюстрируют парадоксальный случай, когда подлежащее и возвратное местоимение не только имеют один и тот же референт, но этот референт выполняет одну и ту же семантическую роль. С формальной точки зрения эта ситуация похожа на расщепление валентности (расщепление валентности описано в: [1: 153–156]), ср. *Гладить кому-л. голову*, когда один участник («чья-л. голова») представлен в поверхностной структуре двумя падежными формами (в данном примере – винит. и дат.). В докладе ставится вопрос о возможности усматривать дополнительную семантику у «фантомной» падежной формы, возникшей в результате расщепления, т. е. о возможности приписывать ей особую семантическую роль.

В докладе также обсуждаются возможные интерпретации семантико-синтаксического явления, представленного примерами (а)–(в):

(1) Поскольку в позиции подлежащего семантические роли не различаются (с точки зрения семантики это позиция нейтрализации, куда могут продвигаться участники с разными ролями), возвратное местоимение «проясняет» семантическую роль референта подлежащего, изоморфно выражая ее соответствующим падежом.

(2) Поскольку подлежащее здесь неагентивное (в случае (а) – пациенс, в случае (б) – средство, в случае (в) – место), возвратное местоимение показывает, что это «неисходное» для данного глагола подлежащее, т. е. выполняет примерно такую же функцию, как возвратный показатель *-ся* – с тем важным различием, что *-ся*, в абсолютном большинстве случаев, еще и блокирует переходность глагола.

(3) Предложения (а)–(в) не являются залоговым преобразованием или понижающей деривацией (о понятиях повышающей и понижающей актантной деривации см., в частности, [3: 284–298]) по отношению к некоторой исходной ситуации (как, например, в случаях *Учитель проверяет работы – Работы проверяются учителем* или *Ветер открыл форточку – Форточка открылась*). Исходно агентивный глагол используется здесь в особом интерпретационном значении, и роли его актантов также имеют интерпретационный характер. При этом референту подлежащего должна быть приписана сдвоенная роль: роль условного каузатора или контролера (поскольку референт подлежащего является частью ситуации-каузатора, приведшей к возникновению ситуации (а)–(в)) и роль, эксплицитно выражаемая возвратным местоимением (пациенса, средства и места соответственно).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
3. Плузьян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Диатеза

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

lazutkelenayandex.ru

Синтаксическая номинация, сигнификативное ядро, деривационные связи.

Summary. The contribution demonstrates that sentences as the propositional nomination is conditioned by kernel of signification.

Одним из интересных вопросов металингвистики является вопрос о природе диатезы. Исследователи, писавшие об этой лингвистической категории, спорят и о наименовании типов диатезных преобразований, и об их количестве, и о содержании термина «парадигма диатез». Основное разногласие ученых вызывает уровень исследования диатезы – денотативный или сигнификативный. Так, Ю. С. Степанов говорит, что природа диатезы денотативна [6: 31–33]. Одна-

ко реальные процессы, события отражаются в моделях предложения, которые представляют собой уже языковое осмысление денотата. Значение моделей являют нам сигнификативный уровень: это коллективная когнитивная оценка реальных процессов и фактов [5].

Мы определяем диатезу следующим образом: диатеза – функционально-семантическая категория предиката, показывающая соотношение представления говорящего о реаль-

ной ситуации с ее отражением в структуре предложения. Таким образом, содержательный инвариант диатез – это сигнификативное ядро разных предложений, отображающих одни и те же логические отношения параметров реальных событий. Это соотношение выявляется в противопоставлении конструкций; например: *Мороз начал покрывать лужи тонким ледком – Лужи начал покрывать тонким ледком – Лужи начали покрываться тонким ледком*. Диатеза обусловлена выбором темы высказывания, точкой зрения говорящего и, соответственно, выбором субъекта. Понятие «сигнификат предложения» соотносится с понятием «категориальная ситуация» А. В. Бондарко [1: 14–15], «сигнификативная ситуация» (семантическое соответствие денотативной ситуации) [2: 93].

В модели предложения показывается роль того или иного «участника» реальной ситуации при помощи синтаксических позиций, имеющих отвлеченные семантические свойства [4]. Синтаксическую позицию следует назвать главной единицей смысловой структуры диатезы, поскольку она предписывает содержательные и строго определенные морфологические характеристики словам, имеющим не только разные лексические значения, но и входящим в разные семантические разряды.

Способы образования диатез свидетельствуют о существовании в синхронной динамической системе языка разных типов синтаксических дериваций. В связи с этим лингвисты ставят вопрос об установлении исходной конструкции (первичной диатезы), о направленности деривационного процесса и об исчислении диатез. Исходная конструкция должна отвечать требованию иконичности структуры при обозначении ситуации. Роли «участников» реального события, указанные в исходной конструкции, не могут быть изменены в производной диатезе, поэтому не являются диатезой конструкции, обозначающие иные роли «участников». Так, для исходной конструкции *Налить ведро водой* (действие с объектом – ведром, в глаголе компонент значения «полнота охвата объекта действием») не является диатезой конструкция *Налить воду в ведро* (глагол обозначает иное действие, объект – вода), а по отношению к исходному предложению *Намазать хлеб маслом* (с компонентом значения «полнота охвата объекта действием») – не является диатезой *Намазать масло на хлеб*.

Наибольшее количество диатез показывают событийные предикаты, обозначающие начальный и конечный этапы действия, а среди них – предикаты, имеющие общий характер значения [3]. Так, в классе каузативных глаголов локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту охвата объекта, это глаголы *наполнить, закрыть, охватить, залить*; например: *Вода заливала поля – Поля заливала вода – Поля заливались водой – Поля заливали водой – Поля заливали*. Они намечают разветвленную деривационную сеть. Однако, в силу специфики индивиду-

ального лексического значения других глаголов-предикатов, конструкции с ними, как правило, представляют собой не полную парадигму диатез, а лишь отдельные участки этой деривационной сети; например: *Лужа взялась коркой льда* (при невозможности **Корка льда взяла лужу*); *Повар обдал кастрюлю кипятком* (при невозможности конструкции **Кипяток обдал кастрюлю*; **Кастрюля обдалась кипятком*; **Кастрюлю обдало кипятком*), *Тишину пронзил резкий звук* (при невозможности **Тишина пронзилась резким звуком*). В языке существуют схемы соответствий типов подлежащих и типов сказуемых, законы взаимодействия категорий имени и глагола. Словообразовательная система языка в каждый исторический период также накладывает свои ограничения на возможность корреляции глагола-предиката с однокоренными глаголами; ср. устаревшую диатезу: **Загорецкий заступил место Скалозуба* (А. С. Грибоедов); **Усы и борода обросли нижнюю часть лица Пьера* (Л. Н. Толстой).

Диатезы, показывающие изменение семантики предложения вследствие изменения ранга субъекта и значения предиката, представляют особое направление деривационных преобразований по линии «устранения лица», или «понижения роли агенса» вплоть до появления конструкций только с обобщенным грамматическим субъектом (лексически не выраженным); например: неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные предложения, предложения номинализации, конструкции с причастными оборотами. При этом число участников реальной ситуации может не совпадать с количеством членов предложения в исходной диатезе: *Мы заклеили афиши новыми – За ночь их [афиши] заклеили новыми, и теперь ни одной нет, хоть убей* (М. Булгаков) – *Афиши заклеены новыми; Мальчики купают собак в бухте – Купание собак в бухте (запрещено); Все люди цыпят по осени считают – Цыпят по осени считают; Лихорадка обметала губы – Губы обметало; Тучи затянули небо – Небо затянуло, и ничто не мешало поднимающейся от земли тьме завладеть пространством* (Ю. Нагибин).

Литература

1. Бондарко А. В. Категоризация семантики в системе грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб., 2008. С. 11–49.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004.
3. Лазуткина Е. М. Синтагматический класс глаголов: языковая данность, когнитивный феномен, коммуникативный стереотип // Филологические науки. 1995. № 5–6;
4. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972;
5. Селиверстова О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 12–26.
6. Степанов Ю. С. Перифразы по линии актантов // Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. Изд. 2-е. М., 2011.

Об одной синтаксической тенденции в современных медиа-текстах

И. А. Магеррамов

Московский педагогический государственный университет

i.magerramov@mail.ru

Медиа-тексты, синтаксис языка СМИ, трансформация сложных конструкций, парцелляция, субъективизация и авторизация текста.

Summary. The author demonstrated the syntactic and functional specificity of the newspaper complex constructions in modern Russian.

Расширение сферы воздействия, содержания, социально-лингвистических функций современных средств массовой коммуникации, изменение приоритетов и установок в сегодняшней публицистике существенно обновили и усилили внутренние тенденции развития медиа-текстов, а также привели к тому, что они стали очень личностными. Последнее можно понимать как усиление субъективизации текста, выражающееся не только и не столько в его авторизации в традиционном смысле (имя, фамилия автора-журналиста), а как выражение индивидуальной личностной интонации. Журналистское «я» становится не только повсеместно возможным и желательным, но и разнообразным и ярким, поскольку приобретает личностные характеристики – свойства конкретной личности. В связи с этим одной из центральных в современной лингвистике остается

проблема субъекта речи в текстах различных разновидностей и жанров. С этой точки зрения несомненный интерес представляют и массово-коммуникативные тексты, традиционно определяемые как тексты газетно-публицистического стиля.

В рамках текста аналитического характера в распоряжении автора (журналиста, публициста, редактора) оказываются многообразные синтаксические конструкции, позволяющие как раскрыть глубокие пласты смыслов, так и выразить широкую палитру субъективных эмоционально-экспрессивных оттенков содержания. Помимо хрестоматийных языковых приемов, традиционно используемых в публицистике (лексика, фразеология, специфическая идиоматика), современные журналисты активно прибегают к эффективным новациям, не всегда свойственным данной сфере упот-

ребления и не всегда даже оправданным с точки зрения нормативной грамматики. В зависимости от собственных симпатий и антипатий к тем или иным конструкциям, от уровня проникновения в выразительные возможности синтаксиса и, наконец, от степени владения грамматическими нормами автору часто удается передать нужную интонацию, настроить читателя на ту же волну, на которой находится он сам.

В качестве иллюстрации рассмотрим одну усиливающуюся в описываемой сфере тенденцию, последовательно охватывающую все пространство газеты, включая как текстовый материал, так и заголовочный комплекс. Как известно, не во всех сложноподчиненных предложениях придаточные могут находиться в препозиции, и, кроме того, нельзя отрывать придаточное предложение от главного без ущерба для его грамматической принадлежности. В противном случае мы будем иметь дело с синтаксической единицей другого уровня. Тем не менее нередки случаи сознательного пренебрежения существующей жесткой грамматической нормой с целью получения конструкции более «демократического» устно-разговорного характера, эффективность которой в рамках конкретного текста становится более высокой. Обратимся к примерам:

1. Насколько можно судить по всем первичным и вторичным признакам, лидер взял четкий курс на создание тоталитарной секты имени себя. *Для которой он не просто политик, участвующий в выборах и / или протестных акциях* (Ст. Белковский. Свидетели Навального. – МК, 12.09.13).

2. Основной заявленной темой митинга было требование проведения второго тура выборов. *Ибо, по данным штаба г-на Навального и многих наблюдателей, в действительности все вышло не так, как на самом деле...* (там же).

3. Для обычной демократической политики европейского образца сектанство – это скорее плохо. *Потому что такой подход резко ограничивает электоральную базу харизматического вождя* (там же).

4. Да, ожидалось именно это, потому что мои коллеги помнят, как Медведев покусился на Якунина. Покусился, но «умылся», ибо есть персоны, которые нужны первому лицу и верны ему персонально. *Которые, занимая, казалось бы, совсем не политическую должность, по первой команде неожиданно становились важнейшим фактором политики* (М. Ганапольский. Онищенко без срока годности. – МК, 24.10.13).

5. По ее [Г. Голиковой] мнению, особенно это почувствуют пациенты в Москве и Санкт-Петербурге. *Что связано с переходом финансирования здравоохранения из федеральной казны в бюджет Фонда обязательного медицинского страхования* (Е. Гонтмахер. Болеть за Россию. – МК, 31.10.13).

6. Одним из мотивов вообще реформы миграционного законодательства является в том числе и расширение налоговой базы. *С тем чтобы с нелегальных заработков вот этих нелегальных мигрантов, серых заработков, собирать налоги* (Н. Вардуть. С лопатой или айпадом? – МК, 12.09.13).

Как отмечалось выше, эта же тенденция находит широкое применение в структуре современных газетных заголовков. Осознание определяющей роли человека в языке позволяет применить текстовые подходы для анализа смыслов и отношений как внутри основного корпуса медийного материала, так и при рассмотрении композиции, структуры, семантики и синтаксиса газетного заголовка. Особенно характерна данная тенденция в т. н. спаянных заголовках, состоящих из двух синтаксически связанных частей, где вторая часть (подзаголовок) – продолжение первой в виде второстепенного члена предложения, придаточного предложения, причастного или деепричастного оборота. Такие заголовки, как правило, сопровождаются пунктуационными и орфографическими выделениями: отсутствием положенных запятых и прописной буквой во второй части. Возможно произвольное отделение подзаголовка для того, чтобы первая часть – основной заголовок – приобрела большую значимость и самостоятельность. При этом комплексный заголовок может быть интерпретирован двояко – целиком и в отдельности (но только первая часть):

1. Место встречи G8 изменить можно
Если это в интересах будущего президента РФ (Коммерсант, 11.03.12. – Далее – Ъ).

2. КС проявил себя с либеральной стороны
Защитив третейские суды от консерватизма Высшего арбитражного (Ъ, 27.05.13).

3. «РусГидро» поправится на четверть
Лишив сибирских теплогенераторов перспектив роста цен на свободном рынке (РБК daily? 31.01.12).

4. «Моспромстрой» пристроили в хорошую семью
Михаила Гуцериева (Ъ, 24.06.11).

5. ЦДХ должен быть разрушен
Пусть даже и не ради «Апельсина», а просто ради стройки (Ъ, 5.12.09).

6. Приказано выжать
Максимум из прожиточного минимума (Моск. правда, 21.11.09).

Как видим, подобная синтаксическая трансформация – парцелляция – позволяет автору выделить важную информацию в самостоятельную конструкцию, которая и графически, и интонационно подчеркивает весомость высказанной мысли. Попытка соединить парцеллированные структуры, восстановить первичную модель отчетливо демонстрирует стилистические и смысловые потери, которые при этом могут возникнуть.

О типах взаимодействия категорий в синтаксической конструкции

Е. Н. Никитина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

yelenon@mail.ru

Синтаксическая конструкция, грамматическая категория, грамматическая и лексическая семантика, объяснительная грамматика.

Summary. The paper proposes a new classification of grammatical interactions within syntactic constructions that includes linear-syntactic and morphological interactions. Special attention is paid to morphological ones (which are six types) that result in some semantic effects within construction. The idea of interaction is applied to so-called variative cases (Nom. / Gen., Acc. / Gen.).

1. Один из приоритетов современной лингвистики – движение от изолированного изучения языковых фактов к изучению их в комбинациях, сочетаниях, конструкциях, т. е. во взаимодействии. Понятие взаимодействия содержательно сближается с такими актуальными понятиями, как интегральность в описании языка, функционализм в грамматике, конструкционный подход, представляющими авторитетные направления в отечественной и зарубежной лингвистике последних десятилетий.

2. Можно говорить о двух направлениях семантико-грамматического взаимодействия языковых единиц: линейно-синтаксическое и категориально-морфологическое взаимодействие. Оба типа взаимодействий проявляются в синтаксической конструкции. Взаимодействие линейно-синтаксическое предполагает взаимную «подгонку» синтаксических конструкций, соединившихся в неизосемических моделях

предложения («взаимодействие моделей предложений», см. работы Г. А. Золотовой). Категориально-морфологическое взаимодействие – нелинейное, обнаруживающее семантические («скрытые», понятийные, смысловые) категории при наложении / соединении в контексте категорий, выражающихся открыто (в частности, аффиксально). При опоре на идею взаимодействия открывается возможность изучения не только собственно грамматических интеграционных процессов (проявляющихся в комбинациях аффиксально выражаемых и понятийных категорий), но и охватывающих лексику и грамматику, т. е. тех, которые могут проявляться в категориально-лексических ограничениях в рамках синтаксической конструкции.

3. Основное внимание в докладе будет уделено категориально-морфологическому взаимодействию, которое представлено следующими конкретными типами: 1) сосущест-

ование компонентов-участников (семантическое согласование, или «семантическая синтагматика»); 2) приоритет одного над другим (например, главенство категории лица в генеритивном регистре); 3) подавление одного другим (категории времени и числа в общих суждениях); 4) рождение нового (модальность как условие адъективации страдательных причастий); 5) компенсация (падеж составном именном скауземом по отношению к категории вида); 6) взаимоисключение (категориальной семантики неодушевленного или собирательного субъекта и предиката состояния).

4. Такой подход позволяет применить единый интерпретационный метод к разным явлениям в синтаксисе словоформы, предложения, текста. Данный объяснительный механизм позволяет интерпретацию языковых явлений как в синхронии (например, «семантическое согласование» категорий, «приоритет»), так и в диахронии (от «взаимоисключения» к «рождению нового»). Понятие конфликтного взаимодействия (взаимоисключения) может применяться при интерпретации речевых ошибок, особую значимость оно приобретает в рамках художественного текста, в связи со специфическим типом героя и, в конечном итоге, с «образом автора», который «является формой сложных и противоречивых соотношений между авторской интенцией, между фантазируемой личностью писателя и ликами персонажей» (В. В. Виноградов).

5. В докладе будут обсуждаться русские конструкции с вариативным падежом (с «регулярным чередованием падежей» по Я. Г. Телстельцу): Им. / Род. при отрицании; Вин. / Род. в приглагольной позиции, Им. / Твор. предикативный. Нормативность примеров типа *Не белело ни (единого) облачка* можно объяснить семантическим согласованием статичной семантики предиката и грамматической семантики количественного Род. (количественность – квантор бытия, бытийность предполагает статику), а ненормативность *Бу-*

феров не лязгало (пример Ю. Д. Апресяна) – конфликтом Род. (соединяющего кванторное и бытийное значение) с динамикой в семантике предиката (восприятие звука предполагает временную динамику). Категориальный конфликт в изолированном сочетании *бояться щуку* (А. Макаревич) может получить осмысление в рамках изображаемого в мемуарах душевного состояния ребенка, приписывающего высокий индивидуальный ранг нарисованной щуке (Вин. п. поднимает ранг имени до личного (ср. *бояться дедушку, маму*), выступает как средство грамматической компенсации лексической индивидуальной недостаточности имени *щука*); Им. предикативный во взаимодействии с прош. *быть в Пушкин был поэт* подавляет значение граммы времени, участвуя в создании оценочного, вечно истинного признака (ср. с *Менделеев был химиком* – Твор. выражает констатирующий признак, отнесенный в план прошедшего).

6. Исследование конструкций с отрицанием позволяет уточнить классификационные характеристики падежей (по Е. Куриловичу) и именных синтаксем (по Г. А. Золотовой). Так, у Е. Куриловича Род. относится к синтаксическим падежам, т. е. маркирующим функцию в конструкции, по Г. А. Золотовой Род. объектный при отрицании – такая же связанная синтаксема, как и Вин. (*купил яблоки – не купил яблок*). Однако тот факт, что в современном языке действуют ограничения на категориальную семантику предикатного и именного компонентов, означает, что Род. в конструкциях с отрицанием проявляет свою семантическую сущность – прежде всего, это значение количественности (в широком смысле), т. е., в терминах Е. Куриловича, соединяет свойства синтаксического и семантического падежа; в типологии именных синтаксем Г. А. Золотовой Род. объектный при отрицании занимает позицию связанной синтаксем, но располагает добавочной (количественной) семантикой.

Актуализационные основания описания семантики таксиса

М. Б. Нуртазина

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

maral0204@mail.ru

Семантика таксиса, многоаспектный подход, субъективная оценка, интерпретационный аспект, когнитивно-прагматический аспект.

Summary. In the paper the author has taken an attempt to make the conceptual analysis of the semantics of taxis. The suggested interpretation of the theoretical problems is related to the study of functional-semantic unities, based on the idea of time. The research is held in the field of the cognitive-communicative paradigm of the contemporary linguistics.

Современная лингвистика за последние четверть века прошла путь от ономазиологических исследований к формированию когнитивно-прагматического взгляда на устройство и организацию языка. В связи с этим перспективной является проблема системности разноуровневых средств выражения языковых категорий, равно как и обоснование прагматического подхода к рассмотрению различных отношений, который предполагает качественно новое направление поиска, интегрирующее семантическое рассмотрение компонентов с прагматической интерпретацией, включающей факторы экстралингвистические, исследование динамики реализации компонентов высказывания в конкретных условиях речевого общения.

В настоящее время становится все более очевидной необходимость изучения сложных систем и стремление к познанию объектов, основными чертами которых выступают цельность, богатство связей и активное взаимодействие с окружающей средой. В данном контексте актуальной представляется задача функционально-семантического и когнитивно-прагматического описания семантики таксиса, которая требует большого внимания не только к изучению самих функций, но и к реализующим их языковым формам, к их системной организации, к содержанию дискурсивного анализа языковых явлений.

Выражение таксиса – это форма языковой интерпретации восприятия человеком одного из важнейших аспектов временных отношений целого комплекса действий – хронологической одновременности или последовательности действий вместе с элементами аспектуальной семантики, связанных с выражением способа протекания и распределения действий во времени в рамках целостного временного периода. Языковая интерпретация временного порядка вклю-

чает динамичность «наступлений фактов» и статичность «длительностей» (А. В. Бондарко). Поэтому актуальной остается рассмотрение функционально-семантической категории таксиса как системы субкатегориальных значений с опорой на те структуры, которые являются их носителями, а также прагматический аспект речевой деятельности, что позволяет наиболее плодотворно осуществить многоаспектный подход к изучению таксиса, определить многообразные системные связи и взаимодействия моделей построения зависимого и независимого таксиса, выявить градацию семантических признаков во всей ее сложности с учетом формальной вариативности.

С позиции функционально-коммуникативной в отношениях между сообщаемыми фактами при анализе таксиса усматриваются две стороны: 1) информация об объективном положении вещей и расположение во времени одних действий относительно других; 2) субъективная оценка автора связанных между собой действий с точки зрения степени важности каждого из них для осуществления цели коммуникации. Другими словами, в таксисных отношениях отражаются два аспекта ситуации: временные отношения (как часть объективной информации) и соотносительность действий по степени коммуникативной значимости (с точки зрения автора). Поэтому в качестве основного классификационного основания при разграничении хронологического (хронотаксиса) и логического (логотаксиса) таксиса служит тип участия говорящего, его активность, направленность, его роль в организации смысловой структуры таксисной ситуации.

В первом случае говорящий лишь констатирует наличие «синтагматических временных отношений» – фактов, событий, явлений в реальной действительности, порядок их раз-

мещения в пределах определенного временного периода. Известно, что глагольные предикаты всегда могут быть охарактеризованы через их отношение к линии времени. Способ же отражения действия на временной оси зависит как от денотативных признаков предиката, так и от их языкового представления, которое имеет собственные закономерности. Во втором случае мы имеем дело с другим явлением. Как явление «плана речи» таксисные отношения могут складываться при активном участии субъекта речи: ведь лицо – «цементирующая основа предикативности» (Э. Бенвенист), который размышляет, рассуждает по поводу соотнесенности действий, т. е. обосновывает действие, побуждает к действию, дает им оценку, сопоставляет их и рассматривает во всем многообразии их реальных связей и отношений.

И действительно, в реальном акте речевой коммуникации говорящий не просто выбирает предмет общения, но и оценивает свое отношение к нему, характеризует референциальную ситуацию как благоприятную или неблагоприятную, желательную или нежелательную. Выбор языковых средств определенного ракурса в изображении ситуации зависит от коммуникативной установки говорящего. Говорящий может по-разному представить различные моменты действительности и их соотношение, что позволяет отнести категорию таксиса к числу интерпретационных.

Важную роль при анализе таксисных ситуаций играет анализ не только содержательных, но и интерпретационных элементов семантики, имеющих отношение к коммуникативной деятельности. Речь идет о коммуникативно-деятельностных потребностях, т. к. общение существует не само по себе, а связано с производственной деятельностью людей, определяющей социальные отношения. Мотивы и цели же речевых действий выступают в качестве авторских (коммуникативных, речевых) интенций. Речевые акты, как известно, имеют своей целью достижения некоторого перлокутивного эффекта – вызвать соответствующую реакцию (по-

веденческую или словесную, а может быть, и невербальную). В этом проявляется деятельностная сторона речевого акта, стоящего в одном ряду с другими видами человеческой деятельности.

Такие единицы учитывают фактор адресата, так как они «обслуживают» специальное намерение говорящего подключить адресата к обсуждению выдвигаемой версии: инициатор сообщения прогнозирует возможную реакцию реципиента и заранее откликается на нее, предотвращает или отворачивает неадекватное толкование, предостерегает от грубооднозначного осмысления, выносит свою «концепцию» на обсуждение, призывая адресата принять участие в аргументировании, т. е. так или иначе включает в свою коммуникативную программу специальный пункт, касающийся восприятия адресатом сообщаемого. Возможно и не прямое (но ясное) выражение коммуникативных намерений, относящееся к области языковой дипломатии, которое может быть описано при характеристике социального аспекта высказывания.

Возможно создание ситуаций с изменениями коммуникативных намерений и смены тем. В таких случаях экспликация намерений обязательна, иначе автор речи рискует дезориентировать своего слушателя. Такая ситуация регулярно возникает перед любым автором текста, где приходится менять коммуникативные намерения (продолжать, останавливаться, резюмировать), переходить от одной темы к другой; говорящий тогда характеризует свое речевое поведение как необходимое, целесообразное, не вдаваясь в обоснование такой оценки, и тогда возникает ненавязчивое авторское поведение.

Итак, рассматриваемая парадигма позволила семантике таксиса «высветиться» новыми гранями, что говорит о перспективе его анализа в когнитивно-прагматическом русле. Полученные наблюдения позволяют по-новому взглянуть на традиционный объект исследования категории таксиса и увидеть его в совершенно новом свете.

Структурные и семантические характеристики союзного слова *который* в дистантном употреблении

И. В. Одинцова, Ян Цзин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

odintsova@mtu-net.ru

Определительные отношения, союзное слово «*который*», дистантное употребление.

Summary. The paper focuses on the structural and semantic characteristics of complex sentences with a distant use of the conjunctive word *который*.

Универсальным средством выражения определительных отношений в сложном предложении является придаточное определительное предложение с союзным словом *который*. Обычно слово *который* располагается в абсолютном начале придаточного и следует непосредственно после определяемого слова или – реже – после его постпозитивных определений: *Пройдя мимо скамьи, на которой помещались редактор и поэт, иностранец покосился на них, остановился и вдруг уселся на соседней скамейке, в двух шагах от приятелей* (Булгаков). Такое употребление союзного слова *который* принято называть контактным. Однако в современном русском языке широко употребляются предложения, в которых союзное слово расположено не в абсолютном начале придаточного, а после слова, которое опосредованно соотносится с определяемым словом: *Хочу пояснить, что у меня бывает до пяти внутренних голосов, каждый из которых ведет собственный внутренний диалог* (Пелевин). Такое расположение союзного слова принято называть «дистантным».

Подобное употребление слова *который* является относительно новым явлением. В XIX веке контактное употребление *который* на месте дистантного считалось нормой: *В офицере же с сумкой, которого лицо он видел где-то, ему все казалось противно и нагло* (Л. Толстой).

В современных лингвистических исследованиях дистантное употребление *который* или игнорируется, или описывается очень фрагментарно. В пособиях по РКИ оно также обычно не рассматривается, поэтому иностранные учащиеся или избегают употреблять дистантное *который* в своей речевой практике, или употребляют его с ошибками.

Как показали наблюдения, в роли опорного слова (здесь и далее существительное, к которому относится придаточное определительное предложение мы называем «определяемым словом»), а слово в придаточном предложении, от которого союзное слово *который* находится в непосредственной зависимости, – «опорным словом») в придаточном предложении с союзным словом *который* могут употребляться все части речи за исключением личных форм глагола, личных и указательных местоимений, причастий и наречий. При личных формах глагола союзное слово всегда употребляется контактно, так как находится от него в непосредственной зависимости. Личные и указательные местоимения, являясь наиболее конкретизированными словами, не нуждаются в выделительном признаке, который заключен в придаточном определительном. Причастие, будучи атрибутивной формой глагола, не может сочетаться с несогласованным определением, роль которого выполняет дистантное *который*. Наречие же, образуя словосочетание с зависимым падежом, которым является союзное слово в дистантном употреблении, переходит в разряд предлогов. Употребление союзного слова в этом случае следует рассматривать как употребление контактное.

В роли опорного слова в придаточном предложении чаще всего выступают: имя существительное (далее опорные слова называются по степени убывания частотности употребления): *И на всем его трудном пути невыразимо почему-то мучил вездесущий оркестр, под аккомпанемент которого тяжелый бас пел о своей любви к Татьяне* (Булгаков); инфинитив: *...сколько на свете прекрасного, наслаждаться которыми мы могли бы вместе* (Бунин); прилагательное: *Он*

испытал чувство нежности и восторга, **подобного которому он еще не испытывал** (Л. Толстой); компаратив: **существом определенной температура, выше которой вода находится в жидком состоянии, а ниже в твердом** (из журнала); деепричастие: **Ну, в общем, тот пейзаж, глядя на который русский человек обязан сказать: «Боже... какая красота!»** (Гришковец); числительное: **В Тамбове проводится доследственная проверка по факту гибели в пожаре пяти человек, двое из которых дети** (из журнала); местоимение: **Мы получили множество писем, каждое из которых будет распечатано** (из интернета); именная или глагольная часть именного или составного глагольного сказуемого: **Но пришел момент – зацепил рычаг, и, покоряясь движению, трещит, поворачиваясь, колесо и сливается в одно действие, результат и цель которого ему непонятны** (Л. Толстой).

Однако не только и не столько частиречной принадлежностью определяется способность того или иного слова участвовать в роли опорного слова в определительных придаточных с дистантным *который*. С опорным словом *который* образует словосочетание, в котором ему отводится роль зависимого члена. Это словосочетание построено на основе подчинительной присловной связи. Будучи зависимым присловным компонентом словосочетания, союзное слово *который* может употребляться дистантно только со словами, способными вступать в синтаксические отношения управления и падежного примыкания. Именно поэтому, например, прилагательные *красный, вкусный* не могут быть опорными словами в придаточном предложении с дистантным *который*, а прилагательные *подобный* или *главный* – могут.

Дистантное *который* характеризуется тремя основными признаками: оно 1) не занимает позицию абсолютного начала придаточного предложения; 2) всегда располагается после слова, находящегося в прямой зависимости от сказуемого, но не далее его; 3) выполняет в предложении роль второстепенного члена предложения.

Дистантное *который* может быть по-разному охарактеризовано с точки зрения семантических отношений, реализуемых в предложении, в первую очередь в зависимости от

того, какую синтаксическую позицию оно занимает. При опорном слове, выраженном существительным, *который* занимает синтаксическую позицию определения, которая предопределена валентными свойствами определяемого опорного слова – субстантивного члена предложения – и атрибутивными отношениями, которые возникают между ним и словом *который*. При опорном слове, выраженном существительным, таким образом, слово *который* всегда выполняет функцию определения. Атрибутивная семантика подкрепляется и морфологической, атрибутивной, формой союзного слова. Однако, являясь одновременно и субстантивной формой, союзное слово может синкретично по своей семантике совмещать в разной пропорции функции объекта и обстоятельства. Объектная семантика наиболее ярко проявляется при отглагольных опорных именах существительных: *человеку свойственно с наибольшим упорством отрицать именно те вещи, присутствию которых он ощущает в самом себе* (Крусанов); обстоятельственная – чаще всего пространственная – при конкретных именах существительных, допускающих толкование их как места действия или пункта, от которого или к которому направлено движение: *Алексей Алексеевич, как только выбежал от жены, отер платком пот со лба и, выпустив из надутых щек воздух, пошел по коридору в столовую, дверь в которую была из разноцветных стекол* (А. Толстой). Регулярно при опорном слове, выраженном именем существительным, атрибутивное значение союзного слова осложняется притяжательной семантикой: *Служила нам молоденькая казачка, в красоте которой было что-то ногайское* (Бунин).

При опорном слове, выраженном инфинитивом, союзное слово может занимать синтаксическую позицию объекта и пространственного распространителя: *Должность, которую занимал Топоров, по назначению своему составляла внутреннее противоречие, не видеть которое мог только человек тупой и лишенный нравственного чувства* (Л. Толстой). *Это дом, жить в котором хочется* (из интернета). В докладе будут рассмотрены определительно-притяжательные и определительно-пространственные отношения и синонимичные возможности предложений, в которых эти отношения выражены.

Темпоральные детерминанты на фоне субъектной перспективы текста

Н. К. Онипенко, Е. Г. Жидкова

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

onipenko_n@mail.ru, zhidkova_elena85@mail.ru

Коммуникативная грамматика, синтаксис, синтаксический нуль, субъект модуса, полисубъектность.

Summary. The paper regards temporal NP organised by propositional nouns of age and psychological state that appear in the absolute beginning of clauses. The paper aims at discussing possible pretenders to Experiencer valency of the NP (which are 3^d Person, 1st Person subject, (universally) quantified subject). Grammar analysis and text interpretation are applied to prove that such particular qualities of discussed NP are due to both noun semantic and organization of 'image of author'.

1. В русский лингвистический обиход понятие «детерминант» было введено Н. Ю. Шведовой в 60-е годы XX века. Новое для русистики понятие сразу вызвало самые различные отклики, что позже было названо полемикой о детерминантах. Одним из направлений критики был статус детерминантов как необязательных распространителей. Г. А. Золотова показала, что определенные субъектные формы, отнесенные Н. Ю. Шведовой к распространителям, являются обязательными компонентами соответствующих моделей предложения [4]; [7]. Позже было обращено внимание на синонимичу обстоятельственных детерминантов и полупредикативных оборотов. Была обнаружена имплицитная предикативность не только девербативных и деадъективных синтаксем [8], но и собственно локативных [3]. В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой детерминанты оказались распределенными между собственно распространителями и осложнителями предложения. При этом на данный момент развития теории Коммуникативной грамматики в сфере детерминантов (неприсловных распространителей модели) остаются только темпоральные, но и эти формы требуют дифференциации.

2. К темпоральным синтаксемам относятся, во-первых, показатели календарного времени (даты, времена года, времена суток), во-вторых – формы, указывающие на отнесенность к периодам человеческой истории (названия эпох, ис-

торических событий, времен правления кого-л. и др.), в-третьих – формы, называющие период жизни и состояния конкретного человека (*детство, юность; бессонница, страдание*). Темпоральная сущность последних выражается специальными словами типа *дни, часы, минуты (в часы бессонницы, во дни страданий, в минуты сомнений)*.

3. В докладе будут обсуждаться темпорально-признаковые (в *детстве, в юности, под старость*) и темпорально-статусные (в *часы бессонницы*) синтаксем, особенность которых состоит в том, что они предполагают обязательную отнесенность к сфере определенного субъекта. Этот субъект может быть выражен, но это характерно для девербативных синтаксем типа *по приезде, по возвращении, при появлении* + кого-л. Интересующие нас формы употребляются, как правило, без показателя субъекта (*В молодости человек учится, в старости понимает; В день уныния смиришь*), поскольку эти темпорально-признаковые формы образуют односубъектные полипредикативные конструкции. В этом случае субъектная валентность темпоральных синтаксем подчиняется таксисным законам: при отсутствии показателя субъекта зависимый предикат относится к тому же субъекту, что и основной предикат.

4. Однако в литературе (особенно в поэзии и в лирической прозе) во множестве встречаются примеры, в которых возникает возможность неоднозначного прочтения, напри-

мер: *Во дни сомнений ищущие люди, патриоты, обращаю свой взор к вечным истинам, к разуму и чести.* Кому принадлежит сомнение: всем живущим в это время людям или только патриотам? Еще пример из интернет-ресурса: *Во дни сомнений и тягостных раздумий о судьбах родины Тургенев не хотел верить, чтобы могучий, правдивый русский язык не был дан великому народу.* Если у И. С. Тургенева сомнения и раздумья принадлежат ему самому, то в данном предложении такой ясности нет. Таким образом, темпорально-статусные синтаксемы, образованные с помощью темпоральных существительных *дни, часы, времена, мгновения, минуты* (мн. число), могут соотноситься как с конкретным субъектом, так и с обобщенным.

5. Полисубъектность конструкции может создаваться и за счет субъекта модуса. В этом случае субъектом вторичного предиката оказывается не субъект диктальный (не подлежащее предложения), а субъект модуса, который в предложении не выражен: *Под старость жизнь такая гадость* (А. С. Пушкин); *В часы бессонницы предметы тяжелее* (О. Мандельштам); *В часы сомнений и тоски Они взлетают грозной тучей* (Н. М. Минский). В первом примере обобщенно-личный субъект включает в свой состав Я говорящего. Во втором бессонница принадлежит поэту, которому предметы кажутся тяжелее. В третьем часы сомнения и тоски принадлежат поэту (лирическому Я), а местоимение 3-го лица относится к демонам, которые живут в душе поэта.

6. Таким образом, темпорально-признаковые и темпорально-событийные синтаксемы во взаимодействии с эгоцентрической грамматической техникой синтаксического нуля по-

зволяют усложнить субъектную перспективу высказывания за счет включения в семантику конструкции Я говорящего.

Литература

1. Адамец П. К вопросу о «незамещенных позициях» в русских высказываниях // Русистика. 1990. № 1.
2. Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
3. Дручина Г. П., Ошпенко Н. К. К сущностной характеристике «детерминантов» // Аспекты грамматических исследований по русскому языку. Алма-Ата, 1989.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
5. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
6. Золотова Г. А., Ошпенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
7. Малащенко В. П. О конструктивной обязательности и факультативности детерминантов // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов-на-Дону, 1978.
8. Малащенко В. П. Детерминантные предложения как единицы сложной структуры // Единицы синтаксиса в функциональном аспекте: Межвузовский сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 1989.
9. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб, 1992.
10. Тестелец Г. Я. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
11. Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6.

Языковые средства в формировании типов речи (описание, повествование)

Т. И. Попова, К. А. Рогова

Санкт-Петербургский государственный университет

Popova-Sakura2005@yandex.ru, krogova@mail.spbstu.ru

Описание, повествование, структурное устройство, правила организации, пути усложнения

Summary. This report examines the relationship of linguistic resources as elements of the language system to their participation in the structural formulation of the text as an example of FSTR, such as narration and description; is revealed their order within the type of the speech, that is shown in the communicative organization of the components of their sentences and the fact that their conceptual structure meet the requirements of established texts.

Проблема изучения связной речи, выделения ее устойчивых жанровых форм, определения взаимоотношений с языковой системой на протяжении длительного времени не утрачивает своей актуальности. Существующие специальные исследования позволяют отнести к стабильным речевым жанрам высшего ранга на фоне таких жанровых форм, как речевые акты, функционально-смысловые типы речи. Традиционно выделяемые описание и повествование в своем денотативном аспекте соотносятся с миром действительности, с его пространственными и временными координатами, в отличие от связанных с ментальным миром подразделений рассуждения. Все указанные типы речи обладают устойчивыми прототипическими структурами, которые принимаются за исходные при их описании и представлении в учебниках по стилистике, культуре речи, а также в учебных пособиях по русскому языку как иностранному (См., напр., [3]; [1]). Однако нерешенным остается вопрос о соотношении типов речи с языковыми средствами, которые в лучшем случае описываются по модели языковой системы как перечисление употребляемых в них единиц разных уровней. Например, в отношении описания указывается, что в него «вовлекаются основные типы русского предложения», при том что типичным грамматическим средством его оформления являются «предложения с однородными членами» [3: 109].

Кажется естественным высказать предположение, что для речевых построений, представляющих собой *структурное, а не системное* образование, формирующие принципы будут связаны не столько с необходимостью отбора определенных языковых средств, сколько с их упорядоченностью в целом высказывании. Эту функцию берет на себя коммуникативное членение предложений, семантический тип которых способен к вовлечению в соответствующий контекст.

Здесь прежде всего различаются описание и повествование. Первое формируется предложениями, содержащими указания на местоположение предметов (тематический ком-

понент) и на сами эти предметы (рема), при этом синтаксически они могут быть разными членами предложения (чаще всего подлежащими и дополнениями-объектами, а также предикативными сочетаниями, номинирующими ситуацию) и входить в разные типы предложений. Вторые – обычно тематически включают действующее лицо, рематическая часть сообщает о его действиях.

Повествование (нарратив) занимает среди композиционно-речевых форм особое место, так как связано с возможностью рассказать о некоторой последовательности событий с позиции наблюдателя, в 3-ем лице. Оно имеет в своей основе двусубъектный характер: рассказчик с позиций настоящего переживает, обрабатывает свой опыт; это рассказ о прошлом с позиции настоящего.

Первый план повествования составляет рассказ о событиях в хронологическом порядке. Выбор речевых средств связан с необходимостью передать динамику действия. В русском языке базовая семантическая модель «Субъект и его действие» реализуется при помощи глаголов СВ прошедшего времени. Второй план повествования – переживание опыта – связан с включением в текст ментально-повествовательного компонента, связывающего индивидуально и общезначимое, соотнося развитие излагаемых событий с нормой, ценностями, мировоззрением, убеждениями. Эти два плана повествования – рассказ об опыте и переживание опыта – могут получать в тексте предсказуемые формы расширения. Рассказ об опыте может расширяться за счет включения фона, обстоятельства, предыстории а также за счет драматизации повествования – изображения чужой речи (см. В. А. Плунгян). Сообщение о ментальных процессах или состояниях находит выражение в смене семантических групп глаголов.

Рассмотрим следующий пример. *Мы вошли в парадную. Тут на лавочке обычно сидела Фрося. Сохранилась эмалированная дощечка «Звонок к дворнику. Но и это, оказывается, было давно. В просторной парадной сохранился ка-*

мин, висело зеркало. Мы посмотрелись в него и поднялись на второй этаж. Я хотел позвонить, но Вень зазорил, показал на квартиру напротив. Я удивился: неужели он мог забыть? И он поразился тому, что я не помню. Мы топтались на площадке, пока не вспомнили, что у Вадима был балкон. Спустились вниз, оказалось, по обе стороны парадной имелось по балкону. Мы снова поднялись. Нам и в голову не приходило, что мы когда-либо можем забыть двери его квартиры. Нет, нет, его дверь была налево [2].

Вводя в повествовательную ситуацию, первое предложение одновременно делает предсказуемым наличие описания того пространства, где будет происходить действие, что и реализуется в следующих трех предложениях. Развитие повествования составляет группа следующих предложений, при этом в их ход вторгаются предложения из тех, что образуют еще один текстовый компонент – сообщение о «прошедшем времени» (когда друзья почти забыли своего погибшего на войне и очень ими любимого друга юности). Это сообщение играет и мотивирующую роль для развития повествования (*он мог забыть и я не помню, поэтому топтались, спустились, снова поднялись*), и одновременно, привлекает внимание на сообщение о состоянии друзей: *и это оказывается было давно; Я удивился: неужели он мог за-*

быть? И он поразился тому, что я не помню; Нам и в голову не приходило, что мы когда-либо можем забыть двери его квартиры, которое, варьируясь, формирует основной смысл текста.

Подводя итог нашему краткому изложению, можно отметить синтаксическую вариативность предложений, входящих в типовой компонент текста, что видно даже по приведенному тексту, достаточно простому по своей организации. При этом наблюдается неукоснительно соблюдаемая верность структуре Тема – Рема, организующая предложения, по своей семантической устройственности соответствующие каждому компоненту текста. Их взаиморасположение определяется логико-когнитивным процессом, в значительной мере обусловленным знаниями о действительности, который и выступает в качестве организатора нашей речи.

Литература

1. Битехтина Г. А., Клобукова Л. П., Чагина О. В. и др. Учебник русского языка для иностранных студентов гуманитарных вузов и факультетов. 1-й курс. М., 1987.
2. Гранин Д. «Дом на Фонтанке» [http://bookz.ru/authors/granin-daniil/fontanka/1-fontanka.html].
3. Кунина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка: Учебник для бакалавров. М., 2013.

К вопросу о языковых механизмах, обеспечивающих реализацию речевых построений

Л. М. Савосина

Московский государственный лингвистический университет

Lsavosinal@yandex.ru

The mechanisms of language, phrase, relevant division, communication paradigm, communicative tasks.

Summary. The report will present some of the language mechanisms, essential for the formation methods of language communication, regulate the effective functioning of speech builds (on the material of benominative proposals characterization)

В рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка необходимы знания о механизмах, обеспечивающих функционирование языка, в частности, о механизмах, формирующих синтаксические построения, структура которых зависит от **слов** их составляющих. Именно в синтаксических конструкциях слова функционируют в речи.

1. Наблюдения над функционированием в речи исследуемых нами предложений-высказываний типа *Андрей – человек умный, Петр – прекрасный музыкант* [организуемых тремя компонентами: 1) именем субъекта – носителем предикативного признака в позиции подлежащего (*Андрей, Петр*); 2) предикатным именем (семантический разряд, введенный Н. Д. Арутюновой) в позиции именной части составного именного сказуемого (*человек, музыкант*) и 3) именем предидирующего признака в позиции согласованного определения к предикатному имени (*умный, прекрасный*)] показывают, что набор компонентов, формирующих данные модели, неслучаен. Не каждое имя может выполнять ролевые функции субъекта, предикатного имени или предикативного признака, поскольку каждое из них имеет свое содержание (содержательные характеристики), т. е. определенным образом упорядоченную, иерархизированную совокупность семантических признаков, что позволяет каждому из них при построении высказывания выполнять определенную синтаксическую функцию, занимая определенные коммуникативно значимые позиции подлежащего, сказуемого, определения, определяющих коммуникативную перспективу высказывания.

Поэтому существенными при построении данных предложений-высказываний оказались грамматические, смысловые, функциональные, а также «поведенческие» характеристики слова, от которых, как мы полагаем, зависят **закономерности** функционирования речевых построений. Это такие характеристики, как: 1) принадлежность слова к одному из категориальных разрядов – частей речи; 2) принадлежность к изосемической и неизосемической лексике [6]; 3) принадлежность существительных к одному из трех семантических разрядов: предметных, событийных и признаковых имен [1]; [Кацнельсон 1972]; 4) принадлежность существительных к классу имен идентифицирующих и предикатных [1]; 5) вхождение слова в тот или иной класс внутри части речи – класс слов, участвующих в выражении

данной синтаксической категории и характеризующихся способностью функционировать в определенных словоформах при определенных условиях; 6) принадлежность слова к разряду показателей смысловых отношений – реляторов [Ломтев 1979], экспликаторов [Шмелева 1995], классификаторов [Вольф 1985]; 7) принадлежность к строевым словам, несущим в языке служебную функцию [Щерба 1974], [Кацнельсон 1971] и тоже называющим отношения, но на сингнитивном уровне – родовым словам [8], [5] и др.

Понятно, что в рамках тезисов нет возможности представить языковые (коррекционные и коммуникативные) механизмы, формирующие обе модели. Поэтому мы остановимся только на некоторых механизмах, обеспечивающих функционирование предложений-высказываний первого типа *Андрей – человек умный* (в докладе будут представлены обе модели).

Как показывает материал, предикатное имя в высказываниях этого типа может быть представлено классификатором (*Патриотизм – чувство прекрасное, и Россия всегда была богата патриотами* – «АиФ»), родовым словом (*Обнинск – город крохотный. Все друг друга знают* – «Рос. газ.»), метаименами (*Закон – аргумент важный* – «Аргум. нед.»), десемантизированными словами («местоименными существительными» по В. В. Виноградову) типа *вещь, штука, явление, дело* (в докладе выскажем наше понимание терминов «классификатор» и «родовое слово» как разных разрядов строевых слов; см. также [Куликова 2011]).

Выявление соотносительности категориальной семантики слов с их способностью выступать в позиции предидируемого и предидирующего компонентов модели показано то, что в обеих позициях могут выступать не только родовые, но и отвлеченные и категориальные имена, что позволяет говорить о новых конструктивных возможностях этих имен. Ср., например, высказывания *Человек – существо деятельное, активное* («Знание – сила») и *Пронкин – человек рабочий* («Труд»); *Дело – вещь трудная* («ЛГ») и *Хирургия – дело хорошее* («Нед.»); *Но человеческий фактор – явление очень сложное и противоречивое* («Незав.») и *Политика и экономика – факторы незначительные* («Рос. газ») и др. В докладе мы постараемся показать, что родовые слова могут функционировать не только в статусе предикатных слов, но и в статусе идентифицирующих, а классификаторы – не только в статусе идентифицирующих имен, но и в статусе

предикатного имени, формируя дескрипцию: *Ольга – женщина гордая* и *Женица – это очень сильный мужчина* («Арг. нед.»); *Культура сейчас – сюжет опасный* («Огонек») и *Лен – культура сложная* («Раст.»). Ср. *Арбуз – ягода сладкая* («Нед.») и *Арбуз – ягода сладкого вкуса*.

2. Как известно, одним из важнейших функциональных механизмов русского синтаксиса является **словосочетание**. Именно словосочетание является одним из инструментов формирования предложения. Под словосочетанием (подчинительным) понимают структуру «слово + словоформа», где «слово» – это грамматически главный компонент словосочетания, а «словоформа» – грамматически зависимое слово – конкретная форма конкретного слова в тексте [Ломтев 1958]. В литературе отмечено, что в отличие от реляторов, образующих собственно словосочетание, классификаторы и экспликативы образуют **дескрипцию** – словосочетание, в котором смысловое слово занимает позицию либо дополнения (*Петя поет – Петя занимается пением*); либо согласованного / несогласованного определения (*Блузка белая – Bluзка белого цвета*); либо подлежащего (*Цвет блузки – белый*) [5]. Нетрудно заметить, что эти дескрипции соответствуют такой характеристике, как «развернутое слово», поскольку часто являются синонимом одного и того же слова, т. е. на денотативном уровне представлены одним компонентом ситуации.

Наш материал показывает, что существуют и другие типы дескрипций – именные дескрипции, передающие категориальную характеристику признака, явления, состояния, выражаемого прилагательным в сочетании с родовым словом, классификатором, местоименным существительным и др. классами слов: *Финны – народ спокойный, они редко куда спешат...* («АиФ»); *Гнев – чувство опасное* («Независ.»); *Радость – вещь пустая* (С. Есин); *Гуманность – качество сейчас редкое* («ЛГ») и др. В нашем случае словосочетание дескрипция является важнейшим компонентом высказывания и представляет собой структуру «слово + «словоформа», где «слово» – предикатное имя – синтаксически главное слово, выступающее здесь в строевой функции (без него данная модель не функционировала бы в речи), но семантически ослабленное, оно фактически дублирует имя субъекта (ср. узкое понимание – опираясь на концепции А. Шахматова и В. Виноградова, – когда грамматически главное слово считается и семантически главным), оно выполняет здесь функцию усложнителя «словоформы» – прилагательного, грамматически ослабленного, но семантически главного слова (без которого модель также не может существовать). Нам представляется, что данную дескрипцию можно рассматривать как лексическое развертывание характеризующего субъекта прилагательного.

Что касается высказываний, где дескрипцию образуют местоименные существительные *вещь, штука, дело* и др., также выполняющие здесь строевую функцию, то в этом случае, как показывает материал, дескрипция – описательный предикат (в позиции именного сказуемого) и представлена тремя типами: а) дескрипция, где предикатное имя употребляется во вторичной семантической функции; оказалось, что семантическое значение слов *вещь, штука, явление, дело* и др. в позиции предикатива теснейшим образом связано с их лингвистической и философской сущностью, что эти слова могут выступать в различных лексико-семантических вариантах и иметь свои коннотации. Например: *Душевный комфорт – вещь хорошая* («Собес.») и *Душевный комфорт – состояние хорошее*; *Газета – штука профессиональная* (Нед.) – читай: *издание профессиональное*; *Книжная ярмарка – дело хорошее* («Лит. газ») – читай: *мероприятие хорошее*; *Фелинни – явление в кинематографе уникальное* («Экран») – читай: *режиссер уникальный* и др.; б) дескрипция – это «развернутое слово» в прямом смысле: *Время – штука жесткая и безжалостная* («Арг. нед.») – *Время жестоко и безжалостно*; в) дескрипция передает свернутую пропозицию: *Экология – забота общая* («Ниж») – *Об экологии должны заботиться все*.

Отметим, что специфика представленных выше дескрипций состоит в том, что узальным для них является обратный порядок компонентов при сохранении нейтральной интонации (ср. *Петр – прекрасный музыкант*). Перенос же определения в препозицию к «слову» сопровождается изменением акцентирования [8] и пояснением, экспликацией причин такого переноса и акцентирования. Наблюдения по-

казывают, что представленные выше дескрипции не «вставляются» в предложение (в отличие от узкого понимания термина «словосочетание» как «допредложенческой единицы», входящей в предложение как единое целое), а формируются и структурируются именно в предложении-высказывании, что говорит о предложенческом происхождении этих дескрипций. Отметим, что категория актуального членения функционирует здесь именно «с помощью» данных дескрипций, т. к. эти типы дескрипций тесно связаны с интонационным, функционально значимым оформлением предложения-высказывания.

3. В рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка необходимы также знания о **механизмах перестраивания** в процессе речи единиц с одним инвариантом содержания: *Катя рисует красиво*; *Рисует Катя красиво*; *Рисунки у Кати красивые*; *Катины рисунки – просто красота!* и т. д. Анализ функционирования предложений-высказываний в тексте показал, что одно и то же денотативное содержание может быть передано или одной и той же моделью с разным словоупорядком (в нашем случае – это актуализационная парадигма) или разными моделями, где имена участников ситуации занимают разные членопредложенческие позиции и формируют разные слово-сочетания (трансформационная парадигма).

Такие трансформации обусловлены решением конкретной коммуникативной задачи (целеустановки по [2]) говорящего, при решении которой слова «ведут себя» в определенных условиях очень индивидуально, что связано прежде всего с пониманием коммуникативной структуры предложения и коммуникативной роли (коммуникативного ранга) словоформ, которая не ограничивается темой и ремой, и различна у каждой словоформы в предложении [9]. Насколько нам известно в грамматике до сих пор не описаны особенности поведения словоформ в конкретных условиях. Добавим, что в докладе будут представлены некоторые типы коммуникативных задач, выделенных нами в ходе исследования.

4. Связь изменения словоупорядка с актуальным членением отмечали многие лингвисты ([7]; [8], [5] и др.). Вопрос о порядке компонентов («слова» и «словоформы») в именных дескрипциях также тесно связан с категорией актуального членения, с категорией предикативности [Кацнельсон 1971]; [Лекант 1974] и с интонационным оформлением высказывания. В связи с этим стало ясно, что предложения-высказывания типа *Андрей – человек умный* (и *Петр – прекрасный музыкант*) и их модификации являются **механизмом реализации определенных коммуникативных задач**, а **механизмом структурирования модификаций** – операции с дескрипциями, словоупорядок в которых связан с их расположением в рематической синтагме, где они способны менять узальный порядок слов, что связано с изменением коммуникативного ранга конкретной словоформы, и с прямым / обратным порядком членов предложения. Важно отметить, что при построении модификаций происходит не просто перестановка слов в именной дескрипции, а постановка ее компонентов в отношении предикативности (ср. узкое понимание: компоненты словосочетаний не могут находиться в отношении предикативности). В докладе будут представлены коммуникативные парадигмы данных высказываний, базовым членом которых они являются.

Что касается высказывания *Петр – прекрасный музыкант*, то здесь «вырисовывается» совсем иная «картина»; в докладе также будут представлены механизмы, обеспечивающие функционирование этой модели в речи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
3. Белошапкина В. А. и др. Современный русский язык. М., 1989.
4. Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний // Вопросы языкознания. 1954. № 4.
5. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Учебник. М., 2000.
6. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса. М., 1973.
7. Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992.
8. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 2004.
9. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Способ связи вставок-ремарок с включающим контекстом в текстах малой прозы М. А. Булгакова

И. Г. Сагирян

Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону)

sagiryan@yandex. ru

Ремарка, вставка, бессоюзная присоединительная связь.

Summary. The paper is devoted to the analysis of the means of remarks connection with including context. Conjunctionless accession have been considered as a main type of remarks connection.

В современных лингвистических исследованиях наметилась тенденция к изучению отдельных языковых элементов, которые участвуют в процессах текстообразования. Широкое распространение получило в этом плане изучение явления вставочности. Наиболее ярким проявлением вставочности, на наш взгляд, является ремарка в роли вставки. Ремарка (франц. *remarque*) – это, с одной стороны, замечание автора текста (книги, рукописи, письма), уточняющее или дополняющее какие-либо детали. С другой, – пояснение, указание драматурга для читателя, постановщика и актера в тексте пьесы.

Как видно из значения, ремарка логично рассматривается в рамках теории вставочности. Ремарка по структуре и семантике сближается со вставкой, выступает как элемент осложнения и включается в текст, разрывая его логико-грамматическую структуру, но при этом обнаруживает тесную семантическую и тематическую связь с включающим контекстом. Ремарка – описание действия, прямое вмешательство автора в собственный текст, комментирование действия и внесение дополнительного смысла. Принято считать, что ремарка приводит к разрушению линии повествования. В прозе, напротив, ремарка скрепляет действие, приводит его в движение за счет изменения ситуации. Ремарка в прозе – это само действие.

В творческой мастерской М. Булгакова имеются произведения драматургического плана, которые заведомо писались исключительно для чтения и не предполагались для театральной постановки. Это «Ревизор» с вышибанием», «Кулак бухгалтера», «Сильнодействующее средство», «Пожар», «По телефону», «Неунывающие бодистики», «Сотрудник с массой, или свинство по профессиональной линии». Кроме этого, интерес представляют прозаические произведения, содержащие эпизоды, по структуре напоминающие элементы пьесы: «Радио-Петя», «Псалом», «Брачная катастрофа», «Мадмазель Жанна», дневник доктора Борментала из повести «Собачье сердце», дневник доктора Полякова из «Морфия».

Опираясь на терминологию И. Р. Гальперина, заметим, что дуализм включающего контекста и ремарки основан на том факте, что включающий контекст несет в себе содержательно-фактуальную информацию, т. е. содержит сообщение о фактах, событиях, процессах происходящих, которые будут иметь место в окружающем нас мире, действительном или воображаемом. А в ремарке хранится содержательно-концептуальная информация, которая сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации. Содержательно-концептуальная информация – это замысел автора плюс его содержательная интерпретация.

Основной вид связи, посредством которой М. Булгаков вводит вставные ремарки в контекст, – это бессоюзная присоединительная связь, осуществляемая интонационными средствами, без участия союзов. Приоритет в выборе связи объясняется тем, что на основе бессоюзного присоединения автор может наиболее оптимально ввести в контекст вставной компонент, т. е. нарушив синтагматическую структуру высказывания, сохранить ее семантическую целостность.

Вставные ремарки используются М. Булгаковым как специфический способ подачи мысли, как особый прием авторского комментирования текста. Намеренная изоляция ремарки (интонационная в произношении и графическая на письме) приводит к появлению у нее дополнительной пояс-

нительно-уточняющей функции, способствующей развитию повествования. Например:

С лестницы вниз:

– *Писем мне, Федор, не было?*

Снизу на лестницу почтительно:

– *Никак нет, Филипп Филиппович (интимно вполголоса вдогонку), – а в третью жилтоварищей вселили.*

Местоположение вставных ремарок, интонационная и графическая изоляция уточняют семантическую интерпретацию их синтаксической функции в пределах включающего контекста таким образом, что семантика присоединения преобразуется в семантику комментирования, уточнения, пояснения. Вставная ремарка, таким образом, приобретает признаки бессоюзного предложения.

«Бессоюзное сложное предложение, – по мнению Н. И. Формановской, – в сравнении с союзным, не имея важнейшего формального показателя связи частей, активизирует и усиливает значимость иных показателей: просодических, модально-временных и др. Особенно заметно возрастает роль интонации, которая не только является здесь общим признаком связности частей, структурообразующим компонентом, но и обладает смыслоразличительным свойством» [4, 147].

Важным показателем бессоюзного присоединения является интонация: понижение тона в конце первой части конструкции и длительная пауза, которая на письме обозначается либо красной строкой, либо скобками. «Интонация завершенности, <характерная для последней предикативной части сложного целого>, является необходимым условием восприятия этих рядоположенных частей как единого коммуникативного целого и, следовательно, совместно с его ритмико-интонационным рисунком и тональным членением выступает как средство связи данных частей и активизации синтаксических отношений между ними» [2: 30].

Отделенная паузой часть конструкции синтаксически может быть связана с включающим контекстом по одному из типов связи в словосочетании. Особенность заключается в том, что вставная ремарка включается в контекст по принципу свободного введения конструкции. «Это такой вид синтаксической связи между конструкцией и предложением, когда, – по справедливому утверждению профессора В. П. Малащенко, – относительно самостоятельная, свободная конструкция синтаксически тяготеет к предикативному ядру предложения, поясняет все высказывание и относится к предложению в целом» [3: 270].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование вставной ремарки в прозаическом тексте представляет собой оригинальный элемент индивидуальной творческой мастерской писателя. В стилистике автора ремарки, безусловно, играют яркую экстралингвистическую роль. Лингвистический анализ показал, что ремарки, функционируя в тексте на основе единственно возможной бессоюзной присоединительной связи, вполне гармонично вплетаются в канву повествования. При этом они расширяют свои функциональные возможности, выходя на уровень текстообразования.

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
2. Малащенко В. П. К вопросу о характере связи бессоюзных сочетаний предложений // Известия Ростовского гос. пед. ун-та: Сб. науч. тр. Вып. 1: Филология. Ростов-на-Дону, 1998.
3. Малащенко В. П. Слово в синтаксисе: Избранные труды. Ростов-на-Дону, 2004.
4. Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М., 2007.

**«Там все... маленькое и в то же время большое»:
однородные прилагательные в речи носителей русского языка ***

Д. Н. Сатюкова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

daria.satjukova@gmail.com

Адъективный ряд, однородные прилагательные, разговорная речь, семантические типы прилагательных, сочинительные ряд.

Summary. The aim of this paper is to analyze and interpret the main semantic functions of *coordinate adjectives in spoken Russian* (antonymic or synonymic rows of adjectives, adjectives from one thematic group). Recent linguistic researches (based on the English language material) have revealed that it is more typical for adjectives than for other parts of speech to be used in a chain. However this problem has not been widely discussed yet, especially on Russian data. The study is based on the data of four corpora of spoken Russian (<http://www.spokencorpora.ru/>).

В докладе планируется рассмотреть формирование и функционирование в речи носителей русского языка однородных прилагательных, а также принципы выстраивания таких слов в адъективный ряд. Пример бессоюзного однородного ряда из двух прилагательных представлен в примере 1.

(1) *Торт просто такой получился огромный, тяжёлый...* («Веселые истории из жизни»; 09_sr – указание на информанта в примерах приводится в том виде, в каком оно дано в разметке корпуса).

В качестве материала используются данные четырех корпусов устной речи, представленные на сайте <http://www.spokencorpora.ru/>: «Рассказы о сновидениях», «Рассказы сибиряков о жизни», «Веселые истории из жизни», «Истории о подарках и катании на лыжах». Первый корпус («Рассказы о сновидениях») представляет собой записи речи детей и подростков, три других корпуса – устную речь взрослых носителей русского языка. Таким образом, использование упомянутых корпусов позволяет не только проанализировать структуру адъективного ряда в устных текстах разных жанров (описание картинок, рассказ, пересказ), но и сопоставить его употребление в речи детей и взрослых (для анализа детской речи используется также база данных CHILDES – Child Language Data Exchange System); а содержащиеся в корпусе «Веселые истории из жизни» устные и письменные формы рассказов об одном и том же событии дают возможность проследить те изменения, которые претерпевают ряды однородных прилагательных при «перевод» устных текстов в письменные.

Лингвистические работы, основанные на материале английского языка (см. в числе последних исследования Р. Диксона [3], М. -К. де Марнеффе [4], Л. Мёрфи [5]), показывают, что прилагательные чаще, чем другие части речи, обнаруживают склонность к объединению в однородные ряды. Таким образом, закономерным оказывается вопрос, характерно ли такое явление для русского языка и если да, то чем оно может объясняться.

Основное внимание в докладе уделяется анализу семантических групп прилагательных внутри адъективного ряда. Среди таких групп можно выделить частотные для разговорной речи прилагательные, связанные антонимическими отношениями (пример 2), синонимическими отношениями (пример 3), а также прилагательные внутри одной тематической группы (ср. цветовые прилагательные в примере 4).

- (2) *...всякие студенты – в основном иностранные, но и местные тоже, видимо, – собираются на к... какой-нибудь там станции поезда...* («Веселые истории из жизни», 18_sr);
- (3) *...цвет такой очень яркий, такой насыщенный* («Рассказы сибиряков о жизни», 07_sr_f);
- (4) *Они какие-то, я помню, по-моему, шары такие вот коричневого и серого цвета вот...* («Рассказы о сновидениях», 122n, 16 лет м).

Анализ корпусных данных показал, что наиболее распространены в разговорной речи двучленные бессоюзные ряды. В таком ряду второе прилагательное часто оказывается в постпозиции к определяемому слову и приобретает, таким образом, уточняющий характер:

- (5) *Ну после того мы уехали на наше старое место, очень даже прекрасное...* («Рассказы сибиряков о жизни», 05_ml_m).

Последовательности из трех и более определений встречаются в разговорной речи редко. Ср. один из немногих

примеров трехчленного ряда со смешанной (союзно-бессоюзной) связью:

- (6) *...и это было очень ну прекрасное такое, хорошее место и располагающее к разговору* («Веселые истории из жизни», 04_sr).

По всей видимости, состав однородного ряда может представлять иногда проявление черт субъективности в языке. Доказательством этого служит тот факт, что в некоторых случаях говорящий может употреблять в рассказе один и тот же (или с незначительными изменениями) набор прилагательных для описания разных ситуаций, ср.:

- (7) *Его привезли, уже он был щеночек, ну месяца было ему четыре. Уже такой хорошенький щеночек, веселенький. <...> Ну, в общем, хорошая семейка была, веселенькая...* («Рассказы сибиряков о жизни», 08_sr_f).

Первое предложение в примере (7) подтверждает замечание В. В. Виноградова о «заразительности диминутивов» [1: 113]. Так, первое прилагательное-диминутив в разговорной речи очень часто влечет за собой второе прилагательное также в диминутивной форме (*хорошенький, веселенький*).

Важным представляется анализ антонимических пар прилагательных в разговорной речи. У маленьких детей ряды прилагательных возникают на ранних этапах как повтор обращенной к ним реплики взрослого и часто оказываются ошибочными в семантическом отношении (в примере 8 из [2: 229] мальчик Филипп в возрасте около двух лет на вопрос о размере машинки отвечает *маленькая и большая*).

- (8) МАМ: *Какая машина? <...>*
МАМ: *Большая или маленькая?*
ФИЛ: *Маль (маленькая) и башия.*

У подростков и взрослых носителей языка употребление прилагательных-антонимов, относящихся к одному объекту, объясняется невозможностью охарактеризовать предмет «одним словом» и желанием дать более полную и точную информацию о нем (ср. использование прилагательного *средний* при попытке описать характер лица в примере 9).

- (9) *...эта старушка, ну не такая, средняя, не то чтобы там злая или добрая...* («Рассказы о сновидениях», 114n 14 лет ж).

Показательно, что и в ряду прилагательных, связанных синонимическими отношениями, часто встречаются формы, образованные от соответствующих антонимов (ср. *маленький – небольшой* в примере 10).

- (10) *Или речка, или озеро, но по-моему озеро, потому что как-то маленькое такое, небольшое* («Рассказы о сновидениях», 059z 17 лет ж).

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Воейкова М. Д. Типы и разновидности качественных отношений на ранних этапах речевого развития ребенка (анализ речи взрослого, обращенной к ребенку) // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003.
- Dixon R. M. W. Where have all the adjectives gone? // Studies in Language. 1977. Vol. 1.
- Marneffe M.-C., de, Manning C. D., Potts C. “Was it good? It was provocative”. Learning the meaning of scalar adjectives // Proceedings of the Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, 2010.
- Murphy M. L. The development of size adjective meaning: What antonym use reveals // Paper presented at the Seminar on Child Language. Bristol. July 12–14. 2004.

* Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-1348.2012.6 «Петербургская школа функциональной грамматики», и гранта Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2012» «Коммуникативные стратегии устной речи», № 2012-1.1-12-000-3004-008.

В названии доклада использована цитата из корпуса устной речи детей и подростков «Рассказы о сновидениях».

Сочинение или подчинение?

(К вопросу о принципе разноуровневой организации синтаксических структур)

О. А. Селюнина

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема (Биробиджан)

birnaukaruss@mail.ru

Сочинение, подчинение, конструкция с вторичной связью, принцип разноуровневой организации синтаксических структур.

Summary. The paper deals with the bipredikativ constructions, parts of which are connected by two conjunctions. These constructions were suggested to be interpreted as the constructions with a secondary link.

Обычно сложные предложения, содержащие средства связи союзного типа, делят на две группы – сложносочиненные предложения и сложноподчиненные предложения. Однако в языке встречаются факты, которые не помещаются в прокрустово ложе этого деления.

Цель данного доклада обсудить синтаксический статус одного из таких интересных синтаксических объектов. Приведем примеры: *Предотвратить теракт, как показывает практика, можно, но если очень повезет* (Время МН. 2003.08.05); *Щелковский автовокзал в Москве будет закрыт, но только когда постройка нескольких новых* (Газета. ru. 2011.07.07); *Похлебку конвойные раздавали один раз в день, и то, если поезд стоял* (А. Тарасов); *Борьку остановили мужики, да и то когда навалились все* (В. Шукшин).

Эти структуры интересны тем, что они состоят из двух предикативных единиц, которые связаны дважды. Причем в качестве средства связи в них одновременно выступают сочинительный и подчинительный союзы. Уже это делает бессмысленной попытку квалификации данных построений как сложноподчиненных или сложносочиненных предложений. На первый взгляд, это вообще какие-то фантастические структуры, противоречащие законам грамматики.

Попробуем выяснить, почему два союза в этих построениях оказались между одними и теми же предикативными единицами.

Как известно, два союза могут оказаться рядом в случае их стечения, однако в рассматриваемых построениях всего две предикативные единицы, поэтому ни о каком стечении союзов говорить нельзя. Впрочем, предположим, что здесь вовсе не две предикативные единицы. Возможно, их три и одна из них представлена нулем. Восстановим эту единицу. Ср., например: *Он вернется, но если ты его об этом попросишь* и *Он вернется¹, но он вернется², если ты его об этом попросишь³*. На первый взгляд, перед нами сложная синтаксическая конструкция с разными видами связи, состоящая из трех частей. И главное – в ней нет предикативных единиц дважды связанных союзами.

Однако обратим внимание на тот факт, что и подлежащее, и предикат восстановленной предикативной единицы тождественны подлежащему и предикату первой части, то есть предикативное содержание первой и второй частей оказывается тождественным. Это значит, что построение, полученное в результате трансформации, не удовлетворяет требованиям сложного предложения. Повтор предикативного ядра следует рассматривать как текстообразующий механизм, а построение, созданное на его основе, как текстовое образование.

Текстовый характер построения обнаруживается и в ходе его анализа от сочинительного союза. Так, союз *но* функционирует в качестве суперпредиката, две валентности которого заполняются предикативными единицами, находящимися в отношениях противопоставления, уступки, возмещения или ограничения. В нашем трансформе левая валентность заполнена первой предикативной единицей, а правая – блоком, включающим вторую и третью предикативные единицы. Но поскольку вторая предикативная единица совпадает с первой, то только третья предикативная

единица содержит информацию, которая ограничивает ситуацию, обозначенную в первой предикативной единице. Это значит, что союз *но*, в принципе, устанавливает отношения между первой и третьей предикативной единицей. Союз *но* реализует так называемую дистантную связь, которая традиционно оценивается как явление, присущее тексту и отличающее его от сложного предложения. Значит, трансформ представляет собой текстовое образование.

Близость трансформы и изучаемого построения очевидна. Можно даже предположить, что образования с повтором в динамическом плане объясняют исследуемые построения: вероятно, последние образовались в результате синтаксической аппликации тождественных частей.

В бипредикативных построениях с двумя линиями связи союз *но* тоже выступает как средство связи уровня текста, в то время как подчинительный союз является средством связи уровня предложения. Союз *но* и подчинительный союз – это средства связи, принадлежащие двум разным синтаксическим уровням. Подчинительный союз, пусть опосредованно, но формирует предложенческий уровень конструкции, ср.: *Он вернется, если ты его об этом попросишь*; союз *но* оформляет ее текстовый уровень. Текстовая связь, формализованная союзом *но*, насаивается на связь уровня предложения, ср.: *Он вернется, но если ты его об этом попросишь*. Таким образом, именно благодаря тому, что эти средства связи являются разноуровневыми, они оказались между одними и теми же предикативными единицами.

Очевидная близость трансформы и бипредикативного построения с двумя линиями связи заставляет задуматься о том, являются ли они отдельными синтаксическими моделями, или же бипредикативные построения всего лишь неполная реализация моделей с тождественными предикативными единицами. Исходя из того, что в рассматриваемых построениях нет нарушения логико-семантических отношений, все компоненты построения связаны синтаксическими отношениями, которые оформлены грамматически (подчинение и условные отношения на первом уровне конструкции, ср.: *Он вернется, если ты его об этом попросишь*, а также присоединение и присоединительно-ограничительные отношения на втором уровне, ср.: *Он вернется, но если ты его об этом попросишь*), мы считаем, что бипредикативные построения не являются речевой реализацией построений с тождественными предикативными единицами.

Это самостоятельная синтаксическая конструкция, принадлежащая языку. Она демонстрирует один из системных принципов русского синтаксиса – принцип разноуровневой организации синтаксических структур, который характеризуется тем, что связи и отношения в построении формализованы средствами, принадлежащими разным уровням синтаксической системы.

На основе этого принципа строится достаточно большой круг синтаксических построений (например, пояснительная конструкция, присоединительная конструкция, построения с обособленными оборотами и др.), но наиболее ярко этот принцип демонстрируют конструкции с вторичной союзной связью, одной из разновидностей которых можно признать рассматриваемые построения.

«Свободные» синтаксические формы имени: сорок лет спустя

Г. Н. Сергеева

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

galiniks@mail.ru

Активные процессы в языке, синтагматическая изолированность лексем.

Summary. The paper describes the use of free text-specific syntactic forms of the name. There is evidence of expanding the scope of their use and syntactic function.

В конце 60-х – начале 70-х годов XX века Г. А. Золотовой было разработано учение о синтаксической форме слова как

первичной единице синтаксиса. В ряде работ, в частности в докторской диссертации, в опубликованном сорок лет назад

«Очерке функционального синтаксиса русского языка», на большом фактическом материале прослеживается активизация свободных синтаксических форм имени. Делается вывод о наметившейся в русском синтаксисе тенденции «к высвобождению слова из «принудительных», допредложенческих связей, к развитию <...> отдельности слова в словесном ряду» [1: 18]. Эти принципиально важные мысли Г. А. Золотовой, нашедшие воплощение в ее более поздних трудах, а также положение о том, что «язык существует, осуществляется в текстах» [2: 529], не только остаются актуальными в наше время, но и поучают всестороннее развитие в работах, посвященных анализу активных процессов в современном русском языке.

Наши наблюдения, основывающиеся на изучении функционирования лексикализованных предложно-падежных словоформ (далее – ЛСФ: для справки, в результате, по порядку и т. д.), частного случая словоформ свободных, в основном в современной газетной публицистике, сводятся к следующему.

1. В современном русском языке сложилась большая группа ЛСФ, специализирующаяся на выражении различных текстовых отношений: последовательности: начала – продолжения / порядкового продвижения – завершения (для начала; в дальнейшем, в перспективе, по порядку; в заключение, в завершение и т. д.), результативности (в итоге, в результате, в сухом остатке), обобщения (в общем), причинно-следственных отношений (в доказательство / для доказательства, в подтверждение / для подтверждения, в ответ и т. д.), введение иллюстрации (к примеру / для примера, для иллюстрации, для наглядности), введение сведений справочного характера (для информации, для справки, к сведению / для сведения), введение попутного замечания (к слову) и др. Обычная позиция ЛСФ – инициальная. Они выступают в функции текстовой скрепы. Напр.: <...> Продавцы уверяют, что горбуша камчатская, нового «урожая», хотя по виду иной рыбины никак не скажешь. **В подтверждение** показывают документы на партию рыбы, оформленные в первых числах июля (Владивосток. 10.08.11).

2. Продуктивной моделью текстовых связей, по наблюдениям А. Ф. Прияткиной, является скрепа-фраза, в которой она видит *грамматический неологизм*, востребованный складывающимися моделями новых текстовых структур. Напр.: *Модернизировать СМП, конечно, нужно – этого никто не отрицает. Но реформа неотложной помощи бессмысленна без тотальной реформы поликлинической и стационарной службы. / И к слову. Всемирная Организация Здравоохранения признала нашу «скорую» лучшей системой оказания помощи в мире* (Медэксперт.6.06.11); *Почему на один день приходится всегда четыре разные конференции, где ты должен быть, не знаю. Но так обычно и бывает. Это такая экзистенция суеты. / В общем: одновременно или ежегодный мировой конгресс ПЕН-клуба в Белграде и фестиваль «Киношок» в Анапе. Оба события мне были важны – совпали до дня* (Новая газета во Владивостоке. 20.10.11).

3. В качестве дискурсивного слова ЛСФ функционируют в позиции ответных реплик-реакций в диалогической речи: они передают согласие, но в эмоционально-экспрессивной форме. Напр.: – *Жилищный кодекс предоставляет такую возможность? / – Без проблем. Кодекс защищает позицию «я – собственник жилья»* (Владивосток. 19.04.05); *Извес-*

тия: <...> Сами жить на тридцатом или сороковом этаже согласились бы, Юрий Михайлович? / Лужков: Без просов, хотя, честно говоря, пока выше седьмого не забирался. Юность вообще прошла на первом этаже (Изв. 29.12.08).

4. Вовлечение ЛСФ в композиционное членение текста: 1) Оформление текста по принципу «рамки» – при выражении широких отношений последовательности. 2) Переключение из одного модального плана в другой: оппозиция «несоответствие реальной действительности / соответствие реальной действительности». Напр.: *миф (аргумент) первый... – на самом деле*. Употребление подобных служебных лексем с корреляционным компонентом характерно для текстов медицинской направленности, напр. АиФЗд: <...> *Аргумент третий: Аптечные витамины могут вызвать аллергические реакции. / На самом деле: Как раз натуральные продукты провоцируют аллергию чаще <...>* (АиФЗд. 2011. № 51). 3) Позиция заголовка. На смену эмоционально не окрашенным заголовкам 70-х годов с номинативно-информативной функцией приходят заголовки, оформленные как особого типа фразеологизированные предложения с императивным значением, организованные ЛСФ: *Без разговоров!* (Изв. 7.04.08); *Только без паники!* (Владивосток. 28.10.08). 4) Название рубрик: *В конце концов* (рубрика на последней странице «Известий» – 2009–2010 гг.; вместе с тем это и представление необычного, сенсационного материала); *На посошок!* (название рубрики в пятничном номере газеты «Владивосток»); *No comment* («Изв.» 2009–2010 гг.) – комментарий к обзору зарубежных, обычно английских газет. 5) Введение фрагмента текста, своеобразной вставки в основной текст, усиливающей его информативность (к слову, для справки). Обычно такой фрагмент выделяется графически, цветом, шрифтом.

5. Расширение сферы употребления ЛСФ, в частности: 1) функционирование в рекламных текстах. Так, в рекламно-информационном еженедельнике «Дальпресс» в разделе «Услуги» помещена реклама одного из рекламных агентств, работающих в сфере услуг, под названием «*На десерт!*» (2008–2010 гг.); 2) употребление в поликодовых сообщениях: фотоснимок и подпись под ним; телевизионный ролик, не сопровождающийся текстом, и надпись в углу экрана. В креолизованных текстах наиболее частотна лексема *без комментариев*, которая акцентирует внимание на рисунке и создает дополнительный смысл с определенной оценкой – положительной или отрицательной.

6. Таким образом, можно говорить о живых в языке тенденциях в употреблении ЛСФ: тенденция к позиционной отдельности лексем, проявляющаяся в разной степени отчлененности ЛСФ от основного текста; наполнение сложившихся в языке моделей ЛСФ новым содержанием (использование стилистически сниженной лексики и окказиональных образований); тенденция к расширению синтаксической сочетаемости и как следствие – употребление словоформы в несвойственном ей значении и др.

Литература

1. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка: Дисс ... доктора филол. наук. М., 1971.
2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

К вопросу о типологии сложных предложений в русском языке

Е. Г. Сидорова

Волгоградский государственный университет

elenasi@mail.ru

Сложное предложение, синтаксическая связь, присоединительные сложные предложения, полипредикативность.

Summary. The paper presents different approaches to the classification of the composite sentences. It is suggested to consider the conjunctive sentences as a separate variety of the composite sentence.

Разработанная в середине XX в. типологическая классификация сложных предложений, в рамках которой они делятся на бессоюзные и союзные, при этом союзные представлены двумя разновидностями: сложносочиненные (далее ССП) и сложноподчиненные (далее СПП) предложения, разделяется не всеми учеными. Так, авторы Краткой рус-

ской грамматики при определении понятия сложного предложения исходят из обязательного наличия союзов или союзных слов, оформляющих грамматические отношения между его частями. В соответствии с таким пониманием выделяются лишь две разновидности сложного предложения – ССП и СПП. Полипредикативные конструкции, ха-

рактирующиеся отсутствием союзной или местоименной связи между частями, признаются бессоюзными соединениями (сочетаниями) предложений [1: 692].

Н. П. Перфильева, напротив, настаивает на расширении типологии сложных предложений. Она полагает, что сложившаяся бинарная оппозиция союзных предложений не охватывает 1) предложения с присоединительной связью; 2) предложения с двухместными союзными скрепами. Нельзя не согласиться с автором в том, что «двухместные союзные скрепы, как и конструкции, в которых они функционируют, изучены недостаточно. Более того, они нечасто привлекают внимание лингвистов, именно этим объясняется нечеткость представления о месте конструкций с языковыми формами, подобными *едва...*, *как...*; *чем...*, *тем...*; *хотя...*, *тем не менее...*; *правда...*, *однако...*; *как ни...*, *а...*; *пусть...*, *но...*; *лишь только...*, *едва...*; *как...*, *так...* и т. п.» [2: 100]. Между тем анализ ряда языковых фактов, которые приводит Н. П. Перфильева в качестве примеров этой особой группы сложных союзных предложений, вызывает возражения. Вряд ли есть достаточные основания не рассматривать предложение *Как бы ни формировался музыкальный вкус человека, все равно все начинается с песни* в рамках СПП, предикативные части которого соединены союзным словом *как ни*, «употребленным для присоединения придаточной части сложноподчиненного предложения (придаточного уступительного) и указывающим на то, что содержание главной части является истинным независимо от интенсивности действия, яркости проявления состояния, о которых говорится в придаточной части» [3: 161]. Предложение *Правда, мы отступили, но немец мнетя на месте и боится идти за нами* тоже не может быть отнесено к особому разряду, а является ССП, предикативные части которого соединены сочинительным союзом *но*. Словоформу *правда*, полагая, в данном случае нужно рассматривать в качестве вводного слова, «употребленного для подтверждения, признания правильности того, что сказано ранее» [3: 280]. По нашему мнению, предложения типа 1) *Едва я вступил на опушку леса, как сразу наткнулся на кабанов*; 2) *Пусть он без образования, но опыта у него хватает*; 3) *Хотя он с виду грубоват, однако сердце мягкое* едва ли есть основания выделять в особую разновидность сложных предложений, опираясь лишь на формальное присутствие во второй предикативной части компонентов *как, но, однако*, которые, без сомнения, способствуют внесению дополнительного семантического оттенка (минимального временного интервала между событиями первой и последующей частей, как в предложении 1, или уступительного значения, как в предложениях 2 и 3). Дело в том, что наиболее четко данное значение выражают сами подчинительные союзы *едва, пусть, хотя*, а названные выше вторые компоненты так называемой союзной скрепы вообще могут быть опущены. Ср.: 1) *Едва я вступил на опушку леса, сразу наткнулся на кабанов*; 2) *Пусть он без образования, опыта у него хватает*; 3) *Хотя он с виду грубоват, сердце мягкое*. Таким образом, выделение в особую разновидность сложных предложений с двухместными союзными скрепами на данный момент не представляется достаточно обоснованным.

Что касается присоединительных сложных предложений, то их трактовка в большинстве современных источников

весьма противоречива и непоследовательна. Н. П. Перфильева, характеризуя присоединительную связь, отмечает внешнее сходство ее со связью сочинительной: «предикативные единицы формально равноправны, и оформляется связь только частично специализированными союзами (*да и, к тому же, притом, впрочем*)» [2: 99]. Основное различие между сочинительной и присоединительной связью в полипредикативных конструкциях, по Перфильевой, «базируется на различной интонации: если сложносочиненное характеризуется плавной интонацией на стыке предикативных единиц, то в присоединительной конструкции голос понижается, пауза по длине приближается к паузе конца предложения, затем следует резкое повышение голоса после паузы» [2: 99–100]. В итоге исследователь приходит к выводу о том, что «сложносочиненные и присоединительные сложные предложения включают в свой состав грамматически равноправные предикативные единицы, а различаются союзными средствами и интонацией» [2: 100].

Не умаляя значения интонационного оформления в организации сложных предложений различного типа, тем не менее основное отличие присоединения от сочинения и подчинения мы прежде всего связываем с его семантической и формальной спецификой. При присоединении постпозитивный (реже – интерпозитивный) элемент возникает в сознании говорящего непосредственно в процессе высказывания, поэтому основная часть фразы всегда автосемантически, а присоединяемый компонент представляет собой дополнительное суждение, конкретизирующее, расширяющее или характеризующее информацию базовой части, что не дает оснований для того, чтобы рассматривать присоединяемую предикативную часть как равноправную с базовой и автосемантическую. Среди союзных средств, вводящих присоединяемый элемент, можно выделить не только специфические, собственно присоединительные союзы (*да и, причем, к тому же* и т. п.), но и союзы, союзные слова, омонимичные сочинительным или подчинительным. По-видимому, именно формальное тождество подобных слов и способствует тенденции к рассмотрению полипредикативных конструкций со значением присоединения то в рамках ССП, то в рамках СПП. Мы согласны с Н. П. Перфильевой в том, что предложения типа *Молодость давно миновала, да и все с нею связанное отлетело прочь* некорректно рассматривать в рамках ССП. Более того, мы полагаем, что неправомерно рассматривать в рамках СПП и предложения типа *Солнце било прямо в глаза, что мешало смотреть*, поскольку в них невозможна постановка вопроса от формально главной части к формально зависимой.

По нашему мнению, полипредикативные конструкции со значением присоединения обладают собственными структурно-семантическими характеристиками, не позволяющими рассматривать их в рамках традиционно выделяемых типов сложных предложений.

Литература

1. Краткая русская грамматика. М., 2002.
2. Перфильева Н. П. Возвращаясь к вопросу о типологии союзного сложного предложения // Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике Тюмень, 2010. С. 95–101.
3. Словарь структурных слов русского языка. М., 1997.

Закономерности выбора единственного или множественного числа глагола в конструкциях типа «те, кто пришел» / «те, кто пришли»

М. И. Сидорова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

mariya.sid@gmail.com

Русский язык, сложноподчиненное предложение, местоименно-соотносительные придаточные, корпусная лингвистика, синтаксис.

Summary. In the course of the research, the use of constructs of the type "te, kto prishel" / "te, kto prishli" was analyzed on the base of the National Russian Corpus. As a result, some reasons for the usage of the constructs by particular authors could be systemized, usage regularities and genres which require a particular constructs could be seen. In the future, the research of the semantic significance of each construct from a series of such constructs is planned.

В русском языке существуют две считающиеся синонимичными конструкции: «те, кто глагол в ед. ч.» и «те, кто глагол во мн. ч.» (ср.: «те, кто пришел» и «те, кто пришли»). Обе конструкции в грамматиках считаются нормативными

(см. [2: 267–268; 3: 244]). Несмотря на это, в некоторых адресованных школьникам пособиях и в тестах ЕГЭ конструкция «те, кто пришли» трактуется как неправильная (см., например, [1: 16, 148]). Более подробно об этом см. [5].

Здесь представлены результаты сопоставительного анализа употреблений данных конструкций у разных авторов на материале Национального корпуса русского языка.

Как и ожидается, 1-ая конструкция (ед. ч.) гораздо более употребительна: на 14017 вхождений с ед. ч. приходится 836 конструкций с мн. ч. Конструкция с глаголом в ед. ч. появляется в Корпусе с 1733 г., первая фиксация конструкции с глаголом во мн. ч. относится к 1814 г.

Многие авторы преимущественно используют конструкции 1-го типа (ед. ч.). Это Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, М. А. Булгаков, В. М. Шукшин и другие. Например, у Ф. М. Достоевского на 7 вхождений конструкции 1-го типа (ед. ч.) приходится 1 вхождение конструкции 2-го типа (мн. ч.), причем данное употребление конструкции найдено в реплике персонажа, которому автор явно не симпатизирует. А в произведениях А. П. Чехова на 16 более частотных конструкций не приходится ни одной со мн. числом.

Есть два произведения, авторы которых предпочитают конструкции 2-го типа (мн. ч.). Это «Воспоминания о польском восстании 1830–1831» (1837) Н. И. Голицыной (8 мн. ч. / 1 ед. ч.) и Далекое, близкие. Воспоминания (1979) Андрея Седы (5 мн. ч. / 2 ед. ч.). Интересно, что оба произведения относятся к мемуарному жанру, то есть, написаны относительно свободным стилем и редактированию были подвергнуты минимально. Подробнее см. [4].

Однако у большинства исследуемых авторов используются оба типа конструкций, например, у Л. Н. Толстого (85 ед. ч. / 24 мн. ч.) и многих других. Мы выдвинули две гипотезы о том, чем может определяться выбор числа у авторов, допускающих оба числа. Во-первых, возможна такая взаимосвязь: если слово *тот* стоит в форме Им. п. и находится в позиции подлежащего, то в большинстве случаев используется глагол мн. числа. Если *тот* стоит в форме косвенного падежа, то вероятнее использование формы ед. числа. Во-вторых, была исследована возможная зависимость числа глагола от форм других глаголов, связанных с вершиной конструкции, чтобы проверить гипотезу о том, что выбор числа связан с формой глагола, который соотносится с объектом, указанным вершиной. Исследование проводилось на текстах В. С. Гроссмана (45 ед. ч. / 10 мн. ч.), А. И. Солженицына (48 ед. ч. / 13 мн. ч.).

В ходе данного исследования все исследуемые предложения были разделены на три группы:

I группа: глагол в конструкции единственный в предложении, нет параллельных придаточных (или параллельные придаточные имеют вершину, относящуюся к тому же объекту) и глаголов, относящихся к данной вершине.

• *Она заставляет сжиматься и беспечные сердца тех, кто едет в столицу гостить, рыскать по магазинам, сходить в зоопарк, планетарий.* [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989, НКРЯ].

• *Разве это дело – навещать тех, кто есть не просит?* [А. И. Солженицын. Крохотки (1958–1960) / 1958–1960, НКРЯ].

II группа: число глагола в конструкции и число глагола, относящегося к той же вершине, совпадает.

• *...а интеллигенция современная вовсе не отчуждена от современного государства: те, кто ощущают так – сами с собой или в узком кругу своих, зажато-тоскливо, обреченно, отданно, – не только держат государство всею своей повседневной интеллигентской деятельностью, но принимают и исполняют даже более страшное условие государства: участие душой в обязательной общей лжи.* [А. И. Солженицын. Образованщина // «Новый мир», 1974, НКРЯ].

III группа: число глагола в конструкции и число глагола, относящегося к той же вершине, не совпадает.

• *Если бы те, кто говорят о богатстве евреев и о том, что у них всегда накоплено на черный день, посмотрели на наш Старый город.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960), НКРЯ].

У В. С. Гроссмана встречается 29 предложений первой группы, 7 предложений второй группы и 6 конструкций третьей:

• *– Вот, понимаешь, – говорил он, – те, кто звонили каждый день, стали позванивать, а те, кто позванивал, вообще перестали звонить.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960), НКРЯ].

У А. И. Солженицына на 34 предложения первой группы встречается 7 предложений второй группы. Третья группа у Солженицына не представлена.

Оказалось, что форма параллельного глагола, имеющего отношение к вершине нашей конструкции, не всегда влияет на выбор формы глагола в самой конструкции. В примерах из В. С. Гроссмана мы видим, что автор может использовать в одном предложении разные формы числа для однородных сказуемых-глаголов:

• *Те, кто борется за свое частное добро, стремятся придать ему видимость всеобщности.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960), НКРЯ].

Итак, в результате исследования текстов А. И. Солженицына и В. С. Гроссмана – двух авторов, допускающих конструкции и «те, кто глагол в ед. ч.», и «те, кто глагол в ед. ч.» – была подтверждена гипотеза о том, что в некоторых случаях форма слова «тот» влияет на число глагола. Предположение о том, что число глагола, который имеет отношение к той же вершине, всегда влияет на число глагола в конструкции, не подтвердилось.

Литература

1. Девятова Н. М., Геймбух Е. Ю. ЕГЭ. Русский язык. Типичные ошибки. М., 2013.
2. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Изд. 16-е. М., 2012.
3. Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2.
4. Сидорова М. И. Выбор формы числа глагола в конструкциях типа «те, кто пришел» / «те, что пришли» на материале Национального корпуса русского языка. В печати.
5. Холодилова М. А. Относительные предложения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм, [http://rusgram.ru]). На правах рукописи. В печати.

Проблема авторского выбора референциального выражения в тексте

Г. Д. Скар

Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону)

sknar.galinadmitrievna@yandex.ru

Точка референции, тематический компонент, фокус внимания.

Summary. The paper analyses the problem of author's identification of real objects in the process of their reflection in the text. The point of reference functions as the local thematic component in the certain domain. It can be expressed by either the personal pronoun or the full nominal expression.

Авторская идентификация объектов реальной действительности с целью их отражения в художественном тексте задействует разнообразные сенсорные и концептуальные процессы. Даже в рамках одной и той же ситуации объект может восприниматься автором исходя из разных точек зрения, обладать неоднозначными и незавершенными образами. Лингвистическая референция первично предполагает установление отношений в большей степени между языковыми выражениями и ментальными концептами, нежели между языком и объективной реальностью (внешним ми-

ром). Различные концепты обладают неодинаковыми стадиями активации в сознании индивида, порождающего и интерпретирующего текст. Данным стадиям соответствуют определенные языковые категории: типы референциальных выражений кодируют информацию, принадлежащую текущей ментальной доступности дискурсивной сущности, отраженной в сознании участников коммуникации. В частности, личные / нарицательные существительные и местоимения манифестируют различный объем информации, заложенный в референт. Авторский выбор референциального

выражения зависит от оптимальной информационной насыщенности референта в рамках текущего контекста употребления. Например, только что упомянутый референт локализуется в передней зоне сознания собеседников и поэтому требует высокой степени имплицитности последующего выражения. Так, для его номинации в тексте достаточно употребить личное местоимение.

Точка референции функционирует как локальный тематический компонент в рамках заданного семантического домена. Местоимение задействуется в анафорической функции в том случае, если обнаруживается антецедент, который способен функционировать как точка референции для интерпретации этого местоимения. Полное номинативное выражение используется в этой функции, если непосредственный контекст его употребления находится вне рамок домена соответствующей точки референции. Организация точек референции и соответствующих доменов определяется самим характером выдвижения номинативного выражения (статуса его точки референции) и его концептуально-семантическими связями с кореференциальными анафорическими выражениями. Фактор точки зрения оказывается существенным в процессе организации точки референции (и соответствующего домена) в силу субъективной характеристики номинативного выражения (существительного или местоимения).

Проанализированные выше факторы организации точки референции (и соответствующего домена) определяют выбор анафорического средства в функции тематического компонента. Проиллюстрируем организацию точек референции и соответствующих доменов в художественном тексте посредством следующего примера:

1. (1) *Чащину захотелось курить.* (2) *Вспомнил, что сигареты лежат в кармане пальто.* (3) *Поднялся, почему-то крадучись направился в прихожую...* (4) *Димыч шуршал пакетами, какой-то одеждой, скрипел футлярами кассет.* (5) *Найдя пачку «Винстона», Чащин вернулся на кухню, сел туда, где обычно сидел в последнее время, – между столом и холодильником...»* (Р. Сенчин. Лед под ногами).

В первом предложении субъект, обозначающий персонажа, обладает статусом первичной точки референции. Во втором и третьем предложениях – вследствие отсутствия в контексте повествования других референтов – персонаж в референтном отношении выражается посредством нулевой анафоры. В четвертом предложении наблюдается нарушение концептуальной связности повествования, поскольку акцент читательского внимания смещается на другого персонажа. Это, в свою очередь, свидетельствует о завершении референтального домена, связанного с первым персонажем. Введение локальной темы *Димыч* ослабляет сильную позицию первичной точки референции *Чащин*. В последующем контексте повествования читательское внимание снова смещается к первому персонажу, порождается новый домен, связанный с этим персонажем, а поэтому в целях референтного указания на него в рамках нового контекста задействуется имя собственное. Анализируемый сегмент

текста включает два тематических компонента, с которыми связаны соответствующие три домена. В процессе развития повествования эти домены «вклиниваются» друг в друга.

Поскольку глобальная дискурсивная тема может занимать сильную позицию на всем протяжении художественного повествования, в контекст главной точки референции может включаться несколько референциальных доменов. Например, когда повествование ведется об одном и том же персонаже, те текстовые сегменты, в которых непосредственно не сообщается об этом персонаже, в некотором отношении интерпретируются читателем по отношению к нему и, как правило, с его точки зрения. В подобных случаях, когда главный персонаж предстает темой связанных высказываний и выразителем превалирующей точки зрения в повествовании, информация о нем занимает в тексте сильную позицию, в референтальном отношении упоминание о нем передается анафорическими местоимениями, даже если в тексте содержится упоминание о других персонажах. Пример (2) иллюстрирует тот факт, как статус глобальной точки референции предопределяет использование личного местоимения 3-го лица ед. ч. в анафорической функции в плане обозначения главного персонажа:

- (2) *Пальтяев отивырнул... камни... Он следил, как рушится розовая бумага, сползая с нар, потом поглядел на берег через дыру в брезенте. Там все еще варился суп на костре, сидела собака, дядя Вася выливал из бидона в миску топленое масло... А Шашурин смотрел, как желтой струей вытекает масло и моргал. Он тоже моргнул, поглядел на Шурыгина, на дядю Васю, опять на струю и подумал, что это масло похоже цветом на яичный желток. Он сел на нар, закурил, потом стал собирать камни...* (И. Крупник. Долго жить).

Приведенный текстовый сегмент свидетельствует о том, как референтное указание на главного персонажа осуществляется посредством местоимения 3-го л. ед. ч. в рамках отдельного абзаца, хотя в тексте обнаруживаются объективные факторы для повторного введения имени собственного в анафорической функции. К этим факторам, в частности, можно отнести переключение читательского внимания на последующие действия главного персонажа (*он тоже моргнул, поглядел, подумал, сел, закурил*), присутствие в повествовании двух других персонажей. В анализируемом фрагменте репрезентируется процесс восприятия главным персонажем окружающей действительности, что, возможно, усиливает его статус глобальной точки референции.

Таким образом, в основе референциальных отношений лежит наделение определенной индексальной характеристики некоей сущности в акте восприятия с целью определения ее индивидуальности, неповторимости. Наделение индексальной характеристикой дает возможность автору порождать в тексте цепочки лингвистических референций, что выделяет описываемый объект на фоне других объектов, индивидуализирует его постоянные и переменные характеристики, даже если повествование не ведется о нем в данный момент или он описывается под другим углом восприятия.

Если так и если не так в предложении и тексте

Г. Д. Фигуровская

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

ellina@yelets.lipetsk.ru

Условно-следственные отношения, скрепы-фразы, метаконструкции, парадигма, функционирование в тексте.

Summary. *If so* and *if it is not so* perform anaphoric function in relation to pre-text and at the same time express condition-and-effect relations: *if so* indicates condition which corresponds to pointed out in pre-text, *if it is not so* indicates condition reverse to pointed out one. These units are complete reduction of methaconstructions which conclude the pronoun *this* and the verb *to be* in past and future forms and in the form of conjunctive mood, all of them make up the paradigm of methaconstructions.

Устойчивые единицы *если так* и *если не так*, выступая главными частями сложноподчиненного предложения, выполняют, благодаря местоименным наречиям, анафорическую функцию по отношению к предтексту (представляют собой скрепы-фразы) и одновременно выражают условно-следственные отношения: маркируют одно из альтернативных условий и соответствующее ему следствие. *Если так* указывает на условие, соответствующее указанному в предтексте, *если не так* – на условие, противоположное указан-

ному: – ...Любовь должна заключаться в устранении всего того, что так или иначе вредит людям и угрожает им опасностью в настоящем и будущем. Наши знания и очевидность говорят вам, что человечеству грозит опасность со стороны нравственно и физически ненормальных. **Если так, то боритесь с ненормальными.** [А. П. Чехов. Дуэль (1891)]; – Вы-то сами участвовали в планировании боя? Кто его разрабатывал? Вы или не вы? Я привык к тому, что это лежит на обязанности начальника штаба. И как

будто мы с вами в одних училищах учились. **Если не так, давайте заранее внесем ясность!** [Константин Симонов. Живые и мертвые (1955–1959)]. *Если так и если не так* широко распространены в диалогах: присоединяют ответную реплику, содержащую условно-следственные отношения.

Эти единицы синонимичны сочетаниям *если да и если нет*. Вместо союза *если* употребляются союзы *коли, ежели: коли / ежели так (не так)*. Союз *раз*, обычно причисляемый к условным, соединяется только с местоименным наречием *так: раз так*. Устойчивость, формальность состава и выражение синтаксических отношений дают основание включить эти единицы в состав средств выражения синтаксических отношений, наряду с союзами. Это доказывается возможностью замены *если не так* союзами альтернативной мотивации *иначе, а то, а не то*. *Если так* аналога среди союзов не имеет.

Рассматриваемые единицы являются полной редукцией метаконструкций, в которые входит еще и местоимение *это*, а также глагол *быть* в формах прошедшего и будущего времени и сослагательного наклонения: *если это так / если это не так; если это было (будет, было бы) так / не так*, следовательно, они составляют парадигму, поэтому рассматриваемые единицы также представляют собой метаконструкции.

Вместо глагола *быть* используются и синонимичные бытийные глаголы, в результате парадигматический ряд данных связующих средств пополняется стилистическими и семантико-стилистическими синонимами: *если так вышло / выходит / случилось / случается / получилось / складываются дела и пр.*: *Пусть читатель ничему не удивляется в этой удивительной истории. Я и сам отлично понимаю, что никаких писем в Корчеве не могло быть получено, но что же делать, если так вышло. Ведь, собственно говоря, и в Корчеве никто из нас не был, однако выходит, что были.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (1877–1883)]. Данные метаконструкции могут быть распространены второстепенными членами предложения: *Только в мудрой доброй сказке всегда даровано человеку чудо разгадать вдруг под человеческим обликом черную душу. Впрочем, если было бы так в жизни, создатель заскучал бы...* [Екатерина Маркова. Тайная вечеря (1990–2000)]. Однако эти особенности не лишают их функции связи и средства выражения отношений, что обеспечивается наличием местоименного наречия, а значение бытийности в любом случае является значением высокой степени абстракции, т. е. грамматическим (синтаксическим).

Если так и *если не так* и более развернутые члены их парадигмы выполняют все частные функции условно-следственных предложений и имеют все их семантические разновидности, или, по крайней мере, основные. Они объединяются с частицами: *даже, и, уж, ну* и др., формирующими семантические разновидности условно-следственных кон-

струкций. Так, частицы *даже*, и формируют семантику исключительного условия, при котором сохраняется следствие, вытекающее из других условий (такое значение обычно трактуется как уступительное): — *Ну, я своим покупателям уже ровня. Почти. — Ой ли? Даже если так, не могу тебя обрадовать: это очень плохо.* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]. *Если так и если не так* могут входить в ограничительную конструкцию: *В тоске, в ужасе, в бешенстве выбежал многострадальный господин Голядкин на улицу и стал нанимать извозчика, чтоб прямо лететь к его превосходительству, а если не так, то уж по крайней мере к Андрею Филипповичу, но — ужас! извозчики никак не соглашались везти господина Голядкина...* [Ф. М. Достоевский. Двойник (1846)]. При наличии частицы *и*, вводных слов *значит, следовательно, наверное* и под. условно-следственные отношения преобразуются в отношения основания – вывода: *Наука говорит, что в раннем младенчестве мы видим мир опрокинутым. Если это так, то, значит, и я видел мир опрокинутым.* [Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930–1959)]. Рассматриваемые метаконструкции функционируют в качестве самостоятельных вопросительных предложений: *А / что, если так? А / что, если не так?* В таком случае они указывают на неизвестное говорящему следствие или опасение по поводу неизбежного следствия. Благодаря этому данные конструкции способны присоединять раскрытие вероятных следствий, обоснование и пр., которые могут составить развернутый контекст – сложное синтаксическое целое: *В общем, утро не задалось во всех отношениях. И, наверное, лучше настроения для встречи с Панафидиным и нарочно было не подобрать. А встретиться с ним мне было просто необходимо: препарат, найденный в его машине, я считал лыжинским. А если это не так? Ведь знал же я, что Лыжин смог самостоятельно получить метапроптитол. И Панафидин мог получить его сам, а причины, которые заставили их обоих воздержаться от публикации этого сенсационного открытия, могли быть самыми разными. И мне позарез надо было узнать наверняка, есть у Панафидина метапроптитол или нет.* [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)].

Рассмотренный материал дает лишь один пример участия указательных местоимений и местоименных наречий в формировании различных средств выражения синтаксических отношений. Кроме этого, широко распространены сочетания их с предлогами и метасловами: *ввиду этого, при этом / таким образом, по этой причине* и мн. др. под. Их необходимо учитывать в описаниях соответствующих синтаксических категорий, реализующихся в предложении и тексте.

Источник

Национальный корпус русского языка [www.ruscorpora.ru].

Функционирование структурно-семантической модели текста типа «описание» в современной прозе

В. М. Хамаганова

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

vmh2003@inbox.ru

Текст типа «описание», актантное ядро, экстенционал, интенционал, редуцированная структура.

Summary. Structural-semantic model of descriptive text contains extensional and intensional parts. Today in modern literature descriptive text often includes only actantial core. The absence of extended intensional part means that modern literature usually ignores the way of perception (observation) and linguistic means of explication avoid detalization and amplification.

Текст типа «описание» в лингвистических исследованиях однозначно определен как вид текстовых конструкций, подходы же к его изучению – различны (Н. С. Поспелов, М. П. Брандес, Г. Я. Солганик, В. В. Одинцов, О. А. Нечаева, Е. Виттмерс, М. Пфютце и Д. Блей, Г. А. Золотова, С. В. Чебанов и др.)

Как лингвистический объект текст типа «описание», будучи противопоставленным тексту «повествование», получил обоснование в теории функционально-смысловых типов речи, опирающейся на логическую основу экспликации конструкций сверхфразового уровня. Впервые как функционально-смысловые типы речи констатирующие тексты

«описание» и «повествование», а также аргументирующий текст «рассуждение» представлены в работах О. А. Нечаевой [1], [2].

В лингвистической литературе описательный текст имеет развернутую характеристику как стилистическое средство и как темпоральный текст, обладающий набором видо-временных и лексических средств выражения значения синхронности, подчиненное логике восприятия статичного объекта. Каждый компонент описания (как правило, это предикативная единица) обозначает один из признаков описываемого объекта действительности. Так, в примере («Варюша открыла глаза и зажмурилась. С крыши, перегоняя

друг друга, падали длинные капли. Горячий свет бил в оконце. Орли залки.» (К. Паустовский. Стальное колечко) объектом описания является обстановка, наблюдаемая одним из персонажей рассказа. Каждое предложение выражает тот или иной признак этого объекта, в результате перечислен внеязыковой предметный ряд, эксплицирующий признаки обстановки.

Описательный текст как структурно-семантическая модель обладает теми свойствами, которые присущи знаковым системам: в его составе функционируют «постоянные» и «переменные» величины. Применение семиотического принципа, дающего основание классификации сущностей по их функциям (В. Я. Пропп), позволило вскрыть ряд закономерных свойств описательного текста. Семиотический принцип высветил определяющую роль актантного ядра в описательном тексте. Являясь «переменной» величиной в составе описательного текста, актантное ядро, «скрепленное» предикатами со значением «существование» («постоянная величина»), выполняет деривационную, текстообразующую функцию в описательном тексте, ибо именно оно передает содержательную суть текста. Текст типа «описание» обладает воспроизводимыми признаками, аргументирующими языковой характер его сущности, теми признаками, которые определяют описание как языковую модель, — семиотическими свойствами, имеющими онтологическое основание [3].

Например, приведем ряд актантов из одной предметной области: *Равнина. Лес. Река. Дом. Сад*. Связав названные актанты предикатами со значением утверждения существования в единой пространственно-временной точке, можно получить ряд бытийных предложений, образующих описание. Поэтому содержание данного высказывания может быть представлено следующим образом: в поле зрения говорящего существует с правой стороны равнина, с левой стороны лес, впереди река, между ними дом, окруженный садом. В составе актантного ядра содержатся, во-первых, актанты структуры пространства, указывающие на место нахождения предметов, наполняющих пространство (они в теме высказываний), и, во-вторых, предметные актанты, номинирующие эти предметы (в рематической части высказываний).

Подобно изоморфной семантической закономерности, характеризующей слово и предложение, содержащие экстенционал и интенционал значения, определяется таксономия актантных слов в описательном тексте. Описательный текст также имеет две семантические сферы: экстенционалом является наименование объекта, подвергающегося описанию; дифференциальные признаки этого объекта обозначаются предложениями, важными для описания актантной частью, которые представляют собой интенционал описания.

В художественном описательном тексте экстенциональная часть уже дает понятие о наличии классифицирующих признаков, определяющих соответствие объекта действительности определенному классу; интенциональная часть характеризует «специфические» свойства внеязыкового

объекта, позволяющие его выделение из класса подобных предметов.

Описательный текст, обладающий своей семантической структурой, экстенциональной и интенциональной частью содержания, выражает не только информацию о внешних свойствах объекта действительности, но и оценки, мнения говорящего о нем. Именно интенциональные признаки в описании выполняют аксиологическую функцию и характеризуют языковую личность, осуществившую оценку. Так, в интенциональной части описательных текстов из произведений В. Набокова представлены сугубо индивидуальные признаки описываемого пространства: *дырявый сапожок у забора* (в пейзаже), *Людмилано лицо – очень подправленное* (фотография в интерьере), *подошвы со сложной системой нащепок* (в портрете), *нога была препротивная... нестрай, мягкая гадина* (в описании предмета) и др. Только внимательный наблюдатель может заметить и оценить эти частные свойства описываемого пространства.

Современная художественная проза, отличающаяся «телеграфным» стилем, не богата текстами с перечислением деталей воспринимаемого пространства. Ускорение темпов жизни приводит к изменению условий функционирования языка, что проявляется и в использовании структурно-семантической модели описательного текста в художественном целом. Типизированный описательный текст с номинацией объекта действительности, подвергнутого описанию, наличием актантов структуры пространства и предметных актантов пространства в современной прозе вытесняется редуцированной структурой. Наблюдается тенденция к использованию лишь актантного ядра, или номинативных структур, безличных конструкций, нераспространенных предложений: *Березовый лес. Остатки снега. Утреннее солнце*. (В. Сорокин. Диар.) *Погода стоит не очень. Не тепло, не холодно. Сильные ветры и дожди...* (Е. Гришковец. Продолжение жжизни.) *Пахло дымком, опавшей листвою. Пушкинская пора, очей очарованье, октябрь. Уж роца отряхает листья, действительно*. (Л. Петрушевская. Ребенок Тамары). *В полуоткрытую дверь заглянула мать: 43 года, полноватая, каштановые волосы, моложавое лицо, серые лосины, черно-белый свитер, сигарета*. (В. Сорокин. Швейцарский сыр) и др. Из современной прозы все больше исключается способ восприятия пространства – созерцательность, а из языкового изложения – детализация, амплификация.

Литература

1. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1975.
2. Нечаева О. А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. Улан-Удэ, 1999.
3. Хамаганова В. М. Онтологическая основа текста типа «описание» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012 / 2 (43). С. 77–83.

Минимальные и усложненные модели предложений с деепричастием

Г. Н. Чиркун

Волгоградский государственный технический университет

gchirkun@yandex.ru

Деепричастие, минимальные и усложненные структуры, норма.

Summary. The sentence with adverbial participle complicated in main component is described.

В предложениях, усложненных деепричастием, среди абстрактных моделей, различающихся по значению, важно противопоставить модели минимальной и усложненной структуры.

В минимальных структурах употребляются два предиката, один из которых в форме деепричастия. Усложненные структуры представляют собой предложения, в которых главный компонент состоит из двух предикатных слов, аналитическое обозначение одного признака, охарактеризованного в модальном (*хотел учиться, вынужден просить*) или аспектуальном (*принялся писать*), или в модальном и аспектуальном планах одновременно (*пришлось писать, удалось получить*). Главный компонент может быть также ин-

финитивным двухкомпонентным предложением (*Мне приятно работать с вами. Нам необходимо определить тему*).

Рассматривая употребление деепричастий в усложненных структурах, мы отметили существование 3 типов таких структур.

В первом случае главный компонент – это целостное образование, в котором невозможно противопоставить употребление деепричастия к части или к целому. Компонент имеет один модально-временной план, обозначает один процесс, признак или состояние: *Отец успел его прокатить на своем паровозе, напевая любимую песню. Мы начали открывать новые специализированные магазины, одновременно закрывая маломощные отделы оптики в аптеках*.

Во втором случае усложненные структуры имеют два модально-временных плана, и деепричастие может относиться как к сочетанию в целом, так и к инфинитиву в его составе: *Сестры решили, выйдя замуж, ограничиться одним ребенком. Женившись на арестантке, он хочет тем самым искупить свою вину.*

В третьем случае усложненные структуры представлены главным компонентом, где а) сочетается форма с модальностью возможности или необходимости и инфинитив: *Став более крупным, хозяйство должно работать еще производительнее. Приходилось обучать в школе двум норвежским языкам, переводить классическую норвежскую литературу с одного языка на другой, превращая тем самым национальную литературу в переводную;* б) инфинитив соотнесен с формой, обозначающей состояние субъекта: *Что за тоска жить, зная наперед все. Обидно прожить жизнь, не узнав себя.*

Отличие третьего типа от первого состоит в том, что только в первом типе структур деепричастие может обозначать событие, имеющее реальную модальность. В третьем типе, если деепричастие обозначает реальное событие – предложение не соответствует литературной норме.

Предложения усложненной структуры первого типа соответствуют норме литературного языка, так как субъекты главного и зависимого компонентов совпадают, выражаясь именительным падежом в главном компоненте. При совпадении субъектов главного и зависимого компонентов усложненные структуры 2 типа также соответствуют норме.

Употребляя деепричастие в таких предложениях, необходимо помнить, что препозитивное деепричастие не может

иметь модальный план потенциальности, если главный компонент имеет модальный план реальности. В предложении *«Женившись на арестантке, он хочет искупить свою вину»* – «женившись» будет соответствовать *женился на арестантке*. Если необходимо выразить потенциальность события, деепричастие должно стоять в постпозиции по отношению к спрягаемой форме или, еще лучше, к инфинитиву: *Он хочет, женившись на арестантке, тем самым искупить свою вину.*

В третьем типе усложненных структур один их предикатов в главном компоненте выражает модальный план возможности или необходимости, деепричастие не может обозначать реальное событие без опоры на общие знания говорящих. *Охраняя культурную традицию, словарь в то же время не должен быть тормозом развития языка. Проявляя бездушие и общественную инертность, эти люди могут впоследствии долго и убежденно говорить о наших недостатках.* Модальность деепричастного компонента можно определить как потенциальную или условную.

В предложениях, где главный компонент представлен безличным глаголом (*хочется, подмывает, тянет*) или краткой формой прилагательного с оценочным значением, литературная норма рекомендует употреблять деепричастие только тогда, когда оно относится к инфинитиву и имеет модальный план потенциальности: *Мне хотелось здесь привести сведения из первоисточника, почерпнув их от участника событий.*

Выделение усложненных структур позволяет уточнить соответствие норме предложений, усложненных деепричастием.

Конструкции с имплицитной валентностью целевого союза в современном русском языке

Ю. А. Шахмайкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

jusha76@mail.ru

Сложноподчиненное предложение с придаточным цели; метатекстовая функция придаточного с имплицитной валентностью.

Summary. The paper views the Russian conjunction *чтобы* which is used in the clauses with implicit valence bearing metatext function.

Наша цель – проанализировать конструкции с имплицитной валентностью целевого союза *чтобы*. Традиционно союз *чтобы* встречается в конструкциях с двумя заполненными валентностями. На способность *чтобы* употребляться в предложениях с невыраженной валентностью обратила внимание В. А. Белошапкина в [2]. Смысловые отношения частей предполагают невыраженный семантический компонент: значение необходимости данной качественной характеристики для осуществления того, что обозначено в придаточной части [2: 689]: *Я запер дверь так (так осторожно), чтобы никого не разбудить* → *Я запер дверь так (так осторожно), как нужно запирает дверь, чтобы никого не разбудить*. Союз *чтобы* может употребляться и в конструкциях, в которых одна из его валентностей выражена имплицитно, ср.: *Где у нас занятие, чтобы преподавателя предупредить?* Целевая валентность *чтобы* выражена эксплицитно (*преподавателя предупредить*), а валентность на действие – имплицитно (*хочу узнать*). Это предложения с союзом *чтобы*, в которых придаточная часть сообщает о явлении, которое может или не может осуществиться в зависимости от количественной характеристики или качественной направленности того, о чем сообщается в главной части, и имеет гипотетическую модальность желательности или ирреальности. Как отмечает Т. А. Колосова [1], у предложений типа *Я запер дверь так, чтобы никого не разбудить* есть важная отличительная черта: сигналом неразвернутости у них является наличие местоименных коррелятов *так, столько, то* при отсутствии релятивов *как, сколько, какое*.

Предложения с союзом *чтобы*, в которых одна из валентностей выражается имплицитно, можно разделить на две группы. К первой группе относятся предложения типа: *Он такой неаккуратный, чтобы не сказать большего*. Ко второй группе относятся в основном вопросительные предложения: *Чтобы не ошибиться, в котором часу прибывает поезд?* В обеих группах предложений придаточное выполняет метатекстовую функцию.

В первой группе придаточное предложение с союзом *чтобы* используется для того, чтобы прокомментировать номинацию, а также указывает, что эта номинация не совсем точно отражает реальное положение вещей. В первой части говорящий как бы «смягчает» реальную ситуацию, а во второй показывает, что это было именно «смягчение»: *Он такой неаккуратный, чтобы не сказать большего*. При этом возможны именно случаи «смягчения» негативного отношения, а обратные случаи вряд ли возможны, т. е. возможен такой пример: *Она некрасива, чтобы не сказать, что она уродлива*, но вряд ли может встретиться обратный пример, в котором А (*она некрасива*) и В (*она уродлива*) поменяются местами: **Она уродлива, чтобы не сказать, что она некрасива*. Высказывания с союзом *чтобы*, когда говорящий «смягчает» положительную оценку, сомнительны, т. е. возможно такое высказывание: *Она некрасивая, чтобы не сказать, что она уродлива*, – невозможно высказывание в противоположной ситуации: **Она мила, чтоб не сказать красива*. Левую валентность *чтобы* в этих примерах замещает глагол говорения. При эксплицитном выражении второй валентности союза высказывание с *чтобы* первой группы будет выглядеть так: *Скажу, что он грубиян, чтобы не сказать, что он настоящий хам* → *Он грубиян, чтобы не сказать, что он настоящий хам*.

Предложения второй группы представляют собой сложные речевые акты, в котором часть с союзом *чтобы* выполняет метатекстовую функцию и является мотивировкой речевого акта вопроса. Говорящий как бы оправдывает свой вопрос. Левую валентность замещает глагол речи, указывающий на коммуникативное намерение говорящего, ср.: *Чтобы не опоздать, спрашиваю, когда подходит автобус* → *Чтобы не опоздать, когда подходит автобус?*

В дополнение к сказанному выше стоит заметить, что в предложениях первой группы препозиция и интерпозиция придаточного невозможны или сомнительны, а наверняка возможна только постпозиция: **Чтобы не сказать больше-*

го, он такой неаккуратный; ² Он такой, **чтобы** не сказать большего, неаккуратный; Он такой неаккуратный, **чтоб** не сказать большего, – а в предложениях второй группы возможны препозиция, интерпозиция и постпозиция придаточной части: **Чтоб** не перепутать, какие там сеансы?; *Какие там, **чтоб** не перепутать, сеансы?*; *Какие там сеансы, **чтоб** не перепутать?*

Итак, придаточные с союзом *чтобы* в высказываниях, где одна из валентностей выражается имплицитно, имеют мета-

текстовую функцию. Имплицитную валентность в этих высказываниях можно восстановить: это глагол речи для первой группы примеров или иллюкутивный глагол для второй группы примеров.

Литература

1. Колосова Т. А. О сигналах неразвернутости некоторых имплицитных сложных предложений // Синтаксис предложения. Калинин, 1983.
2. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.

Вводные слова и проблема иллюкутивных конструкций

Е. С. Ярыгина

Московский городской педагогический университет

es1957@mail.ru

Синтаксис, сложное предложение, причинно-аргументирующие придаточные, таксис, модусная рамка.

Summary. In the report discusses the features of the introductory words in the Union and conjunctionless designs "a conclusion – justification". It is shown under what conditions the presence in a complex sentence of the introductory words expressing epistemic modality, allows to include the proposal to illocutionary constructions.

1. В современной русистике к вполне традиционным синтаксическим объектам нередко применяются новые термины. В одних случаях они открывают новую сущность, в других – обозначают новыми словами то, что уже было обнаружено, но не получило строгого терминологического обозначения. Речь идет о терминах, применяемых представителями школы лексической семантики к сложным предложениям, в которых выражаются несобственно-причинные, несобственно-условные, несобственно-целевые значения. Так, новые для русской синтаксической науки термины *иллюкутивная конструкция* и *иллюкутивный союз* используются [2] для интерпретации давно известных конструкций типа: – *Ветерок в аллее?* – *Да, потому что листья дрожат* [1: 267].

2. Иллюкутивным употреблением союза считается такое, при котором союз выражает отношение между смыслом одного предложения и речевым актом, соответствующим другому предложению [4: 46–47] или, в другой интерпретации, когда «посредством союза может маркироваться отношение между фактом Q и произнесением высказывания» [2: 431]. Основным принципом интеграции и классификации разнородных иллюкутивных конструкций Л. Н. Иорданская и Е. В. Падучева считают невозможность совмещения в пределах одного сложного предложения разных типов речевых актов (побудительные, вопросительные, повествовательные, восклицательные фразы). В. З. Санников, не соглашаясь с принципом идентификации иллюкутивных конструкций, выдвинутым Л. Н. Иорданской и Е. В. Падучевой, предлагает другую интерпретацию: «иллюкутивные конструкции – это частный вид эллиптических конструкций, это те из них, где нет смысловой связи между частями сложного предложения (между их пропозициями)» [5: 70], поскольку они «ощущаются как неполные, «что-то пропущено», и именно к этому «пропущенному» относится придаточное» [5: 59]. Тем самым к собственно иллюкутивным В. З. Санников относит только конструкции типа *Раз ты все знаешь, какой город – столица Южной Дакоты? Ну, раз хочешь знать правду, отец уехал навсегда.*

3. Н. К. Онипенко (в докладе на IV Конгрессе русистов в МГУ – 2010 г.), основываясь на виноградковском толковании причинно-аргументирующих придаточных, показала, что в несобственных-причинных предложениях нарушаются таксисные соотношения между двумя предикатами. Следовательно, критерием отнесения сложных предложений к разряду иллюкутивных конструкций становится нарушение единого временного периода и наличие двух разных по типу модусных рамок.

4. Анализ конструкций «вывода-обоснования» показал, что важную роль в них играют вводные показатели эпистемической модальности: **Видно**, *я очень переменялась в лице, потому что он долго и пристально смотрел мне в глаза* (М. Ю. Лермонтов); [6]. Конструкции «вывода-обоснования» являются одним из типов иллюкутивных конструкций: в подобных сложных предложениях союзы обнаруживают отношения не между двумя пропозициями (двумя положениями дел), а между модусными составляющими (имплицитными или обозначенными с помощью вводного слова).

5. Вводные слова в союзных конструкциях «вывода-обоснования» соединяются с одноместным союзом и образуют двухместный сложный союз: *Впечатление, произведенное приездом графини, было, вероятно, очень сильно, потому что даже Дениска говорил шепотом; Дымову и чернородому, вероятно, стало совестно, потому что они громко засмеялись* (А. П. Чехов); *И немцы, вероятно, ожидали получить ответ, потому что время от времени их артиллерия умолкала, словно слушая и размышляя* (А. Платонов). Иллюкутивная сущность подобных предложений обнаруживается при изменении порядка следования частей и образовании бессоюзного предложения: *Время от времени немецкая артиллерия умолкала: вероятно, немцы ожидали получить ответ*, – поскольку вводное слово указывает на изменение модуса.

6. Таким образом, конститутивным признаком иллюкутивной конструкции следует признать не столько эллипсис модусных рамок, сколько их несогласованность в пределах сложного предложения. В иллюкутивной конструкции две пропозиции соотносятся с разными модусами.

Литература

1. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 254–294.
2. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в слове. М., 2007.
3. Онипенко Н. К. К вопросу об иллюкутивной семантике подчинительных союзов [http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec05.pdf].
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 2-е изд. М., 2001.
5. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
6. Ярыгина Е. С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка. Монография. М., 2002.

Секция Смысл и средства его выражения

Самопрезентация автора научного лингводидактического текста как учителя

О. Б. Адаева

Челябинский государственный педагогический университет

adaevaob@yandex.ru

Лингводидактический дискурс, речевые стратегии и тактики, самопрезентация в научном тексте.

Summary. The paper describes the speech tactics of author's self-presentation as a teacher in linguodidactic discourse.

Абстрактность и строгая логичность мышления обуславливают подчеркнутую логичность научных текстов, их обобщенность, беспристрастность и нивелирование личностного начала, что предопределяет выбор конвенционально закрепленных лексико-грамматических языковых средств. Однако исследования последних лет доказывают, что и для научной коммуникации свойственна не только познавательная интенция, направленность на поиск объективной истины, но и интенция самопрезентации (см., например, [3]), в том числе и через демонстрацию «престижной интеллектуальности» [2: 108], которая проявляется, например, в использовании усложненного синтаксиса, заимствованной терминологии, глаголов на *-ировать*.

В корпусе научных лингводидактических текстов (лингводидактическом дискурсе) стратегия самопрезентации адресанта реализуется посредством речевых приемов, условно обозначенных нами формулами «я – компетентный ученый» и «я – опытный учитель», которые могут проявляться как имплицитно, так и эксплицитно.

Особенность лингводидактического дискурса состоит в том, что его адресантами являются исследователи, разрабатывающие различные аспекты теории обучения языку, а адресатами – преимущественно школьные учителя, чья работа послужила основой для обобщений и выводов и чьи стараниями новое научное знание может трансформироваться в способы действия по обучению языку (а может оказаться невостребованным, если ученый был недостаточно убедительным). Представление себя в качестве учителя позволяет автору научного текста войти в круг «своих» для адресата, а значит, эффективнее воздействовать на него. С этой целью используются представленные ниже приемы (тактики).

1. Прямое или косвенное указание на учительский опыт (*эта книга – отражение собственного учительского опыта автора; мы не относим себя к ученым-теоретикам... это реализация практического опыта; я учительствую уже 54-й год*).

2. Апелляция к «болевым точкам» – типичным проблемным вопросам или ситуациям, хорошо знакомым многим учителям, при выдвижении гипотезы исследования. Ср. *У учителя часто возникают вопросы: ученик оформляет текст стихийно, спонтанно или вполне сознательно? Можно ли научить школьника управлять собственным речевым поведением? Мы полагаем...* (О. А. Скрыбина. О стратегиях выбора при оформлении письменного текста. Рус. яз. в школе. 2008); *Давно отмечено, что при осмыслении нового материала дети опираются на старые сведения. Однако нередко мы встречаемся и с такими фактами, когда... ранее полученные сведения тормозят восприятие нового* (Л. Г. Вяткин. Методика изложения нового материала. Рус. яз. в школе. 1970. № 3).

3. Иллюстрация теоретических положений упражнениями, заданиями, конспектами уроков, самостоятельно разработанных автором текста.

4. Использование условных (авторских, окказиональных) терминов для номинации методов или форм обучения (*перевод с русского на русский, опрос-кроссворд, урок-вик-*

торина). Подобные квазитермины экспрессивны, не обладают регулярной воспроизводимостью, лишены строгой научности, однако благодаря прозрачной внутренней форме легко усваиваются учениками и часто используется во время уроков.

5. Описание экспериментальной работы, позволяющей верифицировать теоретические установки ученого. Отличительная особенность эксперимента в лингводидактике состоит в том, что явление, составляющее предмет изучения, формируется (создается) в условиях обучения, и автору научного текста демонстрирует не столько приобретенные учащимися знания, навыки, умения, сколько воспроизводимые особенности их формирования в процессе обучения. (На основе каких научных понятий формируется умение? С помощью каких методов и приемов? На каком дидактическом материале?)

6. Использование прецедентных единиц. В условиях, когда «художественный дискурс русской классической литературы на наших глазах утрачивает... значение интертекстуального донора» [4: 138], многие прецедентные тексты (источником большинства из них являются произведения А. С. Пушкина) могут быть адекватно интерпретированы только «своими», «посвященными», тем более что наряду с парольной «хрестоматийные» (по Ю. Н. Караулову) тексты выполняют в лингводидактическом дискурсе и другие функции – информативную, оценочную, прогнозирующую и эстетическую [1].

7. Беллетризация изложения (близкая именно учителю-словеснику), под которой понимается установка не на облегченность и развлекательность, а на уравнивание интеллектуального начала эмоциональным, что позволяет использовать разностилевые языковые средства, в том числе и образные (*слово играет множеством смыслов; затертый до дыр пример; новый континент филологического мышления, открытый «большой» наукой*).

На наш взгляд, представление себя как учителя позволяет автору лингводидактического текста успешнее реализовать цель побудить адресата использовать новые знания для обучения языку и в конечном счете способствует координации профессиональной деятельности ученых и учителей.

Литература

1. Адаева О. В. Функционирование прецедентных текстов в лингводидактическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. 1. С. 22–25.
2. Брагина М. Г. Интеллектуальный дискурс и глаголы на *-ировать* (к проблеме самоописания) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2010. С. 108–109.
3. Кубрак Т. А. Интенция самопрезентации в научном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 2. С. 72–77.
4. Ревзина О. Г. Русский дискурс в XXI веке: структура и структурация // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2010. С. 137–138.

Девербативы в структуре категории оптативности

Е. В. Алтабаева

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева (Москва)

evaltabayeva@mail.ru

Категория, концепт 'желание', оптативность, оптативный девербатив.

Summary. The report examines the participation of verbal nouns in terms of categorical semantics of Optativity. We make conclusion about its ability to transmit a variety of shades of this semantics.

Идея о категориальном устройстве языка позволяет нам понимать категорию как концептуальное объединение объектов, или же как объединение объектов на основе общего концепта [Болдырев 2006: 5]. Существующие в естественном языке средства передачи желательной семантики группируются в категорию оптативности на основе общего для этих средств концепта – концепта 'желание'.

Система средств, которыми располагает категория оптативности в русском языке, организуется по ядерно-периферийному принципу и образует функционально-семантическое поле (см. [Алтабаева 2002: 86–88]). Так, грамматическое представление концепта (формы ирреальных наклонений) занимает ядерное и/или околоядерное положение: *Разгадать бы мне загадку; Разгадал бы я загадку*. Лексико-синтаксические средства образуют периферию с разной степенью удаленности от центра функционально-семантического поля оптативности: *Хочу – Хочется – Хотел бы – Хотелось бы – Я выразил желание – У меня есть желание – Ко мне пришло желание – Мое желание – разгадать загадку*. В этом случае вариативные семантические возможности оптативной ситуации будут значительно шире, что отчетливо прослеживается на парадигматическом срезе средств категории оптативности. Весомую долю в этой парадигме составляют дериваты оптативных глаголов – модальные имена, функционирующие как модусные компоненты предиката (оптативные девербативы).

Именно периферия поля оптативности обнаруживает многообразие оттеночных значений желательности, возникающих, как показывают наблюдения, благодаря не глагольному модусному компоненту (*хотеть, желать, стремиться, пытаться, жаждать, мечтать* и под.), а синтаксическим дериватам – девербативам (*охота, желание, стремление, попытка, жажда, мечта* и др.), которые и выступают в качестве субстантивных репрезентаций концепта 'желание' в оптативных предложениях. Конечно, по семантике и функции они весьма близки к оптативным глаголам, и такая близость позволяет им участвовать на правах модусного компонента, «включенного в форму предиката» [Виноградов 1975: 53–87], в реализации оптативной внутри-синтаксической модальности, с одной стороны, и сочетать функционально-семантические свойства глагольного слова с грамматической формой имени, с другой.

Отмеченными особенностями девербативов объясняется их «поведение» в оптативных предложениях и особая роль в формировании желательной семантики с ее разнообразными оттенками. В связи с этим возникает вопрос об их отличии от оптативных глаголов. Прежде всего, это отличие кроется в грамматической природе девербативов. Субстантивная форма позволяет им функционировать в качестве грамматического субъекта, обеспечивает наличие согласуемых глагольных и признаков слов, детерминирует иную, нежели у модальных глаголов, синтагматику. Так, если в оптативном предложении модальные глаголы сочетаются с инфинитивом, с предложно-падежной словоформой, с придаточной изъяснительной частью сложноподчиненного предложения, то девербативы употребляются как в составе описательных глагольно-именных оборотов (*выразить желание, иметь намерение; пришла охота, пропало желание*), так и в структуре бытийных предложений (*Есть желание выступить*) и предложений тождества (*Побывать в горах – его мечта*).

Следует отметить, что девербативы встречаются в разных типах описательных глагольно-именных оборотов с семантикой желательности. Первый тип данных оборотов представляет собой функциональный эквивалент модального глагола в составе предиката оптативного предложения: *хотел увидеть – имел желание увидеть; намеревался уехать – выразил намерение уехать; желал ответить – испытал желание ответить*. Будем называть его *предикатным оптативным оборотом* (переходный глагол сов. или несов.

вида с ослабленным лексическим значением (*иметь, выражать, высказывать, изъяслять, ощущать, чувствовать, испытывать*) + девербатив в форме винительного падежа (*желание, охота, намерение, стремление, потребность* и под.) + инфинитив знаменательного глагола в роли объекта желания.

Глагольный компонент оборота передает своим содержанием различные оттенки, уточняющие позицию субъекта оптативного предложения: а) обладание состоянием желания; б) сообщение о своем желании; в) появление желания либо пребывание в состоянии желания, например: *Однажды Бестужев высказал желание пробежать вместе с Анной на лыжах на соседний остров* (К. Г. Паустовский); *Привалов чувствовал какую-то жгучую потребность выиграть у Ивана Яковича хоть часть проигранных денег* (Д. Н. Мамин-Сибиряк). В последнем примере признаковое слово выполняет функцию интенсификатора желания: *чувствовал... жгучую потребность выиграть*. Такие градуальные характеристики желание получает именно благодаря его субстантивному выражению, когда становится возможно появление согласуемых с модальным именем атрибутивных компонентов, градуирующих концептуальное содержание желания.

Наличие в структуре предикатного оптативного оборота глагольных компонентов с семантикой обладания, говорения, состояния позволяет точнее и глубже передавать концептуальное содержание желания в условиях конкретного речевого акта. Роль субстантивного компонента заключается в номинации концептуального содержания как собственно желания (*желание, охота*), желания-намерения (*намерение*), желания-стремления (*стремление*), желания-потребности (*потребность*) и т. д., что полностью соответствует функции модальных оптативных глаголов.

Второй тип описательных глагольно-именных оборотов с семантикой желательности представляет собой предикативное сочетание, в котором модальное имя желания выступает в качестве грамматического субъекта, то есть подлежащего. Не случайно подобные случаи описаны как субъектные модели описательных предикатов (см.: [Макович 1995: 57]). Реальному (семантическому) субъекту желания отводится роль объектного компонента – дополнения. Тем самым позиция грамматического и семантического субъектов не совпадают, что создает особый рисунок лексико-синтаксической желательности в оптативном предложении: *Его томило желание скорее выбраться из переулка и идти домой...* (А. П. Чехов). Обороты этого типа строятся по модели: спрягаемый глагол в личной форме + ОД в форме именительного падежа + инфинитив знаменательного глагола в роли объекта желания. Мы называем их *оптативными предикативными оборотами*. В таких оборотах модальное имя занимает грамматически независимую позицию и само принимает на себя функции субъекта, что придает выражению концепта 'желание' ряд особенностей.

Для русского языка функционирование субстантивных слов с семантикой состояния в качестве грамматического субъекта – достаточно типичное явление (ср.: *меня охватила тоска, в нем поднялась обида, ко мне пришла тревога* и т. п.), причем спрягаемый глагол часто употребляется в переносном значении, что позволяет метафоризировать и персонифицировать предикатурный компонент. В связи с этим состояние субъекта становится самостоятельной субстанцией, существующей независимо от самого субъекта и определенным образом характеризующей процесс когнитивно-познавательной деятельности говорящего. При передаче концептуального содержания желания оптативными предикативными оборотами мы наблюдаем единственный в структуре категории оптативности прецедент выражения желательности той или иной ситуации всем предикативным центром предложения.

Лексические средства имплицитного ввода информации в рекламе косметики*

Н. В. Аниськина

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

yar_nauka@mail.ru

Рекламный текст, лексика, имплицитур.

Summary. The subject of the research is language of advertising. Lexical means of realization of input implicit information are consistently analysed in the paper. The material for the research is magazine ads for cosmetics.

Источником имплицитной информации являются, прежде всего, компоненты, входящие в состав конвенциональной семантики слов и конструкций. На их основе возникают имплицитур, составляющие условия успешности речевого акта. Источники коммуникативных имплицитур очень разнообразны, однако в их основе, как правило, лежат языковые явления: семантика слова (в том числе переносное значение), разные типы синтаксических конструкций, лексико-семантические группы слов в тексте и т. д.

В данной статье мы обратимся к анализу лексических единиц, используемых при имплицитном вводе информации, и рассмотрим, за счет чего они позволяют осуществлять речевое воздействие на сознание реципиента. Материалом для исследования послужили 1500 текстов, опубликованных в глянцево-журналах.

Как известно, особое место в прагматической зоне слова занимает коннотация, то есть те ассоциации, которые носитель языка связывает с данным словом. Оценочность языковой единицы часто является результатом действия такого коннотативного значения, а не ее основной семантики. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров такие слова называют коннотативными. Но есть множество других слов, которые, называя самые обычные понятия, выражают вместе с тем смысловые и эмоциональные оттенки.

Для нас наибольший интерес представляет именно понятие фоновой информации, которое тесно связано с более широким и многозначным понятием имплицитной информацией. В рекламе, в частности в рекламе косметики, так называемые коннотативные слова применяются достаточно широко. Дело в том, что авторы рекламных текстов зачастую прибегают к использованию слов не только в их прямом значении, но и в соответствии с теми ассоциациями, которые они вызывают у реципиента – подразумеваемого потребителя косметического товара.

В зависимости от целевой аудитории (мужской и женской), а иногда и в зависимости от самой товарной категории (средства по уходу за кожей, декоративная косметика и т. п.) можно выделить несколько групп коннотативных слов:

1. Группа слов, связанная с понятием красоты (94 словоупотребления). Чаще всего в текстах рекламы косметических средств используются прилагательные, дающие описательную характеристику результатов использования средства: *соблазнительный, совершенный, прекрасный, роскошный, неотразимый*. За счет введения в рекламный текст подобных слов со значением «максимального проявления привлекательности» потребитель (чаще всего женщина) имплицитно переносит результаты использования рекламируемого косметического средства на свою собственную внешность.

2. Группа слов, связанная с понятием здоровья (87 словоупотреблений). В данной группе слов особо значимыми становятся два типа: глаголы со значением «делать здоровым, улучшать здоровье» и существительные, характеризующие состояние здоровья. Используются такие глаголы, как: *оздоравливает, сохраняет, восстанавливает, укрепляет, заботится*. Среди существительных можем назвать такие слова, как *уход, чистота, упругость, тонус* и др. Если названные глаголы указывают на пользу от использования товара эксплицитно, то роль существительных – имплицитный перенос возможных результатов использования косметического средства на себя.

3. Группа слов, связанная с понятиями качества и надежности (82 словоупотребления). Эти понятия имеют большую значимость как для мужчин, так и для женщин. Выбирая косметическое средство, человек выражает особое доверие к результатам его использования, поэтому так важно в рекламном тексте подтверждение этого доверия. Для этого

используются слова, указывающие на апробированность рекламируемого товара (*протестированные, клинически доказано, под контролем дерматологов, запатентованная* и пр.) Кроме того, мы можем отнести к этой группе и слова, указывающие на эффективность применения средства, высокое качество результата его использования: *результат, надежность, благоприятный / удвоенный эффект, комфорт*.

4. Группа слов, обозначающая достижения производителя косметического средства (70 словоупотреблений): *новшество, революция, инновация, уникальный* и т. п. Подобные лексемы вводятся в рекламный текст с целью показать, что товар или значительно улучшил свое качество, или он лучший на данный момент, или единственный в своем роде. И если первый вариант оправдан в большинстве случаев (поскольку производители косметических средств стремятся модернизировать свои продукты), то по поводу второго и третьего вариантов могут и даже должны возникнуть некоторые сомнения. Однако, несмотря на такую опасность, использование слов данного типа способствует увеличению эффективности рекламного текста. Это связано с тем, что реципиент чаще всего принимает значение этих слов как данность, не сомневается в их правдивости, тем самым относит и сам рекламируемый товар к категории лучших.

5. Группа слов, связанная с понятием чувственного восприятия (42 словоупотребления): обозначения способа воздействия (*ласкает, гладит, охлаждает*), либо чувственного восприятия (*свежесть, нежность, невесомый, мягкий*). Заметим, что для демонстрации достоинств косметического средства используются в основном слова с положительными коннотациями, как правило связанные в сознании реципиента с тактильными ощущениями.

6. Группа слов, связанная с понятием активности (38 словоупотреблений). Как и слова предыдущего типа, слова данной группы наиболее актуальны для рекламы мужской косметики. Значение «активности» может выражаться как при помощи существительных (типа *энергетик, энергия*), так и при помощи глаголов: *действует, активизирует, заряжает* и др. Использование слов этой группы позволяет реципиенту перенести эффект воздействия косметического средства на действия самого потребителя товара: средство активно действует, следовательно, его потребитель тоже наделяется свойством активности.

7. Группа слов, связанная с понятием успешности (33 словоупотребления). Использование слов этой группы характерно в большей степени для мужской рекламы косметики, что связано с актуализацией гендерных стереотипов. К этому типу мы относим слова *решение, уверенность, сила, эффективность* и др. В мужской рекламе подобные лексемы актуализируют понятия личного роста, достижения, успех.

Итак, говоря об особенностях использования лексических единиц при имплицитном вводе информации в рекламе косметики, мы отмечаем следующие особенности: во-первых, активно используются слова в их коннотативном значении; во-вторых, авторы рекламных текстов апеллируют к значимым для потребителей категориям в характеристике товара (косметического средства); в-третьих, использование слов разных тематических групп неоднородно в зависимости от гендерной принадлежности целевой аудитории товара.

В целом мы можем говорить о том, что использование особых лексем в текстах рекламы косметики способствует повышению ее эффективности. Это во многом обусловлено тем, что реципиент сам выявляет особый подмысел в словах и переносит его на рекламируемый товар, наделяя его при этом теми качествами и свойствами, на которые и хотел обратить особое внимание рекламодатель.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 012012784497).

Лингвокультурное пространство Казахстана в метаязыковых высказываниях медийного дискурса

Г. П. Байгарина

Казахстанский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Астана, Казахстан)

oirat60@mail.ru

Языковая рефлексия, метаязыковой комментарий, функции рефлексивов.

Summary. Report is devoted to analysis of metalanguage expressions as reaction to active language processes and as a source of information about changes in the Kazakhstan language picture of the world.

Исследователи подчеркивают важную роль метаязыковой деятельности, которая расценивается как одна из составляющих национальной ментальности: «осмыслению подвергаются наиболее значимые для данного синхронного среза и данной культурно-языковой общности как элементы речевой деятельности, так и ключевые концепты эпохи» [1]. По общему мнению, метаязыковые высказывания могут служить источником информации об изменениях в национальных языковых картинах мира.

Для современного казахстанского медийного дискурса характерно усиление тенденции к вербализованной метаязыковой рефлексии. Метаязыковая деятельность рядовых носителей языка реализуется, в том числе, и в общественных дискуссиях по поводу судеб государственного казахского языка и русского как языка межнационального общения. В этом случае обыденные языковые представления, объединенные с научными, от которых они не отличаются концептуально, могут влиять на решение вопросов языкового строительства. К примеру: *Модно говорить о своем колониальном прошлом, модно рассуждать о роли языка* (www.altyn-orda.kz). *Государственный язык – это национальный вопрос, а его хотят выставить «национальным» вопросом одной, хоть и титульной национальности* (<http://camonitor.com>).

Обыденное метаязыковое сознание предстает в различных проявлениях: это может быть тот тип языкового поведения, который фиксирует поиск и обсуждение наиболее подходящего слова: *...настолько жизнь ожесточилась, перестала быть сентиментальной, стала ...не могу вспомнить эпитет... ну этот, от слова «выгода»... Вот: жизнь стала прагматичной* (Новая газета. № 35, 2012). Или это высказывания по поводу конкретных языковых единиц как проявление реакции носителей языка «на словесное обновление современной эпохи» [2: 416]. Метаязыковое сознание фиксирует появление новых слов, оценивает их, демонстрирует динамику языковых процессов. В этом случае можно говорить о социальной значимости рефлексивов: в них вербализованы реакции носителей языка на происходящие изменения в политической, социальной и культурной жизни общества. Знаменательно, однако, то, что содержанием метаязыковых комментариев часто является переосмысление языковых единиц, которые уже давно и прочно вошли в наш лексикон.

Различные типы дискурсов демонстрируют рефлексивность по поводу взаимодействия русского языка с английским, то есть в этом случае объектом метаязыковой рефлексии являются контактно-языковые явления: метаязыковой комментарий осуществляется как через толкование лексического значения заимствованного слова, так и посредством оценки номинации. Однако для характеристики языковых процессов, происходящих в постсоветских государствах, более важными являются контактно-языковые явления, относящиеся прежде всего к взаимодействию родного языка с русским языком. Так, в казахстанских медиатекстах рефлексивы представляют собой комментарии к словам и выражениям казахского языка, к языковым единицам, значимым для казахстанской социально-политической картины мира. Это может быть оценочно-нейтральный перевод казахского слова или выражения на русский язык: *Наоборот, «кокек оз атын шақырады» (кукушка кличет свое имя), говорят казахи*. В то же время автор может прибегнуть к рефлексиву с намерением подчеркнуть несоответствие понятийного объема русского и казахского слов: *Но при этом хочу уточнить, что в казахском языке «националист» переводится как «утишил» и звучит более конкретно и не так радикально...* (camonitor.com/archives/). Рефлексивы, отражающие «личностное» толкование значения слова, творимое в рамках «наивной» лингвистики, могут зафиксировать

переход слова в пассивный запас: *Я кощичи, сынок. Любил ходить по земле туда-сюда... Это который кочует. Сейчас уже так не говорят* (camonitor.com). В полиэтничном пространстве Казахстана в контексте обсуждения вопроса о совмещении этнической и гражданской идентичности вполне объяснимым является размышление над смыслом слов *казах* и *казахстанец*, *казахский* и *казахстанский*, например: *Во всей этой ситуации нет такого начала, которое объединяло бы казахов, казахстанцев. Хватит нам стесняться этого слова – казахстанец, потому что мы – огромная нация* [www.altyn-orda.kz]. Многочисленные контексты рефлексивного характера по поводу понятий, актуализированных в современную эпоху национальным самосознанием. Пожалуй, одна из самых обсуждаемых тем последнего времени, нашедшая отражение в метаязыковом сознании – это противостояние так называемых шала-казахов и нагыз-казахов (и то и другое слово не получили пока устойчивого орфографического оформления): *А казахи городские (шала-казахи) во втором и третьем поколении, ...сильно раздражают национал-патриотов, т. е. нагыз-казахов (то бишь настоящих казахов). Ведь шала, вроде как, и не казахи уже* (www.regnum.ru/news/). В подобных рефлексивных контекстах, действительно отражающих «болевы точки» лингвокультурного пространства Казахстана, метаязыковой комментарий по объекту комментирования представляет собой не столько «акты интерпретации фактов речи», сколько интерпретации подвергается денотат, стоящий за речевым явлением. В подобном случае рефлексивный комментарий не связан с оценкой собственно языковой стороны высказывания, он затрагивает скрытый его смысл. Такого рода комментарии никогда не являются беспристрастными, а всегда содержат оценку, производную от мировоззренческой установки говорящего. Метаязыковой дискурс отчетливо демонстрирует неоднородность современного казахстанского общества, аксиологические рефлексивы этого дискурса вполне вписываются в рамки базовой культурной оппозиции «свой – чужой»: терпимое отношение к «своим» и неприятие «чужих»: *шала-казахи, именуемые оппонентами в категориях слова «предатели», и нагыз-казахи, идентифицируемые шала-казахами как «варвары»* (<http://literatura.kg>).

Метаязыковым комментированием сопровождаются и авторские неологизмы, и стилистически маркированные языковые единицы, являющиеся обозначениями значимых для национального сознания понятий, например: *...все равно он прочно принадлежал к социальной группе, именуемой в Казахстане «агашики»*. В интернет-материалах представлен обширный перечень оценочных средств в «обыденных» представлениях об этом слове.

Метаязыковые высказывания служат важным средством выражения авторской позиции: оценочно-интерпретирующая деятельность субъекта речи реализуется в различных способах толкования того или иного явления или понятия. Рефлексивы участвуют в создании соответствующего «идеологического фона»: информация оказывается «помещенной» в нужный для автора идеологический контекст. Метаязыковые высказывания через интерпретацию фактов речи выводят нас на определенные фрагменты языковой картины мира, в центре внимания обыденного метаязыкового сознания оказываются не столько новые, сколько «вечные» понятия: *Родина, патриотизм, национализм, нация, народ*, они являются одними из ключевых, если судить по числу рефлексивных высказываний, сопровождающих эти понятия.

Литература

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
2. Вепрева И. Т. О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи // Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века. М., 2003. С. 416–425.

Значения обусловленности в текстах типа «рассуждение» (на материале русской художественной литературы)

Н. М. Богданова

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

nadich@gmail.com

Значение обусловленности, текст типа «рассуждение», контаминация значений обусловленности.

Summary. In Russian and English fiction four conditionality meanings (reason, cause, concession and condition – except for the meaning of purpose) can be found at the text level. They can be expressed with the help of conjunctions or implicitly and used in isolation or in different combinations.

Изучение функционально-смысловых типов речи как способа коммуникативной типизации монологической речи является одной из актуальных проблем в лингвистических исследованиях. Рассуждение является аргументирующим типом речи и в корне отличается от констатирующих типов речи – описания и повествования: «Если описание и повествование вербализуют отражательный способ восприятия действительности – восприятие предметного ряда и его признаков, то в рассуждении могут быть представлены причинно-следственные и др. отношения обусловленности между членами предметного ряда» [2: 147]. В соответствии с теорией ФСТР рассуждение строится из предложений, которые соответствуют суждениям, но не тождественны им. Полное дедуктивное умозаключение состоит из трех суждений (большая посылка, меньшая посылка и вывод), однако количественный состав предложений и суждений может не совпадать (умозаключение может быть сокращенным). В большей степени это касается художественных текстов, наиболее приближенных к разговорной речи, «которые хотя и подчиняются общепринятым нормам, все же сохраняют значительную долю «активного бессознательного», которое нередко взрывает правильность и влияет на характер организации высказывания» [1: 25].

Суждения в дедуктивном умозаключении и предложения в тексте типа «рассуждение» соотносятся и связываются друг с другом отношениями обусловленности. В языке выделяется пять ее значений – причина, следствие, уступка, условие и цель.

Первичной формой выражения отношений логической обусловленности, согласно Е. Н. Ширяеву, являются сложноподчиненные предложения, где значения обусловленности выражаются специальными грамматическими средствами – союзами [3: 177]. Логично предположить, что и на уровне текста в умозаключениях с определенным значением могут использоваться те же союзы и союзные слова, которые связывают предикативную и придаточную часть в соответствующих сложноподчиненных предложениях.

При анализе собранного материала был сделан вывод, что четыре из вышеуказанных значений обусловленности (причина, следствие, уступка и условие), действительно, могут выражаться посредством союзов (эксплицитно), причем в этом случае развертывание умозаключения не будет представлять собой проблемы. Приведем пример рассуждения со следственной обусловленностью: *Суженый для Нелли составляет все: смысл жизни, личное счастье, карьеру, судьбу. Вне его, как и на сером фоне, мрак, пустота, бессмыслица. И немудрено поэтому, что, видя перед собою красивую, кротко улыбающуюся голову, она чувствует наслаждение, невыразимо сладкий кошмар, который не передашь ни на словах, ни на бумаге* (А. П. Чехов. Зеркало).

Логическая основа этого рассуждения построена следующим образом: «Для Нелли суженый представляет собой наибольшую ценность, поэтому при одном взгляде на красивую голову чувствует наслаждение». В конкретном примере, конечно, можно выделить условное значение («Если она видит перед собой красивую голову, то она чувствует наслаждение»), но определяющим будет являться значение следствия, выраженное союзом «поэтому».

Кроме эксплицитного способа выражения значений обусловленности на уровне сложных предложений, Е. Н. Ширяев выделяет и особую имплицитную форму – бессоюзные предложения на сверхфразовом уровне, в тексте типа «рассуждение» мы также наблюдаем случаи, когда для выражений отношений обусловленности не используются специальные средства. Например: *Вы мыслящий и вдумчивый человек. При всякой обстановке вы можете находить успокоение в самом себе* (А. П. Чехов. Палата № 6).

В данном случае рассуждение строится на умозаключении: «Следствием того, что человек является мыслящим и вдумчивым, будет его умение находить успокоение в самом себе (большая посылка); Вы (Иван Дмитрич) мыслящий вдумчивый человек (меньшая посылка); Поэтому при всякой обстановке вы (Иван Дмитрич) можете находить успокоение в самом себе (вывод)».

Без указывающих на значение следствия союзов оно может прочитываться как умозаключение с причинной обусловленностью. Отсутствие средств, которые четко указывают на определенное значение, в пределах текста порождает множественность интерпретаций и сочетание различных значений обусловленности, когда происходит контаминация отглагольных причин и уступки, следствия и условия и т. д. Случаи, когда происходит подобное смешение, возможно, имеют место вследствие особенностей мышления и отражения их в тексте. Человек способен выделять взаимосвязанные явления действительности на ярусе более высоком, чем предложение, и выражать эти связи в соответствующих языковых построениях. Чем сложнее и крупнее языковая единица, тем больше знаний она способна вербализовать.

Важно отметить, что целевая обусловленность не представляется очевидной. На уровне предложений целевые придаточные – легко определяемые явления. В придаточной части может указываться цель или назначение того, о чем говорится в главной части. На уровне текста выделение рассуждения со значением цели представляется большой проблемой. Умозаключение в рассуждении со значением цели строится следующим образом: «Чтобы достичь определенной цели, необходимо совершить определенное действие; X совершает определенное действие. Значит, X хочет достичь определенной цели». Значение цели обозначено в большей посылке, которая в тексте типа «рассуждение» обычно опускается. Если на уровне сложноподчиненного предложения значение цели ясно выражается союзами, то на сверхфразовом уровне рассуждение, состоящее из малой посылки и тезиса, может пониматься как рассуждение с причинным или условно-следственным значением.

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7-е. М., 2009.
2. Хамаганова В. М. Функционирование констатирующих текстов в структуре текста типа «рассуждение» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2010. № 3. С. 142–149.
3. Ширяев Е. Н. Отношения логической обусловленности: способы выражения и распределения по сферам языка // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991. С. 165–234.

СОБСТВЕННО, САМ, СЕБЕ.

Идентификация как один из видов дискурсивной метафоры

Е. Г. Борисова

Московский городской педагогический университет

Egbor@mail.ru

*Метафорические модели усиления, функций дискурсивных слов средства идентификации (русск. сам, собственно, нем. eigentlich, фр. Mème и др.).***Summary.** The paper concerns the so called discursive markers and implicatures that help the Hearer to understand lexis used for discursive function (emphasizing, attracting attention etc. The case of identifiers (Rus. Sam 'self', собственно 'actually') is highlighted.

1. Дискурсивные функции, в частности, функция привлечения внимания (называемая также подчеркивание, усиление) нередко выражаются путем использования слов полнозначной семантики. В некоторых случаях этимологическая связь устанавливается с трудом и вряд ли актуальна для современного понимания текстов. Например, частица *ведь*, достаточно надежно этимологизируемая от императива глагола *въдати* 'знать', не может быть достоверно связана с общим значением этой частицы 'говорящий полагает, что слушающий огласится с сообщаемой информацией', в то же время в русском языке немало случаев, когда связь столь очевидна, что вызывает сомнение отнесение к дискурсивным словам некоторых употреблений лексемы, например, лексемы *тут* в функции частицы (*Мы тут поговорили*), частицы *еще* (*Ты еще поспорь!*) и некоторых других. В еще большей степени это относится к дискурсивным маркерам, выражаемым вводными словами и сочетаниями (*честно говоря, на самом деле*). Поэтому изучение семантической связи между дискурсивными словами и иной лексикой оказывается оправданным.

2. Связь между разными значениями одной лексемы в некоторых лексических теориях игнорируется (так в ранних версиях Модели «Смысл – Текст»), в других признается, однако не играет роли в операциональных описаниях языка. В интерактивном подходе, учитывающем поведение говорящего при выборе единиц для сообщения, возможность двоякого понимания многозначного слова является одним из факторов, влияющих на приемлемость этого слова при сравнении с другими возможными способами выражения того же смысла. Поэтому для интерактивного подхода установление связи между различными значениями, в том числе и при выражении дискурсивных функций, оказывается значимым.

3. Идентификацией мы называем выражение функции идентичности какого-либо актанта ситуации в условиях возможной неопределенности. Идентификация осуществляется при помощи личных, указательных местоимений, частицы *же* отождествительное. Эту же функцию выполняет и местоимение *сам*: *Он всем скомандовал отойти, а сам остался*. В то же время есть немало примеров с этим местоимением, в которых функция идентификации была бы не нужна: *То есть, видите, я сам не понимал, чего я хотел*. [Евгений Гришковец. ОднорЕмЕнно (2004)] (НКРЯ). Здесь мы видим использование слова *сам* для выделения, привлечения особого внимания, что отмечается в различных работах (см. [1]; [5]) и – в той или иной мере – практически во всех словарях.

Заметим, что возможность использования слова *сам* для привлечения внимания (усиления) проявляется в связанном с ним прилагательном *самый*, означающим превосходную степень. Эта возможность является импликацией функции идентификации: она может получить толкование «не кто иной, как X», т. е. содержит в себе выделение объекта из ряда подобных, что широко распространено среди дискурсивных частиц.

Функция идентификации используется языками и для выражения значения выделенности из-за неожиданности соответствия, в русском языке выражается, в первую очередь, частицей *даже*: *Сам учитель не мог бы сделать лучше*.

В такой функции *сам* предшествует слову, которое может быть как ремой, так и выделенной темой.

4. Значение идентификации может использоваться и для выделения «ядерного» значения слова из более общих, иногда понимаемых под этим словом. Эта функция может реализовываться и местоимением *сам*, и словом *собственно*: *Я был потрясен самим фильмом, и обращать внимание на критику не желал. Мы займемся собственно содержанием, а не всеми возможными коннотациями*. Возможность такой импликации связана с обычным в речи пониманием слова как средства обозначения чего-то большего (что может быть результатом домысливания сообщения слушающим). Например, когда говорят о восприятии фильма, могут учитывать влияющие на него мнения друзей, рекламы, отзывы. В таком случае для отбрасывания возможных расширений значения используются идентификаторы *сам* и *собственно* [2]. Заметим, что последний связан с словосочетанием *собственно говоря*, что, видимо, является калькой с французского. В любом случае и этот способ идентификации играет такую же роль, которую можно связать с хеджингом [4].

5. В заключении упомянем об еще одном слове, связанном с идентификацией – возвратном местоимении *себя*. Оно используется в дательном падеже и выполняет не совсем ясную функцию: *Его ругают, а он себе играет* или *Что ты себе думаешь?* Можно описать ее как «отсутствие ожидаемой реакции, сохранение состояния объекта». В этом случае можно говорить, что местоимение используется для очерчивания личного пространства, что сближает его с частицей *тут*, очерчивающей пространство говорящего [3]. Как частица *тут* показывает, что нечто находится в личном пространстве говорящего и не должно интересовать слушающего, так и *себе* показывает, что происходящее относится к личному пространству объекта и не подвержено влияниям извне. Как видим, идентификационное значение позволяет выполнять функцию, заметно отличающуюся от усиления и ограничения, выполняемого словами *сам* и *собственно*.

Литература

1. Борисова Е. Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопросы языкознания. 1989. Т. 48. № 4. С. 351–364.
2. Борисова Е. Г. Языковые средства взаимодействия автора и адресата. Коррекция ожиданий адресата // Русский язык исторические судьбы и современность : IV Международный Конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический ф-т, 20–23 марта 2010 г.). Труды и материалы. М., 2010. С. 107–108.
3. Борисова Е. Г., Овчинникова Т. Е. Параметр близости в метафорическом пространстве // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 2011 г.). Вып. 10 (17). М., 2011. С. 146–152.
4. Кобозева И. М., Щедрина Н. С. Дискурсивные единицы *собственно* и *фактически* как средство манипуляции представлениями адресата // Эффективность коммуникации. Сб. статей. М., 2009. С. 95–101.
5. Урысон Е. В. Словарная статья местоимения *сам*: проблемы описания лексической многозначности // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 1995. С. 82–125.

Метаязыковая диагностика многооречия говорящего

И. Т. Вепрева

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

irina_veprev@mail.ru

*Современное языковое существование, субязыки, многооречие говорящего, метаязыковые высказывания.***Summary.** The paper investigates the multi-speech character of literary language speakers, who use while speaking the means of different sublanguages within one native language. The current polyglottism is investigated with a help of metalinguistic utterances, which make a fundamental natural diagnosis basis, reflecting the subsystems of contemporary Russian language.

Современное языковое существование демонстрирует динамическое многообразие проявлений единого общена-

ционального языка с присущей ему социальной и функциональной дифференциацией. Границы между подсистемами

языка становятся проницаемыми: многообразие является типичной приметой современной речи. В естественных коммуникативных условиях мы встречаемся с полигlossией носителей литературного языка, которые свободно используют средства разных субъязыков. Расширение границ языковой свободы позволяет создавать тексты, в которых причудливо соединяются социальные, территориальные, этносоциальные и демографические разновидности.

Вербализованная метаязыковая деятельность языковой личности позволяет выявить поликодовый набор языковых средств в рамках одного языка, необходимых говорящему при порождении речевого произведения. Индивидуум предстает в своей речевой деятельности как полиглотическая личность, умело пользующаяся возможностями родного языка.

Корпус метаязыковых высказываний, включающих ссылки на тот или иной субъязык в рамках единого национального русского языка, представляет собой естественно складывающуюся диагностическую базу данных, определенный набор речевых сигналов, которые свидетельствуют о количественных параметрах сложившихся разновидностей, в постоянном контакте их между собой, об обогащении и влиянии субъязыков друг на друга, о статусе, который они имеют среди говорящих по-русски, о тех или иных активных языковых процессах в современном русском языке, связанных с популярностью той или иной разновидности, фиксируется также направление этих процессов. Рефлективные высказывания в изоляции от текстов, в которых они употребляются, образуют особого рода дискурс, отражающий взаимодействие субъязыков новейшего времени. Именно в этом видится вспомогательная методологическая роль метаязыковых оценок.

Цель доклада – выявить набор субъязыков русского языка, к которым прибегает говорящий в своей речевой деятельности, выделив продуктивные разновидности языка, определить функциональную нагрузку «чужой речи» при текстопрождении. Исследовательский материал был извлечен с помощью базы данных Интегрум. Выборка проводилась из публицистических текстов российских средств массовой информации XXI века – с 2000 по 2013 г. (включительно).

Анализируя корпус метавысказываний, мы пришли к определенному выводу: ввод в контекст высказывания фрагментов другого субъязыка связан с двумя основными функциями, которые выполняют эти вводы в рамках литературной разновидности языка: во-первых, с идентифицирующей функцией, когда метаязыковые высказывания погружены в конкретно-ситуативный профессиональный контекст и описывают некоторое положение дел в этой сфере деятельности, и, во-вторых, с эстетической функцией, когда единицы какого-либо субъязыка метафоризируются в литературном варианте в силу своей особой выразительности, являясь источником дополнительных экспрессивных средств. Кроме того, количественное преобладание ссылок на тот или иной субъязык определяет еще одну, прогностическую, функцию ввода чужой речи: предпочтение одной разновидности перед другой свидетельствует об активных процессах, происходящих в современном русском языке.

Представительный корпус метавысказываний дает основание выделить группы субъязыков, демонстрирующие многообразие современного говорящего.

1. В зависимости от коммуникативной ситуации говорящий выбирает единицы разного стилистического регистра, когда ему хочется поднять стилистический градус своего выражения (*пышно выражаясь, пафосно говоря, выражаясь интеллигентно*) или, наоборот, понизить его (*говоря народным языком, по-простому, вульгарно выражаясь, выражаясь жаргонным языком*).

2. Говорящий в своей речевой практике обычно идентифицирует себя по отношению к профессиональной или социальной группе. Расширяя диапазон своих языковых возможностей, он оперирует языковыми средствами других групп, переходя на их язык: *говоря математическим языком, говоря языком рекламы, говоря на кинематографическом языке, на финансовом языке, на богословском языке, говоря языком компьютерщика* и т. д.

3. В современной речи можно выделить трехчленную парадигму субъязыков по хронологическому основанию: *говоря старинным языком / по-старинному / как говорили в старину – говоря советским языком – говоря современным языком*. В языковом сознании хранится информация о привязке единиц к определенному периоду истории.

4. Демографической маркированностью обладают метавысказывания *как говорят дети – как говорят молодежь – как говорят старики*. Особой разновидностью национального языка является субъязык детей, которые выступают как самостоятельные субъекты речевой деятельности. Один из членов возрастной парадигмы – молодежь, ссылками на речь которой изобилуют современные СМИ. Продуктивное обращение к молодежной речи объясняется демократизацией современного русского языка, активно поддерживаемой данной возрастной группой россиян.

5. Особо выделяется круг метаоператоров, с помощью которых носитель литературного языка обращается к территориальным вариантам национального языка. Привязка к тому или иному диалекту укрупняется: территориальная локализованность определяется ориентацией по сторонам света, но не четырехсторонней (юг – север – запад – восток), а двусторонней *как говорят на юге / как говорят на севере*. Метаоператоры *как говорят на Западе / как говорят на Востоке* комментируют «чужую речь» за пределами России. Дальнейшая территориальная субъязыковая детализация проходит по крупным географическим привязкам России: *как говорят на Урале / в Сибири / на Волге* и т. д. Как показывают примеры, абсолютно специфические единицы нередко относятся к конкретному локусу. Так, носитель литературного языка часто в своей речи обращается к региональному варианту, получившему название «одесский язык».

6. Особую группу составляет набор метаоператоров, которые указывают на заимствованные афористические выражения, пополнившие состав русского языка, но не утратившие своего иноязычного облика (*как говорят англичане, как говорят французы, по мнению японцев*). Такую группу заимствованных слов и выражений можно отнести к своеобразному интернациональному субъязыку русского языка.

Семантико-прагматические аспекты публично-административного дискурса

Л. Б. Волкова

Санкт-Петербургский государственный университет

lb_volkova@yahoo.com

Дискурс, социальное взаимодействие, семантическая организация текста, макроинтенции, речевые стратегии и тактики.

Summary. The research aims to provide the description of the semi-institutional discourse in the sphere of social interaction from the perspective of semantics and pragmatics. Special attention is paid to the speech strategies and tactics used by both of communicators. The result of analysis shows the basic categories of text semantic structure and the main principles of the discourse based on.

Современные информационные технологии, с одной стороны, и изменения в социально-политической жизни общества, с другой стороны, вызывают к жизни новые формы социального взаимодействия, в частности, новые виды диалога общества и государства, человека и власти. Но, как справедливо утверждают сторонники теории критического дискурса-анализа, социальный мир, мир взаимодействия людей формируется в дискурсе: без дискурса не существует социальной реальности, и, не поняв дискурса, мы не можем

понять реальности, опыта и нас самих (см., например, Н. Филлипс, С. Харди). Именно дискурс, как специфический способ общения и понимания индивида, выраженный в тексте, формирует значения.

Предметом нашего рассмотрения является опосредованный Интернетом публично-административный дискурс, формирующийся в процессе взаимодействия человека (частного лица) с властью (администрацией). Одной из форм взаимодействия человека и власти являются обращения

жителей города к администрации с целью решения проблемных вопросов и улучшения деятельности муниципальных и городских служб. Соответственно, административно-публичный дискурс формируется двумя рядами текстов: текстами обращений и текстами ответов, с одной стороны, противопоставленными друг другу по ряду параметров (степени институциональности, стандартизации, стилистической однородности, эмоциональности), с другой – находящимися в отношении взаимодополняемости, так как текст ответа предопределяется текстом обращения.

С теоретической и практической точки зрения интерес представляет семантико-прагматическая организация дискурса, направленная на эффективное общение и реализацию целей взаимодействия, т. е. решение поставленных задач.

Макроструктурный анализ семантической организации текстов обращений и текстов ответов, основанный на теории дискурса Т. ван Дейка, позволил определить семантические категории, конституирующие тексты обращений и ответов, при этом можно говорить о выделении базовых категорий, обязательных для всех текстов обращений или ответов и составляющих ядро семантической структуры, и факультативных, свойственных не всем текстам. Ядро текста обращения формирует категория «описание проблемной ситуации», в которой, в свою очередь, могут быть выделены более мелкие категории: констатация проблемы, фон, комментарии, оценка. Факультативные категории представлены: 1) так называемыми формулами вежливости (приветствие, обращение, прощание, подпись); 2) запросом информации (или вопросом); 3) просьбой (требованием), 4) предложением, 5) предупреждением.

В основе семантической структуры ответа лежит базовая категория «информирование», которая реализуется в различных вариантах в зависимости от типа обращения и его содержания. Это может быть информирование – объяснение, информирование разъяснение, информирование-констатация факта, информирование ссылкой. Следует заметить, что формулы вежливости или этикетные фразы, свойственные официально-деловому стилю, также являются факультативными, несмотря на большую степень институционализации ответа.

Прагматический анализ дискурса был направлен на исследование интенциональной структуры взаимодействия и

выявление используемых коммуникативных стратегий и тактик. С точки зрения принципа кооперации Г. Грайса, диалог общества и власти можно рассматривать как солидарный (или кооперативный), так как стороны заинтересованы в успешном решении проблем. Ведущей макроинтенцией обращений является побуждение административных органов к совершению действий, при этом адресанты в равной мере применяют косвенные и прямые речевые тактики. Косвенные тактики представляют собой способы эмоционального воздействия на адресата, реализуемые либо экспрессивными речевыми актами, либо выражающиеся в общей эмотивности текста. Прямые тактики: вопрос, просьба, предложение, совет – также реализуются на фоне общей эмоциональности текста, т. е. способы эмоционального воздействия оказываются ведущими в выражении интенций адресанта.

Что касается макроинтенций ответов, то на фоне общей солидарной стратегии, ориентированной на решение проблем, используются некооперативные стратегии и тактики, например, такие как: 1) уход от прямого ответа (путем перекладывания ответственности на другие органы, на самого адресанта, посредством «саморекламы» и др.); 2) формальный ответ (ответ, не содержащий анализа ситуации и не способствующий решению вопроса); 3) контраргументация (предоставление информации, противоположной по содержанию тексту адресанта, при полном игнорировании информации последнего).

Таким образом, проведенный анализ публично-административного дискурса позволяет говорить о формирующемся стандарте взаимодействия общества (человека) и власти, в основе которого лежат принципиально разные когнитивные модели коммуникантов: эмоционально-окрашенная репрезентация действительности адресанта и формально-институционализирующая модель адресата.

Литература

1. Грайс Г. Ф. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 217–237.
2. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
3. Филлис Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ? // Современный дискурс-анализ. Вып. 1. Т. 1. 2009. С. 48–64 [www.discourseanalysis.org].

Номинация адресата в публичном диалоге как способ создания коммуникативного дисбаланса

Т. А. Воронцова

Челябинский государственный университет

voron500@yandex.ru

Публичный диалог, адресант, адресат, идентифицирующая номинация, коммуникативный дисбаланс.

Summary. The paper considers the use of various names of an addressee as a means of deliberate unsettling the communicative in public dialogue.

В отличие от межличностной коммуникации в публичном диалоге любая реплика всегда имеет двойную адресацию: прямую, где адресатом является собеседник, и опосредованную, где в качестве адресата выступают слушатели.

Общезвестно, что нормы речевого этикета запрещают говорить о присутствующих в форме третьего лица, следовательно, в процессе речевого взаимодействия формальный приоритет должен быть отдан непосредственному адресату, т. е. в публичном диалоге ответная реплика должна быть адресована речевому партнеру, а не множественному адресату (аудитории).

Дискурсивные конвенции публичного диалога обязательно предполагают ситуацию представления (или самопредставления) коммуникантов. Следовательно, участники публичного диалога имеют возможность использовать в качестве обращения к речевому партнеру национально окрашенную вокативную модель «имя + отчество», которая в полной мере соответствует этике публичного дискурса. Любое другое обращение, даже, например, вполне этикетное, на первый взгляд, сочетание *господин + фамилия*, в русской коммуникативной традиции воспринимается как маркер иронического или недоброжелательного отношения к собеседнику.

Между тем, отказ от идентифицирующей номинации речевого партнера является одним из самых распространенных нарушений речевой этики публичного диалогического взаимодействия.

Если при известных дискурсивных условиях адресант не использует для номинации оппонента имя собственное (*имя + отчество*), следовательно, это входит в его коммуникативные намерения. В публичном дискурсе использование целого ряда таких «обезличивающих» номинаций направлено на решение не столько психологических, сколько коммуникативно-прагматических задач.

Адресанты широко используют наименования с положительной эмоционально-экспрессивной оценкой (определение *уважаемый, господин* и т. п.), однако дискурсивные условия их употребления свидетельствуют об ироническом использовании таких номинаций: во-первых, адресант знает имя адресата, но сознательно не использует его; во-вторых, такие номинации употребляются в дивергентных ситуациях коммуникативного акта, создавая контраст между псевдоэтикетной номинацией и остальным содержанием высказывания. Ср.: *...выступавший передо мной господин заявил, что...*

Адресант может обозначить своего оппонента по половому признаку (*дама, женщина*). Такие номинации нередки

сопровождаются необоснованным использованием дейктических элементов (*я хотел сказать ... вот этой даме*). Все это указывает на то, что «обезличивание» оппонента входит в намерения адресанта.

Не менее распространено в публичном дискурсе обозначение оппонента по профессиональному признаку: *Известный режиссер объяснил нам...*

Для «обезличивания» речевого партнера могут быть также использованы обобщенные номинации, когда адресант вместо личного именованного употребляет название той организации или сообщества, которое представляет оппонент. Например: *От нашей православной церкви мы только что услышали...*

Намеренный отказ от идентификации адресата также может быть выражен через прием намека, когда конкретный оппонент обозначается как неопределенный множественный адресат (*кое-кто из выступавших..., здесь некоторые считают...*). Такого рода номинации можно расценить двойственно: с одной стороны, как нежелание «переходить на личности» при критической оценке высказывания, с дру-

гой – как намеренный отказ от идентификации адресата, что позволяет избежать ответных возражений и оставить за собой последнее слово.

Использование таких номинаций сопровождается, как правило, акцентированной сменой адресации. Использование он-дейксиса по отношению к присутствующему оппоненту означает не просто апелляцию к публике, но и является сигналом того, что говорящий намеренно игнорирует своего фактического адресата, нарушая тем самым коммуникативные нормы. Отказываясь от идентифицирующей номинации речевого партнера, говорящий демонстрирует стремление к максимальному дистанцированию от оппонента, к понижению его статуса в глазах публики. Конечная цель такого речевого поведения – подорвать доверие слушателей к точке зрения оппонента, создав тем самым коммуникативный дисбаланс.

Таким образом, употребление высказываний с он-дейксисом и намеренный отказ от идентифицирующей номинации адресата является не только нарушением этики, но и нарушением режима диалогического взаимодействия.

Типы субстантивации и типы речевого поведения

И. В. Высоцкая

Новосибирский государственный университет
vysotskya@mail.ru

Узуальная субстантивация, окказиональная субстантивация, утилитарное речевое поведение, семиотическое речевое поведение.

Summary. The author represents the typology of substantivization based on contraposition of usual and occasional substantivization, which are considered not as stages of a single process, but as fundamentally different phenomena. The author defines five types of usual substantivization and three types of occasional substantivization. All these types can be related to different types of verbal behavior.

Связи имени существительного с другими частями речи проявляются в явлении субстантивации. Продуктивность субстантивации проявляется на разных этапах развития языка. Ее результаты зафиксированы как в Библийских текстах, пословицах и поговорках, так и в современной речи. Субстантивация представляет собой системное явление русского языка.

Субстантивация – активный процесс в языке и речи, при котором в определенных синтаксических позициях обозначают предмет и проявляют морфологические свойства имени существительного слова других частей речи. С одной стороны, это продуктивный неморфологический способ словообразования (конверсия, транспозиция, межчастеречный переход), с другой – результат взаимодействия слов в системе частей речи, т. е. явление грамматическое.

Представим типологию, противопоставляя на первом уровне деления узуальную и окказиональную субстантивацию как системно-языковую и речевую (стихийную, креативную), что позволяет рассматривать классические примеры типа *Смелый к победе стремится* и *Далече грянуло ура* не как явления одного порядка. В основе противопоставления узуальной и окказиональной субстантивации – соотношение с действительностью объективной или некой виртуальной: метатекстом, художественным мировосприятием автора и т. п.

Узуальными субстантиватами являются слова адекватного типа:

- 1) прилагательные,
- 2) причастия,
- 3) местоимения-прилагательные,
- 4) порядковые числительные.

Исходной базой окказиональной субстантивации могут быть слова любых частей речи и синтаксические единицы.

На втором уровне деления представим типы узуальной и окказиональной субстантивации. Нами выделены пять типов узуальной субстантивации:

- 1) контекстуальная,
- 2) ситуативная,
- 3) срединная,
- 4) глубокая,
- 5) квазисубстантивация.

Эти типы выделены по степени увеличения субстантивных свойств в синкретичных образованиях. Подчеркнем, что контекстуальные и ситуативные субстантиваты – периферийные явления для прилагательных, причастий, местоимений или числительных. Срединные субстантиваты – промежуточные образования, совмещающие в равных пропорциях несубстантивные и субстантивные свойства. «Сме-

на мотива» проявляется в глубоких субстантиватах, обладающих фиксированной формой рода. Квазисубстантивация – образование периферийных существительных по адеквативной и причастной моделям.

Заметим, что это именно разные типы узуальной субстантивации, а не звенья одного процесса. Контекстуальные субстантиваты не переходят в ситуативные, ситуативные не становятся срединными и т. д.

Предлагаем различать три типа окказиональной субстантивации:

- 1) метатекстовую,
- 2) индивидуально-авторскую,
- 3) номинации.

Все эти типы так или иначе связаны с воспроизведением чужого слова, однако среди способов передачи чужой речи окказиональная субстантивация обычно не упоминается. Подчеркнем, что метасубстантивация является способом выражения чужой речи и средством реализации определенной коммуникативной стратегии говорящего.

Подчеркнем, что данная типология реализует структурно-семантический подход, при котором в свете теории синхронной переходности субстантивация понимается как результат взаимодействия частей речи современного русского языка. Однако наше исследование не противоречит антропоцентрическому подходу, поскольку выделение типов субстантивации обусловлено определенной речевой ситуацией.

Важно заметить, что контекстуальная и ситуативная узуальная субстантивации связаны с принципиально разными типами коммуникативных стратегий – нарративом и диалогом. Остальные типы узуальной субстантивации в меньшей степени зависят от типа коммуникативной стратегии.

Подчеркнем, что узуальная субстантивация может быть реализована в разных типах речевого поведения – как в утилитарном, так и в семиотическом (см. труды Н. Б. Мечковской и Т. Б. Радбиля). Между тем, узуальная субстантивация проявляется только во вполне определенных типах семиотического речевого поведения: метатекстовом, эстетическом и магическом. Обусловленность поведенческими стереотипами вполне коррелирует с окказиональностью и подтверждает правомерность выделения этих типов субстантивации в особую группу.

Сказанное выше отчасти снимает антиномию системности и антропоцентризма и демонстрирует перспективность взаимодействия разных подходов в рамках современной научной парадигмы. Именно такое взаимодействие, на наш взгляд, позволяет обрести «второе дыхание» грамматическим исследованиям.

К проблеме соотношения функционально-семантической категории негации с категориями модальности и вопросительности

Г. Ф. Гаврилова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

galina-pozn@yandex.ru

Негопозитивность, модальность, экспрессивность, погашение отрицания, семантика.

Summary. The paper is devoted to such secondary means of expression of functional-semantic category of negation as forms of the subjunctive mood, interrogative sentences semantics. It is shown that the interaction with other negative indicators leads to the negation elimination and is accompanied by the utterance expressiveness in speech.

В ЛЭС отрицание определяется следующим образом: «Отрицание – элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует» [4: 354].

Однако, отсутствие связи между компонентами предложения наряду с отмечаемыми в научной литературе средствами может быть выражена, в частности и формами сослагательного наклонения. Е. В. Гулыга в этом плане отмечает, что частица *бы* в ряде случаев, подобно частице *не*, передает отсутствие действия в реальной действительности [2].

Близость к отрицательному значению сослагательного наклонения обнаруживает и в простом и сложном предложениях:

При отце он бы молчал = В отсутствие отца он не молчал.

Естественно, полного тождества приведенных предложений не наблюдается, так как при частице *бы* неизбежно присутствует и модальная окраска, усиление экспрессии высказывания.

Близость значения сослагательного наклонения к семантике негации проявляется и в сложном предложении, в частности в ирреально-условных сложноподчиненных предложениях, в тех случаях, когда описанные в них ирреальные действия совершаются в прошлом: *Если бы вы вчера приехали к нам, мы смогли бы увидеться = Вы вчера не приехали к нам, и мы не смогли увидеться.*

При замене частицы *бы* частицей *не* исчезает лишь модальная окраска и ее оттенок желательности изложенного в первом предложении факта. О модальных красках предложения В. В. Виноградов писал, что они «образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения» [1: 70].

О близости сослагательного наклонения к категории негации свидетельствуют случаи погашения отрицания отрицанием. При наличии в предложении наряду с частицей *бы* отрицательного *не* происходит отрицание отрицанием, в результате чего предикативные части условного предложения теряют свое ирреальное и отрицательное значение: *Если бы он не приехал вчера, мы бы с ним не смогли поговорить = Он вчера приехал, и мы смогли с ним поговорить.*

То же погашение отрицания отрицанием, видимо, наблюдается в конструкциях, образованных по устойчивой схеме сложноподчиненного предложения: *нет (не было) – чтобы не (который бы не).*

Не было ни одного события, о котором мы не узнали бы первыми.

Такие предложения по существу адекватны по смыслу простым утвердительным: *Обо всех событиях мы узнавали первыми.*

В придаточном отрицание погашается отрицанием за счет присутствующей в сослагательном наклонении семы негации.

Отрицание может передаваться и с помощью семантики вопросительного характера. Дело в том, что вопросительные предложения обладают сложной семантической структурой и, помимо значения поиска информации, содержат сему незнания говорящим той позитивной информации, «которой сам не обладает» [5: 75].

Сема незнания каких-то фактов реальной действительности и сближает семантику вопросительности с семантикой негопозитивности. Кроме того, вопросительное предложение, его семантическая структура включают и сему побудительного характера. Все это свидетельствует о близости семантики вопросительности к значению негопозитивности и побудительности в широком смысле этого слова.

Близость к отрицанию семантики вопросительности часто при наличии в предложении грамматических показателей отрицания ведет к взаимодействию их семантики и фактически к отрицанию отрицанием:

Больно, что-ли? – веселел Степан.

– Больно!

– А мне, ты думаешь, не больно было? – Мне больно было (М. Шолохов).

Отрицательное вопросительное предложение за счет взаимодействия отрицания, выраженного (с помощью частицы *не*) с семой отрицания знания о факте, заложенного в семантике вопросительных конструкций, создает ситуацию погашения отрицания отрицанием, и предложение приобретает семантику утвердительной повествовательной конструкции.

Часто-вопросительные отрицательные предложения с вопросительными местоименными словами нередко приобретают побудительное значение. Это значение как бы является результатом расширения, присущего вопросительному предложению побуждения адресата к ответу на поставленный вопрос:

Ты чего к старикам не заглянешь? – смущенно обегая ее [Наталию. – Г. Г.] глазами, заговорил старик (М. Шолохов).

Вопросительное предложение равно побудительному: *Заглядывай к старикам.*

Как отмечают ученые, в частности И. М. Кобозева, в ряде случаев общевопросительные отрицательные предложения совершенно идентичны по смыслу вопросительным утвердительным предложениям. То есть присутствие отрицания *не* в таких вопросительных предложениях факультативно: «...вопросы: *У вас есть фонарик?* и *У вас нет фонарика?* выражают один и тот же пропозиционный компонент...» [3: 298]. На наш взгляд, такое явление возможно, но за счет избыточности, ибо отрицание уже выражено вопросительной конструкцией – семой отрицания, незнания говорящего о фактах, информацию о которых он хочет получить.

Все описанное выше лишний раз свидетельствует об активном взаимодействии в языке и живой речи функционально семантических категорий ирреальности и вопросительности с категорией негопозитивности, а также о месте, которое отрицание занимает среди других предложенческих категорий, вовлекая их в сферу своего действия.

Литература

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике М., 1975.
2. Гулыга Е. В. О взаимодействии смысла в синтаксическом значении // Филологические науки 1978. № 1.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 354.
5. Энциклопедия: Русский язык. М., Дрофа, 1997.

Взаимодействие характеристики и оценки в бисубстантивном предложении

Н. А. Герасименко

Московский государственный областной университет

nataly@ism.ru

Бисубстантивное предложение, характеристика, оценка, субъект оценки.

Summary. The paper describes the interrelation of characterizing and evaluating meanings in the semantics of bi-substantive sentences. It reveals the position of the evaluating person and the aspects, which influence the predominance of one meaning over the other.

1. Бисубстантивные предложения (БП), наряду с другими типами глагольных и неглагольных двусоставных предло-

жений, составляют ядро русского синтаксиса, потому что наиболее адекватно отражают структуру мысли в виде ло-

гическое суждения: S-cop-Praed. Это не значит, что односоставные предложения в русском языке менее важны или менее употребительны, это означает только соответствие языковой формы бисубстантивного предложения структуре мысли. Среди двусоставных предложений БП занимают особое место в силу своих структурно-семантических и функциональных особенностей (см. подробно: [2]). Структуру этих предложений определяет имя существительное в позиции основного компонента связочно-субстантивного сказуемого. Невозможность выразить предикативные значения модальности и времени с помощью только существительного влечет за собой использование связки, которая не только обозначает названные грамматические значения сказуемого и предложения в целом, но и связывает сказуемое с подлежащим, а также выполняет другие функции в предложении ([1]; [2]; [3] и др.). Многослойная и богатая оттенками смыслов семантика БП также связана с морфологической природой имени существительного, категориальным значением которого является значение предметности. Отсутствие семантического изоморфизма (признаковость сказуемого и предметность его основного компонента) приводит к актуализации в существительном признаков сем, имплицитно заложенных в предметном значении. Предмет как явление действительности обладает определенным набором признаков, каждый из которых может быть выделен говорящим из общего набора и приписан подлежащему в виде его предикативной характеристики: *Он [Сергей] стоял перед ней худенький, вылежавшийся в душном помещении и походил на блеклый картофельный росток из подпола* (В. Астафьев).

2. Характеризующее значение является типовым значением бисубстантивных предложений. Оно формируется в БП с опорой на грамматическое значение отождествления (сочетание в предикативном ядре БП двух имен существительных – категориально тождественных, однородных языковых форм). Под грамматической однородностью понимается выражение главных членов предикативного ядра словоформами, принадлежащими одной части речи. Особенности субстантивной характеристики заключаются в ее относительности. Приписываемый субъекту признак представлен в БП как совокупность признаков, обозначенная в грамматической форме предмета: *Он выглядел как заплутавший на чужбине разведчик, который после долгих бесплодных поисков связанных вдруг услышал от случайного прохожего заветный пароль* (М. Фрай). Признаки, приписываемые субъекту в БП со значением характеристики, разнообразны, но обладают общим свойством – они не создаются субъектом, субъект является обладателем, носителем этих признаков. Семантика характеристики проявляется в бисубстантивных предложениях в следующих основных видах значений: таксономическом, собственно характеризующем, релятивном, локальном и темпоральном. Каждое из них может осложняться оценочной семантикой, но наиболее подвержены такому взаимодействию БП с собственно характеризующим значением: *Еще мне думается, что – трус был мой желтоглазый предок* (М. Цветаева) – характеристика внутреннего мира персонажа совмещается с отрицательной оценкой.

3. Сущность собственно характеристики заключается в приписывании субъекту одного (в большинстве случаев) или нескольких признаков: *А Бабаля оказалась не просто*

веселой старой ведьмой, а реставратором, и в молодости, еще до первой мировой, училась в Варшаве (Д. Рубина). Признаки, которыми обладают объекты внеязыковой действительности, могут стать по желанию автора высказывания характеристикой этих предметов. Говорящий осуществляет логические операции с объектами действительности (характеризует, оценивает, сравнивает), формирует и выражает отношения между этими объектами. Позиция говорящего эксплицируется в грамматической и семантической структуре БП и является обязательным смысловым компонентом в нем.

4. В бисубстантивных предложениях используются разные средства выражения семантики характеризующего субъекта, которые образуют субъектную парадигму: вводные конструкции со значением лица; определенные падежные и предложно-падежные формы личных местоимений и имен существительных и др. Названные способы обозначения субъекта характеристики находятся между собой в синонимических отношениях и могут заменять друг друга, ср.: *Книга, по-моему, не отличается новизной; Книга для меня не отличается новизной; По мне книга не отличается новизной*. Как и любые синонимы, эти БП близки, но не тождественны по смыслу. Если субъектный распространитель для меня только называет автора оценки, то вводная конструкция *по-моему*, кроме этого, имеет модальный оттенок значения, а сочетание *по мне* имеет разговорную стилистическую окраску. Авторство субъективной характеристики может быть выражено в БП и другими, менее продуктивными, косвенными способами. В частности, некоторые пространственные конкретизаторы могут служить косвенным указанием на субъект оценки. Косвенное указание на субъект оценки может содержаться в других конкретизаторах, обладающих личной семой: *Марой был совсем протеец, даже неграмотный, что по старообрядчеству даже редкость* (Н. Лесков).

5. Совмещение характеризующего и оценочного значений свойственно бисубстантивным предложениям в целом, потому что при характеристике лица, предмета или явления, события автор так или иначе проявляет свою позицию. Это может быть нейтральная оценка: *Татарский дом – традиционно окнами во двор* (М. Шишкин); положительная оценка: *Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник* (Н. Гоголь); отрицательная оценка: *Большинство [русских] неряхи, лентяи, кисляки и воображают даже, что это-то и есть наша национальная черта* (В. Токарева). Преобладание характеризующего или оценочного значения определяется задачами автора, который отбирает нейтральную или оценочную лексику для выражения разнообразных характеристик; падежной или предложно-падежной формой имени существительного в предикате, а также в некоторых случаях семантикой связки.

Литература

1. Герасименко Н. А. Посредническая функция связки в бисубстантивных предложениях // Textus. Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века. СПб.; Ставрополь, 2001.
2. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М., 2012.
3. Лекант П. А. Функции связок в русском языке // Русский язык в школе. 1995. № 3.

Использование языковой игры в условиях русско-украинского билингвизма

З. В. Гончарова

Мариупольский государственный университет (Украина)

zv__05@mail.ru

Билингвизм, публицистический текст, языковая игра, способы создания языковой игры, играема.

Summary. The present paper deals with the phenomenon of language play in contemporary journalistic texts. The main approaches to the definition of the notions of bilingualism and language play are studied. The key mechanisms of language play are analyzed. The main attention is paid to the peculiarities of the language game in a situation of bilingualism on the material of Ukrainian publicistics.

Многообразие определений и типологий билингвизма в современной научной литературе обусловлено различными подходами к изучению данного сложного коммуникативного явления. В психолингвистике билингвизм понимается, прежде всего, как «психический механизм (знания, умения,

навыки), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [2: 19]. Социолингвистические исследования опираются на рассмотрение билингвизма как сосуществования двух языков в рамках языкового (ре-

чевого) коллектива, использующего эти языки в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта [14: 111].

В основе данного исследования лежит функциональная трактовка двуязычия как интегрирующего средства общения в гетерогенном социуме, основанного на синхронном (попеременном, параллельном или смешанном) использовании двух языков [9: 23].

Сложившаяся в Украине ситуация русско-украинского билингвизма находит непосредственное отражение в текстах средств массовой информации. Характерными чертами современного публицистического дискурса стали проявление личностного начала автора, отказ от жестких стандартов и повышенная экспрессивность. Во всем многообразии его текстов прослеживаются наиболее типичные способы изложения материала, призванные привлечь внимание читательской аудитории, одним из которых является использование языковой игры. Данное явление рассматривается в различных аспектах: лингвофилософском [3], функционально-коммуникативном [5]; [10], лингвокогнитивном [1]; [4]; [7].

Л. Витгенштейн понимал всю вербальную деятельность человека как совокупность языковых игр, или речевых практик, которые заключаются в выборе определенных языковых знаков по традиционным правилам языковой игры: «Языковой игрой» я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [3: 83].

Е. А. Земская называет языковой игрой «явления, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [5: 172]. В. З. Санников подчеркивает, что языковая игра «основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [10: 15]. Лингвист рассматривает данный феномен, прежде всего, как эксперимент автора с единицами различных языковых уровней, как «сознательное манипулирование языком, построенное если не на аномальности, то, по крайней мере, на необычности использования языковых средств» [10: 17].

Т. А. Гридина и говорит об исследуемом явлении как о намеренном нарушении языковой нормы, целью которого является создание неожиданного эффекта: «Языковая игра порождает иные, чем в языке и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [4: 17]. В исследовании Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева языковая игра рассматривается как «явление, которое нарушает какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [1: 437]. Л. В. Лисоченко и О. В. Лисоченко определяют языковую игру как особый вид речетворческой семиотической деятельности. Ученые выделяют единицу речи, которая образуется в результате языковой игры – перифразу-экспрессему – и рассматривают различные ее виды как результат использования филологических, культурологических, ассоциативных, прагматических и других фреймов [7].

В данной работе языковая игра понимается как совокупность игровых манипуляций с языком – его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами, целью которых является получение «квалифицированным» читателем эстетического удовольствия от построенного на игровых

взаимоотношениях с ним текста [8: 133]. Материалом для исследования послужили тексты периодических изданий «Аргументы и факты в Украине», «Киевские ведомости», «Комсомольская правда» (2008–2012 гг.), а также информационно-публицистических интернет-изданий «Трибуна Украины» [13], «Тема» [6] и «ТСН. ua» (раздел «Погляди») [12].

Среди способов создания языковой игры в украинской публицистике чаще всего встречаются графические (выделение части слова на базе омонимии, выделение в словах аббревиатур, имен нарицательных, призванных подчеркивать основную мысль публикуемого материала, использование букв латинского алфавита либо английских слов в украинской транскрипции) и семантические (употребление паронимии, парадоксальных сочетаний, прецедентных единиц, употребление слова или словосочетания в противоположном значении, использование авторских окказионализмов, аллюзий).

Высокая степень владения большинством жителей Украины одновременно русским и украинским языками позволяет авторам привлекать ресурсы обоих языков для создания игром в публицистическом тексте [11: 78]. В подобных случаях могут быть использованы средства обоих алфавитов, однако более распространенным является передача иноязычных вкраплений (слов или словосочетаний) буквами того языка, на котором написан основной текст статьи. Часто такие примеры носят саркастический характер, что дает возможность повысить степень экспрессивности текста и реализовать одну из основных функций публицистики, которая заключается во влиянии автора на убеждения читателей.

Литература

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
2. Верещакин Е. М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.
3. Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М., 1994. Ч. 1.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
5. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
6. Информационно-публицистическое интернет-издание ТЕМА [http://tema.in.ua/].
7. Лисоченко Л. В., Лисоченко О. В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) [http://teneta.rinet.ru/rus/le/lisochenko_jaee.html].
8. Рахимкулова Г. Ф. Основы игрового стиля (к постановке проблемы) // Филология на рубеже тысячелетий: Материалы Международной конференции, 11–14 сентября 2000 г. Вып. 2. Язык как функционирующая система. Ростов-на-Дону; Новороссийск, 2000. С. 133–134.
9. Салимова Д. А., Тиммерханов А. А. Двуязычие и перевод: теория и опыт исследования: монография. М., 2012.
10. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
11. Сниховская И. Э. Механизмы, средства и приемы языковой игры в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Житомир, 2004.
12. Телевізійна служба новин ТСН.ua. [http://tsn.ua/analitika].
13. Трибуна України. Інформаційно-публіцистичне інтернет-видання [http://ukrtribune.org.ua/].
14. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолінгвістику. М., 1978.

Прецедентные тексты русского культурного фонда в лингвогеографическом ареале русского языка

Е. И. Гусева

Мариупольский государственный университет (Украина)

elinaguseva@mail.ru

Summary. The paper deals with the problem of verbal interaction and lingual contacts. The author investigates unifying role of quotation, of phraseological units and of the other stable forms of Russian language and culture.

В современном мире, в условиях многообразных языковых контактов, каждый из взаимодействующих языков может выступать как в роли языка-реципиента, так и в роли языка-донора. Отмечают как общие, инвариантные, черты языковых контактов, так и отличительные особенности взаимодействия для данной контактирующей пары или группы языков.

В русскоязычных регионах Украины в индивидуальном общении вкрапливание русских слов в устную украинскую речь чаще всего происходит спонтанно. Непроизвольность перехода на родной язык характерна для устной формы общения и обусловлена непрерывностью потока речи, одновременно процессом формирования и выражения мысли. Устная речь не терпит паузы и вынуждает говорящего использовать

ту форму вербализации понятия, которая «находится под рукой», первой приходит на ум.

Исследователи говорят о разнообразии функций иноязычных вкраплений: помимо номинативной, выделяют их экспрессивную функцию, функцию эмотивного воздействия, а также функции эвфемизации и вуализации. Отмечают также, что функция воздействия для иноязычного слова становится доминантной.

Эвфемизация и вуализация не являются функциями одичных иноязычных вкраплений, а выступают как функции языкового меланжа. Языковой меланж («смешение, соединение слов из нескольких языков в одном высказывании») отличает язык публицистики, рекламы, бытового общения. Он проникает и в специальные языки науки, вкрапление англицизмов даже в большей степени характерно для мета-языка, чем для бытового общения. В целом же современную языковую личность отличает осознанность обращения со словом. Об этом свидетельствует и частотность появления в речи таких высказываний-рефлексивов, как «в иных терминах», «так сказать», «как говорят» и т. п.

В сложившихся социально-политических условиях прагматический потенциал иноязычного слова проявляется по-разному. Так, англицизм становится знаком всего современного: английскими терминами маркируются новые, замствованные реалии современной жизни. Обращение к русскому языку зачастую связано с апелляцией к прошлому, использование прецедентных речевых формул русского языка приобретает характер цитации. Цитата по своей природе – отсылка к прошлому. Русские литературные и киноцитаты – неизменная примета современной публицистики, в том числе и зарубежной.

Глубинные связи языков и культур проявляются не только отдельными вкраплениями в речь иноязычных слов, но и в преднамеренном или непровольном использовании готовых формул языкового сознания – цитат, прецедентных слов и высказываний. При этом цитация может быть прямой и скрытой, а цитата буквальной и трансформированной. Чрезмерное увлечение приемом цитирования порождает тексты центонного характера: «О, сколько нам открытий чудных» готовил не «просвещенный дух», что даже «опыт, сын ошибок трудных», никак не может помочь в осознании происходящего».

Современность привносит в цитирование новые черты – это не дословное цитирование с атрибуцией, т. е. с указанием авторства, а та или иная форма и степень включения (инкорпорации) цитаты в авторский текст. Цитата трансформируется в дописывание текста, перерождается в фанфик – новейшее изобретение массовой литературы, создаваемое по мотивам художественного произведения его пишущими поклонниками. К уже известной форме «люкутного текста» в виде центона прибавляется причудливая форма «кроссовера» – произведения, в котором смешиваются персонажи и локации различных текстов. Но любая трансформация цитаты не изменяет ее сущности. Цитата по-прежнему, как двуликий Янус, обращена одновременно и к прошлому и к будущему. Связующая нить дней, времен, пространств, образов – в этом суть феномена цитации.

В русскоязычном языковом пространстве использование прецедентных высказываний, обращение к цитатам из зна-

ковых русских текстов имеет разную направленность, в том числе и в зависимости от политических пристрастий цитирующих. У прибегающих к цитатам авторов могут быть разные прагматические установки. Выбор цитаты по признаку ее русскости может быть продиктован темой – например, обращением автора к реалиям современной России, в частности, когда зарубежный политик, поминая «незлым тихим словом» русских чиновников, апеллирует к гоголевскому «Ревизору». Но достаточно частотна и другое явление: когда, говоря не о России, а о своей стране, журналист цитирует «пряников сладких всегда не хватает на всех», а публицист завершает статью словами «Только за державу обидно». Такое цитирование свидетельствует о том, насколько органично концепты русского культурного фонда вписаны в языковое сознание народов нашего лингвогеографического ареала.

Выбирая цитату как форму воздействия, автор преследует определенные цели, но у цитаты есть свой собственный потенциал. Даже тогда, когда автор употребляет цитату для выражения негативной оценки, ее воздействие неоднозначно. Прецедентное высказывание – это емкая, образная форма описания ситуации, общепризнанная и принятая за прототипический экземпляр. Обращение к нему – это, во-первых, знак того, что концепты русской культуры остаются частью языкового сознания самого автора. И использует он их потому, что понимает, насколько они действенны. Во-вторых, при обращении к словам-концептам авторскому намерению, волевому усилию противостоит подводное течение, составленное языковыми гештальтами, глубинными формулами языкового сознания. Основной, сопутствующий и даже обратный эффект использования прецедентных высказываний и цитат определяется не только коммуникативным намерением автора, культурным опытом читателя, но и собственным прагматическим потенциалом прецедентных единиц языка.

Цитата как элемент общего культурного наследия, будучи отсылкой к прошлому, с неизбежностью выполняет объединяющую роль в настоящем. Независимо от намерения говорящего, независимо от плюсов и минусов оценочного компонента, цитата – отсылка к общему опыту, в данном случае опыту, закрепленному в русской языковой модели мира. И здесь русский язык по-прежнему выполняет свою объединяющую и посредническую роль.

Лингвисты, публицисты, дипломаты пока не подберут номинацию, которая была бы не отсылкой к общему прошлому, а знаком настоящей (в значении современной и подлинной) общности народов и государств, у которых есть возможность использовать преимущества исторически сложившегося двуязычия. Языковые формулы «постсоветское пространство», «страны бывшего СССР» маркированы обращенностью в прошлое. Одним из хронологически нейтральных знаков является термин «русский лингвогеографический ареал». Понятие русского лингвогеографического ареала в широком смысле слова включает в себя не только русский как родной язык, но и русский как язык-посредник. Лингвогеографическая общность обладает устойчивостью, обеспечивающей возможность опереться на фундамент общего культурного наследия, использовать преимущества билингвизма и ресурсы русской языковой культуры в межъязыковом общении.

К проблеме типологии сравнения: эталонное сравнение в русском языке

Н. М. Девятова

Московский городской педагогический университет

Deviatovan@mail.ru

Сравнение, типология сравнения, эталонное сравнение, диктумно-модусная структура.

В докладе рассматриваются проблемы типологии сравнения, границы между разными типами, место в системе сравнения эталонного сравнения и его границ в русском языке.

Сущность сравнения как логической операции проявляется в установлении в предметах сходства или различия на основании общего признака. Реализуется сравнение в самых разнообразных конструкциях, в том числе в сравнительных. Сравнительными конструкциями мы называем такие, в которых находит реализацию логическая модель сравнения. Логическая модель сравнения представляет четырехкомпо-

нентную структуру, включающую объект и эталон сравнения, модуль сравнения (общий компонент, общий признак сравнения), показатель сравнительного отношения. Сравнительные конструкции разнообразны по структуре. Сравнение может выражаться в сложноподчиненном предложении с придаточным сравнительным, в предложении со сравнительным оборотом, в простом предложении и др.

Традицию изучения сравнения составляет различение сравнения реального и сравнения гипотетического [Русская грамматика 1980]. Различие их проявляется не только в раз-

ных союзах, но и особенностях их диктумно-модусной организации [Девятова 2010]. Реальное сравнение также представлено разными типами, среди которых наметилась традиция различать сравнения образные и сравнения логические. Разработка проблем типологии сравнения и языковых функций сравнения представлена в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1980], М. И. Черемисиной [Черемисина 2006], В. М. Огольцева [Огольцев 1978] и др. Одно из оснований различения сравнения образного и логического – характер соотносимых объектов – объекта и эталона сравнения: что с чем сравнивается.

Специфику логического сравнения составляет то, что в нем сравниваются объекты одного класса, характеризующиеся одинаковой референцией. Например: *Пушкин был такой же негр, как тот негр в Александровском пассаже, рядом с белым стоячим медведем, над вечно сухим фонтаном* (М. Цветаева).

В образном сравнении обычно сравниваются объекты разных классов, различающиеся своей референцией. Например: *Как змей на старую взирает кожу – Я молодость свою переросла* (М. Цветаева).

В отличие от сравнения образного логическое сравнение выполняет в языке другую функцию – соотносит сущности одного класса и выявляет в них тождество общего признака. Однако границы между отдельными типами в русском языке не всегда прозрачны. Неоднозначно место в синтаксических классификациях место предложений, включающих такие конструкции, как *следует*, *как надо*. В работах Н. А. Широковой [Широкова 1968], А. К. Федорова [Федоров 1970] такие единицы признаются вводными конструкциями. Мы же считаем их конструкциями сравнительными. В них представлены все компоненты сравнительной модели: объект и эталон сравнения, общий признак, показатель сравнительного отношения. Специфика такого сравнения в том, что в нем предмет, признак, качество сравнивается с их эталонным представлением. Такие конструкции содержат в своей структуре модальный компонент – *надо*, *следует* и др. Например: *Аркадий, как оно и следует влюбленному человеку, вблизи своего предмета уже не мог обращать внимания ни на что другое* (Тургенев).

Эти конструкции реального сравнения представляют модальные модификации с сокращенным глаголом. Ср.: *Он полюбил, как следует полюбить*.

Особенность их составляет лексическое тождество компаративной константы, информативно-обобщающая текстовая реализация компаративного члена. Например:

Я сразу внутренне уступила ей все места, на которых мы когда-либо могли столкнуться. Так же естественно, как

уступают место видению, привидению: ведь все равно пройдет насквозь (М. Цветаева).

Эталонное сравнение представлено несколькими типами. Один из таких типов, конструкции со сравнительным оборотом, как *все*. Например: *Ты такая же простая, как все, / Как сто тысяч других в России* (С. Есенин).

Другой тип конструкции включает в себя гипоним *человек* и т. п. Например: *Делать было нечего. Муромский, как образованный человек, подъехал к своему противнику и учтиво его приветствовал* (Пушкин); *В Берлине студенты одеваются, как все люди* (Тургенев). Семантические особенности таких сравнений проявляются в предложении с глаголами, называющими определенный тип поведения: *не пропаду, как не пропадет человек с руками и профессией; договоримся, как договариваются мужчина и женщина* и т. п. Такие конструкции выражают несколько значений: 1) «принадлежать к определенному типу людей», 2) «вести себя как человек, принадлежащий к определенному типу людей». При разворачивании в придаточное появляется модальный компонент – *как нужно*, *как следует* и т. п. Ср.: *как одеваются все люди; как надо одеваться*. Такие конструкции представляют разновидность эталонного сравнения.

Граница между эталонным и образным сравнением на этом участке системы проходит следующим образом. Если конструкция передает значение «вести себя как...», но не обладает значением «принадлежать к...», это образное сравнение. Например:

Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья (Чехов).

Не всегда очевидны различия между эталонным сравнением и оборотом со значением «в качестве». Последние мы называем предложениями со значением таксономической характеристики. Многие такие обороты также могут быть развернуты в придаточное сравнительное. Например: *Богат, хороши собою, Ленский везде был принят как жених* (Пушкин). Ср.: *Ленский был принят так, как принимают женихов*. Предложение с таким придаточным принадлежит эталонному сравнению. Интересующее нас существительное *жених* включается в сравнение, однако оно не занимает позиции объекта сравнения.

Особенность единиц со значением таксономической характеристики в том, что в них существительное представлено гиперонимами, называющими важные характеристики лица: социальные, профессиональные и т. п. Например: *Придет день, я восстану открыто на него. Да не только как на человека, но и как на писателя* (Берберова). Ср: *как восстанут на человека и писателя*.

Авторизационные показатели в обыденной речи*

Т. А. Демешкина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

demeta@rambler.ru

Авторизация, коммуникация, диалог, диалектная речь.

Summary. The paper is devoted to the analysis of the category of authorization in Siberian old residents' everyday speech. The most frequent indicators of the author's presence in the act of communication are revealed. Cognitive operations with other's speech, introduced into the dialogue, are analyzed.

Одной из разновидностей обыденной речи является диалектная речь, имеющая устный характер своего существования. Обыденный характер коммуникации наиболее последовательно проявляется в диалогах на бытовые темы. Диалоги представляют собой репрезентативный материал для исследования категории авторизации, понимаемой в широком смысле, поскольку отражают взаимодействие двух (в полилогах более двух) коммуникантов, реализующих стратегию самовыражения и ориентирующихся на восприятие и понимание речи другого человека. По наблюдению Н. Д. Арутюновой, «для диалога характерен эксплицитный модус. Он выражает либо пропозициональную установку говорящего, либо апелляцию к интенциональному состоянию адресата» [1, с. 660].

В нашем представлении, категория авторизации – это модусная категория, имеющая когнитивно-дискурсивный ха-

актер, взаимодействующая с другими модусными категориями внутри высказывания и фрагмента текста и в то же время находящаяся на пересечении множества связей и отношений категорий и явлений другого уровня, представляющих внешнюю среду и проецируемых в диктумный слой семантики высказывания.

Материалом для выявления показателей авторизации послужили опубликованные записи речи русских старожилов Сибири [3], а также иллюстративные части словарных статей Вершининского словаря [2], Полного словаря диалектной языковой личности [4]. Наиболее частотным маркером сферы адресанта является лексема *по-моему*.

Информация, излагаемая от лица говорящего, как уже было отмечено, не требует указания на источник информации в силу его очевидности. Вместе с тем, в диалогической речи присутствует показатель того, что автор излагает свою

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-14-70002.

информацию, за достоверность которой отвечает: *Зимой раньше, по-моему, не ловили, давно уже стали ловить; Ну, овраги, я не знаю, овраги – они, по-моему, везде есть*. Лексема *по-моему* является одновременно маркером источника информации и передает семантику предположения, неуверенности говорящего в достоверности излагаемой информации. Причины такой неуверенности кроются либо в недостаточной информированности говорящего по поводу того или иного факта, либо в том, что говорящий вспоминает давно прошедшие события, стершиеся в памяти.

Другим частотным маркером авторской информации является глагол *говорить* в форме первого лица в сочетании с личным местоимением, употребляемый при передаче своей речи в ситуации, имеющей место быть ранее. Как правило, это моделирование диалогов с односельчанами, и лексема *говорит* маркирует смену реплик обоих участников диалога.

Глагол *говорить* используется в диалекте для обозначения источника информации, представленного максимально обобщенно или неопределенно: *Говорят, к худому, что она кукует, кукушка; И говорят, что родственникам нельзя нести / покойника / ; Говорят, что когда вода прибывает, вверху дожди – судьи придут*.

Эксплицированное представление источника информации отражает две противоположные тенденции, существующие в диалекте как особой форме коммуникации: тенденцию к эгоцентризму и тенденцию к передаче коллективного знания, зафиксированного только в устной форме. Особенно ярко это демонстрирует функционирование лексемы *говорить*, передающей информацию либо о совершенно конкретном субъекте речи, либо о субъекте, предельно обобщенном, типа *«старички говорили», «старые люди говорили»* и так далее.

Специфика диалектного диалогического общения заключается в том, что благодаря введению в текст информации,

идущей от третьего лица, диалоги превращаются в полилоги, поскольку говорящий использует ее для выстраивания дальнейшего взаимодействия с собеседником. В анализируемом материале отмечено несколько когнитивных операций над вводимой в коммуникацию информацией:

Комментарий по поводу чужой информации, сопровождаемый оценкой: *А теперь че – у него ни звания, ни образования, а он козыряет этого директора: «А, директор такой-сякой, намазанный-сухой, я больше его знаю» – ну как же это так? Ну раз больше знаешь, ну ты будь директором, если больше знаешь; Ага, полоть. Да у меня сыновья: «Папа, гыт, посади, мы, гыт, выполем и выкопам», Ну, а пожалуй, ниче из них не выйдет – ни выполоть, и не выкопать, ниче. Всем некогда.*

Развитие чужой мысли (досказывание) и комментарий, сопровождаемый оценкой: *А все по радио передают: «Россия – это мы». Ешо бы подставили: «дураки». Всю Россию продали, и все! И куда годно это?*

Таким образом, изучение функционирования категории авторизации в диалектной речи предполагает обращение к анализу языковых средств выражения категории, в том числе, в аспекте их полифункциональности, синкретичности. Перспективу исследования составляет обращение к анализу взаимодействия чужой и своей речи в диалоге, выявление типов операций с чужой речью при введении ее в коммуникацию.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
2. Вершининский словарь. Т. 2. Г–З / Главный ред. О. И. Блинова. Томск, 1999.
3. Иванцова Е. В. Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. Томск, 2007.
4. Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2006.

О реализации принципа кинематографичности в художественно-документальной литературе конца 1920-х – 1930-х гг.

О. С. Завьялова

Российский университет дружбы народов (Москва)

zavjalova@mail.ru

Принцип кинематографичности, монтажный метод, ритм текста.

Summary. The author analyzes composition of the text of the udarnik's sketch to demonstrate the realization of the principle of *cinematographicness* (one of the basic principles of poetics of the late 1920 – early 1930) in literary text. Explanation of dominance of this principle in the art of those years is suggested.

1. Предметом анализа в докладе является новый в литературе конца 1920-х – 1930-х гг. *литературный факт* (по Ю. Н. Тынянову [6]) – документальные и художественно-документальные тексты, авторами которых были непрофессиональные авторы – ударники труда.

2. Делается попытка рассмотреть новый литературный факт в контексте *внутреннего* развития искусства. Ключевым принципом, характеризующим искусство 1930-х гг., как показал В. И. Тасалов, стал принцип «кинематографичности». Под кинематографичностью понимается синтезирование воедино в произведении искусства всех качеств художественной формы: картинности, музыкальности, словесного оформления жизненных отношений и т. п. [5].

3. Чтобы показать, каким образом этот принцип воплотился в литературном тексте, в докладе анализируется синтаксическая композиция и ритмическая организация очерка Н. Михайлова «В боях за металл» (1930).

В основе ритмической композиции очерка лежит повтор – повтор эпизодов, в которых автор описывает сам процесс работы.

В этих эпизодах значительное место занимают *репродуктивно-повествовательные* фрагменты [1: 30–31], которых в «классическом» очерке практически нет. Но, с другой стороны, повествование в репродуктивном регистре не ведется по распространенной в художественном тексте схеме, где глаголы динамического действия последовательно ведут сюжетный эпизод от завязки к развязке.

В очерке Н. Михайлова автор не фиксирует последовательно каждое сюжетно значимое действие, а выхватывает – как будто с помощью камеры – лишь некоторые из них.

В основе построения репродуктивных композитивов лежит принцип *количественной эквивалентности*: «отдельные элементы содержания названы каждый раз при помощи одного наименования, в результате чего ... состав отдельных членов предложения и синтагм отличается относительно несложностью, а семантическом плане наблюдается тенденция к четкому разграничению значений» [2: 302]. Благодаря этому приему читательское восприятие сосредоточивается на самом ходе повествования, на событийном плане [2: 303]. Подобное синтаксическое «обособление» каждого элемента информации помогает выделить его в сознании воспринимающего субъекта, отграничить одно действие, одно «событие» от другого.

Необходимо специально остановиться на грамматической форме предикатов и их синтаксической функции. В тексте очерка наблюдается последовательное чередование форм настоящего и прошедшего времени, настоящего актуального и настоящего узального времени. В кульминационных эпизодах очерка повествование переключается на настоящее актуальное. Автору нужно не просто передать прямое восприятие события, но и с помощью доступных ему языковых средств усилить иллюзию «совершаемости» действия перед читателем, зрителем. Именно для этого избирается форма настоящего времени (см. [3]). Синтаксическая функция предикатов (*хватает, сует, бросает, сгибает, сажает, гнет* и др.) двойственна. С одной стороны, эти предикаты сообщают о действиях, которые сменяют друг друга, – значит, эти глаголы реализуют аористивную функцию. С другой стороны, форма настоящего времени предикатов, выделенность, «повышенная приближенность» к читателю / зри-

телно каждого действия, дают основание говорить о том, что эти глаголы выполняют имперфективную процессуальную функцию: действия рассматриваются, переживаются автором и читателем в каждой их микрофазе.

Фрагменты текста в репродуктивном регистре формируются преимущественно предложениями, реализующими модель с типовым значением 'субъект и его действие', более того, в тексте представлены базовые, изосемические модели, в которых позицию предиката занимают акциональные глаголы. Этот тактический прием способствует нагнетанию темпа повествования (см. [3: 216]). Специального анализа заслуживают репродуктивные фрагменты, «выпадающие» из сюжетного ряда, предложения, реализующие модели с иным типовым значением. Важно не только то, что эти модели «разрывают» ряд глаголов динамического действия, которые, сменяя друг друга, являются главным инструментом передачи сюжетного движения. Важно еще и то, что в этих моделях меняется субъект, или же объект изображения (человек, группа людей → неодушевленный предмет), а само изображение дано как будто бы на максимальном фокусном расстоянии камеры, необходимым для того, чтобы выделить только лишь этот предмет, часть предмета. Акцент на детали является фактически акцентом на времени – показом времени по-кинематографически: *крупным планом* [4].

4. Для лучшего понимания принципов организации текста, обнаруженных в нем приемов управления художественным временем и читательским восприятием текст очерка

сопоставляется с фрагментом киносценария (С. М. Эйзенштейн «Броненосец „Потемкин“»).

5. Структура очерка Н. Михайлова является примером реализации монтажного метода (С. М. Эйзенштейн) в литературном тексте.

Именно использование монтажного метода обуславливает синтетичность формы («кинематографичность»): так, например, музыкальность создается за счет ритмизации текста, которая достигается с помощью грамматических средств, а также благодаря повторам тематически близких фрагментов – каждый раз в новой художественной целостности.

В заключение делается попытка объяснить, почему этот *конструктивный принцип* [6] стал доминирующим в искусстве 1920-х – 1930-х годов.

Литература

1. Золотова Г. А., Ошпенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
2. Кожевникова Кв. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
3. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
4. Пудовкин В. И. Время крупным планом // Пролетарское кино. 1932. № 1.
5. Тасалов В. И. Об интегративных аспектах взаимодействия видов искусства // Взаимодействие и синтез искусств. Л., 1978.
6. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Капитализация как средство привлечения внимания в виртуальном пространстве (на материале окказиональной отонимной лексики в политическом дискурсе)

Е. В. Иванова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ev-ivanova-sfu@yandex.ru

Графическая игра, окказиональная отонимная лексика, политический дискурс, язык Интернета.

Summary. The paper deals with the occasional lexis based on political onyms and created with the help of the graphic game. The reasons of appearance of such occasionalisms in communication of internet users are analyzed.

В современный период развития общества Интернет становится одной из наиболее распространенных форм общения и получения информации. Благодаря появлению и широкому распространению таких разнообразных видов интернет-дискурса, как информационные порталы, форумы, чаты, персональные блоги, а также возможности оставлять комментарии фактически во всех перечисленных видах интернет-дискурса, такие формы деятельности, как получение информации и общение, вступают в активное взаимодействие, что провоцирует возникновение и расширение языковых феноменов.

Рассмотрим данное взаимодействие в рамках политического дискурса, как наиболее распространенного и вызывающего живейший интерес со стороны общественности, на материале окказиональной отонимной лексики, созданной с помощью графической языковой игры.

Языковая игра, являющаяся устоявшимся явлением в языке художественной литературы, привычная в языке СМИ и рекламы, продолжает набирать обороты и в интернет-дискурсе. Простой обыватель теперь не только является адресатом для языковых феноменов, но и становится адресантом – активно использует их в своем общении, беря их за основу, он придумывает свои, апеллируя к коммуникантам, к лингво-культурному сообществу.

Мы понимаем графическую игру как «такое использование разнообразных средств параграфемии: шрифтового выделения, варьирования шрифтов..., которое направлено на реализацию воздействующей функции языка» [Ильсцова, Амири, 2009: 67] служит привлечению внимания читателя. Графическая игра все больше проникает в сферу повседневного общения пользователей Интернета. На наш взгляд, это явление происходит в силу ряда следующих причин: во-первых, фактически не существует сайтов, на которых нет рекламы – пример для подражания постоянно находится у пользователей перед глазами; во-вторых, общение коммуникантов на политические темы в основном осуществляется в виде оставления комментариев к публицистическим статьям политической направленности, которые часто как в

заголовках, так и в тексте используют приемы графической игры для привлечения внимания читателей; и, в-третьих, учитывая повышенный интерес и крайне неоднозначное отношение общества к современным политическим лидерам нашей страны, коммуниканты создают огромное количество окказионализмов на базе политических онимов, используя всевозможные словообразовательные приемы, в том числе, и графическую игру.

В качестве иллюстраций приведем наиболее яркие примеры окказиональной отонимной лексики, созданной при помощи графической игры. Рассмотрим рекламное объявление и комментарий: «*Тематика книги Андрей Ашкеров. «Путинада. Политические очерки новейшего времени» в разных интернет-магазинах*» [2], «*В. В. Путин или путиниАДа*» [3] и «*Луковая ПУТИНиАда*» [4]. Окказионализм *путиниАда*, использованный в названии книги, образован по аналогии со словом *илиада* (поэма о подвигах древних греков – эллинов). Использование в комментарии новообразования *ПутинаАДа*, измененного посредством капитализации, или графического выделения сегмента слова, указывает на желание автора выразить его отрицательное отношение к содержанию произведения и, вероятно, реальным событиям, нашедшим свое описание в нем. Окказионализм *ПУТИНиАда* был использован автором в названии его статьи об отношениях и действиях А. Г. Лукашенко и В. В. Путина для привлечения внимания читателей именно к описанным действиям В. В. Путина, его реакции на поведение А. Г. Лукашенко. Смена политических лидеров у власти была отражена в следующем примере: «*Кончается ДИМОКратия и начинается царстВОВАние*» [5]. Автор данного комментария не только указывает на то, кто и кому из лидеров пришел на смену посредством нарушения орфографической нормы и капитализации, но и выражает свое отношение и осведомленность о якобы не изменившемся режиме власти в стране. В следующих примерах: «*За отличие в службе в СухопУТИНСКИХ войсках*» [6] и «*Знаете ли вы, что президент России создал гвардию – сухопУтинские войска?*» [7], окказионализмы образованы по аналогии со

словом *сухопутный* при помощи капитализации. Если в первом случае автор считал необходимым полностью выделить капитализацией часть окказионализма, указывающую на связь с В. В. Путиным, то во втором – автор выделяет только первую букву онима, присутствующего в новообразовании, что также является достаточным для двойного прочтения данного окказионализма, как сухопутные войска, принадлежащие Путину.

Изученные примеры показывают широкое использование капитализации как приема графической игры в политическом дискурсе виртуального пространства. Все рассмотренные окказионализмы были созданы пользователями Интернета в повседневной коммуникации, что говорит о распро-

странении графической игры за пределы языка художественной литературы, СМИ и рекламы, в язык бытового общения человека.

Литература

1. *Ильясова С. В., Амири Л. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
2. [http://bookfinder.su/o/9785902767282/putiniada-andrei-ashkerov].
3. [http://maxpark.com/community/4714/content/1602106].
4. [http://kompromatby-com.livejournal.com/17353.html].
5. [http://samaralife.com/voskresnyie-ssyilki-142/].
6. [http://newsland.com/news/detail/id/1230123/].
7. [http://veselitter.ru/blog/AlekcDolche-414479/].

«Борьба за значение»: дискурс о гражданском обществе в современной России

О. С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

isserso@mail.ru

Гражданское общество, дискурс-анализ, политическая лингвистика.

Summary. The paper focuses on discourse analysis of the modern Russian civic society. The methodological basis for complex linguistic research of civic society construction includes revealing of stereotypes and mass consciousness attitudes through “key words”, competition of definitions, metaphors, etc. “Key words of current moment” – such as *dialog, system and non-system opposition, creative class*, etc. – are discussed. The author concludes that the choice of nomination and its discussion are the indicators of competing interpretations, or “the fight of discourses”. Linguistic games on the political stage are also analyzed.

Разрушение монополии государства во многих областях социально-экономической жизни напрямую связано с развитием гражданского общества. Подлинно влиятельным гражданское общество становится тогда, когда генерируемые им представления, идеи и предпочтения повседневно присутствуют в среде, в которой носители власти обретают и реализуют свои полномочия. Среда формируется (наряду с другими факторами) средствами массовой информации и блогосферой, объединяющей разнообразные сообщества – политиков, чиновников, журналистов, экспертов и т. д.

Со времени постперестроечных 90-х годов феномен гражданского общества оказался в России в фокусе общественного внимания, а после протестных акций 2011–2012 гг. понятие стало едва ли не ключевым в публичной дискуссии. Разброс мнений относительно возможностей развития гражданского общества в России очень значительный: от эйфории до скепсиса и полного отрицания. Таким образом, мы имеем не только широкий спектр мнений о перспективах развития гражданского общества в России, но и поле для наблюдений за тем, как люди говорят об этом, т. е. за дискурсивными практиками.

Современные дискурсивные практики в явной форме обнаруживают т. н. «борьбу дискурсов» (термин Н. Фэркло). Она проявляется в том, что определенный дискурс всегда находится в конфликте с другими дискурсами, претендующими на то, чтобы по-иному описывать реальность и устанавливать другие принципы социальной практики. Там, где сталкиваются дискурсы, могут возникать «конфликты интересов», вплоть до антагонизма. Как правило, они разрешаются через «артикуляцию с помощью силы»: один дискурс удаляет через интервенцию другой (Йоргенсен, Филлипс 2008).

При этом важно учитывать, что носители языка могут принимать или отвергать какие-либо значения даже тогда, когда они не осознают идеологической сущности своей практики. Как отмечал Н. Фэркло, «субъекты позиционированы идеологически, но они также способны действовать креативно, создавая свои собственные связи между разнообразными практиками и идеологиями, действию которых они подвергаются, а также преобразовывая эти практики и структуры» (Fairclough 1992).

Борьба дискурсов разворачивается вокруг идей, которые становятся своеобразными символами Добра и Зла, фокусирующими наиболее актуальные для общественной жизни проблемы. В этом смысле показательным представляется анализ конкурирующих в общественно-политической жизни России дискурсов (власти, оппозиции, различных политических течений и организаций). Поскольку дискурс-анализ ставит своей целью объяснить причины выбора и созда-

ния конкретной «вербальной упаковки» для конкретного содержания, лингвистический инструментарий дает возможность глубокого анализа процессов развития гражданского общества в России.

Митинг протестного электората Москвы и крупных городов, проходившие в 2011–2012 гг. в период думской и президентской выборных кампаний, сформировали не только основные информационные поводы, но и своеобразный способ говорения – «дискурс оппозиции», а также «разговоры об оппозиции». В качестве источника материала были выбраны статьи за указанный период журнала «Огонек» (ИД «Коммерсант»), занимающего в спектре современных российских СМИ умеренно либеральную позицию. Другим источником для анализа стали сообщения в блогах, поскольку в «новых» медиа нередко рождаются и шлифуются современные социальные и языковые феномены.

Цель исследования – выявить, какие дискурсивные элементы «артикулируются» по-новому, как в современной русскоязычном дискурсе идет борьба относительно их значения, какие лексические новообразования отражают попытки построения общественного диалога в современной России. В докладе будут рассмотрены ключевые слова и базовые метафоры «текущего момента», конкурирующие дефиниции и «споры о номинациях», а также «новое русское слово» (по данным проектов «Слово года» и «Пресс-слово года»).

В частности, будут представлены наблюдения за вербализованными представлениями о гражданском обществе, функционированием лексемы «диалог», вариантами определения оппозиции (*системная vs. несистемная – внесистемная – бессистемная*). Также будут продемонстрированы лексические новации и базовые метафоры, актуальные для дискурсивных практик в рамках рассматриваемой проблематики. Эти языковые единицы достаточно показательны в плане «борьбы дискурсов».

Исходной для исследования является концепция «ключевых слов» (Т. В. Шмелева), которые можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, поскольку они являются «вершинами» концептов, маркерами мировоззрения, системы ценностей. Динамика ключевых слов (включая конкуренцию их значений в различных текстах) – с одной стороны, значимая дискурсивная характеристика, с другой – существенный показатель социальных сдвигов.

Как показывает материал, проблемы полноценной коммуникации и четкой «артикуляции» своей позиции являются едва ли не главными во взаимоотношениях власти и оппозиции. Именно поэтому обсуждение различных аспектов диалогического взаимодействия находится в фокусе поли-

тических дискуссий. В дискурсе о гражданском обществе обращает на себя внимание частотность глаголов и субстантивов со значением речи (разговаривать, говорить, слышать, собеседник) – яркий показатель актуальности полноценной, не односторонней, а двусторонней общественной коммуникации.

Публичный диалог предполагает возможность конкурирующих интерпретаций, поиск наиболее точной дефиниции общественно значимых понятий. Показателем конкуренции являются эксплицированные вопросы метакоммуникативного характера, смысл которых касается выбора слова («Почему вы это так называете?»).

Партия власти цинично заявляет, что она открыта к диалогу. Но в чем заключается эта открытость? Разве властные чиновники всерьез обсуждают обозначенные проблемы? Разве проводятся какие-то действия, свидетельствующие, что власть готова идти на необходи-

мые реформы? Я не вижу. Что они называют диалогом? (Н. Сванидзе).

«Борьба дискурсов», проявляющаяся в конкуренции обозначений реалий политической жизни, подтверждает, что речевые практики не пассивно реагируют на социальные сдвиги, а активно формируют новые способы коммуникативного взаимодействия в обществе. Они способствуют тому, чтобы на смену доминированию одного дискурса пришло понимание права всех членов общества участвовать в формировании новых смыслов и идентичностей. В обществе вряд ли может быть достигнут окончательный консенсус относительно значения, в то же время на основе наблюдений за развитием новых прагматических значений, выбором номинаций из возможного ряда, освоением терминологических единиц политического словаря можно диагностировать попытки построения двустороннего и равноправного публичного диалога.

Интенсификаторы в риторическом высказывании

А. В. Канафьева

Московский государственный областной университет

kanafevaalya@mail.ru, kaf-sovrusl@mgou.ru

Риторическое высказывание, лексико-грамматические интенсификаторы, структурно синтаксические интенсификаторы, экспрессивное отрицание, экспрессивное утверждение.

Summary. The report examines the participation of the papers, interjections and lexical repetition in the reinforcement of the expressiveness of rhetorical statements.

Для выражения степени категоричности отрицания или утверждения, интенсивности субъективно-модальных, эмоциональных, оценочных значений риторическое высказывание, помимо присущих ему риторических формантов, прономинальных, партикулярных, интонационных, располагает комплексом лексико-грамматических и конструктивно-синтаксических интенсификаторов.

К лексико-грамматическим интенсификаторам относятся частицы и междометия.

Среди частиц, активно употребляющихся в различных семантических группах риторических высказываний, отмечаются усилительные частицы *да, же*: *Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!* (Н. Гоголь); *Шурочка часто говорила: – Я – счастливая. Разве этого мало? Разве же надобно, чтобы счастье человеческое продолжалось долго, долго, пока не надоест? Конечно, нет* (Ф. Сологуб).

В обиходно-разговорной речи в качестве интенсификаторов общеотрицательного значения нередко употребляются частицы *тут, там*, являющиеся полными лексическими омонимами локальных наречий. На первый взгляд, их присутствие в высказывании является совершенно излишним, даже паразитирующим. Однако мы склонны считать эти компоненты риторических высказываний лексико-грамматическими градиционно-мотивирующими средствами. Эти компоненты репрезентируют в свернутом виде представленные в контексте мотивированность, обоснованность, неизбежность, предопределенность экспрессивного отрицания: [Крутицкий] *В молодых летах надо пить, кутить. Чего тут стыдиться? Ведь ты не барышня* (А. Островский); *Черт знает, какая у тебя телега! – поморщился землемер, влезая в телегу. – Не разберешь, где у нее зад, где перед... – Что ж тут разбирать-то? Где лошадиный хвост, там перед, а где сидит ваша милость, там зад...* (А. Чехов); *Машенька, стараясь оправдать сама себя в своих мыслях, думала: «Ну, как не пожалеть такого! Как ты тут его прогонишь! Ведь не кричать же на него, не городского же звать!»* (Ф. Сологуб); *Куда там сейчас ехать!* – сказала она и встала. – *Разве отсюда вырвешься?* (Паустовский). Частица *тут*, в определении Н. Д. Арутюновой, является презентативом, вводящим «сообщения о разного рода обстоятельствах, влияющих на ход событий, неожиданно возникающих препятствиях, соображениях «по ходу дела», эмоциях, чертах характера и пр.». Частица *там* названа А. Д. Шмелёвым маркером «несущественной детали». Сходные функции отмечаются и у частиц *где, куда*.

Междометия, как особые сигналы эмоциональности, экспрессии, степени проявления чувства, маркеры аффективного состояния и высокой степени его проявления, используются в риторическом высказывании с эмоциональной семантикой. Наиболее употребительными являются междометия *боже, боже мой, господи, ах: Господи!* – *закричала вдруг она, засверкав глазами, – неужели же нет справедливости!* (Ф. Достоевский). Употребление в риторическом высказывании приведенных междометий способствует более глубокому и полному выражению семантики эмоционального состояния и эмоционального отношения, поскольку это обусловлено, по В. В. Виноградову, их «интонационными, фонетическими особенностями, <...> их аффективной окраской, их моторно-мимическим и жестовым сопровождением <...>».

К структурно-синтаксическому типу интенсификаторов относится повтор либо отдельных компонентов, либо всего риторического высказывания. Иногда посредством риторических высказываний разных структурно-семантических моделей организуются целые риторические блоки. Характерно, что повторяющимися часто являются прономинальные и партикулярные риторические форманты, акцентирующие эмоционально-оценочный смысл, фиксирующие высокую степень эмоционального напряжения: *...но одно меня тревожит: как я с женой встречусь? Что я скажу ей? Пять ночей дома не ночевал, все проспал и отставку получил... Что я могу сказать ей?* (А. Чехов); *Как освободиться от этих невыносимых нут?* – *Как? Как?* – спрашивал он, хватая себя за голову. – *Как?* (А. Чехов).

Для выражения крайне взволнованного состояния, градиционного проявления эмоции, например, эмоции гнева, в риторическом высказывании употребляется целый комплекс интенсификаторов. Интенсифицированные риторические высказывания являются тактическими единицами главной стратегической цели – воздействуя, заставить адресата признать его поражение, «поставить на место». Перформативные глаголы с эмоциональными, социально надменными оттенками значения конкретизируют характер речевого действия: *напустился; спрашивал, напуская на себя строгость; заволновался; накинулся; обрушился* и др.

Таким образом, риторическое высказывание, являясь экспрессивной синтаксической единицей, располагает еще и комплексом лексико-грамматических и структурно-синтаксических интенсификаторов в выражении экспрессивного отрицания, экспрессивного утверждения и разнообразных присущих ему эмоционально-оценочных значений.

Преломление категории отношения в дискурсе

Р. А. Каримова

Башкирский государственный университет (Уфа)

srya409@mail.ru

Категория отношения, смыслы медиадискурса, когнитивное взаимодействие.

Summary. Considered is the basic category / facilitating the integrated analysis of the discourse.

Современная речевая действительность, активизация ее устной сферы, являемой деловой речью (например, на радио «Бизнес FM»), научной (на радио «Эхо Москвы»), телеканале «Культура») и научно-популярной (телеканал «Культура»), публицистической (на радио и телевидении) расширяет поле наблюдений над дискурсом, что существенно для типологии текстов, дискурсов и проблематики дискурсивного анализа.

Внимание к фактору целостности публицистических дискурсов в рамках рубрики, программы служит укрупнению дискурсивного анализа. По наблюдениям над дискурсами программы телеканала «Культура», «Белая студия» таким фактором является категория отношения, стимулирующая выработку модели дискурса. В общенаучном плане восходящее в Аристотелю «отношение» трактуется как одна из основных логико-философских категорий, отражающих способ бытия. В психологии идея отношения приобрела «характер фундаментальной» (В. П. Позняков) и рассматривается как атрибут сознания, конкретизируясь в понятии психологических отношений человека, его субъектно-объектной связи. Эта связь, реализующаяся в деятельности, включает наряду с когнитивным эмоциональный аспект, а также аспект региональной прагматической оценки и ценности.

В лингвистическом аспекте категория отношения весьма существенна: она обуславливает стратегию дискурсов «Белой студии» (программы ТВ «Культура»), проецируясь на их структуру – вступление («Что читали и смотрели те / кого сегодня читаем и смотрим мы? // как эти книги и фильмы / помогли им найти себя? // и чем они могут помочь измениться нам? / и заключение (перечень значимых для коммуниканта книг, фильмов).

Основная часть дискурса (в частности, беседы с Е. Гришковцом и Д. Певцовым) – общение как совместная деятельность коммуникантов – через категорию отношения освещает путь личности адресата от развития ее эмоциональной сферы (понимания юмора (благодаря образам любимых героев, как образы Винни Пуха, Пятачка или Чипполино), преодоление страха и развитие воображения к становлению сознания творческой личности писателя, актера, с

определенным кругам эталонных образов целого ряда авторов (А. Тарковского, Бомарше, А. П. Чехова, М. Булгакова, А. Солженицына и др.) и образов, актуальных смыслов в сфере собственного творчества, его задач.

Реализации категории отношения в устном дискурсе служит динамика номинаций (с актуализацией их позиции благодаря просодии: выделительным ударениям, паузации, характеру членения высказываний), объединяющихся в коммуникативное поле фрагмента. Причем если в начальных ответных репликах собеседника, Е. Гришковца, актуализуемые лексемы (Винни Пух, Винни Пух с Пятачком, слонопотам и др.) выступает прежде всего знаками категоризации определенного фрагмента мира говорящего, то далее номинации поля (см.: юмор, смешная история, любимая фраза, самый смелый персонаж, страх, первая моя фраза и др.), отмечая развитие семантики дискурса, являются средством концептуализации, носителями смыслов, значимых для личности.

См. № 1: ...над чем смеется ваша аудитория?

№ 2: по большей части в моих спектаклях / это все-таки даже не юмор // смеховая природа ээ... другая // это все-таки смех связан с узнаванием...

№ 1: с узнаванием да...

№ 2: этот смех / он не юмористического происхождения // он... у него природа радости / узнавания //

Показателен заключающий дискурс спор коммуникантов о понимании фильма «Солярис», связанный с темой «чувство любви, его объект», который приводит собеседника (Е. Гришковца) к обоснованию собственной позиции, заключаемому сентенцией:

№ 2 ...любить трудно / и потому что любовь тоже есть непрерывный труд... // ...и... как только человек научился любить Родину и время / в которое он живет / он тут же превращается в старика / и не способного сделать ничего // и это совершенно не связано с возрастом //

В дискурсе отмечается также коммуникативная нагрузка ряда семантических и семантико-грамматических категорий, характерных для выражения отношения, – категорий мнения, оценки разных видов, сходства, сравнения / сопоставления, а также категории каузативности.

Прецедентные имена в никнеймах пользователей Интернета

В. М. Касьянова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vkasianova@mail.ru

Антропонимика, личное имя, Интернет, никнейм (ник).

Summary. The author analyzes lexical and semantic features of Internet nicknames containing existing names and considers the basic techniques of language play used in these nicknames.

Никнеймы, или ники, – условные имена пользователей Интернета, антропонимы нового типа, которые выбираются в расчете на то, чтобы привлечь внимание сначала к «псевдоимени», а потом и к его носителю. Никнеймы, образующие отдельную сферу именования человека, представляющие большой интерес как в структурном, так и в семантическом плане.

Стремясь к узнаваемости в виртуальной среде, пользователи Интернета часто создают ники, используя различные прецедентные имена. Было проанализировано около 1800 подобных никнеймов, принадлежащих авторам комментариев на сайтах *mail.ru*, *rambler.ru*, *newsland.ru*, в том числе около 570 ников, включающих имена реальных лиц, 350 ников, включающих имена героев литературы и кинематографа, и около 80 никнеймов, ассоциативно связанных с тем или иным реальным лицом или героем художественного произведения.

Ники, содержащие имена и фамилии известных исторических и государственных деятелей настоящего и прошлого

го, отражают все периоды истории нашего государства. Это имена князей и царей (*Александр Невский; Владимир Мономах, также В. Мономах; Иван Грозный; Петр I; Александр Александрович III* и др.); имена тех, кто сыграл однозначно положительную роль в развитии Российского государства (*Василиса Кожина, Кузьма Минин, Минин и Пожарский, Георгий Нахимов, Атаман Ермолов* и др.), тех, кто оставил после себя недобрую память (*Малюта Скуратов* и др.), наконец, тех, чья роль в истории подверглась переоценке в течение последних 20 лет (*Железный Феликс; Феликс Эдмундович Дзержинский; Революционер Желябов, Василий Чапаев, Павлик Морозов* и др.). Достаточно большое количество никнеймов, связанных с эпохой сталинизма (*Коба Сталин; За Родину! За Сталина!; Сталина Навасету!* и др.), отражает политические убеждения определенного круга людей. Имплицированная отсылка ко времени правления Хрущева звучит в нике *Волюнтаризм Иванович* (намек на неприятие инакомыслия), а в никейме *Дорогой Леонид*

Ильич обыгрывается один из штампов советского времени. В подобных никах могут использоваться и прецедентные единицы, традиционно соотносящиеся с историей другой страны, но переосмысленные применительно к новейшей истории России, например: *Кормчий (ВВП)* – уточнение в скобках принадлежит его автору, который, видимо, пожелав остаться непонятым и вовремя переключил акцент. Никнеймы *Света Курицына, Ксюша Собчак, Надежд Толконников* иллюстрируют последние события нашей истории (в последнем примере налицо намеренное искажение прецедентного имени и перевод его в форму мужского рода). В ряде ников отмечается языковая игра, основанная на паремологической трансформации (*Старик Батулин*), ироничной контаминации (*Рюриковичи мы, Холманских холон*), введении отрицательного форманта (*Андрей Несахаров*), сочетании сленговой единицы и реальной фамилии (*Фуфломёт Навальный*), перестановке слогов в имени, приводящей к ложной этимологизации (*Михайло Носоломов*), и компонентов двусложной фамилии (*Маклай Миклухо*).

Достаточно популярны среди пользователей российского Интернета никнеймы, в основе которых лежат имена русских писателей, причем возможны самые разные способы представления: фамилия (*Пешков; Северянин*), имя и фамилия (*Антон Чехов*), имя и отчество (*Михаил Юрьевич; Фёдор Михайлович*). Ник *Иван Гоголь* отражает тенденцию к контаминации фамилии известного лица и своего личного имени, а никнейм *Высоцкий русский* иллюстрирует стремление к расширению состава прецедентного имени путем включения в него различного рода уточнений и определений.

Феномен прецедентности лежит в основе многочисленных никнеймов. обыгрывающих имена литературных героев. В качестве таких ников выступают имена героев русского эпоса (*Илья Муромец*), русской классической литературы (*Базаров, Обломов, Дед Мазай*), советской литературы (*Павел Корчагин, Дерсу Узала, Василий Теркин, Щукарь*; при этом особенно популярны произведения М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова, братьев Стругацких: *Доктор Борменталь, Киса Воробьянинов, Остап Бендер, Коля Остен-Бакен, отец Фёдор, Фагот Корovieв, Янус Полуэктович*,

Благородный дон Рэба и др.). Безусловно, имплицитно связаны с героями Пушкина и Гоголя никнеймы *Акулина* и *Акакий*. Во многих никах, относящихся к данной группе, наблюдается контаминация имен (*Алеша Муромец, Конрад Скумбриевич*), псевдочленение (Князь БолтКонский), расширение исходного имени (*Аэлита Марсианская*), образование фамилии на базе отчества (*Добрыня Никитичев*), изменение фамилии (*Наташа Ростовская*), образование никнейма на базе имени героя (*доуэль Беляев*) и др.

Очень широко представлены ники – имена героев отечественной и зарубежной детской литературы (*Гена Крокодил, Винни Пух, Па-Па, Фрекен Бок, Кот Чеширский, Ленивый Бал, Папа Карло, Денис Кораблев, Капитан Врунфель*), а также народных сказок (*Баба Яга, Змей Горыныч, Елена Прекрасная, Кот ученый, кот Баюн, Котофей Иваныч, Соловей Разбойник, Тугарин Змей*), что в известной степени может быть объяснено относительной молодостью многих пользователей Интернета, их «духовным младенчеством». Отсюда и стремление каким-то образом обыграть подобные номинации, используя не только псевдочленение (*Че Бурашка*), контаминацию (*Геннадий Чебурашкин, Михаил Топтыгин*), расширение (*Чудо Юдо Иваонов; Каа Каа*), окказионализмы (*баягпротив*), нарочито неверное написание (*Карлысон*), но и элементы олбанского языка (*Ежбик Туманных, йожик ф думане*).

Что касается российского и зарубежного кинематографа, то в качестве никнеймов выступают имена актеров (*Павел Луспекаев*), имена актеров в сочетании с наиболее яркой ролью (*Пан Зюзя Высоковский*), имена героев известных фильмов (*Фанфан-Тюльпан, Алибаба Алибабаевич, Владимир Шаранов, Глеб Желов, Панас Лютый, Сеня Питерский, Фрося Бурлакова*), их статус и имя (*поручик Ржевский*), формула самопрезентации, ставшая прецедентным текстом (*Царь просто Царь*).

Таким образом, никнеймы, включающие в себя прецедентные имена, представляют собой одно из интереснейших явлений современной антропонимии и показывают как интеллектуальный потенциал социума, так и его политические, моральные, общественные устремления.

Фокусная анафора в глобальной структуре судебных решений по гражданским делам

П. А. Катышев

Кемеровский государственный университет

katpa@rambler.ru

Фокусная анафора, референциальный конфликт, судебное решение.

Summary. The report is devoted to the repeated nominations' peculiarities in the discourse of civil court decisions. Repeated nominations are treated in the aspect of focal (discourse) anaphora. that is. as conceptualizations of a reference point. The reference point introduces the information about the item that would be further re-nominated in the text. The author considers the dependence of the focal anaphora on the global structure of civil court decisions and formulates proposals for the successful use of repeated nominations of the plaintiff and the defendant in the studied discourse.

Данный доклад развивает тему, затронутую в публикациях [1]; [2]; [4], и вписывается в проблематику прикладных жанровых исследований как направления, рассматривающего дискурс в единстве текста, жанра и социальной практики, т. е. исследующего и оценивающего явления языка и речи в аспекте их текстовой, жанровой и социокоммуникативной мотивированности [6]. Явление фокусной анафоры, обоснованное в [7]; [3]; [5], предлагается рассматривать как средство межфразового воплощения тем истца и ответчика; при этом фокусная анафора реализует конструктивную, текстообразующую функцию повтора в рамках глобальной структуры дискурса судебных решений.

Эмпирическая база работы включает в себя 50 решений суда по гражданским делам, составленных разными секретарями. Дела взяты из гражданского архива Центрального районного суда г. Кемерово и на сайте www.arbitr.ru. Ограничения по категории дел не вводились, поэтому в базе присутствуют дела, связанные с брачно-семейными отношениями (дела о лишении родительских прав, об оспаривании отцовства, об установлении факта родственных отношений), дела по защите прав потребителей, гражданские дела, связанные с трудовыми отношениями (восстановление в должности, взыскание заработной платы, досрочное на-

значение пенсии), дела об обязанности совершить действие и так далее.

Основные идеи доклада можно представить с помощью следующих тезисов.

1. Обозначения истца и ответчика в дискурсе судебных решений базируются на таких номинативных признаках, как признак имени собственного (*Шестакова Светлана Владимировна, Карпов Э. В., Высоцкая, Алтайское региональное отделение фонда социального страхования Российской Федерации...*) и признак гендера (*девочка, мужчина, женщина, мальчик...*), а также признаки социального (*покупатель, продавец, экспедитор, предприниматель, старший кладовщик...*) и правового (*несовершеннолетний / ая (ребенок / сын / дочь), малолетняя (дочь), недееспособный, гражданин, собственник, владелец, перевозчик, залогодатель...*) статусов, родства (*дочь, сын, внук, мать, отец, ребенок...*) и роли в судебном процессе (*истец, ответчик, ответщица, ответчики, представитель истца, представитель ответчика...*). Полноценные номинации истца и ответчика дополняются использованием повторных местоименных номинаций, а также грамматическими показателями рода, числа и лица.

2. Каждая часть судебного решения (вводная, описательная, мотивировочная и резолютивная) характеризуется оп-

ределенным набором возможных номинаций истца и ответчика. Вводная и резолютивная части в силу их стандартизированнойности содержат номинации по имени собственному. Описательная часть делает возможным использование широкого круга полноценных номинаций, основанных на различных признаках (имени собственного, гендера, социального и правового статуса, родства, роли в судебном процессе), повторных местоименных номинаций и грамматических форм, поскольку содержит изложение сути произошедших событий, повлекших за собой обращение в суд. Мотивировочная часть включает номинации по правовому признаку, так как связана с оценкой произошедших событий с позиции закона.

3. Фокусная анафора представляет собой такой механизм ввода в текст информации о референте, благодаря которому вторичная номинация, отдаленная от номинации исходной, сохраняется в фокусе внимания адресата и помогает идентифицировать кореферентные номинации. Функционирование фокусной анафоры в дискурсе судебных решений имеет ряд особенностей. Номинации, используемые в границах вводной части и тождественные имени собственному, являются antecedентами (точками референции). Antecedent – это эталонная номинация, которая включает не всю информацию о референте, но ту ее важную часть, которой достаточно для построения на основе antecedента последующих вторичных номинаций, именуемых анафорическими выражениями, или концептуализациями. Концептуализации эталонных номинаций истца и ответчика представлены в описательной, мотивировочной и резолютивной частях. При этом в мотивировочной и описательной частях концептуализации могут быть как полными, так и местоименными. Концептуализации резолютивной части обязательно должны быть идентичны antecedенту.

4. Явление фокусной анафоры отражает коммуникативную эффективность / неэффективность выбранных номинаций. Выбор номинаций эффективен тогда, когда ряды двух antecedентов (номинаций истца и ответчика) характеризуются разными наборами анафорических выражений. Например, для antecedента, *Администрация г. Кемерово: несо-*

вершеннолетний ребенок – Соколова Виктория Александровна, дочь, ребенок, девочка, ее, несовершеннолетний ребенок, администрация города + мотивирует (имя девочки будет относиться к референту₁, так как этот референт защищает ее интересы); для референта₂ *Высоцкая Вероника Владимировна, Соколов Александр Евгеньевич: ответчики, родители несовершеннолетнего ребенка Соколовой Виктории Александровны, ответчица Высоцкая В. В. с сожителем Соколовым А. Е., родители, Высоцкая В. В. и Соколова А. Е., они.* Неэффективный выбор номинаций приводит к ситуации референциального конфликта, проявляющегося в том, что ряды исходных номинаций имеют точки пересечения в виде одинаковых концептуализаций, а следовательно, влекут за собой неточность, неясность, неоднозначность в выражении содержания.

Литература

1. Арышева А. Ю., Катыхов П. А. Коллокации истца и ответчика в текстах судебных решений // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: Сб. науч. тр. по итогам III-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 19–21 марта 2013). Белгород, 2013. С. 36–40.
2. Арышева А. Ю., Катыхов П. А. Фокусная анафора в текстах судебных решений: коммуникативно-ортологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. № 4 (52). Т. 3. 2012. С. 41–46.
3. Кибрик А. А. Типология средств оформления анафорических связей: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.
4. Оленев С. В., Семченко И. А. О жанрообразующих факторах текстов решений арбитражного суда // Теория и практика общественного развития. № 4. 2011. С. 341–344.
5. Федорова О. В. Методика моделирования текстов для анализа фокусной анафоры // Труды Международного семинара «Диалог '96» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Пушкино, 4–9 мая. М., 1996. С. 274–278.
6. Bhatia V. K. Applied genre analysis: a multi-perspective model // Iberica. 4. 2002. P. 3–19.
7. Kibrik A. A. Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account // Typological studies in language. V. 33. 1996. P. 255–304.

Эмоция «удивление» и особенности ее концептуализации в лексике и фразеологии русского языка

М. Л. Ковшова

Институт языкознания РАН (Москва)

kovshova_maria@list.ru

Эмоция, лексема удивление, дескриптивная модель, группы фразеологизмов, фазы удивления, концептуализация, характеристика, образ.

Summary. The paper focuses on analysis of the lexical and phraseological ways of conceptualization of human emotion “surprise”.

В гуманитарных науках удивление относят к основным специфическим эмоциям человека и указывают на ее интеллектуализацию; см.: [5]; [4]; изучению того, как представлены эмоции в языке, посвящены фундаментальные работы: [1]; [2]; [6]. В настоящей статье обосновывается тезис о том, что лексика и фразеология по-своему, в силу своих знаковых особенностей, способствуют концептуализации эмоции; создают языковой «портрет» удивления, соотносимый с физиологическим и психологическим его описанием.

Анализ лексики выявляет сложившееся представление о данной эмоции, которая формируется как понятие и уточняет свое содержание и объем в семантике лексических единиц, при употреблении в речи, различных запретах и семантических модификациях. Ядерная лексема *удивление* есть свернутая дескриптивная модель, в которую включены субъект эмоции, эмоция и ее причина; ср.: *Я удивлен его приходом. Меня это удивляет.* Характерными чертами удивления по данным лексики являются инактивность и неконтролируемость: это обосновывается пассивным залогом предиката: *Я удивлен, удивился* и невозможностью асертивных императивов, обращенных к субъекту эмоции: **Удивляйся! *Удивись!* Неконтролируемость удивления подтверждается невозможностью выражений: **Я нарочно удивился; *Я специально удивился; можно изобразить удивление, делать большие глаза, но нельзя *специально удивиться.* Удивлением нельзя руководить: **Я подавил удивление; ?Я поборол удивление* (ср. при этом *Я подавил радость,*

поборол гнев). О неконтролируемости удивления говорит также трудность соединения лексемы с модальными глаголами *мочь, желать, хотеть* и т. п.; ср.: **Я могу / не могу удивиться, *Я хочу / не хочу удивиться*, если только данные высказывания не обозначают другие эмоции – готовность к радости, ожидание счастья; ср. с модальными глаголами желания: *Вы меня можете удивить; Я надеюсь, что нас сегодня приятно удивят; Я буду рад удивиться; Я не могу не удивиться; Не бойтесь удивляться чудесам.* Субъект-каузатор удивления может предупреждать своего адресата: *Сейчас я тебя сильно удивлю*, и в этих случаях удивление окончательно «переводится» в область ментального, поскольку предполагает осмысление необычного; неожиданность «снимается».

Предикаты удивления в актуальном настоящем времени констатируют, но не анализируют эмоциональное состояние; это обосновывается невозможностью высказываний в ментальной рамке; ср.: **Я думаю, что удивлен; *Я уверен, что меня это удивляет.* Однако ментальная рамка легко возникает в высказываниях о прошлом и не столько констатирует удивление как факт, сколько выражает мнение о значимости причин для удивления; ср.: *Я думаю, что был тогда немало удивлен; Знаю, для меня это было чем-то удивительным.* Описание причин появляется только в фазе осмысления удивления; ср.: *Я удивился потому, что никогда прежде не видел водопадов; Меня удивляет его непрофессиональное отношение к делу.* Удивление в фазе осмыс-

ления описывается как эмоция избирательная; ср.: *Все удивились, а я ни капельки не удивляюсь; Все удивляются, а я ни капельки не удивляюсь*. Удивление предстает как эмоция, способная создавать цепную реакцию; ср.: *Все удивились, и я удивился*; как эмоция, способная объединять; ср.: *Нас это всех удивило*. Осмысление удивления может развивать негативный сценарий; ср.: *Меня это ни капельки не удивляет; Меня давно ничто не удивляет; Вы меня ничем уже не сможете удивить*. Ср. поговорки: *Это бывает сплошь да рядом; Эко диво, что каша естся* и т. п. Исследование синонимов выявляет свойство эмоции к интенсификации: *удивляться, изумляться, поражаться* и др.; синонимы различаются по инстинктивности реакции, по разным типам восприятия удивительного, в т. ч. умозрительного и т. п. За удивлением может следовать другая эмоция; ср.: *удивился и обрадовался; удивился и рассердился; удивился и восхитился*. Русское удивление развилось и продолжает развивать семантику эстетической оценки; ср.: *удивительные глаза; удивительный голос; удивительный цветок; удивительная музыка; удивительная игра актеров* и т. п. Удивительно как эстетическое наречие может служить модификатором глагольного сказуемого; ср.: *удивительно выглядит; удивительно улыбаться* и т. п.; удивительная красота владеет субъектом удивления; ср. похожую картину в *пленительной красоте* [3].

Русская фразеология, обладая разнообразием структурно-семантических единиц – от идиом и коллокаций до синтаксических фразеологизмов, будучи сжатым текстом культуры, способна не только подтвердить основные признаки удивления, выявленные в ее лексическом «портрете», но и развернуто описать удивление сквозь увеличительное стекло своих образов.

Первую группу – «удивление-ощущение» – составляют грамматические фразеологизмы в функции частиц и междометий. Их можно назвать реактивами, поскольку они

описывают спонтанную реакцию субъекта эмоции; ср.: *мама дорогая; ничего себе; надо же; Бог мой; Господи; что за чудо и мн. др.* Образы адресации, древнейшие и универсальные, подтверждают имплицитную пассивность субъекта: *Бог мой; Господи; Силы небесные; Мамочки мои* и др. Для единиц этой группы характерна метафора «дара»: *вот тебе на; вот тебе раз* и др.

Вторую группу – «удивление-состояние» – составляют идиомы, адвербиальные и глагольные; это симптомативы, они описывают симптомы внутреннего состояния; ср.: *разинуть рот; вылупить глаза; глаза / брови на лоб полезли; всплеснуть руками; как громом пораженный* и др. Особенностью группы является то, что описание имеет модальную рамку наблюдения; важны древнейшие метафоры «удара» и т. д.

Третью группу – «удивление-отношение» – составляют грамматические фразеологизмы и идиомы; их можно называть интерпретативами; ср.: *ушам своим не верю; не может быть; да ладно; никогда такого не было; кто бы мог подумать; бывает же такое; чего только не бывает; диво дивное; кино и немцы* и др.

Феномен удивления получает свое глубокое осмысление в языке, лексика и фразеология которого по-разному участвуют в процессе концептуализации.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 55–75.
3. Демьянков В. З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики. М., 2004. С. 169–208.
4. Изард К. Э. Эмоции человека. М., 1980.
5. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2009.

Интернет-коммуникация школьников: вежливость против агрессии

А. В. Кожеко

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

baroko2011@yandex.ru

Интернет-общение, речевая агрессия, категория вежливости.

Summary. In this paper describes the ethical features of Internet communication Junior and senior pupils, revealed the peculiarities of netiquette, as well as maps to verbal aggression and category of politeness in online communication schoolchildren.

Общество выработало определенные этические нормы, но со временем появляются новые речевые формации, которые снимают ряд коммуникативных ограничений, имеющих место в процессе обычного общения, меняя тем самым устоявшиеся правила. Одной из таких новых речевых формаций является интернет-коммуникация, которая активно влияет на этический компонент речи интернет-пользователей.

Сетевой этикет отличается от традиционного, в нем постепенно вырабатываются свои нормы и правила общения. Свобода слова, возможность самовыражения и, как правило, анонимность интернет-пользователей приводят кроме позитивных моментов к негативным последствиям: уничтожаются сдерживающие механизмы, позволяющие создавать тексты, нарушающие не только языковые, но и морально-нравственные нормы. Это в первую очередь касается общения школьников в социальных сетях.

В рамках нашего исследования были проанализированы средства агрессии, проявляющиеся в сетевой коммуникации учащихся средней школы, а также этикетные формы общения, относящиеся к категории вежливости. Нас интересовала коммуникация учащихся младших и старших классов, поэтому объектом изучения выступила электронная переписка в социальных сетях школьников третьих – четвертых и девярых – одиннадцатых классов.

В виртуальной среде находится наиболее яркое выражение речевая агрессия, которая может быть выплеснута в реальную жизнь. Агрессия воплощается посредством употребления инвективных речевых жанров, самыми популярными из которых в социальных сетях являются: оскорбление (как правило, оскорбления направлены на внешность, умственное развитие или поведением), угроза, насмешка, напад-

ки, упрек, претензия. Инвективные характеристики (по В. И. Жельвису) в сетевом общении могут выступать средством понижения социального статуса адресата, патологического сквернословия, дружеского подтрунивания или подбадривания, использоваться с целью самоподбадривания, привлечения внимания. Кроме того, инвектива может провоцировать бунт и вербальную агрессию.

В настоящее время актуальным считаем научить школьника не поддаваться агрессии и не провоцировать ее в процессе коммуникации. Учеными выделены стратегии смягчения речевой агрессии в разных ситуациях общения, как правило, устного. Многие из этих стратегий могут быть использованы учащимися школ в процессе сетевой коммуникации. К таковым можно отнести, например, игнорирование, переключение внимания, метод проецирования положительных личностных качеств, эвфемизация речи. Эффективной формой смягчения в сети являются специфические графические средства – «смайлики», уместно применять которые тоже надо учить школьников.

Анализируя переписку учащихся на различных сайтах и форумах, где часто встречается грубая лексика, нами была отмечена тенденция регулярного перехода на инвективное общение. На такие случаи агрессии должны реагировать взрослые (родители и учителя). Не менее важным, на наш взгляд, является обращение внимания не только на агрессию, но и на формы вежливого общения школьников.

Сегодня этическое поведение человека, формы вежливости оцениваются как важнейший регулятор процесса коммуникации в разных сферах жизни общества. Проанализированные нами тексты показали, что дети умеют этично общаться, и это умение надо поддерживать, развивать и

поощрять. В первую очередь, мы учитывали то, как дети приветствуют друг друга, обращаются, высказывают просьбу, извиняются и прощаются. Переписка школьников позволила выявить не только специфику сетевого общения по сравнению с традиционными формами, но и различия в коммуникации учащихся младших и старших классов.

В сети дети приветствуют друг друга в самом начале общения с целью установить первоначальный контакт. Как только контакт установлен, формулы приветствия используются все реже, а общение начинается сразу с вопроса, просьбы, предложения и проч., даже если имеет место временной разрыв в коммуникации. Формулы прощания в общении между сверстниками, как правило, отсутствуют. В общении со взрослыми школьники используют и формы приветствия, и, реже, формы прощания. Указанные особенности распространяются на коммуникацию и младших и старших школьников.

Самым частотным благодарственным словом в интернет-переписке учащихся начального звена является «спасибо» и его сокращенный вариант «спс». Как правило, это благодарность за поздравление с каким-либо праздником или днем рождения. Когда ребенка поздравляет взрослый человек, благодарность младшего школьника характеризуется ярко выраженной эмотивной окрашенностью.

Младшие школьники используют этикетные формулы как в ситуации общения «ребенок + ребенок», так и «ребенок + взрослый». Дети умеют «переключать регистры», переходить с «ты» на «вы», если в диалог вступает взрослый.

Яркой особенностью сетевого этикета детей 3 и 4 классов является большое количество смайликов – выразителей эмоций.

Учащиеся старших классов, имеющие уже достаточный опыт общения в интернет-сети, иначе пользуются формула-

ми вежливости, причем степень проявления вежливости по-разному проявляется у юношей и девушек.

У старшеклассников значительно богаче арсенал слов-приветствий при общении в ситуации «подросток + подросток» («привет», «привед», «привед», «приветик», «дарова», «здорово», «хай», «hello», «здоровенько»), которые могут сопровождаться пунктуационными знаками и смайлами.

Юноши не используют уменьшительно-ласкательные формы ни по отношению к юношам, ни по отношению к девушкам-одноклассникам.

Девушки часто используют в процессе переписки комплименты, что создает положительную тональность. В переписке юношей отмечаются иные формы комплимента и похвалы, чем в общении девушек.

Старшеклассники активно поздравляют в сети друг друга с праздниками и днем рождения. Практически всегда в качестве реакции на поздравление наблюдается благодарность

Коммуникации младших школьников и учащихся старших классов отличаются. Это касается применения графических средств: если младшие школьники используют, как правило, цветные графические аналоги смайликов, то старшеклассники активнее передают эмоции при помощи пунктуационных знаков. Для девушек-старшеклассниц важны комплименты, уменьшительно-ласкательные обращения. Среди обращений довольно частотны слова близкородственной тематики (*родная, сестренка, моя*). Яркой особенностью сетевого общения старшеклассников является отсутствие формул прощания в процессе общения.

Изучение сетевого общения учащихся требует особого внимания, в особенности рассмотрение тех правил, которые уже существуют в виртуальной коммуникации и начинают закрепляться. Последнее должно корректироваться взрослыми – родителями, педагогами.

ИмPLICITНО и эксплицитно градуированные слова в результате квантификации

С. М. Колесникова

Московский педагогический государственный университет

asya28@list.ru

Градуирование, квантификация, имPLICITНО / эксплицитно градуированные слова, квантифицированное слово, градуатор.

Summary. The words undergoing to an account and are not quantified as an explicitly, lend to a graduate and become potentially gradable. There are two types of the gradual of the words in the result of the quantification in the linguistics – an implicitly and an explicitly graduated words in the result of the quantification.

Градуирование – это такое определение градуируемого объекта, при котором выявляется (самая) высокая или (самая) низкая степень его признака для градуирующего субъекта, при условии, что градуируемый объект соответствует норме (*нулевой ступени измерения*), удовлетворяющей градуирующему субъекту (С. М. Колесникова). Норма традиционно понимается как «точка отсчета», соотносится с именами прилагательными *обычный, средний нормальный, стандартный, посредственный* (Н. Д. Арутюнова) и носит субъективно-объективный характер. Данное понятие не является ни абсолютно субъективным, ни абсолютно объективным. Абсолютная субъективность невозможна потому, что значение, употребляемое говорящим, тогда было бы непонятно собеседнику, так как у каждого из них была бы своя норма. Исчисляемые слова, подвергающиеся счету, не являющиеся эксплицитно квантифицированными, поддаются градуированию и становятся потенциально градуируемые, но не градуированные. В лингвистике выделяется два вида градуирования слов в результате квантификации (ср., Э. Сепир) – **имPLICITНО и эксплицитно градуированные слова в результате квантификации.**

ИмPLICITНО градуированные слова (словосочетания / предложения) в результате квантификации: квантифицированное слово (словосочетание / предложение) *семь книг*, опираясь на градуаторы «больше, чем» – *восемь книг, девять книг* и т. д. – и «меньше, чем» – *одна книга, две книги... шесть книг*, занимает определенное место в бесконечном ряду квантификаторов (С. М. Колесникова). Отметим, что без квантификации здесь невозможно и градуирование. Градуирование происходит по принципу «involvement» («обертывания»). Квантифицированные слова (словосочетания / предложения) в результате имPLICITНОГО градуирования

(имPLICITНО градуированными квантификаторы): количественные сочетания (*числительное + имя существительное* и др.) занимают определенное место на шкале градаций, опираясь на «больше – меньше»: *двадцать человек = много людей*, где градуирование представляет собой завершённый процесс, результат. При этом *много* = «больше, чем...». Сравнимые единицы, например, А и Б, согласно принципу «обертывания», воспринимают неоднозначно: 1) $A > B$, т. е. Б, способное быть «обернутым» во множество А; 2) $A < B$, т. е. А, способное быть «обернутым» во множество Б ($= B > A$) → Б = *много*, а $A_1, A_2... A_n < B$, что *много Б: двадцать Б. 20* является потенциально градуированным; 3) $A = B$.

Следовательно, такие слова (словосочетания / предложения), как *много / мало людей, большое наследство, большая часть наследства* являются квантифицированными в результате имPLICITНОГО градуирования.

Эксплицитно градуированные слова (словосочетания / предложения), но имPLICITНО квантифицированные (эксплицитно градуированные квантификаторы): выражения типа *в этой группе студентов больше, чем в той осуществляющей* эксплицитное градуирование и подчеркивают сам факт градуирования, а выражения *в этой группе много студентов, а в той мало – в этой группе мало студентов, а в той еще меньше* передают имPLICITНО квантифицирующее суждение.

Следовательно, выражение типа *больше (меньше) + сущ.* в р. п. *студентов* являются эксплицитно градуированными и имPLICITНО квантифицированными.

Субъект градуирования приписывает ту или иную меру (степень) определенному предмету, признаку действию, исходя из определенного состояния сознания человека и об-

щечеловеческих норм объективной реальности. Градуируемый объект, его характер, у которого определяется та или иная мера (степень) признака, заключается в «соотношении денотативного и концептуального значений» (А. А. Ивин). Например, семантическая структура слова *меньший* представляет собой организацию из четырех (пяти) значений (МАС). Единым признаком семем является сема «маленький». Семема 1 является стержневой, отражает психологическую разновидность градуирования и направлена на качественные признаки градуируемого объекта: *Самый маленький*, где градуатор «самый» подчеркивает обязательную градуальную сему (*Из двух зол выбрать меньшее*). Семема 2 соотносится с семемой 1 в значениях и передает психологическую разновидность градуирования и характерна разговорной речи: «то же, что младший» (*меньшой сын*). Семемы 3, 4 объединяются семой «по меньшей мере». Семема 3 отражает количественный аспект градуирования: «не меньше, чем» (*занимался по меньшей мере три часа*). Семема 4 реализует психологический и эмоциональный аспекты градуирования: «по крайней мере» (*Это, по меньшей мере, странно*), где «по меньшей мере» выступает в значении вводного слова; в просторечии передается еще одна семема (5): «самое меньшее» (= не меньше чем) (*это мой меньшенький*) (о сыне).

Градуатор *меньше*, также как и *больше*, употребляется по отношению к градуируемому объекту. Выражение градуирования происходит аналогичным образом с *больше*. Семантическая структура слова *меньше* включает в себя три семемы. Основным признаком семем является сема «небольшой».

Семемы слова *больше* соответствуют разновидностям градуирования в 1 значении слов *маленький*, *мало*, *малый*. Семема 1: «небольшой по размерам» (*маленький рост*) – *человек маленького роста // Его рост ниже среднего // его*

рост меньше, чем твой...; «по количеству» (*Маленькая группа*) = *В этой группе меньше людей, чем в той*. Семема 2: «немного, недостаточно» (*Мало денег = денег меньше, чем достаточно; денег меньше, чем хотелось бы их иметь*). Семема 3 (соотносится с семой 1) передает эстетический аспект градуирования, актуализирует свой семантический признак только в высказывании: «то же, что маленький» (= «небольшой по размерам, по количеству»): *С малыми потерями // потери были меньше, чем бывают*.

Анализ лексического значения слов-градуаторов показывает связь градуирующего субъекта и градуируемого объекта в семантике градуальности, представляет собой континуум, где нарастание одного компонента вызывает убывание другого. Высокая или низкая степень проявления градуального признака зависит от восприятия градуирующим субъектом качеств градуируемого объекта, что и соответствует лексическому определению градуирования. Градуированию подвергаются **не выражения языка**, а лишь **обозначенные** этими **выражениями черты, признаки**, которые могут принадлежать данному элементу действительности и выступать в большей или меньшей степени. Наличие архисмы меры и степени в квантификаторах, например, *немного, несколько, мало, много* и др. указывает на их способность вступать в градуальные отношения и градуировать семантику предложения-высказывания. Слова с неопределенно-количественным значением (типа *немного*) квантифицируют предикативный признак, выражают сообщение о самом факте проявления этого признака, а то, что признак в небольшой, некоторой степени, составляет добавочное сообщение; предложения-высказывания со словом *мало* сообщают, что градуируемое в результате квантификации множество «меньше» (предикативный признак проявляется в небольшой степени).

Характер дискурсивных практик в ситуации языковых контактов

Е. И. Костанди

Тартуский университет (Эстония)

jelisaveta.kostandi@ut.ee

Языковые контакты, речь диаспоры, дискурсивные практики.

Summary. The report continues the row of the author's publications devoted to the peculiarities of speech and communicative behaviour in the situation of the language contacts. The peculiarities of the Russian diaspora's speech in Estonia and the new speech practices which were fixed by the researchers before are considered on the base of the concept "discursive practices". Some kinds of discursive practices which are typical for the situation of the language contacts are revealed and analyzed by the author.

В настоящее время особенности русской речи на постсоветском пространстве во многом не только описаны, но и рассматриваются в контексте более общих лингвистических проблем, таких как вариативность языка, нормативность, характер номинации, прагматика и др. На материале русского языка в Эстонии эти вопросы также ранее неоднократно рассматривались различными исследователями. Результатом стал анализ не только очевидных проявлений специфики речи русской диаспоры Эстонии (графических, лексических, грамматических), но и таких, которые формируются комплексом средств, ведущих к трансформации речи и коммуникативного поведения в целом или их отдельных «частков». К последним относятся, например, аксиологическая составляющая речи, языковая рефлексия, особенности функционирования некоторых видов текстов и др. Рассмотрение этих аспектов неизбежно требует анализа причин, условий, результатов коммуникации, фоновых знаний ее участников, коммуникативных стратегий и тактик, то есть не только собственно языковых средств, но и речевой деятельности в целом, в частности видов дискурсивных практик.

Понятие дискурсивных практик широко используется в современной лингвистике, в том числе в русистике при анализе российского материала, однако на «диаспорном» материале этот подход реализуется до сих пор лишь фрагментарно. Сопоставление российского и эстонского материала, с частичным привлечением материала Латвии, Литвы, Украины, Грузии и других стран, показывает, что дискурсивные практики, актуальные для современной России, часто не имеют аналогов в Эстонии или в этой области наблюдаются лишь некоторые точки пересечения. Так, например,

в эстонской действительности значительно меньше представлены актуальные для российских условий игровые дискурсивные практики. Одновременно местные социальные, бытовые, политические и иные факторы обусловили появление своих стандартов коммуникативного поведения и видов речевых / дискурсивных практик, сопоставимых, с другой стороны, с практиками контактирующего языка, в нашем случае – эстонского.

В докладе будет дана общая характеристика специфики дискурсивных практик, актуальных в условиях Эстонии, и рассмотрены некоторые виды практик, которые, как свидетельствует анализ материала (реклама, СМИ, устная речь, официально-деловые, учебные, утилитарные тексты, разговоры) либо отличаются от российских аналогов либо не имеют их. Доклад представляет часть исследования, посвященного влиянию экстралингвистических факторов на формирование специфики речи в условиях языковых контактов. На данном этапе работы в центре внимания находятся дискурсивные практики.

Ранее в ряде публикаций автора доклада рассматривались некоторые виды практик, например «метаязыковой» дискурс, или «разговор о языке». В настоящем докладе предполагается подробнее рассмотреть билингва тексты как вид дискурсивных практик, актуальный в ситуации языковых контактов, и хронотоп как дискурс, имеющий свою специфику в условиях диаспоры. Так называемые билингва тексты, то есть тексты одновременно функционирующие на двух (или в действительности и более) языках являются повседневной практикой в условиях Эстонии, как, очевидно, и ряда других стран. Они представлены множеством частных формальных и функциональных вариантов, харак-

теристика которых и будет представлена в докладе. Местная специфика проявляется и в существовании частично своей «системы координат», значимой для пространственно-временной локализации (хронотопа).

Анализ дискурсивных практик позволяет более полно представить «жизнь» языка, реальную коммуникацию, что важно для решения ряда как теоретических, так и практических

задач, таких как вариативность языка, прагматика речевой деятельности, нормативность речи, проблемы межкультурной коммуникации, перевод, преподавание и др. Выявление, анализ и сопоставление дискурсивных практик, актуальных для коммуникации на русском языке в разных странах, позволяет полнее осмыслить роль русского языка как средства международного и межнационального общения.

Речевое воздействие в предвыборном дискурсе 2012 года (на примере февральских номеров «Новой газеты»).

Т. Ю. Кравчук

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

kravchuktanya30@rambler.ru

Предвыборный дискурс, речевое воздействие.

Summary. The paper concerns methods and ways of speech impact in political discourse which took place in the course of last presidential elections in Russia. We scrutinized № 11–22 of «Novaya Gazeta» (February 2012).

Предвыборный период – период наиболее ожесточенной борьбы политиков. Политический дискурс в это время особенно ярко представляет собой поле боя разных политических сил. Конечно, оружием в нем являются средства речевого воздействия на адресата – электорат. Нам кажется интересным пронаблюдать за предвыборным дискурсом президентских выборов 2012 года, который, как отмечают многие, стал самым резонирующим политическим событием последнего времени.

Материалом для исследования мы выбираем февральские номера «Новой газеты», поскольку именно этот месяц предшествовал выборам и стал наиболее накаленным периодом предвыборной борьбы и многих общественно-политических процессов в стране вообще.

Из проанализированного материала видно, что самым распространенным средством речевого воздействия этого периода стало обвинение. Обвинение в дискурсе не только широко распространено, но и принимает острые формы, что, несомненно, продиктовано интенсивностью политической борьбы.

Для чиновников и силовиков политика – это бабки, а грязные выборы – всего лишь возможность остаться при этих деньгах [«Новая газета», № 19, 22.02.12].

Выбор столь ярко выраженного эксплицитного средства речевого воздействия обусловлен, конечно же, распространением ожесточенной борьбы в СМИ. Одним из факторов укрепления этого средства речевого воздействия является фигурирование многочисленных обвинительных материалов, построенных на журналистском расследовании и обновлении порочащей существующую власть информации.

Другой особенностью этого периода стоит отметить связь в политическом дискурсе предстоящих выборов с недавно прошедшими парламентскими. Эта связь логична, так как память о парламентских выборах еще очень свежа, однако помещение в их контекст негативно окрашивает президентские выборы, поскольку на тот момент в обществе сложилось явное негативное отношение к первым. Для характеристики выборов используют определение «грязные», либо, наоборот, изменяют значение «честные» (распространенный лозунг этого периода – «Честные выборы») на негативное постановкой слова в кавычки.

Уже сейчас ясно, что выборы в Приморье пройдут «беспредельно честно» [«Новая газета», № 18, 20.02.2012].

Кавычки являются распространенным средством речевого воздействия в указанном издании в этот период.

Первоначальный проект договора, разосланный кандидатам в прошлую пятницу, был написан «политологом» Сергеем Кургиняном [«Новая газета», № 19, 22.02.12].

Я не согласен с «выборами» [«Новая газета», № 11, 3.02.2012].

Использование кавычек ставит под сомнение семантику слова, что в контексте несет на себе речевоздействующий эффект.

В рамках предвыборного дискурса в материалах за этот период фигурируют смелые номинации. Выбор одной номинации зачастую несет в себе всю речевоздействующую силу предложения или даже нескольких предложений.

Уже 12 декабря площадь вместила в себя 25 тысяч все тех же активистов прокремлевских молодежных движений и представителей «Единой России», горлапанищ: «Россия! Путин! Конституция!» [«Новая газета», № 17, 17.02.2012].

Анализируемый период предвыборного дискурса характеризовался прямотой и преимуществом эксплицитно выраженного речевого воздействия. Однако, как известно, более эффективными считаются все же имплицитные средства речевого воздействия, поскольку они не осознаются адресатом как навязанное извне мнение, в результате чего не подвергаются критической оценке. Из их числа в материалах февраля широко распространен намек.

В частности, известный эксперт по избирательным делам Андрей Бузин напоминает, что в ТИК «корректируют» протоколы, ссылаясь на то, что в них на стадии их подписания в УИК закрались «ошибки», «неточности». И исправленные – преимущественно в «нужном» направлении – протоколы совершенно невозможно опровергнуть ни в каком суде. [«Новая газета», № 19, 22.02.2012].

Другим распространенным имплицитным средством речевого воздействия является прием помещения в отрицательно оцениваемый контекст.

Там голосование своеобразное: следственный изолятор «Матросской тишины» (УИК 3304) любит «Единую Россию» на 86,3%, а психиатрическая больница №3 им. Гиляровского (УИК 3295) на 93,14% [«Новая газета», № 20, 24.02.2012].

Как уже отмечалось, часто информационным поводом этого времени становятся полученные журналистом новости, документы или данные, дискредитирующие официальную власть. Источники сообщения, однако, редко называются. Особый интерес представляет выбор указания на источник сообщения во всем проанализированном материале. Интересным кажется то, что журналисты очень часто прибегают к формулам «недоброжелатели приписывают», «остаётся лишь предполагать», «злыхатели назвали бы», «называют», «известно», «по слухам», «полагают злые языки». Информация подается как слух, однако ее восприятие не снижается большинством адресатов. Также используются указания на «экспертов», которые не называются точно, однако это подкрепляет информацию, преподносимую журналистом: «как полагают наблюдатели», «как полагают эксперты».

Для усиления речевого воздействия дискурса используется и словообразовательный ресурс языка. Однако, стоит заметить, что используется довольно неактивно и неоригинально. В статьях встречается уже ставшая распространенной номинация «нашисты» (для участников молодежной организации «Наши»). Открытием этого периода политического дискурса в стране хочется назвать номинацию «путинги» (митинги в поддержку политической кандидатуры В. В. Путина). В проанализированном материале встретился окказионализм «стабилококк» [«Новая газета», № 14, 10.02.2012], «новопутинская Россия» [«Новая газета», № 22, 29.02.2012]. Такое отношение к данному ресурсу речевого воздействия традиционно объясняется его сложностью в создании. Хочется добавить, что, на наш взгляд, злоупот-

ребление словообразовательными средствами также неблагоприятно сказывается на потенциале воздействия.

Проанализированный материал имеет некоторые характерные черты в целом. Во-первых, практически все материалы февраля 2012 года в «Новой газете» посвящены предстоящим президентским выборам и событиям, связанным с ними. Статьи на другие темы в рубрике «Политика» встретились крайне редко. Во-вторых, нельзя не отметить то, что взгляд на предстоящие выборы каждый раз направлялся через призму прошедших в декабре 2011 года парламентских выборов. Тема выборов 2011 года поддержива-

лась очень настойчиво. В-третьих, весь предвыборный дискурс в этом издании за указанный период был направлен на критику партии власти и действующего премьер-министра. Не встретилось ни одного материала, как-то характеризующего любого другого кандидата или партию, набравшую не большинство голосов на выборах в декабре 2011 года. Особенно интересными и характеризующими явление предвыборного дискурса 2012 года считаем выход материалов необычных жанров – фельетонов [«Новая газета», № 14, 10.02.2012], своего рода настольных игр («Выбери президента») [«Новая газета», № 14, 10.02.2012], схем и рисунков.

Эпистолярный поливокатив как конструктивный и функциональный параметр письма

Е. К. Куварова

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара (Украина)

elkuvarova@gmail.com

Вокатив, обращение, поливокатив, письмо, эпистолярный текст.

Summary. Two types of the epistolary polyvocative are considered: binary polyvocative and diffuse polyvocative. It is shown that the binary polyvocative is pragmatically oriented to the addressee, whereas the diffuse polyvocative is subjectively conditioned by the communicative needs of the addresser.

Под эпистолярным вокативом понимается прямое или косвенное обращение автора письма к своему адресату, включенное непосредственно в текст соответствующего послания. Такое обращение может быть использовано в письме только один раз, как правило, в его начале – тогда мы говорим об эпистолярном моновокативе, но может соответствующее обращение в том же или модифицированном его виде сопутствовать посланию многократно, и мы получаем эпистолярный поливокатив как некую последовательность отдельных, единичных вокативов. Эпистолярный поливокатив при этом мы подразделяем на две его основных разновидности: бинарный поливокатив и поливокатив рассеянный.

Бинарный поливокатив образуется из двух лингвистических фигур (слов или конструкций), функционирующих в качестве обращения в одном письме, как правило, одному адресату. Первый из этих вокативов, независимо от его места в письме, чаще всего обозначен адресантом как собственное обращение к своему адресату, второй входит в заключительную часть письма, носит ритуальный или эмоциональный характер. Он может полностью или в каких-то отдельных фрагментах дублировать первое обращение, но может представлять собой и совершенно новое, как по форме, так и по содержанию, речевое образование. Примеры: в письме А. В. Суворова Г. А. Потёмкину первое обращение *Светлейший Князь Милостивый Государь!* и в конце письма *Светлейший Князь Милостивый Государь! Вашей Светлости нижайший слуга Александр Суворов*; в письме А. С. Пушкина И. И. Мартынову сначала *Милостивый государь Иван Иванович!* и в конце послания *... милостивый государь, Вашего превосходительства всепокорнейший слуга Александр Пушкин*; в письме Л. Н. Толстого М. Л. Толстой первая часть бинарного поливокатива *Здравствуй, милая Маша* и вторая – *Прощай, душа моя*.

Бинарный поливокатив в большинстве писем прагматически ориентирован на адресата, и используется такой вокатив при субъективном желании или необходимости актуализировать значимость лица, которому письмо адресуется. Рамочная же структура бинарного поливокатива, компоненты которого входят в состав зачина и концовки письма, – явление этикетной нормы, чаще всего ритуальное, связанное с особо уважительным отношением адресанта к адресату. В этом и суть такого вокатива как одного из конструктивных и функциональных параметров письма.

Рассеянный поливокатив – это комплекс обращений, построенный из трех и более лингвистических фигур, к которым адресант прибегает на всем текстовом пространстве письма, сохраняя или модифицируя, как и при введении в письмо бинарного поливокатива, первую использованную им лингвистическую фигуру.

Характер рассеянного поливокатива определяется не столько количеством входящих в него номинаций адресата, сколько их разнообразием и спецификой компонентов, в качестве которых могут выступать антропонимы, апеллятивы или

субстантивированные адъективы. Если один из этих компонентов воспроизводится в письме неоднократно, то его можно считать доминирующим, хотя рассеянный поливокатив может и не иметь доминанты. В зависимости от степени разнообразия компонентов рассеянный поливокатив может быть гомогенным, то есть включающим однотипные номинации: только антропонимы или только апеллятивы и т. д. – и гетерогенным, сочетающим номинации разного типа. Но если в структурном плане составляющие рассеянного поливокатива практически идентичны лингвистическим фигурам поливокатива бинарного (вопрос лишь в количестве этих составляющих), то прагматика многократного обращения к одному и тому же адресату уже иная, и обусловлена она в большей степени не столько характером личности адресата или его взаимоотношениями с автором письма, сколько общей коммуникативной ситуацией, теми условиями, в которых письмо писалось, и тем психическим состоянием, в котором находился при этом адресант. Формально рассеянный поливокатив как функциональная категория может состоять только из двух обращений, если второе из них не входит в заключительную формулу письма, а фигурирует в его тексте подобно поливокативу с большим количеством обращений только в качестве еще одного, очередного, вокатива. В свою очередь, и какое-то из обращений рассеянного вокатива может по тем или иным причинам входить в заключительную формулу письма, оставаясь при этом в рамках именно вокатива рассеянного в соответствии с его структурными параметрами.

Рассеянный поливокатив является своего рода способом поддержания вербального контакта автора письма со своим адресатом и продления этого контакта во времени. Это главным образом своеобразная реализация какой-то потребности самого адресанта, потребности излить свои чувства, в чем-то убедить адресата или оправдаться перед ним, наконец, просто высказаться. Возникают же такие потребности обычно тогда, когда автор письма перегружен эмоционально и / или находится в каких-то экстремальных для него условиях. В этих случаях повторяющееся многократно обращение становится не просто выражением эмоций, но и создает иллюзию соприкосновения, неразрывной связи между автором письма и адресатом. Примеры:

А. П. Чехов в письме Л. С. Мизиновой употребляет вокативы *Милая Лика, милая блондиночка, хорошенькая Лика, Лика, Лика, милая моя Лика*. Еще больше насыщен эмоционально рассеянный поливокатив в его письме О. Л. Книппер: *Бабуся моя ... Дуся моя ... бедная моя, хорошая жена ... Дуся ... дусик мой ... собака ... актрисуля*.

В письме разведчицы О. Д. Ржевской своей матери, написанном в гестаповских застенках, прямое обращение к адресату начинается словами *Здравствуй, милая мама*, и через несколько слов – *мама, родная ... мама, милая ... милая мамочка ... мама ... милая мама ... милая мама ... мама ... мама ... мама, милая ... милая мама ... милая мама ... мама*

... *милая мама ... мама ... мама милая ... милая моя родная ... мама ... мама ... мама ...* Двадцать раз практически одно и то же обращение.

Марина Цветаева в одном из своих писем Б. Л. Пастернаку шестнадцать раз обращается к нему по имени.

Весьма показателен в рассматриваемом плане рассеянный поливокатив и в письмах Ф. М. Достоевского своей супруге, касающихся его игровой зависимости, эмоциональным фоном которых были раскаяние и чувство вины перед близкими ему людьми. В одном из этих писем, правда, довольно

длинном, такая последовательность обращений: *Аня ... ангел ... бесценная моя, друг мой вечный, ангел мой небесный ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... ангел мой ... Аня, Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... ангел мой ... Аня, ангел-хранитель мой ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня, радость моя вечная.*

Полагаем, что субъективная обусловленность использования рассеянного поливокатива коммуникативными потребностями самого адресанта во всех этих случаях очевидна.

Реализация манипулятивных стратегий в высказываниях с футуральной временной отнесенностью в электоральном дискурсе

Т. А. Логунов

Кемеровский государственный университет

tlogunov@mail.ru

Манипуляция, политический дискурс, коммуникация, модель мира, будущее время.

Summary. The paper discusses some techniques of manipulating speech addressee and their implementation in utterances with future time reference within the specific conditions of electoral discourse. Manipulation strategies are realized in this case on the levels of text and sentence as interference and interaction of propositions intended at avoiding uncertainty of predictions and subjectivity of promises.

Среди многочисленных трактовок понятия 'дискурс' в современной лингвистике заслуживает внимания концепция дискурса как «особого использования языка ... для выражения особой ментальности» [5: 38]. Данный подход отнюдь не обязательно приводит к тезису о существовании особых «языков в языке», обладающих собственными средствами для выражения особых смыслов. На первый план выходит не специфический инвентарь данного конкретного 'подъязыка', совокупность его знаков, единиц, но связь между языковым произведением и «условиями его производства, внешней, специфической для него средой» [4: 340]. Е. И. Шейгал, например, возражает против попыток выявить «особую грамматику» в том или ином подъязыке, в частности, в языке политики, на основе тенденций к более активному употреблению определенных грамматических форм и конструкций [6: 20].

Если особая сфера использования языка и налагает свои ограничения на выбор и функционирование языковых средств в производимых сообщениях, то возможно говорить об актуализации потенциала языковой системы, определенных черт языка, способствующих воссозданию и трансляции специфической модели мира. Политический дискурс манипулятивен по своей природе, так как политическая коммуникация, в основном, реализует функцию воздействия, влияния на партнера по коммуникации, который является средством достижения целей, реализации интересов субъекта. У. Рикер говорит о манипуляции как о таком «структурировании мира, которое позволяет выигрывать» (W. Riker, цит. по [3: 75]). Монополизируя истину и навязывая определенные, выгодные ему представления о событиях, субъект политического дискурса склоняет адресата к совершению выбора, причем выбор этот представлен как благоприятный именно для адресата.

Перспективным в этом отношении представляется исследование высказываний, относимых к будущему, в рамках особого подвида языка политики – предвыборного (электорального) дискурса. Предвыборный дискурс целиком ориентирован на предстоящее событие и, соответственно, имеет своей целью побуждение адресатов – представителей электората к конкретным действиям в будущем. Представление будущих событий во многих видах дискурса вообще имеет особый характер: поскольку будущее существует как возможность, высказывания о будущем не могут быть верифицированы и в силу этого не имеют независимого статуса. Вместе с тем, специфика истинностного аспекта политического суждения уже давно отмечена исследователями. В языке политики сила суждения не зависит от его истинности: политическое суждение не верифицируемо логически. «Оно правдиво в той мере, в какой высказывающий его агент или группа может осуществить его» [1: 91].

В ходе аргументации приемы манипулятивных стратегий реализуются средствами различных уровней, но в нашем случае объектом анализа является не отдельная словоформа

или номинация. «В языковом плане искажение денотата-события достигается преимущественно оперированием пропозициями в рамках целого текста, фрагмента текста или отдельного высказывания» [6: 20].

Материалом данного фрагмента исследования послужили дебаты и программы кандидатов на пост мэра Москвы в рамках избирательной кампании 2013 г. (Хронологическая ограниченность материала предполагает определенные допущения относительно применимости наших выводов, однако, отметим, что по данным наших исследований отмеченные закономерности нашли подтверждение также и на иноязычном материале, см. [2]).

Очевидно, что наиболее востребованной тактикой манипуляции в высказываниях политиков, когда речь идет об отнесении событий к будущему, является уход от субъективизма и неопределенности обещаний и предсказаний, что осуществляется за счет подмены временных планов в рамках высказывания или более крупного фрагмента текста, в более широком плане – это часть приема подмены аргумента. Принципиально важной задачей субъекта высказывания в таком случае является нейтрализация нежелательного эффекта речевого акта обещания – пустого, неподтвержденного, зачастую нереалистичного или необоснованного утверждения о намерениях. *Все, что предложено в этой программе, абсолютно реально и реализуемо сегодня и сейчас. Важно, что все это можно сделать в Москве даже при нынешней федеральной политике. Что-то сделаем быстрее, что-то постепенно* (Программа кандидата в мэры Москвы А. Навального http://navalny.ru/platform/Navalny_Program.pdf).

Апелляция к прецеденту прошлого опыта или авторитету наличного факта – основа аргументации «от объективного». Будущее выгодно представить как элемент обобщенного настоящего с максимально широкой временной отнесенностью, т. е. распространяющегося на все временные планы («так всегда бывает: и раньше, и сейчас, и в дальнейшем») или же представляющего ситуацию вне времени. *Эта земля принадлежит жильцам, и они сами смогут решать, что на этой земле делать: строить собственную парковку, или детскую площадку, или разбивать сквер* (Н. Левичев. Город справедливости <http://89.108.121.143/datadepot/pf55/049852.pdf>). Таким образом, высказывание частного субъекта встраивается в контекст проверенного временем обобщенного опыта, получая за счет этого уже совсем иную степень убедительности и достоверности. *Я буду опираться в кадровых решениях на тех депутатов муниципального уровня, которые работают со мной. Это люди, которые годами занимаются практическим решением проблем москвичей и отлично знают, как устроены московские процессы.* (Первый раунд дебатов кандидатов на пост мэра Москвы <http://www.m24.ru/papers/23362>).

В русле когнитивного представления таких фрагментов дискурса манипулирование с временной отнесенностью можно рассматривать как своего рода рефрейминг (с заме-

ной слотов, отвечающих за сирконстантные характеристики ситуации), что выводит анализ на уровень более крупных структур оперирования информацией.

Литература

1. Качанов Ю. Л. Опыты о поле политики. М., 1994.
2. Логунов Т. А. Когнитивный аспект реализации манипулятивных стратегий в предвыборном дискурсе (на материале предвыборных дебатов кандидатов в президенты США) // Российская государственность: исторические перспективы и современность

- (к 1150-летию российской государственности и 70-летию Кемеровской области). Кемерово, 2012. С. 184–188.
3. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
4. Серюо П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла. М., 1999. С. 337–385.
5. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35–79.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

О некоторых приемах языковой (графической) игры в названиях торговых вывесок в Польше и в России Й. Митурска-Бояновска

Щецинский университет (Польша)

jmb@zut.edu.pl

Реклама, языковая игра, капитализация, гибридизация.

Summary. The paper covers a few kinds of lingual games (such as capitalization and linguistic hybridisation) used on Polish and Russian restaurant signboards.

Как подчеркивают лингвисты, изучающие язык рекламы, задача рекламного текста «привлечь внимание реципиента и продать ему то, что является объектом рекламы» [1: 36]. Такая задача стоит и перед авторами названий торговых вывесок. Кроме традиционных названий появляются и такие в которых применяется языковая игра. В нашем выступлении хотим обратить внимание лишь на два типа графической игры – капитализацию и гибридизацию.

Что касается капитализации, то в названии могут выделяться любые его отрезки. Наиболее частотные случаи – когда выделяется одна буква, напр. в варшавском названии ресторана *InAzia* (жирный шрифт применяется автором статьи), щецинском *BArtystyczna* (название одновременно является результатом контаминации двух лексем *bar* + *artystyczna*). В России такой тип языковой игры также применяется на вывесках, ср. московские *ApApAm*, *LeninGrad*, *MoMo*, *ТоннЭль Гриль Бар*, *ЭдЭм* и пр.

Встречаем и примеры названий, в которых выделяется и большее количество букв. В названии варшавского ресторана *ToBaYa* графическое выделение сегментов слова оправданное, само название мотивировано названиями азиатских городов: *To* ← *Tokyo*, *Ba* ← *Bangkok*, *Ya* ← *Yakarta*. Реже в названии вывесок выделяется значимое слово, как это имеет место на вывеске щецинского бистро *Fabryka bistro na dePTAKU*. Часть названия *dePTAKU* ('пешеходной зоне') – *PTAKU* ('птице') выделяется капитальными буквами.

С таким явлением встречаемся и в Москве, напр. *BeГАС*, *ВиноГРАДник*. Интересным является и пример названия *ШтирБирЛиц*, основой которого становится имя Штирлица – героя популярного в 70-е гг. XX в. телесериала *Семнадцать мгновений весны*. Внутри имени вклинивается лексема *bir*, ассоциирующаяся с англ. словом *beer* 'пиво'.

В ряде названий вывесок в Польше и в России распространено явление графогибридизации – «оформление новообразований с помощью графических средств разных языков» [2: 231]. В польских названиях широко применяются не характерные для польской графики иноязычные буквы „V” вместо польской буквы „W” (ср. познанские названия мест общественного питания *Vpadka*, *Ratuszowa*, *Brovavia*, варшавские рестораны *Ciekawa*, *Oliva*, бар *Leniviec*, *Malinova*, *Milapovo*, щецинская *Piviarnia Pub*, *Kawiarnia Cava* (согласно польской орфографии пишется *kawa*; по-испански *cava* 'шампанское'; польск. *kawiarnia* 'кафе'), историчное „Y” вместо современных букв „I” или „J” (напр. познанский *Proletaryat*, варшавская *Galicja*), „Q” вместо польских сочетаний букв „ku” (варшавская *Qchnia Artystyczna*, щецинский *Qrnik*).

В России на вывесках также применяются латинские буквы. Они занимают разное место в названии, могут быть в начале, внутри или в его конце, ср. московские *Ваниль*, *Золотой*, *Жуковка*, *Сказка бар*, *Цінк*, *Галерея Поварoff*, *Гусятникoff*, *Колбасoff*.

Явление гибридизации связано и с применением в названиях мест общественного питания лексем, принадлежащих к разным языкам. На вывеске переключаются исконные и иноязычные лексем или появляются комбинации лексем, происходящих из разных языков. Такой тип языковой игры

представлен рядом различных примеров. В Польше на вывесках обычно сочетаются польские лексем с английскими, ср. познанское *China kubek* (неточная калька англ. *China's box*; польск. *kubek* 'кружка'), щецинское *Taste Nalesnikarnia* (англ. *taste* 'вкус'; польск. *nalesnikarnia* 'место, где продаются блинчики'), варшавские *Noodle w Pudle* (англ. *noodle* 'лапша' + аугментатив польск. *pudlo* 'коробка' → *puđlo*), *Grand Kredens* (*kredens* 'тип мебели'). На вывесках в России сочетаются не только иноязычные лексем с исконными, но и разные алфавиты. Интересным примером является название петербургского ресторана, в котором рядом стоят испанские и русские слова, ср. *Casa del мясо* (исп. *casa* 'дом'). Ср. другие примеры названий, в которых рядом с исконными появляются английские, французские, итальянские / испанские слова: московские *Art-Garbage Запасник* (*Garbage* 'название американской рок-группы), *Polly cad* (*Polly* – собственное имя), *The Парк Café & Bar*, *Бестужев холл* (иск.; дореволюционная орфография + англ. *hall*), *Вера Park*, *Восток story*, *Суриков холл* (англ. *hall* + иск. с дореволюционной орфографией); *Brasserie Мосм* (франц. + иск.); *Cassino cafe* (ит. *casino* + удвоение буквы „s”), *Дон Иван* (ит., исп. *don* 'господин') и др.

В Польше и в России есть и такие названия, в структуре которых появляются комбинации иноязычных лексем, напр. варшавский бар-ресторан *White sushi* (англ. + яп.), *Kebab King* (тюрк. + англ. лексем), *La fiesta Tortilla restaurant* (исп. + англ. *restaurant*), *Мару Vanna* (фр. *Marie* + *Vanna* – пост-хардкор группа из Бостона). В Москве, недалеко от Польского посольства находится ресторан, в названии которого сочетаются персидская и английская лексем, записанные кириллицей: *Кальян плейс*. Ср. и другие примеры московских ресторанов: *Torro Grill* (исп. + англ.). [В польских городах иногда на вывесках пабов встречается и кириллица, ср. щецинское *Правда* или торунское *Москва*. В Варшаве функционирует ресторан под названием *Skamiejka* (скамейка), написанное не кириллицей а латиницей. В свою очередь и в Москве встречаются вывески, на которых слова записаны латиницей, ср. название ресторана *Muzey*.]

Интересным примером гибридизации является название щецинского ресторана *Kroopnik* ('крупник'), которое пишется и произносится согласно законам английского языка. Также согласно законам английской орфографии произносится название варшавского ресторана *Babooshka*, предлагающего русскую кухню. В Польше широко распространены и такие названия, которые являются либо иноязычными лексемами – латинскими (познанские *Academic*, *Colloquium*) или английскими (познанский *Corner*).

Среди огромного количества названий мест общественного питания встречаем вывески, на которых одновременно используются оба типа языковой игры – капитализация и гибридизация, ср. московские *PUBLICUS*. *Буржуазная пивная*, *SKеер*, *УшакоFF*, *ФеRма* и др.

Использование языковой игры, в том числе капитализации и гибридизации в названиях торговых вывесок несомненно привлекает внимание потенциального клиента, интригует, а в результате побуждает его зайти в такое место.

Литература

1. *Ильясова С. В., Амири Л. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.

2. *Попова Т. В.* Графодеривация в русском словообразовании конца XX века – начала XXI в. // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007. С. 230–231.

О составляющих эффективного делового общения

С. В. Оленев

Кемеровский государственный университет

stanislav.olenev@gmail.com

Речевая коммуникация, деловое общение, эффективность.

Summary. In the report the problem of components of effective business communication as important category of modern business linguistics is discussed. The author suggests to consider efficiency of communication through a prism of a set of competences of the language person providing achievement of the communicative purpose in certain situation of communication. The problem of development of classification of competences effective business speaker is put.

Эффективность речевой коммуникации и ее отдельных жанров, стилей, форматов – одна из центральных проблем современного речеведения – риторики, стилистики, культуры речи, психо- и социолингвистики и т. д. ([1]; [4]; [5]; [9]; [11]; [13] и др.). Под эффективностью речи понимается ее комплексное, интегральное свойство, обеспечивающее коммуникативную результативность, получение прогнозируемого результата наиболее оптимальным способом (Л. Ю. Иванов, А. П. Сквородников, Е. Н. Ширяев и др.). Критерий эффективности служит основой суждений о фактах языка / речи в исследованиях прикладных направлений современного языкознания – лингвистики рекламы, бизнес-лингвистики, интернет-лингвистики, копирайтинга, нейминга и т. д. (см., например, [8]; [10]; [12]).

При этом само понятие эффективности в отдельных случаях используется как самоочевидное или же трактуется неоднозначно: и как результативность, и как оптимальность, и как составное качество, складывающееся из новизны, уместности и правильности и т. д. Терминологические разночтения при этом обусловлены спецификой проблемного поля, в котором функционирует данный термин (см., например, работы Н. А. Безменовой, В. З. Демьянкова, А. К. Михальской, М. Е. Новичихиной, Х. Перельмана, В. Ф. Петренко, М. Розенберга, Ю. В. Рождественского и мн. др.). Так, в современной риторике (уже – теории речевого воздействия) под эффективностью понимается частный внутридисциплинарный методологический принцип, позволяющий «(1) описывать закономерности речевого воздействия и, как следствие, объяснять, предсказывать некоторую совокупность фактов, имеющих отношение к результативному общению, (2) регламентировать посредством целого инвентаря ценностей (номинальных определений, рекомендаций, предписаний, конвенций, стандартов, идеалов, норм, правил и т. д.) одобряемые, принимаемые и культивируемые обществом и / или профессиональным сообществом стили, формы и типы воздействующей коммуникации, а потому влиять на оценку реальных коммуникативных событий [7: 13–16].

Несколько упрощая реальную картину сложившихся подходов к трактовке понятия эффективности речи и практик его использования, можно выделить две взаимодополнительных концепции. Первая, развитая Саратовской лингвистической школой под руководством О. Б. Сиротининой, предполагает, что эффективность речи как ее интегральное результирующее свойство складывается из таких известных качеств «хорошей речи», как правильность, логичность, уместность, ясность и т. д., обеспечивающих действенность высказывания. Вторая концепция, сформулированная Т. В. Шмелёвой, нацелена на рассмотрение развитых социо-коммуникативных компетентностей языковой личности в качестве ключевой предпосылки эффективности речи [13]. В основе такого компетентного подхода к эффективности речевого общения (см. в связи с этим характерное название словаря-справочника [14]) лежит представление о речевой коммуникации как о процессе системно-надсистемного взаимодействия языка, языковой личности и экстралингвистических условий ее функционирования, что требует учета комплекса собственно языковых, коммуникативных, ситуативно-ролевых и социально-психологических факторов, влияющих на оптимальную реализацию конкретных языковых, жанровых, стиливых и риторических компетенций и эффек-

ций и эффективное речевое поведение коммуниканта в той или иной ситуации общения.

Очевидно, что при решении прикладных образовательных задач бизнес-лингвистики, связанных с формированием и развитием эффективного бизнес-оратора и не в полной мере решаемых в отечественных исследованиях [2]; [3] второй подход более перспективен. Так, для современного предпринимателя в числе основных профессиональных компетенций оказываются умения и навыки, связанные с публичным выступлением (презентация проекта, отчет перед инвесторами или советом директоров, общение с потенциальными потребителями товара или услуги и т. п.), ведением переговоров (с клиентом, партнером, инвестором или представителем органов управления и контроля), разрешением конфликтов (внутрикорпоративных и с потребителями), созданием воздействующих текстов для использования в общении с потребителями, формированием собственного речевого имиджа харизматичного оратора.

Актуальной задачей бизнес-лингвистики представляется разработка полной классификации речевых компетенций бизнесмена, включающей помимо перечисленных выше, периферийные социо-коммуникативные компетенции.

Литература

1. *Безменова Н. А.* Проблемы эффективности речи в перспективе неориторки // Оптимизация речевого воздействия / Отв. ред. Р. Г. Котов. М., 1990. С. 152–161.
2. *Гурьева З. И.* Речевая коммуникация в сфере бизнеса: лингвопрагматический аспект: монография. Краснодар, 2003.
3. *Данюшина Ю. В.* Бизнес-лингвистика и деловое общение в Интернете. М., 2010.
4. *Демьянков В. З.* Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989. С. 13–40.
5. *Дик У.* Эффективная коммуникация. Приемы и навыки / Пер. с нем. Харьков, 2007.
6. *Иванов Л. Ю.* Эффективность речи // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.
7. *Катышев П. А., Антипов А. Г., Араева Л. А., Артёмова Т. В. и др.* О предмете современной риторки в связи с категорией эффективности // Риторика: Учеб. пособие / Под ред. П. А. Катышева. Кемерово, 2011. С. 10–18.
8. *Кохтев Н. Н.* Реклама: параметры оптимального текста // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 318–335.
9. *Леденева С. Н.* Методы психолингвистической оценки эффективности речевого воздействия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
10. *Новичихина М. Е.* Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Воронеж, 2004.
11. *Петренко В. Ф.* Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики // Оптимизация речевого воздействия / Отв. ред. Р. Г. Котов. М., 1990. С. 18–31.
12. *Ухова Л. В.* Теоретические проблемы исследования эффективности рекламного текста: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Ярославль, 2013.
13. *Шмелёва Т. В.* Эффективная речь с позиции речеведения // Речевое общение: специализированный вестник / Под ред. А. П. Сквородникова. Вып. 12 (20). Красноярск, 2011. С. 77–90.
14. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2012.

Проблема интеръективации глагольных форм и этикетных слов в русском языке

Ю. А. Орлова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Nikstar20071@rambler.ru

Модус, субъективный смысл, вторичные междометия, этикетные слова.

Summary. This report highlights issues of transition independent parts of speech into interjections due to their acquisition of secondary subjective meanings. As examples we examine verb forms and etiquette interjections.

Наше исследование базируется на двух основных понятиях: первое – модус, второе – междометие. Принимая за основу концепции субъективных смыслов и модусных категорий Ш. Балли, А. Вежбицкой и М. В. Всеволодовой, мы сформулировали дефиницию модуса в нашем понимании: это часть высказывания, в котором имплицитно выражается отношение говорящего к пропозиции. Модус может быть выявлен за счет средств коммуникативного контекста и эксплицирован с помощью глаголов пропозиционального отношения.

Второй аспект нашего исследования – междометие как средство выражения субъективного смысла. Рассмотрев множество лингвистических подходов к междометию, мы выбрали концепцию В. В. Виноградова как наиболее полную и методически обоснованную. Междометия – это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность.

Значимым для нашей работы является деление междометий по составу на первообразные (первичные) и непервообразные (вторичные), являющиеся основным объектом нашего исследования. К вторичным междометиям относят слова разных частей речи, поменявшие свои категориальные признаки в результате синтаксических и семантических преобразований и служащие для выражения эмоциональных реакций человека. Основываясь на исследованиях В. В. Виноградова и И. А. Шаронова, мы выявили признаки, сопутствующие переходу знаменательных слов в междометия, а именно:

1. Утрата номинативности.
2. Утрата категориальных значений.
3. Утрата форм словоизменения.
4. Утрата синтаксической нагрузки.
5. Приобретение модусного смысла.
6. Изменение интонационных характеристик.

В работе проведен анализ вторичных междометий, образованных от глагольных форм, таких, как *Подумаешь* / *Подумать только*, *И не говорите*, *Не скажите* / *Скажите*, *пожалуйста*, *Приехали*, *Ну знаешь* и др., и от этикетных слов, таких, как *Здравствуй* / *Здрáсте* и *Извините*.

Были получены выводы о наличии каждого из приведенных признаков. Таким образом, приобретение модусного смысла является обязательным критерием интеръективации глагольных форм, он прослеживается в каждой из групп рассмотренных примеров. К тому же модусный смысл провоцирует новое интонационное оформление высказывания. Однако не менее обязательными являются остальные признаки, в особенности утрата номинативности и синтаксической нагрузки. Три этих признака в совокупности дают возможность слову поменять свое категориальное значение и употребляться только в одной или двух формах. Для глаголов это преимущественно формы повелительного наклонения множественного или единственного числа.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
2. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. 1978 / Сост., общ. ред. и вступительная статья Т. М. Николаевой. М., 1978.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
4. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) грамматики русского языка: Учебник. М., 2000.
5. Панков Ф. И. Некоторые вопросы преподавания русской грамматики и лексики в свете национальной языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2.
6. Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. М., 1980.
7. Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
8. Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008.

Синтаксические средства выражения семантического инварианта

лишить жизни кого

А. В. Петров

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

liza_nada@mail.ru

Семантический инвариант, единицы синтаксического уровня, импликация.

Summary. Semantic invariant *to put to death which* verbalizes in Russian language with the help of the units of syntactic level – word combinations, phrase nominatives, separate types of simple sentences with the lexically limited composition of their components.

Для системного описания лексической семантики в лингвистике ведутся поиски инвариантов: это семантическое поле (Ю. Н. Караулов), абстрактное понятие (В. М. Солнцев), ономата (Э. В. Кузнецова), номема (В. М. Никитевич), номинатема (В. И. Теркулов), гиперлексема (А. А. Поликарпов), семантема (Ж. П. Соколовская). Только применение инвариантного принципа гарантирует, по мнению Г. С. Щура, выделение групп, обладающих статусом поля. Поле формируется на основе семантического инварианта, который остается постоянным для всего поля и для каждого его члена. Семантический инвариант поля опирается на разноуровневые средства вербализации в языке, в частности, на синтаксические – словосочетания, фразовые номинанты и предложения. Продемонстрируем это на примере семантического инварианта *лишить жизни кого*.

Среди словосочетаний выделяются

1. Подчинительные беспредложные словосочетания с опорным глаголом, в состав которых входят зависимые компо-

ненты *жизнь* и *смерть*: *забрать жизнь чью, лишить жизни кого, оборвать жизнь чью, отнять жизнь чью, унести жизни чьи и довести до смерти, привести к смерти, причинить смерть, вызвать смерть* и др.

2. Словосочетания с предлогами, представленные следующими синтаксическими моделями: «сущ. средство + предлог против + сущ. в родит. п.»: *средство против тараканов, средство против мышей* и др.; «сущ. средство + предлог от + сущ. в родит. п.»: *средство от тараканов, средство от мышей* и др.; «сущ. средство + предлог для + сущ. борьба в родит. п. + предлог с + сущ. в дат. п.»: *средство для борьбы с крысами / мышами*; «сущ. средство + предлог для + сущ. защита в родит. п. + предлог от + сущ. в родит. п.»: *средство для защиты от крыс*; «глагол бороться + предлог с + сущ. в творит. п., называющее лицо или животное (насекомое)»: *бороться с оккупантами, бороться с саранчой* и др.; «глагол бороться + предлог против + сущ. в родит. п., называющее лицо или животное (насекомое)»:

бороться против оккупантов, бороться против вредных насекомых; «глагол защитить / защищать + сущ. растения + предлог от + сущ. вредители в родит. п.».

3. Устойчивые словосочетания *посылать / возводить на костер*.

4. Фразовые номинанты, основой которых являются сложноподчиненные предложения местоименно-соотносительного типа (В. Н. Мигирин, В. М. Никитевич). Фразовые номинанты выполняют функцию субъектного, объектного или инструментального актанта; ср.: *Слушай, это тот, который убивал?* (Л. Петрушевская. Казнь. – НКРЯ); *Наполеон – тот, кто погиб среди мучений, тот, кого замучили* (М. Цветаева. Мой Пушкин. – НКРЯ); *Ведь уже объявлялось, что пистолет, из которого застрелили Юшенкова, очень похож на те, что переделывались под боевые в подпольной мастерской «оборотней»* («Московский комсомолец», 2003.01.14. – НКРЯ).

5. Императивные предложения с компонентом *смерть*, передающие категорическое требование или желание насильственной смерти кого-л. как волю коллектива, типа «*Смерти!*» (модель: сущ. в родит. падеже), «*Смерть предателям!*» (модель: сущ. + сущ. в дат. падеже), «*На кусках газет... черными или цветными буквами самые горячие уже вывели в стешке свои лозунги: „Смерть стукачам, чекистским холуям!“*» (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ).

6. Императивные предложения с наречием *долгой*, согласно «Словарю современного русского литературного языка», 'в политических и иных призывах выражают требование об удалении, уничтожении кого-, чего-л.': «*Долой тиранов!*» (модель: наречие *долгой* + сущ. в родит. падеже): *Думаю, что боязнь толпы можно победить исключительно самоутверждением, в девятнадцатом году, напр<имер>, выкриком: «Долой большевиков!»*. *Чтоб тебя отметили – и разорвали* (М. Цветаева. Отрывки из книги «Земные приметы»). Фразеологизированная единица *голову (башку) долой с кого / голова (башка) долой* обозначает 'отрубить, отсечь голову': *Ведь известно старое правило: «Гонцу с плохой вестью голову долой»* (В. Костиков. Роман с президентом. – НКРЯ), *Я вождь ваш... А кто не уверует – башку долой*. *Казню, всех казню!* (В. Шишков. Емельян Пугачев), *А с кого первая башка долой – с дежурного* (М. Веллер. Баллада о знамени. – НКРЯ).

7. Оптативные предложения фразеологизированной структуры, построенные по модели: «частица *чтоб* + *тебя* + глагол со значением уничтожения в безличной форме на -ло»,

реже употребляется глагол прошедшего времени в личных предложениях. Ср.: *Чтоб ты мухомором отравился, чтоб тебя медведь порвал, чтоб тебя колесом тележным переехало!* (А. Иванов. Сердце Пармы. – НКРЯ). Глагольные формы прошедшего времени на -ло в функции главного члена односоставных предложений, по свидетельству В. В. Жайворонка, давно стали типовою синтаксемою украинского языка.

Не укладываются в систему уровневых средств лексикализованные сочетания. В нашей картотеке зафиксированы следующие единицы со значением уничтожения: *на березу / на осину кого 'повесить', на костер кого 'сжечь'* и др. Ср.: *Слышь, братцы, – закричали другие, – он не хочет сдать атаманства! – Так на осину его! – На осину, на осину!* (А. К. Толстой. Князь Серебряный); *Не хотелось Юденичу служить. Удозорили, выволокли, да на березу... Ой, ой, – старуха закрестилась* (В. Шишков. Пейпус-озеро. – НКРЯ).

8. Предикативные конструкции, построенные по подлежащно-сказуемостной схеме N1 – Vf с лексической ограниченностью первого и второго ее компонентов [РГ-80: 93]. Под лексической ограниченностью понимается «закрытость списка (считаемость) слов, выступающих в качестве компонента схемы» [РГ-80: 93]. Семантическими субъектами являются следующие словосочетания с компонентом-гиперонимом *животное* (или гипонимом) в род. падеже, во мн. числе, выполняющие функцию подлежащего: *популяция животных, количество животных, численность животных и поголовье животных*. Предикативный признак выражается спрягаемой формой следующих глаголов со значением уменьшения: *уменьшиться, снизиться, сократиться, пасть*. *В мире поголовье овец уменьшается, но азиатский регион является единственным регионом, в котором оно увеличивается* [agronews.ru]. Семантический инвариант проявляется как следствие одной из импликаций: *популяция, численность, поголовье животных + уменьшается... (вследствие истребления, интенсивной охоты, ухудшения экологических условий на территориях, эпидемий и стихийных бедствий, миграции): Численность пернатых в Казахстане значительно сокращается из-за весеннего сезона охоты* [охота-ru.ru]. Семантический инвариант сохраняется и в синтагматической цепочке с производными именами транспозиционного типа: *снижение / уменьшение / сокращение популяции животных*.

Таким образом, учет скрыто грамматических явлений приводит к увеличению объема семантических полей.

Зачеркивание в интернет-коммуникации

А. Ч. Пиперски, А. А. Сомин

Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (Москва)

apiperski@gmail.com

Зачеркивания, интернет-коммуникация, прагматика, теория вежливости, коммуникативные постулаты Грайса.

Summary. This paper deals with the use of strikethrough on the Russian Web. We argue that the use of strikethrough implies the speaker's intention to express two points of view at once. We rely on Gricean maxims and the politeness theory of Brown and Levinson to explain why the speaker needs to express two points of view at once and why he ranks one of them higher than the other (which is stricken-through). It is also discussed how technical limitations influence the language on the Web.

Одним из характерных приемов русской интернет-коммуникации середины и конца 2000-х годов стало активное использование зачеркивания, ср.:

(1) *Ученик после занятия спросил, используют ли на самом деле англичане артикли, или они есть только в учебниках. <...> Я ~~еряно-выматерила~~ пообещала в следующий раз показать ему отрывок из какого-нибудь фильма, где бы употребляли артикль the* (из блога, 2010).

(2) *Тут Феликс слегка просветлел лицом, впервые с начала ~~жизни~~ существования* (из блога, 2006)

(3) *Завтра будет отличный рабочий день ~~и не менее прекрасные пирожки от Светланы~~, так что набираемся сил!* (из блога, 2010)

Зачеркивание в письменной речи имитирует два явления устной речи:

а) самоисправление: ср. примеры (1), (2); в таких примерах зачеркнутый, «неправильный» фрагмент следует перед заменяющим его незачеркнутым, «исправленным»;

б) недоговаривание: ср. пример (3); в таких примерах зачеркнутый фрагмент не заменяется на «исправленный».

Можно объединить эти случаи, если постулировать во втором случае нулевую единицу: фактически, при недоговаривании происходит замена фрагмента высказывания на нуль.

Явление зачеркивания чрезвычайно интересно с точки зрения прагматики и уже стало материалом для нескольких исследований [1]; [2]. Мы имеем дело с намеренным самоисправлением, при котором автор одновременно высказывает две точки зрения и ранжирует их. Соответственно, возникает сразу два вопроса:

а) почему возникает необходимость высказать сразу две точки зрения?

б) почему одна из них оценивается как более предпочтительная, чем вторая?

На наш взгляд, ответы на эти вопросы кроются в области прагматики: они выводятся из базовых принципов коммуникации – коммуникативных постулатов П. Грайса [4] и теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [3]. По мнению Грайса, коммуникация должна удовлетворять ряду постулатов: постулату полноты, истинности, контекстной релевант-

ности, прозрачности и т. п. Из теории П. Браун и С. Левинсона следует, что коммуникация должна способствовать сохранению и поддержанию лица коммуникантов.

Потребность высказать две точки зрения связана с тем, что **необходимо соблюсти** базовые принципы коммуникации, а одной точки зрения для этого оказывается недостаточно. Чаще всего точки зрения, имеющие ненулевое выражение, нужны для того, чтобы выполнить постулаты Грайса, в первую очередь постулат полноты: сообщение всей информации часто оказывается невозможным при одностороннем взгляде на ситуацию. Так, в примере (1) точка зрения *пообещала ... показать ему отрывок ... из фильма* описывает реальную ситуацию, однако это описание было бы неполным без указания на внутреннее ощущение говорящего, которое выражается при помощи зачеркнутого фрагмента *грязно выматерилась*. Нулевая точка зрения чаще всего полезна для сохранения лица – так, например, в (3) говорящий опасается показаться ленивым и нетрудолюбивым и поэтому добавляет альтернативную точку зрения, выраженную нулем.

Решение вопроса о том, какая из точек зрения должна быть зачеркнута, связано с тем, что **запрещено нарушать** нормы коммуникации. Фактически, запреты на нарушение нормы – это другая сторона базовых принципов коммуникации, описанных выше. Так, например, в примере (1) точка зрения *грязно выматерилась*, во-первых, нарушает постулат истинности (очевидно, что в реальности этого не происходило), а во-вторых, приводит к потере положительного лица (общественная мораль неодобрительно относится к матерной брани, тем более в присутствии несовершеннолетнего ученика). В примере (2) слово *экзекуция* нарушает постулат истинности (хотя оно и нужно для того, чтобы полно описать чувства персонажа и наблюдателя), а в примере (3) зачеркнутый фрагмент приводит к потере лица (создает образ говорящего как лентяя).

Ранжирование запретов, приводящих к зачеркиванию одной или другой точки зрения, может не совпадать у разных говорящих и в разных коммуникативных ситуациях. Так, например, в общении близких друзей запрет на нарушение постулата истинности может ранжироваться выше норм вежливости, а в текстах, предназначенных для публичного прочтения, – наоборот.

Зачеркивание наглядно демонстрирует, насколько языковые средства, применяемые в интернет-коммуникации, зависимы от технических возможностей. Расцвет зачеркивания приходится на середину 2000-х годов, когда важнейшей коммуникационной площадкой Рунета был Живой журнал (www.livejournal.com), а также блоги на других платформах.

Пользователям блогов приходилось пользоваться основами HTML-разметки для создания гиперссылок и шрифтовых выделений, в том числе и зачеркивания (тэги `<s>...</s>` или `<strike>...</strike>`; позже появился визуальный редактор, в котором имеется возможность зачеркивания). Вынужденное знакомство с HTML-разметкой, которая позволяет зачеркивать без особого труда (чтобы сделать зачеркивание в блоге, надо приложить столько же усилий, как и для того, чтобы сделать полужирный шрифт или курсив), и привело к широкому распространению этого приема. Однако в конце 2000-х – начале 2010-х годов место основной коммуникационной площадки Рунета заняли социальные сети (ВКонтакте и Facebook), в которых посты и комментарии пишутся без форматирования, в режиме plain text. Это приводит к тому, что зачеркивание уходит из русского языка Интернета как активный прием.

Таким образом, намеренное зачеркивание – это языковой прием, крайне интересный с точки зрения прагматики. Порождение зачеркивания в письменных текстах может быть представлено в виде двухчастной модели: сперва говорящий подбирает несколько точек зрения (обычно – две), которые позволяют ему соблюсти максимальное количество принципов коммуникации, а затем зачеркивает ту из них, которая, по его мнению, нарушает более важные нормы сформулированные в виде запретов. Такой сложный прием нуждается в специальных возможностях графического оформления, а поскольку этих возможностей нет в важнейших из современных коммуникационных сервисов, то намеренное зачеркивание постепенно вытесняется на периферию приемов языковой игры и теряет ту значимость, которым оно обладало на протяжении почти целого десятилетия.

Литература

1. *Занегина Н. Н. Я этого не говорил*: о литуративах, зачеркиваниях или мнимых текстах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 112–115.
2. *Питерски А. Ч., Сомин А. А.* Литуративы в русском Интернете: семантика, синтаксис и технические особенности бытования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1. М., 2013. С. 605–618.
3. *Brown P., Levinson S. C.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
4. *Grice H. P.* Logic and Conversation. // Syntax and semantics. Vol. 3 / Ed. by P. Cole and J. L. Morgan. New York, 1975. P. 41–58.

Речевой портрет манипулятивной коммуникативной личности

А. В. Поселенова, Г. Бахар

Atatürk Üniversitesi (Эрзурум, Турция)

poselenova@mail.ru

Summary. Speech description of a manipulative communicative person is considered as a complex of marked means of systematic manipulative language behavior (language behavior of a communicative person which has manipulation as a stable personal trait) and verbal means of its characteristic and appraisal. In the structure of speech description of a manipulative communicative person two main groups of marked language means are studied: verbal means of characterization / appraisal and self-characterization / self-appraisal of a person inclined to manipulative language behavior, verbal means of representation, and, also, characterization and appraisal of procedural components of manipulative language behavior.

Исследование манипулятивной коммуникативной личности в последние десятилетия является одним из приоритетных направлений лингвистики и психолингвистики. Особый интерес представляет изучение регулярных языковых средств манипулятивной речевой деятельности, прежде всего, посредством создания речевого портрета манипулятивной коммуникативной личности. Речевой портрет в нашем исследовании определяется как совокупность фонетических, лексических, синтаксических, стилистических и других средств языка и речи, идентифицирующих коммуникативную личность, то есть наиболее типичных как в речевом поведении определенной коммуникативной личности, так и в характеризующих ее или оценочных высказываниях других участников коммуникации. Соответственно, **речевой портрет манипулятивной коммуникативной личности** – это совокупность маркированных средств сис-

темной манипулятивной речевой деятельности (речевого поведения коммуникативной личности, у которой манипулятивность является устойчивой личностной чертой) и вербальных средств ее характеристики и оценки. В структуре речевого портрета манипулятивной коммуникативной личности рассматриваются две основные группы маркированных языковых средств: вербальные средства характеристики / оценки и самохарактеризации / самооценки личности, склонной к манипулятивному речевому поведению, и вербальные средства репрезентации, а также характеристики и оценки процессуальных компонентов манипулятивной речевой деятельности.

Среди средств характеристики манипулятивной коммуникативной личности, на основании проведенных полевых исследований, преобладают негативно-оценочные лексические средства и высказывания с доминантными семанти-

«ОБМАН» и «ХИТРОСТЬ»: скользкий человек, провокатор, умник, лжец, обманщик, лис, ханжа, лицемер, мутный тип и т. п. При этом в языковом сознании носителей языка образ манипулятора прочно связан с его превосходящим статусом либо постоянным стремлением утвердиться в данном статусе: тиран, лидер, босс, командир, начальник, директор, министр, деспот, руководитель и т. п. Также опрошенными отмечается незаурядное ораторское мастерство манипулятивной личности: *говорит уверенно, гипнотизирует, имеет*

очень сильное влияние, уговаривает, у него очень связная, продуманная заранее речь, говорит размеренно, с небольшим давлением в голосе, серьезно, утвердительно, строго, убедительно, мягко, без резких слов, с намеками, ласково, льстиво, определено, четко, с точным определением слов и выражений.

Средства публичной самохарактеризации личности в случае с манипулятивной коммуникативной личностью приходят в противоречие со средствами характеристики.

Метафорическая интенсификация как отражение специфики концептуализации действительности

С. Е. Родионова

Башкирский государственный университет (Уфа)

rse14@mail.ru

Интенсивность, метафора, концептуализация, языковая картина мира.

The image metaphor is not only one of the wide spread means of intensifying the property and conveying expressivity in the text but it facilitates studying cognitive mechanisms of interaction of the speaker's individual ideas and the world view which has already been formed in native speakers' consciousness, it helps to identify the models of the highest degree of property development typical of a certain linguocultural community.

Одним из важнейших аспектов анализа категории интенсивности, которую мы рассматриваем как семантическую категорию прагматического (экспрессивного) характера, выражающую количественную модификацию качества, делающую это качество существенным (релевантным) для говорящего и / или слушающего и выдвигающую данную форму на первый план по ее значимости, является попытка постижения механизма интенсификации признака, выявления специфики использования разноуровневых средств ее выражения.

Особый интерес среди них представляют, несомненно, лексические средства, и прежде всего такой способ выражения интенсивности, как метафора. Анализ всего массива интенсифицирующей лексики показывает, что из почти двух тысяч лексем с интенсифицирующим значением, зафиксированных в толковых словарях, не менее четверти (свыше 500 единиц) выражают интенсивность при помощи только метафорического или прямого и метафорического значения, например: *океан* – «обилие, необъятная, неизмеримая масса чего-л.», *клокотать* – «бурно проявляться», *космический* – «чрезвычайный по силе, степени проявления» – и т. п. Образность, основанная на сравнении, интенсифицирует признак и вместе с этим усилением создает эффект экспрессивности. Основным средством создания образа становится метафора, сближающая в сознании два разноплановых явления, возникающая из «потребности воссоздать увиденную и схваченную мысль, сходство различных явлений, раскрывая свойство одного чувственно воспринимаемого явления через свойства другого» [6: 244], являющаяся «видением одного объекта через другой» [4: 55].

Метафорические значения развивают прежде всего лексемы, выражающие интенсивность уже в первом своем значении, такие как, например, наименования природных явлений стихийного характера (*буря, гром, ливень, обвал*), очень больших природных объектов (*море, океан, гора*), ярко проявляющихся физических состояний человека (*жар, лихорадочный, удушьющий*) и т. п. Это осознание взаимосвязанности объектов из мира физического и мира идеального (*жар страстей, море впечатлений, взрыв ярости* и т. п.) делает наш взгляд на язык и внеязыковую действительность настоящим полным и объемным. Интенсификация в данном случае – перевод в другую сферу бытия, связанную с большей, чем в нормальном состоянии, силой проявления признака, – сферу безумия (*безумно*), болезни (*болезненно*), потустороннего мира (*адский, гробовой*), разрушения и физического уничтожения чего-либо (*сжигать, пожирать, рушиться*). Так, например, подробно анализировавшая «метафору в языке чувств» на базе текстов художественного дискурса Н. Д. Арутюнова отмечала неразрывную связь интенсивно проявляющихся человеческих чувств с образами стихии, разрушительных сил природы: «Интенсивные эмоции принимают вид не только вскипевшей и забурлившей влаги, они чаще предстают в облике вспыхнувшего огня, пламени, бушующего пожара... Образ чувства-ветра

позволяет говорить о буре страстей, о шквале, вихре чувств» [1: 393–394].

Метафора сегодня представляет интерес для исследования не просто как средство экспрессивности, образности, но прежде всего как средство познания мира, активного, творческого восприятия человеком окружающей действительности, «средство для создания новых значений и новых сущностей в нашей жизни» [3: 195]. В семантике метафорических интенсификаторов находят отражение универсальные и идиоэтнические знания. Включенность в те или иные концептуальные связи предопределена, с одной стороны, отражением в сознании реальных связей признака, с другой – взаимодействием концепта признака с концептуальной системой (картинной мира), уже сложившейся в сознании носителя языка [2: 8].

Основанием для метафорического переноса часто является сравнение с неким эталоном проявления высшей степени качества, например: *воловий* – «такой, как у вола – очень сильный (*упрямство*)». Отсюда вытекает избирательная сочетаемость определенных интенсификаторов: *снайперская (точность), инквизиторская (жестокость), снежно (белый), рабская (покорность), гробовая (тишь)* и т. д.

Важный материал для выявления особенностей ассоциативно-образного восприятия окружающей действительности в русском языке дает сравнение использования метафорической интенсификации в русском и других языках. Так, лексико-семантические особенности идиоэтнических знаний выявляет сопоставление русских и английских текстов. Несмотря на большое количество случаев, когда возможен прямой перевод интенсифицирующих лексем (ср.: *бездна / abyss, вихрь / whirlwind, гроза / thunderstorm, океан / ocean, ураган / hurricane* и т. п.), встречаются и несоответствия, определяемые спецификой эталона признака, приписываемого предмету или явлению в конкретном лингвокультурном социуме. Например, в русском языке много «горных» метафорических интенсификаторов: *гора, вулкан, лавина* – при их отсутствии в английском языке. В то же время среди английских метафорических интенсификаторов больше «водных»: *billow, wave*. В русских публицистических текстах в последнее десятилетие тоже стали появляться эти метафорические интенсификаторы, в то время как словарь усилительных словосочетаний И. И. Убина 1987 года [5] вообще не дает лексеме *волна* среди русских слов-усилителей. Для выражения абсолютной белизны в русском языке используется лексема *белоснежный*, для англичан выражение *snow-white* возможно, но гораздо более высока возможность внутреннего сравнения, реализуемого интенсифицирующим словом *milk-white*. При этом обоими для англоязычного и русскоязычного читателя эталонами белизны являются *mel / chalk, простыня (полотно, бумага) / sheet*, и только для англичан узальными эталонами белизны являются *шерсть (wool)* и *кокаин (cocaine)*.

Изучение универсального и национально специфического в сфере метафорической интенсификации позволит, таким

образом, не только сделать акцент на ее экспрессивно-образном потенциале, но и сосредоточиться на когнитивных механизмах взаимодействия индивидуальных представлений говорящего с концептуальной системой (картиной мира), уже сложившейся в сознании носителей языка, выявить эталоны высшей степени проявления признака, принятые в лингвокультурном сообществе, определить механизмы интенсификации, связанные с особенностями ее реализации в различных типах дискурса.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

2. Везнер И. А. Ассоциативный потенциал существительных и его реализация в процессах метафорической интенсификации (на материале английского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004.
3. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
5. Убин И. И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. М., 1987.
6. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1999.

Этапы освоения новой информации как один из основных семантических признаков классификации контактоподдерживающих конструкций

Е. А. Савина

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

elenaasavina@yandex.ru

Вариативный ряд поддержания контакта, восприятие информации.

Summary. Using phatic constructions of support the speaker demonstrates that he has already accepted the information; that he is accepting it at the moment; or that he cannot accept it but a little later. This is one of the main semantic parameters to classify the support constructions.

Для нормального протекания устного межличностного общения очень важны фатические контактоподдерживающие реплики – реакции на сообщение, реализующие следующие параметры целеустановки: восприятие говорящим информации, вербально выраженной собеседником; удовлетворение коммуникативных ожиданий собеседника и демонстрация успешности его речевого поведения; отсутствие перехвата речевой инициативы. В вариативный ряд поддержания контакта входят структуры, очень разнообразные как по формальной структуре, так и по семантике: от минимальных конструкций уяснения (*Мгм*) до эмоционально-оценочных высказываний (*Вот это здорово!*). Описывая вариативный ряд поддержания контакта, необходимо прежде всего выделить семантические признаки, позволяющие объединять и противопоставлять его конструкции именно как реализующие указанную фатическую целеустановку. Один из таких признаков – соответствие / несоответствие норме информации, содержащейся в сообщении. В нашей работе мы рассматриваем конструкции, подчеркивающие отклонение от нормы, непредсказуемость, новизну информации для говорящего.

Представляется, что семантические различия между ними во многом основываются на разных реализациях параметра восприятия – а именно, на отнесении момента принятия информации к периоду до, во время или после момента речи. Другими словами, одни конструкции поддержания контакта показывают, что новая информация уже воспринята; другие фиксируют сам процесс ее восприятия; третьи говорят о том, что говорящий еще не готов принять информацию, он откладывает этот момент (обычно до реплики уверения со стороны собеседника).

1. Конструкции, сигнализирующие об уже состоявшемся приеме информации и одновременно об оценке ее как не прогнозируемой, отклоняющейся от нормы, – это прежде всего конструкции удивления (*Надо же, С ума сойти, Подумать только* и т. п.). Сюда же можно отнести конструкции, оценивающие информацию как навещающую на размышления (*Интересно, Забавно*). Кроме того, принятая информация может квалифицироваться говорящим как имеющая позитивное или негативное значение для участников обсуждаемой ситуации (часто собеседника), что выражается эмоционально-оценочными конструкциями, как эксплицитными, так и имплицитными (*Здорово, Замечательно, Слава Богу, Ура; Ужас, Безобразие, Ай-яй-яй. Ох* и др.). Таким образом, оценка может быть достаточно разнообразной, но она всегда подразумевает, что информация уже принята, усвоена говорящим, занесена им в его «информационный фонд».

2. Конструкции, фиксирующие процесс усвоения новой и не предполагавшейся ранее информации, указывающие на одновременность их произнесения с приемом информации, – это конструкции-запросы *Да?, Правда?, Серьезно?*,

В самом деле?, Ты думаешь? и т. п. (обычно с ИК-3), *О-о?, М-м?* (с ИК-3~; с другим интонационным оформлением они тоже указывают на совершающееся принятие информации, но не оценивают ее как отклоняющуюся от нормы); а также повторы части высказывания собеседника (с ИК-3 и ее модальными реализациями). Произнося одну из таких конструкций, говорящий дает понять, что с этого момента он знает, будет иметь в виду, что ситуация или мнение о ней собеседника именно таковы.

3. Фатические конструкции, откладывающие момент принятия сообщения, относящие его к будущему (хотя и ближайшему), – это главным образом конструкции недоверия (*Не может быть, Да что ты говоришь, Неужели, Да ладно* и др.). В лингвистической литературе эти структуры нередко относят к выражению удивления, и действительно недоверие очень близко к удивлению тем, что тоже указывает на несоответствие ситуации норме, непрогнозируемость информации для говорящего и, следовательно, на эмоциональное воздействие на него, а в фатике тем самым и на успешность речевого поведения собеседника. Их семантическое различие состоит именно в том, что при выражении удивления говорящий относится к информации как к уже воспринятой, занесенной в его «информационный фонд», а при использовании конструкций недоверия сообщает о своих затруднениях в усвоении новой информации, которая вступает в конфликт с его прежними представлениями, не находит себе места в них; ему придется изменить свою позицию, сблизить с позицией собеседника, чтобы усвоить его сообщение. В фатической функции конструкции недоверия используются достаточно активно, так как именно параметр расхождения прежней позиции говорящего с позицией собеседника, владеющего новой информацией, – «разность потенциалов» – создает высокий уровень заинтересованности, т. е. воздействия информации на говорящего, к которому и стремится собеседник – автор сообщения. Однако часть конструкций недоверия по некоторым семантическим причинам не используется для поддержания контакта (например, *Скажешь тоже, Что-то не верится*) – имеет место отбор конструкций.

Таким образом, конструкции вариативного ряда поддержания контакта, связанные с оценкой информации как новой, непрогнозируемой, отклоняющейся от нормы, указывают на восприятие информации либо как на состоявшееся – и тогда возможны различные дальнейшие семантические шаги, обуславливающие разнообразие фатических конструкций; либо как на происходящее именно сейчас, в момент речи; либо как на предстоящее, а пока еще трудное для говорящего, из-за несоответствия информации его нормам и представлениям. Все это – разные способы подчеркнуть информационную ценность сообщения собеседника и удовлетворить его коммуникативные ожидания, показав успешность его речевого поведения.

Оценочное значение в свете интерпретативных теорий

Л. А. Сергеева

Башкирский государственный университет (Уфа)

sergeevala@list.ru

*Значение, смысловая основа значения, интерпретационный компонент значения, типы интерпретации, интерпретативные теории.***Summary.** The paper focuses on the mental basis of evaluative meanings and their interpretative potential.

В отечественной семасиологии сложилась традиция обращения к универсальным мыслительным основам содержания языковых единиц. В России эта проблема была поставлена еще А. А. Потебней, который трактовал языковое значение как «способ представления внеязычного содержания», выявляющегося при отвлечении «от всего того, что определяет роль слова в речи», ср.: *носящий меч, носитель меча, меченосец, меченоситель, меченоша, меченосный* [2: 47]. Таким образом, как полагал ученый, именно общность внеязыкового содержания обуславливает наличие в языке лексических группировок. В дальнейшем этот аспект соотношения мыслительного и языкового содержания в семантических структурах нашел отражение в теории понятийных, или речемыслительных, категорий О. Есперсена, И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, теории «глубинных» и «поверхностных» структур Н. Хомского и др. Выделяемые в качестве «глубинных», категории сознания имеют прямое отношение к языку. В статье «Понятийные категории в языке» И. И. Мещанинов писал, что их приходится проследивать в самом языке, в его лексических группировках и соответствиях, в морфологии и синтаксисе, поскольку они образуют в языке «выдержанные схемы». А. В. Бондарко также отмечал, что они представляют собой системно-категориальные смыслы, которые, с одной стороны, объединяют языковые единицы в группы и категории, а с другой – выступают в качестве смысловой основы их значений. Смысловая основа не может существовать «в чистом виде», а, «проходя сквозь призму языковой формы», получает ту или иную языковую «упаковку» (У. Чейф). Для ее адекватной экспликации А. В. Бондарко предложил термин «интерпретационный компонент значения». При этом ученый неоднократно подчеркивал, что смысловая основа и интерпретационный компонент – это не раздельные содержательные объекты, а аспекты единого семантического комплекса, в котором заключено смысловое содержание в определенном способе его представления [1].

Рассмотрим роль этих компонентов в структуре оценочных значений. Так, смысл прагматической оценки представлен в значениях, интерпретирующих его по следующим направлениям: «соответствующий целевому назначению» (*удачное решение, удобное для встречи место*); «соответствующий нужному моменту» (*своевременная помощь, актуальная тема*); «соответствующий обстановке» (*уместный вопрос, правильный выбор*) и т. п. Идея соответствия может быть представлена в деонтической модальности «такой, какой должен быть» (*принять надлежащие меры, навести должный порядок, носить подобающую одежду* и т. п.). Наблюдается и дальнейшая спецификация значений, например: «наиболее соответствующий какому-либо требованиям, целям» (*оптимальные условия для работы*); «соответствующий современным требованиям» (*современный уровень знаний – ср.: допотопный, отсталый*) и т. п.

Соотношением названных компонентов предопределяется структура оценочных значений в целом. Так, глубинные оценочные смыслы могут входить в интенционал значения (*хороший – плохой*), в его экстенционал (ср. не оценочное прилагательное в сочетании *несъедобный гриб* и оценочное – в сочетании *несъедобный суп*), а также представлять собой отдельную прагматическую значимость, и в этом случае оценка имеет коннотативную природу, например: *дохлый* «болезненный». Кроме того, она может проявляться лишь на уровне пресуппозиций или импликаций: так, выражение запрета, досады и т. п. имплицитно отрицательную оценку, а совет, комплимент – положительную.

С наличием интерпретационного компонента значений связана также возможность дискретного или недискретного представления какого-либо смыслового содержания (ср. *подлый человек – подлец*), а также различных сочетаний эксплицитного и имплицитного в семантических структурах. Интерпретирующий характер значений проявляется также в различных семантических процессах: метонимизации (*хорошо зарабатывать – получать хорошую зарплату*); метафоризации (*светлый / чистый человек*) и т. п.

Действие интерпретирующего фактора в значении языковых единиц проявляется также в «распределении» смыслового содержания между лексическими, фразеологическими, грамматическими, словообразовательными и др. средствами языка в связи с функционально-семантическими (интерпретируемыми) возможностями единиц того или иного уровня. Так, средства синтаксического уровня способны снижать или усиливать степень категоричности оценки, ср.: *Она вульгарна – Пожалуй (Мне кажется), она вульгарна – Она вульгарна, если хотите знать*. Фразеологизмы эксплицитно определяют основание оценки – то, с точки зрения чего оценивается объект, ср.: *Носить воду решетом* («усилия бесполезны, так как выбрано неверное средство») – *Переливать из пустого в порожнее* («создается видимость усилий, так как переливать нечего»). Оба фразеологизма выражают бенефактивную оценку, и отраженные в них образы служат ее основанием.

Интерпретация, которая осуществляется разноуровневыми средствами языка, равнозначными лишь с точки зрения смыслового компонента, но различающимися способом его представления, в современной лингвистике включена в контекст исследования проблемы соотношения инварианта – вариантов в языковой структуре. Р. Якобсон назвал этот тип интерпретации «внутриязыковым переводом».

Второй тип интерпретации связан с проблемой разграничения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики. На данном уровне интерпретационный компонент значений стал объектом изучения в контрастивной лингвистике и сопоставительной лингвокультурологии. В частности, в лингвокультурологии он связан с выявлением уровня репрезентативности тех или иных концептов (например, русской лексеме *оценка* соответствуют три лексемы в чешском языке). Этнокультурно маркированным являются также сочетания смыслов в структуре оценочных значений: так, в русском языке тесно связаны этические и эстетические смыслы, в то время как в других языках – эстетические и утилитарные.

Возможен и третий тип интерпретации – интерпретация общего смыслового содержания вербальными и невербальными средствами, которая стала объектом изучения в семиотике, когнитивной лингвистике, теории коммуникации и других научных направлениях.

Таким образом, интерпретативный подход к языковой семантике реализуется в целом ряде научных направлений, что свидетельствует о его плодотворности для современных семантических исследований.

Литература

1. Бондарко А. В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный аспект семантики грамматических значений // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 6–17.
2. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 2. Вып. 1. М., 1958.

Лингвистические проблемы составления «инструкций к выполнению» (на примере заданий в соревнованиях «Бегущий город»)

М. Ю. Сидорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
sidorovadoma@mail.ru

Инструкция, категоризация, картина мира, понимание текста, неоднозначность.

Summary. Instruction is one of the text types highly relevant for communication success yet neglected by linguists. This paper examines one kind of instructional texts in terms of ambiguity avoidance and coordination between the author's and the recipient's point of view.

Современная лингвистика активно разрабатывает теоретические и прикладные проблемы, связанные с построением и пониманием текстов разного типа, прежде всего повествовательных и описательных. Инструктивный текст находится на периферии внимания лингвистов, что парадоксально: именно успешное составление инструкций и правильное их выполнение адресатами, основанное на правильной интерпретации, лежит в основе профессиональной и игровой коммуникации в большинстве, если не во всех сферах практической деятельности. Задача автора, на первый взгляд, проста: создать инструкцию, не допускающую двусмысленного толкования и приводящую адресата к выполнению именно тех действий и к достижению именно тех целей, которые автором предусмотрены. Однако путь от замысла автора к действию адресата, будучи опосредован естественным языком, включает в себя массу «подводных камней». Часть этих трудностей можно спрогнозировать и исключить «на входе», повысив лингвистическую компетентность автора инструктивного текста, часть – может быть снята только «на выходе» за счет квалифицированных действий читателя. Изучение инструктивной коммуникации позволяет не только дать научно обоснованные практические рекомендации для составителей и потребителей инструктивных текстов, но и сделать интересные наблюдения, касающиеся функционирования языка как такового и его способности членить и категоризировать окружающую реальность.

В докладе проблема инструктивной коммуникации рассматривается на примере одного типа текстов-инструкций – загадок, подразумевающих «ориентацию на местность». Такие тексты обладают следующими особенностями: 1) их формулировки, в отличие от, скажем, кулинарного рецепта или инструкции к фотоаппарату, специально включают языковые приемы, затрудняющие прямое, непосредственное понимание текста или делающие это понимание ложным, ошибочным шагом; 2) для достижения успеха адресат должен не просто понять текст, но и сличить его с местностью, привести в соответствие линейную последовательность словесных знаков, полученных в качестве инструкции, с теми данными, которые предоставляют органы чувств (практически – зрение). Используемые нами в качестве материала задания популярных в России соревнований по городскому ориентированию «Бегущий город» характеризуются еще одной чертой, имеющей серьезные следствия для их интерпретации, – они пишутся с позиций субъекта, владеющего данной моделью построения текста и погруженного в данную игровую среду, без учета (или с минимальным учетом) позиции получателя-новичка или профана. Таким образом, задействованы в анализе оказываются все составляющие модели коммуникации Якобсона: участник соревнований (адресат, чей опыт использования данного типа текста может варьироваться) получает от организаторов (адресанты-гуру) письменный текст задания, написанный (канал) на русском языке (в пределах тех умений использования языкового кода, которыми обладают адресанты), и этот текст должен быть применен в особой ситуации – сопоставлен тому фрагменту наблюдаемой действительности, который он описывает.

Изучению были подвергнуты проблемные задания, ставшие после соревнований «Бегущего города» в 2010–2013 годах поводом дискуссий в Интернете и апелляций к судьям. Факт активного обсуждения адекватности этих инструкций «наивными говорящими» сигнализирует лингвисту, что здесь есть место для размышлений.

«Конфликтные» задания демонстрируют три основные причины «невыполнимости»: 1) конфликт между языковыми картинками мира, фоновыми знаниями разных субъектов,

участвующих в коммуникации; 2) конфликт между кажущейся ясностью вербального плана и невозможностью однозначно спроецировать его на местность; 3) ошибки составителей, например, слишком большое расхождение между «окказиональным» значением слова, использованным авторами в тексте загадки, и его словарным значением, на которое реагировали реципиенты текста.

Так, лидером «Бегущего города – Москва 2011» по количеству претензий к формулировке и лингвистических проблем, поднятых в обсуждении на форуме, было следующее задание: *Из пяти объектов с похожими названиями, находящихся в Москве, эти два выделяются тем, что по расположению своему названию соответствуют, а по содержанию – нет. Первоначально их основными клиентами являлись пассажиры трамваев. Самые левые въездные ворота на более молодом по времени построении из этих двух объектов со стороны городской магистрали, по которой у объекта адрес. (Формулировка задания типично двухчастная: в первой части собственно загадка, решив которую, участники должны прибыть на нужное место, во второй – описание объекта, на котором по прибытии участники обнаружат знак для занесения в маршрутный лист.)* Ответ по версии организаторов: *Речь идет о ГЭС-1 и ГЭС-2, которые отличаются от трех других ГЭС Москвы тем, что хоть и стоят у реки, но работают на мазуте. ГЭС-1 на Раушской старейшая тепловая электростанция России. Нужен ее филиал – ГЭС-2 – на Болотной – который построен позже* (здесь и далее в примерах пунктуация авторов.)

Нерешаемость задачи для большинства участников оказалась обусловлена ее языковым оформлением. Первым камнем преткновения послужила фраза: *Первоначально их основными клиентами являлись пассажиры трамваев.* Типичная выдержка из обсуждения: *КП однозначно бредовый, пассажиры трамваев никак не могут быть клиентами ГЭС. С такой же логикой все люди являются клиентами сталелитейных заводов, т. к. хоть раз использовали железные предметы.*

В данном случае организаторы соревнований вышли за пределы допустимого в загадке «растяжения» значения слова *клиент*. Две другие проблемы были связаны с разнообразием картин мира, закодированных в естественном языке. Загадки в «Бегущем городе» согласно правилам должны быть доступны для разгадывания при отсутствии специальных знаний, то есть в них должна кодироваться обыденная картина мира (грубо говоря, значения слов должны соответствовать тем, которые даны в Словаре Ожегова, а не в профессиональных словарях и справочниках). Однако люди, являющиеся носителями специальных знаний, не могут эти знания просто «отключить». Свой отказ от версии с ГЭС объясняет один из игроков, профессиональный электроэнергетик: *Бред ужасный. ГЭС-1 и ГЭС-2 – городские электростанции, в чем их содержание не соответствует названию??? ...И, наконец, как можно говорить о том, что содержание не соответствует аббревиатуре? «Содержание госучреждения не соответствует аббревиатуре ПГМУЧ»???*

И лингвисту на этот вопрос ответить трудно: является ли аббревиатура ГЭС в полном смысле слова *названием* этих электростанций? Или все-таки название – это «городская электростанция», а ГЭС – *сокращение названия*, аббревиатура, и могло бы быть признано не соответствующим названию, если бы выглядело, например, как ГСС? В любом случае профессиональный словарь электроэнергетиков оказался неучтенным организаторами. В результате те, кто правильно раскодировал аббревиатуру ГЭС, потеряли возможность правильно решить загадку. В том же тексте встречаем и обратный пример, когда решить загадку многим участни-

кам помешало как раз незнание профессионального языка: Болотную набережную обыденное языковое сознание не позволяет воспринимать как *городскую магистраль* (каковой она является терминологически).

В докладе рассматриваются и другие случаи, когда реализация в текстах заданий возможностей русской языковой системы приводит к неоднозначным трактовкам («дуалам»),

нерешаемости задачи, сомнений в соответствии формы ответа вопросу. Предметом обсуждения служит также соотношение между а) целенаправленным созданием неоднозначного инструктивного текста отправителем; б) «случайным» созданием неоднозначности по недосмотру отправителя; 3) «наведением» неоднозначности получателем в том тексте, где ее фактически нет.

Метафора как вариант языковой игры в современной российской прессе

Е. Ю. Скороходова

Российский государственный социальный университет (Москва)

aentar@gmail.com

Будь метафора всего лишь риторической фигурой, пусть и важной, едва ли бы она вызывала такой интерес на протяжении веков. Однако метафора представляет собой нечто большее, чем прием выразительной речи. Метафора – инструмент познания действительности и способ существования в ней. С метафорой связаны многие операции по обработке знаний – их усвоение, преобразование, хранение и передача.

С точки зрения когнитивной лингвистики метафора есть не что иное, как инструмент познания мира, поскольку она базируется на установлении ассоциативных связей, сходств и различий между явлениями мира и создает на этой основе новые личностные смыслы, которые представляют субъективное отношение индивида к миру, его видение, его трактовку определенного фрагмента действительности.

В коммуникационной деятельности (например, в журналистике) метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Эта проблема уже затрагивалась в современной научной литературе. В фундаментальной монографии М. Р. Желтухиной при рассмотрении ответственности текстов современных средств массовой информации особое внимание уделяется метафоре и сходным с ней типам переносных значений: «Метафора, метонимия, синекдоха как основные виды тропов оказывают наибольшее суггестивное воздействие в масс-медиальном дискурсе». Соответственно, в настоящее время для ученого анализ метафорических образов – это еще и способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового и национального самосознания. Но возможности метафоры этим не ограничиваются. Ниже мы рассмотрим некоторые особенности использования метафоры в современной речевой практике.

Метафора как нельзя лучше подходит для выявления новых черт уже известного путем уподобления одного явления другому, путем выявления некоего подобия, которое и способствует взаимному раскрытию сущности явлений. Изъясняя природу и значение сложных отвлеченных категорий при помощи сравнения их с вполне конкретными, зримыми и понятными, педагог быстрее добивается поставленной задачи. Суть метафоры заключается в понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида, это и объясняет высокую дидактическую ценность метафоры.

Эту особенность часто используют в современных медийных текстах, особенно в аналитических статьях, чтобы объяснить сложные процессы и явления для читателя, который не является специалистом в определенной сфере. Например:

Представьте, приходите вы в кафе и заказываете кофе. «Вам какой?» – спрашивает официант. «А какой у вас есть?» – интересуетесь вы. И после пулеметной очереди из названий видов кофе делаете заказ. А когда его приносят, понимаете, что принесли вам, скажем, не латте, а латте маклато, то есть, грубо говоря, латте с сиропом, который вы на дух не переносите. Что случилось? А просто вы дали официанту неправильное техзадание. Все то же самое мы видим в области маркетинговых исследований. Только впустую потраченные на них суммы гораздо существеннее, чем затраты на «неправильный» кофе» («Компания», № 32 (669), 05.09.2011).

Но обычному человеку, неспециалисту, кажется: пусть управляет кто-то один, пусть обязанности будут четко 356

разделены. Самое лучшее – пирамида управления, где наверху царь (президент), под ним – его помощники, внизу – народ, и команды четко идут сверху – вниз, а все исполняют. В общем, «властная вертикаль». При этом люди почему-то забывают, что государство – более сложная система, чем, например, самолет. В самолете нет 140 миллионов самостоятельных элементов – личностей, самолет не состоит из десятков и сотен отраслей, десятков тысяч заводов, электростанций, объектов инфраструктуры и т. п. Тем не менее даже в самолете многие системы неоднократно дублируются, автопилот контролируется пилотом, а за ним приглядывают с земли, и все вместе они связаны обязательствами к исполнению инструкциями. Случаи же, когда командир берет все полномочия на себя, – редкость, длятся недолго и называются чрезвычайной ситуацией. Делать ее нормой, как на заре воздухоплавания, никому и в голову не приходит» («Новая газета», № 122 от 31.10.2011).

В данных случаях мы сталкиваемся с метафоризацией мыслительного процесса, когда путем наложения абстрактного содержания на зримые, конкретные факты объясняется смысл абстрактных понятий. Такого рода метафоры не просто систематизируют личный опыт индивида, но приобщают его к основным принципам мировосприятия, свойственным данному языковому коллективу. Обладая неограниченными возможностями в сближении самых различных предметов и явлений, по существу по-новому осмысливая предмет, метафора способна вскрыть, обнажить его внутреннюю природу.

В этом случае дидактическая и когнитивная функция метафоры реализуются одновременно, то есть новое для адресата речи явление не только называется, но и объясняется. В результате осуществляется экономия языковых средств, что упрощает ментальные процессы. Кроме того, для публицистического текста существенную роль играет возможность выражения через метафору индивидуальной авторской оценки информации. Сам выбор параметров сравнения указывает, как автор оценивает явления и факты. Например:

Наверняка вам в детстве доводилось играть во дворе с капризным мальчиком (назовем его Вовочкой или Славиком, неважно), который очень не любил проигрывать и потому любые правила на ходу менял под себя. Если играли до пяти очков, но Вовочка проигрывал, он требовал вести счет до десяти. «Домиком» в салочках всегда оказывалась та скамейка, на которой он уселся. Пешки у него в решительный момент начинали ходить назад, а если соперник возражал – Вовочка мог шарахнуть его по башке шахматной доской. Приблизительно так ведет себя сегодня российская власть, в очередной раз пытаясь подстроить избирательной законотворчество под меняющуюся действительность и свои собственные интересы» (МК, 27.09.2013).

Наиболее характерный для метафоры параметр – ее антропометричность: сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для него по своему образу и подобию или же по странственно-воспринимаемым объектам. Это уравнивает конкретное и абстрактное.

Подобные метафорические образы построены по принципу мысленного эксперимента. Читателю предлагается «представить себе» некие события или образы для разъяснения на простом, наглядном примере сложных абстрактных понятий. Следует отметить, что мысленный эксперимент используется, как правило, в научных текстах в качестве весьма

весомого аргумента для доказательства того или иного положения, научной гипотезы.

Таким образом, используя знакомую и понятную для читателя ситуацию, автор получает возможность сформировать новое знание на базе сходства, подобия, лежащего в основании любой метафоры. Учитывая выраженное усложнение, «онаучивание» современного медийного дискурса,

подобные приемы становятся все более популярными. С другой стороны, подобные развернутые метафоры могут формировать различные варианты игры с содержанием текста (в частности, «игры-воображения», по терминологии С. И. Сметаниной), что соответствует параметрам развертывания игровых стратегий, свойственных современной публицистической практике.

Особенности функционирования частиц в научном (медицинском) тексте

И. Н. Токарчук

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

tockarchuck.ira@yandex.ru

Частицы, научный текст, семантика, синтаксические отношения, стилистический аспект.

Summary. The present paper is dedicated to stylistic aspect of the Russian paper's functioning. This paper examines possible realizations of semantic-functional potential of the papers in the written scientific medical speech (genres of the paper and monograph). The specific one's usage in the texts of the medical contents is defined.

Изучение одного из классов служебных слов – частиц – показывает необходимость учета такого фактора, как речевая сфера их употребления. Несмотря на семантическую и функциональную специфику служебных слов, последние, будучи частью лексико-семантической системы русского языка, обладают теми же признаками, что и знаменательная лексика, и в том числе имеют «временную и стилистическую дифференциацию» [3: 14]. С этой точки зрения интерес представляет установление состава частиц, употребляющихся в той или иной разновидности речи, их частотности и выявление особенностей функционирования.

Обычно исследования частиц проводятся на материале художественной литературы, газетно-публицистических текстов и разговорной речи. В то же время существует достаточно большое число единиц, употребление которых не исключено даже в официально-деловой письменной речи [5: 57], не говоря уже о научном стиле, а многие частицы имеют межстилевой характер. Изучение употребления частиц в научной речи заслуживает не меньшего внимания, поскольку, как показывают результаты работ, посвященных общим вопросам научного стиля или отдельным его категориям, частицы выступают в качестве значимых средств на разных уровнях научного текста и устной научной речи (см., например, [1]; [2]).

Состав частиц в письменной медицинской речи (жанры статьи и монографии) довольно разнообразен, а количественные показатели позволяют выявить среди них наиболее востребованные. Так, если на 1200 страницах рассмотренных нами медицинских текстов частицы «чуть ли не», «во все не», «отнюдь не», «едва ли», «вряд ли», «буквально», «все-таки», «все же», «фактически», «всё», «всего», «как бы», «хотя бы», «чисто» встречаются от одного до 15 раз, то следующие насчитывают от нескольких десятков до нескольких сотен употреблений: «примерно» – 20, «далеко не» – 24, «именно» – 36, «практически» – 42, «довольно» – 45, «уже» – 45, «еще» – 53, «достаточно» – 54, «почти» – 59, «лишь» – 87, «даже» – 95, «только» – 230 и др.

Такая избирательность не случайна и определяется заложением в каждой частице семантико-прагматическим потенциалом и диапазоном ее функциональных возможностей. Например, слово «только» востребовано в медицинской письменной речи во всех основных проявлениях ограничительного значения, а «лишь» – в характерном для него случае указания на незначительность, несущественность признака в количественном или качественном отношении. При этом функционирование частиц в текстах данной жанрово-стилевой принадлежности может приобретать свою специфику. Так, характерный для частицы «лишь» более сильный, в отличие от «только», «отрицательный» элемент – незначительности, малости, недостаточности, ущербности, – накладывает ограничения на употребление «лишь», обычно создающего отрицательную оценку. В то же время достаточно часто отмечается интересный эффект, когда выделение с помощью данной частицы компонента со значением незначительности, малости направлено на демонстрацию

эффективности применяемого метода и создания положительной оценки, например: *Неэффективным лечением оказалось лишь у 3 человек (9,4%)* – т. е. в большинстве случаев эффект при лечении был достигнут; *В случае отторжения корок на 7-10 день заболевания в области бывшего поражения отмечалось лишь незначительная застойная гиперемия* – степень остаточных явлений невелика, значит, лечение было эффективным.

Особенности употребления частицы «даже» в медицинской письменной речи определяются тем, что вне зависимости от конкретных контекстных, синтаксических, синтагматических условий функционирования этого слова в медицинских текстах можно говорить об определенных модификациях его общего значения, связанных с актуализацией следующих потенциальных семантических наполнений: признак (предмет, ситуация) оценивается как наименее ожидаемый или / и отвергающий имеющиеся / возможные представления либо как максимально возможный и (в связи с этим) наименее / наиболее желаемый.

Наиболее востребовано «даже» при оформлении градационных отношений, а также уступительных – наряду с другими средствами выражения уступительной семантики это слово используется достаточно широко, являясь более экспрессивным средством. Вместе с тем при выражении синтаксических отношений отмечаются определенные ограничения в функциях частицы. Так, если для контактного соединения частицы и союза «или» характерно выражение отношений уточнения, поправки в сочинительном ряду [4: 75], то в рассмотренных медицинских текстах обычно не предполагается уточнение первого компонента ряда вторым, а представлено собственно разделение, компоненты обозначают однотипные признаки, находящиеся в равноправных отношениях, частица маркирует второй компонент ряда как наименее ожидаемый, реже встречающийся, максимально возможный: *Иногда такая кишка направляется вправо, достигает слепой кишки или даже печеночной кривизны; Использование клиновидных стелек пациентами с ОА [остеоартрозом] коленного сустава позволяет снизить или даже отменить прием анальгетиков (...)*. Закономерно, таким образом, что в имеющемся материале не зафиксированы сочетания «даже не – (а)», выражающие уточнение, поправку.

Литература

1. Котурова М. П. Стилистика научной речи. Пермь, 2009.
2. Миланчук Н. С. Некатегоричность высказывания как лингвопрагматическая категория (на материале научного стиля современного русского языка). LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
3. Рогожникова Р. П. Стилистическая дифференциация служебных слов // Неоднозначные слова: история, семантика, функционирование: Сб. науч. трудов. Тверь, 1997. С. 13–20.
4. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток, 1988.
5. Стародумова Е. А. Частицы русского языка: разноаспектное описание. Владивосток, 2002.

Средства выражения семантики «интенсивность» в языке А. П. Чехова

М. В. Фалдина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mashafald@gmail.com

Интенсификаторы, градуирование, средства номинации.

Summary. The paper represents results of the analyses of intensity units in texts of Anton Chekov. The results show, that intensity semantics is important for the writer, while he uses a wide range of different means, which belong to all levels of the language, to express intensity semantics.

Интенсивность – это семантическая категория, сочетающая в себе объективную и субъективную информацию. Смысл «интенсивность» может быть более или менее важен для разных авторов, что отражается в степени использования ими средств выражения данной семантики в текстах, в составе самих средств, поэтому изучение средств выражения данной категории в текстах является перспективным в рамках автороведения.

Нами проводился анализ интенсификаторов в языке А. П. Чехова (на материале электронного корпуса текстов). Цель анализа, с одной стороны, – выявить индивидуальные особенности речи автора, что в дальнейшем может стать основанием для более глубоких психолингвистических исследований. С другой стороны, на основе полученных данных сформировать полную картину функционирования средств выражения категории в речи отдельной языковой личности. В докладе будут представлены основные результаты проведенного анализа:

1. Усилительная семантика выражается в текстах А. П. Чехова на всех уровнях языка:

- фонетический уровень (*си-ильно порали*);
- словообразовательный уровень (префиксы: *добела, премного, нащаккуратнейший*; префиксоиды: *ежегодно, многолюдно, каждый годно*; суффиксы: *серьезнейший*, редупликация: *глубоко-глубоко, глупо-преглупо*);
- лексический уровень (наречия: *очень, совершенно*; прилагательные: *большой, абсолютный*; наречные выражения: *до зарезу*);
- морфологический уровень (компаративы: *боле, незатейливее*; темпоративы: *месяцами*);
- синтаксический уровень (сравнительные обороты: *ведите себя, как парниковое растение*; творительный падеж сравнения: *ветер выл волком; каким огнем сгорел бы лысый барон, если б мечта приняла форму действительности*; генитивные конструкции: *жар взаимной любви*; количественно-именные конструкции: *бездна комизма* и т. п.).

2. На словообразовательном уровне писатель пользуется не только уже присутствующими в языке средствами, но и создает неологизмы на основе действующих моделей: *нащаккуратнейший, превыспренно, преисправно* и пр.

3. На лексическом уровне зафиксировано 308 наречий с семантикой интенсивности (около 15 тыс. употреблений) и 258 прилагательных (около 2,5 тыс. употреблений). Для сравнения: в «Словаре русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени» Г. И. Кустовой, созданного на базе Национального корпуса русского языка [1] зарегистрировано 226 наречий и 426 прилагательных.

4. А. П. Чехов активно использует лексические интенсификаторы, указывающие на негативные объекты или состояния: инфернальную сферу, связь с животным миром (неконтролируемость), боль, страх, ужас:

ужасно (383)
страшно (173)
страшный (148)
чертовски (53)
горько (44)

Всего отмечено более 60-ти лексем, встречающихся более чем в 1200 контекстах. Для сравнения: в словаре Г. И. Кустовой обнаружено чуть больше 40-ка интенсификаторов с указанием на негативный эталон.

1. В текстах А. П. Чехова встречаются нетипичные для русского языка примеры сочетаемости интенсификаторов: сочетание с существительными (*совсем пьеса, совсем Добролюбов, очень охотница, слишком татарин*), а также сочетания с фразеологизированными единицами типа *черт возьми, черт побери, черт тебя задеря, бог с N_m, черт с N_m* и т. п. (*Не понимаю, за что ты и любишь ее, бог с ней совсем...*)

Результаты исследования показывают, что смысл «интенсивность» очень актуален для А. П. Чехова. Данные, полученные при анализе, можно использовать, с одной стороны, в автороведческих целях, для дальнейшего изучения индивидуальной картины мира А. П. Чехова, с другой стороны, для расширения существующих списков лексических интенсификаторов, что актуально для исследования функционально-семантической категории интенсивности.

Литература

1. Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики: Сочетания слов со значением высокой степени. 2008 [http://dict.ruslang.ru/magn.php (дата обращения 02.10.2013)].

С точки зрения осьминога:
лингвистические средства смещения фокуса эмпатии
в сторону животного в статьях по этологии

Ю. С. Хукаленко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова / Владивосток

khukalenko.vl@gmail.com

Фокус эмпатии, этология, текст, субъект, объект.

Summary. The tendency towards humanization of biological sciences is embodied in linguistic features. The abstract is dedicated to the empathy as a specific mode of text organization. Shifting empathy focus creates *mental constructing* device, viewpoint bifurcation and also eliminates anthropocentric viewpoint monopoly.

Есть современные биологические работы, выполненные хотя бы в некоторой части «с точки зрения осьминога»

А. В. Олескин

В текстах этологической науки (науки о поведении) наиболее отчетливо прослеживается тенденция к общей гуманизации биологического знания. В биологии все больше говорят о гуманном отношении к животным, о «внутренней слитности» исследователя с познаваемым объектом. Однако такие представления противоречат идущему от классиче-

ской рациональности и весьма распространенному в наши дни тезису: человек познающий противопоставлен изучаемому им объекту как активное начало пассивному. Теперь, по мнению многих ученых, познающий субъект «должен рассматривать живую природу не как пассивный объект, а скорее как равноценного и активного партнера, который тоже, видимо, со своей стороны доступными ему средствами, познает человека» [3: 63].

Новое гуманистическое знание требует воплощения в новой языковой форме. Это проявляется в выборе лексики для номинации животного и его поведения, в выборе грамматических форм, конструкций и типов предложения; в общей

организация текста (субъектной перспективы, регистровой организации, ракурса подачи ситуации). Особый интерес в этом плане представляет собой понятие эмпатии.

Наиболее просто содержание эмпатии в языкознании определяет В. З. Демьянков: «человек «эмпатизирует» с референтом некоторой именной составляющей, если предложение устроено так, что видно, кто говорящий смотрит на описываемую в предложении ситуацию как бы из-за спины этого референта (в частном случае отождествляет себя с ним)» [1: 373]. Соответственно, фокусом эмпатии называется «тот объект, с которым говорящий эмпатизирует» [1: 373]. Содержательная основа лингвистического термина эмпатия, является, скорее, психологической, и заключается в том, что «человек обладает способностью представить себя смотрящим на мир глазами другого человека или с его точки зрения и в том, что эта способность влияет на использование языка» [2: 313]. Эмоциональная вовлеченность исследователя и его особое, гуманистическое отношение позволяют распространить содержание понятия эмпатия не только человека, но и на животного, объекта биологического исследования.

То, каким образом, с какой точки зрения описывается ситуация, определяет тип научного этологического текста. Есть работы, написанные исключительно с точки зрения исследователя и тексты с подвижным фокусом эмпатии. В обоих типах будет доминировать информативный регистр, предполагающий объективный взгляд на ситуацию и модальную рамку «известно, что», однако во втором типе текстов допускается возможность перенесения в субъектную сферу изучаемого животного. В смещении фокуса эмпатии от исследователя к животному участвуют разнообразные языковые средства. Например: 1) Интерпретационные глаголы – глаголы, в которых вместо объективной номинации активности животного осуществляется перенос фокуса эмпатии в субъектную сферу животного и затем дается интерпретация этой активности: *предпочитать, слушаться, запоминать, избегать, бояться, понимать, интересоваться* и мн. др.): *Через некоторое время животные утрачивали интерес к бездвижной жертве и покидали ее.* Или: *Птенцы канадской казарки предпочитают следовать на звуки самки, которые они слышали в инкубаторе.* 2) Оценочные прилагательные: *Большинство лежек устраивается на склонах ложбин, т. к. там медведи лучше защищены от ветра. Но есть они и наверху разделяющих ложбины галечных гряд, преимуществом «верхних» лежек является более хороший обзор местности.* Когнитивная операция сравнения принадлежит, безусловно, человеку; однако обзор будет осуществляться медведями, и такая оценка дается с учетом их точки зрения. 3) Дейктические наречия: *Обитание в галлах, в том числе и подземных, в какой-то степени ограждает лискин и от врагов. <...> Правда, на начальных стадиях развития галла его стенки тонкие, достаточно мягкие и поэтому довольно «проходимы» извне.* На позицию наблюдателя внутри галла указывает наречие *извне*, а в фокусе эмпатии находятся животные, сами лискины, которые могут быть подвержены нападению со стороны их врагов. 4) Лексемы перцептивной семантики: *В обмен на сладкие выделения тлей (надь) муравьи защищают их от хищников. Сладкими выделениями являются для муравьев.* 5) Частицы: *Каждый медведь источает крепкий запах, воспринимаемый даже человеком при приближении зверя на несколько метров.* Запах – это ощущение, предполагающее носителя восприятия; частица *даже* указывает на

то, воспринимающим субъектом (субъектами) в первую очередь является не человек, а другое животное.

Смещения фокуса эмпатии может создавать особый принцип организации текста, который мы условно назвали «ментальным конструированием». Это такой способ познания, при котором ученый пытается поместить себя в сознание изучаемого животного, а при вербальном оформлении происходит наложение двух субъектных сфер. Пример: *Самки могут ориентироваться на реакции себе подобных, как бы руководствуясь правилом: если этот самец подошел для соседки, он хорош и для меня.* Несмотря на то, что вторая часть высказывания оформлена с точки зрения животного (использование личного местоимения первого лица), субъектом речи является человек (животное им быть не может в силу экстралингвистических причин). Исследователь делает предположение относительно поведения птиц и переводит свои предположения в вербальную человеческую плоскость (с помощью частицы *как бы*), оставаясь в субъектной сфере животного.

В этологических текстах второго типа встречаются случаи раздвоения фокуса эмпатии: *Хотя для животных было бы весьма полезным приобретение отвращения к несъедобной пище не с помощью собственного опыта, а путем наблюдения за тем, как сородичи мучаются от рвоты и трут лапами морду или клюв, попробовав пищевые единицы определенного вида и запаха, исследования показали, что многие полагаются только на собственные ощущения.* Один и тот же объект называется то с точки зрения животного: *несъедобная пища*, то с точки зрения объективного наблюдателя: *пищевые единицы определенного вида и запаха.* Ситуация представлена как имеющая значимость для исследователя, испытывающего психологическую эмпатию к животному (для животных было бы весьма полезным, сородичи мучаются), и одновременно как объективно наличествующая и беспристрастно описываемая: *исследования показали, что многие полагаются только на собственные ощущения.*

Следует отметить, что традиция научного биологического описания предполагает антропоцентрическую монополию точки зрения. По этой причине фокус эмпатии в некоторых предложениях без контекста невозможно однозначно определить. *Медленно двигающийся медведь обычно не вызывает тревоги у окружающих.* В отрыве от контекста окружающими могут быть только люди, однако в тексте имеются ввиду окружающие медведи, сородичи. Или: *Тараканы, имеющая возможность ознакомиться с лабиринтом, покрытым стеклянной пластинкой, так, что его можно видеть сверху, почти не нуждаются в дополнительном обучении, понав внутрь лабиринта.* Предикат *можно* допускает двоякое прочтение: как с позиции человека, так и с позиции таракана; значит, фокус эмпатии здесь совмещает две субъектные сферы.

Литература

1. Демьянков В. З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор II) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1979. Т. 38. № 4. С. 368–380.
2. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топик и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. С. 277–317.
3. Шукров В. А. Образ биологической реальности как исходное обоснование философии биологии // Природа биологического познания. М., 1991. С. 55–69.

Об интенциях в системе лингвистических категорий

Т. М. Цветкова

Московский городской педагогический университет

tatt_33@mail.ru

Категории / функциональная грамматика, интенции / коммуникативные направления лингвистики.

Summary. The description and theoretical interpretation of not only grammatical but also functional-semantic categories have been received. Although the interest to communicative part of language demands the exposure of the categories which reveal the nature of the given object in a most adequate way. The report discusses the question of intention status as “notional categories” of communicative skills in the system of text / discourse.

1. Понятие «категория», наряду с понятиями «единица» и «уровень языка», относится к важнейшим инструментам

осмысления и описания языковых объектов, функционирования языка, самой природы языка, поэтому естественно

постоянное внимание лингвистов как к традиционным лингвистическим категориям, так и обращение их к новым, отражающим развитие представлений о реальном функционировании языка, его роли в коммуникации, познании, культуре.

2. Со второй половины XX в. в центре внимания лингвистов оказались не только новые единицы (отмечается, например, «укрупнение объектов лингвистики»), но изменился и сам взгляд на объект и предмет языковедения, в связи с чем появились новые направления исследований: социолингвистика, прагматика, коммуникативная лингвистика, теория речевых актов (ТРА), лингвистика текста, дискурс-анализ, когнитивная лингвистика и др.

3. В настоящее время в отечественном языкознании получили описание и теоретическое осмысление не только грамматические категории, но и «функционально-семантические поля» на основе «семантических категорий» (А. В. Бондарко, «Теория функциональной грамматики», исследования типологов), идея которых восходит к «понятийным категориям» О. Есперсена и И. И. Мещанинова. Такой подход оказался весьма продуктивным не только для описания системы языка, но и для выделения новых, «нестандартных» категорий, например: «категория чуждости», «категории интенсивности», «категория невольности действия», «категории засвидетельствованности» и др., что, несомненно, способствует более полному и точному описанию языка и пониманию тех моментов, которые оказываются значимыми для субъекта в его ментальной и коммуникативной деятельности. Идея функционально-семантических категорий и соответствующих полей получила развитие в функционально-стилистике: М. Н. Кожина предложила понятие «функционально-семантико-стилистические категории» для научной речи, например: «логичность», «гипотетичность», «диалогичность», «акцентное выделение» и др.

4. Для дальнейшего развития функционально-грамматических исследований и изучения устройства языковой системы существенным представляется осмысление и разработка категории пропозитивности, введенная Е. В. Клобуковым [2]. Категория пропозитивности, в основе которой лежит понятие пропозиции, соотносимой с семантическими типами предикатов и актантов, не только связывает воедино категории морфологического и синтаксического уровней, но и позволяет подойти к структурированию текста.

5. Интерес к коммуникативной стороне языка, к общению также требует выявления категорий, наиболее адекватно отражающих природу данного объекта, – необходимым признается введение коммуникативных категорий, которые определяются как «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие в сознании народа (и отдельного человека) знания об общении и нормах его осуществления» [5: 335] (см. также [1]).

6. Однако, наиболее адекватным и рациональным как для изучения различных сторон общения (и шире – коммуникации), так и лингвистического описания реальной коммуникации остается, на наш взгляд, понятие интенции. «Интенции» следует признать важнейшей характеристикой акта коммуникации, поскольку центральной категорией деятельности является «цель». Выделение «категории интенцио-

нальность» целесообразным считает В. Хартунг: «когда люди говорят, они хотят этим чего-то достичь...», «текстовые проявления интенций являются, по всей видимости, ... применимым точками опоры для исследования этой области сознания» [7: 48, 49]. Выделив среди интенциональных предикатов «коммуникативные (отражающие разнообразие типов человеческого общения)», С. А. Крылов говорит о «понятийной категории коммуникативности» и о понятийных категориях внутри нее, таких, например, как: побудительность, интеррогативность, этикетность др., которые свойственны определенным типам глаголов-предикатов (*приказывать, спрашивать, извиняться*) [3: 417-418]. Интенцию, коммуникативное намерение говорящего обозначает понятие «иллокутивной силы», разработанное в ТРА. Для анализа дискурса был предложен метод интен-анализа: поскольку «язык устроен таким образом, чтобы через конкретный речевой материал передавать интенции говорящего», представляется принципиально возможным «производить перевод конкретного материала дискурса в формулирование речевых намерений» [6: 158]; для анализа политического дискурса было выделено 27 интенций, в том числе, например такие: «самопрезентация» и «невнятная самопрезентация», «обвинение», «разоблачение», «самосохранение (осторожность)», «успокоение аудитории» и др. [4]. Для научных текстов можно назвать такие познавательные интенции исследователя, как *описать, характеризовать, анализировать, классифицировать, выявить, разграничить, конкретизировать, трактовать, обобщать, резюмировать, размышлять, полемизировать* и др.

7. Хотя во многих современных направлениях исследований коммуникативных единиц были предложены различные типы категорий, однако в аспекте интенциональности ни текст, ни дискурс, ни речевые жанры еще не получили должного описания. Выделение и изучение интенциональности как центрального звена лингвистической категории «коммуникативность» является, на наш взгляд, перспективным.

Литература

1. Карзенкова Е. П., Салимовский В. А. К экспликации понятия коммуникативной категории // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 9. Пермь, 2005. С. 98–104.
2. Клобуков Е. В. К установлению уровней языковой категоризации // Вопросы русского языкознания. Вып. 8. Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. М., 2000. С. 24–46.
3. Крылов С. А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 1. М., 2004.
4. Слово в действии: Интен-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб., 2000.
5. Стернин И. А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 334–337.
6. Ушакова Т. Н. Психологический подход к анализу дискурса // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997. С. 158–159.
7. Хартунг В. Деятельностный подход в лингвистике: результаты, границы, перспективы // Общение. Текст. Высказывание. М., 1989. С. 41–55.

Когнитивная семантика парентезы *кажется* в дискурсивном режиме интерпретации

Е. В. Чернцова

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (Украина)

e.v.cherntsova@yandex.ru

Parentesis, reflection, cognitive style, communicative strategy, narration.

Summary. The paper studies the cognitive semantics of parenthesis *кажется* in the different types of the discourse: ordinary, journalistic, scientific. The analysis shows that parenthesis marks narrator's reflection which forms a particular cognitive style.

Дискурсивный анализ предполагает изучение смыслового соответствия слова целям и установкам говорящего. Параметры исследования языкового материала в терминах «дискурсивный тип контекста» отражают установки говорящего и когнитивные основы его речи, воплощающиеся в той или иной диалогической / нарративной стратегии. Парентеза (вводно-модальное слово) *кажется* маркирует когнитив-

ный стиль субъекта речи (он же говорящий, он же нарратор). Предпринятый дискурсивный анализ контекстов употребления этого слова направлен на установление связи между значением парентезы и коммуникативной стратегией субъекта речи (диалогической – нарративной); стратегией и жанром нарратива (обыденного – публицистического – научно-публицистического). Как показал материал, представ-

ленный в Национальном корпусе русского языка, для исследования семантики парентезы *кажется* значимы такие разновидности нарратива: обыденный рассказ, автобиографический нарратив (бытовое письмо, мемуары, записки, дневник), художественное и публицистическое эссе, научно-публицистический нарратив.

В диалогическом контексте инициального речевого акта коммуникативная функция парентезы *кажется* связана с выражением диалогической установки говорящего на дополнительную верификацию. В этом случае парентеза имплицитно метатекст типа: «Поправь меня, если я ошибаюсь». В этом проявляется кооперативность стратегии говорящего, не исключающего участие собеседника в верификации высказанного мнения. Доминирующими чертами коммуникативного «портрета говорящего» становятся некатегоричность представления мнения и связанная с таким способом вежливость. Предлагая собеседнику свой предмет внимания, говорящий с помощью парентезы может снимать возможное коммуникативное напряжение. За этим действием угадывается имплицитная информация типа: «Прости за то, что навязываю тебе свою тему разговора».

В диалогическом контексте неинициального речевого акта парентеза *кажется* – знак осознания говорящим того, что понимание как таковое имеет вероятностный характер. Осознавая, что его высказывание может показаться собеседнику удивительным или неожиданным, субъект речи прибегает к иллокутивному «смягчению» с помощью *кажется*. Парентезу *кажется* в таких случаях можно интерпретировать как предупредительный знак возможного вхождения в личную сферу Другого.

В диалогическом контексте ответного речевого акта парентеза *кажется* выступает в роли маркера ментального акта воспоминания: «Я не помню, но пытаюсь вспомнить». Коммуникативная развертка соответствующей ситуации – отвечая на вопрос собеседника, говорящий испытывает когнитивное затруднение – не помнит того, о чем спрашивает его собеседник, но, желая продолжать разговор, предпринимает мыслительное усилие, направленное на поиск ответа.

В нарративных контекстах разных жанров парентеза *кажется* связана с рефлексией субъекта над ментальной деятельностью, которая варьируется в соответствии с разной дискурсивной стратегией. Так, **в контексте обыденного рассказа** о прошлых событиях, в которых участвовал говорящий, парентеза *кажется* играет роль маркера сообщения, в котором рассказчик моделирует чужое сознание (третьего лица). Парентеза в таком случае отражает интерпретационный ментальный акт нарратора, базирующийся на восприятии, и представляет его в неавторитарном когнитивном стиле. Контекст фиксирует колебания нарратора между стремлением вынести истинное суждение и осознанием принципиальной невозможности истинного суждения о содержании чужих мыслей.

В контексте автобиографического ретроспективного описания парентеза *кажется* выступает в роли маркера

мыслительного акта воспоминания. Рефлексия автора – осознание ненадежности памяти – не позволяет ему претендовать на абсолютную точность и исчерпывающую полноту сообщения, что и маркирует исследуемая парентеза.

Воспоминание – основной ментальный акт, связанный с коммуникативной стратегией автобиографии, которая реализуется в разных нарративных жанрах: мемуарах, заметках, дневнике, бытовом письме. В отличие от иллокуции «поправь меня, если я ошибаюсь», реализуемой в обыденном нарративе / диалоге, в контексте автобиографического нарратива употребление парентезы предопределено особенностями когнитивного стиля: автор осознает, что человеческая память избирательна, не всегда точно запечатлевает произошедшее или узнанное ранее. Характер рефлексии обуславливает интенциональную позицию субъекта: он не претендует на абсолютную истинность суждений. Это формирует особый образ автора высказывания, коммуникативная гибкость которого связана с диалогической (неавторитарной) манерой сообщения.

В эссеистическом нарративе, структура которого предполагает ту или иную разновидность парадокса, парентеза *кажется* задает условия его реализации. *Кажется* используется как средство создания антитезы. Эта риторическая фигура маркирует противопоставление разных этапов мыслительного процесса: «кажимость» первичного восприятия соотносена с последующими рефлексивными актами. Риторическую установку автора можно интерпретировать как направленную на столкновение двух противоположных точек зрения – первой, поверхностной, связанной с внутренней формой парентезы (тем, что кажется), и второй, более глубокой, связанной со знанием жизни, мудростью и опытом. *Кажется* задает своеобразную интригу текстовой перспекции: далее в дискурсе последует развитие авторской мысли.

Когнитивный стиль автора как человека размышляющего проявляется в осмыслении несоответствия первичного восприятия (кажимости) и реального положения дел, а также в поиске объективных оснований суждения.

В контекстах научно-публицистического нарратива отражается высокий уровень научной рефлексии автора, которой соответствует современный модус относительности знания. Парентеза *кажется* имплицитно метатекст: «нельзя быть полностью уверенным в том, что удалось учесть все важные факторы», предопределяя особый характер когнитивного стиля говорящего (пишущего). Этот когнитивный стиль указывает на большую глубину постижения предмета, чем стиль категоричного утверждения, отражая переход от позитивистского типа знания к релятивистскому. Парентеза вновь сопряжена с мыслительным процессом и отражает бытийную сторону становления научного знания.

В целом рефлексия, маркируемая парентезой *кажется*, отражает диалогичность мышления как такового, и дискурсивность мысли говорящего: говорящий взвешивает все «за» и «против», ищет объективные основания суждения и не претендует на «окончателность» высказанной мысли.

Стратегии и тактики создания иронии в высказывании и тексте

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

shilikhina@gmail.com

Вербальная ирония, non-bona fide коммуникация, корпус, речевая стратегия, речевая тактика.

Summary. The paper discusses lexical, grammatical and rhetorical linguistic strategies used by the speakers of Russian to create irony in discourse. The research is based on a corpus of Russian non-fiction texts annotated with the UAM CorpusTool program. The aim of the research is twofold: to describe the most frequent patterns of ironic discourse and to analyze common properties of diverse linguistic strategies of creating irony.

Работа посвящена анализу лексических, грамматических и риторических (текстовых) стратегий и тактик создания иронии. Цель исследования заключается не только в выявлении наиболее частотных способов выражения иронического отношения к ситуации, но и в описании свойств, которые позволяют интерпретировать разноуровневые языковые средства как сигналы иронии в дискурсе.

Риторическая традиция, в рамках которой ирония относится к тропам, задает каноническое восприятие иронии: на протяжении веков иронию принято считать готовым «инст-

рументом», тесно связанным с лексическим уровнем языка. Однако исследование большого массива текстов показывает, что, в отличие от метафоры и метонимии, совместно с которыми ирония входит в класс тропов, последняя не может быть сведена исключительно к употреблению слов в противоположном значении. Более точным представляется отношение к иронии как к типу *non-bona fide* коммуникации, в котором говорящий намеренно нарушает семантическую целостность высказывания / текста с целью выражения критической оценки некоторой ситуации или события.

Важной характеристикой иронии является также игровое поведение говорящего: игра позволяет соотносить сказанное с реальностью в режиме «как будто». Кроме того, игра и притворство служат объяснением того, как ироническое высказывание, не соответствующее реальной ситуации, все же может быть рационально интерпретировано и интегрировано в дискурс и, шире, в имеющуюся у коммуникантов систему знаний.

Значительное количество работ, посвященных иронии, в качестве источника данных использует художественные тексты. Данное исследование проводится на материале корпуса русскоязычных нехудожественных текстов различных жанров общим объемом около 2 млн. словоупотреблений. В корпус включены тексты СМИ, фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации, транскрипты теле- и радиointервью, записи устной разговорной речи.

Тексты размечались в программе UAM CorpusTool по специально разработанной схеме, в которой языковые способы создания иронии образуют иерархию. На первом уровне выделяются лексические, грамматические и риторические «языковые стратегии». Далее они классифицируются более детально в зависимости от того, какую «стратегию» выбирает говорящий. Так, к лексическим способам отнесены нетривиальные коллокации, риторические тропы и фигуры (метафоры, гиперболы, литоты, антифразис и ряд других), одновременная актуализация двух значений многозначного слова и др., к грамматическим – использование вводных конструкций, сослагательное наклонение. Примерами создания иронии на риторическом (текстовом) уровне являются риторические вопросы и восклицания, интертекстуальные отсылки, комментарии в структуре нарратива и т. д. Заметим, что «привязка» отдельных тактик к той или иной стратегии часто оказывается условной, поскольку границы между уровнями не являются жесткими. Так, нетривиальная лексическая сочетаемость – пример взаимодействия лексической и грамматической стратегий: с одной стороны, ирония возникает как результат необычного лексического выбора говорящего; с другой – дополнительный смысл возникает на отрезке, большем, чем слово.

Программа UAM CorpusTool позволяет выявить наиболее частотные тактики создания иронии. На лексическом уровне такими тактиками являются нетривиальная лексическая сочетаемость (пример 1) и антифразис (пример 2):

[1] *До сих пор координационный совет собирался в здании мэрии на Новом Арбате. Шла предвыборная кампания, и помещение в мэрии было арендовано, чтобы не вызывать у конкурентов ненужных вопросов о ненадлежащем исполь-*

зовании премьерской резиденции (или, вернее, ненадлежащих вопросов о ненужном использовании) [А. Колесников «Владимир Путин не привык разбрасываться фронтами». «Коммерсант» №59, 04.04.2012].

[2] *Мне так и видится забитый и униженный чиновничий класс – эти беззаветно преданные делу труженики, за гроши и днем и ночью паиущие на благо Родины, и совершенно затерроризированные своим неблагодарным народом* [http://petrovchik.livejournal.com/176729.html#comments].

На уровне грамматики ирония часто возникает в результате использования вводных конструкций:

[3] *Остается заметить, что из 24 человек, сидевших сейчас за столом в резиденции Владимира Путина, было всего четыре женщины (включая зампреда Совета федерации Светлану Орлову).*

Да и сам Владимир Путин женщиной не является (тоже, видимо, по мнению Екатерины Лаховой, упущение) [А. Колесников «Владимир Путин не привык разбрасываться фронтами». «Коммерсант» № 59, 04.04.2012].

Наконец, среди риторических тактик наиболее часто используются интертекстуальные отсылки (пример 4) и риторические вопросы (пример 5):

[4] *До начала вечерней смены в «Ленте.ру» оставалось еще энное количество часов, поэтому решил не рисковать жизнью и подождать следующего пригородного поезда. А пока оставалось лишь стоять на платформе и дивиться безумству храбрых* [«Самые поездатые». http://lenta.ru/columns/2010/07/09/trains].

[5] *Прекрасное сообщение, которое прислали нам до эфира: «Как по вашему мнению, Верховный Главнокомандующий парад должен принимать сидя как в прошлом году или уже можно лежать?»* [http://echo.msk.ru/programs/personalno/883732-echo/].

Выделение лексических, грамматических и риторических стратегий и тактик – это необходимый этап в поисках ответа на вопрос, почему столь разрозненные способы выражения мысли приводят к сходному прагматическому результату – иронии? Выскажем предположение о том, что с точки зрения лингвистического оформления высказывания выделенные способы создания иронии объединяет намеренное отступление говорящим от конвенций узуса. В результате смысловая целостность высказывания оказывается нарушенной, но это нарушение является значимым: оно одновременно указывает на игровое поведение говорящего и имплицитно определяет критическую оценку ситуации. Все эти свойства определяют возможность иронической интерпретации высказывания / текста.

Лингвокультурологические основы изучения аксиосферы экономического сознания: ценности и нормы

Г. С. Яроцкая

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина)

g.yarotskaya@gmail.com

Ценность, экономическое сознание, лингвокультурология.

Summary. In this work we determine the theoretical foundations of linguistic-cultural approach to the study of language representation of economic consciousness values. We identify language means of explicit and implicit expression of values and norms in the lingvoculture.

Ценностный уровень сознания предопределяет социальный уклад общества, поведение и индивидуальные предпочтения его членов, что, в свою очередь, влияет на выбор того или иного способа ведения хозяйствования. Именно ценности придают экономическому порядку легитимность, обеспечивая стабильность и устойчивость общества.

Под ценностью в данной работе мы понимаем **позитивно-оцениваемую, актуальную для языкового сознания сущность, которая может ориентировать человека в его деятельности и детерминировать нормы его поведения.**

По мнению А. Ахиезера, «любая потребность человека для того, чтобы превратиться в реальную деятельность, должна стать некоторой программой воспроизводственной деятельности, записанной в (суб)культуре. Соответственно она может быть прочитана исследователем как значимый культурный текст... Если в культуре не обнаруживаются подобные программы, то никакие ссылки на пассионар-

ность, на экономические потребности и т. д. не могут рассматриваться как обоснованные» [1: 7–8]. Попытки подтолкнуть людей к социальному действию, влияя на те их мотивы, представление о существовании которых ошибочно, может иметь деструктивные последствия. Например, повышение экономической эффективности посредством экономических стимулов иллюзорно, если речь идет о людях, которые не рассматривают рост результативности своей деятельности, рост своего экономического благосостояния как ценность, как элемент определенной программы. В связи с этим актуальной является проблема дешифровки культурно значимых текстов в их исторической перспективе с целью определения ценностного инварианта культуры, позволяющего сохранять единство культуры и воспроизводственной деятельности общества. Опираясь на изложенные взгляды, мы считаем, что в коллективном сознании существует так называемая **аксиограмма, рас-**

шифровать которую можно с помощью методик лингвокультурологического анализа языкового материала в исторической перспективе.

Обзор лингвистических работ, соотносимых с выявлением ценностных смыслов, позволяет выдвинуть предположение об обязательности языковой репрезентации аксиосферы сознания. По нашему мнению, связь между аксиосферой народа и синтетизмом тех или иных смысловых зон оказывается очевидной: различия между предметами, свойствами и отношениями, которые пусть и осознаются человеком, но не зафиксированы с предельной лаконичностью в звуковых стереотипах и не частотны в реальном языковом существовании, выступают как менее значимые, второстепенные в аксиосфере коллективного сознания.

Понимание ценности как значимости, актуальности для языкового сознания той или категории, получающей позитивную оценочность в языке, дает основание для лингвистического подхода к изучению ценностного среза сознания.

Языковая система располагает средствами эксплицитного (пословицы, поговорки, афоризмы) и имплицитного выражения ценностей и норм (коннотация, внутренняя форма, переносные значения, модели комбинаторики с оценочным компонентом).

Особо значимой для нас является методика определения ценностей через обращение к внутренней форме слова, которая «дает исследователю возможность проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир» [3: 10]. Знание, которое дает внутренняя форма, можно считать наиболее объективированным, поскольку оно «срастается» с самой устойчивой, субстанциональной частью языка – языковой формой» [2: 34].

Важным моментом для лингвистических выводов является включение в объем культурной информации, извлекаемой из внутренней формы слова, не только содержания признака, положенного в основание номинации (мотивационного признака), но и его интерпретации, т. е. ответа на вопрос, почему был выбран данный признак. Соответствующий этап анализа можно определить как выстраивание «моста» между содержанием языковых единиц и ментальным миром идей, образов, представлений, ценностных установок и т. п. [4: 114]. Таким образом, языковой экспликацией ценностей, с нашей точки зрения, **может считаться внутренняя форма слов-репрезентантов концепта как ценностный мотив концептуализации**, который является иллюстрацией аффектации (предпочтения) той или иной идеи, смысла, представляющего для сознания особую значимость, а значит, ценность.

При изучении языковой репрезентации ценностей как ориентиров практического экономического сознания (ЭС) методами лингвокультурологии мы исходим из следующих положений:

- 1) языковое воплощение ценностей ЭС включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть сознания сводится к различной номинативной плотности имен экономических объектов, процессов, отношений, их различной оценочной квалификации и различной комбинаторике ценностей;
 - 2) аксиологический уровень ЭС реконструируется в виде:
 - а) взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, фольклорными (в том числе народная сказка и анекдот) и прецедентными текстами;
 - б) выделения ценностных компонентов ключевых экономических концептов;
 - 3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы сознания (например, из определенного типа отношений между людьми – концептуализируемого как **родственные** в русской лингвокультуре – можно вывести тип отношения к власти, собственности, ее распределению, к соревновательности (конкурентности), к сотрудничеству (взаимопомощи) и т. д.);
 - 4) на аксиологическом уровне ЭС существуют ценностные доминанты, совокупность которых образует определенный тип институциональной матрицы, поддерживаемый и сохраняемый в языке в каждый конкретно-исторический период;
 - 5) аксиологический уровень ЭС в рамках одной лингвокультуры представляет собой неоднородное образование, поскольку у различных социальных групп могут быть различные (порой противоречивые) ценности; в этом смысле целесообразно в каждой культуре выделять несколько модальных личностей, воплощающих типы национального характера (отсюда исследование лингвокультурных типажей – например, «русский интеллигент», «новый русский», «русский купец», «русский чиновник», «обломов», «стахановец» и др.);
- Таким образом, предлагаемая трактовка **ценностей ЭС** в рамках лингвокультурологической парадигмы может быть ограничена их пониманием как **вербальных знаков-символов, за которыми стоят обладающие социокультурной значимостью смыслы, экспликация которых превращает их в ценностные суждения-высказывания.**

Литература

1. Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта: В 3 т. М., 1991. Т. 1.
2. Березович Е. И. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 2000.
3. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
4. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.

Секция

Языковые особенности текстов разных жанров

Современный русский язык в зеркале рекламных объявлений: региональные особенности

Н. Ю. Авина

Литовский эдукологический университет (Вильнюс, Литва)

nataljaa@takas.lt

Современный русский язык, региональные особенности, рекламные объявления.

Summary. The regional peculiarities of the modern Russian language are considered based on advertisements placed in the Russian newspapers of Lithuania. The language of an advertisement clearly reflects changes occurring in the various spheres of life. On the one hand, it most clearly reflects typical features due to active processes in the Russian language occurring in the most recent period, and on the other hand, it reflects peculiarities of lingual contacting, primarily related to the inclusion of Lithuanian names and calquing.

Отличительной чертой развития русского языка в период последних десятилетий является, как известно, необычайный динамизм изменений на всех уровнях языковой системы. Демократизация и раскрепощение языка, повышенная экспрессивность, изменение отношения к норме и другие особенности характеризуют русский язык на рубеже веков (см. об этом: [2] и др.). В связи с этим интерес вызывает занимающая заметное место в современном коммуникативном пространстве реклама (например, [1]). Ярко отражает изменения, происходящие в различных сферах жизни, язык рекламного объявления как одного из жанров рекламы.

В нашей работе особенности современного русского языка рассматриваются на материале рекламных объявлений в русскоязычных газетах Литвы (преимущественно в газете «Экспресс-неделя»; далее – Эк. Н.). Как показывает материал, в рекламных объявлениях отражаются, с одной стороны, типические активные процессы в русском языке и особенности современной культуры речи; с другой стороны – особенности, обусловленные языковым контактированием. Соответствующие употребления обусловлены как жанровой спецификой рекламных объявлений – в частности, стремлением передать максимум информации с наименьшими вербальными затратами, так и особенностями современной культуры речи.

Типические явления современного русского языка, отражающиеся в исследуемых рекламных объявлениях, в большей степени связаны с процессами интернационализации, словоупотребления, словообразования, словоизменения. Это отражается в нарушении лексической и грамматической сочетаемости слов, речевой избыточности, проявлении аналитизма, расшатывании синтаксических правил. См., например, неразграничение семантически близких слов: *Птица: четвертинки индейки – 6.70 Лт / кг, ... куриная грудинка – 13.50 Лт / кг* (Эк. Н., № 29, 2009) – ср. *грудка*.

В рекламных объявлениях отражаются активные процессы в области русского письма. Это касается употребления прописной буквы в составных наименованиях, написания *-н-* и *-нн-* в суффиксах прилагательных и причастий, написания сложных слов. Ср. в рекламе в одной и той же газете: *Видеосъемка, видеомонтаж, Видео-услуги. Видео-монтаж, слайд-шоу, запись на DVD* (Эк. Н., № 32, 2009). Особое внимание привлекает неунифицированное оформление сокращений, которые, как известно, представляют собой один из радикальных способов «ужать» рекламный текст: *Акция действует до 30-го апреля* (Эк. Н., № 15, 2010); *В этом году отмечают юбилейную – 30-тую Масленицу* (Эк. Н., № 9, 2011).

Региональные особенности рассмотренных рекламных объявлений проявляются прежде всего в использовании многочисленных литовских названий, включение которых в текст характеризует непосредственность, например: *Роллеты и горизонтальные жалюзи. «Бангинис» и Жирмунай, рядом с «Banginis»* (Эк. Н., № 15, 2010). Активизация региональных употреблений обусловлена коммуникативной целесообразностью. В ряду разнообразных языковых

средств, обеспечивающих эффективность рекламного текста, крайне важен подбор слов: максимальное количество основной информации должно передаваться минимально возможным количеством слов. Рассмотренные в статье региональные употребления, представленные прежде всего именами собственными, – важный информативный компонент рекламных объявлений, создающий смысловую точность.

Непоследовательность включения литовских названий в контекст рекламного объявления – закономерное проявление сложного процесса освоения иноязычных в процессе языкового контактирования. В нашем материале неунифицированность включения иноязычных названий наиболее отчетливо проявляется в их вариативности, которая отмечается на различных языковых уровнях. Ср., например, фонематические варианты: *Меняю 1-комнатную квартиру в районе Фабийонишкес на 3-комнатную; Сдают 1-комнатную квартиру в Фабиенишкес* (Эк. Н., № 29, 2009). Неунифицированным является использование частотных в рекламных объявлениях названий, представленных аббревиатурами. Неупорядоченность их включения в текст, связанная с переводом, может создавать некоторые коммуникативные неудобства: *РС* (лит. «Prekybos centras») – *ТЦ* (русс. «Торговый центр»); *Межкомнатные двери со склада и на заказ. Адреса магазинов: РС «Burbiškių»* (Эк. Н., № 30, 2012) и *ТЦ «Мандаринас»* (Эк. Н., № 43, 2011).

Наряду с активизацией литовских названий распространенным явлением в рекламных объявлениях является калькирование, прежде всего – синтаксическое: *Недорого продаю малопользованные, а также новые разных марок стиральные машины* (Эк. Н., № 41, 2002).

Рассмотренные региональные явления обычно прагматически обусловлены. Неунифицированность использования региональных названий обычно не вызывает у билингвов в данной социокультурной среде серьезных коммуникативных помех, связанных с неадекватным восприятием и пониманием рекламного объявления, но создает определенные культурно-речевые проблемы, приводящие, возможно, к расшатыванию норм литературного языка. Региональные особенности речевого общения в ситуации языкового контактирования, рассмотренные на материале рекламных объявлений, – следствие особой коммуникативной стратегии, ориентированной на конкретный социум и его этнокультурные ценности.

Таким образом, активные процессы, происходящие в современном русском языке, находят свое специфическое отражение в ситуации языкового взаимодействия, и это ярко проявляется в рассматриваемых рекламных объявлениях.

Литература

1. Кара-Мурза Е. С. «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001. С. 164-186.
2. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2008.

Грамматика пишущего в SMS-высказываниях

Л. Г. Антонова

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

antonova_lubov@mail.ru

Электронные средства общения, SMS-коммуникация, грамматика пишущего, SMS-текст, транслитерация.

Summary. This paper is dedicated to the learning of the new “writing experience” on the virtual text level – communications. We analyze the specific graphic and grammar systems of the transmission in SMS – texts and also a lexicon of a user, as a media competent personality.

Сегодня индустрия услуг SMS – сообщения столь разнообразна, что нельзя в полной мере описать все возможности и преимущества этой системы. Этот канал передачи информации сегодня используют, в целом, более 80% россиян. С помощью SMS-сообщения можно передать любую информацию: обычную просьбу или поздравление, программу деловых переговоров; обсудить различные социальные и культурные проекты. Например, при помощи SMS пользователь может поддержать любимого исполнителя в хит-параде, заказать мелодию, картинку, анимацию, видео, игру на свой телефон, узнать свой астрологический прогноз на неделю, выиграть в викторине, найти друзей, любимых людей и многое другое. Каждый SMS-пользователь может общаться не только со знакомыми, посылая SMS на абонентский номер, записанный в памяти телефона, но пользователь сети может обмениваться какой-либо информацией в SMS-чате или в службах знакомств. Все зависит от того, кому и какую информацию хочет передать автор сообщения.

Опыты анализа SMS-текстов позволяют говорить о некоторых специфических чертах автора – инициатора этой переписки и тенденциях развития SMS- текстов.

Как правило, SMS-пользователь как автор текстов не стремится сделать свое сообщение эстетически ценным и сознательно нарушает правила и нормы русского языка, что говорит о сосредоточении внимания пользователя на других моментах прагматического задания при оформлении такого своеобразного медийного текста. Автор SMS-сообщений информационное послание и видит его на экране отстраненным от себя; он «считывает» послание с позиции и адресата, анализирует, как оно выглядит на экране мобильного телефона, и пытается его «выгодно» для собеседника оформить. Пишущий чаще всего «горопится» передать суть информации и предельно сосредоточен на том, чтобы сделать это экономно, лапидарно, но, при этом, понятно для адресата сообщения. Эти операции со свертыванием, сжатием и резюмированием при оформлении информации, к сожалению, далеко не каждому удаются.

Электронные средства общения, как правило, особым образом лишают нас возможности индивидуальной стилистики: мы пишем текст так, в соответствии с требованиями программного обеспечения электронного средства общения. Специфика SMS – текста состоит в том, что он оформляется как коммуникативный продукт экранного средства передачи информации. Трудность процесса написания текста (вывода его на экран) и минимизация времени, а часто и денежных средств, привели к появлению специфических особенностей графического оформления текста и его лексического наполнения в зависимости от жанра, установленного в каждом канале передачи информации.

Индивидуальность письменного электронного текста в наше время проявляется не в особенностях почерка личности, а в отборе необходимых лексико-графических элементов, передающих «разговорность» в письменной речи и отражающих оценку и переживание при уникальной графической системе передачи информации (транслитерация, смайлики). И именно графический режим записи, отражающий смысловую и тональный строй речи – главные инструменты идентификации личности «пишущего» в SMS-послании.

Темы общения, которые предлагаются пользователю в SMS-коммуникации, в основном, требующие оперативного реагирования, даже, если они связаны с бытовыми, а не

деловыми предложениями. Цели, которые преследуют пользователи, иногда предельно прагматичны, но, в, то же время, требуют определенных коммуникативных умений в передаче информации. Неточные формулировки в передаче содержательного плана текста часто приводят к его полному непониманию адресатом, а значит, не ориентируют его на ответную реакцию, затрудняют письменную коммуникацию.

К сожалению, лексический и грамматический строй речи в SMS-тексте свидетельствует о том, что пользователь SMS-коммуникации, в большинстве случаев, недостаточно образован и недостаточно компетентен, чтобы быть успешным в прагматических намерениях в режиме нового вида коммуникативной практики, какой является SMS – переписка, но, заметим, что данный опыт очень активно приобретается.

Изучив определенный доступный контент SMS-эпистолярная, мы протестировали лексико-грамматический уровень SMS-пользователей и пришли к выводу, что авторы текстов SMS-сообщений тяготеют к фамильярно-разговорному типу речевой культуры; в некоторых случаях в среде даже опытных SMS-пользователей имеются отклонения от нормы, употребляются неологизмы и сленговые слова, что чаще всего вызвано оперативностью при передаче информации и требованиями сокращения места на экране мобильного телефона и экономии денежных средств. При этом тексты сообщений содержат разнообразие вариантов фонетических особенностей. В то же время нужно говорить об этом факте не как о письме человека, не владеющего нормами орфографии, а как об особом роде стилизации орфографии русского языка. Для этого используется устная форма жаргона молодежной среды, что создает часто определенный юмористический эффект, придает речи дополнительную эмоциональность, экспрессивность; создает индивидуальный стиль записи пользователя и подчеркивает своеобразие его стиля в сравнении с «чужими» пользователями.

В целом, SMS-пользователь как автор оперативных текстов не стремится сделать свое сообщение эстетически ценным и сознательно нарушает правила и нормы русского языка, его внимание пишущего сосредоточено на других элементах оформления текста. Опыт анализа SMS-эпистолярия показывает, что при оформлении текста SMS-пользователь активно использует транслитерацию, достаточно часто пользователи выбирают стандарт написания SMS-сообщений с помощью латиницы. Кроме транслитерации, в SMS-общении есть и другие особенности графического оформления сообщения, например, связанные со знаками препинания. Обычные знаки препинания при оформлении текста в SMS-переписке редко используются и чаще отсутствуют в целях экономии символов (и денежных средств, которые тратит автор сообщения). Как известно, чаще в виде знаков препинания и своеобразного выражения чувств говорящего выступают «смайлики». Нетрудно заметить, что «смайлики» используются только как носители определенной формы, они носят иконический характер и выражают эмотивные смыслы через изображение.

Можно предположить, что дальнейшее развитие SMS-сервисов может привести к формированию специального языка SMS-коммуникации, который будет основываться на правилах транслитерации, будет активно включать, как и сегодня, элементы рисуночного письма, сохраняя общую направленность экспресс-информирования.

Языковое и жанровое своеобразие текста кулинарного рецепта (на материале «Кулинарной книги лентяйки» Дарьи Донцовой)

А. Ф. Ахмадуллина

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева

alisanet@mail.ru

Кулинарный рецепт, лексические особенности, адресат, адресант, стилистические особенности.

The paper is devoted to the study of lexical and grammatical features of the book writer Daria Series. “Cookbook lazy” is of particular interest to explore linguistically. We consider pragmatic installation’s recipes, aimed at encouraging the recipient to perform certain actions. We consider the moments in which there is expansion of the framework cooking recipes, approaching the independent work of art.

Дарья Донцова, писательница иронических детективов, удивила своих читателей, отойдя от привычного жанра ее творчества, создав кулинарную книгу. Но и здесь писательница не просто создала сборник кулинарных рецептов, которыми изобилуют книжные полки магазинов, а написала книгу в своем собственном, неповторимом ироническом стиле. Подкупает и нередкая юмористическая окрашенность стиля изложения, что имеет место уже в самом названии книги: «Кулинарная книга лентяйки. Пальчики оближешь», «Вкусно и быстро» [2]; [3].

Блюда от Дарьи Донцовой отличаются завидной простотой в приготовлении и отменным вкусом. Донцова не была бы Донцовой, если бы вперемешку с рецептами не рассказывала бы связанных с собственными и чужими кулинарными подвигами забавных историй.

Именно своеобразие стиля этой книги и привлекло наше внимание.

Кулинарные рецепты занимают особое место в жизни человека. Кулинарный рецепт – один из текстов, востребованных в быту человека. Кулинарный рецепт относится к тексту-инструкции, который, в свою очередь, является разновидностью так называемых текстов-воздействий [1: 26]. К текстам-воздействия относятся также реклама, приказ, распоряжение. Тексты такого типа предполагают непосредственно побуждение адресата к определенным действиям, результатом которых является создание определенного блюда [4: 87].

Цель кулинарного рецепта – такое воздействие, побуждение к какому-то действию, в конечном результате которого заинтересован адресат. В случае отсутствия такой заинтересованности, человек не является адресатом текста кулинарного рецепта. Адресант, то есть автор текста-инструкции является альтруистом, его речевые действия бескорыстны, он помогает адресату правильно выполнить действия, приводящие адресата к желаемому результату.

От жанровой принадлежности текста зависит его воплощение, область отражения действительности, то есть в данном случае – приготовление блюд. Предметная область текста диктует употребление в нем определенных языковых единиц и конструкций.

В соответствии с прагматической установкой инструктирования в книге частотны глагольные лексемы: возьмите, снимите, отделите, держите, посмотрите, положите, доведите, берите, купите, ухватите, ополосните и т. д. Также частотны имена существительные с количественным значением, обозначающие количество предметов. Так, например, преобладают: пучок, ложечка, щепотка, стакан. Как видим, субстантивы с предметным значением (ложечка, стакан) в тексте приобретают значение количественности, единиц меры (грамм, килограмм). Существительные в основном употреблены конкретно-предметные: кастрюля, противень, миска, сковорода, тарелка, блюдце, сито, половник и т. д. Употреблены языковые единицы со значением времени: выпекать столько-то, жарить столько-то, а также лексемы со значением вещества: соль, сахар, перец и другие.

Для текстов кулинарных рецептов типичны глаголы со словарно-системным значением деструкции, но в кулинарном контексте эти глаголы приобретают семантику нового вещества в результате температурного воздействия – нагреть, остудить, растопить. Ряд употребляемых глаголов обозначает нарушение целостности путем разделения предмета на части. Это глаголы типа нарезать, взбить – тоже обозначают воздействия с целью получения чего-то нового.

Глаголы разрушения, нарушения целостности, например – расколоть, логически связаны в продолжении текста рецепта с глаголами созидания – выпекать, закрыть, зашептить, и т. п. как этапы последовательных действий в процессе приготовления данного блюда.

Лексика рецептов «Кулинарной книги лентяйки» соответствует освещаемой сфере действительности, приготовлению еды. Книга не предполагает какой-то умственной деятельности, поэтому в текстах рецептов преобладают глаголы физического действия. Лексико-семантические группы употребляемых слов обусловлены экстралингвистическими факторами.

Целостный анализ текста кулинарного рецепта свидетельствует об органической взаимосвязи и взаимообусловленности лингвистических характеристик всех употребленных в нем языковых единиц, что обусловлено общей прагматической задачей инструктирования, направленной на реализацию коммуникативного намерения научения адресата, и что предполагает перлокутивный эффект – достижение положительного результата кулинарных манипуляций в виде вкусного, аппетитного блюда.

Такая стратегия научения соответствует общей задаче данной книги как речевого произведения – научить, как делать блюда вкусно и быстро, чтобы адресат и другие потребители полученного продукта получили удовольствие. Книга способствует созданию хорошего настроения, оптимистического восприятия действительности, чему в немалой степени она обязана авторской стилистике. В этой книге нет текстов рецептов, где автор был бы обезличен. Текст изобилует юмористическими высказываниями, отступлениями, личными оценками автора. В ряде случаев автор выступает как рассказчик, который повествует от первого лица (вводные вставки, предложения – типичны авторские ремарки («Один раз моя коллега Нелли принесла на работу удивительно вкусный бисквитный рулет с вареньем. – Замечательная вещь, – уплетала я угощение, – небось полночи пекла?»), «Я теперь знаю большое количество уловок, позволяющих готовить со скоростью звука, и с огромной радостью поделюсь с вами своими секретными», «я сама брожу в магазинах между прилавками, выискивая ценники со словами «сегодня скидка», «Французы очень экономны, расчетливы, я бы даже сказала, скуповаты», «Вы можете понять, глядя на сморщенные кусочки, чем они были при жизни: боровиком, подберезовиком или поганкой? Я нет») [2: 268].

Дарья Донцова, сочетая в своей книге юмористические нотки с текстами кулинарных рецептов, расширяет границы обычного кулинарного рецепта, не обладающего стилистической окрашенностью. «Кулинарная книга лентяйки», в отличие от простых поваренных книг стоит на совершенно другом уровне, представляя собой своего рода самостоятельное литературное произведение.

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
2. Донцова Д. Кулинарная книга лентяйки. Пальчики оближешь! М., 2009.
3. Донцова Д. Кулинарная книга лентяйки. Вкусно и быстро! М., 2010.
4. Новичкова Р. Н. Тексты воздействия в современном немецком языке. Харьков, 1987.

Культурно-коннотативные маркеры в гендерно ориентированной рекламе глянцевого журналов

Е. Л. Бабичева

Пензенский государственный университет

e.lena-babicheva@mail.ru

Рекламный текст, глянец, культурные маркеры, гендер.

Summary. The article focuses on culturally marked advertising in authentic women's glossy magazines. Along with global advertisements, the volume of culturally determined advertising texts has increased in the past 2–3 years.

Процесс глобализации, происходящий последние десятилетия, затронул и Россию, отразившись как на экономической, так и на социальной сфере жизни общества, активизировав кросс-культурные контакты.

Развивающийся рынок рекламной продукции выявил тенденции к процессу унификации, универсализации, при котором одна и та же реклама легко и быстро может быть распространена практически в любой стране (если, конечно, она не нарушает каких-то морально-этических норм). Почти все пространство такой рекламы занимает фотография, которая заимствуется из общего банка данных и выражает какие-то определенные эмоции: восторг, радость, удивление и т. д. Вербальная часть рекламы может не содержать традиционного слогана, а давать только информацию о товаре в виде его названия или же ограничиться обозначением торговой марки в случае ее известности и узнаваемости (*Miss Dior. Le parfum, Finn Flare*). В результате мы видим одну и ту же рекламу в разных глянцевого изданиях, при этом даже расположение ее (например, на задней обложке) повторяется.

Западная реклама, пришедшая к нам вместе с зарубежными товарами, была рассчитана на всех и ни на кого конкретно. Яркие образы ухоженных мужчин и женщин, представлявших товары и услуги (в ряже случаев непривычные для нас), привлекали внимание неискущенного российского потребителя. В оппозиции «свое – чужое» побеждало последнее. Именно по пути представления западной унифицированной рекламы пошли издатели «Каравана историй», журнала, целевой аудиторией которого являются молодые амбициозные женщины, активно работающие и выстраивающие свою карьеру. Продукция, рекламируемая в этом издании, как правило, выпускается под всемирно известными брендами и относится к категории «люкс». Реклама этих товаров универсальна, не отмечена какими-либо этнокультурными маркерами: *Там, где начинается красота. CHANEL, Philips DesigneLine. Совершенство инноваций.*

Реклама, содержащая культурно-коннотативные символы, составляла в «Караване» в 2008–2010 гг. менее 20% от всего рекламного корпуса, представленного в этом глянцевого издании. В последние 2–3 года отмечается тенденция увеличения до 29% количества рекламы, ориентированной конкретно на российского потребителя. Журнал «Самая», рассчитанный на более молодую аудиторию, тоже увеличил число культурно маркированных рекламных текстов с 47% до 60,7%. Почти без изменения осталось количество такой рекламы в «Крестьянке», целевой аудиторией которой являются более зрелые женщины. Этот журнал традиционно размещает очень мало рекламы, причем до последних двух лет почти 60% ее носило этнокультурный характер (сейчас около 55%).

Обращаясь к определенным культурным ценностям, историческому прошлому народа, копирайтеры дают возможность реципиенту идентифицировать себя с этносом, ощутить общее культурно-языковое пространство. Используемые культурно-коннотативные маркеры – это метки, обозначающие границы «своего», стремление к фиксации которого заложено в самой человеческой природе. Расшифровка культурно-исторических кодов, скрытых в текстах, их опознание зависят от уровня образованности реципиента, от его способности воспринимать и соотносить полученную информацию с имеющимся мировоззренческим опытом, с его ассоциативно-образным представлением о денотате.

Реклама, представленная в глянцевого журналов, может иметь не только монокультурные маркеры, но и поликультурные. В частности, название зодческой фирмы *Теремь* – дань дореформенному периоду русской орфографии, когда

написание «ь» на конце слов являлось нормой. Это своего рода логоэпистема, ориентированная на членов одного лингво-культурного сообщества. Культурологическая составляющая в данном случае выступает в эксплицированном виде. Лексема *терем*, будучи заимствованной из греческого языка в древнерусский период, означает «жилое помещение в верхней части дома или дом в виде башни» и у современного носителя русского языка ассоциируется с фольклорными произведениями. Однако названия домов, производимых одноименной компанией, – *Премьер, Викинг, Канцлер* – отсылают потребителя к реалиям западной культуры. Таким образом, копирайтеры, стремясь угодить самой широкой аудитории потенциальных покупателей, смешали разные культурные коды в рамках одного рекламного текста.

К культурно детерминированным текстам можно отнести рекламную статью компании «Донстрой». Она затрагивает чувствительные струны русского человека – сохранение семейных традиций, обустройство фамильных усадеб – и вызывает ряд ассоциаций с помощью создания определенного семантического поля: *Элитный дом в Хамовниках. Ценности дворянской эпохи XVIII–XIX веков – гордость за свою фамилию и семейную родословную, бережное сохранение традиций прежних поколений – с новой силой возрождаются сегодня в уважаемом обществе современной России. И основа основ этой традиции – создание своего фамильного гнезда... Там, где в роскошных усадьбах жили Долгорукие и Голицыны, Волконские и Трубецкие. Там, где сегодня располагается новый дом класса Де Люкс – BARRIN HOUSE.* Апеллируя к культурно-исторической памяти реципиента, копирайтеры в то же время используют латиницу, транслируя ориентацию на зарубежный уют. Собственно-русское *барин*, восходящее к *боярин*, в дореволюционной России обозначало «человека высшего сословия, дворянина». Использование этой лексемы в РТ дает возможность субъекту осознать свою принадлежность к определенному социальному страту, способствует активизации культурно-исторических знаний. При этом производная сема слова *барин* «человек, который не любит трудиться и предпочитает перекладывать работу на других» со сниженной стилистической коннотацией здесь нейтрализуется. Сочетание собственно-русского слова и английского свидетельствует о достаточно активном процессе культурной глобализации. Смешивание разных языковых кодов в наименовании жилого комплекса *BARRIN HOUSE* призвано повысить самооценку возможных покупателей, владеющих иностранными языками и хорошо знающих историю своей страны. Удвоенное латинское *r* – дополнительный аттрактант.

Реклама ориентирована на вертикальный коллективизм, характерный для России и Китая: с одной стороны, опора на статусность, избранность, поскольку предлагается элитное жилье для людей финансово состоятельных, с другой – семейственность, соборность, транслируемая через призму родового гнезда, а также в определенной мере коллективное проживание, т. е. дома многоэтажные. Рукописный шрифт рекламной статьи напоминает послание, написанное пером, тем самым обозначается стратегия близости, доверительности. Вербальная часть рекламы поддерживается визуальной составляющей.

Таким образом, в последние 2–3 года в рекламе аутентичных женских глянцевого журналов наметилась тенденция к большей адресности, т. е. наряду с унифицированной рекламой все чаще используется культурно детерминированная, отражающая национальную специфику целевой аудитории.

Общение знакомых как одна из разновидностей устной неофициальной коммуникации

А. Н. Байкулова

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

allabay15@mail.ru

Русский язык, неофициальная коммуникация, разговорная речь, знакомые, соседи.

Summary. The research is aimed at the informal oral communication paradigm and reveals some characteristics of verbal acquaintance interaction (neighbors interaction), with interlocutors, the communication sphere, its goal, time, place, topics, the nomination system, etiquette characteristics, etc., being the basic parameters of the research.

Устное неофициальное общение (УНО) можно классифицировать на основе фактора близости межличностных отношений. Ядерная зона УНО представлена семейным общением (СО), общением родственников (ОР), дружеским общением (ДО), а периферийная – общением знакомых (ОЗ) и незнакомых (ОН) людей. Границы разновидностей общения размыты, есть зоны наложения.

Место ОЗ в периферийной зоне обусловлено тем, что оно может осуществляться в регистрах официального, неофициального и смешанного типа общения (о соотношении этих понятий см. [1]).

Понятие *знакомые* в контексте данного исследования обозначает людей, которые вступают в коммуникативные контакты на основе личного знакомства. Коммуниканты ОЗ определяются по основному статусу: знакомые, коллеги (по месту работы), соседи (по месту жительства), члены различных профессиональных корпораций (медики, филологи, математики и т. п.) или малых социальных групп (спортивные секции, клубы и т. п.) и др. Знакомство может быть непосредственным (члены одного коллектива) и опосредованным (друзья друзей, знакомые родителей и т. п.). Между знакомыми возможны статусно равноправные и неравноправные отношения. Это определяет полиглоссность ОЗ. Среди знакомых, особенно членов малых социальных групп, нередко возникает речевая гомогенность (в кругу коллег она формируется, в кругу просто знакомых – нет).

ОЗ может быть как вынужденным, так и инициативным. В отличие от ДО, между коммуникантами ОЗ нет дружбы, хотя существует тенденция перехода к приятельским отношениям. Возможен и обратный процесс: от дружеских отношений – к отношениям знакомства. Этот фактор проявляется и в коммуникации.

Общая апперцепционная база (АБ) знакомых отличается от АБ круга друзей, близких родственников, членов семьи. Например, то, что известно коллегам, может быть неизвестно членам семьи. АБ общения знакомых больше, чем АБ незнакомых людей. Это отражается в тематике общения: чем больше АБ, тем шире круг тем.

В ОЗ, как в ОР и в ОН, но в отличие от СО и ДО, наблюдается проявление формальной вежливости, не свойственное СО и ДО. В отличие от ОН, ОЗ обязательно должно быть фокусированным (о фокусированных и нефокусированных столкновениях в повседневном общении см. [2]). В противном случае в русской коммуникативной культуре обычно извиняются или оправдываются (без извинений):

Доминанту ОЗ, на наш взгляд, определяет фокусированное взаимодействие коммуникантов с учетом их основных статусов, проявляющихся в конкретной ситуации, при возможном выборе, особенно в общении малознакомых людей, фокусированного или нефокусированного взаимодействия; повышенная степень вежливости, конвенциональное проявление формальной вежливости.

В ОЗ нами уже рассмотрены рабочее общение (РО) как общение коллег во время выполнения производственных, творческих и других заданий, межличностное деловое общение, близкое к рабочему (МДО) [1]. К ОЗ можно отнести и общение соседей. Статус *сосед* – один из важнейших статусов в социальном окружении человека. Время общения соседей четко не фиксируется: это может быть как мимолетный контакт, так и длительное регулярное общение. Общение между соседями может быть вынужденным при решении совместных хозяйственных вопросов и инициативным (например, если человек одинок и ему не хватает общения); официальным, неофициальным и смешанным; фор-

мальным и неформальным; фатическим и целеориентированным; гармоничным и конфликтным.

Формальное общение обусловлено использованием стереотипов: (в лифте) *Здравствуйте // – Здравствуйте // – Вам седьмой? – Угу //*. В неформальном общении расширяется и углубляется личная тематика за счет информирования о событиях частной жизни, не всегда в полной мере реализуется этикетная рамка (вступление в контакт и размыкание контакта); используются неформальные номинации лица, велика доля юмора: (соседка соседке, вернувшейся из Франции) *Ну что / Лягушка-путешественница, прибыла?; Бонжур / мадам*. Целеориентированная коммуникация нередко связана с хозяйственными делами и с самим фактом соседства. Возникают темы уборки в доме, ремонта, оплаты коммунальных услуг, нарушения правил общежития и т. п. даже при шапочном знакомстве. Фатическая коммуникация связана с удовлетворением потребности в общении (разговоры о детях, о погоде, о событиях в мире, о других людях и т. п.)

В ОЗ реализуются разные цели, будь то оказание помощи, совместное решение хозяйственных задач или участие в общих делах; на уровне межличностных отношений основная цель – поддерживать статусные, то есть соседские, отношения, поскольку они необходимы человеку для его благополучного существования. Слабая мотивация к общению с соседями, да и с другими знакомыми, порождает сиюминутную формальную коммуникацию; сильная – способствует тематически развернутому взаимодействию в неформальном ключе.

Анализ аутентичного материала показал, что при бесконфликтном взаимодействии соседей важным показателем неформального ОЗ является взаимная вежливость, которая проявляется в двустороннем использовании не столько специализированных этикетных средств (их может вообще не быть), сколько неспециализированных – в гармонизирующих стратегиях и тактиках (кооперативная стратегия с ориентацией на адресата, тактика, направленная на подчеркивание совпадений в действиях, убеждениях, стремлениях; тактика заботы и участия; обмена личной, интимной информацией; предупреждения нежелательных последствий, приглашения в гости).

В среде соседей складывается особая система именовании в обращениях и вне обращений, обычно включающая 1–2 именовании, причем в разных социальных группах она неодинакова. Не всегда соседи располагают точной информацией о фамилиях, именах и отчествах друг друга; возможны метонимические замены (например, *со второго этажа; из другого подъезда* и т. п.). Выбор *ты* или *вы* обусловлен характером отношений.

Демонстративный отказ от принятых конвенций характерен для конфликтного ОЗ: *Я знаю тебя / вас не желаю!; Я тебя / вообще не хочу знать!* и т. п. Конфликт разрушает не только отношения, но и саму коммуникацию, ее видовую специфику.

Исследование ОЗ дополняет представление о современном УНО, а в плане культуры речи способствует предотвращению коммуникативных и социальных рисков в сфере повседневной коммуникации.

Литература

1. Байкулова А. Н. Неофициальное общение и его разновидности: критерии выделения и реальное функционирование. Саратов, 2012.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М., 2000.

Жанры диалектной монологической речи (на материале обыденных и фольклорных текстов)

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

okarmakova@list.ru, bukrińskaia@mail.ru

Диалектная речь, рассказ-воспоминание, быличка.

Summary. In the report memorable narratives in Russian dialects are studied as compared to minor genres of folklore. The authors conclude that everyday speech and speech in folklore share many common features.

Изучение структуры, композиции, жанров народно-разговорной речи стало весьма актуальным, этой проблематикой занимаются во многих научных центрах России, где хранятся представительные корпуса диалектных текстов [3, 4]. Подобные собрания содержат не только лингвистическую, но и историческую, этнографическую, социологическую информацию, помогая решить фундаментальную проблему описания диалекта как особой культурно-коммуникативной единицы. За последние годы в отделе диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН был собран обширный текстовый материал, позволяющий проводить разноаспектные исследования народно-разговорной речи. Хотя сбор этнографических сведений и фольклора не является целью диалектологической экспедиции, тем не менее собранные тексты оказались весьма насыщенными подобного рода материалом. Это прежде всего заговоры, былички, частушки, которые являются неотъемлемой частью жизни деревни, то есть, можно сказать, что традиции и обряды, отражающие магическое, архаическое восприятие мира, сохранились до конца XX в. и сохраняются до сих пор в большей степени, чем можно было предположить.

Данная работа продолжает цикл статей, посвященных изучению диалектной речи [1]. Анализ многих рассказов-воспоминаний, собранных нами в говорах северного наречия, показал, что резкой границы между обыденной и фольклорной речью (имеются в виду малые жанры) не наруживается. Особенно часто влетают в ткань диалектной речи былички и бывальщины. Столкновение человека с потусторонними силами естественным образом включено в повседневную жизнь: лечение у знахарей, наведение порчи, встречи с мифологическими персонажами, вещие сны, общение с умершими родными – для информантов не считается чем-то выходящим за рамки реального бытия.

При изучении монологической речи можно выделить ее основные свойства: композиционная сложность, многоплановость, постоянное указание рассказчика на достоверность событий, иконичность, экспрессивность, установка на эстетизацию.

Этими характеристиками обладают былички и бывальщины, представляя собой особый жанр, который можно назвать переходным от обыденной речи к собственно фольклорной. В быличках так же, как и в других диалектных рассказах, совмещается информативная и эстетическая функция. Подобный взгляд мы находим не у всех фольклористов: многие из них полагают, что былички либо лишены эстетической составляющей, либо она выражена слабо, являясь второстепенной. Нам ближе точка зрения петербургского фольклориста М. Н. Власовой, которая считает, что «поэтика былички, во многом обусловленная ее связью с древнейшими религиозными воззрениями, являет собой систему отражения и преобразования действительности... „описания“ ее в мифологических образах, мотивах, часто соотносящихся с архаическими представлениями и совмещающимися в себе „понятие“ и „образ“ (т. е. в сущности, „информацию“ и „эстетику“)» [2].

Необходимо заметить, что мифологизация и установка на достоверность – отличительные черты не только указанного фольклорного жанра, но и рассказов информантов, говорящих о прошлом и идеализирующих его. Таким образом, у рассказов-воспоминаний и быличек выделяется много общих признаков, и мы полагаем, что их можно объединить в общей классификации, разработанной в коммуникативной лингвистике: собственно рассказ (случай), рассказ-повествование, рассказ-пересказ, рассказ-пластинка. Подобные рас-

сказы хорошо выделяются в потоке монологической речи, поскольку характеризуются четким обозначением начала и конца повествования; наличием оценочного компонента; присутствием в тексте авторского взгляда на ситуацию.

Диалектные рассказы-воспоминания, в том числе бытовые, обычно бывают сюжетными, включают наглядные примеры, уточнение различных деталей, описание обрядов и обычаев тоже дается не отвлеченно, а выливается в конкретные истории-случаи. Рассказ-повествование часто представляет собой значительный по объему текст, в котором соблюдена временная последовательность, передающая реальный ход развивающихся событий, в нем могут содержаться описательные фрагменты, которые являются вполне завершенными, а также пояснительные ремарки, обобщающие сентенции.

Былички также различны по объему – от коротких случаев, анекдотов до достаточно обширных текстов с развернутым сюжетом, приближающимся к сказке. Если указанное событие происходит не с информантом, а с его родными, соседями, знакомыми, то имеет место рассказ-пересказ.

Одним из подтипов воспоминаний выступает рассказ-«пластинка» – повествование об определенном событии, всякий раз воспроизводимое в более или менее устойчивом виде. Этот жанр был выделен и подробно исследован на материале литературно-разговорной речи М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой. По мнению авторов, сфера бытования «пластинок» – малые социальные группы (семья, компания близких друзей, различные круги творческой интеллигенции). Жанру свойственна установка на юмор, языковую игру, именно такого типа рассказы принято называть «байками» [5: 44–45].

В коммуникативной диалектологии также рассматривается этот жанр, и для диалектного рассказа-пластинки характерным является установка на юмор, необычность ситуации, неожиданную развязку, при этом персонажами выступают сами рассказчики и их родственники, соседи или извне в данной местности личности. «Пластинкам» в большей степени, чем другим жанрам, свойственна мифологичность, в фольклорной речи рассказ-пластинка реализуется в бывальщинах.

В заключение еще раз подчеркнем, что в диалектных рассказах, в том числе фольклорных – быличках и бывальщинах – ясно различим тот особый миропорядок русской деревни, в котором прослеживается связь человека со всем обществом деревни, с родственниками, и не только живыми, связь с природой во всех ее проявлениях и общение с потусторонними силами, которое происходит хотя и с некоторой боязнью, но как нечто предопределенное, всем известное и происходящее искони, помогающее в жизни или осложняющее ее.

Литература

1. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Структура и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III. М., 2008.
2. Власова М. Н. Былички (базовые мотивы и их эволюция). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.
3. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов, 2010.
4. Демешкина Т. А., Верхотурова Н. А., Крюкова Л. Б., Курикова Н. В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе. Томск, 2006.
5. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Текстовые категории в розыскных указах начала XIX века: лингвистико-ведческий аспект

К. Р. Ваганова

Московский государственный областной университет

vaganova1988@mail.ru

Розыскная деловая письменность, указы, текстовые категории.

Summary. This paper is devoted to the study of search business documents beginning of the XIX century in the aspect linguo-istochnikovedeniya. On archival material, carried out the analysis of textual categories that structure the semantic space of a monument of writing.

Розыскные деловые бумаги начала XIX века занимают важное место в системе деловой письменности, поскольку отражают нормы русского литературного языка, с одной стороны, и фиксируют репрезентацию лексико-семантических шаблонов, свойственных розыскному деловому языку. В этот период отмечается определенная сформированность стилового наполнения текста, эксплицируется узальность источника. Семантический репертуар розыскных деловых текстов напрямую связан с их лингвистическим оформлением.

Под текстовой категорией, оформляющей пространство той или иной деловой бумаги, понимаем отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами (Т. В. Матвеева). Рассмотрим основные текстовые категории на материале архивных документов начала XIX века.

Лингвистико-ведческий анализ позволил определить следующий перечень текстовых категорий:

1. Категория информативности

Экпликация данного параметра связана с репрезентацией семантического репертуара тематической интерференции. Ячеистая структура настоящей текстовой категории проявляется в шаблонности формуляра деловых источников. Чаще всего розыскные указы состоят из трех функционально-семантических блоков, каждый из которых получает непосредственную вербализацию в соответствии с присущими функционалами. Начальный блок «рассказывает» об общих параметрах текста, блок основного содержания вводит нас в пространство розыскной ситуации, требующей немедленного разрешения. Конечный блок репрезентирует необходимое предписание по данному вопросу.

2. Категория диалогичности

Данная текстовая категория оказывается важной в силу возможности рассмотрения делового текста как коммуникативного произведения. Оба участника такого общения занимают важное место при репрезентации определенного набора сообщений; в конкретный момент развертывания общего текстового пространства каждый из них начинает на некоторое время занимать доминирующее положение. Отметим, что и отправитель сообщения, и его получатель находятся чаще всего дистанцированы друг от друга, что на-

кладывает определенный запрет на репрезентацию ложной информации.

3. Категория времени

Моделирование показателей временных характеристик, которые носят векторный характер шаблонизации интенций адресата и адресанта, также оказывается важным текстовым параметром. Чаще всего данная категория представлена в первичной клаузуле розыскного указа. При этом доминирует реальная модальность, поскольку нужно передать адресату / ам информацию, соответствующую настоящей действительности в положенный срок для реализации в конкретное время. Параметры времени были фиксированы в начальных реквизитах розыскной деловой бумаги. Основные формы выражения – номинация точной даты (число, месяц, год), когда был создан документ, номинация даты, к моменту наступления которой должно быть получено какое-либо решение.

4. Категория пространства

Данная текстовая номинация предполагает отражение конкретных реалий экстралингвистической действительности, в общем поле которой и создается какой-то источник деловой информации. В этом случае мы можем говорить и региональных вариантах письменности, поскольку семантизация затрагивает именно ту или иную область российского государства. Начальные реквизиты розыскных указов локализируют напрямую место создания документа и место его непосредственной трансляции.

В этом случае наблюдается интересная экспликация хронотопа. Безусловно, розыскная ситуация совершена, отправитель узнает о ней постфактум, но из прошлого она транспортируется в будущее время (пролонгированность – одно из основных свойств розыскного указа в этот исторический период), но при этом возможной оказывается и изменение начальной точки отсчета, из которой и началось движение по розыскному маршруту.

Таким образом, рассмотрение текстовых категорий позволяет сделать выводы о системности розыскных деловых бумаг в этот исторический период и взаимообусловленности типологических признаков. Параметры информативности, диалогичности, времени и пространства, являются типологическими признаками любого розыскного делового документа.

Письмо как коммуникативный акт

(на материале переписки представителей белорусской и русской интеллигенции)

С. А. Важник, А. А. Албут

Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

waznik@yandex.ru

Письмо, коммуникативный акт, речевой макроакт.

Summary. This work analyzes the letter regarded as a communicative act within pragmatics. The author has identified verbalized markers of the respective communicative situation, which determine the situation both from a real addresser's and an implied-addressee's viewpoints. The Letter is also a macroact of speech and is comprised of speech types. This provides opportunities for a letter typology based on the taxonomy of speech acts.

Письма классиков литературы важны как источник сведений об этапах жизни и творчества, мировоззрении, круге контактов, но есть и особая лингвистическая ценность: эпистолярные тексты – это слепок языковой личности писателя. Богатые возможности открывают письма для исследования с позиций лингвистической прагматики, ведь аутентич-

ные письма – антропотексты, которые важно изучать с учетом всех компонентов ситуации общения (участники, характеризуемые как отдельно (особенности личности, интересы, внешность, настроение, социальная, этническая, половая принадлежность), так и во взаимоотношении – степень знакомства, взаимная расположенность, социальный

статус и другие ролевые отношения), пространство, время, наличие третьих лиц, цели, задачи и т. п.). Таким образом, в фокусе находится письмо как акт говорящего в совокупности с вербализированной ситуацией осуществления данного акта. Акт адресата и его хронотоп, отличный от реального хронотопа адресата, как компонент коммуникативного акта, представлен виртуально, через призму сознания адресанта. Письмо – материализованное взаимодействие на коммуникативно-прагматической оси «адресант – адресат» (я – ты), поэтому образ адресата различными способами вводится в письмо, актуализируется в нем – участвует в диалоге отдаленно взятого эпистолярного текста (т. е. в письме как коммуникативном акте). Важно учитывать, что речь идет не о реальной личности адресата, а о презентации адресата адресантом в тексте письма. Некоторые примеры, в которых акцентированы параметры ситуации акта говорящего и предполагаемый образ адресата, помещенного в некий хронотоп: *Пишу Вам, что называется, на ходу. Даже не в ту чернильницу погрязил перо. Дело в том, что Ваше письмо датировано 8 / III, а получил я его только сегодня, 13 / III, и я боюсь затягивать время, которое так дорого Вам сейчас* (Якуб Колас С. М. Городецкому); *Конечно, когда будете ехать на дачу в свою «виллу» в Мозыре, то сделайте пересадку в Минске и пару дней с женою отдохните у меня. К тому времени у меня все будет цвести и созреть* (Янка Купала К. С. Елисееву).

Возникает вопрос о соотношении понятий «письмо» и «речевой акт». Организация общения, коммуникативного акта и непосредственно речевого (иллокутивного) акта иерархична. Очевидно, что в письме представлены разнообразные типы речевых актов (например, приветствие, извинение и др. экспрессивы, просьба как представитель директивов, обещание как вид комиссивов). Но и само письмо – это речевой макроакт. Можно говорить об атомарных речевых актах, способных выступать участниками более крупного иллокутивного образования – речевого типа. Например, речевой тип *просьба* конституируется не только собственно речевым актом просьбы, но и ассертивами, экспрессивами, комиссивами: *Конечно, приходится сожалеть, что*

Вы как переводчик, а я как автор поставлены перед фактом врезок и кастраций. Ваше любезное обещание в будущем сделать полный перевод поэмы в значительной степени компенсирует мое огорчение по поводу сокращения поэмы для первого ближайшего издания. А потому я, полагаясь на Ваше любезное внимание к поэме и считая, что Вы вошли в курс ее, предоставляю Вам самим полное право по своему усмотрению делать сокращения внутри глав. Я только хотел бы просить Вас, дорогой Сергей Митрофанович, снабдить перевод вступительной статьёй, где Вы бы сделали несколько замечаний по поводу поэмы и тех приемов внешнего порядка, к каковым приходилось Вам в силу известных обстоятельств прибегать, к тем или иным врезкам, опущениям и т. д., чтоб из этой статьи читателю видно было лицо поэмы в ее целом. Если мои полномочия, каковыми я Вас облакаю, создадут Вам известные затруднения, тогда пишите об этом – я охотно приду к Вам на помощь. Делаю же я это потому, чтоб Вам дать экономии времени и предоставить Вам большой простор в Вашей работе (Якуб Колас С. М. Городецкому).

Макроакт письма составлен из различных речевых типов, среди которых выделяется доминантный, реализация конституирующей интенции которого и обусловила осуществление данного макроакта – написание письма. Для именования всех названных единиц (речевой акт, речевой тип, доминантный речевой тип как тип макроакта письма) нами используется в качестве базовой таксономия речевых актов Дж. Серля. Таким образом, представлен подход к построению типологии писем в русле лингвопрагматики.

Анализ коммуникативного поведения, удовлетворяющего требованиям кооперативности, вежливости, на материале переписки национально-прецедентных личностей актуален для развития лингвопрагматической теории, а также повышения коммуникативной компетенции в неканонической ситуации общения – при несовпадении времени и пространства коммуникантов – в письменной форме (не только для «традиционных» писем на бумаге, но и для коммуникации, опосредованной современными техническими средствами).

Особенности арт-дискурса в современном медиапространстве

З. А. Ветошкина

Краснодарский краевой институт дополнительного профессионального педагогического образования

petr-pervy@yandex.ru

Арт-дискурс, публицистический дискурс, концептуальная картина мира, аксиологическая модальность, деонтическая модальность.

Summary. The paper gives an observation of the modern mediadiscourse's problems. The art-discourse has been viewed as a kind of the publicistic discourse. The examples of different art-discourses are included. The special attention is paid to the conceptual world picture of the art-discourse's authors, the axiological and deontical modalities.

Одной из проблем, актуальных для исследователей современной журналистики, является осмысление жизненных приоритетов в СМИ, которое осуществляется через индивидуально-личностное (человек в центре внимания) и духовно-эстетическое (в фокусе – творения человека) измерения (А. Н. Гришанина). С этой точки зрения особый интерес представляет медиадискурс об искусстве, который мы предлагаем называть «арт-дискурс». Данный термин используется в современной теории культуры (например, А. Ю. Демшиной, М. В. Тлостановой и др.).

Продуктивным представляется рассматривать арт-дискурс как разновидность публицистического дискурса, в основе которого «авторское мнение, авторская позиция» (М. Н. Ким). В современном медиапространстве существует несколько наиболее популярных жанровых разновидностей арт-дискурса (интервью, дискуссия, ток-шоу и др.), обзор которых дает возможность выявить определенную их общую особенность: среди наиболее частотных оказываются те, в центре внимания которых личность актера, художника, поэта, музыканта и пр., его биография. Следовательно, можно говорить о тенденции, называемой антропологическим подходом к исследованию культурной жизни, который предпола-

гает «изучение общества в его человеческих измерениях» (М. А. Воскресенская).

С целью более точного определения понятия «арт-дискурс» необходимо изучение концептуальной картины мира, характерной для его автора. Особый интерес, на наш взгляд, представляет жанр портретного интервью с творческой личностью, в котором представлены картина мира художника (в широком смысле) и картина мира обобщенного зрителя (слушателя, читателя), транслируемая журналистом. Проведенный нами анализ около 50 телеинтервью и интервью, опубликованных в периодических печатных изданиях (за последние пять лет), показал, что базовым для такого рода дискурса является концепт «творчество»; нами отмечены трудности, связанные с его вербализацией, которые преодолеваются за счет ряда концептуальных оппозиций, среди которых обнаруживаются две ключевые: творчество / деньги и творчество / власть.

Другая важная особенность арт-дискурса обнаруживается в процессе исследования такой универсальной категории, как модальность, которая понимается нами в широком смысле – как отношение субъекта речи к сообщаемому (Ш. Балли). Лингвистический анализ вербальной составля-

ющей, а также наблюдение за невербальными выразительными средствами (в телеинтервью) нескольких разновидностей арт-дискурса позволяет выявить специфику его аксиологической и деонтической модальностей. Наиболее ярко выражена аксиологическая модальность, в большей мере за

счет эксплицитных средств. Деонтическая модальность обычно реализуется имплицитно, что связано с непрямой дидактикой современного арт-дискурса, предоставляющего реципиенту свободу выбора, а также предполагающего у него наличие творческого восприятия сообщаемого.

Парадигматический выбор как модель проблемной ситуации создания текста

С. Н. Виноградов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

vinogradov54@mail.ru

Лексика, парадигматика, проблемная ситуация, инвариант, модель.

Summary. The paradigmatic choice is model of a problem situation of text creation, in which invariant formalizes a problem, and choice options – its possible decisions. This model is considered with examples of a speech lexical variations concerning the identical text matter, and with the various translations of the same original.

Парадигматика имеет функциональный характер и связана с выбором одного варианта из некоторого их набора на каждом шаге развертывания речи. Общность вариантов отражена в понятии инварианта, который вербализует проблему выбора, а результат выбора одной из альтернатив – одно из возможных решений этой проблемы [3]. Примеры такой проблемной деятельности представлены в выборе слов и других лексических единиц в писательских черновиках.

Сложность этой деятельности обусловлена, во-первых, тем, что выбор делается не обязательно из ряда синонимов или других языковых единиц, между которыми имеются узловые языковые отношения. Например, для именованного главного героя романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкин использовал номинативные единицы, не являющиеся языковыми синонимами (*молодой повеса, наследник всех своих родных, герой моего романа, Онегин, добрый мой приятель, ребенок и др.*). Во-вторых, парадигматические отношения – это общесемиотическое явление, которое обнаруживается не только собственно в языке, но и в различных дискурсах (в смысле Р. Барта [2]). Так, в приведенном примере инвариантом является номинация *главный герой романа «Евгений Онегин»*, которая характеризует художественный дискурс (большинство перечисленных номинаций не содержит семантического компонента «главный герой романа»). В-третьих, инвариант носит операционный характер, так как порождается в процессе деятельности [5] (в процессе создания и интерпретации текста) и отражает ее особенности в конкретных коммуникативных условиях. Поэтому, например, инвариант *главный герой романа «Евгений Онегин»* может быть сформулирован иначе (*Евгений Онегин, центральный персонаж романа Пушкина и т. д.*). Коммуниканты несколько по-разному видят проблему и соответственно по-разному осуществляют парадигматический выбор.

Умение осуществлять речевой выбор – одно из необходимых условий владения языком. Осознание множества вариантов, умение их оценивать – это аспекты творческой деятельности, опирающейся на знание языка и позволяющей совершенствовать это знание.

Парадигматический выбор можно наблюдать в различных переводах на русский язык одного и того же текста, например, первых строк «Реквиема» Р. Л. Стивенсона (подстрочник: «*Под широким и звездным небом вырвите могилу и позвольте (дайте) мне лечь (в нее)*»). Рассматриваются следующие варианты перевода: *Под небом широким, в сиянье светил пусть бы кров мой последний я получил!*; *Под звездным простором, в высоких горах могильной землю укройте мой прах*; *Под небом просторным, в подлунном краю меня положите в могилу мою*; *К широкому небу лицом ввечеру положите меня, и я умру* [4]; *Под звездами ищу погоста – могилу вырой мне по росту* [6]; *Под этой широкой звездной рекой пусть обрету я вечный покой* [8]; *Под небом, звездным и большим, мне руки на груди сложи* [1]; *Под небом распахнутым, в гроздьях звезд, могилу мою да хранит утес*

[7]. В переводах обнаруживается небольшое количество синонимичных замен (*широкий – большой, просторный, распахнутый*). Но имеют место также замены, основанные на различных смысловых ассоциациях. Небо – простор (метонимический перенос наименования с предмета на его свойства: *Под звездным простором, в высоких горах...*). Небо метафорически уподобляется реке (*Под этой широкой звездной рекой...*), а звезды – гроздьям (*Под небом распахнутым, в гроздьях звезд...*). Имплицитная информация о звездном сиянии, о луне в ночном небе, о том, что звезды появляются вечером, отражена в ряде фрагментов переводов (*Под небом широким, в сиянье светил...*; *Под небом просторным, в подлунном краю...; К широкому небу лицом ввечеру положите меня...*). Отношение «часть-целое» отражено в замене «могила – погост»: *Под звездами ищу погоста...*. Могила ассоциативно связывается с вечным покоем (*...Пусть обрету я вечный покой*), с позой умершего (*...Мне руки на груди сложи*), с приютом (*...Пусть бы кров мой последний я получил*).

Эта совокупность ассоциаций отражена в выборе лексических единиц, например: *широкое и звездное небо* (подстрочник) – *звездный простор, просторное небо, звезды, широкая звездная река, распахнутое небо, гроздь звезд*. В качестве инварианта выступает подстрочник или англоязычный оригинал. Операционный характер инварианта предполагает, что каждый коммуникант видит его по-разному. Различие восприятия инварианта является одной из причин вариативности выбора способов его выражения при переводе. Набор парадигматических вариантов вместе с их инвариантом представляют собой модель деятельности, в процессе которой решается творческая задача – построение текста на основе выбора переводчиком текстовых единиц. Эту модель можно использовать при обучении переводу, культуре речи, риторике и другим лингвистическим дисциплинам.

Литература

1. Ананьин Валерий. Из английской поэзии [http://avtor.karelia.ru/elbibl/ananjin/iz_anglyskoy_poezii.pdf] (дата обращения 25.09.2013).
2. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 442–449.
3. Виноградов С. Н. Проблемная ситуация в тексте школьного учебника по литературе // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 3. С. 42–46.
4. Лукашевич М. Дуэли переводчиков. О переводах Р. Л. Стивенсона // Русский Журнал (дата публикации 4 февраля 2003 г.) [http://old.russ.ru/krug/20030204_luk.html] (дата обращения 25.09.2013).
5. Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа: операционный аспект. Свердловск. 1986.
6. Стивенсон Р. Л. – 2 (перевод Александра Конёва) // Стихи.ру [http://www.stihi.ru/2012/05/24/6930] (дата обращения 25.09.2013).
7. Стивенсон Р. Л. Реквием (перевод Георгия Яропольского) // Стихи.ру [http://www.stihi.ru/2010/07/19/5285] (дата обращения 25.09.2013).
8. Стивенсон Р. Л. Реквием (перевод Сергея Вечеровского) // Стихи.ру. [http://www.stihi.ru/2012/11/23/8027] (дата обращения 25.09.2013).

Речевые типы текстов-рассуждений: объяснение, аргументация, инструкция

И. М. Вознесенская, Д. В. Колесова, О. В. Хорохордина, Н. В. Шкурина

Санкт-Петербургский государственный университет

iravoz@mail.ru, dkolessova@gmail.com, olgakhor@yahoo.fr, natalia.shkurina@mail.ru

Типы текста, рассуждение, объяснение, аргументация, инструкция.

Summary. The paper develops the issues of text typology and offers a linguistic interpretation of texts based on the following thought procedures: explanation, argumentation, and instruction. A detailed study of linguistic means used in the given speech structures matches the tasks of teaching speech cohesion (speech perception and production).

Рассуждение принято рассматривать как один из функционально-смысловых типов речи (ФСТР) наряду с повествованием и описанием. При этом общими характеристиками данного ФСТР обычно считают логическое построение и наличие аргументов. Однако рассуждение типологически неоднородно, требует уточнения характеристика речевых типов, представляющих ментальный мир (аргументация, объяснение, инструкция), и одним из оснований для выделения типов этого ФСТР может служить тип проблемного вопроса.

Объяснение как специфическая интенция говорящего реализуется посредством информирования о существенных (или актуальных в определенной ситуации) характеристиках объекта с целью расширить (изменить) о нем представления адресата.

Данный параметр определяет специфичность объяснения (как представления знания для его понимания) в сопоставлении с аргументацией (как убеждением в определенном мнении), доказательством (как убеждением в истинности), инструкцией (как побуждением к правильным действиям). Ср.: *Я знаю, что ... и хочу, чтобы ты тоже это знал; Я считаю, что ... и хочу, чтобы ты с этим согласился; Я прав в том, что ... и хочу, чтобы ты это признал; Я знаю, что и как надо делать, и хочу, чтобы ты действовал так.*

Основная целеустановка говорящего на объяснение некоторого феномена действительности обуславливает выбор общего смыслового вектора в текстопорождении – представление тех или иных признаков объекта, раскрывающих его существенные черты, необходимые для понимания адресатом. Общая логико-структурная модель объяснения (тезис-комментарий) дает представление о компонентах данного типа текста, однако не позволяет детализировать варианты его речевого построения. Чтобы узнать, как складывается поступательное движение информации в процессе порождения такого типа текстов, как формируется его коммуникативная перспектива, какие варианты построения возможны и чем эти варианты обусловлены, необходимо выявить дополнительные основания, которые могут послужить опорой типологии. В этом смысле представляется целесообразным опереться на категории актуального членения и попытаться выявить типы текстов-объяснений в зависимости от содержания рематического компонента.

Если рассуждение направляется проблемными вопросами *почему* и / или *зачем*, то перед нами собственно **аргументативные** тексты – такие тексты, которые (1) являются продуктом *рационального* постижения мира и его объяснения, (2) имеют главной целью *убедить* реципиента, а потому подразумевают, что первоначальная предполагаемая *интенция реципиента* – несогласие с идеей субъекта, а его ожидаемая интенция после знакомства с аргументативным текстом – согласие. С точки зрения композиции и составных элементов характеризуются тем, что в них (3) присутствуют (эксплицитно или имплицитно) *тезис, аргументы и вывод*. С точки зрения используемых языковых единиц важно, что при аргументации важно ориентироваться на ожидания и общекультурную базу реципиента, т. к. необходим (4) *учет социально-исторических факторов*. Кроме того, такие тексты (5) относятся к ментальному полю *познания* и призваны обеспечить скачок *от старого знания к новому*; аргументация необходима в том случае, когда человеку нужно принять решение, т. е. (6) подразумевается *ситуация выбора* из имеющихся возможностей.

Степень сложности (как построения, так и восприятия) аргументативного текста во многом зависит от того, какому полю принадлежат те единицы, которые призваны убедить

реципиента. То, что лежит в области рационального знания, общего для представителей всех культур, может быть рассмотрено как точка отсчета. То, что принадлежит полю прецедентности и подразумевает общность историко-культурной базы автора и реципиента, является основанием для оценки текста как более сложного. То, что опирается на глубинные национальные стереотипы и не может быть понято без учета специфики воспринимающего сознания, – заставляет аттестовать текст как еще более сложный. Общим для всех типов аргументативного текста остается его классическая композиция, которая может быть представлена в некоторой части имплицитно (что становится возможным лишь благодаря уверенности реципиента в единственно возможной структуре аргументации).

Проблемная ситуация может сводиться к вопросу: *Что делать?*, ответом на который служит **текст-инструкция**, имеющий ряд типовых параметров. Это: *интенция* – *научить*, типовая *прескриптивная тональность*; типовое *содержание*, выражаемое взаимодействием двух фреймов: *фрейма-набора* (субъекты, объекты, инструменты, способы, обстоятельства и наименования действий, которые необходимо совершить для разрешения проблемной ситуации) и *фрейма-сценария* (последовательность действий); средства выражения – типовые *способы изложения* инструктивного содержания (ряд типовых синтаксических конструкций).

Взаимоотношение между параметрами можно положить в основу типологии речевого жанра инструкции. При соответствии параметров в пределах одного текста порождается *прямой* речевой жанр инструкции: либо *элементарный* (его сценарий из одного действия выражен простым неосложненным предложением), либо *редуплицированный* (соединение двух или нескольких элементарных), либо *комплексный* (осложнение элементарного или редуплицированного жанра объяснительными, комментирующими, мотивирующими компонентами).

Типовые инструктивные параметры могут использоваться в текстах и не в полном наборе. Если в тексте инструктивное содержание не выражено вербально – перед нами *косвенный* жанр инструкции.

Особая ситуация может складываться в художественных текстах. Здесь, с одной стороны, возможна реализация *глубинного косвенного* жанра инструкции (когда инструктивные интенции и содержания выявляются лишь путем тщательного анализа), с другой стороны, инструктивный способ изложения может соединяться с не-инструктивным содержанием, свойственным, например, портрету или объяснению, в результате чего порождается глубинный жанр, осложненный не-инструктивными интенциями. Подобного типа тексты назовем *мультиплицированными* инструкциями.

Инструкция как тип текста может получать реализацию в целом ряде конкретных речевых жанров, таких, например, как *руководство, указ, приказ, рецепт (медицинский, кулинарный), режим, порядок действий* (например, при эвакуации), *наказ, поучение, заповедь, завет, басня* (этот список может быть продолжен), а значит, по отношению к ним речевой жанр инструкции выступает как прототип, или *над-жанр*.

Таким образом, для современного лингвистического представления рассуждения как одного из базовых функционально-семантических типов текста необходимо выявление существенных признаков образующих этот тип текста подтипов – аргументации, инструкции, объяснения. Типологическому представлению этих признаков и будет посвящен доклад на конференции.

Трансформация игровых жанров традиционной культуры в современном медиадискурсе: приколы «Русского радио»

Т. А. Гридина

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

tatyana_gridina@mail.ru

Языковая игра, медиадискурс, игровые жанры.

Summary. The pragmatics of language game as special creative “strategy” of interaction with the addressee in the Russian media discourse is analyzed. Tendencies of transformation of game genres of traditional culture in the light of priorities of modern communication are outlined. Correlations of the constructive principles of language game and the hidden meanings in a genre of “tricks” of “The Russian radio” come to light.

Жанр *прикола* является традиционным для смеховой культуры русского народа, выступая особой разновидностью острословия и балагурства. Данная игровая форма укоренена в фольклоре и активно используется в устной разговорной речи. Суть *прикола* состоит в том, что некая мысль, передаваемая собеседнику, содержит «подвох», направляющий его по ложному пути, вводя в заблуждение, вызывая эффект обманутого ожидания. Такой эффект строится на рассогласовании формальной и содержательной стороны речи, что достигается в частности различными приемами языковой игры (ЯИ). Например, разговорно-фамильярная реплика «Дай / держи пять!», которая выражает значение приветствия (побуждения собеседника к дружескому рукопожатию), может иметь и иной смысл: «попросить пять рублей взаимы». Намеренная провокация заключается в возможности подмены значения данной фразы в конкретном акте речи (Скажи: «Дай пять». – Ну, дай пять. – А где девка взять). В подобных случаях прикол – это своего рода «поддевка», ставящая адресата в глупое положение, но при осознании намеренности действий партнера, считывании его шуточной интенции, эта игра не воспринимается как обидная. Для коммуникантов представляет интерес не только и не столько возможность подстроить «ловушку» собеседнику, сколько занимательность (остроумие) самих кодов ЯИ, нарушающих привычную логику «вещей». В современной языковой ситуации этот жанр претерпевает существенные изменения: во-первых, исходная «обманная» функция прикола уступает место функции моделирования игрового парадокса, создающего эффект «шокирующего» воздействия на адресата; во-вторых, расширяется сам тематический «репертуар» так называемых приколов, среди которых оказываются разные субжанры: антипословицы (Вальтер, Мокиенко 2010), озорнушки (Энциклопедия отечественных приколов 2010), политприколы (Гридина 2012), в основе которых лежат намеренно создаваемые механизмами ЯИ имплицитур; в-третьих, жанр прикола «легализуется», выходит за рамки традиционных сфер употребления (игрового детского фольклора и разговорного просторечия), проникая в том числе в медиадискурс. Таковы в частности приколы «Русского радио», ставшие частью имиджа ведущих данного канала вещания, в первую очередь – приметой игрового стиля общения с радиослушателями Н. Фоменко (автора и транслятора смешных выражений, дозированно «вкрапляемых» в радиопередачи развлекательного характера и перемежающихся с трансляцией серьезной официальной информации).

Рассмотрение трансформации прикола в сфере радиокоммуникации позволяет наметить новые аспекты лингвопрагматики ЯИ как особой креативной «стратегии» взаимодействия с адресатом. Особо подчеркнем в этой связи тот факт, что лексемы *прикол*, *прикольнo*, *прикольнoй* в молодежном жаргоне (и не только) обладают положительным оценочным зарядом. Основная функция приколов «Русского радио», безусловно, развлекательно-аттрактивная, в то же время эта жанровая форма транслирует и во многом формирует ценностные установки современного социума.

Экспрессивный эффект восприятия прикола как парадоксального высказывания, содержащего выводимую имплицитур, моделируется при помощи конструктивных принципов и приемов ЯИ (Гридина 1996). Отметим некоторые корреляции техники ЯИ и имплицитур с ее помощью смыслов в приколах «Русского радио»:

1. Создание игровых имплицитур по принципу **ассоциативной провокации**: *18 лет бывает только раз в жизни, а 81 и того реже*. Обыгрывание прецедентного текста из песни («В жизни раз бывает 18 лет...») за счет синтаксической (рема-тематической) инверсии и числовой символики создает смысл «не каждый доживает до преклонного возраста» (81 год – перевернутое число 18).

2. Создание игровых имплицитур сексуальной направленности, что составляет стихию современного юмора: омофоническая **ассоциативная идентификация** (*А лес такой загадочный, а слез такой задумчивый*); создание эффекта двусмысленности путем **ассоциативного наложения** смыслов (*Главное, чтобы киндер не был сюрпризом*, ср. контекстуальное ситуативное переосмысление значения второго компонента прототипической номинации *киндер-сюрприз*); создание гибридных фразем (*Баба с возу – потехе час*): **ассоциативная интеграция** как конструктивный принцип ЯИ создает смысл: «освободившийся от брачных уз мужчина может предаваться развлечениям в свое удовольствие»).

3. Ироническая дискредитация символики ономастикона традиционной народной культуры (фольклора). *Вышла Василиса Прекрасная за Ивана Дурака и стала Василиса Дурак*. Имитация комической ситуации смены фамилии при замужестве – в опоре на заданный сказочным сюжетом лингвокультурный код и **ассоциативную выводимость** и **идентификацию** оценочной семантики онима и апеллиатива.

4. Намеренный эпатажирующий цинизм в обращении с прецедентами из сферы «непреходящих» ценностей: *Гагарин был первым проходимцем в космосе* (ложно идентифицирующая парадоксальная подмена паронимом *первопроходец* и *проходимец* с разными оценочными векторами).

5. Обыгрывание гендерных стереотипов обыденного сознания: *Мужчины – женитесь, женщины – мужайтесь!* (**ассоциативная провокация**, содержащая намек на характер семейных отношений: императив *мужайтесь* в данном контексте приобретает двойкий смысл: буквальный, соотносительный с выражением *выходить замуж*, и переносный, соотносительный с выражением *набраться мужества*).

6. Имплицитур обцененного смысла с использованием эффемизации: *Диктую большими буквами* (завуалированное обозначение типового выражения с использованием мата).

7. Создание «осовремененных» афоризмов по принципу ассоциативной провокации с использованием прецедентных прототипов: *В вине – мудрость, в тиве – сила, а в воде – микробы*. Ср. латинское выражение *In vino veritas* («Истина в вине»), ассоциативно коррелирующее с первой частью высказывания, и в целом дискредитацию ценности воды «из водопровода» (в противовес якобы полезным свойствам спиртных напитков).

8. Псевдоположительная оценка как средство выражения шуточной иронии: *Хорошая болезнь склероз – ничего не болит, и каждый день новости*. Имплицитурна основана на presupпозиции «склероз – болезнь, при которой происходит потеря памяти, и соответственно любая информация воспринимается как новая для больного».

Приведенные примеры игровой трансформации прикола, безусловно, не исчерпывающие его прагматический функционал, тем не менее, проявляют «память жанра» традиционной культуры в новых условиях коммуникации как особой формы иронической дискредитации расхожих истин, стеба, игры на грани фола, не признающей запретных тем.

Юмористическая энциклопедия «Луркоморье»: особенности языка и оценки

В. В. Дементьев

Саратовский госуниверситет им. Н. Г. Чернышевского

dementevvv@yandex.ru

Луркоморье, интернет-энциклопедия, оценочность.

Summary. In the paper have been discussed two fundamentally different varieties of popular in the modern Russian-language Internet genre of anonymous collective encyclopedia – Russian Wikipedia and Lurkmore.ru. Originally created as a carnival, a postmodern parody of Wikipedia, Lurkmore.ru develops some new traits, such as judgmental subjectivity, arising from the desire of authors to demonstrate not only their creativity, but also sincerity, courage and freedom.

В докладе представлен лингвистический взгляд на относительно молодую и малоизвестную юмористическую интернет-энциклопедию «Луркоморье» (6425 статей на 20 окт. 2013). Поскольку «Луркоморье» создавалось на базе русскоязычной «Википедии», много внимания уделяется сравнению данных энциклопедий, прежде всего, с точки зрения особенностей языка, а также оценки, которая на «Википедии» отсутствует (по крайней мере в теории), на «Луркоморье» же приветствуется и весьма заметна.

Начнем с общего: статьи в обеих энциклопедиях анонимны и коллективны (а значит, в значительной степени разноплановы), есть возможность их обсуждения и исправления, редактирования, дополнения новой информацией; авторы обеих – *Анонимусы* – стремятся к объективности (например, приводят противоположные мнения / цитаты).

К главным отличиям Луркоморья от Википедии следует отнести:

- возможность оценочных высказываний (как и следовало ожидать, доля отрицательной оценки значительно преобладает), много прямых, грубых, непolitкорректных и т. д. номинаций, характеристик;
- много подробностей, мелких бытовых деталей, при этом подчеркнута много внимания уделяется фактам низким и стыдным, нередко и смакование грязи;
- неофициальный и часто оригинальный язык, включая, с одной стороны, языковую игру, окказионализмы и неологизмы (обычно обыгрывается русский язык, но нередко и английский), с другой – жаргонизмы и мат;
- подчеркнутая современность («модность») точки зрения и текста: активное использование интернет-сленга, частотное упоминание «молодежных реалий»; с другой стороны, иногда *Анонимусы*, наоборот, отдают предпочтение «старому» – произведениям, отношениям между людьми, нормам, моде.

В целом система оценок на Луркоморье производна от его идеологии – а это, вообще говоря, свобода и борьба с двумя сильнейшими авторитетами в сегодняшней России (и, видимо, мире): властью (*Анонимусы* подчеркнута непочтительны к власти, немало и прямых политических обвинений) и деньгами (заказных или рекламных статей на Луркоморье как будто бы нет вовсе). Википедия тоже позиционирует себя как *свободная энциклопедия*, но здесь свобода, в общем, понимается только как возможность сообщения информации независимо от власти – ср. недавний конфликт с властью РФ из-за статьи *Курение каннабиса*, где Википедия победила. На Луркоморье свобода понимается значительно шире и, в общем, означает, что *Анонимус* выражает оценку – причем исходя только из своих внутренних убеждений: *В отличие от Википедии, мы не ставим своей целью написать обо всем на свете сразу и не руководствуемся мифическими критериями «значимости» и «энциклопедичности».*

Большая часть деятельности *Анонимусов* приходится на полемику с необъективно завышенными (с их точки зрения) оценками – а это прежде всего *фанаты*: их *Анонимусы* подвергают *троллингу* – насмешкам и издевательствам (некоторое исключение делается только для фанатов *аниме*). *Анонимусы* избегают давать положительные оценки чему-либо, что угодно провластным или просто влиятельным группам, или когда положительная оценка является слишком распространенной, «*топсовой*». Например, ругают Сол-

женицына (он прямо назван *лжецом*) и Сергея Лукьяненко (специально для него ввели термин *пейсатель*), весьма критично подается информация о Высоцком, Окуджаве и Викторе Цое, у которых много фанатов, КСП и т. п. Наоборот, в цене похвала менее известным или забытым авторам, фактам (ср., например, статью о практически забытом сегодня детском фильме «Сказка странствий»).

Негативная оценка, как и в карнавале в целом, имеет почти конвенционально закрепленные формы выражения с упоминанием гениталий, фекалий и т. д. Это, по-видимому, должно производить впечатление искренности, «правды невзирая на лица». Личностный характер оценки (субъективность, эмоциональность, искренность) иногда подчеркивается прямым выражением авторского «я» (несмотря на то, что автор – «анонимус»): (Брюс Уиллис) *породил за это время немало вина и еще собирается – я гарантирую это.*

Оценочная деятельность *Анонимусов* распространяется не только на *сабжи* как таковые, но и на чужую оценку, с которой не согласны. Внимание к адресату проявляется и в том, что реакцию на некоторые статьи стараются предупредить («*статьи-детекторы*»). Интересно отношение к возможной критике: с одной стороны, редактирование и исправления приветствуются (*Эта статья сделана из уныния и отчаяния, сделайте с ней что-нибудь, пожалуйста*), с другой – не менее частотны и предостережения к потенциальным авторам (*Это хорошая, хорошая статья. Вы можете помочь уютенькому, если не будете ее трогать. Не надо. Займитесь лучше чем-нибудь полезным*).

Одним из главных источников карнавальной экспрессии Луркоморья является противостояние официозу. Ярким примером может служить судебный процесс против Кати Гордон, который был подробно освещен на Луркоморье. Здесь, в отличие от Википедии, подчеркивается свобода Луркоморья от самой юридической сферы. Гордон (хотя она выиграла процесс) оказывается в проигрышной позиции уже потому, что переводит спор с неофициальной правды Луркоморья в юридическую плоскость.

Язык Луркоморья имеет синтетический и противоречивый характер:

- сохраняется ряд особенностей языка и гипертекста, присутствующего в интернет-энциклопедиях, прежде всего Википедии. Сюда можно отнести структурирование текста по «категориям», которые обычно стандартно и однотипно оформляются, но на Луркоморье это часто имеет пародийный оттенок, например: *Любовь и обожание / Аниме / Телевидение / Япония / Основы / Японизмы*;
- активно используются почти все особенности языка неинституционального неофициального интернет-общения – фонетические / орфографические, лексические, морфологические, словообразовательные (в большинстве случаев использование этих средств имеет игровой характер);
- источником, во многом определившим и языковой облик, и идеологию Луркоморья, стал жанр *имиджборда*, активными участниками которого были фактически все первые авторы Луркоморья. Язык *имиджбордов* подчас весьма сложен, требует основательной подготовки. Включаем в эту группу, прежде всего, аббревиатуры, прецедентные тексты и заимствования не из английского, а из японского языка (например, *кавайный* – милый, *отакэ* – фанат аниме, *гой* – гей).

Идеалы женской рекламы (на материале рекламных объявлений из журнала COSMOPOLITAN)

А. Диомидова

Вильнюсский университет (Литва)

alla.diomidova@gmail.com

Реклама, рекламный дискурс, концептуальная метафора, когнитивная модель.

The object of this paper is secondary advertising discourse. The purpose of our research is to carry out cognitive analysis of advertising discourse and to find out which metaphorical models prevail in the advertising discourse of 'Cosmopolitan'. Methodological basis for the research is J. Lakoff's definition of a conceptual metaphor and model of political discourse analysis. Such metaphorical models as BEAUTY IS JUVENESCENCE and BEAUTY IS FIGHT are analysed in the paper.

Рекламе и рекламному дискурсу в последнее время посвящается множество научных работ. Феноменом рекламы интересуются не только специалисты в области продвижения товаров, но и философы, социологи, культурологи и лингвисты. Традиционно рекламный дискурс подразделяется на первичный (информация о товаре) и вторичный (информация о потребителе). Объектом данного исследования является именно вторичный рекламный дискурс.

Особое внимание в работах по рекламе уделяется изучению механизмов ее воздействия на потребителя. Известно, что воздействие рекламы по силе можно сравнить с воздействием пропаганды в тоталитарных обществах. Общие черты рекламы и политической пропаганды отмечал уже В. Клемперер в своем известном труде «Язык Третьего Рейха», где он описывал господство цифр и суперлатива в текстах нацистской пропаганды, которое, по его мнению, пришло из текстов американской рекламы [2: 210–212]. Реклама, безусловно, является инструментом манипуляции и запугивания, как и тоталитарный дискурс, ее воздействие основано прежде всего на возбуждении у потребителя различных страхов (страха оказаться в арьергарде современного общества, например). «Специалисты по рекламе, всячески выказывая свое сочувствие страхам и тревогам масс, на деле прежде всего стремились к нагнетанию этих страхов, дабы уменьшить внутреннее сопротивление потребителей своим продуктам» [Классен 2003: 426]. В данной работе мы не ставим перед собой цели исследовать механизмы воздействия на покупателя. Они достаточно исследованы. Нашей целью является попытка ответить на вопрос не о том, как реклама внушает, а что при помощи внушается потребителю, то есть какие установки и ценности навязывает современная реклама товаров своим потребителям.

Материалом исследования послужили рекламные объявления из журналов Cosmopolitan (русская версия) нескольких последних лет (2003–2008 гг.). Очевидно, что по набору рекламируемых в Cosmopolitan товаров этот журнал отличается и от похожих глянцевого женских журналов, и от стандартного набора телевизионной рекламы. В нем практически отсутствуют рекламы еды (например, бульонных кубиков), стиральных порошков и другой бытовой химии, бытовой техники, различных лекарств. Таким образом, основными рекламируемыми товарами являются те, что относятся к так называемой «индустрии красоты» – парфюмерия, косметика, различные средства ухода за волосами, телом. Формализация объекта стремления, того, к чему побуждает, что понимает под достижением цели реклама данной группы, позволит понять, что такое красота по-Cosmopolitan.

Исследование проводилось при помощи стандартной методики контент-анализа. Результаты представлены в виде когнитивных моделей, когда одна область действительности (красота) осмысливается в терминах других областей. Идеологическая составляющая вторичного рекламного дискурса может быть достаточно успешно описана при помощи современных методик когнитивного анализа дискурса (Дж. Лакофф, Э. Лассан, А. П. Чудинов). В основе данных методик лежит теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [3]. Суть данных методик заключается в том, что по результатам контент-анализа, обычно выявляющего группы языковых единиц, объединенных семантическими и фреймовыми связями, исследователь пытается генерализовать одну или несколько концептуальных метафор.

Первая когнитивная модель, которая доминирует в женском рекламном дискурсе, это модель: **красота – это молодость**. Такой дискурс, в котором красота равна молодости,

кажется нам уже совершенно естественным. Однако, если мы сопоставим современные журналы и журналами советского времени, например, то мы увидим, что возможно другое осмысление красоты. Женские журналы советского времени были наполнены советами о том, как скрыть недостатки. То есть красота воспринималась как определенная гармоничность, пропорциональность, как отсутствие недостатков. В наше время стандарт внешности, который транслирует реклама, не связан с определенной формой глаз, лица или носа. Главное – это выглядеть моложе. Красота также не связана с внутренними качествами человека. Хотя красота как концепт является одним из понятий из «Триады великих ценностей: ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА» [1: 5]. Итак, в рекламном дискурсе Cosmopolitan молодость и красота становятся абсолютными синонимами. Доказательство тому, предлагаемый в рекламном тексте крем против морщин и обещание стать красивой. Можно предположить, что рекламный дискурс исключает возможность быть молодой и некрасивой, а убеждает женщин в том, что быть молодой – значит, быть красивой.

Стремление к **красоте** осмысливается в рекламном дискурсе как **борьба**. Анализ рекламных объявлений показывает, что одной из когнитивных моделей женского рекламного дискурса является метафорическая модель: красота – это борьба. Субъект рекламного дискурса находится в постоянных отношениях войны со временем (и с процессом старения, как результатом работы времени). Реклама данных товаров представляет их потребителю как средство, при помощи которого можно повернуть время вспять и одержать над ним победу – «Новая победа над временем» (Dior). Данный рекламный лозунг – «новая победа над временем» – подразумевает успешное окончание борьбы со временем, в которой время выступает в качестве врага или противника. Обычный исход войны – это либо победа, либо поражение. Победа в «нашей» войне – это молодость, поражение – старость. В рекламе процесс старения драматизируется: победа обеспечивается лишь активной борьбой, а отказ от борьбы трактуется как поражение. Таким образом реклама навязывает потребителю милитаристскую риторику и активный сценарий поведения.

На основании полученных данных можно заключить, что в рекламном дискурсе Cosmopolitan предлагается единственный способ взаимодействия с «признаками старения», «результатами работы времени» и другим естественными процессами (сухостью, стянутостью, проблемностью кожи, апельсиновой коркой и др.) – это борьба, осуществляемая при помощи «орудий». Старение как процесс в рекламе драматизируется и милитаризируется. Метафора формирует особый процесс восприятия на основе возникающих в сознании аудитории ассоциаций. Метафора способна манипулировать сознанием аудитории за счет интенсивного эмоционального воздействия на потребителя рекламных текстов. Такая метафорическая модель задает определенный *сценарий поведения*: женщина готова бороться с результатами воздействия времени рано или поздно одержит победу, а женщина, которая отказывается от борьбы, выбирает другой сценарий взаимодействия с возрастом, воспринимается как потерпевшая поражение. Предполагается, что женщина Cosmo (победительница) относится именно к тому типу женщин, для которых борьба является способом достижения многих целей. Таким образом, в сознание читательницы внедряется определенная модель поведения: ей навязывается сценарий борьбы с естественными процессами собственного тела.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 5–29.
2. Клемперер В. LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.
4. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

Современный девичий альбом: опыт жанрологического описания

Н. В. Ермакова

Донецкий национальный университет (Украина)

GorodokN@yandex.ru

Девичий альбом, модель речевого жанра, традиционная структура, жанровый признак.

Summary. The paper is devoted to the studying of the girlish album as a speech genre. As a theoretical basis of research the model of a speech genre by T. V. Shmeleva is taken. Consecutive practical application of this model shows that it is quite applicable for the analysis of written speech tradition: the girlish album completely corresponds to all genre signs.

Девичий альбом – малоизученное явление письменной речевой традиции. Его внутренняя организация, условия бытования, стилистические и языковые особенности привлекают внимание ученых разных областей научного знания. Изучение этого феномена представляет собой сложный, многоэтапный, многогранный процесс. Одним из самых важных моментов выступает вопрос о жанровой принадлежности альбома. Так, исследователи рассматривают его как фольклорный (А. В. Чеканова [3]), социокультурный (С. Б. Борисов [1]), литературный жанр (Л. И. Петина [2]). Между тем, доминирующим вектором должен стать тот факт, что девичий альбом – это прежде всего речевой жанр. Учитывая такую его специфику, можно более глубоко проникнуть в суть сложившейся традиции, аргументировать наличие внутренней, традиционной структуры.

Среди множества способов исследования речевых жанров, удачным опытом нам представляется абстрактная модель речевого жанра Т. В. Шмелевой, в которой автор предлагает применять для описания жанра анкету, состоящую из семи «жанрообразующих признаков» [4: 90]: образ автора, образ адресата, коммуникативная цель, диктум, формальная (языковая) организация, образ (фактор) прошлого, образ (фактор) будущего.

В своей работе мы последовательно спроецируем указанную модель речевого жанра на девичий альбом. Такой подход станет важным опытом анализа девичьего альбома с точки зрения его принадлежности к речевым жанрам.

В качестве главного жанрообразующего признака Т. В. Шмелева выделяет «коммуникативную цель» [4: 92]. Коммуникация в рамках девичьего альбома ориентирована на сверстников, на то, чтобы выяснить в каких отношениях хозяйка альбома находится с одноклассниками, друзьями, знакомыми. Чаще всего альбом девочка дает тем, с кем у нее приятельские отношения: подруги напишут множество добрых пожеланий. Нередко одновременно в классе распространяются сразу несколько альбомов. Выгоднее всего выглядят те альбомы, в которых наибольшее количество заполняющих (т. е. тех, кто ответил на вопросы, задания хозяйки). Самой популярной девочке класса пожелания пишут даже мальчики, что является знаком особого уважения.

Коммуникативная цель, по мнению Т. В. Шмелевой, противопоставляет четыре типа речевого жанра: информативные (цель которых – сообщение, запрашивание, опровержение информации), оценочные (направленные на разделение информации на полюсы «хорошо» – «плохо»), императивные (организуют мир реальных действий, указаний), ритуальные (обращенные к миру ритуализированных отношений и «формирующие фактом своего существования разнообразные события этого сложного мира» [4: 97]). Все перечисленные типы в той или иной мере присутствуют в альбомах. К информативным жанрам относятся вопросы анкет, оценочным – стихотворные и прозаические пожелания, императивным – просьбы хозяйки оставить роспись, стихотворение на память, ритуальным – «гадания», «чихалки», «икалки» и т. д. Наличие этих жанров формирует предполагаемый «образ автора» и «образ адресата». Образ автора равен образу хозяйки альбома, состоящему из нескольких респозиционных моментов: уважительно ли отношение к девочке в среде сверстников, опытность в ее отношениях с противоположным полом, социальный статус, уровень ус-

певаемости в школе. Помимо этих характеристик внимание заполняющих обращено на то, насколько красиво девочка сумела оформить свой альбом, какие и сколько вопросов, задач она задала своему адресату. Образ адресата достаточно узко мотивируется в альбомах. Ограничиваясь определенным кругом подруг, девочка заранее знает, кому она даст на заполнение свой альбом. Нередко этот круг состоит из 3–7 подруг. Такой альбом становится самым сокровенным.

Взаимоотношению «образ автора – образ адресата» сопутствуют образ прошлого и образ будущего: как и любая игра, альбомное творчество имеет начало и конец, место и время действия. Начинается все с того, что старшая сестра, мама или подружка из старших классов показывает еще «непросвещенной» девочке альбом. Красочная тетрадка с рисунками, стихами и интересующими всех темами не может не заинтриговать юную модницу. Она приносит новшество в школу, тем самым распространяя игру среди всех учащихся класса. Такой период – это особый процесс социологизации, благодаря которому каждая школьница чувствует свою принадлежность к девичьей субкультуре. Границы этого процесса меняются с течением времени: в середине XX века возрастная категория участвующих в альбомном творчестве варьировалась в пределах 14–18 лет, к концу XX века – 9–14 лет, а в начале XXI века эти границы сместились до 8–12 лет.

Игровая доминанта и обуславливает тип диктумного события – шестого признака речевого жанра по модели Т. В. Шмелевой. Однако, несмотря на то, что диктум относится к внеречевой действительности, игровой подтекст пронизывает и языковой, и жанровый, и символический уровни. Игра слов, замена одного символа другим, выбор определенного жанра несут в себе игровой подтекст. Ярче всего это прослеживается на примерах альбомных пожеланий, которые представляют собой от 2 до 6 рифмованных строк, содержащих пожелания счастья, любви, удачи и различные шутки.

Характеристика диктумного события выводит нас к последней составляющей анализируемой модели – языковому воплощению речевого жанра. Язык девичьего альбома достаточно клиширован и стандартизирован: он тяготеет к литературной норме, исполнением орфографических правил, стилистической однородности, подчиняется рамкам сложившейся традиции. Индивидуально-авторское словесное проявление минимизировано и происходит в определенных рамках. Эта традиция негласна, однако, требует исполнения, которое в свою очередь продлевает жизнь жанра. Поэтому схематичный анализ возможен на всех уровнях альбомного творчества.

Таким образом, девичий альбом представляет собой не хаотический поток словесных выражений, а комплексный речевой жанр, существующий в рамках сложившейся письменной традиции, что ярко заметно в стилистическом, символическом, языковом оформлении. Осознание своей принадлежности к миру девичества проявляется в создании, заполнении альбомов и становится одной из первых ступеней социализации школьницы. Несмотря на то, что творческие интенции пронизывают все уровни альбомного творчества, оно вполне может быть описано схематично, подтверждением чего и является примененная нами модель Т. В. Шмелевой. Анализ девичьего альбома как речевого

жанра требует выработки собственного методологического подхода, разработка которого и станет целью наших последующих исследований.

Литература

1. Борисов С. Б. Мир русского девичества: 70–90-е годы XX века. – М., 2003.

2. Петина Л. И. Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // Ученые записки Тартуского гос. университета. Тарту, 1985. Вып. 6. С. 21–36.
3. Чеканова А. В. Рукописный девичий альбом: традиция, стилистика, жанровый состав: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.
4. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–99.

Особенности функционирования текстообразующих факторов в научном искусствоведческом дискурсе

Г. А. Задонская

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

gzadonskaia@yandex.ru, rucentergasu@mail.ru

Искусствоведческий дискурс, текстообразующие категории, эстетическая оценка, логическое сравнение.

Summary. The paper is dedicated to the fundamental text-formating factors and to their influence on structural semantic organisation of scientific art-critical texts.

Без теоретического осмысления языковой организации научных искусствоведческих текстов с позиции их, по Е. С. Кубряковой, «когнитивно-дискурсивной» ориентации наше представление об освоении русской научной картины мира будет неполным.

Художественно-эстетическая индивидуальность объектов исследования в учебных текстах, анализирующих закономерности художественного развития мировой (в том числе русской) архитектуры, иконописи, живописи, прикладного искусства, познавательно-оценочное отношение субъекта речи к описываемым объектам, ценностно-ориентационные принципы передачи знания, необходимые для накопления учащимися эстетического творческого опыта, – все эти факторы проявляются в структурно-семантической организации текста, формируя тип описания, отличный от инвариантного, и определяют особое место искусствоведческого дискурса в полевой структуре научного стиля речи.

1. Так, характеристика объекта искусства, наделенных эмоциональной выразительностью, образностью, в частности архитектуры, где выявлению художественно-эстетических свойств подчиняется описание конструктивных и функциональных качеств объекта, происходит одновременно с эстетической оценкой того, что познается. Такой подход к анализу предмета речи отражается в отборе языковых средств как на уровне предложений с качественно-импрессионной рематической доминантой, так и на уровне функционально-смыслового плана – описания в «изобразительном регистре» (Г. А. Золотова).

2. Степень отвлеченности – конкретности предмета речи – важный фактор текстообразования в языке науки. Большая по сравнению с другими научными дисциплинами конкретность объектов описания, проявляющая их художественно-эстетическую природу, получает языковую форму обобщения, без которого в принципе невозможна наука, в методе логического сравнения, функционирующего в научном искусствоведческом дискурсе как текстообразующая категория.

Использование логического сравнения коррелирует с содержательной концепцией учебных искусствоведческих текстов, основанной на системно-историческом методе рассмотрения объектов в процессе эволюционного развития искусства, архитектуры: устойчивость их художественно-эстетических признаков имеет относительный характер. И если динамика процесса любой познавательной деятельности выражается в сочетании факторов «преемственности знания» и «формировании нового знания» (Е. А. Баженова), то, оперируя понятиями одного семантического плана, логическое сравнение не только отмечает у объектов постоянные качественные изменения художественно-стилистического, конструктивного порядка, но и выявляет их преемственность, становление в них новых свойств, прослеживает путь формирования новых направлений, стилей, национальных качеств искусства и архитектуры. Такая стратегия находит свое грамматическое решение в соответствующем лексическом, морфологическом отборе и синтаксической организации языковых средств. Кроме того, логическое сравнение, акцентируя культурно-эстетическую информа-

цию прошлого, помогает формировать в сознании студентов тот эстетический опыт, вкус, которые необходимы для их собственного творчества.

3. В формировании структурно-семантической организации научных текстов важная роль принадлежит «проявлению либо непроявлению роли говорящего по отношению к излагаемому и к адресанту высказывания» (Г. А. Золотова). Образность, эмоциональная выразительность объектов описания, обладающих художественно-эстетическими качествами, обнаруживают в научном искусствоведческом дискурсе присутствие (имплицитное и эксплицитное) субъекта наблюдения (автора речи): от бесстрастного «это известно» к эмоциональному «... и я это вижу, чувствую и оцениваю».

Субъект оценочной структуры – субъект речи выражает оценку от «общего мнения», то есть с учетом художественно-социальных стереотипов, а также на основе собственных эмоций, поскольку эстетическая оценка «есть результат совокупного действия мысли и чувства, а не одного только рассуждающего интеллекта». (М. С. Каган), а «всякий художественный образ, всякое художественное творчество, в открытом или зашифрованном виде содержит оценку» (А. Лилов).

Эстетическая оценка в анализируемом дискурсе выражается разными средствами, «как собственно-языковыми, так и вводящими фрагменты ценностной «картины мира» (Е. М. Вольф), то есть оценка в операторе «развитие + красота» проявляется в самом акте отбора и введения в текст именно этого, а не другого объекта. Характеризация (дескрипция) предмета речи, выступающего, как правило, в синтаксической функции подлежащего, занимающего позицию темы в коммуникативном членении предложения, выражается в высокой степени его распространенности. Предикаты же выражены словами, семантика которых отражает эстетическую оценку – каузируемые эстетические чувства, которые вызывает зрительное восприятие говорящим субъектом-наблюдателем внешних признаков, качеств описываемого объекта и которые можно обобщить как «... и это красиво». Их рематическая позиция подчеркивает коммуникативное место оценивания в интенциях коммуникаторов.

4. Таким образом, наблюдения позволяют уточнить особенности актуализации коммуникативного фактора целеустановки: в учебном искусствоведческом дискурсе познание предмета речи и фиксация полученного о нем знания сопровождается эстетической оценкой того, что познается. При этом общая образность, создаваемая при характеристике объекта, и неотделимая от нее эмоциональность усиливают эмотивно-регулятивную функцию текста, вовлекая тем самым читателя в «со-переживание», «со-мышление» – «со-творчество». Совокупность особенностей, отмеченных в функционировании текстообразующих факторов, отражается в семантике и структуре предложений, организующих текст; доминирующими оказываются те из них, в которых конструкции дескрипции и оценки пересекаются; последние находятся в коммуникативном фокусе предложения. Они изменяют инвариантный тип описания, характерный для большинства учебных текстов, «аккумулируя» специфические черты научного искусствоведческого дискурса.

Способы организации современного рассказа-анекдота в аспекте межтекстовой деривации

И. А. Карагодина

Алтайская государственная педагогическая академия (Барнаул)

karagodina.inna@yandex.ru

Рассказ-анекдот, межтекстовая деривация, включение, растворение, координация.

Summary. This paper discusses several methods of texts of contemporary stories as a joke we can find in the Internet space. Subordinate connection is detected when you turn on the text of a joke in the story, as well as the dissolution of a joke in the structure of the story. Complex connection manifests itself in the coordination of relatively equal and at the same time interdependent on the formal semantic level parts of the story is a joke.

Стремление жанров современной малой прозы к синкретизму провоцирует внутрижанровые изменения, которые проявляются в текстах малых форм. Взаимодействие текстов приводит к их преобразованию, что дает основания говорить о реализации процесса межтекстовой деривации. Общеизвестно, что порождение вторичного текста носит деривационный характер и является процессом преобразования исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре производного текста. Данное положение позволяет рассматривать синкретические жанровые формы в аспекте первичности / вторичности, исходности / производности (идеи М. М. Бахтина), а также считать, что вторичные жанровые формы малой прозы зарождаются в условиях художественной сферы путем включения первичной формы в состав более сложной с последующей трансформацией.

Современный рассказ-анекдот в аспекте межтекстовой деривации является производной жанровой формой, сложившейся на пересечении жанровых признаков устного и литературного анекдота с традиционным нарративом. Функционирование рассказа-анекдота в интернет-пространстве малой прозы не делает его статичным, стабильным, а наоборот, процессы, происходящие в жанровой системе на данном этапе, требуют от рассказа-анекдота преобразований в соответствии со сложившимися условиями.

Тексты современных рассказов-анекдотов (сайты: <http://lib.ru/PROZA>; <http://www.proza.ru>, <http://www.vavilon.ru/shortprose/anthology.html>) могут быть организованы, во-первых, путем включения текста анекдота в рассказ, во-вторых, посредством растворения первичного текста во вторичном, в-третьих, благодаря координации частей вторичного текста как относительно равноправных и в то же время взаимозависимых на формально-семантическом уровне.

Включение как способ построения текста рассказа-анекдота отражает отношения зависимости между первичным и вторичным текстом. Отношения неравноправных компонентов традиционно называют подчинением, т. е. таким видом связи между исходным текстом и производным, при котором один из текстов становится зависимым. При включении анекдота в рассказ как самостоятельного объекта (Л. Воросцов «Мужик?.. мужик ушел..!», Александр «Прикольная история Деда Мороза», К. Руднев «ОЗК», В. Немцев «Эх, Чарли» и др.) актуализируется **ситуация рассказывания анекдота**. Деривационный процесс первоначально затронул структурный уровень текста: четко определились границы текста анекдота и текста рассказа. Презентация ситуации рассказывания анекдота в традиционном нарративе отмечена перенесением признаков устного рассказывания анекдота в художественный текст, а также выдвиганием признаков театрализованности, парадоксальности, краткости. Анонимность, правдоподобие сообщаемого, уместность, первичное / вторичное воспроизведение текста анекдота, метатекстовый

ввод, смена статуса рассказчика маркируют соприсутствие в рассказе двух текстов. При этом появление анекдотической ситуации сопровождается активизацией таких свойств текста анекдота, как устойчивость, воспроизводимость и общеизвестность. Речевая композиция организована таким образом, что ведущее положение занимает диалог персонажей, авторское слово сокращается, уступая место слову персонажа. Герой выстраивает повествование, посредством его речи передается чужая речь (также в форме диалога).

Подчинительная связь также реализуется посредством **растворения** текста анекдота в структуре рассказа (А. Аршакян «Бухарест Де Фиеста», «Влияние Роддика», «Ты сверлил. Козел», А. Кривошапкин «Посылка», М. Нилин «Кукла», «Что бывает», В. Пахомова «Ужин», «На приеме», Д. Сорокин «Быть Дедом Морозом» и др.). В рассказе-анекдоте, основанном на **анекдотической ситуации**, на структурном уровне четко проявлены две композиционные части, подчиненные реализации закона пуанты. Именно финальная часть, небольшая по объему, запускает механизм развертывания противоречий, заявленных в первой части. Рассказ-анекдот строится на ступке противоречий, которые раскрываются одновременно, стремительно и неожиданно (признаки парадоксальности, театрализованности). От рассказчика не требуется актерского мастерства, снимается необходимость примерять разные маски, говорить разными голосами, также отмечается одноплановость речевого стиля с вкраплениями чужой речи.

Наряду с отношениями подчинения в современном рассказе-анекдоте, представленном в интернет-пространстве, можно наблюдать и отношения сочинения (Е. Мулярова «Три истории»). Специфика отношений сочинения на уровне текста в процессе деривации усматривается в **координации** относительно равноправных частей вторичного текста, а также во взаимозависимости частей на формально-семантическом уровне. При этом ни одна из частей не может быть охарактеризована как компонент другой, каждая часть имеет собственное содержание и художественно-речевую организацию. Две и более части текста являются равноправными, поскольку они выполняют одинаковую функцию. В результате действия межтекстовой деривации в тексте рассказа-анекдота, построенного на отношениях сочинения, проявляются такие признаки, как ситуативность, парадоксальность, краткость, динамичность. Признаки театрализованности и смеховости нейтрализуются в связи с тем, что в каждой части рассказа-анекдота на первый план выдвигаются признаки классического рассказа. Повествование ведется от третьего лица, повествователь не является участником событий.

Таким образом, в рассказе-анекдоте как синкретической жанровой форме современной малой прозы обнаруживается несколько способов организации, что свидетельствует о сложном характере межтекстового деривационного процесса в условиях интернет-коммуникации.

Русский текст в аспекте его интерпретационного функционирования

Л. Г. Ким

Кемеровский государственный университет

kimli09@mail.ru

Интерпретация, смысловая версия, вариативность, обыденное метаязыковое сознание, адресат.

Summary. The paper addresses the issue of variant-interpretative functioning of the text in a recipient's discourse. A methodology for describing the discussed phenomenon is devised and the suggested units of interpretative functioning of the text are explored.

Текст представляет собой совокупность семантико-прагматических смыслов, проявление или нейтрализация кото-

рых осуществляется в процессе его интерпретационного функционирования при восприятии текста субъектом-ин-

терпретатором. Интерпретационный процесс направлен на восприятие и осмысление текста – **объекта** рецептивно-интерпретационной деятельности, который в соответствии с нашей концепцией является **интерпретируемым текстом**. **Результат** рецептивного ментально-речевого процесса воплощается в виде **интерпретирующего текста**, который в **генетическом аспекте** является вторичным, находящимся в отношениях формально-смысловой детерминации относительно интерпретируемого текста, а в **синхронно-функциональном** – интерпретирующий текст можно охарактеризовать как результат аспектуальной, функционально-направленной и субъективно-детерминированной компрессии.

Оппозицию «интерпретируемый – интерпретирующий текст» можно рассматривать также в рамках антиномии «потенциальное (виртуальное) – реальное (актуальное)». Содержание интерпретируемого текста рассматривается как потенциальное, или виртуальное. Оно получает реализацию в процессе его восприятия реципиентом, при этом происходит актуализация одного из возможных значений интерпретируемого текста [1].

Текст как язык, опредмеченный в речи, представляет собой комплекс языковых единиц всех уровней языковой системы (лексической, словообразовательной, морфологической, синтаксической). Единицы каждого уровня в процессе функционирования текста реализуют свой вариативно-интерпретационный потенциал. Реализация этого потенциала по модели множественности и вариативности обуславливается тем, что единицы, образующие текст, во-первых, являются элементами языка как системно-структурного образования, а следовательно, обладают **языковым** значением. Во-вторых, элементы текста являются единицами языка как функциональной системы, а значит, обладают **прагматическим** значением, или смыслом, определяемым сложившимися в системе отношениями на данном этапе ее функционирования в данном языковом коллективе. В-третьих, текст есть элемент контекста – виртуального или реального; *речевые* значения единиц текста определяются условиями речевого, коммуникативно-ситуативного или событийного контекста [2]; [3]. Потенциал смысловой множественности текста и вариативность реализации его значений, а также значений составляющих текст единиц обуславливаются аппликацией (наложением) этих типов значений языковых единиц всех уровней языка – лексическом, морфологическом, синтаксическом.

Вариативно-интерпретационное функционирование текста обуславливается в числе прочих фактором слова как компонента текста.

Двойственная сущность слова – как единицы языка и репрезентанта единицы знания (концепта) – является фактором, предопределяющим вариативность интерпретационного результата в процессе функционирования текста в языковом сознании реципиента. Структура слова-концепта, его денотативные, коннотативные и метафорические (образные) компоненты, с одной стороны, задает множество смысловых векторов, получающих реализацию в интерпретирующем тексте, а с другой – ограничивает эту множественность такими смыслами, которые закреплены в коллективном, групповом и индивидуальном языковом сознании, содер-

жащем знания, представления и образы относительно того или иного референта.

Сформулированные теоретические положения были верифицированы в ходе лингвистического эксперимента, материалом для которого послужило рекламное объявление *Надежная техника из Китая*. Участникам эксперимента необходимо было ответить на вопрос *Как Вы понимаете смысл данного текста?*

Вариативность интерпретирующего результата при восприятии предложенного текста обуславливается двойственной сущностью лексемы *Китай*. Во-первых, *Китай* как языковая единица обозначает название страны и, во-вторых, *Китай* является репрезентантом концепта, содержащего знания об этой стране, особенностях ее экономического развития, представления о государстве, поставяющего на отечественный рынок дешевые и некачественные товары.

В результате эксперимента было выявлено множество смысловых версий интерпретируемого текста: 1) ‘информация о товаре и стране-производителе’; 2) ‘рекламируемая техника произведена в Китае’; 3) ‘на российский рынок поставляется надежная техника из Китая’; 4) ‘техника, произведенная в Китае, надежная’; 5) ‘техника из Китая ненадежная’.

Первые 4 смысловые версии интерпретируемого текста отражают, во-первых, его «буквальное» прочтение, при этом лексема *Китай* воспринимается как административно-географическое наименование. Это свидетельствует о том, что лексические единицы текста актуализируют свое языковое, системное значение. Во-вторых, текст содержит моделируемый реципиентами так называемый «авторский смысл»: составители текста исходят из презумпции, что продаваемая техника («своя техника») характеризуется высоким уровнем качества, «является надежной». В-третьих, содержание текста имеет конвенциональное значение, данный текст воспринимается как рекламный слоган, содержание которого имеет в разной степени условный смысл.

Вместе с тем смысл данного текста определяется также тем обстоятельством, что лексема *Китай* является репрезентантом соответствующего концепта, который в своей структуре содержит несколько компонентов.

Таким образом, реализация множественного потенциала текста определяется двойственной природой слова: его принадлежностью языковой системе и использованием слова как способа репрезентации концепта. Концептуальное, или прагматическое, значение слов позволяет тексту реализовать, помимо языкового – буквального – прагматическое значение.

Литература

1. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 34. № 27. Челябинск, 2009. С. 12–20.
2. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. 1981. № 4. С. 368–377.
3. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Место модуса «воспоминание» в системе модусных категорий (на материале современной художественной прозы)

Т. И. Кораблина

Новосибирский государственный педагогический университет

korabl_72@mail.ru

Модус «воспоминание», восприятие, языковые средства, художественный текст.

Summary. This paper attempts to examine the relations of modus “recollection” with other modus categories. The means of expression of modus “recollection” in the modern prose are in the focus of the paper.

В лингвистике второй половины XX века широкое распространение получила идея о субъективности в языке, особенно мысль Ш. Балли о двух семантических слоях предложения – диктуме и модусе, а также о том, что модус – это компонент высказывания, без которого оно не существует. Возможно, поэтому и в связи со сложностью описываемого объекта вопрос об объеме модуса и его структурированно-

сти еще далек от окончательного решения, список модусных категорий в современной лингвистике открыт.

Термин модус «воспоминание» встречается в работе Е. В. Падучевой, где автор, анализируя художественный текст, отмечает, что данный модус связан с «отступом назад во времени». Первую попытку дать определение модусу «воспоминание» и составить репертуар его средств выраже-

ния на материале мемуарной литературы сделала Н. П. Перфильева.

Модус «воспоминание» мы, вслед за Н. П. Перфильевой, рассматриваем как необязательную модусную категорию, обозначающую, что автор обращается к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, и маркирует внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности происходившим в прошлом событиям, что связано со свойством памяти.

Эмпирической базой исследования является выборка преимущественно с эксплицитными показателями этого модуса объемом более трехсот текстовых фрагментов различной протяженности из сборников произведений Е. Гришковца «Следы на мне» и «Зима», романов Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы», «Окна», ее повести «На Верхней Масловке», повести Л. Улицкой «Веселые похороны».

В художественном тексте в качестве показателей модуса «воспоминание» доминируют предикаты, называющие ментальную операцию (*помнить, припомнить* и др.). Лексема *забыть* и ее дериваты (противоположны *вспомнить*) так же являются выразителями значения модуса «воспоминание». Более того, они могут содержать оценку Говорящим сообщаемой информации. Кроме того, исследуемый модус может быть выражен вводными словами, вставными конструкциями, фразеологизмами. В качестве особого показателя может выступать развернутая метафора.

Показатели модуса «воспоминание» пересекаются с показателями категории персональности, что позволяет говорить о взаимодействии этих категорий. Предикаты, называющие ментальную операцию припоминания, не только вводят информацию, связанную с событиями в прошлом, но и могут отражать воспоминания Говорящего, являющиеся ситуативно-фоновыми для группы людей. Показателями персональности выступают формы глагола 1-го лица единственного числа, если воспоминания принадлежат Говорящему, и 2-го лица единственного / множественного числа, если это ситуативно-фоновые воспоминания. Побуждение Говорящего к воспоминаниям могут передавать побудительные и вопросительные предложения.

Средства выражения модуса «воспоминание» связаны с показателями категории темпоральности: наречиями с разной временной семантикой и со значением «в первый раз», словами, обозначающими «первоначальный самый ранний», различными лексическими показателями, – которые позволяют проследить векторы перспективы и ретроспекции в тексте. Высказывания с лексическими показателями могут задавать модусный ключ для всего текста в целом.

Модусная рамка «воспоминание» регулярно сообщает информацию о точности / неточности припоминания событий

и ситуаций восприятия, при этом степень точности воспоминания в ряде случаев может выступать как критерий оценки значимости события, что эксплицируют взаимодействие и таких субъективных смыслов «воспоминание», «восприятие» и оценочность. Говорящий чаще всего маркирует в речи неточные воспоминания или воспоминания утраченные. С точки зрения оценки значимости припоминаемого особое место занимают контексты типа *не могу забыть*.

Сочетания показателей модуса «воспоминание» со словами, обозначающими эмоциональное отношение Говорящего к своим воспоминаниям, в некоторых контекстах эксплицируют взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и оценочность. В высказываниях, репрезентующих воспоминание, в качестве средств выражения категории оценочности возможны формы сравнительной / превосходной степени. Средством выражения оценки воспоминаний выступают междометия и вставные конструкции. Говорящий часто маркирует эмоциональное отношение к своим воспоминаниям, подчеркивая таким образом их ценность.

Взаимодействие показателей модуса «воспоминание» и субъективного смысла «восприятие» передано через сочетание предикатов, обозначающих ментальную операцию припоминания, со словами, указывающими на ситуацию восприятия. Ситуации восприятия могут стать своеобразным импульсом к воспоминаниям. В качестве своеобразного стимула-воспоминания может выступать и отдельное слово.

Анализируемый материал позволяет сделать вывод об отнесенности категории «восприятие» к сфере субъективного и позволяет говорить не просто о взаимодействии субъективных смыслов «воспоминание» и «восприятие», но об их спаянности. Исследование этого вопроса открывает новые стороны взаимодействия диктумного и модусного содержания высказывания. Воспроизведение в памяти ситуации зрительного, слухового, обонятельного или тактильного восприятие сопровождается, как правило, показателями категории оценочности. Это дает основание полагать, что Говорящему важно не само ощущение как итог восприятия, а возможность его аксиологической оценки.

Являясь необязательной модусной категорией, «воспоминание» может взаимодействовать как с обязательными модусными категориями (персональность, темпоральность, авторизация, достоверность), так и с необязательными (оценочность). Показатели модуса «воспоминание» очень часто сопровождаются показателями какой-либо другой модусной категории. Высказывание очень часто может содержать целый комплекс тесно взаимосвязанных субъективных смыслов, что является отражением сложного рисунка внутреннего «Я» Говорящего.

Современный литературный текст в интернет-пространстве (межжанровые взаимодействия)

Г. В. Кукуева

Алтайская государственная педагогическая академия (Барнаул)

kupala@inbox.ru

Первичный, вторичный текст, межтекстовая деривация, синкретическая жанровая форма, межжанровое взаимодействие.

Summary. We tried to prove on the example of analysis of syncretic genre of the story is a joke, that the meaning and interpretation complexity of literary texts in the Internet space, largely depends on genre interaction.

Информационная сверхнасыщенность, смысловая напряженность, «многоканальность» и парадоксальность культурной парадигмы конца XX начала XXI закономерным образом воздействуют на литературные тексты. На этом фоне текст предстает как сложное явление, совмещающее в себе «деконструкцию», «рассеивание» и «реконструкцию», что «предопределяет разрывность, эклектичность формы текста, его нарративную прерывистость и непоследовательность» [1: 4]. Жизнедеятельность текста в коммуникативном пространстве объясняется такими признаками, как открытость, неисчерпаемость, трансформируемость.

Изучение литературного текста XX в. – начала XXI в. (в частности, рассказа) дает возможность говорить о том, что вышеперечисленные характеристики оказывают влияние не только на его интерпретационную составляющую, но

и на жанровую форму, являющую собой результат открытости. Жанровое преобразование современного рассказа в интернет-пространстве обусловлено изначальной установкой на диалог между текстами, это подтверждается и структурной организацией интернет-сайтов, предлагающих подобные произведения: текст одновременно имеет несколько жанровых этикеток – «рассказ», «анекдот», «сценка», «притча». Специфика формально-содержательной и композиционно-речевой сторон определяется влиянием разножанровых признаков, что в конечном итоге ведет к образованию синкретической жанровой формы, особенности которой представляется возможным описать в деривационном аспекте. Межтекстовая деривация понимается как процесс, при котором происходит преобразование исходного (первичного) текста в производный (вторичный) текст, и одно-

временно как результат, выражающийся в усложнении первичного текста на уровне содержания, формы, функции. Производный текст сохраняет свою мотивирующую роль в деривационной структуре вторичного текста. Для осуществления подобного рода деривации необходимо соблюдение ряда условий: взаимодействие текстов, их частичное тождество, функционально-семантическое усложнение одного из текстов. Объектом межтекстового деривационного процесса является первичная жанровая форма (анекдот, сценка, притча и др.), инкорпорируемая в рассказ. Между текстами в процессе деривации формируются отношения производности, проявляющиеся в текстовых изменениях на всех уровнях. Данные изменения детерминируются преобразованием разноприродных жанровых признаков, выступающих средством деривации. Координаты жанрового поля текста (теория жанрового поля М. Ю. Федосюка) задаются комплексом признаков, расположенных в центре поля и на его периферии. Признаки центра составляют сущностную часть жанра. Выдвижение периферийных признаков в область ядра поля ведет к нейтрализации различий между двумя или несколькими жанрами, что способствует формированию синкретической жанровой формы.

В жанровой мозаике текстов, представленных на интернет-сайтах (<http://lib.ru/PROZA>; <http://www.proza.ru>), выделяются два типа текстов, характеризующихся активностью выдвижения примет анекдотического повествования. Первый создается путем включения в нарратив анекдота как самостоятельного образования, реализующего ситуацию рассказывания забавного случая (Л. Воросцов «Мужик?.. Мужик ушел..!»), К. Руднев «ОЗК», В. Немцев «Эх, Чарли» и др.): – *Андрэ, – прошу я, – расскажи про мужика, я вот запомнил фразу: «А Мужик?... – Мужик ушел..!», а всю историю не знаю. / – Как, ты не знаешь!? – изумляется мой друг и начинает рассказывать...»* (Л. Воросцов «Мужик?.. Мужик ушел..!»). Текст анекдота, занимая центральное место в структуре повествования, подчиняется формальным признакам рассказа, не нарушает его трехчастной композиции. В художественно-речевой структуре ведущее место отводится диалогу персонажей. Ремарочный принцип построения авторского повествования ослабляет парадоксальную остроту, на первый план выдвигается признак краткости. Функционально-семантическое преобразование и смысловая алогичность проявляются в том, что содержание

текста невозможно связать с обычным народным анекдотом, с серией монотемных «баек». История, рассказанная Андрэ, – это правдоподобный случай из его жизни. Однако стоит отметить, что присоединение текста анекдота к тексту рассказа только внешнее, на глубинном уровне обнаруживается абсолютная спаянность формально-содержательной и художественно-речевой сторон. Ситуация рассказывания строго фиксирует выдвижение жанровых признаков анекдота (парадоксальности, смеховости, театрализованности, алогичности) на всех уровнях текста.

Второй тип текстов создается благодаря растворению анекдота в структуре рассказа (А. Аршакян «Влияние Роддика», «Ты сверлил. Козел», А. Кривошапкин «Посылка», М. Нилин «Кукла», В. Пахомова «Ужин», Д. Сорокин «Быть Дедом Морозом» и др.). Сюжетообразующим центром текстов выступает анекдотическая ситуация: *Меня это маленькое приключение позабавило, и я написал рассказик, получается шестой* (А. Кривошапкин «Посылка»). На структурном уровне четко проявляются две композиционные части, подчиненные закону пуанты. Небольшая по объему финальная часть запускает механизм развертывания противоречий, заявленных в первой части. Ведущие признаки анекдота (парадоксальность, театрализованность) реализуются на функционально-субстанциональном уровне. Доминирующим звеном речевой композиции служит авторское повествование, характеризующееся скрытой диалогичностью и содержательной полнотой. Основное место отводится несобственно-авторскому повествованию, включающему речь персонажей с сохранением их речевых особенностей. Рассказ-анекдот строится на ступке противоречий, которые раскрываются стремительно и неожиданно, противоречивость влияет и на смысловую сторону текста, делает ее неоднозначной для читателя.

Таким образом, межжанровое взаимодействие, рассмотренное на примере рассказа-анекдота как производного образования, видится важнейшей составляющей в объяснении интерпретационной нестабильности и общей смысловой парадоксальности литературного текста, бытующего в интернет-пространстве.

Литература

1. Сулимов В. А. Литературный текст в интеллектуальном пространстве современной культуры: Автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2011.

Письменно-речевая личность наивного автора в жанроведческом аспекте

Н. Б. Лебедева

Кемеровский государственный университет
nlebedevab@yandex.ru

Наивный автор, письменно-речевая личность.

Summary. The paper deals with a special kind of language personality: written-speech personality manifested through the genre prism of common speakers created texts having fiction or social content. The naïve unprofessional author creates texts in a special genre-thematic form which we name “genroid”. It is proved that the genre property may underlie the description of language personality.

Проблематика данного доклада находится на пересечении нескольких направлений русистики – персонологии, жанроведения, теории естественной письменной речи, письменной повседневности, постфольклора. В настоящем докладе решаются две задачи: а) обосновывается выделение особого типа языковой личности – письменно-речевой, являющейся носителем естественной письменной речи; б) дается описание жанровых образований, в которые воплощены письменно-речевые произведения наивного автора, и тем самым производится портретирование конкретной письменно-речевой личности на основе жанровой реализации продуцируемых ею текстов.

Для решения первой задачи предлагается выделять два параметра описания и, соответственно, шкалирования типов письменно-речевой личности (ПРЛ): 1) степень и характер включенности автора в письменный мир, 2) степень готовности и легкости переключения автора с устного на письменный код. Первая типология ПРЛ основана на признаке «степень и характер включенности автора в письменный мир» и дифференцирует письменно-речевые личности на основе следующих характеристик: а) степень владения ав-

торами нормативными кодифицированными и некодифицированными правилами (степень грамотности); б) частотность обращения авторов к письменной деятельности; в) сфера функционирования создаваемых текстов (официальные и профессиональные, частно-деловые и частно-личные тексты); г) степень объемности создаваемых письменно-речевых произведений. На пересечении этих характеристик намечаются следующие типы ПРЛ. По степени грамотности весь класс ПРЛ распадается на два класса: 1) слабо владеющие нормативными кодифицированными правилами (малограмотные ПРЛ), 2) в достаточной мере владеющие нормативными кодифицированными правилами, примерно в объеме средней школы (грамотные ПРЛ). По степени объемности, частотности обращения к письменной деятельности и сфере функционирования создаваемых текстов выделяем следующие типы ПРЛ: ПРЛ, пишущие малообъемные тексты, при этом редко и спорадически; ПРЛ, пишущие объемные речевые произведения частно-личного и частно-делового характера (воспоминания, дневники, еженедельники, садоводческий журнал и пр.); ПРЛ, пишущие объемные речевые произведения преимущественно официального и про-

фессионального характера; ПРЛ, пишущие объемные речевые произведения как частного, так и официального и профессионального характера.

Вторая типология ПРЛ – на основе признака «степень готовности и легкости переключения с устного на письменный код» – разделяет авторов письменных текстов на следующие разновидности: 1) ПРЛ, с трудом переключающиеся на письменный код; 2) ПРЛ, легко переключающиеся на письменный код.

По очерченным основаниям объект нашего портретирования (Галина Петровна Касаткина, далее – ГП) является носителем естественной письменной речи и принадлежит к грамотным (в объеме средней школы) авторам, пишущим как профессиональные, так и лично-личные, как малообъемные, так и объемные тексты. Она легко переключается с устного на письменно-речевой код и весьма продуктивна в создании любительских произведений, в основном, художественных и публицистических жанров, которые мы определяем как жанроиды, но, кроме них, у нее встречаются и свои индивидуальные жанры. По всем этим характеристикам мы относим ее к категории наивного автора.

Далее мы кратко представим жанровую карту ее письменно-речевого творчества.

Наличие среднего образования и чтение художественной и публицистической литературы ГП говорит о том, что автор ориентируется на творчество профессиональных писателей и имеет некоторое представление о жанрах, то есть обладает в определенной степени жанровой компетенцией, о чем свидетельствует и тот факт, что она интуитивно определяет свои тексты как «статьи», «рассказы», «воспоминания», «путевые заметки», «сказка» и др., то есть проявляет своеобразное жанровое мышление – это пример обыденной жанровой рефлексии, обыденного жанрового метаязыка. Но анализ непосредственно текстового материала ГП показал одну особенность: эти тексты не носят достаточно выраженного жанрового оформления, а характеризуются в этом отношении размытостью, некоторой аморфностью, синкретичностью и смешением свойств разнородных жанров, что позволило квалифицировать их как «жанроид» (термин предложен К. Ф. Седовым). Под этим термином в данном докладе понимается жанровое образование, некоторыми признаками совпадающее с каким-нибудь литературным каноном, другими же – с другим каноном или же вообще не имеющее при-

знаков литературного жанра. Но кроме жанроидов в индивидуальной авторской лаборатории ГП нам удалось обнаружить два собственно жанра, ее личных, выработанных самой (конечно, не осознаваемых как жанр) – «Наивный рефлексив» и «Фантазмагорию» (номинации этих жанров принадлежат не самой ГП, а исследователю, автору этих строк).

К жанроиду «Мемуарные записки» мы относим тексты, содержащие воспоминания о реальных событиях личного и общественного характера, которые перемежаются иножанровыми вкраплениями (рассказа, путевых заметок). Жанроид «Путевые заметки» представлен текстами, навеянными дорожными впечатлениями, однако это не столько путевые заметки, как обозначено в названии содержащей их тетради, сколько вольные поэтические экспромты, большей частью социальной направленности, к написанию которых автора подтолкнули встреченные памятники, соборы и др. К жанроиду «Баллада» мы отнесли рифмованный текст «Снился ему в тумане один грош в кармане», поскольку в нем имеются некоторые балладные признаки: лиро-эпическая стилистика, несколько мрачноватый, таинственный колорит, романтическая настроенность матери на светлое будущее сына, печальная интонация, безрадостная концовка, стихотворная форма имеет членение на строфы. Есть и некоторое притчевое (архетипическое) содержание «ходячего сюжета» – неблагодарность детей по отношению к родителям (ср. «Король Лир»). Однако все повествование выстроено на житейском, бытовом материале, слабо выдержана логика развития сюжета. Жанроид «Диалог» по форме близок к классическому жанру – «Диалогу», хотя по содержательному принципу их сопоставлять было бы некорректно – особой философской или интеллектуальной глубины в них не обнаруживается, что характерно для наивной (низовой) культуры. Жанроид «Монолог» близок к жанроиду «Диалог» по сатирическому модусу и гражданско-политическому пафосу. Их различия заключаются в том формальном признаке, который и лег в основу номинаций: в монологе один говорящий.

У данного автора довольно богатая жанровая палитра, но рамки тезисов не позволяют представить их все. Жанроведческое описание текстов естественной письменной речи может выступить тем «окном», сквозь которое можно увидеть всю письменно-речевую личность в совокупности ее разных сторон.

К вопросу об эволюции жанрово-стилевой системы русского литературного языка первой трети XIX в.: эпистолярный стиль

И. А. Лешутина

Смоленская государственная медицинская академия Минздрава РФ

leshirish@mail.ru

Эпистолярный стиль, языковая личность, прагматикон, константы, «почтовая проза».

Summary. The question of style representation of epistolary genre in the context of genre-style evolution of the Russian literary language of the first third of the XIX century is considered in the theses. The pragmatic objects and idiolectal traits of the Russian linguistic personality, which explication in the epistolary text becomes its new constants contributed to the epistolary genre formation in the given period.

Первая треть XIX столетия – период особый в истории русского литературного языка. В среде просвещенного русского общества пульсировала мысль о раздвижении границ литературного языка на почве русской национальной культуры и кодификации народно-разговорных элементов в языковом употреблении независимо от жанра и темы произведения.

Первая треть XIX столетия – период особый также в развитии эпистолярного жанра. Разрушались «высокие» (прозаические и стиховые) каноны, и именно в письмах шла настоящая борьба за новые жанры и языковое воплощение мысли.

В этом смысле «почтовая проза» (термин А. С. Пушкина) образованных людей, прозаиков и поэтов, рассматриваемая в корпоративном пространстве дружеской переписки, заметно отличалась от эпистолярия других предшественников эпохи (сановников и членов царской семьи, философов, мыслителей и т. п.) и тем самым оказала заметное влияние на укрепление демократизации русского литературного языка. Устная «живая речь» проникала в литературный язык

через эпистолярную форму, в «почтовой прозе» оттачивались нормы русского литературного языка.

В первой трети XIX в. разговорная речь продолжает интенсивно развиваться в сторону ее обогащения экспрессивной лексикой, разговорные нормы совершенствуются, окончательно утверждаясь в языке. П. А. Вяземский, оценивая опыт публикации в журналах и альманахах писем писателей, писал, что «эти нескромности приносят <...> пользу языку, доставляя материалы для образования среднего наречия, чуждого чопорной строгости книжного и своевольности разговорного».

Предметом исследования являются константы и переменные русской «почтовой прозы» как типичные и изменяющиеся черты языка эпистолярных текстов первой трети XIX в. Константы и переменные, рассматриваемые одновременно в динамическом и статическом аспектах, отражают процесс изменения традиционного риторического канона и правил, кодифицировавших языковой облик жанров частного и частно-официального письма. Лингвистические переменные как признаки эпистолярного текста, в свою очередь, моде-

лируют новые константы письма – текста определенной жанрово-стилевой структуры и коммуникативно-прагматической направленности.

«Почтовая проза» первой трети XIX столетия – явление социальное, классовое. Письмо, написанное грамотно по форме и содержанию, – сословный признак не только хорошего тона, но и дворянского образования и воспитания. Огромная переписка эпохи складывается из корреспонденции отдельных языковых коллективов – корпоративных групп, – определяемых на основе как социальных, так и языковых признаков. Внутри корпоративных групп выделяются сильные языковые личности, яркие представители эпохи. Они начали писать на русском языке, и не просто на русском, а на образцовом русском языке. Речь идет о людях, которые являлись носителями элитарной речевой культуры, наиболее полно и творчески владевшими богатствами языка, для которых была характерна общность культурных, социальных, энциклопедических данных. Они действительно влияли на устроение и вкус эпохи, а через созданные ими тексты на становление системы стилей и норм русского языка: К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, М. М. Сперанский и др.

Письма как объект изучения важны потому, что в них формируются новые черты прагматикона русской языковой личности. К ним относим, вслед за В. В. Леденёвой, «сам выбор жанра и набор жанров, изблюбленных и предпочитаемых создателем, индивидуально-авторское фразеотворчество, использование прецедентных текстов и имен – ономастикона. Выбор слова, как средства художественного, эмоционального воздействия, также относится к средствам репрезентации прагматикона». Эпистолярные тексты позволяют судить о составе идиолекта автора письма. Свойства языковой личности обнаруживаются и во взаимодействии языка личности и языка эпохи (в отношении лексического состава), проявляются в мере усвоения личностью языка социума, для классового общества изучаемого периода – его корпоративных групп, «погружение» в которые неизбежно для носителя идиолекта.

Авторы «почтовой прозы» тем интересны в истории языка (в диахронном плане изучения их писем) и потому так значимы для своих современников (при синхронном взгляде на их эпистолярное творчество), что они целенаправленно отступают от эпистолярного стандарта (вспомним положение М. В. Ломоносова об отнесении к разным стилям стихо-

творных и прозаических дружеских писем или рекомендации многочисленных письмовников и риторик), моделируя константы нового эпистолярного стиля. В письмах отражается русская «картина мира» (Ю. М. Лотман), связанная с известным отказом от французских моделей в период сложных российско-французских отношений, с одной стороны, а с другой – с русским языковым и психологическим типом, склонным к употреблению острого, экспрессивно окрашенных фразеологических и паремиологических выражений, каламбуров, анекдотов. На фоне французской речи, которая превалировала в дворянском обществе начала XIX столетия, письма образованных людей, прозаиков и поэтов выгодно выделялись. Письма служили не только средством дружеского общения, в них оттачивалось и художественное мастерство авторов, совершенствовалась языковая личность.

Язык «почтовой прозы» образованных людей первой трети XIX в. с большей достоверностью, чем язык художественной литературы даже последних десятилетий предшествующего столетия и начала XIX в., отражает основные направления эволюции как устной, так и письменной разновидности русского литературного языка. Именно в эпистолярной писателем происходило сближение разговорной речи с книжно-письменным языком, выработывался разговорно-интеллигентский язык, прослеживалась динамика стилистических новаций, создавался особый стиль дружеского письма.

Изучение языка «почтовой прозы» дает возможность воссоздать более полную картину становления и развития жанрово-стилевой системы русского литературного языка; определить роль и место частной переписки в процессе формирования общенационального языка. Рассмотрение процессов изменения в жанровой системе на определенном хронологическом срезе помогает раскрыть особенности развития не только жанра письма, но и показать роль конкретных групп социального субстрата (корпоративных) в эволюции языковых норм и стилей, раскрыть языковые черты эпохи, осветить особенности развития общества в данный период, так как все изменения, происходящие в общественно-политической, экономической, научной, культурной жизни общества, отражаются в языке, запечатленном в эпистолярных текстах.

Изучение эпистолярных образцов актуально и востребовано сегодня, когда культуру написания писем заменили межличностные виртуальные коммуникации.

Стена в социальной сети *ВКонтакте* как разновидность гостевой книги

А. Либшнер

Университет Глазго (Великобритания)

andrea@liebschner.de

Социальная сеть, стена, коммуникативная структура, гостевая книга.

Summary. In this research the wall in group profiles in the social network *Vkontakte* is compared to a guestbook and its communicative structure is analysed.

В данном докладе рассматривается функция стены в социальной сети *ВКонтакте* как разновидность гостевой книги и ее языковые особенности.

В гостевой книге посетители оставляют комментарии, пожелания или слова благодарности, например, для администрации гостиницы. Электронные гостевые книги можно найти на личных домашних страницах или профессиональных официальных страницах компаний. Клиенты на них могут оставлять комментарии об услугах или продуктах [2]; [3]. Х. Дикмансхенке считает, что функцией гостевой книги является в первую очередь установление контакта с другими людьми с помощью оставленного комментария. По мнению Х. Дикмансхенке, комментарии в гостевой книге могут представлять собой следующие коммуникативные акты: выражение признания, благодарности, уважения и т. д. [2: 56]. Н. Туор ссылается в своем анализе на комментарии, предложенные Х. Дикмансхенке, добавляя к ним свои виды комментариев, типичные для социальных сетей: приветствие, пожелания, организация встреч или мероприятий, поиск новых контактов. В сети комментариев может служить сигналом того, что человек посетил страницу и ему извест-

ны последние новости, которые были опубликованы на стене [3]; [2].

О. В. Лутовинова сравнивает гостевую книгу в Интернете с «форумом в миниатюре», который «является одним из способов продвижения сайта, повышения его рейтинга, поскольку из оставляемых посетителями записей можно узнать, что понравилось посетителям, что неплохо было бы изменить» [1: 231]. Коммуникацию в гостевой книге можно охарактеризовать с точки зрения ее общей тематической организации, формируемой с помощью различных подтем в отдельных комментариях, а также с учетом ее фатической функции [1].

Все это верно и для комментариев на стене *ВКонтакте*. Один комментарий на стене может состоять из максимально 15895 символов и может содержать текстовые сообщения, гиперссылки, картинки, фотографии, аудио-и видеофайлы.

Каждый комментарий на стене сопровождается именем, аватаром отправителя и датой комментария. Все комментарии на стене показаны в хронологическом порядке. Самый новый комментарий находится выше остальных. Когда комментарий начинается новую тему или новую дискуссию,

тогда все последующие комментарии к нему отставляются последовательно под ним. Начало нового тематического комментария выделяют отступом налево.

Комментарий может быть «признан» с помощью кнопки «мне нравится», которая является сигналом одобрения, а также указывает на то, что данный комментарий прочтен.

Представив структуру и функции стены в *ВКонтакте*, рассмотрим языковые особенности данного вида коммуникации на примере отрывка, представляющего общение в одной из групп:

1. RL: Напоминаем, в воскресенье, с 14 до 15 – занятие для продолжающих!

2. ЛМ: а может на улице?)

3. RL: принципе можно но аппаратура нет

4. ПД: Внимание! Уже в эту субботу (14 июля) день Кубатона на первом Российском реггетон-радио!!! + picture volnoez.com/dj_elpablo.

5. АК: Всем привет от Катерины и Нейро Диас! :) + Video

6. ЯП: Саш, спасибо! Откуда у тебя это видео?

7. АК: Сама снимала :) По работе ездила в Зеленогорск, пригород Санкт-Петербурга)) Там для нас в том числе была организована гавайская вечеринка, на которой выступала школа танцев Salsa Social!! Я не удержалась, сняла все на видео и пообщалась с ребятами))

8. ЯП: Здорово! Хорошая у тебя работа, однако!)))

(Все комментарии из группы *Радуга Жизни* в *ВКонтакте*)

Данный пример показывает, какие виды комментариев можно найти в этой группе.

RL и ПД являются администраторами группы, все остальные участники имеют нейтральный статус в иерархии группы. Комментарий 1 является типичным вводным комментарием в группе по интересам и представляет собой объявление о мероприятии для участников данной группы вне Интернета. К комментарию 1 присоединяется комментарий 2 с эллиптическим вопросом к содержанию предыдущего комментария. Такого рода вопросно-ответный диалог довольно часто завязывается в случае помещения в первом комментарии какого-либо объявления. Продолжение диало-

га (ответ на заданный вопрос) происходит в третьем комментарии. Комментарий 4 является объявлением уже о другом мероприятии, сопровождаемый картинкой. Таким образом меняется направление в общении, и дается другая тема для новых комментариев. Комментарий 5 показывает, что никто не отреагировал на объявление в комментарии 4. Вместо этого АК приветствует всех членов группы и вставляет видео. Ее комментарий служит импульсом для ЯП выразить свою благодарность за видео и задать вопрос о его происхождении. Комментарий 7 является ответом на вопрос с подробным объяснением АК, которое, в свою очередь, меняет направление обсуждаемой темы на стене. Комментарий ЯП заключает тему, выражая оценку предыдущего высказывания.

Проведенный анализ показывает, что исходя из особенностей коммуникации данной группы, можно выделить несколько видов последовательностей комментариев. К ним, в частности, относятся: 1. Объявление о мероприятии – вопрос – ответ; 2. Приветствие + видео – выражение благодарности – ответ; 3. объявление о мероприятии – оценка; 4. Комментарий в форме видео – оценка; 5. комментарий в форме песни – оценка; 6. выражение благодарности – оценка.

В данном докладе рассматривались функции стены в социальной сети в качестве гостевой книги и ее языковые особенности. На примере коммуникации в одной из групп в *ВКонтакте* были выявлены самые частотные последовательности комментариев.

Литература

1. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград, 2009 [Электронная книга].
2. Diekmannshenke H. Elektronische Gästebücher Wiederbelebung und Strukturwandel einer alten Textsorte // ZfAL. 1999. № 31. S. 49–75.
3. Tuor N. Online-Netzwerke. Eine kommunikationstheoretische, sozialpsychologische und soziolinguistische Analyse (2009) [<http://www.medienSprache.net/networx/networx-55.pdf>].

Семиотическая составляющая дешифровки письменной разговорной речи

Е. И. Литневская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

litn-elena@mail.ru

Письменная разговорная речь, интернет-коммуникация, смс-коммуникация, конситуация.

Summary. Written colloquial speech mediated by electronic media has its specific, which is important for its successful decoding: remoteness of interlocutors and mediation of communication by information carriers, that vary by their technical properties, that often require understanding of the semiotic component of consituation.

Конситуация (конкретная ситуация речевого акта) и включенная в нее апперцепционная база (общие предварительные сведения и опыт коммуникантов), как отмечается всеми исследователями-коллоквиалистами, являются важнейшими типологическими свойствами устной разговорной речи (далее РР): «Вербальный ряд активно взаимодействует с предметным, жесто-мимическим и акциональным. При этом собственно коммуникация осуществляется с помощью предметно-акционального кода, а речевой канал нередко является лишь сопроводителем действия» [1: 210–211].

Рубеж XX–XXI веков дал нам ранее не существовавший способ коммуникации – неформальное электронно-опосредованное письменное общение, т. е. письменную РР (об этом см., напр., [2]). Письменная РР представляет собой не попытку как можно точнее зафиксировать устную РР, а особую семиотическую систему, использующую возможности материального носителя текста, и эти возможности во многом определяют свойства письменной РР, резко отличающие ее от устной РР: для понимания особенностей шифровки и дешифровки письменной РР обязательен учет технических особенностей и возможностей посредников и носителей информации – компьютеров в интернет-коммуникации и мобильных телефонов в смс-коммуникации.

Письменная интернет-коммуникация опосредована клавиатурой компьютера. Коммуниканты в ней дистантны и в ча-

товом онлайн диалоге (в том числе в скайпе, ролевых играх и др.) отправляют в сеть фрагменты диалога порциями; при этом скорость коммуникации высока и не предполагает корректуры текста со стороны адресанта. Набор реплики требует нескольких секунд, что оказывает существенное влияние на дешифровку текста, фрагменты которого в силу этого могут иметь нелинейный характер: ответ на предыдущий вопрос или комментирующая реплика может появиться на экране уже после того, как задан следующий вопрос. При этом чаты любого типа изобилуют всеми признаками письменной разговорной речи: использование эмодиконов в фатической функции, в том числе в качестве первой реплики для инициации диалога, свободное обращение с режимом прописных и строчных букв, отсутствие точки в конце предложений, опечатки в виде пропуска букв (напр., *люное* вместо *людное*), использование принятого в «языке падонкав» фонетического письма (напр., *шас*). Таким образом, конситуативность как фактор дешифровки проявляется себя здесь не только в общем для коммуникантов знании событий и отношений, их связывающих, но и в знании собеседниками узальных норм общения в чате и особенностей технических возможностей программы, предлагающей чат-коммуникацию.

Большой интерес представляет характер опечаток в бытовой интернет-переписке. Использование клавиатуры ком-

пьютера как посредника в передаче информации оказывает существенное влияние на характер этих опечаток; это пропуск букв или пробелов, задевание соседних клавиш, смещение на одну клавишу по сравнению с необходимой как для одной буквы, так и для некоторой последовательности букв (напр., *Завтра жду звелка*).

Иная ситуация с дешифровкой полученных сообщений возникает при смс-коммуникации, если она опосредована не полной клавиатурой (как, например, у современных коммуникаторов), а клавиатурой с 10 клавишами, соответствующими цифрам. При этом сообщение ограничено в знаках, а стоимость его пересылки напрямую зависит от его объема. Для языка смс-сообщений характерны аббревиатуры и графические сокращения. Главный принцип сокращений такой же, как и в чатах (отсутствие при сокращении точек и косых черт), но общее их число увеличивается. При этом многие слова сокращаются до согласных или до сочетаний с их преобладанием (напр., *Пжста, пришли срочно ее тел*).

Ограниченность смс-сообщения в знаках и экономия времени ввода приводит к тому, в переписке людей, принадлежащих к одной малой социальной группе и имеющих значительную общую апперцепционную базу, в еще большей степени, чем в чатах, используется сокращение личных имен и названий, известных собеседникам и совершенно не свойственное устной РР.

Как и в чате, смс-коммуникация широко использует эмодзи, и при этом число распространенных смайликов невелико, а способ их набора с клавиатуры весьма прост и компактен по числу знаков. Попадая в один ряд с вербальными знаками, эмодзи развили большую многозначность, несвойственную иконическим знакам, но характерную для слов естественного языка. Так, смайлик) или :) может обозначать и шутку, и приятие, и лукавое извинение,

а смайлик (или :(означает и огорчение, и извинение; эти эмодзи используются как в дружеском общении, так и в сообщениях не самым близким людям (например, от ученика к преподавателю и обратно или от коллеги к коллеге).

Особенностью смс-коммуникации является наличие в телефоне особой функции – встроенного словаря, который предлагает варианты слов с определенной последовательностью букв по мере убывания их частотности. Набирая сообщения с помощью такого словаря, коммуникант регулярно видит последовательно предлагаемые слова, поэтому адресат поймет, какие слова имелись в виду на самом деле даже в случае подобной «опечатки». Однако при этом человек, не привыкший пользоваться этим режимом ввода, декодировать текст не сможет, напр., *Ты чего был год сети? (год = вне)*.

Особый интерес представляет дешифровка сообщений, «самостоятельно» написанных телефоном с голоса адресанта. Подобные программы несовершенны, поэтому неверно распознанные программой слова зачастую не имеют с исходными никакого смыслового сходства. Так, только понимание того, что смс-сообщение *Силы нитрат железа себя* создано в режиме распознавания голоса в сочетании с знанием консигуативного контекста этого сообщения сделало возможным его дешифровку как «Силы не трать, желей себя».

Таким образом, электронно-опосредованная обиходно-бытовая письменная речь представляет собой такой вид коммуникации, что при ее дешифровке существенное место занимает семиотическая консигуативность.

Литература

1. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М., 2010.
2. *Литневская Е. И.* Письменные формы русской разговорной речи (К постановке проблемы): Монография. М., 2011.

Лингвокреативные технологии в газетных заголовках современных СМИ: полисемантические преобразования прецедентных текстов

Т. С. Лошко

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара)

tata-vata89@yandex.ru

Полисемантика, трансформация, прецедентный текст.

Summary. The subject of analysis is a different ways of polysemantic transformation of precedent texts in the language of Mass Media.

Прецедентные тексты (ПТ) обладают такими свойствами, как воспроизводимость, узнаваемость, общеизвестность, эмоциональность и экспрессивность. Эти свойства необходимы для привлечения внимания читателей, для компрессии содержания текста и создания целого спектра дополнительных смыслов, так как прецедентный текст является аксиологическим знаком, функционирующим в семиотическом пространстве культуры, что обуславливает их востребованность в современном публицистическом дискурсе [1: 78].

Для газетных заголовков характерно два способа применения ПТ: 1) с дословным использованием, при этом само включение чужеродной единицы выступает как средство экспрессии; 2) с изменением формы устойчивого выражения или слова, когда трансформация формы служит рождению принципиально нового содержания.

ПТ формируют в языке СМИ зону креативности, поскольку являются полем для создания бесконечного числа языковых трансформаций, связанных, в том числе, и с полисемантическими преобразованиями.

1. **Полисемантическое переосмысление прецедентного текста, основанное на полисемии лексемы.** В заголовке *ФСБ, откройся!* (статья о размещении в интернете информации о деятельности ФСБ (Профиль) источником служит знаменитое заклинание *Сезам, откройся!* из сказки о Синбаде-мореходе в сборнике восточных сказок «Тысяча и одна ночь»). Двигателем полисемантического переосмысления является глагол *открыться*. В исходном тексте актуализируется ЛСВ ‘стать открытым, сделаться доступным для проникновения извне’, в прецедентном тексте – ‘рассказать о себе, откровенно, искренне; признаться в чем-либо’. Слово *Сезам* имплицитно присутствует в названии статьи как синоним чудесного, неизведанного, заветного, желанного.

Именно такими, покрытыми тайной, представляются многим россиянам соответствующие ведомства. Взаимодействие имплицитных и эксплицитных компонентов прецедентного текста создает смысловую «надстройку», позволяющую читателю вступить в языковую игру и глубже проникнуть в суть описываемых событий.

2. **Полисемантическое переосмысление прецедентного текста, основанное на полисемии синтаксических конструкций.** В статье *Испытание Шараповой* (МК) речь идет о предстоящем теннисном матче, в котором должны участвовать две известные теннисистки М. Шарапова и А. Чакветадзе. Синтаксическая конструкция «испытание + существительное в Р. п.» оставляет читателя в неведении: Шарапова субъект или объект испытания. Иначе говоря, в этом заголовке прочитываются два смысла: 1) Шарапова собирается испытывать саму себя или 2) кто-то собирается испытывать Шарапову. Однако при ознакомлении с текстом статьи оказывается, что речь идет не столько об испытаниях, выпавших на долю теннисистки М. Шараповой, сколько о злключениях ее соперницы – А. Чакветадзе. Одним из испытаний, которое должна выдержать А. Чакветадзе, является встреча на корте с М. Шараповой, таким образом, заголовок, получает новое прочтение: испытание при помощи Шараповой; в данном варианте синтаксической структуры Шарапова оказывается инструментом воздействия.

3. **Полисемантическое переосмысление прецедентного текста, основанное на синтаксическом параллелизме.** Синтаксическая конструкция *Х. (И. п.) начинается с У. (Р. п)* вызывает ассоциации со знаменитым изречением К. С. Станиславского *Театр начинается с вешалки* или с песней на стихи М. Матусовского *С чего начинается Родина?* Общий смысл данных изречений сводится к тому, что

что-то значительное начинается с чего-то простого и на первый взгляд второстепенного.

Заголовок *Чайковский начинается с Путина* (МК) благодаря своей прецедентности способствует созданию комического эффекта: на самом деле речь идет о конкурсе им. П. И. Чайковского и о том, что организаторы конкурса с нетерпением ждут появления В. Путина. Взаимодействие метонимии (композитор П. И. Чайковский → конкурс «Чайковский») и синтаксического параллелизма с исходным текстом заставляет читателя задуматься о приоритетах современной действительности.

4. **Полисемантическое переосмысление прецедентного текста, основанное на буквализации смысла языковой единицы.** Название статьи *За стеклом* (Итоги) ассоциируется с названием романа французского писателя Робера Мерля «За стеклом». Это метафора, взгляд на мир из окон уютного дома на бурлящую улицу и одновременно взгляд человека, стоящего на улице, в стекла чужих окон. Однако в статье словоформа *за стеклом* имеет локативное значение: кто-то находится за стеклянным перекрытием. Речь идет о вреде офисов «открытого типа» со стеклянными перегородками. Таким образом, словоформа *за стеклом* возвращена к прямому номинативному значению.

5. **Полисемантическое переосмысление прецедентного текста, основанное на нарушении стандарта сочетаемости.** Так, заголовок статьи, посвященной 20-летию со дня возникновения первого сайта *Человек кликающий* (Итоги) вызывает ассоциацию с терминами из области антрополо-

гии: *человек прямоходящий, человек разумный*. Открытие Т. Бернес-Ли, сделанное для европейского научного центра физиков-ядерщиков, позволило использовать так называемый «клик», т. е. нажатие мышкой на определенную ссылку и переход на другой сайт. Нарушение сочетаемости позволяет автору создать неологизм по известной модели и таким образом поставить *человека кликающего* (т. е. владеющего компьютерными технологиями) в иерархическом смысле выше *homo sapiens*. Благодаря взаимодействию прямого номинативного значения *человек, кликающий мышкой*, которое может быть употреблено в обычной бытовой ситуации, с текстом-источником (антропологическим термином) рождается новая номинация.

Взаимодействие полисемантики и прецедентности возможно благодаря тому, что прецедентный текст воспринимается как единое целое, является знаком – культурным кодом, и как знак обладает ассиметричным дуализмом Лингвокреативные трансформации на основе полисемантического переосмысления в интертекстуальной сфере служат одним из механизмов лингвистической репрезентации личности автора и создания прагматического эффекта взаимопонимания автора и адресата.

Литература

1. Ремчукова Е. Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009.

Логико-смысловое и композиционно-стилистическое устройство текста (на примере текста спортивного репортажа)

В. Т. Марков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

v.t.markov@hotmail.com

Текст, логико-смысловая структура, функциональный стиль.

Summary. The subject of the study is the logical-semantic structure and compositional and stylistic features of texts sports reportage.

Вопрос о логико-смысловом и композиционно-стилистическом устройстве текста как проявлении спортивного дискурса (сферы массовой коммуникации и зрелищ), возник не случайно.

Для современной лингвистики характерен интерес к тем формам и разновидностям речи, в которых функционирует язык. Число исследований, посвященных описанию жанров, стилей, подстилей неуклонно растет, написаны работы, посвященные языку СМИ, рекламы, политическому дискурсу.

Нельзя сказать, что языковые особенности общения в области спорта оказались полностью вне поля зрения лингвистики. Довольно много внимания уделялось изучению заимствований в узкой сфере применения, например фонетических особенностей, чуждых русскому языку (*нокаут, джюри, туше*).

Однако употреблению языка в сфере спорта уделялось недостаточное внимание, несмотря на возрастающую роль спорта в жизни общества, что проявилось, например, в создании кинофильмов, сюжет которых составляют биографии спортсменов и события их спортивной жизни.

Изучение текстов спортивного репортажа является не только возможностью заполнить пустоту в функциональном описании языка, но и поводом применить разработанные ранее лингводидактические принципы к анализу нового материала.

Существуют четыре макросферы общения: бытовая, профессиональная, социально-бытовая и учебная. Тексты спортивного репортажа относятся к социально-бытовой макросфере общения.

Ведущим признаком выделения сфер общения является тематический. Тема – это предмет общения, взятый в определенном социально значимом аспекте. При всем разнообразии темы общения (личная жизнь, литература, изобразительное искусство, кино, театр, спорт) обладают общим признаком – отсутствием ориентации на профессиональную деятельность хотя бы одного из участников общения.

Общение протекает главным образом в форме устной речи и сохраняет основные стилистические черты разговорной речи, а текстовой материал:

а) содержит информацию популярного характера, передаваемую дилетанту / дилетантам в данной области, что актуально для новых видов спорта: боулинга, дартса, маунтинбайка и др.;

б) в тематическом плане отражает особенности бытовой сферы общения.

Ведущим критерием для определения особенностей текста спортивного репортажа является предметно-тематический. Предметно-тематическая сторона общения определяет жанр текста и характер сообщаемой информации.

Информация о традиционных видах спорта

1. Автор сообщения – подготовленный и информированный человек, специалист, владеющий информацией в рамках данной темы.

Кроме того, в традициях спортивной журналистики автор – артист, усиливающий эмоционально-эстетическое значение происходящего события. Адресат – дилетант, проявляющий интерес к данной сфере.

2. Говорящий – журналист, передающий общую информацию о событии.

Кроме передачи информации, он задает вопросы собеседнику – специалисту, признанному авторитету, часто добившемуся исключительных результатов в данной области деятельности. Общение происходит в диалогической форме (беседа).

Информация о новых, экзотических видах спорта

В последнее время широкое распространение получили неизвестные в России виды спорта (бридж, дартс). Правила проведения соревнований часто неизвестны профессионалам в спортивной журналистике. Поэтому автор сообщения – дилетант, обращающийся к дилетанту.

1. Структурно-композиционные особенности текста.

1) монолог должен соответствовать следующим критериям:

а) отражение темы (тема – происходящее событие и его этапы);

б) выражение оценочного суждения;

в) правильное определение перспективы развития события.

Несоблюдение одного из критериев ведет к негативной оценке всего монологического высказывания:

а) комментатор допускает неверную оценку (из-за политических, социальных, нравственных, национальных, психологических, бытовых, половых предпосылок);

б) комментатор допускает открытую предвзятость, проявляющуюся в положительной эмоции при неудаче спортсмена-соперника (неуместная положительная оценка – смешение оценки по шкале «хорошо» / «плохо»);

в) комментатор неверно определил перспективы развития события;

г) комментатор уклонился от темы сообщения – описания события.

2) диалог (беседа) строится по следующим критериям (основаниям), определяющим параметры высказывания:

а) вопрос по теме (происходящее событие и его этапы);

б) вопрос на основе речевой ситуации;

в) согласие / несогласие с оценкой.

Нарушение этих критериев искажает параметры высказывания:

а) уклонение от темы сообщения – описания события;

б) неверное соотношение объема речи журналиста и специалиста;

в) некоммуникативность построения диалога (псевдовопросы или вопросы, ответ на которые очевиден заранее).

Несмотря на то, что изучение текстов спортивного репортажа находится пока на стадии сбора материала, его систематизации и первичного анализа, уже определены основные

направления дальнейшего исследования и пути его практического применения:

1. В курсе «Русский язык и культура речи», необходимость которого для спортивных тележурналистов очевидна, например исправление ошибок, связанных с неправильным ударением, неверным употреблением слов и выражений. Неверная сегментация также приводит к невыраженности структуры из-за характерного для устной речи отрыва второстепенного члена предложения с обстоятельственным значением и вынесения его в препозицию к реме: *Наша сборная с утра установила рекорд*; Вместо: *С утра наша сборная установила рекорд*.

2. Еще одно направление – это изучение проблем заимствования, что особенно актуально для представления новых видов спорта: *Второй шутинг...; Два ассиста... Шутинг* в переводе означает стрельба, а *ассист* – передача, и, если необходимо сохранить заимствование, надо говорить: *вторая стрельба, две ассисты*.

3. Новое направление – рассмотрение спортивного репортажа как перевод зрительной модальности в слуховую. Пока найдено несколько средств перевода одной модальности в другую: темп (в зависимости от происходящего меняется темп речи журналиста); пауза и / или громкость.

4. Данное направление представляет интерес и для преподавания русского языка как иностранного. Тексты дают интересный по содержанию для учащихся и отражающий особенности разговорной речи по форме материал, который может быть использован для обучения аудированию.

Информационная емкость как стилевая черта официально-делового стиля

В. А. Маркова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

v.a.markova@hotmail.com

Официально-деловой стиль, стилевая черта, информационная емкость.

Summary. In the paper we define the concept of information capacity and substantiate the inclusion of the information capacity of a number of stylistic traits official style.

Каждый функциональный стиль может быть охарактеризован через набор свойственных ему стилевых черт. Стилевая черта – «признаки текста, выражающие специфику и стилевое своеобразие соответствующего функционального стиля благодаря реализации функций последнего, обусловленных его экстралингвистическими факторами». Стилевая черта представляет собой «компонент (ступень) детерминативной вертикали»: от экстралингвистической основы функционального стиля к его языковым особенностям [5: 403].

В литературе, посвященной нормам официально-делового стиля, традиционно выделяются следующие стилевые черты: стандартизованность, императивность, точность, объективность (см., например: [5: 274–275]). Представляется, что целесообразно было бы включить в этот список еще одну черту – информационную емкость. Под информационной емкостью мы понимаем способность компактного по объему текстового фрагмента вмещать большое количество информации. Понятие информационной емкости было предложено И. Н. Левиной при характеристике особенностей научного стиля: «Совершенствуясь, язык нашел более компактные и гармоничные формы, в которых теперь и воплощается научная мысль. Основную тенденцию мы можем определить как стремление к информационной емкости» [4: 404]. Исследователь отмечает, что информационная емкость, т. е. высокая концентрация информации в научном тексте, достигается благодаря «нанизыванию родительного падежа», а также благодаря введению в простое предложение осложняющих элементов [4: 405].

Понятие информационной емкости актуально и для официально-делового стиля. Для деловых текстов характерна высокая информационная насыщенность. И это понятно: составляя документ, необходимо максимально обстоятельно изложить суть дела, чтобы исключить возможность недопонимания, интолкований. Иными словами, информационная насыщенность делового текста обеспечивает точность изложения. Однако при этом информация должна подаваться четко, т. е. таким образом, чтобы реципиенту было несложно воспринять, «охватить» ее. Для этого необходимо, чтобы

участок текста, содержащий всю необходимую информацию, был «обозримым», относительно небольшим по объему. Отсюда – стремление к компактности, краткости изложения. При этом под краткостью, как указывает Б. С. Шварцкопф, следует понимать «не только и не столько количество слов в предложении», сколько стремление вместить в одно предложение максимум необходимой информации [6: 228]. В деловом тексте отмечается «органичная тенденция к «крупноблочности» изложения» [6: 229]. Эта «крупноблочность», т. е. изложение всей информации в рамках одного «блока», является проявлением стремления к информационной емкости.

Представляется, что информационную емкость можно считать стилевой чертой официально-делового стиля (наряду со стандартизованностью, императивностью, точностью, объективностью). Информационная емкость определяется экстралингвистическими условиями (деловые тексты обслуживают правовую сферу общения, с чем связана необходимость предельно четкого изложения информации в документе; четкость изложения достигается информационно емкими формулировками) и проявляется в широком использовании ряда конструкций – обособленных оборотов, цепочек родительных падежей, сложноподчиненных предложений («заменяющих» несколько простых).

Понятие информационной емкости обладает объяснительной силой в ряде случаев, когда интерпретация языковых особенностей официально-делового стиля с опорой на другие стилевые черты представляется затруднительной. Покажем это на примере. Общеизвестно, что в официально-деловых текстах широко используются причастные и деепричастные обороты: *Товар, являющийся предметом настоящего контракта, поставляется Продавцом в морской упаковке. Продавец обязан отгрузить товар не позднее чем в течение одного месяца по получении заказа, неся все связанные с этим расходы*. Эта особенность деловых текстов обычно связывается с такой стилевой чертой, как точность. Действительно, причастные и деепричастные обороты, содержащие сообщение об определенном положении дел (вы-

ражая пропозицию), вводят в предложение определенную информацию и, следовательно, способствуют точности формулировок (обстоятельность изложения исключает возможность инотолкований). Однако с этой целью можно было бы использовать и другие языковые средства, например часть сложного предложения: *Товар, который является предметом настоящего контракта, поставляется Продавцом в морской упаковке. Продавец обязан отгрузить товар не позднее чем в течение одного месяца по получении заказа, при этом продавец несет все связанные с этим расходы.*

Итак, перед нами два варианта, эквивалентных по количеству содержащейся в них информации, в равной степени обеспечивающих точность изложения: сложное предложение и простое предложение с обособленным оборотом (причастным или деепричастным). Каждый из указанных вариантов имеет свои преимущества. Сложное предложение создает более «комфортные» условия для подачи информации: информация, расположенная в части сложного предложения, в большей степени фиксирует на себе внимание, так как пропозиция в этом случае выражается своей основной репрезентацией – финитным глаголом-сказуемым (в наших примерах – *является*, *несет*). Что касается причастий и деепричастий, то они, как известно, являются вторичными репрезентациями пропозиции, информация, содержащаяся в причастных и деепричастных оборотах, представлена в предложении как дополнительная по отношению к той информации, которую несет сказуемое, и соответственно фиксирует на себе меньшее внимание реципиента. С другой

стороны, простое предложение, содержащее обособленный оборот (причастный или деепричастный), является более компактным по сравнению со сложным предложением. Какой вариант предпочитает официально-деловой стиль? Из двух равноценных по точности изложения вариантов официально-деловой стиль выбирает более емкий, компактный – простое предложение с обособленным оборотом. Таким образом, именно понятие информационной емкости объясняет широкое использование обособленных оборотов в деловом тексте.

Все вышесказанное позволяет считать целесообразным включение информационной емкости в число стилевых черт официально-делового стиля.

Литература

1. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2004.
2. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Стилистика официально-деловой речи. М., 2012.
3. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М., 2012.
4. Левина И. Н. Особенности научного стиля // Русский язык и культура речи. М., 2005.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006.
6. Шварцкопф Б. С. Культура деловой речи // Культура русской речи / Отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. М., 2006.
7. Шмелёва Т. В. Пропозиция и ее репрезентации в предложении // Вопросы русского языкознания. Вып. 3. Проблемы теории и истории русского языка. М., 1980.

Текст в мире текстов: по материалам разных сфер коммуникации

С. А. Медведев, А. А. Чувакин

Алтайский государственный университет (Барнаул)
gres04dem@rambler.ru, chuvakin@inbox.ru

Мир текстов; текст как синтез отношений в мире текстов.

Summary. The paper considers world of texts VS collection of texts. Each text may be presented as the synthesis of relations in the world of texts. This idea is demonstrated in the material of Shukshin stories and Internet communication.

Исследование жизни текста, как правило, сопрягается с поиском и осмыслением среды его существования, среды его жизни. Если в недалеком прошлом эта задача решалась на основе понятия «совокупность текстов» [3: 44], то к настоящему времени оказывается возможным воспользоваться понятием «мир текстов». В центр внимания попадают не сами тексты, а отношения между ними. Эти отношения задаются человеком в его коммуникативной деятельности. Наши рассуждения исходят из мысли В. В. Библихина о том, что «мир существует не по способу множества элементов» [1]. Мир представляет собой, например в духе идей Канта, «целостность синтеза» явлений того или иного определенного плана» [2]. Жизнь текста описывается уже не на основе оппозиции текст – мир текстов, а как фрагмент мира текстов. Стало быть, каждый исследуемый текст может быть представлен как синтез отношений в мире текстов, независимо от природы знака – лингвистической, паралингвистической, нелингвистической. Мир текстов характеризуется открытостью, динамичностью; сами отношения являются нелинейными, сложными, незавершенными, по большей части случайными. Исследование текста в мире текстов позволяет увидеть изучаемый объект в его синергичном бытии, тем самым знание жизни текстов углубляется во имя фундаментальной роли филологии – обеспечения понимания в процессе коммуникативной деятельности субъектов.

Далее кратко изложим результаты исследования фрагмента мира текстов в двух сферах коммуникации: художественной и интернет-коммуникации, что может продемонстрировать значимость среды как фактора жизни текста.

Результаты, достигнутые в изучении творчества В. Шукшина, в настоящее время делают возможным приблизиться к рассмотрению текстов его творчества как мира текстов. Представим (пусть и неполно) фрагмент мира текстов творчества Шукшина с текстом рассказа «Сапожки» в центре.

Восприятие, понимание, интерпретация субъектом текста рассказа есть результат проекции нескольких линий его (рассказа) отношений в мире текстов писателя, в том числе трансформационных и рефлексивных. В число трансформационных входят отношения формально-семантических и / или

функционально-смысловых преобразований **текста рассказа** в разных изданиях, в Сеги (на разных сайтах), в разных форматах речи: письменном – устном (чтение текста С. Юрским или любым иным лицом), при адаптации для иностранных учащихся; преобразований рассказа в текст кино-сценария и кинофильма (режиссер С. Великородчанин и др.), в текст пьесы и драматического спектакля (режиссеры А. Херманис в Москве, А. Калашниченко в Перми и др.), в текст оперного либретто, музыкальный текст и текст оперного спектакля (композитор В. Кобекин), в произведения живописи, в иллюстративный материал; преобразований фрагментов текста в обстановку сценического пространства, костюмы, видео- и звуковой ряд и др. (в разных киностудиях и театрах). К рефлексивным относятся преобразования преимущественно смыслового характера – в процессе авторской и неавторской рефлексии: в произведениях критики, публицистики, в научных и научно-популярных работах, энциклопедических и лексикографических изданиях, в учебно-методических изданиях, сочинениях обучаемых, изданиях типа «Рассказ «Сапожки»: краткое содержание», переводах на другие языки, в эмоциональных реакциях человека. И др.

Обратимся к материалам интернет-коммуникации. В качестве примера предложим фрагмент мира текста Льва Дахнюка «Гречку не давать», который изначально был размещен на сайте Proza.ru в разделе миниатюр (<http://www.proza.ru/2011/12/22/1237>), а затем – на других сайтах.

В зависимости от того, на каком сайте представлен текст, автор включает в текстовое пространство различные сопутствующие элементы: изображения, авторский комментарий, аннотацию и др., выбирает вариант форматирования и способ представления текста (в том числе настройки приватности, что формирует доступность текста). Такие различающиеся элементы, присоединенные автором к тексту миниатюры, влияя на его восприятие, задают определенный вектор трактовки и даже включаются в процесс формирования новых смыслов.

Одним из самых сильных элементов влияния на формирование смыслов являются рецензии читателей. Эти оце-

ночные сообщения могут на разных ресурсах носить различное название: Комментарий, Ответ или же Реплика, что не отменяет их основного назначения, заключающегося в выражении пользователем своей реакции на текст Л. Дахнюка.

Подобные текстовые элементы (Рецензии) во взаимодействии с изначальным текстом фактически формируют вторичный текст. Если пользователь имеет доступ как к изначальному тексту, так и к рецензиям на него, то это может повлечь за собой рождение новых смыслов, которые могут быть не усмотрены при восприятии только изначального текста. Каждый участник акта интернет-коммуникации как индивид имеет возможность усматривать в тексте различные смыслы в зависимости от того, какой «набор» вторичных текстов оказывается в фокусе его внимания, какова последовательность текстов в «наборе», и какое влияние они на него оказывают. Так перекрещиваются трансформационные и рефлексивные отношения в сфере интернет-коммуникации.

Приведенные направления и способы взаимодействия и преобразования текстов задают в каждом случае свой собственный синтез отношений, точками в которых могут быть консервация и развитие текста, движение вперед и возврат к исходной или промежуточной точке, схождение и расхождение, пересечение, сопряжение и совмещение, обработка,

комментирование, сопряжение средств разных знаковых систем и др. Взаимодействие отношений происходит как своего рода пульсация: каждое из преобразований не является продолжением предыдущего, их следование случайно, различно по силе.

Пространство и время меняют и будут менять отношения, которые могут нейтрализоваться или, наоборот, актуализироваться; тексты могут уходить в состояние анабиоза (А. Н. Баранов), возвращаться к активной жизни в коммуникации – в различных условиях природы, социума и культуры, на разных этапах развития языка и коммуникации.

Приведенные материалы показывают, что среда как фактор жизни текстов формируется вокруг Homo Communicans как создателя и потребителя текста: значим масштаб личности Homo Communicans, масштаб и качество пространства жизни текста, в частности широта и разреженность в первом случае, узость и плотность – во втором. Именно обращение к среде позволяет обосновать «расходящиеся тропки» интерпретации текста каждым индивидом.

Литература

1. Бибихин В. В. Мир. Томск, 1995.
2. Визгин В. П. Мир // Новая философская энциклопедия [http://iph.ras.ru/elib/1908.html].
3. Теория текста / Под ред. А. А. Чувакина. М., 2010.

Современные технические средства коммуникации и жанровая система русского языка

Л. А. Месеняшина

Челябинский государственный университет
mesenyashing@mail.ru

Речевой жанр; жанровая система языка; теория речевых жанров, технические средства коммуникации; активная и пассивная грамматика.

Summary. The paper has a look at a disputable question of modern speech genre theory: is it possible to coordinate the modern technical conditions of communication with the main theses of Bachtin's genre theory. Such an answer for this question has proposed to found "active grammar" and "passive grammar" to genre level of language, similar to Shcherba's active and passive grammar.

В докладе обсуждается вопрос об изменении жанровой системы русского языка, а вслед за этим, и теории речевых жанров в целом в связи с появлением новых типов речевого взаимодействия (РВ), обусловленных новыми материально-техническими средствами коммуникации.

Как указывалось ранее, появление электронных средств фиксации речи создает реальные предпосылки для радикального изменения жанровой системы языка точно так же, как много веков назад появление письменности создало условия для формирования двух принципиально разных путей развития культуры и языка: один – путь создания письменного языка и культуры на основе письменности, другой – путь бесписьменного развития языка и культуры. Электронные средства фиксации речи дали возможность фиксировать реальные диалоги полностью, буквально, что породило такие радио- и телевизионные формы РВ, как диалог в прямом эфире, ток-шоу, реалити-шоу и т. п. [3]. Телевидение и радио прямо называют их жанрами, поскольку это действительно «типические формы высказывания», представляющие своего рода «реплику» в диалоге со зрителем (слушателем) и, как правило, рассчитанные на ответные высказывания массовой аудитории, причем ответные реплики слушателей (зрителей) зачастую являются композиционно предусмотренным элементом жанра.

На наш взгляд, этот феномен следует расценивать как серьезное реформирование жанровой системы языка, которое неизбежно должно повлечь за собой реформирование и самой теории РЖ. В результате такого реформирования в теории РЖ должно найтись как место для основ, заложенных М. М. Бахтиным, так и непротиворечивое их развитие в связи с усложнением условий (и, прежде всего, технических) РВ. Иными словами, требуется определение РЖ, не ограниченное признаком «смены речевых субъектов». Ведь в понимании М. М. Бахтина высказывание, являющееся речевой репрезентацией жанра, – это реплика в диалоге (независимо от протяженности ее), модусно непротиворечиво оформленная.

Между тем новые жанровые формы в СМИ эту модусную противоречивость реплик в диалогах не только допускают, но и требуют ее именно по условиям жанра. Вместе с тем это не просто новые типы РВ – это именно новые РЖ, потому что, несмотря на потенциально неограниченное количество участников диалога, у этих жанров есть и автор, ответственный, именно по М. М. Бахтину, за речь, как за поступок, – это ведущий. Однако в этом качестве он далеко не вполне совпадает с образом автора в традиционных вторичных жанрах печатной речи. У последнего есть возможность (и обязанность) отвечать если не за содержание, то за форму реплик, входящих в его текст. Ведущий же отвечает только за общую оценочную рамку состоявшегося диалога и его относительную композиционную завершенность.

Появление электронных средств фиксации речи вынуждают пересмотреть и определение текста. В изменившихся условиях для «неоднократного воспроизведения» [1] могут быть использованы высказывания, первоначально вовсе не предназначенные для этого. Возможность или невозможность воспроизведения высказывания перестает зависеть от авторского замысла и начинает зависеть от технических возможностей любого из адресатов этого высказывания – и даже от тех, кто в состав адресатов этого высказывания по авторскому замыслу не входил и входить был не должен. В числе таких «текстов вопреки авторскому замыслу», в частности, могут оказаться любые записи диалогов, – в том числе записи на диктофон, записи, сделанные «скрытой камерой» и т. д.

Но парадокс состоит в том, что высказываний «никакого жанра» не существует ни в одном типе РВ. Все, что становится репликой в диалоге (а наши «новейшие тексты» могут быть такими репликами и становятся ими), должно работать как высказывание определенного жанра. Кто, каким образом, на основании каких критериев может определить жанровую принадлежность таких «текстов»? В таких случаях адресат сам выбирает, к какому жанру он отнесет данный текст, и отвечает на него в соответствии с теми жанровыми

особенностями, которые в нем обнаруживает – или приписывает ему, – как, в сущности, он поступает в любом РВ (кроме «институционального дискурса», в терминологии В. И. Карасика [2].

Итак, оказывается, что диалог – не жанр (а тип РВ) для его участников, но жанр для тех, кто его воспринимает в «изъятном из непосредственного РВ виде». Для того, кто имеет возможность ознакомиться с зафиксированным таким образом текстом диалога, – это РЖ, потому что адресат в состоянии вычленив в нем (или приписать ему) определенную целеустановку, и текст в полном смысле этого слова, потому что этот текст может репродуцироваться неоднократно. Признаки же композиционно-семантического единства этого текста будут приданы ему уже не автором, – образ которого в этих условиях формален, – а именно воспринимающим (одним из возможных, хотя и необязательно запланированных адресатов данного текста).

Итак, 1) роль адресата в решении вопроса о жанровой принадлежности того или иного высказывания оказывается не менее значимой, чем роль автора; 2) решение адресатом вопроса о жанровой принадлежности высказывания того или иного высказывания может не совпадать с решением автора этого высказывания.

И тут самое время вспомнить о том, что говорил Л. В. Щерба о необходимости параллельно достаточно тщательно разработанной на тот момент пассивной грамматике разработать активную грамматику. Остается разработать две разных «грамматики» для жанрового уровня языка. Тогда, возможно, и наши представления о системе речевых жанров удастся упорядочить гораздо в большей степени, нежели они упорядочены на сегодняшний день.

По всей видимости, «активная грамматика РЖ» должна строиться, исходя из категории иллокуции, а пассивная – из

категории перлокуции. Предполагается, что отношения, выражающие противопоставления между РЖ, в обоих грамматиках будут практически инвариантны, что, впрочем, не означает полной их идентичности. Последовательно выстроенная «пассивная грамматика РЖ» позволит «вычислить» слабые позиции для тех или иных РЖ, приводящие к утрате тех или иных дифференциальных жанровых признаков, к нейтрализации оппозиций между ними.

В такой «двуграмматичной» жанровой системе найдется место и новейшим речевым жанрам, обусловленным появлением новых материально-технических средств коммуникации, т. е. жанрам, функционирование которых почти неизбежно связано с асимметрией иллокутивной цели и перлокутивного эффекта, и жанрам, которые опознаются адресатом как нарушения правил речевого поведения, подобно РЖ похвалы и лести. Возможно, последние распознаются подобно тому, как распознаются слушателем регулярные, социально маркированные нарушения грамматических и орфоэпических норм: *ложит, звонит* и т. д. Другое дело, что на уровне РЖ, возможно, стоит говорить не только о социальном, но и об этически маркированных жанровых нормах.

С практической точки зрения особенно важным разграничение «активной» и «пассивной» грамматик в сфере РЖ будет, очевидно, для сфер деятельности, профессионально связанных с речевой коммуникацией.

Литература

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
2. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 25–33.
3. Месеяшина Л. А. Диалогический жанр? // Вестник Челябинского университета. Научный журнал. Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2010. Вып. 46. № 22(203). С. 77–82.

Особенности создания образности в мемуарном тексте

Т. Е. Милевская

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Tatiana_Milevska@mail.ru

Мемуары, метафора, адресат, читатель, воздействие, концептосфера.

Summary. The paper deals with analyses of original modes of influence to readers in memoirs.

Исследование роли и места метафоры в фактуальных текстах, к которым мы относим мемуары, необходимо начинать с авторских интенций, с ответа на вопросы: зачем автор пишет мемуары и что он хочет сообщить и внушить читателю. Отношения автора и читателя в мемуарах весьма непростые. Можно говорить о двух типах адресата (подробнее об этом см. [6]). «Свой» читатель – это представитель одного с автором общественного слоя, круга, человек, проживший «похожую» жизнь. И читатель «вообще», т. е. любой человек, берущий в руки эту книгу. Чаще всего, человек другого времени.

«Своего» читателя текст мемуаров стимулирует к его собственному воспоминанию, погружает в «ту», общую с автором жизнь. «Читатель вообще» пытается представить себе «ту» жизнь, рисует свои картины, не связанные с собственной жизнью, а вербально созданные автором мемуаров.

Для «читателя вообще» мемуары – это источник информации, представляющей исторический интерес как отражение взглядов и настроений определенной среды и эпохи, для «своего» читателя – это ощущение своего прошлого, своей жизни, это – возвращение.

И в этой ситуации наблюдается интересный феномен, «эффект эмоционального возбуждения или убеждения» [7: 186], связываемый с использованием метафоры, достигается как раз ее отсутствием. Таким образом, «суггестивное наполнение текста» создается детальным перечислением самых простых вещей: обстановки дома, городских улиц, ежедневных ритуалов и т. п., иногда прерываемых эксплицитным обращением к читателю: *Из тесной передней поднимались по широкой лестнице светлого полированного дерева, устланной цветистым ковром, в парадные комнаты. Из*

приемной с цветными шкафчиками и стульями светлого дуба вели две двери: одна в кабинет отца, другая – красного дерева с матовыми узорными стеклами – в залу. Кабинет отца – маленькая комнатка с вычурным летным потолком, изображавшим голубое море, из волн которого выглядывали наяды и тритоны <...> Между окон кабинет помещался большой письменный стол, за которым никто никогда не писал. На столе стояла тяжелая бронзовая чернильница без чернил, бювар с бронзовой крышкой без бумаг, бронзовый прорезной нож, ручки, которые не употреблялись [1: 28].

Эта форма воздействия путем апелляции к памяти оказывает прогнозируемый автором эффект, «когда прошлое внезапно воскресает в аромате, в картине, которая при этом рассыпается на осколки...» [3: 258].

Эти наблюдения оказываются справедливыми для описаний вещного мира. Когда речь заходит о характеристиках людей из прошлого, ситуация меняется. Метафора вербализует всю палитру отношения автора к окружающим, часто к конкретному, определенному лицу, иногда к типу людей: *Но в 20-х годах нужно было «дело», и организовать, сотряпать его мог только провокатор. Повторяю: не доносчик, не сосед, подглядывающий в щелку, а именно провокатор-профессионал, действующий по заданию. Надо выискать, вынюхать благоприятную почву, обработать, вырастить рассаду и срезать ее, пока растение еще не укоренилось и не дало боковых побегов. О, проклятое крысиное племя, хитрое и злое, прожорливое и корыстное! Оно шныряло по углам, под половицами, приноживалось и прицеливалось, входило в доверие, проявляло инициативу и помогало [2: 381].*

Таким образом, индивидуально-авторская метафора используется в своей традиционной функции, хотя служит не

столько средством украшения речи, сколько способствует воздействию на адресата.

Во всех текстах, принадлежащих самым разным стилям и жанрам, метафоры складываются в систему, организованную метафорическими моделями [4].

В различных содержательных фрагментах мемуарного текста эти модели меняются. Но основными, сквозными, связанными с главным содержанием произведения являются модели, детерминированные концептосферой мемуариста (подробнее об этом см. [5]), созданной переплетением концептов ДОМ, ПУТЬ, ЖИЗНЬ.

Доминируют следующие концептуальные метафорические модели:

1. Родина – это Дом; 2. Жизнь – это Путь; 3. Дом – это Жизнь; 4. Жизнь – это Путь к Дому.

Эти метафорические модели играют важную текстообразующую роль в мемуарах, автор которых превратил свой Жизненный Путь в Текст.

Жанр «совещание» в корпоративной коммуникации

Т. А. Милёхина

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

tmilehina@yandex.ru

Корпоративная коммуникация, жанр, совещание, инвариант, модификация.

Summary. The report introduces the analysis of audio- and videorecordings of corporate meetings' in major Russian companies. The characteristics of modern corporate meeting invariant are laid out, as well as the observed features of genre modification. Particular attention is paid to such genres of meetings as "No ties session", "Strategic Session", informal meeting.

Жанр «совещание» в современной корпоративной коммуникации, как показывает анализ аудио и видеозаписей 9 совещаний, произведенных в 2012 году (общий объем около 50000 словоупотреблений) в крупных российских компаниях, представлен в различных модификациях. Инвариант жанра характеризуется совокупностью жанрообразующих параметров: тема, место, время проведения совещания, партнеры по коммуникации, коммуникативные намерения, цели, тип и тональность общения [1: 31–32].

Большинство корпоративных совещаний носят деловой характер, посвящено деловой проблематике разного характера. Тематику совещаний составляют стратегии развития, освоение новых рынков, развитие каналов дистрибуции, текущая деятельность компании, PR-реклама предприятия. Жанры таких совещаний имеют классический характер и в профессиональной речи компании получают наименования *планерка*, *оперативка*. В последнее время появились новые типы совещаний: *встреча без галстуков*, *мозговой штурм* (brainstorming), *стратегическая сессия* (Team building). Отклонения от инварианта связаны с отступлениями от деловой темы – например, совещание по поводу дня рождения компании.

Пространство корпоративных совещаний, как правило, связано с расположением в рабочих помещениях компании, однако модификации проявляются в том, что совещания, например, «встреча без галстуков» или «стратегическая сессия» проводятся за пределами офиса, в другом городе, в специально снятом для этих целей помещении. Модификации наблюдаются и во временном пространстве совещаний, которые могут продолжаться и в течение нескольких дней. Взаимное расположение участников совещаний – преимущественно визуальное, контактное, однако есть и дистантные совещания с использованием телекоммуникационной аппаратуры.

Огромную роль играет фактор партнеров коммуникации. В жанре совещание всегда есть руководитель и подчиненные. Но характер их соотношения разный. Чаще всего это несимметричные (руководитель-подчиненный), постоянные, соответствующие занимаемой должности роли. Однако степень этой симметричности различна. Отношения могут быть строго симметричными, подчеркнута статусные. Иная степень симметричности и статусности отношений имеет место в случае, когда в совещании участвуют руководители высшего звена предприятия: генеральный директор, технический директор, коммерческий директор. Наиболее асим-

метричные отношения представлены на периферии жанра в неформальных совещаниях, участие в которых принимают сотрудники одного статуса, одного уровня высокого руководства и положения.

В потоке речи совещание как речевое событие имеет рачную структуру, четко выделяемые начало и конец. Вхождение в полилоговое совещание осуществляется с помощью ситуативной преамбулы, предваряющей начало совещания. Завершение совещания маркируется заключительной фразой руководителя.

Коммуникативные намерения, цели и тип общения представлены в анализируемом материале преимущественно неформальным нейтральным нефатическим типом, однако реальность демонстрирует и возможность отступлений разного рода в сторону активизации языковой игры, интимизации и субъективизации общения. Фактор формальности – неформальности наиболее сильно проявляется в материале в совещаниях равных по статусу партнеров, близком по характеру к деловой беседе.

Отступления от инварианта в языковом плане могут быть обусловлены спецификой деятельности компании. Например, в совещаниях компании по IT-технологиям фиксируется огромное количество заимствований. Присутствие узких специалистов приводит к большому количеству профессионализмов, тогда как совещание представителей разных отделов предприятия уменьшает количество терминологии. Лексическое своеобразие корпоративной коммуникации обусловлено ее интернациональной природой, которая накладывается на культурно-речевые параметры конкретных носителей русского языка.

Современная ситуация в российской экономике, представляя собой пеструю, разнообразную картину, определяет и внутрижанровое разнообразие одного из центральных жанров деловой коммуникации. Современная корпоративная коммуникация дает образцы совещаний различных типов. Анализ записей устных корпоративных совещаний позволяет выделить факторы, формирующие как общность жанровой природы, так и условия, создающие специфические черты каждого совещания.

Литература

1. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Способы описания окружающего мира в церковно-приходских летописях XIX в.

А. А. Миронова

Челябинский государственный педагогический университет

amiron_rus@mail.ru

Церковно-приходское летописание XIX в., языковая личность писца, способы описания мира.

Summary. It studies different ways of describing the environment, used by priests of the Miass Plant when compiling parish chronicles. The choice of ways of describing ordinary and special events in religious and everyday life of the parish depends on the writer's linguistic personality.

Вся жизнь русского человека от рождения до смерти тесно связана с церковью: крещение, венчание, отпевание. Повседневная жизнь православных христиан, раскольников, сектантов, магометан отражена на страницах церковно-приходских летописей. Материалом для анализа послужили две уникальных подлинных рукописных церковных летописи второй половины XIX в., хранящиеся в краеведческом музее г. Миасса Челябинской области: «Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода» в 3-х частях, которую вели священники Петро-Павловской церкви с 1882 по 1897 год, и «Приходская летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Параскевиевской церкви Кундравинской станицы, заведенная в 1865 году до января 1876 года». Эти ценные исторические памятники представляют собой не просто перечисление и сухое, беспристрастное описание фактов, а интереснейшее документальное свидетельство видения предшествовавших и происходящих событий глазами обычного священника обычной городской или сельской церкви, переданное языком того времени, дополненное оценками писцов и окружающих людей.

Церковно-приходские летописи состояли из ретроспективной и повременной части, при этом строго соблюдался формуляр отдельных записей. Сами летописи написаны в соответствии со строгим формуляром, что позволяет рассматривать их как один документ.

«Летопись... Миасского завода» велась несколькими лицами, в конце года каждый собственноручно указывал свою должность, фамилию и имя. В основном сами записи в ней вел священник Николай Сементовский. Текст «Летописи... Миасского завода» написан крупным размашистым писарским почерком на бумаге без водяных знаков. Использовались черные чернила, реже коричневые. После изложения важных событий делался общий вывод об истекшем годе. Фиксировались движение народонаселения, движение церковных сумм, переходящие суммы. По сравнению с «Летописью... Кундравинской церкви», «Летопись... Миасского завода» содержит меньше собственно церковной информации: нет данных об исповедовавшихся, показаний исповедальных росписей; нет общегодовых итогов. В первой летописи сведения ежегодно проверялись и заверялись благочинным священником Петром Сементовским, во второй свидетельствовал *Благочинный 17 округа Протоиерей Александр Малышев*. А самое главное, в «Летописи... Миасского завода» практически нет рисунков. В первом томе дважды используется орнамент для обозначения нового года, в основном же цифры даются крупным черным шрифтом. Во втором и третьем томе схематически показано движение кометы, затмение солнца. «Летопись... Кундравинской церкви» украшена изумительными рисунками, выполненными дьяконом Афанасием Бурдуковым. Для Афанасия Бурдукова иллюстрации к записям на различные темы – это один из способов отражения собственного взгляда на мир, произведения искусства, на которых он, как автор, ставит свою подпись. До 1868 года рисунки сделаны в мягких, нежных тонах и изображают часовни, план церкви, природу, учебные классы, начиная с 1868 года, рисунки становятся ярче, используется больше черного и красного цвета. Со сменой летописца меняется как характер записей, так и их оформление, полностью отсутствуют рисунки.

Подробные описания жизни в церковно-приходских летописях позволяют судить о стиле и образе жизни людей в определенный период, отражают модель мира, центром ко-

торого для каждого в горной зоне Южного Урала был завод. Это описания работы, которая могла быть «старательской», «по контракту», «компанейской», мужского, женского и детского труда, работы на золоторудниках, промывке песка, описания миссионерской деятельности членов притча, работы в библиотеке с «волшебными фонарями», в церковно-приходской школе, больнице и др.; привычек, развлечений заводчан-прихожан, например, это *вечеринки, устраиваемая зимой, с пляскою, песнями и игрою на гармониках... открыть... клуб, в котором даются еженедельные танцевальные вечера* (Летопись... Миасского завода. Т. 1. С. 55). Перед нами энциклопедия жизни народа: быт и нравы, обычаи, семейные отношения, болезни и эпидемии, еда, одежда, смертность и рождаемость, убийства, образование и просвещение, природные катаклизмы, погода,

Лексико-семантические средства обусловлены временем и сознательно продуманным их применением, которое передает авторское восприятие мира. Помимо церковной лексики, авторы используют различную терминологию (*золототолчейная фабрика, рудное золото, чистое золото, шливовое золото*), но наиболее частотные единицы текста – это бытовая лексика (*дом, огородный овощ, скот, топор*). Встречаются следы аканья и оканья: *не кушал жаркова, разговор, росписались, роздачею, пастановлен, ярморочная площадь*.

Важным способом отражения окружающего мира является гармоничное соединение в летописях текстов, относящихся к разным формам речи и стилям (рассказ, некролог, статья, свидетельство, поздравительный адрес, контракт, программа, клировые ведомости, метрическая книга и др.) и имеющих разную коммуникативную направленность. Так, во втором томе «Летописи... Миасского завода» большое внимание уделяется необычным небесным явлениям: падению кометы, звезд, затмениям солнца и луны, северному сиянию. Священники пытаются объяснить происхождение этих явлений с точки зрения науки, для чего привлекаются сведения из научных и массовых журналов, газет.

В зависимости от личности писца применяется табличная или текстовая форма для статистических данных (реестр цен на продукты, движение народонаселения, церковных сумм, списки раскольников, таблицы экзаменов учащихся школ), рубрикация, выделения в текстах, игра шрифтов.

Все записи фиксируются в хронологическом порядке. Перед нами круговое церковное время, которому подчинена жизнь приходов Миасского завода. Особенность церковно-приходского летописания – соединение мгновности и вечности бытия, ретроспективного и настоящего времени, ограниченного и бесконечного пространства. Временные и пространственные координаты определяются не столько церковью и священником, сколько законами жизни «в заводе».

Выбор способов описания обычных и необычных событий в религиозной и бытовой жизни прихожан зависит от языковой личности писца. Наличие или отсутствие проявления языковой личности летописца демонстрирует допустимость «вольностей» и характер выражения мнения пишущего.

В уникальных региональных памятниках отображена жизнь одного города с разных сторон. Живой образный стиль изложения, подробные, полипараметрические описания дают нам возможность ярко воссоздать общую картину окружающего мира.

Заголовок в жанре литературной рецензии (на материале «Литературной газеты»)

А. Н. Морева

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина

linguanastya@yandex.ru

Заголовок, коммуникативный ход, оценочная стратегия.

Summary. This paper is devoted to the specifics of the title in the genre of literary reviews. The title is presented as a communicative act specifying the type of the author's evaluation strategy.

Заголовок как компонент структуры текста приобрел особую значимость в современном публицистическом дискурсе в силу острой конкурентной борьбы «писателей» за внимание «читателей». Необходимость уйти от стандарта, соблюдая при этом правило краткости, заставляет автора заголовка проявлять максимальную языковую креативность, что объясняет неослабевающее внимание лингвистов к этой части текста. В настоящее время достаточно подробно, хотя и не в полной мере, описаны языковые приемы и способы осуществления информативной, аттрактивной, фатической, оценочной функции заголовка (см. об этом: [1]; [2]). На этом фоне представляется важным рассмотреть заголовок как особый коммуникативный ход, первый шаг в реализации единой коммуникативной стратегии автора текста. Мы попытаемся сделать это на материале литературной рецензии. В качестве источника фактического материала используется «Литературная газета», ориентированная на массового, но достаточно образованного и обладающего речевой культурой читателя.

Особенности функционирования заголовков в литературных рецензиях связаны со спецификой данного жанра. С одной стороны, читателю изначально известно, что речь пойдет о художественном произведении, название которого, как правило, указано, поэтому информативная функция заголовка рецензии уходит на второй план. С другой стороны, литературная рецензия представляет собой текст, основной категорией которого является оценочность, и первый вопрос, возникающий у читателя при обращении к рецензии, касается оценочного вектора анализа художественного произведения. Поэтому основной функцией заголовка рецензии становится указание или намек на тип выбранной критиком оценочной стратегии.

Заголовочный комплекс литературной рецензии состоит из нейтральной информативной части (подзаголовка), где указывается название объекта рецензии, и оценочно-экспрессивной части (собственно заголовка). Дополнительная информационно-оценочная информация может быть заключена в названии рубрики, которая также указывает на общую стратегию анализа художественного произведения. Вот пример такого комплекса: *Литпрозектор* (рубрика), *Из жизни неправильных рассказов* (заголовок), *Публичная зона* (Сборник Organic Prose. М.: Livebook, 2009. – 416 с. – информативный подзаголовок).

Название рубрики (*Литпрозектор*) сигнализирует, что установкой публикуемых в ней рецензий является «вскрытие», «препарирование» слабых сторон рецензируемого текста с целью его дискредитации. Эта общая установка конкретизируется в заголовке, который указывает на определенный недостаток художественного текста (*неправильные рассказы*), названного в подзаголовке.

Можно выделить два типа реализуемых в литературно-критическом дискурсе оценочных стратегий: кооперативные и конфронтационные. Цель кооперативных стратегий – не усталчивая о недостатках, раскрыть и продемонстрировать достоинства произведения. В этом случае задача заголовка – создать некую положительную ассоциацию путем актуализации ценностных содержательных областей концептов «литература» и «писатель», например:

- литература – средство нравственного оздоровления народа: *Исцеляющая ширь; Врачующие страницы;*
- писатель – совесть нации: *Неожидание благодарности; Учебник совести;*
- творчество – бесконечное движение к новому: *Дивный новый мир; Преображение пространства; В поисках утраченного героя; Талант как отклонение от нормы.*

Цель конфронтационные стратегий – показать несостоятельность художественного произведения и «разоблачить» его автора, сорвав с него маску писателя. В этом случае прагматический эффект заголовка рецензии основан на противоречии негласным постулатам литературного творчества:

- литература должна быть содержательной и возбуждать интерес: *Роман со скукой; Книга воды (толченной в ступе); «Пылкость отдала, без мыслей»; «В мутных мыслях потерялся...»; «Туманное впечатление»;*
- литературный вымысел должен вызывать иллюзию жизни: *Пьеса для пенопластового пианино; Дрессировщик букв; Кукла; Неживое;*
- если можешь не писать – не пиши: *Руководство для «живущих писаниной»; Писатель – не скоросшиватель; О писательстве и описательстве.*

Лейтмотивом рецензий, представляющих конфронтационный тип стратегий, является мысль о разрыве связей между «настоящим» художественным текстом, который чаще всего ассоциируется с образом русской / советской литературы прошлого, и современным «симулякром». Отсюда распространенный прием нарочитой трансформации прецедентного текста, в результате которой создается негативная презентация объекта рецензии: *Облако без итанов; Нас принужающий обман; Заводной апельсин третьей свежести, Роковые гадости.*

Важной частью оценочных стратегий в современной публицистике вообще и жанре рецензии в частности является тактика диалога с читателем. Реализация этой тактики именно в заголовке, в силу его особой позиции в структуре текста, создает существенный коммуникативный эффект. Необходимо отметить, что для рецензии характерно наличие «двойного адресата». С одной стороны, это массовый читатель, которого критик относит к «кругу своих» и стремится наладить с ним контакт: обращается за советом, приглашает к совместному диалогу, делится своими мыслями о прочитанном: *Мастер противоречий?; Приговор «маленькому человеку»?; Что нынче в «Модэ»? Что вспомним мы?; Знаете ли вы Париж?; Дорогие мои люди!* Заголовки такого рода нацелены также на выполнение фатической функции.

С другой стороны, в роли адресата может выступать персональный или консолидированный (писатель, издатель, критики-оппоненты) объект критики. Такой адресат в заголовке позиционируется как «чужой», с которым автор рецензии вступает в спор, желая открыто указать на недостатки или высказать острое замечание: *За дискурс отвечает?; Эксперимент над собой или над читателем? Борис, ты не прав! Побойтесь Блока!*

Итак, композиционной частью текста литературной рецензии в масс-медийном издании является полифункциональный заголовочный комплекс. Собственно заголовок, выполняя аттрактивную и фатическую функции, маркирует тип оценочной стратегии, в рамках которой будет представлен анализ художественного произведения.

Литература

1. Корнилова Н. А., Прохорова К. В. Фатические маркеры в заголовочном комплексе текстов СМИ // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 138–143.
2. Симановская К. И. Аттрактивная функция заголовков в газетном дискурсе // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 1. С. 161–165.

Русскоязычный искусствоведческий дискурс интернет-форумов

А. Б. Плохова

Московский государственный областной университет

annaplohova91@mail.ru

Дискурс, искусствоведение, интернет-форум, виртуальный полилог.

Summary. The paper is devoted to the research in the field of art critical discourse. Data of the Internet art-forums were investigated, lexicon of art critics was analyzed. Influence of virtual terminology on language of art critics were described with particular attention.

В эпоху активно развивающихся компьютерных технологий появляются новые способы коммуникации, которые предполагают использование такого канала связи, как сеть Интернет. Возник особый тип коммуникативного пространства, имеющий свои особенности и законы. Одной из разновидностей интернет-среды, созданной для общения, являются форумы. Интернет-форум представляет собой иерархично выстроенную систему из подобранных тем, в которых посты (электронные сообщения) имеют вид виртуального полилога [1: 94]. Каждый пост обозначен темой, указывается автор (как правило, это вымышленное имя), время и дата опубликования. Таким образом, представляется возможным изучение лингвистических характеристик данной коммуникативной среды с точки зрения теории дискурса. Нами рассматривается дискурс искусствоведов, использующих интернет-форумы как один из способов виртуальной коммуникации.

Искусствоведческий дискурс – это особое коммуникативное пространство, основной функцией которого является толкование и анализ произведений искусства как визуальных поликодовых сообщений. Использование виртуального канала связи привносит в искусствоведческий дискурс свои особенности.

Нами проведен анализ 20 интернет-форумов, посвященных искусству (в частности <http://www.iskusstvoved.ru>, <http://newcontinent.ru>, <http://artist.artbb.ru/>, <http://forum.rsuh.ru/> и др.), что позволило выделить ряд отличительных черт языка виртуального общения.

Лингвистические характеристики искусствоведческого виртуального дискурса можно разделить на две группы. К первым отнесем те, которые свойственны искусствоведческому дискурсу в целом. В таком случае особенного внимания заслуживает лексическая составляющая, в частности, использование профессиональной лексики и терминов искусствознания, например: «Ушаковская школа», «скульптур-

ный портрет», «кларнетисты», «цветовой спектр», «натура» «условный оборот», «ритм», «пластика» и т. д.

В отдельную категорию следует отнести характеристики цвета, позволяющие наиболее точно описать оттенок. Например, можно встретить следующие интерпретации синего цвета: «египетская синька», «индиго», «лазоревая краска», «голубец», «ультрамарин», «берлинская лазурь», «французский ультрамарин», «кобальтовая синька», «что-то среднее между бледно-бирюзовым и аквамариновым», «зеленый космического спектра», «International Klein Blue».

Ко второй группе следует отнести те лингвистические характеристики, которые появляются под влиянием языка Интернета. Виртуальный мир склоняет авторов к использованию нестандартных способов изложения информации, чем активно пользуются искусствоведы. В силу неформального характера коммуникации на интернет-форумах наряду с публицистическим стилем изложения можно встретить сообщения, написанные с использованием разговорной лексики. Например, «Дескать *фончик* не тот, линейки не там, размеры поехали и уехали. Вся эта, извините за грубость, буйная *чушатица* про соответствия цветов, соразмерность, и гармонию всего... запугивают».

Также исследуются особенности искусствоведческого интернет-дискурса и на синтаксическом уровне. На материале вышеупомянутых форумов нами проведен квантитативный анализ синтаксических конструкций, выявлены их характерные особенности.

Литература

1. *Мараховская Т. А.* Структура текста виртуального полилога: тред и сообщение // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 60. № 33.
2. *Милетова Е. В.* Лингвистические особенности современного англоязычного искусствоведческого дискурса // Актуальные проблемы филологии: Материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь, 2012. С. 67–75.

Особенности описания боевых заслуг женщин – героев Великой Отечественной войны (на материале текстов наградных листов)

И. Г. Родионова

Пензенский государственный университет

inessa96@bk.ru

Язык военных документов, наградной лист, текст, характеристика.

Summary. The report is expected to consider the features of the characterization of women presented awards to the fighting in the Great Patriotic War. Research material military documents – scanned copies of the premium sheets. Among the main qualities of the awardees are marked endurance, ability, along with the men to carry out any combat missions, courage, etc. The specific descriptions of combat services of women is an indication of maternal origin in their character and activities, which is also reflected in the texts of premium sheets.

Приближающийся 2015-й год будет ознаменован величайшим для России событием – 70-летием Победы в Великой Отечественной войне. Однако далеко не все факты, связанные с судьбами героев Великой Отечественной войны и военными событиями, изучены и прокомментированы. В этом плане большой научный интерес представляет анализ текстов документов военного времени, который позволит не только детализировать целостную картину военных событий, но и показать специфику их отражения средствами языка.

Настоящий доклад посвящен анализу особенностей описания боевых заслуг женщин – героев Великой Отечественной войны. Материалом для исследования послужили сканированные оригиналы текстов наградных листов, размещенные в Общедоступном электронном банке документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Было проанализировано около 500 наградных листов военнослужащих-женщин, призванных из Пензенской области.

Среди наград, к которым представлены героини, – ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды и др., медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Актуальность настоящего исследования в том, что описанию подвергаются малоизвестные эпизоды Великой Отечественной войны – подвиги, совершенные людьми, чьи имена в большинстве своем неизвестны широкой общественности. В отличие от художественных образов, созданных в произведениях литературы о Великой Отечественной войне, документальные источники, какими являются наградные листы, описывают реальные действия и характеристики реальных людей. В отличие от публицистических текстов, содержащих воспоминания героев, тексты наградных листов характеризуются точностью и объективностью описания военных событий.

Наградной лист героя Великой Отечественной войны представляет собой бланк, имеющий трехчастную структу-

ру: 1) личная информация о награжденном (фамилия, имя, отчество, год рождения, звание, должность и т. д.); 2) краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг; 3) заключение вышестоящих органов. Боевые заслуги героя описаны во второй части документа, здесь же отмечены личные качества бойца, которые могли служить основанием для представления его к награде.

Анализ текстов наградных листов женщин показал, что одним из важнейших качеств, являющихся основанием для представления к награде, являлась выносливость, способность работать беспрерывно, преодолевать усталость и боль: *На узле связи <...> тов. Климова, болящая малярией, превозмогла боль, работала по обработке телеграмм и перекрывала в два – три раза норму по приему телеграмм с хорошим качеством работы* (мл. сержант Климова С. И., писарь-экспедитор); *В декабре 1944 г. и январе 1945 г. при большой загрузке госпиталя по двое – трое суток беспрерывно находилась у постели тяжело больных* (ст. сержант м / с Исаева Е. П., мл. медсестра); *Тов. Кожевникова всегда бывает в передовой команде, приходилось дежурить за аппаратом по 1–2 суток без смены* (мл. сержант Кожевникова Е. М., телеграфист); *22.9.1944 года была ранена, но в госпиталь идти отказалась и осталась на посту при части* (гв. ст. сержант Антонова М. П., повар). Выносливость женщин проявлялась в их способности выполнять боевые задания наравне с мужчинами, что также нашло отражение в текстах наградных листов: *В летних условиях тов. Егорова обслуживала по 4 вылета, затрачивая на зарядку между вылетами 25–30 минут. Она не отстает в обслуживании самолета от оружейников сержантского состава – мужчин* (сержант Егорова А. Н., мастер авиавооружения); *рядовой Антонова, работая линейным надсмотрщиком, при наводке линии в ненастную погоду и грязь при затрудненном движении транспорта наравне с мужчинами разносила на себе имущество связи* (рядовой Антонова А. С., линейный надсмотрщик). В наградных листах отмечалось, что наравне с мужчинами женщины выполняли любую работу: *В дни больших приемов, помимо основной работы в отделении, являлась санитаром-носильщиком* (красноармеец Орлова Е. А., санитарка госпиталя). В текстах наградных листов отражены факты перевыполнения женщинами различного рода норм и экономии материальных средств: *Будучи на работе в качестве прачки за два года ежедневно*

выполняет и перевыполняет нормы по стирке белья. При норме 135 шт. дает ежедневно 180–200 шт. хорошего качества (вольнонаемная Николаева А. Ф., прачка).

Наряду с мужчинами женщины проявляли бесстрашие, рисковали жизнью при выполнении боевых заданий: *Во время массовых налетов и бомбардировки ж / д узла Шепетовка 2, 11, 20, 23 и 29 мая 1944 года бомбы рвались вокруг ротного поста, осколками и взрывной волной были побиты стекла, рамы и стены ротного поста, а тов. Николаева продолжала передавать донесения о движении и действии авиации противника на КП пункта ПВО Шепетовка. Когда связь прекратилась, она под разрывом бомб восстанавливала разрушенную связь* (ефрейтор Николаева А. А., дежурная по связи); *Находясь с батальоном, проводившим операции в тылу врага, вынесла с поля боя у хутора Короткий 4 тяжело раненных командиров и 13 бойцов с их личным оружием и оказала им первую медпомощь* (красноармеец Мальцева А. Д., санитарка).

Спецификой описания боевых заслуг женщин является указание на материнское начало в их характере и деятельности: *Много благодарностей вынесено т. Орловой от раненых за материнский уход* (красноармеец Орлова Е. А., санитарка госпиталя); *Как мать родная, кормила раненых, пока они проходили хирургическую обработку и направлялись в госпитальное отделение. Раненые выражали неоднократно благодарность тов. Исаевой за ее теплую встречу* (сержант м / с Исаева В. А., младшая сестра); *Всегда спокойная, выдержанная, с материнской заботой подходила к каждому раненому* (ст. сержант Моисеева Е. И., палатная сестра).

Безусловно, названные характеристики представляют собой далеко не полный перечень качеств, присущих женщинам – героям Великой Отечественной войны. Однако проведенный языковой анализ документов, описывающих боевые заслуги военнослужащих-женщин, позволил, с одной стороны, отразить и конкретизировать их вклад в дело Великой Победы, а с другой – внести определенную лепту в сохранение памяти о героях.

Источник

1. Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [<http://www.podvig-naroda.ru>].

Грамматика русского синописа

Т. В. Седова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

paratania@mail.ru

Синопис, мини-текст, синтаксическая и грамматическая специфика.

Summary. The object of the analysis is synopses in Russian of 15 films that have received the Oscar reward in 2012. The research aims to identify the specifics of syntax and grammar forming of synopsis as a mini-text.

Лексема «синопис» имеет несколько значений. За рамками данного исследования оставим многие значения этой лексемы, а сделаем акцент только на одном из них. Под «синописом» будем понимать краткое описание кинопродукта, точнее краткое изложение сюжета кинофильма. И в конечном итоге нас будет интересовать не сам синопис как цельный автономный текст, или законченное произведение, а лишь грамматические и лексические явления, ставшие инструментарием для создания синописов.

Объектом рассмотрения стали синописы всех 15 фильмов, получивших премию «Оскар» в 2012 в своих номинациях. Тексты синописов взяты из Интернета. При внимательном рассмотрении некоторых синописов создается впечатление, что тексты выбранных синописов – тексты вторичные. В синописе фильма «Анна Каренина» допущена стилистическая ошибка: «Огонь страсти вспыхивает мгновенно, но их любовь шокирует высшее общество. В мире, где правят предрассудки и стереотипы, ей [любви или Анне Карениной?] придется сделать поистине непростой выбор между семьей и всепоглощающей страстью...». Или в синописе фильма «Мой парень – псих» неправильное употребление предлога со словосочетанием: «Вот только муж девушки не изменил, а умер в несчастном случае [в резуль-

тате несчастного случая]», что разбило жизнерадостность Тиффани на мелкие кусочки».

Для синтаксиса синописа показательно частое употребление многоточия – знака, прогнозирующего некоторую незавершенность и недосказанность. В «Жизни Пи» читаем: «Случается непредвиденное...». То, что случится, читатель синописа увидит, посмотрев фильм. В синописе очень широко представлены приложения, причем приложения, как правило, развернутого, масштабного характера. «...Тони Мендес, специалист ЦРУ по тайному вывозу людей из страны, предлагает рискованный план безопасной эвакуации». В этом видится некоторая парадоксальность жанровой специфики синописа как лаконичного текста, не отягощенного детализацией, и приложения как синтаксического приема, детализирующего или уточняющего слово или словосочетание, к которому оно относится. Редко, но бывает, что текст синописа – это всего лишь одно-единственное сложное предложение. Позволим себе процитировать весь синопис картины «Линкольн»: «Биографическая лента об Аврааме Линкольне, шестнадцатом президенте США, который внес неоценимый вклад в победу северян во времена гражданской войны». Лаконичность синописа – это фундаментальная характеристика такого рода текста.

В текстах синопсиса деепричастные обороты становятся расширителями визуального ряда. деепричастный оборот как бы служит дублером первого кадра, а сам глагол – второго кадра. На базе двух последовательно идущих кадров как бы формируется визуальный образ эпизода фильма. «Но, даже выздоровев от своего биполярного расстройства, Пэт все равно ежедневно мечтает о скором воссоединении с супругой, постоянно пытаюсь с ней поговорить». Деепричастным оборотом, по сути дела, автор синопсиса фильма «Мой парень – псих» вводит экскурс в прошлое героя, давая понять мотивы, движущие им в настоящий момент. В русском синопсисе, что, пожалуй, интересно в сравнении с испанским синопсисом, часто бывают задействованы вопросительные лексико-синтаксические конструкции, причем с иллюзией не запроса информации, а с иллюзией размышления, то есть так называемые риторические вопросы, ответы на которые «знает только ветер». Причем такие вопросительные конструкции часто не венчают синопсис, а идут целой цепочкой. Из синопсиса мультфильма «Храбрая сердцем»: «А если это маленькая девочка? Как поведет себя она?». Иногда они принимают форму парцеллятивных формант (неполных предложений): «У кого из них есть шанс выжить? У Пи? У тигра?».

Идеальным средством построения русского синопсиса должны быть назывные предложения. В синопсисе мультфильма «Сейчас или никогда» такое практичное решение с использованием назывных предложений и прослеживается: «Середина двадцатого столетия. Нью-Йорк». Хотя в этом же синопсисе находим и другую совсем неуместную для грамматики синопсиса деталь: порядковое числительное прописано полностью. Гораздо уместнее в контексте синопсиса с акцентом на его информативную сжатость смотрится следующее: «4 ноября 1979 г. революция в Иране достигает своего апогея, исламисты штурмуют посольство США в Тегеране и берут в заложники 52 американца». Именно смотрится, поскольку синопсис – это, прежде всего, письменный текст, предназначенный для определенного сегмента потребителей – любителей кинематографа. Для синопсиса не лучшим грамматическим конструирующим материа-

лом являются вводные слова эмоционально оценивающего разряда: «К сожалению, однажды эта настойчивость приводит все королевство к огромной опасности». А вводные слова когезийной разрядности вполне допустимы, поскольку письменный текст требует логической связности и формальной завершенности.

Некоторые синопсисы, в противовес классическим синопсисам, содержащим существенно необходимую информацию, расширяются их авторами почти до масштабов статистических или энциклопедических источников. Прагматика такого рода синопсиса – дать ассоциативный, или аллюзивный, или эмпативный, или референтный пласт адресатам синопсиса как текста. Например: «Фильм «Любовь» (Amour) – рассказ о пожилой супружеской паре, Жорже (Жан-Луи Трентиньян – «Три цвета: Красный», «Великолепная Анжелика», «Мужчина и женщина») и Анне (Эммануэль Рива – «Три цвета: Синий», «Хиросима, моя любовь»).

Синопсис, на мой взгляд, – текст явной или латентной интриги. Это его главная прагматическая форманта. Она может быть выведена явно напрямую в контексте синопсиса, как в «Операции Арго»: «План столь невероятен, что такое бывает только в кино». Или в латентной апелляции, призывающей посмотреть фильм, как в синопсисе «Отверженные»: «Ради счастья девушки Жан готов на все».

Синопсис как мини-текст с максимальной существенно информационной наполняемостью и явной или латентной прагматической формантой интриги не наделен какими-то особыми лексико-синтаксическими средствами, но перечисленные выше: вопросительные предложения риторического характера, незавершенные конструкции, распространенные приложения, назывные и эллиптические предложения, дейктические слова и т. д., – можно назвать преобладающими грамматическими средствами построения синопсиса, равно как цифровое написание чисел и особые идентифицирующие графические знаки («террорист N 1», «M 16 подвергается нападению, и агент 007 должен ликвидировать угрозу, несмотря на цену, которую придется заплатить»).

Особенности использования русского языка в PR-коммуникации

Л. В. Селезнёва

Российский государственный социальный университет (Москва)

loramuz@yandex.ru

Русский язык, PR-информация, пресс-релиз, требования текстуальности, объектно-субъектные отношения.

Summary. The subject matter of the paper is the features of use of the Russian language in PR communications. The author pay attention to a press-release as the object of the linguistic research. The author analyses the pragma linguistic features of the text, paying attention to the outer connection and the inner comprehension of the text.

В настоящее время использование русского языка в профессиональных сферах все чаще становится предметом изучения и анализа, при этом значительная роль отводится экстралингвистическим факторам. PR-коммуникация – новый объект комплексного научного изучения, исследование языка в которой еще не подвергалось достаточной научной рефлексии. Мы рассмотрим особенности использования языка в этой сфере на примере пресс-релиза, который является универсальным жанром в практике PR-служб, т. е. часто любая текстовая информация называется пресс-релизом.

На использование языка в том или ином тексте оказывают влияние как текстообразующие признаки, так и жанровые особенности. В рамках лингвистики текста было сформулировано три требования «текстуальности»: внешняя связанность, внутренняя осмысленность и возможность своевременного восприятия. В жанре пресс-релиза эти требования проявляются достаточно ярко. Внешняя связанность предполагает корреляцию, с одной стороны, с действительностью, а с другой – с ситуацией, которая описывается в тексте. Средства выражения этого различны, однако определяющее значение имеет категория производителя речи, который проявляет свою позицию, свое отношение к речи через систему субъектных форм: я – ты – он. В пресс-релизе, как и в других жанрах PR, данная категория складывается из двух компонентов: заказчик, от которого исходит информация, и исполнитель, владеющий технологиями PR. Исполнитель, фактически являясь производителем речи, никак

не проявляет себя, своего отношения. Заказчик оценивается как производитель и субъект речи одновременно: в тексте выражен эксплицитно, всегда номинативно определен, отношение к действительности объектно-субъектное. Субъектом может быть политический, государственный, общественный деятель, социальная организация, социальный институт и т. п.. В пресс-релизах производитель грамматически выражен 3 лицом: *Правление ОАО 'Авиационная компания 'Трансаэро' приняло декларацию...; С 28 мая по 29 мая 2013 года компания ЗАО «Алтайвитамины» приняла участие в 6-й междисциплинарной научно-практической конференции.*

Пресс-релиз является таким жанром PR-текста, который содержит актуальную оперативную информацию о событии, касающемся субъекта речи. Ю. В. Рождественский отмечал, что связи с общественностью есть пропаганда новаций, которые предлагает правительство, общественные организации, фирмы, частные и юридические лица. В свою очередь и объектами пропаганды оказывается власть, общественные организации, жители территории, фирмы. Соответственно PR-информация имеет политическую, социальную, экономическую (коммерческую) направленность, что, безусловно, оказывает влияние на содержание текста, но не на типологические черты пресс-релиза. Информация может быть превентивной или итоговой. В соответствии с этим она реализуется в пресс-релизах анонсах, т. е. сообщениях о предстоящем событии, и ньюз-релизах, или новостных

пресс-релизах, т. е. сообщениях о прошедшем событии, и выражается разным грамматическим временем.

Второе требование – внутренняя осмысленность является результатом анализа внешних по отношению к тексту фактов действительности и проявляется в содержании и структуре текста. Содержание пресс-релиза определяет информационный повод, т. е. событие или явление, которое может заинтересовать читателя, зрителя или слушателя того или иного средства массовой информации. Пресс-релиз должен быть посвящен только одной новости и при этом соответствовать основной цели PR – гармонизация отношений между организацией и общественностью и создание доверительных отношений.

Для достижения этой цели в арсенале у составителей пресс-релиза не так много лингвистических и стилистических приемов. Это объясняется тем, что, с одной стороны, текст должен отличаться доходчивостью, лаконичностью, точностью в передаче фактов, логичностью и претендовать на объективное описание. А с другой – он не должен быть эмоционально окрашенным, не должен использоваться прямой призыв к аудитории или прямое обращение автора, что характерно для журналистского пресс-релиза. Если журналистский пресс-релиз направлен на формирование общественного мнения, то PR-текст – на формирование и поддержание имиджа субъекта – инициатора высказывания. Поэтому возможно говорить о креативно-информативной функции PR-текстов, которая связана с информацией субъекта для пропаганды себя, своей фирмы, корпорации и увеличения публичного капитала. С этой целью повторяются названия организаций и событий, включаются статистические показатели: *По данным Федеральной таможенной службы товарооборот между странами в январе-ноябре 2009 года составил 899,4 млн. долл. США (55% к январю-ноябрю 2008 г.)* (Пресс-релиз Минобрнауки РФ от 04.02.2010.). Для текстов характерна рекурсивность, т. е. ссылка на предыдущие события и включение элементов бекграундера в пресс-релиз: *10-е заседание Межправительственной комиссии по эко-*

номическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Молдова состоялось в Москве 7 ноября 2008 года (Пресс-релиз Минобрнауки РФ от 04.02.2010.). Используются клише, отглагольные существительные, отыменные предлоги и т. п.: *В течение пяти круизных дней участники проекта «Русское искусство» обсуждали широкий спектр проблемы культуры, духовности и художественного образования в России* (Пресс-релиз XII ПМЭФ от 06.06.2008). Т. е. можно отметить ориентацию на официально-деловой стиль в пресс-релизах.

Структура пресс-релиза включает такие рамочные элементы текста, как заголовок и лид-абзац, особенностью которых является их тесная взаимосвязь: Например, заголовок пресс-релиза Минобрнауки РФ от 16.08.2013 – *На региональных августовских педсоветах будет обсуждаться реализация нового закона об образовании*. Лид-абзац расширяет и закрепляет тему, заявленную в заголовке: *В августе руководители Министерства образования и науки Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки примут участие в традиционных педагогических совещаниях работников образования, которые ежегодно проходят в субъектах Российской Федерации*. Речевой повтор в заголовке и лид-абзаце, порой даже дословный повтор заголовка, не является ошибкой, а рассматривается как жанровая особенность пресс-релиза.

Третье требование, возможность своевременного восприятия, важно для пресс-релиза, т. к. информация должна быть получена вовремя. Это находит отражение в таких клише пресс-релиза, как *Для немедленного распространения*, *Для публикации 1 сентября 12:00*.

Таким образом, на использование русского языка в PR-коммуникации накладывается отпечаток цели и задачи этой сферы, особенности субъектного пространства, прагматико-лингвистические черты тексты. Дальнейшее и более глубокое изучение языковых особенностей в данной сфере представляется нам не только перспективным, но и имеющим непосредственное практическое применение.

Функциональные роли прецедентных феноменов в заголовках русскоязычной прессы США

Т. А. Смирнова

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

rector@crimea.edu, tsmyrnova@gmail.com

Прецедентный феномен, заголовок, семантика, газетный дискурс.

Summary. The research is based on studying pragmatic potential of precedent phenomena in headlines of Russian-language American newspapers in the years of 2001–2005. Analysis of the corpus allows to speak about regular connection between a precedent phenomenon and one or two parts of the article: its topic, its thesis, author's conclusion or its illustration

Целью данного доклада явилось рассмотрение функций прецедентных феноменов в заголовках статей русскоязычных газетных изданий США.

Материалом исследования послужили русскоязычные американские газетные заголовки, содержащие прецедентные феномены. Тексты были получены методом сплошной выборки из интернет-источников с 2001–2005 гг. Общий материал исследования составил 445 газетных заголовков с прецедентными феноменами.

Заголовок выполняет в тексте, как минимум, две важные позиции. С одной стороны, это языковая структура, находящаяся вне текста, предваряющая его и стоящая над ним. С другой, заголовок – полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими компонентами целостного произведения [1: 144]. Наряду с началом, серединой, концовкой заголовков составляет определенный план членения текста – пространственно-функциональный. Заголовок отражает элементы смысловой структуры статьи [3: 116–119]. При анализе нашего материала мы обратились к классификации Э. А. Лазаревой, в соответствии с которой заголовки могут отражать: 1) тему публикации; 2) один из тезисов; 3) вывод автора (аналитическую оценку ситуации); 4) иллюстрацию к тезисам и / или общий фон к цели сообщения [2: 4–5]. Проанализировав материал с указанных позиций, мы выделили следующие способы актуализации прецедентных феноменов в заголовках русскоязычной прессы США: 1) актуализация темы статьи; 2) актуализация одного

из тезисов статьи; 3) актуализация вывода автора; 4) актуализация фона к цели статьи.

Итак, прецедентный феномен может актуализировать тему публикации. Мы выделяем два способа актуализации темы статьи. Первый – путем трансформации данной единицы для актуализации к основной теме статьи. В этом случае прецедентный феномен чаще всего реализует информативную функцию. Второй способ – использование интертекстуального знака без каких-либо изменений путем апелляции к его моделирующей функции. Например, «Последняя буква в алфавите» – статья об уважении к самому себе, а также правах и достоинствах – ср. поговорка «я – последняя буква в алфавите». (Вечерний Нью-Йорк, № 1549, 6 Jun 2004). Заголовок – аллюзия. Автор пытается раскрыть причину психологических сложностей эмигрантов из бывшего СССР, апеллируя к советской идеологии, при которой человек рассматривался как часть общества, а не как индивидуальность. По мнению автора это является причиной того, что в людях воспитали неуверенность в себе и неспособность оценить себя по достоинству. С целью актуализации темы публикации автор трансформирует оригинал путем усечения с целью переноса глубинного значения прецедентного выражения «Я – последняя буква в алфавите». Такая трансформация (путем усечения) приводит к тому, что читатель сам вспоминает оригинальное выражение целиком.

Примером второго способа может служить заголовок «А теперь горбатый!..» (Вечерний Нью-Йорк, № 1565, 26

September 2005) – знаменитая фраза из кинофильма «Место встречи изменить нельзя». Ситуация, описываемая в источнике данного прецедентного феномена, экстраполирует на тему газетной статьи, прецедентный феномен в данном примере осуществляет моделирующую функцию. В статье речь идет о незаконных способах заработка для эмигрантов США в 1990-е гг., т. е. нетрансформированная знаменитая фраза дает понять читателю, что статья о криминале. Прецедентный феномен может актуализировать один из тезисов статьи, например, «Еще раз про нелюбовь» – статья о жизни в Советском Союзе, о воспитании советских граждан в духе социализма, как следствие отсутствия самооценки у советских граждан и как следствие их проблемы в жизни на западе (Вечерний Нью-Йорк, № 1549, 6 Jun 2005)– ср. «Еще раз про любовь» – черно-белый советский художественный фильм, снятый режиссером Георгием Натансоном на киностудии «Мосфильм» в 1968 году. Сценарий для картины был написан молодым тогда драматургом Эдвардом Радзинским по своей пьесе «104 страницы про любовь» (1964). Заголовок – трансформированная аллюзия, суть трансформации в добавлении отрицательной частицы «не», с целью актуализации главного тезиса статьи («нелюбовь к себе»). По тексту автор повторяет сочетание частицы «не» и существительного «любовь», что еще раз отсылает читателя к заголовку. Примером актуализации вывода автора может служить заголовок «Заметки пикейной жилетки» – статья-размышление на тему «в чем разница жизни в Нью-Йорке и Тель-Авиве» (Вечерний Нью-Йорк, № 1567, 10 October 2004) – ср. из романа (гл. 14) «Золотой теленок» (1931) советских писателей Ильи Ильфа (1897–1937) и Евгения Петрова (1903–1942). Авторы пишут о «почтенных стариках» («почти все они были в белых пикейных жилетах и в соломенных шляпах канотье»), которые собираются в Черно-

морске на привычном месте у столовой № 68 и обсуждают последние международные новости, почерпнутые ими из газеты «Правда». Автор выступает в статье как обыватель. Заголовок представляет собой реминисценцию с целью актуализации вывода автора.

И, наконец, прецедентный феномен может актуализировать фон к цели публикации. Например, заголовок «Мороз и солнце – день чудесный» – о том, где американцы любят проводить время зимой – ср. стихотворение А. С. Пушкина «Зимнее утро» – заголовок-аллюзия, трансформация на синтаксическом уровне: вместо «>» поставлен «←» для того, чтобы получился вывод. В данном случае интертекстуальный знак выполняет только функцию привлечения внимания, так как в заголовке актуализируется его поверхностное значение.

Итак, проведенное исследование показывает, что семантика газетного заголовка, построенного с помощью прецедентного феномена, обусловлена следующими элементами газетной публикации: темой сообщения, одним из его тезисов, выводом автора или фоном к материалу публикации. Как показывает проведенное исследование, находясь в заглавии, прецедентный феномен всегда несет в себе экспрессивно-оценочную нагрузку.

Литература

1. Захаренко И. В. Прецедентные высказывания как объект лингво-когнитивного анализа // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г. Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999. С. 143–150.
2. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Екатеринбург, 2004. С. 4–5, 28.
3. Новикова Т. Л. Конвенциональное и ситуационно заданное содержание заголовочных номинаций художественного текста // Текст. Структура и семантика. Доклады IX Международной конференции. М., 2004. С. 116–119.

Активные процессы в функционировании наименований публикации в языке современных СМИ

И. А. Соколова

Национальный тайваньский университет (Тайбэй)

irina.sokolova3@gmail.com

Наименование (название / заголовок) публикации, заголовочный комплекс; связанное (устойчивое) словосочетание; газетно-публицистический стиль речи, язык СМИ (медийные тексты); демократизация, либерализация, субъективизация, интертекстуальное взаимодействие (использование цитат из «крылатых слов»); переосмысление семантики (изменение семантики).

Summary. The paper deals with the interpretation and description of one of the most urgent linguistic problems regarding the functioning of the headline for the published work in Mass-Media texts. As our research showed, the types of change depend on realization of the modern basic text characteristics such as language democratization and liberalization, increasing role of the subjective factor in text organization and text nomination as well as the intertext coordination (especially when quotation). The author suggests a typology of the latest proceedings in publication nominations.

Бурно протекающие процессы языковых изменений, охватывающие вот уже более двух десятилетий российскую медийную публицистику, стали характерной чертой современных электронных и бумажных СМИ, явившись реакцией на изменения общественно-политических реалий в обществе, его нравственных и морально-этических представлений и установок.

Описанию особенностей функционирования газетно-публицистической речи в современных условиях посвящена весьма значительная по объему литература: статьи, монографии, материалы конференций, разнообразные словари, авторы которых обращаются к систематизации и ранжированию лексических средств языка СМИ. Прежде всего, исследователи отмечают интенсивное развитие средств массовой коммуникации в России, их возросшее влияние на современный русский язык в его письменной и устной формах, а также появление особой информационной среды в Интернете, подпитывающей язык СМИ.

Учитывая разнообразие сфер функционирования, принято говорить о формировании особого языка, который, по всей видимости, пока не выходит за рамки определения «газетно-публицистический стиль речи», но тем не менее, значительно расширил свои границы, меняет свои очертания и качественные особенности, резко отличаясь от принятых в советское время жанровых, стилевых и стилистических, лексических, фразеологических, синтаксических и иных характеристик. Не случайно в современной научной парадигме принято говорить о появлении единого «информацион-

ного пространства», по другой терминологии, «информационной среды», «инфосферы» (Т. Г. Добросклонская).

Учеными ставятся вопросы о том, какие основополагающие черты отличают современную речевую практику, действием каких тенденций эта практика подчиняется. В качестве таких черт называется влияние в первую очередь двух разнонаправленных, подчас взаимоисключающих, тенденций, с одной стороны, «демократизации» и «либерализации» русского литературного языка и языка СМИ, а с другой стороны – его «интеллектуализации» (В. Г. Костомаров; О. Б. Сиротинина), которые определяют характер языковых изменений. Интеллектуализация языка СМИ проявилась в функционировании большого количества сложной, не понятной массовому читателю терминологии, заимствованной из различных наук, религии, не всегда сопровождающейся ее толкованием, а также в усложнении смыслов лексемы при ее интерпретации (М. А. Кормилицына). Эта тенденция нередко обозначается в науке и как «вокнижение» (В. Г. Костомаров). Источником появления такой терминологии являются внешние заимствования, в частности, из английского языка, который поставляет терминологию компьютерных наук и интернет-технологий, политики, экономики и т. п., что нередко ведет к варваризации языка СМИ.

Кроме того, происходят активные процессы в области стилистики, когда меняются внутрителивные предпочтения, и одно и то же слово, языковое явление могут менять свое значение и употребляться в разных значениях, в различных стилях речи, приобретая во многом диффузный характер

(В. В. Химик) и вызывая неоправданное размывание границ между речевыми стилями, что приводит к широчайшему и не всегда оправданному употреблению стилистически сниженной лексики.

Отличительной чертой современного языка СМИ стала «субъективизация» газетного текста» (М. А. Кормилицына), которая проявляется в усилении личностного начала современного медийного текста, с его поисками новых средств выразительности и экспрессивизацией речи. И, наконец, нельзя не сказать о таком важном свойстве современных медийных текстов, как его *интертекстуальность*. Оно находит свое выражение в постоянном взаимодействии вновь создаваемого автором текста с уже существующими в сознании говорящего (пишущего) текстами, которые хранят значительные фрагменты исторической, культурной и иной памяти народа, зафиксированные в языковых формах в виде пословиц, поговорок, «крылатых фраз» и т. п., в их цитации в том или ином виде.

Задача настоящего доклада состоит в том, чтобы рассмотреть влияние названных тенденций, определяющих функционирование медийных текстов, на способы номинации заголовков и заголовочных комплексов в современных СМИ и определить их типологию.

Материалом для анализа послужили более 200 текстов публикаций, их заголовков и заголовочных комплексов, отражающих разнообразные медиапоток: «Экономика», «Финансы», «Политика», «Свободное время» «Личность» («Персона») и др., опубликованные в центральных и ряде региональных газет. Автор доклада предлагает классификацию заголовков, отражающих основные черты современно-го языка СМИ. При этом выделено несколько типов и видов изменений в номинации заголовков и поддерживающих их семантику заголовочных комплексов.

В их числе:

Специфика организации коммуникативного пространства в технически опосредованной коммуникации

Т. А. Сорокина, С. В. Андреева

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

s.t.a.2007@inbox.ru, svandreeva@rambler.ru

Технически опосредованная коммуникация, коммуникативное пространство, типы организации речи, порядок слов, дискурсивы.

Summary. Peculiarities of technically mediated communicative space affect the structuring of the electronic discourse at the macro level (the model of communicative space and types of speech organization) and the micro level (linear organization of the utterance).

Объектом исследования выступает коммуникативное взаимодействие пользователей русскоязычного сектора Интернета (чат, ICQ) и услуги SMS, предоставляемой операторами мобильной связи.

Одним из компонентов модели технически опосредованной коммуникации (ТОК) является понятие *коммуникативного канала*, определяемого нами как совокупность 1) технических средств, обеспечивающих доступ к сети Интернет и радиосигналам, на базе которых осуществляется передача сообщений, 2) форматирующих средств, представленных традиционными формами реализации речи, а также специальными средствами электронного общения, т. н. «паралингвистическими инструментами».

С понятием коммуникационного канала тесно связано второе важное понятие *коммуникативного пространства*. Коммуникативное пространство ТОК представляется как некая среда, где в определенное время в виртуальной зоне, программное обеспечение которой организует общение, осуществляется процесс речевого взаимодействия коммуникантов, воспроизводимый на электронных экранах. Новый коммуникационный канал и специфика организации коммуникативного пространства каждой из разновидностей русскоязычной ТОК оказывают существенное влияние на структурирование электронного дискурса как на макроуровне, так и на микроуровне.

На макроуровне устанавливаются инвариантные дискурсивные особенности ТОК, а также вариативность проявления общих закономерностей под влиянием частично меняющихся условий коммуникации в каждой из рассматриваемых разновидностей ТОК. Новый коммуникационный канал определяет организацию коммуникативного про-

1. Изменение исторически сложившейся семантики связанных словосочетаний:
 - 1.1. Переосмысление исходной семантики переносного значения в прямое при сохранении исходного состава;
 - 1.2. Переосмысление исходной семантики переносного значения в прямое при замене одного / нескольких компонентов.
2. Создание авторских неологизмов.
3. Переосмысление семантики прецедентных текстов, когда переносные значения выступают как прямые с сохранением / заменой лексических компонентов в различных типах прецедентных тестов (ПТ). Сюда относятся многочисленные примеры использования авторами публикаций в названиях статей разных видов ПТ, включая *названия произведений литературы, искусства, имена собственные, библеизмы и идеологемы* и др.
4. Нарушения норм лексической сочетаемости в заголовках (использование стилистически разнородных средств):
 - 4.1. Внедрение разговорно-бытовой лексики в официальный контекст.
 - 4.2. Использование просторечной и грубой лексики.
 - 4.3. Использование профессионального жаргона.
 - 4.4. Употребление криминальной лексики («криминального арго»).
5. Семантико-морфологические преобразования в прецедентных текстах и связанных словосочетаниях.
6. Образование графических гибридных слов.

В докладе приводятся многочисленные примеры, иллюстрирующие действие названных типов новаций, применяемых авторами для номинации публикаций в целях повышения их привлекательности для читателей. Рассматриваемые приемы и способы номинации демонстрируют основные тенденции, оказывающие существенное влияние на формирование языка современных СМИ.

странства Рунета и SMS, которая, как и в устной спонтанной речи, характеризуется структурной разноплановостью по сравнению с письменными текстами. Рассматриваемые разновидности ТОК представлены немоналогическими видами общения, чем и обусловлено наше обращение к типологии О. Б. Сиротининой *типов организации речи* в зоне разговорного общения.

Проведенное исследование дало возможность выделить три основных типа организации речи в коммуникативном пространстве синхронных разновидностей Рунета: текст-разговор, оборванный текст-разговор, чат-дискурс. Продуктом ICQ-коммуникации, чаще всего является *текст-разговор*, который характеризуется частой сменой говорящего / слушающего, политематичностью при наличии ведущей темы, завершением общения в результате реализации речевого замысла. В тех случаях, когда речевое взаимодействие прерывается по причине воздействия внешних технических и / или ситуативных факторов (внезапное отключение или перезагрузка компьютера, вынужденное прекращение интеракции коммуникантом и т. д.) можно говорить об *оборванном тексте-разговоре*.

Чат-дискурс представляет собой принципиально новый тип организации речи, не имеющий аналогов в традиционных формах (в данной номинации термин дискурс используется нами в значении «нетекстовая реализация речи»). Специфика чата заключается в том, что его посетители имеют целенаправленность на общение при отсутствии какого-либо коммуникативного замысла. Разнообразие тем, сменяющих друг друга с невероятной скоростью, не позволяет выделить гипертему во всем речевом потоке. Здесь общение в основном строится на базе ассоциативных связей

с привлечением фоновых знаний говорящих. Свообразие организации коммуникационного пространства чата обусловило функционирование таких компонентов чат-дискурса, как неразвившийся и несостоявшийся контакт, не имеющих аналогов в традиционных формах коммуникации. *Неразвившиеся контакты* характеризуются отсутствием развития интерперсональных отношений. Такие компоненты чат-дискурса, как реплики посетителей, не нашедшие отклика, мы условно назвали *несостоявшимися контактами*. Причина их появления – недостаточная активность пользователя, статус «новичка» (не всегда постоянные посетители с радостью приветствуют новых участников общения), отсутствие заинтересованности и пр.

Влияние гибридного коммуникационного канала (сочетающего в себе два свойства, исконно считавшиеся взаимоисключающими: письменную форму и спонтанность) в совокупности со своеобразием организации коммуникационного пространства обуславливает специфику дискурсивной организации речи в ТОК и *на микроуровне*. Здесь выявлено конкурирующее взаимодействие норм письменной и устно продуцируемой речи.

На уровне линейной организации высказывания в ТОК, как и в устно продуцируемой речи, ослаблена грамматическая функция порядка слов, отвечающая за организацию словосочетаний. Это проявляется в тенденции к несочетанию целостности словосочетания за счет дистанцирования его компонентов и функционирования словосочетаний в неполном виде.

Коммуникативная функция порядка слов в ТОК, во-первых, способствует выявлению коммуникативного состава высказывания и определяет порядок следования коммуни-

кативных членов, который в большей степени соответствует разговорному в интернет-коммуникации и письменному – в SMS-общении. Во-вторых, коммуникативная функция словоупорядка в ТОК обеспечивает выражение степени коммуникативной значимости слов, не являющихся собственно ремей (постпозиция коммуникативно незначимого определения, пропуск или постпозиция коммуникативно незначимого прямого дополнения, постпозиция коммуникативно незначимого подлежащего-темы и т. д.), что свидетельствует о преимущественном влиянии разговорных норм.

Проявление признаков устно формирующего канала наблюдается в значительном снижении удельного веса средств выражения дискурсивной информации по сравнению с письменной речью, что сближает ТОК с разговорно-бытовой сферой общения. Все рассматриваемые разновидности ТОК характеризуются незначительным удельным весом дискурсивов организационно-структурной группы, что обусловлено диалогической формой общения. Преобладание в чате субъективно-модальных дискурсивов, усиливающих личностное начало и субъективность суждения, объясняется тенденцией к самореализации и самопрезентации. Преимущественное использование в ICQ- и SMS-общении дискурсивов, выражающих степень уверенности / неуверенности, определяется более высокой информативностью этих разновидностей ТОК.

На базе выявленной специфики нового коммуникационного канала и коммуникативного пространства ТОК заложены основы для создания теоретической модели исследования дискурсивной организации современных видов интеракции. Разработан комплексный подход к изучению дискурсивной организации ТОК, позволивший выявить ее специфику на фоне традиционных форм речи.

Анекдот как авторский метатекст

Т. В. Тарасенко

Сибирский государственный аэрокосмический университет им. ак. М. Ф. Решетнева (Красноярск)

tvt.tarasenko@yandex.ru

Метатекст, анекдот, медиатекст

Summary. There is a following tendency in modern media text: in the text the joke performs meta text functions: actualization, illustration and summarizing function. In the article the following trend is examined on the material of modern mass media.

Мы обратились к описанию одной из тенденций современного медиатекста, в котором анекдот начинает выполнять метатекстовые функции, и решили проследить, какими способами вводится анекдот в текст СМИ, какие функции в нем выполняет.

Первое, что мы выделили – это метатекстовые формулы, которые предъявляют текст анекдота читателю. Как известно, метатекст – это часть текста, содержащая информацию о самом тексте: его структуре, оценке автором его отдельных частей. Первой на это явление обратила внимание А. Вежбицкая [1]. Т. В. Шмелева, изучая метакатегории модуса, считает, что характерной особенностью модусных смыслов является их принципиальная невыраженность, «а присутствие – сигнал какого-то особого случая» [2]. В нашем случае, анекдот помогает автору ввести читателя в текст рассуждений, одновременно устанавливая с читателем контакт, переключая внимание с серьезного (нейтрального) тона на шуточный, фамильярный. «Анекдоты вообще рассказывают исключительно с целью установления контакта, определенно-рода интимности, – считает Елена Шмелева. – С советских времен тянется эта традиция: вот мы-то с тобой можем друг другу рассказать анекдот, я тебе доверяю» (http://www.rusrep.ru/2008/28/geroi_anekdotov/).

Отсюда возникает вопрос: какие позиции может анекдот занимать в медиатексте? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, связан с рассуждениями о функциях анекдота в тексте. Исследуемый материал показал, что в тексте СМИ анекдот может выполнять следующие функции: а) актуализирующую; б) иллюстрирующую; в) резюмирующую.

Актуализирующая функция. Анекдот выступает в качестве авторского начала текста, проводника в последующий текст, причем он может быть в абсолютном начале текста, без комментариев, почему автор текста вспомнил именно этот анекдот. Например, К. Мильчин, литературный обозре-

ватель журнала «Русский репортер», начинает один из разделов статьи об английской литературе с анекдота: «Героическая вселенная. *Есть такой анекдот*: однажды к Шерлоку Холмсу пришел посетитель в выдавшем виды костюме, помятом цилиндре и рубашке с потертыми манжетами. Холмс ему отказал. Когда тот ушел, доктор Ватсон удивился: «Вы же никогда не отказывали в помощи бедным!» «Да, он не был бедным, – ответил Холмс. – У него в кошельке было 125 фунтов и 12 пенсов». – «Откуда вы знаете?» – Хотите, давайте пересчитаем вместе» (Русский репортер, 2011. № 10 (188). 17–24 марта 2011).

Анекдот вводится в текст медиатекста формулами: *есть такой анекдот, это все как в анекдоте, у меня есть анекдот в тему, получается как в анекдоте, как говорится в анекдоте* и т. п.

Иллюстрирующая функция. Анекдот выступает в качестве доказательства (аргумента) тезиса автора, поэтому позиция анекдота – сразу после рассуждений автора, в середине текста. Например: «Дерiban как национальный способ освоения финансового потока лучше всего *иллюстрируется анекдотом*. Российский чиновник приехал в Китай перенимать опыт. Китайский коллега показывает особняк. «Откуда средства-то?» – спрашивает наш. «А видите, там мост построили, – улыбается китаец, – оттуда и средства». Через год китаец приезжает к русскому, тот показывает ему свой особняк в три раза больше. «Откуда средства-то?» – А видишь на реке мост?» – «Не вижу» – «Вот оттуда и средства». На продолжение этого банкета скидываемся мы все» (Журнал для настоящих мужчин «Банзай». 2011, июнь-июль).

Резюмирующая функция. Анекдот является показателем финальных умозаключений автора текста: «Интересно, что «Балтику 0» особенно предпочитают в Иране, Ливии, Ливане, а также в странах Прибалтики – Литве, Латвии, Эстонии. – рассказывает Дмитрий Иволгин, директор по экспортным

продажам ОАО «Пивоваренная компания «Балтика». – «Балтика маалшайр» – так звучит пиво «Балтика» на персидском языке – пользуется большой популярностью среди населения Ирана. «Балтика 7» экспортируется в 52 страны мира, при этом самые большие поставки осуществляются в Китай, США, Великобританию». Вроде бы добавить к вышесказанному нечего, кроме того, что возможно из анекдот «Папа, я из школы тройку принес. – Молодец, сынок, поставь в холодильник!» будет понятен любому европейцу (<http://slon.ru>. 18.05.2012).

Анекдот всегда (и это обязательно!) в медиатексте вводится метатекстовыми формулами. Почему это обязательное условие? По нашему мнению, метатекст служит для читателя текста СМИ показателем иностилевой фактуры текста анекдота – разговорного стиля, а также показателем не только чувства вкуса рассказчика, но и ситуативной уместности, понимания того, в каком месте и какой аудитории можно рассказать той или иной анекдот. Примером неудачного использования анекдота может быть анекдот Владимира Чурова, руководителя Центризбиркома, который он привел в качестве примера на встрече с международными наблюдателями, рассуждая об оппозиционных партиях: «По

этому случаю Чуров припомнил анекдот из дореволюционной жизни: «Одна старая дева причитала: „Ох, ох, я никогда не пойду гулять на Лиговку, потому что меня изнасилуют!“ В итоге сходила на Лиговку, вернулась и повесилась, оставив записку: „Я никому не нужна, меня даже на Лиговке не изнасилывали“ (<http://www.newsru.com/russia/10nov2011/oldevo.html>). Валентина Матвиенко во время визита в ноябре 2011 г. в Санкт-Петербург так прокомментировала речевое поведение В. Чурова: «Меня это очень покорило. Считаю, такие аналогии не уместны». Редакция сайта NEWSRU.COM продолжила эту тему: «Кстати, один из журналистов просил руководителя ЦИК рассказать анекдот и о партии „Единая Россия“. „Я деятельность никакой партии анекдотами не иллюстрирую“, – отрезал Чуров. По его словам, рассказанный им анекдот высмеивал отдельных людей, а не партии» (<http://www.newsru.com/russia/11nov2011/matvienko.html>).

Литература

1. *Вежибицкая Анна*. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402–421.
2. *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1994.

Становление языка рекламы на материале российских газет XVIII – начала XX века

К. П. Тарасова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

cicuta@yandex.ru

Информационные объявления, рекламные объявления, убеждение читателя, способы убеждения.

Summary. The theme of this research is language development of Russian advertisement printed in newspapers over the course of two centuries, since the 20th of the XVIII, when the first Russian regular printed newspaper appeared, to the beginning of the XX century.

Любое явление имеет свою историю, которую необходимо знать, чтобы лучше понимать современное состояние вещей. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения истории развития рекламных объявлений в России, т. к. эта область рассмотрена недостаточно полно, хотя реклама стала очень популярным объектом лингвистического изучения. Цель работы – проследить возникновение и развитие языка текстов печатных рекламных объявлений на протяжении XVIII – начала XX века, выделить и охарактеризовать последовательные этапы его становления, описать языковые средства, использующиеся для достижения целей рекламы. Источники материала – газеты «Санкт-Петербургские ведомости», первая русская регулярно выходящая газета (1728–1799 гг.), «Московские ведомости» (1756–1905 гг.), «Новое время» (1903–1905 гг.). Из газет были выбраны тексты, типичные для своего времени, а также наиболее интересные для лингвистического анализа, в частности в аспекте изучения процесса формирования текстов рекламных объявлений и выделения их в особый жанр из всего массива информационных газетных текстов.

Как показывает анализ материала, становление речевого жанра объявлений сначала шло по пути выработки типичных синтаксических конструкций и единой структуры текста. В 1730-е годы в газете «Санкт-Петербургские ведомости» уже появляются регулярно употребляемые конструкции, эксплицирующие ту коммуникативную цель, ради которой они создавались: *через сие объявляется, чтобы желающие* (совершить какое-либо действие, например, купить данный предмет) *в помянутом месте явились; чего ради через сие объявляется, чтобы желающие явились* (в указанное место). К середине 50-х годов XVIII века уже четко выделяются два типа объявлений: о подряде, которые так и останутся объявлениями информационного типа, и реклама, из которых вырастут печатные рекламные тексты. Тексты обоих типов объявлений строятся по своему шаблону, что сокращает их длину, увеличивает эффективность и подчеркивает разницу в содержании. К концу XVIII века отличия становятся более явными, т. к. в объявлениях о продаже появляются первые попытки убедить потенциального покупателя в необходимости приобретения товара: для этого используются эпитеты, описывающие его положительные качества.

На протяжении XIX века язык объявлений становится все богаче. В текстах, предлагающих товар или услугу, появляется все больше их аксиологических характеристик, которые могут привлечь покупателя, используются слова, вызывающие положительные ассоциации: *необыкновенно нежная, ослепительная белизна, юношеская прелесть*. Начинают использоваться средства изобразительности, однако они играют не эстетическую, а информационную роль. Средства художественной выразительности, основанные на переносе значений, и игра слов в это время отсутствуют. В текстах встречаются сравнения (*эта краска лучше всех тех, которые находились до сего времени в употреблении*), ряды однородных членов (*оно питательно, удобоваримо и охотно принимается всяким ребенком*), сравнительная и превосходная степени прилагательных (*кофе молотый самого лучшего достоинства*), «заявные» слова, привлекающие внимание (*новость! цитцы для сахара, которыми сахар можно брать и колоть!*). Можно утверждать, что к 50-м годам XIX века формируется новый речевой жанр – рекламное объявление, бывший в это время единственной формой печатной текстовой рекламы и отличный от жанра информационных объявлений и тематически, и по языковым параметрам, и по способу графического оформления текста.

Рекламные тексты XIX века носили скорее повествовательный, чем побудительный характер, и чаще сообщали информацию об услуге или товаре, чем призывали что-либо купить. Широкое распространение рекламы и значительное время ее существования требуют возникновения и развития новых средств привлечения внимания потребителя. По сравнению с XIX веком в начале XX реклама становится более агрессивной, появляются новые приемы привлечения внимания покупателей, как психологические, так и языковые, в частности задаются вопросы, возможность ответить на которые не предоставляется (*ДА или НЕТ? если этот вопрос касается белья Монополь, то всегда должен быть решен в утвердительном смысле, то есть ДА, так как это белье выделяется своей практичностью*), создаются ложные пресуппозиции, благодаря чему информация, которая могла читателя совершенно не интересовать, подается как крайне актуальная (*Ответ на вопрос – головная перхоть способствует выпадению волос. Средство, о котором вы спрашиваете – провизора Прутана, поступило в продажу*

сравнительно недавно, но мы можем смело рекомендовать его). Начинают использоваться императивы и условное наклонение, придающее рекламному тексту форму совета или пожелания (*Каждому человеку, который дорожит своими нервами и желает сохранить здоровье, следовало бы на завтрак пить чашку какао Ван-Гутена вместо чая или кофе*), лексические повторы (*Я был совершенно лысым. Мои отец и дедушка были лысы. У моей матери от природы были редкие волосы. Я уже помирился с мыслью остаться лысым*), риторические вопросы (*Зачем покупать мебель на аукционах, распродажах, на квартирах под видом якобы немедленной распродажи за выездом?..*), метафоры персонализации, стремящиеся установить «личные» отношения товара и клиента и для этого одушевляющие товар (*Лучший друг желудка вино Сеж-Рафаэль; Долой горячие щипцы, неприятель волос!; Старый друг – лучше новых двух! папиросы «Зефир»; Лучший спутник для отъезжающих на Дальний Восток. Кёлерская дорожная аптечка*), сравнения (*необычайно длинные (в 185 сантиметров длиной) волосы, напоминающие волосы Лорелей*), графически выделенные фразы, содержание которых противоречит стандартному содержанию рекламных текстов, а потому привлекает внимание (*не покупайте ружей, не прочитав только что отпе-*

чатанного прейскуранта оружейного магазина «Тарнополь»). Появляется также характерное для современной рекламы стремление влиять на мировоззрение читателя и формировать его ценности исходя из целей рекламного текста (*Опрятность не может быть врожденным достоинством человека и приобретается с трудом и постепенно. Главным же образом она должна проявляться в белье, которое всегда должно быть безукоризненно чисто. Такое белье теперь изобретено и каждому следует сделаться приверженцем «Белья МОНОПОЛЬ»*). Приемы, выработанные на протяжении этого времени, используются в рекламе и сейчас, существенное же отличие языка рекламы этого периода от современной заключается в отсутствии в текстах языковой игры.

Литература

1. Алёшина И. В. Паблик рилейшенз // Реклама: внушение и манипуляция. Самара, 2001.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 428–472.
3. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. М., 2003.
4. Ромшина Л. И. Манипулятивные приемы в рекламе. М., 2003.
5. Школьник Л. С., Тарасов Е. Ф. Язык улицы. М., 1977.

Проблемы реализации жанра договора в современной деловой коммуникации

Ю. В. Трубникова

Алтайский государственный университет (Барнаул)

yuvtrubnikova@yandex.ru

Деловая коммуникация, договор, норма, ошибка.

Summary. In the paper we analyse violations of text's structure and meaning and language mistakes in modern contracts.

Современный русский литературный язык переживает период глубоких изменений, обусловленных экстралингвистическими факторами, причем современная языковая ситуация такова, что изменения затрагивают и самую консервативную часть языка – тексты официально-делового стиля.

Деловые отношения сейчас – самый массовый вид социального общения. Участие в коммерческой и организаторской деятельности диктует носителям языка необходимость владения как литературным языком в целом, так и языковыми формами делового общения. При этом, как правило, с реализацией деловых отношений связаны крупные риски: имущественные, финансовые и другие. От умения строить коммуникацию, располагать к себе собеседника, фиксировать достигнутые позиции зависит конечный результат делового общения.

Одним из самых распространенных видов документов в настоящее время является договор. При этом он же является наиболее объемным по количеству подвидов: договоры купли-продажи, аренды, оказания услуг, лицензионный, создания авторского произведения и т. д. Главная особенность договора как жанра заключается в том, что он не просто служит обеспечению процесса коммуникации, а является документом, фиксирующим результат этого процесса. Это тем более повышает (теоретически) требования к соблюдению в договорах как текстовых, так и языковых норм.

При рассмотрении договоров необходимо прежде всего определить их оптимальные, ситуативно обусловленные структуру и содержание. Принимая во внимание положения Гражданского кодекса РФ о договорах, различные методические рекомендации по их составлению, а также учитывая саму типовую ситуацию заключения договоров, можно сделать вывод о следующей наиболее приемлемой общей структуре, например, текста договора купли-продажи:

1. Предмет договора. Данный пункт является единственным существенным условием, то есть условием, без которого договор не считается заключенным. Специалистами-документоведами рекомендуется включать в этот же пункт обязанности сторон. Например: *Продавец обязуется передать Покупателю товар, Покупатель обязуется оплатить товар по цене, указанной в пункте 2.*
2. Стоимость имущества и порядок расчетов.
3. Передача и приемка имущества.
4. Прочие условия. В данном пункте указываются договоренности, тематически не соотносящиеся с предыдущими

пунктами, т. е. положения о действии непреодолимой силы, конфиденциальности и т. п.

Кроме того в договоре в качестве обязательных элементов присутствуют преамбула, содержащая информацию о договаривающихся сторонах, и пункт «реквизиты и подписи сторон», придающий договору юридическую силу.

При анализе текстов договоров купли-продажи, заключенных как между физическими, так и между юридическими лицами, были выявлены наиболее частотные отклонения от рассмотренных структуры и содержания, а также от норм языка.

1. Ошибки структурирования.

- 1.1. Пункты договора дублируют друг друга, либо вообще не несут полезной информации. Так, часто пункт «права и обязанности сторон» дублирует пункт «предмет договора»: *Продавец обязуется передать транспортное средство Покупателю... (предмет) и далее Продавец обязан: передать транспортное средство Покупателю... (права и обязанности).*
- 1.2. Информация об одном и том же положении договора неоправданно делится на пункты. Например, выделяются рубрики «порядок и сроки передачи» и «приемка». Или как отдельные пункты выносятся «обстоятельства непреодолимой силы» и «конфиденциальность» при наличии раздела «прочие условия».
- 1.3. Присутствует логическая ошибка в рубрикации. Так, встречаются договоры, в которых есть два отдельных пункта «предмет» и «существенные условия».

2. Пресуппозитивная избыточность.

Ошибки этой группы выражаются во введении в текст лишней информации, справедливость и очевидность которой вытекает из самой природы договора: *Продавец вправе требовать от Покупателя исполнения условий договора; К настоящему договору применяется российское право (в договоре, заключенном между двумя российскими организациями); По всем вопросам, не урегулированным настоящим договором, Стороны руководствуются действующим законодательством Российской Федерации (договор, заключенный между гражданами РФ). Чаше всего такие недочеты связаны с «перестраховкой» сторон. Авторы стремятся в тексте отразить все нормы законодательства в отношении договоров, хотя норма действует вне зависимости от упоминания или неупоминания ее в тексте. Следует заметить, что подобных ошибок не бывает в документах, образ-*

цы которых предоставляются сторонам договора государственными учреждениями.

3. Собственно нарушение языковых норм.

В текстах частотны ошибки пунктуационные, причем грубые, искажающие смысл (*возмещает моральный ущерб, нанесенный Покупателю в установленном законом порядке*); присутствуют речевые (*в случае наступления форс-мажорных обстоятельств, нанесение урона и ущерба и т. п.*) и грамматические ошибки (*ООО... в лице директора С. М. Бротцман (м. р.); внести оплату за указанную самоходную машину; согласно акта; прекратить все действия с третьими лицами по отчуждению и (или) передаче во временное владение и пользование товара в их пользу*). Часто нарушения свидетельствуют не просто о незнании конкретных норм образования или употребления той или иной формы, но и об активном невладении языковой системой, то есть о неспособности самостоятельно порождать коррект-

ный текст, о неумении контролировать даже свою письменную речь: *Продавец продает принадлежащее ему на праве собственности самоходную машину, ранее бывшее в эксплуатации и находящееся в удовлетворительном техническом состоянии, а покупатель обязуется принять указанную самоходную машину в собственность и оплатить его стоимость*. И примеры последнего не единичны.

Очевидно, что все типы ошибок, встречающихся в текстах договоров, являются следствием низкой документной грамотности субъектов деловой коммуникации и их слабого владения языком. Таким образом, анализ именно делового узуса позволяет еще раз на новом материале подтвердить вывод специалистов о серьезном падении уровня речевой культуры в обществе и обоснованно поставить вопрос о необходимости повышения языковой и коммуникативной компетентности лиц, вступающих в социально-правовые отношения.

Технология построения монологических речей с опорой на риторическую диспозицию и теорию фреймов: юбилейная речь

Т. В. Ульянова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ulyanova@sfned.ru

Риторическая диспозиция, лингвистический фрейм, юбилейная речь, технология построения речи.

Summary. The report is about a technology of construction of speeches. This technology is based on rhetorical disposition and the theory of frames. As an example we examine anniversary speeches.

При обучении написанию речей, в частности студентов в рамках речеведческих дисциплин в вузе, важную роль играет выбор технологии составления речи. Необходимо учесть и то, что ключевыми компетенциями, которые в результате должны быть сформированы, являются две составляющие коммуникативной компетенции – речевая и языковая.

При этом под коммуникативной речевой компетенцией понимается развитие умений и навыков речевого общения сообразно коммуникативной ситуации, под коммуникативной языковой – овладение языковыми средствами в соответствии с темами и ситуациями общения.

В первом случае, для овладения навыками построения речи, на наш взгляд, следует опираться на тысячелетний опыт риторики, а конкретнее – на теорию диспозиции – учение о частях ораторской речи. Во втором случае, при формировании навыков выбора языковых средств, кажется логичным использовать опыт современной лингвистики – теорию фреймов, разработанную М. Минским, в которой фрейм – типовая структура данных для представления стереотипной ситуации. В связи с построением речей это представляется целесообразным, поскольку опыт риторической диспозиции и теория фреймов имеют много общего.

Как известно, для античной риторики характерны системность и рациональность (М. Л. Гаспаров). Риторическая модель речи представляет собой по сути один гиперфрейм, состоящий из множества слотов. Теория диспозиции содержит в себе рекомендации к построению речи и позволяет нам построить свой фрейм для каждого риторического жанра. Теория фреймов дает возможность рассматривать каждый из слотов такого фрейма как особый фрейм, но уже не коммуникативный, а лингвистический. Поскольку лингвистические фреймы представляют собой упорядоченные множества признаков текста и их значений, что дает возможность заполнять слоты фрейма, используя нормативный сценарий того или иного класса текстов (П. В. Гончаренко, Е. Л. Шингарева).

Как видим, названные теории дополняют и расширяют друг друга и дают возможность применить особую технологию к построению речей.

Рассмотрим использование данной технологии на примере жанра эпидейктического красноречия – юбилейной речи.

Поводом для написания такой речи служит юбилей какого-либо лица или организации, предприятия, также речь может быть посвящена знаменательной дате какого-либо события.

Как и любая другая речь, юбилейная речь должна иметь вступление, основную часть и заключение. При этом в ос-

новной части традиционно присутствуют два обязательных компонента – комплимент и пожелания. То есть можно составить фрейм юбилейной речи, который будет состоять из четырех слотов.

1. Вступление. В начале речи должно быть названо событие, в честь которого произносится речь. Кроме того, может быть озвучена задача речи, как это обычно делается во вступлении.

2. Комплимент. Этот слот по сути является микрожанром и восходит к риторической похвальной речи, или энкомии (Г. Г. Хазагеров). В системе античной риторики это частный случай эпидейктической речи, который нашел выражение в отдельном жанре – панегирик. В этой связи следует упомянуть созданную Исократом модель этического портрета человека – четко регламентированную схему, которая может служить удобным ориентиром для восхваления (либо порицания) объектов самого разного рода, но прежде всего человека (Л. Е. Тумина). Эта модель представляет собой своего рода фрейм, и в каждом конкретном случае может быть заполнен один или несколько из имеющихся слотов: происхождение (народ, родина, отечество, предки, родители), полученное воспитание (основное занятие, владение каким-либо мастерством, обычаи, правила поведения), характеристика личности (достоинства души – рассудительность, мужество, благоразумие, справедливость; достоинства тела – статность, красота, быстрота, сила, здоровье; жизненные обстоятельства – власть, богатство, удача, дружба). Если речь обращена к человеку, то этот слот будет иметь много общего с похвалой.

3. Пожелания. В риторической системе данный микрожанр не представлен так широко, как похвала, но, по сложившейся традиции, пожелания чаще всего присутствуют в подобном рода речах. Обычно пожелания адресату вытекают из содержания речи, т. е. должны иметь связь со сказанным в комплименте. Иногда в пожеланиях заложено побуждение быть достойным похвалы, соответствовать созданному образу, стремиться к совершенству и достижениям. В том случае, если речь обращена не к конкретному адресату-виновнику торжества, слова могут быть обращены к аудитории и связаны с событием, о котором шла речь. Иногда речь может завершаться прямым призывом, но не к конкретным действиям, а вообще к добрым и правильным делам.

4. Заключение. Этот слот является факультативным, в отличие от предыдущих. Он может включать в себя, например, благодарность виновнику торжества либо слушателям.

Заполнение слотов данного фрейма возможно с помощью языковых средств, характерных для торжественного крас-

норечия и конкретно для юбилейной речи. Поскольку здесь преобладает оценочная информация, преувеличение, то предполагается использование эпитетов, оценочной и экспрессивной лексики, сравнений, метафор и других тропов и фигур, всего, что свойственно торжественному, высокому стилю.

При написании юбилейной речи к определенному событию по предложенной технологии может быть построен оптимальный фрейм, адекватный событию. После чего он может быть заполнен конкретными языковыми единицами, выбранными из ряда возможных в данной коммуникативной ситуации.

Проблема изучения языковой личности в текстах дружеских писем

О. П. Фесенко

Омский экономический институт

Olga.Fesenko@rambler.ru

Языковая личность, эпистолярный дискурс, дружеское письмо.

Summary. In the paper the author considers the main properties of the epistolary discourse that allow describing linguistic personality. The written form of letters is limiting the researchers of language personality, but letters compensate it by its discursive nature, focus on the person, multifunctionality and creativity.

Последние десятилетия тексты дружеских писем пушкинской поры привлекают внимание исследователей, анализирующих не только особенности русского языка прошлых столетий, но и работающих в русле антропоцентрической лингвистики. Дружеский эпистолярный дискурс – богатейший материал для анализа речевых особенностей создателей переписки, для выявления черт и компонентов структуры языковых личностей (в узком смысле этого термина) каждого из авторов писем.

Исходя из анализа феномена языковой личности, можно утверждать, что она реализует свои свойства и проявляет свои особенности исключительно в процессе речевой коммуникации, которая может осуществляться в двух формах: устной и письменной. Возникает закономерный вопрос: какая из двух этих форм в большей степени отражает черты языковой личности? Часть исследователей склоняется к тому, что анализ структуры языковой личности возможен исключительно тогда, когда речь идет об устной коммуникации, учитывая, что именно она обладает чрезвычайно важным свойством – спонтанностью. Спонтанность не дает носителю языка искусственно создавать свой языковой портрет как образ желаемый, а не реальный.

Однако этот вопрос не имеет однозначного ответа, поскольку не только «человек говорящий», но и «человек пишущий» может рассматриваться через призму понятия «языковая личность».

С одной стороны, при составлении письменного текста носитель языка имеет возможность многократно осмыслить структуру используемых синтаксических конструкций, продумать порядок слов, тщательно подобрать их и т. д. С другой стороны, даже создавая черновики и тщательно подбирая структуру и словесное наполнение текста, автор использует свои субъективные коммуникативные установки и опирается на собственные знания о языке и сформированные речевые навыки, использует свой словарный запас. Кроме того, исследователю не всегда предоставляется возможность проанализировать живой диалог. В такой ситуации не приходится говорить о языковых личностях А. С. Пушкина или Л. Н. Толстого, оставивших потомкам только письменные тексты. Нам представляется наиболее убедительным мнение Е. В. Иванцовой, согласно которому «определение ЯЛ должно опираться <...> на реальный результат воплощения речевой способности и национально-культурных, мировоззренческих установок – тексты, дискурсе личности как единственно возможный для лингвиста источник ее изучения». Именно в текстах отражаются социальные, культурные и индивидуальные особенности конкретной языковой личности. В дополнение сделаем лишь небольшой акцент. Современному исследователю необходимо рассмотреть не только текст как продукт речевой деятельности языковой личности, но проанализировать текст как дискурс в совокупности всех его экстралингвистических свойств и условий создания. Именно дружеское письмо становится тем типом дискурса, который дает возможность в полной мере изучить языковую личность во всем многообразии ее реали-

заций (особенно тогда, когда речь идет о языковых личностях XIX века). Приведем доказательства того, почему изучение языковой личности на материале текстов дружеских писем может быть продуктивно.

1. Эпистолярный, если его рассматривать через призму понятия «дискурс», создается в процессе общения и отражает на языковом уровне контакт и межличностные отношения между автором и адресатом, что является важным условием для выявления особенностей языковой личности. Можно сказать, что **эпистолярный дискурс – это речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции, имеющее письменную форму и реализующее во всем многообразии его когнитивно – коммуникативных функций.** При этом эпистолярный дискурс – не результат, а процесс речевого взаимодействия. Это значит, что формальная сторона эпистолярия (сам текст письма) создается в процессе дискурсивного развертывания. В это аспекте эпистолярный дискурс предоставляет исследователю значительную часть экстралингвистической информации, так необходимой для полного анализа языковой личности (о чем говорил еще Ю. Н. Караулов).

2. Текст дружеского письма изначально **антропоцентричен**, что проявляется: 1) в диалогизации (явлении, связанном с тем, что письмо создается автором с учетом его взаимоотношений с адресатом, влияющим на процесс и результат эпистолярной коммуникации; текст письма строится автором и адресатом совместно, замысел содержания принадлежит им обоим); 2) в гармоничном сочетании двух различных начал, свойственных человеку: рационального и эмоционального (эпистолярный характеризуется перевесом сферы эмоций, антропоцентричность эпистолярия отражается на эмоциональности отображения информации и в полной мере позволяет исследовать особенности языковой личности, по-своему проявляющейся в процессе эпистолярной коммуникации).

3. Дружеский эпистолярный **креативен**. Креативность – это свойство письма допускать использование и гармоничное соединение продуктов речетворческой деятельности языковой личности, что в значительной степени расширяет возможности исследователя и позволяет описать каждый из уровней языковой личности более полно и подробно.

4. Эпистолярный дискурс **полифункционален**, что максимально сближает его с устной формой коммуникации и дает возможность описать языковую личность создателя письма в различных условиях и с учетом различных коммуникативных целей и установок.

Сложность описания языковой личности эпистолярного дискурса, при всех положительных возможностях такого анализа, состоит в том, что адресант и адресат выступают в письме как единое целое, поскольку структура, содержание и характер изложения информации обусловлены ими обоими одновременно. Однако это проблема вполне преодолима при условии анализа эпистолярного наследия конкретной языковой личности в максимально полном объеме.

Лингвистические особенности интернет-коммуникации

С. Хаджихалилович

Задарский университет (Хорватия)

shadzih@unizd.hr

Блог, цифровой и / или интернет-жанр, гипержанр, интернет-коммуникация.

Summary. On the one hand, blog is an Internet genre existing simultaneously with other Internet genres such as forums, chats, electronic mails, etc. On the other hand, blog is, according to the traditional theory of genre, a hypergenre. The aim of this article is to introduce the reader into the world of blogs as a representative of linguistic research in which we can reach new linguist discoveries (and be in the loop with contemporary language).

Исследуя историю блога и этимологию слова, определив его с точки зрения истории научного лингвистического исследования, заметим что блог, характеристикам которого являются: скорость, короткость, собственный язык – зеркало сегодняшней жизни. Попробуя определить жанр блога, надо отличать его как интернет-жанр т. е. цифровой, и блог как речевой жанр (по мнению М. М. Бахтина). Аспектам его исследования являются их оба. С лингвистической точки зрения блог является спектром лексических и грамматических возможностей жанровых ресурсов. По структуре, объему, тематике и стилистике выражения являются разнородными. С одной стороны, блог является интернет-жанром и существует параллельно с остальными интернет-жанрами: форумами, чатами, электронной почтой и т. д. С другой стороны, в соответствии с традиционной теорией жанра, блог является гипержанром. Есть еще некоторые подходы классификации жанров: первичные и вторичные (по мнению М. М. Бахтина); гипержанр, жанр и субжанр (по мнению Седова) и др.

В докладе проанализируем различные теории блогов, сделаем анализ их дефиниции, потом жанровый анализ с применением различных подходов и сделаем собственные итоги. Цель доклада – ввести читателя в мир блогов не как представителей литературного или интернет-жанров, а как представителя лингвистических исследований, в которых можно достичь новых языковых знаний (и идти в ногу со временем).

Как мультимедийное творчество, которого исследователи относят либо к эссеистике и литературной критике, либо к жанру дневника или путевых заметок, блог является просто постмодернистическим «бриколажем». С его появлением возникли новые термины. Этим способом блог обогатил литературу новым жанром, а язык новым терминам.

В последних два десятилетия блог как интернет-жанр, чья популярность увеличивается диаметрально со снижением интереса к масс-медиа, отличается великой важностью. В самом начале моего интереса к этой тематике задача была сравнить лингвистические исследования о блоге, сделанные

русскими и хорватскими лингвистами. Проблема в том, что хорватские ученые до сих пор занимаются / занимались блогом как литературным явлением и занимались только его отношением к жанре. В соответствии с этим, одни относят его к совсем новому жанру, т. е. цифровому жанру, а другие относят его к эволюционному расширению всех существующих (жанров), т. е. продолжением личного дневника в противопоставлении с традиционным жанром. Русские авторы занимаются обоим аспектам блога, литературным и лингвистическим.

Каждое общество (культура, народ) имеет собственный язык. В соответствии с этим, принадлежащие информационном обществе общаются собственным (виртуальным) языком. Поставляется следующий вопрос: каким способом виртуальная коммуникация влияет на традиционную?

Интернет, информационно-коммуникационные технологии, средства ремедиации переопределили современную письменность, культуру и общество. Становлением новых медий образованы новые типы дискурса, основанные на интерактивности, виртуальности и общей доступности канала. Текст рассматривается в рамках гипертекста, а масс-медийный дискурс в рамках мультимедийности. Языковой знак появляется в комбинации с элементами других знаковых систем, одномерное семиотическое явление становится многомерным. Ввиду того, что новая медийная письменность как дисциплина интерактивная, ее невозможно описать рассматривая только вертикальную разделенность текста, т. е. пользуясь только лингвистическими категориями. Языковой анализ грамматических уровней (орфографического, фонологического, морфологического, синтаксического, лексического и стилистического) можно сделать в зависимости от контекста определенного корпуса, следуя принципами определенного цифрового / сетевого жанра и ошибок в нем, как это сделали авторы Худечек, Михалевиц.

Блог – это дискурс по мере человека. Поэтому автор блога не должен писать литературным языком, хотя должен иметь ввиду то, что существуют общие правила медийного дискурса, которыми каждый из авторов должен пользоваться.

Структурирование коммуникативной ситуации в художественном тексте

Г. Г. Хисамова

Башкирский государственный университет (Уфа)

galiya.khisamova@yandex.ru

Коммуникативная ситуация, диалогический фрагмент, художественный текст.

Summary. A dialogue in a fiction text reflects the real communicative situation in the most adequate way. A dialogic fragment, which combines both the characters and the authors speech, is used in practice of the analysis of a fiction text. The limits of a dialogical fragment are determined with taking into consideration the fiction reflection of the acts of communication.

Различия между спонтанным и художественным диалогом обусловлены прежде всего тем, что в художественном тексте обязательно наличие языкового обозначения внеязыковой ситуации. Коммуникативный подход к тексту позволяет соотнести «художественную» ситуацию с «естественной» ситуацией. Важным свойством текста является его моделированный или немоделированный характер. Моделированный текст – это текст, который строится в соответствии со стандартной формой. Формой текста считается его модель, наполняемая определенным содержанием. Писатель, воссоздавая речевую ситуацию, может по-разному отбирать и структурировать ее элементы.

Специфика отражения коммуникативной ситуации в художественном тексте связана прежде всего с фактором адресата (воспринимающий субъект, читатель) и фактором адресанта (субъект речи, автор). В отличие от естественного

диалога, предполагающего наличие говорящего и слушающего, художественный диалог однонаправлен. Он ориентирован на читателя, который получает информацию о всех необходимых компонентах ситуации. Основными параметрами художественного отражения акта коммуникации, которые могут быть представлены в авторском повествовании, являются: 1) способы презентации персонажей; 2) пресуппозиция и предметно-событийный фон общения; 3) собственно диалог как коммуникативное событие и речевые действия персонажей; 4) невербальные средства речевого общения.

В зоне презентации диалога используются конструкции с прямой речью, персонажные реплики, самостоятельные предложения авторской речи, описывающие диалогическую ситуацию.

Диалогический фрагмент как способ презентации коммуникативной ситуации в прозаическом тексте (вне зависимо-

сти от его протяженности) разбивается на 3 части: 1) обстановка, часть, представляющая участников коммуникативной ситуации и условия при диалоге; 2) собственно диалог – реплики персонажей и вводящее их окружение; 3) финальная часть, содержащая указание на завершение коммуникативного акта. Общая модель заполняется конкретным лексическим материалом в соответствии с определенными закономерностями лексического структурирования указанных частей фрагмента [1].

Рассмотрим особенности структурирования разговорного взаимодействия персонажей на примере рассказа В. М. Шукшина «Сельские жители».

В рассказе «Сельские жители» бабушка Маланья, уже твердо решившая ехать к сыну в Москву, вдруг отказывается от поездки. В экспозиции рассказа приводится письмо сына Павла, приглашающего мать к себе в гости. Письмо послужило причиной диалога бабушки Маланьи с внуком Шуркой:

Бабушка Маланья прочитала это, сложила сухие губы трубочкой, задумалась.

– Зовет Павел-то к себе, – сказала она Шурке и поглядела на него поверх очков (Шурка – внук бабушки Маланьи, сын ее дочери <...>).

Шурка делал уроки за столом. На слова бабушки пожал плечами, – поезжай, раз зовет.

– У тебя каникулы-то? – спросила бабушка строго.

Шурка навострил уши.

– Какие? Зимние?

– Какие же еще, летние, что ль?

– С первого января. А что?

Бабушка опять сделала губы трубочкой – задумалась.

А у Шурки тревожно и радостно сжалось сердце.

– А что? – еще раз спросил он.

– Ничего. Учи знай. – Бабушка спрятала письмо в карман передника, оделась и вышла из избы.

Диалогический фрагмент композиционно разбивается на три структурные составляющие, подобные естественному коммуникативному акту: в обстановочной части представлены участники ситуации (*бабушка Маланья, внук Шурка*), события, послужившие причиной диалога (*письмо сына бабушки Маланьи*), место действия (*дом бабушки Маланьи*).

Собственно диалог содержит реплики диалога и авторские ремарки. В составе авторских ремарок глаголы речи, характеризующие установление речевого контакта (*сказала, спросила*), а также слова, содержащие указание на наличие визуального контакта между персонажами (*поглядела*) и невербальные формы общения (*пожал плечами*). Финальная часть диалога содержит указание на завершение коммуникативного акта с помощью глаголов, обозначающих неречевые действия (*спрятала письмо, оделась и вышла из избы*).

Особая роль в структурировании диалогического фрагмента отводится ключевым словам, предназначенным маркировать ситуацию общения с ориентацией на внешнего адресата – читателя. Если диалогический фрагмент служит основной структурой репрезентаций знаний о коммуникативной ситуации, то ключевое слово выполняет функцию имени этой ситуации. В художественном тексте в качестве ключевых слов, маркирующих коммуникативную ситуацию, могут выступать слова *разговор, беседа, спор, ссора* и др.

Моделирование диалогического фрагмента в художественном тексте позволяет представить в динамике процесс коммуникации с ориентацией на внешнего адресата-читателя.

Литература

1. Чурилина Л. Н. Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты). Магнитогорск, 2000.

Афоризм, анекдот и слоган в поле повседневности русского человека (социолингвистический аспект)

Л. А. Чижова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

lachi zhov@yandex.ru

Афоризм, анекдот, слоган, адресант, адресат.

Summary. Aphorism, anecdote and slogan are analysed as a kind of language texts, having its influence on an Addressee in any communicative act. We are interested in: 1) the typology of the Addressers in terms of different social roles, ethical rules of pragmatic influence; 2) usage of language code; 3) aesthetic and magic functions of Aphorism, anecdote and slogan texts.

Исследование базируется на научном наследии Р. О. Якобсона о функциях языка, М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана о теории текста, Дж. Мида о социальных ролях, Л. Н. Гумилева о типах личностей.

1. Языковой текст понимается как одно из ключевых понятий семиотики, как последовательность высказываний (или одно высказывание), в тексте отражается мировидение автора сообщения (адресанта), прагматически направляющего свой текст в направлении адресата, при этом учитываются кодовые характеристики языка, реализуются представления о соблюдении или нарушении эстетических требований.

2. Функционирование языкового текста в рамках социального общения приобретает различные формы. Для нас важно выделить сферу повседневности как особый тип социального взаимодействия в поле культуры. Афоризм, анекдот и слоган представляют разные типы языковых текстов, представленных в поле повседневности.

3. Сходства и различия речевых актов, в которых используются афоризм, анекдот и слоган.

Афоризм создается харизматической личностью – пассионарием поля элитарной культуры. Пассионарий противопоставлен функционеру, так как представляет пример отклонения от видовой социальной нормы поведения. Пассионарий, по Л. Н. Гумилеву, способен расшатать сложившуюся социальную систему, сломать инерцию функционеров, создать фактор риска для старого уклада жизни и инициировать новое состояние общества в этногенезе. Использование афоризмов, принадлежащих пассионарным лично-

стям, в речи адресанта знаменует демонстрацию собственного высокого социального статуса, с одной стороны, и прагматическую направленность на адресата в целях воздействия на его социальный статус – с другой стороны.

Слоган, в отличие от афоризма, принадлежит дисциплинарному пространству культуры; слоган используется властными структурами (идеологического, экономического, информационного, социального рода) для формирования у адресата схем поведения функционера в пределах его социальной роли. Адресант слогана обычно не персонализируется, он метонимически соотносится с властной структурой, управляющей адресатом. В качестве примера слогана приведем текст рекламы продукции комбината «Сходня мебель»:

НАШИ ИНТЕРЕСЫ СХОДЯТСЯ!

Приведенный слоган построен на игре ключевых слов *Сходня / сходятся*, что делает честь создателю рекламы, хотя видеоряд анализируемой рекламы на сайте sfbm.ru вызывает нарекания.

Анекдот, в отличие от слогана и афоризма, карнавализует текст, в том числе и афоризм, и слоган, обращая их в антиподы особого рода. В анекдоте высмеиваются те нормы, которые навязываются адресату. В анекдоте реализуется позиция не функционера, а личности, которая стремится разрушить рамки социального ожидания, часто демонстрацией маргинального социального поведения. Адресант анекдота, «анекдотист», как и автор слогана, обычно не персонализируется; автор афоризма, пассионарная личность, не только персонален, но и идентифицируем адресантом. Следует отметить высокие требования к личности адресанта при

воспроизведении анекдота, театральность самого акта коммуникации.

Своеобразный эффект круга «афоризм – слоган – анекдот» можно продемонстрировать на примере соотношений:

1) *Коммунизм есть советская власть плюс электрофикация всей страны* (В. И. Ленин).

2) *Коммунизм есть советская власть плюс электрофикация всей страны* (Слоган).

3) *Что есть советская власть? Это коммунизм минус электрофикация всей страны* (Анекдот).

Сравним функционирование афоризма, анекдота и слогана при общности темы.

Тема	Слоган	Анекдот	Афоризм
Власть	МЫ СЛУЖИМ ОБЩЕСТВУ, А НЕ ВЛАСТИ (реклама ежедневной газеты)	Корреспондент спрашивает мэра Петербурга: – Правда, что Санкт-Петербург стал криминальной столицей России? – Ну, ты че, братан, в натуре, наезжаешь! – отвечает мэр.	Не кричите: «Король голый!», пока он не станет к вам задом. (Станислав Ежи Лец)
Масс-медиа. Телевидение	НЕОБЫЧАЙНО ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ, КОТОРОЕ СТОЛЬ РЕАЛИСТИЧНО, ЧТО В ЭТО ПОЧТИ НЕВОЗМОЖНО ПОВЕРИТЬ – ЭТО НУЖНО УВИДЕТЬ (реклама телевизоров)	Человечество ныне стоит перед чудовищным выбором: либо работа, либо дневные программы ТВ.	Кинескопы телевизоров – презервативы реальности. (Дитер Хильдебрандт)
Деньги / бизнес	Деньги – это чеканенная свобода. (реклама банка)	Хочешь, расскажу кооперативный анекдот? – Давай. – Гони рубль.	Люди не хотят быть богатыми; люди хотят быть богаче других. (Джон Стюарт Милль)

Сравнение коммуникативных актов, в основе которых лежат афоризм, анекдот и слоган, показывает сходство и различие социальных ролей адресанта и адресата, их языковой компетенции, выявляет особенности языковой игры, в которую включаются участники пьесы в поле обыденности.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001.
3. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992.
4. Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

Суггестивный аспект рекламного слогана В. Маяковского

Л. В. Шевчук

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина)

larisa.shevchuk@list.ru, arhimed2@te.net.ua

Рекламный слоган, суггестивная лингвистика, вербальные техники суггестии.

Summary. The paper deals with advertising slogans by V. Mayakovsky as suggestive texts containing the verbal art of suggestion at all levels of verbal communication. On the phonological and prosodic levels revealed a latent effect rhythmical structures of slogans aimed into inactivation of the left hemisphere. On the lexical-stylistic and lexical and grammatical – the use of imperatives in direct reference to the addressee, comparative – superlative structures with missing component of universal quantifiers and modal operators.

Владимир Маяковский – основоположник нового типа рекламы. Структура и стилистика рекламного слогана Маяковского порождена агитационным плакатом во время работы в «Окнах РОСТА» в 20-е годы прошлого столетия. Авангардная реклама «производственного искусства», ориентированная на массового потребителя товаров национализированных заводов и фабрик, нуждалась в новых языковых средствах. Цель нашего исследования – выявить речевые приемы в рекламных слоганах Маяковского, которые осознанно либо неосознанно им использовались и благодаря которым стихи так легко запоминались потенциальным потребителем рекламируемых товаров. Согласно нашей гипотезе, рекламные слоганы Маяковского содержат вербальные техники суггестии. Суггестия является компонентом обычного человеческого общения, но может выступать и как специально организованный вид коммуникации, формируемый при помощи вербальных и невербальных средств. Языковую суггестию рассматривают на пяти уровнях: фонологическом, просодическом, лексико-стилистическом, лексико-грамматическом и морфосинтаксическом.

Исследование рекламных слоганов Маяковского на фонологическом уровне выявило такую характерную особенность, как многократное повторение одного и того же сочетания звуков в составе различных слов, что, возможно, обеспечивает воздействие, подобное мантре, состоящей из одного слога, но повторяемой много раз. Наиболее выразительными примерами являются следующие слоганы: *Лучших сосок не было и нет Готов сосать до старых лет; Трехгорное пиво выгонит вон ханжу и самогон.*

Главным элементом просодического уровня есть ритм. Особенностью человеческого мозга является реагирование на ритм в любом его проявлении (музыкальном, вербаль-

ном, в виде зрительных образов). Только ритмизацией сообщения можно выключить левое полушарие, отвечающее за логическое мышление.

Любой зарифмованный текст обладает ритмом. Рифмуют обычно слоганы, рекламирующие недорогие товары, связанные в массовом сознании с отдыхом, радостью, удовольствием. У Маяковского почти все рекламные слоганы зарифмованы. Например: *Папиросы «Червонец» хороши на вкус. Крепки как крепко червонный курс! Нигде кроме как в МОССЕЛЬПРОМЕ!* Известно, что рифмирование рекламного текста к тому же в 1,5 раза улучшает запоминание. Встречается у Маяковского и не рифмованный, но ритмизованный слоган, например, в рекламе часов: *Человек – только с часами, часы – только от Мозера, Мозер – только у ГУМа.* Следует обратить внимание на преобладание двусложных слов в рекламных слоганах Маяковского, так как лексика разговорного стиля характеризуется небольшой длиной в слогах, что также способствует ритмизации суггестивного текста.

Особое воздействие на правое полушарие, связанное с образным мышлением, верой, подсознанием, оказывает эмоциональная интонация высказывания. Большинство анализируемых слоганов имеют восклицательную интонацию, а некоторые тексты графически расположены на плакатах так, что оказываются между двумя огромными восклицательными знаками, что усиливает эмоциональный фон высказывания: *!Нами оставляются от старого мира только папиросы ИРА!*

Анализ лексико-стилистического уровня суггестии предполагает выявление стилистически окрашенной лексики. Маяковский демократизирует поэзию, используя разговорно-диалогическую речь. Элементом диалогической комму-

никации является обращение как к людям, так и к явлениям природы, абстрактным понятиям: **Трудящиеся! Не страшны дороговизна и нэп. Покупайте дешевый хлеб!**; **Дождик, дождь, впустую льешь я не выйду без галош С помощью РЕЗИНОТРЕСТА мне везде сухое место; Остановись, уличное течение!** Помните в МОССЕЛЬПРОМЕ Лучшее печенье! Иногда функцию обращения выполняет императив, стоящий на его месте в начале фразы: **Стой! Предлагаю не в шутку, а в правду Подписаться на «Пионерскую правду».**

Следующим этапом анализа является определение соотношения различных частей речи в слоганах как суггестивных текстах. На лексико-грамматическом уровне суггестии Маяковский использует приемы, связанные с техникой захвата и присоединения. Автор отдает предпочтение глаголам повелительного наклонения: *стой, остановись, покупайте, раскунай, обзаведись* и др. Следует отметить приоритет именно этой императивной формы в слоганах поэта, формы, характерной для площадной, митинговой речи при обращении к толпе, что соответствует гипотезе Б. Ф. Поршнева об особой роли глагола в истории суггестии и о повелительной функции глагола как древнейшей. На втором месте среди частей речи в суггестивных текстах можно расположить существительные. В рекламных слоганах В. Маяковского преобладают конкретные существительные, вызывающие более эмоциональную реакцию, чем абстрактные. Коэффициент конкретности в исследуемых текстах равен 0,8, что совпадает с рекомендациями современных рекламистов. Иногда поэт может использовать абстрактные существительные с конкретным расширителем: *РЕЗИНОТРЕСТ – защитник в дождь и слякоть, без галош Европе сидеть и плакать.* Суггестивный потенциал в рекламных текстах Ма-

яковского также имеют компаративно-суперлативные конструкции с пропущенным компонентом: *Помните в МОССЕЛЬПРОМЕ лучшее печенье; Лучших сосок не было и нет; Лучшие галоши привез верблюд; Самый деловой, аккуратный самый, в ГУМЕ обзаведись мозеровскими часами.* Местоимения и наречия обобщающего значения (все, всё, любой, всякий, никто, везде, нигде, всегда, никогда и др.) в суггестивных текстах называют универсальными квантификаторами. Они необходимый атрибут рекламного слогана у Маяковского: *Приезжий с дач из городов и сел Нечего в поисках трепать подошвы Сразу в ГУМЕ найдешь все Аккуратно быстро и дешево!*; *Во всех магазинах и киосках МОССЕЛЬПРОМА в двух шагах от любого дома!*; *С помощью РЕЗИНОТРЕСТА мне везде сухое место. Продажа везде; Нигде кроме как в МОССЕЛЬПРОМЕ!* В последнем слогане, который сам Маяковский считал «поэзией самой высокой квалификации», использован, по терминологии нейролингвистического программирования, модальный оператор (частица *кроме*).

Аксиомой для любого современного копирайтера является расположение названия рекламируемой фирмы / товаров либо в начале, либо в конце синтаксической конструкции для усиления эффекта запоминания. У Маяковского такая позиция для названия рекламируемой продукции является достаточно частотной.

Таким образом, выявленные вербальные техники суггестии в рекламных слоганах В. Маяковского дают основание считать поэта-авангардиста создателем эффективной рекламы для массового потребителя задолго до появления фундаментальных научно-теоретических разработок в области рекламных технологий.

Специфика коммуникативной модели бытия текста в интернет-коммуникации на форумах и в блогах

А. А. Шмаков

Алтайский государственный университет (Барнаул)

art.schmakow@gmail.com

Ключевые слова: бытие текста, текст с обращением, интернет-форум, блог.

This paper is devoted to the problem of modeling of the process of communication in the Internet. For modeling of communicative interaction of users the author proposes to use the communicative method of modeling of being of a text with a form of address in the dialogue formats of Internet communication – blogs and forums.

В современной русистике в рамках коммуникативного подхода текст, являясь продуктом речекоммуникативной деятельности Говорящего и объектом восприятия Слушающего, рассматривается как центральное звено акта коммуникации. Интернет-текст (далее – ИТ), т. е. бытующий в глобальной сети Интернет текст особой фактуры, совмещающей в себе черты устной и письменной коммуникации, эксплицирует факт существования взаимодействующих субъектов – интернет-коммуникантов. ИТ создает образ реальности и коммуникантов, который может существенно отличаться от положения дел в реальном мире.

Разработка моделей речевого (и шире – коммуникативно-го) взаимодействия собеседников в пространстве интернет-коммуникации является **актуальной** для современной русистики задачей, поскольку на данный момент лингвистическое описание основных коммуникативных форматов сети Интернет (форумов, блогов, чатов и т. д.) в целом можно считать завершенным, однако язык и текст в Интернете не являются статичными, они включены в процессы коммуникации, изменяющий их. Находясь в коммуникативном пространстве сети Интернет, текст динамичен, поскольку подвергается различным формально-коммуникативным трансформациям, через которые проявляется лингвистическая категория бытия текста.

Объектом данного исследования являются тексты русскоязычных интернет-форумов (далее – ИФ) и блогов, содержащие обращения. **Предметом** – трансформации, которые претерпевает текст с обращением в процессе протекания акта коммуникации, рассматриваемые сквозь призму параметров «позиция» и «функция» обращения, определяющих структуру участия коммуникантов в диа- или полилоге,

а значит, и бытие текста. **Цель** исследования заключается в выявлении специфических черт бытия текста с обращением в форматах ИФ и блога.

Специфика русскоязычного коммуникативного пространства ИФ и блогов заключается в том, что они являются форматами диалогической коммуникации, их интерфейсы (т. е. программная оболочка, в которой создается текст сообщения) позволяют коммуникантам взаимодействовать друг с другом на вербальном и невербальном уровнях. ИТ выступает посредником данного взаимодействия, репрезентируя фигуры коммуникантов. Обращение вследствие отсутствия невербальных средств, а также фактуры ИТ имеет фундаментальную ценность для текста в ИК.

Ключевой статус обращения как компонента коммуникативной структуры текстов русскоязычных ИФ и блогов обусловлен тем, что оно определяет структуру участия коммуникантов в акте коммуникации, отделяя желательных собеседников от нежелательных и распределяя их коммуникативные роли в диа- или полилоге.

Для исследования бытия текста на уровне коммуникативной деятельности индивидов требуется уловить момент «сопряжения» сознаний коммуникантов, момент, в который инициальный текст оказывается актуализирован и обретает жизнь. Данная задача представляется решаемой при помощи методики коммуникативного моделирования бытия текста на основе параметров «функция» и «позиция» обращения.

Коммуникативная модель бытия текста базируется на интерактивной модели коммуникации, ряд элементов которой подвергаются процедуре параметризации. Модель строится в три этапа, для исследования отбираются только те тексты, которые содержат обращение к собеседнику. На первом эта-

пе моделируется трансформация функции обращения или коммуникативно тождественного ему фрагмента в инициальном тексте (ТЕКСТ-1) и в тексте-ответе (ТЕКСТ-2), на втором – трансформация позиции обращения в ТЕКСТЕ-1 и ТЕКСТЕ-2. Третий этап заключается в совмещении полученных на первых двух этапах моделей и построении структуры участия коммуникантов в коммуникативном акте, отражающей коммуникативный прогноз автора текста и реально сложившуюся ситуацию, зафиксированную в виде текста диа- или полилога на форуме или в блоге, – бытие текста с обращением.

Анализ эмпирических данных показал универсальность модели бытия текста с обращением в диалогических форматах интернет-коммуникации. Однако каждый формат имеет свою специфику реализации полученной модели, обусловленную уникальным сочетанием таких параметров как а) особенности коммуникативного пространства формата (интерфейс); б) фактура создаваемого текста; в) структура участия коммуникантов в акте коммуникации, в свою очередь, дефинированная коммуникативно-прагматическими целями коммуникантов и избранным коммуникативным регистром (в понимании Г. А. Золотовой).

Если говорить о создании инициального текста (ТЕКСТ-1), то на форуме, как правило, он обращен ко множеству коммуникантов (используются обращения во множественном числе: *народ, мужики, девочки, форумчане*, позволяющие включить с число адресатов и зарегистрированных участников форума и случайных читателей), в блоге текст обычно обращен к группе коммуникантов, состоящих «в друзьях» у автора блога, т. е. пользователей, которые получают уведомления о создании нового текста и могут оставить ответ

на него в виде комментария (уже стала узуальной формула обращения *дорогие друзья* к читателям блога).

Что касается текста-ответа (ТЕКСТ-2), то сообщения на форуме расположены линейно, поэтому коммуниканты-«слушающие» вынуждены использовать средства адресации для выделения нужного собеседника из множества потенциальных, используя такие языковые средства, как никнеймы, имена собственные, цитацию инициального текста (на некоторых ИФ данная функция является автоматизированной: нажатие специальной кнопки позволяет включить необходимый фрагмент текста во вновь создаваемое сообщение).

В блоге комментарии располагаются «лесенкой», соответственно, у второго коммуниканта нет необходимости использовать средства адресации, поэтому характерной чертой блогов является элиминация обращения в ТЕКСТЕ-2. Благодаря эксплицитно выраженным связям инициального текста и текста-ответа структура участия коммуникантов в блоге становится более прозрачной, что увеличивает время жизни инициального текста и дает представление участникам акта коммуникации о структуре данного акта.

Таким образом, несмотря на то, что и ИФ, и блоги являются диалогическими форматами интернет-коммуникации, бытие текста в рамках данных форматов имеет свою специфику, поскольку исследуемые форматы различаются по параметрам: а) структура участия коммуникантов; б) наличие обращения в тексте-ответе (ТЕКСТЕ-в) функция обращений в ТЕКСТЕ-1 и ТЕКСТЕ-2. Если текст ИФ всегда предполагает ответную реакцию собеседника, то текст записи не всегда предполагает таковую, что определяет специфику реализации модели бытия текста в блоге.

Секция Русский язык в художественной литературе и фольклоре

Особенности использования сравнений в романе Ч. Айтматова «Плаха»

А. Ф. Аветисян

Гюмрийский государственный педагогический институт им. М. Налбандяна (Армения)

aniavetisyan9102@rambler.ru

Художественные особенности, сравнения, художественные системы, проблематика произведения.

Summary. The paper is devoted to the study of artistic, linguistic and syntactic features of Aitmatov's novel «The scaffold». Where analyzed fragments of novel, in which in our opinion linguistic features of the novel are clearly reflected.

В современном айтматоведении существует целый ряд серьезных монографических исследований, освещающих художественный мир как в целом, так и более частные проблемы творчества Айтматова. Его изучение ведется по нескольким направлениям: философская проблематика, проблема психологизма, проблемы поэтики и стиля, взаимосвязи литератур, художественного перевода, философско-эстетических взглядов писателя. Монографические работы П. Глинкина, В. Воронова, В. Левченко, М. Азизова, Л. Лебедевой – это первые попытки целостного осмысления творческого пути писателя. Они представляют собой анализ эволюции идейно-художественного содержания произведений Айтматова с акцентировкой внимания на жанр, стиль и поэтику. Данные работы охватывают раннее творчество.

В вышеназванных монографиях творчество Ч. Айтматова рассматривалось, главным образом, в литературоведческом плане. В лингвистическом плане его произведения изучены недостаточно.

Создав ряд замечательных глубоко реалистических произведений, Айтматов нуждался в том поэтическом языке, с помощью которого мог ярче показать будни советских людей. А для этого необходимо было, чтоб его язык был ясным и возвышенным. «Ясная, смысловая точность поэтического языка неотделимы от чеховского лаконизма, чеховской «грации» фразы», – писал М. Азизов [1: 4].

Средства языковой выразительности многообразны. Особое место среди них занимают так называемые средства художественной изобразительности.

Внимания заслуживают сравнения Ч. Айтматова, которые всегда новы, неожиданны и полны свежести. Сравнения как определенный изобразительный прием были у Ч. Айтматова действенным средством, служащим реалистическому изображению действительности: «Вслед за коротким, легким, как детское дыхание, дневным потеплением на обращенных к солнцу горных склонах погода вскоре неулвовимо изменилась...», или «Последнее, что запомнил Авдий, – пинки по лицу, обувь гонцов окрасилась кровью, и встречный ветер гудел в ушах, как полыхающий огонь». «Точно какая-то птица летела рядом с ней подобно тени, что-то ужасное чувствовалось ей в свете предзакатного солнца».

Сравнение как художественный прием, используемый Ч. Айтматовым, имеет ряд особенностей. Писатель нарушает традиции художественного письма, включая в сравнительный оборот неординарные слова, тем самым создает эффект типичности, законности: «И Авдий сплошным ком-

ком боли полетел вниз, не чувствуя уже, как покотился по откосу, расшибаясь и обдираясь, как промчался мимо места его падения хвост эшелона, как скрылся поезд, унося его бывших попутчиков, как смолк шум колес». Структура сравнений в романе разнообразна. Такие примеры интересны тем, что писатель дает читателю возможность самостоятельно создать свой неповторимый образ и домыслить ситуацию. Привлекают внимание сложные окказиональные сравнения: «В какой-то критический момент так и получилось – с крутого, обнаженного ветрами каменистого откоса, что оказался по курсу полета, тронулась, дрогнув от звукового удара, небольшая осыпь и тут же приостановилась, как заговоренная кровь». «И в этой воцарившейся разом, подобно обвалу космического беззвучия, горной тишине волчица вдруг явственно услышала в себе, точнее внутри черева, живые толчки». Они оригинальны в плане новизны и индивидуальности. Анализируя творчество писателя, приходим к выводу, что в системе средств художественной выразительности сравнения занимают особое место в романе.

Сравнения могут быть выражены в различных формах. Чаще всего у Ч. Айтматова сравнения присоединяются при помощи союзов как, точно, подобно и др., но немалочисленны и примеры бессоюзных сравнений, которые выражаются в форме творительного падежа. В романе встречаются как развернутые, так и простые сравнения. Простых сравнений у Ч. Айтматова значительно больше, чем развернутых: «И снова Акбара бросилась на ни в чем не повинного Таишчайнара, кусала его как бешеная, затем глухо рыча бросилась бежать туда, куда уводили следы». «Волчица... обнюхивая все углы опустевшего и осиротевшего гнезда, метнулась вон и, столкнувшись у выхода с Таишчайнаром, мимоходом злобно задрала его, тоно он был виноват, точно он был враг, а не отец и не волк-супруг».

С помощью ярких, неожиданных, оригинальных и эффектных сравнений писатель стремится кратко выразить свою мысль, привлечь внимание читателя и сделать текст семантически многослойным. Сравнение в его романе выполняет особо значимую художественную функцию.

Литература

1. Азизов М. Художественные особенности языка повестей Ч. Айтматова. Махачкала, 1971.
2. Будагов Р. А. Писатели о языке и язык писателей. 2-е изд., доп. М., 2000.
3. Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: Около 1300 словарных статей. М., 2004.

Лексическое своеобразие лирики Роберта Рождественского (на материале процессуальных единиц)

А. В. Алексеева

Челябинский государственный педагогический университет

a_disinchuk@mail.ru

Лексическая семантика, процессуальные единицы, художественный образ, окказиональность.

Summary. The paper analyses the peculiarities of lexical identity of the verbal lexics of the poetic texts by Robert Rozhdestvensky, identifies the characteristic features individually-author approach (lexical system), the creation of an artistic image to clarify the place and role of the verbal word in poetry R. I. Rozhdestvensky.

Актуальность исследуемой проблемы. В современном языкознании проблема анализа языка писателя приобрела

первостепенную важность, поскольку изучение идиостилия конкретного автора интересно не только в плане наблюде-

ния за развитием национального русского языка, но и для определения личного вклада писателя в процесс языкового развития. В этой связи нам представляется актуальным изучение лексического своеобразия, наиболее экспрессивных, ярких и необычных лексических единиц индивидуально-авторской системы языка и обращение к творчеству мастера русского слова поэзии XX века, Роберта Ивановича Рождественского.

Поэтический материал был собран методом сплошной выборки, анализу подвергалась глагольная лексика с точки зрения ее возможности выступать источником авторского подхода к созданию художественного образа и лексического своеобразия авторского видения мира.

Обилие значений, которые переданы глагольным словом в стихотворениях и поэмах Р. И. Рождественского, делает эту часть речи универсальным организующим элементом предложения и текста, и формируют лексическое своеобразие новаторского и оригинального языка поэта.

Одной из особенностей индивидуально-авторского стиля Р. Рождественского является работа поэта над расширением возможностей языкового выражения. Работа над лексическим запасом русского языка не ограничивается созданием ярких языковых образов в художественных произведениях, разговорная лексика поэта приобретает «второе дыхание». Поэтический синтаксис ориентируется на письменный и устно-разговорный способ образования слов.

На первый взгляд, лексический состав разговорной речи автора отличается стилистической простотой, однако благодаря кажущейся простоте поэт декларирует о высоких и вечных ценностях, о добре и зле, об истине и лжи, о привычном и неожиданном. В текстах Рождественского вполне допустимы сниженные разговорные и даже просторечные, жаргонные слова. Автор активно использует такие лексемы: «мельтешу», «тащущу», «задымлюсь», «мусолить», «халтурить», «пенять», «плюхались», «пудрить», «хаять», «никли», «звякнули», «закушены», «перемелится», «шляется», «превозможешь», «ошарашен», «шпарим», что создает особый колорит лексического своеобразия его стиля.

Типично для языка Рождественского употребление личных форм глаголов, способных выразить ту или иную мысль через субъективное восприятие автора или его героев, значительно повышающих действенность речи, ее познавательной и смысловой активности. Автор с уверенностью использует глаголы активного действия: «поднимем, вырастем, стертим, станем, будем, добьем» со свойственной ему декламацией, высокой патетикой, питавшей веру в лучшее. Автор использует глаголы восприятия со значением воспринимать что-либо каким-либо образом (зрением, слухом, обонянием) с помощью каких-либо внешних органов чувств: «Слышишь, я когда-нибудь встречу любовь, обязательно встречу любовь» («Только тебе»).

Одним из ярких средств выразительности художественного текста поэта являются индивидуально-авторские неологизмы (окационализмы), обладающие своей неожиданностью, оригинальностью и исключительностью. К примеру, «над высушенной гвоздикой **прошебаршит** гром» («Париж, Франсуа Саган»), «**Будет смерть за мною тихо ковылять. Будет **шамкать**: обмануть норовишь!» («Отволнуюсь. Отлюблю. Отдышу...»), или «**небывалых красок море угоривают нежно, чертыхаются** крамольно» (Что такое Нида?...), «ночь **расцвечивает** небо звездами, как брызгами» («Варна»). Лексические окационализмы Р. Рождественского служат средством создания художественного образа, помогающие достоверно передать авторское видение мира.**

Контрастное восприятие мира в текстах Рождественского достигается наличием лексических антонимических пар, в том числе окациональных: *поссоримся-помиримся, умри-не позовем, смеешься-реви*. Оригинальны и своеобразны фразеологизмы и фразеологические обороты, используемые поэтом в своих произведениях: «Беги, другим рассказывай, другим **втирай очки**» («К вопросу о полярных «волках»), «**Убивают время** нахально и молитвенно. **Убивают время стыдливо и истощно**» («Вслушайтесь»).

Среди глагольных неологизмов часто встречаются новообразования типа «коктейлить», «ненькнули», «забукали», «имут». Подобного рода новообразования становятся одним из элементов содержания внутренней формы поэтиче-

ских произведений Рождественского, отличаются большей сниженностью разговорной лексики, обытовлением образов, что является характерным проявлением общей тенденции развития поэтического языка XX века. Посредством глагольных метафор слова приобретают неожиданное метафорическое звучание: «*Лес накренился упруго*» («Несоветимость»), «*Грузовик вздохнет, умясь*» («Подарок»), «*Солнце зажмурилось, похолодев*» («Хиросима»), «*Правой рукою глажу Балтийское море. Левую руку я положу на залив*» («Вы как хотите, а я за сказкой пойду...»), «*А что же все-таки произойдет, когда однажды облысеет небо?*» («Вот звезды падают...»), «*А люди едят огонь*» («Цирк»), «*Снова крича от ярости, вулканы стучатся в землю*» («Аленке»). Используемые глаголы в произведениях Рождественского выступают главными спутниками их содержания и формы, круг этих глаголов все более расширяется благодаря метафоризации слов, изображающих психологическое действие, душевное состояние человека, конкретные жесты и движения героев.

Наиболее продуктивным в обогащении авторской лексики выступает морфологическое словообразование. Так, в системе глагольной префиксации высокопродуктивны словообразовательные типы с приставками *за-* (со значением начала действия, направленности действия, достижения результата действия и состояния), *от-* (со значением завершения действия), *пере-* (со значением повторности действия). Так, приставка *за-* со значением начала действия соединяется с глаголами разнообразной семантики: *зашагать, запрыгать, заплакать, засмеяться, заплыть* или, к примеру, «они замурлычат, перейдя на басы» («Двести десять шагов»). Часто встречаются образования глаголов с приставками *за-* со значением достижения результата действия или состояния: *заасфальтировать, забаррикадировать, закрепить, затвердеть, завоевать*, а также глаголы направленности действия, движения за предмет: *забежать, зайти, закатиться, зарыться, закрыться* и др.

Речевые и звуковые глаголы, как правило, соединяются с приставкой *от-* со значением завершения действия: *отговорить, отзвучать, отгреметь, отверещать, отхрохотать, отлюбить, отдышаться*. Кроме того, автор заменяет глаголы на деепричастия, сохраняя исходное значение: «*Свое отслужив, отзвев, отсказав, реки подкатываются к океану, как слезы к глазам*» («Реки идут к океану»).

Для поэта употребительны глаголы, образованные при помощи нулевого суффикса: *бег от бежать, приезд от приезжать, выход от выходить, смотр от смотреть* и т. п. Нередко встречается удвоение глаголов с разнообразной семантической лексикой: *издать-не переиздать, вымахну-вырасту, не выдержу-обижусь* или лексические повторы «*Кройте! Кройте, родные мои Человеки!*» («Крик родившихся завтра»).

Менее употребительно сложение глагольных слов:

*Ах, дьявол, –
к скрипке
прикипел-припал
плечом окаянным!* («Чардаш»)

Поэтический текст автора насыщен несочетаемыми компонентами, лексическая сочетаемость которых разная: «*заварилась баня*» («Моя любовь»), «*нахохлятся колосья*» («Мини»), «*тушатся окна*» («Необитаемые острова»), «*перетряхивать времена*» («Перемещенный»), «*поэмы пекутся недолго*» («Озеру Иссык-Куль – традиционное»), «*замерзают во рту слова*» («Вьюга»), или «*Будто кто-то озорно, как бутылку, все окрестности взболтал*» («Снег»).

Привычным для языка поэта становится сочетание глагольных слов с ярко-выраженной разговорной семантикой. Как правило, общеупотребительные глаголы автор употребляет в свойственной себе индивидуально-авторской манере: «*Хочу, чтоб на мгновение **охрипли** соловьи*» («Я жизнь люблю безбожно»). Поэт словно подменяет глаголы: «*Детство вдали маячит, кличит в свои края*» («Старые фотографии»), для усиления их пафосности автор дает названия стихотворениям: «*Вслушайтесь! Вглядитесь!*», «*Отволнуюсь. Отлюблю. Отдышу...*», «*Родиться, любить, умереть...*», «*Хочешь – милуй...*», «*Я писал и пишу по заказу...*».

Таким образом, в творчестве Р. И. Рождественского оформляются индивидуально-стилевые особенности, в ос-

Литература

1. Аннинский Л. Не докричавшийся до ХХХ века. Приход и уход Роберта // Роберт Рождественский. Стихотворения. М., 2008. С. 5–21.
2. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
3. Рождественский Р. И. Собрание сочинений: В 3 т. Стихотворения. Поэмы. Песни. М., 1985.
4. Словарь сочетаемости слов русского языка. / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1983.

О видах параллелизма в былинной поэтике

Г. Г. Амбардарян

Гюмрийский государственный педагогический институт им. М. Налбандяна (Армения)

g.g.ambardaryan@mail.ru

Виды параллелизма-психологический, лексико-фразеологический, отрицательный, синтаксический.

Summary. The report highlights the following types of parallelisms in folk tale poetics: psychological, negative, lexico-phraseological, syntactical.

Художественный язык былин красочен и ярок. Сказители, творчески пользуясь приемами поэтической речи, создавали картины большой художественной силы. В былинах широко распространены приемы гиперболы, эпитетов, традиционных поэтических формул или наличие «общих мест», повторения, тавтологии, палилогии, сравнений.

Задачей нашего исследования является изучение стилистической роли параллелизмов в былинах. Материалом для изучения послужили сорок былин (см.: [2]).

В былинах широко распространен прием параллелизма. Прием параллелизма используется во многих жанрах фольклора и не является принадлежностью только русского фольклора. Параллелизм – характерное явление в области фольклора всех народов. Термин «параллелизм» не устоялся в лингвистической литературе. В научных работах, посвященных изучению фольклорного языка, встречаются две точки зрения на параллелизм. Одна группа ученых (В. Я. Пропп [7], Д. С. Лихачев [5], А. П. Евгеньева [4]) рассматривает параллелизм как явление синонимии. Вторая группа ученых (М. А. Овсянникова [6], В. И. Собиинникова [8], Е. Б. Артеменко [1]) под параллелизмом понимают синтаксический параллелизм, т. е. ритмически и синтаксически организованную фразу.

В зависимости от того, какие средства участвуют в создании конструкции, единицы какого уровня или какие звенья текста параллельно организуются, выделяются следующие виды параллелизма: 1) психологический (по А. Н. Веселовскому) или словесно-образный, 2) отрицательный, 3) лексический, 4) фразовый, 5) синтаксический.

Для былинной поэтики самым характерным приемом считается «психологический параллелизм», в основе которого лежит сопоставление явлений человеческой жизни с картинами природы. Психологический параллелизм используется в традиционных былинных ситуациях. Данным приемом начинаются былины «Вольга», «Вольга и Микула», «Святгор» и др.

Прием «отрицательного параллелизма» считается производной формой от обычного «психологического параллелизма». Одним из распространенных элементов отрицательного параллелизма являются традиционные поэтические формулы или «общие места», к которым относятся: одинаковое описание пира, седлание коня, выезд богатыря и т. д.

Рассмотрим явление лексико-фразеологического (или формального, ритмического) параллелизма. К числу средств, используемых для создания лексико-фразеологического параллелизма, относятся: 1) захваты-повторы, 2) повторы-подхваты или палилогия (по проф. Н. Д. Водовозову), 3) анафоры – звуковые, лексические, фразовые, 4) тавтология.

Захват-повтор представляет собой буквальный повтор, симметричное построение внутри одной строфы. Захваты-повторы по строению бывают: а) полные (буквальное повторение стиха) и б) частичные (частичный захват одного стиха начала или конца строки). Полные захваты-повторы немногочисленны в былинах. Захваты-повторы выполняют не только стилистическую роль усиления, но и замедления действия.

Частичные захваты-повторы образуются от начала или конца стиха.

Весьма оригинальной и выразительной конструкцией лексического параллелизма являются повторы-подхваты (по проф. Н. Водовозову – палилогия) [3: 16]. Данный прием

сводится к подхватыванию, перенесению последних слов одной строки в начало следующей. Средством лексико-фразеологического параллелизма является лексическая анафора, заключающаяся в повторении одних и тех же слов. Анафорой поддерживаются перечисляемые явления, которые, нанизываясь одно на другое, усиливают действие. Последовательность и однотипность перечисленных действий, нанизывание одного действия на другое поддерживается глагольной анафорой. Действие повторяется, но уже как исчерпавшее действие, уступает место новому действию. Одним из средств лексического параллелизма является тавтология. Певцы-сказители употребляли тавтологию и в целях замедления действия.

В фольклорной поэтике особое место занимает фразовый параллелизм, который состоит в повторении фраз как самостоятельной наименьшей единицы речи, составляющее ритмомелодическое единство. Такие единства составляют фразовые анафоры и служат соответствующей конструкцией для фразового параллелизма.

На синтаксическом уровне параллелизм является средством организации членов предложения или целых предложений, синтаксических единств и периодов. Е. А. Калашникова рассматривает параллелизм как средство организации членов предложения, моно – и полупредикативных единиц. В былинах широко представлен параллелизм второстепенных членов. Распространен в былинах параллелизм предикативных единиц, входящих в состав многочленной конструкции: бессоюзной сложносочиненной, сложноподчиненной. Синтаксическому параллелизму свойственно построение полупредикативных единиц. В былинах широко распространены сложные синтаксические образования. Современные исследователи Е. Б. Артеменко [1: 27], М. А. Овсянникова [6: 80] для обозначения данной синтаксической группы ввели понятие «синтаксическое единство» (СЕ).

Большое распространение в былинах получил период. Единообразие языкового выражения событий, действий в былинах достигается через параллелизм целых периодов. Сопоставительные группы предложений развиваются в еще большую единицу – синтаксический период. В виде периода может быть организовано и сложное синтаксическое целое.

Параллелизм строения частей, строгий порядок их расположения, совпадение форм основных сказуемых и их видовременных планов – все это специфические синтаксические качества периода как композиционно-стилистического явления.

Литература

1. Артеменко Е. Б. Вопросы синтаксического строя русской народной лирической песни. Воронеж, 1976.
2. Былины. М., 1955.
3. Водовозов Н. Д. Былины русского народа // Былины. М.; Л., 1955.
4. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записках XVII–XX вв. М.; Л., 1963.
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
6. Овсянникова М. А. Синтаксический параллелизм как средство связи бессоюзных предложений в современном немецком языке // Филологические науки. 1968. № 1.
7. Пропп В. Я. Поэтический язык былин. Русский героический эпос. Л., 1958.
8. Собиинникова В. И. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. Воронеж, 1969.

Немецкое слово как компонент русского поэтического текста (на примере лирики О. Э. Мандельштама)

А. В. Бассель

НИУ ВШЭ (Москва)

basya42@yandex.ru

Межъязыковая игра, языковая интерференция, немецкий язык, диалог культур.

Summary. Our paper is devoted to various forms and methods of incorporating the German word in Mandelstam's poetic text, and to the role played by the German language in the world created in his work.

Сущность поэтики О. Э. Мандельштама созвучна выведенной поэтом формуле акмеизма как «тоски по мировой культуре». Мандельштам – поэт, подспудно отстраняющийся от всяческого рода рамок и условностей (времени, пространства и т. д.), творящий в некоем общекультурном пространстве, вбирающем в себя все эпохи и не имеющем географических ограничений. Поэтика Мандельштама открыта проникновению и смешению различных культурных пластов и – как следствие – языков, временами выступающих в качестве визитной карточки культуры.

Наиболее глубокое проникновение в поэтический мир Мандельштама имели, помимо русской, античная, армянская и немецкая культуры. Нас будет интересовать одна из форм «проявления» отсылок к немецкой культуре, а именно включение в текст в явной и имплицитной формах немецкоязычного слова.

Мы поставили перед собой целью выявить формы и способы интеграции немецкого слова в поэтический текст Мандельштама, составить типологию случаев обращения поэта к немецкому языку. А также выяснить, какое место занимает конкретный случай включения в текст немецкого слова в массиве конкретного произведения.

В лирике Мандельштама мы выделяем три основных способа включения в текст немецкого слова. Это – использование немецкоязычного эпиграфа к стихотворному тексту, введение в текст немецкоязычных именованных географических объектов и особый тип языковой игры, при котором семантический смысл оказывается продублированным одновременно на двух языках. Рассмотрим каждый из случаев в отдельности на конкретных примерах.

1. Случай вынесения в качестве эпиграфа цитаты из немецкоязычного текста мы рассмотрим на примере стихотворения «Здесь я стою – я не могу иначе...» [2: 26], первая строка которого является почти дословным переводом эпиграфа – цитаты из Вормской речи Лютера „Hier stehe ich – ich kann nicht anders“. Различие оригинала и перевода, заключающееся в порядке слов в первой части предложения, обусловлено закрепленном порядком слов в немецком языке и свободном в русском. Копирование порядка слов при переводе сделало бы строку труднопроизносимой из-за повторения звука [с] на стыке «здесь» и «стою». Мандельштам пренебрегает семантической точностью перевода (правильнее было бы перевести «На том стою...»), так как для поэта важен эффект зеркального повторения, достигающийся в переключке эпиграфа и первого стиха. Двойное повторение – оригинальное и русифицированное – цитаты из лютеровской речи открывает перед читателем спектр смыслов, с учетом которых должны восприниматься последующие стихи. С одной стороны, немецкий текст отсылает к исторической ситуации, в которой была произнесена речь, с другой, русский перевод указывает на существенность спектра значений, присущих крылатому выражению, статус которого в русском языке приобрела цитата. Принятие во внимание совокупности этих смыслов и становится ключом к пониманию стихотворения, так как при его интерпретации и расшифровке образов «темной горы» и образа «купола Петра» решающее значение имеет понимание позиции Лютера по отношению к католицизму, изложенной в Вормской речи.

2. Включенные в стихотворный текст Мандельштама немецкоязычные топонимы, помимо своей прямой функции отсылки к конкретному географическому объекту, выполняют ряд других важных для стихотворения функций.

В стихотворении «Реймс и Кельн» [2: 138] топонимы вынесены в заглавие. Его «двухчастность» созвучна двухчаст-

ной композиции черновой версии текста, первая составляющая которой в печатном варианте стихотворения была редуцирована и заменена многоточием, открывающим текст. Полноценное понимание стихотворения становится возможным только при принятии во внимание смысловой палитры и образного ряда первой части текста, находящихся в зеркальном отражении во второй. В заглавие вынесены названия городов, в которых расположены соборы, образы которых являются центральными в стихотворении и представляют собой воплощения культур стран-воительниц. На смысловом, композиционном и фонетическом уровнях стихотворения Мандельштам подчеркивает родственную, почти что кровную связь «братьев»-соборов.

3. В творчестве Мандельштама есть ряд стихотворений, в которых осуществляется дублирование смыслов при помощи завуалированного включения в текст немецкоязычного слова, семантически идентичного русскому, находящемуся поблизости, или включающему компонент его значения. Иноязычное эхо оттеняет и сгущает смыслы, воплощенные в русском слове, а также вводит элемент языковой игры – обостряет восприятие текста читателем. Иногда имплицитно поданное немецкое слово не только настраивает читателя на восприятие определенного культурного кода, но и своим неочевидным присутствием намекает на внутреннюю синкретическую взаимосвязь мировых культур.

Приведем пример из стихотворения «Дайте Тютчеву стрекозу...» [2: 182], в котором поэт призывает читателя к сотворчеству, загадывая ему загадку, не имеющую очевидного решения. Игровая сущность стихотворения проявляется и в его языковом оформлении. «Слово скрывает в себе иноязычное слово» [1: 32]: в строках «И всегда одышкой болен // Фета жирный карандаш...» немецкое слово „fett“ (нем. жирный) получает двойное звучание, проявляясь и в фамилии русского поэта, и в характеристике его творческой манеры, что усиливает несерьезность мандельштамовской интонации.

Квинтэссенцией немецкой темы и ее воплощения на языковом уровне в лирике Мандельштама является стихотворение «К немецкой речи» [2: 190]. Мандельштам выносит в качестве эпиграфа к сонету «Христиан Клейст», из которого выросло «К немецкой речи», строки из стихотворения Клейста «Dithyrambe», ставшего одним из важнейших подтекстов мандельштамовского стихотворения. Из другого подтекста – стихотворения Г. Гейне «Im Anfang war die Nachtigall» – вырастает образ «Бога-Нахтигалья». Сохранение немецкой фонетической оболочки слова «Нахтигаль» маркирует немецкоязычную принадлежность образа, а следовательно, упрочивает его связь с немецкой культурой.

Есть в стихотворении и топонимический немецкий образ, образ Франкфурта: «Еще во Франкфурте отцы зевали...», открывающий широкие возможности для интерпретаций, так как в смысловое поле стихотворения логично встраивается и образ Франкфурта-на-Майне и Франкфурта-на-Одере.

Обращение к немецкому языку, немецким культурным реалиям в творчестве Мандельштама очень самобытно. Вводя в свои тексты немецкий язык, поэт не только обращается к немецкой культуре, но и указывает на плотность синкретической связи внутри мировой цивилизации.

Литература

1. Левинтон Г. А. Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния: Язык как подтекст // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1973.
2. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в четырех томах / Под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. М, 1991.

Орнитологическая образность как форма авторефлексии в русской литературе: Гоголь – Ремизов – Сирин – Соколов

Н. Л. Блищ

Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

blishch@list.ru

Металитературная рефлексия, метафорические проекции, языктворчество, мифопоэтика.

Summary. The report deals with ornithological images as principal tools of authorial self-identification

В мышлении А. М. Ремизова орнитологическая образность проецируется на представление о литературной эволюции. Литературный процесс он описывал через символику кругов и крыльев. Рассуждая о роли Лескова в русской литературе, он определяет ему место «первое во втором круге», а этот «второй круг» Ремизов представлял в виде «двух крыльев»: «Салтыков, Гончаров, Тургенев – одно крыло; Лесков, Писемский, Мельников-Печерский и Островский – другое крыло» [1]. В круге первом одно крыло пушкинско-толстовское, а другое – гоголевско-достоевское, однако главное место определено Гоголю.

Ремизов видел в нем своего литературного предка и прибегал к разнообразным формами литературной «мимикрии» «под Гоголя» не только в книге металитературных эссе «Огонь вещей. Сны и предсонье» (Париж, 1954), но и во всем авторефлексивном дискурсе. Легенда об орнитологической этимологии фамилий стала стержневым мифотворческим сюжетом в творчестве писателя. Ремизов – любитель розыгрышей и мистификаций, однако настойчиво избегал интерпретационных параллелей своей фамилии с карточным приемом («ремизить» – вводить в заблуждение), а настаивал именно на «птичьей» версии, невзирая на буквенные различия. Автомиф Ремизова зашифрован им в коллках о «Ремезе-птице» и «Ремез – первая пташка», которые сюжетно восходят к словарной статье В. И. Даля: «Ремез – пташка *Parus pendulinus*, из рода синичек, которая вьет гнездо кошелем; за искусство ее зовут первой пташкой у Бога». Зерно легенды о Гоголе-птице Ремизов находит в том же словаре: «Гоголь – близкий крохалю красивый нырок или утка *Fuligula*, круглоклювая». Отталкиваясь от рифмы «гоголь-щеголь» и выстраивая дальнейшие метафорические проекции, Ремизов интерпретирует дендистские нравы самого писателя и его героев (яркие цвета модного гардероба, драгоценные аксессуары, манерность жестов) как признаки нарциссизма или инфернальности. Контекстуальными синонимами инфернальных образов у Гоголя являются «шут», «актер», «мошеник», взаимодействующие с мотивами игры и пересмешничества. (Гоголь запечатлен в мемуарах как пересмешник, легко имитирующий интонации, что не ускользнуло от внимания Ремизова). Одержимость игрой, нарочитая театральность, страсть к лицедейству и мистификациям – все это суть демонстративные компоненты биографического текста Гоголя, однако в еще большей степени они присущи самому Ремизову, который оправдывал свои «безобразия» унаследованной от Гоголя птичьей природой и «веселостью духа». У обоих художников мир всегда определяется слухом и голосом: сам Ремизов «подбирал слова по слуху», отсюда и параллельные гоголевским собственным ощущения «благодати видения слова», что позволяло раскрывать потенциальные возможности языктворчества.

В. Набоков в книге «*Nikolai Gogol*» (Norfolk, 1944) параллельно с Ремизовым вступает в свой стилизованный диалог с Н. Гоголем. Раскрывая новые смыслы мотивов и образов Гоголя, Набоков также прячет за металитературными арабесками различные формы автореференции. Переосмысляя гоголевские воображаемые миры, мифопоэтические и сновидческие картины, и Ремизов и Набоков считают классика предтечей символизма. Образы птиц и орнитологические мотивы (полета, крыльев, журавлиного клина), метонимически связанные с образом пера и идеей писательского дара, становятся тайными знаками родства с Гоголем у обоих писателей с «птичьими» фамилией и псевдонимом.

В поэтиках Ремизова и Набокова-Сирин алфавитным символом иррациональной художественности стала церковнославянская «жица» (на которую был похож рот гоголевского Ивана Ивановича). Визуально буква напоминает летящую птицу или выстроившуюся в клин стаю журавлей.

Жица стала фирменным знаком в рукописях и автографах Ремизова, в его причудливых сигнатурах на «обезьяньих грамотах». Набоков в графическом начертании буквы «жица» обнаруживал латинскую букву «V» (монограмма автора), напомиравшую, в свою очередь, полусложенные крылья птицы или бабочки. В романе «Приглашение на казнь» через этот алфавитный символ выражена проблема понимания / непонимания поэта толпой: «Окружающие понимали друг друга с полуслова, – ибо не было у них таких слов, которые бы кончались как-нибудь неожиданно, на жицу, что ли, обращаясь в пращу или птицу, с удивительными последствиями» [2]. Поскольку главным в романе является мотив поэтического бессмертия, то «алфавитная» метафора, восходящая к образу птицы, метонимически связана с выражением «ставить на крыло» и образом писательского пера. Характерно, что набоковский Цинциннат – собирательный образ творца – наделяется выразительными птичьими чертами: у него были «легкие, тонкие» кости, хрупкие шейные позвонки, а руки совершали «порхающие движения».

Ценностные интенции Ремизова также связаны с представлением о птичьем пере как о знаке писательской незаурядности, неслучайно одна из подготовленных к публикации книг Ремизова называлась «Книга, написанная павлиньим пером» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20. Л. 1). Оба писателя, не раз бывавшие в Праге, могли знать «птичью» этимологию чешского слова «*upřchlík*» (упырхлик) – беженец, и, безусловно, проводили образные параллели между своей эмигрантской судьбой и сезонной миграцией птиц.

Прозаик третьей «волны» эмиграции Саша Соколов намеренно подключается к традиции «скрытого» обозначения авторского присутствия, сложившейся у писателей-предшественников с «птичьими» именами: Гоголя, Ремизова и Сирин. Многообразие птичьих (и сопутствующих им древесных) образов в его творчестве нередко вызывает к жизни звукопись то ли набоковской, то ли ремизовской выделки: «велеречивое лепетание лип» [3: 21], «вспорхи и перепархивания пернатых <...> в кронах <...> долговязых вязов» [3: 118]. В образе Палисандра – сексуального маньяка и графомана – прочитывается пародия на поэта-романтика, жаждущего воплощения в образе птицы: «Недостает только крыльев – лишь оперенья, дабы взлететь – воспарить – взметнуться» [3: 213]. Повышая градус пародирования и наращивая степень авторской отчужденности от «пернатых предков», Соколов прибегает к мотиву соколиной охоты.

Гоголь выстраивал свою литературную репутацию с опорой на авторитет Пушкина, придумал легенду о щедрости Пушкина, «подарившего» ему сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». Ремизов и Набоков-Сирин оставались в тех же рамках понимания природы творчества: оба считали, что главный творческий жест – принятие даров от художников-предшественников и передача преумноженного наследия в дар другим. Соколов, выражая идею усталости от бесконечного культурного обмена и подчеркивая не «певчую», а «ловчую» свою природу, прибегает к позиции пересмешника, но остается при этом в кругу «птичьих» металитературных метафор.

Литература

1. Архив Ремизова. Из Лескова. Альбом 16 (17 пронумерованных листов). Л. 2. Париж, 1934 // Алексей Ремизов. Возвращение: выставка 16 апреля – 18 мая 2013 г. ЦВЗ Москва, Манежная площадь 1.
2. Набоков В. В. Русский период // Набоков В. В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. СПб., 2004.
3. Соколов С. Палисандрия: Роман, Эссе. Выступления. М., 1999.

Связь семантического поля «пустота» с оппозицией бытие / небытие в идиолекте М. И. Цветаевой

И. А. Бобрышева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

bobrisheva.irina@mail.ru

М. И. Цветаева, семантическое поле, идиолект.

Summary. The analysis of interrelation of semantic field «emptiness» and an opposition existence / nonexistence in Tsvetaeva's idiolect.

1. Идея бинарности оппозиций в рамках современного лингвокультурологического мышления подвергается критике. По мнению исследователей, правильнее было бы рассматривать диады как триады, содержащие нулевой член. Согласно такому взгляду, каждая оппозиция содержит срединный элемент, который обладает признаками сразу двух противоположно маркированных членов. Как отмечает Н. Р. Суродина, пустота становится нулевым компонентом оппозиции *бытие / небытие*, так как она принадлежит сфере бытия, но обладает категориальными признаками небытия [1: 18]. Особенность СП «пустота» в идиолекте М. И. Цветаевой, состоящая в выделении двух противоположных сем в рамках ядра ('отсутствие' и 'потенциальность') подтверждает мысль об амбивалентности пустоты, о ее промежуточном положении в противопоставлении *бытие / небытие*.

2. Базовая оппозиция *бытие / небытие* в творчестве М. И. Цветаевой раскрывается через противопоставление *быт / бытие*. Важность этих двух категорий в языковой картине мира поэта отмечают многие исследователи ее творчества. По мнению Л. В. Черниенко, «деление человеческого существования на Бытие (Дух) и быт (иллюзию Духа) – лейтмотив творчества и эпистолярного наследия Цветаевой» [2: 147].

3. Содержание понятия «пустота» в идиолекте М. И. Цветаевой, ее аксиологическая составляющая зависит от того, с каким членом оппозиции *быт / бытие* она связана. Пустота бытия влечет за собой полноту, переполненность бытом, которая проявляется в занятости жизни вечным, в тесноте, которая исключает возможность духовного наполнения. Такая жизнь для поэта – это небытие. С другой стороны, духовная полнота, которая является для М. И. Цветаевой неотъемлемым признаком истинного бытия, требует простора, окружающей пустоты, а также свободы от забот о быте.

Наиболее ярким примером реализации оппозиции *быт / бытие* является поэма «Крысолов», в которой жизнь Гаммельна характеризуется бездуховностью, вещественной полнотой. Определенность духовного мира жителей города выражается в следующих строках: «*Но, вразумите, к чему – душа? // Не глубоко ль негодный / – Как жардиньерка – гамак – кларнет – / В нашем быту – предмет?*» [4: 52].

Истинным бытием, по мнению М. И. Цветаевой, признается только то существование на земле, которое связано с творческой, духовной, а не телесной, бытовой жизнью. У выражения *ни души*, которое в русском языке относится к отсутствию человека в целом, под влиянием контекста актуализируется значение 'отсутствие духовности'. Люди, заполняющие город Гаммельн, приравниваются к телам: «*В городе Гаммельне – ни души. // Но уж тела за это!*» (там же). Одним из значений слова *тело* является 'труп'. Таким образом, отсутствие духовной жизни, преобладание материального начала в человеке делает бессмысленным его существование и приравнивается к смерти.

4. Бытие, истинная жизнь для М. И. Цветаевой, в первую очередь, – это жизнь духовная. Прямым значением слова *смерть* является 'прекращение жизнедеятельности организма, разрушение его тела'. По мнению М. И. Цветаевой, не обязательно умирать, чтобы умереть, ведь жизнь, подчиненная телесным потребностям, в тесной связи с бытом, противопоставлена бытию, она приводит к душевной и духовной пустоте и в итоге к смерти. В стихотворении «Чита-

тели газет» мертвящая пустота бездуховной жизни выражается через СП «болезнь», «смерть» и «пустота».

СП «болезнь» представлено словами *экзема, жвачный тик, гнойный лазарет, чесатели корост, гноить*, которые символизируют разложение, гниение и человеческих тел, и человеческих душ. Само чтение газет воспринимается как заразное заболевание: «*Брось, девушка! Родишь – читателя газет*» [3: 335], а газеты сравниваются с грязью.

Представление газет как символа пустоты осуществляется в контексте всего произведения путем их отождествления с *растратами*, читателей газет – с *глотателями пустот*, а процесса чтения – с накачиванием *тицетой*. У лексем *растраты, глотатель, тичета* сема 'пустота (опустошение)' является потенциальной и актуализируется при их попадании в соответствующее СП.

СП «смерть» в стихотворении создается лексемами *скелет, убил, страшный суд, Шварцев прах, погост*. Данное СП усложняется, в том числе благодаря увеличению семантической емкости слова. Словосочетание *Шварцев прах*, употребленное параллельно с *Гуттенбергов пресс*, обозначает вторичное открытие пороха, осуществленное Бертольдом Шварцем, при этом церковнославянское слово *прах* понимается как *порох* в значении 'взрывчатое вещество, применяемое для изготовления снарядов и патронов'. С другой стороны, у слова *прах* сохраняется значение 'тело человека после смерти; труп, останки'. Таким образом, физическая смерть противопоставляется духовной, которую несет в себе станок для печатания газет.

Употребление в конце стихотворения фразеологизма *пустое место* в пейоративном значении окончательно отрицает духовность и внутреннюю полноту изображаемых людей. Пустым местом называется лицо редактора, в то время как лицо должно выступать средством выражения духовной полноты.

5. Неприятие вещественности мира, его бездуховности заставляло М. И. Цветаеву устремляться к беспредметности, отказываться от земного пространства ради инобытия. И. Шевеленко считает, что особую роль в формировании взгляда поэта на жизнь и смерть сыграла революция. Жизнь в обстановке, которая сложилась в то время в России, была невозможна, поэтому необходимо было найти альтернативную реальность.

Лирическая героиня М. И. Цветаевой отстранена от реальной действительности, которая связана с бытом и одновременно оторвана от бытия. Оппозиция *быт / бытие* является для М. И. Цветаевой наиболее значимой и реализуется во многих ее произведениях. Альтернативной реальностью миру существу для М. И. Цветаевой было творчество, в котором заключалась полнота бытия.

Литература

1. Суродина Н. Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота» (на материале поэтического языка московских концептуалистов): Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
2. Черниенко Л. В. «Благоговение перед жизнью» как основа трагического мироощущения Марины Цветаевой // Добро и зло в мире Марины Цветаевой: XIV Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–12 октября 2006 г.): Сб. докладов. М., 2007. С. 145–152.
3. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. М., 1994–1995.
4. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3. М., 1994–1995.

Звуковая палитра войны в русском слове

Б. Л. Бойко

Военный университет РФ (Москва)

borisboiko@gmail.com

Звуки боя, звуковая палитра войны, звукоподражательные слова (ономатопеи), ассоциативная природа звуковой образности слова.

Summary. Expressing the sound palette of war with words relies on the associative nature of onomatopoeia and its imitative origin. Sounds uttered by the weapons of war are often reproduced by the means of the language before they settle in the vocabulary of the particular ethnic group. Image-bearing onomatopoeic words are just as expressive as sounds of war themselves as they are heard by men.

Звуковая палитра войны многогранна. Звуки техногенного, антропогенного и природного характера составляют, по мнению С. А. Козлова, звуковую палитру двух мировых войн. Наиболее значимы с точки зрения выживания человека на войне техногенные звуки – грохот орудий, шум двигателей боевой техники, свист, шипение, визг летящих пуль, снарядов, разрывы бомб и снарядов. Стук саперных лопат, позвякивание амуниции, приглушенный говор солдат в окопах, крики раненых, стоны и хрипы умирающих образуют группу антропогенных звуков. Тишина и звуки природы – пение птиц, шорох мышшей-полевок, шум листвы, ветра и дождя и тишина – та часть звуковой палитры, на фоне которой осознается эмоциональная насыщенность звуков техногенного и антропогенного характера.

В художественных и мемуарных текстах, принадлежащих перу писателей, принимавших личное участие в боевых действиях, звуки войны воссоздаются с большой выразительной точностью. В воспоминаниях фронтовиков, далеких от профессиональной литературной работы, словесная палитра войны намного беднее, в их речевом обороте преобладают те лексические средства, с помощью которых в массовом сознании воссоздаются звуковые образы войны. Можно предположить, что часть лексических единиц, необходимых для стереотипного изображения звуков войны «подсказана» мемуаристам профессиональными литераторами и редакторами в процессе подготовки рукописей к изданию. Отвлекаясь от суждений, кто больше слышит, видит, ощущает на войне и на каком уровне мастерства может передать свои ощущения в слове, профессиональный литератор или самодеятельный автор, обратимся к фрагментам мемуарных текстов и попытаемся вычленим лексические средства, необходимые для воссоздания в слове звуков боя.

Изображению звуков окружающего мира служат звукоподражательные слова (ономатопеи). Основу их семантики образует фонетически мотивированная связь между звуками слова (или даже между звуками языка) и лежащим в основе номинации звуковым признаком денотата – раскаты грома напоминают звук [р], глухой шум – звук [ш], свист – звук [с] [2]. Образность, основу которой составляет сравнение, обязательный смысловой критерий ономатопеи, ее фонетический состав ассоциирован с отдельными фрагментами звуковой картины мира. В мемуарных текстах о войне имеется много убедительных примеров, подтверждающих звукоподражательную природу ономатопей, их ассоциативную связь с источниками шумов окружающего мира. В основу классификации иллюстративного материала мы положили источник шума в последовательности: выстрел – полет пули (снаряда, мины) – воздействие пули (снаряда, мины) на преграду.

I. Ономатопеи, передающие звуки выстрелов. За полем виднелись кусты с отдельными деревьями. Оттуда вразброд захлопали винтовочные выстрелы [1: 59]. ...со стороны города раздалась ружейно-пулеметная трескотня, заухали полковые орудия, ударили минометы [5: 126]. *Тра-а-ра! Тра-а-ра!* – ударила по самолету невидимая нам зенитка. В небе вокруг «фамы» плеснули искры и повисли пухлые, как ватные шарики, разрывы. *Тра-а-ра!* – снова грохнула зенитка [Шимкевич. С. 84]. Иногда вдруг доносились торпливые хлопки минометов, и тогда в глубине горы начинали рваться мины [4: 189]. Но в это время земля вздрогнула, воздух над рощей раскололся, и все поплыло. Гул, скрежет. Ударил наша тяжелая артиллерия [4: 193].

II. Ономатопеи, передающие звуки полета пуль, снарядов. Пули вокруг меня – цив-цив! [4: 313]. Мимо просвистели пули, но я уже был за танком... [1: 194]. ...в каске хуже слышен «храп» снаряда и «пение» мины... [5: 137]. Бывало, шелест очередной снаряд. Вжимаешься в землю, закрываешь глаза [5: 148]. Осколки снаряда прохрипели над самыми головами солдат... [5: 171]. Вот когда снаряд фурчит, тогда да, этого опасаться надо [4: 56]. Пули так и вжикают, землю кругом долбят [4: 193].

III. Ономатопеи, передающие звуки встречи выпущенных пуль, снарядов, мин с целью. Пули по воде – чок-чок-чок! [4: 202]. ...пули зачмокали по воде... [4: 203]. Было неприятно, когда в нас летела пулеметная трасса и пули щелкали по шиту [1: 174]. ...пули захлопали по стволам деревьев... [5: 114]. Очень низко, фырча, ввинчиваясь в воздух, прилетела мина и мягко плюхнулась где-то рядом... [Шимкевич. С. 85].

Резюме: Звуковая палитра войны, выраженная в слове, опирается на ассоциативную природу звукоподражательного слова (ономатопеи). Шумы, производимые орудиями войны, ассоциируются со звуками окружающего мира и передаются теми средствами, которыми располагает звуковой состав языка. Образная природа ономатопей экспрессивна, как экспрессивны в своем восприятии звуки войны.

Литература

1. Дробязко С. Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М., 2008.
2. Емельянова О. Н. Звукоподражание или ономатопея // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.
3. Козлов С. А. Звуки войны // История. № 21 (861). 1–15.11.2008. [http://his.1september.ru/view_paper.php?id=200802103].
4. Михеев С. Е. В донесениях не сообщалось. Жизнь и смерть солдата Великой Отечественной: 1941–1945. М., 2009.
5. Шелков М. Н. Записки командира стрелкового батальона. От Ржева до Восточной Пруссии. 1942–1945. М., 2010.

Причины ошибок в словарных комментариях (на материале художественных текстов Н. С. Лескова)

Е. В. Гаева

Курганский государственный университет

antiq@rambler.ru

Художественный текст XIX века, Н. С. Лесков, ошибочное комментирование.

Summary. Reviews the reasons of errors in word commentary to literary texts by Nikolai Leskov.

В процессе рассмотрения случаев некорректного комментирования художественных текстов Н. С. Лескова нами составлена классификация причин ошибок, допускаемых нашими текстологами в примечаниях:

1. Незнание реалий XIX века или другого периода. В издающемся полном собрании сочинений Н. Лескова (в дальнейшем – ПСС) в примечаниях к рассказу «Язвительный» лексема *клин* поясняется как «заостренный книзу и расши-

ряющийся кверху кол. Сажать на кол – вид старинной казни» (ПСС, т. 2, с. 820). Однако данная информация применительно к действительности второй половины XIX века не актуальна. На самом деле здесь существительное *клин* имеет значение «замук».

2. Незнание ресурсов справочных изданий, прежде всего XIX в. В частности, у комментатора возникли проблемы при толковании слова *кошлячок*, встретившегося в романе

«Обойденные»: «возможно, кутята, беспомощные существа» (ПСС, т. 5, с. 704). По сведениям Грото-Шахматовского словаря, *кошлячок* – это бобрёнок.

3. Неумение (нежелание) работать со справочной литературой, в результате текстологи затрудняются с выбором нужного значения у слова или не видят идиомы там, где она есть. Так, в комментариях поясняется: «*Шпрехензидейч* – немецкая фраза „sprechen Sie Deutsch“ в русской огласовке; букв. „говорите ли вы по-немецки?“» (ПСС, т. 6, с. 636). В действительности в тексте повести «Островитяне» находится фразеологизм *шпрехен зи дейч, Иван Андрейч* (написание может варьироваться), восходящий к тексту поэмы «Мертвые души». Сам фразеологизм зафиксирован в словаре М. И. Михельсона «Русская мысль и речь».

4. Неумение (нежелание) анализировать художественный текст. В результате появляются комментарии, оторванные от содержания произведения: «С. 348. ...такого *грандеву пригласила*... – Грандеву (испорч. рандеву от франц. rendez-vous) – любовное свидание» (ПСС, т. 5, с. 715). Если наложить предлагаемое комментатором толкование «любовное свидание» на отрывок из рассказа «Воительница» (*такого грандеву пригласила*), сразу видно, что комментарий не соответствует истине. На самом деле героиня употребляет данное слово для обозначения человека.

5. Отсутствие широты охвата произведений одного писателя. Иногда значение слова подсказывает сам автор, однако если объяснение находится в одном тексте, а комментатор работает над другим, то ученый обычно даже не подозревает об авторской подсказке. Например, традиционно применительно к рассказу «Левша» лексема *поликитер* толкуется в примечаниях как искаженное *подкипер* («помощник шкипера»). Но единица *поликитер* встречается у Н. Лескова и в его раннем рассказе «В тарантасе» со значением «бутылка в полштофа». С учетом этого значения весь текст «Левши» видится под другим углом зрения.

6. Нежелание использовать достижения предшественников. Применительно к тексту легенды «Скоморох Памфалон» лексеме *левитон* Л. Аннинский в собрании сочинений Н. С. Лескова в шести томах (1996) определяет очень широко: «верхняя одежда» (т. 6, с. 540), хотя в примечаниях А. Горелова, появившихся ранее в собрании сочинений Н. С. Лескова в двенадцати томах (1989), есть точное объяснение «*Левитон* – балахон первохристиан-богомольцев» (т. 10: 401).

7. Некритичное отношение к работе предшественников: ошибочное толкование выражения *задать эрфику* в ПСС к тексту романа «На ножах» (т. 9, с. 834) объясняется неверным пояснением лексемы *эрфикс* в рассказе «Левша».

8. Тенденциозное навязывание собственного мнения при комментировании. В примечаниях к роману «Некуда» встречается следующее толкование: «С. 633. *Карманная аристократия*. – Сарказм Лескова по адресу дельцов из темных личностей, приобретших „аристократические“ титулы, как „барон Альтерзон“, за деньги» (ПСС, т. 4, с. 745). *Карманной аристократией* своих хозяев считает швейцар, который, конечно же, не может знать о темном прошлом барона. В данном случае прилагательное *карманный* имеет значение «денежный» и появилось здесь только потому, что швейцар сравнивает новый тип аристократов, разбогатев-

ших, но не имеющих еще изысканных манер (недаром слуга, которому швейцар передал визитную карточку доктора Розанова, смахивает на концертиста), с аристократами по рождению.

9. Шаблонность мышления. Ярлык окказионалиста, навешенный на Н. С. Лескова, приводит к тому, что общезысловые факты в комментариях объясняются как авторские неологизмы. В примечаниях к роману «На ножах» комментатор неосмотрительно делает предположение о наличии в тексте якобы окказионализма: «С. 166. *Полицант* – возможно, лесковский неологизм, образованный от слов „политика“ и „полиция“». Ср. в «Старинных психопатах» (VII, 457)» (ПСС, т. 9, с. 843). На самом деле в романе «На ножах» и в рассказе «Старинные психопаты» обычное заимствование из польского (*policjant*) или украинского (*полиціянт*) языка, где данные формы имеют значение «полицейский».

10. Политические установки. Данная причина была актуальна в советский период. Н. Лесков употребляет прилагательное *конфортативный* в повести «Островитяне», рассуждая о василеостровских художниках. С 1957 г. по поводу лексемы с некоторыми вариациями комментаторы пишут: «*Конфортативные* – тонизирующие, укрепляющие средства (от франц. conforter – укреплять)» (ПСС, т. 6, с. 639). На самом деле прилагательное *конфортативный* восходит к новолатинскому *confortativum* и означает «возбуждающий половую похоть». Если в советское время было запрещено публично упоминать и обсуждать темы, связанные с сексом, то в комментариях 1989 и 1999 годов текстологи уже пошли по пути наименьшего сопротивления и просто позаимствовали информацию из ранее вышедшего источника.

11. Лингвистическая некомпетентность. По поводу выражения *надхождение стени* в комментариях к «Несмертельному Головану» единодушно говорится: «наступление боли (стенаний)». Однако лексема *стенание* до революции писалось через литеру Е, а в рассказе Н. Лескова единица *стеня* была напечатана через «ять». Лексема *стеня* с таким написанием многозначна, но нам кажется, что в данном случае можно говорить о значении «призрак, тень, видение», т. е. *надхождение стени* – это приход во сне видений, в результате которых «бывает человеку во сне тяжело, а проговорити и двизнутися не может» (Русские простонародные травники и лечебники 1879, с. 94).

На наш взгляд, все эти причины вызваны тем, что чаще всего подготовкой художественного текста второй половины XIX века к публикации и комментированием занимается один человек и, естественно, это литературовед. Но один человек, насколько бы крупным специалистом в своей области он ни был, не в силах «объять необъятное». Поэтому мы считаем, что работать с текстом должны, как минимум, три специалиста – литературовед, историк и лингвист. Литературовед должен отвечать за текстолого-литературоведческий анализ и за выявление реминисценций в тексте произведения; историк – за реальный комментарий соответствующей эпохи, а лингвист – за словарный комментарий и «переложение» текста с дореволюционной орфографии (с пунктуацией это не всегда возможно) на современную.

Способы персонификации в «Сказках для вундеркиндов» С. Д. Кржижановского

Е. Ю. Геймбух, А. Г. Короткова

Московский городской педагогический университет

gejmbuh@rambler.ru

С. Д. Кржижановский; «Сказки для вундеркиндов», олицетворение, персонификация.

Аннотация. Статья посвящена изучению способов персонификации в «Сказках для вундеркиндов» С. Д. Кржижановского, в частности, реализации в одном контексте прямого и переносного значения свободных и связанных слов и сочетаний слов.

Проза С. Д. Кржижановского все еще остается недостаточно изученной, хотя корпус новелл и повестей писателя уже входит в сферу филологического анализа.

Предметом нашего исследования стали особенности идиостилия писателя, в частности, механизмы «оживления» героев произведений, характер и значение персонификации в творчестве С. Д. Кржижановского. Именно в «оживлении» предметов неживого мира кроется ключ к смыслу произведений писателя, к его философии, необычному мировиде-

нию, которое ярко раскрывается уже в одном из первых сборников новелл – «Сказках для вундеркиндов».

Персонификация рассматривается нами как «полное уподобление неодушевленного предмета человеку, при котором предмет наделяется не частными признаками человека, а обретает все человеческие черты, часто – человеческий облик. Традиционно персонификация используется в устном народном творчестве, в баснях» (Словарь литературоведческих терминов / Автор-составитель С. П. Белокурова.

2005 [URL: <http://www.gramma.ru/LIT/?id=3.0>, дата обращения: 21.04.2013]). Только такой подход будет плодотворным при изучении языка «Сказок для вундеркиндов», так как у С. Кржижановского персонифицированные предметы, явления, слова и др. характеризуют не отдельные фрагменты повествования, а структуру целого, организуют сюжет, определяют поэтику (например, «Якоби и „якобы“», «Чуть-чуть», «Жизнеописание одной мысли», «Сбежавшие пальцы» и мн. др.).

Отметим, что С. Кржижановский, опираясь на стандартные, существующие в языке способы персонификации (например, языковые метафоры и метонимии), часто создает окказиональные, авторские способы персонификации, которые требуют изучения и классификации.

Изучение персонификации в «Сказках для вундеркиндов» С. Кржижановского предполагает:

- разграничение олицетворения как тропа и персонификации как формы мышления; для С. Кржижановского характерно анимистическое мировосприятие («Облетело заодно и юное счастье», «Я уронил ля-диез»);
- выявление и описание семантических способов персонификации, свойственных С. Кржижановскому (глагольные формы, именование родства и др.: «Сидел, хитро улыбаясь, сон», «Круглые стекла очков прыгнули в траву»);
- поиск и классификацию грамматических форм персонификации (морфологических и синтаксических: «Долго швыряли Мыслью», «Улицы разбудило»);
- указание на использование языкового или авторского способа персонификации («Солнце собирало свои последние оброненные лучи», «Паук погрузился в чистое недумание»).

В мире Кржижановского предметы, явления, слова, и даже части предметов, явлений и слов приобретают антропоморфные признаки. Однако персонифицированные сущности не теряют связи со своей изначальной природой и в тексте сказок могут одновременно выступать в двух видах в одном контексте, например: *Помогло время. Отсчитав сто лет со дня смерти мудреца, оно напомнило, что вот, мол...* («Жизнеописание одной мысли»). Время здесь представлено как персонифицированное (оно совершает целенаправленные действия: «помогает», «отсчитывает», «напоминает») и не персонифицированное (*сто лет* как отрезок времени). Получается, что персонифицированное явление не переходит совершенно в человеческий мир, а существует в двух мирах сразу. Очень ярко это «двоемие» раскрывается в различных тропах (время *помогло, отсчитав, напомнило*), которые существуют благодаря возможности человека воспринимать сразу два смысла: прямой и переносный, а также в разного рода фразеологизмах, которые у С. Кржижановского могут в одном контексте реализовывать оба своих значения.

Рассмотрим несколько примеров такого использования фразеологизмов. В «Жизнеописании одной Мысли» преоб-

разования происходят с фразеологизмом «выйти из-под пера»: *«Мысль выскакивала из-под пера, выпрыгивала из слов, путала буквы»*. Основное – для фразеологизма переносное – значение «принадлежать авторству кого-либо» подчеркивается принадлежностью «Мысли» перу Канта («*Звездное небо надо мною – моральный закон во мне*»). Но одновременно благодаря персонификации в выражении происходит буквализация метафоры, разрушение образного значения и нарушение целостности фразеологизма (за счет замены исходного «вышла» на экспрессивный синоним *«выскакивала»*, а также благодаря расширению фразеологизма – включению в ряд однородных членов: *выскакивала, выпрыгивала, путала*).

В сюжете новеллы с «Мыслью» происходят метаморфозы, которые низводят высокий «моральный закон» Канта к удобным практичным назиданиям типа «*Цветов не рвать*», «*Травы не топтать*». И в этом же ряду – преобразованный фразеологизм «*В душу не плевать*». Изменение порядка слов и наличие отрицания, а также включение в контекст (помимо указанных, есть еще надписи «*Чужих жен не любить*», «*Счастья не взбалтывать*») заставляет воспринимать «*душу*» (и «*счастье*») как материальный объект и понимать высказывание буквально. Однако истинное значение фразеологизма – «насмехаться над лучшими чувствами, оскорблять самое дорогое» – также реализуется в новелле благодаря более широкому контексту: протесту «*Мысли*» («*Да ведь это же не я*») и указанию на то, что «*цитаторы брали буквенное тело и номера страниц, до самой же Мысли им не было никакого дела*». Другими словами, бездумное тиражирование и есть оскорбление «*Мысли*».

В новелле «Катастрофа» так же, как в «Жизнеописании одной мысли», фразеологизмы, служащие персонификации абстрактных явлений и реализующие оба свои значения – прямое и переносное, – маркируют основные элементы сюжета.

К катастрофе, когда «*смыслы*» покинули свои «*вещи*», привела паника: *Иные умы, зайдя в поисках укрытия за свои разумы, обнажили разумы*. Расширение фразеологизма реализует буквальное «пространственное» значение выражения «ум зашел за разум», при этом сохраняя переносное: «теряется способность здраво мыслить». Фразеологизм маркирует также кульминацию повествования (смерть философа, от «*орудий пытливости*» которого бежали «*вещи*»): *И не успел «?» коснуться «я», как «я», выскочив из заковычки, бросилось, говоря вульгарно, науке*. Устойчивое выражение «коснуться чего-либо», указывающее на предмет мысли, реализует одновременно и прямое значение «дотронуться». Последующее за смертью философа возвращение вещей «*по своим руслам – орбитам – граням*» также представлено при помощи фразеологизма, который реализует оба значения: *Сначала, говорят, пришли в себя души ограниченных. За ними потянулось – остальное* («Катастрофа»).

Ономастическое пространство текста: «Лесок» М. Кузмина

А. В. Гик

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

anagik@yandex.ru

Лингвистическая поэтика, семантика, семиотика, прагматика текста, «серебряный век»

Summary. The study focused on the functioning of proper names in the text with undefined genre boundaries. Work will be analyzed M. Kuzmin "Lesok", was published in 1922 and represents a synthesis of prose, poetry and music. Collage's thinking pattern creates a whimsical sense of proper names. Proper names are endowed with unique text-generating properties.

В каждом произведении, на каждом этапе творчества, у каждого автора складывается определенная концепция имен собственных (антропонимов, топонимов и др.), в соответствии с которой этот вид слов вводится в текст.

Функции имен собственных – идентифицирующая и адресная – в авторском произведении обременяется культурно-философскими смыслами. Топонимическое пространство дополняется идеологическим и культурным контентом. Автор, используя имя, исходит из своих прагматических presuppositions. У М. Кузмина соотношение исповедального характера дневниковых записей и герметического письма поздних поэтических текстов М. Кузмина во многом объясняется желанием поэта разделить мир искусства и мир обычной жизни. Художественная обработка факта: создание

новой реальности и корректировка действительности идет у Кузмина по направлению от кларизма к герметизму.

«Лесок» впервые был опубликован в 1922 г. (Пг.: Неопалимая купина, 1922; с иллюстрациями А. И. Божерянова). Во многом сложность и невозможность однозначного прочтения текста Кузмина связана с использованием индивидуальных ассоциаций, presuppositions, основанных на личном и культурном опыте автора, что определяет на первый взгляд немотивированно активное использование имен собственных. В «Леске» создается ономастическая воронка, куда стекаются стихотворные, музыкальные, визуальные образы, стоящие за именами.

Более трети единиц словоупотребления в произведении – это имена собственные.

«Запутывает» ситуацию с использованием имен собственных и жанровая неопределенность текста. В подзаголовке Кузмин пишет: – «лирическая поэма». В Предисловии определяет «Лесок» как «ряд музыкальных пьес камерного характера, объединенных поэтическим содержанием»; «как произведение музыкальное все это носит название «Ундецимет в трех квартетах для флейты, гобоя, кларнета, валторны, арфы, пения и фортепьяно с сопровождением объяснительной прозы».

Крупное деление произведения на три части: Шекспировский лесок (ШЛ); Гофмановский лесок (ГЛ), Апулеевский лесок (АЛ), казалось бы, должно и определять выбор имен собственных. Но это не совсем так.

В «Шекспировском леске» обыгрываются сцены и мотивы комедии Шекспира «Как вам это понравится» (1599). Он состоит из частей: 1. Приглашение. 2. Встречи влюбленных. 3. Вилли Хьюэ Розалиндой. 4. Интермеццо. 5. Венера и Адонис. 6. Охота Адониса. 7. Смерть Адониса. 8. Песнь соловья. 9. Плач о Ромео и Юлии. 10. Лунный свет. 11. Колыбельная песня (5, 6, 7, 8 – Представление).

В «Гофмановском леске» представлены герои произведения Гофмана: 1. Садик в Кенигсберге после грозы. 2. Концерт тетюшки Фюсхен. 3. Певница из седьмого номера. 4. Незнакомец. 5. Уличный контрданс. 6. Кукольный Фауст: вступление. 7. Фауст. 8. Мефистофель. 9. Гретхен. 10. Чудеса. 11. Интермеццо (Странный спутник). 12. Окно в сад (6, 7, 8, 9, 10 – Представление).

В этом разделе образы и мотивы, навеянные литературным и композиторским творчеством Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1778–1822), активно сочетаются с другими ассоциациями из области немецкой истории и культуры.

В «Апулеевском леске» – мотивы, восходящие к роману римского писателя II в. Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел»: 1. Приглашение. 2. Озеро. 3. Ущелье. 4. Ламия. 5. Интермеццо. 6. Суд Париса: вступление. 7. Гера. 8. Афина. 9. Афродита. 10. Судьба Париса. 11. Купанье идиолов. 12. Куплеты Изида (5, 6, 7, 8, 9, 10 – Представление).

Но Кузмин не только не выдерживает исторической канвы (от ранних произведений – к более поздним), но и внутри каждого леска «тасует» факты, имена, названия в том порядке, в каком они располагаются у него в голове. Кажется, ничуть не беспокоясь о читателе. Он использует прием кубистического представления действительно. Возможно ли на плоском листе изобразить объем, не пользуясь перспективой? Возможно – кубизм на листе (об этом сам Кузмин писал в статье о творчестве Анненкова), коллаж в лирической поэме. Коллаж разных уровней.

Оксоморонное сочетание «безумный разум» – как нельзя лучше характеризует сочинение Кузмина. Об этом писал М. Кузмин (подписано: М. Кузмин, Анна Радлова, Сергей Радлов, Юр. Юркун) в седьмом пункте «Декларации эмоционализма» («Абракас»). № 3. 1923): «Божественный, интуитивный безумный разум – лутеводитель художественной мысли; логический научный рассудок допустим только в эмоционально измененном виде, когда, он, будучи по существу противоположным разуму, к нему приближается».

Кузмин декларирует деструкцию текста, любого развернутого повествования. Минимость и иллюзорность мира только подтверждается обилием деталей, которые, как ока-

зывается, совершенно не важны. Перечислим некоторые имена собственные, встречающиеся в «Леске».

Шекспировский лесок: Виола; Юлия (Джулия); Вилли Хьюэ; Орландо; Клеопатра; «Титаник» (корабль, затонувший в Атлантическом океане 15 апреля 1912 г. – комментарии взяты из [1]; «Венера и Адонис» (поэма Шекспира); Венера Боттичелли; «Типперери» (английская песенка, популярная в начале XX века); Лорд Пэмброк Вильям Герберт; Дуглас Альфред Брюс; Бердсли; Парис (жених Джульетты из «Ромео и Джульетта»); Маб, королева фей из монолога Меркуцио («Ромео и Джульетта», акт I, сц. 4).

Гофмановский лесок: «Кот Мур» (роман Гофмана); Чернышев Александр Иванович (князь (1785–1857) – генерал-адъютант, участник заграничного похода русской армии; в феврале 1813 г. войска под его командованием заняли Берлин); Ходовецкий (художник-график); Гиппель Теодор Готлиб фон (ближайший друг Гофмана); «Dollarprinzessin» (оперетта Лео Фалля); «Похищение из сераля» (опера Моцарта); Тетушка Фюсхен (Софи) (тетка Крейсера, о которой он вспоминает в «Житейских воззрениях Кота Мурра»; Сомов Константин Андреевич (живописец, член «Мира искусства»); Эстергази и др.

Апулеевский лесок: Тивериада; Генисарет; Беноццо Гоццоли; Парис; Ида (горная группа в северо-западной части Малой Азии (в Мизии или Троаде), лесистая и богатая источниками; считалась священной как местожительство «Великой Матери» – «Кибель»).

Как мы считаем, лирическая поэма «Лесок» посвящена теме соотношения искусства и действительности. И эта тема сообщает единство «Ундицименту в трех квартетах для флейты, гобоя, кларнета, валторны, арфы, пения и фортепьяно с сопровождением объяснительной прозы». Несмотря на всю стилистическую, историческую философскую и культурную пестроту собранных здесь кусков, текст по интенции автора должен восприниматься как единое целое и говорить об одном.

Искусство побеждает действительность:

Когда, резвясь вольней, привольней
Воображенье закипит,
Увидим старой колокольни
Готический и строгий вид.
Действительность нам не указ —
Елену видим в первой прачке,
В Германию уносит нас
Лишь очертанье водокачки.

1923 г.

Синкретичность жанра «Леска»: это и музыкальное произведение, и драматическое, и прозаическое (прозаические отрывки сам Кузмин называет «программой» для стихотворных отрывков). «Лесок» – это коллаж, составленные из смешанных техник разных видов искусств, которое хорошо вписывается в поэтику современных постмодернистских произведений. В это же время – 1922 год было написано «Зангези» В. Хлебникова, стихотворные и прозаические отрывки этого произведения составляют плоскости и могут тасоваться как колода карт.

Литература

1. Михаил Кузмин. Стихотворения. Из переписки / Составление, подготовка текста, примечания: Н. А. Богомолов. М., 2006.

Дон в системе образных средств М. А. Шолохова

О. А. Давыдова

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова

dav.ol@mail.ru

М. А. Шолохов, казак, Дон, образные средства.

Summary. The Don river is the main focus of the language of the Don Cossacks. The image of the Don is important for M. A. Sholokhov's poetics. The writer frequently uses the river's name in various comparisons.

Донские казаки – главные герои произведений М. А. Шолохова. Казаки многих казачьих войск именуется по рекам, вдоль которых располагались их земли: кубанские, терские, уссурийские, уральские (яцкии) и др. Дон не только главная река Области Войска Донского, но и главная «топографическая» координата, донские казаки (донцы) подразделяются

на верхних (верховцев) и нижних (низовцев); земли, примыкающие к Дону, – это Обдонье, а казаки, живущие там, – обдонцы, земли, расположенные по левому берегу Дона, – Задонье, казаки, жители тех мест, – задонцы. В произведениях М. А. Шолохова точно отражены эти и другие многочисленные, содержащие сему 'Дон', слова и выражения:

Донщина (Донцинка) ‘Земля Области Войска Донского’; дончак (донец) ‘Конь донской породы’; донская шуба ‘Нарядная женская казачья шуба, скроенная книзу шире, опушенная мехом по подолу и полам’, донская кредитка ‘Бумажные денежные знаки, выпущенные Донским Казначейством в 1918 году при атамане П. Н. Краснове’, донское вино (шампанское) ‘Шипучее вино’ и др. В словаре языка писателя [4] есть две тексты «Дон» и «Донской край», но и они не полностью отражают место Дона в дискурсе писателя.

В языковой картине мира казаков Дон занимает важное место. Нельзя даже просто перечислить песни о Доне (многие из них взяты писателем в качестве эпиграфов к разным книгам романа «Тихий Дон» или помещены в текст романа, где выполняют важную роль в поэтике), главный роман писателя называется по часто встречающемуся в фольклорных текстах устойчивому словосочетанию [2]

Дон постоянно присутствует в казачьих пословицах и поговорках: *Что ни казак, то с Дону; Дон тихий, а слава о нем громкая; На Дону закон такой: всех врагов с земли долой; Пусть знает враг, что казаку Дон дорог; Казак костьми ляжет, а врагу путь на Дон не укажет; Кому Дон тих, а кому лих; Бери жену с Дону, не будешь иметь урону* и другие многочисленные казачьи пословицы.

Казаки используют фразеологизм *нести и с Дона и с моря* ‘Болтать всякий вздор, разную чепуху’, который хотя и отражен в академических словарях [1], но проиллюстрирован только примерами из Бунина и Шолохова. Представляется, что это все же диалектный фразеологизм, который М. А. Шолохов употребляет в нескольких произведениях: *Дожила ты, божья купель, до седых волос, а вот лопочешь тут... несешь и с Дону и с моря, людям спать не даешь...* (Тих. Дон, 6, XXXVIII); *– Ты о чем говоришь, дед? Ты что это несешь и с Дона и с моря? На старости лет умом помешался? Кто тебе дал полномочия говорить от имени всех тут присутствующих? – с гневной дрожью в голосе спросил Половцев* (Подн. цел., 1, XXVII).

Узуальную ФЕ *много воды утекло* ‘Много прошло времени произошло перемен’, казаки, а вместе с ними и Шолохов, дополняют компонентом *Дон: Много воды в Дону утекло с той поры, а досель вот ночью иной раз слышу, как будто кто хрипит, захлебывается...* (Семейный человек); *– Приду в отпуск. – В отпуск, – эхом стонала Аксинья, всхлипывая и сморкаясь в рубаху, – покуда придешь, в Дону воды много стечет...* (Тих. Дон, 2, XXI).

Дон – один из объектов сравнения в многочисленных и разнообразных шолоховских сравнениях: *В эти годы шла жизнь на сбыв – как поля вода в Дону. Скучные, томилась дни и, чередуясь, проходили неприметно, в постоянной толчее, в работе, в нуждишках, в малых радостях и большой неусыпной тревоге за тех, кто был на войне* (Тих. Дон, 4, V); *А из темноты издали плыла, ширилась просторная, как Дон в половодье, песня: Они думали все думушку единую...* (Тих. Дон, 7, XXVIII). Половодье на Дону – один из традиционных для идиостиля М. А. Шолохова образов: *Полой водой взбурлило и разлилось восстание, затопило все Обдонец, задонские степные края на четыреста верст в окружности. Двадцать пять тысяч казаков сели на конь.*

Десять тысяч пехоты выставили хутора Верхне-Донского округа (Тих. Дон, 6, XXXVIII). Но объектом сравнения становятся и другие атрибуты Дона: *пена, мартовский снег на реке и др.: Тончайшее заграничное полотно было белее снега, шелком на каждой штучке были вышиты герб и инициалы. Кружева на панталонах вздымались пышнее пены на Дону* (Тих. Дон, 6, XVIII); *Пугало это новое, наполнявшее всю ее (Аксинью. – О. Д.) чувство (влечение к Григорию. – О. Д.), и в мыслях шла ошупью, осторожно, как через Дон по мартовскому ноздреватому льду* (Тих. Дон, 1, VII); *К заре заморозок ледком оковывал мокрые ветви деревьев. Ветром стлужило их, и они звенели, как стальные стремена. Будто конная невидимая рать шла левобережьем Дона, темным лесом, в сизой тьме, позвякивая оружием и стременами* (Тих. Дон, 6, XIII) и др.

Объектами сравнения является не только сама река, но и ее «обитатели»: *И на этот раз Макар пахуче дышал смелогонкой, большие, навывкате, глаза дымилась пьяным хмельком, в мокром колтуне бороды белел ровный набор голубоватых, как донские ракушки, зубов* (Тих. Дон, 6, XV); *«Донесет... набрешет... Посадят в тюрьму... На фронт не пошлют – значит, к своим не перебегу. Пропал!» – Мишка похолодел, и мысль его, ища выхода, заматалась отчаянно, как мечется сула (‘судак’) в какой-нибудь ямке, отрезанная сбывающей полый водой от реки* (Тих. Дон, 6, III). Рыба как гипероним и конкретные виды донской рыбы (гипонимы) также являются объектами шолоховских сравнений: *На второй день Рождества взломало Дон. С мощным хрустом и скрежетом шел по середине створ* (‘лед на реке во время ледохода’). *На берег, как сонные чудовищные рыбы, вылезали льдины. За Доном, понукаемые южным волнующим ветром, стремились в недвижном зыбком беге тополя* (Тих. Дон, 4, VI). По данным словарей [3], Дон не зафиксирован в качестве объекта традиционных сравнений, что позволяет утверждать, что частое использование Дона в системе образных средств является особенностью идиостиля М. А. Шолохова.

Образ Дона служит писателю основой для параллелизма: *Текли дни и недели, текла вода в Дону, под осень прозрачно-зеленая, всегда торопливая. В этот день замерзли на Дону окраинцы (‘прибрежный лед’). Через станицу пролетела припозднившаяся ватага диких гусей (Чужая кровь).*

Дон – важнейшая координата языка донских казаков. Образ Дона важен для поэтики М. А. Шолохова. Особенно часто писатель использует Дон как объект разнообразных сравнений.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 12. М.; СПб., 2009.
2. Давыдова О. А. Образ тихого Дона в структуре шолоховских текстов // Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира: Сб. материалов международной конференции. М., 2013.
3. Мокленко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.
4. Словарь языка Михаила Шолохова. М., 2005.
5. Шолохов М. А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1985.

Представление улыбки и смеха как компонентов коммуникации в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»

К. М. Дружинина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

starcheus@yandex.ru

Коммуникация, улыбка, усмешка, ухмылка, смех, хохот.

Summary. The paper is devoted to the presentation of the components of non-verbal communication as a smile and a laugh in the novel M. E. Saltykov-Shchedrin’s “Golovlevs”.

Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина – особое явление в литературе XIX века. Анализируя прозу этого автора, необходимо учитывать ее специфику. Следует отметить, что описания улыбки и родственных ей явлений (усмешка, ухмылка, смех, хохот) в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» – явление чрезвычайно редкое, из

всех мимических реакций подобного рода писатель отдает предпочтение улыбке (51%).

При описании улыбки М. Е. Салтыков-Щедрин в большинстве случаев использует различные языковые распространители, благодаря которым читатель может воссоздать улыбку в своем воображении и адекватно воспринять ее.

Так, в портретной характеристике Евпраксии уделяется внимание особой улыбке: *рот стертый, подернутый тою загадочною, словно куда-то убегающею улыбкой, какую можно встретить на портретах, писанных доморощенными живописцами* (Господа Головлевы, 136).

В следующем фрагменте улыбка также получает авторскую расшифровку: *И он [Иудушка] с тою же пленительностью представил из себя «молодца», то есть выпрямился, оставил одну ногу, выпятил грудь и откинул назад голову. Все улыбнулись, но кисло как-то, словно всякий говорил себе: ну, пошел теперь паук паутину ткать!* (Господа Головлевы, 97). В начале диалога Иудушка призывает родных не унывать, несмотря на ожидаемую в скором времени кончину брата, он требует, чтобы племянницы и маменька улыбались, и приводит в пример себя, пытается шутить. Реакцией на слова и действия Иудушки становится «кислая» улыбка. Эта улыбка является контролируемой, а потому неестественной, натянутой, тем более, что ситуация не располагает к веселью.

Усмешка в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина служит исключительно для выражения негатива. Перед читателем фрагмент диалога отца и сына, проигравшегося в карты:

– Ничего я, друг мой, не знаю. Я в карты никогда не игрывал – только вот разве с маменькой в дурачки сыграешь, чтоб потешить старушку. И, пожалуйста, ты меня в эти грязные дела не впутывай, а пойдем-ка лучше чайку попьем. Попьем да посидим, может и поговорим об чем-нибудь, только уж, ради Христа, не об этом.

И Иудушка направился было к двери, чтобы юркнуть в столовую, но Петенька остановил его.

– Позвольте, однако ж, – сказал он, – надобно же мне как-нибудь выйти из этого положения.

Иудушка усмехнулся и посмотрел Петеньке в лицо.

– Надо, голубчик! – согласился он.

– Так помогите же!

– А это – это уж другой вопрос. Что надобно как-нибудь выйти из этого положения – это так, это ты правду сказал. А как выйти – это уж не мое дело! (Господа Головлевы, 163).

Здесь налицо коммуникативная неудача. Петенька, говоря, что надо выйти из положения, в которое он попал, рассчитывает, что отец поможет ему уплатить долг. Иудушка понимает, чего от него хочет сын, но намеренно уходит от ответа и, усмехнувшись, соглашается с Петенькой. В данном случае усмешка выражает снисхождение и одновременно осуждение. Похожую реакцию можно наблюдать и в следующем фрагменте:

[Аннинька]: – Умирать я приехала к вам, дядя!

Порфирий Владимырьч испытующим оком взглянул на нее, и чуть заметная усмешка скользнула по его губам.

– Доигралась? – произнес он чуть слышно, почти про себя.

– Да, доигралась. Любенька – та «доигралась» и умерла, а я вот... живу! (Господа Головлевы, 295–296).

Усмешка Порфирия Владимырьча выражает неодобрение и свидетельствует о том, что он ничего другого и не ожидал, учитывая образ жизни Анниньки.

В обоих случаях налицо поведение персонажей, достойное порицания, но несмотря на это Иудушка не произносит

гневные тирады, а лишь усмехается. Тем не менее, эта его усмешка содержит в себе больше осуждения, чем явное негодование.

В изображении смеха в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина нет единства. Каждый раз смех имеет разную семантику:

Сказавши это, Анинька тихонько засмеялась, точно хотела прибавить: «Да, вот как! отделали-таки меня!» (Господа Головлевы, 294).

В данном случае смех Анниньки – это скорбный смех, который вызван несколькими причинами: это и чувство неловкости перед Евпраксеюшкой, и стыд, и горечь от осознания того, что жизнь не удалась. Героиня прекрасно осознает, насколько она изменилась, и пытается смехом сгладить ситуацию.

В приведенном ниже примере описание смеха представляет особый интерес:

Она [Улитушка] стояла перед ним [Порфирием Владимырьчем] в обыкновенной своей позе, одну руку положив поперек груди, другую – уперши в подбородок; по лицу ее так и светились искорки смеха. Порфирий Владимырьч слегка покачал головой в знак христианской укоризны (Господа Головлевы, 250).

М. Е. Салтыков-Щедрин прибегает здесь к описательной конструкции, благодаря которой читатель понимает, что в данной ситуации нет смеха в полном его выражении, есть лишь только намек на его присутствие. Это скрытый, сдержанный смех, который проявляется не столько в мимике героини, сколько в ее словах. Улитушка знает, что набожность Иудушки показная, и смеется над лицемерием и ханжеством.

Описание хохота в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина чрезвычайно редкое явление:

– Не знаю, за что ты меня ненавидишь! – произнесла она [Арина Петровна] наконец.

– Нисколько... я вас... нисколько! Я даже очень... Помилуйте! вы нас так вели... всех ровно...

Он [Павел Владимырьч] говорил это порывисто, захлебываясь; в звуках голоса слышался какой-то надорванный и в то же время торжествующий хохот; в глазах показались искры; плечи и ноги беспокойно вздрагивали (Господа Головлевы, 93).

Невербальное поведение персонажа показывает, что он говорит не то, что думает. На словах Павел Владимырьч отрицает свое негативное отношение к Арине Петровне, но его выдает хохот, который он пытается скрыть, но безуспешно.

Таким образом, улыбка в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина может служить выражением дружеских чувств, симпатии, а может и свидетельствовать о нездоровом душевном состоянии. То же можно сказать о смехе и хохоте. Усмешка выступает показателем высокомерного и иронического отношения к собеседнику. Языковые конструкции, которые использует М. Е. Салтыков-Щедрин, являются традиционными. В большинстве случаев улыбка и смех описываются одиночными глаголами.

Литература

1. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. Л., 1967.

Семантика концепта «вода» в поэзии М. Цветаевой

М. И. Жадлун

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара (Украина)

rita.ritusha@ya.ru

Картина мира, концепт, концепт «вода», семантическое наполнение концепта.

Summary. The paper analyzes the semantic content of the concept of “water” in poetry of M. Tsvetaeva.

Изучение языковой картины мира как российскими, так и зарубежными лингвистами в настоящее время продолжает оставаться актуальным. Фиксируя в упорядоченном виде в разных типах текстов значимые сведения об истории, культуре, быте и верованиях, обычаях и традициях, менталитете и этническом колорите того или иного народа, язык, будучи устойчивым и стабильным организмом, выполняет функ-

цию транслятора, благодаря которому всеобщему обозрению представляются, с одной стороны, национально специфические, а с другой, универсально человеческие особенности конкретного народа.

Исследование языковой модели мира может осуществляться по-разному. Это и типологическое изучение, например, славянской языковой картины мира, и сопоставитель-

ное изучение, и рассмотрение отдельных уровней языка (лексический, словообразовательный уровни).

Вслед за В. А. Масловой, полагаем, что поэтическая картина мира представляет собой наибольший интерес для исследования, в частности, описание ее онтологических признаков – концептов. Так, анализ стихотворений М. Цветаевой, связанных в образном плане с одной и той же идеей – идеей воды, воплощенной в различных представлениях, способствовал реализации нашей цели: исследовать поэтический текст с позиции его концептуальной природы, то есть описать средства языкового воплощения концепта «вода» в поэзии М. Цветаевой.

Следует отметить, что в рамках данного исследования, концепт «вода» лексически объективируется номинацией *вода*, а также именами существительными со значениями: «естественные и искусственные водоемы» (*море, океан, река, ручей, озеро, пруд, залив*), «формы движения воды» (*волна, поток, струя, прибой, прилив, пена, течение, брызги, всплеск, водоворот, водораздел*), «природные явления» (*дождь, ливень, буря, туча, гроза*), и глаголами со значением: «движение воды» (*течь, литься, струиться, брызгать, капать*), «действия, производимые в воде» (*плавать, тонуть, топить, крестить*), «действия, производимые с водой» (*лить, пить, подогреть*).

В ходе изучения смыслового наполнения концепта «вода» в поэзии М. Цветаевой, были выявлены следующие семантические пласты концепта:

1. обиходно-бытовое представление (вода используется в домашнем хозяйстве, в качестве транспортной и торговой магистрали (море, океан));
2. символическое представление (вода – стихия мироздания, символ чистоты, здоровья, женского начала, оппозиция «своего» и «чужого», жизни и смерти);

3. ассоциативное представление (поток воды сопоставляется с течением времени, течением человеческой жизни, потоком сознания, вода ассоциируется с хлебом, бедой, слезами, кровью, льющей речью);
4. сакральное представление (вода – стихийная сила, сотворенная Богом, является атрибутом таинства крещения, она целительна);
5. магическое представление (наличие «живой» и «мертвой» воды, использование ее в ритуально-магических действиях: гадании, заговорах);
6. мифологическое представление (вода связана с первобытным хаосом, потусторонним миром, нечестью, ей приносят жертвоприношения).

Кроме того, концепт «вода» в поэзии Цветаевой обретает ряд характеристик: эмоционально-чувственные, включающие зрительную (прозрачность, глубина, цвет), звуковую (спокойствие, движение стихии), температурную, обонятельную, пространственную, и образно-метафорические (описание средств художественной изобразительности).

На фоне общеязыковых презентаций концепта «вода» особенно интересны и неожиданны индивидуально-авторские представления. Так, М. Цветаева сравнивает волосы (прическу) с волнами, дождем, прибоем, сопоставляет занавес с потоком воды.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что концепт «вода» обладает безусловной значимостью для описания языковой картины мира русского народа, является ядром как для концептосферы русской культуры, так и для поэтической картины мира М. Цветаевой, в которой он приобретает особую значимость, участвует в создании идиостиля поэта.

Художественная структура и функции ремарок в пьесах М. М. Рощина

Э. М. Зобнина

Российская академия театрального искусства (ГИТИС)

ela@yandex.ru

М. М. Рощин, драматургия, ремарки.

Summary. Specifics of art structure and function of stage directions in M. Roschin's plays will be considered in the report. Innovative character of a number of techniques became the reflection of the main processes happening in local dramatic art of the second half of the XX century.

Динамика развития драматургического творчества М. М. Рощина не только отражает эволюцию отечественной драмы, но во многом и определяет ее. Новаторство советской драмы обусловило формы бытования ремарки и расширение ее функций в пьесах второй половины XX века.

Исследуя тенденции развития драматургии второй половины века, Г. Бояджиев отмечает возрастающую роль «беллетризованной» [1] ремарки, которая меняет структуру пьесы в целом. Подобные ремарки в творчестве М. Рощина превращаются в самостоятельную повествовательную часть пьесы, становясь одной из основных форм выражения авторского взгляда на изображаемое, проникновения в психологию героя и создания определенного настроения у зрителя.

Вследствие этого ремарки в пьесах М. Рощина формируют образ автора, рассказчика или комментатора событий. Например, в пьесе «После дуэли» структурообразующую роль играют два безымянных жандармских голоса, которые «шепотом» будут сопровождать действие. Для читателей эта особенность объясняется в ремарке: «Пока они ведут беседу, уже знакомый нам жандармский полусеппот объясняет зрителю <...>».

В пьесах М. Рощина встречается местоимение «мы», которое может объединять рассказчика и слушателя. В тексте ремарки появляются и вводные слова, отражающие позицию наблюдателя: *Мы вновь попадаем в квартиру Валентина, в ту же кухню-прихожую.*

Везданующий автор часто акцентирует внимание на причинах поведения героя, углубляя психологический рисунок роли. Например, эпизод, когда императрица Александра Федоровна читает стихотворение Лермонтова «Расстались мы, но твой портрет...», сопровождается ремаркой «*Читает с большим чувством, так как свое вкладывает в эти стихи*».

Текст ремарки может расширяться, превращая ее в развернутый прозаический отрывок: она может включать в себя подробное описание природы, авторский анализ психологического состояния героев и даже элементы фантастики («Делает кульбит, вспышка, исчезает»).

По своему построению «беллетристические» ремарки напоминают лирическую прозу и создают определенный эмоциональный настрой, задают ритм действия с помощью художественных возможностей языка: сравнительных оборотов, оценочной лексики, вводных слов.

Обращение к читателю – один из традиционных способов отражения авторского присутствия в тексте, как правило, в повествовательном. Но Рощин использует прямое лирическое обращение автора к читателям и зрителям именно в пьесах, как бы приглашая их стать непосредственными участниками действия:

Валентин хочет ее поцеловать.

Подожди... А если ты ошибаешься?.. («Валентин и Валентина»).

В сценариях Рощина авторский текст может включать в себя элементы, свойственные в большей мере не драме, а эпическому повествованию. Так, в пьесе «Валентин и Валентина» имеется «пролог», как назвал эту развернутую вступительную ремарку драматург.

Расширение возможностей ремарки в рощинских пьесах происходит, в частности, благодаря изменению их лексической и синтаксической структуры. Это явление было обусловлено основными процессами, происходившими в отечественной драматургии второй половины XX в. (прежде всего усилением лирического и эпического начал в драме), и предопределило новаторский характер ряда драматургических приемов М. М. Рощина.

Литература

1. Бояджиев Г. Ремарка // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 9. М., 1935. С. 599–601.

Диалогическая структура речевого портрета повествователя в книге А. Д. Снявского «Прогулки с Пушкиным»

Е. Ю. Зубарева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
euzubareva@mail.ru

Русская литература XX в., Снявский, Пушкин, повествователь.

Summary. The subject of this paper concerns the dialogical structure of speech «portrait» of the narrator in the «Walking with Pushkin» by A. D. Senyavskii.

Книгу «Прогулки с Пушкиным» Снявский считал продолжением своего «последнего слова на суде, а смысл последнего слова состоял в том, что искусство никому не служит, что искусство независимо, искусство свободно» [3: 435]. Этот постулат эстетики писателя predetermined повествовательную структуру произведения. В ее основе лежит принцип пушкинской «свободной» беседы с читателем, ставшей композиционной основой романа «Евгений Онегин» и предполагавшей изменение, в том числе и расширение, границ повествования, смену ракурсов и интонаций, языковую игру с читателем, сюжетную и стилистическую мистификацию.

На первый взгляд, писатель использует литературную маску всего лишь как способ художественной провокации, пробуждая в читателе его культурный иммунитет в защиту Пушкина, чья творческая индивидуальность оказалась нивелирована в процессе идеологической канонизации. Однако на самом деле маска становится одной из форм самовыражения повествователя.

Тяготая к метафоричности, Снявский во многих произведениях добивается эффекта своеобразной «многослойности» нарратива, что помогает создать у читателя ощущение мозаичной внесистемной картины мира. Стремясь опровергнуть достоверность ее традиционно реалистической версии, писатель дробит ее на множество сюжетных осколков. В «Прогулках с Пушкиным» принцип «свободной беседы» обуславливает децентрализацию сюжетного ядра. Поэтому в центре оказывается фигура повествователя, и именно она начинает «расслаиваться», дробиться, мистифицируя читателя.

Используя возможности «фантастического литературоведения» и продолжая традиции «утрированной прозы» [1: 170], и прежде всего Н. В. Гоголя, Снявский делает «свободную беседу» принципом композиции образа повествователя. Абрам Терц при этом становится лишь одной из его ипостасей, а терцевская подчеркнута вызывающая манера речи – лишь одним из компонентов речевого портрета повествователя. Образ повествователя в книге формируется в процессе проявляющейся в самом нарративе полемики Терца (обывательствами принимающего Пушкина) и его оппонента, для которого художественное значение поэта безусловно. Но эти две фигуры тоже отнюдь не статичны. Каждая из них обладает способностью к трансформации. Например, одной из повествовательных ипостасей самого Терца становится Хлестаков, а оппонент Терца предстает и как читатель, и как художник, и как литературовед, ведущий диалог с другим читателем.

Последнее из многочисленных проявлений повествователя для критиков Снявского стало единственным и поэтому

столь раздражающим. Они не услышали диалога. Между тем «читатель, конечно, не единственный собеседник Терца <...> исследователь ведет диалог – „игру“ со своими коллегами, с культурной традицией и ее стереотипами» [2].

Неслучайно Снявский использует стилистические возможности не только академического литературоведения, но и официозного идеологического литературоведения (в духе В. Ермилова), что в еще большей степени выявляет диалогический полемический потенциал образа повествователя. Все это обнаруживается именно на уровне речевой структуры благодаря столкновению низкого и высокого стилей, литературоведческих понятий и реминисценций, научных формулировок и идеологических штампов, бытовой конкретики, облаченной в простые синтаксические формы, и развернутых философских обобщений. Расширение круга условных участников диалога о Пушкине раздвигает границы образа повествователя и усложняет его речевой портрет.

Однако «свободная» беседа как условие многомерности образа повествователя предполагает не только полемику, но и монологизацию диалога. Для Снявского-писателя обращение к личности Пушкина становится формой творческого самопознания: «Гуляя сегодня с Пушкиным, ты встретишь самого себя» [3: 367]. Пушкин становится для Снявского единственно возможным собеседником, с которым можно обсудить эстетические вопросы. Отказываясь от формы воображаемых ответов поэта-собеседника, от прямого обращения к молчащему Пушкину (как, например, в стихотворении В. В. Маяковского «Юбилейное»), Снявский выбирает монолог, отражающий процесс поиска ответов в творчестве того, кто являет для него образец творческой свободы. Все значимые для него эстетические проблемы писатель рассматривает через призму пушкинского творчества: свои представления о природе творчества как «преступления», о «преступности» творца, нарушающего приличные каноны, об отношениях писателя и текста, о свободе творчества и особенностях творческого процесса и т. п. Размышления повествователя-художника обретают форму развернутого монолога, диалогичного в своей основе и стилистически неоднородного.

Многоликость повествователя и героя предстает у Снявского как метафора сложности, многомерности, противоречивости и непреднамеренности искусства.

Литература

1. Глэд Дж. Беседы в изгнании. М., 1991.
2. Раткина Т. Анализ или насмешка? «Фантастическое литературоведение» в контексте полемики о специфике познания в гуманитарных науках // Вопросы литературы. 2008. № 4. [<http://magazines.russ.ru/voplit/2008/4/ra3.html>].
3. Снявский А. Д. (Абрам Терц). Собр. соч.: В 2 т. М., 1992.

Восприятие ритма прозы

Г. И. Иванова-Лукьянова

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВПО МГЛУ)
ivluk@inbox.ru

Ритм прозы, ритмические характеристики – слоговая, синтагматическая, интонационная.

Summary. Research issue of the prose rhythm remains poorly understood and relevant. The author offers his method to determine the rhythm of prose, which presents digital indicators regularity of alternation of prosodic units: word stress, borders syntagmatic articulation and intonation. Indicators three rhythmic characteristics: syllabic, syntagmatic and intonation – gives an opportunity to compare different rhythms of the writers, as well as to evaluate the accuracy of the translation, comparing the rhythms of original and translated texts.

В исследовании прозаического ритма объединяются интересы и усилия разных наук: теории словесности, эстетики, психологии, физиологии, лингвистики, литературоведения и др. История этой темы в России за свой столетний возраст

благодаря интеграции дисциплин создала разные идеи, подходы и методы определения ритма.

Мы рассматриваем ритм прозы как фонетическое явление, в котором регулярно чередуются ритмообразующие

элементы просодии: ударные слоги, следующие через относительно равные безударные интервалы, синтагматическое членение, не допускающее соседство разновеликих синтагм, превышающих друг друга более чем на два такта, и определенный характер сочетаемости интоном, исключающий соединение идентичных интонаций. Таким образом, ритм получает не одну характеристику, как это было принято раньше, а три: слоговую, синтагматическую и интонационную. Все три характеристики создаются делением количества отклонений от некоей условно принятой идеальной ритмичности на возможное число реализаций и имеют числовые показатели, выраженные десятичными дробями, которые говорят о степени ритмичности исследуемого отрывка текста. Однако фонетический уровень составляет лишь часть лингвистического процесса создания образности и семантики текста. Он тесно взаимодействует со всеми языковыми средствами.

В художественном прозаическом тексте ритм выступает как его основа, и текст выходит из-под пера писателя уже имеющий ритмико-интонационную форму. Эта форма, принадлежащая художественному тексту как произведению искусства, наделена признаками эстетики и гармонии. Поэтому опровергаются имевшие место рассуждения о том, что ритм существует только в стихах, а в прозе не может быть своего ритма.

Особая организация прозаического ритма в отличие от стихов невидима глазами и неслышима обычным человеческим ухом, но она ощутима всем человеческим организмом, поскольку основывается на функционировании всех языковых единиц, преобразованных неповторимостью их употребления в тексте.

Прикоснувшись к ритму речи, в данном случае к ритму прозы, мы затрагиваем одну из самых человеческих сторон текста, поскольку в ритме пишущего отражаются жизненные ритмы человека – ритм сердечных сокращений, ритм дыхания и ритм эмоциональных состояний. Возможно, что эти ритмы и лежат в основе наших ритмических характеристик. Слоговая характеристика соответствует регулярности словесных ударений, синтагматическая говорит о размерности речевых шагов и свидетельствует о степени ритмичности дыхания, интонационная – о равномерности чередования интонаций, что связано с гармоничностью сочетания эмоций.

Так, например, при подсчете регулярности ударений мы получаем слоговую ритмическую характеристику, выраженную десятичными дробями: 0,1; 0,2; 0,3; 0,4; 0,5. Цифры говорят, что на 10 междударных интервалов приходится один, два, три и т. д. сбоя. Если представить, что эти сбой приходится на 10 ударов пульса (ср. слова «ударение» и «удар»), то легко понять их значимость, ибо первое число говорит о едва заметном ритмическом нарушении, второе настораживает, третье бьет тревогу, четвертое близко к кри-

тическому, пятое несовместимо с жизнью. В повести «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстой создает тексты, слоговые ритмические характеристики которых возрастают от 0,3 до 0,5 по мере того как усиливаются физические и душевные страдания умирающего человека. Похоже, что писатель, подобно артисту, настолько принимает на себя переживания своих героев, что его собственное сердце начинает биться согласно их жизненным переживаниям и их пульсу, и это отражается на ритме текста. Ритмические характеристики чутко реагируют на малейшие изменения в человеческих чувствах и ощущениях. Когда исследователю удается понять и объяснить эти изменения, он сам испытывает чувство творческого удовлетворения.

Осмысление ритма начинается после подсчета ритмических характеристик. Полученные цифры составляют первое представление о ритме, но они могут быть объяснены через единицы других уровней. Обычно восприятие и объяснение ритма читатель начинает с лексики, чтобы в опорных лексических единицах понять замысел автора; затем переходит на единицы грамматического уровня, особенно на синтаксис; одновременно с этим идет оценка звукописи и звукового символизма; и наконец все собранные воедино смыслы проверяются, подтверждаются или опровергаются цифрами ритмических характеристик. Взаимодействие показателей ритма с единицами других уровней не всегда оказывается синхронным, – и тогда ритм прозы выступает как бы носителем своего собственного смысла, а сама тема проявляет себя не только в откровениях, но и в загадках, решать которые предстоит будущим исследователям. Сегодня настало время увидеть в этих цифрах не только семантическое задание текста, но и услышать те жизненные ритмы, которые бьются в человеке в момент создания им художественного произведения.

Ритм прозы создается писателем, но его чувствует и читатель, и, хотя ни тот, ни другой в большинстве случаев не может объяснить, как создается и воспринимается ритм прозы, но дальнейшее развитие фонетики настойчиво требует найти ему научное объяснение.

Творческое объединение пишущего и читающего составляет проблему порождения и восприятия ритма прозы. Извечный вопрос о том, что думал писатель, вновь поднимает герменевтическую проблему о разгадке угаиваемого и о феномене читательской интуиции. Рядом с этим вопросом снова возникают проблемы сопоставления времени создания и прочтения произведения, а также политические, социальные, нравственно-этические и проч. проблемы, составляющие область стилистических исследований.

Возможность представить ритм в виде конкретных цифр открывает перед учеными перспективы сравнивать ритмы разных писателей, разных эпох, жанров, образов, ритмы переводных и оригинальных текстов, ритмические характеристики разных переводов одного текста и т. д.

Числа в пространстве персонажей А. П. Чехова

Н. В. Изотова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

uat@donpac.ru

Число, числовой ряд, жизненная ситуация.

Summary. Numbers are included into the life of Chekhov's characters as well as other day-to-day realia of the real world. Numerical existence in the life of the characters and / or numerical parameters are introduced either as a fact of objective reality or as a means of character's sketch in certain situations.

1. Числа входят в зону персонажей А. П. Чехова в основном через предметный мир, представляя количественные отношения реалий этого мира. Некоторым отдельным числам персонажи уделяют особое внимание и включают их в объяснение неудачных и удачных событий в своей жизни. Например, число тринадцать персонажи интерпретируют по-разному, но в основном им свойственно его типичное осмысление как числа, приносящего, как правило, неудачу (« Не судьба!», «Моя жизнь», «Три года», «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры»).

2. А. П. Чехов включает в мир персонажей и числовые ряды, необходимые для описания отдельных жизненных событий. В первую очередь, это ситуации различных игр, благодаря которым расширяется жизненное пространство

персонажей и представляется определенный временной момент существования. Игра в качестве короткого момента времяпровождения делает существование человека приятным, счастливым, некоторым образом переключающим бытие в другой мир, мир иллюзий, надежд, радости, отдыха от реальности. В произведениях А. П. Чехова в игры включены и взрослые, и дети.

Наименования чисел в определенном, но не строго счетном порядке включены в ситуации разных игр: лото, лотерея, карты («Выигрышный билет», «75 000», «Обыватели», «Детвора»).

В рассказе «Выигрышный билет» супруги, имея лотерейный билет, изучают газеты, в которых опубликованы числовые показатели лотереи и, конечно, надеются на выиг-

рыш. Найдя совпадающую серию, но при этом не глядя на номер билета, они и совместно, и каждый сам по себе выстраивают новое будущее. Билет серии 9499 кажется им счастливым, и вслух они рассказывают о том, что можно было бы сделать при выигрыше. Но в то же время внутренне они предъявляют претензии друг к другу, и их мечты уже представляются читателю вряд ли осуществимыми, о чем и свидетельствует несоответствие номера билета. Ситуация игры «высвечивает» реальные взаимоотношения супругов, не оставляя надежды на их улучшение.

Беззаботное, счастливое детство представлено в рассказе «Детвора», в котором дети «моделируют» мир взрослых, поскольку играют в азартную игру (лото) на деньги, но делают это в отсутствие родителей, не учитывая условностей «взрослого» мира: они принимают в игру сына кухарки; не верят старшему брату, что рубль, который он им предлагает, желая вступить в игру, дороже копейки, на которые они ставят в своей игре; бескорыстно занимают друг другу деньги и быстро забывают и прощают обиды. Некоторые числа в этой счастливой детской игре имеют также детские наименования, что позволяет читателю расширить представления об особенностях детского мышления и мировосприятия.

Стилистические фигуры, основанные на антонимах в прозе Марины Цветаевой

Е. Г. Кашицына

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» (Ижевск)

ieg87@mail.ru

Проза Марины Цветаевой, антонимия, антитеза.

Summary. Contemporary state of researches referred to antonymy may be described as a constant search for devices that make it possible to analyze antonyms more effectively. The subject domain of the research becomes more extensive – the analysis covers antonymic lines and their functional properties. The object of our consideration is antonymy in the prose of M. Tsvetaeva.

Творчество Марины Цветаевой в настоящее время исследовано неравномерно: внимание филологов в основном сосредоточено на поэзии Цветаевой (работы О. Г. Ревзиной, Л. П. Черкасовой, Е. Эткинда, Е. О. Айзенштейна, М. Ю. Сидоровой). Работы Л. В. Зубовой в основном посвящены изучению особенностей словоупотребления у М. Цветаевой.

При этом многие лингвисты отмечали, что столкновение пар антонимов в ее произведениях создает особую эмоциональную напряженность. Однако антонимическая система М. Цветаевой (за исключением работ Л. В. Зубовой) пока не становилась объектом самостоятельного лингвистического анализа. Художественная, критическая и дневниковая проза Марины Ивановны в аспекте антонимической системы, как представляется, вообще еще никем не исследовалась.

Поэтому целью нашего исследования является рассмотрение антонимии в прозе Марины Цветаевой.

Антонимия составляет лексическую основу целого ряда стилистических приемов, главным из которых является антитеза. Под антитезой понимают «стилистическую фигуру контраста, заключающуюся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, мыслей или понятий для усиления выразительности в художественной речи» [2: 16]. Эта стилистическая фигура опирается на языковую и окказиональную (контекстуальную) антонимию и выражается у М. Цветаевой одиночными словами, словосочетаниями и даже целыми предложениями.

Анализ прозы М. Цветаевой позволил выделить некоторые особенности: во-первых – это эксплуатация сложной антитезы, во-вторых – это использование мукабалы (или синкрисиса), третьей особенностью является применение таких «стилистических фигур, близких к антитезе, как акротеза, диатеза и амфитеза». [1: 422].

Сложная антитеза – это, в основном, двухмерная структурная организация, в которой одна пара антонимов усиливает и углубляет смысловое впечатление от второй. Такую сложную антитезу называют аллоюзис (аллоюза), которая понимается как «разновидность антитезы, заключающаяся в развернутом сопоставлении двух характеристик предмета (в широком смысле) и подчеркивании несхожего в том, что предварительно определено как сходное [3: 30]»: «*Два встречных движения: продвигающегося возраста и отодвигающегося, во времени, художественного соответ-*

Числовой ряд в игре как виде развлечения, доставляющем игрокам и счастливые, и несчастливые мгновенья, в произведениях А. П. Чехова отражает жизненные непростые ситуации взрослых и позволяет представить добрый, светлый, счастливый мир детей.

3. В обыденных ситуациях человек в произведениях А. П. Чехова часто не отделен от вешного предметного мира, который в то же время позволяет ему размышлять и о другом мире, мире человеческого существования вообще. Обыденное и высокое, простое и сложное, важное и простое сосуществуют в человеке одновременно, что представлено А. П. Чеховым и с помощью чисел в определенных ситуациях («Петров день», «Конь и трепетная лань», «Соседи», «Дуэль», «Кошмар», «Скучная история» и др.)

В жизни героев количественное существование субстанций или их количественные параметры представлены, с одной стороны, как факт объективной действительности, как данность, в которой существуют герои; с другой стороны, числовые реалии не только представляют и характеризуют самих героев в определенных ситуациях, но и отражают их сложный внутренний мир, их надежды, отчаяния, желания и стремления.

вия. Прибывающего возраста и убывающего художественного восприятия» [6: 304].

В сочетании с синтаксическим параллелизмом аллоюзис приобретает вид антитезы, который называется мукабалой (или синкрисис), которая понимается как «прием, состоящий в двух симметрично построенных словосочетаниях или предложениях, в каждом из которых имеется ряд компонентов, вступающих в антонимичные отношения [3: 619]»: «*Красивость – внешнее мерило, прекрасность – внутреннее*» [6: 303].

Акротеза (от греч. акро – вверх) – это «подчеркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счет отрицания противоположного» [1: 424]. Конструкция акротезы включает слова-антонимы: одно из которых с отрицательной частицей *не*, соединяется с другим при помощи противительного союза *а*. Выделяют два варианта акротезы (в прозе М. И. Цветаевой находим обе разновидности):

1. Конструкции, типа «Не А, а В»:

Не тихоня, а тишайший, не херувимчик, а Cherub (от фр. «херувим»), *не маменькин сынок, а сын – матери, не стародамский угодник, а ревнитель древнейшей заповеди, не белоподкладочник – сама белизна, не черносотенец – горностай* [5: 184–185].

Данные антонимичные конструкции базируются на противопоставлении синонимичных оценочных понятий, маркированных пометой – разговорные: «тихоня», «херувимчик», «маменькин сынок», «стародамский угодник», «белоподкладочник», «черносотенец» и антонимах с нейтральной оценкой – «тишайший», «Cherub», «сын – матери», «ревнитель древнейшей заповеди», «сама белизна», «горностай». Через такое нагромождение антонимов двух разных стилей, а также отражения и субъективной оценки, и градации (тихий – тишайший) Марина Цветаева пытается приподнять, возвысить Сережу в глазах читателя.

2. Конструкции, типа «А, а не В».

Быть современником – творить свое время, а не отражать его [6: 371].

Антонимия основана на противопоставлении глаголов: «творить» в первом значении «творчески создавать» [4: 973] и «отражать» в четвертом значении «воспроизвести, выразить» [4: 596]. Подобного рода примеры частотны: через

отрицание идет указание на уточнение, конкретизацию значения.

В амфитезе (от греч. амфи – кругом) утверждается не один, как в акротезе, а оба противоположных явления или оба признака и тем самым явление или признак охватывается полностью [1: 425].

Диатеза (от греч. *диа* – между) – это прием утверждения среднего признака путем отрицания противоположных признаков [1: 427] фигура речи, основанная на использовании антонимов в конструкциях с двойным отрицанием: *ни то ни сё*.

Примеров с использованием таких фигур, как амфитезы и диатезы в цветаевской прозе не находим. Скорее всего, это связано с тем, что Марина Цветаева чаще использует по-

лярные понятия, либо разводит близкие понятия, доводя их до крайних противоположных понятий.

Литература

1. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка: Около 500 антоним. гнезд. М., 2008.
2. Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М., 1966.
3. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.
4. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.
5. Цветаева М. Вольный проезд: Автобиографическая проза. СПб., 2011.
6. Цветаева М. И. Сочинения. В 2 т. Т. 2: Проза и письма. М., 1988.

Изменение представления о радости и счастье в поэтическом идиолекте М. Цветаевой

А. А. Козакова

Южный федеральный университет (Ростов-на Дону)

Идиолект, поэт, счастье, радость

Summary. The paper deals with the mechanisms of development of transferred meanings of nouns *Schast'ye* 'happiness' and *Radost'* 'joy' in M. Tsvetayeva's poetry. It is stated that, for M. Tsvetayeva, these concept is associated with poet's mission and contrasts with generally accepted idea of happiness.

Анализ материала, отраженного в «Словаре поэтического языка Марины Цветаевой» [3], заставляет обратить внимание на тот факт, что лексика, представленная в нем, употребляется Мариной Цветаевой с разной частотой: некоторые слова встречаются в поэтических произведениях один-два раза, а перечисление контекстов, в которых реализуются другие, занимает несколько страниц. Это, безусловно, свидетельствует о значимости данных понятий для поэта, «ибо то, что лишено ценности, либо вообще не номинируется, либо если и называется, то ни лексически, ни словообразовательно не детализируется и не дифференцируется» [1: 278]. К таким наиболее проработанным лексически и словообразовательно лексемам относятся слова *счастье* и *радость*. По данным Словаря ПЯ 2004, в поэтических произведениях М. Цветаевой лексема *счастье* употреблена примерно в 70 контекстах (в некоторых по нескольку раз). Кроме того, представлены слова, производные от слова *счастье*. Лексема радость или производные от данного корня встречаются почти в 90 контекстах.

При изучении употребления лексем *счастье* и *радость* в поэтических и драматических произведениях М. Цветаевой обнаружилась интересная закономерность в использовании этих слов в разные периоды творчества поэта (периодизацию творчества М. Цветаевой и характеристику этапов см. в [2]): **I период** (1907–1912 гг.) – 28 контекстов употребления слова *счастье* или однокоренных; и 20 контекстов употребления слова *радость* и производных от него. **II период** (1913–1916 гг.) – 11 контекстов употребления лексем с корнем *счаст-* и 8 контекстов употребления лексем с корнем *радост-*; **III период** (1917–1921 гг.) – 25 лексем с первым корнем и 14 – со вторым. **IV период** (20-е гг.) – 28 и 34 контекста соответственно. **V период** (30-е гг.) – 4 контекста употребления лексем с корнем *счаст-* и 3 контекста употребления лексем с корнем *радост-*. Полагаем, что такое различие в количестве обращений поэта к словам данной группы связано с изменением поэтического мышления Цветаевой, с развитием ее идиолекта.

По данным «Словаря русского языка в 4-х тт.» (далее МАС), слово *счастье* может употребляться в 4-х значениях: 1. Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо (семейное счастье). 2. Успех, удача (счастье в игре). 3. В значении сказуемого хорошо, удачно (счастье, у кого есть этакий сынок!). 4. Прост. участь, доля, судьба (всякому свое счастье).

Значения лексемы *радость*: 1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что вызывает такое чувство. 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство.

Проанализированный материал свидетельствует, что на первом этапе развития поэтического идиолекта М. Цветаевой полностью удовлетворяют общепринятые значения корня *счаст-*. Можно сказать, что только к концу данного периода

появляются «робкие штрихи», единичные попытки еще даже не переосмыслить, а, пожалуй, задуматься над содержанием названных понятий. На втором этапе происходит резкое, по сравнению с предыдущим, сокращение числа употреблений слов с названным корнем. Как будто теперь поэт больше не находит (или слишком редко находит) ситуации, которые можно было бы обозначить понятием счастья. Также тексты этого этапа показывают постепенное изменение в восприятии поэтом понятия *счастье*. На третьем этапе поэтического идиолекта М. Цветаевой (1917–1921 гг.). Недостижимость счастья на земле выражается в отсутствии (с точки зрения поэта) ситуаций и состояний, которые могут быть обозначены понятием *счастье*. Единственное, что оказывается возможным (только при условии конкретизации абстрактного значения слова) назвать счастьем (полностью с положительными коннотациями, совпадающими с узуальными) на данном этапе, – это дочь.

Для лексем с корнем *радост-* тексты I, II и III демонстрируют основные словарные значения без каких-либо изменений.

Четвертый этап (20-е гг.) развития поэтического идиолекта М. Цветаевой, по свидетельству исследователей, – это период наивысшего расцвета творчества М. Цветаевой. Как отмечают исследователи творчества Цветаевой, одной из основных тем на данном этапе является тема поэта и поэзии. Эта тема реализуется и в понимании счастья и радости. По нашим наблюдениям, на этом этапе понятия *радость* и *счастье* оказываются напрямую связаны с темой поэта и поэзии. Для Цветаевой поэт противопоставлен всем остальным еще и потому, что не может быть счастлив тем, чем все другие люди.

Пятый период (30-е гг.) характеризуется чрезвычайно скупым использованием лексем *счастье* и *радость*, резко сокращается употребление лексем данных групп лексики. Тема творчества и отношения поэта и толпы обывателей приобретает необыкновенную остроту. Применительно к поэтическому дару счастье и радость имеют двойственную природу: этот дар – счастье, в нем смысл жизни поэта, но он же несет в себе столько страданий, что иногда мелькает мысль о том, что счастливы те, которые не имеют такого дара.

Развитие понятий *счастье* и *радость* в поэтическом идиолекте М. Цветаевой шло от многократного называния восторженного чувства, выражающего ощущение удовлетворения жизнью, гармонии себя с миром (а это чувство могло быть вызвано разными вещами: прочитанной книгой, теплым днем, общением с близким человеком и т. п.) до единичных обозначений, реализующих резкий контраст между поэтом и окружающим миром. Такое изменение, безусловно, связано с переворотом в мировоззрении поэта. Ощущение глубокого личного одиночества, глобальной несправедливости мира к поэту не давали ему возможности видеть денотаты, которые могли бы быть маркированы словами с семантикой радости.

Литература

1. *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

2. *Резина О. Г.* Марина Цветаева // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. М., 1995. С. 305–363.

Словарь поэтического языка М. Цветаевой в 4-х тт. – М., 2004.

Эмоционально-оценочные композиты в языке поэзии русских символистов

Т. А. Корнеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

tatyana.tak1110@gmail.com

Окказиональное словообразование, адъективный композит, поэзия символистов.

Summary. The author deals with the problems of poetical derivation, the problems of semantic changes and word-building in poems of Russian symbolists. This paper investigates the formation of occasional adjectives with the emotional and evaluative elements in the poems of the beginning of 20th century.

Активное использование сложных адъективных новообразований является одной из стилистических особенностей поэтической речи русских символистов. Для поэтов начала XX века композиты выступают минимальным контекстом образной репрезентации мира, средством отображения призрачных отношений и закономерностей, средством усиления суггестивного воздействия символического произведения. Испытав влияние поэзии XIX века, особенно Ф. Тютчева и А. Фета, символисты значительно расширяют тип сложных образований с эмоционально-оценочным опорным компонентом. Группа сложных прилагательных (СП) с эмоционально-оценочным опорным компонентом (ОК) в поэзии символистов включает свыше 200 образований. Наиболее представлены в ней композиты с антропоцентричными и оценочными опорными прилагательными.

1. Композиты с антропоцентричными опорными прилагательными, выражающими признаки человека и того, что непосредственно связано с человеком включает несколько групп: СП с ОК, обозначающими: 1) отдельные черты характера человека (*властительно-строги*, К. Бальмонт; *сурово-кроткий*, А. Блок); 2) интеллектуальные свойства и состояния личности (*спокойно-мудрый*, В. Брюсов); 3) эмоциональное состояние (*шумно-весела*, К. Бальмонт); 4) отношение к миру и его проявлениям (*наивно-надменный*, К. Бальмонт); 5) физическую природу человека (*северисто-утомлённый*, А. Блок); 6) персонафикацию образов или метафорическое переосмысление (*звёздно-чуткий*, Вяч. Иванов).

В языке поэзии символистов данные композиты сочетаются как с личными, так и с неличными существительными. При этом наблюдается закономерность: при характеристике лица и того, что с ним соотносится, преимущественно используется модель, состоящая из двух эмоционально-оценочных компонентов. Целый ряд образований имеет оксюморонный характер, единичны случаи окказионального соединения с не эмоционально-оценочным первым словоэлементом (*туманно-грустный*, *бледно-бешенный* и т. п.).

При метафорическом перенесении признака и описании предметов, не связанных прямо с человеком, преобладает модель с не эмоционально-оценочным первым словоэлементом и эмоционально-оценочным ОК. В этом случае доля окказионального соединения элементов существенно увеличивается.

Изменяется соотношение между компонентами сложения: функционально равноправными становятся оба словоэлемента. На это указывает: 1) тесная взаимосвязь с определяемым словом именно первого элемента СП (*звёздно-чуткий небосклон*, Вяч. Иванов; *махрово-алчные розы*, К. Бальмонт); 2) оксюморонный и полуоксюморонный характер сочетаний, воздействие которых определяется одинаковой функциональной значимостью обеих основ (*бесстрастно-восторжен*, И. Коневский; *сурово-кроткий*, А. Блок; *угрюмо-страстный*, В. Брюсов); 3) обыгрывание поэтами внутренней формы первого словоэлемента (*безбожно-дикий*, А. Блок; *призрачно-нежный*, К. Бальмонт); 4) соединение семантически близких или легко сочетающихся компонентов (*сладостно-влюблённый*, *беспощадно-жестокый*, В. Брюсов; *лукаво-задорный*, К. Бальмонт); 5) антонимичность первых словоэлементов в композитах разных авторов (*отважно-жадный*, В. Брюсов, и *робко-жадный*, И. Коневский; *жадно-страстный*, В. Брюсов, и *лениво-страстный*, К. Бальмонт); 6) окказиональное соединение семантически

далеких элементов (*упруго-бесстрастный*, В. Брюсов, *северисто-утомлённый*, А. Блок); 7) своеобразная градация первых элементов (*холодно-бесстрастный*, К. Бальмонт, *молитвенно-бесстрастный*, А. Блок, и *мёртво-бесстрастный*, В. Брюсов; *бездейственно-унылый*, Ф. Сологуб, и *торжественно-унылый*, И. Коневский); 8) образование по моделям, имеющимся в творчестве предшественников символистов (с первыми словоэлементами *все-*, *-торжественно-*, *нежно-*); 9) аллитеративность сложений (*сладостно-стыдливый*, К. Бальмонт; *вдохновенно-духовный*, А. Блок; *безумно-дерзкий*, В. Брюсов).

Большей частотностью в поэзии символистов отличаются СП с ОК *-страстный* и *-бесстрастный*. Если СП с ОК *-страстный* изобилует лирика К. Бальмонта, то СП с антонимичным ОК присущи поэзии более рационального поэта В. Брюсова.

2. Композиты с оценочными опорными прилагательными, обозначающими оценочные признаки человека, животных, предметов: 1) СП с эстетическим оценочным ОК (*победно-прекрасный*, *серо-убоги*, К. Бальмонт); 2) СП с ОК, обозначающим эмоциональную оценку (*ярко-радостный*, В. Брюсов; *радостно-грустный*, К. Бальмонт; *равномерно-жуткий*, А. Блок); 3) СП с ОК, обозначающим оценку чего-либо с точки зрения его отношения к действительности (*правдиво-лицемерный*, В. Брюсов; *отрадно-обманчивый*, И. Анненский); 4) вероятностную и нормативную оценку (*лилово-странный*, В. Брюсов; *блаженно-странный*, А. Блок).

Среди СП с оценочным ОК наиболее представлена группа композитов с ОК, выражающих эмоциональную оценку. Она включает следующие модели: 1) СП с цветовым первым словоэлементом (*лазурно-радостный*) или «оттеночным» первым словоэлементом (*ярко-радостный*, *светло-печальный*); 2) СП с оксюморонным или полуоксюморонным соединением элементов (*радостно-грустный*, *сладо-печальный*); 3) СП с темпоральным первым словоэлементом *вечно-* (*вечно-радостный*, *вечно-мучительный*); 4) СП с первым словоэлементом *странно-* (*странно-печальный*, *странно-желанный*); 5) СП с первым словоэлементом, выражающим высокую степень проявления признака (*безмерно-печальный*, *безумно-смешной*). Ряд СП содержит указание на «причину» оценки (*бесцарственно-жалкий*), «характер» оценки (*неизречённо-сладостный*), «характер» воздействия на субъект (*призывно-грустный*) и т. п. Здесь семантически сильными являются оба компонента сложений, что связано со стремлением авторов к созданию большей экспрессивности образований.

В группе СП с эстетическим ОК преобладают композиты с ОК *-прекрасный*, более редкими являются СП с ОК *-красивый* и др. При синонимии опорных прилагательных семантически сильными оказываются первые члены сложения. Их функциональное назначение здесь – подчеркнуть в предмете тот признак, за который или в связи с наличием которого он приобретает данную оценку (*засенчиво-прекрасная*, *успокоительно-прекрасная*, *жгуче-прекрасная* и т. п.). Практически отсутствуют в данных СП первые словоэлементы с семантикой высокой степени проявления признака, что связано с семантической полнотой ОК. Характерно, что замеченные нами вышеуказанные первые словоэлементы связаны именно с сакральной семантикой: *божественно-*, *ангельски-*. Образование А. Блока *призрачно-прекрасный* отличается звуковым подобием составляющих элементов.

Немногочисленная группа СП с ОК, обозначающими оценку предмета с точки зрения его отношения к действительности, включает композиты с опорными прилагательными *лицемерный, лживый, обманный*, обладающими ярко выраженной отрицательной коннотацией. А группа СП с

ОК вероятностной и нормативной оценки ограничена композитами с ОК *-странный*.

Открытия символистов используют в своем творчестве их современники: И. Бунин, А. Ахматова, В. Хлебников, В. Маяковский.

Стихи в одном предложении (Стихотворение М. И. Цветаевой «Моим стихам, написанным так рано...»)

О. М. Корчажкина

НИИ столичного образования Московского городского педагогического университета

olgakomax@gmail.com

Распространенные предложения, стилистические повторы, сравнения, уточнения, пояснения.

Summary. Marina Tsvetaeva's poem 'My lyrics written so early...' marked as 'May 13, 1913, Koktebel' is represented with an only extended sentence, which contains stylistic devices (determinants) like objects, attributes, modifiers, adverbials, participial constructions, subordinate clauses, comparisons and repetitions. Such an artistic technique gives the poetic text dynamics, keeps the reader in suspense and strikes him / her with a surprising outcome.

Марина Цветаева, рано ощутившая себя поэтом, не без кокетства, свойственного молодым особам ее возраста, написала в 1913 году в Коктебеле свои ставшие потом очень знаменитыми и часто цитируемыми стихи:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берёт,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.

Читая и перечитывая эти три строфы, я не сразу поняла, а что же в них, кроме юношеского максимализма, вызывающего в зрелом возрасте или улыбку своей самонадеянностью, или удивление своей прозорливостью, так привлекает. Что вообще придает стихам Цветаевой неповторимую мелодику и почему песни и романсы на ее стихи так необычно, непохоже, непредсказуемо звучат? Почему мы не можем узнать, предположить не только следующее слово, но и следующую рифму, следующую ее мысль, следующее наше чувство? Читаешь и ждешь – а что же дальше, за темой *Мои стихи*, долгие переходы *Написанным так рано...*, *Сорвав-*

шимся, как брызги..., *Разбросанным в пыли...* Тема повторяется, на нее накручиваются новые переходы. А когда же развязка – рема? И вот в конце – неожиданное: *Настанет свой черёд*.

Это впечатление неожиданности достигается «растягиванием смысла» за счет необычного и нечасто встречающегося способа построения поэтического текста. Канва предложения, положенная в основу стихотворения, изначально очень проста: «*Моим стихам... Моим стихам... Моим стихам... Настанет свой черёд*». Предложение *Моим стихам настанет свой черёд* – слишком простое, чтобы появиться в поэтическом тексте без каких-либо украшений. Расширение состава предложения и, соответственно, смысла, достигается за счет сравнений и повторов, дополнений, определений, обстоятельств, причастных оборотов и придаточных предложений. Такой стилистический прием – распространение – придает поэтическому тексту динамику, позволяющую держать читателя в напряженном ожидании, и поражает затем неожиданностью развязки.

С другой стороны, этот прием позволяет донести до читателя значимый для поэта смысл, который не только сохраняется с развитием повествования, но и неуклонно нарастает. Понятие *Мои стихи* так глубоко, весомо, ценно для Цветаевой, что если бы эти два слова встретились в стихотворении только один раз, то никакими художественными приемами нельзя было бы вместить в них то многообразие смысла, которое в нем хранится. Была бы бесконечная вереница скучных перечислений, когда есть риск потерять главную мысль: а к чему все это?

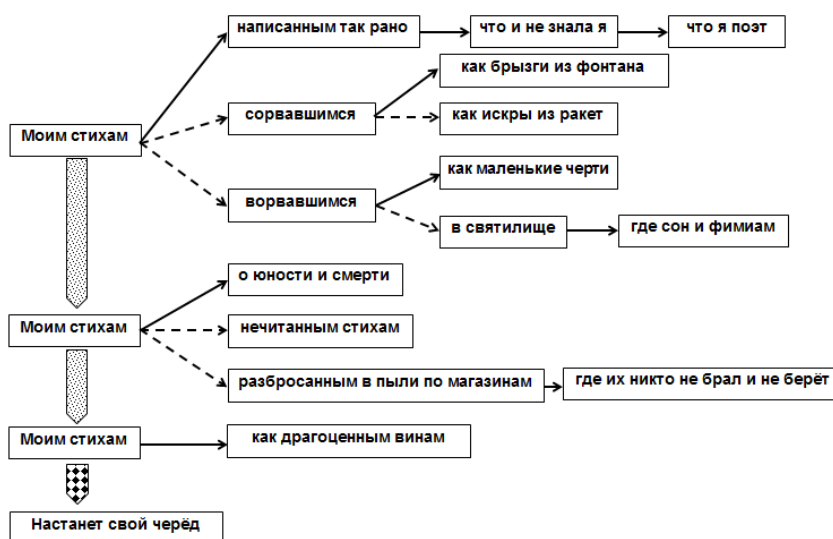

Рис. 1. Синтаксическая модель смысловых связей в стихотворении М. И. Цветаевой «Моим стихам, написанным так рано...»

Столько событий – и прошлых, и теперешних, и грядущих, – сопровождающих два простых слова – *Мои стихи*: первые детские строчки, написанные взамен музыкальных

упражнений; первая «ошарашенность» домашних, друзей, себя самой; выход «Вечернего альбома» и его непродаваемость, долгое забвение и отторжение на родине и, наконец,

непомерные усилия Ариадны, приблизившей *наставший ее стихам черёд*.

Цветаева применяет прием повторов, и между повторами – эти уточнения, пояснения, сравнения – торопливые, всякий раз иные, новые, непредсказуемые, но все отражающие отношение молодого поэта к творчеству, своему чудесному поэтическому дару.

Синтаксический анализ стихотворения может быть сделан путем моделирования смысловых связей в предложении (рис. 1).

Лексико-семантическое оформление идеи *Богочеловека* в поэтическом творчестве В. С. Соловьёва

С. Корычанкова

Педагогический факультет Университета Масарика (Брно, Чехия)

korycankova@ped.muni.cz

Художественный текст, философия, поэтика, анализ, лексика.

Summary. The author of the paper analyzes V. S. Soloviev's poetic creation and emphasizes the poetic images associated with the image of the God-man. The poet uses the religious vocabulary with extended author's and mystical meaning.

Идея Богочеловека связана в философии В. С. Соловьёва с пониманием развития человеческого духовного прогресса и его восхождением в обитель Бога, в Горнее. В «Чтениях о Богочеловечестве» философ излагает свою идею цельности и воссоединения человека посредством Слова и Софии с Богом: «Богочеловек, то есть Бог, воспринявший человеческую натуру, так в процессе христианства основой, или материей, является натура, или стихия божественная (Слово, ставшее плотью, или тело Христово, София), действующим и образующим началом является разум человеческий, а результатом является человеко-бог, то есть человек, воспринявший божество» [3: 202]. Человек, наделенный разумом, есть, по мнению Соловьёва, универсальное и идеальное существо. Процесс развития каждого отдельного человека способствует и развитию единого всечеловеческого организма: «так как воспринять божество человек может только в своей безусловной целостности, то есть в совокупности со *всем*, то человеко-бог необходимо есть коллективный и универсальный, то есть всечеловечество, или Вселенская церковь, Богочеловек индивидуален, человеко-бог универсален» [3: 202].

Идею Богочеловека Соловьёв воплотил в поэтические образы нисхождения божества в плотский мир, в Дольнее. Иисус Христос, Слово, в идеальном мистическом соединении с Софией, т. е. с телом, приносит на землю божественный свет. Лексема *свет*, в философском понимании Соловьёва, представляет символ эманации духовности и правды: И слово вещее – не ложно, / И свет с Востока засиял, / И то, что было невозможно, / Он возвестил и обещал. / (Ех oriente lux).

Употреблением мотива Вифлеемской звезды востока, Соловьёв делает ссылку на христианскую традицию, на приход Спасителя. Необходимо, однако, подчеркнуть, что употребленная лексика передает не только образ одухотворения Дольнего в религиозном понимании, но также акцентирует в нем противопоставление добра и зла, света и тьмы, правды и лжи, Христа и Дьявола. Анализируя образ-символ рождения света во тьме можно определить, что всеобщее употребительная лексика обрастает новыми смыслами, которые наслаиваются на религиозное значение и дополняют его авторскими символически-контекстуальными смыслами: Родился в мире свет, и свет отвергнут тьмою, / Но светит он во тьме, где грань добра и зла. / Не властью внешнею, а правдою самою / Князь века осужден и все его дела. / (Ночь на Рождество)

Бог сослал на землю своего сына, Иисуса Христа, который просветляет и одухотворяет плотский мир, борется с темнотой и ложью и показывает человеку возможность восхождения в Горнее. Христос как одна из трех божественных ипостасей заключает в себе женственное начало – Премудрость Софию. Оба начала сливаются воедино, София есть, по мистико-философским представлениям Соловьёва, иде-

По вертикали прослеживается простое предложение с тройным синтаксическим повтором – *Моим стихам* и финальной ремой – *Настанет свой черёд*. Горизонтальные связи демонстрируют приемы распространения – включение причастных оборотов, придаточных предложений, дополнений, сравнений, уточнений, пояснений – языковых и прагматических структур, придающих поэзии Цветаевой неповторимый и нечаянный смысл. Сплошные линии указывают на прямые иерархические связи между смысловыми группами, а пунктирные – опосредованные.

альной субстанцией Слова. Она есть Мудрость и Правда. «София есть тело Божие, материя Божества, проникнутая началом божественного единства. Осуществляющий в себе или носящий это единство Христос, как цельный божественный организм – универсальный и индивидуальный вместе, – есть и Логос, и София» [3: 139]: Знайте же: **вечная женственность** ныне / В теле **нетленном на землю идет**. / В свете **немеркнушем** новой **богини** / Небо слилось с пучиною вод. / (Das Ewig-Weibliche).

Нисхождение Софии передано поэтом посредством образов персонифицированной богини, которая приносит на землю Красоту, Правду и Любовь: Вижу **очи** твои **изумрудные**, / **Светлый облик** встает предо мной. / В эти сны наяву, **непробудные**, / Унесло меня новой волной. / (Вижу очи твои...) Важную роль в определении значения стихотворения играют эпитеты, которые характеризуют слова-символы, расширяя их смысл и дополняя свето-цветовые образы.

Святая София сливается воедино с Христом, Премудрость со Словом, Богоматерь со Спасом. Образ Софии-Заступницы передан поэтом в стихотворении «Из Петрарки» посредством употребленной лексики с религиозным значением. Образ Заступницы дополняется авторскими картинками почтения и вознесения женственного начала:

Всенепорочная, Дева пречистая, / Слова предвечного мать и создание! / Слава земной и небесной природы! / **Сын твой и Вышнего Бога сияние**, – / О, бесконечности око лучистое! / В веки последние, в тяжкие годы / Пристань спасенья, начало свободы / Нам чрез тебя даровал. / **Он одну между всеми избрал**, / Он в тебе возлюбил и грядущие роды. / О, открой милосердия двери, / **Всеблагодатная**, к жизни нетленной / Душе смиренной / В любви и вере. / (Из Петрарки).

Женственное начало св. Софии, по философским представлениям Соловьёва, связано с гностической традицией, т. е. восприятием духовного пути через нисхождение в плотский мир и новое восхождение к Богу. Путь богоотступничества, которое совершила София, это и путь человека, который покинул Бога. София по своей природе дуалистическое существо. Она представляет и духовную субстанцию Бога, и материальное творение, тело, которое приобрело во время своего бунта против Бога. Нисхождение Спасителя-Логоса и его соединение с Софией-Телом направляет человека на путь человеко-бога. Такую идею Соловьёв отразил в стихотворении «Песня Офитов», в котором он использовал лексику в мистическом значении – *лилия, роза, жемчуг, слово, истина, голубка, чаша, змей* и др. Семантика употребленных слов дополнена значимыми эпитетами – *белая, алая, пророческая, вечная, вещее, новый, древний*: **Белую лилию с розой**, / С **алою розою** мы сочетаем. / **Тайной пророческой грезой** / **Вечную истину** мы обретаем. / **Вещее слово** скажите! / **Жемчуг** свой в чашу бросайте ско-

рее: / Нашу голубку свяжите / Новыми кольцами древнего змея (Песня Офитов).

Идея Богочеловека в поэзии Соловьева реализуется посредством лексем, обозначающих Иисуса Христа, Логос, Слово, св. Софию, Богоматерь и Вечную Женственность. Идея человеко-бога, т. е. человека, который по духовному пути восходит к Богу, передана поэтом с помощью слов-символов со скрытым мистическим значением.

Литература

1. Koryčánková S. Владимир Соловьев. Горнее и Дальнее в поэзии Владимира Соловьева. Лексические ряды. Поэтические образы. Brno, 1998.
2. Koryčánková S. Софиология как одна из основ русской духовной мысли // Актуальные проблемы обучения русскому языку IV. Brno, 2000. С. 103–107.
3. Соловьёв В. С. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». СПб., 1994.

Речевой образ homo soveticus в монологах М. М. Жванецкого

А. В. Кубасов

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

kubas2002@mail.ru

Советизмы, речевой поступок, лингвокультурный феномен.

Summary. In work features of a speech image of the Soviet person are analyzed. As material M. M. Zhvanetsky's written in the seventies the monologue served. Speech acts of the hero representing type of "the mass person", distinguish such features, as euphemisms, a reticence, a desemantization. The Lingvokulturny phenomenon of a sovetskost didn't leave completely life of Russians and remains in their cultural memory.

Многие рефлексы советской ментальности остались и живут, лишь мимикрируя и видоизменяясь. Поэтому вызывает интерес речевой образ советского человека, воплощенный, в частности, в монологах М. М. Жванецкого, написанных в 70-е гг. XX века. Один из них «Алло, вы меня вызывали?...». Главный герой его – некто Чижиков, «массовый человек». Интрига монолога – ряд звонков героя в различные госучреждения с целью установления, откуда приходила ему повестка. Авторская задача связана с раскрытием характера взаимоотношений советского человека с институтами власти. Произведение Жванецкого предназначено для эстрады, его ведущая тональность смеховая, ироническая. Однако есть у монолога и серьезный аспект, связанный с представлением ментальных особенностей и речевых реакций homo soveticus'a. Автор акцентирует две из них, амбивалентных по своей природе, – ответственность и страх. Ответственность – оборотная сторона свободы, а страх – несвободы. Монолог фактически является скрытым диалогом с опущенными репликами собеседников, которые легко восстанавливаются слушателем. Это обуславливает читательскую активность. Речевые поступки персонажа предопределены «советским коллективным бессознательным». Герой знает, что любые властные институты могут заинтересоваться им, при этом причина этой заинтересованности недоступна его сознанию. Сначала он обращается в милицию, затем в военкомат, потом в суд. После неудачи в суде товарищ Чижиков звонит в некое неназванное заведение через коммутатор и называет добавочный номер. Ясно, что герой адресует в самые компетентные органы, которые должны знать и знают о человеке все, вплоть до размера его обуви. Одна из особенностей советского коллективного бессознательного заключается в убеждении, что власти нельзя лгать. Основа этого глубоко укорененного воззрения заключается в понимании власти как чего-то патерналистского и сакрального. Поэтому о самых интимных вещах Чижиков говорит легко и свободно, как на исповеди.

В монологе есть две реалии, которые обладают сакральным характером, потому что связаны с властью. Это телефон и повестка. Сакральность их укоренена в культурной памяти народа. Еще недавно телефон, или «вертушка», мог повернуть судьбу человека в любое русло. Приведем пример из мемуаров известного карикатуриста Бориса Ефимова: «Это товарищ Ефимов? Ждите у телефона. С вами будет говорить товарищ Сталин. Я встал (ноги сами меня подняли). После довольно продолжительной паузы и легкого покашливания в трубке послышался глуховатый голос, который я слышал не раз» [1]. «Ноги сами подняли» человека, разговаривающего с земным богом. У Жванецкого дана инверсивная ситуация, по сравнению с той, о которой пишет Ефимов: не власть снисходит до человека, а сам человек с готовностью быть наказуемым обращается к власти. Вторая важнейшая реальность – повестка. По существу она представляет собой субститут телефонного звонка власти. Того или другого достаточно, чтобы решить судьбу человека. Недаром к деловым бумагам и поныне сохранилось от-

ношение как к чему-то священному. «Этим не шутят», – замечает взволнованный Чижиков.

Н. А. Купина определяет советизм в широком понимании «как слово (сочетание слов, клишированное выражение), обладающее значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства и содержит наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители» [2: 40]. «Советский идеологический код» в монологе Жванецкого проявляется в выражениях «Но вы будете иметь меня в виду?» «Кого спросить? И от кого сказать?» «Я по вопросу вызова...». Бдительность – одна из примет советского человека. Не в последнюю очередь она касается самого гражданина. Недаром непереводимая идиома «Лучше перебдеть, чем недобдеть» устойчиво сохраняется в современной речи.

Речь героя отличает десемантизация, проявляющаяся в ее ритуализации и выхолащивании смысла. Во всех разнородных советских учреждениях героя спрашивают об одном и том же, потому что репрессивный характер учреждений нивелирует их различия. Ритуальность навязывается и человеку. Отношение к власти как к чему-то сакральному предопределяет эвфемистичность и умолчание в речи героя. Так, «компетентные органы» в монологе лишь подразумеваются. Произнести «кожно-венерологический диспансер» стыдно и нельзя. Так формируется специфическая конвенциональность речи советского человека, созданная по принципу «умному достаточно».

Абсурд и алогичность окружающей жизни «простого человека» представляются тотальными, при этом автор дает понять, что существует абсурдистская антилогика созданной системы, с которой не поспоришь, которая находится вне сферы влияния человека. Ему остается только определиться со своей реакцией на нее. Для Чижикова это реакция радостного приятия абсурда жизни в духе бравого солдата Швейка. Чижиков – это трикстер, современный дурак, который невольно для себя оказывается умным дураком. Только завернувшись в кокон юродивого, человек имеет возможность выжить и не сломаться. Тексты М. М. Жванецкого не так просты, как кажутся подчас. Очевидно, прав А. Архангельский, заметивший, что писатель под видом сатиры «выдал на гора философию частной жизни в пределах общей истории. Под видом скоропортящейся эстрады предложил публике долгосрочную писательскую стратегию».

Нам только кажется, что все безвозвратно кануло в прошлое. Ментальные рефлексy советского прошлого благополучно остались и живут среди и внутри нас. Поэтому вопрос гоголевского героя: «Над кем смеетесь?» и следующий за ним ответ по-прежнему остаются в силе.

Литература

1. Ефимов Б. О временах и людях [http://1001.ru/books/efimov/issue58/].
2. Купина Н. А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28). Екатеринбург. С. 40.

О проявлении асимметричного дуализма в синтаксисе**Н. П. Курмакаева**

Донецкий национальный университет (Украина)

kurmakayeva@mail.ru

Позиция, степень специализации, функциональный эквивалент, омосинтаксемы.

Summary. The discussing questions of ratio of parts of speech and sentences according to the basis of asymmetric dualism are considered. The solution in line with the concept of functional equivalence of word forms in filling of positional composition of a sentence is suggested.

О том, что «знак и значение не покрывают друг друга полностью» [1: 85], говорят в лингвистике много и на разных уровнях языка. Заостренное С. Карцевским внимание на явлении «асимметричного дуализма» языкового знака обусловило повышенный интерес исследователей к различным формам его проявления, в том числе и в синтаксисе на уровне соотношения частей речи (ЧР) и членов предложения (ЧП). Это подтверждается результатами многочисленных исследований по теории процессов переходности (трансформации, транспозиции, трансляции) как в системе ЧР, так и в системе ЧП (Ш. Балли, Л. Теньер, Е. С. Кубрякова, В. Н. Мигирин, В. В. Бабайцева и мн. др.). Противоречия, возникшие при анализе компонентного состава предложения по традиции на основе триединства <форма – функция – значение>, привели, как известно, ряд лингвистов к разочарованию в учении о ЧП, к пересмотру критериев. Однако потенциал категории ЧП остается не до конца раскрытым, поскольку в названном ряду отсутствует *позиция* как синтаксически значимая единица состава предложения, обладающая собственной семантикой и некоторым объемом вместиимости, заполнение которой подчинено общим закономерностям внутренней структуры языка.

Исходный постулат: «система языка никогда не бывает «правильной» полностью: она лишь стремится к равновесию, но никогда его по существу не достигает» [3: 52–53]. Очевидно, что при анализе конкретного синтаксического материала необходимо видеть и учитывать механизм балансирования «правильного» и «неправильного» (первичного / вторичного, специализированного / неспециализированного). На уровне соотношения ЧР и ЧП это можно понимать в том числе и как разграничение репрезентантов синтаксических позиций по степени их специализации, т. е. как специализированных или неспециализированных. Эти явления квалифицированы еще Е. Куриловичем как относящиеся к первичным и вторичным синтаксическим функциям, последние подведены им под понятие синтаксической деривации. В настоящее время наиболее зримо процессы, связанные с семантико-синтаксическим дуализмом языкового знака, исследуются в русле концепции функциональной эквивалентности словоформ В. В. Луцкой [2]. Разграничение первичных и вторичных функций (специализированных и неспециализированных знаков), а также идентификация неспециализированных со специализированными – обязательная процедура при анализе позиционного состава предложения. На практике этому не всегда уделяется должное внимание. Так, до сих пор в вузовских учебниках отсутствует четкое представление о типе связи падежное примыкание, которое полностью проистекает из асимметричного дуализма языкового знака по линии <знак – позиция – функция – значение>: *разговаривать без свидетелей; вернуться к утру, расположиться на поляне, идти около километра; человек редкого ума, платье в горошек, портрет отца*. Во всех примерах зависимый компонент обнаруживает функциональный синкретизм, поскольку выступает во вторичной функции как неспециализированная для данной позиции форма. Лексико-грамматическая данность предписывает ему роль дополнения, а семантика занимаемой позиции накладывает значение либо обстоятельственного, либо определительного компонента. Исходя из этой особенности, можно сформулировать определение: падежное примыкание – это подчинительная связь, при которой субстантивная словоформа выдвигается в позицию, предназначенную для наречия или адъектива, и выступает как синтаксически неспециализированная форма с атрибутивным (в широком смысле) значением.

Асимметрия в соотношении ЧР и ЧП обусловлена полифункциональностью большинства словоформ, за счет чего расширяется диапазон синтаксических функций тех или иных частеречных форм. Результатом является функциональная омонимия (омосинтаксемия): одна и та же словоформа в различных синтаксических позициях и функциях. Любое предложение, кроме нечленимого, располагает набором синтаксических позиций, имеющих собственную семантику, обусловленную дистрибуцией, и определенные параметры вместиимости. Каждая синтаксическая позиция теоретически имеет специализированную репрезентацию и некоторый набор неспециализированных репрезентантов, заместителей, или функциональных эквивалентов (ФЭ) специализированной словоформы. Сравним: (1) *На войне* (на чем? на N₆ еще никому не удавалось выиграть (Чемберлен); (2) *На войне* (где? на N₆?Adv) как (3) *на войне* (каково? на N₆?V_{БС}). Выделенные словоформы организуют функциональную парадигму, где (1) – специализированная субстантивная словоформа для позиции дополнения, (2) и (3) – неспециализированные для позиции обстоятельственного места и главного члена безличного предложения, соответственно. Между собой они соотносятся как субстантивные омосинтаксемы (функционально-синтаксические омонимы), составляя «омосинтаксемный ряд полифункциональной словоформы» [2: 132 и далее]. В синтаксисе в таком случае говорят о способах выражения того или иного члена предложения, в конструктивном синтаксисе это формализуется в многочисленных структурных схемах, не всегда совпадающих в различных списках. Так, репрезентант предикативного центра безличных предложений типа *Морозно* Н. Ю. Шведовой и В. А. Белошапковой отнесен к разным классам (наречному и адъективному, соответственно). В концепции функциональной эквивалентности в предложениях *Утро морозно* и *Сегодня морозно* отмечаются не лексико-грамматические, а функционально-синтаксические омонимы, адъективные омосинтаксемы, т. е. одна и та же словоформа – краткое прилагательное в разных предикатных позициях, с различной дистрибуцией, чем обусловлено их семантическое расхождение. Функционально-синтаксический принцип представления структурных схем [2: 163–169] предлагает для данных предложений модификат-схемы N₁ – ?Vf и ?V_{БС}, где знак ? показывает, что позицию, предназначенную для специализированной (глагольной) словоформы, занимает краткий адъектив как функциональный эквивалент специализированной словоформы. Таким образом подчеркивается факт асимметричного дуализма в заполнении позиции предиката. Подобные явления – свидетельства того, почему не дает результатов формально-грамматический подход к корреляции ЧР и ЧП: не учитывается потенциал синтаксической позиции с ее возможностью заполняться как специализированными словоформами, так и неспециализированными формами; не ЧР целиком следует соотносить с ЧП, а их определенные формы с определенными позициями.

Литература

1. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965. С. 85–90.
2. Луцкая В. В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики. Донецк, 2010.
3. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Отв. ред. член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников. М., 1972.

Анаграмматический код в рассказе Людмилы Улицкой «Голубчик»

Т. Г. Кучина

Ярославский государственный педагогический университет

tgkuchina@mail.ru

Улицкая, Голубчик, анаграмма, повествовательная структура.

Summary. The subject of this paper is the role of anagrams in the short story “Golubchik” by L. Ulitskaya. The anagrams of the characters’ names are connected with the most important leitmotifs (life and death, homosexuality, Eros and Thanatos) and musical patterns of the narrative.

Рассказ «Голубчик» принадлежит к числу тех произведений Л. Улицкой, в которых музыкальные мотивы являются структурообразующими, а анаграмматические вариации становятся основой системы лейтмотивов. Музыка – одна из важнейших тем рассказа (Слава и Женя учатся в музыкальной школе, слушают Вагнера и Брамса, видятся в концертном зале), однако в художественной организации текста музыкальные «тематические узоры» составляют не фоновый декор, а опорную конструкцию повествования.

Прежде всего выделим акустические лейтмотивы, используемые для представления персонажей в повествовании. Уже в начальном абзаце рассказа явление Антонины Ивановны сопровождается выдвинутыми на первый план «*e*», «*m*» и «*k*»: «она всепроцентно относилась к категории *теток*, работала в *ту* пору сестрой-хозяйкой, по-старому *кастеляншей*...» [1: 230]. Именно фонетический комплекс *k / c / t* станет основой второго – придуманного Николаем Романовичем и звучащего в несобственно-прямой речи – имени героини: «дорогая *Ксантиппа* Ивановна». Соединен со своей будущей «Ксантиппой» Николай Романович все тем же фонетическим комплексом: в кардиологическое отделение, где работала эта «мягкая *тетеха*», он поступил «как плановый больной в соответствии со своей *стенокардией*» [1: 230] (отметим попутно связывающее «кастеляншу», «Ксантиппу» и «стенокардию» Николая Романовича общее «*n*»).

Возлюбленный Николая Романовича Слава также получает в рассказе второе «имя» – нарицательное заглавное «голубчик». Фонетические ресурсы изображения Славы включают в себя две группы согласных: *c / л / в* и *г / л / б* – в варьирующихся комбинациях. (См., например, первый портрет Славы: «бледноволосый отрок, сидевший в *бельевой* и выглядывавший из-за материнской спины *белейшим лобиком со светлыми щеточками у основания бровей*» [1: 230]; затем его уточнение через призму взгляда Николая Романовича: «*светлое* изящное существо, настоящий гаремный мальчик», «*бледно-голубые глазки*», «*белесые ресницы*» [1: 231]; финальное описание, данное «со слов» Евгении Рудольфовны: «*милое лицо, светленький такой, голубчик*» [1: 245]). Превращение «Славы» в «голубчика» предзадано уже начальным описанием (бледноволосый, светлый, с белейшим лобиком) – но в нем, при наличии нейтральных аллитераций на «*b*» и «*l*», пока недостает ключевого звука – «*g*», которым и будет решена нарративная участь героя (не случайно «*g*» появится вначале в имени Гумберта Гумберта – американского литературного «двойника» Николая Романо-

вича, а затем в определениях «гаремный» и «Ганимед», которыми профессор-античник дополнит образ Славы).

Примечательно, что для своей матери и Жени Слава остается в акустической «зоне» *c / л / в* – и лишь в финальной строчке рассказа Евгения Рудольфовна к характеристике «светленький» добавит словечко Николая Романовича – «голубчик». Размышления повзрослевшей Жени о жизни Славы не покидают фонетических пределов, заданных звуковым составом его имени, и сферы коннотаций, сформировавшихся в повествовании вокруг него. В тюрьме («страшно нависала сто двадцать первая статья» [1: 233] – и наступила-таки «голубчика») *Слава* превращается в *Валиту* (анаграмматическое присутствие исходного имени в блатном прозвище очевидно) – и именно как Валита «вырывает из зубов у жизни» московскую прописку на улице «с *ласковым* названием *Олений вал*» [1: 244]. Опознать убитого Славу-Валиту Евгении Рудольфовне удастся по руке с «*овальными* ногтями» [1: 244] – и эта последняя деталь завершит портрет Славы в рассказе (ранее она не упоминалась). Заключительная фонетическая вариация (Слава – Валита – Олений вал – овалный) будет подкреплена и иконическим образом: впервые появляющееся «*O*» ассоциируется с визуальной формой овального портрета-медалиона – но одновременно и с овалом нуля, обозначающего переход Славы в небытие.

Анаграмматическое вписывание персонажа – через «меченые» атомы-звуки его имени – в исторический или мифологический контекст (кастелянша Ксантиппа, гаремный голубчик Ганимед), в городскую топографию (Олений вал как место прописки Валиты), в сюжетные линии других персонажей неотделимо в рассказе и от собственно музыкальных тем. Совместное слушание Вагнера приводит Женю к осознанию того, что «где-то в районе смерти Изольды» [1: 239] она влюбляется в Славу – и для него она в этот момент находится в его персональной «акустической зоне»: «*милая, ласковая*... живые кудряшки трепещутся надо *лбом*» [1: 239]. Финал кларнетного квинтета Брамса вызывает у Евгении Рудольфовны острое осознание того, что Славы больше нет – и чувство утраты вводится «мелодией» из прошлого – воспоминанием о том, как Слава играл в музыкальной школе на *блокфлейте*. Любовь и смерть в истории «голубчика» слиты в единое целое – ведь у него «ничего не было, кроме *безумной жажды быть любимым* мужчиной» [1: 245].

Литература

1. Улицкая Л. Е. Сквозная линия: Повесть. Рассказы. М., 2002.

Семантические трансформации устойчивых выражений и их компонентов в художественном тексте

Л. А. Лебедева

Кубанский государственный университет (Краснодар)

leb48@mail.ru

Устойчивое выражение, буквализация, символизация, расщепление семантики.

Summary. In a literary text pithy sayings of literary origin and their components show literalisation, symbolization and semantic split.

Устойчивые выражения, восходящие к литературным цитатам (УВЦ), предполагают наличие «устойчивого равновесия» между их формой и содержанием. Стабильность семантики многих УВЦ, устойчивость их компонентного состава и грамматической структуры закреплены речевым узусом и традицией их представления в словарях крылатых слов и выражений.

В отличие от прямого цитирования употребление УВЦ в художественном тексте как речевом произведении часто

сопровождается появлением у него либо семантических трансформаций, либо новых экспрессивно-стилистических и эмоциональных коннотаций, а иногда и того и другого. Так, например, выражение из трагедии В. Шекспира «Гамлет» (в переводе Н. Полевого) *Я любил ее, как сорок тысяч братьев любить не могут* прямо цитируется в пьесе А. Н. Островского «Лес» актером Несчастливцевым: *Люблю ее, как сорок тысяч братьев любить не могут*. В этом контексте выражение имеет высокую стилистическую окраску,

однако в художественных произведениях оно чаще используется (с изменением формы сравнительного оборота и лексической заменой основания сравнения) как шутовское обозначение степени проявления признака или интенсивности действия, например: [Досужев:] *Человек ровно ничего не делает, живет барином на чужой счет... и пьет, как сорок тысяч братьев не могут пить* (А. Н. Островский. Тяжелые дни). *Отлетаев был глуп, как сорок тысяч братьев* (А. П. Чехов. Двадцать девятое июня). – *Кто такая? – Гостья. – Я ее хочу, как сорок тысяч братьев. – Не напрягайся, она только что вышла замуж...* (М. Арбатова. Визит нестарой дамы). *Он наконец осознал серьезность моих намерений, собирался на самолет, как на смертную казнь, и внешне страдал, как сорок тысяч братьев* (М. Арбатова. Мне 40 лет).

Как особый случай трансформации узуальной семантики следует отметить буквализацию в художественном произведении метафорического смысла УВЦ. Примером тому может служить выражение *из искры возгорится пламя* (цитата из стихотворения поэта-декабриста А. И. Одоевского в публицистическом эссе Т. Толстой «Николаевская Америка»: *В николаевской России курение на улицах запрещалось: жестокость, думается, скорее противопожарная, нежели протекающая из тиранического характера режима. Из искры возгорится пламя, – полагал самодержец, не доверяя верноподданым самим запатывать окурки, бычки и махарики. УВЦ рукописи не горят*, восходящее к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», обычно используется для выражения веры в нетленность творчества, в священную обязанность сохранять произведение искусства для потомков [1: 432]. В контексте романа «Москва 2042» В. Н. Войнович совмещает образный и буквальный смысл УВЦ, превращая отрицательную формулу высказывания в утвердительную (*рукописи горят <и сгорают дотла>*): – *Дайте мне эту проклятую книгу, и я ее немедленно сожгу или аннигилирую всю целиком. <...> – Рукописи не горят! – ехидно напомнил мне мой черт высказывание одного предварительного писателя. – Сгинь! – отмахнулся я. – Если кидать их в огонь плотными пачками, они, конечно, горят плохо, но если бросать по листку, предварительно скомкав, они самым основательным образом прекрасно сгорают дотла.*

В художественном произведении можно наблюдать и приемы «расщепления» УВЦ на отдельные элементы, семантика которых, с одной стороны, традиционно обусловлена семантикой целого, а с другой стороны, приобретает дополнительные смысловые приращения за счет авторских семантических транспозиций компонентов УВЦ, контекстной синонимизации слов и дифференциаций их лексических значений. Примером здесь могут служить преобразования элементов УВЦ *отцы и дети* в первой книге мемуарной трилогии А. Белого «На рубеже столетий». Это выражение – название романа И. С. Тургенева, ставшее уже в XIX в. метафорическим обозначением идеологического конфликта представителей старого и молодого поколений. Национально-культурная значимость антинимии «отцы и дети» обос-

нована Ю. С. Степановым, причислившим ее к константам русской культуры [2: 781].

Слово *отец* используется А. Белым прежде всего в прямом значении, и текстовые характеристики отца писателя, профессора-математика Н. В. Бугаева, окрашены положительно: *Его влияние огромно: в согласиях, в несогласиях, в резких мировоззренческих схватках и в жесте таймой, горячей любви он пронизывал меня действенно; с ним я считался – в детстве, отрочестве, юности, зрелым мужем.*

Производное значение слова *отец*, употребляемого в форме множественного числа и закрепленное узусом, – ‘предшествующее поколение, предки’ – в тексте произведения А. Белого отмечено приращением смысла и отрицательной коннотацией: *отцы* – это старшее поколение, которому *дети* – младшее поколение («мы») – противопоставляют себя, отказываясь от устаревших стереотипов сознания, поведения, быта этого поколения (*мы – юноши... не принявшие лозунгов наших отцов; критика наша быта отцов; полуразрушенные бытом отцов дети рубежа до конца разрушили быт отцов*). Более того, слово *отцы*, неоднократно повторяемое, обретает в данном произведении обобщенное, символическое значение. *Отцы* как образ-символ – это уже реакционная общественная сила, направленная против *детей* и вызывающая у них обратную реакцию; *отцы* – это *враги* (ср.: он [символизм] *стал слагаться и бить превышавших и количеством и авторитетом врагов: «отцов»*). Новым содержанием наполняется и слово *дети*: это новое поколение (*Мы – дети того и другого века, мы – поколение рубежа*), противопоставленное не только *отцам*, но и *детям* конца века – *сынкам, Боренькам, Танечкам*, послушно идущим вслед за *отцами*. При этом дифференцируются значения слов *сыны* и *сынки* (*два поколения, два типа детей: сыны и «сынки»*), в узусе семантически недифференцированные.

Таким образом, в тексте происходит не только семантическое расщепление УВЦ *отцы и дети*, но и дальнейшее семантическое преобразование слов-компонентов: наблюдается многоплановость употребления слова в его конкретном и символически-абстрактном или конкретном и образном значениях. Например, в следующих отрывках противопоставлены символически-абстрактное и конкретное значения слова *отец*: *Не было между нами типичных, тургеневских отношений по чину: «Отцы и дети»; моя полемика «с отцами» почти не задевала отца: это-то он понимал, ибо не он ли раскрывал мне глаза на иных из «отцов; Мой идеологический фронт борьбы с «отцами» отца миновал.*

Изменение контекстных связей УВЦ, его буквализация или расщепление семантики, смысловое приращение компонентов повышает экспрессию художественного текста, усиливает его авторскую модальность.

Литература

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. М., 2000.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

«Всего милее полутон...»

(Языковые и стилистические особенности лирической прозы Юрия Казакова)

Н. П. Локтионова

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова (Казахстан)

nploktionova@mail.ru

Юрий Казаков, лирическая проза, язык, импрессионизм.

Summary. The paper is devoted to the traditions of the lyrical prose in the works of Y. Kazakov coming from I. Turgenev, A. Chekhov, I. Bunin. The small writer's genre is characterized by a weak plot, an inner emotional tension of the narrative, an enhanced role of the art detail, melodies of the phrase, a symbol of images, the poetic metaphorical language. The peculiar attention is given to the techniques of Impressionism in the stories of Kazhakov.

Юрий Казаков – достойный продолжатель традиций лирической прозы Тургенева, Чехова, Бунина. Как заметил критик Л. Аннинский, Казаков «был из сферы «чистой формы», из ведомства Паустовского и Бунина: чистая русская речь, пейзажи, простор, охота...» [1: 4].

Создаваемая «на стыке» двух разных полюсов – поэзии и прозы, лирическая проза органически соединяет в себе элементы и того и другого. Это проза с ослабленной фабулой,

повышенно-эмоциональным строем речи, преобладающим авторским «я». В произведениях этого жанра личное, субъективное начало выступает основой художественного воплощения действительности. Для лирической прозы характерны также ритмическая организация текста, повышенная метафоричность языка, приближающая его к поэтическому.

Юрий Казаков мастерски сумел реализовать все эти принципы в своей прозе. «Художник», «живописец» в лите-

ратуре, автор «акварельного» письма – так можно охарактеризовать писателя. Главное у него – мир чувств. Как пишут критики, он «умел быть чувствительным в самом лучшем смысле этого слова». Удивительно трогателен рассказ «Голубое и зеленое». Перед нами монолог молодого человека, который совсем недавно испытал первое большое чувство любви, а затем пережил драму расставания. Интонации рассказа очень сдержанны, но читатель ощущает пронзительную искренность, душевную боль главного героя. Осмысление самого себя, страдания и преодоление их – эти проблемы волнуют многих героев Казакова.

Этот рассказ нередко сравнивают с повестью Бунина «Митина любовь». Сопоставительный анализ помогает выявить сходство и отличие писателей в решении традиционной темы первой любви.

Рассказ «Осень в дубовых лесах» переполнен чувством счастья. Казалось бы, это невозможно передать и описать, и тем не менее Казакову это удалось. Он умеет найти единственно верную интонацию, мелодику рассказа, настроить читателя на нужную эмоциональную волну.

«Шел неслышимый снег. Первый настоящий снег этой осенью... Как славно, что снег, и что приехала она, и мы одни, и с нами музыка, наше прошлое и будущее, которое, может быть, будет лучше прошлого, и что завтра я поведу ее на свои любимые места, покажу Оку, поля, холмы, лес и овраги... Ночь шла, а мы все не могли заснуть, говорили шепотом и обнимались, боясь потерять друг друга, и опять топили печку, смотрели в ее огненный зев, и красный свет пек наши лица...»

Сам писатель признавал: «Надо сосредоточиться на внутренней мелодии рассказа. Если мелодия верна, то и слова она выманит верные». Действительно, музыкальность организует его текст из глубины и обеспечивает этому тексту волшебное воздействие на читателя.

В рассказе «Осень в дубовых лесах» практически нет событий (кроме небольших эпизодов из воспоминаний героя), главное здесь – движение души, попытка запечатлеть миг проникновенного счастья. Ритмическое построение текста создает как бы музыкальный аккомпанемент для центрального образа «осени в дубовых лесах». Рассказ заканчивается на тихой, светлой ноте: «Когда катер скрылся за поворотом, мы, держась за руки, стали подниматься вверх среди редких деревьев в светлом лесу, чтобы посмотреть еще раз на Оку сверху. Мы шли тихо, молча, как в белом сне, в котором мы наконец были вместе».

В произведениях Казакова легко обнаружить особенности импрессионизма (передача полутонов, оттенков, воздушность техники письма, некая недосказанность, внимание к мимолетным впечатлениям и ощущениям). Как писал поэт-импрессионист Поль Верлен, «всего милее полутон, не полный тон, но лишь полтона». Приглушенность тонов, музыкальность – стилистическая особенность прозы Казакова: «Дымки поднимались столбами к небу, но потом сваливались, затягивали, закутывали окрестные холмы прозрачной синью...» (Осень в дубовых лесах).

Казаков выбрал для себя жанр психологического рассказа, объясняя это тем, что именно рассказ дисциплинирует своей краткостью, «учит видеть импрессионистически – мгновенно и точно. Беда ли то, счастье ли: мазок – и миг уподобен вечности, приравнен к жизни. И слово каждый раз иное». Движения души – вот что стало главным объектом художественного анализа у Юрия Казакова.

«Свечечка» и «Во сне ты горько плакал...» – наиболее характерные для лирической прозы рассказы. Они пред-

ставляют собой «разговор двух душ» – отца и сына. Загадка детской души, фатальность судьбы и спасительность веры, поиск истины на границе жизни и смерти – вот проблемы, поднятые писателем в этих глубоко философских рассказах. Основу рассказа «Во сне ты горько плакал...» составляют напряженные размышления рассказчика, вызванные внезапным самоубийством близкого друга. И он связывает в своем сознании этот трагический случай с обращением к своему маленькому сыну. Идет вневременной мысленный диалог. Герой пытается найти разрешение мучающих загадок бытия, обращаясь к ребенку. Звучит мысль о чистоте детской души, ее незащищенности – и особой детской мудрости.

Лирическая проза Казакова отличается ритмической организованностью, в ней нередко можно усмотреть «белый стих». Попробуем расположить казаковскую фразу по правилам стиха:

А теперь вот и земля черна, /
И все умерло, / и свет ушел, /
И как же хочется взмолиться: /
Не уходи от меня, / ибо горе близко, /
И помочь мне некому! // Понимаешь!

Особой ритмичности, музыкальности фразы автор достигает также посредством использования «слуховых» образов, глаголов движения и звучания, приемов аллитерации и ассонанса.

Сам Юрий Казаков в одной из своих статей так определял достоинства лирической прозы: «...чувствительность, глубокая и вместе с тем целомудренная, ностальгия по быстротекущему времени, музыкальность, свидетельствующая о высоком мастерстве, чудесное преобразование обыденного, обостренное внимание к природе, тончайшее чувство меры и подтекста, дар холодного наблюдения и умение показать внутренний мир человека...» [2: 277].

Особая страница в жизни и творчестве Казакова – русский Север, куда привели его страсть к путешествиям и поиск ответов на вечные вопросы. Еще М. Пришвин бродил по Беломорью 50 лет назад, спустя время Казаков отправился по его следам. Маршруты писателя пролегли через Кольский полуостров, Карелию, Мурманск, Архангельск, Соловки, вдоль побережья Ледовитого океана. «Дикая природа, цельные под стать ей люди, суровый поморский быт в северных рассказах Казакова увиденны зорким неравнодушным глазом, их пронизывает ощущение прозрачной временной бездонности» [3: 587].

С течением времени становится все очевиднее, на какую высоту сумел поднять Казаков жанр психологического рассказа, как пригодился его опыт писателям следующего поколения. Казаков предстает перед читателями как поэт родной природы, как тонкий психолог, как писатель, которого волнуют «вечные» вопросы жизни и смерти, счастья, нравственной чистоты и морального уродства. В то же время в его прозе «есть ощущение загадочной простоты: простоты слова, мысли, пейзажа, детали» [1: 4].

Литература

1. Аннинский И. После «Полустанка»... // Литературная газета. 2007. № 32.
2. Казаков Ю. Не довольно ли? // Казаков Ю. Две ночи: Проза. Заметки. Наброски. М., 1986.
3. Кузьмичев И. Казаков Ю. // Русские писатели. XX век. Библиографический словарь: В 2 ч. / Под ред. Н. Скатова. Ч. 1. М., 1998.

Текст детского фольклора как миромоделирующая система (на примере «садистских стишков»)

Е. В. Лопатина

Карлов университет (Прага, Чехия)
e-lopatina85@mail.ru

Анализ садистских стишков выявляет особенности мировидения детей в раннем подростковом возрасте. Осознавая себя личностью, ребенок пытается в этом возрасте выработать собственные представления об окружающем мире, понимая во многом иллюзорность и утопичность всех пред-

шествующих схем взаимоотношений в этом мире, поданных ему взрослыми. Особая картина мира в садистских стишках создается на пересечении представленной в текстах образной системы персонажей, явлений, предметов реального мира и формой их выражения в тексте. С одной стороны, в

мире сатирических стихов действуют реально существующие, окружающие ребенка в жизни люди, обыденные предметы и явления. С другой стороны, способы их выражения в тексте соответствуют нормам также обыденной речи. При совмещении этих двух сторон и рождается новый образ мира – своеобразного «антимира», где происходит переворачивание традиционных законов реальности в действиях и поступках персонажей.

Пример:

*Завуч поймал второгодника Васю,
К стенке гвоздями прибил его в классе.
По анатомии скоро урок –
Будет иметь экспонат педагог.*

В картине мира сатирических стихов происходит отрицание всех форм нравственности, в этом отрицании можно увидеть связь исследуемого жанра с карнавальными традициями, проявляющейся в общем для сатирических стихов и карнавала временном освобождении от господствующей правды, норм и запретов. Мир сатирических стихов, как и мир карнавальная народная культура – «мир наизнанку» (М. М. Бахтин). Но, отрицая нормы и законы, сатирические стихи, по закону карнавальная пародии, одновременно возрождают и обновляют эти же нормы. Важное значение в модели мира, созданной в сатирических стихах, и продолжающей особенности их содержания, имеет смех, – как и карнавальная смех, он веселый и – одновременно – насмешливый, отрицающий и возрождающий, поэтому обычной реакцией ребенка на содержание сатирического стиха является смех, опровергающий возможность осуществления содержа-

ния стихов в реальной жизни и выявляющий их абсурдность. Связано это с тем, что у ребенка к 13 годам уже сформировались представления о нравственности, поэтому он в состоянии отличить добро от зла и воспринимать сатирические стихи как некую шутку, невозможную в реальности.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии в текстах сатирических стихов специфичной модели мира, отличающей данный жанр от других разновидностей детского фольклора. Выявленные особенности представленной в сатирических стихах картины мира определены социокультурными и психологическими характеристиками возраста, к которому относится функционирование данного жанра.

Главной особенностью миромоделирующей системы сатирических стихов является ирония, проявляющаяся как на уровне формы, так и на уровне содержания. Картина мира в тексте сатирических стихов представляет собой воссозданный фрагмент реальной действительности, воплощенный на уровне содержания в виде определенной опасности, которой подвергаются конкретные персонажи, и которая является выражением иронии ребенка по отношению к родительским запретам.

Пример:

*Девочка Таня у клетки ходила.
Снова не надо кормить крокодила.*

На уровне формы ирония имеет более глубокий подтекст, внешне обыденная форма является выражением парадоксального содержания, поэтому главной особенностью модели мира, воссозданной в сатирических стихах, является парадоксальность.

Параномазия в лирике Георгия Иванова эмигрантского периода

М. К. Лопачева

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

lopacheva03@mail.ru

Параномазия, амплификация, оксюморон, Георгий Иванов.

Summary. The paper reviews types and meaning-forming function in lyrical texts by Georgiy Ivanov of such rhetorical figure as paronymic attraction.

Георгий Адамович, высоко ценивший поэзию своего тезки и многолетнего друга Георгия Иванова, в одной из бесед с Ю. Иваском уже после смерти поэта указал и на некий его «порок»: «...стихи всегда приятные, хорошенькие. А сущность ужасная. Тут противоречие. Должен был бы ужасать, колоть, а не приятно звучать» [3: 148–149]. Действительно, поздние стихи Иванова – невероятная по своей искренности хроника одинокого противостояния смерти перед лицом гибельного «ничто» – мелодически организованы совершенно. Но именно это создает тот контрапункт, который вскрывает истинный смысл произведений. Как писал С. С. Аверинцев, всегда «форма... спорит с „содержанием“, дает ему противовес, в самом своем принципе содержательный; ибо „содержание“ – это каждый раз человеческая жизнь, а „форма“ – напоминание обо „всем“, об „универсуме“, о „Божьем мире“; „содержание“ – это человеческий голос, а „форма“ – все время наличный органичный фон для этого голоса, „музыка сфер“» [1: 410].

В поэтическом лексиконе Г. Иванова этот «фон» именуется «музыкай», обозначая универсальный аксиологический критерий в суждениях «о самом главном»: о России («И музыка, сводящая с ума...»), о Пушкине («смутная, чудная музыка, слышная только ему»), о Блоке («черная музыка Блока»). Сама картина мира основана у Иванова на представлении о музыке как о некоем гармоническом начале вселенной («Это музыка миру прощает То, что жизнь никогда не простит»). В поэтической технике Иванова очевидный уклон в интонационно-мелодическую зону выдает его подлинную «родословную»: не акмеизм, с которым ранней литературной биографией он был тесно связан, а просодическая традиция русской поэзии, идущая от Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Фета к Анненскому и Блоку.

Поэтическая «порода» дает о себе знать у Иванова не только смысловыми переключками с предшественниками и сосредоточенностью на звуковой организации текста, но также интонационными и риторическими предпочтениями. Одно из них – повторы. Зачастую в пространстве одного его

стихотворения представлены различные виды повторов. Так в миниатюре «Россия счастье. Россия свет...» наряду с синтаксическим параллелизмом, использованным неоднократно, применены консонантный («Одни снега, снега, поля, поля...») и дистантный («Россия прах. А может быть, Россия только страх...») повторы, анафора (почти в каждой строфе), многосоюзие («И над Невой закат не догорал, И Пушкин на снегу не умирал...»), кольцо («Снега, снега, снега... А ночь долга, И не растают никогда снега»).

Параномазия – один из любимейших Ивановым видов звукового повтора. Лирика Иванова эмигрантского периода по сравнению с ранним периодом творчества заметно эволюционирует в частоте и разнообразии используемых форм паронимических созвучий. Этот очевидный факт свидетельствует о том, что эхо «паронимического взрыва» (В. П. Григорьев), случившегося в поэзии Серебряного века, отнюдь не затихло в 1920-е годы, как указывала Н. А. Кожевникова [2: 237], а достаточно долго звучало в лирике Иванова и следовавшей ему «парижской ноты». При этом, безусловно, это было отзвуком не футуристической – «будетлянской» – тенденции, самодовлеющей, «обнажившей прием» (Р. О. Якобсон), а блоковской, «гармоничной», «использующей паронимию лишь как выразительное средство, но не как некий самостоятельный объект в художественном мире поэта» [5: 237].

Склонность к паронимической аттракции – одна из заметных особенностей идиостиля Г. Иванова. Возможно, эта фигура была особо любима поэтом в силу ее «экономичности», поскольку, с одной стороны, позволяла доводить до совершенства мелодический ряд, питая звукопись, а с другой – семантическими сближениями зачастую полярных понятий становилась незаменимым средством экспрессивного выделения «смысла, раскаленного добела». Именно параномазия, располагающая к каламбуру, как никакая иная фигура была удобна для Иванова в передаче его оксюморонных суждений, основывающихся на представлении о парадоксальном слиянии противоположных начал, о «непререкаемой реальности целого»: «Иду – и думаю о раз-

ном, Плету на гроб себе венки, И в этом мире **безобразном Благообразно** одиноко...». Парономазия как двусоставная стилистическая фигура у Иванова становится универсальным инструментом для передачи его собственного бинарного типа сознания, выразившегося в «таланте двойного зренья». Вместе с тем, нередко двусоставность фигуры у Иванова преодолевается, и создаются целые цепочки созвучий («О, высок, весна, высок твой синий **герем**, Твой душистый **клевер** полевой. О, далек твой путь за звездами на **север**, Снежный **ветер**, белый **веер** твой»).

Звуковую и смысловую плотность ивановских текстов обеспечивает использование различных форм парономазии. Это и паронимические тропы («фиолетовое лето»), и создающие впечатление некоторой избыточности словосочетания («сиянье синевы»), и глубокая рифма («даром» / «ударом», «протянется» / «останется»), и тавтологическая рифма, основанная на омонимах («Листья падали, падали, **падали**, И никто им не мог помешать. От гниющей листвы, как от **падали**, Тяжело становилось дышать...»), и соединенные амплификацией контекстуальные антонимы, образующие парные созвучия («Как я завидовал вам, обыватели, Обыкновенные люди простые: Богоискатели, бомбометатели...»). Особого воздействия созвучных сочетаний Иванов достигает, помещая паронимы в рифменную (как указывалось) или анафорическую позицию, что придает тексту иронический оттенок и одновременно усиливает мелодический строй стиха: «Скучно, скучно мне до одуренья... <...> Скушал бы клубничного варенья...»).

К парономазии Иванов обращается не только как к каламбуру. Игра паронимическими созвучиями – одно из его излюбленных средств достижения эмпатии в драматических сюжетах («Распыленный мильоном мельчайших частиц / В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире...»). В ряду созвучий у Иванова оказываются как целые слова (иногда он сознательно идет на грамматическую ошибку: «осень-весен поджидая»), так и начала слов, а порой целые словосочетания («ни улиц» / «ни лиц»).

Таким образом, парономазия в художественной системе Георгия Иванова столь универсально и столь разнообразно представлена, скорее всего, в силу того, что позволяла художнику переносить центр тяжести с вопросов о звучании на вопросы о смыслах сущего. Ивановская лирика эмигрантского периода – пример того, как данная фигура, оказавшись в руках мастера, по словам Ю. Тынянова, может стать «орудием изменения смысла, оживления давно забытого в слове родства с близкими и возникновения нового родства с чужими словами» [4: 292–293].

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Связь времен. К., 2005. С. 410.
2. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль.* М., 1990. С. 237.
3. Проект «Акмеизм» // НЛЮ. 2002. № 58. С. 148–149.
4. *Тынянов Ю.* Проблемы стихотворного языка. М., 1965.
5. *Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия.* М., 1977.

Речевые характеристики персонажей в «бытовых» рассказах Е. А. Нагродской («Чистая любовь», «Аня», «За самоваром»)

М. В. Михайлова, Лю Инь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mary1701@mail.ru, liuyin610@mail.ru

Реализм, внутренний монолог, просторечие, характерность.

Summary. The reputation of Nagrodskaja (1866–1930) was not established yet. Initially her work was referred to the tabloid literature (the only exception was the novel “The Wrath of Dionysus”, in which Nagrodskaja opened the nature of the “new woman”). In the obituaries the historical chronicle “The River of Time” was highly praised. In the writer’s heritage the modern literature discovers the origins of feminist thinking, the development of the genre of the sensational novel and the promising development of the elements of the fiction. Although the “household” works of Nagrodskaja exhibit the typical traits of the protagonists, which has been opened by the writer through their characteristic speeches, they have not yet attracted enough attention.

Наиболее уничижительная характеристика Нагродской была дана в «Литературной энциклопедии: «Полная антихудожественность в описании лиц и событий, <...> дешевые мелодраматические эффекты <...>» (М., Т. 7. 1934. Стб. 565). Эта оценка превосходила по резкости все выпады дореволюционной критики, которая лишь сравнивала писательницу с А. Вербицкой и упрекала в смаковании пикантных подробностей и эксплуатации модных тем (взаимоотношения полов, женская эмансипация и пр.). «Классовый анализ» (успех «среди мещанства и богемы эпохи политической реакции»), был обусловлен «исключительным ростом антиобщественных индивидуалистических настроений упадочнической буржуазной интеллигенции той поры» заставил автора статьи забыть о необходимости хоть как-то аргументировать обвинение в антихудожественности, которое абсолютно не соответствовало действительности. Художественные достоинства самого знаменитого произведения Нагродской – романа «Гнев Диониса» – были признаны даже недоброжелателями. Но это, может быть, и послужило писательнице плохую службу, т. к. все написанное ею впоследствии сравнивали с этим бестселлером Серебряного века, печатавшимся 10 раз. Его шокирующая экстравагантность, откровенность описаний, замысловатость взаимоотношений героев, тонкий психологизм не позволили критикам разглядеть поиска автора в других направлениях. Во всяком случае сборник рассказов, вышедший спустя год после появления романа, прошел почти незамеченным и получил всего-навсего один критический отклик (Современник. 1912. № 1. С. 371–372), из которого следует, что критик просто не разобрался в содержании напечатанных произведений, возможно, не дочитал их до конца, а самое главное – не уловил иронию, которая со временем станет отличительным знаком Нагродской при обращении к про-

блеме феминизма. Она высмеивает крайности этого движения, дикость его трактовки, которая в кругах «передовых» женщин соседствует с самыми отсталыми взглядами и убеждениями. Собственно об этом ее сценка «За самоваром».

Сам жанр предполагает самопроявление характеров, максимально реализуемых через высказывание. К Жене, зарабатывающей на жизнь совсем не благонаправленным образом и решившей в честь религиозного праздника в родном селе «отдохнуть» от посетителей, навязываются непрощенными в гости две барыни, одна из которых, во-первых, проявляет неумное любопытство к ее «занятию» (желая этим поразить подругу), а во-вторых – расценивает занятие проституцией как проявление свободы и независимости и как протест против мужского порабощения (опять-таки желая дать подруге понять, сколь она свободно мыслит). Постоянное обращение к Жене «Душечка», назойливая просьба рассказать о «приключениях», лозунги-выкрики («Мужчины – подлецы!», «Жены – законные содержанки своих мужей!»), самолюбование («я проклинаю свою судьбу, которая загнала меня в тесные рамки, – я рождена быть Фриной, Аспазией!»), хвастовство непривлекательными поступками («Я как Нора, бросила даже детей!»), выставление себя героиней («Мое назначение быть мстительницей! Я сделаюсь гетерой и буду топтать мужские сердца») – все это говорит о недалекости и примитивности носительницы «феминистского сознания». А ее разочарование в Жене, когда та ужасается даже одной мысли о том, чтобы в качестве мести заражать мужчин дурной болезнью, предварительно заравнившись самой («да он же домой пойдет... а может, там дети...»), и признается, что ее мечта – порвать с прежней жизнью и открыть чайную, – свидетельствует о своеобразном «идолопоклонничестве», которое заменяет новомодным эмансипанткам подлинное знание предмета («Вы не должны, вы не смеете променять вашу

жизнь на какую-то глупую чайную! <...> В глазах всех мыслящих людей вы потеряете право на уважение!»). После этого Полина Семеновна теряет всякий интерес к несостоявшейся «народной мстительнице» и гордо удаляется, оставив недоумевающую Женю, характер которой раскрывается в ее немногочисленных репликах, в которых просторечные обороты речи соседствуют с «интеллигентными» словами («<...> и ей конфуз, и мне неудобно»; «Очень это грустно потерять мамашу»; «Какой же интерес вам в моей жизни»; «<...> другой раз думала, что помереть лучше» и т. п.).

Иначе построен характер Мурочки из «Чистой любви». Здесь Нагродская прибегает к эпистолярному тексту, чтобы ярче оттенить фигуру девушки, воспитанной в ожидании великой любви, т. е. по «образцу», завещанному предшествующими поколениями, когда предназначение женщины мыслилось как готовность жертвовать собою во имя «святого чувства» (она и пожертвовала своею честью, за что он обязан, по ее убеждению, расплачиваться всю жизнь). Также о многом говорят монологи Мурочки, в которых она изливает обиды на своего избранника, не сумевшего оценить ее всепоглощающей любви (при этом ей абсолютно безразличны его многолетняя спутница жизни, их дети), но одновременно угрожает ему самоубийством. Экзальтация и истеричность выражается в прерывистых, не связанных друг с другом предложениях. Одновременно она произносит затверженные расхожие формулы о любви, вычитанные, вероятнее всего, из романтических произведений, что, на ее взгляд, призвано подтвердить ее неземную любовь (это также входит в атрибутику «женского предназначения»): «

<...> страсть не рассуждает, настоящая любовь, которая соединила нас, ломает все на своем пути, все, все!»).

Особый интерес представляет в отношении разработки характеров героев «семейная мелодрама» «Аня», где автор перемежает повествование от третьего лица, где даются характеристики персонажей «со стороны», с внутренними монологами, в которых передаются переживания героев, их мысли, разочарования, сомнения, переход из одного состояния в другое. Также предлагается вслушаться в их диалоги, произносимые реплики, мысли вслух... И этот контраст дает замечательный результат. Характеры делаются объемными, внешнее поведение и внутренний мир не совпадают. И вот уже в примерной дочери, принявшей на себя мыслимые и немыслимые домашние обязанности, мы видим страдающую женщину, которая понимает, сколь бессмысленен ее труд на благо семьи, которой, по сути, уже нет. А в ее суровой матери, «синем чулке», воспитывавшей детей по педагогическим книгам и следующей раз и навсегда установленным правилам, скрывается, как кошка, влюбленная в мужа женщина, идущая на поводу у своих инстинктов. Но самое отвратительное зрелище представляет собою глава семейства, прикрывающий свою ложь правильными фразами о почитании старших, о собственных страданиях и неограниченном благородстве.

Итак, разобранные произведения Нагродской свидетельствуют о ее незаурядном мастерстве, умении лепить характеры, чему помогает следование традициям русской реалистической литературы (в частности, заветам И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого).

Язык как антитеза небытию в творчестве И. Бродского

В. И. Муц

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mutsvaleria@mail.ru

Иосиф Бродский, русская поэзия XX века, языковой миф Иосифа Бродского.

Summary. This paper provides an interpretation of a concept of language in Joseph Brodsky's poetry. It concentrates on the idea of language as a destroying force of death and non-existence, describing main attributes of these in Brodsky's texts and means which poet as a language creator can oppose to them.

Иосиф Бродский верил, что творческий акт в языке дает поэту возможность уподобиться демиургу, стать творцом новой лингвистической реальности, в конечном счете, повлиять и на действительное бытие. Закрепление в языке было для поэта аналогом гораццианского памятника, потому что творчество – единственное, что человек создающий может противопоставить перспективе небытия. Тему «языковой миф» Иосифа Бродского разрабатывали многие исследователи творчества поэта: Р. Измайлов, В. Полухина, Л. Лосев, И. Плеханова, В. Куллэ и другие. Но представляется важным, основываясь на предшествующих работах, более глубоко раскрыть проблематику противостояния поэта небытию при помощи языка.

Небытие в творчестве поэта наделено двумя значимыми характеристиками: это – пустота и тишина. Единственное, что можно им противопоставить – язык.

Стихотворения, в которых такое преодоление осуществляется, можно разделить по двум принципам: хронологическому и жанрово-тематическому. Хронологически эта тема интересовала Бродского почти с самого начала творческого пути, она появляется в редуцированном виде еще в ранних стихотворениях, например, «Как тюремный засов...» (1964 г.). Позднее тема эволюционирует в одну из главных в его творчестве. Это подтверждается и жанрово-тематической классификацией. Среди стихотворений, в которых возникает и развивается данная проблематика, можно выделить следующие разновидности: большие стихотворения («Осенний крик ястреба», «Примечания папоротника», «Каппадокия»), циклы стихотворений («Строфы» (1968), «Натюрморт», «Строфы» (1978), «Эклога 4-я (зимняя)», «Эклога 5-я (летняя)», «Римские элегии», «Келломяки», «Послесловие»), эпиграфы, и, наконец, стихотворения-воспоминания, посвященные не конкретному человеку, а какому-то периоду, моменту, иногда даже целой эпохе («Конец прекрасной эпохи», «Пятая годовщина», «Ломтик медового месяца», «Песни счастливой зимы», «Ты забыла деревню, затерянную в болотах», «Помнишь свалку вещей на железном стуле»).

Третью разновидность можно разделить по характеру адресации на следующие типы стихотворений: стихотворения, посвященные историческим лицам («Двадцать сонетов к Марии Стюарт»), творцам слова («Большая элегия Джону Донну», «Литовский ноктюрн Томасу Венцлова», «Декабрь во Флоренции», «На столетие Анны Ахматовой»), умершим знакомым и близким людям («Письмо в бутылке», «Элегия» («До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу...»), «Памяти Т. Б.», «Памяти отца: Австралия», «Памяти Геннадия Шмакова»).

Каждое из этих стихотворений по-своему стремится нивелировать одну из характеристик небытия. Часто небытие в лирике предстает как тишина и молчание, а умирание характеризуются утратой языка и удушением как невозможностью производить звуки. Смерть в языке может совпасть с физической, но может наступить и значительно раньше, что приравнивается поэтом к смерти духовной, полному обезличению. Жизнь, напротив, соотносится с речью, с языком, с движением пера по бумаге, со звуком. Частотен образ гортани как средоточия речи, и, следовательно, как важнейшего органа в анатомии человека. Лирический герой часто сравнивает себя и других со звуком или буквой. Например, память о жизни ушедших близких предстает только как память о их голосе, а не о визуальном образе и чертах характера («Памяти отца: Австралия», «Элегия»). Связана с этим и постепенная утрата героем языка, соотносящаяся со старением, и грядущее замолкание как смерть (например, «Письмо в бутылке», в котором герой жив, пока длится его речь, а перерывы в ней знаменуют близость к смерти; «Послесловие», в котором, старея, лирический герой постепенно умолкает).

Наконец, апофеозом утраты языка является тишина как признак погребения в небытие. Единственное, что способно ее нарушить – творческий акт в языке. Например, в стихотворении «Примечания папоротника»: «посмертной тишине» противопоставлен «скрип пера / в тишине по бумаге – бесстраше в миниатюре». В «Осеннем крике ястреба»

птица (прообраз лирического героя) разрушает тишину надвигающейся смерти криком (творческим актом). В «Строфах» (1968) поэт утверждает прямо, что творчество в языке нивелирует страх перед смертью: «чем гуще россыпь / черного на листе, / тем безразличней особь / к прошлому, к пустоте / в будущем».

Здесь упоминается второй неперенный атрибут небытия – пустота. Он напрямую связан с поэтикой вещиности у Бродского. Детальные перечни вещей призваны заполнять эту пустоту, зафиксировать мир в языке и тем самым удерживать его от распада. Стихотворение, по мысли исследователя Р. Измайлова, оказывается «языковым миротворением» [2: 10]. Созидательная функция языка заполняет пустоту и удерживает лирического героя-творца на границе между бытием и небытием (например, в «Большой элегии Джону Донну»).

Это свойственно всем стихотворениям, посвященным творцам слова. Поэт, посредством которого существовал и развивался язык, тем самым в какой-то мере преодолел смерть, поднялся над небытием, создал свой собственный

«памятник», потому что его языком теперь говорит «толпа». «Бог сохраняет все. Особенно – слова...».

Таким образом, небытие в стихах Бродского чаще всего предстает как тишина и пустота. Противостоит этому только творческий акт в языке, возвышая тем самым язык до божественного начала, неподвластного небытию. Преодоление это осуществляется не только лирическим героем на бумаге, но и самим поэтом. Поэт оказывается неподвластным небытию, пока длится его речь, и речь эта не кончается с наступлением смерти. Поэт продолжает жить в языке, пока остается его «памятник», та самая «кириллица», которая знает, как «чернеть на белом, покуда белое есть, и после».

Литература

1. Измайлов Р. Р. Время и пространство в поэзии И. Бродского. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
2. Измайлов Р. Р. Языковой миф Иосифа Бродского // Чернеть на белом, покуда белое есть. Антиномии Иосифа Бродского. Томск, 2006. С. 191–204.
3. Лосев Л. В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М., 2008.

«Теплое поле» и «холодная страна»: «теплый» и «холодный» в языковой картине мира Андрея Платонова

Л. Н. Некрасова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

carinjo@mail.ru

А. Платонов, температурные прилагательные, картина мира.

Summary. The paper deals with the analysis of the adjectives “warm” and “cold” in Andrej Platonov’s texts and of the role which heat and cold play in a picture the world of the writer.

1. Температурные ощущения являются одним из видов осязания – базового ощущения, дающего человеку информацию о предметах и мире. Температурные ощущения играют важную роль в жизни человека, так как определяют, комфортна ли окружающая среда.

2. Значимость температурных показателей для человека обусловила активное формирование метафорических и метонимических переносов у слов, входящих в семантическое поле «Температура». Слова со значением температуры при переносном употреблении могут выражать оценку; «теплый» в большинстве случаев имеет положительную оценку («комфортный в каком-либо отношении для человека»), а «холодный» – отрицательную.

3. Прилагательные «теплый» и «холодный», обозначающие тактильно воспринимаемые признаки и используемые в речи для обозначения свойств предметов, у Платонова чаще всего употребляются в следующих ситуациях:

- для обозначения температуры человеческого тела / его частей или происходящих внутри тела процессов («*большое холодное тело Афродиты*»);
- для описания ментальных и эмоциональных процессов («*ощущая в себе теплую волну позора*»);
- для описания пространств, как замкнутых, так и открытых («*мимо теплых летних бульваров*»).

4. Исследователи часто говорят о деформации языковой нормы в текстах Платонова. Можно отметить два вида «языковых неправильностей», связанных с употреблением в платоновских текстах температурных прилагательных:

- избыточное указание на температуру: «*бабмаки, которые она носила, когда была теплой и живой*»; «*теплые глаза*»;
- нарушение лексической сочетаемости температурных прилагательных. Например: «*теплый потолок*» (в норме человек не определяет температуру потолка); «*глядел в освещенное теплое поле*» («теплый» не сочетается с названиями больших пространств).

5. Нарушение языковой нормы привлекает внимание читателя к этим конструкциям и приводит к актуализации важных для писателя смыслов.

6. Анализируя употребление температурных прилагательных в текстах Платонова, можно выделить ряд идей:

- отмеченная многими исследователями синонимия «теплый» и «живой». Воплощением жизни (тепла) является новорожденный человек, поэтому его можно назвать «те-

плый комок»: «*Когда твой теплый комок родится, он уже не остынет*»;

- связь тепла и материнства: «*Они в Чевенгуре, как в теплом животе, скорее дозреют*»;
- враждебность мира по отношению к человеку. Платоновские герои должны сохранить свою жизнь (тепло), поэтому большое значение имеет температурная характеристика пространств. Так появляются «неправильные» платоновские фразы «*освященное теплое поле*», «*спастись в холодной стране, нагретой дружбой и трудом*»; «*открыла окно в потухающую теплую Москву*». Прилагательное «теплый» может характеризовать мир в целом: «*ему хотелось закрыть сейчас глаза, чтобы открыть их завтра, когда встанет солнце и мир будет снова тесен и тепл*». От холода человека также защищают травы и овраги, отсюда «*в теплом бурьяне*», «*в теплых оврагах*»;
- противостояние внутреннего тепла героев внешнему холоду. Платонов подчеркивает необходимость сохранять тепло человека от враждебного внешнего мира: «*Почувствовал холод на веках и закрыл ими теплые глаза*».

7. «Теплый» в языковой картине мира Платонова не всегда имеет положительную оценку. Как отмечает Е. В. Рахилина, «теплый» в метафорических употреблениях значит, прежде всего, «приятный человеку». Такое значение прилагательное сохраняет и в платоновских текстах: «*теплые уютные горницы*», «*большие теплые руки деревни*». Однако рассмотрение более широкого контекста позволяет понять, что для Платонова именно эта идея комфорта, стремления к личному удобству неприемлема: «*Чепурный и сам считал своим домом то кирпичное здание, а не эти теплые уютные горницы*»; «*Он [Дванов] испугался погнубить в больших теплых руках деревни, задохнуться в овчином воздухе смиренных людей*». Герои писателя стремятся к счастью не для себя, а для других, и потому идут вперед, «*теряя свое тепло на холодных прохладных* [так в оригинале. – Л. Н.] *дорогах*».

Литература

1. Дмитриевская М. А. Язык и мирозерцание А. Платонова: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1999.
2. Мерзлякова А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). М., 2003.
3. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2003.

Идиостиль Ф. Искандера как лингвистический и культурный феномен

А. П. Романенко

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

sandji93@mail.ru

Идиостиль Искандера, народная, официальная культура, нарратив, ирония.

Summary. The individual style of F. Iskander is characterized by the correlation of two elements: an epic narrative and ironic modality. The first source is manifested in the structure of the narrative, as a tree – symbol of folk culture. The second source is manifested in a gentle irony in the depiction of the Abkhaz people's culture, and in cutting – in the image of the Soviet mass culture.

Индивидуальный стиль Фазиля Искандера образуется взаимодействием, сочетанием двух начал: эпическим нарративом и иронической модальностью. Здесь идет речь только о сатирической прозе писателя, не рассматриваются его поздние прозаические и стихотворные тексты

Эпический нарратив проявляется двояко: метапоэтически и в характеристике героев и их культурно-семиотического поведения. Структура нарратива, образцом которого является разговорный рассказ (этот жанр присущ и автору и импонирующим ему героям), представляется в виде дерева: это растущая, разветвляющаяся структура со своими «корнями», «стволом», «ветвями», «корнями». В то же время дерево, по Искандеру, это символ народной (абхазской) культуры, противостоящей массовой официальной (советской) культуре.

Ироническая модальность проявляется герменевтически и семиотически: в принципиальном толковании, интерпрета-

ции знакового поведения героев и автора, в комическом изображении трансференции, служащей художественным приемом. Иронической интерпретации подлежат любые действия человека (и автора и героев), тем самым все изображаемая жизнь человека или животного предстает как семиотическое и символическое действие. Особое место в идиостиле занимает ироническое изображение трансференции как следствия многоязычия, свойственного народной культуре. Ирония как модальность градуальна и разнокачественна: она может иметь разную степень (от легкой до жесткой) и разное качество (от дружелюбной до саркастической). Степень и качество иронии являются маркерами народной и официальной культуры.

Оба начала (эпический нарратив и ироническая модальность) составляют существенную черту образа автора в сатирической прозе Искандера.

Ономастика в художественном тексте: прозвище и имя (на материале творчества Шмелева)

Е. Г. Руднева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kolotilovan@mail.ru

Прозвище, имя, художественный текст.

Summary. The author of the paper researches the role of names and nicknames of characters in artistic text.

В художественном тексте ономастика играет смыслообразующую роль [1]. Один из приемов ее использования – эстетическая игра прозвищем и именем персонажа. О Гоголе, Лескове, Достоевском, Шмелеве можно сказать «они мыслят именами» (П. Флоренский). Примером могут служить художественные тексты И. С. Шмелева.

В основе его поэтики – сквозной стилиевой принцип анти-тезы, контраста, завуалированных или явных противопоставлений в использовании предметных, сюжетных, словесных деталей, призванных явить красоту и изначальный смысл бытия, скрытый под коростой повседневной жизни. В ономастике это проявляется в антитезе прозвища и имени. Прозвище нивелирует личность человека, имя же знаменует целостное «душевно-духовное строение личности» [2: 23].

В повести «Неупиваемая Чаша» Шмелева имена персонажей заменены прозвищами, искажающими их человеческое достоинство. Главный герой получил от цыганки насмешливое прозвище «маркиз вшивый», выделяющее его из среды крепостных, но полностью лишшающее его личного имени. Вариации Илья – Илюшка – Илюшечка – Илья Терентьевич возникают по мере становления личности героя.

В именах героев Шмелев сопрягает исходные древнееврейские, древнегреческие, латинские значения имен с именами литературных прототипов персонажей. Имя скотницы Агафьи вызывает в памяти Пшеницыну из «Обломова» Гончарова, невесту из «Женитьбы» Гоголя, экономку Леви-на из «Анны Карениной» Л. Толстого и в особенности Агафью Власьевну из «Дворянского гнезда» Тургенева – няню Лизы Калитиной, сформировавшую религиозное сознание своей воспитанницы и ушедшую в конце жизни к раскольникам (что отнюдь не безразлично для Шмелева). Подобным же образом имя госпожи Анастасии совпадает с именем героини «Белых ночей» и «Идиота» Достоевского.

Но имена шмелевских персонажей намекают не только на литературные прототипы. В них оживают исходные еврейские, греческие, латинские значения, открывая как бы глубинный универсальный план их существования. Агафья в переводе с греческого «добрая, хорошая», Анастасия – «воскресшая, бессмертная», в русском православном сознании она нередко отождествлялась с Пречистой. Эпитеты

«радостная», «праздничная» связаны, помимо прочего, с тем, что, как показал еще А. Веселовский, Анастасия была олицетворением нерабочего праздничного дня недели. Идеализация героини в повести усилена символикой дат ее жизни: 23 мая 1833 – 10 марта 1855, в них содержится тайное указание на иконические праздники с символическими названиями «Живоносный источник» и «Отрада и утешение».

Жизнь Ильи начинается и завершается при участии Агафьи, заменившей сироте мать, а его творчество наполняется высшим духовным смыслом благодаря любви к красавице Анастасии. Герой называет ее Мадонной, что вызывает ассоциации не только с итальянским Возрождением (Рафаэлем), но и с поэзией Пушкина, и с размышлениями Чичикова о том, что художник мог бы написать Мадонну с губернаторской дочки, а также со статьей В. Жуковского о «Рафаэлевой Мадонне» и др. Исходные значения имен учтены и в других случаях: Спиридон – греч. «надежный», Фефела – «любящая Бога», Панфил – «всеми любимый». В именах повара, ключницы и шорника присутствует *второй план*, усиливающий нравственно-религиозную составляющую народной жизни, а вместе с тем эти номинации напоминают редкие, почти экзотические имена у Гоголя (Феодулия) и Лескова (Памфилон). Наконец, имя главного героя происходит от древнееврейского Илия – «крепость Господня», «мой Бог Яхве»; в греческом оно означает «Солнце»; у славян – громовержец, на Руси – пророк, поэтому в церкви, расписанной Шароновым, «Илья Мужичкий молниями гремит в тучах». Писатель синтезирует эти значения, дополняя их намеками на былинного богатыря Илью Муромца и на художника Илью Репина.

Таким образом, основной принцип ономастики в повести Шмелева – контраст исходного значения имени, проявляющего духовную суть личности, и забытого, стершегося, затемненного вековым употреблением его в условиях сложившихся «противоестественных» отношений.

Литература

1. Альтман Л. Достоевский: по вехам имен. Саратов, 1975.
2. Флоренский П. Имена. М., 2006.

Особенности комического у Андрея Платонова

З. С. Санджи-Гаряева

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

sandji193@mail.ru

Комическое, народный, шутка, Платонов, бюрократический язык, сатира.

Summary. The comic side in A. Platonov prose. A. Platonov laugh has a dual nature: social and psychological. National character of laugh, which had a form of a joke at an early period, had changed in 20–30 years, taking the form of satire, irony, parody.

Комическое у Андрея Платонова имеет двойственную природу: социальную и психологическую. Социальная сторона проявляется, с одной стороны, в связи с народной смеховой культурой, с другой, в рефлексии писателя над современной советской действительностью и бюрократическим языком революционной эпохи. Психологический аспект связан со складом личности Платонова, способной подмечать смешное, склонной к языковому «балагурству» в лихачевском понимании. Названные аспекты между собой тесно связаны и должны учитываться при изучении феномена, называемого «смеховое слово А. Платонова».

В прозе Платонова есть все формы комического: элементы сатиры, ирония, пародия, шутка. Смеховое начало у Платонова Л. Шубин объясняет принадлежностью его к народной культуре. Народный характер платоновского юмора проявляется прежде всего в ранних произведениях, герои которых в своей речи используют шутки, прибаутки, присловья (или приречья), содержащие юмор в самых разнообразных его оттенках – от язвительно-насмешливого (реже) до беззлобного и добродушно-мягкого (чаще). Прибаутки, как правило, ритмически выстроены: *Это все допустимо, ...недопустимо знаешь что? На небо залезть, да пупок с пуза на лоб перенести, да еще кочетинное яйцо снести* (Душевная ночь); *Живи храбрее – жми друг дружку, а деньги в кружку* (Котлован); *Не трожь Варю, она не сладкоежка: сходит на двор – не увезешь на тележке* (Ямская слобода); *А что ж невтерпеж, ни вздохнуть, ни рыгнуть* (Володькин муж); *Нет, в песке большая сила, – говорил Жмых, – только ума во мне не хватает: учен дешево и рожден не по медицине* (Иван Жох); *Но-но, ошметок, тяни – не удручай, потягивай, не скучай* (Цыганский мерин). К прибауткам близки различные присловья: *Не робей, сукни сын, раз есть хочешь; А то считай до половины – и садись на мушку; Хватись сотку – сразу тебе кажется и равенство и братство!* (Чевенгур).

В текстах Платонова возможна модификация «исходного материала», поэтому часто трудно отличить образные выражения, взятые из народной речи, и созданные автором: *Ты все равно не утешись – не баба; А теперь революция – нам ветер в зад* (Душевная ночь); *А народу, как ржи в мешке* (О потухшей лампе Ильича); *А у Пухова все дрожало внутри. «Вот это дело, – думал он, – вот она, большевистская война, – нечего здесь яйца высиживать; Жизнь не в талию пришла»* (вариант: *не по диаметру*); *А на снегоочистке делать нечего – весна уже в ширинку дует; Везде разруха, а у него одного свет под абажуром* (Чевенгур).

Комическую функцию выполняют у Платонова эвфемизмы, встречающиеся как в авторской речи, так и в речи героев. Чаще всего они используются для иносказательного обозначения физиологических процессов и состояний человека: *А Иван совсем ошалел. Мартын же иногда давал ему направление: – Аджюджорил бы какую-нибудь лявру, оно и спало бы. Пра говорю!* (Рассказ о многих интересных вещах); *Старик-прочий страдал ветрами и потоками... Но еле отъехав от околицы, Чепурный услышал звуки болезни старика и вынужден был обнаружить его, чтобы прове-*

рить причину таких сигналов в степи (Чевенгур); *Но, дьявол, колбаса твоя задним ходом прет* (Чевенгур); *Покурив, Пухов вылез из вагона, и здесь только обнаружил гром бури, зlobу холода и пальбу сухого снега. – Вот сволота! – сказал Пухов, еле управляясь с тем, с чем ему нужно было управиться* (Сокровенный человек).

Юмор раннего периода окрашен модальностью мягкой снисходительности и сочувствием к объекту изображения, которым является человек из народа.

Со второй половины 20-х годов характер комического в произведениях Платонова меняется, что обусловлено, во-первых, с изменением стиля Платонова (народно-просторечная речь сменяется книжной), во-вторых, усилением критического отношения писателя к усиливающейся бюрократии и ее языку.

Хотя Платонов не считал себя сатириком, элементы сатиры, безусловно, в его творчестве есть. Как свидетельствуют современники, повесть «Город Градов» была воспринята как безусловно сатирическая. В повести «Впрок» также много случаев сатирически заостренных изображений явлений новой колхозной жизни, к ним можно отнести, например, описание аплодирующего автомата, изобретенного механиком Григорием, эпизод, в котором председатель колхоза «Доброе начало» Кондров, обернув руку газетой «Правда», ударил в ухо предрика, рассказ о Боге-старике, у которого светился нимб от батареи и др.

Комический эффект возникает при столкновении малограмотной, народной речи с бюрократическим, книжным языком. Платоновский герой, человек из глубоких народных низов, пытается усвоить новый язык, говорит *не своей речью*: *– А как же иначе, чудак? Промысел – это, брат, надлежащее мероприятие, – ответил Шариков не своей речью* (Сокровенный человек).

Смешение «старых» и «новых» элементов языка приводит к многочисленным искажениям и «аномалиям» (термин Т. Б. Радбиля), многие из которых комически окрашены.

Бюрократический язык 20-30-х годов в произведениях Платонова трансформируется таким образом, что эта трансформация имеет приобретает иронический и пародийный характер. Особенностью Платонова была аллюзийная соотнесенность с речевой практикой 20-30-х годов: с политическими лозунгами, газетными штампами, ключевыми словами послереволюционного времени, и, более того, с речами и статьями Сталина.

Таким образом, смеховое слово А. Платонова рождается на пересечении двух речевых стихий – народной и официально-бюрократической. Формы комического на раннем этапе черпаются из народной смеховой культуры, на более позднем возникают при столкновении с советским новоязом. Будучи творческой языковой личностью, А. Платонов в целях создания комического использовал языковые механизмы всех уровней. В пародийно-иронической форме писатель разрушал складывающиеся на его глазах стереотипы и штампы нового языка, показывая их чужеродность для своих героев и для себя.

«Проектный» дискурс романа Дюсенбека Накипова «Круг пепла»

Н. К. Сарсекеева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Sarsekeeva1403@inbox.ru

Дискурс, модернизм, метафоры, автор, психологизм.

Summary. The report based on the novel D. Nakipov «Circle of ash» were considered novel «design» discourse, analyzed historical and cultural dominance, the peculiarities of the author's strategies and experiments with language

В текущей казахстанской критике и литературоведении все чаще и серьезнее обсуждаются вопросы, связанные с

мультикультурализмом и интермедийностью современной казахской литературы. Характер художественных поис-

ков связан с усложненной метафоричностью, многослойностью повествования, «потоком сознания», орнаментальностью письма, жанровыми экспериментами и оригинальными авторскими стратегиями. Все более распространенным становится «децентрирование» автора, его «размытость» в ирреальности текста и сюжетных ходов. Современные казахстанские авторы все более осознают «свою функциональность по отношению к тексту», что характерно также для многих литератур мира.

Казахские писатели «новой волны» свободно владеют различными литературными методами, обладают яркой индивидуально-авторской манерой письма. Не замыкаясь в узких национальных границах, они нередко выходят на уровень глобальных обобщений, выраженных в многоплановости сюжетных коллизий, углубленном психологизме, связанном с памятью о недавнем прошлом и глубокой тревогой о будущем. Так, автор многочисленных сборников стихов и поэм, диологии, состоящей из романов «Круг пепла» и «Тень ветра» (2006, 2009), выпускник Московского академического хореографического училища (ныне Московской академии классического танца), танцевавший в балетных спектаклях Большого театра, в течение 20 лет бывший солистом балета Казахского ГАТОБ имени Абая, ныне – председатель Союза хореографов РК, а также поэт и писатель по призванию, Д. Накипов, не устает повторять в своих выступлениях, что Казахстан сегодня – суверенное государство, которое ищет свои духовные корни, модель пребывания в современном глобализованном мире. Эту модель могут подарить, по его мнению, писатели, поэты, философы – мыслители, гуманитари.

Д. Накипов по возрасту относится к писателям и поэтам старшего поколения, но резко выбивается из него по своему ощущению пространства и времени. Представляя «новый казахстанский роман», он эстетически близок к творчеству условно тридцатилетних авторов. Писатель глубоко убежден, что каждая эпоха, в конечном счете, именуется по светилам культуры, а от каждого времени остается, как знак, только литература и искусство. В романе «Круг пепла», названном писателем «романом – прозрением», театр поставлен в центр произведения, потому критики и называют его «театральным». Основные «события», если можно так выразиться, происходят в середине прошлого века – 1950–1970-х годах, а также в конце 1980-х, в основном в Алма-Ате. Как у танца в стиле модерн, сюжет произведения сложен, трудноопределим, многослоен. Театр, по словам Д. Накипова, все время несет в себе необыкновенно внутренний драматизм, и ему хотелось попробовать войти в романе «внутри» театра, пройти за кулисы, где зарождается весь драматизм. В «Круге пепла» писатель проводит контраст особого драматизма театральной жизни по сравнению с внешним застойным временем 1960–1970-х гг., ощущая театр как живой организм.

«Круг пепла» насыщен конкретикой исторических и культурных событий разных периодов. Ярko представлен образ «геня первого ранга Земли и Вселенной» художника Сергея Калмыкова – чудаковатого человека, которого ныне знает весь мир как представителя русского авангардного искусства. Одна из основных линий романа – линия конца времени, эсхатологическая – связана с главным образом-мотивом, вынесенным в заглавие, своеобразным мостом между разными временными пластами цивилизаций. В основе его лежит сложная «проектная деятельность» автора в об-

ласти сюжета, идейного замысла, композиции. Присутствующие в «Круге пепла» мотивы реальной истории (гогод 1930-х в Казахстане, мотив декабрьских событий в Алма-Ате 1986 года и др.) лишь пунктирно объединяют разоб-щенных, одиноких героев (четко выстроенные сюжетные линии у Д. Накипова отсутствуют как в первом, так и во втором романе диологии). Повествование обрывисто, представляет собой т. н. «спрессованное время».

Эстетически и композиционно очень сложно организован текст «Круга пепла», границы которого временами расширяются до пределов космического пространства, а могут и сжиматься до вполне достоверных пределов Алма-Аты или Петербурга. При этом балетное училище и знаменитый Мариинский театр оперы и балета в Петербурге намечены легкими штрихами, в рамках контекста памяти о «грезе отрочества», размышлениях «мальчика из степей». Через призму театра, балетного училища дается также описание Петербурга и «необыкновенно тихой» и благоustной улицы Росси, на которой расположено училище. Воображаемая (виртуальная) прогулка по Питеру, последняя, «прощальная», усмиряет и утешает, придает ясности мыслям героя о «нена-прасности» его жизни.

Городские зарисовки, «графика города» Алма-Аты связаны не только с театром, но и с драматическими событиями, которые сопровождают жизнь его обитателей. Описание разрушительного горного селя соседствует с описанием жуткой катастрофы в аэропорту. Д. Накипов глубоко убежден, что природные катаклизмы несомненно связаны с цивилизационными сломом, и одно неминуемо порождает другое. В романе присутствует точка зрения повествователя на мистические последствия трагических событий декабрьских дней 1986 года в Алма-Ате, связанные с улицей Мира (ныне Желтоксан) и ее обитателями. Выясняется, что часто по ночам вместе с ветром или мокрым снегом сны жителей домов на этой улице беспокоят какие-то звуки и молодые голоса неприкаянных душ убитых: «вскоре после декабрьских событий стали задувать-желтоксанить (от казахского желтоксан, т. е. ветер. – Н. С.) некие бесплотные ветры, дотеле в природе не бывавшие». Фантастические пласты вводятся в текст курсивным шрифтом, напоминающем о «другой» реальности, мнимой, о пограничном состоянии сна или даже шизоидного бреда. По мере развития сюжета фантастическому отдается все больше глав.

Экспериментальность произведения проявляется прежде всего в языке. Немало лингвистических экспериментов – слияние двух, трех и даже более слов в одно слово (*задувать – желтолксанить, текли-струились-плыли, личное – горькое – гордое*). Довольно часто повествователь отказывается от знаков препинания, прибегает к многоточиям. «Проектный» дискурс позволяет автору соединить несоединимое, акцентирует тем самым эстетические и этические контрасты современной цивилизации. В финале «Круга пепла» Балерина и влюбленный в нее Гевра выходят из театра, и хорошо известная алма-атинская улица превращается в условный пейзаж, напоминающий по форме улитку, затем витки спирали, наконец *лабиринты морских глубин*. В одном бесконечном предложении, занимающем более страницы, вербализована визуальная графика абстрактного пространства, и все это заканчивается многоточием. Соединение музыки (строк нотного текста) с живописью и словом в структуре повествования дает эффект некоего «закодированного» послания.

Этико-лингвистические оценки поэзии в русской критической литературе 1-й половины XIX века

И. Б. Серебряная

Казанский (Приволжский) федеральный университет

i_serebrjanaja@mail.ru

Языковая этика, «прилицие», русская критика.

Summary. The report focuses on the language of ethics in covering the Russian literary critics of the 1st half of the 19th century.

В 1-й половине XIX века критика рассматривалась как особый род дидактической литературы, призванной не только оценить произведение, но и выполнить при этом воспитательную задачу. Поэтому одной из важных тем об-

суждения была степень нравственности сочинения. Конечно, такие оценки касались, прежде всего, идейно-содержательной стороны произведений. Однако иногда критикой поднимались этико-лингвистические вопросы, которые бы-

ли нередки в отзывах о поэзии – «языке богов». В этом плане критики часто пользовались термином «приличие». Так, филолог и критик С. П. Шевырев писал, что, поскольку сочинитель принадлежит какому-нибудь обществу, он обязан в языке удовлетворять социально-нравственным правилам, а это *Приличие* [5, 1841, № 3: 210–211].

Важно, что в рассматриваемый период под «приличием» понимались разные явления: 1) «сообразность»: *Жить по приличию своего состояния* [9, 3: 1026]; 2) «благопристойность»: *Быть вежливым требует приличия* [10, 3: 473]. Вот почему не всегда легко определить, что имел в виду критик, говоря о «приличии». Так, М. П. Погодин назвал «неприличным» эпитет *седой*, употребленный Пушкиным в поэме «Кавказский пленник»: «*Седой поток пред ним шумит. Седой* – прилагательное неприличное» [7: 141]. Думается, критик усмотрел здесь лексическое несоответствие лексемы *седой* определяемому предмету. Так, в «Словаре Академии Российской» *сѣдый* толковалось лишь как «измѣнившийся... цвѣтъ на бѣлый»: *Сѣдые волосы* [9, V: 1024]. Позже «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. наряду с прямым значением указывал и переносное: «древний»: *Сѣдая старина* [10, IV: 262]. Однако поэты уже с XVIII века использовали слово *седой* метафорически: *спустил седой Эол Борей* (Г. Р. Державин. Осень во время осады Очакова, 1788); *Мох седой шумит, колеблется* (В. А. Жуковский. Романс, 1805–1810) и т. п. [6].

Иное значение вкладывал в понятие приличия критик из журнала «Атеней», укрывшийся за инициалами К. Ф. Оценивая анонимный стихотворный перевод «Ифигении в Тавриде» Гете, этот рецензент негативно отозвался о выражении *припадая на лоно к ней*, оценив слово *припадая* как «неправильно и неприлично употребленное» [1, 1829, № 21: 309–310]. Вероятно, критик имел в виду ошибку в управлении (*припадать к чему*, а не – *на что*), а также не вполне благопристойный общий смысл словосочетания, ибо *лоно* – «нѣдро», «грудь» [9, III: 1311–1312]; [10, II: 264], этимологически – «место, где лежит плод» [11: 245].

В риторических трактатах 1-й половины XIX века указывалось, что приличие запрещает называть автору «нѣкоторых части тела и нѣкоторыя естественныя потребности, нѣкоторыя постыдныя дѣйствія и подлыя занятія, коихъ собственныя названія противны и омерзительны слуху челоувѣка благвоспитаннаго» [4: 198]. Замечаний такого рода было много. Например, А. Ф. Воейков упрекал Пушкина за то, что тот «кстати и некстати» вводил в поэму «Руслан и Людмила» эпитеты типа *нагие* и *полунагие*, так что у автора «даже и холмы нагие и сабли нагие». Кроме того, Воейкову показалось неприличным пушкинское выражение *в одной сорочке: В одной сорочке белоснежной Ложится почивать она* [7: 68]. Н. И. Греч счел непристойными слова и словосочетания типа *песь презренный; издохъ; черви съели* и под. в поэме В. Н. Олина «Кальфон» [8, 1825, № 33] и т. п.

Отражением этико-речевого негативизма могут служить также отзывы о названии поэмы Е. А. Боратынского «Наложница» (1831 г.), которое как неприличное (ибо *наложница* – «незаконная жена» [9, III: 1262]), осудили В. А. Жуковский, Н. И. Надеждин, П. И. Шаликов и др. [2: 320–321]. Защищая название своей поэмы, Боратынский писал, что *наложница* – слово книжное и его нельзя считать низким,

ибо оно употребляется поэтами, что это слово встречается даже в учебных книгах: *Турецкий султан имеет... наложниц* [3: 32]. Тем не менее, в русской поэзии XVIII – 1-й половины XIX века лексема *наложница* встречалась крайне редко [6]. Несомненно, отрицательное отношение к этому слову было обусловлено негативным восприятием в обществе соответствующей реалии, а также – особым, свойственным данной лексеме смысловым натурализмом, который отсутствовал в синонимических заменах типа *любовница, наперсница* и подобных. Не случайно, Боратынский был вынужден все же изменить название поэмы, которая позже вышла в свет под заглавием «Цыганка».

Любопытен также еще один случай этико-стилистической оценки в рецензии Воейкова на поэму «Руслан и Людмила». Имея в виду строфу: *Вдруг витязь мой, Вскипев, железною рукой С седла наездника Срывает*, – критик сделал следующий вывод: «Слово *наездник* низко и выходит из общего тона» [7: 59–60]. Определение *низкий*, подобно термину *приличный* весьма часто используемое критиками применительно к языку, было тоже неоднозначным в понятийном отношении. Если в «Словаре Академии Российской» *низкое* толковалось лишь как «простонародное» [9, IV: 528], то в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. – еще и как «площадное», т. е. неблагопристойное [10, II: 458]. Приведенная выше оценка слова *наездник* как «низкого» относилась, думается, к сфере языковой этики. Дело в том, что *наездник* в прошлом – это не просто «всадник», как в наши дни, но лицо, действующее «наездомъ», «разбойникъ», «пиратъ» [9, V: 981]; [10, II: 423]. Отрицательную коннотацию, свойственную ранее этому слову, связанному с глаголом *наезжать* «нападать на кого» [9, V: 981], можно наблюдать в таких примерах: *Не разбойники морские, Не наездники, не воры, Сохрани нас бог, помилуй, Чтоб их назвали столь мерзко* (А. Н. Радищев. Бова, 1798–1799); *Друг твердый, а не злой наездник правды* (В. А. Жуковский. Две повести, 1844) и т. п. [6].

Рассмотренные оценочные факты, представляющие собой яркое отражение языкового сознания, позволяют более углубленно исследовать исторические изменения социально-речевых норм, а также изучить лингвистические приоритеты и вкусы эпохи.

Литература

1. Атеней: журнал наук, искусств и изящной словесности. М., 1828–1830.
2. Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 2. Л., 1936.
3. Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 2001.
4. Могилевский А. Российская риторика. Харьков, 1824.
5. Москвитянин: учено-литературный журнал. М., 1841–1849.
6. Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorgora.ru].
7. Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827. СПб, 1996.
8. Северная пчела: политическая и литературная газета. СПб., 1825–1849.
9. Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб, 1789–1794.
10. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.
11. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Ономастические концепты в художественном сознании автора

Т. А. Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет

sirotkina71@mail.ru

Художественная картина мира, ономастический концепт, концептосфера, ономастикон.

Summary. The paper is devoted to onomastycon analyzing of one of the modern authors – Alex Ivanov. Concepts creating the conceptual sphere of author's onyms are analyzed: antroponymic, toponymic, astronymic, zoonymic, pragmonymic, techonymic etc. These concepts show the author's conception about principles of nomination of human and objects of the real or invented world.

Как справедливо считают лингвисты, изучение ономастикона того или иного писателя помогает раскрыть художественную картину мира автора, понять психологию его творчества. На наш взгляд, выбор любым писателем имен собственных оказывается неслучайным: он отражает его представления о различных областях ономастического про-

странства, принципах номинации человека и всего, что его окружает. Набор данных представлений и составляет художественное сознание автора, при исследовании которого логично опираться на понятие концептосферы.

Описание концептосферы русского языка и основных ее составляющих уже несколько десятилетий привлекает вни-

мание лингвистов. При этом понятие концептосферы ономи является достаточно новым (см. работы А. С. Щербак), однако как нельзя лучше отражающим способность имен собственных отражать результат ментальной деятельности человека.

В настоящем докладе на материале творчества современного писателя Алексея Иванова рассмотрим, какие концепты, образующие концептосферу ономи, находят отражение в языковом сознании автора. Для решения данной задачи будем использовать преимущественно описательный метод, а также приемы наблюдения, сопоставления, интерпретации, обобщения, типологизации анализируемого материала.

Наиболее репрезентативной, на наш взгляд, является вербализация *антропонимического концепта*, средством которой выступают различные виды антропонимов: фамилии (Служкин), имена и отчества (Роза Борисовна), прозвища (Сушка). Данный концепт отражает не только имеющиеся у носителя языка знания о современном антропонимике, но и систему представлений о традициях именования, например, полным или вторичным именем в зависимости от ситуации (Серафима, Максим, Денис – Борька, Аленка, Вова). Прецедентные антропонимы, функционирующие в текстах, во-первых, обусловлены темой произведений (Нансен, Лаперузо в романе «Географ глобус пропил»), во-вторых, показательны в плане отражения коннотации ономи и связанных с ними ассоциаций, присутствующих в сознании современного человека (Ленин, Ясир Арафат, Ивашка Сушанин, д'Артаньян, Александр Македонский). Как известно, имена известных личностей используются писателями не только в исторических произведениях, выполняя чисто номинативную функцию. Основная часть данного пласта антропонимов имеет стилистическую окраску и наряду с называнием той или иной знаменитости, способна нести дополнительную информацию о персонажах: раскрывать их мировоззрение, участвовать в создании стилистических фигур, образовывать компаративные конструкции. Однако в исторических произведениях А. Иванова («Чердынь – княгиня гор», «Золото бунта») прецедентные имена прежде всего, конечно, служат средством объективации, выполняют функцию реально-исторической достоверности. В повести «Земля-Сортирочная», часть событий которой имеет фантастический оттенок, писатель использует вымышленные антропонимы, зачастую образованные от реальных имен и фамилий героев (баронет Поло-Уин – от фамилии Половинкин). На основе прецедентных антропонимов, образующих общерусские фразеологизмы, А. Иванов создает свои, авторские, отражающие обыденные представления героев произведений.

Как справедливо отмечают литературоведы, каких бы идейно-эстетических установок не придерживался автор, его текст содержит некие элементы, передающие информацию об объективно существующей действительности. К таким элементам, помимо имен и фамилий исторических лич-

ностей, безусловно, относятся и топонимы. *Топонимический концепт* отражает представления человека, живущего в определенном регионе, об окружающем пространстве. Основным средством его вербализации являются различные топонимы. Многие микротопонимы, представленные в текстах А. Иванова (Новые Речники, Старые Речники и др.), напоминают хорошо знакомым писателю пермский Закамск и связаны с конкретным местом действия романа «Географ глобус пропил». Особую значимость в составе топонимического концепта имеет гидронимическая составляющая. Как известно, русская литература практически с момента своего возникновения освоила и разработала топос реки. В одном из своих интервью А. Иванов называет себя «человеком реки» в противовес финно-уграм, «людям лесов». В романе «Message: Чусовая» он много размышляет об одной из любимых им рек Пермского края и описывает события, происходящие здесь на протяжении веков.

Особые средства репрезентации имеет и *астронимический концепт*. Герои произведений А. Иванова по-разному представляют себе картину звездного неба, основываясь на собственной фантазии. В этом плане автора можно отнести к истинно русским писателям, поскольку, как отмечает известный российский ономотолог Г. Ф. Ковалев, истинный русский писатель в описании природы никак не мог пройти мимо наиболее ее загадочного и романтического явления – звездного неба.

Зоонимический концепт, включающий представления человека о животных и способах их именования, вербализован в рассматриваемых произведениях с помощью кличек различных животных (кот, пес, корова, котенок, свинья, кабан). Наиболее показательными в плане отражения социальных процессов и явлений являются такие, как Байконур, Враг народа и т. д. *Технонимический концепт* отражает ту часть языкового сознания автора, которая связана с объектами техники и их названиями. Вербализация *этнонимического концепта*, связанного с представлениями о своем и чужих этносах, осуществляется посредством сочетаний с отэтнонимными прилагательными, отражающими этнические стереотипы. *Артионимический концепт*, который образуют представления о героях литературы и искусства, вербализуется в романах как через обращение к названиям произведений («Ну, погоди!»), так и к именам их героев (Волк, Заяц, Карлсон).

Таким образом, ономастическое пространство произведений А. Иванова наполнено множеством составляющих. Различные ономастические концепты (антропонимический, топонимический, астронимический и многие другие) отражают представления писателя о принципах номинации человека и окружающих его объектов реального или выдуманного мира, позволяют погрузиться в мир имен, окружающих не только героев его произведений, но и, зачастую, самих читателей.

Фольклорная полисемия как средство объективации былинного концепта

Т. С. Соколова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Sokolova@bsu.edu.ru

Этнокультурная информация, концептуализация, фольклорная полисемия, традиция и вариативность.

Summary. In this paper we show, that folk-lore polisemy is genre means of objectification of locus-centre in the contents of bylina concept "outer space". It allow us to illustrate, that folklore verbal code is a reliable source of the ethnocultural information.

Русский фольклорный текст как объект исследования является поликодовым в объективации познавательной деятельности человека. Фольклорная вербализация в качестве транслятора этнической культуры, считаем, является семантически и функционально весьма емкой и глубокой в манифестации концептуальных смыслов в жанровых версиях. Как предмет исследования особо выделяем контекстуальную полисемию былинных номинантов в качестве способа объективации концептуальных «пространственных» признаков. Цель работы – лингвокогнитивный анализ функциональной многозначности «фитонимических» фактов, обозначающих в фольклорном ландшафте локус-центр той или иной пространственной зоны, который маркирует «жанровые» повороты в былинном повествовании.

Установки рабочей гипотезы. В языке былин названия растений – это особое объединение номинаций в аспекте семантики, функционирования, которое никак не находится в абсолютном совпадении «с научной ботанической систематикой» и своеобразно как совокупность языковых единиц, своим семантическим потенциалом, объективирующих концептуальные признаки внешнего и внутреннего пространства. Наш подход в интерпретации своеобразия функционально-семантической «гаммы» фитонимических единиц в языке былин базируется на ряде установок.

1. Типы сознания и семантическое содержание языковых единиц как концептуальных экспликаторов; языческие (мифологические) и христианские мотивы в семантике фольклорного лексикона.

2. Антропоцентрический подход к исследованию функциональной семантики фитонимов обусловлен жанровым содержанием.

3. Вербальная «многоликость» символической универсалии «мировое дерево» обозначена вариантными номинациями пород деревьев, маркирующими ценностно значимый центр-локус как фрагмент внешнего пространства.

4. Специфика функционально-семантического поведения фитонимов определяется их тематической и контекстной избирательностью (привязанность к темам контекста).

5. Явление полисемии фольклорных фитонимов основано на сочетании актуализируемых неантропометрических (прямых) и антропометрических (переносных) значений.

6. Концептуальная значимость дифференциации локуса как центра в горизонтальных и вертикальных проекциях внешнего пространства выявляется сквозь призму бинарных оппозиций, компоненты которых могут семантически уточняться с учетом содержания окружающего контекста. Фитонимы своей семантикой «отзеркаливают» систему семиотических оппозиций. «Свой – чужой» (*свой, безопасный – чужой, опасный*) – главные корреляты в инструментальной бинарной оппозиции. Данная ведущая корреляция (противопоставление своего чужому) позволяет характеризовать суть содержания информации как этноцентричной. Наиболее характерной чертой семантики фольклорных единиц является отражение вариантов содержания коррелятов «свой – чужой» в виде текстового воплощения противоположных начал «языческий – христианский», что требует от сказителя специального отбора языковых средств. Симметрия на противоположениях «мужской – женский» также «диктует» специфику контекстуального семантического объема фитонимов, маркирующих локусы–центры в фольклорном пространстве.

Об экспериментальной части. В текстах русских былин фитонимический пласт номинаций частотен для обозначения локуса-центра в открытом ландшафтном пространстве, в пределах которых человек предпринимает активные действия как представитель социума. Иначе, фольклорный локус – место, вместилще, «задающее» определенное число жизненных ситуаций, в которых проявляется спектр ролей действующими лицами из «своего» и «чужого» мира. Осо-

бое место в фитонимическом лексиконе русских былин занимает слово *дуб*, которое, наряду с употреблением как монолексемы, в большинстве случаев функционирует в составе сочетаний, построенных по модели «сущ. + прилаг.» с различной степенью семантической и синтаксической слитности компонентов: в бинарной номинации *сырой дуб*, расширенной определениями: *сырой дуб крековистый, сырой дуб колповистый, сыр матерый дуб, сыр зеленый дуб, толстый сырой дуб*; в свободных сочетаниях *Невин дуб, стародревный дуб*. В изучаемом материале лексема *дуб* достаточно частотна при концептуализации параметров сухопутного границ, границ водного пространства. Возможна объективация и временного параметра, а именно: идеи о жизни как непрерывном процессе, переходящем в бессмертие, о возрастном периоде – старости человека и дерева.

Языковой материал исследовательски прокомментирован как объективирующий спектр контекстуальных значений «былинные» концептуальные признаки «**локус-центр в сухопутном пространстве**», «**локус-центр (граница) близ водного пространства**» сквозь призму коррелятов: «не свое, опасное, чуждое, языческое», «не свой, чужой, не христианский», «свое, не чужое (не чуждое)», «не свое, опасное, чуждое, т. е. чудесное» и др.

В заключении подведены итоги предпринятого анализа. Исследование фольклорных фактов, соотносимых с миром флоры, с учетом содержания бинарных оппозиций в антропоцентрическом ракурсе позволило выявить их контекстуальные возможности при объективации признаков внешнего пространства, в частности локуса-центра, который традиционно сюжетно значим для коллективного автора в былинном повествовании. Былинные фитонимы как исследовательский материал – важный по своему семантическому потенциалу лексико-фразеологический пласт в концептуализации параметров внешнего пространства и поэтому заслуживают специального изучения. Контекстуальная полисемия рассмотренных номинаций предстает своеобразным приемом актуализации концепта «локус-центр», обозначающего в былинном тексте место для адаптации человека во внешнем пространстве. Быть деятельным, активным, предприимчивым в жанрово предназначенном месте – это многовариантное отражение установок, константной в этническом сознании человека.

Художественный дискурс

в аспекте взаимодействия с научным, официальным и обыденным дискурсами (на материале повести А. и Б. Стругацких «Сказка о Тройке»)

И. В. Супрунова

Новосибирский государственный технический университет
asteria@ngs.ru

Интердискурсивность, художественный дискурс, научный дискурс, официальный дискурс, обыденный дискурс.

Summary. The paper is devoted to the problem of interrelationship between various types of discourses (such as scientific, formal and everyday life discourse) within a framework of the literary discourse. Particular attention is paid to the problem of interference of discourses.

Одной из центральных проблем дискурсивного анализа является проблема междискурсивного взаимодействия, в связи с чем актуализируется понятие «интердискурсивность» – «соприсутствие, переплетение в тексте нескольких специальных дискурсов» [1: 64]. Неограниченные возможности для взаимодействия любых видов дискурсов предоставляет художественный дискурс. В рассматриваемом произведении в него оказываются вовлеченными научный, официальный и обыденный дискурсы. Взаимодействие данных дискурсов друг с другом представляет собой два процесса. С одной стороны, подчиняясь задачам художественного произведения, нехудожественные дискурсы утрачивают определенные свойства, исконно им присущие, что можно назвать соответственно десциентизацией, деофициализацией и деобыденнизацией. С другой стороны, можно говорить о литературизации данных дискурсов, в ходе которой они приобретают новые качества, обусловленные эстетической функцией. Литературизация осуществляется по двум каналам – речь автора и речь персонажей. На уровне последней (являющейся предметом анализа в настоящем исследовании) литературизация проявляется как пародиро-

вании, эвфемизация (вуалирование сути дела с помощью средств научного либо официального дискурса) и индивидуализация (создание речевой характеристики героя). Так, в следующем примере научный дискурс приобретает ярко выраженное пародийное звучание, обусловленное «низким» предметом речи и сочетанием с разговорными элементами, составляющими обыденный дискурс:

Официально нам было объявлено, что Лавр Федотович, а также товарищи Хлебовводов и Выбегалло отравились за обедом грибами. Однако комендант не поверил официальной версии. Он <...> переговорил со своим кумом, метр-дотелем. Выяснилось: за обедом Лавр Федотович, выступая против товарища Хлебовводова в практической дискуссии относительно сравнительных преимуществ прожаренного бифштекса перед бифштексом с кровью, стремясь выснить на деле, какое из этих состояний бифштекса наиболее любимо народом и, следовательно, перспективно, скушали под коньячок <...> по четыре экспериментальные порции <...> Теперь <...> лежат пластом<...>

Использование средств научного дискурса неоднократно помогают героям изменить отношение членов Тройки

к ситуациям криминального либо оскорбительного характера:

Стараясь говорить по возможности более веко, я напомнил Тройке, что в ее интересах занимать галактоцентрические, а отнюдь не антропоцентрические позиции. Я напомнил, что обычаи и способы выражения чувств у инопланетных существ могут и должны сильно отличаться от человеческих. Я обратился к изживанной аналогии с обычаями различных племен и народов нашей планеты. Я выразил уверенность, что товарища Фарфуркиса не удовлетворило бы потирание носами в качестве приветствия, принятое некоторыми народами Севера, но что товарищ Фарфуркис все-таки вряд ли воспринял бы это потирание как унижение его положения члена Тройки. Что касается товарища Константинова, то обычай сплевывать на землю избыток жидкости определенного химического состава, образующейся в ротовой полости, обычай, означающий у некоторых народов Земли неудовольствие, раздражение или стремление оскорбить собеседника, может и должен у инопланетного существа выражать нечто совершенно иное, в том числе и глубокую благодарность за внимание. Так называемый плевок товарища Константинова мог представлять собой и чисто нейтральную акцию, связанную со спецификой физиологического функционирования его организма... («Чего там – функция! – зорал Хлебоводов. – Заплевал весь пол, как бандит, и смылся!») Наконец, нельзя упускать из виду возможности интерпрети-

ровать упомянутое физиологическое отправление товарища Константинова как действие, связанное с его способом молниеносного передвижения в пространстве...

Комбинация в речи персонажа элементов различных дискурсов не только позволяет создать характер героя, но и является источником комизма:

Старичок словно взорвался. – Высочайшие достижения нейтронной мегалоплазмы! – провозгласил он. – Ротор поля наподобие дивергенции градуирует себя вдоль спина и там, внутри, обращает материю вопроса в спиритуальные электрические вихри, из коих и возникает синекдоха ответа...

Таким образом, можно сделать вывод, что интердискурсивное взаимодействие в рамках художественного дискурса происходит в двух направлениях. Сохраняя формальные признаки, научный, официальный и обыденный дискурс в рамках художественного произведения утрачивают свои исконные функции и начинают выполнять задачи эстетического характера.

Литература

1. Белоглазова Е. В. Когнитивный механизм интердискурсивности // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2009. Вып. 2. С. 64–73.

Материалы

- Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке. М.: СПб., 1997. (Миры братьев Стругацких).

Язык цикла рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» как отражение документальности художественного повествования

Тан Мэн Вэй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова / Тайбэй, Тайвань

vasily.tang@gmail.com

Язык М. А. Булгакова, «Записки юного врача», художественное повествование, документ, земский врач.

Summary. Combining elements of fiction, memoir and popular science, the series of short stories of M. A. Bulgakov «A young doctor's notes» is represented as a phenomenon in Russian literature. Before taking up writing activities, M. A. Bulgakov worked as a doctor in the country hospital. His working experience is reflected in «A young doctor's notes». This paper helps for better understanding the relationship between the real author (M. A. Bulgakov) and the hero of the stories (the author-narrator). The role of special medical lexicon, terms and expressions, in the structure of a literary text is being analyzed in this paper.

В докладе рассматриваются особенности языка цикла рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача» и делается попытка проанализировать, в какой степени документальная основа повести и ее автобиографичность влияют на язык этого художественного произведения.

Цикл «Записки юного врача» состоит из шести рассказов, все рассказы имеют реальную основу. В 1916 г. Булгаков с отличием закончил медицинский факультет Киевского университета, получив звание «лекарь с отличием», и был направлен в село Никольское Смоленской губернии. Свидетельства реальности событий, описываемых Булгаковым являются его первая жена Т. Н. Лаппа, друг детства А. П. Гдешинский, муж сестры Л. С. Карум, и знакомый Н. П. Ракицкий. Свидетельства работы Булгакова в земской больнице находятся в статье М. М. Стеклова «Булгаков на Смоленщине» [5: 25–26] и в «Булгаковской энциклопедии» Б. В. Соколова [3: 207–209].

Как и вся ранняя проза Булгакова, рассказы цикла подчеркнуты автобиографичны, написаны «от первого лица», имеют вид мемуаров и полны реальных имен и событий. По свидетельству первой жены писателя Т. Н. Лаппы, в «Записках юного врача» нашли отражение многие подлинные случаи из врачебной практики М. Булгакова во время его работы в земской больнице села Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии в период с сентября 1916 г. по сентябрь 1917 г. Булгаков был направлен туда по мобилизации для замещения вакансии земского врача. По штату на Никольский врачебный пункт полагалось два врача, но в условиях военного времени Булгаков был здесь единственным доктором. Как свидетельствуют сохранившиеся архивные материалы Сычевской земской управы, за период с 29 сентября 1916 года по 18 сентября 1917 года Михаил Афанасьевич принял 15361 амбулаторного больного, а на стационарном лечении пользовал 211 человек [3: 207]. В рассказе «Вьюга» Булгаков пишет даже о сотне больных в

день, и, возможно, это не поэтическое преувеличение, а отражение реальности наиболее сложных для него дней.

Друг детства М. Булгакова А. П. Гдешинский так пересказал Н. А. Земской содержание несохранившихся булгаковских писем: *Это село Никольское под Сычевкой представляло собой дикую глушь и по местоположению, и по окружающей бытовой обстановке, и всеобщей народной темноте* [4: 84]. Молодой жене Булгакова картина Никольского больничного комплекса показалась ужасной: *Отвратительное впечатление. <...> Туда приехали под вечер. <...> Божье мой! Ничего нет, голое место, какие-то деревца. Доктор с женой не смогли даже отдохнуть: В первую же ночь, как мы приехали, Михаила к роженице вызвали. <...> А муж этой увидел Булгакова и говорит: «Смотри, если ты ее убьешь, я тебя зарежу»* [1: 307]. История эта отразилась в рассказе М. Булгакова «Крещение поворотом». Т. Н. Лаппа очень хорошо запомнила случаи, которые стали центрами рассказов «Полотенце с петухом», «Стальное горло» и «Вьюга».

Булгаков отчетливо сознавал, что в земской больнице его ждут очень трудные испытания, ведь врач в таких условиях должен быть универсалом. И все же будущий писатель прекрасно проявил себя, хотя в его практике не раз складывались тяжелейшие ситуации. По свидетельству Т. Н. Лаппы, Булгаков часто работал допоздна: *Распорядок дня сложился таким образом, что у него был перерыв только на обед, а прием часто затягивался до ночи: свободного времени тогда у Михаила просто не было. Помню, он как-то сказал: «Как хочется мне всем помочь. Спасти и эту, и того. Всех спасти»* [2: 271]. Так же думает и герой-рассказчик «Записок»: *На обходе я шел стремительной поступью, за мною мело фельдшера, фельдшерицу и двух сиделок. Останавливаясь у постели, на которой, тая в жару и жалобно дыша, болел человек, я выжимал из своего мозга все, что в нем было. Пальцы мои шарили по сухой, пылающей коже,*

я смотрел в зрачки, постукивал по ребрам, слушал, как таинственно бьет в глубине сердце, и нес в себе одну мысль: как его спасти? И этого — спасти. И этого! Всех! («Вьюга»).

К отличительным особенностям «Записок юного врача» также следует, на наш взгляд, отнести введение в художественное повествование большого числа медицинских терминов (иногда в их латинском варианте). Например, название медицинского персонала: фельдшер, акушерка; название медицинских инструментов: ампула, зонд; название болезней: грыжа, аппендицит, дифтерийный круп; название лекарственных трав: ипекакуана, камфара, белладонна. В рассказе приводятся точные выписки из акушерских руководств, выдержки из учебников и пособий по медицине, рисуются реалистические, профессиональные описания осуществления самых разных операций (ампутации, трахеотомии, родовспоможения и т. д.), описания клиники тяжелых заболеваний. Хотя среди русских писателей до Булгакова не раз встречались врачи — например, А. П. Чехов и В. В. Вересаев — подобных описаний русская литература прежде не знала. Предметом рассмотрения в докладе становится большой пласт специальной медицинской лексики, впервые в русской литературе включаемой в таком объеме в структуру художественного повествования; анализируются ее функции в ткани произведения, ее соотношение с лекси-

кой общеупотребительной. В сравнении с предшествующими, Булгаков значительно глубже и последовательнее погружает читателя в мир, живущий в стенах больницы. Его смоленские рассказы не просто талантливый обзор научных фактов, а прямой отклик на состояние больного, ясная и точная картина моральных и профессиональных проблем, встающих перед врачом.

Подводя итоги, можно сделать заключение о том, что документальность фактов и событий в жизни М. А. Булгакова, а также его профессиональная деятельность в должности земского врача в глубокой российской провинции, получившая всестороннее и детальное описание в цикле рассказов «Записки юного врача», не только повлияли, но в значительной степени и определили язык этого произведения, его лексическое наполнение и стиливое своеобразие.

Литература

1. Булгакова Е. С., Ланна Т. Н., Белозерская Л. Е. Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 2006.
2. Ланна-Киссельгоф Т. Н. Из воспоминаний // Сахаров В. Михаил Булгаков: загадки и уроки судьбы. М., 2006.
3. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. М., 1997.
4. Соколов Б. В. Михаил Булгаков: загадки судьбы. М., 2008.
5. Стеклов М. М. Булгаков на Смоленщине // Политическая информация. Смоленск, 1981. № 10. С. 25–26.

Звуковая и свето-цветовая картина войны в военной поэзии и прозе

В. А. Татаринов, В. Г. Кульпина

Российское терминологическое общество (РоссТерм), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
rosstern@mail.ru

Лексическая единица, языковая картина мира, цветообозначение, фоносемантика, русский язык.

Summary. The picture of color, light and sounds of the war is presented.

1. Очевидно, что картина войны и общего для нашей страны несчастья связана с нарушением привычного порядка вещей, с дисгармонией, проявляющейся в том числе и в лишении окружающего мира цветности. Среди факторов, лишаящих мир цветности, изменяющих его в сторону ахроматической гаммы, выступает *огонь – выжженная земля, обгоревшие и почерневшие* от военных пожаров дома — это его «работа». Пыль, в том числе природная, также лишает мир привычных для него красок: она порождает *серый цвет, серой массой* оседающая на солдатских сапогах и шинелях, на лицах солдат и становится субъектом, *приглушающим краски*. Обратившись к артефактной сфере, мы наблюдаем, что в качестве обесцвечивающего фактора выступают *природные явления* — солнце, дожди и метели: из-за них *шинели выцветают* в долгих переходах. В то же время *камуфляжная форма и камуфляж* землянок и орудий сводят краски к какому-то общему знаменателю. Из ярких красок на войне выступает цвет пролитой солдатами крови. Кровь нередко имеет косвенные, домысливаемые воплощения: раненые на войне, медсестра, перевязывающая солдатские раны. Солдатский госпиталь — этоместилище белого и красного цвета.

2. Дисгармония мира во время военных действий проявляется в специфической фоносемантике. Любому говорящему на русском языке знакомо выражение *грохот войны*. Без него не обходится ни одна книга, ни один фильм о войне. Звуки взрывов, бомбежки, разрывы, свист и грохот снарядов, скрежет орудий, лязг гусеничных танков — это неделимая часть картины войны. Все слышали выражение *земля*

гудит — это о Сталинградской битве, о битве на Курской дуге и о других сражениях Великой Отечественной войны.

3. Вспышки артиллерийского огня, исчерченное прожекторами небо — это световые приметы войны.

4. Жизнь во время войны нередко показывается в контрастном плане.

4.1. Картины войны перемежаются картинами жизни природы — прежде всего леса, роши — как в песне «Иволга» на стихи Н. А. Заболоцкого из кинофильма «17 мгновений весны»: «В этой роше березовой, вдалеке от страданий и бед, где колышется розовый, немигающий утренний свет...»). Пятна белого цвета и света создаются образом березы — этнически и этнолингвистически важного дерева: изображения групп берез, образы березовой роши, в которой много света, красок, пения певчих птиц. Фоно-, свето- и цвето-семантика ориентированы на светлое, гармоничное, на то, о чем мечтают люди во время войны. Ср. из той же песни: *И над рощей березовой, / Над березовой рощей моей, / Где лавиной розовой / Льются листья с высоких ветвей, / Где под каплей божественной / Холодеет кусочек цветка / Встанет утро победы торжественной / на века.*

4.2. Контрасты охватывают и презентацию языковой картины войны в плане *свое – чужое*. Враг предстает как *силы тьмы*.

5. Концептуализация войны, представленная в отечественной поэзии и прозе, базируется на этноспецифических цвето-световых и звуковых картинах как на неотъемлемых элементах лингвомыслительного восприятия мира.

Жанровая специфика документного текста в прозе В. М. Шукшина

И. А. Тортунова

Российский государственный социальный университет (Москва)
tortunova@yandex.ru

Документный текст, официально-деловой стиль, документализм в художественной литературе, исторический роман, жанры документов.

Summary. The paper is dedicated to the analysis of Vasily Shukshin's usage of genre variants and modifications of business style in his historical novel "I have Come to Give you Freedom", his long and short stories.

Творчество В. М. Шукшина, органично вобравшее в себя своеобразие художественной литературы, публицистики, драматургии, кинематографии, стало отражением специ-

ки того исторического времени, когда многие художники реализовывались, синтезируя в своем творчестве различные виды искусства. Проза, созданная с конца 1950-х до середи-

ны 1970-х гг., отразила способность Шукшина работать в очень большом диапазоне художественных жанров. Однако не обошел Шукшин-писатель вниманием и малые жанры текстов, на первый взгляд не относящихся к художественному стилю, – документы и документные тексты [3: 4].

Стремление изобразить жизнь с документальной точностью можно по праву назвать основой творческого метода писателя, который «представлял... саму жизнь реальную, повседневную, героическую, разную...» [2: 7]. Заимствуя сюжеты и образы из жизни, создавая реалистичные «характеры» «сельских жителей», Шукшин стремился «быть точным во всем, в большом и малом». Такой способ отражения жизни сближает творчество Шукшина с документальными произведениями, публицистикой, которая часто вторгается у писателя и режиссера в художественное повествование, роднит с «невыводимой прозой».

Документ в прозе Шукшина является внутритекстовым вкраплением и при всей жанровой и смысловой самостоятельности связан с поэтикой произведения. В историческом киноромане «Я пришел дать вам волю» активное цитирование документов восходит к реалистической традиции отечественной литературы. См.: А. С. Пушкин «Капитанская дочка», Л. Н. Толстой «Война и мир», А. Н. Толстой «Петр Первый». Шукшин, в соответствии с описанной эпохой, использует широкий жанровый спектр документов XVII века: грамоты царя Алексея Михайловича, челобитные воевод Прозоровского, Унковского, наказная память жильцу Герасиму Евдокимову, приговор, прочитанный Разину перед смертью дьяком «прелестные» письма и др. Документ в романе отвечает информативной и социокультурной функции языка. Но, что более интересно, помогает решить важную творческую задачу – отражает позицию автора, которая в форме трагико-лирических комментариев дополняет повествование. Так, в текст романа «Я пришел дать вам волю» Шукшин вводит характеристику Алексея Михайловича, данную в труде Н. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Оставляя авторский текст историка в первоизданном виде, Шукшин цитирует его от первого лица, меняя последовательность изложения. Такая форма цитирования позволяет отразить негативно-ироничное отношение к царю, который, по замыслу Шукшина, предстает антиподом главного героя.

Художественное время в произведениях Шукшина, относящихся к менее крупным жанровым формам, – повестях и рассказах – совпадает со временем их создания. Укрепление бюрократического аппарата, формалистический подход к жизни, за которым стоит лишь внешне соблюдение нравственных норм, – характерные черты для эпохи «застоя», во время которой «Шукшин сочувствует неправому» [1: 239]. Соотношение юридических и моральных норм, находящихся в неразрешимом противоречии, – важный объект писательского исследования Шукшина. Поэтому частой сюжетной ситуацией в шукшинских рассказах является столкновение человека с формальной, деловой, официальной, ад-

министративной, юридической стороной жизни. Так, «сухая, строгая» телеграфистка советует исправить Чудилку (рассказ «Чудик») лиричный текст телеграммы, поскольку это «открытый» текст. Председатель колхоза и милиционер делают выговор Александру Ивановичу Козулину (рассказ «Даешь сердце!») за «нарушение общественного порядка» – ночной выстрел в честь удачно проведенной операции. Представители власти отчитывают Броньку Пупкова «за искажение истории» (рассказ «Миль пардон, мадам!»). Безликие чиновники мешают Семке Рысю восстановить «красавицу» церковь (рассказ «Мастер»). Пашке Колокольникову (киноповесть «Живет такой парень») задают формальные вопросы «про подвиг». Апогея гражданская сатира Шукшина, направленная на формализованный подход к жизни, любовь «к бумажке», «к документу», к правилу, норме, достигаем в сказке «До третьих петухов...», главного героя которой отправляют за справкой, «в том, что он – умный». При изображении подобных сюжетов автор акцентирует внимание на речи героев, на нее ложится основная смысловая нагрузка. Шукшин активно использует вкрапления в художественное повествование штампов, официально-делового стиля, канцелярита: «Но тут встал из-за стола представительный мужчина, полный, в светлом костюме. Понимающе посмотрел в зал. Да как пошел, как пошел причесывать! Говорил, что «преступление всегда», а «в данном случае – наоборот»...» (рассказ «Суд») [4, 3: 90]. Ср.: рассказы «Генерал Малафейкин», «Два письма», «Суд», «Свояк Сергей Сергеевич», «Игнаха приехал», «Крепкий мужик», «Срезал» и др.

Повествуя о современности Шукшин опирается на жанры документных текстов, непосредственно отражающих действительность, – справку, жалобу, протокол. Очевидно, что частотность их воспроизведения усиливается в более поздних произведениях. См.: рассказы «Степка», «Мой зять украл машину дров», «Суд», «Даешь, сердце!», «Волки», «Критики», «Кляуза», повесть-сказка «До третьих петухов...» и др. Нетрадиционное сочетание официально-делового стиля с разговорно-просторечным позволяет Шукшину добиться сатирического эффекта, усилить драматизм повествования, поставить акцент на скрытом внутреннем конфликте: «Красно-Холмскому райисполкому. Довожу до вашего сведения факт, который мы все проморгали» (рассказ «Мужик Дерябин») [4, 4: 175]. Подобная неоднородность, связанная с документальностью как творческим методом и полифункциональностью авторского стиля встречается также в творчестве современников Шукшина, отразивших эпоху при помощи «зарисовок из жизни», например, в лирике В. Высоцкого и А. Галича.

Литература

1. Аннинский Л. Тридцатые-семидесятые. М., 1984.
2. Залыгин С. Герой в кирзовых сапогах. М., 1994.
3. Кушнерук С. Документная лингвистика. М., 2008.
4. Шукшин В. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1994.

Цветы в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история»

У Луцьян

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова / Китай

luqian@yandex.ru

Фитонимы, цветочная метафора, символическая значимость, образный ряд, словосочетание.

Summary. The report examines the semantic field of the word “flower” in Ivan Goncharov’s novel “A Common Story”. Particular attention is paid to the aesthetic function of floral vocabulary that is typical for Russian literature of the second half of the XIX century. The text of the novel is analyzed in terms of the symbolic meanings of floral vocabulary and its role in the disclosure of images of characters and ideological meaning of the novel.

В языке И. А. Гончарова, как и многих русских поэтов и писателей XIX в., важную структурную и семантическую роль играют фитонимы тематического блока «Цветы», которые, «занимая как бы пограничное положение в психобиологическом осмыслении мира, символичны» [4]. Использование писателями цветочной метафоры при «овладении шифрами флористической символики, в том числе и языка цветов, ставшего особо модным и распространенным в дворянской культуре пушкинской эпохи» [7], не потеряло актуальность и в творчестве последователей Пушкина.

Наше внимание привлек роман Гончарова «Обыкновенная история» (1847), в котором образ цветов наделен высокой символической значимостью. Статистический анализ позволяет определить, что одним из самых частотных фитонимов в романе является слово *цветок* (48 словоупотреблений), и не только как обобщенно-родовое наименование), которое 15 раз появляется в словосочетаниях *большой желтый цветок*, *желтый цветок*, *желтые цветы*. По описанию романиста можно без труда установить, что желтый цветок – это *желтая кувшинка* (народн. *кубышка*; *русалоч-*

ный *цветок; одолен-трава*), один из самых символических цветов в мире.

Этимология научного названия *кубышки* традиционно связана с легендарной нимфой: в латинском языке «*Nuphar lutea* – „нимфа желтая“» [5: 164].

Ассоциация желтой кувшинки с бесплодной любовью, на наш взгляд, в некоторой степени обязана трагедии Шекспира «Гамлет» (1603): узнав о смерти отца, обезумевшая от горя Офелия погружается с пением в поток, где плавают кувшинки, символизирующие ее душевную чистоту и непорочность. Желтый – цвет разлуки, измены, разочарования. Все это «становится символическим намеком на сущность любовных коллизий, связанных в романе с желтым цветком» [2]: Петр изменил своей первой привязанности Марье, Александр – Софье.

Образ желтой кувшинки, сам по себе антиномичный, в романе обнаруживает противоположную символику – вызывает совершенно разные чувства у разлученных судьбой влюбленных. С одной стороны, цветок издавна считается символом душевной чистоты, благородства и прекрасного; недаром у Марьи, которая дорожит прошлой любовью, «*сей цветок и ныне хранится в книжке...*» (С. 28). С другой, красота цветка эфемерна, неуловима, как все прекрасное, к тому же он облекается в мистическую и страшную окраску: германское народное поверье гласит, что среди этих водяных лилий живут русалки, в полночь увлекающие прохожих в подводное царство, где они заканчивают земной путь [3: 194–195]; в романе Петр, ставший меркантильным, пренебрегает цветком, рассматривает его как эмблему «*всякой дряни и пустяков*» (С. 46).

В произведении Гончарова мир чувств героя связан с запахами природы. Целостная картина, представленная в виде образного ряда, передающего впечатление спокойствия, неги и прохлады, соединяет героя с выдуманным, полным жизни миром, где перекликаются зрительное, осязательное, слуховое и *обонятельное* ощущения: «*благоухают цветы, раздаются звуки фортепиано, прыгает попугай, качают ветвями березы и кусты сирени. И царицей всего этого – она (Наденька)...*» (С. 84–85). Та же самая героиня, появившаяся в иллюзорном мире героя, приобретает мистичность, неощутимость. являясь олицетворением цветочной нимфы: «*я всегда в саду*» (С. 87); «*Наденька <...> скрылась опять в цветы*» (С. 93).

Среди шести «цветочных» номинаций, употребленных в романе: *роза, сирень, акация, лилия (лилея, лилей), шиповник, черемуха, мирт* – выделяются *роза* и *лилия*.

Как традиционная аллегория любви образ розы представлен в парном лейтмотиве *радость – печаль, свет – тьма*, восходящем к мифологеме шипов цветка. Отсюда вытекает

афоризм романа: «*В жизни не всё одни розы, а есть и шипы, которые иногда покальвают*» (С. 64); а в другой сцене утомленному жестокой реальностью герою представляется беззаботная жизнь в деревне, где он «*не терял бы веры ни во что, рвал бы одни розы, не зная шипов...*» (С. 232).

В ярком контрасте с защищенностью розы находится образ беззащитной лилии. Можно вспомнить цитированные Гончаровым строки из «Евгения Онегина», где герой использовал эти коннотации цветка для выражения своего отношения к измене Наденьки, уподобляя ее *лилее*, а ее нового избранника – *червь презренному, ядовитому*: «*Не поплыв. <...> / Чтоб червь презренный, ядовитый / Точил лилеи стебелек, / Чтобы двухтупенный цветок / Увял, едва полураскрытый...*» (С. 114).

К числу наиболее часто употребляемых лексем относится и *сад*. Сад, главной составляющей которого являются цветы, «*всегда выражает <...> отношение человека к природе. Это микромир в его идеальном выражении*» [6: 8]. «*Говор струй, шепот листьев, прохлада, само молчание природа, скамья под деревом, пение птиц, плеск озера, жужжанье невидимых насекомых*» (С. 289–290) – все это делает сад природным храмом романтической любви, особенно если в нем присутствуют кусты *сирени*, за мотивом которой сохраняется значение любовной встречи: именно там, «*между двух кустов сирени*» (С. 289), герой получил от Софьи первый поцелуй. Примечательно, что словосочетание *кусты сирени*, как и слова *шиповник, черемуха, мирт*, не всегда обозначает «цветение», однако в языке Гончарова это значение всегда можно распознать.

Символы цветов наряду с вызванными ими мотивами позволяют нам прочувствовать мир души героев, постичь тонкую связь человека и природы в исследуемом романе.

Литература

1. Гончаров И. А. Обыкновенная история // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М., 1952.
2. Грачёва И. В. Каждый цвет – уже намек // Литература в школе. 1997. № 3. С. 49–55.
3. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М., 1992.
4. Константинова С. К. «Цветы» и «Деревья» в лирике А. А. Фета // А. А. Фет и русская литература: Материалы Всероссийской научной конференции «XV Фетовские чтения». Курск, 2000. С. 153–163.
5. Красиков С. П. Легенды о цветах. М., 1990.
6. Лихачёв Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 2-е изд., испр и доп. СПб., 1991.
7. Шарафадина К. И. Флористическая символика в ее этикетно-бытовом преломлении в прозе С. Ф. Жанлис // Вестник ИГБУ. 2003. № 1. С. 21–26.

Слово о рифме: рифма как образ и как результат поэтической рефлексии

Н. А. Фатева

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

nafata@rambler.ru

Рифма, образная парадигма, рефлексия.

Summary. Poets have always paid particular attention to the various phenomena of language and versification and dedicated even entire poems to them. But above all, they have focused on those phenomena of language and verse which are directly related to the generation of the poetic text: sound, word, syllable, verse, stanza, rhyme, iambus, etc. In this series the most marked lexeme is “rhyme”. In our report we want to describe those figurative paradigms which “rhyme” enters as a result of poetic reflection.

Поэты всегда проявляли особое внимание к различным явлениям языка и стихосложения и даже посвящали им целые стихотворения. Однако прежде всего они сосредоточивались на тех языковых и стиховых средствах, которые непосредственно связаны с порождением стихотворного текста: *звук, слово, слог, стих, стопа, строфа, рифма, ямб* и т. п. В этом ряду наиболее маркированной лексемой оказывается «рифма». В докладе мы хотим определить, в какие образные парадигмы вступает «рифма» в результате поэтической рефлексии. В целом, образная парадигматика рифмы связана с двумя основными ее воплощениями: 1) условный женский персонаж; 2) соединение двух подобных элементов. Что касается первого воплощения, то рифма реализуется в двух образах – *рифма-подруга, рифма-любовница* (что связано и с разделением на мужские и женские рифмы) и

рифма-шалунья, рифма-вздорищица, что связано с ее непослушанием поэту. Первый образ рифмы-любовницы связан и с эротической составляющей, реализующейся как *любовный союз* или «*брак*» *слов и звуков*. Вторая ипостась рифмы соотносится с образом детей, *близнецов-братьев, рифм-побратимов*. В то же время образ *рифмы-дитяти* связан с осмыслением рифмы как плода любовного союза с рифмой. Поскольку «рифма» образует пары с другими рифмами, слова в рифменной позиции также осмысливаются как «вступающие в брак» (*брак слов* у С. Шевырева, *нежная чета* у Д. Мережковского), тесно соприкасающиеся (у С. Шевырева: *В них рифма рифме удивилась, / И шумно стреснулись слова*; у В. Брюсова: *Рифма склоняется к рифме в стыдливо смутной тревоге*) или даже «целующиеся» (у К. Бальмонта: *В глагольных рифмах сладости немало, /*

Коль рифма рифму вдруг поцеловала). Данные образные переносы свидетельствуют о том, что «рифма» как понятие напрямую соотносится с «рождением стиха». Так, у Вяземского в стихотворении «Пора стихами заговориться...» (1867) образ рифмы связывается с любовницей, от которой поэт хочет открититься при переходе в более зрелый возраст, тем более что в паре с ней у поэта уже родилось много «деток». Однако сама метафора «брака» применяется П. Вяземским к прозе (*Пора с серьезностью суровой / И с прозой честной и здоровой / Вступить в благочестивый брак*) по контрасту с поэзией, где рифма соотнесена с «любовницей» и «шалуньей».

Затем, уже в начале XX века образную парадигму «брака слов» далее разрабатывают футуристы, например, В. Шершеневич: *У других поэтов связаны строчки / Рифмою, как законным браком, / И напевность метра, как венчальные свечки, / Теплится в строчном мраке, — / А я люблю только связь диссонансов, / Связь на вечер, на одну ночь! <...> Иногда допускаю брак гражданский, / Ассонансов привереливый брак!* (1913), противопоставляющий ассонансную и диссонансную рифму, последнюю он преимущественно и использует в своем стихотворении. Тот же смысл находим и в прозе В. Хлебникова, который в образной характеристике самого процесса поиска созвучий использует уже знакомый нам образный перенос, связанный с понятием «брака слов»: «Не трудно заметить, что *время словесного звучания есть брачное время языка, месяц женихающихся слов, а время налитых разумом слов, когда снуют пчелы читателя, время осеннего изобилия, время семьи и детей*» (1919). У Б. Лившица рифма получает интермедийное начало и уподобляется живописному образу «рубенсовской жены» в любовной истоме: *И рифма, перегружена / Всей полнотою мироздания, / Как рубенсовская жена, / Лежит в истоме ожидания...* (1920).

Неординарное воплощение получает рифма у Пастернака, который в стихотворении «Красавица моя, вся стать...»

(1931) представляет любимую как напрашивающуюся на рифмы: *Красавица моя, вся стать, / Вся суть твоя мне по сердцу, / Вся рвется музыкаю стать, / И вся на рифмы просится*.

В женской ипостаси рифма не только молодая шалунья, но и может предстать старухой, если рифма заезжена: ср. у Н. Клюева: *На пути колеи, ухабы, / Недозвучья — коровьи мухи. / Стихотворные дали рябы, / И гнусавы рифмы-старухи* (1913).

В большинстве же случаев рифма — это рождение нового осмысленного созвучия, именно поэтому она связана с идеей родов и детства. Так, В. Маяковский напрямую заявляет о своей способности «рифморждения» (*Теперь / для меня / равнодушная честь, / что чудные / рифмы рожу я* («Галопщик по писателям», 1928). Н. Асеев сравнивает рифму с первыми словами младенца: *Сильней, / этот запах втяни, — / Густой / и счастливый, / как детство, — / и рифма / тебя осенит, / как первое слово / младенца* («Послание критику», 1927), у С. Кирсанова же она сама похожа на подкинутого младенца: *Рифма, / бедное дитя, / у двери найденный подкидыш, / лепечешь, / будто бы хотя / спросить: / «И ты меня покинешь?»* (1971).

В докладе будут разобраны и другие образные парадигмы рифмы. Так, у С. Боброва «рифма» обретает материальность и осмыляется как физически сковывающая (*Громыкая цепями рифмовок*), по сравнению с тем, что у П. Вяземского она находится в сфере разума (*И вздумал рифмы цепь на разум наложить*); у В. Маяковского «рифма» интерпретируется через денежно-кредитные отношения (*Говоря повашему, / рифма — / вексель. / Ученье через строчку!*), а у Пастернака выступает как гардеробный номерок, талон, пропуск (*И рифма — не вторенье строк, / А гардеробный номерок, / Талон на место у колонн / В загробный гул корней и лон*). У Набокова же рифма сопровождает решение шахматной задачи: *Но фея рифм — на шахматной доске / является, отблескивая в лаке, / и — легкая — взлетает на доске*.

Языковое выражение межличностных отношений в художественной литературе 20-х годов XX века

М. В. Фролова

Новониколаевская средняя общеобразовательная школа № 1 им. А. Н. Левченко (Волгоградская область)

m.frolova28@mail.ru

Глагол, семантические изменения, категориально-лексическая сема, интегральная сема, дифференциальный признак.

Summary. The paper focuses on the verbs depicting personal interaction in the texts of the 1920s by Andrei Platonov and Mikhail Bulgakov. A semantic structure of verbs of interpersonal relations is reconstructed. Types of semantic changes in the meaning of word structure in the context are defined. In the course of module changes the categorial-lexical meaning remains but it is lost as a result of derivation.

Русская литература 20-х годов XX в. отражает переломный период в истории страны. Коренные преобразования общественного строя наложили свой «отпечаток» на отношения между людьми во всех сферах жизни, что актуализировало необходимость осмысления этих процессов выдающимися художниками слова и не могло не отразиться в их произведениях, в которых на языковом уровне можно ожидать активность употребления соответствующих средств для описания человеческих отношений. В качестве источника материала выбраны произведения А. Платонова и М. Булгакова 20-х годов. Столь разных по творческой манере писателей, описывающих разные социальные слои общества, объединяет критическое осмысление действительности. Обращение к их текстам позволяет воссоздать широкую картину отношений между людьми, выявить общее и различное в изображении и оценке событий, в использовании языковых средств.

Нами была реконструирована семантическая структура глаголов межличностных отношений как единство семантических признаков, реализующих общую категориально-лексическую сему (КЛС) «межличностные отношения». Это интегральные семы (ИС) «характер субъекта», «характер объекта», «характер субъектно-объектной направленности отношения», «характер межличностных отношений», «характер эмоционально-оценочного отношения», «интенсивность эмоции», «способ внешнего проявления отношения», «способ контакта», «характер контакта», которые уточняются соответствующими дифференциальными признаками (ДП). Субъект и объект глагольного действия (отношения) явля-

ются, как правило, конкретными, одушевленными и выражаются лексическими единицами, обозначающими лиц. Глаголы межличностных отношений обозначают отношение субъекта, направленное на объект, и взаимные отношения субъектов. Значимыми являются такие признаки в семантической структуре глаголов межличностных отношений, как «характер субъекта» (одушевленный / неодушевленный; конкретный / абстрактный), «характер объекта» (одушевленный / неодушевленный; конкретный / абстрактный), «характер межличностных отношений».

Межличностные отношения могут выражаться глаголами, употребленными в прямых и переносных лексических значениях; в составе глагольно-именных сочетаний и формулах речевого этикета. В прямых номинативных значениях межличностные отношения чаще всего выражаются глаголами эмоционально-оценочных отношений *любить, уважать, нравиться, заботиться, одобрять, завидовать, сочувствовать, относиться* и др.; а также глаголами внешнего проявления отношений *обнимать, благодарить, поклониться, оскорбить, целовать* и др.; глаголами контакта *жениться, побрататься, познакомиться, сжиться, согласовать* и др. Глаголы эмоционально-оценочного отношения чаще представлены лексемами, обозначающими отношение с положительной оценкой (ИС «характер эмоционально-оценочного отношения» конкретизируется в семантике глаголов ДП «положительное отношение»).

ИС «способ внешнего проявления отношения» в значении глаголов может реализоваться в ДП «речь» (*благодарить, хвалить; оскорбить, попрекать* и др.), в ДП «действие»

(*обнять, поцеловать, поклониться* и др.), в ДП «поведение» (*ласкать, обхаживать; издеваться, хихикать* и др.), в ДП «миимика» (*ухмыльнуться, усмехнуться, хмуриться* и др.). ИС «характер контакта» реализуется в ДП «поддерживание контакта» (*сжиться, знаясь, столкнуться* и др.), в ДП «установление контакта» (*познакомиться, подружиться* и др.), в ДП «прерывание контакта» (*поссориться, поругаться*).

При переносе значения в смысловой структуре глагольных словоформ происходят семантические изменения двух типов – семантическая модуляция и семантическая деривация. **Модуляционные семантические изменения** заключаются в перегруппировке семантических признаков, конкретизирующих те или иные ИС при сохранении КЛС. Семантические изменения модуляционного характера в смысловой структуре глаголов межличностных отношений заключаются чаще всего в изменении семантических признаков, конкретизирующих ИС ‘способ внешнего проявления отношения’; реже – в изменении признаков, уточняющих ИС ‘интенсивность эмоций’, ‘характер субъекта’, ‘характер объекта’, ‘способ контакта’; иногда – в изменении признаков, конкретизирующих ИС ‘характер межличностных отношений’, ‘характер эмоционально-оценочного отношения’, ‘характер контакта’. Отношение к человеку может быть передано через отношение к его переживаниям, деятельности, личным качествам. Семантическая модуляция может проявляться в нейтрализации какой-либо интегральной семы. **Семантические изменения деривационного характера** отмечаются в смысловой структуре глаголов намного чаще, чем модуляционные. В результате деривационных семантических изменений межличностные отношения в произведениях А. Платонова и М. Булгакова выражаются глаголами разных лексико-семантических групп поля действия: «интеллектуальная деятельность», «перемещение», «речевая деятельность», «физиологическое действие», «фи-

зическое действие», «звучание», «созидательная деятельность», «помещение»; поля состояние: «эмоциональное состояние», «качественное состояние», «бытие»; поля отношение: «владение», «социальные отношения». Часто в процессе семантической деривации изменению подвергаются признаки, характеризующие ИС ‘характер объекта’: нейтрализуется ДП «неодушевленность объекта» и актуализируется ДП «одушевленность». В смысловой структуре глаголов могут появляться признаки, характеризующие объект.

При выражении межличностных отношений в произведениях А. П. Платонова и М. А. Булгакова наиболее употребительными являются глаголы, в смысловой структуре которых содержатся дифференциальные признаки «эмоционально-оценочное отношение», «внешнее проявление эмоционально-оценочного отношения». Булгаков чаще, чем Платонов описывает межличностные отношения через их внешнее проявление, автор чаще называет не сами эмоции, а действия, являющиеся их выражением (например, *обнять, кланяться / поклониться, поблагодарить, усмехнуться, издеваться*). Платонов же чаще называет сами эмоции, эмоциональное отношение. Эмоционально-оценочное отношение и его выражение в произведениях Булгакова имеет чаще отрицательный характер, а в произведениях Платонова – положительный. Реже всего у обоих авторов при выражении межличностных отношений употребляются глаголы, в смысловой структуре которых ИС ‘характер межличностных отношений’ конкретизируется ДП «контакт».

В нашем материале глаголы, в смысловой структуре которых отмечены деривационные семантические изменения, представлены довольно широко, что свидетельствует о том, что семантическая деривация является активным источником пополнения глаголов межличностных отношений в системе языка. Русские писатели в полной мере использовали языковые ресурсы для отражения отношений между людьми, сложившихся в переломный период истории страны.

Словесный образ как единица художественной коммуникации (на примере художественной константы «дом есть какой»)

Н. В. Халикова

Московский государственный областной университет

v1stsd@yandex.ru

Визуальный образ, перцепция, коммуникативный фрагмент.

Summary. Object of the analysis are the forms of the visual image (the house / room) at the art of speech. These descriptive fragments are characteristic of the individual style, because they contain sustainable models of perception.

Словесный образ есть единица художественной коммуникации, синтез переживаний (представлений) в какой-либо определенной речевой форме, содержащей суждение о наглядно воспринимаемых объектах. Образность художественного произведения непосредственно связана с категорией перцептивности. Сравним: «Я (ты, он) *видел / заметил / любовался / представлял / вспоминал* этот дом». Это позволяет предположить, что один и тот же тип перцептивной ситуации в прозе того или иного автора создает инвариантные словесные формы, заставляющие нас всякий раз иначе «представлять» типичный в художественном пространстве предмет. Сумма контекстов показывает, что «типичный» барский / крестьянский дом существенно отличается по образности в прозе Пушкина, Тургенева, Достоевского и др. Референтный мир текста связан с образом автора именно в том аспекте, который называется отношением личности к действительности, ее тоном. Вот рассуждение Р. Барта: «Я сижу в комнате и вижу эту комнату; но разве видеть комнату уже не значит говорить о ней с собой? <...> Скажу ли я кровать, окно, назову ли какой-нибудь цвет – я уже начал расчленять то континуальное целое, что находится передо мною» [1: 242].

Пейзаж, интерьер, портрет, состояние человека, отражая модели восприятия, в прозе образуют семантически и формально однотипные словесные фрагменты различного объема, «то есть способы комбинирования словесного материала в художественные единства» [6]. Это относится к вопросу о системности прозы, который остается еще открытым. Мы предлагаем, вслед за Б. М. Гаспаровым, выделять в художественном тексте **коммуникативные фрагменты** как

целостные единицы художественной речи [2: 118]. Концепция Б. М. Гаспарова предполагает, что цельные готовые выражения являются непосредственно узнаваемыми частицами языковой материи, за которыми стоит опыт восприятия ситуации. Они являются нормативными единицами индивидуального речевого мышления.

Имя образа – *дом, комната*, – формируется готовыми воспроизводимыми средствами: лексемами или их сочетаниями (например, *господский дом, зала, кабинет помещика, купеческий дом, комната земского врача, в избе* и т. д. Традиционно в описательный фрагмент «дом» в русской литературе входит указание на стиль, размер здания, помещения, на имущественный статус владельца: Инвариантные и вариативные признаки определяются обычно путем аппликации (наложения) контекстов, объединяемых одним типом восприятия («образом автора / рассказчика»).

Парадигма «дом» – «человек» является наиболее традиционной (но, разумеется, не единственной) для поэтической стилистики («Каким-то **дряхлым инвалидом** глядел сей странный замок» – Гоголь). «Пространственная структура выражает не только социальные, исторические данные, но и является философской, этической метафорой» [3: 90–91].

В целом *комната дома* и сам *дом* как типичный коммуникативный фрагмент представлены в русской классической прозе указанием следующих признаков: а) обозначением перцептора; б) эмоциональной тональностью – странности / нецелесообразности / реальности / ирреальности / радости и других состояний бытия; в) статических (в атрибутивных и бытийных конструкциях); г) динамических – обычно с использованием световой символики. Интересно, что

набор признаков варьируется, но не отличается принципиально. Сравните: семантика дома «осуществляется у Булгакова с помощью целого набора устойчивых признаков, в частности освещения и звуковых характеристик» [4: 313–320, 751].

Например, образ *дома / комнаты* всегда помещается Е. Замытым в метафорический контекст, используется перцептивная модель «Все здесь было (каким)», включающая атрибутивно-бытийные конструкции, связанные отношениями перечисления. Лексико-семантическое поле включает источник света, предмет, имеющий зеркальные свойства, тематическую группу «мебель», «детали дома», частотны лексемы *часы, камин, кровать, стеклянный, металлический*. Определения сочетаются с предметами весьма своеобразно, показывая их странность, чуждость человеку (хрупкость или *нестерпимо большой* размер). Модальность кажимости и смысловые сдвиги внутри словосочетаний определяют состояние персонажа.

Модальность образа можно обозначить традиционными оппозициями желательный (приятный) – нежелательный (неприятный), должный – не должный, уверенности – кажимости, одобряемый – неодобряемый и т. п. Это определяется категорией *реакции перцептора* [5: 314]. Типичный герой Чехова чувствует скуку, горе, тоску, безразличие, бессилие, растерянность, неопределенность. Ср.: «Сюжеты, характерные для зрелого Чехова: о судьбе людей, обреченных на одиночество, нужду и невзгоды, о несбывшихся надеждах и несостоявшемся счастье» [7: 393]. Поэтому пространственно-предметная сфера в поле перцепции героя (шире – автора) заставляет выбирать признаки, формирующие соответствующие устойчивые образные единицы. Сравните: *Мне ненавистна комната, в которой я живу* (Три сестры). В прозе Чехова фрагмент включает указание

на размер (*маленький, небольшой, большой, громадный*); слабый источник света или его отсутствие (*сидел в темноте, темный, мрачный*); неприятный запах; отсутствие уюта; предметы обстановки *кровать, колонны, фортепьяно, хлам*, отрицательную оценку (*душный, оклеенные дешевыми обоями, старый, низкий*). Семантика визуальных признаков определяют чуждость дома человеку. Только в состоянии влюбленности происходит, наоборот, приятие образа героем. *Освещенная солнцем терраса, милый уютный дом* (Дом с мезонином).

Подчиняясь категориям модальности, перцептивности, текстовый фрагмент с референтом «дом» / «комната» (или любым другим предметным референтом) является индивидуальным, но не единичным в относительно устойчивой художественной системе писателя. Образность выявляется, подобно лексическому значению слова, по соотношению с действительностью – по способу сложнейшей градации прямого и непрямого отражения переживания действительности.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М., 1989.
2. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.
3. Казари Р. Купеческий дом: историческая действительность и символ у Достоевского и Лескова // Достоевский Материалы и исследования. М., 1988. Т. 8. С. 87–93.
4. Лотман Ю. М. Дом в «Мастере и Маргарите» // Семиосфера. СПб., 2000.
5. Ревзина О. Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста. М., 1998. С. 301–316.
6. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1999.
7. Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. М., 2001.

О темпоральном контрасте в поэзии Е. Баратынского

Цзин Цзин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, институт филологии и межкультурной коммуникации
zinyaidaking@sina.com

Контраст, по словам В. П. Москвина, – это семантическая категория, основанная на противоположности, его цель: сделать речь ясной, понятной, наглядной [2: 90]. В результате анализа стихотворений Е. Баратынского были выделены наиболее частотные оппозиции с временными отношениями:

1. Оппозиции наименований времени суток (точные антонимы *день – ночь*, квазиантонимы *день – вечер, день – сумерки, день – ночной*).

День и ночь являются самым обыкновенным природным явлением, имеющим важное значение в человеческой жизни: *Уж поздно было, ночь сгустилась, <...> Румян и светел уж новый день сиял* (94); *Летишь курьером день и ночь туда, туда <...>* (88); *С рассвета до ночи за тяжким трудом <...>* (145); *И в шуме дня, и в тишине ночной я чувствую <...>* (108).

Необходимо подчеркнуть, что в четвертом примере содержатся две пары противоположных признаков, поэт связывает день с шумом, а ночь с тишиной, сопоставляет день с ночью, шум с тишиной. А в строке *Толпе тревожный день приветен, но страшна ей ночь безмолвная* (261) поэт связывает день с тревогами, а ночь с безмолвием. Итак, противоположная пара *день – ночь* в значительной степени понимается Е. Баратынским как оппозиция *волнение – покой*.

Кроме того, в своем творчестве Е. Баратынский метафорически осмысляет день и ночь: *На ум, на сердце мне излили вы благодатные струи и чудотворно превратили в день* (ясность, понятность мысли) *ясный сумерки* (расплывчатость мысли) *мои* (297).

2. Оппозиции названий сезонов (*лето – зима, осень – весна*).

В своих стихах поэт неоднократно изображает разные сезоны и часто их сравнивает:

а) лето – зима: *Безропотно носил морозы наших зим; В наш краткий летний жар тобою был любим <...>* (301). *Веселый сон минутных летних нег! <...> Своих дубров и холмов зимний вид...* (265). б) Весна – зима: *Весны возобновленья! Средь роцей, средь полей <...> Хлад зимней непогоды небесный кров мрачит* (304).

Е. Баратынский также выясняет символическое значение сезонов и рассматривает контраст как стержневой компонент композиции: в стихотворении «На посев леса» живописная весна является символом надежды, а зима – безнадежности: *Опять весна; опять смеется луг <...> и надеждой. <...> Но нет уже в душе моей надежды, Уж та зима <...>* (297). В другом стихотворении весна – прошлое: *веселые живительного мая, зелеными ветвями, взлелеянные цветы <...>* (114), а осень – сегодняшний день: *В наготе стояли деревья, замерзлая трава, листья мертвые, в лицо мне запах увядания <...>* (115). Яркий контраст пейзажа весны и зимы образно отражает огромную разницу между веселой прошлой и печальной сегодняшней жизнью, при этом поэт также сопоставляет счастье и несчастье.

3. Оппозиции со значением возраста (молодость, юность – старость).

С точки зрения автора старость соотносится с печалью, а молодость с счастьем: *Желтел печально злак полей, <...> Вы улетели, сны златые минутной юности моей!* (78–79). (контраст печали – счастья) Однако между молодостью и старостью может быть и совместимым: *Взгляните: свежесть молодой и в осень лет она пленяет, и у нее летун седой ланитных роз не похищает* (133).

В стихотворении «Были бури» автор использует композиционный контраст и описывает такого человека: будучи молодым и здоровым: *Да молодые были годы! В день... подымет вздох могучий* – он часто говорит о своих печалях: *скорбь – невзгода распоеется!* В старости, когда здоровье потеряно, когда герой страдает от трудностей жизни: *А как век-то, век-то старый ... груз двойной с груди усталой уж не сбросит вздох удалый*, – он уже не говорит о своих несчастьях: *Не положишь ты на голос с черной мыслью белый волос!* (259).

4. Оппозиции со значением длительности – краткости.

В своей поэзии поэт обращает большое внимание на соотношение «мгновение (краткое время) – вечность (длительное время, постоянство)»: *Непостоянство примечаю, но*

постоянно ты мила! (274); *Сегодня вижу я на час, какую помнить буду вечно* (308). Поэт также размышляет о себе: *Невечный для времени, я вечен для себя* (68).

Иногда поэт сравнивает длительное время с кратким: *Часы летели как мгновения!* (106). *Да длится ваше упоение, да скоро минет скорбный час!* (250). В равной степени он противопоставляет не только объективное время, но и его субъективное ощущение: *И платим мы за радость краткую ей безвесельем долгих дней* (122); *Как много ты в немного дней прожить, прочувствовать успела!* (99). Следует отметить, что здесь сочетается «краткое» и «слишком длится», «немного» и «много». При этом поэт подчеркивает, что «краткое время» и «длительное время» – это относительные понятия, если человек бережет время, он может много сделать и за короткое время.

5. Оппозиции прошлого и будущего (*вчера – сегодня – завтра*).

С помощью сопоставления отношений «Вчера – сегодня – завтра» может отражаться изменение внутренних обстоятельств человека: *Вчера задумчива, я помню, ты была, сего-*

дня ветрена, забавна, весела (274); *Сегодня зренье пленяет свет веселый дня... с чувством пламенным <...> А завтра... Завтра... как ужасно! Мертвец холодный!* (162).

Таким образом, можем сделать следующие выводы: в поэзии Е. Баратынского контраст временных отношений играет важную роль, более того, поэт связывает оппозицию «день – ночь» с конфликтом между волнением и покоем, временной контраст сезонов и бином «молодость – старость» с конфликтом между счастьем и несчастьем. Ср. с выводами Г. Хетсо: «Баратынский в своей поэзии больше занят тремя конфликтами: счастье – несчастье, покой – волнение, чувство – ум» [3: 551].

Литература

1. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Подг. текста, сост., примеч. Л. Г. Фризмана; Вступ. статьи Л. Г. Фризмана и Е. В. Невзглядовой. СПб., 2000.
2. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: терминологический словарь-справочник. М., 2004.
3. Хетсо Г. Баратынский. Жизнь и творчество. Осло, 1972.

Языковая игра как средство создания лингвокультурного типажа (на материале романа Д. Быкова «ЖД»)

Н. Г. Шаповалова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
shapovalovang@yandex.ru

Языковая игра, игровой прием, лингвокультурный типаж.

Summary. The paper is devoted to the research of language game as means of creation of the lingvocultural type and the way of reflection of moral values peculiar to it.

Анализ произведений Д. Быкова, написанных на рубеже XX–XXI веков, в период формирования замысла «ЖД» и работы над ним, отражает размышления автора, определившие становление художественной идеи романа. Особого внимания с этой точки зрения заслуживают рассказы в стихах «Ночные электрички» и эссе «Третий том», написанное как предисловие к поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».

Герой «Ночных электричек» открывает для себя карнавальную двумерность (по М. М. Бахтину) русской жизни, зыбкость грани мира дня и антимира ночи. В «Третьем томе» Быков высказывает предположение, что одним из первых амбивалентности России осознал Гоголь: *за дневные ее обликом – старушечьим, почти кротким – он увидел ночной, мертвый. Он понял, что и сама она мертва* [2: 15].

Гоголевская догадка о том, что в России *все друг другу чужие, и земля всем чужая, что на своей земле так не живут* [2: 31] формирует фабульную модель «ЖД» – постмодернистскую трактовку российской истории как многовековой войны народов-захватчиков (варягов и хазар) и страданий туземцев – *кроткого славянского племени, обслуживающего их по очереди* [1: 207]. Особенности менталитета и уникальный исторический опыт коренного населения и его поработителей формируют соответствующие литературные типы. Присущие им нравственные ценности отражаются в их речи с помощью игровых приемов, которые автор использует для создания языка каждого племени. Так формируются лингвокультурные типажи «славянин», «варяг» и «хазарин», ценностные ориентиры коммуникативного поведения которых могут быть установлены путем выявления наиболее частотных в их речи элементов лингвокреативности, поскольку «с позиций описания языковой личности нет различия в характеристике реального лица или вымышленного персонажа» [3: 28].

Для создания уникального лексикона славян Быков использует паронимию [4: 292–297] (*Пол – половина, и мужчина, и женщина – все половины* [1: 245]; *Аша принадлежала к туземной аристократии, к древнему роду жрецов, хотя и ненавидела слово «жрец»*. – *Оно чужое, ваше. Что-то жрущее. Мы называем – волк* [1: 238–239]; *Воля – наше слово, – ответила она упрямо, – воля – это то, что у волков* [1: 255]). Оказавшись в одном контексте, похожие слова образуют новые словообразовательные пары. Так, пояснение славянской жрицы, что *стул – толокно, а кресло – потолок* [1: 245], подсказывает лингвокреативному мышлению читателя направленность словообразовательных отно-

шений от *толокна* к *потолку*, хотя слово *потолок* восходит к древнерусскому *тъло* ‘дно’ [5: 345] и не связано с названием толченой овсяной муки и каши, образованным из глагола *толчи* ‘бью, толкаю, толку’ [6: 73]. Сопоставление таких пар убеждает читателя в наличии целых словообразовательных моделей (*Нева, за которую к северу сесть было нельзя, потому что не ва, не ваша земля дальше* [1: 253]; *Все, что сверху, любая граница верха – небо. Потому что дальше не бо: нет больше, стой. А то, что внизу, – это недо. Нет дальше. Небо и недо, а не пол и потолок*) [1: 245], постоянно обогащающих язык туземцев новыми лексемами.

«Колонизацию» языка славян захватчиками Быкову удается показать с помощью неологизмов (*Иные слова были ему [Грозову] знакомы, но употреблялись в странном, несвойственном им значении – он улыбнулся во сне, услышав, что строй солдат называют почему-то задницей...* [1: 20]) и народной этимологии (*Волки, по неразумию захватчиков писавшаяся Волгой* [1: 253]; «*Колесо*» – *тоже кто-то из ваших недослышал, а все за ним повторяют. <...> Правильно – «колыцо». Трехколесный велосипед* [1: 241]). Они подтверждают большую архаичность языка славян, их законное право на отнятую столетия назад землю.

Причина, по которой туземцы-волшебники безмолвно сносят жестокость своих захватчиков, также отражена в языке. Спротивляться им мешает вербализованная с помощью диминутивов *ласковость* [1: 20] ко всему живому (*Ладно, сейчас на печенку и баиньки. Утречком самый сон...* [1: 22]). Их бережное отношение не только к людям, но и явлениям природы, предметам быта обуславливает частотность в речи метафоры: *бременем у них называлась грибная корзина* [1: 267]), купола церквей – *луковками* [1: 272], а потолок жилища – *небом*, потому что *во рту небо, свод рта, как бы крыша... Все, что сверху, любая граница верха – небо* [1: 245].

Выявленные игровые приемы так или иначе корректируют внутреннюю форму слова [4: 167], работают на повышение его образности. Неслучайно один из главных героев произведения отмечает удивительную способность туземцев *всякую вещь назвать ее истинным именем* [1: 20]. Звуковая оболочка их *прекрасных, единственно правильных русских слов* [1: 21] дает писателю возможность отразить главные черты литературного типа «славянин»: *желание наделять душой неодушевленное* [1: 87], жалость ко всем и вся (*Как можно, думал Воронов, не пожалеть ничего и голодного, ведь всех жалко!* [1: 87]; *Знаешь, я когда в дет-*

стве выбрасывала, допустим, эту газету или одноразовую посуду – все думала, что эта посуда меня умоляет: не бросай, я тебе пригожусь... [1: 670]), способность преобразовать окружающий мир не силой, но речью (*Вас земля не слушает, вы не умеете с ней. Вы ее душите, ковыряете, режете почем зря – разве она будет родить. С землей надо разговаривать...*) [1: 249]. Эти качества не свойственны хазарам и варягам, но их наличие у туземцев позволяет автору надеяться, что в русской жизни есть нечто, противостоящее пустоте, увиденной Гоголем. Отсюда заявленная в предисловии полемичность названия романа: *У меня нет определенной, обязательной для читателя расшифровки аббревиатуры «ЖД». Читатель волен выбрать любую или предложить свою: железная дорога, живой дневник, жел-*

тый дом, жирный Дима, жаль денег, жизнь дорожает, жидкое дерьмо, жаркие денечки, жесткий диск, Живаго-доктор. Для себя я предпочитаю расшифровку «Живые души» [1: 5].

Литература

1. Быков Д. Л. ЖД. М., 2007.
2. Быков Д. На пустом месте: Статьи, эссе. СПб., 2008.
3. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М., 2006.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3: Муза – Сят. М., 2007.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4: Т – Яшур. М., 2007.

Вербальная магия как особый тип колдовства: на материале русских заговоров

Н. В. Шестеркина

Национально-исследовательский Мордовский государственный университет (Саранск)

nvshest@mail.ru

Вербальная магия, магический обряд, молитва, сверхъестественное.

Summary. The report touches upon the detachment of the verbal magic from the magic ritual, in the process of which the first has transformed into a special type of witchcraft. The characteristics of charms and spells have been analysed, along with their text fragments.

Вопрос о так называемой *магии слова* («вербальной магии») в классификациях магии стоит особняком, хотя ее роль в истории магии чрезвычайно велика. По С. А. Токареву, заклинания лишь примешиваются к тем или иным колдовским действиям. Однако он признает, что у более развитых народов именно вербальная магия играет доминирующую, самостоятельную роль (2011). Б. Малиновский настаивал на преобладании слова в любом магическом акте. По его мнению, действие – второстепенный и даже необязательный элемент магии (Malinowski 1922). Среди русских исследователей А. А. Потебня (1887) и А. Ветухов (1907) видели корни всякой магии в вере в могущество человеческого слова, видели в словесной магии основную и первичную ее форму, не интересуясь обрядом. По Н. Ф. Познанскому (1995), магический обряд вначале был простым действием без слов, но со временем действие стало непонятным пациентам и знахарю, постепенно осознавшему разницу между естественной и сверхъестественной связью явлений. Словесная формула стала нужна как пояснение обряда. Впоследствии формула-заклинание приобрела самостоятельное значение с последующим отделением его от действия, и заговор стал произноситься без обряда. Токарев признал правоту Познанского, что при отмирании обряда заговор сохраняется как самостоятельная магическая сила и может получить значение особого типа магии (Токарев 1990).

«Вербальная магия» – заклинания, заговоры, заклички, «слова» или молитвы, широко практиковались внутри сложных комплексов ритуалов и отдельно от них как самостоятельные обрядовые операции – в обыденной жизни служит ярким примером диалогической природы магии (Новик 1984). Правомерность отнесения заклинаний к области магии поставил под сомнение С. В. Иванов (1971, I), сделав вывод на основе анализа заговоров чукчей, что их значение «заклучалось, по-видимому, не в некоей силе самих слов, не в их звучании и не в таинственности образуемых словесных формул, а в приписываемой словам и фразам способности превращаться в видимые животным и фантастическим существам образы, обладающие хотя и призрачной, но все же материальной природой». Большинство таких монологов, получаемых в наследство, которые покупали, дарили или слышали во сне, не содержит особых таинственных речений, позволяющих сверхъестественным путем добиться желаемого. Это были подробные описания ситуации, *желательной* в данный момент для владельца наговора, и в этом описании обычно присутствует то «лицо», от которого зависит достижение желаемого результата. Поэтому часто адресату передается ложная информация, исходя из которой он должен совершить только желательные для адресанта поступки. Сами монологи рассматривались как «посредники», обеспечивающие нужный результат (Новик 1984).

Но, согласно М. Моссу (2000), система словесных магических обрядов имеет такой значительный вес, что в неко-

торых обществах она выступает в очень разнообразных формах. Руководства по магии показывают, что обычно обряды не совершаются без заговоров, и чтобы получить правильное представление о магической церемонии, нужно исследовать их параллельно. Мосс обнаружил в магии все формы вербальных обрядов, известных в религии: клятва, обет, молитва, гимн, простое обращение. Есть заклинания, соответствующие *симпатическим* обрядам. Нужно только, назвав имена действий и предметов, вызвать их появление по закону симпатии. Лечебные заговоры или изгнание духов построены на игре слов, означающих «отвести», «отбросить» или названия болезни и духов, являющихся причиной болезни. К популярным способам вербальной борьбы с болезнью с помощью симпатии относятся каламбур и ономотопея. Есть группы речевых обрядов *мифологического* характера, где описание выражено в форме рассказа или эпического повествования, а персонажи – герои или боги. Такая ситуация уподобляется тексту заклинаний, как своему прототипу, и рассуждения имеют такую форму: если некто (бог, святой, герой) смог совершить определенные действия при определенных обстоятельствах, то и он может сделать то же самое. Другая группа мифологических заклинаний описывает происхождение, перечисляет качества и имена существ, вещей, демонов, на которые направлен обряд: что-то вроде разоблачения объекта с целью лишения его чар. Эти заклинания могут достигать больших размеров, но чаще редуцируются: бормотание ономотопеи (слово-звуко-подражание, шепот), слова, означаящего предмет обряда и имя человека, на которого направлен обряд, называемого после того, как обряду остается механически перенести на этого человека свое действие. Молитвы сокращаются до упоминания имен бога, демона или почти бессодержательного понятия типа *trivagyon* (Святая Троица, греч.). Заклинания мифологического характера ограничиваются произнесением имени собственного или нарицательного. Некоторые названия разделяются на части или буквы; названия планет – соответствующими гласными и т. д.

Священные тексты, предметы религиозного культа могут становиться магическими. Священные книги – Библия, Коран, Трипитака (буддийский канон) дали заклинания большей части человечества. Магию пронизывает система текстов религиозного характера. Общий эффект заговоров – необходимость вызвать потусторонние силы и точно обозначить цели обряда. Вызывают к жизни духовную силу, в случае магии, апеллирующей к мифам, ссылаются на фигуру авторитетного персонажа из мифов. Часто народные молитвы сближались с заговорами. Провести границы между язычеством и «наивным христианством», народными молитвами у славян, очень сложно. В настоящее время существуют две противоположные точки зрения на соотношение этих групп текстов: 1) одни исследователи говорят об условности терминов *заговоры* и *народные молитвы*, отсы-

лающих к одним и тем же текстам (Левкиевская 2002); 2) другие акцентируют существование «заговорно-молитвенного континуума», где заговоры и молитвы находятся на противоположных полюсах (Топорков 2005). Данное явление объясняется синкретизмом религиозного сознания средневекового человека. Народные молитвы имеют связь с древними религиозными ритуалами, в которых участвовали тотемические существа и предки, действовавшие и в магических ритуалах.

Русские заговоры представляют большой интерес, т. к. в них, кроме христианской ориентации, сохранились следы языческих верований, олицетворяющих стихии, силы природы – ветер, землю, воду и т. д. В собрании заговоров Л. Н. Майкова из 372 заговоров имена, относящиеся к предметно-сюжетному фону, присутствуют в 164, из них – 147 текстов демонстрируют христианскую ориентированность, 20 – по-

читание природы (*заря Мария, вечерняя заря Маремьяна, мать сыра-земля Пелагея и сине море Елена*), и лишь в трех случаях отмечены совпадения ориентаций. Стихиям и силам природы часто даются христианские имена – *река Ердань, земля Татьяна, река Ульяна, ключ Никита* (Михайлова 2010). (В докладе будут представлены примеры употреблений русских заговоров, связанные с указанными выше характеристиками.)

Итак, в древности вербальная магия лишь примешивалась к колдовским действиям. Сейчас трудно обнаружить закономерности различия отдельных видов магических обрядов, т. к. некоторые исследователи считают преобладание слова над действием обряда второстепенным элементом, но, по мнению других, словесные формулы сначала сопровождали обряд, а затем стали произноситься вместо обряда, и заговор стал считаться особым типом магии.

Манифестация обыденного метаязыкового сознания в фольклорных текстах (на примере реплик-коррективов)

М. Р. Шумарина

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

mshumarina@yandex.ru

Метаязыковая рефлексия; обыденное метаязыковое сознание; реплики-коррективы; малые жанры фольклора.

Summary. Correcting remarks can be considered as a special genre of folklore. They reflect national ideas of properties of language expressions and rules of their use.

Под обыденным метаязыковым сознанием (ОМЯС) понимают сегмент сознания языковой личности лингвиста, который содержит сумму (непрофессиональных) представлений о языке и речи. Самой очевидной функцией ОМЯС является контроль – и самоконтроль – речевого поведения, предупреждение и коррекция коммуникативных погрешностей. Поэтому в содержании ОМЯС важное место занимают представления о «правильном» и «неправильном» в речи – своего рода народная ортология.

Вполне закономерно, что коллективные представления о нормах поведения отражаются в произведениях фольклора, для которого характерна народность содержания, проявляющаяся, как отмечает В. П. Аникин, в общности выражаемых мыслей и чувств, в близости вкусов, в единстве понятий.

Среди различных произведений фольклора, демонстрирующих содержание ОМЯС, особое место занимают ответные **реплики-коррективы** (РК), которые можно рассматривать как особый малый фольклорный жанр. Пример такой РК: на вопрос *Куда?* может последовать реакция: *На Кудыкину гору – мышей ловить и тебя кормить*.

Можно выделить общие жанровые признаки таких РК.

1. **Дискурсивный** признак. РК всегда используются как ответная реакция на реплику собеседника. 2. **Семантический** признак. В РК содержится негативная реакция на содержание или форму реплики-стимула. 3. **Функциональный** признак. РК – явно или имплицитно – «исправляют» то, что в реплике-стимуле показалось неправильным. 4. Сходство приемов **эстетического** оформления. В РК, как правило, используется лексический или фонетический «подхват»: в ответной реплике звучит «эхо» негативно оцениваемого контента реплики-стимула. Такой подхват может представлять собой лексический повтор (например, в общественном транспорте на вопрос *Вы на следующей сходите?* могут ответить: *Сходят с ума, а я выхожу*), повтор корневой морфемы ключевого слова (так, обращение на *ты* вызывает ответ: *Ты мне не тычь, я тебе не Иван Кузьмич!*), рифмовку (*– Где? / – У тебя на бороде*) или сочетание разных видов «подхвата» (*– Как вам не стыдно! – Стыдно у кого видно...* – лексический повтор и рифмовка).

РК, выражающие негативную оценку речи собеседника как не соответствующей общепринятым нормам, свидетельствуют о наличии в ОМЯС особого рода презумпций – представлений о свойствах языковых выражений. По характеру этих презумпций можно разделить реплики-коррективы на пять групп.

1. РК, отражающие представление о **ненормативном** характере некоторых **слов** и **выражений**. Например, употреб-

ление просторечной формы *чѐ* (вместо *[шито]*) может вызвать ответ: *Свиное копчѐ – через плечо и в ухо!*

2. РК, эксплицирующие представления о **коммуникативных** нормах. Например, на выражение *пока!* (вместо *до свидания*) может последовать ответ: *За «пока» бьют бока [...и ломают кости]*. Обращение по фамилии вызывает такое возражение: *Не фамильярничай, не в ЗАГСе*.

3. РК, приписывающие речи **магические** свойства. Так, в ОМЯС носителя просторечия слово *садиться* ассоциируется с лишением свободы и может «накликать беду», поэтому на предложение *Садитесь!* может последовать РК *Сесть я всегда успею!* или *Садятся в тюрьму, а я присяду*.

Именно из-за магии слова нельзя спрашивать о цели поездки – *куда?* Так, например, комментируется эта особенность в романе Артема Веселого «Россия, кровью умытая»: *– Одевайся живей, поедешь. / – Куда? / – На кудыкину гору, закудыкала, черт неладный! (Не спрашивай «куда», удачи не будет; спрашивай: «далеко ли?»)*.

Среди ответных РК немало таких, которые включают в свой состав обцензизмы и грубо-просторечные слова – это широко известные реакции на вопросы *Где? Кто? Ну? Какая разница? Ты куда?* Сдобренные грубой лексикой, ответы на табуированные вопросы *где? куда?* и т. п., видимо, не только выражают резко негативную оценку нарушения табу, но и призваны были изначально выполнять функцию своеобразного оберега.

Безусловно, рекомендации, содержащиеся в РК первых трех типов, в большинстве случаев не имеют ничего общего с нормами литературного языка, однако их изучение позволяет сделать выводы о том, что просторечная норма существует (хотя и имеет иную природу, нежели норма литературная), что она воспринимается носителями именно как норма, то есть носит обязательный характер.

4. РК, которые служат **возражением** не на языковое оформление предыдущей реплики, а на ее **содержание** (интенцию собеседника). Например: *– Вы мне мало заплатили. / – Мало? Ничего, прокурор добавит; – Большое вам спасибо. / – Из спасибо шубу не сошьешь*.

5. РК – ответы на **инвективное** обращение, которые (на первый взгляд) осуждают использование бранных слов. Например, собеседник, которого грубо «послали» по известному адресу, может ответить (используя рифмованный «подхват»): *– А ты не ахай, здесь не роддом!* Такой ответ содержит квазимотивировку нежелательности обцензизма и сопровождается импликацией: «Поэтому использованное выражение неуместно».

РК 4-й и 5-й групп (как и выражения первых трех групп) эксплицируют метаязыковые воззрения «наивного лингвиста»

та». Однако здесь актуализируются представления не о нормативности языковых единиц, а об их семантических и формальных свойствах, которые лежат в основе языковой игры. Например: – *Неудобно звонить, уже поздно.* / – *Неудобно спать на потолке, одеяло падает* (обыгрывается многозначность слова, которое может обозначать как психическое, так и физическое состояние); – *А нам премию дадут?* / – *Дадут... А потом догонят и еще добавят* (каламбур основан на сопоставлении свободного и фразеологически связанного значения слова *дать*); – *Я сама сделаю.* / – *Сама! Посамее тебя в клеве сидят!* (создание окказионального слова, которое актуализирует периферийное качественное значение местоимения *сама*); – *Пошел бы я, да*

очередь твоя (в ответ на *пошел ты...* – дефразеологизация бранного выражения, актуализация его гипотетического буквального значения).

Фразеологизированные ответные реплики на брань нередко сами содержат obscenизмы и лишь по форме являются возражениями против сквернословия: образно выражаясь, их задача в данной игре – не удалить мяч с поля, а наиболее замысловатым образом перебросить его на половину противника. РК последних двух групп выполняют исключительно эстетическую функцию.

Распространенность и повторяемость РК, устойчивость их лексико-грамматического состава, дидактичность, лаконичная экспрессия – все это сближает их с паремиями.

Секция. Описание и преподавание русского языка как иностранного

Обучение языку специальности с учетом когнитивного и профессионального подходов

И. Б. Авдеева

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет

i.b.avdeyeva@mail.ru

Когнитивные стили, когнитивные стратегии, аутентичные тексты, иностранные учащиеся инженерного профиля.

Summary. The paper presents new grammar-drill-book for foreign students, focusing on problems in aspect Russian language for specific purposes. The grammar-book is based on a large material – 19 authentic Russian textbooks on 9 engineer disciplines, using specific teaching technology, based on cognitive strategies, typical for engineers. Professional-and-cognitive approach can give new look on old problem.

Западные исследователи на основе систематизации разных типов учебных предпочтений учащихся выделили два основных подхода к обучению, назвав их «западным» и «не западным». Под «западным» подходом к обучению понимается классическая для западной культуры образовательная позиция: ориентация на логику и порядок, абстрактно-логическую, вербальную форму предъявления информации, последовательный способ мышления. Соответственно, учащиеся с «не западным» подходом к обучению традиционно не рассматриваются методистами европейских стран и для них не предусмотрены необходимые условия познавательного развития [3].

Данные современных отечественных научных исследований показывают, что стили учения (или индивидуально-образные способы учебной деятельности) по своей природе непосредственно зависят от особенностей образовательной технологии (в том числе отличительных характеристик учебной ситуации, методов обучения, типа учебника, позиции учителя, статуса образовательного учреждения). Доказано, что стилевые свойства личности имеют ресурс мобильности, т. е. изменяются под влиянием специально организованного обучения [4].

Поэтому в русле современных образовательных тенденций правильнее говорить не об учете индивидуальных познавательных стилей учащихся, а о формировании у каждого персонального познавательного стиля в рамках общего профессионального когнитивного стиля. Рост эффективности учебной деятельности, зависящий от сформированности профессионального когнитивного стиля, предполагает наличие такой образовательной среды, одни элементы которой соответствуют биологически заданному стилю ученика, в то время как другие – не соответствуют ему, поскольку предназначены для развития недостающих механизмов стилевого поведения.

При обучении русскому языку иностранных учащихся инженерного профиля важно учитывать два аспекта их познавательной деятельности: когнитивный и профессиональный.

Как показали проведенные исследования, когнитивные предпочтения иностранных учащихся инженерного профиля, обусловленные биологически, формируются и закрепляются в процессе обучения в российских вузах, отражаясь в структуре их речевого поведения при решении конкретных практических задач профессиональной деятельности. Многолетний опыт работы с данным контингентом показал, что если при обучении русскому языку как иностранному использовать специальный комплекс методических приемов и заданий с учетом ориентации на когнитивный стиль специалистов инженерного профиля и сферу их профессиональной деятельности, отсекая методические приемы, не свойственные представителям данного когнитивного типа и сферы деятельности, это будет способствовать формированию у иностранных учащихся инженерного профиля собственного познавательного стиля в рамках общего когнитивного стиля специалистов инженерного профиля, а также более эффективному освоению и осуществлению профессиональной коммуникации на русском языке [2].

Было выявлено, что когнитивный стиль учащихся инженерного профиля, состоящий из определенных комбина-

ций стилей мышления, диктует выбор приоритетных стратегий при обучении. Соответственно были выделены методические приемы: а) ориентированные на стратегии, присущие иностранным учащимся инженерного профиля, на которые целесообразно опираться преподавателю-русисту (долговременная память, независимость от контекста, произвольное запоминание, аналитичность, последовательность обработки информации, словообобщение – установление связи от родного языка к иностранному, высокая точность употребления слов и применения правил); и б) ориентированные на стратегии учащихся данного контингента, которые преподаватель должен помочь им преодолеть (долгое вхождение в работу, медленное установление связей на этапе восприятия новой информации и фиксации в памяти, отсутствие беглости в устной и письменной речи, беглости чтения, трудности при аудировании, преодоление излишнего контроля собственной речи, неумение абстрагироваться от неважного). Таким образом, используя определенные методические подходы, преподаватель-русист имеет возможность, учитывая индивидуальные познавательные стили учащихся, также обогащать стилевой репертуар интеллектуального поведения каждого ученика [1].

На основе вышеизложенного подхода создан Учебный комплекс «Русский язык для иностранных учащихся инженерного профиля: лексика и грамматика» в четырех частях, который предназначен для того, чтобы объяснить и отработать наиболее сложные аспекты, т. называемые «болевыми точками» русской грамматики, с которыми сталкиваются иностранцы при чтении учебно-научной литературы. Данный Комплекс призван служить своего рода «инструментом», позволяющим иностранным учащимся инженерного профиля научиться самостоятельно читать и понимать (имеется в виду изучающее чтение) специальную литературу – аутентичные учебники по инженерным дисциплинам. Иностранцы смогут изучить мало освещенные в лингводидактике особенности книжно-письменной разновидности инженерно-технического подстиля русского языка, имеющего определенные отличия от литературного языка, которые проявляются как при словообразовании, так и в синтаксических конструкциях, описывающих ситуации инженерной деятельности. Рассмотрены только те аспекты книжно-письменного языка, которые специфичны для научного стиля данного профиля и которые представляют одинаковую трудность как для носителей европейских, так азиатских языков.

В основу пособия положены аутентичные тексты 9-ти фундаментальных и общеинженерных дисциплин, являющихся обязательными для студентов 1–2-х курсов, которые представлены 19-ю авторитетными классическими многократно переиздававшимися учебниками. Учены общие направления разделения всех инженерных специализаций на три: первое, в котором базовыми являются математика, физика и электротехника; второе, которое базируется на теоретической механике, сопротивлении материалов и теории механизмов и машин; и третье, в основе которого лежат начертательная геометрия, машиностроительное черчение и технология конструкционных материалов. Каждая из четырех частей Комплекса представлена четырьмя Книгами для ученика: одной – для студентов и трех – для разных направ-

лений магистрантов и аспирантов. Таким образом, работая совместно в одной группе, каждый из учащихся может брать именно то наполнение задания, которое актуально для его научной деятельности, не загружая память не нужной ему лексикой.

Кроме классических уже принципов построения учебных пособий по научному стилю речи для нефилологов, при создании данного учебного пособия были использованы принципиально новые подходы и приемы к отбору и обработке лексико-грамматического материала, существенно отличающие его от предыдущих и позволяющие говорить о пособии нового поколения.

К вопросу о лингвистических барьерах в аудитории носителей типологически далеких языков (на примере работы с китайскими учащимися)

И. И. Акимова

Дальневосточный филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (Хабаровск)

kazyulkinamama@mail.ru

Лингводидактика, интерференция, русский язык как иностранный, китайский язык.

Summary. Typological peculiarities of native Language of the student have deep-reaching consequences, including the differences in the level of linguistic taxonomy (worldview), including Grammar, as well as the differences in cognitive basis and national linguodidactic traditions that are closely linked to the nature of Language code. Therefore, for optimization of teaching Russian Language as a foreign one in the audience of mother-tongue speakers of inner typology it is important to present linguistic information, in the mirror of the student's native language based on conceptual categories.

1. На материале работы с учащимися из Китая для нас стало очевидно, что при формировании лингвистической компетенции учащегося – носителя языка иной типологии лингвистические барьеры в первую очередь связаны с типологическими особенностями родного языка учащегося. Кроме собственно лингвистического, интерферирующими являются и другие не менее важные факторы. Среди них языковая картины мира и когнитивная база этносубъекта обучения, определяющая его национальную лингводидактическую традицию.

Языковая картины мира понимается нами как особенности таксономии на всех языковых уровнях, включая уровень грамматических категорий. Контрастивный анализ языковых фактов позволил увидеть, что для грамматического уровня в не меньшей степени, чем для уровня лексического характерны различия в картировании действительности.

Когнитивная база китайского этносубъекта обучения тесно связана с иероглифическим характером письменности (превалирует зрительная память) и определяет особенности восприятия графических способов предъявления информации (предпочтительнее табличный способ).

Все названные факторы определяют структуру языковой личности обучающегося – сформированные онтогенезом «в лоне» родного языка и культуры особенности восприятия, памяти, мыслительных стратегий и тактик обучения и общения. Они должны быть учтены при разработке программ обучения и при описании русского языка в материалах для студента, а также при применении тех или иных обучающих приемов.

2. Очевидно, что для создания адекватных учебных пособий назрела необходимость представления языкового материала в зеркале языка учащегося, с учетом его лингвометодической традиции и особенностей когниции.

Для перекодировки мыслительного содержания, заложенного в грамматические структуры изучаемого языка любому иностранному учащемуся требуется адекватная и максимально полная экспликация функционально-коммуникативных характеристик лингводидактических единиц, что, собственно, и составляет содержание педагогически ориентированной модели языка. Модель перекодировки особенно важна для носителя языка иной типологии, в китайском языке используется иной (аналитический) принцип кодирования, что ведет к существенному перераспределению семантических признаков при переводе. Механизмы межъязыковых перекодировок необходимо выявлять. Они далеко не очевидны для китайских учащихся, как не очевидны для российского преподавателя причины интерферирующего влияния, ведущие к лингвистическим аномалиям в речи китайских студентов.

Литература

1. Авдеева Ирина. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура. Saarbrucken.
2. Авдеева И. Б. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты. М., 2005.
3. Ливер Б. Л. Методика индивидуализированного обучения иностранному языку с учетом влияния когнитивных стилей на процесс его усвоения. Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2000.
4. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб., 2004.

Китайская лингвометодическая традиция широко использует грамматико-переводной метод, замедляющий развитие коммуникативных компетенций учащегося. Кроме того, перевод предложений, призванный иллюстрировать то или иное языковое явление, как метод китайской лингвометодической традиции (принятый в «Грамматическом словаре» УМК «Дорога в Россию») не годится в принципе, так как огонь не решает проблему представления лингвистического знания уже потому, что при переводе на язык другой типологии, обсуждаемые лингвистические явления «стираются». Так, в КЯ отсутствует грамматическая категория глагольного вида и времени, значения аспекта выражаются в рамках предложения-высказывания принципиально иначе, чем в РЯ.

3. Кратко остановимся на основных лингводидактических трудностях китайских учащихся.

- Уход от национальной лингвометодической традиции связан с принятием иных стратегий обучения: вместо механического заучивания больших корпусов текстов – осознанное конструирование предложений-высказываний в условиях, максимально приближенных к реальной коммуникации.
- Сильнейший барьер китайских учащихся связан с необходимостью перехода с иероглифической письменности на алфавитный европейский (в том числе русский) язык, где графическая форма записи не содержит пиктограмм, «пригодных» для семантизации словесных языковых единиц.
- Слова знаменательных частей речи в РЯ изменяют свою морфологическую форму (имеют парадигмы склонения или спряжения), однако их грамматическая (предложно-падежная и другая) форма мало что говорит китайскому учащемуся, в языке которого словоизменение отсутствует, а при интерпретации содержания предложения-высказывания является доминирующим лексический уровень.
- Совершенно непонятна китайским учащимся (а также немцам, французам и учащимся других, неславянских национальностей) категория русского глагольного вида (аспекта). Ее представление в УМК, на наш взгляд, не вызывает критики.
- Зону повышенного интерферирующего влияния в РЯ представляет собой падежное словоизменение. В КЯ есть только два (синтаксических) падежа: прямой (позиция подлежащего-топика, совпадает с позицией логического субъекта предложения-высказывания) и косвенный (позиция дополнения-объекта действия).

Моделирование языка в целях лингводидактики должно быть осуществлено на базе понятийных (логических и се-

мантических) универсалий – понятийных категорий, формирующих функционально-семантические поля и категории, вопрос о которых был впервые поставлен И. И. Мещаниновым. Наш материал показал, что статус универсалий и/или фреквенталий имеют ФСК и формирующие их основные оппозиции категориальных значений, а также функционально-семантические поля (далее – ФСП), образованные взаимодействием ФСК.

Рассмотрение с / с (именных групп) РЯ в зеркале КЯ позволило увидеть, что наиболее сложными являются связанные синтаксемы в присловной позиции, представляющие собой случаи немотивированного управления (ср. кальки в КЯ: *помочь маме – помочь / помогать мама; дружить с Машей – дружить Маша; договор о дружбе. – дружба + ДЭ (?) + соглашение = дружеский договор; улица Чехова – Чехов улица = чеховская улица, отложить встречу на завтра – договориться встреча завтра*) и обусловленные синтаксемы вне предикативной пары: *У Ивана болит голова. У отца юбилей. У Маши экзамен. У Ивана низкий рост. Отцу пятьдесят лет. С Ниной беда. Медаль – чемпиону.*

Однако и свободные синтаксемы могут вызывать существенные трудности. Китайским учащимся с трудом дается свободная синтаксема *работать / учиться в университете, преподаватель в университете*, так как по-китайски надо сказать университет ДЭ преподаватель = преподаватель университета. Грамматически труден способ выражения одновременности: *родиться в тысяча девятьсот девяностом году – калька: 1990 год родиться; в пять часов пришел – пять часов прийти*. Есть зоны повышенной интерференции в ФСК локативности: *путешествовать по России – путешествовать Россия; гулять по парку – гулять ДЗАЙ (?) парк*, и другие.

Зоной интерферирующего влияния является порядок слов в предложении-высказывании РЯ. В РЯ порядок слов обесценивает предложение большую, чем в КЯ, вариативность содержания. Поскольку коммуникативный уровень организации предложения-высказывания (актуальное членение и

линейно-интонационная структура) определяет его поверхность-синтаксическую структуру, эффективно обучить говорению, минуя фактор речевой ситуации (латентный вопрос) невозможно. И это должно быть непременно учтено в учебно-методических комплексах: необходимо показать коммуникативные реализации предложения-высказывания (*Мы купили интересную книгу – Книгу мы купили // интересную. Купили мы // интересную книгу. Интересную мы купили – книгу. Мы книгу купили интересную. Интересную книгу купили мы. Интересную книгу // мы купили.*) в условиях контекста.

В РЯ с развитой морфологией порядок слов коммуникативный: на первом месте стоит тема, на втором – рема. В РЯ важен именно порядок СЛОВ, и подлежащее не обязательно является топиком (*У отца (Т) много дел. С ней (Т) истерика. В лесу (Т) грибы.*). Синтаксические связи между именами компонентов высказывания РЯ выражаются грамматически: предложно-падежными и беспредложными формами, а в КЯ – синтаксически, то есть при помощи порядка членов предложения. В КЯ важен порядок членов предложения, так как он несет грамматическую нагрузку, позволяя устанавливать грамматические (частеречные) разряды имен денотативных ролей. На первое место в предложении-высказывании КЯ попадает подлежащее (топик). Позиция подлежащего в КЯ – это самая коммуникативно-значимая позиция. По сравнению с ПВ РЯ, где порядок слов функциональный (коммуникативно-обусловленный), предложение КЯ характеризуется значительно большей степенью изосемичности и изоморфности, что связано с типологическими характеристиками КЯ, ср.: *Отец надо делать много дел. Она истерика / истерит. В лес есть гриб.*

Для решения задачи представления лингвистического знания носителям языков иной типологии требуется разработка лингводидактических оснований и принципов описания русского языка в китайской мононациональной аудитории и основанной на них методики введения и закрепления языкового материала, которая в своей основе может быть использована и для всех других национальностей.

Электронная доска в обучении речевому общению инофонов на начальном этапе изучения русского языка как иностранного (учебно-научная сфера)

С. В. Алёхина, М. Н. Бондарчук

Национальный авиационный университет (Киев, Украина)
asvetlana@mail.ua, margaret28618@ukr.net

Мультимедийные средства обучения, электронная доска, научный стиль речи, вводный лингвопредметный курс, речевое общение.

Summary. The paper deals with the use of Smartboard technology as a tool for the verbal communication skills enhancement of foreign Science and Engineering students on the initial stage of Russian language mastering.

Обучение профильному речевому общению в учебно-научной сфере, ориентированное на будущую специальность студентов, – одна из важнейших задач на этапе предвузовской подготовки инофонов. Рациональное сочетание традиционных образовательных материалов с современными мультимедийными ресурсами позволяет оптимизировать процесс обучения научному стилю речи, обеспечить диалоговый режим в процессе решения познавательных задач, мотивировать учебную деятельность каждого учащегося в отдельности и всей группы в целом. Наиболее универсальным и эффективным электронным средством обучения является интерактивная доска в комплексе с компьютером и проектором.

Экранное комбинирование текстов, графических изображений (схем, таблиц, рисунков), фото, мультипликация, выразительное голосовое (дикторское) и музыкальное сопровождение изображений, светоцветовые, звуко-шумовые эффекты, шрифт и под. расширяют спектр форм и приемов педагогического взаимодействия, делают его более «плотным», динамичным и продуктивным.

Иллюстративно-наглядное, яркое, образное, занимательное представление учебного материала в цифровом формате на стадии его предъявления, при его тренировке, закреплении и обобщении, а также при контроле и самоконтроле создает благоприятные условия для «погружения» студентов в разные виды речевой деятельности, способствует успешному протеканию на занятиях эмоционально-когнитивных процессов.

Современные технологии мультимедиа активизируют речемыслительные процессы, включая подсознание, интуицию, предоставляют огромные возможности для фантазии, воображения, для развития наглядно-образного, ассоциативного мышления студентов. Преподаватели имеют возможность опираться на вербальные и образные компоненты, присущие индивиду в процессе запоминания и мышления, и учитывать в процессе обучения особенности когнитивных типов мышления.

Простое, доступное, однозначное в толковании зрительное подкрепление слуховой и письменной информации облегчает понимание и порождение речи, особенно в условиях ограниченных языковых возможностей на стартовом этапе изучения научного стиля речи. При помощи электронных средств организуются конкретные ситуации познавательной деятельности, моделируются значимые стандартные контексты общения, максимально приближенные к естественным. Это стимулирует мотивацию к высказыванию, разнообразит тренинг и способствует корректному применению речевых образцов.

Благодаря взаимосвязи вербальной, аудиальной и визуальной составляющих, технологическая – мультимедийная образовательная среда эффективно воздействует на эмоциональную сферу учащихся, поднимает психоэмоциональный тонус, настрой всех субъектов лингводидактического процесса, создает комфортную и неповторимую обстановку на уроке, включающую моменты рекреативные (музыкальные паузы), развлекательные. В целом, обеспечивается все-

сторонняя коммуникативность учебного процесса, формирование у учащихся умений эффективно решать задачи учебно-научного общения на занятиях по общеобразовательным дисциплинам.

Как показывает собственный реальный опыт разработки мультимедийных материалов и проведения учебных занятий на их основе, хорошие результаты дает использование интерактивной доски при подготовке иностранных студентов, будущих инженеров, в первом семестре по научному стилю речи. Предназначенный для работы в мультимедийной аудитории вводный лингвопредметный курс в рамках первого модуля по НСР содержательно соотносится и дополняет комплекс традиционных печатных учебных пособий, созданных преподавателями кафедры по русскому языку и общеобразовательным предметам (черчению, химии, физике).

Каждый урок включает лексику, грамматический материал (род, число, склонение имен, спряжение глаголов и т. п.), речевые модели, схемы, таблицы, тексты, диалоги и задания к ним, различного типа упражнения (в том числе и в игровой форме) на закрепление, систематизацию и контроль изучаемого материала.

В курсе широко используется наглядность при семантизации тематической общенаучной лексики, а также при ее активизации в речевой практике, коррекции и контроле. В сознании учащихся активно закрепляется визуальный, графический (написание) и фонетический (звучание) образ слов. Например, наименования конкретных предметов, различных свойств: чертежные инструменты и материалы, химическая посуда, измерительные приборы, вещества и их свойства и под. Динамическое представление процессов – равнообразные примеры механического движения (машина едет, ракета летит, человек идет, спортсмен бежит и под.), природных явлений (идет дождь, снег, растет дерево, изменяется агрегатное состояние вещества и т. д.) – «оживляются» при помощи элементов анимации. Анимационный показ также наглядно демонстрирует грамматические явления, не-

обходимые для усвоения в минимальном объеме и формирования языковой догадки иностранных студентов (например, словообразование, где показываются возможности образования глагольных производных, а студенты вовлекаются в сам процесс их «конструирования»). Видеофрагменты демонстрационных полетов самолетов используются при объяснении положения тела в определенный момент времени. При помощи термометра и транспортира, которые имеются в коллекции интерактивной доски Smartboard, в занимательной игровой форме отрабатывается произношение и активизируется запоминание числительных и словосочетаний, в состав которых они входят и т. д.

В разработанном курсе, в основном, озвучены все новые слова, тексты и диалоги, которые выступают эталонными образцами для формирования и автоматизации навыков фонетического оформления речи на русском языке. Возможность многократного предъявления, записи и прослушивания произношения студентов обеспечивает интенсивную отработку слов, словосочетаний, речевых моделей и микротекстов. Таким образом уделяется большое внимание звуковой, акцентно-ритмической и интонационной правильности речи учащихся. В курсе представлены также аудитивные задания, диктанты на выработку элементарных навыков записи со слуха слов, фраз, микротекстов, на развитие памяти, а также навыки техники письма. На этих материалах развиваются механизмы аудирования, идет подготовка к восприятию возрастающих по объему аудиотекстов, формируются навыки письма в заданном темпе и т. д.

Итак, мультимедийные материалы в едином комплексе с печатными учебными пособиями вводного лингвопредметного курса формируют прочную базу предметно-коммуникативных и речевых навыков и умений, необходимых и достаточных для иностранных студентов инженерно-технических специальностей в реальных ситуациях учебно-научного общения в соответствии с программой предвузовского обучения.

Описание уровней владения русским языком как иностранным: нужна ли модернизация

Н. П. Андрушина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

msu-andrushina@ayndex.ru

Тестирование по РКИ, уровни владения языком, лексическая и грамматическая компетенция, типовые тесты.

Summary. The author is considering some important theoretical problems of testing of Russian language as a foreign – such as problems of the Russian language proficiency levels in the framework of Russian test systems testing stuff and regulatory acts correlation. Author calls to several lexical and grammar regulations development which will lead to system regulation acts refinement.

В существующей Российской системе тестирования по русскому языку как иностранному (РКИ) казалось бы, определены и описаны основные необходимые элементы, обеспечивающие ее успешное функционирование. Однако при сопоставлении различных нормативных документов обнаруживаются различного рода «несстыковки» и недоработки в поуровневом изложении материала.

Как известно, в настоящее время в системе выделяется 6 уровней владения РКИ – Элементарный, Базовый, Первый, Второй, Третий и Четвертый, которые соответствуют общеевропейской иерархии уровней владения иностранными языками (A1, A2, B1, B2, C1, C2). Содержание лексико-грамматического материала этих уровней представлено в Стандартах (Требованиях) (за исключением Четвертого уровня), Программе по русскому языку как иностранному Первого сертификационного уровня, Лексических минимумах (ЛМ) Элементарного – Второго уровней. Перечисленные документы служат фундаментом системы и, на первый взгляд, обеспечивают адекватное измерение уровня владения русским языком иностранцами. Инструментом измерения, естественно, служат тестовые материалы, структуру, уровень трудности и объем которых демонстрируют Типовые тесты того или иного уровня.

Было бы логично предположить, что содержание и лексико-грамматическое наполнение Типовых тестов тесно связано с содержанием Стандартов и ЛМ. На деле данная связь присутствует далеко не всегда. Так, в субтесте по лексике, грамматике теста Второго уровня содержатся задания на

проверку понимания переносного значения глаголов движения. Нельзя не заметить и того, что представленный в Стандарте этого уровня перечень интенций и тем общения, предполагает наличие у иностранных граждан сформированного умения различать в текстах прямое и переносное значение слов. Преподавателям, ведущим занятия с иностранцами, известно, сколь обширна и не проста эта тема, следовательно, необходимо представить ее в требованиях с достаточной полнотой. Не менее насыщенной грамматической темой является представленность в Стандарте префиксальных и префиксально-суффиксальных дериватов глагола, коль скоро они заявлены в типовом тесте в качестве объектов контроля. К сожалению, в Стандарте Второго уровня ни тот, ни другой аспект не содержится. Аналогичные пробелы в описании грамматической и лексической компетенций наблюдаются и в Стандарте Третьего уровня.

Серьезное внимание следует уделить описанию лексической компетенции, в частности, такому ее аспекту, как фразеология. В Стандартах Второго и Третьего уровней фразеология не упоминается ни в одном разделе, вопрос об определении ее минимального объема не обсуждался. Тем не менее, например, в тест Третьего уровня (субтест «Грамматика. Лексика») включены задания на проверку понимания смысла фразеологических единиц. Понимание смысла фразеологизмов требуется от иностранцев также и при просмотре фрагментов художественных фильмов и публицистических передач, и при продукции монологических высказываний. То есть данная сторона лексической компетен-

ции представлена в качестве объекта контроля в ряде субтестов («Грамматика. Лексика», «Чтение», «Аудирование», «Говорение») при ее отсутствии в нормативных документах. Устранить эту лауну отчасти призвано приложение «Фразеологизмы и устойчивые словосочетания», содержащееся в минимальном объеме в ЛМ Второго уровня и в большем объеме – в подготовленном к изданию ЛМ Третьего уровня. Но чтобы обеспечить полное представление материала и координацию компонентов системы, описание фразеологической части необходимо внести в соответствующий Стандарт.

Некоторые разделы Стандартов вызывают ряд вопросов не только у иностранных пользователей, готовящихся к сертификационному тестированию, но и у тестеров, проводящих экспертизу результатов тестирования по продуктивным видам речевой деятельности. Так, раздел «Фонетика. Графика» представляет лаконичное описание фонетической компетенции, но полностью игнорирует вторую часть, заявленную в заголовке. Не разработано и описание орфографической составляющей языковой компетенции. Между тем отсутствие в данном разделе описания графики (орфографии) лишает экспертов возможности провести адекватное оценивание письменного продукта, созданного иностранцем. В этой связи часто оставляются без внимания элементы латиницы, отсутствие элементарных знаков препинания и т. д., что недопустимо на высоких уровнях владения русским языком.

Ситуация, когда заявленные в типовом тесте объекты контроля не представлены в описании уровня в нормативных документах, делают эти тесты нелегитимными. С дру-

гой стороны, в Стандартах и Требованиях должно быть реализовано всестороннее и логичное описание содержания языковой компетенции, ибо такое описание призвано служить не только основанием для конструирования тестовых материалов, но и инструментом, обеспечивающим объективность и точность измерения (оценивания) уровня владения языком.

На начальных этапах разработки системы тестирования можно было мириться с недостатками и ошибками, допущенными при создании ее компонентов, в надежде, что неизбежные в процессе соиздания накладки будут в дальнейшем исправлены. Но сейчас, когда накоплен большой и теоретический, и практический опыт, проведена определенная аналитическая работа, пришло время устранения существующих пробелов, время модернизации важнейших компонентов Российской системы тестирования.

Литература

1. Андришина Н. П. и др. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень. Общее владение. 4-е изд. СПб., 2013.
2. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень. Общее владение. М.; СПб., 1999.
3. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение. М.; СПб., 1999.
4. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень. Общее владение. М.-СПб., 1999.
6. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение. М.-СПб., 1999.

Методика здравого смысла как отражение прагматического подхода в обучении русскому языку как иностранному

М. Н. Аникина

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ

anikina-marina@mail.ru

Методика обучения, мировоззрение в обучении, базис и суть методики, прагматика, формирование мотивации, содержание, организация учебного процесса.

Summary. This report considers some practical issues based on the holistic outlook of the Russian language teaching for foreigners that includes the philosophical, psychological and methodological aspects.

Учебный процесс определяется, организуется и формируется личностью преподавателя. Основу любой личности составляет определенный психотип. Понимание этого отражено в обыденном сознании в представлении: «Все люди разные». Черты и особенности своего психотипа человек может либо осознавать и признавать, либо не осознавать, но чувствовать, либо осознавать, но не признавать. Человек с одним психотипом не способен вести себя, реагировать на окружающее и иметь мировоззрение на действительность такое же, как у человека с противоположным (не сходным) психотипом. Учебный процесс – это часть действительности, на которую в полной мере распространяется все вышесказанное. В связи с этим сколько бы не говорилось о коммуникативной методике, об организации учебного процесса для достижения адекватной целям и задачам, ментальному и эмоциональному посылу «живой» коммуникации, достижение этого невозможно, если психотип преподавателя не имеет в своей структуре способностей к реализации этого. Вот просто не способен. При отсутствии подобного потенциала преподаватель будет организовывать учебный процесс в соответствии с определяемыми своим психотипом способностями. Сразу оговорюсь, мои рассуждения не происходят по линии разграничения «хорошо – плохо». Нет плохих или хороших психотипов. Каждый обладает своими сильными и слабыми сторонами. Моя задача – постараться указать на возможность организовать учебный процесс таким образом, чтобы максимально сбалансировать разные подходы с точки зрения оптимального использования особенностей психотипа учителя во благо, пользу и радость другого участника учебного процесса – ученика. Ученик должен получить качественный результат обучения – возможность общаться на правильном, «живом», эмоционально и ментально адекватном русском языке.

Как ясно из вышеизложенного, в основе методики здравого смысла в применении к обучению русскому языку как

иностранному лежит сложный комплекс философских и психологических идей. Соответственно, данная методика – не более, чем верхняя часть айсберга, порожденная невидимой, но прочной основой, и без нее нежизнеспособная. Генезис и анализ составляющих основы был подробно изложен в более ранних работах. Схематично психологический аспект в применении к конкретному психотипу можно представить следующим образом: личность → психотип «а» → гуманистическая концепция психологии личности → двуединство внутренней и внешней мотивации → двунаправленное личностно-ориентированное обучение → коммуникативная методика → прагматический подход к содержанию и организации учебного процесса → методика здравого смысла. В данном докладе предлагается общий абрис надстройки – конкретной методики, название которой вполне точно и однозначно отражает ее суть и интенции. Методика здравого смысла применима на всех этапах изучения языка, однако, поскольку как качество владения языком, так и внешняя мотивационная база его изучения закладываются на начальном этапе с самых первых дней обучения, хотелось бы подчеркнуть необходимость ее применения в практике преподавания русского языка именно на начальном этапе.

Суть методики здравого смысла: «Все что изучено здесь и сейчас полностью отвечает прагматическим нуждам ученика – адекватному живому естественному общению на русском языке».

Суть предполагает формулировку некоторых задач-намерений (старюсь избегать слова требований) к практической организации учебного процесса. А именно.

1. Задачи в области введения и презентации материала.
 - а) Отбор. Оправданность отбора. «Узнал – осознал полезность – принял – использовал в живом общении сразу».
 - б) Последовательность. Последовательность введения. «Простое в грамматическом смысле – максимально прагматиче-

ски адекватное». в) Форма представления. Простота и системность представления. «Целостность представления; перекрестность усвоенного и нового; фразово оформленное представление». г) Логика развития представления. Концентрическое расширение «называние форм от простого к сложному». Простой пример: «Можно? → Можно вопрос? → Можно спросить? → Можно ручку? → Можно вашу ручку?».

2. Задачи в области организации учебного процесса.

а) Двудейная речевая деятельность. Ответно-вопросная форма речевой деятельности ученика. «Сторонний вопрос → собственный ответ → собственный вопрос → сторонний ответ». Развернутость, логичность, аргументированность, полнота формы монологического высказывания как реакция на сторонний вопрос или стороннюю информацию. б) Задания и упражнения. Отработка изученных форм в виде коммуникативных, когнитивно и прагматически оправданных упражнений и заданий. Упражнение или задание – это мини-сегмент общения в концентрированном виде (в том числе в упражнениях на отработку грамматических форм). Мы предлагаем использовать некоторые намерения при разработке упражнений и заданий с учетом сказанного: примененные когнитивного диссонанса; логика развития упражнений концентрическая – от простого к сложному; жизненность тематики как контекста для отработки; финальный сегмент

отработки – индивидуальное высказывание собственного мнения по вопросу, который предполагает а) наличие разных мнений б) необходимость использовать изученный материал.

3. Задачи в области создания сильной и устойчивой внешней мотивации.

Самое ценное, что есть у человека – это он сам, его внутреннее видение действительности. Потребность это выразить приводит к необходимости общения, которое, в свою очередь требует владения языковыми средствами выражения. В этой связи запрос мнения – это самый мощный мотиватор общения. Запрос мнения вызывает активный мыслительный поиск необходимых средств выражения в рамках полученной учебной информации. Для этой цели требуется ввести минимальный и несложный с грамматической и ментальной точки зрения языковой материал. При таком подходе главной ценностью в процессе обучения становится личность ученика – как человека – с неповторимым, интересным, пока незнакомым восприятием жизни. Именно он стоит в центре двунаправленного процесса познания, как учебного, так и личностного, именно он оценивает качество предлагаемой модели обучения. Жаль, что в частую главное – это объем лексико-грамматического материала, который учитель должен передать, причем зачастую в абстракции от здравого смысла.

Изучение лексики с национально-культурным компонентом значения в процессе профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному в инженерном вузе ВВС России

Ю. В. Анисина

Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева (Москва)

anisina@inbox.ru

Русский язык как иностранный, профессионально ориентированный страноведческий текст, языковые единицы с национально-культурным компонентом значения.

Summary. In the paper we analyze of lexical features of professionally competent texts on country studies on the theme «Aviation». The main attention is given of the language units with a national-cultural component of meaning. It is showed the range of their discharges.

Учет специальности иностранных военнослужащих в процессе обучения русскому языку как иностранному предполагает использование в учебном процессе профессионально ориентированных страноведческих текстов, в которых реализуется идея о связи материалов по культуре страны с профессиональными запросами учащихся в процессе овладения ими иноязычной речью. Организация изучения русского языка в инженерном вузе ВВС РФ в страноведческом аспекте базируется на изучении текстов, отвечающих профессиональным интересам будущих авиационных инженеров и формирующих фоновые знания по следующим темам: «История развития воздухоплавания», «Зарождение и становление авиации», «Основные этапы освоения космоса», «Прославленные российские авиаконструкторы и космонавты», «Российская авиационная техника» и т. д.

Особым лингвистическим пластом текста рассматриваемого типа являются лексические единицы, обозначающие профессионально-страноведческие реалии, важные для ориентировки во времени и месте действия, а также описания исторических и биографических фактов, необходимых для адекватного восприятия сюжета текста. Именно наличие реалий в тексте определяет его страноведческий аспект.

Культуроведческий потенциал профессионально ориентированного страноведческого текста может выражаться как с помощью обратимой (эквивалентной) лексики, так и языковых единиц, семантика которых включает в себя специфическую, национально окрашенную информацию. Это относится к безэквивалентной лексике – лексическим единицам, не имеющим равнозначных соответствий в родном языке учащихся, коннотативной лексике, совпадающей в разных языках своими денотатами и отличающейся культурно-историческими и эмоционально-эстетическими ассоциациями и к фоновой лексике, отличающейся от эквивалентных иностранных слов местом, которое они занимают в лексической системе, и их употреблением в речи.

Применяя тематико-функциональный подход выделения страноведчески ценных слов, связанных со сферой профессионального общения обучаемых, мы выявили следующие

группы языковых единиц с национально-культурным компонентом значения, используемые в профессионально ориентированных страноведческих текстах авиационной тематики:

1) номенклатурные знаки и / или лексические единицы, называющие самолеты, вертолеты, а также другую авиационную и космическую технику (*МиГ, Як, АНТ, Ту, Ми, Ка-50 «Черная акула», Ан-124 «Руслан», «Илья Муромец», «Русский витязь», «Восток», «Союз»* и т. п.);

2) антропимы – лексические единицы, называющие фамилии известных ученых, авиаконструкторов, летчиков, космонавтов (*Н. Е. Жуковский, К. Э. Циолковский, Ю. А. Гагарин, А. И. Микоян, С. В. Ильюшин, И. И. Сикорский, В. П. Чкалов* и т. д.);

3) топонимы, связанные с именами известных исторических личностей России, внесших вклад в развитие мировой авиации и космонавтики (*г. Жуковский, ст. Чкаловская, ул. Пилота Нестерова, ул. Авиаконструктора Сухого, наб. Академика Туполева, пл. Гагарина* и т. д.);

4) лексические единицы, называющие учебные заведения (*авиашкола, авиатехникум, Военно-воздушная инженерная академия им. проф. Н. Е. Жуковского* и т. п.);

5) лексические единицы, связанные с названием государственных учреждений, общественных организаций страны (*Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н. Е. Жуковского, опытно-конструкторское бюро им. А. И. Микояна* и т. п.);

6) лексические единицы, связанные с определением научного статуса представителей отечественной науки и техники (*профессор, кандидат технических наук, доктор физико-математических наук, академик* и т. д.);

7) лексические единицы, связанные с названием авиационных и космических объектов, научно-технических программ, которые являются результатами международного сотрудничества СССР и России со странами мира (*Интеркосмос, «Союз-Аполлон»* и т. д.);

8) эпонимы – термины ономастического происхождения (*цепелин, монгольфьер, шарльер, профиль Жуковского, таран Нестерова, петля Нестерова, кобра Пугачёва* и т. п.);

9) языковые афоризмы-перефразы, представляющие наиболее выдающихся деятелей отечественной авиационной и космической науки и техники (*отец русской авиации, отец теоретической космонавтики, отец практической космонавтики, первая женщина-космонавт, первый сын Земли, Главный конструктор, основоположник космонавтики, первопроходец космических трасс, мистер Вертолет, отец дидрижабля* и т. п.);

10) профессиональные фразеологизмы (*выписывать мертвые петли, мчаться со скоростью звука, ставить на крыло, мастер высшего пилотажа* и т. п.);

11) профессиональный жаргон (*летать на анах, яках, мигах, илах; борт* (самолет), *вертушка* (вертолет) и т. п.);

12) профессиональные сравнения и метафоры (*стальная птица, летное / воздушное судно, брьющий полет* и т. п.).

Эффективность и целесообразность как важнейшие требования к электронным учебным пособиям по русскому языку для учащихся-армян

Т. А. Бабаян

Армянский государственный педагогический университет им. Х.Абовяна (Ереван, Армения)
tbabayan@mail.ru

Электронные мультимедийные учебные пособия, коммуникативная компетенция.

Summary. Multimedia manuals have many advantages compared to traditional ones. The efficiency in formation of the communicative competence of pupils should become the major requirement of electronic manuals.

1. Сегодня информационные технологии все шире проникают в обучение русскому языку как иностранному в школе и в вузе. Необходимость широкого внедрения в учебный процесс информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) не вызывает сомнений [3].

Одной из важнейших задач методики преподавания русского языка как иностранного на современном этапе становится систематизация накопленных знаний и положительного практического опыта разработки и практического применения средств мультимедиа и гипермедиа в учебном процессе. Использование электронных мультимедийных средств обучения с учетом современных достижений теории коммуникации, психологии, психолингвистики, языкознания, педагогики и компьютерной лингводидактики будет способствовать повышению эффективности обучения, следовательно обеспечивающего формирование иноязычной коммуникативной компетенции (далее – ИКК) учащихся за счет усиления его коммуникативной направленности на основе определения оптимальных сфер, методов и способов применения ИКТ.

2. Коммуникативная направленность электронного учебника (или электронного учебного пособия) должна быть представлена:

1) в организации учебного процесса на основе решения конкретных коммуникативных задач в рамках определенных коммуникативным минимумом сфер общения для конкретного контингента обучающихся;

2) в отборе подлежащего усвоению лексического и грамматического материала с учетом тех реальных и потенциальных коммуникативных задач, которые придется решать обучающимся в условиях реального общения;

3) в способах презентации учебного материала с учетом его функции и роли в процессе общения;

4) в способах активизации учебного материала;

5) в адекватности (образцовости) и целесообразности представленных в учебнике ситуаций и сфер общения, текстов и отдельных фраз, их соответствии реальным и потенциальным коммуникативным потребностям и возможностям обучающихся, направленности обучения на формирование ИКК.

ИКТ создают исключительные возможности для моделирования коммуникативного процесса в учебных условиях и максимально приближения учебного общения к реальному.

3. Разрабатывая структуру, определяя текстовое наполнение и методический аппарат мультимедийного учебного пособия, необходимо осознавать его специфические особенности, преимущества и слабости по сравнению с традиционным учебником на бумажном носителе. Возможность широкого применения различных видов зрительной, слухо-

Последние четыре группы языковых единиц с национально-культурным компонентом значения относятся к числу основных средств создания образности в профессионально ориентированных страноведческих текстах авиационной тематики.

Таким образом, можно говорить о довольно большом количестве лингвострановедческих объектов, связанных с профессионально ориентированной информацией. Работа над ними способна существенно расширить знания иностранных военнослужащих о стилистических возможностях русского языка именно в профессиональной сфере. Давая представление о традициях, выработанных историей авиации и космонавтики, данная лексика может быть использована как фактический материал для подготовки общения на морально-этические темы, связанные с избранной профессией обучаемых.

вой и зрительно-слуховой наглядности создают исключительные возможности для демонстрации не только статичных изображений: таблиц, схем, фотографий, картин и т. д.), но и динамической наглядности (зрительного ряда): фрагментов мультипликационных, художественных и документальных фильмов, позволяющих учащимся получить представление о стране изучаемого языка, ее географическом положении, природе, истории, культуре, особенностях национального менталитета носителей языка.

4. Работа над специально подобранными текстами электронного учебника, ориентированная на сообщение информации с учетом возможности ее дальнейшего использования в процессе развития и совершенствования коммуникативной компетенции обучающихся усиливает практическую направленность учебного процесса, повышает мотивацию учащихся, создает предпосылки для расширения их культурологических знаний, способствуя тем самым повышению эффективности процесса формирования ИКК обучающихся.

Широкое внедрение компьютерной техники в учебный процесс создает новые возможности для разработки и реализации принципиально новых форм и методов обучения РКИ, открывает доступ к новым источникам информации, способствует повышению эффективности обучения, успешному формированию коммуникативных речевых навыков и умений, позволяет использовать в учебном процессе принципиально новые формы и методы обучения.

5. В процессе разработки электронных учебных пособий важно учитывать тот факт, что между способом представления учебного материала и степенью его запоминания существует определенная закономерность: если материал воспринимался на слух, то человек запоминает около 25% его объема, при визуальном предъявлении запоминается около 33% информации. В случае комбинированного (зрительно-слухового) воздействия запоминается уже около 50%, а если в процессе восприятия информации человек принимает активное участие в процессе изучения, усвоение материала составляет – 75% [3: 530].

Учебные материалы электронного учебного пособия должны способствовать воспитанию поликультурной личности, у учащихся должно сформироваться уважение к русской национальной культуре в сочетании с чувством национального достоинства и любви к своей родной, осознание роли и места русской национальной культуры в общечеловеческой сокровищнице культурных достижений, понимание неповторимости и ценности культуры каждого народа. Воспитание толерантности, терпимости к особенностям чужого менталитета, доброжелательности, открытости, способности и стремления услышать и понять другого особенно важно в процессе межкультурной коммуникации.

Современный компьютерный учебник русского языка для учащихся-армян, должен учитывать тот факт, что современный этап развития общества представляет собой переход от индустриального общества к информационному, когда главным стратегическим ресурсом и фактором, обеспечивающим развитие экономики страны и благосостояния граждан станет уровень их интеллектуального развития и профессиональной подготовки [1; 2].

1. Башмаков А. И., Башмаков И. А. Разработка компьютерных учебников и обучающих систем. М., 2003.
2. Роберт И. В., Паниокова С. В., Кузнецов А. А., Кравцова А. Ю. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: Учебно-методическое пособие / Под ред. И. В. Роберт. М., 2008.
3. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Изд. 3-е, перераб. и доп. Ростов-на-Дону, 2000.

Анализ художественного текста на занятиях с иностранными учащимися (рассказ Захара Прилепина «Грех»)

Н. В. Баландина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
n.balandina@mail.ru

Современная литература, Захар Прилепин, рассказ «Грех», анализ художественного текста, языковые средства.

Summary. The informative characteristics of the literary text (Zakhar Prilepin's novel "The Sin") are analyzed and the hidden meanings within the text are determined in this report.

Работа с художественным текстом является одним из важных видов работы на высших этапах обучения русскому языку иностранцев-филологов. На данном этапе художественный текст может быть не только средством обучения (презентация нового лексико-грамматического и культурологического материала), но и выступать как самостоятельный объект изучения.

Основной задачей анализа художественного текста является не только подробное рассмотрение всех средств, участвующих в построении текста, но и понимание смысла текста, выявление его идейно-эстетических особенностей.

Работа, связанная с анализом художественного текста в группах иностранных учащихся, проводится как на материале русской классической литературы, так и на материале произведений современных писателей. В число современных писателей, чьи произведения вызывают интерес у иностранных учащихся входят: В. Пелевин, З. Прилепин, Л. Улицкая, Л. Петрушевская, М. Шишкин, В. Сорокин и др. Так, интерес иностранных учащихся к творчеству Захара Прилепина обусловлен не только тем, что его произведения известны во многих странах (произведения З. Прилепина были переведены на 11 языков, в числе которых и китайский), и тем, что писатель неоднократно становился лауреатом различных престижных литературных премий, но и тем, что в его произведениях затрагиваются актуальные темы, связанные с современной российской действительностью, а также общечеловеческие темы (одиночество, любовь, смерть, смысл жизни, проблема выбора и др.).

Выбор для анализа рассказа «Грех» из одноименного романа (как определяет жанр сборника сам Захар Прилепин) представляется нам наиболее удачным в силу того, что при небольшом объеме и относительной простоте сюжета данный рассказ дает огромные возможности для выявления «глубинных» смыслов, скрытых в тексте.

В работе с художественным текстом следует выделить два аспекта:

1) рассмотрение языковых средств, участвующих в построении текста и создающих его стилистическое и эстетическое своеобразие;

2) обнаружение скрытых смыслов, заложенных в художественном произведении, выявление его идейно-психологической основы.

Говоря о языковых средствах, использующихся в тексте рассказа З. Прилепина «Грех», прежде всего, следует отметить лексические особенности. Так, в тексте наблюдается большое количество индивидуально-авторских неологизмов (*стеклястые очки, расцурить глаза, ему примнилось, нежноглазая, взмаргивают ресницы; корябистые ветки*). Также можно отметить случаи нарушения правил образования различных грамматических форм (*иногда задрёмывал; слушать вовсе не желалось; предчувствующий жар; мушиные перелеты*) и лексической сочетаемости (*вмятку гibli мухи; терпко мучился*).

Что касается определений, то частотными в текстах Прилепина оказываются такие определения, как *хороший и нехороший*, а также наречия, образованные от данных прилагательных (*бабушка хорошо молчала; говорила Катя хорошим грудным голосом; с хорошими солнечными просветами; нехорошо заломило в затылке*).

Указанные особенности, которые вызывают ассоциацию с детской речью, обусловленной спецификой детского мышления и мировоззрения, можно связать с образом самого главного героя рассказа, которому (как и многим героям произведений З. Прилепина) присуще «инфантильное» восприятие окружающего мира.

Также следует обратить внимание на наличие в тексте рассказа предложений с большим количеством однородных членов – прежде всего, однородных сказуемых, образующих «цепочки». При этом в предложениях часто наблюдается отсутствие субъекта (*Бросал хлопнушку, морицился брезгливо, вытирал руку о шорты, втягивал живот; Поцеловал бабушку, обнял деда, ушел, чтоб слез их не видеть*). Наличие данных предложений, вступающих в противоречие с формой повествования (повествование в рассказе ведется в 3-м лице), свидетельствует о максимальном сближении таких речевых структур, как авторская речь и несобственно-прямая речь. Одновременно с этим можно говорить и о сближении образов повествователя и главного героя.

Если обратиться к скрытым смыслам, заложенным в художественном произведении, к выявлению его идейно-психологической основы, то в рассказе З. Прилепина «Грех» обнаруживается несколько планов.

Во-первых, в данном произведении писатель обращается к такой актуальной для русской и мировой литературы теме, как психологические аспекты процесса взросления человека.

Во-вторых, в рассказе затрагивается тема «темной стороны» человеческой сущности – тема, которая неоднократно затрагивалась в русской классической литературе (Л. Н. Толстой «Детство», И. А. Бунин «Жизнь Арсеньева» и др.), раскрывается связь поступков, чувств человека с «бессознательным», исследовавшимся в трудах З. Фрейда и других ученых. Считается, в человеке от рождения заложены два основных инстинкта, играющих большую роль в формировании человека и построении его жизни – инстинкт жизни (*все было гордо от осознания бесконечной юности; Боже мой! Какая длинная жизнь предстоит! Будет еще лето, и тепло еще будет, и цветы в руках...*) и инстинкт смерти – инстинкт агрессии, деструкции (*вкус сладости чужой, пусть животной смерти*). Не случайно в тексте частотны единицы, обозначающие орудия убийства (*нож, стрелы, хлопнушка* и др.) и одновременно имеющие определенный символический смысл, связанный с аспектом «бессознательного».

В-третьих, повествование в данном произведении не следует рассматривать только как рассказ об отдельном эпизоде из жизни юноши по имени Захарка. Есть основание предполагать, что в основе рассказа лежит определенный миф – единый, универсальный миф как особая форма осмысления действительности. Структура мифа характеризуется определенным набором мифологем (устойчивых элементов). Герой рассказа «Грех», как и многие герои мифов, проходит определенные стадии: 1) сепаративная – выход из прежнего социального или иного статуса (приезд Захарки из города в деревню); 2) лиминальная – «пороговое» состояние между двумя стадиями развития человека, связанное с испытанием, выбором (чувства главного героя к двоюродной сестре); 3) реагрегационная – стадия восстановления равновесия, которая связана с возвращением героя, обладаю-

щего новыми свойствами, или его смертью (отъезд Захарки из деревни, сообщение о смерти героя – *другого лета не было никогда*).

Отдельного внимания требует рассмотрение понятия «грех» и всех аспектов, связанных с реализацией различных смыслов данного понятия в контексте повествования. Считается, что отдельный человек в своем развитии проходит те же стадии, что и человечество в целом. Так, понятие

«греха», появляющееся еще на анимистической (дорелигиозной) фазе развития (как в жизни отдельного человека, так и в процессе развития человеческого общества), связано с установлением первых норм и запретов, вызванных чувством вины и страха от следования изначально аморальным влечением («*Всякий мой грех... – сонно думал Захарка, – всякий мой грех будет терзать меня... А добро, что я сделал, – оно легче пуха. Его унесет любым сквозняком...*»).

Функционально-коммуникативный подход к преподаванию синтаксической фразеологии

Л. А. Балобанова

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

L100569@yandex.ru

Синтаксическая фразеология, преподавание РКИ, функционально-коммуникативный подход.

Summary. This paper draws attention to the problem of functional description of the syntactic unit of phraseology for teaching Russian as a second language.

Функционально-коммуникативный подход в обучении студентов-филологов преподаванию синтаксической фразеологии в иностранной аудитории предполагает учет не только лингвистических характеристик рассматриваемых языковых явлений и условия их функционирования в речи, но и организацию работы с синтаксическими фразеологизмами (СФ) на занятиях с иностранцами.

Описание фразеологизированных структур русского языка в целях преподавания РКИ опирается на положения функциональной-коммуникативной грамматики и способствует формированию лингвистической компетенции будущих преподавателей русского языка. Функциональность его проявляется в том, что СФ как единица описания одновременно рассматривается на фонетическом, семантическом уровне, грамматическом и коммуникативном (прагматическом) уровнях. Комплексное функциональное описание СФ включает следующие параметры:

1. Рассмотрение синтаксических фразеологизмов как элементов фразеологической системы русского языка, выявление общих для всех фразеологических единиц характеристик, таких как устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость. Анализ отличия синтаксических фразеологизмов от лексических: наличие предикативности, отсутствие образности, выражение модальных значений и т. д.

2. Семантизация фразеологических синтаксических единиц, предполагающая отнесение фразеомодели к определенной семантической группе, имеющей оценочное или модальное значение (по методике А. В. Величко). Толкование дается в описательной форме, не содержит специальных терминов и в общем виде отражает прагматическую сущность значения синтаксического фразеологизма. При определении семантики фразеомодель сводится к более типичной модели предложения, где значение выражается при помощи лексико-семантических средств, например, модальных слов. Определяются общие и частные модальные значения СФ, учитывается возможность СФ вступать в синонимические или антонимические отношения.

3. Коммуникативная функция. Данный параметр является продолжением толкования, но в лингводидактических целях он представлен отдельно. В данной части описывается прагматическая функция СФ и его основные контексты, отмечаются особенности функционирования в диалогическом и монологическом типах текстов. В диалогах обязательным является приведение стимулирующих реплик, различающихся по своим функциям (вопрос, просьба, предложение). Определяется роль говорящего в коммуникативном акте.

4. Описание состава и структуры включает приведение основных грамматических и лексико-семантических характеристик обязательных компонентов модели предложения. Указывается на связь формы субъекта и предиката. Характеристика предиката включает приведение наиболее употребляемых лексико-семантических групп: физического действия, передвижения, речи и мышления, эмоционального состояния. При необходимости включается видовая характеристика глагола.

5. Синтаксические отношения фразеологизма, его функционирование в составе простого и сложного предложений различных типов определяют его место в синтаксической системе русского языка.

6. Интонационная характеристика должна быть представлена показом интонационных конструкций, характерных для функционирования каждого типа СФ.

Анализируя таким образом языковые явления, студенты не только совершенствуют свою лингвистическую компетенцию, но и развивают методическую компетенцию, которая является неотъемлемой частью их будущей профессии. При работе с синтаксическими фразеологизмами в учебной аудитории и самостоятельно студенты-филологи учатся осознавать те трудности, которые возникают у них в процессе семантизации СФ, выборе контекста употребления и, соответственно прогнозировать их в своей дальнейшей педагогической деятельности. Большую пользу приносит анализ отрицательного языкового материала, который сосредоточивает внимание на выявлении причин возникновения ошибок у иностранных учащихся. Изучая методику работы с фразеологизированными моделями предложений, будущие преподаватели не только обучаются комплексному анализу языковых единиц, различным способам семантизации, но и знакомятся со способами презентации материала в учебной аудитории, а также учатся составлению правил, регулирующих использование подобных единиц в речи.

Один из этапов работы над СФ предполагает анализ учебников и учебных пособий на предмет использования в них данного языкового материала. Предложения, построенные по фразеологизированной модели характерны для разговорной речи, поэтому их легко найти в пособиях, обучающих данному виду речевой деятельности. На данном этапе учащиеся учатся составлять различные типы упражнений (языковые, преречевые и речевые).

Таким образом, комплексное функционально-коммуникативное описание СФ предполагает и комплексную работу над данными фразеологическими единицами с целью обучения иностранных студентов русской речи.

Учет «отрицательного языкового материала» на уроках РКИ с китайскими учащимися (начальный этап обучения)

А. О. Балуева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

alena-balueva@yandex.ru

Грамматические ошибки, интерференция, «отрицательный языковой материал», русский язык как иностранный.

Summary. Theme of this report is the record of a “negative language material” on the lessons of Russian as a foreign language. In my report I talk about grammatical errors that are made by foreign students, interference, systemic differences between Russian and Chinese, specifics of the Chinese language. Also I talk about how to correct a “negative language material”.

Для преподавания русского языка в иноязычной аудитории очень важен учет «отрицательного языкового материала» (Л. В. Щерба), то есть ошибок учащихся. Сам «отрицательный языковой материал» может быть рассмотрен в кон-

тексте «отрицательного языкового материала» (Л. В. Щерба), то есть ошибок учащихся. Сам «отрицательный языковой материал» может быть рассмотрен в кон-

тексте различных языковых уровней: фонетического, словообразовательного, морфологического, синтаксического, коммуникативного. В нашем сообщении речь идет о морфологических и – шире – грамматических ошибках. «Отрицательный языковой материал» свидетельствует о том, что одно и то же явление может быть по-разному дифференцировано в разных языках. Основная причина появления ошибок – не лень студента или некомпетентность преподавателя, а системные различия двух языков – родного и изучаемого, поэтому большую роль в появлении «отрицательного языкового материала» играет интерференция. Ошибки иностранных учащихся связаны с непрочным овладением русским материалом.

Нами был собран «отрицательный языковой материал» учащихся из Китая на начальном этапе обучения. Анализ ошибок позволил сделать следующий вывод: грамматиче-

ские ошибки учащихся связаны со спецификой русских морфологических категорий.

- Так, с категорией падежа имени существительного связаны ошибки типа: *Я люблю Москва (вместо: Я люблю Москву);
- с категорией рода: *У меня есть данные второго книги (вместо: У меня есть данные второй книги);
 - с категориями числа и падежа: *У нас новые предметы в эти году (вместо: У нас новые предметы в этом году);
 - с категориями спряжения и вида глагола: *Я ехать домой (вместо: Я поехал домой);
 - с употреблением притяжательных местоимений: *Я хочу побывать в моем городе (вместо: Я хочу побывать в своем городе);
 - с употреблением предикативного наречия вместо прилагательного: *Мне голодно (вместо: Я голодный или я голоден) и др.

Таблица 1

Традиционный китайский	明天	我	的	朋友	會	爲	我	做	個	生日	蛋糕
Калька	завтра	я	(притяжательная частица)	друг	будет	для	я	делать	один (счетное слово)	день рождения	пирог

Примечание к таблице 1.

会 (hui) – усиленная форма 将 (jiāng), обозначающая будущее время глагола (буду...).

Перевести можно, используя усилительные слова уверенности с глаголом совершенного вида («обязательно испекут»).

生日 (shēngri) – день рождения, это слово здесь не наречие времени, а прилагательное, которое обозначает отношение к пирогу.

Говоря о специфике китайского языка, нельзя не остановиться на системных различиях русского и китайского языков. В отличие от русского, языка флективного типа, в китайском, который относится к языкам изолирующего типа, нет морфологического словоизменения. В китайском языке каждой морфеме соответствует отдельное слово, отсутствуют флективные формы. Отношения в предложении, эквивалентные образованию форм в русском языке, выражаются только при помощи порядка слов, то есть синтаксически. В китайском языке порядок слов передает отношения подлежащего и прямого дополнения. Например, выше дан перевод на китайский русского предложения «Завтра мой друг / мои друзья сделают пирог на мой День рождения» с соответствующей калькой (см. таблицу 1).

В китайском языке глагол в настоящем времени не спрягается. См., например, перевод на китайский язык русского предложения «Они делают уроки» с соответствующей калькой (см. таблицу 2):

Таблица 2

Традиционный китайский	他們	在	做	作業
Калька	они	быть	делать	уроки

Примечание к таблице 2.

Глагол 做 («делать») в настоящем времени не спрягается.

В отличие от русского, в китайском языке величины, меньшие, чем слово, практически не могут быть выведены из со-

става слов, наподобие того, как, например, в русском языке из слов могут быть извлечены их части: уч- (из *учить*), красн- (из *красный*) и так далее. В китайском языке по извлечению из многоморфемного слова морфема (корень или основа) сразу же становится практически неотличимой от слова и пригодной к самостоятельному употреблению. Исключение составляют только немногочисленные аффиксы, которые и по извлечению из слова остаются морфемами вследствие полной неспособности к самостоятельному употреблению.

Из всего вышесказанного следует, что для преподавателя русского языка как иностранного очень важно уметь исправлять и грамотно объяснять грамматические ошибки учащихся. Необходимо выявить отличия между типами русского и китайского языков, широко посмотреть на эти два языка, чтобы понять причины возникновения грамматических ошибок в устной и письменной речи учащихся. Следовательно, цель нашей работы – выработать методику исправления ошибок, систему упражнений и заданий, которые помогут преподавателю русского языка в аудитории, где родной язык учащихся – китайский, предвидеть грамматические ошибки и, что самое главное, правильно объяснить их. Надеюсь, это поможет будущим поколениям преподавателей русского как иностранного в практической работе.

Литература

1. Всеволодова М. В., Панков Ф. И. Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики»: Рабочая тетрадь: Учебное пособие. М., 2005.
2. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
3. Панков Ф. И. Практикум по курсу «Функциональная морфология». Рабочая тетрадь. Рукопись.
4. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.
5. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957. С. 312–331.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998.

Проблемы изучения и устранения фонетического акцента в русской речи

Е. Л. Бархударова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

elenalb2007@rambler.ru

Иностранный акцент, произношение, позиционный, типология, практическая фонетика.

Summary. The paper deals with the problems of analysis, classification and elimination of phonetic errors in Russian speech of foreigners. In this aspect the positional errors in phonetics are subject to be taken into consideration. The investigation of such errors may help to work out special methods of teaching pronunciation.

Разработка методики устранения фонетического акцента невозможна без предварительного анализа фонетических отклонений в интерферированной русской речи иностранцев. Ошибки в области русского произношения условно можно классифицировать по различным критериям: 1) по результату, к которому приводит ошибка; 2) по степени сложности работы над ошибкой; 3) по происхождению [1].

По результату ошибки в области произношения делятся на **фонологические** и **нефонологические**. Фонологические

ошибки – это ошибки, приводящие к нарушению или разрушению смысла. В этом случае два разных фонетических слова могут совпадать в интерферированном произношении иностранца. В иностранном акценте возможно, например, одинаковое звучание русских слов *бл* – *бел*, *льёт* – *льют*, *посол* – *пошёл*, *тех* – *чех* – *цех*, *ручей* – *лучей*, *точка* – *дочка*, *суды* – *суди* – *судьи*. Кроме того, фонологические ошибки могут обуславливать искажение звукового облика слова до неузнаваемости: **бы*[r]*а* (*была*), *[ch]*ирокий* (*широкий*).

Нефонологические ошибки – это ошибки, не приводящие к нарушению или разрушению смысла, а затрагивающие лишь норму произношения. К ним относятся, например, типичные для многих акцентов отклонения в произношении гласных по ряду, подъему или степени лабиализации, замена зубных переднеязычных согласных альвеолярными, полумягкое произношение [ц] в русских словах.

Противопоставление фонологических ошибок нефонологическим охватывает не только область звуков. Нарушение смысла, сопряженное с появлением фонологической ошибки, может быть обусловлено ритмическим нарушением или нарушением в области интонации.

Деление ошибок по результату позволяет определить значимость ошибки в области произношения: очевидно, что фонологические ошибки более значимы, чем нефонологические. Следует сказать о том, что работа над конкретными особенностями русской фонетики в иноязычной аудитории (постановка звуков, освоение ритмических структур, изучение русской интонации) имеет **разную степень сложности**. Важно, чтобы работа над любым фонетическим явлением велась последовательно с учетом этапов «звук – фонетическое слово – предложение». Желательно также подключить «промежуточные ступени» слога и словосочетания. Изолированная постановка звука обычно приводит к тому, что учащийся правильно произносит его тоже только в изолированном положении.

Как известно, в ходе постановки звуков преподаватель использует артикуляционные схемы, осязаемые моменты артикуляции, благоприятные фонетические позиции, звуко-помощники (подробнее см. [3: 35–39]). Контроль движений кончика языка позволяет, например, правильно произносить различные по артикуляции русские переднеязычные согласные звуки. Кончик языка опущен к нижним зубам при произношении [с] и [з], опущен и прижат к нижним зубам при произношении [т'], [д'], [н'], [с'], [з'], поднят и прижат к альвеолам при произношении [ч'], загнут вверх при произношении [ш] и [ж]. При постановке звуков можно использовать и конкретные методические приемы: например, порекомендовать опустить кончик языка к верхним зубам при произнесении [ш':] (подробнее см. [2]).

По происхождению ошибки иностранных учащихся можно разделить на **собственно системные** и **системно-позиционные**. Собственно системные ошибки обусловлены расхождениями в системных категориях звукового строя родного и изучаемого языков. Так, фонемы <с> и <ш> не противопоставлены в греческом, корейском, японском и ряде других языков. Соответственно носители этих языков одинаково произносят слова *крыса* и *крыша*, *сутки* и *шутки*, *фарс* и *фарш*, *миска* и *мишка* и другие подобные. Та же ошибка возможна у китайцев – носителей определенных диалектов.

Системно-позиционные ошибки в области произношения связаны с расхождениями в позиционных закономерностях звукового строя родного и изучаемого языков. Например,

характерная для русского языка качественная редукция гласных отсутствует в целом ряде систем, что обуславливает в интерферированной русской речи иностранцев ошибки типа *[o]становка, *[m]л[о]к[o], *дв[е]надцать.

В области усвоения позиционных закономерностей фонетики изучаемого языка можно выделить две неправильные тенденции:

1. Позиционные закономерности родного языка при наличии соответствующих позиционных условий переносятся учащимися на изучаемый язык, приводя к искажению позиционных закономерностей изучаемого языка;

2. Позиционные закономерности изучаемого языка не воспринимаются учащимися, если они не совпадают с позиционными закономерностями в их родном языке.

Пример переноса позиционных закономерностей родного языка на изучаемый – озвончение в акценте шумных согласных в позиции перед сонорными: *[z]ложить (сложить), *[z]нова (снова) *[z]реди (среди). Данное отклонение обусловлено тем, что в ряде языков возможна реализация всех шумных фонем в позиции перед сонорными согласными только звонкими модификациями. В результате в акценте одинаково звучат слова *смей* и *змей*, *слон* и *злон*, *слово* и *злого*, *слить* и *злить*.

Несовпадение позиционных закономерностей родного и изучаемого языков нередко лежит в основе появления в иностранном акценте «экзотических» звуков, далеких от фонетической системы изучаемого языка. Так, имеющий место в фонетической системе китайского языка позиционный запрет на употребление переднеязычного носового сонорного после гласного [o] обуславливает появление в китайском акценте в указанной позиции заднеязычного носового сонорного на месте переднеязычного *co[ŋ] (*сон*), sto[ŋ] (*стон*), *сло[ŋ] (*слон*), зво[ŋ] (*звон*). Отклонения, обусловленные переносом позиционных закономерностей родного языка на изучаемый, наблюдаются в русской речи носителей разноструктурных языков.

Деление ошибок по происхождению на собственно системные и системно-позиционные во многом определяет методику работы над отклонениями в области произношения. Результаты исследования интерферированной русской речи учащихся в сочетании с данными сравнительного анализа фонетических систем родного и изучаемого языков позволяют существенно дополнить наши знания в области типологии иностранного акцента, а в некоторых случаях – по новому построить практические курсы русской фонетики.

Литература

1. Бархударова Е. Л. Методологические проблемы анализа иностранного акцента в русской речи // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 6. С. 57–68.
2. Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
3. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.

Лексикографическое описание фразеологизмов в учебном фразеологическом словаре для иностранных учащихся

Н. В. Баско

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
nina_basko@mail.ru

Фразеологизм, коммуникация, учебный словарь, словарная статья.

Summary. This paper is devoted to lexicographic description of Russian idioms in an educational dictionary of Russian idioms which is intended for foreign students. The author describes the structure of the educational dictionary which includes the lexicographic components of dictionary entries.

Целью обучения иностранных учащихся русскому языку является практическое овладение языком, которое предусматривает овладение языковой, речевой и культурной компетенциями. В наше время достижение этой цели оказывается весьма затруднительным без знания наиболее употребительных фразеологических оборотов и правил их употребления в речи. Это связано с тем, что в последние два десятилетия удельный вес фразеологических оборотов в русской речи значительно вырос, одновременно происходит интенсивный процесс пополнения лексико-фразеологической системы русского языка новыми единицами.

Согласно теории коммуникации, собеседники должны обладать определенной совокупностью общей информации. Общие для участников коммуникативного акта знания являются основой для языкового общения, для адекватного понимания собеседниками друг друга. Ввиду идиоматичности значения фразеологизмы относятся к группе номинативных единиц, создающих коммуникативные барьеры при общении иностранцев с носителями языка. Это вызывает необходимость углубленного и целенаправленного изучения русской фразеологии в рамках специальных курсов и семинаров для иностранных учащихся.

В обучении фразеологии иностранцев наряду со специальными учебными пособиями и толковыми словарями важное место занимают учебные фразеологические словари. О том, что во всех лексикографических трудах исторически прослеживается учебная задача писали многие ученые, указывая на их главные функции: учебную, справочную (или информативную), систематизирующую. Кроме того, словари всегда были включены в учебный процесс вместе с грамматиками, учебными текстами и упражнениями. В учебных словарях, сформировавшихся в результате взаимодействия традиционной лексикографии и лингводидактики, методическая направленность выражена наиболее ярко.

Следует отметить, что учебный фразеологический словарь призван сыграть важную роль в формировании культурной компетенции иностранных учащихся. Отражая сущность различных явлений, фразеологизмы, подобно пословицам и поговоркам, являются знаками этих явлений, ситуаций или отношений и тем самым выступают в качестве носителей национально-культурной семантики. Связь между языком и внеязыковой действительностью во фразеологических оборотах создает основу для их культурологического описания в учебном словаре как одном из способов представления русской культуры в процессе обучения иностранцев русскому языку.

Учебный фразеологический словарь должен не только обладать ярко выраженной методической направленностью, но и отвечать общим требованиям к его структуре. В нем должен быть строго выдержан единый принцип построения словарных статей. Относительно содержания учебный словарь должен отражать фразеологическую систему русского языка в связях и взаимоотношениях и, исходя из учебных целей, представлять ее в минимизированном виде. Чрезмерная усложненность учебного словаря снижает эффективность работы с ним, делает его малополезным.

Основные характеристики фразеологических единиц, подлежащие описанию в учебном словаре, содержатся в словарной статье. Словарная статья учебного фразеологического словаря включает в себя следующие части: заглавную единицу, грамматическую характеристику, стилистическую характеристику, формулу толкования и указание на ситуацию употребления фразеологизма, иллюстративные примеры, этимологию фразеологизма, его синонимы и антонимы (факультативно). Все части словарной статьи должны быть направлены на то, чтобы раскрыть перед иностранными учащимися значение того или иного фразеологизма и показать правила его употребления в речи.

Единицей описания (заглавной единицей) в учебном фразеологическом словаре является фразеологический оборот. Список всех единиц описания образует словник фразеологического словаря, формирование которого основано на минимизации фразеологического состава языка. Заглавные фразеологические обороты, составляющие словник, должны обладать высокой степенью употребительности, входить во «фразеологическое ядро» современного русского языка,

и активно использоваться носителями языка в типичных ситуациях общения. Процедура отбора словника фразеологического словаря основывается на выявлении самых частотных фразеологизмов по данным картотеки функционирования фразеологических оборотов в речи, а также основывается на данных Национального корпуса русского языка.

Обязательным компонентом структуры словарной статьи является дефиниция (толкование). В ней должна содержаться семантическая характеристика заглавного фразеологизма – объяснение его значения и указание на ситуацию его употребления.

Важный компонент словарной статьи, демонстрирующий смысловые связи фразеологического оборота, – лексическая сочетаемость. Это способность фразеологизма избирательно сочетаться с другими словами в речи. Единство дефиниции и лексической сочетаемости фразеологизма дают целостную семантическую характеристику заглавного фразеологизма. Если грамматическая сочетаемость демонстрирует способность заглавного фразеологизма сочетаться со словами определенного грамматического класса, то лексическая сочетаемость показывает его способность сочетаться со словами определенных лексико-семантических групп, со словами определенной семантики. Лексическая и грамматическая сочетаемость фразеологического оборота чрезвычайно существенны для коммуникации. Грамматическая сочетаемость указывает на соотнесенность фразеологизма с определенной ситуацией, тем самым моделируется структура той микроситуации, в которой употребляется конкретный фразеологический оборот.

Другим компонентом структуры словарной статьи являются иллюстративные предложения, содержащие контексты употребления заглавного фразеологизма. Они показывают фразеологическую единицу в реальном функционировании, в речи, в коммуникации. Для словаря учебного типа важно, чтобы примеры употребления не были устаревшими, а отражали нормы современного литературного языка, чтобы они содержали цитаты из материалов современных СМИ и художественных произведений современных авторитетных писателей. Факультативным может быть показ в словарной статье близких или контрастных по значению к заглавной единице фразеологических оборотов, а историко-этимологический комментарий, на наш взгляд, следует приводить в тех случаях, когда внутренняя форма фразеологизма затемнена, и имеются научно обоснованные версии его происхождения.

Изучение иностранными учащимися русской фразеологии с помощью учебного фразеологического словаря должно способствовать решению двух задач: во-первых, значительному обогащению речи иностранных студентов, так как фразеологизмы активно используются в процессе коммуникации; во-вторых, знакомству иностранных учащихся с русской культурой и историей, поскольку фразеологизмы являются яркими выразителями национально-культурной семантики.

Современные средства наглядности в системе обучения грамматике русского языка

Л. С. Безкоровайная, А. И. Попова, В. Е. Штыленко, Е. Л. Штыленко

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

L_s_bezk@mail.ru, pallaiv@mail.ru, shtylena@mail.ru

Средства наглядности, мультимедийные технологии, учебные интерактивные презентации, визуально-речевой тренинг.

Summary. The work is devoted to the usage of modern visibility means in teaching Russian grammar. The authors stress the role of multimedia technologies in presentation and formation of words and-grammar material.

Общественно-политические процессы, проходившие в течение последних двадцати лет на постсоветском пространстве, привели к существенным изменениям условий обучения на подготовительных факультетах. Так, контингент студентов, изучающих русский язык как иностранный в вузах России, Украины и Беларуси, в последние годы значительно обновился и пополнился за счет притока учащихся из Туркменистана, Узбекистана, Азербайджана и других бывших советских республик. При этом в силу различных причин отношение к преподаванию и изучению русского языка в этих государствах существенно изменилось, что негативно повлияло на качество и уровень знания русского языка приезжих. Студенты из этих стран, имея, как правило,

минимальную языковую подготовку, допускают большое количество ошибок в практическом употреблении словоформ. Сдвинулись также сроки приезда учащихся, что привело к сокращению фактического времени их обучения на подготовительном факультете, а следовательно, – к дополнительным трудностям для преподавателей. В данных условиях особенно актуальным является поиск новых подходов и методических решений, направленных на повышение эффективности обучения русскому языку как иностранному и как неродному.

Опыт практической работы с вышеуказанным контингентом, подкрепленный экспериментальными исследованиями, убедительно доказал, что средства наглядности в сочетании

с их методически правильным использованием в максимальной степени способствуют оптимизации процесса овладения учебной информацией. И хотя средства наглядности давно являются привычным компонентом учебного процесса, тем не менее их использование (особенно в условиях отсутствия в достаточном количестве соответствующих словарей) поднимает на новый уровень эффективность восприятия и усвоения учебного материала как раз в тот период, когда закладываются основы грамматического строя изучаемого языка.

Современные технические возможности, специальные компьютерные программы, внедрение в учебный процесс мультимедийных технологий – все это позволяет говорить о новом этапе создания предметно-вербальной основы для введения и закрепления русской грамматики. На занятиях по русскому языку преподаватели все чаще и активнее используют так называемые учебные интерактивные презентации, то есть предварительно подготовленные слайды с текстами, таблицами, картинками, фотографиями и другими материалами. Любая презентация изначально ориентирована на использование в процессе обучения разнообразных средств наглядного представления соответствующей учебной информации. Поэтому интерактивные презентации позволяют визуализировать обучающую информацию на основе образного восприятия изучаемого материала, дать его наглядную конкретизацию, мобилизовать природные способности студентов – визуальное мышление, восприятие и запоминание информации. Основу зрительного ряда в интерактивных презентациях составляют рисунки, иллюстрации, репродукции картин, фотографии, видеофрагменты. Рисунки и видеоклипы обеспечивают особый эффект при сочетании красочности и анимации.

Особенно эффективным является применение средств наглядности при формировании у учащихся такой важной составной части грамматического минимума как выработка умений и навыков правильного пользования падежной системой русского языка. Методисты прилагают большие усилия для введения в речь данного грамматического явления, проводят отбор, анализ и методическую интерпретацию наработанного материала с целью создания автоматизированных навыков употребления русских падежей в свободной речи. Тем не менее, далеко не все учебники содержат такое количество упражнений, которое надежно гарантировало бы необходимый уровень формирования навыков и умений в употреблении падежных форм. Эффективность и интенсивность обучения сдерживают объективные факторы: отсутствие подобной категории в национальных языках, многообразие флексий, зависящее к тому же от принадлежности к определенному классу слов, а также многозначность падежей и обилие исключений. Поэтому проблема выработки умений и навыков правильного использования словоформ как применительно к падежной системе русско-

го языка, так и в ряде иных случаев должна решаться посредством разработки и внедрения в практику дополнительных учебных пособий, подчиненных конкретным методическим целям и задачам.

Подробнее остановимся на разработанных кафедрой филологии Харьковского национального автомобильно-дорожного университета так называемых визуально-речевых тренингах, то есть занятий с применением особым образом организованных средств наглядности, которые для удобства названы карточками визуально-речевого тренажера (ВРТ). Описываемые средства наглядности существуют как в бумажном, так и в компьютерном варианте (первый вариант предназначен для «обслуживания» сферы деятельности преподавателя, второй предназначен для самостоятельной работы студента). Тренинг и карточки названы визуально-речевыми потому, что наглядностью задействован зрительный канал получения информации, а сам тренажер, как система упражнений с использованием карточек, предназначен для обучения порождению речи. Слово «тренинг» указывает, что данный методический прием используется для достижения необходимого уровня автоматизма в употреблении падежных форм. Высказывание мотивируется вопросом, задаваемым преподавателем, при одновременном предъявлении студенту карточки, то есть работа с тренажером рассчитана на визуально-слуховое восприятие информации реципиентом. Карточка ВРТ представляет собой рисунок, сопровождаемый трех- или четырехкомпонентным словосочетанием. Удобство применения карточек ВРТ состоит в том, что последовательность презентации карточек и характер задаваемых вопросов определяется самим преподавателем в зависимости от изучаемого лексико-грамматического и/или тематического материала. Комбинируя карточки в различных сочетаниях, преподаватель получает возможность создавать практически неограниченное количество упражнений. ВРТ выгодно отличается от традиционных сборников упражнений тем, что позволяет в значительной степени индивидуализировать процесс обучения и создает условия для перехода от условно-речевых упражнений к реальной коммуникации.

Визуально-речевой тренажер может быть использован параллельно с любым учебником русского языка для иностранных учащихся начального этапа обучения.

Практика апробации перечисленных методических материалов в ХНАДУ показала, что от наглядности, доходчивости, смысловой полноты теоретического материала зависит скорость восприятия учебной информации, полнота понимания, качество усвоения и закрепления полученных знаний. Оптимальное использование иллюстраций в трудных случаях введения лексико-грамматического материала, требующего наглядного разъяснения, иллюстрирования понятий, однозначно позволяют улучшить его восприятие, сократить время объяснения, повысить эффективность учебно-познавательной деятельности в целом.

Современный методологический концепт пролонгированного обучения русскому языку как иностранному

Р. К. Боженкова, Н. А. Боженкова

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Москва),
Юго-Западный государственный университет (Курск)

rkbozhenkova@mail.ru, natalyach@mail.ru

Методологический концепт, язык-культура-личность, комбинаторный подход, форма / смысл.

Summary. The paper regards a new integrative methodology of teaching RSL. The methodology considered in the paper constitutes the basis of the modern educational course.

В настоящее время одной из важнейших образовательных задач российской высшей школы в процессе профессиональной подготовки студентов является формирование поликультурной личности. Данный «диктум», обусловленный открытостью межгосударственных контактов и активным интегративным движением между народами, вывел едва ли не на первый план необходимость владения общекультурными компетенциями (в том числе и навыками социокультурной и межкультурной коммуникации), что, в свою очередь, обозначило стратегические и методические приоритеты в системе обучения иностранных граждан русскому языку: учеб-

ный процесс по РКИ не может и не должен сводиться к реализации лишь профессионально-прагматических целей.

Данное положение требует некоторого пересмотра современной методологии в области РКИ и уточнения такого ее ключевого композита, как **язык – культура – личность**, который ставится сегодня во главу угла в системе языковой подготовки иностранных учащихся и может быть дефинирован как *методологический концепт обучения РКИ*.

Взаимосвязь в данной триаде языка и культуры очевидна, однако конституент «личность», с нашей точки зрения, должен вмещать в себя нечто большее, чем принято пони-

мать под *языковой личностью*, и непременно включать классическую, философскую трактовку этого понятия:

- человек как субъект отношений и сознательной деятельности;
- устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности.

Не претендуя на исчерпывающую полноту номинации, сформулируем обобщенное понятие **личности** – *она суть активно созидающая, владеющая умением продуцировать (и соответственно воспринимать/понимать) различного уровня организации и направленности речевые произведения, социально значимые в полиязыковом и поликультурном мире.*

При таком подходе методологический концепт **язык – культура – личность** приобретает несколько иной (новый) смысл и определенным образом влияет на характер и степень реализации каждого его компонента на разных этапах обучения:

- на начальном этапе – акцент на первом компоненте – *языке*, его средствах и структурной организации;
- на основном и продвинутом этапах – акцент смещается на второй компонент – *культуру*; здесь язык предстает инструментом, продуктом культуры, способом ее существования;
- на завершающем этапе – *все компоненты триады* должны проявляться в равной степени и в содержании, и в способах обучения; здесь язык выступает как система, средство репрезентации национальной картины мира и результат деятельности творческой личности (в самом широком понимании).

Заметим, что начальный, основной и продвинутой этапы в обозначенном русле теоретически и педагогически ориентированы: применительно к ним предложены и описаны два подхода (семасиологический / ономасиологический), и вполне оснащены учебными и методическими пособиями, отвечающими современным требованиям. Однако завершающий этап системы РКИ находится пока вне поля зрения методистов: нет целостной картины содержания обучения, не определено, какие методические шаги и в какой последовательности нужно сделать на пути от второго сертификационного уровня владения русским языком к третьему-четвертому (от В2 к С1-С2) и т. д. Именно на этот этап обучения с позиции рассмотренной триады ориентирован учебный комплекс «Уроки русского» (М.: Русский язык. Курсы, 2013), адресованный учащимся гуманитарных специальностей и включающий учебник для студентов, книгу для преподавателя и аудиоприложение.

По нашему видению, основной целью завершающего этапа пролонгированного обучения РКИ (соответственно, и учебного комплекса в целом) является, во-первых, систематизация (при необходимости – коррективка) и обобщение собственно лингвистических знаний, полученных ранее, и увеличение их объема посредством расширения фактического

материала и, во-вторых, изучение и отработка сложных вопросов речевой практики, таких как дискурсивно обусловленное функционирование отдельных форм и конструкций.

Для достижения этой цели нами выбран комбинаторный подход, базирующийся на функциональном принципе рассмотрения языка и реализующийся в соединении двух означенных ранее подходов по модели **«форма – смысл – форма»**. При этом конституент «смысл» включает в себя компонент «значение» как идеальную, абстрактную составляющую, но получающую при погружении в реальную коммуникацию иное (нередко новое) содержательное наполнение. Далее на неоднородность семантики накладывается разнобразное функционально-синтаксическое оформление, что, с одной стороны, существенно расширяет работу с языковыми единицами, а с другой – дает возможность интерпретировать текст любого задания и в парадигматическом, и в синтагматическом плане. Иными словами, дидактическая организация учебника (и в этом, пожалуй, его главное отличие) детерминирована постулатом: *каждая морфологическая категория связана с ее функционированием в составе синтаксических единиц при выражении того или иного смысла в речи.* Тем самым охватываются все уровни языка – от семантико-синтаксического до морфолого-фонетического, обеспечивая «многослойность» учебного комплекса и подчеркивая креативные свойства русского языка, возможности его изучения и дальнейшего успешного использования во всех сферах общения.

В кругу других важных характеристик отметим факт активного использования стратегии опережающего обучения (с целью развития у инофонов когнитивно-творческой способности к самообразованию и создания равнопартнерских условий общения учащихся и преподавателя); «пронизанность» материала учебника заданиями на взаимозаменяемость лексических и (особенно важно!) фразеологических единиц и синтаксических конструкций, опирающуюся на возможность русской языковой системы; развитие и совершенствование всех видов речевой деятельности в их единстве и взаимодействии и преемственность и последовательность в системе заданий, имеющих разный уровень сложности; тематическое разнообразие корпуса текстов, детерминированное аспектами содержания иноязычного образования и значимостью осмысления инофонами категориальной сущности процессов отражения в русском языке духовной культуры многонациональной России.

Учебник завершается конференцией, результативность которой есть показатель приобщения иностранных учащихся к лингвокультурной картине русского народа в условиях полифункциональной коммуникации, формирования личностного смысла усваиваемого содержания и адекватной оценки компонентов межкультурного общения и побуждения к дальнейшему самостоятельному продвижению в языке, что и является основой задачей авторов.

Использование аналитико-имитационного метода в процессе формирования русского произношения у иностранных студентов

Н. В. Василенко

Черкасский государственный технологический университет (Украина)

chgtu_vasylenko@mail.ru

Слуховые и артикуляционные навыки, сознательное обучение, несознательная имитация, управление артикуляцией.

Summary. This paper is about problem of forming the Russian articulation basis for foreign students. The author makes an analysis of analytical-simulation method of studies.

Формирование у иностранных студентов фонетических и орфоэпических навыков является неотъемлемой составной частью практического овладения русским языком.

Цель нашего доклада состоит в раскрытии основных аспектов использования аналитико-имитационного метода для формирования русскоязычного произношения у иностранных студентов на начальном этапе обучения. Проблема обучения русской орфоэпии неоднократно была предметом исследования в методике преподавания русского языка как иностранного. У истоков методики обучения русскому произношению стоит С. И. Бернштейн. В дальнейшем разработке этой проблемы посвящены работы Л. В. Щербы, В. Г. Костомарова, А. А. Реформатского, Е. А. Брызгуновой, П. С. Вовк, М. М. Галеевой, Л. С. Головашиной, Н. А. Лю-

бимовой, Р. И. Соболевой, Е. В. Сорокиной и других исследователей.

В основе решения методической задачи обучения произношения лежит доминирующая идея сознательного усвоения новых артикуляционных движений, способа сочетаемости звуков, ритмико-интонационного оформления слова, фразы, текста путем сравнения с аналогичными явлениями родного языка или языка-посредника. В этом и состоит сущность артикуляционно-акустического или аналитического метода. Ему противостоит несознательная имитация – метод непосредственного подражания. Основным недостатком имитационного метода состоит в его опоре на непосредственное слуховое восприятие, однако уверенно опираться на непосредственные слуховые образы учащихся невоз-

можно, так как устойчивые навыки произношения и восприятия, сформированные в родном языке, создают определенные препятствия для восприятия иноязычного речевого потока. Влияние первичной звуковой системы на перцепционном уровне приводит к искажению восприятия речевого потока неродного языка. Даже наличие правильного слухового представления о звуках чужого языка не обеспечивает их правильного произношения, потому что прогнозирование действия органов речи при воспроизведении речевого потока языком вторичной речевой системы происходит полностью или частично в соответствии с артикуляционной базой первичной системы.

Следовательно, овладение перцепционной и артикуляционной базами языка как программой произношения учащихся предполагает применение на подготовительном этапе сознательного метода обучения. Необходимость развития подвижности органов речи, создание специфического для русского языка уклада речедвигательного аппарата, создание иного динамического стереотипа возможны лишь при сознательном отношении к моделированию речевого аппарата. В методике обучения иностранным языкам рациональным считается аналитико-имитационный путь постановки произношения, разумное сочетание анализа и имитации. Произносительные навыки, сформированные без участия сознания, только путем имитации, неустойчивы. Это приводит, например, к смешению фонем в речи на иностранном языке, к замене звуков изучаемого языка звуками родного языка. Данные явления не могут контролироваться сознанием, что затрудняет коррекцию произношения. В практике преподавания сознательный и имитационный методы сосуществуют, взаимно дополняя друг друга. При этом имитация проводится на сознательной основе после объяснения правил и закономерностей реализации определенного фонетического явления. При обучении произношению взрослых учащихся в силу возрастного снижения имитационных способностей принцип сознательного усвоения остается ведущим.

В обычной речи происходит процесс естественного управления артикуляцией, который осуществляется автоматически и находится вне актуального осознания говорящего. В ситуации же обучения иноязычному произношению осуществляется искусственное управление артикуляцией, в процессе которого преподаватель применяет различные методические приемы постановки произношения, вносящие коррективы в артикуляцию неродных звуков.

Методические приемы постановки и коррекции произношения разрабатываются в плане искусственного управления артикуляцией и предполагают целенаправленное и целесообразное воздействие на всю систему естественного управления звуковой речью обучающегося через одно ее звено или группу звеньев.

В практике обучения, как правило, используются все возможные приемы прямого и обратного управления. Следует

различать открытое и скрытое управление в зависимости от осознания учащимися управляющего воздействия того или иного приема.

К приемам открытого управления относится, прежде всего, словесное описание артикуляции изучаемого звука. Нельзя отрицать полностью воздействующего значения такого описания, хотя и не все в нем, обычно заимствованном из теоретической фонетики, может быть полезным для учебных целей. Вместе с тем словесное описание артикуляции звука рождает его моторный образ, что является важным моментом в процессе усвоения артикуляции.

Среди приемов открытого управления выделяется также опора на смысловозначительную роль фонем в изучаемом языке, использование письменных знаков (букв и соответствующих им фонем), транскрипции, развитие речевого слуха, «оттапливание» от аналогичного звука родного языка и ближайших звуков в системе изучаемого языка.

Важное значение в системе приемов открытого управления имеют контрастные упражнения, включающие фонемные противопоставления (контрастные минимальные пары фонем). В этих условиях учащиеся, опирающиеся на свою слуховую наблюдательность, вынуждены вести активный поиск артикуляции, адекватной слуховым впечатлениям.

Приемом открытого управления артикуляцией является обращение к произвольным движениям речевых органов, имеющим общечеловеческий универсальный характер. Например, продвижению языка вперед и растягиванию губ в стороны при артикуляции мягких согласных помогает движение, которое характерно для улыбки; опорным моментом округления и выдвигания губ вперед при произнесении гласного [y] может служить движение, которое мы используем, когда дуем на что-либо и т. п.

Основным, наиболее надежным и эффективным приемом постановки звуков в практике обучения иностранцев русскому произношению является использование ощутимых моментов артикуляции. Однако, сознательное использование ощутимых моментов артикуляции возможно лишь после соответствующей тренировки на базе родного языка.

Скрытое управление артикуляцией осуществляется за счет самого учебного материала, его особой подборки и организации. При этом управление произношением осуществляется с помощью звуков-помощников, звуков-спутников, используются благоприятные позиции для реализации определенной артикуляции, можно изменять темп произношения (быстро – медленно), громкость произношения, интонацию.

Итак, формирование орфоэпических умений и навыков русского языка у иностранных студентов может осуществляться путем бессознательной имитации новых артикуляционных движений и аналитическим путем сознательного усвоения иноязычной артикуляции. Исходя из опыта работы с разноязычным иностранным контингентом, преимущественным мы признаем сознательный метод обучения.

Синтаксис сложноподчиненного предложения и проект лексико-синтаксического словаря для иностранцев

Г. М. Васильева, И. Н. Левина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

galinav44@mail.ru, iri555007@yandex.ru

Русский как иностранный, синтаксис, сложное предложение, учебная лексикография.

Summary. The paper presents a project of the lexical syntactic dictionary for foreign students studying the Russian language (B1, B2).

Создание учебных словарей для студентов, имеющих различный уровень подготовки, – одно из основных направлений методики РКИ. Отсутствие синтаксических словарей сказывается в практике обучения русскому языку и потому представляет актуальную задачу учебной лексикографии.

Отражая в коммуникации насущную потребность экспликации речи, мысли, восприятия и чувства, у носителей языка с первым языком – русским, изъяснительное предложение является самой частотной конструкцией сложноподчиненного предложения – тем более показательно, что в речи иностранных студентов она используется чрезвычайно редко. Сложность ее употребления определяется объективными причинами: взаимозависимостью лексической и граммати-

ческой составляющих [2] и чрезвычайным разнообразием структур, на основе которых строится подобное высказывание в речи (См. «Лексико-синтаксический словарь» [3]). Именно это обуславливает как саму идею их лексикографического представления на основе абстрактных образцов, дающих информацию, необходимую и достаточную для создания в речи правильного высказывания (лексико-синтаксических моделей, ЛС-моделей), так и необходимость разработки особой структуры словаря, ориентированной на усложнение материала с учетом уровня подготовки.

Состав словаря определяется как теоретическими, так и методическими основаниями. Синтаксические ограничения материала связаны с тем, что указанный тип модели необ-

ходим лишь в том случае, когда без лексической составляющей по структурной схеме обеспечить продуцирование в речи правильных высказываний нельзя – т. е. подобные модели используются для определенного типа сложноподчиненных предложений, нерасчлененных: кроме изъявительных предложений, сюда также включаются бытийные и часть вмещающих: [ПОКАЗЫВАТЬ 2], (ЧТО); [ПОНИМАТЬ / ПОНЯТЬ], (...ЛИ); [СЛУЧАТЬСЯ], (ЧТО); [КОНЧИТЬСЯ ТЕМ], (ЧТО). Методические основания проявляются в том, что основу корпуса составляют лексико-синтаксические модели сложноподчиненных предложений, не имеющие специфических ограничений а) лексического (семантического) характера, б) стилистического, в) морфологического и г) синтаксического характера. Тем не менее, в их число входят модели с контактными словами разной морфологической природы: глаголами, существительными, а также прилагательными, полными и краткими (прикративными), со словосочетаниями фразеологического типа, что соответствует программам 1 и 2 сертификационного уровня.

Структура учебного лексико-синтаксического словаря, также существенно отличаясь от словаря общего типа, проявляет специфику, по меньшей мере, 1) в композиционном членении на части (книги), соответствующие сертификационным уровням В1 и В2, и 2) в композиционном членении на идеографическую и алфавитную части.

Использование идеографического (тематического) принципа, существенно упрощает пользование словарем для иностранных пользователей, что, однако, требует разработки специальной классификации, охватывающей не только изъявительные, но и другие типы предложений.

Корпус опорных слов лексико-синтаксических конструкций отображает внутренний мир человека, представляющий собой сложное и неоднозначно интерпретируемое антропоцентрическое пространство. В самом широком обобщении в нем можно выделить 4 обширные тематические группы: ЛС-модели, отображающие мыслительную, познавательную деятельность человека; ЛС-модели, отображающие речевую деятельность; ЛС-модели, отображающие эмоциональный мир человека; ЛС-модели, отображающие поведение и во-

леизъявление человека). Предпосылки более подробной рубрикации, релевантной для достижения учебных целей, создают словари идеографического типа, в первую очередь «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой (1998–2007) [4], а также выполненные в рамках единой авторской концепции толковые словари под общей редакцией Л. Г. Бабенко (2005–2011) (см., напр., [5]). С учетом данной ориентации представляется возможным в идеографической части словаря выделять такие разделы и части, как 1. Мысль. Внимание. Память; 2. Чувства, эмоции. Нравственные состояния; 3. Воля. Желание; 4. Поведение; 5. Информация: А. Передача информации; Б. Устная речь, говорение. В. Чтение, письмо. Г. Информация, характеризующая по содержанию. Этот список должен быть дополнен с учетом того, что тематическая сфера лексических компонентов вмещающих конструкций разнообразнее: так, среди них выделяется значительная группа лексических единиц, относящихся к сфере *деятельности человека*.

Для современной лингвистики уже невозможно игнорирование связей грамматики и лексики (Е. С. Кубрякова определила это как «лексикализацию грамматики») – на органичное использование этого принципа в учебной лексикографии направлен и предлагаемый проект словаря.

Литература

1. Васильева Г. М. К вопросу о тематической классификации словаря учебного лексико-синтаксического словаря // Слово. Словарь. Словесность. Текст словаря и контекст лексикографии. Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2010. С. 536–541.
2. Ильенко С. Г. Сложноподчиненное предложение в различных сферах языкового употребления // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 268. Л., 1965.
3. Ильенко С. Г., Левина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. СПб., 2007.
4. Русский семантический словарь: В 6 т. / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1–4. М., 1998–2007.
5. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / Под ред. Л. Г. Бабенко. 2-е изд. Екатеринбург, 2012.

Современные интенсивные технологии обучения языку специальности иностранных учащихся инженерного профиля

Т. В. Васильева

Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»

vasilievaa189@yandex.ru

Summary. A flexible model of teaching language for special purposes to foreign students of higher education institutions of engineering profile realised in the teaching complex “Reading Speciality Texts. Information Science” (level B1) is presented.

1. В процессе реформирования высшего профессионального образования возник ряд сложностей в определении статуса РКИ в российских вузах, что привело к значительному сокращению часов, выделяемых на изучение русского языка. В условиях дефицита учебного времени особую важность приобретает использование **интенсивных педагогических технологий**, позволяющих иностранцам в короткие сроки овладеть русским языком как инструментом получения специальности. Одной из таких интенсивных технологий являются **гибкие модели обучения**, которые строятся на личностно-ориентированном подходе, описании целей и контингента обучения, его коммуникативных потребностей, а также условий (языковая или внеязыковая среда) обучения. Именно такая гибкая модель взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности на материале научного стиля с учетом всех вышеозначенных факторов реализована в учебном комплексе (*далее* – УК) «Читаем тексты по специальности. Информатика» (уровень В1 / ТРКИ I), выпущенным издательством «Златоуст».

2. В современном образовательном пространстве учащийся рассматривается как объект обучения и как его главное действующее лицо, поэтому основополагающей **целью** в преподавании русского языка как иностранного по-прежнему остается **формирование** у обучаемых **коммуникативной компетенции** в разных видах речевой деятельности (РД) с учетом их профессиональных коммуникативных потребностей (КПП) и достижение ими уровня В2 / ТРКИ II

владения русским языком. Изучение КПП показало, что студентам технических вузов необходимо уметь читать тексты, содержащие предметно и научно значимую информацию, продуцировать в устной и письменной формах произведения разных жанров, например, писать дипломные и магистерские работы, аннотации, тезисы, научные статьи, выступать с докладами на защите диссертаций, на международных конференциях, симпозиумах и др.

3. Исходя из реальных профессиональных коммуникативных потребностей данного контингента при создании УК были определены **две группы целей**: 1) **экстралингвистические**: получение учащимися основополагающих сведений по информатике, формирующей их предметную компетенцию; 2) **лингвометодические**: формирование навыков и развитие умений в разных видах РД на основе чтения, овладение разными видами чтения, усвоение типовых языковых конструкций, употребляющихся для выражения профессионально значимой информации в текстах различных жанров; 3) развитие умений самостоятельной работы со справочной литературой, поиск информации заданной тематики в сети Интернет.

4. В первую очередь УК адресован иностранным учащимся, которые получают высшее инженерно-техническое образование в российских вузах и имеют подготовку по русскому языку не ниже уровня В1 / ТРКИ I. Предложенная в нем технология работы с аутентичным текстовым материалом и методически правильно подобранная система языко-

вых и речевых заданий учитывают когнитивный стиль учащихся инженерного профиля и способствуют формированию такого сложного многоуровневого явления, как коммуникативная компетенция, в структуру которой входят языковая, прагматическая, дискурсивная и предметная составляющие. УК также может быть рекомендован для самостоятельной работы иностранным учащимся гуманитарных и филологических вузов при изучении курса информатики и подготовке к итоговому контролю по курсу информатики.

5. УК рассчитан на 144–192 часа, при этом аудиторские часы составляют 72–96 (одна тема 6–8 часов) и 72–92 часов на самостоятельную работу, т. е. 50% времени отводится на аудиторную работу и 50% на самостоятельную работу. При этом согласно требованиям по интенсификации учебного процесса в аудиторной работе должно доминировать говорение. УК состоит из 1) Книги для учащегося, включающей три раздела и 12 тематических блоков, 2) Книги для преподавателя, содержащей лингвометодический комментарий к темам, и 3) электронного приложения, состоящего из тезауруса по информатике, словаря метаязыка науки, рабочей тетради для выполнения письменных заданий и аудиолекций. **Тематический блок** – это совокупность материалов по конкретной экстралингвистической теме. Каждый блок состоит из четырех модулей:

- 1) работа с основным текстом;
- 2) материалы для самостоятельной работы;
- 3) материалы для практической работы;
- 4) дополнительный текст.

Задачи, которые стоят перед учащимися в каждом модуле, различны, но в целом их решение позволяет обеспечить одновременность в формировании умений и развитие навыков в четырех видах РД. Это означает, что развитие одного вида речевой деятельности способствует развитию других и облегчает овладение ими.

В процессе работы с аутентичными материалами по информатике иностранные учащиеся а) овладевают умениями и навыками свертывания текста до уровня схемы (т. е. языковой и смысловой компрессией текста) и развертывания научных текстов разных жанров с опорой на различные виды планов и схемы; б) учатся проводить смысловый анализ текста, который рассматривается как подготовка к созданию собственных научных произведений творческого характера (лингвостилевой анализ аннотаций, авторефератов, фрагментов магистерских диссертаций) на основе изучения композиционно-смысловой структуры научного текста; в) получают представление о правилах построения связанного текста, его содержательных компонентах, об особенностях жанра магистерской диссертации в инженерно-техническом вузе и др.

6. Реализация гибкой модели обучения, представленной в УК, предполагает как **линейное (последовательное) прохождение тем**, так и **нелинейное (модульное) изучение материала**. Тематические блоки (разделы и темы) связаны между собой на формальном уровне, поэтому преподаватель может выбрать индивидуальный маршрут их прохождения в зависимости от запросов иностранной аудитории и уровня владения русским языком. Линейное прохождение тем дает представление об основных понятиях информатики как учебной дисциплины и формирует у учащихся базу предметных знаний. Нелинейное (модульное) изучение тем в зависимости от целей и задач, стоящих перед учащимися, предполагает не только сквозную работу, но и работу с отдельными модулями. Работа внутри модулей также может различаться, например, преподаватель может опускать или предлагать выполнить дома языковые задания, подготовившие к чтению основного текста темы. Подробнее гибкая модель обучения языку специальности будет представлена в докладе.

Отбор лексики при обучении деловому русскому в корейской аудитории (тема «устройство на работу»)

Н. В. Виноградова

Pusan National University (Пусан, Корея)

vinogradova.nina@gmail.com

Тематическое пространство «трудоустройство», новые заимствования, лексическое наполнение материалов по ПКИ.

Summary. The paper focuses on borrowings from American English, as a new vocabulary for “Business Russian” (a topic “Job Placement”). There are three semantics types of the borrowings, all of them need to be represented in “Business Russian” textbooks.

Коммерциализация российского общества, всеобщая модернизация делопроизводства по американскому образцу обуславливает иной порядок устройства на работу и вследствие этого появление новых слов и выражений. Тематическое пространство «трудоустройство» реорганизуется, пополняется новыми лексемами. Повинуясь всеобщей американизации общества и сознания, русские приходят на *ин-*

тервью (а не на *собеседование*) к *эйчару* (а не *кадровику*); они работают *на аутсорсе* (а не *на подряде*), получают *бонус* (а не *премию*). В результате речевых предпочтений молодых в этом тематическом пространстве, к сожалению, остается все меньше русских слов и уже освоенных русских языком ранних заимствований, происходит перераспределение лексики в пользу новых американизмов.

	старое наименование	заимствование	English
1	работодатель		
2	работник		
3	справка с места работы		
4	справка о нетрудоспособности (бюллетень)		
5	трудова книжка		
6	характеристика с места работы		
7	премия	бонус	bonus
8	собеседование	интервью	interview
9	трудова договор	контракт	contract of employment
10	подряд, работать на подряде	аутсорсинг, работать на аутсорсе	out-sourcing
11	свободное рабочее место	вакансия	vacancy
12	наставничество	коучинг	couching
13	должность	позиция	position
14	автобиография	резюме	resume, CV
15	сотрудник бюро по трудоустройству	рекрутёр	recruiter
16	бюро по трудоустройству	рекрутинговое агентство	recruiting agency
17	кадровик, работник отдела кадров	эйчар, эйчарщик, HR-менеджер	HR-manager
18	отдел кадров, кадровая служба	HR-отдел	HR-Department
19			cover letter
20			letter of recommendation
21			verification letter
22			employment letter

У студентов русских отделений корейских университетов, мечтающих найти работу в российских филиалах корейских фирм, курс «Деловой русский» пользуется большой популярностью. Для того, чтобы их ожидания оправдались, и они научились общаться в сфере современной деловой коммуникации по-русски, необходимо обновление тематики и словаря учебных пособий. В частности, нужна тема «Трудоустройство», которой нет в большинстве изданных в Корею учебников по деловому русскому. Международное деловое общение и в России, и в Корею в основном ведется на своеобразном *Pidgin English*, с преобладанием корейской грамматики, если дело происходит в Корею, и русской – если в России. Русская фраза: *Я фрилансер, работаю на аутсорсе*, не представляет больших трудностей для корейцев. А вот старая лексика, обслуживающая этот участок действительности (например, см. таблицу, лексемы 1–6), требует от корейцев запоминания, а от составителей учебников – подробных страноведческих комментариев, особенно в случае, если в корейском и в английском языках нет соответствующих понятий (*трудовая книжка, бюллетень*). Таблица показывает динамику становления нового лексикона данной предметной области.

Сейчас существует большое количество слов и выражений, по сути составляющих общий словарный фонд для общения русских и корейцев в сфере деловой коммуникации (например, см. третий столбик и словосочетания 19–22 из четвертого столбика таблицы). Ядро лексики, при обучении теме «Устройство на работу» должны составлять именно они. Выделяются три семантических разновидности таких лексем. К первой разновидности (см. лексемы 7–13) относятся слова, совпадающие по смыслу с русскими обозначениями, например, *интервью – собеседование*. Это типичные модные слова (“busswords”). Они вытесняют русские эквиваленты, потому что звучат более престижно. Этот процесс часто сопровождается приобретением словом дополнительного значения (в данном случае, наряду с *беседа журналиста с известным человеком, жанр СМИ, – беседа с сотрудником кадровой службы с целью устройства на работу*) и новой модели управления (наряду с *дать / брать / взять интервью – ходить на (по) интервью*). Другие имеют неполные русские соответствия (см. лексемы 14–18), например, *HR-менеджер, эйчар – кадровик, работник кадровой службы*. Здесь появление заимствования отражает различие реалий, которые стоят за этими обозначениями: функции похожи, но у *эйчара* круг обязанностей гораздо шире, чем у *кадровика*. Кроме того, как и в первом случае, предпочтение отдается новому слову, чтобы избавиться от негативных или нежелательных коннотаций, полностью отмежеваться, отъединить себя от всего отжившего, «совкового», имеющего печать прошлого. Такого рода заимствования

составляют наибольшее количество. Они находятся на разных стадиях освоения их русским языком; как правило, имеют несколько вариантов написания и произношения (*эйчар, HR, HR-менеджер, хаэр, эйчарщик*), но уже встроены в грамматическую систему языка («*Какими бывают HR-ы*» – название книги). Есть и такие слова и понятия, которые в русском языке пока никак не представлены (см. лексемы 19–22), например, *cover letter* (это особый документ, который соискатель предоставляет вместе с резюме, где он в свободной форме коротко рассказывает о себе и объясняет, почему именно он лучший кандидат на должность). Они пока еще выглядят пришельцами, однако они уже есть в русской речи, и их, по всей видимости, ожидает судьба *эйчара* и *коучинга*. Наблюдения показывают, что старая лексика (см. таблица, лексемы 1–6), к большому сожалению, постепенно уходит из речевого оборота работающих в российско-корейских компаниях (уже зафиксированы случаи замены, типа (*работодатель – имплоер*), а значит, и при подаче лексического материала ей не должно отводиться основное место. Заимствования первой и второй семантических разновидностей (лексемы 7–18) обычно употребляются наряду с русскими вариантами с тенденцией к полной замене последних, поэтому в словнике учебных пособий по деловому русскому их нужно давать парами. Как уже было отмечено, без некоторых английских слов и выражений (лексемы 19–22) русский язык не в состоянии обслужить новую реальность. По какому пути пойдет их заимствование, путем ли графического освоения (и тогда для *cover letter* мы получим **кавер лемтер*) и последующего встраивания в грамматическую систему, или путем подбора призывительного русского соответствия (**объяснительная записка, *сопроводительное письмо* или еще что-то, потому что оба предложенные нами варианта не бесспорны, так как они обозначают похожие, но не одинаковые типы документов), неизвестно. Однако такие языковые единицы тоже должны быть представлены в учебных материалах для создания у студентов адекватного представления о русской речи в этой предметной области.

Литература

1. Горбов А. А. О некоторых проблемах интерпретации иноязычного материала при описании новых заимствований в русском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 29–40.
2. Григоренко О. В. Неонимации лиц в аспекте современной лексикографии и неографии // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. № 2. С. 99–107.
3. Левонтина И. Б. Язык потребления (о некоторых новых явлениях в русском языке) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007». М., 2007. С. 359–364.

Информационные коммуникативные технологии в обучении коммуникативному поведению в телефонных переговорах

С. А. Вишнякова, Чжань Хун

Смоленский институт РАО, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

svetalvish@mail.ru, guoshi520@mail.ru

Телефонные деловые переговоры, информационные коммуникативные технологии, технологическая цепочка, психологический контакт.

Summary. Abstracts are devoted to the problem of technology business talks on the phone and linguistic features of its practical use. The urgency dictated by the lack of a theme.

Современное бурное развитие международных экономических отношений требует в целях повышении эффективности межличностной коммуникации деловых партнеров обучения иностранных граждан информационным технологиям (ИКТ), их языковым особенностям. Это касается и делового общения по телефону. Технологическое значение ИКТ состоит в том, чтобы утвердить психологическое равенство партнеров при обсуждении деловых проблем, в числе которых и проблемы бизнеса.

Спецификой коммуникатора и реципиента в деловых переговорах по телефону партнеров разных стран является то, что сам коммуникативный процесс носит межкультурный характер. Это означает, что в данном случае переговоры, например в торговой сфере, осуществляются между людьми разных стран, а значит, разных культур с разным ментали-

тетом. Успех в переговорах зависит от многих причин, в том числе от знания культуры общения, речевых техник, менталитета другой стороны.

Основные звенья технологической цепочки ИКТ в телефонных деловых переговорах следующие: приветствие, «малый разговор», техника вербализации и эмоций и чувств, техника активного слушания, формирование коммуникативной стратегии.

В первом звене выявляется психологическое состояние делового партнера, налаживается психологический контакт и желание «разговорить». Начало контакта желательно проводить в пределах личностной, персонифицированной зоны партнера, зоны его непрофессиональных, неделовых интересов. Однако это возможно, если завязались достаточно плотные контакты.

- Здравствуйте! Это компания «Вектор»?
- Да. Здравствуйте! А это из компании «Эдельвейс»?
- Так точно! Как приятно, когда узнают. Как дела?
- Все хорошо!
- У нас хорошее предложение. Большой и выгодный для вас заказ.

Техника непосредственной вербализации эмоций и чувств состоит в прямом информировании партнера о собственном эмоциональном состоянии: («меня взволновала»), («меня тревожит»), («меня радует») или вербализации переживаемых партнером эмоций и чувств: («вас беспокоит»), («вас тревожит»), («вас удивляет»). Такая вербализация позволяет несколько снизить напряженный психоэмоциональный фон межличностной коммуникации деловых партнеров. Диалог заказчика и брокера:

- Меня беспокоит ситуация долгого ожидания контейнера.
- Что-то случилось?
- Мы заказали контейнер на 9 часов, сейчас уже 10, задерживается погрузка.

– Не волнуйтесь! Сейчас выясним и Вам перезвоним!

Косвенная вербализация эмоций более эффективна для локализации негативных высказываний партнера, когда их непосредственная вербализация не только неуместна, но и неприемлема для данного вида общения. Это, например, касается сложных конфликтных ситуаций, когда прямая вербализация негативного эмоционального состояния партнера лишь провоцирует его усиление. Косвенная вербализация чаще всего реализуется в таких формулировках: «Я понимаю, что это беспокоит вас», «Я чувствую, что вы чем-то расстроены» и пр. Продолжение диалога заказчика и брокера:

- Контейнер подошел?
- Да. Спасибо.
- Чувствую по голосу, что Вас что-то еще беспокоит. Могу я помочь как-то решить ситуацию?
- Нет, спасибо. Все в порядке.

Добиться взаимопонимания с партнером в деловой коммуникации способствуют техники активного слушания, ставящие важное звено технологической цепочки ИКТ. В этом смысле берем за основу концепцию Карла Роджерса. Основными компонентами цепочки являются три ступени рациональной вербализации высказываний партнера: А, Б, В.

Вербализация на ступени А включает повторение сказанного партнером с цитированием его отдельных фраз. Такая вербализация позволяет выделить в высказывании партнера главную мысль и «возвратить» ее партнеру в наиболее приемлемой, мягкой форме. В деловом общении по телефону это особенно важно.

- Мы не очень довольны качеством доставленного сырья. Думаем, что надо поискать другого производителя.

– Нельзя не согласиться, что надо найти другого производителя.

Формирование коммуникативной стратегии является ключевым звеном технологической цепочки ИКТ. Коммуникативные стратегии – это избранные деловыми партнерами способы обмена информацией и техники взаимного психологического влияния, подкрепляющие обмен.

Существенным моментом при формировании коммуникативных стратегий телефонных переговоров является установление модальности делового партнера. Американские психологи Р. Бендлер и Дж. Гриндер выделили три основные группы партнеров по модальности: 1) партнеры с визуальной модальностью; 2) партнеры с аудиальной модальностью; 3) партнеры с кинестетической модальностью.

Аудиальная модальность в переговорах по телефону означает, что надо уделить особое внимание тону переговоров, темпу речи вербализации, типичным фразеологическим оборотам. Тон голоса должен быть уважительным, располагающим. Темп речи следует выдерживать умеренным, голос таким, чтобы можно было все услышать. Распространенными проблемами в переговорах по телефону является слишком быстрый темп речи и слишком громкий голос, близкий к агрессии.

В вербализации высказываний партнер – аудиалист чаще всего использует словосочетания с местоимениями: «кому – кто»: «Если я Вас правильно понял...»; «Я вас внимательно слушаю»; «Возможно ли обсудить проблему о...»; «Мне понятно, что...»; «Мы все выяснили?»; «У меня просьба!» и др. Типичными репликами являются: «Такой вариант вас устраивает...»; «Могу ли я с вами выяснить вопрос о...»; «Можно ли найти компромисс...».

Включение каждого звена технологической цепочки коммуникативных технологий телефонных переговоров должно создавать логическую взаимосвязь этапов разговора.

Экзистенциальная картина бытия как объект изучения лингвистики и методики преподавания РКИ

Т. Е. Владимирова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

yusvlad@rambler.ru

Экзистенциальная картина бытия, экзистенциальный концепт, экзистенциальная компетенция, РКИ.

Summary. The study of the linguistic personality suggests unifying M. M. Bakhtin's "value-semantic world picture" and chronotope of in a single metalinguistic concept: existential picture of being. Linguistic didactics study of the Russian existential picture of being to prevent possible psychological and socio-cultural barriers in the cross-cultural communication.

Положение, согласно которому изучение языка / речи / дискурса лежит на путях интеграции широкого спектра наук о человеке, является сегодня общепринятым. Металингвистическая парадигма рассмотрения языковой, речеведческой, дискурсивной и концептуальной картин мира позволила преодолеть «бездну между мотивом поступка и его продуктом» (М. М. Бахтин) и решить ряд лингвометодических проблем, связанных с описанием национальной языковой личности. Однако за границами исследований по-прежнему остается собственно языковое бытие, в котором сформировались ее прототипические особенности, включая представления о смысле жизни, выступающем в качестве интегративной структуры личности. Более того, именно смысл жизни задает ее целостность и формирует культурно обусловленные представления о подлинном существовании.

Как известно, «сущности не следует умножать без необходимости» (У. Оккам). Однако раскрытие своеобразия национальной языковой личности делает актуальным объединение хронотопа и «ценностно-смысловой картины мира» М. М. Бахтина в едином металингвистическом понятии: экзистенциальная картина бытия – это присутствующая в сознании «лента жизни», в которой находит выражение не только когнитивно-коммуникативный, но и экзистенциальный опыт языковой личности, опосредованный ценностными представлениями о смысле существования.

Введение понятия экзистенциальной картины бытия опирается на позицию Н. Д. Арутюновой, различающей карти-

ну мира и картину жизни: «Картина мира и картина жизни написаны разными красками и под разным углом зрения. Для первой остается более важным пространственное, для второй – временное измерение. Первая может быть уподоблена панораме, вторую естественнее сравнить с кинолентой» [1: 537]. Целесообразность обращения к экзистенциальной проблематике отмечалась и В. фон Гумбольдтом, который писал, что изучение языка служит «цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [2: 383].

Действительно, по мере взросления человек наследует «культурно-языковые» картины мира, а сознанию постепенно выстраивается собственная экзистенциальная картина бытия. Иными словами, в языке, «доме бытия», человек находит тот «способ бытия» (М. Хайдеггер), который соответствует его смысловому представлению. Более того, экзистенциальное начало в значительно большей степени аккумулирует в себе национально-культурную специфику языковой личности, чем ее внешние проявления. Как следствие, внимание исследователей сегодня все более привлекает рассмотрение экзистенциальных концептов (экзистенциалов) как этических категорий, раскрывающих понимание подлинного бытия.

Изучение экзистенциального аспекта национальной языковой личности и ее бытия представляется тем более важным, что он задает целостное единство рациональной, эмоциональной и духовной составляющих межличностного об-

шения. Ведь взаимопонимание и взаимодействие строятся преимущественно на логике смысла (рациональное начало). А воздействие на собеседника и достижение взаимности становятся возможными благодаря общности эмоциональных переживаний и сближению ценностно-смысловых кодов бытия. Поэтому обучение РКИ предполагает развитие экзистенциальной компетенции, призванной предупредить возникновение конфликтных ситуаций общения с носителями иных этнокультурных представлений о должном бы-

тии. Введение в лингводидактический дискурс понятия экзистенциальной картины бытия, в которой в роли ценностно-смысловых скреп выступают значимые для национальной языковой личности экзистенциальные концепты, приблизит к пониманию смысложизненных основ ее бытия.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. М., 1985.

Немецкий акцент в области произношения русских переднеязычных согласных: прогнозирование с учетом особенностей родного диалекта

Е. С. Глухова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
kalina-2000@mail.ru

Фонетический акцент, переднеязычные согласные, диалект.

Summary. The pronunciation while studying foreign language is influenced not only by native literal language, but by native dialect as well. The prognosis of phonetic accent based on the analysis of native dialect can show rather interesting results.

Коммуникация между носителем русского языка и изучающим русский язык иностранцем нередко оказывается недостаточно удачной и часто не позволяет решать все поставленные задачи. Возможной причиной подобной коммуникативной неудачи является фонетический акцент иностранца, от которого сложно избавиться даже студентам продвинутых этапов обучения. В связи с этим трудно переоценить работу над постановкой правильной артикуляции русских звуков в иноязычной аудитории.

При постановке произношения звуков необходимо помнить о том, что «...звуки чужого языка человек слышит через призму фонологической системы родного языка...» [3: 508]. Таким образом, чтобы установить основные черты акцента, реальные и потенциальные, необходимо сопоставить системы русского языка и родного языка студента. В лингвистической литературе существует немало работ, посвященных исследованию немецкого акцента в области произношения переднеязычных согласных, но они основаны, главным образом, на сопоставлении фонетических систем литературных языков – русского и немецкого. В то же время необходимо учитывать, что на интерферированную русскую речь немца может оказывать влияние не только немецкий литературный язык, но и родной диалект, фонетические закономерности которого могут переноситься на изучаемый язык.

Так, типичной чертой немецкого акцента в русской речи, обусловленной влиянием фонетики немецкого литературного языка, в русской речи является произнесение [з] на месте [с] в абсолютном начале слова. Однако надо учитывать то, что во многих верхненемецких диалектах отсутствуют как звонкий переднеязычный щелевой звук, так и другие звонкие переднеязычные. Таким образом, появление ошибок типа *[з]абор вместо собор, *[з]олдат вместо солдат наиболее вероятны у студентов, владеющих нижненемецкими диалектами, а в речи студентов, для которых родным является один из верхненемецких диалектов, можно ожидать совсем иных ошибок.

Как известно, характерной чертой немецкого акцента является ошибочная замена русских [л] и [л'] альвеолярным [l]. Однако влияние родного диалекта может обусловить и другое отклонение. Дело в том, что в среднебаварском и среднеавстрийском диалектах вероятна вокализация данного плавного после гласного того же слога. Значит, следует

ожидать не только ошибки типа *[l]ом, *[l]естница, *мо[l]оток, *мо[l] (вместо *моль* или *мол*), но и отклонений типа *но[l]дник, *Во[l]га и *мо[l] у носителей среднебаварского и среднеавстрийского диалектов.

Что касается произношения русского [р], то здесь особенно важно обратить внимание на артикуляцию соответствующего звука в системе родного диалекта студента. Оказывается, что при произношении аналога [р] в нижненемецких говорах возможна вокализация данного звука на конце слова. В ряде диалектов может быть распространен заднеязычный, или «картавый» вибрант. В тоже время в некоторых диалектах есть переднеязычный вибрант, похожий на русский. Эти данные могут помочь дать прогноз черт немецкого акцента при произнесении русского [р] в соответствии с особенностями фонетики родного диалекта.

Прогнозирование черт немецкого акцента позволяет быстро и эффективно ставить учащимся правильное произношение русских звуков, предостерегает от возможных будущих коммуникативных неудач в ходе общения на русском языке. В контексте такого прогнозирования большую роль играет не только сопоставление русской и немецкой литературных фонетических систем, но и анализ акцентных черт интерферированной речи немца, которые могут появиться под влиянием родного диалекта студента. Дело в том, что соотношение литературной и диалектной фонетики в немецком языке отлично от соотношения литературной и диалектной фонетики в русском языке, и родной диалект может гораздо значительнее влиять на акцент немца, нежели литературный язык. Прогноз с учетом как фонетики литературного языка, так и фонетики родного диалекта, может позволить грамотно обозначить те звуки, постановка которых требует особенно тщательной работы.

Литература

1. Бархударова Е. Л., Фокина М. В. Закономерности фонетической синтагматики родного языка в зеркале фонетической интерференции // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей / Ред. кол.: Л. П. Клобукова и др. М., 2012.
2. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. Л., 1956.
3. Реформатский А. А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии: Очерк; Хрестоматия. М., 1970.

О переосмыслении принципов и методов преподавания грамматики русского языка в китайской аудитории

Го Шуфень (Guo Shufen)

Пекинский университет иностранных языков (Китай)
guoshufen@bfsu.edu.cn, nasjia0915@126.com

Принципы и методы преподавания, грамматика русского языка, русская функционально-коммуникативная грамматика, китайская аудитория.

Summary. It is necessary to reflect on the principles and methods of Russian grammar teaching in China. This paper discussed the necessity and feasibility of communicative functional methods for Russian language teaching in China. The result suggests that the examination on Russian grammar should take Chinese grammar as a reference. The concept of grammar should be shifted: it is the functional mechanism of language as well as the transition from language to parole.

По мере развития экономики и дружественных отношений между Россией и Китаем, в последние годы не только

увеличивается интерес к изучению китайцами русского языка, но и все возрастает в нашей стране потребность к

огромному количеству высококвалифицированных выпускников вуза, хорошо владеющих русским языком, число которых далеко не удовлетворяет потребностей нашего государства, что заставляет нас задуматься над вопросом, по какой причине наши вузы не могут подготовить соответствующих нашим потребностям высококачественных переводчиков на мировой арене, и каким образом нужно улучшить преподавание и изучение русского языка с учетом характерных особенностей русского и родного? По нашему мнению, во-первых, неправилен сегодняшний взгляд на русскую грамматику у довольно многих китайских преподавателей, придерживающихся так называемой «имплицитной грамматики», т. е. в новых учебниках русского языка для школьников не упоминается термин «грамматика», чтобы ученики специально не запоминали грамматические правила, а обращали внимание только на овладение русской речью. Вместе с тем, во многих институтах русского языка давно уже не ведется специальный теоретический курс по грамматике, что, на самом деле, составляет немалое препятствие в овладении русским языком. Многолетний опыт преподавания РКИ в России ([3]; [7]) утвердительно доказал, что грамматику отвергать нельзя, невозможно учить иностранцев только общению на языке без грамматики, в результате чего не воспитываются настоящие специалисты по русскому языку. В таких условиях нам предстоит думать над следующими вопросами:

1. Соответствует ли задачам подготовки высококачественных русистов для Китая теперешний взгляд на грамматику русского языка?
2. Какая грамматика русского языка нам и нашим студентам более нужна и более выгодна для китайцев: традиционно-описательная ([10]), теоретически-функциональная (А. В. Бондарко и Г. А. Золотова [9]) или прикладная функционально-коммуникативная [2];
3. Что является главным в обучении китайцев русскому языку: знание о грамматической системе языка или умение осмысления закономерностей функционирования языковых единиц в речевых построениях, а именно языковые механизмы; на какие необходимые для овладения живой речью (а не только языком) темы по грамматике нужно ориентировать в процессе обучения китайцев русскому языку; какие материалы должны быть взяты: **из практики обучения иностранцев русскому языку** или из теоретической русской грамматики? Есть ли возможности ввести типичные русские модели предложения в процесс обучения русской грамматике? (об этом см. [8]; [6]).
4. Каких принципов и методов преподавания русской грамматики в китайской аудитории следует придерживаться: методика объяснения или методика запоминания? Как надо преподавать русскую грамматику в китайской аудитории, как живые реализации системы языка или просто как мертвые скучные грамматические правила, требующие долговременного запоминания?
5. Какие преподаватели русского языка нужны: которые свободно говорят по-русски, но мало знают грамматические знания или которые знают гораздо больше, чем они говорят на уроке, и у которых есть в запасе такие знания, которые должны помочь им найти методику объяснения и работы над языком в аудитории?
6. Нужно ли создать специальную для китайцев учебную русскую грамматику в зеркале китайского языка, где учитываются одновременно и особенности китайского и русского языков, и сопоставляются, где необходимо, корреляты обоих языков, чтобы китайские учащиеся избежали негативного влияния родного языка? Напр., под влиянием родного языка, относящегося к «языку обладания», китайские учащиеся не умеют употреблять модель русского предложения типа «У кого есть что» (по мнению Н. Д. Арутюновой русский язык принадлежит к языку бытия), вместо которой часто говорят «Кто (не) есть что» или «Кто (не) имеет что».

Вышепоставленные вопросы требуют серьезного переосмысления. Всем известно, что грамматика настолько важна для обучения языку, что без нее не может быть и речи об овладении языком. Однако многолетний опыт преподавания

русской традиционной грамматике в китайской аудитории показал, что мертвые грамматические знания о разных грамматических правилах приносит наименьшие выгоды для овладения живой русской речью. Дело в том, что занятия по традиционной академической грамматике, перегруженные теоретической информацией и формальным анализом предложения и художественного текста, напрямую не связаны с живой русской речью, что, безусловно, не смогут помочь студентам в естественной коммуникации на языке. Часто встречаются такие случаи, что после четырехлетней учебы студенты не только плохо воспринимают живую русскую речь, но им еще труднее выразить свои мысли на русском языке, уже не говоря о продуцировании речевых образований. Это показывает, что, наверняка, не только наш метод обучения русской грамматике неудачен, но и содержание пособий по грамматике требует переработки.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить и описать необходимости и возможности создания грамматики русского языка для китайцев по функционально-коммуникативному принципу. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: 1) выяснить, какая именно грамматика русского языка нужна для китайцев; 2) разработать принципы и методы создания данной грамматики; 3) разработать перечень самых необходимых тем для овладения русской грамматикой; 4) описать конкретные ситуации, где употребляются и закрепляются самые трудные для китайцев грамматические знания русского языка; 5) выявить языковые механизмы для повышения уровня коммуникации на русском языке; 6) выработать методы оптимизации преподавания русской грамматики в китайской аудитории.

И мы пришли к следующим основным выводам: необходимы исследования русской грамматики в зеркале китайского языка, и грамматики китайского языка – в зеркале русского; необходимо учитывать положения функциональной грамматики ([9]) о синтаксемах. Морфологических форм в китайском нет, а синтаксические формы есть; нужно изменить и сам взгляд на грамматику, как на механизм действия языка, переход языка в речь.

В заключение надо подчеркнуть, что наша позиция не исключает использование основных материалов традиционной грамматики там, где она действительно нужна (напр., типы склонения, спряжения глагола и др.). Нас очень волнует вопрос, как языковые материалы преподавать: давать на запоминание или отрабатывать на уроке до выработки умения. Поскольку рамка тезисов не позволяет, конкретные языковые материалы будут приведены в докладе.

Литература

1. Ван Янжен, Чэнь Мин. Нужна ли грамматика русского языка в китайских аудиториях? // Язык Сознание Коммуникация. Вып. 47. М., 2013.
2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
3. Всеволодова М. В. Фундаментальная теоретическая прикладная грамматика как компендиум теоретических и прагматических знаний о современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2005. № 3–4.
4. Всеволодова М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4.
5. Всеволодова М. В. К вопросу об операционных методах категоризации предложных единиц // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3.
6. Всеволодова М. В., Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений // Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
7. Всеволодова М. В., Куликова Е. И. К вопросу о грамматике словосочетаний (лингвистические и лингводидактические аспекты проблемы) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2009. № 4.
8. Го Шуфень. Принципы и методы введения русских моделей предложения в китайскую аудиторию // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 47. М., 2013.
9. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
10. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М., 1980.

Принципы возможного подхода к промежуточному контролю в целях развития речевых умений и навыков на продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному

Н. Н. Горбонос

Московский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева

gnn.inform@mail.ru

Русский язык как иностранный, продвинутый этап обучения, промежуточный контроль, речевые умения и навыки.

Summary. Russian as foreign, advanced stage of educating, intermediate test, complex speech abilities and skills. The question is about expedience of the use of intermediate tests for perfection of speech abilities and skills in Russian as foreign on the advanced stage of educating in higher educational establishment of technical profile.

На продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному одной из важнейших задач становится овладение комплексными, сложными умениями и навыками во всех видах речевой деятельности. В частности, для будущих специалистов все большее значение приобретает умение создавать собственные письменные / устные монологические сообщения на заданную тему с опорой на тексты первоисточников – при подготовке выступлений на семинарских занятиях, студенческих научных конференциях, при написании рефератов, аннотировании прочитанной литературы, защите курсовых и дипломных работ. Для решения этих непростых задач требуется овладение общенаучной и специальной лексикой, знание грамматической системы русского языка, умение сжато и достаточно точно выразить нужную мысль.

На развитие и совершенствование необходимых для этого навыков и умений могут быть нацелены промежуточные письменные контрольные работы, в основу которых положен проблемно-тематический принцип отбора материала для заданий и направленность на вышеназванные практические речевые потребности обучаемых.

Каждая из контрольных работ базируется на материале аутентичных текстов общенаучного содержания, разных по жанру, но объединенных общей проблемной темой (в пределах круга тем, обозначенных в «Стандарте по русскому языку как иностранному» II сертификационного уровня, 1999 г.). Отбирались темы, в достаточной мере близкие к основному профилю обучения.

С одной стороны, тематический принцип организации позволяет шаг за шагом осуществлять контроль усвоения основной лексики из разных, порой далеких друг от друга областей знаний (например, «Жилище горожанина» и «Изменение климата»), а также морфологических особенностей слов в пределах одной или разных научных областей (например, «излучение» – «облучение», или ««провод» – «проводка» – «проводник» – ««проводный / -проводность», или «летающий» – «летательный» – «летучий» – «лётный» и т. п.). С другой стороны, тематическая организация материалов контроля достаточно скоро придает обучаемым уверенность в своих силах благодаря усвоению новых, значительных по объему информационных пластов. Этому также способствует и обучающе-эвристический принцип подбора заданий и их оценки при контроле, а именно: чем большим объемом материала обучаемый овладел по новой теме, чем больше вспомнил из ранее изученного, чем более точно, рационально и избирательно произвел выбор, замену, трансформацию и т. п., тем больше он получает бонусных баллов.

Задания контроля предполагают не только выработку умений узнавать, образовывать, объединять в словосочетания термины и нетерминологическую лексику, присущие определенной тематической сфере знания, но и находить их

общелитературные аналоги (синонимы, словосочетания, описательные грамматические конструкции), что способствует повторению, активизации и закреплению усвоенных ранее лексико-грамматических знаний. Поэтому бонусные баллы в контрольных работах, например, даются и за задания на замену слов / словосочетаний / частей слов, изученных в рамках темы, на известные ранее («жаропрочный / термостойкий / термоустойчивый», «остаться в живых – выжить, не умереть...»), задания на продолжение тематического ряда слов («жилище – жилье, дом, квартира... нора, скворечник...») и т. п.

В каждой контрольной работе есть задание, направленное на выработку навыков лексико-синтаксической трансформации и сжатия письменного текста без потери информативного содержания. Это необходимо, например, при реферировании или подготовке устного выступления на основе прочитанной литературы. Обучаемым предлагается сократить и грамматически упростить выделенные части предложений, взятых из текстов по изученной теме (придаточные со значением времени, условия, уступки и т. п., сложносочиненные предложения, сложные или повторяющиеся союзы, сложные предлоги, «развернутые» детерминанты и т. п.). Во всех предлагаемых случаях возможно синтаксическое упрощение, иногда синтаксических синонимов может быть несколько, но они известны обучаемым (например, причастный и дееспричастный обороты, глагольно-именные словосочетания, простые предлоги, сочетание общего и уточняющего слов: «процесс потепления» => «потепление» и др.). Это задание – одно из самых «рейтинговых». От работы к работе, от темы к теме такие задания учат, прежде всего, увидеть в текстах то, что можно упростить или сократить, и вырабатывают навыки лексико-грамматических трансформаций.

Наконец, на контроль выносятся небольшие абзацы из текстов общей тематики, на основе которых нужно подобрать соответствующие глаголы для передачи способа изложения материала автором (например, «автор перечисляет..., приходит к выводу..., приводит пример..., выделяет..., возражает...» и мн. др.). Задание направлено, главным образом, на выработку автоматизма навыка синонимических замен в группе глаголов, относящихся к речемыслительной деятельности человека, необходимых при создании собственного речевого произведения.

Таким образом, тематический принцип построения, регулярная повторяемость лексико-синтаксического блока заданий, нацеленность на продуктивную речевую деятельность и практические потребности учащихся, а также обучающе-эвристический характер заданий промежуточного контроля для продвинутого этапа, основанных на текстах из разных областей научного знания, повышают мотивацию обучаемых, способствуя комплексному развитию речи.

Факторы интенсификации обучения языку специальности с применением компьютерной игровой квест-технологии

И. В. Громов

Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина (Москва)

i170586@yandex.ru

Обучение языку специальности, информационно-коммуникационные и игровые технологии, электронное игровое средство образовательного назначения, учебно-игровой компьютерный квест, интенсификация обучения.

Summary. The paper tackles upon the use of educational quest programmes as a means of intensifying the process of language learning for special purposes. Specific features of quest programmes are considered alongside with the factors of intensification of language learning via computer and play education technologies.

В условиях дефицита аудиторных часов, отведенных на изучение иностранными студентами языка специальности, и

высоких требований к выпускникам вузов все сильнее ощущается необходимость как применения уже существующих,

так и поиска новых средств интенсификации обучения. Вместе с тем очевидна существенная роль информационно-коммуникационных технологий в современном образовании. Сегодня работа с ИКТ является и целью, и средством обучения, и не в последнюю очередь – его интенсификации.

Приходится, однако, признать, что ИКТ – не только серьезный образовательный, но и мощный развлекательный ресурс. Огромная популярность стационарных компьютерных и он-лайн (требующих подключения к сети Интернет) игр среди молодежи видна невооруженным глазом. С другой стороны, принципы инфантилизации и ситуативного перевоплощения, на которых зиждется успех игр, являются основополагающими и в ряде методов интенсификации обучения (суггестопедический, игровой метод и др.). Возможность индивидуализации игрового процесса и постоянная фиксация достижений игрока также находят отражение в учебном процессе. Продуктом синтеза компьютерных игр и обучающих программ стали ЭИОН – электронные игровые средства образовательного назначения. Рассмотрим возможность применения одного из ЭИОН – обучающей игры в жанре «квест» – для интенсификации обучения иностранных студентов языку специальности.

Под термином «квест» (от англ. “quest” – «поиск») понимается компьютерная игра, требующая от игрока решения умственных задач для продвижения по линейному или ветвящемуся сюжету. В отличие от широко используемой технологии «веб-квест», предполагающей самостоятельную поисково-исследовательскую работу учащихся в Интернете, игровой квест ориентирован на последовательное предъявление обучаемым взаимосвязанных заданий, выполнение которых ведет к переходу на новый этап обучения. Зародившись в 70-е гг. XX века, жанр компьютерного квеста со временем обогатился такими поджанрами, как текстовое приключение, графический квест, головоломка, «поиск выхода» и др. Копируя технологию создания и применения игрового квеста, учебно-игровой квест преломляет его жан-

ровые особенности в факторы интенсификации обучения, свойственные многим ранее созданным интенсивным методам. Перечислим основные особенности учебно-игрового компьютерного квеста вкратце с факторами интенсификации обучения, возникающими при его использовании в обучении языку специальности:

1. Моделирование области профессиональной деятельности и ситуаций профессионального общения (способствует развитию навыков разных видов речевой деятельности в сфере профессиональной коммуникации);
2. Наличие сюжета (способствует структуризации языкового материала в сознании учащихся);
3. Необходимость выполнения сквозного магистрального задания посредством выполнения обязательных и «побочных» заданий (даёт возможность дополнительного развития и коррекции приобретённых языковых и речевых навыков);
4. Наличие у игрока стандартного рабочего инструментария (повышает технологичность обучения, способствует формированию в сознании учащихся устойчивых технологических карт речевой деятельности в сфере профессиональной коммуникации);
5. Постоянное интерактивное взаимодействие игрока с игровым миром (индивидуализирует и ускоряет процесс обучения);
6. Фиксация достижений игрока (усиливает мотивацию учения);
7. Гипермедийность игрового пространства (способствует рационализации учебного пространства, повышению информативности занятий, облегчает доступ к учебным материалам, ускоряет процесс обучения).

По нашему мнению, указанные особенности компьютерного учебно-игрового квеста помогут интенсифицировать обучение иностранных студентов языку специальности. Использование игровых и компьютерных технологий в целом способно сделать трудный процесс обучения динамичнее и увлекательнее.

К вопросу о местоименных отрицательных наречиях *некогда, негде, некуда, неоткуда* в курсе русского языка для французов

Е. Н. Гулидова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ekaterina_gulidova@mail.ru

Отрицательные наречия, функциональный подход, практика преподавания РКИ.

Summary. This research deals with some of Russian negative adverbs. It aims to determine those characteristics which are relevant to the context of teaching French-speaking students these Russian adverbs.

Цель данного исследования – выявить особенности функционирования некоторых русских отрицательных наречий на фоне их французских эквивалентов и определить соответствующие зоны сходства и различия в системах этих языков. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка во франкоязычной аудитории.

В речи инофонов нередко встречаются ошибки, касающиеся употребления наречий, в частности отрицательных. Ср. ошибки, зафиксированные в речи франкоговорящих учащихся: 1) – *Тебе надо обратиться к врачу. – К сожалению, сейчас я не могу этого сделать. *Я никогда* (правильный вариант: ...*Мне некогда*); 2) *Я искал Антуана, но не нашел: *он нигде не был* (правильный вариант: ...*его нигде не было*); 3) **Так не можно сказать* (правильный вариант: *Так нельзя сказать*).

Для выражения значения «отсутствия у субъекта времени (с)делать что-то» (см. пример 1) мы используем наречие *некогда* в конструкции с формой Д. п. субъекта. В предложении 2 важна позиция наблюдателя (в данном случае говорящего): именно с его точки зрения описывается ситуация (говорящий нигде не видел Антуана), поэтому мы выбираем конструкцию с Р. п. субъекта (*его*) при глаголе в форме ср. р. с отрицанием (*не было*). В примере 3 представлена довольно распространенная ошибка учащихся: образование отрицательного наречия путем добавления частицы *не* к исходной лексеме. Однако при выражении значения «запрета / невозможности (с)делать что-либо» в русском языке используется наречие с другой корневой морфемой – *нельзя*.

Ошибки в приведенных примерах свидетельствуют о важности изучения адвербиальных лексем. Это определило наш интерес к отрицательным наречиям. В данной статье мы рассмотрим преимущественно лексемы *некогда, негде, некуда, неоткуда* в их сопоставлении с французскими эквивалентами.

Представление отрицательных наречий в функциональном аспекте отражено в [1] в главах «Отрицание в русском предложении» и «Безличные предложения».

Что касается лексем *никогда, нигде, некуда, неоткуда*, они являются средствами усиления отрицания и употребляются как в собственно отрицательных предложениях (*Нигде не отдохнуть!*), так и в предложениях с факультативным отрицанием (*Мы никогда не видели его*). Важная особенность русских отрицательных предложений – наличие двойного отрицания – характерна и для французского языка (*Я никогда не говорил с Марией. – Je n'ai jamais parlé avec Marie*), однако в других языках может отсутствовать. Для франкоговорящих учащихся важно обратить внимание на тот факт, что наречие *jamais* не всегда переводится на русский язык отрицательным наречием *никогда*. Оно имеет значение «когда-либо, когда-нибудь» в случаях, описанных в частности в [2: 162].

Особую трудность для иностранных студентов (в том числе франкофонов) представляют конструкции с отрицательными наречиями с префиксом *не*: *некогда, некуда* и др., так как это специфическая особенность русского языка [1: 81]. Рассмотрим их подробнее.

Предложение *Мне некогда смотреть телевизор* имеет следующие аналоги во французском языке: 1) *Je n'ai pas le*

temps de regarder la télé (букв. 'Я не имею времени смотреть телевизор') – наиболее частотный вариант; 2) *Je n'ai pas une minute (à moi) pour regarder la télé* (букв. 'Я не имею ни минуты (для меня), чтобы смотреть телевизор') – эмфатический вариант («совсем нет времени»); 3) *Je n'ai pas le loisir de regarder la télé* (букв. 'Я не имею досуга смотреть телевизор') – книжный вариант. В этих примерах в личную конструкцию входит местоимение (субъект, который может быть выражен и существительным в исходном падеже – номинативе), глагол *avoir* – *иметь*, существительное с временным значением (*temps, minute, loisir*) и инфинитив глагола с предлогом (*de / pour*). Очевидны различия в обоих языках: русские безличные предложения (с наречием *некогда* в позиции предиката) на фоне французских личных, наличие русского наречия – отсутствие французского наречия, описательное выражение во французском языке с глаголом *avoir* – *иметь*. Указанные особенности в обоих характерны и для конструкций с другими русскими отрицательными наречиями на фоне их французских эквивалентов.

Лексема *некогда* имеет еще один лексико-семантический вариант ('когда-то, давно'). Это собственно темпоральное наречие, аналогами которого во французском языке являются адвербиальные лексемы *autrefois, jadis*, но в данной статье этот ЛСВ не является предметом нашего анализа.

Наречия *негде, некуда* и *неоткуда* так же, как и наречие *некогда*, выполняют предикативную функцию в составе односоставного безличного предложения в русском языке: *Ему негде заниматься. – Il n'a nulle part où travailler* (букв. 'Он не имеет негде, где заниматься'); *Ему некуда идти. – Il n'a nulle part où aller* (букв. 'Он не имеет негде, куда идти'). Во французском языке в обоих случаях используется двусоставное предложение модели «субъект + гл. avoir + нар. nulle part (нигде) + où (где / куда) + inf». Однако возможна и описательная конструкция с существительным, эксплицирующая семантику наречия: *Здесь негде сесть. –*

Ici il n'a y pas de place où s'asseoir. – (букв. 'Здесь нет места, где сесть').

У учащихся могут возникнуть трудности с различением наречий *негде* и *некуда* (а также *нигде* и *никуда*), поскольку во французском языке эти значения передаются одной лексемой. Чтобы избежать ошибок, нужно объяснить студентам разницу в семантике данных наречий: *негде* и *нигде* используются в статических ситуациях (статив), а *некуда* и *никуда* (директив-финиш) – в динамических ситуациях (с глаголами движения и глаголами, имеющими в семантике компонент 'направление движения', например, *ставить, смотреть* и т. п.), ср.: *Я нигде не нахожу его. – Je ne trouve nulle part* и *Я никуда не поеду. – Je n'irai nulle part.*

Что касается наречия *неоткуда*, то его аналог маркирован во французском языке предлогом *de*: *Ему неоткуда было позвонить. – Il ne trouvait pas d'où appeler.* – (букв. 'Он не находил, откуда (из-где) позвонить'). То же самое касается эквивалента лексемы *ниоткуда* (директив-старт): *de nulle part* – ('из негде').

Отметим также, что в приведенных примерах наречия с префиксом *не-* несут на себе фразовое ударение.

Итак, сходство русского и французского языков проявляется в наличии в предложениях двойного отрицания. Однако на фоне русских безличных предложений, где наречия занимают позицию предиката, во французском языке мы имеем двусоставные предложения с субъектом в номинативе. Кроме того, там, где есть русское наречие, часто отсутствует французское наречие, а вместо него используется описательное выражение.

Литература

1. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный: Учебное пособие / Под ред. А. В. Величко. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
2. Попова И. Н., Казакова Ж. А. Грамматика французского языка. М., 2006.

Принципы индивидуализации профессиональной подготовки студентов-медиков в процессе обучения РКИ

Д. Д. Дмитриева

Курский государственный медицинский университет

darja.dmitrieva2011@yandex.ru

Индивидуализация, профессиональная подготовка, русский язык как иностранный.

Summary. The paper is devoted to the problem of individualization in the process of training future doctors for their professional activity at the classes of Russian as a Foreign Language. The author touches upon the main principles of this process.

Система профессиональной подготовки врача должна обеспечивать каждому студенту-медику возможность индивидуальной самореализации. Проблема индивидуализации профессиональной подготовки будущих специалистов-медиков является многоаспектной проблемой теории и практики высшей школы, которая включает в себя педагогическую, психологическую и методическую составляющие. Все составляющие процесса индивидуализации профессиональной подготовки будущих специалистов-медиков взаимосвязаны и направлены на формирование индивидуальной образовательной траектории, которая определяет все дальнейшее становление, развитие личности профессионала.

Индивидуализация профессиональной подготовки будущих медиков, изучающих в вузе русский язык как иностранный, будет успешной при соблюдении ключевых методических принципов, составляющих основу профессионального общения.

Приоритетным является принцип индивидуализации, который функционирует в единстве с другими принципами, такими, как принцип функциональности, ситуативности, овладение иноязычным образованием через общение, профессиональной направленности, вариативности, интегративности, проблемности и др.

Принцип индивидуализации является одним из главных средств создания мотивации и активности студентов. В общем виде индивидуализация предполагает адаптацию учебного процесса к возможностям студентов.

При обучении иноязычной речевой деятельности необходимо учитывать индивидуальные и особенно личностные свойства иностранных студентов: их жизненный опыт, кон-

текст деятельности, сферу интересов, склонности эмоциональной сферы, мировоззрение, статус личности в коллективе, а также различие культур, традиций, обычаев, религиозных и политических убеждений.

Согласно *принципу профессиональной направленности*, процесс обучения направляется на то, чтобы учебной деятельностью будущих медиков сделать адекватной их профессиональной деятельности. Содержание программы по русскому языку как иностранному для студентов-медиков должно включать материал, представляющий профессиональный интерес для них. Задания должны стимулировать процесс превращения теоретических представлений относительно будущей профессии в практические умения и навыки. Реализация этого принципа способствует более глубокому пониманию студентами-медиками сущности своей будущей профессии в различных социокультурных ситуациях общения. Это развивает интерес и формирует устойчиво доминирующие мотивы.

Принцип вариативности предусматривает многообразие и выбор методов, форм и видов работ не только для преподавателя, но и для самого студента с целью активизации его познавательной деятельности. Студент может сам выбирать себе задание и способ его выполнения. Это касается в первую очередь проектных заданий, так как они позволяют работать в группе и при этом вносить свой, индивидуальный вклад в совместную деятельность.

Принцип интегративности предполагает интеграцию дисциплины «Русский язык как иностранный» со специальными медицинскими дисциплинами. Интеграция дисциплин общекультурного и специального циклов предоставляет боль-

шие возможности для формирования у иностранных студентов-медиков более полной картины возможных условий социокультурного общения в различных профессиональных контекстах и тем самым способствует более успешному достижению целей профессионального общения.

Реализация рассматриваемого принципа проявляется во взаимосвязи и взаимодействии всех образовательных модулей: модуля общепрофессиональных дисциплин, модуля специальных дисциплин, модуля самостоятельной работы, научной-исследовательской работы и модуля клинической практики на протяжении учебного года.

Таким образом, интегративные связи способствуют формированию мотивации, развитию аналитического мышления, расширению социокультурного и профессионального кругозора и формированию профессиональных и коммуникативных навыков и умений.

Исходя из *принципа проблемности*, перед студентами ставится проблема, которая может возникнуть в его будущей практической деятельности. Пути ее решения сначала намечает преподаватель, а затем студентам предлагается самостоятельно решить подобные проблемные ситуации.

При соблюдении *принципа функциональности*, объектом усвоения выступают не речевые средства, а те функции, которые они выполняют. Данный принцип предполагает также овладение функциями различных видов речевой деятельности как средства коммуникации.

Функциональность предполагает, что слова и грамматические формы усваиваются непосредственно в деятельности.

Согласно *принципу ситуативности*, все обучение происходит на основе и при помощи ситуаций. Под ситуацией понимают универсальную форму функционирования процесса коммуникации, а значит, и процесса обучения. Будучи единицей обучения, учебная ситуация моделирует ситуацию как единицу общения. Сохраняя при этом все главные свойства общения, учебная ситуация позволяет воссоздавать многообразие взаимоотношений между студентами. Это позволяет применять ситуацию в качестве основы взаимодействия, сотрудничества педагога и студентов во всех сферах иноязычной культуры.

Исходя из *принципа овладения РКИ через общение*, общению обучают только через общение. Процесс обучения иноязычному общению представляет собой модель процесса реального общения по таким параметрам, как: целенаправленность, мотивированность, новизна, информативность процесса общения, функциональность, ситуативность, характер взаимодействия студентов и система используемых речевых средств.

Важно отметить, что все рассмотренные принципы взаимообусловлены, взаимосвязаны и дополняют друг друга, представляя собой единую систему положений, определяющих стратегию развития индивидуальной образовательной траектории студента-медика, изучающего русский язык как иностранный. Поэтому только соблюдение всех указанных принципов в их совокупности обеспечит желаемый результат: позволит подготовить специалистов в области медицины, у которых будет хорошо сформирована индивидуальная профессиональная траектория.

Лексический минимум иностранного языка и лексический тест для измерения объема словарного запаса инофона

Л. А. Дунаева, Е. И. Маркина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

dunaevalar@gmail.com, eimarkina@mail.ru

Лексический минимум иностранного языка, лексический тест, российская и европейская лингводидактика, принципы отбора лексических единиц.

Summary. The report examines the approaches to making and using lexical minimums of a foreign language offered in Russian and European linguistic didactics at different periods of time. The paper also defines ways of making systems of tests that, on the one hand, show quantitative parameters of a foreign student's lexical competence, and on the other hand, elicit its qualitative characteristics.

Лексический минимум (ЛМ) иностранного языка, имеющий давнюю историю создания и применения в учебной практике, обрел особый статус в эпоху стандартизации языкового образования. В современной европейской практике тестирования по иностранному языку ЛМ рассматривается прежде всего как список слов для лексического наполнения учебников и тестовых систем, направленных на измерение динамики, объема и глубины словарного запаса инофона. Соответственно, методика составления и структурирования таких лексических списков отличается простотой, практичностью и легкой воспроизводимостью. В Российской государственной системе тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку (ТРКИ) лексический минимум имеет принципиально иной статус, выполняя одновременно роль учебного словаря и куррикулярного документа, который определяет лексическую составляющую содержания обучения. С учетом этих функций словники для лексических минимумов ТРКИ создаются методом длительного многоступенчатого экспертного отбора, а созданные на основе этих словников комплексные учебные словари обладают многокомпонентной структурой и вариативной системой помет.

Оба подхода к созданию и использованию лексических минимумов, принятые в настоящее время в лингводидактической науке России и Европы, сложились исторически. ЛМ в его современном понимании оформился в 20–30 годы XX века, при том что истоки этого феномена восходят к XVII веку – к тематическим картинным словарям Я. А. Коменского и Ш. М. де Л'Эпе, базирующимся на эмпирически отобранных словниках.

Фундаментальный *тематический подход*, господствующий в европейском словарном деле на протяжении столетий, к началу XX века был дополнен новыми подходами к минимизации лексики, которые условно можно квалифици-

ровать как лингвистический и когнитивный. *Лингвистический подход* опирался на учет языковых (частотных, стилистических, словообразовательных, структурных) характеристик отбираемых единиц [9]. Суть *когнитивного подхода*, выдвинутого Ч. К. Огденом, заключалась в вычлениении круга наиболее важных идей и понятий, в поиске основных (по Огдену – «простых») слов для их номинации [8]. Несколько позже был предложен *статистический подход*, базирующийся на использовании данных частотных словарей. Конец 50-х годов ознаменовался появлением подхода, который в современной терминологии можно назвать *психолингвистическим*, поскольку он опирался на такие категории, как память и мышление, и был реализован через принцип «присутствия в сознании» (*disponibilité*) [3].

Российский лексический минимум ведет свою историю с конца XIX века, последовательно эволюционируя от простого эмпирически отобранного алфавитного списка слов до сложно организованного, многофункционального произведения учебной лексикографии. Перечисленные выше европейские подходы к составлению лексического минимума (тематический, лингвистический, статистический) в той или иной мере нашли отражение в российской лингводидактике, дополнившись *дидактическим подходом*, в соответствии с которым основным принципом формирования минимизированного словника признавались принципы практической необходимости слова; учета условий проживания учащихся; учета их родного языка в сопоставлении с изучаемым языком [1]. В рамках лингвистического подхода, выдвинутого на первый план в 70-е годы, были выделены основные и дополнительные принципы отбора лексики. К числу основных принципов были отнесены сочетаемость, стилистическая неограниченность, семантическая ценность слова, а к числу дополнительных – его словообразовательная ценность, многозначность, строевая способность и частотность [2].

В России пока не получило развития актуальное практическое направление, связанное с созданием лексических тестов для измерения объема словарного запаса инофонов, которое активно развивается с 1980-х годов в Европе. Разработанные для английского языка лексические тесты базируются преимущественно на частотных списках слов (лексических минимумах в европейском понимании) и включают четыре основных типа заданий:

1) *yes / notest*, нацеленный на узнавание знакомых слов в тестовом списке и предполагающий единичный выбор по принципу «знаю/не знаю» [7];

2) *multiple-choicetest*, основанный на множественном выборе из нескольких вариантов ответа (верного и неверных), которые предлагаются либо на изучаемом языке, либо на родном языке учащихся [6];

3) *word-definitionmatchingtest* на соотнесение проверяемых слов и их дефиниций / синонимов, приведенных в тестовом задании [5];

4) *constructedanswer-test* без предъявления вариантов ответов, в котором тестируемый должен выполнить заданное действие самостоятельно: например, подобрать синоним к слову или дать его определение, заполнить пропуски в тексте или составить предложение с проверяемым словом, либо создать текст на определенную тему с использованием как можно большего количества известных слов [4].

Это направление представляет большой интерес для российской теории и методики обучения и тестирования по РКИ, особенно в силу того что она имеет в своем распоря-

жении градуальную серию ЛМ, способных составить качественную основу для тестовых материалов по лексике. Кроме того, лексическое тестирование, ориентированное на лексические минимумы ТРКИ, могло бы, очевидно, стать тем инструментом, который в полной мере реализует их основную – дифференцирующую – функцию, как в системе обучения, так и в системе сертификационного тестирования.

Литература

1. Бакеева Н. З. Принципы построения словаря-минимума для первых-четвертых классов татарских школ // Русский язык в национальной школе. 1957. № 2. С. 45–52.
2. Словарь наиболее употребительных слов английского, немецкого и французского языков / Под ред. И. В. Рахманова. М., 1960.
3. Gougenheim G., Michea R. L'Elaboration du français fundamental. Paris, 1967.
4. Laufer B., Nation P. Vocabulary Size and Use: Lexical Richness in L2 Written Production // Applied Linguistics. 1995. Vol. 16 (3). P. 307–322.
5. Nation P. Teaching and Learning Vocabulary. New York, 1990.
6. Nation P., Beglar D. A Vocabulary Size Test // The Language Teacher. 2007. 31 (7). P. 9–13.
7. Meara P. The Dimensions of Lexical Competence // Performance and Competence in Second Language Acquisition. Cambridge, 1996. P. 35–53.
8. Ogden C. K. Basic English: A General Introduction with Rules and Grammar. London, 1930.
9. Palmer H. E., West M. P., Faucett L. Interim report on vocabulary selection for the teaching of English as a foreign language. London, 1936.

Модель виртуального кампуса для обучения русскому языку как иностранному

Л. А. Дунаева,
Ж. Каstellви Вивес

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Университет Барселоны (Испания)

dunaevalar@gmail.com, joan.castellvi@ub.edu

Русский язык как иностранный, инструментальная среда Moodle, виртуальный кампус, электронное обучение (e-learning).

Summary. The report describes the experience of The University of Barcelona in developing and using a virtual campus designed with the Moodle tool system while teaching Russian as a foreign language. The authors describe linguo-methodological possibilities offered by Moodle, the structure of a virtual campus, its content issues and some ideas how they can be used in teaching process.

Инструментальные среды для разработки и ведения дистанционных курсов (Blackboard, Moodle, Desire2Learn и др.) получили в последние годы широкое распространение в практике преподавания иностранных языков в России и за рубежом. В русле этого актуального направления развивается и область преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Виртуальные учебные курсы РКИ, обеспечивающие автоматический мониторинг и управление действиями преподавателя и учащегося по размещению мультимедийного контента и совместного взаимодействия с ним, успешно функционируют сегодня во многих российских и европейских университетах, различаясь при этом целевой направленностью и способами использования. Если в России это немногочисленные университетские и корпоративные проекты («Время говорить по-русски» А. Петановой и Ю. Коваленко: www.speak-russian.cie.ru/time_new; «Русский язык дистанционно (по материалам СМИ)» А. Богомолова: www.dist-learn.ru; «Learn Russian» телеканала Russia Today: learnrussian.rt.com), инициативные разработки («Русская газета к утреннему кофе» Е. Бегеневой: www.lclass.org; «Русский on-line» С. Фадеева: www.rus-on-line.ru), рабочие материалы преподавателей («Практикум по грамматике» Л. Бабаловой: rustest-online.ru; «Русский язык как иностранный» М. Бордюговского: mbordugovskiy.ru) и лишь единичные случаи системного внедрения дистанционных технологий в очное обучение РКИ в формате виртуального кампуса (МЭСИ: study.mesi.ru), то в Европе виртуальный кампус – обязательный структурный компонент учебного процесса по овладению иностранным языком, значительная часть которого, по европейским стандартам, протекает в режиме самостоятельной работы.

В докладе представлен опыт Университета Барселоны по разработке и использованию в обучении русскому языку

как иностранному виртуального кампуса, построенного в инструментальной среде Moodle.

Виртуальный кампус – это созданная средствами Moodle интерактивная учебная среда, интегрирующая различные ресурсы и коммуникационные инструменты для поддержки, мониторинга и контроля деятельности учащихся по овладению предметом. Целесообразность включения виртуального кампуса в процесс преподавания иностранного языка (в том числе русского языка как иностранного) обусловлена его способностью обеспечивать коммуникацию субъектов обучения и обмен разноформатными материалами (текстами, изображениями, аудио, видео); предоставлять детализированную информацию обо всех действиях пользователей; выступать в качестве инструмента для создания тестов и практикумов с автоматической проверкой результатов и многое другое.

Различают два типа элементов такой среды: статичные – ресурсы (resources), в контент которых пользователь не может вносить изменения, и динамичные – активные элементы (activities) с изменяемым контентом. Под ресурсами подразумевается любой цифровой материал, размещенный преподавателем: ссылки на веб-ресурсы или локальные файлы (текстовые, аудио, видео, мультимедийные). К активным элементам относятся форумы, тесты, задания, базы данных, глоссарии, чаты, анкеты и др., открытые для заполнения пользователем.

В докладе рассматриваются активные элементы виртуального кампуса, созданного для поддержки курса «Практический русский язык» в Университете Барселоны для студентов филологического профиля, и способы их использования при обучении лексике, грамматике, аудированию, чтению, письму, развитию речи и отработке навыков произношения. В число рассматриваемых инструментов вошли глоссарии, встроенный модуль тестов, форум, подкастинг, семинар и чат.

Особенности преподавания иностранным студентам предлогов

С. М. Дьяченко, Е. В. Черненко

Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону)

dyachenko1161@mail.ru

Особенности преподавания предлогов, сопоставительный анализ, типологических схождений и расхождений.

Summary. The work regards the peculiarities of teaching foreign students prepositions that combine a number of meanings, making it difficult for them to grasp. Different meanings of the same preposition are realized by other prepositional forms and forms without preposition in their native language. The research revealed a number of similarities and differences and helped to work out the best ways to help foreign students to study constructions with prepositions.

В системе русского синтаксиса большую роль играют предлоги, которые оформляют подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или предложении. Вследствие своей синтаксической несамостоятельности предлоги никогда не выступают в качестве членов предложения. Они обслуживают управление как вид подчинительной связи, будучи связаны с управляющим компонентом словосочетания. Предлоги, не изменяясь и не являясь членами предложения, выражают различные отношения: временные, пространственные, причинные, объектные, целевые и т. п.

Преподавание предлогов иностранным студентам сопряжено с рядом трудностей, вытекающих из типологических схождений и расхождений между русским языком и родным языком или языком посредником.

Большинство предлогов совмещают ряд значений, тем самым, затрудняя их понимание. Так, предлоги «в», «на», «за», «под», «из», «от» совмещают причинные, пространственные и временные значения. Предлог «через», выражая пространственные («через моря») и временные («через год») отношения, в просторечии встречается также при выражении причинных отношений («через тебя я лишился семьи»).

В данном сообщении объектом анализа является предлог «при», который относится к разряду самых распространенных предлогов русского языка. Этот предлог по частотности употребления опережает такие предлоги, как «перед», «над», «после», «через», «про». И если по общей частотности он находится после предлогов «до», «без», то по частотности в научной публицистике предлог «при» опережает и эти предлоги.

Сопоставительный анализ употребления предлога «при» и его эквивалентов в других языках показывает, что этот предлог не имеет четкого аналога при переводе. Различные его значения реализуются при помощи других предложных и беспредложных форм, поэтому изучение в сопоставительном плане различных способов передачи данного содержания в русском и других языках представляет несомненный лингвистический и методический интерес.

Предлог «при» употребляется только с предложным падежом и выражает условно-временные значения («при взаимодействии», «при повышении температуры»), временные («при царе Горохе», «при ходьбе» «при одной мысли»), пространственные («при входе повесить объявление»), объектные («при деньгах», «деньги при мне»), обстоятельственные («при посторонних», «при больном»), причинные («при ее красоте», «при помощи»), а также уступительные («при всем моем желании», «при всех своих успехах»).

Как известно, сжатость изложения – один из признаков языка науки, поэтому при изучении научного стиля речи, на уроках биологии, химии, физики и математики учащиеся особенно часто встречаются с конструкцией «при + П. п.»,

которая позволяет избежать продуцирования сложноподчиненных предложений, упрощает и сокращает высказывание.

Сравните:

При плавлении твердое тело превращается в жидкость.

Когда (если) твердое тело плавится, оно превращается в жидкость.

При температуре 100°C вода превращается в пар.

Когда температура воды достигает 100°C (если нагревать воду до температуры 100°C), она превращается в пар.

Если на уровне восприятия эта конструкция не представляет особой трудности, то на уровне воспроизведения возникают затруднения. Учащиеся допускают много ошибок, когда пытаются перефразировать предложения с предлогом «при», опираясь на родной язык.

Необходимо обратить внимание иностранных студентов на возможность замены конструкции «при + П. п.» для выражения временных отношений придаточным предложением с «когда» или конструкцией с предлогом «во время + Р. п.», «в эпоху + Р. п.», объяснив, что:

– Если конструкция «при + П. п.» указывает на эпоху совершения действия, то она может быть заменена конструкцией «в эпоху + Р. п.»: «при капитализме» → «в эпоху капитализма».

– Если конструкция «при + П. п.» указывает на действие, с которым по времени совпадает какое-либо явление или событие, она может быть заменена конструкцией «во время + Р. п.» или придаточным предложением с союзом «когда»: «при освоении Сибири» → «во время освоения Сибири» или «когда осваивали Сибирь».

– Если же эта конструкция указывает на лицо, жизнью и деятельностью которого определяется время свершения действия, то оно замещается конструкцией «во времена + Р. п.»: «при Петре I» → «во времена Петра I».

Познакомившись с этой конструкцией для выражения временных и условно-временных отношений, учащиеся часто не могут понять, услышав эту конструкцию для выражения других отношений. Например, пытаюсь понять такое предложение, которое становится абсурдным при замене предлога «при» союзами «когда», «если», «во время», нередко учащиеся решают, что предложение «При мне он взял деньги со стола» означает «Он взял деньги для меня». Чтобы облегчить понимание предложений с предлогами, необходимо ознакомить студентов с многообразием значений, которое передает тот или иной предлог.

Сопоставительный анализ употребления сочетаний с предлогом «при» и их эквивалентов в испанском и английском языках показывает, что предлог «при» не имеет четкого эквивалента в этих языках. Проведенный анализ позволил выявить ряд схождений и расхождений и помог выработать оптимальные способы обучения иностранных студентов конструкциям с предлогами.

Психологические и методические аспекты работы с иностранными студентами-гуманитариями в электронной среде

О. Б. Ермакова, Е. А. Подшивалова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ermakova@hotmai.com, lena.podshivalova@gmail.com

Цифровое поколение, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в преподавании РКИ, виртуальная среда обучения, учебный сайт, формирование информационно-коммуникационных компетенций.

Summary. The report describes how digital reality influences the personality of today's students and the process of learning. The authors show how a teacher of Russian as a foreign language can use renewed cognitive patterns of today's students, modernize and intensify the whole process of learning by combining offline learning in a classroom and online via an e-learning website.

Процесс повсеместной информатизации общества не только изменил нашу реальность, насытив ее мобильными ин-

формационными технологиями, но и привел к кардинальным изменениям личности, в том числе личности учащихся.

Теперь мы можем смело утверждать, что поколение, родившееся и сформировавшееся в эпоху цифровой революции (цифровое поколение), воспринимает и хранит информацию иначе, чем поколение их преподавателей, которые столкнулись с миром цифровых технологий, как мигранты, приезжая в другую страну, сталкиваются с чуждой им культурой.

Все это выдвигает новые требования к процессу обучения и к преподавателю как организатору этого процесса. Образование, как и все вокруг, постепенно становится ИКТ-насыщенным, мобильным и интерактивным. Весьма эффективным на современном этапе признается обучение в рамках виртуальной образовательной среды, которая в целях преподавания языков, и в том числе РКИ, трансформируется в виртуальную языковую среду обучения. При этом обучение может носить удаленный характер (дистанционное обучение) или сочетать аудиторную работу и внеаудиторную (в виртуальной среде). Одной из таких форм внеаудиторного взаимодействия преподавателя и ученика является учебный сайт, который преподаватель ведет вместе со студентами.

Расширяя таким образом традиционный учебный процесс, преподаватель не только идет в ногу со временем, но и в некоторых случаях с большим успехом реализует свои методические цели. Во-первых, поскольку обучение осуществляется в ИКТ-насыщенной среде, оно становится более увлекательным для учащегося, что повышает эффективность всего лингводидактического процесса. Сайт позволяет преподавателю оснащать разные аспекты своего курса (от грамматики до культуры речи) богатым иллюстративным материалом: фотографиями, аудио и видео; дополнять традиционные формы обучения (учебник) упражнениями и заданиями, созданными с помощью инструментария ИКТ (в частности, программных оболочек HotPotatoes, Quandary). Во-вторых, уделяется внимание развитию информационно-коммуникационных компетенций учащегося, к которым относятся регистрация на различных сетевых сервисах, понимание структуры сайта, умение размещать собственную информацию в сети, навыки поиска информации (поиск по ключевым словам), умение набирать текст с помощью русскоязычной клавиатуры и тому подобные навыки, являющиеся частью базовых знаний современного учащегося. В-третьих, расширяются возможности активного использования языка и сферы его применения: от учебных ситуаций учащийся переходит к живому общению. Например, на форуме, встроенном в структуру учебного сайта, учащиеся общаются с преподавателем и с другими студентами самые разнообразные темы, предлагаемые как преподавателем, так и самими учащимися. Наконец, благодаря тому что студенты участвуют в проектной деятельности, результаты которой размещаются на сайте, у них вырабатываются навыки самостоятельной, автономной от преподавателя работы, которая является залогом успешного освоения языка как на текущем этапе, так и в будущем.

Покажем, как учитываются и используются когнитивные особенности учащегося нового типа в ходе совместной работы с учебным сайтом:

1. Желание быстро получать информацию и стремление к интерактивности. Учебный сайт как часть Интернет-пространства, конечно, представляется более современным, более быстрым и более доступным источником информации любого содержания: от собственно учебной до социокультурной и даже организационной.

2. Способность решать несколько задач одновременно. Наши учащиеся уже находятся в Интернет-пространстве, где они читают, слушают, смотрят, пишут, общаются. И наша задача приблизиться к ним на их территории, не отрывая их от Интернета и не манить традиционным учебником, а встроить учебный процесс в ряд их интересов.

3. Предпочтение графического представления информации текстовому. Очевидно, что сайт с легкостью удовлетворяет этому требованию. А для преподавания РКИ это свойство особенно важно, так как визуализация – важная часть формирования языковых, речевых и социокультурных компетенций у иностранных учащихся.

4. Предпочтение гипертекста последовательному изложению информации. Сайт как нельзя лучше отвечает этому требованию, предъявляемому современным миром в целом. С точки зрения учащихся, учебный сайт отменяет такое качество учебного процесса, как линейность. Они всегда могут вернуться назад: освежить в памяти ранее полученную информацию, оценить и пересмотреть свои прошлые результаты. Выполняя задания, учащийся, не покидая сайта, может переходить от одного вида деятельности к другому, легко получать доступ к справочным материалам и под. Опять же, учебный сайт – часть единого Интернет-пространства, а следовательно, с него открыт легкий доступ ко всем ресурсам мировой сети.

5. Потребность в постоянном поощрении. Выше мы уже отмечали интерактивность ИКТ. Расширяя аудиторное пространство с помощью сайта, мы увеличиваем время и скорость контакта между преподавателем и студентом. Механизм «деятельность → оценка» работает быстрее, чем в том случае, когда встреча преподавателя со студентами происходит раз в неделю, а разбор и комментирование домашних работ может откладываться еще на неделю.

6. Желание получать немедленное удовлетворение от своей деятельности и предпочтение игр «серьезной работе». Эта проблема также решается благодаря интерактивности сайта. Кроме того, с помощью других информационных технологий, встраиваемых в структуру сайта, обучение становится более занимательным, красочным. С помощью разнообразных программных оболочек, таких как Hot Potatoes, Quandary, можно легко создавать обучающие игры, которые, развлекая, способствуют формированию различных речевых и социокультурных компетенций.

Возможности сайта настолько широки, что преподаватель может придумывать разнообразные задания с использованием всего пространства всемирной сети. В то же время сайт – это очень гибкая структура, поэтому он непрерывно изменяется, перестраивается под новые потребности преподавателя и учащихся.

Популярные песни как лингвометодический материал для занятий по русскому языку как иностранному с китайскими учащимися

Л. В. Ершова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

l_ershova@mail.ru

Лингводидактика, русский язык как иностранный, песня, межкультурная коммуникация.

Summary. This report proves the necessity of the use of Russian popular songs as part of didactic materials in teaching Russian to Chinese students. Certain methodological recommendations are given and some types of corresponding tasks are described. Working with the texts of songs improves the students' motivation, helps the apprehension of phonetic, lexical and grammatical materials, and acquaints the students with the culture and traditions of Russia.

Актуальность темы определяется необходимостью использования в современном учебном процессе материалов, повышающих мотивацию обучения, создающих благоприятную психологическую атмосферу в студенческой группе, позволяющих не только обучать русскому языку как иностранному, но и знакомить учащихся с культурой страны изучаемого языка. В этом отношении песни представляют собой уникальный синкретический жанр национального искусства.

Современная методика преподавания иностранных языков предполагает активное использование разнообразных игровых форм работы. Китайские же студенты, несомненно, позитивно воспримут такой материал в свете их собственных национальных традиций, любви к песням, их хоровому исполнению, конкурсам и концертам. Большим стимулом к общению для учащихся из Китая является разучивание песен и постановка включающих песенный материал учебных спектаклей на русском языке.

В рамках разработанного на материале популярных русских песен курса предлагается познакомить китайских учащихся с природой России, ее разнообразием, особенностями времен года и характерных для них явлений и традиций. Разумеется, нас интересуют и поэтические образы, связанные с природой: аллегории и символы, психологизм и философская проблематика, специфика эстетических представлений русских и патриотизм как главная идейная составляющая таких песен. С этими принципами связаны критерии отбора песенного материала.

Работа над текстами песен в иноязычной аудитории предполагает большое разнообразие видов и форм, вариативность их в зависимости от уровня владения языком и целей обучения. В качестве основных типов учебных заданий, думается, следует предложить:

- работу над лексико-стилистическим комментарием к текстам песен,
- изучение подробного культуроведческого комментария к ним,
- обращение к наглядным материалам, аудиовизуальным средствам,
- отработка звуков, ритмики и интонации,
- ответы на вопросы, отработка навыков интерпретации художественного текста,
- обсуждение проблематики поэтических произведений и их художественных особенностей, смысла ключевых образов текстов, развитие речи на материале предложенных песен,
- заучивание текстов наизусть,
- исполнение песен с музыкальным сопровождением соло или хором,
- подготовка к различным конкурсам, концертам, учебным спектаклям,
- учебный перевод песенных текстов на родной язык учащихся,
- написание сочинения на тему, связанную с анализом русских песен, относящихся к разным жанрам,
- подготовка реферата или доклада на сопоставительную тему, цель которого – сравнить русские и китайские песни о природе.

Таким образом, следует признать, что из учебных материалов, к которым обращаются русисты на современном этапе, именно песни позволяют, с одной стороны, представить функционирование русского языка в виде предназначенных для интерпретации и заучивания моделей, позволяющих отработать различные аспекты характерного языкового материала. С другой стороны, это и прекрасный материал для понимания и усвоения стилистической вариативности языка, поскольку он содержит не только разнообразную лексику и грамматику, но и основан на метафорах, аллегориях и символах, свойственных поэтическим текстам.

Кроме этого, в песнях представлен интереснейший культуроведческий материал, не только являющийся дополнительным стимулом к порождению речи на иностранном языке, но и в высшей степени информативным для углубленного знакомства с культурой страны изучаемого языка. Песни также стимулируют навыки ведения беседы на иностранном языке, так как содержат в себе необходимые для этого эмоциональные, содержательные и эстетические стимулы.

Таким образом, русские песни представляют собой ценный учебно-методический материал для преподавателя, работающего с китайскими учащимися. На основе разных песен можно построить как целостный комплексный урок, так и фрагмент урока, посвященный работе над определенным аспектом: фонетическим, лексическим, грамматическим, культуроведческим. Материал занятий в таком случае является коммуникативно оправданным, поданным в игровых текстах с музыкальным сопровождением, минимизированным и отобраным в соответствии с этапом обучения.

Стихотворная форма текстов песен, бесспорно, способствует активизации механизмов долговременной памяти учащихся, а также позволяет преподавателю использовать разнообразные методические формы подачи материала, варьировать их, поскольку специфическая аудитория обуславливает необходимость обращения не только к строго академическим, но и к игровым заданиям: к исполнению песен соло или хором, конкурсам исполнителей, постановкам учебных спектаклей и др.

Познакомив китайских учащихся с особенностями песенного жанра в русском искусстве, целесообразно предложить сопоставить изученный материал с фактами их родной культуры, провести сравнительный анализ мотивов и образов, встречающихся в китайских народных или авторских песнях. С докладами на сопоставительные темы учащиеся могут выступить на занятии, в конце которого следует обобщить их наблюдения, особо остановившись на различиях между песнями, выявив таким образом их специфику, которая поможет учащимся осознать различия в национальных картинах мира.

В качестве одной из возможных форм итогового контроля по курсу в группах китайских учащихся мы считаем целесообразным рекомендовать подготовить учебную постановку небольшого спектакля, в сценарий которого включено исполнение песен. Такая постановка будет способствовать созданию благоприятной психологической атмосферы в группе, повышению мотивации при обучении, приобщению учащихся к русской культуре в целом: к поэзии, театру, музыке. Подобная подготовительная работа и завершающий ее успешный учебный спектакль являются запоминающимися событиями в жизни студентов и стажеров и – в конечном итоге – способствуют межкультурной коммуникации.

Квалификация коммуникативно значимых ошибок в рамках компетентностного подхода

А. П. Жорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

zhorova@bk.ru

Методика РКИ, коммуникативная компетенция, коммуникативно значимые ошибки, уровни владения РКИ, тестирование.

Summary. In the presentation one of the the vital questions of RFL pedagogy – the problem of error qualification is discussed. The particular stress is laid upon communicative relevant errors. The typology of communicative relevant errors of non-native speakers with relation to the basic components of communicative competence is suggested.

Проблема квалификации ошибок в речи иностранцев не нова. Типология ошибок, критерии их квалификации, причины возникновения всегда являлись важными аспектами исследований в методике РКИ. На основе различных критериев (причины возникновения, виды речевой деятельности и др.) сложилось множество различных подходов к классификации ошибок.

С разработкой уровневой системы владения русским языком, получившей название ТРКИ, был актуализирован такой критерий классификации ошибок, как влияние на успешность коммуникации. С учетом данного критерия ошибки подразделялись на два типа – коммуникативно значимые и коммуникативно незначимые. В дальнейшем была пред-

ложена система классификации ошибок по шестиступенчатой шкале возрастания коммуникативной значимости и выделен промежуточный тип – потенциально коммуникативно значимые ошибки

Несмотря на имеющиеся результаты исследований и варианты систематизации ошибок, при проведении тестирования или иных форм контроля продолжают возникать трудности, т. к. квалификация ошибок вызывает споры среди специалистов. Таким образом, описание дополнительных характеристик ошибок, уточнение критериев их квалификации остается актуальной методической проблемой. В частности, представляется важным описать дополнительные характеристики ошибок, существенно влияющих на комму-

никацию, т. е. коммуникативно значимых. При этом, несмотря на возможность более дробной классификации, целесообразно не отказываться от дихотомии *коммуникативно значимые / незначимые ошибки*. Наличие семантических последствий ошибки (т. е. искажение или потеря смысла высказывания) является дифференциальным признаком всех коммуникативно значимых ошибок, по которому они противопоставлены всем коммуникативно незначимым.

Владение иностранным языком, в том числе – русским как иностранным, означает ту или иную (в зависимости от уровня владения) степень сформированности коммуникативной компетенции. Коммуникативная компетенция включает в себя различные составляющие, в частности, языковую, дискурсивную, прагматическую, социокультурную компетенции. Как показывает проанализированный материал (письменная и устная речь иностранных учащихся), коммуникативная неудача может быть обусловлена не только нарушениями языковой правильности высказывания (что относится к области языковой компетенции), но и недостаточной сформированностью прочих составляющих коммуникативной компетенции. Очевидно, что составляющие коммуникативной компетенции представляют особый интерес в качестве дополнительной характеристики коммуникативно значимых ошибок. Компетентностный подход позволяет выделить разные типы коммуникативно значимых ошибок в соответствии со структурой коммуникативной компетенции.

Языковая компетенция

Русский язык не трудно трудно но трудно.

Москва – это хорошее место посетить. Там есть много добротпринимател.

Дискурсивная компетенция

Ученые думают, что в будущем космический туризм будет возможность для массовых.

Автор не понял что почему бабушка любит эту актрису и попросил ей сказал что это автор как / эта актриса как он //

Прагматическая компетенция

Я хочу работать переводчиком потому что я знаю разные языки и я люблю говорить другие языки. Я пишу этого письма потому что я хочу узнать об этого работа. Какие документы нужно фирме?

В этом обществе существуют различные проблемы. Особенно проблемы образования школьного. Например: школьных учителей, родителей школьников.

Социокультурная компетенция

Теперь у меня есть вопросы. Во-первых, с какими туристами работает ваша фирма? Во-вторых, какие темы экскурсий ваша фирма предлагает туристам? В-третьих, сколько времени работают переводчики в день и на неделе? В последний раз, где находится ваша фирма?

Уже два месяца нет воды // (в значении «нет дождя»).

Случаи коммуникативной неудачи вследствие недостаточной сформированности различных составляющих коммуникативной компетенции наблюдаются на всех уровнях владения русским языком как иностранным. В дальнейшем предстоит выявить закономерности появления в речи иностранных учащихся коммуникативно значимых ошибок, обусловленных несформированностью той или иной составляющей коммуникативной компетенции, на каждом из уровней владения РКИ.

Типология ошибок учащихся-удмуртов, обучающихся русскому языку

Б. И. Каракулов

Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко

boris2757@mail.ru

Русский язык, неродной язык, интерференция, ошибка, типология.

Summary. The report is submitted typology of errors, compiled on the basis of written and oral speech of students in the practice of teaching Russian language as a foreign language in national groups of students of the Udmurt.

В настоящем докладе представляется типология ошибок, составленная на основе корпуса письменной и устной речи студентов в практике преподавания русского языка как неродного в национальных удмуртских группах ФГБОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко». Данная работа преследует цель урегулирования проблем национального образования на примере Удмуртской Республики, которую мы видим в решении ряда задач:

1) систематизации типологических исследований государственных языков Удмуртской Республики и разработки более эффективной методики их преподавания;

2) создания программ и выборки материалов для обучения студентов национальных групп русскому языку;

3) составления и выпуска учебных пособий, соответствующих современному уровню лингвистических знаний, с использованием принципа диалога культур;

4) разработки базы данных совершенных ошибок в электронном формате, что можно будет преподавателю применить в практике преподавания русского языка в национальных группах, а учащемуся – в поисковой деятельности в условиях различных проблемных ситуаций, с которыми он может встретиться при изучении языковых закономерностей, имеющих специфические особенности в русском и удмуртском языках, и приобрести навыки устранения речевых и орфографических ошибок, вызванных интерференцией языков.

Как известно, одни ошибки учащихся национальных групп вызваны интерференцией родного и русского языков, другие – вообще универсальны, нередко встречающиеся и в речи русских студентов. В докладе мы представляем первую группу ошибок, классифицируя их в том порядке, в каком обычно организовано обучение языкам.

Фонетический и графический уровни

Нужно подчеркнуть, отступления от произносительных норм русского языка находят отражение и в письменной речи учащихся-удмуртов, так как в их родном языке основным принципом графики принят фонетический.

На данном уровне языка допускаются следующие ошибки:

1) Не замечают палатализованность согласных русского языка [п'], [б'], [в'], [р'] и т. д., которых нет в удмуртском языке, в результате наблюдаются ошибки типа *январ, кров, Сибир* (вместо *январь, кровь, Сибирь*).

2) Палатализованные согласные [д'], [з'], [л'] [н'], [с'], [т'] произносятся еще мягче [д''], [з''], [л''] [н''] [с''], [т''] под интерферирующим влиянием подобных палатальных согласных родного языка. Притом особо шепеляво произносят звуки [з''] и [с''], носитель русского языка последний звук воспринимает как [шш'] : [с''эмон], [з''ина] вместо [с'им'јон], [з'инь].

3) Не редуцируют гласные звуки: [солома], [оборона] вместо [слóмь], [лбарóнь].

4) Не знают ассимиляционных процессов: [сд''элат''], [д''этский] вместо [з'д'эльт'], [д'эцк'и].

5) Не оглушают звонкие согласные, находящиеся в исходе слова [дуб], [клуб] вместо [дуп], [клуб].

6) Часто не произносят согласные, находящиеся в стечении с другими согласными: [друг] вместо [вдрук], [пл''эск] вместо [фспл'эск].

Морфологический уровень

1) В распространенных предложениях, где согласуемые слова оторваны друг от друга другими членами предложения, связь согласование в категории рода часто нарушается или используется местоимение, указывающее на другой род: *Это селение, упомянутое в переписи 1646 года, по мнению*

старожил, возник (вместо возникло) гораздо раньше. С этого времени деревня становится селом. Он (вместо она) входит в состав Уканского прихода.

2) Нарушаются нормы использования форм множественного числа в словах, обозначающие предметы, состоящие из двух или большого количества составных частей: Отец успел поставить сына на ногу (вместо на ноги).

3) Используются формы винительного падежа вместо родительного: хотеть свободу (вместо свободы).

4) Используются формы творительного падежа вместо винительного: Их не считали за людьми (вместо за людей).

5) Применяются формы предложного падежа вместо винительного: Художник в своей картине показал о тяжелой жизни (вместо тяжёлую жизнь) в военные годы.

6) После переходных глаголов с отрицанием не в русском языке обычно употребляется имя существительное в род. падеже: Он не читал этой книги, в речи учащих встречается другая форма: Он не читал эту книгу; Охотник не слышал голос (вместо голоса).

7) Встречаются ошибки в употреблении видовых форм русского глагола: Я буду рассказать (вместо расскажу) Вам об этом случае.

Лексико-семантический уровень

1) Не всегда учитывается семантика слова и норма сочетаемости лексем: Он пошёл (вместо поехал) в город;

2) не выделяют отличий в значениях приставочных глаголов: например: выгнать, познать, угнать, загнать, пригнать;

3) как синонимы используют формы ложит и кладёт.

Синтаксический уровень

1) Излишне используют предлоги при обозначении принадлежностных отношений: дом у отца, комната у брата; крыша у дома (вместо дом отца, комната брата; крыша дома);

2) неправильно используют предложные сочетания: Картина нарисована с карандашом, он пришел братом (вместо Картина нарисована карандашом, он пришел с братом);

3) нарушают порядок членов предложения: Он жизнь леса понимает (вместо Он понимает жизнь леса).

4) Действия, выражаемые деепричастием и глаголом сказуемым, по норме русского языка должны относиться к одному и тому же субъекту, в речи студентов удмуртов субъекты этих глагольных форм могут быть различными: Закончив восемь классов, ее родители посоветовали Варваре поступить в совхоз-техникум. Приближаясь к своей родной деревне, сердце солдата заколотилось все сильнее.

«Слушаем и говорим» (пособие по аудированию и развитию речи)

В. В. Киссюк

ФГБОУ ВПО «Московский государственный строительный университет»

LaborantRUS@mgsu.ru

Базовый уровень, текст, шутка, косвенное сообщение, глагол.

Summary. The aim of the text-book "Listen and Speak" is to form and develop listening and speaking skills of foreign students and prepare them for the State Test. The text-book can be used as a supplementary material for any elementary course of Russian for foreign students (level A2).

Одним из необходимых видов пособий на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному являются пособия по аудированию и развитию речи. Пособие «Слушаем и говорим», изданное в 2013 году в МГСУ, предназначено для иностранных студентов подготовительного факультета, магистрантов и аспирантов, начинающих изучать русский язык (базовый уровень).

В пособия навыки и умения в области аудирования, говорения и отчасти письма тренируются и развиваются взаимосвязанно, как и в реальной речевой практике (социально-бытовой или учебной).

Пособие состоит из 17 уроков, каждый из которых имеет название («Еще раз!», «Арифметика», «Находчивый отец», «Ошибка», «Вор», «Страшная месть», «Игра судьбы» и т. д.). Урок включает текст, содержащий косвенное сообщение (шутку, забавную и занимательную историю) и задания к нему. Тексты, несущие метасообщение, воспринимать труднее, это требует особой тренировки. Сюжеты текстов подобраны из разных источников; многие из них являются новыми для подобного рода изданий. Приведем примеры.

Пример 1.

Трюк

Артист цирка готовил новый трюк. Он попросил сына помочь ему. «Когда я попрошу помочь мне, тебе надо сразу выйти на арену. Но ты не должен показывать публике, что ты меня знаешь», – сказал отец. «Хорошо», – ответил мальчик.

Когда представление началось и артист попросил помочь ему, его сын быстро вышел вперед на арену.

«Подойди ко мне, мальчик! – сказал артист. – Скажи, ты ведь меня никогда раньше не видел, не правда ли?»

«Нет, папа, я тебя раньше не видел», – ответил мальчик.

Пример 2.

Китайские врачи

Это было много лет назад в старом Китае. Один англичанин со своей женой приехал в Пекин.

Вечером они пошли гулять по городу. На одной улице они увидели много домов, перед которыми висели бумажные фонарики: здесь мало, там много. Англичанин спросил одного китайца: «Что означают эти фонарики?» Старик ответил: «В этих домах живут врачи. Каждый фонарик, который висит перед дверью, означает, что пациент врача

умер». Англичанин сказал: «Это хорошо. Можно сразу увидеть, где живут хорошие врачи и где плохие».

Через несколько дней заболела жена англичанина. Он пошел на улицу, где живут врачи, и вошел в дом, перед которым горели только два фонарика. Он увидел молодого врача. «Вы, наверно, очень хороший врач, – сказал англичанин. – Я видел перед вашим домом только два фонарика». Врач скромно ответил: «Я только вчера начал практиковать».

Объем текстов постепенно увеличивается (приблизительно от 70 до 300 слов), а грамматика текстов усложняется.

Уроки начинаются с изучения новой и повторения известной лексики. Затем эти слова должны восприниматься только со слуха.

Система заданий включает упражнения по аудированию и развитию устной и, в меньшей степени, письменной речи. Задания составлены по принципу: слово – словосочетание – предложение – микротекст – текст; они постепенно усложняются.

Предтекстовые задания имеют целью научить студентов правильно произносить слова, дифференцировать звуковой поток (определять, сколько слогов в слове; слов в словосочетании и предложении; предложений в микротексте); различать части речи; анализировать модели предложений (находить субъект(ы) и предикат(ы) со слуха, ставить вопросы ко всем словам в предложении); увеличивать объем памяти. Кроме того, введенные в пособие грамматические предтекстовые задания обучают правильно склонять существительные, прилагательные и местоимения и спрягать глаголы, имеющиеся в тексте.

Тексты предъявляются 2 раза. Притекстовое задание включает контролирующий понимание текста вопрос.

Основное внимание как в предтекстовых, так и в послетекстовых заданиях уделяется формированию и совершенствованию навыков употребления глагольных форм, так как глагол – это смысловой центр и основа конструирования предложений (упражнения на подбор видовой пары, глагольное управление, вставку нужного по смыслу глагола в предложения (письменно и устно); пересказ с опорой на глаголы, представленные в тексте; выписывание всех глаголов из звучащего текста для последующего пересказа).

Послетекстовые задания обучают конструировать предложения; использовать синонимичные варианты; логически

продолжать высказывание; отвечать на вопросы и ставить вопросы к тексту; записывать основную информацию текста в матрицу; озаглавливать текст (давать свое название тексту); составлять вопросный план звучащего текста; разыгрывать диалоги по ролям; рассказывать текст по цепочке и полностью, с опорами и без опор, подробно и кратко, от лица разных героев; делать обратный перевод текста; записывать полное и краткое содержание текста.

Формирование межкультурной коммуникации – стратегия работы Летней школы русского языка для иностранных граждан

Е. В. Кишкевич

Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

alena_kishkevich@tut.by

Лингвокультурологический метод, социокультурная среда, толерантность, полиформатность учебного занятия, Марк Шагал.

Summary. The paper discusses the formation of intercultural communication in the working conditions for the summer school of the Russian language, topicality, the use of innovative technologies. Multiprofile of occupations based on the example of the theme «Marc Shagal and Vitebsk».

Актуальность решения задач межкультурной коммуникации требует современных технологий. В методике преподавания русского языка как иностранного появляется новый метод – лингвокультурологический. «Перешагнув порог коммуникативного направленного общения и вступив в век культуроведения, истинного диалога культур и языкового многообразия, мы, возможно, окажемся в более благоприятных условиях, которые будут способствовать обновлению науки и лингводидактического поиска» [2].

Изучение русского языка через приобщение к другой культуре, понимание особенностей менталитета и ценностей белорусского народа, знание традиций и страноведческих реалий обеспечивает ускорение межкультурной коммуникации, комфортное пребывание в иноязычной языковой среде и позволяет повысить мотивацию и эффективность при изучении русского языка как иностранного в вузах Республики Беларусь.

Белорусский государственный университет дает возможность иностранным гражданам получить классическое высшее образование. Для тех, кто не может позволить себе надолго уехать с родины для изучения языка, в университете организована работа Летней школы русского языка. Организаторы школы ставят перед собой задачи: погрузить обучающегося в языковую среду, в реальных условиях показать прагматические социокультурные ситуации, прокомментировать их, повысить внутреннюю мотивацию к усвоению русского языка, создать психологическую комфортность, познакомить с белорусскими национальными традициями и особенностями менталитета, наладить диалог культур.

Занятия нацелены на развитие мыслительной деятельности, творческой активности, на формирование комбинаторных речевых навыков и умений. Проходят с использованием современных инновационных технологий обучения, предполагающих полиформатность уроков; интерактивные, ролевые, деловые игры; дискуссии по темам межкультурной коммуникации; учебные экскурсии. В условиях такого занятия, что особенно важно, межкультурная, лингвистическая и речевая компетенции формируются, взаимно дополняя друг друга.

Нами разработаны сценарии полиформатных уроков серии «Жизнь замечательных людей земли белорусской». В качестве героев этих занятий мы выбрали людей, родившихся в Беларуси и прославивших эту землю и в тоже время проживших значительную часть жизни за рубежами родины, внесших вклад в развитие мировой культуры.

Методику проведения такого занятия рассмотрим на примере темы «Шагал и Витебск». За свою жизнь «длиною почти в целое столетие Шагал стал настоящим «гражданином мира». Его творчество близко и понятным людям разных стран на разных континентах. Однако был в жизни великого художника город, память о котором он пронес через всю жизнь, – Витебск, известный сегодня благодаря Марку Шагалу всему миру. Мы начинаем свой урок аудированием –

Итоговые задания предусматривают самостоятельное построение текстов студентами (предлагается написать и рассказать друзьям известную учащимся шутку, забавную или необычную историю из своей жизни или из жизни знакомых).

Есть известный афоризм: «Учение-страдание». Материалы пособия позволяют учиться с улыбкой, делают процесс обучения более легким и интересным.

поэтическим обращением Марка Шагала «К моему родному городу». Это стихотворение в прозе, опубликованное 15 февраля 1944 года в Нью-Йорке, – объяснение в любви Витебску, своеобразное послание через время и пространство: *Давно уже, мой любимый город, я тебя не видел, не слышал, не разговаривал с твоими облаками, не опирался на твои заборы. Как грустный странник – я только нес все свои годы твое дыхание на моих картинах...* [1: 3].

Ощущения, восприятия, представления опережают словесное и абстрактное познание человеком мира. Недаром говорится, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Когда у нас есть возможность весь урок построить вокруг иллюстративного материала по творчеству Шагала, то таким случаем нельзя не воспользоваться. Фоновые сведения об эпохе, истории и культуре студенты получают не только во время аудиторных занятий, но и во время учебных экскурсий. Вот маленький красный кирпичный домик на Покровской – сегодня здесь мемориальный Дом-музей художника. *Вокруг церкви, заборы, лавки, синагоги, незамысловатые и вечные творения, как на фресках Джотто...* – напишет потом в книге «Моя жизнь» Шагал [4: 4]. Город сохранил и сегодня этот провинциальный дух, а экспозиция дома-музея воссоздана по рисункам художника.

Используем комплексный показ фактов культуры, расширение временных рамок (от Витебска конца XIX века до сегодняшнего дня города с его «Славянским базаром») и приведение новых сведений по принципу ассоциативных связей. Знаменитый шагаловский «Автопортрет с семью пальцами»: через открытое окно виден парижский пейзаж с Эйфелевой башней, а себя художник изобразил завершающим работу над картиной «Россия. Ослы и другие», где на заднем плане – улочки родного Витебска. Наибольший эмоциональный эффект достигается, естественно, при синтезе искусств: когда искусство слова сочетается с живописью и с музыкой. И тогда звучит скрипка (еще один из повторяющихся мотивов – скрипач на крыше) или музыка Игоря Стравинского (балет «Жар-птица», костюмы и декорации к которому оформлял Шагал).

Во время урока можно предложить студентам поучаствовать в импровизированном конкурсе-пленэре «Улыбка клоуна» – цирк еще одна из любимых тем в творчестве художника, описать красками и словами свое настроение. А также устроить конкурс художественного слова – звучит стихотворение Роберта Рождественского «Марк Шагал»: *Тот Витебск его – пропыленный и жаркий – Приколот к земле каланчою пожарной. Там свадьбы и смерти, моленья и ярмарки. Там зреют особенно крупные яблоки. И сонный извозчик по площади катит...* [3: 13].

Изучение духовных феноменов белорусского народа и их включение в образовательный процесс, организованный Летней школой русского языка, способствует формированию межкультурной компетенции, реализует идею толерантности, предполагает умение налаживать взаимоотношения с другими людьми, с другой культурой, ориентиро-

ваться на совместную деятельность, строить перспективу взаимоотношений в поликультурном мире.

Литература

1. Базан В. С. Шагал и Витебск. Минск, 2008.

2. Дэвидсон Д. Е., Митрофанова О. Д. Функционирование русского языка: Методический аспект // VII Межд. конгресс преподавателей русского языка и литературы МАПРЯЛ. 26 [1]. М., 1990.
3. Рождественский Р. Это время. Стихи. М., 1983.
4. Роза С., де. Мастера живописи. Шагал. Firenze, 1997.

Специфика формирования лексического компонента коммуникативной компетенции иностранных учащихся экономических специальностей в сфере профессионального общения

Л. П. Клобукова, Л. А. Нестерская, Л. Н. Норейко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

`nor-larisa@yandex.ru`

Лексический компонент коммуникативной компетенции, функциональная и представительная текстотека, устные и письменные жанры деловой речи, официальные и неформальные ситуации делового общения.

Summary. Ways and methods of forming a lexical component of communicative competence are presented in the report. It emphasizes that mastering of communicative competence is necessary for foreign students for effective communication in a professional sphere.

Современная теория и методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) рассматривает в качестве основной цели обучения формирование у учащихся того или иного уровня коммуникативной компетенции (КК). КК представляет собой сложный, комплексный феномен, одним из основных компонентов которого является языковая компетенция, в частности ее лексическая составляющая. В последние годы перед методистами и преподавателями (РКИ) актуализировалась задача адекватного отбора и эффективного формирования активного словаря иностранных учащихся экономических факультетов и вузов РФ в сфере профессионального общения. Это объясняется развитием в стране рыночной экономики, тем, что многие иностранные выпускники российских вузов либо остаются работать в России, либо, уезжая после окончания обучения к себе на родину, устанавливают деловые отношения с российскими партнерами в сфере бизнеса.

Авторы доклада, в течение ряда лет работая над созданием учебного пособия «Готовимся к профессиональной деятельности. Русский язык для экономистов» [1], предприняли самостоятельное исследование, направленное на описание объема активного словаря иностранных учащихся экономических специальностей, необходимого им для осуществления эффективной коммуникации в профессиональной сфере общения. В соответствии с личностно-деятельностным подходом к организации профессионально ориентированного обучения РКИ, работа велась с опорой на функциональную и представительную текстотеку – большое число устных и письменных текстов различных жанров делового общения, актуальных для экономической сферы деятельности. Проведенное авторами доклада изучение коммуникативных потребностей учащихся-экономистов показало, что в рамках реального делового общения на фирмах большую долю занимают диалогические и полилогические формы коммуникации. В частности, весьма актуальными для сотрудников компаний являются такие жанры, как тренинги, семинары и разного рода рабочие совещания, участие в которых предполагает наличие у инофона активного лексического запаса, широкого спектра развитых профессиональных речевых навыков и умений, гибких стратегий и тактик общения.

Методическую ценность данных типов текстов для задач формирования лексического компонента КК трудно переоценить. Эти формы общения всегда направлены на решение той или иной профессионально значимой проблемы, нацелены на достижение определенной коммуникативной цели, поэтому процесс освоения лексики на их основе естественным образом приобретает ярко выраженный деятельностный характер. В ходе процесса обучения РКИ учащиеся овладевают стратегиями и тактиками делового общения, осваивают различные способы речевого взаимодействия с коллегами, партнерами и клиентами, учатся слышать собеседника, вступать в процесс общения в нужное время с конкретными целями, используя соответствующие лексические средства. Объединенные общим контекстом деловой коммуникации, иностранные учащиеся формулируют тему общения, обращаются к опыту собеседника, запрашивают ин-

формацию или уточняют ее, выражают свое отношение к проблеме, резюмируют содержание, определяют научную ценность полученной информации, способы применения ее на практике и др.

Подчеркнем, что профессиональный словарь иностранного специалиста должен обеспечивать реализацию широкого круга коммуникативных потребностей, возникающих у него в деловой сфере как в официальных, так и в неформальных ситуациях общения. В связи с этим в его активный словарь включаются лексические единицы неформальной деловой речи, которые часто используются в повседневном общении специалистов, связанных общими профессиональными интересами: *упрощенка (упрощенный налог), платежка (платежная квитанция), оперативка (оперативное совещание), кредитка (кредитная карта), наличка (наличные деньги)* и др. В настоящее время формируется пласт жаргонных эквивалентов ряда базовых экономических понятий, частотность использования которых достаточно высока в сфере бизнеса: *нал, безнал, мелкий опт, самовывоз* и др.

В соответствии с этим коммуникативные задания, предлагаемые учащимся для активизации профессионально значимой лексики, ориентированы как на ситуации официального делового общения, так и на ситуации неформальной профессиональной коммуникации. Например: 1) *Выступите перед группой инвесторов с презентацией подготовленного вами бизнес-плана. Аргументируйте эффективность и целесообразность планируемой вами деловой операции;* 2) *Вы с друзьями решили создать свое предприятие. Выберите наиболее привлекательную для вас форму организации бизнеса и обсудите с ними свои предложения, аргументируя свой выбор.*

Необходимо особо отметить, что коммуникативные задания, предлагаемые с целью формирования активного словаря иностранных учащихся экономического профиля, ориентированы не только на устную форму профессионального общения (интервью со специалистом, рабочее совещание, тренинг, заседание совета директоров, встреча с инвестором и др.). Не менее актуальны письменные жанры деловой речи (аналитический обзор информационных материалов, текст-отчет, бизнес-план, протокол рабочего совещания, рекламный текст и др.), которые являются эффективным средством формирования лексического компонента КК данного контингента учащихся.

Отметим, что коммуникативно-ориентированные задания, как правило завершающие определенный этап в учебной деятельности инофона (определенный концентр учебных материалов), не только развивают у него профессионально значимые речевые навыки и умения. Одновременно они выполняют функцию контроля, позволяя оценить успешность формирования у иностранного учащегося лексического компонента КК, необходимого ему для осуществления реального делового общения.

Литература

1. Клобукова Л. П., Нестерская Л. А., Норейко Л. Н. и др. Готовимся к профессиональной деятельности. Русский язык для экономистов. М., 2012.

Проблемный подход к обучению русскому языку как средству общения. Учебное пособие по русскому языку «Русский язык как иностранный для начинающих»

С. В. Котикова-Сабайда

Белорусский национальный технический университет (Минск, Белоруссия)

sabaida@tut.by

Учебное пособие, начальный этап, проблемное обучение, сознательный подход, целостное изучение предположно-падежной системы.

Summary. The report is devoted the new method to teaching Russian as foreign language by the new book «Russian as foreign language for the students language which begin to study the language».

Настоящее пособие адресовано взрослым учащимся, впервые приступающим к изучению русского языка под руководством преподавателя, и рассчитано на 450–500 часов аудиторной и примерно такое же количество часов самостоятельной работы.

Изложение материала в пособии рассчитано на сознательное усвоение русского произношения и основ грамматической системы.

Пособие состоит из 25 уроков, построенных по принципу **от звука к букве, слову, предложению и тексту.**

Каждый урок начинается с характеристики конкретного звука (или звуков). *Порядок* подачи звуков предлагается автором с учетом принципиальных особенностей фонетической системы русского языка, прежде всего консонантизма, с учетом противопоставления согласных по двум оппозициям: а) *глухость – звонкость*, б) *твердость – мягкость*.

Предполагается тщательная отработка каждого звука. Первичное закрепление и коррекция произносительных навыков проводится преимущественно на материале слов, словосочетаний и предложений. Дальнейшее совершенствование навыков произношения обеспечивается на основе связи фонетики с грамматикой и развитием речи. Эта связь осуществляется путем использования фонетико-грамматических упражнений, а также образцов монологической и диалогической речи.

Поскольку артикуляции звуков являются сложными комплексами взаимосвязанных движений речевых органов, проблемы овладения ими занимают особое место в практике постановки произношения, в силу этого значительная часть заданий нацелена на отработку слухо-произносительных навыков и формирование умений в аудировании, чтении, говорении и письме. Работа над *развитием навыков чтения* строится в соответствии с методическими указаниями, автором которых является И. К. Гапочка, которая, в частности, обратила особое внимание на то, что «...на первом (подготовительном) этапе обучения особую значимость приобретают *навыки чтения при развернутом открытом проговаривании (чтение вслух)*, которые обеспечивают формирование обобщенных артикуляционных схем внутренней речи». Кроме того, «начальный период (элементарный и базовый) – это период накопления, прежде всего, рецептивных знаний, умений и навыков. Доминантные модели этого периода: *чтение-слушание, слушание-чтение*. Систематическая тренировка в аудировании, в чтении вслух способствует становлению и фиксации связей между слухомоторным и зрительными образами слов, а также разрабатывает артикуляционный аппарат учащихся, чему способствуют представленные нами *Упражнения в чтении*, рубрика *Сравните*, скороговорки, пословицы. Целью данного вида упражнений является не только развитие и закрепление артикуляционных навыков, но и развитие техники чтения отдельных незнакомых слов, что дает возможность подготовить учащихся к самостоятельному чтению незнакомого текста.

Представленный в учебном пособии коммуникативно-речевой и языковой материал вводится и закрепляется в упражнениях, направленных на первоначальное развитие навыков чтения и последующее их совершенствование: *запишите в транскрипции, поставьте ударение, правильно прочитайте* и т. п. При этом объем лексики, предлагаемой в упражнениях для чтения, выходит за рамки лексического минимума, что диктуется необходимостью тщательной отработки вводимых звуков с целью демонстрации фонетических и фонологических особенностей русского языка, для которого характерно стечение не только согласных, но и гласных: *аура, аэрофлот, теорема, проект, необходимость,*

наоборот, силуэт и др. (к примеру, в арабском, китайском языках не допускается стечение двух гласных).

Исходя из методической целесообразности поставленных задач (формирование базовых артикуляционно-акустических навыков, навыков чтения и письма, знакомство с грамматической системой русского языка) автор учебного пособия позволил себе отказаться от изолированного вводного фонетического курса, традиционно принятого в существующих методических пособиях, и органически соединить его с элементарным лексико-грамматическим курсом, что позволяет в значительной степени ускорить навыки формирования речи у иностранных учащихся, так как формирование произносительных навыков только на упражнениях в артикуляции малоэффективно, что подтверждает опыт работы в иноязычной аудитории.

Тексты уроков содержат как материал, относящийся к жизни студентов, их увлечениям и занятиям в университете, так и материал культурологического плана, знакомящий студентов с историей и культурой Беларуси и России.

Работа над текстами в виде их заучивания или пересказа способствует развитию навыков формирования устной речи репродуктивного характера.

Грамматический материал вводится с первого урока и расположен концентрически, в силу чего некоторые фонетические и грамматические явления, объясненные в первых уроках, систематизируются в последующих уроках на базе более широкого лексико-грамматического материала.

Особенностью учебного пособия является то, что автор уходит от традиционной схемы представления падежей, принятого в учебниках РКИ, и предлагает другой методический принцип целостного изучения предположно-падежной системы русского языка.

Закреплению грамматического материала способствуют упражнения, расположенные по степени нарастания трудности и рассчитанные на приобретение прочных знаний лексики и грамматики, а также развитие навыков их сознательного использования в устной речи. Весьма важными для усвоения лексики и грамматики и развития умения оформить мысль на изучаемом языке являются и упражнения на перевод с русского на родной, которые вводятся с 3-го урока.

Объяснение особенностей артикуляции звуков, интонационной оформленности высказываний, правил образования морфологических форм и синтаксических конструкций и т. п. предполагает установку на реализацию одного из самых важных дидактических принципов – принципа сознательности обучения. Отдавая предпочтение в большинстве случаев *индуктивному* пути обучения, способствующему повышению творческой самостоятельности учащихся, мы используем и *дедуктивный* метод подачи грамматического материала, при котором опора на родной язык учащихся или на язык-посредник обязательна, так как даже на начальном этапе обучения русскому языку встречаются сложные грамматические явления, закономерности которых обнаружить нелегко.

Учебное пособие рассчитано на работу в аудитории под руководством преподавателя, но эффективность обучения возрастет при условии разработки отдельных упражнений с учетом использования технических средств на уроке, а также вне урока, во время самостоятельной подготовки учащихся к занятиям.

Данное пособие может быть использовано не только в работе со студентами, но и со стажерами и слушателями курсов русского языка, а также будет полезным при самостоятельном изучении русского языка.

Русская лексика по-новому (пособие для испаноговорящих студентов)

Л. В. Красильникова, И. В. Ружицкий, М. Ruiz-Zorilla Crusate

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Барселонский университет (Испания)

likras@mail.ru, konnitie@mail.ru, m.ruizzorrilla@gmail.com

Обучение русскому языку иностранцев, пособие по лексике, ассоциативный словарь.

Summary. The new approach of teaching Russian language (lexical units) for foreign students is suggested in the report. This approach is applied in the textbook for Spain-speaking students of B1–B2 level. The main idea is the following: to use the data of the Russian dictionary of associations to show the specific peculiarities of words meaning and usage which in the end would allow to reflect the main characteristic features of Russian language consciousness.

1. Разрабатываемое учебное пособие в основном предназначено для студентов Университета Барселоны, поскольку во многом опирается на учебник «Курс русского языка. 1–2» Marc Ruiz-Zorilla Crusate, Joan Castellvi Vives, Pyotr K. Koptakov, использующийся именно в этом вузе. Таким образом, пособие является не просто национально ориентированным, но и направленным на довольно узкую аудиторию, что, однако, не является препятствием для его использования вообще в испаноязычной аудитории студентов уровня B1–B2.

2. Новизна данного пособия заключается прежде всего в том, что активно задействован материал русских ассоциативных словарей («Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю. Н. Караулова, Н. В. Уфимцевой, Е. Ф. Тарасова и др., «Ассоциативные нормы испанского и русского языков» М. Санчес Пуиг, Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой), т. е. позволяет отразить в упражнениях не просто особенности лексической системы, но и раскрыть общую картину живой речи носителей русского языка, показать речемыслительный портрет русских, дать картину сочетаемости слов, и, как результат, развивать не только лексические навыки и умения, но и приблизиться к формированию билингвальной личности, формированию человека понимающего, думающего, говорящего. Такой подход вовсе не исключает привлечения других материалов: «Учебного словаря сочетаемости» под ред. В. В. Морковкина, толковых словарей русского языка, «Словаря-справочника по русскому языку» под ред. И. П. Слесаревой, «Лексической основы русского языка» под ред. В. В. Морковкина, различных учебных пособий по лексике, например «Лексика русского языка» под ред. Э. И. Амиантовой, «Когда не помогают словари...» под ред. Э. В. Аркадьевой, Г. В. Горбаневской, Н. Д. Кирсановой, «Слова. Пособие по лексике и разговорной практике» В. С. Ермаченковой, существующих лексических минимумов и др.

3. Структура пособия отражает те лексические трудности, которые могут возникнуть у испаноговорящих учащихся уровня B1–B2. Материал для лексических заданий соответствует лексическому минимуму данного этапа обучения, например, *изучать – учить, учиться – заниматься, задача – задание – вопрос – проблема, тоже – также, стараться – пытаться – пробовать, стремиться, решить – решиться, использовать – употреблять, молодой – младший, старый – старший* и др. Слова предъявляются в составе определенных лексико-семантических групп, обеспечивающих коммуникацию в рамках таких тем, как «Образование», «Семья», «Транспорт» и др. Одновременно с этим даются фрагменты русского и испанского ассоциативных полей, которые в дальнейшем дополняются актуальными, по мнению авторов пособия, данными из других лексикографических источников и учебных пособий по лексике.

4. Система заданий, с одной стороны, традиционная, т. е. выделяются языковые, предречевые и речевые задания, с другой стороны, делается больший упор на решение коммуникативных задач, используется микротекст, в состав ко-

торого входят слова-реакции, единицы ассоциативного поля. Ядро этого поля – отработываемый учебный материал.

5. Приведем конкретный пример. Тема: «Глаголы *учиться – заниматься*». Типы заданий:

– Посмотрите схему, обратите внимание на ассоциации к глаголам *учиться – заниматься*, которые возникают у русских и испаноговорящих учащихся, обратите внимание на сходства и различия.

Так, в схеме ассоциативного поля к глаголу *заниматься* представлены следующие типы ассоциаций:

синтагматические: *спортом, уборкой, русским языком, учебой, делом; в школе, в секции, в кружке, дома; много, успешно, с радостью, с удовольствием, усердно...*

парадигматические: *работать, сидеть, гулять, бездельничать, увлекаться, изучать, учить, думать...*

прагматические: *интересно, трудно, скучно, неохота, зря, не хочу, неохота...*

тематические: *школа, уроки, стол, работа, отдых, дети...*

когнитивные: *валять дурака...*

Ассоциации могут относиться к разным группам, например, когнитивная ассоциация чаще всего имеет эмоционально-экспрессивную окраску. Включение ассоциации в ту или иную группу зависит от степени выраженности компонента лексического значения.

– Прочитайте и сравните предложения, обратите внимание на сходства и различия в значениях и употреблении этих глаголов. Выделите их наиболее типичную сочетаемость.

– Измените предложения таким образом, чтобы в них можно было употребить глаголы *учиться-заниматься*.

– Вставьте вместо точек пропущенный глагол, мотивируйте свой выбор.

– Ответьте на вопросы, используя глаголы *учиться – заниматься*.

– Прочитайте текст, ответьте на вопросы.

– Составьте рассказ по картинкам.

– Задайте друг другу вопросы об учебе и увлечениях, используя лексику урока.

– Употребляя слова, данные в скобках, расскажите о своей учебе в школе (в университете); о подготовке к занятиям; о своих увлечениях. Выразите свое отношение к учебе и увлечениям ваших друзей. В рассказе используйте материал ассоциативного поля и упражнений урока.

6. Поскольку в ассоциативном поле могут встречаться ассоциации всех типов: синтагматические (лексическая и грамматическая сочетаемость), парадигматические (гипоним, родовое слово, однокоренное слово, антоним, синоним, пароним, конверсив), когнитивные (фразеологизм, метафора, отсылка к прецедентному тексту, афоризм и др.), прагматические (эмоционально-оценочные) и образные, то, как мы полагаем, включение такого рода материала в лексические задания позволит в полной мере раскрыть специфику значений и употребление изучаемых слов, причем в реальном ее представлении, так, как она функционирует в русском языковом сознании.

Обучение иностранных учащихся межкультурному взаимодействию

О. Л. Кузнецова

Санкт-Петербургский университет МВД России

ola_kuza@mail.ru

Технология обучения, кросскультурный адаптор.

Summary. The paper offers technology training of foreign students in the context of cross-cultural communication that is understood by us as a process, which emphasizes the organizational side and a guaranteed result of the educational process, learning efficiency is achieved in this case with the least amount of effort and resources in minimum time. This assumes the presence of immediate feedback

between teacher and student. We have developed a system of training of foreign students for cross-cultural interaction, including components such as organizational, didactic material and structure. In a nationally oriented methods of teaching Russian as a foreign language (RCT) is proposed to increase the use of sensitive cross-cultural adapters developed by us, it is thought that the introduction of the term more accurately reflects the process of learning intercultural competence.

Наш современный мир – это мир глобализации и интернационализации. Под глобализацией мы понимаем смешение национальных традиций и возникновение единой мировой культуры, а интернационализация строится на межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация, с нашей точки зрения, – это межличностная коммуникация, при которой как минимум один из коммуникантов пользуется иностранным языком, адресат и адресант представляют разные культуры, при этом обнаруживается как сходство, так и различие языков, этнических констант, невербальных средств общения, когнитивных особенностей и аксиологических предпочтений (О. Л. Кузнецова).

Проблемы межкультурной коммуникации требуют активизации научно-исследовательских поисков и инициатив по формированию культурно-языковой личности, которые становятся возможны посредством разработки теоретических и практических основ содержания обучения, новых технологий и форм организации учебного процесса.

Технология обучения иностранных учащихся в контексте межкультурной коммуникации понимается нами как процесс, в котором подчеркивается организационная сторона и гарантированный результат учебного процесса; эффективность обучения достигается в этом случае с наименьшими затратами сил и средств за минимальное время. При этом предполагается наличие оперативной обратной связи между преподавателем и учащимся.

Нами разработана система подготовки иностранных учащихся к межкультурному взаимодействию, включающая следующие компоненты:

1. Организационный – это кросскультурные адапторы, под которыми понимается способ овладения компетенцией межкультурного общения, направленный на повышение межкультурной сензитивности, смягчающий последствия культурного шока и учитывающий двусторонний процесс взаимодействия коммуникантов.

2. Материально-дидактический – средства культурологической наглядности: коллаж, модель национально-художественного описания, картинка-подсказка, тематическая сетка текста, таблицы, видеофрагменты, а также совокупность специфических методов и приемов обучения: прием учебной аналогии, ассоциативная беседа, метод моделирования, прием решения этнокультуроведческих пропорций, дидактическая игра, прием элиминирования лакун и др.

3. Структурный – это стратегии обучения, под которыми понимаются осознаваемые действия, используемые учащимися при изучении языка для того, чтобы интенсифицировать овладение им.

В национально ориентированной методике обучения русскому языку как иностранному (РКИ) мы предлагаем с целью повышения межкультурной сензитивности использовать разработанные нами **кросскультурные адапторы**, думается, что этот введенный нами термин более точно отра-

жает процесс овладения компетенцией межкультурного общения. **Кросскультурный адаптор** – способ овладения компетенцией межкультурного общения, направленный на повышение межкультурной сензитивности, смягчающий последствия культурного шока и учитывающий двусторонний процесс взаимодействия коммуникантов.

Разработанные в учебных целях кросскультурные адапторы целесообразно сгруппировать следующим образом:

1. **Сензитивные** адапторы, учитывающие опыт межкультурного общения, вызывающий наиболее сильные эмоциональные реакции, например, тревогу из-за неадекватности своего поведения в новой инокультурной среде, несбывшиеся ожидания, преодоление своих предрассудков и этноцентризма.

2. **Информационно-культурологические** адапторы, опирающиеся на сведения о наиболее малопонятных межкультурных различиях, например, ритуалы, суеверия, ценности.

3. **Когнитивно-аксиологические** адапторы, учитывающие межкультурные различия в понимании и оценке информации, например, дифференциация, категоризация, атрибуция, стиль обучения и др.

Разработка кросскультурных адапторов предполагает учет взаимных стереотипов, особенностей коммуникативного поведения, различия между индивидуалистическим и коллективистическим типами культуры, ролевые ожидания, специфику культуры педагогического общения в разных странах и др. Варианты прогнозируемых конфликтных ситуаций могут быть заимствованы из исторических и этнографических источников, современных средств массовой информации, а также наблюдений исследователей.

Процесс создания кросскультурных адапторов включает следующие фазы:

1. Отбор критических ситуаций, возникающих в процессе межкультурного взаимодействия. 2. Структурирование фрагментов межкультурной коммуникации с привлечением экспертов-знатоков двух культур, вносящих необходимые коррективы.

3. Выделение каузальных атрибуций. При этом выделяют различные интерпретации поведения партнеров по ситуации.

4. Отбор атрибуций, которые представляют собой альтернативные объяснения критической ситуации.

5. Создание учебно-методического культуроведческого комплекса, включающего описание ситуации, вопрос и 4 варианта ответов с объяснениями специфики воспринимаемой культуры. Эта фаза является интегративной, включающей 4 предыдущих.

Данная технология дает возможность преподавателю русского языка как иностранного (РКИ) найти пути преодоления культурной дистанции при работе с иностранной аудиторией, сформировать бикультурную языковую личность и выработать положительное отношение к стране изучаемого языка.

Понимание как ключевая компетенция владения иностранным языком и проблемы ее формирования в обучении русскому языку как иностранному

Н. В. Кулибина

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина (Москва)

nkulibina@yandex.ru

Русский язык как иностранный, понимание, обучение, художественный текст, адаптация.

Summary. This report discusses the challenge of using literary texts in the practical course of Russian as a foreign language for learning to understand, as one of the core competencies of the European system of language levels, including issues of methodological organization of classroom work and adaptation of the texts

1. В настоящее время концепция многоязычия является определяющей в подходе Совета Европы к проблеме изучения языков. Многоязычие возникает по мере расширения языкового опыта человека от языка, на котором говорят в его семье, до овладения языками других народов. Человек «не хранит» эти языки отдельно друг от друга, а формирует

коммуникативную компетенцию на основе всех знаний и всего языкового опыта.

В Европейской системе уровней владения иностранным языком понимание рассматривается как одна из ключевых компетенций, используемая при аудировании и чтении. Признается, что для понимания требуется более «ограни-

ченное знание языка», а также «большая результативность может быть достигнута за счет ориентации в большей степени на узнавание, а не на припоминание».

2. Каждому виду чтения соответствуют свои тексты. Несмотря на то, что в документе Совета Европы должное внимание уделяется пониманию таких письменных текстов, как справочные материалы, инструкции, почтовые отправления и др., особым образом оговаривается, что национальная художественная литература является «ценным общим ресурсом, который охранять и развивать. Чтение художественных текстов преследует не только и не столько эстетические, сколько образовательные, интеллектуальные, духовные и эмоциональные цели». Ориентация на понимание учащимися текста, поможет «сделать цели и методы обучения более прозрачными».

3. Современная методика преподавания русского языка как иностранного также уделяет большое внимание развитию навыков понимания. Все, что делается в рамках практического языкового курса, должно приближать учащегося к двуединой цели: умению порождать устные и письменные тексты, корректные с точки зрения различных норм русского языка и умению адекватно понимать устные и письменные тексты, созданные носителями языка для носителей языка в условиях естественного речевого общения (аутентичные тексты).

Языковые знания (фонетика и интонация, лексика и грамматика), речевые умения (говорения и аудирования, чтения и письма), знание фактов культуры и пр. нужны изучающему язык постольку, поскольку обеспечивают ему свободное участие в коммуникации на данном языке, т. е. самостоятельное (без посторонней помощи, без подсказок и комментариев) порождение и понимание текстов.

4. Основная цель использования художественных текстов в языковом учебном процессе – обучение их пониманию, что требует пересмотра традиционных приемов адаптации текстов и организационных форм аудиторной работы.

Обучая русскому языку иностранных студентов, преподаватель с полным основанием может рассчитывать на то, что учащиеся уже являются квалифицированными читателями разного рода текстов на родном языке. И задача состоит не столько в формировании начальной читательской компетенции, сколько в создании условий для положительного переноса необходимых (уже сформированных на родном языке) навыков на чтение литературы на иностранном (русском) языке.

5. Обучение пониманию (деятельности) возможно только в процессе этой деятельности. Поэтому основным этапом аудиторной работы является притекстовая работа, в ходе которой происходит максимально самостоятельное понимание текста учащимися путем преодоления трудностей, возникающих на различных уровнях восприятия текста (уровнях значения, смысла и представления). Когнитивные стратегии, необходимые для этого, являются психолингвистическими универсалиями и, как правило, формируются при обучении чтению на родном языке.

В процессе обучения иностранного студента стоит рассматривать не как *tabula rasa*, а как личность со своими знаниями о мире, с собственным жизненным, учебным и читательским опытом, разнообразными умениями, приобретенными в предшествующей жизни, что с успехом может быть использовано им, в том числе, и при понимании иноязычных (русскоязычных) текстов.

6. Аналогичный подход целесообразно распространить и на адаптацию используемых в учебном процессе художественных текстов (только для уровней А1 и А2, т. к. на уровне В1 уже сформирована вся грамматическая система русского языка). Адаптировать нужно только то, что невозможно понять. От сложных текстов, требующих жесткой адаптации, до достижения учащимися уровня В1 лучше отказаться.

При устном изложении доклад может быть проиллюстрирован описанием методики обучения пониманию текстов, методическими рекомендациями по адаптации текстов и фрагментами уроков.

Радиуроки русского языка: специфика организации учебного материала

И. В. Курлова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kurlova_irina@mail.ru

Радиуроки, поверхностные и глубинные стереотипы, национально-культурные стандарты.

Summary. The paper is focused on the methodology of organizing lessons of Russian for beginners, which are broadcasted by "Voice of Russia" Radio Company. The paper is centered around the ways of presenting main cultural objects of Russia, its traditions, customs and models of behaviour in radio programs.

Новый проект радиостанции «Голос России» предлагает цикл уроков для начинающих изучать русский язык. В настоящее время радиопередачи идут в Бразилии. Первый цикл состоит из 48 уроков, которые уже прозвучали в рамках проекта «Несколько слов по-русски». Радиопередачи идут на португальском языке. Передачу ведут двое ведущих на португальском языке, один из них является носителем русского языка. Ведущий, владеющий и русским и португальским языками, представляет слова и простые фразы по-русски, а второй ведущий, русским языком не владеющий, повторяет их и, таким образом, является «реальным» учащимся.

48 уроков включают в себя 6 составляющих: в каждом семи уроках представляется та или иная грамматическая форма: падежные формы существительных, глагольные формы (формы вида, спряжение, глаголы движения, императив), числительное и т. д. Восьмой урок является «повторительным». На грамматический материал «накладываются» следующие лексические темы:

- Знакомство
- Формы обращения
- Столица России – Москва
- Города России (Санкт-Петербург, Великий Новгород, Сочи)
- Климат России
- Население России
- Основные географические объекты (Волга, Байкал, Сибирь, Уральские горы, Черное море)
- Писатели и поэты (Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов, Булгаков)

- Художники (Васнецов, Суриков, Левитан, Малевич)
- Композиторы (Чайковский, Шостакович)
- Русское кино
- Космонавты
- Спорт
- Сувениры
- Праздники
- Национальная кухня
- Как отдыхают россияне
- Транспорт

Презентация грамматического материала в формате радиопередачи весьма условна, она встраивается в материал диалога. Гипотетически нетрудно предположить, что аудитория радиослушателей данной передачи весьма разнородна. Отсюда – некоторое упрощение, даже примитивизация материала. Это упрощение происходит, в частности, на уровне лексем. Так, в передачах особенно активно представляются заимствованные слова, легко воспринимаемые на слух носителями португальского языка (*кока-кола, банан, телефон, спорт, радио, интересный* и др.). Именно на такой лексике представляется изменение существительных по падежам: слушателям намного легче услышать и понять изменение слова, например, *кока-кола* на *кока-колУ*, чем любого русского слова, четкого аудиопредставления которого недостаточно даже в форме именительного падежа, не говоря уже о других падежных формах.

На протяжении всего цикла радиопередач слушатели узнают о русских городах, писателях, поэтах, композиторах, знакомятся с историческими, географическими и культур-

ными понятиями. Символы России (например, *береза, поле, река Волга*) вводятся посредством фрагментов песен, стихотворений, арий из опер и др. В передачах представляются также пословицы и поговорки, которые вводятся в соответствии с грамматической или лексической темой урока.

Диалог радиопередачи строится таким образом, что обучаемый задает вопросы, «провоцирующие» его «преподавателя» и соведущего на разговор о той или иной проблеме.

Стереотипные представления, сложившиеся у иностранцев, часто поверхностны и ошибочны. Россия часто ассоциируется у них с понятиями, давно утратившими свою значимость для россиян или вовсе ее не имевшими (*медведь, валенки, шапка-ушанка, самовар, балалайка, матрешка* и др.). «Развенчание» стереотипов такого рода и презентация понятий, действительно значимых для россиян, и является одной из задач уроков.

Урок завершает песня (иногда фрагмент песни может звучать и в середине передачи), близкая по теме к лексике урока.

Обучение языку с нулевого уровня: проблемы методики и выбора учебника

Е. Р. Ласкарева

Санкт-Петербургский государственный университет

laskarevaelena@gmail.com

Русский язык как иностранный, начальный этап, проект учебника.

Summary. The report examines some of the problems of teaching Russian language at the elementary level and presents the author's project of a new textbook. The textbook helps students to get the melody of the language, remember relevant vocabulary (including grammar and word formation) and to develop it into active communication and see the future of learning. Theoretical and textual material is given in the appendices of the textbook.

Цель доклада – рассмотреть некоторые проблемы преподавания русского языка на начальном этапе обучения и представить авторский проект нового учебника.

1. Взаимосвязанность уровней языка – аксиома для лингвистов (см., напр., работы Г. А. Золотовой). Композиция представления языкового материала играет большую роль в практике преподавания и в практике составления учебников (см., напр., работы Г. И. Володиной).

На различных стадиях обучения целесообразно освещать различные аспекты языка, периодически «переставляя акценты»: на фонетику, на лексику, на грамматику, на словообразование либо на речевые стереотипы и на стилистику.

На самых первых уроках необходимо научить студентов войти в мелодику языка, в какой-то степени воспринять логику и особенности выражения смыслов и, таким образом, усвоить некоторые особенности построения фразы в коммуникативных ситуациях. Одна из главных целей обучения – реализация коммуникативных намерений в типичных ситуациях общения [1]; [2]; [3].

Основные упражнения – это упражнения на имитацию. Учащиеся должны как можно больше «проговаривать» весь изучаемый материал – и с преподавателем, и самостоятельно. Для этого им необходим диктофон и работа с аудиопражнениями: для отработки вариантов произнесения, интонирования, а также для заучивания актуальной лексики в определенной системе и образцов моделирования типичных фраз обиходно-бытовой сферы языка.

2. Можно выделить пять основных принципов в изучении языка: системность, выбор, тренинг, темп, контроль. Эти принципы реализованы в новом учебнике, который в ближайшее время выходит в свет в московском издательстве.

Системность представления материала обеспечивает четкое его восприятие и, в свою очередь, помогает выработать «механизм проверки» его усвоения. Для того чтобы эту увидеть место изучаемого «фрагмента языка» в той или иной систематизации – грамматической, логической, словообразовательной и т. п. – учащиеся должны представлять, сколько материала необходимо освоить в перспективе. Некоторые примеры:

1) Личные местоимения. Например, на первом уроке выучить только два, но показать все в системе: *я – ты – он, она, оно; мы – вы – они*.

2) Акцент можно делать на грамматике: *Я живу в Москве; Она была в Петербурге; Я учусь в России; Он работает в Германии* и т. п.

3) Акцент можно делать на лексике, в первую очередь это должны быть глаголы (как это делается в хороших учебни-

Специфический формат урока не позволяет представлять материал по принципу нарастающей сложности: следует учитывать, что радиослушатели могут подключиться к прослушиванию радиопередач на любом этапе. Поэтому одни и те же слова, фразы, грамматические конструкции постоянно повторяются на протяжении всего цикла. Именно эти, наиболее значимые фразы, должны остаться в памяти радиослушателей после окончания радиопередач. Разумеется, формат радиопередачи не позволяет научить любому языку в объеме даже элементарного уровня. Однако слова и простейшие фразы, необходимые в ситуациях повседневного общения (в магазине, в ресторане, на улице и пр.) и представленные в определенном контексте, могут быть полезны тем, кто планирует поездку в Россию. Кроме того, радиуроки могут привлечь к изучению русского языка, они дают возможность представить некоторые стереотипы общения и познакомить с литературой, историей, культурой и политической жизнью современной России.

ках, ставших уже классическими – см., напр. [5]): *Я живу в Москве; Он работает в Москве* и т. п.

4) Акцент можно делать на слово- и формообразовании: (безусловно, прослеживается прямая связь и с лексикой, и с грамматикой, и со стилистикой): *написать, нарисовать; минутка, дочка, машинка; анализировать, фотографировать, контролировать* и т. п.

5) Акцент можно делать на фонетике: *больше, лучше, дальше*.

6) Акцент можно делать на стилистике: *проживать, обучаться* (офиц. стиль) и т. д.

Учащиеся и преподаватель могут сами решать, сколько из предложенного в учебнике материала взять для активного усвоения на одном уроке, а сколько оставить на следующий либо на перспективу. В приложениях предлагаемого на рассмотрение учебника есть большой текстовый материал.

Тренинг запоминания при вводе антонимов (*большой – маленький, далеко – близко, давать – брать* и т. п.) помогает студентам увидеть системные явления в языке и положить какой-то пласт лексики в соответствующую «нишу»: в данном случае это тема «Антонимы» (см., напр. [2]). При тренинге и закреплении грамматических форм внимание фиксируется на актуальных для коммуникации фразах, которые нужно регулярно прослушивать, проговаривать, читать, писать. Спонтанно порождаемые учащимися фразы должны контролироваться преподавателем, а затем – и только после этого – заучиваться. Таким образом, мы «стимулируем» у наших учеников «чистый русский язык» и прививаем привычку к контролю порождаемых фраз и привычку гарантированности их правильности.

Темп при аудировании и говорении должен быть быстрым, поскольку это фактор чисто психологический: привычка к восприятию и порождению высказывания в быстром темпе.

Контроль изученного – это и проверка работы на уроке, и самостоятельной работы учащихся, и тестирование. В учебнике предложены все виды заданий – с учетом требований Государственных образовательных стандартов по русскому языку как иностранному.

3. Тренировочные и контрольные упражнения направлены на отработку навыков работы в различных видах речевой деятельности – с учетом времени выполнения заданий. Отработка видов речевой деятельности проходит в последовательности: аудирование – говорение – чтение – письмо. Примеры заданий представлены на презентации доклада.

Задача автора – во-первых, системно дать информацию, показать, как ее «брать» и выбирать, дать минимум стереотип-

ных примеров и обеспечить комфорт на первом этапе работы. Во-вторых, показать перспективы развития и дать материал для того, чтобы обеспечить прогресс в языке на следующем этапе работы. Задача преподавателя – отработать и проконтролировать изученный материал и привить «вкус к языку».

Литература

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. М.; СПб., 2001.

2. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение. М.; СПб., 2001.
3. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. М.; СПб., 2001.
4. Ласкарева Е. П. Прогулки по русской лексике. 2-е изд. СПб., 2013.
5. Хавронина С. А., Широценская А. И. Русский язык в упражнениях: Пособие. М., 2012.

Методический потенциал визуальных образов: интерпретация поэтического текста на занятиях РКИ в китайской аудитории

А. Г. Лилеева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

anna_lileeva@mail.ru

Поэтический текст, словесные образы, визуальные образы, визуализация сознания, методика обучения.

Summary. This report is devoted to the interpretation of certain poetical texts in Russian as a foreign language classes (RKI) using visual comments. It's introducing the main types of the apposition of visual components and verbal literary texts. Furthermore the report is supplemented by an analysis of the paintings made by students from South-East Asia.

Особенность художественной культуры конца XX начала XXI века – изменение способа получения эстетической и когнитивной информации; приоритетность визуальных способов восприятия окружающего мира. Современный учащийся, сформированный СМИ, привык видеть сначала картинку (экран ТВ, экран компьютера, рекламные щиты на улице и пр.) и уже потом вчитываться (вслушиваться) в словесный текст, устный или письменный. Один из феноменов современного молодежной культуры – постепенная смена языка общения с вербального на визуальный.

Отмеченная нами особенность современного способа получения эстетической информации требует осмысления специфики соположения словесного текста и изображения в структуре художественных произведений на русском языке (слово и изображение на иконе, роль изображения в летописных текстах, иллюстрации к произведениям русской классической литературы и рисунки на полях черновиков; русские рукописные книги 20-х годов XX века, современная реклама, видеомы, визуализированная современная поэзия и пр.).

Приоритетность визуального способа познания в современной культуре заставляет также задуматься о возможностях использования изображения (визуальных художественных текстов) в процессе интерпретации словесных художественных (поэтических) текстов на занятиях РКИ.

Мы предлагаем возможные варианты соположения вербальных и визуальных текстов на занятиях РКИ:

1. Использование картинки как иллюстративного материала при семантизации безэквивалентной лексики, а также слов с общим компонентом значения – обозначение цвета;

2. Соположение вербальных и невербальных художественных текстов по принципу тематической близости, когда картинка (художественная иллюстрация, фотография, репродукция картины и пр.) прямо иллюстрируют фрагмент поэтического текста;

3. Соположение словесного и изобразительного текстов на основе их «конструктивного единства» [3: 293]. Теория **конструктивного единства** словесного и изобразительного текстов была разработана еще в 20-е годы XX столетия в трудах формалистов [4: 55–92]. Ю. Тынянов, размышляя об основаниях объединения в книге художественного текста и рисунка, писал: «Для рисунка есть два случая законного сожителства со словом. Только ничего не иллюстрируя, не связывая насильственно, предметно слово с живописью, может рисунок окружить текст. Но он должен быть подчинен принципу графики, конструктивно аналогичному с принципом данного поэтического произведения» [3: 296]. Конструктивным, объединяющим моментом текстов (вербального и невербального) может быть:

- a) отношение к материалу, к минимальной единице формы (звук, слово – в поэзии; цвет, линия, форма – в живописи: отношение к поэтическому заумному слову в футуристической поэзии аналогично отношению к цвету в абстрактной живописи; символ в поэзии и символ в живописи и пр.);

- b) доминирование художественного приема (в авангардной культуре – прием поэтического сдвига: ранние стихи Владимира Маяковского и картины Казимира Малевича; Велемир Хлебников и Павел Филонов);

- v) схожесть философско-эстетических концепций. Так, стихотворение «Рождественская звезда» Бориса Пастернака и картина Питера Брейгеля «Поклонение волхвов» (она упоминается в тексте романа «Доктор Живаго») – убедительный пример конструктивного единства двух типов текстов, словесного и изобразительного. (В данном случае словесный и визуальный тексты объединяют тематика, хронотоп, и сам принцип изображения Библейского сюжета.)

Опора на конструктивное единство разных видов художественных текстов (изобразительных и словесных) в процессе изучения языка русской поэзии на занятиях РКИ дает возможность: представить русскую художественную литературу не как отдельные имена, а как духовно-эстетическое целое; варьировать, а в отдельных случаях и объединять два, на первый взгляд, разновекторных подхода к представлению русской поэзии в рамках занятий РКИ – от изучения фактов языка к постижению фактов художественной культуры; от знакомства с фактами художественной культуры – к пониманию законов поэтического языка.

Использование на занятиях РКИ при чтении и интерпретации поэтического текста различного иллюстративного материала может стать побудительным импульсом для собственного творчества учащихся: рисунков и иллюстраций к прочитанным поэтическим текстам на русском языке.

Тип задания (*нарисуйте, проиллюстрируйте; прокомментируйте свой рисунок...*) наиболее плодотворен в китайской аудитории, возможно, потому что китайская иероглифика – идеографична, и, следовательно, учащиеся привыкли на родном языке писать (изображать) абстрактные понятия с помощью рисунка (иероглифа).

Рисунки учащихся не только помогают им понять глубинный смысл стихотворения, они побуждают студентов к творческому осмыслению прочитанного, облегчают запоминание, а также становятся основой для собственного речевого высказывания.

В докладе будут представлены фрагменты интерпретации поэтического текста с использованием визуального комментария, а также – рисунки иностранных учащихся из Юго-Восточной Азии.

Литература

1. Злыднева Н. В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М., 2008.
2. Лилеева А. Г. Борис Пастернак «Рождественская звезда» и Питер Брейгель Старший // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VIII. М., 2006.
3. Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993.
4. Ханзен-Лёве Оге А. Русский формализм. М, 2001.

Согласуемые и управляемые формы имен и порядок слов в учебном курсе русского языка для монгольских учащихся

Лувсанбалдан Одонтуя, Чойдон Зээнямбуу

Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия)

Lu_odon@yahoo.com, Riljee@yahoo.com

Трудность, прилагательное и существительное, порядок слов, упражнение.

Summary. The paper is devoted to the difficulties encountered in the study of Russian as a foreign language and the ways of overcoming them.

Способы морфологической и синтаксической организации слов в связной речи существенно отличается даже в родственных языках и составляют одну из ярких сторон специфики каждого языка. Законы согласования и управления и порядка слов в предложении требуют пристального внимания при практическом усвоении русского языка иностранными учащимися. Практика преподавания русского языка монголам показывает, что наибольшее число ошибок в речи приходится на согласование прилагательных и существительных и на глагольное управление. Одной из причин этих ошибок является различие сочетаемости. Правило согласования прилагательных и существительных обусловлено внутриязыковыми закономерностями.

Семантическая сторона русского и монгольского языков одинакова. Однако с точки зрения формально грамматической, между прилагательными русского и монгольского языков существует принципиальное различие. В русском языке между существительным и прилагательным действует закон синтаксической связи – согласование, а в монгольском же языке – примыкание. Поэтому прилагательные монгольского языка не подвергаются никакому грамматическому изменению т. е. не изменяются по падежам, числам, родам. А русское прилагательное имеет формы рода, числа и падежа, зависящие от рода, числа и падежа существительных.

Новый студент, нового студента, новому студенту, новым студентом, новом студенте, новые студентки, новых студентов, новым студентками, новых студентков.

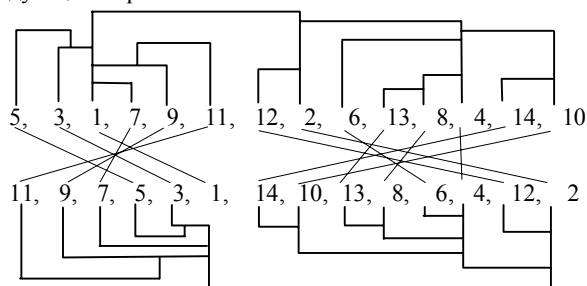
Шинэ оюутан, шинэ оюутаны, шинэ оюутаныг, шинэ оюутанд, шинэ оюутантай и т. д. Как видно из примеров форм прилагательного в русском языке очень много, ибо они зависят от форм существительных, а в монгольском языке всем этим формам соответствует только одна форма. В этом заключается особая трудность у учащихся и студентов при изучении русского языка. Для преодоления такой трудности мы составляем комплекс упражнений.

Конечно русский и монгольский языки имеют свою специфику расположения слов. Для иллюстрации сказанного возьмем русское предложение, состоящего только из главных членов и параллельно ему монгольский эквивалент, одновременно распространим их, каждое в отдельности, соответствующими детерминирующими членами и рассмотрим их структурные соотношения.

5	3	1	7	9
Весьма старательный студент низкого роста, второго курса				
11		12	2	6
китайского отделения громко читает новую довольно				
8	4	14	10	
интересную книгу монгольского писателя.				

11	9	7	5
Хятад хэлний хоёрдугаар ангийн намхан нуруутай их			
3	1	14	10
мэриймтгий оюутан монгол зохиолчийн нилээд сонирхолтой			
6	4	12	2
шинэ номыг чанга уншина.			

В наших примерах цифры показывают порядок включения данных компонентов в эти предложения при их распространении. Упрощенно говоря, в этих двух адекватных предложениях, состоящих из четырнадцати членов, параллельные компоненты в двух языках можно представить следующим образом:

Как видно из данных структурных схем русского и монгольского предложения порядок расположения членов в них совершенно различен. Одним словом, в современном монгольском языке после подлежащего и сказуемого в их группах обычно не встречаются второстепенных членов, т. е. подлежащее и сказуемое – каждое в своих группах – являются как бы замыкающими компонентами, чего мы не наблюдаем в русском языке. Поэтому одной из наиболее трудных тем при изучении русского языка монголами является «Порядок слов в русском предложении». Студенты нередко составляют на русском языке предложения «монгольского варианта» типа: *Я русский языка грамматику изучаю* вместо правильного русского предложения – *Я изучаю грамматику русского языка*. Во избежание подобных ошибок необходимо разъяснять студентам основные моменты расхождения и сходства в порядке следования структурных компонентов в обоих языках и давать им побольше систематических упражнений на эту тему. Мы составляем такие упражнения.

В современной методике обучения иностранным языкам учет родного языка признается одним из ведущих лингводидактических принципов. Потребность сравнивать родной язык с изучаемым изначально существует в сознании человека (Г. Пауль).

Учет родного языка в качестве научной методики представляется наиболее рациональным и эффективным приемом преподавания конкретного учебного материала применительно к монгольской языковой среде.

Формирование социокультурной компетенции иностранных учащихся на занятиях по русскому языку

Н. В. Лучкина, П. А. Бабенко

ГБОУ ВПО Рост ГМУ Минздрава России (Ростов-на Дону)

24505@mail.ru

Социокультурная компетенция, учебные тексты как источник социокультурных знаний.

Summary. The modern training text is an important source of knowledge for the formation of social competence of foreign students. It must reflect the realities of Russian people that are relevant to their daily lives.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного большое внимание обращает на необходимость социокультурного подхода в обучении с целью формирования у иностранных учащихся социокультурной компетенции, которая позволяет им успешно адаптироваться к новым для них условиям жизни и учебы в России. Концепт социокультурной компетенции занимает центральное место в теории межкультурной коммуникации, интенсивно разви-

петении, которая позволяет им успешно адаптироваться к новым для них условиям жизни и учебы в России. Концепт социокультурной компетенции занимает центральное место в теории межкультурной коммуникации, интенсивно разви-

вающейся в настоящее время. При осуществлении социокультурного подхода происходит соизучение русского языка и русской культуры.

Социокультурная компетенция включает три блока знаний: лингвострановедческие, социально-психологические, культурологические и «подразумевает знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры страны, а также способов пользоваться такими знаниями в процессе общения» [5: 143].

Востребованность знаний о социокультурной сфере жизни русских людей обусловила появление изданий, рассказывающих об особенностях их характера и складе мышления, об их традициях и привычках, о своеобразии бытового и социального поведения. В качестве примера можно назвать книгу для чтения о русском национальном характере А. В. Сергеевой «Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов)» – М., 2010; книгу В. Жельвиса «Наблюдая за русскими», содержащую описание скрытых правил поведения русских людей, и др. Подобные книги акцентируют внимание преподавателей русского языка как иностранного на тех реалиях и явлениях нашей жизни, знакомство с которыми значимо для формирования у них социокультурной компетенции.

Безусловно, иностранные студенты, обучающиеся в России, часто приходят к пониманию российских реалий эмпирическим путем, но во многом скорость вхождения их в новую языковую и культурную среду зависит от реализации социокультурного подхода на занятиях по русскому языку. Учет этого обстоятельства предопределяет необходимость обновления информативного содержания учебных пособий, предназначенных для иностранцев. И тут перед авторами учебных пособий встает следующий вопрос: каким образом познакомить иностранных учащихся с российскими реалиями, жизнью и психологическими особенностями русских людей? Содержание учебных материалов должно исподволь давать иностранцам представление о том, что русскому понятно без слов. Погруженные в свою языковую культурную среду, люди считают общепонятным то, к чему они привыкли с детства. Иностранцам же при вхождении в новую для них среду многое может показаться непривычным и даже странным. Говоря о социально-психологических особенностях людей, мы неизбежно обратим внимание на стереотипы речевого общения, понимая под этим «социально маркированные единицы ментально-лингвального комплекса представителя определенной культуры, реализуемые в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [2: 98].

Одним из важнейших источников социокультурных знаний является учебный текст. Когда мы говорим о социокультурной ценности учебных текстов, то считаем, что они должны включать описание повседневных современных ситуаций общения, в которых проявляется специфика общения русских людей. Даже при общении между людьми, принадлежащими к одной культуре, часто возникают недопонимание и разногласия – трудности возрастают многократно, если речь идет об общении представителей разных культур. В повседневной жизни существует множество моментов, которые известны всем участникам данного культурного сообщества. Это фоновые знания, которые составляют живую ткань повседневности, являются предпосылкой успешных межличностных контактов, но это те пласты культуры, которые труднее всего постигать иностранцам.

На наш взгляд, содержание современных учебных текстов должно отражать актуальную действительность, не приукрашивая, но и не очерняя ее. Важными характеристиками качественного учебного текста, помимо лексико-грамматического материала, представленного в нем, являются социокультурная значимость содержащейся в нем информации, занимательность сюжета и способность оказывать эмоциональное воздействие на читателя.

Нам не приходилось встречать в учебных пособиях тексты, сюжеты которых были бы связаны с самыми распространенными явлениями нашей действительности: существованием неполных семей, расторжением заключенных браков, взаимоотношением между разными членами семьи, например, зятем и тещей; использованием новых технических возможностей для знакомства – с помощью Интернета, популярностью интернациональных браков – то есть всем тем, что может представлять безусловный интерес для молодых людей, получающих высшее образование в России.

Согласны с утверждением Н. Д. Арутюновой: «Природа познается извне, культура – изнутри. Ее познание рефлексивно» [1: 3], поэтому считаем, что для успешного формирования социокультурной компетенции иностранных учащихся необходимо предлагать им учебные тексты, способные пробудить их рефлексивность, направленную на постижение новой для них культуры.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предисловие // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под. ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1991.
2. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2009.
3. Щужин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М., 2002.

Дидактический маршрут как компонент модульной технологии обучения русскому языку в контексте полиязычия

Т. И. Магомедова

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

slovakia68@mail.ru

Модульно-рейтинговая технология обучения, дидактический маршрут, русский язык, полиязычие.

Summary. The module-rating technology training includes actions associated with specific target planning educational process. The implementation of designated action provides a step-by-step development of a didactic route course. However, in the context of polilingvism designing didactic is impossible without taking into account the nature of the route in bilingual students.

Стратегия инновационного обучения в вузе предполагает разработку и внедрение такой *дидактической модели*, которая оптимально соответствует целям и задачам современного профессионального образования и учитывает особенности обучаемого контингента. Предполагается, что реализацию инновационной модели обучения русскому языку студентов-нефилологов в вузе методически эффективно обеспечивает *модульно-рейтинговая образовательная технология*, заключающаяся в дроблении информации на определенные дозы – модули, обуславливающие необходимую управляемость, гибкость и динамичность процесса обучения, создает условия для выбора оптимального пути и обеспечивает возможность самостоятельного обучения.

При модульной интерпретации учебной программы дисциплина разделяется на определенное количество модулей,

устанавливается их число, наименование, очередность, нормативная продолжительность изучения каждого модуля, соотношение теоретической и практической частей в каждом из них, формы организации обучения (лекция, семинар и т. д.) и проведения входного, текущего, выходного (промежуточного) и итогового рейтингового контроля, методы и средства усвоения содержания данной дисциплины, даются методические руководства для обучающегося и для преподавателя.

Проектировочный компонент модульно-рейтинговой технологии включает действия, связанные с конкретным целевым планированием учебного занятия (учебного процесса в целом), прогнозированием результатов решения системы педагогических задач в течение всего времени обучения, отклонений от проектируемого маршрута. Реализация обо-

значенных действий и прогнозов предусматривает пошаговую разработку *дидактического маршрута* обучающего курса.

Однако в условиях полиязычия проектирование дидактического маршрута невозможно без учета характера билингвизма обучающихся. В системе модульного обучения русскому языку в условиях дагестанского полилингвизма учет потенциальных возможностей проявления интерференции является очевидной необходимостью. Следует отметить, что степень билингвизма студенческой аудитории, как правило, различна: от нулевой до крайне ущербной. Это вызывает затруднения в применении адекватных способов ликвидации интерферентных отклонений в речи студентов. В этом случае целесообразно усилить их самостоятельную работу и обеспечить индивидуальную диагностику и контроль в обучении, опираясь на *принцип гибкости* модульного обучения. Этот принцип требует такой структуры модулей, при которой обеспечивается легкое приспособление содержания обучения и возможности его усвоения к индивидуальным особенностям обучаемых.

Дидактический маршрут курса «Русский язык и культура речи» для студентов-нефилологов может включать следующие базовые этапы:

- студенты приступают к изучению курса при условии предварительного ознакомления с модульно-рейтинговой программой обучения с целью выяснения цели и задач обучения, требований к уровню освоения содержания дисциплины, объема и нормативной продолжительности обучения. Особое внимание уделяется информационному разделу программы, который включает информационное и материально-техническое обеспечение дисциплины, а также материалы и нормативы рейтингового контроля;
- модульный курс предполагает обязательное прохождение входного контроля (тестирование), который выявляет базовый уровень знаний и умений обучающихся, необходимых для изучения данной дисциплины;
- по результатам входного контроля проводится координация дальнейшего обучения: студенты с выявленной нуле-

вой степенью межъязыковой интерференции освобождаются от изучения факультативного модуля «Коррекция речи»; остальные студенты приступают к параллельному прохождению указанного модуля;

- для каждого из студентов, изучающих модуль «Коррекция речи», составляется индивидуальный план усвоения модуля на основе дифференцированного подхода: студенты с низкой степенью межъязыковой интерференции изучают модуль самостоятельно (внеаудиторная работа) при консультационно – координирующей функции преподавателя, студенты со средней степенью межъязыковой интерференции изучают модуль самостоятельно (аудиторная работа) при консультационно – координирующей и контрольно – корректирующей функции преподавателя, студенты с высокой степенью межъязыковой интерференции изучают модуль совместно (аудиторная работа) при ведущей функции преподавателя;
- студенты, изучающие факультативный модуль, проходят текущий контроль по данному модулю в форме систематической проверки итогов самостоятельной (аудиторной и внеаудиторной) работы;
- студенты изучают первый модуль. Предусматривается обязательное предварительное ознакомление с технологической картой модуля: студенты выясняют цель и задачи обучения, изучают перечень предъявляемых к оценке знаний и умений, которые должны сформироваться в результате достижения поставленной модуля, а также виды и формы рейтингового контроля, устанавливающего уровень достижения результатов обучения и определяющего степень и форму его коррекции;
- и т. д. ...

Эффективность дидактического маршрута будет зависеть от создания специальных педагогических условий общения и организации системных воздействий в подготовке студентов к осуществлению профессиональной коммуникативной деятельности. В целом образовательный процесс должен носить открытый, вероятностный характер, обладать гибкостью, динамичностью, управляемостью и иметь потенциал для совершенствования.

Использование фильмов фольклорного содержания (русских сказок) при обучении иностранных студентов-филологов лексике РКИ

В. Э. Матвеев

Российский университет дружбы народов (Москва)

veronikabelle@mail.ru

Лексические единицы с национально-культурным компонентом, профессиональная компетенция иностранного филолога-русиста.

Summary. These are devoted to problems of using national Russian fairytales' texts on lessons of Russian language for foreign students-philologists. Author of these analyzed studies programs, Russian Federal State Educational Standard and texts of fairytales in order to prove lexical and cultural value of Russian fairytales.

Деятельность иностранных филологов-русистов по окончании учебы в России подразумевает распространение и популяризацию русского языка, истории, культуры, литературы за рубежом. Следовательно, для иностранных учащихся филологического профиля обучения – будущих лингвистов, переводчиков, специалистов по связям с общественностью, журналистов, преподавателей русского языка как иностранного и др. – компетентное владение РКИ, в том числе лексическим объемом русского языка, рассматривается как необходимый компонент подготовки к профессиональной работе. В качестве основных средств обучения лексике студентов-филологов в российской практике преподавания РКИ используются пособия, созданные в 70–80-е годы XX века и многократно переиздававшиеся. Несмотря на неполноту системы средств обучения лексике, ситуация с преподаванием данного аспекта в российской теории и методике обучения РКИ оценивается как вполне удовлетворительная. Однако в процессе практического обучения иностранных филологов РКИ не уделяется должного внимания лексическим единицам, содержащим национально-культурный компонент (фоновая лексика, безэквивалентные слова, фразеологизмы и др.), несмотря на то что подобная лексика на I и II курсах бакалавриата филологического профиля обучения в большом объеме предстает в текстах учебников и лекциях преподавателей по изучаемым предметам: введе-

ние в славянскую филологию, отечественная история, лексикология русского языка, лингвокультура страны изучаемого языка, лингвострановедение, русское устное народное творчество, фразеология русского языка, что представляет трудность в полноценном усвоении иностранцами материала и, как результат, формировании предметной компетенции учащихся. На сегодняшний день в методике обучения РКИ не существует пособий по обучению лексике с национально-культурным компонентом, которые могли бы интегрироваться в практический курс русского языка для иностранных филологов-русистов I курса бакалавриата с целью подготовки учащихся к прослушиванию лекций по вышеуказанным предметам. Методы работы с исследуемым материалом на указанном этапе обучения также не получили всестороннего описания, а созданные и широко используемые в педагогической практике, при тестировании, при составлении учебников по РКИ лексические минимумы и стандарты составлены без учета словарного содержания вышеуказанных предметов, изучаемых иностранными студентами-филологами в российских вузах. Ранее эта проблема объяснялась сложностью разработки единого лексического минимума для иностранных филологов-русистов, но сегодня, когда составлены поуровневые списки слов, предназначенные для обязательного активного и рецептивного усвоения, создана градуальная серия лексических минимумов, ориентирован-

ных на российскую систему сертификационного тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку (ТРКИ), этот аргумент не отвечает на поставленный вопрос.

В настоящее время, учитывая высокий уровень технологий и их широкие возможности, представляется актуальным и логичным привлечение аудиовизуальных средств в обучение РКИ с целью нахождения оптимальных методов для систематичной и эффективной работы над лексикой в аудитории студентов-филологов. Можно утверждать, что методы и приемы работы с экранизированными русскими сказками тщательно не изучены и широко не описаны в науке, несмотря на то что данный ресурс представляет профессионально ценный для филологов языковой материал в силу фольклорных особенностей текстов и наличия фоновой информации. Опыт преподавания РКИ показывает, что учащиеся с интересом относятся к истории, культуре, искусству, нравам, обычаям и традициям русского народа, его взглядам на жизнь, системе нравственных ценностей.

В связи с вышеуказанной проблемой автором была предпринята попытка ее научного изучения и описания. Впервые, были проанализированы учебные программы для иностранных студентов I-II курсов бакалавриата филологического профиля обучения российских вузов, содержание Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению 032700 Филология (квалификация (степень) «бакалавр»), подтверждающие целесообразность изучения на практических занятиях по РКИ лексического материала русской народной сказки для достижения филологами профессиональной компетенции. Во-вторых, были определены принципы отбора экранизированных русских сказок в обучающих целях, которые заключаются в анализе текстового и визуального материала по тематическому, лексическому, лингвострановедческому и лингвокультурологическому признакам, а также базирующиеся на максимальной интеграции лексического материала в содержание дисциплин филологического профиля. Было выявлено, что русские сказки содержат большой объем лексических единиц с национально-культурным компонентом: фольклорная лексика, фразеоло-

гизмы, описания реалий русской жизни. В сказке представлены основные постулаты христианской веры, ее нравственные заповеди, образы и представления о загробной жизни и смерти. В русских сказках интерпретируются нравственные проблемы (идея любви к ближнему, покорности воле Божьей, борьбы с грехом и искушениями, спасение души). Христианское мировоззрение отражается в особенностях языковой картины мира, которые вербализуются в таких концептах, как собор, Бог, Спаситель. В русских сказках выделяются обряды (*благословение, венчание, крещение, поминовение*); описания типичного русского пейзажа (*широкое поле да ясное небо, темный дремучий лес, поля широкие, луга заливные, рощи зеленые, русский лес, золотая нива, березовая роща* и т. д.). С помощью видеоматериалов можно продемонстрировать учащимся, принадлежащим к иностранной национальной природной картине: разнообразие животного мира России (*медведь, волк, лиса, лошадь, лебедь, щука, голубь, журавль, орел, утка* и т. д.); старинную городскую жизнь (*царские палаты белокаменные*) и крестьянскую (быт русского крестьянина, основные его занятия, ремесла, национальный русский мужской и женский костюмы, украшения: *царское, барское, крестьянское платье; латти, валенки, шапка-ушанка, сарафан, кокошник, венок, ленты*); традиции и обряды (*танцы, праздники, венчание*); национальные жилища (*забор вокруг избы, глиняные хаты юга России, деревянные дома и терема средней и центральной частей России, конюшни, русская баня, русская печь*); национальные блюда (*блины, пироги, хлеба, куличи, калачи, каша* и др.); предметы быта (*плетеные корзинки, туески, глиняные горшки, детская люлька, самовар*). Таким образом, можно утверждать, что изучение лексического содержания текста русских народных сказок и просмотр их экранизации на занятиях по РКИ позволяет построить учебный процесс, направленный на овладение общеупотребительной лексикой современного русского языка и единицами с национально-культурным компонентом; обеспечивает постижение иностранными студентами элементов национальной культуры русского народа, способствует выработке у учащихся знаний, умений и навыков ведения межкультурного диалога.

Проективное высказывание как объект изучения в иностранной аудитории

Л. Б. Матевосян

Ереванский государственный университет (Армения)

lianna.matev@gmail.com

Проективное высказывание, интенциональный смысл, инофоны.

Summary. Teachers should be aware of the difference between pragmatic and projective methods of communication and teach to adequately deliver this to students. Projective utterances can't be correctly interpreted without a good knowledge of the relevant culture foreign audience as an object.

В процессе речевого акта говорящий воздействует на слушающего, побуждая (заставляя) его узнать свое намерение. Значение, которое имеет в виду говорящий, далеко не всегда совпадает с объективным смыслом высказывания. Обычно такие «значения говорящего» ситуативны. Они, «впитывая» в себя конкретную коммуникативную ситуацию, рождаются и тут же погибают, не становясь достоянием всех носителей языка. Это одна сторона данного явления. С другой стороны, в процессе речевого общения мы наблюдаем, как те или иные «значения говорящего» (косвенные смыслы) повторяются и в силу этого закрепляются за данным высказыванием, которое используется уже не одним, а всеми членами языкового коллектива.

Сравним два внешне одинаковых высказывания, различающихся по смыслу: *Что вы (ты) делаете(-еишь)?* / ! – 1) как «вопрос-проявление интереса» и 2) как «констатация неодобрения» (= *Я не одобряю Ваших (твоих) действий*). В первом случае высказывание выступает в прямом значении – в значении вопроса о смысле действий адресата. Во втором случае мы имеем прагматическую интерпретацию (значение, которое имеет в виду говорящий) высказывания.

Модус является смысловым организующим стержнем высказывания, движущей силой диктума. На службе у модуса – интонация. Интонационная характеристика – это смысловая и грамматическая характеристика предложения.

Ср.: высказывания *Большая беда! Очень хорошо поступаете! Прекрасно!* в буквальном значении и сказанные с возмущением или иронически, например, в «Повести о том, как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя:

– *Так я же вам объявляю, – произнес Иван Иванович, – что я вас знать не хочу!*

– *Большая беда! ей-богу, не заплачу от этого!* – отвечал Иван Никифорович.

Лгал, лгал, ей-богу, лгал! ему очень было досадно это.

– *Нога моя не будет у вас в доме.*

– *Эге-ге!* – сказал Иван Никифорович, с досады не зная сам, что делать, и, против обыкновения, встав на ноги. – *Эй, баба, хлопче!* – При сем показалась из-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчик, запутанный в длинный и широкий сюртук. – *Возьмите Иван Ивановича за руки да выведите его за двери!*

– *Как! Дворянина?* – закричал с чувством достоинства и негодования Иван Иванович. – *Осмелюсь только! подступите! Я вас уничтожу с глупым вашим паном! Ворон не найдет места вашего!* <...>

Наконец Иван Иванович взял шапку свою.

– *Очень хорошо поступаете вы, Иван Никифорович! прекрасно! Я это припомню вам.*

Эмоциональное переосмысление высказываний *Большая беда!* (= Не беда.) *Очень хорошо поступаете вы!* (= Плохо поступаете.) *Прекрасно!* (= Отвратительно! Ах, как плохо!) привело к такому разрыву значений, что родилось антонимичное значение. Иначе говоря, мы наблюдаем явление энантиосемии, или антифразиса.

Интонация позволяет эксплицировать любое скрытое значение («значение говорящего»). Эксплицируется то, что имплицитно содержится в высказывании. Имплицитность предполагает потенциальную эксплицитность. Имплицитность как лингвистическое явление существует постольку, поскольку существует эксплицитность, то есть имеется опозиция имплицитности – эксплицитности (заметим, нет системы из одного знака). Неэксплицируемая информация (или значение), на наш взгляд, внутренний мотив, но не имплицитный смысл.

Следует отметить, что внутренний мотив и имплицитный смысл относятся к сущностям различного порядка: первый – психологического, второй – языкового.

Интенциональный смысл проективного высказывания, иначе говоря, подтекст – это та субъективная информация, которая продиктована намерением говорящего и не вытекает из объективного содержания высказывания. Подтекст складывается в высказывание в виде дополнительного слоя на прагматической семантике и воспринимается слушателем иначе, чем прагматическая информация. Подтекст проективного высказывания выводится из контекста сверхфразового единства.

Модус и подтекст, хотя и являются «носителями» субъективной информации, относятся, однако, к сущностям различного порядка: модус – фразового, подтекст – сверхфразового. Если модус – смысловой организующий стержень предложения-высказывания, то подтекст (конситуативный признак проективного высказывания) – смысловой организующий стержень проективного текста.

Интенция говорящего фокусируется в проективном высказывании, обеспечивая расшифровку подтекста. Расшифровать, эксплицировать подтекст (или «приращение смысла») позволяет контекст. Однако подтекст / интенциональный смысл проективного высказывания легко воспринимается носителями русской культуры, располагающими определенными фоновыми знаниями, помогающими понять текст.

Рассмотрим несколько примеров из повести «Маша и Феликс» талантливой русской писательницы В. Токаревой.

Сталин когда-то выделил евреям Биробиджан. Может быть, это был Ленин. Но дело не в том – КТО, а в том – ГДЕ. Биробиджан – у черта на рогах, там холодно, темно и неудобно. Евреи – народ южный, теплолюбивый. Они расселились в основном в Киеве и Одессе – жемчужине у моря. Можно понять.

Выделение автономии евреям – факт положительный, однако выделили «не в Киеве и Одессе», где евреи, «народ южный, теплолюбивый, расселились», а «в холодном, темном и неудобном Биробиджане», иначе (то есть читай) – сослали.

Другой пример:

У Вали время от времени появлялась работа – сопровождать лекции. Например, если тема лекции: «Чехов и борьба с пошлостью» – она читала монолог Нины Заречной или монолог Сони «Ах, как жаль, что я некрасива». Однако Валя не забывала про свои глазки и кудряшки, и Соня в ее исполнении получалась довольно жеманная. Но поскольку на лекции приходило не больше десяти старух, то все это не имело никакого значения: ни Чехов, ни его борьба с пошлостью, ни актриса в стареньком штапельном платье.

Подтекст: Хотя и тема лекции называлась «Чехов и борьба с пошлостью», все, что делалось, и то, как делалось, было пошло. Или:

Сам Феликс тоже имел низкую самооценку. Он говорил о себе: «Я – одесская фарца». Он иногда скупал у моряков партию женских колготок, потом продавал втридорога. Тогда это называлось «фарца» и спекуляция. Сейчас – бизнес. Тогда за это сажали, сейчас – все государство на разных уровнях скупает и продает.

Читай: Все государство – фарца, все государство занимается спекуляцией, за что сажать, возможно, надо.

В повести «Маша и Феликс» В. Токаревой подтекст живет полнокровной жизнью. Неносители языка (иностранцы / инофоны), которые, в отличие от россиян, не владеют фоновыми знаниями, расшифровать такую информацию не могут. Им часто представляются непонятными, неожиданными и значения, которые имплицитно содержатся в высказывании. Поэтому эти два аспекта, модусный и интенциональный, – столь близкие, столь похожие, однако различные, – должны занять определенное место в обучении иностранцев / инофонов живой русской речи.

Спецкурс «Русская культура: пословицы и поговорки» в Ниигатском префектуральном университете (Япония)

Норико Мидзуками, Л. Ф. Крапивник

Ниигатский префектуральный университет (Ниигата, Япония), Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)

mizukami@unii.ac.jp, krapivnik00@gmail.com

Преподавание русского языка в Японии, русские пословицы и поговорки.

Summary. Russian proverbs and sayings keep the national traditions. The study of those units allows foreign students to acquire history of Russia, Russian customs and traditions, traits of Russian national character. Russian proverbs in class does much help to the student-philologist by developing communicating ability.

В Ниигатском префектуральном университете в учебный план для студентов 4 курса, изучающих русский язык, включен спецкурс «Русская культура: пословицы и поговорки». Интерес преподавателей-русистов Ниигатского префектурального университета к этому учебному материалу объясняется его особенностями: пословицы и поговорки на занятиях по русскому языку как иностранному, позволяют, во-первых, иллюстрировать различные явления русского языка, во-вторых, знакомить японских студентов с наиболее значимыми для русской культуры явлениями.

Однако, как известно, особые языковые механизмы передачи информации в русских пословицах и поговорках в значительной степени затрудняют их адекватное понимание в речи носителей языка, художественных и публицистических текстах, что вызывает необходимость поиска особых методических приемов и способов изучения этих языковых единиц в иноязычной аудитории.

Спецкурс «Русская культура: пословицы и поговорки» создавался с учетом этих особенностей, поэтому в его задачи входит не только знакомство с культурно значимой ин-

формацией, которая сохраняется в русских пословицах и поговорках, но и расширение знаний студентов о пословицах и поговорках как особых единицах русского языка, формирование навыков их анализа и интерпретации, а также формирование и развитие навыков говорения в рамках предложенных в спецкурсе тем.

В структурно-содержательном плане спецкурс «Русская культура: пословицы и поговорки» делится две части.

Первая часть курса называется «Особенности русских пословиц и поговорок». Она включает в себя лекции и практические занятия, на которых студенты знакомятся с основными особенностями пословиц и поговорок как устойчивых единиц русского языка, с их тематическим многообразием, историей возникновения, с особенностями культурно значимой информации, которая в них сохраняется.

В целях успешной реализации учебных задач первой части спецкурса используются следующие методические приемы:

– для облегчения усвоения теоретической информации спецкурса терминологическая лексика вводится постепенно и

в ограниченном количестве, при этом последовательность введения терминов соотносится с тематической логикой спецкурса (вводимые термины должны быть актуальными для понимания содержания последующих лекций);

- для закрепления и лучшего понимания теоретической информации спецкурса студентам предлагаются самостоятельные занятия в лингафонном кабинете, где они имеют возможность еще раз прослушать аудиозаписи лекционных и практических занятий спецкурса;
- для обучения навыкам интерпретации русских пословиц и поговорок, а также для сохранения их в памяти учащихся на практических занятиях они овладевают навыками самостоятельного составления словаря русских пословиц и поговорок.

Вторая часть курса называется «О чем рассказывают русские пословицы и поговорки». В ее дидактические задачи входят активизация и совершенствование навыков и умений, необходимых для адекватной интерпретации русских пословиц и поговорок, а также для их корректного использования в речи. Эта часть спецкурса предназначена для самостоятельной работы и включает в себя тексты для само-

стоятельного чтения, знакомящие иностранных студентов с культурно значимой информацией, которая содержится в русских пословицах и поговорках.

По окончании спецкурса студентам предлагается выполнить контрольный тест, включающий в себя вопросы и задания как теоретического, так и практического (речевого) характера.

Таким образом, спецкурс «Русская культура: пословицы и поговорки» для студентов Ниингатского префектурального университета в целом направлен не только на расширение лингвострановедческой компетенции японских студентов и формирование у них навыков и умений, необходимых для адекватной интерпретации и корректного использования русских пословиц и поговорок в речи. Его учебный материал имеет и особую методологическую значимость, т. к. позволяет познакомить студентов с лингвистическими понятиями и терминами (например, такими, как «прямое значение», «обобщенный смысл», «иносказание», «буквальный перевод», «эмоциональная окрашенность» и др.), что способствует оптимизации дальнейшей учебной и профессиональной деятельности студентов.

К вопросу об оптимизации учебного процесса в группах позднего заезда

С. А. Мирзоева, И. Ю. Проценко

Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону)

dfis@aanet.ru

Подготовительный факультет, иностранные учащиеся, поздний заезд, оптимизация учебного процесса.

Summary. The actuality of a learning process optimization at the Preparatory Faculty for students of late arrival is defined in this thesis. Learning objectives and various organizing methods are formulated. Particular importance is given to management department which provides efficiency of the academic process.

Основной задачей обучения иностранных студентов на подготовительном факультете является получение ими необходимого комплекса знаний по профильным дисциплинам в объеме, обеспечивающем успешное продолжение образования по специальности. В последние годы отмечается увеличение количества студентов-иностранцев, приезжающих на подготовительный факультет с большим опозданием к началу учебного года, среди них все больше студентов с низким уровнем знаний по общеобразовательным предметам, многие слабо владеют языком-посредником. Изменился региональный контингент учащихся, заезд происходит неравномерно – это затрудняет формирование групп по принципу общего родного языка или языка-посредника. Последнее обстоятельство немаловажно, так как обучение с использованием языка-посредника, а еще лучше по национально ориентированной методике преподавания РКИ – один из серьезных факторов, обеспечивающих более быстрое изучение неродного языка на основе сознательного усвоения.

Поздний заезд осложняет адаптацию студентов к климату, новым социальным условиям и культурной среде, сокращаются сроки адаптации, «вживания» в новый язык. В результате учащиеся имеют большую учебную и психологическую нагрузку и, как следствие, меньше времени на самостоятельную домашнюю работу, отдых, общение с другими студентами. Эти факторы, с одной стороны, существенно снижают эффективность обучения, но, с другой стороны, мобилизуют учащихся на оптимальное планирование времени, максимальное использование их способностей в условиях напряженного учебного процесса. Чем активнее обучаемые войдут в новый для них режим, тем меньше они будут находиться в так называемом «академическом стрессе», тем органичнее пройдет переход к следующему этапу – получению основной специальности. Задачей администрации образовательного учреждения и преподавателей кафедр является оказание помощи учащимся в преодолении учебных и психологических трудностей путем оптимизации учебного процесса.

Итак, за 7–8 месяцев (вместо 10) необходимо подготовить студентов к первому курсу – обучить русскому языку в объеме программы подготовительных факультетов, а также общеобразовательным дисциплинам до уровня, позволяющего учиться на основных факультетах. Успешное решение этих задач возможно лишь при высокой степени межпредметной

координации и едином языковом режиме на уроках русского языка и общеобразовательных дисциплин.

Как показывает опыт работы, для обеспечения указанного уровня владения русским языком необходимо не менее 600 часов. Таким образом, создаются сложности в планировании учебного процесса: возникает необходимость корректировать учебные планы, концентрируя количество часов на изучении дисциплин в более короткий промежуток времени. Интенсификация учебного процесса предполагает сокращение времени обучения, увеличение плотности информации за единицу времени, индивидуализацию в процессе обучения, для чего проводится коррекция учебных планов, включающая в себя перераспределение часов по русскому языку и общеобразовательным предметам по семестрам, изменение сроков введения предметов, проведения экзаменов, определение оптимальной продолжительности рабочей недели и рабочего дня студентов. К составлению расписания предъявляются жесткие требования: занятия по русскому языку должны проводиться не реже 4-х раз в неделю, количество русского языка во II семестре – не менее 18 часов в неделю. Общая учебная нагрузка на неделю увеличивается до 40 часов. Необходима также гибкая коррекция учебных планов в объеме их лингвистического, коммуникативного и культурологического содержания.

Для решения задачи максимального получения учащимися знаний на факультете используются следующие организационные приемы:

- при составлении укороченных рабочих планов (до 30–28 недель) в учебном процессе в большем объеме используются современные технические средства обучения;
- индивидуальное обучение для вывода уровня знаний отдельных учащихся на уровень знаний группы, ушедшей вперед по учебному плану, которое дает возможность применять эффективные интенсивные методики обучения;
- организация факультативной творческой работы: учащиеся мотивируются на изучение русской культуры и языка при подготовке к тематическим вечерам, праздничным концертам, Олимпиаде по русскому языку (декламация стихов, написание сочинения «Русский язык в моей жизни»);
- экскурсии по культурным достопримечательностям города и области;
- организация научных конференций по профильным дисциплинам для выявления склонностей учащихся и возможной корректировки обучения.

Использование различных организационных приемов позволяет ускорить процесс адаптации иностранного учащегося, прибывшего на обучение с опозданием, к жизни в непривычных для него условиях и способствует повышению эффективности учебного процесса.

Процесс обучения – это процесс деятельности людей («преподаватель – студент»). Эффективность процесса обучения зависит от каждой из сторон, причем немаловажную роль играет «управленческая деятельность» деканата, кафедр, их скоординированная и слаженная работа.

Одним из традиционных приемов организации текущего контроля академической успеваемости студентов является ежемесячная аттестация по всем изучаемым предметам, а также ежедневный учет посещения занятий. На факультете проводится большая индивидуальная работа с отстающими студентами по русскому языку, предметам естественного цикла (консультации, дополнительные занятия). Практикуется перевод студентов по рекомендации кафедр в группы позднего заезда (например, в связи с болезнью, индивиду-

альными особенностями учащихся и др.). Большую пользу, на наш взгляд, приносят организационные собрания по мере заезда студентов, собрания по землячества, работа с лидерами, где регулярно ставятся вопросы академической успеваемости и посещаемости студентов.

На факультете сложились устойчивые формы контроля деятельности кафедр и преподавателей. По окончании учебного года кафедры представляют отчеты о работе за год в учебную часть университета. В течение года каждый преподаватель отчитывается о выполнении учебной нагрузки, о своей учебно-методической и научной работе на кафедральной конференции, а также на заседании Ученого совета факультета при возобновлении контракта.

Учебный процесс в общем виде представляет собой целенаправленную познавательную деятельность, включающую цель, содержание, процесс деятельности, а также управленческие последней. И чем слаженнее будет работать управленческое звено «деканат – кафедры», тем скорее будут найдены пути и средства оптимизации учебного процесса.

Русско-английские лексические параллели в лексическом минимуме по РКИ

Е. В. Михайлова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ek.mihailova@gmail.com

Обучение лексике в РКИ, межъязыковые лексические параллели, лексический минимум I сертификационного уровня.

Summary. This report investigates the lexical parallels in two languages, English and Russian. Our study provides examples of lexical-semantic correlations in the lexical minimum of Russian as a foreign language. We propose that the analysis of these parallels is necessary in the practice of teaching Russian.

Коммуникация на иностранном языке возможна только в том случае, если учащийся обладает определенным запасом слов и умеет использовать их в речи. Именно поэтому обучение лексике является одной из первостепенных задач для преподавателя РКИ. Однако этот процесс затруднен целым рядом причин, одной из которых является трудность четкой и однозначной систематизации словарного состава русского языка. Решить эту проблему помогают лексические минимумы, объединяющие слова в тематические классы. Данный принцип классификации способствует тому, что уже на начальном этапе обучения словарь учащихся группируется и пополняется тематически.

Другая трудность при работе с лексикой связана с наличием **межъязыковых лексических параллелей** в родном и изучаемом языке. Лексическими параллелями являются «совпадающие в плане выражения и сходные / несходные в плане содержания лексемы двух и более синхронически сравниваемых или контактирующих языков» [2: 4]. Отношения между параллелями могут быть следующими:

1) **полные лексические параллели** – если семантические структуры лексем различных языков семантически полностью совпадают;

2) **неполные лексические параллели** – в том случае, если одни значения в семантических структурах лексем сравниваемых языков совпадают, а другие нет;

3) **ложные лексические параллели** – когда семантические структуры лексем полностью различны [2: 4–5].

Особый интерес для преподавателя РКИ представляют лексические параллели русского и английского языков, так как последним сегодня владеют почти все иностранные учащиеся. Среди тематических групп лексического минимума I сертификационного уровня можно выделить тему «Образование, наука» [4: 167–168], так как именно она наиболее ярко иллюстрирует эти параллели. Опираясь на типологию В. В. Дубинского, мы распределили коррелятивные пары из данной темы на три группы. Отнесение лексем к полным или неполным лексическим параллелям происходило при учете сходства / различия только тех значений, которые входят в тему «Образование, наука». Так, у слова *институт* рассматривалось значение «название некоторых учебных заведений и научных учреждений». Остальные толкования, например: «совокупность норм права в какой-либо области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства, нами не учитывались ввиду ограничения многозначности слов на среднем этапе. Тот же критерий применялся при анализе лексем английского языка.

Итак, в группу **полных лексических параллелей** вошли такие лексемы, как:

disk – disc, лекция – lecture, анализ – analysis, теория – theory, эксперимент – experiment, университет – university, лаборатория – laboratory, компьютер – computer, ректор (университета, института) – rector, теоретический – theoretical, практический – practical и др.

К неполным лексическим параллелям мы отнесли перечисленные ниже корреляты. Стоит отметить, все они имеют хотя бы одно общее значение. Далее мы приводим только те значения лексем, которые не совпадают в сопоставляемых языках:

академия – academy: училище, средняя школа (в Шотландии) [5: 16];

институт – institute: краткосрочные курсы, серия лекций [5: 455];

класс (первый класс, компьютерный класс) – *class*: курс (обучения), выпуск (студентов такого-то года) [5: 169];

профессор – professor: преподаватель [5: 657];

факультет – faculty: профессорско-преподавательский состав [5: 324] и пр.

Примеры ложных лексических параллелей:

аспирант – лицо, готовящееся к научной или педагогической деятельности при высших учебных заведениях [6: 38] / *aspirant* – стремящийся; кандидат, претендент [5: 64];

аудитория – помещение, в котором читаются лекции, доклады; слушатели лекции, выступления [6: 42] / *auditory* – слуховой; редко аудитория, слушатели [5: 71];

каникулы – перерыв в занятиях в учебных заведениях на праздничное или летнее время [6: 200] / *canicular* – знойный, относящийся к наиболее жарким дням года (canicular days) [3: 17] и др.

Рассмотрим лексему *флешка*, также входящую в состав лексического минимума I сертификационного уровня. В русском языке *флешка* (*флэшка*) – *флэш-память*: запоминающее устройство, подобное микросхемам памяти, но являющееся энергонезависимым; применяется в качестве внешнего запоминающего устройства в персональных компьютерах [1: 491]. В английском языке *flash card* – a card with a word or picture on it, that teachers use during lessons (карточка с текстом и картинкой, используемая при обучении иностранному языку) [7: 204]. Как видим, значения лексем не совпадают. Помимо этого, стоит отметить, что *флешка* является компьютерным жаргонизмом. Следовательно, лексемы *флешка* и *flash card* в сопоставляемых языках не только не совпадают по значению, но и имеют разную стилистическую окраску.

Таким образом, исследование показывает, что большую группу, входящую в тему «Образование, наука» лексического минимума I сертификационного уровня, составля-

ют неполные лексические параллели. Именно анализ семантической структуры лексических параллелей английского и русского языков предупреждает трудности перевода, а также акцентирует внимание на возможных ошибках учащихся.

Литература

1. Дорот В. Л., Новиков Ф. А. Толковый словарь современной компьютерной лексики. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2004.
2. Дубчинский В. В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1995.

3. Краснов К. В. Англо-русский словарь ложных друзей переводчика / English-Russian Dictionary of «False Friends» by K. V. Krasnov. М., 2004.
4. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андришина и др. 6-е изд. СПб., 2013.
5. Мюллер В. К. Полный англо-русский и русско-английский словарь. 300000 слов и выражений. М., 2013.
6. Словарь иностранных слов: Более 10000 слов / Сост. М. Ю. Женило, Е. С. Юрченко. Ростов-на-Дону, 2001.
7. Longman Dictionary of language teaching and applied linguistics. Pearson Education Limited. Third edition. 2002.

Из опыта преподавания русского языка в чешскоговорящей аудитории (спецкурс русского языка для продавцов магазина фирменной одежды)

О. Г. Николаенко

Карлов университет (Прага, Чехия)

kust_alive@mail.ru

Русский язык для чехов, спецкурс русского языка как иностранного.

Summary. The report deals with experience in teaching Russian to Czech shop assistants who work in a Prague boutique. One can find information on the problems, special aspects and the results of this course.

В Чехию ежегодно приезжают сотни тысяч русских туристов, и их количество постоянно возрастает. Вместе с тем возрастает и интерес к русскому языку среди чехов, в частности, занятых в сфере обслуживания. И если до 1989 года русский язык был обязательным предметом в чешских школах, то после событий «бархатной» революции он был исключен из школьной программы. Как результат – молодое поколение чехов, никогда русский язык не изучавших и не владеющих никакими компетенциями ни в русском языке, ни даже в азбуке.

Курс русского языка с нуля был заказан в апреле 2013 года пражским дистрибутором брендовой одежды «GANT» для продавцов одноименного магазина, который располагается в самом крупном аутлет-центре Праги «Fashion Arena». Главной мотивацией была потребность в качественном обслуживании русскоговорящих клиентов, которые по большей части не владеют ни чешским, ни английским языком. Студентами стали 11 молодых продавцов магазина – коренные чехи, никогда прежде русский язык не изучавшие. Условия обучения, установленные заказчиком, – одно занятие в неделю длительностью 60 мин, в двух группах, соответственно по пять и шесть человек, перед началом рабочего дня. Продолжительность курса – на усмотрение заказчика, но не менее чем полгода. Ожидаемый результат – способность чешского продавца договориться и качественно обслужить русскоговорящего клиента.

Для молодого преподавателя данный корпоративный курс стал проблемной задачей, поскольку при малом количестве часов и неопределенности сроков обучения было необходимо получить быстрый результат: студенты как можно скорее должны были начать говорить по-русски, причем именно в рамках своих профессиональных нужд.

Следующей проблемой было отсутствие подходящего учебного пособия. В то время как пособий по стандартному курсу русского языка для чехов предостаточно (напр., [3], [1], [6]), а также есть выбор среди пособий по курсу делового русского языка (напр., [2], [7], [4]), то какого-либо элементарного пособия для работников сферы обслуживания в распоряжении не оказалось, впрочем, как и каких-либо методических разработок по преподаванию русского языка в данной профессиональной среде.

Приблизительную программу курса и каждое отдельное занятие приходилось разрабатывать с нуля, руководствуясь спецификой деятельности обучающихся, их языковыми потребностями, а также собственной педагогической и лингвистической интуицией.

Упор был сделан на освоение необходимой для продавца одежды и обуви лексики, напр., таких тематических групп, как одежда и ее элементы, обувь и ее элементы, аксессуары, цвета, материалы, стили, размеры, цены и т. д. При этом активно использовались приемы наглядно-образного и игрового обучения – работа с картинками, с предметами непосредственно одежды или обуви, с собственной одеждой; по прохождению нескольких тем проводились промежуточные контрольные занятия «на местности» – непосредственно в отделах магазина.

Одновременно осваивались необходимые для общения с клиентом фразы и формулы вежливости; от чтения и разыгрывания учебных диалогов студенты постепенно переходили к созданию собственных диалогов, соответствующих различным рабочим ситуациям. Содержание изучаемых тем часто корректировали сами обучающиеся, напрямую заявляющие о том, что именно им нужно уметь сказать по-русски.

Азбука осваивалась постепенно – путем последовательного освоения отдельных букв (по методике, предложенной в учебнике [5]). Постепенно обучающиеся перешли от материала занятий, представленного в чешской транскрипции, к материалу, полностью представленному в азбуке. Особенно сложным для обучающихся было освоение букв, совпадающих с буквами латиницы, но имеющих иное звуковое значение (напр., букв *B, H, P, C, Y* и др.). Сложности также вызывало освоение слогового принципа русской графики, в частности, обозначение мягкости согласных на письме с помощью гласных букв *E, Ě, Ю, Я, И* и буквы *Ь* (в отличие от русского, в чешском языке мягкими могут быть только три согласные, причем пары по твердости-мягкости представлены отдельными буквами: *D d – Ď ě, T t – Ě ě, N n – Ň ň*). На фонетическом уровне непривычным для обучающихся было подвижное русское ударение, а также явление редукции неударных гласных звуков в русских словах.

Несмотря на малое количество часов при временной растянутости курса, несмотря на то, что практически не прорабатывалась грамматика языка, уже через полгода обучения было видно, что обучающиеся по большей части уже могут удовлетворить свои основные языковые потребности, т. е. уже могут элементарно договориться и обслужить русскоговорящего клиента, и, что самое главное, это отмечали и сами учащиеся, которым постоянно приходилось применять вновь и вновь приобретенные знания на практике.

Таким образом, преподавание русского языка, ограниченное профессиональными потребностями обучающихся иностранцев, а также определенными условиями корпоративного обучения, при отсутствии готовых дидактических материалов является достаточно трудоемким процессом, но при творческом подходе и гибкости со стороны преподавателя и при хорошей мотивации со стороны обучающихся оно может принести положительные результаты.

Литература

1. Belyntseva O., Janek A. Učebnice současné ruštiny: Učebnik moderního ruského jazyka. Vyd. 1. Díl 1. Brno, 2009.
2. Csiriková M., Vysloužilová E. Ruština v praxi: Praktický kurs ruského jazyka. Vyd. 2. Voznice, 2010.
3. Jelinek S., Žofková H., Folprechtová J., Hříbková R. Raduga 1: učebnice ruština pro střední a jazykové školy. Vyd. 1. Plzeň, 1996.
4. Mrovčová Š. Obchodní ruština: [Russkij jazyk v trgovile]: vše, co potřebujete pro rozvoj písemného i ústního projevu. Vyd. 1. Brno, 2007.
5. Nekolová V., Camutaliová I., Vasiļjeva-Lešková A. Ruština nejen pro samouky. Vyd. 2. Voznice, 2007.
6. Pařízková Š. Ruština pro začátečníky a samouky. Vyd. 2. Dolní Ředice, 2009.
7. Ždanova I. F., Romanovskaja M., Veličko A. Obchodní ruština. Vyd. 1. Havlíčkův Brod, 1996.

Роль произведений изобразительного искусства в раскрытии фонового компонента значения слова

Г. В. Николенко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

gnikolenko@rambler.ru

Background knowledge, fine arts, precedential text, concept, visual component.

Summary. Background knowledge is of vital importance in learning foreign languages. In this paper we show, that domestic fine arts can help a lot when learning a language. With the help of visual component a professor can explain some culture specific vocabulary units. Concepts and frames may also be presented through paintings. A work of art itself can be a precedential text.

Важность усвоения иностранными учащимися фоновых знаний при изучении русского языка не вызывает сомнения. Язык, помимо номинативной, коммуникативной, поэтической и других функций, обладает и кумулятивной функцией, которая состоит в хранении и передаче внеязыкового опыта народа от поколения к поколению. Язык может накапливать знания, как научные, так и культурные. Традиционно считается, что в случае, если фоновый компонент значения слова выражен наиболее ярко, то способом его семантизации должен быть микротекст, так как слово выходит за рамки одного значения.

На наш взгляд, можно существенно обогатить семантизацию «культурного компонента значения слова» (термин Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова) путем расширения класса его возможных носителей. Произведения искусства, в частности живописи, также обладают кумулятивной функцией, поэтому нам представляется возможным использовать произведения изобразительного искусства в качестве средства семантизации фоновых знаний. С помощью живописи можно дать иностранному учащемуся представление о некоторых единицах безэквивалентной лексики, которые обычно с трудом поддаются объяснению.

Давать определение когнемам, в частности когнемам особого типа (фреймам, отсылкам к прецедентному тексту), мы можем посредством живописи, подбирая соответствующее данной языковой единице художественное произведение. Для дефиниции когнем мы предлагаем использовать визуальный материал. Это представляется нам целесообразным, так как есть такие явления жизни, которые практически невозможно пояснить учебным текстом разумного объема. В то время как статичность изобразительного искусства позволяет уделить им достаточное внимание.

Как правило, визуальная составляющая учебных пособий – инфографика – дает лишь «плоское» представление о простейших действиях или предметах. Если что и можно встретить в современных учебниках, то лишь бытовые ситуации, да и то изображенные достаточно схематично. В то же время, сколько-нибудь приближенное к реальности изучение языка требует многоаспектности. Именно многоаспектность мы и находим в образцах русской живописи.

Сейчас произведения русских художников используются в учебном процессе в основном в лингвострановедческом или лингвокультурологическом контексте.

Мы же полагаем, что живопись является полноценным компонентом фоновых знаний, одним из видов прецедент-

ного текста, тем более что сам автор термина (Ю. Н. Караулов, 1986 г.) рассматривает в качестве прецедентного текста не только вербализованный текст, но и живопись, и кино. Главное, чтобы «текст» был значимым для большого числа образованных носителей русской культуры, и они нередко обращались бы к нему. Таким образом, Ю. Н. Караулов не только призывает изучать язык в совокупности с изучением культуры, но декларирует, что культура – это и есть язык.

Приведем пример. Какой образ возникает у большинства носителей русского языка при слове «чаепитие»? Рискнем предположить, что перед глазами встают картины Б. М. Кустодиева, прежде всего, «Купчиха за чаем». Художник был истинным певцом чаепития. Если же добавить к полотнам Кустодиева работы В. Е. Маковского и, конечно, картину В. Г. Перова «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы», то традиционное русское чаепитие предстанет во всем его многообразии. И все же, по нашим наблюдениям, именно шедевр Кустодиева приходит в голову носителям русской культуры первым. Не в последнюю очередь из-за раstraжированности этой работы, но это как раз придает ей (картине) ценность культурного порядка – ведь каждый узнает ее. Именно с помощью этой картины можно объяснить иностранному студенту особенности русского чаепития, рассказать о его традициях, познакомить с целым пластом русской жизни и культуры.

Живопись дает возможность наглядно преподнести концепты русской культуры. Изучать концепты мы можем только в сравнении культур, и наглядность будет способствовать усвоению сходств и различий. Ту же «Купчиху за чаем» можно представить как концепт «чаепитие» и сравнить русский концепт с английским «five o'clock tea». Простор для подобных сравнений неограничен. Самое главное, по нашему мнению, – правильно и объективно отобрать иллюстративный материал, иначе есть вероятность того, что студенту будет навязан субъективный взгляд конкретного преподавателя и, таким образом, он будет введен в заблуждение относительно того, что действительно является образцом и эталоном русской мысли и культуры.

Создание методики отбора материала изобразительного искусства и определения последовательности его демонстрации для учащихся разных уровней подготовки по русскому языку является сложной задачей, но понятно, что использование таких средств и приемов обучения дает возможность преподнести язык в неразрывной связи с русским менталитетом и культурой.

Дистанционные формы повышения квалификации преподавателей РКИ

Е. Ю. Николенко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

e.yu.nikolenko@rambler.ru

Информационно-коммуникационные технологии, электронный образовательный ресурс, дистанционное обучение, интерактивная дидактическая среда.

Summary. The paper describes distant electronic educational resource for Russian as a Foreign Language teachers created at the Philological Department of MSU.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс, в создание электронных пособий и учебников, а также во многие сферы общественной жизни обусловили целый ряд психолого-педагогических последствий: подготовку иного фундамента для образовательных программ XXI века, изготовление других программных средств, которые обладают интерактивностью и выполняют обучающую и контролирующую функции, что позволяет активизировать работу учащихся на уроке и вне его.

В докладе хотелось бы проанализировать наш электронный образовательный ресурс: Е. Ю. Николенко «Методика преподавания русского языка как иностранного» (sdo.msu.ru). Образовательный ресурс предназначен для тех, кто хочет освоить новую профессию – преподавание русского языка как иностранного дистанционно. Учащиеся – лица с высшим филологическим образованием или студенты старших курсов филологических факультетов, которые получают специализацию РКИ заочно, с помощью дистанционного обучения.

Курс представлен в виде блога, что является очень удобной формой дистанционного обучения. Теория (лекции), а также задания и методические задачи вывешиваются в блоге. Чтение лекции, выполнение заданий и задач помогают воспринимать материал последовательно. Цель курса – подготовка преподавателей русского языка как иностранного, проводящих практические занятия по русскому языку как иностранному. Задачи курса – погрузить учащихся в новый предмет, дать им представление о методических и лингвистических основах преподавания РКИ, о целях и задачах преподавания русского языка иностранцам, об организации учебного процесса по РКИ, о современном его оснащении.

Для этого предусмотрены не только **тексты лекций, списки литературы**, но и **видеопрезентации к каждой лекции**, обобщающие и структурирующие материал лекций, **тесты для самопроверки** к каждой лекции, **методические задачи**, которые позволяют учащимся на практике применить усвоенный лекционный материал, **вопросы и задания**, для выполнения которых необходимо не только усвоить материал лекции, но и творчески его переосмыслить. Наконец, учащиеся получают в электронном виде **аудиозаписи лекций** и литературу, а также дополнительные задания уже по литературе. Создана **электронная библиотека**. В курсе предусмотрены регулярные индивидуальные консультации с автором курса по **скайпу**. В конце курса после прохождения всего материала предусмотрена очная сессия. В качестве основного инструмента ресурса выступает **форум**. Все это, как нам представляется, позволяет учащимся достаточно основательно проработать новую для них дисциплину.

Программа курса включает в себя цикл методических дисциплин, дающих представление о современной методике преподавания РКИ. Весь цикл можно разделить на 4 модуля. Задача лекций первого модуля – погрузить слушателей в новый предмет, дать представление о методических основах преподавания. Лекции второго модуля знакомят учащихся с такими важными для системы обучения иностранному языку понятиями, как средства обучения и деление на этапы обучения. Задача третьего модуля – подробно осветить методику преподавания видов речевой деятельности в системе РКИ. Лекции четвертого модуля рассказывают о методике обучения разным составляющим системы языка: фонетике, грамматике, лексике, переводу.

Автор курса учитывает свой опыт практической работы при написании теоретических разделов, в частности, учебники: Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко «Владимир 1», СПб, 1992; «Владимир 2», СПб, 1992, 2003; «Золотое кольцо 1», М., 2009, 2011; «Золотое кольцо 2», М., 2009, 2011; Интернет-курс «Владимир», 2003; учебный видеофильм «Чашки», СПб, Ленфильм, 1992; интерактивный компьютерный курс

«Веселые падежи», М., 2011; сайт филологического факультета МГУ и т. д.

В процессе подготовки заданий слушатели имеют возможность постоянно поддерживать связь с преподавателем, получать необходимые консультации. Таким образом создается обстановка, когда учащиеся постоянно находятся «в среде» материала курса, либо, если возникают трудности при выполнении заданий, взаимодействуют с преподавателем.

В качестве итогового контроля после окончания работы по курсу мы также предлагаем **интерактивную форму**. Учащиеся уже сами готовят практические упражнения по каждому разделу курса на основе учебных текстов, предложенных лектором, и посылают их по электронной почте преподавателю. Происходит интерактивное общение. Преподаватель исправляет ошибки, сам предлагает более корректные задания к упражнениям или просит учащихся изменить неудачные формулировки. Такое общение может происходить несколько раз. В данном случае ИКТ не только дают возможность индивидуально пообщаться с каждым слушателем даже при наличии большого числа учащихся, но и позволяют преподавателю определить текущее состояние каждого учащегося – насколько качественно был усвоен материал курса.

Таким образом, при дистанционном обучении (ДО) общение между преподавателем и учеником происходит более индивидуализированно и тесно.

В отличие от обычной лекции (урока), где происходит взаимодействие со всей группой, и у преподавателя нет возможности общаться с каждым индивидуально из-за недостатка времени, при ДО преподаватель и учащиеся не ограничены во времени, каждый из них может взаимодействовать с другим в удобное время и столько, сколько нужно для достижения результата, не опасаясь вызвать недовольство других членов группы.

Итак, сочетая возможности современных ИКТ, мы создаем интерактивную дидактическую среду воздействия на учащихся, которая повышает их активность и делает обучение (повышение квалификации) более эффективным.

В заключение хотелось бы привести один из отзывов прошедших дистанционное обучение.

Отзыв В. Тарасенко из Челябинского госуниверситета:

Зачастую курсы повышения квалификации становятся формальностью: слушатели посещают (или не посещают) несколько лекций, после чего им вручается документ о прохождении курсов. Ваши курсы отличаются высоким уровнем требований к слушателям и необходимостью самостоятельной работы. Причем дистанционная форма обучения не становится препятствием для достаточно глубокой проработки материала. Это очень радует. Надеюсь в ближайшем будущем стать хорошим преподавателем русского как иностранного.

Лингвистическая теория и практика преподавания русского языка как иностранного: аспекты взаимодействия

Л. Н. Норейко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

nor-larisa@yandex.ru

Лингвистика конструктивного направления, коммуникативная компетенция, коммуникативная ситуация, идеографический подход, «грамматика для говорящего».

Summary. Some aspects of interaction between linguistics and practice of teaching Russian as a foreign language are under consideration in the paper. The main point of this interaction is in solving problems of synthesis language phenomena for effective mastering of communicative proficiency.

Лингвистическая теория конструктивного направления, способная предлагать решения задач синтеза, а не анализа языкового материала, объясняющая (а не описывающая) языковые явления, все более востребована в настоящее время. Распространение коммуникативного подхода к обучению иностранному языку не привело к созданию хорошо разработанной и обоснованной системы обучения по овладению коммуникативной компетенцией. В практике преподавания часто происходит перевес в сторону грамматического метода с преобладанием условно-речевых упражнений, либо в сторону свободного общения, понимаемого упрощенно как непринужденного, естественного разговора участников диалога.

В практике преподавания РКИ существуют упражнения для определенной цели и этапа обучения, а также предлагается описание типов упражнений, не соединенных в единую систему. В основу овладения коммуникативной компетенцией должен быть положен критерий, который определяет высокую степень самостоятельности учащихся, необходимую при порождении высказывания как с формальной, так и с содержательной стороны. При таком подходе необходима максимальная степень заданности не только лексико-грамматического и содержательного материала, но и предлагаемой роли, обстоятельств, интенций высказывания, т. е. все то, что определяет параметры коммуникативной ситуации.

Обучение владению коммуникативной компетенцией предполагает создание «грамматики для говорящего» (или пишущего), которая давала бы учащимся механизмы порождения высказывания и текста в целом (устного или письменного). Созданию такой грамматики способствует идеографический подход к объяснению языковых явлений, в основе которого было бы заложено движение от смысла к форме. Одним из возможных решений этой проблемы может стать представление глагольной валентности с позиций «активной» грамматики, т. е. грамматики, позволяющей самостоятельно продуцировать высказывание и текст. Здесь

важно выявить зону возможных актантных позиций при глаголе на основе глагольной семантики и сформулировать правила, с помощью которых можно определить тип синтагматического распространения глагола. При этом следует учитывать роль прагматического фактора и семантических модификаций глагола.

Такое представление языковых явлений позволило бы обеспечить более продуктивный процесс овладения не только общелитературной коммуникативной компетенцией, но и устной и письменной формами (а также различными жанрами) научной и профессиональной речи.

Изучение категории рода имен существительных в национальной школе: лингвокультурологический подход

Г. М. Нуруллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
nurullinagz@mail.ru

Категория рода, имя существительное, лингвокультурологический подход.

Summary. This paper is devoted to studying of the expression's means of the gender attribute in the Tatar language on a basis of the linguacultery concept. In this work grammatic gender oppositions "man's – female" are analyzed.

Изучение русского языка в национальной (в рассматриваемой нами татарской) школе занимает одно из важнейших положений, поскольку русский язык является государственным языком РФ и языком межнационального общения. Современный этап обучения русскому языку в нерусскоязычной (татарской) аудитории ориентирован на интенсивный рост международных контактов и развитие межкультурной коммуникации. Фундаментом методики преподавания русского языка в национальной школе является принцип сопоставительного изучения русского и родного языков. При изучении разных уровней языка обнаруживаются сходства и различия сопоставляемых языков. Значительный интерес для

нерусских учащихся представляет собой морфологическая категория рода русских имен существительных, которая отсутствует в родном (татарском) языке. Учащиеся-татары часто задаются вопросом, почему, например, в русском языке дуб – существительное мужского рода, а береза – женского, почему дитя – среднего рода, а ребенок – мужского?

В школьной практике активно используется традиционный принцип изучения категории рода имен существительных, в котором рассматриваются различные способы обозначения родового признака в татарском языке в сопоставлении с русским языком. Эти способы мы отразили в следующей таблице:

Способ обозначения	Семантический	Синтетический	Аналитический
Способ определения	Лексические группы: 1) семейные названия 2) названия животных 3) лицо мужского пола 4) лицо женского пола	Аффиксы со значением женскости: -ә = -ниц(а), -есс(а), -к(а)	Специальные слова: ир (мужчина), кыз (девочка), хатын (женщина), ата – ана (самец – самка)
Пример	1) <i>әти</i> (папа) – <i>әни</i> (мама), <i>малай</i> (мальчик) – <i>кыз</i> (девочка), <i>егет</i> (парень) – <i>кыз</i> (девочка), <i>ир</i> (муж) – <i>хатын</i> (жена); 2) <i>угез</i> (бык) – <i>сыер</i> (корова), <i>әтәч</i> (петух) – <i>тавык</i> (курица); 3) <i>имам</i> , <i>мулла</i> , <i>балтачы</i> (плотник); 4) <i>абыстай</i> , <i>асрау</i> (прислуга), <i>тегуче</i> (швея)	<i>шагырь</i> (поэт) – <i>шагырә</i> (поэтесса); <i>мәгаллим</i> (учитель) – <i>мәгаллимә</i> (учительница); <i>хадим</i> (работник) – <i>хадимә</i> (работница); <i>әдип</i> (писатель) – <i>әдибә</i> (писательница)	<i>татар ире</i> (татарин) – <i>татар хатыны</i> (татарка), <i>ата мәче</i> (кот) – <i>ана мәче</i> (кошка), <i>ата каз</i> (гусак) – <i>ана каз</i> (гусыня), <i>ата арслан</i> (лев) – <i>ана арслан</i> (львица)

Наряду с традиционным изучением категории рода имен существительных мы рекомендуем рассматривать на уроках русского языка и лингвокультурологическую природу категории рода. В первую очередь такой подход связан со значимостью категории рода русских имен существительных как категории мыслительной, логической. Мы считаем, что процесс становления категории рода связан с особенностями строения общества, с понятием «человек и культура». На наш взгляд, изучение категории рода на уровне лингвокультурологии может облегчить путь усвоения учащимися-татарами понятия *род*, который отсутствует в родном (татарском) языке учащихся. Кроме того, лингвокультурологический подход связан с необходимостью совершенствования лингвокультурологического образования, в основе которого лежит идея взаимосвязанного изучения языка и культуры.

Лингвокультурологический подход изучения категории рода направлен на изучение номинативного значения у неодушевленных существительных, которые на уровне языковой системы не обладают денотативным значением рода, но они приобретают это значение на уровне художественной речи. Категория рода приобретает стилистическую функцию и тем самым становится метафорическим каркасом, на котором держится вся образная система. Важно донести до ученика мысль, что при метафоризации обычно сохраняется род того существительного, который переосмысливается в художественной речи. Специфические образно-ассоциативные механизмы переосмысления исходных значений во второй номинации находят свое отражение в художественных текстах, в загадках, пословицах, поговорках, фразеологизмах. Так, например, *зима* и *весна* в силу ассоциации с лицом женского пола в загадках представляются следующим образом:

Зима	Весна
<i>Кто, угадай-ка, седая хозяйка?</i> <i>Тряхнула перинки – над миром пушинки.</i> <i>Тётушка крутая, белая да седая</i> <i>В мешке стужу везёт,</i> <i>На землю снег трясёт,</i> <i>Сугробы наматает,</i> <i>Ковром землю устилает.</i>	<i>Прилетела павы, села на лаву,</i> <i>Распустила перья для всякого зелья.</i> <i>Шагает красавица,</i> <i>Легко земли касается,</i> <i>Идёт на поле, на реку,</i> <i>И по снежку, и по цветку.</i>

Таким образом, изучение категории рода в лингвокультурологическом аспекте кажется интересным, актуальным, отвечающим требованиям формирования культуроведческой компетенции учащихся национальных школ.

Литература

1. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. Монография. Ростов-на-Дону, 2001.

2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов высш. уч. заведений. М., 2004.
3. Русская грамматика. В 2 т. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1982.
4. Современный татарский литературный язык / Под ред. Х. Р. Курбатова, Л. Т. Махмутовой, Л. П. Смоляковой, Э. Р. Тенишева. М., 1969.
5. Сяхова Л. Г. Методика преподавания русского языка. Лингвокультурология. Лексикография. Сб. статей. Уфа, 2006.

Характер фреймов профессиональной деятельности преподавателя РКИ

И. В. Одинцова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

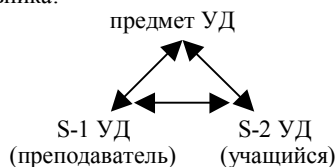
Odintsova@mtu-net.ru

Профессиональная деятельность преподавателя, предмет учебной деятельности, обобщения, фреймы, фреймовая сеть.

Summary. In paper specifics of educational activity is considered; nature of the generalizations peculiar to professional activity of the teacher.

Обучение иностранному языку, и РКИ в частности, является деятельностью. По определению, данному в «Педагогическом словаре», деятельность – это «активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект...» [1: 68–69]. Особенностью учебной деятельности (УД) является то, что в ней участвуют два субъекта: учащийся и преподаватель. Объект же их деятельности специфичен: он создан специально в учебных целях и подчинен особым закономерностям, лишь частично совпадающим с закономерностями самого объекта – иностранного языка. Этот объект в условиях обучения приобретает статус предмета УД, который так же реален, как и объект, но не тождественен ему. Это вторая, «замещающая», реальность. Предмет УД выделен и организован профессионалами в результате познавательных, теоретических и практических действий с объектом [3]. Предмет УД существует независимо от объекта и трансформируется в зависимости от целей и задач обучения, условий обучения, возраста и национальности учащегося и т. д. Объект УД может быть один, а предметов несколько. Так, предмет «РКИ» отличается от предметов «русский язык для школьников», «русский язык для филологов-русистов» и т. д.

Любая учебная деятельность может быть представлена в виде треугольника:

Все три составляющие учебного процесса взаимосвязаны, взаимообусловлены и взаимовлияемы. В исследовательских целях мы можем изолированно рассматривать составляющие УД, фокусируя внимание на одной из вершин треугольника. В ситуации же конкретного урока в практике преподавания нам приходится удерживать в поле зрения все составляющие УД одновременно как единое осмысленное целое. Фактически преподаватель на уроке является полисубъектной личностью, видящей конкретную ситуацию сквозь разные репрезентативные схемы (на уроке преподаватель решает одновременно комплекс задач: это, например, чтение текста, его обсуждение, объяснение нового материала, проверка усвоенного, подготовка к сдаче теста, активизация внимания группы и каждого ученика в отдельности, мысль о том, как уйти от навязанного вопроса, остудить пыл одного ученика и стимулировать мотивацию другого, и сказать, наконец, француженке, что есть лучше не на уроке, а в перерыве). Подобная комплексная деятельность сродни голографической картинке, когда при легком смещении угла зрения она поворачивается одной из своих сторон и, оставаясь верной самой себе, обнаруживает новые свойства. Скорость обозримости и обновления этой картинки, глубина и объем ее зависят, прежде всего, от уровня сформированности у преподавателя системы обобщений. Обобщений самого разного характера.

Умение преподавателя сориентироваться в конкретной ситуации обусловлено системой стереотипов, созданных в

ходе его профессиональной деятельности. Любое познание связано с абстрагированием. Когда биолог описывает определенный вид растения, он абстрагируется от конкретных его представителей и описывает свойства всех растений этого вида. Всякого рода деятельность, как биолога, так и преподавателя, как математика, так и рабочего на заводе, представляет собой синтез ситуативности и обобщения. Это обусловлено тем, что при разрешении каждой конкретной ситуации порождается продукт, предназначенный для его использования не только в данной ситуации, но и в других, подобных ей. Такова природа и диалектика познания. Прибегая к обобщениям, интеллект стремится ассимилировать всю совокупность действительности, «чтобы аккомодировать к ней действие, которое он освобождает от рабского подчинения изначальным «здесь» и «теперь» [2: 83]. Основой профессиональной деятельности преподавателя являются педагогические фреймы (ПФ) и их совокупность – фреймовая сеть, иерархичная, многомерная, полисистемная структура. Чем плотнее и наполненнее эта сеть, чем больше в ней открытых горизонтов, видимых преподавателю, тем легче ему ориентироваться в ситуации конкретного урока, тем выше его профессионализм.

Особенностью ПФ является то, что теоретические знания предмета обучения, методики обучения, психологии обучения и т. д. проходят через горнило профессионального опыта преподавателя. Опыт формирует знания, адекватные действительности в конкретной ситуации. ПФ имеют, прежде всего, инструментальный характер и являются «знаниями, ушедшими в способы» (С. Л. Рубинштейн), «опережающими синтезами» (Б. М. Теплов), «заготовками синтеза» (Ю. К. Корнилов).

Образование и опыт позволяют преподавателю схватывать ситуацию как осмысленное схематизированное целое. Преподаватель использует готовые схемы, не задумываясь, когда и каким образом они выводились, экономя свой мыслительный процесс. Чем глубже образование и больше опыт, тем богаче запас обобщений. Профессионализация преподавателя – это постоянное профессиональное развитие на пути создания индивидуальной системы деятельности, в основе которой лежит система обобщений. (Однако увлеченность стереотипией может и тормозить процесс профессионализации преподавателя. Это происходит в том случае, когда человек полагается только на свои «заготовки» и не пытается искать новое или изменять старое.)

Особенностями педагогического фрейма являются: трансцендентность, то есть выход за пределы конкретной ситуации; действенная форма его актуализации; комплексность; инструментальность; одновременная конвергентность и дивергентность (педагогический фрейм – это и стереотип ситуации, и его трансформация-импровизация в силу постоянно меняющихся условий); рекурсивность (то есть устойчивость даже в своей изменчивости); гибкость; индивидуализированность.

Развитая фреймовая сеть педагогической деятельности позволяет преподавателю видеть то, что неспециалист не видит (поскольку мы видим только то, для чего у нас есть сложившиеся фреймы); идентифицировать ситуацию; диагностировать и интерпретировать ее; организовывать ситуацию; фильтровать (отбирать и сортировать) ситуации с точки зрения их разрешимости в конкретный момент УД

(уметь принять, облегчить, отсрочить, отклонить разрешенные ситуации); владеть динамикой разрастания ситуации; планировать ее развитие; эффективно воздействовать на ситуацию; оперативно переключаться с одной задачи на другую в случае затрудненной ситуации; оценивать и контролировать ситуацию.

В целом педагогические фреймы помогают преподавателю направлять свое внимание; воспроизводить уже имеющиеся формы сознания и поведения; обнаруживать в целом его частности, а в частностях видеть целое; оперативно реагировать; уметь не только находить решения, но и предусматривать их реализацию; владеть прогнозирующей, антиципирующей, активностью; пользоваться предупреждаю-

щей, а не только реагирующей стратегией; оценивать собственные действия. Система обобщений способствует самоорганизации мышления преподавателя и его деятельности. Она коррелирует с его профессиональным мышлением и является составляющей его когнитивной компетенции.

Литература

1. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М., 2003.
2. *Пиаже Ж.* Природа интеллекта / Психология мышления: хрестоматия / Под ред. Ю. П. Гиппенрейтер, В. А. Спиридонова, М. В. Фаликман, В. В. Петухова. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2008.
3. *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М., 1995.

Преподавание русского языка в монголоязычной аудитории: миры русского и монгольского языков

Я. В. Олзоева, Л. Б. Будажапова

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

bb2005@yandex.ru

Лингвокультурологический подход, принцип контрастивности в преподавании русского языка как иностранного.

Summary. The paper is devoted to linguo-cultural approach to teaching Russian as a foreign language. The contrastive principle enables foreign students to successfully learn world of Russian language.

1. Процессы аккультурации, неизбежно возникающие при контакте двух языков, затрудняют процесс усвоения иностранного языка. Преподавателю необходимо не только располагать сведениями об особенностях культуры конкретной аудитории, в которой преподается русский язык как иностранный, но также использовать их, эти сведения, в обучении.

2. В обучении русскому языку как иностранному особую значимость в последнее время приобрел лингвокультурологический (культурологический, культуроведческий) подход, который предполагает изучение языка в неразрывной связи с постижением культурного мира, отраженного в языке. Выделенная в последнее время в рамках этого подхода особая дисциплина – «Мир изучаемого языка» (С. Г. Тер-Минасова) – предполагает соотнесение культурных парадигм, отраженных в родном и иностранном языках, что в значительной степени способствует усвоению чужого языка.

3. Лингвокультурологический подход основан, помимо общедидактических принципов обучения, на ряде частных, таких, как принципы контрастивности и опоры на универсалии, опирающиеся на логические операции различения и отождествления.

4. Сравнение языковых форм позволяет иностранным (конкретно монгольским) учащимся не только лучше понять социокультурные особенности русского этноса (в частности, отношения между родственниками и речевой этикет), но и преодолеть своего рода культурный шок, вызванный знакомством с русской культурой и обусловленный различиями между западной и восточной культурами.

5. Для монголов чрезвычайное значение имеет род как одна из форм социальной организации: в монгольском языке детально классифицируются родственные отношения. Так, русские номинации *дядя* и *тетя* (*тетя*) не дифференцируют, с чьей стороны родственник – матери или отца. В монгольском языке для этого имеются специальные обозначения – *абга* (дядя по отцу) и *нагаса* (дядя по матери): *Галсан-абга*, *Галсан-нагаса*. Для монгольской аудитории также непривычно отсутствие в русском языке указания на старшинство: младшие брат и сестра у монголов имеют специальное обозначение *д??*, выражающее ласковое отношение как к нуждающемуся в заботливой нежности, – *д??*

х?б??н (младший брат, букв. младший мальчик), *д?? басаган* (младшая сестра, букв. младшая девочка). Монголы необходимо знать, о каком именно по возрасту родственнике идет речь – такую детальную классификацию навязывает родной язык, поэтому в коммуникативной практике, как показывает опыт, монголы затруднительно понять, почему в русском языке номинации *братик*, *сестренка* используются для обозначения старших брата и сестры. Для предупреждения подобного конфликта между родным монгольским и русским языками необходимо при введении терминов родства сопоставлять монгольские и русские обозначения. Контраст между ними позволяет монгольским учащимся лучше освоить специфику русской культурной картины мира.

6. Социокультурные различия в коммуникации обнаруживаются прежде всего в формулах речевого этикета. Учитывая, что изучение русского языка в Монголии начинается с седьмого класса, детям уже при обучении формулам русского речевого этикета необходимо показывать социокультурные различия в монгольском и русском речевом этикете. Универсальная категория вежливости имеет специфические проявления, обусловленные культурой того или иного этноса. Для монголов совершенно естественно обращение к родителям на *вы* – они испытывают культурный шок, когда человек, воспитанный в рамках русской культуры, обращается к своим родителям на *ты*. Надо отметить, что, как показывает практика, подобный контраст сильно затрудняет восприятие монголами русской культуры. При обращении к незнакомому человеку старшего возраста у монголов принято употреблять *ахаа*, которое выполняет чисто этикетную функцию; это слово нельзя употреблять при обращении к младшему. Семантика старшинства позволила расширить сферу употребления слова *ахаа*, оно совершенно естественно при обращении к человеку, занимающему (более) высокое служебное положение, например, *ахаалагша*, что буквально означает «начальник», «руководитель». Знакомство с русским речевым этикетом, таким образом, должно включать параллели с монгольским.

7. Одним из перспективных направлений в преподавании русского языка как иностранного видится разработка методики, построенной на лингвокультурологической основе с использованием специфических принципов.

Учет особенностей национальной языковой картины мира в преподавании русского языка как иностранного

Ф. И. Панков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

pankovf@mail.ru

Языковая картина мира, русский язык как иностранный, функционально-коммуникативная грамматика.

Summary. Accounting of the national linguistic world picture in the teaching of Russian as a foreign language. Language's ability of reflecting extralinguistic reality makes for the national linguistic world picture which should be taken into account in the process of language teaching.

Как известно, грамматические, лексические, просодические и др. явления часто обусловлены особенностями вос-

приятия действительности носителями того или иного языка. Его содержательное пространство отражает как интер-

национальные черты категоризации мира, так и определенную специфику менталитета целой нации, закрепленную в концептосфере и модусе. Способность языка отображать экстралингвистическую действительность создает национальную языковую картину мира, которую необходимо учитывать, в частности, в практике преподавания русского языка, особенно его грамматики и лексики.

Помимо универсальных черт в национальных языковых картинах мира существует и принципиальная специфика. Языки различаются между собой как наборами формальных средств, так и системами тех смыслов, которые при помощи данных средств могут быть выражены. Так, русская языковая картина мира получила свое отражение и в лексике, и в синтаксических моделях, и в морфологических формах слов, и в интонации, и в речевом этикете, а также в мимике и жестах.

В случае отсутствия учета преподавателем специфики национальной языковой картины мира и фундаментальных характеристик каждого языка оказывается не только возможным, но и закономерным появление грамматических, лексических и коммуникативных ошибок иностранных учащихся – так называемого «отрицательного» языкового материала (в терминах академика Л. В. Щербы [5]).

В докладе рассмотрены особенности русской языковой картины мира в области таких универсальных понятийных и функционально-семантических категорий, как время, пространство, причина и состояние. В тезисах приведем лишь несколько показательных примеров.

Расхождения в национальных языковых картинах мира проявляются, в частности, во взгляде на категорию пространства и выражаются нередко в грамматических формах, в частности, при выражении значений собственно локатива, или местонахождения (*где*), и направления – директива-финиша (*куда*) и директива-старта (*откуда*). Так, в некоторых европейских и азиатских языках, например английском, датском и китайском, отсутствует формальное различие между значениями местонахождения и направления, т. е. между ответами на вопросы *где?* (англ. *where*) и *куда?* (англ. *where*). Это приводит к ошибкам учащихся типа (1а) – вместо *Вчера мы ходили в ресторан* или (1б) – вместо *Летом мы ездили в Киев*:

(1) а) *Вчера мы ходили в ресторане.

б) *Летом мы ездили в Киеве.

Приведем еще пример. В русском языке (так же как, например, в английском) глаголы *писать* / *написать* имеют валентность *где* (т. е. концептуализируются как имеющие указание на собственно локатив), а в турецком языке соответствующий глагол *yazmak* (рус. *писать* / *написать*) распространяется указателем на направление – директив-финиш. По-русски нужно употребить, как правило, предложный падеж имени с предлогами *в* или *на* (2а): *писать* / *написать где?* – *в тетради, на доске*, а по-турецки – коррелируют русского винительного с предлогами *в* или *на*, причем с обязательным указанием на субъекта обладания (2б): букв. *Я пишу (куда?) в мою тетрадь. В русском языке подобную валентность имеют глаголы *записывать* / *записать* (2в), хотя возможно и записать *где*, если это открытая поверхность, например, листок бумаги, выданный из тетради.

При этом с предложным падежом регулярнее выступает предлог *на* (2г). Ср.:

(2) а) Я пишу в тетради.

б) *Defterime yazıyorum.*

в) Я записал Олин телефон в тетрадь.

г) *Запиши телефон на этом листке бумаги.*

Так же как глаголы *писать* / *написать*, русские глаголы *покупать* / *купить* имеют валентность *где*, т. е. русские покупают что-либо где-либо (3а): *купить где?* – *в магазине, на рынке*. В то же время коррелируют русских *покупать* / *купить* турецкий глагол *satınalmak* (букв. «брать / взять за деньги»), являющийся дериватом глагола *almak* (рус. *брать / взять*), имеет валентность *откуда*, т. е. турки покупают что-либо откуда-либо, соответственно используя коррелируют не именной группы *в / на + N_n* (т. е. *в / на + предложный падеж имени*), а *из + N_p*, т. е. русского родительного с предлогом *из* (3б): букв. *Я купил книгу (откуда?) из магазина. Ср.:

(3) а) Я купил книгу в магазине.

б) *Kitabi mağazadan satınaldım.*

Точно так же русские берут книгу в библиотеке, т. е. *где* (4а), а туркоговорящие или англоговорящие – *из библиотеки*, т. е. *откуда* (4б, 4в): букв. *Я взял книгу из библиотеки.

(4) а) Я взял книгу в библиотеке.

б) *Kitabi kütüphaneden aldım.*

в) *I borrowed/took a book from the library.*

Отсутствие учета подобной грамматической специфики в различных языковых картинах мира может приводить к коммуникативным ошибкам иностранных учащихся.

Как видим, изучение неродного языка – это не только запоминание новых слов, их морфологических форм и построение грамматически правильных синтаксических конструкций, но и постижение новой языковой картины мира. И поэтому трудности в усвоении грамматики, лексики, интонации звучащей речи нередко связаны не с ленью студента или некомпетентностью преподавателя, а с системными различиями двух языков – родного и изучаемого, опирающимися на специфику и даже контраст языковых картин мира. Это следует учитывать в процессе преподавания любого языка, введения и закрепления лексического и грамматического материала – как устного, так и письменного, как книжного, так и разговорного.

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
2. Всеволодова М. В., Панков Ф. И. Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики»: Рабочая тетрадь: Учебное пособие. М., 2005.
3. Панков Ф. И. Некоторые вопросы преподавания русской грамматики и лексики в свете национальной языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 95–101.
4. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 72–80.
5. Щерба Л. В. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики: Учеб. пособие. М., 2002.

К вопросу о реализации речевых интенций в системе преподавания русского языка как иностранного

Н. Э. Петрова

Курский государственный медицинский университет

na_tali68@mail.ru

Речевые интенции, речевой акт, фонетико-интенциональный уровень, речевые конструкции, эмоциональная фонетика, модуляции.

Summary. Investigation is devoted to studying methodic problems connected with teaching foreign students in phonetic-and-intentional setting of Russian speech within the system «Russian language as foreign» (RLF). Methodical description of component teaching system is based on the investigation in the field of theory of speech activity (theory of speech acts), communicative-active approach to teaching.

«В практике преподавания русского языка как иностранного на основе коммуникативной методики, опора на речевые акты (РА) может привести к оптимизации обучения учащихся и дополнительно мотивировать изучение языка как инструмента общения... Коммуникативные замыслы общающихся, интенциональные послылы, выбор оптимального способа выражения интенции входят в насыщенные ком-

муникативные потребности изучающих язык» (Н. И. Формановская).

Для обучения иностранцев реализации речевых интенций посредством осуществления речевого акта необходимо рассматривать комплекс фонетико-фонологических, просодических и интонационных знаний во взаимосвязи со смыслом речи и речевой деятельностью. Прагматический аспект

коммуникативной компетенции рассматривает использование языка как орудия общения в процессе осуществления иллокутивных актов. Речевая интенция нашла свое отражение в языке, приобрела свое воплощение в «эмоциональной фонетике»: на фонетико-фонологическом уровне – растягивании ударных гласных, удлинении согласных, нарушении единоударности слога, выпадении звуков; на фонетико-интонационном уровне – ритмико-интонационных компонентах, передающих дополнительную, имплицитную прагматическую информацию.

Рассмотрение просодической организации речи и интонационной системы как основных средств выявления семантико-прагматического потенциала высказывания позволило заключить: 1. Интонация является логически завершающим звеном как в нейтральном, так и в эмоциональном статусе функционирования коммуникативных единиц системы. 2. Семантическое единство позволяет говорить о знаковой природе интонационных единиц, условно выработанных носителями языка, заложенных и закрепленных в категориях и функциях единиц данной системы. 3. Интонационное оформление в плане выражения эмоциональных сем может быть различным (от нуля до аффекта). 4. Интонация – единственное средство противопоставления предложений общего типа, различных по коммуникативно-модальной целевой установке, идентичных по лексико-грамматическому составу. 5. Оценочность, присущая эмоциональной речи требует определенной интонационной оформленности.

Исследования природы фонетико-интенциональных средств языка, специфики их функционирования привели к следующему: 1. Интонационная система русского языка (7 типов интонационных конструкций) рассматривает ИК в «нейтральном» статусе, то есть с одинаковой потенциальной способностью выражать эмоции. 2. Каждая интонация может иметь бесконечное количество модуляций, т. к. каждое произнесение, каждое осуществление речевого акта является одним из бесконечного множества вариантов. 3. Прагматически маркированные реализации ИК являются «вторичными» употреблением интонационных моделей русского языка.

Исследование механизма взаимодействия компонентов интонации и характера их воздействия на семантико-прагматический потенциал высказывания обусловило необходимость классификации релевантных признаков, которые обеспечивают передачу эмоционально-модальной семантики на фонетико-интенциональном уровне. В результате были выявлены следующие интегральные признаки: 1) для выражения семантики эмоций системно мотивирован участок ядерного слога фразы; 2) направление движения тона детерминировано локализацией частотного минимума / максимума; 3) выделение мелодических вершин является показателем ярко насыщенных эмоций; 4) наличие интервалов на предупредных и заударных слогах обеспечивает выделенность и отстраненность (отчужденность).

Важную смысловозначительную функцию в эмоционально-модальном плане играют дифференциальные признаки: 1) темп движения речевого потока, который может нести в высказываниях эмоциональную и смысловую нагрузку, передавать ряд значений; 2) интенсивность звучания сопрово-

ждается выделением мелодических вершин; 3) тембр голоса является сугубо индивидуальной особенностью субъекта.

Методическая работа должна выстраиваться с учетом возможностей интонационной системы русского языка, которыми она располагает для передачи широкого диапазона субъектов речевой деятельности. Формирование и развитие фонетико-интенциональных умений и навыков целесообразно рассматривать как комплексную работу: 1) обучение фонетико-интонационному оформлению речи, ориентированное на соответствующий программе уровень фонетической компетенции; 2) обучение фонетико-интенциональному оформлению речи в результате овладения механизмом покомпонентной реализации РА, которая представляет ряд последовательных речевых операций, организующихся в речевую модель и соотносящихся с системой классов РА, выражающих субъектно-модальные значения.

Система обучения строится с учетом следующих аспектов: 1) опережающего обучения, направленного на формирование устойчивых перцептивных и произносительных эталонов интенционально-речевых моделей русского языка; 2) предотвращения и преодоления языковой интерференции, осуществляемых в результате соотношения форм и способов реализации различных типов интенций на родном языке с механизмом реализации тех же типов интенций на русском языке.

Реализация интенциональных состояний (соотносимых с коммуникативно-модальными типами речевых конструкций, которые на фонетическом уровне характеризуются соответствующей структурой интонации, способом интонационного оформления синтагм) может быть материализована интонационно-речевыми моделями. Каждый тип интонационной модели (ИК) обладает потенциальной модальной многозначностью и способен выражать в речи различные субъектно-модальные значения в «первичной» и «вторичной» экспликации, которые, в свою очередь, группируются в субъектно-модальный ряд с высокой вариативностью.

Овладение интонационной логикой должно происходить в результате работы над мелодической организацией речи, которая обеспечивается в процессе освоения механизма реализации интенций. Для этого необходимы теоретические сведения и практические навыки (модификации движения тона в интонационном центре (повышение / понижение), различия в типе этого изменения, определения количества и места интонационных центров (в ИК может быть два центра), характеристики предцентровой (предударной) и постцентровой (заударной) частей, изменения акустических характеристик (ЧОТ, интенсивности, темпоральных показателей) интонационных конструкций). В результате такой работы учащиеся приобретают устойчивые умения и навыки переноса структуры изученных моделей в ситуацию.

Таким образом, ключевые проблемы теории речевой деятельности – описание процесса и изучение механизмов последовательного перехода от звуков к иллокутивным актам, от знаковой системы языка к речи с учетом экстра- и интралингвистических факторов, в результате чего учащиеся приобретают устойчивые умения и навыки переноса структуры изученных моделей в ситуацию.

Номинация лица по имени в русском языке: лингвистический и методический аспекты

Е. А. Подшивалова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

lena.podshivalova@gmail.com

Обращение, речевой этикет, система личных имен, РКИ, ИКТ.

Summary. The author discusses the difficulties foreigners are faced with while using Russian personal names when naming people and as a form of address. As a result of these observations, the author suggests on-line exercises based on HotPotatoes and Quandary authoring tools which can help foreigners master this necessary competence.

Вариативность и функциональная дифференцированность форм личных имен, которая представлена в русском языке, практически уникальна. Только носители украинского и белорусского языков могут похвастаться трехкомпонентным именем, состоящим из собственно имени, отчества и фамилии, где полной форме имени соответствуют еще и многочисленные краткие формы, широко варьирующиеся

по своим экспрессивно-стилевым характеристикам. Вследствие такой уникальности эта функционально-семантическая группа в русском языке представляет особую трудность для усвоения большинством иностранцев.

Освоение же системы русских личных имен необходимо иностранным учащимся, т. к. это напрямую связано с важнейшим компонентом системы этикетных средств языка –

обращением. Роль этих этикетных средств крайне значима в любом языке, ведь они выполняют контактоустанавливающую функцию. От того, насколько правильно, сообразно с нормами, принятыми в данном языковом социуме, будет начата коммуникация, напрямую зависит ее успешность.

Система обращений, принятая в том или ином обществе, как правило, уникальна, но в то же время обращения являются функционально-семантической универсалией, свойственной всем языкам, а следовательно, при изучении иностранного языка они оказываются в зоне активной интерференции.

Практика показывает, что даже иностранцы, владеющие русским языком в объеме I и II сертификационного уровня, не всегда имеют четкое представление о системе русских личных имен и порой испытывают трудности при выборе формы обращения, адекватной ситуации общения.

Главным источником сведений о способах номинации лица по имени, конечно, являются учебники. Хотя учебники, как правило, не содержат правил использования личных имен (в том числе в вокативной функции), они предлагают иностранным учащимся большое количество моделей, воспроизводя которые, иностранцы получают представление о способах номинации третьего лица и о способах обращения к собеседнику.

К сожалению, нередко предложенная в учебнике модель номинации по имени противоречит узусу и формирует у иностранцев неправильное представление о речевых нормах в этой области. Например:

1. Необоснованное использование полной формы имени: – *Как Петр и Екатерина?* / – *Не знаю. Я давно ничего о них не слышал; Я еду в аэропорт встречать Марию / провозжать Сергея* и под. (В обоих случаях мы, явно, наблюдаем дружеское общение.)

2. Необоснованное сочетание именных полных и кратких имен: – *О ком вы говорите? Об Ольге и Кате?*; – *Где Таня и Алексей?* / – *Кажется, они пошли на рынок* и под.

Очевидная причина появления подобных (ненормативных, с точки зрения носителей русского языка) словоупотреблений – стремление облегчить инофонам родовую идентификацию личных имен. Однако это видимое облегчение впоследствии, напротив, оборачивается большими трудностями, когда иностранец не может правильно соотнести имя человека с полом.

Знакомство с обращением как с ключевым компонентом речевого этикета начинается с первого урока РКИ – со знакомства с преподавателем. Однако в учебной среде иностранные учащиеся имеют весьма ситуативно-ограниченные возможности общения на изучаемом языке, а следовательно, взаимодействия с коммуникантами, имеющими статус, отличный от статуса учителя. Поэтому перед преподавателем РКИ стоит важная задача сформировать у инофонов правильные навыки употребления обращений по имени. Невозможно предвидеть и описать все ситуации, сопровождающиеся обращением по имени, но задача преподавателя – научить иностранных учащихся принципам анализа речевой ситуации и методу выбора подходящей формы личного обращения.

Следует признать, что знакомство с системой русских личных имен и отработка навыков использования обращений по имени требует времени, что не всегда возможно в аудитории. Но благодаря информационно-коммуникационным технологиям преподаватель может вынести работу над этими лексическими и этикетными единицами в Интернет-класс. С помощью несложных программных оболочек HotPotatoes и Quandary можно создать занимательные упражнения, которые помогут иностранцам более уверенно ориентироваться в русской системе имен вообще и вокативов в частности. Мы хотели бы поделиться своими разработками в этой области.

Можно предложить учащимся задания на соотнесение форм полных и кратких имен: *Николай – Коля, Алексей – Лёша, Анастасия – Настя* и под. Это явление русской речевой культуры вызывает у иностранцев большой интерес, и они с удовольствием следят за трансформацией русских имен. Другое задание на соотнесение заключается в том, что учащиеся должны распределить имена по трем группам: мужские, женские, для обоих полов.

Учащимся может быть предложено восстановить правильную последовательность. Такие задания необходимы, чтобы помочь иностранцам сориентироваться в триаде имя – отчество – фамилия. Для закрепления знаний о русских именах учащимся предлагается решить кроссворд, иллюстрирующий образование отчеств или полных / кратких форм личных имен.

Итоговое задание на усвоение собственно правил обращения и принципов выбора той или иной формы в зависимости от ситуации общения оформлено в виде игры-лабиринта. Пользователи программы «проживают» один день вместе с героем по имени Александр Николаевич Смирнов и решают цепочку речевых задач, выбирая подходящую форму обращения к этому персонажу в различных ситуациях общения. В случае правильного ответа они перенаправляются на страницу со следующей проблемной ситуацией. Если же они допустили ошибку, программа переносит их на страницу с комментарием-правилом, а потом возвращает к неразрешенной проблеме, давая возможность проверить, верно ли они поняли правило. В игре ведется счет: за каждый правильный ответ начисляется 2 очка, а за ошибку 1 очко снимается.

Простота конструирования подобных лабиринтов позволяет создавать несколько заданий подобного типа, где разные персонажи будут оказываться в различных ситуациях общения.

Контрольное задание может быть оформлено в виде упражнения на заполнение пропусков, когда учащийся, исходя из анализа речевой ситуации, сам предлагает подходящую форму обращения. При этом работа со всеми описанными упражнениями может быть полностью автономной, благодаря тому что они интерактивны и позволяют программировать ответные реакции на ошибки пользователей.

Подобные задания будут интересны и полезны учащимся любого уровня и любой специализации, т. к. цель любого из них – научиться общаться на изучаемом языке, а любое общение начинается с обращения.

Читаем А. П. Чехова (новое пособие для иностранцев)

Е. В. Полищук, Е. В. Суровцева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

elenapolishchuk@mail.ru, surovceva-ekaterina@yandex.ru

Чехов, русский язык как иностранный, анализ текста, культурологический комментарий, учебное пособие.

Summary. The paper describes the new book on Anton Chekhov's prose. It is the collection of 8 stories by Chekhov with commentaries. In the commentaries certain difficulties of the Russian language as well as actuals of the Russian life are presented.

В 2013 году авторами данного доклада выпущен сборник под названием «Чехов / Chekhov. Рассказы А. П. Чехова по-русски и по-английски с комментариями» [2]. В него вошли 8 рассказов А. П. Чехова в русском оригинале и в переводе на английский язык: «Злой мальчик» (1882), «Размазня» (1883), «Дачники» (1885), «Шуточка» (1886), «Гриша» (1886), «Произведение искусства» (1886), «Дорогие уроки» (1887), «Анна на шее» (1895).

Тексты расположены в порядке их написания, причем сначала дан оригинальный русский текст, а затем – его ан-

глийский перевод. Английский перевод выполнен Е. В. Полищук; русские тексты подготовлены Е. В. Суровцевой по академическому собранию сочинений Чехова [4] – данная работа проводилась с опорой на подготовленный словарь языка Чехова с электронным корпусом его произведений [1]. В оригинальных текстах мы позволили себе проставить букву *ё*, не употребляемую в академическом собрании сочинений писателя.

После каждого рассказа дается комментарий, состоящий из двух частей.

В первой части приводятся комментарии к тексту по академическому собранию сочинений с незначительными изменениями (изменения касались расшифровки сокращений и включения тех отрывков из комментариев к другим текстам, на которые ссылаются составители примечаний собрания сочинений). Этот раздел комментариев подготовлен Е. В. Суровцевой. Здесь даются сведения о первой публикации текста, о том, для какого издания он был впоследствии переработан, о переделках, которым подвергалось произведение, о первых его переводах на иностранные языки, об отзывах критики и о многом другом.

Во второй части комментариев сделана попытка дать краткий анализ реалий и особенностей русской жизни, упомянутым в чеховских рассказах. Эта часть подготовлена совместно Е. В. Полищук и Е. В. Суровцевой. Хочется надеяться, что книга может быть полезна специалистам по переводу. Однако наша главная аудитория – это иностранцы, занимающиеся русским языком профессионально либо просто интересующиеся русской культурой.

Попытаемся кратко обозначить моменты, нашедшие свое отражение во второй части комментариев.

1. Языковые особенности, которые могут вызвать трудности восприятия у иностранной аудитории (*жжжжж, замесикать, номер* и пр.).

2. Особенности образования и функционирования русских имен (так, героиня рассказа «Шуточка» называется в тексте *Надя, Наденька, Надежда Петровна*; кроме того, особо надо обратить внимание на отчества – разговорный вариант (*Иван Иванович Лапкин* из «Злого мальчика», доктор *Иван Николаевич* из «Произведения искусства»).

3. Реалии русской жизни – как существующие и поныне (*Малый театр*), так и оставшиеся в дореволюционном прошлом России, зачастую требующие толкования даже для русского читателя («*Биржевые ведомости*», *Казённая палата*, *чины и награды царской Империи* и др.). В работе над

данными темами нам оказала неоценимую помощь книга Ю. А. Федосюка, посвященная русскому быту XIX века [3].

4. В отдельный пункт мы выделили сведения из истории России, прямо не названные у Чехова, но без знания которых невозможно или затруднительно адекватное понимание текста. Так, до октябрьской революции 1917 года в России было много иностранцев, которые, не имея специальной педагогической подготовки, преподавали русским свой родной язык, – знание этого штриха русской жизни поможет осознать смысл рассказа «Дорогие уроки».

Мы надеемся, что представленная нами книга поможет иностранцам не только лучше понять творчество А. П. Чехова, но и овладеть русским языком в более полном объеме, а также разобраться в многообразии русской культуры.

Литература

1. Кукушкина О. В., Суровцева Е. В., Рюдигер Д. Ю., Лапонина Л. В. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова (с электронным приложением) / Под общей редакцией д. ф. н., проф. А. А. Поликарпова. М., 2012. В состав электронного приложения входят: Кукушкина О. В., Суровцева Е. В., Поликарпов А. А., Федотов В. В., Варламов А. А. Методическое руководство по работе с системой «ИСТОК»; Кукушкина О. В., Суровцева Е. В., Рюдигер Д. Ю., Лапонина Л. В. Электронный корпус А. П. Чехова; Федотов В. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Программное средство «Компьютерная информационно-исследовательская система для работы с электронными корпусами текстов «ИСТОК»». Словарь и корпус размещены на сайте лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, силами сотрудников которой и создавался этот продукт [<http://www.philol.msu.ru/~lex/>].
2. Полищук Е. В., Суровцева Е. В. Чехов / Chekhov. Рассказы А. П. Чехова по-русски и по-английски с комментариями. М., 2013.
3. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2010.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1974–1983.

Теоретические предпосылки к созданию электронного ресурса с аутентичными видеоматериалами развлекательной направленности (применительно к урокам РКИ)

И. И. Прокопова

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва)

prokopova.ivanna@gmail.com

Аутентичные видеоматериалы развлекательного характера, компьютерные технологии; создание электронного ресурса.

Summary. Nowadays there are a lot of online resources with authentic content which are used for teaching Russian as a foreign language. Although these resources are frequently used on lessons in some ways, foreign students always have difficulties in real communication. Creating online resource with thematically organized authentic entertainment content should contribute to the coverage of this topic.

В методике преподавания русского языка как иностранного уже давно разрабатывается тема использования различных аудио- и видеоматериалов на уроках РКИ. История этого вопроса уходит в 70-х гг. XX в. Теоретическое освещение и практические разработки по данной теме содержатся в работах А. Н. Шукина, А. Н. Леонтьева, Т. И. Капитоновой, М. Н. Аникиной, А. Н. Богомолова и др. [1–5].

В XXI в. использование аудиовизуальных средств дополняется внедрением компьютерных технологий в процесс обучения. За последние годы резко возрос интерес преподавателей и учащихся к оптимизации учебного процесса, что непосредственно привело к использованию современных технических средств на уроках РКИ. Для многих преподавателей организовать учебный процесс все проще становится не в реальном пространстве, а в виртуальном. Для обучения русскому языку иностранцев создаются сетевые курсы, которые позволяют заниматься русским языком в любое удобное время. Широко известны курсы, созданные на базе ЦМО МГУ («Время говорить по-русски!»), «В эфире Россия» – http://speak-russian.cie.ru/time_new/; <http://www.distancelearn.ru/?id=authors&lang=RUS>). Также в сети представлены ресурсы с многочисленными аудио- и видеоматериалами, предназначенными для самостоятельной работы (<http://parusski.com>, <http://lclass.org/index.php?lng=2> и др.).

Однако в настоящее время наблюдается перспектива создания виртуальной среды с аудио- и видеоматериалами не только иного рода. Речь идет об электронном ресурсе, в котором содержалось бы большое количество аутентичных

видеоматериалов развлекательного характера, сгруппированных по тематическому принципу и по уровню владения языком. Необходимость подобного рода ресурсов объясняется тем, что иностранным студентам, изучающим русский язык за рубежом, очень сильно не хватает навыков вступления в различные коммуникативные ситуации. И это понятно, так как русский язык для таких студентов является лишь факультативом, все время урока отведено на освоение новой лексики отработку грамматических форм. Поэтому по прибытии в Россию эти студенты не способны успешно справиться даже с самыми простыми коммуникативными задачами. К тому же в настоящее время так и не получила развития методика адаптации существующих видеоматериалов развлекательной направленности к условиям обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Создание электронного сайта с многочисленными аудио- и видеоматериалами, подкрепленными методическим руководством и специально разработанными заданиями, могло бы быть направлено на разрешение этой ситуации. Естественно, ничто не заменит живого общения, но у преподавателей РКИ, особенно работающих за рубежом, появится отличная возможность организовывать работу с учащимися на материале аутентичных текстов, демонстрирующих «живое» общение.

Использование подобного рода ресурса позволит учащимся актуализировать уже имеющиеся знания в области лексики и грамматики, развить навыки аудирования, полу-

чить страноведческую информацию. Также на основе работы с материалами такого ресурса студенты смогут познакомиться с современной телевизионной продукцией в современной России. Регулярные занятия, организованные на основе аутентичной видеопродукции, должны подготовить учащихся к успешному речевому взаимодействию с носителями русского языка.

Литература

1. Аникина М. Н. Теория создания учебного видеосериала по русскому языку как иностранному для начального этапа обучения //

- IX Международный конгресс МАПРЯЛ: Тезисы докладов и сообщений. Братислава, 2006. С. 111–117.
 2. Богомолов А. Н. Аутентичные материалы программ российского телевидения на занятиях по РКИ: из опыта работы // Мир русского слова. 2002. № 3.
 3. Капитонова Т. И., Серебренникова А. Г. Применение видеозаписи на занятиях по русскому языку // Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе: Сб. статей / Подготовила Н. С. Власовой и др. М., 1990. С. 68–103.
 4. Щукин А. Н. Аудиовизуальные средства обучения. М., 1975.
 5. Щукин А. Н. Методика использования аудиовизуальных средств (при обучении русскому языку как иностранному). М., 1981.

Язык – через культуру, культура – через язык (тема «Московское метро» на занятиях в итальянской аудитории)

Л. Л. Ружанская-Каццола

Веронский университет (Италия)

linaruj@alice.it

Преподавание русского языка как иностранного, интернет-ресурсы, страноведение.

Summary. The present report examines the teaching of the Russian language to Italian students through the study of the following theme: “Moscow Metro”.

Культурологический подход к изучению иностранного языка давно утвердился в лингводидактике и вызывает не столько дискуссии научного характера, сколько обсуждение методических решений, направленных на параллельное освоение учащимися иностранного языка и культуры.

Особую нагрузку несет культурологический аспект преподавания языка в неязыковой среде (как, например, в Веронском университете, где в Лингвистическом центре обучается около 200 студентов). Не имея опыта непосредственного знакомства с российской действительностью, итальянские студенты с большим интересом знакомятся с учебными материалами страноведческого и лингвострановедческого характера.

Стоит отметить, что учебники по русскому языку как иностранному предлагают весьма ограниченный набор тем и текстов страноведческого характера. Это обязательно тексты о Москве и Санкт-Петербурге, Красной площади, о некоторых улицах и достопримечательностях Москвы (Тверская, Арбат, Третьяковская галерея и др.). Мы предлагаем нашим студентам новые темы, среди которых и пользующаяся неизменным успехом тема «Московское метро».

Начинаем работать над темой на основе учебника О. Глазуновой «Давайте говорить по-русски», где в уроке по теме «Город и транспорт» предлагаются небольшие тексты о московском и петербургском метро. Мы расширяем и углубляем материал этого урока с помощью учебных документальных и художественных фильмов, а также посредством обращения к интернет-ресурсам. Так, студентам предлагается на основе сайта Артемия Лебедева www.metro.ru подготовить небольшие сообщения о станциях московского метро. Как показала практика, такие задания способствуют поддержанию мотивации учащихся и интенсификации учебного процесса.

До начала работы с сайтом, помимо общего ознакомления со схемой московского метрополитена, мы показываем се-

рию открыток «Московское метро». Использование наглядных пособий чрезвычайно полезно при обсуждении культурологических заданий, тем более что многие итальянские студенты не так часто пользуются метро в связи с тем, что этот вид транспорта нетипичен для Италии. Конечно, многие бывали в Милане и в Риме – только в этих городах есть метро. Некоторые были в Париже и в Лондоне, но те, кто побывал хотя бы один раз в Москве, всегда говорят о необыкновенном впечатлении, которое оставило у них московское метро.

Мы также предлагаем просмотр документального фильма «Подземный храм коммунизма» (1991 г., режиссер Игорь Минаев), который позволяет взглянуть на историю и архитектуру московского метро по-новому (фильм с субтитрами на французском языке в Интернете). Итак, «подземные дворцы» московского метро, его архитектура, декор – все это может служить поводом для обсуждения на занятии.

Тема «Московское метро» – это и предлог для повторения некоторых грамматических тем, например глаголов движения, которые так трудно усваиваются итальянскими учащимися.

Обращение к страноведческой проблематике на занятиях по русскому языку как иностранному, с одной стороны, приближает студентов к пониманию страны изучаемого языка, а с другой – позволяет активно использовать коммуникативный метод обучения, приблизить учебную коммуникацию к реальной, воспроизводить ситуации, вполне возможные в жизни большого города. Коммуникативные задания и ролевые игры, которыми завершается изучение темы «Московское метро», как нам кажется, вполне удачно имитируют реальные ситуации и готовят итальянских студентов к адекватному участию в них. Таким образом, обучение русскому языку осуществляется не формально и студенты осознают практическое значение получаемых на занятии знаний и умений.

Современные технологии и проблемы обучения русскому языку иностраных учащихся в предвузовской подготовке

В. И. Саямова, Т. В. Олешко

Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону)

irdorof@mail.ru, idorofeeva@lukoil.com

Foreign students, teaching technologies, pre-university stage.

Summary. A few modern technologies which provide solving some problems in teaching foreign students russian language at the preparatory faculty are considered. The aims of using these technologies and the methods of their realization are described.

В документах ЮНЕСКО (1986 г.) технология обучения представлена в качестве системного метода создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технологических и человеческих ресурсов, ставящего своей задачей оптимизацию форм и способов организации учебного процесса. Содержание технологии обуче-

ния иностранных учащихся на предвузовском этапе мыслится как содержание и структура учебной информации, предъявляемой студентам, подчиненной целям обучения, и комплекс упражнений и заданий, обеспечивающих формирование учебных, речевых навыков и умений, накопление первоначального опыта в учебно- профессиональной сфере деятельности.

Целью обучения иностранных учащихся на предвузовском этапе является их подготовка к изучению дисциплин в вузе в общем потоке с русскоговорящими студентами. Коммуникативная направленность обучения русскому языку как иностранному (РКИ) находит отражение в развитии речевой деятельности, основными видами которой выступают аудирование, говорение, чтение, письмо.

Наш опыт работы с иностранными учащимися на русском языке на предвузовском этапе подготовки позволяет выделить использование при этом следующих технологий обучения:

1. Информационные технологии

Цель: подготовка эрудированного специалиста, обладающего большим запасом информации. Как известно, информационные технологии – это система работы с информацией в широком значении этого слова, например, с учебной, научной, профессиональной или бытовой с применением новейших технических средств (компьютеров). Проблемы преподавания РКИ с использованием данной технологии обучения связаны с организацией разнообразных форм деятельности по самостоятельному извлечению и представлению знаний с помощью компьютера, обучению логике доказательств, реализации идей развивающего обучения.

2. Технологии обучения в сотрудничестве

Цель: формирование умений у учащихся эффективно работать сообща во временных командах и добиваться качественных образовательных результатов. Наличие умения работать в сотрудничестве является обязательным для успешного использования многих других современных технологий, составляющими которых являются, например, групповая работа, метод игры и проектов. Проблемы, возникающие при работе в группах обучающихся студентов из разных стран мира связаны с развитием у них таких личных качеств, как терпимость к различным точкам зрения и другому поведению, ответственность за результаты совместной работы, достижение согласия в конфликтных ситуациях и спорных вопросах.

3. Технологии коммуникативного обучения

Цель: совершенствование связи коммуникации в процессе обучения и информации, являющейся неотъемлемой частью коммуникации. Информационно-познавательный процесс, возникающий в связи с решением учебных задач, предполагает наряду с поиском, отбором, переработкой информации обмен ею между иностранными учащимися как субъектами учебно-познавательной деятельности.

Современная методика преподавания РКИ, координация работы преподавателей кафедр русского языка и общетеоретических дисциплин способствуют разработке учебных тем, созданию методических пособий и учебников медико-биологической направленности, которые формируют уровень коммуникативной, языковой, профессиональной компетентности, обеспечивают потребности будущих студентов-медиков в практическом овладении русским языком как средством общения, в первую очередь, в учебно-профессиональной и общекультурной сферах деятельности.

Учебное пособие «Ждем вас в России» (М., 2011), созданное преподавателями кафедры русского языка № 1 под-

готовительного факультета по обучению иностранных граждан Ростовского государственного медицинского университета, обеспечивает взаимосвязь обучения языковым средствам и речевой деятельности, готовит будущих специалистов-медиков к активному общению на русском языке, воплощает в себе технологию формирования коммуникативной компетенции. Проблемы при использовании такой единицы, как учебный текст, требуют особого внимания к подбору текстового материала, сформированного в виде тематических блоков, представляющих собой основу для решения коммуникативных задач, выполнение которых осуществляется с использованием соответствующих лексико-грамматических и речевых средств.

4. Проектные технологии обучения

Цель: решение теоретической или практической задачи, лично-значимой для учащегося. В методической литературе и в практике обучения РКИ используются различные варианты проектов: ролево-игровые проекты (разыгрывание ситуации); информационные проекты (подготовка сообщения на заданную тему на конференции); творческие работы (сочинение, перевод текста)

Ролевая игра как упражнение, в котором учащиеся исполняют различные социальные роли, способствует развитию речевой деятельности, успешному овладению языковыми средствами, повышению активности обучаемых. Чувство равенства, атмосфера увлеченности, радости, ощущение посильности заданий – все это дает обучаемым возможность преодолеть стеснительность, мешающую свободно употреблять в речи слова чужого языка, и благотворно сказывается на результатах обучения. В условиях обучения в медицинском вузе предпочтительнее использовать, например, сюжетно-ролевые игры на следующие темы: «В кабинете у врача», «Обход в палате», «В процедурном кабинете» и др. Проблемы в ходе выполнения творческой работы студентами с использованием данной технологии связаны с научением студентов-иностранцев самостоятельно добывать необходимую информацию, самостоятельно мыслить, устанавливать причинно-следственные связи.

5. Личностно-ориентированные технологии

Цель: формирование в процессе обучения активной личности, способной самостоятельно строить свою учебно-познавательную деятельность, создавать партнерские отношения между участниками учебного процесса, наиболее полно раскрывать личностный потенциал. Личностно-ориентированные технологии ставят в центр образовательной системы личность учащегося, обеспечение комфортных, бесконфликтных и безопасных условий ее развития. Проблемы преподавания с использованием данной технологии связаны с обучением иностранных учащихся рациональным приемам работы с книгой, чтением профессиональной ориентированной литературы, с повышением мотивации обучения на начальном этапе. Комплексность в преподавании РКИ, обучение общему владению языком, видам речевой деятельности и научному стилю речи, фонетическому и лексико-грамматическому аспектам – все это является основой повышения качества языковой подготовки иностранных учащихся.

Развитие речевых способностей студентов-иностранцев в процессе подготовки к учебной экскурсии и во время ее проведения самими учащимися

Т. М. Соколова

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

tatianaM.sokolova@rambler.ru

Культурно-историческое просвещение, развитие речевых способностей, работа с текстом, учебная экскурсия.

Summary. In order to develop the students' speaking skills when teaching Russian as a foreign language (RFL) at the intermediate level it would be expedient to prepare excursions to historical places as part of the training program. These excursions should be prepared and performed by students themselves with the RFL teacher's assistance. To prepare for the "guide" role, the students have to complete a number of written and oral tasks aimed at learning all aspects of an informational text describing some interesting place. By analyzing the original text and transforming it, the student becomes able to make up his / her own text to be presented in front of the whole group.

Задача эффективного развития речевых способностей студентов-иностранцев в процессе изучения РКИ с целью овладения основным комплексом средств общения на русском языке представляет собой ядро методической программы, которая призвана обеспечить успех по существу всей системы иноязычного образования. Такая задача одно-

временно является и одной из наиболее сложных проблем для преподавателя РКИ, которую ежедневно и ежедневно он должен решать как на уроке в контакте с учебной группой, так и при планировании других видов учебной деятельности своих иностранных учеников. Невозможно перечислить и даже представить себе все те пути, которые могут в той или

иной мере привести к практическому решению указанной задачи. Очевидно, что достижение желаемого успеха заключено в последовательном систематическом использовании комплекса мер, которые направлены на помощь в постижении учащимся не только произносительных, лексико-грамматических, лингвостилистических особенностей русского языка, но и содержательных составляющих общения на русском языке. К таким важным содержательным компонентам речевого общения следует отнести и актуальные для всех иностранных учащихся культурологические вопросы, включающие весьма широкий спектр этикетно-поведенческой, социально-бытовой, социально-культурной, культурно-исторической информации, которая должна быть органично включена в учебный процесс на правах обязательной части курса РКИ. Сегодня уже нет нужды убеждать педагогическое сообщество в том, что культура народа изучаемого языка (в нашем случае – русского языка) в процессе получения иноязычного образования является не фоном для освоения фонетико-интонационной системы и лексико-грамматических структур второго языка, а полноправным, необходимым и многоплановым объектом соизучения, питающим собой и наполняющим смыслом речевые действия и произведения учащихся. При обучении иностранцев РКИ в условиях русскоязычной среды преподаватели и студенты являются обладателями дополнительного (и очень мощного!) ресурса, в качестве которого выступают богатейшие историко-культурные и природные достопримечательности России. Поэтому естественно, что преподаватели РКИ на всех этапах работы с иностранной аудиторией организуют для учащихся экскурсии, что обычно приветствуется и самими обучаемыми. Традиционно учащиеся в этом случае пребывают в роли зрителей и слушателей, то есть по сути «туристов», которым экскурсоводы (или сами преподаватели РКИ) показывают архитектурные и скульптурные памятники, мемориалы, заслуживающие внимание объекты окружающей среды и рассказывают о них то, что может заинтересовать гостей из-за рубежа. Если экскурсию проводит на русском языке профессиональный гид, то уровень понимания иностранной аудиторией его устного текста, как правило, далек от желаемого. Поэтому сопровождающий группу преподаватель РКИ в краткие перерывы вынужден «переводить» рассказ экскурсовода на тот вариант русского языка, который доступен учащимся. И все равно часть сведений, сообщенных специалистом-музейщиком, остается для студентов закрытой. Несравненно больше актуальной информации извлекается иностранцами на подобной экскурсии, если ее проводит преподаватель РКИ, но и в этом случае учащиеся остаются в позиции слушателей. Во многих случаях избежать такой ситуации не удается, однако можно параллельно практиковать и другой способ приобщения студентов-иностранцев продвинутого этапа обучения к историко-культурному наследию России, превратив экскурсию не только в познавательное мероприятие, но и в действенное средство обучения студентов диалогической и

монологической русской речи. Частным примером реализации такого подхода к организации учебной деятельности студентов-иностранцев может служить опыт подготовки учебных экскурсий и их проведения стажерами, приезжающими в Россию на языковую практику из стран Запада и Востока. Предусматривается, что роль «гида» берут на себя сами учащиеся, которым надлежит предварительно на протяжении нескольких дней самостоятельно (но под руководством и контролем преподавателя) выполнить целую серию индивидуальных заданий, ориентированных преимущественно на работу с текстом, предложенным и предварительно методически обработанным преподавателем, где представлена информация (рассказ) о какой-либо российской достопримечательности. Типы и количество предлагаемых студенту к этому тексту заданий могут в известной мере варьироваться в зависимости от уровня языковой подготовки группы или отдельных учащихся.

Планируя названный вид учебных экскурсий, преподаватель должен заранее выбрать конкретное место в городе / пригороде, руководствуясь, в частности, таким соображением, как насыщенность выбранного пространства историко-культурными объектами. Опыт показывает, что оптимальным можно считать некий ансамбль, состоящий из 4–7 примечательных зданий и / или памятников. Для рассказа о каждом таком объекте из числа студентов назначается свой будущий «специалист», который будет в дальнейшем сам составлять для выступления перед своей группой текст об истории создания этой достопримечательности и о значении этого памятника для культуры России.

Следует подчеркнуть, что подготовка и проведение учебной экскурсии силами самих учащихся под руководством преподавателя РКИ – это лишь отдельный фрагмент в системе традиционно организованного обучения РКИ, занимающий вместе с самой экскурсией в общей сложности около 4–6 часов учебного времени (преимущественно внеаудиторного, предназначенного для самоподготовки студента). Такая форма учебной деятельности в рамках изучения РКИ представляет собой, с одной стороны, сочетание аудиторной и внеаудиторной (в том числе домашней) работы по культурно-историческому просвещению, а с другой – работу как над текстом в целом, так и над языковыми и речевыми его особенностями в области лексико-грамматических, фонетико-интонационных и лингвостилистических явлений. Вместе с тем реализация такой формы учебной деятельности создает условия для того, чтобы естественным образом совмещать все перечисленное выше с активизацией всех видов речевой деятельности и переходить от одного ее вида к другому в процессе анализа и трансформаций исходного текста, когда приходится уделять внимание попеременно чтению, письму, говорению и аудированию. В докладе предполагается раскрыть суть предлагаемой системы заданий, выделить этапы их выполнения, обосновать последовательность, привести конкретные примеры инструкций, формулировок отдельных заданий и т. п.

Формирование толерантности у студентов в полиэтнических группах

Е. В. Степанян

Московский педагогический государственный университет

stepanyanev@yandex.ru

Толерантность, микросоциум, языковая толерантность, полиэтнические группы, межкультурная коммуникация, поликультурная языковая личность, полиэтническая культура.

Summary. The paper considers actual problems of cultural adaptation of students in polyethnic groups and forming their tolerance.

В 1995 году ЮНЕСКО была принята Декларация принципов толерантности, характеризующая толерантность как «добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» и утверждает, что мир невозможен без толерантности, а развитие и демократия невозможны без мира.

Сегодня формирование толерантной модели поведения, уважительного отношения к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям у студентов в разных полиэтнических группах на уроках РКИ особенно актуально. Проблему толерантности можно считать не только социальной,

но и культурной, что подтверждает появление гуманитарных дисциплин «культура межнационального общения» и «межкультурная коммуникация». Основоположник последней Эдвард Холл считал, что ключом к успешной коммуникации является межкультурное обучение. Такое обучение студентов из Китая, Турции, Индонезии, Ирана, Ирака, Вьетнама, США, Англии на кафедре РКИ Московского педагогического государственного университета направлено не только на овладение русским языком, но и на формирование новой языковой личности, способной к взаимопониманию и взаимодействию в многонациональной среде. Та-

ким образом, процесс адаптации в микросоциуме должен быть результатом целенаправленной и постоянной работы вузовского преподавателя. Следует отметить основные трудности в процессе межличностного общения. Во-первых, преодоление культурного шока, который испытывают студенты, впервые приезжающие в Россию, от разницы культур, религий, традиций и обычаев. Во-вторых, необходимо учитывать, что работа с молодежью, как с наиболее восприимчивым социальным слоем, подверженным влиянию различных культур и процессов в обществе, должна быть предельно корректной и минимизирующей возможные агрессивные реакции.

Под поликультурной языковой личностью мы понимаем «творческий, гуманистический, билингвальный, этнотолерантный субъект со сформированными культурообразовательными ценностями, обладающий культурной компетенцией, самоидентификацией, навыками интеркультурной коммуникации в ситуации культурной плюралистической среды, адаптации к иным культурным ценностям, способный создавать материальные и духовные богатства» [1]. Воспитание такой личности, приобщение к полиэтнической культуре, выработка способности к диалогу, желанию взаимодействовать, уважению к историческим традициям, недопустимости конфессиональных и этнических конфликтов – первостепенные задачи преподавателя РКИ при работе в полиэтнических группах.

Знакомство с культурно-историческими ценностями страны изучаемого языка, обсуждение близости культур, общности морально-нравственных ценностей способствует атмосфере понимания и доброжелательности на уроках русского языка. Важным речевым инструментом может выступать языковая толерантность, необходимая для устранения возможных конфликтных ситуаций и позволяющая избежать любого проявления агрессии. Языковая (вербальная) толерантность, как отмечает О. В. Рубцова, предполагает «использование определенного лексикона (отсутствие унижительных, оскорбительных, издевательских и очернительных слов) и высказывание позитивных суждений (взвешенных, непредвзятых, доказательных, конструктивных, исключающих элементы провокационности и враждебности)» [2].

Развитие и изучение понятия толерантности в качестве обособленной языковой категории является актуальным и перспективным в связи с постоянно возникающими в современном мире проблемами национально-культурной специфики. Возможно создание универсальных форм коммуникативного поведения, общепринятых способов общения, толерантной лексики, фраз, фразеологизмов.

К вопросу о методике формирования профессионально значимых коммуникативно-речевых умений будущих преподавателей русского языка как иностранного

Е. Н. Тарасова

Московский государственный университет тонких химических технологий имени М. В. Ломоносова

mitxt-rki@yandex.ru

Стратегии усвоения вербального общения, портфолио преподавателя РКИ.

Summary. Actual problems of training of future teacher of RKI demand introduction in a modern technique not only approaches of transfer of knowledge, but also control from the teacher. Research activity presented in these materials is in an experimental stage.

Исследуемая проблематика формирования коммуникативной компетенции преподавателя РКИ поднимает два взаимосвязанных уровня исследования: первый из них связан с методикой обучения иноязычных студентов преподавателями РКИ, второй – с методикой обучения будущих преподавателей РКИ таким образом, чтобы их дальнейшая профессиональная деятельность была успешной. Таким образом, объектом нашего исследования является двуединая модель образовательного процесса в его коммуникативном аспекте, связанная многочисленными зависимостями. Элементами данной модели на разных уровнях выступают языковая и лингвистическая компетенции, профессионально-коммуникативная компетенция, системы знаний, умений и навыков, уровневые модели оценки компетентности. Од-

Для достижения успешности в межличностном общении необходимо каждому учащегося учить чувствительности к особенностям разных культур, уважению к уникальности каждой культуры, преодолению собственного национально-культурного центризма, способности анализировать поведение представителей других культур в сравнительном аспекте, терпимости к необычному поведению учащихся из других стран, гибкости в своем ответном поведении. Сближение межкультурной дистанции, воспитание готовности адаптироваться к иному социокультурному поведению представителей другого народа создаст возможность выработки оптимальной стратегии сотрудничества на занятиях.

Современного образованного молодого человека должна отличать способность терпимо и с пониманием относиться к интересам людей различных идеологических убеждений и верований, готовность к диалогу разных культур, умение анализировать особенности социокультурной среды, в которой он находится. Воспитание толерантности, как важной составляющей развития социокультурной личности, необходимо рассматривать в качестве одной из базовых компетенций.

Очень часто самому преподавателю РКИ требуется помощь в организации обучения межкультурному общению, так как освоение знаний в таких областях, как этнопсихология, социолингвистика, психолингвистика, межкультурная педагогика, еще не стало обязательным для тех, кто работает с иностранцами, поэтому преподавателю приходится трактовать вербальное и невербальное поведение иностранных учащихся. Диалог – одна из важнейших составляющих взаимодействия «учитель – ученик». В связи с этим выбор языковых средств в мультикультурной группе студентов должен быть особенно продуманным и корректным, необходимо дозировать «личностную» информацию, избегать конфликтогенов, то есть слов, способных вызвать конфликтную ситуацию. Таким образом, можно говорить о необходимости для преподавателя обладать еще и умением и способностью не только сгладить сложную ситуацию, но и постараться не допускать даже ее возникновения. Языковая толерантность необходима для эффективной культурной коммуникации, которая является непременным условием реализации общего принципа толерантности.

Литература

1. Батарчук Д. С. Психолого-педагогическое сопровождение развития поликультурной личности в условиях полиэтнической образовательной среды // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 12.
2. Рубцова О. В. Толерантность – необходимость, продиктованная временем [http://window.edu.ru/library/pdf2txt/531/63531/33686/page1].

усвоения, мониторинг речевой деятельности и оценку усвоения – речевой активности после ее завершения; «когнитивные», связанные с психологией усвоения коммуникативных единиц; «социоаффективные», связанные с социально-интериоризирующими деятельностными функциями при вербальном общении. Предмет «Русский язык как иностранный» принципиально отличается от других образовательных областей тем, что главным предметом обучения здесь выступает новый для студентов язык, который используется как инструмент деятельности (общения, познания). При этом информационная составляющая, в основном гуманитарного толка, играет особую роль, с одной стороны, создавая требуемую смысловую основу общения, с другой стороны, становясь объектом совместного изучения. Профессионализм языкового сознания преподавателя напрямую связан с его лингвистической компетенцией. Вместе с тем справедливо замечание В. В. Кульгавюк о том, что конкурентоспособность специалиста высшего образования основана не только на уровне его профессионализма и компетентности, но и на личностной [1].

В концепции открытого образования Европы важной составной частью процесса профессионального развития преподавателя и оценки его достижения является портфель (портфолио) преподавателя русского языка как иностранного. Под портфелем преподавателя понимается коллекция документов и работ, которые демонстрирует уровень профессиональной подготовленности преподавателя и его достижения. В Московском государственном университете тонких химических технологий им. М. В. Ломоносова, в Московском государственном педагогическом университете и др. уже успешно создаются профессиональные портфели преподавателей русского языка как иностранного. Компонентами портфеля являются документация и свидетельства накопленного опыта. В практике педагогической деятельности различаются следующие виды профессиональных портфелей: *портфель развития (process)* – собирается в процессе работы или учебы для демонстрации и оценки опыта работы; *отчетный портфель (product)* – свидетельствует о достижении какого-либо результата, подведении итогов при завершении работы над проектом, учебными материалами, *демонстрационный портфель (show-case)* – собрание, кол-

лекция лучших работ преподавателя (публикации, проекты, материалы к урокам). В области устной профессиональной речи отчетный портфель может быть основан на обобщении тех речевых моделей, которые накапливает в своей практике будущий преподаватель и которые составляют важнейшую часть его профессионально-коммуникативной компетенции, операционной стороны преподавания.

Именно профессионально-коммуникативная компетенция (в отличие от языковой и лингвистической) является частью профессиональной компетенции специалиста любого профиля; таким образом, привитие иностранным студентам именно навыков профессиональной коммуникации способно помочь им в их будущей профессиональной деятельности, вне зависимости от ее направленности. А значит, именно развитие профессионально-коммуникативной компетенции в первую очередь можно охарактеризовать как выполнение социального заказа общества по отношению к профессиональному образованию в целом, так и системы преподавания РКИ в частности. Вместе с тем в случае РКИ, как уточняет В. В. Молчановский, в содержание понятия «социальный заказ» включаются потребности общества, с одной стороны, и ожидания и потребности учащихся, с другой [2: 19]. А цели обучения, в свою очередь, напрямую зависят от социального заказа.

Таким образом, в современной парадигме педагогического профессионального образования компетентностный подход завоевал свое место как наиболее системный и многосторонний принцип оценки профессиональной готовности преподавателя. В работе преподавателя РКИ мы считаем принципиально важным вынесение на первый план профессионально-коммуникативной компетенции, без развития которой остальные компетенции будут недостаточным условием для эффективной профессиональной педагогической деятельности.

Литература

1. *Кульгавюк В. В.* Овладение профессионально ориентированной разговорной речью [www.t21.rgups.ru/archive/doc2011/2/15.doc].
2. *Молчановский В. В.* Состав и содержание профессионально-деятельностной компетенции преподавателя русского языка как иностранного: Дисс. ... доктора пед. наук. М., 1999.

Военно-технический профиль обучения учащихся-нефилологов

Е. Н. Тарасова

Военная академия ВПВО ВС РФ (Смоленск)

vip.elena.tarasova.59@mail.ru

Профиль обучения, учащиеся-нефилологи, иностранные военнослужащие, военный дискурс, военно-профессиональный цикл дисциплин.

Summary. The subject matter of this paper is the necessity and the possibility to highlight a separate military-and-technical profile within training process of trainees non-philologist; the paper also considers the grounds for highlighting of the abovementioned profile as a separate one.

Профиль обучения является базисной категорией методики преподавания русского языка, характеризующей сложившийся тип подготовки по языку и смежных с ним специальных и общеобразовательных дисциплин в зависимости от особенностей учебного процесса и потребностей учащихся в изучаемом языке [8: 76].

В методике преподавания русского языка как иностранного студентам-нефилологам принято выделять следующие профили обучения: естественнонаучный, научно-технический, гуманитарный. В конце XX столетия было предложено включить в этот перечень инженерный профиль (см. работы И. Б. Авдеевой, Г. М. Левиной – [1]; [4]). Однако перечисленные профили охватывают не все категории иностранных учащихся нефилологических специальностей, получающих образование в Российской Федерации. В частности, по данным открытой печати на 2010 год, в вузах Министерства обороны РФ обучалось от 5 до 8 тысяч иностранных военнослужащих из 50 государств мира, и численность учащихся продолжает увеличиваться год от года.

Подготовка военных специалистов для армий иностранных государств остается одним из главных направлений военно-технического сотрудничества России с зарубежными

странами. После реформирования системы высшего военного образования иностранные военнослужащие имеют возможность получить подготовку в 17 военно-учебных заведениях (на сегодняшний день это 3 военных учебных центра – ВУНЦа, 2 университета, 2 военных училища и 10 академий).

В силу своей ведомственной принадлежности Министерству обороны РФ военные учебные заведения занимают несколько изолированное положение в системе высшего профессионального образования Российской Федерации. Но это не только не исключает, а напротив, вызывает необходимость выделения самостоятельного военно-технического профиля обучения учащихся-нефилологов.

В военных вузах в настоящее время обучаются следующие категории учащихся: курсанты, слушатели, адъюнкты.

В частности, в соответствии с ФГОС в Военной академии ВПВО ВС РФ обучение ведется по направлениям подготовки «Специальные радиотехнические системы», «Применение и эксплуатация автоматизированных систем специального назначения», квалификация «специалист» (курсанты, срок обучения 5 лет). В рамках этих направлений выделяются военные специальности, например, «Применение и эксплуатация средств автоматизации радиотехнических и

зенитных ракетных комплексов войсковой ПВО»; «Применение подразделений и эксплуатация зенитных ракетных систем ближнего действия» и др.

На каждую военную специальность вуз разрабатывает квалификационные требования к военно-профессиональной подготовке выпускников, дополняющие требования ФГОС к уровню образования. Таким образом, учебные планы в обязательном порядке содержат военно-профессиональный цикл дисциплин, которые и обеспечивают подготовку учащегося как военного специалиста. Например, «Тактика подразделений войсковой ПВО», «Стрельба и боевая работа», «Управление огнем», «Основы управления техническим обеспечением войск», «Материально-техническое обеспечение боевых действий соединений, воинских частей и подразделений ПВО СВ».

Таким образом, наличие в системе подготовки офицеров учебных предметов, специфичных для военных специальностей, имеющих свой предмет описания, особенную структуру типового узкопрофильного текста, специфические синтаксические конструкции, свой тезаурус, служит основанием для выделения самостоятельного военно-технического профиля обучения.

Следует отметить, что специфика военной деятельности, ее структура, содержание профессиональной компетенции офицера, особенности военного дискурса, языковая личность офицера неоднократно становились предметом рассмотрения и описания исследователей (преимущественно из числа преподавателей РКИ военных вузов – см., например: [2], [3], [5], [6], [7] и др.)

Очевидно, что накопленный материал нуждается в анализе, обобщении и систематизации в интересах создания научно обоснованного описания военно-технического профи-

ля обучения, определяющего содержание, цели и задачи военного образования. Это означает, что существует проблема учебно-методического и языкового обеспечения названного профиля, и ставит перед русистами задачу разработки комплекса необходимых учебных средств.

Литература

1. Авдеева И. Б. Ориентация на когнитивный стиль при обучении русскому языку учащихся инженерного профиля // Мир русского слова. 2000. № 3. С. 33–40.
2. Арефьева Н. А. Языковая личность военнослужащего в аспекте коммуникативно-деятельностного подхода // Русский язык в современном обществе: проблемы преподавания. Сб. научных статей. Смоленск, 2007. С. 18–21;
3. Васильев Д. В. Функционально-стилевые черты русского армейского дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2004. С. 384–385;
4. Левина Г. М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу: Монография. М., 2003.
5. Супрун И. В. Командно-деловая речь как аспект обучения профессиональному общению на русском языке в военном вузе // Проблемы преподавания РКИ в вузах инженерного профиля. Материалы городского научно-методического семинара «Русский язык как иностранный в российских технических вузах». М., 2003.
6. Тарасова Е. Н. Об особенностях учебного текста по дисциплине «Общая тактика» // Материалы V Международной НПК «Аспекты изучения в целях преподавания РКИ». М., 2011;
7. Шаталова Н. С. Теоретические основы формирования речевого компонента профессиональной подготовки иностранных военнослужащих в вузе. Дис... докт. пед. наук. М., 2002.
8. Шуклин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. М., 2003.

Компьютерный жаргон как предмет изучения в иноязычной аудитории

М. А. Тихтиевская

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

tixti@bk.ru

Компьютерный жаргон, инофоны, русский интернет язык как иностранный.

Summary. The problem of studying the computer slang for the needs of the foreign audience are overviewed in the report. The main idea consists in the following: as the Internet has strongly entered in the modern life of Russian students, it would be useful for the foreign students to learn this kind of slang in order to be able to understand adequately the language of Russian students.

1. Компьютерный жаргон, в настоящее время прочно вошел в речь современной молодежи. Студенты активно используют в своей жизни компьютерные ресурсы, в частности сеть Интернет. Активное посещение социальных сетей создает свое коммуникативное пространство. Это связано с тем, что «компьютерные пользователи» с помощью новых слов и выражений желают упростить общение в сети и сделать его более мобильным. Стоит также отметить, что некоторые слова из компьютерного жаргона стали активно входить в общеупотребительную лексику. Например, слово «смайлик» раньше имело значение «компьютерный символ из последовательных знаков препинания, обозначающих улыбку или поцелуй (от англ. “smile” – улыбка)» [2], сейчас употребляется более широко – «улыбка или смех».

2. Анализ анкетирования, проведенного среди студентов-магистрантов 1-го и 2-го года обучения (Китай), показал, что иностранные учащиеся не владеют в полной мере информацией о компьютерном сленге. Однако они утверждают, что эта лексика им знакома, так как они часто слышат ее от русских студентов. Изучение данного пласта лексики в иностранной аудитории необходимо, так как в настоящее время компьютер занимает одну из ведущих ролей в жизни молодежи. Студенты активно общаются в социальных сетях, где присутствует «свой», табуированный язык, и «кновичок», особенно иностранец, может неправильно понять смысл того или иного сообщения. Для того, чтобы студент-

инофон свободно общался с российскими студентами, например, в социальных сетях, необходимо на уроках русского языка вводить данный языковой материал. Способы образования, пути возникновения и объяснение значения жаргонных слов позволит иностранному студенту свободно чувствовать себя в студенческих реалиях современной жизни молодежи.

3. Кроме того, изучение компьютерного жаргона на уроках русского языка не вызовет больших трудностей, так как компьютерный жаргон отличается от других жаргонов наибольшим количеством используемых слов-англицизмов, что делает данный пласт лексики максимально понятным иностранному студенту. Примером может послужить слово «лайкать». Это слово образовано от английского глагола “to like” – нравиться. Соответственно, жаргонное слово «лайкать» означает «отдавать предпочтение, заносить в список избранного» [3]. Однако, своевременное комментирование и объяснение значения избавит студента от коммуникативной неудачи и неправильного понимания жаргонного слова.

Литература

1. Лихолитов П. В. Компьютерный жаргон [http://www.gramota.ru – 1997].
2. Никитина Т. Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга СПб., 1998.
3. Словарь молодежного сленга [http://teenslang.su – 2012].

Профессиональный диалог как средство и цель обучения языку специальности: учебный текст и продукт речевой деятельности

Е. С. Трахтман, Н. А. Нечунаева, Т. Мерле

Академия МВД Эстонии (Таллинн)

Язык профессионального общения, специальности сферы внутренней безопасности, учебный текст, речевая деятельность, профессиональные коммуникативные компетенции

Summary. Professional dialogue with a client (in the broad sense of the word) is one of the main types of learning texts used by lecturers at Languages Centre of the Academy of Security Sciences when teaching professional language, thus being an effective mean of teaching. As well as, we are considering professional dialogue to be one of the objectives of the learning process, the final speech product of textual practice of those students, who successfully mastered the course of Russian language as a language of professional communication.

Академия МВД Эстонии готовит государственных служащих в сфере внутренней безопасности: *полицейских, пограничников, спасателей, специалистов налогово-таможенной службы, налоговых инспекторов, таможенников, служащих пенитенциарной системы*. Учебный предмет «Русский язык как язык специальности» – основной курс, образующий ядро обучения русскому языку как второму иностранному. Объем полного курса русского языка как языка специальности на дневном отделении составляет 36 академических часов (3 EAP), на заочном отделении от 12 (1,5 EAP) до 24 часов (3 EAP). Исключение составляют колледж юстиции, в котором 48 часов (4 EAP), и колледж полиции и погранохраны, в котором для кадетов, получающих профессиональное образование, курс языка по специальности 72 часа (6 EAP).

Столь небольшое количество учебных аудиторных часов требует от преподавателя Центра языков академии не только специальной программы и учебных материалов для каждой специальности, которые отвечали бы актуальным требованиям, предъявляемым к обучению и реальным потребностям современного профессионала. Основные принципы, которым мы следуем в своей преподавательской работе, – это интенсификация и коммуникативная направленность, то есть организация обучения языку через речь таким образом, чтобы у учащихся выработывались одновременно языковые и речевые навыки.

Не менее важно, чтобы в процессе обучения и учебный материал целенаправленно работал на конечный результат – обеспечивал формирование коммуникативных компетенций в сфере профессионального общения. Текстовый материал – учебный текст по специальности – мы подаем в таком языковом формате, чтобы он мог быть использован в речевом поведении, закреплялся в сознании учащегося в связи с конкретной профессиональной ситуацией и имел выход в индивидуальную речь. В ситуации социального заказа современной Эстонии – прежде всего в диалогическую речь на рабочем месте. *Профессиональный диалог* – один из основных типов учебного текста, используемый преподавателями Центра языков академии в обучении языку специальности, – является эффективным средством обучения.

Профессиональный диалог как учебный текст представляет собой (в нашем случае) аутентичный текст, живой, реальный диалог, который состоялся или мог бы состояться в конкретной профессиональной ситуации. В нем два участника коммуникации: *«государственный служащий (полицейский, пограничник, спасатель, налоговый инспектор, таможенник) и житель или гость Эстонии, говорящий по-русски»*. Обучающие диалоги – диалоги небольшого объема с типовыми речевыми конструкциями и лексическим наполнением, соответствующим теме (например, *Проверка пассажиров и документов на границе, Таможенный контроль, В патруле, Заявление в полицию, Проверка транспортного средства, Выезд на ДТП, Консультация в Налогово-таможенном департаменте*).

Работа с этим видом учебного текста позволяет студентам наиболее эффективно (с минимальными затратами времени, мотивированно и в интересных для них обучающих формах, с элементами ролевой игры) усваивать и активизировать профессиональную лексику и речевые конструкции, которые являются основой для профессионального общения, –

с одной стороны. С другой стороны – наличие в диалогах не шаблонной, с чертами языковой индивидуальности и зачастую эмоционально окрашенной речи собеседника, позволяет расширять и развивать коммуникативные умения, связанные с пониманием современной разговорной речи и адекватной реакцией в реальной речевой ситуации.

Задания к диалогам, как правило, условно делятся на обучающие: *Прочитайте диалог. Разыграйте диалог в парах. Придумайте по аналогии с прочитанным диалогом свой диалог*; и проверочные: *Вставьте пропущенные слова. Закончите предложения. Реконструируйте диалог. Восстановите диалог* – задание, в котором студенты составляют вопросы или фразы одного из участников диалога, на основе имеющихся в тексте реплик, фраз, вопросов другого. И те и другие задания можно использовать как для обучения, и что немаловажно для самостоятельной работы и самоконтроля, так и для промежуточного контроля полученных умений и навыков коммуникации.

Профессиональный диалог – одна из основных форм экзаменационной проверки коммуникативных компетенций наших студентов. Обычно на экзамене, в рамках заданных преподавателем профессиональных ситуаций, студенты в парах составляют два профессиональных диалога, чтобы каждый из экзаменуемых мог «исполнить» в диалоге обе роли. При оценке диалогов-выступлений учитываются такие критерии, как полнота содержания и соответствие теме, коммуникативная адекватность, учет адресата, владение необходимыми речевыми средствами, наличие/отсутствие коммуникативно-значимых ошибок.

В последнее время все чаще на экзамен приглашаются студенты, преподаватели, другие специалисты академии, родным языком которых является русский язык, чтобы они сыграли роль «жителя или гостя Эстонии говорящего по-русски». Ролевая игра или профессиональный диалог-экскурнт, в котором экзаменуемый находится в ситуации, наиболее приближенной к реальной профессиональной обстановке, – эффективная форма контроля. У студента, как и в реальной профессиональной жизни, нет времени «подготовиться» к диалогу. На рабочем месте заранее не известно, какая именно профессиональная ситуация потребует речевого и профессионального разрешения и как она будет развиваться. На экзамене студент как будущий профессионал создает речевой продукт адекватно складывающимся в процессе общения обстоятельствам, наиболее полно демонстрируя свои профессиональные коммуникативные компетенции.

Литература

1. Кузьмина Е. С. Интенсификация преподавания иностранного языка // *Nauczanie studentów języka rosyjskiego na kierunkach filologicznych i niefilologicznych*. Lublin; Warszawa, 2009.
2. Мустайоки А. Новые методические приемы в составлении учебного материала по русскому языку в Финляндии // *Лингводидактический поиск на рубеже веков*. М., 2000.
3. Нечунаева Н., Таммела М., Трахтман Е. Профессиональный диалог при изучении языка специальности в Академии МВД Эстонии. Личность, речь и юридическая практика. Ростов-на-Дону, 2013. С. 136–139.
4. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching and assessment Council of Europe 2001.

Тексты для обучения языку специальности в современном учебнике русского языка как неродного

Т. П. Трошкина

Казанский (Приволжский) федеральный университет

t_troshkina@mail.ru

Язык специальности, начальный этап обучения, смысловой и структурный анализ, презентация лексики, обучение продуцированию текста.

Summary. The semantic and structural analysis of the text focuses on the problems of the text, informative text units, the overall structure of the text, and the relationship between informative and cohesive parts of the text.

В последнее время при обучении русскому языку как неродному уделяется внимание взаимодействию лексической и грамматической семантики. Интегрирующей идеей методики русского языка как иностранного является коммуникативность, речевая и языковая компетенция, что в свою очередь предполагает осознание учащимися системности русского языка, его богатства и вариативных возможностей, постижения лексической и грамматической семантики.

Начиная с XIX в. казанские ученые преподавали русский язык в нерусской аудитории. Подробно останавливаясь на причинах успеха, В. А. Богородицкий отмечал, в первую очередь, языковую среду и преподавание на русском языке. При изучении системы склонения, видов глагола, акцентной парадигмы методисты опираются на традиции преподавания, заложенные представителями Казанской лингвистической школы.

Обучение русскому языку как неродному не ограничивается только вузовскими формами языковой подготовки. Развитие рыночных отношений, интеграция России в мировую экономику определили в качестве актуальной задачи обучение русскому языку как средству делового общения. Деловое общение традиционно выделяется как самостоятельный вид общения, но при этом в современной науке не существует единого определения данного понятия. Разница в определении делового общения как вида общения или как вида деятельности связана, по-видимому, с тем, что деловое общение в профессиональной сфере включает в себя в качестве обязательных элементов речевую деятельность как средство достижения цели общения и неречевую деятельность как цель общения.

Текстовый материал, служащий источником для обучения языку специальности, без сомнения, не повторяет курсы специальных дисциплин во всем их объеме. По профилирующим дисциплинам отбираются тексты, отражающие специфику данного типа текстов. Благодаря этому весь необходимый речевой материал отражается на занятиях по русскому языку в обобщенном (в языковом плане) виде, поэтому в нем представлены все наиболее важные стороны речевой деятельности студента на занятиях по специальности. Такой подход позволяет определить единицы обучения языку специальности, а также отобрать типы текстов для обучения монологической речи на материале различных дисциплин на разных этапах обучения, что оптимизирует учебный процесс.

Тексты в процессе обучения на начальном этапе требуют рассмотрения их содержательной структуры в органическом единстве с языковым оформлением. Отсюда вытекает необходимость использования текста как средства обучения языку и как источника информации, что обеспечивает коммуникативную компетенцию, соотносимую с реальной единицей общения. Основная задача, стоящая перед преподавателем на этом этапе, – помочь студентам сориентироваться в общем содержании темы за счет определенной компоновки материала. Схема организации текстового материала выглядит традиционно: первый текст – вводный; второй текст – актуальная проблема; третий текст – различные точки зрения по данному вопросу. При работе над первым текстом необходимо познакомить с содержанием темы, дать определение основных понятий, выявить основные положения по данному вопросу; второй текст дает дополнительную информацию по теме; третий – де-

монстрирует различные точки зрения по существующей проблеме.

Особого внимания требует обучение продуцированию текста, правила составления связного монологического высказывания. Принято полагать, что если студенты правильно строят отдельные предложения, то они способны соединять эти предложения друг с другом по тем нормам, которыми владеют носители русского языка. Однако это опровергается на практике, поскольку существует разница между пониманием и порождением текста. На продвинутом этапе обучения студенты детально анализируют текста-источника, что предваряет самостоятельное продуцирование текста. Первоначально осуществляется смысловая и структурный анализ текста, выявляется сущность текста, устанавливаются его информативные центры, смысловые связи внутри текста. Анализ проводится на разных языковых уровнях: на уровне предложения, на уровне абзаца и на уровне целого текста. Смысловая и структурный анализ текста включает в себя постановку смысловых вопросов к информативным единицам текста, которые фиксируют его проблематику и выявляют информативные центры текста. Определение информативных центров текста сопровождается анализом неосновной (дополнительной) части информативных единиц текста и определением характера смысловых связей между частями информации в границах информативных единиц и в рамках текста в целом. Таким образом, при смысловом и структурном анализе текста рассматривается проблематика текста, информативные единицы текста, общая структура текста и соотношение информативной и связующей частей текста.

На смысловую и структурный анализ текстов-источников опирается выработка навыков логики и связности построения письменного текста. В ходе этого анализа при установлении информативных единиц текстов разных уровней, при составлении планов разных типов, тезисов студенты наблюдают ранжировку информации текстов-источников, а при выявлении предикации текстов определяют движение темы. Для продуцирования текстов эти умения становятся базой реализации коммуникативных заданий, предполагающих комбинирование, объединение (наложение) и перераспределение информации двух или нескольких текстов-источников в соответствии с развитием общей темы, а также заданий, предполагающих построение по аналогии текста определенного типа.

Когнитивный анализ содержания обучения языку экономики на русском языке позволяет установить ряды пропозиций, обслуживающих определенные ситуации: презентация банка, коммерческие предложения, банки и финансы, биржи, аукционы и другие. Использование ситуаций как основы для презентации лексики создает необходимые условия для формирования системы ассоциативных связей, что позволяет учащемуся познавать и выстраивать системные отношения между разрозненными лексическими единицами. Чем шире представлены связи слова, тем легче оно для последующего восприятия и воспроизведения. Лексика, обслуживающая каждую тему, вступает в ряд парадигматических и синтагматических отношений. Так, сообщение о статусе банка является коммуникативно значимым для людей, занятых в сфере бизнеса, и формирование их коммуникативной компетенции на русском языке невозможно без установления системных связей лексических единиц в рамках данной темы.

Работа с квазиморфемами в иноязычной аудитории

Е. А. Филатова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

elafil@mail.ru

Корень, префикс, дериват, квази-морфема.

Summary. This paper deals with the question of a certain connection between a lexical meaning and a morpheme structure of verbs with a root quasi-morpheme. This question is discussed with a view to teach Russian to foreigners.

При работе над печатным текстом у иностранных студентов часто возникают трудности, связанные с восприятием графического образа незнакомого русского слова, не входящего в активный словарь учащихся. Трудности эти бывают вызваны неумением инофона правильно определить словообразовательную или морфемную структуру конкретной лексемы, например глагола, а значит, и верно семантизировать ее значение без обращения к словарю. Имеются в виду прежде всего лексемы, снабженные в толковых словарях пометами «устаревшее», «устаревающее» или «книжное», например: *отринуть*, *поникнуть*, *отторгнуть*, *ниспровергнуть*.

Трудности такого рода возникают, например, при работе со словами, семантика корневой морфемы которых в синхронной системе считается неопределяемой. Данное явление – наличие «квазиморфемы» (термин Е. С. Кубряковой) – рассмотрим на примере глагола с корневой квазиморфемой *-верг-(-верж-)*: *в-верг-а-ть*, *от-верг-а-ть*, *из-верг-а-ть*, *с-верг-а-ть*, *под-верг-а-ть* и т. д.

Дериваты данного ряда в современном русском языке не имеют беспрефиксных форм в силу архаичности, и следовательно, «стертости» значения корневой морфемы. Однако префиксы, которые когда-то были использованы для образования данных глаголов (*в-*, *от-*, *из-*, *с-*, *под-* и др.), в современном русском языке обладают высокой активностью. Так, например, они используются для образования деривационных форм акциональных глаголов со значением ‘движение, перемещение’, в том числе и глаголов движения (18 пар приставочных глагольных лексем).

На наш взгляд, в процессе обучения иностранцев русскому языку не только возможно, но и целесообразно (и прежде всего для такого контингента, как филологи) организовать работу над лексемами с квазиморфемами с целью «прояснить» их семантику в следующей последовательности.

1-й шаг. Рассмотреть ряд интересующих нас дериватов (с неопределяемой корневой семантикой) с точки зрения их

морфемной структуры, выделив «подвижную часть» – префиксы, например: *в-верг-а-ть*, *от-верг-а-ть*, *из-верг-а-ть*, *с-верг-а-ть*, *под-верг-а-ть* и т. д. (первый ряд).

2-й шаг. Сравнить первый ряд дериватов с рядами других дериватов с аналогичными морфологическими признаками и аналогичной морфемной структурой, имеющих при этом «прозрачную» корневую семантику. Например:

- 1) *в-ход-и-ть*, *от-ход-и-ть*, *ис-ход-и-ть*, *под-ход-и-ть*;
- 2) *в-брас-ыва-ть*, *от-брас-ыва-ть*, *вы-брас-ыва-ть*, *под-брас-ыва-ть* и др.

3. Определить семантику интересующей нас корневой квазиморфемы дериватов первого ряда по аналогии с семантикой корневой морфемы других рядов (на основании общности значений их некорневых морфем).

Применив данный алгоритм к глагольным лексемам с корнем *-верг-* (*-верж-*), приходим к пониманию того, что инвариантным значением этой морфемы является значение ‘движение, перемещение’ с конкретизацией движения в зависимости от значения приставки у конкретного глагольного деривата. Значение корневой морфемы *-верг-* (*-верж-*) оказывается аналогичным значениям корневых морфем *-ход-* (*-ве(д)-*), *-брос-* / *брас-* (*-брош-*). Приведем примеры: *Монарха свергли* (= ‘свели, сбросили с престола’); *Партнеры отвергли наше предложение* (= ‘отбросили, отказались от него’); *Экстремисты могут свергнуть страну в хаос* (= ‘ввести’); *Вулкан не извергался более пятидесяти лет* (= ‘не выбрасывал пепел, лаву’).

Таким образом, на основании морфемного анализа глаголов с архаичной корневой морфемой и сравнения их с другими глаголами с аналогичными морфемными структурами можно сделать вывод о том, что, например, так называемая «квазиморфема» *-верг-* (*-верж-*) имеет вполне определенную семантику, что позволяет говорить о ней как о полноценной морфеме и работать с ней так же, как с любой другой «определяемой» корневой морфемой.

База данных звучащей русской речи

О. Е. Фролова, С. А. Крейчи, С. Б. Потёмкин, Г. Е. Кедрова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

olga_frolova@list.ru, k46-7-47@yandex.ru, prolexprim@gmail.com, kedr@philol.msu.ru

База данных, ритмические структуры, РКИ.

Summary. The samples of Russian-sounding speech recorded from different native speakers is considered. The database will improve the training of Russian pronunciation of foreign students studying Russian as a foreign language.

Известно, что артикуляторные модели различных языков, а также их сходства и различия, изучены относительно мало. С этой целью нами создана база данных звучащей русской речи, включающая как орфоэпическую часть, так и часть с различными иноязычными явлениями. Основой базы данных послужил частотный словарь ритмических структур, предложенный профессором Л. В. Златоустовой. Ритмические структуры обозначены как 1/1, 2/1, 2/2, 3/1, 3/2, 3/3, 4/1, 4/2, 4/3, 4/4, 5/2, 5/3, 5/4, 5/5 и 6/4, где числитель дроби соответствует количеству слогов в слове, а знаменатель – номеру ударного слога.

Звучащий материал был записан носителями русского языка с нормативным литературным произношением, а также иностранными студентами филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, изучающими русский язык. Таким образом, на настоящий момент в базе данных, кроме носителей русского языка, имеются также записи носителей американского английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, голландского, польского, чешского, финского, шведского, турецкого, китайского, корейского и японского языков. Устройство базы данных предполагает ее дальнейшее расширение за счет нового материала.

При записи материала частотного словаря было найдено, что иноязычные явления в русской речи проявляются, в основном, в искажении ритмической структуры слова, отсутствии нормативной редукции гласных звуков в соответствующих местах, переносе ударения на другой слог, замене мягких согласных на твердые, и наоборот. Например: два стоящих в словаре подряд слова – «угол» и «уголь», произносил носителем чешского языка одинаково как [úгол] и [úгол], а носителем французского языка тоже одинаково, как [yóól] и [yóól].

Были отмечены также односложные слова, звучащие одинаково в разных языках, но имеющие различное смысловое значение и части слов, являющихся аналогичными частями и в других языках. Эти наблюдения говорят о совпадении артикуляторных «поз» в различных языках, и позволяют представить совокупность артикуляторных баз как некое векторное пространство, где траектории движения артикуляторных органов при формировании речевого высказывания пересекаются и образуют совпадающие артикуляционные паттерны.

При создании базы данных звучащей русской речи, интерес представляло также и просодическое оформление иностранцами высказываний на русском языке, а также члене-

ние высказывания на синтагмы. Поэтому каждому диктору давались одинаковые анкетные вопросы в количестве 23, которые записывались как пример чтения русского текста, и при этом записывались ответы на вопросы, как пример квазиспонтанной речи носителя определенного языка.

В результате был получен звучащий материал от 26 дикторов – носителей 15 языков.

Создаваемая база данных позволит использовать единицы, записанные в тождественных позициях, для обучения иностранных учащихся РКИ.

Формирование умений толерантного межкультурного общения при обучении русскому языку как иностранному

Н. Ж. Хамгокова

Российский университет дружбы народов (Москва)
ninahamgokova@mail.ru

Межкультурное общение, толерантность, этикетные нормы, речевое поведение.

Summary. Adapting to a foreign culture, the positive attitude to a different culture, assimilation of its norms and values, the ability to live and act according to its rules while maintaining their own cultural identity is an important condition for intercultural communication.

При изучении любого иностранного языка, в том числе и русского языка, большое значение имеет формирование умений толерантного межкультурного общения. Важное место в межкультурной коммуникации занимает знакомство не только с культурой русского народа, но и с культурой представителей различных народов. В Российском университете дружбы народов учатся студенты из 145 стран мира, из стран СНГ и разных регионов России. Русский язык является языком общения иностранных студентов. Изучая русский язык, иностранные студенты открывают для себя иную картину мира и иной код речевого поведения, который может органично восприниматься и приниматься или вызывать удивление или отторжение.

Выделяют шесть типов отношения к «иной культуре»:

- культуроцентристская позиция: все люди думают и поступают так же, как представители моей культуры (к примеру, инокультурные этикетные нормы, правила, языковые формы вызывают удивление);
- защита собственного культурного превосходства: различия между культурами признаются, но ценности другой культуры – угроза привычному порядку вещей, сложившемуся образу жизни (инокультурные этикетные нормы и правила вызывают раздражение);
- минимизация культурных различий: поиск объединяющих черт, недооценка культурных различий (специфика инокультурных этикетных правил игнорируется);
- принятие существования культурных различий: знание особенностей другой культуры, благожелательное к ней отношение, не предполагающее активное усвоение ее ценностей (инокультурные нормы и правила коммуникативного поведения воспринимаются благожелательно);
- адаптация к чужой культуре: позитивное отношение к чужой культуре, усвоение ее норм и ценностей, умение жить и действовать по ее правилам при сохранении собственной культурной идентичности (общение с представителями других национальных культур осуществляется с учетом принятых в этих культурах норм, правил, традиций);
- интеграция в чужую культуру: инокультурные нормы и ценности усваиваются в такой степени, что начинают восприниматься как свои собственные [1].

Что может помочь студенту-иностранцу преодолеть трудности, возникающие в различных ситуациях речевого общения, в силу того, что студент не знает норм речевого поведения, традиций тех, с кем он общается в университете, в общегититии, в общественных местах?

Систематическая работа с текстами, содержащими сведения о русской культуре, о культуре разных народов, методически правильно организованная работа с лексикой с на-

ционально-культурным компонентом значения помогут преодолеть иностранным учащимся культурно-языковые барьеры и успешно участвовать в русскоязычном общении. Для знакомства с традиционными праздниками, которые отмечают российские и иностранные учащиеся, можно прочитать небольшие тексты «Масленица», «Белый месяц», «Навруз», «Ураза – байрам», «Китайский Новый год», «Рождество Христово» на уроках по внеклассному чтению и провести беседу на тему: «Что мы знаем, о культуре других народов?»

После чтения текстов можно предложить учащимся следующие задания для беседы:

1. Расскажите о традициях, которые отражают своеобразие истории, культуры, быта, национальной психологии русского и других народов. Как вы понимаете их значение?
2. Какова роль этих праздников в жизни каждого человека?
3. Напишите слова, характеризующие культуру вашего народа. Совпадают ли они по значению со словами, характеризующими быт, культуру других народов?
4. Напишите небольшой текст о традициях вашего народа, которых нет у русского и других народов. Что общего в этих праздниках?
5. Что нового вы узнали о традициях других народов? Есть среди студентов, с которыми вы учитесь, представители этих народов?
6. Об обычаях каких народов вы хотели бы узнать в следующей беседе?
7. Выразите свое отношение к высказыванию великого ученого Д. С. Лихачёва: «Человечество должно почувствовать свое единство в сфере культуры. Нужно ясно осознать, что культурные ценности, накопленные народами, не принадлежат какому-нибудь муниципалитету, музею или даже отдельной стране. Они принадлежат всему человечеству. Мы должны думать и о культуре инков, и о культуре африканских народов. И о Кижях на Онежском озере, и об Анкаре в Турции, и об Ангкоре в Камбодже [2].

Итак, урок русского языка как иностранного должен развивать не только языковые, коммуникативные навыки и умения, но и умения межкультурного общения. Только языки и культура разных стран и народов способны объединить людей и воспитать толерантного гражданина мира.

Литература

1. Иконникова Н. К. Современные западные концепции межкультурной коммуникации (модели индивидуального поведения в ситуации контакта культур): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
2. Лихачёв Д. С. Воспитать в себе гражданина мира. СПб., 1997.
3. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования // Вестник образования России. 2004. № 12.

О развитии когнитивно-коммуникативных умений и навыков в системе профессионально-ориентированного обучения русскому языку на филологических факультетах

А. Я. Хачикян, И. Р. Саркисян

Ереванский государственный лингвистический университет им. В. Я. Брюсова (Армения),
Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна (Ереван, Армения)

Русский язык как иностранный, профессионально-ориентированное обучение, билингвальный / трилингвальный анализ языкового материала, когнитивно-коммуникативные умения.

Summary. We have developed professionally oriented system of teaching Russian as a foreign language on the bases of comparative-typological analysis of the linguistic material at Departments of Philology (Department of Armenian Philology, Department of Foreign Languages), which is a benchmark in the task of professionally oriented teaching Russian language at that departments. One of the possible ways of comparative analysis of linguistic material is to use a special composed on the basis of theoretical comparative-typological studies

bilingual and trilingual exercise-cases. It is productive form of training students' skills in contrastive / comparative analysis of the linguistic material.

В настоящее время в Армении в процессе преподавания русского языка как иностранного особо остро встает вопрос профессиональной подготовки студентов. Как правило, пути решения данной проблемы связаны с традиционным обучением, сущность которого – сообщающий процесс, то есть передача преподавателем готовых знаний для заучивания. Это, пожалуй, наиболее старый способ обучения, тесно связанный с традиционной дидактикой. Однако уже в XIX веке начали возникать различные дидактические направления, идущие вразрез с традиционным обучением.

Проблема содержания занятий по русскому языку в настоящее время приобретает особую актуальность. В связи с этим мы поставили перед собой цель создать новые формы обучения, отражающие динамику современного этапа. Такие формы обучения предполагают разработку адекватных заданий, которые были бы интересны учащимся, развивали их мышление, стимулировали общение, давали возможность студентам проявить себя и в то же время способствовали бы достижению поставленной учебной цели.

Одной из основных задач любого вида и направления обучения является развитие мышления учащихся. В вузе эта задача приобретает особый смысл – к концу обучения у студентов должно быть сформировано профессиональное мышление. Будущий специалист должен научиться профессионально мыслить, находить новые способы решения профессиональных задач, правильно ориентироваться в стремительном потоке научной информации, которая в нашей республике в основном преподносится на русском языке. Именно поэтому профессионально-ориентированные уроки русского языка как иностранного приобретают особую актуальность. Формирование профессионального мышления, на наш взгляд, должно основываться на формировании именно научно-теоретического типа мышления. При таких условиях оно является одновременно и творческим, и диалектическим.

Всестороннее развитие мышления возможно лишь в том случае, если в содержание обучения войдет ряд проблем и задач практического характера, которые потребуют самостоятельного мышления со стороны учащихся, самостоятельного выполнения заданий, согласованности практических работ с теоретическими, связи теории с практикой, творческих инициатив и поисков.

Учитывая все это, мы посчитали целесообразным и возможным проводить на филологических факультетах (факультет армянской филологии, факультет иностранных языков) экспериментальное обучение, основанное на контрастивном/ компаративном билингвальном/трилингвальном (русский, армянский, английский) анализе языкового материала, который, в свою очередь, является базовым ориентиром в решении задач профессионально-ориентированного обучения русскому языку на вышеназванных факультетах. Нами учитывались исследования и разработки многих ученых. Таким образом, предлагаемая нами методическая система не отменяет предшествующий опыт обучения, а напротив, использует весь имеющийся позитив.

Одним из возможных способов контрастивного анализа языкового материала является выполнение специально составленных (на основе теоретических трилингвальных компаративных / контрастивных исследований) билингвальных и полилингвальных упражнений-кейсов. Данные упражнения, на наш взгляд, являются собой продуктивную форму обучения, направленную, в первую очередь, на активизацию мышления и формирование у студентов-филологов навыков контрастивного / компаративного анализа.

Особенностью билингвальных и полилингвальных упражнений-кейсов является необходимое условие – сделать са-

мостоятельный вывод, который зачастую может стать первым научным «открытием» студента. Далее, каждое упражнение имеет несколько заданий, из которых одно или два имеют непосредственно лексико-грамматический характер. Остальные задания направлены на формирование навыков самостоятельного анализа языковых явлений.

Таким образом, контрастивный или компаративный (билингвальный или полилингвальный) анализ языкового материала на уроках русского языка проводится со студентами на основе выполнения специальных заданий-кейсов. При этом рационально обходится основной принцип традиционного обучения, то есть отсутствует передача преподавателем готовых знаний для заучивания. К знаниям студенты приходят самостоятельно в процессе выполнения специальных упражнений. Это во многом стимулирует и активизирует творческую деятельность учащихся. Приобретенные таким способом знания, согласно нашим наблюдениям, оказываются достаточно прочными, стабильными. При этом проблемность подачи языкового материала осуществляется с помощью создания ситуаций, когда учащийся сам вынужден добывать знания в ходе учебного процесса. В этом случае достигается цель интенсивного обучения: в минимальные сроки учащиеся усваивают максимальный объем учебного материала.

Было бы наивным полагать, что предлагаемая нами методическая система обучения русскому языку строится только на билингвальных и трилингвальных упражнениях. За основную единицу обучения в профессионально-ориентированной вузовской системе изучения русского языка мы принимаем научный или научно-популярный текст по специальности. В данном случае предпочтение отдается текстам по сопоставительной типологии языков, а также рекомендуется изучать тексты, касающиеся вопросов методики обучения иностранных языков (в школе, в вузе).

В последние годы в методике обучения русскому языку в РА в связи с установкой на практическое владение языком доминирует тенденция обучать именно устной речи. Это не только хорошо, но и необходимо. Однако при этом не следует забывать, что чтение по-прежнему остается существенно важным речевым процессом. Более того, в отличие от устной речи, чтение имеет большое значение в силу своих широких возможностей обогащения учащихся новыми знаниями. Здесь особую роль должна играть информативность и актуальность текста. При обучении чтению как виду общения вырисовывается главная задача – выделение информативно-познавательной функции общения через текст. Именно эта функция обеспечивает потребность в профессиональном общении, поддерживает мотивацию обучения.

Таким образом, предложенные методы обучения русскому языку ориентированы на самостоятельную деятельность обучаемых по профилю избранной специальности в искусственно созданной русской языковой среде, которая даёт возможность соединить воедино теоретическую подготовку и практические умения, необходимые для творческой деятельности в профессиональной сфере. Обучаемым предлагается осмыслить ситуации профессиональной деятельности, которые предусматривают необходимость осмысления проблемы, в процессе решения которой они вынужденно актуализируют необходимый для этого комплекс усвоенных знаний. Можно констатировать, что предлагаемая профессионально-ориентированная система обучения русскому языку направлена не только на освоение конкретных знаний или умений, но и на развитие общего интеллектуального и коммуникативного потенциала студентов.

Смарт учебник по русскому языку как иностранному как новый этап в парадигме: студент – учебник – преподаватель

С. С. Хромов

Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ)
chelovek653@mail.ru, shromov@mesi.ru

Русский язык как иностранный, смарт учебник, смарт преподавание, студент, преподаватель.

Summary. The report is devoted to a new type of the textbook in Russian as a foreign language – smart textbook. Three parts of education process are considered – student – textbook – teacher in a modern digital society.

В начале XXI века появился новый тип учебника по русскому языку как иностранному, к которому быстро «при-

клеилось» модное английское словечко смарт. Это слово быстро освоилось на рынке образовательных услуг в Рос-

сии, и им стали называть все имеющее отношение к инновациям: смарт технологии, смарт классы, смарт процессы, смарт учебники, смарт университеты, смарт общество, поколение смарт и даже смарт преподаватели и смарт студенты. Кстати сказать, до сих пор в русском языке четко не определена специфика его написания: слитно, раздельно или через дефис?

Что же понимается под смарт образованием, в частности в области преподавания русского языка как иностранного? Вопрос непростой, который требует дальнейшей углубленной лингводидактической, методической, методологической, психолингвистической, социологической разработки. В недавно вышедшей монографии под редакцией Н. В. Тихомировой и В. П. Тихомирова «Россия на пути к смарт обществу» предлагается разделить образовательный процесс на три этапа (вчера, сегодня, завтра) и рассмотреть его с точки зрения пяти компонентов: знания, технологии, преподавание, учитель и бизнес. Применительно к преподаванию русского языка иностранцам мы предлагаем несколько трансформировать эту схему, добавив к знаниям навыки, умения и компетенции. А компонент «бизнес» заменить на реальную речевую практику.

Вот как авторы монографии предлагают дифференцировать три этапа образовательного процесса: «Завтра» главным источником знания для студента станет Интернет, технологии будут индивидуально ориентированы и направлены на создание новых знаний. Процесс преподавания будет предполагать движение знаниевых объектов в любых направлениях от студента к преподавателю и обратно, от студента к студенту и т. д.» [1: 101–102].

Среди ключевых компонентов смарт обучения русскому языку как иностранному, равно как и иностранным языкам вообще, мы предлагаем выделить следующие:

- наличие электронного образовательного контента в свободном доступе для студентов в образовательных ресурсах;
- обеспечение обратной связи преподавателей и студентов, а также между студентами;
- обмен знаниями между преподавателями и студентами, а также между студентами;
- мобильный доступ к получению всех видов цифровых услуг в любой точке мира и в любое время;
- создание новых знаний, формирование, закрепление и развитие новых знаний, навыков, умений и компетенций;
- создание смарт окружения или среды смарт, приближающейся или идентичной естественному интеллекту;
- гибкое индивидуализированное обучение в интерактивной образовательной среде;
- комплексная модернизация всех образовательных процессов, методик, методов и технологий обучения;
- управление формированием новых знаний, навыков, умений и компетенций в информационной образовательной среде.

В реальной практике преподавания русского языка как иностранного на сегодняшний день функционируют три разных типа учебников: классический «бумажный», электронный и смарт. Как они соотносятся друг с другом в об-

разовательном процессе сейчас? Достаточно мирно, потому что каждый из них нашел свою нишу в обучении, а последний (смарт) только начинает разрабатываться и внедряться в учебный процесс, но за ним будущее.

Новые образовательные реалии XXI века, переход к смарт технологиям в практическом образовательном процессе ставят перед преподавателем русского языка как иностранного новые качественные цели и задачи, которые закреплены, в том числе и в образовательных стандартах 3 поколения. Исходя из компетентностного подхода в подготовке бакалавров и магистров, следует сфокусировать внимание на формировании и развитии следующих компетенций: умение организовать управление знаниями в информационном образовательном пространстве; наличие представлений об электронных образовательных ресурсах в области языка, культуры и межкультурной коммуникации; владение интерфейсом операционных систем; наличие общих представлений в сфере мультимедийных технологий; владение навыками пользователя офисных технологий в контексте подготовки рабочих документов; владение техникой подготовки графических иллюстраций; владение базовыми навыками Интернет-сервиса и Интернет-технологий; владение основами технологий построения веб-сайтов; навыки создания и размещения электронной страницы в Интернете; владение навыками критической оценки и построения сайтов, созданных профессионалами в области русского языка; владение навыками использования ресурсов классического Интернета для преподавания грамматики, лексики, фонетики, аудирования, чтения, письма и говорения; навыки создания креолизованных текстов на русском языке; навыки интеграции социальных сервисов Интернета второго поколения в процесс преподавания русского языка; навыки использования технологий веб-блогов для оптимизации преподавания культурологических дисциплин; навыки создания учебного веб-блога; навыки интеграции социальных сервисов в учебный веб-блог для развития навыков и умений говорения и письма; навыки использования коммуникационных технологий – форумы, чаты – в традиционном процессе преподавания русского языка как иностранного; навыки использования технологий видеоконференций для формирования межкультурной компетенции студентов.

В информационном образовательном пространстве изменились следующие составные части образовательного процесса в преподавании русского языка как иностранного: 1) парадигма образовательного процесса; 2) содержание образовательного процесса; 3) способ передачи знаний, навыков и умений; 4) способ усвоения знаний, навыков и умений; 5) способ формирования компетенций различного уровня; 6) качественно трансформировалась профессиональная программа преподавателя русского языка как иностранного; 7) качественно изменилось содержание, структура и формы представления учебных материалов в электронных и смарт учебниках нового поколения.

Литература

1. Россия на пути к SMART обществу: Монография / Под ред. проф. Н. В. Тихомировой, проф. В. П. Тихомирова). М., 2012.

Один день Марины Цветаевой. Лингвострановедческий потенциал «Стихов о Москве»

О. В. Чагина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

aichagin@mail.ru

Цветаева, стихи о Москве, РКИ.

Summary. Two poems by Marina Tsvetaeva are being analyzed in the work from the position of linguistic and cognitive reading and opportunities of teaching Russian for foreigners.

Цикл «Стихов о Москве» М. Цветаевой открывается двумя стихотворениями, датированными одним числом – 31 марта 1916 года: «Облака – вокруг...» и «Из рук моих – нерукотворный град...». У стихотворений этих немало будущего. Оба написаны в форме обращения; первое – к будущему первенцу, дочери Ариадне («бремя лучшее, дерево мое невесомое»), второе – к Осипу Мандельштаму как к родственной душе («мой странный, мой прекрасный брат»). В обоих стихотворениях совершается акт «дарения» – автор

дарит будущему ребенку и близкому другу *свою* Москву, город, живущий в ее сердце, достояние ее души.

При этом внутренняя смысловая структура двух стихотворений во многом противоположна друг другу. Если в первом стихотворении героиня дарит целый мир – Москву будущему ребенку, то во втором дар ее души предназначен не просто близкому человеку, но поэту, творцу, достойному принять «нерукотворный град» как Божий дар и быть принятым им, преобразиться в нем.

Основным подходом к анализу поэтического произведения на уроках РКИ является углубленное филологическое погружение в текст, анализ поэтического синтаксиса и образности стихотворения, внимание ко всем подробностям его художественной структуры и языка (к лексике, фонетике, грамматическому строю поэтической речи). В сообщении демонстрируются приемы работы над поэтическим текстом, позволяющие высветить его своеобразие. Так, чтобы иностранец почувствовал звучащую красоту двух цветаевских стихотворений, стоит обратить внимание на характер колокольных звонов в каждом из них. В стихотворении «Облака – вокруг...» это серебряные, мелодичные, переливчатые звоны, доносящиеся до нас в широко используемых здесь открытых гласных *а, о*, сонорных *л, н* («вольный», «колокольный», «рание», «на Ваганькове»). А в раздающемся во втором стихотворении колокольном звоне кремлевских соборов слышится могущество божественной воли, совершающей открывающееся поэту чудо – достигается это использованием взрывных *б, в*, сочетанием согласных: *возблещут, взгремят*.

Национальная языковая картина стихотворений поддерживается зрительным восприятием. По оценкам иностранных студентов в первом стихотворении картина представляется им «белой» или «светлой» (белые *облака* на синем небе). В значении прилагательного *белый* долгое время сохранялась сема 'сверкающий, сияющий', что поддерживается контекстом стихотворения. Все это создает ощущение движения и радости, устремленности в будущее. Цветовую гамму второго стихотворения определяют разные оттенки красного: *червонные купола, багряные облака*, требующие в иностранной аудитории обращения к этимологии (*червонный* – от слова *червь*: некоторые виды червей использовались для получения красной краски; *багряный* – от ст.-сл. корня *багръ* – 'красный цвет', более темный, чем червонный). Красные, «закатные» краски Кремля ассоциируются с прошлыми, с событиями, уходящими в глубь истории.

Во втором стихотворении перечисление открытий, которые предстоят «чужеземному гостю» в Кремле, связано с употреблением безэквивалентной лексики, овладение которой также является важным аспектом лингвострановедческого анализа. Каждый из храмов «пятисоборного несравненного круга» – это сгусток истории, и их названия должны вызывать в восприятии иностранного читателя исторические образы и ассоциации.

Лингвострановедческой семантизации в иностранной аудитории требует обширный пласт религиозной лексики: *купола, венец, пост, колокола, колокольный звон, нерукотворный, церкви, голубки, православный, часовня, Нечаяная Радость, Богородица, покров*.

Сквозной образ цветаевских стихотворений о Москве – фразеологизм *сорок сороков*. На уровне обывденного языкового сознания это нередко понимается как 1600 церквей. Однако рассмотрение этого фразеологизма в диахронии позволяет выявить в нем национально-культурный компонент. В Московской Руси население больших городов было разделено на участки, состоящие из сорока дворов (*сороки*). Они объединялись вокруг какой-либо главной церкви. Когда число *сороков* достигло сорока, возникло это выражение.

Ощущение времени в стихотворениях цикла создается не только фонетическими и лексическими средствами, но и самой грамматикой. Синтаксис «Облаков...» – это использование номинативных предложений, построенных по модели Им. п. + наречие с нулевой связкой (*облака – вокруг / купола – вокруг*), употребление глаголов в форме будущего времени (*будет твой черед*), инфинитивных предложений со значением неизбежности (*царевать тебе, горевать тебе*), форм императива со значением наказа (*ты постом говей, не сурьми бровей; исходи пешком...*). В совокупности с фонетическими особенностями стихотворения, его лексическим наполнением формируется модель: настоящее – будущее.

Во втором стихотворении также используется императив, но уже в значении предложения (*прими*) с перечислением даров, предназначенных другу. Форма преподнесения дара «древнему, вдохновенному другу» – постепенно, шаг за шагом – также отражена в цветаевском синтаксисе и требует преподавательского комментария: это дистрибутивная форма дательного падежа с предлогом *по* (*по церковке*), парцелляция (со второго по пятое двустипшие), ряд однородных членов. Временная форма глаголов – будущее время (*взгремят, взблещут, уронит, встанешь, не расквасишься*). Все это в сочетании с фонетическим обликом стихотворения, его лексикой формирует модель: прошлое – настоящее – будущее.

Подобный анализ поэтического текста на уроках РКИ позволяет выявить внутренние смыслы, живущие в произведении, и помочь иностранному учащемуся понять его художественное и национальное своеобразие.

Специфика языковой подготовки китайских учащихся в процессе учебно-профессиональной и социокультурной адаптации

Т. П. Чепкова

Московский педагогический государственный университет

tachep@mail.ru

Русский язык как иностранный, языковая подготовка, социокультурная адаптация, учебно-профессиональная адаптация.

Summary. The report is devoted to specifics of language training of Chinese students in Russian universities, their educational, professional and socio-cultural adaptation to the Russian educational environment.

В современной методике преподавания РКИ общепризнанным является тот факт, что без знакомства с реалиями страны изучаемого языка и особенностями ее культуры иностранный учащийся не может полноценно общаться с носителями русского языка. Для китайских студентов, которые в последние десятилетия составляют более 80% всех иностранных учащихся, обучающихся на кафедре РКИ Московского педагогического государственного университета (МПГУ), особенно важна учебная и социокультурная адаптация, поскольку их уровень владения русским языком и знаний о нашей стране часто является недостаточным для восприятия и осмысления изучаемого материала, успешного выполнения вузовских программ, адекватного общения с носителями русского языка в различных коммуникативных ситуациях. Поэтому, находясь в России, китайские учащиеся должны приспособиться к новым психологическим, бытовым и социальным условиям, то есть адаптироваться в социокультурном отношении.

Под социокультурной адаптацией следует понимать процесс вхождения иностранного студента в социокультурное пространство города, страны изучаемого языка, в результате которого поведение инофона начинает соответствовать

требованиям окружающей среды. Кроме этого, социокультурная адаптация – это не только процесс, но и результат усвоения учащимися норм, ценностей и традиций, принятых в стране изучаемого языка. Одной из сфер социокультурного пространства является образовательная среда, поэтому учебно-профессиональная адаптация – это процесс привыкания иностранного студента к образовательной среде вуза: определенной учебной группе, требованиям преподавателей и т. д.

Установление оптимального соответствия между требованиями социокультурного пространства и поведением инофона невозможно без развития и обогащения языковой личности средствами языка. Именно языковая подготовка иностранных учащихся способствует получению совокупной информации по истории, культуре, политике, экономике и т. д. страны изучаемого языка, обеспечивает реализацию их речевого поведения в инокультурном пространстве и создает благоприятные условия для их комфортного бытия в окружающей действительности.

Обучение и проживание китайских студентов в Москве становится для них действительно комфортным при наличии у них лингвострановедческих знаний, например, о мно-

гонациональном населении России, об истории Москвы, о спортивной, театральной и т. п. жизни столицы; об университете, в котором они учатся. Помочь иностранцам-первокурсникам адаптироваться к новой для них учебной и бытовой среде призвана работа с пособием О. В. Филипповой, Л. Г. Шарликовой «Я учусь в педагогическом университете» [1]. Тексты пособия и задания к ним содержат лексический материал и грамматические конструкции, помогающие студентам получить и усвоить информацию об учебной и социокультурной сфере вуза, в который они поступили.

Уделяя внимание вопросам повышения уровня языковой подготовки иностранных студентов, преподаватели кафедры РКИ МПГУ работают над созданием особой методики преподавания русского языка китайским учащимся. Ее специфика обусловлена рядом причин. Во-первых, особенностями менталитета китайских учащихся и их типичными чертами характера (коллективизмом, подчинением коллективу, боязнью потерять лицо в глазах коллектива, стремлением быть успешным в учебе, работе, трудолюбием и др.). Во-вторых, различием систем обучения иностранным языкам в Китае и России. Работая с китайскими учащимися, необходимо учитывать и тот факт, что они лучше овладевают письменной речью, чем устной, и испытывают трудности при пересказе прочитанного текста (они его заучивают, а не пересказывают). В-третьих, резким отличием системы китайского языка от русской языковой системы. В-четвертых, необходимо учитывать психологические особенности китайской языковой личности и методические традиции. Так, например, у китайских студентов хорошо развита механическая память, поскольку, обучаясь у себя на родине, они должны усваивать большое число иероглифов. Поэтому при изучении РКИ китайские студенты опираются в большей степени на механическую память, чем на логическую.

Наш опыт работы с китайскими учащимися показывает, что на процесс и результаты языковой подготовки студентов КНР непосредственное влияние оказывает как образовательная среда, в которой проходит процесс адаптации, так и личная мотивация.

Известно, что китайские студенты привыкли к достаточно жестким учебно-воспитательным методам, распространенным в родной для них образовательной среде. Организация учебного процесса в Китае носит авторитарный характер и опирается на высокую дисциплинированность учащихся. Об этом свидетельствует опыт работы со стажерами, еже-

годно приезжающими в МПГУ из Китая. В течение десяти месяцев они изучают русский язык на кафедре РКИ, занимаясь в группах, целиком состоящих из китайцев. В таких группах сильны социальные и этнические связи, что вызывает ограничения в общении с носителями русского языка во внеаудиторное время. Как результат этого, китайские стажеры в большей степени следуют тем нормам поведения, которые сложились в родной для них образовательной среде, демонстрируя такие качества, как позитивное отношение к учебе, трудолюбие, стремление к высоким результатам, настойчивость в их достижении. Эти качества, безусловно, способствуют повышению уровня их языковой подготовки. В то же время при изучении русского языка китайскими стажерами традиционно возникает ряд проблем, главная из которых – отсутствие речевой практики и несформированности навыков диалогической речи.

В отличие от стажеров, китайские студенты учатся на большинстве факультетов в русских группах. Оказавшись в менее авторитарном образовательном пространстве, чем у себя на родине, китайские студенты быстро адаптируются к российской образовательной среде, сложившейся в последние десятилетия, и перенимают негативные стереотипы поведения русских студентов: позволяют себе пропускать занятия, пренебрегать требованиями преподавателей, не выполняют домашние задания. В такой ситуации повышение качества языковой и профессиональной подготовки китайских учащихся требует напряженной работы преподавателя.

Однако необходимо отметить, что китайские студенты, приезжающие в Москву, чтобы учиться на филологических или гуманитарных факультетах, как правило, уже обладают знаниями по русской истории, знакомы с русской культурой. Вследствие этого они легче воспринимают новый материал по специальности, быстрее идут на контакт с представителями русской и иных культур. Степень их учебно-профессиональной и социокультурной адаптации создает предпосылки для наиболее полной реализации их собственного потенциала.

Таким образом, вопрос повышения уровня языковой подготовки китайских учащихся напрямую связан с процессами учебно-профессиональной и социокультурной адаптации.

Литература

1. Филиппова О. В., Шарликова Л. Г. Я учусь в педагогическом университете. М., 2006.

Возможности дисциплины «Русский язык как иностранный» для подготовки к клинической практике студентов-медиков

В. М. Чиркова

Курский государственный медицинский университет

veramail83@gmail.com

Русский язык как иностранный, клиническая практика, студенты-медики, профессиональное общение.

Summary. The paper is devoted to revealing the scope of discipline Russian as a Foreign Language in the process of training medical students for their professional activity, that is for their clinical practice in Russian patient care institutions.

Одной из главных проблем современной педагогики и психологии продолжает оставаться проблема профессиональной подготовки будущих специалистов. В вузе у учащихся формируются различные специальные умения, необходимые им в дальнейшем для эффективного осуществления будущей профессиональной деятельности.

Основной целью изучения русского языка иностранными студентами-медиками является использование его при выполнении задач своей клинической практики, следовательно, русский язык является средством овладения медицинской профессией.

Обучение иностранных граждан в Курском государственном медицинском университете осуществляется на английском языке, однако им так же необходим русский язык для своей профессиональной деятельности (чтение специальной литературы на русском языке, выступление на научно-практических конференциях, общение с пациентами и коллегами в условиях клинической практики).

Русский язык как иностранный является инструментом профессионального общения и инструментом без которого невозможно формирование общекультурных и общепрофессиональных компетенций иностранного студента-медика.

Обучение иностранных студентов-медиков профессиональному общению на русском языке является важнейшей задачей профессиональной подготовки и включает в себя формирование профессиональных навыков устной и письменной речи, навыков речевого поведения в профессиональных ситуациях, навыков понимания и языковой реакции на разговорную речь больного, которые необходимы студентам, как для успешного общения с больными, так и для записи в историю болезни субъективных и объективных данных о состоянии больного.

Успешность прохождения клинической практики зависит не только от качества приобретенных знаний по предметам медицинского профиля, которые студенты изучают на английском языке, но так же и от уровня знаний по русскому языку, поэтому для иностранных студентов-медиков, изучающих русский язык, помимо социокультурной тематики в программу вводится обязательное изучение профессионально направленных тем, таких как «Методы клинического исследования», «Дыхательная система», «Пищеварительная система», «Заболевания внутренних органов» и др.

Подготовка к клинической практике на занятиях по русскому языку как иностранному строится на основе пропе-

девического подхода и включает в себя специальные тексты, составленные на базе отечественных и зарубежных учебников по медицине. Содержание текстов включает определение заболевания и его симптомов, описание причин заболевания, жалобы больного, клиническую картину и рекомендации по лечению данного заболевания. Особое внимание на занятиях уделяется формированию умений диалогической речи, так как основная задача студента-практиканта провести расспрос больного и записать полученные данные в историю болезни. Каждая изучаемая тема включает в себя диалоги «Врач – больной». Все упражнения при работе с диалогом направлены на обучение формулированию точных смысловых вопросов врача пациенту с использованием различных вопросительных слов и интонации. Подобные вопросы являются важнейшей составной частью обследования больного и уточнения диагноза заболевания.

Работа по обучению диалогу-расспросу «Врач-больной» ведется в определенной последовательности:

1. Паспортные данные больного.
2. Жалобы.
3. История настоящего заболевания.
4. История жизни больного.
5. Настоящее состояние больного.
6. Предположительный диагноз.

Особенности коммуникативной методики обучения русскому языку как иностранному на довузовском этапе подготовки

Г. Г. Шутько, Е. В. Черненко

Ростовский медицинский университет (Ростов-на-Дону)

and6531372@yandex.ru

Языковое образование – the language education, формулировать – to found, коммуникативная компетенция – communicative jurisdiction, семиотический свойства – semiotic properties, способность содержать информацию разных видов – ability to keep information of different kind.

Summary. One of the main task of the language education for foreign students at the preparatory faculty is the foundation of communicative jurisdiction. That is ability to generate texts, equal intention in the sphere and appropriate situation of association and linguistically equal to perceive and interprise texts of different style and genre. That is namely text is the highest unit of communication is consisted as the main object of communicative – oriented teaching language and speech activity.

Одной из главных задач при обучении русскому языку иностранных учащихся на подготовительном факультете является формирование у них учебно-профессиональной коммуникативной компетенции, т. е. умения порождать высказывания, адекватные намерениям в определенной сфере и ситуации общения, и лингвистически адекватно воспринимать и интерпретировать тексты по специальности. Поэтому именно текст, являющийся высшей единицей коммуникации, рассматривается как основной объект коммуникативно-ориентированного обучения языку и речевой деятельности на довузовском этапе подготовки.

Центральное место обучающего текста в системе специального образования определяется его семиотическими свойствами и коммуникативными функциями. Как известно, основным семиотическим свойством текста является его способность содержать информацию разных видов – предметную, оценочную, эстетическую, эмоциональную и др. Основная коммуникативная функция текста – передавать эту информацию. Только в тексте могут быть наиболее полно реализованы речевые интенции говорящих / пишущих, и только в тексте могут найти наиболее полную реализацию коммуникативные функции языка.

При обучении продуктивным видам речевой деятельности на русском языке на довузовском этапе подготовки учитывается опыт работы по формированию у иностранных студентов умений и навыков чтения, конспектирования учебно-научной литературы по специальности, а также слушания и записи лекций, что позволяет определить параметры текстов, используемых в учебном процессе. Одной из таких важнейших характеристик является языковая и экстралингвистическая научно-предметная информативность текста. Именно наличие и соотношение той и другой в зависимости от назначения текста (текст для чтения, конспектирования или аудиотекст), этапа формирования речевых навыков, психологических аспектов механизма продуцирования речевой деятельности обеспечивает создание прочной моти-

Каждый урок завершается итоговым контрольным заданием-тестом, направленным на проверку усвоения содержания темы и ее лексико-грамматического материала.

На занятиях по русскому языку как иностранному осуществляется всесторонняя подготовка студентов к клинической практике, включающая не только изучение профессиональных медицинских тем, но и развитие всех видов речевой деятельности учащихся: аудирования (восприятие на слух устной разговорной речи больного); говорения (обмен информацией при общении врача с больными и коллегами); письма (оформление записей в медицинской карте) и чтения (получение необходимой информации из источника – текста, записей в медицинской карте).

В медицинском вузе обучение профессиональному общению должно осуществляться на основе конкретного учебно-методического обеспечения, ориентированного на нужды иностранных студентов-медиков в процессе подготовки к профессиональной деятельности в условиях для прохождения клинической практики.

Дисциплина «Русский язык как иностранный» обладает широкими возможностями для развития всех умений, необходимых иностранным студентам-медикам для прохождения клинической практики в российских лечебных учреждениях. Развитие данных умений происходит как в процессе подготовки к клинической практике в вузе, так и в процессе прохождения ее в лечебных учреждениях.

вационной основы обучения иностранных студентов на подготовительном факультете.

На начальном этапе обучения научному стилю речи на подготовительном факультете медицинского вуза, то есть во втором концентре, текстовый материал для чтения и конспектирования должен быть представлен специально составленными небольшими грамматикализованными учебными текстами по химии и биологии. Характерной особенностью текстов данного этапа обучения является их высокая языковая информативность, обеспечивающая овладение типичными для научного стиля лексико-грамматическими конструкциями, общенаучной лексикой и терминами языка специальности.

В третьем концентре тексты для чтения и конспектирования могут содержать меньшее количество новых лексико-грамматических единиц, что обусловлено необходимостью закрепления и активации уже знакомого материала в процессе развития продуктивных видов речевой деятельности, но отличаются большим объемом. Кроме того, на данном этапе обучения нам кажется целесообразным знакомить иностранных студентов с адаптированными научно-популярными текстами по медицине, что повышает мотивацию обучения. В противном случае, как показывают наблюдения, снижение степени языковой информативности текстов приводит к снижению познавательного интереса учащихся. Единственным способом избежать этого считаем повышение предметной информативности, то есть тесты должны содержать новую актуальную научно-предметную информацию медико-биологической направленности.

При обучении аудированию, слушанию и записи лекций подход к структурированию текстов должен быть другим, так как другими являются и механизмы формирования соответствующих навыков. Учитывая, что умения и навыки аудирования вырабатываются медленнее и в разной степени у разных учащихся, считаем, что аудиотексты не должны содержать незнакомых лексико-грамматических конструкций, а языковая информативность может быть незначитель-

ной, в основном за счет отдельных лексических единиц. При данном подходе основным фактором, способным подержать необходимый интерес учащихся и высокую концентрацию внимания, является научно-предметная информативность аудиоматериала, его актуальность для их будущей профессиональной деятельности.

Ортологические ошибки в речи русскоязычных казахстанцев

Л. В. Эглит

Казахский национальный педагогический институт имени Абая (Алматы, Казахстан)

yuliya.manina@yahoo.com

Норма, неравноправные варианты нормы, ортологические ошибки, ударение.

Summary. The report shall present the analysis of the most typical mistakes regarding the infringement of literature norm in the language of Russian speaking Kazakhstanis.

Ненормированное употребление слов, словоформ, словосочетаний, оборотов охватывает все ярусы языка и приводит к нарушению орфоэпических, акцентологических, лексических и грамматических норм, которое не соответствует «литературно-языковому идеалу» (А. М. Пешковский).

Типичными среди ортологических ошибок, выявленных в речи русскоязычных казахстанцев, являются ниже перечисленные нарушения литературной нормы в приведенных словах, словоформах, словосочетаниях, предложениях, которые отмечены нами как наиболее частотные:

1. Мена места ударения: а) в словоформах с неподвижным ударением: *шприцѐм* вместо *шприце́м*, *шарфѝ* вместо *шарфе́*, (нет) *сазанá* вместо *саза́на*, *ту́ника* вместо *туни́ка*, *верблюди́ца* вместо *верблѹдица́*; *включѝт* вместо *включи́т*, *отключѝнный* вместо *отключѐнный*; *домовѝй* вместо *домѹвѝй*; *хлопко́вый* вместо *хлопко́вый*, *бочко́вой* вместо *бочко́вой*; б) в словоформах с подвижным ударением: *ка́мнями* вместо *ка́мнями*, *с во́лками* вместо *с волка́ми*, *борода́м* вместо *борода́м*, *новосте́й* вместо *новосте́й*.

2. Выпадение или вставка звука (звуков), замена одного звука другим, метатеза: *брелки* вместо *брелоки*, *флюорография* вместо *флюорография́*, *главпота́м* вместо *главпота́м*, *битон* вместо *бидон*, *дискуссировать* вместо *дискути́ровать*, *интригант(ка)* вместо *интрига́н(ка)*, *инцидент* вместо *инциде́нт*, *компроментировать* вместо *компромети́ровать*, *летоисчисление* вместо *летосчисле́ние*, *кварти́ла* вместо *кварти́лата*, *друшлага́* вместо *дури́лага*.

3. Подмена, неоправданное использование морфем (аффиксов): *надсмехаться* вместо *насмехаться*, *обсмеять* вместо *осмеять*, *поднимать* вместо *поды́мать*, *напополам* вместо *попола́м*, *наложный платѝж* вместо *наложе́нный платѝж*, *млекопитающие́ся* вместо *млекопита́ющие*.

4. Ошибки в склонении и спряжении: (подойти) к *Любовь* Сергеевне вместо (подойти) к *Любови́* Сергеевне, памятник *Абая* вместо памятник *Абаю́*, (по) *бюллетню* вместо (по) *бюллетне́ю*, *по окончанию школы* вместо *по оконча́нии школы*, (нет) *бигудей*, (спать) на *бигудях*, вместо (нет) *бигуди́*, (спать) на *бигуди́*; (я) *выздоровлю*, (они) *выздоровят* вместо (я) *выздоровею́*, (они) *выздоровею́т*.

5. Ошибки, связанные с нарушением синтаксических норм: *представляет из себя* вместо *представляет собо́й*, *не скупай за мной* вместо *не скупай по мне*, *говорит за то...* вместо *говорит о том*.

Исследования, проведенные в ходе работы с информантами, показали, что ошибки в речи происходят из-за незнания истинного значения употребляемого слова, подмены одного смысла другим. Например, частотны ошибки, вызванные не различением слов-паронимов, становящихся в процессе словоизменения омонимами: *призывной* ('относящийся к призыву на военную службу') и *призывный* ('зовущий'), *рисковѝй* – *риско́вый*, *развитѝй* – *разви́тый* – *разви́тый*, *бобр* – *бобѝр*, и слов-омонимов: *забронировать* ('зарезервировать') – *заброниро́вать* ('покрыть броней').

Довольно частотны ошибки при употреблении иноязычных слов как отдельных единиц или в составе оборотов, когда носитель русского языка не знает значения используемого заимствованного слова: *сфотографироваться анфас* – *сфотографироваться в анфас*; *вернуться к своим пенатам* – *вернуться в свои пенаты*, *удалить аппендикс* –

Итак, при структурировании учебных текстов по научному стилю речи учет таких параметров, как языковая и научно-предметная информативность, является необходимым условием формирования учебно-профессиональной коммуникативной компетенции и успешного обеспечения высокой мотивационной основы обучения.

удалить аппендицит. В ряде случаев иноязычное слово используется в разговорной форме, отличающейся широким употреблением, например: литературное слово *брѝня* – 'закрепление чего-нибудь за кем-нибудь' подменяется разговорным *бронь*.

Смешение стилистической принадлежности слов, особенно межстилевых и разговорных единиц, вызывает большое количество разноплановых ортологических ошибок: *кроссовка* – *кроссовок* (разг. речь), *поскользнуться* – *подскользнуться* (разг. речь), *мучишься* – *мучаешься* (разг. речь), *виновный* – *виноватый* (разг. речь), *вылезай* – *вылазь* (просторечие), *внутри* – *вовнутрь* (просторечие), *уполномочивать* (деловая речь) – *уполномачивать* (разг. речь), *заѝм* (деловая речь) – *займ* (разг. речь), *характеристика сотрудника* – *характеристика на сотрудника*, *документ за подписью и печатью* (офиц.-дел. стиль) – *документ с подписью и печатью* (разг. речь).

Целый ряд речевых ошибок связан с употреблением единиц языка без учета их нормативно-хронологической характеристики: *абитуриент* – 'тот, кто поступает в вуз' (совр.) – 'тот, кто заканчивает школу, т. е. выпускник' (устар.), *сейф* – *с[э]йф* (уст.), *никчѝмный* – *никчѐмный* (уст.), *отворенный* – *отворѐнный* (устар.), *ловкий* – *ловче* (совр.), *ловчее* (устар.); *что касается меня* (совр.) – *что касается до меня* (устар.).

Употребление отдельных вариантов нормы, типа *полиграфия* (совр.) – *полиграфѝя* (уст.), *монахѝня* – *монахи́ня* (уст.), *мальчи́ковѝй* – *мальчи́ковѝй* (уст.), *пересѝленный* (совр.) – *пересолѐнный* (уст.), *квѝшение* (совр.) – *кваши́ение* (уст.) связано с тем, что старая норма, приводившаяся словарями, еще жива в памяти носителей языка.

Отметим, что в ряде случаев возможной причиной отступления от нормы может быть происхождение слова, особенно в том случае, если слово пришло в русский язык в результате опосредованного заимствования. Например, довольно часто в речи носителей русского языка наряду с нормированным *алкого́ль* можно услышать *алкогѝль*, именно так оно используется в немецком языке, который, как и французский язык, заимствовал его из арабского языка. Влияние французского языка обусловило постановку ударения на последнем слоге, именно оно признается современной нормой. Позднелатинское слово *квартáл* было также заимствовано русским языком из немецкого языка, и нормой признается именно ударение языка-посредника, неравноправный же вариант – *квѝртáл* – имеет ударение как в языке-источнике. Укажем, что довольно часто носители языка ошибочно используют оба варианта слова, объясняя свой выбор разной семантикой этого многозначного слова. Подобное явление наблюдаем и в слове *каталѝг*, заимствованном русским языком из западноевропейских языков, в норме оно соответствует по ударению французскому *catalogue* и немецкому *Katalog* и не сохраняет при этом ударение на втором слоге, как в языке источнике – греческом, в некодифицированной же речи используется именно этот вариант [1: 27, 268, 269].

Таким образом, в речи современных казахстанских носителей русского языка широко используются варианты образования, которые могут быть как равноправными вариантами литературной нормы, повсеместно используемыми,

так и неравноправными, ошибки же связанные с нарушением нормы вызваны значительным рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, в том числе и неоправданным употреблением одного из вариантов без учета его

семантики, стилистической принадлежности, хронологических рамок и под.

Литература

1. Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М., 2007.

Лингводидактическая модель обучения русскому языку как неродному в условиях современного образовательного пространства

З. Ф. Юсупова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Usupova.Z.F@mail.ru

Лингводидактика, русский язык как неродной.

Summary. The paper is devoted to the using modern communicative and lingocultural principals in teaching Russian as a foreign language.

Русский язык в системе российского образования имеет особую общественную значимость как учебный предмет, выступает стабилизирующим фактором повышения языковой культуры общества, формирования толерантной языковой личности. Через язык происходит приобщение к национально-культурным ценностям, к достижениям мировой науки и культуры. По мнению Е. А. Быстровой, «русский язык должен формировать коммуникативную культуру современной личности. Это является важнейшим фактором не только сохранения единого образовательного пространства, но и гармонизации национальных отношений, формирования терпимости, толерантности личности XXI века» [1:18].

Современная методика преподавания русского языка как неродного в условиях обновления системы российского образования ориентируется как на сложившиеся традиции в процессе обучения, так и на лингвистические, этнолингвистические, психолингвистические, лингвометодические изыскания последних десятилетий XX века. Обновление методики преподавания русского языка обусловлено такими переменами, как внедрение в практику новых стандартов, уточнение и совершенствование содержания языкового образования, поликультурное языковое пространство, новые аспекты и технологии обучения, оценка качества.

Современный этап развития методики преподавания русского языка как неродного характеризуется личностно-ориентированным и коммуникативно-деятельностным подходами в обучении русскому языку. Личностно-ориентированный подход предполагает признание обучаемого как субъекта учебного процесса, развитие личности с индивидуальными особенностями, возможностями. Коммуникативно-деятельностный подход подразумевает речевую направленность учебного процесса, максимальное приближение его к условиям естественного общения. Главным средством создания возможностей общения в соответствии с современными тенденциями является широкое использование коммуникативных упражнений, которые создают и поддерживают потребность учащихся в общении, последовательно формируют и совершенствуют коммуникативные умения и навыки, необходимые в конкретных ситуациях общения.

Познание системы языка и овладение нормами речевого поведения оказывается возможным на основе текстоориентированного характера обучения русскому языку, который теоретически был разработан еще в 60–70 годы XX века. Изучение языка на текстовой основе – это признание текста как важнейшей единицы в обучении русскому языку как неродному. При этом текст становится не только предметом изучения, но и единицей обучения речи. На основе текста осуществляется познание грамматических категорий, языковых явлений, формируется система лингвистических понятий. На основе текста формируются языковая, лингвистическая, коммуникативная, культурологическая компетенции.

В настоящее время в теории и практике преподавания русского языка как неродного введен компетентностный подход. В связи с этим выделяются языковая, лингвистическая, речевая, коммуникативная и лингвокультурологическая компетенции. Введение компетенции и ее типов соотносится с мировой теорией и практикой определения целей и уровней владения языком. Формирование коммуникативной компетенции является конечной целью обучения русскому языку как неродному.

Современная методика преподавания русского языка как неродного ориентируется на обучение русскому и родным языкам в режиме диалога языков – диалога культур. Как отмечает Л. Г. Саяхова, идея взаимосвязанного изучения русского и родных языков и культур является основополагающей в современной концепции обучения русскому языку, обозначенной в стандарте образования как формирование культуроведческой компетенции учащихся. [2]. Диалог культур – один из основных принципов организации содержательной основы уроков русского языка в ситуации билингвальной среды. Это связано с ориентацией учебного процесса на формирование билингвальной языковой личности, способной к межкультурной коммуникации. По мнению Л. З. Шакировой, «связь языка и культуры следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, с точки зрения того, как учащиеся в процессе овладения коммуникативно-речевой функцией русского языка познают культуру и традиции его носителя, и, во-вторых, как средствами русского языка они углубляют свои познания в области культуры других народов.» [3:55]. Таким образом, концепция диалога культур выступает в качестве основы взаимосвязанного изучения русского и родных языков не просто как усвоение речевых знаний, умений и навыков, но и как диалога стоящих за ними культур. В современной лингвометодике функционируют два направления в реализации принципа диалога культур: 1) обучение русскому языку в контексте русской культуры; 2) познание русской культуры во взаимодействии с культурой других народов. [4]. На сегодняшний день концепция обучения русскому языку в аспекте диалога культур разработана и реализована в учебно-методических комплексах по русскому языку как родному, так и неродному. Например, линия учебников русского языка Е. А. Быстровой, линия учебников для татарской школы (Л. З. Шакирова, Н. А. Андрамонова, Н. Н. Фаттахова, Л. Д. Умарова, Л. С. Андреева и др.), для башкирской школы (Л. Г. Саяхова, К. З. Закирьянов, Р. В. Альмухаметов, Н. Ш. Галлямова, Л. Г. Муллагалиева и др.), для чувашской школы (Г. А. Анисимов, Г. А. Ермакова, В. И. Иванова и др.) и др. На «встрече» культур учащиеся более ярко и наглядно видят своеобразие родной культуры и то общее, что объединяет эти культуры. Это сопоставление раскрывает и специфические особенности речи в наборе слов, их сочетаемости, экспрессивно-эмоциональных оттенках, внутренней форме, связанной с избранным языковым видением объективного мира.

Литература

1. Быстрова Е. А. Проблемы и перспективы преподавания русского языка в школе / Русский язык в школе: опыт, проблемы, перспективы: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. Казань, 2001. С.13–18.
2. Саяхова Л. Г. Методология и методическая система формирования лингвокультурологической компетенции тюркоязычных учащихся на уроках русского языка. Уфа, 2010.
3. Шакирова Л. З., Сабаткоев Р. Б. Методика преподавания русского языка (на материале национальных школ). СПб.; Казань, 2003.
4. Фаттахова Н. Н., Юсупова З. Ф. К вопросу о сопоставительно-типологическом изучении русского и тюркских языков и культур // Филология и культура. 2012. № 3. С. 82–86.

Обучение продуктивным видам речевой деятельности (жанр саморекламы) в преподавании русского языка как иностранного

И. И. Яценко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

irinayat@mail.ru

Русский язык как иностранный, обучение речевой деятельности, самореклама.

Summary. The report focuses on the problem of teaching productive kinds of speech activity in Russian as a foreign language.

Самопредставление, нередко с элементами саморекламы, – неотъемлемая часть речевого поведения человека, которая играет далеко не последнюю роль в выстраивании его отношений с миром. Каждый человек стремится к признанию окружающими своей индивидуальности, незаурядности, уникальности. Однако далеко не каждый считает возможным открыто демонстрировать свои честолюбивые устремления и рекламировать себя. Особенно, как нам кажется, это умение недостаточно развито у носителей русского языка: в русской культуре всегда считалось предосудительным акцентирование человеком внимания на своих способностях и умениях, предпочтительным было даже преуменьшение им своих достоинств. Скромность всегда была в почете. Однако изменения в политической, экономической, социальной сферах жизни российского общества предполагают отказ от этой традиционно сложившейся нормы в поведении человека. Замалчивание своих возможностей и достоинств может стоить сегодня человеку и достойной работы, и карьерного роста, и успеха в межличностных отношениях.

Имеется потребность в данном умении и у иностранцев, изучающих русский язык. Это отражено в Требованиях к Ш уровню владения русским языком как иностранным [1: 7–15] в разделе «Содержание коммуникативно-речевой компетенции», где названы 1) контактоустанавливающие, 2) регулирующие, 3) информативные и 4) оценочные интенции, реализация каждой из которых может в определенной ситуации быть связана с мотивом саморекламы говорящего / пишущего. В перечне интенций также указана потребность иностранца «давать качественную и количественную характеристику предмета, лиц, событий, явлений». Характеристика «лиц» предполагает, как нам представляется, и самохарактеристику человека, что особенно актуально для официальной деловой сферы общения.

В практике обучения русскому языку как иностранному задача формирования умения создавать тексты с целью саморекламы фактически не ставится. Это может быть связано, как уже отмечалось выше, с ментальностью русских, а также со сложностью данного жанра речевого высказывания, поскольку он связан не только с языком, но и с этическими нормами. Важно понимать не только, как выразить речевое намерение, но и каков может быть перлокутивный эффект высказывания.

Если вновь обратиться к перечню интенций, о которых речь шла выше, то нетрудно заметить, что в них нашло отражение как объективное, так и субъективное в речевом сообщении. Объективное связано с передачей некоторой информации. Однако наряду с информативным содержи-

ем в речевом сообщении присутствуют и оценочные компоненты. Во-первых, оценка говорящим сообщаемого, выраженная с разной степенью эксплицитности. Во-вторых, обусловленные ролевыми и ситуативными факторами отношение автора к адресату речи, которое можно назвать позиционированием. В представленном выше перечне интенций это контактоустанавливающие, регулирующие и в какой-то мере оценочные интенции. И, наконец, рефлексия говорящего по поводу собственной речи.

Самооценка говорящего может передаваться как через информативное содержание высказывания, так и через охарактеризованные выше три типа отношений адресанта: к передаваемому сообщению, к адресату, к собственному тексту. Следовательно, в процессе коммуникации, включающей в себя элементы саморекламы говорящего / пишущего, действуют механизмы как лингвистические, так и психолингвистические. Все это желательно учитывать при формировании продуктивной речевой деятельности иностранного учащегося на русском языке.

Первый этап обучения самопредставлению в письменной речи может быть связан с наблюдением за реализацией этих механизмов, а также, по возможности, с анализом обслуживающих их речевых структур и средств выразительности (материалом для наблюдений могут быть тексты разной стилистической и жанровой принадлежности: художественные произведения, публицистика, ток-шоу, интервью, политические дебаты). Второй этап связан с продуцированием собственных высказываний / текстов, содержащих саморекламу, с опорой на предлагаемые клише. Мотивация речевой продукции в данном случае может успешно поддерживаться с помощью ролевых игр, имитирующих реальную коммуникацию в разных ситуациях общения.

Для обеспечения успешной речевой деятельности иностранных учащихся их необходимо, во-первых, снабдить достаточным объемом лексики, характеризующей личностные качества человека (такая лексика и демонстрация ее функционирования в речи широко представлена во многих пособиях по обучению иностранных учащихся говорению и письму). Во-вторых, особое внимание следует уделить русскому речевому этикету, который защитит говорящего / пишущего от прямолинейной, вызывающей или задевающей чувства других людей саморекламы.

Литература

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение / Т. А. Иванова и др. М.; СПб., 1999.

Секция Фонетика, орфоэпия, графика, орфография русского языка

Вопросник «Межславянского контактологического атласа» №2: Трансфонемизация контактолексем под влиянием русского языка

Й. Айдукович

Белградский университет (Сербия)

ajdukovic@mail.ru

Межславянский контактологический атлас, вопросник, трансфонемизация, русский язык, южнославянские языки.

Summary. The paper presents The Phonetic Questionnaire No 2 for the Inter-slavic Contactological Atlas. The Phonetic Questionnaire No 2 for the Inter-slavic Contactological Atlas consists of a list of 68 items.

В настоящем докладе представлен Вопросник № 2 «Межславянского контактологического атласа», посвященный трансфонемизации контактолексем в южнославянских языках под влиянием русского языка. Данный вопросник не идет только от трансфонемизации южнославянской реплики к русской модели, а наоборот: и от трансфонемизации русской модели к южнославянской реплике. Он нужен нам для сбора языкового материала и размещения отдельных контактологических процессов, единиц и явлений на контактологической карте.

Вопросник № 2. 2.1. Нулевая трансфонемизация (Ф0). 2.2. Первый подтип первой частичной трансфонемизации (Ф1/1). 2.3. Второй подтип первой частичной трансфонемизации (Ф1/2); 2.4. Третий подтип первой частичной трансфонемизации (Ф1/3); 2.5. Четвертый подтип первой частичной трансфонемизации (Ф1/4); 2.6. Первый подтип второй частичной трансфонемизации (Ф2/1); 2.7. Второй подтип второй частичной трансфонемизации (Ф2/2); 2.8. Третий подтип частичной трансфонемизации (Ф2/3); 2.9. Четвертый подтип второй частичной трансфонемизации (Ф2/4); 2.10. Первый подтип свободной трансфонемизации (Ф3/1); 2.11. Второй подтип свободной трансфонемизации (Ф3/2); 2.12. Третий подтип свободной трансфонемизации (Ф3/3); 2.13. Четвертый подтип свободной трансфонемизации (Ф3/4); 2.14. Различия в составе гласных русского и восьми славянских языков; 2.15. Различия в составе согласных русского и восьми славянских языков; 2.16. Различия в фонемном составе русского и восьми славянских языков; 2.17. Трансфонемизация русских гласных переднего / среднего / заднего ряда (по месту образования); 2.18. Трансфонемизация русских гласных высокого / среднего / низкого подъема (по способу образования); 2.19. Трансфонемизация русского ударного гласного [ы]; 2.20. Трансфонемизация русского ударного гласного [о]; 2.21. Трансфонемизация русского ударного гласного [е]; 2.22. Трансфонемизация русского безударного аллофона [а]; 2.23. Трансфонемизация русского безударного аллофона [ь]; 2.24. Трансфонемизация русского безударного гласного [ы]; 2.25. Трансфонемизация русского безударного аллофона [ы³]; 2.26. Трансфонемизация русского безударного аллофона [и⁶]; 2.27. Трансфонемизация русского безударного аллофона [ь]; 2.28. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [л]; 2.29. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [р]; 2.30. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [ж] (за исключением [ж] в пунктах 2.47 и 2.54); 2.31. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [ш] (за исключением [ш] в пунктах 2.47, 2.49, 2.53 и 2.54); 2.32. Трансфонемизация русского заднеязычного согласного звука [х]; 2.33. Трансфонемизация русского переднеязычного звука [ц]; 2.34. Трансфонемизация русской звонкой аффрикаты [dz]; 2.35. Трансфонемизация русской твердой аффрикаты [џ] (Аванесов 1968: 159); 2.36. Трансфонемизация русской твердой аффрикаты [dʒ] ([1: 159]); 2.37. Трансфонемизация русских палатализованных согласных (за ис-

ключением звуков, указанных в пунктах 2.38–2.45); 2.38. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [л']; 2.39. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [д']; 2.40. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [т']; 2.41. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [н']; 2.42. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [р']; 2.43. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [ч']; 2.44. Трансфонемизация русского переднеязычного согласного звука [ш:']; 2.45. Трансфонемизация русского среднеязычного слогового звука [j]; 2.46. Трансфонемизация русского неслогового звука [й] (в конце слова и перед согласными); 2.47. Трансфонемизация русских долгих твердых согласных; 2.48. Трансфонемизация русских долгих мягких согласных (за исключением звука, указанного в пункте 2.44); 2.49. Трансфонемизация русских ассимилированных согласных по признаку глухости-звонкости; 2.50. Трансфонемизация русских ассимилированных согласных по признаку твердости-мягкости; 2.51. Трансфонемизация русских ассимилированных согласных по месту образования; 2.52. Трансфонемизация русских ассимилированных согласных по способу образования; 2.53. Трансфонемизация русских согласных, прошедших процесс десоноризации; 2.54. Трансфонемизация русских согласных в сочетаниях; 2.55. Трансфонемизация русских согласных, прошедших процесс диссимилиации по способу образования; 2.56. Трансфонемизация сочетаний с непроизносимыми согласными; 2.57. Трансфонемизация губных согласных перед буквой *e* в русской контактолексеме; 2.58. Трансфонемизация зубных согласных [т], [д], [с], [з], [н] и [р] перед буквой *e* в русской контактолексеме; 2.59. Трансфонемизация сочетания *дж* в русской контактолексеме; 2.60. Трансфонемизация звуков в грамматических формах «основной» лексемы; 2.61. Импортация фонем; 2.62. Редистрибуция сочетаний согласных в финальной позиции; 2.63. Трансфонемизация русских беглых гласных (исторический аспект); 2.64. Трансфонемизация русского гласного [о] в начале слова в соответствии с [je] в языке-адресате (исторический аспект); 2.65. Трансфонемизация русских полногласных форм (исторический аспект); 2.66. Трансфонемизация русских неполногласных форм (исторический аспект); 2.67. Трансфонемизация русского гласного [’а] (я) в соответствии с [e] в языке-адресате (исторический аспект); 2.68. Трансфонемизация русского согласного [в] в соответствии с [у] в языке-адресате (исторический аспект).

Литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1968.
2. Айдукович Й. Увод у лексичку контактологију. Теорија адаптације русизама. Београд, 2004.
3. Айдукович Й. «Онлајн лингвистички атласи и један предлог онлајн Међусловенског контактолошког атласа». Међународен симпозиум. Електронските ресурси и филолошките студии. Скопје, 12–13 септември 2013 година, [http://www.scribd.com/doc/168202390/ONLAJN-LINGVISTICKI-ATLASI-I-JEDAN-PREDLOG-MKA].

О стандарте на практическую транскрипцию русских текстов латинскими буквами**В. Н. Белоозеров**

Всероссийский институт научной и технической информации (Москва)

systemling@narod.ru

В 2014 году вступит в силу новый национальный стандарт России на передачу русских слов латинскими буквами. Стандарт входит в «Систему стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу (СИБИД)» и разработан в рамках деятельности Технического комитета по стандартизации № 191 «Научно-техническая информация, библиотечное и издательское дело». Установление унифицированных правил записи русских текстов латинским алфавитом должно способствовать расширению и облегчению использования русского языка не только за границами России, но и внутри страны, поскольку в настоящее время значительная часть текстов создается в компьютерной сфере, где использование русского алфавита бывает затруднено.

Проблема транслитерации русских текстов имеет давнюю историю ([2]) и включает целый ряд нормативных документов. Новый стандарт основан на действующем в рамках СНГ межгосударственном стандарте ГОСТ 7.79-2000 «СИБИД. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом». ГОСТ 7.79 устанавливает для славянских языков две системы транслитерации – с помощью латинских букв с диакритикой (система А) и с помощью сочетаний букв основного латинского алфавита (система Б). Обе системы обеспечивают однозначное представление русского письма латиницей при возможности безошибочного автоматического восстановления исходного текста. Система А идентична международному стандарту ИСО 9:1995, который является одним из старейших документов Международной организации по стандартизации (ИСО). Система Б

продолжает традицию отечественной практики транслитерации, которая была зафиксирована стандартом ГОСТ 16876-71 и предусматривает представление русских букв либо одной латинской буквой без диакритических знаков, либо сочетанием такой буквы с модифицирующим знаком, стоящим рядом с модифицируемой буквой. В качестве такого модифицирующего знака применяется знак ` (гравис, «слабое ударение»), а также буквы *h*, *y*, не используемые самостоятельно в данной системе транслитерации.

В новом ГОСТе дана рекомендация во всех случаях, когда необходимо представить русский текст знаками, имеющимися в ограниченном наборе печатающего или наборного устройства, использовать транслитерацию по системе Б из ГОСТ 7.79. Однако в тех случаях, когда явно не требуется обеспечить однозначное восстановление исходного русского текста, допускается упрощать систему транслитерации при сохранении возможности удовлетворительного озвучивания текста, лицами не знакомыми с русским языком. Для этого рекомендуется пропускать знак грависа или заменять его апострофом. Нормировано также использование заглавных букв, знаков препинания, цифр и кавычек.

В докладе также обосновываются решения по транслитерации «проблемных» букв русского алфавита, вызывающих неоднозначности при практической транскрипции (см. также [1]). Для таких букв в стандарте указаны рекомендованные, допустимые и / или недопустимые способы представления латинским алфавитом в соответствии со следующей таблицей.

Русский алфавит	Упрощенная транслитерация	Допустимая транскрипция	Недопустимая транскрипция	Транслитерация по ГОСТ 7.79
В	<i>v</i>	–	<i>w</i>	<i>v</i>
Г	<i>g</i>	–	<i>h</i>	<i>g</i>
Е	<i>e</i>	<i>ye</i>	–	<i>e</i>
Ё	<i>yo</i>	<i>jo</i>	–	<i>yo</i>
Ж	<i>zh</i>	–	<i>j, sh</i>	<i>zh</i>
З	<i>z</i>	–	<i>s</i>	<i>z</i>
И	<i>j</i>	<i>i, y</i>	–	<i>j</i>
С	<i>s</i>	–	<i>ss</i>	<i>s</i>
У	<i>u</i>	–	<i>ou</i>	<i>u</i>
Ф	<i>f</i>	–	<i>ph</i>	<i>f</i>
Х	<i>x</i>	<i>kh</i>	<i>h, ch</i>	<i>x</i>
Ц	<i>c</i>	<i>ts, cz</i>	<i>z, tz</i>	<i>cz, c</i>
Ч	<i>ch</i>	–	<i>tch, tsch</i>	<i>ch</i>
Ш	<i>sh</i>	–	<i>ch, sch, ssh</i>	<i>sh</i>
Щ	<i>shh</i>	–	<i>shch, chtch, schtsch</i>	<i>shh</i>
Ъ	” (два апострофа)	пропустить	–	” (два грависа)
Ы	<i>y</i>	<i>w</i>	<i>i</i>	<i>y`</i> (<i>y</i> с грависом)
Ь	' (апостроф)	пропустить	–	` (гравис)
Э	<i>e</i>	–	–	<i>e`</i> (<i>e</i> с грависом)
Ю	<i>yu</i>	<i>ju</i>	<i>u</i>	<i>yu</i>
Я	<i>ya</i>	<i>ja</i>	–	<i>ya</i>

Литература

1. Белоозеров В. Н. Стандартная транслитерация кирилловских алфавитов латинским // Научно-техническая информация. Серия 2, № 9. 2002. С. 1–6.

2. Щерба Л. В. Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1940. Т. I. № 3. С. 118–126.

**О письме без правил в историческом аспекте
(на примере написаний единиц,
совпадающих по форме с наречиями, с последующими прилагательными)**

Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

evbeshenkova@gmail.com

Плохокодифицируемые области письма, приадективные наречия, слитное / дефисное / раздельное написание, неустойчивая система, точки бифуркации.

Summary. There are some areas in the Russian spelling system, that function without sufficient codification. It's impossible to differ combination as “adverb + adjective” and compound adjectives with the first component – adverb in form. During the 20th century the area self-organized as unstable system with two mismatched trends. New words, that appeared in the last years can disturb the system, if our dictionaries don't take into account the trends.

В современном русском письме есть некоторые плохо(?)кодифицируемые области, в которых либо допускается

двойная лингвистическая трактовка и, соответственно, возможно применение разных правил с разными рекоменда-

циями, либо правила практически бездействуют, либо правила вовсе отсутствуют, при этом словарная кодификация не покрывает весь материал и зачастую противоречива. В докладе предполагается на примере написания единиц, совпадающих по форме с наречием, с последующим прилагательным и прилагательным-причастием (*слабовидящий* и *хорошо видящий*) рассмотреть функционирование письма, живущего без правил, в историческом аспекте. Сравнить написание в XVIII веке, в XIX веке, в начале XX века, во второй половине XX века и на новом этапе активных языковых изменений конца XX – начала XXI века. Определить тенденции и степень устойчивости письма.

Письмо в этой области регулируется правилом о раздельном написании наречия с прилагательным или причастием и целым блоком соотносительных правил о слитном или дефисном написании сложных прилагательных. Однако четких критериев различения наречия и первой части прилагательного ни в справочниках по правописанию, ни в научной литературе нет. Исследователи письменного узуса второй половины прошлого века отмечают тенденцию к закреплению раздельного написания большинства таких единиц со вторым качественным прилагательным или прилагательным-причастием и, соответственно, слитного или дефисного написания со второй частью – относительным прилагательным. Анализ современного узуса, проведенный с помощью поисковых систем, подтвердил предварительные наблюдения: большинство таких первых частей пишется через дефис (реже слитно) с последующим компонентом – относительным прилагательным, при этом пишутся раздельно с последующим качественным прилагательным (если допустима сочетаемость) и прилагательным-причастием. Однако существуют и первые части, совпадающие по форме с наречием (т. е. образованы от основы прилагательных и оканчиваются на *-о*, *-е* или *-и*), имеющие другие характеристики письма. Их можно разбить на три группы: 1) первые части, которые пишутся только слитно с последующими компонентами, совпадающими с самостоятельно употребляемыми прилагательными, при выражении подчинительных отношений между основами (кроме оттенков качества); 2) первые части, которые пишутся только раздельно с последующим самостоятельно употребляемым прилагательным (в данной группе есть отдельные исключения-термины или немногочисленные исключения, передающие цельность выражаемого признака); 3) первые части, которые пишутся слитно со вторым компонентом, совпадающим с относительным или качественным прилагательным, но раздельно с прилагательным-причастием.

Однако это лишь статистические предпочтения сегодняшнего узуса. Проведенный анализ письма языка XVIII в., как оно представлено в вышедших томах «Словаря русского языка XVIII века», письма XIX в., как оно представлено в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона (ЭСБЕ) и письма начала XX века, как оно представлено в Большой советской энциклопедии 1-го издания (1926–1947 гг.), позволил сформулировать тенденции, действующие в этой области системы письма.

Судя по данным словаря XVIII в., в письменном языке той поры были первые части с однозначным написанием с

последующими прилагательными (т. е. пишущиеся либо только слитно, либо только раздельно, либо только с дефисом), а также первые части с разным написанием с разными вторыми частями, часто с неустоявшимся написанием с некоторыми определенными вторыми частями. В проанализированном материале не наблюдается зависимости написания от категории второго компонента и очень высокая доля вариативного письма с «островками» устойчивости – однозначно пишущиеся первые части. В языке ЭСБЕ также наблюдается множество слов этого типа в вариативном написании, также отмечаются первые части с однозначным написанием (но они могут отличаться от написаний в XVIII в.) и первые части с разным написанием с разными вторыми частями, часто встречаются в раздельном написании сочетания наречия с прилагательным-причастием, но есть и слитные и дефисные написания, также много дефисных и слитных написаний со второй частью – качественным прилагательным. Сравнение языка ЭСБЕ с языком БСЭ позволяет говорить зачастую об отсутствии преемственности и, по-видимому, о неважности для пишущего выбора способа письменного оформления.

Рассмотрение исторического материала на современном фоне позволяет определить те изменения, которые произошли в языке XX века.

Во-первых, на основании «островков» устойчивости, существовавших с древнейших пор, произошло некоторое выравнивание написания слов по первым частям, можно сказать, что действовало две аналогии: «первая часть пишется со всеми вторыми частями одинаково» и «похожие по смыслу первые части пишутся одинаково».

Во-вторых, с освоением слов уменьшалось число способов письменного оформления: сокращалась область распространения дефиса в определенных областях, в сочетаниях со вторым компонентом – прилагательным-причастием или качественным прилагательным.

В-третьих, на письме закреплялась выделенность терминосферы.

Эти тенденции не создают устойчивой системы с нерушимыми границами. Тем более, что в ней заложена еще одна возможность, порождающая вариативное написание и действующая в ограниченном круге лексем, – выражать с помощью слитного написания «единство признака».

Можно сказать, что на данном этапе система письма реализовала одну из своих потенций, но в ней остаются жить и другие заложенные возможности, которые реализуются в случае вмешательства в систему. Выделенные тенденции, действующие в процессе освоения слов, сталкиваются с наплывом «новобранцев». Анализ нового материала последних лет показал, что в написании приходящих, еще неосвоенных слов опять, как и в XVIII–XIX веках, изобилует дефис. Новые слова «выбиваются» из установившейся системы. И вот здесь выявляется практическая значимость проведенного исследования, определяющая политику орфографистов сегодня. Если мы хотим сохранить сформированную за прошедшие века систему, то словари не должны закреплять те узальные предпочтения, которые характеризуют точки бифуркации. Закрепление таких написаний расшатывает стихийно сложившуюся систему.

Противоречивость анализа ассимилятивных процессов в русском языке

Е. М. Большчева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

129-130@mail.ru

Ассимиляция, звукотип, звук, буква, артикуляционный жест.

Summary. The element which has undergone assimilative changes is bound to be implicitly compared with something 'primary'. Turning either to the basic sound-type of a phoneme, or to the sound prompted by the orthoepic norm, or to the articulatory gesture brings forth logically contradictory descriptions.

При обсуждении типов ассимиляции не рассматриваются вопросы, касающиеся самой логики анализа определяемых термином явлений. С чем сравнивается исследуемое звуковое сочетание? Ведь чтобы констатировать факт уподобления по каким-то признакам, следует имеющееся сочетание сравнить с другим, как бы изначальным – гипотетическим, фонетически не существующим, восстанавливаемым по

принципу «было до уподобления». Механизм вычисления «прасчетания» мыслится само собою разумеющимся, однако анализ конкретных примеров показывает, что истина не так очевидна, как кажется.

Все традиционно обсуждаемые в связи с темой примеры обычно ограничиваются вариантами типа *сшить* [ш:йт'] (полная регрессивная ассимиляция) и *лодка* [л'отк'] (непол-

ная). Знаменательно, что междометие *Шш!* [ш:] или существительное *глотка* [глóткь] в данном случае не обсуждаются – и в сознании они не всплывают, хотя тоже произносятся с долгим [ш:] и глухим [тк]. Логика выбора примеров подсказывает, что речь идет о дистанции между вычисляемым по проверке МФШ основным звукотипом фонемы (записан со звездочкой) и реальным звуком. Дистанция оценивается набором артикуляционных признаков, который отличает гипотетический эталонный звук от реального. Иными словами, реальный звук мыслится как результат уподобления гипотетического эталона правому соседу, если воздействие регрессивное:

[*с + ш → шш] ассимиляция по месту образования

ср.: *суметь*.

[*д + к → тк] ассимиляция по глухости

ср.: *лодок*.

Поскольку операция нигде эксплицитно не описывается, то незаметна ее внутренняя противоречивость. Предложенная формулировка тут же обнажает непродуманность перехода между абстрактным и реальным.

Кроме того, непонятно, что делать, если фонемной проверки нет. Подобные примеры никогда не обсуждаются, но приходят на ум, если орфография не соответствует звучанию, и не приходят, если диссонанса нет. Букве в языковом сознании носителей языка отведена ответственная роль, осознать и описать которую еще только предстоит лингвистам и психологам. Здесь отметим только факт приоритета буквенных ассоциаций над звуковыми ощущениями в случае апелляции к наивным языковым представлениям, – приоритета, действующего исподтишка и вопреки даже профессиональным установкам [2]. И так, у преподавателя / студентов возникает желание разобрать примеры типа *общий, футбол, вокзал*, даже *плацдарм*, однако сопоставить [п], [д], [г] и [дз] с проверяемыми в сильной позиции эталонами не получится. Правда, для корня *плацдарм* ситуация вовсе не такая безвыходная, потому что звук [дз] может быть представителем лишь фонемы <ц>, соотносимой со звукотипом [ц]:

[*ц + д → дзд] ассимиляция по звонкости.

Построенная цепочка тем не менее небезупречна и может быть оспорена, исходя из соображений о языковой обусловленности явления ассимиляции и физиологической детерминированности процесса коартикуляции [3: 41]. Указанная дифференциация предполагает, что ассимилятивные изме-

[*з + ч' → ш'ч'] → [ш'ш'] = [ш':]
 ср.: *разучить* ↓ ↑
 [щель] + [смычка+щель] → [щель] + [щель]

Перечисленные вопросы не имеют однозначного ответа, продумать непротиворечивую логику анализа ассимилятивных закономерностей еще только предстоит.

Литература

1. *Большаева Е. М.* О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. III Международный

конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г. Труды и материалы. Москва, 2007

2. *Большаева Е. М.* Интуитивное фонетическое знание и лингвистические теории: противоречия и соответствия // *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. Вопросы русского языкознания*. Выпуск XIII. М., 2010.

3. *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2004.

4. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М. 1996.

нения описываются как чередования именно звукотипов, а [дз] таковым не является. Следовательно, либо предложенная цепочка является ложной, либо указанная дифференциация требует доработки.

В указанной связи очень непростым представляется пример *отдых* [4: 205]. Предположить изначальный [*т] можно, лишь доказав наличие приставки *от-* в результате параллели с *роздых*. Но даже если согласиться с таким решением, возникнет вопрос о правомерности интерпретации имеющейся ассимиляции по звонкости как полной. Ведь в «итоговом» сочетании [дд] первый звук состоит только из смычки без взрыва, тогда как второй – взрывной. Если ассимиляцию связывать с чередованием только звукотипов, то пример подпадает под случай полного уподобления, т. к. импозитивность должна рассматриваться как явление другого уровня – коартикуляционного. Если же отказаться от тезиса о звукотипах, то разбираемый случай – неполная ассимиляция по звонкости и способу образования.

Отказ от противопоставления звукотипа и звука языка при анализе ассимилятивных изменений чреват: станет проблематично интерпретировать изменения типа просторечного [тубур'эткь] *табуретка*. Лабиализованный [у] в начальном слове надо с чем-то сравнить, с литературным [ь] вряд ли оправданно, учитывая логику апелляции к фонемному уровню анализа в предыдущих примерах [1].

В ряде случаев описать механизм изменений удастся, только разложив звук на артикуляционные жесты, поскольку ассимиляция осуществляется на уровне одного из жестов. Если слово *расческа* произносится как [раш'ч'óскь], то интерпретация процесса не вызывает затруднений:

[*з + ч' → ш'ч'] ассимиляция по глухости, мягкости, месту образования

ср.: *разучить*.

Но при варианте [раш'.óскь] выявить логику изменений регрессивного характера становится непросто: полуитоговое, промежуточное [ш'ч'] следует рассмотреть как набор артикуляционных жестов, характерных для произношения фрикативного с аффрикатой, т. е. как [щель] + [смычка + щель] = щель + смычка + щель (если убрать скобки, показывающие границы каждого звука). Только при таком представлении процесса виден факт уподобления левого контекста правой щели, достигаемый путем нивелирования промежуточной смычки. Ассимиляция оказывается регрессивной, но осуществляется она на уровне артикуляционного жеста:

конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г. Труды и материалы. Москва, 2007

2. *Большаева Е. М.* Интуитивное фонетическое знание и лингвистические теории: противоречия и соответствия // *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. Вопросы русского языкознания*. Выпуск XIII. М., 2010.

3. *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2004.

4. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М. 1996.

Особенности реализации тонального акцента в региональных вариантах современного русского литературного языка

Е. В. Грамматчикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

grammatchikova-e@mail.ru

Орфоэпические региональные варианты, тональный акцент, тайминг (timing), ритмическая структура слова.

Summary. The paper presents preliminary data on the position of rising pitch accent (i. e. timing) in regional variants of Modern Standard Russian in comparison with the so-called ‘Moscow’ variant. It also suggests that the pitch accent realization may be connected to the differences in the rhythmic structure of the word between Moscow and non-Moscow variants.

Вопрос о существовании региональных вариантов (РВ) русского языка и об их отличиях от литературной нормы имеет давнюю историю. Одной из наиболее характерных черт, отличающих речь представителей различных регионов от речи литературной, является ритмическая структура сло-

ва. Еще в XIX веке А. А. Потебней была описана специфическая для русского литературного языка ритмическая схема [6]. Ее главная особенность заключается в том, что гласные ударного и 1-го предупредного слогов отчетливо противопоставляются гласным во всех прочих слогах, в первую

очередь, по длительности и своим спектральным характеристикам и формируют так называемое *просодическое ядро* слова.

Однако результаты исследований в данной области ([1], [4], [5], а также [2]) дают основания утверждать, что существуют РВ СРЛЯ, для которых характерна меньшая степень выделенности гласного 1-го предударного слога по сравнению с остальными безударными гласными, т. е. просодическое ядро в таких системах отсутствует. Можно предполагать, что такое различие в ритмической организации слова между указанными РВ и разновидностью СРЛЯ, условно называемой «московской», обусловливается просодическими параметрами, в том числе, местом реализации тонального акцента в слове [3: 87-88]. В соответствии с этой гипотезой в данном исследовании рассмотрена синхронизация контура частоты основного тона (ЧОТ) со звуковой последовательностью, т. е. размещение тонального движения в слове («тайминг»).

Для получения данных о месте и характере реализации восходяще-нисходящего акцента со значением незавершенности (ИК-3) было отобрано по одному информанту из 6 регионов: Москвы, Сочи, Калининграда, Челябинска, Ставрополя, Нефтеюганска. В качестве экспериментального материала был использован текст, содержащий 22 слова, в которых измерялось место реализации тонального акцента: 1) место начала повышения ЧОТ относительно границы между ударным гласным и предшествующим ему согласным; 2) место тонального максимума относительно границы между ударным гласным и следующим за ним согласным; 3) место начала понижения ЧОТ (при несовпадении его с местом тонального максимума) относительно границы меж-

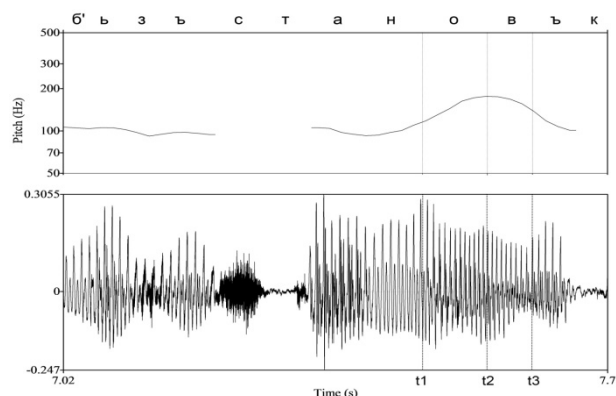

Рис. 1. Интонаграмма (вверху) и осциллограмма (внизу) фонетического слова «без остановок» в московском варианте произношения

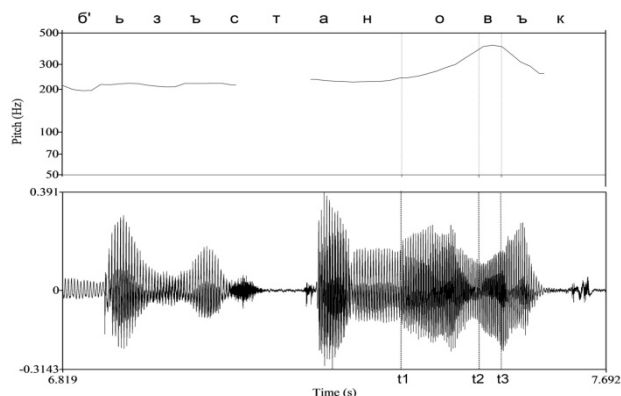

Рис. 2. Интонаграмма (вверху) и осциллограмма (внизу) фонетического слова «без остановок» в калининградском варианте произношения

Регион	Место начала повышения тона относительно начала ударного гласного (мс)	Место тонального максимума относительно конца ударного гласного (мс)	Место начала падения тона относительно конца заударного согласного (мс)
Москва	- 38,6	- 25,2	- 51,2
Сочи	- 19,2	+ 22,3	- 5,8
Калининград	+ 40,0	+ 36,4	+ 11,5
Челябинск	- 13,1	- 7,4	- 29,4
Ставрополь	- 9,4	+ 40,2	- 13,4
Нефтеюганск	- 5,0	+ 26,8	- 22,2

Табл. 1. Размещение (тайминг) восходяще-нисходящего акцента в РВ СРЛЯ

Литература

1. Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах: (Эксперим.-фонет. исслед.). Казань, 1980.
2. Грамматчикова Е. В., Князев С. В., Лукьянова Л. В., Пожарицкая С. К. Ритмическая структура слова и место реализации тонального акцента в региональных вариантах современного русского литературного языка // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики. Сборник статей к юбилею О. Ф. Кривонной. М., 2013 (в печати).
3. Князев С. В. К вопросу о механизме возникновения аканья // Вопросы языкознания. 2000. № 1.
4. Парикова Н. Б. О южнорусском варианте литературной речи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
5. Пауфощима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
6. Потембя А. А. О звуковых особенностях русских наречий // Филологические Записки. 1866.

Фонетический акцент в области произношения русских переднеязычных шумных согласных в речи носителей разноструктурных языков

Д. В. Дашкевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

dada-sha@yandex.ru

Фонетический акцент, фонетическая интерференция, универсальное, типологическое, специфическое.

Summary. The domain of noisy consonants articulated by the blade of the tongue is perhaps the most loaded in the Russian language. Very often, foreign speakers find it difficult to pronounce these sounds properly, no matter what their first language is. Nevertheless, the mistakes are different. In this work, challenges and mispronunciations typical for native speakers of French, Spanish, Croatian, Arabic and Tajik are discussed.

Фонетический акцент – это подчинение чужой фонетики фонологическим навыкам своего языка. Существует два взгляда на иностранный акцент: внешний и внутренний. Внешний – это взгляд с позиции слушающего, собственно акцент. Внутренний – взгляд с позиции говорящего, иначе – фонетическая интерференция. Два этих взгляда дополняют друг друга, позволяя выявить смысловозначительные и несмысловозначительные ошибки в речи учащихся и последовательно устранить их [Русский язык и его история: 432–434]. В предлагаемом исследовании представлен анализ записанной на диктофон интерферированной русской речи носителей французского, испанского, хорватского, арабского и таджикского языков, то есть «внешний» взгляд на акцент, который лишь в отдельных случаях опирается на сопоставление фонологических систем указанных языков с русской системой.

А. А. Реформатский писал, что в зависимости от соотношения фонологических систем своего и чужого языка могут проявляться две неправильные тенденции в усвоении фонетики второго. Первая – подгонка разного чужого под одно свое, когда меньший фонемный репертуар своего языка накладывается на больший фонемный материал чужого языка. Вторая тенденция проявляется тогда, когда фонемный репертуар своего языка шире, чем фонемный репертуар чужого языка на аналогичном участке фонетической системы. В этом случае носители более богатого фонетического репертуара начинают выделять в пределах более бедного фонетического репертуара несущественные нефонологические признаки [2: 148].

Языки разных групп различаются и по своему звуковому строю. Русский язык отличается богатой подсистемой переднеязычных шумных согласных звуков, что нередко приводит к ошибкам, связанным с первой тенденцией, обозначенной А. А. Реформатским. Так, в ходе данного исследования было обнаружено, что русские [ш] и [ш':], [с] и [с'] смешиваются у всех испытуемых, несмотря на то, что они являются носителями разноструктурных языков. Абсолютно все информанты произнесли **е[с]* вместо *е[с']*, **ме[ш':]но* вместо *ме[ш]но*. Это позволяет предположить, что такого рода отклонения носят исключительно частотный характер, а произнесение русских свистящих и шипя-

щих представляют собой универсальную трудность в области русской практической фонетики.

Общей проблемой является также неправильное произнесение сочетаний согласных *сч* и *зч* (например, в слове *считать*), однако в данном случае ошибки были сделаны разные, что однозначно выявляет типологические черты иностранного акцента. Носители французского, испанского и хорватского языков в ходе данного исследования произнесли данное сочетание как [сч'], тогда как носители арабского и таджикского языков – как [сш'].

Наряду с общими трудностями, для каждого контингента были зафиксированы конкретные проблемы в области произнесения переднеязычных шумных согласных. Например, специфической чертой носителей языков тюркской группы по результатам проведенного исследования является произнесение [с] / [с'] вместо [ц] в зависимости от позиции: звук [с'] появляется перед гласным переднего ряда, верхнего подъема, а [с] – на конце слова и перед согласным (**стан[с']ия*, **оте[с]*, **по-неме[с]ки* вместо *стан[ц]ия*, *оте[ц]*, *по-неме[ц]ки*). Было также отмечено, что из всех испытуемых только носители тюркских языков меняли [ч] на [ш':], независимо от их позиции в слове: **[ш':]итает* вместо *[ч']итает*, **то[ш':]но* вместо *то[ч']но*, **до[ш':]* вместо *до[ч']*. Испаноговорящие, наоборот, заменяли звук [ш':] звуком [ч']: **е[ч']е* вместо *е[ш':]е*, **[ч']ека* вместо *[ш':]ека*, **и[ч']еишь* вместо *и[ш':]еишь*.

Результаты проведенного исследования позволяют выявить и проанализировать универсальные, типологические, специфические трудности и черты акцента в области произношения переднеязычных шумных согласных у носителей разноструктурных языков. Опора на полученные данные позволяет создать соответствующие комментарии и упражнения, направленные на устранение отклонения в данной области и закрепляющие правильное произношение у иностранных учащихся.

Литература

1. Программа минимум кандидатского экзамена по специальности 13.00.02 // Русский язык и его история: программы кафедры русского языка для филологических факультетов государственных университетов. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2007.
2. Реформатский А. А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. № 2.

Об особенностях артикуляции гласного [ы]: новые данные МРТ-исследования русского вокализма

Г. Е. Кедрова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kedr@philol.msu.ru

Фонетика русского языка, вокализм, МРТ.

Summary. The paper presents results of MRI-investigation of articulation of the Russian vowel [ɨ]. A diphthong-like articulation pattern of the vowel is exposed in details in its entirety.

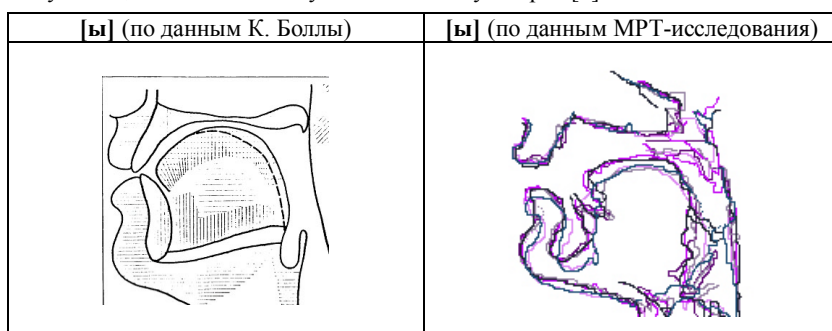
Как известно, гласный [ы] представляет большие затруднения нерусским, изучающим русский язык. Г. И. Аванесов описывает произношение этого звука через сравнение его артикуляции с артикуляцией гласного [и], при этом основным отличием является общее передвижение артикуляции назад: «в обоих случаях спинка языка высоко поднимается к нёбу, но при [и] в своей средней части, а при [ы] – в более задней; при [и] кончик языка находится у нижних зубов, а при [ы] тело языка отодвинуто несколько назад (причем кончик языка несколько приподнят). Переходя от произношения [и] к произношению [ы], легко заметить отодвижку

артикуляции назад, в глубь полости рта» [1: 49]. В то же время практически все исследователи, которые описывают параметры звуковой волны, формируемой артикуляцией гласного [ы] (акустическое представление, описываемое в терминах формантных переходов F1, F2, F3), отмечают неоднородность развёртывания этого звука во времени [3: 88]. Однако природа такой акустической – и, естественно, артикуляционной – неоднородности этого звука до последнего времени была все же недостаточно ясна, что во многом обусловлено, прежде всего, ограничениями спектрального метода исследования речевого сигнала и недостаточными зна-

ниями о соотношении акустики и артикуляции [6]. Предполагалось, что в процессе произнесения гласного [ы] язык (или определенная его часть – чаще всего в этом контексте упоминается спинка языка) некоторым образом изменяет свое положение – либо в зависимости от разных позиционно обусловленных артикуляционных вариантов, либо по дифтонгоидному типу [7: 81–82]. Первое и во многом базовое вплоть до сегодняшнего дня фундаментальное экспериментально-инструментальное исследование основных динамических артикуляционных процессов напрямую, без акустического посредника – это прорисованные вручную кинорентгенограммы контуров основных артикуляторов в сагиттальной плоскости речевого тракта, которое провела Л. Г. Скалозуб. Однако оно сосредоточено, в основном, на изучение артикуляторной динамики реализации согласных звуков русской речи [8]. Возможно, именно поэтому однородность / неоднородность развертывания во времени артикуляции гласного [ы] осталась в ее исследовании без особого внимания. В то же время неоднородность артикуляции русского гласного [ы] отражена в известном «Атласе звуков речи русской речи» К. Боллы [2]. Здесь она также показана как затрагивающая заднюю и прикорневую части тела языка (см. рис. 1).

Для прояснения вопроса о механизме артикулирования русского гласного звука [ы] было проведено специальное экспериментальное инструментальное исследование. Средством объективизации (визуализации) артикуляционных процессов при производстве русских гласных звуков [а], [о], [е], [и], [у], [ы] (изолированное произношение) в работе был магнитно-резонансный томограф (МРТ). Основные методики постановки томографического лингвистического эксперимента и технология обработки полученных МР-изображений для русского языка подробно изложены в [4]. В настоящей работе показаны результаты нового оригинального МРТ-исследования, которое благодаря более продвинутому техническим средствам визуализации позволило получить в

реальном времени изображения артикуляторного тракта диктора (сагиттальный срез) с частотой съемки через каждые 100 мсек. При заданных параметрах нам удалось получить с достаточно хорошим графическим разрешением до четырех-пяти МРТ-изображений в секунду. Используя стробоскопический метод идентификации и моделирования развертывания последовательности полученных МР-изображений, разработанный в [11] и усовершенствованный в [10], были сформированы базы данных МРТ-кадров, отражающих с заданной степенью детализации последовательность артикуляционных движений при производстве экспериментальных речевых стимулов. Полученные результаты для гласного звука [ы] представлены на рис. 1. Для обеспечения наглядности сопоставления конфигураций артикуляторного тракта в разные моменты реализации гласного звука контуры всех артикуляторных органов на каждом из исследуемых МРТ-изображений были прорисованы вручную, что позволило провести более точное сравнение артикуляционных конфигураций разных фаз производства звука через наложение контуров [5]. Полученные изображения артикуляционной динамики при производстве русского гласного звука [ы] наглядно демонстрируют неоднородность его артикуляции. При этом важно, что если в предшествующих настоящему исследованию описаниях неоднородности артикуляции гласного [ы] отмечались изменения в конфигурации базового артикуляторного органа – языка, то наше исследование показало более существенные и многочисленные неоднородности в артикуляционном поведении целого комплекса речевых артикуляторов – в первую очередь, нижней челюсти и тела языка. Эти данные хорошо согласуются с представлениями о динамическом синкретизме взаимосвязанных артикуляторных движений, в частности, кинематического комплекса нижняя «челюсть – язык», и об ограниченном – и вследствие этого исчислимом – количестве степеней свободы поведения взаимосвязанных речевых артикуляторов [9].

Литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972.
2. Болла К. Атлас звуков русской речи. Будапешт, 1981.
3. Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
4. Кедрова Г. Е., Захаров Л. М., Анисимов Н. В. Сопоставительное МРТ-исследование артикуляционных моделей гласных звуков в разных языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 13 (619). М., 2011. С. 82–95.
5. Кедрова Г. Е., Захаров Л. М., Анисимов Н. В. МРТ-исследование паузальных артикуляторных поз в русской речи и иерархия различительных признаков // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики. Сборник статей к юбилею О. Ф. Кривновой, М., 2013. С. 136–147.
6. Кодзасов С. В., Красовицкий А. М., Щигель Е. В. Проблемы описания спектров русских гласных // Проблемы фонетики. IV. Сб. статей / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002. С. 53–73.
7. Матушевич М. Н. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
8. Скалозуб Л. Г. Динамика звукообразования (по данным кинорентгенографирования). Киев, 1979.
9. Beauteemps D., Badin P., Bailly G. Linear degrees of freedom in speech production: Analysis of cineradio- and labio-film data and articulatory-acoustic modeling // J. Acoust. Soc. Am. 2001. 109 (5). Pt. 1. P. 2165–2180.
10. Narayanan Sh., Nayak K., Lee S., Sethy A., Byrd D. An approach to real-time magnetic resonance imaging for speech production // J. Acoust. Soc. Am. 2004. 115 (4). P. 1771–1776.
11. Shadle, C.H., Mohammad, M., Carter, J.N. and Jackson, P.J.B. Multi-planar dynamic magnetic resonance imaging: new tools for speech research // ProcICPhS'99. 1999. P. 623–626.

Фонетическая и фонологическая интерпретация мягких зубных аффрикат в современном русском литературном языке

С. В. Князев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
skv11@yandex.ru

Фонетика, фонология, мягкие зубные аффрикаты.

Summary. The paper shows that Russian dental palatalized affricates [tʃʲ], [dʒʲ] should be treated phonetically as stop consonants since they are realized as plain stops in a position before homorganic sonorants.

В современном русском литературном языке (далее – СРЛЯ), по крайней мере, в том его варианте, который рас-

пространен на европейской территории России, основной фонетической реализацией фонем <тʲ> и <дʲ> являются

сильно аффрицированные взрывные [т'с'] [д'з'] или даже палатализованные аффрикаты [т'с'] и [д'з']. Так, например, на рисунке 1 ясно видно, что длительность и характер фриктивного шума последнего согласного в слове *одеть* почти

аналогичны соответствующим параметрам конечного согласного слова *отец*, и явно отличаются от тех же характеристик последнего согласного в слове *одет* (см. также осциллограммы и спектрограммы соответствующих слов в [1]).

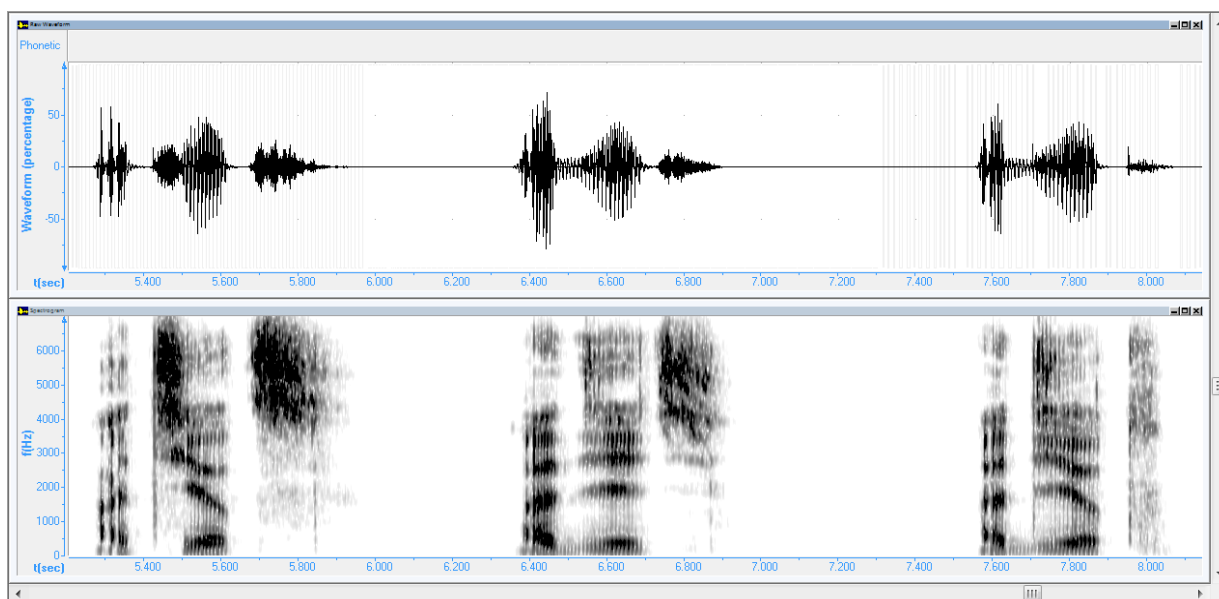

Рисунок 1. Слева направо: осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слов *отец*, *одеть* и *одет*.

Это явление, получившее название цеканья и дзеканья [3], существует в русском языке уже довольно давно и отмечается еще в самых ранних описаниях русской фонетики [4: 172]. В настоящей работе обсуждается вопрос о том, существуют ли кроме чисто фонологических аргументов (несомненно, важным аргументом этого рода может служить характер чередования фонем <т> и <т'> в формах типа *брат* / *о брате*, где регулярно наблюдается морфонологическая

альтернация твердых и мягких фонем при сохранении остальных их дифференциальных признаков) какие-то фонетические особенности функционирования этих согласных, свидетельствующие в пользу отнесения их к классу взрывных, а не аффрикат, как это до сих пор принято во всех описаниях русской фонетики вплоть до самых современных, учитывающих, в том числе, данные акустического анализа речи [2].

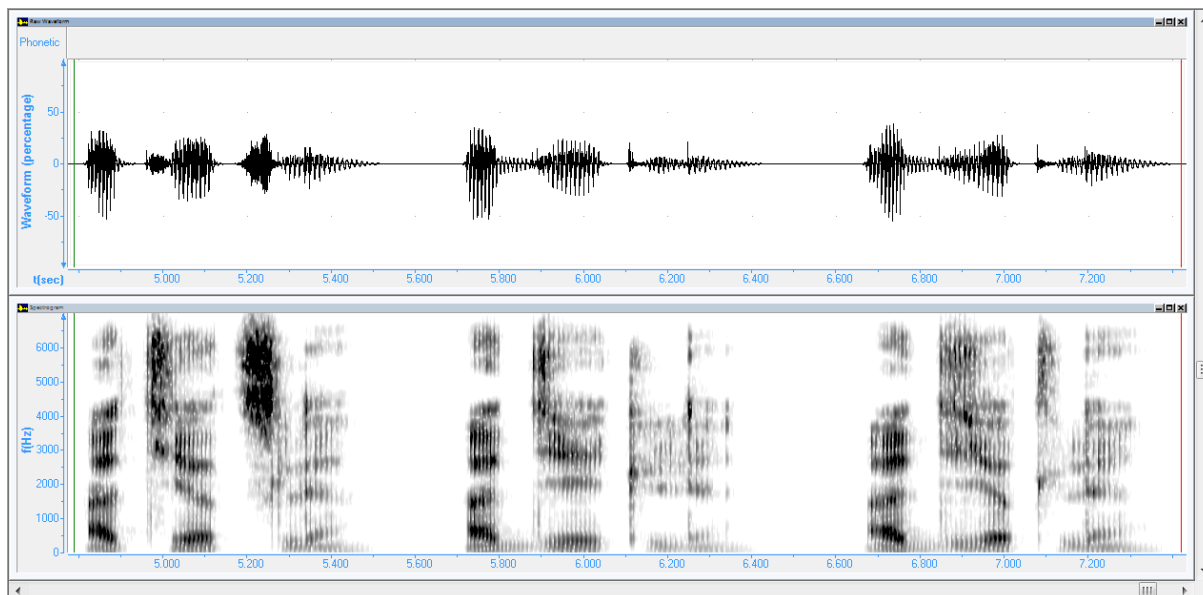

Рисунок 2. Слева направо: осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетаний *отец ли*, *одеть ли* и *одет ли*.

Что же касается чисто фонетических данных, то одним из важных факторов в пользу интерпретации мягких зубных аффрицированных смычных как взрывных согласных, а не как аффрикат можно считать характер их реализации в сочетаниях с гоморганными сонорными [н], [н'], [л], [л']. Как видно, например, на рисунке 2, в этом положении длительность и характер фриктивного шума последнего согласного в фонетическом слове *одеть ли* почти аналогичны соответствующим параметрам конечного согласного сочетания *одет ли*, и явно отличаются от тех же характеристик последнего согласного в фонетическом слове *отец ли*.

Литература

1. Князев С. В., Моисеева Е. В. Практикум по курсу «Современный русский литературный язык». Вып. II. Акустическая и перцептивная фонетика. М., 2013.
2. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
3. Кузнецова А. М. Некоторые физические характеристики, связанные с явлением дзеканья в русском языке // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
4. Sievers E. Grundzüge der Phonetik. Aufl. 4. Leipzig, 1893.

Асимметричные единицы русской фонематики

А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

a_a_kretov@rambler.ru

Аффрикаты, деффрикаты, нуль-фтонги, бифоны, трифоны, нуль-фоны.

Summary. The paper deals with asymmetry units of the Russian phonemics. Adaptive asymmetry units are represented by affricate / defricate consonants, diphthongs, zero-phthongs. Compressive asymmetry units are represented by biphons, triphons, zero-phones. The concepts of symmetric units (monophones) and compressive asymmetric ones (polyphones) are introduced. Author proposes to reveal the phonemic structure of Russian using monophones only. Polyphones unite the phonemes in the system and also make the main difference fusional languages of the agglutinative.

Явление формально-функциональной асимметрии в русском языке отметил уже И. А. Бодуэн де Куртенэ. С точки зрения «этимологии в области одного и того же языкового мышления» (выделено мной. – А. К.) он различал три фонемы: Ж1||Г (*может||могу*), Ж2||ЗИ (*вожу || возит*), Ж3||ДИ (*вожу || водит*). С точки зрения «соответствий в разных славянских языковых мышлениях, с точки зрения многоязычного этимологического родства» им различались два Ж: 1) общеславянское Ж, «альтернирующее в русском с Г или ЗИ»; 2) специально русское Ж, «альтернирующее с ДИ и ЖД». «Первому Ж соответствует во всех славянских языковых мышлениях тоже Ж или же его своеобразный вторичный заместитель». Второму Ж соответствуют, смотря по отдельным славянским языковым мышлениям, в др. цсл. и в болгарском *жд*, в сербо-хорватском *dz'* или *j*, в словинском *j*, в польском и словацком *dz*, в чешском *z* и т. д.» [Бодуэн де Куртенэ 1963-II (1917):277].

Как видим, Бодуэн различал точку зрения «одного и того же» языкового мышления и его соответствия «разным» языковым мышлениям. Первый подход позднее был назван методом внутренней реконструкции, а второй – методом внешней реконструкции.

При выделении фонем методом внешней и внутренней реконструкции Бодуэн следовал единому принципу: *одинаковый ряд альтернатив – одна фонема; разные ряды альтернатив – разные фонемы*. Такой подход позволяет преодолеть пропасть между синхронией и диахронией, видеть в синхронии момент диахронии и применять к синхронии инструментарию диахронии.

Если вслед за Н. И. Толстым видеть в звуке речи (фоне) форму, а в фонеме – функцию [Толстой 1963:30-31], то симметричными будут единицы, в которых одна форма (ф) соответствует одной функции (ф): 1ф:1ф, асимметричными – все остальные. Единицы типа 1ф:1ф назовем *монофонами*.

В примерах Бодуэна симметричной единицей будет Ж1 (1ф:1ф), а асимметричными – Ж2 и Ж3 (1ф:2ф).

Цель сообщения – не полный перечень асимметричных единиц русской фонематики, а исчисление их типов.

Общепризнанными асимметричными единицами русской фонематики являются *аффрикаты* Ч, Ц, состоящие из двух звуков: Ч=[ТШ'], а Ц=[ТС], но могущие представлять одну фонему. Например: ТШ'|К: *неЧем||ПекУ*; ТС|К: *умни-Цы||умниКи*. Фонему {К} представляют |ТС|/|ТШ'| в *отеЦ||отеЧеский*. Тип асимметрии: **2ф:1ф**.

Второй признанной (хотя и не в русистике) асимметричной единицей фонематики является *дифтонг*, как правило, состоящий из сочетания вокала и неслогового сонанта (глайда): VS = ОЙ, ОУ, ЕЙ, ЕУ и т. п. Для признания таких сочетаний дифтонгами требуется два условия: 1) чередование с монофтонгом и 2) невозможность провести морфемную границу внутри сочетания. Общим требованиям в русском языке удовлетворяют случаи: *нОЙ||нЕть* и *нЕЙ||нИть*, а также *пожИНАть||пожАть, пожИМАть||пожАть, бобЕР||бобРы, ветЕР||ветРА, корабЕ.Льный||корабЛи, свёкОР||свёкРА, угОль||угЛи* и т. д.

Не удовлетворяют первому требованию (в рамках русского языка), но (как показывает сравнение с другими славянскими языками) тем не менее являются дифтонгами также случаи: *зОРб* (чешск. *hRb*), *вЕРх* (чешск. *vRch*), *мОЛчатЬ* (чешск. *mLčet*), *жЕЛток* (слвцк. *žLtok*). В данном случае русские О и Е отражают вокалический пазук слогового варианта русских сонантов {Р} и {Л}; имеет место тот же тип асимметрии: **2ф:1ф**. Внутряязыковое доказательство нефонемности О и Е в указанных сочетаниях таково: сочетания с гласными фонемами {О} и {Е} в позициях ТопТ-

ТолТ-ТерТ-ТелТ не сохраняются, а дают ТороТ-ТолоТ-ТереТ-ТелеТ / ТелоТ / ТолоТ (ср. гОРОд-мОЛОТ-БЕРЕг-пЕЛЕНа / шЕЛОм / мОЛОко).

Картина будет неполна без учета звуков, не выполняющих смысловозначительной функции: эпентез и протез. Назовем их *нуль-фтонгами*. Например, в словоформе *читаю* (глагола *читать*) в фонетической транскрипции – [чи-та-йу]. Ср. *нес=ти – нес=у*. Звук [й] не является ни морфемой, ни частью морфемы, не выполняя смысловозначительной функции. Его функция – техническая: разделить два вокала, чтобы не допустить зияния внутри слова. Следовательно, здесь звуку не соответствует морфеморазличительная функция, и мы имеем ситуацию **1ф:0ф**.

Отметим, что и Бодуэн и создатели МФШ настаивали на том, что фонема является различителем морфем: «Звуковое качество, дифференцирующее морфемы языка, называется фонемой» [Аванесов, Сидоров 1930; цит. по Реформатский 1970: 150]; «Исходным моментом во взглядах московских фонологов на фонему была морфема. В их построениях **тождество морфемы определяет собой границы и объем понятия фонемы**. Именно поэтому эти ученые считают фонемой весь ряд позиционных чередований (пересекающихся, не параллельных по отношению к другим аналогичным рядам) во главе со звуковой единицей, различающейся в сильной позиции. Таким образом, звуковые единицы, выступающие в слабых позициях и чередующиеся с той или иной звуковой единицей, различающейся в сильной позиции и являющейся фонемой, объединяются с последней в одну единицу (фонему) на положении ее вариантов» [Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. С. 39]].

Возьмем другой пример: *вотчина* и *отчина* (ср. варианты *отчим – (обл.) вотчим*). Оба слова имеют один и тот же корень. Или [Г] в слове *гусеница* < *усеница*. (ср. укр. *усениця*, ц.-сл. *юсеница*, польск. *gąsienica, wąsienica*) [Фасмер 2004, т. 1: 477]. Звук [В] или [Г] не выполняет смысловозначительной функции, следовательно, он не соотносен ни с какой фонемой. Его назначение чисто техническое – прикрыть слог в начале слова. Формула во всех этих случаях: **1ф:0ф** (один фон – ноль фонем).

Асимметрию с преобладанием числа форм над числом функций мы называли *адаптивной*, поскольку она позволяет порождать формы для новых функций и тем самым способствует адаптации системы языка к любым условиям. *Адаптивная асимметрия* обеспечивает приспособляемость и сохранение языка в экстремальных и изменчивых условиях коммуникации.

Зеркально симметричными аффрикатам, дифтонгам и трифтонгам являются единицы с соотношением **1ф:2ф, 1ф:3ф**, которые мы называем *бифонами* и *трифонами*, соответственно.

Бифоны представлены в чередованиях: Ч||КИ в *знаЧу* (ср. знак, *знаЧИть*) Ч||КЙ в *крепЧе* (ср. *крепЧИй*). Ч||КТ в *контаЧИть* (ср. *контаКТ*). Ч||ГТ в *моЧь* (ср. *моГ(у)–(и)ТЬ*). Ч||ТИ *свеЧу* (ср. *свеТИть*). Ч||ТЙ *круЧе* (ср. *круТОй*).

Трифоны – Ч||КТИ в *контаЧу* (ср. *контаКТ, контаЧИть*); Ш||СТИ: *проЩу||проСТИть*.

В этих случаях звуки, составляющие аффрикату Ч нельзя рассматривать, как представляющие разные фонемы. Это хоть и сложная, но единая фонематическая форма.

То же можно сказать и про зеркально симметричное аффрикату (не смычный+фрикативный, а фрикативный+смычный) (южнославянское по происхождению) сочетание ЖД в (ЖД)||ДИ||Ж: *награЖДать||наградИть||нагруЖу*. В исследованиях по старославянскому языку ЖД и ШТ называются

«сложными фонемами». Этот составной термин неудобен. По аналогии с *аффрикатой* (< ad 'к' + *fricare* 'тереть') ШТ-ЖД можно было бы называть *деффрикатами* (< de 'от' + *fricare* 'тереть'). На целостность (ЖД) как формы указывает его чередование с Ж: *провоЖать / препровоЖДать* || (*пре*)провоДить.

В слове *со(л)н-це* фонема {л} реализуется в виде нуля звука, и эта реализация позиционно обусловлена: в финали русского слога не может быть двух сонантов: ср. *сол-нышко*. В словоформе *сох* (ср. *сохНи, сохЛа*) мы имеем подряд три нуля звука, передающих три функции: {сх=Н=Л_Ъ}. Здесь мы имеем соответствие нуля формы единице функции: **Фф:1f**. Такие единицы назовем *нуль-фонами*.

Может показаться, что в словах *корм, холм* и т. д. имеется сочетание двух сонантов в финали корня. Однако, как было показано выше, в таких словах ОР и ОЛ являются медиальными корня: Р и Л реализуются в слоговом варианте и следовательно, относятся к медиали, а не к финали корня. [О] в словах *корм* и *холм* – отражение вокалического пазвука Р или

Л, а вовсе не вариант фонемы [О], при котором мы имели бы **кором* и **холом*.

Асимметрия единиц с преобладанием функций над формой называется *компрессивной*. Помогая затратить меньше усилий для передачи той же информации, *компрессивная асимметрия* обеспечивает эффективность языка в оптимальных и стабильных условиях коммуникации.

Последовательно различать *монофоны* и *полифоны* (*бифоны* и *трифоны*) не принято. Между тем описание фонематической системы языка без такого различия оказывается искаженным, не говоря уже об описании морфемария языка. При описании фонемного состава языка должны учитываться исключительно *монофоны*. Полифоны (*бифоны* и *трифоны*), подобно архи- и гиперфонемам, выполняют функцию цемента, объединяющего фонемы в систему.

С помощью понятия полифонов легко различить *агглютинацию*, использующую только *монофоны*, и *фузию*, использующую также и *полифоны*. Вся специфика фузионных языков заключается в наличии у них *полифонов*.

Качественные характеристики гласных предударных неприкрытых слогов в позиции после мягкого согласного предшествующего слова внутри синтагмы

Е. В. Моисеева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

lmoisseveva@yandex.ru

Современный русский литературный язык, фонетика, безударные гласные, сандхи, коартикуляция.

Summary. Present paper reports some results from an experimental study of initial unstressed vowels in external sandhi position after the preceding word's palatalized consonant in Modern Standard Russian. The study has shown that the vowels in question notably differ in their spectral quality as compared to those in the position after a pause.

В современном русском литературном языке в неприкрытом слоге в абсолютном начале слова фонемы <a>, <o> или гиперфонема <a / o> реализуются звуком, близким по тембру к [a] в первом предударном слоге [3: 134–135]; [5: 52] или даже к ударному [á] [1: 112]; [6: 215–216]. Таким образом, абсолютное начало слова – это позиция, в которой «безударный гласный изменяется меньше всего» [1: 88]. В то же время, наибольшее коартикуляционное влияние на тембр гласного оказывает предшествующий мягкий согласный [1: 88]; [5: 50]. Влияние предшествующего мягкого согласного на последующий гласный настолько значительно, что тембр даже ударного гласного [á] может изменяться до такой степени, что на слух он воспринимается как [e] [2: 35]. Таким образом, если указанный гласный оказывается в позиции начала слова после мягкого согласного предшествующего слова внутри синтагмы (при произнесении без паузы между словами, например, *вскопать огород, поливать акацию*), то он подвергается воздействию двух факторов. С одной стороны, гласный должен быть сопоставим по тембру с [a], что соответствует позиции начального неприкрытого слога. С другой стороны, под влиянием предшествующего мягкого согласного, гласный должен в какой-то степени менять тембр как минимум на *наиболее мягкий*. Исследования в настоящей работе стали гласные первого и второго предударных неприкрытых слогов в позиции начала слова после мягкого согласного предшествующего слова внутри синтагмы в словосочетаниях типа *зажигать огонек, поливать акацию*. В исследованных словах правым контекстом всегда был твердый заднеязычный согласный, за которым следовал ударный или безударный

[a], а левым пауза как наиболее нейтральный контекст (*о-гонек; акация*) или слово, заканчивающееся на [át'] (*зажигать огонек; поливать акацию*).

В эксперименте приняли участие двое информантов, мужчины, москвичи, владеющие литературным произношением. Дикторам были предъявлены слова и словосочетания, после каждого из них стояла точка. Испытуемым было предложено прочитать слова и словосочетания таким образом, как будто это отдельные предложения или названия литературных произведений. Информанты успешно справились с заданием, прочитав слова и словосочетания как отдельные синтагмы, интонационно оформленные при помощи ИК-1. Для анализа было отобрано 104 примера.

Записи были оцифрованы и проанализированы с помощью программы Praat [http://www.fon.hum.uva.nl/praat]. Анализ поводелся автоматически с визуальным контролем, сложные случаи обрабатывались вручную. В ходе анализа были измерены значения частот первых двух формант исследуемых гласных: 1) в начале гласного сегмента; 2) в середине гласного сегмента или в критической точке (под критической точкой подразумевается минимальное значение F2 и максимальное F1. Следует отметить, что в позиции абсолютного начала слова максимальное значение F1 и минимальное F2 достигается не в середине гласного, а в его начале, далее же наблюдается значительная зависимость от последующего контекста); 3) в конце гласного сегмента.

Средние арифметические значения частоты первых двух формант в произношении обоих информантов на центральном участке гласного или в критической точке представлены в таблице 1.

Таблица 1. Средние арифметические значения частоты первых двух формант (округленные до 5 Гц) в произношении обоих информантов на центральном участке гласного или в критической точке

	В непервом предударном слоге		В первом предударном слоге	
	В неприкрытом слоге (примеры типа <i>огонек</i>)	На стыке слов (примеры типа <i>зажигать огонек</i>)	В неприкрытом слоге (примеры типа <i>акация</i>)	На стыке слов (примеры типа <i>сломать акацию</i>)
F1 (Гц)	680	490	715	505
F2 (Гц)	1390	1740	1400	1750

На основании приведенных в таблице данных можно сформулировать вывод о том, что в непервом предударном слоге по формантной структуре гласный после мягкого согласного предшествующего слова перед твердым заднеязычным (частота F1 = 490 Гц, F2 = 1740 Гц) в значительной

степени отличается от а-образного звука в абсолютном начале слова после паузы (частота F1 = 680 Гц, F2 = 1390 Гц) и занимает промежуточное положение между гласным неприкрытого слога и гласным внутри слова. Сходная картина наблюдается и в первом предударном слоге: после мягкого

согласного предшествующего слова частота $F1 = 505$ Гц, $F2 = 1750$ Гц; в абсолютном начале слова частота $F1 = 715$ Гц, $F2 = 1400$ Гц.

Возможно, это обусловлено тем, что в СРЛЯ в предупредительных слогах в абсолютном начале слова смыслообразительной является оппозиция трех гласных [а], [и], [у]: *у года – и года – а года* [угóдь] – [игóдь] – [агóдь]; *у кого – а кого – и кого* [укавó] – [акавó] – [икавó], а в позиции после мягкого согласного внутри слова – только двух: *тюки – теки* [т'ук'и] – [т'ик'и]. Таким образом, на стыках слов в минимальных парах типа *шепну: «Тяни!» – шепнуть: «Они!»* показателем межсловной границы является произношение после мягкого согласного не [и], то есть, гласный в начале слова, на месте неверхних и непередних фонем после мягкого согласного чтобы маркировать межсловную границу, не должен совпадать с [и] после мягкого согласного внутри

фонетического слова. Это условие (отличаться от безударного [и]) предоставляет возможность варьировать тембр гласного в зависимости от удобства произношения, и вследствие коартикуляции гласный заметно меняет формантную структуру.

Литература

1. Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
2. Бондарко Л. В. Фонология речевой деятельности. СПб., 2000.
3. Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003.
4. Князев С. В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006.
5. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык. М., 2005.
6. Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Перлокутивная роль фразовой просодии

Т. М. Наденна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

tanadeina@yandex.ru

Просодия, интонация, речевое воздействие, психосемантика.

Summary. The place and the role of prosodic characteristics in the speech influence structure are analyzed. Main stages of the speech influence process are considered (capturing recipient's attention and retention it, orientation in communicative situation, creation of optimal perception conditions, aim formation). It is shown, that prosodic means are used on each of them. The role of phrase prosody in changing of recipient's consciousness structure is noted.

Характер воздействия устной речи на слушателя во многом определяется ее звучанием, и существенную роль при этом играют просодические средства. В настоящее время, несмотря на значительное количество накопленных в лингвистике данных, вопросы о механизмах функционирования просодии как фактора речевого воздействия, о ее перлокутивном эффекте в сопоставлении с эффектом других языковых средств далеки от окончательного решения.

Под просодией мы понимаем *совокупность характеристик звучащей речи, зоной действия которых является последовательность сегментных единиц и которые соотносятся с различными акустическими параметрами речевого сигнала*. К сфере просодии относятся тональные, темпоральные, динамические и тембральные характеристики речи, комплексные просодические средства – ударение, ритм и интонация (с ее традиционными компонентами: интонационным членением, паузой и фразовой акцентуацией) [2].

В данной статье мы рассмотрим место и роль просодических средств в структуре речевого воздействия. Речевое воздействие (РВ) – это преднамеренная перестройка смысловой сферы личности [1]. Процесс речевого воздействия подразделяется на два основных этапа: 1) организация общения, 2) побуждение объекта воздействия к посткоммуникативной деятельности [4]. Процесс организации речевого общения подразумевает решение следующих основных задач: 1) привлечение и удержание внимания объекта РВ; 2) ориентирование объекта РВ в ситуации общения; 3) создание оптимальных условий восприятия; 4) формирование установки восприятия.

Этап организации общения начинается с фазы **привлечения внимания**. Фактором привлечения **непроизвольного** внимания является любое отклонение просодического оформления высказывания от нормативного или ожидаемого (например, слишком высокий тональный регистр, интонация вопроса вместо ожидаемого утверждения, слишком медленный темп, слишком громкая речь и т. п.). Фактором привлечения **произвольного** внимания может служить специфическая мелодическая и акцентная организация высказывания. Так, распространённым является понятие «командирский голос», который рассчитан на реакцию слушателей в форме беспрекословного подчинения. **Постпроизвольное** внимание может возникнуть в результате того, что ритмико-мелодическое оформление речи и тембральные качества голоса говорящего воздействуют на реципиента таким образом, что приводят его в определенное эмоциональное состояние (например, возникает аттракция), которая и служит основой постпроизвольного внимания. Эти свойства голоса и речи используются при различных суггестивных воздействиях.

Привлечение внимания может трактоваться также как привлечение внимания к элементам плана содержания высказывания, к его смысловому фокусу. Этими функциями обладают членение, пауза и акцентное выделение.

Удержание внимания способствует выразительности речи. Применительно к устной форме общения выразительность связывается, прежде всего, с разнообразием мелодического оформления высказывания, а также с его благозвучием (эвфоническая функция фразовой просодии).

Ориентирование реципиента в ситуации общения может осуществляться двояким путем. С одной стороны, это связано с самоподачей субъекта РВ. Важная роль при этом принадлежит интонации и голосу, на что обращают внимание специалисты по ораторскому искусству и сценической речи. Кроме того, стиль произношения и намеренная имитация произносительных навыков определенной социальной группы, находящие непосредственное выражение в просодической организации высказывания, выступают как символические средства придания говорящему определенного социального статуса.

С другой стороны, процесс ориентирования реципиента в ситуации общения можно связать с такими функциями фразовой просодии, как функция членения, функция связи между элементами высказывания (с помощью членения и паузации) и функция передачи смысловых отношения между ними (с помощью акцентного выделения).

Создание оптимальных условий восприятия непосредственно зависит от просодического оформления высказывания. Значительную роль при этом играют темп, громкость, ритм, а также индивидуальные технические характеристики речи (в частности, дикция), которые во многом определяют характер звучания. Просодические средства являются факторами, облегчающими понимание смысла передаваемого сообщения.

Формирование установки реципиента можно связать, во-первых, с выражением иллюкутивной цели высказывания, что реализуется с помощью мелодики. Во-вторых, установка восприятия может формироваться под действием эмоционального (субъективно-модального) состояния говорящего, его отношения к предмету речи и к реципиенту. Выражение таких значений входит в число эмоционально-экспрессивных функций просодии, и важную роль при этом играют практически все просодические средства.

Что касается **изменений в структурах сознания реципиента**, то экспериментально доказано [2], что перлокутивный эффект фразовой просодии проявляется в изменениях образа мира человека (которые предусматривает психосемантическая модель сознания [3]), а именно:

- в изменении коннотативного значения воспринимаемого объекта без изменения категориальной структуры индивидуального сознания субъекта;
- в изменении категориальной структуры индивидуального сознания.

Литература

1. Леонтьев А. А. Психолингвистика речевого воздействия // Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 1999.

2. Надеина Т. М. Фразовая просодия как фактор речевого воздействия. М., 2003.
3. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: Исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
4. Тарасов Е. Ф. Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы: Сб. статей. М., 1986. С. 4–9.

Вопросы транслитерации в современных электронных русских текстах

Е. М. Недопекина

Российский университет дружбы народов (Москва)

enedopekina@gmail.com

Транслитерация, русский язык, транскрипция, звук, алфавит.

Summary. The following paper provides the information about the standards of Russian lexis transliteration stated by the Russian Federation law and a number of graphic systems of Russian texts embodiment with Latin symbols abroad. But there are also cases of individual transliteration when Russian electronic texts are produced by people not acquainted with any of such systems, which leads to a huge variety of graphic representations of Russian words. Nevertheless, hypotheses of foreign language influence over the ways of Russian texts transliteration may be offered.

В наше время широких международных связей вопросы интернет-коммуникации приобретают особое значение. Топонимы, термины, имена собственные и даже общелитературная лексика, передаваемая средствами иностранного языка, образуют значительную часть компьютерных текстов. Многие пользователи электронных сетей – ученые, редакторы, журналисты, переводчики, референты, библиотекари, библиотечари и просто эмигранты, которые не имеют возможности использовать клавиатуру с русской раскладкой – повседневно сталкиваются с необходимостью записывать иностранные слова и названия в русском тексте не кириллическими символами.

Грамотная запись русских текстов средствами иностранных алфавитов требует необходимого знания соответствующих правил и принципов. Однако норма – понятие относительное, меняющееся со временем. Необходимо также представлять себе, как поступить, если буквально примененного правила не окажется. Важно сознательное усвоение основ транскрипции, понимание природы лексики родного языка и овладение достаточно тонкими и разнообразными приемами передачи иноязычных и русских слов средствами латинской графики.

Исследуя данную проблематику, требуется, во-первых, продемонстрировать сложности, связанные с межъязыковым функционированием имен, терминов, названий и, во-вторых, изучить конкретный практический материал, чтобы выявить и систематизировать принципы транслитерации русских текстов с помощью разноязычных клавиатур.

Транслитерация – точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности, при которой каждый знак (или последовательность знаков) одной системы письма передается одним и тем же знаком (или последовательностью знаков) другой системы письма.

Возможна графическая передача четырех типов:

- один знак в один знак;
- один знак в последовательность знаков;
- последовательность нескольких знаков в один знак;
- последовательность нескольких знаков в последовательность нескольких знаков, не соответствующую передаче знаков по отдельности.

В противоположность транскрипции, предназначенной для максимально точной передачи звуков языка, транслитерация, как это показывает сам термин (лат. *litera* – «буква»), касается письменной формы языка. При этом обычно во внимание принимается только соответствие букв двух алфавитов, а звуки, скрывающиеся за ними, не учитываются. Транслитерация применяется преимущественно по отношению к мертвым языкам, однако при транслитерации живых языков обычно придерживаются компромисса, так как в определенной мере все же необходимо учитывать и звуковую оболочку слова, чтобы не отрывать слово от его живой звучащей формы; иначе говоря, транслитерируется не алфавит, а принятая в данном языке система графики.

Несмотря на кажущуюся простоту задачи, состоящей в замене одних букв другими, транслитерация зачастую представляет большие трудности. Эти трудности проистекают из того, что состав алфавита одного языка нередко не совпадает с составом алфавита другого языка.

Когда транслитерация применяется в чистом виде или когда желательно передать не написание, а звучание слова или его части, приходится пользоваться частичной или практической транскрипцией. Разумеется, транскрипция получается весьма условная, так как она передает не оригинальное произношение слова, а только приближительное, осуществляемое звуковыми средствами заимствующего языка. Иногда такая транскрипция может быть очень близкой к транскрипции в собственном смысле слова.

В отношении записи русских текстов средствами латинской графики было предпринято несколько попыток унификации принципов транслитерации.

Настоящий стандарт **ГОСТ 7.79-2000**, пришедший на смену **ГОСТу 16876-71**, использовавшемуся с 7 января 1973 года (то есть унаследованный из СССР) по 22 июня 2000 года, распространяется на правила транслитерации средствами латинского алфавита отдельных букв, слов, выражений, а также связанных текстов на языках, письменность которых базируется на кирилловском алфавите.

Однако кроме правил транслитерации, установленных законодательными актами Российской Федерации, есть ряд систем записи русских лексем знаками латинского алфавита, официально принятых и применяемых за рубежом, наиболее известной из которых является **ISO 9 – 1995** (Transliteration of Slavic Cyrillic characters into Latin characters). В среде профессиональных переводчиков и редакторов существует еще одна схема транслитерации: **ТYP** (Traveller's Yellow Pages Transliteration), в значительной мере отклоняющаяся от общепринятых правил. Наконец, следует отметить, что в случае индивидуального транслитерирования, то есть тогда, когда электронные тексты пишутся людьми, не знакомыми ни с одной из перечисленных систем и гостов, графическая запись русских слов заметно варьируется. Тем не менее, есть основания полагать, что зачастую эти отклонения продиктованы особенностями такого языка, в ареале которого находится индивид. Так, руссофон, эмигрировавший в Германию, как правило, передает написание русского звука [ш] сочением *sch*, во Францию – *ch*, а в Англию или США – *sh*, так как именно эти буквенные сочетания передают похожий по звучанию элемент в языке иммиграции.

Все же для создания классификации необходимо провести исследование достаточного объема русских чатов и частных писем, написанных методом транслитерации русскоязычными эмигрантами в их новых местах проживания за пределами России. Полученный материал может иметь важное значение для коррекции существующих систем транслитерации или сознании новых в соответствии с алфавитом, средствами которого могут в последующем передаваться русские тексты.

Литература

1. Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте. М., 1985.

2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.

3. Старостин Б. А. Транскрипция имен собственных. М., 1965.

Синхронно-парадигматический принцип в орфографии заимствований: границы его применения

И. В. Нечаева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

inechaeva@mail.ru

Иноязычное заимствование, орфография, ортология, парадигматические связи слова, двойная орфографическая мотивация.

Summary. This report investigates the duality of grounds in the orthography of loanwords: the case in point is the etymological properties of a lexeme and its paradigmatic relations in the structure of the receiving language. These grounds may contradict each other, which gives rise to the orthological problem of spelling.

На правописание заимствований влияют многие факторы, и на первый взгляд они очень разнообразны. Векторы их влияния на графический облик слова могут различаться по своим направлениям, что обуславливает их конкурирующую роль в процессе нормообразования на письме. Это можно проиллюстрировать с помощью ряда известных примеров.

Так, кириллическую запись слова *римейк* можно сформировать исходя из его этимологических производительных свойств (англ. re[i]make) – либо путем парадигматических сопоставлений, с учетом наличия в языке иных заимствований с этимологически вычленимым префиксом *re...* (*реанимация, регенерация, реинкарнация*) методом графической унификации: *ремейк*.

Хеви-метал(л) вторым своим корнем коррелирует с лексемой *металл*, но написание этимона (англ. heavy metal) не предполагает конечного консонантного удвоения.

Слова на *мини-* в русской нормативной орфографии имеют дефисное написание; этому не подчиняется неологизм *минивэн* со слитно пишущимся этимоном (англ. minivan).

Блог(г)ер (а также *шоп(н)инг* и подобные) имеют этимологическое удвоение согласных (*blogger, shopping*) – и одновременно парадигматические связи в русской лексической системе с однокоренными *блог, шоп (blog, shop)*, не являющимися – на синхронном уровне – их производящими.

Слово *гексаген* может быть передано в соответствии с этимоном (англ. hexagen), но может быть и унифицировано по написанию начальной части с рядом освоенных интернациональных терминов: *гексагональный, гексахлоран* и др.

Лексемы *видео-арт, фото-арт* попадают в два ряда сопоставлений: ряд слов на *-арт* иноязычного происхождения (*пон-арт, нейл-арт, копи-арт*) – с дефисным оформлением – и слов на *видео..., фото...*, у которых начальный словообразовательный формант характеризуется контактным присоединением к последующей части: *видеокассета, видеоманитофон, фотокарточка, фотоальбом* и др.

Если писать слово *флаэр* по действующему правилу, то с буквой «э», а если передавать иноязычное произношение [flaɪə] (с интервокальным [i]), то с «е»

и так далее.

Неединственность лингвистических оснований при выборе орфограммы и закреплении за ней нормативного статуса – источник *ортологической* проблемы в правописании заимствований. Причины разногласий, кажущиеся различными, на самом деле часто сводятся к антиномии синхронного и несинхронного подходов, к опоре либо на парадигматические связи слова, либо на его этимологию. В одном случае берется синхронный срез лексической системы, и решение по написанию принимается путем соотношения свойств интересующей нас лексической единицы с другими, в данный момент существующими в языке и в чем-то ей подобными. В другом случае приоритетом является точность (фонетическая и графическая) передачи иноязычного слова, его этимологических свойств. Подобная двоякая орфографическая мотивация во многих случаях препятствуют ортологически успешному нахождению письменной формы слова.

Принцип синхронной орфографической проверки с использованием парадигматических связей слова характерен для русского правописания применительно к словам исконного происхождения. Суть его в том, что если в каком-либо

слове можно выделить морфему, соотносимую с аналогичной морфемой в другом слове, то эти морфемы должны писаться одинаково. Вопрос состоит в применимости данного принципа к иноязычиям. Казалось бы, подобный подход мог бы привести к желательному упрощению орфографии заимствований, однако это только на первый взгляд. Дело не только в том, что при этом иногда нарушается этимологическая (транскрипционная) корректность передачи лексемы, но и в том, что данный принцип не может быть проведен последовательно, для чего достаточно причин.

Так, слово *мэтр* в современной орфографии графически не подобно этимологически однокоренному *метрдотель* (орфография первого объясняется стремлением к расподоблению с омонимичным *метр* – ‘мера длины’); наличие слова *магнетизм* ничуть не мешает одновременному с ним существованию слов *магнитофон* и *магнит*, а написание *хэнд* (‘английская единица измерения’) – иного по своему буквенному составу, хотя и с тем же этимологическим корнем неологизма *секонд-хенд; инфуцировать* по этимологическим и структурным причинам пишется иначе, чем *инфекция* и др. Если выйти за пределы вопроса графической унификации корней, то можно привести и иные примеры, когда проблема состоит в предпочтении внутриязыковых либо межязыковых аналогий: *эконом(-)класс* следует писать как *бизнес-класс* – дефисно – или как *экономстрой, экономгеография* – слитно? *ресепш(е)н* – передаем английское написание (*шн*) или русское произношение (*шен*)?, и т. д.

Известно (и приведенные примеры это иллюстрируют), что синхронные словообразовательные отношения не всегда аналогичны пути образования слова, его производности; бывает так, что словообразовательный процесс в парах (рядах), состоящих из заимствованных слов, на русской почве не имеет места: члены пары (ряда) заимствуются параллельно и переносят из языка-источника структурные, графические и другие особенности, присущие их этимонам. Поэтому вызывает сомнение необходимость ставить написание, например, слова *хеви-метал(л)* в зависимости от давно освоенного *металл, хэтчбэк (хэтчбек)* – от чуть ранее словарно закрепленных *бай-бэк* и *бэк-вокал, блог(г)ер* – от наличия в русском языке однокоренного *блог* – ведь, кстати, подобное не делалось при определении написания лексем *контролинг* и *контроллер* (ср. *контроль*). Подобный подход рождает также проблему идентификации корней: так, слова *зум* и *зуммер* имеют разное происхождение, что должно быть установлено пишущим во избежание орфографической ошибки. Попытки синхронной орфографической унификации могут быть основаны не только на корневой / аффиксальной однородности морфем, но и на структурных аналогиях: ср. приведенное выше слово *эконом-класс*, а также *минивэн, видео(-)арт* и под.

Как видим, применение синхронно-парадигматического принципа в орфографии заимствований характеризует *избирательность*, что делает такое применение бессмысленным. Если границы употребления той или иной нормы невозможно четко обозначить, правило становится практически неработающим (в чем можно убедиться на примере правописания сложных прилагательных). Вопросы орфографии заимствований нуждаются в комплексном подходе при отказе от «штучных» (и потому непоследовательных) решений.

Орфоэпическая норма и практика в оценке говорящих

С. К. Пожарицкая

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
sofkonst@yandex.ru

Объем и динамика орфоэпических рекомендаций; социолингвистика.

Summary. The subject of orthoenv is the range of socially acceptable variants of pronunciation. Evaluating the scale of deviation from a preset standard might result in changing the set of recommendations.

Кодификация произносительных норм имеет несомненно важную цель – единство звукового оформления слова в масштабах литературного языка. В то же время, установка на единообразие – это не только выбор одного из реально существующих вариантов произношения, но и консервация его, создающая препятствие для естественного развития языка. Из этого следует, что при формулировании орфоэпических норм важно не только то, какой именно вариант произношения следует рекомендовать, но и то, насколько категорической должна быть та или иная его рекомендация.

Основанием для орфоэпических рекомендаций не может быть ни интуиция специалиста, ни опора на традицию в лице уважаемых предшественников. Базой рекомендации могут служить только результаты квалифицированного социолингвистического исследования.

Содержание орфоэпии интерпретируется по-разному. Определение его как «совокупности произносительных норм национального языка» (ЛЭС) неопределенно. Оно может подразумевать как фонетические (позиционные) варианты звуков, так и нефонетические особенности речи (фонемный состав слов, место ударения, грамматические формы) – этим отличается содержание разных орфоэпических словарей.

Но орфоэпия – прикладная дисциплина, которая не имеет своего предмета исследования (если не считать таковым интерпретацию данных социолингвистики). По определению Р. И. Аванесова, орфоэпия – это «правила пользования устной речью». Следовательно, орфоэпические рекомендации должны отвечать на те вопросы, которые возникают у говорящих в связи с воспринимаемым на слух многообразием вариантов слова.

Эксперимент социолингвистического характера, который, разумеется, не может считаться полноценным исследованием такого рода, но тем не менее, представляет определенный интерес, был проведен на филологическом факультете ВШЭ: студенты 2 курса попросили спровоцировать в социальных сетях («ВКонтакте», «Фейсбук» и других) дискуссию на тему «Что вас бесит в речи других людей?».

Значительная часть полученных ответов не относится к проблемам орфоэпии даже в самом широком ее понимании; это – вопросы культуры речи, которые мы в данном случае не рассматриваем. Что же касается вопросов, которые можно отнести к орфоэпии, то их актуальность для студентов выглядит следующим образом:

1. Полностью отсутствует интерес к проблемам фонетики, таким, как произношение безударных гласных после мягких согласных (эканье / иканье), делябиализация [v] и понижение ступени подъема [ɨ] в некоторых безударных позициях, ассимиляция по мягкости внутри консонантных кластеров. Это позволяет усомниться в правомочности отнесения таких вопросов к компетенции орфоэпии.

2. Повышенный интерес вызывают проблемы ударения, и в первую очередь – пара *звонит* – *звóнит*. Выделение (даже фетишизация) этого глагола в ряду однотипных, где ударение уже давно и безболезненно передвинулось на ос-

нову (*дру́жит, мánит, мóрит, бéлит, вáрит* и т. п.), представляется искусственным. Оно не обосновано лингвистически и не заслуживает категорического запрета.

Перенос ударения на окончание в форме им. п. мн. ч. мужского склонения *торты́, банты́, шарфы́*, часто с заменой [ɨ] на [a]: *инженерá, договорá, благá, блюдá, средствá*. Этот процесс «лавинообразно» идет в русском языке, захватывая и иноязычную лексику (*бутикí* и проч.), и оценка отдельных слов, основанная на индивидуальном вкусе лингвиста, также не имеет права быть категорической.

Ударение в компаративе *красивéе*, вероятно, обусловлено частотностью ударного варианта этого суффикса, хотя и противоречит существующему (впрочем, не строгому) грамматическому правилу.

3. Среди грамматических форм в центре внимания – однокоренные **приставочные глаголы *одеть* и *надеть***, хотя логически обоснованное предписание их употребления нарушается в массовом порядке не только сейчас и не только в речи, но и в художественной литературе, по крайней мере, уже с XIX века.

Среди нескольких практикуемых в речи **форм повелительного наклонения глаголов *ехать* и *ездить*** отрицательное отношение вызвали только *ехай* и *едь*, хотя наиболее частотно как в речи, так и в языке художественной литературы, ненормативное *езжай*. Очевидно, оно уже стихийно принято в норму и имеет шанс получить другую помету в орфоэпических словарях.

Форму *ихний* часто используют вместо *их* в качестве притяжательного местоимения. Нельзя не отметить разумность высказанного одним студентом суждения относительно преимущества грамматически однозначного *ихний* по сравнению с нормативным многозначным *их*. Не исключено, что со временем это повлияет на нормативную словарную помету формы *ихний*.

Согласование существительного *кофе* по модели мужского или среднего рода. «Ненормативное» *черное кофе* на самом деле более «нормально» для русского языка, который заимствовал это слово как существительное мужского рода *кофей* или *кофий*. Сохранение традиции – это не всегда великое достоинство нормы.

Нельзя не отметить заинтересованность студентов (а это весьма представительный контингент для создания и проверки орфоэпических рекомендаций) в соблюдении норм, рекомендуемых словарями (или преподавателями). Реакция на «неправильное» сопровождается выражениями «выбешивает», «выводит из равновесия», «адово раздражает», «аж потряхивает», «вымораживает», «как ножом по стеклу», «валерьянку пила – не помогает» и даже «убивала бы на месте».

Это налагает особую ответственность на «рекомендатель» орфоэпических норм, которые, отвечая на реально существующие запросы говорящих, должны ориентироваться на динамику произносительных вариантов, естественную для любого развивающегося языка.

Эволюция русского словесного акцента с позиций восприятия слова носителями языка*

У. М. Трофимова

Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина (Бийск)
umt2005@rambler.ru

Акцентный вариант, метаязыковое сознание, восприятие, языковая эволюция.

Summary. The report is an attempt to describe the evolution of the Russian word accent as an interaction system, perceptual and meta-language factors. Expressing the thesis about the change of status accents in perceptual processes. As the basic material for the study used the Russian National Corpus.

В конце XX века наблюдается ситуация, при которой «напряженные» точки в орфоэпии смещаются с области

сегментных единиц на суперсегментные. Целый ряд исследователей отмечают «чудовищный разброд ударений»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-04-00231 «Эволюция русского словесного акцента (последняя треть XX – начало XXI в.)».

(И. Волгин), многочисленность и разнообразие акцентных ошибок (Ю. Н. Караулов), «терпимость к ненормативным ударениям как «языковой вкус эпохи» (В. Г. Костомаров). Эти процессы хорошо описаны в ряде научных источников, в частности в монографии «Русский язык конца XX столетия» под ред. Е. А. Земской (2000), где активным процессам в области ударения посвящена отдельная глава В. Л. Воронцовой. Принято считать, что причинами акцентологического «разброда» являются снижение культуры речи, что и обуславливает оценочный характер приведенных высказываний.

Сомнение 1. Позволяет ли факт бытования в узусе разнообразных вариантов говорить о терпимости к ненормативному ударению?

Вспомним события осени 2009 года, когда Минобрнауки был утвержден список словарей, содержащих нормы современного литературного языка, и последующую эмоциональную реакцию населения страны. Например, *Ужас! Своему 11 классу сказала, что повешу, если услышу дбговор...; Я сначала подумала, что это ди-джеи шутят так... Йогурт – убил... от дбговора озверела!*

С другой стороны, оценка воспринимаемого акцентологического варианта осуществляется на основе дихотомии «свой» – «чужой», а не «нормативный» – «ненормативный». Столкновение с непривычным, чужим вариантом вызывает непонимание и / или раздражение, поскольку ударение играет важную роль при восприятии акустического облика русского слова современным носителем. Маркерами такой реакции являются ситуации переспроса и исправления. Например, диалог в магазине:

– Где у вас лежит творбг?

– (пауза, с недоумением) Творбг?

В качестве косвенного подтверждения значимости ударения для восприятия слова являются оговорки, типа *ключи – очки, телевизор – холодильник*, сохраняющие слоговую и акцентную структуру слова.

Наконец, масштабное анкетирование носителей русского языка, осуществленное в рамках проекта «Эволюция русского словесного акцента (последняя треть XX – начало XXI в.)», в ходе которого информантам предлагалось расставить в анкетах ударение и указать возможные варианты, показало низкий уровень вариативности в идиолекте русских испытуемых.

Сомнение 2. Можно ли говорить о «чудовищном разброде ударений» как типологической черте именно современной речевой ситуации? То есть в этом случае мы полагаем, что акцентологическая вариативность в «досовременный» период была невысокой.

Анализ этого тезиса в докладе осуществляется с опорой на акцентологический подкорпус Национального корпуса

русского языка и метаязыковые высказывания, зафиксированные в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка. В качестве маркера выступил контекст «с ударением на». Предполагается, что этот контекст указывает на выделенность, значимость для говорящего акцентной характеристики слова. Анализ материалов показал достаточно высокую вариативность некоторых лексем в акцентологическом подкорпусе и малозначимость акцентной характеристики слова для текстов XVIII – середины XX века.

Показательной также с этой точки зрения является интерпретация пушкинского текста Н. В. Перцовым и оценка этой интерпретации Н. А. Еськовой: «Останавливает внимание странное акцентуирование глагола в пятой строке – *Завидную ж вы избрали дорогу!* Ее легко было бы исправить, поменяв местами две смежные словоформы – *Завидную ж избр́али вы дорогу*, однако автор этого не сделал, предпочтя косноязычный вариант. Думается, что акцентное косноязычие вкладывается в уста критику сознательно – для снижения эффекта речевого воздействия последнего» (Перцов Н. В. О языковом иконизме Пушкина). По мнению Н. А. Еськовой, комментатор не учитывает того, что «в литературном языке времени написания пушкинской поэмы варианты форм прошедшего времени определенных типов глаголов с ударением на приставке – *избрал, собрал, назвал, порвал, прервал* мирно сосуществовали с современными нормативными *избрáл, собрáл, назвáл, порвáл, прервáл*. У современников Пушкина не было оснований видеть в варианте *избрали* «акцентное косноязычие» (Лингвистический комментарий к «Орфоэпическому словарю русского языка», 2005).

В совокупности эти факты показывают зазор между речевым фактом и его констатацией и интерпретацией исследователем. Степень акцентной вариативности в узусе, возможно, и не увеличилась (а в идиолекте даже уменьшилась), однако изменились восприятие и оценка акцентных вариантов, что обусловлено, видимо, возросшей ролью словесного акцента в процессах восприятия слова русскими носителями языка.

Итак, можно предположить, что в настоящее время сложились особые системные и перцептивные условия, определяющие эволюцию русского акцента и перестройку фонетической системы русского языка, что находит отражение в метаязыковых представлениях носителей русского языка.

Высказанные идеи могут быть верифицированы комплексным анализом, включающим как системные методы, так и корпусный анализ отрицательного языкового материала, метаязыковых высказываний, коммуникативных сбоев и т. д.

Компьютерный анализ ритмо-динамических особенностей русской речи китайцев

Чжуан Вэйвэй

Казанский (Приволжский) федеральный университет / Китай

verazhww@sina.com

Просодия компьютерный анализ, акустические параметры речи.

Summary. The role of rhythm is always very important in human speech. There are substantial rhythmic differences between languages that are very large like chinese and russian languages. And these rhythmical features might lead with big influences to chinese learners in their russian speech. So in this thesis we explore these influences with the help of computer program “Speech Analyzer”.

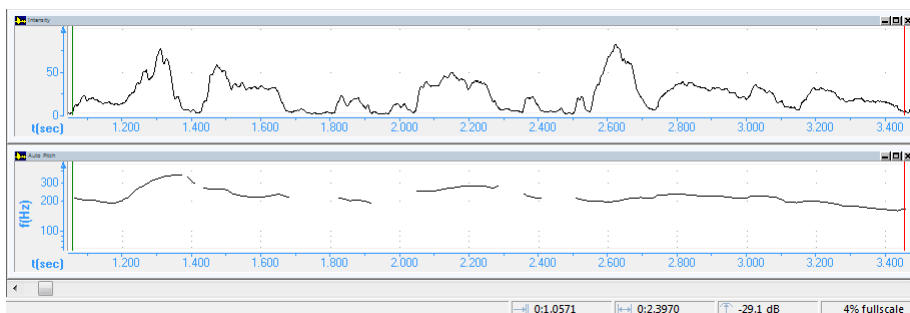
Речевой ритм – это ритмическая организация речи, которая регулярно повторяет сходные и соизмеримые речевые единицы, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции. В последние годы исследование ритмических особенностей второго языка привлекло внимание фонетистов-прикладников, в частности, мы придерживались концепций Л. В. Златоустовой, Р. К. Потаповой.

Русский и китайский языки имеют совершенно разные ритмические организации. Известно, что в русском языке ударение, интонация играют важную роль в порождении ритма. Китайский язык не похож на русский, относится к тотальному типу языков. Ритм в основном проявляется через соединение слога и тона. Хотя в китайском языке тоже проявляется механизм ударности – безударности. Но в целом это не рассматривается как главные составляющие ритма. Указанные особенности вызывают определенные

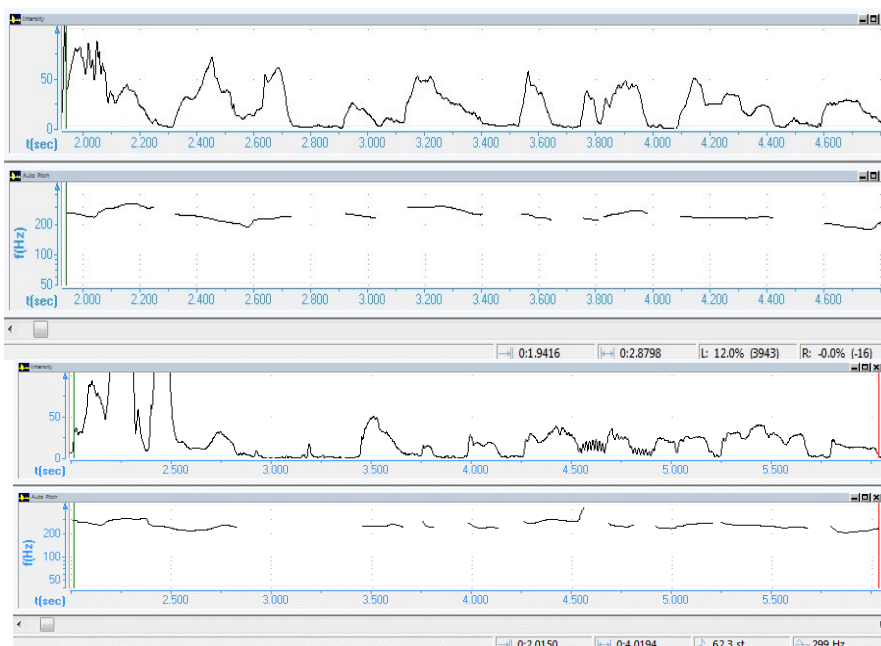
затруднения у китайских студентов при порождении речи на русском языке, так что во время обучения необходимо уделять серьезное внимание постановке ритма речи, практиковать соответствующие просодические тренировки. Применение новых информационных технологий позволит выявить характерные расхождения в просодической формализации русской речи нерусскими, что и было целью нашего научного исследования. С помощью компьютерной программы можно в наглядном виде проанализировать ритмические особенности говорящего, дать ему возможность сравнить акустические кривые в норме, указать в каких участках речи наблюдался сбой, как можно моделировать сходные акустические параметры речи для совершенствования ритма речи на неродном языке. Проведенный компьютерный анализ с помощью программы “Speech Analyzer” показал специфику синтагматического членения текста в речи-чтении, длительность пауз указывала на верное или

неверное понимание смысла текста, интонаграмма также помогала понять смысловую окраску текста, эмоциональная выразительность текста наблюдалась через кривые интенсивности. Сопоставляя эти данные между дикторами, мы

смогли определить своеобразие ритмической формализации русской речи у китайцев. Так, это можно обнаружить, используя следующие акустические сведения. (Было произнесено: «В жизни мы встречаемся с разными людьми».)

Кривая интенсивности и длительности русского эталона

Кривая интенсивности и длительности варианта в произношении китайских носителей

Проведенное исследование показало, что применение компьютерного анализа звучащей речи важно не только для развития современной прикладной фонетики, но и успешно мо-

жет применяться в лингводидактическом ракурсе, когда говорящий может визуально ориентироваться в самом процессе просодической формализации речи на неродном языке.

Секция

Русская диалектология

К вопросу о склонении постпозитивных частиц *-от*, *-та*, *-то* в севернорусских говорах

И. В. Бегунц

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ibeg04@mail.ru

Диалектология, севернорусские говоры, постпозитивные частицы.

Summary. The paper considers postpositive particles *-ot*, *-ta*, *-to* in North Russian dialects. The analysis of dialect speech records proves that these particles nowadays have a specific declension system of their own, and it is no longer equal to the original paradigm of demonstrative pronouns which these particles are alleged to derive from.

Характерной и общеизвестной особенностью севернорусских и некоторых среднерусских говоров является употребление постпозитивных частиц *-от*, *-та*, *-то*, относящихся к существительным и выполняющих своего рода артиклевую функцию. Считается, что эти частицы происходят от древнерусских указательных местоимений *тъ*, *та*, *то*, с чем и связано предполагаемое для них значение определенности. Перечисленные положения, несмотря на общеизвестность, крайне скупо поддерживаются в исследовательской литературе работами, основанными на анализе конкретного диалектного материала. Далее мы рассмотрим вопрос о склонении постпозитивных частиц *-от*, *-та*, *-то* в одной диалектной микросистеме.

На основании анализа сплошной выборки примеров из экспедиционных аудиозаписей (д. Тавреньга Коношского района Архангельской области, 2011 г., 15 часов звучания) была составлена парадигма склонения постпозитивных частиц. Сразу оговоримся, что вопрос о значении частиц, т. е. об их функции и принципах их употребления, нами сейчас не рассматривается и может стать предметом отдельного исследования. Здесь же проанализирован лишь формальный аспект явления, т. е. само склонение постпозитивных частиц, а также его эволюция в истории русского языка.

Следует отметить, что в памятниках древнерусской письменности отражение постпозитивных частиц нельзя отнести к широко распространенным и хорошо исследованным явлениям. Пожалуй, одним из наиболее ярких текстов, в которых они достаточно активно употребляются, можно назвать «Житие...» Аввакума, ср. такие контексты, как: *О имени господни повелеваю ти, напиши и ты рабу-тому Христову, как богородица беса-тово в руках-тех мяла и тебе отдала, и как муравьи-те тебя ели..., и как бес-от дрова-те сожег и как келья-та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо-то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и богородице», или: «Как-де от мороза-тово в тепле-том станешь, батюшко, отходишь, зело-де тяжко в те поры бываешь, — по кирпичью-тому ногами-теми стучаешь. Анализ постпозитивных частиц в «Житии...» позволяет составить их парадигму, и она оказывается тождественной парадигме склонения древнерусских указательных местоимений *-тъ*, *-та*, *-то*, со следующими оговорками:*

1) в И. п. ед. ч. м. р. на стыке существительного на *-ъ* и местоимения *-тъ* закономерно фонетически появляется *-от*;

2) в прямых падежах множественного числа наблюдается флексия *-те* (с обобщенным гласным флексии косвенных падежей);

3) при существительных мужского рода 1-го склонения употребляется форма *-та* (*Лука-та московской жилиец; Козма-та не знаю коего духа человек*);

4) глагольный инфинитив может иметь при себе постпозитивную частицу (*Егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «Долго ли тебе, протопи, дежать-тово, образумься, — ведь ты поп! как сорома нет?»*).

Теперь обратимся к анализу аудиозаписей из деревни Тавреньга. Постпозитивные частицы употребляются в этом говоре весьма часто, так что исследуемый материал предос-

тавляет обширную статистику (более 300 примеров), позволяющую достаточно полно составить парадигму склонения частиц. Рассмотрим обнаруженные формы по грамматическим позициям.

В прямых падежах единственного числа последовательно различаются формы частиц, относящихся к существительным женского, мужского и среднего рода. В И. и В. п. ср. р. используется частица *-то* (*Колоколо-то разбилось; Ведь бывает, что не ходят в болото-то*); в И. и В. п. м. р. употребляется *-от* (*Петух-от на его драться налетел; Полили борщевик-от*). При этом с существительными м. р. 1-го скл. согласуется частица *-та* (*Уж мёртвый дяденька-та был*, аналогично приведенным выше примерам из «Жития...» Аввакума). При существительных ж. р. в И. п. употребляется форма *-та* (как с 1 скл., так и с 3 скл., например: *Задрана юбка-та, чтобы не намочить; А что дверь-та, занавеска повешена*). С существительными ж. р. в В. п. любого склонения употребляется *-ту*: *Школу-ту строили большую; А кость-ту как стала она обламывать*. Таким образом, в прямых падежах склонение постпозитивных частиц совпадает с древнерусскими формами указательного местоимения *-тъ*.

В косвенных падежах единственного числа склонение постпозитивных частиц не имеет ничего общего с древнерусской парадигмой указательных местоимений. В целом обнаруженная в говоре Тавреньги система может быть описана так: постпозитивная частица состоит из согласного элемента (*-т*) и гласного, в подавляющем большинстве случаев дублирующего последний гласный соответствующей формы существительного. Говоря подробнее, формы *-ту* употребляются в Д. п. м. и ср. р. (*Раньше кур-то не держали по десятку-ту; Я к окну-ту не глядела*), в П. п. м. и ср. р. после формы существительного на *-у* (местный падеж): *Да вот у нас делянка была в лесу-ту; Да в году-ту сколько недель, я не знаю*; затем, с Р. п. м. р. также на *-у* (партицип или отделительный): *Бывало, убежишь из дому-ту; Всякоросло, мусору-ту*. Форма *-та* употребляется с существительными м. р. в Р. п. на *-а*: *У черпка-та делают ручку-ту*. В Р. п. ж. р. зафиксирована частица *-ты* (*А с берёзы-ты содирают и лапти плели*). Таким образом, наблюдается зависимость гласного частицы от флексии существительного; следовательно, на форму частицы влияют не столько род, сколько тип склонения существительного (особенно ярко это проявляется у сущ. ж. р. 1 и 3 скл. в Т. п.: *дверью-ту, печью-ту, но водой-то, сестрой-то*).

Во множественном числе в И., В. и Т. п. независимо от рода, типа склонения и флексии существительного употребляются в равной степени частицы *-те* и *-ти* (*Двери-те были прорезаны; Мы пили яицы-ти; Да, добро пекёт пирогу-те. Легче вилами-ти. Ты куда с лапками-те?*). Если для прямых падежей происхождение таких форм очевидно (к сожалению, связи с родом действительного не прослеживается), то для Т. п. такие формы, вероятно, инновативны и могут объясняться той же тенденцией, которая наблюдается при образовании форм косвенных падежей единственного числа (дублирование конечного гласного флексии). В остальных

падежах (Р., Д. и П.) зафиксирована только частица *-то* (которую можно трактовать как известную и литературному языку усиленную или выделительную частицу).

Таким образом, можно констатировать, что в говоре деревни Тавреньга наблюдается довольно стройная, но существенно отличающаяся от исходной система склонения

постпозитивных частиц. Думается, что исследование других диалектных микросистем путем сплошной выборки примеров и анализа соответствующих форм дало бы конкретный и достоверный материал, необходимый для создания общей картины употребления постпозитивных частиц в севернорусских говорах.

Лингвогеографическая зона Кубанское Приазовье: лексика и фразеология*

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

Кубанский государственный университет (Краснодар)

leliastom@mail.ru, patriot30@mail.ru

Кубанский диалект, устойчивость говора, лингвогеографическая зона, языковая основа говора, диалектный языковой ландшафт.

Summary. In this paper we describe the principles of the contemporary Kuban region dialects study in accordance with linguistic-geographical zones, approved during the examination of the Prikuban Priazov dialects.

На современном этапе существования русских диалектов одной из актуальных задач является описание говоров позднего образования, к которым относятся и говоры Кубани. Краснодарский край – территория функционирования современного кубанского диалекта – представляет собой уникальный регион, где исторически складывались говоры с южнорусской и украинской языковой основой. Перспективно, на наш взгляд, при их изучении объединение районов края в лингвогеографические зоны на основании общности географического положения и привязки к знаковому для данной местности географическому объекту. Подобный подход позволит исследовать языковые факты на уровне микро- и макросистем. Выделенная нами зона Кубанское Приазовье, расположенная на северо-западе Краснодарского края на берегах Темрюкского и Таганрогского заливов Азовского моря и Таманского залива Черного моря, включает в себя Ейский, Приморско-Ахтарский, Темрюкский, Щербиновский районы и северо-запад Славянского района (ст-ца Черноерковская, хутора Верхний, Калабатка, Мостовянский, Ставки, Черный Ерик). С 2005 г. по 2012 г. в этих районах проводились диалектологические экспедиции, в результате которых были обследованы говоры ст-ца Ахтанизовской (2005 г.), Старотитаровской, Вышестеблиевской Темрюкского района (2006, 2007 гг.); Бородинской, Ольгинской, Степной; хуторов Новопокровского, Новонекрасовского, Аджановки, Морозовского, Садки Приморско-Ахтарского района (2009 г.); ст-ца Копанской, Должанской, Ясенской, Камышеватовской Ейского района (2010 г.); Старощербиновской, Новоощербиновской, сел Глафировка, Ейское укрепление, Екатериновка, Николаевка, Шабельское, хутора Молчановка Щербиновского района (1912 г.). Материал собирался и методом языкового существования коренными жителями – студентами филологического факультета КубГУ. Изучение языковой ситуации было направлено на определение степени сохранности говоров и выявление общего и специфического в их лексико-фразеологических системах. Представим обзорно полученные результаты.

В целом на территории Кубанского Приазовья распространены говоры с украинской языковой основой. Говоры с южнорусской языковой основой зафиксированы в хуторах Новопокровском и Новонекрасовском Приморско-Ахтарского района и селе Ейское укрепление Щербиновского района. Устойчивость говоров во многом зависит от отношения к ним диалектоносителей. Практически для всех опрошенных собственная речь является естественной и привычной, в то время как говор соседей порождает смех и желание передразнить. Так, в хуторе Новопокровском, где проживают переселившиеся сюда из Турции, Румынии и Болгарии в начале 20-х гг. XX века староверы и их потомки, уже родившиеся на Кубани, было записано существительное *шалдбни*, которым новопокровцы называют жителей хутора Новонекрасовского: *Никрásaфцэф мы назывáли шалдбни: у них фсé на «ца». Пайдём пацáтки ламáть.* Иронии у жителей Щербиновского района вызывает говор жителей села Ейское укрепление, которые не *балáкают*. В районе широко бытует фраза *Чабáк как тарáлка*, отражающая типичные фонетические черты речи жителей этого

села, которое здесь называют *городбк*. В свою очередь ейукрепленцы, или, по-местному, *городжáне*, считают: *Мы чистá гáворым*. Подчеркнем, что в говорах Кубани оппозиция *балáкать* ‘говорить на местном диалекте, имеющем украинскую языковую основу’ – *говорыть* ‘говорить на местном диалекте, имеющем южнорусскую языковую основу’, достаточно устойчива. С другой стороны, местные жители сами признают смешанность своей речи. На Кубани частотное слово *перевёртень*, номинирующее человека, в речи которого смешиваются русские и украинские черты: *Мы такэ, пэрэвэртни* (ст-ца Ахтанизовская). В селе Ейское Укрепление было записано существительное *пополáшник*: *Я напалáшник: атéц – с Ей-Укрпáления, а мать с Никалáивки*. Осознавая себя *пополáшником*, информант обращает внимание на смешанность своей речи, на которую повлияли имеющие разную языковую основу говоры родителей. Смешение двух диалектов на «кубанской почве», а также их изначальная генетическая близость способствовали образованию общекубанского лексико-фразеологического пласта, что подтверждает правомерность объединения лексики и фразеологии кубанских говоров в единую макросистему, состоящую из двух подсистем – лексико-фразеологической системы говоров с южнорусской языковой основой и лексико-фразеологической системы говоров с украинской языковой основой, обладающих общими и специфическими чертами.

Изучение лексико-фразеологического пространства Кубанского Приазовья как лингвогеографической зоны демонстрирует, что специфика его языкового ландшафта во многом обусловлена особенностями географического положения, климата исследованных районов, родом занятий их жителей. Проиллюстрируем наполненность отдельных ТГ: «Рыболовство» (названия рыб: *боквивяк* ‘судак среднего размера’, *мáмка* ‘икряная рыба’, *сулá* ‘судак’, *чэбáк* ‘лещ’, *чэкомáс* ‘окунь’, *орéл* ‘большой улов’ и др.; названия рыболовных снастей, лодок, снаряжения рыбака: *а(о)хáн* ‘ставная крупноячеистая сеть, которой ловят красную рыбу’, *бáйда* ‘большая весельная лодка’, *дéля, делякá* ‘сетное полотно’, *кукáн* ‘бечева, на которую нанизывают пойманную рыбу’, *лещéта* ‘приспособление, на которое вешают посуду’, *посúда* ‘веревки, крюки для ловли крупной рыбы’, *шост* ‘шест, используемый как весло’ и др.); «Метеорологическая лексика»: *мыгáчить*, ‘моросить (о дожде и снеге)’, *бурхáйло* ‘сильный штормовой ветер’, *керчáн* ‘ветер, дующий со стороны г. Керчь’, *крымунтáн* ‘северный ветер’, *нызóвка* ‘1) западный ветер’, ‘2) ветер с моря; ‘3) южный ветер’, *жабрáк* ‘южный ветер’, *щербиняк* ‘ветер со стороны ст-цы Старощербиновской’ и др. В активном словарном запасе находятся и диалектизмы, характеризующие человека: *хоть пид стрáху не ведí* ‘о румяной, красивой девушке’, *злый як зíньске[э] щеня́* ‘о злом человеке’, *подтоптáть под каблук* ‘полностью подчинить своей воле (обычно о зависимости мужа от жены)’, *розбáшáка* ‘1) отчаянный, смелый человек; 2) шалун, баловник, негодник’, *ростопшúля* ‘бестолковый человек’, *як чэхóня* ‘об очень худом человеке’, *и шíе и брýе* ‘о кокетке, стреляющей глазами’ и др. Многие экспрессивные ЛСВ возникают на базе прямых значений лексических единиц в результате переосмысления: *гайгáра*

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00184.

‘ 1) очень высокое дерево; 2) большое строение; 3) презр. об очень высокой девушке или женщине’, *штóлык* ‘1) небольшой кукурузный початок; 2) ирон. шуплый мужчины невысокого роста’ и др. Демонстрацией специфики лексико-фразеологического пространства говоров исследуемой лингвогеографической зоны являются фиксации, не отмеченные в картеотеке «Говоры Кубани»: *лыкысёся* ‘ленивый человек’, *Хо́ху водíть, хохováть* ‘ходить с песнями компанией на Троицу с наряженной, как цыганка, *Хохой*’, *на пупкí* ‘о праздновании четвертого дня после свадьбы’, *на потру́сыны* ‘о посещении молодоженами (обычно по хуторам) род-

ственников, не присутствовавших на свадьбе, с целью сбора свадебных подарков’.

Апробирование избранного подхода при изучении говоров Кубанского Приазовья позволяет применить его и для других лингвогеографических зон края. Проведенная диалектологическая экспедиция в Лабинский район (2013 г.) положила начало исследованию говоров Кубанского Предгорья. Дальнейшее последовательное описание говоров Кубани по лингвогеографическим зонам даст возможность максимально полно представить диалектный ландшафт всего Краснодарского края.

К вопросу об употреблении кратких форм прилагательных в диалектной речи

В. А. Закревская

Тюменский государственный университет

zakrev@yandex.ru

Краткие формы, стяженные формы, функция предиката.

Summary. In the report the question of existence of short forms of adjectives in dialect speech is raised and some features of the use are considered.

Цель доклада – обратить внимание исследователей на существование в диалектной речи не только стяженных форм, что никем не оспаривается как яркая диалектная черта, но и кратких форм прилагательных, чье наличие в устном высказывании может вызывать вопрос. Материалом для анализа послужили записи диалектной речи, сделанные автором в Каргопольском районе Архангельской области. Наш объект – формы прилагательных в функции предиката, так как именно в этой роли в современном языке возможны и полные, и краткие формы.

Есть ли краткие формы в русских говорах? Вопрос отнюдь не простой, поскольку принято считать, что краткие прилагательные в функции предиката – это прерогатива книжной речи [3: 94] и в этом качестве явление если не исчезающее, то в какой-то степени обособляющееся от парадигмы прилагательного. Так, В. А. Плу́нган предлагает рассматривать краткие формы на уровне словообразования [4: 244]. И для этого есть основания, поскольку краткие формы возможны не от всех прилагательных, а только от части качественных. Кроме того, употребляясь в функции сказуемого, краткие и полные формы имеют семантические отличия, не всегда четко улавливаемые (временность, категоричность или относительность признака, обозначаемого кратким прилагательным по сравнению с полным). Сказанное справедливо для литературного языка. Обращаясь к говорам, исследователи обычно отмечают бытование так называемых стяженных форм [2: 227]; [5: 137]. Диалектные словари тоже не всегда приводят в соответствующих словарных статьях краткие формы. Даже в первых выпусках «Архангельского областного словаря» (АОС) не давалась подобная информация, хотя в иллюстративном материале некоторые формы можно было расценить как краткие. Например, во 2-ом выпуске в словарной статье на «бойкой» читаем: *Буду не бойка, дак как жыть буду* [1: 51]. Однако в последующих выпусках АОС мы уже находим помету *кратк. ф.*, например, в 14-ом выпуске в словарной статье на «живой» [1: 27].

Такая непоследовательность лексикографов в идентификации кратких форм объясняется тем, что очень сложно разграничить краткие и полные усеченные формы. Как известно, стяженные формы были распространены в поэзии XVIII–XIX вв. и отличались от кратких функцией (определение) и ударением, совпадающим с ударением полной формы. Для говоров это «не работает», так как ударение может быть и на основе, и на окончании (смирна и сми́рна) в одной и той же функции сказуемого, где возможны и полная, и краткая формы. И тем не менее краткие формы прилагательных в северных говорах есть. Об этом свидетельствует наличие кратких форм мужского рода, которые нельзя «заподозрить» в стяженности. Приведем примеры:

Поросёнок-то откормлен, тонь толст. Тонь боек дак (ребенок). *Ли-ко, конь боек-от* (комар). *Таз не полон. Гли-ко, какой худ* (сын худой), *а те-там полные такие. Коль скромён-то был.*

Отметим, что в данных контекстах краткую форму сопровождают наречия степени (*конь, тонь, коль* и под.), что усиливает признак, выраженный прилагательным, придает ему оттенок категоричности. Подобная сочетаемость свойственна и формам женского рода и множественного числа, что позволяет их рассматривать как краткие. Например:

Конь домики-то хорошы. На сплаву была, в залом попала, цють не потонула: порато была бойка. Лапки тонь шыроки были кругом. Малина росла, дак тонь крупна. Раншиз гороховица сколь скусна. Калиток напёкла, дак тонь скусны. Ночь эконь тёмна. А земля тонь суха. Я раншиз така бойка. Телята-то столь умны: на лисьницу здынулись да ф телёу зашли. Сегодной гот порато плоха стала паметь. Станеш пить, дак горечь тонь горька.

Нередко в одном контексте употреблены и полная, и краткая формы:

Како всё нелюбойе сейгот, земля не люба (нет дождя). *Дойна корова-то была, дойна.*

В этом случае, как нам кажется, можно усматривать своеобразную нейтрализацию значения полноты-краткости.

Мы не касаемся здесь употребления прилагательных в функции определения: обычно это стяженные формы (*Байенку сделал тонь хороицу*), однако краткие формы в косвенных падежах здесь тоже встречаются: *После того дет никогда худа слова не говаривал. Никогда я не слыжала худа слова. В этой позиции могут быть и полные формы (худого слова). Наличие подобных форм (как остатков именного склонения прилагательных) тоже свидетельствует в пользу того, что в говорах существуют не только стяженные формы.*

Особенно интересно употребление краткой формы от «живой»: *А Степана того жыва нет. Александра Григорыича нет жыва. Сына давно нет жыва. Иного не знаю, што нет жыва. Тёты Шуры ужэ нету жыва. Два парня было – тожэ жыва нету.* Как видим, форма родительного падежа единственного числа *жива* соотносится не только со словами мужского рода, но и женского, а также множественного числа. Вероятно, можно говорить о лексикализации данной формы.

Таким образом, наблюдения над употреблением прилагательных в диалектной речи заставляют усомниться в безусловной «книжности» кратких форм и подвигают исследователя к более глубокому анализу их функционирования как в диалектной, так и в устной недиалектной речи.

Литература

1. Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 2. М., 1982; Вып. 14. М., 2012.
2. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
3. Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология. М., 1999.
4. Плу́нган В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 2-е. М., 2003.
5. Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

Современные интеграционные процессы в русских диалектах Восточного Забайкалья

Т. Ю. Игнатович

Забайкальский государственный университет (Чита)

ignatovich_chita@mail.ru

Русские диалекты, Восточное Забайкалье, интеграционные процессы.

Summary. In paper the author considers modern integration processes which happen in the Russian dialects of East Transbaikalia. The attention to influence of the literary language, the all-Russian popular speech is paid, to indialektny influence and process of integration of dialects of various genesis.

Глобализация как мировое явление не обходит стороной традиционную малую форму языка. Территориальные диалекты в современных условиях находятся в русле ряда разновекторных интеграционных процессов.

В восточнозабайкальских говорах на современном этапе наблюдаются следующие интеграционные процессы:

- нивелирование диалектных особенностей под воздействием литературного русского языка;
- воздействие общерусского просторечия;
- инодиалектное влияние;
- процесс интеграции говоров севернорусского генезиса с говорами семейских южнорусского генезиса.

Исключительным является воздействие литературного языка. Более активному изменению под влиянием литературного языка подвержена лексика диалектов. В области фонетики и морфологии нивелирование диалектных черт происходит медленнее. Под влиянием литературного языка в русских говорах Восточного Забайкалья развивается вариантность явлений диалектной и литературной нормы.

Ослабление в последние десятилетия влияния литературного языка на говоры небольших сельских поселений в силу социально-экономических причин происходит на фоне сближения территориальных диалектов с общенародным просторечием.

Территориальные диалекты и просторечие сближает ряд общих оснований: сфера обиходно-разговорного общения, определенная свобода реализации языковых единиц (нет кодифицированных норм), упрощенная речевая коммуникация, большая экспрессивность, оценочность. Отличие литературного просторечия от территориальных диалектов в отсутствии локальной ограниченности функционирования просторечия, в его общерусском, преимущественно наддиалектном характере. И хотя, как отмечают исследователи просторечия, нелитературное просторечие представлено на всех языковых уровнях, особенно ярко в лексике, заметных системных фонетических отличий в просторечии нет (типов вокализма, подвижных элементов консонантизма). Следует учитывать, что само просторечие возникло на базе территориальных диалектов.

Общезыковые системные закономерности, на наш взгляд, обуславливают параллельные языковые процессы в диалектах и просторечии, возможны общие результаты, которые сложно дифференцировать на диалектные и просторечные на фоне интеграционных процессов, происходящих в говорах в наши дни. Сложно решить, является ли нелитературный сегмент диалектным, унаследованным из материнского говора, или развившимся под действием внутриязыковых процессов, или проник в устную коммуникацию из общерусского просторечия. Но, если диалектное явление совпадает с просторечным, поддерживается просторечием, то оно отличается устойчивостью употребления в речи сельских жителей.

Выявлены общие фонетические и морфологические черты в современном общерусском просторечии и исследуемых забайкальских говорах. Сопоставительный анализ свидетельствует о том, что ряд черт, общих с просторечием, в забайкальских диалектах находится в лучшей сохранности.

Один из факторов, отражающих специфику региона, является инодиалектное влияние. В ходе развития забайкальские русские старожильческие говоры подвергались влиянию акающих среднерусских говоров более поздних переселенцев. Влияние говоров семейских южнорусского про-

исхождения, встречающихся на юго-западной территории Восточного Забайкалья, на исследуемые говоры севернорусского происхождения, которые находятся в центральной части края, отсутствует.

Исследование говоров севернорусского генезиса в диалектном пространстве Восточного Забайкалья выявило процесс интеграции с говорами семейских южнорусского генезиса.

Сопоставительный анализ говоров севернорусского происхождения и говоров семейских южнорусского происхождения, бытующих на территории Восточного Забайкалья, выявляет регионализмы трех типов: 1) неустойчивые различительные регионализмы, заменяющиеся в настоящее время общерусскими вариантами; 2) неустойчивые общие регионализмы, заменяющиеся в настоящее время общерусскими вариантами; 3) относительно устойчивые общие регионализмы, маркирующие забайкальскую диалектную речь.

Относительно устойчивыми общими регионализмами являются лексикализованное произношение [ú]сь, долгие твердые [ш:] и [ж:] (я[ш:ы]к, тѣ[ш:а], дро[ж:ы]), утрата взрывного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слов (мос, кус, хвос, чась), замена [к] на [х] в сочетании [кт] внутри морфемы: ([хто]), формы с ассимилированным [j] в сочетаниях согласных (вало[с':а], стака[н':а], пла[т':ь]), утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в личных формах глаголов, формах прилагательных, местоимений-прилагательных и порядковых числительных (делат, думам, баса хадила, дурну дефку ни вазьмѣт, катору неделю, како тако имя, первые дни), формы Р. п. и П. п. ед. ч. у существительных мужского рода I скл. с окончанием -у, в Р. п. мн. ч. с окончанием -ов, -ев (из ноггов, зимовьѣв, фамилев), -ей (братей, ступлей), унифицированные формы П. п. прилагательных и местоимений по форме Тв. п. ед. ч. (в Балеиском районе, в этом двору), основы форм личных местоимений 3 лица с корневым [j] при употреблении с предлогами (у ей, с им, к ей), унифицированная форма имя личного местоимения 3-го л. мн. ч. они в Д. п. и Тв. п. (к имя, с имя, употребление местоимения кто в форме каво вместо местоимения что, чего (каво балташь? каво я скажу), склоняемые формы местоимений 3 л. Р. п. с притяжательным значением (иха дочь, на коне на ивом, в ихих руках), согласуемые формы притяжательных местоимений, образованные от форм Р. п. местоимений 3-го л. суффиксальным способом (ихий, ихний, ихов, евоишный, евоный, ейиный, ейный), диалектные огласовки местоимений что ([ч'о]), с какой-то (с какей-то), личные формы глаголов с отсутствием в основах чередования [ч'] / [т'], [ж'] / [д'], [ш'] / [с'т'] (отколото, отъездю), личные формы глаголов с выравненной основой на задненёбный (текѣт, некѣм).

Суть процесса интеграции восточнозабайкальских говоров севернорусского и южнорусского генезиса заключается в утрате неустойчивых различительных регионализмов и сохранении относительно устойчивых общих регионализмов. Устойчивые регионализмы являются единими для обеих забайкальских региональных подсистем и дают основание предположить формирование на территории Восточного Забайкалья общерегиональной языковой разновидности, маркированной диалектными чертами однородного характера, – забайкальского региолекта, в котором в большей степени будут представлены общенародные языковые черты, в частности общенародного просторечия, и в меньшей – особенности диалектного происхождения.

Топозфактор как механизм индуцирования изменений в функциональной семантике топонимов в устной речи диалектоносителей*

Д. Ю. Ильин

Волгоградский государственный университет

dilyin99@mail.ru

Топозфактор, функциональная семантика, топонимика, язык региона.

Summary. The paper reveals motivation for dynamic changes of functional semantics in regional toponymy. The author substantiates an introduction into linguistics a new term *topoeffector* to define a primary or / and supplementary factor that contributes to transformation of geographical names.

Динамические процессы в сфере региональной топонимики, направленность которых имеет сложный центробежный и центростремительный характер, являются отражением общих тенденций в развитии русского литературного языка в новейший период, однако в настоящий момент отсутствует целостное представление о комплексе факторов разного порядка, определяющих формирование регионального топонимикона и использование ономастических единиц в устной речи диалектоносителей, под которыми понимаются «носители языка – коренные жители и переселенцы (их потомки), проживающие на данной территории (в данном населенном пункте), в живой речи которых зафиксированы черты того или иного диалекта в его региональном своеобразии и окружении как орудия общения этнически родственного населения и носителей близкородственных языков» [2: 285].

Катализатором функционально-семантических изменений в региональной топонимике выступает топозфактор – комплексный механизм, индуцирующий возникновение и определяющий направление данных изменений, основной и / или дополнительный фактор (экстралингвистического, собственно лингвистического порядка), способствующий активному / пассивному употреблению топонимических единиц в устной речи, актуализации, усилению либо затуханию семантического признака в значении проприатива, обуславливающий частотность онима, функционирование двойных названий, определяющий статус языковой единицы, в том числе в случаях переименования географического объекта, и др. Термин «топозфактор» вводится для рассмотрения реконструируемой модели сегментной структуры функционально-семантического поля топонимов (см.: [1]). Иерархически организованные сегменты выделяются для сопоставления гетерогенных и разнородных свойств проприативов в рамках тематических групп субстантивов.

Сопоставление функциональной значимости онимов с учетом анализа признаков, выявленных на основе топозфактора, позволяет рассматривать топонимическую лексику, зафиксированную в устной речи диалектоносителей, как полевое единство, в котором разграничиваются ядерные и периферийные конститuenty. В плане содержания данные средства объединены общностью семантического признака «географическое наименование пространства (его части, участка) как единичного объекта». В плане выражения ядро образуют вершинные части сегментов, единицы которых стилистически нейтральны, имеют высокий семантико-прагматический потенциал и значительный ассоциативный объем названия, отличаются широкой сочетаемостью, большой частотностью употребления, регулярностью использования в устной речи, последовательно реализуют при употреблении функции имени собственного; ближнюю периферию составляют элементы их срединных частей, словупотребления топонимов при этом обладают невысоким семантико-прагматическим потенциалом, незначительным ассоциативным объемом названия, не отличаются регулярностью использования и большой частотностью употребления в речи местных жителей, непоследовательно реализуют функции, свойственные топонимам; дальнюю периферию – проприативы, относимые к окраинным частям сегментов, т. е. малочастотные в речи ономастические единицы, смысловое наполнение которых зависит от сочетания с апеллятивом и контекстуального окружения.

Функционально-семантические изменения в региональной топонимике обусловлены перестройкой внутрисегментных иерархических отношений языковых единиц, изменением состава элементов, структурирующих сегменты, ядерную и периферийную сферы полевого единства, появлением контекстуальных образно-переносных, символических и концептуальных значений.

В ядерной сфере поля топонимов в кругу единиц, объединенных инвариантным семантическим признаком «пространство для проживания людей», топозфактором, являющимся основным стимулом именования географического объекта, служит совокупность лингвистических причин – актуализация семантического признака в значении проприатива (использование нарицательного имени с пейоративной окраской) – и причин природно-географического характера, обусловившая, например, название села Мачеха Киквидзенского района Волгоградской области: *Ну, уварят, шо название ей... Я так нескалька знаю, украинскае. Пирисиленцы вот каторыи приехали. ... Ну, тут земля, ну, истественно, первые пирисиленцы. Ничего тут не было. И зямля казалась давольна неприветливой для первых пирисиленцыф. Ну, чирназём-та чирназём, но дикая природа, ничиво не было. Нада было и с природой вести барьбу, а то так абжываца. Паэтаму так назвали, значит, Мачихай* (Касьянов В. А., 1929 г. р.).

Катализатором функционально-семантических изменений в сфере ближней периферии в ряду топонимов с названным инвариантным семантическим признаком могут выступать такие топозфакторы, как метафорическое употребление субстантива в рамках словообразовательной модели с топорформантом *-ка*: *Нахайловка там 3 – 4 дома, үдэ я родылась. Посьльельсь нахально сами суби. Они нахально и Нахайловкой прозвали.* (Магомедова В. Д., 1950 г. р.), а также явление онимизации, находящее подтверждение в переименовании села Якушовка в Калиновку в связи с преобладанием на его территории названного дерева: *Радилась я вот атсюдава десить киломитраф. Ана называлась раньши Якушофка, а щас Калинафка* (Бароменская П. П., 1931 г. р.).

Сферу дальней периферии полевого единства составляют конститuenty, представленные словупотреблениями топонимов, обозначающих населенные пункты, расположенные на значительном удалении от места постоянного проживания информантов, в связи с чем в их речи при назывании географического объекта используются апеллятивы, например: *Ана вот, значит, Красный Яр. Эта раньше был в области Красный Яр – районный насельк. И сило Фамэн-кава – там тоже хахлы* (Касьянов В. А., 1929 г. р.).

Таким образом, введенное в научный оборот понятие «топозфактор», интерпретируемое как основной и / или дополнительный фактор, выступающий катализатором функционально-семантических изменений, дает возможность объяснить динамические процессы в функциональной семантике топонимических единиц, используемых в устной речи диалектоносителей.

Литература

- Ильин Д. Ю. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. Волгоград, 2012.
- Тушикова Н. А. О проекте исследования лексикона диалектоносителей: проблемы, методы, задачи // Стрежень: научный ежегодник / Под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград, 2013. Вып. 11. С. 283–288.

* Исследование проводится при финансовой поддержке РФГФ (проект № 12-04-0284а).

Концептуализация фрагмента социальной сферы в диалектной картине мира

Ю. В. Каменская

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

kamenskayajv@list.ru

Диалектная картина мира, концептуализация, диалектное варьирование.

Summary. Conceptualization of the social sphere in the dialect has some peculiarity. In dialect material there are areas with a high degree of conceptualization and poorly-intentioned fragments. High in the dialect of the degree of conceptualization is the phenomenon of «relationships boys and girls to a wedding». The conceptualization of this phenomenon is well modeled by means of frame structure.

Диалектный материал в современной лингвистике все чаще изучается в лингвокогнитивном аспекте, поскольку диалектная картина мира признается одним из значимых вариантов национальной картины мира. Исследование особенностей концептуализации в диалекте различных фрагментов действительности помогает выявить специфику структурирования картины мира в этнокультурном отношении.

Своеобразно диалектное варьирование проявляется при концептуализации социальной сферы, ярче всего – в степени концептуализации тех или иных фрагментов действительности. Например, высокой степенью концептуализации характеризуется праздничная сфера и сфера семейных отношений.

По нашим наблюдениям высококонцептуализированной областью социальной сферы является феномен «отношения девушки и юноши до свадьбы». Данный феномен может быть моделирован в виде фреймовой структуры, где основными слотами будут являться слоты «лица», «действия», «локализация», «время», «оценка».

Наиболее устойчивым и хорошо заполненным оказывается слот «лица». Вербализация этого слота происходит посредством оппозитивных номинаций *девки, девчонки, девчата* и *парни, ребята, ребяташки*. Частотным обозначением лиц мужского пола становится номинация «женых», а коррелирующая номинация «невесты» актуализируется в речи диалектоносителей редко. Вероятно, это можно объяснить тем, что рассказы, в которых актуализирован исследуемый фрагмент действительности, получены от женщин-информантов, поэтому маркированным становится противоположный член оппозиции.

Для заполнения слотов «действия», «локализация», «время» и «оценка» важным параметром оказывается временная отнесенность рассказа информанта: четко выделяются три хронологических этапа, которые обуславливают содержание слотов. Эти этапы можно охарактеризовать следующим образом: далекое прошлое (в рассказах наших информантов этот период чаще всего соотносится с первой третью XX века и осмысливается современными диалектоносителями как время молодости их родителей), недавнее прошлое (как правило, это военный и послевоенный период, соотносится с молодостью информанта) и современный период.

В слоте «локализация» при актуализации хронологического этапа «далекое прошлое» и частично «время молодости информанта» высокочастотной является конструкция «сидели на фатерах»:

– ...молодёжь-то / прежде фатеры были / мы на фатерах сидели /

– А что такое фатеры?

– Ну / снимали дом / посиденки // вязали / вот собираемся / и ребяташки приходят / с гармоней / с балалайкой // и напляшешьси / и напоёшьси / и кружева вязали / варежки / и перчатки – всё вязали //

При анализе многочисленных контекстов, описывающих, как именно «сидели на фатерах», хорошо выявляется набор концептуальных признаков – это дом, принадлежащий одинокой старушке, его снимали вскладчину, сообща отапливали, оплачивали чаще всего не деньгами, а едой.

Наполнением слота «локализация» также выступают менее частотные лексемы «сиденки», «посиденки», «посиделки». Единичная номинация, вербализующая этот слот только в корпусе «говор с. Белогорное» – лексема «келья, кельенка». Иногда в речи информантов эта номинация получает своеобразный метаязыковой комментарий:

– Ходили к ней на квартиру?

– Да, на фатеру. Келья, келья по-литературному.

При описании второго хронологического этапа наполнение слота «локализация» представлено, как правило, одной номинацией – лексемой «клуб»:

– А как вы с мужем познакомились?

– На танцах / конечно на танцах // (...) Вечером обязательно был все время открыт клуб / все время была гармонь / или же гитара / или же балалайка // Все после работы / вся молодежь идет в клуб // Клуб большой был / хороший /

Наполнение слота «действия» тесно связано с хронологическими этапами рассказа и со слотом «локализация». Общим для первого и второго этапов являются два действия: «тели, плясали». Но для этапа, вербализующегося конструкцией «сидели на фатерах», в слоте «действия» есть еще частотные лексемы – «вязали, пряли, ткали». Эти действия присущи, естественно, только девушкам, но интересно, что вообще все активные действия, вербализующие концепт, выполнялись именно девушками (вплоть до того, что «фатеру» снимали всегда только девушки):

– А только плясали / тели / или еще что делали?

– Вязали / пряли //

– А ребята что делали?

– Глядели на невесту // Смотрели //

В подкорпусе «говор с. Белогорное» слот «действия» вербализуется еще одним глаголом – «мотаниться»:

А тогда мотанились // Ну и чего / мотанились // Полежишь с нем на палатах / ну там поцелуешься ли / чего ли / наговоришься / слазишь / идет домой провожать и ничего то... // То ли какие-то ребяташки-ти были путны, а сейчас только послышишь вот скорее бы только

Приведенный пример и другие многочисленные контексты позволяют установить значение лексемы «мотаниться»: это общение наедине с понравившимся молодым человеком, возможно с поцелуями, но не более того (для обозначения сексуальных отношений вне брака в говоре есть другие номинации).

Слот «время» включает два основных узла – «время суток» и «время календарное». «Время суток» для первого и второго хронологических этапов стабильно – это вечер. «Время календарное» актуализируется только в рассказах о далекое прошлое – молодости родителей или собственной молодости очень пожилых информантов:

– А летом тоже сидели?

– Нет / летом нельзя // Вот Покров 14 октября // Вот с Покрова уже посиделки

В рассказах о более позднем времени узел «календарное время» не является релевантным:

– А зимой чем занимались?

– Также ходили в клуб вечером // По вечерам работал клуб //

Актуализация слота «оценка» также обусловлена хронологической приуроченностью рассказа. В рассказах о далеком прошлом оценка, как правило, не эксплицируется, повествование нейтральное, то есть идет эмоционально ненагруженное описание ушедшей уже реалии. В рассказах, где темой является молодость самого информанта, чаще всего наблюдается эмоциональный подъем, эксплицированы положительные эмоции, что обусловлено не столько объективными факторами, сколько субъективным восприятием молодости как одного из самых счастливых, беззаботных периодов жизни. Амбивалентная оценка концепта обусловлена базовой концептуальной оппозицией «прошлое-настоящее» и возникает в тех контекстах, где наблюдается сравнение. Оценка прошлого и настоящего в таких контекстах полярна: пейоративную оценку получает настоящее, положительно оценивается прошлое. Концепт, структурирующий современный хронологический период, можно определить как «разрушение» (вербализуется такими единицами, как «ничего этого нет», «сейчас уже такого нет» и т. д.). Обусловлена такая полярность оценок, во-первых, тем, что настоящее, с точки зрения наших информантов,

является отклонением от нормы, нарушением сложившегося порядка, то есть включается оппозиция «раньше-теперь». Кроме того, противостояние прошлого и настоящего объяс-

няется активизацией оппозиции «свой-чужой», связанной с отмечаемой многими исследователями особенностью диалектной картины мира – эгоцентричностью.

О принципах номинации дорог в архангельских говорах

М. С. Каргышева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mariyakartysheva@gmail.com

Названия дорог, принципы номинации, архангельские говоры.

Summary. This paper analyzes typical principles for road naming nomination in Arkhangelsk dialects, defines characteristics and methods of nomination.

При описании диалектной картины мира особое внимание уделяется процессу номинации как процессу «наречения фрагментов мира». Как известно, слова, объединенные в лексико-семантические группы (ЛСГ), обозначают «совокупность однородных предметов, все признаки которых, в том числе и мотивировочные, обладают поэтому качественной одноплановостью, т. е. способностью противопоставляться и объединяться по их качеству» [1: 94]. Отсюда следует, что каждая ЛСГ обладает своим особым набором принципов номинации, в которых отражены повторяющиеся, устойчивые признаки для единиц данной ЛСГ. Целью настоящей работы является показать типичные признаки номинации названий дорог в архангельских говорах.

Большая часть наименований дорог в архангельских говорах мотивированна, во внутренней форме данных лексем актуализируются разные мотивировочные признаки. Актуальными для носителей диалекта в процессе номинации являются такие мотивировочные признаки (МП), как локативный (24 номинации), акциональный (23 номинации), функциональный (22 номинации), предметно-характеризующий (15 номинаций), качественно-характеризующий (10 номинаций) и темпоральный (9 номинаций). Для каждой группы МП выделяются мотивирующая основа, способ номинации.

В качестве примера рассмотрим названия дорог по функциональному признаку. Данную группу можно разделить на две подгруппы. Первую подгруппу составляют номинации по назначению дороги. К этой подгруппе относятся номинации по объекту, с которым совершается действие (*почтовая дорога, почтовик*), а также по субъекту, для которого предназначена дорога (*скотская дорога, скотская тропинка, коровья дорога, коровья тропь, оленья (оленья) дорога, оленья тропь*). Другую подгруппу образуют номинации по транспорту, для которого предназначена дорога (*тракторная дорога, машинная дорога, санная дорога, санный путь, санный, телёжная (телёжная) дорога, телёжница (телёжница), конная дорога, конская дорога, конный путь, конная тропь, конные ледянки, лошадиная дорога, гужевая дорога*). В данной подгруппе представлены разные мотивирующие основы, соответственно, в диалекте важно различать дороги для тракторов, для машин, для саеней, для телег, для коней.

Исследование принципов номинации данной ЛСГ показывает, что значительная часть слов, обозначающих названия дорог в архангельских говорах, имеет ясную внутреннюю форму. Вероятно, это связано с важностью данного фрагмента действительности для носителей диалекта, по-

скольку «слова, ясные в словообразовательном или этимологическом отношении, при прочих равных условиях (степень употребительности, характер предметной соотнесенности и пр.) легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишенные мотивации» [2: 60].

Мотивировочные признаки в исследуемом пространстве выражены с помощью прямого и опосредованного способов номинации.

Для названия одного вида дороги могут быть использованы разные мотивирующие основы и номинационные средства, например, *балочная дорога, лежнёвая дорога, лежнёвка, деревянная дорога, деревяшка* и др.

При общности мотивировочного признака одна мотивирующая основа может быть оформлена разными средствами номинации: *ледяная дорога, ледовая дорога, ледяночная дорога, ледянка*.

Изучив номинации дорог, можно сделать выводы о динамике номинативного процесса в рамках данного семантического пространства. Первый этап номинативного процесса – приписывание некоего признака объекту посредством предикации (*дорога торная, дорога больша́я* и др.). Затем этот признак переносится в позицию атрибута, в результате чего создается расчлененное наименование, в котором носителем МП является атрибутивный компонент (*торная дорога, больша́я дорога* и др.). Следующий этап номинативного процесса заключается в свертывании составного наименования в однословное (*больша́к, большеви́к* и др.). Многие составные единицы поля не подвергаются компрессии, т. е. не имеют однословную параллель (*торная дорога, ходовая дорога, маленькая дорога* и др.). В некоторых случаях обнаруживаются однословные наименования, не имеющие в говорах составного соответствия, но потенциально с ними соотносимые (*бетонка, монасты́рка*). Другую немногочисленную группу однословных наименований составляют номинации, которые не соотносятся с двусловными наименованиями (*переулок, заулок* и др.).

Литература

1. Голев Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования // Материалы науч. конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5: Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1972. С. 94–99.
2. Моисеев А. И. Мотивированность слов (мотивированность сложных имен существительных со значением лица в лица в русском языке) // Исследования по грамматике русского языка. 4. Л., 1963.

Термины свойства в архангельских говорах: *молодка**

И. Б. Качинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
kacza@yandex.ru

1. В литературном языке для названия «жены сына» используется два термина: *невестка* и *сноха*. Значение их идентично, хотя иногда утверждается, что между ними имеются некоторые гендерные несоответствия: *невесткой* будет жена сына с точки зрения его матери, а *снохой* – жена сына с точки зрения его отца [Словарь Ушакова]. В архангельских говорах такого разделения не наблюдается. Для номинации *жены сына* используются термины с корнями

невест-, *снох-*, самыми частотными являются дериваты от корня *молод-*.

Невест- (*невестка, невестушка, невеста*): *Доци нет, а невестка невестка и есь, цюжой целовек. У меня невестушка была хороша. Молодица, короцьку унесёт скоту, да там сама и съист.*

Снох- / **снош-** (*сноха, сношеница, сношенька, сношище, сношка, сношонка, сношонко*): *Моево сына-то жена – сно-*

* Работа выполняется при поддержке гранта РГНФ № 13-04-0013 «Термины родства в архангельских говорах: Словарь».

ха. У нас сношеница называеца – сноха-то с мужем, это я так назвала, по-простецки. А ко мне опять сношенька приехала. Раньше матерь плохо держали, так она сношнику кляла, кляла. А сношонка в больнице лежит.

Молод- (молодая, молодайка, молодца, молодиченька, молодичка, молодка, молодница, молодуха, молодущенка, молодущика): **Молода** велела, и сын велел рассказывать про старинку. **Молодица**, сыновья-то жёнка, портниха у нас. **Молодка** у тех-то, свёкр и свекровка всегда зовут **молодка**. Пришли на **молодницу** смотреть. Выйдет девцёнка вза-муж, дак ей **молодуха** зовут. Сын **молодуху** привёл.

Молодой, молодухой, молодцей и под. обычно называли невестку в первые годы брака. Но как термин в значении 'жена сына, невестка' он мог употребляться по отношению к женщине любого возраста: *Мою маму всё до смерти молодницей звали. Молодица уш на пенси у его, а ты всё молодуха.*

В пределах одного говора часто сосуществует несколько номинаций для жены сына: *У их-то невестка скажут, а у нас сноха. Жена сына – это вот была сноха, а невестка – это уже вот по-вашему, по-городскому. У нас раньше звали молодцами, а сичас невестками. Это нын молодками звали звать, а тогда невестками. Невесткой некогда не звали, всё сноха. По добру – дак молодка, а по злу – сноха, молодуха. Молодка молода, буде постаре – дак невестка. Снохой свои-те не зовут, а молодцима.* Могли различать в номинации жен старшего и младшего сына. Жена старшего сына – *большуха, большая (старшая) сноха*, младшего – *меньшуха, малая сноха*.

В свадебных корильных песнях невестку часто называют обидными прозвищами: *А свекровка говорит: людюльницу везут. Людюльница – это как лютая змея. А деверья говорят, да что безряху к нам везут... Деверья говорят, что разгноху к нам везут... Свёкор говорит: медведицу везут, а свекровка говорит: людоедицу везут, во цюжу деревню молодцу везут.* Впрочем, нехорошими словами невестку могли называть не только в фольклоре: *Свекровка звала постоялкой ей. Не невестку привёл, а постоялку.*

Для обозначения невестки часто используются сочетания: *сынова (сыновина, сыновья, сыновьева, сыновья) жена (жонка, невестка, сношка, молодца), (у) сына жонка, молодца сына, молодая хозяйка: Это сноха-то, сынова жена. Приехала погостить к молодухе – от сына жена. Молодам по платьям подано, сыновьям молодкам.*

2. Имеются термины свойства, которые используются только в номинации, но не встречаются в обращении (*свекровка*). Термины, обозначающие жену сына, могли употребляться и в качестве обращения: *Всё звали молодка, никогда меня не звали на имя. И не сноха, а невестка: невестка, ты сходи там.* В картотеке «Архангельского областного словаря» зафиксировано достаточно много примеров обращения к невестке: *Невестка, помети. Невестка, иди домой! Молодка, бежи туда-то, – так свёкр скажет. Молодка, поди коней поить.* Так как в одном доме могло быть несколько невесток, их различали по именам, используя сочетания термина с именем: *Молодка там Ирinya ле вот Марья – так и звали молодка. А Алевтина невестка села в углы. У Вали молодци только свадьба ныне отошла.* Собственное имя невестки могло вовсе не употребляться: для ее номинации или обращения к ней использовалось имя ее мужа: *Женок по мужикам звали: Вышла замуж за Степана – Степанхой зовут, если ловко, Фёдориха, Икуниха, Изосимиха, Гурьяниха или Гуриха. Не знаю, сноха-то у нас, Колиха-то, издила нын на проверку, дак всё, грит, хорошо, сказала, утё всё хорошо. Её по хозяйну звали Пелагею-то – Поляка Ванькина. Вообще по мужикам всё зовут: Мишкина, Ортюгина, Сенькина, Ванькина. Марья-то Ортюгина идёт.* В настоящее время термин родства в обращении повсеместно заменяется именем: *Раньше-то не по имени звали, а молодой. Раньше молодками звали, теперя именами зовут. По-за глаз зовём молодкой, а в глаза-ти нет, а в глаза-ти только по имени. Дедко (свекор) меня – я пришла: Как тебя звать-то, молодкой ле Тонькой ле как ле? Я грю: Как хош зови.*

3. Невесткой, снохой или молодой молодая женщина, пришедшая жить в дом к мужу, была не только для свекра и свекрови, но и для всей остальной родни мужа: его братьев,

сестер, теток, дядей, племянников и т. д. Отсюда регулярное использование тех же терминов для номинации и обращения к жене брата, жене деверя, сестре мужа (к золовке), жене дяди. **Жена брата:** *Это моя невестка за братом, с Котажки она. От родного брата жёнка – невестушка, и от двоюродного так же зовут. Сноха – это братня жёнка. Снохаши мне за моим за старшим братом была. Сестра мужа, золовка: Невестка – сестра мужика. Как девка-то, золовка, мужу-ту сестра – то невестушкой, а та ей – сестрицей.* Хотя в обычном случае положено называть наоборот: *Рас у тя золовка есь, она тя должна невестушкой звать, а ты ё – сестрица.* Сестра мужа, золовка, может оказаться и **свойкой:** *У мужиной сестры есь брат, он свояка, а сестра-то свойка. Свойка – это сестра мужику. А это свойки – это эти, золовки.* Хотя обычно свойкой, свояченицей называют сестру жены (а не сестру мужа). Будут в отношении друг к другу невестками, снохами, молодками, свойками женщины, находящиеся замужем за братьями: *Мы с тобой были бы за братьями, так были невестки. Братья мужики, дак мы снохи. Два брата, у его жена да у его жена – вот они снохи за братьями-то, сношельници. Вишь, две свойки идут – мужики братья.*

Термины, используемые для обозначения свойства, могут употребляться и по отношению к неродственникам. Девушка, достигшая брачного возраста, – **невеста** и **невестка:** *Девка на девку narocлa, знацит, уж обе невесты, взрослые. К тебе невестки пришли, я тебе невест привела.* Молодая девушка, умершая незамужней, – **Христовая невестка:** *Христовой невесткой нозовут, кто умрёт молодой. И невестой, и невесткой называют девушку во время свадебного обряда: Невестка жениха не знат. Молодица, молодка, молодуха – не только 'жена сына' или 'жена сына в первый год брака, как правило, да рождения первенца', но и 'молодая женщина, девушка': Спасибо, девушка-молодушка. Попову-то Тамару понаведывайте, псвят четвёртый год, она тоже не молодуха.*

Для терминов кровного родства характерно проникнове-ние лексем с их основными значениями в другие области, где они приобретают другие значения. В терминах кровного родства переосмыслиется свойство (свекровь – *матушка*, свекор – *батюшка*) духовное родство (*крестная мать, крестный отец*). Эти же термины проецируются на «внешний» мир: они регулярно встречаются в названии растений (*мать-и-мачеха*), в абстрактных понятиях (*лень-матушка, правда-матка*), в названии предметов; используются как антропонимы и микропонимы, оказываются междометиями или входят в их состав (*батюшки! матушки мои!*). Подобный перенос у терминов свойства также осуществляется, но гораздо реже: есть растение *тещин язык*, часть русской печи – *свёкор*, вышитая юбка, которую невеста на свадьбе дарит свекрови, – *свекровница*, вышитое полотенце, которое невеста на свадьбе дарит свекрови, – *свекровочник (Я сама свекровке вышивала утиральник, свекровочник назывался)*. По принципу метонимического переноса образуются новые значения у слов с протозначением 'жена сына': *Молодуха, молодичка, молодуха* – платок или ко-сынка, который надевала молодая замужняя женщина: *Замуж выйти – надо молодухой подвязаться, красный плат. Молодушкой оповязетсе. Молодушкой оповязываютсе, носят эк. Жаркой день, сё молодухой, кто постарше – те платом оповязывается.*

4. Образ жены сына (*невестки*) в фольклоре обычно пода-ется в том же негативном ключе, что и образы остальных свойственников (тещи, свекрови, свекра, братьев и сестер мужа – *деверей* и *золовок*), отражая типологическое разделение на **своих** (родных, кровных) и **чужих:** *Каждая мать свою дочку хвалит, а молодуху хулит. Невестка, говорят, – соседка (т. е. чужой человек). Наша невестка всё трескат, мёд – и тот ждрёт. Сын хороший у меня, матюга я не слышала, невестка что! У сношки холодны ножки. Молодушка, кушай не стыдись да роб (работай) не ленись. Кошку ругают, а сношке наветки дают.*

Исследование проведено на материале архангельских говоров. Использованы изданные выпуски «Архангельского областного словаря» [АОС: 1-15], Картотека АОС и собственные полевые записи автора.

Иерархия правил субаллофонического варьирования в вокалической системе севернорусского говора

Т. Н. Коробейникова

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

t.korobejnikova@inbox.ru

Вариативность, субаллофония, развитие системы вокализма.

Summary. The paper investigates how segmental phonetic variability can be integrated into a formal model. The author analyses multiple realizations of vowel phonemes and proposes a model based on the hierarchy of suballophonic variation rules. This approach includes ranking of factors that affect speakers' choices where two or more alternative pronunciation variants are available.

Цель данной работы – представить модель субаллофонического варьирования гласных в диалектной системе. Под субаллофоническим варьированием понимается возможность альтернативных реализаций фонемы в одной позиции, то есть сосуществование в одной идиосистеме вариантов произношения одного слова с разным звуковым составом (например, *опять* с [é], [é], [æ], [á]). Как показало исследование, на вариативность в таких системах влияют следующие факторы: фразовая позиция, стиль речи, консонантное окружение, длительность гласного, качество гласных соседних слогов. Предлагаемая модель описания субаллофонического варьирования основана на иерархическом подходе к этим факторам. Сравнение идиолектов диалектоносителей позволило обнаружить различия между ними 1) в инвентаре гласных звуков; 2) в их позиционном распределении; 3) в относительной значимости условий, определяющих выбор субаллофонов. Как показало исследование, эти различия свидетельствуют о протекающей в говоре перестройке фонологической системы, в ходе которой изменились отношения между фонемами и их аллофонические ряды. Различия между идиолектами отражают разные стадии этого процесса. Акустический анализ речи и результаты перцептивного эксперимента показали, что в идиосистемах пожилых носителей кайского говора Верхнекамского района Кировской области представлено пять гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /e/, /i/.

	/a/	/e/	/и/	/o/	/y/
CVC	[a]	[э]	[ы]	[о], [о]	[у]
CVC ⁱ	[a]	[э]	[ы]	[о], [о]	[у]
C ⁱ VC	[a] [э]	[э] [е] [ие] [и]	[и]	[е]	[у]
C ⁱ VC ⁱ	[э] [е] [æ] [á]	[э] [е] [ие] [и]	[и]	[е]	[у]

Данные таблицы показывают, что субаллофонические варианты отмечены у /a/, /o/, /e/. При этом фонемы /и/ и /e/ могут нейтрализовываться в [и], /e/ и /a/ – в [э] или [е]. Чтобы выявить условия, влияющие на выбор одного из альтернативных вариантов каждой из фонем, был составлен список морфем, допускающих разную реализацию этих фонем. Данные были получены на основе анализа спонтанных текстов, а также в ходе эксперимента, когда носители говора повторяли слова из специально составленного списка. Анализ выявил следующую тенденцию: в большинстве случаев

дети	PRP	SPS	CON	DUR	HAR
[д'э́т'и]	+ (сильная)	+ (список)	– (C ⁱ VC ⁱ)	+ (большая длительность)	– (перед закрытым)
[д'и́т'и]	+ (слабая)	+ (речь)	+ (C ⁱ VC ⁱ)	+ (меньшая длительность)	+ (перед закрытым)

В первой колонке представлены варианты произношения, следующие 5 столбцов озаглавлены аббревиатурами 5 правил в порядке убывания их значимости. На пересечении правила и конкретной реализации стоит «+» или «–» в зависимости от того, выполняется правило или нет, серым выделен значимый фактор. После «+» или «–» в скобках даны уточняющие данные. В приведенном примере в столбце PRP указывается, соблюдается ли правило фразовой позиции. Напротив варианта [д'э́т'и] стоит «+» (сильная), так как это слово произнесено в сильной фразовой позиции и ударный звук более открытый из двух возможных в этой морфеме у этого диктора. Клетка выделена серым, поскольку этого условия оказалось достаточно, чтобы определить, какой звук выступает в слове *дети* в первый раз. Выполнение или невыполнение остальных правил менее значимо, поскольку их «относительный вес» в системе говора меньше. Для варианта [д'и́т'и] решающим тоже стало первое правило: закрытый звук выступает в слабой фразовой позиции.

при прочих равных условиях на качество звука влияет фразовая позиция – в сильной позиции выступает более открытый гласный, в слабой – более закрытый. В тех случаях, когда эта тенденция явно не проявляется (например, в сильной позиции встречается и [оп'э́т'и], и [оп'и́т'и]), чаще всего имеет значение стиль речи: при повторении списка слов звук более открытый, чем в речи. Когда оба условия не выполняются (например, в сильной позиции при повторении списка в данной морфеме встречаются и открытый, и закрытый звуки), значение приобретает консонантный контекст. Это условие проявляется для аллофонов разных фонем по-разному: для звуков на месте /e/ и /a/ релевантно качество согласного следующего за гласным – в CⁱVCⁱ звук более закрытый, чем в CⁱVC; для звуков на месте /o/ важен класс окружающих согласных – в соседстве с губными, заднеязычными и [л], [л] звук более закрытый, чем в окружении переднеязычных. Если ни один из трех факторов не влияет на качество субаллофона, то значимость приобретает длительность гласного: более короткие звуки более закрытые. И наконец, в единичных случаях, если все эти условия не объясняют выбор звука в данной морфеме, играет роль его ассимиляция гласному следующего слога (например, [д'э́т'ам] и [д'и́т'и]). На основе этих наблюдений была выведена иерархия правил субаллофонического варьирования: 1) Если слово стоит в слабой фразовой позиции, то ударный гласный более закрытый, в сильной позиции – звук более открытый (PRP – prominent position). 2) Если слово произносится в спонтанной речи, то ударный звук более закрытый, при повторении списка слов – более открытый (SPS – speaking style). 3) Краткий относительно средней длительности гласного звук более закрытый, более длительный – открытый (DUR – duration). 4) В благоприятном консонантном окружении (для звуков на месте /o/ в CVC и CVCⁱ – губные, заднеязычные, [л], [л], а для аллофонов /e/ и /a/ – позиция CⁱVCⁱ) гласный становится более закрытым, если такого окружения нет, то звук более открытый (CON – context). 5) Ударный гласный уподобляется гласному следующего слога по признаку подъема (HAR – harmony). В таблице представлено действие «фильтра» условий для слова *дети*, которое диктор VSV произнес с двумя разными ударными гласными.

В речи носителей говора, представляющих среднее поколение, субаллофоническая вариативность возможна в меньшем количестве морфем и только на месте /e/ и на месте /o/, нейтрализация фонем /e/ и /и/, /a/ и /e/ не наблюдается. Вариативность в этих системах обусловлена преимущественно фразовой позицией, влияние остальных условий отмечается редко. В инновативных идиолектах субаллофонической вариативности нет: каждая фонема имеет по одному аллофону в каждой из позиций. Все правила, влиявшие на качество субаллофона на более ранних этапах развития говора, в этих идиолектах не действуют. Таким образом, представленная модель позволяет описать переход от вокалической системы со значительной субаллофонической вариативностью, обусловленной влиянием просодических и контекстных факторов, к системе, где влияние этих факторов нейтрализуется действием единого правила, определяющего выбор варианта фонемы в данной фонологической позиции.

Таксис в русских говорах Западного Причудья

И. П. Кюльмоя

Тартуский университет (Эстония)

irina.kulmoja@ut.ee

*Русские говоры, синтаксис, функционально-семантическая категория таксиса.***Summary.** The paper is devoted to the functional-semantic categories of order (taxis) in Russian dialects of western coast of Lake Chudskoe.

1. Диалектную речь в Западном Причудье сохраняет старшее поколение, живущее в деревнях или маленьких городах на берегу Чудского озера и на острове Пийриссаар, преимущественно это женщины старше 70 лет. По основным характеристикам говор относится к акающим псковским говорам с некоторыми специфическими чертами, обусловленными контактами с эстонским языком. Еще одной особенностью этих говоров является сохранение ряда архаичных черт в грамматике.

2. В соответствии с исследованиями последних лет таксис понимается как функционально-семантическая категория, которая «реализуется в бипредикативных или полипредикативных конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация одной ситуации P1 относительно другой ситуации P2, а временная локализация P2 характеризуется относительно момента речи» [1: 37]. Обычно специальными средствами маркируются прежде всего отношения предшествования. В русской диалектной речи таксис имеет как общие с литературным языком, так и специфические средства выражения, которых в литературном языке уже нет и которые заслуживают рассмотрения.

3. В русских говорах Западного Причудья сохранились и употребляются такие временные формы, как плюсквамперфект, и все формы, включаемые в северо-западный перфект. «Классический» плюсквамперфект с причастием на -л: *Жана была заявляла песни* (остров Пийриссаар 2004). *Мама была тоже ходила в моленну* (д. Малые Кольки 2005). *У меня была Таня родилась* (г. Муствеэ 2003) – все же встречается уже редко и, как правило, лишь в речи очень пожилых носителей говора. Северо-западный перфект еще частотен, к нему традиционно относят: 1) причастие на -(в)ши в предикативной функции, которое, как правило, образовано от непереходных глаголов совершенного вида (СВ) – *сын женивши, одни старики оставши; теть был батькой, он от его научивши* (д. Березье 2005); 2) конструкцию «у + существительное / местоимение в род. пад. + страдательное причастие СВ»: *У меня печенье напечено* (д. Кольки 2006). 3) пассивный перфект, сходный с пассивом СВ в литературном языке, но отличающийся от него отсутствием согласования причастия с существительным в числе или роде: *Во дворе играю, а двор закрыто* (д. Березье 2005).

4. Причастие на -(в)ши в говорах выполняет функцию самостоятельного предиката, обозначая основное, а не второстепенное, сопровождающее действие, поэтому здесь оно является финитной формой глагола. Сочетание такого при-

частия с другой финитной формой глагола образует сложное предложение, в котором причастие на -(в)ши участвует в передаче таксисных значений предшествования: *Летом как раз мы пришли половши, полоти мы на Желачке, и пришли половши, и вскочили в комнату* (остров Пийриссаар 2009). *Напивши пьяный ходил, морда такая была огромная* (д. Малые Кольки 2005). Чаще всего оно образовано от глагола совершенного вида, однако изредка встречается и от несовершенного.

5. Сочетаясь с вспомогательным глаголом *быть* в прошедшем времени, причастие на -(в)ши образует плюсквамперфект, который тоже имеет значение предшествующего действия, независимо от позиции в предложении: *Ну, и сами были отлучивши, и оттуда загорелось* (остров Пийриссаар 2004). *И тогда все дома построили, кто был сгоревши* (остров Пийриссаар 2004). *Эстонцы там как-то познакомивши были с хозяином с этим, да пришли к нашим мужикам* (д. Большие Кольки 2005).

6. Статус страдательного причастия в пассивной конструкции отличается от статуса причастия на -(в)ши. В говорах оно бывает представлено как в полной, так и в краткой форме и, как и причастие на -(в)ши, тоже выполняет таксисную функцию предшествующего действия: *Теперь сделано всё моторы да такие моторные колесные машинки, что в самих придумано* (д. Воронья 2003). *Приехала я домой, уже муж был на фронте, взятый был* (д. Большие Кольки 2005). *Вот унясут покойника, в это время которые люди попрошены, они столы расставят* (д. Малые Кольки 2005). *Так домой приходишь, уже в родителях чай согрет и ужин приготовлен. И как кончится это всё приглашение, ну тогда все сразу в ряд, в круг кто с кем приглашены, и так вот становились* (остров Пийриссаар 2004). Подобное употребление, хотя и с согласованным причастием, которое образуется от более ограниченного круга глаголов, допустимо и в литературном языке (ср. *у родителей чай согрет и ужин приготовлен*).

7. Таким образом причастие на -(в)ши, которое представлено в сочетаниях с какой-либо финитной формой другого глагола и образует с ним таксисную пару, можно считать специализированным грамматическим средством выражения таксисных отношений предшествования в русских говорах.

Литература

1. Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.

Семантические кальки прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

myznikovs@rambler.ru

*Семантический, калька, прибалтийско-финский русские говоры.***Summary.** The papers deal with the problems of loan translation in the Russian dialects of the North. A necessary condition for the appearance of a crippled Russian dialect continuum is a two-way bilingualism carriers.

Проблема языковых контактов и анализ процесса взаимовлияния языков и результатов их взаимодействия – весьма давняя проблема лингвистических исследований. У. Вайнрайх, используя термин лингвистическая интерференция, понимает под ним непосредственное перенесение, т. е. заимствование элементов чужого языка, но также и различные типы семантического калькирования. Он выделяет три типа интерференции: фонетическую, грамматическую и лексическую. И далее в лексической интерференции он отмечает калькирование, подразумевая под калькой – *loan translation* (перевод-заимствование). Причем он выделяет среди них: а) собственно кальки, которые точно воспроизво-

дят иноязычную модель, элемент за элементом; б) кальки-толкования – англ. *loan renditions* (нем. *Lehnübertragungen*), при возникновении которых сложная единица иноязычной модели дает только общий стимул для воспроизведения; в) кальки-образования – англ. *loan creations* (нем. *Lehnschöpfungen*), под этим термином он понимает новые образования, которые создаются для того, чтобы дать обозначения, эквивалентные тем, которые уже существуют в другом, контактирующем языке.

В настоящее время при дифференциации заимствований на материальные и нематериальные, кальки относят к последним, поскольку они представляют собой единицы (сло-

ва или словосочетания), созданные по иноязычному образцу из исконных языковых элементов и являющиеся неявными заимствованиями, воспроизводящими структуру или значение иноязычного источника. Можно провести следующую классификацию калек: грамматические, словообразовательные, семантические, фразеологические, синтаксические. Хотя, конечно, в целом все калки представляют собой смысловой перевод иноязычной единицы на родной язык, и это может относиться к морфемному составу лексемы, к особенностям грамматики, корневым лексемам, фразеологизмам или особенностям синтаксиса.

Калки легко выделяются, этимологизируются и классифицируются на данных литературных языков. Сложнее их идентифицировать на диалектных данных, поскольку диалектная этимология неисконных слов обычно базируется на сопоставлении материальных оболочек, а проблемы сопоставительной семантики практически не находили отражения на страницах штудий, посвященных изучению иноязычного по происхождению лексикона. Наиболее изученным с разных позиций к настоящему времени является пласт лексики прибалтийско-финского происхождения, именно поэтому в данной работе преимущественно анализируются материалы, вошедшие в русские говоры из этого континуума. Следует также иметь в виду, что необходимым условием появления калек в русском диалектном континууме является двусторонний билингвизм носителей (например, вепско-русский и русско-вепский). Так, например, фиксация в тихвинском диалекте карельского языка лексемы *horma* 'русский, русский язык', обусловлена семантическим влиянием уже русского слова *горма* 'иван-чай' > 'иван' > 'русский', хотя первичная этимология относит данную единицу к результатам прибалтийско-финского влияния. Слово *горма* традиционно возводится к кар. *horma* 'растение сем. кипрейных', ср. также кар. *horma* 'кипрей', 'таволга', кар. тихв., сев. *horšma* 'кипрей', кар. твер. *horma* 'кипрей, иван-чай', ливв. *hormu* 'кипрей, иван-чай'.

Исходя из приводимых выше классификаций, калькирование, как результат межязыкового взаимодействия, можно дифференцировать по приводимым выше параметрам.

1) Собственно семантические калки, которые представляют собой лексические единицы, значение которых имеет прямое соответствие в прибалтийско-финских языках (или каком-либо одном языке). Причем семантика прибалтийско-финского слова переносится на русскую почву без заимствования самой лексемы.

Корешки 'щавель, стебли щавеля' Пудож., Прионеж. Карел., Вытегор. Волог. **Корешки** 'стебли (преимущественно) щавеля': – *Кисленьки корешками у нас называют.* Прионеж. *С кислятки корешки ели, а наверху цвет, корешки-то вкуснее.* Вытегор. Медвежьегор. Данные лексемы зафиксированы в районах с вепским субстратным и адстратным влиянием, их также можно трактовать как случай семантического калькирования, ср. вепс. *jurukad* 'щавель', дословно – 'корешки', при *jur* 'корень'.

2) В ряде случаев, когда на русской почве слово представляет собой полисемантическую единицу, некоторые узлокальные специфические черты имеют почву для сопоставления с данными смежных языков, так, например, вероятно, вепский глагол *roida* 'бросать, раскидывать' можно рассматривать в качестве источника семантического воздействия на русск. диал. **рыть** 'бросать, кидать что-л.' Олон., Волог., Новг., Ленингр.

3) Словосочетания, представляющие собой эквивалент слова. Такого рода данные являются весьма распространен-

ными, поскольку в прибалтийско-финских языках соответствующие единицы представляют собой двухкомпонентные субстантивные композиты, первая часть которых представлена в генитиве. Тогда как на русской почве обычно такая единица преобразуется в сочетание – прилагательное + существительное.

Русск. диал. **окунёвая трава** 'вид водорослей' при вепс. *ahven hiin* 'рдест', 'вид водорослей', при дословном переводе *ahven* 'окунь', *hiin* 'трава' (окуневая трава), причем сходные данные отмечаются и в других прибалтийско-финских языках: фин. *ahvenheinä*, *ahvenruoho* 'водяная капуста'.

4) Отмечаются грамматические заимствования, когда специфика употребления русского материала опосредована прибалтийско-финским грамматическим влиянием. Причем, могут отмечаться специфические формы глагольной парадигмы или именного склонения.

Закрýтый 'покрытый льдом, замерзший' Подпорож. Ленингр. – имеется семантическое соответствие в вепском языке: ср. вепс. *g'ogi soýpsihe* 'река закрылась, покрылась льдом'.

5) Не так много словообразовательных калек ввиду серьезных различий в словообразовании русского и прибалтийско-финских языков. Можно привести лишь редкие данные такого плана: **кúрушка** 'водная лилия, кувшинка' Беломор., Каргоп., Вашк., 'растение желтая кубышка' Прионежье. **Кúрушка** 'растение желтая кубышка' Прионеж. Не исключая вероятности мотивации на исконной почве, на наш взгляд, можно сопоставить с вепс. *kanaine* 'цветок белой кувшинки', что тождественно семантически, при первичности вепс. *kanaine* 'курочка'. Причем следует иметь в виду, что суффикс -ушк в русских говорах Северо-Запада весьма частотен, а словообразовательные структуры русского и вепского слова совпадают:

язык	корень	суффикс	значение слова
вепс.	<i>kan-</i>	<i>aine</i>	(курочка, кувшинка)
русск.	<i>кур-</i>	<i>ушк-</i>	(курочка, кувшинка)

6) В ряде случаев можно наблюдать одновременно семантическое воздействие прибалтийско-финских языков и прямое заимствование: русск. диал. **ломóтник** 'репник', при вепс. *lohkoi* 'репник', *lohkaita* 'отломить, расколоть' и лексема **лóккы** 'вареная или пареная репа', вероятно, является результатом влияния людиковского диалекта карельского языка.

7) Отмечаются фразеологические калки.

Прийти как огня просить – 'прийти к кому-л. на очень короткое время': – *Ну пришла как огня просить, посидеть не можешь.* Вытегор. (Ошга). Ср. вепс.: *Tulit', kutm'a lämein' otmaha.* Вряд ли относится сюда же русск. диал. **как огню хвативши** 'возбужденно, в возбужденном состоянии' Волгогр.

8) Нередко наличие семантические соответствий в ряде наименований трудно однозначно трактовать как воздействие какого-л. одного языкового континуума: вепс. *muiktad* 'щавель', *muiged* 'кислый' и русск. диал. **кислица** 'кислица'.

9) В ряде случаев, даже в контактных ареалах возможна тождественная мотивационная основа некоторых лексем, без какого-либо прямого воздействия.

Например, **пожáрник** 'кипрей' (Яросл.) вряд ли слово следует рассматривать как семантическую кальку, сопоставимую с фин. *palokukka* 'иван-чай' (дословно – пожар-цветок), поскольку это растение обильно произрастает на лесных гарях, пожарищах. Ср. также нем. *Feuerkraut* 'кипрей' (дословный перевод – 'пожар-трава'.

Общее и индивидуальное в дискурсе языковой (диалектной) личности

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
eanefedova@gmail.com

Диалект, идиолект, языковая личность.

Summary. The ratio of general and special media in a speech dialect coordinated, above all, the rules of the territorial distribution of the differences between monosystems, while the ratio of the particular and the individual play a leading role other factors. At the disposal of the carrier idiolect has all the linguistic resources of his native dialect, but their use is dictated by the individual characteristics of the person associated with the picture of the world, with a value orientation, goals and attitudes, as well as the features of a psychological nature: the type of the language person, extroverted or introverted, creative or contentment standard dialect.

В. Гумбольдт, рассуждая об объекте языкознания, отмечал, что антропологический подход к языку требует «толковать

характер и строение отдельного языка, опираясь на природу «человека говорящего» вообще» [4: 311], выяснять, «как

всеобщий человеческий язык проявляется в языке различных наций» [5: 382], как любой язык приобретает «способность служить орудием для разнообразнейших индивидуальностей» [4: 165].

Триединство общего, особенного и отдельного, сосредоточенное в речи каждого человека, при обращении к диалектному материалу может быть рассмотрено в аспекте соотношения диалектного языка как полисистемы с общими и различительными признаками, отдельного говора (моносистемы, частной диалектной системы) и идиолекта (идиосистемы). Соотношение общего и особенного в речи носителя диалекта координируется, прежде всего, правилами территориального распределения различий между моносистемами (иначе говоря, говорящий употребляет в речи только те языковые средства, которые присущи данному говору, функционируют на данной территории), тогда как в соотношении особенного и отдельного ведущую роль играют иные факторы. В распоряжении носителя идиолекта имеются все языковые средства его родного диалекта, но их использование диктуется индивидуальными особенностями личности, связанными с картиной мира, с ценностной ориентацией, целями и установками, а также особенностями психологического характера: с типом языковой личности, экстравертной или интравертной, креативной или довольствующейся диалектным стандартом.

Содержание текстов, записанных в конкретном говоре, а также лексический состав говора, отраженный в словарной картотеке, в определенной степени определяются кругом информантов, от которых произведены записи. Это может объясняться как наличием в лексиконе информантов слов, предпочтительных для какой-либо узко ограниченной группы лиц, так и различиями в самом репертуаре тем и событий, наиболее близких информанту. Полевым диалектологам знакомы различия информантов с точки зрения их пристрастия к той или иной тематике: для одних «любимой» темой являются воспоминания о молодости, о прошлой жизни в ее праздничном, обрядовом проявлении, другие, наоборот, чаще вспоминают и рассказывают о тяготах прошлой жизни, третьи любят обсуждать текущие события, соседей, семейные взаимоотношения и т. п. Итак, первое, на что следует обратить внимание – это различия носителей говора в репертуаре «любимых» тем и речевых событий.

Следующий момент, различающий носителей говора – это степень языковой инициативы, склонность к рефлексии над языком, к словотворчеству, к языковой игре. Устная форма владения, пользования языком создает условия, в которых личностное начало говорящего, его индивидуальные речевые особенности проявляются наиболее ярко. Исследователи отмечают возможность речевого обособления коллективов говорящих и индивидуальных носителей языка

(в синхронном плане вариантность дает языку индивидуализацию, по особенностям речи опознаются группы людей. вплоть до отдельного человека [1: 370]), которое проявляется, в частности, в нестандартном употреблении узуальных слов, в намеренной модификации их формы и смысла, в элементах языковой игры.

Индивидуальность языковой личности (ЯЛ), особенности ее владения языком ярче всего проявляются в прагматике, и, в частности, в прагматически ориентированной части лексикона, в особенностях выбора экспрессивно окрашенных лексических средств, в характере словотворчества. Своеобразие ЯЛ, ее «отдельность» устанавливается на общезыковом фоне социума, в сравнении с говором, носителем которого она является.

Известно, что индивидуальное своеобразие языковой картины мира носителя диалекта связано с зонами его «особого внимания» [3: 27], с мирами, «к которым говорящие вновь и вновь возвращаются в коммуникации...» [2: 66]. Возвращаясь к сюжетам, наиболее им «переживаемым», говорящий реализует это в «продолженных текстовых образованиях», архитектоника и лексическое наполнение которых также отражает его видение мира.

Описание нескольких «зон особого внимания» ЯЛ имеет в [8].

В докладе будут рассмотрены представления конкретной ЯЛ о жизни и смерти, отраженные в ее суждениях и высказываниях. Жизнь и смерть – универсальные категории человеческого сознания и культуры, однако комплекс представлений, связанных с ними, этноспецифичен. В рамках культуры этноса эти категории также не абсолютно тождественны (см. работы А. Б. Коконовой, Е. А. Нефедовой).

Литература

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1988.
2. Гольдин В. Е. Развитие русской диалектной речи как особого типа речевой культуры // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Труды и материалы. М., 2001.
3. Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Ключевая семантика сознания современного школьника по данным ассоциативного словаря // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы международной конференции. М., 2002.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
6. Нефедова Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М., 2001.
7. Нефедова Е. А. Лексика эмоций в речи языковой личности // Функциональная лингвистика. Итоги и перспективы. Материалы конференции. Симферополь, 2002.
8. Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.

К проблеме выделения регионального слова

И. Ж. Степанова

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

irinapost@mail.ru

Региолект, регионализм, диалектная лексика, просторечия, стратификация.

Summary. The paper raises questions about the reflection in the dictionaries of the functioning of the language system that lie outside the literary dictionaries.

В настоящее время исследователи все чаще ставят вопрос об отражении в словарях особенностей функционирования системы языка, которые лежат вне зоны литературных словарей, но в то же время эти особенности нельзя отнести и к истинно диалектным проявлениям русского языка.

Если внимательно рассматривать словари диалектной лексики, отражающие особенности русских говоров той или иной местности, то в каждом из них можно обнаружить лексемы, которые трудно отнести только к диалектным. Через 14 лет после выхода в свет «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» мы как авторы этого словаря видим в нем достаточно много таких слов и выражений. Теперь мы склонны классифицировать многие из «спорных» лексем как просторечные, как общедиалектные и пр. Уверены, что в других областных словарях наблюдается та же картина. При этом возникает еще один вопрос: каковы границы словника диалектного словаря? Можно ли

сбирать в диалектный словарь (утрируем) слова по принципу «все, чего нет в Ожегове», «главное – зафиксировать, потомки разберутся»?

После рассмотрения в двух диалектных словарях, описывающих лексику Забайкалья, некоторых совпадающих лексем мы обнаружили, что многие из них можно отнести к общедиалектным, часть – к общесибирским, часть – к просторечиям, еще часть – к регионализмам.

Термин «региолект» еще устанавливается, у исследователей нет его однозначного определения и тем более нет однозначного к нему отношения. Мы уже писали о вопросах стратификации по отношению к регионализмам: требуют рассмотрения отношения «литературный язык» – «региональный вариант литературного языка», «диалектная лексика – региональная лексика», «регионализм – полудиалект – койне – городское просторечие» [1: 137–144]. Кроме того, Л. П. Крысин, например, различает региональное варьиро-

вание (применительно к функционированию языка в инонациональной языковой среде) и локальное варьирование (для обозначения вариативности языка на территории его исконного распространения) [3: 66]. Под локально (регионально) окрашенным вариантом литературного языка И. А. Букринская, О. Е. Кармакова понимают речь образованного населения, в которой сохранились не затрудняющие коммуникацию фонетические и / или лексические черты тех диалектов, которые окружают город [2: 14].

Нельзя не признать, что региолект – это та речь, которую ее носители осознают и принимают как норму в узусе того региона, где региолект функционирует. Это в некотором роде затрудняет его исследование самими носителями региональной речи. Трудность выявления региональных слов состоит в том, что для их определения по имеющимся источникам в идеале надо заниматься сопоставлением всех, например, областных словарей на предмет выявления в них различий в номинациях одинаковых реалий, при этом, однако, не только и не столько «слов деревни», сколько «слов провинции», которых по определению не так много в диа-

лектных словарях. Словарей же, фиксирующих городскую речь провинции, совсем немного на сегодняшний день.

Существенным вопросом является и такой: что полагать нормативной точкой отсчета при определении регионального слова? Скорее всего, это будет слово столичных регионов, поскольку региональные особенности не кодифицированы, не нашли отражения в словарях и справочниках.

Литература

1. Бохиева М. В., Степанова И. Ж. Региональное варьирование русского языка в Забайкалье: вопросы стратификации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Выпуск 9: Филология. С. 137–144.
2. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Провинциальная речь: от диалекта к литературному языку // Региональные варианты национального языка: Мат-лы всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 12–16.
3. Крысин Л. П. О параметрах регионального варьирования современного русского языка // Региональные варианты национального языка: Мат-лы всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 66–71.

Архивная диалектология: диалектные единицы в документах архива

В. И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
suprun@vspu.ru

Диалектная фонетика, морфология, лексика, лингвокультурология.

Summary. In the archival documents created in 20-30 years of the twentieth century, reflected dialect phonetics, morphology, vocabulary, manifested linguistic and cultural patterns. Material extracted from archival sources allows to reveal extinct dialect facts, consider diachronic processes in dialect.

Поскольку архивы хранят в основном письменные документы, в них трудно обнаружить реальную фиксацию народной речи, хотя, разумеется, любой документ в той или иной степени хранит языковые знаки своего времени: действующие орфографические правила, использующиеся лексические и фразеологические единицы, особенности словообразования и грамматики. Документы XIX – начала XX в. отражают литературный язык, несколько архаизированный, в котором редкими исключениями выглядят фиксации лексем и фразем регионально ограниченного употребления. Это связано с тем, что официальные документы оформляли специально обученные люди, владеющие нормами канцелярской речи, которые записывали тексты по существующим правилам.

В переломные моменты истории языковые факты живой народной речи начинают проявлять себя с повышенной активностью: происходит смена главных действующих лиц эпохи, документы создают неопиты, вольно или невольно отражающие в них свой стиль, свои лингвальные пристрастия, свой уровень владения речью. Носители языка, не имеющие высокого образовательного уровня, отражают в письменном тексте особенности диалектного произношения, грамматики и лексики говора.

Если сразу после 1917 г. в качестве писцов в органах власти зачастую использовались прежние кадры, то по мере укрепления революционных завоеваний от них стали отказываться, оформлять документы стали идеологически проверенные люди, которые не всегда имели достаточный уровень образования для грамотной записи протоколов и документов, но зато отражали живую народную речь, которая мощным потоком ворвалась в официальные тексты. Благодаря этому мы можем определить наиболее характерные черты говора, проследить сохранность черт народной речи в современных условиях.

Особенно часто диалектизмы стали попадать в документы в период коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» (конец 20-х – начало 30-х гг. XX в.), когда составлялись в большом количестве протоколы собраний о создании колхозов, в органы власти подавались заявления и докладные жителей сел, фиксировались акты записи изъятого имущества у выселяемых кулаков и пр. Эти документы оформлялись местными жителями, не часто ранее прибегающими к письму как способу фиксации речи, поэтому в них широко отражаются особенности диалекта жителей сел, станиц, хуторов [3]. Можно говорить о том, что в этот пери-

од в России произошла смена языкового оформления архивных документов.

В силу специфики архивных текстов мы не сможем обнаружить всей системы реализации говора: в записях редко встречаются глаголы, местоимения, наречия, слабо представлены прилагательные, союзы, предлоги, существительные обычно встречаются в форме именительного и родительного падежей. Огромное влияние на записывающего оказывает гиперкоррекция: в стремлении записать текст «по-культурному» носитель говора с невысоким уровнем образования постоянно отмечает [о] и [е] в безударной позиции на месте [а] и [и] литературного языка. Следовательно, можно говорить о письменных гиперизмах, когда ошибочное написание косвенно отражает наличие аканья и иканья в говоре.

Архивные материалы не позволяют полностью представить фонетическую и грамматическую системы говора, они должны стать основой для дальнейшей проверки извлеченных из них данных в ходе полевой работы. Учитывая тот факт, что архивные записи осуществлялись более 80 лет назад, можно определить процессы развития диалекта, увидеть изменения, происшедшие в нем.

Основатель Волгоградской диалектологической школы проф. Л. М. Орлов выделяет 7 групп волжских говоров [2: 91–93]. Одна из них, аксайская, определена, вероятно, на основании недостаточно точно записанного собирателями материала; по имеющимся у нас данным, носители этих говоров пользуются в быту восточнорусским диалектом. В работах Л. М. Орлова и его продолжателей отсутствуют данные о народной речи жителей заволжских русских сел. Благодаря работе с архивными документами удалось обнаружить в регионе заволжскую диалектную группу, что было подтверждено последующей экспедицией в сс. Красный Яр, Чербаево, Белокаменка Старополтавского района.

Говоры русских сел Заволжья обладают сочетанием северно- и южнорусских черт. В них имеется полное аканье [апа́ра], [тама́т], [кампо́т], [запа́ро́ть], [вада́], [вадо́й], [драбле́нка], [акати́цца], [гавари́л], [карапе́т], [баде́йка]; ассимилятивно-диссимилятивное яканье: [бада́], [биряжо́к], [свякро́фь], [вясно́й], [вадо́й], [чяво́], [чясно́к], [жалу́дак], [пяку́], [пратяре́ш], [кипяти́ш], [нямые́]. Все регулярно проявляется иканье, редко отмеченное в архивных текстах: [зиру́шки], [густира́], [риза́к], [милисти́н], [биссме́ртник], [вирха́], [с вирхо́ф]. Отмечены в настоящее время редукция безударного гласного до нуля и вставочные гласные, регулярно

представленные в архивных документах: *две сковороды, платенца, наволочка; муки пошаничной, муки рожаной* (ГАВО, ф. 1362, оп. 3, д. 1, лл. 72, 196, 197, 266).

Яркой чертой вокализма заволжских говоров является стяжение гласных. Оно проявляется в глагольных и адъективных формах, как и в северном наречии русского языка [1: 74]: [сделаш], [сма́таш], [вытя́гават], [аставля́м], [суме́ш], [сваво́]; [ру́ска], [бе́ла], [жы́рна], [висе́ння], [вяза́льны], [сыле́дачны], [ца́рски].

Сочетание исследования материалов архивов с полевой работой позволяет скорректировать региональную картину

диалектного членения, выявить новые группы народных говоров и зафиксированные в них языковые факты.

Литература

1. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
2. Орлов Л. М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб. пособие. Волгоград, 1984.
3. Супрун В. И. Архивные документы как источник диалектной информации // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Спецвыпуск к 90-летию со дня рождения проф. В. С. Ильина. 2012. №4 (68). С. 108–112.

Глагольные формы, восходящие к плюсквамперфекту, в одном среднерусском говоре

А. В. Тер-Аванесова

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

teravan@mail.ru

Грамматика, диалектология русского языка, плюсквамперфект.

Summary. The publication deals with the contextual meanings of the verbal forms – the developments of “Russian plusquamperfect” in a Russian dialect of the village of Pustosha, eastwards of Moscow. Forms with uncoordinated auxiliary verb (particle) *byl* and coordinated auxiliary verb (*byl / byla / byli*) both exist in this dialect.

Говор села Пустош Шатурского р-на Московской обл., некогда относившегося к Судогодскому уезду Владимирской губ., – архаичный владимирско-поволжский (муромский) говор, с рязанскими чертами. Ниже в примерах знаками *é* и *e*, *ó* и *o* обозначены различающиеся в говоре две фонемы «типа *e*» и две фонемы «типа *o*».

В говоре Пустошей представлены глагольные формы, восходящие к так называемому «русскому плюсквамперфекту» – образованиям с вспомогательным глаголом в л-форме, который согласуется по роду и числу с л-формой основного глагола: *быль пришиль, была пришильа* и т. д. В СРЛЯ наследием плюсквамперфекта считается конструкция с несогласованным *было* (*было пришел / пришла* и т. д.), получившая название «антирезультативной» [2]. В архангельских и восточных среднерусских говорах встречаются формы как с согласованным, так и с несогласованным вспомогательным глаголом. В корпусе пустошенских текстов (около 110 тыс. словоформ) формы с несогласованным вспомогательным глаголом (частицей) *был* встретились 48 раз, формы с согласованным вспомогательным глаголом – 7 раз.

1. Частица *был*, помимо сочетаний с л-формами, один раз зафиксирована с формой будущего времени: (1) *Мья Кóля: «Хто тебя был обидит, гóльву ътрублò!»*; дважды – с «нулем глагола» при эллипсисе: (2) *Был ничёвò, а... с киломитръ пройдёш, <...> насилу придёш* [Поначалу еще можно нести, а пройдешь с километр, устанешь и насилу дойдешь].

2. Частица *был* в говоре имеет свойства «синтаксической энклитики»: ее расположение во фразе обычно соответствует правилу Вакернагеля: (3) *А сестра был од баби ушла;* (4) *Иа те был роскázьвля.* В 4 примерах частица *был*, вопреки этому правилу, стоит в начале тактовой группы: (5) *Она така́я ну не очинь, был пьступила в буфёти работть – дёла ни пошлò;* – или является энклитикой в тактовой группе, постпозитивной по отношению к л-форме: (6) *Манёнке вот тут и ходила с ними был и ф цёркву;* (7) *Эта вот нажыли фсё был.* Частица *был* всегда фонетически безударна.

2. Семантике форм с частицей *было* в русском языке посвящено немало работ. Представляется удачным объяснение этих форм как выражающих «идею «нарушения нормального хода течения событий», частными случаями которой являются как отмененный или недостигнутый результат, так и недостижение прагматической цели в рамках некоторой более широкой «макроситуации» (по Ю. П. Князеву – [4], со ссылкой на [5]; [1]). Контекстные значения пустошенских форм «частица *был* + л-форма» соответствуют такой трактовке, а сами формы обнаруживают контекстные значения особенности сочетаемости, утраченные СРЛЯ, но еще сохранявшиеся в языке XVIII века, судя по работе [4].

Семантика «нарушения нормального хода событий» с очевидностью проявляется в контекстах, где результаты действий, обозначенных формами типа *был ходила*, достигнуты

и не отменены, но не достигнута некая более важная цель: (8) *А потòм, дшпудат, иейò сестра, она у меня и ф контору был ходила.* (9) *А ф контору [я] пришла – фсё сряжсьныее, а иа пустошэнка кьлотушка така́я, и гьворю: «Ой, нёт, ф какуйу, Стёша, иа ни пойдуй!»* [Родственница-депутат ходила в контору, чтобы устроить туда К. на работу, но К. отказалась от этого предложения]; (10) *И баня бы, и дóm ицо теперь стоит. Там нхтò и ни жывёт. <...> Вот сын-ть был прийдёхьл, <...> он и пòмир, от Пётиньва сыирта* [Дом по-прежнему пустует: сын покойного хозяина приехал и поселился в нем (и не уезжал), но умер, отравившись спиртом].

3. В большинстве контекстов предикаты типа *был пришла* соотносены с другими предикатами и обозначают предшествующее действие / состояние, результат которого отменен или которое прекращено вследствие последующего действия.

Предикаты «*был* + л-форма совершенного вида» имеют значение действия в прошлом, результат которого отменен следующим действием: (11) *ётъ онё как-ть вьровали, фсёвò набрáli и, маши́ну был купили, а вòт мне ётът, зять-ть и гьворит: «У нас, Гáля, Гáля, доч одна. Фсёвò она ньбралá, дескить квартьиру трёхкомнатну, ф квартьири фсё пьд одно. Теперь гдè-то дáця, киломитръф зь шьсьят, а на дáчи – штò у Клави дóm, а у на́шый Гáли, фсё покрьитъ жолёзьм». Я как чүствьла, што иейò еть нарушут, вить ни такйх пьдымайт, правда? А ётъ говнò-ть, и вот ёта значит онё, маши́ну отняли, дáчу не зная, вот теперь не зная, отняли-нёт ёту дáчу, дáця она далёка;* (12) *Один паринь, он шòфир, вот он меня был пьлюбил. Но я – с солдáтьми ни пойдёш гулять, там порòк большой.*

Предикаты «*был* + л-форма несовершенного вида» имеют значение прекращенного или отмененного действия / состояния в прошлом. (13) *Манёнки вот туты ходила с ними был и ф цёркву, когда вот открýли римантирьвьть, ходила был и тóжь ътпёвала. И манёнки ф службу ходила, а тò бросила фсё.* (14) *Была был клюква тут рядём, а фсё пьгорёла. Прòшлым годём. Теперь там фсё згорёта.* (15) *Тут вòт был, вот при ётим был жыли, как ёвò-т, нерьд Гьрбачовым-ть, ўмир кой, вот при ним фсё-тки, туд был зажыли немношка, фсё-тки, как сказать, и пьлучála пёнсийу уш небольшойу я вьт, а фсё-тки жыли. У меня фсё была. А теперь ничёвò нё т, ни турá.*

4. В меньшем числе контекстов предикаты типа *был пришла* не соотносены с другими предикатами и обозначают:

- 1) действие, завершившееся в прошлом, до момента речи: (16) *Вот гдè зь Кривáньдиным, чёриз мòст упáli, я те был роскázьвля;* 2) действие в прошлом, результат которого имел временный характер: (17) *А мы уходили [на пенсию], у иейò вот чётвьира был детей-та, у иейò ни хватáла стáжу. Она был в Рошáль пошла, ъставляла вот Кóлю ъдновò на ночь. <...> Она вот пьступила в Рошáли работть, дьробатьвать пёнсийу, эта гòт или пòлгьда;* 3) нереализованное намерение (при глаголе *хотеть*):

(18) *Она́ ище со мно́й был хотѣла, дѣськити́ ѿ одна́ живу́, то́ш хотѣла меня́ ѡблота́ти; 4) действие, которое почти что осуществилось (формы с частицей *был* синонимичны литературным конструкциям с *чуть было не, едва не*): (19) *Меня́ рас то́км был уби́ла, в заводи́; (20) Мы́ был по́миръли ф со́рѣк шестомъ году́; 5) осуществление действия в небольшой степени, обычно – при описании изменений к лучшему: (21) *А потомъ уи́ ѡ, вот был и жы́сть-то, нѣча-дѡсь немно́шка, не льно́ф не ста́ла, не прѣсьть не ста́ла, гуляй в любо́е вре́мя; (22) Она́ пѣступила́ вот в инсьти́тут, ни по ру́скѣму, нѣ англѣ́ским. И у и́ей мол, учителя́ руга́ли, пло́хъ учѣ́льсе. Приѣ́дит реве́т-реве́т, «Ника́к у меня́ дѣль ни и́дет». Ну вот манѣ́нке был нѣучѣ́льсе; (23) *Ета́ вот на́жыли́ фсе́ был, а тогда́ не́ была́ ника́кихъ мисору́бѣк.****

5. Формы с согласованным вспомогательным глаголом встретились только у информанток самого старшего возраста. Они обозначают завершившееся действие, предшествующее другому действию; иногда, как и формы с частицей *был*, они обозначают действие, результат которого отменен: (24) *А у Шу́рки отя́лилася-то перву́шкѡм была́ лѣтьсе, а се́вѡдни фторѣ́м. Ай пер́вым, уи́ ка́г бы не схва́стьть, пѣгоди́; (25) *А до́чь, была́ рѣди́лася хорѡ́ша – с тако́й ма́мѣй така́я жѣ ста́ла; (26) *Я вить зна́иш чѡво́, пѣступила́ ф фе-***

зе́о, тогда́ была́, а потѡ́м зѣдѣ́ли те́хъникѡм, е́та жы́ я бы как рас по́ала́ ф те́хъникѡм.

Зафиксирована форма «плюсквамперфекта условного наклонения» (с согласованным вспомогательным глаголом): (27) *Была́ бы она́ жыла́, она́ п те́ рѣсказа́ла, каку́ю она́ жы́ла́ жы́зню.*

Литература

1. Князев Ю. П. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.
2. Плунгян В. А. Антираезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории / Ред. В. А. Плунгян. М., 2001.
3. Пожарицкая С. К. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1991–1993 гг. М., 1996.
4. Сичинава Д. В. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24).
5. Barentsen A. The use of the particle *было* in Modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics (= Studies in Slavic and General Linguistics 8) / Eds. A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger. 1–68. Amsterdam, 1986.

Случаи реализации фонемы /ы/ в начале слова

И. И. Ходыкина

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

irinaxodikina@yandex.ru

Фонема, говор, русский язык, украинский язык, Северное Приазовье.

Summary. In the paper the cases of display of the sound [ы] at the beginning of the word are examined. The illustrated material is the dialects Russians of the North Priazovie.

Фонема /ы/ в характеристике вокализма русского языка подается как фонема нелабиализованная, среднего ряда, верхнего подъема, выявляющая позиционную и функциональную ограниченность: сочетаемость данной фонемы только с твердыми консонантами и не используется в начале русских общепотребительных и литературно нормированных слов. Исключением являются слова типа *ыкать* – «четко и долго произносить звук [ы]» или часть названия кинокомедии Л. Гайдая «Операция Ё».

Актуальность работы. Фонематический статус фонемы /ы/, предложенный Л. В. Щербой, реализуется не только в рассматриваемых ранее русско-белорусских сопоставлениях, но и подтверждается выявленным небольшим количеством лексических единиц, имеющих /ы/ в абсолютном начале слова в говорах жителей Северного Приазовья (регион на юго-востоке Украины, центральная часть – Мелитопольский, Приазовский, Приморский и Бердянский административные районы Запорожской области).

Преследуем основную цель – на выявленных в диалектной речи фактах показать, что /ы/ 1) может проявлять себя изолировано; 2) произносится протяжно, не возвращается к /и/ как основному варианту реализации; 3) может находиться в сильной позиции, т. е. быть ударным.

Предмет исследования – основные случаи реализации /ы/ в говоре русскоговорящего населения Северного Приазовья, не соответствующих нормам русского литературного произношения.

Наличие массового украинско-русского двуязычия на территории Северного Приазовья целым рядом политических, экономических, культурных и других исторических и социальных факторов, но главное – структурной близостью этих двух восточнославянских языков.

Если ранее процесс взаимодействия осуществлялся в направлении «русский язык – украинский язык», то в последнее время в языковой ситуации наблюдается обратная тенденция, которая проявляется в том, что носители русского

языка на территории Северного Приазовья вынуждены подстраиваться под украиноязычного собеседника, что означает изменение направления вектора межъязыкового взаимодействия: «украинский язык – русский»

Характерным признаком для исследуемых говоров является наличие сочетаний *гы, кы, хы*, которые употребляются независимо от их места в слове и наличия ударения: (украинские) *батык[ы], мух[ы], батог[ы]*; (русские) *гитара, хитрый, кинарис* и др. в русскоязычных говорах Северного Приазовья под влиянием близкородственного диалектного языка претерпевают изменение гласной /и/ в /ы/: *гы/тара, х/ы/трый, к/ы/парис* и т. д.

Приведем примеры функционирования /ы/ в абсолютном начале слова:

/ы/вовый – с белой лозы: *Он та сапетка новая /ы/вова.*

/ы/дол – недобрый, злой: *Ах ты сатана, /ы/дол такой-растакой, куда к мне в дом лезешь.* Наблюдаются и случаи образования женского рода – */ы/долка*, и грубого – */ы/доляка*.

Русское наречие утвердительно характера именно в северноприазовском говоре представлен как */ы/мино*, а наречие *по-иному* как */ы/наче* (сравним: в украинском литературном варианте – *інакше*), а также глагол */ы/начитсья* – назваться другим именем.

Интересные вариации можно наблюдать в ряде слов: */ы/ндюк, /ы/ндюшка, /ы/ндюштина* и */ы/ндючатина, /ы/ндюшиный, /ы/ндюшиться*. Очевидно, что в языке русского населения Северного Приазовья они появились под влиянием украинской диалектной речи *гындюк, гындюшка, гындючатина, гындюшиный, гындюшиться* и т. п.

Таким образом, фонема /ы/ в русской речи жителей Северного Приазовья юго-восточной части Украины реализуется как в привычном нормативном статусе – после твердых согласных, так и проявляет себя в абсолютном начале слова как минимальная единица информации, имеет способность вполне самостоятельно участвовать в различении звуковых оболочек значимых единиц.

Секция

Компьютерная и квантитативная лингвистика

Два подхода к определению авторского стиля (многомерный анализ данных)

С. Н. Андреев

Смоленский государственный университет

smol.an@mail.ru

Классификация, стиль, дискриминантный анализ, канон.

Summary. The paper studies linguistic parameters of style of F. Tutchev. Two variations of style are studied by analyzing (a) canonical and (b) less known lyrics of the poet. The difference of these two variants of style is established by multivariate discriminant analysis.

Несмотря на попытки ряда исследователей в области стилистики найти универсальные маркеры стиля, если не для всех, то хотя бы для отдельных авторов (authorial fingerprints) они пока еще далеки от решения поставленной задачи, несмотря на учет возможной вариативности стиля в зависимости от жанра, возраста и темы сочинения.

Можно предположить наличие еще одного фактора, внимания которому уделяется пока еще относительно мало. Речь идет о том, что произведения, созданные автором, получают далеко не одинаковую оценку у читателей и критики. Какие-то из произведений, попав в золотой фонд литературы, сохраняются в коллективной памяти, составляя важный элемент культуры, другие либо полностью лишены общественного внимания, либо являются недостаточно доступными, либо просто устаревшими. В результате этого у автора могут иметь место существенные различия между «ядерными» произведениями, составляющими канон, и «периферийными» работами. Для читающей публики стиль именно канона характеризует данного автора.

В этом исследовании была поставлена задача провести анализ соотношения между различными классами текстов выдающегося русского поэта Федора Тютчева. За основу выделения классов было взято разбиение его лирики на две основные группы по изданию Ф. И. Тютчев. Лирика. (В 2-х томах. / Подг. изд. К. В. Пигарев. Сер. Литературные памятники. М.: Наука, 1966.)

Согласно принятому в этом издании подходу в первый том попали лирические произведения Тютчева, составляющие «золотой фонд культуры», во второй том – произведения написанные «по случаю», во время болезни, юношеские, шуточные произведения и эпиграммы. Для анализа из обоих томов брались лирические стихотворения, написанные четырехстопным ямбом и имеющие строфическую структуру со строфами из четырех стихов. Тексты двух томов составили два класса, обозначаемые как, соответственно, Класс 1 («канон») и Класс 2.

Сопоставление этих двух классов проводилось в признаковом пространстве, образованном рядом равноуровневых и разноаспектных лингвистических признаков (лингвистика стиха). Одним из ведущих параметров стало распределение частей речи в строке и в тексте (по позициям, в сочетаниях). Этот частеречный параметр широко используется при исследовании индивидуального стиля [2]; [5]. Кроме того, к исследованию привлекаются ритмические признаки (пропуски ударения на метрически сильных позициях), фонетические признаки (слоговая длина слов) и некоторые параметры стихотворного синтаксиса (стихотворный перенос, разрыв строки синтаксической паузой).

Для сопоставления двух классов был использован многомерный дискриминантный анализ, хорошо зарекомендовавший себя при изучении различных вопросов индивидуального стиля [1]; [3]; [4].

В результате было установлено, что между двумя указанными классами имеет место ряд существенных различий. Основные различия заключаются в использовании автором именной и глагольной лексики, внесхемных ударений на анакрусе и маркирования конца строки (эмоциональный синтаксис), а также в статистике пропусков ударения на

сильных позициях. В частности, у более известных произведений Тютчева имеется превалирование именной лексики и более низкая представленность лексики глагольной. Отклонения от метрической схемы в плане отягчения анакрусы более распространены в менее известных текстах, как и стихи, маркированные на конце восклицательным, вопросительным знаками и многоточием.

С целью проверки того, насколько значительны определяемые данными признаками различия между каноном Тютчева и его малоизвестными текстами, был проведен эксперимент, в ходе которого его произведения были распределены на два класса исключительно по признакам, составляющим дискриминантную модель. Эта автоматическая группировка полностью совпала с «естественными» классами 1 и 2. Такой уровень точности автоматической атрибуции демонстрирует релевантность вывода о лингвистически измеримых стилистических различиях между каноническими и неканоническими произведениями.

Полученный результат предполагает, по крайней мере, два следствия.

1. Представление о стиле поэта у его читателей достаточно условно. Более поздние поколения формируют свой взгляд на стиль поэта исходя из языка его наиболее популярных, канонических текстов.

2. Атрибуция спорных (анонимных или псевдонимных) текстов должна строиться на основании выбора одного из альтернативных подходов. В одном случае к анализу привлекаются тексты как из числа канонических, так и неканонических классов (диахронический подход). Этот подход может установить исторически реальный стиль и получить в результате исторически реальный ответ на вопрос об авторстве спорного текста. Другой, синхронный подход, заключается в учете только тех произведений, которые отвечают современным представлениям об авторе. Он коррелирует с понятиями динамической синхронии, понятием стиля как конструкта на основе комплекса современных представлений о нем.

Литература

1. Андреев С. Н. Выявление степени сходства оригинала и его переводов в поэзии методом дискриминантного анализа // Всероссийская научная конференция по переводоведению «Федоровские чтения». Тез. докл. (Санкт-Петербург, СПбГУ, 27–28 октября 1999 г.). СПб., 1999. С. 3.
2. Гаспаров М. Л. Избранные труды: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. М., 2012.
3. Поддубный В. В., Кравцова А. С. Дискриминантный анализ стилей текстовых произведений // Труды и материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: Исторические судьбы и современность» (20–23 марта 2010 г., филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова). М., 2010. С. 527–528.
4. Mikros G., Carayannis G. Modern Greek corpus taxonomy // Proceedings of the 2nd International Conference on Language Resources and Evaluations. Athens, Greece (31 May – 2 June). 2000. Vol. 3. P. 129–34.
5. Naumann S., Popescu I.-I., Altman G. Aspects of nominal style // Glottometrics. 2012. Vol. 23. P. 23–55.

Интернет-язык: дискурсивная практика

А. А. Баркович

Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Albark@tut.by

Дискурсивная практика, компьютерно-опосредованная коммуникация.

Summary. Being the informational shell of human knowledge, Internet with the help of artificial intelligence technologies converts texts created by people into particular format. The specificity of content functioning in Internet determines the focus of artificial intelligence on the needs of society and as well as the drift of human mentality from the cultural sector in the informational one. The consideration of the discursive features of computer-mediated communication can provide both understanding of online discourse trends and their implementation in practice.

В условиях недостаточной обеспеченности научной парадигмы специализированными лингвистическими ресурсами Интернет позволяет успешно выполнять достаточно широкий круг исследовательских задач. Есть все основания рассматривать такое использование Интернета как дискурсивную практику.

Как гиперисточник, Интернет чрезвычайно перспективен. Существование текстов в Интернете свидетельствует об уже реализованной возможности их использования, как минимум, для частных и исследовательских целей. Признаки формирования новой виртуальной действительности – не только экспансия энциклопедических ресурсов подобных «Википедии», но и создание универсальных коллекций текстов – например, «Татоеба», переводчиков и словарей – например, «Мультитран».

С другой стороны, поисковые менеджеры Интернета – это не только «Google» и «Yandex»: большинство современных интернет-порталов позволяет осуществлять поиск по заданной тематике. И даже такой несложный поиск позволяет успешно решать целый ряд задач. Отдельные задачи успешно решаются с помощью встроенного в сайт, например, электронной версии газеты, поискового менеджера.

Интернет-серфинг как практика освоения огромного информационного интернет-пространства, возникающая как навык предварительного изучения контента, закрепляется в когнитивной практике и приобретает характер ментальной зависимости. Осознание негативных последствий интернет-серфинга для социальной природы человека влечет выработку специальных тренингов, позволяющих сохранить возможности банального запоминания личной информации и восприятия творческих культурных доминант текстов интернет-дискурса. Интернет-серфинг является противоречивым атрибутом когнитивного аспекта циркуляции информации в среде Всемирной паутины.

Достижения в области искусственного интеллекта находят применение в современном научном дискурсе почти одновременно с их появлением. С другой стороны, Интернет становится источником знаний, своеобразной бета-версией матрицы познания мира. Например, в исследовании «Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior» приводятся сведения об успешной идентификации участников социальной сети «Facebook» с помощью функции «Likes» относительно их этнической, политической, религиозной принадлежности, характера, интеллекта, возраста, пола, удовлетворенности жизнью, полноты семьи и т. д.

Для того, чтобы понять, что 90% молодежи зарегистрировано в социальных сетях, многие – в нескольких, необязательно проводить социологическое исследование. Перемены в консервативной культурной сфере и приоритеты речевого функционирования взаимно детерминированы.

По данным социального опроса белорусов, 83% (!) обращаются к Интернету практически ежедневно. Такая статистика прекрасно иллюстрирует современный дискурс.

Структура интернет-контента обусловлена объективными потребностями: белорусов интересуют сведения относительно учебы и работы (64%), за справками обращается 48%, ищут развлечения – 41,5%, узнают новости 34%.

Данные о положении дел в виртуальной действительности позволяют говорить о языковых приоритетах с максимальной степенью достоверности. Согласно имеющимся сведениям, русский язык имеет абсолютное преимущество не только в Интернете России: 79,0% на Украине, 86,9% в Беларуси, 84,0% в Казахстане, 79,6% в Узбекистане, 75,9% в Киргизии и 81,8% в Таджикистане.

Весьма перспективным представляется массовое распространение в Интернете так называемых «лицензий» – как свободного программного обеспечения (англ. *free software licence*), так и разрешающих свободное использование контента в некоммерческих целях, например «Creative Commons Attribution-ShareAlike 3.0 Unported License».

Показательной является возрастающая популярность технологии «вебкраулинга» (англ. *web crawling*), которая позволяет использовать для создания корпусов ресурсы, выложенные в Интернете. Примером миллиардного лингвистического корпуса, созданного по интернет-технологиям, стал проект «WaCky project», в виде «ukWaC», «deWaC» и «itWaC» – соответственно английскому, немецкому и итальянскому языку текстов.

В русле изучения компьютерно-опосредованной коммуникации сформировались огромные проблемные области, обеспеченные интернет-дискурсом: «Гуглология» (англ. *Googleology*) и «Яндексология». Квалифицировать такую поисковую идеологию как науку, очевидно, еще рано, но объектом лингвистического анализа она уже стала. А когда стихийный, на первый взгляд, интернет-поиск с помощью «Google» еженедельно анализируется на «EuroNews» – это уже тенденция.

Современная лингвистика в научной среде не в последнюю очередь ассоциируется с компьютерно-опосредованной коммуникацией. Информационная составляющая собственно прикладной лингвистики вполне сравнима с организованным ей языковым материалом соответствующих исследований. Аналогии с операционной оболочкой и корпусным менеджером вполне адекватно подходят для характеристики информационных средств уже для всей современной лингвистики. Интернет, являясь средой функционирования дискурса, играет все более активную роль в гуманитарной сфере социума.

Компьютерные технологии с середины XX века проникают в гуманитарную сферу все глубже, вытесняя культурное содержание языковой личности в пользу информационного. Есть все основания исследовать новый феномен – виртуальную языковую личность, не совпадающую с языковой личностью, как таковой. В свою очередь, структура информационного пространства все больше пронизывается сетевыми технологиями.

Анализ системных взаимосвязей стилистических, семантических и грамматических характеристик лексики русского языка (на материале «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова)

С. И. Воробей

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vorobeisofya@gmail.com

Системная лингвистика, языковой знак, зависимости стилистических, семантических и грамматических характеристик лексики.

Summary. The system of interconnections of the stylistic characteristics of units from Russian vocabulary with its semantic and grammatical characteristics is investigated. Forecasting is based on the model of the sign's life cycle. The results are generally consistent with the theoretical predictions. The research has revealed important trends in the system organization of the dictionary under study and, presumably, the lexical system of the Russian language on the whole.

На основании положений модели жизненного цикла знака сформулирован ряд прогнозов, которые затем проверяются

на материале «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова. До настоящего момента исследо-

вание системных зависимостей русской лексики на столь представительном материале не проводилось.

Исследуется системная взаимосвязь стилистических, семантических и грамматических характеристик лексики русского языка, а именно взаимозависимости между функционально-стилистической маркированностью лексических единиц, их частеречной принадлежностью, омонимическими и полисемическими характеристиками.

В результате проведенного анализа обнаружены важные системные тенденции в организации данного словаря и (предположительно) лексической системы русского языка в целом.

Наблюдается тенденция к последовательному снижению средней степени функционально-стилистической маркированности каждого из значений слов все более высокой полисемии, связанное с тем, что каждое из следующих значений знака в его истории, в среднем, оказывается все менее специфичным и менее привязанным к определенной сфере употребления.

Наблюдается тенденция к последовательному снижению средней степени функционально-стилистической маркированности значений признаков слов (прилагательных, глаголов, наречий) в сравнении со значениями предметных слов (существительных), которое объясняется большей абстрактностью по своей категориальной и лексической семантике слов признаков частей речи и большей конкретностью существительных.

Обнаруживается действие гиперболического закона распределения числа слов по разным зонам полисемии: с увеличением полисемии доля слов и ЛСВ слов с данным количеством значений последовательно уменьшается.

Обнаруживается действие гиперболического закона распределения числа слов по объему омонимических групп: с увеличением омогруппы доля слов и ЛСВ слов в ней последовательно сокращается.

В зоне высоких полисемий наблюдается большее процентное содержание значений слов-омонимов в сравнении с не-омонимами, связанное с их, в среднем, более старым возрастом и, следовательно, с большей абстрактностью.

Наблюдается зависимость между объемом омогрупп и полисемией: чем больше объем омонимической группы, тем выше процентное содержание слов и значений слов, входящих в эту группу, в зоне все более высоких полисемий. Подобное распределение свидетельствует о более старом возрасте омонимов, входящих в объемные омогруппы, не только по сравнению со словами не-омонимами, но и по сравнению с омонимами, входящими в менее объемные омогруппы.

Наблюдается существенно более высокое процентное содержание среди омонимов слов служебных частей речи. Напротив, существительные и прилагательные, более конкретные по своей семантике, представлены в базе омонимов гораздо меньше.

Процентное содержание служебных слов в омонимических группах, начиная с двучленных, значительно выше, чем процентное содержание в этих омогруппах существительных и других знаменательных частей речи. Это связано с более старым, в среднем, возрастом служебных слов по сравнению со знаменательными.

Наблюдается также меньшая в сравнении с не-омонимами функционально-стилистическая маркированность значений слов-омонимов. Это объясняется тем, что развитие знака в основном осуществляется в направлении усиления абстрактности его значений, потери ими наиболее специфичных их компонентов. Омонимы же, в среднем, являются более старыми и полисемичными словами, чем не-омонимы.

Рассматриваются и объясняются некоторые наблюдаемые отклонения от первоначальных прогнозов.

Памятники деловой письменности Казанского края первой половины XVII века: опыт составления компьютерных справочников

А. Р. Гизатуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет

azaliya_rysh@mail.ru

Памятники деловой письменности, Казанский край, компьютерные справочники, текстотека, конкорданс.

Summary. This abstract describes the compiling of computer dictionaries (textbases, concordances) to the literary monuments of the Kazan Krai (the first half of the XVII century).

В Казанском федеральном университете с 90-х гг. XX века ведутся работы по созданию компьютерных справочников, в частности, разрабатываются словари языка памятников письменности XVI–XVII вв.

Нами сформированы текстотеки, опубликованы словари (конкордансы, обратные, частотные словари – они существуют в двух формах: бумажной и компьютерной; с интернет-версией можно ознакомиться на сайте <http://www.klf.krfu.ru/>) языка памятников письменности Казанского края первой и второй четвертей XVII века [2]; [3].

Компьютерная текстотека объединяет все тексты деловых документов по истории Казанского края первой половины XVII века и содержит материалы 289 источников общим объемом 436157 словоупотреблений, 31342 словоформы.

Предсказуемо наиболее трудоемким является начальный этап работы (часто исключительно технический), связанный с подготовкой текста для последующей его машинной обработки (выделение ущербных, сомнительных / ошибочных, восстановленных словоформ).

При составлении **текстотеки** мы придерживались следующих принципов:

1) руководствовались существующим изданием документа (при наличии двух изданий опирались на более надежное); придерживались современной орфографии: *ъ* на конце, *h*, *i* заменялись соответственно на *нулевую графему*, *e*, *u*);

2) по возможности исправляли ошибки издателей (например, издатели писцовых книги 1647 года '*адин*' в подлиннике заменяли на '*один*' в публикации, таким образом преподнося опубликованную форму как восстановленную). Когда в публикации явно была допущена ошибка / опечатка, вносили коррективы, выделяя восстановленные части с по-

мощью квадратных скобок [] (например: *жертви* → [*и*]жертви, *руб*; → *руб.*);

3) в случаях, когда преобладающим в документах является написание в соответствии с современным, восстанавливали (в текстотеке к документам по истории Казанского края второй четверти XVII века. В текстотеке к документам по истории Казанского края первой четверти XVII века в таких случаях использовалось обозначение <!>) формы в соответствии с современным написанием (например: *из за* → [*из-за*]); разделяли предлоги, союзы, частицы (*меняж* → *меня ж*, *ав* → *а в*, *велетиб* → *велети б*, *насто* → *на сто*), не с глаголами и деепричастиями);

4) отмечали сомнительные словоформы с помощью знака <!> (например: *калолиник* → *калолиник<!>*).

Конкордансы к опубликованным памятникам первой и второй четвертей XVII века представляют собой полные словоформоуказатели с контекстами (цифровые обозначения не были включены в конкордансы в качестве заголовочных единиц); полнота охвата единиц представляет особую ценность для исследования памятников Казанского края как документов, относящихся к определенному региону: «Региональный словарь, на наш взгляд, должен быть, прежде всего, полным (насколько это позволяет письменные источники), так как только такой словарь способен наиболее полно отразить словарный состав письменных памятников, без чего не представляется возможным выделить локально окрашенную лексику» [4: 14].

Словари к памятникам письменности Казанского края являются полными (описываются все единицы, встречающиеся в памятниках), демонстрирующими (предполагается только представление описываемых единиц), общими (в словари

включены все разряды лексики, представленные в памятниках).

Приведем пример основной словарной статьи в конкордансе:

ВРАЖЕК¹ (9)² ▲ Да от тех гарей через покосной вражек дубровы непашенные³ #109-348:23⁴ <...>

(Здесь: ¹ Заголовочная единица.

² Частота заголовочной единицы.

³ Пример употребления заголовочной единицы.

⁴ Адрес контекста.)

При работе с текстами, относящимися к истории языка, чрезвычайно важным является обращение к семантике лексических единиц, историко-лексикологическое описание документов.

Важным подготовительным этапом для осуществления семантического описания являются **радикация** (производимая с целью выделить корневую морфему в сложных словах и префиксальных образованиях; см. подробнее [1: 81–83]) и **модернизация** (производимая с целью соотнести форму в памятниках письменности с современным написанием) лексики.

При подготовке словарей языка памятников первой и второй четвертей XVII века нами были:

1) произведена **радикация** (отсылки от корневых элементов к приставочным формам, сложным словам, дефисным написаниям, встречающимся в документах; например: *вар...* → *квасовар...*, *пивовар...*, *повар...*, *свар...*; *девят...* → *пол-девят...*; *зелен...* → *празелен...*, *светлозелен...*, *темнозелен...*); при этом был применен синхронный подход к морфемному анализу,

2) осуществлена **модернизация** (отсылки от современных написаний к формам, встречающимся в документах; например: *аманат...* → *оманат...*) словоформ;

3) включены **отсылки к сокращениям** (например: *алтын...* → *алт.*; *деревн...* → *дер.*), **к сомнительным формам** (например: *мелют* → *емлют*);

4) выделены в разные статьи **омонимичные формы**, появившиеся в результате радикации (например: *вел...*¹ → *довел...*, *завел...*, *отвел...*, *перевел...*, *повел...*, *привел...*, *розвел...*; *вел...*² → *повел...*; *кон...*¹ → *безкон...*, *кон...*² → *вкон...*, *докон...*, *покон...*, *пятыкон...*, *скон...*).

Одной из положительных сторон конкорданса как вида справочника является то, что ближайший лексический контекст часто помогает определить значение словоформ.

Тем не менее при анализе возникают определенные затруднения, связанные с:

- ошибками в публикациях (например: *вам* → *квам*);
- наличием фонетико-графических изменений (например: *вотчин...* → *отчин...*);
- вариативностью написания лексем (например: *черн...* → *чорн...*; *дегт...* → *дехт...*; *архимандрит* → *архимарит...*, *архиморит...*; *слуш...* → *слух...*).

Подробно с описанием макро- и микроструктуры, принципами составления словарей (конкорданса, обратного, частотного) можно ознакомиться в предыдущих публикациях (см. [2: 5–8]; [3: 5–8]).

В настоящее время мы продолжаем работу над усовершенствованием компьютерной версии словарей языка памятников письменности Казанского края, относящихся к XVII веку.

Литература

1. Галиуллин К. Р. Радикация в современной лингвографии // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 81–83.
2. Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: словарь языка памятников первой четверти XVII века. Казань, 2008.
3. Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: словарь языка памятников второй четверти XVII века: Конкорданс. Обратный словоформоуказатель. Частотный словоформоуказатель. Казань, 2010.
4. Городилова Л. М. Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. как источник региональной исторической лексикографии: Монография. Хабаровск, 2003.

Подходы к моделированию процесса порождения стихотворного текста компьютером

А. В. Зубов

Минский государственный лингвистический университет (Минск, Белоруссия)

proscien@mslu.by

Компьютер, порождение, программа, стихотворение, текст.

Summary. In this paper the author submits the analysis of computer programs for poetical text generation. He makes a conclusion that creation of these programs are possible only by modeling the creative work of concrete poet.

Проблемами порождения текстов с помощью компьютеров исследователи занимаются с начала 70-х годов. За прошедшие годы на эту тему написано большое число книг, сборников и статей в различных журналах. Вопросам генерации текстов уделяют много внимания известные журналы. Тем не менее, до сих пор нет единого подхода к процессу моделирования текстообразования, и эта теория находится в стадии становления [1].

Известны многочисленные подходы к процедуре порождения текстов. Зависят они в основном от того, для какой цели создается текст. Большая часть таких алгоритмов связана с созданием различного рода диалоговых систем, используемых в справочных и обучающих системах. Следующая группа разработок имеет целью проверку различных лингвистических и литературоведческих теорий порождения предложения, абзаца, текста. Значительная часть работ направлена на генерацию практических документов (метеосводок, статистических отчетов о занятости населения, инструкций по регулировке механизмов и т. д.) или же небольших газетных сообщений о текущих событиях.

Делаются попытки порождения и стихотворных текстов. Известный французский поэт Поль Валери говорил, что стихотворение создается не из идей и не из чувств, оно создается из слов. Иными словами, методы, используемые для порождения прозаических текстов, вполне могут быть использованы и для порождения поэтических текстов. Но, в тоже время, филологи, изучающие поэтические тексты отмечают до 13 различий между прозаическими и поэтическими текстами [3: 35–46].

Первые попытки такого текстопорождения были проведены в г. Мишшенхиллз (штат Калифорния). Энтузиаст Розмари Уэст создала компьютерную программу POETRY GENERATOR («Генератор стихов») [2]. Автор следующим образом описывает ее работу. В компьютере находится некоторый богатый словарь, где каждое слово имеет набор грамматических признаков и набор простых фраз, которые могут быть объединены в строки. Автоматически в каждой строке выделяются члены предложения: «дерево» – подлежащее, «погружает» – сказуемое, «голые пальцы» – дополнения и т. д. После этого на выделенные позиции подставляются слова таких же классов слов из большого словаря системы порождения. При этом выбор слов осуществляется компьютером случайным образом. В результате получается стихотворение.

Другой алгоритм, созданный в Белфасте (штат Мэн) Томасом А. Истоном предусматривал симбиоз человека и компьютера. Была создана компьютерная программа THUNDER THOUGHT («Удар мысли»), которая, как и вышесказанная, имела большой словарь, где каждое слово имело набор грамматической информации, и скелетные структуры предложений (строк). Компьютер, опять по датчику случайных чисел, порождает заданное количество строк, а автор программы последовательно, на экране компьютера, их редактирует. Таким образом, было сделано 110 стихотворений, из которых 32 были опубликованы.

Более серьезный и лингвистически более обоснованный подход компьютерного порождения стихотворений был продемонстрирован в России в 1975–1976 годах Б. Г. Кацем [4].

Как и в предыдущих работах по порождению стихотворений основой алгоритма явился словарь, состоящий из нескольких сотен слов, взятых из сборника стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень». Каждое слово этого словаря имело грамматическую информацию о классе слова, числе, роде, времени, а также данные о метре и рифме. Метрическая информация задавалась двумя числами: 1) количеством слогов в слове до ударного слога; 2) число слогов после ударного слога. Словарь состоял из 4-х частей. В часть I были включены существительные и местоимения, которые смогут выступать в качестве подлежащего будущих компьютерных строк. Все прилагательные и притяжательные местоимения входили во II часть словаря. Они должны были выступать в роли определений. Часть III включала глаголы. Они должны выступать в качестве сказуемых будущих строк. К части IV были отнесены наречия, существительные с предлогами. Предполагалось, что на их основе будут формироваться обстоятельства (места, времени, образа действия).

В процессе порождения предполагалось, что строка стихотворения должна состоять из одного подлежащего, одного сказуемого, нескольких определений и обстоятельства. Некоторые из этих составляющих в процессе порождения могут быть опущены. Перед заданием для порождения компьютеру задавались данные о числе строк в строфе и о том, какие строки рифмуются. Порождение строки начинается справа налево. Методом случайного выбора из словаря подбираются последние рифмующиеся слова строк. Другие слова каждой строки также подбираются случайным образом с соблюдением определенных грамматических правил, первоначально заданных в порождаемой строке. По данному алгоритму было порождено более 20 стихотворений на русском языке.

Многие исследователи отмечают, что при порождении текстов на естественном языке необходимо более серьезно относиться к целому ряду лингвистических особенностей порождаемых текстов. И, в частности, отмечается далее, что любая попытка абстрагироваться от индивидуальной системы порождения текста на естественном языке в пользу более обобщенной архитектурной специфики сталкивается на своем пути с серьезными препятствиями. И это действительно так.

Наиболее полно о создаваемых компьютерами стихотворениях сказал автор компьютерной системы «Кибер–Пушкин» Сергей Тетерин [5]: «Я научил его всему что нужно: поэтическому ритму, правилам рифмования, специфике поэтического лексикона... Забил в базу данных лучшие образцы поэзии Есенина, Мандельштама, Вертинского и Пригова Дмитрия Александровича. Потратил на все это МАССУ СИЛ И ВРЕМЕНИ. И что в итоге? Обнаружил, что «Кибер–Пушкин» пишет полную белиберду, да еще с чудовищными орфографическими ошибками».

Литература

1. Болдасов М. В., Соколова Е. Г. Генерация текстов на естественном языке – теории, методы, технологии // НТИ. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2006. № 7. С. 1–15.
2. Дьудни А. К. Компьютер пробует свои силы в прозе и поэзии // В мире науки, 1989. № 8. С. 88–92.
3. Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста: Учебник для вузов. М., 2004.
4. Кац Б. Г. О программе, сочиняющей стихи // Автоматика и телемеханика. М., 1978. № 2. С. 151–156.
5. Кибер–Пушкин 1.0 бета [http://www.teterin.ru/pushkin// (Дата доступа: 14.03.2013)].

Синонимия лексических единиц русского языка в системной взаимосвязи с их семантическими и грамматическими характеристиками

Д. А. Иванова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

piligrim23@rambler.ru

Лексическая синонимия, семантические и грамматические характеристики, системные взаимосвязи.

Summary. An experimental investigation of the interrelationships between synonymy and polysemy, homonymy, and part of speech's characteristics is undertaken.

0. Данное исследование выполнено в рамках системно-количественного подхода к изучению языка и представляет собой экспериментальную проверку основных положений Модели жизненного цикла знака, разработанной А. А. Поликарповым (Поликарпов, 2007; 2013; Поликарпов, Курлов, 1994; Poddubny, Polikarpov, 2013; Polikarpov, 1993). Для проведения экспериментов была создана база данных, основой которой послужило совмещение обработанной и дополненной информации полного состава «Нового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой (Ефремова, 2000) и «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» (под ред. Л. Г. Бабенко) (Бабенко, 2007). Новизна данного исследования заключается в экспериментальном подтверждении взаимосвязей между величиной средней активности вступления каждого из значений слова в синонимические отношения и количеством значений слова, а также степенью омонимичности и отнесенностью слова к той или иной группе знаменательных частей речи: предметным (существительным) и признаковым (прилагательным, глаголам, наречиям). После обработки экспериментальных данных были получены следующие результаты.

1. Среди слов, чьи значения вступают в синонимические отношения, процентное содержание единиц средней (двухзначные, 3-, 4-значные) и высокой полисемии (от 5 значений и более) выше по сравнению со словами, чьи значения не вступают в синонимические отношения (см. Рис. 1).

Например, у слов с ЛСВ-синонимами слова с полисемией от 5 до 8 значений составляют 6,43% в противопоставлении 1,66% у слов с ЛСВ-несинонимами. Напротив, среди слов, чьи значения не вступают в синонимические отношения, выше процентное содержание однозначных слов (59,02% у слов с ЛСВ-несинонимами при 41,60% среди слов с ЛСВ-синонимами).

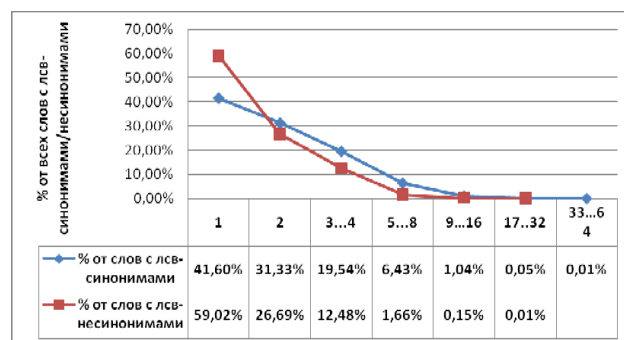

Рис. 1. Распределение значений слов разной величины полисемии (от 1 до 33–64 значений), содержащих и не содержащих ЛСВ, вступающие в синонимические отношения

2. Синонимические группы минимального объема (двучленные) в большей степени наполняются за счет значений слов низкой полисемии (однозначные): значения однозначных слов составляют 40,45% от всех ЛСВ двучленных синонимических групп. Прослеживается тенденция, что с увеличением объема синонимических групп (от 3 до 68 членов) увеличивается процентное содержание значений слов высокой полисемии.

3. С увеличением объема синонимических групп у ЛСВ этих групп последовательно увеличивается процентное содержание значений глаголов и прилагательных. Например, процентное содержание значений глаголов увеличивается с 10,10% от ЛСВ двучленных синонимических групп до 90,13% от ЛСВ синонимических групп с объемом от 33 до 64 членов. Напротив, процентное содержание значений существительных последовательно уменьшается (от 57,29%

до 9,87% от членов соответствующих групп), см. табл. 1. Однако неполное отображение состава русских наречий в

словарях Ефремовой и Бабенко несколько затемняет картину распределения их ЛСВ по синонимическим группам.

Таблица 1. Распределение ЛСВ разных частей речи по синонимическим группам разного объема

объем синг	всего ЛСВ	нареч.	%нареч.	глаго.	%глаго.	прил.	%прил.	сущ.	%сущ.	остальные ч.р.	%ост. Ч.Р.
2	3318	305	9,19%	335	10,10%	757	22,81%	1901	57,29%	20	0,60%
3...4	8746	851	9,73%	1772	20,26%	2053	23,47%	4013	45,88%	57	0,65%
5...8	14259	1235	8,66%	4766	33,42%	2923	20,50%	5212	36,55%	123	0,86%
9...16	12634	999	7,91%	6075	48,08%	2350	18,60%	3139	24,85%	71	0,56%
17...32	4688	197	4,20%	2946	62,84%	594	12,67%	924	19,71%	27	0,58%
33...64	780			703	90,13%			77	9,87%		
65...128	136			136	100,00%						
всего ЛСВ	44561	3587		16733		8677		15266		298	

4. Значения слов высокой полисемии (5...8, 9...16, 17...32, 33...64 значений) склонны к высокой «синонимической полисемии» (количество синонимических групп, членом которых является каждое из значений слова), см. табл. 2. Чем в большее количество синонимических групп вступает каждый ЛСВ слова, тем, в среднем, больше среди этих ЛСВ тех, которые принадлежат словам высокой полисемии. Например, процентное содержание значений слов с полисемией от 5 до 8 значений растет с 3,94% до 45,71% при увеличении синонимической полисемии от 1 группы до 8 групп, про-

центное содержание значений слов с полисемией от 9 до 16 увеличивается с 0,39% до 25,71% соответственно – см. табл. 2. Напротив, значения однозначных и двузначных слов склонны к более низкой синонимической полисемии (в частности, составляют 48,08% и 30,87% от значений слов с ЛСВ-членами только одной синонимической группы). С увеличением количества синонимических групп, в которые вступает каждый ЛСВ слова, среди этих ЛСВ уменьшается количество тех, что принадлежат однозначным и двузначным словам – см. табл. 2 и рис. 2 (ось ординат в логарифмическом масштабе).

Таблица 2. Распределение процентного содержания ЛСВ слов разной синонимической активности (от 1 до 19 групп) по величине полисемии (от 1 до 33...64 значений)

синполис	всего лсв	1	2	3...4	3...4 %	5...8	5...8 %	9...16	9...16 %	17...32	17...32 %	33...64	33...64 %
1	19177	9220	48,08%	5920	30,87%	3204	16,71%	756	3,94%	75	0,39%	2	0,01%
2	11506	3874	33,67%	4022	34,96%	2590	22,51%	118	1,03%	4	0,03%		
3	6465	1641	25,38%	2037	31,51%	1860	28,77%	774	11,97%	141	2,18%	12	0,19%
4	3496	548	15,68%	966	27,63%	1058	30,26%	740	21,17%	180	5,15%	4	0,11%
5	1785	195	10,92%	370	20,73%	620	34,73%	480	26,89%	115	6,44%	5	0,28%
6	822	18	2,19%	174	21,17%	288	35,04%	246	29,93%	90	10,95%	6	0,73%
7	665	42	6,32%	112	16,84%	210	31,58%	203	30,53%	98	14,74%		
8	280	16	5,71%	24	8,57%	40	14,29%	128	45,71%	72	25,71%		
9	117			18	15,38%	36	30,77%	18	15,38%	36	30,77%	9	7,69%
10	70					50	71,43%	10	14,29%			10	14,29%
11	44			11	25,00%	11	25,00%			22	50,00%		
12	60					36	60,00%	24	40,00%				
13	26									26	100,00%		
14	14					14	100,00%						
15	15									15	100,00%		
19	19							19	100,00%				
всего лсв	44561	15554		13654		9931		4329		1000		78	15

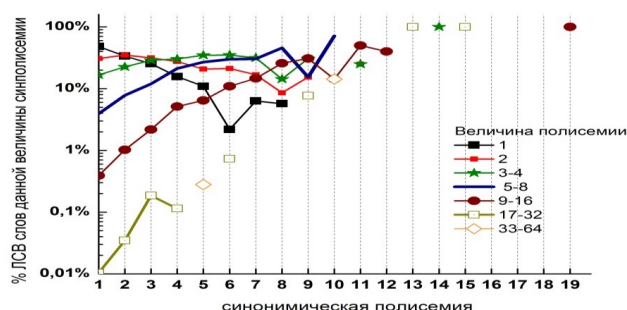

Рис. 2. Распределение процентного содержания ЛСВ разной синонимической активности по величине полисемии слов, которым эти ЛСВ принадлежат

На рис. 2 представлено распределение ЛСВ слов с синонимической полисемией от 1 до 19 по полисемическим группам 1, 2, 3-4, 5-8, 9-16, 17-32 и 33-64 значений.

5. Чем в большее количество синонимических групп вступает каждый ЛСВ слова, тем больше среди них ЛСВ глаголов и прилагательных и тем меньше – существительных.

ных. Например, среди значений, являющихся членами только одной синонимической группы, значения глаголов составляют 31, 89%, среди значений-членов 7 синонимических групп значения глаголов составляют уже 57,89%. ЛСВ существительных обнаруживают обратную тенденцию. Например, процентное содержание существительных последовательно уменьшается с 43,13% от значений-членов только одной синонимической группы до 9,47% от значений-членов 7 синонимических групп – см. табл. 3.

Как видно, среди значений слов высокой синонимической полисемии преобладают значения глаголов и прилагательных, среди значений слов низкой синонимической полисемии – значения существительных. Результаты по областям высокой синполисемии (14, 15 и 19 групп) не столь показательны, т. к. представлены только 1 словом в каждой из них.

6. Среди слов, вступающих в отношения омонимии, выше процентное содержание тех, что являются средне- и высокополисемичными в сравнении со словами, не вступающими в омонимические отношения. Например, среди слов-омонимов слова с полисемией от 3 до 4 значений составляют 24, 97%, тогда как среди слов-неомонимов – только 19,40% – см. рис. 3 (распределение дано по словам с ЛСВ-синонимами).

Таблица 3. Распределение процентного содержания ЛСВ разной синонимической активности для слов разных частей речи

синполис	всего лсв	глагол.	глагол. %	нареч.	нареч. %	прил.	прил. %	сущ.	сущ. %	остальные	%ост.ч.р.
1	19177	6116	31,89%	1395	7,27%	3247	16,93%	8271	43,13%	148	0,77%
2	11506	4467	38,82%	1085	9,43%	2045	17,77%	3806	33,08%	103	0,90%
3	6465	2688	41,58%	639	9,88%	1398	21,62%	1725	26,68%	15	0,23%
4	3496	1596	45,65%	256	7,32%	832	23,80%	792	22,65%	20	0,57%
5	1785	795	44,54%	125	7,00%	475	26,61%	385	21,57%	5	0,28%
6	822	414	50,36%	48	5,84%	234	28,47%	126	15,33%		
7	665	385	57,89%	21	3,16%	189	28,42%	63	9,47%	7	1,05%
8	280	120	42,86%	8	2,86%	96	34,29%	56	20,00%		
9	117	45	38,46%			54	46,15%	18	15,38%		
10	70	10	14,29%	10	14,29%	40	57,14%	10	14,29%		
11	44	33	75,00%			11	25,00%				
12	60	36	60,00%			24	40,00%				
13	26	13	50,00%			13	50,00%				
14	14							14	100,00%		
15	15	15	100,00%								
19	19					19	100,00%				
всего ЛСВ	44561	16733		3587		8677		15266		298	

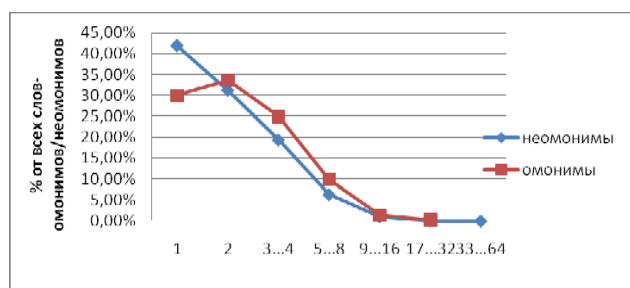

Рис. 3. Распределение слов-омонимов и неомонимов по величине полисемии (от 1 до 33-64 значений) для слов с ЛСВ-синонимами

7. Чем в большие по объему синонимические группы вступают ЛСВ слова, тем больше процентное содержание среди этих ЛСВ тех, что вступают в омонимические отношения, см. табл. 4.

Таблица 4. Распределение процентного содержания омонимичных слов в общем количестве слов, своими ЛСВ входящими в синонимические группы разного объема

объем сингруппы	всего ЛСВ в сингруппах данного объема	омонимы	омонимы %
2	3318	68	2,05%
3...4	8746	230	2,63%
5...8	14259	419	2,94%
9...16	12634	346	2,74%
17...32	4688	146	3,11%
33...64	780	22	2,82%
всего ЛСВ	44561	1232	2,76%

Полученные результаты позволяют судить о высокой степени их релевантности избранной нами теоретической модели.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Словарь-тезаурус синонимов русской речи. М., 2007.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М., 2000.
3. Поддубный В. В., Поликарпов А. А. Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков // Компьютерные исследования и моделирование. 2011. Т. 3. № 2. С. 103–124.
4. Поддубный В. В., Поликарпов А. А. Вывод закона синхронного полисемического распределения языковых знаков на основе диссипативной стохастической динамической модели эволюции знаковых ансамблей // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании. Материалы VII Международ. конф. по сравнительно-историческому языкознанию (Москва, 31.01.01–02.02.2011). М., 2011. С. 182–190.
5. Поликарпов А. А. Системно-количественный подход в лингвистике // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований (Вестник Смоленского государственного университета. Сер. 1: Филология. Том 1). Смоленск, 2007. С. 35–59.
6. Поликарпов А. А. Модель жизненного цикла знака: к теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М. И. Чернышева. М., 2013. С. 235–264.
7. Поликарпов, А. А., Курлов В. Я. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (на основе данных толкового словаря) // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 62–75.
8. Поликарпов А. А., Руис-Соррилья Крусате М. Трехчастная типология толковых словарей С. И. Ожегова в системной перспективе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9 «Филология». 2013. № 5. С. 7–34.
9. Poddubny V. V., Polikarpov A. A. Stochastic Dynamic Model of Evolution of Language Sign Ensembles // Methods and Applications of Quantitative Linguistics – Selected papers of the 8th International Conference on Quantitative Linguistics (QUALICO) / Ed. by I. Obradović, E. Keliš, R. Kohler. Belgrad, 2013. P. 69–83.
10. Polikarpov A. A. A model of the word life cycle // Contributions to Quantitative Linguistics / Ed. by R. Koehler, B. Rieger. Dordrecht; London; Boston, 1993. P. 53–66.

Использование свойств отображений множеств с различной плотностью при анализе частотных распределений синтаксических отношений в русском языке

Е. А. Ильюшина, А. В. Прохоров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

a.ilyushina@mail.ru, a.prokhorov@inbox.ru

Частотные распределения, плотность множества, синтаксические связи.

Summary. The report considers mathematical nature of ranking distributions and determines functions which approximate empirical frequency distributions of syntactic relations in several Russian literary texts.

Ранговое распределение частоты встречаемости слова (закон Ципфа-Мандельброта) давно привлекает внимание

исследователей в различных областях как естественных, так и гуманитарных наук, отчасти, в силу того, что является

наиболее простым и универсальным соотношением, задающим порядок частот. Математическая «природа» ранговых распределений обусловлена тем, как «устроено» множество ранжируемых объектов: каков его «объем», и насколько плотно оно заполнено различными объектами, имеющими одинаковую частоту. Процедура ранжирования можно рассматривать как отображение множества целых чисел (рангов) на множество неотрицательных чисел (частот). Несколько упрощая, можно утверждать, что свойства этого отображения и определяют вид ранговой зависимости [1], [2]. Наиболее изученным распределением в лингвистике является распределение частот слов в соответствии с законом Ципфа-Мандельброта, в то время как распределение синтаксических связей остается одним из наименее исследованных лингвистических ранговых распределений. Синтаксическая связь – это направленное отношение между грамматическими атрибутами языка. В работе проводилось сравнение эмпирических распределений синтаксических связей с теоретическими ранговыми зависимостями.

В результате анализа девяти текстов с помощью программы Dwarf [4] были получены частоты синтаксических отношений и найдены функции, которые с наибольшей точностью аппроксимируют ранговые распределения. Для каждого текста тест на наилучшую аппроксимацию эмпирического распределения проходят следующие функции:

$F_1(x) = y_0 + a \cdot \exp(b \cdot x)$,
 $F_2(x) = a \cdot \exp(b \cdot x)$ и
 $F_3(x) = a / (x + b) + c / (x \cdot x + d)$ – две экспоненты с двумя и тремя неизвестными параметрами и ципфовское распределение с поправкой, пренебрежимо малой при больших рангах, содержащее четыре неизвестных параметра.

В таблице 1 приведено сравнение коэффициентов детерминации для трех наиболее близких к эмпирическому материалу функций (T – объем текста, I_{max} – число синтаксических отношений в тексте, R-Square – коэффициент детерминации). Чем ближе к единице R-Square, тем точнее в среднем аппроксимирующая функция описывает эмпирические данные.

Таблица 1

произведение	T	I _{max}	R-Square(COD)		
			F ₁ (x)	F ₂ (x)	F ₃ (x)
Толстой Л. Н. «Анна Каренина»	280417	117	0,98171	0,97969	0,9406
Толстой Л. Н. «Война и Мир» (1 том)	134575	119	0,98438	0,98318	0,93694
Толстой Л. Н. «Воскресенье»	142065	119	0,98584	0,98426	0,92968
Лесков Н. С. «Обойденные»	85641	114	0,98467	0,98362	0,89869
Лесков Н. С. «Островитяне»	56794	109	0,98545	0,98428	0,99363
Лесков Н. С. «Соборяне»	96058	113	0,98445	0,98363	0,92551
Достоевский Ф. М. «Бесы»	100338	116	0,98904	0,98796	0,94634
Достоевский Ф. М. «Идиот»	99957	115	0,99142	0,99017	0,95158
Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание»	99041	111	0,99169	0,98979	0,91727

Как видно из Таблицы 1, даже обладая наибольшим среди рассмотренных функций количеством параметров, гиперболическая зависимость по точности уступает экспоненте. Разница между погрешностями двух оставшихся зависимостей пренебрежимо мала, а потому естественно отдать предпочтение функции $y = a \cdot \exp(b \cdot x)$, имеющей наименьшее количество параметров. Оценки неизвестных параметров a и b наилучшей аппроксимирующей функции получают с помощью метода наименьших квадратов (МНК-оценки). Для всех рассмотренных текстов оценка параметра a лежит в интервале [0,12402; 0,13601], и оценка b – в интервале [-0,13983; -0,1251].

Максимальное отличие в частотах синтаксических отношений, определяемых полученным распределением, наблюдается для первых двух текстов Таблицы 1, то есть, составляет 7,5% для ранга, равного 1, и становится пренебрежимо малым для рангов, больших 10. Следовательно, можно предположить, что предлагаемое экспоненциальное распределение является универсальным для синтаксиса русских текстов.

В заключение в таблице 2 приведены наиболее частые синтаксические отношения, которые по их «месту» в ранго-

вом распределении можно поставить в соответствие наиболее частым словам в распределении Ципфа. Известно, что в эту группу входят высокочастотные служебные слова и местоимения, называемые в информатике стоп-словами [3]. Представляется, что лингвистическая интерпретация группы наиболее употребительных синтаксических отношений, приведенных в Таблице 2, достаточно прозрачна. Подобно тому, как служебные слова «склеивают» повествование на уровне слов, наиболее частотные синтаксические связи «скрепляют» синтаксическую структуру текста.

Интересно, что связи с рангами $n = 1, 2, 3$ во всех произведениях принадлежат одной и той же группе: $prn > vrb$, $nn > vrb$ и $nn > prp$. Здесь prn (pronouns) – местоимения; nn (nouns) – существительные; $vrbs$ (verbs) – глаголы; a prp (prepositions) – предлоги. Однако из таблицы 2 видно, что для различных наблюдений каждая из трех наиболее частотных синтаксических связей имеет различные ранги из возможных значений $n = 1, 2, 3$.

Только в произведениях Достоевского пять наибольших частот наблюдаются у одних и тех же синтаксических связей.

Таблица 2

произведение	T	F(n)		
		n=1	n=2	n=3
Толстой Л. Н. «Анна Каренина»	280417	prn > vrb	nn > vrb	nn > prp
Толстой Л. Н. «Война и Мир» (1 том)	134575	nn > vrb	nn > prp	prn > vrb
Толстой Л. Н. «Воскресенье»	142065	nn > prp	nn > vrb	prn > vrb
Лесков Н. С. «Обойденные»	85641	nn > vrb	nn > prp	prn > vrb
Лесков Н. С. «Островитяне»	56794	nn > prp	prn > vrb	nn > vrb
Лесков Н. С. «Соборяне»	96058	nn > prp	nn > vrb	prn > vrb
Достоевский Ф. М. «Бесы»	100338	prn > vrb	nn > prp	nn > vrb
Достоевский Ф. М. «Идиот»	99957	prn > vrb	nn > prp	nn > vrb
Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание»	99041	prn > vrb	nn > prp	nn > vrb

Литература

1. Гусейн-Заде С. М. О распределении русских букв по частоте встречаемости // Проблемы передачи информации. 1988. 23:4.
 2. Маслов П. Об одной общей теореме теории множеств, приводящей к распределению Гиббса, Бозе-Эйнштейна, Парето и закону

Ципфа-Мандельброта для фондового рынка // Математические заметки. 2005. Т. 78. Вып. 6.
 3. Маслов В. П., Маслова Т. В. О законе Ципфа и ранговых распределений в лингвистике и семиотике // Математические заметки. 2006. Т. 80. Вып. 5.
 4. Официальный сайт пакета Dwarf [http://cs.isa.ru:10000/dwarf].

Текстовое наполнение русского речевого корпуса RuSpeech

О. Ф. Кривнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
okrivnova@mail.ru

Русский речевой корпус, текстовое обеспечение, статистическая схема корпуса.

Summary. Many tasks in speech analysis involve the problem of description, modelling and evaluation of the acoustical variability of sound units in various speech texts. This paper is dedicated to the principles of text material selection of a for scientific and applied modelling of acoustic variability. Computer tools necessary for creation of a statistically representative and phonetically reliable speech corpus are discussed; the author's experience of a text material preparation for speech corpus RuSpeech is briefly described.

1. Общие вопросы. Экспериментальный анализ и моделирование акустической вариативности звуковых единиц представляет значительный интерес как для фундаментальной фонетической науки, так и для прикладных разработок в области речевых технологий. Несмотря на достаточно большой опыт исследования этой проблемы в русской фонетике, нельзя сказать, что она решена в полном объеме даже для таких относительно простых речевых режимов, как чтение фраз и небольших связных текстов. В настоящее время создание представительных речевых корпусов в электронном формате, снабженных разнообразной фонетической информацией, разработка программных средств обработки звучащей речи и постоянно возрастающие мощности компьютерной техники дают ученым-лингвистам недоступную ранее возможность для проведения крупномасштабных и статистически достоверных исследований на разнообразном речевом материале. Аннотированные речевые корпуса и сопровождающий их компьютерный инструментариум образуют естественные и очень важные связи между речевыми и лингвистическими технологиями и фундаментальными работами в области фонетики и лингвистики в целом.

2. В настоящем сообщении рассматривается текстовое обеспечение русского технологического корпуса RuSpeech, созданного в 2000–2002 гг. в рамках инвестиционного проекта по разработке дикторонезависимой системы распознавания русской слитной речи в реальном времени.

Корпус разработан по заказу корпорации INTEL Институтом системного анализа (ИСА) РАН с участием компании Cognitive Technology Ltd. и сотрудников речевой группы кафедры ТИПЛ филологического факультета МГУ (под руководством О. Ф. Кривновой).

В состав корпуса RuSpeech входит более 50 тыс. предложений, снабженных орфографическими и фонетическими транскриптами, часть предложений фонетически сбалансирована и имеет акустико-фонетическую сегментную и словную разметку. Для создания корпуса были приглашены 220 дикторов, каждый из которых наговорил в среднем по 250 предложений. Корпус содержит около 50 часов непрерывной речи объемом 15 Гб, что превышает объемы аналогичных корпусов английского языка WSJ Speech и TIMIT.

2. Вопросы проектирования речевых корпусов. Ввиду значительных финансовых и рабочих затрат, создание речевого корпуса требует предварительного проектирования с учетом задач, для решения которых предполагается использовать речевой корпус. Условно всю совокупность вопросов, возникающих при проектировании корпуса, можно разделить на четыре группы: технические, содержательные, структурные и инструментальные (исполнительские). К техническим относятся вопросы, связанные с акустическими и техническими условиями записи речевого материала. Содержательные вопросы более разнообразны и принципиально существенны. Они касаются выбора дикторов, подбора текстового (речевого) материала, выбора статистической схемы (балансировки) нужных звуковых объектов; распределения текстового материала по дикторам и т. д.

Для технологических речевых корпусов, к которым относится RuSpeech, принципиально важными являются следующие требования к речевому и текстовому материалу корпуса:

1. Полное **покрытие** набора распознаваемых единиц: слов / фонем / аллофонов...

2. Обеспечение статистической **достоверности** акустических моделей звуковых единиц с использованием определенных статистических схем (равномерных, репрезентативных и др.) и больших массивов речи.

3. Максимальный учет факторов **вариативности**, влияющих на акустические модели (например, для РК в режиме чтения: разные фонетические контексты, пол, возраст, диалектная принадлежность дикторов, уровень образования).

В RuSpeech подбор текстового материала для дикторского озвучивания базировался на результатах, известных из фонетической литературы, и нашем собственном опыте экспериментально-фонетической работы с русской речью, в частности, в области автоматического синтеза речи. С учетом всех этих данных был определен минимальный (базовый) набор позиционных и комбинаторных фонетических контекстов, в которых можно прогнозировать не только существенное различие акустических характеристик фонем, но и их perceptивную значимость.

В результате был сформирован полный список обобщенных аллофонов (трифонов), которые мы рассматриваем как предметное «ядро» обсуждаемого корпуса (1832 единицы). Для разработки проекта требовалось также, чтобы исходный речевой материал был разнообразным с точки зрения общих лингвистических и фонетических характеристик. Поэтому в него были включены следующие **текстовые массивы**: специально подобранный (фонетически сбалансированный) набор слов и словосочетаний (словник = 1600 единиц); фонетически сбалансированный набор коротких (4–5 слов), не связанных друг с другом повествовательных фраз, включающий 114 монофонов с частотностью не менее 3 раз (фразовые таблицы = 510 фраз); фонетически сбалансированный связный текст небольшого размера (2,5 стр. машинописного текста); небольшие связные тексты (фрагменты газетных публикаций; 2,5 стр. машинописного текста каждый, 50 фрагментов). Фонетически сбалансированные текстовые массивы подбирались так, чтобы в каждом из них были представлены все или наиболее частотные аллофоны из описанного выше базового списка (с частотностью, соответствующей реальной употребительности в нормативной русской речи).

3. Статистический инструментариум корпуса. Для обеспечения полноты покрытия звукового пространства русского языка и указанных выше статистических требований использовался разработанный нами автоматический транскриптор русских текстов и специальный статистический инструментариум, с помощью которого решались две задачи: подсчет частоты встречаемости единиц (с различением контекстов и без него) и оптимизация текстового обеспечения корпуса (формирование оптимального по своим размерам корпуса, удовлетворяющего заданным статистическим требованиям).

Задача оптимального отбора обычно состоит в том, чтобы создать минимальный текстовый массив корпуса, удовлетворяющий априорным статистическим требованиям на частоту встречаемости тех или иных единиц корпуса (фонем, монофонов, трифонов), например, максимально насыщенный единицами определенного типа, встречающимися в исходном массиве текстов. Для решения задачи оптимального отбора текстов для озвучивания могут использоваться два метода: накопительный и т. н. поглотительный или «жадный» (greedy) алгоритм. В докладе будут рассмотрены преимущества и недостатки каждого из них.

Что касается подсчета частотности, то стоит отметить, что если частотность единицы в языке оценивается путем подсчета вхождения единицы в имеющийся массив текстов, следует задуматься о достоверности такой оценки. Эксперименты показывают, что распределение частот одних и тех же единиц в текстах довольно сильно варьирует в зависимости от жанра текста (газеты, технические описания, телефонные переговоры). Кроме того, даже если сравнивать распределения частот единиц в текстах одинакового жанра, коэффициент корреляции между такими распределениями в некоторых случаях оказывается менее 0,5. Следовательно, тексты для озвучивания в репрезентативном корпусе должны подбираться политематические и разножанровые в отличие от речевых корпусов для предметно- и проблемно-ориентированных разработок.

Частотность употребления служебных слов как характеристика авторского стиля и жанра текста *

О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
kukush@orc.ru, anapolii@mail.ru

Авторский стиль, квантитативный анализ, служебные слова.

Summary. Computing technique of definition of the author and genre of the text using decision trees was Implemented. the ability of such features as the relative frequencies of the syntactic words to distinguish between these classes (as well as some other classes) of Russian classics of the XIXth century. There was defined the nature of the behavior of each of the 76 used features (syntactic words) in texts of some specific author in terms of sustainability and uniqueness of them . It is shown the effectiveness of the method and specified some of the conditions of its applicability.

Предположение о том, что должны существовать такие единицы текста, частота употребления которых существенно различается у разных авторов и составляет особенность их авторского стиля, не вызывает особых возражений. Проблема заключается в том, чтобы найти надежные методы обнаружения таких единиц. Это задача типа data mining, т. е. методы должны позволять работать с большими наборами текстов разных авторов, автоматически выявлять значимые различия в частоте употребления их единиц и представлять эти различия в виде правил типа «если..., то».

Реализация таких методов (классификация, кластеризация и факторный анализ) в программном средстве StyleAnalyzer (Программа создана О. В. Шевелевым, реализация отдельных функций – А. Н. Кубарев и др. Она – результат развития идей, предложенных Д. Хмелевым. Над развитием программы в ходе выполнения совместных исследований работали лингвисты Московского университета и математики Томского (А. А. Поликарпов, В. В. Поддубный, О. В. Кукушкина). Гранты РФФИ № 06-07-89320-а «Создание и использование комплекса программ для системного мультипараметрического моделирования статистической структуры текстов современного русского языка (с целью определения устойчивых стилевых характеристик текстов различных типов)» (2006–2008 гг.) и № 11-07-00776-а «Комплексная тексто-аналитическая система „СтилеАнализатор-2“, основанная на Web-технологиях: разработка, наполнение данными и тестирование на прикладных задачах» (2011–2013 гг.) и создание методики определения кандидатов на авторство с помощью деревьев решений (см. [1]) позволяют в настоящее время проверять комплексы признаков на их способность различать тексты выборки по их индивидуальным авторам, типу автора (гендеру), а также жанрам, тематике и любым другим параметрам, которые заранее приписаны текстам.

Ниже изложена применявшаяся методика и результаты исследования списка служебных слов на их способность различать прозаические тексты 13 русских классиков XIX века.

1. Были получены частоты употребления каждого признака (в списке признаков 76 единиц) для каждого текста выборки (180 текстов разных объемов и жанров).

2. С помощью классификации «дерево решений» для каждого признака был найден частотный порог (реальная относительная частота употребления признака в текстах одного из авторов), который лучше всего позволяет различать по данному признаку авторов в данной выборке. См. рис. 1.

Рис. 1. Порог для «а» и результаты распределения по нему текстов авторов (первая цифра число текстов данного автора с таким поведением «а»):

3. Был определен характер поведения каждого признака в текстах одного автора с точки зрения устойчивости и уникальности. См. рис. 2.

	а	безббезо	будто	бы	б
► Порог	<0,00564295485636115>=	<0,000850665645867892>=	<0,000372581993212966>=	<0,00280142817907168>=	<0,00021473271>=
БунинИА				все ниже	
ГогольНВ				все выше	
ГончаровИА			все выше		
ДостоевскийФМ			все выше		
КупринАИ		все ниже		все ниже	все ниже
ЛермонтовМЮ					все выше
ЛесковНС	все выше			все ниже	все ниже
ПушкинАС				все ниже	
СалтЩедрМЕ		все выше			все выше
ТолстойЛН	все ниже	все ниже		все ниже	все ниже
ТургеневИС					
ЧернышНГ		все выше	все выше	все выше	все выше
ЧеховАП					

Рис. 2. Оценка устойчивости уникальности поведения признака. Помета *все выше* означает, что во всех текстах частота признака \geq порога; *все ниже* – во всех текстах частота $<$ порога. Отсутствие пометы означает, что отношение к порогу колеблется. Наличие пометы «все выше» или «все ниже» только у одного автора указывает уникальность поведения признака.

На основе этих данных для каждого автора может быть получен список устойчивых и уникальных единиц для каждого автора (т. е. его **специфический профиль**). См. список уникальных устойчивых признаков, отличающих писателя от всех остальных: **Бунин**: все ниже *о&об&обо; также*,

хоть&хотя; **Гоголь**: все ниже *от&ото*; все выше *уже*; **Гончаров**: все ниже *но*; **Куприн**: все ниже *жс, как, что*; **Лесков**: все выше *а, за*; **Пушкин**: все ниже *вроде, лишь, то, только*; **Салтыков-Щедрин**: все выше *в&во, даже, коль, ни*; **ТолстойЛН**: все ниже *а, по*; все выше *к&ко, с&со*; **Чер-**

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 11-07-00776-а.

нышевский (текст романа «Что делать» был разделен на три части): все ниже *вдруг, ни*; все выше *ведь, да, же, от&ото*. У Достоевского, Тургенева, Лермонтова, Чехова устойчивые уникальные признаки отсутствуют.

По числу устойчивых и уникальных признаков можно охарактеризовать стиль автора в целом (более / менее устойчивый и уникальный):

БунинИА	17 проц. уст.(13 из 76)	выше: 0/ниже:13	Уник.: 3
ГогольНВ	29 проц. уст.(22 из 76)	выше: 16/ниже:6	Уник.: 2
ГончаровИА	57 проц. уст.(43 из 76)	выше: 25/ниже:18	Уник.: 1
Достоевский ФМ	21 проц. уст.(16 из 76)	выше: 12/ниже:4	Уник.: 0
КупринАИ	75 проц. уст.(57 из 76)	выше: 32/ниже:25	Уник.: 3
ЛермонтовМЮ	26 проц. уст.(20 из 76)	выше: 7/ниже:13	Уник.: 0
ЛесковНС	42 проц. уст.(32 из 76)	выше: 19/ниже:13	Уник.: 2
ПушкинАС	22 проц. уст.(17 из 76)	выше: 3/ниже:14	Уник.: 4
СалтЩедрМЕ	66 проц. уст.(50 из 76)	выше: 39/ниже:11	Уник.: 4
ТолстойЛН	57 проц. уст.(43 из 76)	выше: 24/ниже:19	Уник.: 4
ТургеневИС	1,3 проц. уст.(1 из 76)	выше: 0/ниже:1	Уник.: 0
ЧернышНГ	87 проц. уст.(66 из 76)	выше: 49/ниже:17	Уник.: 6
ЧеховАП	4 проц. уст.(3 из 76)	выше: 0/ниже:3	Уник.: 0

4. Была проверена распознающая сила выбранного набора признаков. Для этого осуществлено сравнение частот каждого текста выборки с определенными с помощью дерева решения частотными порогами (=> или ниже порога). Если частота употребления признака в тексте выше порога, а во всех текстах данного автора частота ниже, этот автор исключается из списка кандидатов на авторство.

В результате сравнения с установленными порогами («просеивания» текстов через них), были получены следующие результаты распознавания на полной выборке. Однозначно распознались 84 текста; два автора были приписаны 65-ти текстам, три автора 31 (исключение настоящего автора при просеивании выборки на саму себя невозможно по алгоритму). Таким образом доказано, что частоты употребления служебных слов действительно достаточно спе-

цифичны, чтобы сократить число кандидатов в авторы с 13-ти до трех, а в большинстве случаев до двух. Обнаружилось также, что есть авторы с однозначной распознаваемостью по выбранному набору признаков – это Лесков и Салтыков-Щедрин.

В число неправильных авторов попадают только Чехов, Тургенев и, в редких случаях, Бунин. Среди их текстов много рассказов, поэтому необходимо было проверить, как влияет **жанр и объем текста** на различительную силу служебных слов. Для этого были сделаны подвыборки, для каждой из которых были получены свои частотные пороги. Далее каждая подвыборка проверялась на эти пороги. Результаты оказались следующими: в подвыборках «Романы и повести» (89 текстов), а также «Большие рассказы» (39 текстов, более 4500 слов) однозначно распознаны **все** тексты; в подвыборке «Маленькие рассказы» (52 текста, объем менее 4500 слов) однозначно распознаны 42 текста, а 10 текстам был приписан второй автор (везде Чехов, при этом сам Чехов распознан однозначно); в подвыборке «Все рассказы» (91 текст большого и малого объема) однозначно распознано 50 текстов, 38 текстам было приписано два автора (второй Чехов или Тургенев), а одному – три.

Было установлено, что при распознавании подвыборки на основе информации, полученной о порогах для другой подвыборки (например, маленькие рассказы на порогах выборки «Романы и повести»), распознавание резко падает, и многие тексты не находят соответствия, т. е. им не приписывается ни один из авторов. Из этого можно сделать вывод о том, что пороги частот служебных слов в текстах разных объемов и жанров имеют свою специфику. Это нужно учитывать при определении стиля текста, не входящего в выборку: этот текст должен соответствовать по жанру и объему тем текстам, на основе которых были получены пороги.

Литература

1. Кубарев А. И., Кукушкина О. В., Поддубный В. В., Шевелев О. Г. Построение таблиц стилей текстовых произведений с использованием алгоритмов классификации на основе деревьев решений // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2012. № 4. С. 79–88.

Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова (с электронным приложением) как особый лексикографический продукт

О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов, Л. В. Лапонина, Е. В. Суворцева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kukush@orc.ru, anatpoli@mail.ru, laponina_luda@mail.ru, surovceva-ekaterina@yandex.ru

Чехов, авторская лексикография, корпус, словарь.

Summary. The frequency, grammatical and semantic Vocabulary of language of works of art by A. P. Chekhov (with the electronic appendix) as a special lexicographic product in described.

Читателю предлагается лексикографический труд нового типа, в котором реализовано сочетание Словаря и электронного Корпуса текстов. Это сочетание создает новые возможности работы со словарем и позволяет читателю проводить дальнейшее самостоятельное исследование особенностей языка и творчества писателя.

Словарь выпущен в электронном виде (на диске) вместе с приложением. Данное электронное издание содержит: 1. «Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова». Авторы: Кукушкина О. В., Суворцева Е. В., Лапонина Л. В., Рюдигер Д. Ю.; 2. Электронный корпус художественных текстов А. П. Чехова, на базе которого создавался словарь. Создатели: Кукушкина О. В., Суворцева Е. В., Лапонина Л. В.; 3. Программное средство для работы с корпусами текстов «Компьютерная информационно-исследовательская система для работы с электронными корпусами текстов „ИСТОК“». Разработчики: Федотов В. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А.; 4. Методическое руководство по работе с системой «ИСТОК» и корпусом текстов А. П. Чехова. Авторы: Кукушкина О. В., Суворцева Е. В., Поликарпов А. А., Варламов А. А., Федотов В. В.

Корпус, как и словарь, создан в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ. В этом проекте принимали участие также студенты филологического ф-та МГУ Н. Гончарова, С. Гусева, А. Чернышова, С. Воробей, М. Фалдина, работавшие в спецсеминаре О. В. Кукушкиной «Создание и исследование авторских корпусов текстов».

В данном Словаре и Корпусе представлены все законченные художественные произведения А. П. Чехова (без вариантов и редакций). Тексты даются по академическому изданию А. П. Чехова в 30 т. – М.: Наука, 1974–1983.

Количественная характеристика Словаря и Корпуса. Количество текстов – 600 (17 пьес, 583 прозаических произведений); количество словоупотреблений – 1271664 (пьесы – 176308; проза – 1095356); количество разных словоформ – 101282 (пьесы – 23093; проза – 96141); количество разных лексем – 36419 (пьесы 11802; проза – 34763 – без сведения вариантов). Словоупотребления на других языках представлены в корпусе, как и в Словаре, только словоформами. Исключение составляют только написанные латиницей существительные, грамматически связанные с русскими словами и являющиеся частью русского текста.

В Словаре четыре раздела. В первом разделе дано описание состава лексических единиц художественных произведений А. П. Чехова. Этот раздел содержит более 34 тысяч заглавных единиц. Во втором разделе дано описание состава отдельных групп и рядов единиц, выделенных из общего словника на семантическом основании. При составлении «подсловарей» мы пытались отобрать такие группы слов, которые представляют интерес с лингвистической, литературоведческой, когнитивной точек зрения. В третьем разделе приведены некоторые результаты количественного анализа лексики художественных произведений А. П. Чехова. В четвертом разделе дано описание электронного приложения к Словарю.

Структура словарной статьи. Полная словарная статья дается в разделе I. Она содержит: (1) заглавное слово; (2) его грамматическая характеристика; (3) его количественная характеристика; (4) данные о вариантах. В части случаев после заглавного слова дается (5) семантический комментарий. В тех случаях, когда описать значение единицы сложно, приводится контекст употребления с указанием произведения. При фамилиях дается указание на произведение, в котором упомянуто данное лицо, и краткая информация об этом лице. **Частотные характеристики в словаре.** Для каждой единицы словаря дана количественная информация двух типов: количество употреблений и количество текстов, в которых использовано слово. При работе с количеством употреблений мы столкнулись с огромным доловым совпадением двух произведений: комедии «Иванов» (1887 г.) и драмы «Иванов» (1889 г.). В Словаре лексический материал более раннего произведения используется только в том случае, если он уникален. Во всех остальных случаях количество употреблений и число текстов дается без учета пьесы «Иванов» (1887). **Грамматическая характеристика в словарных статьях.** Частеречная характеристика, даваемая в Словаре, в целом соответствует системе грамматических классов, используемых в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка. Отдельно описываются звукоподражания, буквы, ноты, части слов, средства рубрикации и компоненты иностранного текста. **Лексическая вариативность, омонимия и полисемия.** Варианты слов мы стремились свести в одну словарную статью. Лексическая омонимия однозначных слов в Словаре и Корпусе последовательно разрешалась. Особо оформляется часть переносных значений типа «предмет, животное > лицо». Для самых регулярных единиц, имеющих частотные употребления фразеологического типа, была проделана дополнительная работа по разделению однозначных и не-однозначных употреблений. **Семантический комментарий и иллюстративные примеры.** В Словаре последовательно комментировались омонимы (комментарий не дается только для омонимов типа предикатив / наречие, предлог / наречие). Мы старались также описать значение тех слов, которые могут быть непонятны вне контекста, имеют в контексте нестандартное значение или требуют знания реалий. В качестве основы при работе над семантическим комментарием использовался «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» (отв. ред. Н. Ю. Шведова, М., 2007). При составлении комментария мы опирались также на книгу Ю. А. Федосюка «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века» (М., 1998) и другие источники.

Корпус размечен следующими типами информации: 1. Словоформа; 2. Начальная форма слова; 3. Название произведения; 4. Подзаголовок и посвящение; 5. Год написания произведения; 6. Периодизация (мы даем три известные нам периодизации); 7. Тип текста: прозаический или драматический; 8. Подпись; 9. Жанр текста; 10. Авторский жанр; 11. Речевой жанр; 12. Место написания; 13. Тип повествователя; 14, 15. Набор тем и Тема; 16. Семантический класс (Гео; Лицо; Има; Цвет; Звук; Произ); 17. Части речи; 18. Особые употребления; 19. Том и страница в собрании сочинений. При разметке корпуса типами информации мы предприняли попытку решить, в частности, следующие лингвистические задачи: 1. *Речевой жанр* – речевой жанр текста. Речевой жанр, по определению М. М. Бахтина, это «типичная модель построения речевого целого» [1: 151]. По-

строение (процесс создания), структура (архитектоника) жанра определяются многими факторами, но все они находятся в состоянии соподчиненности между собой и образуют определенную целостность на базе внутреннего единства всех формообразующих компонентов. Всего у Чехова можно выделить около 25 различных речевых жанров; 2. *Тип повествования* – это указание на то, от какого лица написано произведение. Обычно чеховские тексты написаны от первого или от третьего лица. Однако некоторые произведения (например, «Ярмарочное „итоги“», «Кое-что об А. С. Даргомыжском», «Письма» и другие) представляют собой набор отрывков, которые созданы от лица разных персонажей. В таких случаях мы не можем однозначно определить, от какого лица написано произведение, но можем выделить несколько комбинаций, например «первое (несколько) лицо» или «третье / первое лицо». 3. *Темы* – наименование тем произведений. Мы предприняли попытку эмпирического выделения тем с опорой на лексический состав, так как автоматического алгоритма разметки тем не существует. Система позволяет просматривать как комбинации тем (по комбинации можно отыскать соответствующее произведение), так и каждую тему отдельно (можно составить список произведений на данную тему).

Основные функции и возможности системы. Корпусная информационно-исследовательская система «Исследование Словаря, Текстовых Особенности, Конкордансов» («ИСТОК») позволяет: (а) просматривать и копировать в файл имеющиеся словари и конкордансы; (б) получать новые словари и конкордансы путем комбинирования тех типов информации, которыми размечен корпус; (в) работать с каждым произведением в полнотекстовом режиме и получать справочную информацию о нем и о его единицах. Работа в системе возможна в трех режимах: (1) «Конкорданс», (2) «Текст», (3) «Справочные материалы». Главным является режим «Конкорданс». Через него осуществляются основные виды операций с корпусом – работа со словарями, контекстами и переход в полный текст произведений. Он дает доступ к типам информации, которыми размечен корпус. Компоненты конкорданса – словарь и контексты – располагаются в разных окнах. Каждый из конкордансов группирует материал корпуса особым образом в соответствии с выбранным типом информации. Словник конкорданса может быть отсортирован тройным образом – по алфавиту, по частоте, а также с конца единиц. Контексты также могут быть отсортированы различным образом. При работе с конкретным контекстом можно вызвать вспомогательное окно, в котором показан текст произведения, либо перейти в полнотекстовый режим, нажав на закладку «Текст». Для единиц некоторых конкордансов («Слова», «Названия произведений», «Особые употребления») автоматически выдается словарная статья из справочных материалов. Помимо уже готовых конкордансов, выбираемых из меню «Тип информации», система позволяет получать новые конкордансы. Для этого используется функция «Фильтр». Установка Фильтра на одном из элементов словаря конкорданса позволяет «пересечь» информацию, содержащуюся в конкордансах разного типа. Полезной функцией системы является возможность анализа совместной встречаемости элементов. Сочетаемость удобно также исследовать с помощью функции «Сортировка контекстов». Режим «Справочные материалы» позволяет просматривать две базы данных: «Примечания и персоналии» и «Семантический комментарий». В первой собраны «Примечания к произведениям А. П. Чехова» (по Академическому изданию) и справочная информация о некоторых связанных с А. П. Чеховым и / или упоминаемых им лицах. Вторая база содержит семантические комментарии к выделенным лексическим единицам произведений.

Со Словарем можно ознакомиться на сайте лаборатории <http://www.philol.msu.ru/~lex/>. Вопросы и пожелания просим направлять на электронный адрес lex@philol.msu.ru.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы текста. Опыт философского анализа // Вопросы литературы. 1976. № 10.

Распознавание именованных сущностей как первый этап прагматического анализа текста

С. Ю. Куликов

Институт языкознания РАН, ЗАО «Ай-Тек» (Москва)
sukulikov@gmail.com

Распознавание именованных сущностей, моделирование прагматики, автоматическое извлечение мнений.

Summary. The report addresses to the problem of using Named Entity Recognition as an initial step for object-level Opinion Mining.

В XXI веке в компьютерной лингвистике наметилась тенденция к увеличению числа работ в области моделирования прагматики. К одним из наиболее актуальных направлений исследований в этой области относится автоматическое извлечение мнений. Автоматическое извлечение мнений занимается определением отношения автора текста к тому, о чем сообщается в тексте. К подзадачам автоматического извлечения мнений относятся автоматическая оценочная классификация документов, анализ мнений на уровне объектов, технология *flame detection* и ряд других. В данной работе мы будем рассматривать случай автоматического извлечения мнений на уровне объектов. Постоянный рост объема социально-значимой информации и невысокое качество существующих систем заставляют разработчиков систем автоматического извлечения мнений искать все новые подходы к выявлению оценок и мнений. Применение новых статистических методик, например классификаторов на основе метода опорных векторов или условных случайных полей наряду с созданием более полных словарей оценочной лексики ведут к незначительному росту качества систем [2]. Рассмотрим один из альтернативных способов повышения качества автоматического извлечения мнений за счет использования информации концептуального уровня.

Анализ мнений для текстов СМИ значительно отличается от традиционных в области автоматического извлечения мнений жанров, таких как блоги и пользовательские отзывы. В первую очередь, отличие заключается в количестве и качестве типов именованных сущностей. Традиционно задача распознавания именованных сущностей считается этапом семантического анализа текста [1]. Существует три основных метода выделения именованных сущностей из текста: использование списков слов и словосочетаний, использование шаблонов и регулярных выражений, методы машинного обучения с учителем. Каждый из этих методов применяется для выделения различных типов именованных сущностей, при этом ни один из указанных методов не дает 100% точности и полноты. Результаты семантического анализа текста используются при получении информации об

объектах и субъектах оценки. Непосредственное определение типа оценки происходит только за счет лексической составляющей (для статистических систем) с учетом некоторых морфо-синтаксических закономерностей (для более лингвистически ориентированных систем).

Детальный анализ ошибок показывает, что с точки зрения автоматического извлечения мнений каждая из именованных сущностей имеет единую оценку, которая не зависит от оценки каждого из компонентов, составляющих данную сущность. Так именованные сущности типов «Организация» и «Законы» включают в себя оценочные слова, например, Комитет по противодействию коррупции, Закон «О защите прав потребителей». Чаще всего оценка подобных сущностей нейтральна, и сами сущности выступают в роли объекта анализа.

Таким образом, распознавание именованных сущностей может рассматриваться как первичный этап прагматического анализа текста. На этом этапе происходит сокращение числа оценочных слов, что существенно уменьшает вероятность ошибки при переборе возможных комбинаций оценочных слов. Учитывая, что при автоматической обработке русскоязычного текста не всегда разрешаются неоднозначности на морфологическом и синтаксическом уровнях, уменьшение операций перебора ведет к существенному росту качества систем извлечения мнений.

В заключение, отметим, что привлечение всего спектра лингвистической информации, начиная с данных графематического анализа и заканчивая текстовой прагматикой, приводит к повышению точности автоматического извлечения оценочной информации. Несмотря на некоторое уменьшение скорости обработки текста при подобном подходе, рост качества выдачи, на наш взгляд, перекрывает указанный недостаток.

Литература

1. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика. М., 2007.
2. Liu B. Sentiment Analysis and Opinion Mining. Synthesis Lectures on Human Language Technologies. #16. 2012.

Лексическое разнообразие текстов как показатель объема и динамики словаря русского языка

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара (Украина)
iimdnu@gmail.com

Объем и динамика словаря, лексическое разнообразие текста, относительное количество разнокорневых слов.

Summary. The level of lexical diversity of texts correlates with general amount of lexemes in the language. The relative amount of words with different roots in the texts with limited volume indicates the main ways of the enrichment of the Russian language vocabulary: inner word-building resources or borrowings. In XVI–XVIII centuries dominates the flow of the borrowed words, in XIX–XX centuries actualizes the word-building.

Зафиксировать и с приемлемой степенью точности количественно обозначить объем, а в особенности динамику словаря русского, как, впрочем, и любого другого живого языка, весьма проблематично. И если при наличии определенных методик работы с респондентами и подключении к соответствующим лингвистическим изысканиям всех необходимых материальных ресурсов теоретически еще допустима возможность прямого подсчета общего количества слов в современном русском языке в его современном состоянии, то определить таким образом, сколько слов было в нем двести, триста лет назад или еще в более отдаленные языковые эпохи очень трудно, а зачастую вообще невозможно. Трудно связать с общим количеством слов в языке и различные способы описания статистической структуры каких-либо конкретных текстов, в том числе и по методике

Ципфа или, например, Юла, поскольку в такого рода построениях свои приоритеты, и свои специфические теоретические и практические установки.

Мы можем предложить вполне реальную и достаточно, на наш взгляд, эффективную процедуру определения объема словаря в эпохи, предшествующие последним двум столетиям, а соответственно и методику определения динамики пополнения словарного состава русского языка, если, исходя из тенденции к постоянному увеличению количества слов в языке, предположить устойчивую корреляцию между объемом словаря и лексическим разнообразием соответствующих текстов и принять следующую гипотезу: **чем больше слов в том или ином языке, тем лексически более разнообразны тексты на этом языке.** Тогда процент разных лексем в текстах на том или ином языке и будет

показателем, хотя и опосредованным, общего в этом языке количества слов. При этом подсчет разных слов в фиксированных по объему текстах соответствующих языковых эпох – процедура несложная и при необходимости может быть автоматизирована. Сформулированная гипотеза была подтверждена экспериментально.

В одном из фрагментов проведенного нами исследования русских текстов шестнадцатого-двадцатого столетий степень их лексического разнообразия определялась в 120 выборках по 1000 слов каждая и выражалась в процентах. Получилась относительно русского литературного языка такая картина: XVI век – 33,8% разных слов; XVII век – 38,1%; XVIII век – 44,8%; XIX век – 47,8%; XX век – 48,6%. Возрастание непрерывное, хотя и неравномерное, а прирост разных слов соответственно составляет: с XVI века по XVII – 12,7%; с XVII века по XVIII – 17,3%; с XVIII века по XIX – 6,7%; с XIX века по XX – 1,7%. Максимальный прирост – и это с учетом целого ряда как лингвистических, так и экстралингвистических факторов вполне естественно – в XVIII веке.

Чтобы соотнести приведенные количественные параметры обследованных текстовых выборок с объемом словаря русского языка в эпоху создания соответствующих текстов, нужно иметь более или менее адекватное представление о количестве слов в русском языке на какой-то фиксированный момент времени. Необходимую для этого информацию, если говорить о литературном языке, дадут изданные в соответствующее время словари, предпочтительно словари орфографические как наиболее полные, регулярно переиздаваемые с обязательным их пополнением, свободные от избыточной полисемии и маркирующие главным образом лексику именно письменной речи. Зная при этом, что 48,6% лексического разнообразия текстов имело место, например, тогда, когда орфографические словари фиксировали, скажем, 106 тысяч слов (13-е издание Орфографического словаря русского языка, вышедшего в 1974 году), можно в первом приближении допустить прямо пропорциональную зависимость между двумя указанными величинами. Тогда 33,8% разных слов в текстовых выборках XVI века будут соответствовать, как нетрудно подсчитать, объему словаря русского языка приблизительно в 74 тысячи лексических

единиц. И далее: 38,1% разных слов в текстах XVII века – объему словаря в 82 тысячи, 44,8% в текстах XVIII века – словарю в 97 тысяч, 47,8% в текстах XIX века – словарю в 103 тысячи слов. Все это вполне согласуется как с имеющимися на этот счет данными, так и с нашими интуитивными представлениями о динамике словаря русского языка.

Предложенные в плане точности получаемых результатов и требуют дальнейших специальных разработок, по-видимому, только следующие три аспекта предложенной методики: 1) оптимизация объема выборок и их количества для каждой языковой эпохи, 2) уточнение характера корреляции между словарным составом языка и лексическим разнообразием текстов с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, ее обуславливающих, 3) восполнение недостаточного для надежных статистических выкладок количества текстов более раннего, чем шестнадцатое столетие, времени. Необходимые элементы конкретики могут быть внесены в нашу методику после серии новых экспериментов, в том числе и на материале других развитых языков мира при наличии в них соответствующего текстового обеспечения.

Предложенную методику можно сориентировать на определение еще и степени разнообразия разнокорневых слов как показателя доминирующего в ту или иную языковую эпоху источника пополнения словаря русского языка. Так, в обследованных нами текстовых выборках количество разнокорневых слов было следующим: XVI век – 20,1%; XVII век – 23,2%; XVIII век – 28,4%; XIX век – 29,5%; XX век – 29,8%. Соответственно и прирост таких слов составил 15,4% в XVI–XVII столетиях при общем приросте в 12,7%; 22,5% в XVII–XVIII столетиях при общем приросте в 17,3%; 3,9% в XVIII–XIX столетиях при общем приросте в 6,7% и только 1% в XIX–XX столетиях при общем приросте разных слов в 1,7%. Максимум там же – восемнадцатое столетие. А на основании полученных данных вполне логично заключить, что если в XVII и XVIII веках словарный состав русского языка пополнялся главным образом притоком новых слов извне, то в последующие столетия доминируют внутренние словообразовательные ресурсы русского языка.

Близость ядерной лексики восточнославянских языков: квантитативный анализ

И. А. Меркулова

Воронежский государственный университет

igell@yandex.ru

Лексико-семантическое ядро, восточнославянские языки, параметрический анализ, коэффициент связи лексики.

Summary. The objects of the investigation are the big lexico-semantic nuclei of Eastern Slavonic languages, obtained by parametric analysis. The author reveals the sememes, common for Russian, Ukrainian and Belorussian languages, and calculates the indices of nuclear lexis correlation in pairs of Russian-Ukrainian, Russian-Belorussian and Ukrainian-Belorussian.

Близость восточнославянских языков – русского, украинского и белорусского не требует доказательств, однако количественно оценить лексические совпадения – сложная и трудоемкая задача, особенно если исследователь при этом стремится к целостному, а не фрагментарному описанию.

Методика анализа лексической системы по лексикографическим данным разработана профессором В. Т. Титовым [2], а ее апробация на материале славянских языков представлена в статье [1]. Этот подход использует понятия ядра и периферии системы языка. Описать лексико-семантическую систему – значит описать ее ядро, в котором сконцентрированы все ее основные черты.

Ядро – это совокупность слов, которые должны быть отобраны по определенным признакам или параметрам. Поскольку между языковыми единицами могут устанавливаться отношения сопоставленности (синтагматика), противопоставленности (парадигматика), выводимости (эпидигматика), и все это происходит в динамике (функциональность), то и параметры анализа лексических единиц будут следующими: а) функциональный (анализируется по длине слова); б) синтагматический (анализируется по количеству сочетаний со словом); в) эпидигматический (выявляется на основе многозначности слова); г) парадигматический (определяется длиной синонимического ряда слова). По каждому из параметров слово получает вес, выраженный в количестве от 0 до 1. Естественно, что в словаре есть слова, у кото-

рых имеется вес по всем четырем параметрам (малое лексико-семантическое ядро), трем параметрам (большое лексико-семантическое ядро), двум и одному параметру.

Список словарей-источников исследования приводится в конце тезисов.

Квантитативные характеристики полученных ядер таковы: Большое лексико-семантическое ядро русского языка составляют 229 слов. Большое лексико-семантическое ядро украинского языка составляют 302 слова, а белорусского языка – 554 слова.

Доминантой ядра считается слово, набравшее максимальный параметрический вес (по сумме всех параметров). Следующее за ним слово является вице-доминантой. Данные по первым пяти словам ядер представлены в таблице 1.

Таблица 1. «Верхушки» ядер восточнославянских языков

Ранг:	1	2	3	4	5
Язык	доми- нанта	вице- доминанта			
русский	дать	час	бить	дом	мир
украин- ский	іти	лад	вік	дати	бити
белорус- ский	біць	бок	ісці	вада	браць

Как видим, в «верхушке» лексико-семантического ядра немало общего. Лексема со значением 'бить' объединяет все восточнославянские языки, 'дать' – русский и украинский языки, 'идти' – украинский и белорусский.

Поскольку лексическая семантика более устойчива, чем лексическая форма даже в родственных языках, сравнивать близость полученных ядер можно, ориентируясь на значения (семемы). В двуязычных словарях языком дефиниций является русский, что также облегчает сравнение.

Таким образом, количество совпадений по дефинициям для всех трех языков составляет 55 изосем: *дать, бить, дом, мир, быть, идти, верх, знать, ужас, поле, бой, лечь, рвать, лезть, конец, тянуть, сойти, добро, сказать, работа, слабый, плохой, маленький, дух, род, путь, ухо, есть, лад, тень, ряд, бес, круг, сила, лицо, свет, стать, горе, беда, чудо, удар, драить, брать, иметь, взять, пить, речь, грех, гроб, горб, куча, след, друг, дыра, баба*.

Для определения степени близости лексико-семантических систем пар языков можно воспользоваться следующей формулой: $R = C / (A+B) / 2$, где R – индекс связи, C – общее количество лексем, A – количество лексем в первом ядре, B – количество лексем во втором ядре.

Результаты таковы:

$117 / (229 + 554) / 2 = 0,299$ (индекс связи пары русский – белорусский);

$72 / (229+302) / 2 = 0,271$ (индекс связи пары русский – украинский),

$120 / (302+554) / 2 = 0,280$ (индекс связи пары украинский – белорусский).

Литература

1. Кретов А. А., Меркулова И. А., Тутов В. Т. Проблемы количественной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 52–65.
2. Тутов В. Т. Общая количественная лексикология романских языков. Воронеж, 2002.

Список источников

1. Белорусско-русский словарь: ок. 90000 слов / Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.
2. Загітко А. П., Віттонів М. О., Данилюк І. Г. Великий українсько-російський і російсько-український словник. Донецьк, 2007.
3. Клышка М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / Аўт.-склад. М. К. Клышка. Мн., 2005.
4. Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: У 2 т. Мінск, 2008.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Электронная версия, используемая в компьютерной системе СтарЛинг С. А. Старостина].
7. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2001.
6. Словник синонімів української мови. К., 1999–2000.
8. Фразеологічний словник Української Мови: В двох томах / В. М. Білоноженко. К., 1993.

Непрерывная диссипативная стохастическая модель развития полисемии языковых знаков и вывод на ее основе законов полисемического и возрастного-полисемического распределений знаковых ансамблей*

В. В. Поддубный, А. А. Поликарпов

Томский государственный университет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vpoddubny@gmail.com, anatpoli@mail.ru

Вывод законов полисемического и возрастного распределений знаковых ансамблей.

Summary. On the basis of the proposed continuous dissipative stochastic model of signs' polysemy evolution a derivation of laws for polysemic and age-polysemic distributions of units in some natural language sign ensemble is undertaken.

Предлагаемая математическая модель основывается на предположении о диссипативном характере развития полисемии языкового знака [1]. Это предположение состоит в том, что каждый языковой знак в момент своего рождения обладает индивидуальным пределом G возможной многозначности, называемым ассоциативно-семантическим потенциалом (АСП), который постепенно реализуется-растрачивается в процессе развития полисемии знака. При этом скорость образования у знака новых значений (как правило, все более абстрактных, чем позже они образуются) принимается пропорциональной еще неизрасходованной части АСП, вследствие чего прирост новых значений постепенно замедляется. Одновременно, но с запаздыванием на время τ_0 , начинает протекать аналогичный и значительно более медленный процесс выпадения из употребления первоначальных значений знака (котгорые, как правило, относительно более конкретны и поэтому – относительно менее устойчивы). Актуальная полисемия знака в любой момент времени t его жизненного цикла выражается разностью $x(t) = x_1(t) - x_2(t)$ процессов прибавки новых значений $x_1(t)$ и потери знаком своих значений $x_2(t)$. Непрерывная модель предполагает, что эти процессы непрерывны и подчиняются линейным дифференциальным уравнениям вида:

$$x_1(t)/dt = (G - x_1(t))/\tau_1,$$

$$x_1(t \leq 0) = 0, dx_2(t)/dt = (G - x_2(t))/\tau_2, x_2(t - \tau_0 \leq 0) = 0,$$

где $\tau_1 = a_1/G$, $\tau_2 = a_2/G$ – обратные пропорциональные АСП постоянные времени роста и спада полисемии соответственно, причем $\tau_1 \ll \tau_2$.

Модель предполагает далее, что в знаковом ансамбле значения G и запаздывания τ_0 – независимые экспоненци-

ально распределенные случайные величины с параметрами (математическими ожиданиями) $\langle G \rangle$ и $\langle \tau_0 \rangle$ соответственно. Поток рождения знаков предполагается стационарным пуассоновским с интенсивностью $\lambda = 1/\langle \tau \rangle$, так что интервалы времени между появлениями в потоке соседних знаков предполагаются независимыми экспоненциально распределенными случайными величинами с параметром (математическим ожиданием) $\langle \tau \rangle$. Величина $\langle \tau \rangle$ принимается в модели за единицу времени. Моменты появления знаков в стационарном пуассоновском потоке имеют равномерное распределение. Таким образом, предлагаемая модель характеризуется четырьмя параметрами: $\langle G \rangle$, $\langle \tau_0 \rangle$, a_1 , a_2 .

Индивидуальная кривая развития полисемии $x(t, G, \tau_0)$ во времени t (кривая жизненного цикла знака), зависящая также от G и τ_0 , получается из решения приведенных выше дифференциальных уравнений. Условная плотность распределения полисемии x индивидуального знака в зависимости от времени (возраста знака) t , АСП G и запаздывания τ_0 представляется дельта-функцией Дирака (Dirac delta-function) $p(x|t, G, \tau_0) = \delta(x - x(t, G, \tau_0))$.

Усреднением этой δ -образной условной плотности по распределениям запаздывания τ_0 и G получаем условную плотность $p(x|t)$ распределения полисемии x ансамбля знаков одного возраста t . Последующим усреднением по равномерному распределению t получаем безусловную плотность $p(x)$ распределения полисемии знакового ансамбля безотносительно к возрасту знаков.

Сравнивая это распределение с эмпирическими распределениями полисемии знаков различных естественных языков, полученными из представительных толковых словарей

* Настоящее исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №11-07-00776-а по проекту «Комплексная тексто-аналитическая система „СтилеАнализатор-2“, основанная на Web-технологиях: разработка, наполнение данными и тестирование на прикладных задачах», и грант по проекту «Системные закономерности эволюции Языка Человека: онтологические основания, построение математической модели и ее эмпирическая проверка».

Литература

1. Poddubny V. V., Polikarpov A. A. Stochastic Dynamic Model of Evolution of Language Sign Ensembles // Methods and Applications of Quantitative Linguistics. Selected papers of the 8th International Conference on Quantitative Linguistics (QUALICO) / Ed. by Ivan Obradović, Emmerich Kelih and Reinhard Kohler. Belgrad, 2013. P. 69–83.

этих языков, можно определить параметры модели $\langle G \rangle$, $\langle \tau_0 \rangle$, a_1 , a_2 для каждого языка.

Релевантность модели проверялась на данных толковых, этимологических и исторических словарей русского и английского языков. Рассматриваются и объясняются случаи кажущегося расхождения теоретических прогнозов с эмпирическими данными.

Теоретические основы нового подхода к реконструкции смыслового контента зашумленной русской речи

Р. К. Потапова, В. В. Потапов

Московский государственный лингвистический университет,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

rkpotaпова@yandex.ru, kedr@philol.msu.ru

Акустический шум, перцептивно-слуховое восприятие, смысловое декодирование речи.

Summary. This paper presents an experimental study of auditory-perceptual recognition of Russian connected speech in acoustic noise. The aim of this project is development of methods for generating important linguistic information, which provides for a wide range of Russian speech processing functions.

Влияние акустических шумов и помех на восприятие устной речи изучалось достаточно глубоко в течение ряда десятилетий прошлого века как у нас в стране, так и за рубежом, что было связано в первую очередь с определением качественных характеристик тракта, передающего речевой сигнал.

Данное направление междисциплинарного характера развивалось прежде всего в вокодерной телефонии, основным предметом которой являлся компандированный речевой сигнал, реализуемый на конкретном естественном языке, в частности, русском.

Суть исследований заключалась в специфике действия процесса маскировки акустического сигнала, которая определяется изменением порога слышимости устной речи по сравнению с ее восприятием в условиях отсутствия шумов, помех и искажений. Если проследить динамику развития исследований в данной области применительно к русской речи, то можно прийти к выводу, что первоначально основная задача заключалась в оценке качества самих передающих речь трактов (см. работы М. А. Сапожкова, А. А. Пирогова и др.). В связи с этим развивались исследования, направленные во второй половине XX в. на решение задачи определения критериев разборчивости русской речи в условиях шума. С помощью лингвистов были разработаны специальные таблицы разборчивости русской речи (см. напр., работы В. Г. Михайлова). Намного позже появились попытки исследования на фоне шумов и помех определения самого языка, на котором реализуется речевое сообщение, и далее идентификации говорящего, передающего сообщение в затрудненных для восприятия условиях. Естественно, что две вышеназванные задачи оказались намного сложнее, чем задача разборчивости речи.

В начале XXI века все более интенсивно развиваются исследования, соотносящиеся не только с вышеупомянутыми задачами, но и с задачами возможности декодирования смыслового контента устного речевого сообщения, в частности, в условиях шума с учетом различных градаций «понятности» речевой передачи, не ограничиваясь при этом только лишь слоговой и словесной степенью разборчивости.

Задача подобного рода решалась нами на протяжении ряда лет в исследовании особенностей перцептивно-слухового восприятия и реконструкции смыслового контента в условиях белого шума звучащей русской речи, распределенной по видам речевой деятельности: чтения, монолога, диалога, полилога. Исследование проводилось поэтапно с учетом специфики решаемых задач:

- формирование специального корпуса экспериментальных текстов, предназначенных для чтения и пересказа;
- формирование корпуса тем, предлагаемых испытуемым в целях их использования в режиме диалога, полилога;
- проведение записи носителей русского языка в безэховой камере;

- монтаж полученных фонограмм с наложением белого шума по схеме «сигнал – шум» в режиме 0 дБ, 10 дБ, 20 дБ;
- проведение по специальной программе перцептивно-слухового анализа с привлечением auditors-носителей русского языка;
- создание базы данных реляционного типа с помощью Microsoft Excel.

Полученные данные распределялись с учетом не только типов градации, но и видов речевой деятельности.

При подобном подходе к решению задачи необходимо было определить не только число распознанных лексических единиц, их принадлежность к тому или иному классу речи (об этом см. наши более ранние работы с участием М. В. Хитиной), но также и поэтапность декодирования по распознанным фрагментам темы зашумленного текста.

Дальнейшая задача включала восстановление (своего рода реконструкцию) общего смыслового контента воспринятого в затрудненных условиях материала, что было связано с целым рядом сложностей когнитивно-семантического характера. Для решения этой задачи нами был разработан новый комплексный подход, позволяющий реализовать переход от результатов по разборчивости речи к восстановлению семантических лагун и связей в рамках реконструируемого по данным восприятия текста в условиях шума. Для этого был предложен метод, включающий иерархию итераций:

- учет просодических моделей синтактико-семантической сегментации русской речи;
- учет различных видов экспликации тема-рематической структуры отдельных высказываний в рамках воспринятых фрагментов;
- учет моделей ритмо-метрических решеток русской речи;
- восстановление по полученным фрагментарным единицам зашумленного текста вербальных структур с учетом предикативной и лексической валентности применительно к русской речи;
- применение метода анализа по непосредственным составляющим (НС);
- применение метода предикативных зависимостей;
- определение единиц, характеризующихся признаком контекстуальной детерминированности с учетом вероятностного прогнозирования;
- построение вероятностной модели синтактико-семантических связей реконструируемого звучащего текста;
- общее смысловое декодирование реконструируемого звучащего текста с требуемой степенью точности смысловой реконструкции.

В докладе обсуждаются результаты исследования с опорой на предложенную выше комплексную методику. Конечная цель проекта – разработка базы знаний для автоматизированной экспертной системы применительно к русской речи.

Компьютерный анализ ассоциативного цветового фона русского языка

Т. М. Рогожникова, Д. Д. Кудашов

Уфимский государственный авиационный технический университет
burzian@yandex.ru, neruman@nextmail.ru

Ассоциативная цветность, звукобуква, матрица, компьютерная программа.

Summary. The paper is devoted to the computer-based technologies in language communication: automated analysis of words and texts. The author reveals the problem on the example of “color filling” in the sound form of the language sign. Associative color of language units is viewed as one of the main components for the models of “psychological color of the language”.

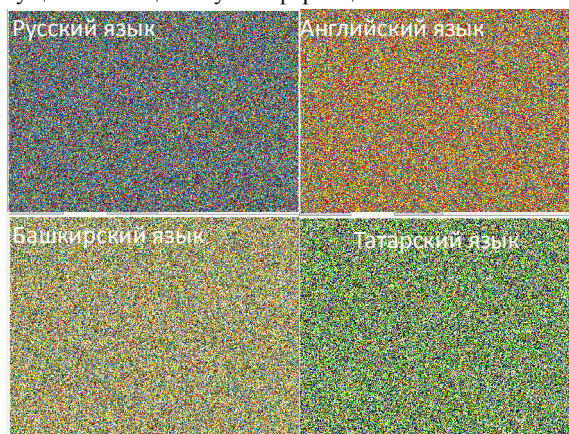
Ассоциативная цветность языковых единиц, существование которой реализуется в виртуальном пространстве внутренних форм, не располагается в «светлом пучке сознания» носителя языка. Для понимания психологического «цвета» русского языка и для сопоставительных исследований на разных языках необходимо «вывести» эту внутреннюю форму на осознаваемый уровень. Мы попытались материализовать и представить в виде цветových матриц одну из составляющих суггестивного потенциала языка – ассоциативную цветность звукобукв. Для реализации этих целей были проведены психолингвистические эксперименты на русском и других языках и созданы компьютерные программы, позволяющие проводить анализ не только любой вербальной модели, но и моделировать ассоциативный фон языка. В нашей работе использованы русский, английский, татарский, башкирский языки.

В 2011 году коллектив авторов (руководитель проекта Т. М. Рогожникова, программист С. А. Воронков, аспиранты Н. В. Ефименко, Р. В. Яковлева) разработал программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте (Свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2011618299 «БАРИН» (Автоматизированный анализ слова и текста). Основным компонентом программы стали цветные матрицы звукобукв русского и английского языков. Программа «БАРИН» написана на языке C# в интегрированной среде обработки Microsoft Visual Studio 2008. Код программы разбит на несколько модулей: модуль интерфейса, общий модуль для анализа текста, предполагающий работу с любым письменным текстом на русском или английском языках; модуль определения динамики цветового наполнения текста; модуль построения спиралевидной модели цветового образа текста; модуль художественно-компьютерной интерпретации (художественный образ) звуко-цветовых соответствий в тексте; модуль статистики. Всего программа реализует 9 функций.

В 2013 году коллективом авторов (руководитель проекта Т. М. Рогожникова, программист Д. Д. Кудашов, Г. Р. Кочетова, Н. В. Ефименко) завершена разработка компьютерной программы «БАТЫР», основным компонентом которой стали цветные матрицы звукобукв татарского и башкирского языков. В настоящее время программа проходит этап подготовки к государственной регистрации. Программа «БАТЫР» написана на языке Delphi в интегрированной среде обработки CodeGear RAD Studio 2009. Код программы разбит на несколько модулей: модуль интерфейса, общий модуль для анализа текста, предполагающий работу с любым письменным текстом на башкирском или татарском языках; процедура определения динамики цветового наполнения текста; процедура художественно-компьютерной интерпретации (динамический образ); процедура определения соотношений цветового наполнения текста и определения ведущих цветов и отображение соотношения в виде диаграммы и цветовой спирали; модуль статистики. Программа реализует 12 функций.

Одним из важных результатов проделанной работы являются модели, представленные в виде картин ассоциативной цветности, в которых в равных долях закодированы ассо-

циативные цвета всех звукобукв русского, английского, татарского и башкирского языков (см. цветные рисунки). Эти картины могут рассматриваться как ассоциативный цветовой фон языков, впитавший в себя национально-культурную специфику. Идею создания подобных моделей предложила Т. М. Рогожникова, технически ее выполнил Д. Д. Кудашов. Ассоциативный цвет каждой звукобуквы языка как кусочек информации был закодирован в виде изображения на экране, которое состоит из равного количества пикселей, несущих в себе цветовую информацию.

Мы попытались найти материальный аналог или внешнюю форму для той виртуальной внутренней формы, которая ощущается носителем языка как ассоциативная цветность языковых единиц.

Ассоциативная цветность звукобукв русского языка формирует фон, богатый синим цветом и его оттенками. Английский язык в ассоциативной цветовой гамме изобилует оранжевыми, желтыми вкраплениями, создающими яркий солнечный фон. Психологическая цветность фона, созданная звукобуквами башкирского языка, сравнима с фиолетовым цветом, а цветность фона татарского языка – с изумрудным. Эти картины могут послужить наглядным пособием для пояснения понятия эмерджентности, которая является одной из форм проявления принципа трансформации количественных изменений в качественные. Каждая звукобуква, психологически определенным образом окрашенная, присутствуя на полотне рядом с другими, структурирует пазл общего цветового фона языка. Этот фон не может быть объяснен через психологическую цветность отдельных звукобукв, поскольку все они в индивидуальном сознании носителя языка имеют свой ассоциативный цвет. В рамках данного анализа цветности мы не допускали использования приема механического перемешивания цветов, который любят художники, и не предполагали физического анализа цветового спектра (это обсуждается в других публикациях).

Полученный цветовой фон – некая неосознаваемая внутренняя форма существования языка в цвете, которая, тем не менее, может быть смоделирована с помощью эксперимента, современных компьютерных технологий и представлена в виде внешней формы.

Проблемы формализации смыслового содержания текста

В. В. Рыков

Московский физико-технический институт (государственный университет)
vlad.rykov@gmail.com

Текст, формализация, смысл, онтология.

Summary. This paper describes the main principles of ontology construction from technical text. We examine the advantages and limitations of this process. The result of the research is the program system building basic ontology from technical text in Russian.

Обычно текст строится в соответствии с замыслом его автора. Это в полной мере относится и к техническому

тексту. Также и проблема технологии формализации содержания текста наиболее актуальна не только вообще, но

в практическом смысле прежде всего для технического текста.

В данной работе рассматривается одна из таких технологий – а именно технология построения онтологии сложного технического объекта на основе семантического анализа описывающих этот объект текста или текстов. Понятие онтология в информатике предполагает формальное и явное описание всех общих концепций или терминов конкретной области знания или предметной области. В работе показано, что базовую онтологию можно построить по определенной технологии обычный специалист, выступающий в качестве инженера знаний, которому доступен текст или корпус текстов, достаточно полно отражающий релевантные свойства кодируемого объекта или, выражаясь более обобщенно – предметной области (ПО).

Действительно, сейчас во многих проектах одним из стандартов или требований стало составление и кодирование онтологий различных и прежде всего технических объектов. Это дает многие преимущества, среди которых можно назвать хотя бы два. 1. Детальное описание объекта, включая релевантные в рамках данного проекта его свойства и взаимосвязи. 2. Стандартное, международно признанное описание (онтология) позволяет от статичности перейти к динамике – автоматически при помощи когнитивного процессора выявлять из этой онтологии различные причинно-следственные связи как внутри объекта так и в его взаимодействии со средой его функционирования, зачастую недоступные непосредственному наблюдению или оценке человека. То есть онтологии дают возможность выйти на новый уровень обработки информации – на когнитивные вычисления. Тогда можно было бы даже прогнозировать многие аспекты поведения любого объекта, представленного своей онтологией, – ведь многие из этих прогнозов человек зачастую не способен реализовать или осмыслить. Однако, пока, как правило, специалисты по составлению онтологий не разбираются в предметной области, к которой принадлежит кодируемый объект. И наоборот – многие специалисты и не только специалисты, а достаточно грамотные люди, способные понять содержание технического текста, не могут кодировать онтологий, хотя это и не так сложно. Это создает объективные трудности в переходе от экономики информации к экономике знаний [2].

В данной работе предлагается способ преодоления этого противоречия, а именно – программный комплекс RX1, позволяющий составлять нужные онтологий любому технически грамотному человеку, в том числе и лингвисту, из достаточно (для него) подробного описания объекта – т. е. текста. Однако следует упомянуть прежде о некоторых теоретических основаниях предлагаемой технологии. Так, в работах А. И. Новикова разбираются проблемы адекватности преобразования текста на естественном языке (ЕЯ) в формальную структуру. В его работах говорится, что онтология смысла приобретает особую значимость в связи с теми изменениями в понимании объекта, предмета и задач лингвистики, которые уже произошли и продолжают происходить в настоящее время. Если в период, когда доминировала абсолютизация языка как самодостаточной автономной сущности, смысл часто выступал лишь как некоторое факультативное явление, находящееся на периферии интересов исследователей, то при обращении к речи, тексту, дискурсу смысл начинает фигурировать как одна из наиболее фундаментальных категорий [1]. Одной из составляющих смысла является предметная объективация человеческого опыта в виде знания о данном предмете, выраженная в тексте [1]. В работах Дж. Соуи и Н. Н. Непейводы дается подробный разбор логики преобразования текста на ЕЯ в

логическую структуру [2]. Это позволяет быть уверенным в логической адекватности данной технологии. Итак, будущая онтология сначала описывается на ограниченном естественном языке, исходя из априорных знаний о ПО или описывающего ее корпуса текстов, к которому применены некоторые ограничения – на так называемом Controlled Russian.

Есть классическая схема построения базовой онтологий. Этот процесс называется семантизацией [1]; [2]: 1. Выявление в описываемом кодируемый объект тексте (корпусе текстов) основных концептов или классов кодируемого объекта. 2. Установление между ними отношений (чаще всего часть – целое и род – вид). 3. Кодирование этой структуры в форме онтологий.

Обычно основой онтологий является иерархия концепций предметной области, а также описания важных свойств каждой концепции с помощью механизма «атрибут – значение». Сами концепции и связи между ними могут быть описаны с помощью дополнительных логических утверждений. Например, онтологические константы (такие как «Январь») сопоставляются одной или несколькими концепциям (таким как «Месяц»). Это достаточно естественно (для чего онтологий и создавались).

Однако тот факт, что используется технический текст, существенно облегчает разработку онтологий. В научно-техническом стиле распространены клише, например «в перечень можно включить», которые определяют будущие классы онтологий. Клише наподобие «перечислим функции», «выделим свойства» определяют будущие свойства объектов и данных онтологий и т. д.

Тогда, базовая онтология сложного технического, построенная на основе доступных текстов, сложного объекта (СО) должна как минимум включать в себя следующие элементы как результат проделанной семантизации: 1. Иерархию отношений род-вид, где наш объект должен, как правило, находиться посередине этой иерархии. То есть – из онтологий должно быть видно к какому более широкому классу объектов относится СО (что выше) и какие у него есть разновидности (что ниже). 2. Закодированные отношения типа часть-целое, отражающие состав СО. 3. Качественные и количественные свойства каждой составной части онтологий (класса) с желательным закодированными ограничениями на них. 4. Другие возможные типы отношений.

Таким образом, мы можем сделать выводы:

1. Построение достаточно сложного объекта – такого как онтология, кодирующая информацию общей ПО в различных конфигурациях программных систем вполне возможно реализовать через последовательность простых предложений на ограниченном родном ЕЯ, построенных в процессе семантизации из исходного корпуса текстов.

2. Качество проведенной семантизации, выражающейся в наборе простых предложений на ограниченном ЕЯ, несмотря на кажущуюся простоту, существенно зависит от полноты и других качеств используемого корпуса текстов. А также, как и в случае прямого кодирования через редактор онтологий, от квалификации инженера знаний.

3. Разработанная технология, построенная на наборе простых предложений на ограниченном и специализированном родном ЕЯ, оказалась легкой и качественной для быстрого построения базовой онтологий. Интеграция знаний на базе такой технологии также происходит быстрее и качественнее.

Литература

1. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
2. Рыков В. В. Обработка нечисловой информации. Управление знаниями. М., 2008.

Формальное представление семантики простого предложения в системе визуализации пространственных действий

М. К. Тимофеева

Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН (Новосибирск)

mtimof@inbox.ru

Глаголы движения, элементарные действия, параметры действий, русский жестовый язык.

Summary. The aim of this work consists in modeling senses of simple sentences about spatial actions. The way of representing senses should be sufficient for visualizing an action described by a simple Russian sentence. The means of formalization include predicate logic and parametric representation of actions. The main area of application is machine translation for Russian Sign Language.

Суть рассматриваемой проблемы состоит в следующем. Обычная коммуникация не требует определения всех харак-

теристик пространственных действий, описываемых высказываемыми предложениями. Как правило, достаточен при-

близительный образ действия, в котором не доопределены многие детали. Например, если сказано «Человек идет», то достаточно самым общим образом представить себе такое перемещение, воспользовавшись знанием смыслов входящих в предложение слов. Не требуется выяснять конкретные характеристики движения, в частности, точные значения параметров направления, скорости, траектории.

Ситуация меняется, если необходимо визуализировать содержание сказанного, например, создав соответствующую анимацию на экране монитора. В частности, именно это требуется сделать при переводе сказанного на жестовый язык, когда жестовая речь содержит так называемые классификаторные предикаты, по сути, представляющие визуальную модель ситуации, описанной предложением. Именно эти составляющих жестовых языков создают наиболее серьезные проблемы при разработке систем автоматического перевода [Huenerfauth, 2006].

Визуализация всегда конкретна, представленные в ней объекты должны иметь определенные размеры, располагаться в определенных местах, движение должно обладать определенными характеристиками скорости и траектории. Значения этих параметров частично задаются составляющими предложения: наименованием движущегося объекта, использованным глаголом, уточняющими словами. Однако эта информация все равно неполна, а ее состав, способ дополнения и объединения в единое представление о целостном действии эксплицитно не представлены в предложении.

Вследствие этого, в частности, смысл глагола «идти» визуально не может быть представлен универсальным образом: характеристики действия зависят от действующего объекта и уточняющих слов: идти может человек / дождь / автобус / пароход / подводная лодка, идти можно быстро / медленно / прямо / извилистым путем и т. д. При переводе на жестовый язык движение, обозначенное глаголом «идет», может быть показано в разных частях жестового пространства, может иметь разные направления и траектории: под водой, на поверхности воды, в воздухе, вертикально, горизонтально и т. д. Иначе говоря, при визуализации конкретизировано действие будет по-разному, хотя во всех случаях употреблен один и тот же глагол «идти». Еще шире спектр вариантов визуализации при использовании глаголов «двигаться», «перемещаться», «устремляться», которые могут обозначать очень разные по характеру исполнения движения.

Таким образом, задача состоит из двух частей: 1) выделить совокупность необходимых параметров описания действий, достаточных для построения анимированных изображений; 2) формализовать процесс создания представления о конкретном действии на основе информации, содержащейся в разных компонентах предложения, и ее дополнения недостающими значениями параметров.

В первой части, по сути, речь идет о создании словаря параметрических описаний глаголов, обозначающих простран-

ственные действия. Необходимые для построения такого словаря семантические элементы подобны семам, однако в данном случае – это типы элементов пространственных движений, которые можно комбинировать между собой по определенным правилам, получая представления произвольных движений.

Для английского языка подобный словарь глаголов существует и используется в системах визуализации смысла естественно-языкового текста. В отличие от обычного словаря (dictionary) его называют Actionary [Badler et al, 2000]. Для русского языка аналогов пока нет.

Предлагаемое множество параметров представления действий, описываемых глаголами русского языка, включает характеристики среды (в которой происходит движение), направления, скорости, траектории (отклонения от линии движения, вращения), средства движения.

Вторая часть – построение динамической семантики, позволяющей по заданному тексту (простому предложению) строить формальное представление описанного текстом действия.

Пусть T – предложение русского языка; R – система, строящая на основе T спецификацию конкретного визуализируемого действия; D – демонстрация этого действия, например на экране монитора. Тогда можно сказать, что T – это инструкция, согласно которой система R создаст D .

Такой взгляд на вещи позволяет трактовать все составляющие текста T как императивы. Например, слово «дерево» будет трактоваться так: создать локализованный в пространстве референции знак для названного объекта (если данный объект еще не упоминался ранее) или найти точку референции этого объекта (если он упоминался ранее).

Как уже говорилось, входной текст T на самом деле, полностью не определяет все параметры, необходимые для визуализации. Можно сказать, что этот текст задает лишь стратегию визуализации. Построенная стратегия (цепочка императивов) затем дополняется до получения представления конкретного действия, с учетом определенных регламентирующих правил. Таким образом, весь процесс визуализации смысла предложения включает три этапа: 1) представление стратегии визуализации действия; 2) дополнение стратегии до спецификации конкретного действия; 3) реализацию действия.

В качестве формального средства на первых двух этапах предлагается использовать интерпретированный язык логики предикатов первого порядка.

Сообщение о проделанной работе предполагает краткое описание основных принципов формализации, отраженных в предыдущих публикациях по данной теме, и отводит существенное место анализу опыта построения параметрических описаний глаголов и применимости языка описания стратегий визуализации.

Исследование возможностей применения системы TextAnalyst* (на примере анализа материалов социальных сетей)

М. В. Хитина

Московский государственный лингвистический университет
khitina49@mail.ru

Интернет-коммуникация, текст, извлечение семантического контента, контент-анализ, нейросетевые технологии.

Summary. The aim of the work was to extract the semantic content from various texts presented in social networks. The method of traditional qualitative and quantitative analysis was used, as well as the program TextAnalyst, and subjects' data with keywords and abstracts. The results obtained allow to determine advantages and disadvantages of the system based on the neural network technology, and to provide some recommendations for its improvement.

Предлагаемое исследование посвящено изучению возможностей системы TextAnalyst, основанной на применении нейросетевой технологии, для анализа материалов, представленных в социальных сетях. Непосредственной целью работы было определение смыслового контента материала, сравнение данных традиционного качественно-количественного контент-анализа и реферата и ключевых слов, представленного системой TextAnalyst, а также сопоставление результатов работы системы и информантов.

Анализ текстов проводился с помощью программы TextAnalyst 2.0. Программа основывается преимущественно

на количественных характеристиках слов (осуществив автоматический подсчет всех слов в тексте, она определяет наиболее частотные и делает вывод об их значимости для определения смыслового контента текста). Исходя из этого, определяется преобладающая тематика текста, которая представлена наиболее частотными словами. Можно комбинировать возможности системы для более подробного анализа текста. Просматривая семантическую сеть текста, можно анализировать связи между наиболее частотными словами и определять их вклад в развитие темы текста; получить информацию о строении текста, представленных в нем в виде

* Работа выполнена в рамках НИР «Разработка нейросетевой технологии извлечения вербального семантического контента (применительно к Интернет-коммуникации)». Науч. рук.: д-р филол. наук, проф. Р. К. Потапова. При написании были использованы материалы дипломных работ О. Антоновой, Э. Кучмы, М. Костив, выполненные под руководством автора статьи.

иерархии тем и подтем. Программа создает реферат, состоящий из наиболее информативных предложений, расположенных в порядке их появления в тексте. Вывод об их информативности делается на основе количественных характеристик входящих в него слов. Имеется возможность обращения к семантической сети текста, перехода к основному тексту и исследования контекста выбранного предложения; получение подробной информации об основных понятиях.

Эксперимент проходил в три этапа. На первом этапе была исследована статья (интервью) из социальной новостной сети Newsland (события на Ближнем Востоке, 251 слово). Контент-анализ проводился в соответствии с методикой, разработанной Р. К. Потаповой [1]. Статистическая обработка проводилась с помощью программы Textus Pro 1.0, что позволило выявить основную тематическую составляющую текста (критика сионистского режима и его создателей). Величина абсолютной частоты вербальных репрезентантов К-переменной равна 67. Общее количество слов, входящих в семантическое поле (арабо-израильский конфликт) составляет 38,8%; число слов первого шага семантизации 4,6%; второго – 11,6%. Репрезентанты К-переменной разделяются на две группы (непосредственно входящие в семантическое поле и связанные с ним контекстуально). На первом месте по частоте находятся репрезентанты К-переменной с нейтральной коннотацией (22,6%), затем с отрицательной – 12,2% и с положительной – 4%. Ценностную ориентацию автора можно определить как негативную по отношению к Израилу и его совместной деятельности с США.

Анализ смыслового контента текста с помощью программы TextAnalyst показывает, что программа в основном выделила ключевые слова, но не смогла качественно составить реферат (первое предложение не имеет смысла), хотя реферат дает возможность определить примерное содержание текста. Традиционный вариант контент-анализа, как и следовало ожидать, дал гораздо больше информации.

Этап 2. В качестве материала были использованы тексты пользователей социальной сети «Одноклассники» по темам религии и терроризма. Анализировались тексты объемом от 131 до 867 слов, относящиеся к пяти различным темам. Эксперимент предполагал сравнение результатов работы системы (реферат, ключевые слова) и информантов (студентов), прошедших предварительное анкетирование (n = 3). Анализ полученных данных показывает, что программа не всегда могла составить реферат. Из трех видов материала (новостных, религиозных текстов, комментариев) система удовлетворительно работает только с материалом новостей.

Реферат и ключевые слова мало отличаются от предложенных информантами. То же можно сказать и о религиозных текстах, однако есть отличия. Программа выделяла в качестве ключевых слов религиозные термины, а информанты дополнительно выделяли слова, имеющие отношение к религии. В рефератах, сделанных системой, отмечаются незначительные недочеты. Анализ комментариев показывает, что программа плохо работает с данным видом текстов (рефераты во многих случаях отсутствуют, ключевые слова также не всегда информативны). Информанты в качестве ключевых выделяли значительное количество эмоционально окрашенных слов, ими были подготовлены разные варианты рефератов. Можно отметить, что программа явно не справляется с комментариями пользователей, а также с политематическими текстами, что успешно делают информанты.

Этап 3. В качестве материала использовались тексты социальной сети «ВКонтакте.ру», выбранные из групп, где обсуждались борьба с терроризмом, религия, экстремизм, преступность. Анализировались тексты объемом от 115 до 329 слов, относящиеся к 3 различным темам. Анализ проводился по той же методике. В качестве информантов выступали студенты (n = 8). Сравнение работы системы и информантов показывает, что программа не всегда могла справиться с составлением реферата и выделением ключевых слов. Так, информанты выделяли большее количество слов, соответствующих тематике текстов. С рефератами программа не справилась (из 7 исследованных текстов рефераты были подготовлены только для двух); программа не смогла проанализировать тексты, содержащие экспрессивную лексику и сленг.

Проведенное исследование показывает, что система TextAnalyst более эффективно работает с новостными текстами. При исследовании комментариев (социальные сети «Одноклассники» и «ВКонтакте») у системы возникали сложности.

Можно предполагать, что системе сложно работать со специфическим материалом, представленном в социальных сетях (личными сообщениями), где могут быть представлены политематические тексты, использоваться разностилевые средства (в том числе ненормативная лексика), оценочные разговорные элементы. Для работы с подобными материалами необходима корректировка системы, ее совершенствование, серьезное расширение возможностей.

Литература

1. Потапова Р. К., Потапов В. В. *Язык, речь, личность*. М., 2006.

Построение онтологий технических объектов из их описания на естественном языке

М. А. Хламов

Московский физико-технический институт (государственный университет)

mkhlamov@gmail.com

Онтология, формализация, текст, усеченный русский язык.

Summary. This paper describes ways of ontology construction from texts in natural languages. We find some shortcomings and suggest ways to eliminate them. Natural language with some limitations becomes the basis of the automatic ontology building system.

Онтология – это концептуальное моделирование предметной области. Сегодня как никогда актуальной является задача построения онтологий различных предметных областей (ПО), например сложных технических объектов.

При этом основная проблема проектирования онтологий состоит в том, что для этого нужно как минимум два человека – специалист в данной области и инженер знаний (как в ЭС). Иногда эти два специалиста могут выступать в одном лице – если этот специалист владеет когнитивными знаниями и технологиями. Однако чаще происходит наоборот – специалист по тем или иным причинам не участвует в этом процессе и вникать зачастую в незнакомую ему область приходится инженеру знаний. Поэтому актуальной является технология построения онтологии, основанной на доступной информации, представленной в виде текстов, разного типа словарей и других материалов.

Таким образом, существует потребность в создании удобных систем автоматического построения онтологий из текстов на естественном языке. Возможность построения

онтологий из текстов на «чистом» естественном языке полностью решила бы проблему построения онтологий. Однако такой подход имеет некоторые критические для автоматической обработки текста недостатки.

1. Наличие у слова нескольких значений. Самая сложная неопределенность, возникающая в естественных языках, заключается в правильном выборе смысла слова в каком-либо определенном контексте.
2. Присоединение предложных групп. В русском языке предложные группы можно добавлять к существительным, глаголам, прилагательным или наречиям.
3. Ссылочные именные группы. В естественных языках объект ссылки местоимения или другой именной группы может потребовать неявных фоновых знаний.
4. Модификаторы существительных. В отличие от прилагательных, таких как желтый, отражающих атрибут, слово жесткий, как в жесткий диск, приводит к значительному изменению значения существительного.

5. Глубоко вложенные предложения. В формальных нотациях вводные слова или правила предшествования определяют группировку предложений, но группировка в русском языке часто зависит от контекста.

6. Некоторые сложнейшие проблемы, продолжающие исследоваться лингвистами, включают именные группы во множественном числе, времена глаголов, модальность, а также неокончателное число контекстно-зависимых вопросов.

На данный момент возможным представляется использование так называемого «усеченного» языка.

Такой подход имеет под собой теоретическую основу. В работах А. И. Новикова разбираются проблемы адекватности преобразования текста на естественном языке в формальную структуру. В работах Дж. Совы и Н. Н. Непейводы дается подробный разбор логики преобразования текста на ЕЯ в логическую структуру. Пример редактора онтологий FluentEditor показывает применимость такого подхода на практике для английского языка. В данной работе делается попытка построить автоматический редактор онтологий для русского языка на основе усеченного русского языка (УРЯ). Предложения усеченного русского языка похожи на подмножество предложений обычного русского языка, однако в отличие от русского языка, чьи основы требуют разрешения многих неопределенностей, усеченный русский язык имеет синтаксис, позволяющий решить любую неопределенность в момент разбора предложения. Усеченный русский язык также позволяет решить другие вышеупомянутые проблемы путем наложения некоторых ограничений на синтаксис, не усложняющих, однако, восприятие текста на таком языке. Любой, кто способен читать по-русски, может читать на УРЯ без дополнительных тренировок. Однако, чтобы писать на УРЯ, необходима практика, чтобы учитывать синтаксические и семантические ограничения. Важнейшее ограничение УРЯ заключается в том, что значение каждого предложения на УРЯ определяется его переводом в логику первого порядка; не поддерживается никакая гибкость обычного русского языка и никакая его образность. Эти

ограничения знакомы каждому, кто использовал языки запросов БД, разрабатывал ПО или формальные спецификации, такие как SQL, UML, OWL и др. УРЯ может быть использован как удобочитаемый язык документации, который можно перевести в исполнимый язык. Основное синтаксическое ограничение – использование глаголов настоящего времени и существительных единственного числа, переменных вместо местоимений и небольшого подмножества синтаксических возможностей русского языка. Несмотря на эти ограничения, УРЯ похож на тот русский язык, который используется в программных спецификациях, математических книгах и определениях и аксиомах формальной онтологии. Все эти факторы делают логичным выбор УРЯ в качестве основного языка для автоматического построения онтологий.

Онтологии, в зависимости от цели создания, могут быть чисто абстрактными либо прикладными. Чаще всего абстрактные онтологии – это онтологии верхнего уровня, такие как Сус, *DOLCE*, SUMO, онтология Джона Совы (J. Sowa) и другие. Они содержат наиболее общие понятия: сущность, явление, процесс, объект, роль, пространство, время, материя, событие, действие и т. п. На практике же онтология вместе с набором индивидуальных экземпляров классов образует базу знаний. В действительности, трудно определить, где кончается онтология и где начинается база знаний.

В данный момент разрабатывается система автоматической обработки важных для построения онтологии свойств – отношений «род – вид», «часть – целое», создание экземпляров классов, задания пользовательских свойств и отношений и их применение к классам и экземплярам онтологии, задание ограничений на свойства и отношения. Получающаяся онтология сохраняется в формате xml, который понимают все распространенные редакторы онтологий, например Protégé.

Литература

1. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
2. Рыков В. В. Обработка нечисловой информации. Управление знаниями. М., 2008.

Система русского синтеза RussLan при словарном поиске по японско-русским словарям в русско-японском режиме

З. М. Шаляпина, М. И. Канович

Институт востоковедения РАН (Москва)

zmshal@yandex.ru

Русский синтез, электронные словари, словарный поиск, вариантность.

Summary. The alterations in the RussLan system of Russian generation are described, adapting it for dictionary search in Japanese-Russian electronic dictionaries in the Russian-Japanese mode. The system is used in this mode to dynamically generate paradigms of Russian lexemes requested by the user, thus ensuring dictionary search for all their forms. For this task, some aspects of text generation prove to be unnecessary or even undesirable, while other problems, e. g. lexico-morphological variation, acquire importance.

Система русского синтеза RussLan (= **Russian Language generation**) разрабатываемая в Институте востоковедения РАН, изначально ориентирована на так наз. **текстовый (Т-) синтез** – формирование текстов или фрагментов текстов по их формализованному входному представлению. Это требуется в тех коммуникативных ситуациях, когда выходным результатом должен быть связный текст, как, например, при переводе. Система RussLan обеспечивает Т-синтез прежде всего для целей японско-русского автоматического перевода [3].

Однако задача автоматического перевода не является изолированной, но должна увязываться и с теми аспектами автоматизированной обработки текстов, которые предполагают участие человека. Поэтому в настоящее время в ИВ РАН создается более разносторонний программно-лингвистический комплекс РАМЕЯ/и – «Рабочее МЕсто специалиста по Языкам с Иероглифической письменностью» (рук. А. В. Костыркин).

Будучи ориентирован в первую очередь на японистов, комплекс РАМЕЯ/и, помимо прочих функций, обеспечивает пользователю словарный поиск в электронных японско-русских словарях, в том числе поиск в них в русско-японском режиме – извлечение из словаря по заданной русской лексеме сведений о ее вхождении в переводные эквиваленты представленных в нем японских единиц, в перево-

ды, предлагаемые для примеров их употребления, и в другой иллюстративный материал.

В целом данная функция реализуется стандартным образом. При подключении к комплексу некоторого японско-русского словаря для него строится индекс, включающий те единицы этого словаря, для которых в дальнейшем может потребоваться словарный поиск, и при элементах индекса даются отсылки к содержащим их словарным статьям или к отдельным зонам этих статей. При выполнении поиска запрашиваемые пользователем единицы ищутся в индексе, и на экран выводятся словарные данные, к которым отсылают найденные по этим поисковым единицам элементы индекса.

Вопрос, однако, в том, какие единицы включать в индекс и какие единицы рассматривать в качестве поисковых. Вначале в качестве и тех и других для русско-японского режима поиска принимались русские лексемы в их словарной форме. Однако при этом все встречающиеся в словаре несловарные русские формы приходилось в ходе его предварительной индексации снабжать отсылками к соответствующим лексемам, что требовало существенной ручной работы со всеми ее недостатками. Поэтому сейчас принят другой подход: в индекс помещаются сами встречающиеся в словаре русские словоформы (выделяемые автоматически по пробелам и другим графическим разделителям). Пользователь, как и прежде, задает интересующую его лексему в словар-

ной форме. Но сам процесс поиска предваряется динамическим выполнением **парадигматического (П-) синтеза**, обеспечивающего построение для заданной лексемы всех графически различных синтетических словоформ, входящих в ее парадигму. Все полученные словоформы и выступают затем в качестве поисковых единиц.

Система RussLan участвует в этом процессе на этапе П-синтеза, используя в основном те же механизмы и лингвистические данные, которые разрабатывались для задач Т-синтеза. Однако при адаптации этих механизмов и данных к задаче П-синтеза для них потребовались некоторые нетривиальные модификации, так как выяснилось, что отдельные важные аспекты Т-синтеза не нужны и даже нежелательны при П-синтезе и наоборот, П-синтез требует учета определенных явлений, нерелевантных для Т-синтеза.

Нежелателен, например, учет умолчаний, связанных с линейным контекстом, так как он ограничивал бы набор формируемых словоформ. Не нужно строить аналитические формы слов и морфолого-синтаксические перифразы, обусловленные дефектностью парадигмы и другими лексико-морфологическими факторами, – например, сочетания типа *смогу убедить* вместо **убежу*; *городов типа Москвы* вместо **Москв*; *виды молока* вместо **молоки* и т. п. В качестве поисковых единиц такие многокомпонентные словосочетания только усложнят и замедлят выполняемый словарный поиск, а содержащие их фрагменты словаря будут в любом случае обнаружены по входящим в те же сочетания синтетическим формам исходных лексем. Однако нельзя и просто отключить все перифрастические механизмы. Во-первых, остается задача не допускать построения ложных форм типа **убежу* и пр. Во-вторых, те же механизмы нужны, например, при формировании словоформ для единиц типа *кто-нибудь* или *кресло-кровать*, где формы первого или обоих компонентов строятся как для самостоятельных лексем. Поэтому для П-синтеза были введены свои правила использования таких механизмов.

Среди явлений, которые, напротив, существенны именно для П-синтеза, выделяется морфологическое варьирование, связанное с колебаниями языковой нормы. При Т-синтезе его можно игнорировать, строя только наиболее нормативные формы – например, сравнительную степень на *-ее* (*сильнее*, а не *сильней*), творительный падеж единственного числа на *-ой* / *-ей* (*своей рукой*, а не *своею рукою*), деепричастия на *-ев* (*заперев*, а не *заперши* или *заперевши*). Но при П-синтезе нужен учет всех, в том числе устаревших или устаревающих вариантов, так как заранее неизвестно, какие из них могут фигурировать в языковом материале, привлеченном составителями тех или иных словарей (часто используемыми в этих целях классические произведения). Поэтому в словари и грамматику системы RussLan для ее работы в режиме П-синтеза были добавлены средства построения системных вариантов тех форм, для которых такие варианты существуют, разработаны возможности учета не-системной (лексически обусловленной) вариантности, а также добавлена требуемая лингвистическая информация. В том числе учтена лексическая вариантность, позволяющая по запросам, скажем, *стелить*, *строгать*, *туннель* выдавать пользователю среди прочих сведений примеры употребления в словарных текстах единиц, *геср.*, *стлать*, *строгать*, *тоннель* и т. п., о которых сам он может просто не вспомнить.

Литература

1. Демич К. И., Костыркин А. В., Шаляпина З. М. РАМЕЯ/и – автоматизированное рабочее место лингвиста для иероглифических языков // Московский лингвистический журнал. Том 12 / Вестник РГГУ. № 9 (52)/10. М., 2010. С. 117–148.
2. Канович М. И., Шаляпина З. М. Система русского синтеза RussLan в двух разных коммуникативных задачах // Понимание в коммуникации: человек в информационном пространстве. Т. 1. Ярославль, 2012. С. 244–261.
3. Шаляпина З. М. и др. Экспериментальный комплекс ЯРАП для исследований по японско-русскому автоматическому переводу: 2008 г. // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып. 17. М., 2010. С. 359–397.

Секция Онтолингвистика и освоение языка как творчество

Грамматика письменной речи: конфликт предписания и узуса*

Я. Э. Ахапкина

Высшая школа экономики (Москва)

yana.akhapkina@gmail.com

Грамматика, освоение языка, речевой сбой, норма, правило.

Summary. Written student works reflect timely tendencies in contemporary Russian both on the levels of grammar and vocabulary. The tendencies include redundancy (e. g. tautology, lexical pleonasm, syntactic repetitions of different types) and insufficiency (unintentional ellipsis, aposiopesis leading to misunderstanding, logical and grammatical gaps). Deleting an obligatory dependent component of a verb or a verbal name, unmotivated deleting of subject or predicate and their actants, lack of important speech act parts are among typical features of these texts. A variety of such speech errors, mistakes and faults has become frequent and is not already perceived by writing people as something that breaks the norm: on the contrary, it claims to become a new tendency in contemporary written speech.

Освоение родного языка проходит ряд важных, качественно различных этапов, и в онтолингвистике разработаны разной степени детальности периодизации становления системной языковой, речевой, коммуникативной компетенций ребенка, см., например, [8]; [9]; [10]; [11: 77–394]; [2]; [1]; [4], [3], [5]. Овладение письменной речью – существенный шаг взросления языковой личности, см. об этом, в частности, в работах [6]; [7: 489–515], а также в трудах А. Н. Корнева [http://www.clinpsy.ru/kornev.php, обращение 30.10.13], М. Н. Вороновой [http://www.inclusive-edu.ru/sotr_lito/1/346/, обращение 30.10.13], в сборниках материалов ежегодной конференции по онтолингвистике, организуемой Институтом детства РГПУ им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге [http://ontolingva.ru/, обращение 30.10.13]. Обучение письму и спонтанное формирование письменной речи начинаются в дошкольном детстве и продолжают в ходе получения систематического образования: в школе, в вузе, в послеузовском опыте. Расширение жанрового и тематического репертуара пишущего заставляет его наращивать и совершенствовать ранее не сформированные речевые навыки. Однако глубина языковой рефлексии при этом существенно варьирует у разных пишущих. Понимание нормы, ошибки, речевого сбоя пишущим и читающим также могут существенно различаться.

Носитель русского языка, осваивающий в студенчестве новые речевые регистры, обучается основам критического чтения и академического письма: создает тексты учебных эссе, курсовых проектов, выступлений на семинарах по правилам, которые предъявляет к учебно-научному тексту экспертное сообщество. Овладение жанрами и нормами научной речи становится длительным и часто болезненным процессом, поскольку школьный навык предполагает опыт письма в публицистическом и даже художественном, но не в научном стиле. Рефераты-компиляции, принятые в изучении истории, биологии, географии, химии, физики, не являются оригинальными самостоятельными текстами, созданными непосредственно пишущим, и картины не меняют.

Письменные тексты студентов отражают актуальные тенденции развития современной русской речи и на уровне лексики, и на уровне грамматики. К таким тенденциям относятся проявления речевой избыточности (тавтологии, лексические плеоназмы, разнотипные синтаксические повторы) и недостаточности (ненамеренный эллипсис, умолчание, приводящее к конфликту понимания, логические и грамматические лакуны). Типично опущение необходимого зависимого компонента при глаголе или отглагольном имени, немотивированная неполнота основы, отсутствие значимых для смысла высказывания компонентов.

Подобные ущербные, с точки зрения предписательной нормы, речевые построения типичны для интернет-дискурса, личной переписки, современной любительской и полупрофессиональной публицистики, но встречаются они и в текстах диссертаций и авторефератов диссертаций, представленных на соискание ученых степеней.

Для описания частотных синтаксических построений, идущих вразрез с предскриптивной нормой и постепенно

вытесняющих воспоминание о ней из узуса, применяют, в частности, понятия «прогрессивной нормы» и «точек роста», ср. суждения Е. В. Рахилиной [http://rakhilina.ru/files/Rakhilina_Lingconst_1.pdf, обращение 30.10.13].

Существенную роль при овладении письмом играет не столько инструкция, функционирующая в рамках культуры канона, сколько характер инпута – речевого образца, на который ориентируется пишущий. Графический облик слова, фразы, абзаца формируется в ментальном лексиконе и грамматиконе задолго до столкновения с вербальными рекомендациями. Правила выводятся на основе анализа поступившей на вход речевой продукции, причем анализ осуществляется пишущим самостоятельно, а внешняя вербализация правил только косвенно закрепляет интуицию или, наоборот, противоречит ей. В этом проявляется креативная составляющая процесса освоения языка в дошкольном, школьном и раннем вузовском периодах становления индивидуальной системы родного языка в сознании носителя.

Корпус академического письма предоставляет возможность анализировать письменные тексты учебных жанров студентов младших курсов: [http://web-corpora.net/RussianAcademCorpus/search/?interface_language=ru]. Ресурс позволяет рассматривать тексты с позиций современной эрратологии – науки об ошибках.

Вопреки кодификации, узус фиксирует, в частности, следующие распространенные модели синтаксических построений.

Немотивированная инверсия: *Мне кажется, что в данном тексте сложно найти какие-либо недостатки без специальной подготовки, конечно.*

Опущение второй основы: (1) *Нет, мы не всегда применяем эти правила, например, если мы пишем текст для себя и не планируем его публиковать.*

Нарушение грамматической сочетаемости: (2) *Однако я все же считаю, что текст нуждается в редакторской правке, так как здесь нарушена композиционная связь (отсутствуют логические переходы между немного различной проблематикой абзацев).*

Опущение значимой валентности предиката: (3) *Абзац наделен информацией и присутствует множество научных слов, которые мы не используем в повседневной речи.*

Как отмечает Е. В. Рахилина, грамматическая зона языка подвержена индивидуальному варьированию, располагает к отклонениям от зафиксированной в кодификационной практике нормы, возникновению идиоматичных построений и непредсказуемых нарушений привычных установок не в меньшей мере, чем лексическая. Описание ненормативных построений позволяет вскрыть системные возможности языка, не нашедшие регулярной реализации в предскриптивном поле.

Литература

1. Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М., 2011.
2. Гагарина Н. В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб., 2008.
3. Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейкиса (личные местоимения и термины родства). СПб., 2003.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013–2014 году.

4. Елисеева М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб., 2008.
5. Казаковская В. В. Вопросы-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок» / Отв. ред. А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова. СПб., 2006.
6. Князев Ю. П. Спонтанная орфография дошкольника как фонетическая транскрипция / Проблемы детской речи 1997. Материалы межвузовской конференции. СПб., 1997. С. 23–25.
7. Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013.
8. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.
9. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
10. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
11. Цейтлин С. Н. Лингвистические этюды. СПб., 2013.

Интеракционный ансамбль и интеракционное пространство в раннем онтогенезе

Е. В. Басс, А. А. Петрова

Волгоградский государственный университет
petroval6@mail.ru, bass_e@mail.ru

Мультимодальная концепция интеракции, интеракционное пространство, интеракционный ансамбль, телесно-пространственно-речевые конstellляции.

Summary. Concepts of interactional space and interactional ensemble are relevant to understanding of communication substructures and formed in an initial stage of dialogic interaction by a child with an adult in a protointeraction.

Мультимодальная концепция прошла несколько этапов, среди которых важными отправными точками служили два подхода: контекстуальный анализ и конверсационный анализ коммуникации, в которых вербальный примат любой интеракции смещался в пользу комплексности участия многих ресурсов таким образом, что сама теоретическая концепция интеракции выдвинула постулат о симультанности и сукцессивности как центральных генеративных механизмах при развитии интерактивных структур, вводя понятие модальности коммуникации. Следует отметить, что в настоящий момент актуальное развитие аналитических исследований коммуникации определяется неким континуумом существующих подходов, несколько отличающихся от теоретико-методологической значимости вербальности в любом акте общения.

Концепты интеракционного пространства и интеракционного ансамбля (по данному вопросу см. R. Schmitt) являются ключевыми при теоретическом осмыслении личностно-пространственных конstellляций как субструктур при дифференциации представлений о данных понятиях, и связаны, прежде всего, с изучением ситуаций, в которых скрыты интеракционно-пространственные импликации. В рамках данных концептов выделяются ситуации, в которых участники события могут быть интегрированы в интеракционное пространство, но не являться членами интеракционного ансамбля, при этом необходимо подчеркнуть, что интеракционный ансамбль образует группа, связанная совместным проектом и представляющая собой тематико-прагматическую и хроно-стабильную конstellляцию, в которой, однако, не все члены равное время образуют состав такого ансамбля.

Концепт интеракционного ансамбля позволяет по-новому посмотреть и на категорию «пространства» с точки зрения социальных импликаций, позиций и форм мультимодальной координации в триаде «пространство – пространство интеракции – участники в пространстве интеракции» и рассматривать происходящее в контексте моно-, би- и мультифокусной ориентации личности в пространстве. Становится все более очевидным, что организация совместного интерактивного пространства представляет собой важную предпосылку не только для включения вербальной активности в общую составляющую процесса общения, но и для выбора возможностей и структуры вербального обмена информацией. Сознвая очевидность воздействия типа и вида пространства на организацию общения, в концепции мультимодальной комплексности любой интеракции выдвигается тезис о необходимости изучения использования коммуникантами пространства как ресурсного единого целого, иначе, ресурса для организации интерактивной деятельности, однако следует помнить и о том, что любой вид пространства оказывает влияние на тип общения. Можно предположить, хотя данный тезис может и показаться спорным, что в триаде «пространство – пространство интеракции – участники в пространстве интеракции» все комплексно перепле-

тено и воздействует друг на друга прогрессивным и регрессивным способами.

Интеракционное пространство и интеракционный ансамбль как составляющие любой коммуникации формируются в начальном периоде диалогического взаимодействия ребенка со взрослым и, видимо, проходят определенные стадии развития, облекаясь в форму социальных трансакций.

Интеракционный ансамбль (далее ИА) и интеракционное пространство (далее ИП) как концепты тесным образом связаны друг с другом, но, все же, фокусируют различные аспекты интеракции. Так, каждый ИА автоматически образует телесно-пространственную конstellляцию в смысле ИП, но не каждая пространственно-территориальная конstellляция в смысле ИП представляет собой автоматически ИА. С одной стороны, часто происходит то, что не все участники ансамбля физически перманентно присутствуют длительное время в совместном АП. Член ИА может кратковременно, находясь в пределах ИП, терять статус участника ИА, однако в любой необходимый для него момент реинтегрироваться в структуру ИА. Можно также предположить, что ИА выступает основной микроединицей коммуникации и включает в себя интеракционные диады, триады и более крупные макрообразования.

На стадии раннего онтогенеза в диалогическом взаимодействии в паре «взрослый – ребенок» ИА как микроединица протокоммуникации формирует телесно-пространственно-речевую конstellляцию, поскольку задача взрослого – обучение ребенка элементам общения с имплицитно заложенными тенденциями обучения языку и культурно обусловленной паравербальной интеракции.

В нашем материале (видеозаписи общения немецкоговорящего ребенка в возрасте 3.5 и взрослого, который не является родителем) выделяются стадии формирования ИА: 1. (цифры здесь и далее маркируют фрагменты видеозаписи) подготовка и выбор места общения; 2, 3, 4, 5, 6 интеракционная диада с включением речевого, жестового и телесного модулей коммуникации; интеракционная триада, включающая пару «взрослый-ребенок» и третьего участника коммуникации, факультативно принимающего в ней участие – лицо, осуществляющее видеосъемку. В данных интеракционных микроструктурах выделяются моно- и мультифокусные профили участия; так, третье лицо, стоящее за камерой мультифокусно ориентировано, что выражается в частичном участии в интеракции и обращенностью одновременно ко всему ИП в целом; ребенок также презентует мультифокусную ориентацию, поскольку часто отвлекается от общения, демонстрирует игровое участие и положительные установки на диалог и часто сориентирован на третье лицо интеракции; взрослый – участник диалога, напротив, монофокусно направлен, поскольку его задача – привлечь внимание ребенка и удержать его в коммуникации.

Следует отметить, что на ранних стадиях онтогенеза речевой модуль перманентно организует интеракцию. Речь ребенка и взрослого в данном материале исключительно интересно оформлена просодически и вербально и придает ИА необходимую коммуникативную линию развития.

На наш взгляд, концепты ИА и ИП как составляющие протоинтеракцию, требуют более детального изучения и

способны внести новый импульс в исследование коммуникативного развития в периоде становления речевых реакций ребенка на стадии раннего онтогенеза.

Литература

1. Schmitt R. Körperlich-räumliche Aspekte der Interaktion: Monografie. Studien zur deutschen Sprache. Forschungen des Instituts für deutsche Sprache. Band 64. Tübingen, 2013.

Семантические функции именительного падежа в речи ребенка раннего возраста

Е. В. Галкина

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Dinomama@yandex.ru

Именительный падеж, семантические функции падежей, речевой онтогенез.

Summary. This case study research is about the acquisition of semantic function of nominative case constructions in the speech of a Russian child in a period from 12 to 30 months. Several functions of nominative in the speech of children under 3 years that have not been previously described are found. The emergence of nominative semantic function of particular substantive is determined by its significance to the child and its realization in the input. The nominative and object functions are considered as central semantic functions for the nominative case.

Проблема освоения категории падежа является одной из важнейших в онтолингвистике. Семантическая роль падежных форм существительного в речи русскоязычного ребенка обсуждается в различной научной литературе ([4]; [1]; [2] и др.), при этом, предпочтение отдается, как правило, формам косвенных падежей, функции именительного падежа, практически не рассматриваются.

Целью нашей работы является исследование семантических функций именительного падежа (И. п.) существительных в речи ребенка раннего возраста.

Материал: дневниковые записи речи одного русскоязычного ребенка, мальчика, 2000 г. р., (период от 12 до 30 мес.). Ребенок воспитывался в полной семье, не имел братьев и сестер. Всего проанализировано 710 высказываний (случаи соответствия формы и контекста, исключая цитирование и прямую имитацию речи взрослого). Рассматривается использование ребенком форм И. п. в различных функциях у отдельных лексем. Случаи замены других падежей именительным не входят в область задач настоящего исследования. И. п. рассценивается как элемент парадигмы, согласно [2]; [5], со времени появления в речи первых грамматических оппозиций. Классификация падежных функций приводится в соответствии со словарем Г. А. Золотовой [3]. По данным исследования [4], И. п. используется детьми до 3 лет в следующих функциях.

Номинативная (с 1.08): указание на конкретные предметы, используются указательные слова – это, там, тут: «Это травка» (Лиза 2.1.27); «Там козы-дерезы» (Лиза 2.2.26).

Вокативная (с 1.08): призыв к действию: «Папа, иди» (Женя 1.8.24); просьбы о помощи: «Баба, ручки мои грязные» (Витя 1.11.27); запрос информации: «Мама, купила

галоши?» (Женя 1.11.18); элементы вежливого общения: «Пока, Тата! Ляля, пака!» (Аня 1.8.16). **Субъектная (рассматривается в качестве центральной):** 1) субъект акционального признака (с 1.8–1.11): «Лизочка копает» (Лиза 1.10.6); 2) субъект статуального признака (с 1.9–2.00): «Папа сидит» (Женя 1.9.25).

В речи нашего информанта наблюдалась следующая картина: И. п. как таковой выделяется с появлением первых морфологических контрастов – противопоставления форм И. п. и В. п. (1.7.16–1.8.10): 1.06.01 «Сися дать» – 1.07.16 «Сисю дать» 1.08.03 «Мама, сисю!» 1.07.06 «Мандаринааа» – 1.08.10 «Мандаринуу!»). Появление первых минипарадигм отмечается в период 1.10.29–1.11.10: тетя: И. п.–Р. п.–В. кроватка: И. п.–В. п.–П. п., собака: И. п.–Д. п.–В. п., Дениска: И. п.–Д. п.–В. п. ит. п.

В возрасте до 30 мес. И. п. употреблялся ребенком во всех указанных функциях. Кроме того, формы И. п. использовались в ряде функций, не отмеченных в качестве рано появляющихся (New). Появление семантических функций И. п. в речи происходило поэтапно: **1 этап** (1.7–1.8). Номинатив: указание на предмет 1.07.14 «огонь» (11% высказываний). Вокатив «призыв к действию»: 1.08.03 «Мама, сисю!» (6%). Вокатив «запрос информации»: 1.08.03 «Мама... (где Макс?)» (4%).

2 этап. (А) (1.9–1.9.10).
– вокатив в функции «элементы вежливого общения» 1.08.24 «Спасибо, собака!» (2%);
– (New) субъект качественного признака 1.08.27 «холодная вода» (7%);
– (New) вокатив: «привлечение внимания» 1.09.02 «папа, иди сюда, смотри!» (4%);

- вокатив «просьба о помощи» 1.09.03 «мама, пошли (помоги мне) включить свет» (4%);
- субъект акционального признака 1.09.08 «мама подметает» (13%).

2 этап (Б) (1.9.19–1.10).

- (New) номинатив «при перечислении» 1.09.19 «И дядя, и тётя, и собака» (5%);
- (New) субъект: квалификативного и оценочного признака 1.09.19 «Дениска – мальчик, папа – мальчик» (5%);
- (New) предикат в моделях, характеризующих среду 1.09.24 «там ветер дует», 2.03.03 «там кошмар на улице.. дождик большой» (2%);
- (New) предикат посессивного объекта или признака «у + род. падеж» 1.09.24 «у мамы глазки», 2.04.28 «у собаки когти, много» (7%);
- номинатив в качестве предиката идентифицирующей модели 1.09.24 «это Дениска» (12%);
- субъект статуального признака» 1.09.25 «зайка сидит».

3 этап (1.11.28). (New). Объект – каузатор эмоционально-го или интеллектуально-оценочного отношения 1.11.28 «Книжка интересная... нравится» 2.03.03 «Капустка Дениске не нравится... он любит сису» (4%).

4 этап (2.06.03) (New) Номинатив в приименной позиции «я живу на детском площадке Ладожская» (1%).

Наблюдаются различия по количеству и последовательности появления в речи семантических функций И. п. отдельных лексем (собачка, мама, папа, мишка, киса – 7 функций, мочалочка – 4, кроватка – 3, фотопарат – 3, и т. д.).

Не отмечались функции: объект-субъект состояния (волк убит охотником), предикат акциональный (за дверью беготня), предикат состояния лица (у большого жар), предикат квалификативный (сестру отличает доброта), предикат квалификационно-оценочный (ученье – свет), вокатив в оценочно-характеризующей (экспрессивной) функции.

Выводы: подробный анализ речи нашего информанта показал более широкое использование форм И. п. (в период от 12 до 30 мес.), по сравнению с ситуацией, описываемой в литературе ([4]; [5] и др.). Прототипические семантические функции граммем осваивались раньше вторичных, производных. Очередность появления тех или иных форм зависела, прежде всего, от уровня когнитивного развития и осознания предметных отношений объектного мира, а также определялась значимостью данной функции и для ребенка и ее представленностью в получаемом инпуте.

Литература

1. Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М., 2011.
2. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
3. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. М., 2006.
4. Ионовна Н. В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста: Дисс. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007.
5. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.

Усвоение категорий вида и времени в русском языке. Сравнительное исследование одноязычных русских и двуязычных русско-немецких детей и подростков

Е. А. Гольцева

Алберт-Людвигс-Университет Фрайбург (Фрайбург-в-Брайсгау, Германия)

evghenia.goltsev@frequenz.uni-freiburg.de

Двуязычие, освоение языка, глагольные категории вид и время, сравнительное количественное исследование.

Summary. This talk aims to provide an insight into monolingual and bilingual acquisition of the Russian verbal categories tense and aspect. The results presented in the talk are based on data collected in Russia and Germany from 18 Ss aged from 4 to 19 respectively. The comparison of the outcomes of the Russian and German group shows that pre-schoolers do not differ much. The student groups were also almost identical within the area of reception. However, there were significant differences between them with regard to production. Interestingly, only the German group showed a high of interpersonal variation in this respect.

Системы русского и немецкого языков различны во многих отношениях, в том числе и в области морфологических категорий глагола вида и времени. В немецком языке, в отличие от русского, вид глагола, как грамматическая категория отсутствует. В то же время, в нем имеется более широкая, как в отношении форм так и их функций, временная парадигма [1].

Возможно предположить, что у носителей обоих языков, проживающих в Германии, особенно при доминировании немецкого, эти различия накладывают отпечаток на владение рассмотренными здесь категориями. Вероятно, также, что и сам факт преимущественного употребления языка страны повлияет на них.

Существует ряд исследований вида и времени русского глагола в контексте двуязычия. Рассматриваются контакты русского с различными языками, такими как английский [5], иврит [4] и немецкий [2]; [3].

Представленное здесь исследование русско-немецкого двуязычия фокусируется, преимущественно, на видо-временных формах глагола и их функциях, т. е. на формах глагола, имеющих определенный вид и время и связанное с этими двумя аспектами значение. Примером такой языковой единицы может служить, в частности, форма настоящего времени несовершенного вида с такими значениями, как настоящее происходящее одновременно с моментом речи смотри, он читает, будущего завтра он летит и прошедшего (историческое настоящее) тут Наполеон встает и начинает кричать.

Центральными вопросами этой работы являются следующие:

1. Как развивается активное и пассивное владение рассмотренными здесь формами на протяжении первых 20 лет жизни у носителей языка, проживающих в русскоговорящей среде или за ее пределами?

2. Существуют ли между этими двумя группами различия в исследуемом развитии? В чем они заключаются?

3. Существуют ли такие различия внутри групп? В чем они могут быть объяснены?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы были опрошены две группы, состоявшие, каждая, из 18 испытуемых. Информанты первой группы – жители Москвы, второй – Гамбурга. Каждая группа подразделялась, кроме того, на три возрастные подгруппы по 6 человек (4–7, 9–14, 15–20 лет).

Данным участникам исследования были представлены разработанные специально для этого исследования инструменты: текст с пробелами и рассказ в картинках, для проверки активного владения видо-временными формами глагола, так называемый Truth Value Judgement Task, с помощью которого устанавливалось пассивное владение формами и их функциями. Кроме того, также, базовый опросник.

Результаты исследования показывают, что между московской и гамбургской группами дошкольников не существует, фактически, никакой разницы. В области пассивного владения наблюдаются, также, лишь минимальные различия между более взрослыми информантами. Однако, в активном производстве проявились существенные различия между группами. Российская группа внесла в тест и использовала в рассказе значительно большее количество различных форм, чем немецкая. При этом, формы и функции, оказавшиеся проблематичными для билингвов, как правило, низкочастотны в разговорной речи. Интересно также, что в отличие от московских информантов, показавших примерно одинаковые результаты, гамбургская группа оказалась крайне гетерогенной. В ней присутствовали как участники, для которых ни одна из форм и функций не составила затруднений, так и те, которые были знакомы лишь с некоторыми формами.

Литература

1. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.
2. Anstatt T. Aspektfehler im Russischen mono- und bilingualer Kinder // Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress. 2008. S. 13–28.
3. Anstatt T. Der Erwerb der Familiensprache: Zur Entwicklung des Russischen bei bilingualen Kindern in Deutschland // Gogolin I.,

- Neumann U. (Hrsg.). Streitfall Zweisprachigkeit – The bilingualism controversy. Wiesbaden, 2009. S. 111–131.
4. Gagarina N., Armon-Lotem S., Gupol O. Developmental variation in the acquisition of L1 Russian verb inflection by monolinguals and bilinguals // On-Line Supplement to the Proceedings of BUCLD 31. Somerville, MA, 2007. P. 1–11.
5. Polinsky M. American Russian: Languageless meets language acquisition. Annual workshop on formal approaches to slavic linguistics. Ann Arbor, 1997. P. 370–406.

Вариативность речевых стратегий освоения русского языка как родного

Г. Р. Добрава

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

galdobr@peterlink.ru

Речевой онтогенез, вариативность речевых стратегий, референциальные дети, экспрессивные дети, гендерные речевые различия.

Summary. This paper focuses on the problem of child language variability that depends on different speech strategies of native language acquisition. The main factors that influence variability of language acquisition are discussed, such as typological, gender, socio-cultural factors and the factor of presence / absence of an elder sibling.

Многолетние исследования детской речи как в нашей стране, так и за рубежом позволили выявить основные особенности освоения языка детьми, которые можно определить как общие, универсальные. В последние десятилетия возник безусловный интерес и к более частным особенностям детской речи – собственно индивидуальным и так называемым групповым, формирующим в своей совокупности различные речевые стратегии освоения языка.

Среди «групповых» речевых стратегий выделяют прежде всего стратегии, дифференцирующиеся по критерию, который в последние годы принято называть типологическим. На основе этого критерия выделяются две речевые стратегии – референциальная и экспрессивная, – представляющие собой оппозицию, с признанием существования «промежуточных», смешанных стратегий. По традиции, идущей еще от американских исследований 1970-1980-х годов (K. Nelson, E. Bates et al, etc.), за референциальными детьми признается склонность к соблюдению «логики» в процессе освоения языка – наличие фонетического постоянства в субституции звуков и упрощении кластеров, склонность к лексико-семантическим и морфологическим сверхгенерализациям и др., – а также внимание к сегменту как на фонетическом, так и на синтаксическом языковых уровнях и т. д. За экспрессивными же детьми признаются как бы противоположные характерные особенности – отсутствие склонности к соблюдению «логики» в процессе освоения языка – отсутствие фонетического постоянства в субституции звуков и упрощении кластеров, отсутствие склонности к лексико-семантическим и морфологическим сверхгенерализациям и др., – и, наличие, напротив, склонности к опоре на имитацию, а также внимание к суперсегменту как на фонетическом, так и на синтаксическом языковых уровнях и т. д. В последнее время удалось выявить, что различия речевых стратегий референциальных и экспрессивных детей распространяются и на метаязыковую деятельность, в частности – на качественные и количественные различия в их склонности к лингвокреативной деятельности.

Существенное место среди «групповых» различий занимают и различия, обусловленные гендерным фактором. Среди них выделяются базирующиеся как на социальных, так и на «биологических» различиях мальчиков и девочек. Если первые из них более очевидны (различие словарей мальчиков / девочек в плане наполненности тех или иных тематических групп), то вторые известны гораздо менее. Из этих вторых обычно упоминается более раннее речевое различие девочек, однако, как выясняется, это различие – отнюдь не единственное: в последнее время удалось выяснить, что в целом развитии речи девочек происходит более плавно, постепенно, а мальчиков – более резко, скачкообразно, причем это различие проявляется как при освоении лексики и морфологии в дошкольном возрасте, так и при освоении орфографии в более старшем возрасте. При этом мальчики оказываются более «чувствительны» к языковой системе, более склонны к основным, «скелетообразующим» языковым моделям, а девочки демонстрируют большую склонность к языковому разнообразию, к принятию различных языковых моделей.

Вариативность речевых стратегий детей обуславливается и принадлежностью детей к семьям с различным социокультурным статусом: дети из семей с высоким социокультурным статусом демонстрируют не только большее разнообразие лексикона и меньшее присутствие в речи ненормативных форм и слов, чем дети из семей с низким социокультурным статусом, но и другие, более существенные, различия. Так, выявилось, что дети из семей с высоким социокультурным статусом более склонны к языковому анализу, к лингвокреативности, вследствие чего на определенном этапе их речевого развития у них фиксируется большее количество ошибок (некоторый парадокс), чем в речи детей из семей с низким социокультурным статусом.

В самое последнее время при изучении вариативности речевых стратегий детей объектом внимания становятся и различия, обусловленные порядком рождения детей в семье (первый или не первый ребенок в семье) и соответствием / несоответствием пола ребенка и его старшего сиблинга – при наличии такового. Из зарубежных исследований известно, что дети, имеющие старшего брата и / или сестру, близких с ним по возрасту, обычно отличаются более бедным словарем, чем их сверстники, старших сиблингов не имеющие. Однако исследования последних лет показывают, что отмеченное, во-первых, касается лишь активного словаря (пассивный словарь не обязательно отстает у детей, имеющих старших сиблингов), и, во-вторых, касается не всех детей, а лишь тех из них, у кого пол не совпадает с полом старшего сиблинга. Так, как показывают исследования, девочки, имеющие старшую сестру, обычно имеют не только пассивный, но и активный словарь не только не отстающий от словаря девочек-сверстниц, не имеющих старших сиблингов, но и нередко опережающий этот словарь.

Особая сложность изучения вариативности речевых стратегий освоения детьми родного языка заключается в том, что в каждом конкретном случае во внимание приходится принимать не какое-то одно из перечисленных «групповых» различий, но и всю их совокупность. Проще обстоит дело в ситуациях, когда «векторы» воздействия этих факторов оказываются однонаправленными (например, достаточно просто изучать речь референциальной девочки из семьи с высоким социокультурным статусом, не имеющую старших сиблингов, или речь экспрессивного мальчика из семьи с низким социокультурным статусом, имеющего старшую сестру), и существенно сложнее – в ситуациях, когда эти «векторы» оказываются разнонаправленными. Так, сложно, например, понять, какое из «групповых» различий окажется ведущим для референциального мальчика из семьи низким социокультурным статусом, имеющего старшую сестру.

Отмеченные сложности, а также возможность существования и других, еще не изученных исследователями, «групповых» различий заставляют считать анализируемые вопросы дискуссионными, а самую проблему вариативности речевых стратегий освоения родного языка – требующей дальнейшего изучения.

Окказионализмы в детской речи (на материале русского и немецкого языков)

Андрей Зинкевич, Анна Зинкевич

Венский университет (Австрия), Кёльнский университет (Германия)
andrej.zinkevich@univie.ac.at, a.zinkev@googlemail.com

Детские лексические окказионализмы, детская речь.

Summary. The essay compares infantile non-conventional word formations *Nomina Agentis* in Russian and German language.

Объектом исследования в данной статье являются детские окказиональные образования *Nomina agentis* типа рус. *бояхи́на* 'трус, боязливый человек' и нем. *Motorräder* досл. 'мотоциклетчик'. Подобные детские слова анализировались в русском и немецком языках по 4 критериям:

1. Формальное соотношение детских окказионализмов и конвенциональных слов в русском и немецком языках.

В немецком корпусе [4] мы выделили следующие типы соотношения детских окказионализмов (дет.) и конвенциональных слов (кон.), сравнив их с русским материалом [1] и примерами из логопедической практики Анны Зинкевич при приеме немецко- и русскоговорящих детей в г. Кёльн (Германия):

1.1. Упрощение морфологической структуры окказионализма по сравнению с конвенциональным словом: кон. *Polizeiwagenfahrer* 'водитель полицейского автомобиля' – дет. *Polizeiwager*; кон. *Bauarbeiter* 'строитель' – дет. *Beiter* досл., ...*итель*'.

Малая по сравнению с немецким языком представленность в русском языке словосложения позволяет предполагать, что в русской детской речи этот тип соотношения детских и конвенциональных слов представлен значительно слабее, зафиксированы лишь отдельные случаи: кон. *огнешитель* – дет. *шитель*.

1.2. Замена производящего слова. В эту группу мы отнесли детские окказионализмы, при производстве которых ребенок использовал не конвенциональный производящий глагол или существительное, а другое слово из того же ассоциативного поля: кон. *Dieb* 'вор' – дет. *Klawer* досл. 'кraudун' (*klauen* – синоним глагола *dieben* 'красть, воровать'); кон. *Pilot* 'лётчик' – дет. *Flugzeuger* (досл. 'самолётчик'); кон. *Brandstifter* 'пожарник' – дет. *Feurer* (досл. 'огневик'); кон. *Zeh* 'палец ноги' – дет. *Fußler* (досл. 'ножник, ступник'; от *Fuß* 'ступня') и т. д.

В этой группе русский материал показывает примерно такую же картину, как и в немецкой составляющей: кон. *вор* – дет. *кraudун*, кон. *лётчик* – дет. *самолётчик* и т. д.

1.3. Создание композитов. Сюда мы отнесли окказионализмы в детской речи, которые не имеют однословных соответствий в литературном языке: *Verstecker* 'прятальщик; человек, который что-то прячет', *Uhrgucker* 'часосмотритель; человек, который смотрит на часы'. Группа представлена в немецкой части наших материалов большим количеством лексем и продуктивна в русской детской речи: дет. *тортоед* 'человек, любящий торты'.

2. Когнитивные основы появления разных типов детских окказионализмов.

Механизмы, по которым в речи ребенка появляются словообразовательные окказионализмы, имеют комплексный характер. Сюда мы относим: 1) тенденцию к экономии речевых усилий, 2) ограниченный объем оперативной языковой памяти ребенка в раннем возрасте, 3) редуцирование ребенком уже воспринятых конвенциональных форм, 4) предпочтение детьми имен по сравнению с глаголами и другими разрядами слов в определенном возрасте [3], 5) ориентацию на первый компонент в сложном слове, который, в большинстве случаев, имеет именной характер, 6) образование окказионализмов по отглагольной модели

имеет в своей основе фиксацию актуальной для говорящего ребенка активности называемого субъекта, 7) образование отименных окказионализмов, как правило, имеет в своей основе фиксацию понятной и актуальной для ребенка внутренней формы называемого субъекта.

3. Сколько времени проходит между образованием окказионализма и его заменой на конвенциональную лексему?

Одна из причин появления детских окказионализмов – заполнение речевых лакун ребенка, овладевшего, в основном, словообразовательными механизмами, но не закрепившем еще конвенциональные наименования реальных. Сколько времени ребенок в среднем пользуется своим окказионализмом?

Для ответа на этот вопрос мы сопоставим данные Бристольского корпуса норм в овладении языком [2] и данными о времени образования рассматриваемых нами детских окказионализмов [4].

Можно сказать, что в среднем проходит 2–3 года от создания детского наименования объекта действительности до овладения общепринятым его наименованием.

4. Параллелизм детских и субвариететных окказионализмов.

При анализе русских детских окказионализмов (типа *пи-салка*, *крутилка*) нередко бросается в глаза их схожесть или идентичность с жаргонными, просторечными и другими субвариететными (суб.) словами. Оказалось, что картина в русском и немецком языках очень похожа: дет. *аварийник* 'работник аварийных служб' – суб. *аварийник* '1. житель аварийного дома, 2. запасной мотор, 3. работник аварийной службы...'. Дет. *базарник* 'человек, торгующий на рынке' – суб. *базарник* 'то же'. Нем. дет. *Hinschmeißer* досл. 'бросальщик, кидальщик; тот, кто что-то бросает' – суб. *Hinschmeißer* 'профессия, которую, как правило, быстро бросают'; дет. *Pausemacher* 'человек, делающий паузу' – суб. *Pausemacher* 'то же' и др.

Понятно, что механизм образования детских и «взрослых» окказионализмов разный. Для ребенка это, в абсолютном большинстве случаев, заполнение номинативной лакуны через регулярную словообразовательную модель. У взрослых же возможны разные варианты образования окказионализмов: «детская модель» – создание несуществующего в языке наименования (просторечное *ковырялка* и т. п.); «языковая игра» – сознательная альтернатива конвенциональному слову (*стирака* – 'стиральная машина') и др.

Литература

1. Харченко В. К. Словарь современного детского языка: В 2 т. Белгород, 2002.
2. Clark E. The Lexicon in Acquisition. Cambridge, 1993.
3. Gentner D. Language thought and culture // Language development. 1982. Vol. 2. Hillsdale; N. J. S. 301–334.
4. Meibauer J. Neugebildete -er- Derivate im Spracherwerb. Ergebnisse einer Langzeitstudie // Sprache & Kognition. Bern, 1982. 14. Heft 3. S. 138–160.
5. Schröder A., Kauschke C., De Bleser R. Messungen des Erwerbsalters für konkrete Nomina // Neurolinguistik. 2003. 17 / 2. S. 83–114.
6. The Bristol Norms for Age of Acquisition [http://language.psy.bris.ac.uk/bristol_norms.html (Состояние на 29.03.2012)].

Закономерности развития речевой деятельности дошкольников

Л. А. Калмыкова

Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет им. Григория Сковороды (Украина)

psycholing_lab@mail.ru

Речевая деятельность, онтогенез речи как деятельности, закономерности развития речевой деятельности, речевые цели, речевые интенции, речевое целеобразование, внутреннее программирование, грамматическое структурирование.

Summary. The paper describes the patterns of language development of preschool children as an activity, which has its own specific and differs from spontaneous speech by the structure and functions.

Закономерности развития речевой деятельности репрезентированы как объективные, устойчивые, повторяющиеся

связи в речевом онтогенезе детей дошкольного возраста. Суть этих закономерностей заключается в следующем:

1. Успешное формирование речевой деятельности зависит от развития обязательной речевой составляющей – всех без исключения психических процессов.

2. Развитие речевой деятельности детей определяется прежде всего тем, как приобретает способность воспринимать действительность и формировать, моделировать собственный образ мира – субъективный образ объективно мира.

3. Онтогенез речевой деятельности дошкольников предопределен созданием ребенком индивидуального языка как собственной языковой системы, удовлетворяющей потребностям детей коммуникации, а также конструированием своей внутренней вербально-смысловой сети, которая является результатом поступательного становления у детей способности соотносить предметы, явления, связи и отношения между ними, наглядные ситуации, реально существующие, с разными уровнями вербальных кодов (языковых единиц), детерминирован своевременной сформированностью языковой компетенции.

4. Основанием для развития речевой деятельности детей дошкольного возраста является владение умением сравнивать образованные у них образы предметов, образы явлений, образы ситуаций и событий, образы связей и отношений с вербальными кодами, абстрагируясь при этом от конкретных вещей и формируя мысленный образ мира, который является основой для создания внутреннеречевой программы.

5. Реализация речевой деятельности дошкольников находится в непосредственной зависимости от близких и понятных им мотивов.

6. Речедеятельностный онтогенез дошкольников обусловлен развитием интенциональной направленности говорящего ребенка на партнеров по коммуникации, на учебно-речевые задания и учебно-речевую деятельность; однонаправленностью и стойкостью речевых интенций (мыслей); наличием речевых замыслов и образов результатов прогнозируемых высказываний.

7. Формирование речи как деятельности зависит от развития у детей самостоятельной произвольной регуляции речевого целеобразования, осознаваемого отображения цели говорения, от осуществляемой связи образа прогнозируемого результата высказывания с его мотивом.

8. Речевая деятельность дошкольников развивается тогда, когда их внутренняя речь начинает принимать участие в развертывании мысли в устное высказывание в акте говорения и, наоборот, свертывании воспринимаемого высказывания в акте аудирования речи.

9. Реализация речевой деятельности детей как целенаправленных, намеренных, произвольных речевых действий зависит от своевременного овладения внутренним программированием высказывания: «смысловым и семантическим синтаксированием» (Т. В. Ахутина).

10. Развитие речевой деятельности непосредственно зависит от наличия и функционирования в речевой практике дошкольников всей совокупности внутреннеречевых операций, которые обеспечивают эту психическую функцию.

11. Развитие речевой деятельности обусловлено приобретением детьми способности овладевать разными видами синтаксиса (глубинного и поверхностного) и лексики (глубинной и поверхностной), свойственных тому или иному уровню построения высказывания.

12. Развитие внутренней речи детей – важнейшей составной их речевой деятельности – обусловлено приобретением ими способности: 1) выстраивать «иерархическую структуру внутренних слов», то есть «внутреннеречевую схему» адекватно существенному для них содержанию мысленного представления и согласно «правилам ситуативно-смыслового развертывания» и 2) заменять смыслы и «ситуативно-смысловую синтаксис» объективными языковыми значениями, которые представлены «семантической структурой», выстроенной в соответствии с «правилами семантического синтаксиса» (Т. В. Ахутина).

13. Развитие речевой деятельности детей зависит от имплицитного овладения ими психологическими, т. е. смысловыми, содержательными правилами (ситуативно-смыслового развертывания), и правилами семантического синтаксиса.

14. Развитие умения трансформировать семантические структуры в поверхностные зависит у дошкольников от сформированной способности учитывать грамматические возможности родного языка, придерживаясь имплицитно усвоенных правил поверхностной грамматики, которые учитывают «возможности конкретной языковой реализации указанных психологическими (смысловыми) правилами синтаксических отношений соответствующих семантических единиц».

15. Развитие речевой деятельности детей детерминировано их способностью передавать любые ситуации: отношения, каузальные связи, последовательность или одновременность ситуаций, событий неситуативно – с помощью тех внешних языковых средств, которые сразу полно и точно воспроизводят их, то есть адекватно их мысленному образу (исчезновение явления ситуативности речи, присущей дошкольникам, и становление у них контекстной речи).

16. Развитие операций грамматического структурирования опережает у дошкольников развитие операций внутреннего программирования и зависит от овладения грамматической структурой родного языка и его элементов – лексических единиц, которые объединяются во внешней речи по свойственному этому уровню порождения речи правилам поверхностной грамматики.

17. Первоначальное развитие речевой деятельности у детей обусловлено своевременным овладением произвольностью, преднамеренностью, осознанностью речи, рефлексией над речью.

18. Становление речевой деятельности полностью зависит от «житейских» (Л. С. Выготский) и научных, языковых и метаязыковых, «декларативных и процедуральных» (А. А. Залевская), осознанных и неосознанных, естественных (имплицитных) и выученных знаний. Каждая разновидность знаний, независимо от принципов их классификации, в известной мере обуславливает как функционирование, так и развитие речевой деятельности дошкольников.

Особенности конвенциональных механизмов при общении с детьми

Ю. В. Каховская

Российский университет дружбы народов (Москва)

jk18.78@mail.ru

Общение, конвенциональность, ситуация общения, речевые стереотипы, взрослый, ребенок.

Summary. The paper provides an overview of the problem of conventionality in the situation of communication “dult-child”.

В последнее время предметом исследований отечественных и зарубежных ученых становятся не только нормы и правила общения, его индивидуальные, гендерные и возрастные особенности, но и социокультурные конвенции, непосредственно регулирующие процесс коммуникации.

В последние 50–60 лет в социоллингвистике возрос интерес к направлению, в рамках которого исследуются регистры языка. Внимание исследователей привлекает речь, часто называемая «motherese – сюсюкающий, неестественный язык», который соотносится с понятием «baby talk» – «специальный лексикон, ориентированный на ребенка». Большой вклад в изучение проблем детской речи и взрослой

речи, обращенной к ребенку, исследуются такими лингвистами, как А. Н. Гвоздев, С. Н. Цейтлин, Ч. Фергюсон и др.

Большое влияние на процесс формирования конвенциональности ребенка оказывают особенности воспитания. Воспитание в семье всегда основывается на определенных представлениях, идеалах и ценностных установках, которые существуют у родителей по отношению к личностным качествам и поведению ребенка.

Одним из аспектов изучения в диалоге «взрослый – ребенок» является проблема понимания. Непонимание – это, прежде всего, результат нарушения конвенциональных норм. Основными конвенциями в речи взрослого в общении

с ребенком, являются распространение высказываний ребенка, уточняющие вопросы, повторения. Стратегия использования понятного ребенку языка основывается, в свою очередь, на частных конвенциях – морфологических, лексических, синтаксических и стилистических.

Морфологическими особенностями говорящего (взрослого) является использование в большей степени существительных и глаголов, так как ребенок в раннем возрасте воспринимает лишь действие, быстрое чередование событий. Чем старше становится ребенок, тем чаще в его речи появляются прилагательные. Соответственно, и взрослые используют их гораздо активнее и в большем количестве. Неслучайно большинство стихотворений – потешек для малышей содержат именно субъектно-предикатные формы. *Ночь пришла, Темноту привела, Задремал петушок, Запел сверчок...*; редкое использование эпитетов является результатом более или менее длительного ознакомления с речью.

Также одной из морфологических особенностей языка взрослого, обращенного к детям, является большое количество уменьшительно-ласкательных суффиксов (солн**ЫШ**-**Ко**, цвет**ОЧЕК**, зай**ИНЫ**Ка): «*Илюшенька, солнышко мое, иди ко мне!*»; «*Где мой зайчык?!*»; «*Посмотри, котик идет!*» (Из речи мамы, обращенной к сыну полутора лет); «*Котя, котик, коток, Котя, серенький хвосток!..*»; «*Водичка, водичка, умой моё личико!..*».

Лексические конвенции «детского» варианта общения основаны на максимальном использовании реминисценции, которые знакомы ребенку по сказкам, потешкам, мультфильмам: например, постоянно повторяющиеся эпитеты (*зайка серенький, лиса-краса, мишка косолапый* и т. д.).

Ярким примером наличия фонетических изменений в языке взрослого при общении с ребенком является (в числе других) замещение заднеязычных согласных переднеязычными (*Ты мой хорос'ий!*), смягчение согласных (*Мусечка моя, посмотри! Снег ид'ет', снег ид'ет', первый снег!* (из речи папы, обращенной к ребенку в возрасте 1,5 лет).

В области синтаксиса необходимо выделить следующие особенности: в большом количестве употребление простых конструкций, состоящих на раннем этапе из субъекта и предиката: «*Наш малыш пошел*», «*Полюшка улыбнулась!*»; конструкции с повторениями и вопросительной структурой: «*Кто это пошел?*»; «*Кто кашку кушает?*» и т. д. Смысловый акцент в предложении приходится на действие.

Темой в диалоге «взрослый-ребенок» может стать: 1) просьба сделать что-либо, выраженная а) предложением с местоимением множественного числа со значением совместности действия (мы): *Давай уберем игрушки!* или б) саркастиче-

ским замечанием *Да, игрушки убрать некому! Правда, сынок?* (в разговоре с ребенком 4 лет); 2) благодарность, выраженная в а) стандартной форме: *Спасибо тебе большое!*, б) восклицанием *Какой ты у меня молодец!* и как 3) руководство к действию: *Давай спросим мальчика, как его зовут?!*

Наблюдая реакцию собеседника, коммуникатор (в данном случае взрослый) корректирует речевое поведение, учитывая при этом социальные, личностные и возрастные параметры адресата. Для слушающего (ребенка) важны информативность, экспрессивность и степень ясности обращения: *Где моя любяшечка? Кто моя любяшечка? Илюшенька!* (из речи мамы, обращенной к сыну полутора лет).

В ситуации, когда взрослому необходимо «донести» до ребенка важную информацию или побудить к совершению определенного действия, важен тон говорящего, обращение: *Душа моя, почему бы тебе не повторить текст? Думаю, это будет полезно для тебя!* (Из диалога отца и дочери 11 лет). Также в диалоге взрослого (мамы) с детьми среднего школьного возраста встречаются фразы на иностранном языке: *Диночка, радость моя, помоги мне, будь ласка!* (Из диалога мамы с дочерью 11 лет). Обращение, направленное на привлечение внимания и эффективное начало общения, обычно способствует благоприятному протеканию коммуникации и предопределяет положительный результат.

Наличие речевых ошибок (просторечий) в речи взрослых, окружающих ребенка, может стать причиной нарушения конвенциональности, что влияет на формирование детской речи и влечет за собой разнообразные ошибки. Примерами употреблений просторечий в речи могут служить такие обороты: *бубонит* (вместо *бубнит* (разг.)), *Бежи* (вместо *беги*), *моя детка!*, *насается* (вместо *носитя* (разг.)) и т. д.

Очевидно, что формирование коммуникативной компетенции – это комплексная задача, которая включает в себя не только овладение грамматическими навыками, но и усвоение определенного языкового стандарта (в том числе широко известных фразеологизмов). Если ребенок не владеет такой информацией, он оказывается беспомощным в речевой ситуации, стараясь понять фразеологические единицы буквально, не зная внутренней формы.

Таким образом, очевидно, что на процесс формирования конвенциональности ребенка, в первую очередь, влияют особенности воспитания, которые основываются на ценностных установках и идеалах, существующих у родителей; стратегии, используемые взрослым при общении с детьми; необходимость соблюдения конвенциональных норм самим взрослым.

Могло было: воссоздание плюсквамперфекта?

Ю. П. Князев

Санкт-Петербургский государственный университет

kyr@mail.natm.ru

Частица «было», плюсквамперфект, контрфактичность

Summary. The paper deals with the construction *moglo bylo* that was used in the text written by an eight-year-old child. The distinctions between this construction and the standard variety of constructions with the particle *bylo* (*xotel bylo, načal bylo*) as well as semantic links of the two with the meanings typical of the pluperfect are discussed.

Следующий фрагмент из описания Гришей К. (8.11) своей поездки в Мурманск был использован в [3: 354] в качестве иллюстрации относительно позднего появления уступительных предложений с союзом *хотя* в детской речи:

(1) *Ещё я с папой катался на карабле. Корабль снаружи не очень нам понравился а когда мы пошли в нутр <внутрь> корабля он мне очень понравился там были столеки и скамейки. Но главное меня с папой удивило что карабль был пустой кроме нас. Мы были даём <вдвоем> х о т я туда могло было поместитца 100 человек (8.11).*

Между тем в этом примере есть и еще одна заслуживающая внимание особенность. Я имею в виду использованную в нем конструкцию *могло было поместиться*.

Внешне эта конструкция напоминает широко употребительные в современном русском языке конструкции с частицей *было*:

(2) *В первую минуту он решил было преследовать и настичь их, но, взглянув на часы, удержался (В. Богомол. Момент истины);*

(3) *Скажите вашей маме, – начал было инспектор. Сережа перебил его (Ф. Сологуб. Мелкий бес);*

(4) *Мама съездила было с Анисьей в собес в Призерское, но собес был уже навеки и безнадежно закрыт (Л. Петрушевская. Новые Робинзоны).*

В [2: 39] в качестве идеи, которая объединяет стандартные употребления конструкций с частицей *было* в примерах (2)–(4) и в то же время отличает их от форм без этой частицы, было использовано предствление о том что на каком-то этапе «нормальный ход событий» был нарушен: за желанием не следуют попытки осуществить желаемое, начатое действие не доводится до конца, а если действие все же осуществляется, то оно не достигает конечной цели.

Считается, что «стандартные» конструкции с частицей *было* восходят к древнерусскому плюсквамперфекту [1: 338–339; 4: 193–214], хотя они уже далеко отошли от своего первоисточника. В частности, обозначаемые ими ситуации обычно (хотя и не обязательно) целиком включаются в линию повествования в качестве единого звена или эпизода

в последовательном развертывании событий, т. е. сама идея «предпрошедшего» могут полностью сглаживаться:

(5) *А она бросилась на кровать в нетопленной зале, плакала, металась головой по мокрой подушке. Дня было прикрикнул на нее – не помогло. Накапал валерьянки – оттолкнула* (М. Рощин. Дом).

Между тем конструкция *могло было* из примера (1) имеет совсем другое значение. Его можно было бы предварительное назвать ‘неиспользованной (нереализовавшейся) альтернативой’.

Интересно, что, по свидетельству Д. В. Сичинавы [6], в периодике и устных текстах, представленных в Национальном корпусе русского языка, зафиксировано не менее десятка примеров конструкций с *было* типа *могло было* или *следовало было*; ср. приведенный им пример:

(6) *...слышались в трамваях упреки избирателей в адрес старой КПСС, сводившиеся к тому, что нам не следовало было торопиться с созданием незрелого «лагеря социализма»... (Г. Гусев. Мы за социализм без «родимых пятен» // «Советская Россия», 15.08.2003).*

В Корпусе встречаются и аналогичные примеры из художественной литературы; приведу два из них:

(7) *Мать была шокирована этим проявлением недоверия и переосмыслила свои отношения с сыном. Тогда не верили ещё в генетику, да и самой науки о наследственности ещё, кажется, не существовало, потому мать решила, что она проглядела что-то в воспитании сына. Что, может быть, следовало было его чаще целовать и ласкать* (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха);

(8) *Все могло было быть иначе – он представил себе, как все могло бы быть, и громко застонал от тоски и разочарования* (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев).

Сам Д. В. Сичинава в упомянутой выше статье называет *было* в примерах типа (6) «избыточным» и предполагает, что они возникли под влиянием таких конструкций, как *надо было, должен был, возможно было*. Вместе с тем, представляется, что мысленное допущение альтернативного развития событий вполне совместимо и с семантикой плюсквамперфекта; ср. обсуждение этого вопроса в связи с проблемой широкого использования форм плюсквамперфекта в контрфактических контекстах [7]; [5].

Если же вернуться к примеру (1), то, к сожалению, самый интересный вопрос: воспроизвел ли Гриша К. услышанное им от кого-то сочетание *могло было* или сконструировал его сам – остается без ответа.

Литература

1. Горикова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
2. Князев Ю. П. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296–304.
3. Князев Ю. П. Онтогенез значений обусловленности // Семантические категории в детской речи. СПб., 2007. С. 339–357.
4. Петрухин П. В., Сичинава Д. В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193–214.
5. Плунгян В. А. О контрфактических употреблениях плюсквамперфекта // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 273–291.
6. Сичинава Д. В. Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожирицкой. М., 2009. С. 192–199.
7. Dahl. Ö. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // On conditionals again. Amsterdam, 1997. P. 97–114.

Русская коммуникативная личность в аспекте онтогенеза

А. В. Колмогорова

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

nastiakol@mail.ru

Коммуникация, русская коммуникативная личность, онтогенез, общение матери с ребенком, коммуникативное сознание.

Summary. The paper deals with the problem of ontogenesis of the Russian communicative personality. On the basis of mother-child interactions' corpus represented in video and audio recordings it is shown that while communicating in the course of everyday life mothers tend to provide their children with some models of how to speak to different members of the social community in various situations of communication.

Материалом для исследования послужил авторский видеокорпус, включающий более 60 фрагментов, фиксирующих общение матерей в возрасте от 18 до 48 лет со своими детьми в возрасте от 0 до 7 лет. Общая длительность звучания видеофрагментов – более 61 часа.

Цель исследования – выявить и описать характеристики материнского общения как особой коммуникативной сферы, имеющей первостепенное значение для формирования русской коммуникативной личности.

Методологический аппарат: в качестве единицы анализа использовалось понятие практики общения – способа осуществления ориентирующего поведения, используемого матерью в повседневном взаимодействии для формирования в когнитивном опыте ребенка присущих данному лингвокультурному сообществу моделей социально релевантного поведения – социо-когнитивных матриц. Последнее понятие использовалось в качестве единицы описания. Термин «матрица», широко используемый в когнитивной лингвистике [2]; [3], был привлечен для того, чтобы описать не только вербальную (фонетическую, лексическую, грамматическую), но и невербальную (жесты, движения, мимика), субъектную (качество и количество субъектов, участвующих в интеракции) и материально-субстратную (характер объектов, артефактов, используемых в интеракции) составляющие моделей.

В рамках данной публикации остановимся на моделях коммуникативно-речевого взаимодействия в рамках русской лингвокультуры, формируемых у ребенка в общении с матерью: 1) «интенциональное взаимодействие»; 2) «взаимодействие в коммуникативном пространстве Я – ТЫ – ОН»; 3) «взаимодействие в диалогической коммуникации».

Одной из наиболее онтологически ранних является социо-когнитивная матрица «интенциональное взаимодействие»: в когнитивном опыте ребенка формируется устойчивая модель поведения, являющаяся базовой для всякого коммуникативного взаимодействия – если высказывание обращено к тебе, ты должен ответить, отреагировать другим высказыванием. Чаще всего матери обращаются к детям доречевого периода развития с настойчивой просьбой «Агу, скажи агу!» или «Поговори с мамой, ну, давай, поговори с мамой! Агу!». При этом формируемая матерью модель поведения может быть эксплицирована следующим образом: «есть моменты, когда к тебе обращается другой человек, он говорит с тобой, он хочет, чтобы ты что-то сделал, в такие моменты нужно ответить этому человеку, сказать ему что-либо».

Социо-когнитивная матрица «взаимодействие в коммуникативном пространстве Я – ТЫ – ОН» представляет собой результат использования матерью практики коммуникативного лицедейства, когда ребенку показывается, как должно строиться общение в режимах я – ты, я – чужой, чужой – я, и чужой – о нас с другими. При этом формируемая матерью в когнитивно-коммуникативном опыте ребенка модель поведения может быть эксплицирована в следующих вариантах:

а) я – ты: «в некоторые моменты я разговариваю с близкими людьми, в эти моменты я могу высказывать свое недовольство и не скрывать своих отрицательных эмоций, и так должно быть, и все воспринимают это как должное»;

б) я – чужой / чужой – я: «в некоторые моменты я разговариваю с чужим человеком, в эти моменты я могу говорить о том, что я думаю, как я считаю, и быть настойчивым» /

«в некоторые моменты чужой может заговорить с тобой, это нормально, и он должен быть вежлив, и я должен ответить ему так, как принято отвечать в таких ситуациях»;

в) чужой – о нас с другими: «в некоторые моменты дру-гие могут разговаривать о нас с тобой, обсуждать то, что мы делаем, и так и должно быть».

Например, мать обращает реплику к ребенку (от 0 до 2,5 – 3 лет) и сама же воспроизводит якобы его ответные реплики, маркируя условность этого диалогического взаимодействия коммуникативным коннектором *скажи*:

(1) *А ты чего, что такое? Мама, скажи, покушать не да-ёт, вот я уже 15 минут лежу, прошу, а она не даёт. Скажи я тут язык тебе показываю, а ты мне не даёшь покушать, скажи, давай есть быстрее, я хочу есть, страх как хочу, а она не даёт.*

При этом, как правило, в якобы «репликах ребенка» реализуются речевые акты упрека, возмущения, приказа.

Социо-когнитивная матрица «взаимодействие в диалогической коммуникации» представляет собой модель общения в режиме диалога, который, согласно «наивным» коммуникативным нормам, должен быть непрерывным, организованным по принципу иллюкутивного сцепления реплик. Интересно то, что материалом и основой для формирования данной модели в общении матери с ребенком являются тексты детских стихотворений. Поочередное произнесение реплик – строф стихотворения – позволяет сформировать модель диалогической интеракции как последовательности иллюкутивно вынуждающих реплик [1] и реакций на них:

(2) Мама: ... / У меня зазвонил ... телефон //
Катя: / телефон /
Мама (улыбаясь, ласково): / Кто говорит... //
Катя: / слон... //
Мама: / Что вам надо? // ... и т. д.

Косвенные формы местоимений в детской речи: конструирование или воспроизведение?

С. В. Краснощекова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

ndhito@mail.ru

Детская речь, местоимения, формообразование.

Summary. The paper investigates strategies that Russian-speaking children use in formation of pronouns. In general children remember and reproduce pronominal forms as inseparable whole entities, but in several cases forms are constructed. That happens only with those pronouns that appear early and are used often (“I”, “my”, “this” etc.).

При формировании системы языка ребенок использует два пути: запоминает и воспроизводит формы целиком, гештальтно или вычленяет основу и окончание и из них собирает, конструирует форму. Известно, что при образовании форм полных слов (существительных, прилагательных, глаголов) второй способ является крайне важным.

Местоимения универсально следуют за полными словами. При появлении первых изменяемых местоимений («я», «мой», «он» и т. д.) ребенок уже способен оперировать некоторым набором форм полных слов. Предположительно, парадигма местоимений выстраивается на базе уже освоенной парадигмы полных существительных или прилагательных. Однако в русском языке многие местоимения образуют нерегулярные формы; формы от супплетивных основ (я – мне, он – ему); местоимения-прилагательные изменяются не по стандартному адъективному, а по особому типу склонения (этот – эту, ср. *этую). Такое разнообразие вариантов гипотетически должно вызывать большое количество инноваций.

Здесь мы исследуем личные и возвратные местоимения-существительные и лично-притяжательные, возвратно-притяжательные («свой») и указательные местоимения-прилагательные. Все они возникают в речи ребенка до 3 лет, причем первыми появляются «этот», «мой», «я», последними – «себя» и «свой». Ребенок крайне редко ошибается в выборе / при конструировании формы местоимения. Из 4700 примеров в нашем материале было обнаружено всего 52 ошибочных употребления. Даже если добавить к этому неучтенные фонетические варианты, то в любом случае оказывается, что инновации занимают не более 2–5% от всех употреблений. Это свидетельствует в пользу того, что

Формируемая модель коммуникативного поведения может быть эксплицирована следующим образом: «в некоторые моменты я могу разговаривать с другим, а он – со мной, мы должны говорить по очереди, и мы не должны молчать, так делают все люди».

Подчеркнем, что каждая из вышеописанных социо-когнитивных матриц имеет собственный арсенал вербальных, невербальных, субъективных и материально-субстратных маркеров.

Кроме того, анализ способов формирования той или иной модели коммуникативного взаимодействия, используемых матерью в практиках общения, позволил констатировать, что, формируя матрицу интенциональной активности, матери активно используют *иницирующее-подкрепляющую стратегию*, провоцируя ребенка на некие действия, отвечающие «требованиям» социально-релевантной модели коммуникативного поведения, а в случае правильного поведения ребенка – подкрепляет их похвалой, бурной реакцией. Для матриц же «взаимодействие в коммуникативном пространстве Я – ТЫ – ОН» и «взаимодействие в диалогической коммуникации» характерно использование матерями *стратегии демонстрации* – мать показывает ребенку посредством приемов драматизации, игры-имитации саму модель социально-релевантного поведения, составляющую ядро формируемой социо-когнитивной матрицы.

Литература

1. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллюкутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
2. Болдырев Н. Н., Алтатов В. В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 5–14.
3. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, 1987.

большинство форм местоимений ребенок запоминает и воспроизводит целиком, не разделяя на основу и окончание. Это справедливо для коротких, фонетически простых, частотных в инпуте форм: «мне», «она», «его» и т. д. Что касается менее распространенных форм («этими» и др.), которые появляются позже, то им может быть дано двойное объяснение.

Тем не менее, инновации периодически возникают. Рассмотрим, какие типы инноваций можно здесь выделить.

1. Морфологические инновации: ошибочная с точки зрения взрослого форма местоимения не зависит от языкового окружения. Две основных причины здесь – (а) выбор неправильной основы при наличии полного или частичного супплетивизма и (б) выбор неправильного окончания. К типу (а) относятся случаи, когда косвенные формы местоимения 3 лица образуются от основы «он-», при образовании форм местоимения «я» ребенок выбирает основу другого падежа: *ону* («ее», Дима, 2;7;25); *мине* («мне», Аня, 2;6;26).

Тип (б) чаще всего встречается тогда, когда ребенок изменяет местоимение по стандартному адъективному типу. Это происходит с местоимениями «этот», «мой», «наш», «он»: *этий* («этот», Ваня, 2;5;8); *моая* («моя», Витя, 2;10;26); *моая* (Филипп, 1;8;20); *еёю* («ее», Витя, 2;10;8); *нашие* (Аня, 2;7;12). Иногда ребенок выбирает другое окончание из субстантивного склонения: *ива* («его», Лиза, 2;4;20); *нём* («с ним», Витя, 2;9;5). В некоторых случаях замена окончания происходит немотивированно: *а ния* («на нее», Лиза, 2;1;22). Ср. также с выбором окончания прилагательного в зависимости от окончания существительного – контрастное маркирование и уподобление (см. [1]). В нашем материале не обнаружено случаев контрастного маркирования.

Еще один тип (в) связан с различием основ косвенных форм местоимения «он» в обособленном употреблении и в сочетании с предлогами. Дети регулярно используют форму с «н-» в обособленных контекстах и форму без «н-» при предлогах: *нему* («ему»), Лиза, 2;4;24); *у ей* («у нее»), Аня, 3;0;1)

Все эти процессы происходят и в речи инофонов, изучающих русский язык: ср. *оный* («ей», Самангюль). Хотя инофоны в целом допускают больше разнообразных ошибок, чем одноязычные дети, ошибки в местоимениях редки.

2. Ошибочная с точки зрения взрослого форма зависит от языкового окружения. В эту категорию попадают случаи неверного выбора формы рода при неправильном определении ребенком рода существительного, а также случаи, когда при существительном во множественном числе используется форма единственного числа: *такое двери* (Ваня, 2;6;18); *такая холодильник* (Лиза, 2;9;0). К этой же категории можно отнести случаи семантических замен «мой» на «твой», «я» на «моя» и т. д.

3. Фонетические варианты. Эти варианты не являются грамматическими инновациями в строгом смысле и возникают из-за того, что артикуляторный аппарат ребенка не подготовлен к произнесению фонетически сложных образований. Здесь возникают такие формы, как *маля* («моя»), Дима, 2;5;11); *таё* («твое», Аня, 2;2;26) и др.

Основная часть инноваций приходится на долю формообразования. Тем не менее, их число крайне мало. Формообразовательные инновации возникают в основном при порождении местоимений «я», «мой», «наш», «этот», «он». В формах местоимений, которые появляются позже, ребен-

нок практически не допускает ошибок. Местоимение «так-ой» употребляется в ошибочной форме только тогда, когда происходит несовпадение в роде. Местоимения «тот» и «себя» во всех замеченных примерах употреблялись в правильных формах. Наблюдается следующая зависимость: чем раньше появляется местоимение в речи и чем чаще оно используется, тем больше вероятность конструирования ошибочной формы.

Формы ранних частотных местоимений («я», «мой», «наш», «этот», «он») в целом запоминаются и воспроизводятся гештальтно, но в некоторых редких случаях ребенок производит анализ и конструирует форму самостоятельно. Формы ранних редких местоимений («мы», «ты») всегда запоминаются и воспроизводятся целиком. Формы поздних местоимений возникают тогда, когда грамматическая система, по-видимому, ребенка достигает уровня развития, позволяющего оценивать правильность порождаемой формы. Возможно также, все поздние местоимения объективно используются реже ранних и подчиняются тем же принципам, что и редкие ранние.

Таким образом, хотя обычно ребенок использует при порождении местоимений гештальтную стратегию, случаи самостоятельного конструирования форм отмечаются у самых значимых для ребенка местоимений – тех, которые появляются на раннем этапе и используются чаще других.

Литература

1. *Воейкова М. Д.* Формальные особенности парадигмы прилагательного и ее усвоение детьми // Цейтлин С. Н. (отв. ред.). Речь ребенка: ранние этапы. Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. 1. СПб., 2000. С. 147–169.

Становление коммуникативной структуры текста в онтогенезе: роль семантического компонента языковой способности

А. И. Лаврентьева

Московский городской педагогический университет

oizf@yandex.ru

Коммуникативная структура текста; тема; рема; текст-примитив; онтогенез языковой способности.

Summary. The author describes communicative types of primitive texts that illustrated the inseparability of syntax and semantics in child language development. The means of the communicative structure of an utterance are connected with the semantic relationships in childish linguistic consciousness. The first utterances express only the whole situation. Then, when utterances become less telegraphic, their communicative strategies get wide individual differences.

Своеобразие осуществления коммуникации, одним из участников которой является ребенок, касается как элементов ситуации, выделяемых им в качестве наиболее значимых, так и выбора способов оформления актуальной информации.

Коммуникативная структура высказывания создается его актуальным членением; способ актуального членения определяется коммуникативными намерениями говорящих. На самых ранних этапах речевого и лингвистического развития ребенок сталкивается с необходимостью анализа и интерпретации информации, поступающей «на вход» в процессе общения с окружающими. Вместе с началом речевой стадии развития коммуникации у малыша впервые появляются коммуникативные потребности, связанные с необходимостью каким-либо образом организовать и передать значимую именно для него информацию. Используя знаки языка для реализации своих коммуникативных намерений даже на этапе однословных и двусловных высказываний – голофраз и ситуативных высказываний (Н. И. Лепская, 1997), ребенок уже начинает организовывать информацию единственно доступным ему способом. Так возникают тексты-примитивы (Л. В. Сахарный, 1991), как коммуникативно расчлененные, так и коммуникативно нерасчлененные.

Осуществляя отбор лексических средств в процессе порождения самостоятельного текста, ребенок производит поиск в определенном семантическом пространстве. Мы проследили, как уровень организации лексико-семантической системы (А. И. Лаврентьева, 1995) реализуется в процессе «разворачивания» коммуникативной структуры текстов-примитивов на ранних этапах онтогенеза.

При порождении голофраз реализуется экстралингвистический этап развития семантического компонента языковой способности. При этом обозначение целостной ситуации

может носить рематический характер, если ребенок стремится передать новую для него информацию. В данном случае мы имеем дело с коммуникативно нечленимым высказыванием. Но если ребенок обозначает знакомую ему ситуацию, возникает коммуникативно дефектное высказывание, содержащее лишь тему.

Второму (ситуативному) этапу, когда слова, обслуживающие ту или иную ситуацию, связываются в сознании ребенка синтагматическими отношениями, соответствуют однословные ситуативные высказывания, содержащие рему (*бух* – об упавшей игрушке), и двусловные тексты-примитивы. Последние могут быть как коммуникативно расчлененными, если ребенок стремится передать информацию о конкретном субъекте и его действии или состоянии (*Катя буа* – «Катя пойдет на прогулку»), а также о действии и объекте действия (*кашка ням-ням*), так и коммуникативно нерасчлененными, если они отражают состояние окружающей действительности (*ветер дует; наступила ночь*).

На третьем этапе развития лексико-семантической системы (тематическом) ребенок осознает сходство определенных элементов некоторых ситуаций. Тогда слова, обозначающие эти элементы ситуаций, объединяясь в его языковом сознании, связываются парадигматическими отношениями, а в пределах текста находят место ремы (*а за деревьями дорога железная, пластмассовая, деревянная*). В этих высказываниях часто наблюдаются тенденции «склеивания» семантических шкал (*хвостик у зайчика маленький, а не длинный*).

Со временем дети пытаются выделить и словесно обозначить как можно больше элементов ситуации. Но они долгое время не способны еще понять, какая именно информация оказывается значимой не только для них, но и для других участников коммуникации. В связи с этим они с удовольст-

вием вербализуют все элементы ситуации, которые могут выделить (это сделать им позволяет сложившийся к четвертому – тезаурусному – этапу лексикон, по своей структуре приближающийся к лексикону взрослого носителя языка). Постепенно тексты-примитивы «разворачиваются» в тексты, представляющие собой «зеркальное отражение ситуации в речи». Объем подобных текстов превышает 2–3 тематических блока, связность обеспечивается разнообразными способами и средствами. Но при этом отсутствует эффективность коммуникации: важнейшая характеристика текста – цельность – практически не реализуется. Между тем адекватная коммуникация предполагает учет условий коммуникативной ситуации в процессе порождения высказывания. К концу дошкольного – началу младшего школьного возраста дети обычно приобретают умение дифференцировать элементы ситуации и словесно обозначают лишь те из них, которые являются актуальными с точки зрения условий коммуникации.

Освоение коммуникативной структуры высказывания во взаимодействии с процессом становления семантического компонента языковой способности обеспечивает ребенку в дальнейшем при порождении самостоятельного связного текста как точность словоупотребления, так и разнообразие его лексического наполнения. С одной стороны, овладение

средствами оформления коммуникативной структуры текста способствуют установлению семантических связей в языковом сознании ребенка, с другой, – уровень организации лексико-семантической системы оказывает влияние на индивидуальные стратегии интерпретации и порождения высказывания с точки зрения коммуникативно значимой (актуальной) информации.

Таким образом, семантический компонент языковой способности обеспечивает ребенку хранение информации об окружающей действительности, а коммуникативная структура высказывания (текста) позволяет осуществлять поиск и передачу актуальной информации в соответствии с условиями коммуникативной ситуации. Индивидуальные стратегии коммуникативного поведения, которые отражаются тема-рематической (коммуникативной) структурой высказывания, определяются способами организации значений лексических единиц в языковом сознании. В свою очередь, коммуникативная организация высказывания способствует установлению структуры семантических отношений в лексико-семантической системе ребенка и встраиванию в нее новых элементов. В этом взаимодействии, безусловно, вновь проявляется творческий характер процесса овладения языком, одна из приоритетных линий саморазвития языковой способности.

Функциональный подход к организации лингвистического исследования младших школьников

Н. И. Наумова, С. А. Климова

Пензенский государственный университет

Gipnozzz@yandex.ru, ada62@yandex.ru

Functional approach, linguistic study of elementary school, extracurricular activities.

Summary. The report proves the feasibility and effectiveness of linguistic research in the functions of language units in the elementary grades.

Одной из задач современной школы является воспитание у детей исследовательской установки по отношению к жизни, чему способствует организация лингвистического исследования на уроках и во внеурочное время. Осознавая лингвистическую проблему и задачу, новую для ребенка, осуществляя ход ее решения вплоть до представления результатов в той или иной форме, дети осваивают универсальную модель исследовательской деятельности.

Вопрос о возможности применения элементарного лингвистического исследования на уроках русского языка в начальной школе неоднократно обсуждался методистами. Еще в XIX веке наблюдения над языком выдвигался как основной путь его изучения в трудах К. Д. Ушинского, Ф. И. Буслаева, А. М. Пешковского. Интерес к этой проблеме не угасал на протяжении всего XX века, о чем свидетельствуют исследования Л. И. Айдаровой, В. В. Репкина и др. По мнению Л. И. Айдаровой, при изучении родного языка «учебная деятельность ребенка сразу может носить исследовательский характер» [Л. И. Айдарова, 1979, 8].

Элементарное лингвистическое исследование проектируется в современных учебниках для начальной школы (В. В. Репкин, М. С. Соловейчик, Н. С. Кузьменко, Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, и др.) как путь освоения программного материала на уроке. В последнее время оно становится востребованным и во внеурочной сфере, что в свою очередь актуализирует проблему отбора содержания и организации исследовательской деятельности детей. По мнению ученых, отбор содержания лингвистического исследования для внеурочной работы должен производиться с учетом следующих принципов: научности, опоры на базовое содержание, этичности, коммуникативности (практической значимости для совершенствования навыков речевого общения) и др. [С. В. Абрамова, 2012]

Названным принципам отвечает лингвистическое исследование, обращенное к функциональному аспекту изучаемых языковых единиц. В работах А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, М. А. Шеякина и др. функциональный аспект языковой единицы трактуется через понятие функция (роль, значение, назначение, работа); при этом функция может быть как потенциальной, так и реализованной (А. В. Бондарко). Задачей лингвистов является создание наиболее

полного представления о функциональном аспекте единиц языка. Для учащихся задача изучения данного аспекта иная: она носит практическую направленность, обеспечивая совершенствование их языковой и коммуникативной компетенций. Из сказанного вытекает, что предметом детского исследования могут стать текстовые функции изучаемых средств языка, осознание которых (функций) будет способствовать совершенствованию умений понимать и продуцировать разные виды текстов.

Под текстовыми функциями понимается способность языковых средств участвовать в оформлении мысли при создании текста, придавать тексту определенную структуру, необходимую композиционную форму, связывать воедино его отдельные предложения и части [Н. А. Ипполитова, 1996]. Изучаемые в начальной школе языковые единицы способны выполнять разные текстовые функции: от структурных до избирательно-выразительных.

Данные функции, представляя возможные аспекты детского исследования, определяют содержание познавательных задач, при решении которых учащиеся осуществляют деятельность, релевантную исследовательской деятельности ученых. В образовательном процессе эта деятельность может быть представлена в сокращенном виде, однако методы и средства, которые используются в учебном исследовании, должны представлять собой микромодель научных.

Продуктивными в решении исследовательской задачи по выявлению текстовых функций языковых средств являются разные виды функционального анализа. В основу моделирования учебного варианта такого анализа целесообразно положить научные методологические установки, реализующие функциональный подход к изучению языка. Согласно им, учебное исследование должно включать указание языковой формы (единицы), «определение ее системных координат, поскольку речевое употребление языковой единицы – это проблема выбора, в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего, из синонимического ряда единиц» (Г. А. Золотова), осмысление функционального назначения употребленной в тексте языковой единицы. Возможность выполнения двух последних операций часто требует постановки лингвистического эксперимента, где в результате замены употребленного средства синонимич-

ным удается более точно установить текстовую функцию первого.

Разнообразие текстовых функций предполагает использование в элементарном виде разновидностей лингвистического анализа: функционально-структурного (направленного на осмыслении роли языковой единицы в организации структуры текста); функционально-стилистического (устанавливающего экспрессивную нагрузку языкового средства). Краткой иллюстрацией последнего является методический фрагмент, в котором в качестве объекта детского исследования взята форма настоящего времени при описании событий прошлого. Детям предлагается текст (рассказ о событиях прошлого с включением форм настоящего времени), при прочтении которого учащиеся обнаруживают неожиданную смену времени глагола. Что это: ошибка автора или его находка? – так определяется исследовательская проблема. Для ее разрешения дети включаются в лингво-

стилистический эксперимент, они заменяют авторский временной план текста единым, ставя все глаголы в форму прошедшего времени. Прочитав новый вариант, ученики убеждаются, что общий смысл в нем сохранен и понятен, но в художественном варианте он проигрывает авторскому. Далее важно установить, какой аспект выразительности достигается временной соотносительностью, какая деталь становится выразительнее.

Актуален для исследования функционального аспекта изучаемых единиц языка и элементарный филологический анализ текста. Познавательная деятельность школьников связывается с интерпретацией художественного смысла текста: замысел автора при таком анализе раскрывается с помощью языковых средств. Научной основой для проектирования учебного варианта филологического анализа являются работы В. В. Виноградова, Г. А. Золотовой, Г. Я. Гина, Л. А. Новикова и др.

Освоение видовых противопоставлений двуязычными голландско-русскими детьми

А. В. Пеетерс-Подгаевская

Амстердамский университет (Нидерланды)

A. V. Peeters-Podgaevskaja@uva.nl

Глагольный вид, онтогенез, двуязычие, русский язык

Summary. In this paper the acquisition of Russian verbal aspect by Dutch-Russian bilingual children is discussed. As became clear, imperfectives are mostly not associated with incomplete telic events; and secondary imperfectives are wrongly interpreted as perfectives and less known by bilingual children.

В литературе по онтогенезу долгое время бытовало мнение, что русскоязычные дети осваивают видо-временные отношения без труда в самом раннем возрасте [3]. В последнее время, однако, подобная точка зрения пересмотрена. На основе различных экспериментов убедительно показано, что русскоязычные дети в дошкольном возрасте испытывают затруднения в соотношении вида глагола с определенным типом действия. Так, глаголы СВ они ассоциируют в первую очередь с окончанием ситуации (т. е. внешним пределом), а не с доведением ее до результата (т. е. логического внутреннего предела) [2: 170–172]. Кроме того, более половины дошкольников в возрасте 5 лет не в состоянии установить конвенциональное отношение между нерезультативной ситуацией и формами НСВ [1: 106]. Данные наблюдения подвели исследователей к выводу, что освоение видо-временных отношений в русском языке представляет собой длительный процесс [6]. Более того, в ходе экспериментов выявилась асимметрия продуктивного и перцептивного онтогенеза: дети, используя формы в конвенциональных значениях, испытывают затруднения с восприятием этих значений конвенциональным образом [2: 173].

Гораздо меньше известно о проблемах освоения видо-временных форм двуязычными детьми. (В этой связи выделяется работа Анштатт [5], в которой исследуется использование монолингвами и русско-немецкими билингвами глагольных форм в нарративах.) В нашем исследовании мы попытались разобраться, в чем заключаются сложности в понимании и продуцировании видовых форм у голландско-русских детей и чем это объясняется.

Методика проведения эксперимента. В данном исследовании мы повторили эксперимент, созданный под руководством Натальи Гагариной (Центр общего языкознания, Берлин) в рамках международного проекта “Cross-linguistically Robust Stages of Children’s Linguistic Performance” (см. [1]). В нашем эксперименте приняли участие 10 симультанных несбалансированных голландско-русских билингвов в возрасте 8;6–9;6 лет. Участникам было предложено просмотреть шесть видеофрагментов, из которых каждый состоял в свою очередь из шести различных ситуаций, и ответить на вопросы о завершенности-незавершенности изображаемых в видеороликах действий. В стимульном материале были использованы 6 глагольных пар: *строить* – *построить*, *рисовать* – *нарисовать*, *делать* – *сделать*, *открывать* – *открыть*, *закрывать* – *закрывать*, *задувать* – *задувать*. Показ видеофрагментов сопровождался музыкой: в момент прекращения музыки ролик останавливался. Эксперимент проводился в русской школе г. Амстердама и был разделен на две сессии с промежутком в две недели. Ответы

испытуемых записывались на звуко-записывающее устройство, а также фиксировались на специально составленных бланках.

Каждое изображаемое в эксперименте действие было связано с четырьмя утверждениями, в которых использовался либо глагол СВ, либо глагол НСВ: 1) действие во фрагменте результативное – в утверждении употреблен НСВ; 2) действие во фрагменте результативное – в утверждении употреблен СВ; 3) действие во фрагменте нерезультативное – в утверждении использован НСВ; 4) действие во фрагменте нерезультативное – в утверждении использован СВ. Таким образом, только в последнем случае глагольное употребление являлось абсолютно недопустимым. 24 вопроса-утверждения были направлены на правильное понимание изображенного действия, а 12 вопросов на продуцирование детьми устных ответов.

Результаты. Во-первых, в результате эксперимента стало ясно, что основные проблемы возникали при понимании и продуцировании нерезультативных ситуаций. Данный факт подтверждает наблюдения, сделанные Гагариной [2] и Абросовой [1]. Испытуемые затруднялись с ответом на вопрос, если в нем использовался глагол НСВ (23,3% ошибок). Так, например, на утверждение *Пока музыка играла, клоун открывал коробку для игрушек* дети отвечали отрицательно (*Нет, не открыл*), хотя действие в видеоролике было только приостановлено, но не завершено (в правильном ответе должно было бы быть *Да, открывал, но не открыл*). Во-вторых, на правильность-неправильность ответов в значительной мере влияла морфология глагола: больше всего ошибок (40%) было допущено при выборе вторичного имперфектива (*открывать*, *закрывать*, *задувать*). Для глаголов *строить*, *рисовать* и *делать* процент неправильных ответов составил менее 7%. Возможно, подобное соотношение ошибок объясняется тем, что двуязычные дети в гораздо лучшей степени знают первичные, С-корневые, глаголы, а приставочные образования ассоциируют прежде всего с СВ, не обращая внимания на суффикс вторичного имперфектива или даже не воспринимая его как маркер НСВ, что, возможно, объясняется их более низким уровнем общего владения русским языком. В-третьих, при продуцировании ответов-реакций на представленные ситуации двуязычные дети последовательно употребляли глаголы НСВ при описании нерезультативных действий. Однако и при описании результативных действий дети использовали имперфективные формы в 55% случаев (ср.: 30% – глаголы СВ, в 15% вообще не употреблялись глагольные формы). Найти данным результатам однозначное объяснение довольно сложно. С одной стороны, можно предположить, что

дети знают глаголы НСВ лучше. Но как уже было отмечено, в перцептивном тесте вторичные имперфективы вызвали у испытуемых явные затруднения. С другой стороны, можно допустить, что дети способны продуцировать глаголы НСВ в обще-фактическом значении (хотя оно является одним из наиболее сложных для освоения). Может быть, выбор имперфектива связан еще и с тем, что НСВ не маркирован, а потому в живом употреблении может передавать семантику и маркированного члена [4: 224].

В заключение отметим, что двуязычные голландско-русские дети знают первичные глаголы лучше, чем вторичные образования: корневые НСВ они знают лучше, чем префиксальные СВ, а префиксальные СВ лучше, чем вторичные имперфективы, которые оказываются для билингвов крайне проблематичными, что, по всей видимости, объясняется недостаточной языковой компетенцией. Этим же можно объяснить и склонность детей к эллипсисам и стра-

тегии умолчания, когда употребление глагольных форм избегается или заменяется жестами.

Литература

1. *Абросова Е. В.* Особенности восприятия дошкольниками категории вида глагола (на материале русского языка) // Онтолингвистика – наука XXI века. СПб., 2011. С. 103–107.
2. *Гагарина Н. В.* Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб., 2008.
3. *Гвоздев А. Н.* Вопросы изучения детской речи. СПб.; М., 2007.
4. *Якобсон Р. О.* Нулевой знак // Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985. С. 222–230.
5. *Anstatt T.* Aspect and tense in storytelling by Russian, German and bilingual children // Russian Linguistics. 2008. Vol. 32. P. 1–26.
6. *Stoll E.* The Acquisition of Russian Aspect. PhD Dissertation. München; Townsend, C. E., 2001.
7. *Van de Grint S.* De verwerving van het werkwoordsaspect bij Nederlands-Russische bilinguale kinderen. BA thesis. Amsterdam, 2013.

Влияние первого языка и возраста начала изучения на состояние развития категории рода на высоком уровне владения вторым языком

Т. А. Перевозчикова

Алберт-Людвигов-Университет (Фрайбург, Германия)

tatiana.perevozchikova@slavistik.uni-freiburg.de

Род, возраст начала изучения второго языка, высокий уровень владения вторым языком, русский, немецкий.

Summary. The study explores how a learner's first language and the age at which they started to acquire their second language may contribute to the knowledge of grammatical gender they can ultimately develop in their second language.

В данном докладе будут представлены предварительные результаты исследования, посвященного освоению грамматической категории рода немецкого языка русскоговорящими. Особое внимание уделяется влиянию родного (русского) языка и возрасту начала изучения второго (немецкого) языка на состояние развития категории рода на высоком уровне владения вторым языком. Целью исследования является выявление зависимости интерференции из родного языка от возраста начала изучения второго языка. При этом интерференция рассматривается на двух уровнях: на уровне отдельных лексем, когда род конкретной лексической единицы второго языка определяется изучающими на основе родовой принадлежности эквивалента родного языка, и на уровне формальных закономерностей, когда изучающие переносят стратегии определения рода на основе формальных морфонологических признаков из родного языка во второй язык.

Основой работы послужили данные трех типов, позволяющие проследить проявления интерференции в разных типах речевой деятельности: 1) тест на определение родовой принадлежности, 2) оценка правильности предложений, содержащих ошибку в категории рода, и 3) спонтанная устная речь. Данные были получены от более 60 участников с

родным языком русским, иммигрировавших в Германию в возрасте от 3 до 40 лет и проживающих там более 8 лет. Возраст при иммиграции принимается за возраст начала изучения второго языка.

Результаты анализа данных показали, что проявления языковой интерференции из первого языка прослеживаются во всех возрастных группах, но в разной степени. В данных участников, начавших изучение немецкого языка в возрасте около 10 лет и старше, наблюдается интерференция как на уровне отдельных лексем (**die Kraut* от русск. *капусты*), так и на уровне формальных закономерностей (существительные, оканчивающиеся на непалатализованный согласный, автоматически приписываются мужскому роду). Интерференция из русского языка в данных участников с возрастом начала изучения немецкого языка от 3 до 6 лет ограничивается теми случаями, когда немецкие лексемы низкой частотности с окончанием –а ошибочно относятся к женскому роду. Для объяснения данных тенденций в докладе будут рассмотрены закономерности освоения категории рода в русском языке как родном и немецком как втором, а также особенности категории грамматического рода в немецком и русском языках.

О судьбе русского языка как второго родного: к проблеме утраты естественного билингвизма на территории бывшего СССР

И. М. Румянцева

Институт языкознания РАН (Москва)

irina.m.rumyantseva@gmail.com

Русский язык, билингвизм, детский, психолингвистические основания.

Summary. The paper discusses the fate of the Russian language on the territory of former Soviet republics and suggests social linguistic, psycholinguistic and neurolinguistic foundations of natural bilingualism disappearance in this area.

В начале нового тысячелетия русский язык на территории бывшего СССР все более теряет свои позиции.

В данном сообщении мы предлагаем представить глубину утраты естественного билингвизма в бывших советских республиках под социолингвистическим, лингвопсихологическим и нейролингвистическим углом зрения.

Политика национального сепаратизма новых государств ведет к практическому изгнанию из них русского языка и речи как инородных. Русский язык не только перестает изучаться в школах – он перестает звучать по радио и телевидению, он все реже слышится в обиходе, он исчезает с вывесок магазинов и служб быта. А это означает, что русский язык перестает быть той естественной языковой и речевой средой (ибо речь – это язык функционирующий), которая

питает мозг ребенка при его речевом развитии. Для формирования детей-билингвов такая среда является необходимым и обязательным условием, т. к. только при ее наличии дети способны к одновременному овладению не только одним, но и двумя языками сразу.

В новых странах практически не задумываются над тем, что лишение подрастающих поколений естественного билингвизма сокращает их возможности в получении хорошего образования и работы, снижает их уровень культурного и интеллектуального развития, а образовавшиеся на месте русского языка лакуны грозят заполниться отнюдь не массовым изучением других языков, а узко-националистическими, религиозными и прочими воззрениями, только мешающими интеллектуальному развитию молодежи.

Необходимо понять, что речь, в том числе двуязычная, развивается и формируется в процессе онтогенеза в сложных системах взаимодействия со средой, опосредованной человеческим общением при помощи языка, когда определяется переход от чувственно-наглядной ступени познания к более высокому уровню интеллектуального анализа и синтеза. В этот же период происходит формирование личности человека, и речь ребенка оказывается органически вплетенной во все проявления его личности при общении с другими людьми. Наступает время, когда детство заканчивается, завершаются известные этапы развития, и на опыте речевой деятельности формируются функциональные системы регуляции и поведения человека. И если второй язык (в данном случае – русский) начинает изучаться не в детском возрасте, вне среды, он изучается уже как язык иностранный, не родной.

Если взглянуть на мозг человека в техническом ракурсе, то в компьютерном определении головной мозг является мультипроцессором. Получая информацию из окружающей среды в синтетическом виде, он одновременно оперирует ею на уровне звука, формы, цвета, движения, тактильных ощущений, вкуса, запаха, веса, размера и многих других параметров. Он собирает «образцы» информации, сортирует ее, анализирует и связывает в блоки, выводит значения из огромного количества стимулов, поступающих в него синхронно. Мозг работает параллельно во многих направлениях, модальностях, уровнях сознания, интеллекта и эмоций. Получая языковую информацию также в синтетическом виде, он тоже обрабатывает ее симультанно, т. е. сразу и одновременно на всех уровнях. В языковом выражении можно сказать, что вся фонетическая, грамматическая, лексическая, семантическая информация, в отвлеченной абстрактной модели языка разлагается на уровни и подуровни, в аппарате головного мозга работает одновременно, корпоративно и слои ее как бы вплетены, интегрированы друг в друга, однако мозг постоянно анализирует и процессирует ее. Но возможности головного мозга даже маленького человека настолько велики, что он способен из синтетической информации, в конечном итоге, произвольно выводить – творить – не только одну, но и две языковые системы одновременно. И если на первых порах эти системы значительно интерферируют, то постепенно они становятся вполне самостоятельными.

В силу обостренной чувственной перцепции, широко открытых каналов восприятия маленькому человеку намного

легче овладевать языками в социуме естественным путем, чем при спланированном, опирающемся на логику обучении. Причем, чем раньше и бессознательнее ребенок станет овладевать вторым языком, тем успешнее он его освоит. Нахождение ребенка в двуязычной среде также естественно, как нахождение его среди всего многообразия, многоцветия и многозвучия мира. Так же, как здоровый ребенок способен отделить желтый цвет от красного, а пенья птиц от стрекота кузнечика, выстроив разные системы образов, символов и понятий и оперировать ими, точно так же он способен постепенно отделить один язык от другого, выстроив в своей ментальности разные языковые системы, и свободно пользоваться ими. Утрата двуязычной речевой «питательной среды лишает ребенка возможности естественного и раннего формирования у него билингвизма.

Боле того, известно, что целый ряд психологических и психолингвистических исследований выявил определенную связь эмоциональной и когнитивной сферы человека с ритмической активностью его физиологических систем, способных при помощи органов чувств реагировать на внешние воздействия ритма, в том числе речевого, и коррелировать с ним.

Существуют эксперименты, которые доказывают, что физиологические системы ребенка начинают подстраиваться под «ритмы и мелодии» окружающего мира, в том числе речевые, уже в утробе матери. Эти речевые ритмы и мелодии, а точнее просодии речи, становятся родными и привычными для ребенка еще до его появления на свет. Можно сказать, что просодии речи «прививаются человеку с молоком матери», произвольно становясь частью его физиологии и психики.

Именно поэтому ребенку-билингву для формирования просодически «безакцентной» речи как на одном, так и на другом языке необходимо получать звучащие стимулы от обеих языковых систем постоянно и в равной мере. В противном случае его физиология и психика приспособятся в большей степени к одной, доминирующей, просодической системе, а вторая – будет формироваться искаженно, интерферируя с первой. Иными словами, ребенку-билингву, как воздух, необходима та двуязычная речевая среда, от которой так стремятся избавиться ныне новые независимые страны, а потому естественный билингвизм, которым было охвачено практически все население бывшего СССР, стремительно и безвозвратно уходит в прошлое.

Парадигматика или синтагматика? (причины некоторых сбоев в порождении высказывания у детей)

О. Б. Сизова

ГБДОУ № 85 Центрального района, Санкт-Петербург
osizova@yandex.ru

Детская речь, порождение высказывания, парадигматические и синтагматические основы речи, взаимозамещения грамматических форм.

Summary. The study proved that the mutual exchange of grammatical forms, such as subject and object in the statements of children caused by a malfunction in the progressive deployment of utterances, that is dysfunction syntagmatical basic of speech.

Предметом исследования послужили высказывания дошкольников, имеющих признаки речевого дизонтогенеза различной степени выраженности. Общей особенностью рассматриваемых высказываний является взаимозамещение грамматического маркирования объекта и субъекта действия либо прямого и косвенного дополнения. Результатом такой перестановки становится семантическая неадекватность высказывания при сохранении его грамматической правильности. Рассмотрим примеры взаимозамещения форм субъекта и объекта:

- 1) Антон 5.1 *Ася маму кормит* (речь идет о кошке Асе, которую кормит мама);
- 2) (Саша рассказывает, что она боится «мышь»). Ваня комментирует)
Взрослый: *Кто мышь боится?* Ваня 5.3: *Мый бацца Сашу!* (= мышь боится Сашу).

Примеры взаимозамещения форм прямого и косвенного дополнения:

- 3) Гриша 4.10 *Кирпичи можно делать из дома.* (увидев, что взрослый вынимает из мешка стройматериал – кирпичи)
- 4) Марианна 5.5 *Они её в ёжике несут* (на картинке мальчики несут ежика в шапке)

Подобного рода асемантические высказывания, как правило, используются для тестирования возможности понимания логико-грамматических конструкций, «включающих словесную формулировку отношений» (Лурия 1975). Испытуемым предлагается верифицировать правильность высказывания, например: «Кошка поймала мышку / Мышка поймала кошку».

Затруднения в понимании этих конструкций выявляются у больных с афазиями, относимыми А. Р. Лурия к нарушениям парадигматических основ речи, а именно, при семантической и при афферентной моторной афазии. Таким образом, нарушение понимания логико-грамматических конструкций может быть обусловлено как неспособностью к тонкой дифференциации значений, кодируемых в приведенных тестовых предложениях падежными флексиями, так и первичной дисфункцией фонематической системы, что препятствует четкому увязыванию значения и звучания, приводя к трудностям смысловоразличения.

Однако если бы при порождении формы существительного неточным оказался выбор падежной флексии, это, вероятно, не распространилось бы на две словоформы, т. е. не наблюдалось бы взаимозамещения флексий. В рассматри-

ваемых же предложениях наблюдается «обмен» флексиями, но выбор грамматического маркера для подлежащего и дополнения или для прямого и косвенного дополнения адекватен. Важно отметить также, что продуцировавшие высказывания дети не затруднялись при понимании логико-грамматических конструкций в специальных тестах.

Предположим, что порождение высказываний вызвано сбоем в функционировании не парадигматической, а синтагматической системы языка: произошел сбой не при выборе флексий, а при развертывании программы высказывания.

Согласно модели речепорождения, разработанной Т. В. Ахутиной, процессу грамматического структурирования высказывания предшествует этап внутреннего (смыслового) программирования. На этом этапе сначала происходит смысловое синтаксирование: выстраивается цепочка предикатов к подлежащему – наличной ситуации. Далее происходит первичная грамматическая организация материала, происходящая по правилам глубинного синтаксиса с вычленением «психологического» подлежащего, сказуемого и второстепенных членов высказывания (Ахутина 1975). Анализируя речь больных афазией, Т. В. Ахутина выявила, что результаты каждого из этих этапов имеют шансы быть «вынесенными на поверхность», минуя этап грамматического структурирования. Например, большая с нарушением грамматического структурирования высказывания, описывая картинку, произносит: «Санки... дети... Дети санки». В этом случае, по мнению Т. В. Ахутиной, сначала в соответствии с правилами ситуативно-смыслового синтаксирования обозначается целостная ситуация (санки), а затем выделяется субъект и по правилам глубинного синтаксиса строится последовательность «субъект-объект». Словоформы при этом не изменяются, поскольку этап грамматического структурирования пропущен.

Также возможно переструктурирование стандартных схем глубинного синтаксиса в соответствии с субъективной значимостью компонентов ситуации для говорящего. Это явление – эмпфаза – характерно и для нормативных высказываний. Но при отсутствии маркирования падежных флексий у больных афазией высказывание «сын купить игрушки папа» (Ахутина 1975) может быть понято неоднозначно.

В высказываниях детей наблюдается перемещение в «более активную» позицию: объект занимает позицию субъекта, косвенное дополнение – позицию прямого. Представляется, что в высказываниях Вани и Гриши «мышь» и «кирпичи» явились обозначением ситуации в целом по правилам

ситуативно-смыслового синтаксирования, а дальнейшее развертывание высказывания уже подчинялось правилам глубинного синтаксиса, в соответствии с которыми было обозначено действие и второй участник ситуации. В высказываниях Антона и Марианны были перемещены влево наиболее значимые компоненты высказывания: Антон хотел поделиться личным опытом по теме кормления кошки, Марианну удивила возможность транспортирования ежа в некоей емкости, которую она не сразу идентифицировала. В результате эмпфазы объект действия занял начальную позицию, а способ действия – позицию прямого дополнения. При этом дети в той или иной степени владеют правилами грамматического структурирования. Поэтому при дальнейшем развертывании оставшиеся участники ситуации были обозначены словоформами, соответствующими их синтаксической позиции: оказавшиеся в позиции прямого дополнения потенциальные подлежащие были маркированы флексиями винительного падежа, потенциальные прямые дополнения – флексиями, характерными для дополнений косвенных. При этом схема грамматического структурирования как бы «накладывалась поверх» развертываемого высказывания, дети не пытались перестраивать его структуру. Можно предположить, что схема грамматического структурирования актуализировалась не вполне осознанно, автоматически. Т. В. Ахутиной описан шаг «слушания», осуществляемый по завершении каждого из этапов оформления высказывания и свидетельствующий о необходимости (или об отсутствии таковой) переструктурирования полученной последовательности в соответствии с правилами следующего уровня порождения. Представляется, что именно «слушание» позволило перейти от целостного именованной ситуации к развертыванию, но на этапе грамматического структурирования шаг «слушания» был пропущен, что не позволило детям выявить несоответствие между смыслом высказывания и порядком элементов в выбранной синтаксической модели.

Вероятно, рассматриваемые предложения явились результатом сбоя в последовательном развертывании высказывания. Сбой обусловлен стереотипическим применением синтаксической модели к особым «историям» порождения высказывания. При этом стереотипность, склонность к шаблонным применениям различных языковых инструментов (например, использование шаблонных словосочетаний и фраз, сверхгенерализация способов грамматического маркирования) обычно выявляются при дисфункции процессов последовательного развертывания высказывания.

Развитие у старших дошкольников процессов понимания текста

Н. В. Харченко

Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет им. Григория Сковороды (Украина)

psycholing_lab@mail.ru

Понимание, восприятие, слушание, текст, смысл.

Summary. The paper describes the peculiarities of working with preschool children to develop their understanding of the text.

Понимание текста – сложная деятельность, включающая речевые, а также связанные с ними когнитивные, эмоциональные и другие операции и действия: определять основную мысль текста; членить текст на смысловые части (микротемы) определять главную мысль смысловой части; устанавливать логико-смысловые и причинно-следственные связи в тексте; «проникать» в авторский замысел, раскрывать его; выделять факты в тексте, существенные детали, устанавливать взаимосвязи между ними; объединять отдельные факты в получаемой информации в более крупные смысловые блоки; воспроизводить услышанную информацию; прогнозировать (предвосхищать) содержание текста; удерживать в памяти большое количество фактов, деталей; обобщать, делать выводы в процессе осмысления услышанного, выражать собственное (оценочное) отношение к прослушанной информации.

Важным в работе с дошкольниками является развитие у них речевой мотивации смыслоформирования. Она определяет готовность ребенка воспринять, осмыслить и понять текст. Среди мотивов понимания могут быть такие, как: стремление к знаниям, установление истины, познаватель-

ный интерес к содержанию текста и др. Степень адекватности понимания зависит от того, какую цель перед детьми поставил воспитатель: понять, о чем самом главном хотел сказать автор произведения и выразить свое отношение к прослушанному; дать оценку действиям героев; рассказать о возникших чувствах; пересказать текст; выразить свое понимание в рисунке, в действии. Для успешного понимания текста огромное значение имеет предварительная установка на внимательное слушание. Педагогу необходимо объяснить детям (а ребенок должен осознать), чтобы понять произведение, важно сосредоточиться, быть внимательным, вслушиваться в каждое слово, выслушать весь текст от начала и до конца (нельзя перебивать воспитателя вопросами, репликами, разговорами с детьми во время слушания).

Обучение пониманию текстов невозможно без целенаправленной работы по развитию у детей навыков вероятностного прогнозирования. По мнению ученых (Г. Г. Граник Л. А. Концевая, С. М. Бондаренко), «без вероятностного прогнозирования невозможна никакая разумная человеческая деятельность, в том числе и понимание текста» [1]. Это один из механизмов, который обеспечивает реализацию ауди-

рования, а в определенных условиях (речевой, литературный, жизненный опыт, владение определенными знаниями) – облегчать смысловое восприятие. С этой целью можно предложить детям по заглавию, иллюстрации, сюжетной картинке предположить о возможном содержании рассказа, сказки. Важной (и к тому же интересной) в этой связи является работа с заголовком текста. Заголовок, по мнению Г. Г. Граник, Л. А. Концевой, С. М. Бондаренко, является «входной дверью текста», вызывает вопросы и гипотезы, является основой прогнозирования. Среди приемов работы с заголовком могут быть такие: обсуждение заголовка до чтения воспитателем текста и дальнейшего сопоставление его с содержанием произведения; придумывание заголовка к тексту (в формах утверждения, вопроса, загадки, рисунка-символа и др.).

Актуальным аспектом «восприятия – понимания» текста является умение детей вообразить (представить) то, о чем в нем говорится. Истинное понимание возможно в том случае, если в детском воображении «нарисует» картина, адекватная содержанию текста. Поэтому необходимо развивать у детей творческое воображение, умение представить услышанное, «поймать» суть произведения. С этой целью можно предложить детям рисование по прослушанному тексту. Подбирать необходимо такие произведения, которые будут вызывать у дошкольников яркие представления, образы, картины, и которые будет несложно нарисовать. Таким образом, развитие воображения является важной частью работы над пониманием текста.

На понимание текста огромное влияние имеет эмоциональное состояние ребенка. В дошкольном детстве эмоции детей неустойчивы, поэтому их необходимо поддерживать и углублять. Но важно не забывать, что слишком «бурные» эмоции часто мешают детям осмыслить произведение. Поэтому, как считает Н. Карпинская, «нужно вести детей от эмоционального восприятия сказки к осмыслению ее идейного содержания» [Карпинская, 1972: 63]. С этой целью можно использовать метод смыслового анализа текст: вопросы на понимание *фактического содержания текста* (О чем текст? О ком? Кто главные герои сказки (рассказа)? Что делают главные герои? Где происходят события? Когда происходят события? и т. п.); вопросы на понимание *смысла текста* (О чем самом главном хотел сказать автор? Чему учит нас это произведение? О чем автор хочет нас предупредить (предостеречь)? и др.).

Увидеть, насколько глубоко дети проникли в главную мысль текста помогут задания на *смысловую компрессию* (самостоятельно придумать заглавие к прослушанному тексту; выбрать заглавие к прослушанному тексту из нескольких, предложенных воспитателем), а также *проблемные*

задания (прослушать текст, выбрать одну из предложенных картинок, которая иллюстрирует основную мысль текста; прослушать текст и определить расхождение между его содержанием и картинкой, предложенной воспитателем для раскрытия основной мысли текста; прослушать текст и соотнести его содержание с серией картинок, размещенных в «хаотической» последовательности (разложить рисунки в соответствии с логикой происшедших событий в тексте).

Смысловое восприятие текста зависит от того, насколько развито внимание детей, умение слушать не отвлекаясь, опираясь на произвольное внимание, которое требует от детей внутренних усилий, умения сконцентрироваться. Поскольку у дошкольников доминирует непроизвольное внимание, это ставит перед воспитателем четкие требования к отбору материала для слушания. Подбирая тексты для чтения, педагогу необходимо учитывать: а) сложности оформления текста (фонетические, лексические, грамматические, стилистические); б) логико-смысловую структуру текста (подбирать тексты с четко выраженной основной мыслью, идеей); в) информационную насыщенность текста (перенасыщенность текста информацией утомляет дошкольников и усложняет его восприятие); г) наличие речевого опыта детей (речевой опыт обеспечивает перцептивную готовность детей к восприятию и пониманию аудиоматериала и снимает сложности разборчивости речи).

Исходными в работе по развитию у дошкольников процессов понимания являются *психологические принципы*, такие как: 1) учет возрастных особенностей детей; 2) учет особенностей восприятия детьми художественных произведений.

Учитывая возрастные особенности дошкольников, педагогу важно обращать внимание на быструю утомляемость детей, эмоциональную возбудимость, слабую концентрацию внимания и его переключение, гиперактивность, недостаточный объем памяти, недостаточное развитие фонематического слуха.

Восприятие детьми литературных произведений имеет свои особенности: наивный реализм; активное восприятие событий и действий, но непринятие затянута в изображении чего-либо; отсутствие интереса к психологии героя; идентификация себя с героем произведения; выделение в герое только одну, ведущую черту характера; влияние на восприятие текста уровня развития фонематического слуха и речи; внесение в произведение того, чего не может быть, додумывание сюжета, изменение окончания произведения; восприятие дошкольника латентно, оно протекает скрыто.

Литература

1. Граник Г. Г., Концевая Л. А., Бондаренко С. М. Когда книга учит. М., 1991.

К вопросу об освоении предложно-падежных конструкций при овладении русским языком как первым и как вторым *

С. Н. Цейтлин

Институт лингвистических исследований РАН, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

st12006@list.ru

В ходе освоения языка и как первого, и как второго параллельно осуществляются два основных процесса – создание инвентаря единиц, в котором ведущее место отводится формированию лексикона, и овладение грамматикой, т. е. правилами выбора, а в случае необходимости – и конструирования языковых единиц (в рассматриваемом нами случае – словоформ и предложно-падежных форм). Поскольку оперирование блоками единиц является более экономным способом речевой деятельности, к конструированию говорящий прибегает отнюдь не всегда, а только в тех случаях, когда готового блока не обнаруживается в его ментальной лексиконе (в широком смысле этого слова) или доступ к нему по каким-то причинам затруднен. В нашем случае речь идет о выборе и конструировании простых (не включающих предлогов) и сложных (представляющих сочетание предлога и падежной словоформы) субстантивных форм. Как те, так и другие мы рассматриваем в качестве

плана выражения минимальной синтаксической единицы-синтаксемы (по терминологии Г. А. Золотовой).

Цель исследования заключается в том, чтобы выяснить, каким образом осваиваются и функционируют в реальной речевой деятельности русскоязычного ребенка-монолингва и иноязычного ребенка дошкольного возраста русские субстантивные синтаксемы, представленные падежными словоформами и предложно-падежными формами. [Считаем необходимым терминологически разграничивать синтаксему как минимальную синтаксическую единицу, синтаксическую форму слова (по Г. А. Золотовой), предложно-падежную конструкцию как формальный скелет синтаксемы, в данном случае – являющийся сочетанием предлога с падежной формой, и реализацию синтаксемы в тексте, когда существительное получает конкретное лексическое выражение в виде словоформы. Для последнего случая используем в весьма условном смысле термин ППФ. Одна и та же

* Работа осуществляется при поддержке Фонда Президента РФ – грант НШ 1348. 2012.6 «Петербургская школа функциональной грамматики», а также ОИФН – проект «Инофон в современном русскоязычном обществе: становление грамматической системы» (2012–2014).

ППК может соответствовать разным синтаксемам и соответствовать большому количеству разнообразных ППФ, границы которого определяются возможностью семантической и лексической сочетаемости.]

Главным методом, который используется нами при выяснении общего и различного в освоении русскоязычными и иноязычными детьми русских субстантивных синтаксем, служит анализ речевых ошибок, зафиксированных в спонтанной речи детей. Наличие ошибок является неизбежным следствием процесса конструирования индивидом собственной языковой системы, которое происходит не только при освоении языка как первого (родного), но и как второго (иностранный). Анализ их причин помогает выявить наличие в индивидуальной языковой системе человека правил, управляющих его речевой деятельностью на том или ином этапе постижения языка.

Как показывают наблюдения, кардинальные различия «отрицательного языкового материала» ребенка и инофона имеют место прежде всего на ранних этапах освоения языка. Если ребенок овладевает парадигматикой основных частей речи и практически без ошибок осваивает предложно-падежные конструкции примерно через год после того, как произнес свое первое слово, то у ребенка – инофона этот период может растягиваться на несколько лет, а у взрослого инофона – на долгие годы. Только у инофона можно встретить случаи «запрещенные» соединения предлога с падежом, такие как «на картина», «из городе» и пр. Русскоязычные дети не совершают подобных ошибок. Очевидно,

что в актах речи они не сочленяют каждый раз заново предлог с падежной словоформой, а опираются на знание формальной структуры синтаксемы, которая лишь получает конкретное лексическое наполнение. Следует также подчеркнуть, что ребенок крайне редко ошибается в выборе синтаксемы как таковой и практически не ошибается в выборе падежной формы существительного, что объясняется знанием (на уровне практическом, уровне языкового чувства) семантических и структурных функций синтаксем и морфологических форм. Как то, так и другое оказывается трудным для инофона.

В данной области наблюдается серьезное различие между русской речью взрослых инофонов и иноязычных детей. В речи взрослых инофонов чрезвычайно распространены случаи использования «замороженного» именительного падежа существительного, в том числе и в сочетании с разнообразными предложениями, которые в большинстве случаев выбираются в соответствии с нормой: «приехал из Москва», «положи на тарелка». Таким образом, предлог выступает как главный (и в сущности – единственный) маркер синтаксической семантики. Что касается детей-инофонов, то их стратегия отчасти напоминает стратегию русскоязычных детей, период использования «запрещенных сочетаний» и «замороженных» форм именительного падежа у них оказывается достаточно кратким. Эти различия можно объяснить большей пластичностью мозга в детском возрасте. Именно благодаря этому обстоятельству дети – инофоны реже ошибаются в выборе вида глагола, в определении рода существительных и т. п.

Наблюдения над процессом освоения детьми коммуникативного уровня русского языка

О. В. Чалова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ovelikoborceva@yandex.ru

Семантика коммуникативного уровня языка, коммуникативная стратегия личности, коммуникативная личность ребенка, освоение системы языка ребенком.

Summary. At the school of semantic analysis of the Russian language communicative system (see works by M. G. Bezyaeva) we research the process of mastering the means of a given level by a child.

Полноценное владение русским языком не ограничивается номинативным уровнем, попавшим в фокус внимания большинства исследователей. Не менее значимым является уровень коммуникативный.

В соответствии с основными положениями школы семантического анализа коммуникативного уровня русского языка М. Г. Безяевой ([1]; [2] и др.) *номинативный уровень* предназначен для передачи информации о действительности, преломленной в сознании говорящего, в то время как *коммуникативный уровень* призван отражать отношения говорящего, слушающего и ситуации.

Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целестановка*, *вариативный ряд структур*, ее выражающих, и *инвариантные параметры средств*, формирующих эти структуры. Инвариантные значения коммуникативных единиц подчиняются определенному алгоритму реализации (антонимическое развертывание параметров; возможность отнесенности к позиции говорящего, слушающего и к ситуации). Средства коммуникативного уровня языка могут быть разделены на две группы: это *собственно коммуникативные средства*, для которых функция выражения коммуникативных значений является первичной (частицы, междометия, интонация, порядок слов) и *средства, которые могут передавать номинативное содержание высказывания*, но способны также участвовать в формировании значений коммуникативного уровня (полнозначные лексические единицы, а также грамматические категории – вид, время, число, падеж).

Освоение ребенком системы коммуникативного уровня идет параллельно с освоением уровня номинативного. Можно говорить об определенных общих тенденциях в этом процессе.

Как известно, знакомство с интонацией родного языка начинается еще в раннем младенчестве (до года). Наши наблюдения показали, что в речи детей в первую очередь закрепляется правильное употребление таких типов инто-

нации, как **ИК-2** и **ИК-1** (семантический параметр *противопоставления одного варианта ряду других и нейтральный ввод информации*) и **ИК-6** (*привлечение внимания к известной или неизвестной информации*), позже возникают **ИК-4** и **ИК-5** (семантические параметры *соотношения позиции с ситуацией* и *степени* соответственно) и только потом осваиваются **ИК-3** (*ориентация на позицию собеседника*) и **ИК-7** (*сходство или расхождение позиций*).

Излюбленными коммуникативными средствами самых начинающих носителей русского языка являются коммуникативные **вог** (*реализованность / нереализованность одного варианта, соответствующего целям говорящего*) и **это** (*должное / недолжное имеет место*), позже осваиваются **а** (маркер *входа в новую ситуацию*), **да** (*адекватность / неадекватность позиции слушающего, говорящего, ситуации*), **ну** (*семантический параметр соответствия / несоответствия ожиданиям*), **же** (*должное не имеет места*), а также **ой** и **ай** (*неготовность принять отклонение ситуации от нормы*). Значительно позднее в речи детей фиксируются правильные употребления коммуникативных **давай** (*знание бенефактивной логики развития ситуации с учетом позиции слушающего*), **ладно** (*нарушение интересов одного из собеседников*), **вообще** (*индивидуальное отклонение от качественной нормы при учете интересов говорящего, собеседника, третьего лица*), **просто** (*введение оценки на фоне других возможных вариантов, соотношение оценок или качественных признаков*).

На уровне целестановок также можно выделить самые базовые, с которых начинается овладение языком (например, **требование**, **выражение эмоций**, **выражение желания говорящего**), и осваиваемые на следующих этапах формирования коммуникативной компетенции (например, **вопрос**, **просьба**, **возражение**, **жалоба**, **упрек** и др.)

Каждый ребенок с ранних этапов своей речевой деятельности в процессе формирования себя как личности уже начинает проявляться как коммуникативная личность.

Под коммуникативной личностью мы понимаем конкретного индивидуума, обладающего специфическим набором тактик в пределах присущей ему коммуникативной стратегии. Коммуникативная стратегия личности – это свойственные данной личности предпочтения, особенности в отражении соотношения позиции говорящего, слушающего и типа квалификации ситуации, создаваемые единицами коммуникативного уровня языка.

На различных этапах освоения родного языка дети реализуют свою индивидуальность при выборе коммуникативных средств на уровне целеустановок (в одной и той же ситуации возможен выбор просьбы или жалобы, выражения желания говорящего или эмоции), на уровне структур (просьба может быть эксплицитной или имплицитной), на уровне коммуникативных средств и их реализаций.

Исследование намеченной темы представляется интересным и перспективным, так как позволяет расширить представления о системе и функционировании современно русского языка, по-новому взглянуть на явление языковой лич-

ности в синхронии и диахронии, а также, возможно, провести параллель между процессом освоения родного языка ребенком и историческим процессом развития национального языка и культуры.

Литература

1. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
2. Безяева М. Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 7. М., 2005.
3. Брызгунова Е. А. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. §§ 1–2, 15–171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125–2127, 2223–2230, 2629–2640, 3189–3194.
4. Зеньковский В. В. Психология детства. М., 1996.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
6. Лепская Н. И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.
7. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.

Усвоение детьми системы предлогов русского языка

И. В. Яковлева

Ульяновский государственный университет

irinadubrov@gmail.com

Усвоение системы предлогов, грамматика конструкций.

Summary. This study focuses on the acquisition of the Russian system of prepositions. The order in which the prepositions are acquired is determined not only by linguistic factors, such as frequency, but also by cognitive salience of this or that concept for young children.

Данное исследование посвящено усвоению системы предлогов русскими детьми раннего и младшего дошкольного возраста. Порядок усвоения предлогов в разных языках различен. В частности, англоговорящие дети начинают употреблять пространственные предлоги значительно раньше функциональных, служащих для выражения падежных отношений. В то же время франкоговорящие дети усваивают первыми именно функциональные значения предлогов. По мнению ряда исследователей [Morgenstern, Sekali 2009], различные стратегии усвоения значений предлогов обусловлены именно лингвистическими и прагматическими факторами, такими как частотность, дискурсивный фактор и т. д., а отнюдь не когнитивным компонентом. Признавая безусловную значимость отмеченных выше лингвистических факторов, мы в нашей работе хотели бы показать, что на порядок усвоения предлогов русскими детьми также оказывает влияние когнитивная значимость для детей раннего возраста тех или иных понятий.

С точки зрения языкового материала исследование базируется на данных лонгитюдного изучения речи Тома Я. (6,6) и на записях спонтанной речи из Фонда данных кафедр детской речи РГПУ им А. И. Герцена.

В список первых предлогов попадают предлоги *к*, *на*, *с*, *у*, *про*, *в*. Предлоги *к*, *на*, *в* из данного списка впервые употребляются в пространственном значении, однако этого мы не можем сказать о предлоге *у*, который в речи детей раннего возраста служит только для передачи идеи обладания и контакта, предлоге *про*, *у* которого в современном русском языке нет пространственных употреблений, а также предлоге *с*. Это отчасти может быть обусловлено тем, какое из значений того или иного предлога является наиболее частотным в современном русском языке. Так предлог *с* в детской речи сначала употребляется исключительно для обозначения совместного действия, контакта.

(1) Тома Я. (1,11,21) *Томочка с мамой пойдет.*

В то же время, по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), конструкция *с* + Тв., служащая для обозначения такого совместного действия, оказывается более частотной, чем конструкция *с* + Род., служащая для выражения пространственных отношений. Однако очевидно, что в целом порядок усвоения предлогов русскими детьми раннего возраста не определяется только их частотностью, о чем свидетельствует сопоставление наших данных с данными «Частотного словаря современного русского языка» [Ляшевская, Шаров 2009]. Так в список первых предлогов попадает предлог *про*, который находится на 21-ом месте в списке наиболее частотных предлогов. В речи детей ранне-

го возраста он надолго остается единственным предлогом, вводящим роль темы сообщения.

(2) Тома Я. (1; 11.17) *Читай на енку!* ('Читай про репку!')

Самым первым предлогом в речи большинства детей оказывается предлог *к*, занимающий в списке 5-ое место. В речи детей раннего возраста конструкции с данным предлогом передают идею возникновения контакта в результате приближения.

(3) Тома Я. (1,11,14) *К тебе!*

Особый интерес представляет усвоение пространственных предлогов *на* и *в*. При этом, как показывают проанализированные нами данные, предлог *в*, являющийся самым частотным предлогом в современном русском языке, появляется в речи детей несколько позже, чем предлог *на*. В пассивном лексиконе ребенка предлог *на* появляется также несколько раньше, чем предлог *в*. Мы предполагаем, что идея контакта с поверхностью и локализации действия на поверхности оказывается ближе детям раннего возраста, чем идея абстрактного проникновения внутрь или нахождения внутри, что часто делает объект недоступным для непосредственного визуального наблюдения. Так в возрасте около двух лет в речи Тома Я. наблюдались попытки описания ситуаций, характерных для предлога *в*, через предлог *на*:

(4) Тома Я. (2,4,16) *Ты стираешь на тазике.*

При этом ребенок осознает в каком-то смысле противопоставленные значения предлогов *в* и *на*. Однако подобного противопоставления нет между значениями предлога *на* и предлога *по* (который появляется несколько позже), поскольку эти два предлога объединяются идеей локализации действия на некоторой поверхности: можно *прыгать на кровати* и *прыгать по кровати* (3;7). В результате подобного объединения значений двух предлогов появляются такие структуры, как:

(5) Тома Я. (2,2,22) *Я маленький котенок, я ползаю на полу.*

(6) Тома Я. (3,1,15) *Мы на мостике едем. Там речка, Волга называется. Мы на Волге купаемся.*

В то же время некоторые предлоги могут сначала усваиваться и употребляться в их непространственных значениях. Одним таким предлогом, который ребенок может употреблять задолго до усвоения его пространственного значения, является предлог *за*. В речи Тома Я. он появился в 2 года, 2 месяца в составе «замороженного» сочетания *ухватить за*, которое часто использовалось взрослыми в игре. Затем в возрасте 2 лет, 3 месяцев предлог *за* был употреблен в составе сочетания *пойдем за мячиком* ('пойдем за мячиком'), где постепенно стали употребляться другие дополнения. Приблизительно в это же время предлог *за* появляется в

сочетании *зя ючку* ('за ручку'), на основании которого ребенок смог самостоятельно описать ситуацию, когда дети шли, держась за руки, как *фсе зя ючки* ('все за ручки'). Постепенно эти три «замороженные фразы» стали оформляться в речи ребенка как две конструкции: одна из которых содержит представление о контакте, а другая – о цели. При этом в первую конструкцию *V + за + N* встраиваются такие глаголы, содержащие представление о контакте, как *брать, схватить, держать, дергать, потянуть, поймать, идти, укусить*, а также *прицепить* и *поцеловать*.

(7) *Ти миня зя сетик питипия и мне бойня*. ('Ты меня за хвостик прицепила и мне больно.')

(8) *Патийой миня зя сеську*. ('Поцелуй меня в щечку.')

Эти два употребления являются примером того, как конструкция может служить источником генерализации, если профиль глагола хотя бы частично совпадает с профилем конструкции. Во вторую конструкцию *V + за + N*, содержащую представление о цели, в речи ребенка встраиваются глаголы движения: *пойти, побежать, сбегать, поплыть, потопать, попрыгать*.

Первое пространственное употребление предлога *за* появилось в речи ребенка в 2 года, 5 месяцев, когда, забиваясь в узкое пространство между елкой и стеной, Тома говорила:

(9) *Я фстану зя ейкай и буду укасять ие мисюей*. ('Я встану за елкой и буду украшать ее мишурой.')

Вторым дополнением, употребляющимся с предлогом *за* в его пространственном значении, стало местоимение *ты*:

(10) *Я зя табой фстану*. (Имеется в виду пролезть в узкую щель между стулом и стеной.)

Похоже, что для ребенка пространственное значение этого предлога в то время включало в себя представление об ограниченном пространстве между двумя объектами.

Таким образом, употребление первых предлогов в речи детей раннего возраста не сводится только к выражению пространственных отношений. Некоторые пространственные предлоги в силу их широкого функционального употребления в речи взрослых могут сначала усваиваться детьми в их непространственных значениях в составе конструкций. Вместе с тем порядок усвоения предлогов не определяется исключительно их частотностью в современном русском языке. Очевидно, на порядок усвоения предлогов русскими детьми также оказывает влияние когнитивная значимость для детей раннего возраста тех или иных понятий, таких как контакт и принадлежность, нахождении на поверхности, тема сообщения. При этом усвоение семантической структуры предлогов происходит в составе конструкций.

Секция Русский язык в дошкольном, школьном и вузовском образовании

Подготовка учителей-русистов для работы в полиэтнической школьной аудитории: опыт МГПУ

М. С. Берсенева

Московский городской педагогический университет

Berseneva@gmail.com

Учащиеся-инофоны, подходы к обучению, методики преподавания русского языка, работа с художественным текстом, «московский текст», язык и культура.

Summary. The paper deals with the experience of work of the Russian language chair at the Moscow Teachers Training Institute / Moscow City Teachers Training University in training future language-and-literature teachers having the basic methods of work with pupils / students from families of migrants. Classification of the Russian language lessons is presented along with the examples of work in a polyethnic class. The second part of the paper outlines the work with a so-called Moscow text contributing to the cultural competence of school students-migrants.

1. Задачи подготовки учителей-словесников, умеющих работать в новых условиях и владеющих наряду с методикой преподавания русского языка (как родного) также и методиками работы с учащимися-инофонами, с детьми-билингвами в России и Зарубежье, стоят перед педагогическими вузами крупных городов России.

2. Проблема обучения школьников-инофонов в полиэтническом классе *обычной российской школы* включает в себя необходимость выработки *подходов к обучению, организационных форм обучения, содержание* же определяется государственной программой по русскому языку и комплексом учебников и учебных пособий, принятых в данной школе.

3. Как показывает анализ вузовских учебников и учебных пособий по методике преподавания русского языка, сейчас просматривается следующая классификация методик:

I – методика русского языка как родного – методика русского языка как неродного.

Методика преподавания русского языка как родного должна учитывать и преподавание русского детям-билингвам, где русский язык выступает одним из родных (Другой родной).

II – методика русского языка как неродного подразделяется на методику преподавания иностранных языков и методику русского как неродного.

Нам представляется, что это деление можно продолжить и предложить:

III – методика преподавания русского языка как неродного подразделяется на методику преподавания русского языка в национальной школе и методику преподавания русско-

го языка как неродного детям-мигрантам – в обычной российской школе.

4. На занятиях по русскому языку в обычной школе, где, как мы знаем, нет предмета «русский язык как неродной», современный учитель-словесник должен прогнозировать трудности, с которыми встретятся школьники-инофоны, и, опираясь на методику РКН и РКИ, уметь так сформулировать задание для этой категории учеников, чтобы помочь им лучше усвоить материал – и в классе, и дома.

5. В процессе обучения русскому языку как неродному реализуются три функции: *образовательная* (что ученик должен знать), *развивающая* (что ученик должен уметь) и *воспитательная* (как воздействовать на ученика средствами предмета).

6. Студент филфака педагогического вуза, будущий учитель-словесник, должен знать и принятые в РКН классификации уроков русского языка.

7. На современном уроке русского языка в полиэтническом классе, как мы уже отметили, уделяется внимание и культуроведческим знаниям.

8. Чтобы подготовить учителя-словесника к работе в новых условиях, в Московском городском педагогическом университете открыта новая специализация «Обучение русскому языку в билингвальной аудитории» и «Методика преподавания русского языка как неродного», магистратура «Русский язык как неродной – теория и методика».

9. В формировании культуроведческой компетенции школьников-инофонов, проживающих в Москве, значительную роль, на наш взгляд, призван сыграть «московский текст».

К вопросу о речевой культуре учащихся и о подходах к ее формированию

М. А. Бондаренко

Академия труда и социальных отношений (Москва)

marbondina@mail.ru

Речевая культура, стратегия филологического образования, роль учителя, самооценка.

Summary. The report analyzes some of the results of monitoring, reflecting the assessment of secondary school pupils of their level of speech culture. The author pays attention to the negative trends in the teaching of Russian language and literature, to the teacher's role in this process.

На заседании Совета по культуре и искусству, проходившем 2 октября 2013 года под руководством В. В. Путина, прозвучала следующая мысль, высказанная В. И. Толстым и определившая тональность собрания: «Допущенное наступление на основу нашей национальной идентичности – русский язык – стало, пожалуй, самой большой ошибкой. В результате наши дети говорят на чудовищной смеси жаргона социальных сетей и не вполне нормативной русской лексики. Мы рискуем получить поколение информированных потребителей, лишенных богатства родного языка, не способных воспринять ничего из мировой и отечественной классической культуры, презирующих и прошлое, и настоящее своей страны и не связывающих с ней свое будущее» [news.kremlin.ru/transcripts/19353].

В какой мере проблема падения речевой культуры осознается самими школьниками? Способны ли они подойти к этому вопросу сознательно, понимают ли, что русский язык не заканчивается сдачей экзамена за курс школы, что это язык, который будет сопровождать их всю жизнь, и от того, как они владеют им, зависит многое?

Проведенный нами опрос старшеклассников Москвы показал, что большинство (78,6%) уверено в том, что хорошее владение русским языком способно повлиять на их успех в будущем. Еще большее число респондентов (95%) заявило, что им не все равно, как воспринимают их речь собеседники. При ответе на вопросы о том, какие затруднения они испытывают при общении, отвечавшие на первое место поставили излишнюю многословность, обилие повторов,

а на второе – неумение точно формулировать свою мысль. Среди трудностей в создании письменных текстов лидируют затруднения в их построении, на втором месте орфографические и пунктуационные ошибки, на третьем – неумение сосредоточиться на теме высказывания, отступления от нее. Только 16% респондентов не испытывают никаких проблем ни в устной, ни в письменной коммуникации. Но анализ их работ показал, что только шестая часть своими ответами подтверждает такую самооценку.

В оценке недостатков, которые есть в речи сверстников опрашиваемых, выявилось их единодушие: на первом месте засорение речи словами-паразитами, на втором – употребление грубой лексики.

Как видно, школьники, заканчивающие обучение и в абсолютном большинстве готовящиеся поступать в вузы, достаточно адекватно оценивают уровень своей речевой культуры. При этом они с уверенностью называют среди важнейших средств, способных повысить этот уровень, чтение книг, как классических, так и современных. Сопоставление этих данных с данными о числе тех, кто читает произведения в их кратком изложении, весьма красноречиво: таких 42,5%, а 10% вообще ничего не читают. Представляется, что в реальности эти цифры гораздо выше, поскольку только 14% респондентов указало на то, что ежедневно читают художественную литературу, 21% читает достаточно часто, остальные читают либо время от времени, либо не читают вообще.

Понятно, что данная ситуация является следствием тех изменений, которые произошли в стратегии школьного филологического образования. Причем изменения эти связаны не только с внедрением единого государственного экзамена, не только с фактическим исходом литературы из образовательного процесса, но, главное, с метаморфозами в сознании тех, кто учится и учит. Причем понятно, что ответственности первых за это нет, поскольку они идут теми путями, по которым их ведут учащие. А последние, оказываясь заложниками административных решений, далеко не всегда готовы стать неконформистами, хотя в большей своей части испытывают при этом чувство вины. Стоит ли удивляться тому, что литература становится «лишней» дисциплиной, если герои, которые действуют на страницах русской классики, – это почти сплошь неконформисты?

Как следует из опроса, в 11 классе уроки литературы либо заменяются подготовкой к ЕГЭ по русскому языку, либо проходят формально. В одной из московских гимназий, например, они ведутся в форме лекций, во время которых не делаются даже записи. Уже в 10 классе учащиеся не написали ни одного сочинения, ни домашнего, ни классного. А знания учеников (о компетенциях здесь, разумеется, речи

идти не может) оцениваются по выученным наизусть стихотворениям.

Конечно, научить думать над произведениями, научить сопереживать героям и оформлять эти раздумья и переживания в собственных сочинениях гораздо труднее, чем просто читать лекционный курс. Точно так же как гораздо проще «натаскать» на единый государственный экзамен или на государственную итоговую аттестацию, чем помочь школьникам увидеть красоту, богатство, выразительность русского языка, научить пользоваться всеми его возможностями, любить язык, чувствовать свою ответственность за его сохранение.

Вреден не сам по себе ЕГЭ, а установка на утилитарную организацию учебного процесса, целью которого (не записанной в директивах, а реально поставленной) является подготовка к его сдаче. Отсюда и итоги, которые сегодня подводят преподаватели вузов, вынужденные констатировать: в результате всеобщего прагматизма студенты демонстрируют речь неразвитую, отрывочную, бессмысленную и малограмотную. Причем, как явствует из обсуждений на научных конференциях, это наблюдается даже в ведущих вузах и даже на их филологических факультетах. Еще недавно выпускники школ могли похвалиться хотя бы приличными знаниями орфографии и пунктуации (в силу преобладания этого направления обучения языку в школе), а сегодня, из-за ограниченности проверяемых частью «А» позиций в этой области и незначительности «наказания» за безграмотность в части «С», этот аспект «выпал» из поля зрения, поскольку оказался не столь и важным. Кроме того, как известно, основа хорошей грамотности формируется в процессе чтения той самой литературы, которую «увели» за кулисы современного школьного образования.

Мозаичность, свойственная материалам ЕГЭ, – это проблема его идеологов и составителей. А вот экстраполяция данного качества на весь учебный процесс – это уже системная ошибка, не допустить которую в силах педагогического сообщества и каждого учителя в отдельности. Оснований для того, чтобы остановить этот процесс, достаточно. Одно из них зиждется на данных, представленных в начале материала: учащиеся, как школьники, так и студенты, вопреки распространенному о них мнению, в достаточной мере мотивированы на повышение своей речевой культуры, готовы к активному взаимодействию с педагогами в данном направлении. Главным условием данного сотрудничества является уход от формализма, закамуфлированного новейшей педагогической терминологией, и желание сделать свой предмет живым и интересным, для чего возможностей у современного учителя, в том числе и за счет новейших технологий, предостаточно.

Учимся по-новому. Из опыта работы с сетевым дистанционным курсом «Русский язык и культура речи»

Н. А. Буре

Санкт-Петербургский государственный университет
nataly.bure@gmail.com

Дистанционное обучение, самостоятельная работа, русский язык и культура речи.

Summary. The principles of work in distance web-course «Russian language and culture of speech are considered in the paper.

Создание учебных курсов с применением компьютерных технологий возможно в разных обучающих средах. Модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда (Moodle) позволяет создавать дистанционные курсы по разным дисциплинам, обеспечивая структурированную организацию материала, интерактивность обучения, возможность многократного повторения, самопроверку учебных действий.

Система ориентирована прежде всего на самостоятельную работу учащихся, самостоятельный поиск и анализ информации, создание контента. Возможно обсуждение результатов учебной деятельности с преподавателем или сокурсниками.

В соответствии с современными направлениями в системе образования самостоятельная работа студентов становится ведущей формой организации учебного процесса.

Дистанционная среда Moodle дает новые возможности для творческой самостоятельной работы учащихся. Преподаватель становится консультантом, который помогает студентам ориентироваться в учебном материале.

Сетевой дистанционный курс «Русский язык и культура речи» создан преподавателями филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета и предназначен для работы учащихся вузов гуманитарных и естественных специальностей.

Цель курса:

- повысить уровень практического владения современным русским литературным языком учащихся в разных сферах функционирования русского языка, в его письменной и устной разновидностях;

- углубить полученные при освоении школьной учебной программы знания по русскому языку и о русском языке.

Изучение учебного предмета «Русский язык и культура речи» осуществляется как в процессе работы на лекциях, так и в ходе систематической самостоятельной работы в дистанционном курсе.

Материалы самостоятельной работы учитываются при проведении текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации по дисциплине.

Перекодировка семиотических систем как методика обучения слепоглухонемого ребенка родному языку

О. А. Волошина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

oxanav2005@mail.ru

1. Представление о невозможности обучения слепоглухих детей языку до начала XIX века. Первые удачные опыты преподавания языка слепоглухонемым детям.

1. Новаторство талантливого американского доктора Хоува в создании оригинальной методики обучения слепоглухого ребенка Лоры Бриджмен. Восторженное описание занятий Хоува с Лорой Бриджмен в «Американских заметках» Ч. Диккенса, который посетил в 1841 году Перкинсовскую школу для слепых детей. Прием установления связи графического изображения слова (написания названия предмета) с самим предметом, постепенное осознание слов как различной комбинации 26 букв. Соединение рельефной азбуки слепых и пальцевого алфавита глухонемых как инструментарий для обучения слепоглухих грамоте.

2. Широко известная в XIX история обучения слепоглухого ребенка Елены Келлер ученицей знаменитого доктора Хоува – молодой учительницей Анной Сулливан. Маленькая негритянская девочка Марта Вашингтон – первая учительница Елены Келлер. Дактильная азбука – первый этап обучения. Изобретательность и незаурядный талант педагога Анны Сулливан: отказ от механического зазубривания отдельных слов и от изучения грамматики; использование языка как средства обмена мыслями и новой информацией, попытка формирования понятия на основе собственного опыта ребенка и лишь потом – изучение слова.

II. Методика обучения слепоглухих Загорского интерната, разработанная отечественными педагогами И. А. Соколянским, А. И. Мещеряковым и др.

1. Осознательные образцы предметов и жесты самих действий – первый язык, которому на ощупь обучается слепоглухонемой. Мышление невозможно без опоры на символическую систему, где символы замещают объекты внешнего мира. Как способ формирования у ребенка понятия о предмете И. А. Соколянский выбирает **лепку из пластилина** – занятие, которое не только позволяет развивать мелкую моторику, но и сформировать, скорректировать и материализовать образы предметов. Фигурки из пластилина помогали ребенку получать обобщенный образ предметов, создавать как бы материализованные смыслы. У Соколянского образовался музей пластилиновых слепков самых простых вещей: яблоко, коробок спичек, чашка, цветок, дом, подушка и т. п.

Следующим этапом являлась потребность оперировать семиотической системой, которая позволяла воплощать смыслы в определенные символы. Для здорового ребенка такой семиотической системой является звучащая речь, при этом знаком понятия является устное слово, а для глухого ребенка – жест. Слепоглухонемой ребенок также может использовать жест, но поскольку он не может жест увидеть, воспитатель должен дать ребенку потрогать предмет, а потом сообщить ему о символическом обозначении этого предмета или ситуации жестом, прижав свои руки к руке ребенка или сделав жест пальцами самого ребенка.

2. Жестовая речь и ее значение для обучения слепоглухих языку

Жестовый язык – иероглифический, т. е. отдельный жест может передавать не только отдельное понятие, но и описывать ситуацию в целом. В языке жестов отдельные знаки соответствуют не буквам, а словам и предложениям, поэтому они имеют очень широкую семантику и устойчивый план выражения.

Поскольку жестовая речь отличается опорой на ситуацию, для нее характерен такой семантический синтаксис, в котором отсутствует жесткое четкое членение знаков на категории, соответствующие грамматическим классам. Основные особенности жестовой речи.

В жестовом языке глухонемых сочетаются жесты и мимика, а вот лица слепоглухонемых представляли собой застывшие маски: мимике тоже нужно было учить. Соколянский заказал для своих учеников более десяти масок, выражающих различные эмоции, изучая эти слепки, ученики подражали человеческой мимике.

Значение жестовой речи как необходимого этапа при обучении слепоглухих языку. Неудачный опыт обучения Оливера Кэсуелла доктором Хоувом и последствия запрета жестовой речи как вспомогательного инструмента при обучении глухонемых и слепоглухонемых детей языку.

3. Дактильная азбука

Тактильная дактильная азбука – система прикосновений, при помощи которых кодируется каждая буква слова. Поскольку ребенок в это время уже знаком с жестовой речью, главным при обучении является усвоение жеста, означающего тождество по значению двух знаков: жеста (например, обозначающего яблоко) и побуквенной записи соответствующего слова с помощью тактильной пальцевой азбуки. В системе обучения Соколянского это был жест двух вытянутых ладоней, повернутых боком, которые имитируют по форме знак равенства. После усвоения на нескольких конкретных примерах знака тождества дети быстро выучивались многим словам, закодированным в пальцевой азбуке, тем самым понимали значение букв как отдельных сегментов названия предмета. Дети понимали, что различные комбинации букв позволяют составить названия для множества самых разных предметов и понятий. С этого начинается лавинообразное усвоение ребенком лексики и грамматики естественного языка.

4. Брайлевская азбука для слепых

Пальцевая азбука для слепых, разработанная французским тифлопедагогом Луи Брайлем – это рельефно-точечный шрифт, в котором с помощью точек обозначаются буквы, цифры, ноты, химические формулы и т. п. (при этом в одном знаке не больше 6 точек). Комбинации точек, проколотые на специальной бумаге в изданиях для слепых, распознаются ими при чтении, а запись слов производится прокалыванием точек на специальной бумаге. Таким образом, ребенок получает навыки самостоятельного чтения и письма. Перевод ребенка с дактильной азбуки на брайлевскую систему письма (при использовании того же знака равенства) знаменовал последний этап на пути изучения родного языка.

III. Различные семиотические системы как инструментарий обучения слепоглухих детей языку

Итак, при обучении слепоглухих детей использовались различные семиотические системы как информационный канал. Последовательно ребенка обучали жестовой речи, дактильному алфавиту и брайлевской азбуке для слепых.

Интересно проследить возможное влияние природы семиотической системы на формирование у слепоглухих детей представлений об окружающем мире.

Литература

1. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология. М., 2000.
2. Мещеряков А. И. Слепоглухонемые дети (развитие психики в процессе формирования поведения). М., 1974.
3. Мещеряков А. И., Мареева Р. А. Первоначальное обучение слепоглухонемого ребенка. М., 1964.
4. Скороходова О. И. Как я воспринимаю окружающий мир. М., 1972.
5. Соколянский И. А. Усвоение слепоглухонемым ребенком грамматического строя словесной речи // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1959. № 1.

К вопросу о причинах ортологических ошибок в текстах современной российской рекламы

Л. М. Гончарова

Российский новый университет (Москва)

lmg@hotmail.ru

Рекламный текст, ортологические ошибки, литературный язык.

Summary. The report is devoted to the reasons of the errors in the advertising texts.

Множественные ошибки, грубое нарушение языковых норм, разрушение семантико-культурологических связей, говорящие об отсутствии соответствующих знаний о традициях и культуре у специалистов-производителей рекламы – все это далеко не полный перечень множественных проблем, выражающихся на языковом уровне в таком публичном виде медиакommunikации, как реклама.

Проблема 1. Снижение уровня владения литературным языком приводит к частотным грамматическим, стилистическим, речевым ошибкам.

1) Грамматические ошибки. Грамотность перестает быть обязательным условием допущения человека к написанию публичных текстов. Можно привести нескончаемый ряд примеров грамматических ошибок, которые появляются в текстах рекламы: «*Едешь загород, покупай загодя*» (пиво «Арсенальное»); «*Обеспечте ребенку безопасность*» и др.

2) Стилистические ошибки.

а) неверное словоупотребление, влияние просторечия: «*Жду тебя на бассейне*».

б) стирание граней между литературным языком и жаргонной лексикой. Например, компания «Балтика» выпустила рекламу, содержащую вулгаризмы и лексику из уголовного жаргона: «*CRAZY Cola – замочи эту скуку!*». При этом в рекламе фигурирует молодой человек по имени Коля, которого и именуют в данной рекламе *crazy*. Обращаясь к значению слов, видим, что *crazy* (амер.; разг.) 1) ненормальный; псих; 2) фанатик; экстремист [http://lingvo.yandex.ru]. Слово *замочить* на уголовном жаргоне трактуется как «убить», но при этом ни стилистический, ни лексический аспект, видимо, не волнует производителей рекламы. Кроме того, слоган созвучен с бранной лексикой, что является еще и нарушением этической нормы.

Проблема 2. Снижение общего культурного уровня специалистов по рекламе: узкий тезаурус, отсутствие общефоновых знаний и т. д.

Современная реклама в полной мере демонстрирует смысловые нарушения, обрывки культурных кодов, разрушение лексико-семантических связей. Причиной тому, безусловно, «человеческий фактор». Молодые специалисты, ознакомившись в процессе обучения с рядом программных произведений «в кратком пересказе» или на уровне репродукции в Интернете, так и не получают должного представления о стиле, направлении, специфике творчества писателя или художника. В результате налицо «зарисовки», не имеющие ни смысла, ни вкуса. Это относится как к рекламным текстам, слоганам, так и к рекламным именам.

1) Искажение визуально-семантического ряда.

- Реклама мебели фабрики «8 марта»: изображена женщина, сидящая на диване с сигаретой в руках, и двое мужчин, один из которых в шкафу. Иллюстрация сопровождается слоганом «*Классика вне времени. Уильям Шекспир. «Гамлет»*».
- Словосочетания, включающие лексические единицы из разных языков, демонстрируют не только отсутствие языкового вкуса создателей, но и пагубно влияют на окружающую языковую среду, навязывая носителям языка, детям, молодежи ложные представления о лексической сочетаемости и написании. Например: «*ГРАНД Хижина*» – название ресторана, «*AIR Буфет*» – название кафе.

2) Нарушение лексической сочетаемости, присвоение ложных смыслов.

- «*Ковчег-паркет*» – название компании, свидетельствующее о полном отсутствии знаний создателей о культурных дефинициях. Значение слова «ковчег» определяется

как «1) кованый сосуд, окованный сундук, для хранения, сбереженья чего-либо. 2) Ноев ковчег подал повод к названию ковчегом ветхого или странного вида судна, корабля, и даже старинной колымаги» [Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [http://slovari.yandex.ru]]. Какое отношение паркет имеет к ковчегу – остается загадкой.

- «*Лексикон девелопмент*» – инвестиционная компания, работающая на рынке недвижимости. Название уводит реципиента от реальной сферы деятельности компании. Аналогичный пример «*Ренессанс-консалтинг*» – туристическая фирма. Приведенные названия являются, по сути, абсурдными с точки зрения семантики.

3) Искажение историко-культурных реалий. Использование в качестве названий фирм топонимов является распространенной практикой. Часто используются исторические топонимы, намекающие на связь времен, возможность погрузиться в историю или познать богатства древности (например, «Эльдорадо»). Однако использование таких топонимических наименований, как «*Вавилон*», «*Китеж*» вызывает иной ассоциативный ряд. Китеж, как известно из русских легенд, город, ушедший на дно священного озера Светлояр, чтобы избежать татарского нашествия. В качестве названия турфирмы «Китеж» может вызвать нездоровые ассоциации: умение прятаться от клиентов, способность «прятать концы в воду». Вавилон – великая столица, от которой остались лишь развалины, давно стал синонимом всякого большого, богатого и притом безнравственного города, а также неразберихи и хаоса (вавилонское столпотворение).

Заметим, что «хватаясь» за эффектные имена, богатые культурными смыслами, рекламодатель, видимо, не всегда хорошо знает историю и, соответственно, не отдает отчета в том, какие ассоциации влечет за собой подобное название.

Необходимо сказать о причинах подобных ошибок и корнях проблемы.

1. Подчеркнем, что подготовка будущих специалистов по рекламе и связям с общественностью должна обеспечивать высокий уровень владения родным языком, коммуникативную грамотность, широкий кругозор. Настрой студентов на престижность профессии и высокий уровень дохода – это важный фактор на уровне профориентационной деятельности, но в процессе обучения должны ставиться задачи иного плана: приобретение знаний и формирование высокообразованной личности – носителя элитарной речевой культуры.

2. Учебные планы поддаются корректировке, следовательно, необходимо выстроить процесс обучения таким образом, чтобы цикл предметов, направленных на формирование упомянутых знаний и умений, обеспечивался на протяжении всех пяти лет обучения. Уровень грамотности, стилистическая корректность, языковой вкус – все эти навыки формируются на базе цикла гуманитарных дисциплин и с помощью междисциплинарных связей. Практические занятия могут быть построены в форме выполнения проектных заданий, командной работы, коммуникативных игр.

3. В процессе работы над языковым обликом российской рекламы необходимо привлекать грамотных специалистов, филологов, создавать специализированные разрешительные комиссии по утверждению хотя бы «долгосрочных» рекламных текстов (например, текстов наружной рекламы, которые размещаются на улицах города на длительные сроки).

Текстоцентричность как деятельностный принцип формирования русской культурно-языковой компетенции в полиэтничной образовательной среде Молдавии

О. В. Думитраш

Русский интеллектуальный центр (Кишинёв, Молдавия)

oksanadymitrash@mail.ru

Многоязычие, методическая проблема, текст, мировоззрение

Summary. Thesis is about the system of argumentation and the practical ways of decision the teaching methodology problems. The main thing is the search for texts with a high educational-semantic potential, as well as the means, forms and methods of submission of texts. Such texts should form values, moral concepts and personal qualities of students studying Russian language.

В Молдавии, еще в начале XIX века, в период пребывания А. С. Пушкина, получившей название «маленького Вавилона», проживают, кроме представителей титульной национальности, болгары, гагаузы, русские, украинцы. Сегодня в республиканских школах с русским языком обучения могут обучаться албанцы, армяне, вьетнамцы, греки, индусы, поляки (перечислены этнонимы учеников одного из десятых классов кишинёвского лицея им. М. Коцюбинского).

В условиях полиэтничной образовательной среды актуальной научной проблемой является теоретическое обоснование, проектирование и реализация деятельностных принципов формирования культурно-языковой компетенции.

Понятие «культурно-языковая компетенция» введено в научный обиход В. Н. Телия и определяется как «владение интерпретацией языковых знаков в категориях культурного кода».

Культурный код – система культурных ценностей, выраженных в языке, общие для культуры ценностно-значимые смыслы. Культурно-языковая компетенция состоит в способности «считывать» эти смыслы. В процессе интерпретации текста происходит постижение культуры изучаемого языка как способа мировидения и миропонимания, поэтому проблема формирования русской культурно-языковой компетенции имеет глубокое нравственное содержание. От того, какую культурно-языковую компетенцию сформируют уроки русского языка и литературы, зависит мировоззрение молдавского школьника.

Понятие культурного кода позволяет объединить усилия лингвокультурологов, методистов, филологов и этнологов для разрешения ряда противоречий:

- между потребностью в воспитании нравственной культуры личности как фактора ее успешной социализации – и недостаточным уровнем развития морально-ценностного аспекта в компетентностной образовательной парадигме;
- между необходимостью формирования толерантной среды для жизни с использованием инновационных форм и средств, возрастающей ролью медиаобразования, – и традиционной предметноцентричной практикой, ограничивающей полноценные междисциплинарные связи в «цифровом» XXI в.;
- между требованиями, предъявляемыми в современном мире к языковой личности, обладающей межкультурной компетентностью в условиях мультикультурного глобального мира, – и отсутствием целенаправленной работы, осуществляемой в этом направлении.

Ключевое слово дефиниции «интерпретация» свидетельствует о том, что этой способностью человек овладевает в

процессе освоения определенных текстов. В задачу преподавателя (в рамках реализации компетентностного подхода в обучении русскому языку и литературе) входит поиск текстов для изучения и исследования, т. е. текстоцентричность – основополагающий принцип формирования культурно-языковой компетенции. В нашем докладе мы выстроим систему аргументации и наметим практические пути решения данной методической проблемы, связанной с поиском текстов с высоким воспитательно-смысловым потенциалом, текстов, формирующих ценностные ориентиры, нравственные понятия и личностные качества, а также средств, форм и методов предъявления таких текстов.

Такие тексты способствуют формированию не только русской культурно-языковой, но и межкультурной компетенций молдавского школьника. Сложная структура культурно-языковой компетенции, включающей умение предупреждать и устранять коммуникативные неудачи в процессе межкультурной коммуникации, уважение собственной и чужой культуры, – позволяет говорить о том, что формирование данной компетенции открывает горизонты для межкультурных сопоставлений, что является актуальным для полиэтничной аудитории в Молдавии.

Литература

1. Думитраш О. В. Деятельностные принципы обучения русскому языку в полиэтничной образовательной среде // XXVII Пушкинские чтения: Сборник научных докладов. Москва, 2013. С. 525–534.
2. Думитраш О. В. Деятельностные принципы формирования русской культурно-языковой компетенции в полиэтничной среде // Материалы XI Международной конференции «Образование через всю жизнь: Непрерывное образование в интересах устойчивого развития». Минск, 2013. Вып. 11. Ч. III. С. 240–243.
3. Думитраш О. В. Формирование культурно-языковой компетенции как актуальная проблема методики преподавания русского языка в молдавской школе // Русистика и современность: Материалы XV Международной конференции. 27–28 сентября 2012. Жешув, 2013. С. 114–122.
4. Думитраш О. В. Формирование культурно-языковой компетенции как фактор сохранения русскоязычного образовательного пространства в Молдове // Материалы Научно-педагогического собрания преподавателей русского языка государств-участников СНГ и стран Балтии «Русский язык – общечеловеческий код культурного содружества и исторической взаимосвязи» 4–5 октября 2013 г. Ульяновск, 2013. С. 36–38.
5. Думитраш О. В. Формирование культурно-языковой компетенции учителя-словесника с помощью современных информационных технологий // Современное педагогическое образование: проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2013. С. 128–131.

Ортологический анализ таронимии как явления обыденной речи

А. Г. Жукова, Г. М. Мандрикова

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва), Новосибирский государственный технический университет

arzhukova2009@mail.ru, mandricova@mail.ru

Таронимия как антропоцентрическая категория, таронимическая ошибка, таронимическая пара, ортологический анализ.

Summary. Examining taronymy as an orthologic problem referred primarily to everyday speech of native speakers requires the introduction of the concept of taronymic error. Estimating such errors must be accompanied by the orthologic analysis procedure, which is arranged in accordance with the characteristics of taronyms as lexical and phraseological units.

Явление таронимии определяется как устойчивое смешение в речи языковых единиц, их ошибочная взаимозаменяемость, неудачный выбор языковой единицы вследствие формальной, семантической или тематической смежности слов, например: *Это вам не геном (вм. бином) Ньютона.*

Такое смешение наблюдается в речи не только людей, не обладающих достаточной степенью языковой компетенции, но и вполне грамотных, в ситуации как спонтанного общения, так и заранее планируемого, при формальной и при неформальной коммуникации: в программах новостей: Се-

годня у кардиналов полноценный **выборочный** (вм. *выборный*) *день* («Вести»), в сочинениях абитуриентов: *Когда я была маленькой, моя бабушка показывала мне картинки, нарисованные* (вм. *напечатанные*) в книге (ЕГЭ), в репликах телеведущих: *Мы все **сетуем*** (вм. *ратуем*) *за мораль, за устои* («Модный приговор»), в бытовых диалогах: *Завтра у него экзамен по вождению. Целый день **муштрует*** (вм. *штудирует*) *вопросы; Врачи собирали его тело по **частицам*** (вм. *по частям*) и т. п.

Таронимы как антропоцентрические единицы, конечно же, выявляются главным образом в результате наблюдения над спонтанной обыденной речью носителей языка. Можно сказать, что таронимические ошибки, возникающие в результате интерпретирующего влияния смежных в формальном и/или содержательном отношении единиц, для обыденной речи – явление естественное, что в немалой степени определяется пониженной степенью самоконтроля говорящего. Данный тип ошибок вообще является наиболее распространенным на лексическом уровне, охватывая широкий круг явлений (паронимы, синонимы, антонимы, омонимы, фразеологизмы и др.). Заметим, что сходство формы и содержания слов-таронимов – не единственные причины их смещения в речи. Изучение явления таронимии выявило необходимость учета таких факторов, как степень коммуникативной готовности слов, вступающих в таронимические отношения, степень их агномичности для конкретного носителя языка, особенности их функционирования в речи, определенного контекста и ситуации, социальных и психологических характеристик субъекта высказывания, психолингвистических особенностей производства речи [2].

Понятно, что таронимическое смещение имеет самое непосредственное отношение к проблемам ортологии, поскольку манифестирует понятие лексической / фразеологической трудности. Квалификация языкового факта как нарушения нормы требует от того, кто это нарушение выявляет, приведения доказательств, аргументов, устанавливающих а) наличие этого нарушения, б) его причину, в) возможные способы его устранения. Поскольку в нормативной оценке нуждаются единицы различных уровней, то каждый из видов лингвистического анализа языковых единиц «может и должен быть дополнен ортологическим анализом (комплексной характеристикой языкового явления с нормативной точки зрения), который обладает, наряду с системными, и собственными характеристиками» [1: 16]. Для ортологического анализа существенными являются такие шаги, как а) системная характеристика языкового факта; б) выявление характеристик коммуникативной ситуации (сфера общения, форма общения (устная / письменная), степень подготовленности речи); в) выявление степени и характера взаимовлияния единиц одного или разных уровней; г) сопоставление авторского и текстового смысла (что хотел сказать говорящий, и что он на самом деле сказал) [1: 21].

Далеко не всегда таронимические ошибки можно объяснить системными особенностями языковых единиц, поэтому выявление причин подобных ошибок на основании формально-семантического критерия как основного этапа в их рассмотрении необходимо дополнить обращением к коммуникативной ситуации, характеристикам адресата и адресанта высказывания, а также к экстралингвистическим характеристикам, способным прояснить не только возникновение

условий для смещения единиц в речи, но и само это смещение, например: *Искусство XIX века – это искусство **мимическое*** (вм. *миметическое*, т. е. основанное на принципе мимесиса – из ответа студента). Именно ситуация, контекст являются «проявителями» ошибочности подобных высказываний. Кроме того, необходимо строго разграничивать явление таронимии, возникающее при подборе слов из лексикона при оформлении высказывания, и нестандартный способ номинации объекта в ходе его осмысления и даже при формировании представления о нем в процессе усвоения языка.

Обобщая различные подходы к анализу единиц, близких по формально-семантическим показателям, назовем те из них, которые считаем важными для анализа таронимов: семантический (определение лексического значения слова как начальный пункт процедуры анализа); словообразовательный (в случае формальной или формально-семантической смежности); стилистический (определение сферы употребления, выявление стилистической и эмоционально-экспрессивной окраски); когнитивный (определение взаимосвязи между ошибочным смещением и картиной мира носителя языка, его системой ценностей и представлений); коммуникативный / прагматический / социолингвистический (учет речевой ситуации: адресант / адресат, тип и тональность общения, интенции, общность кода и т. п.).

На этой основе можно выстроить такую процедуру ортологического анализа таронимов, которая может использоваться в учебной практике филологов в рамках курсов «Ортология», «Литературное редактирование» и др., способствующих формированию профессиональной культуроречевой компетенции. Предлагаемая процедура анализа таронимов включает следующие шаги: 1) обнаружение таронимической ошибки, приведение таронимической цепочки / пары как подтверждение таронимического взаимодействия; 2) определение типа таронима (для таронимов-паронимов – выявление того, являются ли слова однокоренными, какие аффиксы создают разность в значении). Этот шаг требует обязательного обращения к справочной литературе (к толковым словарям, к словарям синонимов, антонимов, паронимов, сочетаемости, тематическому, семантическому и т. д.); 3) установление у слов-таронимов ЛСВ (при наличии зон нейтрализации), функционально-стилевых (*газетн., офиц., спец.*), стилистических (*разг., прост., высок.*), эмоционально-экспрессивных (*ирон., шутил., неодобр., презр., почтит.*), хронологических (*устар., нов.*) характеристик и т. д.), а также типичной сочетаемости (для коллокаций); 4) выяснение условий, способных повлиять на появление слова-таронима. Важным моментом при анализе считаем обращение к тексту / ситуации, в которых произошло конкретное таронимическое взаимодействие лексических единиц, чтобы проследить, как таронимичность единицы проявляется в реальном общении и способны ли на нее оказывать влияние социолингвистические, психолингвистические и некоторые другие характеристики языковой личности и особенности ситуации общения.

Литература

1. Жукова А. Г. Ортология в теоретическом и прикладном рассмотрении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
2. Мандрикова Г. М. Таронимия как лингвистический объект: Монография. Новосибирск, 2011.

Оптимизация структуры учебного материала при изучении концептуально значимой универсальной лексемы *время* в школьном курсе русского языка

Г. П. Журбина, Н. В. Мелькумянц

ГК ОУ РО лицей-интернат «Педагогический» г. Таганрога; МАОУ гимназия «Мариинская» г. Таганрога

zhurbinagalina@mail.ru, n.melk12@yandex.ru

Концептуально значимая лексема, лингвокультурологический подход, слово *время*, когнитивные признаки концепта.

Summary. *Time* is one of the most important universal categories, which is represented in the language by the lexical element *time* and other elements with temporal meaning. At school it should be taught from the semantic, grammar, communicative and cultural point of view. That will allow students to use efficiently communicative strategies appropriate to the situation.

Важнейшая универсальная бытийная категория – категория времени – является предметом рассмотрения многих дисциплин: философии, психологии, истории, лингвистики

и др. Когнитивная лингвистика как наука, занимающаяся процессами осмысления мира в языке, стремится дать всестороннее описание универсальных и национально марки-

рованных концептов в лингвокультурологическом аспекте (Е. М. Верещагин, В. В. Воробьев, И. В. Карасик, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). Особую актуальность эти исследования приобретают при разработке принципов организации языкового материала, репрезентирующего концептуализацию универсальных (и не только) лексем, в иностранной аудитории. Между тем изучение любого языка (как родного, так и иностранного) включает обязательное овладение словарем и грамматикой, а также связано со способностью достичь коммуникативной компетенции. Сформированность же (наряду с коммуникативной) культурно-языковой компетенции поможет обучающимся как избежать коммуникативных неудач, так и приобрести способность к выработке когнитивных эталонов, на основе которых в сознании выстраивается определенная система ценностей, позволяющая эффективно пользоваться адекватными ситуациями коммуникативными стратегиями (см.: [2: 342]). Этого можно добиться при определенной организации процесса обучения, мы бы назвали его *возвратно-поступательным*.

Изучение концептуально значимой лексики *время* предпочтительно начать с этимологической справки. Затем предлагается работа по подборке тематической группы слов, включающих сему *время*.

Наблюдения над функционированием многозначного слова *время* можно провести, анализируя тексты разных стилей и обращая внимание обучающихся на контекстуальные и языковые синонимы, фразеологические единицы со словом *время*. Таким образом формируются наиболее актуальные для языкового сознания параметры концепта.

При изучении паронимов важно дать понятие о различии в значениях прилагательных: *временный (непостоянный)* – *временой (относящийся ко времени)*.

Анализ синтагматических возможностей лексики значительно расширяет набор когнитивных признаков концепта: в настоящее *время*, с незапамятных *времен*, некоторое *время*, в свое *время*, в скором *времени*, давнее *время*, в то *время*, на первое *время*, горячее *время*, во *время* оно – определяют *время* по отношению к моменту речи, содержат эмоционально-оценочную характеристику. В позиции субъекта слово *время* сочетается преимущественно с глаголами движения: *время* идет, бежит, летит, проходит, мчится и т. п., в объектной позиции – с глаголами других семантических групп: тянуть, убивать, проводить и т. п. *время*.

Полезна лексическая работа и на уроках по морфологии. Утверждая, что *время* является разносклоняемым существительным, учителю необходимо помнить, что многозначное слово *время* может не иметь форм множественного числа (в философском, например, и некоторых других значениях), оно может иметь значение наречия (*временами, время от времени*, т. е. иногда, *до поры до времени*, т. е. пока; *все время*, т. е. постоянно, всегда и т. п.); категории состояния (*время* спать); производного предлога (*во время* концерта); союза (*в то время как*).

Небольшая таблица, предложенная учащимся, поможет им разобраться в значениях и морфологических признаках слова *время* и подготовить их к изучению тем по грамматике в 7–8 классах.

Задание. Впишите в таблицу семь значений слова *время* (примеры и морфологические признаки могут быть обозначены учителем).

Таблица 1.

Название: «Значение и морфологические признаки слова *время*».

Графы:

- Примеры со словом *время*;
- Значения слова *время*;
- Морфологические признаки слова *время*.

Подбор дидактического материала, включающего слово *время*, должен быть глубоко продуманным. Если учитель хочет отработать полную парадигму склонения, то подборка должна включать примеры, в которых слово *время* употреблено, например, в значении *Эпоха, период в жизни государства, общества, человека* и т. п., *выделяющиеся чем-л. в ряду других*. В этом значении противопоставления форм единственного и множественного числа носит грамматиче-

ский характер. Дидактический же материал, включающий примеры типа *до поры до времени, детское время, тянуть время* должен быть исключен, так как в этих значениях *время* имеет неполную парадигму.

Продолжая работу над словом *время* после изучения морфологии, полезно вернуться к работе над таблицей (см. таблицу 1), но дополнить ее новыми сведениями, добавив графу *Часть речи* и предложив заполнить ее учащимся.

Таблица 2.

Название: «Значение, морфологические признаки и частеречная отнесенность слова *время*».

Графы:

- Примеры со словом *время*;
- Значения слова *время*;
- Морфологические признаки слова *время*;
- Часть речи.

Вернуться к таблице 2 можно и после изучения синтаксических тем *Главные члены предложения* и *Второстепенные члены предложения*. Таблицу можно еще расширить, добавив графу *Роль в предложении*.

Таблица 3.

Название: «Значение, морфологические признаки, частеречная отнесенность и синтаксическая функция слова *время*».

Графы:

- Примеры со словом *время*;
- Значения слова *время*;
- Морфологические признаки слова *время*;
- Часть речи;
- Роль в предложении.

Данные таблиц (1–3) можно предложить учащимся в рамках работы над исследовательским проектом. Они могут служить дидактическим материалом на уроках русского языка.

Изучая односоставные предложения, важно показать, как в зависимости от актуального членения предложения меняется характер разбора его по членам. *Собаки кормить не время, когда волк в стаде*. – Ср.: *Кормить собак не время... Не время собак кормить...*

Можно провести работу по орфографии: предложить учащимся составить словарный диктант, включив в него сложные слова, включающие корень *-врем-*.

Интересными будут и наблюдения над способами выражения временных значений в языке (при обозначении даты, времени суток, времени действия формами глагола и предложно-падежными конструкциями, срока действия, при обозначении одновременности и разновременности событий в СПП).

Предложенная система заданий может быть расширена и за счет упражнений, формирующих и развивающих навыки анализа словообразовательных, языковых и речевых возможностей слова *время*.

Таким образом, учащийся к 9 классу должен сформировать устойчивое представление о семантико-грамматической специфике слова *время*, способах выражения временных значений в русском языке, о лингвокультурологической значимости одной из важнейших лексем языка.

Литература

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2000.
2. Перслегина Е. Р. О некоторых приемах презентации национально-маркированных концептов на уроках русского языка как иностранного // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011, № 6 (1). С. 342–344.
3. Разумовская М. М., Львова С. И. и др. Русский язык. 5 класс. Учебник / Под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М., 2012.
4. Разумовская М. М., Львова С. И. и др. Русский язык. 6 класс. Учебник / Под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М., 2013.
5. Разумовская М. М., Львова С. И. и др. Русский язык. 7 класс. Учебник / Под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М., 2009.
6. Разумовская М. М., Львова С. И. и др. Русский язык. 8 класс. Учебник / Под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М., 2009.
7. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 2005.
8. Ялалов Ф. Г. Деятельностно-компетентностный подход к практико-ориентированному образованию // Интернет-журнал «Эйдос». 2007. 15 января. В надзаг.: Центр дистанционного образования «Эйдос» [eidoss/journal/2007/0115-2.htm].

Реинституционализация русского языка: 39 заданий ЕГЭ и национальная идея**М. В. Загидуллина**

Челябинский государственный университет

mzagidullina@gmail.com

Философия языка, лингвистическая компетенция, национальная идея, социализация поколения.

Summary. This presentation is devoted to the analysis of the basic principles of the Russian Language National State Examination. The author shows that the fundamental part of this examination does not meet the objectives of the State Examination with respect to the next generations' basic level of language competence. The author proposes a philosophical approach to the language as the system that will ensure an adequate level of language.

Русский язык как важнейший признак и условие национальной идентификации, а также, пользуясь политической риторикой последнего времени, национальной идеи, получил с повсеместным введением Единого государственного экзамена особую форму реинституционализации: закрепления некоторого «сколка» представлений о русском языке как системе в виде формализованного знания, транслируемого каждому представителю нового поколения, вступающему во «взрослую жизнь».

Тем самым созданы предпосылки для анализа этого «экстракта» с точки зрения тех смыслов и задач, которые составители ЕГЭ учитывают при составлении заданий.

Возникает соблазн рассматривать задания государственного экзамена как некий минимум, необходимый и доста-

точный для национальной (русскоязычной?) самоидентификации: именно вот эти знания, соответствующие 39 заданиям ЕГЭ, и есть эссенция языковой способности русскоговорящего человека.

Очевидно, что в принципах экзаменационных заданий отражены требования к владению языком, какие могли бы быть обнаружены в универсальных требованиях к любому языку (например, умение выделить главную мысль текста, указать на высказывание, не имеющее отношения к содержанию текста и т. п.). Согласно открытым материалам, представленным на сайте Федерального института педагогических измерений, ответственного за разработку и обновление заданий ЕГЭ, мы получаем представление о тех подходах, которые признаются национально значимыми.

Таблица 1. Распределение заданий в тесте, проверяющих сформированность предметных компетенций (И. П. Цибулько, ФИПИ)

Компетенция	Часть / уровень сложности	Проверяемое содержание
Лингвистическая (знания о системе языка, владение основными языковыми понятиями)	Часть 1 (А) (базовый уровень)	Морфология А11
		Синтаксис А9, А10
		Речеведение А7, А8
	Часть 2 (В) (высокий уровень)	Словообразование В1
		Морфология В2
		Синтаксис В3–В6
		Речеведение В7, В8
Языковая (владение основными языковыми нормами)	Часть 1 (А) (базовый уровень)	Орфоэпия А1
		Орфография А13–А19
		Пунктуация А20–А26
		Культура речи А2–А6
	Часть 3 (С) (повышенный уровень)	Орфография К7
		Пунктуация К8
		Грамматические нормы К9
		Речевые нормы К10–12
Коммуникативная (речевые умения)	Часть 1 (А) (базовый уровень)	Построение текста А27
		Понимание содержания текста А28, А29
		Понимание лексики текста А12, А30
	Часть 3 (С) (повышенный уровень)	Понимание содержания текста К1
		Комментарий к сформулированной проблеме исходного текста К2
		Отражение позиции автора исходного текста К3
		Выражение своего мнения К4
		Построение текста К5
		Выразительность речи К6

Три компетенции, лежащие в основе заданий, должны стать предметом научной рефлексии, поскольку их формирование (и способы формирования) становятся задачей государственного уровня. При этом выявляются и слабые места концепции экзамена. Так, анализ конкретных заданий, стоящих за каждой строкой столбца «проверяемое содержание», показывает принцип «зондажа» компетенций (метод выборки отдельных правил, освоение которых не является ни прямым, ни косвенным подтверждением освоения компетенции).

Статистика, согласно данным того же источника (fipi.ru), показывает, что наименее разработанной частью национальной подготовки остается лингвистическая компетенция. Анализ представлений разработчиков о том, что собой должна представлять эта компетенция (осознанные представления о языке, опосредованные в лингвистических понятиях), а также самого характера предлагаемых заданий показывает, что новые социализирующиеся поколения должны осваивать материал, не скрепленный философией языка, а следовательно, неизбежно рассыпающийся на отдельные проблемы, основным способом освоения которых становится натаскивание и зубрежка, а не освоение компетенций.

Очевидно, что главным камнем преткновения оказывается сама форма экзамена (ограничивающая и типы вопросов, и способы выявления компетенций), а вслед за ней «точечный» подход к выявлению компетенций, этой формой обусловленный. Сама специфика русского языка как кода национальной идентичности при таком подходе оказывается невидимой, заслоняется вопросами о «лингвистических понятиях», «назначение» которых в осознании языковых механизмов остается не выявленным и не проясненным. Важно, что такая расплывчатость неизбежна и во многом связана с самой огромностью задачи – выявить ключевые узлы системы языка и предъявить их школьнику в качестве «дидактических единиц». Традиционный подход к такому предъявлению закреплен в школьном преподавании столетиями (от звука к предложению и тексту), но не решает важной задачи – выработки лингвистической компетенции (она подменена навыком «распознавания лингвистических терминов»).

Таким образом, реинституционализованной (закрепленной в новом виде – не учебного материала, но вопросов государственного экзамена) оказывается та часть языка, что создает «видимость» лингвистической компетенции при непроясненности ее смысловой основы.

Представляется перспективной работа специалистов в сфере русского языка по определению фундаментальных особенностей русского языка в категориях именно мировоззренческих, на фоне сравнения с иными языками, и посте-

пенное внедрение в материалы государственного экзамена вопросов, направленных на освоение лингвистической компетенции в ее смысловывявляющих, а не схоластических формах.

Тезаурусное представление русского языка в учебниках нового поколения

Р. Т. Касымова

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан)

rashida-kas@mail.ru

Тезаурус, картина мира, тематическая группа.

Summary. The report focuses on the representation of thesaurus of the Russian language in the textbooks of the new generation, the content of which is aimed at the formation of the language ability of students with knowledge about the world.

Неотъемлемой частью общей национально-языковой политики Республики Казахстан является создание новой национальной модели образования. В соответствии с Посланием Главы государства Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Построим будущее вместе» от 28 января 2011 года в 2020 году начнет функционировать 12-летняя модель общего среднего образования, основной этап перехода к 12-летнему общему среднему образованию планируется на 2015–2016 годы.

Тезаурус реализует отражательную и аккумулятивную функции языка и представляет знания о мире, и обучающую ценность тезаурусного представления русского языка при вооружении учащихся старших классов знаниями о языке подтверждают разработанные нами пробные учебники русского языка для учащихся 11 классов школ с казахским языком обучения для общественно-гуманитарного и естественно-математического направлений [1]; [2].

При составлении учебников «Русский язык» его авторы принимали во внимание необходимость формирования языковой способности обучаемых вместе со знаниями о мире, имеющими три уровня:

- знания о действительности – предметная компетенция;
- знания о когнитивной (концептуальной) картине мира – тезаурусная, или тематическая, компетенция;
- знание языковой картины мира – языковая, речевая и коммуникативная компетенции.

Основной функцией учебников является представление языка как: а) системы; б) функционирующего механизма; в) картины мира, т. е. тезауруса. Таким образом, язык в одних случаях повернут к действительности; в других – языковыми единицами обращен к мышлению; в-третьих, представлен как система, организуемая внутриязыковыми отношениями.

Так как разработка тезауруса имеет прикладную ценность не только в лексикографическом, но и в методическом планах, то для лингводидактики ценным является положение о том, что тезаурус «...может рассматриваться как некоторый

метод кодирования значений слов. Тезаурус разделяется на ряд «тем», в каждую из которых входят слова, имеющие в некотором смысле одинаковое значение. Практически название темы представляет как бы контекст для входящих в нее слов. Принадлежность слов к одной и той же теме может рассматриваться как их способность употребляться в одном и том же контексте или по крайней мере в группе связанных друг с другом контекстов» [3: 215–216].

Тематический принцип построения учебников соответствует требованиям, предъявляемым к учебникам коммуникативного типа, и направлен на то, чтобы обеспечить осмысленность таких тем, как: «Язык и картина мира», «Жизнь – это бесценный дар», «Что значит быть интеллигентным?», «Архитектурные стили и города мира», «По залам Эрмитажа», «Скульптурные памятники мира», «Будущее моего Казахстана». Лексические темы, на основе которых моделируется учебная деятельность в рамках учебников, представляют собой часть объективной действительности, вычленившийся отрезок действительности. Формирование знаний о мире на основе тематических групп, каждая из которых является фрагментом «картины мира», и представляет собой поэтапное овладение русским языком как неродным и приобретение вместе с ним навыков оперирования когнитивными единицами как элементами системных знаний о мире – тезауруса.

Литература

1. *Жаналина Л. К., Касымова Р. Т.* Русский язык: Пробный учебник для 11 классов общественно-гуманитарного направления 12-летних школ с казахским языком обучения. Алматы, 2013.
2. *Жаналина Л. К., Касымова Р. Т.* Русский язык: Пробный учебник для 11 классов естественно-математического направления 12-летних школ с казахским языком обучения. Алматы, 2013.
3. *Паркер-Роудс А. Ф., Уордли С.* Применение тезаурусного метода при машинном переводе с помощью существующей вычислительной техники // Математическая лингвистика / Под ред. Ю. А. Шрейдера и др. М., 1964. С. 214–228.

Развитие общетекстовых умений на уроках русского языка (к вопросу о природосообразности обучения носителей языка)

Т. И. Киркинская

Алтайская государственная педагогическая академия (Барнаул)

alkirk@mail.ru

Языковой опыт, эмотивная компетенция языковой личности, понимание.

Summary. The paper is about the system of training exercises and their communicative importance which develop an ability to the author's text understanding.

Спонтанное развитие языковой способности в детстве, переходя в школьный нормативный период, теряет свои естественные корни. Унифицируется индивидуальный стиль письма, теряется эмотивная составляющая языковой способности ребенка. Как уравновесить эти процессы?

Постановка задачи языкового обучения как диалектического сочетания развития внутренней (природной) языковой способности и «внешних» целей языкового образования возникла давно, но возможно, впервые достаточно определенно сформулирована она В. фон Гумбольдтом. В частности, великий мыслитель отмечал: «Усвоение языка детьми – это не ознакомление со словами, не простая закладка их в

памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнением». Говоря об «упражнении», В. фон Гумбольдт имеет в виду стихийное овладение языком, прежде всего через усвоение речевого материала, непрерывно возникающего вокруг него.

И. Г. Песталоцци описал систему первоначального образования, которая была бы тесно связана с жизнью и повседневным опытом ребенка, сделала бы его способным мыслить. «Я, таким образом, связываю язык со знаниями, имеющимися у ребенка, и расширяю их, чтобы развить его речь. **Язык же делает более четкими для ребенка те впечатления, которые восприняли его органы чувств...**

я стараюсь в элементах обучения повсюду следовать механическим законам, при помощи которых **человек от чувственных восприятий подымается к четким понятиям**». И далее – впечатляющий пример: «Верно, что ребенок, который целый час бегаёт в поисках дерева, растущего у него перед дверью, никогда ничего не будет знать о дереве. Ребенок, который у себя дома не находит никаких стимулов для напряжения сил, не легко найдет их и в широком мире. И никакие человеческие слезы не подвинут на добрые дела человека, пройди он весь мир, если в детстве взор матери не научил его любви к людям. Земной человек становится ангелом, когда он использует близкие его физическому существованию стимулы для достижения мудрости и добродетели; он становится дьяволом, если он пренебрегает этими стимулами и бежит за тридевять земель, для того чтобы их найти. Иначе и не может быть: **в тех случаях, когда предметы удалены от моих органов чувств, они являются для меня источником заблуждений и ошибок, а отсюда также и источниками пороков**».

Виднейший представитель так называемого неогумбольдтианского направления Й. Л. Вайсгербер связывал особенности языкового развития человека не столько с природными задатками, сколько с его отношением, вниманием к родному языку, с развитостью метаязыкового сознания. На начальной ступени «язык не представляет для человека серьезной жизненной ценности, служа внешним, «бездушным» орудием коммуникации». Подстраиваясь к родному языку через труд языковых предков, человек становится образованным в языковом отношении, «когда **чистота мышления запрещает ему довольствоваться полупонятным словесным материалом**...».

Сформулируем рабочий вариант гипотезы о возможных методических линиях (условиях) персонализации обучения родному языку. Прежде всего, на наш взгляд, следует подумать **о вариантной основе форм обучения родному языку**.

Вариантность форм обучения связана, на наш взгляд, по крайней мере, с тремя сферами, задействованными в процессе языкового развития (обучения) ребенка в школе. Первая обусловлена потенциальной вариативностью элементов языковой системы. Вторая отражает коммуникативный, языковой опыт ученика, который следует рассматривать как множественность вариантов речевого поведения окружающей языковой среды. И третья сфера связана с интерпретационной деятельностью учителя по отношению к учебным материалам ученика.

На пересечении этих сфер происходит обучение школьников, поэтому важно знать (наблюдать) особенности проявления каждой сферы в каждой учебной ситуации.

Приведем примеры эффективных форм работы с текстами на уроках русского языка, позволяющих учителю развивать универсальные общетекстовые умения, а ученикам – быть в новой стратегии обучения «мой языковой опыт – часть опы-

та человечества». Через рассмотрение поля ученических вариантов при выполнении конкретного действия с текстом мы получаем ценную информацию о языковом опыте ребенка.

Рассмотрим, например, такое привычное учебное действие, как озаглавливание текста. Этот вид учебной работы тренирует и развивает два важных качества языковой способности – навык вычленения смысловой доминанты на фоне информационной избыточности текста, а также навык сжатия текста без смысловых потерь. Важно обсуждать с учениками варианты полученных заголовков, так как именно на фоне вариантов ученик видит место своего заголовка и начинает осознавать, где и почему он ошибся в понимании текста. Мы считаем, что разновидности непонимания представляют собой дополнительную иллюстрацию уровней понимания текста, и для каждого типа непонимания может быть обнаружен тот уровень языковой личности (по классификации Г. И. Богина), на котором он возникает.

Поле вариантов полезно создавать и обсуждать и в других видах тренировочных упражнений с небольшими текстами:

а) выборочное списывание (варианты исключенных предложений, слов, конструкций, которые не влияют на главную мысль текста);

б) восстановление границ текста (варианты выделения абзацев, границ предложений, словосочетаний);

в) свободная диктовка или фразовое письмо (варианты замены и потери слов, словосочетаний, перестановки и утраты некоторых предложений);

г) клоуз-тест (варианты заполнения пропусков в тексте) и другие.

Итак, подчеркнем: главный образовательный эффект при подобной организации учебной работы с текстами возникает тогда, когда языковой опыт ученика рассматривается, расширяется через призму вариантов одноклассников, учителя и автора текста. Во-первых, созданное во время учебной коммуникации вариативное поле помогает каждому ученику яснее увидеть «плюсы и минусы» своего варианта. Во-вторых, это помогает приобрести **опыт рассматривания частных элементов текста по отношению к целому**. И тогда целостность текста, как текстообразующее понятие, переходит в восприятии ученика из разряда декларируемых учителем в разряд личных инструментальных средств. Происходит реальное обогащение языкового опыта.

Позитивным следствием описанных выше «вариантных» форм обучения становится также развитие исследовательской (не оценочной) позиции учителя по отношению к учебным ситуациям и детским текстам.

Литература

1. Голев Н. Д., Максимова С. А., Денисова Э. С. и др. Лингвоперсоналогия и личностно-ориентированное обучение языку: Учебное пособие / Под ред. Н. В. Мельник. Кемерово, 2009.

Научная речь для аспирантов, докторантов, преподавателей

Н. И. Колесникова

Новосибирский государственный технический университет
nkolesnikova@mail.ru

Преподаватели вузов, научная сфера общения, курс повышения квалификации, методика проведения.

Summary. The paper proves the necessity for further education courses in scientific communication for faculty members. The description of the course based on the author's teaching aids and long-term experience is given.

Каждому преподавателю вуза важно развивать личностный научный потенциал, заниматься научной деятельностью, уметь не только представлять результаты собственных научно-методических и научно-теоретических исследований, но и формировать исследовательские компетенции у бакалавров и магистрантов.

Отсутствие в вузовских программах курсов, а в педагогической литературе пособий, помогающих преподавателю создавать научные тексты, побудило нас ввести в Новосибирском государственном техническом университете курс повышения квалификации «Научная речь для аспирантов, докторантов, преподавателей».

Цель курса – формирование у названных категорий обучающихся коммуникативной компетенции в научной и профессиональной сфере общения (преподавание иностран-

ных языков, гуманитарных, общеобразовательных и специальных дисциплин, написание статей, докладов, диссертаций и пр.). Обучающиеся обретают знания об основных особенностях научного стиля, структуре научных текстов любого профиля, овладевают моделями широко востребованных письменных и устных научных жанров.

Курс состоит из 4-х разделов:

1. Научный стиль русского литературного языка.

Функциональные стили современного русского языка. Взаимодействие функциональных стилей. Научный стиль русского литературного языка как один из функциональных стилей. История возникновения научного стиля. Основные черты научного стиля. Дифференциации научного стиля по подстилям и жанрам. Язык науки и подязыки специальностей. Научная терминология. Специфические особенности

терминов. Речевые нормы учебной и научной сфер деятельности.

2. Анализ научного текста.

Научный текст. Способы изложения в научном тексте (описание, повествование, рассуждение, определение, сообщение). Подтипы способов изложения. Коммуникативные цели способов изложения. Структура научного текста. Типы связи предложений в абзаце. Типы свержабзацев (цепочно-рамочный и линейно-рамочный). Композиционно-смысловая структура научного текста. Два плана научного текста. Основные свойства научного текста. Основные текстовые категории.

3. Жанровые классификации и жанровые модели.

Актуальные для изучения научные жанры и их внутрижанровые варианты. Типологические модели научных текстов и жанров. Жанр и субжанр. Межжанровая модель научного текста. Аннотирование и реферирование научного текста. Аннотация, учебный монографический и обзорный реферат, рецензия, отзыв, лекция. Объяснительный монолог и педагогический диалог.

4. Создание профессионально значимых устных и письменных жанров.

Основные этапы научного поиска и межжанровая модель научного текста. Модели познавательной деятельности учебного. Постановочный текст. Текст-обоснование. Жанровые стиливое многообразие русской научной речи. Жанровые классификации и жанровые модели. Жанровый репертуар библиографических рефератов. Внутрижанровая классификация аннотаций. Жанр «Введение в научную работу» и его «субжанры». Научный отчет. Жанр доклада. Внутрижанровая классификация докладов. Структура доклада. Доклад на защите научной работы. Статья. Структура статьи. Внутрижанровая классификация статей [2].

Предлагаемое в разделе 1 описание научного функционального стиля имеет целью расширение лингвистических знаний о научном стиле с учетом экстралингвистических факторов, формирование идиостиля обучающихся, служит ориентиром при отборе лексико-грамматических и стилистических средств для собственной научной работы и редактирования работ студентов.

Раздел 2 ставит целью моделирование связного текста с учетом его структурно-смысловых, композиционных и категориальных особенностей и пр., т. е. подготавливает обучающихся к овладению научными жанрами, в которые «отливаются» научные тексты.

Цель раздела 3 – сформированное упорядоченное представление о многообразии научных жанров, овладение мо-

делями актуальных для исследовательской работы научных жанров, освоение *межжанровой модели* научного текста как межпрофильного, обобщенного, абстрактного, контурного алгоритма, способного служить ориентиром речемыслительной деятельности обучающихся при порождении ряда научных жанров (доклада, первичных тезисов, информативной статьи, диссертации и др.).

Раздел 4 (индивидуальная работа со слушателями) имеет целью практическое овладение слушателями типологическими моделями научных жанров, отражение в научной сфере речевого общения индивидуального стиля, раскрывающего «разные слои и стороны индивидуальной личности...» [1: 254].

Формой итоговой аттестации (выпускной работой) является подготовленная статья в научный журнал или электронная презентация научного доклада с последующим обсуждением. Слушатель должен продемонстрировать способности к аналитической и продуктивной текстовой деятельности в научной сфере общения, что в дальнейшем позволяет ему написать на достойном уровне научную работу по специальности, готовить доклады и лекции, писать обоснования, статьи, участвовать в конкурсах научных исследований и др.

Содержание курса, относящегося к инновационной области дополнительного образования, базируется на материале докторской диссертации разработчика, на многолетнем опыте преподавания курса «Научная речь» учителям школ, преподавателям вузов, магистрантам, аспирантам и докторантам; апробировано в докладах на городских, региональных, всероссийских, международных конференциях, международных конгрессах.

Вышеизложенный опыт постановки и преподавания курса, его роль в формировании научно-профессиональной культуры специалистов, востребованность в других вузах доказывают его эффективность. Освоенный слушателями материал используется ими в практике преподавания, при написании докладов, статей и диссертаций.

Сегодня, когда повышаются требования к качеству научных работ, их экспертизе и публикации в рецензируемых журналах, вводится индекс цитируемости учебного и др., данный курс приобретает особую актуальность.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.
2. Колесникова Н. И. Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования: Монография. Новосибирск; М., 2009.

Речевое воспитание – миф или возможности есть?

О. В. Константинова, А. А. Муравьёва

Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина (Москва)

konstantinova@gubkin.ru

Речевое воспитание, языковые и коммуникативно-речевые компетенции, инструмент профессиональной деятельности, системность понятий, опора на научные знания.

Summary. The paper is devoted to the problem of speech culture formation in a higher technical education institution: what is necessary for an engineering specialist to acquire the main skills of accurate Russian speech? Presently “The Russian Language and Speech Culture” discipline is on the roadside of educational programmes. Does it have to be so?

Согласно современным требованиям образовательных стандартов выпускник вуза должен быть специалистом, обладающим не только профессиональными, но и общекультурными компетенциями. Несомненно, именно гуманитарные дисциплины, в т. ч. речеведческие («Русский язык и культура речи», «Риторика») призваны способствовать формированию общекультурных компетенций.

«Речевое (риторическое) воспитание не есть воспитание «контактности» или «коммуникабельности», оно предполагает прежде всего философичность и образованность, ответственность за сказанное или написанное слово, нравственно-этическую основу поступков. Грамотное речевое воспитание гарантирует развитие личности, расцвет внутреннего и внешнего в жизни каждого человека» [Аннушкин, 2008].

Известно, что речь – это специфическая человеческая деятельность, протекающая как процесс и представленная как продукт этой деятельности. Нет сомнений, что этому виду деятельности следует обучать.

Согласно учебным планам ГОС-2 в течение многих лет студенты третьего курса имели возможность выбрать данный курс среди прочих (как правило, из двух дисциплин). И выбирали: кто-то осознанно, кто-то «просто так», но результат был один и тот же: никто не сожалел о потерянном времени, а сожалел о недостаточном количестве часов, отведенных на этот курс. На факультетах права, экономики этот курс являлся обязательным для изучения.

В Федеральных Государственных образовательных стандартах (ФГОС-3) речеведческие дисциплины занимают гораздо более скромное место, несмотря на то, что в той или иной формулировке среди общекультурных компетенций выпускника вуза называется свободное владение литературной письменной и устной речью, навыками деловой, публицистической и научной речи; умение создавать и редактировать тексты, анализировать логику высказываний и т. п. «Русский язык и культура речи» предлагается в качестве дисциплины по выбору в 1–2 семестрах на всех факуль-

тета, кроме экономического и международного энергетического бизнеса. Студенты этих факультетов в 3-ем семестре изучают «Деловое общение» (отдельное направление дисциплины «Русский язык и культура речи»). Кто выбирает этот предмет? Как правило, учащиеся, понимающие важность русского языка и любившие его в школе. Заметим также, что на I курсе далеко не каждый может определить, какие знания ему необходимы сейчас и тем более в будущем. Вызывает недоумение, что даже на факультете права эта дисциплина, как и риторика, исключена из числа обязательных. Напомним, что профессия юриста относится к числу лингвоинтенсивных, т. е. таких профессий, в которых язык является основным инструментом профессиональной деятельности. Таким образом, возникает вопрос, в рамках какой дисциплины возможно формирование навыков «свободного владения литературной устной и письменной речью».

Реализуя компетентностный подход в обучении дисциплине «Русский язык и культура речи», следует помнить, что цель в этом случае формулируется как «осознанно планируемый результат» преподавания и изучения языка, а именно: развитие языковой личности, формирование языковых, коммуникативно-речевых, когнитивно-коммуникативных компетенций учащихся, формирование способности и готовности рационального речевого поведения на основе знаний о русском языке как знаковой системе, особенностей употребления языковых единиц в различных ситуациях общения, знаний этической стороны речевой деятельности, достижение учащимися необходимого уровня развития умений во всех видах речевой деятельности для адекватного речевого поведения при реализации своих коммуникативных потребностей.

Содержание обучения культуре речи включает в себя изучение следующих основных ее компонентов: языкового (лингвистического), коммуникативно-речевого, этического. Выделение этих компонентов позволяет еще раз подчеркнуть, что речевое воспитание и образование без изучения культуры речи, речеведческих дисциплин, на наш взгляд, не представляется возможным. Равно как и формирование названных выше общекультурных компетенций.

Языковые знания – основа культуры речи. Изучение языкового аспекта культуры речи предполагает овладение нормами, регулирующими функционирование в речи языковых единиц разных уровней в соответствии с системой данного языка. Казалось бы, базовые знания о системе родного языка учащиеся должны были получить в школе. Однако сле-

дует подчеркнуть, что в последнее время именно базовых знаний учащихся зачастую недостаточно для выработки компетенций, необходимых выпускнику высшей школы.

Заметим, что часть заданий ЕГЭ проверяет знание норм литературного языка (фонетических, грамматических, лексических), но лишь элементарные, причем многие выпускники средней школы не осознают ни системности понятий, ни их связь с понятием «стилевая норма»: как только возникает необходимость составить любой текст, принадлежащий к деловому стилю, научному или публицистическому, отсутствие навыка правильного «употребления» очевидно. Не секрет, что выпускники школ, успешно сдавшие ЕГЭ, зачастую вовсе не способны построить связный текст, правильно воспринять текст (научный, публицистический). Невладение научным стилем на первом курсе еще можно объяснить (мало опыта, не было практики т. п.), но в последующем вся структура и содержание учебного процесса требуют владения устной и письменной научной речью. Факты говорят о том, что не только хорошо сформированного навыка нет, но и элементарного. К примеру, широко распространены речевые ошибки, связанные с незнанием точного значения слова и т. п. Таким образом, без опоры на научные знания в области речеведческих наук процесс совершенствования навыков владения речью весьма затруднителен.

Несомненно, языковой компонент отнюдь не единственно важная часть культуры речи. Она подразумевает выбор оптимальных языковых средств с учетом целей, условий, особенностей участников речевой коммуникации. Именно выбор на основе лингвистических знаний, причем часто из двух правильных вариантов, рассматривается при изучении коммуникативно-речевого и этического компонентов культуры речи. Однако опыт показывает, что существуют определенные трудности не только в выборе варианта на основе языковых и стилиевых норм. Не меньшими являются трудности овладения этической стороной речи, что во многом обусловлено как недостаточно высоким уровнем культуры учащихся, так и незнанием этико-речевых норм.

Введение дисциплины «Русский язык и культура речи» в конце 1990-х – начале 2000-х было вызвано резким падением уровня владения родным языком его носителями. Выбор этой дисциплины среди 4–5, предлагаемый в новом поколении стандартов, ее исключение из обязательных для изучения на факультетах права вряд ли может способствовать развитию современной языковой личности.

Текстоцентричный подход в изучении родного (русского) языка в Эстонии

Н. Мальцева-Замковая, И. Моисеенко

Таллиннский университет (Эстония)

irmo@tlu.ee, taly@tlu.ee

Текст, коммуникативный подход, текстовая деятельность, восприятие и порождение текстов.

Summary. In the theses authors consider the realization of the textocentric (text based) method in teaching Russian as a mother tongue at schools in Estonia. They describe the structure of study textual activities and their result. Authors prove the leading role of a text in the formation of communicative and culturological competences.

Основная цель обучения родному (русскому) языку – создание текстов, наполненных личностным смыслом, в соответствии с нормами литературного языка, поскольку человеческое общение предполагает обмен речевыми произведениями. В государственной предметной программе обучения для школ Эстонии говорится о том, что одним из важнейших результатов обучения является «умение осмысленно читать и воспринимать на слух, а также составлять тексты разных типов в устной и письменной форме». Для реализации поставленной цели возникает необходимость включения учащегося в учебную текстовую деятельность, при организации которой учитываются закономерности естественной речевой деятельности, такие, как мотив-потребность, цель деятельности, структура и стадии деятельности; продукт деятельности, а также закономерности естественного речевого общения. Безусловно, учебная речевая деятельность не должна полностью копировать естественную. Зачастую ее мотивация создается искусственно, так же, как и условия общения. С этой целью отбирается учебный материал (учебные тексты, задания, предполагаемые

для создания речевых произведений, языковой материал и т. д.), определяется количество и уровень сложности упражнений.

Текстовая деятельность включает в себя – ориентацию в ситуации общения, – работу над исходным учебным текстом (текстами), которая заключается в переработке его информации и усвоении необходимой для создания итогового речевого произведения языкового материала, – выполнение заданий, направленных на подготовку к порождению итогового речевого произведения, – решению речемыслительных задач, в результате чего создается коммуникативно значимый текст.

Работая в рамках текстоцентричного подхода, нельзя забывать о соотношении исходного и продуцируемого текстов: – смысловая структура и языковые средства исходного учебного текста в значительной степени повторяются в итоговом речевом произведении (такие отношения реализуются, например, при устном и письменном пересказе, реферировании; – только часть смысловой структуры исходного учебного текста входит в смысловую структуру итогового

речевого произведения, языковые средства также не полностью покрывают его языковой состав (например, аннотирование и рецензирование текстов); – содержание исходного учебного текста стимулирует к созданию «авторского» текста, при этом, как правило, порождается совершенно новая смысловая структура и используются новые языковые средства (такие отношения реализуются, например, в ходе проведения дискуссии).

Таким образом, текст выступает в качестве единицы обучения, при этом являясь подлинным хранителем культуры, позволяя погрузить учащегося в социально-культурный контекст с учетом тенденций исторического развития. Он дает возможность формировать как коммуникативную, так и культурологическую компетенции.

Текстоцентричный подход реализуется при обучении русскому языку как родному на всех этапах обучения: в

начальной, основной школе и гимназии, что находит отражение в содержании уровневых работ (в третьем и шестом классах), экзамена для основной школы, при разработке учебной литературы. Не случайно эта тенденция отражается в названиях учебников («От текста к тексту. Пособие по русскому языку для учащихся 5–6 классов» – авторы И. Логвина, Н. Мальцева-Замковая и «Какovy встречи, такovy и речи. Восприятие и создание устного текста. Учебник русского языка для гимназий» – авторы Н. Мальцева-Замковая, И. Моисеенко, Н. Раудсепт).

Потребностями современного информационного общества вызвана необходимость включения в программу для гимназического этапа обучения принципиально новых курсов «Восприятие и создание устных текстов» и «Восприятие и создание письменных текстов», которые разработаны авторами тезисов.

Культуроведческий резерв русского алфавита

Т. Ф. Новикова, А. Э. Колотилова

Белгородский национальный исследовательский университет

TNovikova@bsu.edu.ru, awodemasa@yandex.ru

Русский алфавит, история букв, резерв, культуроведческая компетенция.

Summary. The paper discusses the possibility of including information about the history of the alphabet in a modern lesson of Russian; knowledge of the alphabet is considered a part of creating linguistic and cultural competence in children.

Поиск путей и резервов восполнения культурной составляющей в школьном курсе русского языка продолжает оставаться актуальной проблемой языкового образования на современном этапе. В качестве перспективного пути формирования культуроведческой компетенции школьников мы рассматриваем сведения по истории русского письма, информацию о создании и реформировании алфавита, о судьбе кириллицы в XXI в., анализ тенденций в функционировании русской графической системы (например, всплеск активности в использовании пиктографических знаков). Все эти сведения обладают особым не только лингвокультурным, но и дидактическим потенциалом в формировании культуроведческой компетенции, что получило подтверждения в нашей экспериментальной практике преподавания русского языка.

Интерес к подобному рода лингвистической информации обострился в начале нашего века на волне роста интереса общества к вопросам отечественной истории. С одной стороны, «яти» и «еры» появляются в СМИ, на вывесках, в рекламе: «Коммерсантъ», «Хлѣбъ», «Вѣсти»; с другой стороны, в рекламу, в СМС- и интернет-коммуникацию все настойчивее внедряется латиница: *PR, DJ, Vip-персона, sms-ка...*

Безусловно, в особой мере актуальна информация по истории азбуки для школьного курса русского языка, поскольку именно со знакомства с алфавитом начинается обучение и родному языку, и другим школьным предметам. В течение всех лет обучения в школе ученик постоянно обращается к алфавиту, углубляя знания о соотношении звуков и букв, об основах русской орфографии, применяя «принцип алфавита» для систематизации фактов и примеров по разным предметам. Имеющиеся знания об алфавите кажутся учащимся достаточными для осуществления естественной коммуникации (работа со словарями, телефонным справочником и пр.). Однако история письма, изменения состава алфавита, утрата одних и введение других букв – эти сведения важны не только как языковедческая, но и как значимая культуроведческая информация. Между тем она излишне лаконично и весьма фрагментарно представлена в современных программах и учебниках.

К сожалению, сведения по истории алфавита зачастую неизвестны и самим учителям. С целью решения данной проблемы было подготовлено и издано учебно-методическое пособие «О важных буквах» [1]. В издании систематизированы сведения о происхождении славянской письменности, дан краткий исторический обзор изменений, которые произошли в русском алфавите с XVII по XX век, рассмотрены последствия реформ русской азбуки, рассказано о судьбе отдельных букв, предложены методические разработки, познавательные и занимательные материалы. По-

мимо систематизации, дидактической «обработки» и представления не всем учителям доступной лингвистической информации, автор решает еще одну важную задачу: привлечение внимания к проблеме сохранения русского алфавита и кириллицы в целом, которые не одно столетие в основе своей остаются неизменными, несмотря на экспансию латиницы, на утрату некоторых важных букв, на игнорирование в практике набора некоторых букв, на активизацию употребления пиктографических знаков, комбинаций графических знаков вместо слов и др. О необходимости сохранения русского алфавита с тревогой писал А. И. Солженицын в известной статье «Ять и Ё» [3].

Считаем, что знание некоторых фактов из истории русского алфавита необходимо современным школьникам, и в первую очередь – сведений о количественных «потерях» алфавита. В разное время из его состава исключались буквы, утратившие способность передавать естественную речь. Однако упразднение букв не всеми воспринималось как положительное явление. Примером этому может служить реформа 1917–1918 гг., когда из культурной жизни народа было исключено старое правописание, что внесло, по мнению И. А. Ильина, «бессмыслицу и недоразумения» в письмо, превратило правописание в «кривописание». Среди противников реформы были И. А. Бунин, А. А. Блок, М. И. Цветаева, Д. С. Лихачев, А. И. Солженицын и др. Известный лозунг *Miru – мир!*, поговорка *Одним мвром мазаны* в современном написании потеряли первоначальный смысл, поскольку было утрачено различие между *миром* (антонимом *войне*), *миром* (Вселенною), *мвром* (маслом). С исключением «ятя» появилось много омонимов там, где раньше были разные слова: *ѣли* (употребление пищи) – *ели* (дерева), *лѣчу* (больного) – *лечу* (от лететь) и др.

По нашему мнению, столько же «бессмыслицы и недоразумений» вносит отказ от последовательного употребления пока еще не отмененной буквы *ѣ*. Все 200 лет ее существования с этой литерой происходит, по выражению Л. Успенского, «странная пульсация»: *ѣ* то допускается в печать, то изгоняется из нее, то признается необходимой, то объявляется ненужной. Справочниками регламентирована факультативность ее употребления, однако и по сей день имеются проблемы, связанные с «полузаконностью» буквы, все так же неопределен ее статус в русской графике, неустойчиво употребление в СМИ, рекламе, учебниках, недооценивается ее когнитивная функция в тексте. Наблюдения подтверждают, что *ѣ* употребляется не факультативно, а хаотично, что ведет к появлению устойчивых ошибок, в т. ч. на радио и телевидении, где можно услышать *новорожденный* вместо *новорождѣнный*, *осужденный* вместо *осуждѣнный* и др. Небрежное полуприменение *ѣ* ведет к искажению и уродованию языка. Отмечаемое всеми падение устной речевой

культуры, на наш взгляд, не в последнюю очередь связано с разнородным в употреблении *ĕ*.

Феномен алфавита интересен и в дидактическом плане, поскольку обладает не освоенным вполне в школьной практике технологическим потенциалом. Алфавит может рассматриваться как основа для творческих упражнений и проблемных заданий. Среди новых приемов словарной работы мы можем назвать диктанты-кроссворды, диктанты «с иллюстрациями», игровые диктанты, диктанты-алфавиты, диктанты «на одну букву», пазл-диктанты, акростихи и др. (подробнее см. в [2]).

Сведения об алфавите могут лечь в основу цикла уроков по русскому языку; алфавиту может быть посвящен отдельный урок в нетрадиционной форме «урока одного слова». «Уроки одного слова» – сложившаяся в практике экспериментального обучения форма урока, позволяющая выходить

не только на понятийный, но и на смысловой и ценностный уровни слова, учитывать историю, культурный фон, вертикальные и горизонтальные связи взятой в качестве объекта исследования отдельной лексической единицы. Подобные интегрированные уроки, очевидно, можно отнести к еще не получившим широкого распространения урокам проектного типа. Одним из уроков-проектов был посвящен сопоставлению значения и функционирования в текстах и речи слов «Алфавит» и «Азбука», истории этих слов как слов с национально-культурным компонентом.

Литература

1. Колотилова А. Э. О важных буквах: Учебно-методическое пособие. Белгород: Харьков, 2011.
2. Новикова Т. Ф. Урок одного слова: путь от значения к смыслам // Русский язык в школе. 2012. № 1. С. 10–15.
3. Солженицын А. И. Ять и Ё // Русский мир. 2001. № 4. С. 27–28.

Сравнительный анализ на занятиях по русскому (родному) языку и литературе в диаспоре

О. Л. Филина, М. А. Гаврилина

Латвийский университет (Рига, Латвия)

oksanafileina@gmail.com, gavril@inbox.lv

Освоение родного языка и литературы в диаспоре, билингвальное обучение, метод сравнительного анализа.

Summary. The paper is dedicated to one of the urgent questions in modern didactics – The comparative analysis on classes in the Russian (native) language and literature in diaspora. The author of the paper stress attention on a vital issue, which teachers and methodologists are collided with organizing process of learning of the native language and literature in Diaspora. In accordance with the author's mention, the comparative analysis is effective method of training in diaspora. The authors researched the problem in real educational process.

Освоение родного языка и литературы учащимися диаспоры имеет свои особенности, которые обусловлены целым рядом факторов. Данные факторы, а также – проблемы, с которыми сталкиваются учащиеся школ национальных меньшинств Латвии в процессе изучения русского языка и литературы, пути их решения проанализированы и описаны авторами в целом ряде научных статей ([1]; [2]; [3] и др.). Одной из особенностей является то, что русскоязычный школьник осваивает родной язык и литературу в билингвальной учебной среде, когда часть учебных предметов он изучает билингвально или на втором (в нашем случае – латышском) языке. При этом доля участия второго языка в учебном процессе зависит от той образовательной билингвальной модели, которая выбрана каждой конкретной школой. Это значит, что русскоязычный ученик постоянно находится в межязыковой и межкультурной среде, одновременно развивается как первичная и вторичная языковая личность, как носитель не одной, а, как минимум, двух культур. Такая среда требует от ученика понимания того, что билингвизм – это не двойное выражение одной реальности, не перевод на два языка внутренней идеальной речи, помещенной между опытом и выражением; это «способность передвигаться осмысленно и результативно в двух параллельных мирах с помощью двух языков» [4].

Наша практика показывает, что одним из эффективных дидактических методов, способных помочь ученику сформировать данное понимание, является использование в процессе обучения сравнительного анализа в широком его понимании:

- 1) для развития **языковой и речевой компетенции** школьников (сравнение фактов и норм первого и второго языков в процессе их изучения); при параллельном освоении двух языков и участии двух языков (как языков обучения) в учебном процессе мы констатируем в сознании и речевом поведении ученика взаимодействие фактов и норм двух языковых систем, порождающее достаточно много речевых ошибок в речевом поведении ученика в обоих языках;
- 2) для развития **межкультурной компетенции** школьников (анализ и сравнение фактов разных культур); тексты, содержащие информацию о фактах и ценностях русского, латышского и других народов, межкультурные задачи и под. обогащают культурологический кругозор школьников в межкультурном аспекте, позволяют последова-

тельно и целенаправленно развивать у ребят умение находить общее и различное в культурно-речевом поведении представителей разных культур, способность мыслить в сравнительном аспекте, вставать на позицию собеседника – представителя иной культуры, смотреть на мир его глазами и под., а также – многое понять в русском речевом поведении (срабатывает принцип: все, в том числе – свое, познается в сравнении);

- 3) для развития **литературной компетенции** школьников (анализ и сравнение художественных произведений, а также материалов биографического характера, подтверждающих реальность межкультурных взаимодействий); художественные произведения, которые актуализируют универсальные культурные концепты, содержат интерпретацию культурных архетипов, включают мотивы фольклора и литератур разных народов, привлекают внимание школьников к психологии поведения и поступков людей, живших в те или иные эпохи в разных странах, помогают понять духовный мир культурно-исторических эпох, открывают ребятам единую природу культурных традиций разных народов, то есть обогащают ценностно-мировоззренческий опыт школьников в межкультурном контексте, позволяют посмотреть на мир с ценностной позиции представителя иной культуры.

Опыт, о котором пойдет речь в докладе, накоплен в процессе разработки и многолетней апробации учебников и учебных пособий по русскому языку и литературе (4–9 классы), созданных авторами доклада.

Литература

1. Гаврилина М., Филина О. К вопросу о создании учебников русского языка и литературы в диаспоре // Problems of education in the 21 Century. 2009. Volume 18. Education: General Issues. Scietic Methodical Center “Scientia Educologica”, Lithuania. P. 167–177.
2. Гаврилина М., Филина О. Диалог с текстом на занятиях по русскому языку и литературе в условиях диаспоры // Problems of education in the 21 Century. 2013. Volume 52. Education: General Issues. Scietic Methodical Center “Scientia Educologica”, Lithuania. P. 137–150.
3. Гаврилина М., Филина О. Развитие общеучебных умений латвийских учащихся в процессе освоения ими русского (родного) языка и литературы // Русский язык за рубежом. № 3. 2013. С. 26–32.
4. Van Overbeke M. Introduction au probleme du bilinguisme. Bruxelles, 1972. P. 46.

Стандарт и прецедент: языковая норма в свете конфликта прагматических установок

Г. Г. Хазагеров

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

khazagerov@gmail.com

Кодифицированная норма, коммуникативная целесообразность, прагматика, риторика, краудсорсинг.

Summary. In report is claimed that there are two ways of cultivating language and speech: standard-based and precedent-based. At the present day the second way is relevant for the benefit of communication. The idea of “elastic norm” is inadequate now. The precedent-based language planning involves speakers in process like so-called “crowdsourcing”.

Оглядываясь на многовековой опыт культивирования языка и речи, можно назвать две стратегии такого культивирования: опору на стандарт с кодификацией языковой нормы и опору на прецедент с номинацией этого прецедента. Первый путь сравнительно молод (для русского языка он начался в XVIII веке) и сегодня сталкивается с существенными сложностями теоретического и практического характера. Второй путь – коллекционирования и названия удачных и неудачных прецедентов речи («фигур» и «солецизм») – ровесник классической риторики.

Одна из теоретических трудностей, которые испытывает сегодня нормирование языка, а на мой взгляд, главная трудность состоит в том, что некогда провозглашенная коммуникативная целесообразность нормы разбивается о конфликт двух целесообразностей, которые я называю ближней и дальней прагматикой говорящих. Одна прагматическая установка принадлежит миру *здесь* и *сейчас*, другие установки выходят и за пределы *здесь* (дальняя прагматика) и за пределы *сейчас* (продолженная прагматика). Что касается прагматики продолженной, то это установка на завоевание репутации, сохранения определенного имиджа говорящего, что может прийти в противоречие с его же сиюминутными коммуникативными целями (например, слишком ретивый продажник может навредить будущности своей компании, даже сбыв товар). Однако в отношении нормы продолженной прагматика погоды не делает.

Дальняя прагматика – это забота говорящих о языке и речи, выходящая за пределы данного речевого акта. Прагмалингвистика и широкое распространение идей Бахтина сместили наше внимание на увязывание прагматических интересов адресанта и адресата речи. В этом ключе выдержаны все максимы речевого общения. Однако критичным для теории нормы является увязывание сиюминутных интересов общения с заботой об общем коммуникативном благе в целом. И эти интересы, и общее благо легко подпадают под категорию коммуникативной целесообразности. С точки зрения рекламодателя (адресанта) и его целевой аудитории (адресата) агрессивная реклама на сленге отвечает принципам коммуникативной целесообразности и может быть объявлена нормой (в духе высказываний современных лингвистов: нарушение нормы – тоже норма). Однако с точки зрения общего блага коммуникантов такая реклама, например, в качестве наружной не отвечает целесообразности, ибо целесообразность с точки зрения дальней прагматики состоит в том, что мы хотим жить в комфортной коммуникативной среде. Именно ради этого комфорта, ради потенциально удобного общения и вводится норма.

Перейдем теперь к трудностям практического характера, поджидающим сегодняшнего кодификатора нормы. Главная трудность состоит не в том, что миллионы людей говорят между собой как попало. Так было и в эпоху Людовика XIV, когда нормализаторство впервые громко заявило о себе и сделалось предметом языковой политики, и в советское время, когда языковая политика располагала самыми мощными инструментами, и во времена «властителей дум» (и языковых вкусов). Трудность состоит в том, что неправильная с точки зрения кодифицированной нормы речь тиражируется, становится публичной, причем даже в том случае, когда она анонимна. На одном полюсе редуцирующая социальная группа читателей классики и людей, привыкшим сверяться со словарем, на другом – десятки миллионов пользователей, прочитавший какой-нибудь пост, не имеющий ничего общего с кодифицированной нормой. Никакая либерализация нормы (как и ее ужесточение) не способна внести упорядоченность в общение, которое в принципе не подконтрольно кодификации.

Сегодня говорят о разных языковых стандартах в пределах одного национального языка. Но дело не в количестве стандартов, а в границах сред, в которых этот стандарт может и должен быть поддержан кодифицированной нормой. Таков, например, государственный язык в государственных учреждениях. Но есть коммуникативные среды, которые в принципе не могут и, пожалуй, не должны упорядочиваться через механизмы стандартизации. Это не значит, что они отданы на откуп хаосу, но это значит, что механизм упорядочения общения в таких средах, механизм достижения целей дальней прагматики представляет собой гибкий, а не жесткий каркас. Гибкость достигается не модными сегодня рассуждениями о разрешительном характере нормы, об эластичности нормы. Гибкость достигается за счет принципиально нового механизма, к которому самое понятие «норма», во всяком случае языковая норма, может быть применено достаточно условно. Если выражаться метафорически, то речь идет о переходе от континентального права к праву прецедентному.

Сообщая кодифицированной норме рекомендательный характер, мы не достигаем ничего, кроме раздражения носителей языка, что показал пример со словом «кофе». Задачи дальней прагматики, ради которых только и существует функционально оправданное норма (в духе идей Пражского лингвистического кружка), такой либерализацией не решаются, напротив, создаются новые проблемы. Ни пурист, ни двоечник не поймут логики введения правила, которое, впрочем, может быть нарушено. Кодифицированная норма может пойти за узусом, но это уже тонкости стандартизации, общий смысл которой, конечно, отсеивать варианты или закреплять за разными вариантами разную семантику и стилистику. Странной была бы рекомендация: лучше различать паронимы, но если не различить, мы, ученые, тебя простим. Поэтому реагировать на сегодняшние условия, делающие сам стандарт не применимым в ряде сфер, идеями либерализации нормы, с моей точки зрения, абсолютно непоследовательно. Внутри стандартизуемых сфер эти проблемы были всегда, а вне этих сфер нужны иные механизмы.

Эти иные механизмы нашупывают сами носители языка, для которых задачи дальней прагматики так же актуальны, как и задачи ближней. В сферах, не регламентированных сверху, культура речи всегда достигалась с помощью того, что сегодня называют «краудсорсингом»: целый ряд стихийно закрепленных идиом, часто цитат, обозначают коммуникативные солецизмы («нечто о ничем», «масло масляное», «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»). Сегодня интерес к таким перифрастическим обозначениям речевой неловкости закономерно растет, их коллекционируют, даже смакуют. Коллекционирование «афоризмов Черномырдина» – одно из таких проявлений. Нельзя пройти и мимо феномена «олбанского языка» с его стремлением кристаллизовать орфографические ошибки в специфических идиомах. Тенденцию не заметить трудно.

Известно, что в парадигме стандартизации фиксация нормы учеными-лингвистами – только один этап. Очевидно, что и в коллекционировании прецедентов должен иметь место этап, когда к «краудсорсингу» подключаются профессионалы, помогая ему, разделяя со всем обществом озабоченность проблемами языка и речи, участвуя в коллективной языковой рефлексии. Собственно, этим занимались когда-то теоретики риторики. Акцент, правда, делался на фиксации положительных прецедентов. Но последняя должна предшествовать более активной языковой рефлексии в различных коммуникативных средах, где общение является не только игровым и где от него ожидается результат. Подобное пока заметно только в области рекламы.

Современный урок русского языка в поликультурной образовательной среде: ресурсы достижения результатов ФГОС

Е. А. Хамраева

Московский государственный педагогический университет
elizabeth.hamraeva@gmail.com

Урок русского языка в условиях современной школы и принятия ФГОС приобретает новое значение. Хорошо известно, что в массовых школах российских мегаполисов, в городских (и даже сельских) школах различных субъектов Российской Федерации стихийно возникли неоднородные полиэтнические классы, включающие детей-инофонов, являющихся представителями разных народов, как правило, мигрантов. Обычно такие дети слабо владеют русским языком, что ведет к затруднениям в обучении их другим предметам, общим плохим учебным показателям, низкой социализации и, следовательно, является одной из ведущих проблем современной школы. В связи с активизацией миграционных процессов во всем мире, в которых и Россия теперь тоже принимает участие, идея успешной социализации мигрантов, как и новоприбывших сограждан, заключается не столько в обучении государственному (русскому) языку, сколько в полноценном обучении **на русском языке**. Нужно обратить внимание на следующий факт: во всем мире обучение **государственному языку** – языку межкультурной коммуникации – является первостепенной по важности задачей, а проблемы воспитания и образования детей, обусловленные культурными и этническими различиями, связаны с идеями **полноценной социализации** на государственном языке, а значит – с процессом равноправной включенности в школьное обучение. Именно эти вопросы являются одними из центральных. В соответствии с современными социально-политическими изменениями в общественной жизни, процессами глобализации и формированием единого кросс-культурного образовательного пространства пересматривается содержание языкового образования во всем мире, а особенно в тех странах, где растет миграция.

Известно, что в школе русский язык выполняет двойную функцию: является не только предметом обучения, но и средством приобретения знаний по многим дисциплинам. Особое значение предмет «русский язык» как *средство обучения* приобретает для тех российских школьников, для которых он не является родным, то есть для детей-инофонов. Учитывая сложные отношения представителей различных этнических групп, находящихся в одной аудитории (в одном классе находятся и дети, прибывшие, например, из среднеазиатских республик, и с Кавказа, и коренные жители

данного региона), необходимо так смоделировать учебный процесс, дополняя и изменяя образовательные стратегии, чтобы равно вовлечь всех учащихся в процесс обучения языку. В связи с этим в смешанных (полиэтнических) классах возникает необходимость скорректировать образовательную программу в целях полноценного одновременного обучения русскому языку и детей-носителей языка, и детей-инофонов, в разной степени владеющих русским языком. Это становится необычайно сложным в условиях типовой российской школы и накладывает определенный отпечаток на структуру современного урока русского языка.

Актуальным понятием сегодняшнего дня стало понятие *универсальных учебных умений*, реализуемых в курсе русского языка в первую очередь через межпредметные связи, а все образовательные достижения сегодня «измеряются» в 3-х системах: предметные, метапредметные и личностные результаты обучения. И если предметные результаты хорошо известны и учителям, и ученикам (написал или нет диктант, сколько сделал ошибок, прочитал и понял текст и пр.), то **метапредметные** и **личностные** результаты по-прежнему вызывают много вопросов. Как организовать современный урок русского языка в полиэтнической и полиязыковой среде, более того, иметь в виду разные группы достигаемых результатов – это остается главным вопросом для большинства учителей русского языка сегодняшней России.

На самом же деле, именно метапредметные результаты (когда средствами одного предмета можно решать задачи любого другого) – это самые важные результаты, поскольку их суть – интеллектуальное, когнитивное действие, «запущенное» с помощью языка и на языке. Понятно, что успешность в этом процессе ребенка-инофона в основном и обеспечивает его дальнейшую учебную социализацию. Методической основой метапредметного подхода к обучению является установление внутриспредметных и межпредметных связей в усвоении наук и понимание закономерностей всего существующего в мире. Приобретение предметных компетенций при использовании государственного языка (русский язык как средство обучения на различных уровнях образовательной системы), является одной из самых молодых областей теоретической и практической деятельности современных ученых.

Курс «Культура речи и деловое общение» в подготовке специалистов

Н. В. Чернова

Казахский гуманитарно-юридический университет (Астана, Казахстан)
chernova_natalia@mail.ru

Рациональное речевое поведение, коммуникативная стратегия и тактика речевого поведения.

Summary. The author presents her course program, in which she discusses the cultural problems of verbal behaviour in different spheres of business relations. The course is designed for those who want to learn to “strike the right note” while working with people, and to achieve their desired goals by developing their verbal behaviour in the right way.

Данный курс был разработан нами в 2000 году сначала для Института повышения квалификации государственных служащих, а впоследствии читался на разных факультетах Института управления, Казахского гуманитарно-юридического университета, Академии государственной службы при Президенте Республики Казахстан. Появление курса вызвано новыми социальными и экономическими условиями, выдвинувшими на первый план необходимость повышения уровня коммуникативной компетентности при решении многих управленческих (и не только) задач. Актуальность курса, направленного на развитие способностей человека решать языковыми средствами те или иные задачи в разных сферах делового общения, стала очевидной и неоспоримой.

Цель курса: освоение основ знаний о видах делового общения; формирование умений и навыков рационального речевого поведения; повышение уровня языковой и речевой компетенции; овладение культурой речи как важнейшим

инструментом профессиональной деятельности, имеющей коммуникативный характер.

Задачи курса: познакомить слушателей с современной теорией и практикой делового общения, с профессионально-значимыми формами делового общения; сформировать умение ориентироваться в речевой ситуации профессионального общения, использовать систему риторических техник для достижения прогнозируемого результата, определять коммуникативную стратегию и тактику речевого поведения; повысить речевую культуру обучаемых, сформировать следующие коммуникативные умения: умение соотносить цель общения и условия речевой ситуации; умение отбирать и обрабатывать деловую информацию с учетом цели общения; умение подготовить конкретное предложение, обоснование проблемы, подлежащей обсуждению; умение отстаивать свою позицию и поддерживать или опровергать доводы оппонента.

Каждая тема курса включает в себя теоретический материал, освещение которого предусматривается на лекциях, и овладение практическими умениями и навыками, что предусмотрено на практических занятиях и при выполнении самостоятельной работы. Вот примерная тематика лекций и практических занятий: «Деловое общение: понятие, характеристика, особенности» (понятие делового общения, его содержание и характеристика; коммуникативная, интерактивная и перцептивная стороны), «Слушание как рецептивный вид речевой деятельности» (его сущность, функции, виды, способы; приемы эффективного слушания, правила обратной связи), «Деловая беседа, переговоры» (классификация, структура, виды деловых бесед; деловые переговоры и совещания – подготовка, проведение, анализ), «Организация речевого взаимодействия: доказательность и убедительность речи» (тактика аргументирования, виды аргументов, законы аргументации, правила убеждения), «Искусство спора» (классификация споров, культура спора, речевое поведение участников спора, уловки в споре, логические ошибки, мастерство полемики и дискуссии, искусство критики), «Речевая культура делового человека» (речь как средство взаимодействия, основные качества речи, образительно-выразительные средства речи, речь и личность), «Речевой этикет в деловом общении» (значение речевого этикета, национальные особенности речевого этикета, смыслы речевого этикета; формулы речевого этикета, используемые в деловом общении; обращение в речевом этикете), «Официально-деловой стиль речи: сфера употребления, языковые особенности» (языковые особенности официально-делового стиля речи, лексика, синтаксические модели и их варианты; унификация языка деловых бумаг, общие правила деловой документации), «Деловое письмо» (жанровые разновидности и модели делового письма; структурная схема, стилистика и основные клише; особенности содержания и речевого этикета; культура официальной переписки. Личные деловые бумаги. Отчетные документы).

Кроме лекций и практических занятий, предусмотрена и самостоятельная работа. Составлен график сдачи самостоятельно выполняемых заданий, определена их тематика, дается список литературы по каждой теме. Например, «Мастерство публичного выступления. Эффективность речевой коммуникации» предполагает выбор темы выступления, подбор названия, определение стрессовой идеи, составление плана, работу по созданию микротекста, его редактирование, а следующая тема «Как завоевать внимание аудитории» – это работа над подготовкой к выступлению, техникой речи, жестами и мимикой, композицией. Так формируются риторические умения и навыки. Самостоятельная работа не всегда индивидуальна. Иногда участники работают в группах или разбиваются на пары. Это могут быть игры (например, «Деловой телефонный разговор»). Или решение ситуационных задач: «Беседа при приеме на работу» (составляются вопросы, рассматривается резюме, обсуждаются вопросы имиджа и этикета). Тренируются в эффективном слушании тоже в игре. Участники игры составляют задания друг для друга, проводят эксперименты, анализируют предлагаемые ситуации, учатся наблюдать за состоянием собеседника. Слушатели курса составляют вопросы для самоконтроля по каждой теме. В группе назначаются эксперты, которые анализируют эти вопросы, отбирают лучшие. На практических занятиях происходит обучение составлению инструкций (содержательных, точных и лаконичных), отрабатывается умение делать комплименты (для создания условий эффективного взаимодействия), приобретаются навыки позитивной критики (обучаясь высказыванию критических замечаний, критикующий учится определять реакцию на критику и нивелировать отрицательные последствия).

Предлагаемый нами курс способствует формированию навыков рационального речевого поведения. Человек, владеющий риторическими навыками и умениями, будет чувствовать себя увереннее в самых разных ситуациях делового и профессионального общения.

Секция

Русский язык в новых геополитических условиях

Русский язык в сфере высшего образования современного Казахстана

О. Б. Алтынбекова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

OliviaEC@mail.ru

Русский язык, высшее образование, Казахстан.

Summary. During the Soviet times, the Russian language occupied a privileged position in communicative domain of the Republic of Kazakhstan. After acquisition of sovereignty by Kazakhstan, language situation has dramatically changed. In regards to university education, the Russian language dominated for a longer period of time. The general dynamics of changing language priorities among the students of universities clearly demonstrates the strengthening of the position of the State language in comparison to diminishing usage of Russian language in education in Kazakhstan.

В коммуникативно-языковом пространстве Казахстана, в том числе в сфере образования, в советский период бесспорно доминировал русский язык. В результате процессов внешней миграции и новой языковой политики, целью которой явилось расширение и укрепление статуса и функций государственного казахского языка, значительно изменилось соотношение функционирования языков во всех сферах общественной жизни полиэтничного Казахстана.

Важно проследить динамику изменения за годы независимости языковых приоритетов в первую очередь в образовательном пространстве, что является одним из главных критериев и прогнозов расширения vs. сужения в ближайшем будущем функционирования языков. Так, в дневных общеобразовательных школах численность обучающихся на государственном казахском языке постоянно возрастает: за двадцатилетний период она увеличилась (на начало 2011 / 2012 уч. года) на 57,8%, а количество обучающихся в школах на русском языке резко снизилось – на 59,6% по сравнению с 1990 / 1991 уч. годом. Еще более показательным

является контраст при выборе языка обучения в сфере среднего профессионального образования: если в 1990 / 1991 уч. году более 90% студентов колледжей обучались на русском языке и только 8,65% – на казахском языке, то в 2011 / 2012 уч. году государственный язык обучения выбрали уже 55,8% студентов колледжей, русский язык – 44,1% (0,1% обучались на других языках).

Дольше, чем в школах и колледжах, сохранялся приоритет русского языка в сфере высшего образования республики. Тем не менее, и здесь произошли большие изменения как с численностью студентов, так и с их выбором языка обучения в вузе. Так, значительно изменилось процентное соотношение численности студентов, проходивших обучение на казахском или русском языках: в 1990 / 1991 уч. году число студентов, получивших образование на русском языке, превышало количество студентов казахских отделений вузов в 6,3 раза, а в 2009 / 2010 уч. году впервые численность студентов, обучающихся на государственном языке, превысило долю обучающихся на русском языке (на 1,2%).

Таблица. Численность студентов вузов в Республике Казахстан (по языкам обучения)

Учебный год	Численность студентов (тыс. чел.)	Обуч. на казахском языке (%)	Обуч. на русском языке (%)	Обуч. на других языках (%)
1990 / 1991	287,3	13,65	86,3	0,05
1991 / 1992	283,3	17,9	82,0	0,1
1994 / 1995	266,7	29,0	71,0	–
1995 / 1996	260,0	30,9	68,9	0,2
1996 / 1997	255,8	30,4	69,2	0,4
1997 / 1998	293,5	27,3	72,2	0,5
1998 / 1999	318,8	26,9	72,4	0,7
1999 / 2000	365,4	28,0	71,5	0,5
2000 / 2001	440,7	30,1	69,3	0,7
2001 / 2002	514,7	31,5	67,75	0,75
2002 / 2003	597,5	36,2	62,9	0,9
2003 / 2004	658,1	38,6	60,5	0,9
2004 / 2005	747,1	40,0	58,8	1,2
2005 / 2006	775,8	42,6	56,5	0,9
2006 / 2007	768,4	43,95	54,9	1,15
2007 / 2008	717,1	46,7	52,2	1,1
2008 / 2009	633,8	47,6	51,3	1,1
2009 / 2010	610,3	49,8	48,6	1,6
2010 / 2011	620,4	51,6	46,8	1,6
2011 / 2012	629,5	54,4	44,1	1,5

В 2011 / 2012 уч. году численность студентов вузов Казахстана составила 630 тыс. человек, из них получали образование на казахском языке уже 54,4%, на русском языке – 44,1%, на английском языке – 1,4%. Этнический состав студенчества представлял следующее соотношение: казахи – 78,35%, русские – 14,6%, другие этносы – 7%.

Тем не менее, несмотря на полиэтничный состав казахстанского студенчества в целом, на отделениях вузов с государственным языком образования обучаются в основном студенты казахской национальности. Одновременно следует заметить, что значительная часть казахов предпочитает

получать высшее образование на русском языке. Анализ статистических данных свидетельствует, что роль русского языка при получении высшего образования как в целом по республике, так и по отдельным регионам, остается до сих пор значительной.

Таким образом, за период независимости Казахстана, в связи с принятыми законодательными актами о новой языковой политике и проведением мероприятий по ее реализации, крупной миграцией населения, процессами гражданской и этнической идентификации, изменением ментальности молодых граждан и многим другим, произошли боль-

шие изменения в образовательном пространстве Казахстана: значительно возросла роль казахского языка в образовательном пространстве республики, в том числе в сфере высшего образования, где позиции русского языка традиционно оставались высокими.

Данные позволяют прогнозировать дальнейшее распространение государственного языка и расширение сфер его использования, коль скоро наиболее молодое поколение в большей мере обучается на казахском языке.

Интересно: сведения о выборе языка обучения молодым поколением казахстанцев разной национальной принадлежности свидетельствуют о том, что представители наиболее

крупных этносов республики – казахи и русские – преимущественно обучаются на своих этнических языках, в то время как представители многочисленных диаспор Казахстана преимущественно выбирают для получения образования, особенно высшего, русский язык.

В целом динамика изменения языковых приоритетов при выборе языка обучения студентами высших учебных заведений Казахстана, так же как и учащимися общеобразовательных школ и колледжей, доказывает укрепление позиций государственного языка в образовательном пространстве республики на фоне сужения объема использования русского языка.

Русский язык – базовая основа языковых соответствий

Г. Ю. Богданович

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

bogdanovich@crimea.edu

Полилингвокультурная ситуация, трехязычный учебный тематический словарь, языковые соответствия, лексический минимум.

Summary. Formation of intercultural competence is impossible without learning the rules of intercultural communication. Using the lexicographical sources contribute to the formation of language, speech and cultural competence of students, develop the languages of Crimea and successful communication.

Межкультурная специфика языковых взаимоотношений всегда сопровождает полилингвокультурную ситуацию, под которой понимается «совокупность языков и связанных с ними культур в их территориально-социальном взаимодействии, понимаемом как динамическое равновесие, в границах определенного региона и в рамках определенного временного среза»

Безусловно, характер коммуникативных отношений будет определяться в том числе и мультикультурной спецификой региона. Известно, что Крым является регионом, уникальным с точки зрения существования, развития и совершенствования языков народов, проживающих на этой территории. По итогам Всеукраинской переписи населения 2002 года, в Крыму проживает 1 млн. 180,4 тыс. русских (58,5%), 492,2 тысячи украинцев (24,4%), 243,4 тысячи (12,1%) крымских татар. 77% крымчан считают русский язык родным языком. Крымскотатарский – родной для 11,4% крымчан, а украинский – для 10,1%. Но не всегда человек, относящий себя к какой-либо национальности, считает свой национальный язык родным, т. е. языком постоянного общения. Русский язык, по данным переписи населения 2002 года, – родной для 99,7% крымчан-русских, для 59,5% украинцев и для 5,9% крымских татар. Свой национальный язык считают родным 93 % крымских татар и только 40,4% украинцев. Зарегистрировано 8,7 тыс. крымских армян, 4,5 тыс. евреев, 3,8 тыс. поляков, 3,7 тыс. молдаван, 3,7 тыс. азербайджанцев, 2,9 тыс. узбеков, 2,9 тыс. корейцев, 2,8 тыс. греков, 2,5 тыс. немцев, 1,9 тыс. цыган, 1,9 тыс. болгар, 1,8 тыс. грузин, 1,1 тыс. марийцев и др. Эти народы бережно хранят и развивают свою культуру и язык.

Каждый из этих языков на полуострове имеет свою историю, свою судьбу. Так сложилось, что один из них – русский язык – является международным, выполняет функцию языка коммуникации, другие – стремятся быть доминирующими, третьи – бережно сохраняются носителями. Употребляясь на одной территории, языки народов Крыма находятся в постоянном взаимодействии, влияют друг на друга, обогащаются за счет общеупотребительной лексики, совершенствуют свой грамматический строй, деривационную специфику, лексический фонд и фонетические возможности. В связи с этим оказывается важным сохранение как структуры языка-основы, так и защита его от различного рода влияний, чуждых ему. Таким образом, сформировался своеобразный полилингвокультурный феномен как совокупность признаков лингвокультурологического характера, которые существуют (и формируются) в одном и том же пространстве на базе одновременного функционирования различных культур.

Оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов.

Когда описывают полилингвокультурную ситуацию с точки зрения функционирования и развития языков, обращают внимание на различные составляющие. Особое внимание отводится формированию лексического минимума.

Важным результатом нашей лексикографической практики стало появление трех параллельных универсальных лексических минимумов: русского, украинского и польского языков. Особо существенно то, что параллельно с русским и украинским языками в работе систематизирована лексическая основа современного польского языка. Словарный состав литературных славянских языков является продуктом многовекового развития народа, его истории, культуры и отражает результаты научно-технического прогресса. В Словаре показано правильное написание и употребление слов и словоформ в контексте (Шире круг: русско-украинско-польский учебный тематический словарь / Авт. сост.: Т. Ю. Новикова, Г. Ю. Богданович, И. Г. Балашова, Н. В. Буд, И. Данецка. – Симферополь: Издательство «Оджакъ», 2012. 240 с.).

На базе созданной лексической основы могут быть написаны современные коммуникативные учебники и учебные пособия по языку как родному, так и неродному, что открывает широкий путь к его изучению для всех желающих.

Создание базового лексического минимума в кратчайшие сроки – мечта каждого, кто учит и учится языку. Постепенно большинством на нашей планете становятся люди, владеющие двумя, тремя и более языками. Поэтому обучение языкам становится приоритетным. Научив детей уважать язык и культуру соседа еще со школьной скамьи, можно обеспечить диалог культур, толерантность и полноценную межкультурную коммуникацию.

Приблизиться к решению этой задачи предлагаем с помощью трехязычного русско-украинско-польского (русско-украинско-крымскотатарского) учебного тематического словаря.

Словарь представляет собой оригинальное издание и включает около 5000 слов, объединенных в пять обширных понятийных (тематических) областей: I. *Человек*; II. *Общество*; III. *Работа. Занятие. Свободное время*; IV. *Окружающий мир*; V. *Время, пространство, количество*. Далее каждая из этих областей членится последовательно на ряд понятийных (тематических) групп. Всего тематический план включает 22 понятийные группы, содержание которых составляют слова, распределенные на 185 нумерованных подгрупп. Каждая из них имеет наименование. Отдельным заключительным списком в словаре представлены структурные слова, не вошедшие в тематические группы (VI. *Структурные слова*).

Заложенная в словаре система мелких шагов при изучении трех языков делает весь процесс усвоения новой лексики удобным и осознаваемым, поскольку дает возможность опереться на опыт усвоения родного языка, служащего основой для овладения лексической системой другого языка.

Поэтому все лексические единицы русского, украинского и польского языков, включенные в списки, являются эквивалентными.

Вся внеязыковая действительность отражена в словаре в виде отдельных фрагментов картины мира, объединенных единым стержнем и единым основанием. Каждый из фрагментов получает описание с помощью языковых средств, связанных ассоциативными связями и представленных в определенной последовательности с соблюдением принципа тематической симметрии.

Словарь имеет ярко выраженную коммуникативную направленность, что особо ценно не только для Крыма, кото-

рому самым историческим прошлым предопределено быть многоязычным и поликультурным, но и для других поликультурных регионов Украины, а также для всех желающих самостоятельно изучать русский, украинский или польский язык.

Таким образом, на основе русского языка создается определенный лексический минимум для учебных целей. Это дает возможность лучше усвоить языки, распространенные в Крыму, помочь желающим изучить представленные языки, сформировать научно-методическую базу для дальнейшего развития этих языков как объекта изучения, объекта обучения, объекта успешной коммуникации.

Актуальные проблемы преподавания русского языка в школах Украины

Н. В. Величко

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе (Украина)

n.velychko.msu@yandex.ua

Родной язык, преподавание, интерференция, билингвизм.

Summary. The paper presents topical problems of teaching Russian language in Ukrainian schools and the ways of their solution.

1. В силу исторического положения, культурных, языковых и прочих контактов на территории Украины сформировалось национально-русское двуязычие: государственный украинский язык, который позиционируется как фактор сохранения национальной истории и культуры, находится в тесном взаимодействии с русским языком.

2. Русским языком жители Украины владеют на разном уровне: 1) в южных регионах, где русский язык является родным для большинства или языком повседневного общения – владение на высоком уровне; 2) в западных регионах, где русский язык не является родным языком – большинство населения не владеет русским языком; 3) в восточных и центральных регионах русский язык для большинства не является родным, но жители владеют им на высоком уровне.

По данным Киевского международного института социологии (КМИС), русский язык использует дома 43–46 % населения Украины.

3. Украинская школа сегодня столкнулась с серьезными проблемами, которые порождены следующими факторами: – исключением предмета «Русский язык» из учебных планов школ с украинским языком обучения, – признанием за русским языком статуса иностранного (в одном ряду с английским, немецким и др.), – сокращением количества часов для изучения русского языка и литературы в школах с русским языком обучения; – отсутствием методики преподавания русского языка в условиях двуязычия; – отсутствием перспективы у выпускников школ с русским языком обучения продолжения непрерывного образования.

4. Основная задача школы – создание благоприятных условий для обучения и воспитания, предоставление максимальных возможностей для культурного и духовного развития личности ребенка. Основополагающим в решении этой задачи является язык обучения. Ученые давно доказали, что в условиях близкородственного двуязычия велика роль родного языка. Главным условием получения качественного образования в комфортных для ребенка условиях является обучение на родном языке.

5. С сентября 2013 года согласно новому Государственному стандарту базового и полного общего среднего образования во всех украинских школах, начиная с пятого класса, было введено обязательное изучение второго иностранного языка, среди предложенных языков значится и русский язык. Около 25% школьников будут изучать русский язык как иностранный, но часов на изучение отводится по-прежнему мало. В школах с украинским языком обучения, согласно новым учебным планам, а таковых на Украине 85%, предмет «Русский язык» отсутствует.

6. С уменьшением количества часов на изучение русского языка учителя должны стремиться сделать обучение более эффективным. За счет чего можно повысить уровень преподавания русского языка?

Наиболее эффективным и практически значимым является изучение близкородственного языка в сопоставительном аспекте с опорой на родной язык учащихся. Именно такой подход предложил Л. А. Булаховский еще в 1924 году, называя его перспективным. Вслед за Л. А. Булаховским в развитие методики взаимосвязанного и сопоставительного изучения русского и украинского языков большой вклад внесли такие ученые, как Г. М. Иваницкая, В. И. Масальский, Н. А. Пашковская, И. Г. Чередниченко.

7. В школе должно быть сбалансированное двуязычие, и тогда будет создана благоприятная среда для формирования билингвизма. Необходимо стремиться к продуктивному билингвизму у школьников, поощряя активное использование учеником двух языков. При этом школа будет способствовать решению проблемы пассивного (рецептивного) билингвизма, когда билингв понимает второй язык, но сам текстов на нем породить не может, а также еще более сложной проблемы двустороннего пассивного билингвизма, когда коммуниканты понимают друг друга, но говорят каждый на своем родном языке.

Искусственное ограничение использования родного языка, как это происходит с русскоязычными детьми, которые обучаются в школах с украинским языком обучения, является причиной возникновения ситуации, когда ребенок оказывается неспособен адекватно использовать родной язык. При этом и второй язык осваивается в ограниченных рамках: скудный лексический запас обоих языков, упрощенная грамматическая структура. Это явление получило название полуязычие.

8. Представляется необходимым закладывать в государственную программу варианты преподавания русского языка в разных регионах Украины: 1) в регионах, где русский язык является родным для большинства или языком повседневного общения, обязательным условием является изучение его как первого, украинский язык целесообразно начинать изучать на основе полученных знаний с незначительным отставанием; 2) в регионах, в которых большая часть населения не владеет русским языком, русский язык, если он преподается в школах с украинским языком обучения, надо изучать практически как второй иностранный, но постоянно обращаться к изученному языковому материалу на уроках украинского языка, проводя сопоставительные исследования; 3) в регионах, где русский язык не является родным, но жители владеют им на высоком уровне, ориентироваться на язык обучения и преподавание вести с опорой на родной язык и с учетом лингвистической подготовки учащихся.

10. Актуальным сегодня видится создание интегрированных программ и учебников по русскому и украинскому языку для школ с русским и украинским языками обучения, что возможно только после выбора языковой линии преподавания данных дисциплин. Это повлечет необходимость проведения повышения квалификации учителей-словесни-

ков, издание методических материалов, а также внесение существенных изменений в подготовку будущих учителей.

Литература

1. Аврорин В. А. Двухязычие и школа // Проблемы двухязычия и многоязычия. М., 1972. С. 49–62.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика, М., 2001.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.

4. Киевский международный институт социологии (КМИС) [http://www.kiis.com.ua/].
5. Куркумбаева А. М. Билингвальное образование как одна из тенденций языкового развития современного общества // Вестник КАСУ. 2006. № 2. С. 11–19.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940 [http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1010926].
7. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1. С. 40–43.

Особенности деловой коммуникации на русском языке в Эстонии в 1920–1940 годах

Е. М. Вельман-Омелина

Тартуский университет (Эстония)
jelena.vo@gmail.com

Деловая речь, русский язык, эстонский язык, лингвистический аспект.

Summary. The report is devoted to official communication on Russian language in Estonia with 1920 for 1940.

Изучение делового общения в лингвистическом аспекте долгое время оставалось в тени, несмотря на то, что жизнь любого общества не обходится без деловой документации. Важность исследования сферы делового общения подчеркивал и С. Г. Исаков. Он отмечал, что исследователи очень редко интересовались документами государственных учреждений Эстонской Республики, хотя обращение к ним необходимо. Однако деловая лексика используется не только в сугубо деловых текстах. Она отражается и в других сферах общения: газетных текстах, мемуарах, где значимой оказывается и профессиональная принадлежность пишущего, поскольку в воспоминаниях неизбежно проявляется специальность человека. Например, в воспоминаниях Т. П. Милотиной присутствуют такие официально-деловые термины и понятия как *оформить оптицию, списки оптантов, больничная касса* и многие другие [2: 38].

По данным проведенной в 1922 году переписи населения русских в Эстонии насчитывалось 91109 человек. Несмотря на то, что государственным языком ЭР был провозглашен эстонский язык, национальным меньшинствам было дано право обращаться в государственные инстанции на родном языке. Кроме того, языком делопроизводства местных самоуправлений мог быть язык, отличный от государственного. Таким образом, русские имели возможность использовать родной язык в рабочем процессе [3: 36]. Гарантировалось и получение образования на родном языке. Интерес к культуре и образованию был очень живым, ибо путь к сохранению себя как русских, по мнению большинства, лежал именно через сохранение родной культуры и родного языка. Издавались различные учебные пособия по русскому языку и литературе; лучшими считались учебники З. Н. Дормидонтовой «Азбука», хрестоматии «Колокольчики» и «Палочки-выручалочки» [1: 9, 13].

Новые требования принятого в 1934 году Закона о языке ЭР ограничили возможность использования русского языка в официально-деловой сфере. Несмотря на то, что другие языки все еще разрешалось использовать в местных самоуправлениях, на государственном языке должна была осуществляться переписка с центральными органами, вести бухгалтерия, письменное делопроизводство и т. д. Представители других национальностей могли обращаться в государственные органы на родном языке (в письменной форме), но ответ им высылался на эстонском языке [3: 39–40].

Тем не менее, можно говорить о том, что русский язык в официально-деловой сфере использовался достаточно активно. Сохранилась немногочисленная документация (уставы, отчеты) русских культурных обществ, организаций, поскольку сильные объединения с большим количеством членов были в Нарве, Тарту, Таллине. Однако, например, ус-

тав *Христианского Союза Русских Студентов Дерптского Университета* представлен на эстонском языке. В то же время документы, касающиеся *Общества Русских Студентов при Дерптском Университете*, оформлялись, в том числе, и на русском языке (например, *прошение*). Таким образом, на данный момент невозможно с абсолютной достоверностью сказать ни о жанровой, ни о количественной составляющей русскоязычных утилитарных документов.

Нами были обнаружены и тексты различных инструкций, отчетов и т. п., некоторые из них оформлены параллельно на эстонском и русском языке, однако говорить о переводной природе данных текстов кажется преждевременным. В то же время текст руководства по обучению чистописанию [5], который представлен на трех языках (эстонском, немецком и русском), явно является переводным. Кроме карандашных исправлений, которых почти нет в текстах на немецком и эстонском языках, в русском тексте можно встретить, например, такую фразу: *Стул, употребляемый при письме, не должен быть мягким, всего лучше на стуле поместить твердую кожаную подушку* (здесь и далее примеры приводятся в оригинальном написании). Обращает на себя внимание и наличие в тексте на русском языке латиницы *okasatъ codeйствие* [6], и использование точки после числительного *во время празднования 23. годовщины...* [4]. Отметим, что на подобное обозначение порядкового числительного мог оказать влияние как эстонский, так и немецкий язык, так как в этих языках при обозначении порядковых числительных цифрами ставится точка.

Очевидно, что язык большей части документов описать достаточно полно вряд ли удастся, поскольку ограниченное число сохранившихся текстов не позволяет восстановить многие данные о деловой речи того периода. Однако на материале обработанных архивных документов можно отследить некоторые особенности русской деловой коммуникации интересующего нас периода.

Литература

1. Евстратова С. Б. О преподавании русского языка в Эстонии в 1918–1940 годах // Актуальные проблемы русского и славянского языкознания. Latvijas Universitātes Raksti, 772. sēj. Valodniecība. Rīga, 2012. С. 9–16.
2. Милотина Т. П. Люди моей жизни. Тарту, 1997.
3. Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001.
4. Arhiivi 1940. a. tegevuse aruanne vene keeles. 1940.
5. Juhised ilukirja õppimiseks. Eesti, saksa ja vene keeles. 1922.
6. Petserimaa üliõpilaste Abiandmise Kassa ning Vene Hariduse ja Heategevuse Seltsi «Разумный Досуг» põhikirjad ja üliõpilaste organisatsioonide teated koosolekute osavõtmise, pidude korraldamise jm asjus. 1923.

Русский язык в восприятии жителей разных стран

Л. Б. Гурьянова

Пензенский государственный университет
lyudmila010159@yandex.ru

Русский язык, мировой язык, статус русского языка.

Summary. This paper focuses on the role of the Russian language in the world today. Comparing official and unofficial information, the author seeks to understand how in the world belong to the Russian language and threatened him if Shootout among the world's languages.

Русский язык является одним из мировых языков. Для признания мирового языка важна глобальность расселения

его носителей, охват им разных, максимальных по числу стран, а также наиболее влиятельных социальных слоев

населения в разных странах. Большое значение имеет общечеловеческая значимость художественной литературы, всей культуры, созданной на данном языке [1: 445].

По данным экспертизы SIL INTERNATIONAL, русский язык является родным для 150 млн. человек (8 место в мире), разговорным для 275 млн. человек (4 место в мире), на русском языке в Интернете общаются 45 млн. человек (9 место в мире).

Однако за последнее время усилилась озабоченность лингвистов по поводу будущего русского языка в современном мире. Возможно, статус его как мирового скоро окажется в прошлом: ведь это единственный из 10—12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 15 лет неуклонно утрачивал свои позиции во всех основных регионах [izvestia.ru/news/388540].

Одним из важнейших признаков мирового языка является сознательность принятия его говорящими. Если некоторое время назад русский язык был обязательным для изучения в социалистических государствах, то в настоящее время отношение к нему за рубежом отражает реалии современной действительности.

Для того чтобы составить представление об истинном положении русского языка в мире, мы решили сопоставить официальную информацию и результаты опроса, который провели благодаря социальной сети «Одноклассники», среди выпускников советских вузов, уехавших на постоянное жительство в другие государства.

Наиболее позитивные вести поступили от выпускника Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Владимира Штейнбока, ныне живущего в Германии:

Мое личное окружение составляют люди русские и украинские (частично поляки), поэтому мы общаемся и думаем по-русски. Посуди сама: из 600 тыс. жителей Нюрнберга – 80 тысяч русские. Есть русские газеты, культурные центры, рестораны и т. п. Конкуренцию составляют только турки.

Это подтверждают и данные фонда «Русский мир»: «...увеличивается количество школ и классов с углубленным изучением русского языка. Лидером в этом процессе является Германия, где в общеобразовательных школах русский изучают почти 150 тысяч детей» [www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0763.html].

Валентина Кундинович, выпускница Казанского государственного университета, сообщает из Литвы, где она живет и работает:

Жители Вильнюса и Вильнюсского района говорят на 3 языках – польско-русско-литовском. Чаще всего разговорная речь состоит из сразу 3 языков, все всё понимают и часто шутят на эту тему.

В школах русскоязычные классы есть, но немного, а в вузах уже давно обучение идет на литовском языке. Возможно, в Вильнюсе и близлежащих городах русский – просто народно-разговорный, его можно часто слышать в магазинах и в общественном транспорте, где-то ближе к Каунасу – это уже язык меньшинства. Молодежь до 20 лет уже его почти не употребляет, уделяет внимание английскому языку...

Она же отмечает, что статус русского языка в Литве определить затрудняется: он ни государственный, ни второй государственный.

По мнению директора Института истории Литвы, доктора гуманитарных наук Альвидаса Никжентайтиса, «русский язык в Литве без каких-либо указок получил статус второго иностранного, потому что само географическое положение заставляет литовцев учить русский язык. Мы были соседями и будем ими оставаться. Это не только культурный интерес –

прежде всего это экономический интерес. Если пойти в Литве работать в международную фирму, то требуется знание английского и русского языков» [http://rus.ruvr.ru/2012_09_12/Russkij-jazik-v-Litve-poluchil-status-vtorogo-inostrannogo/].

А вот что сообщает выпускница Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского Ангелина Искандерова, живущая в Голландии:

Об отношении к русскому языку у голландцев могу сказать, что замечаю иногда повышенный интерес к нему, даже желание выучить русский язык в совершенстве, несмотря на замысловатость. Приведу пример: моя русская знакомая дает еженедельные уроки русского языка пожилому голландцу. Русский язык, литература, история, культура России – его хобби.

В Голландии имеются воскресные русские школы, а 29 июня 2010 года в Гронингском университете состоялось открытие первого в Нидерландах Русского центра. Протектор Антоний Ильин сообщил, что «это не очередной центр русского языка и культуры. Это междисциплинарный центр российских исследований, который получит статус научного департамента Гронингского университета и будет иметь Ученый совет, в который войдут не только русисты, но и представители других факультетов – историки, политологию... Статус научного департамента предполагает возможность защиты научных работ, и в частности, докторских диссертаций на базе Русского центра [news.rambler.ru/6836487/photos/].

Положение русского языка на постсоветском пространстве остается сложным, особенно в Грузии, о чем нам сообщил выпускник Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Заур Дзегнарадзе:

Я могу только констатировать, что, в последнее время сужается количество детей, желающих изучать русский язык и литературу. Но русские газеты и книги здесь выходят. 2 раза в неделю выходит газета «Аджария». Местное телевидение ежедневно передает 5-минутные новости на русском языке. Старшее поколение не отказывает себе в удовольствии общаться на русском. Русских школ в городе стало меньше. Каков там уровень преподавания – трудно сказать. Ведь педагоги варятся в собственном соку. Они не могут ездить в Россию и обмениваться с коллегами опытом. Легче поехать в Европу и Америку, чем в Россию.

Сам Заур связывает сокращение желающих изучать русский язык с «недалековидной и просто агрессивной политикой Кремля по отношению к Грузии», с чем мы не можем согласиться. Ведущий радио «Эхо Кавказа» Гиа Нодия недавно сообщил радиослушателям: «В целом, по Грузии русский уже не конкурент грузинскому, но состязается с английским за статус основного второго языка. Как я уже сказал, в пользу английского – государственная поддержка и престиж языка глобальной цивилизации. Как в советское время русский был языком карьеры и успеха, так сегодня им стал английский... И вопросы политики тут ни при чем».

Таким образом, информация, собранная нами, дополнила официальные данные о положении русского языка в современном мире. Укрепление его позиций требует взаимодействия государственных, общественных ведомств и организаций, которые должны поддерживать и пропагандировать его в мире. В большинстве стран интересуются русской историей, литературой, а значит, у «великого, могучего, правдивого и свободного» русского языка большое будущее.

Литература

1. Костомаров В. Г. Русский язык в международном общении // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 445–447.

Суржик в системе соотношения украинского и русского языков

С. Дель Гаудио (Salvatore Del Gaudio)

Киевский национальный университет им. Т. Шевченко (Украина)

sadega@hotmail.com

Суржик, русский язык, украинский вариант русского языка, языковые контакты.

Summary. After a presentation of the main issues characterizing Surżyk (or Ukrainian-Russian Surżyk in contemporary terminology), essentially based on the author's monograph, we aim to discuss the role of Surżyk within the system of Ukrainian and Russian interaction as well as the relation of Surżyk to the Ukrainian variety of Russian. These interrelated aspects are fundamental for the assessment and delineation of this phenomenon from other forms of language interference and / or language varieties in Ukraine.

Со времени 1-ого симпозиума, посвященного исследованию белорусской трясянки и украинского суржика, который

состоялся в Ольденбурге (Германия) 15 июня 2007 года, были опубликованы десятки статей на эту тему. Спорные

вопросы (например: 1) определение термина «суржик» и степень научности его употребления; 2) системность или бессистемность этой смешанной речи; 3) природа и возникновение этого социолингвистического явления и т. д.), которые поднимались на ольденбургском симпозиуме и были объектом активной дискуссии, нашли отражение в монографии автора «О природе суржика: двойная перспектива» [1], которая фактически основывается на материале защищенной в 2008 году диссертации (Вена, Австрия).

В этих исследованиях автор впервые трактует суржик в более широких рамках языковых контактов, избегая сугубо социолингвистический подход, используя метод, объединяющий диалектную и диахроническую перспективы в интерпретации определенных лингвистических фактов (интересно, что вследствие нашего подхода к изучению суржика, в недавних исследованиях белорусской трясянки, участники этого проекта, также начали старательно рассматривать диалектный материал).

Известно, что до второй половины 2000-х годов в большинстве публикаций о суржике, все языковые характеристики которого не совпадали с литературным вариантом современного украинского языка, объяснялись преимущественно негативным воздействием русского языка на украинский.

Независимо от некоторых недостатков, главным образом, формального характера и критических замечаний идеологического свойства со стороны некоторых украинистов, в монографии было доказано, что

а) тот вариант смешанной речи, который автор определяет как **прототип суржика** или **базовый суржик**, опирается на украинский диалектный субстрат и совпадает с тем вариантом языка, который в современных исследованиях определяется как **украинско-русский суржик** (можно, все-таки, согласиться с тем, что под «суржи́ком» также подразумевают идиолектальную, хаотическую украинско-русскую речь определенных информантов. Такое смешение – это следст-

вие совокупности психолингвистических факторов и коммуникативных потребностей говорящих);

б) формальное совпадение некоторых языковых характеристик с русским языком, (фонетического, грамматического и, прежде всего, лексического характера), которые в результате анализа были определены как диалектизмы и архаизмы, и потому их не следует рассматривать исключительно как результат влияния русского языка. Фактически, процесс формирования и стандартизации нового украинского литературного языка, а также его соотношение с говорами играет существенную роль для объективного определения такого неустойчивого социолингвистического феномена как суржик;

в) реликтовые формы в формировании суржика могут также происходить от сосуществования бывших литературных вариантов, общих для Украины и России вплоть до конца XVIII в. (см. **славянорусский язык**).

Приведенные выше аргументации составляют только общие положения для объективного исследования этого феномена. Действительно, невозможно окончательно определить суржик, ограничивая его от других форм сосуществующих в Украине украинского и русского языков без введения таких дополнительных параметров исследования как

- суржик в системе соотношений и взаимной интерференции русского и украинского языков в Украине;
 - **русский суржик** или просто **украинский вариант русского языка**;
 - процесс изменения современных украинских диалектов в пользу украинского или русского языков;
- Именно, эти взаимосвязанные аспекты будут объектом нашей дискуссии.

Литература

1. *Del Gaudio S.* On the Nature of Suržyk: a Double Perspective. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 75. München; Berlin; Wien, 2010. S. 328.

Русский язык как неродной в разных социолингвистических условиях

М. Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Узбекистан)

mah.dzhusupov@mail.ru

Русский язык, неродной язык, Россия, СНГ, сходства и различия, образовательный статус.

Summary. Russian language as a non-native language in Russia and out of her borders is being taught at schools and higher educational establishments in different sociolinguistic conditions, with different linguodidactic descriptions and methodological implementation to the educational process. The peculiarities of educational statuses of Russian as a non-native language in different non-native phonic conditions generate similarities and differences which involve both theoretical and practical aspects of its functioning as a academic discipline.

В современном мире функционирование русского языка обеспечивается его образовательными статусами. Они фиксируются в госстандартах образования государств независимо от того, обладает русский язык в инофонном государстве официальным статусом (государственный, официальный, язык межнационального общения) или не обладает. Образовательный статус – это когда в инофонном государстве русский (английский, французский и т. д.) язык изучается в системе образования как обязательная школьная и вузовская дисциплина (т. е. в качестве неродного) или же – как дисциплина, изучающаяся по выбору (т. е. в качестве иностранного языка).

Нами определены семь образовательных статусов русского языка в современном мире (см.: Джусупов М., Русский язык за рубежом, 2012, № 6; 2013, № 4). В данной работе рассмотрим третий и четвертый образовательные статусы русского языка: русский язык как неродной в России (внутрироссийский образовательный статус); русский язык как неродной за пределами России (международный образовательный статус, в основном в странах СНГ).

Сходства образовательных статусов русского языка как неродного в самой России и за ее пределами заключаются в следующем: 1) в обоих случаях русский язык преподается (изучается) в инофонной аудитории. Например, в татарской, башкирской... (с одной стороны), и в казахской, узбекской... (с другой стороны); 2) русский язык для учащихся инофонной аудитории не является иностранным, так как в пределах этих государственных образований он функцио-

нирует во всех пяти основных социальных сферах деятельности индивида и общества в целом; 3) русский язык как неродной преподается в условиях функционирования естественного билингвизма и даже полилингвизма: а) татарско-русский; башкирско-русский; башкирско-татарско-русский; б) казахско-русский; узбекско-русский; казахско-узбекско-русский; узбекско-таджикско-русский и т. д. Обучающиеся в той или иной степени уже являются носителями этих типов билингвизма или полилингвизма; 4) в обоих случаях должна быть использована методика обучения русскому языку как неродному (а не как иностранному). То есть русский язык преподается не как язык государства и народа дальнего зарубежья, а как язык государства и народа, который с родным языком находится в состоянии близкого и долговременного взаимодействия и взаимовлияния, результатом чего является факт наличия широкой межкультурной коммуникации.

Различия этих образовательных статусов заключаются в следующем: 1) третий образовательный статус («русский язык как неродной в России») – это внутрироссийский образовательный статус; 2) четвертый образовательный статус («русский язык как неродной за пределами России»), в основном в странах СНГ) – это международный образовательный статус русского языка, что накладывает своеобразный динамический отпечаток на содержание, объем, цель и задачи обучения русскому языку как неродному в Казахстане, в Узбекистане или в Армении; 3) билингвизм с участием русского языка, сопровождающий его преподавание как не-

родного в России (например, в Татарстане), формируется прежде всего за счет того, что русский язык является государственным языком РФ, что предполагает обязательное владение им всеми гражданами России. Этот билингвизм, как правило, односторонний, т. е. инофонно-русский; Билингвизм с участием русского языка в странах СНГ, который сопровождается процессом обучения русскому языку как неродному, «необязательный», так как русский язык в этих государствах, как правило, не имеет статуса государственного или же – официального. Поэтому билингвизм с участием русского языка, который есть и функционирует в странах СНГ, добровольный и создается в основном за счет обучения русскому языку как неродному. Этот билингвизм, так же, как и в России, почти всегда односторонний, т. е. инофонно-русский; 4) в странах СНГ функционируют типы билингвизма и полилингвизма как с участием русского языка, так и без участия русского языка. Модель – один мост и две национальные лингвокультуры и модель – два моста и три национальные лингвокультуры приобретают новое социолингвистическое, лингвотипологическое, лингвокультурологическое, лингводидактическое и методическое значение, которое должно по степени необходимости учитываться в процессе обучения русскому языку как неродному в странах СНГ.

Международный образовательный статус русского языка («русский язык как неродной за пределами России») – непостоянная категория. Объясняется это тем, что если русский язык в странах СНГ (или в одной из стран СНГ) не будет преподаваться как обязательная школьная и вузовская дис-

циплина, то на этом географическом пространстве международный образовательный статус русского языка как неродного исчезнет.

В этом случае в странах СНГ статус русского языка как неродного может слиться со статусом русского языка как иностранного языка за пределами России. Тогда, русский язык, становится дисциплиной изучения по выбору (что уже произошло в странах Балтии). Это может привести к резкому сужению социальных функций русского языка в странах СНГ. С другой стороны, международный образовательный статус «русский язык как неродной за пределами России» может социолингвистически, лингводидактически и методически все больше и больше сближаться с внутривосточным образовательным статусом «русский язык как неродной в России». Однако слияние их невозможно, так как СНГ – это самостоятельные республики, каждая из которых характеризуется внутренними и внешними политическими особенностями.

Изменение типа образовательного статуса в методике преподавания русского языка как неродного в СНГ как в сторону слияния с разновидностями статусов русского языка как иностранного, так и в сторону сближения со статусом «русский язык как неродной в России» полностью зависит от содержания языковой, образовательной, национальной и интернациональной политики этих государств, в которых в настоящее время русский язык преподается как неродной и является обязательным предметом школьного и вузовского образования.

Сохранение русского языка в диаспоре: роль частной школы выходного дня

У. Долешаль / Ursula Doleschal

Клагенфуртский университет (Австрия)

ursula.doleschal@aau.at

Изучение русского языка, русская диаспора в Европе.

Summary. In my lecture I will present the results of a study on a Russian Sunday school in Southern Austria. In the study different points of view (headmaster, parents, pupils) as well as different research settings (interviews, observation, recordings at home and in school) have been investigated in order to give a picture of the sociolinguistic situation of Russian in a small and dispersed Russian community far from the big centers.

В Австрии преподавание русского языка имеет долгую традицию: и в школах (особенно в гимназиях и высших экономических училищах), и в университетах учат русский язык на высоком уровне. Довольно новое и практически не изученное явление для Австрии – это преподавание русского языка детям русскоязычных мигрантов в частных школах выходного дня.

В Каринтии, в южной Австрии с 2008 г. действует такая школа в рамках работы культурного общества. В школе учится около 30 детей от 3 до 16 лет в трех местах. Для русиста интересно узнать, как эта школа выполняет свою роль, в каких условиях она работает и какого успеха достигает.

В этих целях была создана исследовательская группа студентов русской филологии в рамках спецсеминара, которая провела многостороннее исследование под руководством профессора-русиста – автора данных тезисов. При этом группа пользовалась следующими методами: интервью, языковым портретом, наблюдением, аудио- и видеозаписью с транскрипцией.

В докладе я планирую рассказать о результатах нашей работы, которая в данный момент еще не завершена. На

сегодняшний день можно сказать, что из интервью вытекает, что у родителей, которые записывают детей в русскую школу, высокая мотивация и они всесторонне поддерживают приобретение русского языка со стороны детей, например, предоставляя фильмы и книги на русском языке. Дети показывают положительное отношение к русскому языку, а также к учению в русской школе. Одновременно ясно, что даже и для маленьких детей на первом месте стоит немецкий язык, в котором они чувствуют себя увереннее. Это между прочими причинами связано с тем, что большинство детей растет в смешанных семьях, где (в большинстве случаев) мать русскоязычная, а отец говорит только по-немецки. Поэтому роль русской школы для создания позитивной установки к языку у детей (но иногда и у взрослых), к осмыслению использования русского языка для детей, нельзя недооценивать.

Наше исследование покажет сложное социолингвистическое положение русского языка в малочисленной русской общине, отдаленной от больших центров, для которой школа является важным центром для сохранения языка.

Русофония: российский русский и украинский русский

Ю. В. Дорофеев

Крымский республиканский институт поледилопного педагогического образования (Симферополь, Украина)

yuvld@mail.ru

Русофония, вариант русского языка, текст.

Summary. The paper deals correlation of variations in the structure of language world. The model integrated description of different types of options in terms of their interdependence.

Русский язык существует сегодня как система региональных, территориальных, социальных и национальных вариантов (об этом, в частности, свидетельствует проблематика многих конференций, а также ряд публикаций, вышедших в последнее десятилетие), которые, сохраняя общие, инвари-

антные, свойства, характеризующие русский язык как систему, обладают рядом особенностей, отражающих реализацию системы в определенных условиях. Такое положение обусловлено тем, что русский язык относится к глобальному типу языков и выступает как единое средство общения

на достаточно широком коммуникативном пространстве. Поэтому каждый вариант является не только пространственной, но также социальной, культурной и исторической проекцией языка. И хотя среди этих вариантов литературная форма заметно отличается своей престижностью, для разных этапов существования языкового мира будут характерны и другие типы вариантов. Сама же способность языка к образованию вариантов свидетельствует о гибкости его системы, развитом защитном механизме, обуславливающем адаптивные возможности языка, потенциальной мощности, и в конечном итоге о тенденции к распространению своего влияния на другие языки.

Развитие вариантов наиболее заметно в системе номинаций, которая пополняется рядом регионально и культурно значимых номинативных единиц, отражающих изменения в когнитивной базе носителей языка. Так, сопоставление русского языка в России и в Украине дает основания утверждать, что наблюдается стойкая тенденция к образованию национальных вариантов русского языка. Глубокие различия проявляются в семантике слов, значение которых тесно связано с бытовой и профессиональной деятельностью, культурной и официально-деловой сферой. В связи с этим в семантике номинативных единиц актуализируются так называемые коллективоцентристские компоненты, отражающие принадлежность говорящего к определенному региону, социуму, государству. Отмеченные различия часто носят имплицитный характер, однако в конечном счете находят свое выражение в текстах. Так, в условиях Украины процессы порождения и восприятия русскоязычного текста протекают на фоне системы украинского языка, поскольку в сознании украинского носителя русского языка в той или иной мере взаимодействуют, независимо от его желания, две языковые системы.

Потенциальным материалом для исследования разных вариантов русского служат как записи спонтанной устной речи, так и письменные тексты, поскольку текст, который продуцирует человек, отражает субъективную реальность, и в нем фиксируются результаты индивидуального познания мира. Противоречие между возможностями языка и потребностями индивидуума выразить и зафиксировать свое видение мира и является необходимым условием поиска соответствующего средства выражения. И наиболее ярко вариативность конкретного языка отражается в текстах художественных, что связано со спецификой словесного творчества, с необходимостью максимально точно обозначить условия действия и выразить субъективные представления о действительности. Текст, таким образом, оказывается источником всех инноваций, которые впоследствии могут при благоприятных условиях закрепиться в системе языка.

В связи с этой особенностью корпус текстов может служить источником для получения информации о дифференциации вариантов одного языка в случаях, когда используется сопоставление текстов на одном языке, но созданных в разных регионах и различных социальных условиях. Выделенные в процессе анализа единицы несут в своем содержании дополнительную информацию и их использование связано с отражением в тексте языковой реальности, характерной для определенных регионов, коммуникативных ситуаций и социальных условий. Таким образом, авторы прибегают к подобным средствам номинации не для создания колорита, а в силу того, что нет иного способа отразить изображаемый фрагмент Универсума, хотя возникающее

вследствие этого соположение элементов двух вариантов одного языка может восприниматься читателем, не использующим один из вариантов в своей практике, как стилистический прием. Подобные формы языка в пределах ареала или коллектива их распространения воспринимаются как исходные, а не производные от некоего эталона, и поэтому специфические особенности соответствующих вариантов переносятся в произведения местных авторов, благодаря чему становится возможным их распространение.

Приведем несколько примеров из произведений современных русскоязычных украинских писателей (М. и С. Дяченко, Г. Л. Олди (Д. Громов и О. Ладыженский), А. Валентинов и др.). *Хату белили каждый год перед Пасхой. Рядом помещалась комора – хозяйственная пристройка, сарай; Омелько не мог ни прикорнуть, ни с хлопцами поиграть, ни лодочку смастерить; Дед выстругивал из дерева всякий хозяйственный инструмент и рассказывал сказки про водяных, про леших, про русалок и мавок. Про колдунов и ведьм. Про козаков, про турок, про ляхов; Про байтан рассказывали такое, что и в страшном сне не приснится. Про Клятую Церковь и то брехали меньше; Луны не было; небо усыпало звезды, тянулось Чумацкий шлях, всеми цветами переливался Волосожар; А в управляющие себе паны выбрали людей, знающих с пеклом; Он пил воздух, словно горилку. И легче становилось ему с каждым глотком. Вот только веки давили...; – От шалапуты! – нахмурился участковый. – Руки-ноги ломают, кого винить станут? А ты, Ганна, хлопцу голову ерундой не забивай. Говорю, байки это! Дивчина в камне, клад панский...*

Подобные примеры достаточно наглядно показывают, что необходимо дальнейшее исследование особенностей функционирования русского языка в новых региональных, культурных, политических условиях, поскольку выбор средства номинации здесь диктуется функциональными и когнитивными различиями в потребностях, мотивах и картине мира носителей языка в определенных социальных и региональных условиях. Соответственно, в текстах проявляется интонационная специфика, связанная с реалиями, в которых действуют герои произведений и заметная только при сопоставлении двух (или более) вариантов русского языка: в отмеченных выше случаях житель Украины вряд ли столкнется с затруднениями в понимании текста и поэтому, скорее всего, не заметит указанных различий, а вот читателям из других стран могут потребоваться пояснения различного типа (культурологические, исторические и т. п.).

Отмечая подобное употребление украинских по происхождению номинативных средств в русскоязычных текстах, некоторые исследователи полагают, что это явление можно рассматривать как бессистемное, случайное, противоречащее нормам языков и т. п., но приведенные примеры позволяют заключить, что использование в художественных текстах номинативных средств, отражающих принадлежность носителя языка к определенному социуму и региону, является закономерным и обусловлено необходимостью отражения индивидуального опыта в тексте. Проявленная инициатива в использовании отмеченных единиц может быть поддержана другими членами социума. Такая форма кодирования может отсутствовать в других вариантах данного языка, и вследствие этого тексты начинают отражать те семантические (или иные) трансформации, которые сопровождают функционирование и развитие языка в новых для него условиях.

Формирование языковой личности в условиях современной школы Эстонии

С. Евстратова, А. Прит

Тартуский университет (Эстония)

destiny50@mail.ru

Модель обучения, традиционные методы, языковое погружение, этнокультурная идентичность.

Summary. The paper deals with the different models of teaching Russian in Estonia and correlation between model, level of knowing the Russian language and self-identity.

В сообщении пойдет речь и влиянии разных моделей школьного обучения на качество владения родным языком у русскоязычных учащихся Эстонии в условиях диаспоры. Тема актуальна, поскольку основное внимание в области школьного образования направлено на интеграцию русско-

язычных детей в эстонское общество и качественное изучение государственного языка, в то время как изучение родного языка и культуры отходит на второй план. В последнее время все больше русских школ закрываются либо переходят от традиционного метода преподавания к методу языко-

вого погружения, в результате чего увеличивается число русскоязычных детей, получающих образование на неродном языке. У этих школьников есть возможность учиться в эстонской школе, и многие добровольно и осознанно делают этот выбор. Такое положение, в свою очередь, зачастую приводит к затруднениям при самоидентификации, а также к снижению уровня владения родным языком.

В настоящее время в Эстонии на неродном языке учится около 5 тысяч русских детей. Такая ситуация приводит к снижению уровня владения родным языком, а зачастую и к сложностям с этнокультурной идентичностью. Проблема идентичности русскоговорящего ребенка в эстонской школе заключается в том, что он оказывается в положении между двумя языками и ценностями двух культур.

Русский язык в эстонских школах изучается как иностранный группы «А» (с 4 класса) или группы «Б» (с 6 класса), причем, согласно Государственной программе обучения, школа сама имеет право выбирать иностранные языки, а следовательно, русский может не изучаться вовсе. Русскоязычных детей как носителей языка с таких уроков часто отпускают либо разрешают заниматься своими делами, поскольку учителя не обязаны на своих уроках индивидуально заниматься углубленным изучением русского языка. Однако все не так плохо. В Эстонии распространением и поддержкой русского языка и литературы активно занимается Таллиннский институт Пушкина, в мае 2012 года был успешно завершен разработанный таллинскими преподавателями проект „Kaks keelt – üks meel!“ («Два языка – одна душа!») для двуязычных учащихся эстонских школ, желающих научиться грамотно писать на русском языке, читать, ближе познакомиться с русской литературой и культурой.

В проведенном нами опросе приняли участие 174 школьника-респондента в возрасте от 12 до 16 лет, обучающихся в школах с разными моделями обучения русскому языку, о которых говорилось выше. Свой выбор мы остановили на учащихся именно этого возраста, поскольку, как мы уже отмечали, в эстонской школе русский язык преподается начиная с 6 класса. Особый интерес для нас представляли русскоязычные учащиеся школы с языковым погружением и школы с эстонским языком обучения. Однако следует сразу отметить, что респонденты из эстонских школ не всегда отвечали нашим требованиям, поскольку многие из них учатся в эстонской школе с 1-го класса и растут в смешанных семьях, которые являются скорее эстони-, чем русскоязычными. При анализе данных опроса мы учитывали и ответы таких учеников, основываясь на их хотя бы частичной принадлежности к русской культуре. Нам было важно выяснить, как эти ученики, выбравшие разные модели обучения, оценивают свой уровень владения русским языком и связь с русской культурой. Данные информантов из русских школ использовались для сравнения.

Результаты интерпретации полученных нами данных позволили прийти к следующим выводам:

- 15% наших респондентов, как мы и предполагали, испытывали затруднения при ответе на вопрос о том, какой язык они считают своим родным. Неожиданным оказалось то, что кроме учащихся эстонской школы и школы с языковым погружением, на этот вопрос не могли ответить и 7 учащихся русскиз школ.
- Что касается сфер использования языка, то у опрошенных нами учащихся русской школы и школы с языковым погружением главным во всех сферах остается в основном русский, однако обучающиеся в эстонской школе билингвы предпочитают использовать эстонский. В результате корреляционного анализа была выявлена следующая зависимость: язык обучения в школе находится в тесной связи с выбором языка домашнего общения и языка, на котором школьники предпочитают читать литературу: коэффициент корреляции между ними $> 0,7$.
- На вопрос об оценке учащимися того факта, что они владеют русским языком, большая часть респондентов ответила: «Считаю, что в жизни мне это пригодится».
- На вопрос об уровне владения русским языком респонденты всех школ в большинстве своем отвечали одинаково, оценивая свое владение языком как недостаточно хорошее. Практически все учащиеся эстонской школы отмечали хорошее владение устной речью и недостаточное владение письменной, а также указывали на незнание грамматики. Несмотря на недостаточное владение наших респондентов русским языком, интерес к русской культуре у них сохраняется, и 44% опрошенных выражают свое желание лучше узнать культуру и традиции русского народа.
- У опрошенных нами русскоязычных учащихся затруднения возникли не только с определением родного языка, но и с этнокультурной самоидентификацией: 4% не сумели отнести себя к той или иной нации, а 34% назвали себя эстонцами «с русскими корнями», причем таковыми назвали себя учащиеся не только эстонской, но и русской школы, а также школы с языковым погружением.

Несколько неожиданными оказались данные, полученные от учащихся школ с языковым погружением: они показали наиболее высокие оценки уровня владения русским языком, интерес к русской культуре и в большинстве случаев – отсутствие затруднений при самоидентификации. Данный факт может свидетельствовать о том, что в принявших участие в нашем опросе школах с языковым погружением много внимания уделяется сохранению русского языка и интереса к русской культуре в условиях диаспоры. Однако чтобы сделать окончательный вывод, необходимо провести опрос во всех школах Эстонии, работающих по данной модели обучения. Несомненным является то, что для русскоязычных учащихся таких школ необходимо разрабатывать комплексы заданий, учитывающих особенности развития русской языковой личности в условиях диаспоры. Некоторые из таких разработанных нами заданий будут продемонстрированы во время выступления.

Городская речь в контексте культурно-языковой ситуации региона

Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева

Пермский государственный национальный исследовательский университет

elevaer@gmail.com

Городская речь, языковая ситуация, субкультура, региолект, социолект.

Summary. An urban speech a homo-heterogeneous phenomenon, a system of cultural and linguistic components like ethnic, regional (territorial), social ones. These components of the urban speech are caused by the linguistic situation in the region. The ethnic component is represented by ethnic languages and cultures of the region; the regional component – by local forms of cultures and languages; the social component – by subcultures and sociolects of various social groups. All components interact in idiolects and in urban speech as a whole.

Городская речь представляет собой сложное многоаспектное явление, в основе которого лежат процессы смешения различных социальных групп (в широком понимании термина), их культур и языков. При этом каждый город находится на территории какого-то региона – общности, сложившейся на основе взаимодействия территориальных, социальных и культурных факторов, и речь каждого конкретного города несет на себе отпечаток культурно-языковых традиций региона.

Наиболее интересна для изучения, как в практическом, так и в теоретическом аспектах, речь крупных городов, на-

ходящихся на таких территориях, которые одновременно характеризуются и как ярко выраженные диалектные зоны, и как территории со смешанным этническим составом населения. Именно таким регионом является Пермский край – исторически сложившийся регион, на территории которого в течение столетий взаимодействовали русский, коми-пермяцкий, татарский и башкирский языки (а также другие языки уральской семьи), а в последние два века – русские говоры, литературный русский язык и городское просторечие. Поэтому городская речь Пермского края является результатом внутриязыковой интерференции между различ-

ными формами существования языка, с одной стороны, и в то же время результатом межъязыковой интерференции, которая сначала оказала влияние (в основном со стороны финно-угорского субстрата) на формирование говоров, а затем вторичное влияние (в основном со стороны тюркских языков) на формирование городской речи.

В результате этих сложных процессов взаимодействия в настоящее время в крае сложился региолект, имеющий свои особенности в фонетике, грамматике и лексике, но по-разному проявляющийся в речи различных социальных групп, в том числе и национальных. Одним из вариантов региолектной речи в городе является локально окрашенный литературный язык, который характеризуется в основном фонетическими особенностями и используется образованным населением. Все остальные, нелитературные формы языка также имеют локальную окраску.

Гибридизация затронула и культурную составляющую региона: в фольклорных и современных традициях края ощущается своеобразие, которое во многом обусловлено столкновениями этнических культур, но также и столкновением культур социальных групп. Этнические культуры и социальные субкультуры являясь отражением стиля жизни, поведения, идентичностей, ценностей, стереотипов социальных групп, функционируют в рамках единого культурного пространства, дифференцируя его.

В городской среде функционируют и взаимодействуют разнообразные культурно-языковые формации региона, начиная с элементов этнических культур и языков и заканчивая субкультурами и сленгами небольших социальных групп. Каждый горожанин является одновременно носителем разных культурно-языковых формаций, и его индивидуальность обуславливается их сочетанием. На языковом уровне это проявляется в сложном строении идиолекта: в переплетении в речи элементов, обусловленных разными формами языка – литературным языком, региолектом, одним, а чаще

несколькими разными видами жаргонов / социолектов. В случае с билингвизмом структура идиолекта еще сложнее, поскольку смешиваются уже не только формы одного языка, но и сами языки: речь билингвов на одном из языков часто включает элементы другого языка, также разнородные; кроме того, модели (слово- и формообразовательные, синтаксические), характерные для подязыков одного из языков билингва, могут использоваться в другом языке в сходных функциях.

Культурологический анализ текстов горожан показывает, что их структура и тематическое наполнение оказываются зависимыми от вхождения индивида в разные социальные группы: спонтанные монологи на разные темы могут отражать этническую и групповую идентичность, социальные ценности и стереотипы горожанина, его приверженность определенным традициям. При этом зачастую культурные компоненты, актуализированные в текстах, оформляются специфическими языковыми средствами, ассоциированными с ними.

Тем не менее разнообразие культурно-языковых формаций в городе не ведет к его разобщенности: социальные связи между представителями разных социальных групп создают плавные переходы от одной субкультуры к другой и связывают их в интегрированное целое, единый континуум, оставляя место проявлению разнообразия. Поэтому в пермском центре по изучению городской речи городское языковое пространство рассматривается как гомогенно-гетерогенное явление, система культурно-языковых компонентов: этнических, региональных (территориальных), социальных. Этнический компонент представлен этническими языками и культурами; региональный – локальными формами культуры и языка, социальный – социальными субкультурами и социолектами разных социальных групп.

В докладе на обширном материале иллюстрируются культурно-языковые компоненты и их взаимодействие в Перми.

Русский язык как средство межэтнической и межкультурной коммуникации в Казахстане

А. К. Жумабекова

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан)

aigzhum@mail.ru

Русский язык, межэтническая коммуникация, межкультурная коммуникация.

Summary. The report is devoted to the problem of teaching Russian language as a mean of inter-ethnic and cross-cultural communication in Kazakhstan. The main educational task is to teach Russian language as a tool of the communicative interaction.

Исторические и политические процессы общественного развития способствовали тому, что Республика Казахстан сложилась как полиэтническое (проживает более 100 этносов) и мультикультурное государство Евразии.

Исследователи не без оснований говорят о необходимости использования термина *межэтническая коммуникация*, когда речь идет о Казахстане, поскольку здесь отсутствуют значимые межкультурные различия, нет непреодолимых культурных барьеров между представителями различных этносов (казахского, русского, украинского, уйгурского, корейского и др.). С другой стороны, когда речь идет о контактах между казахстанцами и жителями стран «дальнего» зарубежья, в частности, в русле решения образовательных и педагогических задач (например, обучение переводоведению и иностранным языкам – английскому, французскому, китайскому, арабскому, японскому и др.), следует иметь в виду именно проблемы *межкультурной коммуникации*.

При этом русский язык является основным звеном межэтнической коммуникации, а также, наряду с английским, одним из (а для людей старшего возраста – основным) средств межкультурной коммуникации.

Государственная программа развития языков, нацеленная на поддержку казахского языка как государственного, русского языка как средства официального общения и английского языка как наиболее активно используемого в международных контактах. В итоге наблюдается процесс формирования полилингвальных личностей, духовным и экономическим капиталом которых становится знание нескольких языков.

Русскому языку исторически принадлежит особое место. Его изучают в школах и вузах как родной (не только русские, но и русскоязычные учащиеся – казахи, украинцы, корейцы и др.), как неродной (учащиеся школ с нерусским

языком обучения) и иностранный (граждане стран дальнего зарубежья, в том числе казахи-репатрианты). Соответственно разрабатываются методики для эффективного освоения русского языка для этих разных категорий обучаемых.

Вместе с тем в аспекте межкультурной и межэтнической коммуникации наряду с обучением собственно языковым навыкам актуальной становится задача обучению коммуникативному поведению.

И если, как отмечают исследователи (И. А. Стернин и др.), английскому коммуникативному стилю присущи косвенность, завуалированность, неоднозначность, некатегоричность, неформальность, эмотивность (добавим от себя, что эти признаки во многом характерны и для казахского коммуникативного стиля), то русскому, напротив, – прямолинейность, однозначность, категоричность, эмоциональность. Соответственно эти коммуникативные признаки находят свое вербальное воплощение в языковых средствах, и на это следует обращать внимание учащихся.

Основной образовательной задачей становится при этом обучение не столько языку, сколько коммуникативному взаимодействию. Акцент перемещается на формирование *межкультурной коммуникативной компетенции* (включающей лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, межкультурную компетенцию) – знаний, умений и навыков, помогающих преодолевать культурные различия и успешно строить процесс общения с представителями другой культуры на родном для них (в данном случае – русском) языке.

В сфере перевода коммуникативные неудачи также зачастую обусловлены не незнанием языкового материала, а совершенно иными – социокультурными – причинами, отражающими этнические, религиозные, мировоззренческие и другие различия среди представителей одной страны, носи-

телей одного языка, одной культуры, в частности, переводчиками. Сами тексты перевода, являются, на наш взгляд, продуктами межкультурной коммуникации. Поэтому на занятиях со студентами переводческих отделений мы акцентируем их внимание на недопущении подобных ошибок со стороны профессионалов. Структура учебного процесса создает для этого все возможности: на занятиях по базовому иностранному языку, страноведению, теории и практике перевода текстов различных жанров и типов, теории и практике межкультурной коммуникации и других, у учащихся

целенаправленно формируется профессиональная межкультурная компетенция, хотя, разумеется, степень овладения ею различается в зависимости от индивидуальных особенностей и способностей студентов.

В целом, используя межкультурный подход в лингводидактике, следует, на наш взгляд, определить цель обучения русскому языку – развитие у учащегося способности к межкультурному и межэтническому взаимодействию и, соответственно, к использованию русского языка как инструмента этого взаимодействия.

Русский язык в функции сохранения славянской культуры

М. С. Кнежевич

Университет в г. Нови-Сад (Сербия)

maraknez@sbb.rs

Русский язык, славянская культура, глобализация, идентичность народа.

Аннотация. Основным условием сохранения языка является его введение в школьную систему обучения. Русский язык необходимо ввести в образовательную систему славянских народов чтобы признать и сохранить культуру и традиции славянских народов. Богатое наследие русской культуры и духовности лучше можно почувствовать, зная русский язык. Язык является признаком личности человека, нации, общества и государства. Сохранить язык – это значит сохранить индивидуальность человека, сохранить образовательную систему, культуру и нацию. Русский язык должен занять достойное место в мире, которое ему принадлежит, так как он является языком великого народа, у которого богатые исторические, культурные и технические достижения. Русский язык необходимо сохранить, чтобы сохранить культуру и дух славянского народа.

Язык как связь между народами

Язык имеет особое значение в области связывания народов, их культур, и научных и технических достижений. В течение последних десятилетий XX века педагогическая теория и практика сталкивались с вызовами современного мира в которых доминируют процессы индивидуализации и глобализации, и которые быстро распространяются в XXI веке.

Английский язык стал лидером в коммуникации большинства государств. Славянские языки, к сожалению, теряют свою роль в коммуникации в современном мире. Русский язык, как язык одной из самых многолюдных наций, как язык великого народа, язык который был основой другим славянским языкам, среди них и сербскому языку, теряет свое лидерство в мире. Вопрос в том, как сохранить славянские языки и обеспечить присутствие русского языка, и следовательно присутствие русской науки и культуры на славянских и мировых просторах. Главное условие для сохранения языка – его введение в школьную систему. Русский язык необходимо ввести в образовательную систему славянских народов, чтобы признать и сохранить культуру и традиции славянских народов. Культуру и духовность одного народа лучше всего можно узнавать зная их языка. Язык является признаком личности человека, нации, общества и государства. Сохранить язык – это значит сохранить идентичность, сохранить народ.

Современная технология позволила быстрый поток информации, и тем самым ускорила процесс глобализации.

Глобализация охватила мир во всех его аспектах. Это соревнование между всеми странами мира. Она стремится стать единой системой в экономической, политической, культурной и образовательной системе. Глобализация влияет на систему воспитания и образования многих стран и народов, то есть разные государства и нации должны включиться в новую модель образования с международным направлением. Моральные нормы, как правило, могут утверждаться на глобальном уровне, но можно ли образование поднять на уровень глобальности, и при том, не потерять идентичности не только каждого человека в отдельности, но и государства в целом и всего народа. Если каждый человек имеет право на собственную индивидуальность, то в какой степени народы и государства могут сохранить свою идентичность, свои традиции и свою культуру, и в то же время принять меры глобального уровня. Система образования в этом процессе играет важную роль в воспитании молодых поколений, которые создают будущее во всех сферах жизни [7: 1].

Язык лучше всего воспринимается в контексте учебных материалов, которые должны быть тщательно отобраны, чтобы образование было восторженным. Изучая язык, человек становится богаче, чувствует дух этого народа.

Особенно большое значение имеют язык и письменность народа, которые должны остаться в качестве ориентира и

прочного наследия. Они не смеют и не должны утонуть в единое целое, потому что есть реальная опасность потери идентичности.

Изучение иностранных языков, особенно доминирующего английского языка, в настоящее время стало обязательным для общения во всем мире. Тем не менее, доминирование одного языка над другим приводит к опасности, где культуры других народов недооцениваются и изложены однообразному способу выражения.

Кроме того, существует опасность исчезновения языков, утопление одних культур в другие культуры, что безусловно, поражает, когда провозглашается толерантность в современном мире, когда подчеркивается право всех народов на собственный язык и культуру. С одной стороны, в 21 веке говорим о том, что разнообразие культур обогащает людей, а с другой стороны стремим к глобализации. Как примирить два противоположных взгляда, два совершенно разных требования [7: 5].

Заключение

Русский язык и русская литература сталкивались и объединялись в течение своего развития с сербским языком и сербской литературой, что приводило к созданию осведомленности о национальной и культурной самобытности народов двух стран. В каждом языке живет дух народа, язык дополняет знания о культуре и традициях народа.

Язык играет важную роль в сохранении самобытности людей и народов. Сохранить язык – значит сохранить идентичность каждого человека, идентичность образовательной системы каждого народа и их культуры. Сохранить язык – значит сохранить государство и народ.

Русский язык, будучи он славянский язык и принадлежит народу с самым большим населением среди славянских народов, с бесценным культурным наследием и традициями, обязан сохранять идентичность славянских языков и должен занять достойное место в системе глобализации.

Литература

1. Аврамовић Зоран. Социологија и књижевност. Београд, 2008.
2. Богдановић Н., Николић. Модерна руска поезија. Београд, 1975.
3. Бабовић Милосав. Руска књижевност 19. века, Реализам. Београд, 1971.
4. Имануел Кант, Мишел Фуко, Јирген Хабермас. О просвећености // Никола Грдинић – Bibliotheca Dositeana. Примедбе уз прву књигу. Нови Сад, 2004.
5. Кнежевић М. Српске народне епске песме као извор етичких вредности у очувању словенске културе. М., 2012.
6. Кнежевић Мара. Стеван В. Поповић у српској култури. Сомбор, 2006.
7. Кнежевић Мара. Образовање и васпитање у процесу глобализације. Вршац; Темишвар, 2010.
8. Кнежевић Мара. Образовање као услов развоја савременог друштва. Ново Место, Словенија, 2011.
9. Коковић Драган. Социологија образовања. Нови Сад, 2000.
10. Марковић Ж. Данило. Глобализација и високошколско образовање. Ниш, 2008.

Vox populi о русском языке в Литве**А. Б. Лихачева**

Вильнюсский университет (Литва)

a.li@takas.lt

Русский язык, родной язык, иностранный язык, социолингвистические исследования, медиадискурс.

Summary. In this paper the attitude towards Russian language in Lithuania is discussed. Two types of public opinion are considered. Firstly, the data gathered by recent research projects “Language Use and Ethnic Identity in Lithuanian Cities (Cities and Languages)” and “The Sociolinguistic Map of Lithuania”, based on which the relationship of the Russian-speaking citizens to their native language is described. Secondly, Lithuanian media discourse, such as TV and radio broadcasts, newspaper publications and user commentaries from the most visited Lithuanian websites regarding Russian language and its perception in Lithuania.

Несмотря на политические проблемы и экономические трудности последних лет, в литовском обществе активно дискутируются лингвистические темы. Восстановление независимой Литовской Республики, возвращение литовскому языку статуса государственного в 1991 г. и приобретение им в 2004 г. статуса одного из официальных языков Евросоюза, в то же время экспансия английского языка и массовая эмиграция из страны в первую очередь этнических литовцев – все эти факторы обуславливают актуальность темы сохранения литовского самосознания и укрепления позиций литовского языка. По мнению лингвистов и филологов, Литва переживает период «лингвистического национализма»: «Мы забыли и не желаем вспоминать прошлое, которое напоминает о пережитой беззащитности и экзистенциальных угрозах: мы верим, что <...> формула “один народ, одна культура, одна религия, одно государство” есть гарантия нашего политического выживания и надежной идентичности». Ученые говорят о тенденции к «лингвистической гомогенизации общества: предоставлении языку и культуре большинства государственной монополии, дискриминации региональных языков и языков национальных меньшинств» (об этом: [5]; [1]).

Действительно, укрепление юридических позиций литовского языка вызывает не только чрезмерное, с точки зрения рядовых носителей, регламентирование их языкового существования, но и в значительной степени влияет на функционирование языков основных национальных меньшинств Литвы – поляков (по данным переписи населения 2011 г., они составляли 6,6% населения Литвы) и русских (5,8%).

В связи с отмеченными тенденциями представляется важным выяснить, насколько мнения ученых-экспертов согласуются с установками литовского общества относительно языков, сосуществующих в нем в течение нескольких веков, и в частности – с установками относительно русского языка в Литве.

Объектом анализа являются два типа общественного мнения:

1. Данные двух крупных социолингвистических проектов: «Использование языка и национальная самоидентификация жителей городов Литвы. (Города и языки)» (2007–2009 гг.) – завершением проекта стала коллективная монография [3] и «Социолингвистическая карта Литвы» (2010–2012 гг.) – коллективная монография [4], осуществленных учеными Вильнюсского университета, Каунасского университета Витаутаса Великого и Института литовского языка, при участии специалистов из Института социальных исследований (Вильнюс) и ученых-консультантов из Голландии, Великобритании, Швейцарии и Италии. В ходе обоих проектов были проведены количественное (социолингвистический опрос городских жителей) и качественное (интервьюирование) исследования, целью которых было получение информации о национальности и самоидентификации респондентов; об их родном(-ых) языке(-ах); спектре языков, которыми они владеют; об употреблении этих языков в различных сферах частной и общественной жизни. Русским и русско-

зычным респондентам задавались вопросы о возможностях и целесообразности использования русского языка в Литве; интенциях родителей относительно сохранения языка в семье и выбора для детей языка школьного обучения; оценке и самооценке, связанных с уровнем владения родным языком русскоязычным населением Литвы. Также обсуждалось влияние СМИ на речевое поведение русскоязычных жителей и на их взаимоотношения с родным языком.

2. Материалы медиадискурса, в которых формулируется отношение к русскому языку нерусскоязычного населения Литвы, в первую очередь – титульной этнической группы, обсуждается имидж и рейтинг русского языка по сравнению с другими иностранными языками. В телевизионных и радиопередачах, газетных и электронных публикациях, в многочисленных комментариях к ним активно обсуждаются позиции русского языка на рынке труда, в социокультурном пространстве страны, в сфере образования, связи языка и истории, языка и политики. В интернет-форумах периодически активизируются дискуссии на тему «руссофобия vs. русофилия» (напр.: <http://www.vlkk.lt/lit/diskusijos>; <http://pilietis.delfi.lt/voxpupuli>; <http://www.lrytas.lt/gyvenimo-budas/>; www.mokslonamai.lt и т. п.).

По данным Департамента статистики Литвы, в 2011 г. русским языком в той или иной мере владело 63% населения страны. Несмотря на стабильно уменьшающееся количество русских и русскоязычных жителей, русский язык остается вторым по численности (после литовского) единственным родным языком для 7,18% граждан Литвы, он также является вторым родным языком для 73% тех жителей, которые считают родными два языка. Для Литвы наиболее характерными сочетаниями родных языков являются комбинации литовского и русского, польского и литовского, польского и русского, белорусского и русского [2].

Сложные взаимоотношения Литвы с Россией обуславливают противоречивую репутацию русского языка и заметно влияют на восприятие литовцами местного русскоязычия. Поэтому сохранение качественного русского языка и отношение к нему как к родному русскоязычными гражданами Литвы зависит не только от внутрисемейных установок и возможностей получения образования на родном языке, но и от их способности и желания противостоять давлению общественного мнения и критически воспринимать разнообразные его проявления.

Литература

1. Donskis L. Czesławo Miłoszo gimtoji Europa. 2011 [<http://blog.delfi.lt/donskis/8852/>].
2. Gyventojai pagal tautybę, gimtąją kalbą ir tikyba. Lietuvos Respublikos 2011 metų visuotinio gyventojų ir būstų surašymo rezultatai [http://web.stat.gov.lt/uploads/docs/gyv_kalba_tikyba.pdf?..].
3. Miestai ir kalbos. Vilnius, 2010.
4. Miestai ir kalbos II. Sociolingvistinis Lietuvos žemėlapis. Vilnius, 2013.
5. Tomaševičius G. Tauta, gimusi iš filologijos, ir lingvistinio nacionalizmo fenomenas // Darbai ir dienos. Kaunas. 2011. № 56.

Ситуация полиязычия в Казахстане: выбор русского языка**Г. Б. Мадиева**

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

gmadi@mail.ru

Русский язык, выбор языка, полиязычие, коммуникативное пространство.

Summary. The paper explores the problem of choice of the Russian language of teaching in the multilingual situation.

Безусловно, что выбор языка обучения обусловлен, прежде всего, этнической принадлежностью и языковой ситуа-

цией, сложившейся в той или иной стране. Выбор языка обучения является важным шагом получения полноценного

образования, расширения функциональной сферы и беспрепятственного включения в социально-коммуникативное пространство. В ситуации полиязычия в Казахстане выбор языка обучения осложняется тем, что в коммуникативном пространстве страны реальное распределение языков исторически «осуществляется в пользу двух демографически и функционально мощных языков – казахского и русского», и каждому человеку необходимо сделать выбор языка обучения для себя и своих детей [2: 282].

Стратегия развития языков народов Казахстана определяет расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного (казахского) языка [1]. Действие этой программы, с одной стороны, обеспечило растущую востребованность титульного языка в системе государственных органов, образовательных институтах, сферах бытового обслуживания и т. п. С другой стороны, декларированный в Программе пункт о сохранении общекультурных функций русского языка, позволяющий ему действовать в государственных институтах и социальных сферах, а также неослабевающая, напротив, усиливающаяся роль русского языка в межнациональном общении, позволяет констатировать, что русский язык занимает сильную позицию в коммуникативном пространстве Казахстана. Эти факторы обуславливают приоритеты в выборе русского языка как языка обучения. Немаловажным фактором в выборе языка обучения является уровень преподавания в школах и вузах. В связи с этим хотелось бы отметить, что некоторые родители не решаются определить казахский язык в качестве языка обучения. Эти колебания обусловлены тем, что, несмотря на мероприятия, проводимые в рамках государственной политики, в школах с русским языком обучения отмечается более высокий учебно-методический потенциал [1], включающий как уровень кадрового состава, так и учебно-методическую базу. Кроме того, экстралингвистические факторы – желание родителей включить своих детей в мировое образовательное пространство, дать им возможность получить широкий доступ к культурному наследию многих народов – также определяют вектор выбора языка в пользу не только английского языка, но и русского.

Верификация объективной оценки стратегии выбора языка обучения предполагает ряд последовательных процедурных этапов, включающий анкетирование и обобщение полученной информации. С этой целью было проведено пилотное анкетирование респондентов различных регионов Казахстана. Полученные результаты позволяют определить зависимость выбора языка образования от языка родителей и уровня владения им. Ответы получены от разных групп респондентов, дифференцированных в зависимости от различных параметров, что дает возможность эмпирически определить и обосновать корреляции содержания выбора языка от социолингвистических переменных.

Основной вектор выбора языка обучения ориентирован на казахский и русский языки, что вполне объяснимо особенностями сложившейся языковой ситуацией в Казахстане. Данные анкетирования наглядно демонстрируют картину корреляции выбора языка обучения и этнической принадлежности отцов в пользу казахского и русского языков. Сопоставление полученных результатов позволяет прийти к

выводу, что ответы респондентов, у которых отцы казахи / русские, и ответы респондентов, у которых матери соответственно казашки / русские, приблизительно совпадают. Этническая принадлежность отца и матери почти в равной степени влияет на выбор казахского и русского языков в качестве языка обучения, что является реальным фактом сбалансированной функциональной мощности обоих языков.

Русский язык в качестве языка обучения в высшем учебном заведении выбрали респонденты, отцы которых славяне: русские – 67,1%, украинцы – 66,7%, белорусы – 100%, поляки – 67,7%. Кроме того, русский язык выбрали респонденты, отцы которых: немцы – 100%, уйгуры – 50%, корейцы – 100%, казахи – 18,2%, чеченцы – 33,3%, узбеки – 25%, башкиры – 50%, марийцы – 100%.

В качестве языка обучения респонденты, у которых матери – казашки и русские, также как и респонденты, у которых отцы казахи и русские, помимо казахского, русского, английского языков выбрали и другие языки.

Русский язык выбрали в качестве языка обучения в высшем учебном заведении респонденты, матери которых славянки: 67,1% – русские, 100% – украинки, 75% – белоруски, 100% – полячки.

Русский язык, кроме респондентов славянской национальности, выбрали респонденты, матери которых: немки – 100%, уйгурки – 25%, кореянки – 75%, казашки – 17,5%, чеченки – 33,3%, узбечки – 20%, башкирки – 50%, булгарки – 100%.

Воздержавшихся от ответа об этнической принадлежности матери, но выбравших русский язык в качестве языка обучения в вузе, – 50%.

Безусловно, что показатели не являются окончательными и полными, поскольку значительное число респондентов воздержались от ответа. Тем не менее, количественные данные дают возможность говорить о том, что приоритет в выборе языка обучения в высших учебных заведениях остается за казахским и русским языками.

Сопоставительный анализ содержания таблиц, а также числовых показателей и анкетных данных дает основание сделать вывод о том, что, несмотря на то, что процентное содержание по отдельным показателям довольно велико, в количественном отношении эти показатели достаточно низкие.

Русский язык в качестве языка обучения выбрали: 55 респондентов из 82 респондентов, отцы которых русские; 131 респондент из 722 респондентов, отцы которых казахи; 3 респондента из 4 респондентов, отцы которых татары и т. д. Дополнительное макросоциолингвистическое исследование может представить более полную картину.

Интересно отметить, что комбинации разных языков отметили в своих ответах только казахи и русские. Этот факт является свидетельством повышения престижа дву- и полиязычия в среде респондентов-казахов и респондентов-русских. Тем не менее, нельзя отрицать желания изучать несколько языков у представителей других этнических групп.

Литература

1. Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 годы. Алматы, 2001.
2. Сулейменова, Э. Д. и др. Словарь социолингвистических терминов. Алматы, 2007.

Интеграционная роль русского языка в Дагестане

Ш. А. Мазанаев

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

philol@mail.ru, filfak37a@mail.ru

Русский язык, язык межнационального общения, двуязычие, интеграция, языковые контакты.

Summary. The report focuses on the role of the integration of the Russian language in a multilingual Daghestan. The peculiar lingual situation is reviewed. The history of the development of Russian language as a language of international communication is analysed. Parallels with similar lingual and cultural areas of the CIS are considered.

Непрерывным условием развития демократического общества является право каждого человека выбрать язык общения с окружающими. Каждый народ также добровольно должен избрать для себя язык межнационального общения, письменности и художественной литературы.

Языковая картина Дагестана оказалась на редкость пестрой и многообразной. В условиях совместного проживания

разных народов и формирования у них единого культурного пространства на роль языка межнационального общения в Дагестане в XIX веке претендовали арабский, тюркский и русский языки.

За арабским языком стояли арабоязычные культуры и истоки, традиции ислама, приверженность к ней основной части населения. Это были сильнейшие факторы, стимули-

рующие развитие местной литературы на арабской графике. К тому же это была все-таки литература на родном языке, хотя и на арабской графике.

За тюркскими языками стояли традиции Востока, родственность отдельных тюркоязычных народов (кумыков, азербайджанцев, ногайцев) с другими народами Дагестана, употребление в быту азербайджанского и кумыкского языков. Но влияние тюркских языков в основном ограничивалось на бытовом уровне.

За русским языком стояла Россия, к которой присоединится Дагестан, государственная система образования, блистательная литература, вышедшая на мировую арену, исторические перспективы, общая с Россией судьба народов Дагестана.

Окончательное присоединение Дагестана к России во второй половине XIX века создает благоприятные условия для проникновения в культурную жизнь горцев русского языка. Культурная и литературная ориентация Дагестана постепенно начинает перемещаться с арабского Востока на Россию. Наряду с развитием местной литературы на аджамае, в Дагестане многие деятели культуры обращаются к различным жанрам художественной беллетристики на русском языке. Ученые, фольклористы, этнографы, писатели Дагестана под влиянием русской литературы и культуры создают оригинальные произведения и очерки на русском языке. Обращение дагестанских авторов к русскому языку объясняется не только фактом присоединения Дагестана к России. Русско-дагестанские связи в XIX веке, несомненно, и результат потребности исторического развития русского и горских народов.

В настоящее время дагестанская культура, искусство, литература, развиваясь по национальным направлениям (как аварская, даргинская, кумыкская, лезгинская, лакская, табасаранская, агульская, цахурская, рутульская) вместе с тем имеет общие черты. Во многом эта общность укрепляется средствами русского языка. Во-первых, русский язык позволяет народам приобщаться к мировой литературе и культуре. Во-вторых, это язык общения с русским народом, с его могучими культурными традициями. В-третьих, (и это особая этноязыковая ситуация), русский язык – это язык общения между самими народами Дагестана.

Находясь в специфической языковой ситуации, Дагестан привлекал и продолжает привлекать внимание многих исследователей.

О проблеме преподавания русского языка в Казахстане в условиях полиязычия

С. Н. Машкова

Костанайский филиал Челябинского государственного университета (Казахстан)

Mashkova2006@mail.ru

Полиязычие, лингвокультура, этнос, языковая политика.

Summary. Author of the paper comes to conclusion that the main aim for the teachers, students and pupils is development of polycultural personality. Inalienable component of the private and professional activity of each person in Kazakhstan society is to know Kazakh, Russian and English languages.

После распада Советского Союза и изменения статуса русского языка в странах СНГ программы обучения русскому языку претерпели большие изменения как в большинстве школ с преподаванием на государственном языке, так и в немногих сохранившихся русских школах, а также в комбинированных школах с отдельными классами преподавания на русском и государственном языках. В то же время в новом постсоветском коммуникативном пространстве русский язык остается языком межнационального общения.

После приобретения независимости бывших союзных республик, к сожалению, потерялся статус языка «братского сотрудничества» либо «второго родного языка».

Согласно экспертным данным, «через 10 лет число владеющих русским в странах СНГ уменьшится более чем в 2 раза» [Арефьев, Чепурных. 2005, с. 165]. Проблемы функционирования русского языка в странах СНГ напрямую связаны с национальной политикой этих стран. В странах ближнего зарубежья данная политика привела к сокращению числа его изучающих. Согласно официальной статистике, в Казахстане русским языком, при 27% русского населения, владеют 84,8% (12 млн. человек), в т. ч. в городе 92,5%. В селах 74,9% населения.

В свое время выдающийся русский филолог П. К. Услар сделал все от него зависящее, чтобы русский язык занял в Дагестане подобающее место. Огромная работа П. К. Услара по изучению аварского, даргинского, лезгинского, лакского, табасаранского языков равносильна деятельности целого научно-исследовательского института. Он разработал первую грамматику этих языков, собрал большой материал по дагестанскому фольклору, сделал первую попытку создания алфавита на русской основе. Ученый считал, что языком межнационального общения должен быть русский язык. И жизнь подтвердила его правоту.

Для таких регионов, как Дагестан, где русский язык является языком международного общения, этнокультурная и межконфессиональная толерантность стала характерной чертой его народов как следствие многовекового культурного и языкового общения. Вопрос двуязычия в республике, учитывая его древние и глубокие традиции в прошлом и большие перспективы в будущем, особенно актуален. И в этом суть неоспоримого сходства дагестанской модели с языковой ситуацией в аналогичных регионах остального постсоветского пространства, межкультурного взаимодействия и, соответственно, нарастающих год от года свою интенсивность языковых контактов. Процесс двуязычия в наше время можно охарактеризовать как определенный уровень языковой интернационализации. В современном мире ограничивать себя одним языком все равно, что изолироваться от мировой цивилизации. Единое образовательное и научное пространство в дагестанской среде поддерживается русским языком.

В Дагестане сложился своеобразный этнолингвистический феномен: целая категория молодых дагестанцев, осознающих себя аварцами, даргинцами, кумыками, лезгинами, лакцами... говорит только на русском языке, родной язык знает плохо или вовсе его не знает. Еще больше таких дагестанцев в семьях с межнациональным браком родителей. Эти процессы можно считать желательными или нежелательными, приятными или неприятными. Но такова реальная ситуация.

Развивая родные языки и культуры, возрождая прежние культурно-языковые традиции, расширяя социальные функции национальных языков в разных сферах общения, не нужно забывать о необходимости защиты русского языка – языка нашего единства и межнационального общения.

Русский язык в обязательном порядке изучается во всех типах школ (русских, национальных, смешанных), в казахстанских вузах обучение также разбито по языковому признаку на два потока – русский и казахский.

В связи с введением на территории всего Казахстана единого образовательного стандарта, неотъемлемой составляющей которого является русский язык, в государственном масштабе предпринимаются усилия по решению проблемы обеспечения учебных заведений преподавателями русского языка за счет национальных кадров, с учетом региональной специфики ведется разработка учебников русского языка на основе методик казахстанских ученых, продолжается создание системы дистанционного образования с охватом отдаленных сельских центров.

Концепция языковой политики Республики Казахстан определяет русский язык как основной источник информации по разным областям науки и техники, как средство коммуникации с ближним и дальним зарубежьем.

В этой связи новое звучание приобретает проблема языкового образования. Исходным при этом является идея о том, что изучение любого языка должно сопровождаться изучением культуры носителей этого языка. Причем этот процесс

должен протекать синкретно, не в отдельных плоскостях. В связи с этим было бы правомерно говорить о полилингвокультурном образовании, результатом которого должно стать многоязычие граждан общества. Слагаемыми этого многоязычия должны явиться родной язык, который закрепляет осознание принадлежности к своему этносу, казахский язык как государственный, владение которым способствует успешной гражданской интеграции, русский язык как источник научно-технической информации, иностранный и другие неродные языки, развивающие способности человека к самоидентификации в мировом сообществе.

Поэтому изучение языка как одного из главных индикаторов адаптации человека к новым социально-политическим и социально-культурным реалиям становится в настоящее время актуальной научно-теоретической и научно-практической задачей. Кроме того, объективно возникла необходимость по-новому осмыслить сложившиеся в период независимости традиционные концепции языковой политики и языковой ситуации. Ответы на вопросы, связанные с проблемой полиязычного образования многогранности и многоаспектности, могут быть найдены лишь при условии изучения, системного и комплексного анализа теоретических концепций различных научных школ.

Понимание роли языков в современном мире с особой остротой ставит перед нами вопрос о результативности обучения языкам и повышении уровня языковой подготовки учащихся. Концепция развития образования в Республике Казахстан направлена на качественное обновление форм и методов подготовки профессиональных кадров, квалификационно отвечающей общемировым стандартам. Большое внимание при этом уделяется полиязычному образованию, которое рассматривается как действенный инструмент подготовки молодого поколения к жизнедеятельности в условиях взаимосвязанного и взаимозависимого мира.

Главная цель, стоящая перед преподавателями и студентами, учениками школы, – это развитие поликультурной личности, способной на социальное и профессиональное са-

моопределение, знающей историю и традиции своего народа, владеющей несколькими языками, способной осуществлять коммуникативно-деятельностные операции на трех языках во всех ситуациях, стремящейся к саморазвитию и самосовершенствованию.

Владение казахским, русским и иностранными языками становится в современном казахстанском обществе неотъемлемым компонентом личной и профессиональной деятельности человека. Все это в целом вызывает потребность в большом количестве граждан, практически и профессионально владеющих несколькими языками и получающих в связи с этим реальные шансы занять в обществе более престижное как в социальном, так и в профессиональном отношении положение. Возможно, что разумное, грамотное и правильное внедрение трехязычия даст возможность выпускникам казахстанских школ быть коммуникативно-адаптированными в любой среде.

Литература

1. Бондаревская Е. В. Ценностные основания личностно ориентированного воспитания // Педагогика. 1995. № 4. С. 29–36.
2. Государственная программа развития образования в РК до 2010 г. от 11.10.2004 г. № 1459. Алматы, 2007.
3. Закон РК «Об образовании» от 07.06.1999 № 389 [http://edu.fdr.kz/kz/regulatory/laws/item/zak/-q-q-7-1999-9-2004-].
4. Зимняя И. А., Сахарова Т. Е. Проектная методика обучения английскому языку // Иностранные языки в школе. 1991. С. 9–15.
6. Комплексная программа воспитания в организациях образования РК на 2006–2011 гг. Алматы, 2007.
5. Конституция Республики Казахстан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [http://akorda.kz/ru/category/konstituciya].
6. Никишина И. В. Инновационная деятельность современного педагога. Волгоград, 2007.
7. Образование и наука: Энциклопедический словарь / Гл. ред. Ж. К. Туймебаев. Астана, 2008.
8. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В., Петров А. Е. Новые педагогические технологии в системе образования. М., 2000.

Русский язык в постсоветских странах в условиях суверенитета и транснациональных рынков информации (основные черты и тренды)

Н. Б. Мечковская

Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)
nina.mechkovskaya@gmail.com

Языковая политика, (недостаточная) рыночность языков, (над)национальный контент, удельный вес импортного контента.

Summary. The report deals with two groups of factors, relevant for dynamics of social functions of Russian in Post-Soviet time: the factors that narrow its presence at the new independent states; the factors expanding communication in Russian.

0. В докладе сопоставлены две группы факторов, значимых для динамики социальных функций русского языка в постсоветское время: 1) факторы, сужающие его присутствие в новых независимых государствах; 2) факторы, расширяющие коммуникацию на русском языке.

1. Распад Советского Союза вызвал лавину тектонических изменений, в результате которых положение русского языка за пределами России ухудшилось: количество людей, которые пользуются русским языком, сократилось на 50 миллионов (Вяч. Никонов); во всех постсоветских государствах, за исключением Беларуси, юридический статус русского языка стал либо ниже статуса титульного языка, либо, несмотря на сохранение русским языком ряда важных социальных функций, не был определен. Конкретизация негативных тенденций: 1) в ряде постсоветских государств языковая политика, включая законы, усиливала коммуникативную значимость и престиж титульных языков и ослабляла позиции русского языка; 2) повсеместно, хотя и в разной мере, сокращалось обучение на русском; 3) повсеместно, кроме Беларуси и отчасти Украины, сокращалось использование русского языка в СМИ; 4) для экономик постсоветской Центральной Азии характерен уход (хотя и в разной мере) от социалистической модернизации; процессы деиндустриализации и деурбанизации реанимируют тот уклад жизни, в котором русского языка не было; 5) в неславянских странах в конкуренции русского и английского усиливаются позиции английского.

2. Несмотря на резкое сокращение присутствия русского языка в неславянских постсоветских странах, он сохраняет-

ся не только в силу естественной встречной инерции, но и в силу новых тенденций, обусловленных, во-первых, глобализацией экономики и политики, и, во-вторых, галолирующим прогрессом коммуникационных технологий, что приводит к перепроизводству информации, небывало высокой коммерциализации искусств и СМИ и усиливает глобально-рыночный характер создания и распространения контента.

2.1. Этноязыковая глобализация мира, начавшаяся в эпоху Великих географических открытий и сложения колониальных империй, осуществляется через языковую регионализацию, которая состоит в расширении использования в разноязычных и полиэтнических регионах языков-макропосредников, при этом нередко численность людей, которые знают и используют в функции «лингва франка» региональный язык-посредник, превышает население страны, для которой этот язык был исконным. В истории народов и государств вполне очевидна тенденция к интенсификации межэтнических и межгосударственных контактов, в результате чего объем коммуникации на языках-посредниках возрастает. Это справедливо и для русского языка: в конце XX в. русский язык стал полигосударственным.

2.2. Наука издавна пишет на международных языках, поэтому в странах СНГ в публикациях по инженерно-технологическим, медицинским и естественно-научным специальностям преобладает русский язык (в отличие от стран Балтии, где все шире используется английский). Указанные различия коррелируют также с пропорциями языков, используемых в высшем и среднем специальном образовании.

2.3. В делопроизводстве, в отличие от науки, обычно сильны местные традиции, однако в постсоветских государствах Центральной Азии и Казахстане и в этой сфере сохраняется русский язык, несмотря на специальные законы о переводе делопроизводства на госязыки и некоторую практическую работу. Тем не менее, как ожидается (А. Л. Арефьев), через 10–20 лет в делопроизводстве стран Азии русский язык будет вытеснен национальными языками (во внешних сношениях – английским).

2.4. В постсоветские годы новым фактором упрощения позиций русского языка стали компьютер и Интернет. Интернет, как известно, входил в жизнь на языке первых сайтов. Для постсоветских новых государств таким языком был русский. В сегментах Интернета с постфиксами стран СНГ русский до сих пор используется во много раз шире, чем их государственные языки. Дело не только в технических трудностях: с русским языком связывают как оперативность и качество сетевой журналистики, так и профессионализм специальных сайтов (медицинских и др.).

Производство мультимедийного контента, адресуемого аудиториям разных стран, в сочетании с растущей коммерциализацией исполнительских и экранных искусств, делает новые госязыки недостаточно рыночными, отчего возрастает производство контента на мировых языках (применительно к постсоветскому пространству – на русском). Приоритеты в работе компаний, производящих контент, раставляются с учетом рыночности языков. На конгрессе «Независимой ассоциации телерадиовещателей Украины» (2010) председатель совета директоров группы компаний «Стар Медиа» В. Ряшин называл показатели доходности фильмов в зависимости от страны экспорта: «85% доходов от продаж мы получаем с российского рынка, 13% – с украинского, 1% – с Белоруссии и 1% – от продаж на другие территории». Естественно, что в продукции украинского кинохолдинга «Стар Медиа», как и балтийско-украинского портала DELFI, преобладает русский язык.

2.5. Компьютерная легкость создания переводных версий любых информационных продуктов поставила перед суверенными государствами новую проблему: как сохранить национальную идентичность в условиях, когда импортные продукты, выступая оболочкой национального языка, обнаруживают тенденцию заполнять собой все информационного пространства, вытесняя национальный контент. Лидерство здесь принадлежит интернетному импорту, его доля превышает импорт на традиционных носителях (книги, пресса, фильмы). В разных странах эти показатели, разумеется, различны. Так, в БайНете (белорусском сегменте Интернета) в 2010 г. импорт составил примерно 94% (Ю. Зиссер); ср. долю книжного импорта в Беларусь: 86–90% (Ю. Бехтерев). В УкрНете доля украинского контента (на украинском и русском языках) находится в интервале 6–10% (т. е. импорт составляет 90–94%).

2.6. В силу глобализации информационных процессов, в Беларуси и Украине присутствие русского языка становится все ощутимее, в том числе в интерферентных явлениях в речи на родном языке образованных белорусов и украинцев, особенно при обсуждении вопросов экономики, политики, науки, образования. В сфере языкового законодательства идут процессы, по своему вектору сходные с непреодолимой интерференцией языков: в течение последних 10 лет, при каждом из трех украинских президентов, в Украине происходило постепенное принятие «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» (1992), вплоть до принятия в 2012 г. Верховной Радой закона «Об основах государственной языковой политики». По новому закону, русский язык имеет право считаться региональным в 13 из 26 областей страны, включая города Киев и Севастополь. Это делает русский в половине украинских регионов официальным языком, т. е. функциональным заместителем государственного языка. И это не законодательная ловушка европейского либерализма, а тренд, который так или иначе, но осуществляется.

Современное межъязыковое взаимодействие в дальневосточном регионе (русско-китайская нота)

Е. А. Оглезнева

Амурский государственный университет (Благовещенск)

eoglezneva@yandex.ru

Языковое взаимодействие, языковая ситуация, русский язык, китайский язык, русско-китайский пиджин.

Summary. The paper is targeted at the regional variant of the Russian Language functioning in the Far East of Russia. The language situation in the Far East shows interlanguage Russian-Chinese interaction in the region.

Современная языковая ситуация в дальневосточном регионе демонстрирует исключительное многообразие форм своего проявления. В поле нашего зрения оказалось русско-китайское языковое взаимодействие, которое представляет собой в лингвистическом плане довольно яркую и своеобразную примету края.

Русско-китайское языковое взаимодействие на Дальнем Востоке в настоящее время является весьма активным. Территориальная близость двух государств – России и Китая – в настоящее время сопровождается возможностью непосредственного экономического и культурного взаимодействия, что безусловно является базой для активизации и языковых контактов.

Обозначим некоторые аспекты русско-китайского языкового взаимодействия и его результаты, проявившиеся в существовании и функционировании различных вариантов русского языка, в присутствии региональной специфики в русском языке на Дальнем Востоке, обусловленной китайским фактором, а также в функционировании контактного языка – пиджина на русской основе.

1. Последние двадцать лет в приграничных дальневосточных городах (и в России, и в Китае) в неофициальном общении между русскими и китайцами используется русско-китайский пиджин – контактный язык, обеспечивающий коммуникацию в ситуациях торговли, оказания услуг и т. п. Этот язык используется преимущественно китайцами и представляет собой языковое образование, в котором в качестве языка-лексификатора выступает русский, а фонетика и грамматика отражают стандарт родного для носителя –

китайского – языка. Современный русско-китайский пиджин представляет собой один из территориально-хронологических вариантов русско-китайского пиджина, возникшего всякий раз при возобновлении русско-китайских контактов на территории приграничья. Этому явлению посвящены работы Е. А. Оглезневой (2007), Е. В. Перехвальской (2008) и др.

2. На территории приграничного северо-восточного Китая существует несколько так называемых «русских» сел, в которых проживают русские и их потомки, охраняемые китайским государством как национальное меньшинство. В эти села в 30–40-е гг. XX в. с российской территории по разным причинам ушло много российских граждан, преимущественно женщин. Возникли смешанные по этническому составу семьи, в которых русский и китайский языки конкурировали, а члены таких семей в разных поколениях обладают различной языковой компетенцией. Эта своеобразная эмиграция до недавнего времени была закрытой страницей в истории двух государств и совершенно не изученной в аспекте неизбежно существовавшего там межъязыкового взаимодействия. Изучение функционирования русского языка в этих условиях начато в исследованиях Е. А. Оглезневой (2010), С. В. Гордеевой (2012, 2013).

3. Тесное русско-китайское взаимодействие в регионе привело не только к существованию и функционированию новых языковых образований с участием русского языка, но и к появлению собственно языковой специфики в русском языке региона. Так, в русской речи дальневосточников используется лексика, не известная русским всей России и не

фиксируемая в словарях национального языка, при этом происхождение и возникновение существенной доли такой лексики связано с нахождением в ситуации русско-китайского приграничья. Это, во-первых, непосредственные заимствования из китайского языка (напр., *чисанчи*, *фуюань*, *камбэй*) или из русско-китайского из пиджина (напр., *друга*), во-вторых, это слова, возникшие в результате словообразования с использованием как собственно-русских, так и заимствованных элементов (напр., *чифанька* «кафе китайской кухни»), в-третьих, это общеупотребительные слова русского языка, у которых развились новые значения (напр., *остров* «остров на реке Амур, представляющий собой торговую зону (территория КНР), куда осуществляется безвизовый въезд российских граждан», *кирпич* «человек, нанимаемый предпринимателями для провоза груза через границу»). Любопытно, что аналогичные явления (в частности, заимствования из русского языка, которые имеют региональный характер), присутствуют и в китайском языке северо-восточного Китая, о чем свидетельствуют научные

публикации китайских коллег и наши собственные наблюдения, сделанные во время научной экспедиции на территории Китая в 2011г.

4. Особый ракурс русско-китайского взаимодействия представлен и в современных китайских вывесках на русском языке, которые в большом количестве наблюдаются в приграничных китайских городах, где по сути создан «двойной» ономастикон при именовании городских объектов. На китайских вывесках представлены чаще всего неграмотные и нелепые с точки зрения носителя русского языка тексты, однако они несомненно представляют интерес для лингвистов и заслуживают разностороннего языкового анализа.

Различные языковые варианты и явления, возникшие в современности в результате русско-китайского контактирования на Дальнем Востоке России, объясняют как специфику межкультурного взаимодействия, отраженного в языке, так и способы взаимодействия систем типологически не схожих языков.

Колониальный язык или *lingua franca* (опыт полевой работы в Закарпатье и Гагаузии)

А. Палади / *Angela Palágyi*

Будапештский экономический институт (Венгрия)

angelapalagyi@gmail.com

Многоязычие, язык-посредник, рецептивное двуязычие, национальные меньшинства, языковая политика.

Summary. Colonial language or *lingua franca* (results of fieldwork done in Transcarpathia and Gagauzia): the paper presents the results of fieldwork in some post-Soviet multilingual communities, especially in quadrilingual (Rumanian-Hungarian-Ukrainian-Russian) Solotvino of Transcarpathia and Komrat, the capital of Gagauzia (autonomous region of Moldova), where Russian functions like a *lingua franca*, a sort of 'supranational' communication code. Although Russian is not taught any more in local schools, it still functions as a means of interethnic communication mainly between local national minorities.

Приведенные ниже наблюдения являются результатом нашей полевой работы, проведенной между 2004 и 2012 годами в пгт. Солотвино в Закарпатье (Украина), где проживают румыны (60%) и венгры (30%) и в городе Комрате в Гагаузии (Молдова), где сожительствуют гагаузы (70%), молдаване (10%), русские (10%) и болгары (5%). В Гагаузии *de jure* три официальных языка (молдавский, русский и гагаузский), а *de facto* русский язык является главным, как на официальном уровне, так и в делопроизводстве. В Закарпатье языковая ситуация противоположна с точки зрения официальных языков, где, как и во всей Украине, действует один единственный государственный язык – украинский, но где в действительности функционирует несколько языков (русский, венгерский, румынский и др.). Ни в венгерских, ни в румынских, ни в украинских классах Солотвина не преподается русский язык. Но несмотря на это на улицах городка можно услышать русский язык и от детей, и тем более от старшего поколения. Венгры, румыны, евреи и русины сожительствуют в Солотвине уже века. Русские появились после присоединения Закарпатья к СССР, хотя русофильское движение в Закарпатье пользовалось особой популярностью среди местных русинов уже в XIX веке. Часть закарпатских русофилов считала русский язык литературной формой их местного диалекта. Ш. Рот, перечисляя разные типы многоязычия, приводит в пример как редчайшее явление «украинско (русинско; рутенско)-венгерско-румынско-словацко-еврейский квинтолингвизм в закарпатском Солотвине» [2: 16]. Каким же языковым кодом пользуются эти нацменьшинства в межэтнической коммуникации?

В восьмидесятых годах прошлого века ожидали исчезновение традиционного многоязычия в пользу русско-национального билингвизма и даже представляли этот процесс как прогрессивное и желаемое событие. Вопреки этим предвидениям, мы обнаружили, что в некоторых регионах бывшего Советского Союза многоязычие сохранилось именно благодаря русскому языку, который выживает рядом с местными языками национальных меньшинств и рядом с новым официальным языком. Многие солотвинцы владеют языком соседнего этноса, но несмотря на это с иноязычным собеседником они ведут разговор на русском. Это ключевой момент в разъяснении функционирования русского языка в этом многоязычном коммуникативном пространстве. Русский язык – важный элемент в сложившемся *modus vivendi*

между венграми и румынами этого города, и ни одна из этих языковых групп не желает нарушить молчаливое соглашение говорить между собой на нейтральном русском языке. Местные национальные меньшинства даже не пользуются приемами рецептивного двуязычия, в котором каждый участник беседы говорит на своем родном языке, понимая полное понимание со стороны иноязычного собеседника. Они предпочитают в общении с иноязычным соседом «сверхэтнический», нейтральный русский язык вместо «национально окрашенного» государственного языка. Это – уникальная ситуация спонтанного выживания русского языка без какой-либо официальной поддержки.

Таким образом, русский язык, потеряв коннотацию «колониального» языка, стал более привлекательным, в первую очередь, как *lingua franca*. Эта функция сегодня считается многими – особенно политиками, но и некоторыми лингвистами тоже – анахроничной и даже «политически некорректной». В некоторых постсоветских республиках применение русского языка в роли языка межнационального общения рассматривается как вредное «коммунистическое» наследие. Участники государственных языковых комиссий пытаются доказать непригодность русского языка как средство межэтнической коммуникации, ссылаясь на его «экзогенность» и «печать угнетающего языка», оплакивая языковые права местных национальных меньшинств, которые «вынуждены» пользоваться русским языком в ущерб своим национальным языкам [1: 27–28]. Тем не менее местные нацменьшинства, не ведая об опасности, продолжают пользоваться русским языком предпочтительно в общении с представителями других нацменьшинств, а в Гагаузии – и в официальной сфере. В столице Гагаузской автономии Комрате проживают в основном русскоязычные гагаузы. Все таблички на административных учреждениях трехязычны. Например, на здании вуза на первом месте – румынское *Facultatea de economie*, за которым следует гагаузско-турецкое *Ekonomika Fakulteti* и – как всегда – на последнем скромном месте фигурирует русское *Экономический Факультет*. Над парадным входом висит огромная вывеска лишь по-гагаузски *Komrat Devlet Universiteti*, но в то же самое время при входе посетителей встречает менее символическое, но более «жизневажное» предупреждение «*Осторожно скользя!*» на напечатанной бумаге только на русском языке. Интересно отметить, что на автобусной стан-

ции, отремонтированной на денежную помощь из США, красуется объяснительная надпись только на государственном румынском и английском языках. Турецкое и американское влияние до сих пор не вытеснило старую коммунистическую символику края (названия улиц и даже памятники Ленину остались нетронутыми). Мы видим объяснение не в том, что здесь жители более коммунистически настроены, а в том, что все эти остатки советского периода представляют собой гарантию исторической продолжительности и символический противовес национальной идеологии нового молдавского государства.

Исходя из вышеприведенных доводов, мы можем утверждать, что в Гагаузии позиция русского языка намного стабильнее, чем в Закарпатье, но здесь ему предстоит на государственном-административном уровне выдержать натиск государственного молдавского, а также нарастающее давление со стороны турецкого языка. Как средство межэтнического общения русский язык в Гагаузии явно еще незаменим.

Литература

1. *Moldovan Gh. Politică și planificare lingvistică: Abordare teoretică și aplicativă. Autoreferat. Chișinău, 2008.*
2. *Rot S. Language contact. Frankfurt / M.; Bern; New York; Paris, 1991.*

Русский язык в системе идентификационных представлений билингвов постсоветского мира

Е. А. Погорелая

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь)

olen_serg@inbox.ru

Идентификационный дискурс, языковое право личности, русско-национальное двуязычие;

Summary. The causes of transforming identification discourse bilinguals of post-Soviet's space are discussed.

1. За два десятилетия независимого развития молодых государств постсоветского пространства накоплен опыт, который изменил эмоционально манифестированные на рубеже столетий представления всех участников геополитического и социокультурного процесса: этнических лидеров, политической элиты, «титального» населения и местных русских. Так, политическая элита и ее этнические лидеры убедились, насколько проблематично административным путем, опираясь на мощные механизмы государственной власти и идеологии, деформировать самобытную культурно-языковую среду и тем самым попытаться изменить языковую основу идентификационных представлений местных русских; «титальное» население стало рационально и взвешенно оценивать не только свое прошлое, крайне сложное настоящее и еще более проблематичное будущее, убеждаясь на практике в «перспективах» своей социально-культурной мобильности в условиях информационного пространства, ограниченного возможностями только родного, пусть и в статусе государственного, языка; наконец местные русские, сделав свой выбор и оставшись, вынуждены психологически настраиваться на языковую адаптацию и дальнейшую интеграцию в надежде, что в новой гео- и этнополитической ситуации знание государственного языка позволит им, не потеряв своей русскости, сохранить и упрочнить свой социально-культурный статус и полноценную вертикаль мобильности.

2. В условиях правового ограничения и фактического сужения функционального поля русского языка, разрушения полноценной инфраструктуры русского мира система идентификационных представлений билингвов постсоветского мира переживает кризисное состояние. Двойные стандарты в оценке роли и места различных языков – основы этнокультурной самобытности народов – ведут не столько к формированию двойной системы ценностей в обществе, сколько к осознанной и целенаправленной деформации системы идентификационных представлений личности, что получает свое подтверждение в формировании «диаспальных» свойств ее сознания и навыков поведения.

3. Русские мигранты новых постсоветских государств, пережив мощный стресс в конце 80-х – начале 90-х годов, пытаются в новых этнополитических условиях, осваивая язык «титальной» нации, сохранить родной язык в его полноценной социолингвистической парадигме. К сожалению, новые геополитические реалии и этноязыковые процессы не только значительно сужают его функциональное поле, но и ведут к безусловному изменению его качества. Объективная оценка того варианта русского языка, который ситуативно проявляется в локальной и малоактивной лингвистической среде, вызывает тревогу уже потому, что идет интенсивное разрушение баланса между двумя планами речевой компетенции – рецепции и продукции. Пассивные формы использования языка ведут этнических носителей русского языка к деформации процессов языковой самоидентификации, к размыванию, а затем и к разрушению мотивации и самой потребности в активных навыках речевой деятельности на

родном языке. Обретая черты языка диаспоры, русский язык в таких условиях стремительно теряет живительный источник своей современной литературной формы – разговорную речь как уникальный феномен, где только и формируется неповторимый колорит каждого из языков.

Вместе с тем, именно «нестатусный» русский язык не только продолжает оставаться средством межэтнического общения в условиях полиязычия, но и по-прежнему обеспечивает связь национальных культур с мировой культурой. На смену резким и эмоциональным заявлениям конца 90-х годов приходит понимание того, что без контакта любой из национальных культур с русской невозможно ее взаимодействие с мировой культурой. Лингвисты стремятся сегодня сформировать у титульной элиты своих стран представление о русском языке как об уникальном культурном феномене способном к качественной адаптации больших объемов заимствований, без которых невозможно современное функционирование национальных языков. Защищая границы национальных языков стран СНГ, терминологическая, лексико-грамматическая и стилистическая системы которых не столь устойчивы, русский язык обогащает их такими новыми концептами и языковыми единицами, которые созвучны цивилизационным потребностям глобальной культуры.

4. Анализ причин того, почему русские суверенных постсоветских стран продолжают оставаться практически одноязычными и в новой социокультурной ситуации, убеждает, что это зависит не столько от их готовности к изучению государственных языков, сколько от солидарного стремления всех участников новой социокультурной ситуации найти рациональный путь коррекции и последующего изменения традиционной модели межэтнического общения. Расшатывая же этнокультурную и языковую идентичность русских, акцентируя внимание «титального» населения только на родном языке, можно лишь искусственно сузить поле межкультурной коммуникации в условиях растущей потребности личности к расширению границ современного информационного пространства. Полноценный дискурс языковой личности в полиэтничной среде возможен только в условиях реабилитации самого феномена билингвизма / полилингвизма и закрепления той его социально ориентированной формы, которая в равной мере жизненно необходима как отдельному индивиду, так и всему сообществу.

5. Однако объективно и сами национальные языки, получив статус государственных, не могут за такой короткий срок стать полноценным средством официального функционирования уже потому, что под давлением советской идеологии долгие десятилетия были ориентированы в своей социолингвистической парадигме оставаться только глубоко своеобразной «формой» выражения «социалистического содержания» культуры. Двадцать лет суверенного развития и функционирования государственных языков выявили проблемы, осложняющие процессы эффективного общения личности с государством и полиэтничным сообществом; они кроются в том, что многие из государственных языков

до сих пор нуждаются не только в терминологическом, но и в лексико-семантическом и стилистическом обогащении для обеспечения качественного и современного официального дискурса. Реальная оценка фактических возможностей языков, получивших статус государственных, приводит к осознанию того, что не все сферы информационно-коммуникативного пространства могут быть действительно обеспечены с их помощью в равной степени эффективно. Подобное качественное состояние государственных языков требует в определенной ситуации перехода в процессе об-

щения на другой язык или контаминации элементов нескольких языков для адекватного выражения мысли. Ответственно относясь к оценке способностей одного из национальных языков взять на себя выполнение всего объема социально новой функции в полиэтничном и многоязычном социуме, лингвисты, а не идеологи и политики должны опереждать степень «готовности» языка вступать в функционально-дополнительные отношения с другими языками, чтобы качественно обеспечивать осуществление важной государственной миссии.

Проблемы сохранения наследия родного русского языка в активной среде иностранного (английского) языка

Е. Н. Полюдова

Timaeus Education Center (Cupertino, California, USA)

epolyudova@gmail.com

Активная языковая среда, родной русский язык, среда общения, сохранение языковой среды родного языка.

Summary. A paper considers the general issues that appear when children of different ages move from Russia to a country with different language environment. When a foreign language becomes the second language, i. e. environmental language, children lose the sense of their mother tongue, transferring the expressions of broad-spectrum concerns to the second language. Based on the personal experience as a teacher and a mother with Russian educational and cultural backgrounds, an author contemplates the ways to overcome this issue of losing Russian language heritage for the children who have moved to the USA with their parents and changed their language environment. The paper ponders the questions that could be hardly noticed if analyzing only from the educational and learning perspectives. The author deliberates the possibilities for educators and parents to support development of a native language, living in the environment of the second language.

В докладе рассматриваются вопросы и проблемы, возникающие при использовании родного русского языка у детей и подростков при переезде в другую страну (в данном случае – США).

Вопрос не изучения, а поддержания среды родного языка становится наиболее актуальным при потере среды общения на родном русском языке. Родители и преподаватели, живущие в США, отмечают целый комплекс трудностей продолжения изучения русского языка в виду его сложности и несхожести с английским, языком активной языковой среды, в которой общаются переехавшие дети и подростки. Различия в принципах лингвистического подхода в русской и англоязычной лингвистике, особенно на школьном уровне, не позволяют преподавателям и родителям основываться на принципе аналогии при изучении русского языка и сравнивать его с английским. Автор рассматривает лишь некоторые различия в существующих принципах изучения английского и русского языка. Например, принцип формирования «чувства языка» в американских школах или так называемый «словарный запас для уровня колледжа», который американские школьники заучивают перед выпускными экзаменами.

Статья рассматривает различные проблемные ситуации, характерные для современных детей и подростков, переехавших в США вместе с семьей. Анализируются пробле-

мы, которые варьируются от отказа детей говорить на родном русском языке до потери навыка письменной речи при активном использовании русского языка в устном общении.

Описание тенденций преодоления проблем, таких как изучение русского языка на курсах в колледже, дополнительные языковые школы, частные преподаватели, общение в семье, общение с родственниками в России, просмотр передач, фильмов, прослушивание песен, анализирует ситуацию изучения русского языка в активной языковой среде иностранного (английского) языка в ее многоплановости. Анализ ситуации самими подростками и молодежью в ходе бесед и опросов позволяет понять, насколько эффективны курсы русского языка, можно ли рассматривать курс РКИ как вариант преодоления этой проблемы.

Статья анализирует сложившуюся ситуацию изнутри и выявляет основную проблему изучения: отсутствие языковой среды родного русского языка у детей и подростков. Автор, преподаватель русского языка и литературы, мама двух девочек, переехавших в США в возрасте 16 и 14 лет, рассматривает проблемы и варианты их решений с точки зрения опыта преподавания русского языка как в России, так и в США, а также с точки зрения родителей, которые видят необходимость сохранения наследия родного русского языка в доминирующей активной языковой среде английского языка.

Освоение алеманнского диалекта русскоязычными в условиях диаглоссии

А. Предигер

Алберт-Людвигс-Университет (Фрайбург, Германия)

alexander.prediger@slavistik.uni-freiburg.de

Освоение немецкого как второго языка Я2; освоение диалекта Я2; социолингвистика; диалектология.

Summary. This presentation focuses on the study of the acquisition of a German regional variety, the Alemannic dialect, by Russian native speakers in a diatopic area of the federal state Baden-Württemberg. In this presentation the research questions and design as well as the preliminary results of the acquisition of Alemannic linguistic features in relation to linguistic and extra-linguistic factors such as saliency and attitude will be presented and discussed.

Для языкового пространства Федеративной Республики Германия характерно широкое распространение обиходно-разговорных и территориальных вариантов современного литературного немецкого языка. При этом лингвистические границы не всегда совпадают с политическими. Земля Баден-Вюртемберг например, где проводилось данное научное исследование, делится на несколько языковых областей. Наряду с алеманскими здесь присутствуют и французские диалекты. При этом территориальные варианты (диалекты) зачастую различаются от литературного немецкого языка в произношении, морфологии, синтаксисе и лексике. В связи

с таким широким распространением территориальных и обиходно-разговорных вариантов немецкого языка в центре исследований лингвистического проекта «Освоение второго языка русскоязычными в немецкой языковой среде», который проводится под руководством профессора доктора Бестерс-Дилгер на факультете славистики университета города Фрайбурга, наряду с освоением литературного немецкого языка стоит также вопрос об освоении алеманнского диалекта русскоязычными мигрантами на юго-западе федеральной земли Баден-Вюртемберг. Для земли Баден-Вюртемберг характерна к тому же так называемая диаглоссиче-

ская языковая ситуация. В отличие от диглоссии, которая свойственна языковой сфере Швейцарии, под термином диаглоссия подразумевается т. н. континуум вариантов. В условиях диаглоссии наши респонденты, мигранты с русским Я1, сталкиваются помимо литературного языка и с территориальными вариантами, т. н. региолектами и региональным стандартом, которые в большей или меньшей степени приближены к диалекту или же к литературному немецкому языку. При этом сфера письменной коммуникации в Баден-Вюртемберге ограничивается в основном надрегиональным кодифицированным стандартным немецким языком, а сфера устной коммуникации региолектами и региональным стандартом. Таким образом, возникает вопрос о влиянии диалектной языковой среды на освоение немецкого языка русскоязычными, у которых изначально в большинстве случаев преобладает негативное отношение к субстандартным вариантам языка. Скорее всего, это связано с языковой социализацией в стране рождения, например в России, где социальный статус диалектов и их распространение по сравнению с Швейцарией или Германией ограничены. Отбор респондентов в рамках вышеупомянутого научного исследования проводился в соответствии со следующими критериями: срок проживания в Баден-Вюртемберге как мини-

мум восемь лет; миграционный возраст от 3 до 50 лет; без высшего образования в Германии и по возможности в стране рождения. Исследование продуктивной речевой деятельности респондентов проводилось с помощью устного интервью. Метод устного интервью широко распространен в социолингвистике и используется для выявления спонтанного речевого поведения респондента. Целью этого метода являлось выявление алеманнских диалектных форм в речи русскоязычных. При этом, исходя из теории языковой аккомодации, интервью проводилось носителем алеманнского диалекта. Для тестирования рецептивной речевой деятельности был использован перевод респондентами коротких аудитекстов, содержащих фонетические, морфологические и лексикальные признаки алеманнского диалекта, на литературный немецкий язык. В данном докладе будет рассмотрен вопрос освоения алеманнского диалекта в языковых условиях диаглоссии русскоязычными респондентами в зависимости от языковых и внеязыковых факторов, таких как салиентность диалектных форм и отношение (англ. attitude) к диалекту. При этом будут представлены предварительные результаты продукции и рецепции алеманнского диалекта представителями русскоязычной диаспоры в регионе Баден-Вюртемберг.

Государственно-правовое регулирование отношений в сфере языковой политики Российской Федерации: проблемы и противоречия

О. А. Селиверстова

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

oxana33@list.ru

Языковая политика, национальная политика, языковое законодательство, государственный язык, национальные языки.

Summary. The paper deals with legal grounds of RF language policy in terms of languages status and functions. It highlights irregularities in federal and regional laws and points out problems to be solved.

Статус русского языка как государственного языка РФ закреплен в Статье 68 Конституции РФ. В этой же статье указано конституционное право республик устанавливать «свои государственные языки» (ст. 68 п. 2), а также предоставляются гарантии права «на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (ст. 68 п. 3). Указанные положения Конституции имплицитно констатируют необходимость соблюдения в языковой политике баланса в правовом регулировании языковых отношений между русским языком как государственным языком РФ и национальными языками, имеющими статус государственных на территории республик. Целью настоящего доклада является выявление проблем и противоречий в нормативно-правовой базе, регулирующей соблюдение языковых прав граждан РФ и функциональное распределение языков на федеральном и региональном уровне. Материалом для исследования стала нормативно-правовая база федерального и регионального уровня, включающая Конституцию РФ, закон «О государственном языке Российской Федерации», закон «Об образовании», закон «О языках народов Российской Федерации», а также конституции и законы о языке республик РФ (всего более 30 законодательных актов).

Функция русского языка способствовать «взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве» закреплена в ст. 1 п. 4 закона «О государственном языке Российской Федерации». Кроме того, в данном законе перечислены сферы использования, меры поддержки русского языка как государственного, а также конкретизированы права граждан РФ на пользование государственным языком. Закон также содержит важное замечание о том, что «обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации» (ст. 1 п. 7). Указанные права на пользование государственными языками республик конкретизированы в законе «О языках народов Российской Федерации», в котором также закреплены гарантии равноправия и защиты языков республик, регламентируются вопросы использования языков народов российской федерации в работе органов власти разных уровней.

Региональный компонент нормативно-правовой базы в области языкового регулирования представлен конституциями республик, а также республиканскими законами о языке.

Проведенный анализ основных положений конституций республик позволил нам выявить ряд противоречий и несоответствий между региональным и федеральным законодательством. Так, значимое противоречие встречается уже в принципиально важном пункте о государственном языке в республиках. Русский язык в республиканских законах выступает как государственный язык республики наряду с национальным языком и не рассматривается в своем самостоятельном статусе государственного языка РФ, что приводит к искажению представлений о функциях русского языка в республиках. Существуют также определенные проблемы и несоответствия в положениях, конкретизирующих языковые права в республиках.

В целях систематизации результатов проведенного нами анализа соответствия положений конституций республик основам федерального законодательства считаем возможным выделить конституции с 4 типами соответствий: 1) конституции, в которых отражены языковые права граждан как по сути, так и по форме соответствующие положениям конституции РФ и закона «О языках народов РСФСР» и практически дословно повторяющиеся используемые в них формулировки; 2) конституции республик, содержащие лишь отдельные положения вышеупомянутых нормативно-правовых актов федерального уровня (при этом не упоминаются фундаментальные языковые права, составляющие основу языкового суверенитета личности, и закрепленные в Конституции РФ); 3) конституции республик, в которых языковые права, гарантированные федеральным законодательством, детализированы и конкретизированы с учетом особенностей региона; 4) конституции республик, в которых не содержится никаких упоминаний о правовых гарантиях федерального уровня, но указаны иные языковые права. В этой связи возникает вопрос о правомерности выборочного включения в конституции республик лишь отдельных прав и гарантий, закрепленных в конституции РФ, равно как и о необходимости «дублирования» уже гарантированных Конституцией РФ языковых прав. Не менее важной проблемой стало отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «родной язык», используемого в нормативно-

правовых актах, и в частности в законе «О языках народов РСФСР» и в законе «Об образовании» как в редакции 1992 г., так и в новой редакции, вступившей в силу 1.09.13. Контекстуальное противопоставление понятий «русский язык» и «родной язык» привело к закреплению за последним значения «язык титульной нации в республике, нерусский язык». Подобная трактовка, а также право выбора «родного языка» для изучения в системе среднего образования, реализуемое органами местного самоуправления, практически исключили возможность изучения русского языка как родного для русскоязычного населения, проживающего на территории республик РФ. В целях урегулирования некоторых из указанных противоречий экспертным советом при Комитете Государственной Думы по делам национальностей 9 ноября 2012 года было инициировано внесение изменений в федеральный закон «О языках народов Российской Федерации». Предлагаемые изменения коснутся уточнения и дополнения правового содержания статуса государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик в составе Российской Федерации, родно-

го (включая русский), а также унификации терминологии в отношении использования языков народов России в соответствии с их правовым положением (статусом).

Не вызывает сомнения тот факт, что в стране, где проживают 182 народа, говорящих на 239 языках и диалектах и где в государственной системе образования функционирует 89 языков, любой пробел в законодательстве, связанный с реализацией языковых прав граждан, может вызвать межнациональную напряженность. В таких случаях государственно-правовое регулирование языковых отношений становится важнейшей задачей национально-языковой политики и должно быть направлено на выстраивание и поддержку баланса между «потребностью в идентичности и потребностью во взаимопонимании» (по В. М. Алпатову), реализуемыми посредством языка. На сегодняшний день существует ряд противоречий в языковом законодательстве РФ федерального и регионального уровня. Это позволяет нам говорить о необходимости гармонизации и систематизации в данной сфере государственно-правового регулирования языковых отношений.

Русский язык в Кыргызстане

Э. А. Супатаева

Кыргызская академия образования (Бишкек, Кыргызстан)

Elvira-kg@yandex.ru

Русский язык в Кыргызстане, витальность русского языка, изучение русского языка в вузе, студенты неязыковых вузов.

Summary. This paper is devoted to the place of the Russian language at the present stage in the Kyrgyz Republic and the problems of teaching of Russian language to students of non-linguistic universities.

Современное языковое развитие мира характеризуется двумя равнонаправленными процессами: развитием национальных языков и все большим распространением мировых языков.

Считается, что на Земле имеется более 3 000 языков. Из более чем 1500 наиболее распространенных на Земле языков 75% человечества говорит на 22 языках, 50% человечества – на 7 языках.

В настоящее время по степени распространенности русский язык пока еще занимает четвертое место в мире, после английского, китайского и испанского языков.

Необходимо отметить, что русский язык, являясь одним из 6 официальных языков ООН, за последние 20 лет потерял свои позиции. По неофициальным подсчетам, по сравнению с концом прошлого века русский язык потерял для почти 70 миллионов граждан мира.

Кыргызстан также не стал исключением.

Рассматриваются главные причины сужения сферы русского языка за 20 лет независимости.

Кыргызстанский ученый лингвист А. О. Орусбаев отмечает, что витальность русского языка проявляется и поддерживается в следующих особенностях его усвоения:

- а) через семью от поколения к поколению (русское население);
- б) путем школьного и вузовского обучения молодежи согласно требованиям учебной программы образовательного стандарта;
- в) инновационного обогащения учебной и научно-методической базы его преподавания как средства межнационального и мирового общения;
- г) исследовательские разыскания в области русистики.

Нас интересует пункт «б») усвоение русского языка путем вузовского обучения молодежи, а именно студентов неязыковых специальностей.

Русский язык в мире студентов МонГУ

Чойдон Зэнямбуу

Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия)

Riljee@yahoo.com

Изучение, существенные изменения, студенты, анкетирование, ответы.

Summary. This report examines the status of Russian language as a foreign language at the Mongolian State University and students' attitudes to it.

Роль русского языка в международной коммуникации сейчас определяется новой геополитической внеязыковой действительностью, новой глобальной ситуацией.

Периоды подъема интереса к русскому языку чередовались со спадом, но особенно заметно изменилось отношение к русскому языку в середине 1980-х – начале 1990-х годов, что явилось следствием ряда социально-политических процессов в стране. Залогом значения русского языка служит место России в сегодняшнем мировом порядке. Русский язык занял свое естественное место на языковой картине мира.

Научное изучение русского языка начато с начала 40-х годов прошлого столетия, то есть с того периода, когда начал функционировать Монгольский Государственный Университет. Первым заведующим кафедрой русского языка и литературы был очень известный российский ученый проф. С. И. Абакумов.

В период с 1980-х годов до начала 1990-х происходят существенные изменения в развитии монгольской русистики.

В связи с этим предпринимаются усилия для пересмотра многих положений в области народного образования. В 1987 году в вузах страны отменяется государственный экзамен по русскому языку, а 1988 году – в школах. В 1988 году в школах отменяется также вступительный экзамен по русскому языку в вузы. Начинается волевое сокращение количества часов русского языка в вузах и средних учебных заведениях. С середины 1990-х годов по настоящее время наблюдается рост в изучении русского языка.

Учить студентов русскому языку по-прежнему остается одной из задач обучения иностранному языку нашего Монгольского государственного университета. Сегодня русский язык изучается в 12 институтах университета факультативно в объеме 3 кредит-часа.

Наше исследование представляет собой анализ ответов на определенные вопросы, раскрывающие отношение студентов к русскому языку. Для этого нами была разработана анкета, включающая 40 пунктов. В нашем анкетировании

участвовали всего 3723 студентов из 10 институтов нашего Монгольского государственного университета.

Количество респондентов по институтам

	Название институтов	Число респондентов
1.	Математико-компьютерный	613
2.	Экономический	523
3.	Институт Монгольского языка и культуры	496
4.	Институт иностранных языков и культуры	428
5.	Географико-геологический	401
6.	Институт физики и электроники	378
7.	Институт химии	352
8.	Юридический	235
9.	Институт общественных наук	236
10.	Институт биологии и биотехнологии	61

Коротко рассматриваем наше исследование. На вопрос «Какое ваше мнение относительно изучения и продолжительного изучения русского языка?» Ответ студентов был такой: 1478 студентов хочет изучать русский язык, а 316 хочет продолжать, 755 студентам необходимо изучать, 519 студентов не знает. Ответы свидетельствуют о том, что довольно большой процент анкетированных желает изучать русский язык. Следующий вопрос: «Как вы считаете, необходимость преподавания русского языка в связи с специальностью?» Ответ такой: 68% студентов «необходимо», 15,4% студентов «нет необходимости», 10,4% не знает. Ответ на этот вопрос выражает в имплицитной форме большую необходимость преподавания русского языка в связи с специальностью.

Для определения мотивации изучения русского языка был задан следующий вопрос, на который студенты ответили так:

«Вы считаете необходимым изучать русский язык, потому что...»	1. «Удобно на нем получить новые информации и знания».	647
	2. «Русский язык – один из языков международного общения (ООН)».	552
	3. «Это интересный для меня язык».	278
	4. «Раньше я его изучал».	370
	5. «Русский язык необходим мне для чтения книги по специальностям».	1665

«Вы хотите, что русский язык стал обязательным предметом?» Ответ на этот вопрос:

«Да»	2080 (60%)
«Нет»	612 (21,7%)
«Безразлично»	555 (20,2%)

Следующий вопрос направлен на выяснение трудностей, встречающихся в изучении русского языка. 1345 из студентов-респондентов ответили, что у них не имеются достаточных возможностей изучать русский язык, из-за того, что отводится мало времени на обучение русскому языку. Из этого видно, что у наших студентов в изучении русского языка встречается немало трудностей, и такой вывод студентов является одним из влияющих факторов на правильное определение содержания обучения русскому языку и его кредит-часов. Как показывают результаты анкетирования 77,1% студентов ответили, что хотят изучать русский язык.

Знание, наряду с родным, русского языка обеспечивает каждому человеку возможность общения с людьми других национальностей и открывает новые перспективы международного и международного сотрудничества.

Мы живем сегодня совершенно в другое время. Поэтому и роль русского языка, естественно, не та, как это было раньше. Однако как бы то ни было, резко отказываться от русского языка нельзя, в противном случае проигрывают наши студенты; будет страдать в целом наука в Монголии.

Русский язык у словенцев (вторая половина XVIII в. – 1914 г.)

И. В. Чуркина

Институт славяноведения РАН (Москва)

iskracurk@mail.ru

Словенское возрождение, германизация, русофильство, русский язык.

Summary. Rusofilstvo appeared at Slovenes from the Renaissance beginning. Slovenian national figures saw in it one of ways of self-affirmation, and in Russian studying means of fight against germanization.

Словенское Возрождение началось во второй половине XVIII в. Главной задачей, стоявшей перед его деятелями, было создание словенского литературного языка и словенской культуры современного типа, базировавшейся на нем. Для этого было необходимо пробуждение у народа национального самосознания, а также обоснование перед другими народами права словенцев на равноправное положение и развитие своей культуры. Весомым аргументом являлись исторические традиции, которые почти полностью отсутствовали у словенцев, потерявших свою независимость с начала формирования своей государственности. Тем более важным для словенцев было осознание своей этнической близости с русскими, единственным славянским народом, сохранившим свою самостоятельность и создавшим одно из самых могущественных государств в Европе. Образованные словенцы уже с XVI в., когда был создан протестантами словенский письменный язык, знали о родственных отношениях между русскими и словенцами, в период Возрождения этот факт стал одним из важных аргументов для обоснования значимости словенского этноса.

Интерес к России возник сначала в среде словенских национальных будителей. Русским языком интересовался круг национальных деятелей, группировавшихся вокруг барона Сигизмунда Цойса, который выписывал для своей библиотеки русские книги. Их изучал и использовал в своих трудах один из основателей научного славяноведения Ерней Копитар. Первый словенский поэт и журналист Валентин Водник написал первую словенскую грамматику на словенском языке, используя для нее грамматическую терминологию русского языка. Первые словенские ученые пытались сотрудничать с русской Академией наук – Б. Кумердей и Ю. Япель послали ей свои сочинения о словенском языке.

Во время войн с Францией, которые Россия вела в союзе с Австрией, через словенские земли проходили русские войска А. В. Суворова (1799) и матросы Д. Н. Сенявина (1810), в 1821 году во время Лайбахского конгресса значительное число русских офицеров из свиты Александра I в течение нескольких месяцев жили в Любляне. Эти события познакомили с русскими сравнительно широкие слои словенского населения и возбудили у многих его представителей особенно молодежи, интерес к России.

Искренние симпатии к России пробудились у словенских образованных людей после революции 1848 / 49 года. Это было связано с их разочарованием в политике Габсбургов, которые вопреки их надеждам не исполнили их политических требований за помощь в борьбе против венгерской революции. Русофильские настроения особенно проявились у учащейся молодежи во время Крымской войны, которую они рассматривали как начало освобождения славян от чужеземного ига. Поэт Симон Енко написал несколько стихотворений, в которых приветствовал победы русских в первые месяцы войны, а затем печалился по поводу их поражения, выражая все же уверенность в том, что единство славян спасет их от гибели.

В 60-е годы XIX в. в связи с борьбой словенцев за политические права в Австрийской империи усилились антигабсбургские настроения среди радикальной части словенских политиков. Введение дуализма усилило русофильские настроения. Это привело к стремлению словенской образованной молодежи изучать русский язык. Идя навстречу этому желанию, словенский этнограф и филолог Матия Маяр в 1867 году выпустил в свет первую «Русскую грамматику для словенцев», которая в течение нескольких десятилетий являлась единственным пособием на словенском

языке для изучения русского языка. В это время идея создания единого литературного языка для всех славян приобрела много сторонников среди словенских либералов. Большинство из них считало, что им должен стать русский язык. Корреспонденты их органа «Словенски народ» активно призывали молодежь изучать русский язык. Съезд словенских учителей в 1868 году (300 участников) принял решение требовать введения обязательного изучения русского языка в учительских семинариях. Собрание словенских учащихся в Любляне в 1869 году (90 участников) единогласно проголосовало за то, чтобы русский язык стал для словенцев языком высшей литературы.

Центрами обучения русскому языку стали словенские читальни, которых в 1869 году насчитывалось 48. Русские учебники, книги, газеты посылал им протоиерей русской посольской церкви в Вене Михаил Федорович Раевский, являвшийся представителем российских славянских комитетов в Габсбургской монархии. Раевский организовал в Вене обучение славян русскому языку в обществе русинских студентов Русская основа (1868-1873), которое активно посещали словенские студенты.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов, окончившаяся победой России и принесшее освобождение от турецкого ига Сербии, Черногории, Болгарии еще более расширило сим-

патии к России, которые затронули не только интеллигенцию, но и крестьян, средние и низшие слои городского населения. Корреспонденты газеты «Словенски народ» призывали словенских патриотов изучать русский язык, чтобы с его помощью противостоять «германизму и итальянизму». С победой России либералы связывали самые смелые ожидания. С конца 80-х годов XIX в. власти начали гонения на русофилов, к которым присоединилась католическая церковь.

Активными идеологами русофильства были либералы Иван Хрибар и Фран Подгорник. К этому кругу примыкал и Даворин (Мартин) Хостник, словенский эмигрант в России, который издал на средства С. Петербургского славянского благотворительного общества в 1897 году русско-словенский словарь со словенской грамматикой, а в 1901 году – словенско-русский словарь с русской грамматикой. С конца 90-х годов XIX в. врач Людовит Енко, выступил организатором кружков по изучению русского языка в словенских землях. Горячими пропагандистами изучения русского языка и культуры выступили словенский поэт Антон Ашкерц, историк литературы и переводчик Иван Приятель и лингвист Райко Нахтигал. Приятель и Нахтигал несколько лет стажировались в России. К началу Первой мировой войны интерес к России был распространен среди словенских либералов и радикальной молодежи.

Функции русского языка в полиэтнических вузах Казахстана

Е. Э. Штукина

Костанайский филиал Челябинского государственного университета (Казахстан)

shtukina5@yandex.ru

Полиэтнический вуз, межкультурное взаимодействие, организационная лингвистика, социальный интеллект.

Summary. The paper is dedicated to the role of the Russian language in the formation of the social intelligence of students of multinational institutes of higher education.

Феномен глобализации современного мира как процесс интеграции человечества и усиления его культурной взаимозависимости остро ставит вопрос о готовности людей к жизни в новых условиях. Приоритеты языковой образовательной политики Республики Казахстан обусловлены преобразованиями и темпами развития не только отдельной страны, но и всего мирового сообщества. Главой государства Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым в языковой политике обозначен принципиально новый подход: поставлена задача реализации в стране масштабного культурного проекта «Триединство языков», целью которого является массовое овладение казахстанцами тремя языками: казахским, русским, английским. В Послании народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» от 28 февраля 2007 г. президент страны предложил начать поэтапную реализацию культурного проекта «Триединства языков»: «Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это: казахский – государственный язык, русский – язык межнационального общения и английский – язык успешной интеграции в мировую экономику». В этой связи актуальным остается вопрос о сохранении национальной самобытности русского языка, о его новых функциях как средства межнационального общения в различных коммуникативных сферах.

Высшие учебные заведения стран СНГ, и Казахстан в этом отношении не составляет исключения, становятся все более многонациональными. Таким образом, направления образовательной политики переосмысливаются: деятельность поликультурного вуза должна быть направлена на формирование особой среды, способствующей воспитанию интеллектуальной и нравственной элиты общества, личности, способной вести межкультурный диалог.

В Костанайском филиале ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет» с 2002 г. функционирует лаборатория межкультурных коммуникаций, в качестве одного из приоритетных направлений деятельности которой было определено рассмотрение специфики языковой среды в полиэтнических вузах и поиск путей оптимизации межкультурного взаимодействия в северном регионе Казахстана. Совместные исследования преподавателей и студентов по определению специфики языковой среды вуза ведутся в

рамках нового научного направления – организационной лингвистики.

В своем докладе на международной научно-практической конференции «Русский язык в СНГ: проблемы и перспективы», посвященной Дню независимости Республики Казахстан (г. Костанай, 20 декабря 2012г.), доктор филологических наук, профессор Л. А. Шкатова подчеркнула, что для студентов из стран СНГ знание русского языка имеет большее значение при сохранении преемственности поколений, взаимопонимания с людьми, выросшими в Советском Союзе и обучавшимися в советской школе. Владение русским языком развивает авторскую картину мира, делает ее богаче, формирует ценностно-смысловое отношение к жизни.

Соответственно, на современном этапе развития казахстанского общества по-новому оценивается и роль преподавателей русского языка и литературы, деятельность которых все более ориентируется на формирование социального интеллекта студенческой молодежи в поликультурном вузе. Изучение языковой среды поликультурного вуза показывает, что необходимо не просто владение одним языком в качестве разговорного, а знание языка, что позволит сформировать единую систему значений, обеспечивающих целенаправленную реализацию механизмов речевого воздействия в полиэтнической среде.

Лаборатория межкультурных коммуникаций при кафедре филологии Костанайского филиала ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет» проводит не только научные мероприятия в рамках утвержденного для нее направления – приоритетными обозначены: пропаганда престижности владения русским языком, сохранение речевой культуры, ответственность за речевое поведение в студенческой среде. В качестве положительных примеров, свидетельствующих об осознанном участии студентов и понимании проблемы, можно привести международный конкурс ораторского искусства «Златоуст», организуемый Костанайским филиалом Челябинского университета и Советом по русскому языку и российской словесности при министерстве образования и науки Челябинской области; проведение международной научно-практической конференции «Русский язык в СНГ: проблемы и перспективы», традиционный диспут для старшекурсников «Проблемы сохранения национальной самобытности языков в условиях глобализа-

ции»; массовое участие студентов в работе по составлению словаря лингвокультурной грамотности жителей северного региона Казахстана, словарь может быть внедрен в практику как вид контрольно-измерительных материалов с целью не только определения уровня лингвокультурной грамотности, но и путей ее повышения для жителей пограничных районов Казахстана и России. Словарь уникален тем, что содержит слова-реалии из казахского языка, не имеющие эк-

вивалентов за пределами русского. Таким образом, членами лаборатории межкультурных коммуникаций ведется планомерное экспериментальное исследование специфики языкового сознания носителей русского и казахского языков.

Итак, изучение русского языка в полиэтнических вузах должно способствовать сохранению духовно-нравственной среды в странах СНГ и, безусловно, влиять на морально-этическое состояние современного общества в целом.

Русский язык как экономический *Lingua franca* в Средней Азии – перспективы и тенденции

Angelika Hechtl

Vienna University of Economics and Business; Department of Foreign Language Business Communication; Institute for Slavic Languages (Вена, Австрия)

angelika.hechtl@wu.ac.at

Лингва франка, деловая коммуникация, русский язык в Средней Азии, языковое планирование.

Summary. This talk will discuss the role of Russian as a lingua franca in Central Asian business communication, focusing in particular on the degree to which Russian can be considered a lingua franca. Moreover, the future prospects and developments of Russian as a lingua franca in the region will be explored. I will also examine the function of national languages and the possibility of a substitution of Russian for English as an international language for business communication in Central Asia.

Основная проблематика доклада – развитие русского языка в Центральной Азии после 1991-го года и прогнозирование основных тенденций его развития в ближайшее время.

Во вводной части доклада анализируется понятие *Lingua franca*, а также роль русского языка как *Lingua franca* в прошлом и настоящем на постсоветском пространстве и особенно в Центральной Азии.

Количество носителей русского языка в этом регионе из-за демографических изменений последнего времени сильно сократилось (ср. [3]). Павленко рассматривает тенденцию к деруссификации региона, а также сдвиг в семантической сфере в направлении номинального (именного) языка [2]. Так, в Казахстане и Киргизии русский язык является официальным языком, в Таджикистане имеет статус средства межнациональной коммуникации. Таджикистан также является примером того, как желание сохранить квалифицированную (русскоязычную) рабочую силу определяет необходимость прорусской языковой законодательной политики. В Туркменистане и Узбекистане, наоборот, проводится моноязыковая политика [2], однако русский находит широкое применение в некоторых сферах. Кроме официальной законодательной политики релевантен и другой фактор, а именно, какую «языковую политику» проводят влиятельные мультинациональные концерны. Принимаются ли на работу люди, владеющие русским языком? Знают ли они также и национальный язык того или иного государства? Эти проблемы исследуются при помощи качественных интервью с влиятельными предпринимателями австрийских предприятий, действующих в регионе. Мы попытаемся выяснить, какая внутренняя политика была выбрана в этих вопросах на данных предприятиях.

Мировая тенденция использования английского языка в качестве *Lingua franca* в экономике должна быть проанали-

зирована в проекции на Центральную Азию. В этой связи интересно изучить взаимодействие традиционной роли русского языка как регионального *Lingua franca* со все более активным использованием в мире английского языка и поддержкой на местах своих национальных языков. На примере некоторых фактов языковой ситуации в Казахстане мы покажем наш подход к данному вопросу. Суть проблематики в том, что на некоторых функциональных уровнях лексика в национальных языках еще не полностью закрывает потребности некоторых отраслей экономики. Например, казахское министерство нефти и газа опубликовало на своем сайте внушительный список (по сути русско-казахский специальный словарь) из 807-ми отраслевых терминов. Можно ли рассматривать это в качестве попытки вытеснить русский *Lingua franca* из сферы добычи нефти и газа в Казахстане или здесь идет речь только о поднятии престижа казахского языка?

Нами рассматривается также вопрос, в каких областях экономики английский язык может стать *Lingua franca* в Центральной Азии? Языковые ситуации при этом рассматриваются с разных точек зрения: (1) Какой язык используется на внутреннем рынке? (2) На каком языке осуществляется коммуникация внутри центральноазиатского региона? Какой язык является региональным языком? и (3) Какой язык используют интернациональные компании при общении внутри и вне региона?

Литература и источники

- [http://www.mgm.gov.kz/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=152&Itemid=169&lang=ru].
- Pavlenko A. Russian as a Lingua Franca // Annual Review of Applied Linguistics. 2006. № 26. P. 78–99.
- Zevelev I. Russia and its new diasporas. Washington, DC, 2001.

Секция Сравнительное литературоведение: стилистические и другие аспекты

Языковой юмор русских субкультур XVII века

С. В. Алпатов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

alpserg19@yandex.ru

Средневековые субкультуры, фольклор, юмор.

Summary. Late Medieval Russian subcultures of merchants, church choirs, court scholars as well as joculars present their own types of humor.

Смех – одна из универсалий человеческой культуры, позволяющая маркировать, деконструировать и оценивать логические аномалии, поведенческие девиации, этнокультурные стереотипы, социальные противоречия. Очевидно, что в противовес функциональной универсальности смеха семантика юмора весьма специфична в своих языковых и историко-культурных проявлениях. XVII век – рубеж позднего Средневековья и раннего Нового времени в русской истории – эпоха кардинальной перестройки этнического мировидения и, в частности, существенных изменений в отношении общества к смеху и в самом понимании смешного.

Процессы социальных, этнических, конфессиональных и иных разделений, охватившие русское общество XVII столетия, обусловили формирование специфических культурных страт, часть из которых характеризовалась известной стабильностью («культурного типа») (например, купечество, старообрядчество, казачество), часть же обладала очевидной изменчивостью и динамической зависимостью от веяний времени (скоморошество, придворная ученая среда, придворная и монастырская певческая субкультура).

Если двум полюсам смеховой культуры XVII века – скоморошеству [1]; [3: 80–128] и придворному юмору барочного типа [3: 198–223] – посвящены специальные работы, то юмор «средних классов» русского общества переходного времени оказывается вне зоны исследовательского внимания, вероятно, из-за иллюзорного отсутствия юмористических текстов специфичных для конкретной социальной среды.

Между тем, бытовой и профессиональный юмор торговой среды достаточно широко представлен в двуязычных разговорниках исследуемого периода, например: «Тороплив ты человек, не смеешь торговати как иные люди. Поди домою, пусти жена торгует» [6: 75]; [7: 318]; «У меня есть продажно: четыре бумажники да три хомутины да две рогожины да кожа угориная – тим товаром я великою купчина» [7: 393] и др.

Гораздо более сложную проблему представляет изучение юмора таких неочевидных для «панорамного» исследовательского взгляда (хотя также не лишенных собственного корпуса текстов) субкультур, как церковные певчие. Помимо общеизвестных смеховых памятников типа «Калаязин-

ской челобитной» или «Стиха о жизни патриарших певчих», в круг текстов клиросного юмора, безусловно, входит «Повесть о царе Иване и старце» [4] и тесно связанные с ней фрагменты «Жития архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия» [2: 374–376, 437–440, 444–452].

Особый интерес представляет эпизод жития, в котором игумен Дионисий упрекает головщика Логина в увлечении музыкальной стороной пения в ущерб смыслу богослужебных текстов. Ядро аргументации – толкование Дионисием пародийно-кощунственных семантических сдвигов, возникающих в результате смещения при распеве ударения с «сѣмени» на «сѣмени» [2: 448].

Последовательное изучение юмора русских субкультур переходного времени, несомненно, поможет адекватной интерпретации ряда литературных памятников и фольклорных сюжетов, возникших на стыке скоморошьяго глума и образованного юмора прицерковной среды, в частности, «Сказания о крестьянском сыне», герой которого совершает кражу в крестьянском доме, сопровождая свои действия литургическими цитатами [6].

Литература

1. Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001.
2. Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия / Подготовка текста и комментарии О. А. Белобровой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. С. 356–463, 717–729.
3. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
4. Повесть о царе Иване и старце / Подготовка текста и комментарии С. К. Россовецкого // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2010. Т. 16. С. 31–33, 546–547.
5. Сказание о крестьянском сыне / Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2010. Т. 16. С. 421–422, 642–643.
6. Falowski A. “Ein Rusch Boeck...” Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter – und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994.
7. Tonnie Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov 1607. Vol. II. Translation and Transliteration / Ed. by L. L. Hummerich and Roman Jakobson. Copenhagen, 1970.

Стилистические аспекты творчества Э. По и художественная практика В. Набокова

Т. Н. Белова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

tnbelova@yandex.ru

Цветовая гамма, художественные приемы, стилистические аспекты, проблема традиции, романтизм и постмодернизм.

Summary. The paper considers some artistic principles and poetic devices in the work of E. A. Poe versus the work of V. Nabokov from the point of view of literary tradition, its influence and new artistic horizon.

Э. А. По – замечательный художник слова, опередивший свое время, создатель произведений тончайшего психологизма, основатель детективного жанра в американской литературе и предтеча символизма в литературе европейской – оказал несомненное влияние на творчество В. Набокова, произведения которого отличает разветвленная многослойная интертекстуальность. В них постоянно ведется нескончаемый диалог с классическими произведениями русской и мировой литературы, причем зачастую само прелом-

ление тем и сюжетов несет в себе иронический смысл и пародийный оттенок. Примером может служить известное стихотворение Э. По «Аннабель Ли», искусно вплетенное в поэтический узор повествования в его романе «Лолита», тем более, что сама тема – смерть юной возлюбленной – в канве повествования полностью сохранена. Однако трагическое у Набокова тесно переплетается с пародийно-комическим.

В ряде других произведений Набокова ощутимо присутствует гораздо более глубинная, хотя внешне не столь оче-

видная поэтическая связь с прозой Э. По – его новеллистической. Так, удивительно схожим по своей стилистике оказывается начало романа Набокова «Приглашение на казнь» и рассказа Э. По «Колодец и маятник»: оба они начинаются сценой объявления смертного приговора узникам – их главным героям – и поэтическими образами вихря, круговорота, кружения, что приводит к обмороку этих персонажей. Одной оказывается и цветовая гамма самого начала этих произведений, решенная в сочетании зловещего черного и призрачного белого: это **черные** мантии судей, которые произносят приговор губами «белей бумаги» и семь **белых** свечей – «пустых призраков об огненных головах («Колодец и маятник»); это **белая** бумага в камере Цинцинната, карандаш с **эбеновым** блеском на каждой из шести граней, **черный** как **смоль** парик директора тюрьмы, **черное** бархатное платье Марфиньки на суде и **крошечная тьма** камеры, как и темницы безмятного узника в Толедо.

Философские аспекты романа «Приглашение на казнь» имеют свои корни в некоторых новеллах Э. По, например, в «Элеоноре», эпиграф к которой гласит: “Sub conservatione formae specificae salva anima” («При сохранении особой формы душа остается неприкосновенной», Р. Луллий). Многочисленные трактовки философского смысла романа П. Биццилли, В. Ходасевича, Н. Букс, В. Ерофеева и др. свидетельствуют о многоплановости его метафорического содержания и широких возможностях его разнообразного метафорического прочтения, что особенно характерно для произведений постмодерна, особенно вкуче с мотивом двоемирия и двойничества, столь характерном для творчества Набокова, как и Э. По.

Так, мотив двойничества, легший в основу рассказа Э. По «Вильям Вильсон», герой которого имеет очень похожего на себя двойника – свое «второе я», – который настойчиво пытается удержать его от больших и малых проступков; убив его в конце концов, он губит и себя, и свою душу. Вместо умирающего противника перед ним предстает огромное зеркало, из которого «нетвердой походкой» выступило его собственное отражение «с лицом бледным и обрызганным кровью».

Этот образ зеркала («олакрез») является неотъемлемой частью набоковской поэтики как в романах криминального толка («Отчаяние»), так и произведениях иной тематики (повесть «Соглядатай», роман «Бледное пламя», «Смотри на арлекинов» и др.), где главный герой обязательно обретает своего двойника, которого затем физически или метафорически убивает.

Этот мотив чрезвычайно многоаспектно разработан Набоковым в новелле «Соглядатай», где истинная суть героя раскрывается через его «второе я»; романе «Отчаяние», в который вводится антидвойник, – прием, раскрывающий характер и безумие главного героя; романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта», где герой, шаг за шагом познавая внутренний мир своего умершего сводного брата, в конце концов познает и обретает свое «я», идентифицируя в конце романа себя с ним, и даже решает загадку Нины Речной (мадам Лесерф), соединяя их в едином женском образе.

Наконец, в романе «Бледное пламя» в помраченном сознании главного героя – повествователя Кинбота-Боткина, эмигранта, который втайне считает себя свергнутым королем Земли, реальные персонажи, окружающие его, как бы расщепляясь, приобретают своих двойников в вымышленном им фантастическом мире землянского королевства: его коллега, преподаватель Джеральд Эмеральд становится Изумрудовым («из умрудов»), жена известного поэта Шейда – герцогиней Больна, а психологически неполноценный

американец Джек Грей – землянским шпионом-убийцей Яковом Градусом и т. д.

Безусловно важными источниками темы двойничества в этом и других произведениях Набокова несомненно служили произведения немецких романтиков (в частности, Э.-Т. Гофмана), романы и повести Ф. М. Достоевского (например, «Двойник», которую Набоков высоко ценил), но думается, рассказ Э. По «Вильям Вильсон» также не ускользнул от его внимания, поскольку Э. По был одним из любимых писателей В. Набокова в юности. Об этом он неоднократно упоминает в своих автобиографических произведениях «Другие берега» и «Память, говори!».

Кроме того, Э. По, создавая произведения тончайшего психологизма, явился также и основателем детективного жанра в американской литературе. Его знаменитые рассказы «Убийство на улице Морг», «Похищенное письмо», «Золотой жук», в которых действуют аналитики С.-Огюст Дюпен и В. Легран, раскрывающие самые невероятные загадки и раскрывающие самые необычные преступления, в какой-то степени явились отправной точкой развития ряда детективных линий набоковских произведений «Истинная жизнь Себастьяна Найта», «Бледное пламя», «Соглядатай», «Король, дама, валет», «Лолита» и др.

Да и герои других произведений Набокова постоянно находятся в поиске: они пытаются расшифровать знаки, которые посылает им судьба (роман «Дар»), проникнуть в тайну бытия (рассказ «Ultima Thule»), разгадать загадку смерти и потусторонности (тема писателя Шейда в «Бледном пламени») и т. д.

Словесные приемы Э. По, например, криптограмма, лежащая в основе сюжета его рассказа «Золотой жук», игра слов: **kid** – козленок и само имя капитана **Кидда (Kidd)**, предводителя пиратов, несомненно явились теми элементами криминально-аналитического аспекта творчества американского писателя, которые успешно развивал и использовал в своих произведениях Набоков. Это игра в скрэббл в «Аде», гротескно зашифрованные записи в гостиничных книгах постояльцев, по которым Г. Гумберт пытается определить, куда держат путь К. Куилти и сбежавшая с ним Лолита, цель догадок главного героя в «Истинной жизни Себастьяна Найта», который, сопоставляя известные ему факты, приходит к выводу, что возлюбленная брата и его собеседница – одно и то же лицо, причем как заправский детектив остроумно проверяет ее знание русского языка, тихо произнес фразу: «А у ней на шейке паук», – подобно тому, как Легран с помощью золотого жука, опущенного в череп, сумел определить место клада.

В. Набоков, используя поэтику постмодернизма, превращает свои произведения в подобие книжки-игрушки, ведя своеобразную игру с читателем, зашифровывая в их словесной ткани авторские послания к нему, многочисленные словесные загадки, ребусы, как, например, искомое слово «**шоколад**» в «Отчаянии», состоящее из трех частей: «**шо**» («chaud» – по-французски «жарко»), «**кол**» – «на что сажают турка», и «**ад**» – «куда мы рано или поздно попадем», неисчислимы каламбуры («Откуда томят в автомате?», «Как из зубра сделать арбуз?»), показывая скрытые возможности слова во всем богатстве его семантических связей.

Таким образом, успешно продолжая разработку ряда тем, мотивов и сюжетов, характерных для творчества Э. По, а также некоторых его художественных приемов, В. Набоков решает свои творческие задачи уже в духе современности, широко используя в своей художественной практике поэтику постмодернизма, подчиняя ей свое повествование.

Особенности восприятия перевода пьесы А. П. Чехова на итальянский язык (перевод Д. П. Пиретто)

О. В. Вовк

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
olia.vovk@gmail.com

А. П. Чехов, сопоставительный анализ, особенности перевода, номинации.

Summary. Research objective is to establish the nature of the relationship between the original text of the play “Three Sisters” by Anton Chekhov and its Italian version; research of changes in the content and form due to the replacement of artistic devices and linguistic units used by the author to the equivalent elements of the Italian language.

Цель исследования: установление характера отношений между текстом оригинала пьесы А. П. Чехова «Три сестры»

и его переводом на итальянский язык; поиск изменений в содержании и форме, обусловленных заменой художест-

венных средств и языковых единиц, использованных автором, на эквивалентные им элементы итальянского языка.

Такой анализ позволяет выявить следующие аспекты:

- используемые средства при преодолении трудностей перевода;
- наличие элементов текста оригинала, не переданных переводом или переданных не достаточно адекватно;
- влияние приемов, использованных переводчиком на восприятие аудиторией художественного замысла автора.

Используемый в качестве исследуемого материала вариант перевода пьесы А. П. Чехова «Три сестры» опубликован издательством «Garzanti»/ «Гарцанти» в сборнике «Teatro. Cechov»// «Драматургия. Чехов» в 2003 году. Переводчик Д. П. Пиретто.

В ходе исследования были выявлены следующие особенности перевода пьесы:

- Характеры персонажей и суть конфликта поняты переводчиком по-своему. Основные тенденции переводческой манеры Пиретто заключаются в явном стремлении облагородить персонажей, раскрыть Чеховский подтекст и расширить эмоциональную гамму произведения. Отметим, что переводчик не старается искать эквивалентов русским обращениям и заменяет их, как правило, нейтральными номинациями, что подтверждается фактом использования одной номинации «саго» (милый, дорогой, любимый) 68 раз.

Реплики персонажей переведены, в основном, так же – нейтральными эквивалентами, что сказывается на общем восприятии пьесы. В первую очередь, это касается характера Наташи, который при переводе теряет свои отличительные черты. В италоязычном варианте пьесы в репликах Наташи превалируют положительные обращения, что говорит о том, что переводчик не понял сути ее характера. Таким образом, Наташа не особенно выделяется на общем фоне других персонажей, стирается аспект восприятия Наташей себя как хозяйкой дома, наравне с сестрами. Более того, утеряны некоторые ключевые компоненты, как например, ответное замечание Наташи в конце пьесы по поводу «безвкусного» пояса Ирины, что также сказывается на представлении ее персонажа как более положительного.

- Изменение номинаций на более нейтральные не только смещает акценты в характерах персонажей, но и совершен-

но иначе преподносит отношения в парах Маша – Кулыгин, Наташа – Андрей, Ирина – Тузенбах.

В первом случае сглаживается ощущение превосходства Маши в отношениях с мужем, Кулыгин показан более мужественным, чем есть на самом деле (по Чехову). В случае с Ириной и Тузенбахом, Ирина оказывается натурой более романтической и как следствие, ее согласие выйти замуж уже не выглядит соглашением от безысходности. Она будто бы смиряется с этим фактом и, приняв его, действительно начинает испытывать нежные чувства к будущему мужу. В паре Наташи и Андрея нарушается иерархичность: Наташа не так выражено влияет на Андрея, а Андрей, в свою очередь, спокойнее отзывается о жене и в начале пьесы, где пытается если не возвысить, то хотя бы оправдать ее в глазах остальных участников действия, и в конце пьесы, где выказывает свое недовольство ее натурой. При этом, в итальянском варианте пьесы, как уже было сказано, Наташа – обладательница более мягкого характера, так что нейтральность Андрея по отношению к ней воспринимается в пьесе вполне гармонично.

- Кроме того, подбор нейтральных компонентов при переводе способствует тому, что конфликт произведения – сглаживается, теряется изначальная ироничность, пронизывающая реплики персонажей. На фоне сглаживания конфликта, проблематика драмы очерчена уже не так ярко. События в пьесе преподносятся таким языком, что, то тягостное чувство, которое мы испытываем при чтении оригинала – исчезает.

• Удивительно, но при общей тенденции обходить острые, иронические и просто эмоционально насыщенные моменты в пьесе, переводчик стремится раскрыть чеховский подтекст и эмоциональный фон в тех местах, где не сделал этого Чехов. Так, например, в некоторых моментах появляются вставные компоненты, авторство которых не принадлежит Чехову. Стоит отметить, что такие компоненты несут в себе уточняющую функцию, либо романтизируют обстановку, что совершенно не свойственно для драматургии А. П. Чехова.

Таким образом, коротко характеризуя перевод, можно сказать что, в нем четко прослеживаются корректировки, внесенные переводчиком, однако, особенных отклонений от оригинального произведения в ходе анализа не выявлено.

Латинский след в фамилиях персонажей А. Н. Островского

И. Н. Исакова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mandala-1@yandex.ru

Фамилии, антропонимы, персонажи, А. Н. Островский.

Summary. The surnames of the characters of Ostrovsky's plays (both dramas and comedies) are most frequently derived from Russian words that exist in the lexis of the language. But there are two characters whose names ascend to the Latin: Benevolensky ('The Poor Bride') and Negligentov ('The Ward'). Both these characters belong to a religious background, went to the theological seminary, which is the place where they received their surnames. Benevolensky and Negligentov also use Latin words and phrases.

Выбирая фамилии своим персонажам, Островский в первую очередь ориентировался на реальную антропонимическую норму. Даже те фамилии, которые кажутся искусственными, в действительности представлены в русской ономастике. Например, в Москве до сих пор существуют фамилии *Подхалюзин*, *Юсов*. Фамилии многих персонажей пьес Островского были весьма распространены в купеческой среде: *Большовы*, *Хорьковы*, *Кабановы*. Часто фамилии образованы от диалектных слов: *Паратов* (от *поратый* – бойкий), *Стыров* (от *стыр* – ось), *Мелузов* (от *мелуза* – крупная мука). В этом проявлялась ориентация драматурга на широкого зрителя. Однако есть две фамилии, которые очевидно отсылают читателя / зрителя к латинскому языку: *Беневоленский* («Бедная невеста») и *Негленгов* («Воспитанница»).

1. Фамилия *Беневоленский* весьма распространенная в России, ее часто в середине XIX века получали учащиеся семинарий, видимо, за хорошее поведение. Более того, с одним Беневоленским Островский был лично знаком, это был чиновник, который ходил в ту же церковь, что и молодой драматург. К сожалению, не удалось найти никакой информации об этом человеке. Однако вряд ли случайно, что персонаж также является чиновником, как и знакомый Ост-

ровского, да и названия их должностей перекликаются: коммерческий секретарь (реальный человек), коллежский секретарь (персонаж).

2. Фамилии *Негленгов* не удалось найти среди русских фамилий, однако она образована по модели, существовавшей в русской ономастике: от лат. *negligenter* – небрежный, пренебрегающий. Латинские корни часто присутствовали в семинарских фамилиях. Существовало несколько словообразовательных моделей, в частности фамилия могла указывать на одно из качеств ученика или же на его успехи / неуспехи в учебе: *Синцеров* (от лат. *sincerus* «искренний»), *Иллюцев*, *Иллюиев* (от лат. *illuvies* «грязный»), *Лентовский* (от лат. *lentus* «медлительный»), вероятно, связана с низкой успеваемостью). В этот ряд вполне может войти и фамилия *Негленгов*. О том, что такая фамилия могла существовать в языке, свидетельствует один из псевдонимов Н. А. Добролюбова, которым подписана его небольшая статья «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии». Видимо, начинающий критик хотел подчеркнуть, что статья не может считаться серьезной работой, о чем он сам пишет в конце: «Вот известные нам пословицы и поговорки, какие в ходу насчет Нижнего Нов-

города и Арзамаса. Не представляя особенной важности, они, однако, имеют некоторую своего рода занимательность, особенно для местных жителей... Конечно, здесь не все они: поискать, так еще много найдется...» [1: 495]. Статья написана в 1853 году, когда Добролюбов учился, пьеса Островского «Воспитанница» опубликована в 1858. Очевидных переключек между статьей и пьесой обнаружить не удалось, также не удалось найти прямой связи между Добролюбовым и образом Неглигентова. Нельзя однозначно утверждать, что Островскому была известна статья. Для нас важно другое: антропоним *Неглигентов* существовал и, скорее всего, был известен Островскому. Если фамилия *Беневоленский* была широко распространенной, то *Неглигентов* – явно редкой, что отмечается одним из персонажей пьесы: Леонид считает, что фамилия *такая мудреная*. Заметим, что о фамилию *Беневоленский* персонажи не обсуждают, значит, она кажется им обычной.

3. Фамилии по-разному функционируют в пьесах, но в обоих случаях они обыгрываются. В пьесе «Бедная невеста» помимо Беневоленского есть Добротворский, фамилию которого можно рассматривать как перевод фамилии *Беневоленский*. Герои соотношены в пьесе: их связывают приятельские отношения, оба не без самодовольства подчеркивают знание латыни:

«Добротворский. <...> Как это говорится-то: репетиция...

Беневоленский. *Est mater studiorum*. Да, это правда. Налей».

Итак, под латынь пьется очередная рюмка. Причем Добротворский как бы предлагает Беневоленскому, своему начальнику, продемонстрировать образованность. Любопытно, что латинское слово в речи Добротворского передано в русской транслитерации, Беневоленский говорит по-латыни, видимо, лучше.

4. В пьесе «Воспитанница» сказано, что Неглигентов учился в училище (очевидно, в семинарии), но не окончил его, так как не смог освоить наук, о чем свидетельствует, в частности, семантика его фамилии. Неглигентов произносит латинские слова в русской транслитерации: «турписсима» и даже склоняет: «верберов по пятьдесят и по сто получал почти ежедневно». В списке действующих лиц Островский дает ему характеристику *очень грязный молодой человек*, таким образом, подчеркивая, что небрежность проявляется и в его внешнем виде.

Пьесы «Бедная невеста» и «Воспитанница» относятся к раннему творчеству драматурга, в поздних пьесах фамилии персонажей образованы обычно от русских слов.

Литература

1. Добролюбов Н. А. О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии // Полное собрание сочинений: В 6 т. М., 1934. Т. 1.

К вопросу об «английских корнях» романа Евгения Замятина «Мы»

Н. З. Кольцова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

koltsovaru@rambler.ru

Евгений Замятин, роман которого лежит у истоков традиции романа-антиутопии в европейском искусстве, не только не скрывал своей ориентации на европейскую литературу, но и подчеркивал связь с ней, особенно выделяя творчество Герберта Уэллса (замятинские статьи «Герберт Уэллс» и «Генеалогическое древо Уэллса» интересны прежде всего в контексте постижения творческих установок самого Замятина). Очевиден диалог писателя и с другими европейскими (прежде всего английскими) писателями – в частности с Дж. Свифтом, в котором Замятин видел непревзойденного мастера сатиры (в статье «Белая любовь» Замятин в один ряд со Свифтом ставит Ф. Сологуба, которого считает едва ли не основоположником «новой» литературы – литературы XX века). Современники Замятина выявляли и другие «английские» корни его творчества: Виктор Шкловский в работе с «обидным» для писателя названием «Потолок Евгения Замятина» отмечает параллели между романом «Мы» и небольшим рассказом Джерома К. Джерома «Новая утопия» (1891) и приводит убедительные доказательства знакомства Замятина с текстом Джерома: «Дело доходит до мелочных совпадений, например, одежда людей будущего – и у Замятина и у Джерома Джерома – туника серого цвета. Фамилии у людей заменены номерами: четные мужчины, нечетные женщины и т. д.» [1: 246]. При том что в работе Шкловского есть некоторые неточности (герои Замятина носят юнфы серо-голубого, а не серого цвета, а четные номера присутствуют в женских, а не в мужских «именах» людей будущего), логика рассуждений Шкловского не вызывает сомнений. Более того, в пользу версии «неслучайности» «совпадений» между произведениями русского и английского писателей свидетельствует и тот факт, что к двадцатым годам рассказ Дж. К. Джерома был переведен на русский язык не один раз и, по всей видимости, был хорошо известен.

И тем не менее читателя не оставляет ощущение, что критик несправедлив к Замятину: Шкловский, не относящийся к почитателям таланта Замятина, видит в романе «Мы» тот же «набор» приемов, что и в «английских» произведениях писателя (в повести «Островитяне» и в рассказе «Ловец человеков»), и расценивает замятинское пристрастие к развернутому сравнению, гиперболе, метонимии как отсутствие поступательного движения в творчестве писателя («...несмотря на присутствие в «Мы» ряда удачных деталей, вся вещь совершенно неудачна и является ярким указанием того, что в своей старой манере Замятин достиг потолка [1: 246]). Думается, однако, что узнаваемая манера, индивидуальность почерк художника не свидетельствуют об «ограниченности» его таланта, и совпадение замятинских художественных систем оказывается мнимым. Едва ли не в каждый период творческого пути Замятин открывается с новой стороны: если в повести «Уездное» и в рассказе «Правда истинная» он предстает мастером сказа, а в «Островитянах» и «Ловце человеков» заявляет о себе как художник, овладевший орнаментальной техникой, помогающей ему средствами русского языка (прежде всего синтаксиса) передать сам строй английской речи, то в романе «Мы» он «конструирует» язык человека будущего.

Тот факт, что утопия Джерома могла послужить своеобразным наброском романа «Мы», не отменяет самобытности замятинского произведения, основу которого составляет прежде всего художественный эксперимент, нацеленный на поиск новых жанровых форм и языковых средств.

Литература

1. Шкловский В. Потолок Евгения Замятина // Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990.

Полифонизм русской / русскоязычной литературы Казахстана

Т. В. Кривошапова

Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Астана, Казахстан)

krivoshapova_t@mail.ru

Русская литература Казахстана, русскоязычная литература Казахстана, ментальность, народно-национальное ядро, маргинальность.

Summary. In the paper the features significantly separating the world of Russian literature and the literature in Russian in Kazakhstan are described. The focus is on the unity of cultural space and the mental aspects of the writers' consciousness.

В последние десятилетия предпринимаются неоднократные попытки определить ядро и периферию литературы

постсоветского периода, написанную на русском языке. Вопрос о единстве русской литературы XX–XXI вв. давно

снят, на смену пришли попытки ее дифференциации, выделения многочисленных направлений и групп. Более 30 лет назад В. В. Кожинов определил ее народно-национальное ядро [3]. Уже в те годы на русском языке писали представители самых различных этносов, поэтому вполне закономерным является вопрос о периферии, которую представляет распространённое ныне понятие «русскоязычная литература». Как правило, творчество русскоязычных писателей в отличие от собственно русских демонстрирует иные признаки ментального поля.

Актуальность этой проблемы проявляется не только на постсоветском пространстве, ее значительно ранее можно было наблюдать в других национальных литературах, в которых имеет место маргинальный контекст. Если традиционно национальные границы литературного произведения были напрямую связаны с языком, на котором оно было создано, то в настоящее время это вопрос дискуссионный. В частности, считается возможным оспорить тот факт, что любое произведение, написанное на русском языке, является принадлежностью исключительно русской литературы. И в поле зрения теоретиков и историков литературы все чаще находится так называемый этнический концепт, т. е. факт национальной принадлежности писателя. Ранее, находясь на периферии научных интересов филологов, в последние два десятилетия эта проблема приобрела особую остроту из-за ярко выраженного синтеза гуманитарных наук, в том числе и приоритетности социокультурных подходов, состоящих в учете фактора ментальности, определяющей этническую картину мира.

С последним обстоятельством связана актуализация в науке о литературе ранее считавшегося спорным понятия «русскоязычные писатели», которое имеет отношение к писателям, пишущим на русском языке, но являющимся представителями иных, не русских, этносов, а, соответственно, демонстрирующим в своем творчестве отличную от русской национальную картину мира. Так, в коллективной монографии «Литература народов Казахстана», изданной академическим Институтом литературы и искусства имени М. О. Ауэзова РК, два раздела: «Русская литература Казахстана» и «Русскоязычные писатели Казахстана». Кстати, и в других главах этой книги этнические литературы современного Казахстана рассматриваются авторами исключительно на материале русскоязычных текстов, так как национальная литературная традиция в условиях современного социума оказалась полностью утраченной («Корейская литература», «Греческая литература» и др.) [5].

На сегодняшний день в Казахстане существует достаточно значительный пласт литературных текстов, которые не может быть определены однозначно ни по языковому, ни по этническому принципу. С другой стороны, нельзя преуменьшать роль представлений писателя, о мире, сформировавшихся на основании определенных культурно-ценностных доминант. Так называемая этническая картина мира в определенной степени создает у писателей-маргиналов предпосылки функционирования защитной реакции, состоящей в стремлении к самоидентификации в границах именно родного этноса, несмотря на то, что творческая деятельность осуществляется в иной языковой субстанции [1]. В советскую эпоху писатели, пишущие на русском языке, но активно использующие иную, отличную от русской, этническую картину мира, всегда именовались двуязычными, несмотря на очевидную терминологическую уязвимость этого

понятия. Фактор билингвальности применительно к литературному творчеству имеет место быть как в настоящем, так и в недавнем историческом прошлом (вспомним писательскую судьбу Чингиза Айтматова, который дебютировал произведениями, написанными по-киргизски, затем создавал их переводы, а в зрелом творчестве писал исключительно на русском языке), в то время как имевшие подобный статус в недавнем прошлом Ануар Алимжанов, Олжас Сулейменов, Сатимжан Санбаев, вошли в литературный процесс в 1960–70-е годы, писали исключительно на русском, но в многочисленных учебных пособиях и диссертациях именовались двуязычными казахскими писателями [2]. Сегодня каждый из них включен в категорию казахских русскоязычных писателей.

В Казахстане есть и писатели, в значительной степени сохраняющие верность классическому национальному типу русской литературы, хотя их творчество, как правило, ограничено казахстанскими реалиями (И. Щеголихин, Н. Веревокин, В. Михайлов и др.). Это и есть так называемая русская «островная» литература, функционирующая на постсоветском пространстве. Инвариантные же особенности современной русскоязычной литературы Казахстана (Б. Канпьянов, Б. Каирбеков, Д. Накипов) отчетливо проявились в стремлении к созданию национальных (исключительно казахских) типов характеров, в наличии проповеднического (притчеобразного) пафоса, ярко выраженного патриотизма, особой эмоциональности, трактовке мотивов поведения человека в религиозном, в первую очередь, исламском ключе. Об этом свидетельствовала попытка сопоставительного анализа книг казахстанских прозаиков, написанных на русском языке: романов Николая Веревокина «Зуб мамонта (летопись мертвого города)» и Таласбека Асемкулова «Талтус» («Полдень»), опубликованных в 2003 году по результатам конкурса «Современный казахстанский роман». Выводы были очевидными: тексты казахстанских авторов содержат принципиально различные культурные коды, проявляющиеся в специфике мировосприятия авторов [4].

Таким образом, полифоническая казахстанская русская / русскоязычная литература являет собой деструктивную систему, зачастую призывающую к преодолению традиционной ценностной иерархии. А постепенное размывание русских анклавов уже привело к тому, что современные как русские, так и русскоязычные писатели Казахстана в значительной меньшей степени отягощены связью с национальным обликом русской литературы метрополии начала XXI века. С течением времени лишенный привнесенных «исторических корней» писатель адаптируется к новым социальным условиям (и приобретает качественно новый социальный отклик).

Литература

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М., 1998.
2. Катанцева Т. Г. Типологические черты творчества двуязычных казахских писателей. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989.
3. Кожинов В. В. Размышления о русской литературе. М., 1991.
4. Кривошапова Т. В. Современная литературная ситуация в Казахстане: вопросы терминологии // Фольклорная традиция и литературный процесс: Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию М. М. Багизбаевой: В 2 ч. Ч. 2. Алматы, 2007. С. 6–20.
5. Литература народов Казахстана. Алматы, 2004.

Лингвистическая категория как художественный образ в произведениях

В. Набокова

А. В. Леденев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

aledenev@mail.ru

Набоков, метафора, категория рода.

Summary. V. Nabokov's approach to linguistic categories as descriptive metaphors is discussed. Special attention is paid to "gender" imagery in "The Gift".

Предметом авторской рефлексии в произведениях В. Набокова нередко оказывается не только изображаемое, но и «изображающее». Отсюда устойчивая тенденция к дополнительной семантизации языковых единиц, к надделению их

свойствами художественного образа. Буква или звук, приставка или суффикс, частица или знак препинания в текстах писателя в некоторых случаях получают статус самостоятельного – пусть и миниатюрного – «персонажа» или зна-

чимой предметной подробности той или иной сюжетной ситуации. Прецеденты подобного отношения к языковой фактуре как к источнику образности Набоков находил в наследии А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Первые опыты «персонификации» или образного «определения» языковых единиц можно обнаружить уже в рассказах 1920-х годов. Так, в рассказе «Путеводитель по Берлину» композиционной опорой текста становится палиндром «ОТТО»: иконические проекции этого имени собственного многократно отражаются в подробностях городского пейзажа, служат буквенно-звуковым «фильтром», пропускающим в сознание повествователя те или иные впечатления, в конечном счете, визуальное закрепляют авторское представление о предназначении творчества – изображать «милые мелочи» жизни так, как они отразятся в «ласковых зеркалах будущих времен».

Чаще всего лингвистические ресурсы образности используются Набоковым в произведениях, тематически связанных именно с писательством, когда тот или иной персонаж (как правило, главный) причастен литературному творчеству. В эксплицированной форме эта тенденция проявлена в англоязычном стихотворении «Вечер русской поэзии» построенном в форме диалога профессора со студентами. Главный «герой» стихотворения – русский язык, частные атрибуты которого получают яркую образную характеристику. Так, русские «колоссальные гласные» соотносятся с целым веером природных явлений, но самой значимой становится метафора глянцевиных речных лилий – кувшинок (“those glossy pitcher flowers”), одновременно напоминающая – через паронимическое созвучие – о «глоссах», т. е. о толкованиях текста. Русские части речи по ходу стихотворения наделяются признаками живых существ. Из заморского «далека», где остался «королевский скипетр» лектора, доносится ржание пятнистых существительных. Мягкие причастия сбегают по ступенькам и волочат за собой шуршащие манты (очевиден намек на многозвенную слоговую структуру и звуковой состав частотных суффиксов русских причастий). Интересна и образная характеристика «плавных глаголов на „ала“ и на „или“». Их обманчиво прозрачная музыка передана чередой уподоблений: “Aonian grottoes, nights in the Altai, / Black pools of sound with “I”s for water lilies”. Прямые значения словосочетаний (эонийские гроты, алтайские ночи, темные водоемы) здесь оттесняются окказиональными смыслами. Общий семантический компонент цепочки образов – сокровенная темнота, заповедность, непроницаемость для постороннего взгляда и – одновременно – магнетическая сила влекущего к себе звука.

В русскоязычной прозе Набокова самые семантически емкие примеры использования лингвистических категорий в характерологической функции встречаются в романе «Дар». Весь текст романа пронизан лингвистическими метафорами и мотивами, среди которых – образы пунктуационных «запинок», синтаксических «ухабов», «черни предлогов и союзов», «коловоращения» частиц и т. д. Вот как, например, метафорически использованы языковедческие термины в характеристике берлинского лета: «...это было длинное многоточие прекрасных дней, прерываемое изредка междометиями грозы». Особенно видное место в лингвистическом орнаменте романа занимает мотив «падежа» как особого умения видеть окружающий мир во всем его многообразии – не только предметов, но и их теней и отражений. Связан этот мотив прежде всего с идеей творческого бессилия Н. Чернышевского-литератора: «Как и слова, вещи имеют свои падежи. Чернышевский все видел в именительном. Между тем всякое подлинное новое веяние есть ход коня, перемена теней, сдвиг, смещающий зеркала».

Менее очевиден, но не менее важен в романе и «родовой» мотив, заданный эпиграфом: «Дуб – дерево. Роза – цветок.

Олень – животное. Воробей – птица. Россия – наше отечество. Смерть неизбежна». Принципиально важно, что все предложения этого фрагмента (взятого из «Учебника русской грамматики» П. Смирновского) были даны его автором как упражнения к разделу, посвященному категории рода русских существительных. Во всех примерах, кроме последнего, грамматический предикат выражен существительным иного рода, чем грамматический субъект. Существительное мужского рода («дуб») определяется через существительное среднего рода (дерево); затем женский род отражается в мужском; мужской – в среднем, а потом – в женском; наконец, женский («Россия») иллюстрируется средним («отечество»). И только в последнем предложении – о неизбежности смерти – грамматическое «крещендо» женского рода окончательно подчиняет себе колебания родовых различий.

С лингвистической категорией рода в романе ассоциативно связан мотив «гендерного сбоя» или сексуальной «недопроявленности» нескольких персонажей – прежде всего критика Христофора Мортуса и Чернышевского. Проблема пола и идентичности несимпатичного автору образа литератора – один из самых оригинальных пародийных приемов писателя. Мортус, как выясняется, «был в частной жизни женщиной средних лет... страдавшей неизлечимой болезнью глаз». Как известно, пародийной мишенью Набокова в данном случае являлись два литератора с нетрадиционным балансом женских и мужских качеств – З. Гиппиус и Г. Адамович. Однако особенно важно, что подобной «гендерной разбалансированностью» автор «Дара» наделяет обоих главных литературных неудачников романа – вымышленного Яшу Чернышевского и его «фамильного» тезку – знаменитого критика и беллетриста XIX века.

Будучи в общественной жизни достойным человеком, Чернышевский, как показывает Федор Годунов-Чердынцев, был лишен литературного таланта – прежде всего потому, что считал главным творцом «саму жизнь». Эта самая жизнь (автор биографии иронически акцентирует женский род слова), а именно женственно-жертвенная психология шестидесятника – и обусловила стилистическую беспомощность его писаний.

Глава о Чернышевском прослеживает «лингвистическую» предопределенность жизни персонажа, демонстрирует «набухание тем» в его судьбе. Среди этих тем – «прописи», «чернила», «очки» и т. д. Заметим, что существительные pluralia tantum, имеющие форму только множественного числа (чернила, очки), «нейтральны» по отношению к категории рода, как нейтральны по отношению к ней и слова общего рода, используемые при характеристике Чернышевского (неряха, задира). Акцентированный в главе мотив «чистой» (т. е. лишённой плотского начала) привязанности героя к женщинам находит издевательскую модуляцию в характерном сравнении: «человек прямой и твердый, как дубовый ствол» (напомним семантическое «уравнение» эпиграфа: «дуб – дерево»). Идея «родовой» усредненности автора «Что делать?» подкрепляется в главе «древесной» образной аргументацией. Слово при этом предоставляется самому герою: «Мы видим дерево; другой человек смотрит на этот же предмет. В глазах у него мы видим, что дерево изображается точь-в-точь такое же». Комментируя эту цитату, Федор замечает: «Во всем этом диком вздоре есть свой частный смешной завиток: постоянное у материалистов апеллирование к дереву особенно забавно тем, что все они плохо знают природу, в частности деревья». Как выясняется по ходу главы, они очень плохо «знают» и женщин.

Между «Жизнью Чернышевского» и эпиграфом к роману возникает отчетливая мотивная взаимосвязь, основанная на имплицитной метафорической интерпретации лингвистической категории рода.

Переводческая деятельность А. Н. Островского

Ю. Л. Оболенская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

obolens7@yandex.ru

Переводческая деятельность великого русского драматурга пока еще не стала предметом специального анализа, хотя

характер и результаты этой деятельности представляют особый интерес для исследователей творчества А. Н. Остров-

ского и тех, кто изучает историю перевода и становление переводческой традиции в России, поскольку в них ярко проявились особенности творческого метода писателя. Сохранились законченные переводы Островского с латинского, французского, итальянского, украинского, английского и испанского языков. Для перевода Островский всегда выбирал произведения не только созвучные его мировосприятию и заинтересовавшие его тематикой или характерами персонажей, но и актуальные для духовной жизни и литературного процесса в России.

Отметим, что стилистика переводов-переделок драматических произведений, выполненных Островским с латинского, итальянского и французского языков, отражала подходы к решению переводческих задач, соответствовавшие сложившейся в России традиции *адаптационных* переводов, заложенной переводами Жуковского. Переводы Островским комедий Шекспира и интермедий Сервантеса по праву можно считать *новаторскими* как в отношении передачи формы оригинала, так и попытки ввести в русский контекст жанр комедии характеров (а не положений), воспроизвести речевую характеристику персонажей. Перевод комедии «Укрощение своенравной» занимает важное место в истории переводов произведений Шекспира в России, а блестящий перевод интермедий Сервантеса и по сей день остается единственным переводом этих шедевров испанского гения. Примечательно, что интермедии изначально предназначались Сервантесом для чтения, а не для постановки, и Островский понимал, что сервантесовские интермедии нельзя поставить на сцене. Произведения Шекспира и Сервантеса привлекли внимание Островского гуманистическим содержанием и реалистическим изображением жизни, яркими характерами, богатством поистине народной речи, а их комедийный дух был близок блистательному русскому бытописателю.

Профессионально заниматься переводами Островский начал с 1850 г. и не прекращал переводить и править свои старые переводы до конца своей жизни, поскольку для него процесс перевода поистине был процессом интерпретации (истолковывающего понимания) оригинала в единстве его содержания и формы. Позиция Островского-переводчика отражала особенности культурно-исторического контекста, в который «вписывался» перевод, ориентируясь на *ближнего* адресата, и неизменно учитывала особенности жанровой специфики драматических текстов.

Ярким примером подобной интерпретации оригинала служит 35-ти летний процесс перевода «Укрощения своенравной» В. Шекспира: после первого прозаического перевода комедии «Укрощение строптивой», сделанного им в 1850 г., в 1865 г. Островский осуществляет поэтический перевод того же произведения, а в 1886 г. делает его новую редакцию. Над переводами интермедий Островский также

работает в несколько этапов: закончив их вчерне за несколько месяцев 1879 г., он продолжает переделывать их до 1886 г., а перевод одной из интермедий так и остался незавершенным.

Даже сейчас трудно понять, как Островскому удалось с такой точностью и верностью духу оригинала передать столь сложные по содержанию и форме тексты. Однако в силу объективных причин – отсутствия серьезных словарей, исследований и комментариев к оригиналу – Островскому не удалось воссоздать важные для понимания содержания аллюзии и подтексты, передать «говорящие» имена героев Сервантеса. Незначительные изменения и сокращения иногда носили цензурный характер. Интуиция переводчика и чутье драматурга редко подводили Островского, и в целом он успешно справился с диалогами, насыщенными каламбурами, просторечиями, пословицами и поговорками. Переводы Островского верно передают как содержание оригинала, так и сочность языка гениев эпохи Возрождения. Отступления от оригинала и незначительные смысловые ошибки связаны, главным образом, с переводом неизвестных русскому драматургу реалий, архаичного синтаксиса, не всегда понятых им каламбуров или фразеологических оборотов, сложнейших метафор и сравнений Шекспира или воровского жаргона, используемого Сервантесом.

В переводе комедии Шекспира Островский не только сохранил поэтическую форму и размер оригинала, но и добился эквивалентности перевода – практики, тогда неведомой русским переводчикам, у Сервантеса он также сохранил поэтическую форму двух, написанных стихами, интермедий и всех куплетов. Особый интерес представляют применения к переводам Сервантеса, написанных Островским после кропотливой работы по изучению испанской истории, литературы и культуры, обычаев и особенностей быта; впрочем, некоторые из них содержат не совсем верные сведения об испанской жизни, иногда переводчик разъясняет явления испанской жизни с помощью русских аналогий.

Островский, используя богатейшие возможности родного языка, постарался как можно точнее передать просторечные и архаичные формы оригинала, метафоры и каламбуры, которыми изобилует речь персонажей Шекспира и Сервантеса, но вместе с тем его переводы передают стилистические приемы и речевые особенности, присущие самому Островскому. «Склонение» испанских и английских нравов на русский лад лишило комедию Шекспира и интермедии Сервантеса известной доли национальной специфики и несколько нивелировало социальную характеристику персонажей. В то же время это позволило донести до нас их общечеловеческое значение, сделать из героев Шекспира и Сервантеса не англичан или испанцев, а людей, которые, преодолев трехвековую дистанцию, стали ближе и понятнее русскому читателю.

Топос «тишины»: возможность предыстории, семантика, перевод

О. М. Савельева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

dus.177@gmail.com

Тишина / спокойствие, ода, поэтика, топика.

Summary. The purpose of the report is to demonstrate the possible links of the tranquility-motif in the Russian ode style and Greek early poetics. This supervision could be considered as a detail to acad. A. Veselovskij's general thesis of «topic» continuity in the development of literature.

В сообщении высказывается предположение о возможной связи топоса «тишины», развитого в русской одической поэзии XVIII в., с семантикой «спокойствие, тишина, мир», которая передается греческой лексемой *ἡσυχία*.

Для языка греческого эпоса (Гомер) и хоровой лирики (Пиндар) эту семантику можно описать как «спокойствие, ровное душевное состояние, глубоко положительное по своей природе и воздействию». Именно такой смысл лексемы *ἡσυχία* реализуется в экспозиции к оде Пиндара Пифийской 8 (1–12), где противопоставлен персонафицированный образ спокойствия и, в соответствии со стилистикой эпиникии, дано его возвышенное описание: «благосклонное спокойствие», дочь справедливости, трактуется как масштабная сила, которая способна «возвеличивать города» и выполнять важные функции в жизни людей, а именно – контролиро-

вать их решения, в том числе военные (букв. «держит ключи от замыслов и войн»), оказывать благотворное воздействие на их планы и отменять их, если они диктуются гордыней или гневом: «Силой ты низвергаешь гордыню в бездну...». Семантический компонент, «прерывание плохого состояния», который репрезентирован здесь, важен для лексемы *ἡσυχία*, он проявляется уже в первом ее употреблении у Гомера и задает основной вектор соотношения текста и описываемой ситуации, когда Одиссей, пресекая наглость бродяги Ира и женихов, выражает надежду, что «завтра... наступит... спокойствие: *ἡσυχίη δ' ἄν ἐμοί.. εἴη.. αἰθρον*» (Od. 18. 22).

В оде Пиндара Немейской 9 *ἡσυχία* фигурирует в описании пира и передает уравновешенность («безмятежность» в переводе М. Л. Гаспарова), которая входит в дискурс грече-

ского симпозию, что подтверждается здесь и традиционным призывом к умеренности – смешать вино с водой. То, что смысл $\eta\sigma\upsilon\chi\iota\alpha$ – «спокойствие – тишина» не соотносится в этой оде с ситуацией молчания, ясно из описания непосредственно звуковой стороны застолья: «возрастает победа с нежной песнью», «голос близ чаш с вином звучит уверенно» (перевод мой – О.С.). С позиций лексической семантики в слове $\eta\sigma\upsilon\chi\iota\alpha$ имеет место не взаимоисключение, а сочетание и взаимодействие ЛСВ «спокойствие» и «тишина». Если прибегнуть к анализу внутрисловных связей по Д. Н. Шмелёву, то здесь можно отметить «диффузность значений многозначного слова», имея в виду, что «отдельные значения... отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно» [3: 77].

Отдельной проблемой развития рассматриваемой семантики является формирование в христианской лексике XIV в. терминов, связанных с религиозно-мистическим учением исихазма. Его аскетическая практика, как известно, предполагает обет «быть в безмолвии» – $\eta\sigma\upsilon\chi\iota\zeta\epsilon\upsilon\iota\nu$ и «внутреннюю тишину» как необходимость спокойного внимания и сосредоточенности; уединение, понимаемое отнюдь не только как место в пространстве, но особое душевное молчание. Значение спокойствия в его неспециальном употреблении сохраняется у этого слова в современном греческом языке.

Идея «тишины», как художественно-философский образ («мирообраз», «символообраз») оказалась чрезвычайно высоко востребованной в европейской культуре Нового времени. Будучи категорически разработанной в немецкой и французской эстетических программах XVIII в., она была

введена М. В. Ломоносовым и В. К. Тредиаковским уже как топос в русский литературный обиход XVIII в. и получила богатое развитие в поэзии Г. Р. Державина, Е. П. Люценко. В интерпретации М. Л. Гаспарова через его перевод $\eta\sigma\upsilon\chi\iota\alpha$ – «тишина» в Пиф. 8 можно увидеть отсылку к сложившемуся пониманию «тишины» как художественной темы и идеи. Изложенное поэтическое содержание мотива $\eta\sigma\upsilon\chi\iota\alpha$, как изначально благодетельной и масштабно воздействующей силы, с учетом особой значимости Пиндара для русской словесности XVIII в., позволяет провести некоторое сближение русской панегирической стилистики с греческой архаикой, в частности: «Возлюбленная Тишина...» в экспозиции к оде М. В. Ломоносова «На день восшествия...». Одновременно наблюдение о возможных античных истоках топоса «тишины» способствует детализации тезиса акад. А. Н. Веселовского (1870) о значимости факта преемственности топика в развитии литературы и об отражении подобных аналогий в языке.

Литература

1. Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Изд. 3-е. М., 2008. С. 51–52.
2. Гаспаров М. Л. Древнегреческая хоровая лирика // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
3. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 2008.
4. Homeri Odyssey / Rev. by G. E. Dimock. Loeb Classical Library. Harvard University Press. Cambridge. London, England. 1998.
5. Pindari Carmina cum fragmentis. Epinicia. Pars I. / Post Brunonem Snell ed. Hervicus Maehler. Leipzig, 1971.

Тема «Своё и чужое» и иноязычные вкрапления в художественной прозе А. П. Чехова

Е. В. Суровцева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

surovceva-ekaterina@yandex.ru

Чехов, темы, иноязычные вкрапления, «своё и чужое».

Summary. In paper functioning of foreign-language impregnations in art texts by A. P. Chekhov at which there is a subject «personal and others» is considered.

В процессе работы над «Частотным грамматико-семантическим словарем языка художественных произведений А. П. Чехова» [1] нами в соавторстве с Л. В. Лапониной была проделана разметка чеховских текстов по темам [3]. В числе других тем нами была выделена такая тема, как «своё и чужое», то есть тема столкновения и взаимоотношений носителя русской культуры с представителями иных культур. Эта тема выделена нами в 9 рассказах: «Патриот своего отечества» (1883), «Дочь Альбиона» (1883), «Признательный немец» (1883), «На чужбине» (1884), «К характеристике народов (Из записок одного наивного члена Русского географического общества)» (1884), «Глупый француз» (1886), «Добрый немец» (1887), «Неприятная история» (1887), «Обыватели» (1887). Кроме того, в процессе работы над словарем мы изучали иноязычные вкрапления в произведениях Чехова [2].

При анализе иноязычных вкраплений в тексты с темой «своё и чужое» мы получаем следующую картину.

1. В рассказах «На чужбине» и «Неприятная история» есть вкрапления из французского, причем как написанные (*monsieur* – «На чужбине»), «Неприятная история»; *me* – «Неприятная история»), так и в русском транслитерации (*сэ трэ жоли* – «На чужбине»). В рассказах «Глупый француз», «Неприятная история» мы также видим французские вкрапления (написанные латиницей). Речь Буазо из «Неприятной истории» характеризуют также ошибки в русском языке (*карьюшо, благодарите, завсем*).

2. В «Признательном немец» в русский текст включаются немецкие словечки – в основном географические названия (*Dummstrasse, Eselstrasse, in diesem Russland*). В этом же тексте есть также немецкое обращение (*mein gepp*), записанное кириллицей.

3. В рассказе «Обыватели» автор употребляет искаженные польские слова вперемешку с окказионализмами («Лайдаки, пся крев! Цоб их дябли везли!» [4, 6: 192]) и французские выражения (*vis-a-vis*).

4. В «Дочери Альбиона» Грябов обращается к англичанке, желая, чтобы она отвернулась: «Мисс... эээ... Мисс Тфайс! Же ву при...» [4, 2: 197]. То есть в тексте рассказа есть французская фраза, записанная кириллицей. Английских вкраплений в рассказе нет. Английские реплики дочери Альбиона характеризуются описательно, без вкрапления слов на ее языке: «Мисс Тфайс облила Грябова презрением и издала носовой звук... Англичанка, энергически двигая бровями, быстро проговорила длинную английскую фразу» [4, 2: 197].

5. Нет никаких иноязычных вкраплений в рассказах «Патриот своего отечества» (о русских в Германии), «К характеристике народов», «Добрый немец». Этническую принадлежность главного героя последнего из перечисленных нами рассказов выдает некоторые ошибки в русском языке: «Ты русский, и моя жена русский, и я русский... Мой отец немец, а я русский человек... Все мы русские люди и имеем русские языки...» [4, 6: 44].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Чехов использует иностранный язык не во всех произведениях, посвященных взаимоотношению разных культур. Французские вкрапления, одни из наиболее часто встречающихся во всем творчестве Чехова, употребляются в том числе и в тех случаях, когда автор описывает нефранцузскую культуру.

Одной из перспектив изучения иноязычных вкраплений в творчестве А. П. Чехова можно назвать дальнейший их анализ в связи с изучением тематики произведений классика.

Литература

1. Кукушкина О. В., Суровцева Е. В., Рюдигер Д. Ю., Лапониная Л. В. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова (с электронным приложением) / Под общей редакцией д. ф. н., проф. А. А. Поликарпова. М., 2012. В состав электронного приложения входят: Кукушкина О. В., Суровцева Е. В., Поликарпов А. А., Федотов В. В., Варламов А. А. Методическое руководство по работе с системой «ИСТОК»;

- Кукушкина О. В., Суrowцева Е. В., Рюдигер Д. Ю., Лапонина Л. В. Электронный корпус А. П. Чехова; Федотов В. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Программное средство «Компьютерная информационно-исследовательская система для работы с электронными корпусами текстов «ИСТОК»».
2. Суrowцева Е. В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе и драматургии А. П. Чехова // Русская литература на перекрестке культур: Статьи по сравнительному литературоведению. Saarbrücken, 2012. С. 41–53.

3. Суrowцева Е. В. Словарь тем писателя в контексте идеографических словарей и авторской лексикографии. На материале художественной прозы и драматургии А. П. Чехова (К постановке проблемы) // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 47. Сборник научных статей, посвященный юбилею заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова Майи Владимировны Всеволодовой. М., 2013. С. 494–507.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. М., 1974–1983.

Гомеровские формулы в переводах русских поэтов

Т. Ф. Теперик

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

teperik@mail.ru

Перевод, формула, эпос, жест, поэтика.

Summary. The paper deals with the poetics of translation of Homerus formulae, namely, the one, which carries the meaning “take by the hand”. Author comes to the conclusion that lexical immutability of formulae does not mean unchangeability of the content: same given gesture may carry an emotional meaning, which in Russian translations is being conveyed differently, in accordance with the translation strategy of each translator.

Переводческая деятельность русских поэтов не раз была объектом рассмотрения ([2]; [7]; [9]; [4]), но некоторые ее аспекты требуют изучения. Связано это с тем, что анализ, как правило, подвергается поэтика *в целом*, а не сравнительный анализ перевода отдельных деталей или приемов. Например, эпические формулы, определенные метрической позицией, закрепленные лексически и синтаксически [11]; [1]. Одни считают их доказательством устного происхождения поэм Гомера, другие – проявлением поэтического языка, лишь ориентированного на устное воспроизведение текста. И хотя есть расхождения в том, что следует считать формулами: минимальные отрезки текста, или целые фразы, охватывающие несколько строк [8: 315]; целиком и полностью совпадающие высказывания, или лексически вариативные [10: 58], ясно, что формулы – одна из черт эпического стиля, и даже в более позднем, письменном эпосе, имеющем иной характер, они всегда сохраняются [3].

Итак, формулы – прежде всего одни и те же *слова*, описывающие стереотипные, повторяющиеся ситуации, такие, как наступление утра, прием пищи, отход ко сну, то есть ситуации жизненного цикла, где за повторяемостью содержания стоит стереотипность формы. «Новая мысль пробудилась в уме совоокой Афины» (II, 392, 393; IV, 795), Ей, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев (I, 230, 306, II, 371) Солнце тем временем село и все потемнели дороги (II, 388, III, 487, XI, 12), и т. д.» [8: 314].

Среди таких «эпических стандартов» часты, например, формулы мольбы, молитвы («твой обнимаю колени») [6: 89], которые без труда сохраняются и в русских переводах (в отличие, например, от традиции новоевропейского перевода, для которого характерно «игнорирование формул» [5: 132]).

Сложнее обстоит дело с таким постоянным выражением, как «взять за руку», где употребляется несколько близких по смыслу греческих глаголов (Cheira elabe, cheira heile), и где в отличие от прикосновения к коленям, (что может быть и фигурой речи), всегда имеется ввиду конкретный жест, который описывается с помощью определенных словосочетаний, то есть формул. Однако означает стереотипность формы словослову фиксированность, то есть стереотипность содержания?

Когда такой жест описывается при встрече или прощании, его назначение понятно, это – общий для всех ритуал, независимо от географического центра. Но есть эпизоды, где никто не встречается и не расстается, и это не случай, когда за руку берут слепого, или больного, или ребенка, где жест обусловлен беспомощностью партнера. Но если это происходит в диалоге, когда один из участников «берет за руку» своего собеседника, это маркирует его эмоциональную реакцию: либо на слова собеседника, либо на нечто иное, возникшее в процессе разговора. Например когда Нестор, видя участие богов в судьбе Телемаха, берет его за руку (III, 374,) значение этого жеста иное в сравнении с тем, когда ранее таким жестом Телемаха встречал сын Нестора. Там это было проявление простого дружелюбия по отношению к незнакомцу, теперь жест Нестора демонстрирует его радость за Телемаха, которому боги покровительствуют

столь явно: спутник Телемаха на глазах у всех превращается в орла, что подвластно лишь богам. Поэтому эти формулы, несмотря на их однотипность, на отсутствие какой бы то ни было детализации, сложно перевести буквально. В Жуковский, например, в нескольких случаях переводит словосочетание со значением «прикоснуться рукой» как «потрепать по щеке». При явном отступлении от лексической точности (поскольку никакой «щеки» в подлиннике нет), такой перевод понятен, так как «взять за руку» в процессе разговора, когда прикосновение не обусловлено событиями, не предсказуемо, имеет иной смысл, чем при встрече и прощании. Чувства, владеющие одним из собеседников, их ведь можно выразить и словесно, но когда при этом используется жест, это придает чувствам дополнительный смысл. По мнению Альберта Меграбяна, многообразие средств невербальной коммуникации сводится к трем лежачим в их основе эмоциям: удовольствие – неудовольствие, возбуждение – отсутствие возбуждения, доминирование – подчинение. В случае с Нестором речь идет, несомненно, об удовольствии, так как жест выражает радость за Телемаха, чье опасное путешествие находится под покровительством богов. Богом данный жест, кстати, тоже свойственен, и имеет свои коннотации. Например, когда Одиссея «берет за руку» сначала Калипсо, затем (на Итаке) Афина, то в этих эпизодах описание жеста предваряется глаголом, означающим улыбку, (в чем отличие от эпизода с Нестором, где жесту сопутствовал глагол со значением «удивляться»). Поэтому В. Вересаев перевел эти контексты так: «улыбнулась пресветлая нимфа, глядя рукой» (V, 180) «улыбнулась богиня Афина // И Одиссея рукой погладила» XIII, 288). При синтаксических и видовых различиях, важно, что использован русский глагол, способный иметь и эмоциональную семантику, если, конечно, речь идет не об утюге.

Есть еще эпизод, где жесту сопутствует улыбка – это встреча Телемаха и Менелая, который, согласно Вересаеву, «Телемаха погладил рукой», а согласно Жуковскому – «потрепал по щеке» (IV, 610). По форме здесь расхождение в переводах, по сути – нет, поскольку оба переводчика, каждый на свой лад (более свободного обращения с подлинником у Жуковского, и более строгого, с меньшими отступлениями у Вересаева), гомеровскую формулу, как бы «расшифровали» передав ее психологический смысл. Ведь оба перевода подчеркивают, что жест – эмоциональная реакция на слова собеседника, так как и Телемах в диалоге с Менелаем, и Одиссей в разговорах с Калипсо и Афиной проявляют качества, вызывающие у собеседника одобрение, если не сказать – восхищение; оба (и отец, и сын) демонстрируют редкое умение прогнозировать события, благодаря чему их покровители знают, что могут быть за них спокойны. А когда Одиссей, подходя к собственному дому, откуда слышатся звуки музыки, неожиданно «берет за руку» своего слугу, то жест выражает всю глубину волнения человека, обретающего дом после многолетней разлуки. Поэтому в переводах Жуковского и Вересаева, в остальном имеющих существенные различия, здесь совпадение: «схватив его руку» (Вересаев), «Ухватясь за... руку» (Жуковский), то есть переводчика динамику жеста, несомненно усилили (а когда

руку нищему страннику протягивает козопас, что демонстрирует его приветливость и добрый нрав, то в переводах никакого усиления нет). Не забудем, что невозможность прикосновения для обитателей Аида – один из главных барьеров между ними и миром живых: речь-то Агамемнон в царстве мертвых сохранил, но коснуться Одиссея рукой, как того хочет, он не может, ведь прикосновение – это то, что свойственно только живым. Но и гомеровские формулы тоже «живые», и их фиксированность не означает однозначности их смысла, формулы меняют оттенки значений в зависимости от контекста и обстоятельств, они могут иметь ритуальное значение, а могут свидетельствовать об эмоциях, и невербальный жест в гомеровском эпосе, акцентируя чувства эпического персонажа, может обладать и *психологическим содержанием*. Это и отражено в переводах русских поэтов, ориентированных, хотя и по-разному, в первую очередь, на передачу художественных достоинств переводимого текста, а не на следование лишь лексической точности.

Литература

1. Данек Г. Одиссея и эпическая традиция. // Эпос и цитаты: изучая источники «Одиссеи». М., 2011. С. 5–32.

- Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М.; Л., 1964.
- Рыбакова И. В. О роли формул в «Аргонатике» Аполлония Родосского. Инодоевропейское языкознание и классическая филология-Х. СПб., 2006. С. 244–246.
- Савельева О. М. Из античной поэзии // Зарубежная поэзия в переводах Жуковского. М., 1985. Т. 1. С. 523–531.
- Таруашвили Л. И. Гомер в зеркале новоевропейских переводов. М., 2013.
- Тенерик Т. Ф. Прикосновение как событие: семантика жеста в «Одиссее» // Балканская картина мира. Sub specie пяти человеческих чувств. Балканские чтения–12. М., 2013.
- Толстой И. Н. Гнедич как переводчик «Илиады» // Гомер. Илиада / Пер. Гнедича; ред. и коммент. И. М. Тронского. Л., 1935. С. 101–107;
- Ярхо В. И. «Одиссея» – фольклорное наследие // Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. М., 2000.
- Ярхо В. И. В. А. Жуковский – переводчик «Одиссеи» // Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. М., 2000. С. 330–346.
- Hainsworth J. V. The flexibility of the homeric formula. Oxford, 1968.
- Nagler M. Spontaneity and traditions. A Study in the Oral Art of Homer. Berkeley, 1974.

Реникса, или Классическое образование в зеркале произведений А. П. Чехова

Л. В. Чернец

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

cherli65@yandex.ru

В пьесе А. П. Чехова «Три сестры» (1900) один из персонажей, «учитель гимназии» и «муж Маши» Федор Ильич Кулыгин, рассказывает, как в какой-то семинарии «учитель написал на сочинении „чепуха“, а ученик прочел „реникса“ – думал, что по-латыни написано...» (тексты А. П. Чехова цитируются по изд. [3]). В этом же (последнем в пьесе) действии на слова взволнованной Ирины о том, что «вчера произошло что-то» (случилась же ссора Тузенбаха и Соленого, приведшая к дуэли и гибели Тузенбаха), Чебутыкин откликается: «Реникса. Чепуха». В словаре Чебутыкина «реникса» оказывается в одном ряду со словом «та-ра-ра-бумбия», выражающего безразличия героя к себе и к другим («Та-ра-ра-бумбия... сию на тумбе я... Все равно!»), а также со спором о чехартме и черемше с Соленым, где собеседники не слышат друг друга, это «диалог глухих». Из смешного анекдота вырастает символ бесцельной и одинокой жизни.

Но слово «реникса» становится таким символом *только* в речи Чебутыкина, его равнодушие ко всему и прежде всего к самому себе – показное, за ним скрывается признание собственного бессилия, отчаяние: «думают, что я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего». И это демонстративное равнодушие менее страшно, чем ограниченность и самоуверенность Кулыгина, привыкшего, в качестве учителя, поучать других.

Каждое появление на сцене этого преподавателя древних языков ознаменовано произнесением латинских афоризмов, которые лишь в *его сознании* уместны в данной ситуации. В первом действии, преподнося имениннице Ирине свою книжку о гимназии (которую уже дарил ей «на пасху»), Кулыгин говорит: «Feci, quod potui, faciant meliora potentes». Во втором действии он выражает сожаление по поводу несостоявшегося вечера в доме Прозоровых: «o, fallacem hominum spem! Винительный падеж при восклицании...». В третьем – изрекает, хлопая по плечу пьяного Чебутыкина: «Молодец! In vino veritas, – говорили древние». В четвертом – вспоминает, помимо анекдота о рениксе, гимназиста-сокурсника, уволенного «за то, что никак не мог понять ut consecutivum». И тут же добавляет о себе: «А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею даже Станислава второй степени и сам теперь преподаю другим это ut consecutivum». Жена Кулыгина, Маша, в ответ на его очередное признание в любви (он это делает прилюдно во всех действиях), отвечает «сердито»: «Amo,amas, amat, amatus, amatis, amant». Как говорит Ирина о Маше, «она вышла замуж восемнадцати лет, когда он казался ей самым умным

человеком. А теперь не то. Он самый добрый, но не самый умный». «Ut consecutivum» помогает ему особенно не вдумываться ни во вздорные предписания начальства, ни в переменчивые настроения Маши.

Образ Кулыгина – вариант типа «человека в футляре», и роль «футляра» здесь играет ни в чем не повинная латынь. Аналогичную роль выполняет древнегреческий язык в рассказе «Человек в футляре» (1898), хотя характер Беликова, «учителя греческого языка», гораздо одностороннее и одиознее: он и «не самый умный», и «не самый добрый», но просто злой. В «футляре», которым он окружил себя, огромное место занимали «древние языки, которые он преподавал», они «были для него в сущности те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни». «– О как звучен, как прекрасен греческий язык! – говорил он со сладким выражением; и как бы в доказательство своих слов, прищуривал глаза и, подняв палец, произносил: – Антропос!». Его комплимент пению Вареньки передавал его лингвистическое пристрастие: «– Малороссийский язык своею нежностью и приятно звучностью напоминает древнегреческий». Все это было бы *только* смешным, если бы он не «держал в руках всю гимназию целых пятнадцать лет», и не только гимназию, но и «весь город», где под его влиянием «стали бояться всего». Это редкий у Чехова гротеск. Само название рассказа, выражающее прямую авторскую оценку, не характерно для писателя, признававшегося в письме к А. С. Суворину от 1 апр. 1890 г.: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам». Повидимому, заглавие «Человек в футляре» мотивировано введением рассказчика Буркина, ведь в тексте рассказа это его определение. Но оно стало номинацией литературного типа.

Беликов и Кулыгин – *разные* характеры, но их сближает «футляр». К этим учителям-классикам можно присоединить, на основании доминантной черты – стремления спрятаться в «футляр» от сложностей в жизни, учителя географии и истории Ипполита Ипполитыча из рассказа «Учитель словесности» (1894). Русские фразы, которые он повторял даже в предсмертном бреду: «Волга впадает в Каспийское море... Лошади кушают овес и сено...» – тоже разновидность «готового языка», над которым неизменно иронизировал Чехов. Но все-таки, если оставаться в рамках гимназической программы, в роли «футляра» трудно найти более подходящий предмет, чем греческий и латынь. Хотя, конечно, любое знание можно предельно формализовать и выхолостить: так, для Ипполита Ипполитыча «самым нужным и

самым важным считалось... по географии черчение карт, а по истории – знание хронологии...».

Контраст между драматизмом жизни, реальными интересами детей и схоластикой гимназического образования всегда волновал Чехова. Один из пронзительных ранних рассказов, где комически заострено противоречие между целью гуманитарного образования и совсем не гуманными средствами его внедрения, – «Случай с классиком» (1883). Бедного Ваню, «порезавшегося» на страшном экзамене по греческому (он «вместо того, чтоб сказать „ойсомай“, сказал „опсомай“»), по просьбе мамы сечет «умный» жилец, предварительно прочитав целую речь («о науке, о свете и тьме»). «Опсомай», «феникса» – печальные итоги изучения древних языков запуганными детьми.

Тема классического образования надолго стала предметом особенно жарких споров в русском обществе после принятия в 1871 году Устава об учебных заведениях, по которому путь в университет открывался только для выпускников гимназий и духовных семинарий; окончившие же реальное училище шли в специальные институты: Технологический, Горный и пр. «Реальное образование вообще, а естественные науки в частности, стали лозунгом демократической публицистики, воспринимавшей классическое образование „с мертвыми языками“ как символ реакции и

консерватизма» [1: 674]. Частой мишенью юмористики и сатиры стал преподаватель-классик, а также любой защитник классического образования. Характерно, что в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», где за обедом у Облонских спорят об «истинном образовании», в пользу «классиков» высказывается Каренин: «Мне кажется, что нельзя не признать того, что самый процесс изучения форм языков особенно благотворно действует на духовное развитие. Кроме того, нельзя отрицать и того, что влияние классических писателей в высшей степени нравственное, тогда как, к несчастью, с преподаванием естественных наук соединяются те вредные и ложные учения, которые составляют язву нашего времени» [2: 425].

Номинация «человек в футляре» введена Чеховым, и этот тип – сквозной в его творчестве. Но варианты «футлярного» поведения изображались и раньше. Один из самых ярких прецедентных образов – толстовский Каренин.

Литература

1. Раскин Д. И. Образование и учебные заведения в России XIX – нач. XX в. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1999. Т. 4.
2. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1981. Т. 8.
3. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1974–1983.

Нарративный текст в аспекте стилистики

А. Я. Эсалнек

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

essalnek@yandex.ru

Сравнительный подход является универсальным принципом исследования, используемым и функционирующим в разных областях филологии. Данный подход незаменим при выявлении и изучении таких типологических явлений, как жанр, род, метод, течение, направление. Что касается стилистических аспектов художественных произведений, то их изучение в сравнительном плане оказывается чрезвычайно продуктивно, когда речь идет о произведениях лирического рода, поскольку содержательность лирики, ее медитативная направленность реализуется прежде всего и более всего в словесной организации текста, а значит, проявится в ее стилистической окраске.

Если речь идет о повествовательных произведениях, т. е. текстах нарративного характера, к которым относятся рассказ, повесть, роман и т. п., то стилистический анализ требует особого подхода, поскольку структура такого рода текстов обладает своей спецификой. Повествовательные тексты, как и лирические, создаются с помощью слов, но словесная их организация неоднородна: она как бы таит в себе два пласта – речь героев, их диалоги и монологи, и речь повествователя, чьими словами называются и обозначаются все особенности предметно изображенного мира (детали предметной изобразительности), включая и речь персонажей.

Если размышлять о стилистике, то вряд ли целесообразно оценивать с этой точки зрения речь персонажей, например, речь Базарова или Карамазова, хотя это возможно. Стилистический анализ правомерен, закономерен и продуктивен именно при рассмотрении речи повествователя, поскольку через его речь, доносящую рассказ (нарратив) о произошедшем, читатель получает возможность понять смысл изображенного, почувствовать и осознать его эмоциональную оценку.

Конкретное своеобразие такой речи зависит от типа повествователя. Конечно, вариантов повествования столько, сколько художественных произведений, но большинство из них могут быть отнесены к нескольким типам. Первый,

наиболее распространенный тип представлен повествователем, который специально не позиционирует себя, говорит (пишет) от третьего лица и тяготеет к нейтральному типу речи, что, однако, не исключает эмоциональности, которая не навязывается читателю и часто не замечается им. Такого повествователя, как правило, отождествляют с автором, хотя по существу они не тождественны. Подтверждение этому найдем в творчестве Толстого, Гончарова, Тургенева и многих писателей XIX–XX вв. Неявный повествователь, но более эмоциональный, присутствует в «Шинели» Гоголя, стилистическая структура которой блестяще проанализирована Б. М. Эйхенбаумом. Когда в роли повествователя выступает главный или один из главных героев, он обладает большими правами на свое видение и оценку происходящего, что отражается в его речи и дает материал для стилистического анализа (Гринев в известной повести А. С. Пушкина, господин Н. в повести И. С. Тургенева «Ася» и т. п.). Еще один тип повествователя представлен персонажем, который мало участвует в действии, но явно знаком с действующими лицами и является наблюдателем, рассказчиком или, как говорят применительно к романам Достоевского, хроникером («Бесы», «Братья Карамазовы»). Его речь, как правило, весьма примечательна и заслуживает стилистического анализа. Еще более сложный вариант речевого и стилистического оформления предложен А. С. Пушкиным в «Повестях Белкина», где Белкин как бы излагает истории, услышанные им от разных лиц – они обозначены инициалами А. Г. Н., К. И. Т., но за всеми ними стоит автор, что создает сложную стилистическую палитру. Эти повести с подобной точки зрения многократно исследовались учеными, в том числе В. Е. Хализевым. Можно было бы наметить еще ряд типов повествования, но в данном случае важно было обозначить принцип, способствующий стилистическому подходу к нарративным текстам. Примеры в виде цитат и ссылок на конкретные тексты предполагаются в развернутом тексте доклада.

Секция

Переводоведение и проблемы сопоставления русского языка с другими языками

Деметафоризация креолизованного рекламного текста как игровая реконструкция его смысла (на материале российской и англоязычной рекламы)

Л. П. Амири, Дж. Фулер

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), Indiana University (Ballantine)

liudmila.amiri@gmail.com, gfowler@indiana.edu

Языковая игра, рекламный дискурс, буквализация метафоры.

Summary. The paper is devoted to the discussion of demetaphorization in advertising discourse, i. e., direct interpretation of a metaphor's literal content. This device is used in order not only to enrich the advertising text with one additional, intriguing interpretation, but also to attract the recipient's attention to certain aspects of the text.

Деметафоризация, или буквализация метафоры по праву может быть названа одним из самых интересных приемов создания неоднозначности, или семантического расширения смысла текста в рекламном дискурсе. Данный прием как нельзя лучше позволяет достигнуть воплощения основополагающего принципа создания эффективного рекламного текста, а именно: максимум информации – минимум текста. Под деметафоризацией мы понимаем «стилистический прием, состоящий в намеренно прямом (буквальном) прочтении (интерпретации) метафорического выражения („обратный ход“ от переносных значений слов к их прямым значениям)» [1: 272]. Если П. Рикер говорил о том, что «понимание метафоры подобно дешифровке кода или разгадыванию загадки» (цит. по [3: 82]), то в случае буквализации метафоры смысл такой дешифровки, или декодирования всегда носит обратный характер – не от прямого к переносному, но от переносного к прямому.

Следует отметить и тот факт, что деметафоризация является обусловленным языковым явлением. В качестве условия осуществления буквализации метафоры может выступать как сам контекст, так и визуальное наполнение рекламного пространства на базе которого и представлен сам рекламный текст. В рамках выполняемой работы нас интересуют в первую очередь креолизованные рекламные тексты, ср.: «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [2: 180].

«Не жди, что работа свалится тебе на голову. Ищи вакансии на JOB.RU» (реклама интернет-сайта «Job.Ru»). На картинке мы видим идущего по улице человека в форме повара, на которого сверху ему на голову летит кухонная плита. Данный креолизованный текст отличается от выше-рассмотренных тем, что здесь вербальный компонент также способствует деметафоризации рекламного текста.

Буквализация метафоры часто осуществляется за счет расщепления составляющих компонентов метафорического выражения или фразеологизма на самостоятельные лексические единицы, употребляемые в их прямом словарном значении, ср.: «Пора рубить капусту!» (реклама ОАО «МММ»). Рекламный слоган сопровождается изображением топора, вонзенного в буквальном смысле в капусту, ср. сленг. *капуста* – «деньги».

Рекламный слоган «Say it with your eyes!» (реклама линз «Focus DAILIES») (перевод с англ. *Скажи взглядом!* или буквально – *Говори глазами!*) был разработан для одноименной рекламной кампании, представленной как рекламными постерами и билбордами, а также видеороликами. Невербальный компонент изображает внутренние, скрытые желания персонажей – парня и девушки – в буквальном смысле. Мы видим глаза людей в виде человеческих фигурок, у которых в виде головы глаз. Фигурки изображают различные позы, в основном, демонстрирующие влечение друг к другу. Так, например, фигурки глаз молодых людей,

сидящих недалеко друг от друга в кинотеатре, сливаются в тесном объятии, хотя молодой человек сидит рядом со своей девушкой и держит ее за руку.

В рекламном тексте «*Топай по-хорошему!*» (реклама коврового коврика) также имеет место обыгрывание прямого значения глагола *топать* – *идти, издавая громкие звуки ногами*, в то время как наречие *по-хорошему* употребляется для обозначения коврового хорошего качества, ср.: 1) *Проваливай отсюда по-хорошему*; 2) *Топай по чему-нибудь хорошему!*, *Топай по-нашему хорошему ковровину!*

Интересно, что креолизованный текст может реализовать прием буквализации метафоры без ее вербальной реализации. Так, в рекламе автомобиля «БМВ» присутствует только надпись на англ. языке, которая гласит: «*New Mini Coupe Share Driving Pleasure*», на переднем плане мы видим ноги мужчины у которых лежат его глаза в прямом смысле. В данном случае имеет место буквализация англ. метафоры “eye-rapping”, ср.: с русским «Глаза на лоб лезут». Таким образом, можно отметить тот факт, что невербальный компонент обладает большей выразительной силой сам по себе, вне совокупности с вербальным компонентом [4].

Интересно, что не имеющий негативной оценки вербальный компонент может приобретать ее в ходе самого процесса деметафоризации через сопроводительный невербальный компонент. Так, безобидный по своей лексической наполняемости креолизованный рекламный текст «Размножаем деньги» (реклама ОАО «МММ») можно рассматривать как деметафоризованный, благодаря его невербальному компоненту – картинке, на которой изображено слияние рубля и доллара в прямом смысле.

Сопоставительно-сравнительный анализ текстов российской и американской рекламы показывает, что и в той, и в другой порождение нового контекста позволяет не только создать двойной пласт информации, но и побудить реципиента повторно обратить свое внимание на содержание рекламного текста. Именно повторное ознакомление с вербальными и невербальными составляющими креолизованного рекламного текста порождает желание «интерпретировать» его смысл и увеличивает вероятность его запоминания на более глубоком психоэмоциональном уровне.

Понимание часто лежит на поверхности и в случае использования приема буквализации заключается в дешифровке текста относительно сопровождающего его невербального компонента.

Расщепление компонентов языковой единицы в случае использования приема буквализации представляет собой производство смысла путем попытки восстановления утерянных истоков выражения. Данный прием обладает продуктивным характером, поскольку позволяет актуализировать еще и второй пласт языковой реальности.

Высокий эстетический уровень выразительности достигается за счет двойного декодирования рекламного текста. Конечно, экспликация скрытого, двойного смысла не всегда является гарантом успешного запоминания того или иного

рекламного текста, но тем не менее прием буквализации увеличивает шансы на запоминание рекламного текста реципиентом – современным потребителем на подсознательном уровне.

Литература

1. Дамм Т. И. Комические афоризмы в современной газете // Русская речь. 2002. № 5.

2. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
3. Сыров В. Н. Об эвристическом потенциале метафоры // Критика и семиотика. 2007. Вып. 11. С. 78–92.
4. Rosa V. M., de la. The Role of Pictorial Metaphor in Magazine Advertising // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. 22 (2009). P. 167–180.

Французская и русская реклама: некоторые аспекты сопоставительного изучения

И. Я. Балабанова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт языка

iranabalaban@mail.ru

Реклама, французский и русский языки, аналогичность, контрастивность.

Summary. The report provides the comparative lighting of Russian and French advertising and revealed a number of their contrastive features.

Франко-русские отношения восходят еще ко временам Киевской Руси и точки соприкосновения сотрудничества наших государств обнаруживаются в самых разных областях. Франция, в особенности Париж, всегда являлись объектом притяжения и восхищения: «Всемирная столица искусств и мод, вкусов и развлечений, славы и гастрономии, парфюмерии и любви – о далекий, манящий, загадочная звезда, сказочный Париж <...>, хрустальная мечта, магнетическое сияние, недостижимый идеал всех городов, искус голодных душ» [3: 479].

Начиная с XVIII – первой половины XIX века в России наблюдается повышенный интерес к достижениям европейской, особенно французской культуры. «Российские франты и кокетки готовы были выкладывать немалые деньги, чтобы соответствовать последнему слову французской моды» [4: 172].

На стыке XX–XXI веков контакты России и Франции учащаются, увеличивается товарооборот. «Современная французская реклама выделяется своим остроумием, очарованием и красивым художественным решением... Как и сто лет назад, к особенностям французской рекламы можно отнести повышенное внимание к эстетическим составляющим рекламной коммуникации. Французская реклама занимает достойную нишу на мировом рынке и находит не только своих потребителей, но и ценителей» [2: 66]. Тем самым оправдывается высказывание Р. Барта по поводу великого Французского слова: «сей священный товар (своего рода Национальное имущество) производится, преподается, потребляется и вывозится на экспорт в рамках высшей экономики духовных ценностей» [1: 137]. Что касается истории рекламы в России, то с 1991 года в нашей стране сменилось как минимум три парадигмы рекламы, каждая из которых была эквивалентна десяткам лет эволюции рекламы западной [5: 16].

Система оценочных операторов в русском и французском языках и предпочтений того или иного товара со стороны русских и французов, безусловно, является неадекватной, т. к. вся (или почти вся) французская парфюмерная и косметическая продукция воспринимается в России как лучшая, тогда как у французского потребителя более дифференцированный взгляд на нее.

Сопоставляя русскую и французскую рекламу по ряду основных параметров – императивность, оценочность, экспрессивность – отметим, что императивность рекламного текста является его ведущей, характерной чертой. При этом активизируются такие значения директивов, как предложение, совет, рекомендация, призванные при их повторении и настойчивости убедить адресата в необходимости приобретения товара, получении предлагаемых услуг или заставить это сделать (прежде всего за счет эмоционально-экспрессивных форм речи). Если в русских рекламных текстах императив носит более категоричный характер и преследует цель активного подталкивания к действию, то французские формы императива отличаются большей тонкостью, незаметностью вовлечения адресата в сферу воздействия. В отличие от русских рекламных текстов, призывающих к конкретным действиям, французская реклама не

использует резких побудительных конструкций, прибегая к переносным значениям. *Plongez dans ce gel drainer votre corps* (Окунитесь в этот гель). *Succombez tout de suite à cette nouvelle source de jeunesse* (Уступите немедленно этому новому источнику молодости). *Réveillez votre couleur sans effet racines* (Пробудите ваш цвет). *Entrez dans un monde de Beauté et de Bien-Être* (Войдите в мир Красоты и Прекрасного самочувствия).

Рекламный текст с целью наибольшего воздействия на адресата, как правило, должен отличаться известной образностью, нестандартностью, игрой слов в плане пересечения буквальных и переносных значений, что стимулирует его метафоричность и экспрессивность. Например, французские рекламные послания обращаются к адресату – гурману в прямой или завуалированной форме, благо французская кухня считается одним из общепризнанных мировых лидеров в этой области.

Nos régions ont du talent, c'est un pied de nez à la banalisation, une fête pour tous les régions, pour tous les amoureux de l'authentique gastronomie française (для всех влюбленных в истинную французскую гастрономию...).

Recommandée pour une alimentation saine et équilibrée, l'huile d'olive cuisinée ou en salade, offre sa saveur douce ou ardente, fruitée ou légère, à tous ceux qui savent apprécier les joies et les plaisirs de la vie (...для тех, кто умеет ценить радости и удовольствия жизни...).

Французская реклама более оригинальна в своих решениях: *Gourmandises pour la peau. Ne résistez pas, c'est trop bon* (Лакомство для кожи. Не сопротивляйтесь, это слишком вкусно). *Une journée difficile? Revêtez votre crème pyjama* (Трудный день? Оденьте свой крем-пижаму).

В целом ряде случаев текст русской рекламы находится под значительным воздействием французской и носит характер переводного, русскому языку подобные структуры не свойственны. Это связано с тем, что русский язык отличается синтетическим строем, а во французском в большей степени представлен аналитизм. *Elseve. Верните Вашим волосам объем и плотность! Освободите свою кожу от сухости. Diminish. Estee Lauder. Обеспечьте коже дополнительную поддержку.*

Различие русской и французской рекламы состоит, с одной стороны, в том, что русская реклама отражает общее состояние современной публицистической речи, ее тенденции к смешению книжно-литературных и разговорных стилей, включение слов из молодежного сленга, жаргонизмов и т. п., с другой – она вбирает в себя специфику жанра, что отражается в ее структуре, приоритете таких категорий, как побудительность и оценочность, непосредственно входящих в прагматическую заданность. Наличие оценочно-квалификативных синонимических и эквивалентных рядов, более свойственные русской рекламе, можно связать с явлением вариативности как свойством русской ментальности. Французская реклама отличается большей метафоричностью и мастерством в ее использовании, она менее склонна к снижению стиля. Часть рекламных текстов на русском языке создается в непосредственной ориентации на исходные французские тексты, в связи с чем именуются некоторые

отступления в использовании слов и выражений сравнительно с русским языком.

Литература

1. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 297–318.

2. Вахрушев О. А. Некоторые особенности современной французской рекламы: эмоциональный компонент // Французский язык и культура Франции в России. XXI век. Н. Новгород, 2004. С. 65–67.
3. Веллер М. Рассказы. М., 2006.
4. Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. СПб., 2002.
5. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. СПб., 1999.

О комплексе коммуникативных параметров, формирующих стереотип англичанина в звучащем художественном тексте

М. А. Балдова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mabaldova@gmail.com

Коммуникативный уровень языка, коммуникативный национальный стереотип, семантический анализ.

Summary. The report is devoted to the basic parameters of the national communicative stereotype of Englishman and the communicative means of their realizations in sounding pieces of art.

Настоящий доклад выполнен в рамках направления семантического анализа коммуникативного уровня русского языка, основные термины и понятия которого изложены в работах М. Г. Безяевой [1]; [2]. Коммуникативная семантика отражает соотношение позиций говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации, что позволяет актерам и режиссерам, не меняя материал номинативного уровня, вносить новые идеи и смыслы, которые отсутствуют или едва намечены в оригинале произведения. На коммуникативное поведение персонажей могут оказывать влияние национальные стереотипы, которые можно обозначить как уникальное собрание определенных психологических свойств, специфичных для некоторой социально-этнической группы. На основе этнического стереотипа формируется так называемый национальный коммуникативный стереотип, под которым мы понимаем некоторый немодифицируемый набор коммуникативных параметров, который формирует поведение персонажа, отражающее наше представление об определенной нации. Необходимо подчеркнуть, что значимым является не только наличие или отсутствие определенной характеристики в коммуникативном стереотипе (так, к примеру, параметр нормы может входить в стереотипы разных социумов), но их сочетание и взаимодействие.

В настоящем докладе анализируется комплекс параметров, формирующих коммуникативный стереотип англичанина в русском звучащем диалоге.

Отметим основные характеристики, которые, как показывает анализ материала, свойственны представлению русских об англичанах: 1) это немодифицируемость коммуникативного поведения в самых разных ситуациях, 2) отсюда возникает запрет на проявление искренних эмоций, эмоциональная сдержанность: говорящий может продемонстрировать свое отношение к чему-либо лишь определенным образом, одобряемым социумом; 3) константная вежливость даже в критической ситуации; 4) знание нормы и, соответственно, постоянное следование норме; 5) дистанцированность; 6) компетентность. Рассмотрим далее основные коммуникативные единицы русского языка, используемые для реализации этих параметров в звучащем художественном тексте.

Так, например, такая характеристика как немодифицируемость коммуникативного поведения (и, как следствие, эмоциональная сдержанность) выражается, в первую очередь, с помощью значимого отсутствия собственно коммуникативных средств: важным будет неиспользование таких единиц в ситуациях, резко отклоняющихся от нормы, значимых для собеседников. Особенно это отсутствие заметно в тех диалогах, где встречаются представители разных наций, например, русский и англичанин: на фоне обилия коммуникативных средств у одного персонажа, значимым становится отсутствие подобных конструкций у другого в одной и той же ситуации. Те же коммуникативные единицы, которые вдруг появляются в речи «англичанин», зачастую связаны с параметром нормы: например, *же* – должное, не имеющее места, *это* – должное или недолжное, имеющее место, *так* – соответствие или несоответствие информации представлениям о норме, *да* – адекватность – неадекват-

ность позиции слушающего и ситуации с точки зрения одного из собеседников, *что* – параметр знания – незнания ситуации, в том числе и знания сложившейся нормы ситуации и нормы в ситуации. Параметр нормы в речи выражается в том числе с помощью назализации (отсылка к знанию нормы), ИК-1 (ввод информации как не выходящей за пределы нормы) и ИК-2, чье значение «выбор одного варианта из множества возможных» также указывает на знание нормы. Параметр эмоциональной сдержанности реализуется в речи с помощью ИК-1: информация подается как соответствующая норме, несмотря на внутренний накал эмоций. И, напротив, в анализируемом материале достаточно редко встречаются ИК-5 и ИК-7, что актуализирует такой параметр как запрет на проявление искренних эмоций. С фонетической зрения эта характеристика выражается с помощью неизменно медленного темпа речи (несмотря на обстоятельство, влияющие на внутреннее состояние говорящего) и монотонности.

Дистанцированность актуализирует частое использование ИК-4, которая имеет параметр соотношения позиций говорящего, слушающего и ситуации. На этот же параметр работает низкий фонетический регистр (особенно, если есть контраст с представителем другой нации). Дистанцированность может также передаваться с помощью антонимического развертывания значения модальной реализации ИК-2 \wedge \wedge : отсутствие включения в личную сферу. Отметим частое употребление клишированных конструкций, относящихся к высокому стилю: (к примеру, «*Как вам будет угодно*», «*Почту за честь*», «*У меня нет оснований сомневаться в этом*», «*Мадам так любезна*», «*Прошу пожаловать ко мне*»), причем в переводных текстах часто нейтральные фразы оригинала заменяются выражениями высокого регистра. Подобные лексические конструкции также работают на параметр константной вежливости. Этот же параметр реализуется с помощью ИК-3, которая имеет значение «учет позиции собеседника», однако, здесь будет лишь средством формальной вежливости, а не искреннего внимания к словам оппонента.

Параметр компетентности выражается, в первую очередь, с помощью ИК6, которая указывает на некую неназванную информацию, доступную лишь избранным. Отметим использование таких единиц как *ведь* со значением единства знаний, мнений, представлений говорящего, слушающего, социума и *что*, так же актуализирующей параметр знания-незнания ситуации.

Необходимо подчеркнуть, что выделенные нами параметры коммуникативного стереотипа англичанина и средства, с помощью которых этот стереотип реализуется в речи, повторяются в фильмах самых разных эпох и жанров: от русской экранизации английской классики до переводов современной романтической комедии.

Литература

1. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня русского языка. М., 2002.
2. Безяева М. Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2005. С. 105–129.

Лексико-семантические интерпретации текстовых единиц в оригинале и переводе повести Д. Рубиной «Камера наезжает»

Д. Б. Березний

Кубанский государственный университет (Краснодар)

dmitriy-berezniy@yandex.ru

Интерпретация текста, языковое сознание, языковая ментальность.

Summary. This paper is devoted to the issues with text interpretation as relevant for the translation into a foreign language. A number of examples are given to support the idea that the adequate text interpretation is impossible due to differences in language mentalities.

Вопрос интерпретации художественного текста в современной лингвистике продолжает оставаться весьма актуальным и вместе с тем довольно сложным. Изучение и адекватность передачи национально-культурных особенностей художественного текста-оригинала в процессе перевода имеет важное значение с точки зрения наиболее успешного осуществления межкультурной коммуникации. Из-за языковых и культурных несовпадений оригинала и перевода, а также ввиду необходимости «адаптации» оригинала в чуждой ему языковой и культурной среде при переводе происходит неизбежная смысловая деформация исходного текста.

Сопоставительный анализ текстов произведений Дины Рубиной на русском (язык оригинала) и французском (язык перевода) языках наглядно подтверждает вышесказанное. Целью анализа явился интерес пронаблюдать, при помощи каких лексических единиц выражается значение и насколько полно та или иная единица переводного текста передает смысл текста оригинала.

Анализ лексического состава текстов повести «Камера наезжает» [1]; [2] показал, что неоднородный состав лексики исходного текста вызвал определенные трудности при переводе. Так, например, ЛЕ «тюремная параша», «не фонтан», «ахинея» переведены на французский язык нейтральными «des latrines de geôle» (отхожее место в тюрьме), «pas terrible» (ничего особенного; дословно – не ужасно) и «divagation» (отступление *от темы*) соответственно.

Великолепно автору удается передать колорит живой речи героев. Будучи абсолютно разными по происхождению и принадлежности к определенной социальной группе, все они наделены автором индивидуальными речевыми особенностями, что вызвало, по нашему мнению, наибольшие трудности при интерпретации. Так, например, герой по имени Ласло Томаш, венгр, понятия не имел о редукции гласных в русском языке, к тому же картавил от рождения. В тексте эта особенность его речи передана графически: «Вехоятно, *собихался* не пускать... Но я его *схазу* выхубил». Во французском переводе слова героя даны без нарушения литературной нормы: «Telle était son intention, je suppose... Mais je l'ai foutu KO d'entrée». Более того, если посмотреть на подстрочный перевод последней фразы (Этот имел намерение, я полагаю. Но я его сразу уложил в нокаут), то мы увидим изменение первичного смысла: «вырубить» заменено на «уложить в нокаут».

Ярка речь героев-узбеков, с большим трудом постигающих русский язык. «Есть хороши артыпедишка басаножья» переведена на французский практически без искажения «ils me soufflaient à l'oreille cette phrase intime colorée d'accent ouzbek: «Y a belles sandales orthopédiques» (они мне шептали на ухо эту интимную фразу, окрашенную узбекским акцентом: «Есть красивые ортопедические сандали»). Переводчик добавляет слова «окрашенную узбекским акцентом», чтобы сообщить читателю об этой особенности речи героя. Нарушение русской литературной нормы во французском варианте частично восполняется формой «у а» – разговорным вариантом фразы «il у а» («есть, имеется»). Или фраза «Там эта... девчонка живет... – помявшись выговорил он» переведена как «lui, tout gêné : – Euh, là où vit une fille» (он, весь стесняющийся – Эээ... Там, где живет девушка). Во французском варианте нарушен порядок слов, к чему прибегает переводчик, чтобы таким образом показать ошибки в речи героя.

В другом отрывке герой-узбек перед уроком музыки жалуется другу на строгость своего преподавателя: «Урок иду... Умирайт хочу... Мой «джеляб» такой злой! У меня от страха перед каждый занятий – дрисня» – «J'ai leçon... Mourire je veux... Mon djalab si méchant... De peur avant chaque leçon je chiasse...» (У меня урок... Умереть я хочу... Мой джалаб такой злой... От страха перед каждым уроком я понос). Недостаточное владение русским языком во французском переводе подается за счет нарушения порядка слов и отсутствия глагола в последней фразе: после личного местоимения je (я) вместо глагола употреблено грубо-просторечное существительное chiasse со значением «понос».

Другим интересным примером может служить речь героев-иностранцев, выходцев франкоязычных африканских республик: «Идьём съюда! Будет карашо!!» – «Viens ici! ce sera bien!» – переведена без нарушения нормы. Или, например, «Мадемуазель!! Ты убьезжал, суким, бильядам!!» – «Mademoiselle! Toi enfuie! salop! pute!» (Мадемуазель! Ты убежала! шлюха! проститутка!). Частично нарушение нормы героев в русском тексте передано в тексте перевода за счет нарушения нормы французского языка: литературная форма «tu t'es enfuie» заменена на «toi enfuie».

На примере несовпадения отдельных слов также хорошо прослеживается разница в языковой ментальности русского и французского народов. Русское «шпана» переводчик перевел как «des droits communs» («уголовники»), «конвойная харя» – «mon maton» (мой охранник), «давая пинков» – «en me pressant» («торопя меня»), «сука» – «fumier» («дерьмо, подонок»), «насобачиться» – «faire mes armes» (усеченное от faire ses premiers armes – «получить боевое крещение»), «выпивоха» – «soiffard» («пьяный»), «допросишься» – «si tu me cherche, tu me trouveras!» («если ты меня ищешь, ты меня найдешь»), «торжественная дура» – «une idiote gouale» («королевская идиотка»), «сукин сын» – «un enfant de salaud» («ребенок мерзавца») и др. Что касается последнего, то интересно, что во французском языке «salaud» является существительным мужского рода, не имеющим во французском языке эквивалента женского рода, т. е. характеристика принадлежности лица (если речь идет в первую очередь об отрицательной черте) для французов определяется по отцу, а не по матери, хотя не всегда так.

Окказионализм в предложении «Главную роль козочка захочет подарить своему хамёнку» («хамёнок» образовано от слова «хам» при помощи суффикса «-ёнок» со значением «лица, характеризующегося детскостью, незрелостью») заменена на уничижительное «réjection» («отпрыск») – «la biquette va vouloir offrir le premier rôle à son effronté de réjection» («козочка захочет подарить первую роль своему наглецу-отпрыску»).

Эти примеры служат ярким подтверждением различий в системе языков, а стало быть, и языковой ментальности народов, говорящих на разных языках, ввиду чего невозможно создать текст перевода, который был бы точной функциональной и коммуникативной копией оригинала.

Литература

1. Рубина Д. И. Камера наезжает... М., 2009.
2. Rubina Dina. Zoom avant. Paris, 2006.

Национальная специфика коннотации и ее место в обучении переводу болгарских русистов-магистрантов

И. Л. Бирова

Софийский университет (Болгария)

ilk31@abv.bg

Коннотация имен, национальная специфика, асимметрия, русский и болгарский языки, обучение студентов-переводчиков.

Summary. This paper deals with a connotation of the names in Russian and Bulgarian and its national specificity. The author examines examples of different connotation in both languages. There is a necessity of special training regarding connotation in translation education of students philologists.

Коннотативное значение имен определяется как дополнительное, эмоционально-экспрессивное и стилистическое значение, которое осложняет и обогащает основное значение и создает подтекст, как сопутствующее смысловое приращение языковой единицы. Между близкородственными языками, какими являются русский и болгарский, в плане семантического анализа выделяются 2 типа отношений: семантическое тождество и асимметрия. К асимметрическому типу соответствий относится коннотативное значение имен в обоих языках. Это значение широко распространено в разговорной речи, художественном стиле и медийном дискурсе. Коннотативное значение имеет свою национальную специфику, отражающую ментальность народов и условия жизни. Это значение все более широко находит место в современных толковых и переводных словарях.

Исследование коннотации имеет прямую связь с теорией и практикой перевода, а, следовательно, с подготовкой будущих переводчиков. Коннотация трудно поддается передаче в переводе, что ведет к неизбежным потерям. Автор статьи предлагает применять системный сопоставительный подход в описании коннотативных значений в обоих языках, который включает и возможные переводные соответствия. В целях подготовки русистов-переводчиков формируется база данных, в которую входят слова с частично или полностью несовпадающей коннотацией.

В статье рассмотрены в сопоставительном плане примеры различной степени расхождения коннотации русских и болгарских имен существительных, которое выражается в наличии положительной или отрицательной коннотации данного слова в одном языке и ее противоположность или отсутствие в другом языке. Сделан анализ с точки зрения национальной культурной специфики коннотативных значе-

ний, приведены возможные соответствия. Чаще всего это явление наблюдается в словах, обозначающих типичные для данной страны деревья, растения, животных, виды пищи.

Кизил, герань – нейтральная коннотация в русском языке: *кизильное варенье, кизильный кустарник*

Дрян, здравец – сильно положительная коннотация в болгарском языке – символ здоровья и долголетия: *китка здравец (пучок герани), дрянова пръчка, суровачка (кизильная ветка).*

Дуб – негативная коннотация – разг. о нечутком, тупом человеке: *Твой приятель – редкостный дуб. Что стоишь дуб дубом?* (неподвижно, не соображая)

Дъб – положительная коннотация в болгарском языке – *о здоровом и сильном человеке, на которого можно положиться.*

Черемуха – сильно положительная коннотация – символ весны; в народном творчестве – символ нежности, чистоты, любви.

Песекиня – нейтральная коннотация (подходящие болгарские соответствия русской черемухе по своей образной ассоциации – это слова *слива, черешня*, распустившаяся слива, черешня – символ весны для болгар).

Специальное исследование и изучение несовпадающих коннотативных значений имен в русском и болгарском языках является обязательной частью университетской подготовки болгарских русистов-переводчиков в сфере художественно-го стиля и медийного дискурса.

«Удвоение» в структуре текста: к истории ново найденного перевода трагедии Гёте «Фауст»

Г. М. Васильева

Новосибирский государственный институт международных отношений и права

vasileva_g.m@mail.ru

Рукописная тетрадь, перевод, дискретность, двойная соотношенность.

Summary. The paper focuses on the Goethe's translation of «Faust», which wasn't brought into scientific use. The work is unique because the translator creates «pleonasm effect» using a kind of «duplication». The writer brought his text into correlation with the national literary system. It defined the fact that translation was «double» oriented. Sounds, morphemes, words, syntagmas, sentences (and more extensive parts of the text) are highly repetitive, up to the semantic assimilation of concepts and symbols.

В отделе редких книг научной библиотеки Казанского университета нами обнаружен неизвестный перевод – «Фауст и Маргарита Гёте», «съ немецкой переделки для сцены» (СПб., 1880). Данный текст не введен в научный обиход. Безымянный сочинитель скрылся под монограммой Н. Б. «Литературная маска» выступает под литеральной номинацией. Рукописную тетрадь без авторской пагинации так и не превратили в стройный печатный экземпляр. Цензурное разрешение придает тексту значение ситуации последнего слова. Уникальность перевода заключается в том, что автор, с помощью своеобразного «удвоения», создает эффект «плеоназма». Он проявляется на всех уровнях, участвующих в семантико-смысловом функционировании текста (грамматика, тропика, и т. д.). Созданию эффекта «плеоназма» способствуют жанровые и стилистические приемы: набор фабульных клише, паремическая мифология, эмфатический стиль, редупликация, итерация, избыточные синтаксические конструкции.

Автор, вступая в сотворчество с Гёте, соотносил свой перевод, в первую очередь, с национальной литературной си-

стемой. Именно в ней произведение должно было стать (но не стало) «литературным фактом». Отсюда – характерное явление «двойной соотношенности» текста. Если одно высказывание передается внутри другого, возникает интерференция двух мировоззренческих перспектив, двух контекстов. Для разработки чужеземного сюжета отыскиваются материалы в русской традиции. За мотивами, восходящими к иноязычному источнику, просматриваются его славянские аналоги и славянизмы. Приведем несколько примеров. «Какъ попадьа, я не боюсь чертей – / За то и радостей простыхъ людей не знаю»; «Начинь всему: изъ этихъ стень уйдеть!»; «Что леший и кружить и бьеть».

Переводчик ориентируется на «общие места»: тропы, узнаваемые адресатами как аксиоматические суждения. Поэтические формулы представляют собой полигенетические цитаты. Они воспроизводимы и – в то же время – безличны: «въ горній мърь стремленью», «чаша смертная», «лучь денницы», «кубокъ наслажденья», «удель земной, «смиранный уголокъ». Это способ образного мышления о мире в категориях, выработанных коллективной и индивидуальной поэти-

кой. Н. Б. повторяет рифмо-синтаксические формулы, например: «Я знаю только то что ничего не знаю!». Некоторые строки являются текстуальными и метрическими цитатами из стихотворений Пушкина, либо напоминают их ритмический рельеф. «Да, в прочемъ, что же въ имени тебе моемъ?»; «О, чистой прелести чистейший цветъ!». Происходит символизация и семантизация личного опыта отдельного человека. Он «перекодируется» в опыт культурно-узнаваемый.

Автор приводит двусловные фразы, двуфразовые высказывания: «Стой время! И коса ломайся!»; «Давай-ка мантію! Снимаю колпакъ!»; «Я прощена!... Я спасена!...». Н. Б. прибегает к редупликации: обычно повторяет не один или два слога, но целое слово. Редупликация в существительном превращает единственное число в число собирательное или множественное. В глаголе указывает на продолжение или законченность. В прилагательном, наречии, местоимении – на интенсивность или преувеличение. «Пора, пора сказать: / Я заслужилъ такое наказанье»; «Тогда, тогда / Владей, владей – мной!»; «Ахъ, докторъ! Право ты чудакъ / Давно-бы такъ! Давно-бы такъ!»; «Въ светъ, въ светъ ударимся / Въ светъ маленький сначала / Потомъ въ большой»; «Гляди, дружокъ, гляди!»; «И вотъ мой міръ да весь онъ мой!»; «Горю! Горю!.. пылаю. адъ!»; «Все виноградъ! Да виноградъ!»; «Другъ! / Не вдругъ! Не вдругъ!»; «Дитя, дитя!». Смысл также дублируется с помощью устойчивых сочетаний, эмоциональных фразеологизмов: «Но что-жъ, въ конце-концевъ»; «Но, впрочемъ, намъ не оттого-ль / Всегда и слаще хлебъ-да-соль?».

Некоторые значения, эмоциональные по своему существу или употребляемые в эмоциональном контексте, постоянно обрастают в переводе синонимическими и синонимобразными группами слов (семантические дивергенты). «Уплотнение» синонимов осуществляется при их использовании в качестве однородных членов. «А въ глубину, въ ихъ суть не проникаемъ»; «О, райскіе! Божественные звуки!»; «Ведь, все что здесь копошится и шевелится». В таком употреблении синонимов повтор редуцирован до перечисления – од-

ной из основных характеристик поэтики сакрального текста. Смысл конденсирует конструкции, в которых неразрывность лексем объясняется сопряженностью денотатов («водица съ молокомъ») или соединением противопоставленных половин. «Не пишуть больше ни съ рогами ни съ хвостомъ»; «И съ ногъ до головы приличный видъ»; «Ты съ ногъ до головы преобразишь весь!...». С точки зрения семантики происходит нивелирование видовых различий: десемантизация значения отдельных лексем при одновременном усилении общего смысла нового сочетания. Феномен *figura etimologica* с очевидностью указывает на архаическую поэтику. Гармония особого рода состоит в обращении к себе самой, раскрывается посредством себя самой. В переводе есть случаи, когда дублируется ключевой семантический признак синтагмы. Возникает «семантическая тавтология» («мракъ ночной», «черепъ гробовой»). Постоянное возвращение к себе заключает текст в циклически замкнутое время. В одном событии концентрируются итеративные или дуративные характеристики.

В рукописной тетради Н. Б. комплементарный ряд создает пометы редактора: сокращения, проекты поправок, адаптация текста. Человек, выверяющий перевод, старается сгладить впечатление «удвоения». Он вычеркивает палилоги, риторические фигуры (парегменон, градация), звуковые повторы паронимического типа. Редактор старается разделить «поэтические» и «прозаические» элементы в языке, а также согласовать синтаксический строй, интонационное построение с условиями речевого обмена.

Подведем итог. «Незаконные» допущения переводчика касаются природы языка и, безусловно, инициируют семантические сдвиги. Н. Б. имитирует особенность «идеального» фольклорного текста – повторение. При этом обнаруживается такая бытийная глубина, которая, может быть, не предполагалась автором. Перевод позволяет уснить широкую перспективу развития языка, включая генезис языка. Заслуга Н. Б. осталась незамеченной и превратилась в скрытую победу.

Межъязыковые лексические параллели в сравнительно-историческом изучении (на материале генетически родственных языков)

Н. В. Габдреева

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева

n.gabdreeva@mail.ru

Займствование, прототип, расхождение, лексическое значение.

Summary. The paper presents the types of semantic differences in the meaning of correlative words in Russian and Church Slavonic languages. Isomorphism types are identified as well as homonyms and enantiosemy which are the result of the historical processes.

Межъязыковая коммуникация в различных формах своего проявления сталкивается на определенном этапе с тем, что называется межъязыковыми лексическими корреляциями, т. е. лексическими единицами, которые совпадают в двух языках в плане выражения, но разнятся в плане содержания. Данная статья посвящена изучению таких соответствий в диахроническом плане.

Одной из проблем современной компаративистики является изучение коррелятивов, или межъязыковых лексических параллелей, в синхроническом аспекте (В. В. Дубчинский) и диахроническом направлении. Контрастивному исследованию подвергаются типологически либо генеалогически родственные языки (Э. А. Балалыкина изучает русско-польские паронимы, С. Бублейник – украинские и русские параллели) и типологически различные языки (М. Войтович исследует англо-русские параллели, Г. Мартысюк – немецко-русские; значительное количество публикаций посвящено *turco-rossika*: работы Р. А. Юналеевой, А. Д. Эфендиевой, К. Р. Галиуллина).

Задачей нашего исследования является анализ семантической структуры прототипа и коррелятивного заимствования, выявление механизмов, определяющих различия, а также выяснение причин семасиологических расхождений у межъязыковых коррелятивов на материале русского и церковнославянского языков.

По нашему мнению, представляет научный интерес описание таких моделей, которые представляют собой различную степень качественно-количественных расхождений.

По справедливому замечанию Н. Б. Мечковской, «любые похожие два слова разных языков при ближайшем рассмотрении оказываются нетождественными и по объему значений, и по месту в своей лексической подсистеме» [1: 54]. В близкородственных языках, каковыми являются русский и церковнославянский, появляется дополнительный фактор – провокационное наложение плана выражения у слов, которые состоят в отношениях полной / частичной омонимии. Источником послужил «Словарь трудных слов из богослужения-церковнославяно-русские паронимы» О. А. Седаковой, а также учебник церковнославянского языка А. Г. Плетневой, А. Г. Кравецкого.

В докладе проводится историческое, сопоставительное изучение и анализ паронимии / омонимии в библейском и богословском текстах церковнославянского и русского языков и дать системное описание типологии расхождений, а также объяснить причины происхождения данного явления.

Проведенное исследование, эмпирический материал, извлеченный из ранее неисследованных источников, анализ изученной литературы позволили сделать ряд выводов. Несомненным является историческое взаимодействие двух родственных языков – русского и старославянского, которое принимало различные формы. Современный русский язык унаследовал значительное число старославянизмов, которые имеют формально выраженные морфологические, фонетические, семантические и латентные признаки. Однако если формальные изменения достаточно явны и заметны, семантические трансформации не так очевидны и требуют

особых комментариев, поскольку при восприятии современными носителями сакрального текста в сознании происходит провокационное наложение и смысл, заложенный в Священном Писании, искажается. Таким образом, нами предпринята попытка (см. также работы Е. М. Верещагина, Б. А. Успенского, Н. М. Елкиной, Ким Мунсу) дать лингвистический анализ исторических изменений, которые происходят в семантике церковнославянизмов на русской почве.

Во взаимоотношении русского и церковнославянского языков особенностью являются их одновременно общее и специфическое, которое носители современного русского языка едва замечают. Когда они встречают те слова, по значению имеющие другие оттенки, во время чтения и слушания духовных, библейских и богословских текстов на церковнославянском языке, вероятнее всего, воспринимают их в современных русских значениях, что искажает первоначальный замысел. Вот почему нужно с осторожностью относиться к данным текстам.

Выявлены следующие отношения между коррелятивами.

1. Полная лексическая омонимия представлена словами:

Бисер: жемчуг, драгоценный камень (црк.), мелкие стеклянные цветные бусники (рус.).

Жирь: корм, пастбище, пажить (црк.), органическое соединение, нерастворяющееся в воде маслянистое вещество (рус.).

Решительный: освобождающий от чего-л. (црк.), твердый в поступках, не колеблющийся (рус.).

Стража: мера времени (црк.), вооруженная охрана (рус.).

Теснота: тоска, тревога (црк.), 1) отсутствие простора; (рус.).

Работа: состояние раба (црк.), деятельность человека (рус.).

2. Сужение / расширение значений представлено следующими словами:

Животь: 1) жизнь; 2) жизнь-именование Христа 3) земная жизнь, образ жизни (црк.), часть тела, прилегающая к тазу, в которой расположены органы пищеварения (рус.).

Трудь: 1) мучение, горе, скорбь; 2) тяжелая болезнь; 3) усилие, труд, подвиг; (црк.), целесообразная деятельность человека; 2) работа, занятие.

Вина: 1) причина, источник, обязанность, лицемерие, при творство (црксл.), проступок, преступление (рус.).

Воня: 1) запах, благовоние (црксл.), отвратительный запах, зловоние (рус.).

Отмечены также изменения стилистической маркированности слов (см. также магистерскую работу Ким Мунсу).

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: первое, следует с большой внимательностью переводить тексты с церковнославянского языка на современный русский язык, где должны быть тщательно отражены именно значения и оттенки, которые имелись в виду на церковнославянском языке. Второе, необходимо менять культуру верующих, поднимая их лингвистические компетенции до осознания прототипических старославянских текстов.

Литература

1. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М., 2000.

Динамические процессы в поле фитометафор (на материале русского и итальянского языков)

И. Гарбуё

Новосибирский государственный педагогический университет / Милан (Италия)

ilariagarbujo@gmail.com

Фитометафора, механизмы метафоризации, сопоставительный анализ, итальянский язык.

Summary. In this paper we analyze the dynamic processes related to the metaphorization of the vegetables' denominations in Russian and Italian languages. Particularly, we analyze the semantic variations of the phyto-metaphors concerning mushrooms.

Доклад посвящен сопоставительному исследованию динамических процессов, связанных с метафоризацией наименований растений в русском и итальянском языках. В частности мы анализируем семное и семантическое варьирование «грибных» метафор, зафиксированных в словарях и реализующихся в современной коммуникации. Динамические процессы связаны с количественным расширением фитометафор («закон семантической аналогии» – Ю. Д. Апресян) и с усложнением, модификацией, варьированием метафорической семантики.

Данная ТГ в русском языке намного более продуктивна, чем в итальянском. В русском языке номинации грибов (*мухомор, боровик, поганка, опенок, груздь, рыжик* и др.) развивают метафоры, а в итальянском даже не вызывают ассоциаций, связанных с другими тематическими областями (человек, предмет), поэтому мы можем говорить о том, что в итальянском языке это лексическая лакуна. Единственным метафорически продуктивным является слово *гриб*, которое развивает переносные значения и в русском языке: *атомный (ядерный) гриб, расти как грибы, fungo atomico* (атомный гриб), *cresece come funghi* (расти как грибы); *грибок* (пляжный зонтик).

В качестве примера, иллюстрирующего механизмы семного и семантического варьирования, рассмотрим одну из самых распространенных русских метафор, которая образовалась от наименования гриба, – *сморчок*.

Рассматривая метафорическое значение этого слова, отраженное в словарях («о маленьком, малосильном или дряхлом, сморщенном человеке» [ТСУ]), мы выделили несколько основных сем: маленький рост, слабость, малосильность, невзрачность, старость, дряхлость, сморщенность. Все основные семы переносного значения появились на основе визуального восприятия: *сморчок* – гриб маленький, неказистый, сморщенный. А также на основе осязательного восприятия: на ощупь *гриб дряблый*.

Однако переносное значение этого слова, представленное в словаре, не дает полной картины сем и коннотаций, широко представленных в различных текстах (на основе Ruscorgora). Мы обнаружили, что фитометафора *сморчок*, варьируясь, приобретает новые коннотации:

– **выражение социального неравенства номинанта и номинируемого:** *Бригадир на него только глазами свернул. – Свое дело знай, сморчок! Таскай кирпичи!* (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича);

– **выражение возрастной разницы номинанта и номинируемого:** *Он схватил сына за чуб. – Ты знаешь, сморчок поганый, что за это будет? Знаешь?* (Михаил Бубеннов. Белая береза);

– **выражение характера:** *сморчок* характеризует комплекс качеств, как внешние, так и внутренние. Иногда эти характеристики «сходятся» в одном объекте оценки, тогда выражается однозначно отрицательная оценка, иногда актуализируются моральные качества, но оценка остается отрицательной: *Надо видеть, как этот сморчок строит из себя супермена [...] И только я знаю, какой он есть на самом деле. Трусливый, закомплексованный дурак, который оттягивается на унижении тех, кто слабее и похож на него же* (Галина Щербакова. Моление о Еве).

А вот в случаях, когда метафора связывается только с внешней характеристикой, вполне может происходить смягчение отрицательной оценки и тогда метафора вполне вписывается в сложную характеристику человека: слабый, немощный, сморщенный, но добрый: *Он был совершенный сморчок, старичишка добрый* (Ф. Ф. Вигель. Записки).

– **гендерный компонент:** *сморчок*, существительное мужского рода, обычно употребляющееся по отношению к мужчинам, может характеризовать и существо женского пола: *Ирина сидела на диване между князем Коко и г-жою Х., известною некогда красавицей и всероссийской умницей, давным-давно превратившеюся в дрянной сморчок, от*

которого отдавало постным маслом и выдохшимся ядом (И. С. Тургенев. Дым).

Анализируя словари, фрагменты дискурса и материалы, полученные нами при проведении психолингвистических экспериментов, мы не смогли найти ни одной итальянской метафоры, которая передавала бы полностью переносное значение слова «сморчок».

Для того, чтобы понять, с помощью каких лексических средств в итальянском языке передается переносное значение русского слова *сморчок*, мы обратились к переводам на итальянский известных русских текстов, где присутствует это слово. В итальянском языке метафора *сморчок* не имеет однозначного эквивалента и ни в одном из рассмотренном нами случаев не переводится с помощью какой-либо другой метафоры. Итак, *сморчок* в переносном значении можно перевести на итальянский язык, в зависимости от контекста, следующим образом:

– Omiciattolo (невзрачный человек): *Insieme a loro corre e si affanna da mane a sera qualche disgraziato omiciattolo di "nobili" nati come Ivan Fomič Surikov (abita dalla nostra casa al piano di sopra), sempre con i gomiti sdrucciati, i bottoni mancanti* (Dostoevskij. L'idiota);

– Moccioso (сопляк): *Il capo squadra si limitò a fulminarlo con un'occhiata: - Fa' il tuo lavoro, moccioso! Porta su i mattoni!* (A. Solženitsyn. Una giornata di Ivan Denisovič);

– Disgraziato (неудачник): *Quando però a marzo salii da lui per vedere com'era morto "di freddo" il suo bambino, erano parole sue, e sorrisi involontariamente vicino al cadavere del suo piccolo, perché avevo preso a spiegargli che la colpa era sua, a quel disgraziato tremarono all'improvviso le labbra* (Dostoevskij. L'idiota);

– Donnicciola (баба): *Irina era seduta su un divano fra il principe Cocò e la signora Ch., una volta nota beltà e schietta intelligenza russa, che da gran tempo s'era ormai tramutata in un'abbietta donnicciola che sapeva d'olio di quaresima e di veleno da quattro soldi* (I. S. Turgenev. Fumo).

Таким образом, анализ метафорических значений в русском и итальянском языках выявляет разную значимость единиц ТГ «Наименования растений» в процессе метафороборазования: «грибная» тема, актуальная для русского языка, оказывается не востребуемой в итальянском. Эта относительная лексическая лакуна в той или иной степени успешно заполняется другими лексическими и морфологическими средствами итальянского языка.

Названия в русскоязычной деловой блогосфере (экспресс-сопоставление с англоязычными тенденциями)

Ю. В. Данюшина

Государственный университет управления (Москва)

juliadaniushina@mail.ru

Язык интернета, блогосфера, бизнес-блог, деловой сленг.

Summary. The study deals with headlines of the Russian business blogs and compares the headlining trends in Russian and English language blogospheres.

Нельзя не признать значительное воздействие английского языка на русский, особенно в деловой сфере, где «ринглиш» уже стал неотъемлемой частью профессионального и бизнес-сленга, офисного или корпоративного новояза. В связи с этим представляется небезынтесным проанализировать **русскоязычный** сегмент деловой блогосферы, сравнив его с соответствующим англоязычным, тем более, в российской части глобальной блогосферы многие названия англоязычные (например, *MoneyBlog.ru* – блог про личные финансы и деньги, *Cool Idea* – идеи для бизнеса, *Go Consult* – о консалтинге), да и Рунет в целом формировался по образу и под воздействием англоязычной блогосферы. Для нашего сопоставительного экспресс-исследования проанализируем тематическую категоризацию и рассмотрим семантико-стилистические особенности озглавливания российской «деловой блогосферы».

Отличие российской бизнес-блогосферы ярко проявляется при анализе рейтингов лучших деловых блогов, создаваемых экспертами газеты «Ведомости» и публикуемых на ее сайте <http://www.vedomosti.ru/> в разделах *blogs/rating*. Любопытно, что в российской блогосфере – в отличие от англоязычной – не прослеживается четкого выделения именно бизнес-блогов. Так, на сайте «Ведомостей» вообще дан единый, общий «рейтинг общественно-политических и бизнес-блогов», что подразумевает неразрывность политики и бизнеса в отечественной интернет-коммуникации – в то время, как в западной блогосфере профессиональные и бизнес-блоги составляют важный и ясно вычленимый сегмент всего веб-общения. Абсолютное большинство отечественных бизнес-блогов из упомянутого рейтинга являются, по сути, личностными онлайн-дневниками, как правило, на платформе «живых журналов». Соответственно, они и названы по имени / фамилии автора-основателя (или его псевдониму, «сетевому нику»), без упоминания отрасли / направления бизнеса; примеры из первой сотни рейтинга: *ksonin*, *lipkovich*, *aillarionov*, *sergechaly*, *varfolomeev-v*, *v-novikov*, *oleg-kozyrev*, *belyh*, *cherniaev*, *m-yu-sokolov*, *vsoloviev*, *shusharin*, *tseitlin*, *yasina*, *olegtinkov* и т. п. Здесь также имеются названия по фамилии автора (*Авторские заметки о маркетинге Цверова А.*) и компании-хозяина блога (*Веблог «Лаборатории Касперского»*). Следовательно, можно говорить об относительно высокой персонализации и относительно низкой тематической диверсифицированности современной рос-

сийской бизнес-блогосферы. К тому же, к бизнес-блогам в российских списках и рейтингах зачастую относятся и блоги, которые не имеют ничего общего с бизнесом, либо касаются его лишь косвенно.

Кроме того, не наблюдается массового создания каламбурных окказиональных словообразований, характерного для англоязычного бизнес-блоггинга; единственный пример из первых ста названий рейтинга «Ведомостей» – *bablaw* (и даже здесь использован английский язык), причем «симбиоз» понятия «закон» (*law*) и криминализованного жаргонизма «бабло», означающего деньги, вызывает самые негативные коннотативные импликации. В Рунете имеет место наименование блога либо загадочным сокращением, цифрами, либо неким образованием с непонятным смыслом (например, *ugfx*, *daz1969*, *iceaxe*, *avvas*, *tschm*, *2609170*, *dijap*, *elgo*), что может говорить о нежелании авторов четко определить тематику общения в блоге или об их стремлении «отгородить» таким названием чужаков, превратив свой блог в некий «закрытый клуб» общения для своих – тех, кто знает, что скрывается за названием. В англоязычном блоггинге, как мы видели выше, для этого используются иные средства – нетранспарентные, но осмысленные названия.

Некоторое **сходство** в наименовании англо- и русскоязычных бизнес-блогов заключается в тропической «странности + негативности» заглавий: ряд российских названий построены на ассоциациях страха, ужаса, болезни (например, *uzhas-sovka*, *kar-barabas*, *fima-psuchopadt*, *a-nalgin*, *doctor-helot*); в англоязычном бизнес-блоггинге наблюдается параллельное, хотя и отличное по эмоционально-смысловой наполненности явление: ряд высокорейтинговых блогов названы на основе вышеупомянутой идеи «ненормальности», например, *Stumbling and Mumbling*, *Freakonomics*, *Marginal Revolution*, но там она не несет негативной коннотации.

Среди приведенных в каталоге бизнес-блогов обращают на себя внимание блоги, в названии которых содержатся скрытый или переносный смысл, игра слов, метафоры и иные тропы. Такие названия сами по себе являются первоначальным «крючком» для привлечения внимания потенциальных читателей: *Двусторонний монолог* (оксюморон в названии блога подчеркивает равновеликость значимости и авторского мнения, и мнений читателей, призывает блоггеров участвовать в дискуссии), *Инвестиции на коленке* («на

коленке» подразумевает простоту, доступность реализации даваемых в блоге финансовых советов), *Advěrtka* (блог о рекламе, в названии сразу несколько каламбурных языковых приемов: во-первых, сразу бросается в глаза русская «ѣ» среди латинских букв, которыми написано квази-русское же название, во-вторых, оно ассоциируется с «отверткой», мастерским инструментом, что предполагает практическую пользу блога, и наконец, каламбурная фонетическая схожесть русского корня с английским «advertise» – рекламировать).

Любопытные наблюдения были сделаны нами и относительно языка в отечественных бизнес-блогах: во-первых бросается в глаза обилие англицизмов, в т. ч. иронически стилизованных под существующие русскоязычные слова – часто фонетически сходные, но с совершенно иной семантикой – что и вызывает комический эффект, например, «офферист» (от англ. offer, предлагать) – брокер, предлагающий акции на продажу, «бидуин» (от англ. bid, предложение купить) – брокер, предлагающий покупку акций и т. п. Нередко фонетические квази-параллели отсутствуют, тем не

менее, обильное использование такого «ринглиша – руссофицированного английского» («фирмы замерджались», «нас перечарджили» и т. п.) создает, с одной стороны, юмористические коннотации и возможности для мини-релаксации в напряженной рабочей атмосфере, с другой стороны играет роль социально-профессионального стратификатора, т. к. не знающие английского языка и не владеющие специфической профессиональной сленговой терминологией (например, биржевой, нефтяной и др.) иногда даже не могут понять такой «ринглиш-текст» и, следовательно, отсекаются от общения. Во-вторых, нарочито искаженная орфография (так называемый «олбанский язык», характерный для общения в интернете – с фразами в стиле «аффтар жжот» и «превед медвед») гораздо меньше встречается в деловом общении, но орфографические, стилевые и грамматические ошибки часто имеют место. Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что ошибки имеются и в зарубежном (англоязычном) бизнес-блоггинге, хотя там они встречаются, в основном, в читательских комментариях, которые часто не выверяются перед отправкой.

Дискурсивные особенности текстов на русском и английском языках в свете задач лингводидактики

Н. А. Емельянова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

n_emelianova@mail.ru

Дискурс, межкультурная коммуникация, лингводидактика, русский язык, английский язык.

Summary. This report proves the necessity of taking into account the peculiarities of nationally-marked discourse in teaching Russian to English-speaking students. A range of different features, significant for formulating utterances both in Russian and in English are singled out on a comparative basis. Certain linguo-methodological recommendations are given.

В рамках исследования характерных особенностей дискурса возникает необходимость его рассмотрения с точки зрения национальной маркированности, которая может затруднять коммуникацию между носителями разных языков. Проблемы, связанные с адекватностью взаимопонимания, нередко возникают из-за того, что коммуниканты не учитывают существенных аспектов в значении и употреблении языковых единиц, которые несут на себе отпечаток представлений, коннотаций, ассоциаций, связанных с национальным культурным сознанием. Лингвисты, исследующие проблемы межкультурной коммуникации, пришли к общему мнению о том, что основной причиной коммуникативных неудач следует считать межнациональные различия моделей дискурса.

Восприятие речи происходит в соответствии с определенными ожиданиями участников беседы. Это в особенности касается композиции реплик: поиск в них главной информации, с одной стороны, и второстепенной, с другой, слушающие осуществляют в соответствии со свойственными носителям определенного языка пресуппозициями. Подсознательно ожидая аналогичной коммуникативной стратегии от собеседника, они могут испытывать трудности при перцепции.

Так, в соответствии с дискурсивной стратегией, характерной для носителей английского языка, основной тезис должен быть помещен в самое начало высказывания. Именно он, а не предисловие и различные подступы к теме, стоит на первом месте и максимально четко и ясно формулирует сущность позиции говорящего по какому-либо вопросу. Только после этого ведущего тезиса могут следовать различные конкретизации, уточнения, примеры, аргументы, ассоциации и т. п. В русском же языке характерной оказывается принципиально другая композиция высказывания. Здесь говорящий вначале делает развернутое предисловие, воссоздает довольно широкий общий фон для того, чтобы затем сделать вывод, сформулировать основную идею почти в самом конце своего выступления.

Для носителей английского языка характерно использование многочисленных метаслов, описательных выражений и развернутых комментариев. Отсутствие или недостаточное количество парентетических введений в высказываниях иностранных участников беседы воспринимается как особенность стилистически маркированного текста.

Аналогичным образом можно сопоставить и способы использования связующих средств текста, например, союзов.

Так, в английском языке наиболее часто используется сочинительный союз “and”, с его помощью может выстраиваться довольно длинная лексико-синтаксическая цепочка. Известно, что носители русского языка предпочитают использовать союз «но», а не «и». Для английского же совсем не типично употребление “but” («но») в качестве связующего средства.

Обучая языку как иностранному, преподаватель-филолог принимает во внимание как национально маркированные особенности дискурса, так и менталитетную специфику студенческой группы, воспринимающей учебный процесс сквозь призму своих национальных традиций. Так, обучая инофонов английскому языку, необходимо разъяснить особенности традиционной культуры ведения беседы, основа которой – тактичное и заинтересованное взаимодействие говорящего и слушающих. Для русского же дискурса нехарактерна строгая композиционная организация. Беседа на русском языке обычно носит более эмоциональный характер. Русскому дискурсу в меньшей степени присущи различные формы выражения такого менталитетного свойства, как политическая корректность.

Интерес для лингводидактики представляет и форма выражения модальных значений в сопоставляемых языках. Так, говоря по-русски о необходимости совершить действие, советуя или запрещая сделать что-либо, мы обращаемся к безличным синтаксическим конструкциям, приуменьшая, а порой сводя на нет роль субъекта действия. На английский язык такие предложения следует перевести активной конструкцией, добавив подлежащее.

Если совет, требование или запрет несут обобщенный характер, то в английском языке используется слово *one* в сочетании с модальным глаголом. На русский язык такое предложение переводится безличной конструкцией с предикатами *можно, нужно, следует, нельзя, невозможно, не разрешается* и т. п. + неопределенная форма. Такое соотношение можно объяснить специфически русским желанием довериться общепринятым традициям, мнениям и порядкам, когда решения принимает коллектив, а не индивид. В этом заключается принципиальное отличие от западной модели речевого поведения.

Обратим внимание и на использование отрицаний в русскоязычном дискурсе. Многочисленные ограничения и запреты, диктовавшие правила поведения в России в течение многих веков, отразились не только в культуре, но и в язы-

ке. Видимо, поэтому мы так часто слышим и произносим такие слова, как *нет, нельзя, невозможно*, которые в западноевропейском сознании характеризуют русских людей как слишком резких, категоричных, командующих и распоряжающихся в тех случаях, когда англичанин вежливо просит о чем-либо. Так, приглашение совершить действие («не хотите ли...?») или вежливая просьба («вы не передадите...?», «вы не скажете...?») в русском языке может содержать отрицание, что создает трудность для восприятия инофоном. Их верное понимание и перевод на английский язык следует осуществлять в соответствии с дискурсивными стратегиями, характерными для родного языка учащихся.

Итак, для успешной коммуникации необходимо сформировать у инофона систему знаний и умений для реализации процесса речевого взаимодействия. Решать эту задачу следует комплексно, принимая во внимание или сознательно формируя фоновые знания культурологического характера, адекватную оценку речеповеденческой роли каждого из участников коммуникации и реализацию ими соответствующих дискурсивных стратегий. При этом нужно учитывать существенные различия, характерные для национально маркированных типов дискурса, и на этой основе формировать коммуникативные навыки, необходимые для эффективного вербального контакта.

Глаголы со значением умственной деятельности в современном английском и русском языках

Т. П. Желонкина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

zheltoma@mail.ru

Глаголы умственной деятельности, прагматическая функция.

Summary. The function of the verbs with the meaning of mental activity is dealt with in this paper. Their intentional usage is meant to avoid certainty, when knowledge of what is said is rather vague. The speaker deliberately uses imprecise structures *I think*, *I believe* to mitigate his confidence of what is said.

Существует много различных средств реализации значения «умственная деятельность». Предметом данного сообщения являются его глагольные реализации – *think* (полагать), *believe* (полагать; верить), *assume* (допускать; предполагать), *suppose* (предполагать, допускать), *consider* (считать; полагать). Напр., **I think** the rule is unfair – *Считаю правило несправедливым*. The main problem, **I believe**, lies elsewhere. – *Мое мнение – главная проблема – не здесь*. It's a misconception **to assume** that the two continents are similar. – *Ошибочно считать, что оба континента одинаковы*. There's nothing to keep us here, is there? – **I suppose** not. – *Здесь нас ничего не держит, не так ли? – Пожалуй, так*. My friend **considers** that pet shops which sell customers these birds are very unfair. – *Мой друг считает / полагает, что зоомагазин, продающий клиентам этих птичек, (поступает) очень нечестно*. Как показывает иллюстративный материал, для них характерно обобщающее значение «неуверенность в высказываемом суждении, в отношении к сказанному / услышанному».

Очень много сходного в их языковом употреблении. Так, оказываясь в ситуации, когда говорящий неуверен в истинности излагаемых фактов, свидетельств, информации и т. п., он стремится сделать свое высказывание менее категоричным, используя в своей речи конструкции, снимающие категоричность и создающие впечатления неясности, неопределенности касательно этих фактов или информации, тем самым снимает с себя ответственность за подлинность информации. И тогда в своей речи говорящий использует вышеупомянутые глаголы, смягчающие безапелляционность его высказывания: *I suppose, I believe, I don't think, мне кажется, я полагаю, пожалуй* и другие, которые придают значение возможной недостоверности сказанного. Напр., Will Michael be getting home soon? – **I suppose** so. *Майкл скоро придет домой? – Полагаю, да*. Неуверенность в том, как нужно ответить на вопрос, вынуждает собеседника использовать слова «(Я) полагаю». Некатегоричные высказывания участников диалога являются проявлением вежливости и толерантности, определяемые в качестве лингвокультурологических характеристик в британской коммуникативной культуре [4: 162]. В этом проявляется самобытность речевой культуры англоязычного социума.

Как средство реализации неуверенности, средство уклонения от прямого ответа участниками диалога используется ирония. Looking back calmly don't you honestly **think** I was right? – From your standpoint. *Обратившись к прошлому, неужели ты на самом деле не считаешь, что я был прав? – С твоей точки зрения*. Речевой этикет не позволяет выразить недовольство и несогласие напрямую. Do you believe I love you? – In your way. *Ты веришь, что я люблю тебя? – По своему, любишь*. Такой иронический ответ помогает скрыть скептическое отношение к признанию в любви. И свою неуверенность в искренности услышанного признания.

Один из глаголов этой группы кроме основного значения, описанного выше, имеет также значение «а что если». **Suppose** it rains, what then? – *А если дождь пойдет, что тогда?* Такое сходство значения с союзом «если» служит еще одним распространенным средством выражения неуверенности Do you want me to tell him about it? – If you please. *Вы хотите, чтобы я сказала ему об этом? – Пожалуйста, будьте так добры*.

Could we sit here for a while? – If you like. *Может присядем здесь ненадолго? – Если хочешь (давай)*. Такой ответ демонстрирует скорее безразличие, чем согласие. Участник диалога стремится уклониться от необходимости открыто проявить согласие или несогласие. Don't you wish you were going to Paris instead of London? – It's too late now even if I did. – *Неужели тебе не хотелось бы поехать в Париж вместо Лондона? – Уже слишком поздно, даже если бы мне хотелось*. В этом ответе (отрицание возможности путешествия в Париж) скрыта уклончивость, которая преподносится как неуверенность.

В диалогах вышеупомянутые глаголы со значением «умственной деятельности» помогают реализовать речевую стратегию – уклонение от прямого ответа. И имплицитное значение «возможно, могло бы быть так» помогает следовать при этом определенной прагматической установке. Чаще всего это стремление сохранить вежливость, не показаться грубым, снизить степень категоричности в высказывании. Это может быть способ уклониться от ответственности за сказанное, или способ выразить завуалированный упрек.

Исследования употреблений глаголов умственной деятельности на материале русского языка обнаруживает много черт, сходных с их употреблением в английском. Так, отмечено, «наличие в семантике глагола *думать* нормы, что, в свою очередь, предполагает контролируемость процесса» [3: 8]. Анализируя особенности употребления глагола *думать* в русском языке, Р. Гуднов выделяет ряд семантических параметров [2: 45–46]. Двойственная природа таких глаголов описывается в работе Г. Ф. Гибатовой [1: 2].

Таким образом, несмотря на различия в употреблении, глаголы со значением мыслительной деятельности как в английском языке, так и в русском демонстрируют много сходных черт.

Литература

1. Гибатова Г. Ф. Мир мысли в русских предикатах / Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 182–192.
2. Гуднов Р. Н. Семантика и функционирование глагольных синонимов с доминантой «думать» в современном русском языке / Вестник Московского госуд. гуманитарн. университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 2. С. 35–46.
3. Ефанова Л. Г. Семантика нормы в русских глаголах ментальной деятельности / Вестник Томского госуд. педагогического университета. 2011. № 3. С. 5–9.
4. Формановская Н. И., Шевцова С. В. Английский речевой этикет. М., 1993.

Равенство или неравенство: альтернативы грамматикализации компаративной семантики

К. Р. Керимов

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

kerimk@mail.ru

Компаративность, грамматикализация, основание сравнения, эталон сравнения.

Summary. As a rule, comparative grammatical devices have been linked to the category of degrees of comparison in Indo-European or Semitic languages. This is due to the fact that comparative meaning in these language families is conveyed by the changing form of adjectives and adverbs. In East Caucasian languages, the cognitive operation of comparison is expressed in the form of the nouns referring to the objects affected by the relevant qualities, and not on the words expressing the quality.

Компаративная семантика отражает результаты одной из центральных когнитивных операций – сравнения. Поэтому логично ожидать тенденции к ее стандартному, грамматическому выражению. Считается, что в языках, как правило, грамматически выражаются степени сравнения прилагательных и наречий. Исходя из такой презумпции, а также с ориентацией на грамматическую систему русского языка, где имеются формы степеней сравнения, традиционно исследовалась семантическая сфера компаративности дагестанских языков. В их описаниях либо констатируется отсутствие таких форм, либо в качестве их семантических аналогов приводятся конструкции с исходными падежами имени эталона сравнения при неизменном прилагательном.

Сравнение рассматривается (А. А. Потебня, Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, Ю. П. Князев и др.) как трехчленная структура, состоящая из обозначений: 1) сравниваемого объекта; 2) эталона сравнения (объект, с которым производится сравнение); 3) основания сравнения (признак, присущий обоим объектам) [1: 115]. Результатом когнитивной операции сравнения является установление *сходства* либо *различия* между объектом и эталоном сравнения по актуализируемому признаку – основанию сравнения. В этой триаде сам признак, по которому соотносятся реалии, в общем случае не является переменной – различны либо похожи друг на друга по этому признаку (размеру, качеству, количеству, интенсивности проявления актуализируемого признака) именно сравниваемые объекты. Поэтому грамматикализации сходства или различия правомерно ожидать и в формах обозначений самих сравниваемых объектов. Устанавливаемые когнитивной операцией сравнения сходство или различие являются функцией грамматических средств выражения компаративности. Следовательно, при описании таких средств в каком-либо языке надо выявлять языковые формы, выполняющие функции выражения сходства или различия, и ожидать, что таковыми могут быть не только формы категории степеней сравнения прилагательных и наречий. Такой подход предлагает модель описания, представленная в «Теории функциональной грамматики...» под ред. А. В. Бондарко [3]. Последовательная реализация этого подхода позволяет обнаружить иные способы грамматикализации компаративности.

Компаративность – семантически расчлененная функционально-семантическая категория. Ее ядерными конституентами являются признаки *равенства* и *неравенства*. В онтологическом плане для языка признаки равенства и неравенства равноценны и имеют одинаковые шансы на концептуализацию в регулярных грамматических средствах. В русском и др. индоевропейских языках в категории степеней сравнения такое выражение получает признак неравенства. И в целом, в российской грамматической традиции, из возможностей грамматикализации признаков компаративной семантики приоритет отдается признаку неравенства. Так, М. И. Конюшкович в материалах Конгресса русистов-исследователей пишет, что лингвокреативное сознание, балансируя на шкале между полюсами *сходство* и *различие*, ненадолго останавливается на сходстве, на фоне которого внимание тяготеет к различиям... «С аксиологических позиций, сходство – это норма, позитив, различие – отступление от нее, аномалия, негатив» [2: 103].

Однако данные большого числа языков, в том числе дагестанских, демонстрируют тенденцию к кодированию морфологическими грамматическими средствами именно признака равенства. Объяснение этому можно видеть в том, что в основе категоризации явлений действительности лежит

именно обнаружение сходств, объекты окружающего мира объединяются сознанием в классы на базе того или иного сходства, а не различия. Да и в основе метафорической концептуализации явлений действительности лежат именно сходства, ср.: *Куда ты идешь?* и *время идет, переговоры идут, поезд идет* и т. п. Сходства между объектами могут вызывать не меньшее «удивление». Именно с аксиологической позиции между ослом и человеком не должно быть сходства, но: *Что стоишь как осел!* Аномалией, нарушением нормы в данном случае является именно сходство. Можно на тех же основаниях утверждать, что различия между объектами естественны, аномально – сходство, оно может притягивать не меньше внимания и, соответственно, иметь тенденцию к грамматическому кодированию, что и находит отражение в грамматикализации в дагестанских языках именно признака равенства.

Иллюстрируем изложенные соображения примерами из лезгинского языка:

- (1) *Жегъил какур жигъирдай зарбдиз физвай жейранхътин гъвездин гъвгъуьна килигиз амукъна* (Ризванов Забит. Пайгъамбардин къацу пайдах, 1990) – ‘Застыл, глядя вслед красавице, **подобной лани**, стремительно несущейся меж молодых зарослей (досл.: (Меж) молодых густых зарослей стремительно несущаяся **лань как** красавицы вслед глядя остался)’.
- (2) *Гъатта жуванбур чаз душманризхъиз килигзавай* («Лезги газет», 30.08.2012) – ‘Даже свои на нас, **словно на врагов** (досл.: **на врагов как**), смотрели’. Здесь сравниваются ситуации: *смотрели на нас, как смотрят на врагов*;
- (3) *Амма я вун, я ви патай са тЛубкъван чар чаз хтанач* («Лезги газет», 14.04.2011) – ‘Однако ни от тебя, ни от твоего имени **даже строчка** письма до нас не дошла (досл.: Но ни ты, ни твоего от имени **с палец сколь** письмо нам не пришло)’. Ср. рус. *с мизинец* при обозначении ничтожной малости чего-либо.

Здесь три грамматические формы компаративной семантики сходства:

а) в (1) форма эталона сравнения (*жейранхътин* ‘(такая) **как** джейран’), выступающая в определительной функции. Объект сравнения характеризуется по качественным признакам;

б) в (2) объект сравнения характеризуется по образу действия (*душманризхъиз* ‘**как** на врагов (смотрит)’), а форма эталона сравнения выступает в обстоятельственной функции. Основанием сравнения является предикативный признак, по характеру проявления которого соотносятся реалии. Основанием трехчленной структуры сравнения могут служить как атрибутивные, так и предикативные признаки;

в) в (3) объект сравнения характеризуется по количественным признакам (*тЛубкъван* ‘(столь малое) **сколь** палец’). Форма эталона сравнения выражает ‘количество’ актуализируемого для объекта сравнения признака.

Литература

1. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: С. 115.
2. Конюшкович М. И. Сравнение и бином языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс русистов-исследователей. М., 2001.
3. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987.

Референциальный выбор при переводе с французского языка на русский: в чем причина отличий перевода от оригинала?

И. М. Кобозева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kobozeva@list.ru

Повторная номинация, референциальный выбор, собственные имена, дескрипции, местоимения, анафорические нули, перевод, тривиальные и нетривиальные переводные соответствия.

Summary. On the basis of a case study of similarities and differences in referential choice made by the French author of a story (Guy de Maupassant) and its Russian translator it is argued that there are language-specific strategies of referential choice and that in a Russian narrative the author tends to be more exact in referring to the story participants.

Повторные номинации одного и того же референта – обязательная характеристика всякого нарратива. Когда после интродукции персонажей и первого упоминания объектов или ситуаций возникает необходимость их повторного упоминания, автор текста должен произвести выбор языкового выражения для отсылки к соответствующему референту (**референциальный выбор**). Свобода этого выбора ограничивается соображениями обеспечения понятности текста: надо, чтобы адресат «вычислил» референта, которого автор имеет в виду. Любое выражение, выбранное для повторного упоминания референта в тексте и служащее для отсылки к нему, мы будем, как это принято в работах по референциальному выбору, называть **анафором**.

Анафоры принято делить на две большие категории: собственные имена (идентификационные метки, ярлыки референтов) и анафорические выражения. Среди последних выделяются определенные дескрипции, местоимения и анафорические нули. Собственные имена и дескрипции в работах по моделированию референциального выбора могут объединяться в категорию полных референциальных средств и противопоставляться местоимениям как редуцированным средствам (см., например, [2: 238]). Кроме того, в ряде работ полные анафоры подразделяются на «надежные» (*fidèle*), которые не несут никакой дополнительной информации о референте (это собственные имена), и «ненадежные» (определенные дескрипции) [4]).

В теоретических работах, посвященных референциальному выбору, последний связывается с уровнем активации референта в сознании говорящего и представляется как многофакторный процесс, в котором задействовано множество параметров: линейное и риторическое расстояние анафора от антецедента, наличие референциального конфликта (конкуренции между двумя или более референтами на роль антецедента для анафора в заданной точке дискурса), синтаксические и семантические свойства антецедента и анафора, жанр текста. При этом ожидается, что модель референциального выбора, построенная на материале одного языка, работает и на материале другого. Иными словами, если исходный замысел автора воплощается средствами другого языка, то все анафоры нового текста (за исключением нулевых, которые могут быть в принципе недопустимы в языке в определенных синтаксических позициях) будут по своему типу соответствовать анафорам оригинала.

Однако в общем случае это не верно. Так, в работе Л. Лундквист [4] показано, что датчане, в отличие от французов, отдают предпочтение «надежным» анафорам: там, где во французском языке используется дескрипция в датском обычно употребляется имя собственное. Буквальный перевод анафорических дескрипций с французского на датский нарушает связность текста, поскольку побуждает адресата интерпретировать дескрипцию как вводящую новый референт. Л. Лундквист показывает, что различия в стратегии референциального выбора обусловлены различиями в структуре датского и французского языков.

Сопоставление оригинального текста и его перевода на другие языки в аспекте референциального выбора весьма полезно для решения вопроса об универсальности механизмов последнего и выявления тех параметров, по которым могут различаться лингвоспецифичные стратегии предпочтения анафора того или иного типа в заданной точке нарратива. Одновременно с этим пристальное внимание к выбранному автором анафорическому средству небезынтересно и для специфических целей анализа художественного

текста постольку, поскольку писатель осуществляет референциальный выбор сознательно и может заставить его работать на общую идею произведения.

В этой связи довольно любопытными представляются случаи нетривиального соотношения анафоров, обнаруженные при сопоставлении оригинала новеллы Ги де Мопассана «Une partie de Campagne» (Текст взят с сайта ABU-TEXTE) и ее перевода «Прогулка за город», сделанного Г. А. Рачинским [3]. В целом повторные номинации русского перевода по своему типу совпадают с номинациями оригинала: собственные имена, дескрипции и местоимения практически всегда переведены при помощи соответствующих типов референциальных средств русского языка. Наблюдаемые расхождения, как правило, не выходят за рамки известных типологических различий между французским и русским языками, выявленных и систематизированных В. Г. Гаком [1]. Такие расхождения мы называем тривиальными. К нетривиальным мы относим все прочие расхождения по типу референциального средства или по составу дескрипций. Примеры таких расхождений выделены в пассаже (1а) и его переводе (1б):

- (1) а. *Le café les acheva. On parla de chanter et chacun dit son couplet, que les autres applaudirent avec fraénésie. Puis on se leva difficilement, et, pendant que les deux femmes, étourdies, respiraient, les deux hommes, tout à fait pochards, faisaient de la gymnastique.*
- б. *Кофе их доконал. Затеяли пение, и каждый пропел свой куплет, которому остальные бешено аплодировали. Затем с трудом поднялись на ноги; женщины, немного осовевые, едва переводили дух, а г-н Дюфур и желтоволосый малый, окончательно опьяневшие, занялись гимнастическими упражнениями.*

Анализ нетривиальных соответствий с учетом структуры дискурса показывает, что они возникают в ситуации референциального конфликта. Получается, что автор оригинала или был недостаточно бдителен и допустил ошибку в референциальном выборе (в чем трудно заподозрить такого мастера слова, как Мопассан), или же когнитивный механизм, отфильтровывающий потенциально конфликтные номинации, имеет во французском языке более узкую сферу действия в терминах линейного расстояния анафора от антецедента. Последнее, конечно, нуждается в проверке на представительном текстовом материале. Можно рассмотреть данное расхождение и с другой точки зрения. Автор оригинала полагается на то, что французский читатель по контексту легко, как мы бы сейчас сказали, в режиме он-лайн, поймет, о каких двух мужчинах идет речь. Переводчик же исходит из того, что у русского читателя тривиальный перевод дескрипции (*оба мужчины*) вызовет затруднения с интерпретацией. Действительно, замена в русском тексте использованной «надежной» дескрипции на формально эквивалентную оригиналу «ненадежную» приводит, пусть и к очень кратковременной, но задержке, связанной с необходимостью подумать, о ком же идет речь – о мужчинах из компании Дюфуров или о лодочниках. Можно предположить, что стратегия, избранная переводчиком, – использовать в качестве анафора выражения, однозначно указывающие на их референты, продиктована стремлением перейти на более естественный для русского языка (как и датского, см. выше) уровень конкретности в противовес абстрактности, обобщенности средств выражения, которые многие исследователи французского языка считают одной из глав-

ных его особенностей [1: 259]). В связи с этой особенностью у носителей французского языка, должно быть, более развита способность извлекать конкретные характеристики обозначаемой ситуации из контекста, что, конечно же, нуждается в экспериментальной проверке.

Литература

1. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 2013.

2. Кибрик А. А., Линник А. С., Добров Г. Б., Худякова М. В. Оптимизация модели референциального выбора, основанной на машинном обучении // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2012. Вып. 11 (18). С. 237–246.
3. Мопассан Ги, де. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 1. М., 1958 (Библиотека «Огонек»).
4. Lundquist L. Noms, verbes et anaphores (in) fidèles. Pourquoi les Danois sont plus fidèles que les Français // Langue française. 2005 / 1. № 145. P. 73–91.

Семантика временного и вечного в каноне Пасхи (сопоставительный анализ текстов на церковнославянском и английском языках)

М. Н. Коннова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

maria.konnova@rambler.ru

Время, вечность, пасхальный канон, перевод.

Аннотация. Рассматриваются языковые особенности выражения семантики временного и вечного в ирмосе восьмой песни канона Пасхи на церковнославянском и английском языках.

Ирмос восьмой песни канона – торжественный гимн явлению Воскресения Христова во времени, прославление дня Пасхи как кульминации, центра и главенствующего начала всего временного пространства богослужебного года:

«Сей нареченный и святой день, един суббот царь и господь, праздников праздник, и торжество есть торжеств: в оно же благословим Христа во веки».

Начальные слова ирмоса – интонационно маркированная местоименная конструкция *сей день* – фокусируют внимание на моменте настоящего как единственном в своем роде временном периоде. «Единственность» *сего дня* подчеркивают определения *нареченный* (греч. κλητός – «избранный» [1: 712]), *святой* (греч. ἅγιος – «святой, священный; чистый, непорочный» [1: 7]). Оттеняя мысль о его «светлой инаковости» (ср. [4: 15]) по сравнению с прочими – не нареченными, не святыми – днями, они указывают на надмирность дня Воскресения как причастного Божией благодати. В сочетании с дейктическим местоимением *сей*, экстенсивал которого охватывает область «ближнего мира», бытийное словосочетание *нареченный и святой день* указывает на сопричастие иного временного плана в земной реальности, которая тем самым возвышается, освящается, делается причастной вечности (ср. [4: 18]).

Своеобразие дня Воскресения как кульминации всего богослужебного цикла раскрывается синонимичными параллельными конструкциями второй (*един суббот царь и господь*), третьей (*праздников праздник*) и четвертой (*торжество есть торжеств*) синтагм. Синкретичное прилагательное-числительное *един* объединяет значения «первый», «один», «особенный, отдельный» [2: 170], указывая тем самым и на первенствующее место дня Пасхи среди остальных праздников (метонимически – *суббот*). Семантика «первенства» усиливается здесь метафорическими именами *царь* («властитель, государь» [6, III, 2: 1433]) и *господь* («владыка, хозяин, господин» [5: 103]). Тем самым оттеняется особенная, необычайная даже для над-мирного времени Церкви торжественность дня Пасхи, в целом пространстве которого таинственным образом сливаются время и вечность – в дне воскресном совпадают день первый и день восьмой: «семидневный цикл завершается Божественным покоем субботнего дня; за ним – предел этого цикла – воскресенье, день сотворения и воссоздания мира. „Воскресения день“, как „внезапность“ вечности» [3: 407].

Значение Пасхи как «дня вхождения в вечность» (Там же) подчеркивается торжественно-вневременным завершением ирмоса: *воньже благословим Христа во веки*. Эмфатическое союзное местоимение [в] *воньже* (букв. «в тот, в который») указывает на подлежащее главного, бытийного, предложения ирмоса – *сей день*, тогда как наречная конструкция *во веки* открывает перспективу вечности (*во веки, во векъ, во векъ века* и др. – «всегда, вечно, на веки» [2: 114]).

Англоязычный текст ирмоса несколько иной: «This is the chosen and Holy Day, the first of Sabbaths, the Sovereign and Queen, the Feast of Feasts, and Triumph of Triumphs, on which

let us bless Christ forever». Синтаксический рисунок английского ирмоса восьмой песни приближен к строю церковнославянского песнопения, и изменения касаются, прежде всего, отдельных содержательных граней текста. Так, аналогом полисемантической лексемы *един* избирается прилагательное-числительное *first* («первый; выдающийся»), у которого отсутствуют значения единичности-цельности и особенности-отличности от остальных – тем самым, ускользает символический смысл дня воскресения как прообраза «будущего века» (ср. Символ веры: 12). Метафорическими именами дня воскресения становятся в английском тексте различающиеся по семантическому признаку рода существительные *sovereign* («монарх, повелитель») и *queen* («королева»), что вносит некоторую беспорядочность в стройную гармонию песнопения. Слово *queen* появилось в английском тексте, вероятно, по аналогии с текстом канона на греческом языке, где встречаем сочетание ἡ βασίλισ («царица» [1: 247]) ἡ κυρία («госпожа, хозяйка» [1: 742]). Однако если в греческом тексте эти существительные женского рода согласуются с женским родом ключевого хрононима – ἡ ἡμέρα («день» [1: 587]), в английском тексте это единообразие не находит своего отражения. В синонимических параллельных конструкциях четвертой (*the Feast of Feasts*) и пятой (*Triumph of Triumphs*) синтагм оттенок победного ликования особенно ярко высвечивается словом *triumph* («торжество, победа»), которое, однако, не передает значения всеобщности, генетически свойственного церковнославянскому слову *торжество* и греческому πανηγυρίς («торжественное собрание») [1: 929]. Заключительным словом ирмоса является наречие *forever* («навсегда»), гиперонимическая нейтральность которого отчасти лишает песнопение торжественности высокого стиля. Более того, не имея генетической связи с хрононимами-существительными, в наибольшей степени обладающими способностью к самостоятельной номинации (как ц.-сл. *векъ* и устойчивые конструкции *во веки, во векъ*), наречие *forever* не отражает глубинной сопряженности времени и вечности, дня воскресения и пространства вечности (*день... воньже благословим Христа вовеки*).

Анализ семантических особенностей ирмоса восьмой песни пасхального канона показало, что посредством языковых единиц и структур, имплицитно или эксплицитно ословливающих понятийную категорию времени, с особенной полнотой раскрывается вневременная ценностная сущность Пасхи как «дня вхождения в вечность» [3: 407]. Смысловые различия, характеризующие два текста – на церковнославянском и английском языках, свидетельствуют о меньшей способности современного языка к отражению символической реальности, раскрываемой в древнем гимнографическом тексте. Этот вывод перекидывается с мыслью В. Н. Лосского о том, что «современный язык, менее целостный, но более сознательный и четкий, совлекает с архаического, созерцательного разумения (а не рационалистического рассуждения) оболочивающую его плоть и воспринимает его на уровне мыслимого, что приводит к неизбеж-

ному абстрагированию одной только поверхности текста, глубина которого остается недоступной» [3: 404–405].

Литература

1. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
2. Дьяченко Григорий, свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.

3. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.
4. Осипов А. И. Святые как знак исполнения Божия обетования человеку // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 9–32.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
6. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. Т. 3. Ч. 2. М., 1989.

Глаголы-украинизмы в русских текстах СМИ Украины

И. Н. Кошман

Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля (Луганск, Украина)

ikoshman@ukr.net

Украинизм, глагол, семантика, грамматика, текст.

Summary. The report deals with specific lexical and morphological features, characteristic of the modern Russian publicistic speech of Ukraine.

1. Украинские конструкции разных типов – один из самых явных маркеров современной русской речи Украины. Они представляют собой один из тех компонентов, которые создают «эффект привязки дискурса к точному (геонациональному) месту» и порождают «явное или неявное противопоставление русского и не-русского» [1: 9].

Легкость, с которой украинизмы проникают в русские тексты СМИ, очевидно, является следствием всеядности текстов массовой коммуникации, которые включают в себя «все темы, сюжеты, имеющее общественное значение, а также все языковые средства (независимо от их происхождения), обладающие социально-оценочным значением» [2: 12].

2. Обычно в работах, посвященных перемещению иноязычных элементов (Е. М. Верещагин, С. Влахов, А. О. Иванов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Е. В. Маринова, С. Флорин), основное внимание уделяется именам существительным. Они вследствие своей лексико-семантической природы оказываются основным номинативным ресурсом, способным заполнять семантические лакуны или выполнять различные стилистические задания.

В русские тексты Украины наряду с разнообразными тематически и структурно группами украинизмов-существительных активно включаются украинизмы-глаголы. Относительная свобода в функционировании в русском тексте таких словоформ, вероятно, имеет грамматические причины.

3. Анализ современных публицистических текстов Украины позволяет выделить несколько групп украинизмов-глаголов:

Во-первых, в тексты вводятся украинские глаголы, не имеющие однословного соответствия в русском языке: *Мы избаловали ее своим ничегонеделанием и поэтому сегодня она по своей многолетней привычке, которую мы же в ней и «викохали», не считается с нами...* (ЗН 2004, № 50); *Впрочем, может, и работает, «порозуміються»* (Ю 2006, № 56); *Но, как говорится, «шануватися» надо было* (М 2007, № 14); *Решение каких острых проблем зависло в воздухе в связи с тем, что в Киеве «колотятся»?* (УЦ 2007, № 20); *Каждый день начинается с обязательных ритуалов – сварить кофе и «попорати» худобу»* (ГК 2009, 3.04).

Во-вторых, в тексты перемещаются экспрессивно маркированные украинские единицы – глаголы, стилистическая значимость которых сформировалась в системе украинского языка и хорошо ощущается всеми, кто в той или иной мере знает украинский язык: *О том, какое количество населения «копирсається» в озерод, отмечено даже в Послании Президента...* (Д 2001, 14.09); *Замечательно, что извинений требовал регионал Лукьянов, который на глазах у всех во вторник «поцупив» карточку председателя Верховной Рады и сорвал голосование* (Ю 2007, 14.12: 1); *Что б не «байдыкували», понимаешь, министры, а чтобы мышшей ловили!* (ЗН 2008, № 25); *А вот в 96-м украинская экономика немного «оклыгала», что называется...* (Н 2008, 18.12).

В-третьих, в текстах используются глаголы, восходящие к «чужим текстам»: *На что кошевой ответил, что он «завинив» только перед Господом* (ЗН 2007, № 11); *Он норовит «греблі рвати»* (ЗНУ 2011, № 11); *То есть обещание Президента «покрашувати» жизнь украинцам «уже сегодня», постоянно откладывается «на завтра»...* (РГИ 2011, № 43); *Другие говорят, что за директором стоят «люди из Рады»*

и они его «не зрадят» (ЗНУ 2013, № 14); *Как показывает социология, большинство украинцев не любят власть, но при этом «поставать» не очень-то собираются...* (ЗНУ 2013, № 24). Источники единиц этой группы разнообразны: прямая речь, тексты законов, рекламные тексты, прецедентные тексты и т. д.

4. Перемещение в русский текст украинских глагольных словоформ актуализирует проблему их грамматического «обустройства» – способа существования в русском тексте. Специфика грамматической адаптации украинизмов обусловливается близостью грамматических систем украинского и русского языков, которая проявляется в совпадении набора грамматических категорий, в наличии сходных словоизменительных формантов, выражающих сопоставимые грамматические значения, и в сходной семантике сопоставимых грамматических форм.

Вместе с тем приспособление украинизмов к русскому тексту подчиняется разнонаправленным тенденциям.

Первая тенденция, которая может быть названа типичной и естественной для процесса перемещения иноязычных элементов вообще, заключается в грамматическом подчинении украинизмов: они «запускаются» в русскую грамматическую систему и принимают соответствующую ее требованиям форму: *Между тем страшно представить, что осталась бы от нашей армии (от нее и так мало чего «залишилось»)*... (В 2008, 4.01); *...все футбольные депутаты достали бы свои футбольные «конституции» и начали бы их «тлумачить»* (Г 2007, № 15); *...так налякал старика Тихонова, что тот теперь свои мудреные мессиджи нам все чаще из Израиля посылает* (М 2008, № 15); *...она по-прежнему утверждает, что «працює»* (О 2009, № 38); *Хватит «керувати» по старинке!* (УЦ 2013, № 4).

Вторая тенденция противоположна указанной. Она отражает стремление сохранить оригинальную форму, вписать ее в русский текст, эксплуатируя при этом структурное сходство языков: *...в час X должны были высадиться в Киеве и «започаткувати» украинскую революцию* (ЗН 2004, № 50); *«Сельский гламур» у нас «царює» на экранах, на музыкальных каналах* (Дн 2007, 04.09); *...районные власти пока «гальмують» договор об аренде помещения* (ЗН 2007, № 26); *Куратор таможен Александр Турчинов терпит конфронтацию между Макаренко и Козаком ради высших целей той, которая «працює»* (ЗН 2009, № 36); *И все бы ничего, кабы змеюшка не страдала булимией. Не укусит, так «понадкусює»* (ЗНУ 2012, № 49).

Особое внимание в данном случае обращают на себя контексты с оригинальными формами мужского рода прошедшего времени, грамматические показатели которого существенно отличаются от соответствующих русских: *Все это и впрямь беспрецедентно, тем более я доныне не знаю, в чем я «порушив» статут»* (КВ 2007, 06.09); *Посмотрел телевизор. И моментально «закарбував» золотыми прописными литерами имя Михаила Михалыча Поплавского в увесистый импортный гиннесовский том* (ЗНУ 2012, № 16).

5. Таким образом, сходство грамматических систем русского и украинского языков обуславливает частеречное разнообразие украинизмов в русских текстах. Включение в русские тексты СМИ украинских глаголов порождает ряд смысловых, грамматических и стилистических эффектов. Грам-

матическая адаптация глаголов-украинизмов в русском тексте порождает конкуренцию разнонаправленных тенденций. А это приводит к графической вариативности украинизмов и становится источником грамматико-орфографических конфликтов, т. е. являются фактором дестабилизации текста.

1. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5–18.
2. Солганик Г. Я. Введение // Язык СМИ и политика / Под ред. Г. Я. Солганика. М., 2012. С. 8–26.

Безэквивалентная лексика и лакуны: к проблеме разграничения понятий

А. Д. Маймакова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

amaimakova@mail.ru

Язык, культура, безэквивалентная лексика, лакуны.

Summary. This paper is devoted to non-equivalent lexis and lakunas which represent bright indication of lexis of national language systems. Their similarities and differences are shown. Main groups of non-equivalent lexis and causes of lakunas formation in language are determined. Russian and Kazakh are served as material for investigation.

Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистики. Изучение отличий различных языковых систем должно сопровождаться выявлением совокупности фоновых знаний носителей этих языков, которые определяются национальными традициями, обычаями, верованиями, особенностями мировосприятия, контактированием различных национальных культур.

Национально-языковая картина мира в той или другой степени спроектирована на все уровни языковой системы, однако именно на лексическом уровне соответствующие различия между языками предстают наиболее выразительно. Рассмотрим их в аспекте сопоставления русского и казахского языков.

В каждом языке есть слова, которые нельзя адекватно перевести на другой язык или другие языки. Это так называемая безэквивалентная лексика, обозначающая специфические явления национальной культуры. Например, рус.: *балалайка, опричнина, сарафан, тюфяк, щи*; каз.: *домбыра, аксакал, сауке, суйініш, бесбармак*.

Отметим, что безэквивалентная лексика выявляется только при сопоставлении конкретных культур и языков. То, что в одном языке является безэквивалентным по отношению к другому (сопоставляемому) языку, может существовать в каком-нибудь третьем языке. Ср. русские слова *каравай, кутья, крестник, пасха* безэквивалентны по отношению к казахскому языку, но не по отношению к украинскому языку.

Безэквивалентная лексика является категорией синхронической. Межкультурное общение народов и связанный с ним обмен информацией приводит к заимствованию ряда понятий и слов из других языков, а вместе с развитием и обогащением словаря увеличиваются и возможности перевода. В результате этого многие безэквивалентные слова приобретают эквиваленты в системе лексики переводного языка, сохраняя при этом основное свое качество носителя этнокультурного своеобразия. Так, заимствованные казахским языком слова *Дума, тулуп, блин, kwas, щи* и др. регулярно используются при переводе как нормативные эквиваленты соответствующим русским реалиям.

Безэквивалентная лексика – категория условная. Отсутствие эквивалента для какого-либо слова исходного языка не означает, что данное слово вообще не может быть передано на другой язык: с помощью описания и толкования любое слово одного языка может быть передано на другой язык, хотя нередко со значительными информационно-эмоциональными потерями, нарушениями узуса другого языка и т. д.

Национально-культурные особенности лексики могут проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в значимом отсутствии слов в языке. В семантическом пространстве сопоставляемого языка существует понятие, выраженное словом исследуемого языка, но оно может быть передано лишь сочетанием слов, развернутым описанием, а не отдельным словом. Такие пропуски, пробелы в лексической системе языка называются лакунами. Ср. русские слова *будильник, баранина, горбушка, дворник, дошкольник* представлены лакунами в казахском языке и передаются в нем словосочетаниями: *коныраулы сагат, кой еті, наннын шетінен кесілген тілігі, қора тазалаушы, мектеп жасына дейінгі бала*. С другой стороны, лакунами в русском языке являются казахские слова *казы, ысыш, казақуар, бола*, кото-

рые по-русски можно передать только расчлененно: *реберная часть лошади; умеющий обрабатывать копчением шкуру, из которой делают кожаную посуду; владеющий казахским языком и хорошо знающий быт, нравы, обычаи казахов; двоюродный брат, двоюродная сестра по линии матери*.

Возникновение лакун может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, появление лакун связано с различием соответствующих культур. Например, в русском языке, кроме слова *каша*, имеется несколько однословных обозначений разновидностей этого кушанья: *завариха, крупеник, кутья, тыквенник, пшеник, размазня, овсянка* и др. В казахском языке всем этим обозначениям соответствует одно слово – *ботқа* ‘густое кушанье, сваренное из риса, пшена и других круп’.

Во-вторых, возникновение лакун обусловлено особым членением тождественных отрезков реальной действительности разными языковыми коллективами. Об одном и том же явлении реальной действительности у одного народа может быть общее, целостное понятие, не членимое на части и обозначаемое одним словом широкой семантики, в то время как другому народу свойственны более узкие понятия о разновидностях этого явления, его частях, осознаваемых как отдельные феномены и обозначаемых отдельными лексическими единицами. Ср. в русском языке для обозначения лица женского пола от рождения до вступления в брак, наряду со словом *девочка* употребляется и слово *девушка*. В казахском языке этим словам соответствует одно слово *кыз* с нерасчлененной семантикой ‘дочь, девочка, девушка’. С другой стороны, в казахском языке по сравнению с русским языком имеется больше однословных обозначений каждой из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей: *ана* ‘старшая сестра’, *эке* ‘старшая сестра’, *сіңлі* ‘младшая сестра в отношении старшей сестры’, *карындас* ‘младшая сестра в отношении старшего брата’. В русском языке всем этим словам соответствует слово *сестра*. Для казахского языка в данном случае релевантными оказываются, во-первых, дифференциация по возрасту и, во-вторых, пол лица соотношения.

В-третьих, появление лакун обусловлено тем, что данный язык не обращает внимания на некоторый предмет, явление или процесс, поскольку это для него неважно, в то время как другой язык замечает его и закрепляет в словесном знаке. Ср. в казахском языке нет слов, соотношенных по значению с русскими *лакомка, сладена, однолюб, старшекласник*; точно также как в русском языке нет лексических единиц, соответствующих по значению казахским *базаршы, малсак*. Однако это вовсе не говорит о специфичности данных понятий в русской и казахской культурах. Понятия действительно оказались незамеченными языком, но не сознанием носителей данных языков.

Таким образом, лакуны и безэквивалентные слова являются ярким проявлением своеобразия лексики национальных языковых систем. Формальным (лингвистическим) признаком, сближающим названные лексические сущности, можно считать отсутствие в одном из языков однословного наименования для выражения соответствующего понятия. Вместе с тем между лакунами и безэквивалентными словами существует различие. Безэквивалентные слова служат для обозначения не существующих в другой национальной культуре предметов и понятий, с ними связанными. Сущест-

вание же лакун указывает на наличие в обеих сопоставляемых лингвокультурных общностях соответствующих предметов и связанных с ними понятий, последние, однако, в одном из языковых социумов хранятся на невербальном уровне и не имеют словесного обозначения и только при

необходимости могут быть пояснены языком. Исследование лакун, проливающих свет на своеобразие членения сознания-реальности разными языковыми культурами, способствует выявлению семантических и структурных особенностей сопоставляемых языков.

Наречие как категориальный класс слов в падежных и беспадежных славянских языках (на материале русского и македонского языков)

Ю. А. Мареева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mar-julia@yandex.ru

Адвербиализация, сопоставительный анализ, функционально-грамматическое поле наречия.

Summary. The process of adverbialization in different Slavic languages has typologically similar features, but due to the structure of the language it can have its peculiarities. We have viewed the adverbialization process in Russian (a language with an extensive case system) and Macedonian (a language which has largely lost its case system).

Категориальный класс наречий во всех славянских языках имеет типологические сходства: общие словообразовательные модели, особенности функционирования в синтаксической структуре предложения, специфические черты процесса адвербиализации на современном этапе развития языка.

На протяжении своего исторического пути различные славянские языки претерпевали системные изменения. Ряд языков, в частности русский, утратили разветвленную систему глагольных времен. В других языках, как, например, в болгарском и македонском, были сильны аналитические тенденции, что привело к утрате падежей. В современном македонском литературном языке реликты именного склонения можно обнаружить только в формах личных местоимений и в некоторых наречиях.

Проанализированный нами языковой материал демонстрирует, что процесс адвербиализации более активно происходит в беспадежных языках. Так, в русском языке словоформы *утром, днем, вечером, ночью* сохраняют признаки существительного: возможность согласования с прилагательным в роде, числе и падеже (творительном). Из всех четырех словоформ, обозначающих временные отрезки в рамках суток, только словоформа *днем* в одном из своих лексико-семантических вариантов окончательно перешла в разряд наречий. Остальные слова находятся на периферии функционально-грамматического поля наречия.

В то же время в македонском языке соответствующие вышеупомянутым русским наречиям эквиваленты *наутро, денье, вечер и ноке* являются полностью «онареченными». Некоторые из этих наречий представляют собой старую форму винительного падежа (*наутро, вечер*), другие же – старую форму локатива (*денье, ноке*). Потеря категории склонения в македонском языке заставила подобные слова адвербиализоваться, т. е. перейти в разряд наречий. По замечанию У. Вейнрейха, количество наречий времени в языке соотносится с количеством времен: «Возможно, является универсалией и тот факт, что временные наречия никогда не бывают менее дифференцированы, чем соответствующая система глагольных времен». Это интересное наблюдение может быть верным в отношении македонского и русского языков. Македонский язык, имеющий богатейшую систему времен, обладает и большим диапазоном темпоральных наречий, которые активно употребляются в речи. На выбор формы глагола влияет положение говорящего на оси времени, а также модальная эпистемическая оценка говорящим действия с точки зрения его достоверности / недостоверности.

Наличие большего разнообразия наречий и наречных выражений, обозначающих временные отрезки в рамках суток и года, в македонском языке способствует и трехчленный постпозитивный артикль. Адвербиализация существительных с артиклем в македонском языке – это живой активный процесс. Однако вопрос о соотношении наречий и форм слов здесь остается достаточно сложным, поскольку слова, способные выполнять наречную функцию, продолжают сохранять связь с другими категориальными классами слов, выступая как бифункциональные единицы. Классифицируемые в македонских грамматиках как наречия словоформы типа *летото* (летом) могут согласовываться с прилагательными (*минатото лето* – прошлым летом).

В современном русском литературном языке отсутствуют специальные наречные лексемы для выражения следующих временных значений: *в этом году, в прошлом году, в позапрошлом году, сегодня вечером, вчера вечером*. В то же время в македонском языке для их обозначения существуют отдельные наречия: *годинава* – в этом году, *лани* – в прошлом году, *преклани, оломлани* – в позапрошлом году, *вечера* – сегодня вечером, *вчеравечер, синока, сношти* – вчера вечером. Отметим, что помимо наречий для передачи этих значений используются также беспредложные сочетания существительных с прилагательными: *минатата година* (в прошлом году, досл. прошлый год). В связи с этим следует упомянуть о существующих в современном русском языке просторечных беспредложных аккузативных формах, отмечаемых М. В. Всеволодовой, таких, как *прошлый год, прошлую неделю*.

(1) *Прошлый год я был на этом самом месте* (пример из Интернета).

Что касается формальной устроенности и морфосинтаксических типов, которые можно выделить среди русских и македонских наречий, то здесь обнаруживаются значительные сходства. В обоих языках есть большая группа синтетических полилексемных адвербатов, в числе которых важное место занимают редупликаты. Некоторые модели редупликации, свойственные русским наречиям, характерны и для македонского языка: это субстантивно-субстантивный, адвербиально-адвербиальный и др. типы. Редупликат, как правило, выражает высокую степень проявления признака: русским редупликатам *медленно-медленно, быстро-быстро* соответствуют македонские *лека-полека, бргу-бргу*. При этом в редуплицированном наречии две части могут быть абсолютно одинаковыми или модифицированными: *згора-згора* (досл. сверху-сверху), *одвреме навреме* (время от времени), и (*до*) *ден-денес(ка)* (до сегодняшнего дня), *денес(ка) за денес(ка)* (досл. сегодня за сегодня, т. е. думай о сегодняшнем дне). Основное значение редупликанта может не только усиливаться, но и полностью изменяться, например: *згора-згора* (сверху-сверху) значит поверхностно. Адвербатов *горедолу*, образованный сложением двух наречий *горе* (сверху) и *долу* (снизу) имеет значение, не совпадающее со значениями его частей: приблизительно, около.

Говоря о синтаксических позициях наречий в двух языках, можно отметить, что в македонском наблюдается гораздо большая возможность сочетания наречий с предлогами. Ср., например, (2) – досл. Там Стоян учился до прошлого года; (3) – досл. До позавчера они были здесь, а вчера уехали:

(2) *Таму Стојан учеше до лани.*

(3) *До некви беа тука, а вчера си отидоа.*

Результаты анализа инославянского материала позволяют выявить некоторые системные свойства адвербиальных лексем в русском языке, что впоследствии может иметь как собственно научную значимость, так и прагматическую ценность при преподавании русского языка инофонам и при составлении интегративного функционального словаря русских наречий.

Лакуны и перевод

Т. В. Маршева

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева

tatyana0509@mail.ru

Лакуна, элиминация, перифрастический.

Summary. The study is devoted to lexical gaps and the ways of eliminating them.

В последние десятилетия активно развивается направление в компаративистике, связанное с выявлением конвергентно-дивергентных признаков сравниваемых языковых систем. Неодинаковое членение окружающей действительности в различных культурах, разница в определении функционально важных признаков при номинации и обусловило такое явление, как лакуны. При различных дефинициях ученые сходятся в том, что лакуна – это отсутствие однослова (пробел) в лексической системе языка, которое выявляется при его сравнении с другим языком, где таковой имеется. Проблемы лакун часто рассматриваются исследователями в сопоставительном аспекте двух генеалогически разных языков (В. Л. Муравьев, В. Г. Гак, Ю. С. Сорокин, Н. В. Габдреева, Л. К. Байрамова). Особый интерес в изучении лакун представляет язык переводов, который до настоящего времени еще недостаточно изучен.

Мы рассматриваем феномен лакунарности, его типологию и факторы, обуславливающие это явление исключительно на материале переводов при их сопоставлении с оригиналом. В частности материалом исследования выбраны равновременные переводы повести английского писателя Джерома К. Джерома «Трое в лодке». Повесть вышла в свет в 1889 году и сразу же была переведена на многие языки мира. На русский язык повесть переводилась неоднократно. Особенно известны переводы, выполненные М. А. Салье и М. А. Донским (I–X главы) и Э. Л. Линецкой (XI–XIX главы). Произведение также переводили Е. Тихомандрицкая, Е. Кудашева, Н. А. Жаринцова, Д'Андре, М. А. Энгельгардт и другие.

Выявив и проанализировав способы элиминации лакунарных лексических единиц, мы в этом докладе остановились на пояснительной перифразе. В ряду иных способов, используемых в переводах, данный занимает видное место.

Так, например, сравним одно из значений английского словосочетания «dog days» – «самые жаркие летние дни». В переводах оно поясняется такими свободными словосочетаниями, как «разгар летнего зноя» и «самый разгар лета».

В словаре дано следующее толкование: «dog days» – «Собачий дни», пекло, самые жаркие дни лета. Выражение происходит от латинского *dies caniculares*, или на английском языке *canicular days*. *Dies canulares* – дни, связанные с восходом Сириуса. Сириус, находящийся в созвездии Большого Пса, назывался *Canicula* (уменьшительное от *canis* – собака), по-английски *the Dog Star*. По древнеримскому поверью, восход Сириуса (в июле – августе) способствовал усилению жары [5].

Одно из значений английского слова «trespass» – «противоправно нарушать владение». В переводах встречаются различные варианты описательного перевода данного слова, а именно: «нарушать границу чужих владений», «вторгаться в чужие владения», «нарушать право собственности» и «нарушать чужие права».

Условия жизни и быта народа порождают понятия, которые отсутствуют у носителей других языков. Соответственно в других языках нет однословных лексических эквивалентов для их передачи. Одно из значений слова «beanfeast» в словаре также передается перифрастическим выражением – «ежегодный обед (который работодатель устраивает для сотрудников)». В одном из переводов дается еще более подробное пояснительное описание данному слову, а именно – «участники пикника, устроенного какой-нибудь фирмой для своих служащих».

Слов, которые по каким-то причинам не имеют однословных эквивалентов в русском языке довольно много, например: *fortnight* – две недели; *score* – два десятка; *overnight* – накануне вечером; *lodging* – сдаваемая комната; *haunt* – часто посещаемое место (для отдыха и т. п.).

В. Л. Муравьев считает, что «...лакуны не являются раз и навсегда установившейся категорией, но эволюционируют вместе с развитием языка и его бытовых понятий». Он пишет о том, что со временем лакуны «заполняются». Это происходит либо в результате процесса заимствования, либо образуются новые слова собственными средствами языка [4: 94].

Особенно ценный материал в этом отношении представляет переводная литература. Изучая язык переводов, можно наблюдать за тем, какие процессы претерпевала лакуна, как она выявлялась и какие стадии проходила, прежде чем «заполнилась», либо же так и осталась пробелом, либо заполнилась окончательно, либо сначала заполнилась, но затем вновь перешла в разряд лакун. Именно переводная литература выявляет такие процессы и дает возможность изучить «историю» многих слов.

Литература

1. Джером К. Дж. Трое в одной лодке (не считая собаки). СПб., 1910.
2. Джером К. Дж. Избранные произведения в двух томах / Т. 1 Трое в одной лодке, не считая собаки. М., 1957.
3. Джером К. Дж. Трое в лодке (не считая собаки). Л., 1959.
4. Муравьев В. Л. Проблемы возникновения этнографических лакун. Владимир, 1980.
5. SetExpressions (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x5) Английский язык: вчера, сегодня и завтра / Брайан Локетт. © ООО «Русский язык – Медиа», 2005.

Роль коммуникативных слов в разноструктурных языках

С. М. Махмудова

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

Rutulsveta@mail.ru

А. Е. Кибрик пишет: «Уже с конца 1920-х – начала 1930-х годов, со времени появления работ членов Пражского лингвистического кружка об „актуальном членении“ / „коммуникативном динамизме“ стала очевидной синтаксическая значимость дискурсивно-прагматических концептов, образующих особое семантическое измерение... К этому измерению относятся такие концепты, как *топик* (topic), *тема* / *рема* (theme / rheme), *фокус* (focus), *данное* / *новое* (given / new), *эмпатия* (empathy), *точка зрения* (view point), *проксиматив* / *обвиатив* (proximative / obviative)... *фокусирование внимания* (attention flow), *поддержание референции* (referent tracking) и др... Систему таких концептов будем называть КОММУНИКАТИВНЫМ ИЗМЕРЕНИЕМ» [Кибрик 2003: 149].

В современной лингвистике особое внимание уделяется роли говорящего в высказывании. Говорящий находится в

центре ситуации, по отношению к нему и с его точки зрения мыслятся все ситуации – временные и пространственные, выражению чего подчинены наречия места и времени, философия языка подразумевает говорящего в центре действия и во главе всех участников действия – тому подчинены личные местоимения, говорящий включается в число участников происходящего действия или исключается из него – инклюзивное и эксклюзивное местоимения в дагестанских языках. Спикер обозначается как главное действующее лицо в любой ситуации, которая подается именно с его точки зрения – в зарубежной лингвистике данный факт обозначают как эгоцентризм, а подачу ситуации с точки зрения говорящего – центрального действующего лица, обозначают как фокус эмпатии.

В русском языке, как и во всех других языках, зарегистрированы слова типа *привет, да, нет, спасибо, пожалуйста* –

ста, *здравствуй(те)* и т. д., которые у разных авторов подают то как слова-предложения, то как наречия, то как междометия.

Основной функцией данных слов является установление психологической связи спикера с говорящим, определенного типа общения, при котором говорящий входит в связь с сознанием слушающего, входит в его коммуникационное поле и обрабатывает его, добываясь нужного ответа.

Например, обращением *Нин! Мама!* мы привлекаем внимание матери, захватываем информационное поле этого человека с целью внести или вытащить оттуда новую информацию.

Кодом *Шууна и! Здравствуй(те)!* мы привлекаем внимание слушающего и сообщаем ему о наших добрых намерениях, заходим в информационное поле слушающего, открывая его для дальнейшей работы там.

Кодовым словом *Извините!* при обращении к незнакомому человеку спикер обращает к себе информационное поле адресата, но при этом обозначает и свое вынужденное положение, принуждающее его установить связь с сознанием слушающего.

Код *Гъай! Да!* обозначает, что слушающий принял информацию, сообщенную ему спикером, и он положительно отреагировал на нее.

Код *Ваь! Нет,* наоборот, демонстрирует спикеру, что информация не принята, не запущена слушающим в свое информационное поле. Слушающий данным кодом ставит заслон на пути информации, идущей к нему от спикера.

Коммуникационное слово *Баиуста! Пожалуйста!* имеет целью смягчение приказа спикера, деликатный вход в информационное поле, если данный код произносится спикером, если же код *пожалуйста* произносится адресатом, то он выражает, что готов оказать спикеру любезность, запустить его в информационное поле.

Особую важность для языка представляют слова типа *да* и носовые *ага, угу, ыгы*. Используя данные *ага, угу, ыгы*, слушающий демонстрирует спикеру, что информация, которую тот предоставляет, усваивается им по частям, и усвоение и сохранение в памяти каждой части отмечается, как бы подписывается этими *ыгы*.

Приведенные здесь коммуникативное слово *а* в русском языке и *гъай* в рутульском языке исполняют роль возобновителей коммуникативной связи спикера и слушающего.

Таким образом, антропоцентрический подход к языку, в последнее время ставший главным при анализе языковых фактов, обнажает проблему слабой изученности средств языка, служащих функции установления контакта. А языки, тем временем, имеют в своем словаре специальные слова, призванные обозначить три стадии общения – вовлечение в контакт, поддержание контакта и окончание контакта коммуникантов.

Распространенность коммуникативных слов, обращений, вокативов и т. д. в любом языке заставляет признать в языке широкую лексико-семантическую категорию коммуникативности, куда входят также формулы этикета, обращения.

Основные признаки сходства и различия русского и болгарского языков в области словообразования

Д. Митев

Великотърновски университет «Св.св. Кирил и Методий» (Велико Търново, Болгария)

Rutulsveta@mail.ru

Formant, categorical meaning, similarity, difference, full, partial.

Summary. The study shows the most typical similarities and differences between Russian and Bulgarian within the ways and means of expressing the derivative meaning. The principles used and the results achieved are of importance not only for the profound scholarly contrastive research but also for educational purposes.

1. Словообразовательные системы русского и болгарского языков изучены довольно полно и разносторонне. Вместе с тем существует множество сравнительно-исторических и сопоставительных работ по словообразованию, проводящих параллель между данными русского языка и других (обычно славянских) языков. К настоящему моменту нет удовлетворительного по полноте охвата сопоставительного исследования систем русского и болгарского словообразования. В этой работе выдвинуты основные принципы и аспекты такого исследования, выявлены те элементы системы, в которых обнаруживаются наиболее яркие черты сходства и различия между двумя языками на данном этапе их развития.

2. Исследование базируется на апробированных в компаративистике основных принципах: *системность, равнопоставленность языков, направленность от значения к способам и средствам выражения*. Выбор направленности сопоставительного анализа «от значения» определяется большей, чем внешне строение производных, универсальности семантики. При этом в центре внимания находится категориальное словообразовательное значение (КСЗ), элементом которого является и значение класса (части речи) слов. Системность описания выдерживается в иерархической последовательности: *часть речи – общее КСЗ – более частные КСЗ – способ(ы) словообразования* (как единицы, формально и семантически объединяющие ряды типов) – *словообразовательные типы*.

3. Словообразование современных русского и болгарского языков характеризует преобладающее сходство – как категориальных словообразовательных значений, так и способов словообразования, словообразовательных формантов (в том числе аффиксальных). Более существенными фактами различия являются отсутствие способа постфиксации в болгарском (см. ниже) и наличие значительного (в целом) количества аффиксальных формантов – префиксов и суффиксов, присущих только одному из языков. Эти факты во многом определяют как многообразие картины языковых

средств выражения словообразовательных значений, так и степень близости / расхождения языков по данному признаку – от полного сходства до полного различия.

4. Самая высокая степень сходства двух языков наблюдается в словообразовании всех знаменательных частей речи, но в сравнительно немногих случаях. Примером могут служить некоторые модификационные значения, выражаемые префиксальными словообразовательными типами существительных: со значением «**противоположность тому или отсутствию того, что названо (кто назван) производящим существительным**» (*анти-частица, де-монтаж*), в обоих языках представленным типами с префиксами *анти-, против-, де- / дез-, контр-* (б. *контра-*), *не-, без- / бес-, дис-*; со значением **совместности, связанности с другим таким же предметом, названным производящим словом** (р. *со-автор, б. съ-автор*), со значениями **первоначальности, древности, предшествования или следования того, что названо (кто назван) производящим существительным** (*пра-родина, пра-внук, экс-президент, пост-позиция*), выраженными посредством префиксов *пра-, прото-, экс-, пред-, пост-, после-* (в б. еще *след-*: *след-ренессанс*) и нек. др. Частичные различия касаются формы аффиксов и степени продуктивности типов в том и другом языке.

5. Наибольшее количество словообразовательных значений представлено соответствующими рядами типов со сходными в двух языках формантами, но также с формантами, присущими только одному из языков. Например, мутационное словообразовательное значение «**лицо – производитель действия, названного производящим словом**» (*борец, реставр-атор*) реализуется в обоих языках сходными словообразовательными типами с суффиксальными формантами *-тель* (б. *-тел*), *-ник / -еник, -ец, -лец, -арь* (б. *-ар*), *-атор / -итор, -ант / -ент, -ор / -ёр* (б. *-ьор*), *-ун, -аг(a) / -яг(a), -л(о), -ач, -тай*; только в русском – с формантами *-щик / -чик, -льщик, -ок, -Ø(a), -аль, -к(a) / -ик(a), -ак(a) / -як(a), -л(a)*; только в болгарском – с формантами *-ак / -як,*

-ан, -к(о), -льо, -ч(о), -джия / -чия (из тур., ср. лов-джия, шег-аджия, инат-чия). У многих сходных в двух языках типах прослеживается различие продуктивности (например, тип на -ач в русском непродукт., разг., в болг. – нейтр., высокопродукт.); преобладающая часть присущих одному из языков типов стилистически охарактеризована (разг.).

В классе имен прилагательных модификационное значение **слабой степени признака** выражается сходным в двух языках суффиксом *-оват-* (р. *бел-оват-ый*, б. *глуп-оват*); только в русском (в сочетании с ласкательным значением) – суффиксом *-оньк-* (*высок-оньк-ий*, *черн-еньк-ий*); только в болгарском – префиксом *въз-* (*въз-слаб*, *въз-жълт*), суффиксами *-икав* (*зелен-икав*, *жълт-еникав*, *бел-езникав*), *-ичък* (в сочет. с ласкательным значением: *дебел-ичък*, *прост-ичък*). В той же сфере градационных значений значенные **высокой (высшей, чрезмерной) степени признака** имеют типы прилагательных с общими в двух языках формантами – префиксами *пре-*, *архи-*, *сверх-* (б. *сврѣх-*), *супер-*, *ультра-* (б. *ултра-*), префиксами *пере-* / б. *пре-* в словесных фигурах типа *чиненый-перечиненый*, первыми частями структуры сложных *все-*, *высоко-* (б. *високо-*) (р. *всесильный*, *высокоразвитый*; б. *всемогуц*, *високообразован*); только в русском – префиксом *наи-* (*наи-лучший*), суффиксами *-ейш-* / *-айш-* (*крепч-айш-ий*), *-уц-* (*больш-уц-ий*), *-енн-* (*здоров-енн-ый*). Место отсутствующих в болгарском языке суффиксальных производных с таким значением восполняется префиксальными образованиями или использованием в речи описательных (синтаксических) структур.

6. Наряду с указанными случаями соотношения способов и средств выражения словообразовательных значений существуют участки системы, в которых налицо полное материальное несовпадение в двух языках соответствующих формантов. Здесь будут указаны некоторые из самых характерных.

Существительные с модификационным значением **незрелости** живого существа, названного производящим словом в русском языке выражено в существительных с суффиксами *-онок / -ат(а)* (*медвеж-онок*, *пастуш-онок*), *-оньши* (*зме-еньши*), *-чук* (*бар-чук*, *саран-чук*), а также в существительных префиксально-суффиксального образования с формантами *под-...-ок* (*под-свин-ок*) и *недо-...-ок* (*недо-пес-ок*). В болгарском языке существительные с тем же категориальным значением образованы посредством суффиксов, в основе значения которых стоит функционально более широкий оттенок уменьшительности-ласкательности: *-е* (*петл-е*, *вълч-е*, *сестрич-е*), *-че* (*брат-че*, *овчар-че*), *-ле* (*брат-ле*, *миш-ле*), *-ичк(а)* (*сестр-ичк-а*), *-енц(е)* (*пил-енц-е*).

Часть существительных с мутационным значением **«вещество, материал – носитель предметного признака»** в русском языке имеет более узкое (специализированное) значение «мясо животного, названного производящим словом», которое выражено посредством суффикса *-ин(а) / -атин(а)*: *свин-ин-а*, *осетр-ин-а*, *гус-ятина*, *страус-ятина* и т. п. В болгарском языке все существительные, являющиеся названиями мяса животного, образованы способом субстантивации и относятся к среднему роду: *свинск-о*, *телешк-о*, *говежд-о*, *конск-о*, *пилешк-о* и т. п. (ср. опорные словосочетания типа *свинско месо*, а также словосочетания типа *месо от гъска*, *месо от цраус*).

В русском литературном языке **уменьшительно-ласкательное** значение не представлено в классах имени числительного и глагола, в болгарском языке в обоих классах есть производные слова с таким значением. **Числительные** с уменьшительно-ласкательным значением образуются от ограниченного круга производящих посредством нескольких суффиксов: *-ичък / -ичк-* (*един – еон-ичък*; *търви – първ-ичък*, аналогично *втор-ичък*, *трет-ичък*, *пет-ичък* – с соответствующими формами ж. р, ср. р. и мн. ч), *-чки* (*две-чки*, *три-чки*), *-нки* (*две-нки*, *три-нки*), *-ки* (*четыре-ки*); в отношении количества лиц: *-ка* (*двам-ка*, *трим-ка*, *четирим-ка*), *-ца* (*двам-ца*, *трим-ца*). Слова с таким значением употребляются преимущественно в детской речи или в речи, адресованной детям. **Глаголы** с уменьшительно-ласкательным значением в болгарском языке так же, как и числительные, ограничены в своем употреблении – только в сфере общения с детьми. Это производные слова с суффиксами: *-к-* (*боря се – бор-к-ам се*, *тичам – тич-к-ам*, аналогично *пап-к-ам*, *лап-к-ам*, *жум-к-ам*, *гуш-к-ам*), *-инк-* (*спя – сп-инк-ам*), *-ичк-* (*боря се – бор-ичк-ам се*), *-ук-* (*цъпнам – цъп-ук-ам*) и нек. др.

В области глагольного словообразования отчетливо выступает различие между двумя языками в выражении **возвратности** (значений отношения субъекта и объекта к действию). В русском языке постфиксацией (а также способами с участием постфикса) образуются глаголы с различными значениями средне-возвратного залога (*мыть-ся*, *готовить-ся*, *бодать-ся*, *ломать-ся*, *собирать-ся*, *раз-бежать-ся*, *горд-ить-ся*); в болгарском же все возвратные глаголы образуются посредством меняющей место частицы возвратности *се* (*мия се*, *аз се мия*), а русским возвратным глаголам со значением активного свойства (*бодаться*, *кусаться*) соответствуют невозвратные глаголы (*кривата бодe*, *кучето хапe*), за исключением единичных случаев, ср. *Мама, Петя дерется, не буду с ним играть – Мамо, Петър се бие, няма да играя с него* («любит, склонен драться»).

7. Словообразование – одна из тех областей языковой системы, в которой ярче всего проявляется сходство русского и болгарского языков. Это обусловлено рядом причин, главными из которых являются: а) общность происхождения двух языков и, соответственно, ресурсов словообразования (исходных лексем, аффиксальных средств, способов словообразования, обобщенных моделей); б) сходство классификационной лексико-грамматической системы и способности реализации указанных ресурсов для пополнения классов путем словопроизводства; в) историческое взаимодействие и взаимовлияние двух языков (в том числе в области словообразования); г) наличие общих источников внешнего (путем заимствования) пополнения словообразовательных систем исходной лексикой, словообразовательными средствами и образцами.

Факторы, определяющие различие между русским и болгарским языками, это: а) особенности индивидуального развития языков, обуславливающее наличие специфических средств словообразования, частичное несовпадение формы и значения сходных средств, ограничения в продуктивности (сходных) словообразовательных типов за счет конкурирующих синонимических структур; б) влияние других языков на систему одного из двух языков; в) специфика «видения мира» у носителей русского и болгарского языков.

Функциональная доминанта лингвистического текста как инвариант перевода

Е. С. Мойса

Московский педагогический государственный университет

evamoisa@eandex.ru

Paradigmatic, syntagmatic, derivative links, terminologic system, semantic rules.

Summary. The translation of linguistic texts are connected with the understanding, exact interpretation of text content due to the system of organization of terminological lexical, semantic rules of correct choice the necessary language units.

Основной единицей обучения переводу на русский язык англоговорящих иностранных магистрантов-филологов является лингвистический текст. Поэтому понимание, анализ и воспроизведение текста, близкого, точного по содержанию является проблемой перевода. В настоящее время проблемы перевода лингвистических текстов актуально соотносить с речевой деятельностью, с деятельностной парадигмой. В связи с этим функционирование языкового меха-

низма заключается в умении передать смысл текста одного языка системой другого. Деятельностная парадигма связана с проблемой значения термина и его функционирования в тексте. В лингвистических текстах при переводе существенную роль играет семантическая структура терминов, «структура и функционирование языка науки, где связаны логос и лексис термина, семантический глубинный синтаксис языка науки и семантические отношения» (С. Е. Никитина).

Выбор средств для выражения основного содержания текста определяется самим исходным лингвистическим текстом, основной единицей которого является термин и терминологические сочетания, которые носят, в отличие от нелингвистических текстов, конвенциональный характер, проявляющийся в многообразии точек зрения на одно и то же языковое явление, что затрудняет поиск точного эквивалента при переводе. Решению этой проблемы способствует системность лингвистических терминов, способность вступать в синонимические, антонимические и другие виды парадигматических отношений (Е. С. Бутакова). «Значение термина... проявляется в совокупности всех его системных связей с другими терминами... употребляемыми в научных теоретических текстах» (С. Е. Никитина). Как показывает практика, неточности перевода обусловлены тем, что магистранты интуитивно ощущают семантику слова-термина, не умеют включить его в синтагматические и парадигматические ряды. Для эффективного профессионального перевода иностранным магистрантам следует усвоить все компоненты содержания термина: его сочетаемость, способность вступать в синонимические, антонимические и другие виды парадигматических отношений, то есть нужно исследовать термин в тексте. Текстовые связи будут способствовать лучшему пониманию и комплексному использованию понятийно-языковой природы термина, что связано с оптимизацией процесса перевода. Обращение к тексту, к системной организации текстовых терминологических связей, выполняющих текстообразующую функцию, способствует выбору наиболее точных эквивалентов, передающих основной смысл, позволяет выявить функциональную доминанту лингвистического текста как инварианта перевода.

Одной из важнейших проблем перевода лингвистических текстов является и несовпадение градаций значений слов и средств их выражения в русском и английском языках, что вызывает известные трудности нахождения адекватных эквивалентов. В связи с этим необходимо развивать у иностранных магистрантов-филологов языковую систему, знание семантических правил, позволяющих совершать синонимические эквивалентные замены, производить правильный выбор необходимых языковых единиц в процессе чтения и перевода.

В процессе чтения и перевода текстов происходит их интерпретация и возникает деривационный инвариант переводимого текста. Текст перевода продуцируется на основе текста оригинала и находится с ним в деривационных отношениях.

На возникновение деривационного инварианта оказывают влияние особенности обеих языковых систем, обеих языковых культур, что обуславливает прагматическую адаптацию переводимого текста к возможностям и потребностям представителей другой языковой культуры. Это и определяет интерпретационный характер перевода, который проявляется как на языковом, так и на содержательном уровнях и составляет основу порождения деривационного инварианта.

Чтобы вписаться в контекст определенной языковой культуры, необходимо знать различия между языками и способами их правильного выражения, что невозможно без анализа соответствующих языков. Поскольку английская лингвистическая терминология обладает многозначностью, семантической неопределенностью, антонимичностью, синонимичностью терминов, сопоставление структурно-семантических особенностей лингвистических терминов английского и русского языков имеет практическое значение. Так, следует обращать внимание магистрантов на синтаксический способ терминообразования в английской и русской лингвистической терминологии.

Причем тождество синтаксической связи не означает схожести лексико-семантических отношений между ними в разных сочетаниях. Семантически ведущим компонентом является существительное, обозначающее определенное понятие и вступающее в системные отношения с другими словами и словосочетаниями, входящими в терминосистему. Так, например, *root inflection* вступает в синонимические отношения с *inflection of the root*; слово «*affix*» характеризуется синтагматическими связями с другими словами: прилагательными, глаголами, существительными, образуя словосочетания: *functional affix* – функциональный аффикс; *derivational affix* – деривационный аффикс; *derogatory affix* – пренебрежительно-уменьшительный аффикс.

В связи с этим в поиске эквивалента при переводе следует также перефразировать атрибутивные сочетания в предложные и глагольные конструкции, способствующие выявлению основных моментов, которые предшествовали закреплению в материальной оболочке бинарного термина одних мотирующих признаков и опусканию других (В. А. Шадрова). Так, например, *compound derivative – derivative that has compound structure* – «сложное производное слово»; *deverbal noun – noun that originates from a verb* – «отглагольное существительное».

Кроме того, на деривационный процесс при переводе воздействуют не только объективные факторы интерпретации, но и субъективные интерпретационные позиции переводчика-магистранта, что также следует учитывать при переводе текста. «Инвариантным в процессе перевода остается формируемый контекстом и ситуацией общения смысл» (Л. Л. Нелюбин). Именно речевой контекст, ситуация общения, компетенция отправителя, влияющие на процесс перевода, позволяют устранить «различия между нетождественными значениями, а также использовать разные значения для передачи одного и того же смысла» (Л. Л. Нелюбин). И центральное место в этом процессе перевода отводится лингвистическому тексту, который определяет первичную и вторичную коммуникативные ситуации.

Выявление в переводимом тексте синтагматических, деривационных, парадигматических связей терминологической лексики, выполняющих текстообразующую функцию, ускоряет процесс понимания смысла текста и способствует правильной его интерпретации.

Лингвокультурологический материал как объект изучения в иностранной аудитории (на примере пословиц и поговорок, содержащих зоонимы)

Т. А. Налимова

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

t.a.nalimova@mail.ru

Национальная картина мира, пословицы и поговорки, зоонимы, отбор.

Summary. A comparison of proverbs, including names of animals, in Russian and Japanese in order to use them in teaching Russian language.

Изучение национальной картины мира как одной из сфер языкового сознания носителей языка является одной из активно разрабатываемых проблем в обучении иностранным языкам. В процессе обучения русскому языку как иностранному при обращении к такому материалу, как пословицы и поговорки, преподаватель имеет возможность показать своеобразие мышления народа, историю его развития, особенности психологии и др. Привлекательность пословиц и поговорок, содержащих образы животного мира, заключается в возможности развития у учащихся на их основе ассо-

циативного мышления вследствие постижения разного рода переосмыслений, а также использования усвоенных языковых единиц в речевой практике, поскольку они не только придают речи выразительность, но и позволяют оценить общий уровень владения языком.

Большой интерес к русским пословицам и поговоркам проявляют представители прежде всего «далеких» культур (например, японской). Это обусловлено как общекультурным содержанием материала, дающим возможность как можно лучше понять русских людей, их характер, юмор, так

и прагматическими целями – желанием комфортнее чувствовать себя в общении с русскими, в том числе с деловыми партнерами по бизнесу.

Что касается японской культурной и языковой традиции в целом, то для нее не свойственно широкое употребление пословиц, содержащих названия животных, так как они содержат элемент категоричности, не характерной для японской речевой культуры. Этим вопросам посвящены работы как культурологов, так и лингвистов [2]; [3]; [5]; [6]. Так, например, установлено, что любовь японцев к природе носит избирательный характер: она не распространяется на дикую природу и диких животных, в то время как для западной культуры дикая природа – важнейшая составная часть жизненного идеала, который оставил след в языке [2].

Нами был проведен сопоставительный анализ пословиц и поговорок, позволивший отобрать наиболее важные для обучения единицы. В качестве источников для отбора материала послужили словари русских пословиц и поговорок и пословиц народов Востока [1]; [4], а также справочные пособия на японском языке (в сборе материала принимал участие Кавада Х. – Япония). В результате классификации по принципу «совпадение – несовпадение» было выделено несколько групп пословиц. Первую группу составили пословицы и поговорки, близкие по смыслу и частично совпадающие по форме (по наличию общих компонентов), напр.: рус. *Шкуру неубитого медведя не делая – японск. Не поймав барсука, не оценивай его шкуры*; рус. *Жить как кошка с собакой – японск. Жить как собака с обезьяной*; рус. *Яйца курицу не учат – японск. Обезьяну лазить по деревьям не учат* и другие. Эта группа оказалась самой многочисленной.

Во вторую группу вошли пословицы, близкие по смыслу, но отличающиеся языковой формой (не имеющие общих компонентов), напр.: рус. *Конь о четырех ногах да спотыкается – японск. Даже обезьяна с дерева падает*; рус. *Лучше синицу в руки, чем журавля в небо – японск. Лучше быть клювом петуха, чем хвостом быка*; рус. *Человек познается в беде – японск. Лошадь узнают в езде*.

Немногочисленную группу составили пословицы, которые имеют противоположный смысл, напр.: рус. *Гусь свинье не товарищ – японск. И собака с соколом товарищи* (когда участвуют в общем деле); рус. *Яблоко от яблони недалеко падает – японск. И от коршуна родится сокол*. Полного совпадения не выявлено.

Национально-культурная специфика японских соответствий проявляется в использовании названий животных своего ареала. Так, при отсутствии единиц, содержащих назва-

ния популярных в России медведя, волка, лисы, эту «нишу» занимают такие дикие животные, как обезьяна, тигр, барсук, дракон, змея. Японцами часто используются пословицы со словом «рыба», что объясняется ролью рыбного промысла в жизни народа: *В прозрачной воде рыба не живет; Крупная рыба в болоте не водится; Самая крупная рыба та, что сорвалась с крючка; Поймать рыбу, не замочив рук и др.* Из названий птиц, включенных в пословицы, встречаются соловей (*Было время, когда и для нее соловьи пели*), аист (*Аист на куче мусора*), воробей (*Как воробей наплакал*), ворона (*Вороны везде черны*), журавль (*Журавль живет тысячу лет, черепаха – десять тысяч*), сокол (*Пускать сокола – о целеустремленном человеке*).

Как и для многих других культур, для японцев значимы домашние животные. Здесь предпочтение отдается кошке (*Как кошка в чужом доме – о застенчивом человеке; Все равно что давать деньги кошке – о чем-то бесполезном*), собаке (*Голодная собака палки не боится; Глупая собака громко лает*), лошади (*Пересест с лошади на вола – сменить лучшее на худшее; Выносливость лошади познается в пути, нрав человека – с течением времени*) и др.

Хотя в японской культуре не принято ставить человека в один ряд с животными, особенно с дикими, в то же время японскому менталитету оказались близки и понятны такие русские пословицы, как, например, *Волка ноги кормят; Работа не волк – в лес не убежит; И волки сыты – и овцы целы* (ср. японск. *Человек не может жить, сидя на месте*).

Общность смыслов, заложенных в пословицах разных народов, закономерна и естественна, так как отражает общечеловеческие взгляды на явления природы и общества. Поэтому самое сложное в процессе обучения – дать учащимся возможность увидеть не только общее, но и особенное, чем главным образом и обусловлен интерес носителей разных языков и культур друг к другу. Задача преподавателя заключается прежде всего в тщательном отборе языкового материала, глубоко его осмыслении, а также в использовании приемов презентации, соответствующих конкретной аудитории.

Литература

1. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1993.
2. Корнилов В. М. Категории японской культуры. М., 1989.
3. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
4. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961.
5. Пронников В. А. Японцы: этнографические очерки. М., 1985.
6. Японцы в сравнительных социокультурных исследованиях. М., 1989.

Сопоставительное изучение славянских языков и его прогностическая значимость

Г. П. Нецименко

Институт славяноведения РАН (Москва)

the123@mail.ru

Метод сопоставительного, системно-функционального изучения, славянские языки

Summary. The paper is based on the system-confrontative methodology. The work will be based on a large language material in Slavic languages – it is first of all the facts of Russian and Czech languages. The paper provides the methodology of comparative systematic-functional exploration with using of communicative and interdisciplinary approach.

Одним из главных преимуществ метода сопоставительного, системно-функционального изучения близкородственных – в данном случае славянских – языков, на наш взгляд, являются его *исключительные прогностические возможности*, позволяющие диагностировать актуальные, в том числе и *инновационные* процессы, прогнозируя направленность их последующего развития. Несомненным преимуществом этого метода является и его *универсальность*: он может плодотворно использоваться при изучении *синхронных* межязыковых взаимосвязей, *синхронной динамики*, а также *синхронно-диахронных* параллелей.

При сопоставительном анализе близкородственных языков исследователь имеет уникальную возможность наблюдать развитие в них *конвергентных* процессов с *однаправленным* вектором изменения языковой материи. Из сказанного, однако, не следует, что данные процессы будут развертываться в сопоставляемых языках с *одинаковой* скоростью, т. е. что их эволюционные фазы будут строго синхронизированы друг с другом. В действительности же иден-

тичные конвергентные процессы в близкородственных языках нередко протекают (по разным причинам) *асинхронно*, со *смещением* во времени, обусловленным различием в скорости их развертывания. Соответственно и их эволюционные фазы в сопоставляемых языках зачастую оказываются «разведенными» не только во времени, но и в языковом пространстве. Иными словами, в одном и том же *синхронном* языковом пространстве хронологически совмещенными могут оказаться *разные* фазы языковой динамики, т. е. наблюдаются проявления как *синхронной динамики*, так и *диахронии в синхронии*.

Подобные эволюционные «разнотечения» некоторыми исследователями иногда *ошибочно* интерпретируются как *типологические* отличия близкородственных языков. В числе причин их появления в синхронном межязыковом узле могут оказаться и некоторые экстралингвистические обстоятельства, которые могут как ускорять, так и замедлять языковую динамику. В роли естественного стимулятора может выступать и *разговорный язык*, активизация влияния кото-

рого в современной речи особенно возрастает, приводя к увеличению экспрессивности узуса, усилению вариативности используемых вербальных средств и т. п.

Таким образом, как при синхронном, так и диахронном *внутриязыковом* сопоставлении, в задачи исследователя входит установление направленности *языковой динамики*. Оставаясь в рамках лишь *синхронного* сопоставления, проводимого внутри одного и того же временного измерения, гораздо труднее «нащупать» потенциальное движение языковой материи, выявить ее «проблемные зоны». Подобный ракурс анализа, получивший название «синхронная динамика», был введен в научный оборот учеными ПЛШ как одно из важнейших ее достижений.

Существует, впрочем, еще один путь увеличения временной перспективы в рамках того же самого синхронного среза, который, к сожалению, незаслуженно недооценивается исследователями. Мы имеем в виду *синхронное соположение* разных форм существования этнического языка, входящих в состав широко понимаемого социолингвистического контекста. В этом случае имеются в виду такие языковые идиомы как литературный язык, все разновидности разговорного языка, в составе которого представлены, наряду с формирующейся интегрированной манифестацией языка повседневного непринужденного общения, также сленги, жаргоны, территориальные диалекты и т. д., различающиеся, помимо прочего, *скоростью* динамики изменения речевого узуса.

Особое место в этом ряду занимает феномен *детской речи*. Как известно, дети обладают развитым языковым чутьем, обостренным ощущением языковой системности и аналогии, поэтому в их узусе нередко встречаются слова и словоформы, хотя и не получившие кодификационного «благословения», тем не менее, имеющие, как говорил выдающийся чешский ученый М. Докулил, *перспективную глубину*.

Проведение подобного внутриязыкового межидиомного сопоставления позволяет исследователю выявить *диапазон возможностей* языковой системы в целом. Именно поэтому, оценивая функциональный потенциал того или иного этнического языка, принципиально неверно исходить лишь из литературного, регулируемого кодификацией узуса, игнорируя при этом узус непринужденного повседневного общения. Это могло бы привести к поспешным, типологически ошибочным выводам, обедняющим реальную картину языковой системы, ее внутренних резервных возможностей. По мере реализации подобных резервных возможностей они становятся *активными звеньями* языковой системы. Те же из них, которые временно остаются не востребованными, мы образно называем «спящими точками» языковой системы. До определенного времени они продолжают оставаться «в резерве», как бы сигнализируя о возможных путях потенциального развития языковой системы. Подобные

«спящие точки» могут активизироваться при наличии благоприятных условий, например, при смягчении кодификационных ограничений, изменении норм речевого этикета. Особенно важным нам представляется ослабление или же полное элиминирование действия факторов, *регулирующих* речевое поведение в сфере публичной коммуникации. Последнее обстоятельство неизбежно приводит к изменению характера действующего вербального стандарта, что является одной из характерных примет *современного* публичного узуса. Именно это мы и наблюдаем ныне, когда под нарастающим влиянием нормы *не регулируемого* разговорного узуса происходит снижение уровня современной публичной речевой культуры, стремительно нарастает удельный вес экспрессивной, в том числе и бранной, лексики, включения клише и пр. Вместе с тем нельзя не заметить, что этому сопутствует и активизация словопроизводства целого ряда деривационных категорий, причем многие производные, образованные по этим словообразовательным лекалам, красноречиво иллюстрируют факт пробуждения «дремлющих» звеньев деривационной системы, что чрезвычайно важно для лингвистического прогнозирования.

Мы убеждены в том, что перед сопоставительным системно-функциональным изучением близкородственных языков – в нашем случае языков славянских – открывается большое будущее. Использование этого метода позволяет увидеть в новом свете реально существующие тенденции и закономерности, причем увидеть их в движении, в развитии, с учетом уникальной прогностической перспективы. Развитие сопоставительного изучения близкородственных языков позволяет более трезво относиться к типологическим прогнозам, высказываемым в отношении последующей системной эволюции славянских языков.

Литература

1. Нецименко Г. П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками / Ред. А. Г. Широкова, Вл. Грабье. М., 1983. С. 30–51.
2. Нецименко Г. П. О значимости сопоставительного изучения близкородственных языков // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева / Ред. Г. К. Венедиктов. М., 2011. С. 252–274.
3. Нецименко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной коммуникации и его влияние на кодификационную практику // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов (Минск, 2013 г.). Доклады российской делегации / Ред.: А. М. Молдован, С. М. Толстая. М., 2013. С. 610–632.
4. Nieszczymentko Galina P. Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы // Ed. E. Koriakowcewa. Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych. Siedlce, 2010. S. 13–51.

«Русскость» пушкинского текста и переводческая интерпретативность

В. А. Разумовская

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

veronica_raz@hotmail.com

Литературоцентризм, центр переводческой аттракции, «Евгений Онегин», культурная информация.

Symmary. The report deals with the issues of literary translation of culturally significant (“strong”) texts. The formation of the centers of translation attraction is described in the context of the ideas of literocentrism and information typology of a literary text. The cultural information / memory of “Eugene Onegin” is studied in the original text and in the interlingual translations.

Каждая национальная культура и национальная литература обладают определенным корпусом ключевых художественных текстов, обеспечивающих как сохранение и продолжение собственной национальной литературной и культурной традиции, так и взаимовыгодное межкультурное взаимодействие и взаимовлияние различных национальных литературных традиций. В ряде культур прошлого и настоящего именно литературные тексты формируют ядро (центральную часть) данных культур. Текстовое ядро является хранилищем и, соответственно, передатчиком культурной информации и культурной памяти (особого вида культурной информации); несет основную информацию о данных культурах в ситуации межкультурного взаимодействия и культурного обмена, что и позволяет определить данные культуры как литературоцентрические. Понятие литерату-

роцентризма основывается на упорном тяготении культуры в целом к литературно-словесным формам самопрезентации (Кондаков), на понимании литературы как основного хранилища базовых ценностей определенного культурного сообщества, на особом статусе литературных текстов в культурном пространстве. Ярким примером литературоцентричной (текстоцентрической по Лотману) культуры является русская культура. Литературоцентрическая модель русской культуры была сформирована в особой информационной среде, обусловленной специфическим типом русской ментальности, особенностями русского национального характера. Русский литературоцентризм в различной степени доминировал на протяжении двух веков: от времени расцвета и господства литературоцентризма (от Карамзина до Горького) до его кризиса и заката.

Русские литературные тексты традиционно служили и служат целям сохранения культурного своеобразия и осуществления межкультурного взаимовлияния и взаимодействия между русской и другими культурами мира. Именно посредством текстов А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. И. Солженицына и многих других русских классиков представители «других» культур стремятся постичь «загадочную русскую душу», понять русский менталитет и русский характер, познакомиться с особенностями русского быта, узнать явления русской культуры и события русской истории. Русская литература находится на некоем культурном перекрестке между Западом и Востоком, занимая особое место в мировом культурном и литературном пространстве. Русские художественные тексты традиционно вовлечены в интенсивный переводческий процесс «западного» и «восточного» направлений, что требует эффективного решения переводческих задач общего и специального характера в зависимости от культурологических и типологических особенностей языков, участвующих в процессе перевода.

Художественные тексты, формирующие ядро определенной культуры, вслед могут быть определены как «сильные тексты» (Кузьмина). Понятие «сильный текст» сопоставимо с понятием «абсолютная картина», используемом представителями московской концептуальной школы для обозначения картин, без которых невозможно представить искусство. «Абсолютные картины» с максимальной полнотой и выразительностью аккумулируют в себе коллективное сознательное и коллективное бессознательное (Монастырский). «Сильные» тексты обладают высоким энергетическим потенциалом, имеют большую аудиторию читателей, постоянно отдают энергию читателям и получают энергию от читателей, которая многократно усиливается вследствие резонанса. Именно «сильные» тексты являются наиболее регулярными объектами художественного перевода. К категории таких текстов, несомненно, относятся романы «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и ряд других прозаических и поэтических художественных текстов. История художественного перевода убедительно свидетельствует о том, что культурно и эстетически значимый художественный текст регулярно стремится к самоповторяемости и генерирует иноязычные варианты, создавая обширные центры переводческой аттракции. Художественные тексты не выступают только пассивными хранилищами константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами (Лотман); в свою очередь культурная память также не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет важную часть ее текстообразующего механизма.

Способность к самоповторяемости «сильных» текстов обусловлена их информационным потенциалом. Эстетиче-

ская информация, культурная информация и, прежде всего, культурная память формируют детально непроявленное, неопищенное, и как следствие неоднозначное содержание художественного текста. Неоднозначное содержание подлечит неоднозначному декодированию в процессе понимания и порождает неограниченные возможности интерпретации данного содержания при восприятии оригинального текста как «своим» читателем (читателем, принадлежащим культуре оригинала), так и при декодировании текста переводчиком в процессе перевода. Таким образом, оригинальный художественный текст является сложным системно-структурным образованием, обладающим открытостью к подражанию и способностью к продолжению в «своей» и в «чужих» лингвокультурах. Информационная неоднозначность является одной из важнейших обязательных информационных характеристик художественного текста и регулярных категорий художественного перевода. Именно эстетическая неоднозначность обеспечивает многочисленные интерпретации информации художественного текста в пределах собственной культуры и языка при восприятии данного типа текстов читателями, принадлежащими к культуре и языку воспринимаемых художественных текстов. Информационная неоднозначность регулярно представлена при понимании художественного текста в рамках одной культуры, а также и при перекодировании художественного текста средствами другого языка и, соответственно, другой культуры в процессе перевода. Информационная неоднозначность лежит в основе категорий неисчерпаемости оригинала и переводной множественности, пополнявших категориальную парадигму художественного переводоведения сравнительно недавно.

К бесспорному национальному достоянию русской национальной культуры относится роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Устойчивый интерес к пушкинскому тексту определяется многоплановым и высокоинформативным содержанием романа; структурой, сюжетом и композицией; основной и второстепенными темами, раскрывающимися в фабуле; оригинальной художественной формой произведения (уникальная «онегинская строфа»); сложной системой персонажей и ярких художественных образов; многообразием рассмотренных вопросов и тем, а также историей создания. Существование большого количества переводов на многие языки мира и наличие в ряде переводящих языков нескольких переводных вариантов романа свидетельствует о высоком индексе политекстуальности и степени полилингвальности пушкинского текста. «Евгений Онегин» имеет связи и отсылки ко многим культурам мира, сохраняя при этой культурной полифонии свою исконную «русскость». Основной задачей переводчиков текста «Евгения Онегина» является сохранение «русскости» в текстах иноязычных переводов, что требует применения комплексных переводческих стратегий.

Сопоставительный анализ общих лексических заимствований в разносистемных языках

С. Рамазанова, Е. Чилалашвили-Гордеева

Агрыйский университет им. Ибрагима Чечена (Турция)

seva.75@list.ru, gordele53@mail.ru

Symmary. The paper discusses the structural, phonetic and semantic changes, which were common Arabic-Persian-Turkish lexical borrowings in Russian, Bulgarian and Georgian languages.

Контактирование языков и их взаимовлияние – очень интересное явление, проявляющееся, прежде всего, в проникновении элементов одной системы в другую. Объектом нашего рассмотрения являются арабско-персидско-тюркские лексические заимствования в русском, болгарском и грузинском языках, представляющие собой результат тесного взаимодействия народов – носителей этих языков.

Турецкий язык рассматривается как язык – донор, хотя в целом ряде случаев слова, проникшие из него в языки – реципиенты, в свое время были заимствованы турецким из арабского и персидского языков. Термин «тюркизм» может употребляться в широком смысле – как заимствование из любого тюркского языка и в узком смысле – как заимствование из турецкого языка. Наряду с исконными тюркизмами мы рассматриваем также арабизмы и персизмы, которые мог-

ли попасть в языки – реципиенты посредством тюркских языков, испытавших огромное влияние арабского и персидского языков.

Нас интересует сопоставительный анализ общих заимствований. Как ведет себя одно и то же заимствование в славянском русском, в славянском болгарском, являющемся также одним из языков балканского языкового союза, и в иберийско-кавказском грузинском. В какой степени способы освоения заимствований зависят от структурных особенностей языка – реципиента.

Наша задача – выявить и сопоставить структурно-фонетические и семантические изменения, которым подверглись заимствования в процессе адаптации, классифицировать эти изменения, охарактеризовать основные тенденции в сфере употребления заимствований в исследуемых нами языках.

Отражение понятий «ум, глупость» в русском и английском словесном творчестве

Р. И. Стеванович

Черноморский государственный университет им. Петра Могилы (Николаев, Украина)

stevanovich@inbox.ru

Ум, глупость, паремия, словесное творчество.

Summary. The given paper deals with a linguistic analysis of such contradictory concepts as wisdom and foolishness as they are understood by the minds of common Russian and English speakers. Different proverbs describing heuristic mental activity are preserved and analysed herewith. It is postulated that Russian and English proverbs reflect a national folk genre and serve as special strategies in solving different kinds of problems both in everyday life and in a heuristic mental activity.

Антропоцентризм современных лингвистических исследований заключается в том, что языковые явления рассматриваются через призму ощущений человека, восприятия им окружающего мира. Антропоцентризм приближает лингвистику к психологии и философии. В каждом фольклорном жанре отражаются свои черты предмета или явления. Словесное творчество – неотъемлемая часть культуры народа. Все виды словесного творчества в высшей степени субъектны – они отражают связь с субъектом творчества – «художником», демонстрируют его творческую индивидуальность, нетривиальный стиль мышления, творческое отношение к языку в выборе способа выражения мысли. В языке активно отражается философский закон единства и борьбы противоположностей, который проявляется в форме антонимии. Ментальная сфера человека порождается континуумом тесно связанных противопоставлений.

Отношение к языку связано с отношением к знанию, уму. Термин «ум» отождествляется с сознанием [Апресян 1995, Рябцева 2005]. Сознание-ум – внутренняя сила, которая руководит поведением человека. В русской языковой картине мира «ум» – не столько характеристика интеллектуальных способностей человека, сколько его поведения, поступков. Этим объясняется и особое отношение к глупости. Хотя глупость осуждается, но на Руси всегда существовало снисходительное отношение к его носителю – «дураку». «Умный сам по себе, а дураку Бог на помощь». Понятие «дурак» в фольклоре русского менталитета и языка выражает невосприимчивость к обучению, неспособность логически мыслить, найти выход из сложной ситуации. «Глупый осудит, а умный рассудит». «Умный плачет, а дурак скачет» В русском сознании противопоставляется ум мужской и женский. «У бабы волос долог, а ум короток».

Мужской ум связывается в народном сознании с разумом, рассудочным поведением. «Без ума торговать – только деньги терять». В русском языковом сознании осуждается и избыток ума – «чересчур умный», «умничать», «заумный». В практической жизни ценится не ученый, а смеялый. В русской языковой картине мира осуждается отсутствие «ума». – «Чужим умом жить – добра не нажить», «Чужой ум – не попутчик».

Многословие осуждается как у русских, так и у англичан. «Глупый болтает, умный думает». «One's tongue is too long for one's teeth» – «Длинный язык – не по зубам», «To have a long tongue» – «Иметь длинный язык», «The greatest talkers are the least doers» – «Кто много говорит, тот мало делает».

Следует отметить связь ощущений человека с органами его тела. Человек и части его тела символически нагружены. Наиболее часто объектами опредмечивания ума выступают голова, лоб. Голова олицетворяет мудрость. «Two heads are better than one» – «Один ум – хорошо, а два – лучше», «семь пядей во лбу» – «умный». «Лоб» иногда олицетворяет характер – «твердолобый» – «упрямый», «иметь голову на плечах» – «быть уравновешенным». Семиотическая связь с умом – борода. «Борода с локоток, а ума – с ноготок». Борода во многих культурах олицетворяла достоинство, мудрость.

В английском языке принято считать, что «мозг» определяется термином «brain», а «ум» – термином «mind». Но некоторые английские авторы [Smith, 1992] отождествляют

понятия, выраженные терминами «brain» и «mind», считая, что разница между ними чисто семантическая. Термин «mind» не имеет аналога в русском языке и образует большое количество различных словосочетаний: to get into one's mind, to change one's mind, to turn one's mind to, что свидетельствует о том, что английская культура более рациональна и хладнокровна [Рябцева, 2005]. Е. С. Кубрякова отмечает, что термин «mind» может переводиться и как «ум», «рассудок», «интеллект», «мозг» [1994].

Решение проблем – фундаментальная деятельность человека.

Большая часть нашего сознательного мышления связана с решением проблем. Наши мысли направлены к какому-то концу. Мы ищем средства достижения цели, пути решения проблем. Некоторые люди более способны решать проблемы, другие – менее. Эти различия замечаются, комментируются, о них спорят. Существуют пословицы и поговорки, которые сопровождают творческий процесс решения проблем. Они включают в себя здравый смысл, оценку происходящего.

В эвристической мыслительной деятельности пословицы и афоризмы находят широкое применение. Эвристические пословицы двуличны и симметричны, они построены на оппозициях, противопоставлении ума и глупости, что выражается в английском языке словосочетаниями – «a wise man» – «мудрый, умный человек», «a fool man» – «глупый человек». В английском языке пословица и поговорка переводятся одним термином – proverb. Эвристические пословицы содержат графическое описание эвристических процедур. Следующие пословицы иллюстрируют процесс решения проблем, отдельные стадии творческого процесса: «A fool looks to the beginning, a wise man regards the end» – «Началом считается глупец, о конце думает мудрец». Данная пословица отражает подготовительную стадию творческого процесса, способность анализировать проблему и предвидеть конечный результат. Примером эвристической паремии, основанной на противопоставлении, является: «A wise man changes his mind, a fool never does» – «Умный человек может изменить ход мышления, а глупый человек никогда этого не делает»; «What a fool does at last, a wise man does at first» – «То, что глупый делает в конце, умный делает в начале». В приведенных выше пословицах проявляется комбинация мудрости и здравого смысла. Некоторые пословицы, связанные с ментальной деятельностью, можно рассматривать как афоризмы: «Where there is a will, there is a way» – «Если есть воля и желание решить проблему, то можно изыскать средства к ее решению».

Краткие изречения врезаются в умы людей, пускают корни [Рябцева, 2005]. Паремии – специфичный языковой и когнитивный феномен. Они отображают фрагмент определенной картины мира.

Паремийный фонд – авторитетный источник в поисках методов воспитания, они помогают осуществить контроль над мыслями. В эвристических паремиях отрицательно оцениваются качества личности, способные стать причиной неудачи. Объектами положительной оценки становятся такие нормы поведения и качества личности, знание и проявление которых позволит выбрать в определенных ситуациях верную стратегию. Паремии концентрируют народную мудрость, практический и исторический опыт и являются составной частью национального и культурного фонда носителей языка.

Категория количественности и их компоненты в русском и японском языках

Р. Судзуки

Медицинский университет Саппоро (Япония)

lina-szk@mtu-net.ru

Предлог, функция предлога, квантитатив, количественно-именные сочетания, параметрические существительные.

Summary. This paper is devoted to the consideration of the category of quantity and the problem of prepositional function in expressions of quantitative in Japanese and Russian.

Данная работа посвящена рассмотрению компонентов категории количественности и функции предлога при выражении количественных характеристик в русском языке в сопоставлении с японским языком. Эти языки принадлежат к принципиально разным типам, но мы считаем, что при всех типологических, и в первую очередь, морфологических различиях русского и японского языков, сопоставление возможно на уровне синтаксемы.

Рассматривая выражения количественности, можно отметить, что количественная характеристика затрагивает разные типы выражения. Количество может быть выражено числительным или без числительного.

Для выражения количественности без числительного характерны морфологические и лексические средства. К морфологическим средствам относятся грамматические формы числа существительных: *стол – столы*; глаголов: *читает – читают* и т. д., а к лексическим средствам можно отнести существительное типа *толпа, ребята* и т. п.

Однако именно числительное используется для выражения количественности в первую очередь. Выражения со значением количественности, т. е. включающие квантитатив, употребляются в рамках разных классов числительных: 1) количественные числительные: *разговаривал с не менее чем пятью свидетелями*; 2) порядковые числительные: *сидел в первом вагоне*; 3) собирательные числительные: *трое ребят стали призерами конкурса*; и разных частей речи: 1) существительное: *написал более десятка статей; поставили пятерку*; 2) наречие: *читал книгу трижды; подняться на высоту двух тысяч метров*.

Квантитатив может употребляться: 1) с использованием средств, называющих предмет или действие: *на столе стоит пять стаканов; прочитал две книги*; 2) в сочетании с названием параметра исчисления, т. е. с параметрическим существительным: *доска длиной два метра; прочитал книги в количестве двух штук*. В состав количественно-именных сочетаний могут входить дополнительные компоненты, осложняющие структуру: 1) первичные предлоги *в, с, от, до, на, по, под*; 2) вторичные предлоги *около, порядка, свыше, вверх*; 3) форма сравнительной степени *больше, не менее, более чем, не меньше чем* и т. п.; 4) наречия *точно, почти, примерно, приблизительно, минимум, максимум*; 5) прилагательные *расчетный, предполагаемый, минимальный, максимальный* и т. п.; 6) местоимения *общий, каждый* и т. п.

В отличие от русского в японском языке у существительных нет четкой грамматической формулировки категории числа, а спряжение глаголов по числам и лицам отсутствует. Для образования множественного числа могут использоваться: 1) японские суффиксы: *гакусэи (студент) – гакусэитачи (студенты)*; 2) удвоенное слово (Начальный глухой

согласный второго слова превращается в звонкий): *куни (страна) – куни-гуни (страны)*.

В японском языке имя числительное включается в категорию существительного. Для числительных, обладающих обстоятельственной функцией, характерна необходимость присоединения при конкретном счете вспомогательных числительных, специфичных для разных категорий считаемых объектов: *ко* (штука), *нин* (человек), *каи* (раз) и т. п.: ср., *ни-каи* (два раза, дважды).

Предложная система русского языка отличается от соотносимых с русскими предлогами служебных средств японского языка в первую очередь тем, что: в японском языке функционируют послелого – служебные частицы, которые выполняют функцию предлога в русском языке. Частица в японском языке сочетается с существительным и делает подлежащее или дополнение, или сочетается между словами или слогами. При употреблении частицы, как функции предлога русского языка, квантитатив и вспомогательные числительные определяют существительные. Ср., *сан-нин-но гакусэи* (три студента); *го-метр-но нагаса-но ита* (доска длиной пять метров). В соответствии с русскими дополнительными компонентами в японском языке функционируют определенные частицы: *эри* (от), *мадэ* (до), *яку* (около), *оёсо* (примерно), *иждо* (не меньше), *ика* (не больше) и т. п.

В русском и японском языках способы выражения в определенной степени различаются. В отличие от представления категории количественности в русском языке, в японском языке:

- 1) числительные входят в категорию существительных и обычно с помощью вспомогательных числительных образуют форму слов;
- 2) существительные и глаголы не выражают морфологически форму множественности;
- 3) частица ближе к русской категории предлога, но она обычно используется как послелог.

Литература

1. Аида С., Накано Х., Накамура Й. Грамматика современного японского языка. Токуо, 2004.
2. Бондарко А. В. и др. Теория функциональной грамматики: Качественность, Количественность. СПб., 1996.
3. Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
4. Масуока Т., Такубо И. Фундаментальная русская грамматика. Исправленное издание. Токио, 2002.
5. Судзуки Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): Дисс. канд. филол. наук. М., 2008.

К вопросу об антропоцентричности языковой картины мира: универсальное и культурно-специфичное

Г. Сырица

Даугавпилсский университет (Латвия)

galina.sirica@du.lv

Антропоцентричность, универсальное, культурно-специфичное, соматическая лексика, фразеология.

Summary. The paper discusses some of the universal and culture-specific features of anthropocentric language picture of the world – on the basis of a comparative analysis of lexical and phraseological groups of Russian, Polish, Latvian and German. The focus was synonymous rows of somatic vocabulary, metaphorical names of people, idioms with a somatic component, reference comparisons, etc.

Сопоставление лексических и фразеологических групп (в рамках данной работы – русского, польского, латышского и немецкого языков) позволяет выявить некоторые универсальные и культурно-специфичные черты антропоцентричности языковой картины мира (ЯКМ).

Универсальной особенностью антропоцентричности ЯКМ является то, что соматическая лексика дает широкую систему вторичных номинаций, характеризуется наличием синонимических рядов. К национально-специфичным чертам относится количественный и качественный состав этой лек-

сики, а также избирательность групп лексики, вовлекаемой в синонимические ряды. Так, например, лексема *лицо* во всех языках характеризуется широким синонимическим рядом, наличием трехчленной парадигмы (высокое – нейтральное – низкое), преобладанием сниженной лексики. В сниженном ряду слов, обозначающих лицо, во всех языках встречается зоонимическая лексика: *морда, рыло; purns; puszczek, mordka, ryjek; Fresse* и др.).

Антропоцентричность ЯКМ проявляется в наличии универсальных метафор, воссоздающих метафорический портрет человека: «животное – человек» (*овца, свинья, змея; aita, auns, cūka, čūska, žagata; Schwein, Kuh*), «мифологическое существо – человек» (*ангел, вампир; ragana; Engel*), «человек – человек» (*дипломат, учитель; diplomāts, advokāts, spiegs; Lehrer*) и др. Национально-культурные особенности находят отражение в частотности использования той или иной метафорической модели, в особенностях лексики, вовлекаемой в метафорические контексты, а также в специфике коннотативного фона метафорических номинаций.

К универсальным особенностям ЯКМ относится развитие антропоцентричной символики в группе фитонимической лексики, в частности, в группе названий деревьев. В развитии символической семантики первостепенное место принадлежит родовой дифференциации лексем, что во многом обусловлено антропоцентричностью наивной картины мира. Национально-культурная специфика проявляется в выборе лексем, развивающих символическое значение (ср.: *береза, рябина* в русском языке, *lipa* – в латышском), а также в особенностях их родовой дифференциации, предопределяющей гендерную специфику символизации. Так, ассоциативно-образное осмысление *березы, рябины* в русском языке связано с женским началом (ср.: в латышском языке лексема *береза (bērs)* – мужского рода, в свою очередь, *клен (klava)* – женского и др.).

Универсальная группа фразеологизмов с соматическим компонентом отличается количественным составом единиц в рамках каждой подгруппы, спецификой их семантики и внутренней формы (ср, например, совпадающие фразеологизмы с компонентом *язык: язык заплетается, sapīnas mēle; язык проглотить, mēli var norīt; развязывать язык, rozvīzāly sie jēzyki, mēle atraisās, j-m die Zunge lösen; язык сломаешь, izmežgīt mēli; прикусить язык, iekost mēli (zobos); sich auf (in) die Zunge beißen*, а также семантически близкие, но имеющие разную внутреннюю форму: *язык как бритва, mēle kā ēvele; тупун на язык, pipari tev uz mēles; язык чешется, brennt j-m auf der Zunge* и др.).

Антропоцентричность ЯКМ выражается в ее ориентации на человека, человек выступает «мерой всех вещей». Универсальным свойством антропоцентричности является вовлеченность соматической лексики во фразеологизмы с

квантитативной, пространственной семантикой, культурно-специфичным является выбор соматизмов, который может совпадать или различаться (ср. с пространственным значением: *pod nosom, mieć coś pod nosem, deguna galā, zem deguna, rokas stiepiena attālumā; насколько хватает глаз, jak okiem siegnać, cik tālu skatiens sniedzās, cik tālu acs redz* и др.). Соматизмы в составе фразеологизмов могут выступать в качестве эталона, при этом культурно-специфичным является выбор того или иного соматизма: *влюбиться по уши, сьит по горло, продроз до костей, до мозга костей, с головы до ног; līdz kaulam, līdz ausīm (iemilēties), līdz kaklam (apņikt), pāri galvai, pilnā kaklā (skaļi, ļoti – smieties, raudāt); bis zum Hals (bis zum Hals in Arbeit stecken); es steht j-m bis zum Hals; bis auf die Knochen (naß); bis in die Knochen; von Kopf bis Fuß*.

Универсальной особенностью антропоцентричности ЯКМ является наличие адъективных эталонных сравнений, характеризующих те или иные качества человека, культурно-специфичные особенности проявляются в особенностях отбора качеств и свойств, которые подвергаются образному сравнению, а также выбор самого эталона: *худой как щепка, hudy jak schapa, jak tyka, tievs kā skaida, kā sakārnis, kā kārts, dürr wie eine Spindel, wie eine Kleiderstange; красив как картинка, wie aus dem Bilderbuch; одинокий как перст, samotny jak kolek w plocie, jak palec, viens kā celms* и др.

Универсальными являются метафорические модели, описывающие мир эмоций. Образное осмысление эмоций связано с указанием на антропоморфный или – чаще – зооморфный характер чувства, его персонификацию (ср.: *тоска берет, грызет, съедает, одолевает; тоска нападает, находит и др.; sie wurde von Sehnsucht ergriffen, gegulst, verzehrt* и др.), при этом культурно-специфичным является как имя эмоции, так и характер метафоризации. Универсальным является указание на связь какой-либо эмоции с определенным органом человеческого тела, культурно-специфичным – выбор того или иного органа, а также характер связываемой с ним эмоции. Так, наряду с эквивалентными фразеологизмами с компонентом *печень (sūdeņš в печенках – сильно беспокоит кого-л., досаждают; sēdēt aknās – saka par to, kas ir apnicis, ko vairs nevar izturēt; всему печенкам – очень сильно (хотеть, ненавидеть), līdz aknām – ļoti lielā mērā, dziļi (kādu aizskart, aizvainot))* выделяется ряд культурно-специфичных: *aknas ir (kādam); būt ar aknām – saka par ļoti enerģisku, izturīgu, spēcīgu cilvēku; etw. frißt j-m an der Leber; j-m ist eine Laus über die Leber gelaufen* и др.

Универсальной особенностью ЯКМ является динамический характер, что находит отражение в открытости синонимических рядов соматической лексики, которая пополняется в основе своей лексемами с пейоративной коннотацией.

Настоящее историческое в русском переводном тексте: фактор адресата

А. В. Уржа

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

English2@yandex.ru

Настоящее историческое, прошедшее нарративное, перевод, интерпретация, фактор адресата.

Summary. The paper based on the analysis of modern Russian translations focuses on the strategy that uses praesens historicum as a special interpretation device highlighting its functional opposition to the past narrative. In modern translations present historic form is used within the range of linguistic means of grasping reader's attention, and its frequency in a literary translation depends on a genre of a text, its content, the kind of the audience and the purposes pursued by the translator.

В современных русских переводах англоязычной повествовательной прозы нередко именно функциональное различие форм лежит в основании предпочтения переводчиком *настоящего исторического* или *прошедшего нарративного* в ситуации, когда оригинальный текст не содержит форм praesens historicum. Разнообразные трактовки специфической текстовой роли настоящего исторического в литературном повествовании, предложенные в грамматике, поэтике, стилистике, можно свести к двум основным, ср.: «...каждый раз, когда употребляется глагольная форма настоящего времени, имеет место синхронная авторская позиция, т. е. автор находится как бы в том же времени, что и описываемый персонаж» [2: 97]; «Отличие формы настоящего от прошедшего касается не перспективы, в которой повество-

ватель рассматривает ситуацию... а отношения между повествователем и читателем: настоящее время как бы включает читателя в диалог, т. е. помешает его в то пространство и время, в котором находится сам повествователь; тогда как прошедшее время отдаляет повествователя – а тем самым и описываемую ситуацию – от читателя [1: 288]. Точка зрения, учитывающая воздействие формы praesens historicum на читателя, представляется более продуктивной для анализа переводных текстов, поскольку она позволяет обратиться к «фактору адресата» (Н. Д. Арутюнова), влияющему на выбор переводчиков и определяющему характер созданного ими варианта.

Среди изученных материалов (переводов англоязычной прозы, выполненных в XX–XXI вв.) могут быть выделены

группы произведений, в которых предпочтение переводчиком форм настоящего исторического входит в группу специфических приемов интерпретации авторского замысла. Группы не противопоставлены друг другу жестко, напротив, они создают взаимодополняющие ракурсы изучения функций *praesens historicum* в русских переводах.

Тексты для детской аудитории. Настоящее историческое тесно взаимодействует с репродуктивным регистром речи (Г. А. Золотова) и создает яркие «картины» событий, выгодно отличающиеся от нарративного изложения в прошедшем времени. Русский перевод «Приключений Тома Сойера», выполненный К. Чуковским, значительно превосходит по количеству таких форм перевод Н. Дарузес: *So they stood, each with a foot placed at an angle as a brace, and both shoving with might and main, and glowering at each other with hate. But neither could get an advantage.* – Ср.: *Каждый стоял, выставив ногу вперед, как опору, толкаясь из всех сил и с ненавистью глядя на соперника. Однако ни тот, ни другой не мог одолеть* (Пер. Н. Дарузес). – Ср.: *Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперед под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не дается ни тому, ни другому* (Пер. К. Чуковского).

В тексте К. Чуковского больше драматизации: читатель становится зрителем, почти участником игр, потасовок, проказ Тома. Не случайно переводчик ввел еще одно новшество: он придумал названия для каждой главы романа, оформив их также в настоящем историческом («Том знакомится с Бекки», «Шайка пиратов поднимает паруса» и т. д.) Аналогично перевод повести П. Трэверс «Мэри Поппинс», выполненный Б. Заходером, превышает по количеству форм настоящего исторического перевод М. Литвиновой. Одновременно он содержит и целый комплекс других средств, воздействующих на внимание незрелого читателя (это увеличение средств образительности, четкая локализация точки зрения наблюдателя, использование прямой речи вместо косвенной, введение русских идиом в текст и т. д.)

Юмористические произведения с философским подтекстом. Тексты такого рода обычно содержат большое количество метатекстовых апелляций к читателю, к его оценке происходящего, а также генеритивных высказываний с обобщенным субъектом диктума и модуса. Переводчики рассказов О. Генри или юморесок Дж. К. Джерома нередко «подключают» к этому набору средств воздействия на адресата сдвиг точки зрения с транспозицией временных форм, ср.: *The Rubberneck Auto was about ready to start... The sidewalk was blocked with sightseers who had gathered to stare at sightseers, justifying the natural law that every creature*

on earth is preyed upon by some other creature. – *Экскурсионный автобус вот-вот отправится в путь... Тротуар запружен зеваками, которые собрались сюда поглазеть на других зевак, тем самым подтверждая закон природы, гласящий, что всякому существу на земле суждено стать добычей другого существа* (Пер. В. Маянц).

Тексты, рассчитанные на сильное эмоциональное воздействие. Согласно наблюдениям современных нарратологов, использование настоящего исторического является средством, значительно повышающим эмотивность текста или его фрагмента [3]. Вот почему произведения, написанные целиком или почти целиком в *praesens historicum* («Лаз» В. Маканина, «Время ночь» Т. Петрушевской), реализуют таким образом сюжеты, призванные произвести гнетущее, подавляющее впечатление на читателя. Ярким примером подобного решения в области перевода является вариант романа Э. Берджеса «Заводной апельсин», предложенный Е. Синельщиковым: *...Покеты у нас полны мани, так что отпадает наш обычный эмьюзмент трахнуть по хэду или подрезать какого-нибудь папика... Мы высыпем из бара... и плывем по бульвару Марганита, где очень скоро найдем то, что может развеять скуку. Навстречу нам порхает какой-то олд мэн...* Перенос читателя в хронотоп происходящего, формы настоящего исторического в переводе Е. Синельщикова многократно усиливают впечатление от жестоких сцен, которыми изобилует роман. Именно в этом варианте интерпретации изъяты обороты, акцентирующие временную дистанцию между событиями и повествованием, опущены ретроспективные комментарии повествователя к реалиям его времени – ничто не «отгораживает» читателя от страшных событий сюжета.

Таким образом, во всех перечисленных типах текстов использование настоящего исторического входит в группу языковых приемов воздействия на читателя, но состав этой группы варьируется в зависимости от жанра произведения, авторского замысла и задач, поставленных переводчиком. Сопоставление переводческих стратегий позволяет проследить не только функционально-семантическую специализацию употребления *praesens historicum* в русских переводах, но и взаимодействие этой формы с другими, формально далекими, но изофункциональными средствами реализации «фактора адресата» в тексте.

Литература

1. Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.
2. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.
3. Bjorling F. Contemporary Narrative under the Impact of Cinema // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М., 2007.

Параметры описания базовых эмоций (на материале сопоставления эмотивной лексики с семантикой «гнев» в русском и латышском языках)

М. Б. Халимоне

Даугавпилский университет (Латвия)

mhalimone@inbox.lv

Параметры эмоций, интенсивность, внешнее проявление эмоций, контролируемость – неконтролируемость.

Summary. Given paper is devoted to parameters of emotions such as intensity, controllability – uncontrollability, focus on yourself – outside, internal – external reactions. The research was made taking into account features of strong and negative emotion as “anger” in Russian and Latvian languages. During the work the conclusions were made about presence of identical phraseologisms with semantics of “anger” in examined languages, also coincidence of phraseologisms by form and meaning, as well as cultural-specific components that comprise phraseologisms. The question, which is discussed, about traction to extremes (all or nothing), maximalism of russians and mental ballast, high emotional stability of latvians are under the study.

Современное языкознание характеризуется возросшим интересом к эмотиологии, где одним из аспектов изучения является универсальность и национально-культурная специфичность выражения эмоций. [Бабенко 1998, Вежбицкая 1996, Шаховский 2008]

Интересно проследить, каковы особенности проявления базовой эмоции «гнев» в русском и латышском языках, учитывая тот факт, что «тяга к крайностям (все или ничего), максимализм, отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций часто признается одной из самых характерных черт, традиционно приписываемых русским» [Шмелев 2000]. Отличительными чертами латышского националь-

ного характера принято считать «уравновешенный темперамент, высокую эмоциональную устойчивость, невозмутимость, хладнокровие в сложных ситуациях» [Крысько 2002].

В ряде исследований эмоции описываются с точки зрения параметров эмоций. До настоящего времени в науке нет единого мнения о количестве параметров, однако ученые отмечают их бинарный характер. Р. В. Гинойн, А. Е. Хомутов в своей работе представляют такие параметры эмоций, как уровень (элементарные – сложные); знак (положительные – отрицательные); связь с модальностью ощущений и восприятий (эмоции, связанные со зрением, слухом, вкусом,

тактильными функциями, движением); связь с опытом (врожденные – приобретенные); степень осознанности эмоций (осознанные – неосознанные); отношение к состоянию активации (активизирующие – успокаивающие); объект (направленные на себя – направленные вовне); длительность (краткие – длительные); интенсивность (сильные – слабые); отношение к деятельности (ведущие – не ведущие).

Релевантными для описания базовых эмоций являются следующие параметры: интенсивность, направленность на себя – направленность вовне, внешнее проявление эмоций, контролируемость – неконтролируемость. Именно они позволяют выявить универсальные и национально – национальные особенности рассматриваемых языков. Специфика исследуемых языков находит отражение как в лексических единицах, так и в фразеологизмах с семантикой «гнев».

Интенсивность – один из параметров, присущих большинству эмоций. Интенсивность эмоций зависит от силы их проявления. Е. М. Вольф разделяет эмоции и аффекты. Под аффектами она понимает: «эмоции сильной интенсивности, которые имеют ряд свойств: внезапность наступления, сравнительная краткость протекания и реализация в неконтролируемых действиях» [Вольф 2002]. Спецификой параметра «интенсивность» является градуальный характер. Эмоции могут быть расположены на шкале, где имеются 4 зоны: слабая степень эмоции, средняя, сильная, аффект. В качестве примера приводится классификация глаголов класса «гнев» на 4 подкласса: 1) досадовать, раздражаться; 2) сердиться, злиться; 3) возмущаться, негодовать, гневаться; 4) беситься, свирепеть, приходить в ярость.

И. И. Туранский пишет, что предметы, их свойства, качества и признаки различаются количественными характеристиками, и интенсивность как ономаσιологическая категория называет объективную количественную определенность того или иного признака. Коль скоро интенсивность по своей сути призвана отражать разную (большую или меньшую) проявленность признака, за точку отсчета обычно принимается показатель нормы, предопределяющей два других показателя – меньше нормы и больше нормы. Таким образом, в композиционном плане категория представляет собой трехчастную (тернарную) структуру: она имеет центральный член, сигнализирующий понятие «нормы», и два противочлена – «меньше нормы» и «больше нормы» (SUB < NORM (N) > SUPER).

О некоторых задачах перевода в деле формирования современного русского философского языка

Е. Б. Хромова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
kromovalena@mail.ru

Перевод в настоящее время все чаще попадает в поле зрения не только филологов, но и философов. Перевод в современной культуре необходимо рассматривать как одну из форм научно-гуманитарной рефлексии. «По материалам и способам осуществления это – рефлексия нового этапа, возникающая на новом витке лингвистического поворота – вслед за проблемами языка, понимания, коммуникации» [1: 486]. Все это необходимо принимать во внимание при осмыслении статуса перевода в европейской ситуации, для которой характерно многообразие культурных языков. Европейцы все более отчетливо дают себе отчет в том, что понимание не возникает само собой, а является результатом перевода, интерпретации. В бывших странах социалистического лагеря, и конечно же в России, в связи с появлением огромного количества переводных работ остро встал вопрос о внутренних ресурсах терминологического образования, о концептуальных соответствиях категориальных систем, о возможности передачи культурного и познавательного опыта. России, осваивающей свой и чужой познавательный опыт, приходится преодолевать концептуальный дефицит путем усвоения и выработки собственного философского языка. Эта работа позволит поднять на новую высоту задачу формирования общенационального языка мысли, передачи культурного и концептуального опыта. «Выработка философского языка – это важнейшая область современного культурного и интеллектуального творчества, осуществляемого

В ряде работ указывается на значимость параметра «направленность на себя – направленность вовне». «Каждая эмоция готовит человека к некоторому действию. Это действие может совершаться с внешним объектом или с самим человеком. Например, *гнев* нацеливает на устранение препятствия к достижению цели и, таким образом, направлен на внешний объект» [Леонтьев 2002]. В. Н. Степанов, опираясь на психологические теории, говорит о провоцировании как виде воздействия на других – разновидности психологического заражения, передаче своих эмоций или отношения другому человеку или группе людей, которые переживают это состояние [Степанов 2004].

Для выяснения национально-культурной специфики эмоций важным представляется параметр «внешнее проявление эмоции». В. И. Шаховский, говоря о способах выражения эмоций, об их экспрессии и манифестации утверждает, что «выражение эмоций может быть неязыковым (мимика, жесты, фонация и пр.) и языковым, т. е. отражаться средствами языка, без называния им выраженной эмоции. Ср. обозначение эмоции: гнев – описание эмоции: он гневно сверкнул глазами». По утверждению В. И. Шаховского, «поблдение, покраснение, почернение лица, дрожание губ и голоса, слезы, улыбка, смех, нахмуренные брови, особая эмоциональная интонация, особая – эмотивная – семантика языковых единиц и многое другое являются формальными средствами проявления эмоции, внешними (выраженными)» [Шаховский 2008].

Параметр «контролируемость – неконтролируемость» выдвигается как один из основных в характеристике эмоций. Л. И. Шрамко под контролируемостью понимает «способность человека намеренно совершать запланированное действие и достигать необходимого результата». Неконтролируемость предполагает, что действие совершится ненамеренно или полученный результат действия в силу каких-то причин не соответствует запланированному [Шрамко 2002]. В случае рассмотрения выражения эмоции «гнев» о неконтролируемости можно говорить условно, так как переживания под действием эмоции спонтанны, однако следует акцентировать внимание на оппозиции: умение сдерживать эмоции – потеря самообладания.

В практической части дан сопоставительный анализ эмотивов-номинативов и фразеологических единиц с семантикой «гнев» в русском и латышском языках.

философией и филологией совместно в полном смысле слова» [2: 418].

Переводчикам необходимо всегда помнить о своей ответственности за качество русского терминологического языка. Этот вопрос поднимает, в частности, известный филолог и философ Н. С. Автономова в своей работе «Познание и перевод». Приводится пример из книги под названием «Французская психоаналитическая школа», где сосюрское *langage* (языковая деятельность, языковая способность – из знаменитой триады *langue – langage – parole*) переводится как «языкование» (!), *signifiant* (означающее – из оппозиции «означаемое-означающее») – как «означатель», *le Réel* (реальное – из лакановской концептуальной тройки реальное – воображаемое – символическое) как «реалия» [1: 466]. Поэтому автор совершенно справедливо поднимает вопрос о дискуссионных переводчиков, которые должны стать правилом и необходимым этапом работы в деле формирования единой образной научной терминологии. Отмечается и слишком явная тенденция русского терминологического языка «латинизировать» любые научные термины. Такие слова, как «ургентный», «перверсный» и многие другие русский язык предпочитает калькировать, относить их таким образом в ряд научных терминов. Но не будем забывать о правиле, сформулированном еще Е. Р. Дашковой, президентом Российской Академии наук, приложившей много сил для возвращения русского языка в один из великих языков Европы.

Это правило обязывало тех, кто переводит на русский язык, рассматривать в первую очередь русскоязычные варианты новых терминов и лишь в случае необходимости прибегать к иностранным. Представляется, что данный принцип сохраняет свою актуальность.

Вообще, данная проблематика не нова для русской культуры. Необходимость выработки собственного концептуального языка, так называемого «метафизического» языка, осознавали А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, В. Г. Белинский и другие лучшие умы русской культуры. Кроме того, в годы господства марксистской философии проработка «немарксистских» возможностей западной философской мысли была сильно ограничена. Тем заметней ощущается необходимость в ликвидации лакун русского концептуального языка в постсоветский период. И хотя в настоящее время эта ситуация успешно преодолевается за счет появления огромного количества переводов научной и философской литературы, задача осмысления переведенного остается

очень актуальной. Те языки, которые не переводят на свой язык, рискуют попасть в разряд исчезающих. «Тот язык, который много переводит, развивает и укрепляет себя, свои интеллектуальные мышцы, расширяет свой кругозор, свою способность рефлексивного обзора ситуации, в которой он находится, в итоге окажется в более выигрышном положении в этом культурном состязании человеческих сил и возможностей» [1: 434]. Конечно, ведь сам опыт перевода и само переведенное становятся национальным достоянием, обретшим форму и содержание с участием опыта других культур.

Литература

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008.
2. Автономова Н. С. Открытая структура. М., 2009.
3. Пушкин А. С. Письмо Вяземскому П. А. от 13 июля 1825 г. Из Михайловского в Царское Село // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10.

Опыт создания учебной программы по специальности «русско-турецкий переводчик» с учетом национальной специфики

Арслан Хюлья, Н. Денисова

Университет «Окан» (Стамбул, Турция)

hulya.arslan@okan.edu.tr, ndnild@gmail.com

Русско-турецкий переводчик, учебная программа, национальная специфика.

Summary. This presentation shares the experience of creating and implementation of curriculum for Russian-Turkish translator / interpreter BA program in Turkey. Mainly, the work describes the impact of the various cultural and historical factors on the process of curriculum creation. In this frame, major topics focused on are: curriculum for literary and technical translations, difficulties in teaching practice, challenges in adaptation to Bologna Process.

Данная работа представляет собой описание опыта создания и внедрения учебной программы кафедры русского переводоведения университета «Окан» (Стамбул, Турция) с учетом исторической, культурной, экономической специфики страны.

Кафедра русского переводоведения была основана в 2003 году и в данный момент предоставляет пятилетнее (включая подготовительный курс) высшее образование по специальности «переводчик». Два года назад в программу были также включены теоретические и практические занятия по устному синхронному переводу, что дает учащимся возможность выбора специализации узкого профиля.

Особенно сильное влияние на процесс создания и содержание учебной программы оказала исторически обусловленная позиция перевода в культурной и социальной системе Турции. Художественный перевод европейской литературы в культурной политике государства всегда являлся чем-то большим, чем перенос литературного наследия другой страны на местную почву. Но в так называемый однопартийный период (1923–1946) роль перевода стала уникальной. Модернизация (европеизация) была избрана главным ориентиром государственной политики во всех ее областях. Переводы основных произведений мировой литературы должны были осуществить переход от теократической восточной монархии к национально-буржуазной светской республике. Главной целью культурной политики было начало так называемого «турецкого Ренессанса», рождение турецкого гуманизма; достичь этой цели предполагалось путем переноса на турецкую почву основ западной культуры, западного мышления что, в свою очередь, должно было стать естественным следствием переводов основных произведений европейской литературы. Всего за период между 1940–1966 годами было опубликовано 1 247 томов переводной литературы. Серия «Русская классика» с 75 произведе-

ниями занимает 5-е место после французской, немецкой, греческой и английской литератур.

В этот же период, в 1935 году, была основана первая в стране кафедра русской филологии при Анкарском университете, но академические взаимоотношения между Турцией и Советским Союзом по идеологическим причинам трудно было назвать активными.

Можно сказать, что с самого раннего периода основания Турецкой республики и до сих пор литературный перевод классики, русской в том числе, испытывает значительное идеологическое влияние политического режима. Это влияние напрямую затрагивает дискурсивный уровень текстов. В сложившейся ситуации особенно острой является задача воспитания качественных специалистов, могущих проанализировать существующие переводы и, в случае необходимости, предложить новые.

Кроме этого, стремительно развивающиеся экономические, политические, социальные и культурные взаимоотношения между странами-соседами ставят перед методистами и преподавателями задачу воспитания в короткие сроки высококачественных специалистов с самой различной специализацией. Следует также упомянуть об обновлении и изменении учебной программы в рамках Болонского процесса.

Накопленный опыт может оказаться ценным, интересным и важным для иностранных коллег и послужить началом для содержательной дискуссии.

Доклад можно условно разделить на две основные части: первая часть посвящена художественному переводу в Турции, его истории и влиянию исторических факторов на учебную программу курса. Вторая часть описывает современную ситуацию, фокусируется на других разновидностях перевода и связанных с ними уроках, заостряет внимание на сложностях, возникающих в процессе обучения и делится опытом их преодоления.

Межнациональное общение, или интернационализмы как «ложные друзья переводчика»

И. А. Шушарина

Курганский государственный университет

venedy@mail.ru

Межнациональное общение, ложные друзья переводчика, интернационализмы.

Summary. In the paper author analyzes the Russian-Polish “translator’s false friends”, which are at the origin of internationalism. They make it difficult to inter-ethnic communication, so you need to create parallel dictionaries of words.

Благодаря современным средствам связи межнациональное общение охватывает сейчас все больше и больше лю-

дей, причем оно может носить и деловой, и бытовой характер. Безусловно, участникам такого общения важно полное,

а не частичное взаимопонимание, важно, чтобы не возникало досадных ошибок, вызванных неверным истолкованием слов разных языков. При этом, конечно же, недоумение вызывают слова, которые звучат сходно в языках, на которых происходит общение, но имеют в них разное значение: недаром их принято называть «ложными друзьями переводчика». Еще более глубокое недоумение и удивление вызывают ложные эквиваленты в родственных языках, а интернационализмы, имеющие несовпадающие значения, могут повергнуть неопытного переводчика в шок.

В европейских языках к интернационализмам относится довольно большой пласт слов, греческого и латинского происхождения, а также заимствований из новых языков межнационального общения, которые в основе могут иметь латинские и греческие корни. Это научные, военные, общественно-политические, спортивные термины, названия, связанные с искусством, культурой, другими сферами жизни. Довольно много их в русском и польском языках: *автор* – *autor*, *аптека* – *apтека*, *армия* – *armia*, *астронавт* – *astronauta*, *инкогнито* – *incognito*, *история* – *historia* и др. Само название «интернационализмы» подсказывает нашему сознанию, что во всех языках, где они бытуют, они имеют не только сходное звучание, но и одно и то же значение. Однако тут же мы можем столкнуться и с псевдоинтернационализмами: рус. *аспирант* «человек с высшим профессиональным образованием, получающий послевузовское образование и подготавливающий диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук» – польск. *aspirant* «претендент, кандидат; должность или звание младшего состава», рус. *авантюра* «рискованное дело» – польск. *awantura* «скандал, шумная ссора», рус. *бакалея* «сухие продовольственные товары: чай, кофе, мука, крупы, макаронные изделия, перец, пряности и т. д.» – польск. *bakale* «сушеные фрукты: изюм, инжир, финики и т. д.», рус. *бинокль* «оптический прибор из двух параллельно расположенных зрительных труб, соединенных вместе» – польск. *binokle* «пенсне» и др. Причем все это не случайные совпадения, а заимствования, имеющие общий источник:

- *аспирант* – *aspirant*: заимствовано из фр. во второй пол. XIX в. со значением «идущий к должности»; фр. *aspirant* – прич. от глаг. *aspirer* «вдыхать, всасывать» > «желать, стремиться», восх. к лат. *aspirare* «вдуть, вдыхать»: *a(d)*- «в», «на» + *spirare* «дуть, вдыхать».
- *авантюра* – *awantura*: заимствовано из фр. *aventure* «приключение,хождение» > вульг. лат. **adventura* > лат. *advenire* «приходить, прибывать»: *ad* «к, на» + *venire* «приходить, приезжать, прибывать».
- *бакалея* – *bakale*: первоисточник – араб. *Baqal* «травы, овощи, зелень, низкие растения»; в рус. (известно с сер. XVIII в.) попало из перс. или тюркск. *Bakkal* «торговец овощами, съестным»; в польск. в более узком значении пришло из русского.
- *бинокль* – *binokle*: заимствовано из фр. *binocle*: *bi-* «два» + *oculus* «глаз».

Возникают справедливые вопросы: какова степень расхождения интернационализмов в сопоставляемых языках и в чем причина таких расхождений.

По степени расхождения интернационализмы, которые могут ввести нас в заблуждение при межкультурном общении, делятся на две неравные группы: малая часть ложных эквивалентов в сопоставляемых языках не имеет ни одного совпадающего значения. Так, русский турист, увидев на указателе в польском магазине «Bakale» тщетно будет искать там макаронные изделия или чай, а польский турист в российском магазине в отделе бакалеи увидит множество товаров, которых там, с его точки зрения, быть не должно.

Причина возникновения расхождений – актуализация в каждом из языков самой общей семы, которая существовала в языке-источнике: *аспирант* – *aspirant*: «стремиться», *авантюра* – *awantura*: «шум, скандал», *бакалея* – *bakale*: «сухой», *бинокль* – *binokle*: «для двух глаз». На общую сему накладываются уточняющие, не совпадающие в разных языках семы: «стремиться» – «к защите диссертации» / «к получению следующего звания или должности», «шум, скандал» – «который может возникнуть в случае неудачи затеянного дела» / «который уже возник», «сухой» – «сыпучий товар» / «фрукты»; «предназначенный для двух глаз» – «из двух параллельно соединенных труб» / «из двух параллельно соединенных линз».

Почти в три раза больше вторая группа интернационализмов, в которой параллельные формы сохранили общее значение и развили новые, не совпадающие в языках. Так, например, рус. *иллюминатор* и польск. *iluminator* имеют совпадающее значение «круглое или прямоугольное окно в борту корабля», поэтому контекст «*смотрит в иллюминатор*» / «*patrzeć przez iluminator*» при межкультурной коммуникации не вызовет затруднений, однако фраза польского гида, приглашающего взглянуть на страницу раритетного издания: «*Proszę spojrz na iluminator*», – введет русского туриста в заблуждение, так как, помимо основного значения, лексема *iluminator* в польском языке имеет терминологическое значение «миниатюра, виньетка, украшение в книге или рукописи». Причина возникновения расхождений в данном случае кроется в том, что языки, заимствовав слово, не останавливаются в своем развитии.

Таким образом, хочется еще раз обратить внимание на то, что даже интернационализмы, во многих языках имеющие одинаковое значение, в каком-либо одном из них могут развить свое и тем самым усложнить межнациональное общение. Выход мы видим в создании параллельных многоязычных словарей, которые показали бы сходство и различия слов, имеющих сходства в звучании и / или написании.

Литература

1. *Стыпула Р., Ковалёва Г. В.* Новый польско-русский словарь. М., 2004.
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
3. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1999.
4. *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2006.

Темпоральная архитектура криминальных новостей и обвинительных актов по уголовным делам (на материале эстонско-русских переводов)

В. П. Щаднева

Тартуский университет (Эстония)
valentina.schadn@mail.ru

Темпоральность, дискурс, перевод, криминальные новости, обвинительный акт.

Summary. The study discusses the temporal architectonics of crime news and indictments, as well as the role of different ways of expressing the idea of time in the temporal organization of Estonian originals and Russian translations. The peculiarities of the organization of electronic and physical texts reveal two kinds of temporality: extra-textual (discursive) and intra-textual.

Э. Бенвенист, увлеченный идеей дискурса, писал: «Может показаться, что темпоральность – это врожденная основа мышления. Однако в действительности темпоральность возникает в акте высказывания и через высказывание» [1: 315]. Весь человеческий опыт передается в текстах, которые представляют собой способ зафиксировать утекающее ре-

альное время. Являясь принадлежностью объективного времени, любой текст создает и собственную реальность, которая в текстах воплощается в специфических темпоральных планах. Реализацию категории темпоральности обычно рассматривают на материале художественных произведений. Но осознание особой значимости собственно коммуника-

тивных сфер в жизни современного общества побуждает к изучению темпоральных характеристик текстов и прикладных жанров разных стилей: научных, газетно-публицистических, официально-деловых.

Данное исследование нацелено на выявление сходства и различия в языковом оформлении темпоральных планов в текстах **криминальных заметок** и **обвинительных актов** по уголовным делам. Выбор разностилевых текстов обусловлен учетом принципа тематической близости жанров, что способствует большей адекватности результатов анализа. Анализ проводился на материале эстонских **оригиналов** и русских **переводов**, опубликованных на портале *Delfi / Делфи*, в электронной версии газеты *Postimees / Постимеес* и собранных в судах студентами Тартуского университета судебных документов. Отбор последних осложнен доступом к судебной документации. Изначально ограничено и количество переводных документов, ибо обвинительные акты по уголовным делам в Эстонии переводятся на русский язык только с учетом потребности обвиняемого лица.

Объективными причинами обусловлены и трудности при отборе медийных текстов. Во-первых, они обладают изменчивостью в реальном времени: криминальные новости в течение одного-двух дней уточняются, а время обновления отмечается перед заглавием – рядом с датой первичной публикации. Временная динамика новости, подаваемой в процессуальном ключе, свойственна как исходному, так и переводному тексту. Поскольку дискурсивное развитие сообщения о событии реализуется в виде ряда видоизменений первичного текста, то в итоге результат темпорального обновления воплощает в себе и непрерывность процесса сообщения, и целостность текста одновременно. Тем самым налицо живая связь понятий **темпоральность** и **дискурс**. Во-вторых, переводы могут отличаться от подлинников степенью структурной адекватности и полноты передаваемых сведений, ибо часть информация может устраняться, добавляться или же несколько иначе структурироваться.

Способ создания письменных текстов в дискурсе порой не способствует повышению их качества, но благоприятствует оперативности информирования и характеризует современный электронный медиадискурс в Эстонии. В бумажных же СМИ развитие темы осуществляется в автономных публикациях, уточняющих или опровергающих первичные сведения. Как и официально-деловые документы, эти тексты фиксированы в одной временной плоскости.

Анализ внутритекстовой темпоральной структуры проводился с опорой на теорию **функционально-семантического поля** (ФСП) [2: 17], объединяющего разноуровневые языковые средства вокруг **настоящего момента речи**. Основную темпоральную нагрузку в текстах выполняют глаголы, изначально ориентированные на передачу времени событий, но важную роль играют и слова иных частей речи.

В эстонских медийных текстах предпочтение отдается **имперфекту**, способному отражать недавние события, а не ожидаемому перфекту (плюсквамперфект используется еще реже). В переводах преимущественно используются словоформы **прошедшего времени СВ**, фиксирующего результат для настоящего: *Tallinnas jäi eakas naine trammi alla – В Таллинне под трамвай попала пожилая женщина*. Однако итоговыми нередко оказываются формы **настоящего расширенного**: *Politsei palub helistada... – Полиция просит позвонить...*

Напротив, в обвинительных актах на обоих языках обычно чередуются формы **настоящего констатирующего** (в пассиве или активе) и **перфекта**: *...süüdistatakse selles, et... ärandas – ...обвиняют в том, что... узнал...* Затем за стандартной фразой *Prokurör nõuab kohtus... – Прокурор требует у суда...* следует ряд абзацев с инфинитивными формами. Завершаются же тексты референтом с формой **синтаксического настоящего** в пассиве: *Süüdistusakt on koostatud Valgas 19. aprillil 2002.a. – Обвинительный акт составлен 19.04.2002 г. в г. Валга*.

Выполняя **текстообразующую функцию**, глаголы взаимодействуют с лексическими единицами, обладающими архисемой «**время**». Общими для анализируемых жанров являются временные средства, называющие 1) точное время события: *kell 19.33 ajal – в 19:33*; 2) границы длительности события: *2 aastase katseajaga – с испытательным сроком на 2 года*; 3) продолжительность события во времени: *kahe tunniga – за 2 часа*. При этом в криминальной заметке нередки и языковые единицы, обозначающие приблизительное время события: *täna öösel – сегодня ночью; umbes kella veerand kolme ajal – около 14:15*. Показательно, что в русских переводах предпочитается цифровое обозначение времени. В то же время обвинительный акт (как жанр с обязательными реквизитами) в обоих языках нацелен на точное обозначение времени с помощью цифр.

Учет особенностей организации электронных и бумажных текстов позволяет говорить о двух видах темпоральности: **внешнетекстовой (дискурсивной)** и **внутритекстовой**. Если электронная криминальная заметка обладает дискурсивной темпоральностью, то обвинительный акт закреплен во времени, но для обоих жанров важна не временная динамика, не интенсивность событий, а их хронология, значения меры времени. Проведенный анализ дает возможность наметить направления дальнейших исследований в области динамики жанровой системы современных текстов разных коммуникативных стилей.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

Семинары

Семинар «Концептуальный и креативный потенциал русской грамматики»

Организаторы семинара *Е. В. Петрухина, Е. Н. Ремчукова*

Семинар предполагает обсуждение ряда взаимосвязанных проблем: концептуальных связей морфологических категорий, форм и структур, их способности к разному типу изменениям и выполнению дискурсивных и игровых функций.

1) Морфологически выражаемые концепты, с несколькими уровнями реализации, являются наиболее регулярным воплощением фундаментальных идей, важных для организации всего «смыслового универсума» языка и имеющих разнообразные формы репрезентации. Категориальные морфологические концепты представлены корреляциями граммем, которые, подвергаясь дальнейшей конкретизации при употреблении грамматических форм в речи, участвуют также в выражении прагматических, коммуникативных и дискурсивных смыслов.

Изучение разнообразных связей и отношений, в которые вступают морфологически выражаемые концепты, позволяет углубить наши представления об их роли в организации русской языковой картины мира и уточнить содержательный потенциал морфологических категорий, форм и структур.

2) Развитие современной грамматической науки связано с необходимостью концептуального осмысления живых языковых процессов, для которых характерны разного рода инновации, затрагивающие как план содержания, так и план выражения грамматических категорий русского языка. Современная речевая деятельность имеет ярко выраженный креативный характер, что проявляется в том числе и в грамматике.

Описание креативного потенциала отдельных грамматических категорий предполагает анализ активных процессов потенциального (и окказионального) формообразования, различных способов актуализации грамматических значений в разных типах «творческих» текстов, экспрессивно-прагматических коннотаций при функционировании стандартной и нестандартной грамматической формы, авторских интерпретаций грамматической семантики.

В связи с данной проблематикой мы предлагаем обсудить следующие заявленные доклады:

- *Е. В. Падучева.* Грамматические и лексико-грамматические показатели эвиденциальности в русском языке.
- *Р. Бенакьо.* Роль русского вида в выражении вежливости.
- *Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян.* Концептуальный потенциал префиксальных видовых пар в русском языке.
- *А. Д. Шмелев.* Русская языковая концептуализация мира в зеркале грамматики: число и глагольный вид.
- *Е. В. Петрухина.* Концепт ПРЕДЕЛА в грамматике и лексике.
- *Е. Н. Ремчукова.* Креативный потенциал грамматической оппозиции в речи: «грамматический контраст».

Приглашаем принять участие в работе семинара и выступить в дискуссии.

Роль русского вида в выражении вежливости

Р. Бенакьо / R. Venacchio

Университет в Падуе (Италия)

rosanna.benacchio@unipd.it

Русский язык, глагольный вид, вежливость, императив

Summary. This paper focuses on the pragmatic implications for politeness triggered by the various uses of verbal aspect in the Russian imperative, in comparison with other Slavic languages. The analysis shows the different behaviors of Russian and the Western and Southern Slavic languages: the former makes an extensive use of IPF, even in polite requests, whereas the latter show a much more restricted use of IPF, which is felt to be rather impolite.

О том, что в русском языке глагольный вид помимо основных, грамматических, значений, может выражать и вторичные, прагматические, значения, касающиеся категории вежливости, давно известно, по крайней мере в применении к императиву, хотя вопрос о том, какая именно из двух форм — НСВ или СВ – является более вежливой, долгое время оставался спорным. В предыдущих своих работах (в частности, Бенакьо 2002 и 2010) мы показали, что данная проблема может решаться при помощи понятия межличностной дистанции, выработанного Г. Личем (Leech 1983), а также понятий позитивной и негативной вежливости, принадлежащих П. Браун и С. Левинсону (Brown, Levinson 1987). В частности, мы показали, что использование СВ в утвердительных формах императива активизирует прагматический механизм соблюдения дистанции, порождая формальную, дистанцированную, ‘негативную’ вежливость (ср.: «Сядьте^{св}, пожалуйста!»), в то время как

НСВ влияет на сокращение дистанции, что в свою очередь, в зависимости от того, является ли требуемое действие желаемым (выгодным) для исполнителя или нет, может порождать либо неформальную, солидарную, ‘позитивную’ вежливость (ср.: «Не стесняйтесь. Садитесь^{нсв}!»), либо невежливость, грубость (ср.: «Сколько раз повторять вам? Садитесь^{нсв}!»).

Косвенным доказательством этой гипотезы послужило сравнение русского языка с другими славянскими языками. Оказалось, что, при побуждении к однократному действию, в южно- и западнославянских языках, единственной приемлемой формой в императиве при обращении ‘на Вы’ является СВ, в то время как НСВ допускается только при неформальном обращении к одному человеку «на ты», или ко многим лицам, притом скорее всего в крайне грубых, ‘периферийных’ для стандартного языковой системы, высказываниях. Приведем примеры из сербского и чешского язы-

ков, как образцов, соответственно, южно- и западнославянских языков. Ср. в сербском: «Укључите^{св} (*Укључујте^{св}) телевизор! Седам је сати. Филм почиње», но: «Укључујте^{св} телевизор. Седам је сати. Филм почиње», а также «Хајде. Укључујте^{св} телевизор! Већ сам вам рекла». Ср. в чешском: «Zapněte^{св} (*Zapínejte) televizi! Je sedm hodin. Film už začíná», но: «Zapni televizi. Je sedm hodin. Film už začíná», а также «Tak zapínejte tu televizi, jak dlouho Vám mám to říkat?». В русском же языке, наряду с более нейтральной, дистанцированной формой СВ «Включите^{св} телевизор! Сегодня интересный фильм», вполне приемлемой, не только при обращении «на ты» или ко многим лицам, но и при формальном обращении «на Вы», является форма НСВ «Включайте^{св} телевизор! Уже семь часов. Фильм начинается».

Иными словами, и южно- и западнославянских языках побуждение к (однократному) действию, выраженное СВ является более нейтральными, формальным по сравнению с побуждением, выраженным НСВ, являющимся неформальным, 'прямым'. Единственное существенное различие между русским, белорусским и украинским языками, с одной стороны, и всеми остальными славянскими языками, с другой, состоит в том, что в восточнославянских языках употребление НСВ может выражать как невежливое, так и вежливое оттенки (т.е. как грубость, так и позитивную вежливость). Наоборот, в южно- и в западнославянских языках, форма НСВ может выражать только отрицательные значения, связанные со стиранием интерперсональной дистанции – такие, как настойчивость, нетерпение, грубость и пр.

В данном докладе нам бы хотелось углубить эту проблематику с социокультурной точки зрения. В самом деле, столь различная система видоупотребления в императиве в восточнославянских языках, с одной стороны, и в остальных славянских языках – с другой, по всей вероятности, не объясняется только различной грамматической эволюцией системы глагольного вида, вследствие которой более ограниченное употребление НСВ в императиве в южно- и западнославянских языках можно рассматривать в контексте меньшей частотности употребления НСВ в этих видовых системах в целом. По нашему мнению, существует и второй

фактор, напрямую касающийся социокультурного контекста. Вполне возможно, что в восточнославянских языках широкое употребление НСВ оказалось подходящим инструментом, среди прочих, для выражения тех прагматических значений, относящихся к категории вежливости, которые получили особое развитие именно в этих языках. Имеется в виду выражение позитивной вежливости, а также вообще выражение недистанцированности в межличностных отношениях. Этот вывод соответствует результатам культурологических исследований в области категории вежливости, где подчеркивается 'контактный' характер русской культуры и главенствующая роль позитивной вежливости в русском языке (Кронгауз 2004, Rathmayr 1996, Ратмайр 2003, Йокояма 1993, Yokoyama 1994, Wierzbicka 1991).

Литература

1. Бенаккио Р. Конкуренция видов, вежливость и этикет в русском императиве // Russian Linguistics. 2002. 26. P. 149–178.
2. Бенаккио Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ. München, 2010 (Slavistische Beiträge, 472).
3. Йокояма О. Оппозиция 'свой – чужой' в русском языке // Maguire R. A., Timberlake A. (eds). American Contributions to the XI International Congress of Slavists. Columbus OH, 1993. P. 452–459.
4. Кронгауз М. А. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian linguistics. 2004. 28. P. 163–187.
5. Ратмайр Р. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.
6. Brown P., Levinson S. C. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
7. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London; New York, 1983.
8. Rathmayr R. Sprachliche Höflichkeit. Am Beispiel expliziter und impliziter Höflichkeit im Russischen // Girke W. (Hrsg.). Slavistische Linguistik. München, 1995. S. 362–391.
9. Yokoyama O. Iconic manifestation of interlocutor distance in Russian // Journal of Pragmatics. 1994. 22. P. 82–102.
10. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin; New York, 1991 (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 53).

Концептуальный потенциал префиксальных видовых пар в русском языке

Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян

Институт языкознания РАН (Москва), Университет штата Пенсильвания (Пенн Стейт, США)

anna.zalizniak@gmail.com, irina-mikaelian@yandex.ru

Глагольный вид, видовая пара, префиксальный глагол, простой имперфектив, вторичный имперфектив

Summary. The paper demonstrates that, from the aspectological point of view, Russian simplex imperfective verbs potentially include almost as many lexical values as many prefixed derivatives they form. This potentiality is realized when a given simplex imperfective enters into a functional relationship of substitution with a given prefixed perfective, or if it is synonymous with the secondary imperfective of the latter.

В докладе предлагается взгляд на природу и функцию русских префиксальных видовых пар, позволяющий обнаружить концептуальный потенциал русских простых имперфективов.

Префиксальные видовые пары – одна из наиболее проблемных точек русской аспектологической теории. В последние несколько лет дискуссия вокруг этой темы произвела новый виток благодаря работам Л. Янды и ее исследовательской группы, выполненным с применением самых передовых корпусных технологий (см. в частности [6]; [3]; [10]; [4]).

Преимущества своего подхода авторы Л. Янда и ее коллеги видят в частности в том, что они изучают реальный узус, не связывая себя «никакими априорными предположениями о структуре языка» [4: 88]. Тем не менее разграничение «естественных» и «специализированных» перфективов они проводят, и делают это на чисто семантическом основании: выражает ли глагол сов. вида с данной приставкой «логическое завершение» процесса, обозначенного исходным бесприставочным глаголом или обозначает какое-то другое, более специфическое действие [7: 609]. Такая постановка вопроса не нова и, казалось бы, уже продемонстрировала свою бесперспективность (так как исследователь оказывается перед лицом вопроса типа «Что является ло-

гическим завершением процесса *злить* – *разозлить* или *обозлить*?», которые не имеют ответа). Одновременно многочисленные попытки находить пары примеров, где в очень похожем контексте употреблен в одном случае глагол несов. вида, а в другом – «тот же самый глагол, но в сов. виде» в качестве аргумента для объединения их в видовую пару все терпят неудачу (ср. *кутает голову платком* и *закутала платком лицо* в [5: 86] или *чесет волосы* – *причесет волосы* в Кузнецова [10: 93]).

Представление о видовой паре как о паре глаголов, где глагол несов. вида обозначает некий процесс, а глагол сов. вида – его результат, принадлежит «наивной лингвистике» как части языковой картины мира (ср. «наивная физика», «наивная биология» и т.д.) и отражено в названиях соответствующих категорий: *совершенный* – *несовершенный* (ср. *perfectum* – *imperfectum*). Это представление имеет глубокие корни: видовые пары с предельным соотношением, очевидно, являются когнитивно выделенными и служат образцом для построения вида как понятийной категории. В этом смысле – т.е. как элемент «наивной лингвистики» и как когнитивная база категории вида – «естественные перфективы» действительно существуют как данность, не требующая дефиниции. Однако функционирование русского вида как грамматической категории основывается на ином принци-

пе – функциональной эквивалентности в контексте обязательной имперфективации. Видовую пару с данным глагола сов. вида является тот глагол несов. вида, который может его заменить в таком контексте. Возможность замены предполагает тождество лексического значения (т.е. обозначение того же самого события: в случае предельного глагола: процесс плюс его результат, ср. *кошка ловит мышь и съедает ее*), а также всех прочих свойств – сочетаемостных и др. Для суффиксальных видовых пар такое соотношение более или менее очевидно (за исключением единичных случаев семантической дивергенции типа *заблудиться – заблуждаться, уиться – увиваться* и т. п.), а с префиксальными дело обстоит несколько сложнее.

С одной стороны, для русского языка характерна ситуация, когда один префиксальный глагол сов. вида имеет два потенциальных видовых коррелята – «банальный» вторичный имперфектив и простой имперфектив, семантическое соотношение между которыми может быть различным. При этом простой имперфектив может более или менее конвенционально употребляться «вместо» вторичного, ср. пример из учебника русского языка для иностранцев: *Девочка сидит за компьютером и качает фильм из Интернета* (вместо более нормативного *скачивает*). Что касается видовой коррелятивности, т.е. способности того и другого имперфектива заменять глагол сов. вида в контексте обязательной имперфективации, то здесь также возможны различные варианты. См. об этом подробнее [1], [2].

С другой стороны, часто бывает так, что один простой имперфектив имеет два и более «естественных перфектива» (если пользоваться терминологией Л. Янды) – или, если принять функциональную перспективу: два глагола сов. вида, различающихся префиксом, имеют в качестве видового коррелята один и тот же простой имперфектив, например; *мыть* – для *помыть* и *вымыть* (руки); *лысеть* – для *полысеть* и *облысеть* и т.п. Традиционно (и в этом концепция Янды совпадает с традицией) такие случаи трактуются как аргумент против видовой парности; действительно, если смотреть на этот факт с деривационной точки зрения, то получается, что многие глаголы несов. вида имеют по несколько перфективных коррелятов.

Решение этой задачи состоит в следующем (и это утверждение составит наш основной тезис). С аспектологической точки зрения простой имперфектив потенциально заключает в себе целый спектр значений, выражаемых его префиксальными дериватами (имеются в виду лишь «внутренние», или «лексические», префиксы). Но эта потенция реализуется лишь в том случае, если простой имперфектив вступает в функциональное отношение субституции с тем или иным

префиксальным глаголом сов. вида (ср. *Часы пробили полночь, и карета превратилась в тыкву – Часы бьют полночь, и карета прееращается в тыкву*) – или же в отношении квазисинонимии с его вторичным имперфективом (*они записывают / пишут музыку на пленку*). Разные приставки, входящие в состав глаголов, например, *пожарить, поджарить* или *зажарить* <мясо>, *пронумеровать* и *занумеровать* <страницы>, *переночевать* или *заночевать* и т.п. несколько по-разному трактуют цель, и тем самым само содержание действия; соответственно, простой имперфектив, в той мере, в какой он может выступать в роли функционального субститута для обоих глаголов, может выражать и оба варианта значения. В таком случае ответ на вопрос, что является «логическим завершением» того или иного действия, описываемого простым имперфективом, такой: оно может быть и тем, и другим; выбор интерпретации может быть детерминирован контекстом, но может и оставаться неопределенным.

Литература

1. Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О месте видовых троек в русской аспектуальной системе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2010. Бекасово, 26–30 мая 2010. М., 2010.
2. Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. *Рвать зубы и мыть деньги*: об одном типе употребления бесприставочных имперфективов в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2011. Бекасово, 25–29 мая 2011. М., 2011.
3. Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
4. Кузнецова Ю. Л., Янда Л. А. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии (отклик на статью А. А. Зализняк и И. Л. Микаэлян) // Вопросы языкознания. 2013. № 4.
5. Тихонов А. Н. Русский глагол. М., 1998.
6. Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
7. Janda L. A. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in Language. 2007. 31:3.
8. Janda L. A., Lyashevskaya O. Prefix variation as a challenge to Russian aspectual pairs: Are *завязнуть* and *увязнуть* 'get stuck' the same or different? // Russian linguistics. 2011. 35.
9. Janda L. A., Lyashevskaya O. Aspectual pairs in the Russian National Corpus // Scando-Slavica. 2011. 57:2.
10. Janda L., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes ad verb classifiers. Bloomington: Slavica Publishers, 2013.

Концепт ПРЕДЕЛА в грамматике и лексике

Е. В. Петрухина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

e.lena.petrukhina@gmail.com

Предел, глагольный вид, семантическая доминанта.

Summary. The concept of LIMIT (temporal delimitation of a situation) is a semantic dominant in Russian, that is to say a concept that expresses a fundamental idea characterized by frequency, different forms of expression (lexical, morphological and syntactical) and low awareness and intentionality. This concept has gotten a status of categorical in word-formation and grammar as well as in lexis, being a conceptional basis of terminative and non-terminative verbs, temporal procedurals (Aktionsarten) and grammar category of aspect. This report studies the features of this concept's expression in lexis, based primarily on the analysis of the semantics and use of the word *limit*, as well as its derivatives.

Концепт ПРЕДЕЛ в русском языке относится к семантическим доминантам (в понимании Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой) русской языковой картины мира (ЯКМ), т. е. к таким фундаментальным идеям, которые характеризуются частотностью и разнообразием форм выражения – в лексике, словообразовании, морфологии, в синтаксических конструкциях и сочетаемости. Семантическая доминанта является центром семантического поля, объединяющего более частные смыслы, реализующие данную фундаментальную идею. Кроме того, доминанта характеризуется пониженной степенью коммуникативной осознанности, т. е. может не входить в коммуникативные намерения говорящих, и при этом влияет на употребление и сочетаемость языковых единиц в речи. Фундаментальные концепты, важ-

ные для организации одной ЯКМ, в другой нередко не имеют доминирующего статуса.

Грамматические значения, в силу обязательности выражения в том или ином языке, также относятся к доминантным чертам ЯКМ, концентрирующим вокруг себя более частные смыслы, которые могут выражаться лексическими, словообразовательными средствами и синтаксическими конструкциями. Идея об организующей роли грамматических значений в плане содержания языка легла в основу теории функционально-семантических категорий и полей в Петербургской (Ленинградской) школе функциональной грамматики (ПФГ). Но грамматическая семантика не исчерпывает всех семантических доминант языка. Установка «на реконструкцию языковой картины мира» и ее ключевых идей четко

выражена в исследованиях Московской семантической школы (МСШ). «Особый способ мировидения» «реально... проясляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими» [1: 35]. В МСШ акцент делается на лексической семантике и системной лексикографии, что не исключает выявления доминирующих идей – как особых «системообразующих смыслов».

В теориях Петербургской и Московской лингвистических школ в качестве интерпретатора действительности выступает языковая система, так как материалом для изучения интерпретационных элементов языковых значений в ПФГ и реконструкции языковой картины мира в МСШ служат только факты языка. Такое понимание языковой интерпретации не противоречит когнитивным исследованиям ЯКМ с точки зрения ее связи с особенностями национальной культуры. Зафиксированные в языке культурно и исторически обусловленные особенности мировосприятия во многом носят системный характер и описываются на сугубо лингвистических принципах – как интерпретационные элементы значения, определяемые самой языковой системой. Но для их объяснения и концептуального анализа могут быть привлечены и другие гуманитарные знания – историко-филологические, культурологические и др. (что предполагается сделать и в данном докладе).

В исследованиях русской ЯКМ рассмотрены такие семантические доминанты, как эмоциональность, неконтролируемость (А. Вежбицкая), неопределенность (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева), неагентивность (Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина). По нашему мнению, определению семантической доминанты в русском языке отвечает также концепт ПРЕДЕЛА как временной границы действия, который в русском языке является частотным смыслом, выражаемым разнообразными средствами. На основе идеи ПРЕДЕЛА формируется семантика разряда предельных глаголов, категориальная семантика совершенного вида (СВ), словообразовательная семантика целого ряда производных глаголов СВ. Четко выраженное отношение к начальному и (или) конечному пределу действия отличает семантику русских глаголов с продуктивными аффиксами *за-*, *по-*, *на-*, *до-* от их словообразовательных аналогов в ряде других славянских языков, в частности чешском языке. Выражение начальной или конечной границы процесса и деятельности становится обязательным в русском языке (в отличие от целого ряда языков) при выражении нарративных цепочек действий в плане прошедшего времени [2].

В данном докладе рассматриваются особенности выражения ПРЕДЕЛА в лексике, прежде всего на основе анализа значения и употребления слова *предел*, а также его производных. Сопоставляется терминологическое использование данной лексемы в лингвистике, а именно в аспектологии, и в естественных науках. В последних основное значение данного термина – это выражение критической точки, границы, несоблюдение и преодоление которой ведет к деструктивным процессам, например: *Этот предел называется критической массой, и если он достигнут, сама собой*

начинается взрывная цепная реакция деления (пример из дипломной работы Н. А. Карнышовой «Концепт ПРЕДЕЛ в различных типах дискурса русского языка», подготовленной под руководством автора данной статьи и защищенной на кафедре русского языка в 2013 г.). Анализируются также частотные значения *предела* в других дискурсах – публицистическом, художественном, религиозном.

Концепт ПРЕДЕЛА в аспектологической терминологии связан с двумя взаимосвязанными значениями, актуализирующими представления о темпоральной структуре ситуации и ее временных границах, об изменениях в актах действия. Его представляют два понятия, которые в лингвистических публикациях иногда смешиваются: 1) предельность как характеристика лексического значения глагола и соответственно лексико-грамматического класса предельных (в другой терминологии терминативных) глаголов (противопоставленная неопределенности); 2) предельность как категориальное значение (граммема) СВ – актуализация предела как временной границы действия (по В. В. Виноградову). В докладе проводится анализ этих понятий с учетом особенностей интерпретации лексической предельности в трудах Ю. С. Маслова и А. А. Холодовича, (последний построил свою теорию предельности на материале японского языка). Сопоставление данного термина показывает сложный механизм взаимодействия денотативных и интерпретационных элементов языковой семантики.

В докладе будут рассмотрены также те значения слова *предел*, которые не отмечены в словарях, но которые проявляют высокую частотность в публицистическом, художественном и религиозном дискурсах. Так, *предел* выражает незыблемую границу, которую нельзя отодвигать или преодолеть, в противном случае начинается распад и хаос (т. е. «беспредел»). Ср., например, описание России после революции как *обезумевшей, голодной, холодной... заведенной за пределы того, что может стерпеть человек* (В. Лукницкая). Ср. также: *Амлитуда швыряний западного общества, как видится со стороны, приближается к тому пределу, за которым система становится метастабильной и должна развалиться* (А. И. Солженицын). *Есть такие вехи, такие пределы, за которые переступить никогда не надо, даже если нам кажется, что стоит переступить. Не нашего ума дело: очень опасно передвигать эти мрежи, межи, которые были поставлены не нами* (архимандрит Тихон Шевкунов).

Итак, концепт ПРЕДЕЛА реализуется не только в типовых значениях, формирующих семантику лексико-грамматического класса терминативных глаголов, словообразовательных типов глаголов со значением временной границы действия, граммеме совершенного вида, но и в индивидуальных лексических значениях, некоторые из которых имеют статус ключевых смыслов для русской ЯКМ.

Литература

1. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю. и др. Установка на реконструкцию языковой картины мира // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
2. Петрухина Е. В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб., 2003.

Креативный потенциал грамматической оппозиции в речи: «грамматический контраст»

Е. Н. Ремчукова

Российский университет дружбы народов (Москва)

remchukova@pochta.ru

Грамматическая оппозиция, интенциональность, семантические и прагматические функции, потенциальные грамматические формы.

Summary. This paper examines creative potential of grammatical opposition in speech. Grammatical opposition is analyzed from the point of view of semantics, pragmatics and possibility of a new morphological production. I illustrate my points by providing examples of statements which are based on the correlation between grammatical tense, aspect and number.

Описание креативного потенциала русской грамматики является дискурсивно ориентированным и может быть представлено как комплекс «языковая система – функционирование ее элементов в речи» (А. В. Бондарко), что позволяет, с одной стороны, «уточнить содержательный по-

тенциал морфологических категорий, форм и структур», а с другой, выявить активные зоны грамматики в разных типах русской речи. Анализ потенций конкретных грамматических форм (форм вида, времени, наклонения, лица, залога, числа и др.) и реализации этих потенций в высказы-

вании в фокусе «интенциональности», предложенный А. В. Бондарко, выявляет связь семантических функций грамматических форм с намерениями говорящего и с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, что обуславливает «способность содержания, выражаемого данной формой... быть одним из актуальных элементов речевого смысла» [1: 29].

Таким образом, креативность обнаруживается не только в отступлении от нормы, но и в функционировании таких языковых моделей, в которых реализуется функционально-семантический потенциал грамматических категорий: так, при грамматическом сопоставлении (в рамках высказывания или фрагмента текста), а также в условиях «грамматического контраста» грамматические значения, выраженные узуальными формами, но подчеркнутые «со- и противопоставленностью» (М. Ю. Лотман), становятся существенным смысловым элементом всего высказывания. Высказывания, которые включают грамматическую оппозицию – «грамматические контрасты», наглядно представляют ту или иную грамматическую категорию как опирающуюся на систему противопоставленных друг другу форм (вида, времени, залога, числа и др.), часто реализующих прототипическое значение (о прототипическом значении «видового контраста» см. подробно в [2: 61–63]). Кроме того, смысловая информативность актуализированной грамматической оппозиции сопровождается «семантическими приращениями» и экспрессивно-прагматическими «наслоениями» разного рода.

Так, противопоставление глагола действ. залога и причастия страд. залога, актуализирующее оппозицию актив – пассив, является типичной реализацией залогового контраста: *Я поняла, что теперь у меня есть возможность выбрать хорошего спутника. Не быть выбранной, а самой выбрать; Известный американский писатель Андайт говорил: «Ты можешь либо видеть, либо быть увиденным»* (из интервью). В основе подобных высказываний лежит «грамматический сюжет»: грамматический контраст находится в позиции актуализации и служит важным средством выражения авторских интенций, часто «оформленных» в виде таких гномических высказываний, а в художественном (поэтическом) тексте – в виде метафоры. Метафоризация «грамматического контраста» возможна и за пределами художественного текста, например, в рамках метаязыкового высказывания с «контрастами времени» (СМИ о А. Д. Саха-

рове: *Он был. Он есть... Между был и есть не ров, мостки не нужны: не сорваться бы*).

Так как стандартная речевая ситуация предполагает выбор одного члена оппозиции, а анализируемая – их параллельное употребление, такое высказывание часто воспринимается как необычное. Степень «необычности» возрастает, если одна из форм является нестандартной: *Как этого добиться? Просто, если это добываемо; Ты каждый раз обещаешь жену бросить, но каждый раз она не бросается*. Но выразительность «грамматических контрастов» как средства выражения авторской иронии может обеспечиваться и противопоставлением стандартных форм. Ср.: *Очень трудно быть человеком – все время люди мешают* (СМИ) и *Любить человека надо таким, какой он есть, потому что других человек у нас не будет* (А. Кончаловский).

Грамматические контрасты востребованы в таких малоформатных медиатекстах, как заголовки и слоганы, функциональное сходство которых обусловлено общими требованиями к этим мини-жанрам – в условиях синтаксически ограниченной структуры «обеспечить» семантическую плотность высказывания и его экспрессивности: *Банкротили, банкротят и будут банкротить* (в России быстро научились исполнять закон захвата чужой собственности); *Увлекай и увлекайся* (реклама косметики); *Тому, кто строит, тому, кто строится* (реклама фирмы «Строитель») и др. Экспрессивность «любой ценой» может быть достигнута за счет грамматического напряжения такого «контрастного» заголовка (например, *Укуситель и укусомый*). Однако следует отметить, что в целом эти жанры вполне успешны в выстраивании креативной стратегии, в основе которой лежит «грамматический сюжет».

Анализ грамматических контрастов позволяет выявить соотношение языкового значения и речевого актуального смысла, «прочувствовать» коррелятивность реализующейся в речи грамматической системы.

Литература

1. Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2.
2. Ремчукова Е. Н. Семантика и прагматика «видового контраста» // Verbal aspect: grammatical meaning and context: Тезисы / Abstract III конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Италия, 2011, С. 61–63.

Русская языковая концептуализация мира в зеркале грамматики: число и глагольный вид

А. Д. Шмелёв

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)
shmelev.alexey@gmail.com

Языковая концептуализация мира, категория числа, глагольный вид, супплетивизм, дополнительное распределение.

Summary. The paper will discuss the grammatical categories of number and verbal aspect and their role in the Russian linguistic world-view. In particular, it deals with suppletion and makes special reference to incomplete suppletion. It discusses criteria of distinction between (incomplete) suppletion and synonymy of stems and applies the suggested criteria to the alleged suppletion of plural forms of Russian nouns and aspectual correlation of Russian verbs.

В докладе обсуждается роль грамматических категорий числа и глагольного вида в русской языковой концептуализации мира. Рассматриваются критерии числовой и видовой коррелятивности. Анализируются случаи нетривиального семантического и формального соотношения между членами числовых и видовых пар. Показано, что в целом ряде случаев критерии, на которые должно опираться лексикографическое описание таких пар, оказываются «градуированными» или нечеткими. Сюда, в частности, относятся понятие языковой правильности и понятие семантического тождества / различия.

То, что во многих случаях бинарное противопоставление «правильное»– «неправильное» оказывается недостаточным (так что приходится вводить какие-то промежуточные точки шкалы), в современной лингвистике может считаться общим местом. При этом следует иметь в виду, что «промежуточный» статус на шкале «правильности» того или иного языкового выражения может быть обусловлен двумя различными обстоятельствами. Во-первых, иногда обнаруживается разноточность во мнениях информантов: одни считают выражение правильным, другие – нет. Во-вторых, сами ин-

форманты могут колебаться в оценке степени правильности высказывания, характеризовать его как «допустимое, но странное», «сомнительное» и т. п. В первом случае можно было бы сохранить бинарность противопоставления «правильное»– «неправильное», декларируя, что описывается отдельно взятый идиолект, или ввести «меру» правильности, зависящую от количества информантов, которые воспринимают выражение как правильное. Во втором случае помещение языкового выражения на тот или иной участок «шкалы правильности» и тем самым приписывания ему «меры правильности» может оказаться субъективным.

Другим фактором, затрудняющим принятие лексикографического решения в целом ряде случаев, является зависимость выводов от установления семантического тождества или различия. Если установление формального тождества или различия, а также наличия общей части у некоторых двух чепочек фонем не требует специальных ухищрений, то смысловое тождество или характер смыслового различия, вообще говоря, может быть неочевидным. Оставаясь на почве формальных определений, мы могли бы определить смысловое тождество как тождество толкований (а смысло-

вое различие свести к различию толкований); однако, в отличие от внешней стороны языковых выражений, которая дана нам непосредственно, толкования необходимо сформулировать и обосновать, и они могут быть предметом споров.

Демонстрируется, что во многих случаях существующие словарные описания анализируемых единиц не соответствуют реальному употреблению в речи. В связи со сказанным особое внимание уделяется проблеме супплетивизма. На материале русского языка разбираются некоторые неочевидные случаи разграничения супплетивизма и синонимии: напр., следует ли для существительного *год* (в значении «длительности, т. е. *год 1*) выделять «счетную форму» *лет*, или исходить из того, что в языке, наряду с существи-

тельным *год*, есть близкое по смыслу существительное plurale tantum *лета*. (При последнем решении необходимо отдельно указать, что существительное *лета* употребляется преимущественно в именительном, винительном и родительном падеже в числовых конструкциях, требующих множественного числа, хотя может окказионально употребляться и в других случаях; соответственно, в указанных конструкциях существительное *год* употребляется относительно редко.) Сформулированные принципы прилагаются к определению видовой коррелятивности, причем показывается, что тем самым удается снять иногда высказывавшиеся возражения против так называемого «критерия Маслова».

Семинар «Речевая практика в массмедиа»

Руководитель семинара Лилия Рашидовна Дускаева, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой речевой коммуникации СПбГУ, руководитель международной комиссии медиалингвистов при Международном конгрессе славистов (<http://jf.spbu.ru/medialingvistika/2663-5984.html>).

Одно из активно развивающихся научных направлений в современном славянском языкознании — медиалингвистика, которое представлено прежде всего как медийное речеведение. Активному развитию способствует научная и дидактическая потребность в знаниях о закономерностях функционирования языка в массмедиа. Именно в массмедиа язык в первую очередь подвергается различным динамическим процессам, именно в этой сфере общения формируются новые и новые области.

В задачи семинара «Речевая практика в массмедиа» входит консолидация исследовательских усилий представителей различных школ и направлений, занимающихся проблемами медиалингвистики; укрепление научных и учебных связей между специальными кафедрами различных вузов России и славянских стран.

Ключевые темы для обсуждения:

- Медиалингвистика как медийное речеведение: исследовательские подходы и важнейшие категории;
- Типология медиаречи и специфика ее разновидностей;
- Закономерности употребления языка в разных сферах и ситуациях медийного общения;
- Инновационные языковые процессы в традиционных и новейших массмедиа и их влияние на литературный язык.

Концепт СССР: приемы речевого манипулирования сознанием в представлении советской эпохи в медиадискурсе

Л. Е. Адясова

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
milokj@list.ru

Концепт СССР, языковое манипулирование, метафоры, медиадискурс.

Summary. In the paper we consider different methods of the language manipulation of consciousness concerning the representation of the concept of the Soviet Union in the contemporary Russian media discourse for the comprehensive analysis of the concept of “the USSR”. The material for the study is based on data from “Russian National Corpus”.

Одним из существенных признаков современного мира стало явление медиатизации, «процесса и результата глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира...» [5: 122]. Человеку XXI века приходится доверять СМИ как основному источнику информации о положении дел в мире, однако вместе с фактами он получает из прессы готовые мнения и оценки, при этом последние оказывают значительное влияние на восприятие действительности в целом.

Таким образом, необходимым этапом для описания языковой картины мира и языкового сознания современности представляется изучение концептуализации исторических событий в современном медийном дискурсе. Актуализация тех или иных лексем, клише или метафорических моделей становится отражением как существующей в обществе ситуации, так и влияния СМИ на когнитивную сферу нации.

Для анализа медиадискурса нами были рассмотрены тексты СМИ 2000-х годов, вошедших в Национальный корпус русского языка — как печатных газет («Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда»), так и электронных агентств (РИА «Новости», РБК, «Новый регион»).

Несмотря на официальную неангажированность изучаемых изданий, в ходе исследования представления Советского Союза в текстах медиа нами были отмечены факты речевого манипулирования сознанием. Безусловно, манипулятивность — это одна из базовых характеристик языковой деятельности в целом, и любое высказывание на естественном языке обладает некой прагматической установкой. Но под речевой манипуляцией мы будем понимать исключительно «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью *скрытого влияния* на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [4: 25]. Медийный дискурс по определению является манипулятивным, при этом арсенал манипулятивных приемов в СМИ разнообразен и велик, особенно это проявляется в сфере политики.

По мнению Чарльза Ларсона, все способы воздействия, связанные с интерпретацией того или иного события или образа, в конечном счете можно свести к двум когнитивным стратегиям — интенсификации (или выпячиванию) и «приуменьшению» [2: 54]. Их суть заключается в «дозировании» количества и качества информации о том или ином

объекте. Ретуширование и высвечивание могут проявляться на разных уровнях подачи информации и использоваться как лексические, так и грамматические средства языка.

Так, например, на грамматическом уровне когнитивная стратегия приуменьшения находит себя в широком использовании неопределенно-личных и страдательных конструкций: *СССР был разрушен, развален, смят и уничтожен, разрушили, развалили, уничтожили*. В результате переакцентуации субъект уходит на периферию восприятия, тем самым снимается ответственность за действие. Таким образом прекращение существования СССР становится результатом действий неизвестных лиц или самопроизвольным действием. В ряде случаев наблюдается прием генерализации сторонников точки зрения говорящего, базирующийся на употреблении местоимения *мы* с размытым содержанием (*мы* = говорящий? говорящий и его сторонники? говорящий и слушающие? весь народ?) [4: 77]: *Должно признать, что мы бездарно профукали сверхдержаву – Советский Союз* (Не надо торопить революцию // Комсомольская правда, 2004.09.07).

Отметим, что медиадискурс пестрит многообразными вариантами модели прекращения существования СССР, и это неслучайно, поскольку данный прецедентный феномен для современников является наиболее важным в рецепции недавнего прошлого. *Советский Союз распался, развалился, рухнул, грохнулся величественно, пополз из-под ног, кончился, приказал долго жить, сох, канул в лету* и др. Более того, СМИ характерна высокая степень экспрессивности в подаче данной ситуации, что приводит к дискредитации образа (в терминологии С. Г. Кара-Мурзы – разрушение образа).

Дискредитация происходит также с помощью подбора ярких эпитетов (*кроважидная империя, страшный Союз* – прием навешивания ярлыков), сравнений (*Советский Союз похож на старого подыхающего пса*) и метафорических моделей. Так, например, в период советской власти метафора дома была одной из доминирующих в медиадискурсе,

что было обусловлено ориентацией всей общественной жизни и науки государства на учение Маркса. В современном медиадискурсе данная метафора актуализирует новые фреймы и проявляет себя иначе: *Советский Союз представлял собой одновременно тюрьму и детский сад. В какой-то момент двери тюрьмы распахнулись — и из нее вышли дети* [Сухая Светлана. Компьютерный запой // Труд-7, 2005.09.24]. Представление об изолированности жителей этого «дома» от всего мира носит нередко гипертрофированный характер. В целом наравне с метафорой дома начинают активно функционировать морбиальные, криминальные и механистические метафоры, которые нередко используются для дискредитации образа ушедшей эпохи (*СССР систематически крал, болел «чиновным зудом», подсел на нефтяную иглу, проржавел и сгнил*).

Итак, в исследуемом массиве текстов нами были обнаружены следующие приемы речевого манипулирования сознанием: навешивание ярлыков, разрушение образа, переакцентуация, использование ярких эпитетов и сравнений, дискредитирующие метафоры и др. В целом заметны существенные изменения в метафорическом представлении концепта СССР в современном дискурсе масс-медиа: появляются новые метафорические модели, характеризующие советскую эпоху, актуализируются новые слоты фреймов соответствующих метафор, например, метафоры дома, механизма, морбиальной метафоры.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М., 2009.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2001.
4. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: Учебное пособие. 2-е изд. М., 2008.
5. Рогозина И. В. Функции и структура медиа-картины мира // Методология современной психолингвистики. М., 2003.

Медиариторика: новая жизнь старых категорий

И. В. Анненкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

anneirina@yandex.ru

Медиариторика, медиадискурс, риторическая модель дискурса, риторическая модальность, риторическая позиция автора.

Summary. Traditional central concepts of classical rhetoric – ethos, logos and pathos – can become a basis of descriptive model of a modern media picture of the world.

В СМИ наиболее ярко проявляется воздействие на человека языковых реальностей, закрывающих от него реальность экстралингвистическую: освещая события в мире, СМИ через вербальные и невербальные знаки закрывает эту действительность от адресата, поскольку рассказ об этом мире становится важнее самого мира. Таким образом, языковая картина мира в средствах массовой информации совпадает с собственно медиакартиной мира. Характерными чертами современной медиакартины мира можно признать *разрозненность, вариативность, множественность, фрагментарность, дискретность*

Для медиариторики как теории, которая претендует на системный подход в осмыслении и описании медиадискурса (= медиакартины мира), важен акцент на той функции риторики, которая сформировалась еще в античную эпоху и стала вновь актуальной сегодня, когда целостность мира предстает в мозаичном и сетевом модусах. Эта функция заключается в подходе к тексту, к дискурсу, к любой фактуре речи (а массовая информация и массовая коммуникация – это одна из фактур речи, то есть обработанный определенными орудиями определенный материал речи) как к целому, даже если это «целое» дискретно и мозаично. Последнее замечание в полной мере относится к современному медиадискурсу и современной медиакартине мира.

Понимание риторики, выводимое из тех аспектов трансформации этой дисциплины, которые сложились и развились во второй половине XX века, позволяет нам говорить о возможности риторического описания и риторического моделирования медиадискурса и, соответственно, медиакар-

тины мира, репрезентируемой посредством этого медиадискурса.

Под риторической моделью дискурса, а значит, и репрезентируемой в нем картины мира следует понимать модель дискурса, которая отражает его с точки зрения соотношения в нем основополагающих риторических категорий (этоса, логоса, пафоса), аксиологической соотнесенности с риторическими канонами и риторическим идеалом, а также характеризует его праксиологическую составляющую. Традиционные центральные понятия классической риторики – *этос, логос и пафос* – основа конструктивной модели современной медиакартины мира в риторическом аспекте. Все эти три основные категории классической риторики, непосредственно друг с другом связанные и как бы переходящие друг в друга, выделяются в структуре медиадискурса и цементируют собою риторическую модель медиакартины мира.

Пафос медиадискурса воплощается в генеральной идее его текстов, которую мы предлагаем называть *риторической модальностью*. На наш взгляд, риторической модальностью, или интенцией убеждения как персуазивного воздействия, обладают все тексты медиадискурса, вне зависимости от их жанровой принадлежности. Более того, у медиадискурса есть некая *риторическая гипермодальность*, которая не есть сумма риторических модальностей всех текстов медиадискурса, а сосредоточена в идее созидания и конструирования социальной реальности, изобретения общественного мнения, изготовления публичных сфер общества и, как результат, – собственно *медиакартины мира*.

Логос воплощается в основных стратегиях дискурсивной деятельности средств массовой информации, которые сводятся к различным типам дискурсивных интерпретаций и аккумулируют в себе все признаки *неоэпохи культуры готового слова*, которую также можно охарактеризовать как *культуру интерпретации готового слова*.

Квинтэссенцией *этоса* в медиадискурсе можно считать речевую деятельность журналиста, причем как отдельной личности, так и, по терминологии Ю. В. Рождественского, «совокупного образа ратора». Сегодня этот *образ протей-*

стичен. И воплощается это в протейзме *риторической поэтики* современного журналиста.

Таким образом, медиариторика, создавая новый категориальный аппарат на основе терминологии риторики классической и расширяя его за счет наработок обновленной риторики, моделирует структуру медиадискурса и той медиакарты мира, которая в нем представлена, в соответствии с движением вектора медиадискурсивной деятельности: предмет речи (реальное событие) – адресант – речевое событие (речевой поступок) – дискурсивный факт – адресат (массовый).

Медиатекст в социальной сети как генератор новых смыслов

Е. В. Быкова

Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург)

pr@rshu.ru

Text, social media, account, commentary, senses, new media.

Summary. We consider in particular the existence of a media communication environment of the Internet, which is very different from the communicative environment of the mass media

Мы рассматриваем особенности существования медиатекста в коммуникативной среде Интернета, которая существенно отличается от коммуникативной среды массмедиа.

Создание своего аккаунта в социальной сети и регулярное присутствие в виртуальном коммуникативном поле уже стало привычным для российского интернет-пользователя. Накопленный речевой материал вкупе с социальным и, соответственно, речевым опытом интернет-пользователей, формируют новую коммуникативную среду, поэтому интернет-коммуникация предстает перед нами как новый вид коммуникации, как новая коммуникативная среда, приспособленная для обмена информацией и ее обсуждения. Эта новизна объясняется новым форматом электронного общения: публичностью, полиадресностью, диалогичностью, отсутствием статусной иерархии при коммуникативном взаимодействии, ярким проявлением личностного начала как в выборе тем для разговора, так и в выборе речевых средств для выражения своего мнения относительно публикуемого материала.

Новая коммуникативная среда создала богатые возможности для лингвистических осмыслений речевых процессов, происходящих как в традиционных СМИ, так и в электронном медийном поле.

В социальной сети, особенно в период политических подъемов во время выборов, социально значимых событий в сфере культуры, образования, науки, спорта, количество публикуемых на ленте новостей материалов, поступающих от участников глобальной коммуникации, существенно возрастает. Многократно возрастает и плотность информационного потока. Однако среди опубликованных материалов одни очень быстро сползают по ленте новостей вниз, и отыскать их там, на дне, весьма проблематично. Другие держатся на ленте новостей в так называемых «топах» достаточно долгое время.

В чем причина такой дифференциации? На наш взгляд, данный речевой феномен объясняется причинами как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими.

Публикации в социальной сети (обновление статуса) от имени обычно бывают двух видов.

Первый тип – обновление статуса от имени некоего коллективного субъекта (туристской кампании, сети магазинов, политической организации, электронного СМИ, Информационного агентства, благотворительного фонда и т. п.). Например:

Япония со скидкой! 3 направления от 22.000 RUB
<http://klmf.ly/1gM6P2W>

USAGC изменил(-а) свою фотографию обложки.

Подобного рода публикации не комментируются, они публикуются в социальной сети как реклама для наращивания количества посетителей страницы (подписчиков). Если пользователь сети поставил отметку «мне нравится» и поделил эту публикацию на ленте новостей, то он автоматически становится подписчиком на «обновление статуса» данного коллективного субъекта речи. Следовательно, публикация

выполнила свою задачу – привлечь внимание пользователя. Если страница пользователя сети является достаточно популярной (более 1000 подписчиков), то начинается «вирусное распространение» данной рекламной информации.

Встречаются публикации от коллективного субъекта с комментарием от того же коллективного субъекта. Комментарий здесь выполняет контактоустанавливающую функцию:

РИА Новости добавил(-а) фотография в свою Хронику. Россия отретировала ядерную войну — масштабная тренировка с реальными пусками ракет завершена. Военные оценили учения как успешные, но обозреватель РИА Новости считает, что до лучших образцов советского времени они пока не дотягивают. Читайте актуальный комментарий здесь:
http://ria.ru/analytics/20131031/973956138.html?utm_source=fb1

Второй тип – это обновление статуса конкретного пользователя социальной сети (под псевдонимом, вымышленным именем, под настоящим именем). При этом обновление статуса от лица пользователя сети бывает двух видов.

В первом случае в статус выносятся часть текста публикации, которой пользователь придает особое значение, с дальнейшей интернет-ссылкой на весь текст с пояснением: «Весь текст полностью читать здесь».

Валерий Жаков
Россияне склонны считать приговор Навальному несо-
размерным преступлению, в котором его обвиняли

В июле этого года, когда суд приговорил Алексея Навального к штрафу в 500 тысяч рублей и пяти годам колонии общего режима, треть опрошенных считали данный вердикт адекватным содеянному (33%). Сегодня, после смягчения приговора, такого мнения придерживаются только 21% опрошенных.

Весь текст полностью читать здесь <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114588>

В данном примере вынесенный в статус пользователя фрагмент текста полностью меняет смысл публикации, главной идеей которой было следующее: большинство россиян склонны называть решение суда слишком мягким. То есть для удержания публикации в топе (в десятке событий особо значимых на френд-ленте событий) опытные пользователи занимаются так называемым смысловым подвохом. В статус выводится фрагмент медиатекста, который выбирается в зависимости от своей личностной позиции (симпатии к оппозиционеру). При этом пользователь социальной сети смещает смысловые акценты в исходной публикации, что создает новое текстовое восприятие у читателей френд-ленты. Иными словами, пользователь, публикующий в статусе фрагмент текста по своему выбору, неизбежно при этом и формирует установку на его восприятие.

Во втором случае пользователь дополнительно вносит в статус свое мнение (первая строка статуса):

Елена Быкова поделилась ссылкой от Натальи Орловой.

Действительно, а почему золотые руки в России теперь редкость? А потому что систему ПТУ уничтожили.

ГРОМКИЙ ПРОВАЛ РОССИЯН НА МЕЖДУНАРОДНОМ КОНКУРСЕ РАБОЧЕГО МАСТЕРСТВА В ГЕРМАНИИ

На международном конкурсе рабочего мастерства в Лейпциге российская делегация отличилась, заняв «почетное» последнее место. Чистое поражение нашей страны заставило задуматься, почему в России золотые руки стали редкостью. <http://www.city-n.ru/view/329406.html>.

Пользователь позволяет себе самостоятельно моделировать новый текст по принципу актуализации в нем тех слов, которые представляются наиболее значимыми и привлекательными для других пользователей сети – «друзей». Яркий комментарий в статусе к публикации выполняет в

том числе и фатическую функцию и приглашает других участников интернет-сообщества к обмену мнением, к формированию пула единомышленников. Интернет-коммуникация формирует весьма удобную площадку для манипулирования той аудиторией, которая читает так называемую *френд-ленту*, отмечает публикацию как понравившуюся и оставляет свои комментарии.

Таким образом, журналистский текст в интернет-среде получает новые возможности для его интерпретации пользователем. Пользователь на основе отобранного на ленте новостей текста, предложенного для ознакомления другими «пользователями-френдами», способен создавать контент, заточенный исключительно на свое понимание, личностное восприятие, зачастую вовсе не имеющее отношения к первоначальному замыслу автора публикации-источника. Новое восприятие может быть весьма провокативным, но привлекающим внимание других пользователей. Таким образом вектор сообщения может поменяться на противоположный.

К обсуждению принципов устройства орфоэпии современной телевизионной речи

И. А. Вещикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

irinavmgu@gmail.com

Орфоэпия, телевизионная речь, информационные (новостные) программы, жанр.

Summary. The report discusses the issues of orthoepy of television speech in the post-Soviet period. Main objects of the investigation are two types of information (news) programs in different periods of their existence. Their analysis gives the opportunity to see the features of the development of television speech and ascertain the coexistence of the two principles of construction of orthoepy of modern texts.

1. Лингвистические источники, посвященные орфоэпии телевизионной речи (далее – ТВР), представлены работами двух типов: одни (нормативные) рассматривают орфоэпию ТВР с точки зрения предъявляемых к ней идеальных требований, другие (частно-описательные) ставят своей задачей показать орфоэпическую реальность и существующий узус как они есть. Существенно то, что кодификационные установки, которым должны следовать профессионалы массмедиа, были сформулированы более полувека назад и с тех пор не корректировались. Вследствие этого оценка телевизионных текстов новейшего времени сквозь призму нормы в некоторых случаях бывает сопряжена с немалыми трудностями.

2. Как в советский период, так и в постсоветский и предписания, и описания строятся без учета жанровой неоднородности ТВР. Так, в первый из названных периодов главным объектом исследовательского внимания были информационные (новостные) программы в исполнении дикторов. Программы других жанров, авторами и ведущими которых были не собственно дикторы, оставались вне специального анализа. Речь идет о выступлениях И. Андроникова, первое из которых прозвучало еще в 1954 г., выпусках тележурнала «Международная панорама», который начал выходить в 1969 г. и подобного типа. Что касается последних примерно двух десятилетий, то и в этот период проблема сходства и отличий телепрограмм разных жанров и форматов осталась в стороне. В фокусе фонетико-орфоэпических исследований оказались такие аспекты, как: ошибки в произношении и ударении, экспансия устно-разговорных (или компрессированных / литературных некодифицированных) произносительных вариантов, активные процессы в области ударения, изменения на сегментном уровне.

3. Традиционно мерилом правильности и индикатором качества «слова в эфире» на уровне орфоэпии считается соответствие используемых в нем собственно произносительных и акцентологических вариантов действующей кодификации. При таком подходе ответ на вопрос, что правильно / неправильно (ошибка) и что уместно / неуместно, далеко не всегда прост и очевиден. Дело в том, что репертуар используемых в ТВР средств не исчерпывается кодифицированными формами. Кроме того, нормативная оценка последних не независима от того, научные рекомендации каких словарей – профессионально ориентированных или академических – берутся за точку отсчета. Как известно, разные типа словарей по-разному представляют границы литературной произносительной нормы.

4. В настоящее время актуальной является задача систематизации в общем-то давно известных и неоднократно описанных фактов сквозь призму нормативных установок, принятых в предшествующий (советский) период для работающих в системе СМИ, и выявления важнейших направлений и тенденций развития ТВР на уровне орфоэпии с учетом ее жанрового членения. Не менее важно и другое: для понимания того, какие произносительные черты сегодняшней телеречи являются традиционными, а какие надо считать новшеством в орфоэпии того или иного жанра, нельзя игнорировать результаты обследования ТВР советского периода.

5. При изучении и описании орфоэпии ТВР целесообразно опираться, с одной стороны, на «классификатор программ», разработанный при участии кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ, с другой – на представление, согласно которому необходимо и достаточно иметь в виду «четыре основных (главных) классических жанра журналистских материалов», определяемых как информация, репортаж, интервью и статья / комментарий, а также «пятым, рожденным телевидением неклассический жанр – игру» (В. Т. Третьяков «Как стать знаменитым журналистом». М., 2010. С. 238).

6. В данном случае в качестве предмета обсуждения избраны два типа информационных (новостных) программ – ежедневные выпуски новостей («Время», «Вести», «Новости 24» и др.) и информационно-аналитические программы («Вести в субботу» с Сергеем Брилевым, «Неделя с Марианной Максимовской» и др.). Выдвижение их на первый план объясняется, по крайней мере, тремя причинами.

6.1. «Новостные программы – “лицо” любой телекомпании, опорные точки вещательного дня» («Телевизионная журналистика». 5-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 286).

6.2. В рамках названных программ представлены все классические жанры журналистики.

6.3. Именно за жанрами новостной журналистики закреплены «культурно-просветительские обязанности».

7. Изучение информационных программ с точки зрения репертуара используемых орфоэпических вариантов и закономерностей их сочетания, а также выяснение того, какие произносительные формы в них табуированы, дает основание для следующих обобщений и выводов. Важнейшим вектором развития ТВР является движение в сторону усложнения. В рамках исследуемой формы бытования современного русского литературного языка сосуществуют два

принципа построения орфоэпии текстов. Один из них связан с установкой на единообразие, другой – с признанием «законным» принципиальной вариативности. Выбор между ними обуславливается рядом факторов, ключевое место в иерархии которых занимает жанр. Изменения в орфоэпии ТВР не должны оставаться за рамками нормативных

источников, а при обсуждении произношения в ТВР необходимо совместное участие ученых-орфоэпистов, включая нормализаторов, и журналистов, поскольку они являются проводниками кодификации и их речевое поведение оказывается важнейшим ориентиром для большинства носителей языка.

Речеведение в медиалингвистике

Л. Р. Дускаева

Санкт-Петербургский государственный университет

LRD2005@yandex.ru

Медиалингвистика, объект исследования, речь; принципы, предмет, объект медийного речеведения.

Summary. The report examines the fundamental principles of studies of media speech in the media linguistics.

Термин «медиалингвистика» начал использоваться в работах британских и немецких исследователей, занимавшихся изучением языка средств массовой информации. В научный оборот в России этот термин вошел с появлением работ Т. Г. Добросклонской, посвященных англоязычным СМИ. В отечественной лингвистике к этому времени сложилась традиция изучения русскоязычных СМИ в разных научных направлениях, прежде всего в функциональной стилистике, а также в социалингвистике, психолингвистике, лингводиаскуриологии (А. Н. Васильева, Т. М. Дридзе, М. Н. Кожина, В. Г. Костомаров, Л. М. Майданова, А. И. Мамалыга, И. П. Лысакова, К. А. Рогова, Г. Я. Солганик, С. И. Трескова и др.), поэтому термин стал использоваться в научных работах, посвященных функционированию языка в разных сферах медиаобщения. Важнейшей особенностью исследовательского подхода перечисленных авторов является внимание к речевой деятельности, речевому общению и поведению в СМИ. Нам представляется, что именно этот, речеведческий аспект особенно перспективен в медиалингвистических исследованиях (такое мнение высказывалось М. Н. Кожиной, Г. Я. Солгаником, Т. В. Шмелевой).

В чем особенность речеведческого подхода в медиалингвистике?

1. Такой подход органически проистекает из сложившегося в славянской стилистике функционально-стилистического, в котором утвердилось последовательно речеведческое понимание функционального стиля как «своеобразного характера речи той или иной социальной разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемой особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией, несущей определенную стилистическую окраску» (Кожина М. Н. *Стилистика русского языка*. М., 1977. С. 42). Важнейшими являются принципы анализа речевого материала, сформированные в 50–70-е годы в недрах функционально-стилистического речеведческого подхода: рассмотрение лингвистического в неотрывном единстве с экстралингвистическим, целеполагания как детерминанты речевого своеобразия; деятельностная трактовка речеформирования; взгляд на речь как взаимодействие автора и адресата; системный подход к анализу речевого материала (М. М. Бахтин, К. Гаузенблас, М. Н. Кожина).

2. В медиалингвистике в центре внимания исследователя оказываются специфическая организация речи профессиональных сфер – журналистики, рекламы, PR – и ситуаций медийного общения. Междисциплинарный принцип исследований в медиалингвистике позволяет изучить своеобразие лингвистической стороны в тесном единстве с политологическими, социологическими, психологическими, прагматическими и культурологическими сторонами функционирования средств массовой информации. Исходя из представлений о деятельностной трактовке речи, разнообразие и вариативность медиаречи связывается с необходимостью объективации разных форм профессионального общения, складывающихся под влиянием широкого спектра внелингвистических факторов в разных сферах и ситуациях медийного общения.

3. Снижение уровня исследовательской абстракции и переход анализа с функционального стиля на его разновидно-

сти неизбежно приводит к переакцентуации исследовательских интересов, поскольку они теперь фокусируются не на интегральных речевых свойствах, характерных для всей медиасреды, а на дифференциальных, характерных для отдельных ситуаций: для типа издания, для тематических текстотипов, для отдельных изданий и т. п.

4. В связи со снижением уровня исследовательской абстракции, переход к анализу употребления языка в разных ситуациях медийного общения изменяет трактовку целей и задач общения: в речеведении она понимается как «преднамеренность и обращенность к определенной цели» (Н. Д. Арутюнова) в конкретной ситуации общения. Если для функциональной стилистики было актуально толкование термина «цель» как типовой в соответствующей сфере общения в отвлечении от намерений говорящего в той или иной ситуации общения – в медиалингвистике, с ее вниманием к профессионально-творческой речевой деятельности индивида, цель рассматривается комплексно, системно: для анализа важна не просто типовая цель, характерная для медиасреды, а лежащая в основе конкретного акта речеобразования интенциональность профессионала речи как иерархическая система интенций, складывающихся в динамичных условиях медийного общения и отражающих эти условия.

5. Уже на этапе формирования интенциональности субъекта медиаречи, обдумывая предмет речи и вырабатывая к нему отношение, учитывает не столько адекватные реакции адресата, сколько противоположные тем, которые автор стремится вызвать. В речевой структуре всякого высказывания закладываются возможности предупреждения читательского «сопротивления» когнитивному и эмоционально-волевому воздействию со стороны субъекта речи – такова специфика воздействия на массовую аудиторию. В такой ответственности проявляется диалогичность медийной речи – фундаментальное для нее свойство, которое, помимо адресованности, включает аспект ответственности.

6. При использовании речеведческого подхода исследователь имеет дело с собственно речевыми единицами, которые создаются целенаправленным, интенционально мотивированным отбором единиц языка в самом акте общения: речевые акты, речевые жанры, речевые действия, коммуникативно-речевые блоки, при акцентировании внимания к диалогичности речевого общения – диалогические циклы, наконец, медиатекст. Центральной при этом, безусловно, оказывается категория медиатекста. Важно, что в медиатексте, как и в любом другом, отражается не только результат, но и процесс речевой деятельности субъекта. Благодаря такому подходу раскрывается, как выражаются в концептосфере, композиции и архитектонике медиатекста механизмы информационного воздействия. Именно в медиалингвистике текстом может рассматриваться не только отдельное речевое произведение, но и их совокупность в рамках газетной полосы и газетного номера, который «представляет собой континуум, составленный из взаимосвязанных частей – текстов публикаций» (Э. А. Лазарева). Предметом изучения медиалингвистики становится речевая системность медиатекста, формально-смысловая структура которого определяется сочетанием и взаимодействием как языковых, так и неязыковых компонентов, не только внутритекстовых, но и межтекстовых факторов.

Медиалингвистика: создание качественного текста и речевая ответственность журналиста

В. И. Ивченков

Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

diskurs03@mail.ru

Речевой факт, медиадискурс, стилистика мнений, речевая ответственность, критерии построения речи.

Summary. The problems of speech culture in medialinguistics are examined, journalistic text is considered as a dynamic exponent by speech means of real and seen by a journalist world, the most important criteria of text construction and journalist's speech responsibility are discussed.

Современная гуманитарная наука характеризуется возрастающим вниманием к роли языка в обществе, к явлениям экстралингвистического порядка, порождающим в информационном пространстве связующую нить между создателем текста, массовой аудиторией и отражаемой действительностью. Язык в преломлении журналистской теории и практики выступает важным звеном в творческом процессе, обуславливающим действующий эффект того или иного речевого факта и знаменующим тенденции развития самой публицистики как особого вида общественно-политической литературы.

Качественное текстообразование – решающий показатель профессионализма журналиста в таких составляющих, как литературный талант, эрудиция, интеллект, умение ориентироваться в информационной среде и познавать ее. Общеизвестно, что текст является итоговым документом творчества, своеобразным венцом журналистского труда. Коммуникативная сущность современного информационного общества отчетливо прослеживается в социальной деятельности носителей языка. Таким образом явно ощущается неразрывность речевого действия и жизненного устройства человека.

Публицистический текст является динамичным выразителем речевыми средствами реального и увиденного журналистом мира, когнитивной сутью которого является возможность воспроизведения автором эстетических, коммуникативных и социально ориентированных установок. Они позволяют сконструировать лингвистическую картину мира, показать исторические условия развития общества и утвердить культуроспецифичность конкретного этноса. Принимая во внимание тезис о том, что публицистическое произведение есть персонализация происходящего, выявление жизненных универсалий, можно утверждать, что в стилистике найден ключ к пониманию специфики менталитетов и ментальности народов, тайнам организации национальной логосферы как речемыслительной области деятельности общества.

Современные СМИ доминируют на всех уровнях структуры социума, формируя таким образом медиадискурс, в котором представлена картина мира – специфический способ восприятия, интерпретации событий и явлений; фундамент, опираясь на который, человек действует в мире. Построение текста и протекание информационного процесса приобрели ярко выраженный технологичный характер, диктующий свои нормы, свою перцептику и многообразие новостных потоков. Следует признать тот факт, что в истории вербалистики человек еще никогда не был так востребован в общении, как сегодня: мы действительно стали, «всемирной глобальной деревней» (М. Маклюэн), в которой, люди волей или неволей рождаясь в ней и умирая, все чаще и основательнее вторгаются в жизнь друг друга, рассуждая обо всем увиденном и услышанном, любя и ненавидя, радуясь и огорчаясь, создавая тем самым новую социологическую структуру и формируя своеобразную стилистику мнений.

В таких экстралингвистических условиях стилистика приобретает новое дыхание, становясь трамплином для творческого поиска ресурсов изобразительности речи. Определяя сферу стилистики, исходят из того, что значение языкового выражения не сводится к чисто предметному, денотатному содержанию. Описание его (содержания) со-

провождается множеством дополнительных смысловых оттенков. В большинстве случаев это заложено на семантическом уровне в тропах. И если еще со времен античной риторики мы используем их арсенал, номенклатура которых составляла около двухсот единиц, то сегодня мы не можем зафиксировать хотя бы один новый вид таковых. Метафора, эпитет, метонимия, синекдоха и проч. переданы нам из глубины веков. Пополнить этот арсенал современнику чрезвычайно трудно, т. к. новый вид того же тропа (как типа семантического переноса) мог появиться только при высокочастотной вербальной практике, основанной на творческом поиске.

Методика стилистического анализа определяет способы и приемы организации текста, предполагает выявление и описание каждой микроструктуры – совокупности речевых средств в соответствии с их языковым (вероятностным) воплощением. В этой связи актуализированы семантические процессы, происходящие в наше время. От ясности выраженной журналистом мысли, ее правильности и доступности зависит, насколько он будет востребован в профессии.

В журналистике важными являются классические критерии построения речи: правильность, когда текст соответствует действующим языковым нормам; точность, когда журналист знает значение слова и улавливает его семантические нюансы; логичность, которая вытекает из структуры речевой семантики, из смысловой синтагматики языковых единиц в речи на предмет их соответствия законам логики; чистота речи, когда в тексте отсутствуют чуждые литературному языку слова, включая герметичную лексику, отвергаемую эстетическими нормами; выразительность, что придает тексту образность и экспрессию; богатство речи, воплощающееся в разнообразии текста; уместность, когда текст организован в соответствии с целями и условиями общения.

В XXI веке человек погружен в фокус текста, в чем наглядно выражается многовекторность коммуникативного взаимодействия: через разные аспекты социальной деятельности носителя языка раскрывается локальная когерентность его с текстом. Особенно это касается таких сфер, как культура, образование, коммуникация. Просветительская роль, некогда принадлежащая литературе, являющейся на протяжении веков мощным инструментом формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества, постепенно переходит к СМИ. И если раньше к журналистскому материалу можно было быть снисходительным, представляя в нем (вслед за Г. Винокуром) «грамматический каркас», заполнить который мог мало-мальски образованный человек, то сегодня можем говорить не столько об информационном продукте, сколько о произведении конкретной пишущей личности. Это не означает, что современный журналист стал писателем, а журналистика сама превратилась в писательство. Журналистика транслирует не только уже давно сложившиеся предпочтения общества, а стала предлагать (и довольно успешно) новые ценностно значимые ориентиры. Справедливо говорят о том, что современный мир стал медиацентричен. Из этого следует вполне закономерное требование повысить речевую ответственность журналиста за сказанное и написанное, научить его совмещать в своей деятельности навыки создания текста и его интуитивного редактирования, чем, несомненно, будет достигнут желаемый профессиональный успех.

Стратегия интермедиальности в тексте и медиатексте

Л. Г. Кайда

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vega11111@yandex.ru

Медиалингвистика, медиатекст, интермедиальность, композиционная поэтика, трансмедиальность

Summary. The efficiency of a dialogue between an author and a reader is studied in the context of the compositional poetics of the media text as “feed-back” that emerges between them in the intermedial space of the composition. Within the “theory of co-creativity” it is a qualitatively new level of research in the stylistic concept of composition, as well as the compositional poetics of the text that has derived thereof.

Речь идет о деятельностной концепции сотворчества «читатель-автор» в аспекте композиционной поэтики медиатекста. Интермедиальность, понимаемая как взаимодействие различных видов искусства и различных медиа и как синтез знаковых систем, в которых закодировано любое сообщение, открывает дополнительные возможности для воплощения авторского замысла в диалоге с читателем.

У композиционной поэтики медиатекста есть своя история, методология и методика комплексного анализа текста, позволяющая развивать «полифоническое» мышление филологов и журналистов. Ее развитие шло поэтапно и в русле современных гуманитарных знаний. Тенденция текстоцентризма свела в композиционной поэтике тексты публицистические (документальные) и художественные, эссеистические и риторические.

Интерес к проблеме «читатель и авторский подтекст» в медийном речеведении вызван дидактической потребностью в новых знаниях об эффективном диалоге в коммуникации. Именно поэтому медиатекст и интермедиальный текст мы выделяем как новый аспект в разработке композиционной поэтики.

Явление «интермедиальности» воспринято как продолжение поиска деятельностных концепций синтеза методологий. Всплеск исследований интермедиальности объясняется колоссальным потенциалом «гибридного» соединения в интермедиальном и медиатексте элементов различного происхождения. В процесс реинтерпретации, вычитывания новых смыслов втянуты различные направления современного славянского языкознания, хотя именно «гибридно-

стью» некоторые исследователи и объясняют «конструктивный хаос» многоаспектных теорий.

Изучение феномена интермедиальности в композиционной поэтике текста и медиатекста перспективно потому, что соприкосновение гуманитарных наук в поиске эффективных коммуникативных стратегий диалогического общения познающего и пишущего чрезвычайно продуктивно. Потенциал интермедиальности в том, что опыт многостороннего исследования синтеза искусств в их взаимодействии в художественной словесности экстраполируется на нехудожественную (документальную) словесность.

Лингвофилософская концепция интермедиальности в аспекте композиционной поэтики текста и медиатекста представлена в монографии «Интермедиальное пространство композиции» (2013). Категория «читатель и интермедиальный подтекст» исследована методом общелингвистического композиционного анализа в его двух антропоцентрических узлах – авторское «я» и читательское «я». Разработанная методика декодирования позволила выявить действенные модели диалога «читатель – автор» с опорой на лингвистическую основу текста, сфокусированную на категорию композиции.

Творческое обучение в современном гуманитарном образовании обусловлено межкультурным обменом знаниями. Изучение опыта исследования медиа ученых других стран (например, испанских, португальских и латиноамериканских) позволяет осмыслить их взгляд на «трансмедиальность» в новых медийных формах как на явление эстетическое, которое ведет к «диссонирующему процессу высокого напряжения».

Медиалингвистика в лингвоэкспертной проекции

Е. С. Кара-Мурза

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kara-murza-elena@yandex.ru

Лингвистическая экспертиза медиатекстов; текстовые показатели, коррелирующие с признаками состава преступлений.

Summary. One of the applied objectives of mediallynguistics as media speech conduct is to describe mediatexts in such intentional aspects as lexical-stylistical constitution, logical-compositional structure and parameters of genre-discourse. It furthers the optimization of the algorithms of speech crime linguistical expertise in journalism, advertising, electoral discourse.

Лингвистические знания востребованы в правоприменении, что реализуется как лингвистическая экспертиза конфликтногенных текстов. Она существует в двух вариантах жанра (как судебная экспертиза и как заключение специалистов), которые в принципиальном отношении, теоретически и методически не различаются, но разнятся правовыми формализмами, степенью ответственности экспертов и репутациями. Ее цель – обеспечить в судебном расследовании или в правовом споре доказательство или опровержение, когда автора / авторов некоторого высказывания / текста обвиняют в правонарушении (по ГК РФ) или в преступлении (по УК РФ), которое совершено в речевой / текстовой форме.

Некоторые из этих деликтов непосредственно связаны с функционированием массовых коммуникаций – это прежде всего нарушения профильных законов «О СМИ», «О рекламе», а также распространение в СМИ порочащих сведений (клеветы и диффамации в узком смысле), оскорблений и угроз, словесного экстремизма. Признаки их состава зафиксированы в статьях законов; лингвисты помогают судьям и сторонам конфликтов выявить их наличие или отсутствие с помощью специализированных методик, применяя особые терминологические подсистемы для описания текстовых показателей, характерных для тех или иных типов деликтов.

Одной из причин, почему востребованы лингвисты, является неумение «наивных» носителей языка (к каковым от-

носятся не только стороны речевого конфликта, но и правоприменители) адекватно интерпретировать все коммуникативное событие, весь текст, в котором обнаружилось конфликтногенное высказывание или даже слово. Таких носителей раздражает слово или фрагмент текста, а смысл целого они не могут или не хотят уловить. Еще одна причина – непонимание социальных функций и творческих особенностей того или иного текста. Особенно в этом плане «не везет» журналистике: выступления журналистов воспринимаются с предубеждением, в намерениях издания и автора «отрицательные герои» публикаций, надзорные органы или общественные деятели (депутаты, например) видят негатив – желание оскорбить человека, дискредитировать персону или институцию и даже нажиться на этом. Заказные «разоблачения», безусловно и к сожалению, случаются, но статистика журналистских организаций (например, Фонда защиты гласности) свидетельствует, что большая часть случаев судебного преследования СМИ приходится на оппозиционно настроенных журналистов и/или просто честных исследователей.

Медиалингвистика как медийное речеведение может внести свой вклад в оптимизацию лингвоэкспертных методик. Во-первых, за счет уточнения и развития некоторых проблемных зон, а во-вторых, за счет просвещения, формирования медиаграмотности среди разных слоев пользователей

русской речи. Отметим важность взаимодействия медиалингвистики и теории лингвистической экспертизы для вузовской науки и практики. Преподавание будущим медиаработникам уже на студенческой скамье текстового анализа с конфликтологическим / лингвоэкспертным акцентом может способствовать профилактике речевых преступлений.

Проблемные зоны медиалингвистики, разработка которых важна для экспертной практики, видятся в описании целого текста по 1) лексико-стилистическим, 2) логико-композиционным и 3) жанрово-дискурсивным параметрам.

Первая позиция предполагает привнесение интенционального параметра в стилистическую классификацию лексики. Слова, выражения и изображения, ставшие поводом для медиаконфликта, нуждаются не просто в контекстной, а в деятельностной интерпретации, в выявлении авторского/издательского замысла / умысла. Лексикографические пометы «ненормативное», «неприличное», «бранное» и нек. др. юридизировались в медиазаконодательстве и стали основанием для судебных решений; напр., недавняя (января 2013 г.) новелла в ФЗ «О СМИ» о запрете на употребление нецензурной лексики на данный момент (октябрь 2013) привела к отзыву лицензии у крупнейшего и влиятельнейшего петербургского информационного агентства «Росбалт»; уже объявлено, что решение будет оспорено; и не исключено, что стороны воспользуются лингвистической

экспертизой. А некоторые коммуникативные значения и коннотации (напр., «оскорбительное») переместились из бытовой речи в законы, минуя как лексикографическое закрепление, так и лингводидактическое осмысление в курсе синтаксиса. Это также приводит к неоднозначным судебным решениям («Ароян против Киркорова», например).

Вторая позиция – алгоритмизация анализа текстов-рассуждений с их стандартной структурой (от тезиса к аргументам, выводам и следствиям) и с иерархией тезисов, фактически – персуазивных внутритекстовых программ; она также очень важна для вузовских целей.

Третья – предполагает активизацию исследований в области медиажанров, а также типологии изданий/ программ/ каналов (и содержательной – прежде всего политической, и стилистической, и по локализации). По лингвоэкспертному опыту автора, все эти позиции (например, довод, мотивирующий использование негативно оценочной лексики в критической публикации тем, что это оппозиционное или «желтое» издание, и позволяющий эксперту сформулировать оценочное суждение о качестве публикации, которое способно повлиять на правовое решение судьи) оказываются востребованными в рамках экспертизы. Будучи неправильно истолкованными в исковых заявлениях, в прениях сторон и даже в экспертных методиках, они нуждаются в коррекции, которую способна обеспечить прикладная медиалингвистика.

Коммуникативные статусы медиатекста

В. И. Коньков

Санкт-Петербургский государственный университет

v_konkov@mail.ru

Mediatext, performative, communicative purpose.

Summary. According to the paper the functionality of the text depends on its position in the social coordinate system of space and time.

В работе рассматривается одна из проблем, связанных с особенностями существования текста в социальном пространстве-времени.

Под коммуникативным статусом текста мы понимаем его функциональное предназначение, рассматриваемое применительно к той или иной коммуникативной ситуации. Коммуникативные ситуации, в которых воспринимается один и тот же текст, меняются с течением времени. Меняется и осмысление его функционального назначения.

Рассмотрим текст информационного типа с «Ленты новостей» «РИА Новости», появившийся 27 октября 2013 года:

Обама три года знал о прослушке Меркель, пишут СМИ

Обама заверил Меркель, что ничего не знал о прослушке, однако немецкие СМИ утверждают, что еще в 2010 году глава АНБ лично доложил ему об этой тайной операции. Обама тогда эти действия не остановил.

БЕРЛИН, 27 окт. – РИА Новости, Семен Нехорошкин. Президент США Барак Обама был в курсе того, что американские спецслужбы долгое время прослушивали телефон канцлера ФРГ Ангелы Меркель, и не собирался их останавливать, сообщает в воскресенье газета BildamSonntag со ссылкой на источники в спецслужбах.

В субботу журнал Spiegel сообщал, что во время телефонного разговора, который состоялся в среду, Обама заверил Меркель, что ничего не знал о прослушке и если бы узнал о подобных действиях со стороны спецслужб, то незамедлительно отдал бы приказ прекратить слежку. <...>

Данный текст в момент появления можно квалифицировать как перформатив. Текст является по своей функции обвинением, которое предъявляется журналом Spiegel американскому президенту. Публикуя заметку, информационное агентство не просто производит речевое действие, а совершает поступок, который влечет за собой те или иные последствия.

Идея возможности рассматривать любой текст как перформатив была высказана еще Ю. Хабермасом, который использовал понятие перформатива применительно к тексту, когда исследовал категорию индивидуальности на основе такого речевого действия, как самопрезентация личности в тексте. Развивая эту идею можно сказать, что в из-

вестном смысле в качестве перформатива можно считать любой текст. Будем говорить, что в таком случае текст имеет коммуникативный статус перформатива.

Рассмотрим теперь текст, который появляется там же на следующий день, посвящен тому же событию и частично дублирует информацию первого текста:

Пушков: администрация Обамы не могла не знать о прослушке Меркель

Немецкий журнал Spiegel сообщил, что во время телефонного разговора Обама заверил Меркель, что ничего не знал о прослушке ее телефона и если бы узнал о подобных действиях со стороны спецслужб, то незамедлительно отдал бы приказ прекратить слежку.

МОСКВА, 28 окт – РИА Новости. Администрация президента США Барака Обамы не могла не знать о прослушке спецслужбами США телефона канцлера Германии Ангелы Меркель, считает глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков.

В понедельник издание WallStreetJournal со ссылкой на неназванные источники в американском правительстве сообщило, что АНБ больше пяти лет следило примерно за 35 главами государств и правительств мира, пока это не обнаружила администрация Обамы. Как пишет издание, большинство программ по слежке были немедленно прекращены, о закрытии других были выданы распоряжения, которые на данный момент выполняются. <...>

Данный текст, в значительной степени дублирующий информацию первого, не является тождественным по своему коммуникативному статусу первому тексту. Перед нами уже не обвинение. Функциональное назначение данного текста состоит скорее в актуализации воздействующего функции. Его назначение для читателя, для которого содержащаяся в тексте информация уже не является для него новостью, состоит в том, чтобы закрепить ориентацию сознания читателя в нужном для издания направлении. Перед нами не перформатив, а, назовем его условно, экспрессив. Принципиально важно: текст теряет статус перформатива, если его информация повторяется во времени. Перформатив существует только в момент его осуществления. Повтор информации, полный или частичный, всегда меняет коммуникативный статус текста.

Тексты с частичным информационным дублированием могут содержать большое количество уточняющей информации, дополняя основную. В этом случае в коммуникативной функции текста преобладает чистое информирование. Скажем, что текст в этом случае имеет коммуникативный статус информатива.

Перечисленные статусы медиатекста реализуются лишь в том случае, если текст привязан к актуальной коммуникативной ситуации, определенной в координатах пространства и времени: привязан к конкретному моменту жизни государства, политического деятеля, обычного человека, вписан в их жизнь.

Если время появления текста и момент его чтения, разделены значительным временным промежутком, то текст теряет для читателя связь с актуальными для читателя событиями, ситуациями, поступками, – со всем тем, что составляет содержание текущей жизни. В этом случае меняется и коммуникативный статус медиатекста. Медиатекст, не вписанный в речевую практику современности, становится фактом когнитивной сферы. Он принадлежит уже не жизни, а миру знаний. Когнитивная сфера – это кладбище перформативов. Текст приобретает в этом случае статус когнитива. Он становится объектом изучения специалистов, генерирует

смыслы, воспринимается как научный объект, который может быть исследован в разных аспектах.

Рассмотрим информационный текст, взятый из газеты «Известия» за 4 марта 1917 года:

Объявление

Предположенный на 5-ое марта парад войскам, который должен был явиться торжеством по случаю решительной победы народа в деле свержения старого порядка, отлагается. О дне этого торжества будет объявлено особо.

Исполняющий обязанности Главнокомандующего войсками в Петрограде и его окрестностях генерал-майор Аносов.

Четвертого марта 1917 года текст имел статус перформатива. Однако перформатив существует только в момент его осуществления. В настоящее время для нас текст имеет статус когнитива. То же самое можно сказать и о тексте Отречения от престола Великого Князя Михаила Александровича, опубликованном там же.

Итак, можно утверждать, что коммуникативный статус текста прямо и непосредственно зависит от пространственно-временной специфики коммуникативной ситуации, в которой появляется и читается текст.

О предмете медиалингвистики

М. И. Конюшкевич

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Белоруссия)

marikon9@mail.ru

Медиа, медиалингвистика, предмет исследования.

Summary. The question of bidirectionality of mediallynguistics subject has been raised: 1) the influencing potential of language; 2) the result of the exposure power of language.

Современная речевая действительность характеризуется безграничной свободой по отношению к языковым и речевым нормам. Лингвисты, как капитаны терпящего бедствие корабля, по-прежнему остаются на «мостике» нормированной речи и в обозримом будущем не собираются его оставлять, но современная речь воспринимается ими уже не как субъективный поток девиаций, а как объективная данность, как явление, требующее (и достойное) внимательного исследования.

Сегодня язык являет нам свою сверхспособность, – с одной стороны, обнаруживать бесконечность семантического пространства и гибкость форм его выражения, а с другой, – структурную прочность системы, выдерживающую бесчисленные лингвистические эксперименты носителей языка. Неизвестно, какова степень этой прочности и каковы будут последствия для языка и его носителя, если запас прочности будет исчерпан, но приблизиться к ответу на эти вопросы будет возможно, если лингвистика смелее будет входить в медийное онтологическое и гносеологическое пространство.

Не случайно так стремительно стало развиваться новое лингвистическое направление, именуемое медиалингвистикой. Медиалингвистика, как и многие другие двухдисциплинарные направления языкознания (психоллингвистика, юрлингвистика, этнолингвистика и т. д.), имеет два вектора исследования. Первый интересен и плодотворен для лингвистов, ибо ориентирован на язык как предмет, он вскрывает потенциал языка, обнаруживающийся и обновляющийся в медиадискурсе. Второй вектор важен прежде всего медиаспециалисту – как метод, поскольку ориентирует на результат возмущающей силы масс-медиа, а также выявляет свойства, специфику, типологию, совершенствование самих медиа применительно к использованию не только естественного языка, но и других семиотических систем.

Можно ли рассматривать взаимодействие этих векторов медиалингвистики по принципу дополнительности? Едва ли. В условиях современной коммуникации наше «языковое существование» (Б. М. Гаспаров) уже не позволяет разделить кентавр «медиалингвистика» на две, пускай и сосуществующие, альтернативные модели. Скорее в этом направлении мы видим синкретизм, интеграцию двух взаимосвязанных исследовательских интенций. Объединяющим началом в этой взаимосвязи выступают, на наш взгляд, средства и способы, которыми вербальный дискурс связан а) с дру-

гими видами дискурса; б) с каналами (и с соответствующими кодами) передачи информации; в) с отражаемой реальной действительностью; г) с технологиями создания, передачи и восприятия медиадискурса; д) с собственно языковыми, психоллингвистическими, национальными, политическими, социальными, культурными, экологическими, прагматическими аспектами речевой деятельности создателя и реципиента дискурса.

Для медиалингвистики язык остается все тем же объектом исследования, что и для собственно языкознания, но если для языкознания в основе лежали вопросы «как устроен язык», то для сегодняшней лингвистической науки уже мало ответов даже на вопрос «как функционирует язык» (главная проблема лингвистики 80-х гг. XX в.). Сегодня на первый план для лингвистики, а для медиалингвистики тем более, выходит получение ответа на вопрос «как воздействует язык», естественно, и каков его внутренний воздействующий потенциал, и какова внешняя мощь этого потенциала в отношении его отдельного носителя и языкового коллектива.

Языковая система, мыслимая как объективная и не зависящая от носителя языка, стала в значительной степени зависеть не только от языкового коллектива, но и от конкретного индивида. Речь идет о том, что противочлены диалекты «человек управляет языком / язык управляет человеком» в современном языковом существовании стали балансировать, ибо язык изменяется не только имманентно, в силу своей внутренней самоорганизации, но и социально-детерминированно, под влиянием глобализационных процессов, причем последнее стало, на наш взгляд, превалировать. Понятно, что первичным в языке по-прежнему остается мир денотатов, а вторичным – мир сигнификатов, но грамматика отношений между вещами (и между людьми прежде всего) во многом стала зависеть и от грамматики отношений между знаками.

Предметом медиалингвистики, наряду со многими другими, должно стать выявление степени взаимовлияния языка и его носителя. С одной стороны, важно знать, как в динамике активных коммуникационных связей и в столь шокирующей эксплуатации язык сохраняет свою стабильность, выполняет (и возможно, в какой-то мере перераспределяет) свои важнейшие функции, приспосабливаясь к различным способам упаковки информации и миниатюризации технических средств ее передачи.

С другой, необходимо изучение влияния языка на человека – механизмов и силы воздействия слова и строя языка, позитивных и негативных последствий этого воздействия, определение адаптивных свойств индивида в противостоянии воздействующей силе слова и т. д.

Представляется, что и от «медийщика» требуются более основательные лингвистические знания и более вниматель-

ное и серьезное отношение к потенциалу и силе языка. Ибо только тот, кто хорошо знает силу оружия, пользуется им с должной ответственностью – перед объектом, на который оно направлено, перед собой и перед самим оружием. Пока же внимание массмедиа сконцентрировано прежде всего на прагматике коммуникативных целей и на объекте воздействия, без учета мощи слова и последствий его употребления.

Язык современных СМИ: интеллектуализация или примитивизация?

М. А. Кормилицына

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
margarita-kormil@mail.ru

Тенденция к интеллектуализации и демократизации, средства выражения этих тенденций, причины усиления стандартизации текстов СМИ и ее последствия.

Summary. The report is expected to define the concepts of intellectualization and democratization of media texts, to expand on the linguistic means and ways of expressing these trends, and explore the changes in the ratio of standard and expression in the direction of greater standardization.

Исследователи современного состояния русского языка отмечают две противоположные тенденции, характерные для него: тенденцию к демократизации и тенденцию к интеллектуализации. Эти две тенденции, безусловно, нашли отражение и в языке газеты, внимание исследователей к которому объясняется тем, что СМИ являются одним из важнейших общественных институтов, оказывающим громадное влияние на общество, на его культуру, на сохранение национального языка, объединяющего общество.

Интеллектуализация текстов СМИ понимается нами как не просто наличие в тексте каких-либо лексем, вызывающих у читателя необходимость пользоваться специальными знаниями, например, лексем из языков специальных знаний [2], а как усложнение его смысла, требующее при восприятии и интерпретации текста дополнительных интеллектуальных усилий читателя: его содержание включает смыслы, которые нельзя вывести из семантики составляющих его единиц [1]. Интересно в этой связи замечание Н. Д. Бурвиковой и В. Г. Костомарова: «Сейчас о том, что русские тексты, звучащие по телевидению, радио, напечатанные в газетах и журналах, стали непонятными, требующими в ряде случаев небуквального понимания, заговорили все изучающие русский язык за рубежом иностранцы» [Бурвикова, Костомаров 2006: 100]. Усложнение содержания текста в СМИ вызвано во многом тем, что журналист не столько информирует читателя, сколько одновременно интерпретирует сообщаемое. В докладе будет уделено внимание использованию журналистами основного способа интеллектуализации – различных средств непрямого коммуникации, сигналами которой являются прецедентные феномены, тропы (метафора, метонимия, ирония), явления языковой игры, различные косвенные речевые жанры. Имплицитным способом усложнения содержания текста можно считать и некоторые графические средства и, прежде всего, такое многофункциональное, как кавычки. Подобные тексты, как правило, требуют, кроме знания языка, владения фоновыми знаниями, связанными с историей, культурой, традициями носителей русского языка.

Тенденция к демократизации заключается в усилении влияния устной, обиходно-бытовой речи на письменную. Это приводит к проникновению в письменную литературную речь жаргонизмов, просторечной и инвективной лексики, жанров неофициальной речи, разговорных конструкций и пр. Считается, что если СМИ будут говорить на том же языке, что и большинство в современном обществе, использовать те же правила общения, что и в обиходно-бытовой сфере человека, тексты СМИ станут более понятными и доступными массовому адресату. Однако даже для СМИ это оправдано только в том случае, когда подобные средства используются для выполнения особых функций, для создания особой экспрессии, помогающей успешнее воздействовать на массового адресата. Только в этом случае запрет на использование нелитературных элементов в литературном языке не действует. Сам отбор нелитературных элементов должен быть строгим. Они, с одной стороны, не должны перенасыщать текст, а с другой, не должны принадлежать к малоизвестным большинству носителей русского литературного языка словам, а поэтому и редко ими употребляемым.

В рамках тенденции к демократизации отмечается все более расширяющееся влияние разговорности на язык СМИ. С помощью средств разговорности создается впечатление живого устного общения, имеющего место в обиходной сфере коммуникации. Правда, важно и здесь соблюдать меру в их использовании, так как перенасыщенный чисто разговорными построениями (например, прерванными предложениями, парцелированными конструкциями) текст трудно читать и понимать.

Всего несколько лет тому назад исследователи языка СМИ отмечали активизацию в журналистских текстах самых разных приемов интеллектуализации, особенно приема включения в текст прецедентных феноменов, которые усиливают общую эмоционально-оценочную тональность газетного текста, «оживляют» текст, позволяют автору установить контакт с читателем путем опоры на общность культурно-языковой компетенции, а значит, эффективно воздействовать на него. Кроме того, они дают автору возможность уйти от иногда нежелательной прямой оценки той или иной ситуации или личности (что сейчас особенно важно в связи с ужесточением законодательства), заменив с помощью прецедентных феноменов прямую оценку косвенной.

В последнее время приемы интеллектуализации встречаются в текстах СМИ все реже, даже в колонках и аналитических статьях (которых, к сожалению, становится в газетах все меньше), где журналист относительно свободен в выражении авторской позиции и проявлении своих творческих способностей. Отмечаемая В. Г. Костомаровым специфика газетного текста, заключающаяся в сочетании стандарта и экспрессии, все больше сдвигается в сторону стандартизации, а тенденция к интеллектуализации текста, на наш взгляд, сменяется не просто тенденцией к демократизации, а скорее тенденцией к его примитивизации. Экспрессия достигается в основном использованием одного из самых примитивных способов – огрублением речи, включением в текст нелитературной лексики. Складывается впечатление, что журналисты боятся, что снижение духовного уровня большей части общества, общей культуры читателей не позволит понять замысел автора. Они стремятся максимально упростить свой текст, сделать его более стандартным, приближенным к привычному для многих участников общения разговорному узусу, реализуют столь популярную сейчас стратегию солидарности с читателем. К сожалению, эта солидарность порой свидетельствует о том, что журналист идет на поводу у читателей даже с низкой речевой культурой, а не поднимает их на более высокий уровень, не прививает им вкус к хорошему слову, хорошей речи. Все меньше используется прецедентных феноменов, а если они и встречаются, то их источниками чаще всего становятся строчки из выступлений первых лиц государства, популярные политические лозунги, цитаты из текстов массовой культуры, рекламы. Гораздо реже используются и кавычки, косвенные речевые жанры для передачи имплицитной информации (подтекста). Журналисты, видимо, считают: пусть текст будет попроще, постандартнее, не таким ярким и выразительным, зато любой читатель сможет понять его с первого прочтения. Вот только будет ли такой текст так же успешно выполнять основную функцию СМИ – функцию воздействия (убеждения, внушения)?

Литература

1. *Кормилицына М. А.* Тенденция к интеллектуализации текстов современной русской прессы // Мир русского слова и русское слово в мире. Том 3. Sofia: Heron Press, 2007. С. 395–403.

2. *Лейчик В. М.* Интеллектуализация и демократизация – противоположные тенденции в развитии современного русского языка // Русский язык на рубеже веков: активные процессы. М., 2003. С. 420–423.

Средства выражения фатической речи в СМИ

Н. А. Корнилова

Санкт-Петербургский государственный университет

natata_k@mail.ru

Ключевые слова: массмедиа, фатическая речь, тональность, речевые жанры.

Summary. Phatic speech is becoming dominating factor in mass media. It is the realization of communicative intention to get touch with the reader. There are no specific language resources to mark phatic speech. Phatic speech manifests itself in speech genres and such text category as tone.

Фатика — это речевая объективация коммуникативного намерения на установление тесного коммуникативного взаимодействия с читателем. Такая интенция проявляется в содержательно-смысловом плане и формально. Содержательно она характеризуется коммуникативной информативностью, дающей представление о говорящем, его речевой компетенции, его отношении к предмету речи и собеседнику, а также информативностью, интересной собеседнику как частному лицу; формально выражается в специфических видах тональности и композиционно.

Сегодня исследования фатической коммуникации показывают, что специализированных языковых средств, маркирующих фатическую речь, в языке нет. Фатическая коммуникация (по В. В. Дементьеву, разновидность не прямой коммуникации) требует дополнительных интерпретативных усилий, это не собственно содержание высказывания, это восприятие несказанного — ауры общения (Л. Н. Мурзин). Она может осуществляться при помощи приемов языковой игры, включения в текст прецедентных феноменов, обращения к аллюзиям и реминисценциям, использования инстилевой лексики, которая создает необходимый контакто-устанавливающий эффект, обращений, вокативов, личных местоимений и пр. Такая разноплановость проявлений фатической коммуникации позволяет утверждать, что фатика формируется уже на стадии возникновения коммуникативного намерения и получает воплощение не в отдельных языковых средствах, а в способах организации текста, специфических в каждой сфере общения, — композиционно-стилистических формах.

Распространение фатики в медиаречи вызвано целым рядом обстоятельств: стремлением некоторых СМИ к развлекательному изложению, повышением значения роли адресата в коммуникации и роли авторского начала, ориентированностью СМИ на организацию персонализированного общения, распространением разговорности.

Деятельностная трактовка медиатекста позволяет рассмотреть фатику как процесс реализации установки на начало, укрепление, проверку и завершение контакта. В разных типах медиатекстов фатика, отражая различные формы взаимодействия автора и читателя, имеет разный статус. В одних случаях помогает снять информационное напряжение, снизить информационную плотность. В других случаях фатика выступает средством воплощения развлекательности в СМИ.

Фатическая интенция — это установка на сближение внутренних миров людей (Н. Д. Арутюнова), лично ориентированное общение, поэтому тональность выражения фатической интенции ориентируется на эмоциональную вовлеченность собеседника. В свою очередь эмоциональная вовлеченность реализуется, когда автор сообщения так или иначе «задевает» адресата. Эмоциональное раздражение, порождаемое медиатекстом, должно воздействовать на отдельного человека и в то же время обладать потенциалом воздействия на большое количество людей. Такой эффект возможен в двух случаях: полном совпадении эмоционального фона адресата и адресанта — общении «в унисон» (соответствии эмоциональным ожиданиям) или же при резком несовпадении эмоционального фона, эффекте неопре-

данности, нарушении ожиданий адресата — общении «в диссонансе» (несоответствии эмоциональным ожиданиям).

Анализ современных массмедийных текстов показывает такую закономерность: при реализации фатической интенции журналист либо прибегает к эпатажному речевому поведению (нарушению ожиданий аудитории), либо стремится к интимному, камерному общению со своей аудиторией (созданию «своего» круга общения). В связи с этим можно утверждать, что фатическая интенция реализуется тональностью двух видов — эпатажности и интимизации. Фатическая тональность в социально ответственной журналистике проявляется как стремление к сближению со смысловой позицией адресата в интимизации, камерности. В бульварной журналистике, с установкой на сообщение сплетен, слухов, фатическая тональность заключается в привлечении, даже завлечении гипотетически отдаленного читателя эпатажностью, ироничностью.

Виды тональности дифференцируются привлечением разных языковых средств: в одном случае преобладают книжные средства, в других случаях имитируется близкая к разговорной речь. Тональность эпатажности реализует частную целеустановку фатической интенции — вступление в контакт. Концентрация внимания адресата происходит в результате использования языковой игры, нарушающей привычную лексическую сочетаемость, состав прецедентного феномена, путем включения шокирующей аудиторию лексики. Тональность интимизации направлена на имитацию непосредственной коммуникации, поэтому журналист всеми доступными способами стремится создать иллюзию межличностного дружеского общения. В этом ему помогают речевые способы увеличения диалогического тона текста, как то: прямые обращения к читателю, ты- и вы-обращения, солидаризация с читателем; обращение к тем пластам лексики, которые востребованы целевой аудиторией; использование прецедентных феноменов, домашних имен и т. д.

Фатическая тональность предопределяет выбор речевых жанров, в которых создаются медиатексты, в связи с чем меняется жанровая система современной медиаречи. В медиадискурсе востребованы этикетные жанры. Используемые в бытовом общении для поддержания контакта в конкретном кратковременном акте общения, в массмедиа они позволяют создать благоприятное впечатление об издании, организовать такую коммуникацию, которая рассчитана на долговременную перспективу. Кроме того, этикетные жанры в медиаречи становятся своеобразным «организатором» общения, поскольку помогают обеспечить проспективную и ретроспективную направленность публикуемых текстов. Фатическая тональность, пронизывая информационные тексты, преобразует их. Она выражается в преобладании экспрессии над стандартом, включении в информационный материал оценочности (в частности ироничности), субъективного отношения журналиста к предмету речи, адресованности обращения, идентификации с читателем. Фатическая речь привносит элемент живого человеческого общения в журналистский текст, делая его более непредсказуемым и интересным, так как во взаимодействии «журналист – читатель» проникает элемент игры.

Языковые и коммуникативные особенности медийных интернет-ресурсов

В. И. Котов, Е. В. Ягунова, С. А. Вольская, В. А. Мелузова

Санкт-Петербургский государственный университет

vkotov@spbpost.ru, iagounova.elena@gmail.com, svetlana.volskaya@gmail.com, das.ist.meluzova@gmail.com

Медийные интернет-ресурсы, коммуникативные стратегии, блоги, корпус текстов, вычислительная лингвистика.

Summary. This report represents the results of language peculiarities and leading communicative strategies research, which are made on the base of the examples from “www.slou.ru” website. The main point of the research is to prove the statement that “trolling” should not be considered as known destructive strategy of communication. Here we also analyze audience ability to keep up above-mentioned communicative strategy.

В докладе будут представлены результаты исследования языковых особенностей и ведущих коммуникативных стратегий на примере известного медийного интернет-ресурса Slou.ru.

Одной из характерных черт такого рода ресурсов является сосуществование блогов и публикаций, приближенных к более традиционным видам СМИ. Изучение структуры такого рода ресурсов, занимающих все более значимое место в медийной структуре, актуально для современного масс-медиа пространства, занимающего все большее место в аудитории современных масс-медиа. Адресат этих ресурсов мыслится наиболее активным, пространство – как пространство взаимного общения адресантов и адресатов, причем среди адресантов выступают не только профессиональные журналисты, но и другая интересная для аудитории публика. Система обратной связи реализуется применительно к большинству типов контента.

Основной целью нашего исследования является сопоставительное изучение блогов и контентов другого типа в рамках ресурса Slou.ru. Изучаемый отрезок времени (с 1 июня 2013 года по 1 ноября 2013 года) характеризуется повышением общественной активности (прежде всего, политической).

В качестве фигуры (в терминах гештальт-психологии) выступают тексты блогов, в качестве фона – разнообразный контент, сгруппированный по тематическим признакам.

Составлен корпус текстов, объемом 15 млн токенов (словоупотреблений, знаков препинания и особых знаков интернет-коммуникации). Основу метода составляет традиционный подход вычислительной лингвистики (реализуемый также в социологии): автоматическое определение ключевых слов и топиков, автоматическое обнаружение новых информационных событий, оценка степени эмоциональности и анализ тональности.

Тема чрезвычайно актуальна, о чем свидетельствует широкий круг работ по этой проблематике (напр., [1]; [2]; [3]; [4] и др.).

Особый акцент делается на анализе коммуникативных стратегий и, в частности, на явлении троллинга, особенно ярко проявляющегося во время повышенной политической активности, эмоционального напряжения и нестабильности.

Задачи исследования:

- I. Отдельно для фигуры и разных типов фона:
 - проследить формирование информационного события, уровень активности в качестве топика, время жизни;
 - выявить основные коммуникативные стратегии, основанные на косвенных речевых актах и непрямой коммуникации;
 - II. Сопоставление фигуры и каждого из типов фона:
 - провести сопоставительный анализ для наиболее актуальных информационных событий и значимых топиков;
 - выделить особенности коммуникативных стратегий блогов;
 - найти признаки конструктивных и деструктивных стратегий;
 - определить, что такое троллинг как вид соответствующей коммуникативной стратегии адресанта;
 - выделить типы троллинга, определить формализованные критерии определения троллинга и его типа;
 - соотнести типы троллинга и его коммуникативную успешность.
- Основные **результаты** позволяют:
- оценить информационное пространство временного сегмента с 1 июня 2013 года по 1 ноября 2013 года, характеризующегося повышенной политической активностью;
 - выделить наиболее важные топикеты;
 - соотнести с временной и информационной шкалами активность известных в данной группе блогеров;
 - охарактеризовать эмоциональную насыщенность текстов в зависимости от степени активности блогеров, информационной насыщенности и типов топиков.

Литература

1. Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. Field Experiment Estimate of Electoral Fraud in Russian Parliamentary Elections // Proceedings of the National Academy of Sciences, 2013 (forthcoming).
2. Etiling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J. and Gasser U. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization. Berkman Center Research Publication. October 19, 2010.
3. Koltsova O. Media, State, and Responses To Globalization: The Case Of Post-Communist Russia // Paula Chakravarty and Yuezhi Zhao (eds.). Global Communications: Toward A Transcultural Political Economy. Romans and Littlefield, 2008.
4. Koltsova O. News Media and Power in Russia. Routledge Curzon, 2006.

Медийный дискурс политической борьбы и типы культуры речевого общения*

В. А. Мишланов, В. А. Салимовский

Пермский государственный национальный исследовательский университет

vmishlanov@yandex.ru, salimovsky@rambler.ru

Media discourse, communication, communication culture.

Summary. In this paper the speech practices of a journalist in the conditions of political struggle are considered. The types of communication culture on the grounds of the speech subject's attitude manifestations to a political opponent are sorted out and characterized.

В политологии принято различать конкурентную и конфликтную формы политико-идеологической борьбы. Конкуренция протекает в соответствии с действующими в обществе нормами, в то время как конфликт на стадии открытого противостояния его участников проявляется в целенаправленных агрессивных действиях, нарушающих социальные нормы – не только этические, но часто и правовые.

Речевая агрессия в политических медиа направлена не только на причинение психологического вреда оппоненту, но также – и прежде всего – на его дискредитацию, т. е. подрыв доверия к нему массовой аудитории, а нередко и на

устранение его с политической арены (например, посредством обвинений в преступлениях).

Правовые нормы, регламентирующие в соответствии со своим назначением лишь наиболее общественно значимые взаимодействия людей, ограничивают только те формы речевой агрессии, которые признаются социально опасными. Например, среди высказываний, умаляющих честь или унижающих достоинство человека, незаконными считаются лишь те, которые передают порочащую информацию как сообщение о фактах, но не как оценочные акты речи; среди оскорбительных высказываний противоречат закону только

* Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-14-59007 а/У.

те, которые содержат языковые показатели неприличной формы (обценную лексику, некоторые зоонимы по отношению к человеку и др.); правовая ответственность предусмотрена лишь в связи с некоторыми видами угрозы. Что же касается этических норм, то они, как известно, распространяются на все поступки человека. Однако эти нормы менее определены и, кроме того, не кодифицированы.

Существенно также, что в политической деятельности этические нормы ослаблены, поскольку ее участники, отстаивая свои интересы, оценивают социальные события прежде всего с точки зрения пользы или вреда, а не общих представлений о добре и зле (Соловьев 2005).

Агрессия, в том числе речевая, представляя собой преднамеренное причинение вреда кому-либо, рассматривается философами и культурологами как антиценность и проявление антикультуры (Кувакин 1998, Тишков 2003). В качестве же культурного образца принимается сформировавшаяся в «философии диалога» (М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев, М. Бубер, К. Ясперс и др.) модель ответственного отношения к другому человеку, признания его «инакости», свободы, равноправия. В политической сфере данный образец модифицируется и его доминантой становится вовлечение Другого в отношение **в з а и м н о г о у в а ж е н и я** (Хабермас 2001).

Многочисленные средства массовой коммуникации являются участниками политического процесса и реализуют «собственные политические стратегии, подчиненные достижению своих интересов в сфере власти» (Соловьев 2005). При этом журналисты по-разному участвуют в дискуссии.

Анализ выявил три типа культуры вербальной коммуникации по признаку проявления отношения субъекта речи к политическому оппоненту.

Первый тип характеризуется тем, что журналист, остро критикуя точку зрения оппонента, тем не менее соблюдает этическое требование сохранения взаимоуважительных отношений: К. Ремчуков интерпретирует решение правительства о распределении в 2014 г. пенсионных накоплений в пользу бюджета: *...такая мысль: «Да вообще-то эти деньги, 244 миллиарда – это не деньги простого человека. В основном, это не простые люди, это те, которые богатеи, они много получают, и вот там они еще и накапливают. Поэтому если мы их сейчас возьмем, ну, такая вот ситуация у нас». Она мне не нравится* [http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1171778-echo/#element-text].

Второй тип предполагает регулярное нарушение этических норм, но до определенного предела. Журналист выражает негативное отношение как к позиции оппонента, так и к нему самому. Он демонстрирует неприятие всего, что делает оппонент, прибегая к иронии, трансляции слухов,

использованию ярлыков и пр. Однако он отказывается от крайних проявлений речевой агрессии – грубых и нарочито вызывающих высказываний, противоречащих не только этическим, но и правовым нормам.

Третий тип обнаруживает себя в коммуникативном поведении, подчиненном установке на причинение максимального вреда оппоненту. Субъект речи считает допустимыми любые средства идеологической борьбы. Поэтому он ищет возможность преодолеть правовые ограничения вербальной агрессии и избежать при этом санкций (например, оскорбляет политика, который, скорее всего, не будет обращаться в суд, представляет клевету как выражение мнения и др.). Примеры. М. Ю. Ганопальский: *Да пошли вы отсюда. Как гнали паршивых собак. Кто вы такие?..* (о православных активистах). *...получилась «Минута славы с ведром дерьма».* Политический вывод нужно сделать такой: *либо он сумасшедший... Сказал – после этого пукнул на всех, пошел в свою администрацию...* (о главе администрации президента РФ) [http://www.echo.msk.ru/programs/ganapolskoe_itogi/1171162-echo/#element-text]. А. А. Проханов: *Пятая колонна – это дерьмо* (о либералах). *Я бы этих сук, я бы их взорвал там просто на месте, и от них не осталось бы и следа* (о гринписовцах). [http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1173066-echo/#video].

Очевидно, что второй и особенно третий тип речевого поведения, мотивированные враждебностью и проявляющиеся в вербальной агрессии, относятся к области антикультуры. Нужно, однако, подчеркнуть различие между ними. О втором типе можно сказать, что он предполагает «отклонение от правил по правилам». Ведь даже «неправильное», «отклоняющееся» поведение имеет свой нормативный образец, ограничивающий агрессивность (Гришина 2002: 265–270). Данный тип характеризуется тем, что, хотя журналист прибегает к насмешкам, колкостям, «передержкам», манипулятивным уловкам, он осознает границы допустимого и, поступая неэтично, все же не выходит за рамки того, что принято в журналистской среде, привычно для нее, т. е. не отступает от корпоративной субнормы. Между тем третий тип – это воплощение представления о том, что благая цель (свои цели считают справедливыми все политические акторы) позволяет не считаться с любыми этическими запретами. Поэтому свобода слова трактуется как оправдание всех речевых действий, в том числе тех, которые нарушают права других людей (оправдываются оскорбления, клевета и пр.).

Изучение политических медиа в аспекте культуры общения, выделение и описание ее типов представляется важным для совершенствования языковой политики в сфере массовых коммуникаций.

Инновационные языковые процессы в традиционных и новейших массмедиа и их влияние на литературный язык

(предложения для выступления по одной из тем семинара «Речевая практика в массмедиа»)

Т. П. Некрасова

Юридическая фирма «Гольцблат БЛП» (Москва)

tammy@inbox.ru

Медийный, речетворчество, контаминация, грамматические сдвиги, словообразовательные процессы.

Summary. Modern mass media discourse is characterized by contamination, grammatical shifts, including changes in the use of prepositions, and a strong trend to coin new words, especially adjectives. Titles of articles and other media communications provide room for creativity. Literal use of metaphors serves as a means of capturing attention. Foreign language elements are actively used in media speech to produce a synergy effect.

Контаминация как одна из тенденций медийного дискурса

«Возникновение нового выражения или формы путем объединения элементов двух выражений или форм, чем-н. сходных» (Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова).

Контекстуально подобные комбинации можно интерпретировать как оригинальные, хотя это не гарантия того, что они станут фактами языка, поскольку они все-таки представляют собой отклонение от нормы: *найти золотую грань, снести с лица земли, дело топчется на месте.*

Чаще всего в результате смешения двух выражений, имеющих структурное, семантическое или какое-либо иное сходство, возникает не новое выражение, а просто ошибочная

конструкция. Подобные ошибки не затрудняют понимание, но снижают коммуникативную эффективность сообщения, в частности за счет побочного юмористического эффекта:

мечется как заяц в колесе, ходит за ним как банный лист, упасть в грязь лицом, рассчитал как по нотам, льнет как мотылек к огню, по долам и весьям, быть на грани от гибели, ни в какие ворота не годится, чувствовать себя в своей стезе.

Одно дело, когда контаминацию можно наблюдать в спонтанном интервью политика или военного:

рубить мосты, камень раздора, выкорчевывать огнем и мечом, войска, которые стоят на острие ножа, ...дал нам конец, из которого ноги растут, из рук выходящий случай.

Другое дело, когда она имеет место в печатных СМИ, причем в тех, которые призваны заботиться о грамотности и культурном уровне читателя:

играть роль первой скрипки (газета «Культура»);

Во главу деятельности нового института были положены... принципы;

... она обладает ... пессимистическим мироощущением, в котором часто отдает себе и читателю отчет (из литературной рецензии).

Грамматические сдвиги: изменения в употреблении предлогов и предложно-падежных конструкций и особенности использования деепричастных оборотов в медийной речи

Новые формы речетворчества, к которым можно отнести и различные виды медийных высказываний, не могут не влиять на синтаксический строй в целом и не отражаться на употреблении предлогов. В современном медийном языке наблюдаются многочисленные случаи переноса одних предлогов на место других, возникают новые предложно-падежные конструкции:

упомянуть о чем-л., вызвать ажиотаж к чему-л., лейт-мотив к фильму, не укладывается в голову.

Изначальные ошибки, тиражируемые в медийном дискурсе, в итоге могут приводить к расширению круга значений предлогов и сферы выражаемых ими отношений.

Непонимание функции деепричастного оборота (дополнительное действие при основном) порождает ошибки в его употреблении, причем в даже в традиционных печатных СМИ:

Учась в институте, ее пригласили на съемки.

Снимая этот фильм, были большие сложности.

Уже подходя к ресторану, сразу в глаза бросились ки-ношные фургоны («Вечерняя Москва»).

Подобные грамматические «неологизмы» не должны войти в систему общелитературного языка.

Активизация словообразовательных процессов, направленных на заполнение лексических лакун (на примере прилагательных):

постсобытийный, предреализный, стартаперский, анти-отзывочный (закон), банкротные (дела), грантоудачный (организация), прорывной (фильм), уходные (средства).

Появление самого прилагательного *медийный* – отклик на ту же потребность, потребность восполнить нехватку прилагательных в языке.

Броскость заголовков статей и других медийных материалов, ставших полем для творчества и экспериментов с языком:

1) *Аптечество в опасности!*

Открытие новых аптек в России под угрозой, считает отраслевая ассоциация «Аптечная гильдия». Виной тому новый закон о лицензировании («Ведомости»).

2) *Шельф-редактор*

Аркадий Дворкович предлагает вычеркнуть из закона о шельфе ключевую госпрограмму («Коммерсант»).

3) *Кармановы острова и Держи Кайман шире* – заголовки статей о Каймановых островах, являющихся офшорной зоной.

4) *Женица у рубля* (о назначении Э. Набуиуллиной на пост Главы ЦБ).

Буквализация метафоры как средство привлечения внимания к медийному сообщению и как вопрос этики:

1) *«Папа вылетит в трубу»* (о традициях и ритуалах, связанных с выборами Папы Римского).

2) *«Андреа Антонелли погиб на мокром месте»* (гонщик погиб на мокрой трассе)

Активное сочетание своего и чужого языкового материала (на примере английского языка):

1) *научный контент выставки;*

2) *Старший аналитик ИК Mint Yard Capital ... говорит, что момент можно назвать подходящим. «Сегмент куриного мяса консолидация ожидает лишь в перспективе двух-трех лет, свиноводство имеет время до 2016 г., – рассуждает он. – В говядине сложно прогнозировать наступление такого дедлайна: это самый сложный участок, сюда обычно не идет никто»* (РБК Daily).

3) *FMCG-товары.*

Медийное пространство политического конструкта угрозы

О. В. Новоселова, А. А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

olvnov@mail.ru, romanov_tgsha@mail.ru

Конструкт, диспозиция, медийное коммуникативное пространство.

Summary. Political threat is considered as communicative performative construct. Introduction of the political threat communicative construct in this research can help to study and systematize possible *I*-speaker and *I*-hearer's dispositions in the political communication.

Согласно основным положениям некоторых теоретических работ (Келли, 2000; Романов, Немец, 2006; Романова, 2009) человек использует такое субъективное средство, как коммуникативный конструкт, для интерпретации, оценки и прогнозирования событий окружающего мира, своего поведения и поведения других людей. Коммуникативный конструкт – это смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, это «трактовка ментальной репрезентации как специфического языка мышления» (Петров, 1990: 228), это контрарный тип отношения понятий.

Для коммуникативного конструктивизма значительный интерес представляет медийное пространство политического конструкта угрозы. Такой интерес обусловлен следующими вопросами: каким образом личность (избиратель) интерпретирует и оценивает угрозы в медийном дискурсивном пространстве политической интеракции, в какие эмоциональные состояния коммуникативный конструкт политической угрозы в виде медиатекстовых репрезентаций, представленный в статьях электронной версии издания «ЛДПР» (www.ldpr.ru), может вводить адресата и в каком эмоциональном состоянии находится адресант как автор политической угрозы.

Одной из главных и универсальных характеристик коммуникативного конструкта является его биполярность, т. е. он имеет два контрарных полюса когнитивного представления, проявляющихся в повсеместном наличии противоположностей: Комфортное эмоциональное состояние и Дискомфортное эмоциональное состояние в медийном про-

странстве конструкта политической угрозы. Помимо понятий антонимического плана существует, по крайней мере, еще одно среднее понятие в медийном пространстве политического конструкта, относящееся к тому же роду и разделяющее объемы крайних (Романов, Немец, 2006). Так, медийное пространство коммуникативного конструкта политической угрозы представляет собой ментальный континуум содержания, ограниченный полюсами Комфортного и Дискомфортного состояний, между которыми находится промежуточное звено – аффицированное эмоциональное состояние нулевого уровня – Без аффекта. Контрарность отношений между комфортным состоянием и дискомфортным состоянием, а также движение от комфортности к дискомфортности в ситуации политической угрозы можно представить в виде определенной линии, направленной от полюса комфортного состояния к дискомфортному состоянию и проходящей через нейтральную позицию Без аффекта.

Очевидно: для каузации избирателя с помощью политической угрозы политик воздействует на эмоциональное состояние избирателя таким образом, что вводит его в некомфортное эмоциональное состояние, для выхода из которого (для скорейшего возврата в точку комфортного эмоционального состояния) избирателю необходимо выполнить каузируемые действия – проголосовать за партию ЛДПР. Используя семантическое содержание конструкта, политик воздействует на эмоциональное состояние избирателя и нацеливает политическую угрозу на введение избирателя в некомфортное эмоциональное состояние (точку), обуслов-

ленное семантикой медийного пространства политического конструкта, в котором он, вероятнее всего, совершит требуемые действия.

Для речевых актов политических угроз партии ЛДПР (в том числе и угроз предвыборной агитации) характерна диспозиция Я-говорящего (Я-политика) в точке, соответствующей аффицированному эмоциональному состоянию. Данная диспозиция Я-политика определяется сложностью ситуации предвыборной агитации, сложной ситуацией в стране, политической конкуренцией, а также заинтересованностью политика достичь своей цели – победить на выборах.

Особенностью массового адресата речевых актов политических угроз является то, что адресант угрозы, как правило, не осведомлен о точном эмоциональном состоянии получателей своего сообщения. В рассматриваемом политическом дискурсе автор угрозы направляет свое воздействие в адрес наиболее вероятных избирателей и фокусирует на них свое внимание, при этом он предполагает, что потенциальный избиратель находится в аффицированном эмоциональном состоянии или в состоянии близком к дискомфортному. Поэтому политическая угроза медийного дискурса партии ЛДПР, как правило, направлена на поиск недовольных ситуацией в стране, находящихся почти в дискомфортном состоянии избирателей, которых возможно убедить в том, что их эмоциональное состояние ухудшится, если они не проголосуют за ЛДПР, так как ситуация в стране изменится в худшую сторону.

Введение в исследование сферы эмоционального воздействия понятия коммуникативного конструкта политической угрозы позволяет изучить и систематизировать возможные

диспозиции Я-политика и Я-избирателя в медийном пространстве угрожающей интеракции, а также исследовать динамику их изменения. Зафиксированное в медийных дискурсах количество элементов рассматриваемого коммуникативного конструкта политической угрозы позволяет указывать (определять) на когнитивную сложность ситуации политической угрозы, так как в объеме содержания коммуникативного конструкта политической угрозы входит череда (определенная запланированная цепь) высказываний (и не только менасивных), выраженных политиком в процессе своего публичного речевого выступления и направленных на процесс изменения эмоционального состояния избирателя при помощи декларируемой (и прогнозируемой самим политиком) возможности реального наказания, т. е. последующего негативного посткоммуникативного эффекта.

Построение коммуникативного конструкта политической угрозы будет успешным только в том случае, если на его континууме содержания будут отражены все возможные диспозиции эмоциональных состояний политика и избирателя, создаваемых политической угрозой, в иерархическом порядке. То есть, по степени усиления воздействия на модальности Я-адресата. Однако важно иметь в виду, что если любое менасивное высказывание (высказывание – угроза), реализованное в пространстве политической интеракции, как правило, может в иллюкутивном плане представлять собой лишь только одну из возможных диспозиций модальности Я-политика и модальности Я-избирателя, то в это же самое время коммуникативный конструкт политической угрозы в виде медиадискурса может представлять собой уже целый набор возможных диспозиций эмоциональных состояний Я-политика и Я-избирателя.

Роль эксперта в представлении медиа

Е. В. Осетрова

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева /
Университет Хельсинки (Коллегиум прогрессивных исследований) (Финляндия)

osetrova@yandex.ru

Эксперт, коммуникативная роль, медийная картина мира.

Summary. The author examines the functioning of the communicative role of an expert in modern Russian media. Particular attention is paid to the following issues: 1) the scope and the areas of using of expert communication, 2) typology of this role, 3) content of expert publications, 4) image of expert in media picture of the world.

Социально-коммуникативная роль эксперта не является принципиально новым объектом общественного и научного сознания. Экспертиза и лицо, ее производящее, столетиями используются социумом для различных коллективных нужд. Экспертизу можно трактовать как рассмотрение и анализ какого-либо проблемного феномена с последующим вынесением официального, в большинстве своем письменного, заключения по данному поводу, эксперта же как специалиста, который берет на себя ответственность за принятое решение. Классическому эксперту приписывают качества профессионализма, опытности, знания, а текст экспертизы связывают со строгостью анализа и объективностью изложенных в нем результатов. Традиционное пространство активации этой процедуры – узкая сфера делового консультирования; всем известны судебная и медицинская экспертизы.

Сегодня даже поверхностный интерес к обозначенной теме формирует убеждение в чрезвычайной популярности самой экспертной роли и быстром расширении коммуникативного поля экспертизы. Данная процедура, буквально разорвав границы деловой сферы, стремительно проникает в бытовую практику, одновременно захватывая новые и новейшие среды коммуникации, прежде всего СМИ и интернет.

Сказанное позволяет квалифицировать проблему «эксперт / экспертиза в современных массмедиа» как весьма актуальную и задуматься над аспектами ее разработки. В качестве таковых автор предлагает следующие:

1. Сферы и среды использования коммуникативной роли эксперта. Наблюдения за экспертным пространством помогают понять его устройство, в частности, то, что его образуют а) специфические зоны генерализованной экспертизы (специальные рубрики в журналах и газетах под названиями

«Эксперт», «Экспертиза», Экспертное мнение» и т. п., б) экспертные ситуации в рамках более широких медийных форматов, предполагающие исполнение соответствующей роли (выступления экспертов в различных телевизионных ток-шоу и радиопрограммах), а также в) более или менее случайные фрагменты экспертного контента.

2. Внимание к типологии экспертных медиаролей заставляет изучать конкретное речевое поведение субъектов, по различным причинам и в разных обстоятельствах решающих выступить в данной функции. Обращая на себя внимание три публичных экспертных типа: а) «эксперт-профессионал», удовлетворяющий классическим представлениям о данной роли и востребованный практически любым СМИ в обстоятельствах публичного обсуждения серьезной проблемы; б) «эксперт-звезда» – наиболее популярный в сфере телевизионных ток-шоу, главное положительное качество которого состоит в эффекте «узнавания» и в привлечении массового внимания к теме диалога и программе в целом; в) «народный эксперт», широко привлекаемый в медийный диалог в качестве «своего» для массовой демократической аудитории.

3. Особое лингвистическое внимание следует уделить анализу экспертных публикаций. Они, безусловно, будут отличаться один от другого по коммуникативным и языковым параметрам в зависимости от того, в какой сфере и ситуации, в каком речевом режиме (диалоге или монологе), в какой фактуре излагается конкретное экспертное мнение; ср. например, экспертные «куски» в тексте аналитической статьи на тему экономического кризиса и реплики добровольного эксперта из слушательской аудитории в ток-шоу «Пусть говорят!». В любом случае возникает обязательное взаимодействие эксперта с другими типами речевых и текстовых амплуа.

4. Очень важно, с нашей точки зрения, проанализировать языковую модель экспертизы в целом и коммуникативную роль эксперта в частности в том виде, в котором она функционирует в медийной картине мира (здесь подразумевает прежде всего семантическая реконструкция).

Обработка корпуса тестов информационной базы «Интегрум» позволяет прийти к выводу о существовании обширной «экспертной области», сформированной коллективным сознанием журналистов-авторов и отраженной в языке.

Очевидно, например, то, что эксперт занимает в медийной картине мира по преимуществу роль активного речевого субъекта, который *говорит, заявляет, называет, отмечает, предупреждает и предсказывает*. Этому предшествуют моменты наблюдения (*наблюдают*) и изучения (*изучают*), а затем аналитической обработки данных (*по расчетам...*) и их оценки (*по оценке...*). Несмотря на утвердившийся за экспертом имидж знатока, досконально разбирающегося в той или иной предметной области, языковой модус персуазивности, приписываемый языком экспертным умозаключениям, может иметь различные знаки – от крайней степени уверенности в излагаемой информации, через возможные сомнения в ее достоверности вплоть до признания собственной неинформированности либо отсутствия профессионального мнения; ср.: *эксперты уверены, убеждены, в один голос говорят – полагают – начинают мяться, пожимают плечами и разводят руками*.

Показательно, что в медийной картине мира за самим журналистам прочно закреплен статус эксперта. Это видно по паре квалификативов (*журналист и эксперт*), которые характеризуют, например, того или иного конкретного человека: *Журналист и эксперт Александр Класковский <...>*

высказал предположение, что своими действиями власти Белоруссии напрашиваются на диалог с Западом (Независимая Газета; 06.04.2011). Детализация данного ролевого статуса происходит – в 2-х аспектах:

- конкретная область экспертизы (*военный эксперт; эксперт в области внутренних и внешних отношений ватиканского руководства*)
- положительная (!) оценка деятельности (*известный, знающий, профессиональный*).

Даже если журналисты и эксперты описываются как два различных субъекта, они фактически помещаются в одно пространство, причем пространство кооперативной, совместной деятельности. Совместная область существования экспертов и журналистов – политика: *В четверг и пятницу здесь будут находиться 18 глав государств, 2,5 тыс. членов официальных делегаций, журналисты, эксперты и, конечно, тысячи сотрудников силовых структур* (Независимая Газета; 24.05.2011).

При этом во многих случаях журналист и эксперт действуют на одной стороне как соучастники или даже союзники – чаще в роли адресатов и «оценщиков» текстов и действий политических субъектов. Однако в ряде ситуаций текст фиксирует размежевание ролей, когда журналист становится оппонентом или транслятором идей эксперта.

В результате можно говорить о том, что языковые представления журналистского сообщества об экспертизе как об одном из типов современной публичной деятельности с высокой степенью точности отражают реальное положение дел, и одновременно позволяют выделить в общей картине ряд принципиальных для медийного сознания проблем.

Содержательно-интенциональный критерий

как инструмент типологизации медиатекстов (на примере трэвел-медиатекста)

Т. Ю. Редкина

Санкт-Петербургский государственный университет

t_redkina@inbox.ru

Типология трэвел-медиатекста, интенция информирования, интенция убеждения, туристическое пространство, симулятивный хронотоп.

Summary. The report is devoted to the typology of a media travel-text (media travelogue). This typology is based on two criteria – the topical one and the intentional one – and is represented by three subtypes of above-mentioned text. The main descriptions of the subtypes, for example such as chronotope (time-space relation), are also provided.

1. Понятие «трэвел-медиатекст» обозначает тип текстов СМИ о путешествиях, независимо от жанровой принадлежности этих текстов. Трэвел-медиатексты (далее – ТМТ) отражают феномен туризма как социокультурного явления, обслуживаемого индустрией туризма.

2. Трэвел-медиатексты (далее – ТМТ) рассматриваются как тип на основании совокупности двух критериев – содержательного и интенционального.

3. Содержательным типологическим критерием ТМТ является представление в нем фрейма «страна» как совокупности различных слотов (географическое положение, ландшафт, флора и фауна, социально-политическая ситуация, экологическая ситуация, история, материальная и духовная культура, достопримечательности, кухня, рекреативные возможности, туристическая инфраструктура и т. д.) в различных комбинациях.

4. Интенциональным типологическим критерием ТМТ является такое информирование о стране, в результате которого у адресата формируется положительное мнение о ней как о месте возможной поездки.

5. Содержательный критерий позволяет выделять частно-тематические подтипы ТМТ, например натур-трэвелтекст (отражает феномен экологического туризма), кулинарный трэвелтекст (отражает феномен кулинарного, или гастрономического, туризма).

6. Интенциональный критерий позволяет выделить такие подтипы ТМТ, как информационно-познавательный, информационно-популяризирующий и информационно-рекламный.

7. В информационно-познавательных ТМТ (представленных, например, в журнале «Вокруг Света») интенция убеждения преобладает над интенцией информирования. Это убеждение происходит как «эмоциональное заражение»:

журналист-путешественник делится с читателями своими впечатлениями и знакомит с собственными наблюдениями, сделанными в ходе следования по определенному маршруту. В текстах данного подтипа маркирующей является коммуникативная ситуация адресантности (автор является и субъектом действия), а факультативно может быть представлена коммуникативная ситуация обобщенности как эксплицитное выражение диалогичности и средство интенсификации повествования.

8. В информационно-популяризирующих ТМТ (представленных, например, в журнале «Всемирный Следопыт») интенция информирования преобладает над интенцией убеждения. Журналист сообщает интересные для потенциального туриста сведения о стране, но прямо не обнаруживает своего присутствия в вербализуемой реальности, хотя у адресата при этом не создается впечатление, что автор лишь понаслышке знаком с тем, о чем сообщает. В текстах данного подтипа маркирующей является коммуникативная ситуация отстраненности (автор не является субъектом действия).

9. В информационно-рекламных ТМТ (представленных, например, в журнале «ТурНАВИГАТОР», в рубрике «Путешествие» журнала «Cosmopolitan» или в рубрике «Туризм» газеты «Metro») в приблизительно равной степени представлены интенции информирования и убеждения, однако механизм убеждения при этом совершенно иной, чем в текстах информационно-познавательного подтипа: в данном случае автор использует технику рекламного воздействия, с тем чтобы прямо побудить адресата к совершению действия и обеспечить успешность этого действия. В текстах данного подтипа маркирующей является коммуникативная ситуация адресантности (субъектом действия является адресат).

10. Информационно-познавательный, информационно-популяризирующий и информационно-рекламный подтип ТМТ различаются в представлении пространственно-временных отношений (хронотопа).

11. В основе ТМТ информационно-познавательного подтипа лежит реально совершенное автором текста путешествие по определенному маршруту в определенное время, в силу чего хронотоп такого текста можно назвать эмпирически заданным. Тексты данного подтипа характеризуются нарративной структурой (с присущей ей событийностью) и повествовательностью как типом хронотопа. В пространство текста автором включено все, что, по его мнению, позволяет создать живой, «не туристический» образ страны (даже если это фавелы Рио-де-Жанейро или дороги Сицилии с горами мусора на обочинах), а не только стереотипные элементы так называемого «туристического пространства».

12. В информационно-познавательный подтип ТМТ включается, следовательно, и такое жанровое объединение, как тексты путевых очерков (не художественных трэвелогов), поскольку они обладают повествовательным хронотопом и нарративной структурой.

13. В информационно-популяризирующем и информационно-рекламном подтипе ТМТ не отражено путешествие автора, а значит, в них нет эмпирически заданного хроното-

па. Однако тексты этих типов воспринимаются именно как тексты о совершаемых путешествиях. Хронотоп в этих типах текста можно назвать симулятивным: впечатление перемещения в пространстве и во времени создается самой композицией текста, части которого последовательно представляют отдельные элементы туристского пространства – места отдыха, достопримечательности и т. д. (и озаглавлены соответствующим образом). Часто, особенно в информационно-рекламных текстах, используется прием «маршрутизации» – адресату предлагают описание определенного маршрута, как в путеводителе, при этом в текст вводятся глаголы движения, темпорально представляющие сферу будущего, вербализующие мнимое, пока еще не совершенное путешествие адресата (заметим, что обещание будущего удовольствия – это основной прием рекламного воздействия).

14. Содержательно-интенциональный критерий как инструмент типологизации медиатекстов, как представляется, нельзя считать универсальным. Возможность на его основе выделить трэвел-медиатекст как тип текстов СМИ обусловлена всеобъемлющим и нетривиальным характером самого объекта медиатизации – страны, сопоставить с которым по сложности вербальной репрезентации можно, пожалуй, только человека.

Культура – масс-медиа – язык. Авторский подход медиалингвистики

Б. Сковронек / B. Skowronek

Педагогический университет в Кракове (Польша)

bosko@up.krakow.pl

Медиалингвистика, язык, масс-медиа, культура, критический анализ дискурса.

Summary. I see media linguistics as a linguistic subdiscipline immanently connected with media studies and cultural studies. It is therefore a definitely interdisciplinary project, polymethodological, visibly open for the variety of research pathways. I see a language not only as a system of signs (lexicon and grammar) but also as an element of cognitive structures whose functioning depends on external contexts, especially culture- today predominantly media culture. I define media linguistics as critical linguistics, i. e. using tools typical for “critical analysis of media discourse”.

Я вижу медиалингвистику как субдисциплину языкознания, но имманентно связанную с медиаведением и культурологией. Таким образом, это проект междисциплинарный, полиметодологический, отчетливо открытый на множественность исследовательских путей. Такое отношение следует из полисемичности, многомерности, даже гибридности современного культурно-коммуникационного пейзажа. Полифоничность медийной коммуникации естественным образом требует полифоничности исследовательских процедур. Я рассматриваю язык не только как знаковую систему (лексикон вместе с грамматикой), но прежде всего как элемент когнитивных структур, функционирование которых зависит от внешних контекстов, в особенности культуры, а сегодня — прежде всего культуры медийной. Исследуя языковой слой медийного сообщения, нужно всегда рассматривать его в контексте признаков, характерных для данного СМИ, а также в отношении с другими семиотическими системами, составляющими значения конкретного текста. Поскольку каждое СМИ представляет языковое содержание характерным для себя, а точнее для представляемой идеологии, способом.

В моем проекте медиалингвистики, в отличие от прежних польских подходов к исследованиям языка в масс-медиа, в качестве основной базы принимается когнитивная семантика и лингвокультурология. Язык в СМИ является для меня лингвистической эманацией медийных картин мира, то есть дискурсивно закрепленных концептуализаций явлений действительности, функционирующих в содержании отдельных средств передачи. СМИ являются – это одна из главных предпосылок моей концепции – важными в жизни человека «смыслообразующими машинами», конструирующими значения, создающими определенным образом картины мира – медийные картины мира. Я вижу их как эпистемологические формации, принимающие участие в создании индивидуального культурного капитала. Масс-медиа, доставляя соответствующим образом выраженные в языке концептуализации явления действительности, дают возможность отдельным реципиентам осуществлять собственную концептуализацию действительности и облекать ее

в различном образом вербализованные индивидуальные наррации. Тогда мы имеем дело с изображением — основным когнитивным механизмом: то же самое явление, событие, ситуация из-за множества перспектив и точек зрения «изображается» различным образом, с помощью доступных, но альтернативных выразительных средств (в официальных медийных сообщениях за это отвечают идеологии, соответствующие отдельным институциональным вещателям). Масс-медиа, пользуясь соответствующими их технологиям и дискурсивным ситуациям словесными выражениями, не столько отображают, сколько – в соответствии с установками лингвокультурологии и когнитивной лингвистики — интерпретируют действительность.

Медиалингвистика сильно акцентирует когнитивные достоинства СМИ, их «смыслообразующий» характер – то, что они становятся (могут стать) одним из источников дефиниции действительности. И так же, как используемый язык влияет (не детерминировано) на способ видения мира и функционирование в культуре (принимая установки лингвокультурологии), масс-медиа влияют (не детерминировано) на концептуализацию явлений действительности, их понимание, оценку и затем вербальное определение (с помощью характерных для их сообщений языковых конструкций). Я определяю медиалингвистику как критическую лингвистику, то есть пользующуюся исследовательскими процедурами свойственными «критическому анализу медийного дискурса» (*critical analysis of media discourse*). Эта процедура должна связывать в медиалингвистических исследованиях лингвистический анализ с медийным, а также находить их место в дискурсивно-идеологических практиках, характерных для данного СМИ, определенных медийных институтах и в надлежащем порядке культуры. В этой процедуре менее важно описание формальных элементов данного медийно мотивированного языкового текста, в то время как более существенным становится раскрытие более широких его соотнесений с социальными, коммуникационными, политическими, идеологическими, культурными, а также, естественно, с технологически-медийными процессами и структурами.

Лингвистика политической речи

В. В. Славкин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

vladimir-slavkin@yandex.ru

Лингвистика речи, текст, микро- и макротекст, гипертекст, сверхтекст, дискурс.

Summary. This text is devoted to important problems of speech linguistics, such as features of political discourse.

Политическая речь – важный объект исследования современной лингвистики. Это обусловлено как собственно речеведческими научными приоритетами, так и экстралингвистическими факторами. В постперестроечное время в стране сложилась новая политическая ситуация, когда появились различные партии, яркие политические личности. Их программы и PR-тексты нашли свое отражение и в СМИ. Так сложился современный политический дискурс, который весьма перспективен для лингвистических исследований, и прежде всего в контексте развития лингвистики речи.

В конце прошлого века эта научная дисциплина стала активно развиваться. Одним из объектов исследования лингвистики речи стал дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1]. Из тех вопросов, которые оказались в фокусе внимания лингвистики речи в целом, применительно к лингвистике политической речи особенно важно изучение прагматических, интенционально-модальных, структурных, семантико-стилистических особенностей конкретной реализации языка – речи, дискурса, текста, существующих в письменной и устной формах, а также отражение в политической речи социолингвистических, психолингвистических, этнолингвистических, лингвокультурологических характеристик автора текста. Бесспорно, представляет интерес и политический текст в его движении, которое обуславливается необходимостью манипулирования сознанием коллективного адресата.

Тексты политиков и медиатексты на тему политики тоже важный объект исследования лингвистики политической речи. Общее направление развития речеведения в настоящее время ориентирует нас на переход от структурно-семантического к коммуникативно-деятельностному аспекту. Динамический аспект текста становится особенно существенным при анализе журналистского произведения. Журналистское творчество предполагает (и это является его закономерностью) *многоаспектность* контакта автора и его аудитории, не свойственную научному или официально-

деловому стилю. Действительно, опубликование текста закона или научной статьи ориентировано на установление достаточно четко определяемых коммуникативных отношений между производителем и потребителем информации. Здесь информирование организуется для достижения конкретных целей – сообщения новой информации, регламентирования действий субъекта, недопущения его нежелательной активности и пр. Журналистский же текст, выполняя с той или иной полнотой указанные цели, порождается и для воздействия на общую ментальную сферу субъекта. Автор медиатекста рассчитывает на то, что его аудитория откликнется на его произведение: у нее возникнут разнообразные эмоциональные реакции, она должна будет проявить творческую активность, сопоставляя полученное новое с имеющимся данным, а возможно, и спрогнозировать дальнейшее развитие событий. Деятельностный аспект изучения журналистского текста предполагает подход к нему не как к статичному, а как к динамически развивающемуся объекту. Динамика текста может быть рассмотрена на трех уровнях.

1. Внутритекстовой уровень.
2. Надтекстовой уровень.
3. Гипертекстовой уровень

С этой точки зрения ретроспекция и проспекция, оставаясь (наряду с цельностью и связанностью) основными текстовыми характеристиками, приобретают и экстралингвистическое значение. Они отражают динамику текстовой деятельности и конкретного субъекта (в частности, журналиста), и отдельного средства массовой коммуникации. Эти категории могут быть распространены и на определенные массивы текстов, объединенных тематически (предвыборная кампания, полемика по конкретной проблеме и т. п.).

Интересным объектом для изучения речи становятся и сверхтексты на тему политики – ряд тематически родственных текстов, которые сближаются посредством общего хронотопа (по М. М. Бахтину, времяпространства, имеющего особое, ценностное осмысление). Именно эта разновидность текста особенно продуктивна при изучении политического медиадискурса.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.

Проблемные зоны лингвистической теории массмедиа

Н. Е. Сулименко

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

sulimenko_39@mail.ru

Интегральный подход, информация, универсальный код, поуровневый анализ, глобальная интертекстуальность языка.

Summary. The report reveals the change substantive content of the constructive principle of modern media.

Термин «медиалингвистика» представляется не вполне удачным, поскольку отсылает к смежным областям научного знания. Вместе с тем не вызывает сомнения актуальность проблематики конференции и в связи с изменившейся ролью средств массовой информации в нашем обществе, поскольку они стали своеобразным «медиумом» при переводе актуальных для говорящих языковых средств в пределы разных стилевых разновидностей литературного языка. Если раньше эта функция была свойственна разговорной речи, то с развитием электронных средств массовой информации функции массмедиа значительно расширились, заставив исследователей поставить вопрос и об «образе адресата» (Каминская Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование. М., 2009), то есть той целевой аудитории, к которой обращен конкретный текст. Таким образом, понятие языковой личности с разными уровнями ее структуры стало определяющим и для текстов массмедиа. Тем самым выдвинутый

еще в 70-е годы В. Г. Костомаровым конструктивный принцип газетно-публицистического стиля (сочетание средств экспрессии и стандарта) обретает новое содержание и в связи со сменой научных парадигм, и по причине изменений в структуре самого лингвистического объекта.

Если типы средств экспрессии во многом остаются прежними (это, например, касается тропов, прецедентных текстов, средств языковой игры и комизма, многих стилистических приемов и т. д.), то их состав и функции отражают многочисленные изменения, происходящие в мире и российском социуме. Поэтому неслучайно многие из этих средств фиксируются современными словарями в качестве нормативных и отражают активные процессы, происходящие в языке и популяризируемые средствами массовой коммуникации.

Лексикографические новшества относятся и к системе словарных помет, отражающих внешние и внутренние значения, и к способам толкования лексических значе-

ний, и к проявлению в текстовой интерпретации продуктивных словообразовательных моделей, и к смене типа коннотации иногда до противоположного, и к переходу пластов лексики из активного словарного состава в пассивный и наоборот и т. д.

Отмеченные изменения касаются всех уровней структуры современной языковой личности и обусловлены глобальными изменениями в жизни и психологии людей. Приверженность прежним языковым нормам характерна для консервативных слоев общества и связана с его расслоением на группировки, исповедующие разные системы ценностей.

В ряде текстов массмедиа представлено прямое использование тоталитарного языка, коммунистического «новояза», другие же отражают результат «языкового сопротивления» в стране, подвергавшейся массовым репрессиям, поэтому в таких текстах определенные идеологические штампы используются в их смещенной, часто пародийной функции, хотя такое употребление отнюдь не избавляет от формирования норм другого «новояза», связанного уже с новацими последнего времени.

Расслоение пользователей языка в зависимости от первичных видов их деятельности служит одной из причин нарушения принципа коммуникативного сотрудничества, конфликтного общения, коммуникативных неудач и связано прежде всего с нарушением этических норм, с ростом агрессии в первичных зонах коммуникации.

При характеристике языковых изменений в массмедиа не может не учитываться изменение концепции речевой культуры в целом и характеристика позиций основных участников коммуникации – адресанта и адресата. Последний стал не просто объектом воздействия, но и равноправным субъектом коммуникации. При этом учитываются в различных жанрах массмедиа (особенно это относится к жанру ток-шоу, интервью и др.) не только лингвистические, но и этические нормы, сложившиеся в данной культуре.

Думается, что ведущая для публицистики функция воздействия обогатилась функцией информирования с помощью СМИ, то есть воздействие опирается и на когнитивные свойства адресата (ср. иной взгляд на соотношение этих функций в (Русская речь в средствах массовой информации: Стилистический аспект. М., 2007). В этом «дружественном поглощении», в частности, проявляется интегральный под-

ход к языковым явлениям, связанный с принципом антропоцентризма науки о языке как части человековедения, учитывающий все стороны человеческой субъективности.

Интегральный подход к языку предполагает внимание не только к когнитивной сфере участников коммуникации как языковых личностей, но и к обусловленности этнической культурой всех других характеристик средств языка: системно-структурных, коммуникативных, культурологических и т. д. При этом культура этноса для естественного языка и его стилей, включая газетно-публицистический, выступает как система высшего порядка, снимающая оппозиционные различия, традиционно сложившиеся в языке в силу действия и его консервативного, охранительного начала.

Интегральные концепции языка охватывают все многообразие дискурсивных практик, свойственных таким видам дискурса, как журналистский, газетный, и особенно значимых в силу тематического и иного разнообразия этих текстов для языка массмедиа.

Основой для интегральных концепций языка выступает понятие информации и всех ее видов (это особенно отчетливо проявляется в жанрах массмедиа, синкретичных по самому своему существу), необходимость преодоления поровневого анализа, универсальность языкового кода для всех видов деятельности человека в мире, глобальная интертекстуальность языка.

Это последнее (отнюдь не по значимости) качество сказывается в привлечении в качестве иллюстративного материала «Словаря новых слов и значений» в разных его выпусках текстовых фрагментов газетно-публицистического стиля, причем толкуемое слово снабжается соответствующей пометой. Отмеченные элементы лексикографического описания слова служат косвенным свидетельством того, что изменения стилистических норм куются в кузнице (если пользоваться метафорой Л. В. Щербы) не разговорной речи, а текстов массмедиа. С другой стороны, сам факт введения этих указаний в пределы словарной статьи подчеркивает важность для современного языкового сознания текстов данной стилиевой разновидности и их когнитивную, просветительскую основу.

Что же касается металингвистической деятельности ученых-языковедов, то она не может не учитывать полипарадигмальность современной науки, ее гуманистическую направленность и интегральные концепции языка.

Субъект речи как медиалингвистическая категория

Н. С. Цветова

Санкт-Петербургский государственный университет

cvetova@mfil.ru

Медиатекст, категория авторства, концепт, коллективный автор, многоуровневая категория, интенция.

Summary. The paper summarizes the most studied text category – the category's, followed by an ancient rhetoric secured the first position in the text creation. This category is considered to media content, not only in content but also in terms of expression.

Современная филология достаточно активно занимается исследованием сущности и системного взаимодействия лингвистических явлений и определением их категориального статуса. Внимание к текстообразующим категориям определяется актуализацией тех вопросов, которые волнуют коммуникативистику, речеведение, медиалингвистику, в качестве центрального объекта изучения выделившую медиатекст.

Работы последнего десятилетия показали, что ключевой медиалингвистической категорией является категория субъекта речи (Г. Я. Солганик, Т. В. Шмелева и др.). Современное научное представление о данной категории базируется на концепции авторства, созданной В. В. Виноградовым, хотя актуализированные выдающимся филологом проблемы (автор как организующее начало смыслового пространства текста; автор как действующее лицо; автор как элемент стиля и т. д.) являются до сих пор предметом многочисленных научных дискуссий. Дискуссионность в значительной степени обусловлена категориальной абстрактностью предложенного В. В. Виноградовым терминологического словосочетания «образ автора», приведшей к тому, что примерно со второй половины XX века этот термин стал «употребляться в столь различных смыслах, что подчас утрачивал присущую термину определенность, точную очерченность границ» [6: 3].

Но медийный дискурс предоставляет разнообразнейший эмпирический материал, подтверждающий предсказанную В. В. Виноградовым возможность существования различных вариантов «образа автора» как уникальной семантико-стилевой категории субъекта речи, трансформирующейся «в разных типах словесного творчества» [2: 151].

Категория субъекта речи в современной медиалингвистике – типологическая, в наивысшей степени интегральная, объединяющая многие понятия, презентующие все возможные текстовые проявления стоящего за текстом коллективного создателя «медиамессиджа», деятельность которого по текстовому кодированию и программированию декодирования содержания этого текста адресантом жестко прагматична, продиктована интенциональностью (авторскими целями, намерениями, мотивами).

Структура авторской интенциональности в медиадискурсе достаточно сложна. В этой структуре прежде всего выделяется *гипертекстовая (генеральная)* интенция (в терминологии, предложенной Л. Р. Дускаевой), нацеливающая субъекта речи на создание определенного фрагмента медиакарты мира. Гипертекстовая интенция часто объединяет многие произведения одного автора или несколько публикаций одного и того же издания. Такого типа генеральную интенцию мы называем *сверхзадачей* текста, выражающей преимущественно в подтексте ключевую авторскую установку.

Второй тип интенций – интенции, обусловленные концепцией издания, с наибольшей очевидностью выражающие намерения коллективного автора – *инструментальные* интенции. В большинстве случаев в медиадискурсе межтекстовая интенциональность связана со стремлением авторского коллектива выразить определенное отношение к факту или событию. Именно инструментальные интенции прежде всего влияют на авторский выбор жанра и композицию текста.

Третий тип интенций – *текстовые* интенции, зависящие от самых разнообразных мотивов текстопорождающей деятельности субъекта. Этот уровень считают по отношению к категории субъекта речи, как правило, периферийным, хотя именно на этом уровне свобода автора-творца ограничивается не только редактором, но даже корректором, контролирующим речевую, элокутивную форму текста. Хотя в профессиональной речевой деятельности журналиста именно на этом уровне, на наш взгляд, особое значение имеют ценностные ориентации адресанта – своеобразная «ось сознания» (С. Л. Рубинштейн) творческой личности, определяющая аксиологическую напряженность, аксиологический пафос текста / высказывания.

Все сказанное приводит нас к необходимости создания интегративного медиалингвистического алгоритма анализа категории субъекта речи. На наш взгляд, этот алгоритм должен включать несколько уровней.

Первый уровень анализа предполагает внимание к предтекстовой, экстралингвистической составляющей данной категории, которая фиксируется с наибольшей очевидностью в биографическом образе автора, если речь идет о тексте художественном. Специфика медийного текста заставляет сосредоточиться на данном этапе на детальном исследовании / описании системы интенций коллективного автора, под влиянием которых происходит форматирование творческого процесса.

На втором уровне целесообразнее всего говорить о содержании медиатекста: выявить через цепочки ключевых слов его проблемно-тематические доминанты, идею, аксиологию.

На третьем уровне необходимо уделить внимание мотивации жанрового и композиционного выбора автора, авторской риторике, далее, лексико-фразеологическим и грамматическим средствам воплощения авторской идеи.

Подводя итоги, обращаем внимание на то, что обозначенная тенденция в развитии медиалингвистики обеспечивает пристальное внимание к создателю текста как к ключевой фигуре процесса текстопорождения. Значительность, обоснованность и продуктивность этой тенденции обусловлена, с одной стороны, спецификой творческой деятельности журналиста, а с другой, включенностью ее в мировую речеведческую традицию и, наконец, особым значением для специальной дидактики, которой мы в силу профессиональной необходимости должны заниматься.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб., 2000.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
3. Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система. СПб., 2012. С. 30-33.
4. Кондаков И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
5. Кузьмина Н. А. Автор и адресат текста СМИ: инверсия коммуникативных ролей // Мысль. Текст. Стил. СПб., 2011.
6. Паперный З. Поэтический образ Маяковского. М., 1961.
7. Солганик Г. Я. Автор как стилиобразующая категория текста // Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. М., 2010. С. 95–110.
8. Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика. М., 2012.

Политический медиадискурс: Типологические признаки дискредитирующих текстов

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет (Барнаул)
labrlexis@mail.ru

Медиакоммуникация, социальная оценочность, инвариантные и вариативные признаки дискредитирующих текстов.

Summary. The paper studies typological features of texts defamatory, which is the basic strategy of “shorting”. Typical symptoms of this type of texts are considered at the intersection of several components, and include content-formal, compositional, linguistic ways to create a negative evaluation in the type of texts defamatory, descriptions of basic and auxiliary RA, which is formed at the expense of the studied strategy.

Языковым механизмом конструирования виртуализации политической реальности и превращения данной реальности в символический идеологический конструкт (О. Ф. Русакова) часто выступает **оценочность** как типологическое свойство медиатекста, благодаря которому отображаемая действительность (факт, событие, субъект) квалифицируется относительно определенного стандарта по признаку «хорошо / плохо».

Очевидно, что оценочность в текстах СМИ, в том числе и политических, может выполнять как конструктивную, так и деструктивную функции. Первая (конструктивная) строится на пересечении двух составляющих: а) аргументативной, опирающейся на систему фактов, характеризующих социально значимое событие; б) эмоционально-оценочной, представляющей собой экспрессивный комментарий автора к фактологической информации. Основу второй – деструктивной – составляют: а) полное или частичное отсутствие аргументативной базы и системы фактов, характеризующих социально значимое событие; б) концентрация внимания читателя на отрицательных сторонах личности и деятельности субъекта речи через систему эмоционально-оценочных вербальных и невербальных средств, в основном, инвективной направленности. Такого рода оценочность мы предлагаем называть псевдосоциальной: текст, содержащий псевдосоциальную оценочность, опирается, как правило, на систему характеристик главного героя публикации, задача которых – целенаправленное снижение его образа – и как человека, и как политика. Подобные медиатексты, часто получающие статус конфликтных (спорных), можно назвать текстами **дискредитирующего типа**.

Тексты дискредитирующего типа, как правило, направлены на реализацию стратегии «игры на понижение», основным «строительным материалом» которой в изучаемых текстах являются тактики обвинения, обличения и оскорбления, подчас маскируемые под социальную оценочность, а на деле обладающие псевдосоциальной природой. При этом сам факт, послуживший поводом для дискредитации, может быть каким угодно – не обязательно отрицательно характеризующим субъекта речи: главное то, **как** этот факт оценивается автором публикации.

Анализ спорного текста дискредитирующего типа предполагает извлечение из него системы языковых единиц, с одной стороны, содержащих утверждение об этих фактах, а с другой – оценивающих эти факты, т. е. представляющих собой высказывания комментирующего типа с ярко выраженной негативной оценочностью. В текстах, содержащих социальную оценочность, фактологическая информация служит основой авторской аргументации и оценки. Напротив, стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, как правило:

1) или не содержит аргументации и фактологической информации, но изобилует негативной авторской оценочностью; построенное таким образом высказывание представляет собой обобщенное отрицательное суждение говорящего, опирающееся на национальные аксиологические представления и не поддерживаемое в медиатексте системой доказательств (фактов) (тексты I типа);

2) или приводимые в качестве аргументов факты сами по себе не являются дискредитирующими, но становятся таковыми, благодаря эмоционально-риторическим структурам,

ориентированным на создание негативно-оценочной тональности текста, в свою очередь, ориентированной на реализацию дискредитирующей коммуникативной стратегии. Приводимым в публикации фактам дается субъективно-оценочный комментарий, направленный на заведомо отрицательную оценку поведения личности субъекта речи, снижающую его статус, хотя сама описываемая ситуация может быть истолкована по-разному (несовпадение «серьезности» приводимых фактов и оценочного комментария) (тексты II типа);

3) или приводимые факты не имеют прямого отношения к субъекту речи, однако сопровождающий их авторский оценочный комментарий способствует проекции этих фактов на личность героев публикации (тексты III типа);

4) или публикация основывается на фактах из частной жизни субъекта речи (псевдосоциальная оценочность), не имеющих отношения к его общественной и политической деятельности (тексты IV типа).

На основе анализа текстов, проведенного с помощью методических процедур, направленных на комплексное описание изучаемого объекта, были выделены шесть инвариантных признаков, типичных для текстов дискредитирующего типа, иллюстрацией которых могут служить публикации ИА «Атмосфера» (<http://www.asfera.info/news/one-76824.html>). К ним относятся: 1) **оценочный потенциал заголовочного комплекса текста**: как правило, стилистически сниженная оценочность текста актуализирована уже в заголовке: *Возвращение «джедая»: Назарчук планирует вновь заняться алтайской политикой?*. Ироническая, насмешливая, тональность текста актуализируется через лексему «джедай», содержание которой разъясняется в конце анализируемого текста: *Но, видимо, Александра Н. до сих пор не покидает идея возрождения, как это однажды случилось с героем Лукаса из саги «Звездные войны», и триумфальное*

восхождение под браваурную музыку на трон губернатора региона; 2) **констатация и интерпретация факта как основы оценочного комментария**: для подобных текстов характерна количественная и качественная несоразмерность факта и оценочного комментария – второе явно преобладает и дает автору возможность «пофантазировать» на предложенную тему без всяких ограничений; 3) **упрощенная логическая схема, отсутствие аргументативной базы**: структурно-логическая организация анализируемого текста строится по схеме: тема → повод, послуживший основанием для развертывания темы, → оценочный комментарий. Весь текст группируется вокруг темы, которую можно сформулировать следующим образом: бывший видный алтайский политик решил вернуться к активной политической деятельности; 4) **тип актуализированного речевого акта (РА) и его функции**: например, декларативы и репрезентативы, содержащиеся в тексте, строятся не на фактологической основе, а на приписывании субъекту речи каких-то гипотетических действий (через РА «введение в заблуждение»); цель экспрессивов – произвести эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на порицании каких-либо личных качеств или поведения субъекта речи; 5) **характер и функции выразительных средств**: в анализируемом тексте они направлены на реализацию стратегии «на понижение», т. е. на сознательное снижение образа субъекта речи; 6) **наличие других публикаций оценочного типа**, посвященных одному и тому же субъекту речи: так, одновременно на сайте ИА «Атмосфера» появляется ряд публикаций, посвященных данной теме и данному субъекту: *Хочу come back: опальный Назарчук возвращается к власти?* и *Опальный Назарчук вернется в политику в лице депутата БГД?* от 16.06.2013, выполненные в той же стилистической манере.

Семинар «Формальные подходы к синтаксису и семантике русского языка»

Руководители семинара *Екатерина Лютикова, Сергей Татевосов*

Применение формальных методов к анализу материала русского и других славянских языков в последние годы значительно расширилось и обогатилось новыми достижениями. Существенные наработки возникли в самых различных сферах изучения русского синтаксиса и семантики — от структуры количественной конструкции до интерпретации показателей способов действия. В рамках семинара предполагается обсудить широкий круг проблем, для решения которых привлекаются формальные теоретические системы (генеративный синтаксис, теоретико-модельная семантика, лексико-функциональная грамматика, категориальная грамматика и т. п.).

Именные партитивные и псевдопартитивные конструкции в русском языке

А. Е. Аксёнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

loisetoil@gmail.com

Партитивные конструкции, псевдопартитивные конструкции, количественные конструкции, мерные слова, партитивный падеж.

Summary. There are two types of constructions with partitive semantics in Russian: **direct** (*чашка чая / чаю* ‘cup of (the) tea’, measure noun and its filling in the genitive or in the partitive case) and **indirect** (*зелёная чашка с чаем* ‘the green cup of tea’, the noun that belongs to the semantic class “containers” and the preposition phrase as its complement). In this speech I assert, that in direct constructions measure nouns are functional heads, so they can be modified only by adjectives with size semantics [Hankamer&Mikkelsen 2007], but if it is necessary to modify container by such adjectives as “red”, “old” or “beautiful”, then indirect construction must be used.

Задачами данной работы являлись следующие: описать именные мерные конструкции, встречающиеся в русском языке; проверить возможность их употребления в партитивных и псевдопартитивных контекстах; предложить возможный анализ устройства описываемых конструкций. Материалы были получены в ходе работы с НКРЯ и проверены на носителях русского языка.

Партитивная конструкция – конструкция типа (1), включающая в себя имя, обозначающее меру количества или объема (N1: *чашка, группа, стопка*), отделяющее от основного множества единиц (N2: *чай, студенты, бумага*) их **референтное** подмножество:

(1) а. *За 114 рублей мне дали: славный салат из морковки, <...>, чашку чая (17 руб.) и целый кружок лимона, а не половинку, как бывает в общепите.*

б. *Зеленая чашка с чаем, стакан апельсинового сока и выпечка на тарелке стоят на столе.*

Псевдопартитивная конструкция – конструкция типа (2), включающая в себя имя, обозначающее меру количества или объема (N1: *чашка, группа, стопка*), отделяющее от основного множества единиц (N2: *чай, студенты, бумага*) их **нереферентное** подмножество (раимств. с изм. из [Selkirk 1977]):

(2) – *Обычно, когда я возвращаюсь домой, вытываю чашку чаю.*

В русском языке встречаются следующие типы упомянутых выше конструкций:

Прямая (псевдо)партитивная конструкция (R(P)PC) – партитивная конструкция (3а), использующаяся в современном русском также и в качестве псевдо-партитивной (3б) вследствие того, что партитивный падеж является непродуктивным и уходящим [Paus 1994]. Состоит из существительного меры (N1) и измеряемого (N2) в родительном падеже.

- (3) а Стопка бумаги была отнесена руководителю кафедры.
 б Каждое утро Алина выпивала стакан воды, и лишь после этого она садилась за завтрак.

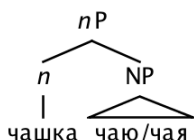
Непродуктивная прямая псевдопартитивная конструкция (UDPPC) – псевдопартитивная конструкция (4), в которой существительное меры (N1) приписывает N2 партитивный падеж, но если приписать партитив невозможно, то по умолчанию приписывается генитив и конструкция становится неотличимой от предыдущей.

- (4) а *– Андрей! Иди сюда и допей свою чашку чаю!

б Каждый вечер я выпиваю чашку чаю.

Непрямая партитивная конструкция (IPC) – партитивная конструкция (5), в которой существительное меры имеет в качестве своего комплемента предложную группу; при этом существительное меры по своей семантике может являться лишь «Вместилищем» («Containers» – терминология по [К-Т 2001]).

Прямые конструкции

В прямых конструкциях N1 является функциональной вершиной, поэтому его можно модифицировать как «меру», т. е. прилагательными, имеющими семантику размера (*огромный, большой, малюсенький*), см. пример (6а), но не иначе (7б):

- (6) а *большая папка бумаг*

б **зелёная папка бумаг*

Но если нужно модифицировать именно N1, а не N2, то носители предпочитают использовать непрямую конструк-

- (5) а *Худой и явно уставший за день паренек-официант принес и поставил передо мной гранёный стакан с водой и джеззу, полную кофе* (Д. Рубина, «Окна»).

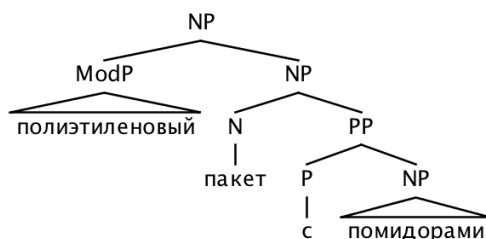
б **Стакан со свежесвыжатым апельсиновым соком – вот что нужно нашему здоровью!*

Система номинальных (псевдо-)партитивных конструкций в русском языке близка описанной в [Nakamer & Mikkelsen 2006] системе для датского языка, и также, как и в датском, в русском языке N1 в прямых конструкциях является функциональной вершиной, а в непрямых лексической.

Я предлагаю рассматривать лишь два типа конструкций: **прямые** и **непрямые**, так как в современном русском языке партитивный падеж не является широко употребимым, а синтаксис обеих прямых конструкций одинаков.

Возможная структура описываемых конструкций приводится ниже:

Непрямая конструкция

цию (7). Как уже было сказано выше, N2 по своей семантике может быть лишь емкостью (8).

- (7) *зелёная папка с бумагами*

(8) а. **килограмм с яблоками*

б. **кусок с сыром*

Список типов существительных меры я привожу ниже. Он представляет собой значительно видоизменённую классификацию из [Kortjevskaja-Tamm 2001].

ТИП	R(P)PC	UDPPC	IPC
Емкости	+ [стакан воды]	+ [чашка чаю]	+ [(грязный) мешок с яблоками]
Общепринятые меры	+ [литр молока]	+ [килограмм творогу]	– [*килограмм с яблоками]
Части объектов	+ [кусок колбасы]	+ [кусок сыру]	– [*кусок с сыром]
Множество однотипных объектов	+ [группа студентов]	– (примера быть не может)	– [*букет с цветами]

Литература

1. Hankamer J. & Mikkelsen L. Definiteness marking and the structure of Danish partitive constructions. Handout. LSA Annual Meeting. Albuquerque, January 8. 2006.
2. Hankamer J. & Mikkelsen L. Definiteness marking and the structure of Danish pseudipartitives. J. Linguistics 44. 2007. P. 317–346.

3. Kortjevskaja-Tamm M. “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages // Dahl O., Kortjevskaja-Tamm M. (eds.), The Circum-Baltic Languages: Typology and contact, Vol. 2. Amsterdam, 2001.
4. Paus Ch. Social and pragmatic conditioning in the demise of the partitive case // Russian Linguistics. 1994. 18.
5. Selkirk E. Some remarks on noun phrase structure // Culicover P. W., Akmajian A. (eds.). Formal Syntax. New York, 1977.

Придаточные причины в русском языке и формальная типология полипредикации

О. И. Беляев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН

obelyaev@gmail.com

Сложное предложение, причина, формальная семантика, Лексико-функциональная грамматика.

Summary. I analyze the behaviour of three causal subordinators in Russian: *potomu čto*, *poskol'ku* and *tak kak*. In contrast to earlier approaches, I argue that the distinction between them is mostly semantic, and the main difference is between *potomu čto* and *poskol'ku*, which introduce asserted predicates, on the one hand, and *tak kak*, which introduces a discourse relation, on the other. *Tak kak* is thus semantically coordinating. This idea is formalized in terms of SDRT.

В русистике широко известны различия между тремя основными союзами причины: *потому что*, *так как* и *поскольку*. В одной из последних крупных работ на эту тему, [Пекелис 2009], предлагается трактовать значения союзов *поскольку* (А, поскольку Б) и *так как* (А, так как Б) одина-

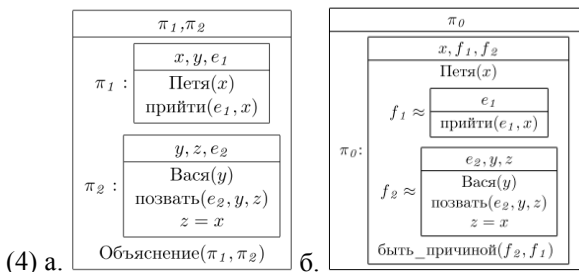
ково: оба содержат ситуацию А и причинно-следственную связь в ассерции; препозитивное употребление этих союзов предполагает пресуппозицию Б, постпозитивное — ассерцию. Однако данная трактовка не объясняет следующих различий между союзами:

- (1) а. Я с вами, товарищ, очень откровенен, и это потому, что я в вас уверовал... [Н. И. Махно. Воспоминания (1929)]
 б. ...мы должны идти туда, где гниль начинается (все это — поскольку мы обладаем верой, то есть уверенностью в существовании Бога). [митрополит Антоний (Блум). Мы должны нести в мир веру (1989)]
 в. *...и это, так как
- (2) а. Как объяснили организаторы, это только потому, что перформанс в России — искусство молодое. [Неделя 22.08.-2000.08.28 // «Коммерсантъ-Власть», 2000]
 б. Лужиним он занимался только поскольку это был феномен, — явление странное, несколько уродливое, но обаятельное, как кривые ноги таксы. [В. В. Набоков. Защита Лужина (1929-1930)]
 в. *только так, как
- (3) А: Почему ты пришел?
 Б: Потому что / *поскольку / *так как ты меня позвал. (Примеры с «поскольку» в качестве ответа на вопрос с почему изредка встречаются в естественных текстах в Интернете. Аналогичных примеров с так как ни в НКРЯ, ни в Интернете обнаружить не удалось.)

Для объяснения этих свойств я предлагаю анализировать семантику причины в терминах Сегментированной теории репрезентации дискурса (SDRT) [Asher, Lascarides 2003], в которой помимо обычных предикатов имеются также риторические отношения, принимающие в качестве аргументов не события / пропозиции, а речевые акты. В рамках SDRT как вводящие риторические отношения описываются сочинительные конструкции [Txurrutika 2003], что позволяет считать признак «ассертивный предикат vs. риторическое отношение» противопоставляющим семантическое подчинение и семантическое сочинение соответственно [Belyaev в печати]. Иными словами, на уровне семантики сочинительные союзы связывают речевые акты, а подчинительные — факты, события или пропозиции.

Я предлагаю объяснить различия в (1)–(3) тем, что союзы потому что и поскольку вводят ассертивные предикаты «быть причиной(f_1, f_2)» и «логически следовать(f_1, f_2)», соответственно [Иорданская 1988], т.е. являются семантически подчинительными, тогда как союз так как вводит риторическое отношение «Объяснение(π_1, π_2)», т.е. является семантически сочинительным. Из этого следует недоступность фокусирования так как в (1)–(2) и невозможность использования его в качестве ответа на вопрос (риторическое отношение не может быть в фокусе). Подобный анализ уже предлагался на основании аналогичного материала в [Delort, Danlos 2005] для французских союзов car (риторическое отношение) и parce que (ассерция). Ср. также похожий анализ немецкого denn как вводящего конвенциональную импликацию [Scheffler 2013], т.е. семантически сочинительного [Grice 1975].

В (4а) представлена дискурсивная структура для предложения Петя пришел, так как Вася его позвал, в (4б) — Петя пришел, потому что Вася его позвал (f_1, f_2 обозначают пропозиции, π_0, π_1, π_2 — речевые акты).

Таким образом, различия между потому что и поскольку, с одной стороны, и так как, с другой, по-видимому, стоят в одном ряду с такими парами «сочинительных» и «подчинительных» конструкций причины, как нем. denn и weil, франц. car и parce que, англ. for и because и т.д.

Однако данный семантический анализ плохо соотносится с синтаксическими свойствами союзов. Все три союза являются подчинительными с точки зрения Ограничения на сочинительную структуру (ОСС) Росса [Ross 1967] (ср. невозможность АТВ-передвижения: Что купил Петя и продал Вася? *Что купил Петя, потому что/поскольку/так как похвалил Вася?). Что касается чисто линейных свойств, то так как и поскольку оказываются полностью подчинительными, т.к. могут быть как в постпозиции, так и в препозиции, и быть вложенными в главную клаузу, тогда как потому что встречается только в постпозиции [Грамматика 1980] и в этом смысле ближе к сочинению.

Тем самым, расхождения имеются не только между синтаксическим и семантическим сочинением и подчинением [Culicover, Jackendoff 1997; Yuasa, Sadock 2002], но и между разными компонентами синтаксиса. В связи с этим представляется разумным анализ в рамках Лексико-функциональной грамматики (ЛФГ) [Kaplan, Bresnan 1982], где для синтаксиса различается структура составляющих (с-структура) и функциональная структура (f-структура). Как показано в [Belyaev в печати], линейные свойства союзов относятся к с-структуре, а действие ОСС — к f-структуре. Что касается семантики, то любая композициональная версия DRT совместима с ЛФГ в качестве семантического модуля [Kokkonidis 2005]. Таким образом, на уровне с-структуры предлагается считать так как и поскольку подчинительными, а потому что, из-за его линейных свойств, — сочинительным; на уровне f-структуры предлагается считать все три союза подчинительными в соответствии с ОСС; наконец, на уровне семантики сочинительным является так как, вводящий риторическое отношение, в то время как другие два союза являются подчинительными.

Литература

- Иорданская Л. Н. Семантика русского союза раз (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics. 1988. 12 (3).
- Пекелис О. Е. Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики. Дисс. ... канд. филол. наук. М., РГГУ. 2009.
- Русская грамматика. Т. 1, 2. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. 1980.
- Asher N., Lascarides A. Logics of Conversation. Cambridge, 2003.
- Belyaev O. B. Systematic mismatches: coordination and subordination at three levels of grammar // Journal of Linguistics (принято к публикации).
- Culicover P.W., Jackendoff R. Semantic subordination despite syntactic coordination // Linguistic Inquiry 1997. 28. P. 195–217.
- Delort L., Danlos L. Coordination of Causal Relations in Discourse // Proceedings of the Symposium on the Exploration and Modelling of Meaning (SEM'05). Biarritz, 2005. P. 75–84.
- Grice H. P. Logic and conversation // Cole P., Morgan J. (eds.) Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts. New York 1975. P. 43–58.
- Kokkonidis M. Why Glue a Donkey to an F-structure when you can Constrain and Bind it Instead // Butt M., King T. (eds.) Proceedings of LFG 2005. Stanford, 2005.
- Potts C. The Logic of Conventional Implications. Oxford, 2005.
- Ross J.R. Constraints on Variables in Syntax. Doctoral dissertation, Massachusetts Institute of Technology. 1967.
- Scheffler T. Two-dimensional semantics. Clausal adjuncts and complements. Berlin, 2013.
- Txurrutika I. G. The natural language conjunction and // Linguistics and Philosophy. 2003. 26. P. 255–285.
- Yuasa E., Sadock J. M. Pseudo-subordination: a mismatch between syntax and semantics // Journal of Linguistics. 2002. 38 (1). P. 87–111.

Об интеграции формальной и лексической семантики

В. Б. Боршев

ВИНИТИ РАН (Москва) / University of Massachusetts, Amherst (USA)

vladimir.borshev@gmail.com

Формальная и лексическая семантика, онтология, типы и сорта, конструкция меры.

Summary. Integration of Formal and Lexical semantics can be possible if they speak the same language. We show how it might be done for the genitive of measure construction in Russian: *dva stakana moloka, polkorziny gribov*, etc.

Замысел. Опираясь на работы [1]; [2], я уточняю приведенную там семантику конструкции меры в русском языке

(выражения вида *два стакана молока, ящик яблок, полкорзины грибов*), добавляя к ней онтологическую информацию.

В цитированных работах – это *сорта* сущностей, разного рода *контейнеров* и их содержимого – *порций субстанций*. На содержательном уровне использование этой информации дает возможность описывать сочетаемость и формально отделять семантически правильные выражения от неправильных.

Технически это достигается объединением понятий *типа* и *сорта*, т.е. сорта, к которым относятся слова и выражения, становятся типами и добавляются к иерархии типов. Таким образом радикально увеличивается количество типов, и существенная часть лексической семантики становится частью семантики формальной.

Примеры

- (1.1) Он выпил два стакана молока
 (1.2) Возьмите два стакана муки
 (1.3) Он съел два куска пирога
 (2.1) *Он выпил два стакана муки
 (2.2) *Два куска молока

Все эти примеры содержат *выражения меры*. Примеры первой группы (1.1 – 1.3) семантически правильны, потому что они опираются на, так сказать, онтологически правильную картину мира.

А вот примеры второй группы семантически неправильны. И прежде всего по онтологическим причинам. *Два стакана муки* (часть выражения 2.1) – это правильное выражение. Но муку нельзя пить, мы пьем только *жидкости*. Точно так же *два куска молока* – неправильное выражение, т.к. молоко, как и другие жидкости, мы не мерим кусками.

Основы формальной семантики были заложены Р. Монтегю. Это теоретико-модельная семантика. Один из ее основных принципов – композициональность, значения сложных выражений строятся из значений их частей. Но формальная семантика (по крайней мере изначально) – это, в основном, «семантика синтаксиса». Монтегю, будучи логиком, не занимался лексической семантикой, считая эту задачу «эмпирической».

Приведу цитату из текста В. Partee *On the meeting of formal semantics and the lexicon*.

Formal semanticists are always thinking about compositionality, how the meaning of a sentence (or any other complex expression) is built up from the meanings of its parts. And on the one hand, this requires having some ideas about the meanings of the smallest parts – words and morphemes – because they form the starting point for semantic composition. So formal semantics needs some kind of lexical semantics to start from. The bare minimum is to make some assumptions about the nature of lexical meanings and not make any specific claims about any particular lexical meanings – that was Montague's strategy, since he had neither the interest nor the competence to address empirical matters of lexical semantics. He limited himself to trying to figure out the “semantic type” of various classes of lexical items, and the actual semantics for certain key ‘logical words’.

У Монтегю два основных типа: e и t , а в каждой модели два домена (domains) D_e и D_t , множество всех сущностей и множество истинностных значений.

С помощью основных типов строится иерархия (башня) типов: $\langle e, t \rangle$, $\langle e, e \rangle$, $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$ и т. п. Тип $\langle a, b \rangle$ здесь соответствует множеству $D_{\langle a, b \rangle}$ всех функций вида $f: D_a \rightarrow D_b$

(формально рассматриваются только функции разных уровней, но с их помощью можно представлять и самые разные предикаты)

По сути дела, вводя башню типов, Монтегю задает рамки для онтологии естественного языка – какие типы сущностей и их соотношений допустимы в языке. В рамках этой довольно бедной онтологии он описывает «семантику синтаксиса».

В докладе я предлагаю несколько расширить стандартный формализм, объединив понятия *типа* и *сорта*: к доменам, которые Монтегю вводит для типов, добавляются новые домены, представляющие сорта. При этом естественно пользоваться многоосновными моделями, в которых домены (основания) могут пересекаться и вкладываться друг в друга.

Эти технические изменения позволяют добавить к формальной семантике онтологическую информацию. При этом коренным образом меняется баланс конкретной информации – добавляется громадный объем лексической информации.

Так, для выражений меры, рассматривающихся в работе, вводятся типы для разного рода контейнеров и порций субстанций: glass, basket, ..., vessel, container, milk, water, flour, ... , liquid, granul_subst, pour_subst.

Для этих типов вводятся соответствующие домены D_{glass} , D_{basket} , D_{vessel} , $D_{container}$, а так же D_{milk} , D_{water} , D_{flour} , ..., D_{liquid} , D_{granul_subst} , D_{pour_subst} и т.п. Рассматриваются функции, определенные и принимающие значения на этих доменах.

Так домен D_{milk} , соответствующий типу milk, состоит из всех порций молока, ему соответствует предикат (характеристическая функция) $milk: D_e \rightarrow D_t$, истинная на порциях молока. А типу liquid соответствует домен D_{liquid} , состоящий из всех порций жидкости, и, конечно, $D_{milk} \subset D_{liquid}$. Например, рассматриваемая в работе функция LITER, сопоставляющая каждой порции жидкости ее объем, принадлежит к типу $\langle liquid, r \rangle$ функций вида $D_{liquid} \rightarrow D_r$, где r – тип вещественных чисел. И эта функция определена только на порциях жидкости, но не определена, например, на кусках чего-нибудь.

Таким образом, можно добавлять типы, отражающие по сути дела весь словарь. Это позволяет при описании конструкций вводить ограничения на их компоненты и, тем самым описывать ограничения на сочетаемость при описании семантики конструкций.

В тексте доклада приводятся и обсуждаются такого рода ограничения, позволяющие, в частности, отличать рассмотренные выше правильные выражения от неправильных. Тут все не так просто. Если предложение 2.1 неправильно, то предложение *Вряд ли он мог выпить два стакана муки* является вполне приемлемым. В модальных и отрицательных контекстах глагол *выпить* не накладывает аналогичного запрета на сочетаемость.

Литература

1. Partee Barbara H., Borschev Vladimir. Sortal, relational, and functional interpretations of nouns and Russian container constructions // Journal of Semantics. 2012. Vol. 29. No 4. P. 445–486.
2. Partee Barbara H., Borschev Vladimir. Dva stakana moloka: substances and containers in genitive of measure constructions in Russian // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 140–166.

Эволюция управления предлога «между» в русском литературном языке XVIII–XXI веков

Е. А. Валова, И. Б. Иткин

Высшая школа экономики, Институт востоковедения РАН / школа «Муми-Троль» / Высшая школа экономики

dunya_v@yahoo.com, isv@gol.ru

Управление, предлог, русский язык, корпусное исследование.

Summary. The purpose of this study is to describe the government of the Russian preposition ‘mezhdū’ and its evolution. We examine the factors that affect the choice of case (instrumental or genitive), present some statistics based on the data from the Russian national corpus and provide examples illustrating the change of this preposition’s government throughout the last three centuries.

В рамках доклада планируется рассмотреть эволюцию управления русского предлога *между*, который может употребляться с зависимыми как в инструменталисе, так и в генитиве. Кроме того, согласно словарям и нормативным справочникам, рассматриваемый предлог, за исключением

некоторых особых случаев, может управлять только именной группой во множественном числе (*между друзьями*) или сочиненными именными группами, соединенными союзом *и* (*между рек и озер*) [Большой толковый словарь русского языка 1998; Малый академический словарь 1999].

Основная цель нашей работы состояла в том, чтобы определить частотность употребления обоих падежных вариантов и характер ее изменения, а также выявить факторы, влияющие на выбор падежной формы.

Для исследования использовались материалы Национального корпуса русского языка (данные поэтического подкорпуса учитывались отдельно). Весь массив текстов основного корпуса с 1701 года по настоящее время был разбит на временные интервалы по двадцать пять лет, из каждого интервала случайным образом были отобраны двести пятьдесят примеров. В итоговую выборку по прозе вошли 3076 примеров. В поэтическую выборку вошли 1205 примеров. Далее производился количественный анализ примеров с генитивом и инструменталисом. Затем на основании полученных выборок исследовались особенности именных групп, зависимых от предлога.

Было установлено, что преобладающая среди исследователей точка зрения, согласно которой в ходе истории русского языка происходит постепенное вытеснение конструкции «*между* + Gen» конструкцией «*между* + Instr», не подтверждается фактами: доля генитива при предлоге *между* в прозаических текстах всегда была очень низкой (от 10 до 20%), и на протяжении последних трех столетий она даже несколько возрастает. При этом наблюдается спецификация конструкции «*между* + Gen», которая утрачивает способность употребляться в качестве зависимой от существительного, а также способность к сочинению, ср. невозможные для современного русского языка примеры типа:

- (1) ...Известный Лафатер, в угле, также мысленно начертанном, не только находил различие разумов между людьми, но оное выдавал за непреложное правило. [А. Н. Радищев. О человеке, о его смертности и бессмертии (1792–1796)]
- (2) Но, прибыв в сей край, действительно много такого мы увидели, чего не могли представить, будучи в столице

между кривотолков и энтузиастов здешней округи.
[Н. А. Львов. С. Р. Воронцову (1787–1801)]

В настоящее время конструкция "*между* + Gen", как правило, употребляется в прямом пространственном значении, причем в роли зависимого чаще всего выступают существительные, означающие парные предметы (в первую очередь – парные части тела), ср. *между глаз, между рук, между щитков*. Для многих таких сочетаний частотность генитива превышает частотность инструменталиса.

Кроме того, было установлено, что, если в предложении после предлога *между* и его зависимого следует именная группа в творительном падеже, существует тенденция к диссимилиации – при предлоге употребляется генитив, ср.:

- (3) *Мы проезжаем деревню с широкой засугробившейся улицей и спускаемся с небольшой горы в старинный седой парк с просвечивающими между деревьев огнями.*
[П. А. Сергеев. Вечер в Ясной (1910)]

По-видимому, это явление обусловлено необходимостью разграничения двух стоящих рядом именных групп, не являющихся ни сочиненными, ни соподчиненными.

Отметим также, что, как выяснилось в ходе проведенного исследования, предлог *между* способен (вопреки данным грамматик и словарей) управлять зависимым в единственном числе (чаще всего в этой роли выступают существительные с собирательным значением), ср.:

- (4) *В одном месте в глаза мне попало неожиданное впечатление: недалеко от дороги вился тонкий дымок между валежником* [В. Г. Короленко. Мороз (1900–1901)].

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
2. Малый академический словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984.
3. Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorpora.ru/].

Внутренний и внешний синтаксис русских фокализаторов

Дж. Гардзонио / Jacopo Garzonio

University of Venice Ca' Foscari (Венеция, Италия)

j.garzonio@gmail.com

1. В докладе я анализирую синтаксическое поведение и внутреннюю структуру фокусных наречий *только, даже* и *тоже*. В (Кауне 1998, 2005) высказывается предположение, что отношения между сферами действия (СД) не устанавливаются с помощью скрытых передвижений в логической форме (LF). Я продемонстрирую, что это предположение подтверждается материалом русского языка, но нуждается в уточнении. Я покажу, что фокализаторы могут занимать вершину любой из фокусных проекций в структуре клаузы и что, таким образом, предлагаемую в (Кауне 1998) WP-проекцию (мнемоническое для Word order 'порядок слов' (Кауне *ibid.*: 150)) следует интерпретировать как верхнюю фокусную проекцию одного из поясов функциональных проекций в клаузе (vP, TP или CP). В последней части моего доклада я рассмотрю морфологическое устройство русских фокализаторов.

2. Русские фокализаторы могут, но не обязаны, контактно предшествовать фокализуемому элементу. Предложение типа (1b) может иметь то же значение, что и (1a), где *только* имеет в своей СД только объектную DP [в дальнейшем я буду рассматривать зависимые клаузы с имперфективным глаголом в форме аналитического будущего, поскольку в них вершины C (Force) и T(ense) имеют лексическое наполнение (*что* и *будет* соответственно)]:

- (1) a. ...что будет читать только [Пушкина]
b. ...что будет только читать [Пушкина]
c. ...что будет только [читать Пушкина]

Важно отметить, что в структуре клаузы есть несколько фокусных позиций (Дуаконова 2009 *i.a.*). Например, прямая объект, являющийся новой информацией, может занимать как позицию между вспомогательным и лексическим глаголами (2a), так и перед вспомогательным (2b). Интересно, что фокусное наречие появляется в этих же позициях и имеет в своей сфере действия объект, оставшийся *in situ* (2c-d).

- (2) a. ...что будет [Пушкина] читать Пушкина
b. ...что [Пушкина] будет читать Пушкина
c. ...что будет только читать [Пушкина]
d. ...что только будет читать [Пушкина]

Заметим также, что есть еще одна возможная структура: наречие находится в CP, а фокализуемая составляющая — на левой периферии vP:

- (3) ...что только будет [Пушкина] читать

Другие фокализаторы демонстрируют идентичное распределение. Кроме того, наречия *только, даже* и в особенности *тоже* могут следовать за фокализуемым элементом.

3. Теория Кейна о синтаксисе фокализаторов основана на предположении, что скрытые передвижения в LF никак не влияют на отношения между СД. В таком случае озвучиваемые порядки слов являются продуктом деривационных процессов, в том числе передвижений. Для фокализаторов существуют следующие варианты деривации: VP/vP соединяется с фокализатором, (5a); фокусная составляющая (e.g., прямой объект) передвигается в спецификатор проекции, вершина которой занята фокализатором (5b); фокализатор передвигается в вершину более высокой проекции (обозначаемую Кейном как W°), (5c); наконец, операция остаточного передвижения (Remnant movement, RM) может применяться к лексическому материалу, оставшемуся в VP, передвигая его в спецификатор W° (5d).

- (5) a. John only criticized Bill *only* объединено с VP
b. John [Bill] only criticized ~~Bill~~ [Bill] передвигается в Spec *only*
c. John [only]W° [Bill] ~~only~~ criticized ~~Bill~~ *only* передвигается в W°
d. John [criticized ~~Bill~~][only][Bill] ~~only~~ criticized ~~Bill~~ RM в Spec W

Я предполагаю, что в примерах типа (2d) используется фокусная проекция на левой периферии клаузы. Чтобы интегрировать эту идею в теорию Кейна предположим, что фокализаторы могут передвигаться выше W° . Однако само по себе передвижение фокализаторов в CP недостаточно, чтобы деривировать все существующие порядки слов. В частности, (2c) может представлять проблему для теории Кейна: порядок слов соответствует первой стадии деривации, но фокализатор соединяется с глагольной группой. Объяснить это в терминах нашей теории возможно, если предположить, что фокализаторы могут соединяться со структурами разного размера. Иначе говоря, есть больше одной позиции для фокуса даже в рамках одной фазы. Общеизвестно, что в русском языке лексический глагол передвигается по крайней мере в аспектуальную проекцию нижней части IP. Предположив, что *только* и другие фокализаторы могут присоединяться на уровне vP или на уровне AspP, мы получим две деривации, представленные в (6) (RM не показан):

- (6) a. [vP читать [Пушкина]]
 – присоединим AspP к vP
 [AspP [vP читать [Пушкина]]]
 – передвинем глагол в Asp° и присоединим *только* к AspP
 [FocusP только [AspP читать [vP ~~читать~~ [Пушкина]...]]]
 – передвинем объект в Spec[Focus], присоединим W° к FocusP и передвинем фокализатор в W°
 [WP только [FocusP Пушкина ~~только~~ [AspP читать [vP ~~читать~~ [Пушкина]...]]]]
 b. [vP читать [Пушкина]]
 – присоединим *только* к vP и передвинем объект в Spec[Focus]
 [FocusP Пушкина только [vP читать [Пушкина]...]]
 – присоединим AspP к FocusP и передвинем глагол в Asp°
 [AspP читать [FocusP Пушкина только [vP ~~читать~~ [Пушкина]...]]]

– присоединим W° к AspP и передвинем фокализатор в W°

[WP только [AspP читать [FocusP Пушкина ~~только~~]]
 [vP ~~читать~~ [Пушкина]]]

Важный результат такого анализа — то, что вершина W не присоединяется сразу же поверх FocusP, а непосредственно предшествует в деривации проекции времени (TP). Это предположение позволяет иначе взглянуть на интерпретацию WP. Как было показано выше, русские фокализаторы могут передвигаться в верхнюю фазу, а именно — в фокусную проекцию в CP. Это может быть интерпретировано как один из возможных способов удовлетворить общему требованию, чтобы фокализаторы передвигались в самую высокую фокусную вершину в поясе функциональных проекций.

4. Резюмируя, скажем, что русские фокализаторы являются точками притяжения, в том смысле, что они присоединяются к vP или большей структуре, притягивают составляющую в свой спецификатор и, наконец, передвигаются в вершину более высокой фокусной проекции в IP или в CP. Остаточное передвижение vP является факультативным, как показывают примеры с фокализатором следующим за фокализатором единичной. Русские фокализаторы морфологически сложны: фокусная частица *-же*, форманта *то* (связываемая с демонстративами), комплементаризер *да*, наречная форманта *-ко* и вопросительная частица *-ли*. В докладе я не обсуждаю этимологические вопросы, но их структура ясно показывает, что они являются сложными вершинами. Это указывает на то, что предположение Кейна, в котором постулируются разные вершины и передвижения в целом верно.

Литература

1. Dyakonova M. A phase-based approach to Russian free word order, Ph.D. thesis. University of Amsterdam, 2009.
2. Kayne R. Overt vs Covert Movement, "Syntax". 1998. 1.2, 128–191.
3. Kayne R. Movement and Silence. Oxford; New York, 2005.

Древнерусские прилагательные и структура ИГ

П. В. Гращенков

Институт востоковедения РАН (Москва)
 pavel.gra@gmail.com

Относительно древнерусского и других славянских языков древнего периода часто утверждается, что они имели так называемый неконфигурационный характер, см., например, [3]. Корпусное изучение письменных древнерусских памятников, однако, вполне опровергает это наблюдение. Выборка примеров, составленных при помощи НКРЯ, позволяет сделать следующие интересные заключения.

1. Древнерусские памятники еще содержат достаточное количество примеров атрибутивного употребления кратких форм прилагательных, вопреки [1: 218], см. (1–2). Если исследовать наиболее частотные адъективы, можно прийти к выводу, что употребление полных форм становится несколько более предпочтительно, (3).
2. Что касается расположения прилагательных относительно именной вершины, то здесь в целом более предпочтительна препозиция, см. (3), причем в случае полных форм это правило универсально для всех прилагательных.
3. Уже в данный период наличие краткой формы характерно в основном для качественных прилагательных, относительные же прилагательные преимущественно лишены ее, (4). Употребление кратких форм относительных прилагательных, однако, еще встречается, (5).
4. В тех ИГ, где прилагательных несколько, возможны различные комбинации порядка слов, однако как правило все имеющиеся (дескриптивные) прилагательные употреблены либо в полной, (6), либо в краткой форме, (7).
5. Если наблюдается варьирование расположения прилагательного до / после имени, в постпозиции как правило оказываются прилагательные со значением национальности, материала, места, см. (8–10).

Перечисленные наблюдения могут быть проанализированы следующим образом. Порядок слов в ИГ с краткими прилагательными, соответствующими более архаичному состоянию грамматической системы, характеризовался свободным расположением имени (см., например, (1–2)), которое можно объяснить передвижением именной вершины, см. [2] и др. Структура подобных ИГ изображена в (11), а передвижение имени могло быть связано с необходимостью проверки «слабых» признаков падежа, числа и рода. Появление и активное продвижение в языке полных форм прилагательных привело к изменению характера признаков: из «слабых» именных они стали «сильными» адъективными, не требующими передвижения вершины для проверки, что выразилось в более последовательной препозиции полных форм. Способность к передвижению, однако, еще остается, см. примеры (8–10). Из (8–10) хорошо видно, что передвижение вершины происходит над теми классами прилагательных, которые традиционно занимают достаточно низкую позицию структуре ИГ, см. [5] среди прочего. Важно, что порядок следования адъективных модификаторов и имени в древнерусском не является произвольным, а соответствует установленным типологическим и структурным закономерностям, см. [3], [2] и др.

Таким образом, из-за появления новой формы адъективов и изменения качества формальных признаков передвижение именной вершины постепенно становится избыточным. В докладе предполагается более подробно осветить формальные аспекты структуры ИГ и группы прилагательного на данном этапе развития русского языка.

- (1) ...и кости многы члкъ ѿ [злы смръти] съкроушены лежаща (Александрия).
- (2) аз же ѿвергохъса того, виж(ѡ)ь, како ма [смръти злѣ] хотѣтъ предѣти (Александрия).

(3)				
прилагательное	препозиция	постпозиция		
великъ	171	259	всего кратких	667 (45%)
великыи	367	255		
маль	81	20		
малыи	23	5		
добръ	23	20	всего полных	830 (55%)
добрыи	55	25		
зълъ	34	42		
зълыи	63	27		
красьнь	3	14		
красьныи	6	4		
	всего в пре-позиции	всего в пост-позиции		
	826 (55%)	671 (45%)		

(4)

золотъ	8
золотыи	28

- (5) на ню [монисто золото] с каменіе(м) дорогъ(м) (Волынская летопись)
- (6) ... въдыи кѣо любовь и желанье до [всего бж(с)твенаго цркъвнаго строжня] (Суздальская летопись)
- (7) старость оубо [єа сѣда добра церкви], съблюдоуща многъ нарѣ (ѡ) людїи, доброрастворенїа дож(ѡ)вна оумножающїи (Александрия).
- (8) црѣ александръ, снѣ филипа црѣа и мѣре алоумпїады, къ црѣи црѣмъ и стлѣнїкоу бѣа слнца, сияющеу съ слнцемъ, [дѣрѣви великоу бѡгѡу прѣскому] радовѣтисл. (Александрия)
- (9) ...и [маль столпѣ мраморанѣ] постави надѣ дни(м). (Повесть временных лет)
- (10) ...[въстѡчнаа врата кореньфинскаа] . нѣ. лакоть бѣша възвыше. (Ист. Иуд. войны)
- (11) [NP [N вѣнецъ] адаматинѣ[N тѣвнецъ].многѡцѣннѣ[N тѣвнецъ]] (Александрия)

Литература

1. Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грам. М., 1949.
2. Cinque G. The Syntax of Adjectives: A Comparative Study. 2010.
3. Dixon, R. M. W. Where have all the adjectives gone? // Studies in Language. 1977. 1. P. 19–80.
4. Pavlović S. Uzroci i mehanizmi sintaksičkih promena u srpskom jeziku. 2009.
5. Pereltsvaig A. On the Universality of DP: A View from Russian // Studia Linguistica. 2007. 61 (1). P. 59–94.

Линейная позиция сентенциальных парентетиков в русском языке

А. А. Иванова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ivanastas@gmail.com

Сентенциальные парентетики, атоническая тема, обстоятельства сентенциального уровня, обращения.

Summary. This work considers linear position of some kinds of parentheticals in Russian. Parenthetical constructions which have the whole clause under their scope tend to be located after the first constituent of the sentence. This phenomenon can be explained by means of so-called “atonic theme”.

Парентетики – выражения, которые линейно представлены в составе некоторого высказывания, но в то же время кажутся структурно независимыми от него. В класс парентетиков включаются конструкции, различающиеся по своей длине, сложности и категориальному статусу. В нашем исследовании рассматриваются только (1) употребленные во вводном значении предложения, требующие сентенциального актанта (*я полагаю, считают журналисты*), (2) наречия и другие обстоятельства сентенциального уровня (*очевидно, по всей видимости*) и (3) обращения (*Петя, дорогие читатели*). Мы показываем, где именно в середине предложения могут встречаться данные конструкции, имеющие клаузуальную сферу действия.

Существует два главных синтаксических подхода к анализу парентетических конструкций. Согласно первому из них («неинтегрированному»), парентетики структурно независимы от главного предложения ([1], [4]), тогда как второй («интегрированный») предполагает синтаксическую интеграцию парентетика в клаузу ([2], [6], [7], [3], [5]). Внутри «интегрированного» подхода также существует два основных анализа, которые можно назвать комплементным и обстоятельственным (здесь в первую очередь речь идет о конструкциях, состоящих из субъекта, финитной формы глагола и пробела (gap), соответствующего главной клаузе, например, *I think*). С точки зрения сторонников комплементного анализа, парентетик берет матричную клаузу в качестве комплемента, а наблюдаемая поверхностная структура появляется в результате передвижений. С точки зрения обстоятельственного анализа парентетик порождается как сентенциальное обстоятельство.

Как отмечается в [6], оба главных анализа внутри интегрированного подхода сталкиваются с проблемой при попытке объяснить довольно свободную дистрибуцию парентетиков: с помощью передвижений сложно показать, как парентетики оказываются внутри клаузы, а обстоятельственный анализ не способен установить ограничения на возможные позиции парентетиков, которые все же существуют (см. примеры (1) и (2)).

- (1) Sarah told me that (she admitted), Jan has (*she admitted) strong qualifications (she admitted).
- (2) Sarah told me that (admittedly), Jan has (admittedly) strong qualifications (admittedly).

В рамках нашей работы было проведено исследование на базе Национального корпуса русского языка, в котором были найдены примеры, содержащие парентетические конструкции трех типов:

1. Конструкции с глаголом «считать» в следующих вариантах:

		Настоящее время	Прошедшее время
1 лицо	Без инверсии	<i>я считаю</i>	<i>я считал</i>
	С инверсией	<i>считаю я</i>	<i>считал я</i>
3 лицо	Без инверсии	<i>Х считает</i>	<i>Х считал</i>
	С инверсией	<i>считает Х</i>	<i>считал Х</i>

2. обстоятельства сентенциального уровня: эпистемические (*очевидно, по всей видимости, честно говоря*) и оценочные (*к (не) счастью, к сожалению*).

3. обращения: одиночные имена собственные, а также именные группы типа «уважаемый Х», «дорогой Х».

Обстоятельства и обращения свободно употребляются в начале, конце и середине клаузы, однако не все варианты конструкции с глаголом «считать» могут употребляться в данных позициях:

		начало		конец		середина	
		наст.	прош.	наст.	прош.	наст.	прош.
1 л.	Без инв.	+	+	+	–	+	+
	С инв.	–	–	?	–	–	+
3 л.	Без инв.	+	+	–	–	+	+
	С инв.	–	–	+	+	+	+

Если парентетик встречается в середине клаузы, то чаще всего он оказывается в определенном месте: после первой составляющей. Возможное объяснение такой тенденции – расположение парентетиков в атонической теме, которая находится после первой коммуникативной составляющей

предложения и является нишей для уже известной информации, а также для эмоциональных и вероятностных ремарок говорящего (Янко 2001).

(3) Мои акции, считал я, резко подскочили.

Большинство употреблений парентетических конструкций в других позициях изменяет их сферу действия: они модифицируют уже не всю клаузу, а лишь составляющую, внутри которой они располагаются. Следует отметить, что обычно в русском языке операторы располагаются слева от составляющей, входящей в их сферу действия, однако в случае парентетических конструкций ситуация иная. Так, в примере (4) парентетическая конструкция «считал он», на наш взгляд, имеет в сфере действия лишь именную группу:

(4) ... ровно ничего нельзя было поправить после стольких взаимных, считал он, ошибок.

Для проверки гипотезы о тенденции к расположению парентетика после первой составляющей предложения также было проведено экспериментальное исследование, в целом подтвердившее гипотезу. Однако результаты позволяют предположить, что на позицию парентетической конструк-

ции внутри предложения может влиять тип и распространенность первой составляющей.

Литература

1. Burton-Roberts N. Parentheticals // Encyclopedia of Language & Linguistics (2nd edition, Vol. 9) / Brown K. (ed.-in-chief). Amsterdam, 2006. P. 179–182.
2. Emonds J. Appositive Relatives Have No Properties // Linguistic Inquiry. 1979. Vol. 10. No 2. P. 211–243.
3. Griffiths J. Remarks on alleged subject-oriented parenthetical constructions. Paper presented at Parenthétiques 2012. Paris, May 2012.
4. Kaltenböck G. Spoken parenthetical clauses in English: a taxonomy // Parentheticals [Linguistik Aktuell / Linguistics Today 106] / Dehé N., Kavalova Y. (eds). Amsterdam, 2007. P. 25–52.
5. Läu M., Rooryck J. The syntax of SVØ parentheticals. Presentation for the conference The Nature of Evidentiality, 2012, Leiden, 2012.
6. Rooryck J. Evidentiality, part I // Glot International. 2001. 5(4). P. 125–133.
7. Vries M., de. Invisible constituents? Parentheses as B-merged adverbial phrases // Parentheticals [Linguistik Aktuell / Linguistics Today 106] / Dehé N., Kavalova Y. (eds). Amsterdam, 2007. P. 203–234.

Где ‘Почему’

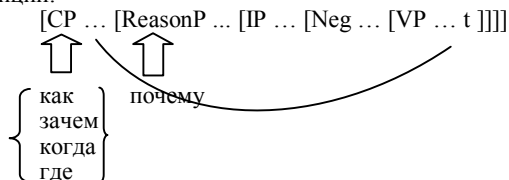
Л. М. Кирпо

Московский гуманитарный университет им. Шолохова / Университет Женевы (Швейцария)

Синтаксис, картография, *wh*-передвижения, ‘почему’.

Summary. Since Rizzi’ (1999) manuscript on Italian, it has been argued for an increasing number of languages that ‘why’ is base-generated in IntP (Complementiser domain), rather than in IP-zone, where all other *wh*-phrases are supposed to be born (Buell, L. (2011), Endo (2013), Kuwabara, K. (2013), Rizzi, L. (1990, 1997, 1999, 2001, 2006, 2013), Stepanov, A. & Tsai, D. (2008), etc.). We will try to demonstrate that this approach can be also applied for Russian *wh*-adjuncts.

Главная цель нашего исследования попытаться подтвердить гипотезу У. Шлонского и Г. Соаре, которые привели в своей статье (Shlonsky, U. and Soare. G. 2011) неопровержимые доводы против начальной позиции в IntP для слова ‘почему’ и выступали за существование для него отдельной позиции:

Как видно из схемы, по теории, предложенной Шлонским и Соаре, ‘почему’ изначально порождается в позиции выше IP, ниже CP, тогда как другие вопросительные адьюнкты передвигаются в зону CP из VP.

В своем докладе мы рассмотрим доводы, иллюстрирующие верность данного предположения для русского языка.

Так, поведение ‘почему’ отчетливо разнится в инфинитиве под отрицанием в сослагательном наклонении:

- 1) Когда бы сходить в кино?
=What is the time x, that it would be possible to go to the cinema at this time x?
- 2) *Когда бы не сходить в кино?
=What is the time x, that it wouldn't be possible to go to the cinema at this time x?

Vs.

- 3) *Почему бы сходить в кино?
=What is the reason x, that it is possible to go to the cinema because of this reason x?
- 4) Почему бы не сходить в кино?
=What is the reason x, that it wouldn't be possible to go to the cinema because of this reason x?

Видно, что ‘почему’ свободно преодолевает отрицание в данном контексте, тогда как ‘когда’ – нет. Это показывает, что «почему» должно находиться ниже отрицания, а другие адьюнкты выше, что соответствует теории Шлонского и Соаре.

В русском языке причину могут выражать многие слова, не только ‘почему’, но и ‘как’, ‘что’ (‘чѐ’, ‘чѐго’), ‘с чѐго’, ‘зачѐм’ и др. Мы считаем, что эти слова также изначально порождаются в позиции ReasonP. Однако эта позиция доступна только для одного вопросительного слова:

- 5) [CP [ReasonP Почему [TP она плачет]]]?
6) [CP [ReasonP Что [TP она плачет]]]?
7) [CP [ReasonP Что [TP ты думаешь]]] [CP [ReasonP t [TP она плачет]]]?
8) [CP Что [ReasonP [TP ты думаешь t]]] [CP [ReasonP t почему [TP она плачет]]]?
9) Когда [ты рассказывал t_{wh}, [CP [ReasonP почему [TP он убил ее t_{wh}]]]]
10) Когда [ты рассказывал t_{wh}, [CP [ReasonP [TP он подарил ей цветы t_{wh}]]]]
11) Когда [ты рассказывал t_{wh}, [CP что [ReasonP [TP он подарил ей цветы t_{wh}]]]]

7) [CP [ReasonP Что [TP ты думаешь]]] [CP [ReasonP t [TP она плачет]]]?
8) [CP Что [ReasonP [TP ты думаешь t]]] [CP [ReasonP t почему [TP она плачет]]]?
9) Когда [ты рассказывал t_{wh}, [CP [ReasonP почему [TP он убил ее t_{wh}]]]]
10) Когда [ты рассказывал t_{wh}, [CP [ReasonP [TP он подарил ей цветы t_{wh}]]]]
11) Когда [ты рассказывал t_{wh}, [CP что [ReasonP [TP он подарил ей цветы t_{wh}]]]]

Так, ReasonP, в отличие от IntP, доступно лишь для одной единственной составляющей.

Опросив 20 носителей, мы выявили, что из подчиненной клаузы нельзя выносить вопросительные адьюнкты, если позиция ReasonP занята:

9) Когда [ты рассказывал t_{wh}, [CP [ReasonP почему [TP он убил ее t_{wh}]]]]

Здесь возможно лишь следующее прочтение ‘когда’: «Когда ты рассказывал», но не «когда он убил ее».

Vs.

10) Когда [ты рассказывал t_{wh}, [CP [ReasonP [TP он подарил ей цветы t_{wh}]]]]

11) Когда [ты рассказывал t_{wh}, [CP что [ReasonP [TP он подарил ей цветы t_{wh}]]]]

Примеры 9–11 показывают, что «почему», находясь в позиции отличной от остальных вопросительных слов, образует остров, из которого нельзя производить выносы. Исходя из принципа Relativised Minimality, можно утверждать, что «почему» относится к тому же структурному типу, что и другие адьюнкты, разница заключается в занимаемой позиции в зоне CP: ‘почему’ находится ниже.

Литература

1. Buell, L. C. Zulu ngani 'why': Postverbal and yet in CP // *Lingua*. 2011. 121. P. 805–821.
2. Endo Yoshio Two Types of ReasonP. 2013. To appear.
3. Kazenin Konstantin. On coordination of wh-phrases in Russian. Ms. University of Tübingen and Moscow State University. Kuwabara.K. 2013. Peripheral effects in Japanese questions and the fine structure of CP // *Lingua*. 2002. 126. P. 92–119.
4. Raxilina, Ekaterina V. Relation of cause and purpose in the Russian text // *Voprosy yazykoznanija*. 1989. 38. С. 46–54.
5. Rizzi Luigi. Relativized Minimality. Cambridge, MA, 1990.
6. Rizzi Luigi. The fine structure of the left periphery // Haegeman L. (ed.). Elements of Grammar: handbook of Generative Syntax. Kluwer, Dordrecht, 1997. P. 281–337.
7. Rizzi Luigi. On the position of Int(erogative) in the left periphery of the clause, unpublished paper, University de Siena, 1999.
8. Rizzi Luigi. On the position "int(erogative)" in the left periphery of the clause // Current studies in Italian syntax: Essays offered to Lorenzo Renzi / Ed. by Guglielmo Cinque and Giampaolo Salvi, 267–296. Amsterdam, 2001.
9. Rizzi, Luigi. On the form of chains: Criterial positions and ECP effects // Wh-movement: Moving on / Ed. by Lisa Lai-Shen Cheng and Norbert Corver. Cambridge, MA, 2006. P. 97–134.
10. Rizzi Luigi. The cartography of syntactic structures: Locality and freezing effects on movement. 2013. To appear.
11. Rojina Nina. The syntactic structures of Russian wh-questions. Doctoral dissertation. 2011.
12. Shlonsky Ur., Gabriela Soare. Where's 'why'. 2011.
13. Stepanov Arthur, Wei-Tien Dylan Tsai. Cartography and licensing of wh-adjuncts: A crosslinguistic perspective // *Natural Language and Linguistic Theory* 2008. 26. P. 589–638.

О двух структурных ограничениях на актантные придаточные

М. Ю. Князев

Санкт-Петербургский государственный университет
misha.knjazev@gmail.com*Актантные придаточные, теория Падежа, нулевой предлог, вторичная предикация*

Summary. In this abstract I argue for the hypothesis that argument clauses require structural Case. To support this claim, I discuss two restrictions on argument *što*-clauses in oblique positions. Assuming that clauses in oblique positions are checked by the insertion of a null P, I show that the observed restrictions could follow from the failure to license the null P.

Номинативные и аккузативные аргументы обычно противопоставляются аргументам в косвенных падежах и предложным группам как накладывающие на свою дистрибуцию, помимо тега-маркирования и соответствия селекционным признакам предиката, более общие структурные ограничения. Эти ограничения связывают с понятием структурного Падежа, требующего лицензирования в определенных синтаксических конфигурациях.

Согласно устоявшемуся взгляду ([4]; [3]) аргументные придаточные в этой классификации примыкают к косвенным именным группам как не требующие структурного Падежа, что, как правило, объясняется их способностью употребляться с адъективными и субстантивными предикатами, ср. (1)–(2).

- (1) а. Маша рада, что Иван приехал.
б. Маша рада {приезду Ивана / *приезд Ивана}.
- (2) а. Маша выразила надежду, что Иван приедет.
б. Маша выразила надежду {на приезд Ивана / *приезд Ивана}.

Однако более внимательный взгляд на дистрибуцию русских придаточных дополнительных с союзом *что* обнаруживает некоторые синтаксические ограничения, которые допускают трактовку в терминах структурного Падежа. В этом докладе будут рассмотрены два типа таких ограничений и будет предложена гипотеза, согласно которой эти ограничения могут объясняться (при ряде дополнительных допущений) наличием у аргументных придаточных (абстрактного) структурного Падежа.

Первое ограничение заключается в том, что придаточное недопустимо при деагентивных употреблениях некоторых глаголов речи при допустимости в той же позиции косвенных (косвенно-предложных) дополнений с соотносительным местоимением *то* и соответствующим придаточным. В противоположность этому соответствующие агентивные употребления не накладывают соответствующих ограничений на придаточные. Это можно проиллюстрировать на примере глаголов *грозить* и *говорить*, приведенных в (3)–(4).

- (3) а. *Опоздание грозило Ивану, что его уволят.
б. Опоздание грозило Ивану {тем, что его уволят / увольнением/*увольнение}.
- в. Начальник грозил Ивану (тем), что уволит его.
- (4) а. ?*Состав почвы говорит, что на этом месте было озеро.
б. Состав почвы говорит {о том, что на этом месте было озеро / о существовании озера / *существование озера}.
- в. Эксперты говорят (о том), что на этом месте было озеро.

Второе ограничение заключается в том, что придаточное недопустимо при некоторых номинализациях, если при них имеется выраженный (исходный) агентивный аргумент, при

том, что в той же позиции может быть употреблена конструкция с соотносительным местоимением. В противоположность этому те же номинализации способны употребляться с придаточными, в которых агентивный аргумент остается невыраженным и интерпретируется как кореферентный одному из участников главной клаузы. Это можно проиллюстрировать номинализациями *надежда* и *доказательство* в (5)–(6).

- (5) а. ?*Он разделял Машину надежду на то, что Иван приедет.
б. Он разделял Машину надежду на то, что Иван приедет.
в. Маша выразила надежду (на то), что Иван приедет.
- (6) а. ?*Он сослался на Машину доказательство, что шоколад помогает от депрессии.
б. Он сослался на Машину доказательство того, что шоколад помогает от депрессии.
в. Он привел доказательство (того), что шоколад помогает от депрессии.

Тот факт, что два рассмотренных выше ограничения на придаточные имеют место в позициях, в которых недопустим аккузативный аргумент – ср. (2б), (3б) и (4б) – позволяют предположить, что эти ограничения некоторым образом связаны с (невыполненным) требованием структурного Падежа. Предположим, что хотя в этих позициях неспособны употребляться аккузативные аргументы, грамматика все же располагает особым механизмом удовлетворения этих требований. А именно в тех случаях, где «нормальный» приписыватель Падежа отсутствует, для лицензирования структурного падежа может быть вставлен нулевой предлог. (Похожая логика использовалась для объяснения в английском вставки *of* перед субстантивными аргументами в номинализациях.)

Таким образом, ограничения на придаточные в вышеуказанных случаях могут следовать из условий, в которых вставка нулевого предлога допустима. Чтобы понять, какими могут быть такие условия, можно воспользоваться гипотезой о том, что нулевые элементы недопустимы в грамматике, если они не обладают некоторым значением [1]. Каким же образом нулевой предлог может удовлетворить этому условию? Можно предположить, что в грамматике существует прагматический механизм, который приписывает нулевому элементу в определенном контексте некоторое значение по умолчанию, наиболее прототипическое для данного элемента в данном контексте. (Здесь можно вспомнить примеры типа *John began a novel* из [5], в которых невыраженное действие интерпретируется как 'читать' или 'писать').

Конкретнее, я предположу что нулевой предлог в контексте придаточного интерпретируется как отношение обладания ментальным состоянием, выраженным придаточным –

действительно, придаточные, будучи по своей семантике пропозициями, прототипически являются участниками ментальных и речевых актов (в основе которых лежит наличие / передача некоторого ментального состояния.) А поскольку обладание определяется только для одушевленных участников (ср. ограничения на глагол *have* и конструкцию с двойным объектом в [2]), мы будем ожидать, что нулевой предлог будет требовать при себе одушевленного участника для правильной интерпретации.

Остается вопрос о том, как именно будет идентифицирован одушевленный участник отношения, выраженного нулевым предлогом. Здесь я предположу, что идентификация будет происходить при помощи механизма (вторичной) предикации.

Каким же образом будут следовать из этих допущений приведенные выше ограничения на употребление придаточных? В примерах (3а)–(4а) будет невозможна корректная интерпретация нулевого предлога, поскольку подлежащее является неодушевленным, а дативные дополнения, как и все прочие косвенные дополнения, не способны выступать в качестве субъектов вторичных предикатов (см. [4]). В примерах (5а)–(6а) потенциальный одушевленный участник выражен посессивным прилагательным, что также исклю-

чает вторичную предикацию (ср. ?*Ивану не понравилось *Машино выступление на конференции пьяной*). Что касается примеров (5в)–(6в), то для них можно постулировать наличие в структуре невыраженного подлежащего, которое допускает вторичную предикацию (ср. ?**Маши была не готова к выступлению на конференции пьяной*).

Подводя итоги, можно сказать, что гипотеза о том, что придаточные требуют структурного Падежа, дополненная допущением о возможности вставки нулевого предлога и о правилах его интерпретации, способна объяснять два систематических ограничения на дистрибуцию придаточных с союзом *что*.

Литература

1. Chomsky Noam. The minimalist program. Cambridge, MA, 1995.
2. Harley Heidi. Possession and the double object construction. Linguistic Variation Yearbook. 2002. 2. P. 31–70.
3. Pesetsky David, Esther Torrego. Tense, Case, and the Nature of Syntactic Categories // The Syntax of Time / Ed. J. Guéron, J. Lecarme. Cambridge, Mass., 2004. P. 495–537.
4. Pesetsky David. Paths and categories. Doctoral Dissertation, MIT, Cambridge, MA, 1982.
5. Pustejovsky James. The generative lexicon. Cambridge, MA, 1995.

Антисубъектный прономинал в русском языке

П. А. Коваль

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

waschbaren@gmail.com

Теория связывания, прономинал, рефлексив, антисубъектная ориентация, субъектная ориентация

Summary. It was noted before (at least since [Rappoport 1986]) that Russian reflexive *себя* in long-distance contexts demonstrates subject orientation, also subject orientation was reported for null anaphoric pronoun in certain contexts, but it was almost unnoticed that pronominal *тот* shows anti-subject orientation. I argue that in Russian LDA inventory there are at least two elements – one with subject orientation and the other with anti-subject orientation. In my speech I am going to show how from the fact that both subject-oriented and anti-subject-oriented elements (*свой* and *того* respectively) have fixed positions in the noun phrase (and taking into account the well-known parallelism between noun phrase and clause) follows a pure syntactic account of LDA in terms of derivational binding theory.

Цель данного исследования: описать дистрибуцию местоимения *тот* и определить его место в системе анафорических средств русского языка.

Тот является прономиналом и всегда имеет антисубъектную ориентацию, в системе всегда есть «парный» элемент с субъектной ориентацией (явление субъектной ориентации анафорических элементов в русском языке известно, по видимому, еще с работы [10], однако единственное упоминание антисубъектной ориентации местоимения *тот*, которое нам удалось обнаружить, – [7]). Важнейшим наблюдением является то, что в именной группе действует синтаксический запрет для антисубъектного *того* на появление слева от вершинного имени, а для «парного» субъектного *свой* – справа.

В своем докладе я предложу анализ анафорических средств с (анти)субъектной ориентацией в русском языке с точки зрения деривационной теории связывания.

Субъектной ориентацией в инвентаре анафорических средств русского языка обладают несколько элементов, например, нулевое анафорическое местоимение в позиции субъекта зависимой предикации (1).

Субъектная ориентация не является непременным свойством нулевых анафорических местоимений (в русском ее нет, например, в целевых придаточных). В другом *pro-drop* языке, португальском, нулевое анафорическое местоимение в позиции субъекта такого же придаточного может иметь в качестве antecedента любой из аргументов матричной предикации (но, как и в русском, не может связываться дискурсивно).

(1) Вася_i сказал Пете_j, что Δ_{i,*j,*k} придет.

(2) ПОРТУГАЛЬСКИЙ
O director_i informou o medico_j de que
директор информировал врач что
Δ_{i/j,*k} vai receber novo equipamento.
получит новое оборудование
Директор предупредил врача, что получит новое оборудование.

[Branco 2007:65]

(В португальском набор возможных antecedентов нулевого анафорического местоимения зависит ещё и от наклонения глагола, для нас это несущественно, подробнее см., например, [8].)

Для референции к не-субъектным аргументам используется местоимение *тот*:

(3) Вася_i сказал Пете_j, что тот_{*i,j,k} ошибается.

Использование местоимения *он* в этой позиции порождает синтаксическую омонимию:

(4) Вова_i сказал Диме_j, что он_{i,j,k} хорошо умеет врать.

Идентичная картина наблюдается в инфинитивных оборотах: рефлексив *себя* имеет субъектную ориентацию (5), прономинал *тот* служит его антисубъектной «парой» (6):

(5) Директор_i приказал секретарю_j Δ_j запретить дворнику_k Δ_k называть себя_{i,*j,*k} зайкой.

(6) Директор_i приказал секретарю_j Δ_j запретить дворнику_k Δ_k называть того_{*i,j,*k,???} зайкой.

Наконец, в именной группе также есть два средства – с субъектной и антисубъектной ориентацией:

(7) Вова_i дал Диме_j *свой*_{i/*j,*k} пароль.

(8) Митя_i схватил было старика_j за руку, чтобы потрясть её, но что-то злобное промелькнуло в глазах *того*_{*i,j}.

Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

Однако, в именной группе оказывается невозможно инвертирование порядка следования элементов (для *свой* инверсия возможна лишь в случае фокализации вершинного имени, без нее предложение становится неграмматичным).

(9) а. Вова_i дал Диме_j ПАРОЛЬ *свой*_{i/*j,*k}.

б. *Вова дал Диме пароль *свой*.

(10) * ... но что-то злобное промелькнуло в *того* глазах.

Это можно объяснить запретом для этих элементов занимать определенные позиции в структуре именной группы. То, что природа этого запрета не семантическая, а синтаксическая, видно, из следующей пары примеров:

(11) Вася_i попытался продать Коле_j свою_{i/*j} машину.

(12) ?Вася_i попытался продать Коле_j машину того_{*i,j}.

Очевидно, оба анафорических элемента могут иметь одну и ту же тематическую роль. Допустимость интерпретации *того* как посессора и сложность получения такой интерпретации можно объяснить LF-передвижением (ср. [4]).

Все сказанное позволяет предположить, что в именной группе действует запрет на озвучивание *того* слева от вершинного имени, а *свой* – справа.

Учитывая известный параллелизм между структурой клаузы и структурой именной группы (см. [5] i. a.), я предполагаю, что тот же запрет распространяется и на структурные позиции их антецедентов.

В своем докладе я предложу деривационный анализ этого набора фактов в духе [1]; [2], [6]; [9].

Литература

1. Baylin J. F. A Derivational Approach to Micro-Variation in Slavic Binding. // M. Golezdzinowska et. al. (eds.) Formal Approaches to Slavic Linguistics. 2007. 15. U.
2. Baylin J. F. Some Derivational Binding Effects // J. F. Bailyn et al. (eds.). Proceedings of NSGSW 1, University of Novi Sad, 2009.

3. Branco A. H. Null subjects are Reflexives, not Pronouns. Lecture Notes in Artificial Intelligence 4410. 2007. P. 59–76.
4. Borschev V. & Partee B. H. Genitives, relational nouns, and argument-modifier ambiguity // E. Lang et al. (eds.) Modifying Adjuncts (Interface Explorations 4). Mouton de Gruyter. 2007. P. 67–112.
5. Haegeman L. & Alexiadou A. & Stavrou M. Noun Phrase in Generative Perspective. Studies in Generative Grammar 71. Mouton de Gruyter, 2008.
6. Hicks G. The Derivation of Anaphoric Relations. Linguistic Aktuell. John Benjamins Publishing, 2009.
7. Kapitonov I. Russian Binding Issues. Manuscript, RGGU, 2008.
8. Menuzzi S. Binding Theory and Pronominal Anaphora in Brazilian Portuguese. Holland Academic Graphics, Holland, 1999.
9. Nuñez J. M. Sideward Movement // Linguistic Inquiry. 2001. Vol. 31, No. 2. P. 303–344.
10. Rappaport G. C. On Anaphor Binding in Russian // Natural Language & Linguistic Theory. 1986. Vol. 4. No. 1. P. 97–120.

Славянский тип аспектуальности и видовое значение отглагольного имени: традиционный и генеративный подход

Е. В. Падучева

ВИНИТИ РАН (Москва)

elena.paducheva@yandex.ru

Славянский тип аспектуальности, отглагольное имя.

Summary. Russian belongs to Slavic-style aspect languages: a Russian verb is either perfective or imperfective – it has no aspectually unmarked stem. Deverbal nouns are derived from both perfective and imperfective stems, and it is always clear from which one of the two. But semantics of the aspectual opposition is not preserved under derivation. What a deverbal noun could have inherited from the verb is only the actional class of the verb, i.e. opposition ‘event – process’. But even this kind of inheritance doesn’t take place. The vast majority of deverbal nouns obeys the principle (established in Zalizniak 2007) ‘a single deverbal noun for an aspectual pair’, this single noun being obliged to perform both functions. But even when this principle fails a noun, though possessing an aspectually marked stem, doesn’t preserve the aspectual semantics of the motivating verb.

Принципиальное отличие категории вида в славянских языках от вида в таких языках, как, например, английский или итальянский, состоит в том, что в славянских языках глагол всегда является либо совершенным, либо несовершенным (двувидовые глаголы типа *казнить* естественно трактовать как омонимичные). Скажем, в английском языке есть два ряда аспектуальных форм, Perfect и Continuous, и, кроме того, ряд форм Indefinite, немаркированный по виду. А у русского глагола нет аспектуально немаркированных глагольных форм. Эту особенность славянских языков обозначают как СЛАВЯНСКИЙ ТИП АСПЕКТУАЛЬНОСТИ (Slavic-style aspect, Dahl 1985: 84).

Совершенство и несовершенство как грамматические значения во многих отношениях отличны друг от друга. Имперфективные глаголы имеют целый ряд общих признаков: 1) они, и только они, образуют аналитическую форму будущего времени; 2) сочетаются с фазовыми глаголами; 3) сочетаются с показателями включенного времени (*Когда я пришел, Вася писал письмо*) и длительности (*горел два года*) – с поправкой, разумеется, на разные для разных глаголов возможности временной локализации. Можно говорить об операторе ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ, который образует вторичные имперфективы на *-ыва-, -ва-, -а-* от глаголов СВ (e.g., *сгорать* от *сгореть*).

Между тем никакого оператора ПЕРФЕКТИВАЦИИ в русском языке нет. Имеется около двух десятков совершенствующих приставок, и у каждой по несколько значений. Иногда присоединение префикса дает чистовидовую пару, такую как *писать – написать*; но в большинстве случаев префикс порождает глагол не только другого вида, но и с другим лексическим значением, ср. *писать – подписать*. Общим свойством глаголов СВ является то, что они задают РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ взгляд на ситуацию (viewpoint согласно Smith 1991; ср. о синхронной и ретроспективной точке отсчета по Рейхенбаху в Падучева 1986) – не только в прош., но и в будущем времени.

В статье Tatevosov 2011 предлагается отказаться от традиционного представления о принадлежности русской глагольной основы к одному из двух видов. Главный аргумент состоит в том, что отглагольные имена с совершенственной основой (речь идет об отглагольных именах ситуации, ОИС, см. фундаментальную классификацию отглагольных имен в Мельчук 1974, Апресян 1974), обнаруживают имперфективное поведение: «поскольку имена на *-ние* не обладают

совершенственными свойствами, совершенственность не является свойством, которое является общим у имен и глаголов – т.е. свойством глагольной основы». Статья развивает генеративный подход к соотношению глагольных и именных основ, который может быть оспорен только в рамках постулатов генеративной теории. Однако оставаясь в пределах традиционной русистики, можно предложить другую точку зрения на эту проблему.

Говоря о соотношении между глаголом и его ОИС, следует разделить два аспекта – семантический и формальный.

Что касается аспектуальной **семантики** глагола, то она присутствует у ОИС в ослабленном варианте. Глагольная форма выражает, прежде всего, viewpoint aspect. Между тем в именах остается только lexical aspect, т.е. аспектуальность, вытекающая из акционального класса предиката. ОИС может употребляться как имя СОБЫТИЯ (*появление, получение*); развивающегося во времени ПРОЦЕССА (*раскрашивание, наблюдение*), в частности, повторяющегося события (*подмигивание*); или состояния – *удивление* (Падучева 1991). Часто одно и то же имя может употребляться и в значении события, и в значении процесса, ср. *после получения и во время получения*; в значении события и в значении состояния, ср. *до изгнания и в изгнании*. Не говоря о том, что имя на *-ние /-тие* может не быть именем ситуации или быть не только именем ситуации, а употребляться одновременно как имя объекта действия (*задание*), имя результата (*сочинение, описание*), способа действия (*написание*), средства (*растирание*) и проч.

Иное дело **форма**. Имя на *-ние /-тие* всегда сохраняет формальную связь с видом основы мотивирующего глагола. И наоборот, чтобы образовать ОИС от данного глагола, надо знать аспектуальные свойства глагола. В Зализняк 2007 было установлено, что хотя в принципе возможно образование имен от глагольных основ обоих видов, в **большинстве случаев от двух глаголов, входящих в видовую пару, образуется только одно имя ситуации**. При этом имеются два варианта:

1) Если видовая пара состоит из СВ на *-ить* и НСВ на *-ять, -ать* (с суффиксом *-а-*, но не *-ва-* или *-ива-, -ыва-*), то отглагольное имя образуется от **совершенственной** основы глагола: *украшение, получение, сочинение, сообщение, покорение, нарушение, наступление* (ср. **украшивание, *получание* и пр.). То же для отыменных глаголов на *-ить*, типа *увеличить: изменение, подтверждение, уничтожение* нормаль-

ны, а *изменение, *подтверждение, *уничтожение безусловно отсутствуют.

2) В остальных случаях имя образуется от имперфективной основы глагола.

Так мы получаем ответ на вопрос, почему, например, от *развязать* не образуется имя *развязание: глагол *развязать* парный; отглагольное имя у него образуется от основы НСВ и имеет вид *развязывание*.

На самом деле, правила распределения видовых пар между этими двумя вариантами выбора видовой основы несколько сложнее, но в целом эти правила покрывают примерно 7 тыс. отглагольных имен в «Обратном словаре русского языка».

В обоих вариантах имя от предельного глагола может иметь как значение события, так и процесса: *во время / после прижигания; после / во время получения*. Но формальная связь ОИС с какой-то одной видовой основой глагола в рамках действия принципа «на видовую пару одно имя» несомненна.

Этот принцип соблюдается не всегда. Бывает так, что от каждого из двух глаголов видовой пары образуется свое имя, ср. *осмеивание – осмеяние, съедание – съедение, опускание – опущение, спасание – спасение, рассекание – рассечение, сжигание – сожжение, сберегание – сбережение* (примеры из Зализняк 2007).

Казалось бы, имя с имперфективной основой должно иметь скорее процессное значение, а с перфективной – со-

бытийное. Но это предположение не оправдывается; так, *съедание* и *съедение* во многих диагностических контекстах взаимозаменяемы. Загадку составляет глагол СВ *подписать*. Он имеет парный НСВ *подписывать*, но от основы СВ *подписа-* образуется имя *подписание*, которое употребляется во много раз чаще, чем имя от имперфективной основы *подписывание*, причем не только в значении события, но и в значении процесса. В тот же класс входит слово *написание*.

Перфективная основа имен *написание* и *подписание*, а также многих других (*оказание, указание*), объясняется тем, что эти имена вошли в язык в ту эпоху, когда приставки имели не перфективирующее, а чисто лексическое значение: глаголы *написать, подписать, надписать; оказать, указать* и др. имели форму наст. времени.

Итог таков. Имена типа *написание* не опровергают соотносительности основы имени с одной из двух видовых основ глагола. Ведь и имена типа *сочинение*, будучи формально соотносены с перфективной основой, употребляются не только в событийном, но и в процессном значении. Там, где соблюдается принцип «на видовую пару одно имя», имя соотносится с одной из двух видовых основ глагола. Там, где он не соблюдается, есть два имени – от перфективной и от имперфективной основы. В обоих случаях есть формальная соотносительность основ, но акциональный класс имени не соотносится непосредственно со значением / значениями глагольной видовой формы.

К вопросу о структуре количественных словосочетаний с наречиями типа *мало*

Д. А. Паперно

Университет Тренто (Италия)
denis.paperno@gmail.com

Слусинг, количественные выражения, относительное предложение

Summary. In this paper I extend the sluicing-based account of Russian indenites (Bylina and Testelets, 2005) to certain quantified noun phrases in Russian. I argue that sluicing-based indenites (*izvestno kto*) have the same structure as a class of quantified NPs with or without an overt *wh*-word (*malo kto, malo ljudej*). This proposal helps explain the so-called “direct case” restriction on the distribution of quantified NPs with adverbial quantifier words.

В работе предлагается новая структурная интерпретация количественных групп с наречиями типа *мало* (*мало кто, мало людей*) на основе слусинга, по аналогии с анализом неопределенных местоимений в работе (Былинина, Тестелец 2005 – далее БТ). Предложенная интерпретация позволяет объяснить формальные свойства количественных групп с наречиями, включая ограничение их дистрибуции небольшим числом позиций.

Мой анализ построен на тезисе, что количественные ИГ основаны на слусинге, подобно сериям неопределенных местоимений. Согласно БТ, ряд серий русских неопределенных местоимений представляют собой лексикализацию слусинга полных предложений (например, из слусинговых конструкций типа *Иван ушел, но неизвестно куда он ушел* лексикализуется неопределенное наречие *неизвестно куда*). Подобные местоименные серии образуются с показателями различной семантики; среди них есть пропозициональные операторы *известно* (*известно что*), *бог знает* (*бог знает кто*) и дейктическое *вот* (*вот кого*). Однако в полностью аналогичных структурах участвуют и кванторные наречия *много, мало*:

1. а) Иван ушел неизвестно куда. (БТ)
- б) Я мало когда видел его трезвым.
- в) Я задам вам вот какой вопрос. (БТ)
- г) Я задавал много какие вопросы.

Заметим, что невзирая на параллелизм в форме примеров 2(а-г), функция *к*-слов в этих примерах различна: в примере (а) матричный предикат *неизвестно* управляет косвенным вопросом (и *куда* в этом примере – вопросительное местоимение), в то время как предикаты *вот, мало, много* из примеров (б-г) не сочетаются с косвенными вопросами; приходится считать их результатом слусинга безвершинного относительного придаточного, т.е. *когда, какой* в этих примерах – местоимения относительные. Замечу, что слу-

синг относительных придаточных – экзотическое синтаксическое явление (ср. [3]), но для наших примеров семантически оправданное.

Если слусингу (и дальнейшей лексикализации) подвергаются безвершинные относительные придаточные, то такая же структура должна быть возможна и для придаточных с внешней вершиной, что и происходит в ИГ типа *мало людей*:

2. Мало людей ~~что пришли~~

Слусинговая интерпретация предсказывает несколько свойств ИГ типа *мало людей*. Во-первых, подобно слусинговому неопределенным местоимениям (БТ), не должны содержать препятствующего лексикализации ‘лишнего материала’:

3. а) *Пришло мало было людей.
- б) *Пришло мало мне людей.

Во-вторых, предикативная структура объясняет родительный падеж имени в подобных ИГ. Именно родительным падежом оформляется подлежащее при количественном сказуемом:

4. Людей мало / пять

Предикативное употребление количественных наречий, как в примере выше, принимается за основное, а применное выводится при помощи слусинга.

Наконец, предложенный анализ объясняет ограничение на дистрибуцию интересующих нас ИГ. Действительно, относительные предложения с союзом *что* релятивизируются подлежащее, прямое дополнение, и беспредложное обстоятельство времени – ровно те же позиции, которыми ограничено распределение ИГ типа *мало людей*. Ни та, ни другая позиция несовместима с косвенными падежами и позициями при предлоге.

Как известно, ряд количественных именных групп употребляется в ограниченном числе позиций, включая подле-

жащее, прямое дополнение и беспредложное обстоятельство длительности :

5. а) Пришло мало людей
- б) Ты знаешь мало людей
- в) *Ты доверяешь мало людей
- г) ??Я верю в мало людей
- д) Он мало времени жил в Южной Осетии

Это ограничение распространяется на довольно широкий класс количественных выражений (тип *мало людей*), включая числительные со сравнительными (*больше, меньше*) и предложными (*около, до*) распространителями, наречными элементами (*мало, достаточно*), а также кванторными выражениями, имеющими форму предложных словосочетаний (*до черта*); сходные ограничения известны для других грамматических явлений, таких как родительный падеж при отрицании, партитив и счетная форма существительного. Для всех них была предложена интерпретация в терминах специального варианта падежного фильтра, толерантно к немаркированным по падежу именным группам только в некоторых позициях [1]; [4].

Предлагаемое объяснение дистрибуционных ограничений, однако, в большей степени описательно адекватно, чем падежный фильтр, так как выводит эффект «прямых паде-

жей» в примере 5 из независимых установленных свойств относительных предложений. Кроме того, синтаксические явления, дистрибуцию которых падежный фильтр пытается характеризовать (партитив, родительный при отрицании, количественные ИГ, несклоняемые многословные названия и т.д.), имеют в действительности сходное, но неодинаковое распределение, что подрывает ценность единого подхода к ним и указывает на то, что и объяснения у ограничений на их дистрибуцию должны быть разными.

Литература

1. *Babby Leonard*. Prepositional quantifiers and the direct case condition in Russian // Issues in Russian morphosyntax / Eds. Michael S. Flier and Richard D. Brecht. Columbus, Ohio, 1985. Vol. 10 of UCLA Slavic studies. P. 91–117.
2. *Bylina Lisa, Testelets Yakov*. Sluicing-based indefinites in Russian. In Formal Approaches to Slavic Linguistics. South Carolina Meeting 2004 / Eds. S. Franks, F. Y. Gladney and M. Tasseva-Kurkchieva, Ann Arbor, 2005. P. 355–364.
3. *Merchant J.* The syntax of silence: Sluicing, identity, and the theory of ellipsis. OUP, 2001.
4. *Testelets Yakov*. Case Deficient Elements and the Direct Case Condition in Russian // Language and Language. Behavior. 2006. Vol. 9 / John Bailyn, Anna Maslennikova (eds.), 2010. P. 126–140.

Об «ослаблении» лексических глаголов в отрицательных бытийных предложениях в русском языке

Б. Парти / Barbara H. Partee

University of Massachusetts (Amherst, USA)

partee@linguist.umass.edu

Уенитив отрицания, лексическая семантика, бытийные предложения, референтность, семантические сдвиги.

Summary. Genitive of Negation in Russian is associated with decreased referentiality. Borschev et al have argued that the Genitive NP shifts to “property type” <e,t>, and that semantic shift of the NP requires that the verb must also shift. Here we argue that this requirement is met in different ways for Subject and Object Gen Neg: with Object Gen Neg, the lexical semantics of the verb must shift, while with Subject Gen Neg the shift is part of the semantics of the existential sentence construction.

Чередование Ген-Ном и Ген-Акк в русских отрицательных предложениях обусловлено комбинацией синтаксических, семантических и морфологических факторов. В докладе, связанном с некоторыми недавними работами по семантике генитива отрицания ([2]; [3]; [4]), обсуждается соотношение субъектного и объектного генитива при отрицании и роль семантики глагола в этих конструкциях.

Известно, что глаголы в отрицательных предложениях с субъектным генитивом (ГО-Суб) как бы «линяют», их замена на глагол *быть* приводит к практически эквивалентным предложениям. Borschev and Partee [1] предлагали считать, что лексические глаголы в отрицательных предложениях с субъектным генитивом не меняют значения, но сама конструкция предполагает в данном контексте их эквивалентность глаголу *быть*. Слушающий предложения должен найти предпосылки, делающие такую эквивалентность «локально верной» в данном контексте.

- (1) а. *Мороза не чувствовалось.*
- б. Эквивалентность: *Мороз чувствовался* ⇔ *Мороз был*
- в. *Мороз не чувствовался.*

Бытийное предложение (1а) с ГО предполагает эквивалентность (1б) в данном контексте, т. е. отрицает, что был мороз. В предложении (1в) с Ном есть пресуппозиция наличия мороза и утверждается, что он не чувствовался – может быть, мы были тепло одеты.

Этот контраст и тот факт, что класс глаголов, употребляемых в предложениях с ГО, открыт, объясняется в Borschev and Partee (1998) тем, что значение глагола не меняется, но в предложениях с ГО оно эффективно «ослабляется».

Но в более поздних работах (Borschev et al 2008, Kagan 2007) предполагается, что генитивный падеж сигнализирует сдвиг к property-type интерпретации именной группы (ИГ). А когда ИГ сдвигается к property-type, глагол тоже должен менять свой тип и значение (чтобы сочетаться с ИГ этого типа). А это противоречит утверждению работы [1], что при семантическом «ослаблении» в предложениях с ГО-Суб глагол не меняет своего значения.

В этом докладе я предлагаю непротиворечивую трактовку данной конструкции. Я начну с того, что в некоторых случаях ГО-Суб, значение глагола действительно сдвигается. Агентивные глаголы обычно не допускают ГО, но иногда употребляются в этой конструкции и при этом их значение сдвигается к менее агентивному (и может быть при этом происходит и синтаксический сдвиг от неэргативности к неаккузативности). Так, например, субъектом глагола *пришел* в ГО не может быть человек (**Пети не пришло*), но может быть абстрактный и неодушевленный *ответ*. В этом случае нетрудно обосновать эквивалентность «*Ответ пришел*» ⇔ «*Был ответ*».

Но с ГО-Суб, в отличие от ГО-Об, такие существенные сдвиги значения являются скорее исключением, чем правилом. В случае ГО-Об очень специфические сдвиги значения могут происходить с разными комбинациями глагол-дополнение, аналогично тому, как значение глагола *пришел* сдвигается для различных субъектов. А для ГО-Суб, «ослабление», которое наблюдается, как правило не связано с конкретным глаголом, а скорее универсально для всех бытийных предложений. В случае *пришел* происходит существенный сдвиг от агентивного к неагентивному значению, к которому может применяться дальнейшее «ослабление», связанное с бытийностью.

Итак, с одной стороны есть серьезные основания полагать, что в нормальном случае ГО-Суб лексическое значение глагола практически не меняется, а происходит «непрямое ослабление» значения, вызванное бытийной интерпретацией. А с другой стороны property-type анализ требует, что значение глагола должно измениться, так как генитивная ИГ в этих предложениях сдвигается к типу <e,t>.

Здесь предлагается разрешение этой дилеммы. Трактовка ГО-Суб должна быть модифицирована следующим образом: ИГ претерпевает сдвиг к типу <e,t> и соответствующий сдвиг происходит в значении глагола не только для ГО-Суб (для отрицательного бытийного предложения), а для всех бытийных предложений, включая утвердительные. Ряд ав-

торов предполагают, что во многих языках в бытийных предложениях субъектная ИГ относится к типу <e,t> и значение бытийности возникает из семантики конструкции. Эта гипотеза находит поддержку от все более популярной точки зрения (Fred Landman и др.), что неопределенные ИГ «рождаются» в типе <e,t> и сдвигаются в тип e только при специфической интерпретации. В этом случае только ИГ типа e (например, имена собственные) должны претерпевать сдвиг в бытийных предложениях, а такие ИГ вообще нелегко вставить в бытийные предложения.

Соответствующий сдвиг в значении глагола в бытийных предложениях может ассоциироваться с квантором существования, связанным с этим глаголом, аналогично семантике инкорпорации. Это чисто «формальный» сдвиг и поэтому он не ощущается как изменение лексического значения. Таким образом можно объяснить сходство и разницу между ГО-Суб и ГО-Об.

Возможный анализ результативного значения некоторых внешних приставок

Е. Е. Романова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)
evgeniya.romanova@icloud.com

В недавних работах (например, [8]) некоторые внешние приставки – в особенности, *на-* – рассматриваются как внутренние. Основными причинами, в силу которых такие приставки подвергаются альтернативному анализу, являются их интерпретация, указывающая на присутствие компонента результата в их семантической структуре, и способность вводить добавочные аргументы в предложение, что всегда являлось отличительной чертой внутренних приставок. Однако если следовать по данному пути, теряются важные обобщения, касающиеся кванторных свойств вышеупомянутых префиксов, и их избирательности относительно аспектуальной формы глагольной основы [6]. Идеальное решение проблемы примирило бы оба взгляда. Попытка приблизиться к такому решению будет продемонстрирована в докладе.

Одна из проблем сопряжена с грамматическим видов приставочных глаголов. Тогда как лексический аспект получил достаточно полное освещение с точки зрения синтаксиса (в основном, в теории, предложенной Джиллиан Рэмченд [5]), грамматический аспект разрабатывается, по большей части, в семантике. Существует лишь небольшое число исключений – синтаксических теорий грамматического вида, – в которых содержимое функциональных проекций, отвечающих за аспектуальную часть предложения, серьезно варьирует. Например, в качестве вершины AspP (аспектуальной проекции) могут выступать приставки, суффиксы *-ива* и *-ну* и даже постфикс *-ся* [2]. В других языках ситуация не многим лучше. Не вполне понятно, как происходит синтаксическая деривация перфекта в английском языке; более того, не до конца обозначен и статус перфекта: нет консенсуса относительно того, является ли он временем или аспектом [4].

Тем не менее, даже в русском языке встречаются конструкции, имеющие перфектные значения, причем, с глаголами как несовершенного вида (1), так и совершенного (2). Единственным отличием предложения (1) от предложения (2) является пресуппозиция [1]:

1. Директор уже выступал.
2. Директор уже выступил.

Кроме того, в ряде диалектов русского языка существует так называемый «посессивный перфект», который в литературе часто приравнивают к западноевропейскому перфекту с вспомогательным глаголом «иметь» (*have, haben, avere* и т.д.). Некоторые признаки этой конструкции встречаются и в стандартном диалекте [7]:

3. У него об этом все сказано.

Хотя истинная суть аспектуальной проекции AspP и даже сам факт ее существования в функциональной иерархии русского предложения остается непроясненной, есть основания полагать, что грамматический аспект все же получает некое воплощение в синтаксисе. Один из лучших вариантов

Литература

1. Borschev V., Partee B. H. Formal and lexical semantics and the genitive in negated existential sentences in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics 6: The Connecticut Meeting 1997 / Eds. Željko Bošković, Steven Franks and William Snyder. Ann Arbor, 1998. P. 75–96.
2. Borschev V., Paducheva E. V., Partee B. H., Testeleys Y., Yanovich I. Russian genitives, non-referentiality, and the property-type hypothesis // FASL 16 / Eds. A. Antonenko, J. F. Bailyn and C. Bethin. Ann Arbor, 2008. P. 48–67.
3. Kagan Olga. On the Semantics of Structural Case, Hebrew University: Ph. D. dissertation. 2007.
4. Partee B. H., Borschev V., Paducheva E. V., Testeleys Y., Yanovich I. The Role of verb semantics in genitive alternations: Genitive of Negation and Genitive of Intensionality. In The Russian Verb // Oslo Studies in Language 4 (1) / Eds. A. Grønn and A. Pazel'skaya. 2012.

такого воплощения предполагает распределение функций между несколькими проекциями, как описано в работе Виты Маркман [3].

С большой долей вероятности компонент результата, обнаруживаемый в семантической структуре глаголов с такими приставками, как *на-*, связан с присутствием двух внешне-аспектуальных вершин в функциональной иерархии предложения. Подход, который предлагается здесь, был ранее описан в работе Румыны Панчевой об английском перфекте [4].

Таким образом, функциональная проекция, содержащая вершину перфекта, доминирует над функциональной проекцией, отвечающей за перфективность/имперфективность. Проекция перфекта является той причиной, по которой некоторые глаголы с внешними приставками воспринимаются как результативные предикаты.

Данный анализ требует более глубокого изучения ряда вопросов. Во-первых, требуется продемонстрировать, отличается ли значение результативности, обусловленное присутствием проекции результата (ResP) от подобного значения перфекта, и, если да, то чем. Во-вторых, в конструкциях посессивного перфекта, необходимо разобраться с неоднозначностью причастия, которое может рассматриваться как в качестве перфектного, так и в качестве страдательного.

Однако несмотря на наличие проблем для дальнейшего исследования наш подход позволяет сохранить супралексический анализ таких приставок, как *на-*, и одновременно дать объяснение результативной интерпретации глаголов, обусловленной, как видится некоторым лингвистам, присоединением этих приставок.

Литература

1. Paducheva E. V. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
2. Harves Stephanie Annemarie. Unaccusative Syntax in Russian. PhD thesis, Princeton University, 2002.
3. Markman Vita. On Slavic semelfactives and secondary imperfectives: Implications for the split 'AspP'. University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2008. Vol. 4. Issue 1. P. 255–268.
4. Pancheva Roumyana. The aspectual makeup of perfect participles and the interpretations of the perfect // Perfect Explorations / Ed. Artemis Alexiadou, Monika Rathert, and Arnim von Stechow. Berlin; New York, 2003. P. 277–306.
5. Ramchand Gillian. Verb Meaning and the Lexicon: a First Phase Syntax. New York, 2008.
6. Romanova Eugenia. Constructing Perfectivity in Russian. PhD thesis, University of Tromsø, 2007.
7. Seržant Ilja A. The so-called possessive perfect in North-Russian and Circum-Baltic area. A diachronic and areal account // Lingua. 2012. 122. P. 356–385.
8. Žaucer Rok. A VP-internal/resultative analysis of four “VP-external” uses of Slavic verbal prefixes. PhD thesis. University of Ottawa, 2009.

Русская грамматика и формальные теории падежа: результаты и перспективы

Я. Г. Тестелец

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
yakov_ts@mail.ru

Падеж, теория грамматики, классификация падежей, генеративная грамматика.

Summary. There have been at least three influential formal approaches to the category of case in Russian: Roman Jakobson's papers in the framework of the classical structuralism; the Russian tradition of formal modelling of grammatical categories; generative Slavists' works on the Russian case. The latter tradition employs two main theoretical strategies: "Case Conflict" resolution and purely structural approach. In the talk, two main factors of case in Russian will be proposed to distinguish: the phrasal category to which a nominal construction belongs (roughly, DP, NP or QP) and government vs. licensing.

В исследованиях по русской грамматике можно выделить по крайней мере три влиятельных формальных подхода к исследованию падежа: 1) работы Р. О. Якобсона [6]; [12], созданные в рамках классического структурализма; 2) традиция грамматического моделирования, или разработки формальных аналогов традиционного понятия падежа – А. Н. Колмогоров и В. А. Успенский [5], А. В. Гладкий [1]; [2], А. А. Зализняк [3]; [4] и др.; 3) генеративные работы по русскому языку, опирающиеся на теории падежа, разрабатываемые с 1970-х гг. Последнее направление ставит целью не уточнить традиционное понимание падежа, а получить новое знание, которое, как правило, не содержится имплицитно в описательных грамматиках. При этом правила выбора морфологического падежа в русском языке предстают как одна из возможных реализаций универсальной теоретической модели.

В порождающей грамматике полезность понятия абстрактного падежа и особой теории падежа была осознана после того, как выяснилось, что именные группы (ИГ) могут употребляться не во всех синтаксических контекстах, где они семантически допустимы. Часть таких случаев предлагалось объяснять тем, что ИГ – даже в языках без морфологического падежа – требуют наличия при себе управляющего элемента, приписывающего абстрактный падеж [15]. В последующих работах по генеративной славистике основной интерес исследователей вызвал обратный случай – конфликт нескольких факторов управления, одновременно приписывающих разные падежи одной и той же ИГ и часто вызывающий падежное варьирование. Сюда относятся, например, конфликт общего отрицания (требующего генитив отрицания) и глагола (требующего аккузатив), или квантора (генитив количества) и обычного управляющего слова (например, глагола или предлога). Прослеживаются две основные теоретические стратегии: 1) разрешение «падежного конфликта», или выбор одного из нескольких падежных признаков для морфологической реализации происходит в зависимости от природы фактора управления и во вторую очередь – от синтаксической структуры: например, если фактор, приписывающий структурный падеж (номинатив или аккузатив) вступает в конфликт с лексическим падежом, последний получает приоритет ([8]; [9]; [10]; [13]; [14]); 2) чисто структурный подход, исключающий «конфликт падежей»: граммема падежа в каждом случае однозначно предсказывается конструкцией, и задача исследователя заключается только в том, чтобы точно определить ее структуру ([10]; [11]).

В докладе будет предложен подход, в соответствии с которым на выбор падежа влияют два основных фактора: 1) характер именной конструкции – некоторые такие конструкции не являются ИГ и поэтому допустимы только в

контекстах структурных падежей – номинатива и аккузатива, 2) разграничение двух основных факторов падежа – управления и лицензирования. Управление связывает падеж ИГ с синтаксической вершиной, зависимым или частью зависимого которой она является; лицензирование задает признак, распространяющийся на все предложение. Иллюзия управления возникает при этом в тех случаях, когда лицензирование сопровождается бинарным семантическим отношением, например, между лицензирующим элементом – квантором и квантифицируемой ИГ в генитиве количества.

Литература

1. Гладкий А. В. К определению понятий падежа и рода существительного // Вопросы языкознания. 1969. № 2. С. 110–123.
2. Гладкий А. В. Попытка формального определения падежа и рода существительного // Зализняк А. А. (ред.). Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. С. 24–53.
3. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
4. Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. I. // Зализняк А. А. (ред.). Проблемы грамматического моделирования. М. 1973. С. 53–87.
5. Успенский В. А. К определению падежа по А. Н. Колмогорову // Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода. 1957. № 5. С. 1–18.
6. Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. s'Gravenhage. 1958. P. 127–156.
7. Babby L. H. Prepositional Quantifiers and the Direct Case Condition in Russian / Flier, Michael S. and Richard D. Brecht (eds.), Issues in Russian Morphosyntax. Columbus, 1985. С. 91–117.
8. Babby L. H. Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian // Natural Language and Linguistic Theory. 1987. 5. P. 91–139.
9. Babby L. H. Noun phrase internal agreement in Russian // Barlow, Michael and Charles A. Ferguson (eds.). Agreement in Natural Language. Approaches, Theories, Descriptions. Stanford, 1988. P. 287–304.
10. Bailyn J. F. The Case of Q. / Olga Arnaudova, Wayles Browne, María Luisa Rivero and Danijela Stojanović (eds.). Formal Approaches to Slavic Linguistics #12: The Ottawa Meeting 2003. Ann Arbor, 2004. P. 1–35.
11. Bailyn J. F. The Syntax of Russian. Cambridge, 2012.
12. Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // Travaux de Cercle Linguistique de Prague. 1936. 6. P. 240–288.
13. Matushansky O. Some Cases of Russian // Paper presented at Formal Description of Slavic Languages (FDSL) 7.5. Moscow, December 6–8, 2008.
14. Pesetsky D. Russian Case Morphology and Syntactic Categories. The MIT Press, 2013.
15. Vergnaud J.-R. Letter to Noam Chomsky and Howard Lasnik [1976]. First published in: Robert Freidin and Howard Lasnik (eds.), Syntax: Critical concepts in linguistics. Vol. 5. 21–34. London, 2006.

Русские глагольные приставки и шкалы

И. Толская

UiT Norges Arktiske Universitet (Тромсё, Норвегия)
inna.k.tolskaya@uit.no

В русском языке сочетания глаголов с префиксами – явление, с одной стороны, очень продуктивное, а с другой – ограниченное довольно сложным набором правил. Ограничения на подобные сочетания представляют собой проблему для стандартных представлений о категориальной селекции, в рамках которых вершина, проецирующаяся единица, вы-

бирает свой комплемент в соответствии с неинтерпретируемыми признаками. Я предполагаю, что проблема решается, если предположить, что префиксы единообразно выбирают в качестве своего комплемента некоторую шкалу (ср. шкальную гипотезу в [2]). Префикс как лексическая единица остается неизменным во всех употреблениях, обозначая

определенное отношение между событием и шкалой. Варьирует структура, в которую вставляется префикс. Данная работа посвящена двум префиксам: *за-* (переход к максимальной точке шкалы) и *от-* (оставление точки минимума).

Начнем с простого, на первый взгляд, вопроса: кто кого выбирает в паре «префикс-глагол»? Глагол занимает позицию вершины глагольной группы (VP) и в качестве вершины должен выбирать комплемент. Но следующий факт доказывает обратное: большинство глаголов совместимы более чем с одним префиксом. Многие глаголы допускают различные позиционные типы префиксов — как лексические, так и супралексические. Неверно, что глагол нуждается в префиксе так же, как переходный глагол нуждается в дополнении. Глагол допускается и в беспрефиксальной имперфективной форме, и это не приводит к грамматической неполноте.

Кроме того, если верно, что супралексические префиксы располагаются над поверх грамматического вида (см. [5]; [8]; [6]; [4]), глагол находится в неподходящей синтаксической конфигурации, чтобы вступить с ними в отношение селекции. Но тогда мы оказываемся в нежелательной ситуации, где супралексические префиксы выбирают глагол, а глагол в свою очередь выбирает лексические префиксы.

Также нельзя сказать, что префикс выбирает глагол, поскольку это предполагает его вершинный статус, что радикально меняет общепринятую структуру глагольной группы. Возникает вопрос: чем и как выбирается группа префикса? Если над группой префикса имеется глагольная шкальная структура, мы возвращаемся к ситуации, когда глагол выбирается префикс.

Есть и третья возможность, которую я нахожу более привлекательной. Она заключается в том, что есть что-то еще, с чем взаимодействуют и префикс, и глагол, а их сочетание обеспечивается совпадением селективных ограничений. Я предполагаю, что префикс взаимодействует не с глаголом, а со шкалой, которая может быть лексикализована и глаголом, и дополнением. Поскольку префикс и глагол не являются синтаксическими сестрами, им не требуется вступать в отношение селекции. Им обоим требуется шкала, а их комбинация возможна в той степени, в которой требования не вступают в противоречие.

Выбираемая шкала может представлять собой путь, если речь идет о глаголах направленного движения, может делиться пространственными измерениями прямого дополнения, изменениями градуального свойства или даже развитием деятельности во времени. Например, глагол движения *лезть* выбирает в качестве комплемента путь, префикс выбирает шкалу:

(1) *Вор залез на чердак.*

(2) *Мальчик отскочил от костра.*

Префиксы выбирают разные типы шкал, потому что их значение соотносится с разными частями шкалы. Например, префикс *за-* обозначает переход к максимальной точке шкалы. В (1) это конечная точка пути, то есть чердак. Префикс *от-*, напротив, обозначает покидание минимальной точки, или начальной точки пути (в (2) ‘около костра’ – это минимальная точка шкалы, направленной от костра). Я показываю, что этот процесс представляет собой случай категориальной селекции: он локален, он не зависит от контекста, а субкатегоризирующие признаки допускают формальную спецификацию (например, +min, +max, +/-градуируемая шкала). Взаимодействие шкалы с глаголом, однако, намного более свободно и контекстно-зависимо. Это отношение нелокально. Соответственно, более слабые требования, которые глагол предъявляет к шкале – это случай семантической селекции, тогда как жесткие и локальные требования, предъявляемые префиксом к той же самой шкале — это категориальная селекция.

Тип пути и шкала, выбираемые двумя префиксами, похожи. Например, в (3) девушка входит в новое состояние, однако указание на предыдущее состояние и длительность процесса не входят в содержание сообщения, мы имеем дело с точечным переходом. Напротив, в (4) происходит выход из нежелательного состояния, занимающий определенное время; то же самое имеет место в (2), где преодолевается некоторая ненулевая дистанция.

(3) *Ведьма заколдовала девушку.*

(4) *Хозяйка отстирала скатерть.*

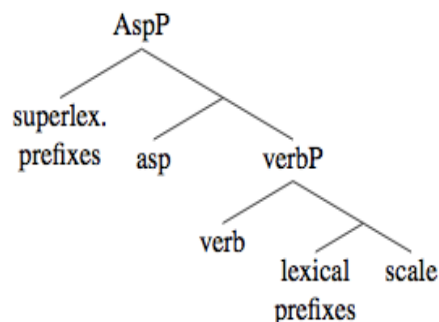
Итак, мы видим, что имеются определенные сходства между формой пути и шкалы, выбираемых двумя префиксами. Эти же два префикса могут использоваться супралексически, и тогда в их сферу действия попадает весь процесс. В этом случае они означают начальную точку (5) и завершение (6).

(5) *Часы заходили.*

(6) *ИЛ-76 своё отлетал.*

Эта структура похожа на комбинацию со шкалой или путем: супралексический префикс выбирает в качестве комплемента проекцию имперфективной аспектуальной вершины точно так же, как лексический префикс выбирает шкалу. Имперфективное событие в этом случае выполняет функции шкалы, так как у него есть начальная точка, конечная, и есть длительность; и значения на этой шкале могут быть упорядочены. Затем создается новое событие, которое соответствует началу, концу или отмеренной порции имперфективного события. Новое событие перфективно. Только монотонные события [7], подинтервал которых «меньше самого события», т. е. неопределенные события, могут иметь шкалу, измеряемую префиксом.

Таким образом, процесс соотношения шкалы и префикса должен направляться категориальной селекцией, а не семантической. Несоответствие шкалы и префикса не просто семантически аномально; оно так же неграмматично, как нарушение категориальной селекции в английском языке. Но существуют и такие примеры, странность которых не кажется грамматически допустимой, а контекстно-зависимой, в результате чего суждения носителей становятся менее

отчетливыми. Это похоже на случаи нарушения семантической селекции [1]. Тот факт, что такие примеры зависят от контекста означает, что речь идет о семантической селекции. Тем не менее, в рамках моего анализа все префиксы имеют валентность на шкалу, а семантическая гибкость и контекстная зависимость связана исключительно с тем, что некоторые глаголы совместимы более чем с одним видом шкалы. Иными словами, выбор глаголом шкалы иногда может быть семантически обусловлен. Однако выбор префикса – явление сугубо синтаксическое.

Итак, выбор префикса обусловлен шкалой, которая или лексикализована или выбрана глаголом. Каждый префикс указывает на определенную часть шкалы, например, на ее минимальную максимальную точку. Не всякая шкала, однако, имеет минимальное и максимальное значения. Это означает, что префикс, который нуждается в исходном состоянии, такой, как *от-*, несовместим со шкалами, закрытыми сверху [3] (например, засохнуть, заморозить, закрыть, заполнить комбинируются с *за-*). Префикс, требующий максимальной степени, такой, как *за-* несовместим со шкалами, закрытыми снизу (ср. *отварить, открыть, отогреть*). Далее, префиксы накладывают ограничения на градуируемость шкалы: *от-* отсылает обозначает собственные части шкалы, поскольку описывает градуальное изменение, тогда как *за-* обозначает пунктивный переход из состояния в состояние. Кроме того, возможно появление дополнительного семантического содержания, например, отрицательного отношения к исходному состоянию.

Префикс может найти подходящую ему шкалу в виде лексикализованной шкалы, в виде прямого дополнения, или в виде самого события. Понятие монотонности (собственная часть объекта меньше самого объекта) позволяет ограничить супралексическую префиксацию неопредельными событиями.

Литература

1. Chomsky Noam. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Ma., 1965.
2. Kagan Olga. Scalarity in the domain of verbal prefixes. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2013.
3. Kennedy Ch., McNally L. Scale structure and the semantic typology of gradable predicates // *Language*. 2005. 81 (2). P. 345–381.

4. Pereltsvaig Asya. Small nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. 24 (2). P. 433–500.
5. Romanova E. Superlexical vs. lexical prefixes // In Nordlyd, Tromsø working papers on language and linguistics. 2004. 32.2: Special issue on Slavic prefixes / Ed. Peter Svenonius. Tromsø, P. 255–278.
6. Schoorlemmer, Maaike. Participial passive and aspect in Russian. PhD diss, University of Utrecht [www.ub.uit.no/munin/nordlyd/Schoorlemmer]. 1995.
7. Schwarzschild Roger. The role of dimensions in the syntax of noun phrases // *Syntax* 2006. 9 (1). P. 67–110.
8. Svenonius Peter. Slavic prefixes inside and outside VP // Nordlyd, Tromsø working papers on language and linguistics 32.2: Special issue on Slavic prefixes / Ed. Peter Svenonius, 205–253. Tromsø: University of Tromsø (available at [www.ub.uit.no/munin/nordlyd/]).

Личные местоимения за пределами валентности предиката: об эмоциях без эмоций

Е. Ю. Филимонова

Кембриджский университет (Великобритания)

eef263@cam.ac.uk

Типология, личные местоимения, несубкатегоризированные актанты, формализация условий, выражение эмоций.

Summary. This paper considers non-trivial usage of dative personal pronouns in Russian. The dative in these constructions' is not part of the case frame of the head verb (Shibatani 1994: 465), it appears to be 'extra-thematic' in that this argument is not licensed by the head verb [Podlesskaya, Rakhilina 1999: 505]. These non-subcategorized pronouns usually denote a person emotionally involved in a situation but who in fact does not participate in a given event. These datives are traditionally called 'ethical' datives. Using the data from the National Russian corpora, I will analyse morphosyntactic contexts where these forms occur and suggest a typology of semantic (mainly adversative) affect that can be reached by using these forms. I will also consider whether the prepositional genitive group 'и+Gen' is a synonym to the dative form and formalise restrictions for using both dative and genitive forms. The paper aims to complement the typology of case forms and gain a better understanding of emotional colloquial speech.

На первый взгляд использование падежных форм личных местоимений, в частности дательных форм, в современном русском языке представляется довольно регулярным и синтаксически вполне предсказуемым, ср., например, обязательные косвенные дополнения в дативе: *Он подарил мне / тебе / ей цветы* или в безличных предложениях *Мне грустно. Вам нельзя курить*. Синтаксически объяснимым оказывается и оформление дательным местоименного внешнего possessора, ср. *Врач измерил тебе давление?* < из: *твое давление*; *Он посмотрел ей в глаза* < из: *в ее глаза*.

В данном исследовании мы предполагаем сосредоточиться на тех конструкциях, где использование косвенных форм личных местоимений не продиктовано валентностью предиката и «не вызывается прямым значением предложения» (Шахматов), т. е. синтаксически не предопределено. Речь пойдет о дательном этическом (далее ДЭ), еще называемым дательным интереса — который обозначает участника, эмоционально затрагиваемого описываемым событием / данной ситуацией, но фактически в нем / ней не участвующий. Это значение касательства (термин заимствован из АГ-80) наиболее ясно проявляется в следующих типах эмоциональных высказываний:

- угрозах и предупреждениях;
- восклицаниях и жалобах, ср.

Поговори еще мне / у меня.

Ты у меня за троих работать будешь.

Хватит мне тут дурака валять.

Вот тебе (вам) и погуляли.

Ох уж эти мне сплетни.

Дательный в этих конструкциях «не является частью падежной рамки лексического глагола» [4: 465] и выступает в качестве несубкатегоризированного глаголом актанта [3: 505], т. е. по сути оказывается за пределами грамматики.

Как видно из приведенных выше примеров, в «этических» контекстах в русском языке могут выступать не только фор-

мы в дативе, но и предложная группа с родительным 'У + Род.'

В докладе мы представим типологию конструкций с ДЭ, при этом акцент будет сделан на формализацию условий употребления ДЭ, определение семантических и грамматических особенностей его использования, а также предпримем попытку формализовать условия выбора падежного оформления эмоционально задействованного лица: Датив vs. предложная группа с генитивом. Будет показано, что эти формы не являются взаимозаменяемыми, и выбор каждой из них имеет семантические и грамматические ограничения.

Предлагаемая классификация выстроена в основном с привлечением примеров из Национального корпуса русского языка www.ruscorpora.ru.

Любопытно, что несмотря на классическую общепризнанность ДЭ попытки его полного описания в лингвистических работах встречаются довольно редко. Например, в АГ-80 это падежное значение упоминается лишь вскользь, без описания подробностей правил его употребления, а в учебниках и грамматиках для иностранцев оно, как правило, не упоминается вовсе. Возможно, такая непопулярность объясняется маргинальностью этического значения и ограниченностью использования ДЭ регистром разговорной неформальной речи, что, в свою очередь, обуславливает отрывочность и фрагментарность его упоминания в типологии падежей.

Литература

1. Русская грамматика: В 2 т. М., 1980 (АГ-80).
2. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1925.
3. Podlesskaya Vera I., Rakhilina Ekaterina V. External possession, reflexivization and body parts in Russian // Doris L. Payne & Immanuel Barshi (eds.). External Possession. [TSL 39]. Amsterdam, 1999. P. 505–521.
4. Shibatani Masayoshi. An integrational approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives // Berkeley Linguistic Society. 1994. 20. P. 461–486.

Семинар «Русский XVIII век сквозь призму языка и литературы»

*К 270-летию со дня рождения кн. Е. Р. Дашковой,
к 270-летию со дня рождения Н. И. Новикова,
к 260-летию со дня рождения А. С. Шишкова,*

а также

к 220-летию завершения работы над Словарем Академии Российской.

Руководители: *д. ф. н. Д. П. Ивинский (Москва, Россия), к. ф. н. Е. И. Кислова (Москва, Россия).*

Междисциплинарный круглый стол призван объединить специалистов, чьи исследования связаны с эпохой XVIII века.

Вопросы и проблемы, предлагаемые к обсуждению:

- 1) Русская литература XVIII в. в контексте славянской и западноевропейской культуры.
- 2) Культурная и социолингвистическая ситуация в славянских странах и России XVIII века: сосуществование и взаимодействие языков в культуре славян (латынь, французский, немецкий, итальянский и т. д.).
- 3) Изучение литературы, истории и мифологии славян в XVIII веке. Современные модели осмысления литературного и филологического наследия XVIII в.
- 4) Русский литературный язык в контексте формирования литературных языков славян; лингвистические программы, их истоки и воплощение в славянских странах. Формирование литературных языков в эпоху барокко, Просвещения и романтизма; влияние культурной эпохи на формирование литературного языка и лингвистической мысли.
- 5) Региональные аспекты бытования русского языка в XVIII веке. Русский язык как язык делопроизводства в Российской Империи.
- 6) Развитие образования, преподавание русского языка и формирование славистики и русистики как науки в XVIII веке.
- 7) Русское и славянское книгоиздание в XVIII веке и его влияние на развитие литературы и литературных языков славян.
- 8) Русская лексикография XVIII века и современные подходы к ее изучению.

Теория «легкой поэзии» К. Н. Батюшкова и поэтическая речь XVIII века

И. Б. Александрова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

irina.aleksandrova7@yandex.ru

«Легкая поэзия», лирика, языковые тенденции классицизма, сентиментализма, предромантизма.

Summary. This paper is devoted to the problems of history of Russian poetic speech in the XVIII century.

Представление о лирике К. Н. Батюшкова тесно связано с понятием «легкая поэзия». Но Батюшков был не только «практиком» «легкого стиха» – он сформулировал и основные теоретические принципы «легкой поэзии». «В легком роде поэзии читатель требует возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слоге, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях» [5: 15], – таков был идеал «легкой поэзии», сформулированный Батюшковым в речи, произнесенной им при вступлении в Московское общество любителей русской словесности. Это было особенно важно в переходную эпоху, когда главным событием литературной жизни был спор карамзинистов и шишковистов о «старом» и «новом» поэтическом (в широком понимании слова) слоге. Он начался с выступления в печати Н. М. Карамзина со статьей «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802). Поэт считал, что «достоинство народа оскорбляется бессмыслием и косноязычием худых писателей» и

что «образцы благородного русского красноречия едва ли не полезнее самых классов латинской элоквенции, где толкуют Цицерона и Виргилия; что оно, избирая для себя патристические и нравственные предметы, может благотворить нравам и питать любовь к отечеству» [8: 322]. Такой взгляд на литературу был чужд последователям А. С. Шишкова. В 1803 году Шишков выпустил статью «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» Он критиковал языковую политику Карамзина, который, по его мнению, оторвал крону от корней, живой великорусский язык – от его национальных истоков и присоединил друг к другу два чужеродных «тела» – язык российский и французскую речь. Он считал, что французский язык беден и не свойствен строю русской речи, которая должна вернуться к своим основам – к церковнославянским нормам. Нужно очистить родной язык от галлицизмов, заменяя их соответствующими словами и оборотами из славянского языка, считал автор статьи. Он предложил и свои примеры лексем, образован-

ных способом сложения, свойственным старославянскому языку. Стиль *élégance*, по мнению Шишкова, грешит излишней метафоричностью, манерностью.

Н. М. Карамзин и сам признавал, что повышенная «чувствительность», «украшенность» стиля, злоупотребление галлицизмами (которое высмеял еще И. А. Крылов в своих драматических и басенных произведениях) – это недостатки поэтического слога, и стремился от них освободиться. Он хотел добиться такого состояния языка, которое А. С. Пушкин впоследствии определил как «соразмерность и сообразность». В этом и состоит истинный языковой вкус, который основан на живом ощущении языка, на понимании законов лексической (семантической, стилиевой, эмоционально-экспрессивной) сочетаемости. «Именно „вкус“ лежал в основе батюшковской ...поэзии „гармонической точности“, с ее обостренным вниманием к тончайшим семантическим сдвигам» [6: 296]. Как же, по мнению К. Н. Батюшкова, художник слова добивается гармоничной, музыкальной, пластичной поэтической фразы?

Путь к обогащению и совершенствованию русского поэтического языка стихотворец видел в обращении к живой русской речи, придерживаясь в этом позиции карамзинистов (Н. М. Карамзин писал, что «русский кандидат авторства, недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык» [8]). В то же время он считал, что необходимо учитывать и природный строй русской речи: «Каждый язык имеет свое словосочетание, свою гармонию» [3: 423]. Батюшков проявляет особое внимание не только к сочетаемости слов, но и к «течению» поэтической речи, стремясь показать способы достижения гибкости стиха, его плавности. Главным условием изящества лирического слога он считал «движение, силу, ясность» [4: 11]. Это требование вытекало из представлений Батюшкова о сущности поэзии, которая, с его точки зрения, – «пламень небесный», одухотворяющий душу художника, в «составе» которой находятся «воображение, чувствительность, мечтательность» [1: 20]. Именно эти качества свойственны античной поэзии, которая должна стать образцом для подражания современным авторам, считает поэт. И действительно, время Батюшкова характеризуется повышенным интересом к использованию античных жанров, образов, метрических форм. Тибулл, Катулл, Проперций – эти лирики древности были предметом восхищения; их произведения переводили многие поэты XVIII–XIX вв., следуя поэтическим принципам античности. Батюшков имел удивительную способность – чувствовать красоту «древней» поэзии, своеобразии греческой и римской культуры. Он стремился средствами русской речи передать пластичность, красоту и обаяние античного стиха. Он стремился сформулировать принципы нового, «легкого», стихосложения, не порывая с достижениями русской поэзии XVIII века начиная с Ломоносова и Сумарокова, «Душеньки» Богдановича (это «первый прелестный цветок русской поэзии» [2: 12]) и «Подражаний древним» Мерзлякова – переложений

произведений античных авторов «в русском стиле» [2: 12]. Творчество своих предшественников поэт рассматривал как «школу» для своего дарования. Для этого он изучал и принципы построения стихотворений Анакреонта и Э. Д. де Форжа Парни. Батюшков не всегда переводил их – скорее, стремился передать их «тональность» и русским поэтическим языком запечатлеть легкость, «текучесть» французской и античной лирики. Действительно, Батюшков верно угадывал, какими должны быть образная система и стилистика стихотворения-перевода или подражания, чтобы можно было почувствовать «аромат» подлинника, и умел отыскать для этого изобразительно-выразительные средства, существующие в русской речи. Среди переводов Батюшкова, превосходящих своими художественными достижениями подлинники, можно назвать «Привидение», «Ложный страх» – перевод и подражание Парни. Русский поэт усвоил изящество стиля любовной лирики Парни и в то же время во многом превзошел своего любимого французского автора. Яркость и пластичность поэтических образов Батюшкова дополняются исключительной музыкальностью, достигаемой подбором слов определенного звучания и своеобразным ритмико-синтаксическим движением стиха. Н. Г. Гоголь называл стих Батюшкова «облитым ароматами полудня и сладостным, как мед из горного ущелья» [7: 205].

Таким образом, вклад К. Н. Батюшкова в становление русской поэзии и развитие русского литературного языка очень велик: он сумел органично соединить средства образности и мелодики устной народной поэзии, достижения предшественников – классиков XVIII века, передать дух антологической поэзии (Анакреонта, Тибулла, Катуллы, Горация), а также творчества Парни. Он создал особый, «легкий» поэтический язык, показав и в теоретических сочинениях, и в поэтической практике достоинство нового слога. Он воплотил в теоретическом и поэтическом творчестве языковые тенденции классицизма, сентиментализма, романтизма. Это сделало его одной из ключевых фигур и в истории русской поэзии рубежа веков.

Литература

1. Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии // *Опыты в стихах и прозе*. М., 1977.
2. Батюшков К. Н. Речь о влиянии русской поэзии на язык // *Опыты в стихах и прозе*. М., 1977.
3. Батюшков К. Н. Мысли о литературе // *Опыты в стихах и прозе*. М., 1977.
4. Батюшков К. Н. Речь о влиянии легкой поэзии на язык // *Опыты в стихах и прозе*. М., 1977.
5. Батюшков К. Н. Стихотворения. М., 1979.
6. Вацуро В. Э. Литературное движение начала века. Карамзин. Жуковский. Батюшков // *История всемирной литературы*. Т. 6. М., 1989.
7. Гоголь Н. В. Избр. статьи и письма. М., 1952.
8. Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // *Русская литературная критика XVIII в.* М., 1978.

Особенности проявления прагматического уровня языковой личности Аполлоса как грамматиста

О. Л. Арискина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск)

Аполлос, языковая личность, прагматический уровень.

Summary. The paper deals with the analyse of the pragmatic level of the language personality by Apollon as the author of grammar in the 18th.

В 1794 в Киеве вышла «Грамматика, руководствующая к познанию славено-российскаго языка». Ее авторство принадлежит перу Аполлоса (Байбакова Андрея Дмитриевича, 1737–1801), епископа архангельского и Холмогорского.

Цель данного доклада – проанализировать особенности проявления прагматического уровня языковой личности (далее – ЯЛ) Аполлоса в тексте вышеназванной грамматики.

Само название работы говорит о том, что одной из задач автора было показать различие в употреблении двух языков, а следовательно, различия церковной и гражданской азбуки, различия в морфологических формах и др.

При анализе прагматического уровня ЯЛ Аполлоса следует сказать о структурированности его грамматики, о четком проработанной системе ссылок: «...о чемъ въ своемъ мѣсте», о реализации принципа наглядности (в два столбца приводятся числовые значения церковнославянских букв), об императивном характере его изложения («надлежитъ примѣчать...»; «должно писать»; «должно слѣдовать правиламъ»; «должно быть» и др. [1]).

В метаречи Аполлоса есть фрагменты, когда весь текст состоит из одних терминов: дискурс полностью терминован. Мы приведем пример из лингвистической работы

Аполлоса, в котором все лексические единицы, кроме иллюстраций, выделенных курсивом, являются терминами: «Грамматическое разобраніе. *Чтеніе*, происходитъ отъ учащательнаго глагола *чту, читаю*. Имя существительное, рода средняго, склоненія втораго, именительный падежь единственнаго числа [1: 166].

Нетерминологичные вкрапления в дискурсе Аполлоса носят общенаучный характер: «*Должно* здѣсь надобно почестъ глаголомъ безличнымъ, который здѣсь требуетъ неопредѣленнаго наклоненія» [1: 166]. Здесь реализуется цель точного, однозначного донесения научнаго знания: использование терминов помогает в данном случае избежать трансляционных помех между автором грамматики и адресатом. Следовательно, использование терминологической лексики становится чертой не только вербально-семантического, но и прагматического уровня ЯЛ Аполлоса.

В дискурсе Аполлоса часто происходит совмещение ценностнаго отношения и целевой установки. Дефиниций, представляющих собой собственно определение, в грамматике Аполлоса довольно много: «Грамматика есть наука чисто говорить и правильно писать» [1: 1] (здесь мы можем заметить ценностное отношение к устной речи, «чистой», не испорченной людьми, и речи как Божьего дара. Кроме того, можно говорить о первом шаге к пониманию такого коммуникативнаго качества речи, как чистота); «Имя есть названіе вещи, подверженной чувствамъ или разуму: или имя есть часть слова, предъ которою можно поставить сей, сія, сіе» [1: 11] (интересна вариативность определения, причем второй вариант, расположенный после двоеточия, выполняет дополнительную функцию пояснения).

В определениях понятия часто трактуются через глаголы со значением демонстрации «показывать», «выражать» и т. п.: «*Глаголь* показываетъ бытіе, дѣйствіе или страданіе вещей» [1: 49]; «*Прилагательное*, выражаетъ качество вещи или лица» [1: 12]. Глаголы с таким значением фигурируют и в определениях-описаниях: «1) Имя, которымъ изображаются вещи; 2) глаголь, которымъ изображаются дѣянія...» [1: 11]. Использование глаголов со значением демонстрации во многом реализует принцип словесной наглядности, очень значимый для процесса трансляции научнаго знания.

В дефинициях встречаются также глагольные лексемы «научаетъ», «полагается»: «*Сочиненіе-словъ* научаетъ, какъ разныя слова правльно слагать» [1: 1]; «*Мѣстоименіе* полагается вмѣсто имени и вещи» [1: 44]. В первом определении прямо сформулирована цель: научить. Во втором преобладает характер обязательности. Кроме того, в определении местоимения совмещение имени и вещи говорит о том, что автор грамматики не разделяет экспонент и денотат, что подтверждает еще раз его религиозное мировоззрение, согласно которому название и объект неразрывны. Особенно ярко это проявляется в словосочетании «священные слова» [1: 10], которые используются для номинации таких понятий, как *Бог, святой* и т. п. Определений-описаний в тексте грамматики тоже довольно много: «...существительное, которе...» [1: 11]; «*Собственное* имя называется то, которе...» [1: 12]; «...*совершенное*, которе ...» [1: 12]; «*отъ именное*, которе...»; «*чинительное*, коимъ...»; «*отвѣцательное*, коимъ...»; «*притяжательное*, которе...»; «*отечественное*, кое...»; «*первообразное*, которе...»; «*производное*, которе...» [1: 12]. Встречаются сокращенные вариан-

ты определенній-описаний: «*Языческое* отъ народа; *уничжительное* отъ Ивана Ванька» [1: 13].

Когда понятия дефинируются посредством глагола «употребляться», автору удается в определении-описании сформулировать функцию определяемых понятий, сказать адресату, для каких целей используются данные понятия и закрепленные за ними денотаты: «... прочія шесть называются *служебными* ибо употребляются: *мѣстоименіе* для сокращенія наименованій, *причастіе* для сокращенія имени и глагола въ однореченіе, *нарѣчіе* для краткаго изображенія обстоятельство, *предлогъ* для показанія принадлежности обстоятельство къ вещамъ или дѣяніямъ, *союзъ* для изображенія взаимности нашихъ понятій, *междометіе* для краткаго изьявленія движеній духа» [1: 11]. Здесь, кроме целевой установки, наблюдается проявление вербальной наглядности с помощью отглагольных существительных «изображеніе», «показаніе».

На прагматическом уровне ЯЛ Аполлоса прослеживается тенденция разъяснения терминологической номинации: «*Дѣйствительный*, значить дѣяніе..., *страдательный*, значить страданіе... *Средній*, который ни дѣйствія, ни страданія не значить... *Обицій* имѣетъ окончаніе страдательнаго, и знаменованіе дѣйствительнаго... *Взаимный* составляется изъ дѣйствительнаго и средняго... *Правильный* послѣдуетъ въ сопряженіи общимъ правиламъ... *Неправильный* отъ общихъ правилъ отступаетъ... Къ сему отнеси можно упомянаемые въ Славенскомъ Грамматикѣ, *стропотный* и *лишаемый*» [1: 50]. В последнем высказывании содержится отсылка к трудам предшественников, что свидетельствует об эрудиции автора, о критическом отношении к научным трудам доломоновскаго периода. Это подтверждает и его рассужденіе о термине «различіе»: «Членъ *арѣров* и *различіе*, о коемъ упоминается въ грамматикѣ Максима Грека на листу 270. Надлежитъ до мѣстоименій; который хотели вводить в грамматикю, но безъ нужды» [1: 11]. Также встречаются ссылки и на труды М. В. Ломоносова [1: 10, 51]. Знаком автор с греческими и латинскими трудами и грамматикой Ф. Максимова: «...Тоже можно сказать и о излишествѣ *десяти временъ* въ Россійскую грамматикю введенныхъ по образцу Греческой грамматикі. Сочинитель Новгородской грамматикі по листу 35. къ немалому облегченію учащихся оное излишество сократилъ...» [1: 51] (здесь прослеживается целевая направленность на адресату-ученика). Важно, что, проанализировавъ традицію в подаче того или иного научно-учебнаго материала, автор высказывает собственную точку зрения по данному вопросу: «По мнѣнію моему нужно къ симъ четыремъ прибавить пятое: *давно прошедшее*. Равнымъ образомъ и въ Латинскомъ языкѣ» [1: 51] (наблюдается трансмутация научнаго знания, а значит, можно говорить о выходе на прагматический уровень анализа ЯЛ Аполлоса).

Итак, ЯЛ Аполлоса можно охарактеризовать как верующую, эрудированную, стремящуюся к обоснованию, наглядности и объективности, целеполагающую, старающуюся наиболее ясно транслировать знания адресату с учетом его возрастных, интеллектуальных и образовательных параметров.

Литература

1. Аполлос (Байбаков А. Д.). Грамматика руководствующая к познанию славено-россійскаго языка. Киев, 1794.

Розыскные указы Его Императорскаго Величества 70-х гг. XVIII века: лингвистичноковедческое описание

К. Р. Ваганова

Московский государственный областной университет

vaganova1988@mail.ru

Распорядительная документация второй половины XVIII века иллюстрирует важный этап становления и развития делопроизводственной системы иного в системно-структурном отношении типа. Главным делопроизводительным органом в этот исторический период выступала *коллегия*, оказавшаяся во введении высших и центральных органов власти (например, Сената, Верховнаго Тайнаго совета, Кабинета министров, коллегій и Сибирскаго приказа) [2: 78]. Без-

условно, число документов, проходящих через один *стол*, постоянно возрастало. Как следствие – увеличение числа случаев, когда те или иные служащие «по ошибке, случайно или злему умыслу» брали документы и впоследствии их не возвращали. В связи с этим было принято решение даже официально учредить создание специальных документов – *регистрационных книг*. С их помощью процент хищения, умышеннаго или нет, оказался сведен к минимуму.

Функциональная направленность данных текстов деловой письменности в этот исторический период была довольно многомерной. Как справедливо отмечает С. А. Глотова, «статус указов, изданных верховной властью до XIX века не всегда можно было однозначно трактовать. Во-первых, в силу того, что верховная власть использовала этот вид документа как для фиксации каких-либо новых правовых норм или правил, так и для фиксации частных распоряжений по отдельным случаям, во-вторых, указы издавались абсолютно на всех уровнях власти и всегда от имени Императора» [1: 178–179].

Материалом для настоящего исследования послужили розыскные указы *Его Императорского Величества* за 1764 год, которые хранятся в Государственном архиве Тюменской области, фонд И-3 «Тюменский городничий». Они представляли собой одинаковые по формату листы, расположенные строго в хронологическом порядке. Эти деловые бумаги имели верхнее и левое поля – 21–26 мм, на которых всегда делались пометки (например, вставки о том, когда документ был получен региональной канцелярией, когда был занесен в журнал регистрации; скрепительные надписи).

В лингвистикоисторическом плане розыскные указы представляют собой контаминацию трех основных функционально-семантических блоков (определение А. Г. Косова): первый / начальный блок, второй блок / блок основного содержания, третий / конечный блок. Отметим дифференциальные признаки, которые были присущи каждому из этих текстовых фрагментов.

I. Первый блок представлял вступительную клаузулу регистрационного типа, в нем определялись наименование настоящей деловой бумаги (*УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИСКАГО*), вводилась информация об основных участниках этого делопроизводственного процесса (*изъ Тобольскаго Губернскаго | Правленія, Тюменскому Господину Городничему*). Также в структуру этого текстового элемента входило наименование адресанта (*изъ Тобольскаго Губернскаго | Правленія*) и адресата (*Тюменскому Городничему*). Начальный блок, в целом, занимает небольшое пространство текста: всего 2,5 строки. Отметим, что расширение такого текстового элемента не предполагалось в связи с его основной функциональной направленностью – репрезентация первичных реквизитов (речь идет о *шаблоне* деловых бумаг).

II. Блок основного содержания представлял сложное синтаксическое целое, состоящее из нескольких десятков клауз. Число последних было обусловлено тем, что дан-

ный текстовый элемент являлся основным в проанализированных розыскных указах. Информативно эта часть была более насыщена (в сравнении с предшествующей), коммуникативно-прагматически – менее (в сравнении с последующей), и наоборот.

III. Конечный блок в розыскных указах 70-х гг. XVIII века репрезентировал соответствующее решение, которое принималось во внимание адресатом, впоследствии обязательно исполнялось. В данном текстовом элементе были эксплицированы адресант (*Тобольское Губернское Правление*), императив (*о п р е д Э л и л о*) и собственно розыскное задание. Последний текстовый элемент фиксировал несколько реквизитов, свойственных розыскным деловым бумагам этого периода.

Таким образом, лингвистикоисторический анализ розыскных указов *Его Императорского Величества* 70-х гг. XVIII века позволил нам прийти к следующим выводам:

Во-первых, распорядительная документация в настоящий исторический период широко использовалась в розыском делопроизводстве центральными и региональными канцеляриями.

Во-вторых, стандарт оформления розыскных деловых бумаг получил широкую языковую репрезентацию: соблюдались три основных функционально-семантических блока, система реквизитов. Для обособления конкретного элемента текста по-прежнему используются «шрифтовое выделение» (в названии деловой бумаги) и «разрядка» (при назывании регламентирующего предиката). Подобные способы оформления текстового пространства носят шаблонный характер репрезентации и отличаются высокой степенью частотности в документах этого типа, но за иной исторический период (см., например, розыскные указы за 1800, 1809 и 1826 гг., которые хранятся в Государственном архиве Тюменской области).

В-третьих, формирование семантической базы розыскного делового языка происходило постепенно, носило вариативный характер рефлексии относительно тех или иных структурирующих понятий. К последним можно отнести такие важные для текстов данной функциональной направленности ситуации, как *разыскание* и *поиски*.

Литература

1. Глотова С. А. Возникновение и развитие распорядительной документации в России в XVI – начале XX в.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2011.
2. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997.

Социокультурная роль василианских типографий XVIII века на пограничных территориях Речи Посполитой

Й. Гетка

Варшавский университет (Польша)

jgetka@wp.pl, j.getka@uw.edu.pl

Василиане, книгопечатание, XVIII век, простая мова, Речь Посполитая.

Summary. Basilian's printing distinguished itself by multilingual publications. In addition to the Church Slavonic and Latin, Basilian's books were consciously printed on languages of daily communication of readers in Polish-Lithuanian Commonwealth in 18th century: Polish, *prosta mowa* and even Lithuanian and Romanian. Most importantly – printings in everyday language of readers affected the consolidation of those languages as the language of printed books, which increased the prestige of that languages.

После Замойского синода 1720 г. василиане стали главной силой, внедряющей и популяризирующей цели Берестейской унии (1596) на восточных землях тогдашней Речи Посполитой. Так как решения Замойского синода способствовали латинизации униатского вероисповедания, а кроме того василиане были тесно связаны с польской культурой, Римом и (само собой разумеется) католическим вероисповеданием (Веломин Рутский осуществил реформу василианского ордена по образцу иезуитского), распространены мнения, что культурные (в том числе издательские) предприятия ордена тормозили развитие византийско-славянской культуры на восточных рубежах Речи Посполитой и вели к латинизации и даже к колонизации этих земель.

Утверждения о «полонизационной» деятельности ордена в XVIII в. кажутся неверными, ибо не принимают во внимание всей сложности обстоятельств политической ситуации Речи Посполитой. Православная церковь нередко использо-

валась как орудие влияния Российской Империи на внутренние дела Короны и Великого Княжества Литовского. Кроме того, им противоречит более поздняя деятельность ордена: с начала XIX в. она направлена на развитие украинской культуры и национальной самобытности.

Против представлений о «полонизационной» деятельности ордена свидетельствуют также его издательская активность. Анализ книжной продукции василианских типографий в Вильносе, Супрасли, Почаеве, Уневе, Львове и Минске показывает, что доля изданий, отпечатанных латинско-польском и кириллическим шрифтами, дифференцировалась в зависимости от местного спроса. Среди изданий львовской или унивской василианской типографии, например, вообще не было польскоязычных изданий. Там печатали на церковнославянском и на *руськом* языке – *простой мове*. Кириллические издания почаевской типографии преобладают над книгами, изданными латинским шрифтом.

Более уместным кажется тезис об ответственном выполнении василиянами «культуротворной миссии», которую они вели в сложной контактной зоне культур Востока (Slavia Orientalis) и Запада (Pax Romana). Василианское книгопечатание (в том числе издание многочисленных произведений светской литературы) внесло существенный вклад в культурное развитие нынешних белорусских и украинских земель. Василиане получили хорошее образование в западных университетах (в основном итальянских) и хорошо разбирались в современных европейских издательских тенденциях, тщательно подбирая издаваемые произведения. Поэтому, хотя теоретически василиане «обслуживали» главным образом Греко-католическую церковь, они очень живо и адекватно реагировали на потребности различных читателей тогдашнего многонационального общества Речи-Посполитой, которые ожидали книг на «живых» языках: польском, *руськом*, и даже литовском и румынском.

Как государственный, польский язык доминировал среди языков восточных земель Речи Посполитой в XVIII веке и был признанным языком образованной элиты. Социолингвистической ситуацией земель Великого Литовского Княжества надо объяснить факт, что василианские типографии в Вильнюсе и Супрасли выпускали больше книг на польском и латыни, чем на *руськом* и церковнославянском языках. При этом большая часть изданий вильнюсской и супрасльской типографий была напечатана по заказу, и это их заказчики определяли язык изданий. Кроме того, униатское духовенство использовало польский как универсальный язык. На польском языке оно проповедало, польский был языком обучения в василианских школах, на польском сочинялись песни и развлекательная литература.

Важно подчеркнуть, что главным достижением монастырских василианских типографий было – как ни странно это звучит – издание великих светских романов эпохи Просвещения (Свифта, Фильдинга и др.), многие из которых были переведены самими василианами, что делает популяризаторами западной культуры, причем не только на восточных территориях бывшей Речи Посполитой, но на всей ее территории.

Василиане издали многочисленные тексты на латинском языке, владение которым в XVIII в. по-прежнему было признаком эрудиции и образованности. Это был язык Римской церкви, но одновременно универсальный язык науки, поэтому на латыни печатались тексты не только религиозные,

но и на научные. Таким образом, василианское книгопечатание на польском и латинском языках включало читателей с Востока в круг западной культуры.

Церковнославянский язык сохранил свою позицию как главный язык церкви, о чем свидетельствует хотя бы количество книг, отпечатанных на нем. Церковнославянский язык, обладающий не меньшей престижностью, чем латынь, был как и она, мало понятен широкому читателю.

Так как основной задачей василиан было привлечение верующих *руського* населения, *руський «простий»* язык стал языком миссии, общения с прихожанами и церковных книг. Низкую престижность «*простого языка*» до начала XIX в. отражает само его название. Украинская и белорусская письменность этого времени не признавала «*простой язык*» полноценным литературным языком: он использовался в текстах так называемого низкого стиля.

В результате простой язык, язык повседневного общения не был использован для нужд церкви, литературы и общественных дел. Изменение этой ситуации было медленным процессом, в котором большие заслуги имели василианские типографы. На *руськом языке* они печатали не только тексты на религиозные темы (проповеди, песни) но и светские (события для хозяев)

Тексты на *руськом языке* печатались сознательно, о чем свидетельствуют вступительные слова авторов или издателей, объясняющих цель своих издательских инициатив.

Особого внимания заслуживает информация о том, что василиане печатали книги на языках представителей других народов многонациональной Речи Посполитой. Нам известно, что василиане издали две книги на литовском языке и две книги – на румынском.

Многоязычие василианских изданий вело к взаимопроникновению культур *руських* народов (украинцев, белорусов), поляков и народов западной Европы. Василиане, сохраняя и развивая *руськую* культуру, распространяли коды и образцы латинской и польской культур. Переводами они популяризировали литературные достижения Западной Европы на восточных рубежах древней Речи Посполитой. Кроме того, оригинальные и переводные издания на *руськом языке*, ближайшем к тогдашнему разговорному, поднимали престижность и подтверждали адекватность этого языка для литературных целей и – в итоге – способствовали развитию украинского и белорусского языков.

Лексические особенности памятника русской письменности II половины XVIII века «Рассуждение о языке»

Е. С. Ерченко

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева

derry2006@rambler.ru

Summary. This paper focuses on the identification of lexical features and patterns on the base of the monument of Russian literature of the second half of the XVIII century “Discourse on Language”, covers the issues of language requirements, the speech characteristics of the period.

В Тобольских архивах хранятся исторические рукописные памятники, отражающие быт, интересы, запросы жителей края. Изучая их, мы не просто делаем исторические выводы, но и исследуем рукописные памятники, изучаем динамику развития языка и потребность общества в этом развитии.

Один из таких рукописных памятников русской письменности второй половины XVII века «Рассуждение о языке» хранится в единственном экземпляре в фондах библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска.

Он представляет собой учебник по риторике, раскрывая вопросы по культуре речевого общения, обучающий красноречию и умению искусного владения красноречием.

Лексический состав памятника обусловлен самим содержанием текста источника. Прежде всего в тексте источника наблюдается сплав книжно-славянской и разговорно-бытовой лексики. XVIII век – это время, когда в широких масштабах в общенациональном языке шло сложное взаимодействие книжно-славянского, старого типа языка с новым, народно-литературным с постепенным вытеснением первого.

Язык текста «Рассуждение о языке», продолжает еще испытывать большое влияние к н и ж н о – с л а в я н с к о й

лексики и церковно-славянского языка как передового типа языка, так называемого языка высокого стиля.

Несмотря на конкретность изложения, в тексте источника прослеживается тенденция к абстрактности изложения и оторванности от обыденной речи. Такие значения придает словам ряд суффиксов:

-ениј-, -аниј-, -ниј-, -иј-, -ј-:

изьясненіе, исполненіе, злословіе, молчаніе наставленіе, овецанія, обличеніе, охужденіе, озлоблене, повтореніе, предложеніе, презреніе, разсужденіе, следствіе, употребленіе и др.

-айш-, -ейш-: **высочайший гролось, мудрейший, новейший** и др.

-ость-, -нось-: **безопасность. нетерпеливость, погрешность, бедность** и др.

Абстрактность изложения была характерным признаком книжно-славянского типа языка. Вместе с этим в текстах можно выявить сочетания слов, обороты речи, свойственные деловому языку:

«... советуй съ умными людьми и ихъ советамъ последуй», (с. 9); «находящихся не въ знатномъ чине и убожестве» (с. 7);

«Утѣшение въ трудахъ» (с. 13);

«подании «Доброго и полезного совета...» (с. 12);

«Долженъ прежде переменить» (с. 21) и т. д.

Многие из названных сочетаний слов наиболее часто встречаются в анализируемых текстах различного характера, поэтому их можно считать устойчивыми словесными комплексами, характерными для делового языка того периода.

Кроме того, в тексте «Рассуждение о языке», можно увидеть и третий пласт – разговорную лексику:

быть втрѣдахъ, мелкія людишки, лживые слова, похвальба всяческая, ругать всячески, сущая правда, о подломъ роде», ругателствахъ, и др.

а также разговорные устойчивые сочетания:

«Как чловеку не вдаваться в печаль» (с. 8);

Многие наставления построены по типу русских народных пословиц:

Глава бѣ Правило 3. «*Бжеи на умъ свой совершенно положитса не можешъ, то советуй съ умными людьми ихъ советам последуй*» (с. 11);

В тексте представлены и диалектные слова и сочетания:

«*Слова вашихъ сродственниковъ*» (с. 12);

«*Друзей и враговъ надо розуметь*» (с. 19).

Таким образом, язык памятника в силу своей содержательной специфики (соединения традиционных штампов книжно-славянского и делового языка с отражением общедно-разговорной стихии) представляет собою «трехслойный» сплав стилистических языковых элементов с разноплановой лексической информативностью каждого пласта.

Автор подробнее описывал те или иные ситуации, наставляя тех, кто изучал материал:

Глава 7я

ЯЗЫКЪ СПОРИЩАГО

Правило 1.

Есть такіе, которые въ спорахъ разсуждают о мнимои правде и силе своихъ предложеній, по числу важности словъ.

Правило 2.

Молчаніе въ спорахъ не всегда умъ и скромность значить.

Правило 3.

Бжеи тебе случится спорить, то старайся чтоб симъ способом о незнаемом тебе наставленіе, а о неизвѣстномъ изьясненіе получить. Притомъ же протився и напрасныхъ Диспутовъ неначинай.

Правило 4.

Никогда за малую вещь великаго спору неделай.

Правило 5.

Почти все споры для того продолжительны бывають, что спорящие другъ друга долго не разумеють.

Правило 6.

Не вступая въ споръ надобно то дело со всеми его свойствами и обстоятелствами подлинно знать, о которомъ спорить хочешъ.

Более того важно отметить, что потребность в таком учебнике для современников XVIII века, указывала не только на развитие риторики, потребность в красноречии, но и возрастала потребность в наличии учебного материала. А, следовательно, и потребность в написании такого материала, овладении техники письменной передачи востребованной информации.

Памятники подобного рода позволяют ученым лингвистам более подробно изучить особенности и закономерности языка того периода.

Источник

Памятник русской письменности II половины XVIII века «Рассуждение о языке»

Литература

1. История русского литературного языка. Памятники XI–XVIII веков / Под ред. Коткова С. И., Панкратова Н. П. М., 1982.
2. Источники по истории русского языка XI–XVII веков: Сборник статей / Под ред. В. Г. Демьянова, Н. И. Тарасова. М., 1991.

Наименования форм предпрошедшего времени в грамматиках 1730–1750-х гг.

Н. В. Карева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Natasha.titova@gmail.com

Терминология, историческая лексикография, русский язык XVIII в., М. В. Ломоносов.

Summary. This research presents the grammatical terminological system formation in Russia of the first half of the XVIII century. For that special purpose a special method of reversal description is used: this method follows a unit of the terminological system from grammar works of M. Lomonosov back to the previous texts of V. Adodurov, M. Schwanwitz and M. Smotrisky.

В первой половине XVIII в. в России филологические науки развивались очень интенсивно: всего за пятьдесят лет был пройден путь от первых кратких пособий по русскому языку до нормативных философских грамматик. Стремительное развитие отрасли привело к тому, что к 1730-м гг. в языке грамматических сочинений стала наблюдаться тенденция к вариативности специальных наименований. Эта тенденция была во многом обусловлена тем, что в Россию приехали молодые ученые из университетов Европы, являвшиеся представителями разных научных школ. В результате в Санкт-Петербургской Академии наук сложилась уникальная социокультурная ситуация: для научного общения использовались одновременно несколько языков – латинский, немецкий, французский, русский. В области учений о языке сосуществовали две терминологических системы: одна – связанная с западноевропейской книжностью, вторая – восходящая к грамматическим трудам Л. Зизания и М. Смотрицкого. Поэтому авторы первых грамматик русского языка и первых русских учебников по латыни, немецкому, французскому, ориентируясь на разные терминологические системы, частично обращались к латинским терминам, заимствуя их или калькируя, частично продолжали использовать терминологию церковнославянских грамматик. В некоторых случаях исследователь встречается с фактами, свидетельствующими об интерференции этих систем.

Так, в двуязычной «Немецкой грамматике» М. Шванвица (1730) латинскому термину *praeteritum plusquamperfectum* соответствует транслитерированное наименование *Претеритумъ Плусквямъ перфектумъ*, снабженное русским аналогом-калькой *прошедшее пресовершенное* (Шванвиц 1730: 216–217). Редакторы последующих изданий «Немецкой грамматике» (1734, 1745), Я. Штелин и В. Е. Адодуров, отказались от иноязычных заимствованных наименований и заменили предложенные М. Шванвицем наименования-кальки на термины церковнославянской традиции. В частности, *Плусквямъ перфектумъ [прошедшее пресовершенное]* они заменили на *мимошедшее* (Шванвиц 1745: 201–202), использованное ранее в грамматиках церковнославянского языка М. Смотрицкого (1619, 1648, 1721) и Ф. Максимова (1723). То же наименование *мимошедшее* употреблено в «Новой французской грамматике» (1752) В. Е. Теплова в качестве аналога французского термина *plusque parfait*. Таким образом, произошла актуализация старого наименования. При этом прилагательное *мимошедший*, имея терминологическое значение, продолжало в 1730-е гг. употребляться в неспециализированном значении (ВЛ 1731: 669). Синонимичное прилагательному *мимошедший* прилагательное *давнепрошедший* в первой половине XVIII в. функционировало только в неспециализированном значении (Сл. РЯ XVIII в.: 6: 26). Первое употребление этого прилагательного в терминологическом значении относится к 1746 г. В. И. Ле-

бедев в «Сокращении грамматики латинской» использовал наименование *Давно Прошедшее* для передачи латинского *plusquamperfectum* (Лебедев 1746: 103).

Таким образом, в русских грамматиках 1730–1750-е гг. использовалось несколько наименований для обозначения преждепрошедшего времени:

Источник	Термин	Происхождение наименования
Шванвиц, 1730	Претеритумъ Плусквямъ перфектумъ	транслитерация латинского термина, межъязыковое заимствование
Шванвиц, 1730	прошедшее пресовершенное	словообразовательная калька
Шванвиц, 1745; Теплов, 1752	мимошедшее	межсистемное заимствование (актуализация): <i>Смотрицкий</i> → <i>Шванвиц, Теплов</i>
Лебедев, 1746	давно прошедшее	заимствование из сферы неспециальной лексики (усложнение семантической структуры слова общелитературного языка)

В «Российской грамматике» М. В. Ломоносов, используя термин В. И. Лебедева, в числе прочих выделил следующие глагольные времена: *давнопрошедшее первое, второе и третье*. Выбор наименования *давнопрошедшее* позволил М. В. Ломоносову с помощью имеющихся языковых ресурсов создать мотивированное наименование, сама внутренняя форма которого указывала на специфику обозначаемой категории, а также подчеркнуть сходство системы времен латинского и русского глаголов. Последнее было обусловлено патриотизмом языковой политики М. В. Ломоносова, который стремился создать такое описание грамматической системы русского языка, которое делало бы ее изоморфной грамматическим системам латинского и западноевропейских языков, и, следовательно, вводило бы русский язык в круг этих языков как равноправный.

Источники

1. *Лебедев В. И.* Сокращение грамматики латинской, въ пользу учащагося латинскому языку российскаго юношества переведено чрезъ Василья Лебедева, переводчика при Академіи Наукъ. СПб., 1746.

2. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
3. Максимов Ф. Грамматика славенска в кратцѣ собраннаа в Греко-славенской школѣ яже въ великомъ Новѣ градѣ при домѣ архіерейскомъ. СПб., 1723.
4. Нѣмецко-латинскій и русскій Леџиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи наукъ печатію изданъ. СПб., 1731.
5. *Смотрицкий М.* Грамматіки Славѣнскаіа правільное Сѣнтагма. М., 1721.
6. Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Т. 1–6.
7. Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1984–2007. Вып. 1–17.
8. *Теплов В. Е.* Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на российский язык переведена Академией наук переводчиком Василием Тепловым. СПб., 1752.
9. *Шванвиц М.* Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санктпетербургской гимназии. СПб., 1730.
10. *Шванвиц М.* Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов, а ныне для употребления Санктпетербургской гимназии вновь пересмотренная и во многих местах исправленная. СПб., 1745.

Место и статус русского языка в семинариях XVIII века: к постановке проблемы *

Е. И. Кислова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

e.kislova@gmail.com

История русского языка, история церкви, XVIII век, преподавание русского языка.

At this moment, the history of introduction of the Russian language as a subject of study in 18-century Russian educational institutions is still somewhat underresearched. The sphere of ecclesiastical education, where teaching Russian had its own specific character, has received almost no attention from scholars. This paper is aimed at pointing out a number of important aspects in the research of this field of the history of the Russian literary language in the 18th century.

В настоящее время история введения русского языка как предмета обучения в учебных заведениях России XVIII века и значение этого процесса в истории русского литературного языка исследована недостаточно полно. Почти вне внимания исследователей остается сфера церковного образования, в которой преподавание русского языка имело определенную специфику. Настоящая работа призвана обозначить ряд аспектов, значимых для исследования этой области истории русского литературного языка в XVIII веке.

Базовым языком, на котором велось обучение в семинариях и духовных академиях России, до Устава 1840 г. была латынь. Именно изучению латыни были посвящены первые годы обучения в семинариях, именно на латыни проходило обучение другим предметам (в том числе в «высших» классах – риторике, поэтике, философии и богословию). Однако к концу XVIII века проникновение русского языка в учебный процесс семинарий в наибольшей степени затронуло именно курсы поэтики и риторики: в качестве материала начинают использовать прозаические и поэтические тексты российских авторов (Ломоносова, Сумарокова, Державина и

др.). О распространении русского языка в этой сфере свидетельствуют сохранившиеся копии стихотворений и целых книг этих авторов и созданные по их образцу поэтические и прозаические тексты семинаристов. Причиной такого распространения может считаться не только появление риторик и поэтик на русском языке (в частности, «Риторика» Ломоносова), но и возникшая потребность в создании стихотворных и прозаических текстов на русском языке: в это время семинаристы активно участвуют в публичных праздниках, произносят приветственные речи перед важными гостями семинарий, сочиняют поздравления, учебные проповеди и рассуждения.

Во второй половине века преподаватели в отдельных семинариях начинают вводить материал на русском языке в курсы философии и богословия: в 1759 г. в Киевской академии делается попытка читать богословие по-русски, в 1768 г. и затем 1775 русский язык в обучении «высших классов» отмечен в Псковской семинарии. В Тверской семинарии в 1780-х гг. Арсений (Верещагин) попытался перевести на русский язык преподавание риторики, философии и богословия. Попытки эти не находили поддержки церков-

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-1573.2013.6).

ных властей и оставались личными инициативами архиереев: в Киевской академии русский курс богословия остается дополнительным по отношению к «правильному» латинскому. В Тверской семинарии преподавание на русском встретило противодействие митрополита Платона (Левшина) и было полностью устранено сразу же после перевода Арсения (Верещагина) в Ростов в 1783 г. Таким образом, в глазах церковных властей латинское образование обладало несравнимо большим авторитетом, нежели образование на русском языке. Кроме того, «латинская» традиция преподавания этих предметов имела разработанный терминологический аппарат и унифицированные средства выражения мыслей и идей, единые для западноевропейского богословия (протестантского и католического), что делало возможным для семинаристов продолжение образования в университетах Западной Европы. Тогда как в русском литературном языке, по свидетельству современников, не хватало адекватных средств для выражения схоластических богословских и философских построений. Поэтому, несмотря на появление первых учебников по богословию на русском языке, наиболее авторитетными оставались учебные пособия на латыни. Так, катехизис Платона (Левшина), созданный для обучения великого князя Павла Петровича и опубликованный в 1765 г. под названием «Православное учение или сокращенная христианская Богословия» на русском языке, для использования в духовных учебных заведениях был переведен на латынь. Латинский язык богословия и философии в глазах духовенства также подчеркивал границу между «обыденным», доступным для светских персон богословием (преподававшимся по катехизисам на церковнославянском и затем на русском языке) – и богословием высшим – семинарским, доступным только избранным студентам, окончившим полный курс наук.

Распространению русского языка в семинариях в 1780-х гг. способствует деятельность правительства, направленная на унификацию образования в целом. Внедрение «нормального метода» преподавания в народные школы и распространение его в 1785 г. на духовные учебные заведения при-

вело к усилению в последних русского языка: во-первых, за счет прямого внедрения его преподавания по образцу светских учебных заведений; во-вторых, за счет распространения предметов, преподававшихся не на латыни (история, география, физика и т. д.); в-третьих, за счет проникновения в семинарии светских учебников на русском языке. Во 2 половине XVIII века возникают дискуссии, связанные со статусом русского языка как предмета обучения в духовных школах. В результате языковой и образовательной политики Екатерины II в духовные учебные заведения проникают мысли о необходимости усиления преподавания русского языка. Так, митрополит Платон (Левшин) требует внимательного отношения к русскому языку переводов, выполненных семинаристами. С другой стороны, он же крайне отрицательно относится к идеям перевода на русский язык всего обучения в духовных школах и считает, что отказ от латыни приведет к снижению международного авторитета русских богословов.

Еще одним важным фактором, влияющим на формирование идей о необходимости преподавания русского языка в семинариях, становится, как нам кажется, внедрение в практику духовных учебных заведений преподавания живых европейских языков – французского и немецкого. Во-первых, ученики семинарий получали в процессе их освоения образцы и модели преподавания живых языков, не освященных богословской и церковной традицией. Во-вторых, огромную роль играл переводной метод обучения европейским и классическим языкам: в процессе их изучения семинаристы создавали множество учебных переводов (как авторских, так и коллективных), некоторые из них издавались в виде книг. Таким образом, качество русского языка этих переводов становилось важным критерием их оценки и требовало не меньшего внимания преподавателей, нежели соблюдение грамматики иностранных языков.

Таким образом, можно констатировать, что значение и место русского языка в духовном образовании XVIII века требует изучения с учетом целого ряда взаимосвязанных аспектов.

Об англицизмах в русском языке XVIII века (на материале «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина)

И. О. Наумова

Харьковский национальный университет городского хозяйства им. А. Н. Бекетова (Украина)

Naumova1010@gmail.com

Англицизм, калька, заимствование, ассимиляция, языковые контакты.

Summary. The paper elucidates anglicisms (lexical and phraseological) and their calques in “Letters of a Russian Traveller” by N. M. Karamzin. The focus is on the ways of introducing anglicisms to depict the English life in full range of verbal paints.

В начале XIX века выдающийся историк, писатель, поэт Н. М. Карамзин выступает в роли реформатора русского языка, вводя так называемый «новый слог», отражающий в немалой степени влияние французского языка. В русском языке появляются многочисленные неологизмы, часто представленные кальками соответствующих французских слов.

«Письма русского путешественника», с одной стороны, продолжающие традиции сентиментализма в истории русской литературы, с другой стороны, отличающиеся богатством сведений о культуре, истории, языке и нравах европейцев, отражают обогащение русского языка интернациональной лексикой и фразеологией европейских языков. Именно в этом произведении мы находим следы влияния английского языка на русский язык XVIII века.

Первый переводчик работ Шекспира, Томсона и многих других английских писателей Н. М. Карамзин с детства мечтал побывать в Англии. Высадившись на берег в Дувре в 1789 году, он произнес: «...я в Англии – в той земле, которую в ребячестве своем любил я с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы» [1]. «Истинное богатство языка состоит не во множестве звуков, не во множестве слов, но в числе мыслей, выражаемых оным», писал Карамзин в 1795 году в «Московских новостях». По

его мнению, именно Шекспир «находит образ для каждой мысли, выражение для каждого чувства и лучшую фразу для каждого движения души» [2].

В его воспоминаниях о путешествии по Англии мы встречаем как большое количество англицизмов, так и их переводных соответствий (калек). В большинстве случаев заимствованные слова и фразы английского происхождения используются для введения в текст повествования названий достопримечательностей, исторических и географических мест (топонимов). Ср.:

1. прямые заимствования: *Cavendish Square*, *Бедлам* (< *bedlam* < *Bethlehem*); *Воксал* (< *Vauxhall* (late 13 c.)); *Соммерсет-гаус*; *Thea-gardens* (sic) (< *The Tea Gardens*);
2. фразеологические кальки: *Год дем* (< *God damn*), *кофейный дом* (< *coffee house*); *почтовый дом* (< *post house*); *ординарная почта* (< *ordinary post*); *экстренная почта* (< *express post*); *почтовая карета* (< *post coach*); как говорит Шекспир, *выплакать сердце свое* (< Шекспир использовал это выражение в такой форме в «Юлии Цезаре» (3:1) [Late 1700s] *cry one's eyes out / cry one's heart out*) [3].

Во фразеологических полукальках заимствованная часть оборота, адаптируясь к языковым нормам русского языка, часто приобретает новые грамматические характеристики. Ср.: *Гулливерово путешествие* (< *The Adventures of Gulliver*), *Вестминстерская зала* (< *Westminster Hall*), *Сент-Джем-*

ский двор (< Saint James Court), Оксфордская улица (< Oxford Street).

Заемствованные фразеологические обороты часто подвергаются процессу универбации, сливаясь в единое слово (пишутся либо слитно, либо через дефис). Ср.:

1. *Buckinghamhouse* (sic), ср. *Buckingham House*.
2. *Westminster-hall, Kew-Garden; Justice-Hall, Yaum-gal, White-Hall, Гамтон-Каурт / Гамтон-Карт, New-Park*.

Кальки часто используются в тексте «Писем русского путешественника» вместе с соответствующими англицизмами, разъясняя их значение:

- *пехота и конница* (footpad, highwayman); *домовые и карманные* (housebraker, pickpocket);
- *Ростбиф, бифстекс* (жареная и битая говядина), *french dog* (французская собака);
- Так, добродушный Трим! *Nothing can be so sweet as liberty* (*То есть ничего не может быть приятнее свободы*) (Lawrence Sterne).

Заемствованные существительные английского происхождения изменяются по падежам, подчиняясь нормам русского языка. Ср.: Я читал в Архенгольце описание *Кингс-Бенча*. Выгода сидеть в *Кингс-Бенче*.

Заемствования, приведенные в «Письмах русского путешественника», используются в несвойственных им значениях, отражающих влияние английского языка на русский язык в XVIII веке. Так, арабское по своему происхождению слово *магазин* приводится в тексте в значении 'источник сведений, информации', заимствованном в 1731 году из английского языка.

Ср.: «Тут славный Лойдов *кофейный дом*, где собираются лондонские страховщики и куда стекаются новости из всех

земель и частей света; тут лежит большая книга, в которую они вписываются для любопытных и которая служит *магазином* для здешних журналистов» [1].

В 1731 году в Англии появился журнал «Gentleman's Magazine», получивший свое название из-за публикации списка военных складов и информации. Впоследствии возник иносказательный смысл слова – 'публикация как «склад» информации'. В современном русском языке заимствованное из немецкого языка арабское слово в значении 'склад' (для хранения военного снаряжения) (через франц. язык) сохранило свое первоначальное значение 'торговое учреждение', потеряв вышеприведенный смысловой оттенок из английского языка. В отличие от русского языка в английском языке было утеряно первоначальное значение этого интернационализма.

«Письма русского путешественника», написанные в конце XVIII века (1791–1792 гг.), сохраняют историческое свидетельство о языковой конвергенции русского и английского языков благодаря литературным, историческим и личным контактам. Они отражают адаптацию новых слов английского происхождения в русском языке, использование их архаических форм. Вышеприведенные языковые факты подтверждают английское влияние на русский язык в XVIII веке и отражают англо-русские кросскультурные контакты, истоки которых ведут в XVI век.

Литература

1. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964.
2. Карамзин Н. М. Предисловие к переводу трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» // Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964.
3. Ammer C. The American Heritage Dictionary of Idioms. NY, 1997.

География краткая 1710 года: Петровская эпоха или конец XVII века?

Н. В. Николенкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
natanik2004@mail.ru

Церковнославянский язык как язык науки, переводы рубежа XVII–XVIII вв.

Summary. The "Geography brief", which was published in 1710 in Moscow, is the main subject of the present report. Published in the civil alphabet, it is traditionally referred as the first textbook of modern time, the time of Peter the First. We try to show that this edition contains as new language features, so the previous.

Петровская эпоха традиционно считается началом нового периода в разных сферах, в том числе в области науки. В монографиях и учебных пособиях, посвященных истории русского литературного языка, отмечается, что и язык русской науки связан с XVIII веком. Действительно, появляющиеся с самых первых лет нового века издания научной литературы (сначала переводные) послужили основой для сочинений собственно российских ученых, в первую очередь работ М. В. Ломоносова.

Пекарский отмечает, что одной из первых печатных книг научного содержания была изданная в 1710 году «География или краткое земаго круга описание». По мнению исследователя, руководство это переведено в самом конце XVII века, вероятнее всего, с голландского языка [2: 345]. Однако и при этом уточнении этот текст считается началом географической науки, тогда как переводы XVII века называют космографиями.

Мы считаем, что эта печатная книга не может однозначно считаться началом языка науки XVIII в. Напротив, по целому ряду параметров данное издание является скорее продолжением языка науки, который развивался в XVII в. Хотя найти черты нового времени, безусловно, также можно.

В первую очередь необходимо отметить, что «География краткая» издана гражданией, в ней есть арабские цифры и отсутствует традиционная для средневековой Руси система обозначения чисел буквами; отсутствует диакритика и при этом довольно системно использованы знаки препинания. Однако это лишь внешние признаки, демонстрирующие принадлежность к новому времени.

В тексте «Географии краткой» присутствует ряд элементов, соотносимых с языком науки в том виде, в котором он формировался в XVII веке. К сожалению, изучение языка науки только начинается [1], однако уже можно делать выводы о сформированных во второй половине принципах и

обнаруживать их в издании XVIII в. К таким можно отнести:

1. Использование искусственно составленных слов для передачи терминов: *равноденственникъ, равнитель, землеописание, мернорастворенный*. Не зафиксированные большей частью в словарях, эти термины были впервые отмечены в рукописных переводах середины XVII в., а доживают многие до середины XVIII в.

2. Использование терминов и названий в частично гречизированном виде: *въ кентре, зонась, орizonтъ*. Отмечено нами и написание *море вретаниское* (с. 22), где передача «б» как «в» соответствует идеям, отраженным в лучших переводах века XVII.

3. Неупорядоченность в использовании прописной и строчной букв в именах собственных: *въ граде лиме въ америке* (с. 8) и *четыре части света: Европу, Азию, Африку и Америку* (с. 10).

При этом в написании имен собственных можно уже отметить и черты, ярко характеризующие орфографическую ситуацию более позднего времени. Так, наряду с отмеченным *Европа* отмечается написание *европа*, а на листе 15 зафиксировано *европскихъ*. Только в сравнении с языком XVII в. можно отметить написание *аустриское* – в противоположность терминологизированному в то время *австру* (юг).

Таким образом, «География краткая» представляет собой не начало новой эпохи развития литературного языка, а переходный период между языком науки XVII и языком науки XVIII века.

Есть и еще одна тема, которая может быть разрешена только в сопоставлении переводов двух веков, – вопрос о языке перевода. Пекарский считал, что «География краткая» переведена с голландского языка, так как при расчете расстояний часто приводится в пример Амстердам (на с. 8,

например). Однако сопоставление с переводами космографий позволяет нам предложить другую гипотезу. Мы считаем, что оригинал был написан на латинском языке (чем и объясняется сходство в переводе терминологии), а издан в Амстердаме, как и изучаемый нами перевод Атласа Блау, где Амстердам также часто упоминают как точка отсчета (л. 6 по рукописи Син. 19).

1. *Николенкова Н. В.* Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Блау) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 590–609.
2. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб, 1862.

Русский язык в дипломатической переписке второй половины XVIII века

М. А. Петрова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

maria.petrova@bk.ru

Профессионализация дипломатической службы, русский язык в делопроизводстве Коллегии иностранных дел, дипломатический словарь XVIII в.

Summary. The paper deals with the use of the Russian language in the official correspondence of the Russian diplomatic representatives in Europe. This correspondence traditionally consisted of rescripts (instructive letters sent to the diplomats on behalf of a monarch), relations (letters of diplomatic representatives), and dispatches (letters from the chiefs of the foreign policy and at the same time letters to them from the diplomatic representatives). I will try to show, in which circumstances the diplomats of the Russian origin wrote in Russian and which difficulties they faced with while using it. Some of the Russian diplomats were foreigners, including Baltic Germans, subjects of the Russian Empire. The experience of the latter seems to be interesting because they had some knowledge of the Russian language and considered it as an advantage for their career.

Во второй половине XVIII в. русский язык был основным, но не единственным языком делопроизводства в Коллегии иностранных дел. Переписка российских дипломатических представителей при иностранных дворах с внешнеполитическим ведомством велась также на французском и немецком языках. Употребление французского языка как языка международного общения вопросов не вызывает. Немецким же языком в служебной переписке активно пользовались приглашенные на русскую службу иностранцы, среди которых были выходцы из государств Священной Римской империи германской нации, а также подданные прибалтийских губерний Российской империи, присоединенных в результате Северной войны.

В качестве руководства к действию российские дипломаты получали рескрипты, составленные от имени императрицы и по ее именному указу членами Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел. Рескрипты отправлялись регулярно, примерно раз в месяц, иногда чаще, по конкретным вопросам. Руководители российского внешнеполитического ведомства писали для дипломатов депеши и письма, в которых разъяснялись инструкции, содержащиеся в рескриптах, поднимались менее важные политические проблемы или обсуждались личные дела сотрудников миссии. Помимо документов инструктивного характера, Коллегия иностранных дел направляла за границу так называемые канцелярские цидулы – своего рода справки: о назначениях чиновников, о событиях политической и придворной жизни в России, о которых дипломаты обязательно должны были иметь представление. Рескрипты, предназначенные для так называемых «природных» русских составлялись за редким исключением на русском языке, депеши, письма и канцелярские цидулы – как на русском, так и на французском языках.

В свою очередь российские дипломатические представители при иностранных дворах направляли в Петербург реляции – донесения на высочайшее имя – и депеши – на имя главы Коллегии иностранных дел. Реляции были более лаконичны. В них содержалась информация о текущих делах, ходе переговоров или отчет о выполнении указаний, содержащихся в рескриптах. Депеши, как правило, более пространственные, являются интереснейшим источником по истории не только внешней политики, но и культуры, в них содержится сведения о внутренней политике страны пребывания, ее общественной, культурной и придворной жизни, о новых книгах и изобретениях, приглашении иностранных мастеров в Россию. Дипломатические представители обычно диктовали реляции и депеши сотрудникам миссии, сами лишь подписывали чистой экземпляр документа. Русские по происхождению дипломаты реляции на имя императрицы составляли преимущественно на русском языке, с руководством внешнеполитического ведомства переписывались как на русском, так и на французском языке.

Употребление русского языка до определенного момента никак не регламентировалось и оставалось на усмотрение дипломатов. 3 декабря 1788 г. Екатерина II предписала всем «природным» русским, служившим за границей писать донесения на ее имя и в Коллегию иностранных дел, а также использовать в переписке между собой русский язык, «исключая только тот случай, где существо дела, предстоящего к донесению, взysкивать будет точного сохранения слов, употребленных при трактовании оногo».

В настоящем докладе будет предпринята попытка выяснить, на каком уровне русские по происхождению дипломаты владели русским языком, в каких случаях они им пользовались, насколько адекватно они передавали политические и дипломатические термины XVIII в. и какие сложности при этом возникали. В качестве основного источника используется официальная переписка князя Д. М. Голицына, служившего в 1762 – 1793 гг. в Вене (а также его частные письма двоюродному брату вице-канцлеру А. М. Голицыну), князя В. С. Долгорукова, служившего в 1762–1786 гг. в Берлине, графов Н. П. и С. П. Румянцевых, служивших соответственно во Франкфурте-на-Майне и Берлине, секретаря берлинской миссии П. А. Мальцова. Вторая половина XVIII в. – время профессионализации дипломатической службы, поэтому размышления о дипломатическом искусстве и дипломатическом ремесле нередко встречаются как в отчетных, так и в инструктивных документах, особенно когда происходили конфликты с дипломатами других стран, например, на почве церемониала. Иногда эти размышления велись на русском, иногда на французском языке.

Не менее интересным является вопрос и о владении русским языком иностранцами, находившимися на русской службе. К иностранцам, на мой взгляд, следует причислять не только подданных иностранных государств, но и выходцев из Остзейских губерний. Именно среди последних находились люди, имевшие определенные знания русского языка. При этом сами они считали свое умение несомненным преимуществом, способным ускорить продвижение по карьерной лестнице. Этот вопрос будет изучен на примере сотрудников миссии в Регенсбурге – полномочного министра И. М. Симолина и секретаря посольства А. С. Струве. Любопытно, что Симолин, в середине 1760-х годов, отвечавший за переселение в Россию иностранных колонистов, отмечал, что его знаний русского языка хватает, чтобы понимать документы, вышедшие из стен Коллегии иностранных дел, однако «сочинения», составленные сотрудниками Канцелярии опекунов иностранных, он постигнуть не может (Письмо И. М. Симолина вице-канцлеру А. М. Голицыну от 14 (25) ноября 1765 г.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 1263. Голицын. Оп. 1. Д. 3203. Л. 58.).

Родной язык в дворянских учебных заведениях в России XVIII в.: к постановке вопроса

В. С. Ржеуцкий / Vladislav Rjeoutski

Бристольский университет (Великобритания)

rjeoutski@gmail.com

Summary. Native tongue in noble educational institutions in Russia in the 18th century: issue at stake. In this paper we consider first the evolution of ideas on the place of the native language (mostly Russian) in noble educational institutions. A particular role in this evolution was played by Ivan Betskoy, one of the most prominent reformers of the Russian pedagogy in the Age of Enlightenment. Betskoy's ideas must be analysed in close connection with the role of the acquisition of foreign languages in noble education and with the western and Russian context of this time, of which Betskoy was perfectly aware. Another aspect of this question is the realisation of these reforms in the main Russian educational institutions for noblemen and noblewomen. We can judge about the state of Russian language teaching in these institutions from some archival materials. This paper, which does not pretend to give exhaustive answers to the question, is an attempt to formulate the question and to consider its main implications.

Эволюция преподавания родного (прежде всего, русского) языка в дворянских учебных заведениях России – интереснейшая и пока недостаточно исследованная страница в истории русской педагогики и дидактики, которая отражает взгляды российской элиты на роль и место родного языка в процессе воспитания российского дворянства.

В некоторые периоды мы можем констатировать преподавание русского языка – или отсутствие такового –, однако не имеем иной свидетельств о взглядах дворянского общества на необходимость преподавания родного языка для российского дворянина, на цели и задачи его изучения в этой среде. В другие периоды мы можем опираться, например, на уставные тексты (в частности, связанные с реформами, проводимыми И. Бецким), как и на другие источники, которые показывают отношение некоторых представителей дворянского общества к этому вопросу.

При рассмотрении этой темы большую роль играет сравнение роли и места родного языка с местом иностранных языков в воспитании дворянина. Как известно, последним в дворянских учебных заведениях уделялось традиционно большое внимание. Определение роли и места русского как родного языка в системе преподавания языковых и неязыковых предметов как раз тесно связано с определением роли иностранных языков, и их соотношения с родным.

В рассмотрении истоков размышлений законодателя о роли родного языка в учебном процессе в частности и в

воспитании дворянина вообще важно привлечь широкий европейский контекст – идеи о роли родного языка, получившие развитие в Европе, ведь Бецкой и люди его круга были прекрасно образованы и знали европейскую литературу по широкому кругу вопросов, связанных в воспитанием и с ролью в нем языков. Без учета этих влияний нам трудно будет понять истоки взглядов реформатора русской педагогики. Однако картина будет также неполной, если мы не учтем и культурный контекст в России того времени, связанный с широким распространением французского языка в дворянском обществе и с распространяющейся в литературе и публицистике второй половины XVIII века критикой языкового поведения дворянства.

Наконец, этот вопрос можно рассмотреть и с еще одной стороны, посмотрев на практику дворянского образования в основных дворянских учебных заведениях того времени. Как эта практика отражала идеи о роли родного языка, которые появляются в обществе? В какой степени реформы преподавания языков, разработанные Бецким и широко представленные им обществу в 1760 гг. были воплощены в жизнь и повлияли на развитие преподавания родного языка молодым дворянам? Архивные материалы некоторых учебных заведений, таких как Сухопутный шляхетный кадетский корпус (в РГВИА) и Морской кадетский корпус (в РГА ВМФ) позволяют дать пусть и неполные, но все-таки аргументированные ответы на эти вопросы.

«Новая французская грамматика» (1752) В. Е. Теплова и ее немецкий источник

М. Л. Сергеев

Научная библиотека Санктпетербургского государственного университета

mslogos@yandex.ru

XVIII век, история языкознания, история учебных пособий, преподавание французского языка

Summary. The paper concerns sources and history of «Новая французская грамматика» (1752), translated from German “Neue und vollständige Französische Grammatik” (1749), which became first French grammar, printed in Russia. Some principal features are considered, which distinguish this grammatical compilation from other influential French grammar of the period – “Principes généraux et raisonnés de la Grammaire Française” (1730) by P. Restaut.

Первой изданной по-русски грамматикой французского языка была «Новая французская грамматика сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик» (СПб.: Имп. Акад. наук, 1752) [далее Gr1752], переведенная на русский В. Е. Тепловым (она неоднократно переиздавалась: СК XVIII № 7182–7185). Несмотря на то, что Теплов впоследствии известен преимущественно как переводчик французской художественной литературы (см.: [3]), Gr1752 переведена им с немецкого, причем достаточно точно, часто дословно передает текст оригинала, анонимную “Nouvelle et parfaite grammaire française...” (Mainz [et al.], 1749) [далее Gr1749]; возможно, ее составителем был И. Шпек [12: 90, № 341]. При этом, как отмечали исследователи (см. [1: 84–85]), Теплову пришлось постараться, впервые применяя русскую терминологию к описанию французской грамматики. Немецкая Gr1749 часто ограничивается использованием латинских терминов без немецких эквивалентов. Напр.: “die Praeterita simplicia, die Participia passiva et Verbalia” (Gr1749, S. 4) соответствует «времена прошедшая простыя, причастия страдательныя, имена от глаголов происходящая» в русском тексте (Gr1752, С. 6). В других случаях Теплов сохранял особен-

ности оригинала, в том числе характерные немецкие реалии в примерах, удивительные для учебника французского. Напр., в рубрике «имена городских жителей» перечислены только: Francfortois (Франкфуртец), Hamburgeois (Гамбургец), Colonis (Кельнский уроженец) (Gr1752, С. 8); о другом характерном примере – “Vive la maison d’Autriche!” – упоминает В. Д. Рак [4: 211–212].

С. В. Власов справедливо указывает, что Gr1749 (и, соответственно, Gr1752) не только не повторяет грамматику П. Ресто (Principes généraux... 1-е изд.: Paris, 1730; в тезисах цитируется 5-е издание, хронологически наиболее близкое к Gr1749: Paris, 1745 [далее Principes]; см. [12, № 300], но даже в большей степени основана на других грамматиках (Ж.-П. де Пеплие и др.: [2: 181]). Установление источников Gr1752 интересно хотя бы потому, что в 1750 г. ее публикацию предпочли изданию собственно грамматики П. Ресто в переводе И. С. Горлецкого (см.: [5: 245–246]). При этом, как видно, выбирали не только перевод, но и текст (с учетом недостатков немецкого учебника, вроде отмеченной ориентации на германские реалии). Точные мотивы, по которым Академия предпочла грамматику Теплова, останутся неизвестными до обнаружения новых источников. Но некоторые

предположения можно сделать – этому и будет посвящен мой доклад. В нем предполагается установить существенные, в первую очередь методические, различия между Gr1752 (и ее прототипом Gr1749) и Principes и охарактеризовать переводческие принципы В. Е. Теплова (при работе над Gr1752).

Наиболее заметные различия Gr1749 и Principes можно объяснить ориентацией первой на иностранного читателя, его языковой опыт. Приведу несколько примеров. Так, примечательно описание категории рода во французском языке. У Ресто в Principes глава “Du genre des noms” начинается с вопроса о том, как определять род того или иного имени (“Comment connoit-on de quel genre sont les Noms?”: P. 45). Правда, выше, в главе “Du genre, du nombre, & du cas”, говорилось о том, что в грамматике есть два рода, но эта особенность французской морфологии не акцентировалась, такая дистрибуция представлена как вполне естественная, изначально соответствующая существованию мужского и женского пола (“Genre <...> est dans l’origine une maniere de distinguer par l’expression, le sexe de l’homme & celui de la femme...”: P. 32). В Gr1749 и, соответственно, в Gr1752 нет вводной главы о грамматических категориях, но глава «О родах имен существительных» (“Von den Generibus Nominum und zwar Substantivorum”) начинается с важного для носителей немецкого и русского языка предупреждения: «Сколько есть родов во французском языке? Токмо два...»: С. 38 (“Wie viel Genera haben die Franzosen? Nur zwei...”: S. 24). Затем приводится историческая справка, объясняющая особенности французской грамматической модели из более знакомой ученикам латинской и, вместе с тем, дающая им инструмент для определения рода французского слова, если ему известен его латинский этимон: «почти все слова из латинского языка происходящая рода своего во французском не переменяют, так что имена, которые в латинском языке роду мужескаго или средняго, во французском мужескаго, а прочия женскаго» (Gr1752, там же). Отсылки к латинским этимонам вообще характерны для Gr1749 (и Gr1752). В грамматике Ж.-П. де Пеплие (также немецкой), которая могла быть в этом случае источником Gr1749, имеется похожая формулировка о роде имен во французском языке: “...haben die Franzosen nur zwey Genera...” (цитируется издание 1742 г. под редакцией К. Бюффье: [8: 25]; в более раннем издании 1715 г. наречия nur «только» нет: “Genera seynd zwey”, “haben die Franzosen zwey Genera”: [7: 21, 28]).

Ориентацией на франкоговорящего или нефранкоговорящего читателя в значительной степени определены и различия в описании французского произношения в Gr1749

(Gr1752) и Principes. Ресто очевидно предполагает, что читатель знает, как произносить слова – необходимо только структурировать его сведения о фонетике. Не случайно в сокращенном издании «Грамматики» Ресто (1732 г.) фонетический раздел сокращен с 30 до 4 страниц ([9: 2–5]). Показательна, например, формулировка: “Qu’est-ce que l’é fermé? C’est un é sur lequel on met toujours l’accent aigu (’), & qui se prononce comme à la fin de ces mots, café, bonté, charité, & c.” (Principes, P. 6). В данном примере объясняется не то, как произносить é, а то, какие “е” относятся к категории «закрытого е». Формулировка в Gr1752 обнаруживает, что ее автор ставит своей задачей объяснить французское произношение: «L’е fermé, гласное е, обыкновенно ударением замечаемое, выговаривается громко...». Приведу еще несколько формулировок из контекста: «L’е ouvert <...> выговаривается как [русское] е», «L’е très ouvert <...> несколько протяжнее произносится» (С. 4).

Литература

1. Власов С. В. Les manuels utilisés dans l’enseignement du français en Russie // Вивлиофика. 2013. Vol. 1. С. 75–98.
2. Власов С. В. Гувернер Пьер де Лаваль, автор первой в России двуязычной грамматики французского языка (1752-1753) // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011. С. 178–189.
3. Кулябко Е. С., Теплов В. Е. // Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 3. СПб., 2010.
4. Рак В. Д. «Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова // XVIII век. Вып. 12. Л., 1977. С. 199–224.
5. Смирнова А. С. Академический переводчик Иван Семенович Горлецкий // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб., 2013. С. 235–252.
6. Nouvelle et parfaite grammaire française. Neue und vollständige Französische Grammatik, in Frag und Antwort abgefasst. Aus dem Französischen des Herrn Restaut und anderen Anmerkungen der besten Französischen Sprachlehrer zusammengetragen... Mainz [et al.], 1749.
7. Pepliers J.-R., des. La parfaite grammaire royale Française et Allemande. Das ist: Vollkommene Königl. Franz. Teutsche Grammatica... verfasst vom Hrn. des Pepliers... Leipzig, 1715.
8. Pepliers J.-R., des. Nouvelle et Parfaite Grammaire Royale Française et Allemande. Neu und vollkommene Königliche Französische Grammatica... Bishero unter dem Namen Hn. des Pepliers... vielmals herausgegeben... Berlin, 1742.
9. Restaut P. Abrégé des principes de la grammaire française. Paris, 1732.
11. Restaut P. Principes généraux et raisonnés de la Grammaire Française. 5. éd. Paris, 1745.
12. Stengel E. Chronologisches Verzeichnis französischer Grammatiken vom Ende des 14. bis zum Ausgange des 18. Jahrhunderts. Oppeln, 1890.

Секция Экспертное исследование продуктов речевой деятельности

Опыт комплексного исследования интерферированной речи: проблемы и пути их решения

Ф. О. Байрамова, Ю. В. Зайцева

ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, АНО «Лаборатория прикладной лингвистики» (Москва)

firuzabairamova@mail.ru, somewhatrat@gmail.com

Звучащая речь, акцент, диалект, региональный вариант, русский язык, азербайджанский язык, фонетическая интерференция, математические методы исследования.

Summary. The paper is devoted to the complex research that describes speech characteristics of the person speaking foreign language (Russian) with accent or dialect of his mother tongue. The authors explain that the present strategy needs to be improved and that linguistic features need to be taken into account as a whole. The selection of applied mathematic methods is very important.

В современной науке невозможно обойтись без комплексного исследования объекта методами разных научных дисциплин. Для получения достоверного результата и доказательности научной работы необходимо подключение математического аппарата с соблюдением соответствующих требований к статистическому исследованию.

Иногда сам объект исследования оказывается слишком сложным для постановки эксперимента и неудобным в обработке, и возникает множество проблем, которые не всегда удается предусмотреть заранее. Объект нашего исследования оказался как раз таким – интерферированная русская звучащая речь.

Речь сама по себе – явление очень сложное и неоднородное. Интерферированная речь – речь, содержащая в себе признаки отклонения от литературной нормы и обусловленные влиянием другого языка (межъязыковая интерференция) или диалекта (внутриязыковая); причина возникновения этих отклонений может быть неизвестна. В такой ситуации математическая обработка речевых признаков сильно затруднена.

В интерферированной речи могут совмещаться признаки литературной нормы и остаточные иноязычные или диалектные черты. При этом сохраняются и выделяются на слух разные признаки, возникающие, безусловно, в результате меж- или внутриязыковой интерференции. Эти признаки можно разделить (в частности) на простые (сегментные) и составные (слог, фонетическое слово, синтагма, фраза, текст). Проявление признаков обоих типов взаимосвязано. Сами признаки образуют устойчивый комплекс, и только с его учетом можно делать вероятные выводы о причине его появления (например, установить возможный тип акцента или диалекта).

Мы провели комплексное (лингвистическое и математическое) исследование звучащей русской речи азербайджанцев (с использованием контрастного материала интерференции русского и других языков, имеющих сходный и отличный фонетический облик – турецкого, немецкого, грузинского и др.) с целью выделить набор специфических признаков, определяющих азербайджанский фонетический акцент в русской речи. Итогом исследования стали три набора признаков (общие иноязычные признаки акцента в русской речи; признаки азербайджанского акцента в русской речи; признаки азербайджанских диалектов в русской речи). Все они были заложены в специальный программный пакет, который помогает исследователю сориентироваться при анализе речи с неизвестным акцентом и с определенной степенью уверенности отнести его к азербайджанскому акценту или же исключить такой вариант.

Опираясь на данные русской диалектологии, мы могли сравнить выделенные нами признаки иноязычного акцента

и известные признаки разных диалектов в русской речи. В результате мы определили наиболее подверженные акцентному и диалектному влиянию фонетические единицы и позиции в современном русском языке (особенности оформления ритмической структуры слова, в том числе качественная и количественная редукция безударных гласных, наличие просодического ядра; ключевыми следует признать позиции ударного и первого предупредительного гласных).

В ходе исследования азербайджанского акцента в русской речи мы столкнулись с рядом типичных для большинства подобных исследований проблем (неизвестная различающая способность признаков и их оптимальная комбинация; распознаваемость признаков аудитором; субъективность аудитивных оценок признаков и ограниченный набор применимых для их обработки математических методов).

По этой причине для подобных исследований целесообразно проводить разведочное исследование для формулирования надежных гипотез и минимизации количества сравнений. Необходимо также проверить восприятие признаков на практике, для чего следует провести дополнительное исследование на испытуемых. Безусловно, требуется максимально корректный и продуманный подход в выборе математического аппарата, учета и минимизации всех возможных погрешностей еще на стадии подготовки эксперимента. Особое внимание следует уделить таким моментам при измерении в ходе исследования, как: выбор шкал, учет частоты и взвешивание признаков, их интерпретация. Рекомендуются автоматизация всех возможных процессов, написание специальных компьютерных программ, облегчающих сбор и обработку данных. Предпочтительнее понятный интерфейс и наглядность используемых программных средств, наличие иллюстративного материала (звуковых эталонов определенного акцента или диалекта и их однозначно трактуемое лингвистическое описание).

Таким образом, при решении аналогичных задач желательнее учитывать, что такие исследования и инструментарий для них нуждаются в обширном иллюстративном материале (так, программа, содержащая список признаков акцента и / или диалекта, обязательно должна снабжаться звуковыми примерами на каждый признак, содержание признаков должно описываться максимально подробно и не содержать никаких двусмысленностей в толковании). Результаты субъективного восприятия признаков аудиторами нельзя интерпретировать однозначно. Признаки имеют разную частоту встречаемости и должны рассматриваться в комплексе. Особое внимание следует уделить опыту и профессиональной подготовке испытуемых аудиторов.

Коммуникативное поле как единица языка и текста

М. Г. Безяева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

russlang@philol.msu.ru

Коммуникативный уровень языка, говорящий, слушающий ситуация, целеустановка, вариативный ряд конструкций, инвариантные параметры средств, коммуникативное поле.

Коммуникативный уровень языка представляет собой систему, отражающую соотношение позиций говорящего, слушающего, ситуации.

Инструментами выявления не осознаваемых естественными носителями языка семантических параметров средств коммуникативной системы (которыми они пользуются как кодом при продуцировании и восприятии) являются такие единицы, как целеустановки и вариативные ряды конструкций, им соответствующие, как семантические системы единиц, где каждая конструкция определяется всеми ее членами. Инвариантные параметры средств выявляются исходя из параметров конструкции, которые они формируют, и при учета параметров средств – соседей по конструкции. Как показал анализ, все коммуникативные средства, принадлежащие к разным традиционно понимаемым уровням языка, подчиняются алгоритму развертывания (см. подробнее [1]).

Это рабочий инвентарь для выявления коммуникативной семантики

1. При этом в **вариативном ряде конструкций** средство выступает как строитель конструкции, вызываемое семантической логикой целеустановки, которая может как требовать, так и не требовать семантического единства, актуализируя различия параметров. Иначе говоря, в этом случае объединение средств обеспечивается единством параметров целеустановки. Например, в конструкциях возмущения используется группа средств, включающих параметр нормы, или средства в реализации инвариантных параметров по норме. Есть более сложные случаи. Так, в вариативном ряде приказа группа конструкций объединена параметром компетентности и соответствующими средствами, что связано с тем, что иерархия компетентности в русской системе заменяет социальную. Однако «пафосом» вариативного ряда, объединенного той или иной целеустановкой, является функционирование в его конструкциях всех возможных средств и столкновение их различий, которые и формируют специфику семантики структур. Например, *просто*, входит в объединение коммуникативных средств, связанных с параметром вариантов развития ситуации, *прямо* – с параметром нормы. В вариативном ряде восхищения эти конструкции встречаются и именно различия в их семантике объясняют оппозицию структур *Ты просто красавица* и *Ты прямо красавица*.

2 **Коммуникативное поле** – это группа средств, объединенная единством коммуникативного параметра, при возможном различии других.

В отличие от предшествующих единиц, поле есть результат обобщения выявленного. Если в первом случае средство было подчинено нуждам целеустановки, то при втором подходе актуализируются его самостоятельные возможности.

При этом термины поле или группа, принятые в лингвистической традиции при анализе средств номинативных, здесь могут быть использованы лишь условно. И не только потому, что средства разнородны, но в первую очередь по процедуре исследования семантики. Так, например, в ЛСГ параметры единиц выделяются в сравнении друг с другом при ориентации на хорошо осознаваемую, заранее введенную архисему.

На коммуникативном уровне принципиально применим лишь иной подход. Группировка средств на основании заранее заданного параметра невозможна, так их семантика вне светлого поля языкового сознания естественных носителей языка (например, русское *слушай* обладает параметром изменения осознания ситуации). Выделение этих параметров происходит с учетом параметров конструкций, в которые они входят, и параметров соседних средств, формирующих конструкции.

Перед нами объединения формально разнородных средств (например, модальная $3\backslash$, *так*, инфинитив, *вообще*, *чтобы*, объединенные параметром нормы), которые обладают общностью некоторого параметра и различаются другими.

Однако поле – это не только теоретическое обобщение лингвиста, но абсолютная лингвистическая, а главное, языковая реальность и подтверждение этому – текст.

Коммуникативный текст есть совокупность последовательно вводимых коммуникативных единиц, отражающих определенную логику соотношения позиций говорящего, слушающего и ситуации.

Поле же есть один из способов существования коммуникативных единиц в тексте.

Оказывается, что при выполнении некой коммуникативной задачи (разговорной, эстетической и т. д.) средства начинают стягиваться в текст, подчиняясь необходимости выразить нужный коммуникативный смысл. Именно при анализе текста мы обнаруживаем невидимое невооруженному коммуникативной семантикой взгляду значимое соседство, казалось бы, абсолютно разнородных средств, объединенных единым коммуникативным параметром (заметим, что это присуще и конструкции).

При этом при формировании текста возможны разные способы актуализации параметров средств. С одной стороны, одно и то же средство с необходимым параметром появляется в конструкциях разных целеустановок, идет «поверх» них, а точнее, пронизывает их, «непрогнозируемо» возникает (на самом деле подчиняясь математической логике коммуникативной семантики) в конструкциях разных рядов.

С другой стороны, в тексте появляются, собираются средства, объединенные актуализированным параметром (например, личной сферы, нормы и т. д.). Иначе говоря, в разных конструкциях разных целеустановок разные средства могут быть объединены единым актуализированным коммуникативным параметром, отражающим базовую «потребность» текста, его главную идею, вызываемым необходимостью отразить тип взаимоотношений собеседников, квалификации ситуации, тип характера говорящего. Это происходит и в неподготовленной речи, и в эстетически выверенном тексте профессионала.

Например, текст сериала «Сваты», представляет собой яркую демонстрацию функционирования средств поля бенефактивности, так как в основе фильма лежит соревнование по вкладу каждого из героев в благополучие семьи. Отсюда в речи каждого из них регулярно возникают такие средства, как *но, правда, ИК-2/∧, между прочим, образования с по-, ИК-5, знаешь, конечно, диминутивы, объединенные названным параметром. При этом, реализуя параметр бенефактивности, каждое из средств представляет его определенную модификацию:*

Но «гасит», отменяет предшествующую бенефактивность – небенефактивность.

Правда связано с параметром соответствия введенного варианта развития ситуации действительности без учета (с учетом) бенефактивности – небенефактивности говорящего (Сл., 3 лица).

2/∧ отражает учет бенефактивных – небенефактивных следствий из введенной информации.

Между прочим вводит факт, меняющий отношение собеседника к позиции говорящего на более или менее бенефактивное.

По отражает модификацию ситуации по степени бенефактивности – небенефактивности, ее переключение по сравнению с существующей.

ИК-5 связано с предельной степенью бенефактивности – небенефактивности.

Знаешь, маркируя соотношение позиции говорящего с социумом, включает и параметр бенефактивности.

Диминутив обладает параметрами личной сферы и бенефактивности.

Конечно говорит о наличии – отсутствии отклонений от известной нормы и параметр бенефактивности.

При этом каждое из средств выступает в самых разных реализациях, подчиняясь алгоритму развертывания.

Таким образом, анализ текста обосновывает правильность выделения коммуникативных параметров средств, полученных при исследовании вариативных рядов конструкций, доказывает не случайность предложенной теоретической группировки, подтверждая это функционированием коммуникативных полей.

Литература

1. Безьева М. Г. Семантика коммуникативного уровня языка. М., 2002.

2. Безьева М. Г. Коммуникативная семантика звучащего текста // Международная научная конференция. Пространство диалога. Литературоведение, лингвистика, лингво-дидактический аспект. Вильнюс, 2011.
3. Безьева М. Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале письменной основы и звучащего варианта) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 2.
4. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. М., 1980.

Официальный веб-сайт как поликодовый текст

М. В. Беляков

Московский государственный институт международных отношений (университет)

maxbel@hotmail.ru

Поликодовый, веб-сайт, официальный, медиатекст, мультисемиотический

Summary. Official web-sites as the elements of modern Internet-culture are semiotically complicated multicode texts. Texts with such structure have some peculiarities distinguishing them from sites of different types – commercial sites, sites for representation etc. Texts of similar structure possess the prominent features. In the report are examined some elements of multicode site structure on an example of official site of the Ministry of Foreign Affairs of Russia and the site of State Department of the USA.

Интерес к исследованию сложного взаимодействия элементов в рамках мультисемиотических структур, таких как поликодовые тексты в самом широком понимании этого слова, в последнее время подпитывается интенсивным развитием интернет-культуры. За последние тридцать лет активного развития интернет-среды сложилась не существовавшая до этого времени система опосредованной коммуникации, предлагающая собственные правила в рамках реально существующей мультикультурной среды. В этой среде присутствует своя система ценностей, знаковых систем, символов и смыслов, эстетических норм, уже сложившихся традиций. Одной из множества составляющих интернет-среды, где реализуются эти понятия, является веб-сайт, т. е. место в Интернете, имеющее свой адрес (URL) и владельца, состоящее из веб-страниц, воспринимающихся как одно целое. В настоящее время наличие собственного веб-сайта считается необходимой составляющей существования любой организации, в том числе и государственной, такой как, например, МИД РФ.

Считается, что на уровне глубинной семантики не существует принципиальной разницы между значением вербальных и невербальных знаков, тем не менее, специальные исследования показывают, что вербально и невербально передаваемая информация воспринимается по-разному. При этом вербально представленная информация влияет на сознание рациональным путем, а использование иных, паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень. Изображение, в отличие от слова, вербализующего позицию автора, принимается в качестве объективной картинки и не соотносится в сознании адресата с установкой адресанта, а кажется более демократичным.

Поликодовые тексты Интернета могут быть как с нулевой, так и ненулевой гетерогенностью: статичными (информационный текстовый блок) или динамичными (баннерная реклама); двумерными; устными (с озвученной анимацией или элементами звукового видео) и письменными; включающими графические знаки нескольких естественных языков, а также использующими разнообразные варианты шрифтов, цвета и графики.

Официальные сайты обладают рядом особенностей, отличающих их от коммерческих сайтов, сайтов-визиток и пр. на уровне целей сайта, подачи информации, восприятия информации и пр. Для официальных российских сайтов, таких как kremlin.ru, mvд.ru nalog.ru, mid.ru избран способ умеренной креолизации текста сайта, в отличие от подобных сайтов США (state.gov). Там, также как на российском сайте, есть логотип (US Department of State), но есть также и текст приветствия – «Diplomacy in action», отсутствующий на российском сайте. Известно, что иконические изображения быстрее акцентируют на себе внимание, чем вербальные тексты, требующие прочтения. Поэтому в центре страницы американского сайта идет слайд-шоу (автоматическое) какого-либо важного выступления, например, госсекретаря США. Хотя вербальный текст также как и на сайте МИД РФ предлагается на белом фоне, для самой страницы

выбран сине-голубой «тонируемый» фон, сразу же снижающий ощущение строгой официальности. Для информационных блоков используются пастельные тона, которые, с одной стороны, выделяют блок на общем белом фоне, а с другой – не навязывают немедленного их прочтения. Также есть выход в блоги и во все современные социальные сети.

Говоря об информации, которую содержит поликодовый текст, нельзя определять ее количество вне системы «объект – субъект», в данном случае – «поликодовый текст – реципиент». До знакомства с любым мультимедийным проектом человек уже располагает определенной суммой знаний и сведений, в том числе и о творческих и технических приемах, используемых в таких произведениях. Учитывая это, авторы производят соответствующий отбор информации, ее организацию и вольно или невольно выстраивают соотношение информации и информационной избыточности в зависимости от предполагаемой осведомленности аудитории в той или иной сфере жизни.

Избыточность информации в интернет-дискурсе, что принципиально важно для юзабилити сайта, наиболее высока в аудиовизуальных текстах, которые имеют дело с материалом, знакомым большинству реципиентов по повседневной практике, и восприятие которых не вызывает затруднений. Многие реципиенты, что уже известно, обращают внимание на так называемую «обертонную» информацию и будут следить не только за содержательной стороной поликодового продукта, но и получать эстетическое удовольствие от того, как он сделан, что повышает уровень эффективности поликодового текста и, соответственно, юзабилити сайта. Семантическая, нарративная информация обращена, прежде всего, к интеллекту и логике. Эстетическая информация воздействует в основном на эмоции реципиента, рождая определенное душевное состояние. Информация, переданная таким образом, часто оказывает на человека гораздо более сильное воздействие, чем факты и доводы, излагаемые в форме семантической информации.

Вербальный компонент является неотъемлемой составляющей поликодового текста. Без этого компонента, по нашему мнению, речи о поликодовости не идет (хотя О. В. Поиманова считает такие видеовербальные тексты нулевыми гомогенными). Однако с течением времени объем вербального компонента и его коммуникативная целеустановка могут меняться.

Таким образом, рассматривая одинаковые по назначению, но разные по представлению официальные сайты, можно сделать вывод, что их коммуникативные цели разработчиками выражены по-разному: МИД РФ – лаконично-строгий формальный государственный сайт, Госдепартамент США – государственный сайт с аттрактивными элементами обратной связи, что, в свою очередь, определяет степень поликодовости текста сайта и его юзабилити.

В предлагаемом докладе рассматриваются некоторые семиотически многослойные аспекты официальных веб-сайтов на примере ряда сайтов государственных организаций, включая сайт МИД РФ и сайт госдепартамента США.

Проблема экспертной идентификации субъекта в речевом акте угрозы

Т. В. Бердникова, О. Н. Дурнева

Саратовский государственный университет, Орловский государственный университет
durnevy@mail.ru

Речевой акт, угроза, субъект, речевое воздействие.

Summary. Threat is quite complex linguistic phenomenon to identify which a linguist is needed.

В последние десятилетия проблематика речевого общения является одной из наиболее привлекательных областей исследования. Определение речевого акта угрозы и четкое его разграничение с речевыми актами другого рода приобрело в настоящее время практическую необходимость. С развитием и становлением правового демократического общества широкое распространение получила практика обращения органов следствия и судов к экспертам направленности для разрешения вопросов, требующих специальных знаний в какой-либо области. Ситуации угрозы, запугивания, предупреждения являются одними из сложнейших в процессе речевого взаимодействия. Необходимо изучить природу и характер высказывания, выражающего угрозу, как речевого акта, выяснить его семантику и структуру, принять во внимание предмет разговора и обстановку, в которой осуществляется процесс речевого общения, а также намерения коммуникантов. Привлечение лингвистов к идентификации речевых актов угрозы в спорных текстах, на наш взгляд, существенно повысит объективность выносимых решений, ведь, с одной стороны, не каждое высказывание, напугавшее адресата, фактически является угрозой, а с другой – формально нейтральная фраза может на уровне подтекста содержать информацию, воспринимаемую адресатом речи в качестве реальной угрозы его жизни или здоровью. Одним из необходимых условий для идентификации речевого акта угрозы является наличие ее субъекта (говорящий-инициатор предполагаемого негативного действия).

Речевой акт угрозы реализуется в диалогическом общении, которое предполагает взаимодействие адресата и адресанта высказывания, в данном случае речь идет о форме проявления вербальной агрессии. В зависимости от направленности коммуникации можно выделить специфику речевого акта угрозы.

При рассмотрении меназивного речевого акта следует выделять семантический субъект (инициатор ситуации, непосредственно исполняющий предполагаемое негативное действие). Такой подход наиболее удачен при рассмотрении речевого акта угрозы, так как грамматический субъект не всегда отражает говорящего или предполагаемого исполнителя негативного действия.

Кроме того следует различать субъекта-говорящего и субъекта-исполнителя. На наш взгляд, независимо от формы передачи информации, автор (если исключить варианты передачи информации через каких-либо посредников), как правило, является лицом, заинтересованным в результате речевого акта. Однако говорящий не всегда является деятелем. Под субъектом речевого акта угрозы мы понимаем лицо, которое должно осуществить действие, названное в речевом акте угрозы. В случае, когда говорящий и исполнитель предполагаемого негативного действия совпадают, в предложении, содержащем речевой акт угрозы подлежащее выражено местоимением первого лица: **Я тебя убью, зарежу; Я тебя сейчас убью! Задушу!; Я тебя убью; Я тебя сейчас зарежу, уходи из моего дома!, Я тебя уничтожу! Я тебя накажу!** (здесь и далее в качестве иллюстративного материала нами были использованы высказывания, послужившие основой для вынесения приговора по статье 119 УК РФ в судах Орловской и Саратовской области в 2000-х

годах) и т. д. В этом случае местоимение первого лица *я* указывает на говорящего. В эту же группу можно отнести односоставные определенно-личные предложения со сказуемым, выраженным глаголом будущего времени первого лица. Например, *Убью! Задушу! Задушу! Зарежу!*

Однако не во всех случаях источником негативного воздействия является говорящий. В рассмотренных нами примерах был выделен массив фраз, которые условно можно разделить на две подгруппы:

А) Угроза негативных действий со стороны определенных лиц (например, **Ром. Где ты есть? Давай, подвезжай, ее в багажник, и (в лес ее). Давай только быстро. Щас ты мне все подпишешь, ты куда денешься.** Данные реплики были произнесены во время телефонного разговора. Один из коммуникантов ненадолго прерывает процесс общения с собеседником по телефону и обращается к другому человеку, по всей видимости, находящемуся неподалеку. Фраза обращена к третьему пассивному участнику разговора. По нашему мнению, происходит процесс речевого воздействия, так как говорящий умышленно не скрывает своих намерений. Несмотря на обращение некоему лицу, названному *Ром*, эта фраза адресовалась слушающему в качестве подтверждения серьезности намерений говорящего, подтверждения реальности угрозы, возможности ее осуществления.

Б) Угроза возможных негативных действий со стороны неназванных людей. Группа более многочисленна. Этот прием используется в том случае, когда доводы говорящего оказываются недостаточно убедительными, их необходимо усилить с помощью речевого воздействия. Для человека, по мнению говорящего, гораздо опаснее выгладит неопределенная угроза со стороны неизвестных лиц (например, *...тебя завтра не будет. Вместе (с мамой) взорвут приедут. Я к тебе подходить не буду, будут другие люди, тебя проведут; ...Вот щас ребята едут, ща бросят тебя в багажник, и отвезут. И посмотрим, что ты подпишешь, что ты не подпишешь.* Форма множественного числа указывает на многочисленный состав (два и более человек). В данном случае содержится указание на конкретные намерения людей. Фраза носит утвердительный характер, не имеет маркеров, указывающих на сомнение говорящего в возможности подобного результата.

Особенностью приведенных реплик является то, что говорящий предстает в образе человека, не желающего причинять зло собеседнику. В качестве источника негативных действий выступают лица, названные словами *ребята, люди*. Однако понятно, что говорящий прямо заинтересован в решении вопроса, так как именно от него исходит инициатива по привлечению к решению проблемы посторонних лиц.

Подобный анализ реплик с целью определения субъектной, объектной принадлежности, содержания предполагаемого действия в конкретном негативном дискурсе позволяет лингвисту уяснить систему языковых средств, наиболее часто используемых при произнесении речевых актов угрозы, которые позволили говорящему достичь наибольший коммуникативный эффект. При наличии большого количества аналогичных исследований, основанных на реальных высказываниях, на наш взгляд, возможно создание матрицы, позволяющей более объективно оценивать конкретные высказывания.

Словесный экстремизм:

спорные вопросы диагностики и проведения лингвистических исследований

М. А. Венгранович

Тольяттинский государственный университет
wmaphil@mail.ru

Словесный экстремизм, экстремистская деятельность, социальная группа, призыв

Summary. The paper is devoted to problems of wordy extremism interpretation.

Сложная общественно-политическая обстановка в современной России заставляет разных исследователей вновь

и вновь обращаться к проблеме противодействия экстремизму.

Одним из проявлений экстремизма в современном обществе является *словесный экстремизм* [1], который находит все новые каналы распространения (это и СМИ, как бумажные, так и электронные, Интернет, листовки и др.). В связи с этим осложнившаяся общественно-политическая ситуация требует надежного правового инструментария для диагностики экстремистских проявлений и соответствующего наказания, а также специальных лингвистических познаний для объективной интерпретации экстремистской и ксенофобной риторики. Российское законодательство предусматривает различные способы борьбы со *словесным экстремизмом* (то есть таким деянием, которое совершается на почве национальной, религиозной, этнической неприязни в процессе речевой коммуникации в словесной (текстовой) форме. Это, прежде всего, уголовные преследования с учетом диспозиции статьи 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и статьи 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), а также применение Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» (от 25 июля 2002 г.). Приходится, к сожалению, констатировать, что многие ключевые термины антиэкстремистского законодательства недостаточно четко детерминированы в правовых текстах, что затрудняет их интерпретацию не только специалистами в области права и правоприменения, но и привлекаемыми к исследованию спорных текстов лингвистами. Исходя из исследовательской практики, к таким понятиям можно, прежде всего, отнести понятия *социальная группа* и *призыв*.

1. Понятие *социальная группа* является одним из индикаторов диагностики текстов экстремистской направленности как содержащих признаки действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо различных групп лиц (по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе).

Интерпретация данного понятия в практике проведения лингвистических исследований спорных текстов осложняется, прежде всего, отсутствием единой трактовки понятия как в законодательных текстах, так и в социологических исследованиях. Как положительный факт можно отметить попытку разъяснить понятие *социальная группа* в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (29 Июня 2011 г.), в тексте которого рекомендовано не рассматривать в качестве социальной группы «должностных лиц», которые понимаются в российском законодательстве как лица, представляющие власть или осуществляющие от ее имени распорядительные функции. Однако, в контексте лингвистического исследования, целью которого является выявление признаков словесного экстремизма, остается неясным, следует ли относить к социальным группам лиц, представляющих правоохранительные органы, администрацию предприятий и др.

В социологических исследованиях определяются различные критерии для разграничения элементов социальной структуры общества (от выделения различных видов социальных структур – классовой, социально-демографической, половой, профессиональной и др. – до конструктивистского подхода, на основе которого разграничивались социальная группа, социальный слой, социальная общность, поколение, когорта и т. д.). В рамках проведения лингвистических исследований целесообразно различать, прежде всего, понятия *социальная группа* и *социальная организация*. Под *соци-*

альной группой понимают совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих необходимую функцию в структуре общественного разделения труда, в образе жизни [3], обладающую «устойчивостью, стабильностью, однородностью, сплоченностью» [2: 32], и по этому признаку социальная группа, на наш взгляд, существенно отличается от близкого понятия *социальная организация*, которая, по мнению исследователей, обладает строго формализованной иерархической структурой, основанной на социальных статусах, ролях и должностях [3]. В соответствии с этим *представителей различных ветвей власти* (федеральной, региональной; законодательной, исполнительной и др.), *представителей администрации (руководства) любого предприятия или организации* в рамках проведения лингвистических исследований спорных текстов целесообразно рассматривать как разновидности социальных организаций, имеющие аппарат управления и обладающие выстроенной в определенную иерархию систему должностей с четкой субординацией и координацией деятельности, подчинением одних другим, а не как социальные группы, обладающие стабильностью и однородностью, имеющие общий, четко фиксируемый социальный признак (как, например, половозрастные группы – мужчины, женщины; молодежь, пенсионеры; религиозные, национальные, политические группы – коммунисты, демократы и др. по убеждениям, но не входящие в политические организации, и др. группы).

2. Исходя из текста ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», экстремистские материалы квалифицируются через два доминантных признака – *призыв* к осуществлению экстремистской деятельности (под которым упомянутый выше Пленум Верховного суда РФ рекомендует понимать выраженные в любой форме *обращения* к другим лицам с целью *побудить* их к осуществлению экстремистской деятельности) и *обоснование* или *оправдание* необходимости осуществления такой деятельности. В соответствии с этим лингвистическая диагностика наличия призыва (в любой из форм) в тексте должна опираться на понимание того, что коммуникативное намерение побуждения к действию может быть реализовано в тексте как в явном (эксплицитном) виде (*Смерть оккупантам!*), так и неявно, имплицитно (например, в конструкциях, несущих оценочные смыслы, когда авторы экстремистских текстов, описывая стереотипную ситуацию с известной носителям языка фактологической базой, которая может иметь или имеет в настоящее время негативные последствия для каких-либо групп населения, могут намекать на определенные действия по изменению ситуации, которые желанны для авторов текста, камуфлирующих свое побуждение: *А сколько в стране нелегальных мигрантов?! Сколько кавказских преступных бандформирований и группировок?!; Иудеи Иисуса распяли, иудеев мы в Россию не звали...*). Во всех описываемых случаях с косвенным (неявным побуждением) задача лингвистов – выявить подлинные коммуникативные действия авторов экстремистских текстов и разоблачить речевую манипуляцию.

Литература

1. *Галышина Е. И.* Лингвистика vs экстремизм: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М., 2006.
2. *Мухаев Р. Т.* Социология. Конспект лекций: учебное пособие. М., 2010.
3. *Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник* / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2009.

Выражение оценки в текстах средств массовой информации

Ю. А. Воронцова

Белгородский юридический институт МВД России

vorontsova73@mail.ru

Прагматическое воздействие, оценка.

Summary. The paper characterizes expression of evaluation in media texts.

Современные СМИ являются основным фактором формирования общественного мнения и распространения эмоционального настроения.

Представление об активности автора текста (адресанта) позволяет рассматривать текст СМИ как результат отражения в нем не только тематического, но и прагматического

содержания, то есть воплощения определенной программы воздействия на читателя (адресата). В соответствии со своим коммуникативным намерением адресант отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым денотативным значением и прагматическим потенциалом, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи. В результате текст приобретает определенное прагматическое содержание, обладающее возможностью произвести некоторый коммуникативный, модальный и эмоционально-экспрессивный эффект на адресата.

Прагматическое воздействие текстов СМИ рассматривается нами в рамках учения об эффективном общении, которое в современном научном пространстве называется теорией речевого воздействия. Особенность речевого воздействия в СМИ в том, что воздействие на адресата осуществляется с помощью языковых средств с целью побудить его сознательно принять точку зрения адресанта. Объектом речевого воздействия в СМИ является некоторая совокупность людей, то есть адресат коллективного характера. Специфика средств массовой коммуникации такова, что создатель текста и его текст отделены от адресата во времени и пространстве. Представление об адресате «включает элемент собирательности, нерасчлененности, непредсказуемости реакции на сообщение, что связано с односторонностью массовой коммуникации» [1: 119].

Авторитет внушающего что-либо обычно поддерживается специальными приемами, усиливающими это воздействие, – принятыми в обществе представлениями, манерой речевого поведения. Само же эмоциональное воздействие предполагает использование специальных языковых средств, специального подбора слов и специального построения фраз, что способствует выражению эмоционального состояния и квалификативно-оценочной деятельности адресанта. Воздействие на массовую аудиторию должно опираться на заранее сформированные установки восприятия сообщения (информации), позволяющие с большей вероятностью прогнозировать реакцию адресата (см. [3: 680–686]).

Например, *Скандал с усыновлением детей «кровожадными американцами» выявил еще одну особенность нашей власти: фальшивую заботу о детях. Какой только бранью не поливали американцев наши депутаты и главный детолюбец Астахов после гибели в Америке русского мальчика! Но почему они только сейчас ввали в такой разж, почему годами и даже десятилетиями не замечали бедственного положения российских сирот?* (АиФ, № 10, 2013). Многочисленные эмоционально-оценочные слова и выражения используются как достаточно сильное экспрессивное (стилистическое) средство сделать более эмоциональной речь адресанта, актуализируют прагматическую ситуацию, общаются авторское отношение к ней, тем самым формируют гневную, обличительную тональность. Сгущенность и высокая частотность отрицательных оценок создает очаг напряжения, оказывает явное психологическое воздействие, возбуждая определенные мысли, оценки адресата.

Следует заметить, что оценка в СМИ имеет свои особенности. Во-первых, оценка в СМИ помещает объект в ту или иную часть оценочной шкалы в зависимости от ценностных ориентаций адресанта, то есть «субъект дает оценку на основании имеющейся в его «картине мира» шкалы соответствующих стереотипов» [2: 68]. Во-вторых, на оценку оказывает влияние представления об адресате. Например, информация может быть обращена к идеальному адресату, от

которого не требуется никакой ответной реакции, потому что все его возможные оценки учтены адресантом и включены в высказывание, другими словами, адресант реализует ожидания адресатов. В-третьих, ценность сообщенного предмета интереса (удовлетворения, желания) и т. п. может оказаться у коммуникантов разной, так как адресант в СМИ (часто не желая этого) выражает свои личностные оценки. Например, *Мигранты оккупировали не только улицы столицы, но и рабочие места. Земляки-предатели. (Кп № 132, 2013). Дайте работу русским! Работу для россиян! (АиФ № 23, 2013). Можно сказать, что наша правоохранительная система работает вхолостую. Она заглаживает преступника и тут же его отгрызает, хотя на процесс его поимки и наказания затрачиваются немалые средства (АиФ № 23, 2013).*

Оценивание в текстах СМИ – это незауалированное стремление сформировать мнение адресата о положительной или отрицательной сущности обозначаемого, основанное на знании и учете норм ценностной картины мира данного языкового коллектива. Причем чаще адресант стремится не столько к вуализации оценки, сколько к предельной открытости ее выражения. Например, *Это связано с ответственностью. Просто так «мочить» власть – это не мое дело. Вообще СМИ – это такой сторожевой пес, который все время лает, напоминая власти о проблемах и об ошибках, которые она совершает (АиФ № 1–2, 2007). Не ешьте дрянью... Наши магазины завалены «мусором». (АиФ № 11, 2013). Почему вы не скалите зубы? (заголовок). О бесхозяйственности и отсутствии сельхозполитики депутаты предпочитают молчать, зато чешут языки по поводу внешних угроз (АиФ № 19, 2013).* Функцию оценки выполняют социально или идеологически мотивированные суждения, актуализирующие негативные смыслы. Адресант выражает социальные и интеллектуальные оценки изображаемого им факта, события с обязательной их населенностью на воздействие, на обеспечение у адресата однотипных или совпадающих с авторскими оценок. Причем адресант не всегда озабочен проблемой восприятия адресатом передаваемой информации, негативными социальными эффектами, которые может спровоцировать оценочное высказывание.

Следует отметить, что сущность, сила текста СМИ не в том, какой смысл в него вкладывает автор, а в том, как его интерпретирует, воспримет читатель, следовательно, в неисчерпаемой глубине заложенных в нем смыслов. Массовая аудитория может быть захвачена одной эмоцией (позитивной или негативной). Здесь действуют механизмы подражания, заражения, внушения. СМИ должны стремиться к тому, чтобы массовый адресат достаточно адекватно ориентировался в происходящих событиях. Не стоит забывать о том, что особенно мощные возможности в формировании оценок имеют СМИ. Оценочные высказывания в СМИ, как правило, рассчитаны на то, чтобы адресат согласился с мнением адресанта.

Литература

1. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. Воронцова Ю. А. Особенности прагматического воздействия в текстах средств массовой информации // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: В 2 т. Волгоград, 2007. Т. 1. С. 680–686.

Проблема валидации методик судебной лингвистической экспертизы в условиях модернизации законодательства

Е. И. Галяшина

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
galyashina@gmail.com

Лингвистическая судебная экспертиза, валидация, экспертная методика.

Summary. The problem of the scientific validity of forensic research techniques is closely related to issues of improving the quality of the linguistic examination. Validation of linguistics methods in the course of modernization of legislation is discussed according to international standards.

Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное исследование устного высказывания, речевого оборота, письменного текста, завершающееся

дачей письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных экспертно-лингвистических знаний. Судебная лингвистическая экспертиза

востребована по широкому спектру дел в уголовном, гражданском судопроизводстве, по делам об административных правонарушениях. Это – диффамация, оскорбление, клевета, призывы к экстремистским действиям, заведомо ложные сообщения о террористических актах, вымогательство, шантаж, мошенничество, разглашение охраняемой законом тайны, возбуждение национальной или религиозной ненависти или вражды, незаконная реклама и пропаганда наркотиков и т. п. Речевые произведения вовлекаются в документационные и информационные споры, социальные, корпоративные, групповые и межличностные конфликты, используются для совершения правонарушений или сами становятся объектами противоправного посягательства.

Языковеды столкнулись с проблемой адаптации лингвистического знания для нужд судопроизводства. Стало очевидно, что только собственно лингвистически знаний недостаточно. Для установления научно-обоснованных фактических данных, обладающих доказательственным значением, требуется оптимизировать частнонаучные лингвистические методы и разработать специализированные экспертные методики для решения конкретных задач лингвистической экспертизы.

В условиях модернизации законодательства о судебной экспертной деятельности особую остроту приобрела задача выбора объективных, надежных и апробированных методов лингвистического анализа, обеспечивающих достоверность получаемых результатов, возможность их воспроизводства при проведении повторных судебных лингвистических экспертиз. Дополнение законодательства обязательными требованиями по валидации (оценке пригодности использования методических материалов по производству судебной экспертизы) и сертификации научно-методического обеспечения судебной экспертизы (подтверждение его соответствия требованиям, предъявляемым к специфическому целевому использованию методик, методов и средств в области судебной экспертизы) позволяет обозначить новые проблемы судебной экспертологии, теории и практики судебной лингвистической экспертизы.

Во-первых, наиболее важной является разработка единой видовой классификации судебной лингвистической экспертизы и унификация операциональных действий эксперта при решении типовых задач судебной лингвистической экспертизы каждого вида.

Во-вторых, необходимо уточнить порядок определения качественных параметров валидации методик судебной лингвистической экспертизы и показателей точности, включая прецизионность (повторяемость и воспроизводимость), правильность, степень неопределенности (точность) применяемых лингвистических методов.

Под методикой в судебной экспертологии понимается система категорических или альтернативных научно-обоснованных предписаний по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных условиях научно-обоснованных методов, приемов и средств (приспособлений, приборов, аппаратуры) для решения конкретной экспертной задачи. В этом отличие экспертной методики от научной, использующей те же методы, но с иными целями. В экспертной методике должны содержаться граничные условия, при которых использование данной методики допустимо, а полученные результаты отвечают критериям достоверности, надежности, воспроизводимости (повторяемости), точности и обоснованности. Следует признать, что методики судебной лингвистической экспертизы, в полной мере отвечающей данному требованию, до настоящего времени не разработано.

В-третьих, валидация и сертификация методик возможны только в том случае, если пошаговые действия эксперта документированы – зафиксированы в виде письменной инструкции, детально описывающей не только методы, ход исследования, операции, выполняемые экспертом, но и правила принятия экспертом решений на основе полученных результатов исследований.

Данная проблема становится особо актуальной для судебной лингвистической экспертизы, разнородность объектов которой, многообразие методических подходов, неоднозначность классификационных оснований требуют упорядочивания и унификации терминологического и понятийного аппарата, систематизации информационно-методического обеспечения, алгоритмизации лингвистических исследовательских процедур в соответствии со стадиями экспертного исследования и нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок проведения валидации экспертных методик и сертификации научно-методических материалов, используемых в судебно-экспертной деятельности. Решение названных проблем позволит повысить качество, надежность и объективность лингвистических экспертиз, предупредить ошибки и субъективизм выводов эксперта.

К вопросу о новом подходе при выявлении индивидуальных лингвистических признаков русскоязычных дикторов при проведении криминалистических исследований по голосу и речи

Т. И. Голощапова, М. А. Девятова

Экспертно-криминалистическое управление Департамента специального и криминалистического обеспечения
Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (Москва)

expert@fskn.gov.ru, devyatova-maria@rambler.ru

*Идентификация человека по голосу и речи, методическое обеспечение фоноскопических экспертиз,
индивидуализирующие лингвистические признаки русскоязычных дикторов.*

Summary. The present paper deals with important issues of speech and voice identification, methodology of forensic phonoscopic examination and a new approach to determination of the Russian-speakers linguistic features.

Повышение эффективности и качества расследования преступлений в высокой степени обусловлено использованием достижений науки, на которой зиждется вся экспертно-криминалистическая деятельность. Дифференциация и интеграция научных знаний, в частности, из области лингвистики, способствуют формированию новых теорий и методов, применяемых в криминалистике для обеспечения уголовного судопроизводства. Положения таких общелингвистических наук как теоретическая и прикладная фонетика, грамматика, лексикология, морфология, синтаксис, диалектология русского языка используются при производстве судебных фоноскопических экспертиз, в рамках которых проводится идентификация диктора по голосу и речи. Фоноскопическая экспертиза играет важную роль в доказывании: она помогает определить степень виновности конкретного лица в совершении и подготовке преступления; время,

место, способ совершения преступления; факт его совершения в соучастии.

Гносеологические основы и общие принципы судебной фоноскопической экспертизы были сформированы в 60-е гг. XX века. Тогда была поставлена задача сформировать средства идентификации, в которых, наряду с автоматическими исчисляемыми акустическими признаками широко использовалась бы лингвистическая информация об индивидуальности говорящего, фиксируемая экспертом при аудитивном анализе фонограмм речи. Так появилась автоматизированная система и методика идентификации лиц по устной речи на русском языке «Диалект», которая в настоящее время является единой типовой методической основой для всех силовых структур, осуществляющих идентификацию по голосу и речи в рамках экспертной деятельности. Таким образом, функционирование и развитие данного направле-

ния в криминалистике невозможно без глубокого лингвистического анализа звучащей речи.

Методика «Диалект» предусматривает проведение детального исследования на всех уровнях языка: начиная от уровня дискурса и заканчивая уровнем звука. Существуют проблемы, возникающие у экспертов в части исследования групповых и индивидуальных признаков: анализ устной разговорной дистантной речи на ограниченном количестве материала часто характеризуется выявлением малоинформативных, общих признаков, которые не обеспечивают необходимый комплекс для принятия категорического решения (например, экспертами часто выделяются такие признаки речи диктора, как использование контакто-установительных элементов; наличие незначительной, обценной лексики; построение эллиптических конструкций в речи диктора и т. п., что характеризует дистантный дискурс в целом, но не отражает индивидуальность диктора).

Ситуация осложняется особенностями криминогенной ситуации в России в последние годы: с резким увеличением числа мигрантов из среднеазиатского региона актуальным стало исследование интерферированной речи дикторов-билингвов, говорящих на русском языке. Здесь также кроются определенные трудности: в качестве индивидуализирующих выделяются признаки, обусловленные взаимопроникновением системы одного языка в систему другого (например, часто отмечаемый признак «ненормативная палатализация / веляризация согласных», который является групповым для всех дикторов-билингвов – уроженцев среднеазиатского региона). Необходимо отделение признаков дикторов, для которых русский язык является родным, от признаков речи искусственных носителей русского языка. Из вышесказанного следует, что на сегодняшний день назрела необходимость в теоретическом и методическом совершенствовании судебно-экспертной деятельности в данной области, так как подход, заложенный в «Диалекте», морально устарел и требует доработок и усовершенствований.

Для реализации этих целей необходима разработка «реестра признаков», в который должны входить только «критические» с точки зрения русского языка параметры. Отдельный реестр признаков следует создать и для исследования интерферированной речи. Это обеспечит такой подход к выполнению экспертизы, при котором усилия эксперта будут «направлены в нужное русло», и из экспертных протоколов будут исключены «избыточные» признаки, несущие крайне низкую информативную нагрузку. К первостепенным признакам прежде всего следует отнести фонетические признаки диктора, а также некоторые признаки речевого потока, которые отображают индивидуальную физиологически обусловленную конструкцию речевого тракта диктора и являются наиболее информативными среди прочих. Признаки, относящиеся к лексическому и грамматическому уровням языка, могут подвергаться вариативности в зависимости от целей и условий коммуникации. Исходя из эмпирических данных, «критическими» среди фонетических признаков следует отметить в первую очередь различные ротацизмы, сигматизмы и парасигматизмы, характеристики ударных гласных по ряду и подъему языка, особенности редукции ударных и безударных гласных, степень напряженности / расслабленности артикуляционного аппарата при произнесении согласных звуков (например, ослабление смычной фазы при произнесении смычно-взрывных звуков и аффрикат). Также важными параметрами являются определение тембральных и частотных характеристик голоса диктора, особенности его речевого дыхания и артикуляции.

Вопрос о формировании подобного реестра требует глубокого рассмотрения со стороны научной и экспертной общественности. Новый теоретическо-праксеологический подход обеспечит дальнейшее развитие судебной фоноскопии, т. к. без его своевременного обновления невозможно прикладное применение развивающейся науки в актуальных областях, особенно таких жизненно важных, как криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности.

Особенности артикулирования палатализованных и веляризованных согласных в речи дикторов-билингвов при идентификации по голосу и речи

Т. И. Голощапова, Ю. А. Елемешина, Е. А. Красовская

Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, Департамент специального и криминалистического обеспечения, Экспертно-криминалистическое управление, отдел фоноскопических экспертиз и исследований

expert@fskn.gov.ru; yulia.elemeshina@yandex.ru

Интерференция, веляризация, палатализация, дикторы-билингвы.

Summary. The present paper deals with the main peculiarities of palatalized and velarized consonants articulation of the Russian-speaking bilinguals by the example of the Tajik language. The purpose of the paper is to find out a complex of the speakers individual phonetic characteristics necessary during speech and voice forensic research.

Представители этнических народов прочно обосновались на территории Российской Федерации, что в значительной степени увеличило рост преступлений, связанных с поставкой, хранением и распространением наркотических средств. Осуществление криминальной деятельности реализуется правонарушителями посредством переговоров по телефонным каналам связи как на родном языке, увеличивающим степень конспирации, так и на русском языке для общения с русскоязычными сообщниками, так как многие из них выросли в среде двуязычия, то есть в равной степени владеют родным и русским языком. Это объясняется тем, что русский язык осваивается иммигрантами уже в школе наравне с остальными учащимися. Во многих образовательных учреждениях формируются целые классы, состоящие из детей этнических национальностей, общающихся на родном языке. С одной стороны, языковое развитие этих учеников происходит в пределах русской языковой системы, а с другой, значительное влияние интеркультурных контактов проявляется в виде контаминаций и вкраплений из иноязычной лексики, сопровождающихся интерференцией.

Явление интерференции особенно проявляется на фонетическом уровне языка при восприятии и при производстве речи и может быть обусловлено неразличением звуков родного и вторичного языка. В рамках данного исследования были рассмотрены основные ошибки, допущенные дикторами-билингвами, родным языком которых является таджикский.

Фонетические отклонения, связанные с нарушением норм произношения твердых и мягких согласных звуков в речи таджиков-билингвов в большинстве случаев обусловлены различиями в системах консонантизма русского и таджикского языков. Для выявления признаков переноса произносительных норм одного языка на другой с позиции палатализации / веляризации согласных звуков была проанализирована спонтанная, нефорсированная речь дикторов-билингвов, первым языком которых является таджикский.

Признак твердости-мягкости является одной из характерных черт русских согласных. Фонетическая система таджикского языка не противопоставляет согласные звуки по твердости / мягкости. Набор согласных фонем таджикского языка достаточно близок русскому, но язык иранской группы характеризуется своеобразными особенностями. Фонологически мягкость в таджикском языке как различительный признак не используется, именно поэтому билингвы-таджики допускают ошибки, искажающие фонетический рисунок слова, смешивая особенности произношения родного и приобретенного языков. При коммуникативном подходе ошибки, связанные с неразличением или неверном употреблении в речи твердых и мягких согласных, не мешают пониманию смысла речи. При анализе речевого материала, были выявлены основные фонетические нарушения, связанные с процессом смягчения и отвердения согласных звуков:

1) Смягчение переднеязычных щелевых согласных [ж], [ш] перед гласными переднего ряда. Для таджикской фоне-

тической системы смягченное качество произнесения этих фонем, возникающее в результате появления второго среднеязычного фокуса артикуляции, в контексте переднеязычных гласных звучащее как [ш'] и [ж'], является нормой.

2) Отсутствие полного смягчения согласных перед гласными переднего ряда [e], [и]. В русском языке позиция твердых и мягких согласных перед [e] по существу оказывается такой же, что и позиция перед остальными гласными: здесь могут выступать любые согласные, хотя распространенность твердых согласных перед [e] меньше, чем их распространенность перед другими гласными. В отличие от русской, фонетическая система таджикского языка подразумевает произнесение полумягких согласных в окружении гласных переднего ряда.

3) Твердые согласные вместо мягких в конечной позиции. В русском языке в конечном положении четко различаются твердые и мягкие согласные, причем это различие не зависит от соседних звуков: *пыл – пыль, вид – вить*. Таджики-билингвы, реализуя русскую речь, бессистемно используют мягкие или твердые фонемы согласных звуков.

4) Твердый или недостаточно мягкий [ч]. Фонема [ч] таджикского языка близка по произносительным нормам фонеме [ч] русского звукового строя языка. Однако interfering речь билингвов-таджиков демонстрирует огромное количество ошибок, связанных с нарушением употребления мягкого [ч]. Веляризация аффрикативного мягкого согласного звука обусловлена появлением ошибок, связанных с недостаточным уровнем освоения вторичного языка.

5) Смягченный [л] вместо твердого. Переднеязычный щелевой [л] имеет пару по твердости / мягкости [л'], которая коррелирует в зависимости от фонетического окружения звука в слове. В отличие от русского, в таджикском языке сонорный [л] всегда произносится мягко. Дикторы-билингвы, употребляя в речи только палатализованный [л], применяют более простые правила вместо усложненных (употребляют только смягченный звук [л']). Таджики, говорящие на русском языке, избегают использования правил иностранного языка, аналогов которым нет в его родном языке.

Производность, вторичность и интертекстуальность как универсальные свойства текстов различных типов

Л. А. Исаева, С. Г. Буданова

Кубанский государственный университет (Краснодар)

lanastar@bk.ru, vlisaev@rambler.ru

Текст, вторичность, производность, интертекстуальность.

Summary. The report is devoted to the study of universal text categories of unoriginality, derivation, intertextuality. The definition of these terms and their distinctions are provided.

В онтологической природе любого текста заложен универсальный механизм порождения на его основе неопределенного множества вторичных текстовых структур, связанных с асимметрией знака и его значения. Так, каждое содержание стремится быть выражено другими знаками, и наоборот, подобным текстовым структурам может соответствовать различное содержание. Такая асимметрия привела, в частности, к необходимости изучения понятий «вторичность», «производность» текста и интертекстуальность.

В настоящее время в теории текста существует ряд определений понятий «вторичность», «производность» и «интертекстуальность», авторы которых по-разному подходят к толкованию данных категорий. Однако очевидно, что проблемы некой переработки одних текстов в другие, описания особенностей таких преобразованных текстов, их классификации и изучения методики создания давно не вызывают сомнений и остаются актуальными до сих пор. Цель настоящего доклада – определение и разграничение понятий «производность», «вторичность», «интертекстуальность».

Понятие «вторичный текст» возникло применительно к текстам только научного стиля (А. И. Михайлов, А. И. Черный, Р. С. Гиляровский и др.), но к настоящему времени значительно расширилось, стало более сложным и неоднозначным. Существует целый ряд разнообразных терминов (текст-интерпретация, периферийный текст, вторичное речевое произведение, производный текст, вторичная форма и др.), употребляющихся в научной литературе в качестве

основные типы ошибок, связанные с явлением палатализации и веляризации согласных звуков, обусловлены сравнением эталонов родного (первичного) языка с особенностью языковой системы вторичного (приобретенного), «путаницей» в понятиях и правилах русского нормированного произношения, зачастую незнание этих правил. К тому же речь изучающего иностранный язык несвободна от движений артикуляторного аппарата, характерных для родного языка, что является причиной акцента. Данные признаки не представляют собой совокупности индивидуально-определенных, устойчивых признаков, которые могли бы характеризовать речь конкретного лица. По этим типичным особенностям эксперт может лишь предположить, каков первый (родной) язык диктора, выявить, насколько хорошо усвоен иностранный язык (в данном случае русский) и учитывать эти нюансы в лингвистическом исследовании по голосу и речи дикторов-билингвов. Также проблематика данного вопроса будет актуальна в отношении интеркультурных контактов в контексте изучения русского языка как иностранного. Ведь овладение новым языком и понимание системы этого языка, а также учет культурологических особенностей страны необходимы для адекватного общения представителей различных культур.

Литература

1. Бахударова Е. Л. Слоговая «призма» родного языка как фактор фонетической интерференции // Лингвистическая полифония. Сборник статей в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой. – М., 2007. С. 325–333.
2. Галишина Е. И., Голощапова Т. И. Интерференция национально-го языка при идентификации русскоговорящего диктора (на материале языков народов России). М., 2003.
3. Голощапова Т. И., Ю. А. Елемешина. Экспертно-лингвистические методы идентификации дикторов, говорящих на таджикском языке // Сб. трудов XX международной научной конференции. Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. М., 2010. С. 396–399.
4. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М., 2006.

синонимов, разработаны различные подходы к определению понятия «вторичный текст». Так, разные исследователи выделяют неодинаковые основания для выделения вторичных текстов: абстрактность или предварительная изученность объекта (Л. Н. Мурзин, М. Н. Литвинова, О. К. Кудасова), смена авторства (его интенции) исходного текста (Л. М. Майданова), цитатность, а также изменение объема, оценки, сложности и кода текста (В. И. Карасик), стилистическая несамостоятельность произведения (М. В. Вербицкая), приблизительность, неточность, аппроксимация содержания (С. В. Ионова) и др.

Не менее спорным является также вопрос о границах *интертекстуальности*. Ряд исследователей-литературоведов понимают интертекстуальность как универсальную, повсеместную эксплицитную и имплицитную ссылочность, взаимопроникновение и перетекание текстов друг в друга. При таком широком подходе к определению данного понятия любой текст есть интертекст (М. М. Бахтин, Р. Барт, Ю. Кристева и др.). В более узком смысле (И. В. Арнольд и др.) интертекстом называют включение в текст либо целых других текстов, либо их фрагментов в виде цитат, аллюзий и реминисценций.

Интересно, что в лингвистических исследованиях термин «вторичность» не подразумевают «второстепенности», «второсортности» текста и отсутствие его уникальности. Вторичность в языковом плане не имеет отрицательных коннотаций, а лишь указывает на некую производность от

исходного текста, разную степень переработки и трансформации исходных текстовых структур. В литературоведении же понятие «вторичность» нередко употребляется по отношению к произведениям, авторы которых копируют чужие образы, мотивы, сюжеты в силу различных причин. Часто такую несамостоятельность расценивают как неоригинальность и даже плагиат. На наш взгляд, очевидна некорректность такого термина, который может иметь столь разные оценки в близких, тесно взаимодействующих областях знаний. Представляется оправданным использование термина *производность* текста, под которой понимается «вторичность» его структурных, семантических (тематических, сюжетных), стилистических характеристик, основанная на отсылке данного текста к некому объединенному рядом признаков текстовому множеству или к одному конкретному тексту («производящей базе»). Производность текста становится основой создания как универсальных, так и специфических для отдельных текстов имплицитных смыслов.

Для понимания имплицитной информации любого текста адресату следует иметь представление о том, как должен организовываться текст, – знать (или, по крайней мере, интуитивно чувствовать) стандартные схемы построения, например, рассуждения, повествования, описания; жанровые особенности структуры текста; типизированные семантические схемы; стилистические особенности различных типов текста и т. д.

Производность текста может быть результатом связи не только с целым массивом объединенных общими признаками текстов, но и с конкретными несколькими или даже одним текстом. Такая производность имеет признаки формально-содержательной *вторичности* и создает ряд общих коммуникативных целеустановок, с учетом особенностей которых можно выделить следующие разновидности текстов:

– *текст-реакция*. В этом случае новый текст представляет собой произведение, направленное на истолкование, комментарий, оценку текста(ов)-источника(ов);

– *текст-пародия*. Подобные тексты призваны выявить и в иронической форме представить формально-стилистические и / или содержательные особенности текста(ов)-источника(ов);

– *текст-реминисценция*. Такие тексты (или их фрагменты) содержат элементы «игры» с фрагментами текста(ов)-источника(ов), причем обычно ими бывают известные, так называемые «прецедентные» произведения. «Новый» текст может содержать отсылки как к одному, так и к нескольким текстам (иногда к весьма значительному их количеству – например, в постмодернистских произведениях). Такое явление квалифицируется как цитатность, аллюзивность или интертекстуальность (в узком понимании этого термина).

Тексты, чья жанрово-содержательная специфика определена в основном с содержательной опорой на исходный текст (тексты-реакции и отчасти тексты-пародии), могут быть названы *собственно вторичными*. Разумеется, приведенная дискретизация целеустановок вторичности достаточно условна: в конкретной текстовой реальности нередко имеет место их контаминация.

Итак, любой текст в определенной степени вторичен, произведен и интертекстуален, включен в межтекстовый диалог и смысл его выходит за рамки собственного текстового пространства в зависимости от степени и формы «ссылочности». Универсальный механизм порождения на основе исходного текста неопределенного множества вторичных текстовых структур основан на асимметрии знака и его значения. В тех случаях, когда содержание стремится быть выражено другими знаками, можно говорить о собственно вторичности (аннотации, рефераты, изложения, сочинения и под.), а при разной степени сохранения текстовых структур для передачи отличного содержания уместнее термин «производность». Интертекстуальность в этой связи видится как конкретное включение во вторичный или производный текст целых других текстов, их фрагментов в виде цитат, аллюзий и реминисценций.

Электоральный дискурс как объект лингвистической экспертизы

Е. С. Кара-Мурза

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kara-murza-elena@yandex.ru

Информационное обеспечение выборов, электоральный дискурс, проблемы его лингвистической экспертизы

Summary. Electoral discourse is a textual realization of electoral communication, developed on a wide thematic basis. Its study is essential in the interests of linguistic expertise. The formation of its algorithms is complicated by the lack of consistent linguo-semiotic differentiation within the limits of electorate informing (EI), election campaigning (EC) and political advertising (PA); as well as a legislative gap — unadjustment of PA functioning.

Масштабные и резонансные избирательные кампании в России (думская 2011, президентская – 2012, региональные-2013, включая выборы московского мэра) активизировали интерес коммуникатологов и лингвистов к электоральной коммуникации (ЭК) и электоральному дискурсу (ЭД). Особенно это важно для лингвистов-экспертов: в рамках избирательного законодательства регулируется правовой феномен информационного обеспечения выборов (ИОВ). Это комплекс: информирование избирателей (ИИ) и предвыборная агитация (Пра). Стороны электорального процесса (основные: соперничающие кандидаты со своими штабами и избиратели, вспомогательные: избирательные комиссии, включая ЦИК, наблюдатели, надзорные (прокуратура и ЦИК) и судебные инстанции; а также СМИ) по разным причинам (в борьбе с конкурентами / нежелательными кандидатами или желая обеспечить правовую чистоту выборов) инициируют избирательные споры, где звучат обвинения в незаконной агитации либо в совершении через нее диффамации или словесного экстремизма. В поисках доказательств стороны обращаются за лингвистической экспертизой.

Как известно, этой экспертизе подлежат конфликтогенные тексты, в которых должны быть выявлены лингвосомиотические жанрово-дискурсивные показатели, коррелирующие с признаками состава речевых правонарушений / преступлений. В законах перечислены признаки незаконной агитации: 1) технические – напр., несвоевременность предвыборной агитации, 2) формальные – напр., наличие призы-

вов голосовать за одного из кандидатов или присутствие на президентских выборах в телероликах отрицательных персонажей, похожих на кандидатов; 3) коммуникативно-стратегические – напр., демонстрация одного из таких кандидатов неблагоприятном свете, что – среди прочих усилий избирательной борьбы – предположительно ослабляет его конкурентоспособность и обеспечивает победу сопернику. Еще одна проблема – проведение таких коммуникативных событий / мероприятий (напр., выступления руководства страны на партийном съезде) и / или публикация текстов таких жанров (напр., во время кампании в разных влиятельных изданиях цикла статей руководящего лица, являющегося кандидатом), которые воспринимаются конкурентами или независимыми наблюдателями как агитационные, а следовательно, как незаконные, они исходят от лица, не имеющего, согласно законодательству, права агитировать или распространены в СМИ до наступления агитационного периода.

Для лингвистов-экспертов это означает необходимость выполнения экспертиз двух типов – 1) диагностического (напр., «есть ли в тексте агрессивные или уничижительные высказывания о социальной группе X?» – на основании ответа правоведы делают вывод о наличии / отсутствии признаков экстремизма) и 2) идентификационного («какому типу относится данный текст – к агитационному или информационному, к журналистскому или рекламному?» – на основании чего делается юридический вывод о его законности или незаконности в рамках кампании).

Способы взаимодействия и информационные потоки во время выборов разнообразны, заведомо дискурсивно неоднородны, поэтому для формирования экспертных алгоритмов можно использовать термины, предложенные в разных исследованиях, но хорошо (на наш взгляд) совместимые и уместные в лингвоэкспертных целях. В частности, чтобы сформировать целостное представление об ИОВ, стоит описать его объемлющий речедеятельностный контекст. Для этих целей могут пригодиться термины «электоральная коммуникация» (ЭК) и «электоральный дискурс». В расширительном понимании Л. В. Минаевой, ЭК выявляется на тематическом основании, без ограничения сроками кампаний; она характеризуется сложной структурой коммуникантов и разнообразием их взаимосвязей и «активностей». А ЭД, в нашем понимании, – это текстовая «материя» ЭК (и крупный сегмент политического дискурса ПД). Кроме того, в ЭК можно выявить аналитические единицы другой (не естественноречевой) природы: событийные, персональные, артефакты.

Наше представление об электоральном дискурсе имеет полевой характер: его ядро – это ИОВ в составе ИИ и ПрА; его следующий пласт – новостная и аналитическая журналистика, освещающая не только сами выборы, но и предше-

ствующую им, и последующую политическую борьбу. В ЭД стоит включать и деловой дискурс, обеспечивающий организацию выборов избиркомами и деятельность наблюдателей; и конечно, правовой дискурс – он применяется в юридической интерпретации выборного процесса, включая правовую оценку ИОВ. Согласно этому представлению, ЭД тематически един, но функционально и дискурсивно негомоген: лингвосемиотически все эти дискурсы очень различны.

Отдельная острая проблема – соотношение предвыборной агитации и политической рекламы, которая не регулируется законами, а значит, не может инкриминироваться и не подлежит экспертизе; у этой ситуации есть манипулятивный потенциал, о чем пишут юристы. При этом дискурсивно они очень похожи, что проявляется в их постоянном неразличении в публикациях и политологов, и политтехнологов, и журналистов, но исторические и идеологические вроде бы разнятся как манифестации идеологизированного и маркетингового мышления.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что необходимо разрабатывать алгоритмы лингвистической экспертизы информационного обеспечения выборов, а для этого изучать – в том числе – российский электоральный дискурс в его разнообразии.

Негативно-оценочные номинации лица в аспекте лингвистической экспертизы

Р. Д. Карымсакова

Университет «Туран» (Алматы, Казахстан)

rakhilya.11@mail.ru

Негативно-оценочные средства языка, однозначные слова, сутяга, стукач, социально осуждаемое коммуникативное поведение.

Summary. The present paper discusses the problems of lingua expert analysis of hordes denoting people for eligible behavior of whom social utility is not common.

Среди негативно-оценочных средств русского языка значительное место занимают номинации, обозначающие лицо по его различным признакам. Отрицательная характеристика лица может быть выражена при помощи негативно-оценочной лексики и фразеологии, относящейся к сфере литературного языка. Восемь разрядов такой лексики были выделены авторами книги «Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами». Ко второму разряду в этой классификации относятся слова, в собственном лексическом значении которых заключена негативная оценка обозначаемых ими явлений, деятельности, поведения лица (болтун, веззнайка, приспешник, двурешник, развратник, сплетник и мн. др.) и которые часто выступают предметом спора в судах по вербальным правонарушениям. В состав подобной лексики входят и такие однозначные номинации лица, как сутяга (сутяжник), клязник, стукач, доносчик. Однозначные слова, как известно, характеризуются четко выраженной предметной соотносительностью, семантические границы их вполне определены (береза, грусть, шпага, веселиться, донос и т. д.). Предметная определенность слова (денотация) может исчерпываться собой лексическое значение однозначного слова (дикобраз, палка, завидовать, сиплый) или являться объективно-логическим компонентом лексического значения, дополняемого его субъективно-модальным компонентом (коннотацией), выражающим отношение субъекта речи к обозначаемому: его эмоции, оценки.

В лингвоэкспертной практике автора имеются высказывания, в которых для отрицательной характеристики лица используются слова сутяга, клязник. Под сутягой понимается человек, который занимается тяжбами, имея к этому вкус, склонность, интерес, который обращается в суд по любому, даже пустяковому, поводу. Предметное значение разговорного слова сутяга («он обращается с жалобами в гражданский суд») совмещается с негативно-оценочным значением, составляющим основной смысл употребления этого слова. Значительная часть общества (общественного сознания) сутягами считает людей, которые неоднократно обращаются с заявлениями и жалобами в соответствующие органы. Негативный компонент семантики формируется за счет «нагрузки» нейтрального слова жалоба дополнительными значениями мелочности и придиричivosti жалобы

как клязны. Под клязником понимается человек, который занимается клязнями, то есть мелочными придиричivosti жалобами, доносами, наговором. Как пишет проф. И. Милославский, в словах **клязны, сутяжничество** «жалобщик предстает человеком крайне мелочным в своем отношении как к жизни вообще, так и к предмету жалоб» (И. Милославский. Стукач или жалобщик? // Известия, 3 августа 2009 г.). Стереотипное представление о клязниках и сутягах – это склочные, скандальные люди. Сутяга лишается в обществе должного расположения и доверия, от него отворачиваются люди. И поэтому многие люди из-за опасения прослыть сутягой в глазах друзей, сослуживцев, знакомых, соседей могут лишиться себя последнего, цивилизованного способа разрешения конфликта, спора, проблемы, имеющей общественный интерес.

Негативная эмоционально-оценочная характеристика лица и явления содержится и в разговорных словах стукач, стукачество. Лингвистическое исследование автором публикации было проведено в связи со следующими обстоятельствами. В связи с массовыми убийствами, совершенными в августе 2012 года на территории Иле-Алатауского национального парка приверженцами религиозного экстремизма, регулярно менявшими место жительства, используя арендованные помещения в поселках, примыкающих к г. Алматы, участковые инспекторы полиции обратились к населению с просьбой сообщать о всех подозрительных лицах, снимающих жилье в их или соседних домах. Один из жителей многоквартирного дома сообщил о бордате квартиранте, которого приехавшие полицейские увезли в РОВД для выяснения его связей. Сосед законопослушного гражданина назвал последнего стукачом, тот обратился за лингвистической консультацией по поводу судебной перспективы его обращения в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации или с жалобой об оскорблении. Разговорное слово стукач используется в значении: «Презрит. Доносчик, осведомитель». (1, стр. 1283), то есть слово стукач является стилистическим синонимом слова доносчик. «Конкретно-физическое» значение слова доносчик (он доносит) совмещается с эмоционально-оценочным компонентом (отрицательная эмоция презрения), обусловленным значением производящего слова донос. Как разъясняет И. Милославский, «стукач (доносчик) – это лицо, которое систематически тайно сообщает органам власти о по-

ступках и высказываниях других людей. В русской культуре такая «деятельность» всегда оценивается как очень плохая. Эта сущностная, а не субъективная оценка возникает за счет объединения двух компонентов, связанных со способом действия («тайно») и его адресатом («органам власти»). Соединяясь вместе, оба эти компонента обозначают предательство, Иудин грех, по отношению к тем, с кем **стукач** (**доносчик**) рядом живет и работает. А вот, например, на войне ситуация меняется радикально. Ведь разведчик тайно сообщает сведения о наших прямых врагах, то есть о тех, кто творит по отношению к нам неправые дела с оружием в руках».

Слово кляуза имеет эмоционально-оценочный компонент (отрицательная эмоция пренебрежения). (И. Милославский. Стукач или жалобщик? // Известия, 3 августа 2009 г.).

Этот лингвистический взгляд на функционирование рассматриваемых слов соотносится с его правовой оценкой. В юридической литературе вид поведения, отраженный в анализируемых словах, рассматривается как особая разновид-

ность правомерного поведения, которое в большинстве своем образует основную, здоровую ткань жизни общества. Вместе с тем в реальной действительности имеют место разновидности правомерного поведения, формально соответствующие нормам права, но не отличающиеся социальной полезностью. Таковы, например, частые смены работы, необоснованные правовые притязания, сутяжничество в области судебной деятельности, забастовки, неучастие в выборах представительных органов государственной власти и др., частые браки и разводы и т. д. Названные и им подобные действия, как видно, не запрещены законом, возможности их совершения допускается государством, однако общественная полезность им не свойственна. Большинство названных разновидностей правомерного поведения не находят отрицательной оценки в семантике языковых средств; социально осуждаемыми явлениями коммуникативного поведения человека выступают лишь некоторые из них, в частности, стукачество (доносительство) и сутяжничество.

Коммуникативная категория интолерантности и ее признаки в спорных текстах «экстремистской» направленности (в контексте вопроса о методологии проведения лингвистической экспертизы)

Т. Н. Касьянюк

Южный региональный центр судебной экспертизы Минюста России (Ростов-на-Дону); Ростовский филиал Российской академии правосудия
kawitas@mail.ru

Коммуникативная категория интолерантности, информация интолерантного содержания, лингвистическая экспертиза.

Summary. The information of intolerant contents, its form, the features of language means, the speech devices and the methods which are used to convey the information exist in the language as the markers of displaying intolerance, methods of objectivization intolerant potential in the message and are those signs of communicative category of intolerance. While making linguistic examinations of the texts which are under suspicion in displaying extremism this signs of communicative category of intolerance exist in the language as the markers of expression of extremist meanings.

Обсуждение обществом проблем, касающихся проявления толерантности и интолерантности, особенно активизировалось в последние годы. Если толерантность в ее широком понимании определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, то интолерантность рассматривается как ее противоположность и, следовательно, нежелательное и даже неприемлемое для социума явление. На примере же всей истории человечества мы наблюдаем, что интолерантность постоянно сопровождает жизнедеятельность общества.

В контексте разговора об интолерантности как коммуникативной категории остановимся на вопросах определения особенностей проявления категории интолерантности в публичном дискурсе, способах объективации интолерантного потенциала средствами языка / речи и оценки признаков коммуникативной интолерантности как маркеров выраженности «экстремистских» значений в вербальной коммуникации, т. е. признаков, содержащих запрещенные законодателем для публичного выражения «экстремистские» значения – эти виды значения выделены на основании анализа законодательства, запрещающего те или иные типы речевых действий и условно названы «экстремистскими» [4], – например: пропаганда определенных взглядов (негативного отношения, исключительности, превосходства, неполноценности человека по признаку, указанному в вопросе); призыв (побуждение) к тем или иным «экстремистским» действиям, террористическим действиям; оправдание определенных действий и взглядов (терроризма, совершенных противоправных – дискриминационных, насильственных и др. – действий) и т. д.

Коммуникативная деятельность человека обеспечивается коммуникативным сознанием, которое понимается как совокупность ментальных коммуникативных категорий / концептов и механизмов, определяющих нормы и правила коммуникации. И. А. Стернин считает, что «та или иная категория становится «наблюдаемой» и вычленяется как таковая в коммуникативном сознании народа по ее проявлениям в общении» (является результатом анализа практики общения индивидов) и ее содержание представляет собой некоторую «упорядоченную совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, касающихся языкового обще-

ния» [3]. В социокультурных условиях современного общества «представляется возможным говорить об интолерантности как о культуре неприятия *другого*. Такая культура представляет собой сложную систему ценностей, способов, с помощью которых человек познает мир и себя и отражает агрессивное восприятие современным обществом многогранности мира» [1]. Говоря о коммуникативной категории интолерантности как категории речевого общения, мы имеем в виду те коммуникативные понятия, которые отражают общие знания, ментальные представления человека об интолерантном общении и нормах, правилах его осуществления. Так, содержание категории интолерантности определяется информацией, направленной на демонстрацию неприятия и дискредитацию другого субъекта. Реализация данного содержания – передача культурных ценностей в обществе, взаимоотношений между людьми, основанных на принципе репрезентации нетерпимости, происходит с помощью речевых и языковых средств и способов, «создающих в массовом сознании негативное или статусно-сниженное восприятие *другого* субъекта и его проявлений» [1]. Совокупность таких способов и языковых средств определяет язык интолерантности [1]. Признавая вслед за М. В. Гречишкиным, что язык интолерантности сопряжен с языком вражды, нельзя не согласиться и с тем его утверждением, что язык вражды «презентирует наиболее агрессивные способы проявления интолерантности, поэтому... именуется и как язык агрессии». Данный вывод как и его утверждение, что «тексты, которые выстраиваются на основе языка вражды и агрессии, формируют враждебное отношение к представляемому субъекту или его проявлениям» [1] подтверждаются и исследованиями экспертов-лингвистов, психологов при производстве судебных экспертиз, требующих решения вопроса о наличии признаков вражды и ненависти в исследуемых ими текстах публичного дискурса.

В контексте разговора о проведении судебной лингвистической экспертизы с целью оценки речевого материала как предположительно текста «экстремистской» направленности в первую очередь должна решаться задача по определению коммуникативной направленности (цели) текста / речи (некоего сообщения). Данная задача может быть решена путем выявления определенной информации, оценки формы

ее выражения и способов ее подачи. Принципиальное значение для такого исследования имеет объект речи (религия, конфессиональная группа, нация, национальность, этническая или социальная группа / их представители) и выявляемые при анализе текста речевые цели (например, убеждение в необходимости негативного (возможно, враждебного) отношения к объекту речи, демонстрация негативного (враждебного) отношения к объекту речи, побуждение одних к действиям против других, создание негативного образа объекта, например, путем приписывания несправедливого отношения и опасных намерений одних по отношению к другим, объяснения неблагоприятия в настоящем одних незаконными по отношению к ним действиями других, утверждения о несовместимости интересов и др.

При анализе и оценке так называемых «экстремистских» текстов в рамках судебной лингвистической экспертизы положительно себя зарекомендовал методический подход, в основе которого лежит способ диагностики, основанный на принципе «выявление индекса интолерантности». Суть обозначенного принципа в том, что с целью решения экспертной задачи в первую очередь выявляется информация интолерантного содержания, которая, с одной стороны, является индикатором проявления нетерпимости и **интолерантного потенциала сообщения, с другой – выступает маркером выражения тех или иных «экстремистских» значений в исследуемом тексте.** Под «информацией интолерантного содержания» в первую очередь здесь понимается негативная информация в отношении какой-либо религии, конфессиональной группы, национальности, этнической или социальной группы или их представителей (1), имеющая пропагандистскую интенцию (2) (т. е. негативная информация, направленная на убеждение). К такой негативной информации (1) будет относиться информация в отношении какой-либо религии, конфессиональной группы, национальности, этнической или социальной группы или их представителей, которая содержит резкую негативную оценку объекта речи, выражает негативное (неприязненное, враждебное) отношение к объекту речи; содержит утверждение об исключи-

тельности, превосходстве либо неполноценности объекта речи по какому-либо признаку (например, религиозной, национальной принадлежности, отношению к той или иной религии и т. п.); приписывает всем представителям группы действий, негативно оцениваемых современным обществом; содержит побуждение к действиям в пользу одной группы за счет другой, к осуществлению насильственных действий в отношении какой-либо группы и др. Данная информация (2) должна носить убеждающий характер (способна у адресата создать отрицательный образ объекта речи / подкрепить о нем негативный стереотип, сформировать к нему негативное отношение, побудить к действиям против объекта речи).

Таким образом, информация интолерантного содержания, имеющая пропагандистскую интенцию, форма и особенности языковых средств ее выражения, речевые приемы и способы передачи информации выступают индикаторами проявления нетерпимости, **способами объективации интолерантного потенциала сообщения и являются теми признаками коммуникативной категории интолерантности, которые при производстве лингвистической экспертизы по текстам «экстремистской» направленности выступают маркерами выражения тех или иных «экстремистских» значений.**

Литература

1. Гречихин М. В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности: на материале языка российских СМИ: Дисс. ... канд. филол. наук [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. Белгород, 2008.
2. Стернин И. А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. Ижевск, 2002. Вып. 4.
3. Стернин И. А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Коллективная монография. Екатеринбург, 2004.
4. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.

Индивидуальная норма в оппозиции к норме социума: тип безумца в кино

А. А. Коростелёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
korosteleva.a@gmail.com

Семантический коммуникативный анализ, коммуникативная стратегия актера, модели коммуникативного поведения, типы речевой личности.

Summary. The lecture presents the description of one of the communicative behavior models, in which the individual norm diverges from the norm of society. It is based on movies and described with the method of semantic communicative analysis. The strategy of ignoring the external norms may provide certain aesthetic effects and serve as a base for different cinematographic characters (madmen, magicians etc...)

Рассматривая персонажей кинематографа, характер которых строится на противопоставлении их личной нормы норме социума, удается выделить ряд стратегий речевого поведения, в частности: 1) **игнорирование нормы собеседника**, 2) **негативная эмоциональная реакция на чужую норму**, 3) **лжеподчинение нормам чуждого социума**, 4) **сокрытие информации**, 5) **адаптирование**. Конкретная модель речевого поведения персонажа может заключать в себе одну ведущую стратегию или же сочетать две-три. Выделенные первоначально на примере речи волшебников в детском кино, те же модели могут быть актуальны и для других персонажей, сходных с волшебниками тем, что *их личная норма находится в оппозиции к норме социума*. Это безумцы, сверхъестественные существа, люди из будущего, инопланетяне, иностранцы и др., то есть герои, знакомые с законами некоего другого мира и ориентирующиеся на нормы этого иного мира в обычном окружении. Для безумцев этим другим миром является мир воображаемый, существующий лишь у них в голове, но с точки зрения коммуникативного поведения безумцы в кино вполне соотносимы с волшебниками, инопланетянами и т. д.: при решении актерской задачи осуществляется выбор из того же списка моделей.

Остановимся подробнее на стратегии **игнорирования нормы собеседника**, нередко избираемую в качестве основы образа безумца в кинематографе. Когда названная стра-

тегия служит созданию образа волшебника в детском кино (Вилли Вонка, мистер Магориум), остается открытым вопрос о том, действительно герой *не замечает* норму собеседника или же он сознательно оставляет ее без внимания. В применении к безумцам данная коммуникативная стратегия обеспечивает образ человека, который искренне не способен воспринять внешнюю норму и постоянно действует в соответствии со своей личной нормой отнюдь не из какого-то лукавства.

Так строится коммуникативное поведение Марьи Лебядкиной (А. Демидова) в фильме «Бесы» (1992). Особенность первой сцены, где появляется Лебядкина, в том, что, в то время как все присутствующие считают ее «несчастной», «больной», «нуждающейся во вспоможении» и так далее, сама она полагает, что находится в светской компании, где принята со всеми на равных, и поддерживает салонную беседу, с ее собственной точки зрения – чрезвычайно успешно. Присутствующие потому и могут вслух, прямо при ней, обсуждать плачевные обстоятельства и подробности ее жизни, что она полностью игнорирует вводимую ими информацию, раз за разом преподнося слушающим свою индивидуальную норму. Мы можем понять, как именно она сама интерпретирует ситуацию, основываясь на используемых ею средствах коммуникативного уровня. В сцене встречи Марьи Тимофеевны со Ставрогиным беседа от начала и

до конца оказывается подчинена индивидуальной норме героини, поскольку позиция и норма Ставрогина игнорируется его душевнобольной собеседницей полностью.

Герой фильма В. Тодоровского «Мой сводный брат Франкенштейн» (2004), Павел Захаров (Д. Спиваковский), воевавший в Афганистане, страдает психическим расстройством травматического происхождения – в мирное время ему чудится, что его и близких ему людей по-прежнему преследуют враги. Коммуникативная стратегия игнорирования внешней нормы роднит Павла Захарова с образом Марьи Лебядкиной из «Бесов». Они оба упорно не замечают, оставляют за рамками рассмотрения все то внешнее, что могло бы поколебать их специфическое видение происходящего. Оппозиция к нормам мирного, гражданского социума у навсегда застрявшего в военное время Павлика проявляется двояко: с одной стороны, он параноидально убежден в существовании врагов, которых нет, с другой же стороны – он столь же твердо верит в «своих», в родных людей, которые никогда не предадут, просто потому что это родные люди. Последнее также не находит себе подтверждения в действительности. Трансляция этих смыслов в фильме возложена в первую очередь на коммуникативные средства, ничто из этого не декларируется номинативно.

Прецедентный феномен как потенциальная инвектива

Э. П. Лаврик

Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

ellav@rambler.ru

Имплицитная инвектива, прецедентный феномен, лингвистическая экспертиза.

Summary. Issues of linguistic expertise of disputed texts and invective potential of precedent phenomena are examined in the paper.

Традиционно инвектива расценивается как оскорбительное слово в наиболее резкой форме или, точнее, ругательство в функции оскорбления (И. А. Стернин, В. И. Жельвис, Ю. В. Щербинина). Данный подход к определению термина «инвектива» предполагает опору на лексико-семантический критерий.

Однако в современной лингвистике существует и несколько иной подход к определению феномена инвективы. Так, В. И. Жельвис, допуская двоякое понимание этого явления, говорит о том, что «инвективу в узком смысле слова можно определить как способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное нарушение этических табу, осуществленное некодифицированными средствами, в широком смысле – как любое вербально выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [3: 21].

Специфическая направленность юрислингвистики обуславливает необходимость обнаружения в высказываниях и текстах не только прямых, но и косвенных, скрытых оскорблений.

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить два основных подхода к пониманию языкового феномена инвективы. Первый, предполагающий опору на лексико-семантические характеристики языкового знака, целесообразно называть узким. Узкий подход предполагает оперирование лексическими единицами, инвективный характер которых является общепризнанным носителями языка.

Вторая точка зрения, связанная с выявлением инвективной семантики текста, вытекающей из взаимодействия средств различных языковых ярусов, представляет широкий подход к пониманию инвективы. Широкий подход основывается на принципе, согласно которому семантика языкового знака ставится в зависимость от его языкового окружения, от контекста. В соответствии с этим инвективное значение приписывается уже не отдельному слову, а целому высказыванию и, шире, тексту.

Таким образом, предлагаются различные пути решения проблемы, связанной с проявлением вариативности языковых знаков, на практике. Необходимо отметить, что проблема имплицитной инвективы в настоящее время не имеет какого-либо единого комплексного решения как в теоретическом, так и в практическом плане (в практике проведения лингвистических экспертиз).

Отметим, что рассматриваемая модель речевого поведения объединяет речь ограниченного числа персонажей с повреждениями психики: она не описывает стратегии коммуникативного поведения любого героя-безумца. Иначе будет выглядеть на экране речь аутиста (лишенная коммуникативных средств), иначе будет прорисован образ маньяка-убийцы, вынужденного появляться на людях и скрывать свои отклонения (выбор в этом случае сводится к стратегии лжеподчинения нормам социума и / или сокрытия и дозирования информации) и т. д. В то же время изученный материал показывает, что описанная выше стратегия не может и не будет коррелировать с определенным медицинским диагнозом; *стратегия игнорирования нормы собеседника* – понятие в первую очередь лингвистическое, она представляет собой направленный отбор средств из коммуникативной системы языка.

Вместе с тем мы позволим себе предположить, что анализ записей подлинной речи пациентов с нарушениями психики, мог бы много дать как для лингвистики, где до сих пор мало сравнивалась норма и патология при использовании средств коммуникативной системы языка, так и для медицины, где он, возможно, стал бы шагом к более дифференцированной диагностике и созданию методик лечения различных патологий.

По юридическим основаниям оскорблением является унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. Безусловно, неприличная форма выражения оценки имеет определенную сферу бытования: это прежде всего устная речь. В средствах массовой информации инвектива чаще всего носит имплицитный характер и проявляется в целом комплексе средств, относящихся к различным уровням языковой системы.

В газетных текстах прецедентные феномены выполняют рекламно-экспрессивную и эмоционально-оценочную функцию, служат средством привлечения внимания и оценки. Именно поэтому прецедентные феномены так частотны в заголовках.

Например:

«*Пожарный с повадками Герострата*» (Открытая для всех и каждого, № 4 от 6 февраля 2013 г.); *Бог шельму метит*; *Край непуганых* (Открытая для всех и каждого 10–17 апреля 2013 г.) и др.

Являясь по формальным основаниям оценочным средством, в случае негативной оценочности они могут служить унижению чести, достоинства и деловой репутации личности, так как инвективному считается примененное к нему высказывание, содержащее прецедентный феномен, унижающим его честь и достоинство, являющимся средством его негативной характеристики.

Яркий пример, частотный в лингвоэкспертной практике, – ставшее прецедентным высказывание «оборотни в погонах»:

Сейчас вы увидите всех оборотней в погонах... (видео-ролик).

Оборотни в погонах (Открытая для всех и каждого, № 27 от 11–18 июля 2012 г.).

Негативный оценочный компонент содержится в устойчивом сочетании «оборотней в погонах», которое, еще не будучи зафиксированным в словарях, закрепилось в русской лингвокультуре и русском языковом и общественном сознании, о чем свидетельствует широкое использование данного устойчивого сочетания в средствах массовой информации и сети Интернет.

Активность использования выражения «оборотни в погонах» как устойчивого с приведенным выше негативно-оценочным значением подтверждается и данными Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru):

Какого рода преступления совершили оборотни в погонах? [Жанна Касьяненко. Перевертыши – оборотни (2003) // «Советская Россия», 2003.08.15];

Тогда это называлось — бизнесмент (сейчас «оборотни» в погонах). [Лариса Кислинская. Уходящие «в натуре» (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.08];

Таким образом, в использовании данного ПФ присутствует утверждение о преступной деятельности с использованием должностей и званий.

Судебная практика по подобным делам различна. Зачастую определить, где заканчивается оценочное суждение и начинается констатация факта, довольно сложно.

Именно поэтому необходимы совместные поиски критериев оценки высказываний, не имеющих формальных показателей инвективности, но формирующих ситуацию, в которой инвектум считает себя оскорбленным и связывает данное высказывание с унижением его чести и достоинства. И в этом смысле инвектогенный потенциал прецедентных феноменов достаточно велик.

Оценочные суждения и мнения:

критерии квалификации сведений при проведении лингвистических экспертиз по делам о защите чести и достоинства граждан и деловой репутации юридических лиц

Е. В. Маслакова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

elena.maslakova@list.ru

Лингвистическая экспертиза, честь и достоинство, оценка, мнение, утверждение.

Summary. The paper is devoted to the analysis of the current practice in cases on protection people's honor and dignity. The author discusses the principle of linguistic qualifications of controversial speech, which is expressed in the form of opinions and critically evaluates.

В соответствии со ст. 152 ГК РФ «гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности» [Гражданский кодекс РФ]. Рассмотрение дел данной категории в подавляющем большинстве случаев связано с проведением лингвистической судебной экспертизы.

Обоснованным представляется экспертный подход, при котором эксперт-лингвист не квалифицирует информацию как порочащую или не порочащую, как очерняющую доброе имя или не очерняющую доброе имя и т. п., а выявляет содержательно-смысловые особенности спорных высказываний (спорного текста), описывает спорные высказывания как негативные или нейтральные и характеризует их с точки зрения формы представления спорных сведений в них – как утверждения о фактах или мнения (оценочные суждения, предположения, допущения, вопросы и т. п.). На подобного рода заключениях строится последующее юридическое обоснование того, носят ли данные сведения порочащий характер.

Оценочные суждения, мнения, предположения и т. п. не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ. Анализ судебной практики позволяет заключить, что круг речевых явлений, признаваемых выражением мнения, расширяется, вырабатываются механизмы лингвистической квалификации и отождествления субъективных суждений.

1. Спорное высказывание *«Пользуясь своим должностным положением, N всячески пытается ущемить наши права на получение „паспорта доверия“»*.

Глагол *пытаться* указывает не на конкретное внешнее действие субъекта, а на *приписываемое субъекту внутреннее стремление* к совершению действия. Анализ семантики примыкающего к глаголу *пытаться* инфинитива (сочетание *пытается ущемить*) показывает, что описываемое волевое действие субъекта неконкретно и не связано с каким-то определенным фактом (событием, происшествием). *Попытка ущемить права* не связана с конкретными фактами и является субъективной (авторской) квалификацией поведения N. В данной речевой ситуации важно то, что субъекту N ни в предшествующем, ни в последующем контексте обращения не приписывается никаких конкретных действий, то есть выражение *«пытается ущемить права»* остается в тексте указанием на внутреннее невыраженное внешними действиями стремление.

2. Спорное высказывание *«Однако в материале перечислены не все преступные группировки, действовавшие в городе в 90-х. Не хватает еще одной. Но у нас есть человек,*

Литература

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
2. Голев Н. Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 4–11.
3. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. член-кор. Д. Н. Шмелев. М., 1987.
5. Шарифуллин Б. Я. Речевая инвектива на randevу лингвистики и юриспруденции: pro et contra // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: Межвузовский сб. научных статей / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2005. С. 112–120.

несколько лет, назад серьезно влиявший на ряд событий, которые происходили в городе – N, бывший депутат городской думы, уполномоченный по правам человека при Президенте РФ по г. N. Знаменитая в определенных кругах личность. Именно его фамилию в 90-е связывали с ОПГ „NN“, которая даже не упоминается в данной статье».

Глагол *связывать* в рассматриваемом контексте употреблен в форме прошедшего времени и обозначает действие, имевшее место в действительности в прошлом. Предложение *«Именно его (N) фамилию в 90-е связывали с ОПГ „NN“»* является неопределенно-личным. Специфика грамматической семантики неопределенно-личных предложений заключается в том, что в такого рода конструкциях акцент делается не на субъекте действия, а на самом действии и его объекте. В данном случае внимание акцентируется на том, что в определенное время имя человека соотносилось с определенной организованной группой. Субъект действия (субъект соотнесения фамилии N с ОПГ «NN») не назван и не может быть определен в контексте, поскольку грамматическая специфика высказывания актуализирует прежде всего само действие. При этом объект действия (в данном случае – фамилия «N» и сам субъект N) посредством данного высказывания характеризуется только косвенным образом, ср.:

...«Мы не хотим, чтобы деятельность управляющей компании связывали с операциями банка «Ренессанс Капитал», поэтому банк фактически останется в структуре «Ренессанс Капитала»... [RIM отправилась к «маме» // РБК Daily, 2007.06.06] [Национальный корпус русского языка];

Глагол *связывать* указывает на логическую операцию, ментальное действие, которое позволяет соотнести, *связать* между собой вещи, явления, события, людей. Специфика грамматической семантики указывает на то, что субъектом данной операции выступает неопределенное число лиц. Следует заметить неравноценность и недопустимость семантико-грамматических трансформаций такого рода предложений, ср.:

Деятельность управляющей компании связывали с операциями банка «Ренессанс Капитал» ≠ Деятельность управляющей компании была связана с операциями банка «Ренессанс Капитал»;

Очевидно, в неопределенно-личных предложениях дается указание на *существовавшее мнение*, которое необязательно соответствует действительному положению дел. В двусоставных полных предложениях указывается на то, что взаимосвязь не только мыслится, но и *существует* – и об этом прямо утверждается.

3. Спорное высказывание *«Вместо того чтобы пригласить архитектора, который бы сделал модель, затем на*

с нее формы и использовал их для изготовления художественных отливок, подрядчик пошел дешевым путем – снимает слепки с архитектурных элементов Триумфальной арки на спуске Герцена...». Смысл высказывания в целом сводится к следующему: «подрядчик, производящий работы по реставрации Западной триумфальной арки, начал снимать слепки с Триумфальной арки на спуске Герцена, которая не подлежит реставрации; подрядчик проводит данные действия (то есть снятие слепков с другой арки, которая не подлежит реставрации) с целью уменьшения затрат и экономии выделенных на реставрацию денежных средств; данные действия подрядчик выполняет вопреки необходимым – приглашение архитектора, создание модели, снятие форм с модели и использование этих форм для изготовления худо-

жественных слепков». По сути оценочное суждение, которое не является предметом спора, связывается с утверждением о факте. Несоответствие данного факта действительности может стать основанием привлечения ответчика в ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Представляется целесообразным выделять и описывать подобного рода явления с целью систематизации экспертной практики и выработки единых методик лингвистического исследования спорных текстов по данной категории дел.

Источники

1. Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorpora.ru/].

Речевая агрессия: проблемы и перспективы исследования

Н. И. Миронова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mironnat@rambler.ru

Речевая (вербальная, словесная) агрессия, типология конфликта, конфликтная коммуникация.

Summary. The problems of hate speech are discussed in this paper and the prospects for their research are proposed.

К настоящему моменту накоплено довольно много информации в сфере исследования речевой агрессии, но вопросы, связанные с ее изучением, все еще остаются. Конфликтная коммуникация давно привлекает внимание психологов, социологов, конфликтологов, криминологов, лингвисты же к этой группе ученых присоединились относительно недавно. Это и является причиной множества нерешенных проблем.

В первую очередь, это упорядочивание системы терминов. С одной стороны, необходимо разграничить термины «речевая агрессия» и «коммуникативная агрессия». Понятно, что второй термин значительно шире (вспомним список конфликтогенов, в который, помимо лингвистических средств, входит, например, прерывание коммуникации и т. п.). Вызывает сомнения и частая трактовка терминов «речевая агрессия» и «вербальная агрессия» как синонимов. Уточнения требуют и термины «словесная агрессия», «язык ненависти», «язык вражды» и т. п.

Еще один важный вопрос – это определение речевой агрессии. В этой области наблюдается многообразие подходов, каждое из определений фокусируется на конкретных аспектах речевой агрессии. Но поскольку речевая агрессия – явление многогранное, полную картину может дать только многоаспектная классификация (типология) с учетом психологических, социальных и лингвистических особенностей данного феномена. Есть и еще один важный вопрос: следует ли учитывать (и в какой мере) в дефиниции юридический аспект.

Поскольку речевая агрессия тесно связана с конфликтным поведением, необходимо вписать теорию речевой агрессии в теорию конфликта и конфликтной коммуникации, рассматривая:

- мотив речевой агрессии;
- соотношение динамики конфликта и речевой агрессии, в частности, речевую агрессию как повод («инцидент», пусковой механизм) для агрессивного поведения;
- соотношение речевой и физической агрессии;
- конфликтогены – слова (знаки), действия (или бездействия), порождающие или способные привести к конфликту (Ф. Кузин, Л. Цой);
- связь речевой агрессии с разными типами конфликта, например, с конфликтами межличностными, между личностью и группой, межгрупповыми; типология конфликта представляет в этом смысле несомненный интерес;
- лингвистические (и экстралингвистические) особенности реализации речевой агрессии в зависимости от типа конфликта; каким средствам вербальной и невербальной коммуникации отдается предпочтение, что является универсальным, а что – специфическим;
- на какие особенности личности (группы) направлена речевая агрессия;
- факторы, определяющие степень проявления агрессии в конкретной речевой ситуации (личностные, ситуационные, общественные);

Еще одна проблема, требующая своего решения, – это особенности речевой агрессии как средства воздействия на адресата, манипулятивного средства; намеренный характер речевой агрессии.

Интересный вопрос – стратегии и тактики речевой агрессии. Здесь также нужно четко определить понятия, которыми мы оперируем. Так, в одних случаях говорят о стратегиях активной и пассивной агрессии. В рамках первой описываются такие тактики, как возмущение, упрек, колкость, а в рамках второй – такие, как прерывание контакта (Н. С. Якимова). С нашей точки зрения, в данном случае речь идет, соответственно, о речевой и о коммуникативной агрессии. В других случаях выделяются стратегии прямой и косвенной речевой агрессии. В качестве тактик прямой агрессии названы оскорбление, угроза, обвинение, проклятие, пожелание зла, призыв, констатация некомпетентности, а в качестве тактик косвенной агрессии – насмешка, колкость, упрек, возмущение (Лазебная И. Б.). Есть и иные взгляды на эту проблему.

Одна из самых важных проблем – лингвистический анализ средств (маркеров) речевой агрессии: на фонетическом уровне (просодическое оформление), на морфологическом уровне (уничижительные и др. суффиксы, приставки со значением отрицания, частицы и т. п.), на лексическом уровне (инвективы, особое использование нейтральных лексических средств и т. п.), на синтаксическом уровне (способы выражения повелительного наклонения, обращения и т. п.).

Необходимо и исследование имплицитной (скрытой) речевой агрессии (В. Ю. Апресян).

Особый интерес представляет собой прагматика речевой агрессии (типы речевых актов, связанных с речевой агрессией, и их лингвистические – вербальные и невербальные – особенности).

Вопросы встают и при анализе экстралингвистических средств речевой агрессии: невербальных компонентов агрессивной коммуникации, паралингвистических средств речевой агрессии (смех, тембр, высота голоса и т. п.); проксемного поведения, так или иначе связанного с речевой агрессией.

Представляет интерес и анализ компонентов коммуникативной ситуации, которые способны трансформировать нейтральное высказывание в один из речевых актов агрессии, например угрозу.

Одно из перспективных направлений исследования речевой агрессии – ее гендерные, возрастные, профессиональные, образовательные, этнокультурные и др. особенности. Это позволит расширить границы области исследования речевой агрессии.

Важная проблема – это методы и методики исследования речевой агрессии (интервью, анкетирование (с выбором варианта ответа и с открытым типом ответа), завершение текста, ассоциативный эксперимент и др.), а также использование статистических методов оценки результатов.

И, наверное, самая серьезная проблема – это способы оптимизации общения, т. е. пути преодоления речевой агрессии, действия по предупреждению речевой агрессии, осуществление контроля над ней.

Список проблем может быть продолжен, мы наметили только главные. Каждая из этих проблем может стать темой серьезного исследования.

Для решения одной из основных проблем речевой агрессии – создания ее типологии – нам кажется целесообразным использовать когнитивную категорию схемы – когнитивной

структуры для организации и представления знаний в памяти человека. Такая форма схемы, как сценарий, позволит вписать речевую агрессию в пространство конфликта и отразить как ее динамику, так и лингвистические особенности.

Практика показывает, что исследование речевой агрессии возможно только при междисциплинарном подходе, объединяющем действия лингвистов, психологов, политологов, социологов и других специалистов по изучению конфликтной коммуникации.

Имплицитные ассоциации в словаре синонимов русского языка*

И. К. Мухина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

golst@el.ru

Имплицитная информация, национально-культурные ассоциации, синонимы.

Summary. Versions of submission of implisity information in the dictionary of synonyms of Russian (konstitutivny and connotive information) are considered.

Важный когнитивный аспект формирования национально-культурных ассоциаций (далее – НКА) – определение типов национально-специфической информации, заключенной в синонимической лексической системе, принципов ее организации в структуре лексического значения синонима и в объединениях лексем – синонимическом ряде. Существуют две техники проявления в семантике НКА – эксплицитная (выделение в значении соответствующего национально-культурного компонента с помощью какого-либо специального оператора, являющегося репрезентантом культурного концепта или НКА) и имплицитная (присутствие национально-культурных ассоциаций на уровне потенциальных сем). Рассмотрим способы репрезентации имплицитных ассоциаций в идеографическом словаре синонимов русского языка (Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008) в синонимическом ряду **мальчик**, хлопек, *ласк.* хлопчик, *разг.* мальчишка, *разг., ласк.* мальчонка, *разг.* мальчуга, *разг., ласк.* мальчуган, *разг., уменьш.-ласк.* паренек, *разг., ласк.* парнишка, *разг.* сорванец, *разг.-сниж., пренебр.* желторотик, *разг.-сниж.* малец, *разг.-сниж., пренебр.* или *бран.* молокосос, *разг.-сниж.* малолеток, *разг.-сниж.* мальчонок, *разг.-сниж.* оголец, *разг.-сниж.* папан, *разг.-сниж., пренебр.* или *бран.* сопляк, *разг.-сниж., пренебр.* сосун, *разг.-сниж., пренебр.* шкет, *разг.-сниж.* шпингалет, *разг.-сниж., пренебр.* или *бран.* шенок.

Имплицитность как способность содержать не выраженную явно информацию имеет в рамках синонимического ряда разнообразные способы проявления. Имплицитные ассоциации в словаре синонимов могут использоваться при формировании прототипа синонимического ряда (совокупности прототипических признаков, которые рассматриваются в аспекте их значимости) и выводиться под влиянием предшествующего знания получателя информации: так, на основании предшествующего опыта составителей словаря и получателей информации в состав прототипа включена следующая информация: «мальчик противопоставляется по возрастным особенностям юноше и мужчине; по физиологическим и психологическим особенностям — девочке».

Второй источник имплицитной информации в словаре синонимов – контекст употребления конкретной лексемы – члена синонимического ряда; особенно это важно для выявления семантических сходств и различий членов анализируемого синонимического ряда, поскольку лексемы, входящие в его состав, часто получают в толковых словарях отсылочные толкования. Приведем конкретные примеры формирования словарной дефиниции на основе включения в толкование лексемы – члена синонимического ряда – потенциальных сем, эксплицируемых в контекстуальном употреблении: *мальчуган* – *Разг. Ласк.* Мальчик, **любящий шалить, озорничать** (данный компонент значения проявляется в следующем контексте употребления данного слова: *Некоторые мальчуганы рассердились так сильно, что ста-*

ли бросать в него гнилыми яблоками, грушами, травой, разным мусором (А. Н. Т.), обычно здоровый, крепкий; **употр. для выражения положительного отношения к нему** (<...> *Джимми был талантливый мальчуганом* (Ю. Глазков)).

Используя классификацию разновидностей имплицитного содержания М. Ю. Федосюка, можно выделить следующие типы имплицитно выраженных ассоциаций, связанных с образом *мальчика* в языковом сознании носителей русского языка. По функции имплицитных ассоциаций при передаче общей семантики синонимического ряда выделяются **конститутивные имплицитные ассоциации** – имплицитно выраженные обязательные компоненты, без восприятия которых не может быть достигнуто понимание специфики образа *мальчика*, присутствующего в русском национальном сознании. Конститутивные имплицитные ассоциации репрезентируются потенциальными семами лексического значения, обязательно находят свое контекстуальное выражение в примерах к словарной дефиниции и на этом основании включены в состав словарной дефиниции словаря синонимов (в отличие от толковых словарей): *сорванец* – *Разг.* Мальчик, чаще **озорной, способный на шалости, выходящий за пределы допустимого, примерного поведения. Бывало, во время урока нажует какой-нибудь сорванец большой лист бумаги, сделает из него лепешку и ловким броском шлепнет ею в величественную лысину француза** (Жупр.);

Второй тип имплицитных ассоциаций – **коннотативные имплицитные ассоциации** – имплицитно выраженные стилистические или смысловые оттенки, 1) связанные со стилистической окраской (находят свое отражение в характере использованных членов синонимического ряда в определенном функциональном стиле); 2) проявляющиеся в наличии экспрессивной окрашенности члена синонимического ряда (так, из 22 членов синонимического ряда 11 имеют эмоционально-оценочные пометы); 3) включающие в себя **аллюзии** – порождаемые текстом словарной статьи синонимического ряда или ее фрагментами ассоциации с какими-либо уже известными получателю информации фактами или высказываниями: а) **внешние аллюзии** – ассоциации с фактами или высказываниями, не упомянутыми в самом тексте словаря синонимов, но известными получателю: *малец* – *Разг.-сниж.* Мальчик, обычно дошкольного или младшего школьного возраста (до шести-девяти лет). В примерах к этой дефиниции возникает аллюзия к определенному виду одежды, используемой мальчиками этого возраста: *Какой-то малец в голубой матросочке и с биноклем на шее (юный землепроходец) забрался на глиняную кучу и, присев на корточки, пробует заглянуть оттуда в яму* (Е. Носов); б) **внутренние аллюзии** – ассоциации с эпизодами или высказываниями, содержащимися в самом тексте словаря синонимов. Так, включение в прототип синонимического ряда обобщенной характеристики *мальчика* как ребенка или подростка мужского пола, который «любит

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00444 «Русские синонимы в системном освещении: структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты»).

шалить, озорничать, баловаться, играть в подвижные игры, совершает поступки, выходящие за пределы примерного поведения», можно считать аллюзией к словарной дефиниции синонимов *мальчишка* (разг. подвижный, **озорной мальчик, ведущий себя по-ребячески, любящий шалить и баловаться, причиняющий этим неудобства взрослым, мальчуган, сорванец, желторотик, молокосос, малолеток, оголец, сопляк, сосун, щенок**). В фразеологической зоне словарной статьи синонимического ряда, имеются фразеологические единицы, объединенные семантическими компонентами «небольшой рост» (*аршин с шапкой; метр с кепкой; полтора метра с кепкой; от горника два (три) вершка; под стол пешком ходит*), который присутствует и в словарных

дефинициях членов синонимического ряда (*шкет – Разг.-сниж. пренебр. мальчик, обычно худенький, небольшого роста, физически слабый; штингалет – Разг.-сниж. То же, что шкет*).

Степень вербализации информации может рассматриваться как один из важных параметров дифференциации культур. Анализ специфики выражения и типов имплицитных НКА поможет определить механизмы выявления скрытого содержания на разных уровнях языковой системы; исследовать соотношение эксплицитно и имплицитно выраженного содержания; изучить, как в значении распределяются эксплицитные и имплицитные национально-культурные составляющие.

Особенности вербализации информационно-фасцинативного отклика в экстремальной ситуации

Е. В. Омельченко

Челябинский государственный педагогический университет
el.vital@mail.ru

Фасцинация, информационно-фасцинативный отклик, преодоление энтропии.

Summary. The research is devoted to peculiarities of speech and expressions at extreme situations. The following aspects are disclosed: verbalization of informational and fascination response, fascination as the factor inducing creative expressions, existential features at fascination response, dynamic of informative and fascination components of communication and fascination as the means of overcoming entropy.

Поводом для написания этой работы явилось событие, имеющее объективную значимость и широкий социально-научный резонанс. Пятнадцатого февраля 2013 года на Челябинскую область обрушился метеоритный дождь. По данным специалистов, такие события происходят очень редко – не чаще чем в столетие.

Нами предпринята попытка исследования особенностей речи и создания высказываний в экстремальной ситуации. Материалом послужили сообщения в СМИ и данные интернет-сайтов – многочисленные комментарии людей, записи в блогах и живых журналах. Всего было проанализировано около 3 тыс. спонтанных высказываний.

Объектом нашего научного интереса является информационно-фасцинативный отклик (резонанс), вербализованный в высказываниях очевидцев события. Нет сомнений в том, что данное явление дало уникальную возможность проанализировать вербальный резонанс как результат воздействия мощнейшего природно-фасцинативного сигнала.

Мы определяем фасцинацию как коммуникативное явление, имеющее глубинную нейрофизиологическую, воздействующую природу. Как коммуникативный процесс, фасцинация представляет собой воздействие с целью интенсификации восприятия и освоения информации слушателем.

Информационно-фасцинативный отклик – вербальный резонанс в дискурсивном пространстве, выражающийся в активном усвоении информации и проявлении творческого потенциала личности. Представлен в креативных высказываниях (текстах). Связан с явлениями автокоммуникации, т. к. формируется еще на стадии восприятия воздействующего сигнала, ответ на который зарождается на уровне внутренней речи, затем вербализуется в личностном дискурсе. По качеству этого отклика можно судить о воздейственности фасцинативного сигнала и эффективности коммуникации в целом.

Обратим внимание на то, что фасцинативным сигналом может быть и природное явление. В этом случае роль адресанта заключается в том, чтобы «вызвать внимание, интерес, удивление, радость, экстаз, шок, испуг, ужас».

При сильном воздействии природно-фасцинативного сигнала лексика высказываний однообразна и ограничена, они частотны и стереотипны, на семантическом уровне выражают переживания страха, ужаса, беспомощности, тревоги и оцениваются «зловещая красота» метеорита.

Наблюдается внедрение жаргонной и инвективной лексики как способа преодоления «эмоционального взрыва», стресса, погружения.

Используются различные графические средства передачи эмоций.

Апеллятивность, стремление к общей оценке, диалогу являются сквозными в стрессовой коммуникации (человек стремится выйти из «эгоцентрической оболочки»).

В большом количестве присутствуют черты эмоционально-экспрессивного синтаксиса (номинативы, эллипсис, парцелляция, неполные синтаксические конструкции, риторические вопросы, восклицания).

Речь отличается стилистической размытостью, неопределенностью; с точки зрения содержания представляет собой попытку выразить эмоции и впечатления от увиденного.

Исследование и анализ высказываний, создаваемых как отклик на экстремальную ситуацию, позволяет предположить следующее:

1. Средства и способы вербализации речи на этапах аффективной реакции и рационализирующих комментариев различны.

2. Временной фактор является важным в изменении формы и содержания высказываний: речь в эпицентре стрессовой ситуации отличается рядом языковых особенностей (маркерами стресса являются однообразие лексики; предпочтением языковых единиц, четко, кратко, эмоционально сконцентрированно выражающих состояние; динамичность, лаконичность, прерывистость речи).

Отсроченность от события делает речь более уравновешенной, сбалансированной. Мощнейший фасцинативный «заряд» инспирирует креативный потенциал участников диалога, стремление создать высказывание как можно более объемно и выразительно, предложить собственный вариант анализа ситуации и обсудить его в живом диалоге.

По истечении некоторого времени в комментариях стали проявляться иронично-шутливые оттенки, прослеживаться мажорная коммуникативная тональность. Юмор является полноценным средством ухода от стресса.

Информационно-фасцинативный отклик представляет собой креативные высказывания различного объема. Специфическими чертами его являются эмпатичность и экзистенциальность. Последняя возникает как результат экстериизации внутренней речи, связана с рефлексией, углубленным самоанализом (как я отреагировал и пережил экстремальную ситуацию). Эмпатичность возникает из стремления к объединению и взаимоподдержке (что происходит в окружающем мире и какую помощь нужно оказать). В информационно-фасцинативном отклике мы фиксируем воздейственность, возникающую из желания личности быть услышанной и воспринятой, реализующуюся в фасцинативных средствах и проемах.

Таким образом, анализ информационно-фасцинативной составляющей коммуникации и процесса вербализации отклика в экстремальной ситуации дает возможность сказать, что последствия падения метеорита оказались беспрецедентны не только в сфере технической науки и экономики, но и в языковой области. Нам удалось доказать, что воздействие природно-фасцинативного сигнала имеет свои

особенности вербализации – отклика в экстремальной ситуации. Фасцинирующая составляющая в данном случае играет роль средства, индуцирующего креативность, и фактора,

преодолевающего информационную энтропию. Фасцинация инспирирует развитие языковой личности, утверждает черты эмпатичности и экзистенциальности в коммуникации.

Способы создания экспрессивных заголовков современных русскоязычных газет (на примере речевой агрессии)

В. А. Омеляненко

Российский университет дружбы народов (Москва)

water-nymph08@mail.ru

Заголовок, экспрессия, речевая агрессия.

Summary. This research is devoted to the analysis of the most popular facilities of creation of expressive potential in modern heading of the Russian-language printing and electronic newspapers. The phenomena of speech aggression is investigational, and also the methods of combination of aggressive expressions are analyzed with other facilities of creation of expression, both on lexical and on syntactic, phonetic and graphic level.

Человек XXI века живет в эпоху информационную, характеризующуюся идеей о перспективе широких возможностей передачи и принятия информации, а также быстрым доступом к освоению и овладению знаниями. Современный человек также нуждается в повседневном потреблении информации. Ему необходимо следить за событиями и изменениями окружающего мира. На помощь прибегает печатная периодика (газеты и журналы) и электронные издания, которые с каждым днем все больше вытесняют печать.

Источников извещения на сегодняшний день много и среднестатистический читатель не успевает справиться с таким количеством информации, поэтому он выбирает для себя наиболее важные и интересные сведения. Следовательно, задача составителя газетной или журнальной статьи заключается в использовании всех возможных способов для того, чтобы его статья была прочитана и в связи с этим на передний план выдвигается рекламная функция публицистического текста.

Сверх того, заголовок, являясь именем текста, дает читателю представление о содержании публикации. В этом смысле немаловажна информационная функция заголовка. Первое, на что обращает читатель – это название публикации, ее заголовок. Исследователь газетных заголовков указывает на то, что большинство читателей уделяют внимание только заголовкам, то есть черпают информацию из наименований газетных статей. По этой причине информационная функция газетного заголовка становится значительной.

Для реализации рекламной функции, журналисты зачастую прибегают к разным языковым способам создания экспрессивно-выразительного потенциала газетного заголовка на фонетическом, лексическом, стилистическом и грамматическом уровнях.

Проведенный нами анализ показал, что на лексическом уровне создания экспрессии сегодня чаще всего используются прецедентные тексты, метафоризация высказываний, создание окказиональных слов, а также увеличивается частотность использования агрессивных высказываний; на грамматическом уровне – экспрессивный синтаксис; на стилистическом – чередование разностилевых слов и выражений; на фонетическом – игра звуков, фонетический повтор и рифма. Такой выбор языковых средств объясняется и стремлением журналиста воздействовать на читателя.

В качестве объекта исследования мы выбрали одни из наиболее эмоционально-экспрессивных видов заголовка – агрессивные высказывания, то есть изречения, содержащие в себе речевую агрессию и поставили перед собой задачу

структурно описать наиболее частотные способы создания речевой агрессии на материале газетных заголовков московских периодических изданий, а также показать взаимодействие подобных высказываний с другими средствами экспрессивизации.

Следует отметить, что феномен речевой агрессии очень актуален в современной науке. Этой проблемой занимается не только лингвистика, но и психология, социология, политология и другие дисциплины.

В традиционном понимании ученых-лингвистов агрессия – это форма речевого поведения, характеризующаяся оскорбительным поведением по отношению к кому-, чему-либо, будь то отдельная личность, общество в целом или организация. Зачастую такое поведение преднамеренное.

В нашей работе представление о речевой агрессии расширено. Под этим представлением мы понимаем не только оскорбительное речевое поведение, но и способ намеренного причинения вреда, ущерба объекту; отсутствие этики в речи автора; выражение негативных эмоций, направленных на адресата высказывания, как правило, ставящих его в невыгодное положение; суждения, вызывающие у читателя эмоцию отторжения, неприятия или страха.

По нашим наблюдениям к наиболее частотным способам создания речевой агрессии относятся лексические средства русского языка, выражающие негативную оценку. К таким способам относятся слова, словосочетания, фразеологические единицы, имеющие неодобрительную характеристику, использование вульгарных, жаргонных, грубо-просторечных высказываний, обсценной лексики, а также высказывания с метафоричными и переносными значениями. Например, «*Что делать с «проходным двором»? Главы МВД и ФМС – о будущих мерах против мигрантов*» (КП, 22.10.13).

Нередко для создания речевой агрессии используются средства экспрессивного синтаксиса, в частности, риторические вопросы и восклицания, вопросно-ответный ход и т. п.

Анализ выборки показал, что заголовок редко ограничен каким-нибудь одним средством экспрессивизации. В структуре одного заголовка часто совмещаются синтаксические, лексические, фонетические, риторические, морфологические и графические средства создания экспрессии. К примеру, в заголовке «*Навальный, Гудков, Собянин... Кто их дергает за ниточки?*» (КП, 23.08.13) помимо речевой агрессии, созданной на основании метафорического сравнения, присутствует синтаксическая экспрессия, представленная сегментированной конструкцией с именительным темы, а также риторическим вопросом и усеченной конструкцией.

Репрезентативные контексты как способ экспликации «языка ценностей» в современном русском языке

Т. Б. Радбиль

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

timur@radbil.ru

«Язык ценностей», репрезентативные контексты, языковая экспликация, современная русская речь.

Summary. The ways of language explication of “the language of values” in the modern Russian speech are examined in the paper. “The language of values” are revealed in so called “the representative contexts” of the usage of language unit, which are the most relevant according to explication of its positive or negative evaluation for the Russian native speaker.

В ряде наших предыдущих исследований мы рассматривали специфику языковой объективации ценностей в совре-

менной русской речи. В частности, речь шла о том, что необходимо разграничивать ценности, которые выступают как

феномены экстралингвистические, привносимые в узус авторитетными социальными движениями, политическими течениями или под «давлением» СМИ, и ценности, которые непосредственно закреплены в сфере системы языка или речевой практики.

Было сделано предположение, что «подлинная», «реальная» языковая оценка должна быть чем-то вроде неассертивного компонента смысла слова или выражения, выявляемого из совокупности таких контекстов употребления данной единицы, которые по тем или иным причинам могут рассматриваться как релевантные для актуализации именно оценочной семантики, в иных контекстах не проявляющейся или нейтрализованной. Таким образом, наличие в некоей единице языка имплицитной оценочности, негативной или позитивной, можно подтвердить, «диагностировать», если мы обнаружим в языке такие объективные языковые свидетельства, своего рода «гесты» на оценочность, которые мы назвали «репрезентативными контекстами»

Мы показали, что на роль подобных «репрезентативных контекстов» претендует, например, употребление оценочного метаязыкового комментария *в хорошем смысле (этого) слова*. По нашим наблюдениям, его употребление в дискурсе является сигналом неявной, во многом неосознанной оценочной реакции говорящего на номинативную единицу, причем реакции сложной природы. Употребляя это выражение применительно к определенным объектам, говорящий тем самым выражает сомнение в том, что без данного метаязыкового разъяснения, адресат воспримет объект, о котором идет речь, в требуемом положительном оценочном регистре.

Иначе говоря, слова и выражения, которые нормально, узуально и идиоматично сочетаются с оценочным метаязыковым комментарием *в хорошем смысле (этого) слова*, выступают как выразители языковой негативной оценочности особого типа. Ср., например: *Да и в жизни он весьма рассудительный, прагматичный и расчетливый человек, в хорошем смысле этого слова*. Выделенные прилагательные без «добавки» в виде *в хорошем смысле этого слова*, т. е. идиоматично и конвенционально, «по умолчанию», выражают неассертивный отрицательно-оценочный компонент. Эта «добавка» разрушает идиоматичность, делает употребление неконвенциональным. Метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова* выступает здесь как своего рода оператор семантического преобразования лексемы, которая меняет свое значение посредством контекстуальной элиминации негативно-оценочных сем. Но это доказывает, что без такового преобразования данные негативно-оценочные семы в указанных словах и выражениях наличествовали! Язык словно опровергает навязываемые ему либеральные ценности прагматизма и индивидуализма. Ср. также языковое «тестирование» таких ценностей нового времени, как стремление к карьерному росту и «здоровый» индивидуализм: *Карьерист в хорошем смысле слова; Баста [рэпер]... стал еще большим индивидуалистом в хорошем смысле этого слова...* и пр. Подобные явления мы назвали **псевдоценностями**, которые могут стать положительной ценностью только при определенных условиях, оговоренных адресантом. И, соответственно, контекст *в хорошем смысле слова* диагностирует данный тип языковой оценочности.

Еще одним таким «репрезентативным контекстом», по нашим наблюдениям, является контекст употребления глагола *погрязнуть (в)*. В наивной аксиологии русского языка то, в чем можно «погрязнуть», «по умолчанию» следует

рассматривать, выражаясь в духе А. Вежибицкой, как «что-то плохое», даже если на уровне рационализации модных трендов люди могут считать это «хорошим»: *Просто рок сегодня погряз в карьеризме и жажде наживы; Реально мы погрязли в потреблении!*; *Вероятно, мир окончательно погряз в гламуре...* Употребление слова в контексте *погрязнуть* диагностирует имплицитную негативную оценочность объекта данного действия. Трудно представить, к примеру, такие употребления, как **погрязнуть в материнстве*, порожденные в экстенциональном контексте, в режиме прямого, неироничного употребления.

В данной работе в центре нашего внимания — еще один кандидат на роль «репрезентативного контекста» для «исчисления» языковых ценностей. Это глагол *глумиться (над)*, чьи семантические и прагматические особенности идеально подходят для диагностики наличия в слове потенциальной языковой оценочности. Во-первых, в уже асертивной зоне своей семантики этот глагол имеет негативную оценку ‘злбно и оскорбительно издеваться, зло насмехаться над кем-л. / чем-л.’. Во-вторых, он, видимо, имеет и лингвопрагматические ограничения на употребление в форме I л. ед. ч. (**я глумлюсь*), в меньшей степени — в форме I л. мн. ч. (*?мы глумимся*) — в «серьезном», т. е. не ироническом, не риторическом и не косвенно-речевом контексте употребления, так как в кооперативной коммуникации принято скрывать подобные иллюкутивные силы, а не эксплицитировать их от лица говорящего (иными словами, перед нами вариант «иллюкутивного самоубийства», по З. Вендлеру).

Отсюда следует, что *глумиться* можно над «чем-то хорошим» или нейтральным, но потенциально в культуре имеющей возможность положительной коннотации, но никак не над «чем-то плохим». Ср. обычное в нашем языке *глумиться над святыней*, но вряд ли возможное **глумиться над пороком / грехом / мерзавцем* и под.

В одной из наших предыдущих работ мы постулировали наличие своего рода «градации ценностей» в естественном языке. Так, на низшем уровне находятся **анти-ценности** (безусловно отрицательные ценности в асертивной зоне семантики слова: *негодяй, подлость* и т. д.). На противоположном полюсе находятся безусловные, абсолютные положительные ценности, собственно **ценности** (*Бог, любовь, материнство* и пр.). Посередине находятся «нулевые ценности», то, что «ни хорошо, ни плохо» (*стул, окно, стеклянный* и пр.). На этом же уровне, но в качестве маркированного члена оппозиции мы поместили и **псевдо-ценности**, то, что можно трактовать как оценку, так сказать, **полиמודальную**, т. е. одновременно характеризующую объект с разных сторон — и в положительном, и в отрицательном регистре: «в каком-то смысле хорошо, а в каком-то смысле плохо».

Репрезентативный контекст *глумиться (над)* однозначно выявляет анти-ценность (не сочетаясь с подобными объектами) и нейтрален по отношению к собственно ценности (*глумится над прекрасным*) и «нулевой ценности» (*глумится над стариками / детьми, животными*). Иными словами, *глумиться* можно только над тем, что, как минимум, на ступень выше по шкале ценностных регистров, тогда как *погрязнуть*, наоборот, можно лишь в том, что на ступень ниже в этой иерархии. Кстати, наши данные показывают, что *глумиться (над)* плохо сочетается и с объектами псевдо-ценности, которые потенциально все же, видимо, тяготеют в узусе, скорее, к негативным явлениям, нежели к позитивным.

Метонимический механизм спекулятивного дискурса

В. А. Романенко

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь)

vita28-28@mail.ru

Метонимия, спекулятивный дискурс, выдвижение, умолчание.

Summary. The problem of metonymy principle of reflection of reality is examined in paper. This principle results in impoverishment of alternatives of political discourse.

1. Избирательность метонимического принципа отображения действительности в сознании человека порождает неадекватность языка фактическому положению вещей.

Согласно последним данным, метонимический механизм рассматривается как фильтр, который, с одной стороны, приводит к игнорированию человеком важных частей его

опыта, а с другой – к обеднению альтернатив при освещении выдвигаемой темы политической коммуникации. Так, например, Л. Решетников в книге «Вернуться в Россию: Третий путь, или тупики безнадежности (М.: Издательство «ФИВ», 2013. – 231 с.), описывая жизнь в дореволюционной России, опускает такие факты, как «Кровавое воскресенье», когда 9 января 1905 года Николаем Вторым был отдан приказ стрелять по участникам мирной демонстрации, двинувшимся к Зимнему дворцу с иконами и хоругвями просить у царя защиты от притеснений. В результате было убито около 1500 человек, ранено более 5000. Ничего не найдем в книге о крепостном праве, о Ленском расстреле 4 (17) апреля 1912 года.

2. В когнитивном аспекте метонимию рассматривают как результат сдвига фокуса зрения в соответствии с принципом кадрирования внимания. Отсюда та репрезентативная роль, которую она играет в построении концептуальной картины мира или того особого вида истории, позиционируемого тем или иным субъектом политико-идеологической коммуникации на страницах печати, в теле-, радиожурналистике. Важно подчеркнуть и обратную зависимость: метонимический механизм моделирует не только языково-ментальную картину мира политического дискурса, но и самого пользователя этим языком, что определяет необходимость извлекать читателем смысл (нередко латентный), актуальный для определенного идеологического класса пользователей и обусловленный интенциями последних.

3. К числу важных метонимических аспектов в варьировании степени детализации описываемых ситуаций относятся, на наш взгляд, умолчание (редукция) и выдвижение (актуализация), чему способствуют такие тропы и приемы, как литота, гипербола, мейозис, эвфемизм, дисфемизм, синекдоха, парафраз и другие. Так, конъюнктурность в освещении исторического материала заметно проявляется в двойных стандартах, когда одно лакируется, а другое выдвигается. Сравним фрагменты: 1. «*Зачем она (Советская власть. – В. Р.) была нужна нашей Родине, если она пожирала миллионы ее детей лишь для того, чтобы выжить*» (Решетников Л., С. 169); 2. «*Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны нище всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной*» (Гершензон М. О. и др. Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Издательство «Грифон», 2007. – 269 с.); 3. «*Всеобщее холопство – через всех нумерованных самодержавных романовых и не посчитанных еще сталиных разного калибра – было и остается вечной мечтой так называемой «крепкой власти (...)*» (Коротич В. «Лишние» люди – болезнь опасная. – «Бульвар Гордона», октябрь, 2013, № 41 (441). – С. 4). В первом отрывке концепт *власть* имеет ярко выраженную негативную оценку, которую эксплицируют гиперболическая метафора «пожирала», количественная гипербола в сочетании с литотой «миллионы ее детей», власти, а не государству или народу приписывается желание выжить; во втором – власть превозносится, и поэтому положительной коннотацией окрашен сам концепт. Автор первого текста на стороне народа; автор второго – противопоставляет себя ему (*бояться его мы должны*), функция же власти заключа-

ется, по мысли автора и его круга, в подавлении любых, в том числе и законных, справедливых, проявлений народного недовольства. Автор «благословляет» власть за *штыки и тюрьмы* (синекдоха) для народа. Соответствующий концепт в оценке М. О. Гершензона окрашен положительно. В третьем фрагменте все представители власти как дореволюционного, так и послереволюционного периодов уравниваются номинацией «крепкая власть». Негативная оценка имплицирована написанием имен собственных со строчной буквы (антономазия).

3.1. При редукции, эллиптичности метонимически построенного текста сокращается время передачи информации, что не облегчает, а во многих случаях, наоборот, затрудняет процесс декодирования, особенно если рекурсивный фрагмент является тем или иным видом прецедентного феномена. Интертекст в политическом дискурсе (научно-популярные издания, статьи, телепередачи и т. п.) апеллирует к памяти реципиента, отсылая к культурному, политическому, историческому контексту, часто скрытому в непропозициональных частях текста. В уже приводимой книге Л. Решетникова читаем: «*С инославными и иноверцами мы веками по-добрососедски жили и всегда договаривались. Никто никого не знал, не убивал, не считая. Конечно, отдельных инцидентов*» (с. 19). Говоря о жизни в дореволюционной России, автор опускает многие факты, замещая их номинацией с нулевыми индексами «отдельные инциденты», поэтому читателю, мало или вообще не знакомому с русской историей, эта жизнь должна представляться почти идеальной. За клише стоят, например, такие «отдельные инциденты», как гонения на старообрядцев, как еврейские погромы (С 18 по 29 октября 1905 года в Российской империи произошло 690 погромов, в 660 городах, деревнях и селах (в некоторых местах погромы происходили дважды). Во время октябрьских погромов 1905 года было убито 3,5–4 тысячи человек и около 10 тысяч ранено).

3.2. Выдвижение (актуализация) ориентирует человеческое восприятие на выбор из потока речевой информации, во-первых, известного, во-вторых, ожидаемого, в-третьих, каким-то образом модально оцененного. Эти факторы часто диктуют субъекту политической коммуникации способ выдвижения или ретуширования определенных сторон передаваемой информации. Здесь трудно переоценить роль спекулятивного использования метонимического сдвига. Если редукция компонентного состава обусловлена знанием ситуации, то общающиеся поймут друг друга; элементы ситуации, не известные говорящим и, следовательно, не входящие в пресуппозицию, как правило, не опускаются. Однако некоторые авторы научно-популярных произведений на историческую тему это требование, видимо, сознательно игнорируют. Нередко на первый план выдвигаются второстепенные, малозначительные признаки исследуемого исторического факта, а основополагающие отходят на второй план. Лингвостилистическая экспертиза и дискурсивный анализ позволяют выявить то, как отображено одно и то же событие представителями разных идеологических направлений.

Таким образом, умолчание и выдвижение суть два аспекта метонимического механизма трансформации и вариативной интерпретации действительности.

Функциональная роль русского «вот» (на материале речи очевидцев из репортажей о чрезвычайных происшествиях)

Т. А. Селюкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
seljukova_tatiana@mail.ru

Коммуникативный уровень русского языка, звучащая разговорная речь, семантика.

Summary. This investigation demonstrates functional capabilities of Russian word *вот*. According to many linguists *вот* is parasite word or empty particle. But analysis of eyewitnesses speech on the material of reportages about emergency has showed that this word is functional communicative unit. It's emergence in speech of Russians is connected with it's semantics and communicative parameters.

Данная работа связана с исследованием функционирования средств коммуникативного уровня русского языка, отражающего соотношение позиции говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации. Основными единицами этой системы являются целеустановка, соответствующий ей

вариативный ряд конструкций, а также средства с инвариантными параметрами, подчиняющимися алгоритму развертывания, который заключается в антонимическом развертывании инвариантных параметров и их отнесенности к позиции говорящего, слушающего и ситуации [1]; [2].

При знакомстве с работами, посвященными изучению разговорной речи и ораторского искусства, часто приходится сталкиваться с таким мнением, что слово *вот* является словом-паразитом, при помощи которого говорящие заполняют паузальные пустоты [4: 192]; [6], или лишним словом, за счет безударности которого создается ритмичность речи [5: 53]. Однако анализ речи очевидцев чрезвычайных происшествий показал, что закономерное появление *вот* в речи русскоговорящих предопределено его семантикой и коммуникативными параметрами: реализованность / нереализованность варианта, соответствующего / не соответствующего целям, интересам и бенефактивности говорящего / слушающего / третьих лиц [1]; [3]. Например:

Я взяла ребѣнка / к себе, / а там всё настолько скѡзько было. / Я / очень боялась, что я её уроню просто в воду, / и за одеждоу держала на верху, а муж меня уже / толкал, и мы вот вместе доплыли. // Наверно, не наш день просто был, // чтоб умирать // (Крушение теплохода «Булгария», 2011 г.).

В данном случае *вот* указывает на реализацию варианта, соответствующего целям, интересам и бенефактивности говорящего и третьих лиц – его близких родственников, а в следующем примере: *Здесь всё горело. / Здесь вот даже по земле не-е / ступить нельзя было* / (Пожары в России, 2010 г.) – русское *вот* указывает уже на реализацию варианта, не соответствующего целям говорящего и его бенефактивности.

Кроме этого, на основе анализа речи очевидцев была установлена и композиционная роль *вот* в построении звучащего текста. Данная единица указывает на смену событий, а в частности, выполняет функцию своеобразного переключателя, указывая на переход (1) с бенефактивной (или нейтральной) ситуации на небенефактивную и наоборот – (2) с небенефактивной на бенефактивную:

Два корабля прошли – вообще не остановились. / Мы им махали-махали. / Проходи / «Волганѣфт», / сине-голубой, / с большими бортами. / Прошел мимо, / вообще не остановился. / Потом прошла баржа – вообще не остановилась, / только вот она остановилась (показывает на «Арабеллу») // (Крушение теплохода «Булгария», 2011 г.).

Также необходимо отметить, что функционирование русского *вот* значимо сочетается с функционированием других коммуникативных средств, например с ИК-3, актуализирующей параметр ориентации на соответствие или отклонение от нормы в бенефактивную или небенефактивную сторону.

Ммм, / я была на / своей торговой точке, / работала в штатном режиме. / Аэропорт тоже работал в штатном режиме. / Всё было хорошо, / было день много людей, встречающих, / и тех, кто прилетал, / вот. /

В данном случае коммуникативные средства констатируют реализацию варианта, соответствующего норме, но после того как *вот* ввел реализацию небенефактивного варианта, ИК-3 стала указывать уже на отклонение ситуации от нормы: *И в первый момент / э-э / я стояла с покупателем общалась / по поводу симкарты <...> / И просто был очень глухой такой звук, / взрыв, / э-э очень много дыма, / стекла полетели из витрин, / вот. // И шок у всех, / паника. / Все абсолютно кричали: / «Помогите!»* (Теракт в аэропорту «Домодедово»).

В ходе исследования также было обнаружено, что кратное употребление русского *вот* может свидетельствовать о нарастании бенефактивности или небенефактивности ситуации. Так, в приведенном ниже примере реализация одного небенефактивного варианта повлекла за собой цепочку реализаций других небенефактивных вариантов:

Был хлопок такой очень громкий. Знаете, а как будто что-нибудь упало, вот ба-бах. И как-то не обратили внимание, потом вот стали бежать вот работники аэропорта э-э-э, и знаете, на эта, на каталке быстро-быстро повезли му-мужчину с окровавленным вот, разорванным буквальным носом. Следом нес...везли женщину с окровавленным лицом. Много...началась суматоха, но было, ходил экспресс, и мы достаточно быстро ушли.

Таким образом, при учете коммуникативной семантики русского *вот* легко объясняется закономерность появления данного средства в речи русскоговорящих и его функциональная роль в построении звучащего текста, которая особенно значима при разрушенном номинативном содержании.

Литература

1. Безьева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
2. Безьева М. Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // Филология: вечная и молодая. М., 2012. С. 63–78.
3. Безьева М. Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста: (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 2. С. 19–36.
4. Лантеева О. А. Жизнь слова. Учебное пособие по лексикологии русского языка. М., 2009.
5. Сиротинина О. Б. Всё, что нужно знать для русской речи: Пособие для эффективного общения. М., 2010.
6. Шахиджанян В. В. Учимся говорить публично. М., 2012.

Метод выявления главной мысли текста (тезы) в зависимости от вида аргументации

В. В. Смолененкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vsmolenenkova@hotmail.com

Главная мысль текста, риторическая критика, анализ аргументации.

Summary. Analyzing or interpreting a speech one should always identify the thesis which is a key proposition of the text. Nowadays this skill is very important both for adults who read a lot of papers during the day and for schoolchildren who need to write essays including text analysis. The following report proposes a procedure for thesis identifying (or even thesis formulation) depending on argumentation type (namely epideictic, forensic or deliberative speeches). Every type of argumentation has its own models of the thesis composition that can be listed.

Теза, или пропозиция, речи – это неочевидное для аудитории утверждение, на раскрытие которого направляет свою аргументацию ритор. Теза – это квинтэссенция всего высказывания, та мысль, ради присоединения аудитории к которой говорится речь или пишется статья.

Найти и четко сформулировать тезу в анализируемой речи – значит уже докопаться до цели всего высказывания, до его сути. Сегодня, в век увеличенного потока информации, умение вычленять главную мысль текста – важнейший интеллектуальный навык. Может быть, именно поэтому в заданиях Единого государственного экзамена по русскому языку в школе обязательно входит анализ текста, обычно публици-

стического, с необходимостью вычленить главную мысль и позицию автора. Между тем, найти тезу в рассуждениях авторов, а уж тем более тезу сложного развернутого высказывания бывает не так-то и легко. Более того, теза не всегда вербализуется оратором. Как же искать пропозицию в тексте? При должном размышлении на эту тему можно сформулировать несколько методических рекомендаций.

Поскольку теза – это главная мысль публичного выступления, то все в тексте должно устремляться к ней – от заголовка до последнего примера. Поскольку это суждение должно охватывать все идеи текста, то оно будет максимально широким и «находится на уровне абстракции более высоком, чем уровни всех других суждений, сделанных

ритором» [3]. Если вы анализируете речь профессионального оратора, то его пропозиция будет самым спорным и, может быть, самым провокационным заявлением в речи. Все остальные мысли должны быть более очевидными для аудитории, чем та, что ложится в основание текста. Следовательно, в тексте нужно искать самое сомнительное – для адресованной аудитории – утверждение. Прочитав текст до конца, задайтесь вопросом: какой вывод автор хочет, чтобы сделала его публика?

Существуют и технические помощники в поиске пропозиции. Перечислим их. Во-первых, на тезу указывает заголовок речи. Название чаще всего содержит те понятия и категории (термы), которые составляют тему (*vs. reme*) пропозиции. Самыми удобными названиями-подсказками являются такие, которые построены по моделям «К вопросу о Х», «О роли Х», «О необходимости Х». В этом случае – с высокой долей вероятности – можно утверждать, что Х будет составлять первую часть тезы: «Х является...», «Роль Х состоит в...», «Х необходим, потому что...». Теперь попытайтесь найти похожие фразы в начале (первые два-три абзаца) или в конце речи (последние два абзаца). Возможно, вам повезло, и исследуемый вами оратор воспользовался такими маркированными конструкциями, которыми иногда вводят в речь пропозицию, а именно: «я утверждаю, что», «на наш взгляд, самым существенным в...», «полагаю, что самым важным...» и т. п.

Бывает полезно проанализировать и экстралингвистические данные – историко-политический и социо-культурный контекст. Для этого ответьте на вопросы подобного рода: какие цели преследовал оратор в данной ситуации? Каковы его мотивы? Не является ли его выступление реакцией на другую речь или предложение его оппонентов? (В этом случае его пропозиция будет антитезой к тезе его противников.)

Проанализировав риторическую ситуацию, вы можете определить, какой тип аргументации она предполагает: показательную, совещательную или судительную, и если судительную, то в каком статусе: установления, определения или оценки. В этих пяти разных случаях следует ожидать разные модели пропозиций.

Для *показательной, или эпидейктической*, аргументации, назначение которой – восхвалить или осудить лиц, общественные институты, явления или абстрактные категории (ценности), характерно использование в тезе топов определения, присущего признака, производности. Эпидейктическая теза часто строится по схемам «быть таким-то – значит делать / ценить / любить / помнить и т. п. то-то», «хорошее государство / человек / общество / образование предполагает такие-то признаки», «быть достойным памяти своих

предков / павших героев / звания члена какого-то сообщества – значит отвечать таким-то требованиям».

В *судительных* речах тезы устанавливают, определяют, классифицируют, оценивают факт или связывают некоторые явления. «С точки зрения риторики факт представляет собой изображенное в слове деяние определенного субъекта, совершенное в определенных обстоятельствах и на определенном основании и повлекшее за собой значимые последствия. Риторика имеет дело с фактами, как принятыми и осуществленными решениями, которые могли бы быть лучшими или худшими» [1: 118].

Положение тезы судительной речи – в зависимости от статуса обсуждаемой проблемы – будет формулироваться по следующим формулам:

- «Х совершил / не совершил У в обстоятельствах Z с последствиями Р»,
- «У есть / не есть Q»,
- «У или Р – это хорошо/ плохо, потому что...»,
- «У подобен / не подобен R»,

где Х – это субъект действия У, совершенного в обстоятельствах Z с последствиями Р; Q – это понятие более высокого категориального уровня, чем У; R – другое одноуровневое для У понятие.

В *совещательной* аргументации «обсуждается вопрос о том, что можно и что следует сделать с предметом, и эти возможные преобразования сводятся с прецедентами, нормами, моделями и определяется новое состояние предмета, которое рассматривается как цель действий» [1: 175]. Теза совещательной аргументации всегда включает в себя побуждение, поэтому найти центральную мысль речи не так уж сложно. Для этого необходимо ответить на вопрос: «Что оратор предлагает сделать с предметом речи? К чему он призывает?»

Предложенный выше алгоритм обнаружения тезы в докладе будет применен для анализа текста замечательной по своей стройности и убедительности защитительной речи Владимира Львовича Россельса по делу супругов Семеновых [2]. Этот текст удобен в качестве примера тем, что в нем прославленный советский адвокат использует все пять видов аргументации (три статуса судительной, а также показательную и совещательную).

Литература

1. Волков А. А. Основы риторики: учебное пособие для вузов. М., 2003.
2. Россельс В. Л. Речь в защиту Семеновых // Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Уч. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 376–380.
3. Hart R. P., Daughton S. M. Modern Rhetorical Criticism. 3rd ed. Pearson, 2005.

Нейминговая экспертиза как вид лингвистической экспертизы

Т. П. Соколова

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

tsokolova58@mail.ru

Лингвистическая экспертиза, нейм, нейминговая экспертиза, ономастика, теория номинации.

Summary. Naming expertise is only taking shape at the interface between onomastics and jurisprudence in Russia. Naming expertise of high quality may be carried out only by an onomastician who has knowledge both in the area of forensic analysis theory and of theory of nomination. The paper features the possibility of using special onomastics' knowledge in issues of urbanonyms, of commercial names (company names, café names, names of the housing estates etc.) and trademarks.

Разработка частных теорий новых видов экспертиз – одна из задач современной экспертологии. Потребность в нейминговой экспертизе в судопроизводстве обусловлена ростом количества исков по защите имущественных и неимущественных прав и законных интересов личности. Нейминговая экспертиза относится к компетенции экспертов-речеведов и выделяется нами как особый вид лингвистической экспертизы в соответствии с особенностями объекта, кругом решаемых задач и характером используемых специальных знаний.

Объекты экспертизы – нейминг (как процесс присвоения имени, названия) и нейм (как результат нейминга). Термин «нейм» употребляется в целях разграничения «нейма» – любого именованного как объекта нейминговой экспертизы – и «имени», «наименования», «обозначения» как компонентов составных юридических терминов, широко используемых в законодательстве Российской Федерации и в право-

вой литературе, например, «имя гражданина», «имя физического лица», «имя юридического лица», «имя автора», «наименование юридического лица», «фирменное наименование», «наименование объекта авторских или смежных прав», «наименование места происхождения товара», «наименование продукции», «наименование изделия», «наименование документа», «наименование географического объекта», «наименование территориальной единицы, улицы, станции метрополитена», «коммерческое обозначение» и др. Выявленные юридические термины имеют различное понятийное содержание, соотносимое с разными рядами ономастической лексики, с так называемой номенклатурной лексикой, кроме того данные юридические понятия включают компоненты – апеллятивы.

Задачи экспертизы нейминга включают как правовые, так и лингвистические аспекты. В частности, требует экспертного исследования нейминг городских объектов на террито-

риях, присоединенных к Москве в 2012 г. Так, в пределах Москвы оказался коттеджный поселок «Бристоль», в процессе присвоения названий данной территориальной единице и линейным объектам были нарушены требования Закона г. Москвы № 40–70 «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» и положения Регламента присвоения наименований линейных транспортных объектам органами местного самоуправления городского округа, поселения. В результате в «Бристоле» (официальный адрес: город Москва, поселение Московский, деревня Лапшинка) появились улицы *Анны, Елизаветы, Георга, Ричарда, Генриха, Черчилля*. Нейминговая экспертиза выявила несоответствие закрепления данных урбанонимов положениям ст. 7, ст. 9 и ст. 13 Закона г. Москвы № 40–70, а также лингвистическим критериям нейминга. Разногласия между специальным органом Правительства Москвы (Городской межведомственной комиссией по наименованию территориальных единиц, улиц, станций метрополитена, организаций и других объектов города Москвы) и органами местного самоуправления были разрешены в рамках согласительных процедур, где важную роль сыграло экспертное заключение специалиста-ономастолога.

Особенности неймов, как объектов выделяемого нами вида лингвистической экспертизы, связаны с их лингвосомиотической спецификой. Будучи частью лексического фонда языка, неймы обладают автономным статусом, но не изолированы от лексики нарицательной. Специалист, проводящий нейминговую экспертизу, должен обладать знаниями по теории номинации, уметь выявлять и анализировать модели естественной и искусственной номинации.

Задачи экспертизы неймов отличаются от задач лингвистической экспертизы, которая занимается исследованием

текстов (как развернутых высказываний), и включают установление тождества словесных обозначений или их сходства до степени смешения, анализ оригинальности нейма, его новизны, соответствия нормам современного русского языка. Перед экспертом также может быть поставлен вопрос: допустимо ли интерпретировать значение нейма как указания на вид, качество, количество, свойство, назначение товара, услуги, предприятия, а также на место производства товара или расположения предприятия. Например, название «Марк Твен», данное без кавычек на рекламном плакате «Тебя ждет Марк Твен», вводит потребителя в заблуждение и не ассоциируется с рекламируемым товаром – таунхаусами в деревне Язово, кроме того нейм не соответствует грамматическим критериям.

Отметим, что названия жилых комплексов занимают важное место среди вербальных обозначений, используемых в качестве средства индивидуализации юридических лиц, предприятий, информационных систем. Холдинги и агентства, работающие в сфере недвижимости, активно занимаются разработкой и экспертизой названий объектов силами собственного отдела маркетинга или рекламы. Нейминговые неудачи могут стать предметом рассмотрения в Федеральной антимонопольной службе России и в суде (жилой комплекс «Rodina»; жилой комплекс «Катрин-Хаус» (на улице Екатерины Будановой, героя Великой Отечественной войны); кафе «Япощка»; магазин «Бухни»; станция московского метрополитена «Алма-Атинская» и др.).

Анализ экспертной практики показывает, что для производства качественной нейминговой экспертизы эксперт должен обладать специальными знаниями не только в области общей лингвистики, но и в области экспертологии, ономастики и теории номинации.

Интонационные регистры в русской звучащей речи

Л. И. Судакова

Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева (Москва)

sudlu@list.ru

Интонация, регистры, речевые эмоции, активное, пассивное эмоциональное состояние.

Summary. This report presents a discourse on the topic “pitch of tone”, in Russian terms «register». Pitch of tone is one of the most significant means of human speech. It is used to express the speech of other persons, to help to show differences in phrases’ sense and to express the emotions of the speaker. The term “pitch of tone” has been borrowed by investigators of intonation from musical terminology.

Исследование регистровых различий русской интонации связано с проблемой изучения речевых эмоций и средств их выражения. В докладе обсуждается понимание интонационного регистра, рассматриваются его функции: показывается связь регистровых различий со смысловым содержанием высказываний и с выражением эмоционального состояния говорящего.

В понимании природы регистра интонологи следуют за музыковедами. В работах музыковедов, физиологов, специалистов в области сценической речи содержится богатый исследовательский материал, который важно учитывать при осмыслении интонационного регистра. Это положения об образовании регистров как следствии изменения механизма гортани, о том, что «каждый регистр имеет свой своеобразный тон, более или менее определенное протяжение в звуковой скале и границу перехода в другой регистр» [3: 68], о взаимосвязи регистра и тембра. Проведенный нами сопоставительный анализ регистров в речи и музыке позволил обнаружить общую черту музыкальных и интонационных регистров – их структурную целостность, которая, по нашему мнению, важна для понимания интонационного регистра. Под структурной целостностью мы имеем в виду произнесение всех составных частей интонационной конструкции (ИК) на высоком, среднем или низком уровне тона, и в связи с этим различаем три основных регистра: высокий, средний и низкий. Такое толкование регистра согласуется с пониманием, предложенным в Русской грамматике 1980 [1: 103], которое принимается и развивается в нашей работе.

Наблюдения показывают условность границ между регистрами. Поэтому в целях более точного анализа мы разли-

чаем еще средне-верхний и средне-нижний регистры, которые определяются на слух в диапазоне практически каждого говорящего. Таким образом, детализация слухового интонационного анализа может производиться за счет указания направления движения тона к верхней или нижней границе диапазона. А верхняя и нижняя граница диапазона – это уже выражение эмоций, тогда как нейтральная речь преимущественно реализуется в среднем регистре.

Регистр как яркое различительное средство интонации, с одной стороны, может усиливать смысловые различия высказываний, с другой – передавать их разнообразные эмоциональные оттенки.

Как известно, функцию смысловоразличения регистр выполняет при сравнении высказываний с одинаковым лексико-синтаксическим составом и типом ИК. Наибольшие возможности регистра как смысловоразличительного средства интонации проявляются в русском языке при выражении переспроса и недоумения, припоминания в ИК-6, а также при выражении оценки в ИК-5 и ИК-6 [2].

Переспрос может усиливаться повышением регистра и убыстрением темпа речи: ↑ Гдѐ мы его видели? или ↑Гдѐ, Вы говорите, мы его видели? А выражение недоумения, припоминания – понижением регистра и замедлением темпа речи: ↓Гдѐ мы его видели? или ↓Интерѐсно, / гдѐ мы его видели?

При конкретизации оценки в ИК-5 и ИК-6, если признак не выражен лексически, то повышение регистра в сочетании с продвижением гласных вперед обычно передает положительное содержание оценки: ↑Какая зима́ была! или ↑Какая зима́ была! (хорошая, веселая, снежная). Понижение регист-

ра и продвижение гласных назад сигнализирует отрицательное содержание оценки: ↓*Какая зима́ была!* или ↓*Какая зима́ была!* (ужасная, страшная, блокадная).

В эмоциональной речи регистр передает эмоциональные реакции говорящего на коротких речевых отрезках (различные виды удивления, настороженность, вызов, сомнение, возражение) и эмоциональные состояния говорящего на больших речевых отрезках (восторженный, грустный, радостный рассказ).

Регистр, не будучи самостоятельным интонационным средством, выступает в сочетании с другими интонационно-звуковыми средствами. Особенно ярко это свойство регистра проявляется при выражении эмоций, где они сочетаются с артикуляционными изменениями звуков (сдвигом гласных вперед-назад, движением гортани по вертикали, сужением-расширением глотки, усилением-ослаблением мускульной напряженности артикуляции звука, придыхательностью, назализацией) и темпо-ритмическими особенностями, в результате чего возникают разнообразные тембровые окраски [2].

Как показывают наши наблюдения [2]; [4], регистр последовательно связан с проявлениями активного и пассивного эмоционального состояния, которые по-разному могут конкретизироваться в речи с помощью синтаксиса, лексики и контекста. Так, например, в высказываниях из кинофильма «Запомните меня такой», которые представляют собой эмоциональные реализации ИК-2 и характеризуются общностью значения, регистры передают различные эмоциональные состояния:

↑ *Хвátит, – я сказала, – / ↑ всѐ!* (в исп. Е. Финогеевой)

↓ *Прекратите!* / ↓ *Какие мелкие, / ↓ низкие споры!* (в исп. А. Степановой).

Об отрицательной информации на примере слова *коррупция*

О. Е. Фролова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

olga_frolova@list.ru

Отрицательная информация, отрицательная оценка, коррупция, толковые словари, НКРЯ, словоупотребление, частотность, ситуация, участники ситуации.

Summary. The concept of corruption коррупция is viewed on the material of dictionaries, Russian National Corpus, special literature. Abstract noun “corruption” carries negative information, but according to the RNC the most frequently denotes a phenomenon. The lexical unit with negative evaluation is used without subordinate participants and there are no objects of negative evaluation, expressed by personal nouns.

Экспертиза спорных текстов, содержащий признаки оскорбления, дискредитации деловой репутации опирается на понятия отрицательной информации, содержащей негативную оценку личных и деловых качеств человека, его общественного статуса.

Одним из терминов, часто встречающихся в СМИ и в современном политическом дискурсе является *коррупция*. Обзор толковых и энциклопедических словарей [Ушаков, БАС, МАС, Крысин 1998, БТС, Складская] позволяет выявить основные семы в толковании: «Подкуп, соблазнение, развращение взятками (должностных лиц)» [Ушаков]. Следовательно, в ситуации коррупции могут быть выделены, по крайней мере, два участника: дающий и берущий взятку. Существительное является заимствованием и впервые введено в лексикографическую практику в словаре Д. Н. Ушакова, хотя в речи впервые обнаруживается, согласно НКРЯ, в 1886 г. Сопоставление словарей демонстрирует усложнение толкование и увеличение словообразовательного гнезда. Глагол появляется в словарях позже существительного.

Специальная юридическая литература толкует понятие шире: междисциплинарная группа Совета Европы по коррупции в 1995 г. предложила такое определение: «коррупция представляет собой взятничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе, которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений и имеет целью получение любых незаконных выгод для

себя и других». Т. о., а) коррупция представляет собой подобие договора, б) коррупция оказывается шире, чем взятничество, в) определен статус участника одной стороны – принадлежность управленческому классу, государственно-му или частному, в) цель коррупции — получение выгоды обоими участниками, облеченным неким административным статусом, и получающим преференции в результате подобного договора.

Обратимся к неспециальному употреблению слов *коррупция, коррупционер, коррумтировать* в речи. По данным НКРЯ самым частотным является абстрактное существительное *коррупция* (Найдено 927 документов, 2 347 вхождений), встречающееся в контекстах: *тотальная коррупция, вести борьбу с коррупцией, победить коррупцию, погрязнуть в коррупции, уровень коррупции*. Предикатное существительное *коррупционер* встречается в НКРЯ в 90 документах, в 161 вхождении, т. е. в 10 раз реже, чем наименование явления. Существительное *коррупция* на расстоянии от 1 до 5 от *чиновник* обнаруживаем 32 документах и 33 вхождениях, словосочетание *коррумпированный чиновник* находит в корпусе в 48 документах, 53 вхождениях. Личные формы глагола *коррумтировать* в НКРЯ представлены крайне скупо: найдено 4 документа и 6 вхождений. Анализ частотности по НКРЯ показывает, что современная речь с трудом выделяет участников ситуации коррупции, т. е. в тексте присутствует носитель отрицательной оценки, но она не связана с партиципантом пропозиции. Следовательно, мы имеем парадоксальную ситуацию в речи: наличие явно выраженной негативной информации, не отнесенной к конкретному лицу.

Литература

1. Брызгунова Е. А. Интонация. Основные понятия // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 96–122.
2. Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
3. Дмитриев Л. Б. Основы вокальной методики. М., 1968.
4. Судакова Л. И. К вопросу о функционировании интонационных регистров в русской устной речи // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи: Сборник научных статей к юбилею Е. А. Брызгуновой. М., 2004. С. 190–196.

Конфликтная лексика в текстах конституций

П. Н. Хроменков

Московский государственный областной университет
geleiter@gmail.com

Конфликтогенез, конституция, лексика, контент-анализ.

Summary. In the report the basic types of some conflict lexemes used in the constitutions of the world countries are examined, conclusions on the reasons and the purposes of the usage of such lexicon are made.

Конституция, как основной закон страны, должна быть по логике предельно корректна и юридически точна в выдвигаемых формулировках. Конфликтосодержащие лексемы в ней, казалось, не допустимы. Приобретая силу закона, лексемы такого рода программировали бы конфликт. Однако лингвистический анализ конституционного законодательства разных стран мира показывает широкую распространенность текстов Конституций, утверждающих ту или иную конфликтную парадигму.

Изучение текстов конституций методом частотного контент-анализа предпринимается не впервые. Пионерской работой в этом отношении являлось исследование Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, посвященное выявлению ценностных компонент конституций. Результатом его было доказательство ценностной ориентированности и идеологичности подавляющего большинства конституционных текстов. Российская Конституция, согласно полученным авторами расчетам частотности употребления ценностносодержащих лексем, классифицировалась как ценностно выхолощенная. Это побудило авторский коллектив представить разработку научного макета новой Конституции России.

Однако сама по себе ценностная концентрированность конституций не является залогом успешности государства. Выдвигаемые ценности часто конфликтны. Ценностная перегруженность конституций в этом отношении также опасна, как и ценностная выхолощенность. Поэтому интересно использовать методику частотного контент-анализа для исследования конфликтосодержащих лексических компонент конституционных текстов.

Тексты конституций бывают двух типов – юридизированные и жизнеустроительные. В первом случае ценностные категории не используются. Круг анализа ограничивается, таким образом, конституциями жизнеустроительного типа.

Как правило, ценности, а соответственно, и конфликтосодержащие лексемы, концентрируются в преамбулах конституционных текстов. В целях корректности сравнения для проведения контент-анализа были взяты именно тексты конституционных преамбул. В нашем распоряжении имелись тексты всех конституций Европы и Азии, нескольких конституций Африки и Америки. Всего из их числа было выявлено 45 конституций, имеющих в преамбулах конфликтосодержащие лексемы. Это составило 70,3% всех включенных в круг анализа конституций. Следовательно, речь идет не об экзотических исключениях, а доминирующей традиции.

На первом этапе проводимого анализа все конфликтосодержащие лексемы были подвергнуты квантификации. Данная операция позволила далее включать методику расчета частотности лексем в семантическом сопоставлении и сопоставлении по странам.

В сопоставлении конституций по странам с очевидностью обнаруживается их региональная кластеризация. Для конституций европейских государств наличие конфликтосодержащих лексем не характерно. Преамбулы их конституций составлены в духе предельной политкорректности. Не конфликтными являются и конституции бывших республик СССР. Напротив, конституции государств Востока дают, как правило, широкую развертку темы конфликта.

Однако среди европейских конституций есть некоторые исключения. Так, в преамбуле Конституции Ирландии проводится апелляция к «столетиям испытаний» и «непрестанной борьбе» предков за восстановление независимости ирландского народа. Более всего из конституций европейских государств содержат конфликтосодержащие лексемы конституции Португалии, Хорватии и Польши.

Бесконфликтность Конституции Российской Федерации диссонирует с лексической традицией советского конститу-

ционного законодательства. Конфликтосодержащие лексемы Конституции СССР 1977 г. были сгруппированы по трем историческим блокам – Октябрьская революция, Гражданская война, Великая Отечественная война. В ней использовались отсутствующие в других конституциях лексемы – «классовые антагонизмы», «национальная вражда», «империалистическая интервенция», «капиталисты», «оковы угнетения». Характерно употребление глаголов – «свергла», «разбила». Дважды употребляется понятие «диктатура пролетариата».

Чаще всего конфликт проецируется на историческое прошлое. Через соответствующий исторический нарратив транслируются, как правило, смыслы борьбы прежних поколений за государственную суверенность. Только небольшая часть конституций говорит о конфликте в применении к настоящему времени, а некоторые – даже к будущему. Так, в принятой в 2012 году новой сирийской конституции найдено отражение современной борьбы в Сирии. В Конституции Китая заявляется о грядущей борьбе китайского народа против внутренних и внешних сил, которая будет носить классовый характер.

Две основные, представляемые в преамбулах конституций формы конфликта – война и революция. В алжирской конституции указывается на два типа войн – «колониальную» и «народную». Иранская конституция дает даже некоторые образные характеристики ведомой борьбы.

Наиболее определенно конфликтная парадигма заявлена в Конституции Сирии. Конституция Афганистана – единственная, вместе с Конституцией Ирана, среди проанализированных конституций стран исламского мира открыто утверждающая законность «джихада».

По частотности употребления в преамбуле конституции слова «революция» вторую позицию после Ирана, что было ожидаемо, заняла Куба – 6 раз. Конституция Японии провозглашает как целевой ориентир уничтожения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. При этом указывается, что ставится цель уничтожить их навсегда в рамках не только Японии, но всего Земного шара.

Мифология конфликта предполагает использование образа жертв и героев. Многие конституции активно к ним обращаются. Образ героя представлен в Конституции Ирана фигурой шахида. Имеются прецеденты указания в качестве героев на исторические личности. Большинство конституций сообщает о борьбе, ведомой народом, без конкретизации того, против кого она ведется. Понятно, что законодательная конкретизация врага существенно бы усиливала конфронтационные интенции в соответствующем социуме. Однако есть и значительная часть конституций, в которых враг номинирован. Чаще всего он выступает под маркерами колониализма и империализма.

Иностранные государства в качестве врага, как правило, не определяются. Такое определение было бы весьма близко объявлению войны. Однако такой запрет не имеет всеобщего характера. Превосходит всех по своей прямоте в определении вражеской стороны Конституция Ирана. В ней, в частности, утверждается существование американского заговора.

В результате анализа был построен рейтинг конфликтности конституций. С большим отрывом от всех лидирует Иран. Вторую и третью строчку занимают конституции Китая и Кубы. Наиболее конфликтными оказываются, таким образом, конституции государств, тяготеющих к идеократии, или теократии. Прослеживается определенная корреляция между идеологичностью конституции и ее конфликтностью. Полученный вывод не означает отрицания значимости идеологии. Но он служит указанием на то, что идеологическое строительство лингвистически сопряжено с лексикой конфликта.

Спор как вид конфликтной коммуникации: признаки и приемы

М. А. Черneckая

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

maria.cherneckaya@gmail.com

Речевая агрессия, культура спора, свобода слова.

Summary. The purpose of the paper is to do a theoretical comprehension of the phenomenon “dispute” and of the prerequisites that have prepared modification of the speech genre of dispute as the form of verbal aggression. It discusses some segments of communicative speech that may be evaluated negatively and sometimes perceived as offensive to honor and dignity of a person.

Спор – один из самых продуктивных видов коммуникации, однако очень сложно удерживать априори конфликтное общение, где сталкиваются зачастую противоположные мнения, в рамках эффективности и, что важнее, допустимости. Эта проблема становится чрезвычайно актуальной в связи с повышением эмоциональности и экспрессивности общества и распространением агрессивных настроений во многих сферах общения – от бытовой до публичной.

В России процесс перерождения спора в одну из форм вербальной агрессии кажется закономерным при рассмотрении исторического пути развития культуры спора. Аренами для оттачивания мастерства были литературная критика и государственные думы. Но после 1917 года думы были упразднены, а в становящемся тоталитарным государстве больше не могло быть споров в общем и состязательности мнений в критике, в частности. Таким образом, практика споров прервалась на долгие годы, вплоть до оттепели и перестройки. Эта лакуна в практике и, как следствие, утрата навыка в нормативной форме отстаивать свое мнение, стали причиной того, что после достаточно резкой отмены цензуры, идеологических табу, строгих стилевых установок произошло раскрепощение языка, при этом не всегда оправданное (см. [3]).

В канонической форме спор имеет следующие характерные **признаки**:

- в ответ на тезис оппонент обязательно выдвигает антитезис;
- обе стороны приводят доводы в поддержку своих позиций;
- каждый из оппонентов подвергает критике позицию противника.

В споре для отстаивания собственной позиции и убеждения оппонента используются корректные (наступление, отвлечения, переключивание «бремени доказывания» на противника и т. д.) и некорректные приемы (от намеренного запугивания до применения грубой физической силы).

Недопустимыми приемами в споре считаются: неожиданный выход из спора; лишение противника возможности; организация «полуслушателей»; использование физического насилия; апеллирование к тайным мыслям и невыраженным побуждениям, которые, якобы, известны противнику; использование ложных и недоказанных аргументов; намеренное запугивание оппонента; выведение противника из состояния равновесия; быстрый темп речи; оперирование элементами семантических полей, связанных в первую очередь с такими областями жизнедеятельности человека, которые являются табу; использование ругательств; передразнивание и т. д.

Логично предположить, что именно некорректные приемы, т. е. нарушения экологии данной формы коммуникации, могут вызывать отрицательные эмоции (возмущение, гнев и т. д.) у адресата, которые, в свою очередь, могут привести к речевой агрессии, выходящей за рамки закона. Такие речевые акты агрессии «характеризуются высокоэмоциональным речевым поведением на фоне понижения кооперативности в интеракции и включением языковых механизмов,

направленных на нанесение одним из коммуникантов вреда имиджу своего оппонента» [1].

Речевая агрессия может разрешиться двумя способами: либо участники спора осознают бесполезность дальнейшего ведения конфронтации и пытаются перейти к поиску выхода из сложившейся ситуации, либо «противостояние достигает такого эмоционального накала, при котором происходит крушение коммуникации путем перерастания ее в физическое насилие» [1]. По мнению Е. В. Морозовой, причиной второго варианта развития событий является то, что спорящие могут видеть в попытке загладить конфликт проявление их собственной слабости и неуверенности, а потому отвечают агрессией на агрессию. Кроме того, причиной агрессивного поведения может быть неуверенность в своей правоте, т. е. агрессивная стратегия в данном случае выступает как маска, камуфляж. Еще одной причиной может быть невоспитанность спорящих, т. к. «чем больше себе позволяет партнер, тем менее он воспитан» [2].

Одна из ярчайших иллюстраций к проблеме споров, выходящих за рамки допустимости и содержащих такие участки коммуникации, которые могут быть оценены участниками общения как оскорбляющие их честь и достоинство, это средства массовой информации. По меткому замечанию М. В. Горбаневского, в настоящее время СМИ как зеркало времени становятся тем публичным местом, куда выплескиваются потоки грязи, начиная от бранных слов, находящихся за пределами литературного языка, и единиц, нарушающих «лингвистическую безопасность» человека и общества, до откровенных призывов экстремистского характера (см. [4]).

Споры, переходящие в речевую агрессию и нарушающие нормы морали и права, поднимают еще одну проблему, а именно проблему контроля речи граждан государства, в котором существует понятие «свободы слова». В связи со всевозможными ограничениями, накладываемыми правовыми и социальными институтами на это понятие, оно становится несколько условным.

Литература

1. Глушак В. М. Имидженарушающее поведение в высокоэмоциональной интеракции // Вестник МГЛУ. Язык в мире дискурсов. Человек и концептосферы. Вербализация в дискурсе. Серия: Языкознание. 2009. Вып. 560. С. 78–87.
2. Морозова Е. В. Речевая Агрессия и стратегии ее смягчения [http://iconf.vgi.volsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=80:2010-04-30-07-05-16&catid=40:2010-04-28-10-48-29&Itemid=55 (дата обращения 30.04.2013)].
3. Солганик Г. Я. Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода // Язык массовой и межличностной коммуникации: Кол. монография / Ред. Я. Н. Засурский, Н. И. Клушина, В. В. Славкин, Г. Я. Солганик. М., 2007. С. 15–40.
4. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. М. В. Горбаневского. М., 2005.

Адресант в религиозном дискурсе

И. Н. Щукина

Пермский государственный национальный исследовательский университет

yatik@mail.ru

Религиозный дискурс, проповедь, автор, национальная картина мира, критерии типизации.

Summary. The paper is concerned with the mechanism of creating a sender’s image of a religious discourse.

В работе *религиозный дискурс* рассматривается как совокупность актуализированных связей с реальностью, т. е. (рече)мыслительная деятельность (см., например, работы

Л. М. Алексеевой и С. В. Мишлановой), осуществляющая мониторинг реальности и направленная на формирование, трансляцию и модификацию догматического мышления,

сакрального мироощущения и мистического опыта. При актуализации связей с нематериальным, сверхчувственным мироощущением, предполагающим обращение к Абсолюту, человек становится участником религиозного дискурса. *Человек*, обладающая сознанием личность, – совокупность связей с реальностью, а *сознание* – его способность (имеющая возможность к развитию) воспринимать и анализировать реальность, конечным результатом чего является категоризация бытия. *Адресат* – виртуальный образ читателя, зрителя или слушателя (совокупности его связей с реальностью), находящийся в сознание адресанта при создании текста, направленного на актуализацию определенного сегмента связей.

Цель работы – определить основные разновидности проповедей и типы их авторов, опираясь на совокупность языковых средств, отобранных для воздействия на сознание реципиента. *Анализ* проводился когнитивно-стилистическим методом. *Материалом* исследования послужили проповеди (в том числе телевизионные и интернет-проповеди) православных и католических священников (ок. 300).

Существование некоего конструкта, отражающего состояние национальной картины мира (НКМ), предполагают многие философы. «Конкретная человеческая (частно-человеческая и многочеловеческая) личность не есть исключительно психическое явление. Личность имеет и дух, и плоть и выявляется не только в духовной, но и в плотской сфере. ... Мало того, личность реально существует в определенном физическом окружении, между этим окружением и личностью устанавливаются теснейшие связи» [3: 154].

Выделим в структуре картины мира уровни: общечеловеческий, географический, цивилизационный, гендерный, религиозный, образовательный и индивидуальный (подробнее см. [4]; [5]), состоящие друг с другом во взаимопределяющих отношениях. Так, гендерный уровень сознания, формируясь прежде религиозного, все же определяет существенную разницу в отношении к верованиям мужчин и женщин, однако религия берет на себя функцию регламентации отношения (в т. ч. заложенного природой) к сакральному и его конституирует.

Безусловно, один из самых значимых компонентов структуры картины мира – религиозный. Помимо прочих параметров, чрезвычайно важных для формирования НКМ, следует обратить внимание на отличие Православия от других христианских конфессий. Вот в чем видит отличие В. М. Живов: «Главное, чего не унаследовала Русь от Византии, это светскую византийскую культуру, которая была, по большому счету, продолжением позднеантичной. Русь игнорировала греческую литературу, философию, и даже византийское богословие она усваивала очень осторожно. Чтобы понимать святоотеческие тексты, нужно было владеть язы-

ком греческой философии, нужна была определенная философская подготовка, которая давалась в византийской школе и которой не было у восточных славян. ... В целом богословие само по себе не вызывало на Руси какого-то серьезного интереса» [1]. Структура картины мира позволяет определить социальные (образование, профессия, место жительства и др.) и биологические (пол, возраст) параметры адресата художественного и религиозного текста, что, в свою очередь позволяет говорить и о подобных характеристиках автора.

Русские – в силу особенного исторического развития поделены на две далеко неравные части, условно отнесенные Н. С. Трубецким к верхам и низам русской культуры, – народ с полярным отношением к миру, а потому и адресаты проповеди мыслятся представленными двумя разными типами. С. Лурье определяет такую отнесенность по типам сознания: традиционного и личностного. «Традиционное сознание существует как картина мира обитателей... Большинство выступает носителями обычного *традиционного сознания*, принимая его нормы «на веру» и считая, что они имеют под собой прочное идеальное и нравственное основание... Однако оформление, структурирование и хранение традиционного сознания, убережение его от деградации принадлежит носителям *личностного сознания*» [2].

Как видим, в картине мира «верха» присутствуют все элементы, характерные для «низа», и это дает возможность священнику без особой тщательности выбирать, кому адресовать проповедь. Можно апеллировать к базовым составляющим национальной картины мира – и задача будет решена. Что и делают большинство современных проповедников, привлекая при этом в арсенал воздействующих средств, характерных как для гармонизации, так и для манипуляции сознанием реципиента. Основными критериями для разведения понятий «гармонизация» и «манипуляция» являются введение в текст оппозиции «свой-чужой» и адресность проповеди: при рациональной адресности текст может рассматриваться как гармонизирующий, а при эмоциональной – как манипулятивный. В совокупности с доминированием профанной темы, использованием разговорных, а то и просторечных элементов, апелляции к интернациональному и/или православному культурному фону, предыдущие ключевые критерии позволяют поделить религиозные тексты и их авторов на четыре типа, условно обозначенные как *мессия*, *собеседник*, *популист*, *манипулятор*. Так, к типу *мессия* могут быть отнесены, среди прочих, тексты о. Александра (Меня), папы Иоанна - Павла II, а к типу *собеседник* – патриарха Кирилла и папы Бенедикта XVI, типу *свой парень (популист)* – о. Димитрия (Смирнова) и папы Франциска I и т. д.

Вербальные критерии типизации текстов проповеди

Тип (автора) проповеди	Оппозиция свой – чужой	Рациональная адресность	Интер-национальный КФ	Русский и правосл. КФ	Доминирование профанной темы	Разговорные элементы
Мессия	-	+	+	(+)	-	-
Собеседник	-	+	-	+	-	-
Свой парень (популист)	+	-	-	+	+	+
Манипулятор	+	-	-	+	-	-

Таким образом, тип проповеди, и в значительной степени тип проповедника определяются иллюкативной целью – намерением говорящего воздействовать на сознание реципиента, апеллируя к предполагаемому сакрализованному видению мира. С целью достижения коммуникативных намерений на всех уровнях языковой системы осуществляются отбор и организация языковых средств воздействия.

Литература

1. Живов В. М. Византия не виновата // Частный корреспондент. 19.04.2013.

2. Лурье С. В. В поисках русского национального характера [http://www.strana-oz.ru/2002/3/v-poiskah-russkogo-nacionalnogo-haraktera].
 3. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Антология мысли. М., 2007.
 4. Щукина И. Н. Российское телевидение через призму национальной картины мира // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 4. С. 6–27.
 5. Shchukina I. K vprašanju o nacionalni sliki sveta // Zbornik 12. mednarodne multikonference “informacijska družba”. IS 2009. Ljubljana, Slovenia, 2009. С. 386–389.

Круглые столы

Круглый стол «Античная словесность и русский язык»

*К 150-летию со дня рождения С. И. Соболевского,
к 90-летию со дня рождения В. И. Мирошенковой.*

Руководитель круглого стола – доктор филологических наук профессор А. И. Солопов.

На обсуждение участников круглого стола выносятся следующие вопросы:

1. Интерпретация и отражение в русском языке отдельных языковых категорий греческого и латинского.
2. Русские переводы древних авторов в свете развития русского литературного языка.
3. Братья Соболевские: античность и славистика.
4. Преподавание дисциплин классического цикла в Московском университете в XX–XXI вв.
5. Neolatinitas в России (XVII–XXI вв.).

По каждому из названных вопросов предполагается специальное сообщение (5–7 минут) и свободная дискуссия (2–3 минуты на каждое выступление).

Круглый стол

«Историческая лексикология и историческая семантика русского языка XVIII–XXI веков: современные подходы и перспективы»

Руководитель круглого стола – доктор филологических наук профессор О. Г. Ревзина.

Проблемы исторической лексикологии, истории слов и исторической семантики обретают новое содержание по отношению к функционированию русского литературного языка в XVIII – XXI веках. Назрела необходимость в обсуждении теоретических вопросов и актуальных исследовательских проектов. На обсуждение участников круглого стола выносятся следующие вопросы:

1. В чем состоит системный характер исторической динамики лексического состава языка и его стилистической дифференциации?
2. Каков потенциальный вклад направления исторической науки *Begriffsgeschichte* (история понятий) в методологию исторической семантики?
3. Какое влияние оказывают «лингвистические события», воплощенные в языковой политике, на развитие лексической и стилистической системы языка?
4. Как художественный дискурс («творческая лаборатория языка» по Томашевскому) участвует в лексико-семантических и стилистических процессах на разных этапах функционирования общенационального и литературного языка?

По каждому из названных вопросов предполагаются специальное сообщение (5–7 минут) и свободная дискуссия (2–3 минуты на каждое выступление).

В круг дискуссионных вопросов вводится также проект «Исторического русского социально-политического словаря».

Круглый стол «Как преподавать словообразование сегодня?»

Ведущий круглого стола профессор Кемеровского университета *Людмила Алексеевна Араева*.

История словообразования уникальна. Возникнув в силу определенных обстоятельств как самостоятельная научная и учебная дисциплина в 70-х годах XX века, в 90-е оно оказалось на периферии научной мысли. Сменилась научная парадигма в лингвистике, язык стал исследоваться через человека. И ученые, занимавшиеся изучением словообразования, перешли на риторiku, культуру речи, исследование когнитивных процессов в синтаксисе. Но, как справедливо утверждала Е. С. Кубрякова, именно через изучение процессов в словообразовании можно выявить особенности механизма деятельности мозга. Любой ярус языка когнитивен по своей сути, равно как и структурно-системная лингвистика в целом, ибо она изобретена человеком. В словообразовании производные единицы обращены к миру вещей через соотношение мотивированного с мотивирующим, на что в рамках структурно-системной лингвистики указывали дериватологи уже на самых ранних стадиях его осмысления (см. в этом плане высказывания Н. В. Крушевского, Г. О. Винокура).

Все пошатнулось. Когнитивный, пропозиционально-фреймовый анализ семантики производного через соотношение с семантикой производящего проявил самостоятельность мотивирующих и мотивированных, репрезентирующих актантные функции в пределах пропозиции. То есть необходимо говорить не о мотивационной зависимости одного слова от другого, а об их предикативной связанности. В этом случае есть ли смысл говорить о непосредственной и опосредованной мотивации, насколько это значимо в рамках когнитивного подхода?

Развитие теории словообразовательной семантики обусловило выделение различных его видов, каждый из которых своеобразно представлен в рамках конкретного словообразовательного типа. И получается, что третий критерий определения словообразовательного типа – общность словообразовательной семантики для производных конкретного типа – оказывается ненужным, потому как обобщенная семантика одного типа оказывается идентичной обобщенной семантике другого типа, а то и целого ряда типов. Вероятно, стоит говорить о специфичном семантическом рисунке типа, представленном реализованными видами словообразовательного значения.

Вопрос о выделении при определении типа такого критерия, как единая частеречная принадлежность мотивирующих, оказался дискуссионным уже в 50-е годы XX века, а в 90-е. А. Земская категорически высказала свою позицию о выведении этого критерия из определения типа на основании развития теории полимотивации. Когнитивная интерпретация полимотивации П. А. Катышевым проявляет сложную сущность данного метаязыкового феномена.

Тогда встает вопрос о том, что же представляет собой одна из основных комплексных единиц словообразования – словообразовательный тип? Может быть, его стоит интерпретировать как ментально-языковую прототипическую категорию?

Следующий вопрос: на каком уровне словообразовательной семантики взаимодействуют словообразовательные типы? Что собой представляют однокоренные синонимы? Какие процессы скрываются при модификации словообразовательной синонимии?

Словообразовательная ниша вообще никак не рассматривается в учебном курсе словообразования, но если принимать за основу первую часть определения словообразовательной системы, в которой говорится о взаимодействии между собой словообразовательных типов, то необходимо говорить о словообразовательной нише в пределах мутационной семантики.

А как быть с гнездами однокоренных слов? При определении словообразовательной системы они описываются отдельно от типов и без какого-либо взаимодействия. Пропозиционально-фреймовый анализ гнезд однокоренных слов, произведенный в рамках Кемеровской дериватологической школы (М. А. Осадчий, К. А. Демиденко, Косырева, М. Н. Образцова, Шабалина) показал пропозициональную связанность однокоренных слов, что позволило выявить взаимосвязь типов (уже описанных в этих параметрах) с гнездами однокоренных слов. Но самое главное – пропозиционально-фреймовый подход к описанию типов, гнезд и ниш высветил механизм познания человеком мира.

Пропозиционально-фреймовый подход позволил выявить такое явление, как словообразовательно-пропозициональная синонимия.

Может быть, при преподавании такой дисциплины, как словообразование, необходимо сделать акцент на семантической стороне деривационных процессов, проявляющей особенности мыслительной деятельности по аналогии с применением таких когнитивных операций, как метонимия и метафора. Несомненно, что при этом определенное внимание уделяется и форме, как внутренней, так и внешней, но через связанность ее с динамическими процессами (в соответствии с концепцией Гумбольдта о том, что изменение формы диктует изменение содержания). Здесь затронуты далеко не все проблемы. Думается, что они могут возникнуть при обсуждении.

Конечно, сейчас необходимо изучать современные процессы в словообразовании, в том числе и способы словообразования, с учетом единого подхода, когнитивного, антропоцентрического. Представляется актуальным исследование деривации в тексте, например, стратегия говорящего может быть обусловлена применением пропозиционально связанных полимотивации, синонимии и полисемии. В свою очередь, стратегию говорящего, обуславливающую эффективность коммуникации, можно выявить, изучая интертекстуальное семиотическое пространство и повторение одних и тех же значимых фактов в разных аудиториях, что чрезвычайно важно для речей политиков. Вероятно, необходимо написание учебника по словообразованию, авторский коллектив которого составят исследователи из разных вузов страны.

О словообразовательно-пропозициональной синонимии

Л. А. Араева

Кемеровский государственный университет

araeva@list.ru

Когнитивно-дискурсивный подход, пропозициональные структуры знания, словообразовательно-пропозициональная синонимия.

Summary. Propositional and cognitive-discourse determination of motivating and motivated words allows us to substantiate word-formative and propositional synonymy oriented to the complex and multiple-aspect interpretation of one and the same object of reality.

Словообразование как самостоятельная сфера научных знаний и как самостоятельная учебная дисциплина оформилось в 70-х годах XX столетия. А в 90-х годах в связи со сменой научной парадигмы в лингвистике оно оказалось на периферии исследовательской мысли.

Тем не менее, оно продолжало исследоваться, но уже с когнитивных позиций, через человека, через глубинные структуры знаний. Пропозициональный подход оказался плодотворным при описании деривационных процессов, что обусловлено спецификой формально-семантической организации производного слова. Мотивационные связи в словообразовании формализованы, выявляются через предикативную, пропозициональную связанность мотивированного слова с мотивирующим (каждое из которых выполняет определенную актантную роль в глубинной структуре знания).

Когнитивно-дискурсивный подход обусловил обнаружение не замеченной в структурно-системной лингвистике словообразовательно-пропозициональной синонимии. Несмотря на то, что как явление этот вид синонимии был отмечен в [3], позже в [1], оно еще достаточно долго не изучалось.

Что же представляет собой этот загадочный вид синонимии? Осознание его как самостоятельного явления пришло при анализе наименований шерсти овцы в русских народных говорах. Из контекстов диалектных словарей и собранного в полевых условиях материала выяснилось, что овечья шерсть называется не только по времени стрижки, но и по времени роста [2]. То есть одна и та же шерсть обозначается

по разным основаниям, прагматически значимым для жителей села. Исследование данного вида синонимии А. А. Шумиловой [4] с привлечением значительного диалектного и литературного материала позволяет говорить о том, что данное метаязыковое явление широко представлено в деривационном пространстве русского языка. Ср.: *осенник – зимник* – дрова, заготовленные осенью с тем, чтобы использовать их зимой. В первом случае актуально время заготовки дров, во втором – время их использования. Ср. также: *болотяница – медянка: Болотяница – змея медянка, на болотах живет* (Пск. обл.); *белопузик – береговуха: А белопузики всегда летают перед дождем, они еще береговухами зовутся* (Кем.).

Таким образом, прав Гумбольдт, утверждая, что словообразование – самая загадочная сфера языкознания. Сколько еще нового предстоит обнаружить в нем?

Литература

1. Араева Л. А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне: Учебное пособие / Под ред. доц. Н. И. Шапиловой. Кемерово, 1990.
2. Араева Л. А., Катыхов П. А. Представление о годовом цикле в системе отыменных суффиксальных существительных // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 203–207.
3. Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.
4. Шумилова А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка). Кемерово, 2010.

Развитие лингвокреативных способностей учащихся при изучении словообразования

И. В. Евсева

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета

ivevseeva@yandex.ru

Словообразование, лингвокреативная деятельность, корнесловие, названия месяцев года.

Summary. The paper discusses the method of creations of new roots of the words and its application to russian language teaching. The basis of the new roots method is the generation of new lexical units from the roots of Russian language. Secondary school students were asked to create some new words signifying names of the month.

1. Понятие «творческая личность» изначально соотносили с областями жизнедеятельности, связанными с искусством – театр, музыка, живопись и под. В последнее время это понятие стало актуальным для характеристики таких профессий, как преподаватель, психолог, руководитель, бизнесмен и мн. др. Особое место в этом ряду занимает профессия учителя (преподавателя). Именно он должен не только сделать урок интересным, запоминающимся, но и научить детей творить, отходить от стандартов мышления и по-новому смотреть на старые вещи, создавать что-то свое, отличное от уже существующего. В этом видится ценность современного педагога любой направленности. И кому как не филологам развивать языкотворческие способности учащихся!

Современное образование в России в качестве одной из актуальных задач ставит следующую – научить человека (дошкольника, школьника, студента) адаптироваться в любой ситуации общения. Это влечет за собой формирование коммуникативных умений в целом и лингвокреативных способностей в частности. Сегодня очень ценится красноречие, а элементы словотворчества не только обогащают речь, но и делают ее яркой, выразительной, запоминающейся. Этим и обуславливается актуальность внедрения в образовательный процесс методик, знакомящих обучающихся со способами словотворчества (языковой игры).

Часто творчество связано с нарушением нормы. В связи с этим важным считаем не только поощрять тягу студентов и школьников к осознанному нарушению языковой нормы, но и учить делать это, то есть учить уместному и тактичному ее нарушению, развивать способность чувствовать норму

языка и умение отделять норму от не нормы. Иными словами – учить отличать языковую игру от речевой ошибки.

2. Цель данной работы – показать, как путем метода корнесловия (М. Н. Эпштейн) можно развивать у учащихся языкотворческие потенции. Метод корнесловия направлен на порождение новых слов из русских корней в соответствии со смысловой или понятийной потребностью. При этом во внимание должна браться производящая сила целого корня, которая может стать основой для образования множества новых слов.

Для реализации поставленной цели мы провели работу с учащимися средней школы. К опытно-экспериментальному обучению были привлечены ученики четвертого, седьмого и одиннадцатого классов. Сначала в каждом классе были актуализованы знания детей, связанные с современными названиями месяцев года в русском языке. Затем учащимся предложена информация о том, какие имена закреплены за месяцами в разных славянских языках. После чего была дана установка: заменить существующие названия месяцев в русском языке новыми единицами с русскими, а не заимствованными корнями, т. е. такими словами, которые отражали бы, по мнению детей, внутреннюю форму слова, чтобы по этому слову можно было определить, какой месяц года то или иное название характеризует. При этом детям было рекомендовано при образовании новых слов активно использовать словообразовательные элементы русского языка. В случаях, когда нам не вполне было понятно, почему ребенок придумал именно такое слово, мы просили его пояснить.

3. Получив и проанализировав результаты творческой деятельности учащихся, мы использовали факты словообразования в дальнейшей работе на проводимых в этих же классах уроках русского языка, которые были посвящены изучению словообразования.

Вместе с детьми были выяснены способы образования новых слов и определены деривационные модели, на основе которых были созданы новообразования. Далее в соответствии с этими моделями учащиеся должны были привести примеры слов, закрепленных в русском литературном языке, т. е. примеры нормативных единиц. Сопоставив количество приведенных языковых единиц, соответствующих той или иной модели, школьники сделали выводы о продуктивности / периферийности моделей, а также выяснили, какие деривационные модели могут быть рассмотрены как окказиональные.

В итоге за три урока учащиеся средней школы не только поучаствовали в создании новых слов – названий месяцев, но и актуализировали знания по морфемике и словообразованию, а также познакомились с важными для лингвистики понятиями («словообразовательный тип» и «словообразовательная модель», «продуктивность» / «непродуктивность», «нормативное и окказиональное словообразование», «принцип аналогии в языке»).

В ходе выполнения данной опытно-экспериментальной работы учителями школы был отмечен неподдельный интерес школьников, что, на наш взгляд, не случайно. Ученики анализировали тот языковой материал, который сами же создали. Изучая сложные теоретические вопросы по словообразованию на материале новообразований, мы помогли

доказать школьникам право на существование придуманных ими слов как потенциальных единиц языка.

4. Еще один важный момент, на что было обращено внимание. Внутренняя форма придуманных школьниками слов позволила выяснить, что для детей оказывается наиболее важным в тот или иной временной период года, т. е. что их волнует больше всего. Так, в новообразованиях многих одиннадцатиклассников присутствовала тема сдачи экзаменов при переименовании месяцев мая и июня: *егэшник, экзаменарий, экзомби* и др. Летние месяцы дети именовали так: *каникульник, беззаботник, раслабуха, отдохновение* и проч., а осенние: *развезюха, грязень, мокрец* и др.

Отдельные факты словотворчества детей заставили задуматься педагогов и психологов. Например, в месяцеслове одного из семиклассников (ребенок из неблагополучной семьи) были выделены новообразования *глупень* (сентябрь) и *похмель* (январь).

5. Наше опытно-экспериментальное исследование было направлено, с одной стороны, на развитие лингвокреативной деятельности учащихся, с другой – на освоение предметных знаний по разделам русского языка морфемике и словообразованию. Работа, направленная на создание новых слов, позволила показать школьникам, что словотворчество, как правило, провоцирует отступление от нормы, а это становится возможным благодаря знанию языковых норм. Работа с новообразованиями побуждает автора выразить в слове свой внутренний мир и способствует развитию образного мышления, связанного с его эмоционально-чувственным, логическим, ассоциативным и интуитивным компонентами.

Интегративный подход в преподавании словообразования

Л. К. Жаналина

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан)
zhanalina@gmail.com

Словообразование, интегративный, языковая система, номинативная деятельность.

Summary. The paper outlines an integrative approach to teaching Russian derivation at a graduate level.

Словообразовательная наука продолжает выполнять роль лакмусовой бумажки в своем развитии, окрашивая видение соответствующей области языка разными «цветами» в зависимости от разрабатываемых научных парадигм и обнаруживая характерную для словообразования склонность к мимикрированию, порождаемую его особым положением в языковой системе и особенностями демонстрируемого им проявления связи языка и речи.

Как известно, разработка русской дериватологии в рамках системно-структурного и функционального направлений дала впечатляющие результаты, которые значительно дополнили представления о языковой системе и о функционировании языка как номинативной деятельности. Теория номинации, выросшая из словообразования, по справедливому замечанию, Е. С. Кубряковой, стала прообразом когнитивной лингвистики и ввела словообразовательную активность в речевую деятельность, связала ее с носителем языка. При этом, следует отметить, с одной стороны, сохранение словообразованием своих границ в рамках функционального и когнитивного словообразования, а с другой – его включение в контекст интегративной лингвистики, которая вписывается в одну из ведущих тенденций развития как современного языкознания, так и других наук.

Интегративная модель описания языка, разрабатываемая автором данного доклада, зиждется на идее единства языка

и речи (речевой деятельности) и синтезирует понимание словообразования как системы комплексных единиц словообразования и словообразования как номинативной деятельности, которые квалифицируются как полиаспектный объект интегративного словообразования, включающего два раздела: системно-структурное и функциональное словообразование. Оно включено в число дисциплин, изучаемых в магистратуре Казахского национального педагогического университета имени Абая (г. Алматы).

Обучение интегративному словообразованию вводит обучающихся в нарождающуюся и набирающую силу интегративную парадигму лингвистики, которая нацелена на выявление объекта в его целостности. Интегративный подход знакомит с соотношением языковой системы и речевой деятельности, делающих их единством при существенном различии в планах материального и идеального воплощения, которые обнаруживают элементные и системные единицы в словообразовательной системе и конститутивные и номинативные единицы в словообразовательной (номинативной) деятельности.

Интегративное (полиаспектное) видение словообразования с семасиологических, ономазиологических, синхронных и диахронических позиций становится надежной основой для формирования не только теоретических знаний, но и словообразовательного компонента языковой способности.

Роль внутренней формы слова в процессе интерпретационного функционирования текста

Л. Г. Ким

Кемеровский государственный университет
kimli09@mail.ru

Внутренняя форма слова, интерпретация, смысловая версия, вариативность, обыденное метаязыковое сознание, адресат.

Summary. The paper deals the linguistic factors determining the realization of the text sense potential are pointed out, the inner form of the word being one of them. The theoretic rules about the inner form role as the source of the text sense variability are proved by the experimental material.

Задачей работы является определение роли внутренней формы слова как источника вариативности смысла текста в

процессе его интерпретационного функционирования. Мы исходим из положения, согласно которому единица языка

представляет собой структурированную целостность, и в процессе интерпретационного функционирования текста внутренняя форма составляющих его лексических единиц может актуализироваться и служить источником смыслопорождения, или, напротив, нейтрализоваться и не участвовать в процессе смыслопорождения. Следовательно, восходящее еще к Платону в смысле платоновского эйдоса как «прообраза» понятие **внутренней формы языковой единицы** позволяет нам объяснить вариативность результата смыслопорождающего процесса при интерпретационном функционировании текста.

При обсуждении этой проблемы мы исходим из того, что всякая единица языка является единицей двусторонней, обладающей формой и содержанием. Причем формальная сторона образуется совокупностью внешней и внутренней формы. Под **внешней формой** понимается звуковая оболочка языковой единицы, или, как писал Г. Г. Шпет, материально-чувственная сторона. **Внутренняя форма** слова, т. е. «семантическая и структурная соотношенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка» [3: 85], «пользуется звуковой формой для обозначения предметов и связи мыслей» [7: 67]. Иными словами, внешняя и внутренняя формы образуют некое единство.

Содержательная сторона языковой единицы также имеет двойственную сущность, по отношению к которой можно говорить о противопоставлении **значения и значимости**, о которой писал Ф. де Соссюр [5]. Таким образом, организация языковой единицы представляет собой сложный симбиоз формальной (внешней и внутренней) и смысловой (значения и значимости) сущности. При этом внутренняя форма есть то промежуточное звено, которое связывает внешнюю форму с содержательной стороной языковой единицы, есть «способ, каким выражается содержание» [4: 156].

В настоящей работе внутренняя форма слова рассматривается как источник вариативного смыслопорождения. При этом мы, актуализируя идеи Н. Д. Голева об антиномии **условного и отражательного характера внутренней формы** [1], полагаем, что прежде всего **условный** (при бесспорном признании и **отражательного**) характер внутренней формы определяет потенциальную вариативность содержательной – в первую очередь значимостной – стороны языковой единицы. Так, слово, несмотря на структурированность его формальной и содержательной стороны, в обычном, естественном функционировании воспринимается как целостная единица, значение которой носит условный характер. Высказывание же, сверхфразовое единство, а особенно текст семантизируются под влиянием регулярно проявляющегося элементаристского принципа [2], и эти языковые единицы в большей мере осознаются как единицы, значение которых носит отражательный характер.

В разных условиях (сильных и слабых позициях актуализации внутренней формы слова) функционирования текста реализуется одна из двух возможных моделей:

а) активизация внутренней формы слова как источника смыслопорождения; слово функционирует как структурированная единица; в этом случае доминирует отражатель-

ный характер внутренней формы слова, процесс смыслопорождения находится под влиянием значения внутренней формы слова;

б) нейтрализация внутренней формы слова как источника смыслопорождения; слово функционирует как целостная единица; в этом случае доминирует условный характер внутренней формы слова; на процесс смыслопорождения не оказывает влияния внутренняя форма слова.

Интерпретационное функционирование текста как реализация двух моделей детерминирует вариативность интерпретационного результата.

В слабой текстовой позиции, как правило, происходит нейтрализация внутренней формы слова, лексема функционирует как целостная формально-семантическая единица. Интерпретационный потенциал внутренней формы и ее потенциал как смыслопорождающей единицы нейтрализуются. В сильной текстовой позиции, т. е. в позиции актуализации внутренней формы слова, ее смыслодеривационный потенциал получает условия для реализации. Однако такая позиция не может быть проявлена абсолютно. Коммуникативный процесс, целью которого является коммуникативное взаимодействие его участников, обуславливает полную или частичную нейтрализацию смыслодеривационных возможностей внутренней формы слова.

Целостность и структурированность языковой единицы обуславливает равновероятную реализацию ее смыслопорождающего потенциала как по модели актуализации, так и по модели нейтрализации внутренней формы слова.

Отсутствие регулярной, закрепленной связи внутренней формы с семантической стороной (значением и значимостью) языковых единиц, проявляемое на разных уровнях, а следовательно, условный характер внутренней формы является одним из факторов, определяющих потенциальную вариативность семантизирующего результата.

Сформулированные нами положения верифицируются экспериментальными данными.

Литература

1. Голев Н. Д. Внутренняя форма как универсальный принцип языка и речевой деятельности (на примере графики, орфографии, морфологии и лексики русского языка) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского университета. Томск, 1998. С. 8–12.
2. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативность интерпретации речевого произведения и особенности русского языкового мышления (хелизм vs. элементаризм) // Система языка и языковое мышление. М., 2009. С. 51–65.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
4. Потебня А. А. Мысль и язык. М., 2007.
5. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.
6. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
7. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). М., 2003.

Формально-позиционная организация суффиксальных глаголов в русском языке

Э. С. М. Мамедова, Ш. М. Магеррамова

Бакинский славянский университет (Азербайджан)

e-mamedova@mail.ru, shafiga@inbox.ru

Word formation, word-formation types, verb, verb suffix, the part of speech.

Summary. Every part of speech contains its own system of word formation and it is, at the same time, able to serve as a basis for generating word formations for certain lexico-grammatical categories. In this paper, we have analyzed verb suffixes and motivational nouns in the Russian language have established their own derivation types.

Глагол во всех языках мира является самой сложной лексико-семантической категорией и одновременно самой важной частью речи, поэтому В. Гумбольдт называл глагол «сердцем предложения».

Словообразовательное значение – составная часть словообразования и «является общим для производных данного типа» – СТ или модели [2: 184].

Материальным выразителем словообразовательных значений является формант. Формант – это средство или совокупность средств образования слова на базе другого слова.

Одной из основных функций суффикса лингвисты со времен Ш. Балли [1] называют транспонирующую функцию, трансформирующую одну конструкцию (словоформу) в другую.

В данной работе мы подвергли анализу суффиксальные глаголы, мотивированные существительными, установили их словообразовательные типы (СТ):

- суффиксальные глаголы образуются от сочетания существительного с суффиксом *-ить* (С + *-ить* = Г): *печалить, мыслить, смешить, славить, тревожить, вьюжить, дождить, пуржить, снежить, охрить, пудрить, магнитить, утюжить, лопатить, косить, пилить*;
- суффиксальные глаголы образуются от сочетания существительного с суффиксом *-ировать* (С + *-ировать* = Г): *анонсировать, аргументировать, клишировать, префигировать, калькировать, реверсировать, транскрибировать, интонировать, нюансировать, патрулировать, проецировать, пародировать* и т. п.;
- суффиксальные глаголы образуются от сочетания существительного с суффиксом *-овать* (С + *-овать* = Г): *адресовать, арендовать, браковать, грипповать, образовывать, практиковать, глянцевать, гипсовать, глазуровать, коксувать, оборудовать, спиртовать* и т. п.;
- суффиксальные глаголы образуются от сочетания существительного с суффиксом *-ствовать / -ествовать* (С + *-ствовать* = Г): *владичествовать, торгошествовать, купечествовать, палачествовать, избыточествовать, наличествовать, адвокатствовать, актерствовать, акушерствовать, бедствовать, диктаторствовать* и т. п.;
- суффиксальные глаголы образуются от сочетания существительного с суффиксом *-ничать* (С + *-ничать* = Г): *кофейничать, гримасничать, попугайничать, кухарничать, ремесленничать, малярничать* и т. п.;
- суффиксальные глаголы образуются от сочетания существительного с суффиксом *-изировать* (С + *-изировать* = Г): *агонизировать, гипнотизировать, догматизировать, скандализировать, морализировать, фантазировать, драматизировать, симпатизировать, иронизировать, символизировать, этимологизировать* и т. п.;
- суффиксальные глаголы образуются от сочетания существительного с суффиксом *-ать / -ять* (С + *-ать* = Г): *жаждать, вонять, работать, лугать, промышлять, кашлять, нуделять, петлять, пленять* и т. п.;
- суффиксальные глаголы образуются от сочетания существительного с суффиксом *-изовать* (С + *-изовать* = Г): *колонизовать, пауперизовать, маршаллизовать, диспетчеризовать, стилизовать, скандализовать, сигнализировать, морализовать* и т. п.;
- суффиксальные глаголы образуются от сочетания существительного с суффиксом *-еть* (С + *-еть* = Г): *сиротеть, студенеть, ветреть, сиротеть, индеветь, каменеть, пламенеть, ветреть, плесневеть* и т. п.

Анализ материала и установление СТ суффиксальных глаголов, мотивированных существительными позволил сделать следующие выводы:

1) общий объем суффиксально-глагольных образований 1400 производных единиц:

С + *-ить* = Г – 370 производных единиц;

С + *-ировать* = Г – 270;

С + *-овать* = Г – 260;

С + *-ничать* = Г – 140;

С + *-ствовать* = Г – 125;

С + *-изировать* = Г – 100;

С + *-ать* = Г – 60;

С + *-изовать* = Г – 50;

С + *-еть* = Г – 25;

2) образование суффиксальных глаголов происходит по 9 СТ:

С + *-ить* = Г – 26, 4%;

С + *-ировать* = Г – 19%;

С + *-овать* = Г – 18,6%;

С + *-ничать* = Г – 10%;

С + *-ствовать* = Г – 9 %;

С + *-изировать* = Г – 7,2%;

С + *-ать* = Г – 4 %;

С + *-изовать* = Г – 3,6%;

С + *-еть* = Г – 1,8%;

3) самым продуктивным СТ среди суффиксально-глагольных образований является модель: С + *-ить* = Г; продуктивны также следующие СТ: С + *-ить* = Г, С + *-ировать* = Г, С + *-овать* = Г; модели: С + *-ничать* = Г, С + *-ствовать* = Г, С + *-изировать* = Г – среднепродуктивны; модели: С + *-ать* = Г, С + *-изовать* = Г, С + *-еть* = Г – малопродуктивны;

4) в образовании суффиксально-глагольных единиц участвуют следующие форманты: *-ить, -ировать, -овать, -ничать, -ствовать, -изировать, -ать, -изовать, -еть*;

5) самым продуктивным формантом глагольных единиц является суффикс *-ить*; активны также следующие форманты: *-ировать, -овать*; суффиксы: *-ничать, -ствовать, -изировать* – среднепродуктивны; суффиксы: *-ать, -изовать, -еть* – малопродуктивны;

6) в материале исследования нами были выявлены образования с суффиксом *-ивать / -ывать*, мотивированные существительными: *доклад – докладывать, пена – пенить, ночь – ночевывать*; а также единичное образование с суффиксом *-ну-*: *шикнуть / шикануть*.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
2. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. М., 2008.

Словообразовательный аспект обучения иноязычному дискурсу

О. В. Нагель

Томский государственный университет

olga.nagel2012@yandex.ru

Propositional analysis, cognitive foundation of the subject, cognitive ability in students, corpus.

Summary. In appliance to studying derivational system of the English language cognitive approach can be used to develop a three-stage algorithm of choosing a suitable variant while translating derivatives from Russian. At the first stage comparison of dictionary definitions of word should be done using component analysis. At the second stage propositional analysis of a derivative makes it possible to determine the parameters that the derivative has inherited, as well as the ones it has acquired in the process of derivation. Basing on this at the third stage while translating text students are given the task to choose an English equivalent for the Russian derivative.

Знания о мире изучаемого языка обучаемый черпает из окружающей его действительности, в том числе и из языка, который функционирует как когнитивная система, способствующая обработке и упорядочению знаний о мире.

В результате, при когнитивной ориентированности современного образования, необходимо учитывать не только когнитивные способности обучающего (максимальная активизация когнитивных компонентов его речемыслительной деятельности – системное мышление; умение отыскивать, обрабатывать, интерпретировать и представлять информацию; критическое мышление; развитые навыки планирования; умение анализировать проблемы; способность и желание обучаться), но и когнитивную базу преподаваемого предмета.

Предлагается рассмотреть деривационное порождение слова, его функционирование и способы перевода на англ-

ийский язык с когнитивных позиций с учетом активации данных языковых явлений в иноязычной дискурсивной деятельности обучаемого.

Рассмотрение производного имени как сложного конгломерата дискурсивно значимых, но скрытых смыслов, требует нового подхода к преподаванию словообразования, не как процессу усвоения определенной базы словообразовательных правил и корпуса производных имен, а как словообразовательной деятельности, деятельности когнитивной и коммуникативно-дискурсивной.

Производные имена, точнее их природа, должны осваиваться как динамические смысловые и функциональные структуры, способные, в силу смысловой и формальной расчлененности, активно реагировать на коммуникативное задание и выступать одним из средств языковой интерпретации глубинной ситуативной семантики.

На обсуждение выносятся авторский пошаговый алгоритм работы с семантикой производного знака и его перевода, позволяющий развить у обучаемых способность выявлять системные закономерности национального языка, что, в свою очередь, способствует дальнейшей корреляции когнитивных оснований обучаемого предмета (в нашем случае словообразовательного механизма) и когнитивных способностей обучаемого.

Трехступенчатый алгоритм работы с производным именем и его эквивалентами состоит из трех основных этапов:

Этап № 1.

Работа со словарным переводом производного имени и выявление универсальных и специфичных компонентов / параметров значений всех вариантов перевода, используя элементы компонентного анализа.

Этап № 2.

Определение наследуемых параметров от мотивирующей единицы и параметров, которые появляются или актуализируются в процессе словообразовательного акта, используя пропозициональный анализ.

Этап № 3.

Перевод отрывка, содержащего производное имя, с выбором эквивалента, наиболее точно отражающего актуальность выявленных имплицитных смыслов производного.

В качестве контроля в данном задании может выступать сопоставление предложенного перевода с существующим переводом, используя данные параллельного корпуса русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>).

Такого рода задание является логическим продолжением предложенной модели работы с производными единицами и их переводом. При выполнении практического задания обучаемые занимают активную коммуникативную позицию и на практике реализуют навык работы с инферентными смыслами языковых единиц. Пошаговый алгоритм работы с семантикой производного знака и его перевод позволяет развить у обучаемых способность выявлять системные закономерности национального языка, что, в свою очередь, способствует дальнейшей корреляции когнитивных оснований обучаемого предмета (в нашем случае словообразовательного механизма) и когнитивных способностей обучаемого.

Таким образом, используя результаты лингвистических исследований, направленных на выявление когнитивных основ языка, возможно ориентировать процесс обучения иноязычному курсу на освоение глубинных основ создания и употребления языковых единиц, в данном случае русских производных имен синкретичных словообразовательных типов.

Комплексные единицы производных слов с общим формантом

Д. А. Осильбекова

Московский педагогический государственный университет

osilbekova@list.ru

В лингвистической литературе на основе общности форманта выделяются различные комплексные единицы словообразования: словообразовательный тип, словообразовательный архитип, словообразовательный макротип, дериватема и словообразовательная категория.

Словообразовательный тип, рассматриваемый большинством лингвистов в качестве основной комплексной единицы словообразования, традиционно понимается как структурно-семантическая схема построения производных слов, обладающая тремя видами тождеств: частеречной принадлежности производящего, форманта и словообразовательного значения.

Вопрос о тождестве части речи мотивирующих слов как критерии объединения их в СТ решается по-разному. Так, Е. А. Земская, признавая это тождество необходимым в учебнике «Современный русский язык. Словообразование» [1: 182], позже пишет: «Основными признаками производных, диктуемыми их объединением в СТ, на наш взгляд, является единство словообразовательного значения и форманта. Конечный продукт словопроизводства (производное слово) – в пределах СТ – характеризуется единством части речи, тогда как исходный продукт (базовая основа) может быть взят из запасов различных частей речи» [2: 39].

Для обозначения единицы, включающей в себя несколько СТ с общим формантом и разными по частеречной принадлежности производящими, в лингвистике используются термины «словообразовательный архитип» и «словообразовательный макротип». И. А. Ширшов дает следующее определение архитипа: «Словообразовательный архитип – это единица классификации словообразовательной системы, включающая в себя ряд типов с тождественным дериватором и характеризующаяся наличием у мотиваторов инварианта значения» [9: 49]. К одному архитипу он, например, относит производные от слов разных частей речи с суффиксами *-ик*, *-ник*, передающими значение лица. Таким образом, под словообразовательным архитипом имен существительных понимается то же самое, что и словообразовательный тип, когда тождество части речи производящих не считается обязательным критерием.

Р. С. Манучаряном был предложен синонимичный термин «макротип», под которым понимается объединение производных слов с общим словообразовательным формантом, но разными по частеречной семантике производящими базами. «Макротип имеет межтипное значение, основанное

на инварианте форманта, выступающего в двух и более словообразовательных типах» [6: 10].

Рассматривая архитип как совокупность СТ (а также СТ и единичных образований), объединенных общим значением форманта, мы выделяем в сфере суффиксальных субстантивов гомогенные и гетерогенные словообразовательные архитипы. К гомогенным относятся архитипы с однозначным СА (словообразовательным аффиксом). Например, существительные, образованные от разных частей речи с суффиксами: *-ад*: *лимонад* (от сущ.), *маринад*, *рафинад* (от глаг.); *-ист*: *дарвинист*, *массажист*, *таксист* (от сущ.); *архаист*, *специалист*, *фигурист* (от прил.).

Однозначность СА не предполагает однозначности СТ и архитипа, семантические подтипы которых могут быть обусловлены семантикой производящих.

Гетерогенные архитипы формируют СА, характеризующиеся инвариантной и цепочечной полисемией. Инвариантная полисемия присуща суффиксам, обладающим обще-предметным значением, которое представлено в вариантах 'лицо', 'животное', 'предмет'. Например: *-ок*: *стрелок* (от глаг.), *слеток* (от глаг.), *желток* (от прил.).

В гетерогенных архитипах с цепочечной полисемией СА ядро составляет СТ, производные которого помимо процессуального значения или значения отвлеченного признака могут иметь предметные значения. На периферии находятся СТ с предметными значениями, реже – с отвлеченными значениями, которые семантически связаны с предметным или отвлеченным значением производных ядерного СТ архитипа. Так, архитип производных на *-ок* включает в себя три словообразовательных типа. СТ отглагольных производных, называющих отдельный акт действия (*бросок*, *глоток*, *скачок*), а также отдельный акт действия и орудие или результат этого действия (*зудок*, *звонок*, *свисток*; *плевок*, *моток*, *стежок*), составляет ядро архитипа. Суффикс здесь совмещает значение действия и предмета и выполняет функции транспозиции и мутации. В своем предметном значении суффикс идентичен суффиксам трех СТ – СТ производных от прилагательных с инвариантным предметным значением (*дичок*, *валенок*, *желток*), СТ отглагольных производных с инвариантным предметным значением (*игрок*, *скребок*, *коток*), СТ производных от числительных (*пяток*, *десяток*).

Выделение еще одной комплексной единицы – гипертита представляется нам необходимым в силу того, что рассмот-

ренные выше типы полисемии в рамках СТ и архитипа не исчерпывают собой все разнообразие семантических связей СА. Так, сема частеречного предметного значения связывает мутационные и модификационные СА отношениями радиальной полисемии. У модификационных СА общее предметное значение представлено значениями собирательности, единичности, женскости, незрелости или подобия. Например: гипертип существительных с гиперсуффиксом *-иц(а)* состоит из 1) архитипа производных с инвариантным общепредметным значением (*ядрица, тупица, троица*); 2) СТ производных со значением женскости (*волчица, тигрица, певича*); 3) единичного образования со значением единичности и уменьшительности (*крупица*).

Комплексные единицы, выделенные на основе семантической общности СЗ для ряда словообразовательных типов (в традиционном их понимании) с материально нетождественными формантами, имеют различные названия: словообразовательный тип [3]; [8]; дериватема (совокупность функционально-тождественных словообразовательных типов) [4]; словообразовательная категория [5]; [10]; [6].

Литература

1. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. 2-е изд., стереотип. М., 2005.
3. Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.
4. Зенков Г. С. Принципы организации словообразовательных элементов в систему и возможности ее описания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1993.
5. Ковалик И. И. Вопросы словообразования имен существительных восточнославянских языков в сравнении с другими славянскими языками: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Львов, 1961.
6. Манучарян Р. С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения (на материале сопоставления русского и армянского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ереван, 1975.
7. Манучарян Р. С. К терминологии словообразования // *Slavische Wortbildung: Semantic und Kombinatorik*. Münster; Hamburg; London, 2002.
8. Огольцева Е. В. Иерархическая система метаединиц в словообразовании // *Вестник Новгородского государственного университета*. 1998. № 4. С. 123–129.
9. Ширинов И. А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1981.
10. Dokulil M. Tvořeni slov v češtině, 1. Praha, 1962.

Продуктивность заимствованных основ в составе сложных слов русского языка

А. В. Петров

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

liza_nada@mail.ru

Foundations, borrowed foundatins, abbreviation foundations, productivity of foundations, rebirth of foundations, mixed foundations.

Summary. Analysis of hybrid compound words gives evidence of the productivity increase and the loss of its former activity of certain borrowed foundations, displacing some foundations of the others, the regeneration of the foundations and of the formation of the fund of new abbreviation foundations.

С середины XX века в русском языке обнаруживают продуктивность словообразовательные элементы иноязычного происхождения – префиксы, суффиксы, производящие основы [Русск. яз. 1968], в результате чего словарный состав русского языка пополнился новыми единицами, простыми и сложными по словообразовательной структуре. В последующие десятилетия продолжается интенсивное протекание этого процесса [Русск. яз. 1968]. В начале XXI века исследователи констатируют высокую степень продуктивности иноязычных словообразовательных формантов [Валгина 2001].

Отдельным вопросом дериватологии является исследование функционального соответствия между иноязычными и русскими морфемами, а также основами. Эта проблема была поставлена В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым еще во второй половине XX века. Ученые отмечали синонимию морфем и основ «*-фил* и *-люб*; *-фоб* и *-ненавистник*; *-графия* и *-пись*, *-писание*; *-граф* и *-писец*; *-метр* и *мер*; *-план* и *-лёт*; *-навт* и *-плаватель*; *гидро-* и *водо-*; *фоно-* и *звуко-*; *библио-* и *книго-*; *авто-* и *само-*; *изо-* и *равно-*; *моно-* и *одно-*, *едино-*; *поли-* и *много-*; *псевдо-* и *лже-* и т. д.». В этом направлении выполнены немногочисленные работы: определено функциональное соответствие основ *-метр* и *-мер* [Новикова 1982], *би(ть) 1* и *-цид* [лат. *caedere* убивать], *есть 1* и *-фаг* [гр. *phagos* пожирающий] [Петров 2013]. На сопоставительном, или параллельном, исследовании лексики разных языков акцентировал внимание А. А. Белецкий. Для изучения способов выражения основных понятий в разных языках ученый предложил термин идеоморфизм (от греческого *idéa* «идея, мысль, понятие» и *морфэ* «форма, образ»). Тонкие наблюдения над корреляцией соотносительных с понятиями «земля», «воздух», «вода» исконных и заимствованных основ были сделаны на материале украинского языка Н. Ф. Клименко. Изучение словарного состава с точки зрения этимологии его составляющих и взаимодействия исконных и заимствованных элементов приводит исследователей к необходимости выделения своеобразного типа структурно-семантических объединений – лексико-словообразовательных гнезд (З. А. Харитончик), этимолого-семантических полей (О. М. Соколов, Л. М. Устюгова, В. Г. Гак).

Н. Ф. Клименко определяет продуктивность как «способность словообразовательных средств и способов принимать

участие, а словообразовательных типов – быть образцом в образовании новых слов». Исследователь разграничивает продуктивность аффиксов и основ. Продуктивность основ выявляется в парадигмах сложных слов, то есть в объединении производных в соответствии с первыми (классифицирующими) или вторыми (идентифицирующими) компонентами [Клименко 1984]. В русистике и в украинистике интенсивно изучается словообразовательная активность иноязычных элементов, в частности основ. Отдельные иноязычные основы были предметом специальных исследований: *-дром* [Красильникова 1972, Петров 2007], *-рама* [Лопатин, Улуханов 1963], *-бус*, *-визор*, *-мобиль*, *-тека*, *-трон* [Русск. яз. 1968; Земская 1992], *-ман*, *-мания* [Дягилева 2003]. На материале украинского языка существует монографическое исследование о международных компонентах в составе термина [Кочан 2004].

Наблюдения над основой- и словосложением в русском языке свидетельствуют о протекании следующих процессов:

- а) начинают проявлять продуктивность ранее непродуктивные основы: *dez-* (от дезинфекционный), *комби-* (от комбинированный) в наименованиях лекарственных препаратов, *инва-* (от инвалидный) в названиях компаний и сайтов и др.;
- б) возрастает продуктивность отдельных основ: *биб-* (от библиографический), *эко-* (от экологический) и др.;
- в) возрастает продуктивность тех или иных заимствованных основ, ранее непродуктивных: *информ-* (от информационный), *декорационно-* (от декорационный), *декоративно-* (от декоративный), *мульти-* (от мультипликационный) и др. в составе аббревиатур и композитов;
- г) затухают ранее активные основы: *геолого-*, *геол-* и *гео-* (от геологический), *меж-* (от международный), *соц-* (от социалистический), *эко-* (от экономический) и др.;
- д) происходит вытеснение одних абброоснов другими: *ин-* → *ино-* (от иностранный), *меж-* → *международн-* (от международный) и др.;
- е) происходит перерождение основ в абброосновы и в основы смешанного типа, что приводит к появлению новых основ: *декоративно-* и *декор-* (от декоративный), *акустико-* и *акусто-* (от акустический), *аромато-* и *арома-* (от ароматический), *оптико-* и *опто-* (от оптический), *универсально-* и *уни-* (от универсальный); *фармацевтическо-*, *фармако-*,

фарма- (от *фармацевтический*), экономико- и эконом- (от *экономический*), энергетико- и энерго- (от *энергетический*) и др.;

ж) сокращаются звуковые оболочки аббревиатур: админ-, адм-, ад- (от *административный*); гравито- и грави- (от *гравитационный*); гофро-, гофр- и гоф- (от *гофрированный*), социо- и соц- (от *социальный*) и др.;

з) появляются новые основы, не связанные с процессом перерождения: экзо- (от *экзотический*) и др.

Рассмотренные динамические процессы свидетельствуют не только о возрастании продуктивности или утрате былой активности тех или иных заимствованных основ, вытеснении одних основ другими, но и о формировании фонда новых основ, прежде всего аббревиатур.

Региональный компонент в преподавании словообразования в школе: неопределенные местоимения в сибирских говорах

С. П. Петрунина

Кузбасская государственная педагогическая академия

nad514@yandex.ru

Сибирские говоры, неопределенные местоимения, плеонастические местоимения, диалектная цетера.

Summary. The paper dwells on the peculiarities of indefinite pronouns in the Siberian dialects. The word *to* functions in those dialects as a word-formation affix of the indefinite pronouns, along with *-nibud'* and *koe-*, whereas *-libo*, being a specific affix of literary Russian language, is not known to the Siberian dialect speakers. A characteristic feature of the analysed pronouns is their functioning as 'et cetera' words (the last but non-final members of the equipotent chain) and its frequent usage with the word *drugoi*. Another characteristic feature of the indefinite pronouns is their pleonastic usage – in this case the pronoun takes the position before the attribute forming constructions like 'I have a somehow little cat'.

В сибирских говорах (говоры Кемеровской и Томской областей) система словообразовательных аффиксов (частицы) неопределенных местоимений трехчленна: *-то* (*-т*), *-нибудь* (*-нить*) и *кое-* (*кои-*, *кой-*): *Ой, ведь кто-то палы пустил* (поджиг сухую траву) [7, IV: 131]; *Вот недавно опять подралась, то с кем-нить с мужиками свяжется, подерётся, либо женщина с женщиной подерутся* [7, IV: 33]; *Ну, я кое-чём списала, так, немного, для себя* [7, IV: 119].

В случаях с *кое-* встречается препозиция непроизводного предлога (*Я у кой-кого поспрошаю*), его дублирование в пре- и интерпозиции (*С кое с кем надоть побалакать*), употребление предлога с местоименным наречием (*Щас сбегаю в кое-куда*).

Постфикс *-либо*, синонимичный *-нибудь*, сибирским говорам неизвестен, так же как существование неопределенных местоимений *некто*, *нечто*, *некий*, *некоторый* [2: 171–172], отмеченных стилистически как книжные или устаревшие (*некий*). Различия *-нибудь* и *-либо*, очевидно, также стилистические (единичные *-либо* воспринимаются диалектным сознанием как книжные, см. использование постфикса в деловых бумагах: *Прошу правление колхоза дать каку-либо поросюшку* (д. бум.) [7, III: 96] и связаны с функционально-семантическим типом (рассуждение) и жанром (информативный) текста. См., например, использование *-либо* в словарных толкованиях [7]: *НА ПАМЯТИ. В период жизни кого-либо, когда он сам был свидетелем чего-либо и ещё помнит происходившее тогда; РОЖДЕНЕЦ. Уроженец; человек, родившийся в каком-либо месте (области, деревне и под.)*.

Словообразовательная система неопределенных местоимений в исследуемых говорах специфична еще и потому, что в ней нередко употребление местоимений *кто*, *чём*, *какой* и др. без аффиксов *-то*, *-нибудь*, *кое-*: *Выпивки почти никто не пивал. Или, может, у кого там медовуха, иль ешо чё сделают* [7, II: 140]; *А кто таки заходят, они по-матерному прямо, матом [ругаются]* [7, III: 151]; *У Тамары опушиенье желудка и матки, надо бабушку каку – потерять живот* [7, I: 33]. Эту черту толковые словари русского языка (ТСУ, СО, БАС, МАС) отмечают как разговорную: *КТО 2*. (неопр.) То же, что кто-нибудь (разг.) *Если кто придет, скажи мне* (СО). Вместе с тем подобное употребление встречается уже в толкованиях «Словаря Академии Российской» (1789–1794): *Выходить тайкомъ изъ какою места; Высвободить кого из-подъ стражи; Заказать крепко накрепко не делать чего; Поступить с кемъ круто; Написать критику на каковую книгу, поэму; Крупица, самая мелкая часть чего неждикаго* (цит. по: [4: 141]). Такое употребление наряду с неустойчивой орфографией постфиксов (без дефиса в первом издании, с дефисом – во втором) свидетельствует о том, что «эти словообразовательные типы развиты еще недостаточно» [4: 141]. Очевидно, этот же вывод можно экстраполировать и на диалектный материал, фиксирующий архаичное состояние данного фрагмента местоименной системы.

Особую область функционирования безаффиксных неопределенных местоимений составляет диалектная цетера

(о ней см. в [5]), являющаяся заключительным членом открытого сочинительного ряда (*Алой он полезный тоже, но тоже кому пойдёт. Глаза или чё такое* [7, IV: 120], и их сочетание со словом *другой* (*В другищ какиф областях хлеб дак... а у нас по четыре; Кака друга и дурнушка, а мужика доброго прихватит*), которое, в свою очередь, может быть неопределенным местоимением (*Другой так и не заметил бы*). И эту черту толковые словари русского языка отмечают как разговорную: *ДРУГОЙ 4. мест. (неопр.) Некоторый, какой-нибудь, иной (разг.). Другой бы поблагодарил, а ты недоволен* (СО). В сибирских говорах в значении неопределенных местоимений функционируют также *который* (*которые кусты повалились; которая стыдится; а которым всё равно*) и *один* (*он живёт с одной тут; у одних людей жили*) [1: 171].

В исследуемом материале много случаев употребления конструкций с плеонастическим неопределенным местоимением-определителем, находящимся по отношению к определяемому в контактной пре- и постпозиции, актуализирующим его и создающим специфическую линейно-динамическую характеристику диалектной фразы: *У меня какой-то худенький котик, я кормлю насилу его* [7, II: 194]; *Кака-то медова роса упала, хлеб попортила* [7, II: 141]; *Войну прошёл, только две войны проходил – кака-то японска ли кака была война, и германска война была* [7, III: 148]. (Ср. с аналогичными конструкциями разговорной речи, в которых местоимение-определитель находится в дистантной препозиции по отношению к определяемому, создавая особую ритмомелодику разговорной фразы: *Какая-то она странная стала, уставится в одну точку* [2: 234–235].)

Часто позицию определяемого занимает указательное местоимение, также плеонастическое по своему характеру: *Так только, попробую чуточку маленько, да как вот хороша – понимаю, что хороша, а нехороша – как вроде недосоленна кака-то така* [7, III: 86]. Подобные конструкции делают диалектные рассказы наглядными, включающими мимику и жест, изобразительными, привязанными к ситуации и реализуются в стратегии приведения примера. Они отражают аппроксимационный, динамический и экспрессивный характер грамматики говорящего [3: 15–16], подкрепляя «отчетливо национальное специфичное тяготение русского дискурса к неопределенным модальным пометкам» [6: 23].

Литература

1. Киселева О. Н. Местоимения // Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 1. Томск, 1984.
2. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
3. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
4. Онацкая О. И. Из истории русской орфографии. Дефис в «Словаре Академии Российской» // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8).
5. Петрунина С. П. Цетера в среднеобских говорах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. №3 (51).
6. Ладучева Е. В. Феномен Анны Вежицкой (вступ. ст.) // Вежицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
7. Полный словарь сибирского говора / Гл. ред. О. И. Блинова. Т. 1–4. Томск, 1991–1995.

Когнитивный аспект телескопических производных в современном английском языке в сопоставлении с русским

М. М. Полюжин, Н. Ф. Венжинович

Ужгородский национальный университет (Украина)

vennata@mail.ru

The blended derivatives, Modern English and Russian, 'splinters', the non-patterned structural elements.

Summary. The report focuses on the results of the carried out analysis of the blended derivatives in Modern English in compression with Russian. A conclusion is made that though in creating a new word the 'splinters' of the non-patterned structural elements participate, a language personality combines them in a peculiar way, directed at their successful decoding.

Особенности структуры и семантики телескопических производных в современном английском языке продолжают привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Одной из причин неослабевающего интереса к ним является ее возрастающее распространение в сфере англоязычной номинации как в британском, так и американском ее вариантах. Причиной недостаточной освещенности этого феномена является и факт рассматривания телескопических образований в рамках словосложения, аффиксации и обратного словообразования. Статус, структура и семантика телескопических образований сегодня все чаще приравнивается к сложным словам, аббревиатурам, аффиксальным производным, а также производным с аффиксоидами. Поэтому обращение к таким проблемам современной лингвистики, как соотношение формы и содержания языковых средств, специфика формирования семантико-телескопических производных, роль значений мотивирующих слов разного статуса, приобретает особую актуальность, усиливающуюся тем неоспоримым фактом, что в формировании телескопических производных участвуют определенные структуры смысла, отражающие особенности лингвокультуры их носителей. Вот почему на повестку дня выдвигается необходимость рассмотреть телескопические образования с позиций когнитивной лингвистики с целью уточнения характера соотношения семантических и формальных структур телескопических производных. Представляется также интересным проследить, как индивидуально-субъективный «человеческий фактор» определяет мотивирующее суждение телескопического производного, а также выбор и расположение компонентов телескопической структуры согласно моделям конкретного языка (в нашем исследовании – английского в сопоставлении с русским).

Результаты проведенного нами когнитивного анализа показали, что за телескопическими производными в сознании носителя языка стоят сложные концепты (фреймовые структуры), состоящие из набора простых, представленных в языке мотивирующими словами телескопических производных. В формировании последних принимают участие два типа структуры смысла – «композитивный» и «концептуальной интеграции». В первом случае смысл распадается на исходные составляющие, во втором – создается единый третий смысл в результате слияния образов. Телескопическое слово при этом образует новый тип понятия, охватывающего две и более его составляющих. По аналогии со сложным словом лексические значения телескопических производных формируются на базе словообразовательного значения, которое является соединительным и проявляется в виде предикативного сочетания. Между типами предикатов и структурными моделями телескопических производных нет зависимости, поскольку оба типа выражаются как с помощью модели усечения, так и модели наложения.

Сегодня в лингвистической литературе сложилось представление о телескопии как о словообразовательном явлении, берущим свое начало в среднеанглийском языке. Традиционный подход относит телескопию к линейным способам словообразования, которые характеризуются морфологической членностью и выражаются формулой $x + y$ (Е. С. Кубрякова и П. М. Карашук). При этом отмечается, что критерием разграничения телескопии и других линейных способов словообразования являются особенности морфологической структуры телескопического слова – наличие, как минимум, двух морфем, где конец первой и начало второй или только вторая представлены в усеченной форме. Исходя из того, что телескопические единицы явля-

ются разновидностями слияния, как правило, двух или более концептов, возникает необходимость исследовать сходства и различия процессов формирования структуры и семантики телескопических сложных слов, структура которых «компактно вмещает» новое значение и эффективно кодирует информацию. Последняя достаточна для расшифровки, минимальна по протяженности, сравнительно легко декодируется. Процесс понимания сообщения обеспечивается как ожиданиями, фоновыми знаниями, так и возвращением фокуса внимания назад – справа налево. В телескопическом слове это соответствует возврату к его исходным элементам, напр.: англ. *Anglo-franlish* – 'смесь английского и французского языков в провинции Квебек'; ср. в русск. *англо-френглиши* – тс (редко); англ. *Ameringlish* – шутил. 'американский вариант английского языка'; ср. в русск. *америнглиши* – тс; англ. *bigness* – 1. 'величина, размер'; 2. 'величие, большой бизнес'; 'крупнейшие операции' – *big + business*; ср. в русск. *бизнес* – тс (редко); англ. *bionics* – 'биоэлектроника' – *bio + electronics*; ср. в русск. *бионика* – тс. Функцию базиса выполняет одно из мотивирующих слов, являющееся темой мотивирующего суждения и, как правило, его морфологическим (акцентно-слоговым) образцом. Вследствие наложения морфов или включения одного морфа в состав другого и их неполного наложения базис может выражаться полностью. Функцию ономаσιологического признака (ремы дефиниции) выполняет другое мотивирующее слово (его эксплицитный «осколок»), характеризующее базис по различным параметрам. Напр., телескопическое образование *bigness* – 'крупнейшие корпорации', 'большой бизнес' состоит из морфа (ономаσιологического признака) *big-* и корневого квазиморфа *-ness*, имеющего значение производного слова *business*, которое он представляет. Кроме того, *-ness* является служебным квазиморфом и базисом, относящим телескопическое производное к категории имени существительного.

На концептуальном уровне прослеживается два типа ономаσιологической структуры смысла: композитной и концептуальной интеграции. В первом случае смысл распадается на исходные составляющие, не интегрируясь в одно понятие. При этом происходит сужение понятия ономаσιологического базиса, выраженного существительным, прилагательным или глаголом. Напр., в англ. телескопическом образовании *round-wich* – 'круглый по форме бутерброд' (*sandwich wich is round*) ономаσιологический признак, выраженный прилагательным, конкретизирует понятие базиса, выраженного существительным *sandwich*; ср. в русск. *раундвич*. Телескопическое слово является обозначением в языке денотата-гибрида, когда создается единый третий смысл в результате слияния образов (концептуальной интеграции, напр., англ. *zwacket*) передает содержание единого концепта, соединяющего в себе концептуальные признаки *sweater* – 'свитер' и *jacket* – 'легкая куртка', при этом денотатом оказывается 'нечто среднее между свитером и курткой: свитер с пуговицами или куртка, связанная из шерсти'. В русск. нет соответствия. Сказанное дает основание для предположения о том, что языковая личность руководствуется определенными когнитивными и структурными принципами, принятыми в конкретной национальной языковой среде, в соответствии с которыми формируется эффективный способ аранжировки компонентов телескопического слова, при котором передаваемая информация декодируется с наименьшими затратами усилий и времени.

В заключение отметим, что как английский, так и русский языки формируют оптимальную структуру телескопическо-

го слова, представляющего моделируемую единицу, образованную, как правило, из двух слов с усечением, как минимум, одного из них в месте соединения. Возможны также наложения и вставки их морфов. Кроме того, сохраняется акцентно-слоговая структура одного из исходных слов, взятого в качестве морфологического образца. Наше исследование позволяет сделать вывод о том, что хотя в создании

нового слова участвуют «осколки», языковая личность комбинировает их особым образом, направленным на успешное декодирование. В английском языке это явление наблюдаем в гораздо большей мере, чем в русском. Причина этого кроется в связи когнитивного образа с определенной формой, которая ограничена свойственными конкретному языку структурными моделями.

Коммуникативно-функциональная модель словообразования

З. И. Резанова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

rezanovazi@mail.ru

Словообразование, деривационная функция, конструктивная языковая функция, текстовая функция.

Summary. The report proposed a functional-communicative model of derivation. A derivative function is characterized as base in this model. Embodiments of this function are determined by acts of words relatedness with basic language functions – nomination, predication and pragmatics. Forms of interaction of derivational units with elements of other linguistic levels are characterized in the implementation of the nominative, pragmatic, syntactic functions.

1. Исходная теоретическая посылка предлагаемой модели: глобальный функционализм описания, проявляющийся в осознании того, что онтология языка имеет функциональную детерминированность. Язык рассматривается как элемент более сложной системы, вступающий в отношения с ее другими элементами: «язык – человек», «язык – общество», «язык – мир» в их неразрывной связи. Как следствие, преодолевается уровневый атомизм модели структурно-системного описания языка. Утверждается, что реальная сфера функционирования всех единиц языковой системы – текст.

Вследствие этого, основной единицей анализа в коммуникативно-функциональной модели признается текст как структура, в которой осуществляются ментальная и коммуникативная функции языка в их единстве. Минимальная единица анализа – высказывание, осуществляющее взаимозвязанный акт номинации / коммуникации. Единицы низших уровней языка рассматриваются как строевые, их анализ ведется с точки зрения того, какой вклад каждый элемент вносит в построение общего смысла высказывания, через его посредство – смысла текста в целом. Строевые элементы высказывания могут быть ориентированы как на формирование отдельных слоев, «срезов» смысла текста, так и на совмещение функций, их определенный синкретизм.

2. При таком подходе словообразование предстает как включенная в сложно организованный функционирующий механизм системы языка его подсистема. Исследуется, как словообразовательный формант (формально-семантическая операция) преобразует исходную единицу для определенного ее участия в построении смысловой структуры высказывания.

3. Основной функцией словообразования следует признать деривацию, т. е. функцию создания нового слова. Деривационная функция как базовая воплощается в типовых вариантах, определяемых коммуникативной направленностью акта словообразования, принимающего участие в построении разных смысловых слоев высказывания.

4. Предмет интерпретации в рамках предлагаемой модели – языковые, системно значимые функции элементов словообразовательной системы, при этом любая языковая функция реализуется в совокупности ее текстовых воплощений.

5. Три функции языка, соотношенные с тремя аспектами семиотики – номинации, предикации и прагматики, выделенные Ю. С. Степановым и определяемые им как конструктивные, интерпретируются в рамках выстраиваемой модели как основные составляющие механизма порождения текста. Ю. С. Степанов отмечает, что выделяемые функции являются универсальными, но при этом каждая из них допускает раздельное моделирование, так как связана, по крайней мере в своих основаниях, с одним каким-либо фрагментом структуры языка [Степанов, 1973], в том числе и словообразовательным.

6. Словообразовательный механизм в различных своих сферах выступает в качестве одного из структурных элементов осуществления функций коммуникации, входя во взаимодействие с элементами других уровней. В тексте как

осуществленной коммуникации это находит выражение в участии структур словообразования в построении его основных смысловых слоев.

7. Очевидна определенная корреляция выделенных в рамках структурно-системной модели сфер мутационного словообразования, синтаксической деривации и модификации с тремя конструктивными функциями языка. Вместе с тем эта корреляция не является полной, так как первое членение произведено по онтологическому основанию, а второе – по функциональному.

8. Различная функциональная ориентированность трех основных сфер именного словообразования обуславливает вариантность формируемой словообразовательной и лексической семантики, с одной стороны, а с другой, – различие «вписывания» деривационных значений в обобщенный смысл высказывания, а следовательно, различие единиц, во взаимодействии с которыми реализуется их функция.

9. Для номинативно ориентированного мутационного словообразования первична связь с лексикой, синтаксической деривации – с грамматикой языка, модификационных производных – с другими средствами языковой прагматики. Сами строевые функции тесно взаимосвязаны и взаимопереплетены. Следствием этого является наличие вторичных функций у соответствующих словообразовательных средств, имплицитируемых первичными.

10. Номинативно ориентированный подтип деривационной функции реализуется производными мутационного словообразования. В динамическом аспекте мутационный дериват интерпретируется как результат актов переименования. Этот переход может протекать в условиях большего или меньшего семантического сдвига, приводящего в наиболее значительных проявлениях к изменению денотативной отнесенности производного слова по отношению к мотивирующему высказыванию. В этом случае словообразовательная операция может быть интерпретирована как имеющая номинативную направленность, и ее связь с реальными процессами текстопорождения видится весьма противоречивой.

11. Синтаксический дериват выступает как одно из ведущих средств создания синтаксических неизоморфных структур в целях достижения различных смысловых и прагматических эффектов. Основное направление действия синтаксического деривата – предикативная компрессия текста, затрагивающая как диктумные, так и модусные смыслы. Синтаксические дериваты, иногда проживающие несколько фаз категориальных трансформаций взаимодействуют с различными смысловыми слоями высказывания.

12. Модификационные дериваты в функциональном аспекте делятся на две группы: единицы, обслуживающие потребности номинативной сферы языка, и единицы, обслуживающих прагматическую функцию. Между этими двумя группами располагается группа словообразовательных типов с синкретичной номинативно-прагматической функцией. Прагматическая направленность моделей номинативной, синтаксической деривации и модификационного словообразования представлена в разных воплощениях. Первые две

сферы противопоставлены модификационному словообразованию как имеющие преимущественную логико-коммуникативную направленность, тогда как модификационное

словообразование направлено прежде всего на формирование смыслов субъективной модальности, организуемых модусом оценки.

Словообразовательный словарь для иностранцев как тип лингвистического описания русского языка в учебных целях

М. Д. Тагаев

Киргизско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

mamed_tagaev@list.ru

Словообразование, лингвистическое описание в учебных целях, пропозиционально-фреймное моделирование, мотивация, словообразовательный тип, когнитивно-дискурсивный подход, культурно-языковое пространство русского языка.

Summary. The report is dedicated to the development of some principles of educational description of Russian word-formation in the maximum approach to the person. Concepts of derivational nest and one structure words, used in the description, are viewed from a new perspective, as a way of expression of cultural specific in linguistic world and mentality of Russian people.

В связи с усилением социально-политической роли и экономической мощи России возрастает интегрирующая роль русского языка, а его изучение становится привлекательным для граждан постсоветских государств и всего мира. Все это обуславливает необходимость поиска такого описания русского языка, содержание которого оптимально соответствовало бы изменившейся реальности и прагматическим целям его изучения иностранцами.

Словообразование – это медиум, который через сознание человека транслирует содержание мира вещей в национально-культурные смыслы мира языка, и поэтому его изучение иностранцами является эффективным средством не только изучения языка, но и способом проникновения в русскую ментальность.

Представляя собой, с одной стороны, процесс, а с другой – результат этого процесса, словообразование, с одной стороны, объективирует национально-культурную специфику мышления этноса в одноструктурных словах, а, с другой – дает представление о направлении когнитивной деятельности и национальной языковой картине мира через систему гнездовой лексики.

Имеющиеся морфемно-словообразовательные словари русского языка учебного характера (З. А. Потиха, А. Н. Тихонова, П. И. Харакоза и др.) не в полной мере соответствуют своему назначению, так как освещают только формальный аспект словообразовательных связей, в них отсутствует обращение к миру вещей и к миру человека. Морфематический принцип представления словообразовательных отношений в этих словарях показывает членение слова на морфемы и актуализирует роль словообразовательного средства в создании нового слова. Такой подход рассчитан на пользователя, который уже включен в культурно-языковое пространство русского языка и обладает сведениями о мире, лежащими за каждым производным словом.

Между тем для иностранца необходимо такое учебное описание русского словообразования, которое позволяло бы

освоить механизм русского языкового мышления, проникнуть в ментальные особенности и языковую картину мира, представленную средствами русского языка. Морфематический подход не позволяет выйти за пределы внутренней лингвистики. В этой связи он должен быть дополнен когнитивно-дискурсивным содержанием, при котором связи между единицами гнездовой лексики рассматриваются как предикативные отношения между коммуникативными ситуациями, одним из актантов которых выступает тот или иной член словообразовательного гнезда.

Пропозиционально-фреймное моделирование семантико-смыслового содержания гнездовой лексики и установление между ее единицами мотивационных связей позволяет определить векторы движения и своеобразие когнитивно-культурной деятельности этноса. Отражение в учебном словаре дискурсивного употребления однокоренной лексики позволяет изучающему русский язык постигать ее различные смыслы и входить в уникальное для него культурно-языковое пространство русского языка.

В отличие от гнездового другим типом учебного словаря может стать словарь когнитивно-дискурсивный словарь одноструктурной лексики, в основе которой лежит использование такой единицы словообразовательный тип, понимаемый как ментально-языковая прототипическая категория (Л. А. Араева), вмещающая множество типичных и вариантов коммуникативных ситуаций. Такой словарь берет за единицу учебного описания словообразовательный тип, описывает их набор, составленный по частотно-прагматическому принципу. Он включает как словообразовательные типы, так и их дериваты, каждый из которых помещается в соответствующую дискурсивно-коммуникативную ситуацию. При таком подходе словообразовательный тип становится ментально-языковой схемой восприятия, переработки и оценки реалий окружающего мира.

Словообразовательные потенции слова и речевое поведение современника

В. Д. Черняк

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

vdcher@yandex.ru

Словообразование, речевая культура, зоны риска и зоны выбора, языковая игра, отглагольные существительные.

Summary. The speech describes the place of Word Formation Study within the structure of the course on Speech Standards and the importance of word formation for the development of a speaker's linguistic competence. "Risk zones" and "zones of normative choice" are discussed with respect to word formation. Special attention is paid to the different aspects of functioning of verbal nouns.

Речевой портрет говорящего в значительной степени зависит от того, в какой степени он умеет балансировать между тем, что предписывает норма, и тем, какие возможности открывает творческое использование ресурсов лексической системы. Способность умело использовать богатый инструментарий русского словообразования является выразительным индикатором уровня речевой культуры носителя языка. Задача формирования словообразовательной компетенции как составляющей и собственно лингвистической, и речевой компетенции заставляет выделять специальный раздел «Словообразование и речевая культура» в программе

дисциплины «Культура речи» (такой подход отражен и в наших учебниках и учебных пособиях, обеспечивающих реализацию программы).

Раздел «Словообразование» в рамках дисциплины «Культура речи» имеет очень существенную специфику: без обращения к специальной терминологии следует показать, в первую очередь, словообразовательную активность тех средств, которые особенно заметно определяют динамические процессы в лексике, перемещения слов по линии «центр – периферия», демонстрируют неразрывную связь экстралингвистических процессов и языка. Так, при харак-

теристике современной языковой ситуации можно активизировать в языковом сознании студентов слова одной словообразовательной модели, обозначающей процесс: *демократизация, либерализация, жаргонизация, вульгаризация, люмпенизация, интернационализация, американизация, варваризация, карнавализация* и др. Стимулируя языковую рефлексию студентов, можно предложить им построить соответствующие ряды для иных областей научного знания (экономика, экология, история и т. п.).

Использование ресурсов русского словообразования позволяет говорящему, с одной стороны, строить свою речь в соответствии с литературной нормой, осуществлять выбор в соответствии с коммуникативными задачами, ориентироваться в «зонах риска» (к ним мы относим особенно актуальные для речевой культуры вопросы: использование паронимов, различающихся аффиксами; рост промежуточных между словами и словосочетаниями образований, экспансия в разговорной речи универбов; недостаточный учет факторов стилистического словообразования; канцелярит в словообразовании; неудачное словообразование от заимствованных слов, особенно от новых заимствований). Проиллюстрируем сказанное, обратившись лишь к одной из зон повышенного риска.

В современной речи наблюдается чрезвычайная интенсивность отглагольного словопроизводства, при этом говорящий постоянно имеет дело с альтернативными возможностями, связанными не только с выбором «глагол – имя», но и с разными способами словообразования. Множественность возможностей ставит говорящего перед необходимостью выбора, мотивация которого не всегда ясна. Предпочтение, которое говорящий отдает имени существительному, во многих случаях продиктовано стремлением к языковой экономии. Предложение с отглагольным существительным нередко представляет собой свертку более объемного высказывания. Ср.: «Череповецкая „Северсталь“ не оставляет надежд на *попадание* в первую восьмерку» (Радио «Эхо Москвы». 18.02.05) и «Череповецкая „Северсталь“ не оставляет надежд на то, *что она попадет* в первую восьмерку». Подобная свертка мотивирует образование окказиональных отглагольных существительных. Кажущаяся универсальность возможной замены глагола именем ведет к многочисленным ошибкам, связанным с неудачным спонтанным словопроизводством, результатом которого является ошибочное использование одного из двух образованных от глагола паронимов. Ср.:

Не пытаются ли на тебя организовать так называемые словесные сливы (Радио «Эхо Москвы». 12.06.05); *Сегодня*

Петр I прошел самую чистую процедуру помойки (НТВ. Новости. 23.05.2008).

Наряду со словами, образованными суффиксальным способом, среди отглагольных форм расширяется круг бессуффиксальных образований, являющихся характерной чертой делового стиля и профессиональной речи, а также новообразований с суффиксом *-к-* (*озвучивание – озвучка, растаможивание – растаможка* и др.). Следуя тенденции замены глагольного предиката именем существительным, говорящий в современной речи нередко актуализирует словообразовательную цепочку глагол – прилагательное – существительное: *смотреть – смотрибельный – смотрибельность; читать – читабельный – читабельность*. См.: «Белая армия» *мы назвали для большей понимабельности* (Радио «Эхо Москвы». 3.11.07).

Следует отметить, что использование отглагольных существительных в современной речи, возможные наложения смыслов нередко являются объектом языковой игры. Приведем один из удачных примеров:

Пешков отправился в Тулу – частью на тормозных площадках, частью пешком. В Ясной Поляне Толстого не оказалось – Софья Андреевна напоила бродягу кофеом и сообщила, что муж ушел в Троице-Сергиеву лавру. Тоже пешком. Поразительно много бродила тогдашняя интеллектуальная Россия, словно надеясь уморить себя ходьбой до такой степени, чтобы выдуло из головы мучительные мысли. Вероятно это и называется интеллектуальным брожением (Д. Быков. Был ли Горький?).

Этот пример позволяет актуализировать еще один чрезвычайно важный для формирования речевой культуры аспект русского словообразования, связанный с лингвокреативной деятельностью носителя языка. Современная языковая личность постоянно находится в пространстве языковых игр (реклама, заголовки газетных и журнальных публикаций, современная поэзия и беллетристика, интернет-курс), для распознавания которых необходима соответствующая лингвистическая компетенция. Ср.: «*Омхачивание* всех советских театров происходило как коллективизация и индустриализация» (Власть. 1998. № 41); *ЕГЭзирование* российских школьников; *Я всегда считал, что поэт должен быть «стыдохранителем»* (Е. Евтушенко. Итоги. 2007. № 3).

Очень важно, что сквозь призму словообразования раскрываются новые ракурсы традиционных для речевой культуры тем: синонимия, антонимия, паронимия, число имен существительных, разряды имен прилагательных, способы действия глаголов, научный и официально-деловой стили речи.

Семантический потенциал словообразовательного типа и его лексическая реализация: проблема соотношения реального и потенциального слова

М. Г. Шкуропацкая

Алтайская государственная академия образования им. В.М.Шукшина (Бийск)

marina-shkuropac@mail.ru

Продуктивность словообразовательного типа, потенциальное слово, окказиональное слово, направленный эксперимент, лингвистическое источниковедение.

Summary. In paper the problem of studying of word-formation type and its realization in usual and occasional lexicon is put, and also the technique of the solution of this problem is offered

В одном из последних монографических исследований И. С. Улуханов писал: «В настоящее время открывается перспектива фронтального изучения связей между единицами словообразования, существующих в различных достаточно обширных и развитых подсистемах словообразовательной системы; тем самым актуальными задачами становятся выявление общих особенностей организации отдельных подсистем и системы в целом, а также выявление новых возможностей словообразовательного механизма в соотношении с реализацией этих возможностей в узуальной и окказиональной лексике» [3: 4]. Наше исследование направлено на решение второй задачи и посвящено изучению словообразовательных типов в этом аспекте.

Актуальность исследования обозначенной проблемы связана с необходимостью выявления новых возможностей словообразовательного механизма в соотношении с реализацией этих возможностей в узуальной и окказиональной лексике. Теоретическая значимость предлагаемого проекта исследования семантики словообразовательного типа и ее лексической реализации определяется возможностью решения ряда теоретических проблем, а именно: полного представления всей лексико-деривационной системы в совокупности всех связей и отношений, включающей как единицы, реализованные и отмеченные в словарях, так и единицы, теоретически возможные, но потенциальные. Такое описание предполагает постановку и решение проблемы

определения критериев системного и асистемного в языке, а также нормативного и ненормативного в его речевой реализации.

Проблема соотношения возможного (закономерного, системного) и реализованного (узального или окказионального) неоднократно ставилась как лингвистами прошлого, так и современниками. Применительно к словообразованию данная проблема была сформулирована Якобом Гриммом: «Учение о словообразовании должно выявлять модели, то есть изучать, «какие производные могут возникать», фиксировать же, «какие производные возникают в действительности, – задача словарей» [1]. На эту тему неоднократно писали и современные словообразователи. Так, Е. А. Земская полагает, что одним из нерешенных вопросов словообразования является выяснение «расхождения между потенциями системы словообразования и тем, как их реализует норма языка», то есть между словообразовательной моделью и ее лексической реализацией. При этом «должны быть изучены и факты «необразований», «нереализаций» [2: 204], того, что допускается словообразовательной системой, но не вошло в лексическую норму.

Результативность решения исследовательских задач зависит от решения методологической проблемы – разработки методики изучения деривационного потенциала словообразовательного типа и его реализации в рамках узальной и окказиональной (и потенциальной) лексики. Разработанная нами методика носит пошаговый характер и включает в себя следующие этапы:

Шаг первый: определение состава отмеченных в словаре производных слов, относящихся к определенному словообразовательному типу.

Шаг второй: установление системной продуктивности данного словообразовательного типа, т. е. установление того, каковы возможности действия данного типа и каковы структурные, семантические и стилистические ограничения в производстве слов данного типа.

Системная продуктивность типа может быть установлена эмпирическим путем с использованием метода лингвистического эксперимента.

Шаг третий: проведение лингвистического эксперимента: конструирование возможных новообразований данного типа с последующей оценкой их информантами.

Данный эксперимент направлен на выявление полной или потенциальной словообразовательной выводимости слова, его соответствия или несоответствия словообразовательной норме.

Шаг четвертый: подведение итогов эксперимента, представление результатов и их интерпретация.

Данный эксперимент дает информацию о сложном взаимодействии двух синхронных системных планов содержания производного слова – лексического и словообразовательного. Их диалектическое сосуществование заключается в разных синхронных функциях, что проявляется в различной реакции языкового сознания носителей русского языка на их узальность (синхронно-лексический аспект) и выводимость (синхронно-словообразовательный аспект).

Шаг пятый: верификация результатов с привлечением статистических данных поисковых систем Интернета.

Шаг шестой: соотнесение и оценка данных, полученных при разных условиях опыта.

Реализация проекта имеет долгосрочную перспективу, так как в заданном аспекте семантика словообразовательных типов в русском языке еще не подвергалась описанию.

Исследование имеет практическую значимость, которая состоит в возможности лексикографического описания всех лексических реализаций словообразовательного типа с указанием частотности их употребления с учетом данных поисковых систем Интернета, а также лексикографического описания показаний метаязыкового сознания носителей языка, полученных при выполнении экспериментальной части исследования.

Литература

1. Гримм Я. Из предисловия к «Немецкой грамматике» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960.
2. Земская Е. А. Валентность морфем и понятие продуктивности // Современный русский язык. М., 1981.
3. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Круглый стол «Освоение языка как творчество»

Ведущие круглого стола – С. Н. Цейтлин, И. М. Румянцева.

Предлагается обсудить вопрос о том, каким образом ребенок конструирует собственную языковую систему, создавая все ее модули: фонологический, лексический, морфологический, синтаксический, дискурсивный, осваивая основные языковые единицы и абстрактные грамматические правила. Предполагается обсуждение основных стратегий, которые используются в данном процессе, а также область их применения. Творческое начало в освоении языка, по мнению организаторов круглого стола, заключается не только в самостоятельности каждого ребенка как конструктора собственной языковой системы, но и в его лингвокреативной деятельности: создании речевых инноваций, модификации существующих лексем, словоформ, предложно-падежных форм и разного рода словосочетаний, а также в бессознательности как самого процесса освоения языка, так и речевой деятельности, в которую вовлечен ребенок.

Предполагается рассмотрение общего и различного в закономерностях освоения русского языка как родного (ребенком) и русского языка как второго (взрослым инофоном) .

Круглый стол «От концептологии к концептографии: итоги и перспективы»

Ведущие круглого стола *проф. Людмила Григорьевна Бабенко, проф. Анна Михайловна Плотникова.*

Начиная с последнего десятилетия XX века и по настоящее время шло становление российской версии когнитивной лингвистики, в русле которой сложилось несколько направлений, в том числе и лингвоконцептология. Сейчас можно отметить тот факт, что вопросы, которые были предметом научной дискуссии в последние тридцать лет, такие как проблемы категоризации и концептуализации мира, определение концепта, прототипа, процедуры концептуального анализа и др. во многом решены, накоплен богатый опыт исследования огромного множества отдельных концептов. Наступил тот момент, когда полученные результаты теоретического и экспериментального исследования природы концептов стало возможным отобразить в лексикографических параметрах, т. е. в виде словарей-концептуариев. Начиная с начала первого десятилетия XX в. формируется новое направление – концептография, в рамках которой уже созданы или создаются подобные словари. Считаем, что в настоящее время очень важно обсудить перспективы развития лингвоконцептологии и концептографии, характер их взаимодействия, а также такие дискуссионные вопросы, как:

1. Лингвоконцептология – дань научной моде или закономерный этап развития лингвистики? Современное состояние, итоги и перспективы развития.

2. Национальные (лингвокультурные) концепты: миф или реальность? Стратегии репрезентации этнокультурной информации в ментальной сущности концепта.

3. Способы и варианты моделирования концепта и концептосферы языка.

4. Концептография русского языка: принципы и подходы к лексикографическому описанию природы отдельного концепта и представлению в словаре концептосферы языка.

5. Диалектика объективного и субъективного в осмыслении ментальной структуры концепта и ее словарном (лексикографическом) представлении.

С учетом проблематики присланных тезисов вопросы для обсуждения могут быть уточнены и расширены.

Предполагается, что будут заслушаны короткие (до 10 минут) заранее подготовленные сообщения, сопровождаемые дискуссиями.

Тексты сообщений будут заранее выложены в сети для предварительного знакомства с ними всех участников круглого стола.

От концептологии к концептографии: итоги и перспективы (в качестве преамбулы)*

Л. Г. Бабенко

Уральский государственный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

lgbabenko@yandex.ru

Концепт, концептология, концептография, дискуссионные проблемы.

Summary. A roundtable session «From conceptology to conceptography» will discuss the ways of formation and relatedness of two major branches of linguistic conceptology, pay attention to the results and prospects of their development, discuss the controversial issues.

Проблема, вынесенная в заглавие круглого стола, акцентирует направленность развития русской версии лингвоконцептологии в соотносительности составляющих ее важнейших направлений: концептологии к концептографии. В заглавии исходная позиция отведена концептологии, хотя с равным основанием она могла быть отведена и концептографии. Оба этих направления развиваются и существуют по принципу дополнительности и формировались они в русистике примерно в одно и то же время. С началом развития лингвоконцептологии в России связаны и первые словари (Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Пинкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. «Краткий словарь когнитивных терминов», М., 1997; Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997), и фундаментальные исследования проблематики, связанной с определением предметной области концептологии, ее понятийного аппарата и терминологии, с разработкой концептуального анализа, с исследованием множества отдельных концептов и концептосферы и мн. др. (серия монографий «Логический анализ языка», изданных под редакцией Н. Д. Арутюновой, работы Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева, В. В. Красных, А. Д. Шмелева и мн. др. ученых).

В то же время следует отметить, что первоначально наблюдалось более активное («массовое») изучение природы

концептов, их моделирования, разработки концептуального анализа. Сейчас можно отметить тот факт, что вопросы, которые были предметом научной дискуссии в последние тридцать лет, такие как проблемы категоризации и концептуализации мира, определение концепта, прототипа, процедуры концептуального анализа и др. во многом решены, накоплен богатый опыт исследования огромного множества отдельных концептов, накоплен огромный эмпирический материал в этой научной области. В России к настоящему времени сформировались крупные научные коллективы и центры (Московская культурологическая школа, Уральская семантическая школа, Воронежский, Волгоградский, Кемеровский и др. университеты), способные представить результаты фундаментальных исследований в области концептологии в лексикографических параметрах. В настоящее время интерес ученых в большей степени повернут в сторону лексикографического воплощения системы русских ключевых концептов. Наступил тот момент, когда полученные результаты теоретического и экспериментального исследования природы концептов стало возможным воплотить в виде словарей-концептуариев, что и наблюдается в реальности: издаются словари, антологии концептов, различающиеся по принципам их отбора и лексикографирования,

* Исследование выполнено в рамках госзадания «Большой лингвокультурологический словарь русского языка: ключевые концепты и их репрезентации».

по охвату материала, по макроструктуре и микроструктуре подобных словарей. Содержательное разнообразие подобных словарей, вариативность в лексикографировании, порой, одних и тех же концептов вызывают вопросы у читателей и ученых, связанные со степенью точности, достоверности и полноты описания ментальной сущности концепта в словаре, с возможностью или невозможностью подобного описания.

Считаем, что в настоящее время очень важно обсудить перспективы развития лингвоконцептологии и концептографии, характер их взаимодействия, а также междисциплинарного взаимодействия. Кроме того, следует обсудить дискуссионные вопросы, связанные с этим новым направлением, зачастую поднимаемые в научных и ненаучных публикациях: 1) лингвоконцептология – дань научной моде или закономерный этап развития лингвистики? Современ-

ное состояние, итоги и перспективы развития; 2) национальные (лингвокультурные) концепты: миф или реальность? Стратегии репрезентации этнокультурной информации в ментальной сущности концепта; 3) Способы и варианты моделирования концепта и концептосферы языка; 4) концептография русского языка: принципы и подходы к лексикографическому описанию; 5) диалектика объективного и субъективного в осмыслении ментальной структуры концепта и ее словарном (лексикографическом) представлении; 6) возможен ли единый исследовательский алгоритм исследования концепта, как культурно-ментально-языкового образования? Список вопросов можно было бы продолжить, так как в последнее время это научное направление – лингвистическая концептология – вызывает много споров и не всегда объективной критики.

Особенности описания этнокультурных концептов с религиозным компонентом

И. В. Бугаева

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева

Религиозный компонент, ментальность, этнокультурные концепты.

В лингвистических исследованиях последнего времени большое внимание уделяется описанию этнокультурных концептов. Анализ диссертационных исследований показывает, что подробно изучены базовые для русской ментальности концепты *вера, бог, неверие, жизнь, смерть, душа, дух, путь, дорога, память, страдание, грех, искупление, жертва, еда, пища, исповедь, святой, герой, праздник, добро, зло, труд, работа, бытие, красота, свет, счастье* и др. Но в большинстве случаев не учитывается религиозный компонент многих концептов, не имеющих непосредственное отношение к религии, например, *подвиг, герой, праздник, труд* и др. Без этого некорректно говорить о полном описании концепта и об адекватном отражении ментальности русского народа. Христианство было принято на Руси более тысячи лет назад, следовательно, на протяжении веков естественным было религиозное сознание и религиозная языковая картина мира.

В ряде работ при упоминании религиозной составляющей концепта при сопоставительных исследованиях не принимается во внимание различие религий или конфессий в изучаемых культурах (например, русско-английские, русско-немецкие, русско-арабские лингвокультурологические описания). В христианстве, исламе, иудаизме, буддизме есть лексемы *вера, жертва, отец, жизнь, смерть*, но как богословские термины они содержательно отличаются. И этот факт необходимо учитывать.

Использование Национального корпуса русского языка для примеров помогает, но, к сожалению, не дает полной картины, поскольку религиозная литература на сегодняшний день еще недостаточно представлена в НКРЯ.

При изучении сочетаемости иногда не учитывается дистрибуция языковых единиц в религиозной коммуникации (*жизнь вечная, принять на себя подвиг, бескровная жертва*).

Значительно отличаются результаты ассоциативного анализа базовых этнокультурных концептов, проводимых в группах верующих и атеистов.

В качестве примера приведем несколько фрагментов описания концепта «подвиг». В словаре С. И. Ожегова «подвиг» определяется как «героический, самоотверженный поступок. Воинский подвиг, трудовой подвиг. Подвиг во славу Родины». Такое определение соответствует советскому атеистическому мировоззрению и отражает общепринятое представление о подвиге в сознании современного русского человека. Подтверждает это и анализ художественной литературы, газетно-публицистических текстов. Типичны словосочетания: *подвиг разведчика, подвиг коммуниста, подвиг Геракла, п. туриста, п. контрразведчика, п. русских моряков, п. людей, п. дальневосточников, п. пассажиров, п. ликвидаторов-чернобыльцев* и т. п. Возможна персонификация, например: *подвиг барона Мюнхгаузена, 3 подвига генерала Врангеля*. Частотны сочетания с неодушевленными имена-

ми существительными, являющимися обобщающими номинантами: *подвиг Эрмитажа, подвиг Одессы, п. Чукотки, п. миноносца «Стерегущий», «Столетие подвига „Варяга“», подвиг народного духа* и др.

Глагольные сочетания имеют ограниченную валентность: *совершить подвиг, вдохновить на новые подвиги, «Прикоснись к подвигу»*. Подвиги совершают «*во имя жизни, во имя безопасности, ради спасения людей*» и т. п.

Сочетаемость с именами прилагательными разнообразна: *великий вечный п., бессмертный п., ратный п., трудовой п., нравственный п., космический п.* Подвиг может быть *массовым и индивидуальным*. Но значение подвига снижается, они мельчают, за них не всегда приходится платить жизнью, поэтому встречаем «*Маленький подвиг*» (публикация о рок-музыкантах), *любовный п.*, появились *мужские и женские подвиги* на страницах журналов о светской жизни.

Обратимся к этимологии слова **подвиг** и рассмотрим развитие его значения в истории русского литературного языка. В Словаре старославянского языка **подвигъ** имеет три значения: 1) соответствие др. греч. агон *аγων борьба. Подвигъ и брань нынѣшнее житѣе* (Супр. 497, 2); 2) подвиг; 3) аскетическая жизнь, подвиг духовный; 4) агония. В «Материалах к словарю древнерусского языка» Срезневского дается четыре значения слова *подвиг*: 1) *движение*. Без подвига значит *без движения, без перемны, неизменный*; 2) *стремление, старание*; 3) *борьба*; 4) *подвиг, великое и трудное дело*. В словарях, описывающих лексику церковной сферы, отмечается значение *аскетического, духовного подвига*. Так в «Словаре Православной церковной культуры» Г. Н. Склиаревской **подвиг** определяется как *усилия, совершаемые человеком ради приближения к Богу (утверждение веры, обеты, посты, молитвы, отказ от жизненных благ, подавление страстей* и т. п.). В этих значениях прослеживается сема *движения*, но это в основном внутренние движения души, а если и активные поступки, то всегда совершаемые ради Бога, для спасения души. Чаще это внешнее не-делание, как, например, подвиг столпничества или подвиг молчания. В отличие от мирского, сиюминутного подвига, религиозный подвиг длительный, растянутый во времени, например, 1000 дней и ночей молитвенного стояния на камне преп. Серафима Саровского, многолетнее затворничество или юродство многих святых.

В богословии подвиги делятся на внешние и внутренние, духовные и телесные. По качеству подвиги бывают чрезвычайные и сверхъестественные. В церковном представлении слово подвиг имеет еще значение труд, и Бог судит людей не по количеству трудов (подвигов), а по количеству усердия (Мк. 12: 43–44).

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о необходимости учета религиозного компонента при описании этнокультурных концептов.

Структура пространственных концептов: лексикографический аспект

Т. М. Воронина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

tmv313@ya.ru

В сообщении предполагается затронуть вопросы, связанные с анализом и лексикографическим представлением пространственных концептов, таких как *верх*, *низ*, *близкий*, *далекый*, *граница* и под.

Значимость понятий и характеристик пространства обуславливает «номинативную плотность» подобных концептов и ставит вопросы об особенностях структурирования информации в словарной статье при их описании; о принципах выявления и систематизации языковых средств репрезентации концепта; о возможности дополне-

ния и корректировки языковых данных знаниями о действительности; о наличии и способах представления аксиологической составляющей в концептуальном содержании и нек. др.

Возможные ответы и решения предлагаются с опорой на опыт работы над проектом лингвокультурологического словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации», реализуемым межвузовской проблемной группой «Русский глагол» под руководством проф. Л. Г. Бабенко.

Аспекты языкового сознания

Л. К. Жаналина

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан)

zhanalina@gmail.com

Языковое сознание, мышление, обыденное сознание, реально психологическое значение.

Summary. The report offers new perspectives into the definition of language consciousness and may be used for its modelling including comparatively.

Развитие современной русистики направляется разработкой семантической стороны языка, сложность изучения которой обуславливает постоянные поиски новых путей ее познания.

Проникновение в тайны семантики, с одной стороны, облегчается, а с другой – осложняется интегративностью научного знания, проявляющейся, в частности, в антропоцентричности языкознания.

Освоение «очеловеченного» семантического пространства происходит в направлении от его частей к целому и от целого к частям.

В позиции «от целого» все более активизируются исследования «языкового сознания». Эта проблема XXI века включает лингвистику в общий контекст науки в виде ее дальнейшего и ближайшего окружения. В дальнейшем окружении она оказывается под влиянием работ над одним из самых важнейших, по мнению К. Уилбера, научных проектов – проекта «Человеческое сознание». Ближайшее окружение, которое составляют философия, психология и психолингвистика, более ощутимо внедряется в лингвистику своими идеями и сопровождающими их дискуссиями, порождающими антиномии.

Философия на первый план выдвигает онтологические аспекты сознания («изнутри» и «извне», с акцентом на «извне»):

1. Источники сознания – бытие, человек с его механизмами познания.

2. Структура сознания как модели демонстрирует его развитие в онтогенезе и филогенезе, а также его организацию из элементов, определяемых в терминах уровней и единиц сознания.

3. Сознание функционально как активность, творчество.

4. Сознание по носителю представляет чистое сознание (с центром «Я») и интересубъективное сознание.

5. Сознанию присуща полиаспектность, которая проявляется в соотношении с мышлением, с познанием, знанием, с внешним и внутренним миром человека, с языком.

Психология подчеркивает онтологические (с акцентом на «изнутри» – на содержание сознания) и гносеологические аспекты сознания:

1. Сущность языкового сознания отражают его понимание то как психической деятельности, то как картины мира, внутренней модели внешнего мира.

2. Структура сознания представляет разные линии и ступени обобщения. На высшей ступени сознание демонстрирует двойственность. Линии образуют два слоя и две составляющие. Слои выделяются по источникам – рефлексивный и бытийный. С линией слоев пересекается линия составляющих сознания, фиксирующих способы порождения

сознания – психический (умственный) и перцептивный (чувственный) образы.

3. Сознание полифункционально и обладает свойствами диалогизма, полифоничности, спонтанности развития, рефлексивности.

4. С позиций познания сознание считается или недоступным непосредственному наблюдению и соответственно неопределенным феноменом, или же признается его способность выводиться из самого себя.

5. В качестве методов исследования выделяются интроспекция, реконструкция значения.

Психолингвистика дополнила понятие «сознание» понятием «языковое сознание», разработка которого уточняет представления о внутреннем мире человека посредством дальнейшего освоения многомерного пространства сознания при выявлении его онтологического статуса и гносеологических ориентиров:

1. Языковое сознание разграничивается по носителю как надиндивидуальное и индивидуальное сознание.

2. Языковое сознание в соотношении с сознанием и языком, по мнению одних ученых, является частью единства и не существует самостоятельно (сознание – система вербальных значений или образов сознания, овнешненных языковыми средствами), а, по мнению других ученых, существует отдельно, самостоятельно (обладает собственной спецификой и законами развития, в частности, сознание представляется как идеальное образование, а язык как материальное).

3. Языковое сознание в соотношении «язык и мышление» рассматривается как языковое (речевое) мышление, представляющее психологическую базу речевой деятельности, оперирующее знаниями при производстве и восприятии сообщений. При этом делаются разные акценты. Языковое сознание включается в качестве компонента или в коммуникативную деятельность, или в когнитивное сознание.

4. Языковое сознание в соотношении с сознанием дифференцируется за счет их объекта: сознанием охватывается весь мир, языковое сознание очерчивается языком и его элементами, в том числе текстами.

5. Языковое сознание в соотношении с лингвистическим и лингвистическим знанием рассматривается или как знание о мире, или как знание о языке. Оно отражает объективный мир в языковых знаках, содержит социальные знания, связанные с языковыми знаками, или же отражает язык, совокупность знаний, представлений, суждений о языке, об элементах его структуры, их функциональных особенностях, о нормах произношения, словоупотребления (самосознание языка).

6. Языковое сознание структурируется в виде ассоциативного тезауруса, который представляет сеть вербальных и невербальных значений, отражающих национально-культурную картину мира.

7. Методологически разработка языкового сознания подерживается двумя подходами: психологическим (языковое сознание – один из уровней в структуре целостной картины мира человека) и лингвистическим (исследование языка как формы общественного сознания, выполняющей особую социальную функцию – обслуживание потребностей речевой деятельности).

8. Типология языкового сознания демонстрирует достижения интегративного, полиаспектного подхода к нему. Типы языкового сознания группируются по способам представления его содержания. Выделяются классификации сознания непосредственные и опосредованные через значение. Непосредственные типы выделяются по источникам сознания, по вербальным и невербальным формам существования, по компонентам, по предмету мыслительной деятельности (сферам приложения сознания), по субъекту сознания (индивидууму, обществу), по степени сформированности, по мировоззрению, по обеспечиваемому навыку (виду интеллектуальной деятельности). Для опосредованной

типологии сознания релевантно разграничение типов языковых значений. Она вводит проблему языкового сознания в лингвистику.

Интерес к языковому сознанию в лингвистике вызван ее устремленностью к постижению языка как реальности. В русистике можно отметить два связанных друг с другом направления его разработки. К первому относятся теории языковой личности, обладающие высокой степенью лингводидактической ценности, ко второй – наивная лингвистика, изучающая обыденное сознание, наивные знания, которые зафиксированы в виде вербализованных ассоциаций или «реально психологических значений» и активно лексикографируются.

В данном докладе будет сделана попытка сопоставительного анализа фрагментов языкового сознания, зафиксированных в реакциях на слова *волк* и *қасқыр* в русском и казахском языках, с учетом основных его аспектов, разработанных благодаря интеграции философии, психологии, психолингвистики и лингвистики, и с использованием методики, разработанной профессором Н. Д. Голевым. Работа осуществлена в рамках возглавляемого им межнационального научного проекта «Опыт разноязычного сопоставительного словаря бионимов».

Языковые и неязыковые знания в словарном представлении социальных концептов*

А. М. Плотникова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

annamp@yandex.ru

Словарь концептов, языковое знание, энциклопедическая информация.

Summary. The paper deals with reviewing the configurations of lingual and non-lingual information in the dictionary definitions of social concepts named “state” and “opposition” based on the materials taken from “The concept sphere of Russian language: key concepts and their representations” dictionary.

Осмысление того факта, что концепты не существуют изолированно друг от друга и только изучение их взаимодействия даст ключ к пониманию устройства ментального лексикона, привело исследователей к мысли о необходимости моделирования концептосфер и создания словарей и антологий концептов. Несмотря на то, что издание таких словарей и антологий иногда встречает критику, обусловленную нечеткостью в принципах выборки материала и различиями в теоретических и практических моделях описания концептов, словари концептов являются одним из способов преодоления атомистического подхода, рассматривающего концепт как некую дискретную единицу вне ее связей с другими концептуальными структурами. К одной из лексикографических проблем, возникающих при создании словарей концептов, относится проблема представления в словаре информации языкового и неязыкового характера.

Не углубляясь в проблематику разграничения языкового и неязыкового знания, имеющую давнюю традицию, осмысляемую в лингвистике (от работ И. А. Бодуэна-де-Куртенэ до современных когнитивных исследований, например, трудов Н. Н. Болдырева, А. В. Кравченко, Р. И. Павлениса и др.), отметим, что вопрос соотношения энциклопедического, наивного и языкового знания всегда был актуален для лексикографической практики. Будучи направленным на выявление структур знания, стоящих за исследуемой языковой формой, концептуальный анализ не может игнорировать научные или обыденные знания, которые проникают в экстенционал знака и могут быть связаны с образно названным Е. С. Кубряковой «телом знака».

Поскольку в когнитивной лингвистике значение понимается как часть всей концептуальной системы человека, то описание значения должно строиться с учетом языкового и неязыкового знания. Такой подход представлен в словаре словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации» (под общей редакцией Л. Г. Бабенко). К ключевым концептам в этом словаре Л. Г. Бабенко относит «концепты, участвующие в формировании наивной картины мира, то есть концепты, аккумулирующие знания о

самых существенных и необходимых сторонах жизни человека, составляющие ядро его представлений о мире» [1: 9]. Выбор ключевых концептов осуществляется в этом словаре опорой на идеографическую классификацию русской лексики.

К числу социальных концептов в этом словаре относятся, например, концепты *государство*, *родина*, *борьба*, *помощь*, *оппозиция*, *чиновник* и др. Словарное представление социальных концептов неизбежно включает неязыковые знания, которые оказываются настолько слитыми с языковыми в структуре социальных концептов, что граница между этими зонами концептуальной информации размывается. Например, информация энциклопедического характера о формах государственного устройства находит отображение в языковых фактах – лексических единицах *монархия*, *республика*, *федерация* и др. Напротив, языковая информация, содержащаяся в метафорах *государственная машина*, *административные рычаги*, формирует знание о государстве как машине, которая требует наладки, контроля и умения управлять им.

Исторические знания, без которых невозможен семантический анализ, закреплены в значениях слов *декабристы*, *народники*, *народовольцы*, *анархисты*, *большевики*, *диссиденты*, репрезентирующих концепт *оппозиция*. Внешние факторы, связанными с общественно-политической и экономической жизнью социума и порождающие необходимость в новых номинациях, обуславливают динамику содержания этого концепта и указывают на важность проблемы социально-языковой стратификации общества, например, «*креаклы*» – креативный класс, «*болото*» – представители оппозиции.

В. В. Морковкин, осмысляя понятие «комплексный словарь», вводит понятие «синергетическое лексикографирование» и пишет о том, что полиаспектный словарь «сообщает пользователю такое количество сведений, которое позволяет ему составить вполне достоверное представление как о самих семантизируемых единицах, так и об информационном бульоне, служащем средой их речевого бытования» [2: 351–352]. Словарь концептов позволяет представить

* Исследование выполнено в рамках госзадания «Большой лингвокультурологический словарь русского языка: ключевые концепты и их репрезентации».

сложную конфигурацию языковых и неязыковых знаний, которые определяют специфику социальных концептов.

Литература

1. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии):

проспект словаря / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.

2. Морковкин В. В. О синергетическом лексикографировании // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию Ю. Н. Караулова: Сб. статей. М., 2006. С. 351–359.

Круглый стол
«Поликодовость и интермедийность
в современном русском коммуникативном пространстве»

Руководители: *В. В. Красных* и *С. А. Ромашко*.

Кафедра общей теории словесности филологического факультета приглашает принять участие в круглом столе.
Вопросы для обсуждения:

1. Книга как феномен культуры и коммуникации в современном мире.
2. Текст и Контекст: язык и меняющаяся реальность.
3. Вербальное и невербальное в современных медиа.

Круглый стол «Применение комплексных междисциплинарных методов при решении актуальных этноязыковых и этнокультурных проблем современности»

Руководитель круглого стола: *Г. П. Нецименко* (Институт славяноведения РАН).

Предполагаемый состав участников круглого стола:

Нецименко Г. П. О проблематике и теоретико-методологических основах очередного этапа международного коллективного труда «Языковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика»).

Лифанов К. В. Влияние эволюции кодификации на развитие литературной нормы у словаков.

Липатов А. В., Узенева Е. С. Перспективы сохранности этнического языка и культуры в эпоху глобализации.

Плотникова А. А. Сохранность билингвальной этнокультурной традиции хорватов в прошлом и настоящем.

Пилипенко Г. П. Проблематика билингвальных языковых ситуаций в балканском ареале.

Вендина Т. И. К проблеме сохранности диалектного континуума у славян.

Макарцев М. М. К этноязыковой специфике мультилингвальных регионов на Балканах.

Погорелая Е. А. Языковая политика и этнокультурное пространство русского мира стран ближнего зарубежья.

Ананьева Н. Е., Алексеева М. М. Проблема островных диалектов у славян.

Дыбо В. А. О значимости этноязыковых данных для решения актуальных вопросов современной акцентологии.

Ващенко Д. Ю. Некоторые аспекты языковой ситуации на словацко-венгерском пограничье.

Кузнецова А. И. К проблеме заимствований в языке малых этносов.

Lucie Jilkova. Языковой менеджмент на аккредитованных в ЧР РВ и ТВ.

Славомир Ондрейович. Современная языковая ситуация и языковая политика на материале Словакии.

Monika Wingender. Языковая политика в Российской Федерации с точки зрения республик.

Даниель Мюллер. Попытках кодификации русинского языка на Закарпатской Украине

И многие другие.

Круглый стол «Проблемы лексикографического описания региональных вариантов русского языка в синхронии и диахронии»

В. И. Беликов (Москва), А. П. Майоров (Улан-Удэ), О. В. Фельде (Красноярск).

Лексическое ядро общенационального русского языка однородно, но трудно ожидать полного единообразия всего словаря в языке, обслуживающем в течение столетий заметно отличные в культурном отношении социумы на огромной территории. Ф. И. Буслаев еще в 1867 г. писал: «безрассудно было бы требовать, чтобы в московском наречии нашли мы слова для выражения явлений природы, бывающих на Урале или на берегах Охотского моря».

Регионально маркированные письменные традиции возникали еще во времена Московской Руси. Складывавшийся 200 лет назад и позднее кодифицированный единый общерусский литературный язык обслуживал и продолжает обслуживать далеко не все коммуникативные ситуации. В области периферийных частей словаря на русскоязычном пространстве происходила и унификация, и дивергентные процессы; новые объекты и явления не всегда получали единообразное именование. Периферийность не следует рассматривать как сниженность: регионально маркированная лексика представлена и в заведомо нормативных текстах, например в местном законодательстве. Словники и толкования общих толковых словарей, выпускающихся в Петербурге и в меньшей степени в Москве, регионально окрашены, но это в словарях не отмечается и, возможно, остается неизвестным самим авторам. Регионально ориентированные лексикографические и иные лингвистические публикации исключительно редки.

Что касается исторической лексикографии, то здесь сложилась в какой-то мере парадоксальная ситуация. С одной стороны, исследованием языка региональных письменных памятников давно и регулярно занимаются там, где в местных архивах сохранился богатый материал рукописных документов XVII–XVIII вв.; особенно активно этим занимаются уральские и сибирские ученые. С другой стороны, при огромном наследии, богатейшем собранном лексическом материале удивительно слабо разработан лексикографический аспект описания языка данного периода.

На круглом столе основное внимание предполагается уделить следующей проблематике:

1. Выявления ареала и стилистического статуса регионально маркированных лексических единиц в современном языке.
2. Принципы составления региональных исторических словарей; периодизация и проблемы словника (полный vs. дифференциальный).
3. Соотношение традиционных диалектных словарей с историческими и синхронными словарями, отражающими письменный узус.
4. Проблема межрегиональной синонимии и омонимии.
5. Лексикография эндемичных понятий в синхронии и диахронии

От участников круглого стола ждем предложений по уточнению и расширению проблематики.

На круглом столе предполагаются заранее подготовленные 10-минутные выступления, а также их обсуждение.

Круглый стол «Русская невнятная речь как социолингвистическое явление»

Ведущие круглого стола: *Е. А. Брызгунова* (Москва), *Т. В. Корепанова* (Москва).

Уважаемые коллеги!

1. На нашем круглом столе обсуждается вопрос о неблагополучии русской звучащей речи у многих носителей русского языка, речевой слух и устройство речевого аппарата которых находятся в полной норме. Невнятная речь наблюдается и у тех групп специалистов, от которых общество ожидает четкости артикуляций и логику членения предложения на интонационно-смысловые части. Это преподаватели, студенты, аспиранты, юристы, дикторы, врачи и множество других профессий. Как известно, один из основных признаков культуры речи заключается в том, чтобы его понял слушающий в области произношения, синтаксиса и лексики. Эти принципы сейчас нарушены.

2. С лингвистической точки зрения общей причиной невнятности речи является ослабление мышечной напряженности артикулирующих органов. По небрежности говорящего речевой аппарат постоянно недорабатывает, например: 1) Тело языка не может дотянуться до нужной точки в ротовой полости, чтобы образовать артикуляцию смычки или щели. 2) Воздушная струя не может с нужной интенсивностью раскрыть смычку или продуть щель (*рыть* – *рысь*). 3) У говорящего ослабело ощущение полноты звука, т. е. общей энергии произношения, необходимой для слышимости на разном расстоянии 30 см, 1,5 метра, 3 метра. 4) При чтении вслух, когда необходимо выразить и смысловое и эмоционально-стилистическое содержание предложения, происходит множественное согласование движений речевого аппарата.

3. Природой нам дана не сама речь, а способность ее развивать. Невнятность речи сможет устранить тот, кто научится слушать себя и других, сопоставлять, постоянно держать самоконтроль, который приведет к автоматизации навыков внятной речи. Известно, что снижение культуры исторически повторяется и продолжается 2–3–4 десятилетия. Надо сказать, что далеко не все отечественные лингвисты занимали созерцательную позицию. Вспомним хотя бы исследования Г. О. Винокура, А. Ф. Селищева, Б. А. Ларина. В наше время монография Д. Белла, В. Иноземцева «Эпоха разобщенности» расширяет кругозор нашей проблематики. Невнятность речи надо устранять. Здоровый речевой аппарат человека устроен совершенно. И вдруг от молодых и образованных людей слышишь такую речь, о которой говорят: деградация, культя звука, «виток варваризации», «потерянное поколение» и др.

4. Одним из реальных путей устранения невнятности речи может быть такое уже совершившееся событие. Выпускница филологического ф-та МГУ имени М. В. Ломоносова Маргарита Малевич, вернувшись домой в Новосибирск, заметила, что ее двоюродные братья говорят невнятно. Она провела с ними цикл занятий, учительница в школе заметила улучшения в речи и повысила ребятам оценку по русскому языку, придав тем самым общественное значение этому событию. Каждый из участников этого события совершил нужный поступок, а все вместе они достигли «золотого сечения», как говорят, энциклопедические словари – «оптимального соотношения частей в пределах целого».

Уважаемые коллеги! Ждем ваших вопросов, суждений. Очень хотелось бы услышать мнение о состоянии языка от различных специалистов, начиная от школьных учителей и до преподавателей ВУЗов.

На круглый стол приглашены: Н. В. Богданова (СПбГУ), В. С. Елистратов (МГУ), О. А. Прохвятилова (ВГУ), О. Ф. Кривнова (МГУ), Л. И. Судакова, В. Я. Труфанова (РГГУ).

Круглый стол «Русская языковая картина мира в диахронии»

Руководитель круглого стола *проф. Марина Васильевна Пименова*.

В настоящее время наблюдается спад интереса к изучению русского языка в диахронии – особенно у молодых ученых (как прозвучало на одной из конференций, «история языка обезлюдела»). На наш взгляд, это объясняется целым рядом причин, среди которых – определенное отставание исторических исследований в общетеоретическом плане, ограничение частными диахроническими описаниями, приводящее к «отрыву» от современных приоритетов и новых импульсов лингвистических изысканий, хотя вопросы, связанные с исторически сложившейся в обыденном сознании языкового коллектива и отраженной в языке совокупности представлений о мире, способе восприятия и концептуализации действительности, являются основополагающими при решении актуальных лингвистических проблем в русле антропоцентрического взгляда на язык.

Древнерусская языковая картина мира во многом для нас не доступна, так как не доступна древняя «речь, погруженная в жизнь» (Н. Д. Арутюнова). Единственное, что с той или иной долей вероятности свидетельствует о древнерусской языковой картине мира – древнерусский текст, отражающий особенности мировосприятия и мировоззрения. Однако следует отметить, что некоторые исследователи, изучая древнерусский текст (его «речение» и «разум») как отражение языковой картины мира, используют положения когнитивной лингвистики и принципы общей теории текста («накладывая» на древний объект выявленные при синхронном анализе когнитивные единицы и текстовые категории). Возникают сомнения в плодотворности подобного подхода, так как, во-первых, современные теории эксплицируют современные формы научного сознания/мышления, которые не совпадают с мифологическим мышлением древнего русича эпохи двоеверия, во-вторых, в этом случае не теория порождается объектом (как должно бы быть при диахроническом анализе), а объект (в связи с этим осовремененный и модернизированный) порождается теорией. Большого доверия заслуживают попытки выявить особенности древнерусского текста и языковой картины мира в направлении «от объекта».

Не претендуя на решение всего комплекса проблем, предлагаем обсудить следующие дискуссионные вопросы, связанные с изучением русской языковой картины мира в диахронии:

1. Источники и методы изучения русской языковой картины мира в диахронии.
2. Особенности архаичного мировосприятия и основные концептуальные формы русской ментальности.
3. Семантический синкретизм и модель развития лексического значения.
4. Отражение в языке эволюции представлений о пространстве, времени, количестве, качестве (ценности) и др.
5. Перенос наименований (семантические сближения) в древнем тексте и языковая образность.
6. Основные оппозиции лексических единиц и устойчивые сочетания слов (фразеологизмы) в их истории.

Предполагается, что будет предложен установочный доклад (15 мин.) и будут заслушаны краткие (до 10 минут) заранее подготовленные сообщения, сопровождаемые дискуссиями (3–5 мин.).

Круглый стол «Русский текст в сопоставительных исследованиях»

Ведущие круглого стола – *проф. Марина Юрьевна Сидорова, доц. Анастасия Викторовна Уржа.*

Приглашаем к участию в круглом столе лингвистов, исследующих семантико-грамматическое строение текста на сопоставительном материале.

Законы строения и интерпретации текста, текстовые структуры и категории, имманентные целому единицы, время, пространство, модальность и персональность в тексте, механизмы связности, функционирование метатекста – все общие и частные вопросы грамматики и семантики текста, а также нарратологии и теории дискурса требуют наблюдения за «жизнью» текста в его естественных видоизменениях, в «зеркалах» его реальных интерпретаций.

Такие исследования раскрывают перед учеными функциональные возможности средств русского языка, композиционные и прагматические потенции его грамматического, лексико-семантического, стилистического арсенала.

Конкурирующие варианты русского перевода текста, ряды вариаций, редакций текста, оригинальные русские произведения на фоне их зарубежных переводов – привлекательный материал для лингвистов, изучающих языковые факты в функциональном и коммуникативном аспекте.

Предполагается, что будет предложен установочный доклад организаторов круглого стола (15 минут) и будут заслушаны заранее подготовленные сообщения (максимум 10 минут), сопровождаемые дискуссиями (5, 3 и 1 минута).

Сопоставление модусных ролей в оригинале и русских переводах романа В. Набокова «Пнин», или «распоясавшийся» повествователь в сюжете и над сюжетом

М. М. Балябина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

bmmarysia@gmail.com

Перевод, интерпретация, сопоставление, повествователь, модусные роли.

Summary. The report presents the results of comparative analysis matching Russian translations of “Pnin” by V. Nabokov to the original. The grammatical and semantic means of modus roles creation are in the focus of the study. The paper describes interactions of the roles in question and their interpretation in the translated texts.

Набоков всегда писал для «идеального читателя». По его мнению, текст нельзя просто читать, над ним нужно работать. Как писал он в «Лекциях по зарубежной литературе», «...у нас нет физического органа (такого, каким в случае с живописью является глаз), который мог бы разом вобрать в себя целое, а затем заниматься подробностями. Но при втором, третьем, четвертом чтении мы в каком-то смысле обращаемся с книгой так же, как с картиной» [2: 26]. Именно для такого вдумчивого читателя, который несколько раз возвращается к тексту в поисках скрытых смыслов, и создан роман «Пнин». В каком-то смысле, это текст-загадка, который невозможно понять после одного прочтения: события нарратива противоречат друг другу, скрывают глубинную, неочевидную сюжетную линию и создают многослойную структуру повествования.

Одна из ярких особенностей этого текста – несомненно, до конца не ясная читателю личность рассказчика, по словам Е. В. Падучевой, просто «распоясавшегося» [3: 382]. Набор модусных ролей в романе сложен, а переходы от одной роли к другой становятся постоянными: сначала рассказчик представляется безликим «всезнающим повествователем», по мере развития сюжета занимает все более значимое место среди героев романа, а в конце обнаруживает довольно близкое с ними знакомство. От них на глазах изумленного читателя он и узнает всю изложенную выше историю: предыдущий нарратив теряет свою связь с реальностью. Читателю предоставлен целый спектр воплощений повествователя: рассказчик, наблюдатель и герой. Сферы этих ролей пересекаются и накладываются друг на друга, создавая сложный и неоднозначный образ повествователя.

Результаты исследования переводов, выполненных С. Ильиным, Г. Барабтарло и Б. Носиком, освещены в докладе в трех аспектах. Это организация первого плана и фона в произведении, воплощение образа повествователя, а также приемы создания и размещения в тексте ключевых метафор.

Чтобы рассмотреть, насколько переводчикам удалось воспроизвести тактику автора, в докладе использовано представление о композиционных потенциях русских и английских грамматических форм (“Saliency Hierarchy”), разработанное К. Чвани [5: 213–235], а также исследования текстовых функций форм русских глаголов, восходящие к трудам

В. В. Виноградова [1: 74–147]. Идея соотнесения русской и зарубежной традиций изучения первого плана и фона текста, а также методика сопоставления переводов в этом аспекте опирается на работу А. В. Уржи [4: 197–212].

Модусная роль нарратора в русских переводах романа проявлена в разной степени. Она реализуется при помощи стандартных приемов, эксплицирующих присутствие рассказчика в тексте (местоимения первого лица, перволичная форма глагола и т. д.), а также авторских «изобретений» (комментарий рассказчика в скобках). Ярче всего он проявляется в варианте С. Ильина, однако именно здесь нарратор сохраняет интригу относительно своей писательской сущности. Варианты Г. Барабтарло и Б. Носика, опуская показатели модуса рассказчика, порой оставляют возможность приписать ту или иную мысль самому герою романа – Пнину.

Роль наблюдателя в романе еще более условна: восприятие может осуществляться с позиции «всеведения», а может жестко ограничиваться сюжетным пространством и временем, иногда повествователь наблюдает за созданным миром сам, а иногда – глазами своего вымышленного героя.

Миронец, довольно необычная роль повествователя – героя собственного текста, должна быть отграничена от двух предыдущих, поскольку представляет специфическое сознание, не просто локализованное в сюжете романа, но и имеющее собственную «историю» восприятия и мышления. Локализация повествователя-героя во времени и пространстве текста осуществляется всеми переводчиками при помощи дейктических показателей (*я – там – тогда*), слов, указывающих на родственные или дружеские связи между повествователем и персонажами.

Отдельный интерес для исследования представляет система метафор: помимо основной повествовательной линии создается глубинный сюжет, в контексте которого даже обычные на первый взгляд вещи могут быть поняты метафорично (припадок как смерть, тень как граница потустороннего мира, белка как проводник в потустороннее).

«Некоторые люди – и я в их числе – не переносят счастливых концов. Нам кажется, что нас надувают», – заявляет рассказчик во время сердечного припадка Пнина. И, несмотря на кажущийся счастливым финал, «распоясавшийся» повествователь поднимается над сюжетом и все же

строит текст именно так, как ему нравится, скрывая за кажущимся счастливым финалом трагедию, которую заметит только «идеальный читатель».

Литература

1. *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.; Л., 1936.
2. *Набоков В. В.* Лекции по зарубежной литературе. М., 1998.
3. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
4. *Уржа А. В.* Применение 'Theory of Grounding' в изучении синтаксиса и стиля русских переводов прозаического текста // Вестник Моск. ун-та. Серия 9 «Филология». 2012. № 6.
5. *Chvany C. V.* Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian // Nils Thelin (ed.), Verbal Aspect in Discourse. Amsterdam, 1990.

«Странное» в переводе «фэнтези» через призму четырехступенчатой модели анализа текста

М. Ю. Сидорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

sidorovadoma@mail.ru

Фэнтези, русский язык, английский язык, Толкин, перевод, коммуникативно-грамматический анализ текста.

Summary. Fantasy is a type of fiction based on a special point of view offered by the main hero who being a novice in the fantastic world «helps» the reader to discover its strangeness. Thus, it is always a question whether the linguistic means, text-building tactics and strategy of the translator match the level and the type of strangeness envisaged by the author. This paper applies the 4-step text analysis model (G. A. Zolotova) to J. R. R. Tolkien's *The Lord of the Rings* to examine this issue.

Фэнтези – один из видов художественной литературы, специфика которых обусловлена позицией внутритекстового субъекта – новичка, профана в фантастическом мире, «наивного наблюдателя», взгляд которого создает необычное и фантастическое: «... Фантастическое возникает лишь в момент сомнения – сомнения как читателя, так и героя, которые должны решить, принадлежат ли воспринимаемые ими явления к „реальности“ в том виде, как она существует в общем мнении... Если он решает, что законы реальности не нарушены и позволяют объяснить описанные явления, тогда мы относим произведение к иному жанру – жанру необычного. Если же, наоборот, он решает, что следует допустить существование иных законов природы, с помощью которых можно объяснить явление, то мы вступаем в сферу чудесного». Идеальное фантастическое искусство, говорит Ц. Тодоров вслед за Л. Ваксом, «умеет удерживаться в неопределенности». Странное, фантастическое, необычное, чудесное, равно как и степень их (не)определенности возникают в художественном тексте в результате использования автором конкретных языковых средств, воплощающих авторские тактики и стратегию. Естественно, если мы имеем дело с переводом, тем более с переводом текста, который является каноническим для жанра, как например трилогия Толкина «Властелин колец», возникает вопрос: насколько соответствуют языковые средства, тактики и стратегии переводчика, избранные им сознательно или интуитивно, той степени «неопределенности» фантастического, которая заложена в произведение автором?

Для ответа на этот вопрос эффективно использование четырехступенчатой модели анализа текста (Г. А. Золотова), позволяющей обнаружить и объяснить инварианты и зоны вариативности в переводах текста. При ее применении к произведениям фэнтези продуктивно двигаться от ступеней D или C вниз с опорой на модусный план в содержании произведения, анализируя языковые средства, конструирующие общую для этого жанра субъектную позицию – «момент сомнения», обеспечивающие достоверность, проработанность и специфичность фикционального мира. В приложении к трилогии Толкина эта модель реализуется следующим образом.

Ступень D (стратегия, замысел автора): создание произведения жанра фэнтези, достижение максимальной достоверности фикционального мира, создание эффекта «конца эпохи».

Ступень C (авторские тактики): недостоверное объяснение природных явлений одушевленностью природы или магическим вмешательством, использование наблюдателя-профана, ослабление мотивировок с помощью разнообразных модусных средств, столкновение точек зрения персонажей, занимающих разные позиции в магическом / немагическом пространствах Средиземья и т. п.

Ступень B (регистровые блоки и модели предложений): взаимодействие средств репродуктивно-описательного, репродуктивно-повествовательного и информативного реги-

стра в пейзажных фрагментах, модели с предметным субъектом и полисемичным глаголом, способным осмысляться как акциональный либо как неакциональный, в предикате, каузативные конструкции с разной степенью целенаправленной активности субъекта-каузатора и др.

Ступень A (конкретные языковые средства допредикативного уровня): модусные показатели недостоверности восприятия, выбор именных и глагольных номинаций и др.

Очевидно, что использование в качестве носителей точки зрения профанных наблюдателей – хоббитов, существ вымышленных, но до начала повествования «законсервированных» в своем узком мире, лишенном магии, эльфов и драконов, позволяет Толкину достичь той самой неопределенности фантастического, о которой говорилось выше, причем с помощью самых простых, неспециализированных для этой задачи языковых средств, например конструкций с глаголами, способными обозначать действия живых существ, и предметными субъектами типа *Дерева столпились* или с глаголами, сигнализирующими о движении наблюдателя, типа *Тропинка сузилась*. В весьма протяженном описании перехода героев через лес, находящийся как раз на границе двух миров, состояние модусной неопределенности (то ли персонажи действительно видят целенаправленные проявления злой воли леса, то ли от страха приписывают эту злую волю обычным природным процессам) длится и нагнетается посредством высокой концентрации подобных конструкций и изофункциональных им средств, сдвигающих границу живого и неживого. В данном случае модус для Толкина важнее диктума: гораздо более значимо создать у читателя «правильное» отношение к выстраиваемому фикциональному миру, чем ускорить сюжет. А правильно в данном случае как раз *не понимать* причины и сущности происходящего. Авторы хороших русских переводов «Властелин колец» не только успешно находят изофункциональные средства для изображения проявлений возможной одушевленности леса, с которыми сталкиваются хоббиты (лес угрожающе молчит и требует тишины, лес удушает и теснит путников деревьями, словно способными к самостоятельному передвижению, невидимые глаза следят за ними из чащи, тропинка ведет путешественников, но и обманывает, исчезая и появляясь по своей прихоти), но и склонны создавать большую концентрацию этих средств, чем в оригинальном тексте. Кроме того, в руках у переводчиков, работающих на языке, в котором есть категория вида, дополнительные средства повышения степени динамичности, активности пейзажа.

По мере продвижения персонажей вглубь Средиземья варианты объяснения стихийных явлений кажущейся одушевленностью природы или магическим вмешательством будут возникать и повиняться другому важнейшему компоненту толкиновской стратегии – на этот раз не объединяющему «Властелин колец» с другими произведениями жанра фэнтези, а составляющему специфику трилогии. Толкин стремится показать фантастический мир в эпоху угасания вол-

шебства, заставить читателя вместе с героями пережить конец мира эльфов и магов и переход к миру людей. Эта лейтмотивная тема не раз звучит по ходу повествования в речах самых умудренных персонажей и вклинивается в сюжет. Магия слабеет, и то, что раньше имело сверхъестественное объяснение, приобретает рациональную мотивировку. Как всякий большой писатель, Толкин не только сообщает об этом, он это показывает, инкорпорирует в структуру своего фикционального мира. Для сцены у Брода, в которой Фродо спасает то ли вздыбившаяся река, то ли силы магии, языковая ткань оригинала предлагает столько объяснений, балансирующих на границе обычного и фантастического, что вопрос о природной и магической каузации остается открытым. Переводчики сдвигают границу в ту или иную сторону в зависимости от своего понимания замысла автора.

Таким образом, языковые ресурсы уровней А и В реализуют свое предназначение в тексте и получают осмысление

при его интерпретации только в соотношении с задачами уровней С и D. Предложения типа *Деревья столпились, Ветви не шевелились, Река стронула и покатила камни*, будучи построенными по системным моделям языка и предназначенными для описания природы, в русском тексте «Властелина колец» обслуживают перечисленные тактики и стратегии автора. Они отобраны (созданы) переводчиками не путем поиска прямых «one-to-one» соответствий конструкциям английского текста, а благодаря (более или менее глубокому) проникновению переводчиков в замысел автора, посредством отбора лексико-грамматических ресурсов русского языка, которые смогут выполнить требуемые функции. В то же время концентрация изофункциональных языковых средств может гипертрофировать авторскую идею или смещать акценты в соответствии с личным видением переводчика.

Литература

1. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М., 1997.

Круглый стол «Русский язык как инославянский»

Председательствует профессор М. В. Всеволодова.

Известный сербский русист, в течение долгого времени возглавлявший сербскую ассоциацию преподавателей русского языка, к великому нашему сожалению, недавно ушедший от нас Боголюб Станкович, в свое время предложил именно такой аспект рассмотрения взаимоотношений славянских языков – не как иностранных по отношению друг к другу, а как инославянских. Наши первоначальные наблюдения показали, что, действительно, специфике Грамматической системы русского языка (в самом широком понимании термина «Грамматика», включающего все уровни языка и речи) невозможно адекватно описать, не обращаясь к другим славянским языкам, в том числе, и восточно-славянским: украинскому, белорусскому и русинскому. Принципиально важны и необходимы и очень результативны сопоставления с южными и западными славянскими языками, позволяющие скорректировать взгляд на некоторые аспекты как собственно русской, так и славянской грамматики. Такой подход оказался невозможен вне выхода в общеславянскую диахронию – старо- и древнеславянский языки. Правомерность предложенного Боголюбом Станковичем подхода трудно переоценить, и мы предлагаем именно в этом аспекте рассматривать взаимоотношения славянских языков.

Вводное сообщение: Всеволодова М. В., Чекалина В. Л. «Специфика некоторых категорий русского языка в зеркале других славянских языков».

Специфика некоторых категорий русского языка в зеркале других славянских языков

М. В. Всеволодова, В. Л. Чекалина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mayya@mail.ru, valery_@mail.ru

Современная парадигма славистики вообще и русистики, в частности, убедительно показала, что объективно описать любой славянский язык без выхода в другие славянские языки невозможно. Мы поняли это при работе с принципиально разными грамматическими категориями: предложными единицами в рамках нашего межславянского проекта [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2013], категорией числительного и, в частности, категорией квантитативности – словосочетаний числительных с существительными при выражении количества и величины типа *сто двадцать одна студентка* [Всеволодова 2013а]; и, наконец, при анализе полных и кратких форм прилагательных и причастий, представляющих оригинальную категорию русских адъективов [Всеволодова 2013б].

В нашей работе в настоящее время мы опираемся на концепцию А. М. Пешковского об объективной грамматике, в которой для лингвиста не может быть неправильного и некрасивого. Эта концепция полностью совпадает с положением В. Гумбольдта о том, что «человек живет в круге своего языка и выйти из него может только в другой язык». Это значит, что человек на своем языке может нарушать норму, но не может выйти за рамки системы своего языка. Эту систему каждого славянского языка мы пока не знаем, а если говорить о норме, то, по крайней мере в России нет такого подразделения в Академии наук или в каком-либо лингвистическом институте, которое бы на объективных и четко сформулированных основаниях определяло понятие нормы и выделяло нормативные для данного периода языковые единицы. На последнем шестнадцатом Съезде славистов неоднократно озвучивалось мнение, что понятие нормы должно быть расширено. Действительно, наш материал показывает, что например квантитативы типа *три друга* и *трое друзей* одинаково свободно выступают в падежной парадигме, причем категория одушевленности в некоторых случаях факультативна (что в свое время отмечали и Академические грамматики): для *два, три, четыре* и *двое, трое, четверо* в Вин. п. одинаково системны четыре реализации: *Он пригласил трех своих друзей / пригласил три своих друга/пригласил троих своих друзей / пригласил трое своих друзей*; вот примеры из Интернета: *Ваш младший партнер приглашает трех своих друзей. Назовите три своих друга. Он пригласил троих своих друзей. Пригласить в игру трое своих друзей.* То же для зоонимов. Вот примеры об одном и том же факте: *Корова родила четыре теленка/четыре-рех телят/четверо телят/четверых телят.* Но начиная от *пяти* и выше категорию одушевленности можно вы-

разить только в собирательном числительном: *пригласил пятерых друзей, но пригласил пять друзей.* Этот подход не отрицает значения нормы в языке, но позволяет осознать систему языка, а норму обосновать.

Материал русского языка в зеркале других славянских языков показал, что, например, категория одушевленности/неодушевленности в рамках ед. ч. во всех славянских языках реализуется фактически только для названий лиц мужского пола; а во мн. числе, совершенно правильно говорится о категории мужского лица в западнославянских языках, в украинском и белорусском и, возможно, в русинском языке сохранились остатки категории лица, а категория одушевленности работает в южнославянских и русском языке. Но вот категория числительных при пересечении с этой категорией, как видим, дает сбои, а это уже та внутренняя грамматика, которую лингвистика как наука о Языке должна знать и изучать. И интересно сопоставить этот фрагмент грамматики во всех славянских языках, что, несомненно, позволит нам многое понять в специфике и истории славянских языков.

Очень интересный материал дает межславянское сопоставление в такой категории, как возвратные глаголы. Как оказалось, наряду с частицей/аффиксом –ся (ср. польск. *się*) и местоимением *себя*, в русском языке в число возвратных местоимений нужно включить местоимение *друг друга*, которое в некоторых наших грамматиках относят к наречиям, и которому в других славянских языках может соответствовать возвратная частица или аффикс. При анализе русских возвратных глаголов обычно не выходят за рамки русского языка, вместе с тем, сопоставление с другими славянскими языками показывает, что один и тот же глагол в разных языках может быть как возвратным, так и не возвратным, ср. русское *вернуться* и польск. *wrócić*. Видовые пары двух русских глаголов *садится – сесть* и *становиться – стать*, как видим, различаются именно наличием / отсутствием возвратности. В польском же языке каждая из этих пар единообразна, но *siadać – usiąść* и *stać się – stanowić się* различаются именно по категории возвратности. Думается, что сопоставление многих категорий по славянским языкам даст очень интересный материал для осмысления самой категории. И не только этой. Здесь приведены примеры уровня морфологии. В докладе будут представлены и проблемы синтаксиса.

Здравствуйте !
Майя Владимировна !
Спасибо вам за беспокойство, со мной и мои-

ми близкими все в порядке.

В эти дни я ходила на нескольких собеседованиях, но пока нет ответа. На собеседованиях, мне задавали разные вопросы, на некоторые из них я тоже не знаю, как ответить, проверяли, как хорошо я знаю русский язык, как я преподаваю учеников. Теперь я знала, как трудно жить, выйдя из университета без опыта работы. Несмотря на эти трудности, я буду продолжать искать работу, и буду стать сильнее. Я всегда помню ваши слова, каждый день немного почитаю на русском.

Недавно у нас был праздник Луны, или праздник Середины Осени. Мы с родителями провели вместе, я очень рада, потому что это первый

раз мы отметили праздник Луны с родителями после семилетней учебы. Мы кушали китайские традиционные десерты ЮЕ БИН.

Скоро у нас день пождения государства, все народа будут отмечать вместе.

Спасибо вам еще раз и за письмо, и за проверку ошибок, я все исправлю.

Давайте, расскажите мне о себе, о вашем здоровье.

Не забывайте больше кушать, вы слишком худенькие.

С уважением!

Светлана

Круглый стол «Русский язык в неславянской аудитории»

Председательствует профессор М. В. Всеволодова.

Проблема преподавания русского языка носителям других языков, в частности, пребывающим на территории самой России, когда общение на языке не откладывается на отдаленное будущее, а имеет место фактически в каждый момент пребывания инофона в русской языковой среде, с одной стороны, но и преподавание русского языка в родной языковой среде для последующего владения им как иностранным или языком межнационального общения (для бывших республик СССР), с другой, потребовала решения многих собственно лингвистических задач, не попадавших в поле внимания традиционной лингвистики. Для русистики решение этих задач изначально было и остается невозможным без элементов сопоставления с языком учащегося. Такой подход, как правило, делает более заметными специфические явления и элементы системы русского языка на всех уровнях (от фонетики до дискурса), которые трудно или невозможно выявить, не выходя за рамки системы самого русского языка, равно как выявляет и специфику родного языка учащегося. Но этот же подход позволяет выявить и лингвистические универсалии и своеобразие их функционирования в разных языках. Именно такой аспект рассмотрения языковых явлений предлагается для обсуждения в рамках данного круглого стола.

Вводное сообщение – Всеволодова М. В., Чаплыгина Т. Е. «Русский язык в зеркале неславянских языков».

Приглашаем записываться для участия в данном круглом столе. В заявке будет приветствоваться формулировка тех вопросов, которые Вы бы хотели поставить на обсуждение.

Русский язык в иноязычной аудитории.

Проблемы, задачи и место в лингвистической парадигме XXI века

М. В. Всеволодова, Т. Е. Чаплыгина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mayya@mail.ru, chtatiana@mail.ru

Активное и системное преподавание русского языка как неродного, начавшееся как самостоятельное прикладное лингвистическое направление в середине прошлого века, потребовало для своего эффективного развития обращения к фундаментальным основам Языка, анализа и осмысления таких его аспектов, как содержательный уровень русского языка в сопоставлении с другими языками, национальные концепты и языковая картина мира, функционирование языка в различных функциональных стилях, коммуникативный уровень, парадигматика фактически всех языковых категорий и многое другое, что сейчас, в последние десятилетия сформировало современную лингвистическую парадигму. С самого начала одной из главных характеристик нашего подхода к языку стало сопоставление всех уровней языка с родным языком наших учащихся. Некоторые аспекты Грамматики в широком понимании этого слова, представляется, пока интересуют только нас.

Уже где-то в 1951–1952 году мы назвали нашу грамматику функциональной, потому что нам было важно знать не только, какие формы и модели есть в языке, но и почему одно и то же содержание мы не только можем, но и должны иногда передать разными способами. Напомним, что интонационные конструкции Е. А. Брызгуновой были выявлены ею именно во время ее работы преподавателем РКИ. Сейчас мы знаем, что эти ИК – главный инструмент реализации главной категории славянского предложения (в отличие от неславянских языков) – категории предикации, или актуального членения, открытого В. Матезиусом.

В процессе аналитической работы над языком, которая перманентно и, можно сказать, без отрыва от теоретических исследований, апробировалась на практике, сформировалась наша модель языка – представление о языке как целостности – функционально-коммуникативная, лингводидактическая модель языка, занявшая свое место в лингвистической парадигме нашего времени.

В настоящее время можно сказать, что определенным образом, как в связи с историческими изменениями в современном обществе, так и с развитием науки, с новыми способами и средствами общения, по-своему изменилась и структура нашей профессиональной сферы. С одной стороны, изменилась структура межнационального общения, как в мире вообще, так и на территории бывшего СССР. Возникли новые проблемы, требующие обсуждения и решения с другой стороны, развитие электронно-

го общения требует создания программ, рассчитанных на общение людей, не знающих языка друг друга, в режиме on line, где учитываются все возможные реализации языковых единиц.

Что касается языковой базы для создания программ межнационального общения в Интернете, то создать такую программу, как представляется, можно именно в рамках нашей модели, поскольку ни одна другая лингвистическая модель системно функционирование русского языка не изучает. Но это должен быть выход на объективную грамматику в понимании А. М. Пешковского [Пешковский 2010]. Наши материалы показали, что такой подход позволяет выявить собственно систему языка, которая в наших традиционных грамматиках, в том числе и Академических, отсутствует. Покажем это на таком примере.

При обучении некоторым предложно-падежным образованиям дают учащимся на запоминание синтаксемы типа *согласно чему, но аналогично с чем и в дополнение к чему*. Вместе с тем, наш материал показывает, что все предлоги, выражающие отношения двух и более объектов, имеют четырехчленную парадигму: *шляпка в цвет юбки / в цвет юбке / в цвет к юбке / в цвет с юбкой*. См. примеры: **В дополнение сказанного в статье хочу отметить, что...**; **В дополнение сказанному выше могу отметить, что...**; **В дополнение к сказанному следует привести несколько замечаний; Цепочка может носиться и как самостоятельное украшение, и в дополнение с кулоном**. Соответственно, запоминание можно заменить алгоритмом падежной парадигмы, которую можно отрабатывать на уроке. А для создания программы перевода следует указать на синонимичность всех реализаций.

В рамках всех этих проблем совершенно необходимым оказалось сопоставление русского языка с родным языком учащихся. Иногда обращение к родному языку позволяет снять большие трудности. Так, русским конструкциям говорить *с немецким акцентом* и *говорить громким голосом* в романских языках соответствует одна именная группа с коррелятом русского предлога *с* типа 'говорить с громким голосом'. Объяснить, когда в русском нужен предлог, а когда не нужен, трудно. Но ни в одном языке нельзя сказать **говорить без громкого голоса*. И там, где это невозможно в родном языке, в русском не нужно употреблять предлог. Подробно эти и другие трудные аспекты грамматики будут изложены в докладе.

Русский язык в языковой политике Монголии

Ц. Саранцацрал

Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия)

ts_sarantsatsral@yahoo.com

Языковая политика по отношению к русскому языку, перестройка, анализ языковой ситуации, распространенный, востребованный язык, новый спрос, геополитические интересы.

Summary. This report analyzes a language situation and the position of Russian language and dynamics of its functioning as one of widespread and highly demanded foreign languages in Mongolia from 1990s to present date. Political and economic transformations have influenced situation of Russian language all over the world. Language policy in the Russian Federation and former Soviet block and socialist countries (i. e. CIS countries, the Baltic countries and Mongolia) are highly influenced by political changes and economic factors. Despite of this, Russian language still retain its status as a widespread and highly demanded language in the world, including Mongolia.

Данный доклад посвящен анализу особенностей проведения языковой политики и функционирования русского языка в Монголии на современном этапе.

В докладе анализируется языковая ситуация и позиция русского языка и их тенденции развития в период начиная с 1990-х годов по настоящее время.

При анализе языковой ситуации современной Монголии особое внимание уделено русскому языку, функционирующему как одному из распространенных, востребованных иностранных языков в Монголии, а также динамике его функционирования в Монголии после 1990-х годов.

Автор делает попытку рассматривать связь «перестройка – языковая политика – русский язык», т. е. влияние перестройки на языковую политику и на статус и функцию русского языка.

Перестройка повлияла и на положение русского языка во всем мире. Следует отметить, что в мире русский язык изучали во все времена, правда с разной целью, разной силой заинтересованности и т. д.

В постсоветский период в странах бывшего социалистического лагеря, в бывших республиках СССР проводилась политика «дерусификация», «отказ от коммунизма», что нашло свое отражение в языковой политике этих стран.

В обиходе языковой политики активизировались понятия «государственный язык», «официальный язык», «язык титульной нации». По новому заговорили о языковой политике в бывших социалистических странах, в бывших республиках СССР, в самой Российской Федерации.

После перестройки начался новый спрос на изучение русского языка.

В настоящее время наблюдается рост интереса к овладению русским языком у нефилологов в частности, у будущих экономистов, управленцев, юристов, студентов художественных профессий. Русский язык вновь становится востребованным теми, кто непосредственно принимает участие в развитии связей с Россией и реализации международных проектов.

После 90-х годов XX века в связи с установлением нового мирового порядка языковая политика по отношению к иностранным языкам в Монголии резко изменилась.

Языковая ситуация в Монголии своеобразна, что вызвано совокупностью экстралингвистических (геополитических, политических, экономических и культурных) и лингвистических факторов.

В настоящее время на языковой карте Монголии в качестве иностранных языков присутствует довольно много языков, однако степень их распространения, востребованности, значимости различны в силу ряда причин. Как показывает проведенный нами социологический опрос, наиболее **востребованными** из иностранных языков оказались

1) английский, 2) русский, 3) китайский, 4) японский, 5) немецкий, 6) корейский и 7) французский языки, а самыми **распространенными** являются 1) английский, 2) русский, 3) китайский, 4) японский, 5) корейский, 6) немецкий, 7) французский языки.

На современном этапе в Монголии английский язык занимает первое место по своей востребованности, чему способствует не только его статус мирового языка, но и как язык глобального использования, а также государственная политика страны.

Что касается русского языка, то в настоящее время в Монголии он по своей востребованности и распространенности уступает английскому языку и пока занимает второе место. Нынешней позиции русского языка в языковой карте Монголии способствует не только статус русского языка как мировой язык (русский язык – язык ООН и других авторитетных международных организаций), но и многолетние добрососедские дружественные отношения между нашими народами. Русский язык является одним из обязательных предметов школьной программы наряду с английским.

Китайский язык по показателям демографической и коммуникативной мощности пока уступает английскому и русскому языкам. Однако наблюдается тенденция сильной конкуренции со стороны китайского языка.

В ближайшее время по всей вероятности на языковой карте Монголии по прежнему будет сосуществовать английский, русский, китайский, японский, корейский, французский, немецкий и другие иностранные языки. Однако приоритетными иностранными языками выступают английский, русский и китайский. Уникальность языковой ситуации в Монголии состоит в том, что на языковую политику по иностранным языкам нашей страны будут влиять геополитические интересы великих держав Китая, России и США. Китай и Россия – наши вечные южный и северный соседи.

В докладе автор более подробно анализирует мотивы изучения русского языка в монгольской аудитории.

Заключение:

1. Перестройка повлияла на языковую политику и статус русского языка в мире.

2. В настоящее время серьезное влияние на языковую политику в Российской Федерации, в бывших республиках СССР: в странах СНГ, Прибалтики, в бывших социалистических странах и в Монголии оказывают политические сдвиги и экономические факторы.

3. На языковую политику по иностранным языкам Монголии будут влиять геополитические интересы великих держав Китая, России и США.

4. Несмотря на политические и экономические изменения русский язык сохраняет статус распространенный и востребованный язык в мире и в том числе в Монголии.

Круглый стол

«Способы подачи негативной информации и их экспертная оценка»

Руководитель – профессор кафедры русского языка филологического ф-та МГУ, член секции по судебной лингвистической экспертизе Научно-Методического совета РФЦСЭ при Минюсте России *Ольга Владимировна Кукушкина*.

На круглом столе предлагается продолжить начатое на прошлом конгрессе общение лингвистов-экспертов и обсудить наиболее трудную для всех проблематику: конфликтогенные способы подачи негативной информации («критика», «клевета», «манипуляции», «очернение» и пр.) и трудности их экспертной оценки (наличие / отсутствие признаков оскорбления, унижения, разжигания розни, и т. п.). Любой обмен опытом здесь полезен и необходим.

Предполагаемый регламент: 10 минут на выступление. При подготовке выступлений желательны опора на экспертную практику, анализ сложных случаев, рекомендации, уточнение границ компетенции эксперта-лингвиста. Если желающих выступить по этой тематике наберется достаточно, то будет организована секция или семинар, а на круглый стол может быть перенесено общее обсуждение.

На круглом столе предполагаются также информирующие выступления: о положении дел в государственных экспертных организациях и проводимой в них методической работе, информация о деятельности негосударственных объединений и пр. На круглый стол могут быть приглашены специалисты, которым вы бы хотели задать конкретные вопросы (например, психологи).

Круглый стол «Средства и способы речевого воздействия: универсальное и специфически русское»

Ведущий круглого стола *Елена Георгиевна Борисова*.

Интерес к средствам речевого воздействия растет. Он выходит за пределы изучения языка СМИ, рекламы, политики. Уже заявившая о себе, как об особом направлении языкознания, перлокутивная лингвистика занимается и лингвистической экспертизой, и межличностным общением. Будет целесообразным вновь, как и на предыдущем Конгрессе исследователей русского языка, обсудить эту проблематику, в первую очередь такие вопросы, как:

1. лингвистические механизмы речевого воздействия, их взаимосвязь с психологическими и социальными механизмами,
2. перлокутивный подход в описании лексики, грамматики, фонетики, дискурсивного анализа текстов,
3. риторические подходы в рамках описания речевого воздействия,
4. перлокутивный потенциал лексических и грамматических средств языка в развитии,
5. речевое воздействие поликодовых сообщений,
6. результаты перлокутивных исследований – в практику!

Предполагается, что будут заслушаны короткие (до 10 минут) заранее подготовленные сообщения, сопровождаемые дискуссиями. В сообщениях и обсуждении основное внимание уделяется особенностям текстов на русском языке, приветствуются сопоставления с другими языками и типологические выводы.

Слова «качество», «цена» и «скидки» в рекламе как средство речевого воздействия

С. А. Ахмадеева

Кубанский государственный университет (Краснодар)

ssetozara@gmail.com

Реклама, потребитель, речевое воздействие, семантика, сочетаемость слов, «продающий текст».

Summary. Manipulative usage of the words “price”, “quality”, “discounts” in banner Internet advertizing will be analysed in the report, And as the result of this process the changes of their semantics is defined. In conclusion the inefficiency of advertizing texts influence on the consumer in comparison with “the sales text”.

В рекламном тексте семантика многих слов, оказавшихся в непривычном для них окружении, трансформируется за счет расширения их сочетаемости. М. А. Кронгауз отмечает изменение значений имен прилагательных «элитный» и «эксклюзивный», которые сегодня приобрели устойчивые значения «позитивности» и «качественности» (Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М., 2012: 49–55). Этот процесс затронул и имена существительные. В наружной и баннерной интернет-рекламе такими словами стали имена существительные «цена» и «качество» и «скидки».

На рекламных щитах и «растяжках», в заголовочных комплексах и ярких картинках интернет-текстов они существенно расширили свою сочетаемость и стали главными словами в новых – рекламных – клише, например, «классные цены» (в магазинах «Техносила» к учебному году в конце августа – начале сентября 2013 г.) и др., рекламных окказионализмов («ценопад» – в сети магазинов «Поиск» в 2011 г.).

Еще недавно в сознании потребителя качество товара напрямую связывалось с его ценой: более высокая цена предполагала высокое качество товара (хорошую вещь дешево не продадут). Однако сегодня дороговизна качественных товаров, скорее, отпугивает покупателя, чем привлекает его внимание к товару. Поэтому европейское и американское качество в рекламе все чаще соседствует с низкими, приемлемыми ценами. И взаимная обусловленность цены и качества и сегодня активно эксплуатируется при создании рекламных текстов, в которых все чаще потребителю предлагаются качественные товары по *низким, реальным, выгодным, доступным, специальным, привлекательным* ценам (Немецкое качество по доступной цене (обувные магазины «Baden»). Положительная окраска слова «цена» поддерживается и сочетаемостью с существительными *доступность, надежность, уверенность* и т. д., что часто подкрепляется визуальным рядом, возбуждающим «нужные» ассоциации.

Слово «качество» часто употребляется вместе с относительными прилагательными, указывающими на страну-производителя (*немецкий, американский, швейцарский*). Они подтверждают высокое качество товаров и поэтому тоже приобрели положительную значения «позитивности» и «качественности», в отличие от прилагательного *китайский*, ставшего синонимом *низкого* качества товаров, и поэтому не используемого в рекламных текстах (в отличие от *китайских* (= низких) *цен*). Отметим, что слово «качество» в текстах практически никогда не употребляется в текстах вместе с глаголами (в отличие от слова «цена»).

Создавая эпатажную рекламу, копирайтер стремится заманить потребителя в торговые залы непривычным соседством слов в тексте. Цены как бы одушевляются, поэтому они *падают, стираются*, и т. д. Еще цены можно *бить, ломать, косить, рубить пополам*, а также *раздеть и отправить в отпуск* (серия летних акций 2011 г. в магазинах «ТРЕК»), *драконить* (предновогодняя акция «Драконом новогодние цены» в декабре 2011 г. в сети магазинов «Спорт-мастер» накануне наступления Года Дракона).

Но сегодня такой прием не срабатывает: *свежие, вкусные, аппетитные, потрясные, сказочные, легкие, нежные, улетные, смешные, классные, чертовски-низкие, зачетные, разумные* и др. цены уже не привлекают внимание, когда-то неожиданное сочетание уже стало привычным.

Слово *скидки* также расширяет свою сочетаемость. Так, в период эпидемии «свиного» гриппа в витринах краснодарских магазинов одежды появились плакаты с изображением молодых людей в разрисованных медицинских масках, сопровождаемые надписями на английском языке «Antivirus sale – 30%» («антивирусные скидки»). Для привлечения потребителей в магазины во время распродаж и сегодня витрины оклеиваются стикерами, плакатами, сообщающими о *диких, заоблачных, улетных суперскидках*. «Эффект обманутого ожидания» не возникает. И мы, увидев щит или баннер, обещающий нам чудовишные скидки Хэллоуина или «ЧЕРТОВСКИ-НИЗКИЕ ЦЕНЫ» накануне 13-летия компании, уже не торопится использовать уникальный шанс приобрести кучу ненужных вещей по доступной цене.

Чем больше рекламных текстов, содержащих в себе словосочетания, в которые входят слова *качество, цена* и *скидка/скидки*, тем меньше они привлекают внимание потенциального потребителя. Возможно, неэффективность таких рекламных текстов, заключается в неоправданном расширении их сочетаемости, которое «размывает» их семантику.

Еще одна причина – в снижении эффективности прямой рекламы, ориентированной на массового потребителя. Это признают и сами копирайтеры.

На смену рекламному тексту приходит «продающий текст» (Бернадский С. Л. Продающие тексты. Как превратить читателя в покупателя. 2-е изд. М., 2012), предлагающий потребителю не качественный товар по доступной цене, а решение проблемы, которое было бы невозможным без приобретения этого товара или услуги, повышение статуса, улучшение бытовых условий, – богатый выбор возможностей, которые ему гарантирует обладание этим товаром или пользование услугой.

Провокации в коммуникациях: разрушение или движение вперед

В. И. Котов, С. А. Вольская, В. А. Мелузова, Е. В. Ягунова

Санкт-Петербургский государственный университет

vkotov@spbpost.ru, svetlana.volskaya@gmail.com, das.ist.meluzova@gmail.com, iagounova.elena@gmail.com

Коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, провокация, результативность коммуникации, интернет-коммуникация.

Summary. The report is devoted to the provocation as a method of destructive communication on the internet. Provocation is a way of psychological manipulation; it is widely used for different types of communication to make the interlocutor change opinion, to manage the emotional state of the opponent etc. In the report it is spoken in details about different kinds of provocation. Much attention is given to typical methods used by manipulators to achieve their goals.

На данном этапе развития информационного общества одними из самых динамично развивающихся видов коммуникации являются коммуникации, распространяемые через сеть Интернет. Они – так или иначе – входят в повседневность и обыденность, все больше сводя привычное общение к общению через специализированные телекоммуникационные сервисы. В то же время основные стратегии коммуникации в виртуальном мире являются отражением стратегий коммуникации в реальном мире. Важно отметить, что мы живем в информационном мире и информационном сообществе: стратегии и тактики, выработанные в реальном мире переносятся в виртуальный мир интернет-коммуникации, и наоборот, нововведения из мира интернет-коммуникации привносятся в реальный мир (например, в мир научных или политических дискуссий – особенно для замкнутых или полужамкнутых социальных групп).

Пример (от 29 ноября 2011 г.):

Ассоциация «Голос» ввела новый тренд в общении с ангажированными СМИ: «Вы – сурковская пропаганда»

Ассоциация «Голос», осуществляющая общественный контроль, независимое наблюдение и мониторинг нарушений на парламентских выборах, в ожидании широкомасштабной провокации в свой адрес, в частности от телеканала НТВ, который, по их данным, выскивает «компромат» для «телерасследования», нашла действенный способ борьбы с «телекиллерами» отечественного ТВ – это «звуквые водяные знаки»...

Исполнительный директор ассоциации «Голос», правозащитник Григорий Мельконьянц, встретивший НТВшников, заявил, что уже несколько раз за последние дни давал им интервью и отказался разговаривать с гостями, опасаясь, что в эфире он увидит совсем другое из-за «профессионального» монтажа. На этот раз он решил не давать телевизионщикам больших кихходников», из которых они смогли бы смонтировать свою версию происходящего.

Мельконьянц, снимая все происходящее на камеру мобильного телефона, на все вопросы спокойно отвечал «Вы – сурковская пропаганда» и «НТВ – сурковская пропаганда», чем буквально «выбесил» корреспондента телекомпании. За 6,5 минут, что длится видеозапись, Мельконьянц произносит эти фразы десятки раз, и по окончании просмотра этого у зрителей поневоле возникает четкий ответ на вопрос «Что такое НТВ?».

Корреспондент, пытаясь задать нужные вопросы об источниках финансирования «Голоса», постоянно срывается и начинает хамить: «Ты уже задолбал со своей „пропагандой“, еще какое-нибудь слово прочитай в Интернете... Тебе самому потом не стыдно будет?... Ты лучше скажи, кто тебе зарплату платит»....

В «Голосе» рассказали о готовящейся широкомасштабной провокации

Однако из «Голоса», похоже, кто-то решил сделать «предателя» России и «иуду» с западными сребренниками. И, вероятно, поэтому в субботу, 26 ноября, на тренинг ассоциации в Независимом пресс-центре в Москве, пришли четверо корреспондентов телеканала НТВ, задавая те же «провокационные вопросы» о том, почему «Голос» «работает на организации, якобы связанные с ЦРУ».

Подобные съемки НТВ проводило не только в Москве, но и в Барнауле, где 24 ноября в региональном офисе ассоциации сотрудники правоохранительных органов произвели обыск, сообщает «Радио Свобода».

Координатор ассоциации в Алтайском крае Сергей Андреев рассказал, что три дня назад два часа общался с жур-

налистами НТВ. «Подробно говорили о процедурных действиях работников полиции, о том, что и как они нарушили. Говорили долго, снимали много, но вот что выйдет в эфир, не знают даже они. Из моих слов можно смонтировать так, что я буду либо ангелом, борющимся за Россию с честными выборами, либо демоном, агитирующим бойкотировать выборы или портить бюллетени», – говорит Андреев...

84 повтора «сурковской пропаганды» – тролль 84-го уровня

Ролик, снятый в «Голосе», стал хитом Рунета и основой множества ремиксов и пародий. Посмотревшие ролик насчитали в нем 84 повтора фразы про «сурковскую пропаганду»... [http://www.newsru.com/russia/29nov2011/surkovskaya_propaganda.html].

Современное восприятие информации может быть как замкнутым восприятием индивида, так и глобальным восприятием общества в целом. При этом коммуникации могут происходить как в виде монолога, так и в виде диалога. Диалог может быть построен как обращение к самому себе, обращение одного ко многим или обращение многих к одному. Диалог может принимать разные формы: быть как конструктивным, так и деструктивным. Конструктивный диалог (который полагаем основной формой коммуникации) так или иначе сводится к определению проблемы и попытке ее решения, в то время как деструктивный направлен на навязывание точки зрения, мнения или побуждение к совершению или несовершению определенных поступков. Еще один вариант деструктивного диалога – борьба с косным предрассудком, устаревшим или неправильным утверждением.

Одними из действующих методов построения деструктивного диалога являются манипуляции, вызов отрицательных эмоций или провокация. Провокация может быть неосознанной (врожденные навыки манипулирования) или являться преднамеренным действием. Провокация – действие или ряд действий с целью вызвать ответные действия или бездействие. Но чаще всего провокация – как основа манипуляции – создается искусственно для введения оппонента в некое деструктивное эмоциональное состояние. Действия могут быть направлены как на оппонента или группу оппонентов, так и на интернет-сообщества в целом.

Подобные методы построения диалога широко применялись в рамках корпоративных обсуждений, а также различного рода маркетинге, что позволяло манипулировать принятием решений или эффективно продвигать товары и услуги по методу снятия или постановки эмоциональных барьеров.

С развитием информационного общества подобные методы провокаций стали распространяться во все сферы коммуникативной деятельности человека. Эмоции – такие как сомнения, неуверенность, злость, ярость и т.д. – могут стимулировать участников обсуждения на принятие «нужного» – с точки зрения манипулятора – решения. Провокация, с нашей точки зрения, не несет однозначной оценки. В ряде случаев провокация не является средством разрушения коммуникации (ее деструктивизации), но движением вперед, так как провокация может разрушать консервативные барьеры, препятствующие конструктивной коммуникации, уничтожать отжившее (или даже мертворожденное) и осуществлять тем самым разумное и конструктивное движение вперед.

Визуальный аспект художественного и трудности перевода

Е. М. Масленникова

Тверской государственной университет

e-maslennikova@inbox.ru, arakin2grammar@mail.ru

Поликодовость, художественный текст, перевод.

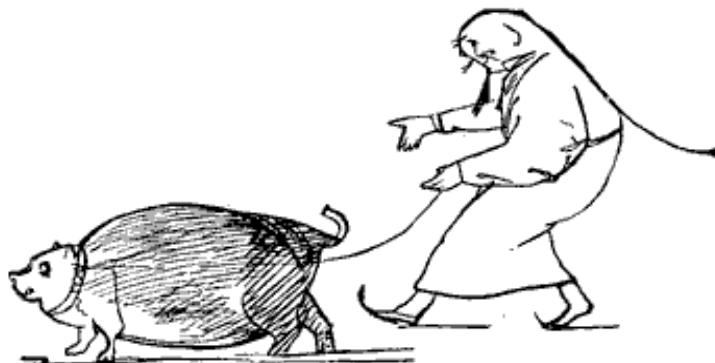
Summary. Being mutually incorporated, the text and its accompanying drawing reinforce verbal explication of their visual links, thus creating the unique author's poetic idiolect. Information density as a special quality of a literary text complicates the dialogue "text ↔ reader". The integration of verbal and non-verbal components, "predicts" the deployment of textual situation. The translator is to integrate the text and the image as an inseparable whole.

Специфической чертой творческого наследия английско-го художника-анималиста и поэта Э. Лира (1812–1888) является визуализация его текстов в виде черно-белых рисунков-иллюстраций, выполненных самим автором. Взаимная включенность текста и рисунка друг в друга усиливает экспликацию вербально-визуальных связей, благодаря чему создается неповторимый авторский поэтический идиолект. Его «нелепые стишки», как называл их сам автор (nonsense – буквально 'чепуха, бессмыслица'), ботаники и алфавиты представляют собой сложное поликодовое образование: текст и авторские рисунки-иллюстрации образуют содержательно-смысловое и функциональное целое.

Заданная автором исходная система вербальных и невербальных составляющих предопределяет переводческий выбор средств, приемов и стратегий. Конвенциональность

лимерика как особого литературного жанра допускает структурную, содержательную и качественную вариативность при подборе соответствующего топонима. Ситуативная установка инициирует положение переводчика как активного интерпретатора Мира текста, относительно которого *Kamschatka* выступает как часть условной реальности. Дополнительной опорой становится рисунок, где рядом с собакой на поводке некто в халате с бородкой и длинной косичкой на обритой голове.

Переводчики вынуждены принимать во внимание поликодовый характер внутритекстовых отношений. Если в переводах Г. Варденги и Г. Кружкова прослеживается одновременная акцентуализация вербального и невербального компонентов (*Kumai* → столица *Пекин*), то М. Фрейдкин ориентируется на композиционную структуру и рифмовку (*Сниц – шниц*).

*There was an Old Man of Kamschatka,
Who possessed a remarkably fat cur.*

*His gait and his waddle,
Were held as a model,*

To all the fat dogs in Kamschatka.

E. Lear. A Book of Nonsense

*Респектабельный джентльмен из Спитца
Приобрел очень жирного шницца.*

Его вкусы и формы

Стали признаком нормы

Для других жирных шниццев из Спитца.

(Перевод М. Фрейдкина)

*Незлобливый старик из Кумая
Пса имел – толстяка и лентяя.*

*Пёс обычно молчал,
А визжал и рычал*

Добродушный старик из Кумая.

(Перевод Г. Кружкова)

*В развалочку шла из Пекина
С хозяином жирная псина;*

И эта манера

Служила примером

Для всех жирных псов из Пекина.

(Перевод Г. Варденги)

Естественно, в других случаях *Kamschatka* должна оставаться для русскоязычного читателя *Камчаткой*.

Для изображения эмоций героев Э. Лир использует средства, схожие с современными комиксами (жесты, мимика, слезы, открытый рот и т. д.). Рисунок становится эмоционально-смысловым «усилителем» текста.

Работа переводчиков над произведениями Э. Лира осложняется тем, что тот использует многочисленные функциональные ориентиры (вербальные, образные, чувственные и т. д.), с помощью которых устанавливаются смысловые связи непосредственно с предлагаемым читателю текстом, т. е. между визуальной и текстовой информацией. Плотность информации как особое свойство художественного текста усложняет диалог «текст ↔ читатель», придавая ему совмещенный характер. Например, Э. Лир изображает модно одетого в короткий сюртук и клетчатые брюки господина с двумя животными в руках. Далее в стихике говорится, что приезжий провинциал прогуливался по Стрэнду, т. е. по одной из центральных улиц Лондона, где расположены фешенебельные магазины. Естественно, с точки зрения столичных жителей это недопустимо, а подобное

поведение названо грубым (*unmannerly conduct*). Если транснациональные топонимы используются автором преимущественно для создания рифмы (*Troy – annoy, Berlin – thin, Spain – pain* и т. д.), то топоним-урбаноид *Strand* маркирует статус и успешность. Автор дает социальную оценку определенным поведенческим стратегиям.

*There was an Old Person of Anerley,
Whose conduct was strange and unmannerly;
He rushed down the Strand
With a pig in each hand,
But returned in the evening to Anerley.*
E. Lear. A Book of Nonsense
*Невоспитанный джентльмен со Стрэнда
Вел себя непривычно и странно:
Взяв за хвост двух свиной,
Чтоб визжали сильней,
Он весь вечер метался по Стрэнду.*
(Перевод М. Фрейдкина)

Глубина семантизации исходного текста переводчиком как его первичным читателем начинает зависеть от «прочтения» визуального ряда, благодаря чему появляется образ *начинающего живоде́ра*. Для достижения планируемого эффекта переводчики актуализируют комическую составляющую и вводят новые ценностные координаты:

*Один живоде́р начинающий вёл себя неподобающе:
Взяв свинок в аренду, таскал их по Стрэнду
Тот живоде́р начинающий.*
(Перевод С. Таска)

Игра с визуально-вербальными кодами позволяет говорить о способах репрезентации фоновых знаний. Принцип экономии в связке «(предшествующий) рисунок ↔ текст» проявляется в постоянном присутствии маркеров семантической связи.

Особый интерес представляют связи визуализированного ряда и кодов культуры, например, предметного (по В. В. Красных). Изображаемые и / или упоминаемые предметы одежды характерны для художественной картины мира, присутствующей в произведениях англоязычных поэтов и писателей XIX века. Естественно, рисунки Э. Лира, выполненные в умышленно детской манере, не являются реалистическим

*Один старикашка из Итона
Вел себя поутру невоспитанно:
С парой жирных свиной
Бегал по Литтл-Грей,
Но под вечер направился к Итону.*
(Перевод К. Атаровой)
*Старичок, проживавший в Рангуне,
Погулять как-то вышел в июне.
Возвращаясь назад,
Нёс он двух поросят,
Арестованных лично в Рангуне.*
(Перевод Г. Кружкова)

изображением жизни, а всего лишь стилизованным буквальным видением текстовой ситуации, в той или иной степени деформирующей реальность. Визуальный ряд лимериков Э. Лира представляет лингвокультурные типажи, каждый из которых имеет ряд устойчивых отличительных признаков, а объединение автором семиотически гетерогенных составляющих позволяет ему высказать собственное оценочное отношение к ситуации.

Параметры некоторых предметных областей с легкостью дешифруются. Э. Лир подписывает отдельные предметы быта, в особенности, если те связаны с названиями блюд (типа *gruel*) и напитков (*brandy* и т. д.). Возможна лингво-семиотическая интерпретация текста с опорой не только на рисунок, но и на фоновые знания, например, относительно вкусовых пристрастий англичан XIX века.

Двойное (де)кодирование делает границы между текстом и рисунком-иллюстрацией размытыми. Особенности структурной организации проявляются в том, что имеет место интеграция вербального и невербального компонентов: предшествующее изображение «предсказывает» развертываемую в тексте ситуацию, представляя ее конкретно и предметно. Со стороны переводчика требуется интеграция оригинала и картинки как визуального знака-ситуации.

Круглый стол

«Текст в преподавании русского языка и культуры речи для нефилологов»

Ведущий круглого стола – д. ф. н. Марина Юрьевна Сидорова.

Стратегии и тактики, материал и методика обучения русскому языку нефилологов становятся важным объектом лингвистики в век информационных технологий, когда многие области профессиональной деятельности переформируются так, что языковой, коммуникативный компонент в них либо начинает играть гораздо более значимую роль, чем прежде, либо, наоборот, оттесняется на второй план. Преподавание русского языка и культуры речи для специалистов различных направлений подготовки в вузах, равно как и дополнительное, послевузовское образование, нацеленное на развитие языковой и коммуникативной компетенции современного специалиста, основываются на работе с текстами. Все виды речевой деятельности развиваются, все необходимые навыки и умения формируются именно в «текстовом формате».

Какие тексты наилучшим образом подходят для преподавания русского языка нефилологам? Какие задачи они помогают решать? Что нового сделано за последнее время в области методики работы с текстом в нефилологической аудитории? Эти и другие вопросы, связанные с текстовой основой современного обучения нефилологов русскому языку и культуре речи, будут обсуждаться на круглом столе. Участникам предлагается поделиться своими практическими разработками в области преподавания русского языка и культуры речи, обсудить опыт коллег. Краткие сообщения могут быть посвящены использованию текстов разных жанров, стилей, тематики, формированию как продуктивных, так и рецептивных навыков и умений, системам текстовых заданий, способам отбора и адаптации текстов в соответствии с нуждами специалистов в определенной сфере.

Будем рады, если участники круглого стола предложат дополнительные темы для обсуждения.

Регламент предполагаемых докладов – не более 10 минут.

Новый язык современных публикаций в теории и практике обучения

М. Г. Добровольская

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

marindol14@yandex.ru

Язык, текст СМИ, обучение, понимание.

Summary. Media texts reflect the new processes in the mental and social life of people. Understanding the language of media texts is the important part of pedagogical theory and teaching practice.

Язык средств массовой информации наиболее ярко отражает те процессы, которые происходят в ментальном и социальном мире человека. Речь практически всех слоев населения в разнообразных коммуникативных ситуациях в той или иной мере представлена в текстах СМИ. Языковое наполнение является одной из ярких характеристик газет и журналов, доступных для читателей на своих сайтах в Интернете.

В современных публикациях отмечается новая установка автора на живую речевую стихию социума, а не на конструирование особого политического языка, как это было в прошлом, когда язык массовой коммуникации рассматривался, прежде всего, в качестве инструмента идеологического воспитания масс.

Новое стимулирует творческую активность. Человек создает новое и привносит его в будущее. Язык постоянно пополняется, поэтому в нем всегда имеются новые слова, которые могут переходить в активный словарный запас. Как только новое слово начинает часто повторяться, становится привычным, оно стилистически уже ничем не выделяется на фоне остальной лексики и употребляется в речи без ограничений.

Каждый значимый период истории характеризуется появлением новых «терминов», которые являются ключевыми словами данного отрезка времени. В современных исследованиях языка СМИ термины – это «своего рода фреймы, особые когнитивные структуры, требующие соответствующего поведения, продиктованного конкретными знаниями» (Володина 2003). Многие социально-политические «термины» по-своему документируют и интерпретируют различные периоды истории: *ваучеризация, глобализация, коррупция, олигархия, модернизация*. Общественно-политическую лексику необходимо рассматривать как особый язык информационного воздействия, который располагает специфическими средствами и символами для создания конкретной картины мира в массовом сознании.

Языки всего мира стремятся к интернационализации. В результате интеграции научно-технической, экономической,

социальной, культурной областей международного общения возрастает роль ведущих языков. В нашу жизнь постоянно входят новые явления, а с ними и новые иностранные слова. Подобные процессы обогащения лексики за счет заимствований происходят постоянно во всех современных языках.

В лингвокультурной терминологии появилось понятие «рынок международных лингвистических обменов» – market of international linguistic exchanges (Truchot 1997). Ведущее место на этом «рынке» пока занимает английский язык. Лакунки или пробелы на семантической карте языка не заполняются самобытными словами, поэтому в русский язык стремительно вовлекаются уже имеющиеся иностранные названия, термины и понятия. При этом отмечается выравнивание словаря русского языка по международному стандарту.

В языке современной прессы происходит подчинение языка международному языку Интернета. Чтобы понять фразу «передать лайфлог потомкам», следует обратиться к этимологии: life – по-английски «жизнь», а log – «журнал». На современном языке Интернета лайфлогингом занимается каждый, кто подробно пишет в Twitter о своей повседневной жизни.

Заимствования могут вводиться в публицистический текст с иронией, которая строится на контрастном употреблении иностранных и исконно русских слов, без комментариев для «элитного» читателя, владеющего английским языком, а также с пояснениями или переводом, которые даются в тексте либо в скобках, либо с помощью словосочетания «то есть».

Словари иностранных слов не успевают фиксировать новые заимствования, поэтому читатель, не владеющий английским языком, может оказаться в затруднительном положении, встречая незнакомые иноязычные термины в подобном тексте: *Orbitum – это полноценный браузер, где сохраняются все плюсы Chromium – быстрота, надежность и безопасность. У него простой и понятный интерфейс и очень удобная интеграция с чатами самых популярных в России соцсетей* («Итоги», 2013).

Новый язык публикаций приспосабливается к «кибернетизированному» миру, в котором живет современный человек. Обучение пониманию языка и текстов современных СМИ следует рассматривать как часть специфической, автономной области знаний в педагогической теории и практике. Оно необходимо для активного участия человека в процессе глобализации и демократических преобразованиях. Согласно этому, цель обучения состоит в том, чтобы помочь «правильно» читать тексты средств массовой информации. Основным содержанием такого образования становятся коды и «грамматика» текстов, язык СМИ, а педагогической стратегией – обучение правилам декодирования текста средств массовой информации, описание его содержания, ассоциаций, особенностей языка, понимание смысла текста.

В последнее время все чаще говорят о «функциональной грамотности», которая понимается как вид коммуникатив-

ной компетенции, позволяющей правильно воспринимать информацию, что является необходимой составляющей сознательного участия личности в жизни любого общества. По мнению исследователей в этой области, «коммуникационная результативность» выражается в понимании того, что хочет учитель, и того, что может и должен понять ученик.

Таким образом, язык массовой информации играет значительную роль в создании представлений о мире. Новые формы кодирования информации в тексте могут быть причиной неправильного понимания смысла публикации. Такое скрытое воздействие на общественное сознание в текстах СМИ осуществляется языковыми способами. Можно предположить, что понимание смысла текста СМИ зависит от того, как получатель информации «прочитает» текст. Выявление и понимание смысла сказанного зависит от уровня развития личности, ее социальной, коммуникативной и психологической подготовленности.

О некоторых трудностях, возникающих при преподавании курса «Русский язык и культура речи» в нефилологической аудитории

Ю. В. Роговнева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vinnipuh61@yandex.ru

Коммуникативная компетенция, русский язык и культура речи, текст

Summary. This paper is devoted to different practical forms that are focused on formation of skills of work with texts for students of non-philological faculties.

Одна из основных задач курса «Русский язык и культура речи» – научить аудиторию работать с текстом. Эта работа не должна сводиться к простому обсуждению литературного произведения, к расстановке знаков препинания и пропущенных букв, к определению стиля текста. Безусловно, подобные задания важны, однако их следует рассматривать как часть комплексной работы с текстом, в ходе которой студент должен научиться понимать и чувствовать текст, а не механически выполнять сформулированное задание, опираясь на образец.

При работе с нефилологической аудиторией было замечено, что студенты относительно легко выполняют следующие типы заданий:

1. Тесты.
2. Определение стиля текста, поиск художественных средств и определение их функции.
3. Поиск и исправление элементов, не соответствующих стилю текста.

Таким образом, работа с готовым текстом, как правило, не вызывает у студентов затруднений.

Основные трудности связаны с созданием собственного текста. Имея определенную теоретическую базу, студент не может применить свои знания на практике. Чаще всего возникают следующие проблемы:

1. Не учитываются формальные критерии, которым должен соответствовать текст.
2. В одном тексте смешиваются разные стили, в связи с чем в научный стиль проникают элементы разговорного стиля.
3. Наблюдается неоправданная сложность конструкций, обилие вводных слов (как правило, разговорного характера).
4. Возникают определенные затруднения с аргументированным изложением собственной позиции и с распределением информации в тексте.

В докладе приводятся примеры подобных нарушений, обсуждаются образцы заданий, ориентированных на формирование коммуникативных навыков и на развитие способности к созданию текстов.

О некоторых этапах подготовки студентов к созданию собственного текста

Д. С. Сковородникова

Университет машиностроения (Москва)

dskovorodnikova@yandex.ru

Культура речи, создание собственного текста, использование примеров, исправление текстов.

Summary. This paper investigates into such an issue as the process of teaching students how to create authentic texts. It describes the stages of text creation process and provides an outlook of skills required in the process of creating authentic texts.

Важным этапом в обучении студентов культуре речи является приобретение навыков, необходимых для самостоятельного создания текста, причем, работая со студентами разных специальностей, преподаватель должен учитывать потребности студентов в работе как над текстом в целом, так и над текстами конкретного стиля речи, определенных жанров. Соответственно, при работе со студентами разных специальностей преподаватель будет корректировать цели и пересматривать приоритеты, однако придерживаясь при этом общей схемы.

Путь к созданию собственного текста выстраивается из разных этапов работы с текстом. В достаточно узких временных рамках, на наш взгляд, можно предложить следующие этапы.

Естественно, начальным этапом будет работа над понятийным словарем. Студенты в процессе обучения должны иметь четкое представление о толковании терминов, таких

как «стиль», «жанр», «тип текста», «композиция» и т. д., а также уметь их использовать. Помимо этого на данном этапе следует познакомить студентов с основными понятиями стилистики и риторики.

Далее происходит непосредственное знакомство с текстами. Причем умение использовать разные стили речи – необходимое умение для студентов всех специальностей. В связи с этим продуктивным будет знакомство с текстами разных стилей и подстилей, соответственно. Однако знакомство должно быть не обзорным, каким оно чаще всего представлено в учебниках по дисциплине, а аналитическим, т. е. анализирующим как яркие отличительные стилистические особенности, так и удачные / неудачные приемы, в этих текстах использованные.

Таким образом, важным шагом в приобретении необходимых знаний и навыков будет знакомство и с так называемыми отрицательными текстами (или отрицательными примерами).

Развитием данного этапа будет самостоятельный поиск отрицательного текста. Задача может быть достаточно простой, однако, вводя ограничения по стилю, жанру, источникам, типу нарушений и ошибок, ее можно усложнять и видоизменять.

В дальнейшем студентам можно предложить данный текст переработать, т. е. не просто исправить замеченные ошибки, а именно написать собственный текст, основанный на исходном и соответствующий стилистике и литературным нормам, а также отражающий жанровые особенности.

После того как студенты, вполне справляются с данным видом работы над текстами, можно перейти к следующему этапу.

Создание собственного текста на заданную тему. На данном этапе не обойтись без общих представлений о риторике. Даже для студентов, удачно преодолевших все предыдущие этапы, данное задание может оказаться достаточно сложным, т.к. даже схема хрии, которая практически лежит в основе задания С в ЕГЭ и ГИА, знакома далеко не всем и нередко осваивается студентами с большим трудом.

И все-таки создание текста на заданную тему является заданием значительно более легким, чем создание собственного текста без предустановок.

Итоговым этапом, заданием, соответственно, может быть создание собственного текста на свободную тему. Главное при этом обратить внимание студентов на задачу, которая

перед ними стоит, а именно: создание собственного текста, а не использование готового, выбор актуальной для аудитории проблемы, соответствие типу изложения материала, наличие композиции, соблюдение норм литературного языка, учет стилистических и жанровых особенностей и т.п. При этом преподаватель всегда может ввести некие рамки: ограничить время, сформировать круг темы или указать определенные сферы человеческой жизни, которых тема может / не может касаться.

Значимым дополнением к заданию может стать презентация, которая является незаменимым компонентом современных выступлений и также вызывает множество сложностей и ошибок при создании. Работа над подготовкой к презентации должна строиться на донесении информации о структуре и основных принципах организации материала, о функциях презентации, ее роли, о способах и приемах ее преподнесения, на знакомстве с положительными и отрицательными примерами.

Таким образом, в процессе подготовки студентов к созданию собственного текста преподаватель использует портфель примеров (накопленные в его практике работы и тексты, являющиеся отрицательными и положительными примерами), помогающих эффективно проработать каждый этап. В то же время студенты в процессе подготовки учатся анализировать свои работы и работы коллег, при этом собирая собственный портфель текстов.

Круглый стол «Функционирование русского языка в субъектах Российской Федерации: интралингвистический и экстралингвистический аспект»

Ведущий круглого стола – доктор филологических наук, профессор, председатель Общественной палаты Владимирской области Н. В. Юдина.

Положение и место русского языка как культурно-исторической основы российского государства и национального самосознания, выразителя ценностей, смыслов и достижений русского народа является предметом оживленных дискуссий языковедов, философов, культурологов, социологов, журналистов, литературоведов, учителей, преподавателей, представителей общественности, а также носителей языка, профессионально не связанных с лингвистикой.

Предлагаемые оценки полярны и противоречивы. Одни считают, что русский язык уже давно болен и находится «на грани нервного срыва» (по М. Кронгаузу), о чем свидетельствуют такие происходящие изменения в литературном языке, как интенсификация процесса заимствования иноязычной лексики, жаргонизация многих сфер бытового и публичного общения, активное внедрение языка Интернета, общее снижение речевой культуры носителей русского языка XXI века, проявляющее себя в произношении и ударении, лексике и фразеологии, словообразовании и морфологии, синтаксисе и пунктуации, орфографии и многих сферах речевого общения. Таким образом, повсеместно сталкиваясь сегодня с одним из наиболее часто обсуждаемых феноменов XXI века – кризисом, мы можем наблюдать его и в сфере русского языка.

«Оптимистичный» взгляд на русский язык наших дней обнаруживает не только пейоративные тенденции, лежащие на поверхности. Так, по мнению авторов коллективной монографии «Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков» (отв. ред. Л. П. Крысин), русский язык XXI века характеризуется своеобразными «точками роста», свидетельствующими о начале более глубоких процессов, происходящих в языке. Так, например, изменения в семантических и сочетаемостных свойствах слов, образующих группы коммуникативно активной лексики, вытеснение одних, преимущественно беспредложных, синтаксических конструкций другими, предложными (что находится в русле более общей языковой тенденции, давно отмеченной исследователями русского языка, – тенденции к аналитизму), изменения в просодии слова и фраз, зарождение и интенсивное развитие новых для русского языкового общества речевых жанров (например, ток-шоу, теледебатов, телемостов и т. п., а также различных разновидностей жанров интернет-коммуникации). Таким образом, можно говорить о некотором прогрессе в развитии современного русского языка.

Есть и третья точка зрения: русский язык объективно развивается. Изменения, происходящие в языке, соответствуют социальным преобразованиям современного общества. Русский язык в XXI веке, как и в другие хронологические отрезки, стремится соответствовать требованиям языковой личности. Отсюда очевидным становится вывод о том, что русский язык в настоящее время, как и всегда, находится в своем естественном развитии.

Это естественное развитие русского языка имеет разные «лица» в различных субъектах Российской Федерации. Целью предлагаемого круглого стола является изучение опыта различных субъектов РФ в реализации научных, научно-образовательных, научно-практических, медийных, просветительских и других проектов, направленных на укрепление статуса русского языка и сохранение культуры русской речи на различных территориях России.

Предполагаемые темы для обсуждения:

1. Языковая политика в сфере сохранения и развития русского языка на федеральном и региональном уровне: теоретические и прикладные аспекты.
2. Законодательное обеспечение государственной политики в области русского языка на уровне субъектов РФ (региональные законы о русском языке, целевые программы, комплексы мероприятий и др.): необходимость – эффективность – «точки роста».
3. Экология языка – эколлингвистика – лингвоэкология – экологическая лингвистика: в поисках терминологических и методологических различий.
4. Языковое образование и современная образовательная среда: о некоторых задачах в сфере языкового образования в XXI веке.
5. Федеральная и региональные справочно-консультационные службы русского языка: из опыта работы.
6. Презентации региональных (научных, научно-образовательных, научно-практических, медийных, просветительских и др.) проектов в области русского языка с целью обобщения, систематизации, продвижения и распространения наиболее эффективных методов на федеральном и региональном уровне.

Будем рады, если участники круглого стола предложат дополнительные вопросы для обсуждения.

Регламент предполагаемых докладов – не более 10 минут.

По итогам обсуждения предполагается создание резолюции, которая может быть направлена федеральным и региональным органам исполнительной и законодательной власти с целью учета мнения лингвистической общественности в вопросах создания условий для полноценной реализации функций русского языка как государственного языка Российской Федерации.

Секция «История русского языка и текстология»

Сущность синтаксического синкретизма как исторической категории

С. А. Рылов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
slavc@mail.ru

Historical syntax, structure of simple sentence in old Russian, unstable locutional form, diffuse of semantics, syncretical syntactical constructions in old Russian.

Summary. Syntactic syncretism as linguistic category has objective historical nature. The author divides categorial signs in form plan and in contents plan. Syntactic syncretism as historical category differs from transitivity. The author specifics the syntactic syncretism's nature in history of language and illustrates this notion with ancient Russian texts XII–XIV centuries.

1. Проблема синтаксического синкретизма представляет несомненную актуальность для исторического синтаксиса русского языка – в связи с недостаточной разработанностью общей проблемы развития структуры предложения-высказывания. Выявление синкретичных конструкций, детальное исследование их организации на отдельных синхронных срезах истории языка во многом обеспечивают адекватность лингвистических описаний, позволяют проникнуть в историческую реальность языка.

2. Синтаксический синкретизм как **историческая** категория – это языковая реальность. Изучая ее, нельзя механически опираться на современные представления о структуре предложения. Нами было обследовано около 270 оригинальных древнерусских памятников XII–XIV вв. разной жанрово-стилевой отнесенности. Проведенный анализ показал, что грамматическая структура простого предложения-высказывания этого времени характеризовалась значительной «простотой», малой протяженностью, компактностью, семантической емкостью. Компактность и емкость древнерусского предложения-высказывания нередко были обусловлены другой существенной особенностью его грамматической структуры – **синтаксическим синкретизмом**. Эта черта была замечена еще А. А. Потебнёй и им же подробно описана, хотя мы и не находим самого термина «синкретизм» в его фундаментальном труде «Из записок по русской грамматике». Однако сущность синтаксического синкретизма как исторической категории остается в лингвистике мало разработанной.

3. Понятие синтаксического синкретизма применительно к истории языка неотождествлено синтаксическому синкретизму в современном языке, также как современное предложение-высказывание, его структура не может быть идентичной структуре древнего предложения-высказывания. Трудность в том, что само «базовое» понятие – синкретизм – в лингвистических словарях и научной литературе понимается неоднозначно и чаще всего отождествляется либо с переходностью, либо с полифункциональностью. Между тем эти явления не идентичны. **Синкретизм**, в том числе синтаксический, характеризуется совмещением в одном факте языка-речи дифференциальных признаков разных грамматических категорий, причем совмещенные признаки сосуществуют **одновременно**, до конца не дифференцируются в употреблении. При **собственно переходности** употребление языковой единицы предполагает не совмещение, а дифференциацию значений: слово «учащийся» в предложении-высказывании *Этот учащийся хорошо усвоил правило* только существительное, хотя и образовано из причастия. Следовательно, отождествлять «синкретизм» и «переходность» неправомерно.

По отношению к современному русскому языку синтаксический синкретизм в наибольшей степени описан в системе членов предложения, когда в одной словоформе совмещаются дифференциальные признаки разных членов предложения. В таком случае синкретизм связывается с явлением многозначности члена предложения. Конечно, такое явление имеет место и в древнерусском синтаксисе, где нередко можно встретить многозначность членов предложения. Однако подобный синкретизм членов предложения в древнерусской речи чаще всего обусловлен сложным взаимодействием лексического и грамматического значения

слова, неоднаправленностью грамматических связей к зависимому слову и, соответственно, разнонаправленностью лексической и грамматической валентности. Но в современном русском языке она проявляется внутри одного и того же словосочетания, входящего в структуру предложения. В древнерусских предложениях-высказываниях неопределенность семантики того или иного члена предложения является прежде всего следствием неопределенности, недостаточно четкой оформленности грамматических связей между компонентами предложения. Обобщенно можно сказать: компонент *a* находится в такой позиции или такой форме, что может принадлежать как словосочетанию *ab*, так и словосочетанию *ac*. Кроме того, в лингвистических словарях и научной литературе синтаксический синкретизм представлен прежде всего как явление (свойство) **современного** языка, где наблюдается совмещение структурных и семантических признаков единиц, «противопоставленных друг другу в системе языка». Что касается **истории языка**, то здесь затруднительно говорить о **противопоставлении в системе языка**, так как древняя структура предложения-высказывания исконно характеризовалась нерасчлененностью, недостаточной оформленностью, паратактичностью. В этом, на наш взгляд, и состоит специфика синтаксического синкретизма в древнерусской речи по сравнению с современным русским языком.

4. Синтаксический синкретизм необходимо рассматривать не только как особенность грамматической структуры древнего предложения-высказывания, но прежде всего как языковую **категорию**. Действительно, понятие синтаксического синкретизма применительно к истории языка охватывает определенный **класс** синтаксических конструкций, имеющих общие категориальные особенности как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения существенными синкретообразующими факторами могут быть: слабая выраженность грамматической зависимости между его элементами и, как следствие, преобладание партаксиса между ними, необычный порядок слов в структуре предложения и др. В плане содержания категориальными для синтаксического синкретизма признаками являются: нерасчлененная грамматическая семантика высказывания, совмещение в структуре простого высказывания разных значений у одного и того же члена предложения и др.

5. Синтаксический синкретизм – категория, несомненно, **историческая**, которая имеет объективную природу и обусловлена всем существующим в данный период истории языка грамматическим строем. В генетическом плане синтаксический синкретизм носит мировоззренческий характер и представляет собой выражение определенной формы архаичного сознания. Другим основанием синкретизма в Древней Руси было нерасчлененно-целостное восприятие действительности. Итак, синкретизм как историческая категория основывается на слитности, диффузности мировосприятия. Это и обуславливает семантическую недифференцированность, нерасчлененность языковых средств на разных уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом.

6. Не отождествляя «переходность» и «синкретизм», определим синтаксический синкретизм применительно к истории языка следующим образом: **синтаксический синкретизм** – это **исконное** одновременное совмещение нескольких значений в одной синтаксической категории

(в предложении-высказывании или в члене предложения), которое не устраняется в процессе ее функционирования. Частным случаем синтаксического синкретизма является отсутствие четкой структурно-грамматической расчлененности, оформленности в построении предложения в речи и, как следствие, – нерасчлененности, диффузность семантики простого предложения-высказывания.

7. Анализ текстового материала показывает, что в древнерусской речи синтаксический синкретизм имел многообраз-

ное проявление, но он был иной по своей внутренней природе, чем в современном русском языке. Несмотря на невысокую частотность в древнерусской речи (10–20%), синкретичные конструкции требуют углубленного анализа. С исторической точки зрения важно установить прежде всего такие явления синтаксического синкретизма, которые были обусловлены специфическими особенностями древнего языкового строя и отражают особенности мышления наших предков.

Секция «Лексикография и терминоведение»

К вопросу о лексикографическом описании стилистически сниженной лексики в языке поэзии Серебряного века (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века»)

А. С. Кулева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

an_kuleva@mail.ru

Поэтический язык, стилистически сниженная лексика.

Summary. The author analyze a lexicographic description of the colloquial and low-colloquial vocabulary in the poetry of the Silver age, the peculiarities of stylistic differentiation of poetic vocabulary.

«Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП) – это сводный словарь поэтического языка конкретной эпохи, совмещающий в себе черты конкорданса и толкового словаря. Статьи Словаря включают в себя стихотворные строки из произведений десяти выдающихся русских поэтов, непосредственно связанных с литературой Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой.

К настоящему времени опубликованы четыре тома СЯРП, находится в печати пятый, редактируется шестой. С каждым последующим томом очевиднее становятся проблемы, учет и решение которых важны для современной писательской, в том числе поэтической, лексикографии. Одной из таких проблем следует назвать вопрос о постановке стилистических помет, который интересен рассмотреть на примере стилистически сниженной лексики. В основу доклада положен анализ разговорной и просторечной лексики на букву П, содержащейся в 5 и 6 томах Словаря.

В справочниках типа СЯРП едва ли возможно автоматически присваивать слову ту же помету, которая стоит в современном толковом словаре: Серебряный век отстоит от нас уже почти на столетие, и за прошедшие годы в языке произошли серьезные изменения, хотя и не всегда заметные. Поэтому основным ориентиром при постановке помет в СЯРП служит Словарь под ред. Д. Н. Ушакова. Кроме того, слова поэтического языка, по сравнению с общенациональным языком, могут функционировать иначе. Нередко индивидуально-авторская лексика может использоваться для стилизации просторечия или фольклора. И наоборот, неологизмы могут совпадать с диалектными, просторечными или устаревшими словами, но нести при этом совершенно иную стилистическую окраску. Очень трудно разграничивать разговорную и просторечную лексику, тем более что в идиостиле каждого автора стилистические границы могут быть различными. Неудивительно, что в ходе работы над очередным томом СЯРП – при составлении статей, нескольких этапах редактирования – некоторые пометы меняются. Во многих случаях постановка стилистических помет требует проведения исследовательской работы: не только сопоставления данных ряда словарей, но также изучения различных лингвистических источников, литературы, посвященной творчеству поэта, и т. п.

Типы слова, стилистическая квалификация которых вызывает затруднения при составлении словарных статей, можно классифицировать следующим образом:

- слово, нейтральное в современном языке (т. е. в восприятии современного читателя и в словарях, отражающих современное состояние языка), было стилистически окрашенным веком ранее;
- слово, воспринимаемое сейчас как стилистически окрашенное, было нейтральным;
- слово изменило степень стилистической сниженности: из просторечного стало разговорным;

- слово, которое кажется известным и привычным, ранее употреблялось в другом – стилистически окрашенном – значении.

Так, слово ПНУТЬ в Словаре Ушакова имело помету *прост.* (в отдельных современных словарях – *разг.*). Помету *разг.* имеют в словарях слова ПЕНЯТЬ и ПЕРВЕЙШИЙ, что едва ли очевидно для современного носителя языка, поскольку первое из них имеет оттенок устарелости, а второе представляет собой превосходную степень прилагательного, т. е. скорее книжную форму. Слово ПЕРЕДАТЧИК в Словаре Ушакова толкуется: «1. Тот, кто передает, распространяет сплетни, новости (разг. устар. неодобрит.)», для нас привычнее второе значение этого слова – нейтральное ‘радиопередатчик, радио’;

- слово, которое сейчас непонятно, и потому может восприниматься как индивидуально-авторское, было употребительным веком ранее: ПАПИРОСНИК [*разг. устар.*; мальчик – продавец папирос];

- слово, встретившееся в поэзии Серебряного века, не отражено в словарях (прежде всего – в Словаре Ушакова), поэтому для его описания требуется привлечение других источников, а также лингвистическая интуиция составителей словаря (особый случай – использование не отраженных в словарях грамматических форм, стилистическая окраска которых может отличаться от характеристик заголовочного слова): ПАЛЮЧИЙ [*прост.*]; ПЕНЦИЯ [*прост.*; *вар.* к ПЕНСИЯ]; ПЕРВЕЙ [*прост.*; *см. тж.* ПЕРВЕЕ]; ПЕРЕГРЫЗШИ [*прост.*];

- слово можно найти в словарях, но в поэтическом контексте оно явно трансформировано или употребляется в значении, связь которого со словарным значением не вполне очевидна. Например, в СЯРП встречается слово *перебег*: *Перебегами палевых ящерц Были судороги полей* (Пастернак); *Думаешь – глаз? Красный всполох – Око твоё! – Перебег зарев...* (Цветаева); ср. в Словаре Ушакова: ПЕРЕБЕГ (спец.). *Действие по глаг.* перебежать в 1, 2 и 3 знач. *Сделать ложный п. при игре.* Ср. также в СЯРП: ПЕРЕКЛАДКА [*нов.*; здесь: перекладина] *Столбам с перекладкою Никто не плох! Хватай мертвой хваткою, А там – как Бое!* (Цветаева); в Словаре Ушакова: (разг.). 1. *только ед. Действие по глаг.* перекладать – переложить в 1, 3 и 4 знач. – перекладывать. 2. То, чем что-н. переложено, прокладка (простореч.).

Таким образом, работа над словарем поэтического языка позволяет ставить важные для лексикографии вопросы и предлагать пути их решения, а также рассматривать язык поэзии в сопоставлении с общенациональным языком и его историей.

Литература

1. Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М., 2001, 2003, 2008, 2010 (СЯРП).
2. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.

Секция «Описание и преподавание русского языка как иностранного»

Из опыта поуровневого обучения русскому языку как второму в техническом вузе

А. Б. Туманова

Казахстанско-Британский технический университет (Алматы, Казахстан)
a.tumanova@inbox.ru

Как известно, объективная необходимость модернизации современной системы обучения языкам нашла свое выражение в уровне организации учебного процесса, которая, на наш взгляд, позволяет значительно повысить качество образования.

Современное общество требует формирования целостной системы компетенций, среди которых важное место занимает коммуникативная компетенция, необходимая для эффективного осуществления речевой деятельности, как в социально-бытовой, так и в будущей профессиональной сферах. Это объясняется тем, что речь, являясь, с одной стороны, средством общения и взаимодействия между людьми, с другой стороны, средством общего развития обучающихся. В связи с этим актуальными и для методической науки становятся такие важные проблемы в обучении связной речи, как повышение качества учебного процесса, своевременная и достоверная информация об уровне речевого развития на различных этапах обучения, выявление пробелов в умениях и навыках и их устранение.

Дисциплина «Русский язык» в техническом вузе в соответствии с ГОСО Республики Казахстан является обязательным компонентом для студентов 1 курса владеющих русским языком как неродным (объем – 6 кредитов). Для эффективной работы по изучению русского языка студенты предварительно проходят на первом этапе диагностическое тестирование (электронный вариант), в которое включены 100 вопросов, направленных на выявление уровня знаний по грамматике русского языка в объеме средней школы (тесты по ЛГМ, по чтению и аудированию). Затем в начале учебных занятий первокурсники проходят собеседование.

По результатам тестирования и собеседования формируются учебные группы по трем уровням языковой подготовки по дисциплине «Русский язык»: продолжающий (В-1), продолжающий (В-2) и продвинутый (С-1). Студенты данных групп соответственно изучают следующие курсы: В-1 – «Русский язык для академических целей», В-2 – «Русский язык. Практический курс риторики» и С-1 – «Профессиональный русский язык». Остановимся на характеристике курсов по русскому языку как общеобразовательных дисциплин, преподаваемых в Казахстанско-Британском техническом университете.

1. «Русский язык для академических целей» – коррективный курс, предназначенный для студентов, набравших в диагностическом тестировании от 30 до 50 баллов из 100. В рамках данного курса предусматривается корректировка знаний, умений и навыков студентов в в четырех видах речевой деятельности: чтении, аудировании, говорении и письме. В задачи курса входят различные виды работ: развитие и корректировка устной и письменной речи, формирование и развитие умений и навыков конспектирования учебного материала, подбор необходимой литературы по определенной теме, отработка навыков чтения учебного текста, запоминания и воспроизведения его содержания.

2. «Русский язык. Практический курс риторики» – курс, направленный на дальнейшее развитие коммуникативной компетенции, целью которого является формирование умений и навыков, необходимых для устного выступления перед большой аудиторией. Данный курс предназначен для студентов, набравших в диагностическом тестировании от

51 до 70 баллов из 100. Здесь предусматривается развитие и совершенствование знаний, умений и в области работы с учебным текстом: компрессия, трансформация, репрезентация информации на определенную тему в рамках основных сфер речевой деятельности: социально-бытовой, официально-деловой, общественно-политической, социально-культурной. Кроме этого, осуществляется работа по организации и проведению презентаций различного типа. Презентации проводятся на основе следующих тем: «Язык и общество»; «Республика Казахстан»; «Образование в Казахстане»; «Профессия – инженер»; «Народные праздники и традиции»; «Человек и природа»; «Мой родной край»; «Здоровый образ жизни»; «В мире искусства»; «Глобальные проблемы современности» и др.

3. «Профессиональный русский язык» – курс, направленный на дальнейшее развитие и совершенствование коммуникативной компетенции учащихся на материале языка специальности. Он предназначен для студентов, набравших в диагностическом тестировании от 71 до 100 баллов из 100. Цель курса – оказать помощь обучающимся в работе с научным стилем речи в учебно-научной, научной и будущей профессиональной сферах. Здесь предусматривается развитие и совершенствование знаний, умений и навыков знаний, навыков и умений в области работы с учебно-научным текстом: компрессия, трансформация, репрезентация информации на определенную тему. Со студентами также проводится работа по составлению вторичного научного текста, по организации и проведению презентаций профессионально-ориентированного характера на следующие темы: «Достижения науки и техники», «Открытие в области моей специальности», «Моя специальность», «Наука и современные технологии» и др.

Для уровневого обучения составляются рабочие программы, силлабусы и учебно-методические комплексы для каждого курса в отдельности, которые могут варьироваться по-разному в зависимости от потребностей студентов, от творческого подхода преподавателя. Обучающие тексты, тексты для развития речи, тексты для подготовки самостоятельной работы, тексты для контроля знаний, умений и навыков и упражнения тренировочного, закрепляющего и контрольного характера подбираются с учетом специфики факультетов и будущей специальности студентов. В этой связи нами ведется работа по составлению учебных пособий, методических рекомендаций, учебно-методических комплексов, которые ежегодно обновляются и дополняются. В этой работе мы опираемся на следующие комплексы и пособия:

1. Туманова А. Б. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Русский язык» для всех специальностей. Алматы: КБТУ, 2006.
2. Обучение научному стилю речи. Учебное пособие (для студентов технических вузов) / Под ред. А. Б. Тумановой. Алматы: КБТУ, 2005.
3. Туманова А. Б. Русский язык. Научный стиль речи: Учебное пособие (для студентов и специалистов нефтегазового профиля). Алматы: КБТУ, 2010.
4. Туманова А. Б. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Русский язык» для всех специальностей. Алматы: КБТУ, 2013.

Секция «Русский язык в новых геополитических условиях»

Азиатское трансграничье: языковая ситуация и контакты культур

Л. М. Дмитриева

Алтайский государственный университет (Барнаул)

dmitrlm@mail.ru

Языковая ситуация, трансграничье, Монголия, Алтай.

На сегодняшний день сложилась ситуация налаживания, оптимизации международных связей России с разными государствами, в частности, со странами Востока. Подобное развитие не должно ограничиваться ростом торгово-экономических взаимоотношений. Необходимо уделять должное внимание сфере культурно-образовательной.

Комплексное лингвокультурологическое исследование призвано зафиксировать и представить общественности культурно-языковые факты прошлого, современное состояние и тенденции развития духовной культуры приграничных государств. Результаты будут иметь значение для изучения и определения места русского языка и культуры в межрегиональном контексте.

Сейчас вполне закономерным становится обращение к культурным истокам при попытке описания языковой ситуации того или иного региона: последнее время, поиски корней русской культуры привели к актуализации изучения языка и культуры регионального и межрегионального лингвокультурного пространства. Для обозначения этого пространства, которое занимает территорию пересечения нескольких государств, имеющих разную культуру и языки: Монголия, Казахстан, Россия, Китай, – мы ввели термин «Алтайско-азиатское приграничье». Содержание и наполнение этого термина вполне адекватно отражает общую ситуацию взаимодействия языков и культур в поликультурном пространстве.

Базовые установки, которым мы следуем при изучении «Алтайско-азиатского приграничья»: в ситуации пересечения языков и культур каждый народ, народность, нация должны сохранять свой язык и культуру, а стремление к общности должно быть реализовано в формировании единых духовных базовых ценностей. В качестве основания изучения языков могут рассматриваться разнообразные виды языкового сходства, принципиальная переводимость с языка на язык, универсальные признаки Языка как средства общения. Наше внимание направлено на изучение восприятия содержательно наполненной лексики инокультурной личностью.

Монголия – одна из ближайших стран-соседей России. Однако, несмотря на территориальную близость, культурные контакты между странами, по сравнению с советским периодом, значительно сократились. Как показывают результаты проведенного в начале 90-х годов исследования, которое охватило территориальное большинство городов и аймаков Монголии, в «советский» период – 67,5% опрошенных читали и понимали по-русски, 45% – писали, 44,8% – понимали и 33,7% – говорили на русском языке. 74% опрошенных утвердительно ответили на вопрос: «Используете ли вы русский язык?». Причем, 20% использовали русский язык ежедневно, 22% – несколько раз в неделю, 17,2% – несколько раз в месяц, остальные – с иной периодичностью. В те годы русский язык прочно занимал свои позиции в монгольском обществе. Он, действительно, служил единственным «окном в мир». Именно благодаря русскому языку, в Монголии за исторически короткий срок сформировалась национальная интеллигенция. Только благодаря русскому языку Монголия приобщилась к русской, а через нее – и к европейской цивилизации. Монголия сегодня является почти единственной азиатской страной, где национальная культура развивается в тесном контакте с европейской культурой. Однако изменилось отношение к России, резко сократилось количество жителей, владеющих

русским языком. Одна из причин того – сложность для посещения России монгольскими студентами и сложность с посещением Монголии российскими студентами. Сложность в оформлении приглашений и визовых документов. По мнению студентов, с начала 90-х годов имеет место ухудшение монголо-российских отношений, и в настоящее время граждане Монголии больше знают об Америке, чем о России. Студенты ВУЗов также отмечают, что будь присутствие Российской Федерации в Монголии более заметным, о россиянах и российской жизни они знали бы больше. Существует некоторая односторонность информации о России. Чаще молодежь Монголии знает больше о негативной стороне жизни в России, нежели о ее культуре, истории, традиции взаимоотношений с Монголией. Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что русский язык сохраняет свою актуальность в жизни монгольского общества, оставаясь источником информации для монгольского народа. Однако, вместе с тем, совершенно очевидно, что произошел резкий спад изучения русского языка в Монголии, а также распространения информации о России в монгольских СМИ. Один из путей выхода из создавшейся языковой ситуации – россиянам и монголам нужны совместные программы в области языка и культуры: знание фактов, географических районов, исторических дат, формирование представлений о праздниках, традициях и народных мотивах, знание русского языка, его истории. С целью ретроспективного этнокультурного описания межрегионального взаимодействия нами была проведена запись и анализ рассказов старожилов Монголии об истории, языке и традициях, был проведен анализ и обработка собранного материала. особое внимание при сборе материала было уделено интеллигенции, представителям российской и монгольской духовной культуры. Респондентами выступили жители г. Ховд (25–60 лет); студенты, преподаватели Ховдского государственного университета (19–40 лет); жители сомонов Ховдского аймака (20–70 лет); учителя, школьники сомонов Ховдского аймака (14–55 лет).

Следует отметить, что уровень владения русским языком у жителей города Ховда значительно различается. Речь некоторых жителей представляет собой синтез монгольского, английского и русского языков, что получило отражение в результатах, полученных при анкетировании. Например, при определении значения слова *балет* был дан следующий ответ: «это classical жанр»; к слову *студень* было приведено слово «cook» (произошло соединение английского и русского слов при трактовке). Слово *пельмени* монголы определили как название блюда «маленький бууз, обычно изготавливается из говядины и баранины»; «мы делаем их на цагаан саре» (в данном случае соединились русские и монгольские слова, реалии).

Нами разработана и была предложена научной общественности методика комплексного лингвокультурологического описания межрегионального пространства Россия – Монголия – Казахстан. Эти наработки реализуются в современных научных проектах, прежде всего начавшаяся несколько лет назад и продолжающаяся исследовательская работа «Национально-культурные реалии русской и монгольской культуры в языковом сознании жителей Западной Монголии».

Подготовлена база данных «Национально-культурные реалии трансграничного региона Россия-Монголия» и получено свидетельство о государственной регистрации № 2014620157 от 21 января 2014 г.

О «праве на коммуникативный комфорт» в условиях глобализации

М. К. Каракулова

Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко

boris2757@mail.ru

Язык города, речевая коммуникация, глобализация.

Summary. The citizen of Russia in the country has the right to communicative comfort to be surrounded by native language: speak, hear, read in their native language. And the Russian language has all the grounds for that.

Люди в продолжение всей жизни на родном языке говорят, пишут, читают, думают. Но не только. На нем называют районы, участки города, магазины, улицы, чтобы создавать афиши, информативно-регулирующие указатели, объявления, т. е. язык нужен для создания особой совокупности и системы знаков, фиксирующих специфику городского устройства и быта и активно используемых населением города.

Однако вследствие так называемой глобализации в последние десятилетия на наших глазах происходит экспансия английского языка в мире, т. е. место национальных языков во множестве функций постепенно вытесняется английским. На наших глазах происходит явная и постепенная «англизация» языка улиц, языка города, языка быта, работы, науки и развлечений. Таким образом, говорящий человек в России оказывается в коммуникативно некомфортных условиях не только в крупных, но и в провинциальных городах. Горожанин оказывается во враждебной языковой среде: среди англоязычных объявлений, вывесок, названий, указателей и т. д., которые заставляют его чувствовать себя униженным человеком «как якобы недостаточно культурный и образованный гражданин, который терпит коммуникативный ущерб» (Голев). Например, даже в провинциальном городе Глазове нередки вывески на английском языке (впрочем, встречаются слова и из других языков) или русские слова, но набранные латиницей. Например: Centr-cyty – торговый комплекс в центре города; «Men's» – магазин мужской одежды; «Neonsity» – рекламно-производственная компания; «Zoo» – зоомагазин; «Funny angels» – магазин детской одежды; «Тайм» – магазин; «Sela» – магазин одежды. Кстати, оперный театр в другом городе Удмуртии, в Сарапуле, называется Опера-Нouse, а кинотеатр в Ижевске называется «VERY VELLY».

Для сравнения: в Глазове, в самом «удмуртском» городе Удмуртии, удмуртский язык отражен незначительно. Например: «Оскон» (удм. *оскон* – «вера») – ЗАО «Сактон» (удм. *сактон* – «заря») – магазин женской одежды; «Иднакар» – историко-культурный центр. «Ошмес» (удм. *ошмес* – «родник») – кафе; «Тазалык» (удм. *тазалык* – «здоровье») – аптека. Среди многочисленных и разнообразных информационно-регулирующих указателей (типа «Вход воспрещен» или «Осторожно – сосульки») в Глазове найден только один на удмуртском языке. Это запись на стене, ограждающей Чепецкий механический завод: «Запретная зона – Проход запрещен – Ветлыны уг лу». В связи с этим уместно вспомнить слова В. В. Колесова, исследовавшего язык Петербурга и обнаружившего, что, несмотря на то, в Петербурге давно и много проживало финнов, в русской речи следов этого языка не обнаруживалось. «Нет, никак не сказались финская речь на разговоре русских жителей города. Скорее наоборот, отстранялся от этой речи жаргон любой прослойки, претендовавшей на исключительность или образованность, в противоположность ей видя „чистоту“ русской речи. И это весьма знаменательно: выходит, мало веками жить вместе, недостаточно общаться друг с другом, нужно что-то еще,

что привлекло бы к языку, вызвало заимствования», – делает вывод ученый. Абсолютно похожая ситуация с удмуртским языком в Глазове: бок о бок в течение многих веков живут удмурты и русские, но городская семиотика города словно не замечает удмуртский язык, для русских в нем, значит, нет того, что их «привлекло бы к языку». Зато английский настолько привлекателен, что используется хотя бы или графическая система (магазин обуви «Antilora», «220 VOLT» – магазин по продаже лампочек, люстр.), или имя (бар «У Фреда», заметьте: не «У Петра» или «У Ивана»), или изафетные, как в английском, сочетания: *кофе-пауза* (перерывы на конференции), *кейс-технологии* и *кейс-методы* (в методике преподавания русского языка) и т. д. (см. об этом подробнее: [2]).

Несмотря на значительную русифицированность компьютеров, основных поисковых и почтовых систем Рунета, сетевое общение на сегодняшний день невозможно, если пользователь не знает английского алфавита. Компьютер не исправен – для дальнейших действий предлагаются указания на трех языках: английском, немецком или испанском (не на русском – государственном языке страны). То же самое с сотовым телефоном: допустимая длина одного СМС на русском языке короче, чем на английском. Это вынуждает россиянина предпочесть английский. Покупает он бытовой прибор – инструкции на английском. Билеты на авиарейсы стали оформлять в России на английском языке даже на внутренние рейсы что коммуникативно и психологически некомфортно для потребителя. Кроме того, человеку приходится нести и материальные убытки (см. информацию в Интернете от 14 августа 2009 г., в которой сообщалось, что россиянке было отказано в перерасчете квартплаты и коммунальных услуг на время его отсутствия на том основании, что предъявленные электронные билеты Аэрофлота были на английском языке).

Так что говорящий человек в России у себя дома «оказывается исключенным из полноценного коммуникативного акта, поскольку вынужден находиться одновременно в нескольких семиотических системах» (Голев): не только русского, но и английского. Но он имеет «право на коммуникативный комфорт» – быть в окружении родного языка: говорить, слышать, читать на родном языке. А русский язык имеет для этого все основания: он относится к мировым, он по числу носителей входит в первую пятерку языков и т. д.. Опыт Франции и Китая демонстрирует, что не все процессы в языке естественные и неуправляемые, что многое в значительной степени зависит еще и от воли государства, что язык, как говорится, регулируемый рынок.

Литература

1. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика–1: Проблемы и перспективы: Межвузов. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 1999.
2. Каракулова М. К. Русский язык в условиях глобализации: Монография. Глазов, 2010.
3. Колесов В. В. Язык города. М., 1991.

Секция «Сравнительное литературоведение: стилистика и другие аспекты»

Роль художественного перевода в обогащении языка и стиля национальной литературы (на примере македонской лирики)

А. Г. Шешкен

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

asheshken@yandex.ru

Литературные связи, художественный перевод, художественный стиль, македонская лирика, Б. Конеский, Г. Тодоровский.

Summary. The development of Macedonian poetry shows how literary translation enriches the national literature, develops and improves its language and stylistic expression. Creativity of Macedonian poets of 1950–1960s (such as B. Koneski, A. Shopov, G. Todorovski, M. Matevski) is characterized by an appeal to the experience of world poetry, including the practice of translation. This attempt had an important role in the formation of their personalities, along with the fruitful contribution to all Macedonian literature.

Литературные связи служат всестороннему обогащению национальной литературы. На этапе формирования искусства слова на национальном языке особая роль принадлежит художественному переводу. Перевод способствует формированию жанровой системы национальной литературы, помогает быстрому и эффективному развитию выразительных возможностей языка и стиля. Особую значимость приобретает переводная литература у народов, в силу разных исторических обстоятельств, сравнительно поздно приступивших к созданию литератур на национальных языках. Это подтверждает, в частности, македонская литература – самая молодая из славянских литератур (с древними корнями).

Начавшая интенсивно развиваться после обретения македонцами государственности (1945), литература в короткий срок продемонстрировала количественный и качественный рост. Наиболее эффективными были лирические жанры. Поэзия Б. Конеского, А. Шопова, Г. Тодоровского, М. Матевского и др. заложила основу национальной литературной классики. Поэты постигали тайны творчества, в том числе, через художественный перевод. Опираясь на богатое устное поэтическое творчество, они осознали потребность перенести на национальную почву шедевры мировой лирики. Б. Конеский сформулировал эту задачу в первом номере первого литературного журнала на македонском языке «Новый день» (1945).

На рубеже 1940–50-х гг. национальная лирика сделала важный шаг от простых, фольклорных форм к более сложным поэтическим формам, модернистски изощренному искусству. Поэты осмысленно тяготели к расширению тематического диапазона, совершенствованию художественной формы, поэтического языка и стиля. Оставив (не предав забвению) связанный с напевом стих народной поэзии, македонские переводчики обращаются к опыту художественной литературы, добываясь выразительности звучания мировых шедевров. Параллельно рождаются и обогащаются

национальная пейзажно-медитативная и любовная лирика. Поэзия становится выражением трепетного и глубокого чувства, наполнялась сложными сравнениями, эпитетами и метафорической образностью, изысканной словесной игрой.

Опыт мировой лирики (в том числе русской) усваивается вне хронологии. В 1950–1960-е гг. на македонский язык были переведены стихотворения А. Блока (Б. Конеский), С. Есенина (С. Ивановский), роман в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина (Г. Сталев). В поле зрения переводчиков попала также лирика Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой, а затем и молодых поэтических бунтарей Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского.

Переводу придавалось значение ничуть не меньшее, чем оригинальному творчеству. Так, Г. Тодоровский в сборнике «Спокойный шаг» (1956) вместе с собственными стихами поместил и переводы А. Рембо и А. Э. По. Гане Тодоровский переводил также русскую лирику, отдавая предпочтение выдающимся поэтическим новаторам, в разные эпохи обогатившим и расширившим поэтический возможности русского стиха (М. Ю. Лермонтов, А. Блок, М. Цветаева, Б. Пастернак, С. Есенин). Не чуждый экспериментов филологического плана, Г. Тодоровский в переводческой практике в первую очередь проявлял интерес к авторам рубежа XIX–XX вв., склонным к поэтическим новациям, к сложной ритмике, словесной игре, экспериментам в области языка и стиля. Близкими македонскому поэту было понимание роли художественного перевода одного из основоположников русского символизма, поэта и блестящего переводчика В. Брюсова. Г. Тодоровский в послесловии к сборнику собственной поэзии «Спокойный шаг» (1956) цитирует мысль В. Брюсова, высказанную в статье «Фиалки в тигеле» (1905), о том, что поэт, встречая прекрасные стихи, стремится показать способности родного языка вместить тот же творческий замысел. Добавим, что переводы македонских поэтов раскрывали заложенные в духе и строе родного языка поэтические возможности.

Список авторов

(по алфавиту, с указанием номера страницы, на которой опубликованы тезисы)

Абдулхакова Л. Р.	223	Байкулова А. Н.	368
Авдеева И. Б.	457	Байрамова Ф. О.	741
Авербух К. Я.	252	Балабанова И. Я.	657
Аветисян А. Ф.	411	Баладина Н. В.	464
Авина Н. Ю.	364	Балашова А. Ф.	141
Агеева А. В.	26	Балдова М. А.	658
Адаева О. Б.	320	Балобанова Л. А.	465
Адясова Л. Е.	692	Балуева А. О.	465
Азарова Н. М.	190	Балябина М. М.	795
Айдукович Й.	531	Баранкова Г. С.	29
Акимова И. И.	458	Баранов А. Н.	142
Аксёнова А. Е.	712	Баранова Л. А.	224
Албут А. А.	371	Баркович А. А.	563
Александрова И. Б.	729	Бархударова Е. Л.	466
Алексеев А. В.	27	Баско Н. В.	467
Алексеева А. В.	411	Басс Е. В.	585
Алёхина С. В.	459	Бассель А. В.	414
Алпатов С. В.	645	Бахар Г.	351
Алтабаева Е. В.	321	Бегунц И. В.	547
Алтынбекова О. Б.	621	Безкоровайная Л. С.	468
Амбардарян Г. Г.	413	Безяева М. Г.	742
Амири Л. П.	656	Бекасова Е. Н.	30
Ананьева Н. Е.	139	Беликов В. И.	253
Андреев С. Н.	562	Белов А. М.	31
Андреева С. В.	400	Белова Т. Н.	645
Андрюшина Н. П.	460	Белоозеров В. Н.	532
Аникина М. Н.	461	Белоусова А. С.	255
Анисимова Д. А.	28	Беляев Д. Д.	32
Анисина Ю. В.	462	Беляев О. И.	713
Аниськина Н. В.	322	Беляков М. В.	743
Анненкова И. В.	693	Бенакьо Р. / Venacchio R.	687
Ансимова О. К.	252	Бердникова Т. В.	744
Антонова Л. Г.	365	Березний Д. Б.	659
Араева Л. А.	772	Берсенева М. С.	604
Арискина О. Л.	730	Бестерс-Дильгер Ю.	99
Ахапкина Я. Э.	584	Бешенкова Е. В.	532
Ахмадеева С. А.	223, 803	Биктимирова Ю. В.	34
Ахмадуллина А. Ф.	366	Бирова И. Л.	660
Ахметжанова А. И.	28	Блищ Н. Л.	415
Ахметова М. В.	253	Бобрышева И. А.	416
Аюпов С. М.	98	Богданова Н. М.	324
Аюпова С. Б.	98	Богданович Г. Ю.	622
Бабаян Т. А.	463	Боженкова Н. А.	469
Бабенко Л. Г.	254, 785	Боженкова Р. К.	469
Бабенко Н. Г.	139	Бойко Б. Л.	417
Бабенко П. А.	496	Большева Е. М.	533
Бабичева Е. Л.	367	Бондаренко М. А.	604
Баданина И. В.	140	Бондарко А. В.	191
Байгарина Г. П.	323	Бондарчук М. Н.	459

Борзенко Е. О.	225	Всеволодова М. В.	194, 204, 801, 803
Борисова Е. Г.	325	Высоцкая И. В.	328
Борисова О. Г.	548	Выхрыстюк М. С.	37, 38
Борщев В. Б.	714	Вязовик Т. П.	196
Боряева Л. М.	35	Вяльсова А. П.	39
Боярская О. В.	36	Габдреева Н. В.	661
Брызгунова Е. А.	284	Гаврилина М. А.	617
Бугаева И. В.	786	Гаврилова В. И.	197
Будажанова Л. Б.	508	Гаврилова Г. Ф.	329
Буданова С. Г.	749	Гаева Е. В.	417
Бузальская Е. В.	270	Гайсина Р. М.	198
Букаренко С. Г.	256	Гайфуллина А. Г.	258
Букринская И. А.	369	Галактионова И. В.	285
Буре Н. А.	605	Галинская Е. А.	40
Быкова Е. В.	694	Галиуллин К. Р.	41
Ваганова К. Р.	370	Галкина Е. В.	586
Ваганова К. Р.	731	Галяшина Е. И.	746
Важник С. А.	371	Гарбуйо И.	662
Валова Е. А.	715	Гардзонио Дж. / Garzonio Jacopo.	716
Ван Хунвэй.	99	Гвоздович Г. А.	259
Василенко Н. В.	470	Геймбух Е. Ю.	418
Васильев В. П.	257	Герасименко Н. А.	329
Васильев Н. Л.	191	Гетка Й.	732
Васильева Г. М.	471	Гизатуллина А. Р.	564
Васильева Г. М.	660	Гик А. В.	419
Васильева Т. В.	472	Гильмутдинова Г.	223
Величко А. В.	284	Глотова Т. А.	144
Величко Н. В.	623	Глухих Н. В.	42
Вельман-Омелина Е. М.	624	Глухова Е. С.	476
Венгранович М. А.	744	Го Шуфень (Guo Shufen)	476
Венжинович Н. Ф.	779	Годизова З. И.	43
Вепрева И. Т.	325	Голев Н. Д.	10, 102
Вернер И. В.	36	Голикова Т. А.	103
Ветошкина З. А.	372	Голошапова Т. И.	747, 748
Вещикова И. А.	695	Голубева-Монаткина Н. И.	260
Виноградов С. Н.	372	Гольцева Е. А.	587
Виноградова Е. Н.	192, 193	Гоннова Т. В.	260
Виноградова Н. В.	473	Гончарова З. В.	330
Вишнякова С. А.	474	Гончарова Л. М.	607
Владимирова Т. Е.	475	Горбов А. А.	145
Власова Г. И.	142	Горбова Е. В.	199
Вовк О. В.	646	Горбонос Н. Н.	478
Вознесенская И. М.	373	Гордиевская М. Л.	44
Вознесенская М. М.	143	Гордиенко Е. И.	287
Волкова Л. Б.	326	Грамматчикова Е. В.	534
Володина Е. Н.	100	Грачева Ж. В.	104
Волошина О. А.	606	Гращенков П. В.	717
Вольская С. А.	703, 804	Грекова О. К.	200
Воробей С. И.	563	Гридина Т. А.	374
Воронин Д. И.	101	Гринкевич Е. И.	261
Воронина Т. М.	101, 787	Гриченко Л. В.	149
Воронцова Т. А.	327	Громов И. В.	478
Воронцова Ю. А.	745	Гудков Д. Б.	226

Гулидова Е. Н.	479	Ермакова Н. В.	377
Гурьянова Л. Б.	624	Ермакова О. Б.	483
Гусева Е. И.	331	Ерофеева Е. В.	629
Гусева С. С.	147	Ерофеева И. В.	50
Гусейнов Г.-Р. А.-К.	45	Ерофеева Т. И.	629
Гюнеш Б.	98	Ерченко Е. С.	733
Давыдова О. А.	420	Ершова В.	484
Дальбергенова Л. Е.	288	Жадлун М. И.	422
Данюшина Ю. В.	663	Жаналина Л. К.	773, 787
Дастамуз С.	289	Желонкина Т. П.	665
Дашкевич Д. В.	536	Жидкова Е. Г.	305
Девятова М. А.	747	Жолобов О. Ф.	51
Девятова Н. М.	332	Жорова А. П.	485
Дегальцева А. В.	289	Жукова А. Г.	608
Дедова О. В.	148	Жумабекова А. К.	630
Делева Н. П.	262	Журбина Г. П.	609
Дель Гаудио С. (Del Gaudio Salvatore).	625	Завьялова О. С.	334
Дементьев В. В.	375	Загидуллина М. В.	611
Дементьева О. Ю.	290	Загнитко А. А.	11
Демешкина Т. А.	333	Загрядская В. И.	107
Демидова Е. Б.	227	Задонская Г. А.	378
Денисова Н.	684	Зайцева Ю. В.	741
Джусупов М.	626	Закревская В. А.	549
Диманте И. В.	46	Зализняк Анна А.	108, 688
Диомидова А.	376	Занегина Н. Н.	109, 255
Дмитриева Д. Д.	480	Зинкевич Андрей	589
Дмитриева Л. М.	814	Зинкевич Анна	589
Доброва Г. Р.	588	Зобнина Э. М.	423
Добровольская М. Г.	807	Зубарева Е. Ю.	424
Добровольский Д. О.	142	Зубов А. В.	565
Долешаль У. / Doleschal Ursula.	627	Иванова А. А.	718
Долинский В. А.	107	Иванова Г. А.	263
Дорофеев Ю. В.	627	Иванова Д. А.	566
Дрёмов А. Ф.	201	Иванова Е. В.	335
Дроздов Р. К.	228	Иванова Е. В.	52
Дружинина К. М.	421	Иванова Л. П.	110
Дубовик В. В.	57	Иванова О. Е.	532
Дубровина С. Ю.	149	Иванова-Лукьянова Г. И.	424
Думитраш О. В.	608	Ивченков В. И.	697
Дунаева Л. А.	481, 482	Игнатович Т. Ю.	550
Дуринова Г. В.	48	Измайлова М. А.	186
Дурнева О. Н.	744	Изместьева И. А.	52
Дускаева Л. Р.	696	Изотова Н. В.	425
Духанина А. В.	49	Ильин Д. Ю.	551
Дымарский М. Я.	291	Ильюшина Е. А.	568
Дьяченко С. М.	483	Ильясова С. В.	229
Дягилева И. Б.	150	Исаева Л. А.	749
Евсеева И. В.	150, 772	Исакова И. Н.	647
Евстратова С.	628	Исаченко О. М.	152
Егорова А. В.	106	Иссерс О. С.	336
Елемешина Ю. А.	748	Иткин И. Б.	715
Емельянова Н. А.	664	Каверина В. В.	53
Еремин А. Н.	151	Кадырова Л. Д.	230

Казаковская В. В.	292	Князев Ю. П.	294, 591
Казанская Л. П.	153	Коба В. А.	295
Кайда Л. Г.	698	Кобозева И. М.	667
Калимуллина Л. А.	154	Ковалева Т. А.	13
Калинина А. А.	293	Коваль П. А.	721
Калиновская В. Н.	231	Ковшова М. Л.	340
Калиткина Г. В.	111	Кожеко А. В.	341
Калмыкова Л. А.	589	Козакова А. А.	427
Калугин В. В.	54	Козлова А. Ю.	59
Каменская О. Г.	153	Козловская Н. В.	263
Каменская Ю. В.	552	Козорезова М. А.	202
Канафьева А. В.	337	Кокорина Ю. Г.	112
Канович М. И.	582	Колдобанова В. Б.	113
Карагодина И. А.	379	Колесникова Н. И.	613
Каракулов Б. И.	486	Колесникова О. И.	155
Каракулова М. К.	815	Колесникова С. М.	342
Кара-Мурза Е. С.	698, 750	Колесова Д. В.	373
Карева Н. В.	734	Колмогорова А. В.	592
Карева О. М.	232	Колотилова А. Э.	616
Каримова Р. А.	338	Кольшклина Т. Б.	113
Каримуллина Г. Н.	41	Кольцова Н. З.	648
Каримуллина Р. Н.	41	Колясева А. Ф.	264
Кармакова О. Е.	369	Коннова М. Н.	668
Картышева М. С.	553	Коновалова Н. И.	14
Карымсакова Р. Д.	751	Константинова О. В.	614
Кастельви Вивес Ж.	482	Коньков В. И.	699
Касымова Р. Т.	612	Конюшкевич М. И.	296, 700
Касьянова В. М.	338	Копорская Е. С.	255
Касьянюк Т. Н.	752	Копров В. Ю.	297
Катышев П. А.	339	Кораблина Т. И.	381
Каховская Ю. В.	590	Кормилицына М. А.	701
Качалкин А. Н.	12	Корнеева Т. А.	428
Качинская И. Б.	553	Корнилова Н. А.	702
Кашицына Е. Г.	426	Коробейникова Т. Н.	555
Кедрова Г. Е.	521, 536	Коростелёва А. А.	753
Керимов К. Р.	666	Короткова А. Г.	418
Ким Л. Г.	380, 773	Корчажкина О. М.	429
Киржаева В. П.	55	Корычанкова С.	430
Кириллова Л. А.	13	Коряковцева Е. И.	233
Киркинская Т. И.	612	Косентини М. Э.	203
Киров Е. Ф.	56	Косивцова А. В.	60
Кирпо Л. М.	719	Космарская И. В.	114
Кислова Е. И.	735	Костанди Е. И.	343
Киссюк В. В.	487	Костина Л. Ю.	548
Кишкевич Е. В.	488	Котвицкая Э. С.	204
Киынова Ж. К.	57	Котикова-Сабайда С. В.	490
Киянова О. Н.	58	Котлярова Т. Г.	156
Климова С. А.	595	Котов В. И.	703, 804
Клобуков Е. В.	202	Котта Рамузино П.	298
Клобукова Л. П.	489	Кошман И. Н.	669
Кнежевич М. С.	631	Кравченко В. А.	234
Князев М. Ю.	720	Кравчук Т. Ю.	344
Князев С. В.	537	Крапивник Е. В.	157

Крапивник Л. Ф.....	500	Лешутина И. А.....	384
Красильникова Л. В.....	491	Либшнер А.....	385
Красникова И. В.....	265	Лилеева А. Г.....	495
Краснощекова С. В.....	593	Литневская Е. И.....	386
Красных В. В.....	15	Лихачева А. Б.....	632
Красовская Е. А.....	748	Логунов Т. А.....	346
Крейчи С. А.....	521	Локтионова Н. П.....	434
Крепких Т. А.....	61	Лопатина Е. В.....	435
Кретов А. А.....	539	Лопачева М. К.....	436
Кривнова О. Ф.....	570	Лопутько О. П.....	65
Кривошапова Т. В.....	648	Лошко Т. С.....	386
Кругликова Л. Е.....	158	Лувсанбалдан Одонтуяа.....	496
Крылов С. А.....	298	Лучкина Н. В.....	496
Крылова Н. Ф.....	115	Лыткина О. И.....	119
Крючкова Н. В.....	116	Лю Инь.....	437
Крючкова О. Ю.....	235	Любимова Н. А.....	270
Кубасов А. В.....	431	Ляхур Ч. / Lachur Cz.....	206
Куварова Е. К.....	345	Ма Цзя-ин.....	66
Кудашов Д. Д.....	578	Магеррамов И. А.....	301
Кузнецова О. Л.....	491	Магеррамова Ш. М.....	774
Кузьминова Е. А.....	62	Магомедова Т. И.....	497
Кукуева Г. В.....	382	Мадиева Г. Б.....	632
Кукушкина О. В.....	571, 572	Мазанаев Ш. А.....	633
Кулева А. С.....	812	Маймакова А. Д.....	670
Кулибина Н. В.....	492	Майоров А. П.....	271
Куликов С. Ю.....	574	Макарова Л. Е.....	16
Кульпина В. Г.....	447	Макеева И. И.....	66
Купчик Е. В.....	159	Малахова М. С.....	17
Курлова И. В.....	493	Мальцева-Замковая Н.....	615
Курмакаева Н. П.....	432	Мамедова Э. С. М.....	774
Кустова Г. И.....	299	Мандрикова Г. М.....	608
Кутьева М. В.....	160	Манучарян И. К.....	67
Кучина Т. Г.....	433	Манцерова И. В.....	161
Кушнир О. Н.....	117	Мареева Ю. А.....	671
Кюльмоя И. П.....	556	Маринова Е. В.....	162
Лаврентьева А. И.....	594	Маркина Е. И.....	481
Лаврик Э. П.....	754	Марков В. Т.....	387
Лазуткина Е. М.....	300	Маркова В. А.....	388
Лайкауф Г.....	205	Мартьянов Д. А.....	41
Лапоница Л. В.....	572	Марчук Ю. Н.....	163
Ласкарева Е. Р.....	494	Маршева Т. В.....	672
Лебедева Л. А.....	433	Марьяничева Т. А.....	164
Лебедева М. Ю.....	118	Маслакова Е. В.....	755
Лебедева Н. Б.....	383	Масленникова Е. М.....	805
Левина И. Н.....	63, 471	Маслова А. Ю.....	123
Левчук Л. К.....	266	Матвеева Е. О.....	119
Легких В. И.....	64	Матвеев В. Э.....	498
Леденев А. В.....	649	Матевосян Л. Б.....	499
Лекант П. А.....	205	Матрусова А. Н.....	17
Лённгрен Т. П.....	65	Матханова И. П.....	207
Лесников А. В.....	267	Махмудова С. М.....	672
Лесников Г. С.....	267	Машкова С. Н.....	634
Лесников С. В.....	267, 268, 269	Медведев С. А.....	389

Мелузова В. А.	703, 804	Нечунаева Н. А.	72, 519
Мелькумянц Н. В.	609	Нещименко Г. П.	676
Мельничук С. Ф.	120	Низаметдинова Н. Х.	73
Менгель С. / Mengel S.	68	Никитина Е. Н.	302
Меньшиков И. И.	574	Николаев Г. А.	74
Меркулова И. А.	575	Николаенко О. Г.	503
Мерле Т.	519	Николенко Г. В.	504
Месеняшина Л. А.	390	Николенко Е. Ю.	504
Мечковская Н. Б.	635	Николенкова Н. В.	75, 737
Мидзуками Норико	500	Никульцева В. В.	157
Микаэлян И. Л.	688	Новикова Т. Ф.	616
Милевская Т. Е.	391	Новоселова О. В.	705
Милёхина Т. А.	392	Норейко Л. Н.	489, 505
Милютина М. Г.	208	Норман Б. Ю.	18
Минеева З. И.	165	Нуртазина М. Б.	303
Мирзоева С. А.	501	Нуруллина Г. М.	506
Миронова А. А.	393	Обжорин А. М.	168
Миронова Н. И.	756	Оболенская Ю. Л.	650
Митев Д.	673	Оглезнева Е. А.	636
Митурска-Бояновска Й.	347	Одинцова И. В.	304, 507
Михайлова Е. В.	502	Окмянская А. В.	75
Михайлова М. В.	437	Оленев С. В.	348
Мишина Е. А.	69	Олешко Т. В.	513
Мишланов В. А.	70, 703	Олзоева Я. В.	508
Млечко Т. П.	121	Ольховская А. И.	169
Моисеева Е. В.	540	Омельченко Е. В.	758
Моисеенко И.	615	Омельяненко В. А.	759
Мойса Е. С.	674	Онипенко Н. К.	305
Молокова А. А.	38	Орлова Н. М.	125
Морева А. Н.	394	Орлова Ю. А.	349
Морозова И. А.	122	Осетрова Е. В.	706
Мочалова Т. И.	123	Осильбекова Д. А.	776
Мугумова А. Л.	71	Осовский О. Е.	76
Мун Э. С.	124	Падучева Е. В.	722
Муравенко Е. В.	205	Палади А. / Palagyi Angela.	637
Муравьёва А. А.	166	Панков Ф. И.	508
Муравьёва А. А.	614	Панова Г. И.	209
Мухина И. К.	757	Паперно Д. А.	723
Муц В. И.	438	Парти Б. / Partee Barbara Н.	724
Мызников С. А.	556	Парубченко Л. Б.	19
Нагель О. В.	775	Пеетерс-Подгаевская А. В.	596
Надеина Т. М.	541	Перевозчикова Т. А.	597
Надибаидзе О. Ш.	272	Петкау А. Ю.	126
Налимова Т. А.	675	Петров А. В.	349, 777
Наумова И. О.	736	Петрова А. А.	585
Наумова Н. И.	595	Петрова З. Ю.	170
Недопекина Е. М.	542	Петрова Л. А.	171
Некрасова Л. Н.	439	Петрова М. А.	738
Некрасова Т. П.	704	Петрова Н. Э.	509
Нестерская Л. А.	489	Петрунина С. П.	778
Нефедова Е. А.	557	Петрухина Е. В.	689
Нефляшева И. А.	236	Пименова М. В.	77
Нечаева И. В.	543	Пиперски А. Ч.	350

Плотникова А. М.	172, 788	Руднева Е. Г.	440
Плотникова Л. И.	237	Рудяков А. Н.	21
Плохова А. Б.	395	Ружанская-Каццола Л. Л.	513
Погорелая Е. А.	638	Ружицкий И. В.	491
Поддубный В. В.	576	Румянцева И. М.	597
Подшивалова Е. А.	483, 510	Русанова С. В.	81
Пожарицкая С. К.	544	Рыбалова М. И.	82
Поликарпов А. А.	571, 572, 576	Рыков В. В.	578
Полищук Е. В.	511	Рылов С. А.	811
Полюдова Е. Н.	639	Рябов В. Н.	240
Полюжин М. М.	779	Савельев В. С.	83
Попова А. И.	468	Савельева О. М.	651
Попова Л. В.	210	Савина Е. А.	353
Попова Т. И.	306	Савосина Л. М.	307
Поселенова А. В.	351	Сагирян И. Г.	309
Потапов В. В.	577	Салимовский В. А.	703
Потапова Р. К.	577	Самыличева Н. А.	241
Потёмкин С. Б.	521	Сандакова М. В.	242
Предигер А.	639	Санджи-Гаряева З. С.	441
Пристайко Т. С.	172	Сапожникова Л. Я.	273
Прит А.	628	Саранцацрал Ц.	801
Прокопова И. И.	512	Саркисян И. Р.	522
Прокудина И. С.	127	Сарсекеева Н. К.	441
Пронин П. А.	173	Сатюкова Д. Н.	310
Прохоров А. В.	568	Саямова В. И.	513
Проценко Е. А.	174	Северская О. И.	148
Проценко И. Ю.	501	Седова Т. В.	396
Птенцова А. В.	78	Селезнёва Л. В.	397
Пчелинцева Е. Э.	238	Селиверстова О. А.	640
Пятаева Н. В.	79	Селюкова Т. А.	761
Радбиль Т. Б.	759	Селюнина О. А.	311
Разумовская В. А.	677	Семенов А. И.	179
Рамазанова С.	678	Семенова С. Ю.	180
Рацибурская Л. В.	239	Семиколенова Е. И.	211
Ревзина О. Г.	20	Сенина И. С.	181
Редькина Т. Ю.	707	Сеничева О. А.	274
Резанова З. И.	780	Сенько Е. В.	243
Резвухина Ю. А.	175	Сергеев М. Л.	739
Ремчукова Е. Н.	690	Сергеева Г. Н.	311
Ржеуцкий В. С. / Rjeoutski Vladislav.	739	Сергеева Л. А.	354
Рогова К. А.	306	Сердюк А. М.	212
Роговнева Ю. В.	808	Сердюкова Е. В.	84
Рогожникова Т. М.	578	Серебряная И. Б.	442
Родионова И. Г.	395	Сержант Ю. В.	150
Родионова С. Е.	352	Сивкова Е. А.	85
Романенко А. П.	440	Сидорова Е. Г.	312
Романенко В. А.	760	Сидорова М. И.	313
Романов А. А.	705	Сидорова М. Ю.	355, 796
Романова Е. Е.	725	Сизова О. Б.	598
Романовская А. А.	176	Сирогкина Т. А.	443
Рощина Л. М.	177	Ситарь А. В.	193
Руденко Е. Н.	128	Ситникова Е. В.	129
Руднев Д. В.	80	Скнар Г. Д.	314

Сковородникова Д. С.	808	Трахтман Е. С.	519
Сковронек Б. / Skowronek В.	708	Треблер С. М.	133
Скорородова Е. Ю.	356	Тропина Н. П.	182
Славкин В. В.	709	Трофимова О. В.	89
Слаутина М. В.	275	Трофимова У. М.	544
Смирнова Т. А.	398	Трошкина Т. П.	520
Смирнова Ю. В.	86	Трубникова Ю. В.	403
Смолененкова В. В.	762	Тукова Т. В.	212
Соколов А. И.	87	Туманова А. Б.	813
Соколова И. А.	399	У Луцянь	448
Соколова О. И.	130	Убийко В. И.	134
Соколова Т. М.	514	Улитова А. С.	90
Соколова Т. П.	763	Ульянова Т. В.	404
Соколова Т. С.	444	Уржа А. В.	681
Соколянский А. А.	22	Устюгова Л. М.	213
Солдатова Д. Н.	182	Фалдина М. В.	358
Сомин А. А.	350	Фатеева Н. А.	449
Сорокина Т. А.	400	Фатхугдинова В. Г.	245
Стародубцева А. Н.	88	Федосеева Л. Н.	183
Старостина Е. В.	131	Фельде О. В.	277
Стеванович Р. И.	679	Фесенко О. П.	405
Степанова И. Ж.	558	Фигуровская Г. Д.	315
Степанян Е. В.	515	Филатова Е. А.	521
Субботина О. А.	244	Филимонова Е. Ю.	728
Судакова Л. И.	764	Филина О. Л.	617
Судзуки Р.	680	Фисун Р. С.	246
Сулименко Н. Е.	709	Фоулер Дж.	656
Супатаева Э. А.	641	Фролова М. В.	450
Супрун В. И.	559	Фролова О. Е.	521, 765
Супрунова И. В.	445	Хаджихалилович С.	406
Суровцева Е. В.	511, 572, 652	Хазагерев Г. Г.	618
Сушков В. В.	269	Хазимуллина Е. Е.	23
Сърица Г.	680	Хайров Ш. В.	135
Тагаев М. Д.	781	Хайрутдинова Г. А.	214
Тан Мэн Вэй.	446	Халикова Н. В.	451
Тарасенко Т. В.	401	Халимоне М. Б.	682
Тарасова Е. Н. (Москва)	516	Хамаганова В. М.	316
Тарасова Е. Н. (Смоленск)	517	Хамгокова Н. Ж.	522
Тарасова К. П.	402	Хамраева Е. А.	619
Татаринов В. А.	447	Халперская Ю. В.	278
Ташлыкова М. Б.	244	Харламова М. А.	135
Теперик Т. Ф.	653	Харченко Н. В.	599
Тер-Аванесова А. В.	560	Хачикян А. Я.	522
Терехова Е. Ф.	174	Химик В. В.	279
Тестелец Я. Г.	726	Хисамова Г. Г.	406
Тимофеев А. А.	276	Хитина М. В.	580
Тимофеева М. К.	579	Хламов М. А.	581
Тихомиров С. А.	131	Хлебутина В. Ю.	280
Тихтиевская М. А.	518	Ходыкина И. И.	561
Токарчук И. Н.	357	Холод С. И.	215
Токатова Л. Е.	186	Хорохордина О. В.	373
Толская И.	726	Хохлова М. В.	292
Тортунова И. А.	447	Храковский В. С.	216

Хроменков П. Н.....	766	Шахмайкина Ю. А.	318
Хромов С. С.....	523	Шевелёва М. Н.....	93
Хромова Е. Б.....	683	Шевчук Л. В.....	408
Хукаленко Ю. С.	358	Шелкова И. А.....	94
Хюлья Арслан	684	Шереметьева Е. С.	220
Цветкова Т. М.....	359	Шестакова Л. Л.....	282
Цветова Н. С.....	710	Шестеркина Н. В.....	454
Цейтлин С. Н.....	600	Шешкен А. Г.....	816
Цзин Цзин.....	452	Шигуров В. В.....	221
Чабаненко Т. С.	280	Шилихина К. М.....	361
Чагина О. В.....	524	Шилова Е. В.....	187
Чалова О. В.....	601	Шимко Е. В.....	95
Чапаева Л. Г.....	91	Шкурина Н. В.....	373
Чаплыгина Т. Е.....	217, 800	Шкуропацкая М. Г.....	782
Чевела О. В.....	184	Шмаков А. А.....	409
Чекалина В. Л.....	193, 798	Шмелёв А. Д.....	691
Чепкова Т. П.....	525	Штукина Е. Э.....	643
Чернейко Л. О.....	164, 185	Штыленко В. Е.....	468
Черненко Е. В.....	483, 527	Штыленко Е. Л.....	468
Чернец Л. В.....	654	Шульга М. В.....	96
Чернецкая М. А.....	767	Шумарин С. И.....	249
Чернова Н. В.....	619	Шумарина М. Р.....	455
Чернцова Е. В.....	360	Шустина И. В.....	113
Чернышева М. И.....	281	Шутько Г. Г.....	527
Чернышова Т. В.....	711	Шушарина И. А.....	684
Черняк В. Д.....	781	Щаднева В. П.....	685
Чернякова М. В.....	38	Щемелинина И. Н.....	97
Чжань Хун.....	474	Щипанская Н. П.....	24
Чжуан Вэйвэй.....	54	Щукина И. Н.....	767
Чиалашвили-Гордеева Е.....	678	Эглит Л. В.....	528
Чижова Л. А.....	407	Эзериня С. А.....	231
Чиркова В. М.....	526	Эсалнек А. Я.....	655
Чиркун Г. Н.....	317	Юдина Н. В.....	188
Чойдон Зээнямбуу.....	496	Юсупова З. Ф.....	529
Чойдон Зээнямбуу.....	641	Ягунова Е. В.....	703, 804
Чувакин А. А.....	389	Яковлева И. В.....	602
Чумак-Жунь И. И.....	136	Ян Цзин.....	304
Чуркина И. В.....	642	Янь Ланьлань.....	283
Шакенова М. Т.....	186	Яроцкая Г. С.....	362
Шалина Л. В.....	247	Ярошенко Н. А.....	250
Шаляпина З. М.....	582	Ярыгина Е. С.....	319
Шаповалова Н. Г.....	453	Яценко И. И.....	530
Шаповалова Т. Е.....	218	Hechtl Angelika.....	644
Шапошников А. К.....	92	Hoffmann E.....	137
Шарандин А. Л.....	219	Lux I.....	240
Шаталова Ю. Н.....	248	Ruiz-Zorilla Crusate M.....	491

Оглавление

Секция Общие вопросы и история науки	10
Н. Д. Голев. Обыденное метаязыковое сознание как объект лингвистического изучения.....	10
А. А. Загнитко. Процесс грамматизации в современном русском языке: контрастивно-типологический аспект.....	11
А. Н. Качалкин. Деловая речь среди других видов словесности.....	12
Л. А. Кириллова. К проблематизации вопроса о термине «дискурс» в современной русистике.....	13
Т. А. Ковалева. К вопросу о трансформации функций тавтологии в русском языке.....	13
Н. И. Коновалова. Лингвокультурологическая модель интерпретации сакрального содержания традиционной народной культуры.....	14
В. В. Красных. Психолингвокультурология как новое направление научных исследований.....	15
Л. Е. Макарова. «Риторика» Н. Ф. Кошанского как этап риторического образования в России.....	16
М. С. Малахова. Из истории изучения явлений синкретизма в языке.....	17
А. Н. Матрусова. О потенциальном свойстве всякого языкового знака вступить в отношения семантической оппозиции.....	17
Б. Ю. Норман. О дискурсивной обусловленности грамматики.....	18
Л. Б. Парубченко. Язык научно-методических публикаций 20-х гг. XX в. К 100-летию журнала «Родной язык в школе».....	19
О. Г. Ревзина. Метонимия и концептуализация целого.....	20
А. Н. Рудяков. Георусистика и вызовы XXI века.....	21
А. А. Соколянский. Понятие позиции на разных уровнях языка.....	22
Е. Е. Хазимуллина. Введение в общую лингвистическую теорию мотивации.....	23
Н. П. Щипанская. Сопоставительный метод обучения русскому языку в Словакии: К столетию со дня рождения профессора А. В. Исаченко (1911–1978).....	24
Секция История русского языка и текстология	26
А. В. Агеева. Фонетическая адаптация галлицизмов: эволюция типов вариантности (на материале русской литературы начала XIX века).....	26
А. В. Алексеев. Разграничение типов лексических значений при диахроническом анализе.....	27
Д. А. Анисимова. О согласовании причастия с собирательным существительным в составе оборота «дательный самостоятельный» (на материале Жития Феодосия Печерского).....	28
А. И. Ахметжанова. Посольский приказ как основа делопроизводства Руси.....	28
Г. С. Баранкова. Языковые особенности древнерусских поучений дидактического характера, обращенных к мирянам и иереям.....	29
Е. Н. Бекасова. О версификационном отборе torot- и trat-лексем в русских былинах.....	30
А. М. Белов. Древнерусская энклиза как отражение типологических черт индоевропейского синтаксиса.....	31
Д. Д. Беляев. Оптимизация сочетаний «шумный + сонант» в праславянском языке.....	32
Ю. В. Биктимирова. Употребление числительных в скорописных памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – середины XVIII в.	34
Л. М. Боряева. Синтаксис имен действия: диахронический аспект.....	35
О. В. Боярская. Региональные скорописные документы-описания конца XVIII – первой половины XIX в. (по южноуральским архивным материалам).....	36
И. В. Вернер. Глоссы в интерлинейном тексте Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека.....	36
М. С. Выхрыстюк. Культурно-лингвистическая значимость труда Г. Ф. Миллера «Описаніе Сибирскаго Царства...».....	37
М. С. Выхрыстюк, А. А. Молокова, М. В. Чернякова. Рукописный памятник начала XVIII в. «Запись астрономическихъ явлѣній, происшедшихъ въ небе надъ городомъ Тобольскомъ» в аспекте исторической стилистики и лексикологии.....	38
А. П. Вяльсова. Тип субъекта и характер временного соотношения страдательного причастия прошедшего времени с матричным предикатом в древнерусских нарративных текстах.....	39
Е. А. Галинская. Неотражение цоканья в деловых текстах XVII века, написанных на «цокающих» территориях.....	40
К. Р. Галиуллин, Г. Н. Каримуллина, Р. Н. Каримуллина, Д. А. Мартыанов. Синонимы и варианты в русской лингвографии XVIII – первой половины XIX века: комплексный электронный фонд.....	41
Н. В. Глухих. Региональные маркеры текстового пространства в деловой переписке конца XVIII – начала XIX в.	42
З. И. Годизова. Синонимические отношения между глаголами интенсивных способов действия в русском языке XI–XVII вв.	43

М. Л. Гордиевская. «Разговорник» Т. Фенне как источник сведений об эволюции русской синтаксической системы	44
Г.-Р. А.-К. Гусейнов. Тюркские (булгарские) лексические элементы «Слова о полку Игореве» в историко-этимологическом контексте их отношений с языками Восточного Кавказа	45
И. В. Диманте. Этимологические версии в ракурсе балто-славянской теории.....	46
В. В. Дубовик. Титулы русских царей в скорописных азбуках-прописях XVII–XVIII веков	57
Г. В. Дуринова. К истории формирования русского социально-политического словаря: «Наказ» Екатерины II	48
А. В. Духанина. К вопросу о реконструкции Епифаниевской редакции Жития Сергия Радонежского	49
И. В. Ерофеева. Ценностно-когнитивный статус сложных имен прилагательных в летописном тексте.....	50
О. Ф. Жолобов. Об имперфекте с аугментом	51
Е. В. Иванова. Единицы измерения расстояния в древнерусском языке (по материалам Хождения игумена Даниила)	52
И. А. Измьстева. К вопросу о системных звуковых отношениях в русском языке.....	52
В. В. Каверина. Обозначение нефинальных смягченных согласных буквой ъ в истории русского письма.....	53
В. В. Калугин. Глаголица как декоративное письмо в кирилловских книгах X–XI веков	54
В. П. Киржаева. Отражение терминологии древнерусского права в «Повести временных лет»	55
Е. Ф. Киров. Истоки русского письма	56
Ж. К. Киынова. Соматические славянизмы в описании человека и животного: историко-культурная интерпретация	57
О. Н. Киянова. О региональной специфике развития русского литературного языка в XVII веке (летописание Великого Устюга)	58
А. Ю. Козлова. Из истории новгородской книжной традиции XIV–XVI вв.....	59
А. В. Косивцова. Модальность возможности в частно-деловом письме XVIII века	60
Т. А. Крепких. Приставочные глаголы с праславянским корнем *-e- / *-jъm- (диахронический аспект).....	61
Е. А. Кузьминова. Направления кодификации синтаксической нормы в «Грамматике беседословной» Ивана Иконника (1733 г.).....	62
И. Н. Левина. Лексико-синтаксические модели как средство описания изъяснительного предложения в диахроническом аспекте.....	63
В. И. Легких. Лингвотекстологический аспект изучения гимнографии	64
Т. П. Лённгрен. Волоколамский список Супрасльского кодекса: результат реконструкции	65
О. П. Лопутько. История древнерусского формульного фонда как источник семантической структуры культурных концептов	65
Ма Цзя-ин. «Грамматика словенская» Федора Максимова (1723 г.): стратегия грамматического описания	66
И. И. Макеева. К истории русского точить	66
И. К. Манучарян. Диалог в старорусских памятниках XVII века	67
С. Менгель / S. Mengel. Западноевропейские грамматики русского языка начала XVIII века в свете первых попыток кодификации русского литературного нового типа Российской Академией наук.....	68
Е. А. Мишина. К вопросу об аспектуальной характеристике глаголов дати и пустити в древнерусском языке	69
В. А. Мишланов. К истории таксиса в русском литературном языке.....	70
А. Л. Мугумова. Ориентализмы в новом русском литературном языке XVIII века. Лингвографический, историко-этимологический и динамический аспекты (на материале «Словаря Академии Российской»)	71
Н. А. Нечунаева. О рукописях майской Минеи XI–XIV вв.....	72
Н. Х. Низаметдинова. Старославянские сложные слова в русском языке XI–XVII вв.....	73
Г. А. Николаев. Из исторического словообразования: производные субстантивы в языке «Слова о законе и благодати» Илариона	74
Н. В. Николенкова. Онимы как переводческая проблема в языке науки XVII века.....	75
А. В. Окмянская. Культурно-лингвистическая информативность скорописных документов Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII в.	75
О. Е. Осовский. «Чужая речь» в русских юридических документах второй половины XVI–XVII вв.	76
М. В. Пименова. Семантические сближения в древнерусском тексте и языковая образность (на материале «Слова о полку Игореве» и «Повести временных лет»)	77
А. В. Птенцова. Семантика лексемы даже и проблема книжности <i>da + graes.</i> в древнерусских текстах	78
Н. В. Пятаева. Генетическая парадигма как единица диахронического описания лексической системы русского языка.....	79
Д. В. Руднев. История формирования модальных связок со значением обнаружения.....	80
С. В. Русанова. Региональная промемория XVIII века: к вопросу о жанровой специфике и начальном этапе функционирования	81

М. И. Рыбалова. Притча о мытаре и фарисее: из истории евангелизмов.....	82
В. С. Савельев. Древнерусские «общие места»: идеологический, сюжетный и фразеологический уровни (на примере «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и «Повести временных лет»).....	83
Е. В. Сердюкова. Фитонимы в памятниках деловой письменности XV–XVII вв.....	84
Е. А. Сивкова. «Память и похвала князю Владимиру и его житие» XV в.: гласные после шипящих и ц.....	85
Ю. В. Смирнова. К вопросу о нетривиальных особенностях вокализма в говорах одной из восточных среднерусских областей XVII в.....	86
А. И. Соколов. Наименования газообразных веществ в русской химической терминологии XVIII – начала XIX в.....	87
А. Н. Стародубцева. Формулярный анализ рапортов второй половины XVIII в. (на основе фонда № 329 ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске»).....	88
О. В. Трофимова. К вопросу о корпусе топографических описаний России XVIII – начала XIX века.....	89
А. С. Улитова. Позиция атрибута и одушевленность существительного в истории русского языка.....	90
Л. Г. Чапаева. Языковая ситуация 30–40-х годов XIX века в работах Н. И. Греча.....	91
А. К. Шапошников. Восточнославянское языковое состояние – что, где, когда.....	92
М. Н. Шевелёва. «...и не лънива ма быть створиль» (К вопросу о семантической эволюции древнерусского не книжного плюсквамперфекта).....	93
И. А. Шелкова. Омонимия сложных слов в русском языке XI–XVII вв.....	94
Е. В. Шимко. Третье южнославянское влияние в синхронии и диахронии.....	95
М. В. Шульга. О формальной структуре категории числа: к пятидесятилетию научной дискуссии.....	96
И. Н. Щемелинина. Стилистическая роль слов с количественной семантикой в сочинении Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича».....	97
Секция Концепты, русское языковое сознание и языковая личность.....	98
С. Б. Аюпова, С. М. Аюпов, Б. Гюнеш. Функции блоков однородных сказуемых с семантикой времени в языковой художественной картине мира романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».....	98
Ю. Бестерс-Дильгер. Изучение объема немецкой лексики у русскоязычных, живущих в Германии.....	99
Ван Хувэй. Национально-культурная специфика русского природно-стихийного кода культуры (на материале фразеологизмов с элементом «вода»).....	99
Е. Н. Володина. Актуальные проблемы языкового развития личности в системе общего образования в условиях его модернизации.....	100
Д. И. Воронин. Номо Somatikos в зеркале русской и китайской лингвокультуры.....	101
Т. М. Воронина. Особенности концептуализации пространственных зон «Центр» и «Периферия» в русском языке (на материале синонимических рядов).....	101
Н. Д. Голев. Современные тенденции развития русской письменной речи и их отражение в метаязыковом сознании носителей языка: антиномический анализ.....	102
Т. А. Голикова. Языковая личность в интернет-коммуникации (на материале имиджбордов).....	103
Ж. В. Грачева. Индивидуально-авторский концепт усадьба в романе В. Набокова «Машенька».....	104
В. А. Долинский. Моделирование внутреннего лексикона носителей русского языка.....	107
А. В. Егорова. Презентизм и «новый фатализм» в концептуальной метафоре.....	106
В. И. Загрядская. Исследование поэтической модели мира: опыт лингвокогнитивного анализа.....	107
Анна А. Зализняк. Языковая картина мира: между Сциллой и Харибдой.....	108
Н. Н. Занегина. «Я – семья и человечество – семья» (к вопросу о продуцирующих возможностях концепта «семья»).....	109
Л. П. Иванова. Лингвоимагологические аспекты русского мировидения.....	110
Г. В. Калиткина. Наивные пределы времени в зеркале языка.....	111
Ю. Г. Кокорина. К проблеме соотношения лингвокультурного концепта и археологического термина.....	112
В. Б. Колдобанова. Структурно-семантическая сегментация суперконцепта «образование».....	113
Т. Б. Кольшикина, И. В. Шустина. Лингвокультурный концепт качество и рекламная коммуникация.....	113
И. В. Космарская. Этнические стереотипы: взгляд лингвиста.....	114
Н. Ф. Крылова. Отражение индивидуально-авторской картины мира в художественном тексте.....	115
Н. В. Крючкова. Коммуникативные свойства концептов различной референции (К построению функциональной типологии концептов).....	116
О. Н. Кушнир. О русской динамической лингвоконцептологии.....	117
М. Ю. Лебедева. Метафорические модели концепта детство как области-цели.....	118
О. И. Лыткина. Концепт «Америка» в фразеологической картине мира русского языка.....	119
Е. О. Матвеева. Рекламный текст как инструмент формирования языковой личности.....	119
С. Ф. Мельничук. Опыт представления концепта «судьба писателя» (на материале произведений Т. Н. Толстой «Сюжет» и Б. Г. Штерна «Второе июля четвертого года»).....	120
Т. П. Млечко. Русская языковая личность ближнего зарубежья: траектории трансформаций.....	121
И. А. Морозова. Психолингвистический анализ семантики лексики женщина.....	122

Т. И. Мочалова, А. Ю. Маслова. Репрезентация языческого и христианского мировоззрения во фразеологии русских говоров Республики Мордовия.....	123
Э. С. Мун. Лингвистическая репрезентация этностереотипов.....	124
Н. М. Орлова. Вавилонское столпотворение: актуальные смыслы.....	125
А. Ю. Петкау. Концепт здоровье: перцептивный образ.....	126
И. С. Прокудина. Вариативность вторичных текстов репродуктивного типа: лингвоперсоналогический аспект.....	127
Е. Н. Руденко. Концепт «свобода» по данным русского языка в разных регионах.....	128
Е. В. Ситникова. Отражение языковых маркеров национально-культурного сознания лингвоэкологического типа во внутреннем лексиконе представителей русской этнолингвокультуры.....	129
О. И. Соколова. Стереотипные представления об этносе и культуре как основа обучения языку.....	130
Е. В. Старостина. Изучение динамики русского языкового сознания на материале ассоциативных полей.....	131
С. А. Тихомиров. Образы Правды и Кривды в славянских текстах и мифологии.....	131
С. М. Треблер. Персонаж художественного произведения как языковая личность.....	133
В. И. Убийко. Концептосфера внутреннего мира человека: опыт построения когнитивно – дискурсивного словаря.....	134
Ш. В. Хайров. Лингвистическое мифотворчество и культурологические интерпретации русского языка: размышления над лингвострановедческим очерком 1916 г.....	135
М. А. Харламова. Функционирование прецедентных текстов в смешанных говорах Среднего Прииртышья.....	135
И. И. Чумак-Жуль. Когнитивные предпосылки формирования концепта «Поэзия»: онтогенез.....	136
Е. Hoffmann. Стил жизни и архитектура новых русских в зарубежной прессе.....	137
Секция Лексика и фразеология русского языка.....	139
Н. Е. Ананьева. Полонизмы в исторических произведениях Ф. В. Булгарина.....	139
Н. Г. Бабенко. Речевая экспансия гламура.....	139
И. В. Баданина. Тематические группы существительных, называющих лиц, в словаре устаревших слов русского языка Р. П. Рогожниковой, Т. С. Карской.....	140
А. Ф. Балашова. Словари поисковых отрядов и кладоискателей (на материале интернет-сообществ).....	141
А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Особенности использования речевых формул в художественных текстах Достоевского.....	142
Г. И. Власова. Городской текст Целинограда и Астаны в поэзии.....	142
М. М. Вознесенская. Куда уходит поезд? (временные парадоксы железнодорожной метафоры в русской идиоматике).....	143
Т. А. Глотова. К вопросу о нелогичных фразеологических сочетаниях (катахрезах) в русском языке.....	144
А. А. Горбов. Несколько замечаний о семантическом калькировании в русском языке рубежа XX–XXI веков.....	145
Л. В. Гриченко. Типы вариативности русских пословиц.....	149
С. С. Гусева. Номинативная парадигма наименований лиц и ее функционирование в тексте (на примере текстов А. П. Чехова).....	147
О. В. Дедова. Специфика номинаций в пределах семантического поля ЭЛЕКТРОННОЕ ОБЩЕНИЕ.....	148
С. Ю. Дубровина. Языковая экспликация опыта православия в русском языке и его говорах.....	149
И. Б. Дягилева. Новая общественно-политическая лексика в русском языке первой половины XIX века.....	150
И. В. Евсеева, Ю. В. Сержант. Актуализация частей тела в дериватах – именовании одежды.....	150
А. Н. Еремин. Прагматические ограничения сочетаемости лексем (на материале прилагательного честный).....	151
О. М. Исаченко. Стереотипы женского поведения: по материалам словаря.....	152
Л. П. Казанская, О. Г. Каменская. Особенности проявления лингвистических процессов в эргонимах г. Тольятти.....	153
Л. А. Калимуллина. Актуальные проблемы диахронической семантики.....	154
О. И. Колесникова. Воздействующий потенциал названий сборников современной поэзии.....	155
Т. Г. Котлярова. Лингвистическое градоведение (на примере Астаны).....	156
Е. В. Крапивник. «Цвета» науки: термины и профессионализмы с компонентом «цветонаименование» как отражение образности научной речи.....	157
Л. Е. Кругликова. Достаточно ли в русском языке слов для выражения мыслей?.....	158
Е. В. Купчик. Метафорические модели с субъектной зоной поэт в русской поэзии.....	159
М. В. Кутьева. Семантические функции контекстуальных антонимов в русском поэтическом тексте.....	160
И. В. Манцерава. Фразеологические единицы как символы эпохи в советском политическом дискурсе начала XX века.....	161
Е. В. Маринова. Аналитические прилагательные в сфере иноязычной лексики: проблема описания.....	162

Ю. Н. Марчук. Словарный фонд русского языка в аспекте применения новых информационных технологий.....	163
Т. А. Марьяничева, Л. О. Чернейко. Алкогольная лексика в неалкогольной сфере.....	164
З. И. Минеева. Полисемия русских зоотропов.....	165
А. А. Муравьёва. О функционировании идиом в русскоязычных текстах делового дискурса.....	166
В. В. Никульцева. Незвестные неологизмы в автографах Давида Бурлюка из книжных и изобразительных фондов Государственного Эрмитажа.....	157
А. М. Обжорин. Семантические особенности русских и английских процессуальных фразеологизмов со значением психического состояния человека.....	168
А. И. Ольховская. Статусные характеристики ЛСВ многозначного слова.....	169
З. Ю. Петрова. К вопросу о семантической мотивировке образных словоупотреблений.....	170
Л. А. Петрова. Специфика производного глагольного значения на внутрисловном уровне.....	171
А. М. Плотникова. Имена семантических классов слов в идеографических словарях.....	172
Т. С. Пристайко. Заимствования-эврисеманты в современном русском языке.....	172
П. А. Пронин. Принципы мотивации семантики членов фразеосемантического поля «Семья» в русском языке.....	173
Е. А. Проценко, Е. Ф. Терехова. «Нашествие англо-американизмов»: миф или реальность?.....	174
Ю. А. Резвухина. Наименования рыб семейства лососевых в 20-е годы XX века на территории Магаданской области (на материале архивных документов).....	175
А. А. Романовская. Аксиологичность античного символа как особого лингвистического знака.....	176
Л. М. Рощина. Фитнес в русском языке: особенности русификации.....	177
О. И. Северская. Негатив положительного, позитив отрицательного: о новых синонимах добра и зла, плохого и хорошего.....	148
А. И. Семенов. Слово «лев» в названиях русских военных кораблей.....	179
С. Ю. Семенова. Русские имена параметров и квазипараметров.....	180
И. С. Сенина. Классификаторы в языке и семантические классификации в лингвистике.....	181
Д. Н. Солдатова. Взаимодействие семантических классов глагола с именем существительным в сфере количественности.....	182
Н. П. Тропина. Цивилизационные процессы и язык: от технократического мышления к техноморфной номинации.....	182
Л. Н. Федосеева. Коммуникативные функции локативов.....	183
О. В. Чевела. «Шестоднев» Севериана Гавальского в контексте онтологической теории слова.....	184
Л. О. Чернейко. Грамматика семантики.....	185
М. Т. Шакинова, М. А. Измайлова, Л. Е. Токатова. Тюркизмы как отражение диалога культур в казахстанском газетном дискурсе.....	186
Е. В. Шилова. Семантика оценочного прилагательного странной по данным словарей и анализа его сочетаемости в текстах разных жанров.....	187
Н. В. Юдина. Финансовая лексика в современном русском языке: актуальные вопросы и перспективы изучения.....	188
Секция Русская морфология.....	190
Н. М. Азарова. Семантика категории рода в поэтическом мышлении билингва.....	190
А. В. Бондарко. К вопросу об интенциональности в сфере грамматики.....	191
Н. Л. Васильев. О семантической категории рода у некоторых прилагательных.....	191
Е. Н. Виноградова. Лицом к лицу с предлогами (реестр предложных единиц, включающих лексему «лицо»).....	192
Е. Н. Виноградова, А. В. Ситарь, В. Л. Чекалина. Предложные единицы глазами русских, болгар и украинцев.....	193
М. В. Всеволодова. Русский (славянский) глагольный вид в рамках категории аспектуальности (Грамматическая категория, не имеющая грамматических формантов).....	194
Т. П. Вязовик. Особенности функционирования «эмфатических» указательных местоимений.....	196
В. И. Гаврилова. К вопросу о морфологическом оформлении грамматической категории залога в русском языке.....	197
Р. М. Гайсина. Взаимодействие имени и глагола в свете идей А. А. Потебни и В. В. Виноградова.....	198
Е. В. Горбова. Вторичные имперфективы в диахронии (по данным НКРЯ): о системной значимости суффиксальных видовых пар.....	199
О. К. Грекова. Вид русского глагола как ксеномаркер в разговорной речи и некоторые другие функции.....	200
А. Ф. Дрёмов. О месте понятия «когерентность» в парадигме системной теории падежа.....	201
Е. В. Клобуков. К изучению тенденций развития русской системы словоформ в начале XXI века.....	202
М. А. Козорезова. Наречные и адъективные конкретизаторы предложных единиц.....	202
М. Э. Косентини. Новый взгляд на глагольное управление.....	203

Э. С. Котвицкая, М. В. Всеволодова. К проблеме разработанности категории числительных в нормативной грамматике	204
Г. Лайкауф, Е. В. Муравенко. О предложно-падежных конструкциях с базовыми единицами времени	205
П. А. Лекант. Рост аналитизма в грамматическом строе современного русского языка	205
Ч. Ляхур / Cz. Lachur. Об одном структурном типе славянского предлога	206
И. П. Матханова. Аспектуальная характеристика предикатов со значением образа жизни и поведения	207
М. Г. Милютин. Конативные и проксимативные категориальные ситуации в современном русском языке	208
Г. И. Панова. О стратификации выражения морфологических значений в русском языке	209
Л. В. Попова. Категориальный статус связки в современном русском языке	210
Е. И. Семиколенова. Фазовость как критерий определения видовых корреляций русского глагола	211
А. М. Сердюк. Функционирование глагольного компонента в структуре русских пословиц и поговорок	212
Т. В. Тукова. Аморфные слова изменяемых частей речи в русском языке и типология языка	212
Л. М. Устюгова. Деепричастия в художественной прозе XIX века: структура и функции	213
Г. А. Хайрутдинова. Об аспектах изучения эстетических ресурсов рода существительных (на материале произведений русской литературы)	214
С. И. Холод. Действительные причастия будущего времени в современном русском языке	215
В. С. Храковский. Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / хабитуальное / итеративное) значение?	216
Т. Е. Чаплыгина. И в утешение и в радость... К вопросу об эквивалентах предлогов	217
Т. Е. Шаповалова. Связки есть и суть или экзистенциальные сказуемые?	218
А. Л. Шарандин. Части речи русского языка в динамическом аспекте	219
Е. С. Шереметьева. Конструкция как инструмент исследования и описания производных предлогов	220
В. В. Шигуров. О транспозиции языковых единиц из существительных в межчлестеречный разряд предикативов	221
Секция Русское словообразование и морфемика	223
Л. Р. Абдулхакова, Г. Гильмутдинова. Словообразовательная структура глаголов с начальным <i>до-</i> в русском языке XVIII–XX вв.	223
С. А. Ахмадеева. Дефисная оформленность приставок <i>не-</i> , <i>до-</i> , <i>лже-</i> , <i>вне-</i> , <i>со-</i> — способ актуализации семантики слова в прозе М. И. Цветаевой	223
Л. А. Баранова. Аббревиатурные заимствования в современном русском языке: идеографическая классификация	224
Е. О. Борзенко. Семантическая специфика отсубстантивных компаративов («звездее», «центрее»)	225
Д. Б. Гудков. Неологизмы русского политического дискурса как элемент языковой игры	226
Е. Б. Демидова. Словообразовательные особенности стиля А. П. Чехова (на материале рассказов «Попрыгунья», «О любви», «Хамелеон», «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий»)	227
Р. К. Дроздов. Об основных функциях аббревиатур в текстах печатных СМИ	228
С. В. Ильясова. Язык современных СМИ как поле для словесных экспериментов (языковая игра, контаминация, язык СМИ)	229
Л. Д. Кадырова. Семантика и структура неогериватов в масс-медийном дискурсе	230
В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня. Системность как фактор лексической динамики (на материале лексики с начальным компонентом <i>аэро-</i> / <i>воздухо-</i> по данным картотеки «Словаря русского языка XIX века»)	231
О. М. Карева. Об активизации суффикса <i>-есс(а)</i> в современном русском языке	232
Е. И. Коряковцева. К проблеме классификации интернациональных морфем	233
В. А. Кравченко. Зачем «буфетчице» «буфетчик»?	234
О. Ю. Крючкова. Роль данных словообразования в когнитивных исследованиях	235
И. А. Нефляшева. Окказиональное слово в парадигме постмодернизма: к постановке проблемы	236
Л. И. Плотникова. Лексические новообразования в русском языке: особенности словообразовательной и концептуальной организации	237
Е. Э. Пчелинцева. К истории русского отглагольного имени действия	238
Л. В. Рацибурская. Функциональная специфика новообразований в современных медийных текстах	239
В. Н. Рябов, I. Lux. Слова с неполным набором словообразовательных коррелятов и грамматических форм в русском языке и их элимантемы в романе В. В. Набокова «Приглашение на казнь»	240
Н. А. Самыличева. Специфические способы создания окказионализмов в современных медийных текстах	241
М. В. Сандакова. Метонимическая мотивация как один из механизмов порождения качественного значения прилагательного	242
Е. В. Сенько. Аналитическое усиление современного русского языка	243
О. А. Субботина. Лингвистический перформанс: «модные слова» в языковой игре	244

М. Б. Ташлыкова. Деривационная избыточность в сфере образования русских <i>nomina abstracta</i> как источник средств коммуникативного ранжирования.....	244
В. Г. Фатхутдинова. Словообразовательный тип как способ выражения этнокультурной семантики.....	245
Р. С. Фисун. Референциальный тип деривации: основания выделения и направления изучения.....	246
Л. В. Шалина. Новые наименования профессиональной деятельности женщины в русском и немецком языках.....	247
Ю. Н. Шаталова. Новообразования – имена прилагательные в живой разговорной речи.....	248
С. И. Шумарин. Активные процессы в современной аббревиации.....	249
Н. А. Ярошенко. Когнитивная структура словообразовательного гнезда глагола <i>жить</i>	250
Секция Лексикография и терминоведение.....	252
К. Я. Авербух. Русский язык профессионального общения: ретроспектива и современное состояние.....	252
О. К. Ансимова. Словарь лингвокультурной грамотности (для изучающих русский язык как иностранный / неродной) как новый тип учебного словаря лингвокультуры.....	252
М. В. Ахметова, В. И. Беликов. Блогосфера как источник для ареальной лексикографии.....	253
Л. Г. Бабенко. Горизонты русской идеографической лексикографии.....	254
А. С. Белоусова, Н. Н. Занегина, Е. С. Копорская. К опыту создания толкового словаря русского языка нового поколения.....	255
С. Г. Букаренко. О проекте «Русские предикативные ассоциативные сочетания: словарь».....	256
В. П. Васильев. Сибирский метеорологический словарь: опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов.....	257
А. Г. Гайфуллина. Германские позиции на бастионах классики (на материале стоматологической терминологии).....	258
Г. А. Гвоздович. О синонимии в лингвистической терминологии.....	259
Н. И. Голубева-Монаткина. Толковый словарь и идеология.....	260
Т. В. Гоннова. Безэквивалентная лексика в русской паремиологии.....	260
Е. И. Гринкевич. К вопросу об актуальности изучения мотивационных отношений терминологической лексики.....	261
Н. П. Делева. О русско-болгарском учебном электронном словаре.....	262
Г. А. Иванова. Синонимические отношения в научной терминологии: прагматический аспект (на материале метаязыка лингвистики).....	263
Н. В. Козловская. К проблеме описания авторской терминологии Н. Ф. Федорова: термины-окказионализмы.....	263
А. Ф. Колясева. Консубстанциональные единицы: медицинский дискурс.....	264
И. В. Красникова. Учебные словари русского языка для иностранцев: проблемы и перспективы.....	265
Л. К. Левчук. Филологические аспекты становления русского законодательства (тематическое разнообразие и формуляр).....	266
А. В. Лесников, Г. С. Лесников, С. В. Лесников. Интерактивная система поиска терминов гипертекстового информационно-поискового тезауруса / гизауруса / метаязыка лингвистики.....	267
С. В. Лесников. Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (гизаурус) «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика).....	268
С. В. Лесников, В. В. Сушков. Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (гизаурус) метаязыка математики.....	269
Н. А. Любимова, Е. В. Бузальская. Терминологическое дерево антропоцентризма в современной лингвистике.....	270
А. П. Майоров. Макро- и микроструктура регионального исторического словаря XVIII века: к постановке проблемы.....	271
О. Ш. Надибаидзе. Союз «а». Словарная статья.....	272
Л. Я. Сапожникова. Формирование моделей терминополь (на материале специальной лексики товароведения чайного сырья).....	273
О. А. Сеничева. Особенности лексикографических дефиниций тоски в русском языке.....	274
М. В. Слаутина. Оппозитивные концепты: лексикографическое представление.....	275
А. А. Тимофеев. О соотношении этического и риторического принципов в дипломатической коммуникации.....	276
О. В. Фельде. «Сибирская цивилизация» в лексикографическом освещении.....	277
Ю. В. Хаперская. К вопросу о кодификации производных предлогов современного русского языка.....	278
В. В. Химик. Русская разговорная речь и лексикография: проблемы и решения.....	279
В. Ю. Хлебутина. Классификация терминов терминосистемы спортивных бальных танцев по формальной структуре.....	280
Т. С. Чабаненко. Особенности презентации отсутствующих и неупотребительных форм глагола в толковых словарях.....	280
М. И. Чернышева. Русская историческая лексикография: современное состояние (к сорокалетию издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.»).....	281

Л. Л. Шестакова. Одно- и двусловные иноязычные включения в языке поэзии Серебряного века (по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века»)	282
Янь Ланьлань. Тенденции развития терминологии живописи в начале XXI века (на примере слова <i>акварель</i>).....	283
Секция Русский синтаксис.....	284
Е. А. Брызгунова. Основные различия предложений синтетической и аналитической структуры	284
А. В. Величко. Предложения фразеологизированной структуры как системное явление и их коммуникативный потенциал	284
И. В. Галактионова. Синтаксис трехкомпонентных счетных конструкций типа пять штук тетрадей	285
Е. И. Гордиенко. Лингвистические принципы трансформации нарративного текста в текст драматургический.....	287
Л. Е. Дальбергенова. Субъективная перспектива каузальных отношений	288
С. Дастамуз. Вопросительные инфинитивные предложения как диалогические реакции.....	289
А. В. Дегальцева. Некоторые особенности семантики и функционирования адвербиальных компликаторов в письменной научной речи.....	289
О. Ю. Дементьева. Контексты номинации: попытка систематизации.....	290
М. Я. Дымарский. Способы воплощения предикативного отношения.....	291
В. В. Казаковская, М. В. Хохлова. Вопросы, апеллирующие к точке зрения адресата (опыт корпусного анализа).....	292
А. А. Калинина. Отрицательные высказывания в функции подтверждения	293
Ю. П. Князев. Конструкции с посессивным объектом в русском языке.....	294
В. А. Коба. Синтаксические нули на фоне субъектной перспективы текста (на материале романа Федора Сологуба «Мелкий бес»).....	295
М. И. Конюшкевич. Именная синтаксема с предложным формантом > предикативная синтаксема с союзным формантом: корреляция, механизмы преобразования	296
В. Ю. Копров. Простые и сложные предложения в релятивно-номинативном аспекте.....	297
П. Котта Рамузино. Согласование малых числительных: попытка интерпретации	298
С. А. Крылов. О трактовках количественно-именных групп с рематической постпозицией квантификатора	298
Г. И. Кустова. Конструкции с неагентивным подлежащим и возвратным местоимением: семантика и синтаксис	299
Е. М. Лазуткина. Диатеза	300
И. А. Магеррамов. Об одной синтаксической тенденции в современных медиа-текстах	301
Е. Н. Никитина. О типах взаимодействия категорий в синтаксической конструкции	302
М. Б. Нуртазина. Актуализационные основания описания семантики таксиса.....	303
И. В. Одинцова, Ян Цзин. Структурные и семантические характеристики союзного слова который в дистантном употреблении	304
Н. К. Онипенко, Е. Г. Жидкова. Темпоральные детерминанты на фоне субъектной перспективы текста	305
Т. И. Попова, К. А. Рогова. Языковые средства в формировании типов речи (описание, повествование).....	306
Л. М. Савосина. К вопросу о языковых механизмах, обеспечивающих реализацию речевых построений.....	307
И. Г. Сагирян. Способ связи вставок-ремарок с включающим контекстом в текстах малой прозы М. А. Булгакова.....	309
Д. Н. Сатюкова. «Там все... маленькое и в то же время большое»: однородные прилагательные в речи носителей русского языка	310
О. А. Селюнина. Сочинение или подчинение? (К вопросу о принципе разноуровневой организации синтаксических структур).....	311
Г. Н. Сергеева. «Свободные» синтаксические формы имени: сорок лет спустя	311
Е. Г. Сидорова. К вопросу о типологии сложных предложений в русском языке.....	312
М. И. Сидорова. Закономерности выбора единственного или множественного числа глагола в конструкциях типа «те, кто пришел» / «те, кто пришли»	313
Г. Д. Скар. Проблема авторского выбора референциального выражения в тексте	314
Г. Д. Фигуровская. Если так и если не так в предложении и тексте	315
В. М. Хамаганова. Функционирование структурно-семантической модели текста типа «описание» в современной прозе.....	316
Г. Н. Чиркун. Минимальные и усложненные модели предложений с деепричастием.....	317
Ю. А. Шахмайкина. Конструкции с имплицитной валентностью целевого союза в современном русском языке.....	318
Е. С. Ярыгина. Вводные слова и проблема иллокутивных конструкций.....	319
Секция Смысл и средства его выражения.....	320
О. Б. Адаева. Самопрезентация автора научного лингводидактического текста как учителя	320

Е. В. Алтабаева. Девербативы в структуре категории оптативности.....	321
Н. В. Аниськина. Лексические средства имплицитного ввода информации в рекламе косметики	322
Г. П. Байгарина. Лингвокультурное пространство Казахстана в метаязыковых высказываниях медийного дискурса	323
Н. М. Богданова. Значения обусловленности в текстах типа «рассуждение» (на материале русской художественной литературы)	324
Е. Г. Борисова. СОБСТВЕННО, САМ, СЕБЕ. Идентификация как один из видов дискурсивной метафоры	325
И. Т. Вепрева. Метаязыковая диагностика многогочечия говорящего	325
Л. Б. Волкова. Семантико-прагматические аспекты публично-административного дискурса	326
Т. А. Воронцова. Номинация адресата в публичном диалоге как способ создания коммуникативного дисбаланса	327
И. В. Высоцкая. Типы субстантивации и типы речевого поведения	328
Г. Ф. Гаврилова. К проблеме соотношения функционально-семантической категории негации с категориями модальности и вопросительности	329
Н. А. Герасименко. Взаимодействие характеристики и оценки в бисубстантивном предложении	329
З. В. Гончарова. Использование языковой игры в условиях русско-украинского билингвизма.....	330
Е. И. Гусева. Прецедентные тексты русского культурного фонда в лингвогеографическом ареале русского языка.....	331
Н. М. Девятова. К проблеме типологии сравнения: эталонное сравнение в русском языке	332
Т. А. Демешкина. Авторизационные показатели в обыденной речи	333
О. С. Завьялова. О реализации принципа кинематографичности в художественно-документальной литературе конца 1920-х – 1930-х гг.....	334
Е. В. Иванова. Капитализация как средство привлечения внимания в виртуальном пространстве (на материале окказиональной отонимной лексики в политическом дискурсе).....	335
О. С. Иссерс. «Борьба за значение»: дискурс о гражданском обществе в современной России	336
А. В. Канафьева. Интенсификаторы в риторическом высказывании.....	337
Р. А. Каримова. Преломление категории отношения в дискурсе.....	338
В. М. Касьянова. Прецедентные имена в никнеймах пользователей Интернета	338
П. А. Катышев. Фокусная анафора в глобальной структуре судебных решений по гражданским делам	339
М. Л. Ковшова. Эмоция «удивление» и особенности ее концептуализации в лексике и фразеологии русского языка.....	340
А. В. Кожеко. Интернет-коммуникация школьников: вежливость против агрессии	341
С. М. Колесникова. Имплицитно и эксплицитно градуированные слова в результате квантификации	342
Е. И. Костанди. Характер дискурсивных практик в ситуации языковых контактов	343
Т. Ю. Кравчук. Речевое воздействие в предвыборном дискурсе 2012 года (на примере февральских номеров «Новой газеты»).....	344
Е. К. Куварова. Эпистолярный поливалитив как конструктивный и функциональный параметр письма.....	345
Т. А. Логунов. Реализация манипулятивных стратегий в высказываниях с футуральной временной отнесенностью в электоральном дискурсе.....	346
Й. Митурска-Бояновска. О некоторых приемах языковой (графической) игры в названиях торговых вывесок в Польше и в России.....	347
С. В. Оленев. О составляющих эффективного делового общения.....	348
Ю. А. Орлова. Проблема интеръективации глагольных форм и этикетных слов в русском языке	349
А. В. Петров. Синтаксические средства выражения семантического инварианта лишить жизни кого	349
А. Ч. Пиперски, А. А. Сомин. Зачеркивание в интернет-коммуникации	350
А. В. Поселенова, Г. Бахар. Речевой портрет манипулятивной коммуникативной личности.....	351
С. Е. Родионова. Метафорическая интенсификация как отражение специфики концептуализации действительности	352
Е. А. Савина. Этапы освоения новой информации как один из основных семантических признаков классификации контактоподдерживающих конструкций	353
Л. А. Сергеева. Оценочное значение в свете интерпретативных теорий	354
М. Ю. Сидорова. Лингвистические проблемы составления «инструкций к выполнению» (на примере заданий в соревнованиях «Бегущий город»).....	355
Е. Ю. Скороходова. Метафора как вариант языковой игры в современной российской прессе.....	356
И. Н. Токарчук. Особенности функционирования частиц в научном (медицинском) тексте	357
М. В. Фалдина. Средства выражения семантики «интенсивность» в языке А. П. Чехова	358
Ю. С. Хукаленко. С точки зрения осьминога: лингвистические средства смещения фокуса эмпатии в сторону животного в статьях по этологии	358
Т. М. Цветкова. Об интенциях в системе лингвистических категорий.....	359
Е. В. Чернцова. Когнитивная семантика парентезы кажется в дискурсивном режиме интерпретации	360
К. М. Шилихина. Стратегии и тактики создания иронии в высказывании и тексте.....	361

Г. С. Яроцкая. Лингвокультурологические основы изучения аксиосферы экономического сознания: ценности и нормы.....	362
Секция Языковые особенности текстов разных жанров.....	364
Н. Ю. Авина. Современный русский язык в зеркале рекламных объявлений: региональные особенности.....	364
Л. Г. Антонова. Грамматика пишущего в SMS-высказываниях.....	365
А. Ф. Ахмадулина. Языковое и жанровое своеобразие текста кулинарного рецепта (на материале «Кулинарной книги лентяйки» Дарьи Донцовой).....	366
Е. Л. Бабичева. Культурно-коннотативные маркеры в гендерно ориентированной рекламе гляцевых журналов.....	367
А. Н. Байкулова. Общение знакомых как одна из разновидностей устной неофициальной коммуникации.....	368
И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Жанры диалектной монологической речи (на материале обыденных и фольклорных текстов).....	369
К. Р. Ваганова. Текстовые категории в розыскных указах начала XIX века: лингвоисторико-лингвистический аспект.....	370
С. А. Важник, А. А. Албут. Письмо как коммуникативный акт (на материале переписки представителей белорусской и русской интеллигенции).....	371
З. А. Ветошкина. Особенности арт-дискурса в современном медиапространстве.....	372
С. Н. Виноградов. Парадигматический выбор как модель проблемной ситуации создания текста.....	372
И. М. Вознесенская, Д. В. Колесова, О. В. Хорохордина, Н. В. Шкурина. Речевые типы текстов-рассуждений: объяснение, аргументация, инструкция.....	373
Т. А. Грдина. Трансформация игровых жанров традиционной культуры в современном медиадискурсе: приколы «Русского радио».....	374
В. В. Дементьев. Юмористическая энциклопедия «Луркоморье»: особенности языка и оценки.....	375
А. Диомидова. Идеалы женской рекламы (на материале рекламных объявлений из журнала COSMOPOLITAN).....	376
Н. В. Ермакова. Современный девичий альбом: опыт жанрологического описания.....	377
Г. А. Задонская. Особенности функционирования текстообразующих факторов в научном искусствоведческом дискурсе.....	378
И. А. Карагодина. Способы организации современного рассказа-анекдота в аспекте межтекстовой деривации.....	379
Л. Г. Ким. Русский текст в аспекте его интерпретационного функционирования.....	380
Т. И. Кораблина. Место модуса «воспоминание» в системе модусных категорий (на материале современной художественной прозы).....	381
Г. В. Кукуева. Современный литературный текст в интернет-пространстве (межжанровые взаимодействия).....	382
Н. Б. Лебедева. Письменно-речевая личность наивного автора в жанроведческом аспекте.....	383
И. А. Лешутина. К вопросу об эволюции жанрово-стилевой системы русского литературного языка первой трети XIX в.: эпистолярный стиль.....	384
А. Либшнер. Стена в социальной сети Вконтакте как разновидность гостевой книги.....	385
Е. И. Литневская. Семиотическая составляющая дешифровки письменной разговорной речи.....	386
Т. С. Лошко. Лингвокреативные технологии в газетных заголовках современных СМИ: полисемантические преобразования прецедентных текстов.....	386
В. Т. Марков. Логико-смысловое и композиционно-стилистическое устройство текста (на примере текста спортивного репортажа).....	387
В. А. Маркова. Информационная емкость как стилевая черта официально-делового стиля.....	388
С. А. Медведев, А. А. Чувакин. Текст в мире текстов: по материалам разных сфер коммуникации.....	389
Л. А. Месеняшина. Современные технические средства коммуникации и жанровая система русского языка.....	390
Т. Е. Милевская. Особенности создания образности в мемуарном тексте.....	391
Т. А. Милёхина. Жанр «совещание» в корпоративной коммуникации.....	392
А. А. Миронова. Способы описания окружающего мира в церковно-приходских летописях XIX в.	393
А. Н. Морева. Заголовок в жанре литературной рецензии (на материале «Литературной газеты»).....	394
А. Б. Плохова. Русскоязычный искусствоведческий дискурс интернет-форумов.....	395
И. Г. Родионова. Особенности описания боевых заслуг женщин – героинь Великой Отечественной войны (на материале текстов наградных листов).....	395
Т. В. Седова. Грамматика русского синопсиса.....	396
Л. В. Селзнёва. Особенности использования русского языка в PR-коммуникации.....	397
Т. А. Смирнова. Функциональные роли прецедентных феноменов в заголовках русскоязычной прессы США.....	398

И. А. Соколова. Активные процессы в функционировании наименований публикации в языке современных СМИ	399
Т. А. Сорокина, С. В. Андреева. Специфика организации коммуникативного пространства в технически опосредованной коммуникации.....	400
Т. В. Тарасенко. Анекдот как авторский метатекст.....	401
К. П. Тарасова. Становление языка рекламы на материале российских газет XVIII – начала XX века.....	402
Ю. В. Трубникова. Проблемы реализации жанра договора в современной деловой коммуникации	403
Т. В. Ульянова. Технология построения монологических речей с опорой на риторическую диспозицию и теорию фреймов: юбилейная речь	404
О. П. Фесенко. Проблема изучения языковой личности в текстах дружеских писем	405
С. Хаджихалилович. Лингвистические особенности интернет-коммуникации	406
Г. Г. Хисамова. Структурирование коммуникативной ситуации в художественном тексте.....	406
Л. А. Чижова. Афоризм, анекдот и слоган в поле повседневности русского человека (социолингвистический аспект)	407
Л. В. Шевчук. Суггестивный аспект рекламного слогана В. Маяковского	408
А. А. Шамаков. Специфика коммуникативной модели бытия текста в интернет-коммуникации на форумах и в блогах.....	409
Секция Русский язык в художественной литературе и фольклоре.....	411
А. Ф. Аветисян. Особенности использования сравнений в романе Ч. Айтматова «Плаха».....	411
А. В. Алексеева. Лексическое своеобразие лирики Роберта Рождественского (на материале процессуальных единиц)	411
Г. Г. Амбардарян. О видах параллелизма в былинной поэтике	413
А. В. Бассель. Немецкое слово как компонент русского поэтического текста (на примере лирики О. Э. Мандельштама)	414
Н. Л. Блищ. Орнитологическая образность как форма авторефлексии в русской литературе: Гоголь – Ремизов – Сирин – Соколов	415
И. А. Бобрышева. Связь семантического поля «пустота» с оппозицией бытие / небытие в идиолекте М. И. Цветаевой.....	416
Б. Л. Бойко. Звуковая палитра войны в русском слове	417
Е. В. Гаева. Причины ошибок в словарных комментариях (на материале художественных текстов Н. С. Лескова)	417
Е. Ю. Геймбух, А. Г. Короткова. Способы персонификации в «Сказках для вундеркиндов» С. Д. Кржижановского	418
А. В. Гик. Ономастическое пространство текста: «Лесок» М. Кузмина.....	419
О. А. Давыдова. Дон в системе образных средств М. А. Шолохова.....	420
К. М. Дружинина. Представление улыбки и смеха как компонентов коммуникации в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы».....	421
М. И. Жадлун. Семантика концепта «вода» в поэзии М. Цветаевой	422
Э. М. Зобнина. Художественная структура и функции ремарок в пьесах М. М. Рощина	423
Е. Ю. Зубарева. Диалогическая структура речевого портрета повествователя в книге А. Д. Свияжского «Прогулки с Пушкиным».....	424
Г. И. Иванова-Лукьянова. Восприятие ритма прозы.....	424
Н. В. Изотова. Числа в пространстве персонажей А. П. Чехова	425
Е. Г. Кашицына. Стилистические фигуры, основанные на антонимах в прозе Марины Цветаевой	426
А. А. Козакова. Изменение представления о радости и счастье в поэтическом идиолекте М. Цветаевой	427
Т. А. Корнеева. Эмоционально-оценочные композиты в языке поэзии русских символистов	428
О. М. Корчажкина. Стихи в одном предложении (Стихотворение М. И. Цветаевой «Моим стихам, написанным так рано...»).....	429
С. Корычанкова. Лексико-семантическое оформление идеи Богочеловека в поэтическом творчестве В. С. Соловьёва.....	430
А. В. Кубасов. Речевой образ homo soveticus в монологах М. М. Жванецкого	431
Н. П. Курмакаева. О проявлении асимметричного дуализма в синтаксисе	432
Т. Г. Кучина. Анаграмматический код в рассказе Людмилы Улицкой «Голубчик»	433
Л. А. Лебедева. Семантические трансформации устойчивых выражений и их компонентов в художественном тексте	433
Н. П. Локтионова. «Всего милее полутон...» (Языковые и стилистические особенности лирической прозы Юрия Казакова)	434
Е. В. Лопатина. Текст детского фольклора как миромоделирующая система (на примере «саdistских стишков»).....	435
М. К. Лопачева. Парономазия в лирике Георгия Иванова эмигрантского периода.....	436
М. В. Михайлова, Лю Инь. Речевые характеристики персонажей в «бытовых» рассказах Е. А. Нагродской («Чистая любовь», «Аня», «За самоваром»).....	437

В. И. Муц. Язык как антитеза небытию в творчестве И. Бродского	438
Л. Н. Некрасова. «Теплое поле» и «холодная страна»: «теплый» и «холодный» в языковой картине мира Андрея Платонова	439
А. П. Романенко. Идиостиль Ф. Искандера как лингвистический и культурный феномен	440
Е. Г. Руднева. Ономастика в художественном тексте: прозвище и имя (на материале творчества Шмелева)	440
З. С. Санджи-Гаряева. Особенности комического у Андрея Платонова	441
Н. К. Сарсекеева. «Проектный» дискурс романа Дюсенбека Накипова «Круг пепла»	441
И. Б. Серебряная. Этико-лингвистические оценки поэзии в русской критической литературе 1-й половины XIX века	442
Т. А. Сироткина. Ономастические концепты в художественном сознании автора	443
Т. С. Соколова. Фольклорная полисемия как средство объективации былинного концепта	444
И. В. Супрунова. Художественный дискурс в аспекте взаимодействия с научным, официальным и обыденным дискурсами (на материале повести А. и Б. Стругацких «Сказка о Тройке»)	445
Тан Мэн Вэй. Язык цикла рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» как отражение документальности художественного повествования	446
В. А. Татаринцов, В. Г. Кульпина. Звуковая и свето-цветовая картина войны в военной поэзии и прозе	447
И. А. Тортунова. Жанровая специфика документного текста в прозе В. М. Шукшина	447
У Луцянь. Цветы в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история»	448
Н. А. Фатеева. Слово о рифме: рифма как образ и как результат поэтической рефлексии	449
М. В. Фролова. Языковое выражение межличностных отношений в художественной литературе 20-х годов XX века	450
Н. В. Халикова. Словесный образ как единица художественной коммуникации (на примере художественной константы «дом есть какой»)	451
Цзин Цзин. О темпоральном контрасте в поэзии Е. Баратынского	452
Н. Г. Шаповалова. Языковая игра как средство создания лингвокультурного типажа (на материале романа Д. Быкова «ЖД»)	453
Н. В. Шестеркина. Вербальная магия как особый тип колдовства: на материале русских заговоров	454
М. Р. Шумарина. Манифестация обыденного метаязыкового сознания в фольклорных текстах (на примере реплик-коррективов)	455
Секция. Описание и преподавание русского языка как иностранного	457
И. Б. Авдеева. Обучение языку специальности с учетом когнитивного и профессионального подходов	457
И. И. Акимова. К вопросу о лингвистических барьерах в аудитории носителей типологически далеких языков (на примере работы с китайскими учащимися)	458
С. В. Алёхина, М. Н. Бондарчук. Электронная доска в обучении речевому общению инофонов на начальном этапе изучения русского языка как иностранного (учебно-научная сфера)	459
Н. П. Андриюшина. Описание уровней владения русским языком как иностранным: нужна ли модернизация	460
М. Н. Аникина. Методика здравого смысла как отражение прагматического подхода в обучении русскому языку как иностранному	461
Ю. В. Анисина. Изучение лексики с национально-культурным компонентом значения в процессе профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному в инженерном вузе ВВС России	462
Т. А. Бабаян. Эффективность и целесообразность как важнейшие требования к электронным учебным пособиям по русскому языку для учащихся-армян	463
Н. В. Баландина. Анализ художественного текста на занятиях с иностранными учащимися (рассказ Захара Прилепина «Грех»)	464
Л. А. Балобанова. Функционально-коммуникативный подход к преподаванию синтаксической фразеологии	465
А. О. Балуева. Учет «отрицательного языкового материала» на уроках РКИ с китайскими учащимися (начальный этап обучения)	465
Е. Л. Бархударова. Проблемы изучения и устранения фонетического акцента в русской речи	466
Н. В. Баско. Лексикографическое описание фразеологизмов в учебном фразеологическом словаре для иностранных учащихся	467
Л. С. Безкоровайная, А. И. Попова, В. Е. Штыленко, Е. Л. Штыленко. Современные средства наглядности в системе обучения грамматике русского языка	468
Р. К. Боженкова, Н. А. Боженкова. Современный методологический концепт пролонгированного обучения русскому языку как иностранному	469
Н. В. Василенко. Использование аналитико-имитационного метода в процессе формирования русского произношения у иностранных студентов	470
Г. М. Васильева, И. Н. Левина. Синтаксис сложноподчиненного предложения и проект лексико- синтаксического словаря для иностранцев	471

Т. В. Васильева. Современные интенсивные технологии обучения языку специальности иностранных учащихся инженерного профиля	472
Н. В. Виноградова. Отбор лексики при обучении деловому русскому в корейской аудитории (тема «устройство на работу»)	473
С. А. Вишнякова, Чжань Хун. Информационные коммуникативные технологии в обучении коммуникативному поведению в телефонных переговорах.....	474
Т. Е. Владимирова. Экзистенциальная картина бытия как объект изучения лингвистики и методики преподавания РКИ.....	475
Е. С. Глухова. Немецкий акцент в области произношения русских переднеязычных согласных: прогнозирование с учетом особенностей родного диалекта	476
Го Шуфень (Guo Shufen). О переосмыслении принципов и методов преподавания грамматики русского языка в китайской аудитории	476
Н. Н. Горбонос. Принципы возможного подхода к промежуточному контролю в целях развития речевых умений и навыков на продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному.....	478
И. В. Громов. Факторы интенсификации обучения языку специальности с применением компьютерной игровой квест-технологии	478
Е. Н. Гулидова. К вопросу о местоименных отрицательных наречиях <i>некогда, негде, некуда, неоткуда</i> в курсе русского языка для французов.....	479
Д. Д. Дмитриева. Принципы индивидуализации профессиональной подготовки студентов-медиков в процессе обучения РКИ.....	480
Л. А. Дунаева, Е. И. Маркина. Лексический минимум иностранного языка и лексический тест для измерения объема словарного запаса инофона	481
Л. А. Дунаева, Ж. Кастельви Вивес. Модель виртуального кампуса для обучения русскому языку как иностранному	482
С. М. Дьяченко, Е. В. Черненко. Особенности преподавания иностранным студентам предлогов.....	483
О. Б. Ермакова, Е. А. Подшивалова. Психологические и методические аспекты работы с иностранными студентами-гуманитариями в электронной среде	483
В. Ершова. Популярная песня как лингвометодический материал для занятий по русскому языку как иностранному с китайскими учащимися	484
А. П. Жорова. Квалификация коммуникативно значимых ошибок в рамках компетентностного подхода	485
Б. И. Каракулов. Типология ошибок учащихся-удмуртов, обучающихся русскому языку	486
В. В. Киссюк. «Слушаем и говорим» (пособие по аудированию и развитию речи).....	487
Е. В. Кишкевич. Формирование межкультурной коммуникации – стратегия работы Летней школы русского языка для иностранных граждан.....	488
Л. П. Клобукова, Л. А. Нестерская, Л. Н. Норейко. Специфика формирования лексического компонента коммуникативной компетенции иностранных учащихся экономических специальностей в сфере профессионального общения.....	489
С. В. Котикова-Сабайда. Проблемный подход к обучению русскому языку как средству общения. Учебное пособие по русскому языку «Русский язык как иностранный для начинающих»	490
Л. В. Красильникова, И. В. Ружицкий, М. Ruiz-Zorilla Crusate. Русская лексика по-новому (пособие для испаноговорящих студентов)	491
О. Л. Кузнецова. Обучение иностранных учащихся межкультурному взаимодействию.....	491
Н. В. Кулибина. Понимание как ключевая компетенция владения иностранным языком и проблемы ее формирования в обучении русскому языку как иностранному.....	492
И. В. Курлова. Радиоуроки русского языка: специфика организации учебного материала.....	493
Е. Р. Ласкарева. Обучение языку с нулевого уровня: проблемы методики и выбора учебника.....	494
А. Г. Лилеева. Методический потенциал визуальных образов: интерпретация поэтического текста на занятиях РКИ в китайской аудитории.....	495
Лувсанбалдан Одонтуя, Чойдон Зээнямбу. Согласуемые и управляемые формы имен и порядок слов в учебном курсе русского языка для монгольских учащихся.....	496
Н. В. Лучкина, П. А. Бабенко. Формирование социокультурной компетенции иностранных учащихся на занятиях по русскому языку	496
Т. И. Магомедова. Дидактический маршрут как компонент модульной технологии обучения русскому языку в контексте полиязычия	497
В. Э. Матвеевко. Использование фильмов фольклорного содержания (русских сказок) при обучении иностранных студентов-филологов лексике РКИ	498
Л. Б. Матевосян. Проективное высказывание как объект изучения в иностранной аудитории.....	499
Норико Мидзуками, Л. Ф. Крапивник. Спецкурс «Русская культура: пословицы и поговорки» в Ниигатском префектуральном университете (Япония)	500
С. А. Мирзоева, И. Ю. Проценко. К вопросу об оптимизации учебного процесса в группах позднего заезда	501
Е. В. Михайлова. Русско-английские лексические параллели в лексическом минимуме по РКИ.....	502

О. Г. Николаенко. Из опыта преподавания русского языка в чешскоговорящей аудитории (спецкурс русского языка для продавцов магазина фирменной одежды).....	503
Г. В. Николенко. Роль произведений изобразительного искусства в раскрытии фонового компонента значения слова.....	504
Е. Ю. Николенко. Дистанционные формы повышения квалификации преподавателей РКИ.....	504
Л. Н. Норейко. Лингвистическая теория и практика преподавания русского языка как иностранного: аспекты взаимодействия.....	505
Г. М. Нуруллина. Изучение категории рода имен существительных в национальной школе: лингвокультурологический подход.....	506
И. В. Одинцова. Характер фреймов профессиональной деятельности преподавателя РКИ.....	507
Я. В. Олзоева, Л. Б. Будажапова. Преподавание русского языка в монголоязычной аудитории: миры русского и монгольского языков.....	508
Ф. И. Панков. Учет особенностей национальной языковой картины мира в преподавании русского языка как иностранного.....	508
Н. Э. Петрова. К вопросу о реализации речевых интенций в системе преподавания русского языка как иностранного.....	509
Е. А. Подшивалова. Номинация лица по имени в русском языке: лингвистический и методический аспекты.....	510
Е. В. Полищук, Е. В. Суровцева. Читаем А. П. Чехова (новое пособие для иностранцев).....	511
И. И. Прокопова. Теоретические предпосылки к созданию электронного ресурса с аутентичными видеоматериалами развлекательной направленности (применительно к урокам РКИ).....	512
Л. Л. Ружанская-Каццола. Язык – через культуру, культура – через язык (тема «Московское метро» на занятиях в итальянской аудитории).....	513
В. И. Саямова, Т. В. Олешко. Современные технологии и проблемы обучения русскому языку иностранных учащихся в предвузовской подготовке.....	513
Т. М. Соколова. Развитие речевых способностей студентов-иностранцев в процессе подготовки к учебной экскурсии и во время ее проведения самими учащимися.....	514
Е. В. Степанян. Формирование толерантности у студентов в полиэтнических группах.....	515
Е. Н. Тарасова. К вопросу о методике формирования профессионально значимых коммуникативно-речевых умений будущих преподавателей русского языка как иностранного.....	516
Е. Н. Тарасова. Военно-технический профиль обучения учащихся-нефилологов.....	517
М. А. Тихтиевская. Компьютерный жаргон как предмет изучения в иноязычной аудитории.....	518
Е. С. Трахтман, Н. А. Нечунаева, Т. Мерле. Профессиональный диалог как средство и цель обучения языку специальности: учебный текст и продукт речевой деятельности.....	519
Т. П. Трошкина. Тексты для обучения языку специальности в современном учебнике русского языка как неродного.....	520
Е. А. Филатова. Работа с квазиморфемами в иноязычной аудитории.....	521
О. Е. Фролова, С. А. Крейчи, С. Б. Потёмкин, Г. Е. Кедрова. База данных звучащей русской речи.....	521
Н. Ж. Хамгокова. Формирование умений толерантного межкультурного общения при обучении русскому языку как иностранному.....	522
А. Я. Хачикян, И. Р. Саркисян. О развитии когнитивно-коммуникативных умений и навыков в системе профессионально-ориентированного обучения русскому языку на филологических факультетах.....	522
С. С. Хромов. Смарт учебник по русскому языку как иностранному как новый этап в парадигме: студент – учебник – преподаватель.....	523
О. В. Чагина. Один день Марины Цветаевой. Лингвострановедческий потенциал «Стихов о Москве».....	524
Т. П. Чепкова. Специфика языковой подготовки китайских учащихся в процессе учебно-профессиональной и социокультурной адаптации.....	525
В. М. Чиркова. Возможности дисциплины «Русский язык как иностранный» для подготовки к клинической практике студентов-медиков.....	526
Г. Г. Шутько, Е. В. Черненко. Особенности коммуникативной методики обучения русскому языку как иностранному на довузовском этапе подготовки.....	527
Л. В. Эглит. Ортологические ошибки в речи русскоязычных казахстанцев.....	528
З. Ф. Юсупова. Лингводидактическая модель обучения русскому языку как неродному в условиях современного образовательного пространства.....	529
И. И. Яценко. Обучение продуктивным видам речевой деятельности (жанр саморекламы) в преподавании русского языка как иностранного.....	530
Секция Фонетика, орфоэпия, графика, орфография русского языка.....	531
Й. Айдукович. Вопросник «Межславянского контактологического атласа» №2: Трансфонемизация контактолексем под влиянием русского языка.....	531
В. Н. Белоозеров. О стандарте на практическую транскрипцию русских текстов латинскими буквами.....	532

Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. О письме без правил в историческом аспекте (на примере написаний единиц, совпадающих по форме с наречиями, с последующими прилагательными).....	532
Е. М. Большечева. Противоречивость анализа ассимилятивных процессов в русском языке.....	533
Е. В. Грамматчикова. Особенности реализации тонального акцента в региональных вариантах современного русского литературного языка.....	534
Д. В. Дашкевич. Фонетический акцент в области произношения русских переднеязычных шумных согласных в речи носителей разноструктурных языков.....	536
Г. Е. Кедрова. Об особенностях артикуляции гласного [ы]: новые данные МРТ-исследования русского вокализма.....	536
С. В. Князев. Фонетическая и фонологическая интерпретация мягких зубных аффрикат в современном русском литературном языке.....	537
А. А. Кретов. Асимметричные единицы русской фонематики.....	539
Е. В. Моисеева. Качественные характеристики гласных предударных неприкрытых слогов в позиции после мягкого согласного предшествующего слова внутри синтагмы.....	540
Т. М. Надеина. Перлокутивная роль фразовой просодии.....	541
Е. М. Недопекина. Вопросы транслитерации в современных электронных русских текстах.....	542
И. В. Нечаева. Синхронно-парадигматический принцип в орфографии заимствований: границы его применения.....	543
С. К. Пожарицкая. Орфоэпическая норма и практика в оценке говорящих.....	544
У. М. Трофимова. Эволюция русского словесного акцента с позиций восприятия слова носителями языка.....	544
Чжуан Вэйвэй. Компьютерный анализ ритмо-динамических особенностей русской речи китайцев.....	545
Секция Русская диалектология.....	547
И. В. Бегунц. К вопросу о склонении постпозитивных частиц <i>-от, -та, -то</i> в севернорусских говорах.....	547
О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина. Лингвогеографическая зона Кубанское Приазовье: лексика и фразеология.....	548
В. А. Закревская. К вопросу об употреблении кратких форм прилагательных в диалектной речи.....	549
Т. Ю. Игнатович. Современные интеграционные процессы в русских диалектах Восточного Забайкалья.....	550
Д. Ю. Ильин. Топоэффортор как механизм индуцирования изменений в функциональной семантике топонимов в устной речи диалектоносителей.....	551
Ю. В. Каменская. Концептуализация фрагмента социальной сферы в диалектной картине мира.....	552
М. С. Картышева. О принципах номинации дорог в архангельских говорах.....	553
И. Б. Качинская. Термины свойства в архангельских говорах: <i>молодка</i>	553
Т. Н. Коробейникова. Иерархия правил субаллофонического варьирования в вокалической системе севернорусского говора.....	555
И. П. Кюльмоя. Таксис в русских говорах Западного Причудья.....	556
С. А. Мызников. Семантические кальки прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах.....	556
Е. А. Нефедова. Общее и индивидуальное в дискурсе языковой (диалектной) личности.....	557
И. Ж. Степанова. К проблеме выделения регионального слова.....	558
В. И. Супрун. Архивная диалектология: диалектные единицы в документах архива.....	559
А. В. Тер-Аванесова. Глагольные формы, восходящие к плюсквамперфекту, в одном среднерусском говоре.....	560
И. И. Ходыкина. Случаи реализации фонемы /ы/ в начале слова.....	561
Секция Компьютерная и квантитативная лингвистика.....	562
С. Н. Андреев. Два подхода к определению авторского стиля (многомерный анализ данных).....	562
А. А. Баркович. Интернет-язык: дискурсивная практика.....	563
С. И. Воробей. Анализ системных взаимозависимостей стилистических, семантических и грамматических характеристик лексики русского языка (на материале «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова).....	563
А. Р. Гизатуллина. Памятники деловой письменности Казанского края первой половины XVII века: опыт составления компьютерных справочников.....	564
А. В. Зубов. Подходы к моделированию процесса порождения стихотворного текста компьютером.....	565
Д. А. Иванова. Синонимия лексических единиц русского языка в системной взаимосвязи с их семантическими и грамматическими характеристиками.....	566
Е. А. Ильюшина, А. В. Прохоров. Использование свойств отображений множеств с различной плотностью при анализе частотных распределений синтаксических отношений в русском языке.....	568
О. Ф. Кривнова. Текстовое наполнение русского речевого корпуса RuSpeech.....	570
О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов. Частотность употребления служебных слов как характеристика авторского стиля и жанра текста.....	571

О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов, Л. В. Лапонина, Е. В. Суровцева. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова (с электронным приложением) как особый лексикографический продукт.....	572
С. Ю. Куликов. Распознавание именованных сущностей как первый этап прагматического анализа текста.....	574
И. И. Меньшиков. Лексическое разнообразие текстов как показатель объема и динамики словаря русского языка.....	574
И. А. Меркулова. Близость ядерной лексики восточнославянских языков: квантитативный анализ.....	575
В. В. Поддубный, А. А. Поликарпов. Непрерывная диссипативная стохастическая модель развития полисемии языковых знаков и вывод на ее основе законов полисемического и возрастнопалисемического распределений знаковых ансамблей.....	576
Р. К. Потапова, В. В. Потапов. Теоретические основы нового подхода к реконструкции смыслового контента зашумленной русской речи.....	577
Т. М. Рогожникова, Д. Д. Кудашов. Компьютерный анализ ассоциативного цветового фона русского языка.....	578
В. В. Рыков. Проблемы формализации смыслового содержания текста.....	578
М. К. Тимофеева. Формальное представление семантики простого предложения в системе визуализации пространственных действий.....	579
М. В. Хитина. Исследование возможностей применения системы TextAnalyst (на примере анализа материалов социальных сетей).....	580
М. А. Хламов. Построение онтологий технических объектов из их описания на естественном языке.....	581
З. М. Шалапина, М. И. Канович. Система русского синтеза RussLan при словарном поиске по японско-русским словарям в русско-японском режиме.....	582
Секция Онтолингвистика и освоение языка как творчество.....	584
Я. Э. Ахапкина. Грамматика письменной речи: конфликт предписания и узуса.....	584
Е. В. Басс, А. А. Петрова. Интеракционный ансамбль и интеракционное пространство в раннем онтогенезе.....	585
Е. В. Галкина. Семантические функции именительного падежа в речи ребенка раннего возраста.....	586
Е. А. Гольцева. Усвоение категорий вида и времени в русском языке. Сравнительное исследование одноязычных русских и двуязычных русско-немецких детей и подростков.....	587
Г. Р. Доброва. Вариативность речевых стратегий освоения русского языка как родного.....	588
Андрей Зинкевич, Анна Зинкевич. Окказионализмы в детской речи (на материале русского и немецкого языков).....	589
Л. А. Калмыкова. Закономерности развития речевой деятельности дошкольников.....	589
Ю. В. Каховская. Особенности конвенциональных механизмов при общении с детьми.....	590
Ю. П. Князев. Могло было: воссоздание плюсквамперфекта?.....	591
А. В. Колмогорова. Русская коммуникативная личность в аспекте онтогенеза.....	592
С. В. Краснощекова. Косвенные формы местоимений в детской речи: конструирование или воспроизведение?.....	593
А. И. Лаврентьева. Становление коммуникативной структуры текста в онтогенезе: роль семантического компонента языковой способности.....	594
Н. И. Наумова, С. А. Климова. Функциональный подход к организации лингвистического исследования младших школьников.....	595
А. В. Пеетерс-Подгаевская. Освоение видовых противопоставлений двуязычными голландско-русскими детьми.....	596
Т. А. Перевозчикова. Влияние первого языка и возраста начала изучения на состояние развития категории рода на высоком уровне владения вторым языком.....	597
И. М. Румянцева. О судьбе русского языка как второго родного: к проблеме утраты естественного билингвизма на территории бывшего СССР.....	597
О. Б. Сизова. Парадигматика или синтагматика? (причины некоторых сбоев в порождении высказывания у детей).....	598
Н. В. Харченко. Развитие у старших дошкольников процессов понимания текста.....	599
С. Н. Цейтлин. К вопросу об освоении предложно-падежных конструкций при овладении русским языком как первым и как вторым.....	600
О. В. Чалова. Наблюдения над процессом освоения детьми коммуникативного уровня русского языка.....	601
И. В. Яковлева. Усвоение детьми системы предлогов русского языка.....	602
Секция Русский язык в дошкольном, школьном и вузовском образовании.....	604
М. С. Берсенева. Подготовка учителей-русистов для работы в полиэтнической школьной аудитории: опыт МГПУ.....	604
М. А. Бондаренко. К вопросу о речевой культуре учащихся и о подходах к ее формированию.....	604

Н. А. Буре. Учимся по-новому. Из опыта работы с сетевым дистанционным курсом «Русский язык и культура речи».....	605
О. А. Волошина. Перекодировка семиотических систем как методика обучения слепоглухонемого ребенка родному языку	606
Л. М. Гончарова. К вопросу о причинах ортологических ошибок в текстах современной российской рекламы	607
О. В. Думитраш. Текстцентричность как деятельностный принцип формирования русской культурно-языковой компетенции в полиэтничной образовательной среде Молдавии.....	608
А. Г. Жукова, Г. М. Мандрикова. Ортологический анализ таронимии как явления обыденной речи	608
Г. П. Журбина, Н. В. Мелькумянц. Оптимизация структуры учебного материала при изучении концептуально значимой универсальной лексемы время в школьном курсе русского языка.....	609
М. В. Загидуллина. Реинституционализация русского языка: 39 заданий ЕГЭ и национальная идея.....	611
Р. Т. Касымова. Тезаурусное представление русского языка в учебниках нового поколения	612
Т. И. Киркинская. Развитие общетекстовых умений на уроках русского языка (к вопросу о природосообразности обучения носителей языка).....	612
Н. И. Колесникова. Научная речь для аспирантов, докторантов, преподавателей.....	613
О. В. Константинова, А. А. Муравьева. Речевое воспитание – миф или возможности есть?.....	614
Н. Мальцева-Замковая, И. Моисеенко. Текстцентричный подход в изучении родного (русского) языка в Эстонии.....	615
Т. Ф. Новикова, А. Э. Колотилова. Культуроведческий резерв русского алфавита.....	616
О. Л. Филина, М. А. Гаврилина. Сравнительный анализ на занятиях по русскому (родному) языку и литературе в диаспоре.....	617
Г. Г. Хазагеров. Стандарт и прецедент: языковая норма в свете конфликта прагматических установок.....	618
Е. А. Хамраева. Современный урок русского языка в поликультурной образовательной среде: ресурсы достижения результатов ФГОС	619
Н. В. Чернова. Курс «Культура речи и деловое общение» в подготовке специалистов.....	619
Секция Русский язык в новых геополитических условиях	621
О. Б. Алтынбекова. Русский язык в сфере высшего образования современного Казахстана.....	621
Г. Ю. Богданович. Русский язык – базовая основа языковых соответствий.....	622
Н. В. Величко. Актуальные проблемы преподавания русского языка в школах Украины	623
Е. М. Вельман-Омелина. Особенности деловой коммуникации на русском языке в Эстонии в 1920–1940-х годах.....	624
Л. Б. Гурьянова. Русский язык в восприятии жителей разных стран.....	624
С. Дель Гаудио (Del Gaudio Salvatore). Суржик в системе соотношения украинского и русского языков.....	625
М. Джусупов. Русский язык как неродной в разных социолингвистических условиях	626
У. Долешаль / Ursula Doleschal. Сохранение русского языка в диаспоре: роль частной школы выходного дня	627
Ю. В. Дорофеев. Русофония: российский русский и украинский русский.....	627
С. Евстратова, А. Прит. Формирование языковой личности в условиях современной школы Эстонии	628
Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева. Городская речь в контексте культурно-языковой ситуации региона.....	629
А. К. Жумабекова. Русский язык как средство межэтнической и межкультурной коммуникации в Казахстане	630
М. С. Кнежевич. Русский язык в функции сохранения славянской культуры	631
А. Б. Лихачева. Vox populi о русском языке в Литве	632
Г. Б. Мадиева. Ситуация полиязычия в Казахстане: выбор русского языка.....	632
Ш. А. Мазанаев. Интеграционная роль русского языка в Дагестане	633
С. Н. Машкова. О проблеме преподавания русского языка в Казахстане в условиях полиязычия.....	634
Н. Б. Мечковская. Русский язык в постсоветских странах в условиях суверенитета и транснациональных рынков информации (основные черты и тренды)	635
Е. А. Оглезнева. Современное межъязыковое взаимодействие в дальневосточном регионе (русско-китайская нота)	636
А. Палади / Angela Palagyi. Колониальный язык или lingua franca (опыт полевой работы в Закарпатье и Гагаузии)	637
Е. А. Погорелая. Русский язык в системе идентификационных представлений билингвов постсоветского мира.....	638
Е. Н. Полудова. Проблемы сохранения наследия родного русского языка в активной среде иностранного (английского) языка	639
А. Предигер. Освоение алеманского диалекта русскоязычными в условиях диаглоссии.....	639
О. А. Селиверстова. Государственно-правовое регулирование отношений в сфере языковой политики Российской Федерации: проблемы и противоречия	640
Э. А. Супатаева. Русский язык в Кыргызстане.....	641
Чойдон Зээнямбуу. Русский язык в мире студентов МонГУ	641

И. В. Чуркина. Русский язык у словенцев (вторая половина XVIII в. – 1914 г.)	642
Е. Э. Штукина. Функции русского языка в полиэтнических вузах Казахстана	643
Angelika Hechtl. Русский язык как экономический Lingua franca в Средней Азии – перспективы и тенденции	644
Секция Сравнительное литературоведение: стилистические и другие аспекты	645
С. В. Алпатов. Языковой юмор русских субкультур XVII века	645
Т. Н. Белова. Стилистические аспекты творчества Э. По и художественная практика В. Набокова	645
О. В. Вовк. Особенности восприятия перевода пьесы А. П. Чехова на итальянский язык (перевод Д. П. Пиретто)	646
И. Н. Исакова. Латинский след в фамилиях персонажей А. Н. Островского	647
Н. З. Кольцова. К вопросу об «английских корнях» романа Евгения Замятина «Мы»	648
Т. В. Кривошапова. Полифонизм русской / русскоязычной литературы Казахстана	648
А. В. Леденев. Лингвистическая категория как художественный образ в произведениях В. Набокова	649
Ю. Л. Оболенская. Переводческая деятельность А. Н. Островского	650
О. М. Савельева. Топос «тишины»: возможность предыстории, семантика, перевод	651
Е. В. Суровцева. Тема «Свое и чужое» и иноязычные вкрапления в художественной прозе А. П. Чехова	652
Т. Ф. Теперик. Гомеровские формулы в переводах русских поэтов	653
Л. В. Чернец. Реникса, или Классическое образование в зеркале произведений А. П. Чехова	654
А. Я. Эсалнек. Нарративный текст в аспекте стилистики	655
Секция Переводоведение и проблемы сопоставления русского языка с другими языками	656
Л. П. Амири, Дж. Фоулер. Деметафоризация креолизованного рекламного текста как игровая реконструкция его смысла (на материале российской и англоязычной рекламы)	656
И. Я. Балабанова. Французская и русская реклама: некоторые аспекты сопоставительного изучения	657
М. А. Балдова. О комплексе коммуникативных параметров, формирующих стереотип англичанина в звучащем художественном тексте	658
Д. Б. Березний. Лексико-семантические интерпретации текстовых единиц в оригинале и переводе повести Д. Рубиной «Камера наезжает»	659
И. Л. Бирова. Национальная специфика коннотации и ее место в обучении переводу болгарских русистов-магистрантов	660
Г. М. Васильева. «Удвоение» в структуре текста: к истории новонайденного перевода трагедии Гёте «Фауст»	660
Н. В. Габдреева. Межъязыковые лексические параллели в сравнительно-историческом изучении (на материале генетически родственных языков)	661
И. Гарбуйо. Динамические процессы в поле фитометафор (на материале русского и итальянского языков)	662
Ю. В. Данюшина. Названия в русскоязычной деловой блогосфере (экспресс-сопоставление с англоязычными тенденциями)	663
Н. А. Емельянова. Дискурсивные особенности текстов на русском и английском языках в свете задач лингводидактики	664
Т. П. Желонкина. Глаголы со значением умственной деятельности в современном английском и русском языках	665
К. Р. Керимов. Равенство или неравенство: альтернативы грамматикализации компаративной семантики	666
И. М. Кобозева. Референциальный выбор при переводе с французского языка на русский: в чем причина отличий перевода от оригинала?	667
М. Н. Коннова. Семантика временного и вечного в каноне Пасхи (сопоставительный анализ текстов на церковнославянском и английском языках)	668
И. Н. Кошман. Глаголы-украинизмы в русских текстах СМИ Украины	669
А. Д. Маймакова. Безэквивалентная лексика и лакуны: к проблеме разграничения понятий	670
Ю. А. Мареева. Наречие как категориальный класс слов в падежных и беспадежных славянских языках (на материале русского и македонского языков)	671
Т. В. Маршева. Лакуны и перевод	672
С. М. Махмудова. Роль коммуникативных слов в разноструктурных языках	672
Д. Митев. Основные признаки сходства и различия русского и болгарского языков в области словообразования	673
Е. С. Мойса. Функциональная доминанта лингвистического текста как инвариант перевода	674
Т. А. Налимова. Лингвокультурологический материал как объект изучения в иностранной аудитории (на примере пословиц и поговорок, содержащих зоонимы)	675
Г. П. Нецименко. Сопоставительное изучение славянских языков и его прогностическая значимость	676
В. А. Разумовская. «Русскость» пушкинского текста и переводческая интерпретативность	677

С. Рамазанова, Е. Чиалашвили-Гордеева. Сопоставительный анализ общих лексических заимствований в разносистемных языках.....	678
Р. И. Стеванович. Отражение понятий «ум, глупость» в русском и английском словесном творчестве.....	679
Р. Судзуки. Категория количественности и их компоненты в русском и японском языках.....	680
Г. Сырица. К вопросу об антропоцентричности языковой картины мира: универсальное и культурно-специфичное.....	680
А. В. Уржа. Настоящее историческое в русском переводном тексте: фактор адресата.....	681
М. Б. Халимоне. Параметры описания базовых эмоций (на материале сопоставления эмотивной лексики с семантикой «гнев» в русском и латышском языках).....	682
Е. Б. Хромова. О некоторых задачах перевода в деле формирования современного русского философского языка.....	683
Арслан Хюлья, Н. Денисова. Опыт создания учебной программы по специальности «русско-турецкий переводчик» с учетом национальной специфики.....	684
И. А. Шушарина. Межнациональное общение, или интернационализмы как «ложные друзья переводчика».....	684
В. П. Щаднева. Темпоральная архитектура криминальных новостей и обвинительных актов по уголовным делам (на материале эстонско-русских переводов).....	685
Семинары.....	687
Семинар «Концептуальный и креативный потенциал русской грамматики»	
Р. Бенакьо / R. Benacchio. Роль русского вида в выражении вежливости.....	687
Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян. Концептуальный потенциал префиксальных видовых пар в русском языке.....	688
Е. В. Петрухина. Концепт ПРЕДЕЛА в грамматике и лексике.....	689
Е. Н. Ремчукова. Креативный потенциал грамматической оппозиции в речи: «грамматический контраст».....	690
А. Д. Шмелёв. Русская языковая концептуализация мира в зеркале грамматики: число и глагольный вид.....	691
Семинар «Речевая практика в массмедиа»	
Л. Е. Адясова. Концепт СССР: приемы речевого манипулирования сознанием в представлении советской эпохи в медиадискурсе.....	692
И. В. Анненкова. Медиариторика: новая жизнь старых категорий.....	693
Е. В. Быкова. Медiateкст в социальной сети как генератор новых смыслов.....	694
И. А. Вещикова. К обсуждению принципов устройства орфоэпии современной телевизионной речи.....	695
Л. Р. Дускаева. Речеведение в медиалингвистике.....	696
В. И. Ивченков. Медиалингвистика: создание качественного текста и речевая ответственность журналиста.....	697
Л. Г. Кайда. Стратегия интермедиальности в тексте и медиатексте.....	698
Е. С. Кара-Мурза. Медиалингвистика в лингвоэкспертной проекции.....	698
В. И. Коньков. Коммуникативные статусы медиатекста.....	699
М. И. Конюшкевич. О предмете медиалингвистики.....	700
М. А. Кормилицына. Язык современных СМИ: интеллектуализация или примитивизация?.....	701
Н. А. Корнилова. Средства выражения фатической речи в СМИ.....	702
В. И. Котов, Е. В. Ягунова, С. А. Вольская, В. А. Мелузова. Языковые и коммуникативные особенности медийных интернет-ресурсов.....	703
В. А. Мишланов, В. А. Салимовский. Медийный дискурс политической борьбы и типы культуры речевого общения.....	703
Т. П. Некрасова. Инновационные языковые процессы в традиционных и новейших массмедиа и их влияние на литературный язык (предложения для выступления по одной из тем семинара «Речевая практика в массмедиа»).....	704
О. В. Новоселова, А. А. Романов. Медийное пространство политического конструкта угрозы.....	705
Е. В. Осетрова. Роль эксперта в представлении медиа.....	706
Т. Ю. Редькина. Содержательно-интенциональный критерий как инструмент типологизации медиатекстов (на примере трэвел-медиатекста).....	707
Б. Сковронек / B. Skowronek. Культура – масс-медиа – язык. Авторский подход медиалингвистики.....	708
В. В. Славкин. Лингвистика политической речи.....	709
Н. Е. Сулименко. Проблемные зоны лингвистической теории массмедиа.....	709
Н. С. Цветова. Субъект речи как медиалингвистическая категория.....	710
Т. В. Чернышова. Политический медиадискурс: Типологические признаки дискредитирующих текстов.....	711

Семинар «Формальные подходы к синтаксису и семантике русского языка»

А. Е. Аксёнова. Именные партитивные и псевдопартитивные конструкции в русском языке	712
О. И. Беляев. Придаточные причины в русском языке и формальная типология полипредикации	713
В. Б. Боршев. Об интеграции формальной и лексической семантики	714
Е. А. Валова, И. Б. Иткин. Эволюция управления предлога «между» в русском литературном языке XVIII–XXI веков.....	715
Дж. Гардзонио / Jacopo Garzoniо. Внутренний и внешний синтаксис русских фокализаторов	716
П. В. Гращенков. Древнерусские прилагательные и структура ИГ	717
А. А. Иванова. Линейная позиция сентенциальных парентетиков в русском языке	718
Л. М. Кирпо. Где ‘Почему’	719
М. Ю. Князев. О двух структурных ограничениях на актантные придаточные	720
П. А. Коваль. Антисубъектный прономинал в русском языке	721
Е. В. Падучева. Славянский тип аспектуальности и видовое значение отглагольного имени: традиционный и генеративный подход.....	722
Д. А. Паперно. К вопросу о структуре количественных словосочетаний с наречиями типа мало	723
Б. Парти / Barbara H. Partee. Об «ослаблении» лексических глаголов в отрицательных бытийных предложениях в русском языке	724
Е. Е. Романова. Возможный анализ результативного значения некоторых внешних приставок	725
Я. Г. Тестелец. Русская грамматика и формальные теории падежа: результаты и перспективы	726
И. Толская. Русские глагольные приставки и шкалы	726
Е. Ю. Филимонова. Личные местоимения за пределами валентности предиката: об эмоциях без эмоций	728

Семинар «Русский XVIII век сквозь призму языка и литературы»

И. Б. Александрова. Теория «легкой поэзии» К. Н. Батюшкова и поэтическая речь XVIII века	729
О. Л. Арискина. Особенности проявления прагматического уровня языковой личности Аполлоса как грамматиста	730
К. Р. Ваганова. Розыскные указы Его Императорского Величества 70-х гг. XVIII века: лингвоисточниковедческое описание	731
Й. Гетка. Социокультурная роль василианских типографий XVIII века на пограничных территориях Речи Посполитой	732
Е. С. Ерченко. Лексические особенности памятника русской письменности II половины XVIII века «Рассуждение о языке»	733
Н. В. Карева. Наименования форм предпрошедшего времени в грамматиках 1730–1750-х гг.	734
Е. И. Кислова. Место и статус русского языка в семинариях XVIII века: к постановке проблемы	735
И. О. Наумова. Об англицизмах в русском языке XVIII века (на материале «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина).....	736
Н. В. Николенкова. География краткая 1710 года: Петровская эпоха или конец XVII века?	737
М. А. Петрова. Русский язык в дипломатической переписке второй половины XVIII века	738
В. С. Ржеуцкий / Vladislav Rjeoutski. Родной язык в дворянских учебных заведениях в России XVIII в.: к постановке вопроса	739
М. Л. Сергеев. «Новая французская грамматика» (1752) В. Е. Теплова и ее немецкий источник	739

Секция Экспертное исследование продуктов речевой деятельности

Ф. О. Байрамова, Ю. В. Зайцева. Опыт комплексного исследования интерферированной речи: проблемы и пути их решения	741
М. Г. Безяева. Коммуникативное поле как единица языка и текста	742
М. В. Беляков. Официальный веб-сайт как поликодовый текст	743
Т. В. Бердникова, О. Н. Дурнева. Проблема экспертной идентификации субъекта в речевом акте угрозы	744
М. А. Венгранович. Словесный экстремизм: спорные вопросы диагностики и проведения лингвистических исследований	744
Ю. А. Воронцова. Выражение оценки в текстах средств массовой информации	745
Е. И. Галяшина. Проблема валидации методик судебной лингвистической экспертизы в условиях модернизации законодательства	746
Т. И. Голошапова, М. А. Девятова. К вопросу о новом подходе при выявлении индивидуальных лингвистических признаков русскоязычных дикторов при проведении криминалистических исследований по голосу и речи	747
Т. И. Голошапова, Ю. А. Елемешина, Е. А. Красовская. Особенности артикулирования палатализованных и веларизованных согласных в речи дикторов-билингвов при идентификации по голосу и речи	748
Л. А. Исаева, С. Г. Буданова. Производность, вторичность и интертекстуальность как универсальные свойства текстов различных типов	749

Е. С. Кара-Мурза. Электоральный дискурс как объект лингвистической экспертизы.....	750
Р. Д. Карымсакова. Негативно-оценочные номинации лица в аспекте лингвистической экспертизы	751
Т. Н. Касьянок. Коммуникативная категория интолерантности и ее признаки в спорных текстах «экстремистской» направленности (в контексте вопроса о методологии проведения лингвистической экспертизы).....	752
А. А. Коростелёва. Индивидуальная норма в оппозиции к норме социума: тип безумца в кино	753
Э. П. Лаврик. Прецедентный феномен как потенциальная инвектива.....	754
Е. В. Маслакова. Оценочные суждения и мнения: критерии квалификации сведений при проведении лингвистических экспертиз по делам о защите чести и достоинства граждан и деловой репутации юридических лиц.....	755
Н. И. Миронова. Речевая агрессия: проблемы и перспективы исследования	756
И. К. Мухина. ИмPLICITНЫЕ ассоциации в словаре синонимов русского языка	757
Е. В. Омельченко. Особенности вербализации информационно-фасцинативного отклика в экстремальной ситуации.....	758
В. А. Омеляненко. Способы создания экспрессивных заголовков современных русскоязычных газет (на примере речевой агрессии).....	759
Т. Б. Радбиль. Репрезентативные контексты как способ экспликации «языка ценностей» в современном русском языке.....	759
В. А. Романенко. Метонимический механизм спекулятивного дискурса.....	760
Т. А. Селюкова. Функциональная роль русского «вот» (на материале речи очевидцев из репортажей о чрезвычайных происшествиях).....	761
В. В. Смолененкова. Метод выявления главной мысли текста (тезы) в зависимости от вида аргументации	762
Т. П. Соколова. Нейминговая экспертиза как вид лингвистической экспертизы.....	763
Л. И. Судакова. Интонационные регистры в русской звучащей речи	764
О. Е. Фролова. Об отрицательной информации на примере слова коррупция	765
П. Н. Хроменков. Конфликтная лексика в текстах конституций	766
М. А. Чернецкая. Спор как вид конфликтной коммуникации: признаки и приемы.....	767
И. Н. Щукина. Адресант в религиозном дискурсе	767
Круглые столы	769
Круглый стол «Античная словесность и русский язык».....	769
Круглый стол «Историческая лексикология и историческая семантика русского языка XVIII–XXI веков: современные подходы и перспективы».....	770
Круглый стол «Как преподавать словообразование сегодня?».....	771
Л. А. Араева. О словообразовательно-пропозициональной синонимии	772
И. В. Евсеева. Развитие лингвокреативных способностей учащихся при изучении словообразования	772
Л. К. Жаналина. Интегративный подход в преподавании словообразования.....	773
Л. Г. Ким. Роль внутренней формы слова в процессе интерпретационного функционирования текста	773
Э. С. М. Мамедова, Ш. М. Магеррамова. Формально-позиционная организация суффиксальных глаголов в русском языке.....	774
О. В. Нагель. Словообразовательный аспект обучения иноязычному дискурсу	775
Д. А. Осильбекова. Комплексные единицы производных слов с общим формантом	776
А. В. Петров. Продуктивность заимствованных основ в составе сложных слов русского языка	777
С. П. Петрунина. Региональный компонент в преподавании словообразования в школе: неопределенные местоимения в сибирских говорах	778
М. М. Полужин, Н. Ф. Венжинович. Когнитивный аспект телескопических производных в современном английском языке в сопоставлении с русским	779
З. И. Резанова. Коммуникативно-функциональная модель словообразования.....	780
М. Д. Тагаев. Словообразовательный словарь для иностранцев как тип лингвистического описания русского языка в учебных целях	781
В. Д. Черняк. Словообразовательные потенции слова и речевое поведение современника	781
М. Г. Шкуропацкая. Семантический потенциал словообразовательного типа и его лексическая реализация: проблема соотношения реального и потенциального слова	782
Круглый стол «Освоение языка как творчество».....	784
Круглый стол «От концептологии к концептографии: итоги и перспективы».....	785
Л. Г. Бабенко. От концептологии к концептографии: итоги и перспективы (в качестве преамбулы)	785
И. В. Бугаева. Особенности описания этнокультурных концептов с религиозным компонентом.....	786

Т. М. Воронина. Структура пространственных концептов: лексикографический аспект	787
Л. К. Жаналина. Аспекты языкового сознания.....	787
А. М. Плотникова. Языковые и неязыковые знания в словарном представлении социальных концептов.....	788
Круглый стол «Поликодовость и интермедийность в современном русском коммуникативном пространстве»	790
Круглый стол «Применение комплексных междисциплинарных методов при решении актуальных этноязыковых и этнокультурных проблем современности».....	791
Круглый стол «Проблемы лексикографического описания региональных вариантов русского языка в синхронии и диахронии»	792
Круглый стол «Русская невнятная речь как социолингвистическое явление»	793
Круглый стол «Русская языковая картина мира в диахронии».....	794
Круглый стол «Русский текст в сопоставительных исследованиях»	795
М. М. Балябина. Сопоставление модусных ролей в оригинале и русских переводах романа В. Набокова «Пнин», или «распоясавшийся» повествователь в сюжете и над сюжетом	795
М. Ю. Сидорова. «Странное» в переводе «фэнтези» через призму четырехступенчатой модели анализа текста.....	796
Круглый стол «Русский язык как инославянский».....	798
М. В. Всеволодова, В. Л. Чекалина. Специфика некоторых категорий русского языка в зеркале других славянских языков	798
Круглый стол «Русский язык в неславянской аудитории».....	800
М. В. Всеволодова, Т. Е. Чаплыгина. Русский язык в иноязычной аудитории. Проблемы, задачи и место в лингвистической парадигме XXI века	800
Ц. Саранцацрал. Русский язык в языковой политике Монголии	801
Круглый стол «Способы подачи негативной информации и их экспертная оценка».....	802
Круглый стол «Средства и способы речевого воздействия: универсальное и специфически русское»	803
С. А. Ахмадеева. Слова «качество», «цена» и «скидки» в рекламе как средство речевого воздействия.....	803
В. И. Котов, С. А. Вольская, В. А. Мелузова, Е. В. Ягунова. Провокации в коммуникациях: разрушение или движение вперед.....	804
Е. М. Масленникова. Визуальный аспект художественного и трудности перевода.....	805
Круглый стол «Текст в преподавании русского языка и культуры речи для нефилологов».....	807
М. Г. Добровольская. Новый язык современных публикаций в теории и практике обучения.....	807
Ю. В. Роговнева. О некоторых трудностях, возникающих при преподавании курса «Русский язык и культура речи» в нефилологической аудитории.....	808
Д. С. Сковородникова. О некоторых этапах подготовки студентов к созданию собственного текста	808
Круглый стол «Функционирование русского языка в субъектах Российской Федерации: интралингвистический и экстралингвистический аспект»	810
Дополнения	811
Секция «История русского языка и текстология».....	811
С. А. Рылов. Сущность синтаксического синкретизма как исторической категории.....	811
Секция «Лексикография и терминоведение»	812
А. С. Кулева. К вопросу о лексикографическом описании стилистически сниженной лексики в языке поэзии Серебряного века (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века»)	812
Секция «Описание и преподавание русского языка как иностранного»	813
А. Б. Туманова. Из опыта поуровневого обучения русскому языку как второму в техническом вузе	813

Секция «Русский язык в новых геополитических условиях»	814
Л. М. Дмитриева. Азиатское трансграничье: языковая ситуация и контакты культур	814
М. К. Каракулова. О «праве на коммуникативный комфорт» в условиях глобализации	815
Секция «Сравнительное литературоведение: стилистические и другие аспекты»	816
А. Г. Шешкен. Роль художественного перевода в обогащении языка и стиля национальной литературы (на примере македонской лирики)	816
Список авторов.....	817
Оглавление.....	826